

Исторія Человѣчества.

Всемирная исторія.

Составили

профессора: Г. Адлеръ, К. Арендтъ, Т. Ахелисъ, К. Г. Брандисъ, М. ф.-Брандтъ, Б. Бретгольцъ, В. Вальтеръ, К. Вейле, † Э. гр. Вильчекъ, Г. Винклеръ, Г. ф. Вли-слоцкій, Э. Гейкъ, К. Гэблеръ, А. Клейншмидтъ, К. Клейнъ, I. Колеръ, Ф. ф. Лушанъ, Р. Майръ, Р. Маренгольцъ, В. Милковичъ, К. Нибуръ, К. Паули, I. Ранке, Ф. Рат-цель, К. Сете, Р. ф. Скала, Ал. Тилле, Ар. Тилле, Г. Фридъюнгъ, Г. ф. Цвидинекъ-Зюденгорстъ, Э. Шмидтъ, Г. Шйётъ, Г. Шурцъ, Г. Эгельгаафъ, Ю. Юнгъ и др.

подъ общей редакціей д-ра **Г. Гельмольта.**

Полный переводъ съ нѣмецкаго съ значительными дополненіями для
Россіи извѣстныхъ русскихъ, ученыхъ

Составленіе дополненій къ переводу, сдѣланному Б. Ф. Адлеромъ, А. И. Браудо, А. А. Вейн-бергомъ, М. Е. Ліономъ, Я. А. Лурье, Е. Л. Петри, М. В. Чепинскою, Л. Я. Штерн-бергомъ, П. Е. Шеголевымъ, взяли на себя проф. В. В. Бартольдъ, проф. А. А. Кизе-веттеръ, † Д. А. Корочевскій, проф. А. Л. Погодинъ, академикъ В. В. Радловъ, проф. Е. В. Тарле и др.

*1-й томъ одобренъ Учебнымъ Комитетомъ собственной Ея Императорскаго Величества Канцеляріи по учре- жденіямъ Императрицы Маріи для фундаментальныхъ библиотекъ среднѣхъ учебныхъ заведеній ея Императорскаго Величества учреждений Императрицы Маріи;
рекомендованъ Главнымъ Управленіемъ Военно-учебныхъ заведеній для подполковенныхъ и ву учебныхъ заведеній.*

260 отдѣльныхъ приложеній, изъ нихъ 60 хромолитографій, 55 картъ въ краскахъ и 145 черныхъ иллюстрацій.

С.-Петербургъ.

Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе“,
Забалканскій просп., с. д. № 75.

Исторія челоуѣчества.

Всемирная исторія.

Шестой томъ.

Средняя и Сѣверная Европа.

Составили:

Проф. д-ръ К. Вейле, проф. д-ръ Э. Гейкъ, д-ръ I. Гиргензонъ,
проф. д-ръ К. Паули, д-ръ Г. ф.-Гельмольтъ, д-ръ Р. Маренгольцъ,
проф. д-ръ В. Вальтеръ, д-ръ К. Клейнъ, проф. д-ръ Р. Майръ
и д-ръ А. Тилле.

Переводъ съ нѣмецкаго д-ра **Я. А. Лурье** съ дополнительными примѣча-
ніями проф. **Е. В. Тарле**.

Приложенія: 7 картъ, 8 хромофотографій, 17 гравюръ и автотипій и 4 родословныхъ
таблицы (изъ нихъ 1 въ текстѣ).

С.-Петербургъ.

Типо-литографія Книгоиздательскаго Т-ва „Просвѣщеніе“,
Забалканскій просп., с. д. № 75.

Предисловіе къ нѣмецкому изданію.

Настоящій томъ, по внѣшнему порядку шестой, является восьмымъ по порядку выхода въ свѣтъ. Имъ заканчивается наша „Всемирная исторія“ соотвѣтственно первоначальному плану этого изданія; девятый, дополнительный, томъ будетъ заключать въ себѣ нѣкоторыя дополненія, полезные ретроспективные обзоры и необходимый общій предметный указатель. Искренняя сердечная благодарность — вотъ главное изъ чувствъ, одушевляющихъ редактора теперь, когда законченъ трудъ, составлявшій главный предметъ его занятій и заботъ въ теченіе 10 лѣтъ слишкомъ.

Едва ли читатель, пользующійся нашимъ изданіемъ, имѣетъ представленіе о томъ, какая громадная настойчивость потребовалась для успѣшнаго выполненія нашей „Всемирной исторіи“. Нелегкая задача заключалась уже въ томъ, чтобы склонить 37 ученыхъ, каждый изъ которыхъ воплощаетъ въ себѣ громадный запасъ собственныхъ свѣдѣній и научныхъ приемовъ, собственнаго опыта и собственныхъ взглядовъ, къ соблюденію плана, сложившагося въ свое время въ относительно молодой головѣ; кромѣ того, чѣмъ больше проходило времени, тѣмъ сильнѣе выростали затрудненія, мѣшавшія выполнепію идеи, легкой въ основаніе нашей программы. Въ техническомъ отношеніи тоже приходилось устранять непрерывно все новые камни преткновенія.

Можно быть разнаго мнѣнія объ основномъ планѣ и о расположеніи отдѣльныхъ частей, о нѣкоторыхъ частностяхъ и подробностяхъ; въ одномъ только нѣтъ сомнѣнія, именно въ томъ, что нашъ трудъ подвинулъ нѣсколько впередъ историческую науку, а это чего-нибудь да стоитъ. Конечно, мы не имѣемъ права сказать только: „Такъ, а не иначе, должна писаться всемирная исторія“. Это было бы преувеличеніемъ. Все же можно сказать положительно, что исторіографія, присваивающая себѣ названіе всеобщей, не можетъ болѣе пренебрегать той доказанной истиной, что ограниченіе круга историческаго изложенія нѣкоторыми народами и странами уже больше не соотвѣтствуетъ современному уровню просвѣщенія.

Никто не проникнуть такъ глубоко, какъ мы, тѣмъ убѣжденіемъ, что нашъ первый опытъ „Всемирной исторіи“ далекъ отъ идеала подобнаго сочиненія, но никто не можетъ отнять у насъ той утѣшительной увѣренности, что при данныхъ условіяхъ мы стремились къ возможно наи-

лучшему результату и достигли его, по крайней мѣрѣ, отчасти. Мы убѣждены въ томъ, что наше изданіе призвано служить надежной основой для всѣхъ тѣхъ научныхъ учрежденій, въ которыхъ будутъ производиться изслѣдованія по сравнительному народовѣдѣнію по образцу прецедента, даннаго Карломъ Майнхеймомъ, устроившимъ при лейпцигскомъ университетѣ семинарію по культурной всеобщей исторіи. Что не только географъ извлечетъ много поучительнаго для себя изъ исторіи изучаемыхъ имъ странъ, но и, наоборотъ, историкъ выиграетъ еще больше, если будетъ удѣлять вниманіе землевѣдѣнію — это наблюденіе стало теперь общимъ достояніемъ всѣхъ образованныхъ людей. „Историческая наука и ея отдѣльныя спеціальныя отрасли пускаютъ свои корни въ глубину земли, съ которой всѣ онѣ связаны, какъ само человѣчество, и соприкасаются однѣ съ другими, какъ провинціи одного и того же государства“ (Фридрихъ Ратцель).

Настоящій томъ озаглавленъ нами: „Средняя и Сѣверная Европа“. Со словомъ „Средняя Европа“ мы соединяемъ довольно легко усвояемое понятіе, которое должно противопоставляться не только „Восточной Европѣ“ (срав. V т.), но отчасти также подчеркнутому и объясненному нами въ предисловіи и въ первомъ отдѣлѣ VII т. понятію „Западная Европа“. Этимъ терминомъ мы отмѣчаемъ тотъ почти не оспариваемый фактъ, что о западно-европейской культурѣ въ настоящемъ смыслѣ этого слова можетъ быть рѣчь только по окончаніи крестовыхъ походовъ. Все то, что развилось раньше этого времени изъ зародышей, заложенныхъ частью еще въ древне-классическій періодъ, все это обозначается довольно удобно терминомъ „средне-европейскій“. При этомъ избѣгается необходимость повторенія обычной ошибки, заключающейся въ излюбленной привычкѣ загромождать понятіе „средневѣковый“ всевозможными добавленіями, нисколько не связанными съ нимъ по своему происхожденію.

Итакъ, подъ словомъ „Средняя Европа“ въ историческомъ смыслѣ мы подразумеваемъ все то, что создано было въ сердцѣ Европы послѣ гибели кельтовъ общимъ трудомъ романскихъ и германскихъ народовъ вплоть до того момента, когда центръ тяжести передвинулся изъ середины Европы къ западу.

Слѣдовательно, шестой томъ заключаетъ въ себѣ главнымъ образомъ германскую, итальянскую и французскую исторію до середины XIV столѣтія, т. е. зарожденія ренессанса и германизма, съ которыхъ начинаются главные отдѣлы VII тома.

Въ настоящемъ томѣ излагается также по необходимости та часть исторіи христіанства, которая обнимаетъ періодъ между эпохой переселенія народовъ и реформаціей. Затѣмъ сюда относятся англичане, какъ народъ смѣшаннаго германско-романскаго происхожденія, и представители чистой германской расы, жители скандинавскихъ странъ. Таковы были въ общихъ чертахъ заранѣе предназначенныя рамки.

Въ частности VI томъ начинается статьей, представляющей подходящій переходъ къ нему отъ V-го тома: наилучшимъ такимъ переходомъ служить обзоръ историческаго значенія Балтійскаго моря. Несмотря на небольшой виѣшній объемъ этого вступительнаго отдѣла, было основаніе поручить его составленіе двумъ ученымъ: одинъ изъ нихъ,

по специальности изслѣдователь по доисторической археологіи и этнологъ, обработалъ доисторическую часть, а другой, остзеецъ — историческую.

Въ слѣдующихъ двухъ главныхъ отдѣлахъ, подъ заголовками: „Нѣмцы до середины XIV столѣтія“ и „Кельты“, заключается много свѣдѣній, имѣющихъ программное значеніе и совпадающихъ поэтому съ нѣкоторыми разсужденіями, помѣщенными въ приложеніи ко II-му тому, составленному скончавшимся 22-го октября 1906 года профессоромъ докторомъ Эмилемъ Шмидтомъ; въ обѣихъ этихъ статьяхъ затрагивается не вполне разрѣшенный и понынѣ вопросъ о первобытной родинѣ индогерманцевъ. Продолженіемъ отдѣла о кельтахъ какъ въ хронологическомъ смыслѣ, такъ и по существу является заключительная глава настоящаго тома. Другой предметъ, тоже затрагиваемый многократно въ нашей всемірной исторіи, — это имперія Карла Великаго. Повторная обработка одной и той же темы не должна считаться недостаткомъ, если цѣль, преслѣдуемая при этомъ, заключается въ наиболѣе разностороннемъ освѣщеніи этой темы; въ нашемъ случаѣ тоже было невозможно пройти мимо того факта, что созданіе имперіи Карла Великаго имѣло не одно и то же значеніе для Германіи, Франціи и Италіи.

Однако, раньше чѣмъ приступить къ изложенію исторіи Франціи отъ возвышенія Меровинговъ до паденія настоящихъ Капетинговъ въ V отдѣлѣ, казалось необходимымъ изобразить основу этого историческаго періода, т. е. показать вкратцѣ въ IV отдѣлѣ, какъ создалась романская раса. Дальнѣйшій прогрессъ романизации, выражающійся въ осязательно выступающемъ у Сильвіана около 450 года послѣ Р. X. разложеніи римской культуры, въ возникновеніи новыхъ резиденцій и національныхъ центровъ, какъ, напримѣръ, Парижъ, Павія, Толедо и, наконецъ, въ значительно облегчившемся, благодаря отреченію германцевъ отъ аріанской вѣры, слияніи остатковъ римскаго населенія съ побѣдоносными германцами, уясняется надлежащимъ образомъ только при помощи небольшого отдѣла, составленнаго для нашего сборнаго труда профессоромъ докторомъ К. Паули, скончавшимся въ 1901 году.

Въ слѣдующихъ трехъ-четырехъ главахъ излагаются нѣкоторыя важныя историческія движенія въ такой формѣ, благодаря которой онѣ должны считаться весьма интересными добавленіями къ предшествующимъ главамъ. Порядокъ расположенія ихъ не имѣетъ существеннаго значенія, суть заключается въ томъ, что нѣкоторыя частичныя явленія разрабатываются болѣе обстоятельно въ особыхъ специальныхъ отдѣлахъ. Само по себѣ безразлично, будетъ ли помѣщена на седьмомъ или на другомъ мѣстѣ глава „О германской колонизации Востока до середины XVI столѣтія“: ее можно было бы помѣстить съ неменьшимъ удобствомъ непосредственно послѣ второй главы и даже перенести въ V томъ, лишь бы вообще имѣлся такой отдѣлъ. Обо всѣхъ событіяхъ, которыя произошли въ сѣверовосточныхъ нѣмецкихъ колоніяхъ послѣ 1561 г., о томъ, какъ бывшія владѣнія Ливонскаго ордена перешли во власть Швеціи въ 1660 г., а затѣмъ были покорены Россіей въ 1710 и 1721 гг., какъ Померанія досталась Гогенцоллернамъ сначала въ 1720, а затѣмъ въ 1814 г., восточная Пруссія въ 1813, западная Пруссія въ 1772 и затѣмъ въ 1793 г. Силезія въ 1742, 1745 и

1763; какъ прусско-германская государственная граница отодвинулась дальше къ востоку, вслѣдствіе раздѣловъ Польши въ 1772, 1793 1795 и 1815 гг., и т. д. Обо всемъ этомъ читатель можетъ справиться безъ труда въ V—VII томахъ при помощи оглавленія и предметнаго указателя.

Шестой отдѣлъ, „Развитіе западнаго христіанства“, дополняетъ прежде всего нѣкоторыя объясненія, дѣлающія въ предшествующихъ подотдѣлахъ съ точки зрѣнія историка церкви; но кромѣ того онъ служитъ превосходнымъ соединительнымъ звеномъ, сливающимъ въ одну непрерывную цѣпь третій отдѣлъ IV т. („Возникновеніе христіанства и его развитіе на Востокѣ“) съ третьей главой VII т. („Западное христіанство и его миссіонерская дѣятельность со времени реформаціи“). Такимъ образомъ получается законченная исторія христіанства, которая составляетъ наилучшее украшеніе нашей „Всемирной исторіи“. Точка зрѣнія автора этой исторіи христіанства отличается чрезвычайной ясностью, и это мы тоже считаемъ важнымъ преимуществомъ: расплывчатость взглядовъ новѣйшихъ писателей въ сущности едва ли пришлась бы по вкусу хоть одному серьезному читателю. Девятый отдѣлъ посвященъ специальной сферѣ дѣятельности западнаго христіанства, именно той, послѣдствія которой превратили, наконецъ, среднюю Европу въ западную Европу, — такъ какъ крестовые походы относятся въ гораздо большей степени къ исторіи той географической области, которая была ихъ исходной точкой, чѣмъ къ исторіи тѣхъ странъ, которыя были военнымъ театромъ этихъ походовъ и въ которыхъ они вызвали только вполне мимолетную пертурбацію.

Непосредственно предшествующій восьмой отдѣлъ — „Италія отъ VI до XIV столѣтія“ — служитъ по всему своему характеру промежуточнымъ звеномъ и дополненіемъ. Съ перваго взгляда этотъ отдѣлъ, какъ относящійся къ итальянской исторіи, кажется поставленнымъ не на свое мѣсто въ VI томѣ; но не говоря уже о вѣдѣніяхъ основаніяхъ, побуждавшихъ къ помѣщенію въ VI томѣ продолженія главы IV тома объ Италіи и всемирномъ господствѣ Рима, большой вѣсъ имѣлъ въ данномъ случаѣ тотъ фактъ, что, какъ въ теченіе самыхъ блестящихъ столѣтій своей средне-вѣковой исторіи, такъ и въ цвѣтущія эпохи своей новой и новѣйшей исторіи, Италія безусловно входила въ составъ средней Европы. Неопровержимыми классическими доказательствами далеко не маловажнаго значенія этой связи между Италіей и средней Европой могутъ служить: какъ древнѣйшій примѣръ, Лотарингія и порядокъ наследованія ея, затѣмъ — Священная Римская имперія германской націи, наконецъ, средне-европейскій тройственный союзъ, относящійся къ исторіи самаго недавняго прошлаго и настоящаго времени. Что, взявшись за такую задачу, редакторъ взвалилъ на себя нелегкое бремя, съ этимъ согласится безъ дальнѣйшихъ объясненій всякій, кто познакомился хотя бы въ нѣкоторой степени съ средне-вѣковой исторіей Италіи; она отличается рѣзкими центробѣжными свойствами и оказываетъ трудно преодолимое сопротивленіе малѣйшей попыткѣ ввести ее въ опредѣленные рамки. Нельзя считать случайнымъ то обстоятельство, что со времени выхода въ свѣтъ „Geschichte der Italienischen Staaten“ Генриха Лео (Гамбургъ. 1829—1832 гг.), которая остается до сихъ поръ незамѣненнымъ трудомъ, на нѣмецкомъ языкѣ не было на-

писано ни одной такой общей исторіи Италіи, которая бы не носила характера историческаго словаря, или вообще удовлетворяла бы научнымъ требованіямъ; даже пятитомный трудъ Лео, собственно говоря, не идетъ дальше 1559 г. Пройдетъ еще не мало времени, пока трудъ, составляющій задачу всей жизни Л. М. Гартмана, который такъ много сдѣлалъ для древнѣйшей исторіи Италіи до 800 г., достигнетъ своей цѣли, хотя бы отчасти. Дѣло обстоитъ не такъ просто, какъ это рисуетъ Эдуардъ Фримэнъ въ своей „Historical geography of Europe“, т. I (Лондонъ, 1881 г.), когда онъ говоритъ: „Послѣ распаденья королевства, княжества исчезли вслѣдствіе роста вольныхъ городовъ (коммувъ). Затѣмъ эти послѣдніе уплотнились и превратились снова въ княжества (синьоріи), а, наконецъ, эти синьоріи растворились въ объединенномъ королевствѣ“. Фактически обстоятельства складывались не такъ просто, такъ какъ характеризованныя вкратцѣ Фримэномъ явленія разыгрывались на почвѣ Италіи не послѣдовательно одно за другимъ, а часто рядомъ другъ съ другомъ, такъ сказать, на сценѣ, разгороженной на три и даже больше частей, поэтому Леопольдъ Ранке подходитъ гораздо ближе къ существу дѣла (1858), когда онъ высказываетъ такое мнѣніе, что одно сопоставленіе исторіи отдѣльных провинцій Италіи могло бы дать приблизительную картину исторіи Италіи: „Охватить эту послѣднюю, какъ одно цѣлое, совершенно невозможно. не жертвуя содержаніемъ, вслѣдствіе исконной и никогда не подавлявшейся разрозненности ея отдѣльныхъ членовъ“.

Кромѣ того, автору приходилось обходить подводную скалу, заключающуюся въ общемъ планѣ всего труда. Съ одной стороны, необыкновенное богатство внутренняго содержанія позднѣйшихъ событій, разыгравшихся на почвѣ Италіи, лишало его возможности закончить свое изложеніе послѣ главъ о Германіи и Франціи, т. е. 1350-мъ годомъ, и отослать читателя относительно всего остальнаго ко второму главному отдѣлу VII тома: такой пріемъ былъ бы очень удобенъ для авторовъ, но при этомъ были бы окончательно оставлены безъ вниманія многія интересныя подробности, которыя не могли найти себѣ мѣста въ общей картинѣ западно-европейской исторіи между 1300 и 1650 гг. Съ другой стороны, заранѣе необходимо было устранить малѣйшій намекъ на какую бы то ни было конкуренцію съ только что упомянутой главою VII тома; поэтому автору пришлось прокладывать трудный путь между Сицилою и Хариброй. Въ этомъ трудномъ дѣлѣ къ нему пришли на помощь только его тактъ и щепетильное стараніе не заходить въ граничаніе съ его темой сосѣдніе отдѣлы. При помощи „краткихъ обзоровъ послѣдующихъ періодовъ“ автору удалось, какъ кажется, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ дать, хотя и весьма краткую, но не упускающую изъ виду ничего существеннаго и при этомъ удобочитаемую исторію Италіи отъ періода господства лангобардовъ до настоящаго времени. Однако, собственными силами авторъ едва ли достигъ бы такого относительнаго успѣха, если бы издательство не доставило ему возможности предпринять поѣздку въ Италію и Сицилію въ концѣ осени 1902 г. и не дало бы ему въ началѣ 1906 г. особой отсрочки для обработки его труда.

Хотя сѣверозападная Европа во многихъ отношеніяхъ и въ особен-

ности въ теченіе нѣкоторыхъ историческихъ періодовъ лежала далеко въ сторонѣ отъ остальной части этого материка, тѣмъ не менѣе многія нити связываютъ ее крѣпко съ Европой въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Три раза германскій сѣверъ (отд. X) игралъ болѣе крупную политическую роль въ Европѣ: въ норманскую эпоху, когда жители Скандинавіи оцѣнили при посредствѣ своего флота весь европейскій материкъ, основывали новыя государства и воздѣйствовали и на другіе народы какъ въ духовной, такъ и въ матеріальной области, затѣмъ во время крестовыхъ походовъ, когда шведы и датчане выступили въ Прибалтійскихъ провинціяхъ въ роли миссіонеровъ, завоевателей и распространителей цивилизаціи. Наконецъ, въ XVII столѣтіи, когда Швеція сыграла роль защитницы и спасительницы протестантизма. Во всѣ остальные времена норманны шли своимъ собственнымъ путемъ и жили въ своемъ особомъ мірѣ. Хотя они получали сильныя толчки изъ-за границы и усвоили много чужого, тѣмъ не менѣе ихъ развитіе оставалось вполнѣ самобытнымъ. Итакъ, въ политическомъ отношеніи эти страны имѣли малое значеніе для Европы, но тѣмъ сильнѣе было ихъ влияніе въ духовной сферѣ; въ науку и въ искусство онѣ сдѣлали много цѣнныхъ вкладовъ въ теченіе послѣднихъ двухъ столѣтій и принимали такимъ образомъ самостоятельное участіе въ совмѣстной культурной работѣ всѣхъ народовъ. Въ стилистической обработкѣ соответствующаго отдѣла VI тома нашей „Всемирной исторіи“, составленнаго норвежцемъ, редактору оказали существенную помощь докторъ Э. Риме и канд. В. Миршъ въ Лейпцигѣ.

Великобританія и Ирландія (XI) связаны во всемъ ходѣ своего развитія съ возникновеніемъ средне-европейскаго міра въ еще большей степени, чѣмъ Скандинавія. Тутъ мы имѣемъ предъ собою одинъ изъ довольно рѣдкихъ во всемъ теченіи всемирной исторіи примѣровъ, когда островной народъ беретъ на себя выполненіе роли океала, какъ связующаго звена между отдѣльными культурными и этническими сферами, и выполняетъ съ успѣхомъ свою задачу. Подобно тому, какъ мы переправились изъ Западной Европы въ среднюю по волнамъ Балтійскаго моря, такимъ же образомъ англійская исторія, связанная по своему началу съ третьимъ отдѣломъ („кельтами“) и къ концу расходящаяся широкимъ русломъ, приводитъ насъ сама по себѣ въ тѣ области, въ которыхъ съ понятіемъ „западно-европейскій“ соединяется наивысшій расцвѣтъ, достигнутой человѣчествомъ въ историческія времена. Такимъ путемъ получается самый безыскусственный переходъ къ главному предмету VII и VIII томовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ перебрасывается мостъ черезъ Атлантическій океанъ къ англо-саксонской культурѣ, которая развертывается передъ нами въ первомъ томѣ, нашей географической исходной точкѣ. Изъ чисто техническихъ книгоиздательскихъ соображеній мы вынуждены были рѣшиться перенести въ дополнительный томъ все то, что авторъ сообщаетъ объ исторіи Великобританіи, начиная отъ Вѣнскаго конгресса и отъ смерти Георга III, т. е. исторію Англій, какъ промышленнаго государства.

Подобно предшествующимъ ему томамъ VI томъ тоже снабженъ редакторомъ большимъ числомъ родословныхъ таблицъ въ видѣ примѣчаній подъ текстомъ и внѣ текста. Мы убѣждены какъ нельзя тверже

въ томъ, что безъ подобнаго вспомогательнаго средства будутъ понятны только наполовину причины и двигательныя пружины многихъ политическихъ событій. Помѣщая эти таблицы, редакторъ вмѣстѣ съ тѣмъ задается тою цѣлью, чтобы онѣ послужили толчкомъ къ дальнѣйшимъ научнымъ работамъ и чтобы въ нихъ были по крайней мѣрѣ затронуты въ видѣ примѣчаній такіе вопросы, которые не нашли себѣ мѣста въ текстѣ или затронуты въ немъ только въ видѣ слабыхъ намековъ; такъ, напримеръ, родословное дерево, помѣщенное на стр. 398, иллюстрируетъ вмѣстѣ съ тѣмъ непотизмъ и исторію искусствъ въ XV и XVI столѣтіяхъ. Такъ какъ историческое значеніе царствующаго дома выясняется только при обзорѣ всей совокупности его родственныхъ связей и многія событія изъ исторіи царствующихъ домовъ объясняются только происхожденіемъ супруговъ ихъ представителей, то въ нашихъ родословныхъ таблицахъ женщинамъ удѣляется какъ можно больше вниманія. Что касается въ частности родословной таблицы императора Генриха IV, то въ журналѣ „Deutscher Herold“ 37, XI отъ 5 ноября (стр. 179 и сл.) напечатано недавно существенное исправленіе и дополненіе къ ней, составленное барономъ Отто Дунгерномъ. Къ сожалѣнію, въ этой статьѣ почти вовсе не указаны источники, которыми пользовался авторъ ея; поэтому редакторъ „Всемирной исторіи“ пока еще не можетъ признать правильными всѣ предложенныя измѣненія. Все же онъ много обязанъ доктору Дунгерну за его цѣнную ссылку на трудъ барона Густава Шенка и цу Швейнберга: „Genealogische Studien ssur Reichsgeschichte“, напечатанный въ журналѣ „Archiv für hezische Geschichte und Altertumskunde“, новая серія, III т. 3 выпускъ (Дармштадтъ, 1904 г., стр. 349—377). На основаніи отчасти совершенно неожиданныхъ результатовъ этого важнаго изслѣдованія нѣкоторыя части упомянутой родословной таблицы должны получить совсѣмъ другой видъ.

Настоящій томъ является не только послѣднимъ въ главной части нашего труда, но вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднимъ томомъ, вышедшимъ подъ нашей редакціей. IX т. уже составленъ и проредактированъ собственными силами Библиографическаго Института. Въ качествѣ редактора нижеподписавшійся считаетъ себя вправѣ еще разъ взять слово въ заключеніе для того, чтобы остановиться на нѣкоторыхъ вещахъ, которыя онъ принимаетъ близко къ сердцу; во-первыхъ, ясно безъ дальнѣйшихъ объясненій, что при выполненіи предпріятія, потребовавшаго больше 10-ти лѣтъ, редакторъ попутно расширяетъ свои познанія. Было бы весьма неутѣшительно, если бы онъ при этомъ ничему не научился. Вотъ почему первые томы имѣютъ не вполне такой видъ, какъ послѣдующіе; въ нѣкоторыхъ частностяхъ (указаніи собственныхъ именъ при первомъ появленіи на сцену исторической личности, точныхъ хронологическихъ датъ въ мѣсяцахъ и дняхъ и т. д.) эта разниа объясняется возрастающимъ съ годами стремленіемъ къ возможно болѣе совершенной отдѣлкѣ выпускаемыхъ въ свѣтъ частей нашего труда. Кромѣ того съ годами вырабатываются опредѣленные взгляды въ отношеніи грамматики и стилистики, которыя имѣютъ склонность превратиться въ неизмѣнныя стилистическія правила.

Требованія, предъявляемыя подобной редакціей, и особые приемы, усвоенные ею, неизбежно вызываютъ неудовольствіе у такихъ ученыхъ, которые привыкли писать характернымъ слогомъ и не безъ основанія дорожать имъ. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые изъ нашихъ сотрудниковъ упустили на первыхъ порахъ изъ виду, что ихъ статьи являются не отдѣльными этюдами, а нераздѣльными составными частями большого справочнаго труда, который долженъ давать указанія даже относительно мало-важныхъ частностей. Въ концѣ концовъ сотрудникъ уступалъ ради соблюденія соразмѣрности всѣхъ частей всего труда, или же редакция и сотрудникъ вступали между собою въ компромиссъ, или, наконецъ, какая-нибудь изъ обѣихъ сторонъ шла на уступки, натолкнувшись на деликатное сопротивленіе другой стороны. Во всемъ томъ, что касается вкуса, не можетъ существовать никакихъ примѣнимыхъ ко всѣмъ случаямъ общихъ правилъ. Тѣмъ не менѣе всѣ случайныя недоразумѣнія между сотрудниками и руководителями заканчивались всегда почетнымъ миромъ, за однимъ единственнымъ исключеніемъ: авторъ отдѣла о крестовыхъ походахъ, докторъ Клеменсъ Клейнъ, считаетъ важнымъ предать гласности, что онъ не согласенъ со многими измѣненіями, сдѣланными редакторомъ въ его работѣ. Въ особенности онъ недоволенъ кромѣ цѣлаго ряда отдѣльныхъ поправокъ слишкомъ схематическимъ и противорѣчащимъ живому словоупотребленію правописаніемъ нѣкоторыхъ надежныхъ окончаній, затѣмъ примѣнявшейся въ этомъ отдѣлѣ транскрипціей восточныхъ собственныхъ именъ, выбранными редакторомъ заголовками, а главнымъ образомъ вставкой множества хронологическихъ датъ въ мѣсяцахъ и дняхъ въ его изложеніе, литературному стилю котораго эти даты не соответвуютъ, по его мнѣнію. Редакторъ не нашелъ возможнымъ отказаться въ виду этихъ возраженій отъ своего обусловленнаго договоромъ права дѣлать измѣненія въ статьяхъ сотрудниковъ въ интересахъ единства всего труда. Съ другой стороны были въ числѣ сотрудниковъ и такіе, которые выразили редактору свою добровольную признательность за сдѣланныя имъ поправки. Такъ, напримѣръ, профессоръ Милковичъ писалъ редактору (27 декабря 1902 г.), что онъ желалъ бы каждому автору имѣть такого корректора; а другой писатель съ блестящимъ даромъ изложенія написалъ редактору (13 іюля того же года) „тонкое чутье стиля“.

Впрочемъ, редакторъ не полагался исключительно на свое собственное сужденіе; въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ сталкивался съ слишкомъ тяжелыми періодами или необычными способами выраженія и ему казались необходимыми поправки, онъ охотно обращался за совѣтомъ къ своему отцу, который прочитывалъ аккуратно корректуру „Всемирной исторіи“ листъ за листомъ до самой его смерти, послѣдовавшей въ іюль 1904 г., а также къ своей сестрѣ Эльзѣ, такъ какъ нашъ трудъ предназначается главнымъ образомъ не для узкихъ специалистовъ, а для широкихъ круговъ образованной публики.

Чтобы удовлетворить какъ можно лучше запросамъ этой публики, мы вынуждены были также и при составленіи настоящаго тома обращаться за справками въ цѣлый рядъ библіотекъ и къ отдѣльнымъ лицамъ, сочувствующимъ нашему предпріятію. Особенной признательностью мы обя-

заны Бернской городской библиотекѣ, А. Кассарини въ Болоньѣ, Готской герцогской библиотекѣ, библиотекѣ Монастыря Св. Креста, недалеко отъ Бадена, въ Нижней Австріи, Ленской университетской библиотекѣ, художественно-историческому институту Лейпцигскаго университета, библиотекѣ монастыря Св. Павла въ Каринтіи.

Лейпцигъ.

Издательство. Редакторъ.

Введение. О значении Балтийского моря в истории германцев. О значении Балтийского моря в истории славян. О значении Балтийского моря в истории скандинавов. О значении Балтийского моря в истории викингов. О значении Балтийского моря в истории кельтов. О значении Балтийского моря в истории римлян. О значении Балтийского моря в истории франков. О значении Балтийского моря в истории саксов. О значении Балтийского моря в истории датчан. О значении Балтийского моря в истории норвежцев. О значении Балтийского моря в истории шведов. О значении Балтийского моря в истории финнов. О значении Балтийского моря в истории эстонцев. О значении Балтийского моря в истории латышей. О значении Балтийского моря в истории литовцев. О значении Балтийского моря в истории поляков. О значении Балтийского моря в истории чехов. О значении Балтийского моря в истории венгров. О значении Балтийского моря в истории венгров. О значении Балтийского моря в истории венгров.

Оглавление.

I. Историческое значение Балтийского моря.

(Проф. д-ра Карла Вейле и д-ра Юсифа Гиргензона.)

	Стр.
1. Введение	3
2. Исторический возраст Балтийского моря и его роль в наиболее отдаленных времена	5
3. Положение и очертанія Балтийского моря	9
4. Древнѣйшая исторія Прибалтийскихъ областей	12
5. Балтийское море въ свѣтъ исторіи	13
А. Эпоха викинговъ	13
Б. Зарожденіе германской народности на берегахъ Балтийского моря	14
В. Ганза	16
Г. Усиленіе славянскихъ государствъ	18
Д. Швеція въ роли господствующей державы	19
Е. Быстрый ростъ могущества Россіи	20
Ж. Задачи Балтийского моря въ новѣйшую эпоху	21

II. Нѣмцы до середины XIV столѣтія.

(Проф. д-ра Эдуарда Гейка.)

1. Древнѣйшій періодъ: древніе германцы	25
А. Географическое происхожденіе германцевъ	26
Б. Германцы и Балтийское море	29
В. Три главныя группы германцевъ	31
а) Южные германцы	32
а) Соприкосновеніе южныхъ германцевъ съ кельтами	33
б) Германцы въ роли учителей славяно-литовцевъ	33
б) Восточные германцы	34
в) Отдѣльные англо-фризскіе народы	38
2. Распространеніе германцевъ на материкъ Европы	39

	Стр.
А. Явленія, сопутствовавшія распространенію германцевъ	40
а) Племена	41
б) Столкновенія между кельтами и германцами	42
в) Происхожденіе слова „Германцы“	43
Б. Кимвры	44
В. Аріовистъ и Цезарь	45
а) Натискъ германцевъ на верхнемъ Рейнѣ	45
б) Столкновеніе изъ-за кельтскихъ областей разрѣшается въ пользу Рима	46
Г. Политическія условія и событія въ теченіе перваго столѣтія послѣ Р. Хр.	48
а) Государство и государственное устройство у германцевъ	48
б) Союзы государствъ и великіе народы	51
в) Господствующіе роды	52
г) Марбодъ и Арминій	55
д) Такъ называемый „Порогъ“ (Limes)	59
3. Усиленное, такъ называемое, великое переселеніе народовъ	60
А. Предвѣстники	60
Б. Новые союзы	60
В. Готы	62
Г. Вандалъ Гейзерихъ	65
Д. Одвакоръ (Одовакаръ)	67
4. Франкскій періодъ	68
А. Франки	68
а) Франкскій союзъ	69
б) Старшіе Меровинги	71
в) Хлодвигъ	72
Б. Остготскій король Теодерихъ Великій	74
В. Паденіе остготскаго королевства	78
Г. Лангобарды	80
Д. Средній отдѣлъ Меровингской эпохи	82
а) Распространеніе франкскихъ владѣній въ средней Европѣ	82
б) Франкскіе майордомы	86

	Стр.		Стр.
Е. Первые Каролинги	87	Г. Зачатки болѣе обширныхъ го-	
Ж. Левная система	89	сударственныхъ союзовъ	165
З. Королевство Каролинговъ	91	а) Иры	165
И. Карль Великій	93	б) Горные шотландцы	166
К. Людовикъ I	96	Д. Государственные учреждения	
5. Восточно-франкское (нѣ-		Галліи	166
мецкое) государство	97	Е. Друзиды	168
А. Нѣмецкіе Каролинги	98		
Б. Происхождение племенныхъ гер-		IV. Происхождение романскихъ на-	
оговъ. Конрадъ I	100	родовъ.	
В. Германское государство подъ		(Проф. Карла Паули, переработано д-ромъ	
главенствомъ ниже-герман-		Г. Ф. Гельмольтомъ.)	
цевъ	101	1. Романская группа наро-	
Г. Франконскій домъ	107	довъ	173
а) Конрадъ II и Генрихъ III	107	2. Романизація какъ всемір-	
б) Генрихъ IV	111	но-историческое явленіе	174
в) Генрихъ V	115	А. Романизація Італіи (до 267 г.	
Д. Императоръ Лотарь	116	до Р. X.)	176
Е. Государя язь дома Штауфе-		Б. Романизація, вѣнцальскихъ	
ровъ	118	областей (отъ 241 г. до Р. X.	
а) Конрадъ III	119	до 107 г. послѣ Р. X.)	177
б) Фридрихъ I Барбаросса (Ры-	119		
жебородый)		V. Франція отъ возвышенія Меровинговъ до паденія настоящихъ Капетинговъ.	
в) Генрихъ IV, Филиппъ и От-	125	(Д-ра Рихарда Маренгольца.)	
тонъ IV	125	1. Объединенное франкское	
г) Фридрихъ II	127	государство	185
д) Последние дни и паденіе		А. Хлодвигъ	185
Штауфеновъ	129	Б. Меровинги	187
6. Періодъ господства кур-		2. Карль Великій	190
фюрстовъ	130	А. Западная имперія	190
А. Отъ конца междоусобія до		а) Войны съ саксами и другія	
смерти Альбрехта I	132	завоеванія Карла	191
а) Рудольфъ I Габсбургъ	133	б) Имперія Карла	193
б) Адольфъ Нассаускій и Аль-		Б. Правленіе Карла Великаго	194
брехтъ I	134	В. Состояніе культуры въ имперіи	
Б. Возникновеніе Люксембургской		Карла Великаго	197
династіи	137	3. Усиленіе духовной и свѣт-	
а) Генрихъ VII	137	ской аристократіи	200
б) Фридрихъ III Красивый и		А. Каролинги до раздѣла франк-	
Людовикъ IV Баварскій	139	скаго государства въ 843 году	201
в) Карль IV (до Золотой буллы)	142	а) Людовикъ Благочестивый	201
		б) Верденскій договоръ	203
		Б. Французскіе Каролинги	204
		4. Начатки правового госу-	
		дарства	209
		А. Раздробленіе государства при	
		первыхъ Капетингахъ	209
		Б. Расцвѣтъ старой Франціи въ	
		царствованіе Филиппа II Авгу-	
		ста и Людовика IX	213
		а) Судъ, народное просвѣщеніе	
		и администрація	213
		б) Развѣтленіе городовъ	215
		в) Резиденція короля, дворъ и	
		аристократія	220
		5. Французское общество ме-	
		жду XI и XIII столѣтіями	222
		А. Церковная жизнь	223
		Б. Провансальская рыцарская поэ-	
		зія	224
		В. Сѣверно-французское рыцар-	
		ство	226

III. Кельты.

(Проф. д-ра Эдуарда Гейка.)

1. Группировка	147
А. Кельты и иберы	149
Б. Кельты Великобританскихъ	
острововъ	150
В. Галлы въ Верхней Італіи	151
Г. Галаты въ Малой Азіи	152
Д. Галлы въ современной Франціи	
Е. Кельты восточной части мате-	
рика	153
2. Родство между кельтами,	
съ одной стороны, и итали-	
ками и германцами, съ дру-	
гой	154
3. Самобытныя черты госу-	
дарства кельтовъ	158
А. Клады	160
а) Ирландскіе кланы	161
б) Шотландскіе кланы	162
Б. Общинное землевладѣніе	162
В. Государственные учрежденія;	
возникновеніе новыхъ государ-	
ственныхъ институтовъ	163

	Стр.
Г. Рыцарскій эпосъ	228
Д. Нерыцарская (мѣщанская) ли- тература	230
6. Внутренняя и внѣшняя по- литика Капетинговъ	232
А. Стремленіе Капетинговъ къ упроченію своей династіи	232
Б. Отношеніе между Франціей и Германской имперіей	237
В. Крестовые походы француз- скихъ королей	238
7. Порабожденіе папъ	241
А. Отношенія между Франціей и куріей между 800 и 1300 гг.	241
Б. Столкновеніе между Филиппомъ Красивымъ и Бонифациемъ VIII	243
В. Вавилонское плѣненіе папъ и процессъ противъ рыцарей хра- мовниковъ	246
8. Резюме и краткій обзоръ дальнѣйшихъ событій	249
А. Конецъ царствов. Филиппа IV	249
Б. Послѣдніе представители стар- шей линіи Капетинговъ	251

VI. Исторія развитія западнаго хри- стіанства.

(Проф. д-ра Вильгельма Вальтера.)

1. Начало средневѣковаго хри- стіанства	255
А. Западная церковь въ теченіе періода, послѣдовавшаго за пе- реселеніемъ народовъ	255
Б. Бонифаций и Карлъ Великій	260
В. Состояніе церкви послѣ распа- денія „Царства Божія“	266
Г. Германія въ роли спасительни- цы цркви	272
2. Возвышеніе папства и про- бужденіе самостоятель- наго религіознаго чувства	277
А. Церковь на пути ко всемірному господству	277
а) Усиленіе политическаго мо- гущества церкви	277
б) Пробужденіе религіозной са- мостоятельности	281
Б. Всемірное господство церкви	285
3. Паденіе папской власти и предвѣстники новой эры	292
А. Упадокъ могущества папъ и авиньонское плѣненіе	292
Б. Расколъ и соборы для преобра- зованія церкви	298
В. Углубленіе пропасти между ста- рымъ и новымъ религіознымъ чувствомъ	305

VII. Исторія германской колонизаціи на Востокъ до середины XVI столѣтія.

(Проф. д-ра Рихарда Майра.)

1. Войны между германцами и славянами до 1050 года (въ круглыхъ цифрахъ)	313
--	-----

	Стр.
А. Войны на юго-западѣ и сѣверо- западѣ Европы приблизительно до 920 г.	314
Б. Восточно-германская политика Оттоновъ	316
а) Положеніе славянства на Эль- бѣ и Одерѣ	316
б) Появленіе нѣмецкой народ- ности на берегахъ Балтій- скаго моря	317
2. Планомѣрная колонизація въ теченіе XII столѣтія	320
А. Три великихъ колонизатора	320
а) Внѣшнія событія	321
б) Главныя формы колонизаціи	323
Б. Развитіе германской народно- сти въ Силезіи	323
3. Нѣмцы въ прибалтійскихъ областяхъ	325
А. Лифляндія	327
а) Нѣмецкіе переселенцы	327
б) Орденъ меченосцевъ	328
Б. Рыцари тевтонскаго ордена въ странѣ пруссовъ	330
а) Распространеніе ордена до 1400 г.	331
б) Положеніе государства, под- чиненнаго тевтонскому ор- дену въ теченіе періода его расцвѣта	333
4. Упадокъ нѣмецкаго колони- заціоннаго движенія	336
А. Земли, утеряныя нѣмцами: Шлезвигъ-Гольштейнъ, Чехія, Венгрія	336
Б. Окончательная судьба владѣній Тевтонскаго ордена	338
а) Танненбергъ (1410 г.), Торнъ (1466) и секуляризація (1525)	338
б) Окончательная судьба Тев- тонскаго ордена въ Лифлян- діи	340

VIII. Исторія Италіи отъ VI до XIV столѣтія.

Съ краткими очерками послѣдующей эпохи.
(Д-ра Ганса Ф. Гельмольта.)

1. Періодъ „нашествія варва- ровъ“	345
А. Лангобардское королевство	345
Б. Франки въ роли преемниковъ лангобардовъ	353
2. Италія, какъ часть новой За- падной Римской имперіи	355
А. Всемірно-историческое значеніе вѣнчанія Карла императорской коронаю	355
Б. Левная система	356
В. Преемники Карла Великаго	358
а) Старшая линія отъ короля Беригарда до императора Карла III	358
б) Короли и антикороли изъ по- бочныхъ вѣтвей дома Каро- линговъ (888 г.—950 г.)	361
3. Нѣмецкое господство надъ Италіей (отъ 951 до 1266 года)	361

	Стр.		Стр.
А. Оттоны и первый представитель Салийской династии	364	въ его прогрессивномъ развитіи отъ 1100 до 1143 года	429
Б. Исторія норманновъ до короля Рожера II	368	А. Колонизація Сиріи переселенцами изъ Западной Европы	429
В. Борьба за инвеституру	371	Б. Участіе итальянскихъ приморскихъ городовъ въ колонизаціи Сиріи	431
Г. Городскія общины отъ начала XII до конца XIII столѣтія	372	В. Представители Лотарингской династіи Балдуиъ I и Балдуиъ II (отъ 1100 до 1131 г.)	433
Д. Паденіе Гогенштауфеновъ	378	Г. Рыцарскіе ордена	435
4. Періодъ сивьорин	381	Д. Расцвѣтъ Іерусалимскаго королевства въ царствованіе Фулько отъ 1131 до 1143 года	437
А. Францискъ Ассизскій	381	Е. Расцвѣтъ торговли и культуры въ государствахъ крестоносцевъ	438
Б. Превращеніе коммунъ въ сивьорин	385	6. Паденіе Іерусалимскаго королевства. Второй и Третій крестовые походы (отъ 1143 до 1193 года)	440
а) Приморскіе города	386	А. Реакція со стороны ислама	440
б) Флоренція	388	Б. Вліяніе перваго крестоваго похода на Западную Европу	441
в) Миланъ	392	В. Второй крестовый походъ и его послѣдствія	443
В. Папство и церковная область съ 1350 года	396	Г. Упадокъ и гибель государства крестоносцевъ	447
5. Южная Европа послѣ 1266 г.	399	а) Эпоха Балдуиана III (отъ 1152 до 1162 года)	447
А. Анжуйская династія въ Неаполѣ; Арагонскій домъ на островѣ Сициліи	399	б) Амальрихъ (отъ 1162 до 1174) и Египетъ	448
Б. Династіи Арагонская, Габсбургская и Бурбонская въ двойственномъ Неаполитанско-Сицилійскомъ королевствѣ отъ 1435 г.	404	в) Балдуиъ IV и Балдуиъ V; Гвидо Лузиньянскій (отъ 1174 до 1187 г.)	450
IX. Крестовые походы.			
(Д-ра Клеменса Клейна.)			
1. Значеніе крестовыхъ походовъ во всемірной исторіи	409	г) Битва при Хаттинѣ и паденіе Іерусалимскаго королевства	451
2. Крестовые походы, какъ отпрыски переселенія народовъ	411	Д. Третій крестовый походъ (отъ 1189 до 1192 года)	452
А. Хищническіе набѣги сарацинъ. Вторженіе восточныхъ народовъ. Сѣверозападное движеніе народовъ	411	а) Нѣмецкій крестовый походъ 1189—1191 гг.	453
Б. Набѣги норманновъ	412	б) Битва подъ Аккономъ и францужско-англійскій крестовый походъ	455
В. Новые удары, направленные противъ ислама Западной Европой	415	7. Второе столѣтіе крестовыхъ походовъ	457
Г. Вторженіе сельджуковъ; обращеніе Византіи за помощью къ Западной Европѣ	415	А. Идея крестовыхъ походовъ на Востокъ и на Западъ	457
3. Духовный строй Западной Европы во время призыва Урбана II къ крестовому походу	417	Б. Судьба Іерусалимской короны до 1291 года	460
А. Бѣгство отъ міра изъ религіозныхъ побужденій и всемірное господство церкви	417	В. Нѣмецкій крестовый походъ въ царствованіе Генриха VI (въ 1197)	461
Б. Паломничества въ Іерусалѣмъ	418	Г. Иннокентій III. Четвертый крестовый походъ (1201 до 1204)	461
4. Первый крестовый походъ (1096—1099)	419	Д. Эпоха пятаго крестоваго похода	463
А. Экономическія, социальныя и политическія условія, господствовавшія въ Европѣ въ 1095 г. Крестьянскіе крестовые походы	419	а) Приготовленія къ походу въ Западной Европѣ	463
Б. Крестовый походъ владѣтельныхъ князей	421	б) Крестовый походъ 1217 г. и Египетскій походъ (отъ 1218 до 1221 года)	464
а) Предводители	421	Е. Крестовый походъ Фридриха II (1228—1229 гг.)	465
б) Императоръ Алексѣй и крестоносцы	422	Ж. Прекращеніе королевской власти. Исторіографія и феодальное право	468
в) Походъ черезъ Малую Азію	424	З. Паденіе франкскихъ государствъ въ Сиріи	470
г) Борьба за Антиохію	425		
д) Освобожденіе Іерусалѣма. Начало основанія государствъ крестоносцами	426		
5. Іерусалимское государство			

	Стр.
II. Крестовый походъ Людовика Святого (отъ 1248 до 1254 г.)	471
I. Конецъ	473
8. Послѣдствія крестовыхъ походовъ	475
A. Идея крестовыхъ походовъ въ XIV столѣтіи	475
B. Королевство Кипрское и Малая Армения	476
B. Рыцарскіе ордена	477
9. Причины неудачи крестовыхъ походовъ	479
10. Ближайшія и болѣе отдаленныя послѣдствія крестовыхъ походовъ	482

X. Германскій сѣверъ.

(Д-ра Гауса Шьета.)

1. Предварительныя общія замѣчанія	493
A. Устройство поверхности Скандинавіи	493
B. Древнѣйшій періодъ	495
2. Походы норманновъ	498
A. Шведскіе норманны	499
B. Норвежскіе норманны	500
B. Датскіе норманны	504
3. Давія	510
A. Событія, предшествовавшія смерти Гардекиута (1042 г.)	510
B. Эстриды или Ульфвинги (отъ 1047 до 1375 г.)	512
B. Періодъ Датско-Норвежской уніи (до 1814 г.)	515
a) Унія со Швеціей	515
б) Ольденбургскій домъ	516
Г. Давія послѣ 1814 года	528
4. Норвегія съ Исландіей	532
A. Собственная исторія Норвегіи до XIV столѣтія (до Датско-норвежской уніи)	532
B. Датскій періодъ	537
B. Унія со Швеціей (отъ 1814 до 1905 г.)	539
Г. Возстановленіе независимости Норвегіи	541
Д. Культурный прогрессъ Норвегіи въ XIX столѣтіи	542
5. Швеція и Финляндія	544
A. Собственная исторія Швеціи до конца XIV столѣтія (до уніи)	544
B. Періодъ уніи (1389- 1523 гг.)	549
B. Начало династіи Ваза (отъ 1523 до 1611 года)	551
Г. Швеція въ роли средневропейской великой державы (отъ 1611 до 1718 гг.)	553
a) Густавъ Адольфъ II и Христина (отъ 1611 до 1654 г.)	553
б) Пфальцъ-Клебургская династія (отъ 1654 до 1718 г.)	557
Д. Періодъ господства дворянства (1718- 1771 гг.)	563
a) Фридрихъ Гессенъ-Кассельскій (1720- 1751 гг.)	563
б) Начало Готторпской династіи (отъ 1751 до 1771 гг.)	564

E. Возстановленіе королевской власти. Послѣдніе представители Готторпской династіи (отъ 1771 до 1818 г.)	565
Ж. Династія Вернадотта (съ 1818 г.)	567
3. Исторія Финляндіи отъ XVI столѣтія до настоящаго времени	571
a) Шведскій періодъ исторіи Финляндіи	571
б) Русскій періодъ исторіи Финляндіи	571

XI. Великобританія и Ирландія.

(Д-ра Александра Тилло.)

1. Географическая среда	575
2. Древнѣйшія человѣческія поселенія Англій	577
A. Кельты, римляне и западные германцы	577
a) Кельты	578
б) Римляне	579
в) Западные германцы	581
B. Англичане, датчане и норманны	585
a) Англы	585
б) Покореніе Великобританіи датчанами	588
в) Послѣдніе англосаксы и норманнское нашествіе	589
3. Народное государство и народное представительство	590
A. Англійское народное господство	590
a) Норманнскіе короли (1066—1154 гг.)	590
б) Два первыхъ Плантагенета (отъ 1154 до 1199 г.)	595
B. Народное представительство (Плантагенеты XIII и XIV столѣтій)	599
B. Ирландія до Генриха Ланкастера	610
4. Дома Ланкастеровъ и Йорковъ и начало династіи Тюдоровъ	611
A. Домъ Ланкастеровъ (отъ 1399 до 1461 г.)	611
a) Трое Генриховъ	611
б) Начало войны между Бѣлой и Алой Розами	611
B. Домъ Йорковъ (отъ 1461 до 1485 г.)	617
B. Генрихъ VII (отъ 1485 до 1509 г.)	620
5. Ренессансъ и Реформація	622
A. Ренессансъ	622
B. Реформація	624
a) Генрихъ VIII	624
б) Сомерсетъ и Барвикъ въ царствованіе Эдуарда VI; королева Марія	633
6. Королева Елизавета	635
A. Экономическія условія	635
a) Населеніе и форма хозяйства	635
б) Мореходство	637
B. Религіозныя войны	639
B. Марія Стюартъ	641
Г. Англія и Пенанія	644
7. Нуританіамъ и революція	647

	Стр.		Стр.
А. Яковъ I и Карлъ I (отъ 1603 до 1649 г.)	647	А. Георгъ I (отъ 1714 до 1727 г.)	672
Б. Республика (отъ 1649 до 1659 г.)	655	Б. Георгъ II (отъ 1727 до 1760 г.)	673
а) Учрежденіе республики	655	10. Царствованіе Георга III (отъ 1760 до 1820 г.)	677
б) Лордъ-протекторъ	656	А. Начальныя ступени англійской промышленности	678
В. Конституціонное королевство (отъ 1660 до 1688 г.)	658	Б. Война за освобожденіе Соединенныхъ Штатовъ	680
8. Короли милостью парламента	663	В. Остъ-Индіа	683
А. Англійская торговля въ XVII и XVIII столѣтіяхъ	664	Г. Внутренняя и вѣшняя политика	684
Б. Вильгельмъ III Оранскій (отъ 1689 до 1702 года)	667	а) Питтъ Старшій	684
В. Королева Анна (отъ 1702 до 1714 года)	671	о) Питтъ Младшій	685
9. Возникновеніе Ганноверской династїи	672	в) Борьба съ Бонапартомъ	687
		г) Борьба съ Наполеономъ I	689

Списокъ приложений.

Хромофотографіи.	Стр.
Регалии Священной Римской имперіи (съ объяснит. листомъ)	118
Битва и судьба во время римскаго похода Генриха VII (съ объяснит. листомъ)	138
Трубадуры (съ объяснит. листомъ)	225
Христосъ на крестномъ пути (съ объяснит. листомъ)	297
Смерть Фридриха Барбароссы (съ объяснит. листомъ)	454
Битва при Борнхеведѣ 22 іюля 1227 г. (съ объяснит. листомъ)	513
Англія въ царствованіе двухъ послѣднихъ авглосаксонскихъ королей (съ объяснит. листомъ)	589
Коронованіе короля англійскаго Генриха IV (съ объяснит. листомъ)	615

Карты.

Прибалтійскія области	10
Средняя Европа около 1000 г. (съ регистромъ)	106
Распространеніе германцевъ и кельтовъ въ средней Европѣ прибол. 500—50 гг. до Р. X.	154
Франкское государство между 771—843 гг.	194
Крестовые походы	424
Швеція и Норвегія	494
Развитіе британскихъ колониальныхъ владѣній	676

Гравюры и автотипы.

Постройки остготскаго короля Теодориха Великаго въ Равеннѣ и ея окрестностяхъ	75
Карлъ Великій и его супруга: копія съ древнѣйшаго изображенія Карла	93
Видъ въ крива церкви Мемлебенскаго монастыря	105
Развалины замка Каюссы	113
Развалины императорскаго замка Фридриха Барбароссы въ Гельнгаузенѣ	124

	Стр.
Фасадъ перестроенной въ XII столѣтіи церкви аббатства Сенъ-Дени, въ которой похоронены французскіе короли	220
Папа Григорій VII; императоръ Генрихъ IV и его антипапа Клементъ III (копія съ миниатюры)	279
Мариенбургскій замокъ; видъ со стороны Ногата (съ запада)	333
Баптистерій, соборъ и наклонная башня въ Пиавѣ	374
Императоръ Генрихъ VI на высотѣ своего могущества	378
Венеціанская Пляцетта	388
Триполисъ въ Сириіи	428
Германскій Сѣверъ въ эпоху викинговъ и въ позднѣйшіе вѣка	498
Германскій Сѣверъ въ концѣ языческаго и въ началѣ христіанскаго періодовъ	544
Документъ, въ которомъ Т. Краммеръ, архіепископъ Кентерберійскій, и семь епископовъ подтверждаютъ свое признаніе верховныхъ правъ христіанскаго государя въ церковныхъ дѣлахъ	629
Англійскіе великіе умы: Шекспиръ и Елизавета, Ньютонъ и Дарвинъ	646
Послѣднее письмо Нельсона къ леди Э. Гамильтонъ отъ 19 и 20 октября 1805 г. передъ сраженіемъ при Трафальгарѣ	690

Родословныя таблицы.

Опытъ родословной таблицы императора Генриха IV (въ текстѣ)	109
Родственныя отношенія между итальянскими королями, царствовавшими отъ 844 до 1024 года (приложеніе)	363
Арагонская династія въ ея связи съ Сициліей (1282—1516) и Неаполемъ (1420/58—1501 и 1504—1516 приложеніе)	401
Династіи: Ланкастерская, Йоркская, Тюдоровъ и Стюартовъ (1399—1625, приложеніе)	634

I. Историческое значеніе Балтійскаго моря.

Соч. проф. доктора Карла Вейле и доктора Юзефа Гиргензона.

1. Введеніе.

Подобно тому, какъ краевыя и внутреннія моря не укладываются въ широкія рамки океановъ по своему физическому очертанію, они также остаются позади этихъ послѣднихъ по своему значенію въ исторіи человѣчества. Это относится какъ къ орошаемымъ цѣпью острововъ водоемамъ, прилегающимъ къ восточному берегу Азіи, такъ и къ Красному морю и Персидскому заливу, какъ къ Нѣмецкому морю, такъ и къ Американскому и Австрало-Азіатскому Средиземнымъ морямъ; одни изъ этихъ морей вліяли только на непосредственно окружающіе ихъ берега въ теченіе продолжительнаго или же, наоборотъ, мимолетнаго періода времени, другія же, вліяніе которыхъ распространялось гораздо дальше, служили соединительными каналами между отдаленными одна отъ другой областями. Нѣкоторыя изъ этихъ морей, какъ, на примѣръ, Нѣмецкое море, Красное море и Персидскій заливъ, приобрѣли всемірно-историческое значеніе благодаря такому своему вліянію на судьбы человѣчества; однако, даже и они отступаютъ на задній планъ сравнительно съ тремя океанами: имъ недостаетъ той мощности, которой отмѣчено вліяніе міровыхъ океаническихъ водоемовъ на окаймляющіе ихъ материкъ. За этими морями нельзя оспаривать того значенія, что они подготовили человѣка къ его задачѣ, духовному и физическому господству надъ всей поверхностью земного шара; но окончательное рѣшеніе ея могло послѣдовать только послѣ распространенія сферы вліянія человѣка по ту сторону великихъ океаническихъ водныхъ поверхностей.

Только два европейскихъ моря, Средиземное и Балтійское, занимаютъ исключительное положеніе между всѣми береговыми морями. Этого не слѣдуетъ понимать въ смыслѣ громадности ихъ протяженія; напротивъ того, оба они отличаются отсутствіемъ гранозности и ограниченіемъ ихъ сферы вліянія незначительнымъ сравнительно съ океанами пространствомъ. Мы говоримъ о глубинѣ, интенсивности и широтѣ, универсальности ихъ историческаго вліянія. Мы поражаемся тѣмъ внутреннимъ моремъ, которое по мнѣнію древнихъ было расположено въ самой серединѣ земли и поэтому получило отъ нихъ названіе Средиземнаго, какъ создателемъ всей доколумбовской культуры, какъ носителемъ того духа, который собирается подчинить себѣ все человѣчество; съ другой стороны, мы видимъ, какъ Балтійское море, уступающее по своимъ размѣрамъ даже Средиземному, когда-то играло не меньшую роль для значительной части Европы, несмотря на всѣ спеціальныя особенности въ ходѣ историческаго развитія побережья этого моря. Поэтому мы считаемъ необходимымъ спеціальнымъ обзоръ не только значенія Средиземнаго моря (томъ IV, отдѣлъ I), но и Балтійскаго.

Въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ указывалось неоднократно, и притомъ вполне основательно, на географическое сходство между Балтійскимъ

и Средиземнымъ морями. Оба они являются настоящими внутренними морями,—глубокими морскими заливами Атлантическаго океана, служащими его продолженіями и связывающими его съ самыми внутренними частями Азіатско-Европейско-Африканскаго материка. Это видѣніе океана не имѣетъ вида насильственнаго разрыва неподатливой массы материка, подобно той части сѣвернаго Индійскаго океана, которая врѣзывается въ южный берегъ Азіи и раскалываетъ его на двѣ громадныя, какъ цѣлыя материки, перасчлененныя глыбы; напротивъ того, берега Балтійскаго и Средиземнаго морей представляютъ картину искрошенія и изрѣшечиванія всей сѣверо-западной части Стараго свѣта. Своимъ вторженіемъ въ эту четверть материка Стараго Свѣта Балтійское и Средиземное моря выдѣлили Европу изъ всей громадной материковой массы и надѣлили ее тѣмъ исключительно благопріятнымъ положеніемъ и расчлененіемъ, благодаря которымъ она быстро завоевала такую выдающуюся роль въ исторіи развитія культуры. Однако, между обоими названными морями существуетъ весьма важное различіе: въ то время, какъ Средиземное море облацаетъ тѣмъ преимуществомъ, что оно расположено въ глубинѣ трехъ частей свѣта, и благодаря этому выгодному положенію его взаимное вліяніе этихъ трехъ частей свѣта могло распространиться безпрпятственно черезъ раздѣляющую ихъ водную поверхность, уже въ глубокой древности получившую значеніе посителя міроваго обмѣна,—Балтійское море видѣруется въ такую материковую массу, которая расширяется до размѣровъ материка только въ двухъ направленіяхъ, къ югу и къ востоку. Правда, сѣверный и западный берега этого послѣдняго моря обладаютъ преимуществомъ сильно развитою полуостровною и островною расчлененіемъ; однако, на всѣхъ исторіи они имѣли мало значенія въ качествѣ материковыхъ пространствъ, играющихъ роль въ исторіи, такъ какъ материкъ не обладалъ значительной глубиной въ этихъ значеніяхъ.

Къ этому коренному различію присоединяется цѣлый рядъ другихъ. На первомъ мѣстѣ стоитъ различіе между размѣрами обоихъ морей. Средиземное море покрываетъ пространство въ 45,000 кв. миль, а поверхность Балтійскаго моря составляетъ не больше $\frac{1}{7}$ части этой цифры (6,963). Изъ этого факта въ отдѣльности нельзя еще дѣлать никакихъ выводовъ, въ особенности, если мы припомнимъ, что, несмотря на свои ограниченныя размѣры, Средиземное море было для древнихъ единственнымъ извѣстнымъ имъ моремъ, что они называли его попросту моремъ безъ дальнѣйшихъ опредѣленій, такъ какъ вокругъ его вытянутаго въ длину водоема сгруппировался почти весь извѣстный въ то время міръ. Балтійское море никогда не претендовало на такой высокій рангъ; оно тоже сосредоточило вокругъ себя свой собственный кругъ народовъ, свою собственную историческую сферу, но это была одна изъ многихъ существующихъ совместно сферъ и притомъ расположенная на окраинѣ культурнаго міра.

Къ тому же нельзя оспаривать, что Балтійская историческая сфера едва ли можетъ сравниться по своему единству съ Средиземно морской, несмотря на благоприятную для концентраціи исторической культуры незначительность размѣровъ первой изъ нихъ. Правда, единство Средиземно морской исторической сферы достигло своего наиболѣе полнаго выраженія въ политическомъ отношеніи только однажды во всей исторіи—подъ властью Римской имперіи; однако, стремленіе къ захвату Средиземнаго моря на всемъ его протяженіи замѣчается уже въ Финикійской и Греческой колонизаціяхъ, равно какъ и въ распространеніи евреевъ въ теченіе первыхъ столѣтій послѣ Рождества Христова, въ побѣдоносномъ движеніи христіанства и въ распространеніи владычества арабовъ вплоть до береговъ Атлантическаго океана. Мало того, даже господство итальянскихъ городскихъ республикъ и временное распространеніе южно-норманскаго и арагонскаго владычества на морѣ до береговъ Греціи обнаруживаютъ еще ясныя признаки указанной нами замкнутости Средиземно морской сферы. Само собою разу-

мѣется, что всѣ эти стремленія достигали своей цѣли только отчасти: къ концу среднихъ вѣковъ эта замкнутость была разорвана навсегда. Западные и сѣверныя окраины Средиземнаго моря являются еще и въ новѣйшее время представителями извѣстнаго единства въ религіи и національности, въ то время какъ южное и восточное побережья принадлежатъ исламу, такъ что еще и понынѣ даетъ себя чувствовать рѣзкая противоположность между обѣими этими культурными областями.

Что касается Балтійскаго моря, то окружающее его побережье отличалось политическимъ единствомъ тоже только однажды, въ то время, когда Швеція возвысилась до ранга великой державы; однако, и другіе приморскіе народы стремились къ господству надъ Балтійскомъ моремъ, какъ-то: датчане, нѣмцы, поляки, русскіе. Въ хозяйственно-коммерческой жизни Балтійское побережье достигало единства дважды—не только во время расцвѣта Ганзы, но и въ періодъ господства шведовъ. Даже и по отношенію къ настоящему времени можно сказать утвердительно, что на Балтійскомъ морѣ господствуетъ германскій коммерскій міръ, такъ какъ расположенныя дальше въ глубь материка русскія и польскія области представлены на этомъ морѣ по преимуществу германскими фирмами, а протестантская культура удержалась и понынѣ на берегахъ этого моря. Даже такой міровой городъ, какъ С.-Петербургъ, не въ состояніи нарушить этого единства, такъ какъ сознательныя національныя стремленія русскаго народа не тяготеютъ къ Петербургу, а скорѣе сторонятся отъ него, да притомъ же русская нація имѣетъ мало значенія въ морской торговлѣ. Что касается Финляндіи, то въ крупной торговлѣ преобладаетъ шведская часть населенія этой страны, а вся внутренность страны здѣсь тоже подчиняется въ хозяйственномъ и общекультурномъ отношеніяхъ морскому побережью, такъ что и здѣсь преобладаетъ германское вліяніе.

Средиземное и Балтійское моря обнаруживаютъ существенное различіе между собою въ особенностяхъ географическаго положенія каждаго изъ нихъ, которыми обуславливалось направленіе культурнаго прогресса. Сравнительно рано и быстро культура распространилась по Средиземному морю въ направленіи съ востока на западъ, чему благоприятствовало сходство географическихъ условій на всемъ побережьи этого моря. Напротивъ того, географическое положеніе Балтійскаго моря не благоприятствовало такому культурному единству: ось его направлена съ юга на сѣверъ,—поэтому южное побережье этого моря попало въ сферу исторіи на цѣлое столѣтіе раньше, чѣмъ сѣверное, а къ этому послѣднему весьма поздно открылся доступъ христіанству и европейскому просвѣщенію.

2. Историческій возрастъ Балтійскаго моря и его роль въ наиболѣе отдаленныя времена.

Балтійское море вмѣстѣ съ Нѣмецкимъ, Заливомъ св. Лаврентія и Гудзоновымъ заливомъ являются весьма недавними въ геологическомъ смыслѣ образованиями какъ по отношенію къ ихъ нынѣшнимъ размѣрамъ, такъ и по отношенію къ ихъ очертаніямъ. Многократно подолгу нынѣшняя область распространенія этихъ морей бывала похоронена подъ тѣми громадными массами материковаго и глетчернаго льда, спускавшагося со „Скандинавскаго Щита“, древняго горнаго массива, нынѣшняго полуострова того же имени, покрывавшаго въ теченіе дилювіальной (ледниковои) эпохи наибольшую часть Европы къ сѣверу отъ 50° широты; громадной толкающей и двигающей силой этого льда обьязана вся нѣкогда покрытая имъ область нынѣшнимъ видомъ своей поверхности съ ея донными и конечными моренами, низменностями, покрытыми озерами, смѣстившимся теченіемъ рѣкъ, гребнями возвышен-

постей, закругленными холмами (бараньими лбами), эрратическими валунами и ледниковыми царапинами. Нынешній бассейнъ Балтійскаго моря тоже принадлежитъ на всемъ своемъ протяженіи къ числу тѣхъ областей, поверхность которыхъ измѣнила свой видъ вслѣдствіе разрушенія, перемѣщенія и вторичнаго отложенія верхнихъ пластовъ земли; эта область тоже покрыта моренами и валунами сѣвернаго происхожденія. Однако, дальнѣйшая судьба этой области въ послѣднюю эпоху была иная, чѣмъ у остальной части сѣверной Европы: въ то время, какъ наибольшая часть сѣверной Европы, покрытой ледниками, превратилась на все дальнѣйшее время въ сушу послѣ отступленія послѣдняго, „Балтійскаго“ ледника, перешла черезъ стадіи тундры и степи и мало-по-малу развила въ себѣ ту сумму природныхъ ландшафтовъ, которую мы видимъ на ней въ настоящее время, болѣе низко расположенная часть громаднаго низменнаго бассейна претерпѣла дальнѣйшій рядъ рѣзкихъ измѣненій вслѣдствіе образованія трещинъ и сдвиговъ, вслѣдствіе цѣлаго ряда поднятій и опусканій геологическихъ пластовъ какъ въ серединѣ этой области, такъ и на ея окраинахъ и наполнилась, наконецъ, тѣмъ водоемомъ, который называется въ настоящее время Балтійскимъ моремъ, съ его замѣчательно извилистой формой и своеобразнымъ развѣтвленіемъ, которое соединяетъ далекій сѣверъ и далекій востокъ Европы съ болѣе изрѣзаннымъ и открытымъ со стороны моря западомъ. Это сообщеніе между западомъ и востокомъ идетъ въ настоящее время черезъ Зундъ и оба Бельта, если не считать вновь проложеннаго искусственнаго канала императора Вильгельма. Въ болѣе раннюю стадію развитія Балтійскаго моря, непосредственно слѣдовавшую за ледниковой эпохой, дѣло обстоитъ не такъ: въ то время, въ эпоху перваго опусканія поверхности этой области, широкой морской рукавъ наполнял южную шведскую низину, въ которой озера Венеръ и Веттеръ напоминаютъ еще и понынѣ о томъ времени и о существовавшихъ тогда географическихъ условіяхъ; берега Балтійскаго моря, которые замыкались еще тогда къ сѣверу отъ линіи Шоненъ—Борнгольмъ, омывались вполне соленой океанической водой, протекающей изъ Скагеррака. Впослѣдствіи это соединеніе между океаномъ и Балтійскимъ моремъ было прервано вслѣдствіе поднятія поверхности южной Швеціи; воды Балтійскаго моря стали болѣе прѣсными и въ то же время пробили себѣ путь къ древнему преддверію Скагеррака при посредствѣ трехъ вышеназванныхъ новыхъ морскихъ проливовъ. Съ тѣхъ поръ произошли дальнѣйшія колебанія дна Балтійскаго моря: сначала оно опустилось, и усилился притокъ воды изъ Нѣмецкаго моря, затѣмъ послѣдовало поднятіе его съ усиленіемъ оттока изъ верхнихъ его слоевъ воды Нѣмецкаго моря, и въ результатъ получилось нынѣшнее качество воды Балтійскаго моря, этого чуть солоноватаго внутренняго моря, на сѣверныхъ окраинахъ котораго, на берегахъ Швеціи и Финляндіи, продолжается безпрерывно послѣднее въ хронологическомъ порядкѣ поднятіе дна его.

Это вертикальное колебаніе дна соединительныхъ каналовъ, этотъ притокъ посторонней и оттокъ своей собственной воды въ самыхъ раннихъ своихъ стадіяхъ еще не игралъ роли въ исторіи человѣчества. Однако, эти событія являются прообразомъ того положенія, которое заняло Балтійское море въ позднѣйшую эпоху, когда началась его настоящая исторія. Такимъ же самымъ образомъ происходили рѣзкія колебанія въ его политическомъ значеніи. Такимъ же образомъ измѣняется изъ столѣтія въ столѣтіе его значеніе въ международныхъ сношеніяхъ, въ дѣлѣ международнаго обмѣна и въ международно-хозяйственномъ отношеніи.

Изъ того, что доисторическое колебаніе дна Балтійскаго моря не имѣло значенія для исторіи человѣчества той эпохи, еще не слѣдуетъ, чтобы человѣкъ не былъ сознательнымъ очевидцемъ этихъ геологическихъ явленій.

Изъ находокъ въ Таубахѣ, относящихся къ междуледниковой эпохѣ (срав. т. I, стр. 117), мы знаемъ, что человѣкъ уже жилъ и охотился въ средней Германіи задолго до появленія Балтійскаго моря въ его современномъ видѣ; повѣншія свидѣтельства даже отодвигаютъ еще далѣе назадъ существованіе человѣка въ Германіи и въ сосѣднихъ съ нею областяхъ. Какъ бы то ни было, диллювіальный человѣкъ въ теченіе долгихъ вѣковъ ухитрялся жить на льду и на глетчерахъ, а его потомокъ, не смущаясь, слѣдовалъ за льдомъ по мѣрѣ того, какъ льды таяли въ послѣдній разъ и отодвигались на сѣверъ. Къ такому передвиженію принуждало его прежде всего зависимость его существованія отъ охоты на животныхъ ледниковаго пояса, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока новая климатическая среда не создала новыхъ болѣе удобныхъ и пріятныхъ условій для его существованія. Однако, эта переменна потребовала такого долгаго періода времени во всей области таянія льда, что воды Сѣвернаго и Балтійскаго морей успѣли скопиться въ самыхъ низкихъ мѣстахъ этой области, и эти моря приобрѣли свои очертанія, которыя съ тѣхъ поръ не потерпѣли никакихъ существенныхъ измѣненій. И дѣйствительно, между знаками сѣвернаго каменнаго вѣка тоже высказывается все больше голосовъ за то, что обитатели кухонныхъ кучъ не представляютъ собою древнѣйшаго человѣческаго населенія западнаго побережья Балтійскаго моря, что подъ этими кучами лежитъ повидимому еще одинъ слой съ остатками доисторическаго человѣка, и что этотъ слой, безъ сомнѣнія, былъ гораздо тѣснѣе связанъ съ геологическимъ развитіемъ сѣверно-европейскихъ областей, чѣмъ упомянутые нами люди, во всякомъ случаѣ, гораздо болѣе поздняго періода, которые оставили по себѣ кучи раковинъ.

Итакъ, можно утверждать съ полнымъ основаніемъ, что Балтійское море возникло на глазахъ человѣка. Это дѣйствуетъ весьма сильно на наше воображеніе и какъ будто придаетъ этому морю исключительное положеніе между всѣми другими морями. Однако, оно вовсе не составляетъ единичнаго исключенія: еще задолго до возникновенія Ламанша люди жили на волнистыхъ равнинахъ юго-восточной Англій; даже на берегахъ океановъ, существенныя очертанія которыхъ оказываются гораздо болѣе древними, человѣкъ былъ свидѣтелемъ такихъ измѣненій, которыя оказали глубокое вліяніе на возможность дальнѣйшаго распространенія человѣческаго рода. Балтійское море на первыхъ порахъ не оказало, безъ сомнѣнія, никакого вліянія на судьбы своихъ древнѣйшихъ жителей, такъ какъ человѣчество всегда и повсюду дѣлало первый шагъ на морь, который велъ къ послѣдствіямъ громадной важности, только весьма поздно, по достиженіи имъ сравнительно высокихъ культурныхъ стадій. Если мы, тѣмъ не менѣе, считаемъ необходимымъ бросить ретроспективный взглядъ на доисторическія времена, то это должно оправдываться спеціальными основаніями.

Историческое значеніе какого-нибудь моря выражается преимущественно въ томъ, что бросается наиболѣе рѣзко въ глаза наблюдателю, именно, въ антропологическихъ, этнографическихъ и политическихъ, хозяйственныхъ, духовныхъ и умственныхъ взаимоотношеніяхъ, вызываемыхъ, смягчаемыхъ этимъ моремъ, т. е. тѣмъ вліяніемъ, которое оно оказываетъ благодаря исключительно своему географическому положенію на земной поверхности между двумя смежными или, наоборотъ, отдаленными другъ отъ друга группами людей. Подобнаго воздѣйствія не лишены ни одинъ изъ нашихъ большихъ водосомовъ; даже морская область съ такимъ рѣдкимъ населеніемъ, какъ Сѣверное Полярное море, и совершенно безлюдное Южное Полярное море оказали гораздо болѣе сильное вліяніе на выработку всѣхъ политическихъ, территориальныхъ и экономическихъ международныхъ отношеній, чѣмъ нѣкоторыя водныя поверхности, отличающіяся гораздо болѣе выгоднымъ положеніемъ по отношенію къ Ойку-

менѣ (населенной части земной поверхности); ихъ вліяніе было, напримѣръ, гораздо болѣе широкимъ, чѣмъ вліяніе Балтійскаго моря, далеко не лишенаго исторической оригинальности; такимъ своимъ значеніемъ Сѣверное Полярное море обязано болѣе отдаленнымъ косвеннымъ послѣдствіямъ морскихъ экспедицій для отысканія сѣверо-западнаго и сѣверо-восточнаго морского пути въ Индію, снаряжавшихся въ теченіе цѣлыхъ сотенъ лѣтъ (т. I; стр. 584; т. VIII, стр. 706), а Южное полярное—послѣдствіямъ столь же упорныхъ розысковъ неизвѣстнаго южнаго материка (*Terra australis incognita*) (т. II, стр. 337). Исключительное значеніе Балтійскаго моря основывается на одной его особенностях, которая выходитъ далеко изъ рамокъ матеріальныхъ культурныхъ интересовъ и которая вовсе почти не была затронута популярной исторической литературой, частью вслѣдствіе того, что она лишена практическаго значенія, а частью потому, что ближайшее ознакомленіе съ нею стало достояніемъ науки только въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій: мы говоримъ о возможности прослѣдить на берегахъ Балтійскаго моря въ непрерывной послѣдовательности, начиная отъ сравнительно наиболѣе древнихъ эпохъ, образованіе рѣзко очерченной группы народовъ — на основаніи находокъ, относящихся къ доисторическому и древнѣйшему историческому періодамъ: въ этомъ отношеніи съ Балтійскимъ моремъ не можетъ сравниться никакая другая область на землѣ за исключеніемъ развѣ Нижней Месопотаміи и Египта. Такую особую группу народовъ составляютъ индогерманцы, индокельты или какъ бы мы не назвали эту великую этнографическую единицу, весьма не однородную по своимъ первобытнымъ расовымъ составнымъ частямъ, но уже рано слившуюся въ одно нераздѣльное цѣлое по языку и культурѣ. Когда современный историкъ, который всегда долженъ быть знакомъ также и съ доисторической древностью не хуже этнографа, прослѣживаетъ эту группу народовъ въ глубь прошлыхъ вѣковъ до тѣхъ отдаленныхъ періодовъ, которые принято называть доисторическими, то предъ его глазами вырисовывается величественное зданіе первобытной исторіи индогерманскихъ народовъ, фундаментъ котораго уже выведенъ въ настоящее время вполне прочно, хотя многія отдѣльныя части его еще нуждаются въ достройкѣ и исправленіи.

Нѣкоторые изъ нашихъ антропологовъ, языковѣдовъ и историковъ культуры увѣрены, что на берегахъ Балтійскаго моря можно найти тотъ первый очагъ, въ которомъ образовалась и откуда распространилась индогерманская группа народовъ; но они заходятъ слишкомъ далеко и кромѣ того совершенно уклоняются отъ задачъ историческаго народовѣдѣнія: пока мы не имѣемъ болѣе яснаго представленія о продолжительности и самомъ ходѣ образованія такой грандіозной совокупности народовъ, всякая попытка приурочить этотъ процессъ къ какому-нибудь определенному мѣсту будетъ безцѣльна. Однако, изъ громаднаго числа отдѣльныхъ наблюденій вытекаетъ непреложно болѣе или менѣе определенный выводъ, заключающійся въ томъ, что Балтійское море играло въ этомъ процессѣ важную роль, каковы бы ни были продолжительность, время и характеръ этого сліянія и объединенія человѣческихъ массъ въ одну расу съ однимъ языкомъ и одной культурой. Поскольку дѣло касается бронзоваго вѣка и послѣдующихъ за нимъ періодовъ, мы можемъ судить вполне ясно объ этой роли; этотъ отдѣлъ исторіи теперь уже ярко освѣщенъ наукой, несмотря на то, что даже здѣсь, на сѣверѣ, протекло почти четыре тысячи лѣтъ со времени его начала. Исслѣдованіе предшествовавшаго весьма долгаго неолитическаго періода еще не сдѣлало такихъ большихъ успѣховъ. Тѣмъ не менѣе мы видимъ, что, по крайней мѣрѣ, новѣйшіе отдѣлы этого періода отличаются замѣчательнымъ сходствомъ приобрѣтенныхъ въ это время человѣкомъ важнѣйшихъ домашнихъ животныхъ и полезныхъ растений, предметовъ потребленія, однимъ сло-

вомъ, всего матеріальнаго культурнаго достоянія во всѣхъ странахъ, прилегающихъ къ Балтійскому морю; изъ этихъ фактовъ вытекаетъ тотъ выводъ, что это море играло роль посредника даже въ тѣ отдаленныя времена; но о настоящемъ мореплаваніи въ томъ безусловно грандіозномъ смыслѣ, въ какомъ его рисуютъ передъ нами *hällristningar*, т. е. рисунки на скалахъ Бохуслена, относящіеся къ бронзовому вѣку, въ тѣ отдаленныя времена, само собой разумѣется, не могло быть и рѣчи; тутъ могли происходить только непосредственныя сношенія отъ поселенія къ поселенію, отъ острова къ острову. Въ настоящее время никто не осмѣлится уже отрицать важнаго вліянія на культурный прогрессъ такого первобытнаго косвеннаго способа распространенія техническихъ приемовъ и духовныхъ приобрѣтеній, съ тѣхъ поръ какъ современное народовѣдѣніе доказало на основаніи все больше накопляющагося съ каждымъ днемъ матеріала, что такой способъ распространенія составляетъ правило.

3. Положеніе и очертанія Балтійскаго моря.

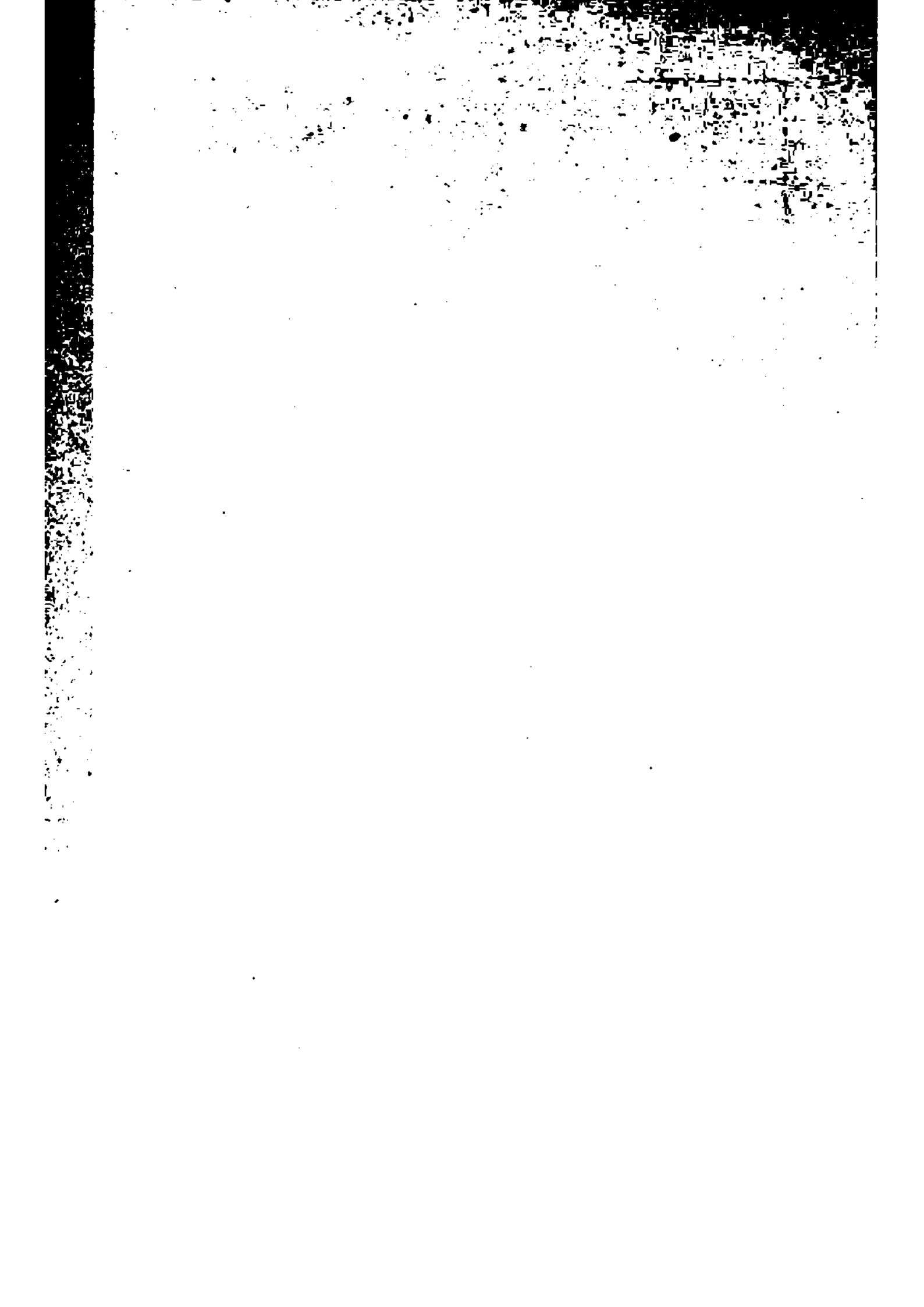
Уже въ теченіе этихъ самыхъ раннихъ періодовъ вліяніе Балтійскаго моря на судьбы жителей его побережья и сосѣднихъ съ нимъ странъ, своеобразность его географическаго положенія и его очертаній играютъ почти такую же важную роль, какъ и во всѣ позднѣйшія времена, несмотря на всѣ послѣдующія усовершенствованія въ средствахъ сношенія. Въ то же время уже по отношенію къ этимъ періодамъ бросается рѣзко въ глаза общность нѣкоторыхъ чертъ Балтійскаго моря съ Средиземнымъ, а также противоположность нѣкоторыхъ другихъ. Не говоря уже объ отличающей обѣ эти водныя поверхности отрѣзанности отъ открытаго океана, ихъ глубокомъ вгнѣдреніи въ безформенную массу материка Стараго Свѣта (сравни выше стр. 4), Европа обязана общему обѣимъ этимъ морямъ расчлененію своей превосходной изрѣзанностью и благоприятнымъ развитіемъ своей береговой линіи. Однако, между обоими этими морями существуетъ весьма важное различіе: въ то время, какъ Средиземное море уже рано могло служить антропологическимъ посредникомъ во взаимномъ сближеніи и сляніи различныхъ расъ, какъ оно сближало и связывало между собою культурныя сферы, совершенно расходящіяся между собою въ этнографическомъ и духовномъ отношеніяхъ, Балтійское море всегда могло только служить посредникомъ между такими жителями своихъ береговъ, которые различались между собою въ антропологическомъ отношеніи, самое большее, какъ подрасы или разновидности и, слѣдовательно, стояли близко другъ къ другу по своимъ духовнымъ дарованіямъ. Одна только чуждая имъ по происхожденію народность, финны, жившіе на берегахъ Финскаго и Ботническаго заливовъ, могла бы внести постороннее вліяніе въ эти близкія между собою культурныя сферы; но финны появились довольно поздно въ сферу дѣйствія Балтійскаго моря и притомъ же держались вдали отъ самаго моря въ теченіе болѣе продолжительнаго времени и болѣе безусловно, чѣмъ какая бы то ни была отрасль индогерманской семьи народовъ. Если оставить въ сторонѣ разбойническіе морскіе набѣги эстовъ и ливовъ, которые приходятся на позднѣйшія столѣтія и были быстро отражены нѣмцами и датчанами, то мы едва ли можемъ указать на какое бы то ни было морское движеніе среди этой группы народовъ, по всему своему характеру привязанной по преимуществу къ материку.

Такимъ образомъ, Балтійское море имѣетъ во всѣхъ отношеніяхъ видъ выдвинутаго къ сѣверу, меньшаго по размѣру и болѣе блѣднаго по своей окраскѣ двойника Средиземнаго моря, окрашеннаго въ гораздо болѣе яркіе историческіе тона. Однако, это сходство прекращается, какъ только мы направимъ свой взглядъ на экономическія условія прибрежныхъ областей

того и другого моря и на значеніе обонхъ морей въ дѣлѣ выравниванія этихъ условій. Географическое положеніе Средиземнаго моря характеризуется направлениемъ его главной оси вдоль параллельнаго круга (смотри карту „Страны, прилежащія къ Средиземному морю“, стр. 42 IV тома). Въ сравненіи съ этой главной осью всѣ остальные настолько коротки, что разстояніе между сѣвернымъ и южнымъ краями этого моря вездѣ равняется всего только нѣсколькимъ градусамъ широты. Вслѣдствіе этого климатическія, а стало быть также и производственныя, условія всей области Средиземнаго моря почти вездѣ одинаковы; различія касаются скорѣе количества производимыхъ продуктовъ, но не самаго рода ихъ. Эта однородность оказала гораздо болѣе сильное вліяніе на экономическо-историческую роль Средиземнаго моря, чѣмъ это обыкновенно принимается: на берегахъ его и на самомъ морѣ никогда не добывалось особенно много только ему одному свойственныхъ мѣстныхъ продуктовъ; значеніе его состоитъ скорѣе въ томъ, что оно привлекало къ себѣ продукты другихъ, отчасти весьма далекихъ странъ и распредѣляло ихъ по всей своей поверхности и по всѣмъ окружающимъ его берегамъ. Къ первой изъ этихъ задачъ оно было призвано благодаря тому, что оно являлось носителемъ всей древней и средневѣковой западной культуры, ко второй оно было приспособлено благодаря безопасности и легкости плаванія въ его водахъ. Этимъ послѣднимъ свойствомъ по преимуществу объясняется также та единственная въ своемъ родѣ однородность матеріальнаго и духовнаго культурнаго достоянія, всю совокупность котораго мы вполне основательно обозначаемъ терминомъ „Средиземно морская культура“.

По отношенію къ Балтійскому морю многое, хотя и не все, обстоитъ иначе (ср. прилож. карту: „Прибалтійскія области“). Одна изъ его двухъ осей, перекрещивающихся между собою подъ прямымъ угломъ, тоже направлена съ запада на востокъ, но это болѣе короткая перекладина креста: къ тому же, несмотря на незначительность отдѣляющаго ихъ другъ отъ друга разстоянія, на его восточномъ берегу господствуютъ уже существенно другія географическія (климатическія) условія обмена и производства, чѣмъ на западномъ. Западный берегъ отличается богатымъ расчленениемъ и океаническимъ климатомъ и налаживаетъ на сношенія съ Западной Европой; напротивъ того, восточный берегъ обнаруживаетъ уже континентальную массивность востока и сѣвера Европы. Болѣе длинная сѣверная вѣтвь Балтійскаго моря видѣруется на всемъ своемъ протяженіи въ эту материковую массу. Начиная отъ песчаной косы, замыкающей лиманъ Нѣмана (Kurisches Nehung) недалеко къ югу отъ 55° сѣверной широты, она тянется по прямой линіи съ юга на сѣверъ почти вплоть до полярнаго круга. Немного болѣе 11 градусовъ широты вдоль земнаго меридіана,—такое разстояніе не обуславливаетъ существеннаго различія въ природныхъ богатствахъ тропическихъ областей; въ подтропическихъ широтахъ такая разница тоже не имѣетъ особеннаго значенія; напротивъ того, въ приполярныхъ областяхъ такое разстояніе значитъ весьма много. Въ виду особенностей природнаго характера финновъ, многіе склонны взыскать по преимуществу на нихъ вину въ томъ, что Ботническій заливъ не имѣлъ своей исторіи. Однако, не подлежитъ сомнѣнію, что и болѣе предприимчивые народы едва ли использовали бы съ замѣтно лучшимъ успѣхомъ эту негостепримную часть Балтійскаго моря. Наилучшее подтвержденіе этому даетъ шведское населеніе западнаго берега Ботническаго залива.

Такимъ образомъ географическое расположеніе сѣверной трети Балтійскаго моря заранѣе лишило ее всякаго значенія въ исторіи человечества; зато пространственное расположеніе остальной части этого моря было использовано съ тѣмъ болѣе громадными результатами. Съ чисто вѣшной стороны положеніе южной части Балтійскаго моря почти не имѣетъ ничего общаго съ географическимъ положеніемъ Средиземнаго моря;

ПРИБАЛТИЧКІЯ ОБЛАСТІ

Масштабъ 1:500,000

- Владѣнія Тавтическаго ордена
съ границами, установленными в 1792 году
- Русскія владѣнія
съ границами, установленными в 1804 году
- Владѣнія Шверина
съ границами, установленными в 1804 году
- Владѣнія Плевина
съ границами, установленными в 1804 году
- Владѣнія Бранденбурга
съ границами, установленными в 1804 году

однако, если мы положимъ въ основаніе такого сравненія обмѣнъ вещественными и культурными благами, единственный, который выступаетъ на сцену до развитія заморской политической дѣятельности народовъ, то обнаружится опять сходство между обоими названными морями. Средиземное море во все времена играло роль большого собирательнаго бассейна; съ востока шель сильный притокъ въ этотъ бассейнъ, по оттокъ въ эту сторону былъ гораздо слабѣе. Жадные взоры всего древняго и средневѣковаго міра, направленные на востокъ, могутъ служить яркимъ отличительнымъ признакомъ этихъ взаимныхъ отношеній между востокомъ и западомъ. Область Средиземнаго моря мало могла дать востоку, по тѣмъ сильнѣе она стремилась къ позаймствованіямъ оттуда. По направленію къ западу и къ сѣверу дѣйствовали какъ разъ обратныя взаимныя отношенія. Съ этой стороны не господствовали такіе народы, которые обладали бы культурой во многихъ направленіяхъ болѣе высокой, чѣмъ туземная культура Средиземно-морской области, на подобіе Месопотаміи, Индіи и Китая: съ этой стороны жили только бѣдные народцы, на которые жители береговъ Средиземнаго моря смотрѣли свысока на томъ основаніи, что они рѣзко уклонялись отъ культурнаго идеала обоихъ названныхъ историческихъ періодовъ. Среднюю и Сѣв. Европу, тѣмъ не менѣе, удостаивали немаловажными торговыми сношеніями, но это дѣлалось исключительно по расчету: за неважные и малоцѣнные въ культурныхъ центрахъ массовые продукты она давала въ обмѣнъ тѣ произведенія своего роднаго сѣвера, которые были необходимы для удовлетворенія изысканныхъ потребностей солнечнаго юга: олово и янтарь. Такимъ образомъ, общая картина возстаивается въ слѣдующемъ видѣ: сильный притокъ дорогихъ товаровъ, въ которыхъ нуждалась утонченная культура, какъ-то: шелка, пряностей, лѣкарственныхъ веществъ черезъ Красное море, Персидскій заливъ и юго-восточныя Сирійскія ворота; болѣе слабый, но все же довольно замѣтный оттокъ собственныхъ фабрикатовъ на сѣверъ; наконецъ, громадное потребленіе культурныхъ благъ въ самомъ собирательномъ бассейнѣ Средиземнаго моря.

Балтійское море никогда не обладало въ высокой степени характеромъ собирательнаго бассейна; напротивъ того, оно было скорѣе всегда, вплоть до настоящаго времени, проходнымъ путемъ. Во всемъ прочемъ его свойства вполне сходны со свойствами Средиземнаго моря съ тѣмъ только отличіемъ, что оси, по направленію которыхъ производится ввозъ и вывозъ, повернуты въ Балтійскомъ морѣ на 90°. Роль входнаго канала играетъ здѣсь Нѣмецкое море и перешеекъ между Гамбургомъ и Любекомъ, а иногда также система трехъ линій, ведущихъ къ Скагерраку; съ этой стороны прибывали къ южной части Балтійскаго моря, единственною, о которой можетъ быть рѣчь, какъ о самостоятельномъ культурномъ очагѣ, самыя цѣнныя культурныя блага съ очень давнихъ временъ, начиная отъ неолитической эпохи, въ теченіе которой культура, основанная на почитаніи мертвыхъ, проложила себѣ путь съ юга, отъ побережья Средиземнаго моря, къ далекимъ равнинамъ западнаго берега Балтійскаго моря, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ долмены и каменные гробницы: такой же характеръ продолжали носить сношенія между Западною Европою и Балтійскимъ моремъ также во времена Ганзы и вплоть до нашего времени: побережье Балтійскаго моря получало и получало и понынѣ гораздо больше продуктовъ промышленности, чѣмъ оно возвращаетъ обратно сырыхъ продуктовъ. Областью окончательнаго сбыта этихъ продуктовъ промышленности является весь сѣверо-востокъ Европы. Такое значеніе его стало замѣтно только въ теченіе позднѣйшихъ историческихъ вѣковъ, но оно приняло сразу такіе размѣры, которые вліяютъ на коммерческую и экономическую исторію всей Средней и Западной Европы. Такое значеніе обезпечили за сѣверо-востокомъ Европы не олово и янтарь, а неизмѣримые лѣса съ превосход-

нымъ кораблестроительнымъ матеріаломъ и тѣ большія количества зернового хлѣба, которые и тогда уже были необходимы для прокормленія западно-европейскихъ и въ особенности фландрскихъ промышленныхъ округовъ. Оба эти массовые товара являются еще и понынь главными предметами вывоза этихъ областей.

4. Древнѣйшая исторія Прибалтійскихъ областей.

Позднее вступленіе сѣверо-восточной части Балтійскаго моря въ сферу международнаго обмѣна объясняется медленностью культурнаго прогресса всей сѣверной Европы вообще. Какъ онъ ни противорѣчитъ нашимъ понятіямъ о древности нашей прославленной цивилизаціи, и какъ онъ ни оскорбляетъ нашей гордости, — безспорнымъ остается тотъ фактъ, что въ продолженіи многихъ тысячелѣтій жители нашей обширной родины оставались типическими первобытными народами въ смыслѣ Ратцеля: они находились въ болѣе сильной зависимости отъ естественныхъ условій, чѣмъ какой бы то ни было культурный народъ, какъ бы слабо ни коснулась его культура. Отсюда слѣдуетъ, что къ изслѣдованію роли Балтійскаго моря въ жизни обитателей его береговъ въ теченіе этого долгаго періода времени можетъ быть приложенъ только тотъ масштабъ, который, вообще, приложимъ къ значенію моря въ жизни первобытнаго человѣчества. Эта роль поразительно мала; для большинства несамостоятельныхъ членовъ человѣческаго рода она равна нулю, для другихъ она не выходитъ изъ рамокъ берегового хозяйства, служащаго исключительно для цѣлей пропитанія и стремящагося къ той же цѣли берегового плаванія; только для крайне немногихъ группъ населенія, живущихъ на счастливо расположенныхъ островахъ или на сильно изрѣзанныхъ морскихъ берегахъ, каковы малайя-поллинезійцы, первобытныя племена сѣверо-западной Америки и эскимосы, море является настоящимъ полемъ для свободныхъ движеній и для дѣятельности. Ранѣе конца перваго тысячелѣтія послѣ Р. Х. Балтійское море приобрѣло подобное значеніе только на самой западной своей окраинѣ, прилегающей ближе всего къ прогрессивной западной части Европы; до этого времени, а въ гораздо большей восточной части Балтійскаго моря и послѣ этого времени, значеніе его колеблется въ большей или меньшей степени, но оно никогда не становилось дѣйствительнымъ факторомъ въ жизни своихъ обитателей. Исторію этихъ послѣднихъ мы можемъ прослѣдить непрерывно вплоть до жителей кухонныхъ кучъ, относящихся къ ранней неолитической эпохѣ, какъ было уже указано выше. Преимущественный интересъ имѣлъ для нихъ морской берегъ, а самая поверхность Балтійскаго моря едва ли занимала ихъ; во всякомъ случаѣ, не найдено никакихъ доказательствъ хотя бы самаго первобытнаго мореплаванія, относящихся къ этой древнѣйшей эпохѣ.

Совершенно иное можно сказать о позднѣйшихъ отдѣлахъ этого долгаго періода и, главнымъ образомъ, о бронзовомъ вѣкѣ. Распространеніе грандіозныхъ мегалитическихъ сооружений въ теченіе этого послѣдняго періода доказываетъ, что должны были существовать морскія сношенія вокругъ всего западнаго берега Европы вплоть до самаго Средиземнаго моря. Объ этомъ свидѣлствуютъ Hällristningar, т. е. рисунки на скалахъ южныхъ шведскихъ и норвежскихъ пограничныхъ областей: тутъ мы видимъ многочисленныя изображенія военныхъ судовъ, наполненныхъ людьми, морскихъ сраженій и другихъ воинственныхъ предпріятій; мы убѣждаемся, что древніе скандинавы уже передвигались по морю такъ же свободно, какъ и позднѣйшіе викинги, предшественниками которыхъ они являлись даже въ способѣ сооруженія судовъ, что весьма замѣчательно и что тоже доказывается указанными рисунками. Очевидно, что древніе

скандинавы тѣсно сроднились съ моремъ, и поэтому не приходится удивляться однородности всей культуры вѣка металловъ по всему побережью южной и средней части Балтійскаго моря. Мореплаваніе было наилучшимъ средствомъ для сглаживанія противорѣчій и различій въ собственной культурѣ отдѣльныхъ областей этихъ береговъ и для быстрого и равномернаго распредѣленія по всему побережью благъ матеріальныхъ и духовныхъ, прибывавшихъ въ массѣ съ юга и Средиземнаго моря.

Тѣсная связь между сѣверомъ Европы и ея южной, Средиземно-морскою областью составляетъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ фактовъ ранней исторіи нашей части свѣта; разъясненіе его является однимъ изъ величайшихъ славныхъ подвиговъ повѣйшей сѣверной археологін. Эта связь поддерживалась посредствомъ самыхъ разнообразныхъ соединительныхъ путей, идущихъ отъ Адриатическаго моря внизъ по Эльбѣ и Одеру, по Дунаю и Черному морю и далѣе черезъ Россію,—все эти пути сходятся въ видѣ лучей къ южному берегу Балтійскаго моря. Тутъ ни въ коемъ случаѣ нельзя видѣть случайнаго совпаденія; безспорно слѣдуетъ признать, что дѣйствительная причина этого факта кроется въ силѣ прогрессивнаго культурнаго воздѣйствія самаго Балтійскаго моря. Эта сила сама по себѣ была недостаточна для созданія своей собственной замкнутой сферы вродѣ той, которая является такимъ рѣзкимъ отличительнымъ признакомъ Средиземнаго моря. Балтійское море съ своимъ почти полярнымъ географическимъ положеніемъ, со своими незначительными размѣрами и своимъ рѣдкимъ населеніемъ было лишено всѣхъ необходимыхъ для этого предварительныхъ условій; но какъ только установились сношенія съ болѣе прогрессивной южной сферой, то высокоодаренная сѣверная раса не только обнужила богатыя способности къ усвоенію чужого культурнаго достоянія, но и обогатила его новыми, нерѣдко, болѣе прекрасными и благородными формами. Такимъ образомъ обнаруживается всемірно-историческая связь между Средиземнымъ и Балтійскимъ морями. Культурный потокъ течетъ съ юга, въ свою очередь находящагося подъ вліяніемъ востока, на сѣверъ, а здѣсь Балтійское море, не обладающее, правда, самостоятельной творческой ролью, принимаетъ на себя трудъ распространенія и интеллигентизаціи культуры.

5. Балтійское море въ свѣтѣ исторіи.

А. Эпоха викинговъ.

Связная исторія Балтійскаго моря начинается въ такую эпоху, когда обмѣнъ товаровъ производился чаще непосредственнымъ путемъ, чѣмъ посредствомъ мирныхъ торговыхъ сношеній. Въ сумеречномъ освѣщеніи этихъ вѣковъ предъ нами не выступаетъ ни одного героя, который имѣлъ бы политическое значеніе—мы замѣчаемъ только представителей большихъ группъ мореплавателей, честолюбіе которыхъ направлено на смѣлыя морскія экспедиціи въ маленькихъ суденышкахъ и на разбойничьи набѣги на чужіе берега. Мало-по-малу набѣги пиратовъ превращаются въ болѣе планомѣрные предпріятія для основанія колоній и завоеванія новыхъ территорій.

Викинги — этимъ именемъ назывались сначала норвежцы, а затѣмъ, вообще, военные отряды, состоявшіе изъ жителей сѣвера — основали въ IX столѣтіи государство съ славянскимъ населеніемъ въ Россіи, а въ X подчинили себѣ часть Франціи; послѣ того они проникли въ Средиземное море и основали колонію въ Италіи. Такое отдаленное вліяніе оказалось слишкомъ грандіознымъ для Балтійскаго побережья. Отчасти культура завоеванныхъ странъ оказалась съ теченіемъ времени болѣе сильной, чѣмъ преданія пришедшихъ издалека завоевателей, отчасти колоніи эти были лишены поддержки, заключающейся въ дальнѣйшемъ притока переселен-

цевъ. Норманны превратились въ русскихъ, французовъ, итальянцевъ. Нѣкоторый слѣдъ періода возникновенія этихъ колоній сохраняется въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени послѣ исчезновенія національности завоевателей въ правовой жизни новыхъ государствъ: затѣмъ стирается и этотъ слѣдъ. Только въ одномъ единственномъ пунктѣ, не имѣвшемъ почти никакого значенія въ исторіи культуры, на островахъ, расположенныхъ у западнаго берега Эстляндіи, сохранился изъ эпохи викинговъ маленькій народецъ шведскаго происхожденія—эѣбо, языкъ котораго стоитъ ближе къ древне-норманскому, исландскому, чѣмъ современный шведскій; этотъ народецъ сохранялъ въ теченіе многихъ вѣковъ свои нравы и обычаи посреди чуждаго ему эстонскаго народа. Только въ наши дни обнаруживается отступленіе этого народнаго осколка германскаго происхожденія предъ натискомъ финскаго племени.

Викинги выходили изъ всѣхъ частей Скандинавіи, не исключая прилегающихъ острововъ и Ютландіи. Русь, основавшая Новгородское государство, была родомъ изъ Свеоланда, другіе викинги вышли изъ Норвегіи и Даніи, но всѣ они были язычниками и врагами южно-европейскаго культурнаго міра. Они предпринимали походы съ Волхова и Двины къ Днѣпру, спускались по этой рѣкѣ черезъ Черное море и вѣзали съ византийцевъ дань золотомъ и товарами. Они спускали свои челны на Волгу и нагоняли страхъ на все побережье этой рѣки вплоть до Каспійскаго моря. Рядомъ съ этимъ происходили мирныя торговыя сношенія между Центральной Азіей и Германіей черезъ Кіевъ; даже въ Англіи попадаются слѣды такой торговли, находившейся по преимуществу въ рукахъ арабовъ: куфическія монеты обращались тогда на всемъ пространствѣ отъ Чернаго и Каспійскаго морей до береговъ Балтійскаго моря и даже до внутреннихъ частей Англіи. Внутреннія смуты, происходившія въ Россіи, именно, междоусобныя войны между русскими князьями, а также непрерывная борьба между славянскими и финскими народными группами положили конецъ этому торговому обмѣну. Съ одной стороны отъ Балтійскаго моря расходилось лучами нѣсколько дорогъ на югъ, по которымъ вывозился янтарь, а съ другой стороны къ нему сходились другія дороги, по которымъ привозились съ востока драгоценности. Велѣдъ затѣмъ выступила на сцену ближайшая задача этого моря, установленіе связи между различными частями его собственнаго побережья. Въ XI столѣтіи датчане впервые поставили себѣ цѣлью подчинить своему политическому господству все побережье Балтійскаго моря (*Dominium maris Baltici*) и отказались отъ своихъ разбойничьихъ набѣговъ, наводившихъ ужасъ на все населеніе.

Геррихъ I почти инстинктивно помѣшалъ Горму Старшему въ исполненіи подобнаго намѣренія, и Шлезвигская марка была избавлена отъ власти датчанъ (934 г.). Казалось, однако, что Кнудъ Великій (1014—1035 г.) былъ на пути къ обезпеченію за своимъ народомъ гегемоніи надъ Балтійскимъ моремъ. Онъ соединилъ подъ своею властью не только Англію и часть Шотландіи, но также и Норвегію съ Даніей, приобрѣлъ, благодаря союзу съ императоромъ Конрадомъ II, Шлезвигскую марку, оторвалъ померанцевъ отъ союза съ Польшею и простеръ свои завоеванія до Самланда. Онъ рѣшилъ увѣковѣчить всѣ эти свои великіе успѣхи обращеніемъ своихъ народовъ въ христіанство.

Б. Зарожденіе германской народности на берегахъ Балтійскаго моря.

Если-бы римская императорская корона осталась въ рукахъ франковъ и южныхъ германцевъ, то это господство датчанъ могло бы удержаться въ теченіе долгаго времени.

Счастьемъ для будущности Германіи было то обстоятельство, что въ 1125 году владѣтельными князьями были избраны въ корони саксонцы

Лотарь Суплинбургскій. Императоръ Лотарь и вслѣдъ за нимъ великій герцогъ Генрихъ Левъ поняли громадную опасность, скрывавшуюся въ распространеніи господства датчанъ, и приступили къ отраженію ея съ исполнѣннымъ сознаніемъ того политическаго значенія, которое имѣлъ для германскихъ народовъ доступъ къ Балтійскому морю. Они вступили въ борьбу со своими сѣверными сосѣдями. Для того, чтобы одержать надъ ними верхъ, необходимо было прорвать тотъ валъ славянскихъ народностей, который выросъ на южномъ берегу Балтійскаго моря со времени переселенія народовъ и оттѣснилъ отъ этого моря германцевъ. О Ломсбургѣ, Винетѣ и великихъ вендскихъ торговыхъ городахъ распространяются только саги, исторія вынуждена ограничиться постановленіемъ того факта, что въ XI и XII столѣтіяхъ мореходство славянъ на Балтійскомъ морѣ играло выдающуюся роль.

Несмотря на то, что датскій герцогъ южнаго Галланда Кнудъ Лавардъ получилъ изъ рукъ Лотаря, бывшаго еще въ то время герцогомъ Саксонскимъ, королевскую власть надъ Вагріей (Восточнымъ Гольштейномъ), Полабскою и Оботритскою землями (Мекленбургомъ), все же при его посредствѣ германская народность впервые утвердилась на южныхъ берегахъ Балтійскаго моря: по крайней мѣрѣ, изъ постановленія Лотаря о судѣ и поддержаніи мира между датчанами и готландцами можно сдѣлать тотъ выводъ, что существовали торговыя сношенія между саксонцами и отдаленнымъ Готландомъ; все же Балтійское море бороздили, главнымъ образомъ, суда вендовъ, скандинавовъ, русскихъ, да еще лодки пиратовъ, эстонцевъ и жителей острова Эзеля.

Только послѣ смерти Лаварда и Лотаря (въ 1137 г.), когда графъ Адольфъ II Шаумбургскій основалъ нѣмецкій городъ Любекъ на мѣстѣ слиянія рѣкъ Вакеница и Травы (1143 г.), для нѣмецкихъ торговцевъ открылся пунктъ для доступа къ Балтійскому морю. Сначала Генрихъ Левъ отнесся враждебно къ этому новому городу, такъ какъ онъ опасался, что эта гавань грозитъ торговлѣ Бардовика, но затѣмъ оба этихъ германскихъ владѣтельныхъ князя пришли между собою къ соглашенію, и Любекъ, стоявшій и тогда уже на нынѣшнемъ своемъ мѣстѣ, сталъ процвѣтать, какъ первый германскій городъ на Балтійскомъ побережьи (1158 г.). 5 лѣтъ спустя (въ 1163 г.) Генрихъ Левъ положилъ прочное основаніе германской торговлѣ на Балтійскомъ морѣ; онъ обѣщаетъ нѣмцамъ, поселившимся на Готландѣ, а также природнымъ жителямъ этого острова, русскимъ, норманнамъ и другимъ восточнымъ народамъ свободный доступъ въ Любекъ безъ уплаты таможенныхъ пошлинъ и ганзы (торговыхъ пошлинъ); эти льготы распространялись на всю Саксонію. Черезъ 2 года, въ 1165 г., Медебахъ уже торговалъ съ русскими. Вскорѣ послѣ этого любекскіе купцы добились привилегій на востокъ и на западъ въ Данію, а послѣ того, какъ они добились своихъ вольностей (1226 г.), также и во владѣніяхъ англійскаго короля. Такимъ образомъ былъ сдѣланъ первый шагъ къ господству Любека на морѣ.

До Любека центромъ торговли на Балтійскомъ морѣ былъ гор. Висби на Готландѣ. Въ старинномъ уложеніи этого города говорилось: „Знай, что когда на о. Готландъ собрались люди съ разныхъ сторонъ, то они поклялись соблюдать миръ. Всякій, кто бы ни вышелъ на берегъ, пользуется этимъ утвержденнымъ клятвой миромъ“. Вскорѣ послѣ этого въ г. Висби образовалась нѣмецкая община на ряду съ готландскою. Въ самомъ началѣ второй половины XII столѣтія нѣмцы обратились также и въ Россію и стали играть роль въ славянскомъ Новгородѣ на ряду съ готами. Въ неходѣ этого столѣтія въ этомъ городѣ на рѣкѣ Волховѣ существовалъ, повидимому, нѣмецкій гостинный дворъ. Кромѣ Новгорода состояли издревле въ торговыхъ сношеніяхъ съ Готландомъ и тамошними нѣмецкими купцами при посредствѣ водяного пути по рѣкѣ Двинѣ го-

рода Полоцкъ и Смоленскъ. Нѣмцами изъ г. Висби былъ основанъ въ 1201 году г. Рига, второй нѣмецкiй городъ на Балтiйскомъ морѣ, а изъ Любека, первой германской гавани на Балтiйскомъ морѣ, отправились черезъ Готландъ въ Ригу для основанiя здѣсь нѣмецкой городской общины на основѣ „нѣмецкаго права г. Висби“ бюргеры Вестфальскихъ городовъ Зооста, Мюнстера, Дортмунда. Связь между Любекомъ, Висби и Ригой была главнымъ звеномъ въ той цѣпи, остальные звенья которой, вендскiе и прусскiе города, были созданы только впоследствии.

Передъ этимъ успѣшнымъ натискомъ нѣмцевъ датчане вынуждены были отступить. Даже паденiе Генриха Льва и послѣдовавшее за нимъ возвышенiе датчанъ при Вальдемарѣ I и Кнудѣ II, добившимся верховной власти надъ остзейскими вендами, не оказали продолжительнаго влiянiя. На первыхъ порахъ казалось, что Вальдемаръ II (1202—1241 г.) расширитъ завоеванiя датчанъ и упрочитъ ихъ навсегда. Весь берегъ Балтiйскаго моря, тянувшiйся длинной дугой на юго-западъ отъ Готланда до Померанiи, находился подъ властью датчанъ. Отсюда Вальдемаръ II предпринялъ экспедицію на о. Эзель, расположенный у входа въ Рижскiй заливъ (1206 г.); однако, ему не удалось ни завоеванiе этого острова, ни обращенiе его жителей въ христіанство. Онъ отправилъ двухъ епископовъ въ Ригу на развѣдки о положенiи дѣлъ въ этомъ городѣ: ему очень хотѣлось вырвать этотъ городъ изъ рукъ нѣмцевъ. Въ 1210 г. онъ явился въ Померелленъ; Герцогъ Мествинъ изъявилъ ему покорность. Онъ простиралъ свои виды также на Самландъ. 10 лѣтъ спустя, въ 1217 г., графъ Альбертъ Гольштинскiй, вассалъ Вальдемара II, предпринялъ походъ для основанiя колонiй въ Лифляндiю; онъ собирался было напасть на о. Эзель, но ему помѣшала оттепель. Въ 1219 г. король прибылъ лично, осадилъ крѣпость эстовъ Линданиссу, разрушилъ ее и основалъ на ея мѣстѣ крѣпость Ревель. Въ слѣдующемъ 1220 г. Вальдемаръ еще разъ переправился на корабляхъ въ Ревель. На этотъ разъ онъ устремилъ свой взоръ на расположенную дальше къ югу Лифляндiю, которая была завоевана и обращена въ христіанство нѣмцами. Въ то же время онъ заперъ входъ въ Любекскую гавань для того, чтобы воспрепятствовать притоку переселенцевъ въ нѣмецкую колонiю. 1222 годъ былъ кульминаціоннымъ пунктомъ датскаго господства на востокъ. Большая часть Эстляндiи была подчинена Данеброгу. Но 7 мая 1223 г. разрушило все это гордое зданiе. Король Вальдемаръ II былъ взятъ въ плѣнъ въ Фюнепъ своимъ вассаломъ графомъ Шверинскимъ Генрихомъ; графъ Гольштинскiй Альбертъ тоже попалъ въ плѣнъ. Любекская гавань была освобождена; влiянiе успѣховъ нѣмецкаго оружія почувствовалось на всѣхъ берегахъ Балтiйскаго моря.

Освободившись изъ плѣна, Вальдемаръ попыталъ еще разъ счастья на войнѣ; но послѣ пораженiя датчанъ при Норгеведѣ (22 iюля 1227 г.; смотр. раскраш. таблицу, прилож. ниже) господство надъ Балтiйскимъ моремъ было навсегда вырвано изъ рукъ датчанъ. Вальдемаръ отказался отъ сѣверной Альбингiи и южнаго побережья Балтiйскаго моря, и только посредничеству папы была обязана Данія, потерявшая значительную часть своихъ владѣнiй, тѣмъ, что ей была возвращена уже завоеванная нѣмцами сѣверная Эстляндiя (1236 г.).

В. Ганза.

Теперь стало расти число переселившихся въ вендскiя области нѣмцевъ; частью славянскiе города въ Мекленбургѣ и Померанiи были надѣлены нѣмецкимъ городскимъ правомъ, частью были основаны повсюду чисто нѣмецкiя общины. Въ отдаленную Пруссию переселился тевтонскiй орденъ; вмѣстѣ со священнослужителями и монахами къ концу XIII столѣтiя здѣсь уже успѣли приобрести осѣдность и нѣмецкiе бюргеры. Въ 1308 году древнiй славянскiй городъ Данцигъ перешелъ во власть тев-

тонскаго ордена: Балтійское море оказалось окруженнымъ по всему южному и восточному своимъ берегамъ сплошной цѣпью нѣмецкихъ городовъ отъ Любека до Кенигсберга, Мемеля и оттуда до Риги, Ревеля и Нарвы. Самымъ большимъ и важнымъ изъ всѣхъ этихъ городовъ былъ городъ Висби на о. Готландѣ. Этотъ городъ былъ операціонной базой для морскихъ рейсовъ въ Новгородъ; его нѣмецкая община была высшей инстанціей для нѣмецкаго подворья (Petershof) въ Новгородѣ до тѣхъ поръ, пока новый городъ Любекъ не вытѣснилъ стариннаго города Висби. Любекское право объединило всѣ прибалтійскіе города въ одинъ союзъ. Любекъ сдѣлалъ еще одинъ шагъ впередъ благодаря основанію Ростокскаго союза для поддержанія мира въ 1283 году (т. VII, стр. 29). Этотъ союзъ обозначалъ собой господство Любека, по крайней мѣрѣ, надъ южнымъ побережьемъ Балтійскаго моря и въ то же время рѣшимость городовъ стремиться къ торговой монополіи на Балтійскомъ морѣ, пренебрегая прилегающими къ нему внутренними областями. Голландцы и фризы были отбѣснены отъ торговли на Балтійскомъ морѣ, а готландскіе купцы отъ торговли на Нѣмецкомъ морѣ; право мореплаванія по обоимъ этимъ морямъ, а въ особенности шоненская торговля, досталось на долю вновь основанной Ганзы, т. е. городовъ южнаго берега Балтійскаго моря съ Любекомъ во главѣ. Наконецъ, въ 1293 году Любекъ былъ признанъ также въ новгородскомъ нѣмецкомъ подворьи высшей инстанціей, и въ то же время былъ возобновленъ союзъ между нимъ и остальными городами. Внутренніе неприморскіе города за исключеніемъ ниже-саксонскихъ не были приняты въ союзъ, несмотря на то, что бранденбургскіе маркграфы (1283 и 1316 гг.) пытались прорваться къ морскому берегу. Бранденбуржцы, стѣсненные территоріальной властью своихъ владѣтельныхъ князей, не играли никакой важной роли въ ганзейскомъ союзѣ также и впоследствии. Ядромъ всего союза остается вендская группа городовъ, а вольный городъ Любекъ занимаетъ въ немъ господствующее положеніе.

Отодвинуть въ тѣнь датское государство, все еще причинившее нѣмецкимъ городамъ немало хлопотъ, вотъ какова была непрерывная цѣль Любека. Господствуя надъ Зундомъ и обоими Бельтами, датчане все еще могли производить давленіе на торговля сношенія между Балтійскимъ и Нѣмецкимъ морями. Любекъ пытался ослабить это привилегированное положеніе датчанъ посредствомъ канала, соединяющаго Нѣмецкое море съ Балтійскимъ; но Штекницкій каналъ, къ устройству котораго было приступлено въ первую половину XIV столѣтія, былъ законченъ только около 1400 года и не приобрѣлъ большого значенія вследствие того, что система шлюзовъ сильно затрудняла и удорожала перевозку товаровъ, (онъ закрытъ 1 сентября 1896 года; срав. ниже, стр. 21).

Въ срединѣ XIV столѣтія предстала во второй разъ борьба между нѣмцами и датчанами за господство на Балтійскомъ морѣ, и, собственно говоря, только во время этого столкновенія связь между вендскими городами окрепла и превратилась въ великій союзъ Ганзы. При королѣ Эрнхѣ Менведѣ (1285—1314 гг.) господство датчанъ распространилось опять до южнаго берега Балтійскаго моря; но черезъ короткое время они были снова вытѣснены нѣмецкими владѣтельными князьями (срав. томъ VII, стр. 33). Со вступленіемъ на престолъ Дании Вальдемара Аттердага (въ 1340 году) звѣзда Дании вновь возопла надъ горизонтомъ. Потерянные части датскихъ владѣній были вновь возвращены за исключеніемъ Эстляндіи, хозяевами которой оставались фактически главнымъ образомъ нѣмецкіе рыцари и бюргеры. Въ 1336 году Вальдемаръ продалъ эту область тевтонскому ордену. Важнѣйшія владѣнія Дании объединились между собой, и государство вернуло себѣ такое же могущество и стало опять такимъ же грознымъ врагомъ для нѣмцевъ, какъ нѣкогда во времена Горма Старшаго. Для того, чтобы упрочить за собой свои владѣнія, Вальде-

марь вырвалъ изъ цѣпи ганзейскихъ городовъ самое драгоцѣнное звено; Висби, все еще представлявшій собою главное складочное мѣсто для товаровъ изъ Новгорода и втеченіе долгаго времени соперничавшій съ Любекомъ, былъ внезапно захваченъ датскимъ королемъ въ 1361 году, а незадолго предъ тѣмъ датчане завладѣли обратно Шоненомъ и ганзейскими городами Фиттеномъ, Галландомъ и Блекниге. Это событіе послужило толчкомъ къ болѣе тѣсному объединенію Ганзы; знаменитая Кельнская конфедерація 1367 года сплотила приморскіе города на всемъ притяженіи отъ Фландріи до Эстляндіи въ одинъ великій наступательный союзъ, къ которому примкнули враги Даніи изъ среды владѣтельныхъ князей, и гордый Вальдемаръ не устоялъ противъ многократнаго натиска нѣмцевъ; онъ покинулъ свое государство на произволъ судьбы и предоставилъ датскому рейхсрату (государственному совѣту) вступить въ мирные переговоры. Въ 1370 году ганзейскіе города заключили съ Даніей въ Штральзундѣ мирный договоръ, который предоставилъ имъ важныя торговополитическія льготы; владѣтельные князья тоже примирились съ Даніей въ Стокгольмѣ въ 1371 году (томъ VII, стр. 35).

Г. Усиленіе славянскихъ государствъ.

Теперь только Ганза начинаетъ выступать непрерывно на Балтійскомъ морѣ въ роли самостоятельной политической державы: хотя во внутреннихъ дѣлахъ она страдала часто отъ раздоровъ между отдѣльными городами, тѣмъ не менѣе, во внѣшнихъ дѣлахъ она представляла собою національную державу съ Любекомъ во главѣ, которая распалась только тогда, когда Польша возвысилась до роли господствующей сѣверной державы. Еще до того Ганзѣ были нанесены чувствительные удары. Торговля привилегіи нѣмецкихъ купцовъ, въ сохраненіи которыхъ она видѣла важнѣйшую свою задачу, оспаривались по временамъ какъ на западѣ, такъ и на сѣверѣ и востокѣ: въ Скандинавіи Кальмарская унія положила начало защитѣ интересовъ туземныхъ купцовъ; прусскіе города привлекли въ замкнутое Балтійское море шотландцевъ и въ особенности англичанъ. Однако, наиболѣе сильный вредъ нанесло Ганзейскому союзу усиленіе славянскихъ государствъ.

Тевтонскій орденъ, утвердившійся въ Пруссіи и Лифляндіи, отбѣнилъ русскихъ и поляковъ отъ Балтійскаго моря. Въ 1402 году рыцарь-монахи купили Новую Марку и загородили такимъ образомъ полякамъ доступъ къ Померанскому берегу. Однако, въ 1410 году поляки въ союзѣ съ азіатскими, татарскими орданами (т. V, стр. 494) убили около 200 прусскихъ рыцарей тевтонскаго ордена на полѣ битвы при Танненбергѣ, и все владѣнія ордена стали бы въ это время добычей прилегавшаго къ нимъ со стороны материка польскаго государства, если бы лифляндскій магистръ Конрадъ фонъ Фиттинговъ не отправилъ въ Пруссію своего ландмаршала съ сильнымъ орденскимъ ополченіемъ, которое соединилось съ отрядами нѣмецкихъ наемниковъ и принудило поляковъ къ мирному договору въ Торнѣ. Около 50 лѣтъ спустя по второму Торнскому мирному договору (въ 1466 году) западная Пруссія съ Данцигомъ стала непосредственнымъ польскимъ владѣніемъ, а восточная Пруссія — польскимъ леномъ (т. V, стр. 496). Черный крестъ былъ вытѣсненъ Бѣлымъ Орломъ; польскій флагъ приобрѣлъ влияние на Балтійскомъ морѣ. Въ 1494 году Россія, объединившаяся подъ властью царя Ивана III, разрушила нѣмецкое подворье св. Петра въ Новгородѣ. Русскіе купцы проникли въ ганзейскіе города Лифляндіи. Велѣдствіе этого возникла вражда между лифляндскими и остальными ганзейскими городами по поводу того, что первые изъ нихъ захватывали въ свои руки постепенно исключительную монополію торговли съ прилегающими областями материка.

Въ теченіе послѣдующихъ 50 лѣтъ удавалось еще не пропускать славянъ къ лифляндскому берегу. Однако, этотъ „форпостъ христіанства“ не могъ устоять въ теченіе долгаго времени противъ натиска съ востока безъ посторонней помощи. Между Даніей и Швеціей произошло столкновение. Густавъ Ваза разрушилъ союзъ скандинавскихъ государствъ, ввелъ реформацію въ Швецію и Финляндію и подготовилъ завоеваніе Эстляндіи, тоже перешедшей въ протестанство; завоеваніе Эстляндіи было закончено при его сынѣ Эрихѣ XIV (1561 г.); Лифляндія досталась, однако, Польшѣ, которая подчинила себѣ весь берегъ отъ Перлова до Данцига послѣ отступленія русскихъ (томъ V, стр. 526). Подъ власть польской короны попала около того же времени, въ 1562 г., также и Курляндія. Благодаря такому своему положенію на Балтійскомъ морѣ Польша стала первенствующею державою на сѣверѣ. Опираясь на Краковъ, Данцигъ и Ригу, распространивши свои владѣнія отъ Вислы до Двѣпра, отъ Балтійскаго моря до Чернаго, Польша въ то же время принимала непосредственное участіе въ великихъ событіяхъ, происходившихъ на западѣ, и дѣйствовала со слабой на поприщѣ наукъ и искусствъ, благодаря своимъ тѣснымъ связямъ съ Римомъ и всей Италіей. Съ такой великою державою не могли тягаться Швеція и Россія.

Тѣмъ не менѣе, отъ современниковъ не скрылся тотъ недостатокъ, которымъ страдало польское государство помимо его внутреннихъ раздоровъ. Для того, чтобы утвердить за собою господство на Балтійскомъ морѣ, у поляковъ не хватало флота. Выборная кантуляція (т. V, стр. 535) требовала отъ королей устройства флота, но необычайно разросшееся на исторической почвѣ своекорыстіе польской шляхты мѣшало увеличенію налоговъ до суммы, необходимой для выполненія такой громадной задачи. Кромѣ отсутствія флота положеніе Польши было поколеблено вслѣдствіе ея союза съ католическою реакціей. Не прошло и одного поколѣнія, какъ королевская республика стала шататься.

Д. Швеція въ роли господствующей державы.

Когда разразилась великая европейская религіозная война, то протестантскій шведскій король Густавъ II Адольфъ вступилъ въ Лифляндію, принудилъ Ригу къ сдачѣ (1621 г.) и разбилъ въ Германіи императорское католическое войско (1631 г.). Спустя всего лишь одно поколѣніе, никто уже не въ состояніи былъ понять, какимъ образомъ какая бы то ни было другая держава кромѣ Швеціи могла претендовать на продолжительное вліяніе на сѣверѣ Европы. Никакое государство не могло назвать Балтійскаго моря своею собственностью въ такой полной мѣрѣ, какъ Швеція того времени. Шведскій флагъ господствовалъ надъ устьями Невы, Западной Двины, Одера, Эльбы, Везера. Данія была безвильна; герцогство Прусское было незначительно по размѣру и изолировано. Возрастающее могущество геніальнаго курляндскаго герцога Якова, который снарядилъ военный флотъ изъ 40 кораблей, было сокрушено однимъ ударомъ предательскимъ образомъ въ мирное время (въ 1658 г.): Штетинъ и Рига стали шведскими гаванями, Россія была ослаблена раздорами изъ-за престолонаслѣдія и внутренними смутами; со стороны Нингенмарландіи и сѣверныхъ озеръ ее подстерегала Швеція, а съ остальныхъ сторонъ ей грозили татары и Польша съ Литвой. Когда шведы стали думать объ экспедиціи къ Новгороду и Пскову, то они сомнѣвались не въ томъ, останется ли за ними побѣда, а много ли выгоды принесетъ имъ эта побѣда. Но и Швеція страдала теми же сторонами, которыя прикрывались въ первое время личными качествами великихъ королей. Коронная Швеція была бѣдна по сравненію съ подчиненными ей странами, лежащими по ту сторону моря. Удержаніе ихъ требовало непосильныхъ жертвъ. Шведскіе короли нару-

шили государственное право своей собственной страны. Надъ Лифляндіей было совершенно насилие, и она выступила со смѣлымъ требованіемъ восстановления своей собственной конституціи.

Наиболѣе опасный ударъ былъ нанесенъ положенію Швеціи, какъ великой державѣ, Бранденбургомъ. Приобрѣвши по Вестфальскому мирному договору (1648 г.) заднюю Померанію съ гор. Кольбергомъ на Балтійскомъ морѣ, великій курфюрстъ Фридрихъ Вильгельмъ разстроилъ всѣ виды короля Карла X на побережье рѣки Прегеля своимъ умнымъ поведеніемъ во время шведско-польской войны за престолонаслѣдіе. По мирному договору въ Оливѣ герцогство Прусское было признано европейскими державами въ 1660 г. (т. VII, стр. 499) самостоятельнымъ государствомъ, независимымъ отъ Польши и Швеціи (т. VII, стр. 499). Морскія силы Бранденбурга были еще слабы, но его сухопутное войско одержало блестящую побѣду надъ шведами въ битвѣ при Ферберлинѣ 28 іюня 1675 г. 22 декабря 1677 года великій курфюрстъ захватилъ принадлежавшій шведамъ гор. Штеттинъ, а еще черезъ 2 года лифляндское войско было изгнано изъ Пруссіи. Только внутреннимъ раздоромъ въ Священной Римской имперіи Швеція была обязана возвратомъ Штеттина и сохраненіемъ своей власти надъ Шведской Помераніей (т. VII, стр. 500).

Е. Быстрый ростъ могущества Россіи.

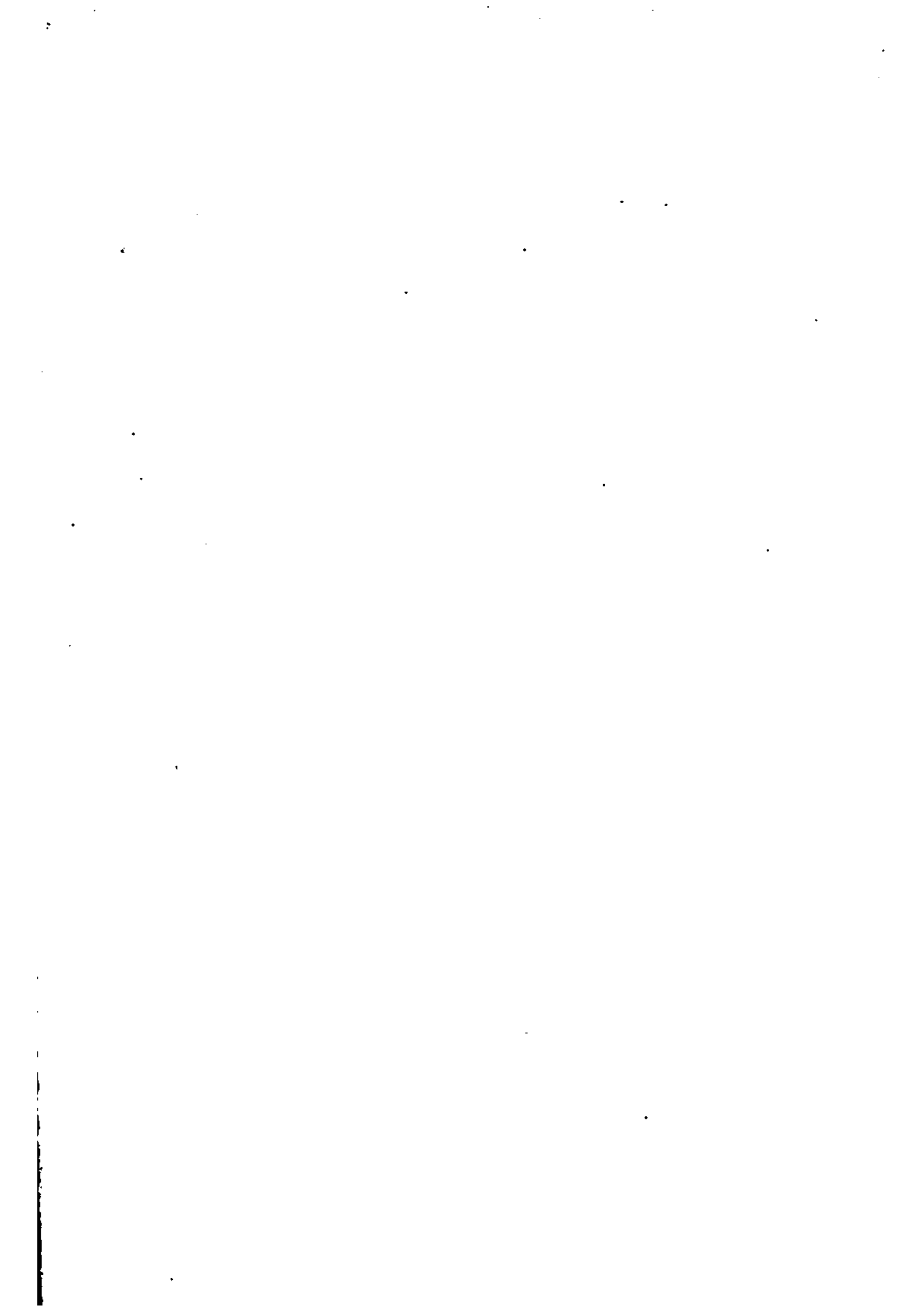
Теперь къ Балтійскому берегу стали пробиваться съ востока русскіи царь Петръ Великій. По его собственнымъ словамъ онъ на первыхъ порахъ стремился только „пробить окно въ Европу“. Короли шведскіе Карлъ XI и Карлъ XII ускорили паденіе своего государства своимъ упрямствомъ и неумѣлостью. Сѣверная война, которая вовсе не была неизбежной и велась дурно, привела къ потерѣ Штеттина съ частью передней Помераніи (въ 1720 г.), Риги съ Лифляндіей и Ревеля съ Эстляндіей (по Ништадтскому мирному договору 1721 г.). Основаніе С.-Петербурга на землѣ, еще не уступленной Швеціей (1703 г.), было смѣлымъ шагомъ, посредствомъ котораго Петръ Великій проложилъ мостъ между своимъ народомъ и Западной Европой, а занятіе побережья Балтійскаго моря, изъ упрямства покинутого Карломъ XII на произволъ судьбы, отдало въ руки Россіи преобладающее положеніе на Сѣверѣ (т. V, стр. 566). Господство надъ Балтійскимъ моремъ въ томъ видѣ, въ какомъ его пытались осуществить Польша и Швеція, вовсе перестало существовать послѣ цѣлаго ряда тяжелыхъ столкновеній. Россія тоже никогда не могла добиться его: несмотря на захватъ Курляндіи (1705 г.) и Финляндіи (1809 г.), Россія никогда не была въ состояніи сдѣлать Балтійское море чисто русскимъ. Она никогда не обладала такимъ флотомъ, который былъ бы въ состояніи господствовать надъ непринадлежащими ей берегами и внушать уваженіе морскимъ державамъ. Россія добила своего господствующаго положенія исключительно при помощи своихъ сухопутныхъ силъ. Можно утверждать, что маленькая Данія обладала болѣе вліяніемъ на мореходство по Балтійскому морю, чѣмъ Россія, благодаря своему господству надъ входомъ въ него со стороны Нѣмецкаго моря и своему значительному торговому флоту: но крайней мѣрѣ, такъ обстояло дѣло до отмены пошлинъ за проходъ черезъ Зундъ, послѣдовавшей въ 1857 году. Когда выкупъ этихъ пошлинъ былъ разложенъ на всѣ державы, то Англія уплатила больше, чѣмъ всѣ народы, живущіе на берегахъ Балтійскаго моря, именно $10\frac{1}{2}$ милл. имперскихъ талеровъ, Россія всего только $9\frac{3}{4}$ мил., Пруссія $4\frac{1}{2}$, а Швеція $1\frac{3}{5}$ мил. Эти численныя соотношенія измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ прусскіе прибалтійскіе города приобрѣли естественную громадную материковую базу благодаря объединенію Германіи.

Ж. Задачи Балтійскаго моря въ новейшую эпоху.

Кто бы могъ предсказать въ началѣ XIX столѣтія, что черезъ 100 лѣтъ германскій военный флотъ окажется самымъ сильнымъ на Балтійскомъ морѣ? Въ 1777—1784 гг., когда король Христианъ VII сооружалъ Эндерсکیи каналъ, Фридрихъ Великій видѣлъ въ немъ только „намекъ на будущее“. Императоръ французовъ Наполеонъ I захватилъ въ 1810—1813 годахъ Гамбургъ и Любекъ и почти уничтожилъ ихъ торговлю. Только впоследствии, когда Пруссія завладѣла перешейкомъ, отдѣляющимъ Нѣмецкое море отъ Балтійскаго (1864—1866 гг.), открылась опять надежда на то, что германскій флотъ сравнится съ датскимъ, какъ это было во времена Ганзы, или даже превзойдетъ его.

Вліяніе открытія Америки на Балтійское море часто переоцѣнивалось. До самаго послѣдняго времени объѣмъ товаровъ, производимый купцами бывшихъ ганзейскихъ прибалтійскихъ городовъ, ограничивался произведеніями прибалтійскихъ областей, Англіи, Голландіи и Франціи. Португальскіе и испанскіе корабли рѣдко попадали въ Балтійскомъ морѣ. То небольшое количество американскихъ и австрійскихъ товаровъ, которое сбывается въ гаваняхъ Балтійскаго моря, привозится главнымъ образомъ англіицкими предпринимателями. Возстановленіе Германской имперіи принесло торговлѣ на Балтійскомъ морѣ меньше пользы, чѣмъ можно было ожидать. Послѣ 1871 года города Бременъ и Гамбургъ, лежащіе на Нѣмецкомъ морѣ, стали всемірными торговыми городами, но прибалтійскіе города не вышли изъ своей прежней узкой сферы вліянія. Ни каналъ императора Вильгельма, сооруженный между 1887—1895 годами и соединяющій Киль съ устьемъ Эльбы, ни каналъ между Эльбой и Травой, открытый въ 1900 г. и ведущій изъ Любека къ пристани Клауэнбургу на Эльбѣ, не измѣнили существеннымъ образомъ характера Балтійскаго моря: оно осталась такимъ же закрытымъ внутреннимъ моремъ, какъ и раньше. Въ то время, какъ на Сѣверномъ морѣ имѣется 212 нѣмецкихъ гаваней, на Балтійскомъ морѣ ихъ всего только 52. Торговля на Балтійскомъ морѣ извлекла мало выгоды изъ сліянія верхне- и нижне-германскихъ торговыхъ областей въ 1871 году, въ то время, какъ для торговли на Нѣмецкомъ морѣ это событіе послужило неожиданнымъ толчкомъ. Въ настоящее время, въ 1905 г., обороты Гамбурга превосходятъ почти на половину всю торговлю Балтійскаго моря, которая въ свою очередь превышаетъ еще въ $2\frac{1}{2}$ раза обороты Бремена. Отъ 1871 до 1900 года число германскихъ кораблей на Балтійскомъ морѣ унало съ 2,089 при 450,000 регистровыхъ тоннъ до 840 при 219,000 регистровыхъ тоннъ. Съ того времени до 1904 года это число поднялось до 847 кораблей при 247,000 регистровыхъ тоннъ, но оно еще не достигло уровня 1871 г. Больше замѣтно выросли почти исключительно только Штеттинъ, а со времени открытія канала императора Вильгельма также и Киль. При всемъ томъ маленькая Данія еще и понынь обладаетъ едва ли меньшимъ числомъ торговыхъ кораблей, чѣмъ Германія.

Можно сказать, что въ наше время выразилось сильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, нивелирующее вліяніе Балтійскаго моря. Мирно и съ почти равными силами встрѣчаются на волнахъ Балтійскаго моря русскіи, шведскіи и датскіи флаги. Вліяніе нѣмецкаго флага поднялось, но безъ ущерба для какого бы то ни было другого народа. Никакая другая коммерческая держава не можетъ получить перевѣса и выйти за предѣлы своей естественной области влѣдствіе того, что въ гавани Киль можетъ укрыться военный флотъ болѣе сильный, чѣмъ флоты соединенныхъ государствъ, вмѣстѣ взятые. Въ рукахъ какого-либо другого народа такая сила могла бы стать опасной, но въ рукахъ Германіи она является обезпеченіемъ мира и плодотворнаго соперничанія между прибалтійскими народами.

II. Нѣмцы до середины XIV столѣтія.

Соч. профессора доктора Эдуарда Гейка.

1. Древнѣйшій періодъ: древніе германцы.

Въ нашей „Всемирной Исторіи“ исторія Германіи играетъ какъ бы роль красавицы хозяйки дома въ обществѣ приглашенныхъ ею гостей. Съ предостерегающей улыбкой она уклоняется отъ излишняго вниманія, удѣляемаго ей кѣмъ-либо изъ гостей, и направляетъ вниманіе болѣе послушныхъ изъ нихъ на мирную бесѣду и обмѣнъ мыслей съ другими гостями. Она дѣйствуетъ съ тѣмъ болѣе тонкимъ тактомъ, что по ея собственной затѣѣ при этомъ торжественномъ случаѣ были впервые введены въ салонъ всемирной исторіи такія группы гостей, которыхъ общество яе знало до этого времени.

Если не вся нынѣшняя Германія, то, по крайней мѣрѣ, весьма значительная часть ея принадлежала раньше другимъ негерманскимъ народамъ, которые, впрочемъ, сдѣлали не очень ужъ много для ея превращенія въ культурную страну. Только берега, окружающіе юго-западную часть Балтійскаго моря, были заняты германцами уже въ весьма раннюю эпоху (срв. отд. I). Историческія и этнографическія связи этихъ германцевъ въ теченіе долгаго времени были направлены не столько во внутренность материка, какъ по преимуществу въ сторону водныхъ равнинъ и проливовъ Балтійскаго моря, а черезъ нихъ на острова современной Даніи и въ южную Скандинавію.

Гораздо раньше большинства изслѣдователей исторіи въ болѣе тѣсномъ, спеціальномъ смыслѣ этого слова къ такому выводу вынуждены были придти прежде всего изслѣдователи доисторическихъ временъ, т. е. тѣ, которые пользуются для историческихъ выводовъ данными археологическихъ раскопокъ, сравнительнаго языкознанія и этнографіи. Не все еще отказалось отъ того общаго предубѣжденія, въ силу котораго искали въ современной Германіи мѣстопробыванія германцевъ въ наиболѣе древнія времена, доступныя историческому изслѣдованію. Такое представленіе сложилось невольпо вслѣдствіе того, что въ теченіе цѣлыхъ столѣтій принимались за исходный пунктъ для возстановленія древней географіи древнѣйшіе литературные источники, главнымъ образомъ Тацитъ, при чемъ упускалось изъ виду, что даже во времена Тацита количество германскихъ переселенцевъ, утвердившихся къ югу отъ рѣки Майна, было еще незначительно. Съ другой стороны необходимо признать, что „доисторическое изслѣдованіе“ должно всегда остерегаться отъ неметодическихъ выводовъ и утвержденій посредствомъ острой самокритики; въ противномъ же случаѣ оно скрываетъ въ себѣ непрерывную опасность для правильности нашихъ познаній, обусловливаемую трудно преодолимымъ стремленіемъ подвести новыя находки подъ осязательныя системы, расположить ихъ въ видѣ хронологическихъ таблицъ и согласовать ихъ съ тѣмъ, что извѣстно изъ другихъ источниковъ. Вслѣдствіе этого, историческая наука въ болѣе тѣсномъ смыслѣ не могла пойти навстрѣчу выводамъ изслѣдователей до-

историческихъ временъ съ полнымъ довѣріемъ. Какъ ни желательно стремиться къ объединенію между обѣими этими науками, но оно не должно быть ни легкомысленнымъ, ни поспѣшнымъ. Это уже признано учеными относящихся сюда специальностей. Ошибочное въ своихъ выводахъ соединеніе сравнительнаго языкознанія съ первобытной исторіей вызвало противъ себя основательное критическое осужденіе. Въ особенности доисторическая антропология стала подвергать свое право на этнографическіе выводы такому коренному и тщательному пересмотру, что она даже предлагаетъ намъ не дѣлать пока никакихъ выводовъ о принадлежности къ той или другой группѣ народовъ изъ такихъ признаковъ, какъ длинноголовые и круглоголовые черепа, длинные или короткія лица, свѣтлый или темный цвѣтъ кожи; она рекомендуетъ выждать до тѣхъ поръ, пока удастся изслѣдовать съ большей обстоятельностью вліяніе неэтнографическихъ условій на формы тѣла и подвести ихъ подъ установленныя правила.

Если легкомысленные выводы появляются на сухомъ нѣтъ серьезной доисторической антропологии, то тѣмъ болѣе ихъ выростаетъ на зеленомъ деревѣ любителей исторіи, которыхъ издавна привлекаютъ съ особенной силой темныя и недоступныя доисторическія эпохи. Эти любители, которые играютъ въ наукѣ роль цвѣтущей юности съ ея быстротою мысли и слова, имѣютъ за собой ту безспорную заслугу, что благодаря смѣлости своихъ выводовъ они оказали наукѣ не мало цѣнныхъ авангардныхъ услугъ, шли на развѣдки, увлекали науку на новые пути и подняли вопросы, которые послужили толчкомъ къ дальнѣйшимъ тщательнымъ изслѣдованіямъ. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что подобные сотрудники посвящали перѣдко въ теченіе всей своей жизни на разработку одного и того же излюбленнаго вопроса всю силу своего вниманія, все свое остроуміе и громадную пачитавность. Исполняли ли они свои задачи, какъ изслѣдователи, прошедшіе научную школу, или же какъ простые дилетанты,—критеріемъ въ этомъ могутъ служить тѣ самые выводы, къ которымъ они пришли.

Отношеніе между германцами и Скандинавіей въ ранніе періоды исторіи, это область, наталкивающая на подобныя объясненія. Перѣдко случалось, что восточные германцы смѣшивались съ германцами вообще, и поэтому принималось, что всѣ германцы пришли на материкъ изъ Скандинавскаго полуострова. Привычное недовѣріе и равнодушіе ученыхъ къ смѣлымъ выводамъ усилились еще больше вслѣдствіе той комбинаціи, посредствомъ которой хотѣли примирить „скандинавскую родину германцевъ“ съ ихъ принадлежностью къ индо-германской группѣ народовъ,—Скандинавія была признана первобытной родиной индо-германцевъ или аріицевъ вообще.

А. Географическое происхожденіе германцевъ.

Первобытную родину германцевъ, которая остается, вообще, относительнымъ понятіемъ, какъ въ смыслѣ времени, такъ и въ смыслѣ пространства, нельзя еще считать установленной, несмотря на всѣ гипотезы, предлагавшіяся специалистами. Однако, общая сокровищница индо-германскихъ языковъ не даетъ никакого основанія, почему слѣдовало бы искать въ Скандинавіи ту страну, съ которой связаны общія вѣсьмъ имъ воспоминанія въ видѣ понятій, распространенныхъ издревле среди всѣхъ народовъ индо-германской группы. Доводы защитниковъ этой гипотезы и безъ того слабы, а между тѣмъ данныя древнѣйшей исторіи культуры, добытыя доисторической археологіей, говорятъ скорѣе противъ нея. Правда, въ области первобытнаго совместнаго пребыванія индо-германцевъ существовали такія зимнія явленія, какъ снѣгъ; первобытные индо-германцы

знали букъ и березу, волка и медвѣдя и вовсе не были знакомы съ характерными южными животными и растениями. Затѣмъ не слѣдуетъ упускать изъ виду того обстоятельства, что индо-германцы предоставили громадный материкъ Азии другимъ группамъ народностей, а сами они утвердились и двинулись между другими народами только по линіи, тянущейся къ югу отъ Чернаго, Каспійскаго морей и Аральскаго озера и оттуда до передней Индіи, стало-быть, главнымъ образомъ только на пространствѣ той части Азии, которую обнималъ кругозоръ Юго-Восточной Европы; въ то же время они распространились по всей Европѣ, завоевали ее и вытѣснили или оттѣснили ея прежнихъ жителей. Однако, лингвистическія точки опоры не согласуются съ сѣвернымъ положеніемъ первобытной родины индо-германцевъ; общая картина распространенія индо-германскихъ народностей указываетъ на такой древній центръ, котораго приходится искать въ умѣренной полосѣ Европы, но въ южной ея части. Серьезныя научныя изслѣдованія въ послѣднее время заставили остановиться на юго-восточной Россіи. Послѣ того, какъ было написано настоящее сочиненіе, а это совпадаетъ съ началомъ выхода въ свѣтъ „Всемірной Исторіи“, мѣстопробываніе индо-германцевъ въ ту эпоху, когда они еще не раздѣлились на европейцевъ и азіатовъ, было отодвинуто къ западу благодаря важнымъ изслѣдованіямъ Юанна Гоопса, изложеннымъ въ его трудѣ: „Waldbäume und Kulturpflanzen im Germanischen Altertum“ („Лѣсные деревья и культурныя растенія у древнѣйшихъ германцевъ“. Страсбургъ, 1905 г.); прародиной германцевъ считается въ настоящее время область распространенія бука, т. е. средне-европейскія страны къ западу отъ линіи Кенигсбергъ—Одесса. Согласно выводамъ Гоопса, запасъ словъ первобытныхъ индо-германцевъ менѣе всего противорѣчитъ такой ихъ родинѣ и вполнѣ сходитя съ нею какъ тѣмъ словами, которые заключаются въ немъ, такъ и тѣми, которыхъ въ немъ недостаетъ.

Общій запасъ заимствованныхъ отъ другихъ народовъ культурныхъ растеній и домашнихъ животныхъ, которыми обладали если не древнѣйшіе индо-германцы, то, по крайней мѣрѣ, ближайшая эпоха послѣ ихъ расселенія, когда еще не была разрушена связь между отдѣльными частями этой группы и еще не былъ прерванъ культурный обмѣнъ между ними, указываетъ на вліяніе азіатскихъ народовъ и на непосредственное полученіе этихъ новыхъ растеній и животныхъ изъ Азии, и притомъ не изъ самыхъ сѣверныхъ и не изъ самыхъ восточныхъ частей ея, сѣдовательно, изъ областей, не слишкомъ отдаленныхъ отъ средней Европы. Притомъ же область общей западной индо-германской культуры могла обогатиться весьма важными для прогресса элементами изъ области Месопотамской цивилизаціи, которая является первой свѣтлой точкой на зарѣ исторіи. Напротивъ того, если бы мы передвинули замѣтно дальше къ сѣверу центръ тяжести индо-германской культуры, то все подобныя позаймствованія и культурныя вліянія приходилось бы объяснять гораздо болѣе сложнымъ путемъ, и географическая картина расхожденія индо-германскихъ народовъ лишилась бы своей естественной простоты. Въмѣсто естественнаго передвиженія членовъ этой семьи народовъ изъ болѣе южной исходной точки вдоль ближайшихъ географическихъ направляющихъ линій и распространенія ихъ раньше всего по берегамъ близлежащихъ морей и морскихъ заливовъ, какъ-то: Средиземнаго моря и Персидскаго залива, — мы бы загнали ихъ въ чисто континентальную среду, не говоря уже о томъ, что первобытная общность судна (санскрит. *pāu-s*, греч. *πᾶς*, латин. *navis*, герм. *Naue*, *Nachen*) осталась бы необъясненной. Намъ пришлось бы помѣстить первобытныхъ германцевъ въ такихъ областяхъ, въ которыхъ они не могли бы развиваться безпрятственно и во взаимномъ культурномъ соприкосновеніи между собою, въ которыхъ уральскіе народы достигли такого же преобладанія и такого же

непрерывнаго распространенія, какъ индо-германцы въ области своихъ собственныхъ передвиженій. Месопотамія не могла бы уже считаться естественнымъ источникомъ упомянутыхъ выше культурныхъ заимствованій древнихъ индо-германцевъ; вмѣсто нея пришлось бы искать совершенно другихъ источниковъ.

Въ теченіе послѣдующихъ эпохъ непрерывно разрастающійся кругъ распространенія индо-германцевъ привелъ нѣкоторыя части ихъ въ ближайшее сосѣдство съ этими уральскими народами, именпо, съ ихъ финскими подгруппами (срав. т. V, стр. 371). Эти индо-германцы, распространившіеся къ сѣверу или болѣе или менѣе къ сѣверу, образовали культурныя подгруппы: кельтскую, германскую и славяно-литовскую. Даже болѣе поздняя по своему происхожденію западная индо-германская солидарность, уцѣлѣвшая послѣ перекочеванія индо-иранцевъ къ южно-азиатскому морскому побережью, разрушилась мало-по-малу; отдѣльныя массы индо-германцевъ отодвинулись другъ отъ друга на значительное разстояніе, взаимныя культурныя связи между ними стали ослабѣвать; стала увеличиваться перевѣсъ отдѣльныхъ единицъ, обособившихся въ отношеніи языка и культуры, и такимъ образомъ образовались отдѣльныя группы, которыя фактически, хотя и непреднамеренно, потеряли другъ друга изъ виду вслѣдствіе значительнаго разстоянія, раздѣлявшаго ихъ; будучи предоставлены своимъ собственнымъ силамъ, каждая изъ этихъ группъ въ отдѣльности развивала и расширяла свое частное культурное и лингвистическое достояніе. Это распаденіе на группы и внутренняя нивеллировка, происходившая внутри этихъ группъ, никоимъ образомъ не вели къ полной однородности этихъ группъ. Въ то же время не существовало стремленія къ устраненію той культурной общности, которая соединяла группу съ прежними потерянными изъ виду и съ ближайшими сосѣдями. Что касается въ частности германцевъ, то они дѣйствительно развились въ отдѣльную группу, но переходъ звуковъ въ ихъ языкъ, его флексій и запасъ его словъ, равно какъ и ихъ познанія, орудія, образъ жизни и общественный бытъ, ихъ правовыя воззрѣнія, ихъ сверхчувственные представленія—все еще свидѣтельствуютъ о томъ, что они: 1) развивали дальше готовый запасъ, полученный ими изъ обще-германскаго достоянія, 2) продолжали принимать замѣтное участіе въ общей западно-индо-германской культурѣ, 3) дольнее всего сохранили древнюю общность съ славяно-литовцами, съ одной стороны, съ кельтами, съ другой, но, наконецъ, отдѣлились отъ тѣхъ и отъ другихъ. Затѣмъ они не представляли никогда вполне однородной въ самой себѣ единицы, которая подверглась дальнѣйшей дифференцировкѣ посредствомъ расщепленія. Они развивались, какъ раздробленная масса, отношеніе между частями которой опредѣлялось реальными условіями, но въ которой временами наблюдалось теченіе въ сторону внутренней нивеллировки, нивеллировки, никогда не доходившей до полного внутренняго единства, такъ какъ онѣ были настолько многочисленны, что это нивеллированіе не могло происходить съ достаточной быстротою; притомъ же германцы успѣли опять растянуться на такомъ пространствѣ, что старыя несглаженныя различія снова пріобрѣли силу: къ нимъ присоединились новыя, теперь только возникшія раздѣленія, и все это вмѣстѣ стало опять разстраивать въ значительной степени на новой стадіи развитія культурную общность древнихъ германцевъ. Сглаживание различій и дифференцировка шли рядомъ; ни одно изъ этихъ теченій съ тѣхъ поръ не вытѣсняло окончательно другого, и они удерживаются въ качествѣ борющихся и перекрещивающихся между собою силъ, вліяющихъ на исторію и направленныхъ въ противоположныя стороны, на всѣхъ дальнѣйшихъ ступеняхъ исторіи Германіи вплоть до настоящаго времени. Дѣло усложнилось тѣмъ, что на высшихъ ступеняхъ культуры оказываютъ вліяніе не одни только такіе факты, какъ разъединеніе въ пространствѣ, а къ

нему присоединяются болѣе сложныя условія, главнымъ образомъ политическія, которыя воздѣйствуютъ съ своей стороны, напримѣръ, на употребительные обороты рѣчи благодаря потребности въ выработанныхъ литературныхъ языкахъ.

Б. Германцы и Балтійское море.

Кельтовъ мы застаемъ во время разселенія индо-германцевъ по направленіямъ, опредѣлившимся еще безспорно за много вѣковъ передъ тѣмъ, выдвинувшимися впередъ обѣихъ другихъ только что названныхъ группъ къ юго-западу. Напротивъ того, славяно-литовцевъ мы застаемъ къ востоку отъ германцевъ, а этихъ послѣднихъ посрединѣ между тѣми и другими. Германцы дошли до моря, именно до Балтійскаго моря, въ сѣверномъ направленіи, въ то время какъ индо-иранцы, греки, кельты и италики достигли моря въ южномъ направленіи. Мы не знаемъ, насколько сильны были при этомъ ихъ столкновенія съ кельтами и разселившимися къ сѣверу отъ германцевъ по направленію съ востока на западъ индо-германскими финскими племенами. Во всякомъ случаѣ они достигли Балтійскаго моря гораздо раньше славяно-литовцевъ и осыли на его берегу въ качествѣ западныхъ сосѣдей народовъ финской группы.

Мы не можемъ расположить всѣхъ этихъ событій въ хронологическомъ порядкѣ. Точно также намъ неизвѣстно, къ какому времени относится начало взаимныхъ культурныхъ отношеній, развившихся между германцами и финскими народами и продолжавшихъ существовать въ историческія времена. Можетъ быть, языковедіе добудетъ на томъ пути, на который вступили С. Дитрихъ и В. Томсенъ, болѣе точныя признаки, по которымъ можно будетъ узнать, какія части германцевъ и какія части финновъ пришли между собою въ соприкосновеніе раньше всѣхъ другихъ и тѣмъ же всего соприкасались между собою по временамъ. Дѣло въ томъ, что финны переняли нѣкоторое число германскихъ словъ въ крайне древней формѣ, соответствующей научно установленному (относительному) „первобытному“ германскому языку. Съ другой стороны, такое заимствованіе финнами иностранныхъ словъ изъ германскаго языка продолжалось также и въ позднѣйшія времена. Такимъ образомъ, напримѣръ, латинское слово сауро, содержатель харчевни, пограничный кабачекъ котораго превратился въ лавку для истребовательныхъ германцевъ, при ихъ посредствѣ перешло къ финнамъ въ видѣ каурриас. Съ этимъ согласуется слѣдующее обстоятельство: около того времени, когда Тацитъ собиралъ свои справки, и въ ближайшую предшествовавшую эпоху, германцы интересовались финнами гораздо болѣе, чѣмъ славянами, и римскіе писатели и географы приобрѣтали отъ нихъ различныя свѣдѣнія о финнахъ. Въ числѣ этихъ свѣдѣній имѣются и такія заблужденія, которыя естественны для германцевъ. Часть финновъ называется на собственномъ языкѣ квенами, а германцы подвели ихъ подъ свой общій терминъ для всѣхъ финновъ. Первоначально финскія группы народовъ не имѣли еще никакого общаго обозначенія для всего своего племени; такая понятная потребность въ созданіи общаго термина, заново придуманнаго или принособленнаго изъ частнаго обозначенія, чувствовалась скорѣе ихъ сосѣдями. Такимъ образомъ возникли такія названія, какъ кельты, германцы, негры, индѣйцы, а также и финны. Упомянутое слово „квень“ германцы сопоставляли со своимъ собственнымъ словомъ „квень“ (соответствующимъ греческому *κυνη*) и сохранившемуся въ англійскомъ словѣ *queen*, королева) и при помощи народной этимологіи сложили басню о господствѣ женщины у финновъ; при всемъ внимательномъ отношеніи Тацита къ его источникамъ, этотъ писатель при передачѣ добытыхъ имъ свѣ-

дѣній впадаетъ въ новое недоразумѣніе изъ-за собственныхъ именъ (Germania, глав. 45). Определить, чѣмъ обязаны съ своей стороны германцы своимъ сношеніямъ съ финнами, это — задача главнымъ образомъ доисторической археологіи, которая открыла въ послѣднее время на основаніи формъ домашней утвари и особенностей стіля цѣлый рядъ этаповъ культурныхъ вліяній, идущихъ обратнымъ путемъ изъ германскаго сѣвера Европы въ финско-угорскую сферу и къ доисторическимъ рудникамъ Урала и Сибири.

Пока мы еще не знаемъ опредѣленно, въ какомъ мѣстѣ германцы достигли впервые Балтійскаго моря: на восточномъ его берегу, загибающемся къ сѣверу, или далѣе къ югу. Едва ли можно основываться въ пользу перваго изъ этихъ двухъ предположеній на томъ доводѣ, что по свидѣтельству источниковъ южно-германцы походили даже въ позднѣйшее время на пышнѣшихъ обитателей сѣвера по всему характеру своей „защитной одежды“, архитектурѣ жилыхъ домовъ, своей поражающей закаленности и нѣкоторымъ своимъ обычаямъ и привычкамъ; они составляли замѣтный контрастъ съ другими народами одного съ ними климатическаго пояса. Во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія, что германцы переселились въ Скандинавію не съ восточнаго берега Балтійскаго моря, а только впоследствии, когда они уже заняли его юго-западный берегъ. Такое заключеніе вытекаетъ вовсе не изъ того, что въ это древнее время они еще не могли быть знакомы съ мореплаваніемъ. Мы уже объяснили въ другихъ мѣстахъ настоящаго сочиненія (т. I, стр. 28; т. IV, стр. 8), что лодка принадлежитъ къ числу самыхъ древнихъ средствъ передвиженія, извѣстныхъ человечеству. Въ дѣйствительности гораздо легче передвигаться вдоль береговъ и даже черезъ открытое море на самыхъ простыхъ челнокахъ, чѣмъ пробираться сухимъ путемъ со скотомъ и телегами черезъ непроходимые лѣса и болота. Такое заключеніе навязывается невольно каждому путешественнику, который посѣщаетъ еще неоткрытыя или еле открытыя для культуры лѣсистыя страны, лежащія на берегу моря или соответствующія группы острововъ. По роду пищи тѣхъ первыхъ жителей Дании, которые оставили по себѣ знаменитыя кучи раковинъ (Kjökkenmøddinge), можно придти съ увѣренностью къ тому выводу, что эти люди были мореплавателями и занимались рыболовствомъ въ открытомъ морѣ. Что германскіе народы, сгруппировавшись впоследствии въ союзы франковъ и саксовъ, посѣщали съ громадной смѣлостью въ теченіе первыхъ вѣковъ христіанской вѣры Британію и еще болѣе отдаленныя морскія прибрежныя области Римской имперіи — это имѣетъ только значеніе второстепенной иллюстраціи. То же самое можно сказать о подвигахъ тѣхъ викинговъ, которые совершали опустошительныя набѣги на Францію, переправившись черезъ бурныя волны Нѣмецкаго моря на такихъ лодкахъ, на которыхъ они поднимались также и по рѣкамъ при помощи весель; упомянемъ также о томъ, какъ-быстро достигли господства на морѣ готы послѣ того, какъ они дошли въ 3 столѣтіи до Чернаго моря, и еще въ болѣе грандіозной степени вандалы, утвердившіеся на африканскомъ берегу Средиземнаго моря, или же какъ позже переправились черезъ Балтійское море на востокъ къ финнамъ, которые дали имъ названіе гребцовъ (ruotsi; т. V, стр. 431) скандинавскіе варяги (Väringjar, Varinjar), которые жили еще вполнѣ въ древне-германской культурной обстановкѣ, и какъ эти самые варяги перетаскивали свои лодки съ Западной Двины на Дибирь и спустились въ Черное море и даже дальше. Ничто не мѣшаетъ допустить, что и древнѣйшіе германцы были тоже способны на такіе подвиги. Во всѣхъ странахъ, соединенныхъ между собою водными путями, облегчаются всевозможныя сношенія и возникаютъ весьма рано достойныя удивленія культуры. Собранія древностей въ Штральзундѣ, Шверинѣ, Килѣ, Копенгагенѣ, Стокгольмѣ даютъ объ этомъ такое представленіе, которому

нѣтъ ничего равнаго на материкѣ. Такое же впечатлѣніе объ относительно значительной густотѣ населенія и оживленной культурѣ Балтійскаго побережья въ древнѣйшія эпохи получаетъ каждый, кто знакомится поближе съ этимъ побережьемъ и островами на Балтійскомъ морѣ по личному опыту, какъ туристъ: внутренность материка нигдѣ не можетъ похвалиться такимъ изобиліемъ древнихъ и въ то же время выдающихся доисторическихъ памятниковъ и богатыхъ раскопокъ, какъ области, окружающія Балтійское море.

В. Три главныя группы германцевъ.

Разселеніе германцевъ по болѣе обширнымъ областямъ, окаймляющимъ Балтійское море, произвело на нихъ такое же вліяніе, какъ нѣкогда на индо-германцевъ вообще ихъ распаденіе на отдѣльныя группы. вмѣсто географическаго сосѣдства, способствовавшаго сглаживанію различій и укрѣпленію внутренней однородности группы, получили перевѣсъ разъединяющія, изолирующія вліянія. Изъ единства, хотя и не вполне однороднаго, но поддерживаемаго постепенными переходами, начинаютъ выдѣляться подгруппы. Конечно, онѣ развились не въ одно мгновеніе ока, но все же онѣ стали зарождаться. Мы говоримъ о сѣверныхъ германцахъ и южныхъ германцахъ. Последніе тождественны по существу съ западными германцами, какъ ихъ называютъ на основаніи позднѣйшаго географическаго распредѣленія различныхъ частей германскаго племени, съ нѣмцами.

Къ числу сѣверныхъ германцевъ изъ современныхъ народовъ относятся скандинавы, поскольку они не принадлежатъ по своему происхожденію къ финско-лапландскому племени, а также и датчане, древнѣйшее мѣстопробываніе которыхъ тоже находилось въ южной части Скандинавскаго полуострова. Южныхъ германцевъ мы застаемъ на зарѣ исторіи на южномъ берегу Балтійскаго моря въ Мекленбургѣ вмѣстѣ съ частью Западной Помераніи и дальше къ югу, а также на Гольштинско-Шлезвигско-Ютландскомъ полуостровѣ, который мы впредь будемъ называть ради простоты Ютландскимъ. Къ собственнымъ воспоминаніямъ этихъ народовъ, какъ къ источникамъ, мы будемъ относиться съ большою осторожностью, и, во всякомъ случаѣ, не будемъ придавать имъ значенія достовѣрнаго доказательства въ вопросѣ, относящемся къ такому далекому прошлому. Тѣмъ не менѣе, мы не должны забывать, что народы, лишеныя письменности, обладаютъ, какъ это доказано, поразительной силой памяти. создающей „лѣтописи“, какъ ихъ называетъ Тацитъ, подъ видомъ безыскусственныхъ былинъ, сохраняемыхъ съ религіознымъ благоговѣніемъ, текстъ которыхъ непрерывно провѣряется общими силами всей народной группы; поэтому стоитъ указать, что южные германцы не знали ничего о какой-либо рѣзкой, бросающейся въ глаза перемѣнѣ своего мѣстопробыванія въ противоположность другимъ родственнымъ группамъ: какъ они передали Тациту, они считали себя коренными туземцами (*indigenae*). Они были дѣйствительно коренными жителями, если только правъ Гоопсъ (стр. 26), отодвигающій къ Балтійскому и Нѣмецкому морямъ древнѣйшее мѣстопробываніе индо-германцевъ: во всякомъ случаѣ, они были коренными жителями въ томъ смыслѣ, что они не пришли съ противоположнаго морскаго берега. Для дальнѣйшаго разъясненія этого вопроса я считаю полезнымъ указать попутно на рѣзкій примѣръ этой живучести народныхъ воспоминаній, замѣтованный нами изъ превосходной „Первобытной исторіи Мекленбурга“ Роберта Бельца (1899 г.). Съ горою Руммельсбергомъ около Пекателя недалеко отъ Шверина связана, вообще, очень распространенная сага о подземныхъ существахъ: замѣчательно, что въ этой сагѣ главную роль играетъ всегда котель, въ которомъ готовится

пища карликовъ. При раскопкахъ на Руммельсбергѣ, произведенныхъ Хр. Фр. Лишемъ между 1843—1845 г., дѣйствительно былъ найденъ котель. „Если насъ не обманываетъ игра случая, то свѣдѣнія о зарытомъ въ глубинѣ холма котлѣ передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе несмотря на всѣ перемѣны, происшедшія въ составѣ населенія (сначала здѣсь жили германцы, потомъ венды, а они были въ свою очередь вытѣснены германскими колонистами).

а) Южные германцы.

Застали ли южные германцы при своемъ переселеніи на свою нынѣшнюю родину какое-нибудь предшествовавшее имъ человѣческое населеніе? Имѣются ли какія-либо другія точки опоры кромѣ доисторическихъ данныхъ, которыя давали бы болѣе опредѣленное указаніе въ этомъ направленіи? Литературное преданіе молчитъ объ этомъ вопросѣ. Напротивъ того, доказано, что слово „гуня“, какъ обозначеніе народа, было распространено между германцами еще въ то время, когда они ничего не знали объ извѣстныхъ въ исторіи гуннахъ; впоследствии, когда германцамъ стали извѣстны эти послѣдніе, они смѣшали между собою какъ въ словоупотребленіи, такъ и въ своемъ представленіи оба эти названія, не тождественныя между собою по своимъ звукамъ (о другихъ подобныхъ смѣшеніяхъ именъ см. т. V, стр. 371). По мнѣнію Ригера этимъ словомъ Hunōz, въ позднѣйшія времена Hunen, Hünen, Meppen, германцы обозначали тѣхъ первобытныхъ жителей Сѣверной Германіи, которыхъ они застали въ ней, и съ этимъ словомъ слѣдуетъ поставить въ связь нижнегерманское выраженіе Hünengräber (могилы гунновъ, курганы.) Во всякомъ случаѣ, грандіозныя и крѣпкія сооруженія, найденныя передвигавшимися впередъ германцами въ занятыхъ ими областяхъ и возведенныя предшествовавшими имъ владѣльцами этихъ областей, оживили въ нихъ воспоминаніе объ этихъ гуннахъ: когда они прогнали римлянъ съ Декуматской границы, то въ гѣсу около Мильтенберга остались гранитныя столбы, которые были брошены убѣжавшими римскими скульпторами; эти столбы превратились у германскихъ завоевателей въ Heimensäulen, столбы гунновъ, и, наконецъ, подъ вліяніемъ смѣшенія понятій, вызваннаго народной этимологіей, въ Hainsäulen (дѣсные столбы). Въ другихъ случаяхъ это слово „гюны“ не было связано съ какимъ-нибудь новымъ понятіемъ, или, по крайней мѣрѣ, эта ассоціація понятій не дошла до насъ, а рѣчь идетъ попросту о столбахъ или стѣнахъ великаповъ. Все это не доказываетъ убѣдительно, чтобы германцы видѣли или знали этихъ гюновъ; отсюда слѣдуетъ только тотъ выводъ, что германцы имѣли представленіе о гюнахъ, можетъ быть специально придуманное для объясненія поражавшихъ ихъ человѣческихъ сооруженій.

Вошедшія въ составъ обще-германскаго запаса словъ слова, очевидно заимствованныя, но не индо-германскаго и вообще темнаго происхожденія, даютъ мало такихъ точекъ опоры, которыми могла бы воспользоваться исторія. Нѣкоторыя изъ этихъ словъ, напримѣръ, Hanf, конопля, указываютъ на непосредственное или косвенное соприкосновеніе со странами, прилегающими къ Каспійскому и Аральскому морямъ, слѣдовательно, составляютъ остатокъ связей, существовавшихъ въ болѣе древніе періоды. Для характеристики современнаго состоянія научныхъ данныхъ интересно то обстоятельство, что въ сравнительномъ языкознаніи существуетъ попытка считать нѣкоторыя такія слова перенесенными финикійскими купцами; для изслѣдователей по доисторической археологіи связываніе археологическихъ находокъ съ торговымъ посредничествомъ финикійцевъ и европейскихъ паронностей, служившихъ передатчиками въ торговлѣ янтаремъ, не представляется чѣмъ-либо необыкновеннымъ.

а) Соприкосновеніе южныхъ германцевъ съ кельтами.

Гораздо лучше освѣщены культурныя позанметвованія, сдѣланныя германцами на материкѣ Европы у кельтовъ и тѣхъ древнихъ первобытныхъ сосѣдей ихъ, которые сохранили связь съ средиземно-морскою культурой, главнымъ образомъ, съ италіками, а съ другою стороною распространились уже въ раннюю эпоху до сѣверныхъ морей. Между кельтами и германцами существуютъ многочисленныя соприкосновенія въ языкѣ. Однако, само собою разумѣется, что надо строго различать между собою тотъ запасъ общихъ словъ, который является общимъ для обоихъ народовъ отавукомъ поздняго ихъ индо-германскаго сосѣдства, и тѣ слова, которыя заимствованы германцами отъ кельтовъ въ болѣе позднюю эпоху, когда германцы опять оказались въ болѣе близкомъ и тѣсномъ сосѣдствѣ съ кельтами и ихъ новѣйшими культурными потребностями. Германцы отличались поразительной склонностью къ подобнымъ позанметвованіямъ, какъ потому, что никогда не существовало никакихъ непроходимыхъ географическихъ преградъ между ними и ихъ сосѣдями, такъ и благодаря ихъ переносчивости и прииспособляемости; скорѣе всего дѣйствовали объ причины. Сначала роль подобнаго народа учителя германцевъ въ выдающихся размѣрахъ исполняли кельты; затѣмъ ихъ вытѣснили римляне. Южные германцы, итѣльцы, съ своей стороны передали часть позанметвованнаго ими культурнаго богатства остальнымъ германцамъ, частью также славяно-литовцамъ. Изъ того почтеннаго числа итѣльскихъ словъ, которыя признаются германскими этимологами позанметвованными у кельтовъ, часть относится къ походной и переселенческой жизни, въ томъ числѣ все названія средствъ передвиженія, какъ-то: повозокъ и т. п., а также слово *gikw* (срав. т. V, стр. 433), военачальникъ; по складу отношеній, господствовавшихъ въ средѣ германскихъ народовъ, это послѣднее слово не могло имѣть никакого настоящаго практическаго примѣненія, но оно стало излюбленною приставкой къ собственнымъ именамъ вѣстныхъ лицъ, какъ, напримѣръ, *Воборикъ* у кимировъ; впоследствии это слово преобразовалось въ *gich*, напримѣръ, въ словѣ *Фридрихъ* и т. д. Вообще, на образованіи собственныхъ именъ разнаго рода у германцевъ сильно отразилось это иномъ открывшееся вліяніе кельтовъ. Въ ранней исторіи германскихъ народовъ мы сталкиваемся съ подобными заимствованными у кельтовъ собственными именами подобно тому, какъ впоследствии германцы переняли у римлянъ имена вродѣ *Флавіусъ*, *Клавдіусъ*, *Цивиліусъ*, *Серационъ*, а во времена господства гунновъ вошли въ употребленіе такія имена, какъ *Гуннульфъ* и *Гуннгайфъ*. То же самое замѣчается во всей германской исторіи вплоть до настоящаго времени съ именами вродѣ *Жанъ*, *Луи*, *Анри* и *Гарри*, смотри по тому, въ какую сторону склоняется страсть германцевъ ко всему иностранному. Однако, отъ времени до времени итѣльцамъ приходилось пользоваться иностранными именами также для обозначенія отдельныхъ частей своего народа; въ позднѣйшее время не пренебрегали для этой цѣли вульгарной латынью (напримѣръ, въ словѣ *Ribuarier* — *Ripuarier*, впоследствии опѣмечившимся и превратившимся въ *Reiffer* въ словѣ *Reifferscheid*); со стороны германцевъ было также указано на звуковое тождество или полный параллелизмъ въ образованіи названій народовъ у галловъ и у германцевъ. Такіе случаи, какъ гальское названіе „бриганты“ и германское „бургунды“, имѣющія одно и то же значеніе — „горныхъ людей“, показываютъ, что подобный параллелизмъ весьма легко можетъ быть игрой случая.

β) Германцы въ роли учителей славяно-литовцевъ.

Немногого позанметвовали германцы отъ литовско-и-руни послѣ того, какъ она стала ихъ непосредственнымъ сосѣдомъ, и отъ славянъ, когда эти послѣдніе тоже придвинулись къ нимъ и оказались въ тѣсномъ со-

сѣдствѣ съ ними; напротивъ того, эти сосѣди германцевъ во многомъ были ихъ учениками. Тутъ возникли отношенія, вполне сходныя съ кельто-германскими. Между прочимъ, германцы снабжали славяно-литовцевъ выраженіями, обозначающими господство, передали имъ кельтскую приставку *gîks*, свою собственную *walt*; германское слово „кунингасъ“ стало на литовскомъ языкѣ обозначеніемъ для господствующаго класса и примѣнялось поэтому впоследствии къ священникамъ (срав. т. V, стр. 434), а въ славянскихъ языкахъ это слово приняло позднѣйшую сокращенную форму—князь. Наконецъ, слово „король“, „королюсь“ превратилось у славянъ въ кроль и круль. Образование собственныхъ личныхъ именъ у германцевъ тоже оказало свое вліяніе на славянское словообразование; Владимиръ соответствуетъ въ точности приставкамъ *вальтъ* и *меро*, а *меро* въ словахъ *Зегемеръ*, *Зигмаръ*, *Ингвиомеръ* и т. д., повидимому, соответствуетъ въ свою очередь часто встрѣчающемуся окончанію кельтскихъ личныхъ собственныхъ именъ „марусъ“. Наконецъ, славяно-литовскіе языки переняли изъ германскаго значительное число выраженій, относящихся къ торговому обмѣну и къ хозяйству.

б) Восточные германцы.

Между южными германцами, находившимися подъ вліяніемъ кельтовъ, и славяно-литовцами селились иногда кромѣ народовъ финскаго происхожденія также другія части германской группы, именно, восточные германцы. Это названіе введено наукой языковѣднія. Она обладаетъ источниками восточно-германскаго языка въ видѣ перевода библіи на готскій языкъ, сдѣланнаго Вульфиллой, и нѣкоторыхъ другихъ ихъ литературныхъ произведеній того же рода, затѣмъ нѣкоторыхъ надписей на домашней утвари, отдѣльныхъ словъ, попадающихся въ латинскихъ текстахъ, и многочисленныхъ собственныхъ личныхъ именъ относящихся сюда народовъ. Восточно-германскіе народы погибли все раньше или позже или потеряли свою національность; послѣднія извѣстія о восточныхъ германцахъ относятся къ XVII столѣтію, именно къ крымскимъ готамъ; А. Г. фонъ-Вусбекъ (томъ V, стр. 153) составилъ въ 1555 году важныя записки объ ихъ языкѣ, сохранившемся съ древнѣйшихъ временъ, хотя и крайне испещренномъ иностранными словами. Подъ именемъ восточныхъ германцевъ наука языковѣднія соединяетъ тѣхъ германцевъ европейскаго материка, язки которыхъ стоятъ въ болѣе тѣсной родственной связи съ сѣверными германцами, чѣмъ съ западными германцами или нѣмцами. Связь эта настолько тѣсна, что В. Шереръ и Генрихъ Циммеръ дѣляютъ, вообще, всехъ германцевъ на восточныхъ и западныхъ, слѣдовательно, даютъ новую форму общему дѣленію на южныхъ и сѣверныхъ германцевъ. Смотря по тому, какимъ изъ этихъ двухъ выраженій пользовались авторы, сѣверные германцы присоединялись къ восточнымъ германцамъ, или наоборотъ. Во всякомъ случаѣ, на материкѣ восточные германцы вышли изъ соприкосновенія съ сѣверными германцами, и дальнѣйшее ихъ развитіе совершалось частью самостоятельно, частью въ этомъ періодѣ ихъ исторіи обнаруживалось болѣе сильное тяготѣніе къ западнымъ германцамъ. На основаніяхъ, почерпнутыхъ изъ сравнительнаго языковѣднія, къ восточнымъ германцамъ причисляются готскіе народы вмѣстѣ съ гешдами, ругами, скирами, вандалами, бургундами, герулами и, вѣроятно, еще нѣкоторыми меньшими этнографическими единицами.

Благодаря научнымъ заслугамъ Юлія Фикера, составившимъ эру въ наукѣ, эти вопросы были освѣщены также со стороны источниковъ сравнительной исторіи права, изъ которыхъ можно получить еще болѣе прочныя выводы, чѣмъ изъ сравнительнаго языковѣднія, такъ какъ они менѣе измѣнчивы. Такимъ образомъ выяснилось на основаніи общности древнѣйшихъ юридическихъ обычаевъ, что кромѣ готовъ и бургундовъ, за-

гобарды и фризы также обладали семейнымъ правомъ тѣсно сроднымъ съ сѣверными германцами. Параллельные выводы, даваемые сравнительнымъ языкознаніемъ и исторіей права, подтверждаются одни другими и нисколько не противорѣчатъ другъ другу. Не слѣдуетъ только упускать изъ виду, что сфера дальнѣйшаго развитія языка распространяется на павѣстную географическую область и не зависитъ отъ потерявшихъ свое практическое значеніе историческихъ „родословныхъ данныхъ“. Такъ, напримѣръ, лангобарды, жившіе въ VI столѣтіи послѣ Р. Х. къ югу отъ Альпъ, тоже продѣлали второй верхне-германскій переходъ согласныхъ звуковъ, выразившійся наиболѣе рѣзко въ области Альпъ и распространившійся оттуда постепенно ослабѣвающими кругами. Въ эту сферу захватываются также не принадлежащіе къ западнымъ германцамъ лангобарды, а съ другой стороны—вовсе не всѣ западные германцы или нѣмцы; это опредѣляется, во всякомъ случаѣ, чисто географическими условіями соответствующей эпохи. Въ наиболѣе постоянномъ и обширномъ размѣрѣ это измѣненіе звуковъ выразилось въ переходѣ t въ z. Всѣ діалекты, въ которыхъ совершился такой переходъ, называются верхне-германскими: таковы аламанскій, баварско-австрійскій, франконскій вмѣстѣ съ тюрингенскимъ, но безъ нижне-франконскаго, господствующаго въ низовьяхъ Рейна, который вовсе не продѣлалъ этого перехода звуковъ.

Съ этимъ переходомъ звуковъ не связано то явленіе, что þ (этотъ звукъ обозначается также посредствомъ th) внослѣдствіи исчезъ на всемъ материкѣ, превратился въ d. Англо-саксы, нижне-германцы, рано переселившіеся въ Британію, не приняли участія въ вышеупомянутомъ второмъ переходѣ согласныхъ звуковъ, ушли съ материка до исчезновенія на немъ звука þ, и поэтому на нихъ не распространился этотъ материковый переходъ звуковъ въ силу только что сказаннаго о чисто географическомъ распространеніи этого явленія, несмотря на то, что на материкѣ этотъ переходъ получилъ общее распространеніе. Такимъ образомъ англійскій языкъ и теперь еще возлагаетъ на насъ обязанность упражняться благоговѣнно въ произношеніи шипящаго þ, этого древняго общаго достоянія германскихъ праотцевъ нынѣшнихъ нѣмцевъ; да усладится для насъ этотъ тяжелый трудъ нашей симпатіей къ германской древности! Что распространеніе позднѣйшихъ измѣненій въ языкѣ не связано съ этнографической первобытною исторіей, тому мы имѣемъ еще третье доказательство. Древне-германское долгое e перешло въ долгое a; напримѣръ, въ началѣ христіанской эры мы встрѣчаемъ названіе народа Svēbi, собственныя имена Segimērus, Ingwiomērus и т. д., но начиная съ четвертаго столѣтія это долгое e переходитъ у аламанновъ въ долгое a, напримѣръ, въ словахъ Хлодомарь, швабы. Другіе изъ древнихъ свебовъ, жившіе на среднемъ Дунаѣ и не превратившіеся въ аламанновъ, напротивъ того, обладали еще въ V-мъ столѣтіи такими именами, какъ Рикимеръ, и у франковъ мы застаемъ даже еще позже имя Хлодомеръ. У франковъ переходъ въ долгое a начинается около 600 года и тянется до VIII столѣтія, а въ Нижне-Рейнской Франкони даже до IX. У саксонцевъ онъ начинается еще позже, чѣмъ у франковъ. Въ этомъ переходѣ долгаго e въ a приняли участіе въ раннее время также и юго-западные сосѣди аламанновъ, бургунды, по происхожденію своему принадлежащіе безспорно къ восточнымъ германцамъ, какъ, напримѣръ, въ собственномъ имени Годомарь. Тотъ, кто придаетъ во вниманіе всѣ имѣющіяся въ настоящее время точки опоры, которыя даются исторіей права, исторіей языковъ, географіей, исторіей литературы и другими науками, не можетъ питать никакихъ сомнѣній относительно происхожденія восточныхъ германцевъ. Это—выходимъ изъ Скандинавіи, переселившіеся на материкъ. Они отдѣлились отъ сѣверныхъ германцевъ, переселившихся съ юга, о чемъ упоминаемъ только мимоходомъ здѣсь, въ исторіи Германіи; внослѣдствіи они прошли тотъ же путь

въ обратномъ направленіи. Стало быть, это не что иное, какъ викинги ранней эпохи, такъ какъ и викинги историческаго періода тоже искали земли для переселенія, захватывали ее съ усиліемъ въ однихъ мѣстахъ и бывали вытѣсняемы изъ другихъ. Больше древніе восточные германцы тоже представляютъ собою, но крайней мѣрѣ отчасти, не выселившіеся цѣликомъ народы, а только отдѣльныя группы людей, которымъ стало тѣсно на старой родинѣ; это были настоящіе эмигранты, искавшіе болѣе просторныхъ и болѣе благодатныхъ странъ, чѣмъ скалистые и лѣсные области Швеціи. Поскольку мы вообще знакомы съ ихъ собственными народными преданіями, въ этихъ послѣднихъ сохранилось воспоминаніе о выселеніи изъ Скандинавіи, что является пріятнымъ дополненіемъ къ имѣющимся фактическимъ доказательствамъ.

Что касается того вопроса, какъ было выполнено на практикѣ это переселеніе, то существующія данныя доказываютъ возможность обонхъ путей, какъ морского, такъ и сухопутнаго. На основаніи общаго опыта наиболѣе вѣроятнымъ представляется морской путь. Однако, сухопутная дорога черезъ Датскіе острова и Ютландію тоже играла, безъ сомнѣнія, замѣтную роль.

Мы сразу же сталкиваемся съ этимъ вопросомъ у готскихъ народовъ, преданія которыхъ восходили къ Скандинавіи, какъ это подтверждаетъ ихъ историкъ Иорданнсъ, жившій въ VI вѣкѣ послѣ Р. Х. и пользовавшійся въ свою очередь болѣе древними готскими записями и сочиненіемъ Касіодора сенатора, придворнаго совѣтника и историографа Теодориха Великаго. Ихъ названіе въ древней формѣ „Gutans“ звучитъ еще и понынѣ въ названіи обширной области „Götterike“, лежавшей къ югу отъ древней Швеціи, и въ имени острова Готланда. Въ ту эпоху, къ которой относятся сообщенія римлянъ, выселившіеся изъ Скандинавіи восточно-германскіе готы жили на берегу материка, на нижнемъ теченіи рѣки Вислы, и около рѣки Гуталуса (Прегеля? Мемеля?). Готское право (даже средневѣковые непапскіе юридическіе сборники, въ которыхъ еще сохранилось вестготское ядро) раздѣляетъ съ Готландскимъ и Гетарикскимъ тѣ вышеупомянутыя общія черты древнѣйшаго семейнаго права, изслѣдованныя Юліемъ Фикеромъ, о которыхъ мы упоминали. Иорданнсъ указываетъ, что грейтунги, составлявшіе часть историческихъ остготовъ, встрѣчаются также и между скандинавскими народами подъ именемъ греотинговъ; въ средѣ восточныхъ и сѣверныхъ германцевъ попадаются не мало подобныхъ взаимныхъ отношеній.

Какимъ же образомъ готы пришли на материкъ? Какъ полагаютъ, отчасти черезъ Балтійское море. Однако, существуетъ смутное литературное указаніе на болѣе окольный путь; оно является въ то же время самымъ древнимъ историческимъ упоминаніемъ о германцахъ вообще. Въ царствованіе Александра Великаго торговецъ оловомъ, капитанъ корабля Питеасъ изъ Масселіи (т. V, стр. 13), засталъ во время своего знаменитаго путешествія къ сѣверу „въ заливѣ океана недалеко отъ янтарнаго острова Абалоса“ народъ подъ именемъ гутонговъ; это названіе соответствовало бы въ точности гутанамъ, если только вѣрно исправленное чтеніе этого слова: въ рукописныхъ экземплярахъ Плинія, единственныхъ источникахъ, въ которыхъ сохранилось это указаніе Питеаса, этотъ народъ названъ гуфонами; острова Абалоса слѣдуетъ искать съ наибольшей вѣроятностью на Фризскомъ берегу Нѣмецкаго моря, откуда вывозилось много янтара; солдаты Германика тоже знали въ этой мѣстности янтарный островъ Глезарію или Аустеравію, т. е. восточный островъ. Оба эти слова германскаго происхожденія, такъ какъ римляне переняли германское названіе янтара въ формѣ *Glaucum*, а приставка *avia* тождественна съ древнегерманскимъ словомъ *Avi*, которое было вытѣснено впоследствии заимствованнымъ у римлянъ словомъ *Insel*. Согласно съ этимъ подъ „заливомъ“

океана" слѣдуетъ понимать, вѣроятно, устья Эльбы, и Питеасъ засталъ, можетъ быть, готовъ во время ихъ переселенія на материкъ, при чемъ отставшіе свои владѣнія западные германцы не мѣшали имъ поселиться временно къ востоку отъ своей области.

Рюги (Rugi) захватили нѣкогда островъ Рюгенъ, который заимствовалъ отъ нихъ свое названіе; впоследствии сами рюги заимствовали, вѣроятно, отъ этого самаго острова свое названіе „гольмрюги“ (у Иорданиса). Гольмъ это сѣверное названіе острова; Иорданисъ говоритъ также объ этельрюгахъ (Etelrugi); слѣдовало бы ожидать Ethelrugi, но имена передаются у Иорданиса и въ рукописяхъ его сочиненія въ искаженномъ видѣ. Опять-таки въ Скандинавіи тоже упоминаются рюги и гольмрюги. Въ историческія времена рюги принимали участіе въ заселеніи Британіи, дѣлились на южныхъ и восточныхъ рюговъ, и ихъ имя сохранилось до настоящаго времени въ географическихъ названіяхъ Surrey (Sudrügen) и Eastry (Ostrügen). Изъ преданій готовъ мы узнаемъ, что имъ пришлось выдержать борьбу съ гольмрюгами, мѣстопробыванія которыхъ слѣдуетъ искать въ области, прилегающей къ устью Одера, въ то время, когда они собирались утвердиться на материкѣ.

Древнѣйшая исторія вандаловъ еще болѣе темна. Во всякомъ случаѣ, способы начертанія названія этого народа римлянами и позднѣйшими греками указываютъ, что удареніе падало на первый слогъ этого слова. Около 100 лѣтъ послѣ Р. X. они жили на сѣверѣ между Эльбой и Вислой и ушли оттуда вверхъ по теченію рѣки Одера.

Названіе бургуновъ значитъ — „жители горъ“ (срав. стр. 33); слово Burg — это другая форма слова Berg, гора, и только впоследствии оно приобрѣло нынѣшнее значеніе крѣпости, вслѣдствіе того, что германскій способъ устройства укрѣпленій былъ связанъ съ болѣе древнимъ обычаемъ германцевъ уходить въ горы и тамъ укрываться за окнами. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что мы встрѣчаемся съ названіемъ горы „Тевтобургъ“. Римляне прибавили къ нему пояснительное слово saltus, saltus Teutoburgiensis, отчего получился такой же плеоназмъ, какъ въ словахъ Dale-Karlier-Land, что значитъ „долина людей страна“; слѣдовало бы сказать просто Dalagne, долины). Въ области древнѣйшаго своего мѣстопробыванія бургуны оставили по себѣ память въ видѣ названія острова Бургундгаргольмъ, Боригольмъ. Впоследствии они жили на Вислѣ къ югу отъ готовъ, при чемъ они, конечно, уже больше не были горными жителями. Герулы ушли по слѣдамъ остальныхъ восточно-германцевъ относительно поздно; принудилъ ихъ къ выселенію натискъ датчанъ изъ Скандинавіи. Изъ германцевъ европейскаго материка они сохранили больше всего первобытныхъ чертъ какъ въ своихъ обычаяхъ, такъ и въ петропутномъ своемъ народномъ характерѣ съ его упрямствомъ и безавѣрной храбростью. Собственныя народныя преданія геруловъ не сохранились, равно какъ и преданія рюговъ, вандаловъ, бургуновъ. Однако, имѣются указанія на то, что у нихъ не исчезло воспоминаніе о Скандинавіи. Въ послѣдній періодъ эпохи переселенія народовъ они опять были сильно стѣснены сосѣдями и стали перекочевывать безъ опредѣленной цѣли; наконецъ, часть ихъ двинулась на сѣверъ къ морю черезъ холмы и переправилась въ Скандинавію, гдѣ была встрѣчена гостепріимно гетами (гаутами; срав. т. V, стр. 432) въ нынѣшней Швеціи. Впрочемъ, мы имѣемъ также другія доказательства того, что выселявшіеся выговаривали себѣ право на обратное возвращеніе въ случаѣ неудачи и что вообще регулировались болѣе или менѣе точнымъ образомъ тѣ условія, при которыхъ совершалась эта частичная эмиграція. Напримѣръ, вандалы не позволяли своимъ соплеменникамъ, оставшимся въ Панноніи, занять тѣ области, которыя были оставлены для выселявшихся на случай ихъ возвращенія, даже въ эпоху процвѣтанія основаннаго ими въ Африкѣ государства.

Народныя преданія лангобардов въ сохранились въ болѣе или менѣе нечистомъ видѣ, въ смѣси съ посторонними наслоеніями; тѣмъ не менѣе, считать ихъ недостойными тщательнаго разсмотрѣнія — это значило бы отказаться отъ исторической критики. По этимъ преданіямъ они считали себя той третьей частью скандинавскаго (то же, что сѣверно-германскаго) народа виниловъ (храбрецовъ, бойцовъ), которая должна была выселиться по жребію. На первобытное родство ихъ права съ юридическими обычаями восточно-германскихъ народовъ было указано Фикеромъ; выше (стр. 31) мы опровергли то возраженіе, которое было сдѣлано противъ него: изъ того факта, что лангобарды приняли участіе въ верхне-германскомъ переходѣ согласныхъ звуковъ еще не слѣдуетъ, что они должны быть западными германцами. Ближе всего лангобардское право сходится съ фризскимъ и съ саксонскимъ, т. е. съ правомъ установленной наукой языкознанія англо-фризской группы, составляющей посредствующее звено между южными германцами и передвинувшимися уже въ древнюю эпоху дальше къ сѣверу сѣверно-германцами. Въ I столѣтіи послѣ Рож. Хр. мы застаемъ бардовъ или лангобардовъ, получившихъ это имя благодаря своему оружію, топору съ длинной рукояткой, на лѣвомъ берегу нижней части Эльбы въ качествѣ народа даже еще болѣе дикаго, чѣмъ обыкновенные германцы (Веллей Патеркулъ) и „почитаемаго за свою малочисленность, такъ какъ онъ отстаиваетъ свою независимость въ борьбѣ противъ гораздо болѣе сильныхъ сосѣдей“ (Тацитъ). Около 165 г. они все же поднялись со своихъ мѣстъ и направились сначала въ Померанію, а оттуда ушли около 200 г. послѣ Р. Х. на правый берегъ Вислы, уже покинутый въ то время готами, въ область Галинденъ. Около 380 г. они перекочевали дальше черезъ область литовскихъ ятвяговъ въ страну автовъ къ сѣверу отъ Карпатъ (срв. т. V, стр. 325). Таково мнѣніе, высказанное Фридрихомъ Вестбергомъ въ 1903 г. Однако, если бы въ населеніи области нижней Эльбы не осталось лангобардской составной части, впоследствии соединившейся съ саксами, то едва ли бы сохранились сложныя географическія названія, въ составъ которыхъ входитъ слово „барды“, какъ, напримеръ, община Барденгау на нижней Эльбѣ около Бардовика.

Итакъ, восточными германцами въ общепринятомъ смыслѣ были и остаются готы и гениды, рюги, скиры, вандалы и бургунды. Не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы восточные и западные германцы сами сознавали свою принадлежность къ двумъ различнымъ группамъ. Политическія и этнографическія представленія древнихъ германцевъ (срв. ниже, стр. 40 и 43) были очень просты: они обнимали тѣсный кругъ, но въ этомъ кругу отличались большой широтой чувствъ. Культурному вліянію западныхъ германцевъ на восточныхъ не препятствовало сознаніе принадлежности къ двумъ различнымъ этнографическимъ сферамъ, но оно нисколько не облегчалось чувствомъ родства между ними. Культурныя заимствованія, сдѣланныя восточными германцами у западныхъ, нисколько не отличались по своему существу отъ вліянія германцевъ на финскіе и впоследствии на славяно-литовскіе народы и совершались въ обоихъ случаяхъ чисто практическимъ путемъ. Часть того, что западные германцы позаимствовали отъ кельтовъ, передавалась дальше восточнымъ и сѣвернымъ германцамъ. То же случилось впоследствии со всѣмъ тѣмъ, чему германцы научились отъ римлянъ, т. е. съ многочисленными разнообразными предметами потребленія, рунами, т. е. римскими заглавными буквами, которыя вырубались на деревѣ, и римскими названіями дшей недѣян, въ которыхъ латинскія божества были замѣнены германскими.

в) Отдѣльные англо-фризскіе народы.

Фризы прошли рано вдоль по морскому берегу, по той дорогѣ на западъ, которая впоследствии оказалась прегражденной для лангобардовъ.

Затѣмъ они распространились въ обратномъ направленіи на востокъ и на сѣверъ, рядомъ со стоящими съ ними въ болѣе близкомъ родствѣ англами и ютами, т. е., главнымъ образомъ, на островахъ Нѣмецкаго моря. Понятно, что, находясь въ исключительномъ соприкосновеніи съ южными германцами, они сблизились съ послѣдними по своему языку, равно какъ и обратно благодаря сосѣдству фризскихъ языковъ наблюдается все усиливающееся всасываніе фризскихъ элементовъ нижне-германскимъ нарѣчіемъ. Другими словами, фризы причисляются къ западнымъ германцамъ, нѣмцамъ, на основаніи позднѣйшаго развитія ихъ политическихъ отношеній и языка.

Саксы, имя которыхъ тоже происходитъ отъ названія оружія, тоже рассказываютъ въ своихъ народныхъ преданіяхъ о прибытіи древнѣйшихъ представителей своего народа на материкъ, что заслуживаетъ вниманія въ связи съ посредствующей ролью англофризовъ между южными и сѣверными германцами, въ которой саксы тоже принимали участие. Хотя саксы, какъ видно, не были съ самаго начала западными германцами, но они, во всякомъ случаѣ, относительно рано прикнули къ западно-германскому процессу сліянія народовъ и содѣйствовали обособленію и упроченію особой германской народности: во-первыхъ, тѣмъ, что они образовали тотъ великій и прочный союзъ съ южными германцами, населявшими нынѣшнюю Сѣверную Германію, который получилъ отъ нихъ свое имя, — союзъ Саксовъ; во-вторыхъ, тѣмъ, что союзъ былъ покоренъ Франкской монархіей и что Германская имперія оказала большее вліяніе на тѣсное соединеніе и сліяніе саксовъ съ остальными народами Германіи, чѣмъ на фризовъ.

2. Распространеніе германцевъ на материкъ Европы.

Еще тогда, когда римляне ничего не знали о германцахъ, а эти послѣдніе о римлянахъ, германцы уже были учениками кельтовъ и въ свою очередь производили на послѣднихъ постоянное давленіе при своемъ медленномъ неудержимомъ распространеніи на западъ. Это распространеніе (смотри карту: „Распространеніе германцевъ и кельтовъ въ Средней Европѣ между 500 и 50 годами до Р. Х.“, прилож. къ стр. 154) шло, очевидно, въ формѣ дугообразныхъ волнъ. Къ сожалѣнію, среди кельтовъ не было Ливія или Тацита, которые оставили бы намъ описаніе этихъ событій.

Зернышки нашихъ свѣдѣній приходится откапывать въ языкѣ, въ географическихъ названіяхъ или въ коллекціяхъ древностей; но толкователямъ подобныхъ открытій не всегда удается сообщить намъ свою увѣренность. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда это научное движеніе наталкивается на какой-либо первъ древняго или средневѣковаго культурнаго міра, тогда въ научной литературѣ вспыхиваетъ молнія, которая освѣщаетъ нѣкоторую часть продвигающагося впередъ германскаго фронта или разсыпавшейся впереди него цѣпи стрѣлковъ. Но, къ сожалѣнію, эти озаренныя на мгновеніе отдѣльныя явленія быстро погружаются опять въ окружающую ихъ тьму. До Цезаря мы схватываемъ только отдѣльные случайные по времени и мѣсту обрывки и признаки общаго движенія и переселенія германскихъ народовъ. Такимъ вспыхнувшимъ на короткое время огонькомъ является то заключеніе, которое можно сдѣлать на основаніи сообщенія Питеаса, что западный предѣлъ распространенія германцевъ дошелъ около 300 года до Р. Х. до устьевъ рѣки Рейна (сравни выше, стр. 30). Ближайшій по времени признакъ этого концентрическаго распространенія обнаруживается на юго-восточномъ краю: послѣ 200 года до Р. Х. достигли Карпатскихъ горъ бастарны, которые были, безъ сомнѣнія, народомъ германскаго происхожденія, и часть ихъ была принята македонскими царями къ себѣ на службу въ качествѣ вспомога-

тельныхъ войскъ въ войнѣ противъ римлянъ. Слѣдующимъ по порядку явленіемъ, наблюдавшимся современниками римлянами, были кимвры; затѣмъ идетъ Аріовистъ.

Все это великое движеніе германцевъ, непрерывно оттѣспявшее кельтовъ, до сихъ поръ покрыто непроницаемымъ мракомъ; съ опредѣленностью можно сказать только слѣдующее: тамъ, гдѣ германцы находили хорошую, пригодную для обработки землю, тамъ они двигались непрерывно впередъ сомкнутымъ строемъ и захватывали всю землю прежнихъ жителей за исключеніемъ крѣпостныхъ, платившихъ дань (летовъ). Однако, среднегерманская горная область не удовлетворила ихъ окончательно, какъ мѣсто для постоянной осѣдлости, и, съ другой стороны, не требовала отъ нихъ тяжелой борьбы для своей защиты; поэтому они устремляются дальше. Такимъ образомъ перекочевывали съ мѣста на мѣсто со всѣмъ своимъ домашнимъ скарбомъ и крестьянскимъ инвентаремъ, живымъ и мертвымъ, отдѣльные части различныхъ народовъ, завѣтной мыслью которыхъ было осѣсть снова на хорошей пахатной землѣ. Этой постоянной цѣли ихъ странствованій. Отсюда произошелъ тотъ совершенно необычный, неуставовившійся, весьма бѣдный по своимъ хозяйственнымъ результатамъ и даже возвращающійся къ древнѣйшимъ формамъ коммунизма бытъ тѣхъ перекочевывавшихъ съ востока частей свебовъ, которыхъ изображаетъ Цезарь: бросаясь съ горъ на правомъ берегу Рейна, они беспокоятъ непрерывно со всѣхъ сторонъ осѣдлое населеніе, дорожащее своими насиженными мѣстами, и отступаютъ, не задумываясь, предъ Цезаремъ послѣ обонхъ его переходовъ черезъ Рейнъ. Совершенно иначе ведутъ себя въ 16 году послѣ Р. Х. херуски: только тяжелыя военныя неудачи заставили ихъ подумать о томъ, чтобы въ худшемъ случаѣ оставить свои владѣнія и перекочевать обратно на другую сторону Эльбы, но въ дѣйствительности они не рѣшились на такой шагъ.

А. Явленія, сопутствовавшія распространенію германцевъ.

Отдѣльные эпизоды этого великаго всеобщаго передвиженія отличаются большимъ разнообразіемъ. Иной разъ отъ всего народа отдѣляются только отдѣльныя группы эмигрантовъ, а въ другой разъ снимаются съ мѣста цѣлыя народности или даже нѣскольکو народностей, спутавшихся въ одинъ клубокъ. По всей вѣроятности, этотъ послѣдній случай встрѣчается рѣже, и побудительной причиной бывала тогда не земельная нужда, а военныя невзгоды: въ то время, какъ одни искали счастья въ далекихъ странахъ, другіе, чувствовавшіе себя довольно сильными, пытались захватить земли своихъ сосѣдей; въ однихъ случаяхъ такой пабѣгъ заканчивался удачно, и прежніе жители выселялись, въ другихъ случаяхъ упорное сопротивленіе оборонявшейся народности, отражавшей нападеніе собственными силами или въ союзѣ съ другими, заставляло, наконецъ, нападавшихъ отказаться отъ своего предпріятія или же даже приводило къ полному истребленію ихъ, какъ это случилось съ амбзиварами. Изъ всей этой путаницы отдѣльныхъ эпизодовъ, многократно повторявшихся во многихъ мѣстахъ и перемѣшивавшихъ между собою осѣдлое населеніе всѣхъ частей Германіи, выдѣляется, наконецъ, та карта распредѣленія германскихъ народовъ, которую мы находимъ у римскихъ географовъ и, въ частности, у Тацита. Безнадежны, вообще, попытки возстановленія на основаніи этой карты, какъ болѣе или менѣе вѣрнаго изображенія условій времени этихъ писателей, болѣе подробной картины группировки германцевъ въ доисторическія времена. Происходило постоянное и непрерывное смѣшеніе различныхъ германскихъ народовъ; и кто будетъ копаться надъ родословными, тотъ отсталъ отъ современной науки на нѣсколько десятилѣтій. Приходится также отказаться отъ недавно поповшей снова въ честь груп-

ировки германцевъ на нигвеоповъ, иствеоповъ и эрминоповъ, какъ первобытныя племена. Она не имѣетъ никакой этнографической цѣнности; это искусственное этногическое построение, обязанное своимъ происхождениемъ рано развивающейся потребности въ преданіяхъ о сотвореніи міра и въ придуманной первобытной исторіи, потребности, свойственной всѣмъ обладающимъ кое-какимъ самогнѣіемъ народамъ. „Племенное“ родство между отдѣльными группами германцевъ совсѣмъ не вытекало изъ ихъ первобытной исторіи, а, наоборотъ, образовалось запозво, какъ результатъ историческаго процесса; племена слились воедино подъ давленіемъ внѣшнихъ политическихъ условій, и это стремленіе къ единству поддерживалось внутреннимъ тяготѣніемъ и ассимиляціей. Тотъ, кто хочетъ сослаться на наиболѣе наглядное доказательство изъ новѣйшей эпохи, пусть обратитъ вниманіе, напримѣръ, на вюртембергцевъ и нидерландцевъ, которые превратились въ новыя народныя единицы посредствомъ отдѣленія нѣкоторыхъ группъ отъ своихъ прежнихъ соплеменниковъ и сліянія между собою различныхъ составныхъ частей, или же на баварцевъ нынѣшняго Баварскаго королевства, которое стоитъ на срединѣ пути подобнаго развитія. Въ прежнія эпохи такой процессъ совершался неоднократно, и германцы различнаго происхожденія, перекочевавшіе черезъ Эльбу на востокъ, слились такимъ образомъ въ отдѣльныя народныя группы: силезскую, померанскую, люксембургскую и прусскую. Задолго до нихъ такимъ же образомъ объединились англо-саксы, еще раньше саксы, франки, аламанны, байовары, а раньше ихъ бельги и друг. Въ болѣе позднія эпохи вышеупомянутыя „внѣшнія политическія условія“ и толчки опредѣляются превосходствомъ грубой матеріальной силы и объединяющими династіями; на болѣе ранней стадіи развитія, когда династіи и монархіи еще покоились въ зародышѣ, дѣйствовало вліяніе союзовъ.

а) Племена.

Въ древнѣйшій періодъ своей исторіи германцы вступаютъ безъ всякихъ другихъ политическихъ и этнографическихъ сборныхъ понятій кромѣ малепькихъ или нѣсколько большихъ племенъ съ ихъ случайнымъ и внѣшнимъ то кратковременнымъ, то болѣе прочнымъ объединеніемъ въ союзы для политическихъ цѣлей. Народность — это послѣднее и самое крупное объединяющее понятіе, обозначаемое словами *folk* и *thiot, diot, deot, diet*. Только съ народностью соединяется въ полномъ видѣ представленіе объ общности языка, о взаимномъ пониманіи въ кругу обычныхъ интересовъ; слово *deuten*, объяснять, одного происхожденія съ *thiot, deot*. Если отдѣльныя части такихъ племенъ выселяются, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ онѣ сохраняютъ названіе своего материнскаго народа, какъ было, напримѣръ, съ готами и кимерами въ теченіе всего времени ихъ странствованія или съ харудами, несмотря на то, что они пришли къ Аріовисту издалека, изъ Ютландскаго полуострова. Если же выселившіяся группы пріобрѣтаютъ вновь осѣдлость и превращаются въ самостоятельную единицу, то они, по большей части, даютъ себѣ другое названіе, какъ, напримѣръ, лангобарды, отдѣлившіеся отъ викиловъ, или батавы. Эти послѣдніе были частью племени хаттовъ, которая добралась до большого острова (Au, Awa) между рѣками Рейномъ и Вааломъ и поселилась на немъ. По имени этого острова Батъ-Ау, нынѣшняго Бетуве, они называли себя батавами, хотя они продолжали пользоваться своимъ прежнимъ именемъ хаттовъ даже еще позже въ названіяхъ, даваемыхъ ими отдѣльнымъ своимъ поселеніямъ, которыя въ такомъ случаѣ начинаются словомъ „каты“. Батавы сохранили юридическіе обычаи хаттовъ, но фактическая жизненная связь между тѣми и другими была разорвана; хатты приняли участіе во второмъ верхне-германскомъ переходѣ звуковъ, въ то время какъ батавскіи

названія сохранили и понынѣ болѣе древній звуковой составъ, какъ, напримѣръ, въ словѣ катвійкъ.

При возникновеніи этихъ болѣе новыхъ названій мѣстностей географическія условія новыхъ поселеній играли важную роль. Въ видѣ дальнѣйшаго примѣра приведемъ амбзиваровъ на рѣкѣ Эмсѣ или зигамбровъ на рѣкѣ Зигѣ, названіе которой имѣетъ болѣе древнее, кельтское происхожденіе. Названія мѣстностей примѣнялись для обозначенія новыхъ группъ переселенцевъ только въ томъ случаѣ, если они дѣйствительно рѣшались водвориться навсегда на новомъ мѣстѣ. Пока свебы Цезаря бродили по правому берегу Рейна безъ опредѣленнаго рѣшенія, а Аріовистъ съ частью свебовъ и охотниками изъ другихъ племенъ пытался основать новое государство на верхнемъ Рейнѣ въ Галліи (срав. ниже, стр. 45), названія отдѣльныхъ племенъ, принесенныя съ собою пришельцами изъ ихъ прежней родины, отступали на задній планъ передъ той общей связью между ними, что всѣ они или, по крайней мѣрѣ, главная масса ихъ отдѣлилась отъ великаго и знаменитаго союза свебовъ, господствовавшаго въ области Эльбы и Гавеля; они называли себя свебами, и тѣмъ же именемъ называли ихъ также и другіе. Только впоследствии, когда желѣзная преграда римской границы и римская политика заставили свебовъ отказаться отъ дальнѣйшихъ передвиженій, оставить въ покоѣ своихъ сосѣдей и, худо ли, хорошо ли, пріобрѣсть прочную осѣдность въ горной области на правомъ берегу Рейна, въ средней части его теченія, выступаютъ опять на сцену вмѣсто общаго имени свебовъ названія отдѣльныхъ племенъ, входившихъ въ ихъ составъ. Пока кимвры перекочевывали, они намъ извѣстны только подъ этимъ единственнымъ именемъ, которымъ назывались также оставшіеся на родинѣ земляки ихъ, но та часть ихъ, которая осталась въ Галліи, превратилась въ адуратовъ.

б) Столкновенія между кельтами и германцами.

Сами германцы отдавали себѣ отчетъ въ томъ, что при своемъ движеніи впередъ они должны столкнуться прежде всего съ кельтами по всей линіи отъ Нѣмецкаго моря до Богеміи и Бескидъ. Они искали термина для обозначенія всей совокупности кельтовъ и обобщили для этой цѣли племенное названіе кельтскихъ *Volcae* (такова была позднѣйшая римская орфографія этого названія) въ формѣ „валхи“, составляющей точную германскую параллель приведенному латинскому названію, такъ какъ въ германскихъ языкахъ короткое о остальныхъ индогерманцевъ превращается въ короткое а (напротивъ того—долгое а индогерманцевъ и кельтовъ въ частности превращается въ долгое о: *Danubius*—*Donau*—Дунай). Кельты уже строили огороженныя селенія, которыхъ германцы не могли взять штурмомъ, такъ какъ они были совершенно незнакомы съ фортификаціей и осаднымъ искусствомъ. Кельты обладали также болѣе изящнымъ и лучшимъ оружіемъ, которое попадало въ руки германцевъ только путемъ ввоза его въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ; напримѣръ, кимвры очень охотно добывали такое оружіе и носили его въ качествѣ трофеевъ. Кельты ушли гораздо дальше германцевъ въ общественной жизни и отличались военной гордостью, — германцамъ приходилось всему учиться у нихъ. Несмотря на это первые не выдержали патиска болѣе первобытнаго народа съ болѣе скромными потребностями и отступили передъ нимъ точно такъ же, какъ впоследствии германцы отступили передъ напоромъ нетребовательныхъ славянъ, несмотря на всю свою военную славу. Германцы, которымъ стало тѣсно въ сѣверо-германской равнинѣ, проникли отсюда вверхъ по Везеру, уничтожили при этомъ относительно болѣе позднюю границу кельтовъ, установленную исследователями донсторическаго періода и тянущуюся отъ Тюрингенскаго лѣса до Рурскихъ горъ. Еще большею

силою, чѣмъ натискъ германцевъ въ направленіи средне-германской горной страны, отличалось ихъ движеніе въ другую сторону. Они пробирались черезъ нижній Рейнъ и захватывали непрерывно владѣнія кельтовъ. Однако, они еще не были въ состояніи изгнать также и отсюда все населеніе или ассимилировать его уже послѣ захвата. Господство ихъ простиралось до Шельды, верхней части Мааса и впаденія Заары въ Мозель, но среди германцевъ осталось довольно много кельтовъ какъ въ качествѣ самостоятельныхъ племенъ, такъ и въ качествѣ подвластныхъ германцамъ покоренныхъ группъ населенія; пришельцы начинаютъ понемногу ассимилироваться съ кельтами, точно такъ же какъ въ послѣдствіи такой же участи подвергся авангардъ второго наслоенія германскихъ завоевателей, франки. Германцы, перешедшіе черезъ Нижній Рейнъ, превратились въ бельгійцевъ; во времена Цезаря ихъ было 27 племенъ, которыя еще знали отчасти, что они принадлежатъ по происхожденію къ германцамъ; всего только пять бельгійскихъ племенъ, жившихъ ближе всего къ Рейну, въ дѣйствительности оставались еще германцами. Что касается батавовъ, то они составляютъ переходное звено между этими бельгійцами и германцами праваго берега Рейна.

в) Происхожденіе слова „германцы“.

Въ связи съ этими нидерландско-галльскими событіями стоитъ возникновеніе самаго названія „германцы“. Вполнѣ согласно съ приведенными нами выше параллельными случаями общій терминъ, обозначающій этнографическую совокупность германцевъ, былъ изобрѣтенъ не ими самими, а другими, у которыхъ существовала болѣе настоятельная потребность въ подобномъ терминѣ, именно, кельтами. „Германцы“ не развили у себя даже и по сіе время общенародной потребности въ словѣ, обозначающемъ, на ихъ собственномъ языкѣ, всю относящуюся сюда группу (нѣмцевъ, англичанъ, скандинавовъ), интересъ, существующій среди образованныхъ классовъ, удовлетворяется этимъ древнимъ кельтскимъ терминомъ, перенятымъ римлянами, а отъ нихъ ученымъ путемъ нѣмцами. Кельтское происхожденіе слова „германцы“ стоитъ внѣ сомнѣнія, по этимологическое значеніе его до сихъ поръ еще не разъяснено. Очевидно только одно, что это выраженіе годилось, вѣроятно, для обозначенія не-кельтовъ вообще, такъ какъ кельты прилагали его также къ своимъ иберійскимъ сосѣдямъ, оретанамъ. На Рейнѣ этимъ именемъ были впервые окрещены, по словамъ Тацита, тунгры, которые перешли черезъ Рейнъ раньше другихъ германцевъ; послѣдніе ухватились за него для того, чтобы нагнать страхъ на своихъ враговъ, кельтовъ: „все племена по ту сторону Рейна такіе же, молъ, германцы, какъ и мы“. Такимъ образомъ слово, означавшее первоначально отдѣльное племя, было примѣнено ко всему народу (Тацитъ). Что касается тѣхъ, которые впервые были названы германцами, то черезъ короткое время они превратились опять въ тунгровъ.

Цезарь, а въ послѣдствіи и Тацитъ разбирались внимательно въ вопросъ о принадлежности той или иной группы населенія къ тому или иному народу, особенно же по отношенію къ Бельгій; со всей сознательностью этнографа, руководящагося политическими точками зрѣнія прогрессирующей міровой державы, Цезарь первый далъ римлянамъ точные признаки, отличающіе галловъ отъ германцевъ. Заднимъ числомъ было выяснено, что кимвры принадлежали къ этому же грозному потоку народовъ, окрещенному галлами именемъ „германцевъ“. Уже послѣ войны съ кимврами, приблизительно во время великаго возстанія рабовъ и гладиаторовъ (т. IV, стр. 388), римляне приобрѣли о нихъ вѣрное представленіе, при чемъ воспользовались тѣми необходимыми ближайшими признаками, которые были указаны впервые Цезаремъ.

В. Кимвры.

Нашествіе кимвровъ на Италію является однимъ изъ частичныхъ передвиженій германцевъ. Оно приобрѣло такую важность по той причинѣ, что оно привело къ первому непосредственному столкновенію между германцами и римлянами и самымъ постояннымъ образомъ заставило послѣднихъ слѣдить съ этихъ поръ съ напряженнымъ вниманіемъ за тѣми народами, которые появлялись на ихъ географическомъ и политическомъ горизонтѣ къ сѣверу отъ Альпъ. Никакими хитросплетеніями нельзя опровергнуть того факта, что на Кимврскомъ полуостровѣ еще долгое время спустя жилъ народъ кимвры, отъ котораго отдѣлились странствующія племена кимвровъ. Эти осѣдлые кимвры вступили въ сношенія съ Августомъ, выдали ему нѣкоторые предметы добычи, отосланные имъ ихъ выселившимся соплеменниками; они вовсе не жили гдѣ-либо на краю свѣта по отношенію къ римлянамъ, которые въ это время заходили въ Эльбу со своимъ флотомъ, сдѣлали фризовъ своими союзниками и стремились съ успѣхомъ, достойнымъ вниманія, къ географическому изслѣдованію всей Германіи, не исключая и Скандинавіи. Однако, совершенно темными остаются слѣдующіе вопросы: когда ушли эти эмигранты изъ своей родины, которая стала слишкомъ тѣсною для всего племени? Сколько времени понадобилось имъ для того, чтобы пробраться и пробиться черезъ владѣнія осѣдлыхъ германцевъ, жившихъ къ югу отъ нихъ, затѣмъ дальше черезъ современную Среднюю и Верхнюю Германію съ населявшими ее кельтскими народами? Мы приобретаемъ мѣрило для выясненія характера подобныхъ странствованій только въ послѣдніе годы предъ Р. Хр.

Въ 113 году до Р. Хр. кимвры достигли сѣвернаго края Альпъ, на которомъ стало сосредоточиваться какъ разъ въ это время вниманіе римлянъ подъ вліяніемъ торгово-политическихъ интересовъ. Тутъ столкнулись между собою впервые римляне и германцы, изъ которыхъ какъ тѣ, такъ и другіе стремились къ захвату владѣній кельтовъ. Кимвры оправдываются предъ римлянами, ссылаются на то, что на землѣ хватить мѣста какъ для нихъ, такъ и для римлянъ, и что владѣнія кельтовъ настолько велики, что могутъ быть удовлетворены какъ римскіе, такъ и германскіе интересы; съ такой же точкой зрѣнія мы встрѣчаемся также у Аріовиста: какъ кимвры, такъ и Аріовистъ далеки отъ мысли о вызовѣ римлянъ, поражавшихъ ихъ своимъ могуществомъ, или о нападеніи на нихъ; кимвры почтительно посылаютъ сказать римлянамъ, что, какъ имъ извѣстно, римляне тоже покорили часть кельтовъ, и что они сами желаютъ поддерживать съ римлянами вполне миролюбивыя отношенія.

Подвергались ли кимвры предательскому нападенію со стороны римлянъ или же послѣдніе вступали съ ними въ честный бой,—кимвры одерживали надъ римскими войсками одну побѣду за другою; тѣмъ не менѣе, они остаются при томъ же своемъ примирительномъ настроеніи и настаиваютъ только на томъ, чтобы римское правительство не мѣшало ихъ поселенію въ избранной ими части кельтскихъ владѣній. Напротивъ того, Римъ теперь только оцѣнилъ значеніе этого кельтскаго „вопроса“; хотя онъ и не зналъ въ точности, что за люди эти нарушители мира, онъ ни въ коемъ случаѣ не желаетъ терять ихъ сосѣдства; получивши отказъ отъ Рима, кимвры отошли добровольно отъ сѣвернаго края Альпъ, но въ Галліи римляне тоже нигдѣ не оставляли ихъ въ покоѣ. Тутъ, въ Галліи, кимвры натолкнулись на своихъ сотоварищей по несчастью, тевтоновъ, другую такую же большую перекочевывающую орду, ищущую мѣста для поселенія, съ той только разницей, что эти бездомные тевтоны едва ли были германцами, а скорѣе всего кельтами. Безплодныя попытки приобрести осѣдность въ Галліи будь то во владѣніяхъ римлянъ или же въ области храбрыхъ бельговъ, а вслѣдъ затѣмъ неудавшаяся попытка кимвровъ вторгнуться въ

Испанію склонили обѣ орды, преслѣдовавшія одну и ту же цѣль, къ рѣшенію направиться въ Италію. Тевтоны выбрали дорогу черезъ Западныя Альпы, а кимвры пошли черезъ знакомыя имъ части провинціи Норика и черезъ Бреннеръ. Ближайшія изслѣдованія доказываютъ, между прочимъ, что можно говорить скорѣе о конкуренціи между кимврами и тевтонами, чѣмъ объ ихъ совмѣстныхъ военныхъ дѣйствіяхъ, казавшихся чѣмъ-то очевиднымъ для политической мысли римлянъ. Имѣли ли кимвры передъ собою какой-нибудь опредѣленный планъ, задумали ли они съ большей рѣшимостью, чѣмъ прежде, захватить самую прекрасную изъ всѣхъ кельтскихъ областей, которую римляне только что стали приобщать къ своимъ рукамъ, Верхнюю Италію, или же они угрожали этой области съ цѣлью заставить римлянъ откупиться отъ нихъ уступкой той или другой части Галліи — это остается неизвѣстнымъ. Вѣроятно, однако, что это нашествіе было только угрозой, такъ какъ кимвры оставили свой обозъ въ Сѣверной Галліи подъ прикрытіемъ отдѣльнаго отряда, оставшагося тамъ. Когда они отбѣснили римскія войска и открыли себѣ дорогу въ Италію, они все-таки не вступили въ Gallia Cispadana (Галлію къ югу отъ рѣки По), а оставались перѣшительно въ Gallia Transpadana (Галліи къ сѣверу отъ рѣки По), въ которой римляне не успѣли еще ввести дѣйствительнаго порядка, и пропустили такимъ образомъ много времени. Наконецъ, когда противъ нихъ выступилъ К. Марій, то они не потребовали также и отъ него ничего другого, кромѣ предоставленія имъ возможности съ разрѣшенія римлянъ приобрести себѣ для себя и для тевтоновъ; въ противномъ же случаѣ, грозилъ кимвры, они не успокоятся. Только изъ презрительнаго отвѣта Марія они узнали, что тевтоны были уничтожены уже въ 102 году около Aquae Sextiae. На Раудскихъ поляхъ передъ городомъ Vercellae Марій уготовилъ имъ такую же участь. Изъ всѣхъ, ушедшихъ изъ своей родины кимвровъ, уцѣлѣла только та часть, которая осталась въ Галліи; въ концѣ-концовъ, ей удалось поселиться между бельгами; изъ слиянія ея съ тунграми образовалось бельгійское племя адуатукровъ.

В. Аріовистъ и Цезарь.

а) Натискъ германцевъ на верхнемъ Рейнѣ.

Вслѣдъ за кимврами стали вторгаться во владѣнія римлянъ другія полчища скателей земли. Нѣкоторые германскіе народы прорвались въ ту плодороднѣйшую часть долины Рейна, въ которой эта рѣка протекаетъ черезъ самыя благодатныя мѣстности Европы къ сѣверу отъ Альпъ; они играли роль далеко выдвинутыхъ форпостовъ области распространенія германской себдлости и располагались вокругъ древнихъ римскихъ городовъ: неметы вокругъ Шпейера, вангионы вокругъ Вормса, трибокни вокругъ Страсбурга. Несмотря на кельтское названіе Рейна въ этихъ верхнихъ и среднихъ частяхъ его теченія во владѣніи кельтовъ оставались только кое-гдѣ небольшіе клочки. Во всей области Майна и Дуная германцы тѣснили кельтовъ, которые бывали вынуждены покидать свои насиженные мѣста и бросаться другъ на друга. По всей линіи отъ Майна до Альпъ кельты отступили предъ германцами и оставили всю эту область еще раньше, чѣмъ германцы обнаружили явное стремленіе къ ея захвату и упроченію за собой. Послѣ ухода кельтовъ въ нынѣшнемъ Баденско-Вюртембергскомъ перегибѣ Рейна, откуда гельветы ушли и скучились къ югу отъ этой области, образовалась „Гельветская пустыня“: такъ называлась область, окружающая Шварцвальдъ съ востока, которая оставалась въ теченіе долгаго времени никѣмъ не занятой. Германцы поддались въ это время съ большей силой, чѣмъ когда бы то ни было, стремленію искать такихъ мѣстъ для поселенія, въ которыхъ почва и климатъ обѣщали имъ

болѣе легкое и болѣе обезпеченное существованіе. Они еще не превратились въ тѣхъ выносливыхъ и трудолюбивыхъ земледѣльцевъ, какими мы знаемъ ихъ въ позднѣйшіе періоды исторіи, — такое воспитаніе получили они только подъ вліяніемъ долгаго гнета нужды, а въ то время, о которомъ мы говоримъ, они отличались еще излишней требовательностью, большей склонностью къ войнѣ, чѣмъ къ тяжелому и упорному труду. Мы научились объяснять подобныя явленія, исходя изъ трезвыхъ мотивовъ и нуждъ, но все же намъ не слѣдуетъ быть слишкомъ узкими, въ особенности не надо забывать, что продолжительныя странствованія создаютъ страсть къ кочевой жизни. Итакъ, горная область Верхней Германіи не манила къ себѣ германцевъ, но ихъ соблазнялъ примѣръ завоевателей Верхне-Рейнской долины, а тѣмъ болѣе заманчивыя культурныя страны Западной и Южной Европы. Аріовистъ и странствующія полчища себовъ, которыя шли за нимъ, воспользовались племенными раздорами между галлами съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ кимбры за два поколѣнія передъ тѣмъ, и поселились къ югу отъ трибоквъ, подчинили себѣ область секвановъ къ югу отъ Верхне-Рейнской долины и оттуда къ западу по направленію къ Юрѣ вдоль рѣки Ду. Въ Средней Галліи начался такой же процессъ, какъ предшествовавшій ему захватъ владѣній бельговъ въ Сѣверной Галліи.

б) Столкновеніе изъ-за кельтскихъ областей разрѣшается въ пользу Рима.

Въ теченіе нѣкотораго времени Римъ оставался въ бездѣйствіи вслѣдствіе внутреннихъ смуть (т. IV, стр. 385). Теперь же предъ нимъ стояла неотложная задача: возобновленіе его германской политики, проводившейся съ успѣхомъ въ борьбѣ съ кимбрами и водвореніе мира въ кельтскихъ областяхъ. Въ лицѣ Цезаря выступилъ на сцену великій руководитель для подобной политики. Прежде всего онъ отбросилъ назадъ гельветовъ. Эти послѣдніе скучились до того, что положеніе ихъ стало невыносимымъ, тѣмъ болѣе, что къ нимъ протискивались и другіе кельты, да вдобавокъ ихъ не оставляли въ покоѣ развѣдочные отряды германцевъ. Они пытались было двинуться на западъ въ Галлію, но Цезарь разбилъ ихъ, заставилъ ихъ повернуть назадъ и въ то же время превратилъ ихъ въ буферъ противъ германцевъ, Аріовистъ не пришелъ къ нимъ на помощь; въ консульство Цезаря Римъ прислалъ ему почетные подарки и знаки царскаго достоинства и назвалъ его своимъ союзникомъ-царемъ. Покончивъ съ гельветами, Цезарь обратился противъ Аріовиста. Ни къ какому результату не привело личное собесѣдованіе между обоими предводителями, въ которомъ слѣдуетъ отмѣтить ту замѣчательную черту, что Аріовистъ изъявилъ готовность присоединить свои отряды къ римскимъ въ качествѣ вспомогательныхъ войскъ, если только римляне обяжутся соблюдать миръ и оставить во владѣніи германцевъ земли секвановъ, занятія ими. Цезарь долженъ былъ изгнать германцевъ; добиться такого результата было необходимо не только для сохраненія римскаго престола въ Галліи, но и для устрашенія остальныхъ германцевъ. Оружіе рѣшило дѣло въ его пользу, какъ иногда въ пользу его двоюроднаго дѣда Марія, на памятникъ котораго онъ заглядывался еще будучи ребенкомъ.

Теперь Цезарь направился къ своей великой цѣли, къ широкому разрѣшенію кельтскаго вопроса посредствомъ окончательнаго прегражденія германцамъ доступа въ Галлію и превращенія Рейна въ границу Римской имперіи. Онъ не рѣшился включить Аріовиста въ создаваемую имъ провинцію, но настойчиво проводилъ такой онытъ надъ бельгами, которые почти вполне ассимилировались съ галлами, несмотря на то, что они оказали ему самое храброе сопротивленіе. Безъ нихъ созданіе его рукъ оста-

лось бы незаконченнымъ; область бельговъ, которая грозила постоянной опасностью Малой Галліи и оставляла открытую дорогу для нападенія извнѣ, онъ стремился превратить въ оплотъ для создаваемой имъ единой Галліи. Еще раньше, чѣмъ бельговъ, ему удалось склонить на свою сторону германцевъ убіевъ, которые съ своей стороны тоже нуждались въ подобномъ союзѣ, такъ какъ они страдали отъ постоянныхъ столкновеній съ неосѣдлыми ордами свебовъ и другими сосѣдями. Послѣ закрытія Цезаремъ границы Галліи, служившей отдушной, атмосфера постоянныхъ столкновеній между прирейнскими переселенцами еще болѣе сгустилась. Что касается тѣхъ германскихъ ордъ, которыя продолжали переходить черезъ Рейнъ, то Цезарь уничтожилъ ихъ самымъ предательскимъ образомъ, не щадя и тѣхъ, которые были жертвами свебовъ, бывшихъ, по его мнѣнію, источникомъ всѣхъ смутъ. Для борьбы со свебами онъ предпринялъ съ своей стороны два похода на правый берегъ Рейна, но свебы оба раза уклонились отъ него, отступивши далеко въ глубь Германіи. Оба раза Цезарь вернулся назадъ какъ можно болѣе поспѣшно для того, чтобы не могло быть рѣчи о неудачѣ. Хотя Рейнъ въ качествѣ границы отличался многими недостатками, тѣмъ не менѣе, римляне продолжали охранять эту границу въ теченіе ближайшихъ десятилѣтій послѣ управленія Цезаря Галліей. При допущеніи окончательно вѣтвистыхъ изъ мѣстъ своей осѣдлости германцевъ на лѣвый берегъ, какъ, на примѣръ, убіевъ, испрашивалось разрѣшеніе по установленной формѣ. Кромѣ того, со времени возстанія Вердингеторикса Цезарь открылъ для недовольныхъ и неспокойныхъ германцевъ новый промыселъ въ видѣ службы наемниками въ вспомогательныхъ и породческихъ войскахъ; этотъ промыселъ быстро приобрѣлъ популярность среди германцевъ, которые приравнивали его къ поступленію въ дружину кого-либо изъ своихъ знатныхъ соплеменниковъ.

Оставалось еще поторопиться выполненіемъ на Дунаѣ того, что было сдѣлано Цезаремъ въ Галліи на Рейнѣ, пока германцы еще не дошли до этой рѣки и не перешли черезъ нее. Это было выполнено при духовномъ и политическомъ преемникѣ Цезаря Августѣ посредствомъ устройства новыхъ провинцій Норика и Ретіи. Въ этомъ римлянамъ несколько не мѣшали германцы, замкнутая масса которыхъ въ это время достигла только Майна.

Тѣмъ болѣе чувствительныя неудачи и препятствія выпали на долю римлянъ въ Рейнской области. Римъ не хотѣлъ больше оставаться подъ ненадежнымъ прикрытіемъ рѣки въ качествѣ границы. Если силы міровой державы продолжаютъ расти въ то время, какъ у ея сосѣдей по ту сторону политической границы господствуетъ политическій беспорядокъ, то такая держава бываетъ вынуждена силою вещей подвигать впередъ свою пограничную линію. Цезарь обезопасилъ Галлію, Августъ и его помощники задумали прикрыть три отдѣльныя провинціи Галліи тремя другими провинціями подъ названіемъ I, II и III Германія. I и II Германія были образованы весьма легко и весьма быстро на лѣвомъ берегу Рейна, главнымъ образомъ, изъ существовавшихъ тамъ германскихъ поселеній; Германію III приходилось еще завоевать, распространивши престижъ римскаго имени до береговъ Эльбы по направленію мирныхъ торговыхъ сношеній, завязавшихся непосредственно въ пограничныхъ областяхъ и черезъ посредство странствующихъ торговцевъ. Къ сожалѣнію, неподходящія личныя качества легата М. Лоллія обострили въ 16 г. до Р. Хр. враждебныя отношенія и разрушили всемірные замыслы римлянъ.

Неронъ Клавдій Друзъ превратилъ прежде всего Рейнскую линію въ сильную операционную базу со множествомъ укрѣпленныхъ пунктовъ и гарнизоновъ (не только на лѣвомъ, но и на правомъ берегу рѣки) съ главной крѣпостью Майнцемъ, а посредствомъ Fossa Drusi (канала Друза) былъ исправленъ для судоходства самый многоводный изъ рукавовъ дельты Рейна,

который протекалъ въ то время далѣе къ востоку, чѣмъ въ настоящее время. Рядомъ съ этимъ Друзъ сталъ приучать батавовъ и фризовъ къ такому же подчиненію римскому господству, какое существовало у бельговъ; флотъ его крейсировалъ у береговъ Нѣмецкаго моря и на германскихъ рѣкахъ, а сухопутныя войска проходили черезъ будущую провинцію въ различныхъ направленіяхъ. Тиверій Клавдій Неронъ, который сталъ преемникомъ своего брата, погибшаго на обратномъ пути изъ своего послѣдняго великаго похода на Эльбу въ 9 г. до Р. Хр., преслѣдовалъ ту же цѣль, какъ и Друзъ. Тиверій успѣлъ убѣдиться на опытъ въ томъ, что наиболѣе легкой путь къ подчиненію германцевъ римскому вліянію состоитъ въ томъ, чтобы предоставить полную свободу ихъ естественнымъ наклонностямъ, мирнымъ путемъ приобрести ихъ дружбу и заставить ихъ уважать римское имя, въ то время какъ военныя экспедиціи и слишкомъ скороспѣлые завоевательныя планы будятъ въ нихъ сознаніе угрожающей опасности и побуждаютъ ихъ къ объединенію между собой. Благодаря этой политикѣ онъ добился того не очень поразительнаго успѣха, что провинція Германія III фактически существовала въ теченіе нѣкотораго времени. Ея упроченію угрожалъ только одинъ врагъ, Марбодъ; выросъ, однако, и второй благодаря неуклюжести II. Квинтилія Вара, которая уничтожила въ 9 году до Р. Хр. все плоды, достигнутые Тиверіемъ. Между тѣмъ, Марбодъ и Арминій уже освободились изъ-подъ власти узкаго политическаго кругозора и неконцаго племеннаго быта германцевъ. Смѣло можно утверждать, что не будь той политической и общеобразовательной школы, которою была для молодыхъ германцевъ римская военная служба, не явилось бы никакого освободителя Германіи и что самобытныя германскія условія были бы не въ силахъ воспрепятствовать поглотенію Германіи Римскою міровою державою.

Г. Политическія условія и событія въ теченіе перваго столѣтія послѣ Р. Хр.

а) Государство и государственное устройство у германцевъ.

Родовой бытъ былъ наслѣдіемъ, доставшимся германцамъ еще отъ индо-германскаго періода. Зародышъ его существовалъ у всѣхъ индо-германцевъ; но дальнѣйшее развитіе этой социальной формы у отдѣльныхъ членовъ этой группы послѣдовало только уже послѣ ихъ раздѣленія; вотъ почему формы родоваго быта и названія ихъ неодинаковы у всѣхъ индо-германцевъ. У германцевъ патріархальный характеръ рода отступаетъ на задній планъ предъ его демократическими особенностями: родъ является союзомъ семействъ или домовъ, состоящихъ между собой въ кровномъ родствѣ, на основѣ равноправія и общаго участія всѣхъ домохозяевъ въ рѣшеніяхъ рода. Безусловно консервативный характеръ развитія германскаго государственнаго устройства препятствовалъ только въ незначительной степени неконнымъ задачамъ и учрежденіямъ рода даже въ историческія времена. Родъ остается попрежнему союзомъ для взаимной защиты, который вовсе не справляется о томъ, „виновенъ“ ли его сочленъ или нѣтъ; весь родъ считаетъ своими врагами недруговъ каждаго отдѣльнаго члена и раздѣляетъ съ нимъ права и обязанности кровной мести, выступленіе въ судъ и присягу, а также отвѣтственность, пока онъ не исключенъ формально изъ рода. Родъ остается замкнутой военной общиной и въ качествѣ таковой образуетъ наименьшую единицу въ войскѣ. Онъ является хозяйственнымъ и трудовымъ товариществомъ; каждый отдѣльный домъ владѣетъ, какъ своей собственностью, только орудіями труда и движимымъ имуществомъ, къ которому причислялся въ теченіе долгаго времени жилой домъ, по ана-

логинъ съ болѣе ранней эпохой, когда домъ состоялъ изъ столбовъ, составлявшихъ остовъ юрты кочевника, и покрывавшихъ ихъ шкуръ.

Эта замкнутая въ себѣ хозяйственная единица образуетъ и населяетъ сообщество деревню, которая называлась поэтому обыкновенно въ древнѣйшія времена собственнымъ именемъ рода, подобно тому, какъ иѣкогда во время перекочевыванія случайныя стоянки тоже обозначались именемъ соответствующаго рода. Такія названія мѣстностей, какъ „zu den Sindelfingen“ (земля, принадлежащая Зиндельфингенамъ), встрѣчаются вплоть до эпохи Штауфеновъ. Предлогъ „zu“, обозначающій принадлежность, сталъ такимъ образомъ приставкой, обозначающей мѣстность, а приставка „ingen“, „ungen“, „ing“, „inge“, „igen“, обозначающая членовъ одного рода (соответствуетъ русскому „ичъ“ и „овичъ“, Baldingen, Merowingen, Amalungen, Shieming, Frutigien, Kolding, Billigen, Hastings) становится примѣтой древнѣйшаго наслоенія германскихъ названій мѣстностей во всей Германіи, не исключая и ея сѣверной части. Когда жители бывали вынуждены уйти изъ какого-нибудь населеннаго пункта, то они уносили съ собою и прежнія названія своей деревни совершенно такъ же, какъ это происходило въ продолженіи кочевыхъ періодовъ. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ людьми странствуютъ также и названія деревень.

Вся земля, которою владѣла деревня-родъ, деревенская марка, была собственностью рода, и самый родъ назывался поэтому *Markgenossenschaft* (общество марки). Передѣлъ земли, производившійся отъ времени до времени, предоставлялъ каждому отдѣльному домохозяину только временное пользованіе доставшимся ему участкомъ подъ условіемъ соблюденія обязательныхъ для всѣхъ правилъ: выгонъ и лѣсъ оставались еще долго въ безраздѣльномъ пользованіи. Въ качествѣ хозяйственнаго товарищества родъ вмѣшивался также въ дѣла отдѣльныхъ семействъ, поскольку они могли служить причиной измѣненія общей суммы рабочихъ силъ или общихъ владѣній: напримѣръ, родъ сохранялъ за собою право вмѣшательства въ заключаемые браки и въ права опекуновъ. Освобожденіе отдѣльнаго лица отъ власти рода, противопоставленіе отдѣльнаго члена всему роду было чѣмъ-то неслыханнымъ въ начальный періодъ исторической жизни германцевъ.

Въ началѣ христіанской эры власть рода сохранилась еще только въ указанныхъ выше отношеніяхъ, но во всѣхъ другихъ уже отошли въ область преданія тѣ условія, когда въ объединенной въ смыслѣ языка и народности германской массѣ не существовало никакой другой организаціи кромѣ родовой формы. Прежде всего кромѣ этой формы содалась другая болѣе широкая, вызванная потребностью обезпечить дѣйствительное исполненіе мирныхъ договоровъ, заключаемыхъ между отдѣльными родами. Такимъ образомъ возникли союзы изъ нѣсколькихъ родовъ, образовавшіе временную общину болѣе широкихъ размѣровъ. Такая община была въ нѣкоторомъ родѣ судебнымъ учрежденіемъ. Она не разбирала тяжбъ и не произносила приговоровъ, но въ ея присутствіи производились формально примирительныя соглашенія между тѣми родами, которые прекращали свою родовую вражду. Въ такихъ случаяхъ община гарантировала исполненіе своихъ обязательствъ тѣмъ родомъ, который долженъ былъ платить виру; никакого представленія объ уголовныхъ наказаніяхъ тогда еще не могло существовать. Древнѣйшее названіе подобнаго союза, стоящаго непосредственно надъ родомъ, есть сотня (*hundert*)—сѣверное названіе сотни *herad, herred, harde* тоже происходитъ отъ древняго числительнаго „*hund*“—100, наивысшаго обозначенія числа, существовавшаго у германцевъ. Отсюда, однако, не слѣдуетъ выводить такого заключенія, чтобы это было товарищество съ опредѣленнымъ числомъ членовъ. Всякая подобная попытка наталкивается на самыя явныя противорѣчія; такъ, напримѣръ, сотни никогда не преобразовывались соот-

вѣтственно съ ростомъ населенія. Число 100 просто было понятіемъ, изображавшимъ многочисленность, при чемъ никто не думалъ о 10 десяткахъ или дюжинахъ (у германцевъ существовала и такая большая сотня, подобно тому, какъ наши современники, гораздо болѣе привыкшіе къ счету, тоже не придаютъ математическаго смысла такимъ выраженіямъ, какъ тысяча разъ или миллионеръ).

Время образованія государства, или, какъ выражались германцы, народа, не поддается опредѣленію. Почти въ томъ же смыслѣ, какъ и народъ, употребляется другое выраженіе „ополченіе“ (heer). Ихъ стали различать между собою только постепенно и мало-по-малу. Подобно роду и сотнѣ государство тоже выросло изъ потребности въ мирѣ и во взаимопомощи, хотя другимъ образомъ и въ другомъ направленіи. Оно произошло не сразу и не одновременно повсюду и не было учреждено, какъ нѣчто систематическое. Государство выросло само собою въ началѣ историческаго періода жизни германцевъ. Мы застаемъ его среди нихъ на весьма низкой стадіи развитія. Оно возникло такимъ образомъ, что извѣстное число живущихъ по сосѣдству и исконн родственныхъ между собою родовъ и сотенъ объединялись между собою для такихъ соглашеній и учрежденій, которыя дали бы имъ возможность охранять и защищать общими силами свои владѣнія и свои имущества отъ постороннихъ, а при подходящихъ условіяхъ улучшить также свое положеніе за счетъ другихъ посредствомъ общихъ предпріятій. Такимъ образомъ народъ создавался съ исключительно военной цѣлью. Сообразно съ этимъ складываются всѣ новыя учрежденія: народныя собранія, обсуждающія и рѣшающія всѣ общія дѣла, Volksgemeinde, т-е. общій сходъ всѣхъ способныхъ носить оружіе, собирающійся для контроля правительственныхъ учрежденій, теперь только образуемое понятіе о преступленіи (грубость, измѣна, предательство) и возникающія благодаря этому уголовное право и судебная власть. Это новое уголовное право не имѣетъ ничего общаго съ рѣзко отличающимся отъ него по своему существу судомъ сотни. Преступленія противъ народа нарушаютъ права воинскаго схода, такъ какъ вредятъ его цѣлямъ; виновные въ нихъ подлежатъ поэтому суду воинскаго схода, который приписываетъ также подходящую форму для исполненія приговора (черезъ жреца). Передача извѣстной уголовно-судебной власти суду сотни является гораздо болѣе позднимъ мѣропріятіемъ государства, пріобрѣтшаго роль властнаго и разносторонняго устроителя. На первыхъ порахъ оно пользуется древнѣйшими общественными организаціями, родомъ и сотней, только для тѣхъ военныхъ цѣлей, которымъ оно обязано своимъ возникновеніемъ, какъ составными частями „ополченія“. Вѣрнѣе сказать, они являются таковыми по своей собственной природѣ: для другого подраздѣленія государства не существовало ни достаточныхъ поводовъ, ни достаточныхъ силъ. Напротивъ того, въ извѣстныхъ случаяхъ, когда это оправдывается военными соображеніями, роды допускали извѣстное вмѣшательство государства въ право опеки, предоставленное имъ и семьѣ; такъ, напримѣръ, юноши принимались въ войны предъ всѣмъ воинскимъ сходомъ, когда все ополченіе сзывалось на смотръ и совѣщаніе. Это еще не равносильно вмѣшательству государства въ семейную власть домохозяина: принятіе въ составъ ополченія и гражданское совершеннолѣтіе продолжаютъ считаться двумя различными понятіями.

Благодаря этимъ нововведеніямъ создаются понятія о народѣ и большой всенародной общинѣ, или, какъ мы выразились бы, о государствѣ и о государственномъ гражданскомъ союзѣ. Всѣ эти новыя учрежденія не отличаются неподвижной прочностью и рѣзкостью своихъ границъ. Части народовъ отдѣляются отъ остальныхъ, переходятъ на новыя мѣста и превращаются въ отдѣльные народы, какъ, напримѣръ, батавы и маггіаки, эти осколки народа хаттовъ. Если бы судьба сушила Аріовисту болѣе проч-

ный успѣхъ, то слились бы въ одинъ народъ тѣ 7 или болѣе осколковъ различныхъ народовъ, которые объединились подъ его предводительствомъ, вмѣстѣ съ тѣми тысячами народовъ, которые прикочевали къ нему впоследствии. Мы видимъ, какъ остатки или части однихъ народовъ растворяются въ массы другихъ народовъ; такъ, на примѣръ, адватуки, въ свою очередь отдѣлившіеся отъ кимбровъ, слились съ тунграми, которые пришли въ Бельгію „первыми“, а зигамбры присоединяютъ къ себѣ остатки узипетовъ и тенктеровъ. Случаются также и временныя сліянія съ послѣдующимъ обратнымъ распаденіемъ или же только съ попытками къ послѣдующему обратному отдѣленію: такъ, на примѣръ, рюги, которыхъ привелъ съ собою въ Италію Теодерихъ, хотѣли отдѣлиться обратно отъ остготовъ и выбрать своего собственного короля послѣ убійства Пльдебада. Благодаря этому исторія отдѣльныхъ народовъ древней Германіи оказывается необычайно запутанной тканью не только вслѣдствіе непрерывныхъ частичныхъ переселеній, но, съ другой стороны, также вслѣдствіе постоянно мѣняющейся картины сліянія и распаденія народовъ; карты и обзоры изображаютъ только политическое положеніе одного момента. Понятна также несостоятельность всѣхъ попытокъ строить выводы о предшествующемъ времени на основаніи данныхъ, относящихся къ одному опредѣленному моменту.

б) Союзы государствъ и великіе народы.

Предъ нашими глазами происходитъ повтореніе процесса образованія народовъ, только однимъ этажемъ выше въ исторіи и въ соотвѣтственно болѣе широкой формѣ. Объединеніе людей въ народы, конечно, не освободило человечества отъ борьбы за существованіе, а только выдѣлило болѣе отчетливо войну и миръ изъ того хаоса, въ которомъ они были перемѣшаны между собою, и подняло вѣсь обоихъ этихъ явленій. Та причина, которая повела къ образованію народовъ, не прекратила своего дѣйствія: существовала потребность въ дальнѣйшемъ объединеніи. Такое же стремленіе къ объединенію, которое спаяло между собою значительное число родовъ или сотенъ, въ дальнѣйшемъ теченіи исторіи толкаетъ также и народы къ дальнѣйшему объединенію между собою. Такимъ образомъ тяготѣніе ко взаимному общенію, господствовавшее во всей германской исторіи, превращаетъ также и народы въ переходную форму къ слѣдующимъ болѣе крупнымъ общественнымъ единицамъ, великимъ народамъ. Эти послѣдніе въ свою очередь становятся переходной ступенью къ націямъ, на которыя германцы распредѣлились только въ новѣйшее время, хотя этотъ процессъ начался уже давно, но только подвигался впередъ съ большимъ трудомъ.

Это послѣднее движеніе, выходящее за предѣлы отдѣльныхъ народовъ, начинается тоже еще въ доисторическую эпоху, но дѣйствіе его продолжается также и впоследствии впродолженіи историческаго періода германской исторіи. Достигаетъ ли оно своей цѣли, — это зависитъ отъ равновѣсія между отталкивающими и взаимно притягивающими силами. Самое существованіе народовъ, какъ отдѣльныхъ единицъ, является также препятствіемъ къ дальнѣйшему объединительному движенію. Въ настоящее время народность проникла въ народное сознание; ея задачи и ея самостоятельность вошли въ плоть и кровь каждаго гражданина въ такой же степени, какъ областной патріотизмъ мекленбургцевъ, вестфальцевъ и т. п. составляетъ отличительную черту современнаго нѣмца. Бруктеръ или херускъ не отрицалъ желательности союза съ другими народами, но только въ случаяхъ непосредственной опасности настоятельная необходимость такого единенія становится для него очевидной. Онъ не усилъ еще освоиться съ такимъ широкимъ политическимъ кругозоромъ и неспособенъ жертвовать ради него своими обычными представленіями. Такимъ образомъ мы

застаемъ германцевъ въ начальномъ періодѣ ихъ исторіи въ стадіи образованія непрерывно мѣняющихся союзовъ, и только постепенно нѣкоторые изъ этихъ союзовъ вырастаютъ и превращаются въ великіе народы. Вступая въ союзъ съ другими народностями, народность, какъ таковая, не желаетъ уступать сразу этому союзу своего достоинства; она остается самостоятельной политической и военной единицей и не допускаетъ никакихъ союзныхъ органовъ кромѣ союзныхъ собраний, безъ которыхъ трудно обойтись, но которыя не могутъ собираться часто по практическимъ соображеніямъ. При такихъ условіяхъ приходится изыскать какія-нибудь другія средства для обезпеченія вѣрности членовъ союза; для этой цѣли служатъ присяги, религіозныя формы, союзныя свѣтилища и отдача союза подъ покровительство опредѣленныхъ божествъ. Если основанные такимъ образомъ религіозныя союзы, амфиктіоніи (томъ IV, стр. 233), оказываются прочными и существуютъ въ теченіе долгаго времени, тогда для извѣстныхъ опредѣленныхъ цѣлей приимается новое названіе союза вмѣсто названія отдѣльныхъ народовъ. Въ такомъ случаѣ выступаетъ также на сцену извѣстная потребность въ своей собственной національной исторіи, которая ищетъ себѣ удовлетворенія въ эпическомъ легендарномъ творчествѣ или же въ совершенно другомъ направленіи въ искусственныхъ племенныхъ родословныхъ и тому подобной игрѣ фантазій. Иные союзы длятся не долѣе какого либо одного похода. Въ другихъ случаяхъ сохраняется сознаніе полезности союза, и онъ возрождается при первомъ сильномъ внѣшнемъ толчкѣ. Повидимому, наблюдается также и то явленіе, что разъ учрежденныя союзныя религіозныя торжества продолжаютъ посѣщаться для того, чтобы не оскорбить боговъ, еще долгое время послѣ того, какъ политическое содержаніе союза уже отжило свой вѣкъ. Затѣмъ мы встрѣчаемъ такіе союзы, которые, повидимому, оставались въ силѣ долгое время, можетъ быть, даже цѣлыя столѣтія, хотя все ихъ значеніе сводится, наконецъ, къ моральному вліянію прежней близости между вхолившими въ составъ союза народами и историческими воспоминаніями: таково было значеніе союза свебовъ въ эпоху Тацита. Впрочемъ, едва ли мы когда-нибудь будемъ въ состояніи собрать цѣлый рядъ послѣдовательныхъ данныхъ или опредѣленныхъ въ какомъ бы то ни было направленіи результатовъ изъ имѣющихся въ нашихъ рукахъ разрозненныхъ поперечныхъ разрѣзовъ черезъ группировки народовъ въ Германіи и сохраненныхъ преданіемъ обрывковъ этногенетическихъ представленій. Точно также только въ отдѣльныхъ случаяхъ мы сумѣемъ опредѣлить, спаялись ли великіе народы позднѣйшихъ эпохъ изъ отдѣльныхъ народностей или изъ обломковъ союзовъ.

в) Господствующіе роды.

Поддерживать союзы въ теченіе долгаго времени, укрѣплять ихъ и превращать ихъ такимъ образомъ въ объединенные народы—это вышло на долю княжеской и королевской власти, возникновеніе и развитіе которой, понятно, было продуктомъ жизни исключительно только отдѣльныхъ народностей. Какъ ни демократиченъ былъ союзъ, преслѣдовавшій военныя и политическія цѣли и возникшій путемъ непосредственнаго сліянія, онъ нуждался въ руководителѣ не только во время похода, но и во время преній на союзныхъ собраніяхъ. Съ другой стороны, всякій властолюбивый или стремящійся къ общему благу челоуѣкъ былъ замкнутъ въ своихъ дѣйствіяхъ и въ своихъ стремленіяхъ въ предѣлахъ своего рода благодаря самобытному характеру древне-германскаго расчлененія общества на народы. Только при посредствѣ своего рода и въ его пользу челоуѣкъ могъ проявить свои силы и способности. Безъ своего рода онъ не можетъ стать предводителемъ: для этого онъ долженъ выдвинуть этотъ родъ въ передній рядъ и добиться для него руководящей роли въ общенародныхъ

дѣлахъ. Съ этой стороны намъ становится понятнымъ, почему руководящія отдѣльныя личности зацутываются въ непрерывныхъ затрудненіяхъ изъ-за своихъ стремленій, какъ бы реальны и здравомысленны они не были, и, въ концѣ-концовъ, погибаютъ неоднократно подъ ихъ бременемъ.

Зато мы встрѣчаемъ по временамъ въ ту эпоху, къ которой относятся событія, изображаемая въ „Анналахъ“ Тацита, заключающихъ въ себѣ богатый матеріалъ по вопросамъ государственнаго устройства германцевъ, господствующіе роды, изъ которыхъ каждый пользуется въ своемъ народѣ поразительно прочными привилегіями, связанными съ чистотою крови рода, тщательно охраняемой, напримѣръ, при заключеніи браковъ, которые совершаются только между людьми одинаковаго ранга во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые мы можемъ прослѣдить съ большей ясностью. Тацитъ называетъ такіе роды „*Stirps regia*“ (царскій родъ): это—княжескій родъ каждой народности. Онъ поставляетъ князей (*furisto*), болѣе способные изъ которыхъ выбираются предводителями ополченія. Эти вожди, которые называются кунингами (первобытная форма нѣмецкаго слова *König*—король), такъ какъ они состоятъ членами „куни“, т. е. аристократическаго рода, далеко не пользуются монархической властью или суверенитетомъ,—суверенная власть остается во всѣхъ случаяхъ въ рукахъ общины. Князья рѣшаютъ сообща только менѣе важныя дѣла; такой обычай сложился, какъ понятно, ради практическаго удобства, но все же въ такихъ случаяхъ требуется одобреніе воинскаго схода; а всѣ болѣе важныя дѣла послѣ предварительнаго обсужденія князьями должны быть переданы на рѣшеніе схода. Князья руководятъ этими собраніями и являются естественно главными ораторами на нихъ, хотя говорить предоставляется всякому, который имѣетъ только надежду быть выслушаннымъ. При той торжественности, съ которой происходитъ обсужденіе дѣлъ у первобытныхъ людей, большинство не рѣшалось, однако, выступать предъ собраніемъ. Тацитъ даетъ превосходное изображеніе подобнаго собранія („Германія“ гл. 11); отъ него же мы узнаемъ, что князья дѣйствуютъ *auctoritate suadendi magis quam iubendi potestate* (скорѣе убѣжденіемъ, чѣмъ властью).

Для командованія въ походѣ и на войнѣ, само собой разумѣется, необходимо приходится назначать опредѣленныхъ лицъ. Этотъ герцогъ или оба эти герцоги (чаще ихъ назначалось двое, хотя и не всегда съ пользой) выбирались всегда изъ благороднаго рода во всѣхъ историческихъ случаяхъ, относящихся къ древнѣйшимъ столѣтіямъ; это несколько не противорѣчитъ словамъ Тацита: Беда прямо указываетъ, что у саксонцевъ въ Британіи герцоги принадлежали къ княжескому роду. Однако, даже предъ лицомъ врага герцоги не пользуются неограниченной властью, и ихъ лучшіе планы иногда не приводятся въ исполненіе изъ-за зависти ихъ родственниковъ, которымъ удается переубѣдить воинскій сходъ, пользующійся правами вершащаго дѣла народнаго собранія.

Какимъ путемъ одинъ опредѣленный родъ добивается руководящей роли и пріобрѣтаетъ наследственные права благороднаго рода,—для уясненія этого вопроса мы немного сможемъ прибавить къ сказанному. Существуютъ нѣкоторыя указанія на то, что знатный родъ имѣлъ возможность дѣлать затраты на общую пользу; слова *afal* (знать) и *odal* (имущество) отличаются одно отъ другого только переходящими одна въ другую гласными. Съ другой стороны, въ эпоху Тацита, когда знать пользовалась уже общепризнанными привилегіями, она получала добровольные подарки отъ своихъ незнатныхъ согражданъ; Тацитъ упоминаетъ о вьючномъ скотѣ и полевыхъ продуктахъ. Но главное значеніе имѣетъ то обстоятельство, что руководящая роль на воинскомъ сходѣ тождественна по своему существу съ посредничествомъ между народомъ и тѣми божеествами, которыя властвуютъ надъ подлежащими обсужденію предметами. Изъ членовъ знатнаго рода выбираются жрецы или жрецы народа: они устраиваютъ свя-

тилица боговъ, завѣдываютъ ими и поддерживаютъ ихъ въ цѣлости. Несмотря на одну фразу въ „Германіи“ Тацита, которую онъ самъ опровергаетъ въ „Анналахъ“, мы должны представлять себѣ эти святилища въ видѣ архитектурныхъ сооруженій со специальными приспособленіями, па-сущимися стадами жертвеннаго скота и принадлежащими храму землями. Распредѣленіе военной добычи оставалось во власти воинскаго схода еще во времена Меровинговъ; во всякомъ случаѣ, предводители пользовались въкоторыми преимуществами также и въ этомъ отношеніи. Господствующему роду доставалась относительно большая доля плѣнныхъ, т. е. подневольныхъ рабочихъ силъ, и это давало ему возможность къ соответствующему расширенію своего хозяйства и своихъ земельныхъ владѣній. Такимъ образомъ способности и трудъ, прилагавшіяся господствующимъ родомъ на общую пользу, вознаграждались не только социальными и политическими преимуществами, но и обогащеніемъ рода, и положеніе его непрерывно усиливалось. Кромѣ того, при дальнѣйшемъ развитіи упомянутыхъ выше равныхъ зачатковъ уголовного права на членовъ господствующаго рода, какъ на жрецовъ, приносившихъ богамъ умиловительныя и примирительныя жертвы, возлагалось также приведеніе въ исполненіе судебныхъ приговоровъ; исключительно только члены знатнаго рода могли посягать на личную неприкосновенность германца. Дальнѣйшее расширеніе власти представителей знатныхъ родовъ, котораго они достигли въ эпоху Тацита, мы видимъ въ томъ, что они не только руководятъ общимъ воинскимъ сходомъ, но распредѣляютъ между собою объѣзды для руководства сотенными собраніями. Не слѣдуетъ также умалять того вліянія, которое они приобрѣтали благодаря окружавшей ихъ дружнѣ и принадлежавшему имъ праву посвященія въ войны юношей въ тѣхъ случаяхъ, когда этого не дѣлали или не могли сдѣлать отецъ и родичи посвящаемаго; въ этомъ послѣднемъ обстоятельстве мы видимъ первую ступень къ развившемуся впоследствии верховному праву опеки королей.

До сихъ поръ мы говорили о князьяхъ вообще, какъ о членахъ знатнаго рода. Что касается ихъ общественнаго положенія по отношенію другъ къ другу, то въ принципѣ все они имѣютъ право на наследственныя привилегіи. Братъ Арминія Флавусъ отказывается отъ принадлежащаго ему у херусковъ княжескаго положенія, такъ какъ онъ желаетъ остаться на римской службѣ, но его сыну Италику воспитанному въ римскомъ духѣ, достаются впоследствии все наследственныя привилегіи его вымершаго рода. Германцы, относившіеся съ недоверіемъ къ новымъ людямъ и повшествамъ, почитали эти наследственныя права до предѣловъ крайней возможности: только въ совершенно исключительныхъ случаяхъ они возводили въ знатное достоинство въ противовѣсъ прежнему аристократическому роду новый, состоящій изъ обыкновенныхъ гражданъ. Гибель Марбода или Эрманариха и все послѣдовавшія за этими событіями смуты не помѣшали ихъ роду вернуть себѣ все свои прежнія привилегіи. После возвышенія Витиха остготы отказываются отъ провинившагося въ отчужденіи отъ собственного народа младшаго дома Амаловъ; тѣмъ не менѣе, Витихъ постарался на первыхъ же порахъ узаконить въкоторымъ образомъ свое участіе въ наследственныхъ привилегіяхъ Амаловъ женитьбой на Матавинтѣ (см. стр. 79). Хотя такимъ образомъ правомъ на положеніе князя пользуется каждый членъ знатнаго рода, тѣмъ не менѣе мы видимъ во многихъ случаяхъ, что фактически не всякій изъ нихъ рѣшается на подобную попытку и что она не всегда давала бы надежду на успѣхъ. Многіе кровные родственники Зегеста и Арминія не пользовались никакимъ общественнымъ и политическимъ вліяніемъ, хотя за ними не только признавалось право на привилегированное положеніе, но они даже титуловались князьями (*princeses* — у Тацита). Въ такомъ положеніи былъ, напримѣръ, братъ Зегеста и потомъ его сынъ, немо-

тря на то, что его знатное происхождение и соединенное съ такимъ происхожденіемъ право на званіе народнаго жреца едѣлали его въ глазахъ римлянъ подходящимъ человѣкомъ для должности религіознаго представителя провинціи Germania III при святилищѣ Ara Ubiorum, которое было учреждено въ Кельнѣ для всѣхъ трехъ Галлій. Родной отецъ Арминія, дожившій до дней величія своего сына, тоже не пользовался никакимъ политическимъ вліяніемъ. Изъ всѣхъ князей (Principes) только небольшой тѣсный кружокъ, состоявшій у херусковъ изъ Зегеста, Арминія и брата отца послѣдняго Ингвіомера, занимается общественными дѣлами, пытается вліять на народныя рѣшенія, и между его членами развивается болѣе или менѣе рѣзкое соперничество. Болѣе подробное обсужденіе всѣхъ этихъ вопросовъ читатель найдетъ въ статьѣ „Государственное устройство херусковъ“, помѣщенной въ журналѣ „Neue Heidelberger Jahrbücher“, 1895 г. Случайное большинство воинскаго схода идетъ то за однимъ, то за другимъ изъ соперниковъ, котораго вліяніе возросло вслѣдствіе его успѣховъ или который отстаетъ наиболѣе пріятное большинству мнѣніе. Ни одному изъ эделинговъ или кунинговъ не удастся занять исключительнаго положенія единаго правящаго князя въ новѣйшемъ смыслѣ этого слова, лица съ опредѣленными и только ему одному предоставленными на болѣе или менѣе срокъ политическими полномочіями; между князьями никогда не прекращается состязаніе за кратковременное измѣнчивое благорасположеніе большинства.

г) Марбодъ и Арминій.

Изнѣдка выступаютъ, однако, на сцену отдѣльныя личности, не связывающія себя ни съ какимъ родомъ, которымъ удается вырваться изъ-подъ гнета рода и сосредоточить на себѣ все права его. Арювиетъ относится не вполне къ этой категоріи: онъ сумѣлъ занять единоличное положеніе князя или герцога при необычайныхъ условіяхъ, не соответствующихъ внутренней жизни его народа: его положеніе возвысилось благодаря связанной съ его личностью властью надъ галлами и признанію его авторитета Римомъ (срав. выше, стр. 46). Напротивъ того, Марбодъ является безъ сомнѣнія цезарообразнымъ узурпаторомъ послѣдственныхъ преимуществъ рода. Онъ тоже начинаетъ свою карьеру съ заслугъ въ роли герцога Маркоманнн народа, выдѣлившійся изъ той части свебовъ, которая укрѣпилась на берегахъ Рейна, поселилась на нижнемъ теченіи Майна и жила тамъ въ началѣ планомерной дѣятельности Августа и Друза, благодаря которой они оказались между двумя вражескими фронтами со стороны Майнца и со стороны Рейна. Тогда Марбодъ увелъ ихъ вверхъ по Майну въ оставленный богами Бойергеимъ, т. е. Богемію, относительно болѣе замкнутую и защищенную (срав. т. V, стр. 231). Въ школѣ римской военной службы Марбодъ сталъ политикомъ, который могъ состязаться съ римлянами; въ этомъ выдающемся человѣкѣ развились стремленіе и способность къ насильственному устраненію традиціонныхъ обычаевъ; онъ изгналъ своихъ кровныхъ родственниковъ, присвоилъ себѣ ихъ права и основалъ прочность своего господствующаго положенія на милитаризмѣ и на гегемоніи маркоманновъ надъ другими германскими народами; ему повиновался цѣлый рядъ народовъ вплоть до лангобардовъ, жившихъ у устьевъ Эльбы. Такимъ образомъ для римлянъ выросъ на восточномъ фронтѣ германцевъ соперникъ въ борьбѣ за германскую сферу вліянія тѣмъ болѣе, что такая узурпаціонная власть, какъ власть Марбоды, почти всегда удерживается только посредствомъ постояннаго напряженія силъ и непрерывнаго захвата новыхъ территорій. Какъ иъкогда насущные интересы римлянъ требовали, чтобы область кельтовъ не попала въ руки германцевъ, не надвигавшихся еще плотной массой, но зато врывающихся со всѣхъ сторонъ, точно также и

теперь римлянамъ пришлось остановиться предъ новымъ вопросомъ: въ чьемъ владѣніи должна остаться область между Рейномъ и Эльбой, населенная слабо связанными между собою германскими народами? будетъ ли она принадлежать Риму или Марбоду?

Къ такому положенію и къ такому противнику не могла быть принимаема постоянная руководящая идея Тиверія, который надѣялся покорить германцевъ мирнымъ путемъ, а не посредствомъ экспедицій, обостряющихъ взаимныя отношенія между римлянами и германцами (стр. 48). Тщательно разработавши планъ кампаніи и совершивши нѣсколько подготовительныхъ походовъ въ глубь Германіи, которые подтвердили ему, что германцы настроены болѣе благопріятно къ Риму и его полнѣйшій, чѣмъ къ господству Марбода, онъ предпринялъ въ 6 году послѣ Р. X. двойное наступленіе на Маркоманское государство одновременно съ двухъ сторонъ, со стороны Дуная и со стороны Рейна. Въ этотъ крайне опасный для Марбода моментъ вспыхнуло громадное возстаніе въ Панноніи и Далматіи; до 9 года послѣ Р. X. всѣ силы Тиверія были направлены на его усмиреніе. Марбодъ, который спасся благодаря этому возстанію, но, конечно, не безъ помощи своего собственнаго дипломатическаго искусства, вернулся какъ ни въ чемъ не бывало къ своимъ прежнимъ отношеніямъ къ Риму въ качествѣ равноправнаго съ послѣднимъ великаго царя, преслѣдующаго политику равновѣсія.

Положеніе Рима въ провинціи Германіи III не пострадало изъ-за этихъ событій; безъ особенныхъ хлопотъ Августъ сумѣлъ предоставить въ распоряженіе Тиверія для усмиренія Панноніи рейнскіе гарнизоны. Ослабленные римскіе отряды жили мирно въ зимнихъ и лѣтнихъ лагерныхъ стоянкахъ на правомъ берегу Рейна, гдѣ они были окружены со всѣхъ сторонъ германцами: германскіе народы и ихъ князья, полкупаемые ничемъ не стоящими знаками отличія, не сопротивлялись римскимъ притязаніямъ на господство, намѣстникъ повышалъ налоги и усиливалъ свою полицейскую власть. Однако, II. Квинктилій Варъ дѣйствовалъ въ обоихъ этихъ направленіяхъ съ такой безопасностью, которой не могъ вынести въ теченіе болѣе или менѣе долгаго времени даже германецъ, вообще терпѣливый къ гнету. Этимъ воспользовался Арминій для того, чтобы возстановить народъ противъ державшаго сторону римлянъ Зегеста, вырвать изъ его рукъ управленіе херусками и склонить къ союзѣ съ ними другіе народы праваго берега Рейна: съ тонкой хитростью Арминій притянулъ своихъ союзниковъ къ позиціи Вара и уничтожилъ въ Тевтобургскомъ лѣсу (въ 9 году послѣ Р. X.) все войско намѣстника, состоявшее изъ римскихъ солдатъ и германскихъ вспомогательныхъ войскъ, набранныхъ изъ среды народовъ побережья Нѣмецкаго моря.

Арминій незадолго предъ тѣмъ вернулся съ римской службы. К. Юлій Цезарь, благодаря которому установились впервые непрерывныя сношенія между германцами и Римомъ, въ то же время первый сталъ пользоваться отрядами германцевъ въ качествѣ римскихъ вспомогательныхъ и породческихъ войскъ. Отъ массовыхъ переселеній въ погонѣ за землей слѣдуетъ строго различать молодцоватыя набѣги дружинъ отчаянныхъ головъ. Цезарь присмотрѣлся ближе въ Галліи къ обоимъ этимъ видамъ вторженія германцевъ, и когда ему понадобилась настоятельно кавалерія для подавленія послѣдняго крупнаго возстанія, то онъ сталъ привлекать на свою службу такіе отряды лихихъ германскихъ наѣздниковъ. Прибѣгъ ли онъ къ такому приему, какъ къ исключительному средству въ тяжелую минуту, или руководствовался другими побужденіями, какъ бы то ни было, — пользованіе германскими вспомогательными войсками стало съ тѣхъ поръ регулярнымъ явленіемъ и приняло крупныя размѣры. Такимъ образомъ Римская имперія, съ одной стороны, воевала съ германцами и стремилась задержать ихъ натискъ посредствомъ защищенныхъ границъ, а съ

другой стороны она раскрыла передъ ними свои двери и привлекала ихъ къ себѣ на наемную службу. Изъ предводителей подобныхъ отрядовъ варваровъ вырабатывались римскіе офицеры и генералы, а затѣмъ также чиновники высшихъ ранговъ и правители государства. Римская армія все болѣе теряла свой національный характеръ и превратилась, наконецъ, въ войско, состоявшее изъ иноземныхъ наемниковъ, преимущественно германцевъ. Оно получало плату отъ Рима и за деньги шло на войну, но оно не могло спасти имперію отъ упадка и расхищенія. И въ одинъ прекрасный день эти наемники подъ предводительствомъ Одавкера захватили для самихъ себя послѣднюю провинцію, которая еще осталась во власти Западной имперіи, Италію. Замѣчательно также, какъ пользовались у себя на родинѣ опытомъ и знаніемъ, приобретенными на римской службѣ, германскіе эдалинги, т. е. члены господствующихъ родовъ различныхъ народовъ. О Марбодѣ мы уже говорили. Когда римскій всадникъ Арминій сталъ во главѣ возстанія, то онъ и не думалъ вызывать римлянъ на битву въ определенное время и въ определенномъ мѣстѣ, какъ на судебный поединокъ, на Божій судъ по примѣру кимвровъ и Ариовиста. Правда, война называлась у германцевъ орлогъ, ур-лагъ, а „лагъ“ — значитъ законъ; но Арминій прошелъ римскую школу, и онъ отплатилъ имъ за все ихъ предательскія нападенія, начиная отъ битвы при Норейѣ.

Мы слишкомъ мало посвящены въ замыслы Арминія, но если онъ стремился занять послѣ побѣды такое же положеніе, какъ Марбодъ, то надо сказать, что ему оказались не по плечу тѣ препятствія, съ которыми онъ столкнулся. Вліяніе Зегеста поднялось снова; въ теченіе многихъ лѣтъ оба они боролись другъ съ другомъ съ переменнымъ успѣхомъ. Существовало, однако, одно обстоятельство, которое неоднократно выдвигало впередъ младшаго изъ соперниковъ, Арминія; мы говоримъ о неутомимыхъ попыткахъ Германика, сына Друза (срав. т. IV, стр. 420), который былъ главнокомандующимъ на Рейнѣ и старался загладить послѣдствія пораженія Вара посредствомъ цѣлаго ряда походовъ противъ германцевъ; въ концѣ-концовъ, Зегестъ былъ вынужденъ бѣжать на чужбину къ римлянамъ съ своими родственниками и дружинниками, связанными съ нимъ долгомъ вѣрности, поле дѣйствія осталось за Арминіемъ. Напрасно Германикъ выставлялъ напоказъ въ своемъ триумфальномъ шествіи этихъ перебѣжчиковъ, которыхъ онъ вовсе не покорилъ силой своего оружія, — что имъ нельзя было оставаться больше дома, это было крайне нежелательнымъ для Рима послѣдствіемъ походовъ Германика. Такого мнѣнія былъ и Тиберій, въ то время уже бывшій императоромъ, который видѣлъ во всемъ происходившемъ подтвержденіе своего прежняго взгляда на германскую политику. Онъ положилъ конецъ походамъ противъ германцевъ. Теперь, какъ и раньше, провинція Германія III могла быть завоевана обратно скорѣе мирнымъ путемъ, чѣмъ посредствомъ войны.

Въ дѣйствительности, однако, она была навсегда потеряна для римлянъ. И въ этомъ заключается по мнѣнію Тацита несомнѣнная личная заслуга Арминія. Онъ спасъ германцевъ праваго берега Рейна отъ превращенія въ римскихъ провинціаловъ на подобіе германцевъ лѣваго берега Рейна, въ лицѣ которыхъ германская народность лишалась большой массы способныхъ людей. Такимъ образомъ, Арминій былъ въ дѣйствительности не только освободителемъ, но и спасителемъ германской національности и самобытной германской исторіи. Такъ какъ Римъ отказался отъ новыхъ походовъ съ цѣлью реванша, то Арминій остался покрытымъ ореоломъ побѣдителя даже въ глазахъ своихъ современниковъ. „Въ бояхъ противъ арміи Германика онъ не имѣлъ постоянного успѣха, но вся война въ цѣломъ оказалась для него побѣдоносной“, такъ резюмируетъ Тацитъ его заслуги. Народы праваго берега Рейна стали свободными и были обязаны

ему своей свободой; среди херусковъ оставался только одинъ серьезный соперникъ его, Пигвиомеръ. Теперь, по окончанію войны, онъ одержалъ надъ нимъ рѣшительный верхъ: Пигвиомеръ тоже отправился въ изгнаніе по примѣру Зегеста, но только не къ римлянамъ, а къ Марбоду. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельстве выражается вся новизна политическаго положенія. Въмѣсто римлянъ, отказавшихся отъ своихъ видовъ на Германію, выступилъ на первый планъ какъ бы въ противовѣсъ Арминію Марбодъ и отстаиваемая имъ „независимость“ области между Эльбой и Рейномъ. Народы, подчинявшіеся до той поры Марбоду, перешли на сторону Арминія. Дѣло дошло до военнаго столкновенія, исходъ котораго остался неопредѣленнымъ. Однако, довольно было и того, что Марбодъ не одержалъ побѣды, и его насильственное господство, которое стало шататься еще раньше, окончательно рухнуло. Одинъ изъ изгнанныхъ Марбодомъ эделинговъ, Катвальда, вернулся изъ чужбины, вырвалъ изъ рукъ Марбода его господствующее положеніе, но и самъ не удержался надолго. Вскорѣ послѣ этого Катвальда былъ вынужденъ искать защиты у римлянъ въ Фреаюсѣ, а Марбодъ еще раньше того поселился изгнанникомъ въ Равеннѣ. Приверженцы ихъ обонхъ тоже бѣжали изъ родной страны и были поселены римлянами на Дунаѣ. Однако, римскій императоръ самъ назначалъ „королей“ этимъ „свебамъ“, какъ они стали снова называть себя съ этихъ поръ.

Тутъ мы видимъ предъ собою новую умную систему Рима: онъ обращалъ въ свою пользу печальныя стороны господства знатныхъ родовъ, возвышалъ отдѣльныхъ лицъ при помощи римскаго государства и престижа римскаго имени, ставилъ короля на мѣсто знатнаго рода, который былъ причиной непрерывныхъ смуть; единственной опорой этого короля оставалось, однако, милостивое расположеніе римлянъ. Посредствомъ этой системы римляне достигли значительныхъ результатовъ на Дунаѣ, между прочимъ среди квадовъ и маркоманновъ. Тѣмъ не менѣе, германская королевская власть коренится не въ этой римской политикѣ, а въ медленномъ и органическомъ, продолжающемся столѣтіями, процессѣ ослабленія и уничтоженія общихъ семейныхъ привилегій. Съ другой стороны, очевидно, какъ этотъ образъ дѣйствій римлянъ долженъ былъ поощрять честолюбивыхъ германскихъ аристократовъ къ единоличному захвату власти съ помощью римлянъ или еще лучше безъ нея; но они пользовались такой властью только при своей собственной жизни и не могли передать ее по наследству кому-либо изъ своихъ сыновей. Вскорѣ римлянамъ представилась возможность посадить своего короля также и среди херусковъ. Послѣ паденія Марбода предъ Арминіемъ открылся свободный путь для заложения прочнаго фундамента подъ свое господствующее положеніе и подъ свою политику. Онъ домогался „стать царемъ“, такъ выражается Тацитъ. При этой попыткѣ Арминій палъ отъ руки тѣхъ, противъ чьихъ правъ было направлено его стремленіе, отъ руки уцѣлѣвшихъ еще членовъ знатнаго рода. Общественное право тогдашнихъ германцевъ и фактическія условія еще не мирились съ этимъ человекомъ и съ его рѣшительной волей. Тѣмъ не менѣе память германцевъ не измѣнила ихъ свободителю, и во времена Тацита не только у херусковъ, но и у другихъ германскихъ народовъ онъ прославлялся въ тѣхъ эпическихъ народныхъ пѣсняхъ, въ которыхъ излагали свою исторію по имѣвшимъ письменности германцы.

Послѣ смерти Арминія послѣдовалъ періодъ кровавыхъ раздоровъ между членами знатнаго рода, и въ 47 году послѣ Р. X. въ живыхъ оставался только сынъ Флавуса, воспитанный среди римлянъ Италикусъ. Незавѣрно преданный своей наследственной аристократіи народъ призвалъ къ власти этого послѣдняго представителя своего знатнаго рода, племянника Арминія; съ помощью римлянъ Италикусъ явился на берега Везера,

которыхъ онъ не видать отъ роду, и самымъ простымъ образомъ стать единоличнымъ королемъ, такъ какъ въ его особѣ заключался весь княжескій родъ; онъ оказался единственнымъ королемъ потому, что кромѣ него не было больше ни одного кунинга, ни одного потомка знатнаго рода „куні“. Патурально, какъ можно представить себѣ такое положеніе, когда бы не было партійныхъ раздоровъ? Возникли разногласія: главари отдѣльныхъ партій изъ числа участниковъ въ войнахъ, предшествовавшихъ 47 году, стали выставлять противъ Италикуса свои собственные кандидатуры. Напрасно Италикусъ настаивалъ по отчетливому указанію Тацита на томъ, что его конкуренты люди неблагороднаго происхожденія, что не существуетъ никакихъ правъ на власть кромѣ тѣхъ, которыя онъ соединилъ въ своемъ лицѣ, дѣло дошло до кровопролитныхъ столкновеній, и Италикусъ былъ вынужденъ бѣжать къ лангобардамъ, жившимъ тогда на нижнемъ теченіи Эльбы, и домогаться ихъ заступничества. Дальнѣйшаго исхода этихъ событій мы не знаемъ; известно, однако, что прежнее вліяніе херусковъ пало какъ вельзя ниже и что 50 лѣтъ спустя князья и короли этого народа не были уже сородичами Арминія. Въмѣсто херусковъ наиболѣе вліятельнымъ въ Западной Германіи народомъ стали за этотъ періодъ времени ихъ бывшіе соперники и противники, хатты.

д) Такъ называемый „Порогъ“ (Limes).

Мало извѣстная намъ исторія Италикуса, во всякомъ случаѣ, указываетъ вполнѣ отчетливо, что на пути хорошо обдуманной римской системы, покровительствовавшей покорнымъ Риму единоподержавнымъ королямъ, выросли естественнымъ путемъ различныя препятствія, несмотря на то, что эти короли не щадяли наследственныхъ правъ аристократическихъ родовъ. Сколько ни случалось военныхъ столкновеній между римлянами, съ одной стороны, и хаттами и др. германцами, съ другой, въ дальнѣйшемъ теченіи перваго столѣтія послѣ Р. Хр., значительныхъ результатовъ никогда не было достигнуто; триумфальныя шествія императоровъ предъ лицомъ сената и столичнаго населенія превращались все болѣе въ довольно прозрачныя маскарады. Содержаніе и основныя положенія римской политики заключаются не въ нихъ, а въ громадныхъ, потребовавшихъ цѣлыя десятки лѣтъ, техническихъ работахъ надъ сооруженіемъ и обезпеченіемъ „Порога“. Какъ границы Рейнская и Дунайская линія были разведаны между собою и между ними все еще не было установлено никакой связи; не только въ истокахъ Дуная, на лѣсныхъ возвышенностяхъ Баара и Шварцвальда, куда само собою разумѣется, не ступили ногой ни римляне, ни германцы, но и въ прекрасной долинѣ Breiſtergau политическая власть надъ всей этой областью висѣла въ воздухѣ, и кому занять ее, это оставалось открытымъ вопросомъ. Острый уголъ, обращенный къ сѣверо-востоку, образуемый верхнимъ теченіемъ Дуная и Рейна, вѣзвивался клипомъ между Ретіей и Верхней Германіей. До тѣхъ поръ, пока міровая держава расширяла свои владѣнія и еще не отказалась отъ дальнѣйшаго распространенія ихъ, эта неопредѣленность границъ могла быть улажена попутно при общемъ распространеніи римскаго вліянія, напримѣръ, до береговъ Эльбы или въ другомъ направленіи. Но какъ только римляне отказались отъ этой цѣли, то оказалось необходимымъ занереть открытый для вторженія кливъ и Гельветскую пустыню, названную съ этихъ поръ Декуматскою областью (срав. выше, стр. 45), пока еще германцы не успѣли захватить этой инквѣтъ незапятаго бывшей кельтской области. Такова цѣль и значеніе соединительной линіи подъ названіемъ Порога, проведенной отъ Кельсгеима до Рейнброя; изъ отдѣльныхъ частичныхъ укрѣпленій и длинныхъ валовъ она соединилась и развилась, наконецъ, въ одну громадную оборонительную пограничную линію.

3. Усиленное, такъ называемое, великое переселеніе народовъ.

Римъ укрѣпляетъ свои границы; періодъ расширенія имперіи, наступившихъ дѣйствій пришелъ къ концу. Наступила пора покоя, а затѣмъ послѣдовала эпоха оборонительныхъ дѣйствій и отступленія. На всемъ протяженіи отъ береговъ Чернаго до береговъ Нѣмецкаго моря волны германскаго нашествія хлещутъ черезъ границу съ ея укрѣпленіями, не исключая и тѣхъ, которыя сооружены въ Дакіи, на побережьи Чернаго моря. Хотя отдѣльные валы скатываются обратно, тѣмъ не менѣе, они остаются предвѣстниками и сопутствующими явленіями неминуемаго, еще болѣе высокаго прибоа; ничѣмъ нельзя удержать потока, и онъ вскорѣ разольется громадной скатертью. Въ предшествовавшія столѣтія главная причина такихъ народныхъ движеній заключалась въ частичной эмиграціи, обусловленной тѣмъ обстоятельствомъ, что населеніе увеличивалось слишкомъ быстро по сравненію съ производительностью хищническихъ формъ пастушескаго хозяйства и подсѣчнаго земледѣлія. Теперь къ этому присоединилось еще общее давленіе съ востока, о которомъ мы знаемъ изъ сохранившихся извѣстій и по дальнѣйшимъ послѣдствіямъ его, сдвинувшее съ мѣста цѣлыя народы и всколыхавшее, наконецъ, весь германскій міръ.

А. Предвѣстники.

Признаки новаго движенія становятся замѣтными на всемъ протяженіи отъ Ретіи, въ которую стараются пробиться хатты, до Панноніи и Дакіи. Всѣ германскіе народы поднялись на всей своей южной границѣ; изъ этого видно было, какъ много переменъ произошло въ неизвѣстной внутренней части Германіи. Маркоманны наступаютъ на Дунай; большая часть лангобардовъ оставила нижніе берега Эльбы и направилась первоначально на востокъ (ср. стр. 38). Двинулись съ мѣста также и жившіе въ Силезіи вандалы. Маркъ Аврелій борется цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ со всѣми этими германцами и съ еще болѣе упорными сарматскими язигами (т. IV, стр. 450); окончательнымъ результатомъ этой борьбы былъ отказъ римлянъ отъ основанія новой сарматской провинціи и допущеніе Коммодомъ германцевъ въ пограничную полосу имперіи на Дунай. „Поры имперіи“ начинаютъ раскрываться для германцевъ. Еще раньше конца II столѣтія готы были вытѣснены изъ низовьевъ Вислы, поднялись вверхъ по рѣкѣ и обогнули съ востока Карпаты. Около 200 г. они показались на берегахъ Чернаго моря и на границахъ Дакіи. Послѣ цѣлаго ряда смѣлыхъ готскихъ набѣговъ съ суши и съ моря, повторявшихся въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій и стоившихъ Риму многихъ жертвъ, римляне уступили готамъ Дакію. Это была первая большая провинція, отнятая германцами у Рима. Аврелианъ вынужденъ былъ отказаться отъ нея, такъ какъ аламанны грозили самой Италіи; ихъ разбойничьи шайки опустошали всю Ретію и добирались до Апеннинскаго полуострова. Однако, все это круговращеніе германцевъ шло разрозненно и безъ плана.

Б. Новые союзы.

Послѣ кратковременной попытки перебраться черезъ Вислу лангобарды направилась на юго-востокъ и вошли въ соприкосновеніе съ восточными германцами. Аламанны двигались въ юго-западномъ направленіи. Они пришли изъ той части побережья Эльбы, которая лежала выше поселеній лангобардовъ, а также съ береговъ Гавеля и Шпрее. На широкомъ протяженіи по берегамъ Эльбы и вправо отъ нихъ германцы освободили мѣсто для славянъ, упорно стремившихся сюда. Аламанны были ядромъ и послѣднимъ остаткомъ стараго союза свебовъ и очень дорожили

этимъ именемъ, но остальные германцы не признавали его за ними. Во-первыхъ, они уже болѣе не соответствовали прежнему союзу по своему составу: въ продолженіи ихъ странствованій къ нимъ прилипли и другіе народы, не принадлежавшіе къ союзу свебовъ. Во-вторыхъ, кромѣ аламанновъ было много другихъ западныхъ германцевъ, причислявшихся, раньше къ свебамъ, начиная отъ маркоманновъ и дунайскихъ свебовъ на юго-востокъ и далѣе на западъ вдоль всей границы Римской имперіи вплоть до Рейнскихъ горъ. Всѣ они называли этихъ кочующихъ германцевъ аламаннами, а не свебами. Такая двойственность сохранилась до настоящаго времени. Сами свебы, или швабы, никогда не называютъ себя аламаннами, развѣ только со словъ ученыхъ.

Аламанны направились къ верхне-германскому Порогу; слѣдомъ за ними шли восточно-германскіе бургунды. Оба эти народа отбѣснили назадъ хаттовъ, напавшихъ по направленію къ Рейну, закрыли имъ дорогу на юго-западъ и отбѣснили ихъ на сѣверъ вмѣстѣ со всѣми приставшими къ нимъ народами. Благодаря этому, хатты стали если не единственнымъ, то однимъ изъ главныхъ народовъ въ союзѣ франковъ, образовавшемся на протяженіи отъ Средняго Рейна до Шѣмцакаго моря и соперничавшемъ съ аламаннами въ западной части Римской имперіи.

213 годъ отмѣчаетъ собой начало борьбы за обладаніе Порогомъ; двумя человѣческими поколѣніями позже аламанны наводнили Декуматскую область и поселились въ ней. Какъ показываетъ болѣе древнее наслоеніе названій мѣстностей, они жили въ Декуматской области гораздо болѣе сплоченно, чѣмъ до того къ востоку отъ Порога; занявши область, управляющуюся и обрабатывавшуюся по римскому образцу, они нашли въ ней болѣе плодородную почву и переняли болѣе интенсивный способъ земледѣлія. Но уже въ началѣ IV столѣтія опять стала чувствоваться тѣснота. Толпы аламанновъ уже давно стали предпринимать набѣги далеко за Рейнъ и въ Галлію; теперь же стали уходить въ томъ же направленіи для захвата земли болѣе значительная часть народа; они наполнили весь Эльзасъ, обогнули Вогезы и двинулись далѣе. Военному генію Юліана удалось отбросить ихъ обратно за Рейнъ послѣ великой римской побѣды 357 г. (т. IV, стр. 455); но Юліанъ скончался вскорѣ послѣ того, и римляне не могли помѣшать аламаннамъ возвратиться вновь.

Аламанны IV столѣтія все еще составляютъ союзъ отдѣльныхъ народовъ. Всѣ эти народы преслѣдуютъ приблизительно одинаковую политику; но, тѣмъ не менѣе, каждый изъ нихъ ведетъ самъ по себѣ отдѣльныя войны и вступаетъ самъ по себѣ въ дружескіе союзы съ другими народами; даже въ своихъ главныхъ рѣшеніяхъ, предпринимаемыхъ ими противъ римлянъ, они не дѣйствуютъ всѣ сообща, какъ замкнутая единица. У однихъ изъ этихъ народовъ руководство общественными дѣлами принадлежитъ одному лицу, у другихъ кружку близкихъ родственниковъ. Въ общемъ сосредоточеніе власти и выборъ лицъ изъ среды знатнаго рода подвинулись впередъ по сравненію съ эпохой Арминія. Какимъ образомъ изъ этого аламаннскаго союза государствъ образовался одинъ великій народъ, этого мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ это дальнѣйшее развитіе произошло раньше, чѣмъ аламанны подчинились Хлодвигу. Области отдѣльныхъ народовъ, входящихъ въ составъ союза, мало-по-малу получаютъ характеръ округовъ (Gau) аламаннскаго народа, какъ, на примѣръ, область лентинговъ превратилась въ Линнтрау. Одинъ король управляетъ всѣмъ государствомъ.

Болѣе ясную картину подобнаго развитія отъ стадіи союза до стадіи великаго народа мы можемъ прослѣдить только на франкахъ. Эти послѣдніе тоже обнаружили въ IV столѣтіи непрерывное движеніе влѣво отъ Рейна. Юліанъ задержалъ ихъ, но не отбросилъ, несмотря на свои побѣды; онъ оставилъ въ ихъ рукахъ Токсандрію, область между Шельдой и

Маасомъ, занятую ими незадолго предъ тѣмъ. Въ предшествовавшемъ III столѣтіи франки стали опасными и тягостными для римлянъ въ качествѣ необычайно подвижныхъ и дерзкихъ морскихъ разбойниковъ. Теперь же они стали вторгаться почти исключительно сухимъ путемъ; другими словами, разбойничьи набѣги отступили на задній планъ предъ захватомъ земли.

Кромѣ того самихъ франковъ тѣснили саксы, этотъ третій изъ большихъ и важныхъ новѣйшихъ союзовъ западныхъ германцевъ. Повидимому, этотъ союзъ образовался и получилъ свое названіе въ сѣверной Альбингѣи. Онъ простирался такъ далеко на западъ, что включалъ въ себя прежнихъ херусковъ, тянулся дальше на сѣверъ отъ нихъ, захватывая территорію восточной части франковъ по направленію къ Рейну, и доходилъ почти до этой рѣки. Плоды пиратскихъ набѣговъ, добыча и территорія принадлежавшихъ римлянамъ морскихъ береговъ, которая положила начало заморскимъ колоніямъ, достались саксамъ въ гораздо большей степени, чѣмъ фризамъ, которые жили попрежнему на морскомъ берегу, но отличались спокойнымъ характеромъ и въ своихъ морскихъ путешествіяхъ не отходили далеко отъ берега.

Вернемся назадъ къ франкамъ. Союзныя отношенія и государственное устройство франковъ были такими же, какъ у аламанновъ. Однако, въ IV столѣтіи образовались въ видѣ промежуточнаго звена между отдѣльными народами и великимъ народомъ два болѣе тѣсныхъ соединенія между принадлежавшими къ большому союзу народностями: рибуаріи вдоль Рейна и салическіе франки ближе къ морю. Въ послѣдніе годы V столѣтія у рибуаріевъ былъ уже всего только одинъ королевскій домъ.

Императоры изъ дома Константина, а послѣ нихъ римскіе императорскіе наместники, въ томъ числѣ рибуарскій франкъ Арбогастъ, вели съ прирейнскими германцами непрерывную, нерѣдко жестокую, борьбу. Это послужило не послѣднимъ поводомъ къ временному перенесенію императорской резиденціи въ Триръ. Только во времена Стилихона Римская имперія вынуждена была отказаться отъ защиты этой границы, отлатъ Галлію аламаннамъ и франкамъ, а Британію саксамъ; Римская имперія была поставлена въ такое положеніе набѣгами другихъ германцевъ, создавшихъ для нея болѣе непосредственную опасность на другой границѣ. Такимъ косвеннымъ путемъ аламанны нѣкогда отпали въ руки готовъ Дакію, а теперь готы въ свою очередь открыли какъ имъ, такъ и франкамъ свободный доступъ въ Восточную и Сѣверную Галлію.

В. Готы.

Готы, подраздѣлявшіеся на подгруппы западныхъ и восточныхъ готовъ, вестготовъ и остготовъ, жили на нижнемъ теченіи Дуная и силою оружія распространили свои владѣнія вокругъ всего сѣверо-западнаго и сѣвернаго берега Чернаго моря. Еще около 375 года среди вестготовъ мы застаемъ одновременное существованіе князей отдѣльныхъ народовъ и соперничество между ними. Такія частичныя народности, какъ тервинги, тайфалы и т. д., еще не растворились въ общей массѣ готскаго народа. Напротивъ того, среди остготовъ изъ знатнаго рода амалунговъ, или амалинговъ (въ древнѣйшемъ остготскомъ языкѣ употребляются безразлично окончанія унгъ и ингъ) вышелъ мощный владыка народовъ по имени Эрманарихъ (Германрихъ; т. V, стр. 320), господство котораго распространялось, по преданію, на готовъ и родственныхъ съ ними восточныхъ германцевъ, на славянъ и народовъ той уральской группы, къ которой принадлежатъ, между прочимъ, эстонцы и финны — вплоть до Ледовитаго океана. Во время вторженія гуновъ въ 375 г. однимъ ударомъ было уничтожено это государство, которое не могло отличаться особенной

прочностью. Въмѣстѣ съ тѣмъ, былъ нанесенъ ударъ единству остготовъ: они распались въслѣдствіе возобновившихся раздоровъ между уцѣлѣвшими амалунгами и другими князьями изъ знатнаго рода, причемъ гунны вмѣшивались постоянно въ эти раздоры то въ качествѣ противниковъ одного изъ князей, то въ качествѣ союзниковъ другого изъ нихъ и подчинили себя безъ труда всѣхъ остготовъ.

Напрасно пытались вестготы преградить гуннамъ переходъ черезъ Днѣстръ. Послѣ этого Атанарихъ, пользовавшійся до тѣхъ поръ наибольшимъ вліяніемъ и наибольшей властью изъ всѣхъ князей, отступилъ съ частью своего народа къ горамъ Трансильваніи въ то время, какъ другіе князья, которые стремились удержать свою власть наперекоръ Атанариху и достигнуть преобладающаго положенія подъ покровительствомъ проникшаго въ это время къ готамъ христіанства, стали хлопотать объ отведеніи имъ по договору области для поселенія въ предѣлахъ Римской имперіи и достигли своей цѣли. Туда уже переселились еще раньше другія толпы терпѣвшихъ притѣсненія христіанъ-вестготовъ. По договору правительство Римской имперіи должно было содержать готовъ до тѣхъ поръ, пока они не снимутъ первую жатву со своихъ новыхъ земель. Административные чиновники римскаго правительства воспользовались самымъ наглымъ образомъ этимъ благопріятнымъ для нихъ случаемъ къ безмѣрному обогащенію за счетъ голодающихъ готовъ да еще вдобавокъ къ эксплуатаціи ихъ посредствомъ ростовщичества. Наконецъ, готы не вытерпѣли и подняли возстаніе; они вышли побѣдителями, императоръ Валентъ погибъ на полѣ битвы при Адрианополѣ (въ 378 г.). Такимъ образомъ большая римская армія была разбита варварами на собственной территоріи римлянъ недалеко отъ столицы, Константинополя; прошло уже много сотенъ лѣтъ, какъ римляне не видали враговъ на своей собственной территоріи, а теперь побѣдоносный врагъ опять оказался среди римскихъ владѣній. Хотя на Балканскомъ полуостровѣ готамъ нигдѣ не было оказано открытаго сопротивленія, тѣмъ не менѣе они не могли взять городовъ. Впрочемъ, ничто не доказываетъ, что они вообще собирались окончательно завладѣть Балканскимъ полуостровомъ. Въ этомъ тяжеломъ положеніи Западной Римской имперіи удалось при посредствѣ *Magister militum* Феодосія снова превратить остготовъ въ мирныхъ земледѣльцевъ, несущихъ военную службу на границѣ имперіи. При посредствѣ ихъ военныхъ силъ возведенный въ санъ второго императора Феодосій разбилъ при Аквилеѣ намѣстника Арбогаста, распорядившагося императорскимъ престоломъ въ Западной имперіи, и возстановилъ единство имперіи. Но это новое положеніе продолжалось только до тѣхъ поръ, пока былъ живъ Феодосій. Послѣ его смерти его императорскую власть унаслѣдовали въ обѣихъ половинахъ имперіи, какъ въ греческой, такъ и въ латинской, регенты, замѣщавшіе его сыновей: на востокъ Руфинъ, на западъ вандалъ Стиликхонъ (сравн. т. IV, стр. 471 и т. V, стр. 34).

Къ сознанію того, что Римъ больше не въ силахъ повелѣвать надъ вестготами и что, напротивъ того, самое существованіе Рима находится въ ихъ рукахъ, привелъ вестготовъ Аларихъ, принадлежавшій къ востготскому знатному роду Балтовъ и бывшій ихъ предводителемъ въ битвѣ при Аквилеѣ. Онъ первый задумалъ тотъ планъ, что вестготы должны „основать новое царство собственными силами, а не быть въ подчиненіи у другихъ“. Съ общаго согласія и одобренія народа онъ былъ возведенъ въ король надъ войскомъ; другіе знатные роды, имѣвшіе притязаніе на власть, отступили на задній планъ, и вѣсили на поверхность только послѣ его гибели. Первое предпріятіе кончилось неудачно; съ Аларихомъ вышло то же, что и съ Фридигеромъ. Онъ прошелъ по всему Балканскому полуострову, не встрѣчая сопротивленія, но все же не знаетъ, что дѣлать дальше. Напротивъ того, многія отдѣльныя черты его поведенія доказываютъ, что

онъ испытывалъ благоговѣнное смущеніе предъ всей картиной этого административнаго и культурнаго міра, все еще величественнаго, несмотря на свою слабость.

Стилихонъ не упустилъ случая выступить на защиту безоружной Восточной Римской имперіи; но все же онъ не хотѣлъ кончить дѣла одной рѣшительной побѣдой надъ Аларихомъ, чтобы не развязать снова рукъ византійскому правительству. Сообща съ этимъ послѣднимъ онъ заключилъ съ Аларихомъ договоръ, согласно которому вестготамъ предоставлялось поселиться въ имперіи, а Аларихъ назначался главнокомандующимъ этой императорской префектуры. Такимъ образомъ готы вдвинулись клиномъ между Восточной и Западной Римской имперіей и Стилихонъ могъ надѣяться, что съ этихъ поръ ихъ боевыя силы будутъ у него подъ рукою, въ особенности, если ему будетъ желательно направить ихъ противъ Восточной имперіи. Однако, препятствія, встрѣченныя этой политикой регента при западно-римскомъ дворѣ, дали всему дѣлу совершенно другой оборотъ. По наущенію Стилихона Аларихъ приготовился къ войнѣ съ Восточной Римской имперіей, но по требованію императора регентъ былъ вынужденъ остановить вестготовъ. Аларихъ потребовалъ возмѣщенія своихъ военныхъ расходовъ, Стилихонъ поддерживалъ его, но императоръ отклонилъ это требованіе. Тогда Балтингъ повелъ свой стоявшій подъ оружіемъ народъ въ Италію. Такимъ образомъ установилась непредназначенная связь между военными дѣйствіями готовъ на востокъ, съ одной стороны, аламанновъ и франковъ на верхнемъ Дунаѣ и на Рейнѣ, съ другой стороны (срав. выше, стр. 61). Предъ западной половиной имперіи, политическіе замыслы которой уже давно сосредоточивались почти исключительно на соперничествѣ съ Восточной Римской Имперіей, предстала неожиданно опасность немедленной гибели отъ руки варваровъ. Столица Римъ, которая была укрѣплена за нѣкоторое время предъ тѣмъ Аврелианомъ для защиты отъ разбойничьихъ шаекъ аламанновъ, была покинута дворомъ, избравшимъ своей резиденціей почти неприступную приморскую крѣпость Равенну. На этотъ разъ Стилихону удалось прогнать Алариха и готовъ, которые уже прошли было черезъ всю долину рѣки По до Западныхъ Альпъ. Однако, спасеніе было куплено только при помощи опаснаго средства, вѣроятно, цѣною болѣе или менѣе безвозвратныхъ потерь, такъ какъ пришлось вывести изъ Галліи и изъ Британіи почти все защищавшіе ихъ гарнизоны, въ которыхъ эти страны настоятельно нуждались.

Вскорѣ послѣ этого Стилихонъ уничтожилъ при помощи тѣхъ же войскъ полчища Радагаса, на котораго подѣйствовалъ примѣръ Алариха; это было громадное скопленіе искателей новыхъ земель, состоявшее изъ восточныхъ германцевъ и западно-германскихъ свебовъ, которое уже перешло черезъ Апеннинскія горы и добралось до Физоле. Эти полчища заволановались и пришли въ движеніе на берегахъ средней части Дуная; очевидно, что причины, вызывавшія такія явленія, еще не изсякли въ этой области. Такъ какъ вторженіе въ Италію потерпѣло неудачу, то другія человѣческія массы, сдвинутыя съ мѣста, направилась вверхъ по Дунаю, прорвались черезъ поселенія аламанновъ, перешли въ 406 году черезъ Рейнъ, остались частью въ Галліи, но главнымъ образомъ направилась въ Испанію, въ которой они основали королевства вандаловъ, аламанновъ и свебовъ (томъ IV, стр. 493). Брешью, продолженной ими черезъ владѣнія аламанновъ, воспользовались бургунды, ближайшіе сосѣди первыхъ, жившіе съ ними издавна въ непрерывной враждѣ, но сдерживаемые ими. Теперь бургунды прошли вслѣдъ за полчищами Радагаса до Рейна, тутъ они остановились опять и основали около Вормса королевство, которое было однимъ изъ многихъ осязательныхъ отдѣльныхъ эпизодовъ этой исторіи всеобщаго перекочевыванія и передвиженія, но преданіе и поэзія окружили этотъ эпизодъ трагическимъ ореоломъ.

Стилихону не суждено было использовать свою побѣду для возстановленія престола Западной Римской имперіи и для принятія новыхъ мѣръ къ обезпеченію безопасности сѣверныхъ провинцій, которыя были покинуты на произволъ судьбы подъ давленіемъ тяжелыхъ обстоятельствъ. Онъ палъ жертвой придворныхъ интригъ (въ 408 году); обуреваемые отвратительнымъ приступомъ ненависти ко всемъ германцамъ безъ различія, римляне вырѣзали женъ и дѣтей тѣхъ самыхъ еще не верпуншихся изъ похода военныхъ отрядовъ, которые только что спасли Италію. Возмущенные войны перешли на сторону Алариха, и теперь уже некого было выставить противъ него. Нѣсколько разъ переходили въ руки Алариха Римъ и весь Апеннинскій полуостровъ до самой Равенны. Для прочнаго обладанія Италіей ему было необходимо обезпечить за собою хлѣбородныя провинціи Сицилію и Африку; безъ нихъ Италіи угрожала голодъ, въ особенности при враждебномъ къ ней настроеніи Восточной Римской имперіи. Вестготскій король скончался въ 410 году по пути къ Мессинскому проливу (томъ IV, стр. 472).

Зять Алариха, Атаульфъ, дѣйствовалъ на первыхъ порахъ въ томъ же направленіи, но затѣмъ отказался отъ мысли поставить Готскую имперію на мѣсто Римской, какъ онъ самъ выражался. Очевидно, стало быть, что подобныя планы носились въ головѣ Алариха. Атаульфъ убѣдился, что готы съ ихъ недисциплинированной культурой и первобытными нравами непригодны для замѣщенія римлянъ въ роли устроителей культурнаго государства. Онъ вступилъ въ переговоры съ Равенной. Императорскій дворъ, который видѣлъ, что Галлія и безъ того занята въ разныхъ частяхъ бургундами, вандалами и аланами, что ее расхищаютъ по кускамъ франки и аламанны, рѣшилъ славить также и вестготовъ въ южную часть этой провинціи. Правда, Галлія, въ которой предстояло осповаться готамъ съ ихъ суровыми первобытными нравами, во всякомъ случаѣ, не уступала тогдашней Италіи по уровню своей культуры; напротивъ того, кое-что отжило и погнбло въ Италіи, но поддерживалось еще въ Галліи,—это отнесется въ особенности къ литературѣ. На направленіе мыслей Атаульфа имѣла существенное вліяніе умная сестра императора Платидія, вышедшая замужъ за готскаго короля и хлопотавшая изъ всѣхъ силъ о томъ, чтобы возстановить власть Гонорія въ Италіи. Къ тому же имѣлось въ виду, что вестготы получаютъ свою область въ Южной Галліи въ качествѣ союзниковъ Римской имперіи. Римъ уговаривалъ себя, что его дѣйствія направлены исключительно на защиту угрожаемой со всѣхъ сторонъ провинціи. Даже по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, наполненныхъ кровавыми внутренними смутами среди вестготовъ и реакціей варварскаго народа противъ отпошеній, установившихся между Атаульфомъ и римлянами съ ихъ императоромъ, Римъ все еще не отказался отъ подобныхъ дипломатическихъ соглашеній. Однако, это не только не мѣшало, а скорѣе содѣйствовало превращенію вестготскаго союза въ совершенно самостоятельное государство, развивавшееся независимо отъ Италіи, подчинившейся западно-римскому двору въ Равеннѣ.

Г. Вандалъ Гейзерихъ.

Благодаря тому, что вестготы поселились въ Южной Галліи и дѣйствовали въ нѣкоторомъ согласіи съ политикой равеннскаго двора, они получили толчекъ, направленный противъ Испаніи и основанныхъ тамъ германскихъ королевствъ. Однако, еще раньше, чѣмъ успѣлъ обостриться вслѣдствіе этого вопросъ о существованіи этихъ королевствъ, вандалы подъ предводительствомъ короля Гейзериха очистили Пиренейскій полуостровъ, и въ видѣ воспоминанія о нихъ осталось только названіе „Андалузія“ для той области на югѣ, въ которой они жили. Умный Гейзерихъ воспользовался

распрей между регентомъ имперіи Аэціемъ и африканскимъ намѣстникомъ Бонифаціемъ. Какъ правитель египетской еще уцѣлѣвшей провинціи, Бонифацій считалъ себя особой, по крайней мѣрѣ, не менѣе важной и властной, какъ и хозяинъ второй провинціи, — такъ Бонифацій смотрѣлъ на Италію, находившуюся въ зависимости отъ привоза хлѣба изъ Африки. Въ 429 году вандалы перешли черезъ Гибралтарскій проливъ; вскорѣ послѣ этого они завладѣли всѣми землями внѣ городовъ и, наконецъ, въ 439 году также и Каррагеномъ. Они заняли Балеарскіе и Тирренскіе острова и утвердились на берегу Сициліи; ихъ флотъ господствовалъ надъ западной половиной Средиземнаго моря (срв. т. IV, стр. 235).

Средиземное море и Атлантическій океанъ, повидимому, вовлекались все сильнѣе въ германскую сферу. Уходъ вандаловъ изъ Испаніи не возстановилъ тамъ власти римлянъ и не послужилъ на пользу основанному тамъ маленькому королевству свебовъ, а только очистилъ путь для будущаго господства вестготовъ. Римъ оказался опять въ такомъ же положеніи, какъ наканунѣ Пуническихъ войнъ, съ той только разницей, что онъ стоялъ теперь на нисходящей вѣтви своихъ силъ и своей исторіи.

Однако, ловкія руки могли еще воспользоваться традиціонными приемами болѣе искусной, недоступной для варваровъ политики и замѣнить ослабленную оборонительную силу гражданъ наемниками. Для противодѣйствія моральному вліянію грозной для Рима потери провинціи Африки и въ противовѣсъ возникавшей на другомъ берегу Средиземнаго моря восточно-германской великой державѣ Аэціи нуждался въ быстромъ, громкомъ усилѣніи римскаго оружія. Самой подходящей мишенью для этой цѣли казалось Вормское Бургундское королевство, такъ какъ не могло быть сомнѣнія, что къ нему не придутъ на помощь ни аламанны, ни франки, между которыми оно втиснулось. Римляне придралась къ довольно пустому поводу къ войнѣ, къ нарушенію интересовъ римлянъ въ Галліи. При помощи полчищъ гунновъ Аэціи истребилъ въ 437 году престарѣлаго короля Гундикара и его королевство (срв. томъ V, стр. 321). Однако, бездомные остатки бургундскаго народа стали источникомъ всеобщихъ волненій въ Восточной Галліи, такъ что пораженіе бургундовъ стало грозить обостреніемъ галльскаго вопроса; поэтому правителю Римской имперіи пришлось самому позаботиться о бургундахъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ онъ поселилъ ихъ въ качествѣ римскихъ союзниковъ въ Сабаудіи на Женевскомъ озерѣ у юго-западной границы завоеванныхъ аламаннами областей.

Теперь уже гуннамъ предстояло пройти не очень далекій путь для того, чтобы нанять своихъ коней въ Рейнѣ. Ихъ данниками были уже германскіе народы, жившіе по теченію Дуная въ Норикѣ, за исключеніемъ тѣхъ, которые частью ушли отсюда во время походовъ Радагаиса и вторженія въ Галлію вандаловъ и придунайскихъ свебовъ (стр. 63); мы говоримъ частью, такъ какъ въ Панноніи остались, между прочимъ, вандалы, изъяснившіе покорность гуннамъ. Привлеченіе гунновъ Аэціемъ на помощь противъ бургундовъ показало имъ дорогу на западъ. А что еще важнѣе, это же событіе внушило Гейзериху мысль о привлеченіи силъ гунновъ на западъ ради цѣлей его собственной политики. Главнымъ врагомъ Вандальскаго королевства въ ближайшемъ будущемъ Гейзерихъ считалъ вестготовъ, это расцвѣтающее и стремящееся къ завоеваніямъ королевство, для котораго всѣ другія направленія были почти окончательныо преграждены германцами и которое, въбродѣ всего, станетъ расширяться въ ту сторону, куда двинулись за 45 лѣтъ передъ тѣмъ болѣе подвижные вандалы.

Такимъ образомъ столь извѣстное вторженіе Атиллы, главы гунновъ и подчиненныхъ имъ народовъ, въ Западную Европу въ 451 году было вызвано, главнымъ образомъ, дипломатическимъ искусствомъ Гейзериха. Понятно, поэтому, что противъ Атиллы выступили прежде всего паравѣ

съ Аэціемъ также и вестготы. Несмотря на то, что исходъ битвы на Мауріаценскихъ поляхъ остался нерѣшительнымъ (томъ V, стр. 323), Аттіла быстро отказался отъ своего предпріятія. Еще большей нерѣшительностью отличается набѣгъ на Италію, предпріятыи имъ въ слѣдующемъ году, несмотря на то, что ему пришлось столкнуться на этотъ разъ только съ Аэціемъ, но не съ вестготами. Въ дѣйствіяхъ короля гунновъ незамѣтно почти никакого опредѣленнаго стремленія къ измѣненію политическаго положенія средней Европы. Послѣ смерти Аттілы, послѣдовавшей въ 453 году, великое царство гунновъ быстро распалось (срв. томъ V, стр. 324). Подчиненные ему восточные германцы и свебы отдѣлились подъ предводительствомъ гепидовъ: Восточная Римская имперія тоже набралась духу и перешла къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Это повлекло за собою то послѣдствіе, что азіаты-гунны вернулись къ кочевому образу жизни.

Д. Одвакаръ (Одовакаръ).

Хозяиномъ положенія остался на западѣ Гейзерихъ. Во время смутъ, послѣдовавшихъ за паденіемъ Аэція, онъ появился въ Римѣ въ качествѣ третейскаго судьи. Онъ велъ себя, какъ въ покоренной странѣ, ограбилъ Римъ и увезъ оттуда въ Карфагенъ драгоценности, произведенія искусства и трофеи. Италія казалась въ дѣйствительности какъ бы провинціей, которой участь еще не рѣшена окончательно и изъ-за которой состоялись между собою Восточная Римская имперія и Африканское королевство. Восточная Римская имперія хлопотала о томъ, чтобы въ Римѣ все еще имѣлся императоръ, который въ дѣйствительности игралъ бы роль ея итальянскаго намѣстника; но въ одинъ прекрасный день германцы, не стѣсняясь, забрали эту провинцію себѣ. Однако, ею завладѣли не вандалы, которыхъ занятіе Италіи обременило бы, и, вообще, не народы, пришедшіе извнѣ, а германцы, составлявшіе итальянское постоянное войско. Ихъ предводитель Одвакаръ былъ эделингомъ, по всей вѣроятности, изъ восточно-германскаго народа скировъ. Послѣ этого германскіе военные отряды устроились въ Италіи въ видѣ искусственнаго народа, подѣлили между собою землю и стали осѣдлыми землевладѣльцами, а Одвакаръ сталъ называться изъ „королемъ“. Этимъ стремленіемъ германцевъ къ землѣ и былъ вызванъ главнымъ образомъ произведенный ими политическій переворотъ. Въ виду постоянного расширенія лати-фундій въ Италіи и непрерывнаго уменьшенія рабочихъ силъ сельское хозяйство давно уже близилось къ гибели, и возстаніе германцевъ могло быть началомъ социальнаго и сельскохозяйственнаго оздоровленія. Въ столицы германцы не встрѣтили никакого сопротивленія, а римскій сенатъ объявилъ, что онъ признаетъ власть Одвакара, если только этотъ послѣдній получитъ на то согласіе императора.

Не только для міровоззрѣнія итальянцевъ, но и для самихъ жившихъ въ Италіи германцевъ не подлежало никакому сомнѣнію, что римское государство, всемірная имперія, продолжаетъ существовать въ прежнихъ размѣрахъ (т. V, стр. 38). Въ послѣднее время престолъ всей имперіи находился въ Византіи, существованію которой не грозило никакой опасности. Незадолго передъ переворотомъ оттуда былъ отправленъ въ Италію въ качествѣ императора Юлій Непотъ (т. IV, стр. 476); этотъ послѣдній вынужденъ былъ обратиться обратно въ Далмацію и уступить свое мѣсто ловкому выскочкѣ Оресту, который фабриковалъ подставныхъ императоровъ, и патрицію, отцу Ромула Августула. Византія утѣшалась тѣмъ, что Одвакаръ свергъ Ореста, хотя и не было никакой надежды на возвращеніе въ Италію Непота. Съ Одвакаромъ приходилось сговариваться, какъ съ королемъ союзникомъ, наиримѣръ, какъ съ Атаульфомъ и Валлаистъ, въ пользу которыхъ имперія поступилась въ свое время частями Галліи. Византійскіе императоры хло-

потали только о сохраненіи своего теоретическаго права на верховную власть надъ Италіей. Прежніе итальянскіе императоры находились въ большей или меньшей зависимости отъ Восточной Римской имперіи, но теперь сенатъ призналъ ихъ власть отмѣненной Одвакаромъ (т. IV, стр. 476). Этотъ послѣдній потребовалъ, чтобы императоръ Восточной Римской имперіи далъ ему титулъ патриція и связанныя съ нимъ права по отношенію къ итальянскому населенію. Рикимеръ и Орестъ были патриціями и въ качествѣ таковыхъ управляли страшой, сажали на тронъ императоровъ, ни въ чемъ не подчиняясь Восточной Римской имперіи; слѣдовательно, требованія Одвакара не выходили изъ предѣловъ возможнаго. Согласіе на нихъ дѣйствительно было дано, но только подъ рукою, неофициально.

Таково содержаніе событій 76 года. Одвакару, безъ сомнѣнія, не приходило въ голову, что въ основаніе дѣленія исторіи на три великихъ періода будетъ положено вызванное имъ паденіе Западной Римской имперіи и что этой датой будутъ опредѣляться начало и конецъ цѣлыхъ наукъ.

Подобныя рѣзкія подраздѣленія дѣлаются фактически ради практическаго удобства. Въ дѣйствительномъ же процессѣ созиданія исторіи все совершается посредствомъ постепенныхъ переходовъ (срав. т. I, стр. 15). Съ другой стороны, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что вѣсь событій 476 г. измѣряется не только низверженіемъ Непота и Ореста Одвакаромъ, но всей совокупностью предшествовавшихъ событій, приведшихъ къ этому эпизоду. Затѣмъ не лишено значенія еще слѣдующее обстоятельство: остальнымъ германцамъ стало извѣстно, что въ Италиі уже не существуетъ больше императорскаго двора, а есть только дворъ германскаго короля, и для нихъ исчезли нѣкоторыя препятствія скорѣе моральнаго свойства: такъ какъ Одвакаръ не былъ въ ихъ глазахъ высшимъ авторитетомъ, то бывшія западно-римскія провинціи казались имъ предоставленными своей собственной участи или, вѣрнѣе, покинутыми на произволъ тѣхъ, которые продолжали искать земли. Вотъ почему пріобрѣтеніе осѣдлости въ Италиі состоявшимися на римской службѣ германскими отрядами сопровождалось новыми передвиженіями въ Западной и Средней Европѣ.

4. Франкскій періодъ.

А. Франки.

Исторической обстановкой, а не высшими способностями франковъ приходится объяснять, согласно съ взглядами Тэна на этотъ вопросъ, то явленіе, что государствамъ, основаннымъ франками, суждено было превзойти и пережить другія нарождавшіяся германскія государства и остаться до настоящаго времени родоначальниками германской исторіи въ непрерывной, хотя и измѣнчивой послѣдовательности. Исходить изъ мнимыхъ первобытныхъ свойствъ пароднаго характера и ума, которыя обнаруживаются только въ позднѣйшихъ періодахъ и являются продуктомъ историческаго развитія народовъ — это значитъ идти по ложному пути, какъ доказываетъ всякая осторожная провѣрка. Напримѣръ, къ однимъ и тѣмъ же аламаннамъ принадлежатъ по своему происхожденію вюртембергцы, швейцарцы, уроженцы старо-баденскаго маркграфства, шварцвальдскіе католики, старо-австрійскіе брейсгауцы, а между тѣмъ какое громадное различіе они обнаруживаютъ въ своихъ способностяхъ и въ своихъ темпераментахъ. Какое можемъ мы вывести отсюда заключеніе о характерѣ первобытнаго народа? Какъ флегматичны нѣмцы сѣверной Чехіи и какъ рѣзко отличаются отъ нихъ въ этомъ отношеніи родственные имъ нѣмцы Германской имперіи! Характеръ и способности народовъ и частей народовъ являются послѣдствіемъ пережитыхъ ими общихъ впечатлѣній и одинаковой среды, воспитательное вліяніе которой сказывается съ боль-

шей или меньшей быстротой; если среда и впечатлѣнія измѣняются, то черезъ небольшое число поколѣній эта переменна начинаетъ отражаться и на народъ. Незмѣняемыхъ народныхъ типовъ, то-есть такихъ, которые не поддаются влиянію окружающихъ условій, исторія не знаетъ.

а) Франкскій союзъ.

Въ то самое время, когда мелкіе германскіе народы европейскаго материка стали сливаться повсюду и на этотъ разъ окончательно въ союзы и великіе народы (срав. выше, стр. 60), на всемъ нижнемъ теченіи Рейна начинаютъ появляться франки. Во вторую половину III столѣтія они становятся извѣстными римлянамъ подъ этимъ именемъ. Что это имя было дано отпосыщаемся сюда народамъ, какъ „свободнымъ“ въ противоположность германцамъ лѣваго берега Рейна, слившимся съ римскими провинціалами, это не доказано; вѣроятнѣе, наоборотъ, что франки получили свое названіе отъ какой-либо принадлежности оружія подобно саксамъ и другимъ германскимъ народамъ и что только впоследствии названіе господствующаго народа получило значеніе прилагательнаго, выражающаго гордую самоувѣренность (*frank* — вольный).

Важнѣйшія племена, составившія союзъ франковъ, это — хатты, хаттвары, хамавы, зигамбры, бруктеры, амбзвары, канницефаты, кугерны и батавы; эти послѣдніе были болѣе древними частями хаттскаго народа, выселившимися въ болѣе раннюю эпоху въ область устьевъ рѣки Рейна. Такимъ образомъ, сѣверный и южный флангъ союза состояли изъ близко родственныхъ между собою народовъ.

Каждый изъ союзныхъ народовъ управлялся своимъ собственнымъ знатымъ родомъ; сознательная и обдуманная союзная политика вызывается только значительными войнами съ римлянами. Въ остальное время предпринимаются разрозненные набѣги отдѣльными пародами или даже отдѣльными предприимчивыми отрядами; вотъ почему имена отдѣльныхъ народовъ остаются въ памяти у римлянъ въ теченіе всего IV столѣтія, но затѣмъ эти имена вытѣсняются общимъ названіемъ франковъ. Отдѣльные народы превращаются во франкскія области, которыя сохраняютъ свою самостоятельность въ военномъ отношеніи, управляются своими собственными господствующими родами и на первыхъ порахъ развиваютъ самостоятельно свои особые юридическіе обычаи. У хамавовъ эти особые древніе юридическіе обычаи продолжали примѣняться въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій черезъ долгое время послѣ того, какъ знатный родъ одного народа. Меровинги, одержавъ верхъ надъ всѣми остальными франками, и по отношенію къ юридическимъ нормамъ послѣдовала если не полная ассимиляція, то, по крайней мѣрѣ, объединеніе въ двѣ большія группы.

Обѣ эти группы, игравшія роль переходныхъ ступеней къ одному общему праву, явились результатомъ той непрочной группировки народовъ внутри союза, о которой было упомянуто на стр. 61, подраздѣленія ихъ на рибуаріевъ и салиевъ. Связь между названіемъ салическихъ франковъ и географическими названіями Зааль, Залландъ, Зальгофъ, Зальвейде не очень убѣдительна; правдоподобнѣе, что „салические франки“ — это значить морскіе франки въ противоположность франкамъ Рейнскаго побережья. Такое объясненіе находитъ себѣ поддержку въ совпаденіи словъ *Sallund-Seehund* (тюлень). Было также указано и, вѣроятно, вполне основательно, что наиболѣе южные, верхніе, франки, которые проникли черезъ Мозель и распространились впоследствии по Майну и даже перешли черезъ рѣку Неккаръ и расселились по противоположному ея берегу, не должны быть причисляемы къ рибуаріямъ. Въ такомъ случаѣ великій народъ хаттовъ сохранился бы въ союзѣ въ видѣ особой группы

рядомъ съ указаннымъ нами подраздѣленіемъ на двѣ части. Эти вопросы остаются открытыми тѣмъ болѣе, что одни изъ германистовъ, какъ, напримѣръ, И. К. Цейсъ и В. Брауне, отвергаютъ происхождение слова „Гессенъ“ отъ имени хаттовъ, а Отто Бремеръ и др. отстаиваютъ такое мнѣніе.

Въ военномъ отношеніи римляне нерѣдко выступали съ успѣхомъ противъ франковъ: имя Юліана внушало имъ такой же страхъ, какъ и аламаннамъ, но все же эти войны не могли на долгое время оградить спокойствія римскихъ владѣній. Пользуясь непрочностью франкского союза, римляне побивали одинъ изъ союзныхъ народовъ при помощи другого и особенно охотно принимали къ себѣ на службу поссорившихся со своимъ народомъ эделлинговъ съ ихъ дружинами. Будучи правителемъ Римской имперіи, франкъ Арбогастъ отгѣснялъ франковъ съ такимъ же успѣхомъ, какъ и Стилихонъ. Когда же Стилихонъ вынужденъ былъ отозвать войска изъ Британіи и съ береговъ Рейна для защиты Італіи отъ Алариха, то франки не наводнили сразу Галліи; даже при отсутствіи рѣзко обособленной частной собственности, осѣдлый земледѣльческій народъ не можетъ бросить въ массѣ своихъ насиженныхъ мѣстъ исключительно подъ вліяніемъ того соблазна, что на новомъ мѣстѣ онъ сумѣетъ присвоить себѣ часть продуктовъ труда покореннаго населенія: для этого требуются другія болѣе настоятельныя побужденія. Напротивъ того, франки захватывали мало-по-малу галльскія земли, ближайшія къ границѣ, по мѣрѣ того, какъ появлялись охотники изъ среды безземельнаго прироста населенія или, вообще, предприимчивые молодцы, которые предпочитали присвоить себѣ обработанныя галльскія земли, чѣмъ расчищать пахотную землю изъ-подъ лѣса. Этотъ захватъ земли не нарушалъ привычныхъ формъ хозяйства, и пока еще остается нерѣшеннымъ, изгнали ли вторгавшіеся такимъ образомъ франки всѣхъ кельторомановъ изъ области своихъ новыхъ поселеній или часть ихъ осталась среди побѣдителей. До настоящаго времени послѣднее предположеніе подтверждается скорѣе существованіемъ сословія детовъ у франковъ, а также валлоновъ и римской печатью короля Хильдериха для прикладыванія къ латинскимъ документамъ, чѣмъ гипотезами, построенными на изслѣдованіи франкскихъ названій мѣстностей, заключающихъ въ себѣ подобныя намеки. Во всякомъ случаѣ, франкскій языкъ сталъ господствующимъ въ раньше всего занятыхъ областяхъ. Верхніе хаттскіе франки проникали впередъ по направленію къ Мозелю, Нахэ и Заару. Послѣ уничтоженія Вормскаго Бургундекаго королевства Аэциемъ они захватили также и эту область; если этотъ послѣдній успѣхъ римскаго оружія на Рейнѣ имѣлъ своей цѣлью припугнуть франковъ, то его дѣйствіе оказалось совершенно мимолетнымъ. Однако, захватъ этой области хаттскими франками поставилъ ихъ лицомъ къ лицу съ аламаннами, распространеніе которыхъ шло въ томъ же направленіи; раньше или позже дѣло должно было разрѣшиться кровопролитнымъ столкновеніемъ. Рибуарин двигались впередъ черезъ область Эйфеля по направленію къ Триру. Салийскіе франки продвинулись въ раннюю эпоху изъ бывшей области батавовъ въ Токсандрію (стр. 61), т. е. мѣстность между Шельдой и Маасомъ. Хотя римляне были крайне смущены этой „дерзостью“, тѣмъ не менѣе, даже Юліанъ предпочелъ оставить ихъ тамъ въ покоѣ; едва ли было бы ошибочно то утвержденіе, что уже во время этихъ походовъ Юліана салийскіе франки внушали къ себѣ наибольшее уваженіе. Въ самомъ началѣ V столѣтія они двинулись дальше вверхъ по обоимъ берегамъ Шельды, а также по направленію къ Самбрѣ и „Угольному Лѣсу“ въ ту мѣстность на сѣверномъ склонѣ Арденнъ, въ которой выступаетъ наружу каменноугольная формація, т. е. почти до современной французско-бельгійской границы.

6) Старшіе Меровинги.

Въ эту эпоху весь франкскій союзъ, какъ таковой, имѣлъ мало значенія: въ 451 г. часть франковъ дралась за Аттилу, а другая противъ него. Среди салійцевъ каждый отдѣльный народъ управлялся своимъ собственнымъ королевскимъ родомъ. Впрочемъ, мы начинаемъ замѣчать въ V в., когда завѣса, покрывающая исторію франковъ начинаетъ подниматься, что королевская власть начинаетъ оказывать болѣе замѣтное направляющее вліяніе въ дѣлѣ территориальнаго распространенія подчиненнаго ей народа и что она начинаетъ преслѣдовать болѣе или менѣе определенную политику. Это относится въ особенности къ салическому королевскому роду Меровинговъ (объ этомъ имени см. стр. 49): народъ, которымъ управляли Меровинги, жилъ въ ближайшемъ соствѣствѣ съ удержавшимися еще въ Галліи римлянами,— королевскій родъ все болѣе сознательно обращалъ въ свою пользу это непосредственное соствѣство.

Король Хлодіо изъ рода Меровинговъ (это ласкательная форма неизвѣстнаго полнаго имени)—первый, который выдѣляется, какъ определенная историческая личность, изъ тумана преданія, окутаннаго этическими и этимологическими легендами, распространить область своего господства въ началѣ V вѣка отъ тѣхъ мѣстностей, которыя все еще назывались по имени нѣкогда жившаго тутъ бельгійскаго народа тунгеровъ до Соммы. Было бы ошибкой выводить заключеніе о некультурности и малоактивности древнѣйшихъ франкскихъ королей исключительно на томъ основаніи, что единственнымъ источникомъ ихъ исторіи является скудное варварское преданіе, и ставить ихъ заранѣе на низшую ступень, чѣмъ Одакара или вестготскихъ королей. Слѣдующій послѣ Хлодіо изъ извѣстныхъ намъ Меровинговъ, Хильдерихъ, былъ повелителемъ надъ франками и галло-романскимъ населеніемъ римской провинціи: какъ король, онъ справлялся съ этимъ двойственнымъ своимъ положеніемъ такимъ же образомъ, какъ и другіе короли эпохи переселенія народовъ. Франки тоже могли быть увѣрены, что при занятіи кельто-романской Галліи (о ея положеніи см. ниже въ особомъ отдѣлѣ, въ особенности стр. 167) ихъ скорѣе будутъ привѣтствовать, какъ спасителей, и что они не натолкнутся на сплоченное сопротивленіе со стороны населенія. Ихъ вторженіе въ Галлію совершается безъ тяжелыхъ битвъ, равно какъ и вторженіе въ Галлію остальныхъ германскихъ племенъ и народовъ, начиная съ первыхъ годовъ V столѣтія. Кроме нихъ въ Галлію продолжали хлынуть аламанны, вестготы и бургунды, утвердившіеся въ своихъ новыхъ владѣніяхъ въ Сабаудіи. Во времена короля Хильдериха въ связи съ Западной Римской имперіей оставалась только часть Галліи, расположенная къ сѣверу отъ Луары, въ которой Эгидій все еще держался въ качествѣ безсмысленнаго наместника. Въ 464 году ему наследовалъ его сынъ Сигрий, который оказался 12 лѣтъ спустя послѣ переворота, произведеннаго Одакаромъ, полноправнымъ господиномъ этого галльскаго остатка погибшей Западной Римской имперіи.

Поскольку возможно уяснить политику первыхъ Меровинговъ, они оказывали римлянамъ и ихъ наместникамъ въ Сѣверной Галліи военную поддержку противъ ихъ разнообразныхъ угнетателей, важнѣйшими изъ которыхъ были вестготы и аламанны, между прочимъ, также и противъ саксовъ, которые пытались утвердиться въ Галліи со стороны Атлантическаго океана. Само собой разумѣется, что эту помощь они оказывали не безкорыстно. Стало быть, между ними и римлянами установились издавна уже практиковавшіяся отношенія „союзниковъ римскаго народа“ съ той только разницей, что франки держали себя гораздо болѣе самостоятельно, чѣмъ другіе подобныя союзники римскаго народа. Какъ и въ другихъ случаяхъ, союзники римлянъ превратились, въ концѣ-концовъ, изъ пособниковъ ихъ въ наступающихъ на нихъ враговъ.

в) Хлодвигъ.

Довольно часто подвергалась обзору вся политика Хлодвига въ цѣломъ; особенно часто остаивали вниманіе на томъ, съ какой плано-мѣрностью онъ присоединялъ къ своимъ владѣніямъ то германское, то римское населеніе и заботился съ большимъ умомъ о постоянномъ поддержаніи равновѣсія. Если бы мы обладали по этому вопросу такими же подробными свѣдѣніями, какъ о позднѣйшихъ столѣтіяхъ, то эта мудрая простота дѣйствій Хлодвига, вѣроятно, разсѣялась бы, и предъ нами предсталъ бы запутанныя обоюдостороннія и разностороннія отношенія, какія развиваются обыкновенно даже въ такихъ государствахъ, которыя по своей культурѣ стоятъ ниже государствъ эпохи переселенія народовъ. Мы можемъ только пытаться установить, какъ мѣнялось положеніе дѣлъ послѣ каждаго даннаго событія. Хлодвигъ былъ германскимъ и языческимъ властителемъ одной части франко-салийскихъ владѣній, населенной галло-римлянами. Пока существовало особое галло-римское государство, отъ котораго было отнято по частямъ это населеніе, оставался открытымъ вопросъ, и были налицо различныя противорѣчія, грозившія опасностью, хотя бы кельто-романское населеніе чувствовало себя въ хозяйственномъ отношеніи болѣе спокойнымъ подъ германскимъ господствомъ, чѣмъ подъ римскимъ. Въ 486 г. Хлодвигъ положилъ конецъ власти Сиагрія и присоединилъ къ своимъ владѣніямъ сначала ту часть владѣній послѣдняго, которая простиралась до Сены, а затѣмъ и всю остальную. Ему пришлось для этого войти въ соглашеніе съ остальными франками: передъ этой войной онъ обратился къ нимъ за помощью либо изъ страха предъ ними, либо потому, что Сиагріи все еще располагали значительными силами; нѣкоторые, но крайней мѣрѣ, изъ этихъ франковъ дѣйствительно приняли участіе въ войнѣ.

Такимъ образомъ все римскія владѣнія въ Галліи были подѣлены между чисто-германскими королевствами, а такъ какъ Равенна тоже была отнята уже у римлянъ, то римское населеніе лишилось также и всякой политической опоры внѣ Галліи за исключеніемъ развѣ далекой Византіи. Такимъ образомъ переходъ Хлодвига въ римско-католическое вѣроисповѣданіе, къ которому принадлежала теперь такая значительная часть его подданныхъ, вовсе не вызывался политическими требованіями момента. Вообще, въ исторіи Хлодвига мы не замѣчаемъ никакихъ неожиданныхъ дѣйствій; въ его поступкахъ видна скорѣе обдуманность и осмотрительность. Что Хлодвигъ перешелъ раньше или позже въ католическую религію,—это было вполнѣ естественно, такъ же какъ и то, что его отецъ сталъ носить римское кольцо съ печатью. Къ переходу въ арианскую вѣру у него не было никакого повода, тѣмъ болѣе, что его жена была католичкой и его дѣти воспитывались въ той же вѣрѣ. Кроме того, играло, безъ сомнѣнія, важную роль слѣдующее обстоятельство, на которое часто уже указывалось: какъ христіанинъ римскаго вѣроисповѣданія, Хлодвигъ могъ разсчитывать заранѣе на образованіе франкской партіи среди римлянъ-католиковъ, подвластныхъ арианамъ, бургундамъ и вестготамъ. Если бы онъ даже не думалъ объ этомъ заранѣе, то на такую мысль его все равно должно было натолкнуть поздравительное письмо по поводу его крещенія, полученное имъ отъ бургундскаго архіепископа Авита Вьеннскаго. Говорятъ, что Хлодвигу склонилъ къ обращенію въ католичество его жена католичка. Если бы тутъ сказалось исключительно ея влияніе, то она настояла бы на томъ, чтобы самъ король призвалъ къ жизни миссію для обращенія франковъ. Ни о чемъ подобномъ, однако, нѣтъ рѣчи. Переходъ въ христіанство, Хлодвигъ думалъ о своихъ римскихъ подданныхъ, а не о своихъ франкахъ. Обращеніе его свиты,—это совсѣмъ особое дѣло: она шла туда, куда шелъ ея предводитель; но вольные франки, независи-

мне отъ короля слѣдовали своимъ собственнымъ склонностямъ, т. е., по большей части, остались вѣрными своей языческой религіи.

Моментъ обращенія Хлодвига въ христіанство связанъ съ его первымъ походомъ противъ аламанновъ въ 496 г. Война противъ этого объединеннаго въ то время народа (стр. 60), которымъ правилъ король Гибульдъ (или Гебаудъ — въ аламанскомъ произношеніи оба эти слова почти совпадаютъ) велась франками, какъ общая союзная война Рибуаріевъ и Салиевъ. Король Рибуаріевъ Зигибертъ получилъ во время этой войны тяжелую рану въ колѣно. Рѣшался общій вопросъ о томъ, достанется ли западно-германская гегемонія въ Сѣверо-Восточной Галліи франкскому союзу или аламанскому народу и кто изъ нихъ по преимуществу завладѣетъ территоріей. Въ послѣднемъ походѣ 501 г. франки одержали верхъ и старательно позаботились о томъ, чтобъ окончательно уничтожить будущность аламанновъ. Ради интересовъ хаттской верхне-франкской народности аламанны, какъ сплоченный народъ, были отгнаны за Лаутеръ и Муртъ. Къ югу отъ этихъ мѣстностей аламанны перешли въ подданство франковъ, которые поступили такимъ же образомъ, какъ и въ бывшихъ римскихъ владѣніяхъ: между аламанскими родовыми деревнями, рядомъ съ которыми осталось много земель, присоединенныхъ къ франкскому государственному фонду, были введены многочисленныя франкскіе господскіе дворы, въ особенности въ Эльзасѣ.

Столкновенія Хлодвига съ аламаннами и бургундами распределены въ извѣстной послѣдовательности, опредѣлявшейся потребностямъ напряженіемъ силъ. Походъ на бургундовъ приходится на промежутокъ времени между обоими аламанскими походами.

Послѣ того, какъ Аэцій поселилъ ихъ въ Сабаудію (въ 443 г.), бургунды упрочили снова свое положеніе подъ властью короля Гундіока, принадлежавшаго къ старинному знатному роду этого народа, и постепенно стали распространять свои владѣнія по берегамъ рѣки Роны. Послѣ смерти короля Гундіока (въ 473 г.) правящій королевскій родъ состоялъ изъ трехъ его сыновей: Гундобада, Годагизеля и Хильпериха. Такъ какъ у знатныхъ германцевъ нареченіе имени часто носило характеръ акта дипломатической вѣжливости, то интересно сопоставить, что рядомъ съ чисто бургундскимъ именемъ перваго сына Гундіока, Гундобада, второй назывался тѣмъ же именемъ, какъ и отецъ Гейзериха — Годагизель; а если считать это случайнымъ совпаденіемъ, то, во всякомъ случаѣ, бросается въ глаза чисто мервингское имя третьяго сына, Хильпериха; повидимому, эти имена являются въ некоторомъ отраженіемъ политическаго соотношенія силъ во вторую половину V столѣтія. Вообще, бургунды этой эпохи вмѣшивались въ крупную политику. Въ послѣднемъ году жизни Гундіока его сынъ Гундобадъ управлялъ Италіей, какъ патріцій, послѣ смерти Рикимера. Оттуда онъ поспѣшилъ вскорѣ на родину въ виду предстоящей борьбы между соперничавшими между собою его братьями. Четвертый братъ, Годомеръ, былъ устраненъ еще раньше, а послѣ того Гундобадъ убилъ Хильпериха (извѣстіе объ этомъ, очевидно, прошло еквозъ приаму этнической позѣи) своимъ мечемъ и распространилъ свои владѣнія до Средиземнаго моря въ то время, какъ споръ между нимъ и Годагизелемъ остался еще перышечнымъ. Католическая церковь, къ которой принадлежали римскіе жители этихъ мѣстностей, чувствовала себя угнетенной бургундами арианами и была очень довольна тѣмъ, что католицизмъ проникъ мало-по-малу въ самый королевскій домъ, разселинный раздорами, и приобрѣла, напримѣръ, усердную поборницу въ лицѣ жены франка Хлодвига, дочери Хильпериха, двухъ братьевъ которой Гундобадъ тоже убилъ, по преданію. Когда Хлодвигъ перешелъ самъ въ католическую религію, и велѣдъ за этимъ быстро обнаружилось у подвластныхъ бургундамъ римлянъ сочувствіе къ франкамъ, то бургундскій королевскій домъ,

какъ это весьма понятно, сталъ занескивать дружбы съ католицизмомъ, и въ этомъ направленіи тоже проявилось состязаніе, въ которомъ оба спорившіе между собою брата старались опередить другъ друга. Годегизель представилъ королю Хлодвигу случай ко вмѣшательству въ споръ между братьями въ качествѣ своего покровителя въ 500 г. послѣ Р. Хр.; Гундобадъ былъ разбитъ при Дижонѣ и вынужденъ былъ отступить къ Авиньону, но въ этотъ моментъ Хлодвигъ внезапно прекратилъ военныя дѣйствія противъ бургундовъ, бросился на невольнѣ еще побѣжденных аламанновъ и окончательно сокрушилъ ихъ. Годегизель былъ покинутъ на произволъ судьбы: Гундобадъ овладѣлъ войскомъ, убилъ здѣсь Годегизеля и остался до конца своей жизни (сконч. въ 516 г.) единственнымъ королемъ бургундовъ; онъ обнародовалъ важныя законы и стремился къ избавленію своего государства онъ всѣхъ такъ ярко обнаружившихся опасностей; ради этой цѣли онъ поддерживалъ строгій порядокъ внутри его и заботился объ установленіи тѣсныхъ связей съ католицизмомъ и Меровингами.

Б. Остготскій король Теодерихъ Великій.

Только что изложенныя событія еще усилили преобладающее положеніе Хлодвига, и онъ не имѣлъ больше соперниковъ въ Галліи. Напротивъ того, во всей Европѣ, поскольку она находилась въ полѣ зрѣнія цивилизованнаго міра, единственнымъ претендентомъ на всеобщее верховное господство оказывалась Византія, а въ Италіи возникла своеобразная новая сила, домогавшаяся императорскаго престола, дѣйствующая частью въ духѣ Византіи, частью направленная противъ нея.

Одвакаръ не помышлялъ объ имперской политикѣ: онъ считалъ себя только уполномоченнымъ Восточной Римской имперіей замѣстителемъ западныхъ императоровъ для Италіи и ея римскихъ жителей (стр. 67). Хотя онъ и предпринялъ побѣдоносный походъ противъ руговъ, которые расположились хозяевами въ единственной еще оставшейся во власти Италіи провинціи Норикѣ, однако, онъ покинулъ ее обратно и увелъ тамъ большее римское населеніе въ Италію. Уже этотъ походъ Одвакара въ Норикъ былъ вызванъ тайнымъ подстрекательствомъ руговъ Византіей. Она не могла вынести господства выскочки Одвакара въ Италіи; если Италіи суждено было быть въ рукахъ германца, то пусть бы это былъ хоть такой, который относился бы съ почтеніемъ и пріязнью къ императорскому двору и на податливость котораго этотъ дворъ могъ рассчитывать. Этими качествами обладалъ Теодерихъ, остготъ Амалунгъ изъ Панноніи, который выросъ въ Византіи, гдѣ онъ находился въ качествѣ заложника, получалъ образцовое римское воспитаніе и былъ проникнутъ уваженіемъ къ римской цивилизаціи; теперь онъ соединилъ въ своихъ рукахъ на своей родинѣ владѣтельные права своего отца, двоихъ своихъ дядей и одного эделинга изъ другого рода. Если бы онъ перешелъ въ Италію, то онъ былъ бы тамъ самымъ подходящимъ для Византіи человекомъ; кромѣ того удалось бы выжить остготовъ изъ Панноніи, въ которой они образовали независимое государство носивъ наденія господства гунновъ и могли причинить много непріятностей Восточной Римской имперіи. Императоръ Зенонъ съ удовольствіемъ далъ Теодериху полномочія на управленіе Италіей; остатки руговъ тоже приняли участіе въ походѣ въ Италію подъ предводительствомъ остготскаго короля. Одвакаръ обнаружилъ вредную перѣшителность и въ послѣднюю минуту передъ этимъ нашествіемъ (въ 483 г.) покинулъ на произволъ судьбы и быстро очистилъ Норикъ, граничившій съ Панноніей. Въ томъ же 488 г. готы и руги выступили въ походъ и пришли въ Италію въ 489 г., а еще черезъ годъ пало военное государство Одвакара. Король укрылся въ приморской крѣпости Равеннѣ, которая продержалась еще нѣкоторое время, пока не

была окружена со стороны моря въ 493 г. Одвакаръ сдался на основаніи соглашенія о раздѣлѣ власти между обоими противниками; но Теодерихъ вскорѣ отдѣлился отъ него убійствомъ, и власть осталась за нимъ однимъ. Городъ Римъ и многіе римляне видѣли въ немъ своего законнаго защитника. явившагося для возстановленія императорской власти въ Италиі; онъ управлялъ Апеннинскимъ полуостровомъ подъ видомъ назначеннаго римскимъ императоромъ патриція, въ то время, какъ его голы поселились на земляхъ солдатъ Одвакара, а самъ Теодерихъ оставался ихъ королемъ.

Въ общемъ слѣдуетъ смотрѣть на правленіе Теодериха съ двухъ точекъ зрѣнія: во-первыхъ, онъ хотѣлъ, чтобы римское населеніе видѣло въ лицѣ его возстановителя прежняго законнаго порядка послѣ Одвакара, котораго они считали иноземнымъ узурпаторомъ: во-вторыхъ, его правленіе должно было обозначать собою возстановленіе императорской власти въ бывшихъ провинціяхъ Западной Римской имперіи. Первое изъ этихъ стремленій и вытекающее изъ него вниманіе ко всему римскому расширилось у Теодериха до степени удивительной заботливости о благѣ страны. Онъ обновилъ ее въ экономическомъ отношеніи и обогатилъ ее новыми техническими сооруженіями или усовершенствованіемъ прежнихъ; онъ возвелъ столько построекъ, сколько не возводилъ уже давно ни одинъ императоръ (см. прилож. табл.: „Постройки остготскаго короля Теодериха Великаго въ Равеннѣ и ея окрестностяхъ“)¹; подъ его покровительствомъ расцвѣла снова на нѣкоторое время самобытная античная философія (Бозцій), и онъ сообразовался во всемъ со стремленіями римлянъ съ такимъ же вниманіемъ, какъ и со стремленіями готовъ. Что касается возстановленія Западной Римской имперіи, то его поведеніе отличалось своеобразной двусмысленностью: съ одной стороны, онъ ограждаетъ традиціонныя права византийскаго императора и считается съ ними; но, съ другой, въ тѣхъ документахъ, которые направляются изъ его канцеляріи въ глухіе закоулки германскихъ лѣсовъ, напримѣръ, къ двору тюрингенскаго короля, онъ говоритъ только о себѣ и о домѣ Амалунговъ, какъ будто этотъ послѣдній является независимымъ преемникомъ западно-римскихъ императоровъ. Съ той ли или другой точки зрѣнія Теодерихъ считалъ политической сферой верховной власти Западной Римской имперіи, представителемъ которой онъ считалъ себя, всю Западную Европу вмѣстѣ со Старой Германіей и владѣніями вандаловъ въ Африкѣ; онъ часто проводитъ такую политику съ такимъ же усиліемъ, какъ его предшественникъ Азцій, и, какія бы политическія событія или преобразованія ни совершались въ Средней или Западной Европѣ, онъ всегда считалъ себя обязаннымъ занять по отношенію къ нимъ определенное положеніе; такъ, напримѣръ, когда Хлодвигъ разбилъ короля Гибудда и лишилъ независимости его народъ, оставшійся безъ руководителя послѣ смерти своего короля (см. стр. 73), то онъ взялъ подъ свое покровительство Ретію, эту старинную итальянскую провинцію, съ жившими въ ней, а въ то время вдобавокъ эмигрировавшими туда въ широкихъ размѣрахъ аламанными.

Некусная дипломатія Теодериха, поддерживаемая вновь завязанными выгодными родственными связями, стремилась къ мирному объединенію вестготовъ, вандаловъ, бургундовъ, тюрингенцевъ, геруловъ, варювъ въ одинъ большой союзъ подъ главенствомъ равеннскаго правительства для противодѣйствія воинственнымъ замысламъ безпокойныхъ франковъ, а съ другой стороны старалась дѣйствовать посредствомъ дружескаго вліянія на Хлодвига, зятя Теодериха. Всѣ эти старанія не достигли, однако, своей цѣли.

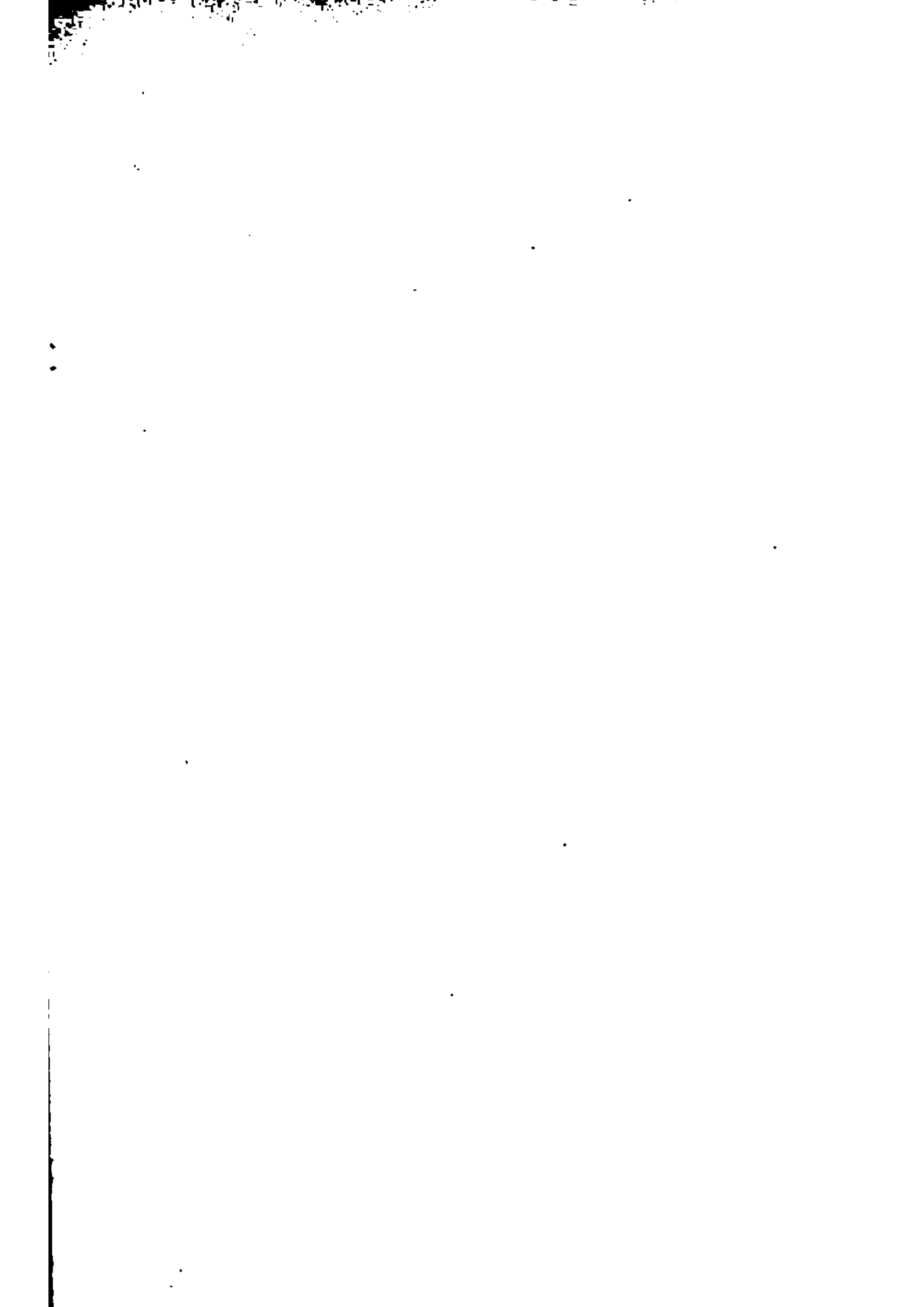
¹ Согласно повѣяннмъ изслѣдованіямъ такъ называемый дворецъ Теодериха въ Равеннѣ принадлежитъ къ нѣскольکو болѣе позднему времени.

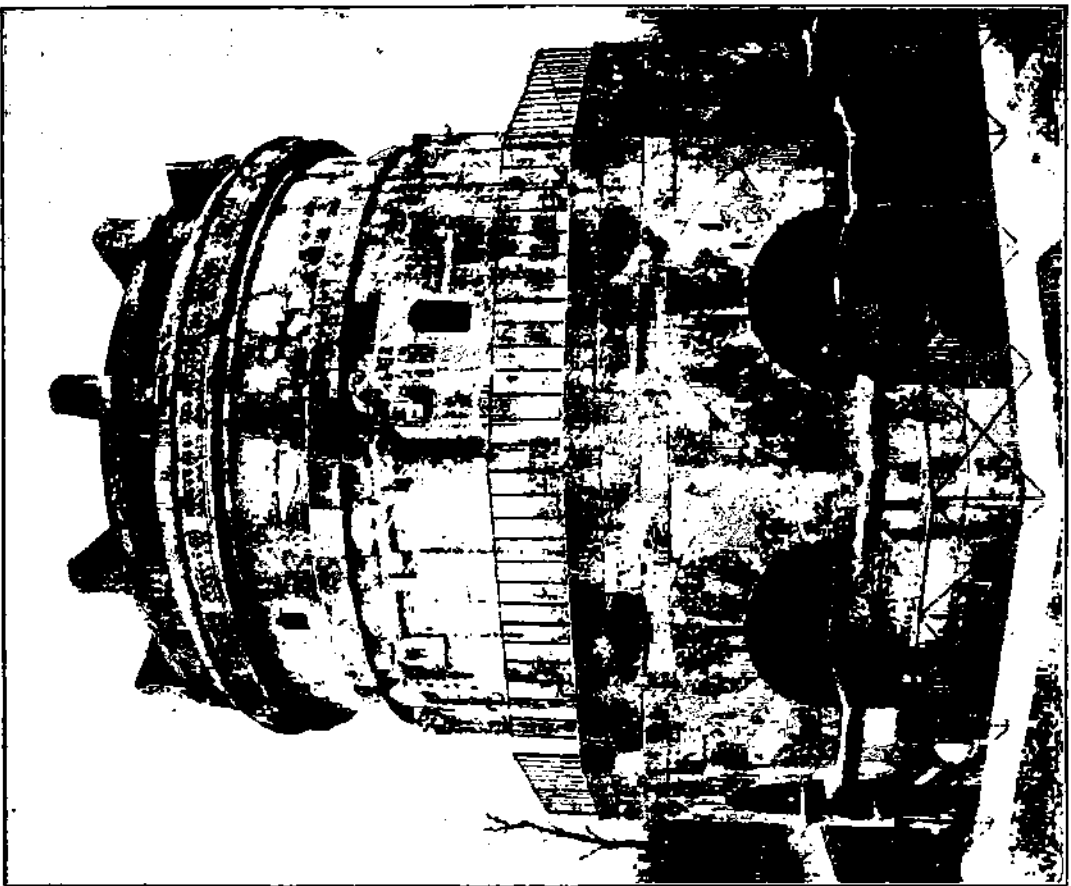
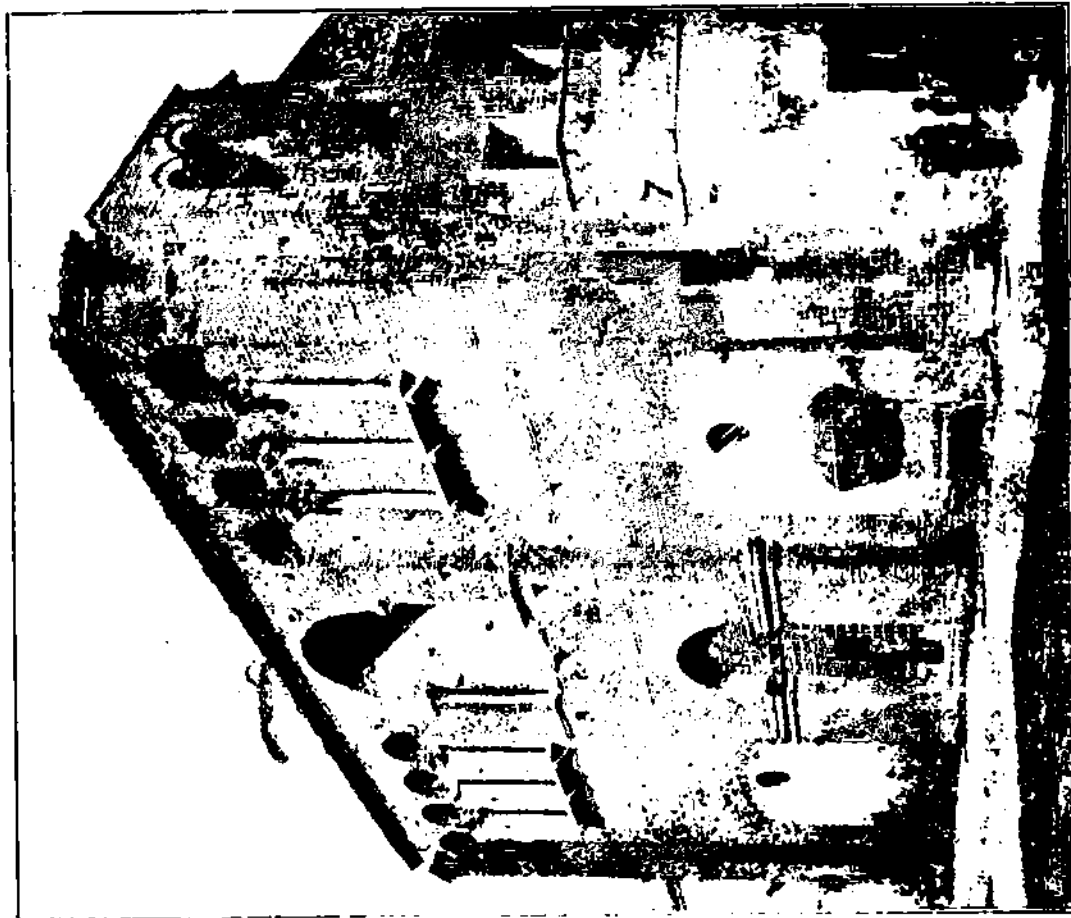
Въ 507 г. Хлодвигъ предпринялъ противъ восточнаго королевства наступательное движеніе, котораго весь міръ ожидалъ уже съ напряженнымъ вниманіемъ. Бургунды дѣствовали даже въ союзѣ съ франками, а остальные германцы остались нейтральными. Теодерихъ былъ предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ и остался пассивнымъ свидѣтелемъ пораженія и паденія своего зятя Алариха II; въ слѣдующемъ 508 году побѣдоносные союзники покорили почти всю гальскую часть Вестготскаго королевства. Только въ Испаніи, быстро покоренной вестготами послѣ возстанія Одвакара, за исключеніемъ свободной Галлеціи, они остались въ неприкосновенности; туда же бѣжалъ сынъ Алариха, внукъ Теодериха.

Кромѣ Равенны за событіями на западѣ слѣдила съ напряженнымъ вниманіемъ и съ мыслию о верховномъ господствѣ въ Европѣ другая болѣе древняя держава, Византія. Несмотря на всю дипломатическую вѣжливость Теодериха, на его лояльное признаніе Восточной Римской имперіи, какъ источника своей власти, несмотря на его бережливое и заботливое отношеніе къ Римской имперіи, въ дѣйствительности между нимъ и Византіей существовала болѣе глубокая, хотя и скрытая, неприязнь, чѣмъ между какими бы то ни было изъ прежнихъ восточныхъ и западныхъ римскихъ императоровъ. Наиболѣе отягчающее вліяніе имѣло то обстоятельство, что восточно-римскій міръ видѣлъ въ готахъ прежде всего ненавистныхъ еретиковъ-аріанъ, державшихъ у себя въ подчиненіи римляцъ-католиковъ. Со времени крещенія Хлодвига, этотъ послѣдній пріобрѣлъ въ глазахъ Византіи такое же значеніе, какое она придавала Теодериху, когда Одвакаръ еще не былъ низвергнутъ. Въ то время, какъ Хлодвигъ былъ въ походѣ противъ Алариха II, византійскій флотъ наналъ предательски на Нижнюю Италію среди полнаго міра: это былъ чувствительный намекъ Теодериху о необходимости соблюдать нейтралитетъ. Когда Хлодвигъ вернулся изъ побѣдоноснаго похода, то онъ встрѣтился съ послами Восточной Римской имперіи, которые поднесли ему титулъ римскаго консула; онъ принялъ ихъ съ большою почтительностью и показной торжественностью. Такимъ образомъ Византія содѣйствовала упроченію единственной изъ всѣхъ основанныхъ и еще существовавшихъ до тѣхъ поръ великихъ державъ, которая не потеряла связи съ областями, населенными чисто германскимъ населеніемъ, сохранила въ себѣ народную мощь и носила въ себѣ зародышъ будущаго величія германской народности.

Несмотря на такія явные затрудненія Теодерихъ отказался, по крайней мѣрѣ отчасти, отъ своего нейтралитета и отправилъ по ту сторону Альпъ военный отрядъ, который обезпечилъ за собой своими успешными дѣйствіями нѣкоторую часть добычи, именно область между Дюрансою и моремъ, занятую вестготами во времена Одвакара и обѣщанную Хлодвигомъ бургундамъ въ видѣ военнаго вознагражденія. Франки съ своей стороны захватили Овернь, Аквитанію, вообще всю область къ сѣверу отъ Гаронны, а къ югу отъ нея Гасконь съ Тулузою. Во власти вестготскаго королевства, которое съ этихъ поръ стало чисто испанскимъ, осталась только узкая береговая полоса съ городомъ Нарбонной, извѣстная подъ именемъ Септиманіи. Остготское и Вестготское королевства соединились между собой посредствомъ географическаго моста, тянущагося вдоль Тирренскаго моря; кромѣ того франки не препятствовали Теодериху дѣйствовать въ качествѣ опекуна вестготскаго короля.

Что касается истребленія остальныхъ франкскихъ знатныхъ родовъ Хлодвигомъ и насильственнаго утвержденія Меровинговъ въ качествѣ королей общепранкскаго союза или великаго королевства всѣхъ франковъ, то Григорій Турскій не даетъ въ этомъ отношеніи никакихъ хронологическихъ указаній, такъ какъ онъ занимался своей разсказъ объ этихъ событіяхъ изъ эпической народной саги; онъ ихъ помѣщаетъ поэтому

Исторія челоуѣчества. VI.

Постройки Остготскаго короля Теодориха Великаго въ Равеннѣ и ея окрестностяхъ.

Слѣва развалины его замка, видъ сбоку; справа его надгробный памятникъ, известный подъ именемъ „la Rotonda“ недалеко отъ Равенны; видъ сада.
(Съ фотографическихъ снимковъ *Мудейли Риччи въ Равенну*.)

Т-во „Прессфото“ въ Спб.

въ видѣ приложенія послѣ событій съ опредѣленной хронологической датой. Затѣмъ у него сохранились также отрывочныя извѣстія о томъ, что Хлодвигъ истребилъ своихъ ближайшихъ родственниковъ. Слабая сторона даже наиболѣе развитыхъ германскихъ государствъ заключалась въ отсутствіи монархической преемственности власти, въ традиціонныхъ правахъ всего знатнаго рода на участіе во власти. Двое болѣе выдающихся государей пытались устранить эту опасность для упроченія монархіи: Гейзерихъ оставилъ право наследованія за старшимъ въ родѣ.—онъ утвердилъ сенъоратъ, менѣе всего уклоняющійся отъ родовыхъ понятій; эта форма наследованія привела вандалское царство къ гибели. Хлодвигъ, напротивъ того, поступилъ вполне сообразно съ своимъ характеромъ, руководствуясь не теоретическими, а чисто практическими соображеніями: сначала онъ истребилъ всѣ остальные франкскіе королевскіе роды кромѣ своего собственнаго, а затѣмъ не пощадилъ также и своихъ ближайшихъ родственниковъ, т. е. устроилъ такъ, что на первыхъ порахъ отъ Меровинговъ не осталось никого кромѣ его самаго, а въ будущемъ власть должна была перейти только къ его четыремъ сыновьямъ. Конечно, съ теченіемъ времени и это средство оказалось неэффективнымъ. Родовое право осталось само по себѣ въ силѣ среди франковъ; не только позднѣйшіе Меровинги, но и Каролинги не знали другого средства для ограниченія этого права кромѣ уменьшенія числа претендентовъ на власть посредствомъ убійства или другихъ насильственныхъ мѣръ.

Изъ названныхъ двухъ великихъ германцевъ первымъ скончался въ 511 году западный германецъ, реальный политикъ Хлодвигъ. Послѣ его смерти королевство не было раздѣлено между его сыновьями, а всѣ четверо его сыновей стали сообща королями франковъ (и подчиненныхъ имъ народовъ). Они выработали только практическія правила для распредѣленія между собой доходовъ и административной дѣятельности. Они не были родоначальниками четырехъ отдѣльныхъ династій; напротивъ того, послѣ смерти одного изъ братьевъ оставшіеся въ живыхъ стремились къ суженію круга лицъ, между которыми подѣлено управленіе государствомъ, и къ устраненію сыновей покойнаго отъ власти. Одинъ разъ, послѣ смерти Хлодомера, они успѣли въ этомъ, а во второй разъ, послѣ смерти Теодериха, проживавшаго въ Мецѣ главы чисто германскихъ подданныхъ королевства, такая попытка оказалась безуспѣшной. Уже въ самый ранній періодъ германской исторіи общее право рода было подчинено фактической личной удачѣ отдѣльныхъ его представителей. Меровинги низвели его еще на нѣсколько ступеней и отдѣлили еще рѣзче фактическую власть надъ государствомъ отъ наследственныхъ родовыхъ правъ; частью этотъ процессъ развивался самобытно, частью же онъ находился подъ вліяніемъ усложнившихся задачъ и полномочій королевской власти, носительницы господства франковъ надъ другими народами и надъ римскими подданными.

Соотвѣтственно съ этимъ внѣшняя политика франковъ и ихъ королей остается общей, союзной, при чемъ инициаторомъ и руководителемъ выступаетъ каждый разъ наиболѣе заинтересованный изъ королей. Что касается бургундовъ, то сынъ покойнаго Гудобада Сигизмундъ искалъ спасенія въ ревностномъ обращеніи въ католицизмъ и въ союзѣ съ Византіей; при всемъ томъ онъ попалъ какъ между двухъ огней между Остготскимъ и Франкскимъ королевствами. Теодерихъ, который еще усилился влѣдствіе внутренняго ослабленія Франкскаго королевства, вызваннаго семейнымъ правомъ наследованія королевской власти, занялъ новыя части бургундскихъ владѣній въ 523 году вскорѣ послѣ насильственнаго захвата и убійства короля Сигизмунда; напротивъ того, Меровинги вынуждены были снова пощадить Бургундское королевство, которымъ управлялъ братъ Сигизмунда Годомерь, и только въ 532 году они

оказались въ состояніи уничтожить его самостоятельность и присоединить его къ своимъ владѣніямъ.

В. Паденіе Остготскаго королевства.

Теодерихъ скончался въ 526 году, омраченный сознаниемъ того, что вся его политика заботы о римлянахъ и примиренія съ ними оказалась бесполезной и только оживила тяготѣніе итальянскихъ римлянъ и ихъ католической церкви къ Восточной имперіи. Эпическія народныя преданія не задумывались надъ окончательными результатами его дѣятельности, когда они стали вырисовывать его фигуру, да и по всему своему характеру они неспособны останавливаться предъ этимъ; въ видѣ центрального пункта его заслугъ предъ потомствомъ преданіе изображаетъ, какъ Теодерихъ протягивалъ свою руку надъ германцами, какъ третейскій судья, какъ величайшій изъ героевъ, безразлично, просили ли его о томъ, или нѣтъ, и укрощалъ строптивые характеры франкскихъ Зигфридовъ и Гагеповъ. Эта картина запечатлѣлась тѣмъ болѣе рѣзко, что послѣ его смерти не явилось больше никого, кто бы былъ въ силахъ задержать франковъ, которые поглотили бургундовъ, тюрингенцевъ, ретійскихъ аламанновъ, ретійско-норическихъ байоваровъ.

На бѣду въ Византіи достигъ власти энергической, дѣйствовавшей по строго обдуманному плану и лукавой Юстиніанъ въ то самое время, когда преемница Теодериха, регентша и онекунша наследника престола Амаласвинта, отличавшаяся пристрастіемъ ко всему римскому, стала самымъ основательнымъ образомъ отчуждать отъ себя готовъ. Ея правленіе законялось только существованіемъ ея сына Аталариха, который скончался въ 534 году; но незадолго предъ этимъ она еще успѣла оказать важную услугу восточно-римскому императору и предводителю его войскъ во время предпринятой ими послѣ долгихъ колебаній африканской экспедиціи, поведшей къ уничтоженію Вандальскаго королевства (томъ IV, стр. 237).

Утвердившись въ Африкѣ и на Тирренскихъ островахъ, императоръ Восточной имперіи силой вещей былъ увлеченъ къ попыткѣ уничтожить итальянскихъ готовъ, вѣднувшихъ клиномъ между Балканскимъ полуостровомъ и остальными владѣніями имперіи.

Вѣдшимъ поводомъ къ войнѣ послужило то обстоятельство, что почитательница Юстиніана Амаласвинта была убита (въ 535 году) Амалунгомъ Теодагадомъ, который сталъ королемъ послѣ смерти Аталариха. Когда Теодагадъ, не обладавшій тѣми качествами, которыя возвысили бы его въ глазахъ германскаго народа, обнаружилъ свою неспособность въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ главнокомандующаго арміей Юстиніана, Велизарія, побѣдителя вандаловъ, то готы почли себя въ правѣ отвернуться отъ вырождавшагося и отдалившагося отъ своего родного народа дома Амалунговъ. Въ открытомъ полѣ они избрали себѣ новымъ королемъ и предводителемъ отличившагося своею храбростію въ одномъ походѣ противъ гепидовъ Витихиса. Итальянская война Юстиніана была на руку франкамъ, такъ какъ она служила поводомъ къ извлеченію выгодъ какъ отъ ихъ стараго друга, Восточной Римской имперіи, такъ и отъ понавшихъ въ затруднительное положеніе остготовъ; Витихисъ отдалъ франкамъ то, что было уже обѣщано имъ Теодагадомъ, именно, занятія нѣкогда Теодерихомъ южно-испанскія области. Франки не только ничѣмъ не помогли ни тому, ни другому изъ противниковъ изъ благодарности за эти подарки, но, напротивъ того, франкская политика перешла уже къ болѣе смѣлымъ планамъ. Теодобертъ, сынъ Теодериха, могущественный мецкскій король, тотъ самый, который задумалъ планомѣрное выступленіе противъ верховной власти Восточной Римской имперіи въ союзѣ съ лангобардами и гепидами, который уничтожилъ на своихъ монетахъ изображеніе императора и велѣлъ присо-

единить къ своему собственному имени титулъ Augustus (Августѣйшій), вторгся въ Италію съ большимъ войскомъ какъ разъ въ то время, когда Витихису удалось втянуть Юстиніана въ войну съ персами въ 539 г., и открывъ военныя дѣйствія какъ противъ готовъ, такъ и противъ Византійскихъ отрядовъ, предназначавшихся для дальнѣйшей отправки въ Азію. И дѣйствительно, для того, чтобы какая-нибудь держава могла достигнуть преобладающаго вліянія на западѣ, она непременно должна была занять твердое положеніе въ древнемъ центрѣ исторіи и взять его подъ свой протекторатъ тѣмъ болѣе, что Теодерихъ Великій утвердилъ вновь тотъ взглядъ, что оба эти понятія неразрывно связаны между собою. Такимъ образомъ, честолюбивый австразіецъ оказался провозвѣстникомъ исторіи Каролинговъ. Однако, онъ не могъ поддержать надолго рвенія къ своимъ императорскимъ замысламъ въ своихъ войнахъ-земледѣльцахъ, которые дрались уже въ то время въ иномъ строю; присоединившіяся къ тому же массовыя заболѣванія вынудили его къ окончательному удаленію изъ Апеннинскаго полуострова. Впослѣдствіи Меровинги повторили дипломатическимъ путемъ свою попытку къ пріобрѣтенію части итальянской территоріи.

Большинство остготовъ отвернулось снова отъ неудачника Витихиса, а Велизарій лишился навсегда возможности продолжать войну въ Италіи подъ своимъ предводительствомъ вслѣдствіе своей политики, напоминая Валленштейна. Замѣчательно, что королевская власть была предложена готами послѣ Витихиса его близкому родичу, именно, его дядѣ Урайа, но этотъ старикъ указалъ на Гильдебада, который отстоялъ такой важный пунктъ, какъ Верону, отъ Велизарія благодаря своей храбрости и своему уму и былъ эделингомъ по происхожденію, племянникомъ вестготскаго короля Тейдиса. Не безъ успѣха Гильдебадъ взялся за сплоченіе и возстановленіе Готскаго королевства, разстроенаго смутами, но былъ убитъ изъ личной мести послѣ того, какъ соперничество между его семьей и семьей Урайи довело его до безчестныхъ поступковъ, и онъ лишился уваженія въ народѣ. Въ это время руги, жившіе своей независимой жизнью рядомъ съ готами (сравн. выше, стр. 37, 50 и 74), избрали себѣ собственнаго короля Эрариха, между тѣмъ какъ готы оставались по цѣлымъ мѣсяцамъ безъ верховнаго главы или же признавали надъ собою власть короля руговъ.

Только возстаніе племянника Гильдебада Бадвила (Тотила) и убійство Эрариха, который пытался укрѣпить свое положеніе признаніемъ верховной власти императора и принятіемъ отъ него титула патриція, возстановили единство готовъ еще на 12 лѣтъ, подняли государство и возродили надежду на будущее. Король Бадвила замѣтилъ опасность своего положенія только въ 550 году, когда Юстиніанъ сталъ пользоваться, какъ орудіемъ противъ него, старинными королевскими правами дома Амалунговъ. Въ Византіи жила еще внука Теодериха Матасвинта, съ которою въ свое время вступилъ въ бракъ изъ умнаго разсчета поднятый народомъ на щитъ вновь избранный король Витихисъ. Теперь она была замужемъ за племянникомъ императора Германомъ, и Юстиніанъ отпраздновалъ въ Италію этого славнаго человѣка съ большимъ запасомъ золота. Но дорогѣ болѣзнь внесла Германа въ могилу въ то время, какъ онъ набиралъ въ имперіи для своего предпріятія отряды германскихъ наемниковъ. Что касается готовъ, то они не обнаружили при столкновеніяхъ съ Германомъ большой рѣшительности и не оказали ему твердаго сопротивленія. Тогда императоръ назначилъ преемникомъ Германа Паресса, который служилъ раньше предводителемъ отряда подъ начальствомъ Велизарія; Бадвила выступилъ противъ него съ рѣшимостью бороться до послѣднихъ силъ. Однако, флотъ готскаго короля потерпѣлъ пораженіе при Сидиагліи, а суровые придунайскіе германцы, составлявшіе ядро войскъ

Нарзеса (5,000 лангобардовъ, 3,000 геруловъ, 400 гепидовъ—все отборные люди, т. е. дружинники, подъ начальствомъ королей и королевскихъ родовъ) окружили Бадвилу и разбили его при Тагипѣ (Гуальдо Тадино). Король готовъ получилъ смертельную рану отъ руки предводителя гепидовъ (502 г.).

Послѣ этого готы передали верховную власть въ руки Теиы, командовавшаго въ качествѣ одного изъ военачальниковъ Бадвилы большимъ отрядомъ, который не успѣлъ прибыть на поле битвы и поэтому уцѣлѣлъ. Въ сраженіи при Везувіи (въ 553 г.) этому послѣднему королю остготовъ не удалось спасти отъ гибели Остготское королевство, но зато опъ спасъ незапятнанную честь оружія своего народа, въ то время какъ вандалы погибли съ позоромъ.

Та часть готовъ, которая еще уцѣлѣла въ городскихъ гарнизонахъ Верхней Италіи, послала за помощью къ франкамъ, именно, къ сыну Теидеберта Теидебальду; но этотъ молодой король (царств. отъ 548 до 555 г.), умершій такъ рано, не считалъ себя въ состояніи повліять лично на теченіе событій въ Италіи. Съ другой стороны вторглись въ Италію безъ всякаго противодѣйствія со стороны франкскихъ правительствъ два западно-германскихъ герцога аламанскаго происхожденія братья Лейтари и Бутилицъ съ 72 тысячами аламанновъ и франковъ, собранными, какъ сообщаютъ, ими самими; они соединились съ уцѣлѣвшими еще въ Италіи германцами и сильно стѣснили Нарзеса на болѣе или менѣе продолжительное время. Однако, черезъ нѣкоторое время возникли всякаго рода раздоры между восточно-германскими арианами, франками-католиками и аламаннами, не отказавшимся, по большей части, отъ языческой вѣры. Къ этому присоединились среди германцевъ обычныя лѣтнія заболѣванія, и къ веснѣ 555 г. они всѣ были разбиты Нарзесомъ; Италія избавилась отъ опасности подпасть подъ власть новаго Радагайса или Одвакара. Послѣдніе воины Теиы еще раньше отступили черезъ Альпы на сѣверъ, а теперь еще цѣлыя тысячи готовъ были насильственно переселены въ Восточную Римскую имперію. Предводитель геруловъ, бывшій на службѣ у Нарзеса, Синдваль (вѣроятно, Синдвальтъ), пытался основать независимое владѣніе на рѣкѣ Эчи, но и онъ былъ разбитъ и преданъ смерти своимъ бывшимъ начальникомъ, у котораго онъ состоялъ на наемной службѣ.

Г. Лангобарды.

Теперь Византія могла считать закончившимся переселеніе народовъ и приступить къ устройству Италіи, которая была опять возвращена подъ власть Рима подъ именемъ „Экзархата“, но не надолго: лангобарды, оказавшіеся гораздо болѣе счастливыми, чѣмъ ихъ предшественники аламаннскіе вожди, и болѣе сильными, чѣмъ Синдваль, захватили въ свое собственное владѣніе большую часть этой страны, отнятой у вестготовъ при существенной помощи (въ 568 г.) со стороны ихъ.

Оставшіеся на нижней Эльбѣ жители Бардской области Тацитта въ послѣдствіи примкнули къ союзу саксовъ и превратились въ саксовъ, а затѣмъ вмѣстѣ съ саксами и фризами въ нижне-германцевъ; лангобарды, поселившіеся на Дунаѣ послѣ долгихъ перекочевываній (стр. 38), тоже успели съ собою въ своемъ языкѣ и въ своихъ юридическихъ обычаяхъ неизгладимые слѣды этого долгаго сосѣдства. Что касается дальнѣйшей исторіи лангобардовъ, то Л. М. Гартманъ высказалъ предположеніе, что этотъ относительно маленькій странствующій народъ усилился благодаря предоставленію званія полноправныхъ согражданъ несвободному низшему сословію и присоединенію къ себѣ осколковъ другихъ народовъ; это подтверждается только тѣмъ основнымъ юридическимъ правиломъ лангобардовъ, что лангобардское право обязательно также и для людей нелангобардскаго проис-

хожденія; если мнѣніе Гартмана справедливо, то такое правило становится безусловной необходимостью. Лангобарды принимали участіе въ Дунайскихъ войнахъ Марка Аврелія; по всей вѣроятности, они пытались также устроиться навсегда въ Панноніи, такъ какъ намъ извѣстно, что они собирались обратить въ свою пользу уничтоженіе Фавіанскаго королевства руговъ (Рюгиландъ выше Пехлярна) Одвакаромъ въ 487 году.

Послѣ этого, въ концѣ V столѣтія, лангобарды жили въ теченіе трехъ лѣтъ въ качествѣ данниковъ геруловъ далѣе къ востоку въ „Фельдъ“, который отождествляется нѣкоторыми изслѣдователями съ Альфельдомъ въ нынѣшней Венгріи; они исповѣдывали уже въ это время (вышнимъ образомъ) аріанскую вѣру или, по крайней мѣрѣ, обратились въ нее около этого времени и разрушили послѣ борьбы, въ изукрашенномъ видѣ составившей содержаніе одной ихъ эпической саги, королевство геруловъ, которымъ управлялъ король Родульфъ (приблизительно въ 495 году, а по Фр. Вестбергу въ 506—512 годахъ). Послѣ этого герулы пытались утвердиться снова въ гористомъ Рюгиландѣ на Дунаѣ, и часть ихъ перешла, наконецъ, на территорію Восточной Римской имперіи въ то время, какъ другая часть геруловъ возвратилась въ свою старую родину, Скалдинавію. Герулы, поселившіеся въ Восточной Римской имперіи, еще два раза отпирывали пословъ къ своимъ соплеменникамъ, жившимъ въ шведскомъ Гетландѣ, для избранія себѣ въ короли наиболѣе подходящаго изъ многочисленныхъ представителей королевскаго рода. „Они шли въ бой только подъ начальствомъ своихъ собственныхъ предводителей“, такъ гласитъ нашъ источникъ о тѣхъ герулахъ, которые дрались на сторонѣ Византіи въ войскахъ Велизарія и Нарзеса.

Повсюду упрочиваются болѣе тѣсныя, семейныя династіи, при чемъ сказывается преимущественно вліяніе государственной организаціи съ ея расширившимися задачами и потребности въ болѣе совершенной плановой, мѣрной вышней политикѣ. Тутъ въ полусумракѣ Дунайскаго побережья брачныя связи стали тоже подчиняться иностранной политикѣ такъ же, какъ и при дворѣ Теодориха Великаго; притомъ же забота о сохраненіи чистоты крови знатныхъ родовъ сама по себѣ уже побуждала къ брачнымъ связямъ между аристократическими родами отдаленныхъ одинъ отъ другого народовъ, какъ это было нѣкогда въ обычаѣ у херусковъ и хаттовъ (срав. стр. 52—59) Съ лангобардскими владѣтельными князьями породнились посредствомъ браковъ королевскіе дома тюрингенцевъ, гепидовъ, геруловъ, франковъ, а также байоварскіе Агиллолфинги.

Со времени возстанія противъ преемниковъ Аттилы гепиды остались самымъ вліятельнымъ народомъ той области, изъ которой образовалась впоследствии Венгрія. Поэтому они являются главными соперниками остготовъ послѣ похода Теодориха въ Италію и основанія имъ Остготскаго королевства. Они продолжали оставаться въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ готами также и впоследствии за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда отдѣльныя лица искали помощи Теодориха во время раздоровъ въ гепидскомъ королевскомъ родѣ. Послѣ паденія могущества остготовъ, съ одной стороны, и побѣды, одержанной лангобардами надъ герулами, съ другой, вопросъ о преобладаніи въ долинѣ Дуная долженъ былъ получить свое окончательное рѣшеніе посредствомъ борьбы между лангобардами и гепидами, между которыми уже и раньше возникали столкновенія. Послѣ долгой борьбы, составляющей главное содержаніе лангобардскаго пароднаго эпоса, записаннаго Павломъ Дьякономъ, успѣхъ оказался на сторонѣ лангобардовъ, получавшихъ поддержку отъ Восточной Римской имперіи, а впоследствии отъ аваровъ. Восточная Римская имперія уступила имъ, повидимому въ 546 году, Римскую Паннонію, и безъ того уже захватываемую однимъ германскимъ народомъ за другимъ, такъ что лангобарды оказались сосѣдями байоваровъ, которые устранились въ то время въ Норикъ и въ восточной Регіи. Вообще говоря, они жили въ дружескихъ отношеніяхъ съ этими

бывшими маркоманнами и другими придунайскими свебами; сообщается только объ одномъ походѣ ихъ короля Вахо (сконч. около 539 г.) противъ „свавовъ“.

Авары, народъ татарскаго происхожденія (томъ II, стр. 146.), появились въ V столѣтіи на европейскомъ горизонтѣ Восточной Римской имперіи и предпринимали оттуда набѣги въ далекія страны; они доходили до Тюрингій (томъ V, стр. 231) и до границъ владѣній Меровинговъ. Сосѣдство аваровъ ложилось тяжелымъ гнетомъ на гепидовъ и лангобардовъ. Когда лангобарды нуждались настоятельно въ ихъ помощи противъ гепидовъ, то авары выговорили себѣ богатое вознагражденіе въ видѣ десятой части всего награбленнаго скота и всей отнятой у гепидовъ земли. Несмотря на это, лангобардскій король Альбвинъ (Альбоинъ) вступилъ съ ними въ союзъ въ 566 году и одержалъ верхъ въ кровопролитной битвѣ надъ королемъ гепидовъ Кунимундомъ, во владѣнія котораго авары вторглись въ то же время съ другой стороны. Однако, вскорѣ послѣ того лангобардскій король ушелъ со своимъ народомъ для завоеванія Италіи (въ 568 году). Онъ возобновилъ союзъ съ своими опасными друзьями также и на будущее время послѣ переселенія лангобардовъ въ Италію. Союзъ этотъ былъ заключенъ для обезпеченія итальянскихъ завоеваній лангобардовъ; война съ Византіей тоже имѣлась въ виду, но только въ случаѣ крайней необходимости. Лангобарды уступили добровольно аварамъ лангобардскую Паннонію, конечно, съ тою оговоркой, что въ теченіе двухсотъ лѣтъ она должна быть возвращена имъ обратно (срав. стр. 50 и 85), если они останутся недовольными новыми мѣстами и вернутся обратно.

Д. Средній отдѣлъ меровингской эпохи.

а) Распространеніе франкскихъ владѣній въ Средней Европѣ.

Потомки Хлодвига воспользовались съ большимъ искусствомъ крушеніемъ покровительственной политики Теодериха и взаимостребленіемъ придунайскихъ восточно-германскихъ народовъ. Правда, имъ не удалось стать твердой ногой въ Италіи, но зато они безпрепятственно присоединили къ государству франковъ, какъ до того времени, такъ и послѣ этого, все средне-европейскія области, примыкающія къ Италіи.

Когда-то гермундуры перенли изъ бассейна Эльбы въ бассейнъ Майна и завязали оттуда по преимуществу дружественныя отношенія съ римлянами; въ то же время они выдерживали тяжелую борьбу съ своими сѣверо-западными сосѣдями, хаттами. Общее передвиженіе народовъ во II столѣтіи увлекло и ихъ къ дунайской границѣ и къ Порогу. Послѣ этого они были вытѣснены изъ сосѣдства съ римлянами вторженіемъ аламанновъ и бургундовъ и исчезаютъ окончательно изъ поля зрѣнія римлянъ и ихъ историковъ, такъ что дальнѣйшая ихъ участь скрывается отъ насъ, къ сожалѣнію, въ лѣсахъ Средней Германіи. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что дюринги или тюрингенцы, появляющіеся въ V вѣкѣ на заднемъ фонѣ франкской исторіи, и притомъ на первыхъ порахъ въ сумрачномъ освѣщеніи эпического преданія, стоятъ въ связи съ гермундурами. Кромѣ того, по лѣвую сторону Нижняго Рейна среди франковъ тоже жили тюринги, на которыхъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на эмигрантовъ, отдѣлившихся отъ главной массы того же народа, который образовалъ въ это время сильное государство съ одной общей династіей, тянувшееся отъ Гарца до противоположнаго берега Майна. Въ теченіе долгаго времени взаимныя отношенія между тюрингенцами и франками были недовѣрчивыми, но не враждебными, но затѣмъ сыновья Хлодвига предприняли такую же рѣшительную кампанію противъ этихъ своихъ сосѣдей, какую въ свое время ихъ отецъ велъ противъ аламанновъ, при чемъ они опять-таки обратили

въ свою пользу раздоры между членами королевскаго дома, которые служили для нихъ и раньше поводомъ ко вмѣшательству. Заключивъ союзъ съ саксами, сыновья Хлодвига уничтожили въ 531 г. Тюрингенское королевство и использовали свои военные успѣхи такъ же основательно, какъ ихъ отецъ свою побѣду надъ аламаннами. Франкскія поселенія выдвинулись впередъ вверхъ по Майну и до гребня Тюрингенскаго лѣса; уцѣлѣвшая часть тюрингенскаго народа къ сѣверу отъ Рейнштага подчинилась франкамъ и съ этихъ поръ стала платить имъ дань. Громадное значеніе для будущей исторіи Германіи имѣло то обстоятельство, что побѣдоносная франкская народность проникла такимъ образомъ обратно на востокъ и что она соединила свое военное могущество, распространившаея до самаго сердца Германіи, съ колонизаціей завоеванныхъ областей поселенцами-франками.

Безъ сомнѣнія, франки не довершили бы этого завоеванія, если бы они не вступили въ союзъ съ теми, съ которыми имъ въ будущемъ предстояло, по всему вѣроятію, выдержать рѣшительную борьбу, и не поддерживали этого союзника на первыхъ порахъ мы говоримъ о союзѣ саксовъ. Эти послѣдніе получили въ вознагражденіе за оказанную ими помощь полосу земли отъ Унструта черезъ Эльбу до Заалы, превратили жителей этой мѣстности въ своихъ данниковъ, литовъ (liten), и властвовали надъ ними, какъ надъ своими крѣпостными. На первыхъ порахъ Меровингамъ нечуждымъ было торжиться съ предстоявшимъ рѣшительнымъ столкновеніемъ, такъ какъ консервативный характеръ этихъ нижне-германскихъ земледѣльческихъ народностей все еще препятствовалъ политическому перевѣсу одного какого-либо знатнаго рода надъ другими, т. е. возникновенію прочнаго правительства союза въ лицѣ великаго короля саксовъ. Такого правительства не явилось и впослѣдствіи. Взамѣнъ этого равноправнаго представителю аристократическихъ родовъ союза добились такихъ высокихъ привилегій и обезпечили за собой такое вліяніе въ юридическихъ сдѣлкахъ, касающихся вѣры и заключенія браковъ, какихъ не достигла ни одна изъ древнихъ аристократій остальныхъ великихъ народовъ; причина этого заключалась въ томъ, что этимъ послѣднимъ аристократіямъ относительно рано стала поперекъ дороги монархія, выросшая изъ ихъ среды и палочившая на нихъ свои цѣпи. Такое отсутствіе энергическаго единоличнаго руководства оказывало на союзную политику саксовъ то естественное вліяніе, что этотъ великій и при его добромъ желаніи могущественный союзъ совершенно избѣгалъ всякихъ агрессивныхъ дѣйствій, почти не вмѣшивался въ судьбу остальныхъ германскихъ народовъ; войны между франками и саксами случались перѣдко, но это были неважныя по своимъ результатамъ стычки, въ которыхъ саксы не обнаруживали особенной энергіи, пока Карлъ Великій не рѣшился, наконецъ, вступить въ давно откладываемую рѣшительную борьбу.

Вмѣстѣ съ тюрингенцами или вѣдѣ за ними въ подданство франковъ пошло также много народныхъ осколковъ, присоединившихся къ тюрингенцамъ и искавшихъ убѣжища въ промежуткѣ между ихъ государствомъ и надвигавшимся съ востока славянскимъ потокомъ. Сюда отпослется, напримеръ, часть англовъ, главная масса которыхъ жила на Ютландско-Шлезвигскомъ полуостровѣ и приняла такое важное участіе во вторженіи въ Британію, затѣмъ варинны или веринны, варны, которые управлялись своимъ собственнымъ королемъ еще во времена Теодориха. Эти варны были частью значительнаго народа, жившаго раньше на берегахъ Балтійскаго моря, но вытѣсненнаго отсюда славянами и тоже принявшаго нѣкоторое участіе въ англосаксонской колонизаціи Великобританіи. Покорившимися имъ франками тѣ и другіе причислялись къ тюрингенцамъ; однако, въ своемъ народномъ правѣ они сохраняли свою самобытность еще во времена Карла Великаго. Англы и варны видны изъ сохранившихся между собой сѣверныхъ мѣстностей: неудивительно, поэтому, что въ записанныхъ при

Каролингахъ обычныхъ правахъ права англовъ и вериновъ „тюрингенскихъ“ округовъ Энгилы и Верипофельда, уже успѣвшихъ прожить нѣсколько столѣтій въ Средней Германіи въ близкомъ сосѣдствѣ между собой, могли быть занесены въ одну общую рубрику.

Тамъ, гдѣ жили эти англы и варны, и вообще на восточномъ фронтѣ Старотюрингенской области, оставалось свободное пространство для поселенія народовъ, лишившихся пристанища (мы находимъ здѣсь, между прочимъ, округъ Фризенфельдъ, населенный фризами), такъ какъ обезпеченное существованіе было здѣсь невозможно вслѣдствіе набѣговъ славянъ, и люди селились здѣсь только вслѣдствіе безысходной нужды; такимъ же образомъ покинутая нѣкогда гельветами „пустыня“ (стр. 45) привлекала къ себѣ и удерживала до ея занятія германцами только тѣхъ кельтовъ, которымъ пужда придавала отчаянную смѣлость, по выраженію Тацита. Вотъ почему не могли спокойно устроиться надолго саксы, направившіеся къ восточному склону Гарца послѣ разрушенія Тюрингенскаго королевства. Когда лангобарды снялись со своихъ мѣстъ и двинулись въ Италію, то къ нимъ примкнулъ отдѣлившійся отъ саксовъ отрядъ численностью, по преданію, въ 20.000 человекъ слишкомъ. Брешъ, образовавшаяся такимъ образомъ на фронтѣ, обращенномъ противъ славянъ, франкское правительство успѣшило заполнить „швабскими“ колонистами, которымъ оно дало земли по рѣкамъ Бодъ и Випперу (здѣсь подразумѣваются не аламаннскіе, а сѣверногерманскіе старо-свебы). Это извѣстіе наталкиваетъ на ту мысль, что уже въ 531 г. уступка областей, расположенныхъ между восточнымъ склономъ Гарца и Эльбой союзу саксовъ могла быть строго обдуманной мѣрой дальновидныхъ франковъ для защиты отъ славянъ, мѣрой, обещающей двойную выгоду. Одно средневѣковое названіе мѣстности, „Гассингау“, (округъ Гассинъ), указываетъ, что на Нижней Заалѣ селились также и гессенскіе колонисты. Тѣ саксы, которые ушли въ Италію, не могли впослѣдствіи удовлетвориться своимъ превращеніемъ въ лангобардовъ, какъ этого требовало основное лангобардское юридическое правило. Они не хотѣли отказаться отъ своего народнаго права; сохраненіе своего самобытнаго права продолжаетъ свидѣтельствовать въ эту эпоху о самостоятельномъ существованіи такихъ народностей, которыя лишались своей политической независимости; завоеватели франки считались бережно съ такими народными взглядами, и эта политика принесла блестящіе плоды. Дорожа своимъ народными юридическими обычаями, саксы, жившіе въ Италіи, двинулись снова со своихъ мѣстъ въ 572 г., переселились черезъ Монженевръ въ государство Меровинговъ на первый разъ почти безъ опредѣленнаго плана, а затѣмъ вторично въ 573 г. съ требованіемъ вернуть имъ обратно ихъ прежнія земли на склонѣ Гарца. Ихъ пропустили туда. Свебы сослались впервые на выговоренное эмигрантами право на обратное возвращеніе; изъ-за этого спора возникло необыкновенно кровопролитное столкновеніе между ними и гессенцами; послѣднихъ пало такъ много, что, наконецъ, земли хватало для обѣихъ спорящихъ странъ. Еще въ XIII столѣтіи къ югу отъ р. Боды существовали округа подъ названіемъ „Свевопъ“ и „Свавенъ“.

Вскорѣ послѣ покоренія тюрингенцевъ Меровинги присоединили къ своему государству также и Бургундское королевство (въ 534 г.), равно какъ и владѣнія аламанновъ, которыя находились раньше подъ протекторатомъ Теодериха. Одновременно съ присоединеніемъ этихъ послѣднихъ областей франкамъ была уступлена Витихисомъ остготская часть Галліи (стр. 78).

Теперь франки стали сосѣдями байоваровъ или баварцевъ и не позже середины VI столѣтія они присоединили къ своему государству также и этихъ послѣднихъ, повидному не прибѣгая къ оружію. (Справедливо было указано Феликсомъ Даномъ въ 1905 г., что въ виду окружавшихъ баварцевъ

условія такое присоединеніе къ новой великой державѣ было для нихъ полезной мѣрой самозащиты послѣ того, какъ исчезъ протекторатъ Теодериха надъ германскими народами этого типа). Управление баварскимъ народомъ было предоставлено роду Агиллолфинговъ, который не уступалъ по своему рангу королевскимъ династіямъ и за членовъ котораго платилась вира въ 5 разъ большая, чѣмъ за представителями другихъ пяти знатныхъ родовъ баварскаго союза. Возможно, что Агиллолфинги пользовались и раньше преобладающимъ вліяніемъ, но вѣроятно же, что они стали во главѣ союза только послѣ подчиненія его франкамъ, а возможно даже, что они были франками, присланными сюда для управленія страной. Меровинги не терпѣли въ своемъ государствѣ никакиx другихъ королей кромѣ себя, во всякомъ случаѣ, никакихъ титулованныхъ королей (reges); поэтому для Баваріи примѣняется какъ разъ подходящее по содержанию и давно извѣстное германцамъ римское званіе *dux* (предводитель, вѣм.—герцогъ), которымъ обозначались военные начальники въ провинціяхъ, напримѣръ, Аларихъ въ Иллиріи. Благодаря перелачѣ этого слова *dux* посредствомъ близкаго къ нему въ смыслу германскаго слова „герцогъ“ измѣнилось въ большей или меньшей степени значеніе этого послѣдняго. Такимъ образомъ Меровинги предоставили одному изъ своихъ подчиненныхъ народовъ кромѣ пользованія своимъ собственнымъ народнымъ правомъ, что примѣнялось ко всемъ безъ различія какъ германцамъ, такъ и римлянамъ, а среди самихъ франковъ къ *рибуаріямъ*, также самостоятельное обособленное военно-политическое управленіе, во главѣ котораго стояли представители этого самаго народа. Вскорѣ послѣ этого *duces* начинаютъ встрѣчаться и въ другихъ частяхъ франкскаго государства; источники, которыхъ ни въ какомъ отношеніи нельзя приписывать къ официальнымъ, охотно употребляютъ это слово и примѣняютъ его вмѣсто болѣе точныхъ обозначеній должности. Въ то самое время, когда появляется герцогство Агиллолфинговъ, лангобардскіе короли стали назначать *duces* въ качествѣ должностныхъ лицъ, главнымъ образомъ, военныхъ начальниковъ.

Послѣ того, какъ лангобарды стали хозяевами въ долинѣ рѣки По, между ними и внуками Хлодвига возникаютъ сначала мѣстные стычки и столкновенія въ Альпахъ, а затѣмъ дѣло доходитъ до продолжительныхъ войнъ благодаря постояннымъ интригамъ византійской дипломатіи и денежнымъ субсидіямъ, получаемымъ франками отъ Восточной Римской имперіи. Цѣлью этихъ войнъ является со стороны франковъ захватъ горъ, ведущихъ въ Италію, а со стороны лангобардовъ, какъ наследниковъ остготовъ, пріобрѣтеніе бывшихъ владѣній остготскихъ королей въ Южной Галліи. Во всякомъ случаѣ, къ отношеніямъ между франками и лангобардами непримѣнимо такое предетавленіе, что они поддерживали равновѣсіе въ германскомъ мірѣ, какъ это было вѣрно въ свое время по отношенію къ Хлодвигу и Теодериху; новые хозяева Италіи, которые еще не были въ состояніи прочно утвердиться въ ней и которымъ приходилось еще выдерживать тяжелую борьбу съ Восточной Римской имперіей, вовсе не задавались имперіалистическими цѣлями въ Западной и Средней Европѣ. Только своихъ старыхъ друзей, баварцевъ, лангобарды привлекли на свою сторону несмотря на то, что эти послѣдніе входили въ составъ франкской монархіи. Послѣ нѣсколькихъ съ виду болѣе рѣшительныхъ набѣговъ на Италію, предпринятыхъ франками въ концѣ 80-хъ годовъ, эти походы были пріостановлены, и походъ 690 г. былъ послѣднимъ. Меровинги отказались отъ вмѣшательства въ судьбу Италіи послѣ попытокъ, продолжавшихся болѣе 50 лѣтъ, а лангобарды въ свою очередь перестали тревожить Южную Галлію.

Главное объясненіе неудачи этихъ итальянскихъ стремленій франковъ, равно какъ и ослабленія связи между баварцами и франкскимъ государ-

ствомъ, также и другихъ признаковъ упадка заключается въ одномъ и томъ же неизмѣнномъ явленіи; разрушавшемъ или ослаблявшемъ германскія—государства, въ раздорахъ между представителями королевской династїи, переплетающихся по обыкновенію съ другими очередными вопросами и столкновениями и извѣстныхъ подъ именемъ борьбы между Брунгильдой и Фредегундой. Это названіе объясняется той спеціальной окраской, которую получили эти семейные раздоры у Меровинговъ.

б) Франкскіе майордомы.

Важнѣйшимъ окончательнымъ результатомъ этихъ столкновеній было упроченіе новой франкской аристократіи. Со свойственной ему основательностью Хлодвигъ не оставилъ слѣда отъ древнихъ знатныхъ родовъ, эделинговъ. Отсюда происходитъ то поразительное для нашихъ историковъ явленіе, что въ эпоху великихъ королевъ Меровинговъ франки не „обладали“ никакой древней или высшей аристократіей, стоящей по рангу непосредственно за королемъ. Новая франкская аристократія была служилой бюрократической знатью, выросшей изъ среды высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ чиновниковъ. По отношенію къ ней майордомъ былъ первоначально представителемъ тѣхъ свойствъ короля, которыя вытекаютъ изъ древне-германской патріархальной власти домохозяина надъ своей дружиной и домашней прислугой, но возросли до громадныхъ размѣровъ пропорціонально объему сферы власти франкскихъ королевъ и майордомовъ. У вестготовъ, бургундовъ, лангобардовъ и англо-саксовъ майордомъ никогда не выходилъ изъ предѣловъ круга дѣятельности дворцоваго знатнаго дома, такъ какъ титулъ „majordomus“ заимствованъ изъ латинскаго языка и обозначаетъ дворцоваго; — какъ въ древнія, такъ и въ новѣйшія времена германцы не рѣшались образовывать новыя слова и титулы изъ запаса словъ роднаго языка. Напротивъ того, у франковъ майордомъ превратился въ высшаго надсмотрщика и распорядителя всѣмъ имуществомъ короля, равно какъ и всѣми придворными государственными должностями. Какъ только эту важную должность удалось забрать въ свои руки и прикрѣпить къ своей семьѣ „сильнымъ міра сего“ всѣхъ трехъ государствъ, постепенно выдѣлившимся и обособившимся изъ различныхъ административныхъ подраздѣленій послѣ многократныхъ междоусобныхъ войнъ между Меровингами Австравин, Бургундин и Нейтрин, то майордомы перестали направлять служебную аристократію на путь вѣрности королю, а, напротивъ того, стали обращать её противъ королевской власти. Эта связь между майордомами и развивающейся новой аристократіей въ концѣ-концовъ довела до гибели даже Брунгильду.

Домъ Меровинговъ вовсе не страдалъ полнымъ отсутствіемъ сильныхъ личностей; но указанная связь между майордомами и аристократіей не давала имъ возможности хотя бы приблизиться къ тому верховному авторитету и къ той широтѣ власти, которая была подготовлена Хлодвигомъ и которою пользовались фактически его ближайшіе потомки, опиравшіеся на римскія понятія о верховной власти. Народныя собранія великаго франкскаго народа, состоявшія изъ всѣхъ взрослыхъ людей, способныхъ носить оружіе, тотъ остатокъ древне-германскаго общественнаго строя, превратились по существу въ ежегодные смотры войска (или пробныя мобилизаціи), а политическими дѣлами они занимались только по случаю; вмѣсто народныхъ собраній королевская власть была ограничена постояннымъ участіемъ въ государственныхъ дѣлахъ сановныхъ людей, игравшимъ роль своего рода конституціи. Кромѣ того аристократія противодействовала представлявшимся случаямъ объединить снова всю Францію въ династическомъ отношеніи и подчинить ее верховной власти

одного общаго монарха: господствующія аристократія всегда отличаются своимъ партикуляризмомъ, такъ какъ при широкомъ государственномъ объединеніи теряется общность интересовъ ихъ представителей. Дѣло дошло до борьбы за единовластіе во Франціи только впоследствии, когда власть майордомовъ упрочилась настолько, что они стали преслѣдовать свои собственныя честолюбивыя или даже династическія цѣли и насильственно повели за собою на борьбу за свои интересы служебную знать-наперекоръ преобладающей среди этой послѣдней склонности къ территориальному партикуляризму. Въ этой борьбѣ потерпѣли пораженіе одинъ за другимъ майордомъ Австразіи Гримоальдъ (сынъ Пиппина Старшаго), а затѣмъ майордомъ Нейстрии Эбрунъ (Эбруинъ). Впрочемъ, послѣдній имѣлъ неудачу только при своей первой попыткѣ. Впоследствии счастье склонилось на сторону Эбруина, но вслѣдъ за тѣмъ, въ 681 году, онъ былъ убитъ, и майордомомъ всего франкскаго государства сталъ послѣ побѣды, одержанной имъ около Тертри (недалеко отъ Перонна и Сенъ-Каптена) въ 687 году сынъ сестры Гримоальда, по отцу внукъ епископа мецскаго Арнульфа, майордомъ Австразіи Пиппинъ Средній.

Короли изъ дома Меровинговъ къ этому времени окончательно потеряли все свое значеніе. Они играли при майордомахъ такую же роль, какую играли съ 934 года калифы багдадскіе рядомъ съ эмиромъ аль-омира эмиръ эмировъ, эмиръ-аль-умара, (томъ III, стр. 319), или же до 1867 года японскіе микадо рядомъ съ шогунами (томъ II, стр. 44.). Германскія традиціи не давали возможности окончательно захватить короля мѣшкомъ церемоніала, который скрывалъ бы его отъ всего міра и весь міръ отъ него; тѣмъ болѣе замѣчательно, что по этому поводу въ христіанскомъ государствѣ былъ выдвинутъ впередъ такой аксессуаръ, какъ священное свойство царской власти, остатокъ древне-германскаго почитанія жрецовъ, давно растворившагося вмѣстѣ со всѣми своими обрядами въ королевской власти и практически упраздненнаго единоподержавіемъ. Сюда относятся, напримѣръ, возъ съ запряженными въ него быками, который фигурировалъ въ древнія времена во время большихъ собраній, соединенныхъ съ праздниками въ честь германскихъ боговъ. Въ VII и VIII вѣкахъ король прѣзжалъ на такомъ возу на „Мартовское поле“ (собраніе воиновъ).

Е. Первые Каролинги.

Со дня побѣды при Тертри сталъ „царствовать“, какъ выражаются появившіяся вскорѣ послѣ этого лѣтописи, сосредоточившіяся въ лицѣ Пиппина Средняго родъ Арнульфа и Пиппина Старшаго, тотъ родъ, который впоследствии сталъ извѣстенъ подъ именемъ Каролинговъ. Громадное значеніе для національной германской исторіи имѣло то обстоятельство, что побѣда выпала на долю Австразіи, на долю того рибуарскаго рода, владѣнія котораго лежали на рѣкахъ Мозель и Эйфельъ, который руководствовался въ жизни рибуарскимъ правомъ и былъ германскимъ родомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Конечно, мыслимо, что если бы побѣда осталась за усвоившей галльскіе обычаи Нейстрией, въ которой названіе франковъ подходило только къ господствующему и жившему въ господскихъ замкахъ классу и долго сохранялось именно за этимъ классомъ, то нефранкскіе подданные франкскаго государства, жившіе на правомъ берегу Рейна, въ концѣ-концовъ, вернули бы себѣ свою самостоятельность, положили бы начало своей новой собственной исторіи и сосредоточили бы въ своей средѣ всю борьбу за верховную власть. Въ такомъ случаѣ германская народность понесла бы въ лицѣ ассимилирующихся съ галлами франковъ лѣваго берега Рейна такую же большую потерю, какую составили для нея нѣкогда бельги, превратившіеся въ Галліи въ кельто-романовъ. Австразійскій германскій родъ, забравшій въ свои руки единовластіе

надъ франкскимъ государствомъ, стоялъ на почвѣ лѣваго берега Рейна, но приступилъ въ первую очередь къ насильственному объединенію западно-германскихъ великихъ народовъ праваго берега Рейна. Конечно, онъ не исходилъ изъ нашихъ современныхъ точекъ зрѣнія; германцы праваго берега Рейна привлекли къ себѣ вниманіе этихъ монарховъ, какъ ближайшіе сосѣди, какъ населеніе, обладающее неиспользованной оборонительной силой и первобытной военной мощью, въ которыхъ такъ сильно нуждалось все государство въ цѣломъ.

Такимъ образомъ, присоединеніе фризовъ къ франкскому государству было предпринято Пиппиномъ съ большей планомѣрностью, чѣмъ это дѣлалось до тѣхъ поръ; онъ пытался также присоединить обратно къ своему государству силой оружія отдѣлившіеся отъ франковъ аламанновъ, герцоги которыхъ превратились, между тѣмъ, изъ чиновниковъ въ вождей великаго народа, чувствовавшего себя отдѣльнымъ и снова состоятельнымъ „племенемъ“. Фризы принадлежатъ къ числу тѣхъ германцевъ, на которыхъ раньше и сильнѣе другихъ отразилось римское вліяніе и римская эксплуатація, и въ эпоху Каролинговъ среди нихъ замѣчается болѣе высокій прогрессъ въ промышленности и торговыхъ сношеніяхъ, чѣмъ среди всѣхъ остальныхъ германцевъ; однако, въ своемъ политическомъ и общественномъ строѣ они въ теченіе многихъ столѣтій отдалялись относительно мало отъ древнихъ германскихъ учрежденій. Намъ слишкомъ мало извѣстна ихъ болѣе ранняя исторія; но еще около 1300 года ихъ общественныя учрежденія соотвѣтствуютъ давно протекшему періоду союзовъ у другихъ великихъ народовъ, какъ, напримѣръ, у аламанновъ IV столѣтія (стр. 60.). Основную форму составляютъ отдѣльные народы съ ихъ народными собраніями и родами эделинговъ; но ежегодно въ определенное время, весной (христіанство, частью вытѣснявшее, частью передѣлывавшее по своему языческую религіозную обстановку, приурочило это собраніе къ празднику Св. Троицы), собирався общій сходъ (Thing) всѣхъ фризовъ у Упстальсбоома, недалеко отъ Ауриха, и этотъ сходъ обсуждалъ такія важныя союзныя дѣла, какъ, напримѣръ, война и миръ. Въ теченіе долгаго времени дальнѣйшее развитіе фризкаго народнаго права совершалось еще отчасти особнякомъ, въ каждой окружной общинѣ въ отдѣльности, по на ежегодныхъ общихъ собраніяхъ вырабатывали также законы общіе для всей Фрисландіи (запись народныхъ правъ, на которую Карлъ Великій обращалъ особенное вниманіе, не можетъ быть сравниваема по своему вліянію съ нашими современными печатными сборниками законовъ, тѣмъ болѣе, что намѣреніе Карла содѣйствовать распространенію грамоты среди свѣтскаго населенія было снова упразднено его пресмнниками. Такимъ образомъ, писанные сборники обычнаго права служили только для пополненія библиотекъ. На развитіе права въ жизни и на сліяніе между собою различныхъ народныхъ правъ они не оказали никакого вліянія). Мы познакомились съ промежуточными переходными степенями внутренней ассимиляціи на пути между отдѣльными народностями и великимъ народомъ, въ особенности на примѣрѣ франковъ (первоначальное дѣленіе ихъ на салийскихъ и рибуарскихъ), но такія же промежуточныя ступени подъ видомъ чисто географической группировки были пройдены также лангобардами (Австрія и Нейстрія) и саксами (Остфалія, т. е. восточная Фалія, Энгель и Вестфалія, т. е. западная Фалія). Вопреки искусственной, изобилующей придуманными собственными именами гелеалогіи, которой нельзя смѣшивать съ народнымъ эпосомъ, едва ли можно смотрѣть иначе на происхожденіе остготовъ и вестготовъ, т. е. западныхъ и восточныхъ готовъ, которое возникло, можетъ быть, еще до выселенія ихъ изъ Скандинавіи. Среди фризовъ мы тоже встрѣчаемъ западныхъ, среднихъ и восточныхъ фризовъ; къ нимъ присоединяются еще и сѣверныя фризы. Тотъ, кто записывалъ фризкае обычное право, не обращалъ вниманія на этихъ

последнихъ, а подвелъ весь свой юридическій матеріалъ, весьма разнообразный по мѣстностямъ и эпохамъ, къ которымъ относится его возникновение, и по источникамъ его происхожденія подъ три правовыя области: Западную, Среднюю и Восточную Фрисландію. Соотвѣтственно съ этимъ вырабатывается довольно рѣзкая группировка Фризскихъ діалектовъ въ такія же подгруппы.

Съ начала VII вѣка начинаются попытки вліянія на фризовъ со стороны франковъ и миссіонеровъ. Отдѣльные эделинги оказывали поддержку миссіонерамъ ради своихъ политическихъ интересовъ и стремленій совершенно такъ же, какъ это происходило у вестготовъ въ дакійскій періодъ ихъ исторіи, въ гораздо болѣе позднюю эпоху въ Даніи и во время обращенія въ католицизмъ бургундовъ. Хотя во вторую половину VII столѣтія Альдгильду присваиваются безразлично титулы какъ герцога, такъ и короля въ источникахъ, относящихся къ нему съ почтительной благодарностью, тѣмъ не менѣе франкская номенклатура позднѣйшаго времени называетъ только герцогомъ, но не королемъ, Ратбода, побѣжденнаго Пиппиномъ при Викъ-те-Дурстедѣ, и считаетъ его рангъ тождественнымъ съ достоинствомъ герцога у баварцевъ и аламанновъ. Однако, общее предводительство надъ всѣмъ фризскимъ народомъ въ позднѣйшее время снова отступаетъ на задній планъ предъ соперничествомъ и междоусобными войнами между эделингами различныхъ родовъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ каролинги стали „царствовать“ и переросли уже свою прежнюю роль отдѣльных болѣе вліятельныхъ сановниковъ, то и они подпали неизбежно подъ родовое право, которое стало примѣняться къ ихъ правамъ на власть и возникавшимъ изъ-за нея междоусобнымъ войнамъ между различными членами одного и того же рода. Это явленіе наступило сейчасъ послѣ смерти Пиппина; побѣдителемъ вышелъ изъ этой борьбы Карлъ Мартелль. Однако, эта семейная распря показала какъ фризамъ, такъ и нейстрійцамъ, какимъ путемъ они могутъ снова избавиться отъ господства австразійцевъ и того государства, представителями котораго они являлись. Карлу пришлось смирить какъ тѣхъ, такъ и другихъ; затѣмъ онъ пытался сломить посредствомъ военныхъ кампаній, вѣденныхъ съ большою энергіей, аквитанцевъ, баварцевъ и аламанновъ, еще раньше добившихся независимости и управлявшихся своими собственными герцогами; его походы противъ саксовъ тоже обнаружили уже неизбежность рѣшительнаго столкновенія въ будущемъ. Хотя ему не удалось принудить ни одного изъ этихъ народовъ къ полному обратному присоединенію къ франкскому государству, тѣмъ не менѣе тяжелая опасность, угрожавшая ему съ другой стороны, заставила его удовольствоваться этими частичными успѣхами: мы говоримъ о вторженіи испанскихъ арабовъ во франкскую Галлію. Противъ нихъ онъ сосредоточилъ на своей сторонѣ не только франкское ополченіе, но и тюрингенцевъ, аламанновъ и нѣкоторую часть фризовъ. Такимъ образомъ германской храбрости Европа обязана тѣмъ, что она избавилась на Нейстрійскомъ полѣ битвы отъ угрожавшей ей опасности раздѣлить участь Вестготскаго испанскаго королевства; нельзя сказать, чтобы тутъ рѣчь шла о спасеніи всей германской исторіи, но все же былъ предотвращенъ промежуточный сарацинскій періодъ, раздвояющій эту исторію, или присоединеніе новой народности къ числу прежнихъ. Конечно, борьба съ арабами не закончилась битвой при Старомъ Пуатье 732 г., а продолжалась еще до 740 г.

Ж. Мѣнная система.

Счастливое избавленіе Средней Европы отъ ислама не только спасло западное христіанство вмѣстѣ съ обновленной германцами романской культурой и индо-германскимъ общимъ характеромъ европейскихъ расовыхъ

смѣшеній, но дало также сильный толчекъ къ развитію новыхъ учрежденій. Необходимость въ массахъ конницы для продолженія войнъ съ сарацинами въ южной Галліи, продолжавшихся еще годами, дала развитію германской арміи сильный толчекъ въ сторону кавалеріи. Изъ франкскихъ областей государства это превращеніе германскаго народнаго ополченія въ конницу постепенно охватило остальные германскія племена; слабѣе всего это преобразование коснулось саксовъ и фризовъ. То, что было исключеніемъ во времена Ариовиста и Арминія, именно, легкіе конные отряды (въ тѣ древнія времена изъ такихъ легкиихъ конныхъ отрядовъ состояли только дружины знатныхъ лицъ), стало теперь правиломъ, по которому прикраивалось все устройство арміи.

Такъ какъ конная служба требовала отъ отдѣльнаго свободнаго воина болѣе тяжелыхъ жертвъ, чѣмъ прежнее пѣхотное войско съ его простымъ вооруженіемъ, то она ускорила всѣ тѣ теченія политической и экономической исторіи, которыя коренились, съ одной стороны, въ отношеніяхъ между древне-германскимъ предводителемъ и его дружиной, а съ другой въ вассальныхъ отношеніяхъ у кельтовъ; эти отношенія сплелись съ другими прообразами и вліяніями и привели къ полному развитію ленной системы. Унаслѣдовавши римскіе государственные порядки, франки и германцы, вообще, не восприняли ихъ и не проводили ихъ въ жизнь въ неизмѣнномъ видѣ. Напротивъ того, руководящимъ методомъ и формой новаго общественнаго устройства въ теченіе ранняго средневѣковья сталъ феодализмъ; а феодализмъ является въ своей основѣ отрицаніемъ государственной идеи, такъ какъ подданные не принимаютъ на себя обязательствъ передъ государствомъ, а связаны только повинностями по отношенію къ тѣмъ частнымъ людямъ, отъ которыхъ они получаютъ ленъ и которымъ они присягали на вѣрность. Даже высшіе владѣльцы леновъ, подчиненные непосредственно королю, уже не видѣли въ немъ воплощенія идеи государства, представляющей нѣчто большее, чѣмъ личное желаніе или нежеланіе короля. Несмотря на старанія, направленные въ противоположную сторону, именно, на труды Карла Великаго, хлопотавшаго объ укрѣпленіи непосредственной власти государства во всей системѣ управленія имъ, всѣ права и обязанности, соединенныя съ государственными должностями, неизмѣнно превращались каждый разъ въ ленныя отношенія тѣмъ легче, что все болѣе распространяющееся натуральное хозяйство вело къ уплатѣ всякаго жалованья землей. Полученіе государственной должности, удачное веденіе сельскаго хозяйства, сопровождавшееся избыткомъ доходовъ, непрерывное увеличеніе числа вольныхъ людей, вступающихъ въ ленныя отношенія для облегченія своего существованія или отбыванія общественныхъ повинностей, освобожденіе заслуженныхъ или вліятельныхъ господъ отъ общихъ повинностей предъ государственнымъ управленіемъ и судебными учрежденіями, касавшееся какъ людей, такъ и имущества (иммунитетъ), — все это вело непрерывно къ росту числа крупно-помѣстныхъ владѣльцевъ и къ ихъ освобожденію отъ всякой зависимости. Крупныя помѣстья пронизали старое крестьянское государство и расположились въ немъ въ качествѣ привилегированныхъ острововъ, связанныхъ съ короной исключительно только слабыми обязательствами своего единоличнаго обладателя.

Прежде всего воспользовалась своими земельными владѣніями для расширенія своихъ административныхъ правъ и утвержденія своей политической независимости церковь, которая добилась болѣе широкаго иммунитета, чѣмъ свѣтскія владѣнія. Она оправлялась отъ временныхъ ударовъ, умалявшихъ ея власть, какъ, напримѣръ, во время борьбы съ сарацинами, когда Карлъ Мартелль нуждался въ большихъ средствахъ и прибѣгъ къ конфискаціи церковнаго имущества въ большихъ размѣрахъ. Впрочемъ, эти имущества теоретически считались еще въ теченіе долгаго

времени принадлежащими государству, но управляемыми церковью. Сыновья Карла Мартелла, Пиппинъ и Карлманъ, вступили съ церковью въ соглашеніе и возмѣстили по возможности часть отобраннаго имущества. Вообще, церковь обращала въ свою пользу все, что ни случалось. Въ то самое время, когда военныя силы австразіицевъ и др. германцевъ спасли западъ отъ ислама, и въ теченіе послѣдующихъ десятилѣтій были обращены въ обширныхъ размѣрахъ въ христіанство англо-саксонскими и франкскими миссіонерами, въ особенности благодаря трудамъ англо-саксонца Винфрида, положившимъ основаніе всему дѣлу (Винфаций, срав. 1 отд.), фризы, средне-германцы и южно-германцы, и во владѣніяхъ этихъ народовъ было положено начало церковной организаціи. Какъ христіанинъ, германецъ считалъ себя входящимъ въ составъ большого общества, выходящаго за предѣлы его племенной области, за предѣлы его самыхъ широкихъ представлений о діот; соответствующее политическое представленіе укоренялось въ народѣ съ гораздо большей медленностью. Однако, это не единственный общій интересъ, связывавшій франкскихъ майордомовъ съ церковью и заставлявшій ихъ усердно содѣйствовать вселенскимъ притязаніямъ римскаго епископа, на котораго Винфридъ всегда указывалъ, какъ на своего главу.

3. Королевство Каролинговъ.

Власть Византіи надъ римскимъ епископомъ ослабѣла. Этотъ послѣдній присвоилъ себѣ часть правъ греческаго экзарха въ Равеннѣ, а остальную часть ихъ сдѣлалъ предметомъ своихъ стремленій. Въмѣсто византійцевъ предъ нами выросла грозная опасность въ лицѣ ихъ сосѣдей, лангобардскихъ королей, которые вступили въ соперничество съ папами въ экзархатѣ по мѣрѣ усиленія власти послѣднихъ и собирались даже низвести римскаго епископа до роли своего подданныаго даже въ предѣлахъ Римскаго герцогства и самаго города Рима. Для римскаго епископа стало ясно, что если опъ обратитъ въ своихъ союзниковъ могущественныхъ, но болѣе отдаленныхъ отъ Италіи франковъ, то онъ обезопаситъ себя пока отъ византійцевъ и лангобардовъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, будутъ задѣланы брени въ той духовной власти, которую онъ приобрѣлъ въ Италіи и среди англо-саксовъ, и въ сферу его усилившагося іерархическаго авторитета попадутъ какъ древнѣйшая галло-западно-франкская церковь, такъ и области миссій праваго берега Рейна. Новые христіане молодой Германіи обѣщали стать такимъ же превосходнымъ объектомъ для папской власти и пропаганды, какъ и ихъ саксонскіе братья, уже нѣсколько вѣковъ тому назадъ нашедшіе себѣ новую родину въ Британіи и обращенные тамъ въ христіанство. Съ другой стороны, и помимо великихъ побудительныхъ идей Винфрида, большимъ подспорьемъ для политикъ и усиленія власти франкскихъ майордомовъ была возможность пользоваться для своихъ цѣлей усиленнымъ авторитетомъ римскаго епископа при дружественныхъ отношеніяхъ и общности интересовъ между правителями франкскаго государства и папою.

При Карлѣ Мартеллѣ всѣ эти точки зрѣнія были усвоены франками вполне сознательно, но такая опасность, какъ арабское нашествіе, не позволяла раскрыть предъ лангобардами прикрытаго на время противорѣчій между ихъ интересами и интересами франковъ. Напротивъ того, при сыновьяхъ Карла Мартелла франко-папскій союзъ выступилъ паружу въ самомъ яркомъ свѣтѣ, особенно въ тотъ моментъ, когда послѣ удаленія отъ власти Карлмана (746 г.) для Пиппина настала пора сдѣлаться королемъ. Каролингскіе майордомы „царствовали“. Они уже не смотрѣли на свое положеніе, какъ на государственную должность; оно переходило по наследству на основаніи родового права подобно древнему королевскому до-

стоинству. Поэтому отъ Карла Мартелла власть перешла по наследству къ обоимъ его сыновьямъ, а не къ кому-нибудь одному изъ нихъ. На томъ же основаніи сыновья Карлмана признавали за собой право на участіе въ майордомской власти послѣ удаленія Карлмана въ монастырь. Однако, Пиппинъ не хотѣлъ больше допускать ихъ къ власти; такимъ же образомъ онъ устранилъ вмѣстѣ со своимъ братомъ Карлманомъ своего своднаго брата Грифо. Вообще, родовое право стало суживать кругъ своего дѣйствія и устанавливать такія точки зрѣнія, противъ которыхъ не переставали бороться вплоть до эпохи Оттона I тѣ, которымъ эта переменна наносила ущербъ. Когда Пиппинъ сталъ королемъ, то ему не пришлось дѣйствовать наперекоръ господствовавшимъ родовымъ представленіямъ, онъ только выдвинулъ на первый планъ свою личность въ ущербъ другимъ соучастникамъ и старался загладить это устраненіе своихъ остальныхъ со товарищей. Притомъ же за нимъ числились важныя заслуги. Несмотря на то, что Грифо пользовался какъ для открытой борьбы противъ Пиппина, такъ и для интригъ противъ него стремленіемъ къ самостоятельности всѣхъ племенъ и отдѣльныхъ областей франкского государства отъ Аквитаніи до Баваріи, всѣ эти области были усмирены, молодой баварскій герцогъ Тассила былъ вынужденъ признать свое герцогство леномъ франкского государства, и, наконецъ, франкскія владѣнія были обезпечены также отъ нападенія саксовъ. Устранивши призачнаго короля Меровинга и поставивши на его мѣсто свою собственную династію, Пиппинъ рѣшилъ взвалить отвѣтственность на другихъ и притомъ на двоихъ другихъ, чтобы не зависѣть ни отъ кого изъ нихъ. Во-первыхъ, онъ обратился къ собранію королевства, замѣнявшему собою сходъ воиновъ и сохранившему права и процедуру этого послѣдняго, унаслѣдованныя отъ древнѣйшаго періода германской исторіи; въ виду наличности особо важныхъ обстоятельствъ собраніе признало отстраненнымъ отъ власти исконный королевскій родъ и поставило во главѣ государства родъ Пиппиновъ. Другой инстанціей, къ одобренію которой обратился Пиппинъ, былъ папа. Въ силу своего духовнаго авторитета этотъ послѣдній долженъ былъ освятить власть вновь избраннаго короля помазаніемъ, которое, дѣйствительно, было совершено Винфридомъ. При посредствѣ этой ветхозавѣтной непосредственно перенятой изъ Византіи церемоніи, новая королевская власть выдвинулась изъ рамокъ чисто германскихъ представленій и стала выше ихъ. Хотя выраженіе „*Dei gratia*“, Божіей милостью, было вставлено въ королевскій титулъ только послѣ вступленія на престолъ преемниковъ Пиппина, но это было чисто формальное упущеніе.

Такимъ образомъ Пиппинъ короновался въ 751 г. и отплатилъ папѣ услугою за услугу, когда король Аистульфъ опять сильно пасѣлъ на него. Лангобардскій король былъ вынужденъ возвратитъ обратно земли, захваченныя имъ въ экзархатѣ, а Пиппинъ обѣщаль отдать обратно папѣ тѣ изъ нихъ, на которыя онъ предъявитъ основательныя притязанія. Ради удовлетворенія этого требованія и былъ сфабрикованъ знаменитый поддѣльный документъ о Константиновомъ дарѣ (объ этомъ см. ниже). Отсюда беретъ свое начало Церковная область въ Италіи. Обѣщаніе „возврата“ или даренія, данное франкско-германскими государями служило постояннымъ предметомъ переговоровъ между папами и преемниками Пиппина, пока, наконецъ, Иннокентій IV, противникъ Фридриха II, не устранилъ изъ исторіи основанія Церковной области препятствій со стороны императоровъ, а послѣдующіе папы не сломили мѣстнаго сопротивленія.

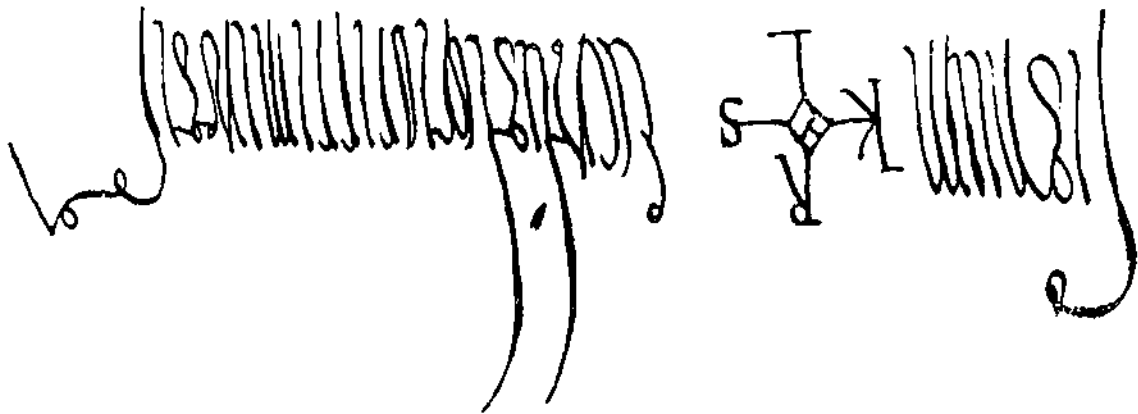
755 годъ еще не положилъ конца притѣвленіямъ, причиняемымъ папскому престолу лангобардами и самимъ городомъ Римомъ; но съ тѣхъ поръ папа рассчитывалъ на франковъ, какъ на каменную стѣну. Такимъ образомъ въ исторіи выросъ необычайно живучій вопросъ: поведутъ ли покровительство, оказанное папѣ германской короной, и важныя за-

Объясненіе къ рисунку, помѣщенному на оборотѣ.

Въ рукописи съ записями обычныхъ правъ, написанной между 817 и 823 гг. и хранящейся въ библиотекѣ монастыря св. Павла въ Каринтіи подъ названіемъ Cod. pergam. Blasian. 4, на обратной сторонѣ перваго листа находится древнѣйшее изображеніе Карла Великаго. Этотъ грубый рисунокъ выполненъ черно-бурой краской и раскрашенъ пестро въ различные оттѣнки желтаго и краснаго цвѣта. Вѣроятно, художникъ былъ лангобардомъ. Мы видимъ передъ собою могучую фигуру императора въ парадномъ костюмѣ, въ обвязанныхъ ремнемъ длинныхъ чулкахъ, въ короткой фуфайкѣ, съ узкими рукавами и въ короткомъ четырехугольномъ плащѣ, стянутомъ на плечѣ застѣжкой. У Карла широкая круглая голова, короткіе волосы, большіе глаза и слабо замѣтные усы; подбородокъ гладкій. Лѣвой рукой онъ опирается на палку, а правой онъ показываетъ по направленію къ своей супругѣ, одѣтой въ платье безъ складокъ, съ діадемой на головѣ и съ руками, полуприподнятыми какъ бы въ изумленіи. (По соч. Э. Клемена: „Портреты Карла Великаго“ въ XI томѣ „Журнала Ахенскаго историческаго общества“.)

Подпись состоитъ изъ слѣдующихъ словъ: *Signum Caroli gloriosissimi regis* (Рукоприложеніе Карла преславнаго короля). Она заимствована изъ грамоты, данной въ Дюренѣ 25 октября 775 г. и хранящейся въ Марбургскомъ государственномъ архивѣ, въ силу которой Карлъ Великій даритъ Герсфельдскому монастырю десятину съ одного короннаго имѣнія. Скопированная на нашей таблицѣ фраза написана рукою канцеляриста; Карлъ только dokonчилъ вставленную въ эту строку монограмму KAROLUS, т.-е. провелъ двѣ черты, падающія въ средней клѣткѣ.

(По соч. Г. фонъ-Зибеля и Т. фонъ-Зикеля: „Kaiserurkunden in Abbildungen“.)

Исторія живописства. VI.

Т-во „Дручбство“ и. Сиб.

Карль Великій и его супруга: копія съ древнѣйшаго изображенія Карла.
(Изъ оригинальной миниатюры одной рукописи, хранящейся въ библіотекѣ Монтекасси си. Пизы въ Кариніи.)
 Подъ рисункомъ помѣщена послѣдняя строка одной грамоты Карла, относящейся къ 775 г.

слуги ея лучшихъ носителей въ дѣлѣ поднятія нравственнаго и религіознаго авторитета римскаго престола, къ укрѣпленію и увѣковѣченію такого преобладанія короны или, наоборотъ, папы выйдутъ побѣдителями и стряхнутъ съ себя эту тягостную опеку?

И. Карль Великій.

Послѣ смерти Пиппина, послѣдовавшей въ 768 г., ему наслѣдовали оба его сына, Карль и Карлманъ. Преждевременная смерть послѣдняго, скончавшагося въ 771 г., предупредила междоусобную войну между обоими братьями. Недовольной стороной былъ Карлманъ, который считалъ своего старшаго брата неспособнымъ, какъ рожденнаго до вступленія Пиппина въ законный бракъ съ его матерью. Карль посватался за дочь лаггобардскаго короля Дезидерія; этимъ путемъ онъ предупредилъ опасный союзъ между его братомъ Карлманомъ, лаггобардскимъ королемъ и старшимъ зятемъ послѣдняго Тассило, хотя это и не сломило сопротивленія самого Карлмана. Однако, послѣ смерти Карлмана лаггобардскій король сталъ поддерживать наслѣдственные права его сыновей противъ ихъ дяди Карла, который удалилъ отъ себя свою жену, дочь лаггобардскаго короля, и тѣмъ еще усилилъ напряженность отношеній между франками и лаггобардами (см. прилож. табл. „Карль Великій и его супруга“) ¹.

Откладываявшаяся до тѣхъ поръ рѣшительная борьба стала неизбежной. При помощи объединенныхъ въ его рукахъ силъ франкской державы Карль уничтожилъ независимость лаггобардскаго королевства въ 774 г. Онъ объявилъ себя самого лаггобардскимъ государемъ и присвоилъ себѣ титулъ *Rex Francorum et Langobardorum* (короля франковъ и лаггобардовъ). Такимъ образомъ было предотвращено присоединеніе романизовавшихся лаггобардовъ къ франкской монархіи съ ея разнообразными національностями; это былъ новый шагъ въ политикѣ. При раздѣльномъ существованіи обонхъ государствъ общій монархъ былъ менѣе связанъ какъ во внутреннихъ, такъ и во внешнихъ дѣлахъ. Впоследствии Карль посадилъ въ Италиі въ качествѣ наместника своего сына Пиппина.

Паденіе зятя Дезидерія Тассило послѣдовало въ 788 г. Его рѣшительная и вялая политика не принесла ему никакой другой пользы кромѣ небольшого замедленія катастрофы. Баварія, которая смотрѣла на себя долгое время, какъ на полунезависимое государство, выработала у себя самостоятельную свѣтскую и церковную организациі и опиралась гораздо больше на союзъ съ лаггобардами, чѣмъ на каролинговъ, подпала теперь подъ непосредственную власть франкской короны. Однако, Карль, прожившій въ этой странѣ, именво въ Регенсбургѣ, цѣлые годы, не

¹ Со времени Г. Г. Пертца этотъ рисунокъ считался однимъ изъ древнѣйшихъ изображеній Карла и его жены; Пауль Клементъ тоже воспроизвелъ, не вдаваясь въ ближайшую критику, это толкованіе, внушенное Пертцу патеромъ Шеухенбергеромъ въ монастырѣ св. Павла. Напротивъ того, К. фонъ Амра доказалъ вполне убѣдительно, что этотъ рисунокъ изображаетъ скорѣе посланца Божія, возвѣщающаго Маріи рожденіе Христа; такимъ образомъ предлагаемое изображеніе входитъ въ кругъ такъ часто воспроизводимыхъ „Благовѣщеній Маріи“. — Пока еще не открыто ни одного достовѣрнаго портрета Карла Великаго. Что касается тѣхъ, которые охотно воспроизводились до настоящаго времени, то мозаичная картина въ Латеранѣ есть реставрація древняго рисунка, а знаменитая конная статуэтка изъ Меца, хранящаяся въ Парижскомъ музѣ Карнавале, тоже не осталась безъ возраженій. Къ тому же остается сомнительнымъ, задавался ли въ эту эпоху цѣлью создать реальное изображеніе царствующихъ особъ. Такъ обстояло дѣло въ Италиі до императора Фридриха II, а въ Германіи до Рудольфа Габсбургскаго. Тѣмъ не менѣе, всѣ старинныя изображенія сохраняютъ свою культурно-историческую цѣнность. Красивая головка на печатяхъ Карла Великаго представляетъ собою императора Коммода, такъ какъ древнѣйшіе Каролинги пользовались вмѣсто печати античными геммами, вставленными въ металлическую оправу.

упустилъ случая воспользоваться превосходными предварительными трудами Тассило. Онъ далъ ещё болѣе рѣшительный отпоръ славянамъ и аварамъ, чѣмъ баварскіе герцоги, содѣйствовалъ переселенію баварскихъ колонистовъ по ту сторону Трауна и Мура, былъ щедръ на подарки баварской церкви въ нынѣшней Австріи и Западной Венгріи, предоставилъ ей обширную территорію для своего распространенія и вообще-превозмогъ баварскихъ герцоговъ во всѣхъ этихъ направленіяхъ. Въ другихъ отношеніяхъ онъ тоже обнаруживалъ особую отеческую заботливость о Баваріи. Между прочимъ, онъ соорудилъ знаменитый каналъ, который долженъ былъ соединить Майнъ (въ Редницѣ) съ Дунаемъ (въ Альтмюльѣ). Всѣми этими своими заботами о Баваріи онъ въ то же время поставилъ важныя цѣли на Востокъ всему своему государству въ цѣломъ.

Самымъ раннимъ и важнымъ предпріятіемъ Карла, часто, однако, прерывавшимся изъ-за другихъ его заботъ, было присоединеніе саксовъ къ франкскому государству. Сакскій вопросъ возникъ для франковъ еще въ эпоху Меровинговъ, а со времени Карла Мартелла онъ снова обострился (стр. 82 и 89). Нельзя представить себѣ, чѣмъ была бы германская исторія безъ разрѣшенія этого вопроса. Благодаря присоединенію саксовъ въ составъ будущей германской націи вошелъ этотъ обширный союзъ нижнегерманскихъ народовъ, или племя, языкъ котораго существенно отличался отъ языка другихъ германскихъ народовъ. Такимъ образомъ было предупреждено такое теченіе германской исторіи, при которомъ саксы остались бы такими же чужаками для германскаго народа, какъ, напримѣръ, датчане. Присоединеніе саксовъ къ франкскому государству отвлекло ихъ отъ связи съ сѣверомъ, отдалило ихъ отъ дружбы съ датчанами, связало ихъ съ материкомъ, съ которымъ они ассимирировались въ послѣдствіи въ такой степени, что съ тѣхъ поръ отступила даже на задній планъ на цѣлое столѣтіе связь саксовъ съ моремъ. Тѣ самые саксы, корабли которыхъ пѣкогда тревожили непрерывно берега Римской имперіи (и даже еще государство франковъ; срав. стр. 29 и 61 и отдѣльный случай затропутой мимоходомъ, стр. 72), пристали къ берегамъ Британіи и утвердились въ ней навсегда, были отвлечены теперь отъ морскихъ сношеній, морской торговли, мореплаванія и растворились въ развивающемся материковомъ сельско-хозяйственномъ и ленномъ строѣ государства Каролинговъ. Море стало также и для нихъ непроходимой границей: прежнія заморскія сношенія не только не расширились, но прервались. Оставшіеся до тѣхъ поръ чистыми германцами подобно скандинавамъ саксы были вовлечены, правда противъ своей собственной воли и весьма постепенно, но все же въ болѣе рѣзкой степени, чѣмъ вернушіеся къ своей собственной старинѣ фризы, въ сферу той германско-римской пронизанной кельтскими слѣдами культуры, которую мы называемъ германской. Германскіе и славянскіе морскіе берега обратились теперь въ сборное мѣсто для скандинавовъ, датчанъ и норманновъ. Зато государство приобрѣло весьма цѣнное приращеніе въ видѣ юношеской и неизношенной народной военной силы, которая послужила новымъ сильнымъ противовѣсомъ противъ романскихъ и другихъ негерманскихъ составныхъ частей германскаго государства.

Посредствомъ меча, организациіи управленія, законодательства и проповѣди миссіонеровъ Карлъ разрѣшилъ задачу покоренія саксовъ (772—803 г.) и утвержденія своей власти надъ ними, несмотря на всѣ попытки ихъ къ отпаденію. Онъ жилъ такъ долго, что довелъ до конца эту свою главную задачу. Въ борьбѣ съ франками саксы обнаружили много храбрости, любви къ свободѣ, вѣрности своему долгу, упрямства и героизма, но никакой ясной планомѣрности въ своихъ оборонительныхъ военныхъ дѣйствіяхъ. Тутъ мы опять видимъ предъ собою давнишнюю, извѣстную намъ еще изъ поведенія аламаннскаго союза во время войнъ съ римлянами картину раздробленія военныхъ и политическихъ силъ, частичныя воз-

стапія п частичный нейтралитетъ. Даже Виттекиндъ, этотъ Арміій союза саксовъ, не достигъ рѣшительнаго объединенія силъ и не проводилъ никакого крупнаго плана, никакой выдающейся идеи. Саксы не воспользовались даже, какъ опорой для себя, посторонними трудными задачами, которыя отъ времени до времени отвлекали вниманіе Карла, начиная отъ лангобардской войны; для саксовъ эти перерывы не имѣютъ другого значенія кромѣ временнаго отсутствія франкскихъ войскъ. Преимущества, пріобрѣтенныя франками благодаря ихъ продолжительному соприкосновенію съ римской культурой и благодаря ихъ развитому монархическому строю, рѣзко отбѣиваются по контрасту съ безпорядочными и бесполезными подвигами храбрости разселившихся частей племени саксовъ.

Мы видѣли, что захвативши непосредственную власть надъ баварцами, Карлъ немедленно взялъ въ свои собственныя руки восточную политику прежнихъ баварскихъ герцоговъ; такимъ же образомъ изъ Саксоніи онъ сталъ вовлекать въ сферу своей политики славянъ праваго берега Эльбы. Во время войны съ саксами онъ искусно натравливалъ ихъ на своихъ противниковъ; но какъ только онъ почувствовалъ себя обезпеченнымъ въ Саксоніи, онъ сталъ уже заботиться о созданіи саксонской сферы вліянія по ту сторону Эльбы. Такимъ образомъ онъ положилъ начало движенію германцевъ не только внизъ по Дунаю, но и въ сѣверо-восточномъ направленіи, хотя практическіе результаты этихъ трудовъ выпали на долю позднѣйшихъ поколѣній. Онъ удержался отъ всякихъ плановъ мести противъ датчанъ, оказывавшихъ поддержку саксамъ во время войны и дававшихъ убѣжище ихъ предводителямъ. Ни онъ, ни его преемникъ не задумывались серьезно надъ попыткой втянуть также и этихъ прибалтійскихъ германцевъ, по примѣру фризовъ и саксовъ, въ общую сферу средне-европейской смѣшанной культуры вмѣстѣ съ франками, тюрингцами, аламаннами и баварцами. Такимъ образомъ франкское государство и складывавшаяся въ его рамкахъ изъ болѣе или менѣе разнообразныхъ племенъ германская нація обрываются на рѣкѣ Эйдеръ; эта граница сохранилась до сихъ поръ, и только въ сторону отъ нея выдвинулась впоследствии путемъ завоеванія и одновременной нѣмецкой колонизаціи еще одна пограничная марка. Другими словами, поддерживаемое близкимъ сосѣдствомъ групповое сходство и общая самобытная культура германцевъ Ютландіи, Даніи и Скандинавскаго полуострова не были нарушены насильственнымъ образомъ со стороны материка.

Изъ франкскаго короля, господствовавшаго надъ важнѣйшими германскими и романскими народами, временами захватывавшаго также и часть Испаніи, завязывавшаго сношенія съ Гаруномъ-Арраншдомъ (томъ III, стр. 314), патриція и покровителя панства на Западѣ Карлъ превратился въ 800 году въ императора. Такое превращеніе было вызвано общей потребностью Карла и паян создать въ Римѣ формальныя императорскія права, которыми можно было бы пользоваться для обоюдной выгоды. Карлу необходимо было дѣйствовать на основаніи болѣе широкихъ правъ, чѣмъ права „патриція“, такъ какъ этотъ терминъ, употреблявшійся за неимѣніемъ лучшаго, первоначально обозначалъ только служебное званіе, даруемое восточнымъ римскимъ императоромъ, хотя, въ концѣ-концовъ, дарованіе и принятіе этого титула стали совершаться помимо Восточной Римской имперіи. Однако, даже для поддержанія своего престижа, какъ монарха, а тѣмъ болѣе для укрѣпленія своего общаго международнаго положенія Карлъ нуждался въ одинаковомъ рангѣ съ византійскимъ императоромъ, но убѣжденному мнѣнію современниковъ. Согласно издавна общепризнанному ученію Римская имперія должна была существовать до конца вѣковъ и быть послѣднимъ царствомъ передъ наступленіемъ Царствія Небеснаго. Громадное скопленіе народовъ, собранное Карломъ, какъ христіанскимъ государемъ, подъ своимъ скипетромъ, ни въ какомъ

случаѣ не могло быть ничѣмъ другимъ, какъ частью вѣчной Римской міровой имперіи. Такимъ образомъ, монархія Карла была либо намѣстничествомъ отъ имени византийскаго императора, или же чѣмъ-то самостоятельнымъ: въ послѣднемъ случаѣ ее необходимо было признать возстановленной Западной Римской имперіей. Современники находили, что теперь настала пора провозгласить ее послѣ надлежащихъ дипломатическихъ приготовленій Западной Римской имперіей. Во всякомъ случаѣ, это провозглашеніе было сдѣлано папою слишкомъ поспѣшно (25 декабря 800 года): кромѣ того, франкскому королю, повидимому, не понравилась придуманная папою форма коронованія. Онъ согласился на нее и затѣмъ заднимъ числомъ добился признанія со стороны Византіи не безъ тяжелыхъ хлопотъ и жертвъ. Свое коронованіе, совершенное папою, онъ считалъ дѣйствительнымъ разъ навсегда какъ по отношенію къ нему, такъ и его преемникамъ. 11-го сентября 813 года онъ передалъ свой императорскій санъ своему наслѣднику и единственному оставшемуся въ живыхъ изъ его законныхъ сыновей; эта церемонія состоялась въ Ахенѣ, который былъ превращенъ Карломъ въ своего рода имперскую столицу и украшенъ произведеніями искусства, перевезенными изъ Равенны. Тутъ, въ Ахенѣ, онъ велѣлъ своему сыну самому взять съ алтаря императорскую корону, предусматривая благоразумно, что для него въ будущемъ можетъ оказаться невозможнымъ формально передать свой титулъ своему наслѣднику.

К. Людовикъ I.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, начиная съ 28 января 814 года, вся судьба имперіи была уже связана съ личностью этого же самаго Людовика „Благочестиваго“. Ему недоставало той мужественной бодрости и той энергіи, самымъ великолѣпнымъ представителемъ которыхъ изъ сыновей Карла былъ покойный Пиппинъ. Что касается Людовика, то онъ былъ награжденъ съ дѣтства титуломъ короля-намѣстника Аквитаніи и воспитывался въ этой области вдали отъ отца и семейной обстановки, въ мрачной средѣ, враждебно настроенной противъ всего свѣтскаго и народно-германскаго и даже противъ его собственнаго отца. Въ то время, какъ самъ Карлъ соединялъ въ себѣ вмѣстѣ съ искренней вѣрой и покровительственнымъ отношеніемъ къ церкви и миссіонерамъ рвеніе истаго германца къ наукѣ и распространенію просвѣщенія и вытекающее отсюда стремленіе сдѣлать доступными также и для всей массы народа, кромѣ духовенства, тѣ знанія, посительницей которыхъ была церковь, и создать рядомъ съ латинской самобытною германскую культуру, — все это было чуждо его сыну Людовику. Онъ осуждалъ неприкрытую любовь къ жизни своего отца Карла, который дѣйствительно позволялъ себѣ необдуманные поступки, вовсе не свидѣтельствовавшіе о вырожденіи съ культурно-исторической точки зрѣнія, но не укладывавшіеся въ рамки строго христіанской морали. Когда Людовикъ отправился для принятія короны въ Ахенъ, то онъ смотрѣлъ на отцовскій дворъ, какъ на Авгіеву конюшню, и, несмотря на всѣ старанія отца удержать его при себѣ, онъ считалъ единственнымъ средствомъ къ спасенію какъ можно скорѣе возвратиться въ Аквитанію. Все еще подчиняясь вліянію своихъ руководителей изъ среды духовенства, онъ устранилъ ту часть программы Карла, которая стремилась къ свѣтскому обученію, и такимъ образомъ сознательно положилъ начало долго господствовавшему сосредоточенію общаго образованія исключительно въ кругу духовенства. Онъ отпосился также съ пренебреженіемъ къ заботамъ Карла о поднятіи германскихъ діалектовъ до уровня литературныхъ языковъ, о франкской грамматикѣ, о сохраненіи на письмѣ германскихъ героическихъ пѣсенъ и далъ погибнуть плодамъ всѣхъ этихъ стараній своего отца. Недолговѣчность періода расцвѣта древней верхне-германской и древне-саксон-

ской поэзии, поощрявшейся кружкомъ Карла, быстрый возвратъ къ церковно-латинской литературѣ связаны съ явно преднамѣренной реакціей Людовика.

Нѣтъ сомнѣнія, что эта реакція и дѣйствіе, произведенное ею, оказали не менѣе рѣзкое и важное вліяніе на развитіе германскаго народа, чѣмъ внѣшнія политическія столкновения времени Людовика I, т. е. борьба между единой имперіей и возобновившимися притязаніями его близкихъ сородичей на участіе во власти. Имперія опиралась въ этой борьбѣ на вселенскія стремленія церкви и на Лотаря, которому предстояло унаследовать императорскій престолъ въ качествѣ старшаго сына Людовика; съ другой стороны, братья Лотаря Людовикъ и Пиппинъ, изъ которыхъ послѣдній не дожилъ до смерти своего отца, ссылались на древній обычай и претендовали на большее или меньшее участіе въ управленіи государствомъ. Положеніе дѣлъ было относительно простымъ, но его запутала вторая жена короля Юдифъ, старавшаяся урвать для своего сына Карла половину всей имперіи или же какъ можно большій кусокъ и не безгославная для этой цѣли никакими комбинаціями; несчастный императоръ сталъ игрушкой всѣхъ этихъ измѣчивыхъ партійныхъ группировокъ. Онъ скончался среди этихъ смуть въ 840 г. и своей смертью упростилъ до нѣкоторой степени существовавшее положеніе.

5. Восточно-франкское (нѣмецкое) государство.

Ставши единымъ императоромъ, Лотарь сталъ признавать чрезмѣрными уступки, уже сдѣланныя имъ Карлу, и толкнулъ его къ союзу съ Людовикомъ, который до тѣхъ поръ страдалъ отъ насилія двухъ другихъ братьевъ. Людовикъ и Карлъ одержали верхъ надъ императоромъ. По договору въ Верденѣ (въ 843 г.) между всѣми тремя братьями состоялось слѣдующее соглашеніе: Лотарь былъ признанъ императоромъ и формальнымъ верховнымъ главою, а въ качествѣ непосредственныхъ владѣній онъ получилъ Италію вмѣстѣ съ полосой земли, ограниченной съ одной стороны Ааромъ и Рейномъ, съ другой — Реной, Соной и Шельдой, простиравшейся до Нѣмецкаго моря, а справа отъ Рейна, кромѣ того, еще Фрисландію. Карлу Лысому досталась та часть государства, которая лежала къ западу отъ владѣній Лотаря, а Людовикъ, удѣльнымъ владѣніемъ котораго была съ самаго начала Баварія, области, лежащая къ востоку отъ владѣній Лотаря. Такимъ образомъ, на долю Лотаря выпала главная масса будущихъ нѣмцевъ.

Само собой понятно, что національная точка зрѣнія не играла никакой роли въ этомъ раздѣлѣ, хотя уже 11 или 14 февраля 842 года, когда составлялся текстъ страассбургской присяги, обнаружилось, что Карлъ предводительствовалъ войсками, говорящими на романскомъ языкѣ, а войны Людовика говорили на нѣмецкомъ языкѣ. Одинъ человекъ, воспитанный въ духѣ свѣтскаго общаго образованія, поощрявшійся Карломъ Великимъ, историкъ Нитгардтъ обращалъ вниманіе на такія подробности и записалъ текстъ этой присяги на народныхъ языкахъ. Внешняя политика и даже заинтересованныя массы не останавливались еще ни на какихъ національныхъ идеяхъ и стремленіяхъ. Верденскій договоръ былъ рыночной сдѣлкой, въ которой принималась въ расчетъ только мѣра. Людовику достались въ удѣлъ не германцы, какъ панія, а случайно жившіе въ земляхъ, доставшихся на его долю, баварцы, аламанны, франки; другіе аламанны (въ Эльзасѣ) и другіе франки, жившіе ниже по теченію рѣки на лѣвомъ берегу Рейна, вошли въ составъ разношерстнаго средняго государства вмѣстѣ съ фризами. Слово theudisk — нѣмецъ — въ то время обозначало только человекъ, говорящаго не на латинскомъ языкѣ, а на

туземномъ народномъ. Для болѣе удобнаго различенія Людовику было присвоено впоследствии въ школахъ прозвище „Нѣмецкаго“.

А. Нѣмецкіе Каролинги.

Признанное въ Верденѣ родовое право стало оказывать черезъ сыновей царствующаго государя рѣзкое вліяніе какъ въ восточно-франкской части государства, которая досталась Людовику, такъ и въ удѣлѣ Лотаря. Верденскій договоръ сталъ возобновляться въ каждой изъ частей франкскаго государства въ отдѣльности, и число удѣловъ разрослось въ каждой изъ нихъ, какъ это вытекало логически изъ одержавшаго верхъ права всѣхъ сородичей на участіе въ наслѣдованіи; казалось, что собственный родъ Карла Великаго разрушить его имперію гораздо раньше, чѣмъ ея противники. Въ восточно-франкской части государства Баварія досталась въ удѣлѣ Карлману, Аламания — Карлу Толстому, Нижняя и Средняя Германія — Людовику Младшему. Такимъ образомъ, не можетъ быть рѣчи объ основаніи германскаго государства ихъ отцомъ Людовикомъ Нѣмецкимъ.

Ко всему этому примѣшались быстрое вымирание линіи Лотаря и возникшіе вслѣдствіе этого вопросы о престолонаслѣдіи и императорскомъ титулѣ. Что касается послѣдняго, то какъ Людовикъ Благочестивый, такъ и Лотарь признали снова за папой право на совершеніе коронованія, котораго тотъ сильно домогался: первый изъ нихъ далъ себя короновать вторично въ Реймсѣ папѣ Стефану, какъ бы признавая недѣйствительнымъ свое первое коронованіе въ Ахенѣ не изъ рукъ папы, а Лотарь получилъ императорскую корону въ резиденціи папы, Римѣ. Такимъ же образомъ по соглашенію между Карломъ Лысымъ и папой императорская корона досталась первому послѣ смерти Лотаря I, сына императора Людовика II (въ 875 г.), въ то время, какъ она принадлежала согласно наслѣдственному праву старшему брату Карла, Людовику Нѣмецкому. Впрочемъ, послѣдній, равно какъ и его сыновья, отстаивали свои права отъ Карла Лысаго и его западныхъ франковъ посредствомъ твердыхъ дипломатическихъ шаговъ и силой оружія. Имъ досталась значительная доля осиротѣвшаго и распадавшагося средняго государства. По первому договору въ Меерсенѣ въ 870 г. граница восточно-франкской части государства была отодвинута до линіи Женева — Верхній Мозель — Урта — Маасъ, а въ 879 г., послѣ блестящей побѣды при Андернахѣ, до верхняго Мааса и Шельды. Послѣ этого восточно-франкская часть государства соединила въ себѣ не только почти всѣ не подпавшія подъ романское вліяніе германскія племена, но и часть романскихъ подданныхъ имперіи; и теперь еще границы размежевывались не по національностямъ. Романскимъ островомъ по языку и по культурѣ оставался попрежнему Мецъ съ его окрестностями; затѣмъ романское населеніе жило также на самой западной окраинѣ восточнаго государства въ Лотарингскихъ (т. е. принадлежавшихъ Лотарю) округахъ, равно какъ и въ современной Бельгіи отъ средней части Шельды до Мааса; въ этой послѣдней области жили валлоны, ясно отличающаяся отъ позднѣйшихъ французовъ народная группа, говорящая на романскомъ языкѣ, выросшая изъ вельтской перво-бытной основы и получившая сильную примѣсь франкской крови. Съ другой стороны, германское населеніе въ лицѣ нижнефранкскихъ фламандцевъ попадалось еще на морскомъ берегу по обомъ берегамъ Шельды и заходило въ предѣлы западно-франкскаго государства до Дюнкирхена. Въ концѣ концовъ императорская корона еще разъ досталась съ бою самому незначительному изъ сыновей Людовика Нѣмецкаго Карлу.

Въ восточно-франкскомъ государствѣ родъ Каролинговъ сокращался вслѣдствіе вымирания и несчастныхъ случаевъ съ такой же быстротой, какъ

и въ двухъ другихъ линіяхъ; императоръ Карлъ (III) Толстый оказался съ 882 г. единственнымъ владѣтелемъ всего восточно-франкского удѣла. Однако, и теперь еще не выработалось единого, объединеннаго, національнаго германскаго государства. Напротивъ того, на короткое время Карлъ былъ признанъ снова верховнымъ главой всѣхъ владѣній Каролинговъ, такъ какъ западные франки ожидали со стороны германскихъ народовъ дѣятельной поддержки въ борьбѣ съ норманнами. Однако, эта надежда оказалась тщетной вслѣдствіе личной неспособности Карла, и отдѣльныя части имперіи снова разъединились. Западно-франкское, равно какъ и вновь возникшія въ Бургундіи и въ Италіи государства пошли своими собственными путями; „племена“ восточно-франкской части имперіи тоже приняли общіе шаги для своего освобожденія отъ позорящаго ихъ Карла. Въ этомъ-то предпріятіи скорѣе отрицательнаго свойства, въ этомъ временномъ единогласіи скрывается настоящій корень германскаго государства, можно даже сказать германской націи. Всѣ германскія племена собрались для выбора другого лица вмѣсто наслѣдственнаго императора, и выборъ ихъ остановился на ближайшемъ его родственникѣ одного съ нимъ рода, незаконномъ сынѣ Карлмана, покойнаго брата Карла, Арнульфѣ, который состоялъ на баварской государственной службѣ въ Каринтіи.

Благодаря этому перевороту въ германскую исторію вошли короли по избранію, а это было шагомъ впередъ сравнительно съ обычнымъ правомъ наслѣдованія ближайшихъ по степени родства членовъ рода, хотя единоличное династическое наслѣдованіе имѣетъ еще больше преимуществъ. Однако, со введеніемъ этихъ выборовъ прѣжній обычный порядокъ наслѣдованія вовсе не былъ уничтоженъ радикальнымъ образомъ такъ, чтобы преемникъ умершаго короля набирался независимо отъ его родственниковъ отъошеній. Традиціонное убѣжденіе въ томъ, что преемники престола должны принадлежать къ царствующимъ семьямъ, дѣйствовало съ прежней силой; на немъ основывалось управленіе государствомъ во время междуцарствія, наступившаго послѣ смерти Арнульфа, и оно восторжествовало снова въ которое время спустя. Однако, въ династическіе взгляды проникло то новшество, что для утвержденія власти короля требуются выборы, по крайней мѣрѣ, согласіе народа, которое могло быть дано еще при жизни отца; это привело къ смѣщенію наслѣдованія съ выборами. При восшествіи на престолъ сына Арнульфа, Людовика Дитяти, были примѣнены впервые въ исторіи, франкскихъ восточно-германскихъ королей миропомазаніе и коронованіе отъ руки епископа; въ Западной Франкониі такое перенесеніе церемоній, связанныхъ съ императорскимъ титуломъ, на королевскій престолъ состоялось еще раньше для вѣщей славы Карла Лысаго.

За Арнульфомъ (887—889) остается та заслуга, что онъ остановилъ пиратскіе набѣги норманновъ на беззащитные приморскіе берега Германіи и помѣшалъ ихъ попыткамъ утвердиться на этихъ берегахъ благодаря своей блестящей побѣдѣ въ сухопутномъ сраженіи при Левенѣ на рѣкѣ Диле 20 октября 911 г. Съ этихъ поръ военныя предпріятія и колонизація норманновъ были направлены исключительно на сѣверо-западную Францію и на Британскіе острова. Эти вторженія норманновъ, равно какъ и колоніи, основанныя ими въ Россіи (т. V, стр. 442), должны считаться послѣдними отпрысками общегерманскаго передвиженія народовъ; они зависятъ отъ причинъ и явленій такой же категоріи, какъ и великое переселеніе народовъ. Вторженіе Арнульфа въ Италію и похищеніе имъ императорской короны имѣли только мимолетное значеніе. Вскорѣ послѣ смерти Арнульфа эта корона снова стала объектомъ мелкихъ напекныхъ интригъ съ бургундскими и туземными владѣтелями, пріобрѣтшими самостоятельность должностными лицами отжившей императорской власти, борющимися между собою за вліяніе въ Италіи.

Страшнымъ бичемъ Германіи, заступившимъ мѣсто норманновъ, оказались при преемникахъ Арнульфа вторгавшіеся съ юго-востока мадьяры; ни правительство, управлявшее отъ имени Людовика-Дитяти (899—911 гг.), ни мужественная сама по себѣ самопомощь приобрѣтавшихъ подъ собою почву племенныхъ герцоговъ не были въ силахъ бороться съ ними.

Б. Происхожденіе племенныхъ герцоговъ. Конрадъ I.

Путь къ утвержденію племенныхъ герцоговъ очистился съ тѣхъ поръ, какъ Арнульфъ сталъ единственнымъ королемъ на основаніи избранія, и выборное начало, которое уже стало неискоренимымъ, вытѣснило право королевскихъ родичей на удѣльные королевства. Незаконный сынъ Арнульфа Цвенти-бальдъ, крестникъ великаго моравскаго узурпатора Святополка (т. V, стр. 232), вызвалъ своимъ поведеніемъ въ качествѣ удѣльнаго короля лотарингскаго окончательное отвращеніе къ этому порядку наследованія; лотарингцы отвернулись отъ него и стали на сторону Людовика-Дитяти. Самъ по себѣ племенной партикуляризмъ нигдѣ не былъ изжитъ. Въ мѣсто удѣльныхъ королей изъ королевскаго рода, которые уже не дѣлили между собой власти надъ отдѣльными племенами, власть стали захватывать въ свои руки туземные владѣтели, къ которымъ населеніе относилось съ симпатіей, какъ къ людямъ, принадлежавшимъ къ стариннымъ мѣстнымъ родамъ, вліятельнымъ какъ по своему богатству, такъ и по своему общественному положенію; престижъ этихъ родовъ еще увеличился благодаря тому, что представители ихъ занимали важныя должности. Не вездѣ было ясно съ самаго начала, какая семья имѣетъ больше шансовъ удержаться во власти. Во Франконіи обнаружилось особенно рѣзкое соперничество между Конрадинами, владѣнія которыхъ лежали по рѣкѣ Лану, и Бабенбергами, которые жили на востокѣ, на верхнемъ Майнѣ. Королевское правительство оказало содѣйствіе окончательной побѣдѣ графа Конрада надъ сторонниками Бабенберга и не препятствовало ему пользоваться, хотя еще и не вполне рѣшительно, титуломъ герцога. Въ царствованіе Людовика-Дитяти титулъ герцога (dux) утвердился побѣдоносно (срав. стр. 85) въ Саксоніи, Франконіи, Аламани и Баваріи для обозначенія туземныхъ предводителей племенъ, а также и въ Лотарингіи, въ которой первобытная принадлежность къ франкскому племени переродилась подъ вліяніемъ историческихъ событій въ партикуляристическое чувство новаго рода.

Общее правительство государства состояло около 900 г., главнымъ образомъ, изъ высшихъ представителей духовенства Восточной Франконіи архіепископа майнцаго Гаттопа и епископа констанцскаго Соломона. Какъ во времена Людовика Святого, духовенство стремилось къ спасенію всѣхъ уцѣлѣвшихъ остатковъ политическаго единства ради идеи единой церкви, такъ и теперь послѣ несомнѣнно упрочившагося въ народномъ представленіи раздѣленія обѣихъ половинъ имперіи, она преслѣдовала ту же цѣль силоченія государства въ предѣлахъ восточно-франкской части его. При этомъ дѣйствовали также и болѣе непосредственныя побужденія. Какихъ послѣдствій высшее духовенство могло ожидать отъ распада государства на независимыя племенные образованія, это давало себя чувствовать въ слишкомъ близкой и непосредственной власти надъ епископствами своихъ владѣній, которой герцоги частью уже добились и къ расширенію которой они продолжали стремиться. Когда Людовикъ скончался еще въ дѣтствѣ, не оставивши по себѣ наследника, въ 911 г., епископы приступили немедленно къ выбору новаго восточно-франкскаго короля, а свѣтскіе сановники не противодѣйствовали имъ, такъ какъ избраніе короля казалось имъ самымъ вѣрнымъ средствомъ для освобожденія отъ наследственныхъ притязаній западно-франкскихъ Каролинговъ и отъ

присоединения къ одной общей монархіи. Въ какой степени подчиняться новому королю, этотъ вопросъ оставался для нихъ открытымъ. Избраннымъ оказался франкскій графъ, герцогъ Конрадъ. Онъ былъ по сердцу главенствующимъ духовнымъ князьямъ и состоялъ въ родствѣ съ Каролингами, такъ что насильственное отстраненіе послѣднихъ не такъ рѣзко бросалось въ глаза; при посредствѣ Конрада корона все еще оставалась въ рукахъ „франковъ“. Какъ въ остальныхъ вопросахъ держались иногда исключительно племенныхъ взглядовъ и еще не развилось никакого національнаго міровоззрѣнія, такъ и въ данномъ случаѣ все вниманіе было обращено на то, чтобы корона осталась во владѣніи франкскаго племени. Къ числу необходимыхъ предварительныхъ формальностей предъ выборами, состоявшимися на франкской землѣ въ Форхгеймѣ 8 ноября 911 г., относилось предложеніе короны изъ дипломатической вѣжливости самому могущественному изъ герцоговъ, саксонцу Оттону изъ дома Людольфингеновъ, и его отказъ.

При такомъ охлажденіи къ королевской власти корона стала влечить жалкое существованіе. Это существованіе зависѣло отъ согласія, даваемого въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ избирателями; ея власть все ослабѣвала и умалялась. Все же она не прекратила своего существованія и, несмотря на такую слабую свою жизнеспособность, превратилась въ дорогое историческое наследіе. Фактическая власть короны пошла на убыль, но она приобрѣтала все большую невѣсомую цѣнность, которая была однимъ изъ главныхъ факторовъ, помогшихъ ей преодолѣть тяжелыя опасности, угрожавшія ей дальнѣйшему существованію. Итакъ, мы видимъ, что путь отъ Карла Великаго къ германской исторіи не идетъ прямо и исключительно черезъ раздѣлы 843 и 870 г. Изъ его гигантскихъ государственныхъ трудовъ погибло быстро и окончательно много такого, что не заслужило печальной участи; что касается той части его дѣятельности, вліяніе которой долго не сглаживалось и направляло германскую исторію въ известную сторону, то самымъ важнымъ результатомъ ея былъ слѣдующій: Карлъ включилъ въ свое государство значительное число различныхъ по своему племенному происхожденію германцевъ праваго берега Рейна и такъ крѣпко сплотилъ ихъ между собою посредствомъ общей государственной власти и связи между отдѣльными мѣстными какъ свѣтскими, такъ и духовными властями, что, несмотря на ихъ крайнюю неохоту къ совместному сожителству, они уже больше не были въ силахъ разъединиться. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ объединеніе подъ одной короной, ихъ общія учрежденія, ихъ будущая общая національность все еще оставались большими, еле произрастающими растеньицами, которыя могли быть спасены только посредствомъ долговременнаго тщательнаго ухода за ними въ теплицѣ.

В. Германское государство подъ главенствомъ нижне-германцевъ.

Эти тепличныя растенія зачахли бы, если бы Конрадъ I (сконч. въ 918 г.) не оставилъ по себѣ глубокой памяти благодаря его собственнымъ заслугамъ или заслугамъ его совѣтниковъ. Сильные и гордые саксы были серьезно заинтересованы въ томъ, чтобы главенство надъ всѣмъ государствомъ и корона досталась имъ, самымъ младшимъ членомъ государственнаго союза. Что касается франковъ, то они уступили какъ изъ политическаго разсчета, такъ и изъ готовности къ жертвамъ; такимъ образомъ они остались опорой и скрытыми сотрудниками носителей короны, которая давала не очень много отрады, какъ они знали по собственному опыту. Несмотря на всеобщее равнодушное отношеніе, все же эти два племени приступили опять къ избранію короля, и избраннымъ оказался сынъ цокирнаго герцога Оттона. Самый опасный моментъ въ жизни германской короны былъ, такимъ образомъ, пережитъ; съ этихъ поръ начинается непрерывное ея усиленіе.

Методъ короля Генриха состоялъ въ значительной степени въ томъ, что онъ съ виду щадилъ бережно партикулярнистическія чувства и какъ бы старался никакъ не задѣвать ихъ, не скрывалъ своего образа мыслей, не далъ совершить надъ собой обряда коронаванія той части духовенства, которая держалась централистическихъ идей, и не предоставлялъ ему никакого замѣтнаго вліянія на государственныя дѣла, такъ какъ такое вліяніе было бы, между прочимъ, невыгодно для него лично; во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда его дѣятельность могла бы быть обращена на общую пользу, онъ думалъ только о своемъ саксонскомъ герцогствѣ, въ составъ котораго входили также и тюрингенцы. Такъ, напримѣръ, онъ освободилъ отъ мадьяръ посредствомъ мирнаго договора, а затѣмъ также и побѣды (въ 933 г.) исключительно только свое собственное герцогство, какъ будто этого только и нужно было всѣмъ остальнымъ частямъ королевства. Къ утвержденію верховнаго авторитета королевской власти въ Баваріи и Аламанніи (Швабіи) онъ приступилъ съ большою осторожностью: онъ оставилъ баварскому герцогу даже власть надъ духовенствомъ. Однако, какъ только швабскій герцогскій престолъ оказался вакантнымъ, онъ сейчасъ же посадилъ на него герцогомъ не туземца, а одного изъ надежныхъ и достойныхъ награды франковъ. На одну только Лотарингію, относившуюся презрительно ко всѣмъ другимъ нѣмецкимъ областямъ, и ея герцога Гизельберта онъ налегъ болѣе рѣзко, какъ только представился подходящій случай; одновременно съ этимъ онъ добился того успѣха, что западно-франкскій король призналъ его, не-Каролинга, восточно-франкскимъ королемъ. При помощи усилившейся и организованной военной силы своихъ саксовъ онъ проводилъ саксонскую племенную политику и направилъ свое оружіе противъ славянскаго востока. Этимъ самымъ онъ предначерталъ для будущаго такіе пути, которые векорѣ приобрѣли обще-германское, а не исключительно мѣстное саксонское значеніе, какъ только племена объединились и выгода каждаго изъ нихъ стала выгодой для всей націи. То же самое можно сказать о созданной королемъ Генрихомъ пограничной маркѣ противъ датчанъ, Шлезвигской маркѣ.

Царствованіе сына Генриха, Оттона, которому помогъ добиться престола еще отецъ его при своей жизни, начинается въ 936 г. нѣкотораго рода протестомъ противъ осторожной сдержанности Генриха. Младшее поколѣніе и духовенство, стоявшее за общегосударственные интересы, старались какъ можно быстрѣе выдвинуть впередъ свои взгляды. Оттонъ короновался съ большимъ торжествомъ въ Ахенѣ и пожалъ плоды безшумныхъ успѣховъ Генриха въ видѣ того поразительнаго явленія, что великіе герцоги исполняли должность каролингскихъ придворныхъ при церемоніяхъ коронаванія и такимъ образомъ признали себя не только подчиненными королю государственными сановниками, но даже личными его слугами. Оттонъ не удовольствовался положеніемъ перваго между равными между собой владѣтельными князьями и вѣнчаннаго племенного герцога, а сталъ вносльдствіи на болѣе общую почву: онъ отдалъ Саксонію въ руки своего намѣстника Германа Биллунга, которому была поручена охрана границъ противъ датчанъ и пиратовъ Балтійскаго моря; рядомъ съ нимъ великій Геро управлялъ пограничными марками и былъ представителемъ саксонской политики территориальнаго расширенія въ сторону славянъ. Съ самаго пачала своего правленія Оттонъ старается быть общимъ королемъ и пользоваться повсюду одинаковымъ авторитетомъ. Дѣло не обошлось безъ реакціи: возникали раздоры между саксами и франками, происходили возстанія, къ которымъ пристали два собственныхъ брата Оттона, которые не могли примириться съ той мыслью, что Оттонъ забралъ въ свои руки такую исключительную власть, такъ какъ династія только зарождалась въ это время и династическая логика еще не пользовалась общимъ признаніемъ; въ этихъ же возстаніяхъ были замѣшаны разные свѣт-

ские герцоги и даже представители высшего духовенства. Оттонъ все же совладалъ со всѣми этими опасностями, хотя не безъ большого труда; а такъ какъ у датчанъ, бургундовъ и западныхъ франковъ, или французовъ, тоже не было недостатка въ родовыхъ и династическихъ усобицахъ, то ему даже самъ дался въ руки нѣкотораго рода протекторатъ надъ королями этихъ народовъ.

Система Оттона, передававшего герцогства въ руки своихъ личныхъ друзей или ближайшихъ младшихъ родственниковъ, оправдалась только отчасти. Во всякомъ случаѣ она не оправдалась на его сынѣ Лудольфѣ, котораго онъ назначилъ правителемъ Швабии. Этотъ послѣдній, равно какъ и его баварскій дядя Генрихъ, братъ Оттона, вели свою вѣнскую политику по ту сторону южной границы за собственный рискъ и страхъ: такого же образа дѣйствій держались эти герцогства въ теченіе періода самой крайней слабости германской короны. Однако, между обоими ими была весьма существенная разница: въ то время, какъ Генрихъ, который былъ уже наученъ неоднократно возстаніями и помилваніями, дѣйствовалъ по личному соглашенію съ Оттономъ, главнымъ побужденіемъ Лудольфа было соперничество со своимъ дядей. Къ тому же швабскій герцогъ запутался въ слишкомъ поспѣшныхъ и вызывающихъ по отношенію къ его отцу дѣйствіяхъ.

Этотъ послѣдній вынужденъ былъ вмѣшаться самолично въ дѣла Италіи, такъ какъ необходимо было показать, что вѣнскія предпріятія зависятъ отъ воли короля. Такимъ образомъ представитель Саксонской династіи тоже былъ увлеченъ на путь, ведущій черезъ Альпы, по примѣру первыхъ королей Меровинговъ, ихъ преемниковъ Каролинговъ и своего недавняго предшественника Арнульфа. Наконецъ Восточно-Франкское королевство заняло опять опредѣленное положеніе по вопросу о притязаніяхъ Восточной Франконіи на Италію и на императорскую корону. Оттонъ поступилъ по примѣру Карла Великаго (стр. 93), принялъ въ Павіи титулъ rex Francorum et Langobardorum (короля франковъ и лангобардовъ) и вскорѣ послѣ этого потребовалъ себѣ въ Римѣ императорской короны. Попутно, въ промежуткѣ между обоими этими шагами, онъ женился на Адельгейдѣ, сестрѣ своего протеже Конрада Бургундскаго и вдовѣ Лотаря, одного изъ тѣхъ многочисленныхъ королей, которые захватывали въ свои руки власть и корону въ предѣлахъ Италіи въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій. Это была пріятная и изящная женщина, но итальянская корона не зависѣла отъ нея, да Оттонъ и не требовалъ этого отъ нея.

Въ императорской коронѣ отказалъ ему опасливый Альберихъ, который сдѣлался владѣтелемъ города Рима и фактическимъ господиномъ папы; въ то же время въ Германіи возгорѣлись опять прежнія возстанія съ участіемъ Лудольфа. Оттонъ вернулся обратно и вступилъ въ соглашеніе относительно Италіи, выгодное для одного только Генриха, который присоединилъ къ своему герцогству Старый Фриоль (съ Вероной и Аквилеей). Неудовлетворенными остались Берингаръ, король иврейскій, который надеялся, что его независимая королевская власть въ Италіи будетъ обезпечена за нимъ благодаря смерти Лотаря, въ то время какъ теперь за нимъ осталось только обрѣзанное лешное королевство; обиженными оказались также и игравшій роль посредника при заключеніи договора зять Оттона, лотарингскій герцогъ франкскаго происхожденія Конрадъ, наконецъ, Лудольфъ и его сторонники. Вспыхнуло новое жестокое возстаніе, отягчившееся еще одно-временнымъ набѣгомъ мадьяръ; но этотъ же набѣгъ склонилъ общественное мнѣніе въ пользу короля. Въ 954 году Оттонъ справился съ возстаніемъ и принялся за исполненіе своего новаго плана передать епископамъ часть свѣтской власти въ герцогствахъ и графствахъ и стать въ такія же тѣсныя личныя отношенія къ духовенству, какія онъ старался поддерживать до сихъ поръ съ герцогами. На своего способнаго брата Бруна,

архіепископа кельнскаго, онъ возложилъ надзоръ надъ раздѣленной теперь на два герцогства Лотарингіей, этимъ дѣтищемъ, стоявшимъ королевству тяжелыхъ родовыхъ мукъ; для поддержанія славянской политики въ саксонскомъ духѣ и заальбской германизации онъ подумывалъ воспользоваться кромѣ военной силы и административной дѣятельности маркграфовъ также духовной дѣятельностью особаго митрополита архіепископа, резиденціей котораго былъ избранъ городъ Магдебургъ на старой границѣ. Въ 955 году произошелъ новый набѣгъ мадьяръ, но Оттонъ нанесъ имъ въ Лехфельдѣ около Аугсбурга такое тяжелое пораженіе (т. V, стр. 374), что Германія избавилась окончательно отъ ихъ вторженій, опустошавшихъ громадныя пространства, и во всемъ королевствѣ это избавленіе отъ мадьяръ признавалось великимъ подвигомъ общаго монарха.

Соарѣвшее значеніе и величіе дѣятельнаго германскаго короля проявились теперь какъ во внутреннихъ, такъ и во внѣшнихъ дѣлахъ. — онъ пожаль плоды всѣхъ прежнихъ трудовъ и использовалъ ихъ результаты. Повторилось то же, что уже было во времена Карла Великаго, и даже частью въ болѣе грандіозномъ размѣрѣ: греки и сарацины отправили къ Оттону посольства съ почетными подарками, этимъ выраженіемъ тогдашней дипломатической вѣжливости въ международныхъ отношеніяхъ. Уже въ такихъ событіяхъ заключался толчекъ, вызывавшій снова мысль о возстановленіи имперіи Карла. Другое побужденіе вытекало изъ того обстоятельства, что, наконецъ, и саксонская династія тоже перешла отъ неудачнаго опыта связать свои интересы съ свѣтскими герцогами къ тѣсному союзу съ высшимъ духовенствомъ государства и къ тѣсному идейному объединенію съ мисіонерскими и вселенскими задачами церкви. А такъ такъ эта церковь со всѣмъ ея великимъ содержаніемъ зависѣла въ то время отъ такого недостойнаго церковнаго главы, какъ папа Іоаннъ XII, во тѣмъ настоятельнѣе была необходимость какъ можно скорѣе сосредоточить въ Римѣ, какъ центрѣ всей церкви, вліяніе государственной власти, которая восприняла церковныя идеи и стала союзницей и покровительницей церкви. Кромѣ того возстановленіе имперіи открывало путь къ болѣе основательному рѣшенію итальянскаго вопроса, которое стало неотложнымъ благодаря поведенію Бернгара и его сына Адальберта. Всѣ нити позднѣйшей политики Оттона ведутъ въ Римъ. Оттуда легче всего было провести учрежденіе архіепископства магдебургскаго вопреки майнцскому митрополиту, котораго оно лишило возможности дальнѣйшаго расширенія его великой церковной провинціи по направленію къ востоку. Итакъ, казалось, что даже самая осязательная національная цѣль, — расширение германскаго государства и распространеніе германской народности по направленію къ берегамъ Балтійскаго моря и къ обширной восточной равнинѣ, можетъ быть подвинута впередъ наиболѣе цѣлесообразнымъ образомъ посредствомъ мѣропріятій, направленныхъ на отдаленную отсюда Италію.

Во время похода въ Италію, начавшагося въ 961 г., произошли сначала возложеніе на себя самимъ Оттономъ лангобардской короны и затѣмъ 2 февраля 962 г. коронованіе его папой въ Римѣ — безъ этой послѣдней церемоніи императорскій титулъ не считался дѣйствительнымъ — и вскорѣ послѣ этого преобразование папства посредствомъ насильственной перемѣны лицъ, произведенной подъ руководствомъ императора, какъ верховнаго судьи. Сѣверная и Средняя Италія превратились снова въ области непосредственно подчиненныя имперіи, какъ при Карлѣ, а папа сталъ высшимъ епископомъ имперіи подобно тому, какъ майнцскій митрополитъ былъ первымъ епископомъ германскаго королевства, хотя ему приходилось терпѣть рядомъ съ собой магдебургскаго и другихъ архіепископовъ. Какъ и Карлу, Оттону пришлось потомъ улаживать дѣло съ обиженой започившей Византіей. Сначала Византія обнаруживала много злобы и упрямства, но затѣмъ споръ

Объясненіе видовъ зданій, помѣщенныхъ на оборотѣ.

Вверху: Видѣній видъ церкви Мемлебенскаго монастыря въ ея прежнемъ состояніи; рис. Г. Будрасъ, гравировано Витгефтомъ Младшимъ.

Внизу: Внутренній видъ крипты той же монастырской церкви; рис. Г. В. Гейзера Младшаго, литогр. Л. Куртияно.

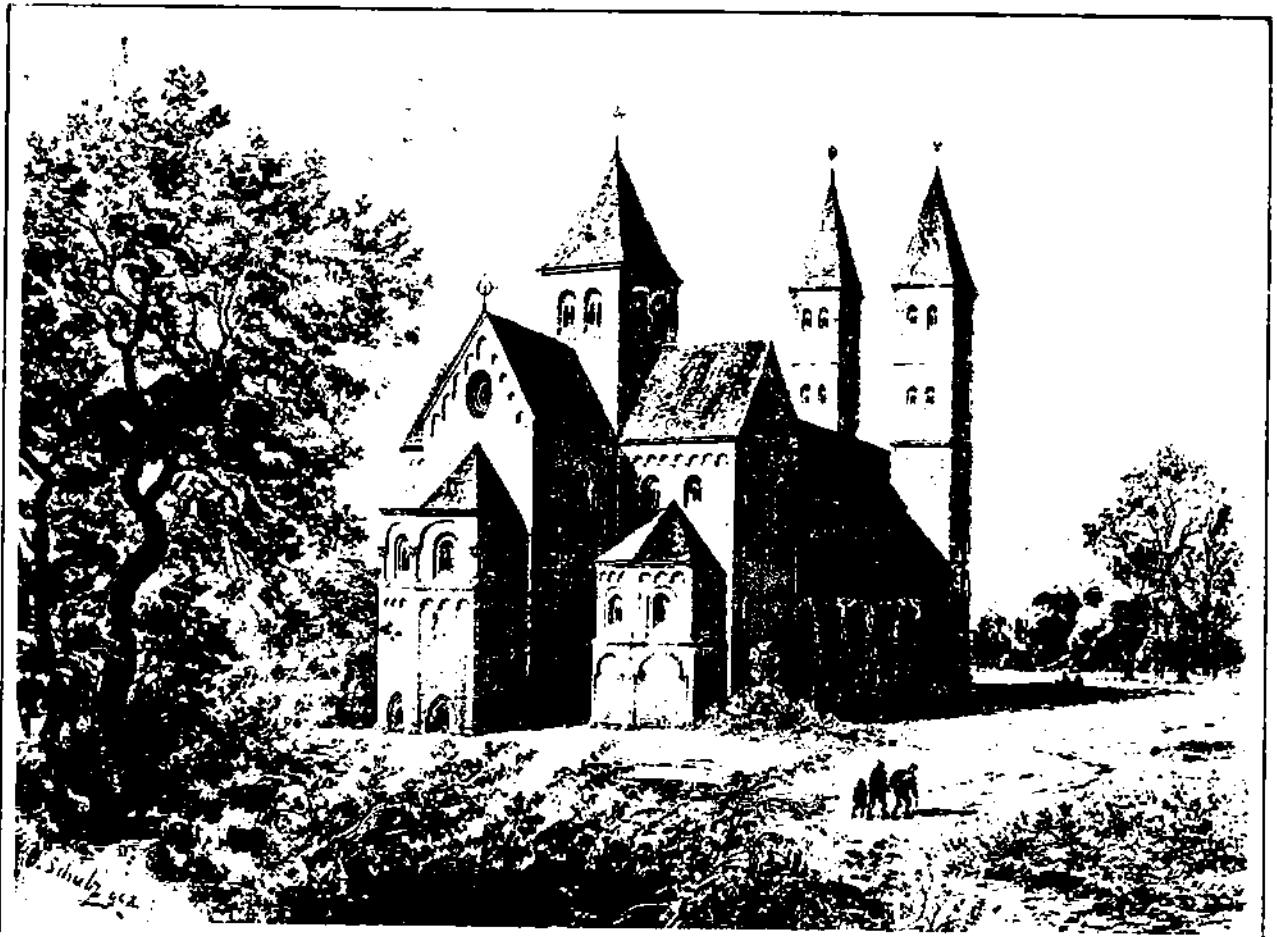
Когда путникъ направляется изъ Лаухи въ Тюрингенъ на западъ черезъ Тамльвикель, то, пройдя черезъ высокій горный хребетъ, онъ вступаетъ, наконецъ, въ буково-дубовый лѣсъ, который приводитъ его обратно внизъ къ долианъ рѣки Унструга. Еще не достигши подошвы склона, онъ замѣчаетъ предъ собой на опушкѣ листовнаго лѣса сквозь сѣтчатую рамку деревьевъ отдѣльныя части прекраснаго ландшафта. Не посредственно передъ нимъ лежитъ деревушка Мемлебенъ, утопавшая среди фруктовыхъ деревьевъ. На западъ тянется на разстояніе часа ходьбы покрытая лугами долина „Золотого Луга“, по которой извивается Унстругъ и зелень которой сливается, наконецъ, съ синевой горизонта. Нашъ Мемлебенъ упоминается впервые подъ именемъ Мимелебо въ спискѣ мѣстностей, подаренныхъ Карломъ Великимъ Герсфельдскому аббатству на рѣкѣ Фульдѣ во времена св. Лулла, архіепископа Майнцаго (сконч. въ 786 г.) и основателя этого монастыря. Тутъ церквѣ оставались на житье саксонскіе государи; король Генрихъ I сконч. въ Мемлебенскомъ замкѣ 2 іюля 936 г. Его останки были перевезены въ Кведлинбургъ и похоронены тамъ въ церкви св. Серватія. Судьбѣ угодно было, чтобы Оттонъ I тоже окончилъ свои дни въ Мемлебенѣ 7 мая 973 г. 6 мая онъ покинулъ Мерзебургъ въ сопровожденіи многихъ князей и бароновъ и отправился въ Кведлинбургъ черезъ Мемлебенъ для того, чтобы провести въ этомъ городѣ праздникъ св. Тройцы. Къ вечеру того же дня онъ прибылъ въ Мемлебенъ. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня императоръ покинулъ свое ложе и присутствовалъ на заутренѣ; затѣмъ онъ прилежъ снова на короткое время, а послѣ этого онъ отстоялъ обѣдню, раздавалъ нищимъ подаваніе, а послѣ завтрака снова отправился въ свою спальню. Въ бодромъ и веселомъ настроеніи духа онъ съѣлъ за обѣдъ, а затѣмъ присутствовалъ на вечернѣ; но во время чтенія евангелія императоръ зашатался, и окружившіе его князья усадили его на стуль. Тогда онъ принялъ св. причастіе и во время этого обряда отлетѣла его душа. Послѣ того, какъ тѣло Оттона I было набальзамировано, а внутренности похоронены въ Мемлебенской церкви, его сынъ Оттонъ II отвезъ останки своего отца въ Магдебургъ, гдѣ они были похоронены въ мраморномъ саркофагѣ въ монастырской церкви.

Основаніе Мемлебенскаго аббатства относится къ первымъ годамъ царствованія Оттона II, 21 ноября 998 г. Оттонъ III подарилъ Мемлебенскому аббатству для спасенія своей собственной души и душъ своихъ покойныхъ родителей городъ Виге (родину Леопольда Ранке) вмѣстѣ съ относящимися къ нему имѣніями, расположенными въ пяти сосѣднихъ селеніяхъ, затѣмъ еще Гехендорфъ и Франкенгаузенскія солеварни. Безъ сомнѣнія, монастырскія зданія Мемлебенскаго монастыря были закончены до начала XI столѣтія. Церковь относится по своей архитектурѣ къ періоду господства романскаго стиля.

Стѣны этихъ зданій изображены здѣсь въ томъ видѣ, который имѣли эти развалины передъ реставраціей, предпринятой Фридрихомъ Вильгельмомъ IV Прусскимъ; верхнія части крыши и башня изображены частью на основаніи гравюръ (весьма плохихъ, Шамелюса, приложенныхъ къ его книгѣ: „Историческое описаніе нѣкогда знаменитаго бенедиктинскаго монастыря въ Мемлебенѣ“, Наумбургъ 1729 г., частью на основаніи изображеній Штиглица (изъ книги Вейсе: „Музей саксонской исторіи“, I. 1) частью, наконецъ, онъ дополнены на основаніи стараго рисунка Вильгельма Дилха (приблиз. 1630 г.). Пришлось добавить заново обѣ западныя башни, такъ какъ ихъ недостаетъ уже на указанныхъ снимкахъ; но такъ какъ основная часть этихъ зданій еще сохранилась, то мы воспроизводимъ ихъ здѣсь въ полномъ видѣ.

Крипта занимаетъ все мѣсто подъ высокими хорами во всю ширину и длину ея вмѣстѣ съ прилегающей нишей. Хоры крипты на одну ступень выше ея самой и имѣютъ ту же форму, какъ основной планъ хоровъ верхней церкви, именно восьмиугольника.

(Главнымъ образомъ по соч. Л. Путриха и Г. В. Гейзера Младшаго, „Die Kirchen zu Kloster Memleben, Schraplau und Treben“, Лейпцигъ, 1837 г.)

Исторія чловѣчества. VI.

Т-во „Проектанте“ въ Спб.

Внѣшній видъ и крипта церкви Мемлебенскаго монастыря.

(По соч. *J. Нуттена* и *Г. В. Гейзера Младшаго*: „Die Kirchen zu Kloster Memleben, Schraplau und Treben“, Лейпцигъ 1837 г.)

былъ улаженъ въ смыслѣ полнаго уравненія обѣихъ сторонъ посредствомъ брака племянницы византійскаго императора, Теофано, съ сыномъ Оттона и Адельгейды, носившимъ то же имя, какъ и его отецъ. Этотъ сынъ Оттона былъ избранъ его преемникомъ уже въ 961 г.; какъ и Людовикъ Благочестивый, Оттонъ Младшій былъ признанъ императоромъ еще при жизни отца въ 967 г. на основаніи переговоровъ съ Византіей, послѣдовавшихъ при заключеніи его брака. Съ спокойной самоувѣренностью саксонская династія утвердилась на своихъ старыхъ и новыхъ позиціяхъ. Она уже была близка къ полному воплощенію въ жизнь величайшихъ изъ традицій каролингской эпохи, когда Оттонъ Великій скончался 7 мая 973 г. (смот. прил. таб.: „Внѣшній видъ и крѣпота церкви Мемлебенскаго монастыря“).

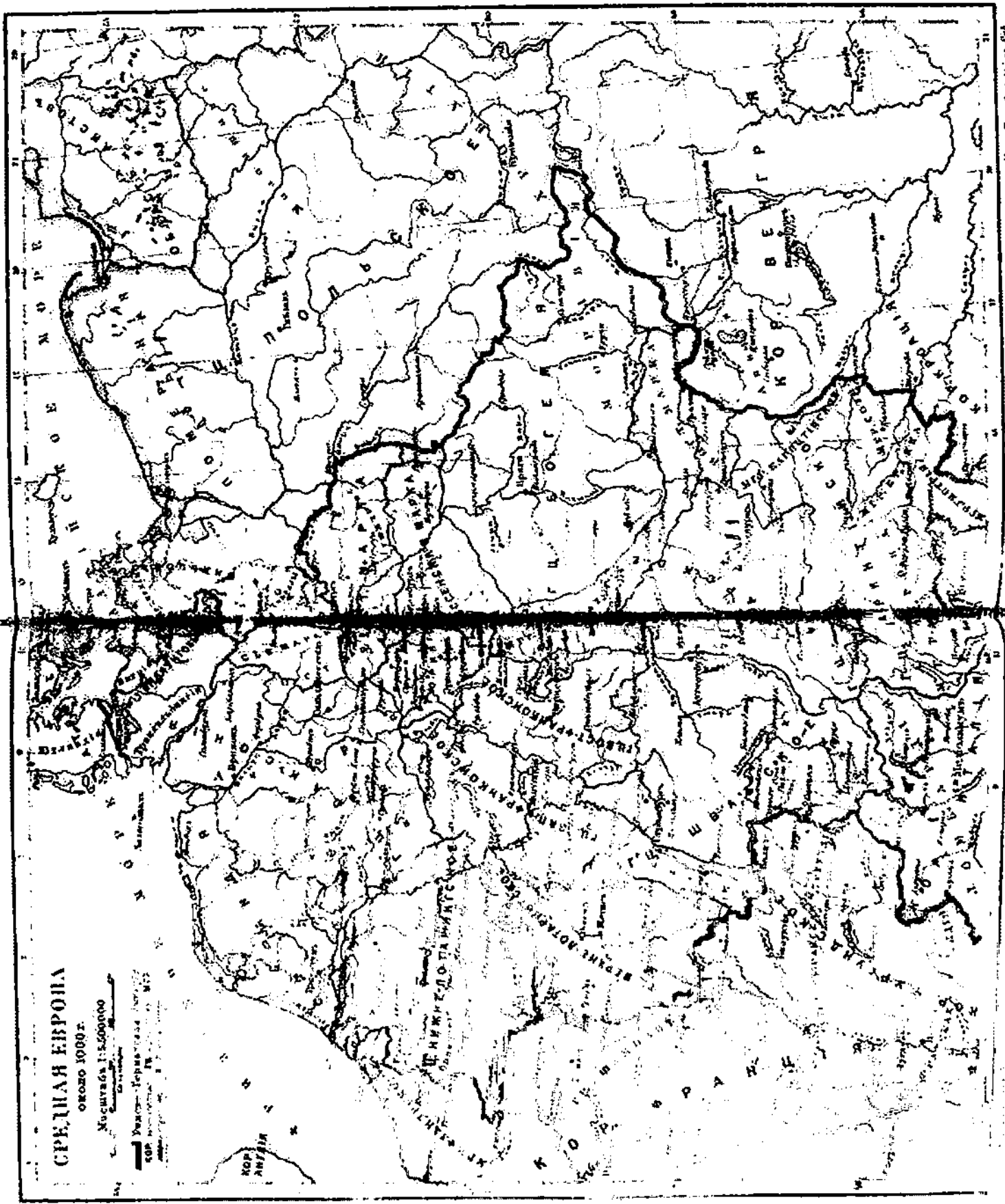
Время самостоятельнаго царствованія Оттона II (отъ 973 г. до 983 г.) въ Германіи составляетъ скорѣе продолженіе, а не планомерное развитіе дѣла, начатаго его отцомъ. Центръ тяжести государства перемѣстился настолько, что не помѣщался уже исключительно въ Германію. Императорская корона сдѣлала излишней ломбардскую королевскую корону; по установившемуся болѣе новому взгляду она обезпечивала безраздѣльное единство всей имперіи. Имперскія собранія, происходившія на итальянской территоріи, разрѣшали дѣла, касавшіяся Германіи; для коронаванія избраннаго въ Веронѣ преемника императора, мальчика Оттона III, отправились въ Ахенъ какъ майнцскій, такъ и равенскій архіепископы. Сына Адельгейды и супруга Теофано Средиземное море привлекало несравненно сильнѣе, чѣмъ преемника короля Генриха I. Захватъ греческо-римской Нижней Италіи былъ въ устахъ Оттона I только угрозой для вящаго давленія на Византію, но для Оттона II онъ превратился въ важнѣйшую задачу его царствованія. По винѣ своей непредусмотрительности онъ потерпѣлъ при выполненіи этого замысла страшное пораженіе у пынѣшняго Капо ди Колоinne къ югу отъ Ротроне (15 іюля 922 г.); это пораженіе послужило искрой, воспламенившей всѣ враждебныя силы какъ въ Ломбардіи, такъ и среди вендовъ и датчанъ, и Оттонъ II скончался, не успѣвши замечить тяжелыхъ ранъ, нанесенныхъ его государству.

Заслуга Теофано, какъ регентши, заключается въ болѣе или менѣе удовлетворительномъ восстановленіи престижа государства. Прежде всего она разстроила съ помощью архіепископа майнцакаго Виллигиса планы младшаго Генриха Баварскаго, который считалъ себя, какъ Лудольфинга и внука Генриха I, болѣе правоспособнымъ къ управленію государствомъ, чѣмъ регентшу Теофано, эту женщину чужаго рода и племени, или же самого коронаваннаго малолѣтняго Оттона III. Оттонъ III тяготился болѣе всѣхъ другихъ германскихъ государей тѣмъ, что онъ родился нѣмцемъ. Мы знаемъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что даже Теофано была склонна къ презрительному осмѣянію нѣмцевъ, и въ томъ числѣ своего собственнаго супруга, какъ нѣмца. Оттонъ III плакался на грубость своей саксонской натуры, не вполнѣ искорененную нѣмецкими воспитателями и друзьями, которыми онъ любилъ себя окружить: онъ перемѣстилъ свою резиденцію въ Римъ, поближе къ своему излюбленному Герберту, котораго онъ возвелъ въ 999 году въ папы подъ именемъ Сильвестра II. Стараясь провести до конца тотъ взглядъ на императорскій санъ, который установился еще при дворѣ Оттона II, сынъ послѣдняго обзавелся византійскимъ придворнымъ штатомъ и называлъ себя въ надписяхъ на металлическихъ печатяхъ и другихъ документахъ первымъ настоящимъ возстановителемъ истинно-римской имперіи и для вящей вразумительности присоединилъ къ своему императорскому титулу слово „Romanorum“ (римлянъ). На нѣмцевъ онъ смотрѣлъ только, какъ на одинъ изъ народовъ, подчиненныхъ царствующему въ Римѣ императору, и присвоилъ себѣ титулъ *Saxonicus*; смыслъ этого титула заключается не въ томъ, что Оттонъ III саксонецъ по происхожденію, а въ томъ, что онъ владычеству-

еть надъ саксонцами; онъ соотвѣтствовалъ прозвищамъ древнихъ побѣдителей Africanus, Germanicus. Единственнымъ средствомъ для возвышенія имперіи Оттонъ III считалъ увеличеніе числа важныхъ вассаловъ, и ради этой цѣли онъ далъ полякамъ церковную независимость и учредилъ надъ гробомъ своего чешскаго друга Войтеха Адальберта (срав. т. V, стр. 466) архіепископство Гнѣзенское, не смущаясь тѣмъ, что онъ этимъ разрушилъ самую цѣль существованія Магдебургскаго архіепископства; ради возвеличенія своихъ вассаловъ онъ освободилъ какъ поляковъ, такъ и саксонцевъ отъ ихъ обязанностей по отношенію къ германскому королевству и содѣйствовалъ венгерцамъ въ приобрѣтеніи своей собственной, полученной ими отъ папы, королевской короны Вайка (Стефана; тамъ же, стр. 374) и въ учрежденіи архіепископства Гранскаго, которое низвело къ нулю положеніе баварской церкви въ цестрыхъ по составу своего населенія венгерскихъ владѣніяхъ.

Оттоцу пришлось самому пережить съ горечью крушеніе своей новоантичной имперіи. Какъ онъ ни чурался своего нѣмецкаго происхожденія, римляне изгнали его, какъ нѣмца, изъ „Золотого Рима“, этого постоянного предмета его заботъ. Онъ скончался въ 1002 г. во время своихъ попытокъ къ насильственному возвращенію въ Римъ, и гробъ его былъ перевезенъ въ Германію среди гула возстанія, схватившаго всю Италію.

Его преемникомъ былъ избранъ не безъ смуты и борьбы между соперниками король Генрихъ II, по происхожденію Людольфингъ баварской линіи; онъ поставилъ себѣ задачей, главнымъ образомъ, восстановленіе власти короны въ предѣлахъ Германіи и сферы ея ближайшихъ интересовъ (смотри. прилож. карту: „Средняя Европа около 1000 г.“). Хотя онъ былъ лично южно-германцемъ, онъ продолжалъ политику первыхъ ниже-германскихъ государей; онъ устранилъ опасность созданія великой славянской державы подъ главенствомъ предприимчиваго польскаго герцога Болеслава Храбраго (т. V, стр. 236) и ограждалъ верховную власть германскаго королевства надъ Польшей и Богеміей; съ этимъ связано тѣснымъ образомъ его стремленіе къ превращенію славянъ верхняго Майна въ настоящихъ нѣмцевъ, для чего было учреждено епископство Бамбергское. Въ дѣла Италіи онъ вмѣшался въ 1004 г. на первыхъ порахъ только для воспрепятствованія основанію національнаго государства Гартвиномъ (Ардуиномъ) Иврейскимъ; вмѣсто того, чтобы считать Германію съ Италіей однимъ единымъ цѣлымъ по примѣру Оттона II, онъ снова возложилъ на себя пока, подобно Оттону I, отнятую у Гартвина ломбардскую корону. Въ 1014 г. онъ успѣшно отправился въ Римъ и возложилъ на себя здѣсь императорскую корону. При всей своей склонности къ разьединенію различныхъ областей именно, этотъ восстановитель германской монархіи положилъ начало присоединенію Бургундіи къ германской коронѣ посредствомъ договора, въ силу котораго обезпечивалось покровительство германскаго королевства находившемуся въ отчаянномъ положеніи бездѣтному королю Рудольфу III, а тотъ съ своей стороны призналъ въ своемъ завѣщаніи Генриха наслѣдникомъ своего богатаго королевства. Это приобрѣтеніе, отъ котораго императоръ никакъ не могъ отказаться, равно какъ и весьма близкія, хотя и воплотившія политическія отношенія Генриха къ церкви — не столько къ епископамъ, ведшимъ слѣпкомъ свѣтской обликъ жизни, сколько къ церковнымъ реформаторамъ — толкнули его снова противъ его собственной воли на путь имперской политики. Въ 1019 и въ 1020 годахъ къ нему обратились съ настойчивыми просьбами о прибытіи его въ Италію какъ папа, такъ и заискивавшіе въ немъ ломбардскіе епископы, преданные имперіи; въ 1021—1022 г. онъ вернулся во второй разъ въ Италію и на этотъ разъ устроилъ дѣла всей итальянской территоріи, не исключая и Нижней Италіи. Въ его рукахъ этотъ возвратъ къ имперскимъ традиціямъ давалъ надежду на успѣхъ и

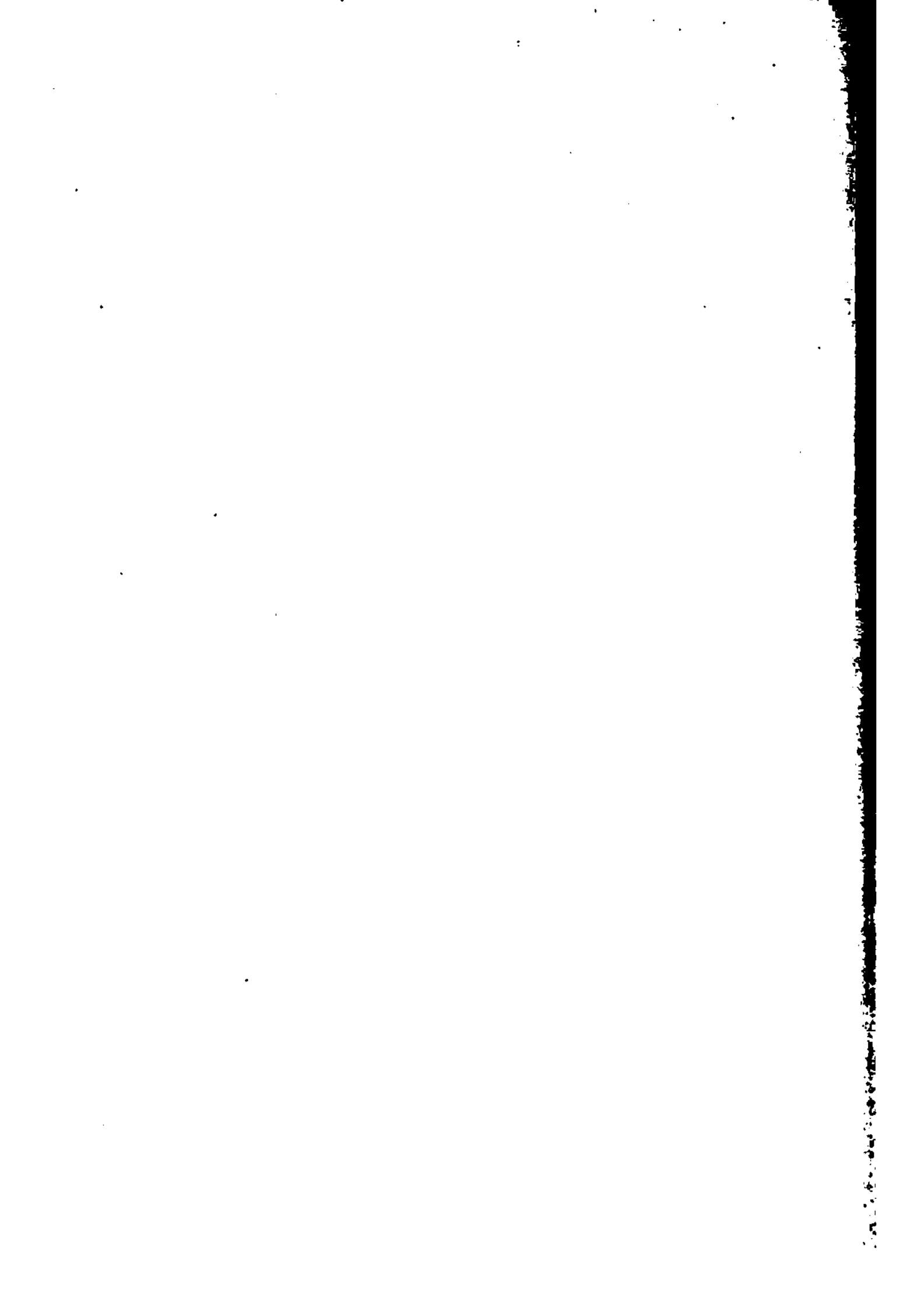

СРЕДНЯЯ ЕВРОПА

около 1000 г.

Масштаб 1:5000000

— Дублин — Ирландия
 — Лондон — Англия
 — Париж — Франция
 — Берлин — Германия
 — Вена — Австрия
 — Прага — Чехия
 — Варшава — Польша

Регистръ къ картѣ „Средняя Европа около 1000 г.“

I. Германия.							
Фрисландія.		V-D2, B	Маклиаборгъ (Мекленбургъ)	F3	Вильтна (Вильтовъ)	F5	
Альмере (Эйндерзе)	C2		Минигардефуртъ (Мюстеръ)	D3	Зальцахъ (р. Зальцахъ)	FG3,4	
Валакра (о-въ Вальхеронъ)	B3		Мидленъ (Мидленъ)	D2	Зальпуртъ (Зальцбургъ)	FG5	
Изаала (р. Эссель)	C2		Оснабрюгге (Оснабрюкъ)	D2	Изаара (р. Изааръ)	FG5,4	
Нордпиль (Нордоль)	D2		Патербрунъ (Падерборнъ)	D3	Изе (р. Инъ)	EF5,4	
Тексла (о-въ Тессель)	BC2		Рура (р. Руръ)	D3	Иттика (Иттихепъ)	F5	
Траектумъ (Утрохтъ)	C2		Слазигъ (Шлезвигъ)	E1	Кульминаха (Кульмбахъ)	F4	
Туредрехтъ (Дордрехтъ)	B3		Суваъ (Зоветъ)	D3	Линца (Липцъ)	G4	
Флардингувъ (Флардингенъ)	B3		Трутманни (Дортмунтъ)	D3	Мойнъ (р. Майнъ)	EF4,3	
Хеллголандъ (о-въ Гельголандъ)	D1		Фембре (о-въ Фемарнъ)	F1	Наба (р. Набъ)	F4	
			Фердуъ (Верденъ)	E2	Наббургъ (Наббургъ)	F4	
			Эмеза (р. Эмсъ)	D3,2	Нацова (Пассау)	G4	
			Герцогство Западно-Франконское.		Пехларе (Пехларнъ)	H4	
			Аманбургъ (Амнебургъ)	DE3,4	Регавеспургъ (Регавеспургъ)	F4	
			Визалбургъ (Вейсенбургъ)	DB	Реганъ (р. Реганъ)	GF4	
			Вормаци (Вормсъ)	D4	Сабюна (Забенъ)	F5	
			Герольфсфельдъ (Герольфхъ)	D4	Странпуртъ (Штейеръ)	G4,5	
			Гарсаугиъ (Гюерсо)	E3	Тегарингено (Тегерингено)	F5	
			Лобдецебургъ (Ладенбургъ)	D4	Тудлинна (Тудлинъ)	H4	
			Логенаха (р. Лапъ)	D4	Форхгеймъ (Форхгеймъ)	F4	
			Могонциъ (Майнцъ)	D3,4	Фрайнга (Фрайнгахъ)	F4	
			Мойнъ (р. Майнъ)	ED4,3	Эггаре (Эгеръ)	F3	
			Спара (Шпейеръ)	D4	Эфететъ (Эфхитетъ)	F4	
			Герцогство Восточно-Франконское.		Эвиза (р. Эвизъ)	G5,4	
			Визара (р. Верра)	D-F3,4			
			Вирцебургъ (Вюрцбургъ)	E3	Герцогство Каринтийское съ Маркграфствами: Верона, Соуна, Крайна в Гистрия	E-H 5,8	
			Матаврихштатъ (Мельрихштатъ)	E4	Адамунтъ (Алмонтъ)	G5	
			Оновльдеблахъ (Аисбахъ)	E3	Аквилонъ (Аквилонъ)	G6	
			Спанфуртъ	E4	Атезисъ (р. Эчь)	FE5,6	
			Фульда (Фульда)	E3	Бенакусъ Яакусъ (о-в. Гарда)	E6	
			Герцогство Швабское		Беттоно (Петтау)	H5	
			Аугестбургъ (Аугебургъ)	C-E4,5	Брипта (р. Брента)	FE5,6	
			Бреганциъ (Брегенцъ)	E4	Верона (Верона)	E6	
			Бризаакъ (Брегахъ)	E5	Виллаха (Виллахъ)	G5	
			Дезертна (Диентисъ)	D4,5	Градусъ (Градо)	G6	
			Кампидона (Кемптонъ)	D6	Яакусъ Венакусъ (о-в. Гарда)	E6	
			Клавенна (Клавенна)	E5	Любляна (Лаббахъ)	G5,6	
			Кольмаръ (Кольмаръ)	E5	Падуа (Падуа)	F6	
			Констанциъ (Констанцъ)	D4	Планисъ (р. Плавъ)	F5,6	
			Курцъ (Хуръ)	E6	Тарвиниумъ (Тревизо)	F6	
			Яакусъ Потаникусъ (Боденское оз.)	E6	Таргасто (Триестъ)	G6	
			Нагальга (Нагальдъ)	E6	Трионтумъ (Трионтъ)	F6	
			Нордлингенъ (Нердлингенъ)	D4	Форумъ Юдиъ (Цивилдаде)	G6	
			Потаникусъ (Яакусъ Боденское оз.)	E1	Целея (Силлъ)	H5	
			Ринъ р. (Рейнъ)	E1	Эвиза (р. Эвизъ)	G6	
			С-тъ Галла (С-тъ Галленъ)	E1	Мейссенская Марка и Тюрингия.	E-H 3	
			Свигтесъ (Швицъ)	DE5,4	Ариштатъ (Ариштатъ)	E3	
			Страсбургъ (Страсбургъ)	E5	Вудуанъ (Вауцонъ)	G3	
			Твидъ (Гогентвидъ)	E5	Гозлбургъ (Гомбургъ близъ Лангензальцы)	E3	
			Туопова (р. Дунай)	D6	Герлицъ (Герлицъ)	G3	
			Ульма (Ульмъ)	D4	Дорла (Дорла близъ Лангензальцы)	E3	
			Цюрихе (Цюрихъ)	D5	Мемлюбъ (Мемлюбъ)	F3	
			Герцогство Баварское съ Маркграфствами Нордгау и Восточной Маркой.	DE4,5	Мисны (Мейсенъ)	G3	
			Альстаха (Альтайхъ)	E1	Ниубургъ (Наумбургъ)	F3	
			Авозанпуркъ (Эвизъ)	E1	Нортузунъ (Нордгаузенъ)	E3	
			Вабенбергъ (Вамбергъ)	E1	Салавальдунъ (Зальфельдъ)	F3	
			Вауцанумъ (Воцонъ)	E1	Спара (Шпиръ близъ Зондорогаузена)	E3	
			Бриквенна (Бриквенъ)	E1	Циза (Цоизъ)	F3	
				E-II 3-5	Эрпесфортъ (Эрфуртъ)	E3	
					Эскиены (Эшвеге)	E3	

Регистръ къ картъ „Средняя Европа около 1000 г.“

<i>Сверная Марка.</i>	EF2	Рина (Риненъ)	D1	Мурусъ (р. Муръ)	H5
Валлилену (Вальслебенъ)	F2	Сканія (иствн. Шоція) . .	F1	Нитра (Нейтра)	I4
Магатабургъ (Магдебургъ)	F2	Сьялавдъ (о-въ Зеландія)	E1	Презенбургъ (Просбургъ)	I4
Эльба (р. Эльба)		Фальстра (о-въ Фаль- стеръ)	F1	Сабарія (Штейнъ-амъ-Ан- геръ)	H5
<i>Восточная Марка.</i>	E-H 2, 3	Хульмусъ (о-въ Бори- гольмъ)	GH1	Савусъ (р. Сава)	H16
Гала (Галле)	F3	2. Область Вильцовъ.	FG1, 2	Сада (р. Сада)	H15
Гальберстадъ (Гальбер- штадтъ)	EF3	Бренданбургъ (Браден- бургъ)	F2	Стригоніумъ (Гранъ) . . .	I5
Лубуауа (Лубузо бл. Даме)	G3	Вукры (обл. вильцкихъ укровъ)	G2	Ханадъ (Чанадъ)	K5
Лужичане (Лаузиць) . . .	G3	Высоки (Витгинтовъ) . . .	F2	Цицеронъ (Оденбургъ) . .	H5
Сирена (р. Ширее)	G3, 2	Гавелла (р. Гавель)	G2	<i>Королевство Кроация</i>	G-15, 6
Церисты (Цербстъ)	F3	Гавельбергъ (Гавель- бергъ)	F2	Заграбъ (Загребъ, Аграма)	H6
Ютрибокъ (Ютербогъ) . . .	FG3	Гавеллы (племн. вильцовъ)	FG2	Тергатица (Терсатъ близъ Фуме)	G6
<i>Герцогство Богемское съ Моравіей.</i>	F-K 3, 4	Гологаста (Вольгастъ) . . .	G1, 2	<i>Королевство Фран- ція.</i>	A-C 3-6
Бруна (Брюнъ)	H4	Кициния (обл. вильцен. мищиповъ)	FG1, 2	Альба (р. Оба)	C-A 5, 4
Вагъ (р. Ваагъ)	K14	Дункины (Ленценъ)	F2	Альтислодурумъ (Ок- серръ)	B5
Визтрахи (Вейтра)	G4	3. Герцогство Поль- ское съ Помераніей.	G-L 1-4	Амбланисъ (Аміенъ)	A4
Влтава (р. Молдава)	G4	Боберъ (р. Боберъ)	H3	Аугустодунумъ (Отепъ) . .	B5
Вышеградъ (Вышеградъ) . .	G3, 4	Виста (р. Висла)	I-1, 4-1	Баррумъ (Баръ-сюръ-Объ)	H4
Градецъ (Квинггрецъ)	H3	Вратиславъ (Бреславль) . .	H3	Бругисъ (Брюгге)	B3
Дудлейна (Дудлеби)	G4	Глогуа (Глогуау)	H3	Давіона (Дижонъ)	B5
Затецъ (Заацъ)	G3	Гитъзанъ (Гитъзно)	I2	Кабьялопумъ (Шалонъ- сюръ Соузъ)	B5
Зноимъ (Знаймъ)	H4	Дацингъ (Дацингъ)	I1	Катауланумъ (Шалонъ- сюръ-Марвъ)	B4
Клатовы (Клаттау)	G4	Дулинумъ (Волтинъ)	G2	Кларусъ Монсъ (Клер- монъ)	AB6
Лаба (р. Эльба)	HG3	Краковія (Краковъ)	K3, 4	Куртракумъ (Куртра)	B3
Литомбрауны (Лейтме- риць)	G3	Кросна (Кроссенъ)	H2	Лауданумъ (Лаояъ)	B4
Махара (р. Маркъ, Моравя)	HN3, 4	Крушаница (Крушницъ) . . .	I2	Лигерасъ (р. Луара)	B5, 5; A5
Мза (р. Мисъ)	FG4, 3	Мазовшане (обл. польск. мазуровъ)	KL2	Лингонесъ (Лавгръ)	C5
Одора (р. Одеръ)	I4	Нотецъ (р. Нотъ)	HI2	Матрона (р. Марна)	C-A3, 4
Оломуць (Ольмуць)	I4	Одора (р. Одеръ)	I-G 4-1	Нивернумъ (Неверъ)	B5
Пилзени (Пильзевъ)	G4	Поананъ (Поананъ)	H2	Наринисъ (Наринъ)	A4
Подвишиъ (Подявишъ)	H4	Сенчеховъ (Сенчеховъ) . . .	L3	Ремисъ (Реймсъ)	B4
Прага (Прага)	G3	Хробатія (обл. черныхъ хорватовъ)	KL3, 4	Сагонна (р. Сова)	B5
Свитава (р. Цитта)	H4	<i>Королевство Венерн.</i>	H-L 4-6	Свесслонесъ (Суассонъ) . . .	B4
Тайя (р. Тайя)	H4	Альба Регія или Вижин- бургъ (Штульвейсен- бургъ)	I5	Сигона (р. Сова)	B5, 4; A4
Уна (р. Оппа)	I3, 4	Балатумъ Лакусъ (о-в. Платтенъ)	I5	Сомма (р. Сомма)	BA2, 1
Эгира (р. Эгеръ)	FG3	Вижинбургъ или Альба Ре- гія (Штульвейсенбургъ)	I5	Теруанна (Теруаннъ)	A3
II. Королевство Италія.		Вышеградъ (Вышеградъ) . .	I5	Торнакумъ (Турна)	B3
<i>Ломбардія.</i>	C F5, 6	Гейменбургъ (Геймбургъ)	H4	Элеріусъ	B5, 5
Адда (р. Адда)	E5, 6	Грана (р. Гранъ)	K14, 5	<i>Королевство Бургунд- ское.</i>	BD, 4-6
Августа (Аоста)	D6	Данубіусъ (р. Дунай)	H-K 4-6	Арула (р. Ааръ)	D5
Бергамумъ (Бергамо)	E6	Дравусъ (р. Драва)	HI5, 6	Базила (Базель)	D5
Бриксія (Бресція)	E6	Зейценмуре (Цейзель- мауръ)	H4	Биауптія (Везансонъ)	C5
Вербанусъ Лакусъ (Лаго Маджоре)	D5, 6	Квинкле Экклезиа (Фюиф- кирхенъ?)	I5	Віонна (Вьоннъ)	B6
Ипорегія (Ипреа)	D6	Криусъ (р. Керъшъ)	K5	Генова (Женева)	C5
Комумъ (Комо)	E6	Лакусъ Балатумъ (о-в. Платтенъ)	I5	Дубисъ (р. Дубъ)	CD5
Лакусъ Вербанусъ (Лаго Маджоре)	D5, 6	Литаха (р. Лейта)	HI5, 6	Изаара (р. Изаръ)	D-B6
Лакусъ Ларіусъ (Лаго ди Комо)	E5, 6	Морозіусъ (р. Мароиль) . . .	LK5	Лакусъ Леманусъ (Же- невское оз.)	C5
Медіолаумъ (Миланъ)	E6	Мурра (Эссекъ)	I6	Лауэона (Лованна)	C5
Новарія (Новара)	D6			Леманусъ Лакусъ (Же- невское оз.)	C5
Падусъ (р. По)	D6			Лугдунумъ (Лионъ)	B6
Тичинусъ (Тичино)	DE5, 6			Люксевіумъ (Люксевль) . . .	C5
III. Вѣдгерманскія области.				Наторнакумъ (Шейернъ, Петерлингеръ)	C5
1. Датское королев- ство.	D-H1			Роданусъ (р. Рона)	DC5, 6; B6
Лаландъ (о-въ Лоландъ или Лаландъ)	E 1			Сагонна (р. Сова)	C1, 5; B5, 6
Мовландъ (о-въ Мбень или Машъ)	F1			Седунумъ (Зиттель)	D5
				Солодурумъ (Золотурнъ) . .	D5

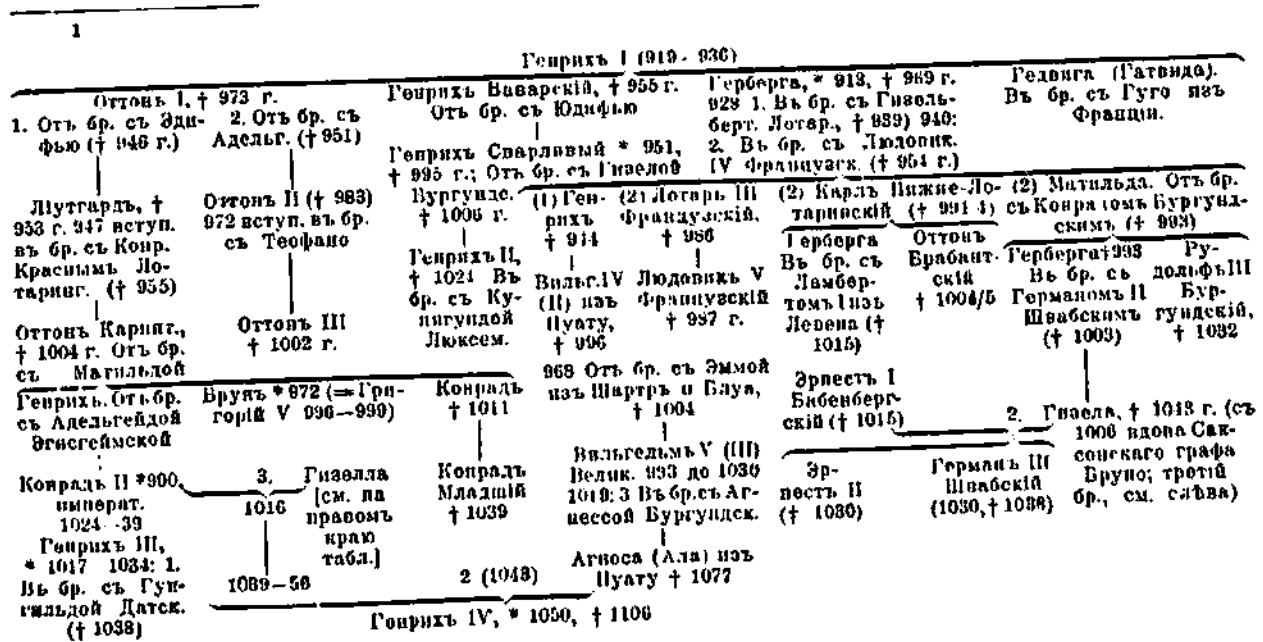
на будущность, такъ какъ онъ обезпечилъ предварительно германскую основу могущества своего государства.

Г. Франконскій домъ.

а) Конрадъ II и Генрихъ III.

Съ правительственной политикой бездѣтнаго Генриха II сходится во многомъ образъ дѣйствій Конрада II, салическаго графа, родомъ изъ Рейнской Франконіи, который одержалъ верхъ на королевскихъ выборахъ 24 сентября 1024 года, благодаря тонкой интригѣ, захватившей врасплохъ его соперника, тоже франконца и тоже носившаго имя Конрада¹.

Такимъ образомъ императорская власть ушла изъ рукъ саксонцевъ съ этого момента, а собственно говоря — даже съ 1002 г.; по крайней мѣрѣ, въ глазахъ самихъ саксонцевъ такое значеніе приобрѣлъ побѣдоносный захватъ короны баварскимъ герцогомъ Генрихомъ, хотя онъ и былъ Лудольфингомъ. Что корона перешла снова къ франкамъ, это обусловливалось не сознательнымъ обращеніемъ къ древней традиціи, а скорѣе болѣе тѣсными связями, установившимися между графомъ Конрадомъ и великими рейнскими церковными владѣтельными князьями. Хотя Конрадъ не поддавался внушеніямъ придворныхъ капеллановъ подобно большинству другихъ преемниковъ императорскаго престола, а держался чисто свѣтскаго направленія по примѣру Генриха I, тѣмъ не менѣе онъ не отталкивалъ отъ себя тѣхъ импералистскихъ идей, которыя уже легли въ основу самыхъ различныхъ фактическихъ отношеній; онъ пытался совмѣстить ихъ съ чисто нѣмецкой королевской политикой. Когда онъ объѣзжалъ свои владѣнія, итальянскіе епископы представились ему въ Констанцѣ и просили его посѣтить Италію. Въ 1026 г. онъ дѣйствительно отправился въ Италію; въ 1027 г. онъ возложилъ на себя императорскую корону и возстановилъ имперскую администрацію на всемъ протяженіи Апеннинскаго полуострова, начиная отъ Ломбардіи, которая настоятельно нуждалась въ этомъ и кончая Южной Италіей, въ которой, между прочимъ, было урегулировано правовое положеніе приобрѣвшихъ здѣсь осѣдность норманновъ французскаго происхожденія. Въ качествѣ наследника правъ Генриха онъ возобновилъ договоръ съ королемъ бургундскимъ, а послѣ смерти Рудольфа дѣйствительно вступилъ во власть надъ этимъ королевствомъ въ 1033 г., причемъ это вступленіе во власть обставлено было такъ же формально, какъ и въ Италіи, избра-

ніемъ и коропованіемъ. Верховная власть Германской имперіи распростерлась надъ тремя независимыми одно отъ другаго государствами съ обезпеченіемъ прочной связи между ними.

Что касается тѣхъ затрудненій, которыми могъ угрожать его правленію союзъ польскаго герцога Мѣшко II (т. V, стр. 465) съ его дядей Кнудомъ, королемъ датскимъ и англійскимъ, то Конрадъ избавился отъ нихъ посредствомъ тѣсной дружбы съ датскимъ королемъ, которой онъ добился вскорѣ послѣ того въ 1035 г. Эта дружба была окончательно упрочена посредствомъ брака сына императора, Генриха (III), съ дочерью Кнута Гунгильдой или Кунигундой, причемъ датскому королю была отдана въ видѣ матеріальнаго вознагражденія Шлезвигская марка. Храбрые саксонцы, жившіе въ этой маркѣ, все же остались нѣмцами и даже распространили свою народность дальше къ сѣверу по ту сторону рѣки Шлей. Благодаря этой дружбѣ сдѣлалось возможнымъ сохраненіе въ неприкосновенности верховной власти Германской имперіи надъ Польшею и Богеміею, (ср. т. V, стр. 237); эта же дружба съ Даніею помогла Конраду въ 1036 году выйти побѣдителемъ изъ столкновенія съ славянами лютичами, его бывшими союзниками въ борьбѣ противъ Польши. Съ различными военными столкновеніями изъ-за польскихъ и бургундскихъ дѣлъ сплелось возстаніе пасынка Конрада, Эрнста, наследника швабскаго герцогскаго престола, и того графа Конрада, который былъ обманутъ на королевскихъ выборахъ 1024 г. ловкимъ, но не дававшимъ повода къ осариванію мацевромъ архіепископа Арибо, дѣйствовавшего въ интересахъ Конрада Старшаго. Въ концѣ-концовъ Конрадъ II справился со всѣми этими затрудненіями (въ 1030 г.). По отношенію къ внутреннему политическому и социальному устройству государства Конрадъ тоже выказалъ себя реальнымъ политикомъ съ творческимъ талантомъ. Какъ въ Германіи, такъ и въ Италіи онъ содѣйствовалъ успѣху стремленія ленниковъ изъ вторыхъ рукъ, т. е. вассаловъ крупныхъ ленныхъ владѣльцевъ, къ утвержденію ихъ наследственныхъ правъ на свои лены и такимъ образомъ связалъ ихъ интересы съ интересами короны. Благодаря этому утвердилось снова въ Италіи на болѣе широкой основѣ признаніе верховной власти имперіи, защитниками которой были, правда, уже не всѣ, но, по крайней мѣрѣ, большинство епископовъ.

О плодотворной дѣятельности Конрада свидѣтельствуетъ съ наибольшей ясностью то властное положеніе, которое выпало на долю его наследника Генриха III. Онъ вмѣшался въ столкновеніе между Богеміею и Польшею, изъ которыхъ нападающей стороной оказалась на этотъ разъ Богемія, возстановилъ между ними равновѣсіе и привелъ оба эти государства къ подчиненію имперіи. Въ 1044—1045 г. онъ добился признанія ленныхъ верховныхъ правъ имперіи надъ Венгріею, въ которой основанная Стефаномъ монархія новаго типа выдерживала кровопролитную борьбу съ реакціей, исходившей отъ защитниковъ старо-мадьярскихъ народныхъ обычаевъ; надо все же оговориться, что къ этой ленной зависимости обѣ стороны стали относиться весьма вяло уже черезъ короткое время. Церковныя мѣропріятія Генриха опредѣлялись прежде всего его воспитаніемъ, развившимъ въ немъ религиозное молитвенное настроеніе; это былъ аскетъ, который подвергалъ себя вѣчно самоистязанію, который не переставалъ оплакивать слишкомъ свѣтскія наклонности и свѣтскую политику своего отца даже послѣ смерти послѣдняго. Въ этомъ душевномъ настроеніи онъ укрѣпился еще сильнѣе послѣ смерти Гунгильды, благодаря его браку съ Агнессою изъ Пуату (см. на стр. 109 „Опытъ родословной таблицы императора Генриха IV“), которая была ревностной послѣдовательницей строго церковнаго реформаторскаго движенія, исходившаго изъ монастыря Ключни. Какъ императоръ, онъ поставилъ своей главной задачей борьбу съ симоніею, т. е. продажей духовныхъ

должностей и платой за полученную должность тому, отъ кого она получена, и съ вторженіемъ свѣтскихъ порядковъ въ дѣла церкви, обусловленіемъ ея громадными мірскими богатствами; вообще, онъ служилъ шившимъ изъ тѣхъ цѣлей, которыя ставили себя когда бы то ни было церковь и вселенская іерархія папства. Онъ подавлялъ возникшее среди иѣмецкихъ епископовъ теченіе, направленное въ некоторомъ образѣ въ сторону независимой національной церкви, и боролся отчасти, конечно, ради поддержанія авторитета самой короны съ свѣтскими великокняжескими „символическими“ склонностями епископовъ. Для этой послѣдней цѣли онъ не переставалъ поучать ихъ въ аскетическомъ духѣ о ничтожествѣ всего земного и содѣйствовать преуспѣванію реформированныхъ монастырей, слѣдовавшихъ ученію монастыря Клоуни, которые стали возникать еще подъ покровительствомъ Генриха II.

Въ концѣ 1046 года Генрихъ устранилъ трехъ претендентовъ на папскій престолъ, боровшихся другъ съ другомъ въ Римѣ; къ этому относится, какъ къ поражающему событію, но къ дѣйствительности это было, во-первыхъ, дѣломъ нетруднымъ, а во-вторыхъ тутъ не заключалось никакой побѣды надъ церковью. Такимъ образомъ онъ открывалъ себѣ желанную свободу дѣйствій для учрежденія неепионостическаго, руководствующагося высшими взглядами на духовныя должности папства. Для замѣщенія папскаго престола онъ избиралъ иѣмцевъ, на незанятіианное ршеніе которыхъ къ своему призванію онъ могъ разсчитывать, такъ какъ они не погружались въ семейныхъ интересахъ подобно своимъ римскимъ конкурентамъ. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ онъ настаивалъ на независимомъ и рѣшающемъ правѣ императора лично избирать папъ; но онъ поступалъ такъ скорѣе ради наилучшаго замѣщенія апостольской кафедры, чѣмъ въ интересахъ короны, и вовсе не отставалъ съ сознательной принципиальностью этого верховнаго императорскаго права. Такъ, напримеръ, когда въ санъ папы былъ возведенъ подъ именемъ Льва IX послѣ бамбергскаго епископа Свидгера (сконч. въ 1097 г.) и бриккенскаго епископа Поппо (сконч. въ 1048 г.) эльзассецъ Бруно Оттенгеймскій, сынъ графа, епископъ тульскій, то императоръ не препятствовалъ ему добиваться согласія римлянъ на занятіе имъ папскаго престола какъ бы для изъявленія своего папскаго смиренія, и такимъ образомъ „римскій народъ и римское духовенство“ опять вернули себѣ участіе въ выборахъ папы, притомъ даже съ рѣшающимъ голосомъ. Послѣ этого Левъ IX подготовилъ новый порядокъ избранія папъ болѣе тѣсной коллегіей кардиналовъ (срав. ниже), а затѣмъ онъ приобрѣлъ державу защитницу папства въ лицѣ норманновъ Южной Италии и оставилъ послѣ своей смерти въ качествѣ совѣтника и фактическаго руководителя будущихъ папъ своего ученика Гильдебранта. Въ 1051 году преемникомъ его былъ назначенъ тоже съ дополнительными выборами со стороны римскаго населенія еще одинъ папа изъ иѣмцевъ, Гебгардъ изъ Эйхштета. Но послѣ этого въ Римѣ проявилась тенденція къ устраненію всякаго иѣмецкаго вліянія, не исключая и тѣхъ иѣмецкихъ папъ, которые стремились съ самымъ безкорыстнымъ рвеніемъ къ поднятію престижа папскаго престола.

Не удалось также Генриху удержать императорскій авторитетъ на должной высотѣ по отношенію къ иѣмецкимъ владѣтельнымъ князьямъ. До 1049 года онъ выдержалъ тяжелыя столкновенія съ заслуженнымъ герцогомъ верхне-лотарингскимъ Готфридомъ, который лишился, наконецъ, своего герцогства, но утвердился въ новомъ положеніи благодаря своему браку съ вдовой графиней Беатрицей Туспенской, матерью знаменитой графини Матильды. Это повело къ дальнѣйшему отчужденію между королемъ и этой семьей, обладавшей крупными владѣніями въ Верхней Италии, центральнымъ пунктомъ которыхъ была ломбардская крѣпость Каносса; не только релігіозный фанатизмъ обнхъ названныхъ женщинъ, но и поли-

тичскія цѣли толкали эту семью къ союзу съ возвышавшимся папствомъ. Во время вторичнаго пребыванія Генриха III въ Италиі въ 1055 году имперія зашаталась подъ напоромъ грандіознаго заговора южно-германскихъ владѣтельныхъ князей, которые вступили въ предательскій союзъ съ венгерцами. Однако открытое возмущеніе было предупреждено не столько вслѣдствіе смерти нѣкоторыхъ изъ важнѣйшихъ участниковъ заговора, сколько благодаря мѣрамъ, принятымъ императоромъ; все же это было дурной предвѣстникъ для предстоящаго послѣ смерти императора въ 1056 году царствованія шестилѣтняго мальчика, котораго отецъ уже объявилъ наслѣдникомъ въ 1053 году.

б) Генрихъ IV.

Всѣ человѣческіе недостатки Генриха IV, которые, однако, не подавляли никогда мужественныхъ и благородныхъ чертъ его характера и не помѣшали его имени сохраниться надолго въ памяти народа, были несомиѣннымъ продуктомъ тѣхъ условій, среди которыхъ онъ выросъ. У такихъ отказавшихся отъ всего земнаго женщинъ, какъ императрица Агнеса, женская потребность въ чужой симпатіи и дружбѣ не исчезаетъ, а только принимаетъ болѣе пѣжныя формы; изъ всей окружавшей ихъ обоихъ толпы честолюбивыхъ епископовъ и свѣтскихъ карьеристовъ, изъ которыхъ первоначально выдвигался бургундецъ Рудольфъ (изъ Рейнфельдена), побитвы должно было остаться, наконецъ, за духовенствомъ. Упрямый и угловатый швабъ Анно, архіепископъ кельнскій, конечно, не могъ состязаться въ расположеніи знатныхъ женщинъ съ какимъ-нибудь Гунтеромъ изъ Бамберга или Генрихомъ изъ Аугсбурга; вступивши въ заговоръ съ нѣкоторыми другими князьями, онъ устранилъ регентшу-мать и захватилъ силой драгоценный залогъ власти, коронованнаго мальчика. Въ борьбу съ Анно за регенство и первую роль въ государствѣ вступилъ блестящій бременскій архіепископъ Адальбертъ; онъ могъ бы добиться безъ долгихъ хлопотъ папскаго престола въ Римѣ, но ему казалось болѣе заманчивой роль создателя великаго ниже-германскаго сѣвернаго патриархата своей церкви и свѣтскаго главы государства. Остальные князья бросались отъ Анно къ Адальберту и наоборотъ; то одинъ, то другой изъ соперниковъ становился для нихъ невыносимымъ. Оба епископа не стѣснялись злоупотреблять королевскимъ именемъ, а нѣкоторые высокопоставленные свѣтскіе сановники начали поддаваться соблазнительной мысли, почему бы каждому изъ нихъ не быть королемъ. Что касается короля-мальчика, то на его характеръ дѣйствовали губительнымъ образомъ, съ одной стороны, грубые педагогическіе приемы Анно, вслѣдствіе которыхъ онъ сталъ недовѣрчивымъ, скрытнымъ и лживымъ, а съ другой стороны — лести и эпикуреизмъ веселаго и самодовольнаго Адальберта, которые имѣли своимъ послѣдствіемъ преждевременную нездоровую зрѣлость мальчика.

При такихъ благопріятныхъ для него условіяхъ Римъ перешелъ къ быстрой наступательной политикѣ. Гильдебрантъ былъ духовнымъ творцомъ изданнаго въ 1059 г. папой Николаемъ II декрета о выборахъ, въ силу котораго избраніе папы предоставлялось коллегіи кардиналовъ, а къ римскому народу обращались только за чисто формальнымъ одобреніемъ, такъ что у знатныхъ семействъ города Рима было окончательно отнято распоряженіе папскимъ престоломъ, который прежде былъ игрушкой въ ихъ рукахъ и которымъ они пользовались для своихъ собственныхъ цѣлей. Коронѣ тоже не было оставлено ничего кромѣ вышшаго почета: Агнеса и ея совѣтники, которые были въ это время представителями свѣтской власти, не пошли дальше заявленія о своемъ неудовольствіи въ отвѣтъ на этотъ ударъ. Гораздо болѣе рѣшительно вели себя римскія городскія партіи и верхне-итальянскіе епископы; но Гильдебрантъ отразилъ искусно

всѣ удары. Онъ установилъ ту связь съ норманнами, которой папы добились еще раньше, объявилъ ихъ ленниками папы на основаніи документа „о дарѣ Константина“ (стр. 92), поддержалъ верхне-итальянское церковно-демократическое движеніе подъ именемъ „патаріи“, направленное противъ мѣстныхъ епископовъ, и даже устранялъ, не смущаясь, свой собственный порядокъ выборовъ, когда онъ казался слишкомъ медленнымъ и необходимо было поторопиться замѣщеніемъ папскаго престола. Въ 1073 г., когда ему показалось своевременнымъ самому занять папскій престолъ, онъ объявилъ себя папой подъ именемъ Григорія VII безъ соблюденія какихъ бы то ни было формальностей съ явнымъ пренебреженіемъ къ декрету о выборахъ.

Между тѣмъ выяснилось, что онъ можетъ воспользоваться для своей поддержки кромѣ норманновъ и патаріи еще одной третьей силой, германскими войсками владѣтельными князьями. Король уже достигъ совершеннopolѣтія и вступилъ въ борьбу со своими высшими ленниками, онъ отпаялъ Баварію у Оттона фонъ Нортгейма. Среди единоплеменниковъ по-слѣдняго, саксонцевъ, поднялось открытое возмущеніе, въ которомъ вырвалось наружу давно накопившееся чувство недовольства противъ саллическихъ королей: саксонцы считали ихъ чужаками, и ихъ имперскія крѣпости, фискальныя имѣнія и дворцы въ Саксоніи были въ глазахъ саксонцевъ орудіями иноземнаго господства. Къ счастью для Генриха, тотъ же узкій партикуляризмъ помѣшалъ саксонцамъ сплотиться съ готовыми своими союзниками въ лицѣ недовольныхъ южно-германцевъ и римской куріи; ихъ политическій кругозоръ несколько не расширился со времени войны Карла Великаго (стр. 94). Напротивъ того, швабскій герцогъ Рудольфъ изъ Рейнфельдена вмѣстѣ съ протежируемымъ имъ Вельфомъ, которому былъ отданъ королевствъ по совѣту Рудольфа баварскій герцогскій престолъ послѣ сверженія Оттона фонъ Нортгейма, и Вертольдомъ Тюрингенскимъ, самымъ могущественнымъ изъ швабскихъ свѣтскихъ землевладѣльцевъ, который былъ назначенъ герцогомъ Каринтіи, но не въ силахъ былъ справиться съ возстаніемъ туземцевъ. — всѣ эти свѣтскіе владѣтельные князья ухватились за дружескую руку, протянутую имъ Гильдебрантомъ, папой Григоріемъ VII. Вспыхнула тяжелая борьба, въ которой счастье склонялось то на ту, то на другую сторону, но, наконецъ, къ осени 1075 г. Генрихъ вышелъ побѣдителемъ, и саксоны были усмирены. Однако, единственной надежной опорой для него могло служить только одно сословіе въ государствѣ, только теперь нарождавшееся и выдвигавшееся бюргерство, которое уже открыло въ разныхъ мѣстахъ борьбу съ духовными владѣтельными князьями за свое городское самоуправленіе. До сихъ поръ Генрихъ еще не занялъ никакой принципиальной политической позиціи для борьбы съ куріей. Всѣ его матеріальныя и духовныя силы были сосредоточены на борьбѣ, происходившей въ Германіи, какъ самой важной; его счеты съ папой откладывались пока. Онъ расточалъ предъ папой ни къ чему не пугающія изъявленія покорности, не думая при этомъ объ опасныхъ политико-юридическихъ выводахъ, которые могутъ быть сдѣланы изъ нихъ, какъ это было въ его характерѣ; такимъ же образомъ въ отвѣтъ на всѣ жалобы Григорія онъ торопился пзъявлять самое глубокое раскаяніе. Григорій выжидалъ спокойно, пока не улучилъ такого момента, когда внутреннія смуты окончательно связали Генриха по рукамъ; тогда онъ выступилъ открыто въ февралѣ 1075 г. и лишилъ короля инвеституры, т. е. права назначенія епископовъ и аббатовъ и раздачи имъ въ видѣ леновъ земель и доходовъ. Этотъ шагъ папы освобождалъ отъ вѣрности королю и превращалъ въ орудіе противъ него важную часть княжескаго сословія, которая была всегда лучшей опорой короны, лишившейся теперь всѣхъ силъ, находившихся въ распоряженіи этого сословія. Теперь только Генрихъ распозналъ во всемъ размѣрѣ ту опасность, которой угрожало ему

панство, предусмотрительно вступившее въ союзъ также и съ недовольными южно-германскими владѣтельными князьями.

Послѣ своей побѣды надъ саксонцами Генрихъ принялъ оборонительное положеніе противъ Гильдебранта. При этомъ на его сторону перешли нѣмецкіе епископы, которые не имѣли никакой охоты замѣнить свое настоящее положеніе полнымъ устраненіемъ отъ короны и интересовъ государства и покорностью непреклоннымъ іерархическимъ порядкамъ ни предъ чѣмъ не останавливающимся папы. Такимъ образомъ былъ подготовленъ рѣзкій, но повидимому слишкомъ поспѣшный отпоръ, данный папѣ имперскимъ собраніемъ, состоявшимся въ январѣ 1079 г. Изъ свѣтскихъ герцоговъ въ немъ принялъ участіе только одинъ младшій Готфридъ Лотарингскій; онъ былъ сыномъ упомянутаго выше Готфрида, котораго вынудилъ перейти обратно на сторону короля его несчастный бракъ съ пріятельницей Григорія Матильдой Тусцѣйской¹. Зато явилось 26 духовныхъ князей, настроенныхъ вполне единодушно. Григорій былъ признанъ узурпаторомъ папскаго престола и низложенъ какъ по этой причинѣ, такъ и вслѣдствіе его интимныхъ отношеній съ Матильдой. Пользуясь опять, какъ орудіемъ для борьбы, правилами поддѣльныхъ „Исидоровыхъ декреталий“, Григорій отвѣтилъ низложеніемъ короля, освобожденіемъ его подданныхъ во всѣхъ трехъ государствахъ отъ вѣрноподданнической присяги и отлученіемъ Генриха отъ церкви. Такое средство, какъ отлученіе отъ церкви главы государства, до сихъ поръ еще не испробованное и поэтому еще не ослабленное, подѣйствовало на этотъ разъ и при данныхъ условіяхъ, какъ тяжелый ударъ. Враждебные къ королю свѣтскіе князья не остановились ни предъ какими выводами изъ этого положенія, занятаго папы; многіе изъ епископовъ, участвовавшихъ въ Вормскомъ имперскомъ сеймѣ, рѣшили, что папа Григорій является болѣе сильнымъ изъ двухъ противниковъ, и перешли на его сторону. Старинное крестьянское чисто-свѣтское направленіе мыслей саксонцевъ и теперь еще съ трудомъ переходило за предѣлы исключительныхъ интересовъ Саксоніи и съ большимъ трудомъ вовлекалось въ кругъ текущихъ событій. Параллельно съ укрѣпленіемъ римской іерархіи въ Германіи развернулось движеніе, исходящее изъ Ключійскаго монастыря; главнымъ центромъ его была Швабія, особенно монастырь Гирсау; мало-по-малу оно подготовило даже воспитанныхъ въ духъ этого движенія духовныхъ лицъ для занятія епископскихъ кафедръ. Избраніе новаго короля вмѣсто низложеннаго папой саліица замедлялось благодаря самолюбію князей и честолюбивому соперничеству между ними. Что касается папы Григорія, то онъ хлопоталъ исключительно объ укрощеніи и подчиненіи себѣ законнаго государя, котораго онъ раздавилъ почти окончательно, а не объ избраніи новаго короля, за котораго будетъ стоять многочисленная партія его приверженцевъ и изъ-за котораго придется начать всю работу сизниова. Нанерекоръ желаніямъ князей онъ завелъ переговоры о снятіи отлученія съ Генриха и согласился на отсрочку. А для того, чтобы не выпускать всего дѣла изъ своихъ рукъ, что сильно затруднялось недовольнымъ настроеніемъ князей, онъ лично отправился въ Германію.

По дорогѣ, въ Каноссу (см. прил. табл.: „Развалины замка Каноссы“) въ замкъ спутница Григорія, Матильды, явился къ нему король. Тутъ Генрихъ IV добился снятія съ себя отлученія посредствомъ смиренія, до-

Бонифаций Тусцѣйскій (1 : 1000)	Беатриса Верхно- Лотарингская (2 : 1064)	Готфридъ II Вердатый Лота- рингскій, † 1069 г.	
Матильда, * 1016, † 1115	Готфридъ III Горбатый, † 1070	Ида, † 1113 Др. съ Еустафіемъ II Вудонскимъ († 1093)	
	— 1071	Готфридъ IV Вудонскій († 1100 г.)	

ходившаго до крайнихъ предѣловъ возможности, и терпѣнія кающагося грѣшника, не истощавшагося несмотря на всю непреклонную жестокость Григорія. Такимъ образомъ королю удалось заставить Григорія выйти изъ роли іерархическаго политика, который собирался стать верховнымъ судьей Германіи, и ограничиться ролью исповѣдника высшаго разряда. Это была большая успѣхъ, но не окончательная побѣда. Григорій освободилъ короля отъ церковнаго проклятія, какъ кающагося частнаго человѣка, но выговорилъ себѣ право верховнаго вмѣшательства во все спорныя дѣла, касающіяся Германіи. Тутъ Генриха выручили изъ бѣды недовольство и нетерпѣніе германскихъ князей; справедливымъ оказался его расчетъ на то, что именно этимъ путемъ онъ легче всего выйдетъ изъ затрудненія. Князья приступили къ избранію новаго короля, и избраннымъ оказался Рудольфъ Швабскій. Планы Григорія оказались разстроеными, какъ только было разослано оповѣщеніе объ этихъ выборахъ; теперь для него было бы уже совершенно безцѣльно продолжать свой путь въ Германію. Фронтъ союзниковъ, соединившихся противъ Генриха, былъ прорванъ какъ разъ посредникъ; теперь уже не такъ страшны были тѣ хлопоты, которыхъ онъ могъ ожидать для себя со стороны короля-соперника.

Послѣ этого Григорій опять перешелъ на сторону противниковъ Генриха, такъ какъ ему показалось, что этотъ послѣдній снова укрѣпился слишкомъ твердо въ Германіи. Папа опять отлучилъ короля отъ церкви, но на этотъ разъ ударъ былъ уже не такъ тяжелъ. 15 октября 1080 г. Рудольфъ одержалъ побѣду надъ Генрихомъ у рѣки Груне недалеко отъ Пасау (по мнѣнію другихъ возлѣ Гогенмельзена) благодаря храбрости саксонцевъ, которые пріютили его послѣ предшествовавшихъ тяжелыхъ поражений, и ихъ предводителя Оттона фонъ Нортгейма; но въ этомъ сраженіи Рудольфъ лишился той самой правой руки, которой онъ иѣкогда клялся въ вѣрности королю, и скончался отъ полученной имъ раны. Послѣ этого смута среди противниковъ Генриха увеличилась еще болѣе, силы ихъ окончательно разстроились и съ новымъ королемъ-соперникомъ графомъ Германомъ Сальмскимъ (1081 - 1088 г.) почти не приходилось уже считаться. Теперь Генрихъ уже могъ отправиться въ Италію, чтобы принять въ Римѣ въ церкви св. Петра въ 1084 г. императорскую корону изъ рукъ посаженнаго королемъ антипана Климента III; настоящій папа былъ въ это время осажденъ въ близлежащей крѣпости св. Ангела, но былъ освобожденъ къ своей великой радости призваннымъ имъ къ себѣ на помощь норманномъ Робертомъ Гуискарромъ. Григорій бѣжалъ въ Нижнюю Италію и скончался 25 мая 1085 г. съ горькимъ сознаніемъ, что онъ потерпѣлъ поражение въ великомъ и справедливомъ дѣлѣ. Въ самой Германіи Вельфы и Церинги примирились съ императоромъ, хотя послѣдніе были вынуждены отказаться во второй разъ (въ 1098 г.) отъ герцогской власти надъ Швабіей, за которую они боролись послѣ прекращенія рода Рейнфельде-новъ. Въмѣстѣ этого они получили денежное вознагражденіе, и за ними была оставлена герцогскій титулъ. Швабское герцогство досталось дому Штауфеновъ, которому оно было отдано Генрихомъ вскорѣ послѣ его папачества въ Каноссу въ 1079 г.

Между тѣмъ выступилъ на сцену новый противникъ императора изъ рода Церингеновъ (около 1090 г.), отличавшійся необыкновенной энергіей и упорствомъ, бывшій аббатъ Гирсаускаго монастыря, а въ то время епископъ констанцскій Гебгардъ. Онъ былъ интимнымъ другомъ папы Урбана II, со вселуцениемъ котораго на папскій престолъ (отъ 1088 -- 1099 г.) римская курія пожала все плоды, посвященные Григоріемъ, и опять ухватилась за все намѣченныя имъ дѣла вопреки горькому разочарованію, выраженному въ предсмертныхъ словахъ самого Григорія. Возстаніе Конрада, императорскаго первенца, объявившаго себя королемъ (отъ 1093 г. до 1101 г.), не повлекло за собою никакихъ важныхъ послѣдствій; но возму-

щеніе вновь назначеннаго наследника престола, тоже уже вѣщавшагося (въ 1099 г.) Генриха, вспыхнувшее въ 1104 г. вслѣдствіе несогласія между нимъ и отцомъ и подстрекательства третьихъ лицъ, приняло болѣе широкіе размѣры при содѣйствіи и подъ руководствомъ Гебгарда Церингена. Этотъ послѣдній отправился вмѣстѣ съ молодымъ королемъ въ Саксонію, въ которой епископъ, обладавшій талантами государственнаго челоуѣка, не только добился полныхъ политическихъ правъ для церкви, но и проведенія реформъ въ духѣ Григорія. Послѣдовала война между отцомъ и сыномъ, ходъ которой отличался крайней запутанностью, какъ съ той, такъ и съ другой стороны; наконецъ (въ 1105 г.), одна изъ сторонъ прибѣгла къ болѣе надежному способу для разрѣшенія спора, именно къ предательской хитрости. Сынъ заманилъ отца на свиданіе подъ предлогомъ примиренія и тутъ захватилъ его въ плѣнъ. На имперскомъ сеймѣ, созванномъ въ Майнцѣ о Рождествѣ 1105 г., уполномоченнымъ отъ папы легатамъ, кардиналамъ Рихарду Адбанскому и Гебгарду Констанцкому, удалось заугатъ посредствомъ старыхъ обвиненій, направленныхъ противъ короля, и публичнаго прочтенія прежнихъ бумагъ о его отлученіи тѣхъ многихъ князей, которые были настроены въ пользу императора или же, но крайней мѣрѣ, возмущены поведеніемъ его сына. Въ то же время старшій тюремщикъ, сторожившій императора въ замкѣ Бекельгеймъ, бывшій аббатъ Гирсаускаго монастыря, а въ то время епископъ шпейерскій, добился болѣе или менѣе насильственнымъ путемъ отреченія императора отъ престола. Однако, сынъ императора и его совѣтники не рѣшились на повтореніе акта отреченія отъ престола предъ имперскимъ сеймомъ, хотя они первоначально заявили было объ этомъ. 31 декабря Генрихъ IV вынужденъ былъ отречься отъ престола въ Ингельгеймѣ въ тѣсномъ кругу своихъ смертельныхъ враговъ подъ давленіемъ легатовъ, грозившихъ ему вѣчнымъ проклятіемъ. Но и теперь онъ еще не сложилъ оружія; онъ раялся на нѣкоторыхъ оставшихся ему вѣрными приверженцевъ, этотъ челоуѣкъ, никогда не знавшій покоя, объявилъ недѣйствительнымъ свое отреченіе, но скончался въ Люттихѣ 7 августа въ 1106 году на 56 году отъ роду, не доживши до предстоящаго рѣшительнаго боя.

в) Генрихъ V.

Генрихъ V былъ челоуѣкомъ недюжиннаго ума, который далеко превзошелъ своего отца во лжи и притворствѣ и въ которомъ эти качества соединялись съ желѣзной рѣшимостью. Какъ только онъ сталъ единовластнымъ королемъ, т. е., пока ему удавалось ладить съ обѣими соперничающими партіями, онъ отстранилъ отъ себя своихъ руководителей и наставниковъ изъ духовенства, которому онъ незадолго предъ тѣмъ расточалъ всевозможныя обѣщанія. Онъ далъ инвеституру вновь назначеннымъ имъ духовнымъ князьямъ, а по отношенію къ папѣ Пасхалису II онъ ограничился тѣмъ холоднымъ объясненіемъ, что таковъ старинный обычай и что корона не можетъ обойтись безъ права инвеституры. Съ двумя сильными арміями, изъ которыхъ одна подъ его собственнымъ начальствомъ перешла черезъ бургундскій Сенъ-Бернаръ, а другая подъ начальствомъ богемскаго герцога черезъ Бреннеръ, онъ двинулся въ 1110 году въ Италію. Величавый доктринеръ Пасхалисъ придумалъ предъ лицомъ неизбежной опасности самое замѣчательное изъ всѣхъ рѣшеній, но фактически неисполнимое, а Генрихъ V согласился спокойно на слѣдующія условія, предложенныя папой: коронѣ возвращаются всѣ владѣнія духовныхъ князей вмѣстѣ съ другими регаліями, такъ что посредствомъ инвеституры нельзя было уже получить никакого мена. Это была секуляризація въ томъ видѣ, въ какомъ она была проведена въ 1803 году къ ужасу церкви въ той части Германіи, которая осталась вѣрной католицизму, между прочимъ,

безъ вреда для духовной власти и внутренней силы церкви. Если бы въ 1111 году дѣйствительно состоялась попытка къ такому смѣлому шагу, какъ осуществленіе такого громаднаго передвиженія имущества и раздѣленія властей, то это было бы мировымъ событіемъ. Въ дѣйствительности же она немедленно разсѣялась подъ напоромъ шумнаго возбужденія духовныхъ и свѣтскихъ властей, возмущенныхъ предстоявшими имъ гигантскими убытками: свѣтскіе князья должны были тоже пострадать, потому что они владѣли церковными ленами; къ тому же они не хотѣли мириться съ такимъ громаднымъ увеличеніемъ матеріальныхъ силъ короны. Генрихъ свалилъ всю вину на папу и заточилъ его въ тюрьму. 11 апрѣля онъ добился отъ него насильственнымъ путемъ отмены буллы объ отнятіи права инвеституры отъ свѣтской власти, а еще черезъ два дня онъ заставилъ папу короновать себя императоромъ. На обратномъ пути хитрецъ еще добился отъ престарѣлой графини Матильды, чтобы она отказала ему по завѣщанію всѣ свои владѣнія; начиная съ 1077 года, ее обвиняли во многомъ дурномъ, и, дѣйствительно, какъ женщина, она всегда примѣшивала много личныхъ мотивовъ и побужденій къ той великой исторической борьбѣ, которая происходила на ея глазахъ. Однако, никакіе прочные успѣхи не завоевываются тѣмъ грубымъ путемъ, какимъ дѣйствовалъ Генрихъ; существовавшія противорѣчія нисколько не были ослаблены. Во главѣ недовольнаго духовенства сталъ архіепископъ бургундской части государства, Гвидонъ Вьенскій, а недовольные свѣтскіе князья сгруппировались вокругъ Лотаря Суплинбургскаго, преемника Билунговъ на престолѣ саксонскихъ герцоговъ. Это былъ даровитый человекъ, который снова выдвинулъ съ успѣхомъ предъ своимъ нижне-германскимъ герцогствомъ такія цѣли, какъ распространеніе его политическаго могущества по берегамъ Балтійскаго моря и по ту сторону рѣки Эльбы, такъ какъ эти цѣли совпадали по своему направленію съ современными экономическими потребностями, равно какъ и съ усилившимся повсюду подъемомъ духа и предпріимчивостью. Однако, обострившееся общее положеніе заставило его отклониться отъ этого дѣятельнаго и творческаго партикуляризма и толкнуло его къ открытой борьбѣ съ императоромъ. Наилучшей опорой этого послѣдняго оставались его родственники Штауфены, владѣтельные князья Швабии, а затѣмъ Франконіи. Противники одержали верхъ надъ Генрихомъ V 11 февраля 1115 года около манфельдскаго Вельфсгольца; послѣдовавшій затѣмъ рядъ уступокъ съ его стороны и хлопотъ о мирѣ увѣнчался 28 сентября 1122 года Вормскимъ конкордатомъ, заключеннымъ по соглашенію между императоромъ и его противниками въ лицѣ Гвидона, въ то время уже занявшаго папскій престолъ подъ именемъ Каликста II, вмѣстѣ съ духовными и свѣтскими князьями. Избраніе епископовъ было предоставлено на всемъ пространствѣ имперіи соборнымъ кантуламъ по образцу коллегіи кардиналовъ, избиравшей папъ. Однако, въ Германіи избранный обязанъ былъ до своего посвященія получить свои регалии въ видѣ лена отъ короны, и такимъ образомъ самое посвященіе ставилось въ зависимость отъ свѣтской верховной власти; эта передача лена, замѣнявшая инвеституру, должна была производиться въ такой формѣ, которая исключала бы мысль о назначеніи на духовную должность. Такимъ образомъ при изданіи этого новаго важнаго конституціоннаго закона Бургундія и Італія отошли отъ непосредственной власти короны на цѣлый шагъ дальше, чѣмъ Германія. Вообще говоря, конкордатъ былъ передышкой для обѣихъ воюющихъ сторонъ.

Д. Императоръ Лотарь.

Этотъ лично несимпатичный императоръ скончался (23 мая 1125 года) слишкомъ преждевременно, до возстановленія порядка и раньше, чѣмъ были собраны, можно даже сказать, возстановлены силы короны; въ этой области

ли имъ числятся несомнѣнные заслуги, а задвиженъ былъ еще болѣе великими идеями, которыхъ они не успѣли осуществить. Однако, если по неимѣнности близко къ его правнуку, то послѣдній былъ саліческихъ императоровъ остается яркой тѣнью, заслоняемой тѣмъ пороками, немалыми снѣгами для причесновеннаго чувства тѣмной души, для которой они не окунаются никакими блестящими результатами умнаго расчета, пока эта душа сохраняется во всей своей юной свѣжести. Штауфенъ Фридрихъ Швабскій получилъ бы корону, претендентомъ на которую онъ выступилъ въ августѣ 1125 года, если бы онъ не былъ личнымъ наследникомъ Генриха V, который назначилъ его тѣмъ своимъ преемникомъ. Вѣдѣтвѣ этого предпочтенію было отъ дано саксонскому герцогу, несмотря на его политическое могущество и его раннее вступленіе въ королевскій престолъ. Возможно, что это послѣднее обстоятельство увеличило его шансы. Такимъ образомъ королевская власть снова перешла къ саксонцамъ, и Лотарь взялъ съ собою за образецъ Оттона I такъ по отношенію къ обязанностямъ короля, такъ и къ его политическому кругозору. Во всякомъ случаѣ онъ теперь тяготѣлъ еще сильнѣе сознаніемъ своей зависимости отъ церкви, тѣмъ среди своихъ совѣтниковъ до 1125 года. Для того, чтобы приобрести перевѣсъ въ борьбѣ со Штауфенами, которые еще не складывали оружія и набрали съ своей стороны королевъ малолѣтняго брата Конрада, герцога одной части Франконіи, такъ князь у Фридриха Швабскаго обнаружился финансовый недостатокъ. Лотарь принялъ на свою сторону Вельфовъ посредствомъ брака своей дочери империатрицы Гертруды съ Генрихомъ Гордымъ (въ 1127 году), а Церингенами онъ перешелъ для этой же цѣли империатрической принцессѣ Бургундіи. Эти послѣдніе приобрѣли богатые владѣнія въ этой области, во первыхъ, въ видѣ наследствія отъ Рейнфельденовъ и затѣмъ въ видѣ империатрицы отъ другого бургундскаго графскаго рода, которое было обезпечено за ними Лотаремъ. Тѣмъ не менѣе, они не вытекали большой пользы изъ приобретеннаго ими империатрицы съ тѣмъ империатрическимъ положеніемъ. Старинный одноглавый императорскій орелъ, который былъ присвоенъ этими герцогами къ своему гербу, перешелъ послѣ прекращенія этого рода къ наследникамъ его, Фирсенбергерамъ, въ гербъ которыхъ онъ вступаетъ и понынѣ.

Царствование Лотаря (отъ 1125 до 1137 г.) представляется собою ту эпоху, когда упрочилось положеніе национнаго въ государствѣ восточнаго родоваго князья; князья уже дѣлаютъ себя чувствовать большимъ размахомъ и выгодному положенію ихъ владѣній. Ядро стариннаго князя Вельфовъ лежало къ северу отъ Боденскаго озера; затѣмъ они приобрѣли еще друга земли въ Саксоніи по наследствію отъ Бальдунговъ, а послѣ этого имъ предстояло унаследовать въ владѣніа Сулцбургеровъ, въ которыхъ заключались также земли рода Портеймоновъ и рода Лудольфинговъ. Благодаря этому центръ тяжести Вельфовъ перемѣстился изъ Швабии и Баваріи, въ которыхъ находилось ихъ герцогство, въ Нижнюю Германию, къ которой они заглянули Ассаніемъ размахомъ своей владѣній, но не силой, такъ какъ никто изъ представителей ихъ рода не совершилъ ничего подобнаго Альбрехту Медведю; въ исторіи завоеванія земель къ востоку отъ Эльбы обѣ эти династіи соперничали между собою, а первая основанія тѣхъ князей, тѣхъ въ исторіи германскаго народа и Германской имперіи, которая получили свое полное развитіе черезъ много столѣтій, уже въ наши времена, были положены саксонской династіей (ср. объ этомъ ниже въ особ. отд.: „Немецкая колонизация Востока“).

Лотарь соединился съ князьями Штауфенъ также въ Италиі. 4 июля 1122 г. онъ являлся здѣсь въ Агератскомъ соборѣ императорской короной. Онъ пытался отнять у наследниковъ саліческаго дома владѣнія Милана, на которыхъ онъ призналъ принадлежащими папѣ, основаніи славянскаго князьства, а затѣмъ перенялъ ихъ отъ папы въ видѣ дара. Однако, онъ успѣ

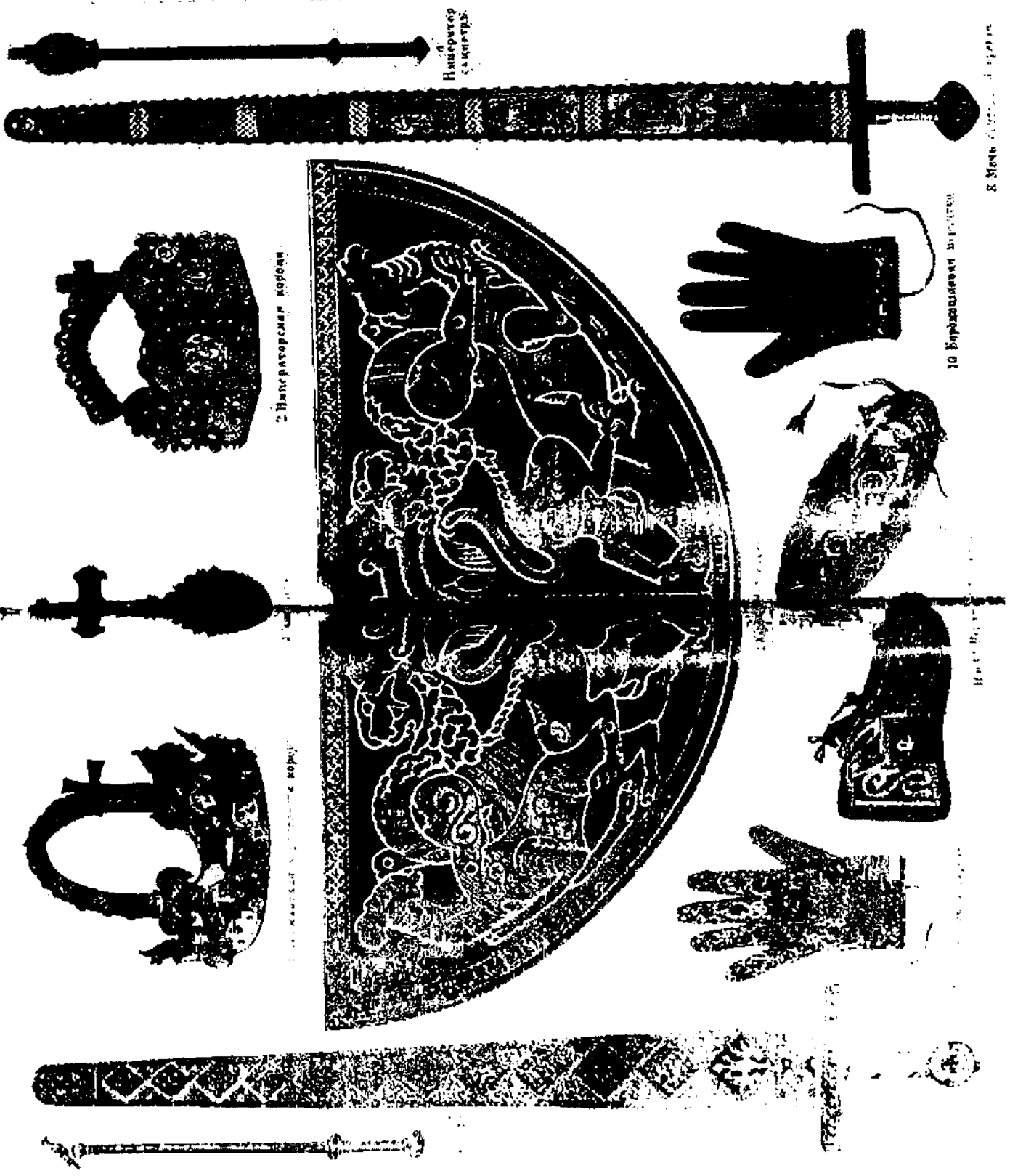
нился отъ обычной формы присяги и вовсе не сталъ „вассаломъ“ (homo) папы, какъ утверждала впоследствии курія. Въ Германіи состоялись соглашенія въ октябрѣ 1634 г. и въ сентябрѣ 1635 г., въ силу которыхъ Штауфены отказались отъ короны. Въ 1136—1137 г. императоръ снова явился въ Римъ во главѣ своихъ войскъ; его путешествіе было обставлено съ большою торжественностью, которая свидѣтельствовала о возстановленіи единства имперіи и о приобрѣтенной императоромъ свободѣ дѣйствій. Какъ поведеніе самого императора, такъ и цѣль этого похода оказались весьма неприятной новостью для папы Иннокентія II. Повсюду были возстановлены древнія права императора, между прочимъ, и его верховная ленная власть надъ норманнами въ Нижней Италіи. На обратномъ пути Лотарь скончался въ альпійской деревнѣ Брейтенвангъ на рѣкѣ Лехъ 4 декабря 1137 г. Могущество имперіи было возстановлено: въ матеріальной и духовной жизни народа начинался въ значительной степени благодаря косвенному вліянію крестовыхъ походовъ (объ этомъ см. ниже въ особомъ отдѣлѣ) періодъ расцвѣта, созданный свѣтскимъ сословіемъ, силы котораго пробуждались съ поразительной быстротой отъ долгой дремоты. Вообще, начиная съ этихъ десятилѣтій Западъ опередилъ Византію и не нуждался больше въ ея помощи, когда онъ приступилъ вскорѣ послѣ этого съ всерастущимъ увлеченіемъ къ раскопкѣ полузасыпанныхъ источниковъ древней науки.

Е. Государи изъ дома Штауфеновъ.

При томъ положеніи вещей, какое имѣло мѣсто въ 1136—1137 г., все наследіе Лотаря, не исключая и трона, должно было достаться Вельфамъ. Такъ думали многіе: въ такомъ случаѣ германскій народъ былъ бы свидѣтелемъ періода ясной сѣверно-германской политики вмѣсто швабской гегемоніи, которая, наконецъ, истощила свои силы въ кровопролитныхъ столкновеніяхъ въ Италіи. Однако, подобныя пророчества всегда бывають неумѣстными. Оттонъ I тоже направлялъ политику имперіи въ сторону Италіи; Оттонъ II и Оттонъ III часто забывали интересы Нижней Германіи ради Средиземнаго моря и Италіи. Лотарь, посѣдѣвшій въ нижне-германской политикѣ, все же закончилъ свою жизнь въ Нижней Италіи среди битвъ и заботъ объ упрядоченіи управления этой страной. Вельфъ Оттонъ IV тоже продолжалъ политику Штауфеновъ, какъ только онъ сталъ императоромъ, какъ мы увидимъ ниже. Штауфены дорожили своимъ положеніемъ въ Италіи вовсе не исключительно ради императорскихъ грезъ. Вѣрнѣе сказать, ихъ толкала суровая необходимость поддержать матеріальныя средства для поддержанія власти короны, а затѣмъ уже династіи наличными доходами, взимаемыми съ Италіи.

а) Конрадъ III.

Причина того что, Генрихъ Гордый не сталъ королемъ послѣ смерти тестя своего Лотаря, кроется отчасти въ опасеніяхъ, внушенныхъ князьямъ его чрезмѣрнымъ могуществомъ въ Швабін, Баварін и Саксонін, въ которой ему достался герцогскій престолъ; еще важнѣе то обстоятельство, что церковь обманулась въ своихъ надеждахъ на Лотаря. Конрадъ III былъ возведенъ на престолъ именно ею, церковью, вѣдѣтвіе того, что противъ человека, державшаго такъ крѣпко въ своихъ рукахъ знаки императорскаго достоинства (срав. прил. таб.: „Регалии Священной Римской имперіи германской націи“), какъ Генрихъ, можно было выставить только такого соперника, который уже доказалъ свою способность помѣриться съ нимъ, но не малозвѣстное третье лицо. Какъ можно, повидимому, утверждать съ основаніемъ, прототворная для германскаго народа задача, выдвинутая впоследствии сыномъ Генриха Гордаго, выпала на долю Вельфовъ, и этотъ ге-

Императорский скипетр.

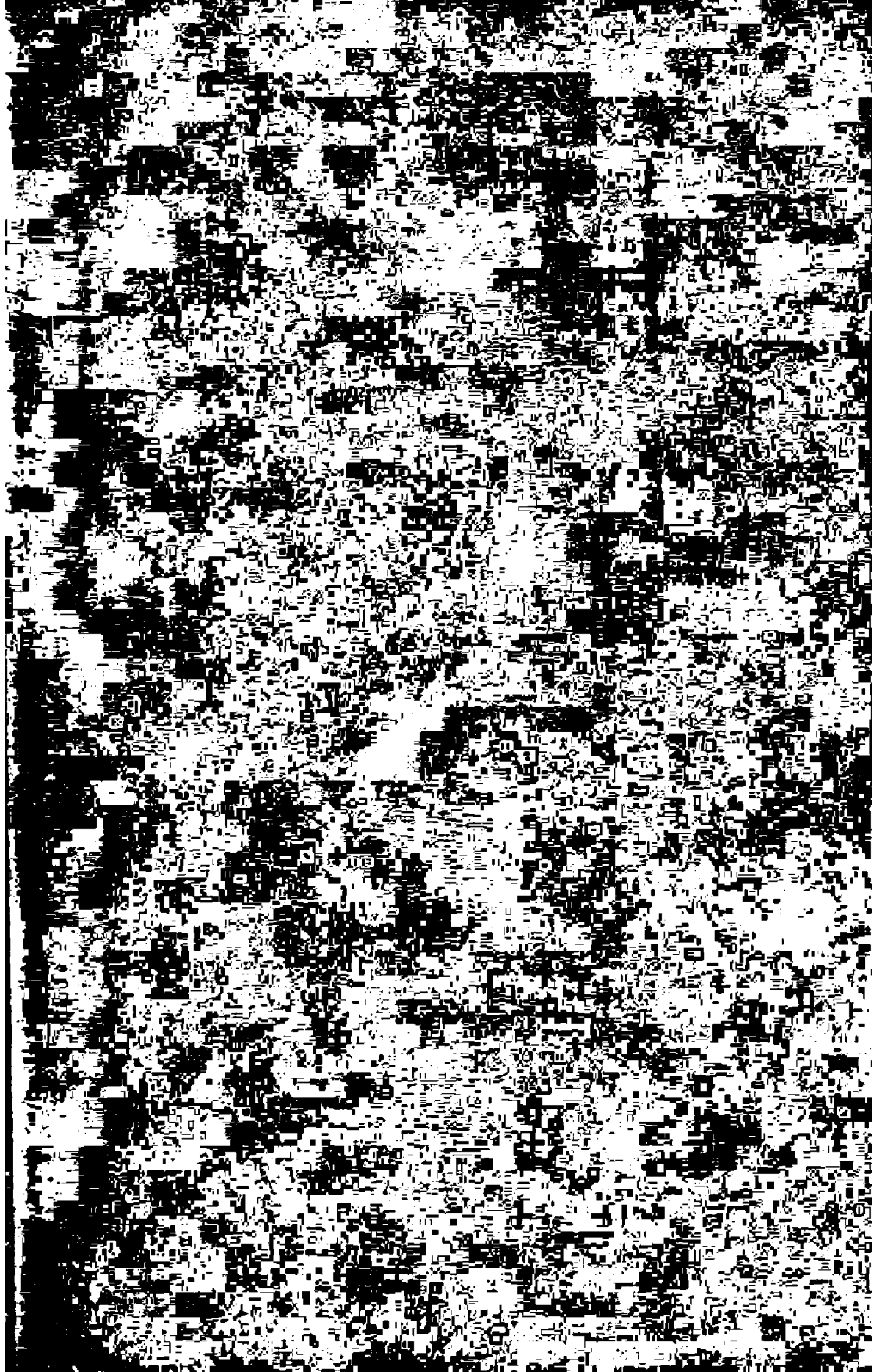
Императорская корона.

10 Бархатные перчатки.

8 Мечь императорская.

Регалии Священной Римской Империи.

Музей Императорского двора.

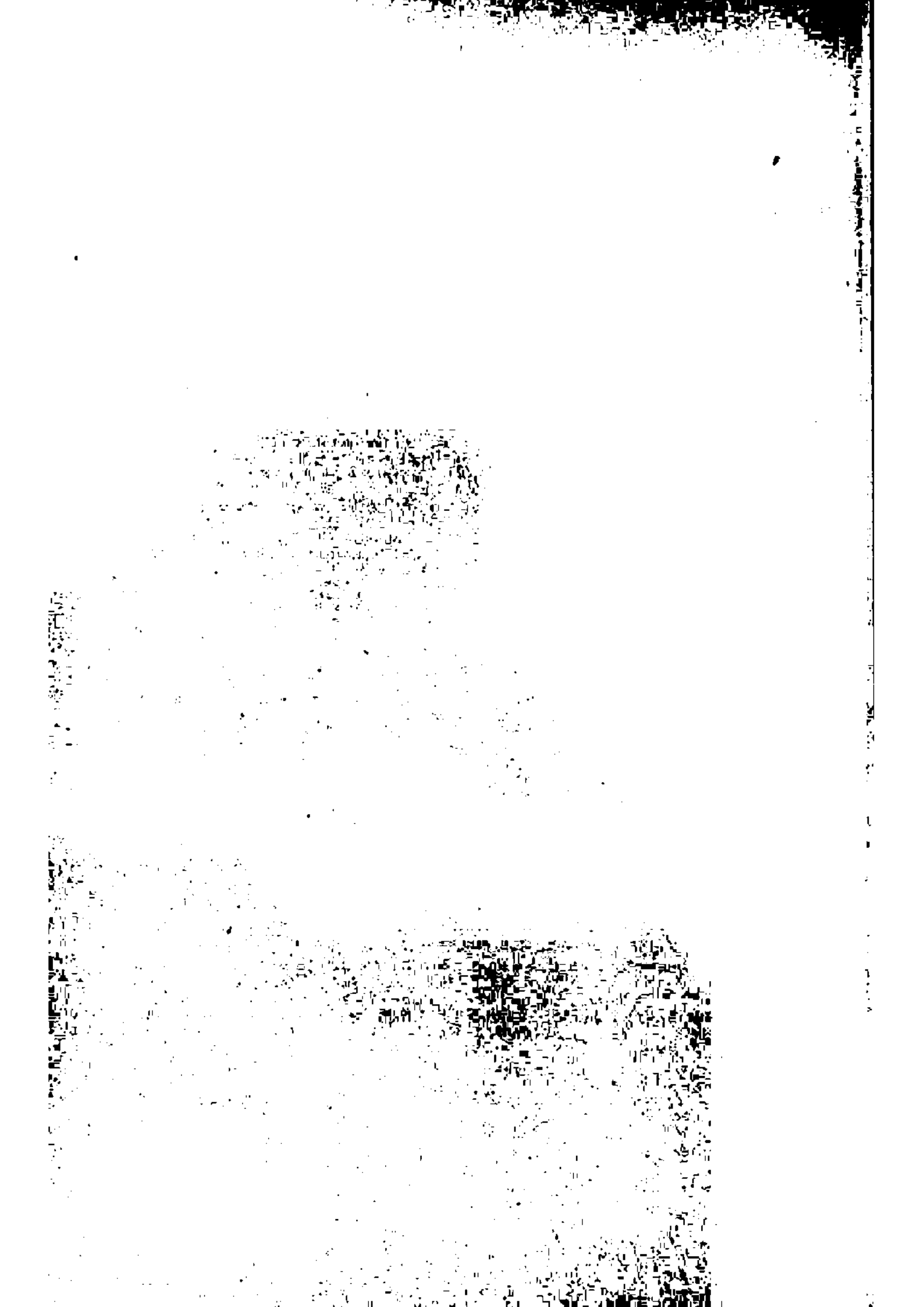
Регалии Священной Римской империи германской нации.

Германские королевские регалии, или инсигнии, это — те принадлежности паряда, которые обыкновенно возлагались на себя германский император или король во время коронации и в других торжественных случаях в виде внешних признаков его королевской власти. Во время различных превратностей и перемещений, которым подвергались королевские регалии, некоторые из них затерялись; однако, большая часть их, и в том числе важнейшие предметы, уцелели до настоящего времени. Вот их перечень:

1) Германская королевская корона, серебряная, позолоченная (фиг. 1), ведущая свое начало, вероятно, от короля Ричарда Корнуэльского. 2) Золотая императорская корона (фиг. 2), наиболее древний и ценный предмет, относится к XI в. Дужка ведет свое начало от Конрада II. Корона весит 3 1/2 кг. 3) Императорский скипетр, серебряный, позолоченный (фиг. 6). 4) Золотая держава (фиг. 3). 5) Меч святого Маврикия (фиг. 8). 6) Золотой императорский меч, так называемый меч Карла Великого (фиг. 7). 7) Коронационная Мантія (фиг. 4). Как гласит арабская надпись, находящаяся на ее краю, она изготовлена в 528 г. Феофила (1133 г. посл. Р. X.) в „счастливом городе Палермо“ для нормандского короля Рожера I; она была, вероятно, забрана Фридрихом II из норманнской добычи Генриха VI, посл. того, как часть имперских регалий погибла при штурме Витториа, и была помещена в королевскую сокровищницу.	8) Альба, верхнее платье. 9) Пурпуровая туника, нижнее платье. 10) Далматика с черными орлами. 11) Стола. 12) Два пояса, один из которых синего цвета. 13) Коронационные перчатки (фиг. 9 и 10). 14) Коронационные сандалии (фиг. 11 и 12). 15) Шитые золотом чулки из пурпурового шелка. Чулки и сандалии того же происхождения, что и № 7. 16) Так называемая сабля Карла Великого, старинной восточной работы. 17) Евангелие Карла Великого. 18) Рака. Предметы 2—18 находились от 1424 г. в Шюринберге, а от 1796 г. хранятся в императорско-королевской сокровищнице в В. В. Напротив того, германская королевская корона на древле хранилась в сокровищнице Аахенского собора, а вместе с ней также и следующие предметы: 19) Королевский скипетр (фиг. 5). 20) Так называемая каппа Льва III. Предметы 4 - 9 и 12—15 относятся к XII в.; 1, 19 и 20 — к XIII; 3, 10 и 11 — к XIV.

Средневековые германские государи короновались трикратно: тотчас же посл. их избрания в Пфальцской церкви в Аахене — германской королевской короной; в Павии, Милане или Монце — железной ломбардской короной (corona ferrea) и, наконец, в Риме падею моголой св. Петра — императорской короной.

Ср. соч. Франца Бока: „Die Kleinodien des heil. Römischen Reiches Deutscher Nation“ (Вена, 1864).

рой вышелъ изъ ихъ среды только потому, что королевская корона не досталась имъ послѣ смерти Лотаря.

Король Конрадъ считалъ необходимымъ раздробить силы Вельфовъ; поэтому онъ отнялъ у нихъ занимавшіяся ими должности и роздалъ ихъ своимъ приближеннымъ Бабенбергамъ и Асканіямъ. Такимъ образомъ началась борьба, которая раздѣлила все государство и особенно Швабскую область на Вельфовъ и Вайблинговъ. Въ маѣ 1142 г. состоялось примиреніе: вѣрнѣе сказать, борьба была отерочена. Генрихъ скончался 20 декабря 1139 года на 32 году своей жизни, а его сынъ, носившій тоже имя (Генрихъ Левъ), изъ всѣхъ отнятыхъ у его отца владѣній получилъ обратно только Саксонію. Однако, маркграфъ Альбрехтъ Медвѣдь сталъ непосредственнымъ ленникомъ короны, и ему была вручена должность государственнаго камерарія. Этотъ важный санъ и великія заслуги Альбрехта повели къ тому, что Бранденбургская марка превратилась впослѣдствіе въ курфюршество Германской имперіи, и такимъ образомъ старинное Саксонское герцогство было представлено въ средѣ распоряжающагося судьбами государства знатнаго сословія имперскихъ князей двумя голосами въ то время, какъ ни одно изъ остальныхъ герцогствъ не получило даже и одного голоса.

Въ то самое время, какъ Конрадъ отправился довольно неохотно въ 1147—1149 г.г. въ свой неудачный крестовый походъ къ Дамаску, бытъ предпринять сообща нидергерманскими князьями и тѣми, которые были противниками короля, по мирному соглашенію между обѣими сторонами крестовый походъ на вендовъ. Этотъ походъ не далъ результатовъ, соотвѣтствующихъ затраченнымъ усиліямъ, но опредѣлилъ сразу направленіе дѣятельности молодого герцога Генриха. Во время этого похода къ Шверинскому озеру былъ возобновленъ также союзъ между Вельфами и Церингенами; Генрихъ женился около 1147 г. на Клементинѣ изъ рода Церингеновъ (онъ развелся съ ней въ 1162 или 1163 г.).

б) Фридрихъ I Барбаросса (Рыжебородый).

Избраніе Фридриха Барбароссы преемникомъ Конрада III (4 марта 1152 г.) заключало въ себѣ попытку къ примиренію между Вайблингами и Вельфами. Этой цѣли придавалось такое большое значеніе, что былъ обойденъ безъ всякаго стѣсненія пережившій своего отца сынъ Конрада III Фридрихъ Ротенбургскій. Фридрихъ Барбаросса, швабскій племянникъ покойнаго короля, проеиходилъ по матери отъ Вельфовъ, стоялъ нѣкоторымъ образомъ посредникъ между обѣими спорящими сторонами и не во всемъ былъ на сторонѣ Конрада III; въ тяжелыя времена, послѣдовавшія за крестовымъ походомъ, на него рассчитывали обѣ стороны. Онъ отличился одинаково какъ во время крестоваго похода, такъ и быстротою и рѣшительностью своихъ дѣйствій въ мирное время; онъ добивался королевскаго престола и дѣйствительно сталъ королемъ безъ большого труда благодаря нѣкоторымъ предварительнымъ соглашеніямъ. Что онъ былъ избранъ, это все же служило признакомъ почтенія, оказываемаго храбрости, и стремленія къ единенію въ эту эпоху быстрого развитія рыцарскихъ взглядовъ. Благодаря такому единодушію положеніе Фридриха сразу упрочилось, несмотря на то, что онъ явился преемникомъ весьма нерѣшительнаго, чисто переходнаго управленія государствомъ. Поэтому онъ сталъ проводить также и во внѣшнихъ дѣлахъ самыя широкіе имперіалистскіе взгляды: выдвигавшійся въ обычный датско-германскій династическій споръ изъ-за престолонаслѣдія, онъ отдалъ престолъ одному изъ претендентовъ, Свену, въ качествѣ императорскаго дена. Онъ двинулся быстро въ Италію съ небольшимъ войскомъ въ 1154—1155 г. и вѣнчался тамъ императорскою короной, чего не могъ добиться Конрадъ III. Генрихъ Левъ получилъ обратно Баварію (въ 1154 г.), отъ которой, впрочемъ, была отдѣ-

лена Австрія въ качествѣ особаго герцогства, принадлежащаго Бабенбергамъ, которымъ были предоставлены нѣкоторыя привилегіи по отношенію къ ихъ обязанностямъ предъ имперіей (*privilegium minus* 17 сентября 1156 г.). Такимъ образомъ королевскіе выборы 1152 г. привели обратно къ болѣе полному возстановленію штауфенско-вельфскаго дуализма съ временнымъ примиреніемъ между обѣими партіями.

Со времени Карла Великаго еще не было на престолѣ такого общаго умиротворителя и устроителя, какимъ оказался Фридрихъ въ дѣлахъ управленія и законодательства. Онъ доказалъ, что не напрасно какъ онъ, такъ и его избиратели, вѣрили въ его призваніе къ власти надъ государствомъ. Имперская конституція получила благодаря ему новое содержаніе, не подвергаясь никакимъ рѣзкимъ измѣненіямъ. Однако, онъ не пытался укрѣпить непосредственную власть монарха наперекоръ ленной системѣ, а напротивъ того развилъ до конца эту послѣднюю въ порядкѣ многостепеннаго подчиненія. Національный духъ, которымъ сталъ проникаться въ это время весь германскій народъ, заражлавшееся во всей Германіи сознательное національное чувство, затрагивавшее все сословія, дали ему возможность твердо опереться снова на епископовъ. Такіе люди, какъ архіепископы кельнскій Райнальдъ и майнцскій Христіанъ, признавали себя прежде всего князьями, военными защитниками имперіи, представителями германской знати и стали лучшими совѣтниками и военачальниками Фридриха. Съ другой стороны Фридрихъ опирался въ значительной степени на служебный персоналъ имперіи, своего собственнаго дома и германской церкви. Онъ шелъ по направленію, указанному мѣропріятіями Конрада II, и содѣйствовалъ полному превращенію лучшихъ представителей сословія министріаловъ (служебнаго персонала) въ мелкихъ ленныхъ владѣльцевъ и включенію ихъ снизу въ знатное сословіе. Рыцарскій духъ той эпохи, расчленившій такому соціальному преобразованію, соединялъ съ положеніемъ и личностью высшаго леннаго господина самое высокое представленіе о вѣрности. Свѣтскіе князья вынуждены были сплюснуть вещи прииспособиться къ этой свѣтской іерархіи ленной зависимости; Фридрихъ поощрялъ преднамѣренно только нѣкоторыхъ изъ нихъ, ближе стоящихъ къ нему или такихъ, которые могли служить ему противовѣсомъ противъ болѣе могущественныхъ герцоговъ. Рыцарскій національный духъ того вѣка не переставалъ толкать свѣтскихъ князей къ вѣрности императору; несмотря на то, что при этомъ страдали ихъ самолюбіе и ихъ національные интересы; объ этомъ свидѣтельствуемъ, напримѣръ, біографія Бертольда IV Церингена. Къ концу своего царствованія Фридрихъ добился распада прежнихъ крупныхъ герцогствъ и постепенно сузилъ сословіе имперскихъ князей въ такой степени, что къ числу *principes* причислялись только духовные князья, герцоги, число которыхъ увеличилось, болѣе крупные изъ вендскихъ князей, а кромѣ нихъ только отдѣльные пфальцграфы, маркграфы и ансальтскіе графы (послѣдніе въ качествѣ представителей рода Асканіевъ); фактически въ это сословіе вошли только самые выдающиеся свѣтскіе князья въ то время, какъ остальные, между прочимъ, почти все многочисленныя графы, были низведены до степени низшаго вольнаго дворянства. Благодаря этому выдвинулось на ряду со старинными племенными герцогами новое сословіе только что нарождающихся и потому тѣснѣе привязанныхъ къ коронѣ князей. Съ другой стороны въ составъ всего княжескаго сословія перевѣсъ былъ обезпеченъ за отстаивающими интересы императора духовными князьями.

Новое сословіе бюргеровъ осталось въ преобразованіи и поощреніи рыцаря императора. Рамки, преднамѣренно воздвигнутыя законодательнымъ путемъ между куницами и рыцарями, даже мѣропріятія, выразившіяся въ имперскихъ законахъ, изданныхъ противъ хлѣбной спекуляціи и т. п., свидѣтельствуютъ скорѣе о враждебныхъ отношеніяхъ къ бюргерамъ. Напротивъ того, другія династіи владѣтельныхъ князей остались или даже стали

вновь покровителями бюргерства. Назовемъ изъ нихъ Церингеновъ, рядомъ съ ними Вельфовъ со всѣми продуктами ихъ творческой дѣятельности, начиная отъ Мюнхена и кончая Любекомъ. Ихъ матеріальное положеніе опиралось въ большей или меньшей степени на доходы, взимаемые съ городовъ и съ торговыхъ сношеній. Быстро и повсемѣстно пробивается новое дѣленіе паціи на сословія. Говорятъ о князьяхъ, господахъ, бюргерахъ, крестьянахъ: такія понятія, какъ „свободный“ и несвободный, правда, не исчезаютъ окончательно, но становятся устарѣлыми и примѣняются нерѣдко въ превратномъ смыслѣ; дольше всего они сохраняютъ свое реальное значеніе въ упрямо-консервативной Нижней Саксоніи.

Несмотря на все это, корона не располагала достаточными собственными финансовыми источниками, такъ какъ значительная часть фиска и регалій попала въ руки князей. Такимъ источникомъ могла служить Италия. Правда, и тутъ большая часть регалій мало-по-малу выскользнула изъ рукъ короны. Тутъ они сосредоточились въ рукахъ городовъ, быстро развивавшихся въ качествѣ самостоятельныхъ государствъ. Доходы ихъ возросли въ весьма сильной степени. Общегосударственная и ленная система распались почти окончательно въ Италиі. Всѣ епископы и большая часть свѣтскихъ имперскихъ чиновниковъ прежнихъ временъ вмѣстѣ съ своими вальвассорами втянулись въ сферу вліянія городовъ и были подчинены имъ. Удары, направленные Фридрихомъ противъ такого положенія вещей вскорѣ послѣ его первой развѣдочной экспедиціи въ Италию, заключали въ себѣ безъ сомнѣнія элементъ насилія и были направлены къ внезапному разрушенію постепенно сложившихся историческихъ условій; но къ такому шагу императоръ былъ вынужденъ тяжелой матеріальной нуждой, испытываемой обѣдѣвшейся короной среди цвѣтущаго денежнаго хозяйства и всеобщаго подъема какъ богатства, такъ и финансовыхъ требованій, тѣмъ болѣе, что оказалось рѣшительно невозможнымъ отыскать какіе-либо другіе источники. Во всякомъ случаѣ корона могла опереться на свое теоретическое право, такъ какъ она требовала обратно того, что нѣкогда принадлежало ей. На созванномъ въ ноябрѣ 1158 г. знаменитомъ Ронкальскомъ имперскомъ сеймѣ Фридрихъ обратился за совѣтомъ къ болонскимъ профессорамъ римскаго права, вновь ожившаго въ Италиі и уже дѣйствовавшаго въ то время въ городахъ: они предложили императору слѣдующій весьма рѣшительный образъ дѣйствій: объявить недѣйствительными всѣ регаліи и предоставить владѣльцамъ ихъ доказать свое право въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Вообще, такое событіе, какъ обращеніе къ знатокамъ римскаго права, имѣло важное значеніе,—оно обозначало собою начинающееся проникновеніе въ средневѣковый кругъ знаній, средневѣковое міровоззрѣніе и теорію императорской власти (срав. т. VII, стр. 159) античности, связывавшихъ ихъ съ античнымъ міромъ; въ частности это было первымъ признакомъ рецепціи римскаго права въ интересахъ императорской власти. Мысль о примѣненіи античнаго императорскаго права къ средневѣковой коронѣ и положенію средневѣковыхъ императоровъ приходила уже въ голову дальновидному Генриху V; на имперскомъ сеймѣ 1158 года она приняла осязательную форму.

Вскорѣ вспыхнула продолжительная борьба между императоромъ и богатыми ломбардскими городами, которая быстро дошла до высшей степени ожесточенія. Подъ давленіемъ необходимости города вступили въ тѣсный союзъ съ папствомъ, которое тоже было встревожено при видѣ всерасширяющейся власти императоровъ, поддерживаемой свѣтскими силами духовныхъ князей. Однако, германскіе епископы и свѣтскіе князья попрежнему оставались вѣрными императорскому знамени. Существовало полное разединеніе и не было никакихъ точекъ соприкосновенія между леннымъ и рыцарскимъ строемъ Германіи, съ одной стороны, и усиливающимся могуществомъ итальянскихъ городовъ, съ другой стороны. Тѣмъ не менѣе, самый могущественный изъ германскихъ князей Генрихъ Левъ отказался

прийти на помощь главѣ государства, когда тотъ оказался въ затруднительномъ положеніи. Вскорѣ послѣ этого Фридрихъ Барбаросса проигралъ сраженіе при Леньяно, правда, не по этой одной только причинѣ; онъ быстро измѣнилъ свои планы и сталъ добиваться перемирія и соглашенія съ своими противниками. Разрѣшеніе спора съ Вельфами стало настоятельной необходимостью. Цѣною жертвъ ему удалось примириться съ папой Александромъ III посредствомъ мирнаго договора, заключеннаго въ Венеціи весною 1177 года. Регалии въ предѣлахъ Церковной области, а по истеченіи 15 лѣтъ также и владѣнія Матильды были уступлены папѣ, и въ то же время Александръ отдѣлился отъ своего соперника, назначеннаго императоромъ антипапы Каликста III. По тому же соглашенію было заключено перемиріе съ городами, а 25 іюня 1183 года, наконецъ, былъ заключенъ миръ въ Констанцѣ. Императоръ сохранилъ свою верховную власть надъ итальянской территоріей, право высшаго судьи, вліяніе на общинныя самоуправленія, „фодрумъ“, т. е. замѣну содержанія императора и войска денежной повинностью. Онъ выговорилъ себѣ право на ежегодную откупную сумму за регалии городскихъ округовъ, поскольку города не могли или не хотѣли доказать своихъ правъ сообразно съ требованіемъ ронкальскаго сейма; внутри же своихъ стѣнъ города оставались ничѣмъ не стѣсняемыми обладателями регалий и верховныхъ правъ. Такимъ образомъ императоръ предоставилъ полную свободу совершавшемуся распаденію Италіи на цѣлый рядъ независимыхъ другъ отъ друга городовъ-республикъ. Во всякомъ случаѣ корона добилаcь значительнаго успѣха въ Италіи сравнительно съ тѣмъ положеніемъ, которое Фридрихъ засталъ въ 1152 году. Послѣ заключенія мира поднялся еще выше блескъ новой имперіи, этой сіяющей макушки рыцарскаго щита, уже поддерживавшаго мощь Фридриха Барбароссы во время протекшей борьбы и мирныхъ переговоровъ. Мало того, этотъ блескъ имперіи доставилъ даже императору нѣкоторого рода симпатію въ глазахъ самыхъ ярыхъ его противниковъ и подвѣялъ его на такую высоту, что Миланъ, который издавна бился въ первыхъ рядахъ противниковъ императора, почелъ для себя особымъ почетомъ близкое соприкосновеніе съ нимъ.

Въ промежуткѣ между Венеціанскимъ и Констанцкимъ мирными договорами было уничтожено могущество Генриха Льва. Начиная съ 1156 года, Германія распалась фактически на два государства, одно западно- и южно-германское, дѣятельность котораго была направлена преимущественно въ сторону Бургундіи и Италіи, и другое баварско-саксонское, политическіе интересы котораго были направлены на сѣверъ и въ сторону славянъ. Генрихъ Левъ распространилъ свои завоеванія вплоть до Помераніи и основалъ городъ Любекъ въ качествѣ новой саксонской гавани на Балтійскомъ морѣ. Этотъ герцогъ имѣлъ своихъ собственныхъ меншихъ князей и свои собственныя „внутреннія смуты“, совсѣмъ какъ король. Уже неоднократно противъ Генриха объединялись духовные князья, связанные съ Саксоніей своими владѣніями и своими епархіями, и свѣтская саксонская знать. Исторія имперіи и этой герцогской державы идутъ рядомъ другъ съ другомъ почти безъ всякой связи между собою; мало того, Генрихъ обмѣнялъ полученные имъ въ видѣ приданаго за женой земли рода Церингеновъ въ Брейсгау на королевскія земли въ области Гарца и въ этомъ направленіи тоже произошло полное обособленіе герцогства отъ имперіи. Рядомъ съ Госларомъ Генрихъ превратилъ свой Брауншвейгъ въ такую блестящую резиденцію, какой не было ни у одного герцога и которая оставила далеко позади себя королевскій городъ Госларъ. Когда его собственныя планы позволили ему отлучиться на нѣкоторое время, то онъ отправился на собственный рѣкъ и страхъ на Востокъ, какъ великій король (въ 1172 г.). Стоитъ коснуться также и слѣдующаго факта: въ 1166 году за Фридрихомъ было признано его дядей Вельфомъ VI право наследо-

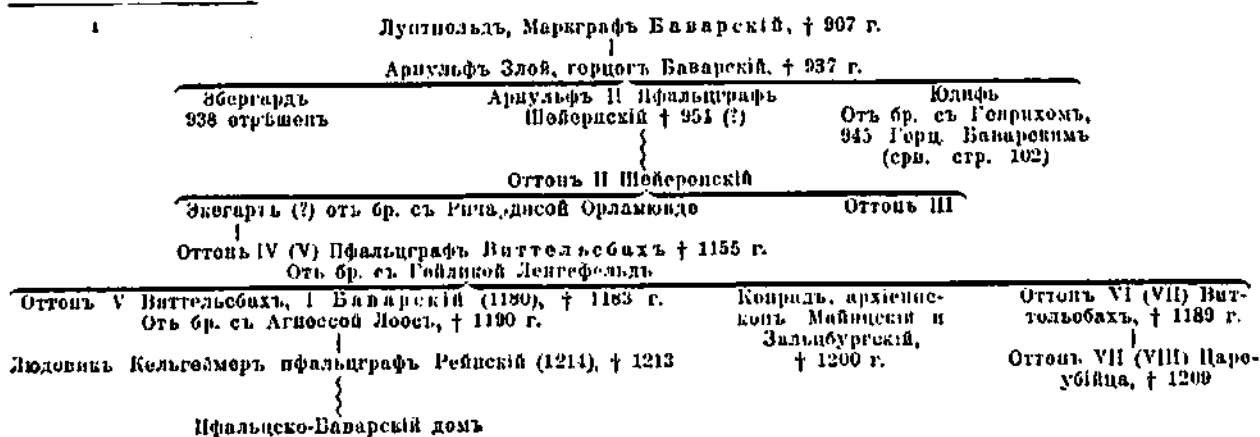
ванія старинныхъ швабскихъ вельфскихъ владѣній послѣдняго къ сѣверу отъ Боденскаго озера; это событіе сыграло роль одной изъ причинъ взаимнаго недовольства между обоими великими родственниками, но, наконецъ, и это обстоятельство оказало содѣйствіе разъединенію и упроченію обѣихъ монархій.

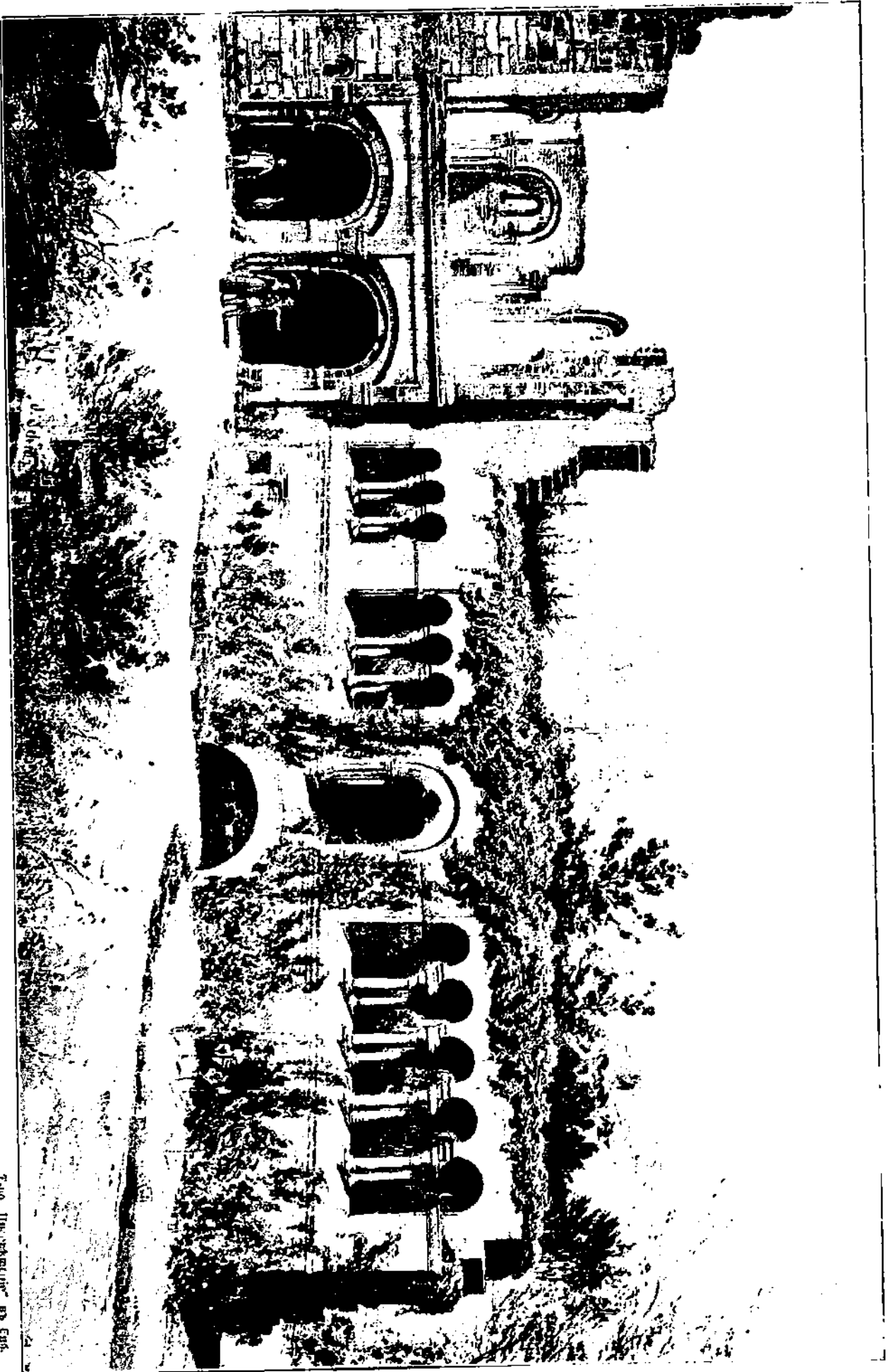
Рѣзкій поворотъ въ сложившемся положеніи вещей былъ вызванъ внѣшнимъ образомъ отказомъ некоронованнаго ниже-германскаго монарха придти на помощь коронованному Штауфену въ минуту опасности, хотя тутъ рѣчь шла не столько о ленной повинности, сколько о дружеской помощи. Императоръ Фридрихъ увидѣлъ, что разросшееся за этотъ промежутокъ времени въ другихъ частяхъ Германіи Вельфское государство теперь начинаетъ становиться поперекъ дороги его собственной политикѣ, въ которой оно не стѣсняло его до сихъ поръ. Отказъ въ помощи былъ чѣмъ-то болѣе неприятнымъ, чѣмъ политика обоюднаго невмѣшательства; это было столкновеіе, которое не могло остаться безъ послѣдствій. Несмотря на то, что Фридриху приходилось бороться одновременно съ городами, папой и Вельфами, онъ выбрался изъ этого затрудненія съ удивительнымъ искусствомъ, покончилъ споръ со всѣми ими, не роняя своего императорскаго достоинства, склонилъ первыхъ двухъ своихъ противниковъ къ миру и уступкамъ и обрушился всѣми силами на Вельфовъ. Это было самое смѣлое, но и самое разумное рѣшеніе; въ противномъ случаѣ, его положеніе въ Германіи было бы поколеблено навсегда. Если бы Фридрихъ далъ еще сильнѣе возвыситься своему противнику ради той помощи, которой можно было ожидать отъ него въ будущемъ, и посвятить бы всѣ свои силы на дальнѣйшее свое обогащеніе регаліями по ту сторону Альпъ, то онъ заслужилъ бы справедливыхъ упрековъ, какъ императоръ, пренебрегшій сердцемъ своей державы ради успѣховъ на югѣ, и раздробившій единство націи. Фридрихъ подошелъ осторожно къ рѣшительному моменту, испробовалъ сначала весь арсеналъ формальнаго права и увеличилъ силу этого оружія искуснымъ примѣненіемъ его. Разъ вопросъ разсматривался не съ точки зрѣнія политической игры силъ, а перемѣщался на почву строгой теоріи конституціи и леннаго права, то исчезала почва изъ-подъ ногъ этого государства въ государствѣ, которое фактически существовало долгое время, не вызывая никакихъ возраженій. Императоръ держался, какъ судья, а не какъ спорящая сторона, и прежде всего направилъ противъ Генриха настроенныхъ противъ него князей. Вельфа судили на основаніи леннаго и общаго права, отняли у него государственныя и церковныя земли и области, признали его самого внѣ закона и лишили его права на аллоды. Въ ноябрѣ 1181 г. борьба закончилась съ нѣкоторымъ смягченіемъ приговора: полное прекращеніе династіи Вельфовъ было бы чѣмъ-то слишкомъ головокружительнымъ и принадлежало бы къ числу тѣхъ разрушительныхъ переворотовъ, послѣдствія которыхъ обрушиваются на самого побѣдителя. За Генрихомъ были возстановлены его личныя права, и ему былъ возвращенъ саксонскій аллоды. Однако, на время онъ долженъ былъ отправиться въ изгнаніе. Онъ искалъ убѣжища въ Англій¹, такъ какъ съ этой страной у него завязались незадолго предъ тѣмъ (въ 1184 г.) новыя родственныя связи: онъ былъ

Генрихъ II, король англійскій, † 1189 г. Отъ бр. съ Элеонорой Пльнской		Матильда, † 1189 г.		(2) 1188 г.	Генрихъ Левъ, † 1195
Ричардъ Львиное Сердце, † 1199 г.	Юлианъ Безземельный, † 1216 г.				
Генрихъ, † 1227 г.	Оттонъ V (IV) † 1218 г.	Вильгельмъ Люнбургскій † 1213 г.			Гертруда (Рихонта) † 1196 г. 1166:1 Въ бр. съ Фридрихомъ Швабскимъ † 1067 г.
1 Бр. съ Агнесой Шваб- ской † 1204 г.	1212: 1 Бр. съ Беатрисой Швабской	Отъ бр. съ Еленой Датск.			1167:2 Въ бр. съ Кну- томъ VI Датскимъ († 1202, но оставивши потомства).
2 Бр. съ Агнесой Лузитанск.	2. Бр. съ Маріей Брабант.	Оттонъ, 1235 герцогъ Браунш- вейгско-Люнбургскій † 1252 г.			
(1) Агнеса, † 1207 г. Въ союз. съ Оттономъ Святѣйшимъ Бавар. 1523 г.; (срав. стр. 142).		Вольфгангъ			

изгнанъ, ради той цѣли, чтобы его личное присутствіе не мѣшало укрѣпиться новымъ условіямъ. Земли Саксонскаго герцогства были раздроблены. Значительное число государственныхъ чиновъ перешло въ непосредственную зависимость отъ имперіи; герцогская власть надъ западной частью саксонскихъ земель была передана епископу кельвскому, а остатокъ восточной одной изъ линій рода Асканіевъ. Баварію получилъ еще въ 1180 г. въ качествѣ своего герцогства заслуженный тамошній пфальцграфъ Оттонъ фонъ-Виттельсбахъ, и такимъ образомъ была восстановлена связь съ старыми историко-генеалогическими отношеніями¹. Однако, и Баварское герцогство было потомъ тоже урѣзано; нѣкоторыя области его были подчинены непосредственно имперіи, а другія стали независимыми отъ Баваріи, какъ-то: Штирія, Тироль и Истрія.

Возвышеніе императорской власти, послѣдовавшее въ результатъ всѣхъ этихъ событій, обнаруживается какъ въ сравнительно благопріятномъ Констанцскомъ мирномъ договорѣ 1183 года, такъ и въ блестящемъ майнцкомъ празднествѣ посвященія въ рыцари старшихъ сыновей Фридриха, Генриха и Фридриха (во время праздника Троицы 1184 г.). Съ такой же очевидностью выступаетъ по случаю этого праздника сердечное отношеніе всей націи и современной рыцарской поэзіи (Вальтера фонъ-деръ-Фогельвейде и др.) ко всему тому блеску, которымъ покрылся ихъ великій господинъ и руководитель (см. прил. табл.: „Развалины императорскаго замка Фридриха Барбароссы въ Гельнгаузенѣ“). Осенью того же года престолю императора, выдвинувшася впередъ благодаря сильнѣйшимъ современнымъ европейскимъ теченіямъ въ еще большей степени, чѣмъ благодаря своимъ побѣдамъ, поднялся настолько, что норманскій дворъ въ Нижней Италіи согласился просватать за первенца Фридриха Барбароссы наслѣдницу престола Констанцу, несмотря на то, что со времени крестоваго похода Конрада III этотъ дворъ былъ всегда близкимъ союзникомъ Вельфовъ и что сама всѣми силами противодѣйствовалъ этому браку. По всей Европѣ распространилось новое вѣяніе, объединившее все свѣтское, скрашивавшее раздоры между политическими противниками, сглаживавшее различія между рыцарями и бюргерами и вызывавшее даже въ сердцахъ высшихъ представителей духовенства явную или тайную оппозицію противъ отреченія отъ міра и безпрекословнаго подчиненія іерархіи. Какъ мы уже упоминали, самъ Миланъ выхлопота въ себѣ ту честь, чтобы въ его стѣнахъ былъ отпразднованъ 27 января 1186 г., какъ бы въ параллель къ майнцкому празднеству, тотъ бракъ, который долженъ былъ поднять въ Италіи династію Штауфеновъ на небывалую до тѣхъ поръ высоту и загородить Ломбардію съ двухъ сторонъ. Въ Миланѣ Генрихъ вѣнчался ломбардской желѣзной короной. Замѣчательно, что императоръ далъ своему будущему преемнику титулъ Цезаря, которымъ награждали своихъ наслѣдниковъ древніе Августы, какъ себя титуловали императоры; вѣдь Августъ и его императорское право предшествовали по времени Петру,

История германской культуры. VI

Развалины императорского замка Фридриха Барбароссы в Гельнгаузене.

(Вид с оригинального издания О. Шубера)

Рис. Шубера в Евр.

Объясненія къ рисунку, помѣщенному на оборотѣ.

Относительно времени основанія замка Фридриха I въ Гельнгаузенѣ не сохранилось никакихъ точныхъ свѣдѣній. По своему архитектурному стилю онъ относится къ послѣднимъ десятилѣтіямъ XII столѣтія. Императорская грамота, данная Фридрихомъ I основанному имъ около замка городу Гельнгаузену, относится къ 1170 г., въ 1180 и 1186 гг. императоромъ Фридрихомъ были изданы въ Гельнгаузенѣ распоряженія, относящіяся къ различнымъ государственнымъ дѣламъ, изъ чего можно заключить, что постройка дворца уже была закончена къ этому времени. Его фасадъ отмѣчается двойнымъ рядомъ колонъ. Свѣтло-красный цвѣтъ шлифованнаго вывѣтрившагося только въ отдѣльныхъ мѣстахъ песчаника и по большей части превосходно сохранившаяся обработка богатыхъ орнаментовъ усиливаетъ впечатлѣніе, производимое этими живописными развалинами.

Кромѣ арокъ передняго фасада дворца до настоящаго времени сохранилась только очень толстая противоположная продольная стѣна дворца, служившая въ то же время наружной стѣной замка. У этой продольной стѣны находится хорошо сохранившіеся остатки камня помѣщавшагося вѣроятно въ имперскомъ залѣ; обѣ стороны этого камня украшены богатымъ плетеньемъ. Обѣ поперечныя и внутреннія стѣны императорскаго замка совершенно разрушены, такъ что невозможно опредѣлить съ большей или меньшей достовѣрностью внутреннее устройство перваго этажа. Можно только распознать, что имперскій залъ съ каминомъ находился въ правой части его. При томъ же на колоннадахъ передняго фасада не видно никакихъ слѣдовъ, которые указывали бы, что онѣ были закрыты стекломъ. Поэтому весьма вѣроятно, что позади этихъ сводчатыхъ оконъ шла продольная стѣна, отдѣлявшая такой же кулуаръ, какъ въ Вартбургскомъ дворцѣ. Не осталось никакого слѣда лѣстницы, ведущей во второй этажъ, — напротивъ того, еще видны остатки маленькой лѣстницы, ведущей въ часовню, находящуюся надъ проходными воротами.

Главный входъ въ замокъ расположенъ съ западной стороны и велъ во дворъ замка черезъ двойной сводчатый проходъ, надъ которымъ находилась часовня, стѣ которой сохранились только наружныя стѣны. Слева отъ входа расположенъ замокъ. Кругомъ двора у наружныхъ стѣнъ лѣпились хозяйственные постройки и жилыя помѣщенія для придворнаго штата, но отъ всѣхъ ихъ остались только жалкіе слѣды. Рукавъ рѣки Кинцигъ омываетъ восточныя и южныя стѣны замка и образуетъ тотъ большой островъ, на которомъ стоитъ замокъ.

(Изъ соч. Георга Моллера и Эрнста Гладбаха: „Denkmäler der deutschen Baukunst“, ч. III, Дармштадтъ, 1845 г.)

апостола Христа. Въ 1165 г. Фридрихъ уговорилъ изъ высшихъ политическихъ соображеній тогдашняго антипапу Пасхалиса III причислить къ лику святыхъ Карла Великаго съ торжественнымъ перенесеніемъ его мощей; теперь онъ взялъ себѣ за примѣръ еще болѣе древній образецъ, чѣмъ Карлъ, которому онъ такъ охотно подражалъ, и заложилъ прочное основаніе національной германской гегемоніи въ связи съ историческими воспоминаніями о пераздѣльной универсальности и всемірномъ господствѣ древней Имперіи.

Курія, съ своей стороны, отказалась отъ надежды на людей свѣтскихъ, но крѣпко вѣрила въ себя и въ испытанную идейную мощь церкви. Несмотря на все, она считала возможнымъ, что захватить опять въ свои руки іерархическую и политическую власть надъ епископами. Она выступила съ довольно удачнымъ шахматнымъ ходомъ и стала оспаривать въ интересахъ духовныхъ князей право на регалии и на наслѣдство отъ духовныхъ лицъ у короны, которая забирала въ свою пользу личное имущество скончавшагося духовнаго лица и пользование его регалиями до назначенія преемника каждый разъ, какъ освобождалась духовная кафедра; за послѣднее время эти доходы сильно повысились сравнительно съ предшествующими временами съ ихъ первобытными условіями и слабымъ торговымъ обмѣномъ. Обратная сторона паденія Генриха Льва, которое освободило отъ прежняго гнета ниже-германскихъ духовныхъ князей, выразилась также въ эгонетической политикѣ кельнскаго архіепископа Филиппа фонъ Гейлсберга. Онъ ухватился за протянутую изъ Рима руку и превратился изъ стараго сановника и помощника императора, дослужившагося до высшаго ранга, въ представителя римской оппозиціи и іерархической идеи въ Германіи и сталъ некая политическихъ союзниковъ. Тутъ случилось еще одно событіе, способствовавшее разрѣшенію надрыженнаго состоянія; мы говоримъ о покореніи Іерусалимскаго королевства Саладиномъ (томъ III, стр. 342) и о крестовомъ походѣ императора, который выступилъ на защиту завѣтныхъ стремленій и надеждъ церкви на востокъ, опять приковавшихъ къ себѣ ея вниманіе; императоръ представлялъ собою верховнаго главу европейскаго рыцарства, объединившагося для этой священной цѣли съ Франціей и Англіей. Фридрихъ Барбаросса вступилъ въ славянскія государства къ сѣверу отъ Балканъ и на восточные берега Средиземнаго моря (срв. томъ V, стр. 95) съ такими широкими имперіалистскими идеями, на которыя не отваживался раньше ни одинъ германскій государь, но которыя выросли сами собой въ то время. Армянскому царю Льву II онъ обѣщалъ дать королевскій титулъ въ качествѣ ленника имперіи (подробности объ этомъ третьемъ крестовомъ походѣ см. ниже).

в) Генрихъ VI, Филиппъ и Оттонъ IV.

Генрихъ VI перенялъ все реальныя и идеальныя требованія этой міровой императорской власти, но на первыхъ порахъ вынужденъ былъ отстаивать ее отъ усилившейся реакціи какъ при жизни отца, такъ и послѣ его смерти сначала на рѣкѣ Салефѣ (10 іюня 1190 года), затѣмъ въ Германіи и въ Италіи. Старый вельфскій левъ появился вновь на германской почвѣ уже въ октябрѣ 1189 года, преклопленный гнѣву и жаждой мести; его подстрекалъ англійскій нормандскій король Ричардъ Львиное Сердце. Зимой 1189—91 года онъ завязалъ въ Мессинѣ сношенія съ южно-итальянскими норманнами, готовившимися къ возмущенію противъ мужа Констанцы и его пребыванія на нормандскомъ престолѣ, который достался послѣднему исполнѣ правомѣрно послѣ смерти Вильгельма II (18 ноября 1189 года). Правда, все эти осложненія имѣли свою обратную сторону: они открывали путь къ благоприятнымъ комбинаціямъ. Можно было разсчитывать на союзъ съ Франціей; Филиппъ Кельнскій, испуганный возмущеніемъ

Льва, тоже превратился на время въ союзника и посредника Генриха. Однако, нѣкоторое время спустя, когда Генрихъ VI былъ въ походѣ по пути въ Сицилію, то стало налаживаться зловѣщее соглашеніе между кельнскимъ и майнцскимъ архіепископами, Вельфами и другими князьями; но на счастье Генриха душа всѣхъ замысловъ, направленныхъ противъ него какъ въ Германіи, такъ и вѣдъ ея предѣловъ, Ричардъ Левиное Сердце, былъ захваченъ въ плѣнъ 20 декабря 1192 года на имперской территоріи, въ Австріи, Леопольдомъ Бабенбергеромъ, которому было нанесено личное оскорбленіе англійскимъ королемъ подъ стѣнами Акки, и переданъ Леопольдомъ въ руки императора. Сейчасъ послѣ этого заговоръ распался, и союзники отреклись другъ отъ друга. 4 февраля 1194 года императоръ Генрихъ — онъ короновался 14 апрѣля 1191 года — уже рѣшился выпустить на волю своего заложника, искателя приключеній Плантагенета, за выкупъ всего-на-всего въ 150,000 марокъ серебра и признаніе владѣній англійскаго короля имперскимъ леномъ (смотри верхнюю часть таблицы: „Императоръ Генрихъ VI“ въ главѣ объ Италіи). Такимъ образомъ въ награду за пережитыя имъ тяжелыя минуты императоръ подчинилъ верховной власти Штауфеновъ также и эту норманскую корону съ ея англо-французскими владѣніями. Той же весной 1194 года Генрихъ Левъ отказался отъ своей упорной борьбы и примирился съ императоромъ послѣ того, какъ его сынъ Генрихъ (срав. родословное дерево на стр. 123) былъ признанъ наследникомъ своего тестя пфальцграфа Конрада, обладавшаго землями въ Франконіи и доходами по должности въ Лотарингіи. Въ томъ же 1194 году Генрихъ совершилъ блестящій походъ въ Южную Италію и разбилъ на голову своихъ норманскихъ противниковъ. Въ день Рождества 1194 года онъ короновался въ Палермо и обезпечилъ за собою корону мѣрами строгости.

Послѣ этихъ событій въ германской исторіи утвердилась императорская идея, состоявшая въ стремленіи къ сліянію независимой и выборной Сицилійской монархіи съ Германско-Итальянско-Бургундской имперіей; въ то же время домъ Штауфеновъ старался освободиться отъ риска выборовъ и обезпечить за собою признанную закономъ наследственность императорской власти. Въ вознагражденіе за это Генрихъ готовъ былъ поступиться въ пользу духовныхъ князей правомъ на наследство отъ духовныхъ лицъ, а въ пользу свѣтскихъ распространеніемъ права наследованія на родственниковъ по женской линіи. Все это становится понятнымъ только въ томъ случаѣ, если Генрихъ не только не хотѣлъ пожертвовать своимъ самодержавнымъ престоломъ въ Норманскомъ королевствѣ, но собирался, напротивъ того, покрыть всю имперію сѣтью централстического бюрократическаго управленія, которую онъ пополнялъ съ успѣхомъ въ Италіи германскими рыцарями; надо также полагать, что онъ хотѣлъ превратить германскіе княжескіе роды въ родовитыхъ землевладѣльцевъ, какъ это удалось впоследствии французской коронѣ. Такъ какъ такой громадный переворотъ, безъ сомнѣнія, перемѣстилъ бы еще ближе къ Средиземному морю центръ объединеннаго государства, то такое опасеніе оживило въ сильной степени сопротивленіе на приволжской окраинѣ, въ Нижней Германіи и въ Кельнскомъ округѣ, бывшемъ въ соприкосновеніи съ Англійей и Сѣвернымъ моремъ. Такой планъ обсуждался неоднократно, начиная съ декабря 1195 года, но былъ оставленъ въ концѣ 1196 года. Очевиднымъ для всего міра дѣятельнымъ проявленіемъ универсально-имперіалистическаго, равно какъ и монархическаго, содержанія этого сильнаго царствованія слѣдуетъ считать восточное предпріятіе Генриха, которое было однимъ изъ самыхъ успѣшныхъ крестовыхъ походовъ, несмотря на то, что оно было прервано преждевременно вслѣдствіе внезапной кончины императора (28 сентября 1197 года). Такъ какъ императоръ не принялъ личнаго участія въ этомъ походѣ, то уполномоченнымъ руководителемъ его былъ архикапцлеръ императора, майнцскій архіепископъ Конрадъ фонъ Виттельсбахъ. Крупные свѣтскіе

князья состояли подъ начальствомъ этого короннаго чиновника, который короновалъ и принялъ въ число императорскихъ вассаловъ королей Амальриха Кипрекаго и Льва II Армянскаго.

Избирательное право князей, объ уничтоженіи котораго Генрихъ по-думывалъ, никогда не обпаруживало заключающейся въ немъ опасности въ такой рѣзкой степени, какъ сейчасъ послѣ смерти Генриха VI, которая была однимъ изъ самыхъ выдающихся событій не только германской, но и средневѣковой имперской исторіи. Приверженцамъ Штауфеновъ не удалось удержать престола за избраннымъ въ 1196 году годовалымъ сыномъ Генриха, Фридрихомъ, родившимся отъ Констанцы: наилучшее, что они могли сдѣлать при существовавшихъ условіяхъ, — это было содѣйствіе избранію на германскій престолъ Филиппа Швабскаго (8 марта 1198 года въ Мюльгаузенѣ въ Тюрингін) съ предоставленіемъ Италіи ея собственной судьбѣ. Противная сторона сначала стояла за Бертольда V Церрингена, но въ виду его отказа она выбрала 9 іюня въ Кельнѣ Оттона, второго сына покойнаго Генриха Льва (срав. родословное дерево на стр. 124). Въмѣсто единой императорской власти, незадолго передъ тѣмъ сіявшей на недостигаемой высотѣ, которая обложала Византію данью, почти какъ своего вассала, вдругъ оказались налицо снова всего-на-всего два короля, подѣлившихъ между собою Германію, которые вынуждены были расточать свои права и коронное имущество для увеличенія числа своихъ приверженцевъ, а папа Иннокентій III взвѣшивалъ права обѣихъ сторонъ и присвоилъ себѣ роль третейскаго судьи, которая была признана за нимъ, по крайней мѣрѣ. Оттономъ и послужила для него точкой опоры. Несмотря на это, Филиппъ, отстаивавшій права свѣтской власти, успѣлъ выдвинуться, но былъ убитъ изъ личной мести 21 іюня 1208 года, не доживши до рѣшительнаго успѣха.

г) Фридрихъ II.

Послѣ смерти Филиппа Оттонъ IV сталъ хлопотать о примиреніи съ приверженцами Штауфеновъ и о возстановленіи, по возможности, хотя бы части своихъ королевскихъ и императорскихъ правъ въ Италіи. Для борьбы съ этимъ новымъ поворотомъ (въ 1210 году) церковь патривала опять па Вельфа Штауфена Фридриха II, наследника и короля обѣихъ Сицилій, какъ она уже предѣлала въ 1138 году. Побѣда осталась за Штауфеномъ благодаря его громкому имени, распространенному враждебному настроенію противъ Оттона и недовольству Франціи англо-вельфско-инквирейнскимъ союзомъ. Лѣтомъ 1212 года Фридрихъ явился въ Германію, а послѣ побѣды, одержанной французскимъ королемъ надъ императоромъ Оттономъ при Бувишѣ 27 іюля 1214 года, онъ становится постепенно все болѣе повластнымъ хозяиномъ въ Германіи. Съ этихъ поръ онъ пользовался своимъ положеніемъ въ Германіи въ теченіе болѣе 30 лѣтъ для устраненія всевозможныхъ затрудненій посредствомъ раздачи правъ германской короны; въ то же время онъ работалъ дѣятельно надъ расширеніемъ монархической власти въ Италіи и тѣснымъ союзомъ съ вновь развитой централизованной государственной системой норманскаго королевства; кромѣ того, онъ соединилъ іерусалимскую корону съ сицилійской (18 марта 1229 года). Уже 12 іюля 1213 года онъ подписался въ Эгерѣ подъ отказомъ отъ правъ, предоставленныхъ королю Вормекимъ конкордатомъ, отъ права на наследство, оставшееся отъ духовныхъ лицъ отъ владѣній Магильды, отъ Церковной области, — т. е. тѣхъ владѣній, на которыя курія заявляли притязаніе (рекупераціи). Этотъ документъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ видѣ конституціоннаго аксессуара къ нему приложены заявленія князей объ ихъ согласіи. Дѣло въ томъ, что 22 марта 1209 года Оттонъ согласился на такія же уступки въ Шпейерѣ, лишь бы получить императорскую корону, а затѣмъ онъ прибылъ къ хитрой условкѣ и заявилъ, что недостаетъ еще согласія кня-

зей. Теперь было предусмотрено и это условие. Въ маѣ 1216 года Фридрихъ II отказался отъ права на регаліи. Въ 1220 г. онъ хлопоталъ о томъ, чтобы помѣняться со своимъ сыномъ Генрихомъ, которому былъ предназначенъ первоначально престолъ Сицилійскаго королевства; отецъ рѣшилъ самому занять этотъ престолъ, а мальчика оставить въ Германіи въ качествѣ короля-намѣстника; для того, чтобы добиться своей цѣли, онъ подтвердилъ 26 апрѣля во Франкфуртѣ на Майнѣ автономныя права духовныхъ князей, ограничилъ въ предѣлахъ ихъ владѣній королевскую юрисдикцію и отказался отъ основанія среди нихъ городовъ, крѣпостей, таможенныхъ заставъ для сбора регалій. Для того, чтобы лишить союзниковъ своего коронованнаго сына, который превращался исподтишка въ независимаго короля, соперника своего отца, онъ издалъ „Вормскую привилегію“ 31 мая 1231 г., которая отдавала германскіе города въ полное распоряженіе князей, уничтожала ихъ самоуправленіе, лишала ихъ права на заключеніе союзовъ между собою и призвала полное автономное суверенное право также и за свѣтскими князьями. Такимъ образомъ государство скользило по наклонной плоскости и превращалось въ бесплоченный союзъ независимыхъ аристократическихъ князей съ императоромъ или королемъ во главѣ. Фридрихъ II открылъ также въ 1232 г. широкій доступъ въ Германію охотѣ за еретиками, предпринятой церковью для возвращенія на путь истины заблудшихся мірскихъ душъ посредствомъ инквизиціи и пытокъ; онъ предоставилъ полную свободу дѣйствій духовному суду изъ доминиканцевъ подъ предсѣдательствомъ ихъ магистра Конрада фонъ-Марбурга. И они дѣйствовали, не стѣняясь, нѣсколько ужасныхъ лѣтъ, пока, наконецъ, возмущеніе народа и свѣтскихъ князей не ограничило этихъ преслѣдованій. Нѣкоторый поворотъ къ централистической полнотѣ власти намѣчали собой, напротивъ того, мѣропріятія 15 августа 1235 г., предпринятія послѣ того, какъ король Генрихъ потерпѣлъ крушеніе въ своей ребяческой политикѣ, направленной противъ его отца въ іюлѣ: великій законъ о королевскомъ мирѣ (Landfriedensgesetz), ограничивавшій германское частное право войны, и основаніе постоянного государственнаго придворнаго суда (Reichshofgericht). Въ это же время вельфскія аллодіальныя владѣнія были возведены на степень непосредственно зависящаго отъ короны герцогства Брауншвейгъ-Люнебургскаго.

При всемъ томъ эта эпоха частичнаго ослабленія императорской власти не бѣдна подвигами и успѣхами дѣятельной самопомощи въ Германіи. Отто IV и затѣмъ Фридрихъ, первый влѣдствіе затруднительности своего положенія, а второй для болѣе успѣшной борьбы со своимъ противникомъ, уступили датчанамъ въ 1201 и въ концѣ 1214 года Гольштинію и германскія прибалтійскія области, но смѣлый набѣгъ графа Генриха фонъ-Шверина въ маѣ 1223 года и храбрость, обнаруженная вступившими между собою въ союзъ нижне-германскими сословными чинами въ блестящемъ сраженіи при Борнхеведе (22 іюля 1227 г.; см. раскраш. табл. въ отд. о сѣверныхъ странахъ) освободили обратно эти области отъ иноземнаго владычества. Основанный 5 марта 1198 г. подъ стѣнами Акки германскій рыцарскій орденъ началъ свои завоеванія въ далекой странѣ поруццовъ въ 1228 г. подъ духовнымъ руководствомъ великаго Германа фонъ-Зальца, этого вѣрнаго совѣтника Фридриха II и какъ бы олицетворенія германской совѣсти. Монголы были отражены на полѣ битвы при Лигницѣ благодаря храбрости и геройской смерти Генриха II, герцога нижне-силезскаго (9 апрѣля 1241 г.; т. II, стр. 165). На всемъ пространствѣ отъ Силезіи до Пруссіи и Ютландіи восторжествовали германское трудолюбіе и германская культура, а влѣдъ за ними побѣдоносно поднялъ голову сознательный германскій націонализмъ. Туземныя княжескія династіи превратились въ нѣмецкія. Опустошенная монголами Венгрія оправилась благодаря труду вновь привлеченныхъ сюда германскихъ колонн-

стовъ (т. V, стр. 391). Казалось, что быстро прогрессирующая германская национальность завоюетъ въ близкомъ времени мирнымъ путемъ Богемію и даже Польшу (тамъ же, стр. 241 и 478). Богемскій дворъ превратился въ пьемцкій наравнѣ съ силезскими дворами (срв. ниже, стр. 282). Въ Италіи Фридрихъ велъ въ это время свои ломбардскія войны, главнымъ образомъ, съ помощью сицилійскихъ войскъ и уже на второмъ планѣ германскихъ при содѣйствіи вліятельныхъ бюргерскихъ родовъ въ городахъ; въ лицѣ послѣднихъ онъ искалъ пособниковъ для укрѣпленія отечественной самодержавной власти вмѣсто того, чтобы осуществлять права короны при посредствѣ рыцарей. Послѣ успѣховъ, достигнутыхъ имъ (въ 1237 г.), стало казаться въ 1241 г., что онъ стремится также къ уничтоженію Церковной области; но эта послѣдняя обратилась въ центръ самаго упорнаго сопротивленія благодаря рѣшимости и государственному уму Синибальда Фьеско изъ Генуи, занимавшаго папскій престолъ подъ именемъ папы Иннокентія IV (1243—1254 г.). На Лионскомъ соборѣ онъ отлучилъ императора отъ церкви (17 іюля 1245 г.) и объявилъ его низложеннымъ съ престола во всѣхъ его владѣніяхъ; затѣмъ онъ предложилъ передать норманнское государство новому ленному владѣльцу, а велѣдъ за этимъ въ Германіи тоже были избраны новые короли: 22 мая 1246 г. былъ избранъ тюрингенскій ландграфъ Генрихъ Распе, а послѣ его смерти подъ стѣнами Ульма (въ февраль 1247 г.) въ сентябрѣ былъ провозглашенъ королемъ графъ Вильгельмъ Голландскій. Переходъ власти надъ государствомъ въ руки владѣтельныхъ князей выразился явственно въ томъ, что отъ антикороля, послушнаго орудія этихъ князей, уже не требовалось обладанія собственнымъ могуществомъ и даже княжескимъ рангомъ; никакой необходимости въ этомъ уже не чувствовалось. Во время приготовленій къ исправленію неблагоприятныхъ послѣдствій военной неудачи, понесенной имъ влѣдствіе своей неосторожности у Витторіи 18 февраля 1248 года, Фридрихъ скончался 13 декабря 1250 года при невыясненныхъ условияхъ, какъ пѣвкогда Оттонъ II. Этотъ императоръ унесъ съ собою въ могилу имперію Карла и Оттона, Фридриха Барбароссы и Генриха IV, вмѣсто того, чтобы направить свои силы для ея возстановленія. Лично онъ едва ли чувствовалъ себя пѣмцемъ. Этотъ итальянецъ, воспитанный въ итальянскомъ и сарацинскомъ духѣ, писавшій стихи на итальянскомъ и сарацинскомъ языкахъ, централнетъ и самодержецъ, поборникъ новѣйшей замкнутой монархіи въ своихъ послѣдственныхъ владѣніяхъ и въ Верхней Италіи, этотъ первый человекъ новыхъ вѣковъ на порогѣ грядущаго итальянскаго ренессанса, никогда не чувствовалъ влеченія къ германскому ленному государственному строю и рыцарству, къ развернувшемуся какъ разъ въ эту пору во всей своей юношеской свѣжести и во всемъ своемъ богатствѣ средне-европейскому просвѣщенію, вышедшему изъ пѣдръ германской жизни и получившему отъ нея свое дальнѣйшее развитіе, къ родниѣ Нибелунговъ, Вольфрама и Вальтера, къ отечеству средневѣковой романтики.

д) Послѣдніе дни и паденіе Штауфеновъ.

Сынъ Фридриха II, Конрадъ IV, пытался удержать за собою тотъ королевскій престолъ, на которомъ онъ уже вѣнчался (въ 1237 г.), и для этой цѣли старался прежде всего обезпечить за собою матеріальныя силы Сициліи; тутъ онъ и скончался 21 мая 1254 г. въ Мавелло. Его сводный братъ Манфредъ, который сталъ въ такія же отношенія къ сыну Конрада, Конрадину, какъ Филиппъ Швабскій къ Фридриху II въ 1198 г., старался защитить сицилійскую монархію при помощи ресурсовъ своего собственного королевства (онъ вступилъ на королевскій престолъ въ 1258 г.), но былъ разбитъ 26 февраля 1266 г. при Беневентѣ ленникомъ куріи Карломъ Анжуйскимъ, способнымъ, но неумѣреннымъ по характеру братомъ

Людовика IX, короля французскаго: Карль Анжуйскій былъ продолжателемъ традицій и начинаній императора Фридриха II въ норманнскомъ государствѣ съ его пестрымъ населеніемъ.

Въ Германіи поворотъ въ политическихъ отношеніяхъ ознаменовался неудержимымъ ростомъ бюргерства. Уже Фридрихъ II воспользовалъ предложить бюргерамъ больше свободы дѣйствій въ 1242 г., когда онъ сталъ относиться подозрительно къ князьямъ, особенно духовнымъ. Великій союзъ городовъ, основанный въ 1254 г. по инициативѣ Майнца и Вормса, распространился вскорѣ до Регенсбурга и Любека и включилъ въ свой составъ много князей въ качествѣ сочленовъ и приверженцевъ. Король Вильгельмъ довольствовался ролью покровителя этого союза и тѣмъ влияніемъ, которое давало ему это положеніе, чему не только не мѣшали, но и способствовали быстрое распаденіе союза и расстройство его единства. Черезъ годъ послѣ смерти Вильгельма, погибшаго въ мѣстной войнѣ съ фризами, тѣсный кругъ князей, отстаивавшихъ свое право на избраніе короля отъ быстро растущаго богатаго бюргерства и искавшихъ случая размѣнять его на звонкую монету, избрали въ короли двухъ платежеспособныхъ господъ. Однимъ изъ нихъ былъ тщеславный Ричардъ, владѣтельный князь Корнуоллса и Пуату. Второй изъ нихъ, Альфонсъ X Кастильскій, уже преслѣдовалъ ту испанскую политику въ Италіи и на Средиземномъ морѣ, которая оказала такое сильное влияніе на судьбу Апеннинскаго полуострова въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ, и не хотѣлъ упустить случая къ обоснованію ея, между прочимъ, на правѣ преемства отъ Штауфеновъ (срав. т. IV, стр. 128).

Параллельно съ этими призрачными царствованіями идетъ дѣятельность Конрадина, воспитавшагося у своего баварскаго дяди по матери, герцога Людвигъ. Конрадинъ не получилъ германской короны по избранію, но былъ герцогомъ Швабскимъ и законнымъ наследникомъ Иерусалимскаго и Сицилійскаго королевствъ: онъ стремился къ обратному завоеванію послѣдняго и, вѣроятно, еще надѣялся повернуть положеніе вещей въ Германіи въ благоприятную для себя сторону. Такъ какъ Энцио оставался безъ копца въ плѣну у болонцевъ (отъ 26 мая 1249 г. до 14 марта 1272 г.), то со смертью Конрадина, этого благороднаго юноши, скончавшагося 29 октября 1268 г., прекратилась мужская линія Штауфеновъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, герцогство Швабское было обречено на распаденіе. Судьба отомстила Анжуйской династіи за послѣднихъ Штауфеновъ отчасти при посредствѣ Манфреда, зятя Петра Арагонскаго, отчасти въ видѣ Сицилійской вечерни 30 марта 1282 г.

6. Періодъ господства курфюретовъ.

Около середины XII столѣтія спланивающееся влияніе короны фактически прекратило свое существованіе. Объединительныя идеи и общенациональный авторитетъ были подавлены древнѣйшими, еще не вытѣсненными германскими стремленіями къ сепаратизму, къ распаденію на мелкіе округа: когда такое раздробленіе силъ представляло явную невыгоду, то старались помочь бѣдѣ кратковременными союзами и слабосилочнымъ объединеніемъ. Первобытныя черты германскаго общественнаго строя, индивидуализмъ, съ одной стороны, и его восполненіе или подавленіе посредствомъ общественныхъ союзовъ, съ другой стороны, снова пробили себѣ путь въ жизни вопреки болѣе новымъ или заимствованнымъ извѣстнымъ государственнымъ понятіямъ, хотя и въ новыхъ формахъ и никакъ не на всѣхъ ступеняхъ государственной жизни. Итъ сомнѣнія, что расстройство въ управленіи монархіей, обнаружившееся въ теченіе послѣдняго періода ея существованія, не мало способствовало побѣдѣ этихъ теченій. Мы вступаемъ въ эпоху федерацій, союзовъ для поддержанія мира, союзовъ горо-

доль и гапъ, общество изъ представителей знати и рыцарей, союзомъ князей и сеймовъ курфюрстовъ, а посреди ихъ вѣдѣть свое существованіе остатокъ королевской власти, которая все же не была доведена до полной гибели, а утилизовалась то для одной, то для другой цѣли. Эта королевская власть постоянно возстановляется, и ей удѣляется нѣкоторая нища для поддержанія ея существованія до тѣхъ поръ, пока нѣтъ опасенія, что ея силы начнутъ укрѣпляться. Всѣ государственныя должности стали наследственными за исключеніемъ главныхъ должностей по городскому управленію, которыя требуютъ непрерывнаго возобновленія и личнаго призванія; короной распоряжается по своему усмотрѣнію тѣсный кружокъ высшей знати, который, правда, не имѣетъ решающаго голоса самъ по себѣ, но настолько силенъ, что можетъ отдавать ее только представителямъ своей малочисленной группы; она выбираетъ этотъ подарокъ то въ одну, то въ другую сторону для того, чтобы остатокъ политическаго вліянія, не утерянный еще королевской властью, не успѣлъ пустить корней.

Германская исторія этой эпохи состоитъ изъ мѣстныхъ событий и цѣлей, изъ дѣятельности и стремленій, ограниченныхъ предѣлами отдѣльныхъ округовъ. Не общегосударственное правительство, а соревнованіе между отдѣльными силами, разбѣжными вельфъ и повсюду, было непочинкомъ той высокой матеріальной культуры и того расцвѣта искусства, о которомъ свидѣтельствуютъ болѣе подробная народная исторія и разбѣжные по вѣстамъ германскимъ странамъ, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ, готическія церкви, гостинице дворы и разукрашенные господскіе замки, и съ которыми мы знакомимся въ промышленно-художественныхъ и культурно-историческихъ коллекціяхъ.

Посреди всего этого блеска корона была бѣдна, какъ имуществомъ, такъ и доходами, по сравненію со средствами тѣхъ, которые были ей формальными подданными. Корону удерживали искусственно въ такой бѣдности, отдавая ее въ руки такихъ владѣтелей, которые обладали какъ можно меньшими богатствами или у которыхъ хватало ресурсовъ лишь для того, чтобы не дать завладѣть короной другому, болѣе сильному конкуренту. При такихъ условіяхъ короли, естественно, стремились къ обезпеченію матеріальными средствами какъ себя, такъ и своей династіи. Другими словами, они видѣли свою ближайшую задачу въ томъ, чтобы превратиться въ такихъ вліятельныхъ и богатыхъ князей, какими были ихъ избиратели. Временами они пытались перевести къ своей каассе часть богатства городовъ. Большаго успѣха они добивались на другомъ пути: они ухватывались за всякій благоприятный случай превратиться въ сильныхъ территориальныхъ владѣтелей (периодъ образованія династическихъ владѣній), однако, имъ ни разу не удалось воспользоваться вѣдми этими способами для укрѣпленія династической идеи, какъ таковой. Стремленія королей не выходило изъ предѣловъ этого партикуляризма. Это видно, между прочимъ, изъ того, что географическое направленіе интересовъ каждого изъ королей въ отдѣльности определяется почти исключительно его наследственными владѣніями или же тѣми, которыя онъ пріобрѣтаетъ лично. Раньше, въ періодъ борьбы между Саксонской и Штауфенской династіями, не было ничего подобнаго: исключеніе составляетъ Фридрихъ II; но его также нельзя считать исключеніемъ, какъ и Альфонса Кастильскаго. Впрочемъ, попадали на престолъ и такіе люди, какъ Лотарь Саксонскій и Оттонъ IV, которыхъ положеніе короля заставляло подниматься выше преобладающаго въ политикѣ территориальнаго направленія и толкало на путь имперскихъ традицій.

Главнымъ претендентомъ на имперскую универсальную роль, освобожденную поумъ паденія дома Штауфеновъ, оказался домъ Каринтиновъ.

Онъ упрочился въ лицѣ Карла Анжуйскаго въ Провансѣ, на Арелатской территоріи принадлежавшаго къ Германіи въ силу историческихъ основаній Бургундскаго королевства, затѣмъ также въ Нижней Италіи. Онъ охватилъ Италію съ двухъ, а впоследствии даже съ трехъ сторонъ (со стороны Венгріи, томъ V, стр. 378) и снова принялся въ Ломбардіи за дѣло Фридриха I и Фридриха II. Онъ окружилъ также со всѣхъ сторонъ папскія владѣнія, а на папу эти французы смотрѣли со свойственной имъ трезвой логикой реальной силы лишь какъ на орудіе и рычагъ для развивающагося капетингскаго свѣтскаго имперіализма (срав. стр. 252) въ противоположность прежнимъ германскимъ императорамъ съ ихъ преданностью церковной идеѣ. Къ концу XIII столѣтія Капетинги стали вовлекать въ свой кругозоръ также и ввавшій въ анархію германскій государственный организмъ и уже подумывали о захватѣ Германскаго королевства и включеніи его въ французскую міровую державу; послѣ королевскихъ выборовъ 1257 года едва ли приходится удивляться тому, что пылкіе французы останавливались въ своихъ публицистическихъ произведеніяхъ на подобной возможности и на яко бы выгодныхъ для общаго міра и цивилизаціи послѣдствіяхъ ея.

А. Отъ конца междуцарствія до смерти Альбрехта I.

Тотъ, кто поставилъ преграду этимъ безмѣрнымъ аппетитамъ иностранцевъ и снова вернулъ Германію на самостоятельный путь, тоже вышелъ не изъ германской среды, а былъ иностранцемъ; мы говоримъ о папѣ Григоріи X. При томъ рѣзкомъ переворотѣ, который произошелъ въ политическихъ отношеніяхъ, онъ нуждался въ сильной королевской власти въ Германіи, которая могла бы служить ему орудіемъ для борьбы съ капетингскимъ имперіализмомъ. Послѣ смерти Ричарда, скончавшагося 2 апрѣля 1272 года, онъ сталъ грозить германскимъ князьямъ, что назначитъ короля собственной властью, если они сами не изберутъ никого на королевскій престолъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Фридрихъ I впервые сталъ суживать сословіе князей и кругъ королевскихъ избирателей, явилось теченіе, направленное къ выдѣленію особой избирательной корпораціи; оно вызывалось частью дѣйствительными событіями, дѣйствовавшими въ качествѣ примѣра, частью неясными теоретическими и литературными формулировками; а, кромѣ того, прототипомъ служила коллегія кардиналовъ-епископовъ; мало-по-малу приобрѣла болѣе или менѣе общее признаніе коллегія изъ семи князей, какъ первыхъ и главныхъ избирателей. Все-таки развитіе коллегіи курфюрстовъ вовсе не шло по прямой линіи; только въ „Золотой буллѣ“ 1356 г. получило свою окончательную отдѣлку все это конституціонное новообразование.

Въ кругу князей, причислявшихъ себя къ этой привилегированной корпораціи, утвердилась съ 1272 года мысль объ избраніи въ король своего соотечественника. Изъ числа свѣтскихъ князей самое сильное положеніе во всемъ государствѣ занималъ король богемскій Оттокаръ. Послѣ прекращенія рода Бабенберговъ (въ 1246 г.; т. V, стр. 242) Оттокаръ вышелъ побѣдителемъ (въ 1251 году) изъ борьбы съ императоромъ Фридрихомъ II, прилагавшимъ всевозможныя усилія къ захвату наслѣдства прекратившагося рода, и съ другими княжескими домами. Оттокаръ владѣлъ Штиріей и Австріей, а съ 1269 года также Каринтіей и Крайной. Онъ трудился ревностно надъ распространеніемъ нѣмецкой культуры въ Богеміи и Моравіи, поощрялъ иммиграцію нѣмцевъ въ эти области, основывалъ въ нихъ города и стремился къ сліянью ихъ съ остальными своими владѣніями; подъ знаменемъ Иннемысла зарождался великій и единый восточно-германскій политическій центръ. Оттокаръ работалъ усиленно также

и въ сѣверо-восточномъ направленіи и поддерживалъ тѣсное соприкосновеніе съ распространяющимся въ этомъ направленіи германскимъ вліяніемъ; вновь основанный городъ Кенигсбергъ (Королевская гора) былъ названъ такимъ именемъ въ честь этого короля, въ память о помощи, оказанной имъ Тевтонскому ордену. При всемъ томъ, само собою понятно, что курфюрсты ни за что не хотѣли избрать Оттокара королемъ и старались даже устранить его отъ участія въ выборахъ.

а) Рудольфъ I Габсбургъ.

29-го сентября 1273 года курфюрстами былъ избранъ на королевскій престолъ даже не князь, а аламанскій графъ Рудольфъ Габсбургъ, наслѣдникъ архіепископа майнцскаго Вернера. Родовыя владѣнія Рудольфа были расположены въ Зундгау и Ааргау; изъ громаднаго наслѣдства прекратившагося въ 1218 г. рода Цернигеновъ значительная доля перешла къ Габсбургу (черезъ родъ Кибурговъ и вмѣстѣ съ родовыми владѣніями этого рода); эти значительныя швабско-бургундскія земельныя владѣнія еще расширились благодаря стараніямъ дѣятельнаго, ловкаго и трезваго Рудольфа. Стало быть, этотъ человекъ, призванный съ юго-запада для борьбы съ новымъ Генрихомъ Львомъ на востокъ, вовсе не былъ ничтожной личностью! Съ самаго же начала Рудольфъ принялся рѣшительно за упроченіе своего положенія, какъ короля. Отношенія между нимъ и Оттокаръ были такія же, какъ въ свое время между королемъ Конрадомъ I и свѣтлѣйшимъ герцогомъ саксонскимъ Оттономъ; даже въ отношеніяхъ обоихъ этихъ соперниковъ къ князьямъ-избирателямъ и выборамъ замѣчаются кое-какія точки соприкосновенія. Была между ними, однако, и существенная разница; въ то время какъ Конрадъ уклонялся отъ столкновенія съ своимъ соперникомъ, владѣвшимъ гораздо большей территоріей, но не желавшимъ быть королемъ, потому что, во всякомъ случаѣ, князья не захотѣли бы имѣть его своимъ королемъ, и заботился лишь о томъ, чтобы передать престолъ своему сыну, Рудольфъ сейчасъ же рѣшился на смѣлый шагъ и задумалъ уничтожить Оттокара и прибрать къ своимъ рукамъ его владѣнія и его политическое могущество. Съ этого момента напраиваются опять параллели съ Фридрихомъ I, сокрушившимъ монархоподобнаго Вельфа. Рудольфъ ухватился въ качествѣ юридическаго повода за нарушеніе ленныхъ обязанностей, сослался на рѣшеніе имперскаго сейма и съ надлежащими формальностями потребовалъ богемца къ королевскому суду. У Оттокара были свои внутренніе противники, какъ и у Генриха: имъ было недовольно высшее духовенство его владѣній, и Рудольфъ привлекъ на свою сторону этихъ союзниковъ. Кроме того, онъ воспользовался партикулярническимъ теченіемъ среди чеховъ, недовольныхъ германизаторскою дѣятельностью своего владѣтельнаго князя и сославшихся на венгерскаго короля Владислава IV, который дѣйствовалъ въ противоположномъ направленіи (т. V, стр. 377). Съ помощью всѣхъ этихъ союзниковъ Рудольфъ одержалъ верхъ въ тяжеломъ рѣшительномъ бою, а Оттокаръ не только проигралъ сраженіе на Мархфельдскомъ полѣ около Дюрнкрута, но даже погибъ тутъ же отъ руки своихъ собственнхъ подданныхъ (26 августа 1278 года). Не имперскимъ князьямъ былъ обязанъ Рудольфъ своимъ успѣхомъ; напротивъ того, нѣкоторые изъ нихъ стали чѣстными союзниками Оттокара, какъ только германскій король изъ графовъ обнаружилъ свои цѣли. Тѣмъ не менѣе ловкій, энергичный Рудольфъ справился со всѣми затрудненіями. Владѣнія потомковъ Пшемисла были ограничены Богеміей и Моравіей къ удовольствію всѣхъ остальныхъ владѣтельныхъ князей, что нанесло рѣшительный ударъ превращенію этихъ областей въ сознательный и руководящій центръ нѣмецкаго вліянія на востокъ, надъ созданіемъ котораго трудились Оттокаръ: германизация и иммиграція приостановились; насильственно

оттѣсненная отъ своего прежняго пути политика послѣдующихъ Пшемысловичей стала бросать свои взгляды на Польшу и Венгрію и направила свое вниманіе на пенѣмскія цѣли. Австрія и Штирія управлялись на первыхъ порахъ имперскими памѣстниками, но мало-по-малу Габсбургъ незамѣтно прибралъ ихъ къ своимъ собственнымъ рукамъ; Каринтія и Крайна были переданы его близкому другу и помощнику, герцогскому и тирольскому герцогу Мейнгарду, дочь котораго Елизавета вышла замужъ въ 1276 году за первенца Рудольфа, Альбрехта.

Изъ Австріи Рудольфъ пытался наложить руку на Венгрію въ пользу своей династіи (т. V, стр. 377). На западѣ, вокругъ своихъ габсбургскихъ графскихъ владѣній, онъ стремился возстановить въ пользу своего дома герцогство Швабское и власть короны въ Бургундіи. Однако, всѣ эти стремленія не привели къ цѣли. Тѣмъ не менѣе, пріобрѣтенія, сдѣланныя имъ благодаря своей храбрости и непрерывнымъ хлопотамъ, были настолько велики, что его попытки добиться избранія его преемникомъ сына его, Альбрехта Австрійскаго встрѣтили рѣшительный отпоръ со стороны владѣтельныхъ князей. По всей вѣроятности, они были бы согласны на избраніе его третьяго сына, Рудольфа, такъ какъ традиція о наследственныхъ правахъ на корону и царствующаго рода еще не вымерла, несмотря на всѣ превратности; къ тому же младшему Рудольфу предстояло унаслѣдовать только старинное родовое имѣніе Габсбурговъ, но этотъ сынъ скончался въ 1290 году еще при жизни своего отца. Впрочемъ, для отстраненія Альбрехта была выдвинута новая точка зрѣнія: ссылались на важность яко бы утвердившагося обычая; указывали, что Рудольфъ I не короновался императоромъ, а потому не полагается избирать римскаго короля и его преемника при его жизни.

Что касается отношенія императорской власти къ Италіи, то Рудольфъ отказался окончательно уже въ 1275 и 1279 годахъ для удовлетворенія папы отъ Нижней Италіи и Сициліи, равно какъ и отъ рекупераций Церковной области (стр. 27), возобновилъ всѣ обязательства Оттона IV и Фридриха II, данныя ими во время ихъ союзныхъ отношеній съ папой, и добился отъ папы Григорія X признанія за нимъ королевской короны. Такимъ образомъ возстановленіе власти Германской имперіи въ Верхней Италіи осталось открытымъ вопросомъ, и оттуда получались изъявленія покорности Рудольфу черезъ его посланниковъ.

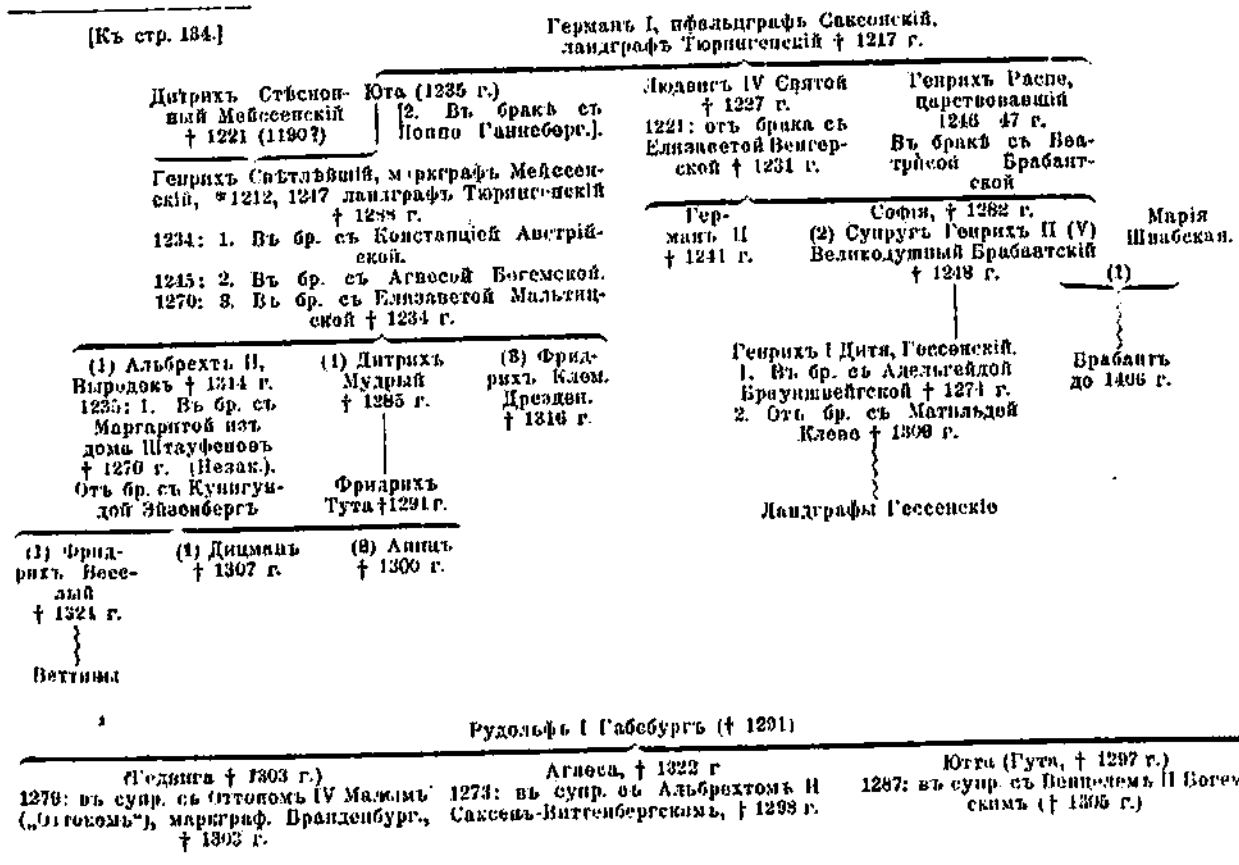
б) Адольфъ Нассаускій и Альбрехтъ I.

Послѣ смерти Рудольфа I, послѣдовавшей 15 іюля 1291 г., былъ избранъ королемъ 4 мая 1292 года человекъ еще менѣе вліятельный, чѣмъ былъ Рудольфъ въ 1273 г., графъ Адольфъ Нассаускій; за свое избраніе его заставили заплатить чистоганомъ изъ остатка государственныхъ имуществъ. Для того, чтобы выдвинуться впередъ, онъ избралъ одинъ путь, тотъ самый, по которому шелъ Рудольфъ: онъ стремился прибрать къ своимъ рукамъ владѣнія нѣсколькихъ князей. Для этой цѣли онъ рѣшилъ воспользоваться тяжелыми семейными раздорами въ родѣ Веттиновъ. Сначала Веттины владѣли Мейссеномъ, а послѣ смерти Генриха Расе (въ 1277 г.) они пріобрѣли Тюрингенъ въ то время, какъ гессенская часть этой области перешла въ видѣ особаго ландграфства къ брабантскому наслѣднику по женской линіи Тюрингенскаго ландграфскаго дома, мужская линія котораго прекратилась (въ 1262 г.: ср. родословное дерево на стр. 135). Воспользовавшись этимъ семейнымъ раздоромъ среди Веттиновъ, Альбрехтъ откупилъ верховныя права на владѣніе Мейссеномъ и Тюрингенномъ у изъ спорящихъ сторонъ, которая разочаровалась въ успѣхъ, съ помощью денежной субсидіи, которую выдавала ему съ 1294 г. Англія за его обѣщаніе выступить вмѣстѣ съ его собственнымъ вой-

скомъ и германскимъ рыцарскимъ ополченіемъ, въ союзъ съ нею, противъ Франціи. Все планы Адольфа Нассаускаго отличались крайней шаткостью, и онъ запутался въ нихъ, такъ какъ онъ былъ лишенъ спокойнаго, холоднаго и предусмотрительнаго ума Фридриха I.

Между тѣмъ, къ борьбѣ съ Адольфомъ стали готовиться кромѣ Веттиновъ, которыхъ онъ собирался ограбить, также и Альбрехтъ Австрійскій. Какъ братъ шести замужнихъ сестеръ, онъ завязалъ связи съ трюми изъ своихъ зятьевъ, князьями Богемскимъ, Саксенъ-Виттенбургскимъ и Бранденбургскимъ¹, привлекая ихъ на свою сторону перспективой болѣе или менѣе осязательныхъ выгодъ, уладилъ свои споры съ ними и заключилъ съ ними союзъ противъ короля. Такъ какъ избиратели Адольфа все отпугивались однимъ за другимъ отъ своего протѣже, то благодаря стараніямъ Венцеля II и майнцакаго архіепископа Альбрехтъ былъ избранъ королемъ 23 іюня 1208 г., а вмѣстѣ съ тѣмъ курфюрсты объявили Адольфа низложеннымъ съ престола. Сраженіе при Гельгеймѣ недалеко отъ Доннерсберга рѣшило споръ въ пользу Рудольфа. Адольфъ палъ на полѣ битвы.

Тѣ самыя силы, которыя помогли ему выдвинуться, когда онъ былъ въ оппозиціи въ роли одного изъ двухъ соперничающихъ между собой королей, стали относиться къ нему недружелюбно, какъ только онъ остался единственнымъ государемъ. Ему не удавалось удовлетворить надолго всѣхъ своихъ пособниковъ, для чего онъ, между прочимъ, рѣшилъ отказаться отъ своихъ герцогствъ и передать ихъ своимъ сыновьямъ въ видѣ общаго лена. Скоро обнаружилось, что страсть Габсбурговъ къ территориальнымъ захватамъ еще нисколько не насытилась. Онъ присвоилъ себѣ купленные Адольфомъ права на мейссенскія владѣнія, пытался наложить руку на Зеландію и Фрисландію послѣ смерти ихъ владѣтеля Іоанна I въ 1299 г., но вынужденъ былъ уступить ихъ Іоанну II Авену изъ Геннегау, имѣвшему право на наследованіе этихъ областей по женской линіи. Въ своей политикѣ по отношенію къ городамъ Рудольфъ I обнаружилъ колебанія: сначала онъ пытался обложить города тяжелыми налогами въ пользу короны, но успѣхъ его оказался неважнымъ; а затѣмъ онъ сталъ стремиться къ

превращенію купеческихъ республикъ въ своихъ политическихъ друзей (эту политику продолжалъ также и Адольфъ). Альбрехтъ сразу и твердо вступилъ на этотъ послѣдній путь: въ ноябрѣ 1298 г. онъ уничтожилъ въ пользу городовъ всѣ таможенныя заставы, устроенныя (противозаконно) съ 1245 г. мѣстными владѣтельными князьями. Въ своихъ связяхъ съ некняжескими слоями аристократіи и рыцарствомъ онъ шелъ по слѣдамъ низверженнаго имъ Адольфа. Такимъ образомъ обострилось противорѣчіе между высшей аристократіей, курфюрстами и королевскою властью, снова пріобрѣтшей фактическую силу съ помощью другихъ сословій, и дѣло дошло до открытаго столкновенія. Главными защитниками сильнаго положенія, занятаго курфюрстами, и руководителями ихъ въ борьбѣ съ короной и Габсбургами были и на этотъ разъ, какъ всегда въ эту эпоху, три рейнскихъ архіепископа, трирскій, майнцскій и кельнскій, и кромѣ нихъ пфальцграфъ изъ рода Виттельсбаховъ, Рудольфъ Запка. Бранденбургъ, Саксонія и Богемія держались такого образа дѣйствій, который въ данный моментъ былъ наиболѣе выгоденъ для ихъ положенія, какъ владѣтельныхъ князей. Вообще они попросту предоставляли свой голосъ во время избранія короля тому или другому изъ архіепископовъ курфюрстовъ. Названные четыре курфюрста соединили свои силы 14 декабря 1300 г. въ Геймбахѣ недалеко отъ Бингена и низложили Альбрехта съ престола; онъ быстро разбилъ ихъ, одного велѣлъ за другимъ.

По отношенію къ Франціи и къ папѣ король старался держаться такого образа дѣйствій, который не связывалъ бы ему рукъ въ Германіи. Священническая митра папы преобразовалась въ то время благодаря Банифацію VIII въ увѣнчанную короной тиару верховнаго владыки всего міра. Этотъ преемникъ Григорія и Иннокентія съ его широкими замыслами и непреложными теоріями выступилъ противъ имперіализма Франціи съ самыми крайними изъ тѣхъ притязаній, которыя выдвигались когда-либо папскимъ престоломъ противъ германскихъ императоровъ. Борьба между обѣими верховными властями, духовной и свѣтскою, разгорѣлась теперь между Римомъ и Франціей, что было характернымъ признакомъ перемѣны, произошедшей въ общемъ положеніи вещей (срав. объ этомъ ниже, стр. 246). По отношенію къ Германіи Риму приходилось только добиваться упроченія того, что было уже отвоевано, а въ этомъ направленіи Альбрехтъ оставался неизмѣннымъ союзникомъ папы съ конца 1302 г. 30 апрѣля 1303 года онъ добился, наконецъ, отъ папы своего утвержденія королемъ, съ которымъ папа медлилъ до тѣхъ поръ и безъ котораго Альбрехтъ неохотно обходился; вмѣстѣ съ тѣмъ король согласился безъ всякихъ оговорокъ, чтобы избирательное право курфюрстовъ и власть избраннаго короля или императора считались исходящими отъ верховной власти папы. Эти уступки были наивысшимъ триумфомъ іерархической теоріи надъ общепризнаннымъ правительствомъ германскаго государства, котораго курія достигла когда бы то ни было; все-таки на практикѣ онѣ имѣли мало значенія; пожалуй, онѣ заставляли въ гораздо болѣеи степени притязанія курфюрстовъ на широкія полномочія, чѣмъ короля. Вдобавокъ непосредственно велѣлъ за этимъ французскій король съ своей стороны нисколько не постѣнился отвѣтить на папскія теоріи и на свое отлученіе отъ церкви плѣненіемъ папы посреди его собственной Церковной об-

¹ [См. стр. 135.]

Флоренцъ IV, графъ Голландскій и Зеландскій, † 1234 г.

Вильгельмъ II, королемъ 1247—56 г. Адельгейла, † 1284 г.

(1246 г.)

Іоаннъ I Авенъ, † 1257 г.

Флоренцъ V; завоевалъ Фрисландію († 1296 г.)

Іоаннъ II Авенъ, † 1304 г.

Въ супр. съ Филиппомъ Люксембургскимъ († 1311 г.)

Іоаннъ † 1299 г.

1297: въ супр. съ Елизаветой Англійскою

ласти 7 сентября 1303 года. Начиная съ преемника этого папы, Бенедикта XI, папы превратились на продолжительное время въ послушное орудіе французской короны, которая назначила имъ резиденціей вмѣсто Рима Авиньонъ.

Альбрехтъ добился того, что послѣ прекращенія династїи Пшемысла въ 1306 году богемская корона досталась его сыну, Рудольфу. Однако этотъ послѣдній скончался уже въ юль 1307 года; богемская корона досталась противъ воли германскаго короля Генриху Каринтійскому (т. V, стр. 245). Въ довершеніе несчастья его военачальникъ Генрихъ фонъ Нортенбергъ былъ разбитъ при Луккѣ Фридрихомъ и Дицманомъ Веттинами 31 марта 1307 года. При всемъ томъ положеніе короля было прочнымъ и сильнымъ. Онъ былъ бы въ состояніи превратить опять корону связаннаго со всѣхъ сторонъ избраннаго короля въ настоящую монархію, но былъ убитъ 1 мая 1308 года своимъ племянникомъ Иоанномъ, сыномъ упомянутаго на страницѣ 134 Рудольфа, который требовалъ своего исконнаго габсбургскаго родового наслѣдства и былъ убѣжденъ, что подъ успокоительными увѣреніями короля скрывается намѣреніе опять отнять ихъ у него. Преждевременная смерть суроваго и не стѣснявшагося въ средствахъ Альбрехта была такой же тяжелой утратой для исторїи германской королевской власти, какъ и гибель Генриха V.

Б. Возникновеніе Люксембургской династїи.

а) Генрихъ VII.

Послѣ смерти Альбрехта дѣло рукъ реальнаго политика Габсбурга, начавшееся усиленіе монархіи, досталось въ наслѣдство идейной политикѣ его преемника Генриха VII. Его братъ Валдуинъ, всего 22 лѣтъ отъ роду, избранный незадолго предъ тѣмъ трирекимъ архіепископомъ и курфюрстомъ, и майнцскій архіепископъ Петръ фонъ-Аспельтъ, родомъ изъ Люксембурга, выставили кандидатомъ на тронъ этого мелкаго графа Люцельбургскаго (Люксембургскаго; онъ родился около 1274—76 г.), и 27 ноября 1308 года имѣлъ успѣхъ на выборахъ. Соперникомъ его былъ Карлъ Валуа, братъ французскаго короля Филиппа IV. Такимъ образомъ, попытка Франціи положить руку на германскую корону окончилась неудачей, и опасенія, внушаемыя рейнскимъ владѣтельнымъ князьямъ ихъ западнымъ сосѣдомъ, были устранены. Впрочемъ, самъ Генрихъ тоже прожилъ свои юношескіе годы во Франціи, былъ полуфранцузомъ по своему воспитанію и по своимъ связямъ, хотя его владѣнія были чисто франконскими.

И вотъ теперь этотъ приверженецъ романской культуры взялся за возстановленіе величія Римско-Германской имперїи въ старомъ объемѣ ея исторической теорїи, какъ будто въ Германїи и въ Италїи не существовало никакихъ путей и неодолимымъ препятствїемъ. Онъ смотрѣлъ на существующее положеніе скорѣе глазами Каперинга, чѣмъ глазами имперскаго владѣтельнаго князя. Нѣкоторыя обстоятельства даже благопрїятствовали на первыхъ порахъ его начинаніямъ. Этотъ человекъ, не обладавшій большими владѣніями, полужужестрапецъ, не имѣлъ въ Германїи никакихъ серьезныхъ завязыхъ противниковъ, съ которыми ему приходилось бы бороться. Папа Климентъ V, находившійся въ зависности отъ Франціи, и французскій король были склонны каждый въ отдельности къ предоставленію ему до известной степени свободы дѣйствїи, такъ какъ онъ могъ помочь имъ устроить свои дѣла и, можетъ быть, предпринять внослѣдствїи для папы новый большой крестовый походъ, съ которымъ не переставала связывать своихъ старыхъ вселенскихъ надеждъ курїя, ничему не научившаяся изъ опыта пѣлыхъ двухъ столѣтїи. Курїи казалось, что если новый король будетъ имѣть успѣхъ, то онъ разорветъ цѣпи, наложенныя на папу Франціей. Съ тѣхъ поръ, какъ Италїя избавилась отъ Штауфеновъ, она убѣдилась, что это освобожденіе не дало ей мира, а на-

противъ того, повсюду усилилось мѣстное соперничество между гибеллинами и гвельфами въ такой степени, что не одинъ только гибеллинскія партіи готовы были привѣтствовать возстановителя порядка, пришедшаго съ той стороны Альпійскихъ горъ, и съ нимъ связывались частью величавыя (Данте Алигieri), частью мелкія своекорыстныя надежды. Всѣ германцы, которые могли стать выше узко утилитарныхъ соображеній, были даже увлечены этимъ возвратомъ къ преданіямъ эпохи не забытыхъ народомъ Штауфеновъ, хотя на этотъ разъ дѣло ограничивалось скорѣ мечтательнымъ воодушевленіемъ, чѣмъ фактической рѣшимостью. Однако Богемія, съ которой у Петра Аспельта были старая связь, предложила корону Шемесловичей лѣтомъ 1310 года родившемуся въ 1296 году сыну Генриха, Иоанну, вмѣстѣ съ рукою королевской дочери Елизаветы (срв. томъ V, стр. 245), такъ какъ карингіецъ не сумѣлъ утвердиться на престолѣ; предложеніе было принято, но, тѣмъ не менѣе, не исчезла возможность соглашенія съ Габсбургомъ.

При такихъ-то условіяхъ люцельбуржецъ першелъ въ концѣ октября 1310 года съ 3,000 чел. кавалеріи черезъ Монъ-Сени и появился въ Ломбардіи. Однако та же самая властная императорская идея, которая опредѣлила характеръ всего предпріятія и служила для него нравственной и реальной опорой, вскорѣ умалила и испортила первоначальный безпретенсивный его успѣхъ. Генрихъ отказался отъ образованія своей партіи изъ тѣхъ группъ, которыя готовы были примкнуть къ нему. Что онъ изъясняютъ ему преданность исключительно для того, чтобы онъ помогъ партійнымъ цѣлямъ, — этого онъ не могъ выносить; онъ хотѣлъ быть не королемъ, ставленникомъ одной какой-либо партіи, а стоящимъ выше всѣхъ примирителемъ, объединителемъ, водворяющимъ миръ императоромъ. Онъ охотно принималъ изъясненія преданности, съ которыми встрѣчала его по временамъ одна сторона, преимущественно гибеллинская, но сейчасъ же начиналъ привлекать къ себѣ и отстранявшуюся отъ него противную сторону, а иногда самъ шелъ къ ней навстрѣчу съ выгодными условіями; другая сторона становилась недовольной, и происходила путаница, — отъ торжественныхъ встрѣчъ и посвященій въ рыцари онъ переходилъ вскорѣ къ осадамъ и суровымъ расправамъ (см. прил. табл.: „Битва и судъ во время римскаго похода Генриха VII“). Изъ крайней необходимости король все-таки вынужденъ былъ вступать въ соглашеніе съ партіями для того, чтобы удержаться въ Ломбардіи. Между тѣмъ для трезвой неаполитанской Анжуйской династіи представлялся необыкновенно удобный случай къ увеличенію числа своихъ надежныхъ приверженцевъ въ важнѣйшихъ городахъ Верхней Италіи и въ Римѣ. Коронованіе Генриха ломбардской короной (6 января 1311 г.) сошло еще довольно гладко, но его вѣнчаніе императорской короной имѣло уже довольно неприглядный видъ: церемонія была исполнена тремя кардиналами въ Латеранскомъ соборѣ (29 іюля 1312 г.), а не въ соборѣ св. Петра, такъ какъ онъ не могъ заставить впустить себя туда. Теперь Генрихъ призналъ самымъ опаснымъ своимъ противникомъ неаполитанскаго короля и открылъ противъ него военныя дѣйствія въ союзѣ съ арагонскимъ королемъ Фридрихомъ Сицилійскимъ¹. Папа Климентъ V считалъ эту войну не необходимымъ условіемъ для обезпеченія положенія Генриха въ Верхней Италіи, а возвратомъ къ по-

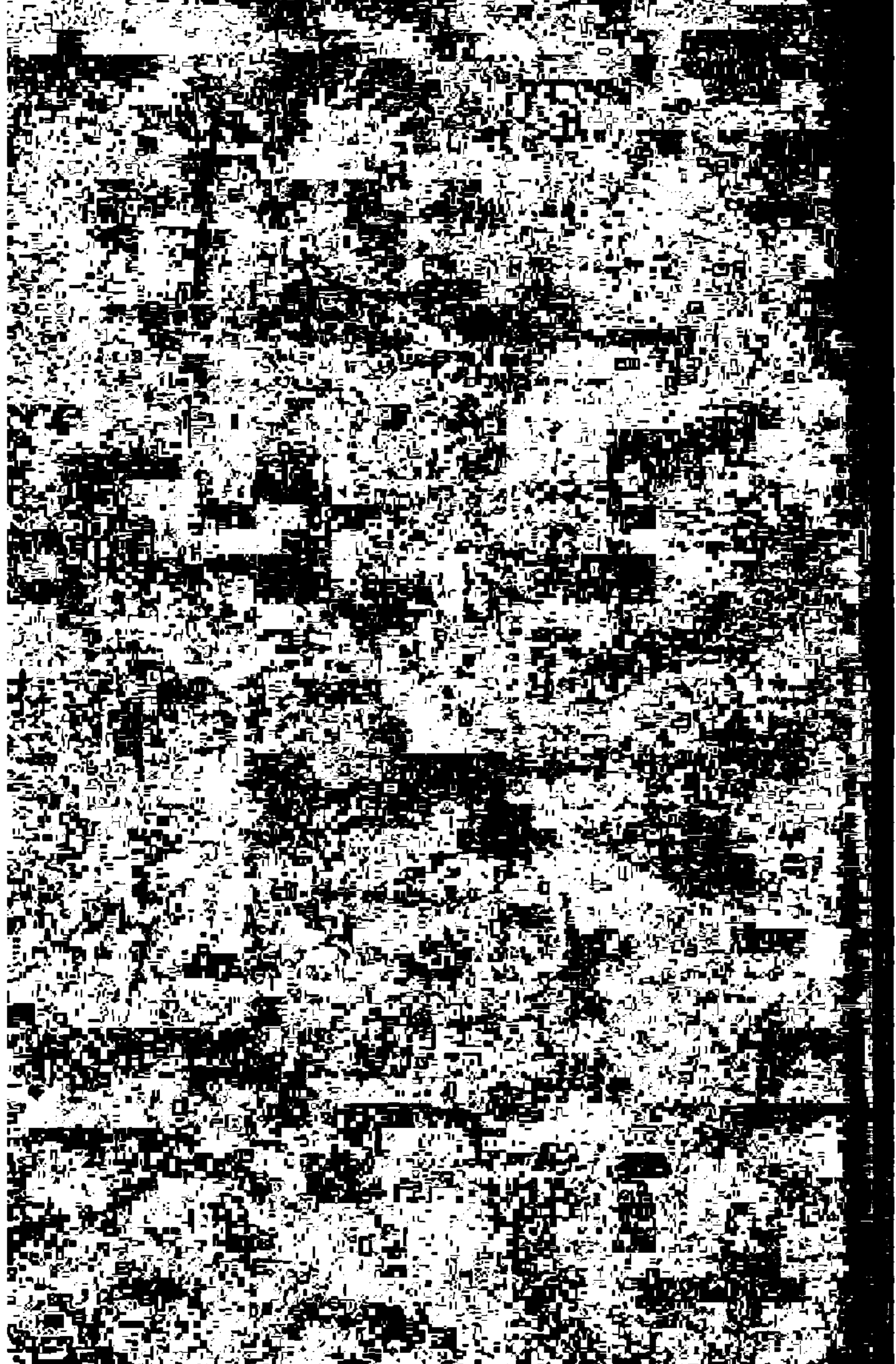
Карль II Неаполитанскій, † 1309 г. 1270: въ супруж. съ Маріей Венгерской († 1323, томъ V, стр. 380).	Иаковъ I Арагонскій, † 1276 г.	Магфредъ, † 1266 г.
	Петръ III Арагонскій, † 1285 г.	Констанца Неаполитанская и Сицилійская, † 1302 г.
		1362
Робертъ Неаполитанскій, † 1343 г.	Бланка, † 1310 г. Корол. Арагон. до 1410 г.	Иаковъ II Арагонскій и Сицилійскій, † 1327 г.
		Фридрихъ Сицилійскій † 1337 г. Фридрихъ Красивый, 1330 г.
		Елизавета (1315 г.)

Per sedes in medio turris detinuit in thesauris.

Bellum ibi Goydo de Turri erat.

3. Битва и судъ во время римскаго похода Генриха VII.

1 рис.: Король Генрихъ усмиряетъ 12 февраля 1311 года возставших миланцевъ подъ предводительствомъ Гвидо делла Торре.

Bellum [надъ этимъ словомъ написано другимъ почеркомъ, вѣроятно, рукою епископа Балдуина: melant], ibi Gwido de Turri evasit.

Сраженіе (въ Миланѣ); въ этомъ сраженіи Гвидо делла Торре спасся бѣгствомъ.

Графъ Вернеръ фонъ Гомбергъ (его гербъ состоитъ изъ двухъ черныхъ орловъ, расположенныхъ одинъ надъ другимъ, на желтомъ фонѣ), одинъ изъ храбрѣйшихъ бойцовъ германскаго войска, страшилще своихъ противниковъ въ бою и выѣстъ съ тѣмъ миссезенгеръ, разбиваетъ сильнымъ ударомъ меча шлемъ и голову гвельфскаго предводителя (гербъ послѣдняго состоитъ изъ двухъ расположенныхъ накрестъ серебряныхъ скипетровъ съ лиліями на красномъ фонѣ). Справа, на заднемъ фонѣ, храбрый предводитель рыцарей Тевтонскаго ордена франконскій командоръ Конрадъ фонъ Гупдольфингенъ (черный крестъ на серебряномъ полѣ) дерется съ итальянцемъ (синее поле съ серебряными звѣздами). Герцогъ Леопольдъ Австрійскій (красное поле съ серебряной перекладной), цвѣтъ германскаго рыцарства, нападаетъ рядомъ съ нимъ на одного изъ членовъ рода Торре (красное поле). Слева спѣшатъ къ полю битвы: Фридрихъ фонъ Вуртшейдъ, принадлежащій къ древнему, еще процвѣтающему роду Люцельбургскихъ владѣтельныхъ князей (три красныхъ виноградныхъ листа или сердца на серебряномъ полѣ), прекрасный, обладающій рыцарскою осанкой графъ Вальрамъ фонъ Люцельбургъ (въ каскѣ), братъ короля, затѣмъ зять Генриха, графъ Амедей Савойскій (серебряный крестъ на красномъ фонѣ) и вассалъ Люцельбурговъ, рыцарь Готфридъ фонъ Бонгартъ (серебряная перекладная на красномъ полѣ) изъ герцогства Лимбургскаго. Всѣ эти воины, принадлежащіе къ рыцарскому сословію, наображены въ полномъ рыцарскомъ парадѣ. Щиты, нагрудники и попоны украшены однимъ и тѣмъ же геральдическимъ знакомъ. Изъ-подъ нагрудника виднѣются папщеры, прикрѣпленные къ ногамъ пластичками и шинами и зашпеленные на груди стальными латами. Руки прикрыты кожаными паручниками. Сѣдла сдѣланы изъ разноцвѣтной кожи съ высокими спинками спереди и сзади. Кромѣ Люцельбурга головы покрыты у всѣхъ бойцовъ шлемами съ опущенными забралами. Мечи фонъ Бонгарта и синяго итальянца соединены легкой цѣпью съ нагрудными латами.

2 рис.: Король Генрихъ творитъ судъ надъ мятежнымъ Миланомъ и бѣжавшимъ съ поля сраженія делла Торре.

Rex sedet in iudicio, turres destruxit in Melant.

Король творилъ судъ и уничтожилъ крѣпостныя башни (игра словъ: turris, итал. torre обозначаетъ башню и фамилію делла Торре) въ Миланѣ.

Король со скипетромъ, украшеннымъ лиліей, въ рукѣ, съ короной на головѣ, сидитъ на золотомъ креслѣ, покрытомъ коврами, съ локотниками, оканчивающимися собачьими головами. Король одѣтъ въ золотую парчу; плащъ, за край котораго король держится лѣвой рукой, краснаго цвѣта и подбитъ мѣхомъ. Епископы въ красныхъ таларахъ съ мѣховою опушкой, князья и бароны въ торжественныхъ нарядахъ и папщерахъ стоятъ по обѣимъ сторонамъ короля. На переднемъ фонѣ слева сидитъ или стоитъ на колѣняхъ миланское населеніе въ пестрыхъ разорванныхъ платьяхъ и приноситъ присягу на повиновеніе королю; справа городской совѣтъ подноситъ королю ключи города; приговоръ, вынесенный Гвидо делла Торре и другимъ виновнымъ членамъ того же рода, бѣжавшимъ въ Кремону, присуждалъ ихъ къ смертной казни и конфискаціи имущества; дядя Гвидо, епископъ Кассоно, вынужденъ былъ отправиться въ изгнаніе на нѣкоторое время.

(По книгѣ Г. Ирмера: „Путешествіе въ Римъ императора Генриха VII“ изъ цикла рисунковъ Codex Balduini Trevirensis, изд. дирекціей Королевскаго Прусскаго Государственнаго архива, Берлинъ 1881 г. Таблица, воспроизведенная здѣсь — это единственная раскрашенная таблица изъ всего драгоцѣннаго кодекса, относящагося къ началу XIV столѣтія.

пыткамъ Альфреда и Конрадина и открытымъ нарушеніемъ обѣщаній, данныхъ Генрихомъ. Вѣроятно, Климентъ былъ правъ, и если бы этотъ императоръ провелъ успѣшно свои послѣдніе планы, то изъ него выросъ бы новый Фридрихъ II, который, въ концѣ-концовъ, оставилъ бы даже и Германію съ пустыми руками. Король французскій Филиппъ былъ тоже крайне раздраженъ, какъ и папа. Между папою и королемъ началась полемика при посредствѣ юристовъ и публицистовъ: каждая изъ обѣихъ сторонъ отстаивала справедливость своихъ взглядовъ. Императорская теорія, которую Генрихъ защищалъ, доказывая, вмѣстѣ съ тѣмъ, что его образъ дѣйствій объясняется необходимостью, безъ сомнѣнія, подвергала опасности все приобрѣтенія, сдѣланныя за послѣднее время куріей и французскимъ империализмомъ. Изъ Сициліи вышелъ превосходный флотъ, который обѣщаль играть рѣшающую роль въ исходѣ войны; самъ императоръ, который занялъ позицію противъ Флоренціи, центра военныхъ дѣйствій въ Верхней Италіи, находившагося во власти вельфовъ и Анжуйской династіи, выступилъ изъ вѣрной ему Пизы и отправился на югъ. Какъ разъ теперь, въ самый напряженный моментъ, онъ скончался отъ болѣзни 24 августа 1313 г., испытавши какъ разочарованія, такъ и успѣхи, окруженный какъ друзьями, такъ и врагами.

б) Фридрихъ (III) Красивый и Людовикъ IV Баварскій.

Теперь въ Германіи стали готовиться къ избранію короля, съ одной стороны, австрійская, а съ другой — люцельбургско-майнцакая партія; обѣ онѣ были настолько сильны, что не оставалось мѣста для третьей. Такъ какъ богемской кандидатурѣ мѣшали, между прочимъ, юпошескіе годы Іоанна, то эта партія стала на сторону кандидатуры Виттельсбаха противъ Габсбурга. Передъ воротами города Франкфурта, въ которомъ происходило избраніе короля, недалеко отъ Саксенгаузена, былъ избранъ 19 октября 1314 г. изгнаннымъ изъ своихъ владѣній Генрихомъ Каринтійскимъ, какъ претендентомъ на Богемскій курфюрстерскій престолъ, затѣмъ владѣтельными князьями Саксенъ-Виттенбергскимъ и Кельнскимъ Фридрихъ III Красивый Австрійскій, но на слѣдующій же день на правомъ берегу Майна состоялось другое избирательное собраніе, состоявшее изъ владѣтельныхъ князей майнцакого, трирекаго, бранденбургскаго, саксенъ-лауэнбургскаго, и богемскаго короля Іоанна, на которомъ королемъ былъ избранъ Людовикъ IV Верхне-Баварскій. На сторону Габсбурговъ противъ Людовика перешелъ послѣ этого также братъ послѣдняго Рудольфъ Занка, владѣтельный князь Шфальца, который былъ во враждебныхъ отношеніяхъ со своимъ братомъ.

Весьма снодручнымъ для Людовика оказалось то сопротивленіе, съ которымъ были встрѣчены аламанскія территориальныя стремленія Габсбурга уже съ средины XIII столѣтія со стороны объединившихся въ союзъ общинъ „Лѣсного округа“ („Waldstätte“), и переходъ этого недовольства въ мѣстную войну, въ которой Леопольдъ, братъ и первый защитникъ Фридриха, потерпѣлъ тяжелое пораженіе у Моргартена отъ крестьянъ кантоновъ Швицъ и Ури 15 ноября 1315 г. Хотя нынѣшняя Швейцарія основательно считаетъ начальнымъ пунктомъ (вѣрнѣе сказать, юбилейной датой) своего возникновенія древнѣйшій изъ документально доказанныхъ подобныхъ союзовъ, именно тотъ, который былъ заключенъ 1 августа 1291 г. между Швицомъ, Ури и Унтервальденомъ, тѣмъ не менѣе ни въ этотъ разъ, ни въ другихъ подобныхъ древнѣйшихъ историческихъ событіяхъ не шла рѣчи объ отдѣленіи швейцарцевъ отъ Германской имперіи. Швейцарцы добивались скорѣе общаго непосредственнаго своего подчиненія имперіи, а по отношенію къ кантону Ури въ этомъ не можетъ быть даже и сомнѣнія; стало быть, рѣчь шла объ освобожденіи отъ власти Габсбурга, какъ мѣстнаго владѣтельнаго князя. Въ этомъ своемъ стремленіи Лѣсной

округъ былъ поддержанъ 3 іюня 1309 г. Генрихомъ VII, а послѣ этого и Людовикъ Баварскій тоже отнесся къ нему одобрительно (29 марта 1316 г.).

Война, которую онъ велъ съ Фридрихомъ, состояла по преимуществу изъ ряда мелкихъ стычекъ и непрерывнаго исканія приверженцевъ; 28 сентября 1322 г. она значительно подвинулась впередъ послѣ сраженія при Мюльдорфѣ, въ которомъ Фридрихъ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ раньше, чѣмъ Леопольдъ успѣлъ придти къ нему на помощь со свѣжими силами. Рѣшительнаго значенія это сраженіе не имѣло, такъ какъ партія Фридриха сохранила свои силы; самъ Фридрихъ, отцуженный изъ крѣпости Траусница для того, чтобы склонить своихъ приверженцевъ къ примиренію, вернулся ни съ чѣмъ. Послѣ личнаго сближенія съ нимъ Людовикъ предоставилъ ему по Мюнхенскому договору 5 сентября 1325 г. право на участіе въ управленіи государствомъ. Однако въ дѣйствительности положеніе дѣлъ выяснилось только послѣ смерти Леопольда, послѣдовавшей 28 февраля 1326 г.; съ этихъ поръ Фридрихъ остается исключительно владѣтельнымъ княземъ своихъ родовыхъ земель съ личнымъ титуломъ римскаго короля (скончался 13 января 1330 года).

Послѣ сраженія при Мюльдорфѣ Людовикъ пріобрѣтаетъ перевѣсъ въ Германіи несмотря на то, что онъ лишился окончательно дружбы люцельбургско-богемской партіи за свое соглашеніе съ Габсбургомъ. Іоаннъ сталъ относиться къ нему враждебно еще раньше по слѣдующему поводу: послѣ прекращенія рода Асканіевъ въ Бранденбургѣ въ іюль 1320 года Людовикъ сначала отдалъ было въ видѣ лена богемскому королю Бауенъ, Лебау и Каменецъ, но весной 1323 г. онъ посадилъ въ это курфюршество своего собственнаго сына Людовика. Для самаго Бранденбурга правленіе Виттельсбаха имѣло лишь значеніе временнаго эпизода, не повлекшаго за собою никакихъ послѣдствій для этой области и не пріобрѣвшаго никакой популярности; напротивъ того, можно даже сказать, что вслѣдъ за нимъ пошли тяжелыя времена и усилилось внутреннее разстройство.

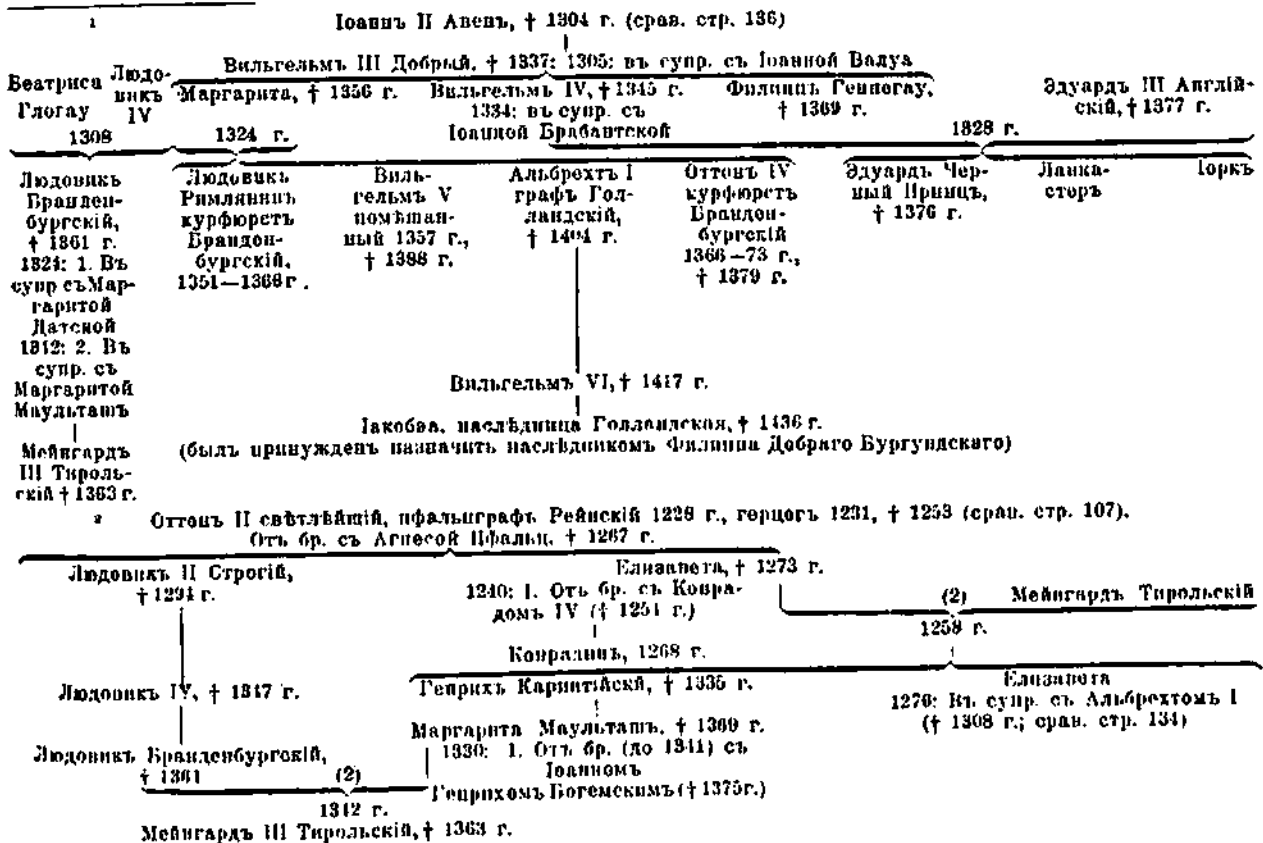
Чѣмъ больше усиливался Людовикъ, тѣмъ враждебнѣе становился къ нему папа Іоаннъ II, жившій въ Авиньонѣ. Папа хотѣлъ принудить Виттельсбаха къ такому же подчиненію себѣ, на какое согласился отецъ Фридриха, король Альбрехтъ I; при этомъ Іоаннъ XXII ничѣмъ не чувствовалъ себя обязаннымъ предъ габсбургскою партіей. 8 октября 1323 года онъ заявилъ протестъ противъ Людовика на томъ основаніи, что Людовикъ присвоилъ себѣ королевскій престолъ безъ утвержденія папы, и потребовалъ его въ Авиньонъ къ отвѣту на 11 іюля 1324 года. Въ этомъ навязанномъ ему столкновеніи на помощь къ королю и его юристамъ явились дѣятельные помощники въ лицѣ монаховъ миноритовъ. Оригинальное направленіе, внесенное ими въ орденъ францисканцевъ, и ихъ строгая проповѣдь бѣдности такъ сильно стѣсняли курію, эксплуатировавшую въ финансовомъ отношеніи весь Западъ, что она стала преслѣдовать этихъ монаховъ, какъ еретиковъ (Декреталія 22 ноября 1323 года). Послѣдовавшая затѣмъ смѣлая и искусная литературная полемика ордена съ папой, подрывавшая основы занятаго папой положенія и его притязаній, присоединила къ интересамъ ордена также и интересы Людовика, а такъ какъ распространенные повсюду минориты были весьма популярны среди городского населенія, то ихъ проповѣди отняли у народа всякій страхъ предъ отлученіемъ и интердиктомъ, наложенными на короля.

Такъ какъ Людовику нечего было опасаться въ Германіи, то онъ отправился въ Италію, прибылъ въ Римъ, былъ тамъ помазанъ епископомъ некардиналомъ, что было своеобразнымъ повшествомъ, получилъ корону изъ рукъ представителя городского населенія, *Capitano del popolo Romano* (17 января), и заставилъ низложить съ престола папу, какъ еретика (18 апрѣля 1328 года). Другихъ послѣдствій, которыя имѣли бы болѣе общее значеніе, не имѣла эта поѣздка въ Римъ, закончившаяся безрезультатно.

татно въ декабрѣ 1329 года, за исключеніемъ того, что налоги и другія требованія императора оживили снова нерасположеніе римлянъ къ императорской власти.

Въ Германіи поведеніе папы Іоанна (скончавшагося въ 1334 году) и его преемника Бенедикта XII привело, наконецъ, къ знаменитому Ренскому сейму курфюрстовъ (16 іюля 1338 года), на которомъ курфюрсты рѣшили, что избранный король пріобрѣтаетъ право на управленіе государствомъ, королевскій титулъ и право на императорскую корону благодаря акту избранія и что, слѣдовательно, императорская и королевская власть имѣютъ своимъ источникомъ не произволеніе папы, а даются непосредственно Божьей милостью. Эти же самыя рѣшенія были приняты послѣ этого также и франкфуртскимъ имперскимъ сеймомъ въ августѣ того же года. Въ это время замышлялась въ Германіи война съ Франціей, покровительницей папства, въ союзѣ съ Англіей; король Эдуардъ III¹ явился 31 августа въ Кобленцъ и сѣлъ на ступеняхъ трона, на которомъ сидѣлъ императоръ въ полномъ облаченіи. Такимъ образомъ, снова были выдвинуты болѣе широкія представленія о германской императорской власти, и, наконецъ, надменное посягательство папы на права германской короны объединило противъ себя всѣ сословія имперіи. Въ это время Людовикъ могъ бы возсоздать совершенно заново власть короны, если бы вниманіе королей было направлено въ эту сторону, а не на территориальныя пріобрѣтенія. Въ послѣдующій періодъ поведеніе его характеризовалось искреннимъ примиреніемъ съ Франціей въ 1341 году и куріей въ 1343 году, а затѣмъ при случаѣ противозаконнымъ вторженіемъ въ ихъ права.

Іоаннъ Богемскій соваталъ своего сына Іоанна Генриха съ Маргаритой Маульташъ, наслѣдницей Генриха, владѣтельнаго князя Каринтіи и Тироля; она была старше всего супруга и предпочитала ему первенца императора, Людовика Бранденбургскаго. Папа былъ настроенъ враждебно противъ Виттельсбаховъ; поэтому они не могли обратиться къ нему съ просьбой о расторженіи брака и снятіи брачнаго запрещенія съ обоихъ влюбленныхъ, какъ близкихъ между собой родственниковъ²; разрѣшеніе на вступленіе

въ бракъ было дано самимъ императоромъ, что было весьма своеобразнымъ присвоеніемъ несомнѣнныхъ правъ духовенства. Въ то время нельзя было предвидѣть, что черезъ Маргариту, пережившую своего сына и своего второго мужа, принадлежавшей ей Тироль перейдетъ, въ концѣ-концовъ, не къ Виттельсбахамъ, а къ Габсбургамъ. Этому послѣднему дому Людовикъ помогъ пріобрѣсти Каринтію въ 1335—36 годахъ для того, чтобы она не досталась, по крайней мѣрѣ, Люцельбургамъ черезъ Маргариту Маульташъ: когда же эта столь завидная невѣста досталась ему самому, онъ пытался, кромѣ своихъ видовъ на Тироль, вернуть себѣ также надежду на унаслѣдованіе Каринтіи, но всѣ его старанія не привели ни къ чѣму и только повели къ болѣе тѣсному союзу между его противниками. Люцельбургами и Габсбургамъ. Болѣе широкаго распространенія своихъ территориальныхъ владѣній, какого раньше безуспѣшно добивались Габсбурги (стр. 135), императоръ Людовикъ достигъ въ 1345 году послѣ смерти Геннегаускаго графа Вильгельма, владѣтеля Голландіи и Зеландіи. Людовикъ сочетался вторымъ бракомъ съ сестрой покойнаго, Маргаритой; въ ея руки, какъ наслѣдницы и опекущи ея сына Вильгельма, онъ передалъ управление освободившимся имперскими ленами.

в) Карль IV (до Золотой буллы).

Съ тѣхъ поръ, какъ владѣнія Виттельсбаха опоясали всю имперію отъ Геннегау и Браденбурга до Тироля, нечего было и думать о переходѣ имперскаго престола къ сыну императора. Всѣ хлопоты предъ курфюретами остались безплодными. Въ то же время новый папа Клементъ VI возобновилъ дѣятельно борьбу съ императоромъ. Моравско-богемскій князь Карль, который правилъ государствомъ вмѣсто своего отца Юанна, ослѣпшаго въ 1340 году, былъ личнымъ другомъ папы: ради него папа возвелъ въ 1344 году Прагу на степень архіепископской резиденціи и устранилъ, такимъ образомъ, изъ Богеміи и Моравіи вліяніе майнцакаго митрополита: 13 апрѣля 1346 г. Климентъ VI торжественно проклялъ аварца. Карль прибылъ самъ въ Авиньонъ, отрекся отъ рѣшенія Ренскаго сейма курфюретовъ, согласился на всѣ когда-либо предъявлявшіяся верховныя притязанія курін и еще, кромѣ того, на то требованіе, чтобы императоръ могъ оставаться въ Римѣ только въ день коронаціи, чтобы папѣ принадлежала роль третейскаго судьи въ недоразумѣніяхъ между императоромъ и Франціей, и т. д. Кромѣ его двоюроднаго дѣда, курфюрета Трирскаго Балдуина, на сторону Карла перешли Майнцъ, Кельнъ и Саксенъ-Виттенбергъ: отлученные отъ церкви курфюреты Пфальцскій и Браденбургскій были лишены права голоса при избраніи императора, и такимъ образомъ было обезпечено избраніе Карла королемъ въ Рензѣ 11 іюля 1346 г.

Карль IV былъ полной противоположностью своему дѣду Генриху. Благородный рыцарскій характеръ Генриха еще давалъ себя чувствовать въ его сынѣ Юаннѣ съ его неутомимой страстью къ приключеніямъ и храбростью; но въ третьемъ поколѣніи возобладала трезвость и здравый расчетъ. Карль упрочилъ монархію въ Богеміи какъ по отношенію къ ея престижу, такъ и въ финансовомъ отношеніи; онъ былъ прежде всего администраторомъ и бюрократомъ; какъ таковой, онъ оставилъ по себѣ важныя слѣды въ правительственной исторіи Германіи. Какъ одинъ изъ двухъ соперничающихъ между собою королей, который пользовался незначительнымъ вліяніемъ и котораго окончательно не признавали дворянство и города, онъ нашелъ другое примѣненіе своимъ силамъ на первыхъ порахъ: 26 августа 1346 г. онъ дрался на сторонѣ французовъ противъ англичанъ въ битвѣ при Кресси рядомъ со своимъ слѣпымъ, привязаннымъ къ сѣдлу, отцомъ, который погибъ въ этомъ сраженіи. Смерть императора Людовика, послѣдовавшая 11 октября 1347 года, признала его

къ королевской дѣятельности. Однако, онъ не достигъ еще единоличной власти, такъ какъ партія Виттельсбаховъ не думала отказываться отъ власти. Естественный глава этой партіи, Людовикъ Бранденбургскій въ 1348 г. былъ захваченъ и закованъ въ кандалы лже-Вальдемаромъ, который не только пользовался поддержкой со стороны противниковъ Людовика и Ангальтскаго дома, но признавался настоящимъ Вальдемаромъ большею частью страны, привѣтствовавшей его послѣ далеко не отраднаго правленія Людовика; поэтому давнишніе сторонники Людовика Баварскаго и противники Карла Богемскаго избрали голосами четырехъ курфюрстовъ другого короля, Гюнтера Шварцбургскаго (30 января 1349 г.). Однако хитрый Карлъ оттянулъ мало-по-малу отъ этого послѣдняго его сторонниковъ, склонилъ на свою сторону Габсбурга, курфюрста Пфальцскаго и даже Людовика Бранденбургскаго, низвергнувъ въ 1350 г. самозванца, личность котораго не выяснена и до сихъ поръ. Королевская власть Гюнтера, и безъ того признававшаяся на незначительномъ пространствѣ, прекратилась быстро еще за годъ предъ тѣмъ: 26 мая Гюнтеръ отказался отъ престола, а 14 июня онъ скончался.

Въ интересахъ Габсбурга Карлъ отказался отъ политики прежнихъ королей и пересталъ поддерживать Швейцарскій союзъ; напротивъ того, онъ пытался даже помѣшать распространенію его въ Аламанин, но безъ результата. Союзъ старыхъ 8 округовъ „alte acht Orte“ охватилъ въ послѣднее время, кромѣ лѣсныхъ округовъ, также Люцернъ, Цюрихъ, Гларусъ, Цугъ и Бернъ, т.-е. частью принадлежащія Габсбургамъ, частью непосредственно подчиненныя императору швабскія или же раньше относившіяся къ Бургундіи области. Послѣ безплодной осады Цюриха въ 1354 г. (срав. т. VII, стр. 180) Карлъ перешелъ черезъ Альпы и прошелъ черезъ весь полуостровъ до самаго Рима въ качествѣ мирнаго оптоваго торговца привилегіями и титулами: въ древней всемірной столицѣ, въ которой распоряжался въ это время полновластно, въ качествѣ замѣстителя проживающаго въ Авиньонѣ папы Иннокентія VI, кардиналъ Эгидій Альборнозъ, Карлъ IV пробылъ всего только одинъ день, строго соблюдая привилегіи папы. Въ этотъ же день, 5 апрѣля 1355 г., на него была возложена императорская корона. Несмотря на такія отношенія между императоромъ и папой, именно въ его царствованіе были изданы тотъ важный имперскій законъ, который не только положилъ конецъ вліянію папы на возведеніе на престолъ германскихъ королей и далъ систематическое разрѣшеніе многихъ еще связанныхъ съ курфюршескимъ правомъ вопросовъ, но, кромѣ того, поставилъ на новую почву внутренній миръ въ Имперіи и вообще долженъ считаться такимъ событіемъ въ исторіи германскаго государства которое собрало и объединило Германію и упрочило въ ней порядокъ: мы говоримъ о Золотой буллѣ (срав. объ этомъ т., VII, стр. 196).

III. Кельты.

Соч. профессора доктора Эдуарда Гейка.

1. Группировка.

Кельты, о положеніи которыхъ въ индогерманской семьѣ народовъ уже было упомянуто на стр. 27, дѣлятся на основаніи различій между кельтскими языками, поскольку это позволяетъ наличный запасъ источниковъ, прежде всего, на британскую и гельскую подгруппы; о томъ, насколько діалектическія подгруппы единой въ отношеніи языка группы могутъ быть разсматриваемы, какъ этническія подраздѣленія, колѣна, другими словами, какъ образуются въ сущности такія подгруппы, уже было сказано тамъ же.

Къ британской подгруппѣ принадлежатъ, прежде, всего жители Уэльса, такъ какъ безпощадные завоеватели англосаксы оттѣснили предъ собою съ востока на западъ въ Уэльскія горы кельтское первобытное население Британіи. Ихъ языкъ, на которомъ говорятъ еще и понынѣ и который поддерживается изъ уваженія къ старинѣ различными искусственными мѣрами, какъ, напримѣръ, посредствомъ поощренія мѣстной литературы, національныхъ праздниковъ и т. п., называется кимрскимъ. Къ той же британской подгруппѣ принадлежитъ близкій къ уэльскому корнуэльскій языкъ, вымершій около 1800 года. Затѣмъ, бретанцы французской Бретани — это тоже выходцы изъ Корнуэльса, которые переселились черезъ Ламаншъ на материкъ въ V столѣтіи послѣ Р. Х., спасаясь отъ англосаксовъ. Они тоже говорятъ еще и понынѣ на различныхъ народныхъ нарѣчіяхъ одного изъ кельтскихъ языковъ, составляющаго самостоятельно развившуюся отрасль корнуэльскаго.

Этой британской подгруппѣ кельтскихъ языковъ противопоставляется подгруппа гельскихъ языковъ, на которыхъ говорили, а въ ограниченномъ размѣрѣ говорятъ еще и понынѣ, кельты Ирландіи, Шотландіи и ближайшихъ острововъ.

Однако, обѣ эти подгруппы обнимаютъ только тѣхъ кельтовъ, которые населяли Великобританскіе острова или выселились оттуда. Что касается языка верхне-италійскихъ и галльскихъ кельтовъ, то въ прежнее время нѣкоторые изслѣдователи склонны были сближать скорѣе съ британскими, чѣмъ съ галльскими нарѣчіями, имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи скудные источники для изученія ихъ языка, значительная часть которыхъ откинута вдобавокъ въ настоящее время; съ другой стороны, I. Г. Куно доказалъ болѣе тѣсное родство этихъ „настоящихъ“ галловъ съ гелами. Что касается другихъ кельтскихъ народовъ, для изученія языка которыхъ не сохранилось даже и такого матеріала, какъ надписи и не исковерканныя собственныя имена цизальпийскихъ и трансальпийскихъ галловъ, то могутъ быть высказаны только догадки, основанныя на историческихъ и географическихъ отношеніяхъ этихъ народовъ.

Слово „кельты“, принятое въ наукѣ, какъ общій терминъ для обозначенія всей группы, было названіемъ, изобрѣтеннымъ самими кельтами

въ противоположность названію германцевъ. Слѣдовательно, кельты обладали болѣе ясными представленіями объ этнографическомъ родствѣ между отдѣльными народами, обнимавшими если не всѣхъ кельтовъ, то весьма значительную часть всей группы, т. е. ихъ кругозоръ былъ гораздо шире, чѣмъ у германцевъ, и выходилъ далеко за политическіе предѣлы мелкихъ первобытныхъ государствъ. И дѣйствительно, уже въ лицѣ друидовъ мы видимъ носителей культуры, облегчавшей пріобрѣтеніе подобныхъ познаній и примѣнявшей ихъ на практикѣ. Слово „кельты“ объясняется, какъ производное отъ латинскаго *celsus*, что значитъ высоко-родный; такой эпитетъ вполне соотвѣтствуетъ національной гордости и самоувѣренію этихъ народовъ, которое отмѣчается уже древнѣйшими изъ сообщавшихъ о нихъ иностранныхъ писателей. Напротивъ того, слову *galli*, происходящему отъ собственнаго кельтскаго корня *gal*, приписывается значеніе „воинственный“, что соотвѣтствовало бы такимъ общимъ чертамъ всѣхъ кельтовъ, какъ храбрость и страсть къ войнѣ. Греки, рано перенявшие слово „кельты“, передаютъ это названіе также въ другой формѣ— „галаты“, болѣе близкой къ латинскому слову *galli*. Можетъ быть, тутъ играло роль то явленіе, что кельтамъ было свойственно удлиненіе собственныхъ именъ посредствомъ слога, состоящаго изъ буквы „t“ и гласной (*Helvii* — *Helvetii*); такъ, напримѣръ, при ихъ посредствѣ названіе германскаго народа узиповъ дошло до Цезаря въ формѣ „узипеты“.

Такимъ образомъ возникаютъ вопросы, ключъ къ разрѣшенію которыхъ заключается скорѣе во взаимныхъ отношеніяхъ между этими словами „кельты“, „галаты“ и „галлы“, чѣмъ въ вышеупомянутыхъ двухъ словообразованіяхъ. Добавимъ еще, что въ тѣхъ случаяхъ, когда римляне сталкивались съ галлами безъ посредства грековъ, то они, вообще, называли ихъ галлами; напротивъ того, въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ вліяніе грековъ отразилось на самихъ кельтахъ и на свѣдѣніяхъ, распространяемыхъ о нихъ, какъ, напр., въ Испаніи и кругомъ Массилии, они довольствовались словомъ „кельты“. Что слова „кельты“ и „галаты“ были туземными народными понятіями, доказывается, во-первыхъ, тѣмъ, что они могутъ быть произведены отъ кельтскаго корня, а во-вторыхъ—существованіемъ личныхъ собственныхъ именъ, начинающихся слогомъ „кельтъ“. Слово „германцы“ не примѣняется для подобнаго словообразованія, потому что оно не германскаго происхожденія и никогда не получало распространенія среди германцевъ (срав. стр. 43), несмотря на ихъ пристрастіе ко всему чужому.

Въ качествѣ общихъ особенностей кельтовъ указываютъ на ихъ высокій ростъ, свѣтлый цвѣтъ лица и волосъ, привѣтливость, храбрость, страсть къ войнѣ и жпвость, слабое стремленіе къ трезвой пользѣ, которое подавляется самоувѣреніемъ, поверхностностью и хвастовствомъ, остроуміе, страсть къ ораторству и къ громкимъ словамъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, также поэтическое чутье и рыпарское благородство; всѣ эти черты, дѣйствительно, подтверждаются всѣмъ тѣмъ, что извѣстно о галлахъ. Выраженіе Катона, что галлы любятъ больше всего войну и красное слово, „*rem militarem et argute loqui*“, сопоставлялось неоднократно съ погоней современныхъ французовъ за славой и уметвеннымъ блескомъ, а Цезарь, жившій на сто лѣтъ позже Катона, какъ всѣмъ извѣстно, дополнилъ и иллюстрировалъ эту характеристику.

Не случайнымъ было то явленіе, что, начиная со второго столѣтія послѣ Р. Х., Галлія стала главнымъ центромъ римскихъ риторскихъ школъ, вліяніе которыхъ длилось въ теченіе многихъ вѣковъ и было главнымъ источникомъ напыщенной средневѣковой стилистики; оно отзывается даже въ нынѣшней традиціонной церковной риторикѣ. Узаконенная дуэль съ ея различными примѣненіями тоже кельтскаго происхожденія. Какъ сильно было въ этомъ отношеніи вліяніе кельтовъ на германцевъ въ древнѣйшія времена, это—вопросъ, еще не выясненный. Отлпчаюсь общи-

тельностью, кельты сыграли важную роль въ культурной исторіи всѣхъ трехъ главныхъ алкогольных напитковъ: пива (заимствованное средне-вѣковымъ латинскимъ и романскими языками названіе этого напитка *cerveisia* или *cervisia* либо кельтскаго происхожденія, либо, по крайней мѣрѣ, получило эту форму у кельтовъ), вина и, наконецъ, водки, и, наоборотъ, эти напитки играли очень видную роль въ ихъ исторіи. Современные французы, конечно, давно уже преодолѣли эту беззаботную страсть къ напиткамъ, которая была свойственна ихъ народу на зарѣ его юности; но бытописатели кельтовъ-провъ все еще отмѣчаютъ ихъ слабость къ алкоголю. Галлія была обѣтованной страной торговцевъ виномъ до тѣхъ поръ, пока она довольствовалась виномъ, привозимымъ изъ Массиліи и Италіи; нерѣдко покупатель отдавалъ раба за кувшинъ вина. Естественно, что винодѣліе рано проникло въ Галлію изъ Массиліи; въ этой странѣ была изобрѣтена деревянная бочка. Для наиболѣе отдаленныхъ временъ слѣдуетъ допустить, что распространеніе кельтовъ происходило сухимъ путемъ и что они двигались черезъ средину материка, не приходя въ раннее соприкосновеніе съ Средиземнымъ и Балтійскимъ морями. Намъ приходится оставить въ сторонѣ вопросъ о томъ первобытномъ населеніи, которое они застали въ Европѣ въ этотъ ранній періодъ. Когда кельты появились на историческомъ горизонтѣ грековъ, перваго изъ культурныхъ народовъ, который оставилъ о нихъ свѣдѣнія, то они уже заселили, вѣроятно, значительную часть нынѣшней Южной, а можетъ быть, и Средней Германіи, равно какъ и Франціи и, успѣли уже проникнуть въ Испанію, такъ что Геродотъ и историки позднѣйшихъ поколѣній относили Пиренейскій полуостровъ къ числу кельтскихъ странъ.

А. Кельты и иберы.

То предположеніе, что кельты прибыли изъ Франціи въ Испанію моремъ, такъ какъ не достаетъ связующаго географическаго звена между ихъ поселеніями въ обѣихъ этихъ странахъ,—вѣроятно, но не представляетъ безусловной необходимости. Что греки впервые обратили вниманіе на кельтовъ, какъ на этнографическую обособленную группу, именно, въ Испаніи, это обстоятельство не представляетъ ничего удивительнаго, такъ какъ между Греціей и Испаніей поддерживались торговыя морскія сношенія, а въ эпоху первоначальнаго развитія культурнаго обмѣна сухопутныя торговыя сношенія и свѣдѣнія о материковыхъ путяхъ сильно отстаютъ отъ мореплаванія. Впослѣдствіи фокейскій городъ Массилія завязалъ важныя сношенія съ кельтами Галліи; главнымъ предметомъ торговли были здѣсь, какъ и въ Иберіи, продукты горюдѣлія и олово, привозимое изъ Британіи. Въ самыя раннія времена торговля оловомъ находилась въ рукахъ финикійцевъ; они получали его изъ Иберіи; масиліоты упрядочили доставку его изъ Британіи въ Галлію и дальнѣйшую его перевозку по торговымъ путямъ, ведущимъ черезъ послѣднюю страну.

Болѣе плотно были населены кельтами только сѣверо-восточная и внутренняя часть Испаніи; но выходящимъ оттуда рѣчнымъ долинамъ они проникли до западнаго берега; во всей остальной части Испаніи удержались иберы неиндогерманскаго происхожденія. Одни высказываютъ такое предположеніе, что населеніе Испаніи состояло изъ чисто иберійскихъ, чисто кельтскихъ и, въ третьихъ, смѣшанныхъ кельто-иберійскихъ народностей. Другое объясненіе толкуетъ греческое названіе „кельтоиберы“ въ смыслѣ неопредѣленнаго, употреблявшагося для практическаго удобства термина, комбинаціи, изобрѣтенной писателями, въ то время какъ въ дѣйствительности обѣ эти части населенія были обособлены и не смѣшивались между собою. Иберы (небольшой остатокъ которыхъ сохранился въ настоящее время въ видѣ басковъ) жили, впрочемъ, также и къ сѣверу

отъ Пиренеевъ и занимали нѣкогда все пространство до рѣки Гаронны. Замѣчательно то совпаденіе, что древнѣйшая изъ доступныхъ [опредѣленію границъ между langue d'oc, съ одной стороны, и французскимъ языкомъ, съ другой, соотвѣтствуетъ разграниченію между частью Галліи, свободной отъ кельтовъ, и той частью, въ которой они преобладали.

Б. Кельты Великобританскихъ острововъ.

Въ то время, какъ кельты, по нашимъ свѣдѣніямъ, никогда не доходили до Балтійскаго моря, они достигли на обширномъ пространствѣ береговъ Нѣмецкаго моря и переправились черезъ него или черезъ Ламаншъ на оба большихъ и на малые острова Великобританіи. Когда это случилось и какъ долго продолжалось это переселеніе, остается совершенно невыясненнымъ; такимъ же темнымъ остается вопросъ о предшествовавшемъ имъ первобытномъ населеніи Великобританіи. Шотландскіе Cruithnigh, какъ они назывались на гельскомъ языкѣ, или пикты (разрисованные, татуированные) въ переводѣ на латинскій языкъ, признаются въ послѣднее время не кельтами и не индо-германцами. Эти пикты, или этнографически близкіе къ нимъ народы, населяли, вѣроятно, до вторженія кельтовъ не только Шотландію, но и Британію. Современную Англію заселили или завоевали кельты „британской“ лингвистической подгруппы, Brithon. Нѣкоторые факты заставляютъ придти къ заключенію, что между бельгами и близкими ихъ сосѣдями бритами, отдѣленными отъ нихъ узкимъ каналомъ, существовала тѣсная связь; такъ извѣстно, что около Портсмута, Соутгемптона и на островѣ Уайтѣ жилъ особый народъ подъ именемъ „бельги“, что по обѣмъ сторонамъ канала встрѣчаются названія народовъ Atrebates, Brigantes, Menapii, Parisii, что, наконецъ, слово „бриты“ существовало въ видѣ мѣстнаго названія среди бельговъ материка. Возможно допустить, что вторженіе германцевъ послужило поводомъ къ усиленной эмиграціи бельговъ въ Британію (стр. 43). Однако, всѣ эти вопросы очень темны, не говоря уже о томъ, что не имѣется никакихъ твердыхъ хронологическихъ датъ; возможно, что кельты переселились въ Британію морскимъ путемъ изъ той же сѣверо-западной части Германіи, откуда передвинулась въ западномъ и юго-западномъ направленіи на другую сторону Рейна та часть бельговъ, которая принадлежала къ кельтамъ и откуда впоследствии перешли въ Британію германцы, англо-фризы. Предлагается такое толкованіе, что въ словѣ „бриты“ часть взята вмѣсто цѣлаго и что оно приобрѣло только впоследствии значеніе общаго термина для обозначенія этихъ эмигрантовъ съ материка и родственныхъ имъ группъ населенія, но что первоначально этимъ именемъ называлась народность, жившая въ историческія времена, но безъ сомнѣнія и раньше, на рѣкѣ Сонѣ ниже Амьена. Какъ уже сказано, эмиграцію бритовъ въ Англію слѣдуетъ отличать отъ гельской эмиграціи въ Ирландію и оттуда въ Шотландію. Такимъ образомъ на Великобританскіе острова было перенесено до нѣкоторой степени то же распределеніе галльскихъ кельтовъ на двѣ подгруппы, галловъ въ тѣсномъ смыслѣ и бельговъ, какую мы находимъ на материкѣ, такъ что и тутъ, на островахъ, каждая изъ этихъ подгруппъ имѣла свой особый кругъ интересовъ и свои особыя развѣтвленія.

Цезарь предпринялъ двѣ экспедиціи въ Британію съ развѣдочными цѣлями, а окончательно покорена была Британія римлянами въ 43 г. послѣ Р. Х., за исключеніемъ сѣверной части Шотландіи, Каледоніи или варварской Британіи, какъ выражались римляне (довольно не точно). Эта сѣверная часть Шотландіи осталась во власти пиктовъ. Независимой осталась также Ирландія, безъ сомнѣнія, занятая въ то время гелами (гойделами). Названіе Іерне, очевидно, туземнаго происхожденія; оно встрѣчается съ раннихъ поръ у грековъ и стоитъ въ связи со словомъ „Эринъ“; римляне передѣлали его въ

Ибернию, а англо-саксы превратили его въ названія „Ирландія“, „Иры“. Скотты, которые были тѣми же гелами, переселившимися изъ Ирландіи, съ IV столѣтія стали принимать участіе въ нападеніяхъ пиктовъ на римскую Британію, отгороженную съ сѣвера двумя укрѣпленными валами, а сами утвердились въ сѣверо-западной части Каледоніи. Отъ нихъ Каледонія получила свое общераспространенное названіе „Шотландія“, такъ какъ въ IX столѣтіи пикты были включены въ государство скоттовъ (стр. 167). Прѣжнія отношенія между этими названіями все еще сказывалось въ томъ, что въ теченіе ранняго средневѣковья повсюду называли ирландскихъ монаховъ, занимавшихся распространеніемъ христіанства на материкъ, скоттами (Ироскоттами). Съ другой стороны, жители Нижней Шотландіи, германцы по происхожденію, называютъ еще и понинѣ переселившихся въ древности изъ Ирландіи горныхъ шотландцевъ-кельтовъ *ireshries*. Названіе *Alban*, *Albion*, существующее уже, по крайней мѣрѣ со II столѣтія, какъ доказано документально, кельтскаго происхожденія, но обозначало первоначально Шотландію, а затѣмъ и весь Каледонско-Британскій островъ.

В. Галлы въ Верхней Италіи.

Въ прекрасную плодородную Верхнюю Италію, которую они использовали слабо въ экономическомъ отношеніи, кельты проникли черезъ Альпы приблизительно около 600 лѣтъ до Р. Хр., отбѣснивши прѣжнихъ жителей этой страны, этрусковъ, лигурійцевъ, иллирійцевъ, а впоследствии также и умбровъ (т. IV, стр. 317). Эти орды переселенцевъ состояли изъ группъ, отдѣлившихся отъ различныхъ кельтскихъ народовъ, извѣстныхъ намъ подъ тѣми же именами, какъ жители различныхъ частей Галліи, Южной Германіи или Богеміи; конечно, изъ этого еще не слѣдуетъ, что во время этого переселенія основное ядро этихъ народовъ уже занимало эти извѣстные намъ мѣста. Захватъ Италіи галлами произошелъ не въ видѣ однократнаго вторженія, а былъ медленнымъ процессомъ, продолжавшимся нѣсколько столѣтій. Они осѣли раньше всего у подошвы Альпъ, а послѣдующія толпы эмигрантовъ размѣщались на внѣшнемъ фронтѣ своихъ соплеменниковъ. Поэтому позже всѣхъ прибывшіе сеноны расположились къ югу отъ всѣхъ остальныхъ, въ томъ мѣстѣ, въ которомъ Апеннинскія горы доходятъ до берега, около Риминіи и Синналіи (*Sena Gallica*). Къ сѣверу отъ нихъ, около Равенны, въ нижней части дельты рѣки По, въ общемъ, вправо отъ рѣчной долины жили лингоны. Между рѣкой По и Апеннинскими горами расположились бойи съ главнымъ городомъ Болоньей, около Вероны—кеноманы, около Милана—инсубры, раньше всѣхъ другихъ переселившіеся въ Италію. Кельтскій языкъ звучитъ здѣсь еще и понинѣ въ названіяхъ мѣстностей; такъ, на примѣръ, мы здѣсь встрѣчаемся съ рѣкой Рено, городомъ Болоньей, точно такъ же, какъ къ сѣверу отъ Альпъ мы находимъ такіа названія, какъ Рейнгъ, Боннъ или Булонь-сюръ-мэръ.

Полнаго мира никогда не водворялось между галлами въ Италіи, а окружающее ихъ населеніе тоже не оставлялось ими въ покоѣ; если миръ не нарушался новыми пришельцами, то галлы вели непрерывныя войны съ своими сосѣдями. Кромѣ того, дружины—этотъ институтъ былъ свойствененъ какъ имъ, такъ и германцамъ (стр. 53)—пускались въ смѣлые и перѣдко довольно грозныя набѣги и доходили до самой Апуліи. Однимъ изъ этихъ набѣговъ, стало быть, само по себѣ, вовсе не значительнымъ событіемъ, былъ походъ той орды сеноновъ подъ начальствомъ анонимаго предводителя „бренна“ (на гальскомъ языкѣ „военачальникъ“), который разбилъ римлянъ на рѣкѣ Алліи въ 390 году до Р. Х., занялъ городъ Римъ, осадилъ Капитолійскій кремль и заставилъ римлянъ откупиться деньгами, что и было главною цѣлью галловъ. Полибитъ изображаетъ намъ подобныя дружины у галловъ Сѣверной Италіи въ такомъ же видѣ, въ ка-

комъ опѣ существовали у галловъ транзальпинскихъ, т. е. жившихъ къ сѣверу отъ Альпъ. По словамъ этого писателя итальянскіе галлы занимались земледѣліемъ, и въ этой благословенной странѣ они относились къ сельскому хозяйству серьезнѣе, чѣмъ жители Галліи даже въ болѣе позднюю эпоху и чѣмъ британцы и ирландцы еще болѣе поздняго періода. Тѣмъ не менѣе цизальпинскіе галлы не сокращали своего скотоводства ради земледѣлія; богатство этихъ кельтовъ, какъ и жителей Галліи, тоже заключалось болѣею частью въ скотъ; значительная часть нынѣшней Ломбардіи была покрыта лѣсами и утилизировалась исключительно для откармливанія свиней.

Съ транзальпинскими галлами итальянскіе галлы состояли въ весьма слабой географической связи, а можетъ быть, они были совершенно оторваны отъ нихъ, такъ какъ еще не выяснена вполне этнографическая принадлежность всѣхъ промежуточныхъ народностей; во всякомъ случаѣ, между тѣми и другими сохранялось живое чувство родства. Хотя между сосѣдними группами часто возникали раздоры, и итальянскіе кельты, разбросанные между лигурійцами, этрусками, венецами, умбрами, а впоследствии также и римлянами, не выработали у себя замкнутыхъ политическихъ формъ, тѣмъ не менѣе, они всегда получали поддержку съ той стороны Альпъ во время наступательныхъ войнъ, предпринимавшихся противъ нихъ римлянами.

Г. Галаты въ Малой Азіи.

Подобно Италиі на Балканскій полуостровъ тоже проникли орды кельтовъ, искателей новыхъ земель. Около 280 года до Р. Х. такія полчища подъ предводительствомъ своего брэнца появились въ Македоніи и Фессалии, но были разбиты въ 279 году недалеко отъ Дельфъ этолянами, фокійцами и локрами и ушли къ сѣверу. Одна кельтская колонія удержалась въ теченіе нѣкотораго времени во Фракіи. Немного спустя, въ 277 году, подобныя же полчища кельтовъ были приняты къ себѣ на службу вѣнскимъ королемъ Никомедомъ, который воевалъ съ своимъ братомъ изъ-за престола; послѣ ухода этихъ галловъ со службы они стали страшнымъ бичемъ для всего населенія Малой Азіи и, наконецъ, въ 235 году они перешли къ осѣдлой жизни въ Великой Фригіи; тутъ они быстро ассимилировались съ греками, но остались извѣстными подъ своимъ прежнимъ именемъ галатовъ (оно встрѣчается, между прочимъ, также и въ Новомъ Завѣтѣ). Въ ихъ составъ вошли представители слѣдующихъ народовъ: трокмеровъ, толитобойевъ и тектозаговъ (срав. томъ IV, стр. 132 и 63).

Д. Галлы въ современной Франціи.

Въ транзальпинской Галліи (т. е. Галліи по ту сторону Альпъ, считая отъ Рима) первобытное населеніе, отгнѣненное и раздробленное вторгшимся туда въ очень раннюю эпоху кельтами, состояло, по крайней мѣрѣ, изъ двухъ группъ: иберовъ, удержавшихся на юго-западѣ, и лигуровъ—на рѣкѣ Ронѣ. Альпы съ ихъ удобными долинами и проходами никогда не мѣшали народамъ одной группы расселяться по обѣ стороны отъ нихъ; таковы лигуры, реты, этруски, галлы и германцы. Въ болѣе позднюю эпоху кельтскіе жители римской Галліи распались на галловъ въ тѣсномъ смыслѣ и бельговъ; границей между тѣми и другими служили рѣки Сена и Марна. Романская филологія указала на то обстоятельство, что эта линія соответствуетъ въ настоящее время границѣ между романскими и пикардскими диалектами. Въ болѣе позднюю доисторическую эпоху къ бельгамъ вторглись изъ-за Рейна новыя пришельцы; какъ истые германцы, эти послѣдніе закалили и укрѣпили народныя силы бельговъ, такъ что получился

замѣтный контрастъ между ними и настоящими галлами; но эти германцы съ своей стороны болѣе или менѣе быстро переняли кельтскій языкъ, точно такъ же, какъ побѣдоносный предводитель такихъ же германскихъ полчищъ, вторгшихся въ Южную Галлію, Ариовистъ, тоже говорилъ на галльскомъ языкѣ.

Высчитано, что общее число галльскихъ клановъ равнялось 300—400, а римляне сгруппировали ихъ въ послѣдствіи въ 64 административныхъ округа. Что галльскія селенія устраивались въ видѣ крѣпостей, на это намекають многочисленныя латинизированныя названія мѣстностей съ окончаніями *dunum*, *briga*; на основаніи правилъ перехода звуковъ первое изъ нихъ происходитъ съ корня, обозначающаго ограду (у германцевъ городскую ограду замѣняла еще въ теченіе долгаго времени жалкая изгородь), а *brigh* обозначаетъ возвышенность, холмъ; оно одного корня съ нѣмецкими словами *Berg*—гора, *Burg* (съ усиленіемъ гласнаго звука)—крѣпость. Это галльское окончаніе *briga* стало настолько обычнымъ для обозначенія городовъ, что его присваивали даже такимъ поселеніямъ, которыя вовсе не были расположены на возвышенностяхъ.

Е. Кельты восточной части материка.

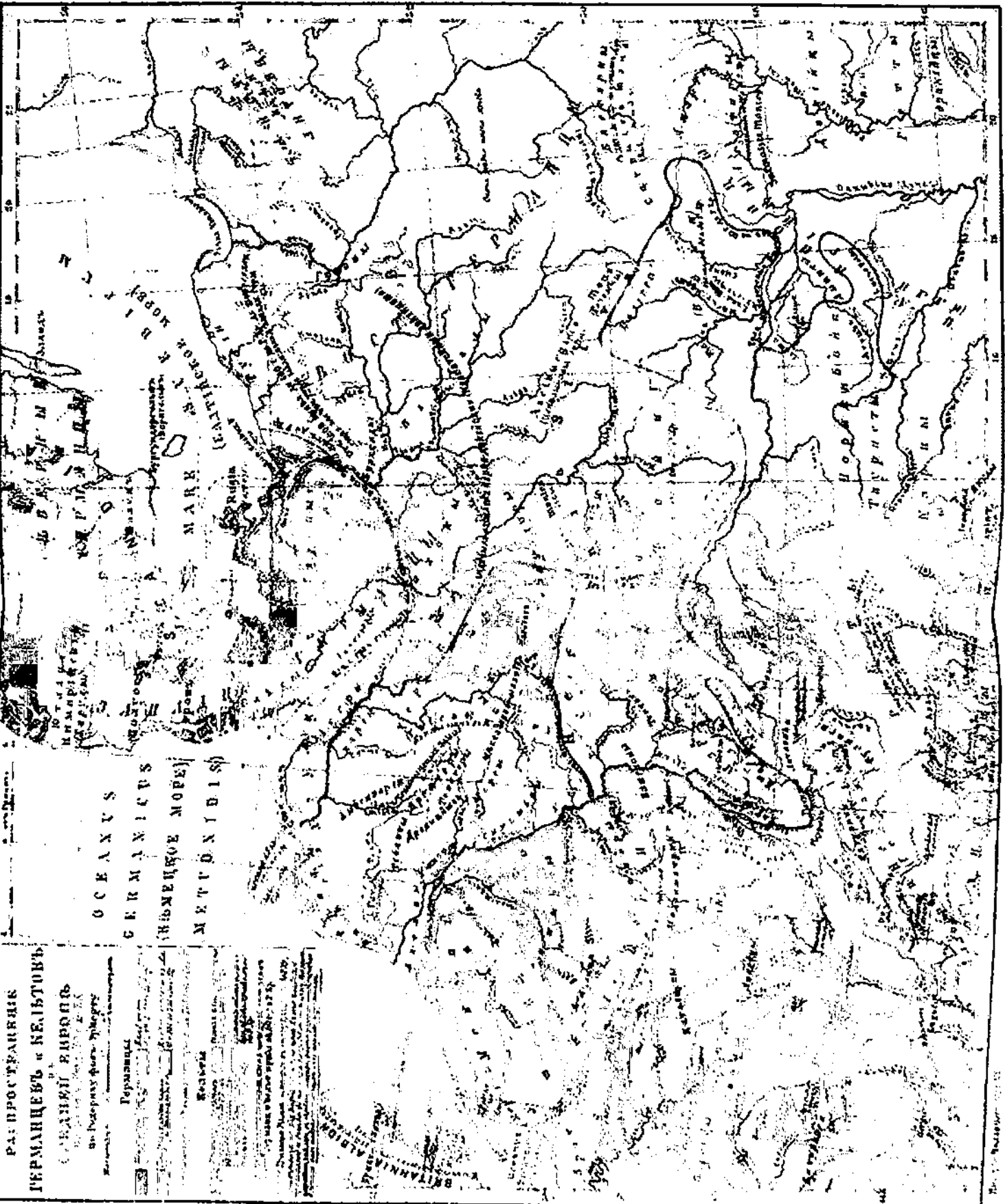
Кромѣ политическихъ границъ римскихъ провинцій *Gallia Cisalpina* и *Transalpina* не существовало, повидимому, никакой этнографической грани между верхне-итальянскими и галльскими кельтами, съ одной стороны, и съ другой стороны, кельтами Южной Германіи, сѣвернаго склона Альпъ и болѣе одаленныхъ восточныхъ мѣстностей вплоть до внутренней части Венгрии. При устройствѣ Августомъ провинцій Ретіи, Норика и Панноніи почти всѣ эти народы были включены въ ихъ составъ; только къ сѣверу отъ Дуная осталось еще нѣсколько отдѣльныхъ кельтскихъ народностей.

Такъ какъ транзальпийская Галлія, большая часть которой была населена кельтскими народностями, представлялась въ глазахъ римлянъ главнымъ ядромъ кельтовъ, каковымъ она и была по своему сравнительно сплошному кельтскому населенію и сравнительной древности своего заселенія кельтами, то становится понятнымъ, что позднѣйшіе римскіе писатели повольно смотрѣли на остальныхъ кельтовъ, какъ на выходцевъ изъ Галліи; вѣдь въ Галліи встрѣчались такія же названія народностей, какъ и у кельтовъ, переселившихся въ Верхнюю Италію. Въ дѣйствительности же, по крайней мѣрѣ, большая часть восточныхъ кельтовъ была арріергардомъ историческаго общаго движенія этой группы съ востока на западъ. Въ позднѣйшей римской провинціи Ретіи кельты отгѣспили въ горы ретійское первобытное населеніе и утвердились почти на всѣхъ открытыхъ склонахъ; въ Норикѣ, получившемъ свое названіе не по имени какого-нибудь народа, а отъ главнаго города этой провинціи Норейи, кельты составляли главную часть населенія. Далѣе къ востоку они были вкраплены въ видѣ разсѣянныхъ остатковъ между другими первобытными и вновь присоединившимися этнографическими составными частями населенія. Въ западной части Южной Германіи преобладающимъ народомъ были до вторженія германцевъ гельветы, которые распространились на сѣверъ до низняго теченія Майна; къ востоку отъ нихъ выдѣлялись бои и жившіе также и въ Богеміи, которая получила отъ нихъ свое названіе (*Boiohaemum*); къ югу отъ верхняго теченія Дуная жили виуделики, а въ Восточныхъ Альпахъ, въ провинціи Норикѣ, тауриски. Въ Венгрии упоминаются котини, теуриски (новѣйшая форма прежняго названія тауриски) и другіе. Остается вопросомъ, гдѣ жилъ въ древнѣйшія времена великій народъ вольковъ, съ которымъ германцы пришли снова въ соприкосновеніе раньше, чѣмъ со всѣми другими кельтами, такъ какъ ихъ имя превратилось у германцевъ въ общее названіе для всѣхъ кельтовъ (Вальхи, слав. валахи)? Вѣроятно же всего, ихъ мѣстопробываніемъ были Силезія и Галиція.

Однако, они заселяли, очевидно, также значительную часть современной Средней и Северной Германии в такую древнюю эпоху, которая не может быть выяснена с достаточной ясностью и основательностью на основании тех косвенных точек опоры, которые дают нам неписанные источники (см. прил. карту: „Распространение германцев и кельтов в Средней Европе от 500 до 50 г. до Р. Хр.“); но они не подняли в сколько-нибудь заметной степени хозяйственной культуры этой части Европы. Весь бассейн Рейна, не исключая и его восточной части, был когда-то занят древне-кельтским населением, как о том свидетельствуют названия самого Рейна, его притоков и незначительных речек его бассейна. В раннюю эпоху они, должно быть, распространялись гораздо дальше к востоку, как явствует из исследований, имеющих под собою вполне надежное лингвистическое основание, хотя я не считаю полезным останавливаться на попытках определения даты этого рода событий в столетиях до Р. Хр., так как всякая подобная хронология, основанная даже на лингвистических данных, правда, более осязательных, чем доисторическо-археологических, все же зависит от слишком сложного сцепления условий и темных явлений; как бы то ни было, кельтские названия рек, усвоенные вытеснившими кельтов германцами и переданными ими на свой лад, попадают, начиная от бассейна Рейна, переходя через Везер, сплошь до Тюрингенского Леса. Отдельные названия, которые могут быть истолкованы, как кельтские, попадают даже вне этих границ, до реки Виппера и возвышенного хребта Финне к югу от нижнего течения реки Унструта; даже названия Эльбы и Одера тоже признаются некоторыми исследователями словами кельтского происхождения, что, впрочем, не может относиться к нижнему течению этих рек: средняя и восточная части ниже-германской долины не имеют ни малейшего осязательного отношения к кельтам, так как германцы занимали ее еще раньше, чем они двинулись на кельтов (Об отношении между обеими этими группами в более позднюю эпоху см. стр. 42).

2. Родство между кельтами, с одной стороны, и италиками и германцами, с другой.

Неоднократно отмеченная политическая неспособность кельтов, не сумевших выработать прочных и жизнеспособных государственных форм, имеет специальный интерес для историографии; мы знакомимся среди них с дожившими до весьма поздних исторических периодов неразвитыми, следовательно, первобытными, отношениями. Мы получаем ясную и детальную картину собственного первобытного государственного строя кельтов и, вообще, родового строя в его, так сказать, химически чистом виде. Если мы замечаем, что эти зачатки государственной жизни вполне сходны и даже тождественны с общественным строем древних италиков и в особенности древних германцев, то в этом нет ничего удивительного, так как всякий государственный строй, не исключая и индо-германского, несмотря на его пышное развитие в позднейшей эпохе, имеет своим источником семью и семейный союз. Кроме того кельтская группа всегда оставалась, судя по данным языка, в более тесной связи, чем с какими бы то ни было другими группами, с италийской группой индо-германских народов и с германской, своими двумя ближайшими родственниками (см. схему на 357 стр. II тома). Соприкосновение между кельтами и этими двумя группами, как ближайшими соседями их, не прекращалось. Это способствовало параллельному развитию некоторых общих черт вплоть до более поздних эпох. Основная

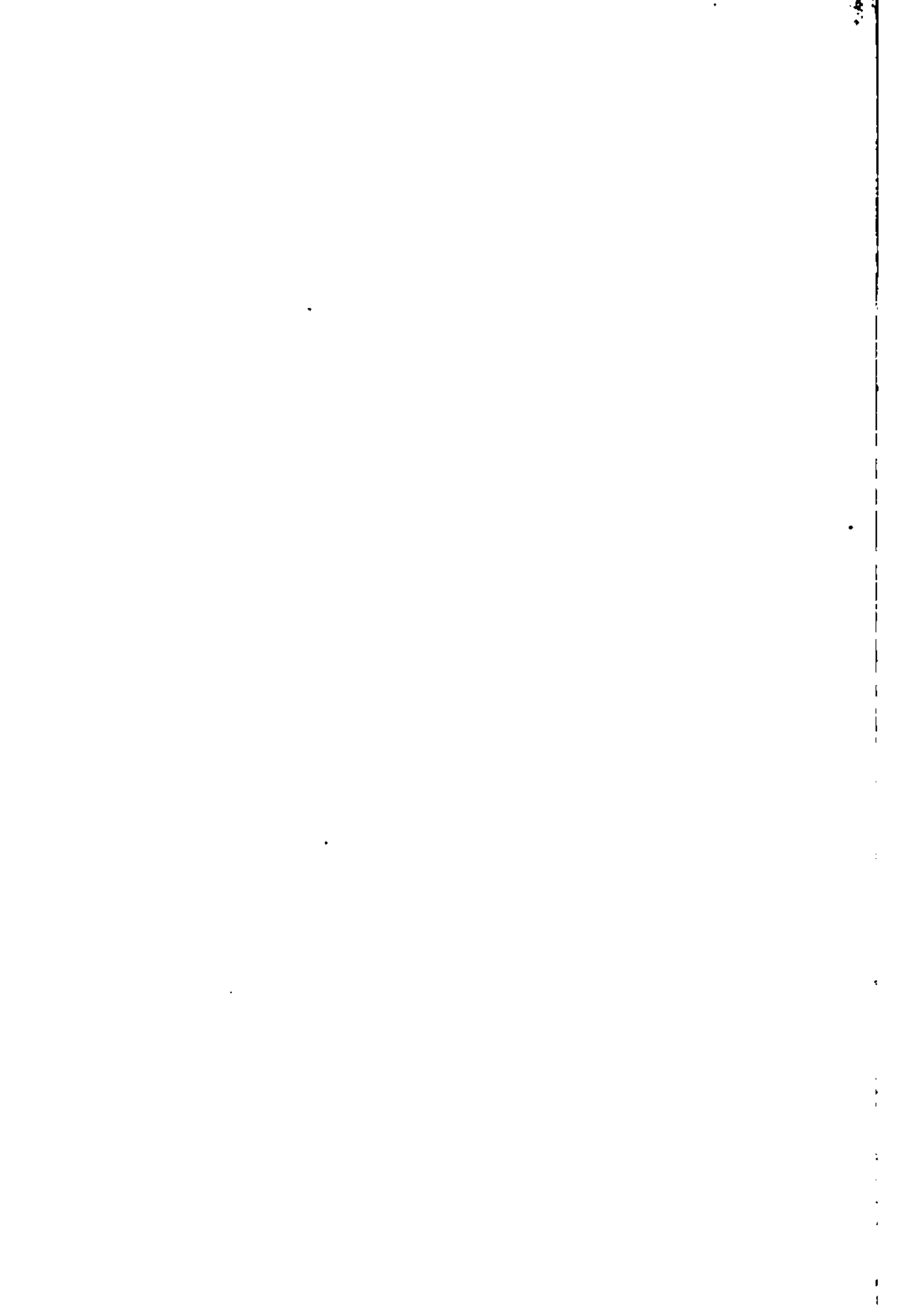

**РАСПРОСТРАНЕНИЕ
ГЕРМАНИИ И СЕЛТОВЪ**
СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ
 по данным Ф. Ф. Шуберта

Германия
 Селты

БРИТАННА АРДИОЛ
 КИТАРИА АРДИОЛ
 ИРЛАНДИА АРДИОЛ
 ГЕРМАНИА АРДИОЛ
 СЕЛТОВЪ АРДИОЛ

О С Е А Н У С
 Г Е Р М А Н И К У С
 (ИЗЪМЪЩЕНОЕ МОРЕ)
 М Е Т Т У Н Д И С

суть всѣхъ этихъ отношеній уяснятся предъ нами еще больше, если мы будемъ имѣть предъ глазами наиболѣе методически разработанные результаты различныхъ сравнительныхъ специальныхъ наукъ.

Языкъ первобытнаго человѣка есть естественный продуктъ, происхождение котораго составляетъ физиологическую и психологическую проблему и лежитъ внѣ нашей специальной задачи. Во всякомъ случаѣ развитіе человѣческаго языка послѣ его первоначальнаго возникновенія не подчинялось общеобязательнымъ правиламъ и системамъ, конечно, кромѣ общихъ условій, зависящихъ отъ органовъ рѣчи: гортани, языка, нѣба, губъ; оно оставалось всегда въ зависимости отъ отдѣльныхъ носителей человѣческой культуры и ихъ свободной воли. Нельзя даже утверждать, что древнѣйшія междометія и звукоподражательныя слова должны были быть одинаковыми у всего человѣчества; поскольку такая общность существовала, она вытекала изъ существа именного словообразованія и звуковыхъ рефлексовъ, но не зависѣла отъ предварительнаго соглашенія или принужденія. Съ другой стороны, люди, приходившіе между собою въ соприкосновеніе, пользовались находящимися въ ихъ распоряженіи звуками для той цѣли, чтобы привлечь къ себѣ вниманіе другъ друга и по возможности быть понятыми. Каждый отдѣльный человѣкъ не создавалъ для себя языка, а выработывалъ его сообща со своими ближайшими сосѣдами. Эти сосѣди, въ свою очередь, приходили въ соприкосновеніе съ другими людьми, съ которыми ихъ связывали то же побужденіе и то же стараніе быть понятыми другъ другомъ. Вслѣдствіе этого возникало въ каждомъ мѣстѣ въ отдѣльности нѣкоторое слабое единство, а въ общемъ выработывалась болѣе распространенная связь, распадающаяся на рядъ мелкихъ связей: такимъ образомъ не создавался единый общій языкъ, но выработывалась цѣлая сѣть постепенныхъ переходовъ, внутри которой нигдѣ не существуетъ такой рѣзкой грани, чтобы люди переставали понимать другъ друга. А и Б выражаются почти что одинаково, также Б и В, В и Г, А и Г еще понимаютъ другъ друга безъ особеннаго труда; такимъ же образомъ Г еще можетъ сговориться съ Ж; но А и Ж уже чувствуютъ, что они говорятъ различно, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда имъ приходится сговариваться другъ съ другомъ. А и Х едва ли понимаютъ другъ друга, — они между собою чужіе. Тѣмъ не менѣе было бы весьма затруднительно сказать, на какомъ мѣстѣ по пути между А и Х слѣдуетъ провести границу. Первобытное состояніе человѣка характеризуется безчисленнымъ множествомъ мелкихъ нарѣчій, на которыхъ говорятъ близкіе между собою сосѣди, а не ограниченнымъ числомъ рѣзко отдѣляющихся другъ отъ друга языковъ.

Эта близость между языками распространяется безпрепятственно въ видѣ волнъ на всемъ томъ протяженіи, на какомъ сосѣди безпрепятственно соприкасаются другъ съ другомъ. У островныхъ народовъ и племенъ, живущихъ совершенно замкнуто въ горныхъ долинахъ, развитіе языка идетъ совершенно обособленнымъ путемъ. Въ повѣйшее время это подтверждается на примѣрѣ меланезійскихъ и мелкихъ кавказскихъ народовъ, языки которыхъ имѣютъ свою совершенно самостоятельную исторію. Чѣмъ рѣзче языки такихъ народовъ ограждены отъ постороннихъ влияній, постепенно проникающихъ къ нимъ извнѣ, тѣмъ легче объединяются во внутрь ихъ грамматика, ихъ запасъ словъ, тѣмъ легче сглаживаются различія въ ихъ нарѣчіяхъ, и, наконецъ, всѣ говорятъ совершенно одинаково; мелкіе переходы отъ нарѣчія къ нарѣчію исчезаютъ, и эти нарѣчія замѣняются однимъ опредѣленнымъ языкомъ.

Это стремленіе къ сглаживанію внутреннихъ различій оказываетъ сильное вліяніе также и среди такихъ людей, которые, повидимому, двигаются безпрепятственно на обширномъ пространствѣ. Пустыни и горные хребты тоже могутъ оказаться разъединяющими преградами, хотя только

съ одной какой-либо стороны. Затѣмъ, люди сами создаютъ новые нѣсколько болѣе рѣзкіе перерывы въ сплошномъ распространеніи языковъ посредствомъ своихъ передвиженій. Значительное число первобытныхъ людей, которые поддерживаютъ между собой связь по чисто внѣшнимъ причинамъ и, правда, не обладаютъ однимъ общимъ языкомъ, но понимаютъ другъ друга, благодаря постепеннымъ переходамъ отъ одного мелкаго сосѣдняго нарѣчія къ другому, попадаютъ, благодаря своему собственному географическому перемѣщенію или же передвиженію окружающихъ ихъ сосѣдей, въ среду такихъ людей, съ которыми у нихъ напрасно было бы искать ближайшихъ постепенныхъ переходовъ къ сосѣдскимъ діалектамъ. Въ такихъ случаяхъ каждый изъ обоихъ этихъ круговъ людей чувствуетъ свою отчужденность, свое одиночество въ смыслѣ обоюднаго пониманія и испытываетъ вліяніе этого чувства. Нельзя сказать, чтобы былъ окончательнo прегражденъ всякій путь къ обоюдному пониманію; напротивъ того, оба круга обмѣниваются заимствованными словами и понятіями, но этотъ процессъ недостаточенъ для возстановленія полной сосѣдской взаимной связи. Сознаніе различій, взаимной отчужденности и отрѣзанности остается преобладающимъ. Каждая изъ обѣихъ массъ въ отдѣльности смотритъ на себя, какъ на особую группу, и по контрасту съ другой сознаетъ съ болѣею отчетливостью свое собственное единство. Подобно островнымъ народамъ, онѣ ограничиваютъ процессъ внутренняго сглаживанія различій своей собственной средой. Все же этотъ процессъ совершается медленно: запасъ словъ, образованіе звуковъ и формъ сохраняютъ характеръ сѣти мелкихъ діалектовъ. Тѣмъ не менѣе вырабатывается сознаніе исключительной близости въ сферѣ собственнаго языка, ближайшаго взаимнаго родства въ противоположность постороннимъ людямъ, извѣстнаго высшаго единства въ языкѣ, господствующаго надъ діалектами, склонность къ поддержанію этой общности. Эта склонность къ сохраненію основнаго общаго достоянія, къ взаимному сближенію и подражанію въ предѣлахъ группы проявляется не только въ области языка, но и въ области внѣшнихъ условій жизни, хозяйственныхъ формъ, зарождающихся правовыхъ понятій, простѣйшихъ общественныхъ институтовъ, сверхчувственныхъ представленій и мыслей, міровоззрѣнія и начатковъ поэзіи. До полнаго единства дѣло еще долго не доходитъ. Возникновеніе національнаго чувства, подавляющаго партикулярнистическія стремленія, какъ послѣдствіе общаго контраста съ чужаками, идетъ совершенно тѣмъ же путемъ и на высшихъ ступеняхъ культуры.

Въ видѣ такой группы съ извѣстными общими особенностями, отдѣляющими ихъ въ болѣе или менѣе рѣзкой степени отъ случайныхъ сосѣдей, съ которыми судьба ихъ столкнула напослѣдокъ, мы должны представлять себѣ индо-германцевъ. Понятно, что мы не должны прикрѣплять ихъ ни во времени, ни въ пространствѣ къ какому-либо опредѣленному пункту. Въ такую обособленную группу они превратились постепенно и могли передвигаться въ то время, какъ совершался этотъ процессъ. Это передвиженіе не прекратилось и потомъ; они не остановились на какомъ-либо островѣ или въ горной котловинѣ, которые оказались бы достаточно вмѣстительными для нихъ на много поколѣній; въ противномъ случаѣ они бы вытѣснили изъ своей среды всѣ мѣстные говоры, сгладили бы всѣ различія между ними и создали бы вмѣсто нихъ одинъ общій языкъ. Въ дѣйствительности же они никогда не говорили на „индо-германскомъ“ языкѣ. Древнѣйшія стадіи представляютъ собою только тѣсную степень родства между діалектами, изъ которыхъ развились впоследствии индо-германскіе языки.

Это развитіе длилось много вѣковъ, а въ теченіе этого времени указанныя нами явленія неоднократно повторялись снова. Вся группа въ совокупности сильно возросла по своей численности и, вмѣстѣ съ тѣмъ,

все растягивалась на большія пространства; одновременно съ тѣмъ растягивалась и связь въ области развитія языка. Она нисколько не крѣпла, но область ея распространенія сильно увеличилась. Въ предшествовавшія эпохи самый западный „индо-германецъ“ еще понималъ, вѣроятно, съ бѣльшимъ или мевшимъ трудомъ самаго восточнаго, но въ позднѣйшую эпоху это стало невозможнымъ, и только для современнаго языковѣда стали ясными общія исходныя точки. Цѣнь, связывающая между собою всю группу, сохранилась на всемъ растянутомъ кругу ея распространенія, начиная отъ аріицевъ или индо-иранцевъ и переходя къ армянамъ, иллирійцамъ, затѣмъ къ грекамъ, римлянамъ, кельтамъ, германцамъ, леттославянамъ и отъ нихъ обратно къ началу круга. Однако, она уже ускользала отъ взгляда отдѣльнаго индо-германца. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ растяженія области, занятой индо-германцами, было то явленіе, что практически изъ общность чувствовалась только тѣми, которые въ данный моментъ жили между собою въ ближайшемъ сосѣдствѣ; напри- мѣръ, предки кельтовъ были въ соприкосновеніи съ предками италиковъ на южномъ фронтѣ, съ предками германцевъ на сѣверномъ. Тутъ обѣ группы сохраняли и поддерживали взаимно исконныя общія особенности языка, внѣшнихъ условій жизни, культуры, права и общественнаго быта. Постепенно эта связь ослабѣвала по мѣрѣ того, какъ группы раздвигались, при чемъ переселеніе, лѣса, горы, моря раздѣляли и обособляли отдѣльныя части группъ и способствовали ихъ разрозненности. Возникло внутреннее образованіе группъ, дѣйствовавшее во вредъ и безъ того ослабленной общности. Предки тѣхъ группъ, которымъ мы даемъ названіе италиковъ, кельтовъ, германцевъ, обособляются и выдѣляются рѣзче изъ прежней недифференцированной группы тѣсныхъ сосѣдей и замыкаются въ себѣ, конечно, безсознательно и не образуя никакого техническаго названія для этихъ явленій. То же самое происходитъ внутри тройной сосѣдской группы—грековъ, италиковъ и кельтовъ, или же группы кельтовъ, германцевъ и славяно-литовцевъ. Прежнія общія особенности либо сохраняются въ качествѣ связующихъ мостовъ, либо атрофируются; заимствованныя понятія продолжаютъ переходить отъ одной группы къ другой; въ общемъ, преобладающую роль играютъ сохраненіе и развитіе тѣхъ особенностей, которыя свойственны въ частности отдѣльной группѣ: италійской, кельтской или германской. Внутреннее единство не достигается также и въ предѣлахъ такой отдѣльной группы; какъ не существуетъ индо-германскаго перво- бытнаго языка, такъ не существуетъ и кельтскаго или германскаго, хотя филологъ и возстановляетъ для своихъ специальныхъ цѣлей путемъ обрат- ныхъ заключеній первобытныя кельтскія или первобытныя германскія формы. Такимъ образомъ, получается рядъ обособленныхъ германскихъ или индо-германскихъ группъ, наъ которыхъ италики, кельты, германцы сидятъ по сосѣдству другъ съ другомъ на общемъ кольцѣ распростра- ненія индо-германцевъ. Теперь, какъ и въ болѣе раннія эпохи, это сосѣд- ство продолжаетъ оказывать свое культурное вліяніе. Еще важнѣе то обстоятельство, что въ каждой отдѣльной группѣ выработалось сознаніе своей общей самобытности, отдѣляющей ее отъ сосѣдей, особенно въ языкѣ. Она объединяется внутри себя, конечно, не преднамѣренно и не воплиѣ. Въ то же время она снова растягивается, и объединяющее вліяніе хотя и не прекращается, но все же перекрещивается съ одновременными новыми дифференцировками. Только въ исключительныхъ случаяхъ от- дѣльныя группы пріобрѣтаютъ сознательное представленіе о томъ, какъ далеко простирается въ пространственномъ и географическомъ смыслѣ ихъ болѣе тѣсная групповая общность. Кельты, болѣе прогрессивные и обладавшіе особымъ образованнымъ сословіемъ друидовъ, досрости, по крайней мѣрѣ, во времена Цезаря, до нѣкотораго рода панкельтскаго со- знанія (срав. ниже, стр. 169). Что касается германцевъ, то они сохраняли

только узкопартикуляристическія традиціи о сосѣдяхъ, врагахъ и народахъ, чуждыхъ по крови ихъ собственной тѣсной группѣ; пангерманскаго сознанія не выработалось въ низшихъ слояхъ населенія и до сего дня. Въ новѣйшія эпохи развитіе языка подчиняется въ болѣе замѣтной степени вліянію политическаго строя, въ особенности развитія союзовъ и государствъ. Эти союзы объединяютъ многочисленныя нарѣчія въ промежуточныя группы. Выяснимъ эти общія положенія на нѣкоторыхъ примѣрахъ изъ германской исторіи: такъ, напримѣръ, вслѣдствіе общаго союза и общихъ перекочевокъ образовались болѣе тѣсныя группы аламанскихъ и франкскихъ нарѣчій. Эти послѣднія все же остаются отличными другъ отъ друга сосѣдскими нарѣчіями, первоначально принадлежавшими отдѣльнымъ народамъ; не существуетъ никакого аламанскаго или франкскаго единаго языка. Однако, подъ вліяніемъ продолжительнаго существованія союзовъ аламанновъ и франковъ отдѣльныя нарѣчія сближаются между собою и отдѣляются болѣе отчетливо отъ неучаствующихъ въ этихъ союзахъ неаламанскихъ или нефранкскихъ круговъ населенія; въ маломъ видѣ повторяется то же самое, что произошло въ большемъ видѣ съ семьями народовъ. Настоящимъ создателемъ принудительнаго объединенія въ области языка является, однако, болѣе обширное государство позднѣйшихъ эпохъ; постепенное непрерывное объединеніе и сліяніе діалектовъ оказывается для него слишкомъ тяжелымъ и медленнымъ процессомъ,—это государство забѣгаетъ впередъ со своимъ литературнымъ языкомъ. Литературные языки могутъ быть вполне или отчасти чуждыми народу, какъ, напримѣръ, латынь Германской имперіи Оттоновъ, датскій языкъ въ Норвегіи, или же они заимствуются изъ той или иной мѣстности внутри страны въ зависимости отъ сліянія отдѣльныхъ провинцій, людей или учреждений и затѣмъ приспособляются къ общему употребленію посредствомъ разныхъ комбинацій, какъ, напримѣръ, нововерхне-германскій и нидерландскій, образовавшійся тоже изъ основнаго діалекта, на которомъ говорило первоначально только меньшинство населенія. Но и помимо дѣйствія подобныхъ литературныхъ языковъ политическое вліяніе тоже дѣйствуетъ объединяющимъ и насильственно сплачивающимъ образомъ на мѣстные діалекты; этнологія даетъ намъ рѣзкіе примѣры этого явленія, а окружающая насъ современная дѣйствительность подтверждаетъ, напримѣръ, всякому человѣку съ мало-мальски тонкимъ слухомъ, какъ усиливается раздвоеніе старинныхъ общихъ нарѣчій на границѣ, проходящей среди исконныхъ соплеменниковъ, живущихъ въ Баваріи и въ Австріи, и привязывающей часть ихъ къ одному, а часть къ другому изъ двухъ отдѣльныхъ государствъ; Саксонскія Рудныя горы тоже играютъ роль границы, вдоль которой совершается распаденіе общихъ діалектовъ. Напротивъ того, чѣмъ слабѣе развитъ государственный строй у какой-нибудь группы народовъ, тѣмъ сильнѣе наслаиваются и дифференцируются мѣстные говоры.

3. Самобытныя черты государственнаго устройства кельтовъ.

Послѣ всего сказаннаго легко понять, почему кельты приближаются по своему языку, съ одной стороны, къ италикамъ, а съ другой—къ германцамъ и почему въ ихъ древнихъ бытовыхъ формахъ и ходѣ развитія ихъ государственнаго устройства замѣчается сходство съ тѣми же двумя другими группами. Это явленіе не имѣетъ ничего общаго съ заимствованиями и подражаніями. Одна группа могла обогатить другую множествомъ предметовъ домашняго обихода въ видѣ утвари, платья, полезныхъ расте-

ній, съѣстныхъ припасовъ, напитковъ и т. д. и передать, вмѣстѣ съ тѣмъ, также слова, обозначающія эти предметы. Въ этомъ отношеніи кельты позаимствовали многое отъ италиковъ и римлянъ, германцы отъ кельтовъ, а затѣмъ непосредственно отъ римлянъ; менѣе значительныя позаимствованія сдѣланы кельтами у славянъ, литовцевъ, кельтами—у германцевъ, римлянами у кельтовъ: младшіе въ культурномъ отношеніи народы отличаются всегда особенной страстью къ такимъ заимствованіямъ. Затѣмъ случается, что заимствуются, между прочимъ, названія (но не сущность) болѣе развитыхъ государственныхъ учреждений. Такъ, на примѣръ, слово *rigs* перешло отъ кельтовъ къ германцамъ, а слова *kuningas*—„король“ и *karol* отъ германцевъ къ славяно-литовцамъ въ формахъ „князь“, „король“ (срв. т. V, стр. 433); въ сущности, заимствующие только принаряжаютъ въ иностранный нарядъ свои прежнія или вновь образующіяся мѣстные учреждения посредствомъ этихъ титуловъ, но нѣтъ такого примѣра, чтобы болѣе молодые въ культурномъ отношеніи народы отказывались сразу отъ своихъ самобытныхъ правовыхъ и государственныхъ представленій и замѣняли ихъ заимствованными у сосѣдей. Не существуетъ даже такихъ лицъ, такихъ властей, которыя были бы въ состояніи выполнить такое предпріятіе. Государственный строй каждаго подобнаго народа такъ же старъ и самобытенъ, какъ и вся его исторія: онъ связанъ переходными ступенями съ самой ранней стадіей народной жизни. Вслѣдствіе этого онъ, само собою разумѣется, стоитъ въ косвенной зависимости отъ первобытнаго сосѣдскаго соприкосновенія даннаго народа съ предками другихъ народовъ.

Въ нашемъ случаѣ достоверно слѣдующее: первоисточникомъ какъ германскаго, такъ и кельтскаго государственнаго строя были индо-германскіе зародыши и зачатки. Однако, у каждаго изъ этихъ народовъ онъ имѣлъ свое собственное начало, и развитіе его шло своимъ собственнымъ путемъ. Тѣмъ болѣе проторъ для выводовъ даютъ эти зачатки и развившіяся изъ нихъ учрежденія, разъ мы видимъ, что они поразительно сходны другъ съ другомъ у обѣихъ народныхъ группъ, не исключая и особенныхъ явленій, нарушающихъ общій ходъ развитія. При этомъ полезно отмѣтить еще разъ, что какъ исторія языка, такъ и государственная жизнь составляютъ только одну сторону единой цѣльной культуры, и развитіе этой послѣдней не можетъ быть понято внѣ вышеуказанныхъ связей и сосѣдскихъ соприкосновеній. Затѣмъ ни въ какомъ случаѣ нельзя исключить той возможности, что къ этимъ унаслѣдованнымъ отъ глубокой древности сосѣдскимъ общимъ чертамъ присоединилось въ отдѣльныхъ случаяхъ вліяніе сосѣдской близости въ болѣе позднія эпохи. Однако, это вліяніе имѣетъ только значеніе побудительнаго, до извѣстной степени ускоряющаго стимула, но не вноситъ радикальныхъ перемѣнъ въ общій ходъ развитія. Подобныя сопоставленія развитія государственныхъ учреждений у италійскихъ, кельтскихъ и германскихъ народовъ и разграниченіе первыхъ отъ вторыхъ не входятъ въ задачу настоящаго труда. Укажемъ только на ту разницу, что у италиковъ родовой строй рано смѣнился посредствомъ постепенныхъ переходовъ политическимъ преобладаніемъ городовъ, а у кельтовъ городскія поселенія тоже рано приобрѣли важное значеніе, по крайней мѣрѣ, въ Сѣверной Италіи, Галліи и самой южной части Британіи, но, несмотря на вліяніе городовъ, родовые союзы не лишились своего мѣстнаго характера и сохранили значеніе преобладающаго политическаго института. Наконецъ, германцы не были знакомы съ городскими поселеніями даже и въ первые вѣка своей исторической жизни, и слѣдовательно, города вовсе не играли никакой роли въ раннемъ періодѣ ихъ политическаго развитія. Мы ограничимся этимъ сравненіемъ, и при изображеніи государственнаго строя кельтовъ будемъ касаться германцевъ только попутно.

А. Клань.

Наше знакомство съ жизнью кельтовъ основывается на свѣдѣніяхъ, относящихся къ Верхней Италиі, Галліи, Британіи, Ирландіи и Шотландіи. О кельтахъ, жившихъ въ современной Германіи и Австро-Венгріи, мы не располагаемъ никакими свѣдѣніями въ этомъ отношеніи. Довольно сильное недоумѣніе вызывается тѣмъ обстоятельствомъ, что общественныя условія Галліи, изображаемая Цезаремъ, отличаются менѣе первобытнымъ характеромъ, чѣмъ тѣ, въ которыхъ продолжали жить до середины XVIII столѣтія галлы горной Шотландіи, клановой строй которыхъ описанъ Александромъ Конради въ 1898 году. Хотя различныя явленія перекрещивали и разрозняли политическія формы кельтовъ въ тѣхъ различныхъ странахъ, въ которыхъ они жили, тѣмъ не менѣе, общія основныя черты выступаютъ вполне осязательно. Для сужденія о многихъ явленіяхъ слѣдуетъ имѣть въ виду то обстоятельство, что кельты частью занимались земледѣліемъ очень небрежно, а частью и вовсе не занимались имъ, несмотря на то, что они были вполне знакомы съ нимъ, такъ какъ оно вошло въ составъ общей культуры западныхъ индо-германскихъ народовъ еще въ стадіи ихъ первобытнаго сосѣдкаго соприкосновенія (Можетъ быть даже, что возникновеніе земледѣлія относится еще къ эпохамъ, предшествовавшимъ раздѣленію индо-германцевъ, какъ принимаютъ новѣйшіе изслѣдователи; срв. стр. 26). Во всякомъ случаѣ, скотоводство считалось у нихъ главнымъ занятіемъ, и этотъ промыселъ выдвигался ими на первый планъ, чего нельзя сказать съ такой же безусловностью о германцахъ.

У кельтовъ политическія общества вполне совпадаютъ съ племенемъ. Какъ разъ въ этомъ случаѣ мы должны принимать слово „племя“ въ его первобытномъ и правильномъ смыслѣ „политическаго сообщества людей, связанныхъ между собой общностью происхожденія“ вопреки обыкновенному употребленію этого слова, когда подъ нимъ подразумѣваются болѣе или менѣе неопредѣленно большіе народы, происшедшіе путемъ сліянія. Политическая единица кельтовъ — это большой родъ, т. е. gens, самостоятельно и безпрепятственно выросшій изнутри до значительныхъ размѣровъ и не вошедшій предварительно вмѣстѣ съ нѣсколькими другими родами въ составъ одного большого сообщества, которое становится съ этихъ поръ носителемъ дальнѣйшаго высшаго развитія, какъ это было у германцевъ. Гельское слово „кланъ“ обозначаетъ по своему лингвистическому смыслу совокупность потомковъ одного опредѣленнаго предка, сообщество, принадлежность къ которому основывается юридически только на имени этого предка. Стало быть, кланъ Олей — это есть родъ, племя нѣкоего Олея, и отдѣльные члены этого рода обозначаются приставкой „макъ“, напримѣръ, Макъ-Олей; макъ—это слово родственное съ германскимъ magus, мальчикъ; отъ того же корня происходятъ maget, нѣм., Magd, Mädchen — дѣвочка. Слѣдовательно, тутъ принятъ другой способъ обозначенія, чѣмъ у германцевъ, у которыхъ для обозначенія родовъ и лицъ, принадлежащихъ къ нимъ, употребляется окончаніе „ингенъ“, „унгенъ“, какъ, напримѣръ, роды Амалунгенъ, Агиллофтингенъ, Кундрингенъ, Балдингенъ, Вайблингенъ или же названія тѣхъ простыхъ крестьянскихъ родовъ, которые не достигли исторической славы и которые извѣстны намъ только по деревнямъ, названнымъ по ихъ имени (срв. выше, стр. 49). Для отличія различныхъ членовъ клана другъ отъ друга прибѣгали къ прозвищамъ, которыя охотно заимствовались отъ физическихъ особенностей; въ Германіи людей тоже надѣляли часто прозвищами, а съ XIII столѣтія и фамиліями вродѣ Косой (у остготовъ), Хромой или же Красный, Черный, Короткій, Длинный и т. д.

Члены отдѣльныхъ клановъ отличались другъ отъ друга также и опредѣленными внѣшними признаками; для этой цѣли служили у геловъ

позднѣйшаго періода пестрые клѣтчатые рисунки шотландскихъ пледовъ и тартановъ. Страстью къ пестрымъ цвѣтамъ въ одеждѣ отличались также, какъ доказано, и кельты европейскаго материка. Впрочемъ, едва ли можно говорить о специальномъ также „кельтскомъ“ костюмѣ; напротивъ того, одежда кельтовъ подвергалась разнообразнымъ измѣненіямъ, подчинялась, вѣроятно, общимъ культурно-историческимъ правиламъ, хотя, съ другой стороны, замѣчаются также и рѣзкія нарушенія этихъ правилъ. До самыхъ послѣднихъ вѣковъ гелы избѣгали штаповъ, а при суровомъ климатѣ ихъ родины это является въ исторіи одежды замѣчательнымъ исключеніемъ изъ общаго господства „защитающаго костюма“ въ сѣверныхъ странахъ. Затѣмъ въ Сѣверной Италіи галлы переняли вмѣсто штаповъ неплотно прилегающую къ тѣлу римскую одежду или же переняли по римскому образцу свои собственныя, болѣе или менѣе схожія съ римскими принадлежности костюма; отсюда Цизальпийская Галлія стала называться у римлянъ Gallia Togata, — Галлія, наряжающаяся въ тогу, въ противоположность Gallia Bracata, т. е. Галліи, лежащей къ сѣверу и западу отъ Альпійскихъ горъ, такъ какъ въ этихъ странахъ галлы, по крайней мѣрѣ, живущіе далѣе къ югу, носили braca—штаны. Braca и samisia—рубаха—принадлежать къ числу немногихъ словъ, безъ сомнѣнія, заимствованныхъ латинскимъ языкомъ у кельтовъ. Прежде предполагали, что германское слово bruch (короткія брюки, какія носятъ еще и понынѣ горные баварцы), заимствовано германцами у кельтовъ; но на основаніи данныхъ филологіи доказано, что, наоборотъ, гальско-латинское слово braca, вѣроятно, заимствовано изъ германскихъ языковъ (то же самое относится къ слову kamitjo, превратившемуся послѣ перваго общегерманскаго перехода звуковъ въ Немд — рубаха; оно перешло въ кельтскіе языки еще до этого перехода звуковъ). Эти заимствования у германцевъ слова свидѣлствуютъ о вліяніи, оказанномъ германцами на костюмъ материковыхъ кельтовъ.

У горныхъ шотландцевъ единобрачіе не стало безусловнымъ правиломъ даже и въ теченіе повѣйшихъ вѣковъ; вообще, женщина въ социальномъ отношеніи не признается вполне равноправной съ мужчинами какъ въ семьѣ, такъ и въ кланѣ. Въ Галліи не дозволялось подвергать пыткамъ свободнаго мужчину, но она примѣнялась къ женщинамъ и рабамъ. Испытаніе водой, Божій судъ посредствомъ огня и костры были заимствованы франками у галловъ.

а) Ирландскіе кланы.

Внутри кланъ былъ организованъ въ видѣ подотдѣловъ. Во время господства римлянъ надъ соседней Британіей въ гельской Ирландіи было всего 184 клана. Въ составъ ихъ входило (мы приводимъ это не въ видѣ правила, а въ видѣ примѣра для иллюстраціи) около 500 семействъ. Каждый подотдѣлъ клана обнималъ въ среднемъ до 16 семействъ. Эти подотдѣлы были коммунистическими хозяйственными и домовыми союзами, главнымъ занятіемъ которыхъ было скотоводство. Члены этого союза, т. е. тѣ 16 семействъ, о которыхъ рѣчь была выше, жили въ одномъ большомъ домѣ съ однимъ общимъ очагомъ и подъ одной общей крышей. Дома эти раздѣлялись на среднее, общее для всѣхъ жилое помѣщеніе и двѣ низкія боковыя съ кладовыми, хлѣвами для мелкаго скота, помѣщеніями для сна и т. д. Такое же расположеніе существуетъ и въ германскихъ постройкахъ, въ которыхъ всѣ соответствующія помѣщенія тоже соединены подъ одной общей крышей. При этомъ не слѣдуетъ представлять себѣ, что эти кельтскія жилища были достаточно просторны для такого большого числа людей и содержались въ порядкѣ. По словамъ Циона Кассія (около 200 лѣтъ послѣ Р. Хр.) каледонцы, на древній бытъ которыхъ его

сочиненіе бросаетъ нѣкоторый свѣтъ, оставались нагими въ своихъ дурныхъ жилищахъ (на подобіе жаркихъ, наполненныхъ людьми эскимосскихъ жилищъ въ Гренландіи, изображаемыхъ Фритъофомъ Хансеномъ) и питались продуктами скотоводства, охоты и лѣсными плодами. Выборный большакъ-домохозяинъ управлялъ до нѣкоторой степени всѣмъ союзомъ, задругой. Къ болѣе усиленнымъ занятіямъ земледѣліемъ иры перешли около 600 года послѣ Р. Хр. Съ тѣхъ поръ домовый союзъ распался на отдѣльные роды, живущіе цѣлой деревней. Мы не будемъ касаться здѣсь того вопроса, въ какой связи между собою находятся древне-кельтскіе семейные дома, которые должны были существовать также и на материкѣ, съ рейнско-вестфальскими крестьянскими одиночными хуторами, которые расположены, безъ сомнѣнія, на кельтской доисторической почвѣ.

б) Шотландскіе кланы.

У гельскихъ горныхъ клановъ Каледоніи состоящіе изъ сородичей поддѣлы клановъ извѣстны подъ названіемъ домовъ, и это названіе сохранилось въ позднѣйшіе историческіе періоды въ видѣ воспоминанія о такомъ самомъ ирландско-гельскомъ общемъ домѣ, какъ извѣстной стадіи общественной жизни, дѣйствительно пережитой также и шотландскими гелами въ ту эпоху, къ которой относятся наши источники. Шотландскія деревни заключали въ себѣ по правилу 12—16, рѣже до 20 и болѣе семействъ, жившихъ въ весьма жалкихъ жилищахъ. Главнымъ занятіемъ ихъ оставалось почти до новѣйшихъ вѣковъ разведеніе рогатаго скота, лошадей и въ меньшей степени овецъ; деревенскіе пастухи стерегли скотъ на альмендахъ и паровыхъ поляхъ. На лѣто скотъ угонялся на горныя пастбища, которыя тоже принадлежали къ альмендамъ, т. е. общиннымъ пастбищамъ, пользованіе которыми регулировалось общиннымъ собраніемъ. Земледѣліе стояло у горныхъ шотландцевъ на второмъ планѣ; они сѣяли хлѣбныя растенія для собственнаго потребленія, а въ новѣйшее время и для изготовленія виски.

Б. Общинное землевладѣніе.

У горныхъ шотландцевъ пахотныя поля тоже входили въ составъ алменды, и по всѣмъ основаніямъ слѣдуетъ предполагать, что такой порядокъ существовалъ также и у ирговъ. У шотландцевъ намъ извѣстны три способа пользованія землей, которые мы перечисляемъ въ порядкѣ ихъ хронологической послѣдовательности: коммунистическая общія обработка земли съ общимъ раздѣломъ урожая, общія запашка неподдѣленного поля съ раздѣломъ его передъ посѣвомъ; передѣлъ парового поля передъ его обработкой. Часть поля, предназначенная для обработки на ближайшей годъ, дѣлилась на отдѣльныя полосы, каждая изъ которыхъ засѣвалась особымъ растеніемъ; во второмъ и въ третьемъ изъ вышеуказанныхъ случаевъ каждая семья получала свою долю въ каждой изъ этихъ полосъ. Отдѣльныя части одного и того же надѣла были расположены чередомъ, и по необходимости существовалъ принудительный сѣвооборотъ. Такимъ образомъ, мы видимъ передъ собою такія же условія, какъ и у керманцевъ Тацита; въ какой мѣрѣ эти послѣдніе были подражателями гельтовъ или въ какой мѣрѣ оба эти народа перешли самобытно отъ родового коммунизма къ отдѣльнымъ хозяйствамъ, это едва ли поддастся рѣшенію. По правилу общіе передѣлы производились у горныхъ шотландцевъ ежегодно. Понадались, однако, и болѣе сложные порядки, такъ что, на примѣръ, передѣлялась ежегодно только треть всей земли, а полный передѣлъ происходилъ только каждые три года. У германцевъ этотъ срокъ тоже постепенно удлинился во время переходнаго періода отъ ежегоднаго передѣла къ окончательно сложившейся частной собственности

на землю, при которой чрезполосное положеніе отдѣльныхъ частей cadaго участка увѣковѣчиваетъ собою послѣдній передѣлъ. Среди гельскихъ шотландцевъ передѣлъ производился собраніемъ совладѣльцевъ алменды, доли распредѣлялись по жребію; такіе же порядки существовали и у германцевъ. Другія деревенскія дѣла разрѣшались собраніемъ домохозяевъ подъ предсѣдательствомъ выборнаго деревенскаго старшины, соответствующаго ирландскому большаку многосемейнаго дома.

Одна фраза въ сочиненіи Діона Кассія доказываетъ, что коммунизмъ существовалъ также у бритовъ; другіе писатели отмѣчаютъ, что земледѣліемъ занимался главнымъ образомъ южные бриты, при чемъ по ихъ словамъ существовали такіе же переходныя формы, какъ и у геловъ и германцевъ; дома устранились такъ же, какъ и у галловъ. Какъ говорятъ эти писатели, по мѣрѣ отдаленія отъ юга, отъ Ламанша, земледѣліе отодвигалось на задній планъ и начинало преобладать скотоводство съ обширными пастбищными пространствами.

В. Государственныя учрежденія: возникновеніе новыхъ государственныхъ институтовъ.

Во главѣ отдѣльныхъ клановъ стояли вожди; гельскій титулъ „Сеанн“ имѣетъ какъ разъ такой смыслъ. Вождь избирался изъ наследственнаго привилегированнаго рода, входившаго въ составъ клана. Выработался такой порядокъ, что преемникъ вождя избирался еще при его жизни, подобно тому, какъ въ Германіи римскій король пазбирался при жизни императора. Обыкновенно выборъ падалъ на старшаго сына вождя. Этотъ будущій преемникъ вождя назывался „toisech“, что значитъ „первый“ (нѣмецкое слово, „Fürst“, князь, имѣетъ то же значеніе). Люди, страдающіе физическими недостатками, не могли быть вождями. Первородный сынъ вождя считался первымъ кандидатомъ, если онъ доказалъ свои военныя способности смѣлымъ набѣгомъ на враждебный кланъ, совершеннымъ имъ вмѣстѣ со своей дружиной; то же самое было и у германцевъ.

Все дѣла клана рѣшались собраніемъ. Въ ту эпоху, къ которой относятся источники, касающіеся горныхъ шотландцевъ, это собраніе уже состоитъ не изъ всехъ домохозяевъ, а только изъ деревенскихъ старѣйшинъ клана подъ предсѣдательствомъ вождя: тутъ мы видимъ такую же замѣну полнаго собранія коммисіями ради практическаго удобства, какъ и въ политическихъ и судебныхъ корпораціяхъ германцевъ. Собраніе деревенскихъ старѣйшинъ клана могло отрѣшиться отъ должности вождя, если къ тому имѣлся достаточный поводъ.

Съ другой стороны, мы видимъ постепенное расширеніе власти вождя и ходъ этого явленія. Вожди стали назначать въ каждой изъ подчиненныхъ имъ деревень по чиновнику для сбора податей — „Маог“. Подобно тому, какъ чиновникъ центинарій (сотникъ) вытѣснилъ тунгина германской сотни, такимъ же образомъ Маог мало-по-малу захватилъ въ свои руки судебную власть и отстранилъ отъ руководства дѣлами общины выборнаго деревенскаго старшину. Извѣстно, что главенствующіе роды отдѣльныхъ германскихъ народовъ утвердились благодаря тому, что взяли на себя расходы и повинности на общепользныя цѣли, поддержаніе мѣстъ собраній и святилищъ, а также благодаря своему широкому гостепріимству и возникшему патронату; точно также и въ жизни гельскихъ вождей играли существенную роль заботы о поддержаніи своего престолика и объ общей пользѣ. Вождь заботился о престарѣлыхъ и воспитывалъ по одному изъ близнецовъ. Онъ содержалъ должностныхъ лицъ клана: барда, поддерживавшаго веселое настроеніе на собраніяхъ и, главнымъ образомъ, игравшаго роль знатока эпической и родословной исторіи клана, и затѣмъ волынщика, безъ котораго были немислыми ни одно собраніе, ни одинъ

походъ на врага. Какъ и у германцевъ, эти расходы возмѣщались не только главенствующимъ положеніемъ и фактической властью вождя, но и почетными подарками натурой, которые превратились мало-по-малу какъ у германцевъ, такъ и у кельтовъ, въ опредѣленные повинности. Кромѣ того вождь распоряжался необработанной землей клана; изъ такихъ земель, оставшихся неподѣленными ко времени развитія частной собственности, развились также древнѣйшія составныя части королевскихъ имѣній въ Германіи. Вождь жилъ въ „*dyn*“ (сравни. сказанное на стр. 153, а также необязновенную частоту окончанія *dynum* въ кельтско-германскихъ и галльскихъ названіяхъ мѣстностей и городовъ), т. е. крѣпости клана, которая превращалась почти вездѣ въ мѣстный центръ клана, но нигдѣ не пріобрѣтала среди кельтовъ значенія преобладающей политической общины. Затѣмъ, какъ и у тойзеха, о которомъ мы уже упоминали, у вождя была своя дружина, которая смѣшивалась и сливалась съ должностными лицами клана, значеніе которыхъ все увеличивалось совершенно такъ же, какъ и въ эпоху развитія королевской власти въ Германіи.

Германскому исключенію изъ рода и „лишенію мира“ соотвѣтствуетъ изгнаніе отдѣльныхъ членовъ клана по общему его рѣшенію. Такіе отверженцы, конечно, легко превращались въ разбойниковъ, или же они пахали убожище въ чужихъ кланахъ въ качествѣ полурабовъ клана, которые только въ рѣдкихъ случаяхъ могли добиться уравниенія въ правахъ съ настоящими членами клана и принятія въ ихъ число. Въ такомъ же положеніи находились по большей части также и плѣнные. Такимъ же образомъ и цѣлые кланы, которые оказывались не въ состояніи поддержать свою независимость, обязывались предъ другими помогать имъ на войнѣ и платить имъ повинности и становились такимъ образомъ подданными сильнѣйшаго клана подъ наблюденіемъ его вождя. Это явленіе замѣчается какъ у геловъ, такъ и у кельтовъ материка и пріобрѣло особенно важное значеніе у галловъ. Укажемъ попутно, что къ той же категоріи относятся леты или литы германцевъ.

Такимъ образомъ вождь является съ самаго начала скорѣе высшимъ должностнымъ лицомъ народа и предводителемъ клана, чѣмъ властителемъ. Хотя кланъ смѣтрѣлъ на него нѣкоторымъ образомъ, какъ на свое собственное воплощеніе, тѣмъ не менѣе положеніе вождя поддерживалось скорѣе благодаря установившейся традиціи, чѣмъ въ силу сознательнаго согласія членовъ клана (срав. выше, на стр. 53, сообщеніе Тацита о германскихъ вождяхъ, дѣйствовавшихъ только убѣжденіемъ).

Изъ явныхъ послѣдовательныхъ новообразованій, выросшихъ на почвѣ древне-гельскихъ общественныхъ условій, мы остановимся вкратцѣ только на слѣдующихъ: во-первыхъ, родственники вождей, члены ихъ рода въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, составлявшіе часть болѣе обширныхъ фамилій клана, родословная которыхъ уже терялась, превратились въ знатное сословіе, изъ состава котораго вождь избиралъ маоровъ; оно соприкасалось, вообще говоря, какъ съ развивавшимся чиновничествомъ, такъ и съ дружиной вождя. Затѣмъ представители этой клановой аристократіи были надѣлены въ частную собственность необработанными землями клана. Благодаря этому для нихъ открылась возможность выдѣлить изъ своей земли участки своимъ собственнымъ дружинникамъ, изгнашникамъ изъ другихъ клановъ или другимъ чужакамъ за службу или повинности. Эти отступленія отъ древне-гельскаго общественнаго строя составляютъ поучительную параллель съ возникновеніемъ галльскихъ союзовъ вассовъ и людей, живущихъ подъ чужимъ покровительствомъ.

Члены клана никогда не выходили изъ дому безъ оружія. До недавняго времени горные шотландцы удержали свой длинный мечъ, короткій кинжалъ, обтянутый кожей, и обитый жестью круглый щитъ; огнестрѣльное оружіе понадалось у нихъ рѣдко, и они считали его нововведеніемъ.

годнымъ только для практическихъ цѣлей, но не предметомъ для украшенія. Во время войны кланомъ командовалъ тойзехъ подъ наблюденіемъ вождя; ополченцы каждой деревни въ отдѣльности состояли подъ начальствомъ маора. Стало быть, у геловъ удержалось раздѣленіе войска на группы сородичей, какъ у германцевъ, или же по деревнямъ, такъ какъ у геловъ и у германцевъ населеніе деревни состояло изъ одного рода. Каждый кланъ считалъ членовъ всѣхъ другихъ клановъ чужестранцами. У галловъ не образовалось посредствомъ соединенія клановъ такихъ союзовъ съ высшими судейскими правами, благодаря которымъ у германцевъ стали складываться постепенно, начиная отъ сотни, государственный строй, выросшій самобытно изъ родового строя. Между отдѣльными кланами шла вѣчная война и родовая месть, которыя были ограничены у германцевъ, хотя и не уничтожены окончательно, благодаря возникновенію института сотенъ.

Г. Зачатки болѣе обширныхъ государственныхъ союзовъ.

Однако съ теченіемъ времени кланы не могли уклониться отъ союзовъ, игравшихъ такую важную роль у германцевъ; только эти союзы возникли на другихъ стадіяхъ государственной жизни. Войны между кланами и столкновенія съ сосѣдями пекельтскаго происхожденія и вторгшимися чужеземцами заставляли отдѣльные кланы объединяться между собой. Такое объединеніе происходило либо путемъ добровольнаго соглашенія для отраженія непріятели; или же достигалось насильственнымъ путемъ посредствомъ общаго подчиненія одной и той же власти.

а) Иры.

Еще въ ту эпоху, когда Великобританія впервые стала извѣстна римлянамъ, 18½ клана ировъ (стр. 162) были объединены въ пять болѣе крупныхъ единицъ или „колѣнъ“, если это не есть измышленіе римлянъ, любителей стройныхъ системъ. Если подобные союзы упрочиваются, то у мыслящихъ по-дѣтски народовъ, у которыхъ всѣ отношенія измѣряются родствомъ, развивается представленіе объ исконной родственной близости и объ общемъ происхожденіи. *Comnubium*, т. е. брачныя связи между кланами, возникаетъ обыкновенно только вслѣдствіи подобныхъ союзовъ, но крайней мѣрѣ, по отношенію къ рядовымъ людямъ такъ какъ развивающаяся аристократія еще раньше выходитъ преднамѣренно изъ тѣсныхъ рамокъ клана (весьма надежныя точки опоры для сужденія обо всемъ этомъ даютъ германцы); *comnubium*, подтверждаемъ мы, который является болѣе позднимъ нововведеніемъ, нисколько не препятствуетъ безсознательному представленію объ исконномъ „племенномъ“ родствѣ; какъ возникали въ дѣйствительности такія племена, объ этомъ напоминаетъ намъ примѣръ германцевъ, франковъ, баварцевъ или англосаксовъ, которые были конгломератомъ различныхъ народовъ, слотившихся между собою. Бардъ или соотвѣтствовавшій ему менѣе специальный германскій знатокъ народныхъ преданій сочиняетъ затѣмъ заднимъ числомъ былинныя съ требуемыми родословными напримѣръ, о Туинстонѣ, Манусѣ и его сыновьяхъ. Древне-кельтское слово *túath*, которымъ обозначались подобные племенные союзы, соотвѣтствуетъ въ точности германскому *thinda* съ однократнымъ усиленіемъ звуковъ, и *diot, deot, diet* съ двукратнымъ усиленіемъ звуковъ. Въ первоначальной, неусиленной, германской формѣ мы находимъ это слово въ выраженіи *saltus Teutoburgensis*, если только римляне (или кельты, черезъ которыхъ къ нимъ дошло это слово) восприняли и передали его вѣрно, а не смѣшали уже развившееся *th* съ *t*. Въ словахъ *teuta*, *thinda* уже скрывается смыслъ современнаго нѣмецкаго слова „*deuten*“, понимать другъ друга въ болѣе тѣсномъ кругу (стр. 41). Такъ какъ это

слово составляет древнюю собственность обѣихъ индо-германскихъ группъ (равно какъ и италиковъ и славяно-литовцевъ), то въ немъ заключается намѣкъ на то, что и кельты смотрѣли на такой tuath, т. е. союзъ объединившихся клановъ, какъ на сосѣдей, говорящихъ на общемъ языкѣ, хотя онъ обнималъ большій кругъ людей, чѣмъ отдѣльный древне-германскій народъ или община thiuda. Понятно, что изъ примѣненія слова tuath, thiuda въ вышеупомянутомъ смыслѣ различными народами вытекаетъ тотъ выводъ, что сознанию этихъ народовъ уже было доступно представление о культурномъ единствѣ, выходящемъ за предѣлы рода и клана, еще раньше, чѣмъ это слово стало примѣняться ими въ смыслѣ политическаго союза, такъ какъ о позанмствованіи въ этомъ случаѣ не можетъ быть рѣчи.

Подобно тому, какъ каждый кланъ имѣлъ своего вождя, германскіе союзы клановъ имѣли общаго главнаго вождя, называвшагося *gi, rig* (одного корня съ *gegege, rex*); это слово было позанмствовано германцами изъ кельтскаго языка (стр. 159). Пять клановыхъ союзовъ провъ объединились въ свою очередь въ одинъ высшій союзъ, который обнималъ весь островъ и собранія котораго происходили въ Тэманрѣ (въ настоящее время эта мѣстность называется Тара), такъ какъ тутъ сходились между собою границы этихъ союзовъ. Благодаря этому общему союзу отдѣльные союзы, входившіе въ составъ его, стали называться *coiced*, т. е. пятнами.

б) Горные шотландцы.

У горныхъ шотландцевъ не замѣчается такой стройной, почти неприемлемой для исторической критики системы. Однако и у нихъ существуютъ союзы клановъ *tuath* или *cinel*, подъ властью общаго *rig*. Совершенно такъ же, какъ въ союзахъ франковъ, алеманновъ и т. д., случалось, что во время общихъ войнъ одни изъ клановъ ослабѣвшаго союза переходили на одну сторону, другіе на противоположную.

Общая власть надъ военными силами союза, предоставлявшаяся одному клановому вождю, служила переходной ступенью къ его собственному господству и господству его клана. Въ Шотландіи образовались въ VI столѣтіи слабо сплоченныя монархическія государства, а въ 844 г. объединеніе скоттовъ и шиктовъ подъ властью Кеннета Макъ-Альпина положило основаніе превращенію всей Шотландіи въ одно королевство, послѣ чего отдѣльные кланы, строя которыхъ почти не коснулось общее верховное правительство, тѣмъ легче могли вернуться къ своему политическому первобытному состоянію.

Только послѣ возстанія 1745 г. ископныя общественныя отношенія горныхъ шотландцевъ были преобразованы Англіей съ тѣмъ большей основательностью, чѣмъ хуже они были поняты ею: такъ, напримѣръ, на клановыхъ вождей англійское правительство смотрѣло, какъ на лендлордовъ, а на ихъ сочленовъ по клану, какъ на арендаторовъ, на томъ основаніи, что они платили вождю извѣстныя повинности (стр. 164). Несмотря на все это, до самаго послѣдняго времени наблюдались остатки древняго клановаго строя, т. е. такого общественнаго порядка, основная идея котораго была пережита ближайшими къ кельтамъ группами индо-германцевъ еще въ самомъ началѣ ихъ исторической жизни.

Д. Государственныя учрежденія Галліи.

Въ своихъ основахъ государственныя отношенія въ Галліи вполне совпадали съ гельскими, сохранившимися до такого недавняго времени.— слѣдовательно, съ ископными общекельтскими. Разница заключается только въ томъ, что въ Галліи они достигли гораздо болѣе развитой степени въ значительно болѣе раннюю эпоху. Въ этой странѣ былъ развитъ торговый

обмѣнъ. существовали дороги, мосты, рѣчное и каботажное судоходство, торговля и промышленность; въ особенности процвѣтала обработка металловъ. Подъ вліяніемъ сравнительно ранняго преобразования древне-коммунистическаго скотоводческо-земледѣльческаго простого быта и развитія болѣе сложной и разнообразной культуры переработались также социальныя и политическія отношенія.

Въ Галліи мы тоже сталкиваемся съ кланомъ, хотя римляне и даютъ ему другое названіе, съ вождемъ, совѣтомъ старѣйшинъ и сходомъ способныхъ носить оружіе свободныхъ людей, которому принадлежитъ рѣшающій голосъ во всѣхъ дѣлахъ. Города съ ихъ деревянными стѣнами и деревянными постройками имѣли важное значеніе въ военномъ и другихъ отношеніяхъ, но не вытѣснили въ политическомъ отношеніи клановой общины.

Аристократія была такого же происхожденія, какъ и у гелловъ: она состояла изъ членовъ рода вождя въ болѣе тѣсномъ смыслѣ. Фактически она превратилась въ крупную землевладѣльческую аристократію и держала въ своихъ рукахъ хозяйственную жизнь страны. Подобно гелльскимъ и германскимъ членамъ рода вождя или князя представители аристократическаго сословія въ Галліи могли держать при себѣ дружину и часто пользовались этимъ правомъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ; но въ то время, какъ у германцевъ, у которыхъ всѣ эти явленія развились и приняли окончательную форму въ болѣе поздній періодъ, единовластный князь постепенно взялъ верхъ надъ главенствующей родовой аристократіей, *stirps regia*, какъ называетъ ее Тацитъ (стр. 53), и присвоилъ исключительно себѣ право имѣть при себѣ дружину, въ Галліи дѣло пошло въ обратномъ направленіи, — аристократія оттѣснила на задній планъ вождей, представителей единоличной власти. Благодаря этому открылось широкое поле для соперничества и зависти; вся общественная и политическая жизнь Галліи была пропитана враждой, интригами, партійными раздорами, погоней за приверженцами; это разъединяющее и разлагающее дѣйствіе проникало въ каждую деревню и даже въ каждую семью.

Благодаря побѣдѣ аристократіи надъ клановыми вождями дружина удержалась въ Галліи и обратилась въ отличительную принадлежность всей знати и всѣхъ, получавшихъ доступъ въ ея ряды. Латинизированное галльское выраженіе *Vassus* (соотвѣтствуетъ корнваллійскому *Was*, древневаллійскому или кимврскому *Guass*) значитъ „*puer servus*“ (молодой слуга); въ ленной системѣ, зародившейся первоначально въ франкско-меровингско-каролингской Галліи, слились въ одно эти галльскія вассальныя отношенія и германскія формы дружины, а изъ сліянія обѣихъ этихъ формъ выросла новая, третья.

Вслѣдствіе политическаго преобладанія галльской аристократіи, власть вождя во многихъ мѣстахъ окончательно исчезла и замѣнилась исключительно судебной и административной клановой должностью *Vergobretus* (что значитъ буквально „приводящій въ исполненіе правосудіе“), который избирался на годъ.

Хотя геллы занимались коневодствомъ, а овцеводство въ болѣе обширныхъ размѣрахъ было введено среди нихъ только впоследствии англичанами, все-таки на войну они выходили почти исключительно пѣшими. Во время первыхъ столкновеній между римлянами и кельтами первыми тоже приходилось имѣть дѣло исключительно съ пѣшими противниками. Возникновеніе кавалеріи связано какъ у галловъ, такъ и у германцевъ съ явленіемъ или дальнѣйшимъ развитіемъ дружинъ и съ превращеніемъ ихъ въ легкіе отряды для набѣговъ. Возрастающее значеніе аристократіи и дружинъ произвело полный переворотъ въ военной системѣ галловъ. Въ послѣдующей исторической жизни Галліи дальнѣйшее развитіе франкской вассальной системы получило сильный толчекъ благодаря потребности

Карла Мартелла въ конномъ ополченіи для борьбы противъ непрерывныхъ набѣговъ сарацинъ (ср. выше, стр. 89). Напротивъ того, у ассимилировавшихся съ галлами германцевъ Бельгіи преобладала попрежнему пѣхота съ боевыми колесницами, которыя были извѣстны также и британцамъ.

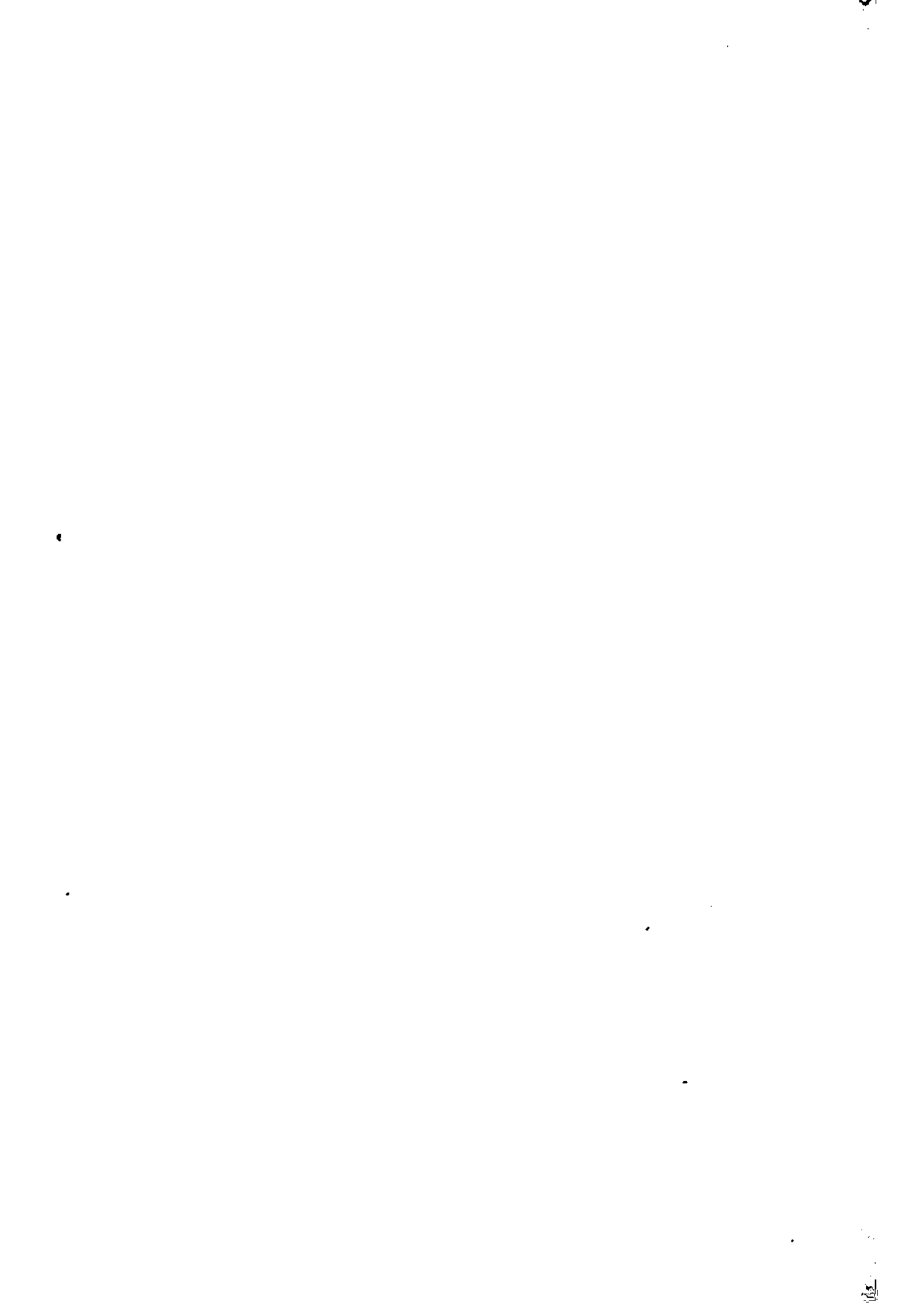
Подчиненіе одного клана другому, взявшему его подъ свое покровительство, котораго мы коснулись слегка у геловъ, получило особенное распространеніе у галловъ и играло у нихъ важную роль въ ходѣ историческихъ событій и въ борьбѣ между болѣе сильными кланами за преобладаніе. Въ Галліи подчинившійся кланъ обязывался къ воинской повинности и къ денежнымъ взносамъ за оказываемое ему покровительство. На ряду съ этими стремленіями отдѣльныхъ клановъ къ господству союзы съ союзными собраніями и общими предводителями на войнѣ тоже способствовали сплоченію массы галльскихъ клановъ въ большія группы. Однако эти союзы не получили такой прочной организаціи, какъ въ Ирландіи, и не утвердились въ такой степени, какъ тамъ. Дѣло ограничивается чисто фактическимъ преобладаніемъ, и главенствующимъ кланомъ является то одинъ, то другой; наиболѣе извѣстенъ слѣдующій примѣръ: арверны, эдуи и секваны смѣнили одни другихъ поочерди въ роли главенствующаго въ Галліи народа. Раньше, чѣмъ изъ этой политической смуты и запутанной борьбы между соперниками успѣлъ выработаться прочный порядокъ или туземный узурпаторъ объединилъ насильственно всѣхъ и успѣлъ сыграть ту же роль, какую сыгралъ впоследствии среди франковъ и ихъ сосѣдей Хлодвигъ, Галлія подпала отчасти подъ иноземное господство Аріовинста, а затѣмъ подоспѣло окончательное завоеваніе этой страны Цезаремъ. Господство римлянъ привело къ опредѣленной цѣли броженіе среди галловъ, направленное къ развитію болѣе прочнаго государственнаго строя, но не положило конца мѣстнымъ раздорамъ. Къ завоевателямъ римлянамъ пришли на помощь не только эти раздоры, но и плутократическая крупная земельная собственность и вассальныя отношенія, лишившія равноправія значительное число самостоятельныхъ въ социальномъ отношеніи лицъ, послѣдующее возрожденіе власти крупныхъ земельныхъ собственниковъ среди франкской аристократіи не пошло бы такъ быстро безъ этихъ предшествовавшихъ явленій.

Е. Друиды.

Что галлы не только обладали сознаниемъ своего собственнаго національнаго и этнографическаго единства, но распространили его также на остальныхъ кельтовъ, что созывались сеймы изъ представителей всей Галліи, всѣмъ этимъ галлы были обязаны друидамъ, которые были главными носителями цивилизаціи, лежавшей въ основѣ этой солидарности. Друиды существовали также и у геловъ, но ихъ значеніе достигло полного своего развитія только въ Галліи. Они не составляли особой касты, а были привилегированнымъ профессиональнымъ сословіемъ, которое соединяло въ себѣ профессіи барда, учителя и жреца. Благодаря неорганизованности свѣтской власти и распространеннымъ повсюду партійнымъ раздорамъ это сословіе, шедшее къ твердо намѣченной цѣли, достигло такого могущества, на которое мы не видимъ и намека среди геловъ.

Друиды были освобождены отъ всѣхъ повинностей и налоговъ. Кромѣ ихъ обязанностей по профессіи они были хранителями и монопольными обладателями устно передаваемыхъ „научныхъ“ историко-этическихъ, естественно-научныхъ, медицинскихъ, астрономическихъ и астрологическихъ познаній, права, поэзи и всѣхъ практическихъ приемовъ, основанныхъ на суевѣрныхъ представленіяхъ. Изъ своей духовно-нравственной цензорской и карательной власти, которая пользовалась, какъ оружіемъ изгнаніемъ виновнаго изъ общества, они выработали судебскую власть, уголовную и гражданскую, съ успѣхомъ конкурировавшую со свѣтскимъ правительствомъ

Друиды обладали тѣмъ, чего галлы никакъ не могли достигнуть на государственномъ поприщѣ: объединеніемъ и сплоченностью, стройной іерархической организаціей, превращавшей ихъ въ національную корпорацію, стоявшую выше всѣхъ границъ клановъ и союзовъ; во главѣ всей іерархіи стоялъ избираемый пожизненно старшій друидъ. Друиды поддерживали сношенія съ Британніей и стремились къ созданію общекельтской религіи и цивилизаціи. Нельзя отрицать, что привилегіи друидовъ повліяли на льготы и свободы отъ повинностей, которыми пользовалась церковь во времена Мервинговъ (стр. 90): частью преданіе сохранило еще свою святость, а частью друиды послужили образцомъ. Неоднократно уже проводились параллели между организаціей друидовъ и іерархическимъ строемъ папской церкви, въ предварительной теоретической выработкѣ котораго Франкская Галлія приняла столь существенное участіе, между прочимъ, посредствомъ цѣлесообразной фабрикаціи собранія декреталій Лже-Исидора Меркатора (стр. 206).

IV. Происхожденіе романскихъ народовъ.

Сочиненіе профессора Карла Паули.

Переработано докторомъ Гансомъ Ф. Гельмольтомъ.

Народы песмѣшаннаго происхожденія попадаются только на уединенныхъ островахъ, среди болотъ и первобытныхъ лѣсовъ, на отдаленныхъ морскихъ берегахъ или въ горахъ, т. е. въ такихъ мѣстахъ, безплодность или уединенность которыхъ защищали ихъ отъ постороннихъ пришельцевъ. Такъ, на примѣръ, сохранили чистоту своей крови въ теченіе многихъ столѣтій нѣкоторая часть малайцевъ, населяющая острова, затерявшіеся въ Великомъ океанѣ, первобытные жители Австраліискаго материка, эскимосы, пріютившіеся на негостепримныхъ берегахъ Гренландіи, нѣкоторыя племена, живущія въ скалистыхъ ущельяхъ Гималайскихъ горъ. Но во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ народы спустились въ равнины, въ которыхъ рѣки протекаютъ по удобопроходимымъ долинамъ и служатъ международными путями, въ которыхъ существуютъ удобные проходы черезъ горы, тамъ возникаютъ международныя сношенія и велѣдь затѣмъ смѣшеніе народовъ. Эти обоюдныя сношенія бываютъ двоякаго рода: миролюбивыя и враждебныя, но дѣйствіе какъ тѣхъ, такъ и другихъ сводится къ одному и тому же, къ образованію смѣшанныхъ народовъ.

Самый ходъ этого смѣшенія не всегда бываетъ ясенъ на всѣхъ своихъ отдѣльныхъ ступеняхъ. Особенно важное значеніе имѣетъ возникновеніе романскихъ народовъ уже потому, что оно произошло при полномъ свѣтѣ исторіи.

1. Романская группа народовъ.

Подъ именемъ романскихъ народовъ, составляющихъ на ряду со славянами и германцами одну изъ трехъ великихъ народныхъ группъ современной Европы, мы подразумѣваемъ тѣ народы, которые пользуются и понынѣ языкомъ, происходящимъ отъ латинскаго. Вотъ каково современное распространеніе романскихъ языковъ: на Пиренейскомъ полуостровѣ ихъ существуетъ четыре: галиційскій въ испанской провинціи Галиціи, составляющей крайній сѣверо-западный уголъ этого полуострова, португальскій, граница котораго совпадаетъ съ политическими границами Португаліи, испанскій или кастильскій, на которомъ говорятъ почти во всей Испаніи, и каталонскій въ провинціяхъ Валенсіи и Каталоніи, на Балеарскихъ и Питіузскихъ островахъ. Во Франціи говорятъ на трехъ языкахъ: на провансальскомъ въ Провансѣ, на югѣ и окружающей его области, ограниченной изогнутой полукругомъ къ сѣверу линіей, идущей отъ Ліона къ Бордо, на франко-провансальскомъ въ Юрѣ, по среднему теченію Роны и по Изерѣ, слѣдовательно, въ провинціяхъ Франконтэ, Дофинэ, Савойѣ, и Французской Швейцаріи, и на французскомъ въ тѣсномъ смѣстѣ во всей остальной Франціи и въ говорящихъ по-французски частяхъ Бельгіи, Люксембурга и Германіи. Италія обладаетъ только однимъ единственнымъ языкомъ. По-итальянски говорятъ также на окружающихъ Италію островахъ, не исключая и Корсики, въ кантонѣ Тессинѣ и въ Южномъ Граубюнденѣ. Съ рето-романскимъ языкомъ мы сталкиваемся въ Граубюнденѣ.

денъ, въ долину Верхняго Рейна и въ Энгадинъ, затѣмъ въ другихъ разрозненныхъ областяхъ въ Тиролю, около Клееса и на рѣкѣ Авизио, а также въ Фриюль. Румынскій или дако-романскій языкъ (срав. т. V, стр. 350) обнимаетъ кромѣ королевства Румыніи также самую большую часть Седмиградия и Бессарабію, принадлежащую въ настоящее время Россіи. На румынскомъ языкѣ говорятъ также македонскіе румыны въ горахъ Пинда и немногочисленные полуславянскіе истрийскіе румыны (тамъ же, стр. 351).

Ко всемъ этимъ языкамъ присоединяется еще, наконецъ, полуроманскій албанскій смѣшанный языкъ, въ которомъ романизация не доведена до конца (срав. т. V, стр. 220). Значительная часть запаса словъ этого языка латинскаго происхожденія: въ самую грамматику, т. е. флексіи, тоже проникли латинскія формы; однако сохранилось много словъ и основная часть грамматики языка коренного фракійскаго народа. Какъ въ англійскомъ языкѣ французскія составныя части не могли отнять у этого языка его германскаго характера, точно такъ же въ албанскомъ языкѣ заимствования изъ латинскаго оказались недостаточными для превращенія его въ романскій языкъ, какъ это произошло съ другими выше перечисленными языками.

Этимъ кончается рядъ романскихъ народовъ. Жители остальныхъ римскихъ провинцій, т. е. принадлежавшихъ некогда римлянамъ частей Британіи и Германіи, Панноніи (Венгріи), Македоніи, Фракіи, Мезии и Греціи, передней Азіи и Африки, не превратились въ романскіе народы частью потому, что въ этихъ странахъ сохранился языкъ древней культуры, греческій, частью потому, что здѣсь романизация не подвинулась еще достаточно впередъ ко времени великаго переселенія народовъ, а частью потому, что исламъ растопталъ римскую культуру въ своемъ всеокрушающемъ побѣдоносномъ шествіи; это относится въ особенности къ Африкѣ.

Различіе между романскими языками основывается на двухъ причинахъ. Каждая изъ названныхъ частей Римской имперіи была населена ко времени вторженія римлянъ своимъ особымъ народомъ, и какъ нѣмецкій языкъ пріобрѣтаетъ различныя отбѣнки въ устахъ русскаго, англійскаго или французскаго, хотя бы все они говорили одинаково свободно на этомъ языкѣ, точно такъ же латинскій языкъ звучалъ не одинаково, смотря потому, говорилъ ли на немъ иберіецъ, галлъ, иллиріецъ или дакіецъ. Однако это различіе въ субстратѣ не является единственной причиной, на которой основывается различіе между романскими языками. Различіе во времени происхожденія того или другого изъ этихъ языковъ тоже имѣло свое значеніе. Распространеніе римскаго господства надъ Италіей и названными провинціями обнимаетъ собою цѣлый рядъ столѣтій. Какъ всякій языкъ, латинскій естественнымъ образомъ претерпѣвалъ въ теченіе этого долгаго времени различныя измѣненія: напримѣръ, латинскій языкъ, занесенный въ Галлію во время ея романизации, отличался существеннымъ образомъ отъ того языка, на которомъ говорили римляне въ 240 г. до Р. Хр. при началѣ романизации Сициліи. Какъ важно это различіе, на которое нерѣдко обращалось слишкомъ мало вниманія, объ этомъ свидѣтельствуетъ сардинское нарѣчіе, въ которомъ „е“ всегда произносится, какъ „к“, подобно древнему латинскому языку въ то время, какъ во всѣхъ остальныхъ романскихъ языкахъ эта буква превратилась въ шипящій звукъ передъ ясными гласными „е“ и „і“, какъ въ позднѣйшемъ латинскомъ языкѣ.

2. Романизация, какъ всемірно-историческое явленіе.

Уже при основаніи Рима имѣло мѣсто по всемъ признакамъ значительное смѣшеніе народовъ. Хотя въ этомъ городѣ, расположенномъ на латинской почвѣ, преобладающимъ остался языкъ латинявъ, тѣмъ не менѣе онъ все же находился въ такомъ мѣстѣ, которое примыкало къ владыніямъ

обоихъ остальныхъ племенъ, сабинянъ и этрусковъ, и лежалъ на судоходной рѣкѣ, протекающей черезъ области всѣхъ этихъ трехъ племенъ. Смѣшеніе этихъ племенъ было, можно сказать, неизбежнымъ послѣдствіемъ этихъ условій; оно отражается вполне ясно въ римскихъ преданіяхъ. Что значитъ то извѣстіе, что Ромулъ устроилъ въ своемъ новомъ городѣ пристанище для всѣхъ окрестныхъ племенъ, рассказъ о похищеніи сабинянокъ, о слияніи царства Тита Тація съ царствомъ Ромула, преданіе о томъ, что Целесъ Вибенна (томъ IV, стр. 353) занялъ со своимъ отрядомъ наемниковъ этрусковъ Целійскій холмъ въ Римѣ и поселился на немъ? Во всемъ этомъ не заключается ничего другого кромѣ воспоминанія о такомъ смѣшеніи народовъ. Кромѣ того три древнія римскія трибы рамновъ, тициевъ и люцеровъ обозначаютъ безспорно римлянъ, сабинянъ и этрусковъ. Обращеніе *Populus Romanus (et) Quirites* (народъ римскій и квиниты) указываетъ, по крайней мѣрѣ, на двѣ составныя части римскаго населенія: римлянъ и сабинянъ. Третья выдаетъ себя вполне ясно въ названіи квартала *Vicus Tuscus* (Этрусское Селеніе), расположеннаго между Форумомъ и Палатинскимъ холмомъ, этого древнѣйшаго римскаго городского квартала, и въ Велабрумѣ, сохранившемъ даже чисто этрусское названіе. Эти указанія, получаемыя изъ лингвистическаго происхожденія названій, подтверждаются также и римской мѣологіей, въ которой издревле господствуетъ пестрая смѣсь латинскихъ, сабинскихъ и этрусскихъ божествъ (срав. т. IV, стр. 304 и 323).

Весьма вѣроятно, что такое первоначальное происхожденіе римской городской общины изъ слиянія трехъ различныхъ племенъ осталось не безъ вліянія на развитіе римскаго національнаго характера. Въ искусствѣ слиянія со своимъ государствомъ подчиненныхъ имъ народовъ римляне всегда стояли на недостижимой высотѣ. Ихъ образъ дѣйствій заключается въ общемъ въ слѣдующемъ: послѣ того, какъ они захватывали какую-нибудь область съ оружіемъ въ рукахъ и присоединяли ее къ римскому государству, они основывали колоніи и устраивали большія дороги въ видѣ сѣти, соединявшей эти колоніи между собою и съ главнымъ городомъ области. Эти колоніи были частью колоніями, состоявшими изъ римскихъ гражданъ, т. е. исключительно военными постами, устроенными на опасныхъ мѣстахъ для сдержанія непокорныхъ племенъ, частью колоніями съ латинскимъ правомъ, служившими для социальной цѣли (латинское право состоитъ въ слѣдующемъ: въ древнѣйшую эпоху латиняне занимали только положеніе союзниковъ римлянъ, *foederati*, не пользовались римскимъ правомъ голоса, но вмѣсто этого имъ было предоставлено свое собственное самоуправленіе). На такихъ юридическихъ основаніяхъ учреждались колоніи въ покоренныхъ областяхъ преимущественно въ главныхъ городахъ и на узловыхъ пунктахъ дорогъ. Такимъ образомъ возникали римскія поселенія съ сравнительно многочисленнымъ италійскимъ населеніемъ, поддерживавшимъ оживленныя сношенія съ покоренными народами. Вдоль военныхъ дорогъ, около таможенныхъ заставъ и почтовыхъ станцій тоже возникали менѣе значительныя римскія поселки. Во всѣхъ этихъ колоніяхъ, само собой разумѣется, говорили на латинскомъ языкѣ, а въ официальныхъ сношеніяхъ не допускалось никакого другого языка. Понятно, что благодаря этимъ условіямъ старыя національныя языки вытѣснялись мало-помалу. Не только языкъ, но и вся исконная національная жизнь покоренныхъ областей вымирала въ слѣдствіе того, что римская муниципальная система вытѣсняла прежній общинный бытъ, или же, по меньшей мѣрѣ, общины присоединялись къ какой-нибудь римской колоніи, которая становилась ихъ административнымъ центромъ. Наконецъ, предоставленіе мѣстному населенію права римскаго гражданства, введеніе римскаго права, римскихъ мѣръ, вѣсовъ и монетъ наносили послѣдній ударъ остаткамъ само-бытнотной національной жизни.

Этотъ самъ по себѣ цѣлесообразный и въ извѣстныхъ отношеніяхъ достойный подражанія способъ романизации, къ сожалѣнію, нерѣдко начинался съ жестокихъ мѣръ, предъ которыми римляне никогда не останавливались, когда этого требовалъ, по ихъ мнѣнію, государственный интересъ. Такъ, напримѣръ, была истреблена значительная часть населенія Самніума; такимъ же образомъ этруски были изгнаны изъ своей родины во времена Суллы, а галлы, жившіе на правомъ берегу рѣки По, были почти окончательно истреблены. Въ собственной Галліи цѣлые народы были проданы въ рабство во времена Цезаря, а во время правленія Августа такая же участь постигла салассовъ и Паннонію. Параллельно съ этимъ цѣлыя племена подвергались насильственному переселенію, какъ, напри- мѣръ, реты, скордиски и даки; будучи вырваны изъ своей естественной среды, они превращались въ римлянъ подъ вліяніемъ вышеуказанныхъ пріемовъ. Такая общая ассимиляція повторилась двукратно въ римской исторіи, такъ сказать въ видѣ двухъ концентрическихъ круговъ; хронологическая граница между обоими этими періодами совпадаетъ приблизительно съ концомъ первой пунической войны.

А. Романизация Италіи (до 267 года до Р. X.)

Романизация началась естественнымъ образомъ въ Италіи. Кромѣ латинянъ, первоначально занимавшихъ весьма ограниченную область, Апеннинскій полуостровъ былъ населенъ множествомъ различныхъ народовъ: на сѣверѣ жили лигурійцы, галлы и венеты, принадлежавшіе къ иллирійскому племени; всѣ эти три народа были индо-германцами. Въ Средней Италіи жили этруски, народъ, чуждый всѣмъ остальнымъ по своему происхожденію, и наиболѣе близкіе къ латинамъ „италійскіе“ народы, умбры и оски, а также значительное число болѣе мелкихъ племенъ. Въ южной Италіи мы застаемъ группу народовъ иллирійскаго происхожденія, въ городахъ по западному берегу—грековъ, а въ Сициліи, Сардиніи и Корсикѣ—иберовъ, лигуровъ, пунійцевъ и грековъ.

О тѣхъ силахъ, которыя привели къ романизации Ладіума въ теченіе ранняго историческаго періода, мы знаемъ только изъ преданій. Только начиная со времени столкновенія между римлянами и самнитами дальнѣйшій ходъ событій дѣлается для насъ доступнымъ въ реальномъ историческомъ освѣщеніи. Сюда относятся прежде всего окончательное распаденіе латинскаго союза (въ 337 году до Р. X.) и покореніе вольсковъ и аврунковъ. Для обезпеченія этихъ новыхъ владѣній были основаны колоніи изъ римскихъ или латинскихъ переселенцевъ въ Antium, Caes (Кальви Ризорта), Fregellae, Minturnae, Sinuessa и другихъ городахъ этой области. Этруски, умбры, марсы, целлиги и геринки, поднявшіе оружіе противъ Рима во второй самнитской войнѣ (отъ 326 года до 304 года), были всѣ вынуждены одни за другими покориться подъ власть римлянъ; ихъ владѣнія были присоединены къ римскому государству такъ же, какъ и Кампанія. Были основаны колоніи Luceria въ Апуліи, Sorae въ землѣ вольсковъ, Carsoli и Alba среди эквовъ, Narnia и Spolegium въ Умбріи; черезъ новыя провинціи была проложена сѣть дорогъ. Война съ объединившимися между собою этрусками и галлами окончилась ихъ двукратнымъ пораженіемъ и почти полнымъ истребленіемъ сеноновъ (въ 283 и 282 годахъ до Р. X.). Въ непосредственной связи съ этими событіями стоитъ рѣшительная война, которую римляне вели въ Южной Италіи съ луканами, Тарентомъ и Цирромъ, царемъ эпирскимъ, а также съ самнитами. Въ 272 году всѣ эти противники были окончательно побѣждены, и ихъ владѣнія были присоединены къ римскому государству. Въ 267 г. до Р. X. салентины, занимавшіе юго-восточный выступ Апеннинскаго полуострова, тоже были вынуждены признать надъ собою верховную власть

Рима, и теперь подъ римскимъ господствомъ объединилась вся Италія. Во всѣхъ этихъ областяхъ были основаны города въ качествѣ римскихъ колоній: въ бывшихъ владѣніяхъ сенонъ Sena Gallica, въ Умбріи Ariminum, въ Пиценумѣ Hadria (нынѣш. Агри), Castrum Novum и Firmum, въ Сампнумѣ Beneventum и Aesernia, въ Луканіи Paestum, въ Калабріи Brundisium; всѣ эти колоніи послужили сильной опорой для римскаго господства (смотри карту: „Римъ и древняя Италія“, прилож. къ стр. 350 IV т.). Теперь уже не было никакихъ преградъ для романизаціи отдѣльныхъ областей Италіи; смотря по силѣ внутренняго сопротивленія, оказываемаго гѣмъ или другимъ племенемъ, она совершалась съ большей или меньшей быстротой, но вездѣ неудержимо подвигалась впередъ. Что южная часть области сабинявъ ассимилировалась съ римлянами раньше всей остальной Италіи, — это понятно, такъ какъ жители области Сигес, квиригы, приняли участие въ самомъ основаніи римскаго государства; затѣмъ послѣдовала южная Этрурія за исключеніемъ фалисковъ; вслѣдъ за ними романизаціи подверглись герники и эквы въ восточномъ Лаціумѣ и сѣверные сабиняне. Въ началѣ пуническихъ войнъ всѣ они уже говорятъ на латинскихъ діалектахъ. Затѣмъ очередь дошла до сабельскихъ племенъ въ Абрुцскихъ горахъ, марсовъ, марруциновъ и т. д., а также ферентиновъ и пицентовъ. Въ это же самое время подверглись романизаціи и галлысеноны. Послѣ союзнической войны выходятъ изъ употребленія языки вольсковъ, фалисковъ и умбровъ; наконецъ во время междоусобныхъ войнъ Суллы исчезли оскскій и этрусскій языки. Съ этихъ поръ во всей Италіи господствуетъ языкъ Рима. Какъ этого слѣдовало ожидать, та пестрая смѣсь различныхъ народовъ, которая населяла древнюю Италію, оставляла свои слѣды въ развитіи современныхъ народныхъ языковъ. Въ настоящее время различается цѣлый рядъ частью рѣзко отличающихся другъ отъ друга нарѣчій итальянскаго языка, особенности которыхъ вытекаютъ исключительно изъ различій между первоначальными народными основами каждаго изъ нихъ.

Таковы нарѣчія фурланское, венеціанское, ломбардское, пьемонтское, эмильское, лигурійское, тосканское, умбро-римское, сардинское, корсиканское, неаполитанское съ мѣстными говорами кампанскимъ, абруцскимъ и апулійскимъ и калабро-сицилійское.

В. Романизація внѣитальянскихъ областей (отъ 241 г. до Р. X. до 107 г. послѣ Р. X.)

Развитіемъ одного общаго для всей Италіи римскаго языка замыкается первый изъ двухъ вышеупомянутыхъ цикловъ романизаціи. Таковъ же былъ ходъ событій также и во второмъ циклѣ; онъ обнимаетъ тѣ области, которыя подпали подъ власть и вліяніе римлянъ послѣ пуническихъ войнъ. Въ 241 г. до Р. X. стала римскою провинціей Сицилія, а въ 238 г. Сардинія и Корсика; въ 215 г. веныты присоединились добровольно къ Риму; затѣмъ слѣдуютъ испанскія провинціи въ 197 г., Цизальпийская Галлія въ 191 г., Иллирія между 160 и 150 гг., Африка въ 146 г., Южная Галлія въ 120 г., Сѣверная Галлія въ 50 г., Реція въ 15 г., Котійскія Альпы въ 66 г. послѣ Р. X., Дакія въ 107 г.

Около 240 г. до Р. X. въ Сициліи существовалъ цѣлый рядъ греческихъ колоній: Мессана, Сиракузы, Гелла, Акрагасъ (Агригентъ) и т. д., но рядомъ съ ними существовали и карфагенскія, какъ, напримѣръ, Лилибеумъ и Панормусъ; въ Эрикѣ и Сегестѣ еще сохранилось даже первоначальное населеніе. Однако преобладающую роль играли греческое вліяніе и греческій языкъ. Съ ними-то, главнымъ образомъ, приходилось выдерживать борьбу латинскому языку какъ въ Сициліи, такъ и въ греческихъ городахъ Великой Греціи. Такъ какъ такой культурный и, можно даже

сказать, всемірный языкъ, какъ греческій, могъ оказать латинскому языку неизмѣримо болѣе сильное сопротивленіе, чѣмъ паръчье горцевъ марсовъ, то романизация Сициліи успѣла сдѣлать существенные успѣхи только къ началу второго столѣтія. Однако даже еще и къ этому времени тамъ удержалось нѣсколько острововъ съ греческимъ языкомъ.

О романизации Сардиніи, въ которой преобладало карфагенское вліяніе во время ея захвата римлянами, равно какъ и Корсики, принадлежавшей раньше этрускамъ, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Первобытныя жители этихъ острововъ принадлежали частью къ иберійскому, а частью къ лигурійскому племени. Повидимому, венеты и ихъ соплеменники иллирійцы, покоренные римлянами въ 177 г. до Р. Х., охотно ассимилировались съ римлянами, такъ какъ эти послѣдніе оказали имъ поддержку въ борьбѣ съ галлами. То же самое можно сказать приблизительно о лигурійской области, занимавшей западную часть Верхней Италіи, хотя первоначальное покореніе ея стоило римлянамъ тяжелыхъ жертвъ. Такъ какъ эта область служила большой дорогой для римскихъ войскъ, направлявшихся въ Галлію и Испанію, то ея быстрая романизация не представляетъ собою ничего удивительнаго.

Когда Пиренейскій полуостровъ перешелъ отъ карфагенянъ къ римлянамъ, то эти послѣдніе застали тамъ слѣдующія народности. Главнымъ народомъ были иберійцы, распавшіеся на множество мелкихъ племенъ, обладавшихъ особыми названіями (Pergetes, Jaccetani, Carpetani и т. д.). Они владѣли пѣкогда всеѣмъ полуостровомъ; но затѣмъ послѣдовало вторженіе кельтовъ, занявшихъ сѣверо-западную часть его; остатки этихъ кельтовъ слились впоследствии съ иберами, и образовался смѣшанный народъ кельтиберовъ (ср. стр. 123). Кромѣ того, на берегахъ Испаніи попадались финикійскіе города, какъ, напримѣръ, Гадиръ (Кадиксъ) и колоніи пунійцевъ, напр., Carthago Nova (Картагена). Иберы оказали упорное сопротивленіе романизации, но, въ концѣ-концовъ, были вынуждены уступить болѣе сильной римской культурѣ, и затѣмъ началась быстрая и радикальная романизация ихъ. Этому способствовало, прежде всего, значительное число римскихъ солдатъ, посланныхъ въ Испанію въ виду частыхъ войнъ. Въ теченіе промежутка времени между 196 и 169 годами до Р. Х. ихъ было отправлено туда 150,000. Многие изъ нихъ остались въ Испаніи въ качествѣ колонистовъ. Туда же переселялось значительное число римскихъ торговцевъ и рабочихъ, такъ какъ Испанія славилась своими богатыми рудниками. Даже Серторій, возставшій противъ римлянъ и воевавшій съ ними, заботился объ устройствѣ школъ, въ которыхъ преподавались греческія и римскія науки. Въ первомъ столѣтіи послѣ Р. Х. романизация уже подвинулась такъ далеко, что въ Corduba, главнымъ центрѣ римскаго образованія, уже жили образованные испанцы, которые оказывали вліяніе на римскую литературу, какъ, напримѣръ, семья Сенекъ.

Галлы, издавна отличавшіеся пристрастіемъ ко всему новому (*genus novatum studiosi*), поддались весьма легко романизации; этому процессу способствовало, вѣроятно, въ значительной степени близкое родство между латинскимъ и кельтскимъ языками. Ко времени паденія республики Цизальпийская Галлія уже ассимилировалась настолько сильно съ римлянами, что она почти ничѣмъ не отличалась отъ остальной Италіи. Въ Медиоланіумѣ и Кремонѣ процвѣтали римскія школы. Галлы Катувалъ и Виргилій, Ливій и оба Плинія принадлежатъ къ числу первостепенныхъ литературныхъ знаменитостей императорскаго Рима. За романизацией цизальпийскихъ галловъ послѣдовала естественнымъ образомъ романизация транзальпийскихъ племенъ и альпійскихъ народовъ кельтскаго происхожденія. Транзальпийская область подчинилась римлянамъ не сразу. Въ 154 году до Р. Х. римляне вмѣшались въ тамошнія политическія условія въ интересахъ своей давнишней союзницы Массиліи; въ 125 году до Р. Х. римляне

вторично отстояли Массплію отъ саллувіевъ и воконтіевъ, съ которыми состояли въ союзъ могущественныя галльскія племена аллоброговъ и арверновъ. Послѣ двукратной побѣды римлянъ владѣнія этихъ племенъ были присоединены къ римскому государству подъ именемъ провинціи *Narbonensis*. Начиная съ 58 года до Р. Х., продолженіе этого уже начатаго дѣла взялъ въ свои руки Гай Юлій Цезарь, который завоевалъ для римлянъ всю Галлію до Рейна и до океана (томъ IV, стр. 392). Вскорѣ послѣ этого началась романизація всей этой области. Была учреждена римская администрація; Нарбо, Толоса, Форумъ Юліи, Бурдигала и другіе цвѣтущіе города были частью заняты римскими колоніями, а частью превращены въ центры римской жизни. Воздвигаются великолѣпныя постройки; людей, пользовавшихся вліяніемъ, римляне привлекаютъ на свою сторону посредствомъ дарованія имъ правъ римскихъ гражданъ; въ Массилии, Лугудунумѣ и другихъ городахъ основываются школы. Вліяніе римскаго образа жизни дѣйствуетъ такъ сильно, что въ первомъ столѣтіи послѣ Р. Х. вся Галлія уже была вполне римской страной. Въ это время Транзальпийская Галлія уже тоже выдвинула рядъ людей, заявившихъ выдающееся мѣсто въ римской литературѣ. Вообще, никакая другая часть Римской имперіи, кромѣ Италіи, не производила въ это время такого чисто римскаго впечатлѣнія, какъ Галлія.

Тѣмъ не менѣе, на почвѣ этой страны развились два различныхъ романскихъ языка, провансальскій и собственно французскій (ср. стр. 173). Причина этого явленія заключается, главнымъ образомъ, въ различной полнотѣ: область распространенія провансальскаго языка обладала смѣшаннымъ населеніемъ, образовавшимся изъ лигуровъ, иберовъ и галловъ, въ то время, какъ французскій языкъ развился въ областяхъ съ чисто галльскимъ населеніемъ. Нѣкоторое значеніе имѣютъ также и хронологическія различія, такъ какъ провансальская часть Галліи познакомилась съ латинскимъ языкомъ раньше, чѣмъ французская часть.

Рядомъ съ этими двумя галло-романскими языками стоитъ еще одинъ, третій, тотъ народный языкъ, который господствуетъ въ Швейцаріи и въ нѣкоторыхъ пограничныхъ мѣстностяхъ Франціи. Здѣсь существовало опять-таки свое особое нижнее наслоеніе: хотя главную массу населенія составляли здѣсь гельветы, народъ галльскаго происхожденія, но рядомъ съ ними удается выслѣдить еще одну составную часть, состоящую изъ иллирійцевъ венетовъ, отъ которыхъ Венетское озеро получило свое древнее названіе *Lacus Venetus* (Венетское озеро). Первымъ шагомъ къ завоеванію этой области римлянами была побѣда при Вибракѣ (въ 58 году до Р. Х.), одержанная Цезаремъ надъ гельветами, черезъ годъ послѣ которой Ронская долина была занята Сервіемъ Сульпиціемъ Гальбой. Для охраны этой вновь завоеванной области Цезарь поселилъ въ городѣ *Noviodunum* (совр. Нюи) колонію римскихъ всадниковъ, которую онъ назвалъ *Julia Equestris* и которая послужила главнымъ опорнымъ пунктомъ для романизаціи. Дальнѣйшими опорными пунктами на сѣверъ были *Aventicum* (Аванш) и *Augusta Rauracorum* (Аугстъ недалеко отъ Базеля); кромѣ того, въ этой области имѣлось много другихъ населенныхъ пунктовъ, поддерживавшихъ романизирующее вліяніе трехъ названныхъ. Но въ то время, какъ южная часть этой области приобрѣла вполне римскій характеръ, на сѣверѣ продолжалъ господствовать галльскій народный языкъ на ряду съ официальнымъ римскимъ; въ настоящее время въ южныхъ частяхъ ся говорятъ по-французски, а въ сѣверныхъ по-нѣмецки; въ то время, какъ латинскій языкъ вытѣснилъ варварское нарѣчіе бургундовъ, на сѣверѣ алеманны справились безъ труда съ галльскимъ народнымъ языкомъ.

Послѣ завоеванія собственно Галліи и области гельветовъ Цезаремъ, вниманіе римлянъ было направлено на внутреннія Альпійскія области,

покореніе которыхъ должно было создать прочную связь между Италией и вновь завоеванными странами, Галліей и Дунайскими провинціями. Первымъ шагомъ на этомъ пути была война съ салассами и таурисками. Въ 42 году, когда Gallia Transpadana была объединена съ Италией также и въ государственномъ-правовомъ отношеніи, окончаніе этой борьбы стало болѣе настоятельной необходимостью, такъ какъ необходимо было создать опору противъ альпійскихъ народовъ. Римляне принялись за дѣло со свойственной имъ энергіей. Въ 21 году до Р. X. салассы были окончательно покорены, и въ ихъ области основанъ городъ Augusta Praetoria (Агоста). Велѣдъ за ними были покорены трумпилины (около Бриксин) и камуны около Бергамо, въ 16 году до Р. X. ретійскіе народы у истоковъ Рейна и Эча и порики въ современной Австріи. Наконецъ, въ 15 году до Р. X., была завоевана Друзомъ, несмотря на храброе сопротивленіе, оказанное туземцами, Эпзакская долина, и одновременно съ тѣмъ его братъ Тиберій напалъ на туземныя племена Винделицин, т. е. южной Баваріи, и покорилъ ихъ. Такимъ образомъ Альпійская область перешла во власть Рима. Теперь уже возможно было приступить къ организации новой провинціи Ретіи, какъ ее называли, обнимавшей восточную Швейцарію и почти весь Тироль съ южной Баваріей. Были основаны города Augusta Vindelicorum (Аугсбургъ) и Curia (Хуръ), и изъ нихъ, какъ центровъ, процессъ романизации сталъ распространяться своимъ обычнымъ путемъ.

Рекомендуемъ прочитать превосходную статью Ратцеля по этому вопросу подъ заголовкомъ: „Альпы среди историческихъ движеній“ („Die Alpen inmitten der geschichtlichen Bewegungen“, „Zeitschrift des Deutschen und Oesterreichischen Alpenvereins, XXVII“, 1896 г.) Рето-романская или фурланская группа языковъ, состоящая изъ хурвельша или румонша (руманунча) въ Граубюнденѣ, ладинскаго нарѣчія въ Тироли и фурланскаго въ Фриюль, сохранила для насъ и понынѣ слѣды этой романизации (ср. т. VIII, стр. 646).

Послѣдней въ ряду провинцій, постепенно присоединенныхъ къ Римской имперіи, была Дакія. Даки были фракійскимъ племенемъ, жившимъ въ горахъ Седмиградія, въ области, малодоступной для непріятели. Еще во времена Цезаря они объединились подъ властью Бойребисты въ одно крупное національное государство, но вмѣстѣ съ тѣмъ къ нимъ получила нѣкоторый доступъ греко-римская культура. Такъ какъ дѣло не обошлось безъ треній между ними и римлянами, то Августъ остановился снова на планѣ карательной экспедиціи, надъ которымъ задумывался уже Цезарь, и разбилъ войско даковъ, совершившихъ передъ тѣмъ набѣгъ въ предѣлы римскихъ владѣній. Однако дѣйствительное покореніе этой области удалось только Траяну послѣ того, какъ императоръ Домиціанъ заключилъ въ 89 году съ фракійскимъ царемъ Децебаломъ (т. IV, стр. 442) далеко не почетный для римлянъ мирный договоръ, согласно которому Децебалъ становился кліентомъ римскаго государства, но получалъ за это ежегодное денежное вознагражденіе. По мирному договору, заключенному Траяномъ въ 102 году (тамъ же, стр. 444), Дакія фактически подчинилась римскому протекторату. Однако Децебалъ не соблюдалъ, повидимому, мирныхъ условій, и римляне рѣшили поэтому уничтожить національную самостоятельность даковъ. Недалеко отъ Турисверина былъ построенъ по приказу Траяна прочный каменный мостъ для перехода черезъ Дунай. Несмотря на свою отчаянную храбрость, даки потерпѣли пораженіе; Децебалъ бросился на свой собственный мечъ. Дакія превратилась въ римскую провинцію (въ 107 г. послѣ Р. X.), и на первыхъ порахъ была присоединена къ провинціи Шугіетумъ. Съ этихъ поръ начинается ея романизация (ср. т. V, стр. 350); въ результатъ созданъ румынскій народъ, живущій къ сѣверу отъ Дуная, стало быть, остающійся еще и понынѣ на своей древней родинѣ. Только южные румыны, которые появились въ зна-

чительномъ числѣ въ Македоніи, Фессаліи, Эпирѣ и западныхъ частяхъ древней Эллады въ XII столѣтіи и остатки которыхъ сохранились и понынѣ подъ именемъ пиндскихъ валаховъ, переселились впоследствии съ сѣвера въ названныя области Балканскаго полуострова.

Такимъ образомъ, римлянамъ удалось превратить множество самыхъ разнообразныхъ народовъ, италиковъ, этрусковъ, лигуровъ, галловъ, реговъ, иллирійцевъ, иберовъ, фракійцевъ, въ романскіе народы, т. е. римлянъ по языку, учрежденіямъ и обычаямъ. Конечно, различія въ національномъ характерѣ покоренныхъ народовъ не исчезли и понынѣ; яркимъ примѣромъ могутъ служить нынѣшніе французы, къ которымъ почти вполне подходитъ характеристика галловъ, данная Цезаремъ. При всемъ томъ дѣйствіе романизаціи было очень сильно и оказало глубокое вліяніе на всѣ эти народы, въ чемъ мы можемъ убѣдиться съ наибольшей очевидностью на томъ фактѣ, что всѣ народы и народцы, которые примѣшались къ романскимъ въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ и которые были по большей части германскаго или славянскаго происхожденія, попросту растворились въ нихъ: стало быть, романскіе народы остались тѣмъ, чѣмъ ихъ сдѣлали римляне.

V. Франція отъ возвышенія Меровинговъ
до паденія настоящихъ Капетинговъ.

Соч. доктора Рихарда Маренгольца.

1. Объединенное Франкское государство.

Къ концу V столѣтія послѣ Р. Хр. политическая карта пшнѣшней Франціи представляла собою картину такой же путаницы государствъ и народовъ, какъ старая Германская Имперія въ началѣ XIX столѣтія. На юго-востокѣ, въ области Юры и долины рѣки Роны вплоть до берега Средиземнаго моря, жили пзвѣстные изъ „Искен о Нибелунгахъ“ бургунды (бургундіоны), которые въ свое время оказали римлянамъ помощь на войнѣ, были за это награждены землями (стр. 66) и усвоили римскіе обычаи въ большей степени, чѣмъ всѣ другія германскія племена. Къ нимъ примыкали на юго-западѣ до Луары владѣнія господствовавшихъ въ Испаніи вестготовъ, бывшихъ покорителей римской міровой державы (стр. 62). Современный Эльзасъ и оба берега верхняго Рейна до Майнца находились въ рукахъ аламанновъ; къ нимъ примыкалъ въ центрѣ современной Франціи послѣдній остатокъ завоеваннаго Кая Юлія Цезаря, управлявшійся жившимъ въ Суассонѣ римскимъ намѣстникомъ, одинаково независимымъ какъ отъ Византіи, такъ и отъ Одакара, господствовавшего надъ Италіей (стр. 70). Сѣверо-западный уголъ былъ занятъ группою народовъ арморическаго союза и бретонскими колоніями, выдававшимися выступомъ въ Атлантическій океанъ.

Далеко на сѣверѣ, между Маасомъ, Самброю и Соомой, жили распавшіеся на отдѣльныя общины салическіе франки, которымъ суждено было придать всей этой разбросанной смѣси народовъ одно общее имя и прочное государственное единство. Ближайшими ихъ сосѣдями были риб(и)уарскіе франки, жившіе по берегамъ нижняго теченія Рейна, съ главнымъ городомъ Кельномъ. Устьями Рейна владѣли фризы, которые послѣдовали за франками во время ихъ передвиженія на югъ и заняли мѣста ихъ прежней осѣлости.

А. Хлодвигъ.

Королемъ одного изъ салическихъ округовъ былъ Хлодвигъ, сынъ дружественнаго съ римлянами Хильдериха, человекъ хитрый и расчетливый, неразборчивый въ средствахъ, склонный къ насилію, обману и лукавству. Въ 481 году онъ сталъ королемъ на 15 году своей жизни и пробылъ во власти 30 лѣтъ. Изъ своей резиденціи, Турна, онъ завоевалъ въ 486 году Римскую Галлію, расширилъ свои владѣнія до Луары и сдѣлалъ своей столицей городъ Суассонъ. Въ союзъ съ своимъ ринуарскимъ сородичемъ Зигибергомъ Кельнскимъ онъ побѣдилъ въ 496 г. объединенное монархическое государство аламанновъ, которые вынуждены были уступить франкскимъ колонистамъ свои владѣнія по лѣвому берегу Рейна и владѣнія на правомъ берегу отъ нижняго теченія Неккара до теченія р. Магна (стр. 73).

Какъ и весь его народъ, Хлодвигъ былъ преданъ древне-германскимъ языческимъ вѣрованіямъ, но вовсе не былъ врагомъ римлянъ-христіанъ.

Изъ хищнаго разчета франкскій политикъ оставилъ покореннымъ римлянамъ ихъ земельныя владѣнія, собственный судъ и личную свободу. Недаромъ подчиненные аріанамъ бургундамъ и вестготамъ „провинціалы“, т. е. жители южной Галліи и провинціи Галліи, видѣли въ Хильдерихѣ, предшественникѣ Хлодвига, своего желаннаго покровителя; самъ Хлодвигъ женился на католичкѣ, дочери предводителя бургундовъ Хильпериха (Гильперика), окрестилъ двухъ своихъ сыновей по римскому обряду, и еще до его собственнаго обращенія въ христіанство много знатныхъ франковъ приняли христіанскую вѣру. Такимъ образомъ крещеніе Хлодвига въ 496 году (объясняющееся по преданію обѣтомъ, даннымъ имъ на тотъ случай, если христіанскій Богъ поможетъ ему одержать побѣду надъ аламанными) было также подготовлено историческими событіями, какъ и обращеніе въ новую вѣру Константина Великаго; этотъ поступокъ Хлодвига былъ вызванъ все тѣмъ же политическимъ разчетомъ, который соединялся у франкскаго государя съ наивной дѣтской вѣрой во всемогущество Господа Войнствъ. вмѣстѣ со своимъ побѣдоноснымъ предводителемъ приняли крещеніе 3.000 франковъ. Епископъ Реймскій Ремигій устроилъ по поводу крещенія Хлодвига блестящее торжество, которое подѣйствовало воспламеняющимъ образомъ на такой первобытный народъ, воспріимчивый къ чувственнымъ впечатлѣніямъ, какимъ были франки. Улицы Реймса были устланы пестрыми коврами, церкви были украшены бѣлыми блестящими занавѣсами, купель была роскошно убрана; запахъ ладана и свѣтъ огней отъ зажженныхъ свѣчей наполняли церковь. Многочисленнымъ свидѣтелямъ этого торжества казалось, что они перенеслись посредствомъ волшебства въ рай. Въ такихъ словахъ Григорій Турскій, историкъ франковъ (отъ 540 до 594 г.), изображаетъ впечатлѣніе, произведенное этимъ знаменательнымъ событіемъ.

Быстро обнаружилась объединяющая не только въ религіозномъ, но и въ государственномъ отношеніи сила католическаго вѣроисповѣданія. Въ Бургундскомъ государствѣ господствовали раздоры между католикомъ Годегизелемъ и аріаниномъ Гундобадомъ; Хлодвигъ выступилъ защитникомъ перваго изъ нихъ, но на первыхъ порахъ не имѣлъ рѣшительнаго успѣха, несмотря на побѣду, одержанную имъ при Дижонѣ (въ 500 году). Зато хитрому интригану удалось склонить Гундобада, торжествовавшаго побѣду надъ своимъ соперникомъ, къ общему нападенію на государство аріанъ-вестготовъ, которое было спасено отъ окончательной гибели только благодаря заступничеству Теодориха Великаго, остготскаго короля, властвовавшаго надъ Италіей (стр. 75). Такъ какъ Гундобадъ отрекся отъ аріанской ереси подъ вліяніемъ совѣтовъ своихъ католическихъ епископовъ, то эта война разсматривалась, какъ „крестовый походъ“, получившій божественную санкцію посредствомъ чудесъ, совершенныхъ святыми. Благодаря побѣдѣ, одержанной Хлодвигомъ надъ вестготами (въ 507 году), онъ завладѣлъ всѣми землями до рѣки Гаронны и перемѣстилъ свою резиденцію въ Парижъ, который съ этихъ поръ сталъ превращаться постепенно въ центръ все болѣе расширяющагося франкскаго государства.

Для окончательнаго завершенія своего господства Хлодвигу осталось только истребить своихъ сородичей, остальныхъ франкскихъ удѣльныхъ королей; для этой цѣли онъ не останавливался предъ убійствами, предательствомъ и коварствомъ. Было бы однако ошибкой, если-бы изъ темныхъ сторонъ характера Хлодвига остался бы незамѣченнымъ его крупный политическій талантъ. Такъ какъ онъ убѣдился, что государственное единство его владѣній основывается на общихъ религіозныхъ вѣроваціяхъ, то онъ созвалъ въ 511 г. церковный соборъ въ Орлеанѣ, на которомъ онъ сообща съ 32 епископами принялъ мѣры для борьбы съ язычествомъ и аріанской ересью. Хлодвигъ царствовалъ, какъ неограниченный повелитель во время войны и мира какъ въ государственныхъ, такъ и въ цер-

ковныхъ дѣлахъ (епископы, избираемые духовенствомъ и паствою, подлежали его утверженію, равно какъ и рѣшенія синодовъ); онъ скончался въ цвѣтущемъ возрастѣ и былъ похороненъ въ Парижѣ въ выстроенной имъ самимъ апостольской церкви (27 ноября 511 года).

Въ объединенномъ государствѣ Хлодвига были искусно перемѣшаны между собой римскіе и франкскіе элементы. Церковнымъ языкомъ остался латинскій, рядомъ съ которымъ выработался изъ народной латыни и франкскаго нарѣчія новый языкъ. У римлянъ была заимствована налоговая система, но войско и судъ были устроены сообразно съ германскими обычаями. Напротивъ того высшія должности по придворной и государственной службѣ замѣщались людьми романскаго происхожденія; даже судебная процедура удержала свой римскій характеръ, несмотря на введеніе саллическихъ законовъ, основанныхъ на обычномъ правѣ. Самъ Хлодвигъ присвоилъ себѣ знаки консульскаго званія, а впоследствии перенялъ римскій костюмъ. Однако привилегированными господами считались франки: за убійство франка платилась вира вдвое большаго размѣра, чѣмъ за римлянина.

Въ государствѣ Хлодвига мы застаемъ уже довольно развитую чиновническую іерархію. Въ „Пфальцѣ“ (дворцѣ, отъ латинскаго слова Palatium) главнымъ должностнымъ лицомъ является майордомъ (Major domus), дворецкій. За нимъ слѣдуютъ главный судья (Comes Palatii) и канцлеръ (Refendarius). При дворѣ живутъ по германскому обычаю царскіе сотрапезники (Convivae regis); изъ нихъ выдѣляется королевскій совѣтъ (Consistorium regis). Германскаго происхожденія были также окружные графы, правители и судьи отдѣльныхъ округовъ и по преимуществу военные герцоги, которымъ они были подчинены. Первые зачатки ленной системы (срав. ниже, стр. 194) также восходятъ ко временамъ Хлодвига.

Б. Меровинги.

Несчастьемъ франкской династїи были раздѣлы между наслѣдниками, происходившіе при жизни или послѣ смерти государя, точно такъ же, какъ впоследствии въ Германской имперїи эти раздѣлы вели къ раздробленію, къ партійнымъ раздорамъ и злосчастному царствованію слабохарактерныхъ правителей съ ихъ фаворитами. Франкскіе государя смотрѣли на себя, прежде всего, какъ на первыхъ землевладѣльцевъ въ государственномъ хозяйствѣ; подобно тому, какъ они дѣлили между своими наслѣдниками свои пахотныя поля и свое движимое имущество, они перенесли такую частно-правовую точку зрѣнія также и на государственную власть (срав. т. V, стр. 453). Такимъ образомъ наслѣдство, оставшееся послѣ Хлодвига, распалось вскорѣ на 4—5 частей: Австразію съ главнымъ городомъ Мецомъ, Нейстрію съ главнымъ городомъ Суассономъ и Бургундію съ главнымъ городомъ Орлеаномъ, Аквитанію, отобранную у вестготовъ, и, наконецъ, сохранившую свою самостоятельность Бретань. Только два раза, въ царствованіе Хлотаря I (въ 558 г.) и Хлотаря II, по крайней мѣрѣ, первыя три изъ поименованныхъ частей были объединены вышнимъ образомъ въ однихъ рукахъ. Однако на первыхъ порахъ роду Хлодвига не измѣнили его давнишняя военная слава и завоевательныя стремленія. Въ 534 г. сынъ Хлодвига Теодорихъ разрушилъ Бургундское королевство; за три года передъ тѣмъ франки и саксы сообща подѣлили между собою Тюрингенское королевство, и только одна часть этого послѣдняго, простиравшаяся отъ Тюрингенскаго лѣса до рѣки Унструта, сохранила своего герцога, подчиненнаго верховной власти франкскаго государя. У остготовъ были отняты франками въ 836 году Провансъ и остатокъ Аламанин; баварскіе герцоги признали себя ленниками франкскаго государя; Аквитанія тоже перешла было на время (въ 534 году) подъ власть франка Хильдеберта.

Однако столкновенія между обоими главными государствами, Австразіей и Нейстріей, повели за собою періодъ смуть и ужасовъ и гибель династии. Изъ исторіи и поэтическихъ преданій извѣстна относящаяся ко второй половинѣ VI столѣтія отвратительная вражда между королевами Брунгильдой и Фредегундой, царствовавшими въ Австразіи и Нейстріи вмѣсто своихъ слабохарактерныхъ мужей и сыновей.

Послѣ смерти короля Дагоберта (въ 638 г.) власть перешла въ руки майордомовъ, которые стали избираться уже не королями, а представителями аристократіи. Родъ Пиппина, объединившій франкское государство послѣ тяжелой борьбы и неудачъ, занялъ сначала первенствующее положеніе, а затѣмъ присвоилъ себѣ также и внѣшніе титулы выродившихся Меровинговъ и превратился въ династію Каролинговъ.

Родиной этого новаго рода былъ городъ Мець, а родоначальникомъ его былъ епископъ Арнульфъ, вступившій въ бракъ, несмотря на свое духовное званіе. Пиппинъ Ланденскій занялъ въ Австразіи положеніе перваго министра и главнокомандующаго войсками въ качествѣ майордома; онъ попытался было преждевременно положить конецъ призрачной королевской власти и возвелъ на престолъ своего сына Гримоальда, но вызвалъ противъ себя народное возстаніе и заплатилъ жизнью вмѣстѣ со своимъ сыномъ. Впукъ его, Пиппинъ Средній, былъ болѣе остороженъ и стремился только къ объединенію разрозненныхъ частей государства. На первыхъ порахъ онъ оказался слабѣе своего соперника, даровитаго майордома Нейстріи Эброина, усмирившаго стронтивую знать и стремившееся къ независимости духовенство, во главѣ котораго стоялъ Отенскій епископъ Ледегаръ. Однако этотъ опасный противникъ Пиппина былъ убитъ, и измѣна представителей высшей нейстріейской аристократіи помогла ему захватить въ свои руки власть надъ Нейстріей послѣ побѣды, одержанной ими при Тертри въ 687 году. Онъ властвовалъ также надъ Бургундіей при посредствѣ своего сына Дрого, герцога шампанскаго, а другому своему сыну Гримоальду онъ передалъ въ качествѣ лена титулъ майордома Нейстріи. Пиппинъ былъ богатымъ землевладѣльцемъ, у котораго были свои помѣстья въ различныхъ частяхъ государства. Его успѣхи основывались, безъ сомнѣнія, на его положеніи, какъ крупнаго землевладѣльца, въ меньшей степени, чѣмъ на его государственной мудрости и военныхъ талантахъ.

Послѣ его смерти въ его семьѣ вспыхнули раздоры. Его сынъ Карлъ Мартеллъ былъ заключенъ въ тюрьму своей мачехой, которая стремилась сама къ захвату власти въ качествѣ опекуни одного изъ своихъ внуковъ, но онъ вырвался на свободу и достигъ наивысшаго положенія въ Австразіи, а послѣ побѣды при Винси (недалеко отъ Камбрэ; 21 марта 717 года) также и въ Нейстріи. Въ теченіе четырехъ лѣтъ онъ правилъ государствомъ безъ официального королевскаго титула (стр. 87). Онъ подчинилъ себѣ какъ свѣтскую, такъ и духовную знать, почти какъ суверенный государь, и, не смущаясь, конфисковалъ церковныя имущества, когда онъ нуждался въ приносимыхъ ими доходахъ (стр. 91). Однако онъ былъ поглощенъ своими семейными интересами въ гораздо большей степени, чѣмъ болѣе далекими вопросами міровой политики. Онъ не снисшелъ на просьбу папы, который хлопоталъ у него о военной помощи противъ господствовавшихъ надъ Верхней и Средней Италіей лангобардовъ и отнесся пренебрежительно къ предложенному ему титулу римскаго консула. Когда арабы вторглись изъ Испаніи въ лежащую къ юго-западу отъ Луары и состоявшую въ непрочныхъ вассальныхъ отношеніяхъ съ франкскимъ государствомъ Аквитанію, то онъ покинулъ своего соперника Эудо на произволъ судьбы; только послѣ пораженія этого послѣдняго, когда опасность угрожала уже непосредственно самому Карлу Мартеллу, онъ выступилъ противъ арабовъ и разбилъ ихъ въ многопрославленной битвѣ при Пуатье въ

732 г. Говорятъ, что этой побѣдѣ онъ обязанъ своимъ прозвищемъ „Мартелль“ (Молотъ), такъ какъ онъ обрушился на голову арабовъ, какъ молотъ. Вѣроятнѣе, однако, что это прозвище было дано ему за его рѣшительныя дѣйствія противъ непокорныхъ мелкихъ тирановъ изъ среды своекорыстной знати, и только впоследствии церковное преданіе связало его съ побѣдой надъ невѣрными сарацинами. Погруженному въ свои семейныя заботы Карлу и въ голову не приходило вступать въ борьбу на жизнь и смерть съ вѣчными врагами церкви: онъ былъ радъ, что защитилъ отъ нихъ границы своего франкского государства.

Какъ въ церковныхъ, такъ и въ политическихъ дѣлахъ онъ ограничивался съ одинаковой умѣренностью своими ближайшими интересами. Его войны съ фризами, саксами, баварцами и аламанными, изъ которыхъ только первые были покорены имъ, были предприняты исключительно для обезпеченія границъ государства и пріобрѣтенія данниковъ. Правда, онъ принялъ подъ свое покровительство миссіи, основанныя въ различныхъ частяхъ Германіи англосаксомъ Внифридомъ (Бонифаціемъ), но онъ считалъ миссіонеровъ только пионерами франкского господства. Стало бытъ, пиконимъ образомъ нельзя считать совпадающимъ съ стремленіями Карла образъ дѣйствій „апостола Германіи“, впоследствии возведеннаго папой (въ 748 году) въ архіепископы Майнцскіе и церковнаго главу Вормскаго, Шпеерскаго, Утрехтскаго и др. вновь основанныхъ епископствъ, который подчинилъ послѣ смерти Карла Мартелла эти слабыя разсадинки христіанства власти Рима и престола св. Петра. Франкскій государь несколько не смущался тѣмъ обстоятельствомъ, что безъ этихъ мѣропріятій и безъ прочной епископской іерархіи, учрежденной Бонифаціемъ, германскія миссіи погибли бы подъ напоромъ древне-германскаго язычества — онъ смотрѣлъ на Бонифація и на его миссіонерскія предпріятія только какъ на орудіе для проведенія своей собственной франкской политики.

Высшія всемірно-историческія точки зрѣнія проникли въ эту политику только нѣкоторое время спустя, когда на престолъ вступилъ послѣ смерти Карла (22 октября 741 г.) его сынъ Пиппинъ, но прозвищу Короткій, мажордомъ франкского государства, и когда онъ освободился отъ ревниваго соперничества своего брата и соправителя Карамана, оказывавшаго одностороннее покровительство церковнымъ интересамъ; Карманъ удаленъ въ монастырь (въ 746 г.). Предшественникамъ Пиппина не хватало только королевскаго титула до полновастія надъ Франціей, но въ глазахъ народа этотъ титулъ игралъ существенную роль; Пиппинъ рѣшилъ добиться его съ помощью церкви.

Въ своемъ маленькомъ „Наслѣдіи св. Петра“ на берегу рѣки Тибра съ Римомъ, какъ главнымъ городомъ, намѣстники Христа терпѣли непрерывныя угнетенія со стороны лангобардскаго народа, который вытѣснилъ изъ Италіи въ 568 г. византійцевъ, въ свою очередь отнявшихъ ее у остготовъ. Послѣ вторженія лангобардовъ во владѣнія византійцевъ остались только Венеція, три большихъ острова (Сицилія, Сардинія, Корсика) и южная оконечность Италіи: за неимѣніемъ флота эти области были недоступны для лангобардовъ.

Еще при жизни Карла Мартелла курія задумала усмирить лангобардовъ, изнѣжившихся подъ вліяніемъ благодатнаго климата Италіи и соприкосновенія съ правдиво-испорченной римской культурой, при помощи воинственныхъ франковъ. Въ отвѣтъ на секретное письмо папы Стефана IV Пиппинъ пригласилъ его во Францію и выхлопоталъ для него свободный проѣздъ черезъ владѣнія лангобардовъ. Свиданіе между ними состоялось въ Понтіонѣ на рѣкѣ Марнѣ, 6 января 754 г.; помазаніе Пиппина въ король послѣдовало, несмотря на протесты его брата Кармана, въ Сентъ-Дени 25 іюля. Въмѣстѣ съ Пиппиномъ были помазаны два его сына, и такимъ образомъ власть рода Пиппина надъ франкскимъ государ-

ствомъ была возведена на степень наслѣдственной монархіи, основывающейся на божественномъ правѣ, и все франки призывались къ покорности Пиппину и его мужскому потомству. Самымъ противозаконнымъ образомъ призванный король Хильдерихъ III былъ смѣщенъ съ престола на сеймѣ въ Суассонѣ въ 751 г. и заточенъ въ монастырь.

Вновь помазанный король принялъ титулъ римскаго патриція, т. е. покровителя Рима и папы, и занялъ такимъ образомъ то положеніе, которое принадлежало до него восточно-римскимъ византійскимъ императорамъ. Въ награду за это Пиппинъ принудилъ лангобардскаго короля Айстульфа послѣ двухъ побѣдоносныхъ походовъ, предпринятыхъ франками, къ возвращенію всехъ земель, отнятыхъ лангобардами у папы, которому были отданы, кромѣ того, Равеннскій экзархатъ и Пентаполісъ, слѣдовательно, вся полоса, прилегающая къ морю, начиная съ сѣвера отъ устья рѣки По и кончая Анконой на югѣ, вопреки притязаніямъ Византіи на все эти владѣнія. Этотъ даръ Пиппина послужилъ началомъ расширившейся еще больше въ послѣдствіи свѣтской власти папъ; свѣтскія владѣнія нерѣдко отклоняли представителей высшей церковной власти отъ ихъ духовнаго призванія, вмѣшивали ихъ въ свѣтскіе раздоры и заблужденія, но зато дали имъ твердую опору противъ притязаній великихъ европейскихъ державъ и мелкихъ итальянскихъ владѣтельныхъ князей, а также строптиваго духа непокорнаго населенія города Рима. На первыхъ порахъ Лангобардское королевство сохранило свою независимость; но Айстульфъ сталъ данникомъ Пиппина, а его преемникъ Дезидерій былъ избранъ королемъ только съ согласія франковъ. Этотъ послѣдній, естественно, примкнулъ къ Византіи, которой усиленіе франковъ тоже нанесло чувствительный ударъ, въ то время какъ самостоятельные владѣтели Беневенто и Сполето искали опоры въ франкскомъ государствѣ. Очевидно, что благодаря этому положенію вещей франкскій государь не только не сталъ зависимымъ отъ папы, который нуждался въ его защитѣ отъ лангобардовъ, византійцевъ, жителей Рима и мелкихъ итальянскихъ владѣтельныхъ князей, но, наоборотъ, папа очутился въ зависимости отъ франковъ; это подчиненное положеніе церкви пошло еще выше религіозный блескъ королевскаго достоинства франкскихъ государей.

При такомъ первенствующемъ положеніи, выходящемъ за предѣлы франкскаго государства въ тѣсномъ смыслѣ, Пиппину не трудно было усмирить и покорить своихъ беспокойныхъ сосѣдей. Такъ, напримѣръ, онъ завладѣлъ въ 768 г. Аквитаніей, изъ-за которой велось столько войнъ; за 11 лѣтъ предъ тѣмъ Баварскій герцогъ Тассило принесъ ему присягу на вечную вѣрность. Одни только вольные саксы, владѣнія которыхъ простирались отъ праваго берега Рейна до нижняго теченія рѣки Эльбы, и которые дѣлились на 4 группы: вестфальцевъ, остфальцевъ (западныхъ и восточныхъ фаловъ), энгеровъ и нордальбинговъ (сѣверныхъ альбинговъ), сохранили въ неприкосновенности свою исконную вѣру и свои владѣнія, хотя и облагались данью въ отдѣльныхъ случаяхъ. Единство обширнаго государственнаго остова, созданнаго Пиппиномъ, выразилось также въ раздѣлѣ своихъ владѣній, произведенномъ Пиппиномъ предъ своей смертью (24 октября 768 г.). Оба его сына, Карлъ и Карлманъ, получили по долѣ, населенной какъ германскими, такъ и романскими народностями, и раздѣлъ былъ основанъ на той мысли, что все государство будетъ управляться обоими братьями сообща.

2. Карлъ Великій.

А. Западная имперія.

Робкіе зачатки міровой державы, которые были результатомъ успѣховъ Пиппина, были планомѣрно расширены Карломъ Великимъ; крае-

угольнымъ камнемъ послужило императорское достоинство, благодаря которому франкскіе короли оказались преемниками древне-римскихъ цезарей и вмѣстѣ съ тѣмъ покровителями и охранителями всего христіанства. Прежде всего Карль постарался сокрушить тотъ остатокъ германскихъ народовъ, который сохранилъ еще независимое положеніе по отношенію къ франкскому государству.

а) Войны съ саксами и другія завоеванія Карла.

Наилѣпшими врагами Карла были язычники-саксы, покореніе которыхъ затруднялось тѣмъ обстоятельствомъ, что приходилось завоевывать каждый округъ въ отдѣльности и что послѣ каждой неудачи пламя возстанія распространялось по всѣмъ округамъ всѣхъ трехъ племенъ вплоть до рѣки Эйдера, границы владѣній нордальбинговъ. Полное покореніе и обращеніе въ христіанство этого послѣдняго оплота древне-германской свободы затянулось на цѣлыя три десятилѣтія (отъ 772 до 804 года). Уже въ 772 году на сеймѣ въ Падерборнѣ главари народа саксовъ подчинились Карлу послѣ двухъ проигранныхъ войнъ и поклялись въ вѣрности христіанству, Карлу, его сыновьямъ и франкамъ вообще подъ страхомъ потери своей свободы и своихъ владѣній, если они нарушатъ данное слово. Однако наиболѣе враждебный къ франкамъ изъ всѣхъ герцоговъ, избранныхъ на общемъ народномъ собраніи въ Маркло на рѣкѣ Везерѣ, Видукинъ, уклонился отъ этого соглашенія и крещенія и бѣжалъ въ датскія владѣнія за рѣку Эйдеръ. Въ то время какъ Карль воевалъ въ Испаніи съ арабскими Омеядами (въ 778 году), возстаніе вспыхнуло снова. Подъ предводительствомъ Видукинъ повстанцы, которымъ помогали датчане и фризы, дошли до Рейна, опустошили Тюрингенъ и Гессенъ и разрушили миссіонерскія колоніи. Въ 780 году ихъ владѣнія снова были покорены до рѣки Эльбы, ихъ страна была раздѣлена на графства по франкскому образцу, а графами были назначены представители туземной аристократіи. На сеймѣ въ Липспринге (въ 782 году) христіанство было сдѣлано обязательнымъ подъ страхомъ суровыхъ наказаній. Вторженіе въ христіанскія церкви, несоблюденіе постовъ и убійство священника карались смертною казнью. Во время крещенія саксовъ заставляли отречься отъ дьявола и языческихъ боговъ (послѣдніе считались по церковнымъ взглядамъ орудіями дьявола) и заявить о своей вѣрѣ въ Божественную Троицу. Повидимому, страна успокоилась настолько, что въ 782 году Карль призвалъ подчиненныхъ ему саксовъ къ себѣ на помощь въ войнѣ противъ вендскаго племени сорбовъ на рѣкѣ Зааль. Однако въ дорогѣ, у Зунтеля между Ганноверомъ и Гамельномъ, саксы напали на шедшихъ вмѣстѣ съ ними франковъ и перебили ихъ. Въ отместку Карль велѣлъ перебить въ Верденѣ на рѣкѣ Аллерѣ, какъ говорятъ, 4,500 плѣнныхъ саксовъ; это вызвало всеобщее возстаніе, закончившееся побѣдами Карла при Детмольдѣ и на рѣкѣ Газѣ (въ 783 году) и окончательнымъ обращеніемъ въ христіанство всѣхъ саксовъ. Главари саксовъ и все знатное сословіе приняли крещеніе, не исключая даже Видукинъ и его соратника Аббіо (въ 785 году въ Аттиньи). Вновь покоренная область была раздѣлена на епископскія епархіи: Гальберштадтскую, Падерборнскую, Минденскую, Мюнстерскую, Оснабрюкскую, Верденскую и Бременскую; была введена церковная десятина, и саксы обязались служить во франкскомъ ополченіи. Недовольство послѣдними двумя нововведеніями вызвало еще одно возстаніе въ 792 и сл. годахъ, которое закончилось насильственнымъ переселеніемъ на территорію франкскаго государства 10,000 семействъ саксовъ, земли которыхъ были конфискованы и отданы поселившимся на нихъ франкскимъ колонистамъ. Могущество саксонскаго племени было окончательно сокрушено. „Мирный договоръ“, въ Зальцѣ (въ

франкской части теченія рѣки Заалы), заключенный по преданію въ 803 году, не подтверждается никакими документами.

Религіозный характеръ этихъ многолѣтнихъ войнъ выражался даже и внѣшнимъ образомъ въ томъ, что вслѣдъ за войскомъ отправлялись миссіонеры съ мощами святыхъ. „Мирная проповѣдь“ христіанства подготовлялась въ то время посредствомъ насилій и кровавыхъ преслѣдованій совершенно такъ же, какъ это дѣлалось 900 лѣтъ спустя при Людовикѣ XIV, при обращеніи гугенотовъ въ католичество; но такъ какъ эти мѣропріятія вполне соответствовали жестокому духу того времени, то обращеніе язычниковъ въ христіанство вскорѣ пустило глубокіе корни, а впоследствии уже возможно стало отказаться отъ дѣйствительнаго исполненія приведенныхъ нами суровыхъ законовъ. Христіанство служило знаменосцемъ культуры; даже въ экономическомъ отношеніи страна саксовъ подвинулась впередъ благодаря усовершенствованнымъ способамъ обработки земли, примѣнявшимся на земляхъ духовенства. Что христіанская религія и христіанскій бытъ проникли также и въ низшіе слои населенія, объ этомъ свидѣтельствуетъ сочиненная въ 830 г. евангелическая гармонія „Heliand“ (Спаситель), прославляющая въ стихахъ жизнь Христа на основаніи библейскихъ сказаній. Напротивъ того, совершенно свободными отъ религіозныхъ точекъ зрѣнія были тѣ войны, посредствомъ которыхъ Карлъ частью присоединилъ къ своему государству, а частью принудилъ къ признанію своего господствующаго положенія лангобардовъ, баварцевъ, датчанъ, вендовъ и аваровъ. Даже походъ Карла въ Испанію основывался исключительно на стремленіи къ обезпеченію границъ Франціи отъ дальнѣйшихъ вторженій мавровъ. Поэтому Карлъ не постѣснялся вступить въ союзъ съ арабскимъ намѣстникомъ Сарагоссы для войны съ врагомъ послѣдняго, халифомъ Абд-ур-Рахманомъ, — христіанинъ оказался соратникомъ невѣрнаго, подобно тому, какъ въ эпоху крестовыхъ походовъ рыцари-храмовники иногда сражались въ союзѣ съ магометанами противъ единовѣрцевъ послѣднихъ. Уничтоженіе франкскаго авангарда въ Ронсевальской долинѣ (это событіе послужило исторической основой пѣсни о Роландѣ), было дѣломъ горнаго народа басковъ, а не арабовъ. Арабы только воспользовались этимъ пораженіемъ для того, чтобы отнять обратно у Карла завоеванную имъ область.

Франкское королевство дѣйствуетъ въ тѣсномъ союзѣ съ папой даже въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ рѣчь идетъ не столько о религіозно-церковныхъ, сколько о свѣтскихъ политическихъ интересахъ. Жертвой этого тѣснаго союза пало въ 774 году лангобардское государство. Деизидерій возобновилъ нападенія на владѣнія паны; кромѣ того онъ вступилъ въ тѣсныя сношенія съ врагомъ Карла, его братомъ Карлманомъ и семьей этого послѣдняго, а послѣ смерти Карлмана (въ 771 году) онъ призналъ двухъ его малолѣтнихъ сыновей франкскими королями. Ожидавшаяся междоусобная война между двумя братьями была устранена благодаря преждевременной смерти Карлмана, послѣ которой Карлъ былъ признанъ сеймомъ единодержавнымъ государемъ, а оба его племянника отстранены отъ власти. Тѣмъ не менѣе Карлъ предпринялъ побѣдоносный походъ, положившій конецъ независимости лангобардскаго государства, возложилъ на себя въ Миланѣ лангобардскую корону, раздѣлилъ завоеванную страну на графства и ввелъ въ ней военные и судебные порядки франкскаго государства. Деизидерій былъ насильно постриженъ въ монахи, какъ это часто практиковалось въ то время по отношенію къ неудобнымъ соперникамъ. Послѣ этого Карлъ посѣтилъ въ Римѣ для того, чтобы праздновать тамъ Пасху, совпавшую съ 3 апрѣля 774 года, былъ встрѣченъ съ большимъ торжествомъ и заключилъ дружественный союзъ съ папой Адрианомъ на мочилѣ св. Петра. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ возобновилъ по этому поводу даръ своего отца; но вѣрно ли утвержденіе папскаго источника („Vita Adriani“ — „Житіе паны Адриана“), будто онъ вмѣстѣ съ тѣмъ

отдалъ святому престолу Парму, Мантую, Реджіо, Венецію, Сполето и Корсику, — это подвержено сильному сомнѣнію. Изъ этихъ якобы подаренныхъ папѣ областей Карлъ удержалъ въ своемъ собственномъ владѣніи постѣ завоеванія лангобардскаго государства только область Сполето. Хотя все эти и нѣкоторыя другія земли перечисляются въ качествѣ папскихъ владѣній въ одномъ заявленіи Людовика Благочестиваго, относящемся къ 817 году, все же въ этомъ документѣ рѣчь идетъ скорѣе о юридическихъ притязаніяхъ папскаго престола, о его желаніяхъ, чѣмъ о его правахъ и фактическихъ владѣніяхъ.

Между франкскимъ королемъ и папою составилъ также заговоръ съ цѣлью низверженія послѣдняго баварскаго герцога, Тассило, который возобновилъ свою ленную присягу на вѣрность и далъ заложниковъ, но правилъ совершенно независимо своими владѣніями, простиравшимися отъ рѣки Меза до рѣки Энса. Время считалось здѣсь по годамъ его царствованія; своими преемниками онъ назначилъ своихъ сыновей. Въ 787 году въ Римѣ происходили переговоры между посланниками баварскаго герцога и Карла, но эти послѣдніе не имѣли достаточныхъ полномочій. Папа угрожалъ герцогу своимъ проклятьемъ въ томъ случаѣ, если онъ нарушитъ присягу. Но жалобѣ, исходившей отъ измѣнившихъ своему герцогу баварцевъ, обвинявшихъ его въ сношеніяхъ съ врагами Карла, аварами, жившими на рѣкѣ Тиссъ, Тассило былъ осужденъ годомъ позже на смерть сеймомъ, собравшимся въ Ингельгеймъ, но Карлъ помиловалъ его и ограничился заточеніемъ его въ монастырь св. Георга. Баварія была соединена съ франкскимъ государствомъ; границы государства были отодвинуты; основаны Восточная марка (Австрія) для защиты отъ аваровъ и Бранденбургская марка для защиты отъ славянскихъ народовъ, сарбавъ на рѣкѣ Зааль и вильцовъ въ Помераніи. Отнятая у аваровъ полоса земли между рѣками Энсомъ и Раабомъ была заселена франкскими колонистами, а вновь основанное архіепископство Зальцбургское оживило снова христіанство въ бассейнѣ Дуная.

б) Имперія Карла.

Карлу представлялось много поводовъ къ примѣненію на практикѣ своего призванія какъ защитника папы, съ тѣхъ поръ какъ на папскій престолъ возшелъ Левъ III (26 декабря 795 года). Левъ отослалъ франкскому королю знамя города Рима и ключи отъ гроба Св. Петра; Карлъ воспользовался предоставленнымъ ему протекторатомъ и сталъ требовать отъ папы соблюденія каноническихъ правилъ и отказа отъ симоніи. Между тѣмъ, въ 799 году противъ Льва вспыхнуло возстаніе, зачинщиками котораго были его ближайшіе родственники. Спасаясь отъ угрожавшей ему опасности, папа бѣжалъ во владѣнія Карла и былъ возвращенъ въ Римъ силой оружія. Еще до наступленія Рождества 800 года Карлъ выступилъ въ Римъ въ роли третейскаго судьи между папою и его противниками. Послѣдніе не рѣшились отстаивать своихъ обвиненій, папа принесъ очистительную присягу и по его просьбѣ его противники, осужденные на смертную казнь, были наказаны только изгнаніемъ. 25 декабря Карлъ короновался въ соборѣ св. Петра императорскою короной, конечно, по предварительному соглашенію съ папою; но все же этотъ обрядъ былъ совершенъ въ такой формѣ, которая, повидимому, предвѣщала слишкомъ большую самостоятельность со стороны папы, не надолго передъ тѣмъ слезно умолявшаго франкскаго короля о помощи; Карлъ остался недоволенъ. Впрочемъ, во время обряда коронаванія папа сталъ на колѣни передъ повелителемъ христіанскаго міра.

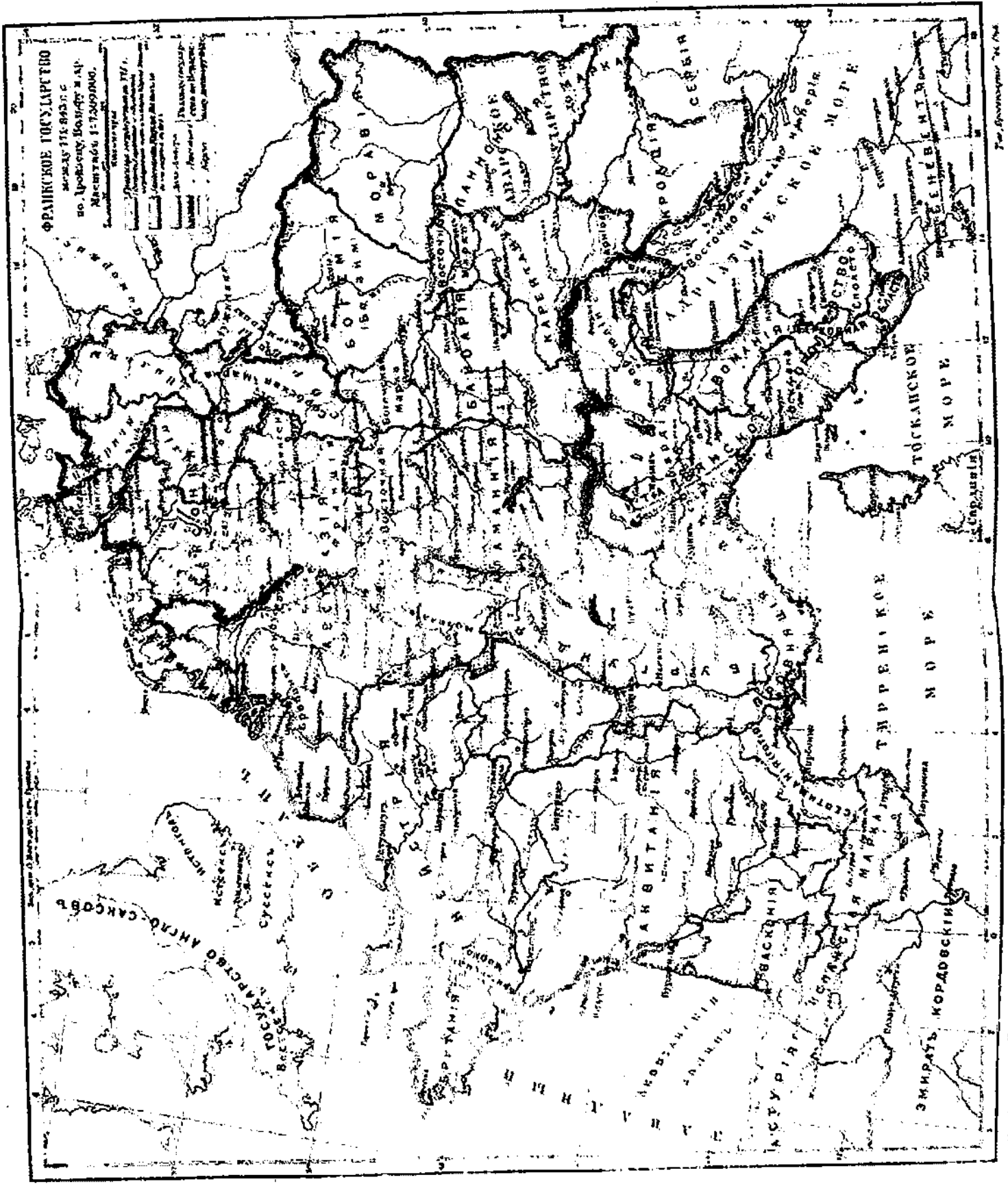
Такимъ образомъ политическое единство европейскихъ народовъ было освящено также и церковью; имперія Карла обнимала всю Европу отъ Пире-

неевъ до Нѣмецкаго моря, отъ рѣки Эйдера до Апеннинскихъ горъ (см. приложенную карту: „Франкское государство“). Относясь съ пренебреженіемъ къ притязаніямъ Византіи на титулъ римскаго императора, повелитель франковъ распоряжался полновластно на правахъ преемника Цезаря. Натянутыя отношенія между Карломъ и Восточно-Римскою имперіею обострились еще сильнѣе вслѣдствіе догматическихъ несогласій и отдѣленія греческой церкви отъ римской; дѣло дошло бы до вооруженнаго столкновенія, если бы военное безсиліе Византійской имперіи и господствовавшіе въ ней партійные раздоры не принудили ее къ уступчивости. Въ теченіе долгаго времени имѣлся даже въ виду бракъ между Карломъ, которому было уже почти 60 лѣтъ отъ роду, и императрицею Ирриной (см. т. V, стр. 73). Свое превосходство надъ Восточною имперіею Карлъ выразилъ, между прочимъ, и въ томъ, что при посредствѣ собора своихъ епископовъ во Франкфуртѣ (въ 794 г.) онъ выступилъ полновластно въ защиту почитанія иконъ во время долго тянувшагося спора объ иконопочитаніи: соборъ высказался за почитаніе иконъ въ то время, какъ императрица Иррина запретила его. Такимъ же образомъ онъ оскорбилъ гордость византійцевъ въ 797 г., когда по его требованію патріархъ іерусалимскій отослалъ ему ключи гроба Господня и города Іерусалима, и онъ присвоилъ себѣ роль покровителя Св. Земли. Это нисколько не мѣшало его дружескимъ отношеніямъ къ аббасидскому халифу Гаруну-ар-Рашиду, который жилъ въ мирѣ съ патріархомъ. Поневолѣ Византія признала Карла императоромъ въ 811 г., взаимѣнь чего она получила обратно Венецію.

Послѣднее десятилѣтіе царствованія Карла было омрачено, кромѣ пограничныхъ войнъ, только опаснымъ набѣгомъ повелителя датчанъ Готфрида, который высадился съ большимъ флотомъ на фризскомъ берегу, проникъ побѣдоносно внутрь материка и грозилъ гибелью христіанскимъ миссіямъ на сѣверѣ Германіи. За отсутствіемъ флота не могло быть и рѣчи о наказаніи этого врага; опасность была отстранена только благодаря убійству Готфрида въ 810 г. Твердымъ оплотомъ восточной и южной границъ міровой державы оставались, однако, пограничныя марки, которыми управляли графы съ выдающимся военными талантами: Восточная марка, Тюрингенская и Франкфуртская, защищавшія государство отъ аваровъ, сарбатовъ и богемцевъ, на югъ Испанская, основанная въ 801 г. послѣ обратнаго завоеванія области, расположенной между Пиренеями и рѣкою Эбро. Въ 806 г. Карлъ раздѣлилъ свои владѣнія по старинному обычаю своей династіи между тремя своими сыновьями: Карломъ, Пиппиномъ и Людовикомъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы главная власть принадлежала старшему брату и чтобы поддерживался тѣсный союзъ между всѣми тремя частями государства. Когда это распоряженіе оказалось недѣйствительнымъ вслѣдствіе смерти обонхъ старшихъ сыновей въ 811 и 810 годахъ, то Карлъ самъ возложилъ на своего младшаго сына императорскую корону, не прибѣгая къ содѣйствию исполнѣ покорившагося ему паны.

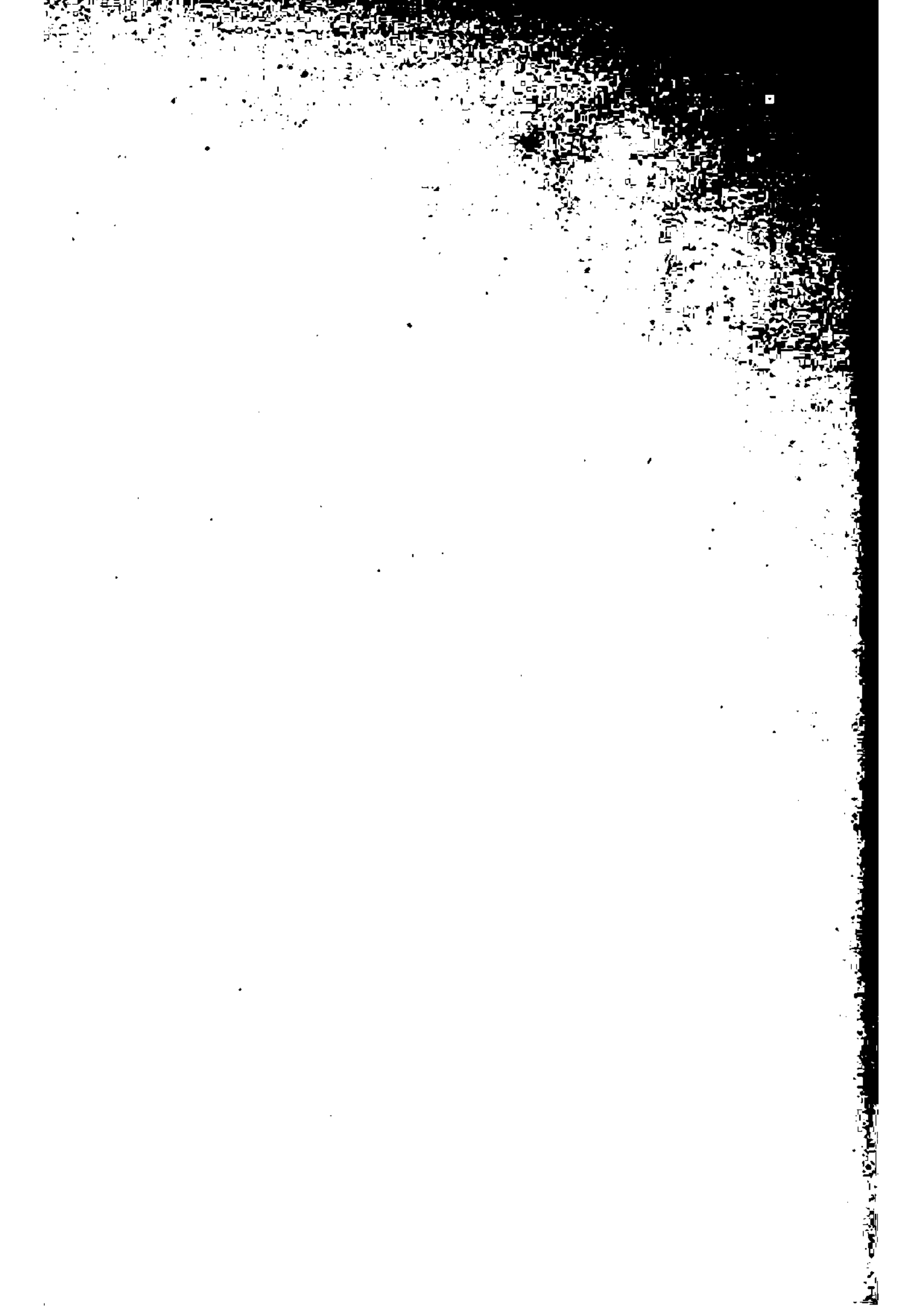
Б. Правленіе Карла Великаго.

Карлъ осуществилъ идею цезарепаніи, т. е. соединенія духовной власти со свѣтской; въ управленіи своимъ обширнымъ государствомъ онъ стремился къ неограниченному самодержавію. Вначалѣ франкскіе короли были только первыми между своими ленниками. Во время завоеванія римскихъ областей германцами предводитель номинально пользовался правомъ распоряженія всею военною добычею, но для обезпеченія вѣрности своихъ людей онъ былъ вынужденъ дѣлить поровну между ними все добытое. Земля поступала сначала въ общее пользованіе, но вскорѣ развивалась неизбежно частная собственность, такъ какъ для увеличенія числа своихъ приверженцевъ короли продолжали раздавать представителямъ высшей аристократіи пустоно-

Тел. 800-000-0000

© 2000 г. Издательство Р.

рожнія земли для обработки, фактически въ частную собственность. Получившіе такой аллодь, т. е. вольное, земельное владѣніе, были однако обязаны являться на военную службу въ собственномъ вооруженіи и творить судъ въ округахъ, подраздѣленіяхъ графствъ. Во время долгихъ войнъ пашни оставались необработанными, и имѣнія разорялись. Поэтому болѣе мелкіе землевладѣльцы вынуждены были прибѣгать къ слѣдующей уловкѣ для уклоненія отъ воинской повинности; они передавали свои земли какому-нибудь могущественному аристократу или церкви и затѣмъ получали ихъ обратно въ видѣ лена (*Beneficium*) за ежегодный чиншъ. Передача церковныхъ земель болѣе мелкимъ владѣльцамъ и даже временная ихъ передача по приказу короля знатымъ людямъ, которые номинально должны были платить чиншъ въ пользу духовенства, была въ обычаѣ уже издавна; чиншъ этотъ назывался *resagium*, фактически онъ по большей части не уплачивался; особенно любилъ такую форму надѣленія Карлъ Мартелль. Крупные землевладѣльцы также раздавали мелкіе участки за вознагражденіе натурой; о такомъ денежномъ и капиталистическомъ хозяйствѣ, какое существовало въ Римской имперіи, не могло быть рѣчи даже у крупныхъ франкскихъ землевладѣльцевъ. Состояніе путей сообщенія дѣлало невозможнымъ сбытъ произведеній внѣ собственного хозяйства, да и кто сталъ бы покупать то, что производилось имъ самимъ? Такимъ образомъ каждый потреблялъ на мѣстѣ продукты своей земли и вынужденъ былъ отказаться отъ всего того, чего онъ не могъ добыть самъ или произвести посредствомъ переработки своего собственного сырья, слѣдовательно, отъ всѣхъ предметовъ роскоши. Послѣ смерти получившаго или давшаго ленъ или въ случаѣ неповиновенія ленника ленъ возвращался опять къ королю, какъ къ первой рукѣ.

Путемъ передачи вольныхъ владѣній ради освобожденія отъ воинской повинности, взаменъ которой все же уплачивался „*heriban*“, возросло число несвободныхъ людей, которое стало увеличиваться еще больше въ VII столѣтіи и достигло ужасающихъ размѣровъ въ IX; вмѣстѣ съ тѣмъ все росли притязанія крупной аристократіи на власть. Она требовала себѣ свободы отъ налоговъ и отъ суда; магнаты сами начальствовали на войнѣ надъ поставленнымъ ими контингентомъ ополченцевъ, создали себѣ въ лицѣ своихъ управляющихъ (дворецкихъ) штатъ подчиненныхъ имъ чиновниковъ, стремились захватить крѣпко въ свои руки государственныя должности, въ особенности власть графовъ и слѣвать наследственными въ своемъ родѣ какъ свои лены, такъ и соединенныя съ ними государственныя должности. Все это удалось имъ въ IX столѣтіи. Въ силу неправильнаго взгляда, распространеннаго, собственно говоря, только пионерами французской революціи 1789 года, эти несвободные крестьяне изображаются, обыкновенно, какъ крѣпостные; однако слѣдуетъ строго различать оба эти класса несвободныхъ людей. Несвободные люди въ тѣсномъ смыслѣ могли перепродавать другимъ или отдавать въ аренду свои чиншенины владѣнія, если только они уплачивали лежація на нихъ повинности (*census*) и отбывали барщину, въ то время какъ крѣпостные вполне зависѣли отъ произвола своихъ господъ по отношенію къ размѣру денежныхъ повинностей и барщинныхъ работъ („*taille et corvée à merci*“), а свое недвижимое имущество они могли только передать въ наследство своимъ дѣтямъ, живущимъ вмѣстѣ съ ними. Въ томъ случаѣ, когда подобныхъ наследниковъ не оказывалось, владѣлецъ имѣнія, сеньоръ, пользовался правомъ „мертвой руки“, т. е. онъ бралъ себѣ обратно то, что было дано крѣпостному. Напротивъ того, съ вольнаго крестьянина-чиншевика, кромѣ его *census*, взымалась еще только подушная подать, *taille*, отмененная Великой революціей, размѣръ которой колебался и былъ произвольнымъ. Впрочемъ, крѣпостной тоже могъ откупиться на свободу посредствомъ грамоты; точно также онъ

могъ купить себѣ *abonnement*, защищавшій его отъ слишкомъ обременительныхъ податей и тяжелой барщины.

Особое положеніе занимали мелкіе второстепенные вассалы, принадлежавшіе къ знатному сословію ленники и слуги крупныхъ землевладѣльцевъ. За свои лены они обязаны были только вѣрностью (*homage*), военной службою, должны были защищать крѣпости и принимать участіе въ судѣ надъ несвободными людьми. Сами же они наравнѣ со своими ленными патронами подлежали только суду своихъ равныхъ (*cour féodale*). Само собою очевидно, что на высшей ступени своего развитія ленная система должна была привести къ разрушенію государственнаго порядка и къ уничтоженію слабой королевской власти. Каждый сеньоръ получалъ кромѣ своихъ крупныхъ доходовъ натурой, а впоследствии также и деньгами, судебныя пошлины, штрафы, деньги, таможенные пошлины, налоги на наследства, выкупныя уплаты, пошлины при передачѣ чиншевыхъ владѣній, пошлины за помолъ и печеніе хлѣба, барщинныя работы, пѣшія и конныя, десятины съ урожая полей и скотоводства; кромѣ всего этого онъ имѣлъ еще при себѣ подчиненныхъ ему чиновниковъ, свои военные отряды, свое собственное право суда и чеканки монетъ, былъ освобожденъ отъ денежныхъ повинностей. Сеньоръ былъ такимъ образомъ независимымъ владѣтельнымъ княземъ, а его сеньорія государствомъ въ государствѣ.

Карлъ Великій выступилъ противъ этого угрожающаго разложенія государственнаго единства, во-первыхъ, съ той мудрой мѣрой, что онъ взялъ подъ свою защиту вольныхъ людей и охранялъ ихъ независимость; во-вторыхъ, онъ создалъ прочную, зависящую только отъ него одного, бюрократическую іерархію. Повинности свободныхъ людей были строго урегулированы, а графамъ, которые принадлежали по большей части къ числу крупныхъ землевладѣльцевъ и злоупотребляли своей властью для безграничной эксплуатаціи крестьянъ, было строго воспрещено всякое посягательство на свободу вольныхъ людей. Болѣе бѣдныхъ Карлъ освободилъ отъ личной воинской повинности и ввелъ такой порядокъ, что нѣсколько человекъ могли выставить одного рекрута; области, болѣе удаленныя отъ театра военныхъ дѣйствій, были освобождены отчасти отъ воинской повинности. Онъ ограничилъ число судебныхъ засѣданій и общинныхъ собраній. Всѣ были обязаны являться только по три раза въ годъ на собраніе для обсужденія самыхъ неотложныхъ тяжбъ и общественныхъ дѣлъ. На всѣ другія судебныя засѣданія, происходившія подъ предсѣдательствомъ графа, съ 775 года приглашались каждый разъ только по 7 шеффовъ въ качествѣ представителей общины. Они избирались изъ среды свободныхъ людей королевскими разъѣздными графами, наблюдательными чиновниками графствъ, при содѣйствіи самихъ графовъ. Тѣмъ не менѣе не могло быть и рѣчи о самоуправленіи и дѣйствительной независимости общинъ. Карлъ стремился къ поднятію благосостоянія свободнаго сословія. Его собственныя имѣнія считались образцовыми по своимъ хозяйственнымъ порядкамъ; онъ наблюдалъ самъ за всѣмъ хозяйствомъ до мелочей, провѣрялъ счета, улучшалъ промыслы, которыми были заняты крѣпостные; его жена и дочери сами занимались хозяйствомъ: пряли и чесали шерсть. Этотъ примѣръ, подаваемый сверху, дѣйствовалъ поощряющимъ образомъ на всѣхъ сельскихъ хозяевъ. Деревни и хутора выстраивались въ такихъ мѣстахъ, въ которыхъ земля пустовала раньше. Торговля тоже поощрялась. Большія дороги были проложены вдоль по Рейну по направленію къ Нѣмецкому морю, отъ Эльбы къ Черному и Адриатическому морямъ. Онъ издалъ суровыя распоряженія противъ частныхъ войнъ и другихъ нарушеній мира.

Отправленіе правосудія пользовалось особеннымъ вниманіемъ съ его стороны. Разъ въ недѣлю происходило засѣданіе общиннаго суда подъ предсѣдательствомъ назначеннаго короной судьи, а разъ въ мѣсяцъ засѣдалъ окружной судъ подъ предсѣдательствомъ графа. Каждую четверть года разъ-

ѣздные графы или королевскіе посланцы (*missi dominici*) совершали инспекторскій объѣздъ, во время котораго они присматривались ко всему, провѣряли состояніе судовъ и военнаго ополченія и поддерживали вѣсь королевской власти противъ партикуляристическихъ тенденцій феодаловъ. Это были чиновники, подчиненные коронѣ, заступившіе мѣсто прежнихъ самостоятельныхъ герцоговъ. При государѣ состояли: совѣщательное собраніе по дѣламъ законодательства, состоявшее изъ представителей духовной и свѣтской аристократіи и королевскихъ чиновниковъ, давно потерявшее свое значеніе собраніе народа и воинства, извѣстное подъ именемъ „майскаго поля“, которое все еще собиралось каждую веспу для принятія и утвержденія приказовъ Карла, и государственный совѣтъ, собиравшійся осенью.

Объединенное государство нуждалось въ одномъ общемъ правѣ, между тѣмъ какъ до того времени существовали особое рибуарское и особое салийское право; Карль исправилъ ихъ и присоединилъ къ нимъ свои собственные распоряженія подъ именемъ „капитуляріевъ“.

Въ противоположность узаконеніямъ, обнародованнымъ при Меровингахъ, эти капитуляріи отличаются гуманностью и стремленіемъ къ ограниченію примѣненія смертной казни. При преемникѣ Карла число капитуляріевъ увеличилось. Древнѣйшій сборникъ ихъ былъ составленъ въ 827 г. Хотя они написаны на латинскомъ языкѣ, тѣмъ не менѣе они проникнуты германскимъ духомъ и являются вѣрнымъ, очищеннымъ зеркаломъ древнегерманскихъ судебныхъ обычаевъ, нравовъ, учреждений. По приказу Карла собирались также народные законы другихъ находившихся подъ его властью болѣе значительныхъ племенъ: саксовъ, англовъ и фризовъ.

Въ числѣ придворныхъ Карла первое мѣсто занимало духовенство, которое было носителемъ высшаго образованія, ограничивавшагося въ то время, главнымъ образомъ, догматами вѣры, литургіями, церковной латынью и чтеніемъ нѣкоторыхъ церковныхъ писателей. Первымъ по рангу изъ этихъ придворныхъ духовныхъ лицъ считался главный капелланъ (*arcidiaconus*), который былъ секретаремъ императора по вѣсьмъ церковнымъ дѣламъ. Во главѣ императорской канцеляріи стоялъ главный канцлеръ. Въ придворномъ судѣ предсѣдательствовалъ пфальцграфъ, высшій изъ свѣтскихъ сановниковъ; вмѣстѣ съ нимъ засѣдали шеффены, избравшіеся изъ среды самыхъ ученыхъ придворныхъ юристовъ. Иногда засѣданія этого суда проходили подъ руководствомъ самого Карла.

В. Состояніе культуры въ имперіи Карла Великаго.

Подобно тому, какъ франкская міровая держава была, вообще говоря, результатомъ сліянія римскаго и германскаго элементовъ, подобно тому, какъ рядомъ съ народнымъ обычнымъ правомъ дѣйствовали кодексъ императора Юстиніана и римское право, а на ряду съ народными нарѣчіями употреблялся и церковный латинскій языкъ, Карль пытался соединить съ остатками римскаго образованія и литературы германскія саги и преданія. По его распоряженію собирались древнегерманскія былины, въ которыхъ воспѣвались подвиги легендарныхъ королей; онъ занялся съ мыслью о пѣмецкой грамматикѣ, замѣнилъ латинскія названія мѣсяцевъ пѣмецкими (*Wintermonat* — зимній мѣсяць, *Hornung*, *Lenzmonat* — весенній мѣсяць, *Ostermonat* — пасхальный мѣсяць, *Wonnemonat*, *Brachmonat* — паровой мѣсяць, *Heimmonat* — сѣнной мѣсяць, *Erntemonat* — мѣсяць жатвы, *Weinmonat* — мѣсяць вина, *Windemonat* — вѣтранный мѣсяць, *Herbstmonat* — осенній мѣсяць, *Heiligenmonat* — мѣсяць святыхъ); къ четыремъ употреблявшимся до того времени обозначеніямъ направленія вѣтровъ онъ присоединилъ еще 12 новыхъ, если мы будемъ вѣрить во все въ этомъ словамъ Эйшгарда.

Его собственными учителями по древнимъ языкамъ и предметамъ классическаго образованія были отчасти англо-саксы, среди которыхъ падали себѣ убѣжище школьная премудрость и философія, погибшія въ Италіи со смертію Кассіодора и Боэція. Изъ нихъ выдѣляется въ особенности Алкуинъ изъ Йорка, основатель монастырскаго училища въ Турѣ и предсѣдатель карловскаго ученаго кружка. Карлъ былъ обязанъ ему своими познаніями въ риторикѣ, діалектикѣ и астрономіи. Его учителемъ грамматики былъ Петръ изъ Пизы, принадлежавшій также къ духовенству, какъ и Алкуинъ. Въ качествѣ историковъ, писавшихъ о дѣяніяхъ Карла, выдаются Эйнгардъ, бывшій родомъ изъ Оделвальда, составившій первую красиво округленную біографію императора (главный недостатокъ ея состоитъ въ произвольномъ перенесеніи на Карла различныхъ сообщеній Светонія о римскихъ императорахъ) и Ангильбертъ, прославившій подвиги императора въ эпическомъ стихотвореніи. Такимъ образомъ историографія германскаго типа на латинскомъ языкѣ, находившаяся въ упадкѣ со времени Григорія Турскаго и его современника Йорданиса (Йорданиса), историка остготовъ, сдѣлала шагъ впередъ при Карлѣ Великомъ. При его дворѣ жилъ также въ теченіе нѣкотораго времени лангобардъ Павелъ, сынъ Варнефрида (Павель Діаконъ), авторъ исторіи своего народа, основывающейся на древнихъ героическихъ былинахъ и преданіяхъ и доведенной до 744 годовъ. Самъ Карлъ старался наверстать недостатки своего юношескаго воспитанія и расширить свои познанія. Уже въ преклонномъ возрастѣ онъ упражнялся во время безсонныхъ ночей въ письмѣ, искусствѣ, которымъ въ то время владѣли почти исключительно духовенство и ученые и которое не давалось Карлу. Напротивъ того, онъ сдѣлалъ хорошіе успѣхи въ латинскомъ разговорномъ языкѣ и начаткахъ греческаго; по крайней мѣрѣ, онъ, по словамъ Эйнгарда, изучилъ основательно сочиненіе отца церкви Августина „О Царствѣ Божіемъ“ (de Civitate Dei). Своихъ сыновей и дочерей онъ тоже заставлялъ учиться наукамъ, а для воспитанія знатнаго юношества и болѣе даровитыхъ сыновей бюргеровъ было устроено, кромѣ образцоваго училища въ Турѣ, еще придворное училище, находившееся подъ собственнымъ наблюденіемъ Карла.

Изъ искусствъ онъ ставилъ выше всѣхъ другихъ музыку и архитектуру. И ту, и другую онъ отдавалъ на службу богопочитанія. Церковную музыку онъ старался усовершенствовать посредствомъ привлеченія итальянскихъ регентовъ, все искусство которыхъ разбивалось о грубые голоса франковъ, а для увеличенія благолѣпія церковной службы Павелъ Діаконъ составилъ особое собраніе проповѣдей. Карлъ заботился съ большимъ усердіемъ о постройкѣ и украшеніи церквей. Для Ахенской базилики онъ выписалъ мраморъ изъ Италіи и снабдилъ ее большимъ количествомъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ и богатыхъ церковныхъ облаченій. Онъ самъ посѣщалъ церкви какъ по утрамъ, такъ и по вечерамъ и даже по ночамъ и наблюдалъ за правовѣрнымъ исполненіемъ всѣхъ обрядовъ церковной службы. Онъ заслужилъ также особую благодарность за свои заботы объ украшеніи собора Св. Петра въ Римѣ. Карлъ поддерживалъ всегда христіанъ, жившихъ разсѣянно внѣ предѣловъ франкскаго государства.

Оставаясь вѣрнымъ духу своего времени, онъ обогащалъ церкви и монастыри своими дарами и земельными владѣніями; франкское духовенство, не выходявшее изъ покорности при его жизни, уже въ царствованіе его сына стало предъявлять притязанія на власть, основанныя на богатствѣ этого сословія. Кромѣ десятиныхъ церковь обладала большими земельными владѣніями; напримѣръ, епископство Фульдское владѣло уже вскорѣ послѣ своего основанія 15,000 тысячами гуфъ; правда, надо оговориться, что на эти земли ложилась щедрая раздача подаяній, забота объ обученіи бѣдныхъ дѣтей и другія обязанности, а, кромѣ того, короли попрежнему рас-

поряжались безцеремонно церковнымъ имуществомъ для вознагражденія людей, состоявшихъ у нихъ на службѣ. Въ то же время монастыри были не только просвѣтительными центрами, но и центрами торговли, промышленности и сельскаго хозяйства. Главнѣйшіе церковные праздники были въ то же время и важнѣйшими торговыми днями. Хотя въ эти дни всё дѣла приоставлялись, но наканунѣ и на слѣдующій день послѣ праздника шель очень оживленный торгъ. По такимъ днямъ въ города и торговыя селенія стекались также и купцы изъ другихъ мѣстъ, между тѣмъ какъ въ обычное время торговля и промыслы производились только членами мѣстнаго цеха. Нѣмецкое названіе ярмарки „Messe“ произошло отъ торжественнаго богослуженія (мессы), которое совершалось по такимъ днямъ и посѣщалось въ большемъ числѣ какъ мѣстными, такъ и пришлыми людьми. Вокругъ церквей и монастырей вырастали, поэтому, новые рынки, даже новые города. На земляхъ монастырей жили также несвободные ремесленники, которые работали главнымъ образомъ на жителей монастыря, но все же двигали впередъ свое ремесло, благодаря своему прилежанію и искусству. Монастыри служили образцами въ земледѣліи, въ винодѣліи, садоводствѣ и огородничествѣ и способствовали поднятію всѣхъ этихъ отраслей сельскаго хозяйства; тутъ добывались новые продукты, вводились новые приемы. Непрерывно расширявшееся церковное землевладѣніе съ крупнымъ хозяйствомъ, почти напомиающимъ римскія латифундіи, дало сильный толчекъ отсталымъ хозяйственнымъ приемамъ аристократическихъ землевладѣльцевъ и крестьянъ, благодаря усердію и разумной хозяйственной инициативѣ монаховъ.

Въ своемъ образѣ жизни Карлъ оставался истымъ германцемъ: онъ одѣвался въ парадный костюмъ, и любимыми развлеченіями его были верховая ѣзда и охота. Онъ былъ чувствительнымъ по натурѣ (легко доходилъ до слезъ), но превосходно владѣлъ собою. Онъ преодолѣлъ собственную германцамъ страсть къ пьянству, но былъ неводержанъ въ ѣдѣ, тѣмъ болѣе, что этотъ недостатокъ обуславливался его крѣпкимъ тѣлосложеніемъ. Онъ отличался неутомимымъ трудолюбіемъ и отрывалъ даже часы отъ своего ночного отдыха. При малѣйшей возможности онъ знакомился съ каждымъ дѣломъ и принималъ близко къ сердцу какъ свое собственное хозяйство, такъ и отправление правосудія и улаженіе тяжбъ. Своими резиденціями онъ избралъ замки въ Нимвегенѣ (съ шестнадцатигульной часовней), въ Ингельгеймѣ (выстроенный еще между 768 и 774 годами) и въ Ахенѣ (построенный между 777 и 786 годами), а не въ романскихъ областяхъ своихъ владѣній. Въ 793 году Карлъ пытался соединить Рейнъ съ Дунаемъ посредствомъ канала между Альтмюлемъ и Редницемъ, который остался неоконченнымъ; около Майнца онъ велѣлъ выстроить деревянный мостъ черезъ Рейнъ длиною въ 500 шаговъ; когда этотъ мостъ сгорѣлъ въ маѣ 813 года, онъ собирался выстроить вмѣсто него новый, каменный. Карлъ, по необходимости, мѣнялъ часто свою резиденцію, такъ какъ на одномъ и томъ же мѣстѣ трудно было принасти все необходимое для двора, а сухопутная и рѣчная доставка оставляла желать многого. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ своей жизни Карлъ любилъ жить въ Ахенѣ, такъ какъ онъ искалъ въ тамошнихъ горячихъ источникахъ исцѣленія для своего дряхлѣющаго тѣла, и рекомендовалъ также пользованіе ими своимъ сыновьямъ, друзьямъ и придворнымъ, такъ что часто купались вмѣстѣ болѣе 100 человекъ.

Однако главное отличіе широты ума Карла отъ другихъ франковъ заключалось въ его любви къ иноземному образованію и его посетителямъ, въ его способности становиться выше рамокъ національности и речитивъ въ тѣхъ случаяхъ, когда этого требовали высшія политическія цѣли. Такъ, напримѣръ, онъ заключилъ дружественные союзы не только съ Альфонсомъ II, королемъ Галиціи и Астурии, и съ шотландскими князьями,

но также и съ покровителемъ просвѣщенія Гаруномъ-ар-Рашидомъ. Подъ защитой этого магометанина была отправлено Карломъ посольство для украшенія Гроба Господня, и Гарунъ прислалъ Карлу черезъ своихъ собственныхъ пословъ, сопровождавшихъ возвращавшихся домой франковъ, восточныя драгоценности, ткани, ароматы и слона, котораго прослѣлъ по-вельитель франковъ.

Чисто германскій характеръ Карла обнаруживался также въ его отношеніяхъ къ женскому полу. Онъ не одобрялъ стариннаго многоженства своихъ предковъ, но часто мѣнялъ своихъ женъ и не оставался долгу вдовцомъ. Сперва онъ женился на дочери Деидерія, уступая желанію своей обожаемой матери Бертрады, но затѣмъ онъ отдалилъ отъ себя свою жену по неизвѣстной причинѣ и женился на знатной швабской дѣвицѣ Гильдегардѣ (сконч. въ 771 г.). Послѣ этого его завлекла въ свои сѣти въ 783 г. франкская женщина Фастрада; затѣмъ ея мѣсто заняла аламанка Лиутгарда (сконч. въ 800 г.). Рядомъ съ законными женами онъ имѣлъ также незаконныхъ, число которыхъ поднялось до трехъ послѣ смерти Лиутгарды. Своимъ незамужнимъ дочерямъ онъ предоставляетъ полную свободу въ половыхъ сношеніяхъ. Орелъ славы, которымъ народныя преданія и поэзія окружили великаго императора и его наследниковъ, блѣднѣетъ нерѣдко передъ исторической истиной. Тѣмъ менѣе выдерживаетъ критику тотъ односторонній французскій каррикатурный „Charlemagne“, котораго изображаютъ до самаго послѣдняго времени французскіе историки въ противовѣсъ германцамъ, какъ своего, а не германскаго героя. Напротивъ того, на Карла Великаго слѣдуетъ смотрѣть, какъ на высшій типъ, заключающій въ себѣ всѣ положительныя качества германскаго характера, рѣзкости котораго въ немъ были смягчены и недостатки котораго Карлъ умѣлъ умѣрять или сдерживать.

3. Усиленіе духовной и свѣтской аристократіи.

Многовѣковый историческій опытъ подтверждаетъ, что великія государства, составленныя изъ различныхъ народовъ, соединенныхъ между собою скорѣе внѣшнимъ, чѣмъ внутреннимъ образомъ, быстро лишаются своего могущества послѣ смерти своего основателя или распадаются. Такъ погибла въ IV столѣтіи до Р. Хр. міровая имперія Александра Великаго; то же повторилось и теперь съ монархіей Каролинговъ. Такая же участь постигла нѣсколько вѣковъ спустя послѣ смерти Темучина Средне-Азіатскую имперію. Исходя изъ того односторонняго взгляда, что люди руководятъ событіями, а не подчиняются имъ, обыкновенно, возлагаютъ ответственность за такой упадокъ государствъ на бездарныхъ преемниковъ великихъ государей; но болѣе глубокія причины подобныхъ катастрофъ кроются во внутреннихъ и внѣшнихъ политическихъ условіяхъ. То же самое случилось и на этотъ разъ. Несмотря на всѣ старанія Карла объ охранѣ границъ, у него остались два неокончательно усмиренныхъ злыхъ врага. Еще при жизни Карла норманны грабили британскіе берега подъ предводительствомъ своихъ князьковъ, „викинговъ“, изгнанныхъ сильными королями изъ своей родины, Норвегіи. Въ 795 году они завладѣли островомъ Ратлиномъ у сѣвернаго берега Ирландіи, а въ 802 г. миссіонерскимъ поселкомъ Юной (совр. Гай на одномъ изъ Гебридскихъ острововъ); въ 804 г. они поднялись вверхъ по рѣкѣ Бойну и захватили Дублинъ. Они проникли также вглубь Великобританіи: въ 789 г. они совершили набѣгъ на Вессексъ, а въ 799 г. на Нортумберлендъ. Карлъ укрѣпилъ морскіе и рѣчные берега сѣверной окраины своего государства, но за недостаткомъ флота онъ не могъ дать серьезнаго отпора этимъ разбойникамъ, равно какъ и датскому королю Готфриду, владѣвшему моремъ. Такую же роль, какъ норманны на сѣверо-западѣ Европы, играли въ Южной Италіи арабскіе пи-

раты; отъ нихъ Карлъ тоже защищался посредствомъ укрѣпленій, возведенныхъ въ устьяхъ рѣкъ. Какъ сильно страдали отъ норманскихъ набѣговъ, не преслѣдовавшихъ по большей части другой цѣли, кромѣ дани и военной добычи, преемники Карла, объ этомъ сравни стр. 204, а также сказанное ниже въ „скандинавскомъ“ отдѣлѣ.

Другимъ опаснымъ врагомъ Карла былъ славянскій народъ, дѣлившійся на множество племенъ, который занялъ во время переселенія народовъ оставленныя германцами области, простиравшіяся отъ Балтійскаго моря и устья Эльбы до Богемскаго лѣса, и проникъ оттуда въ Штирію и Каринтію, въ Придунайскія области, принадлежавшія Византійской имперіи, и даже въ древнюю Элладу (т. V, стр. 48). Въ Моравіи возникло могущественное государство, паходившееся подъ властью Святоплука (сконч. въ 895 г.; т. V, стр. 234) и распавшееся въ началѣ X столѣтія. Тѣ области, изъ которыхъ образовались нынѣшняя Пруссія, Померанія, Мекленбургъ, Бранденбургъ, Саксонія, Богемія, Моравія, Альпійскія области Австріи, находились во владѣніи славянскихъ племенъ. Несмотря на побѣды, одержанныя Карломъ надъ сорбами и вильцами, славяне удержали за собою почти всѣ свои владѣнія. Однако они не могли устоять въ теченіе долгаго времени противъ пѣмцевъ, во-первыхъ, вслѣдствіе военного превосходства послѣднихъ, и, во-вторыхъ, вслѣдствіе раздоровъ между, отдѣльными славянскими племенами. Мекленбургскіе оботриты (бодричи) перешли даже на сторону франковъ еще при жизни Карла. Въ теченіе X и XI столѣтій славяне мало-по-малу покорились военной силѣ и насильственной миссіонерской пропагандѣ своихъ западныхъ сосѣдей; только въ языческой Пруссіи они продержались до XIII столѣтія, когда они были покорены тевтонскимъ орденомъ.

Внутри государства мощная рука Карла сдерживала свѣтскую феодальную аристократію, но была не въ силахъ искоренить ея стремленія къ независимости и ея властолюбивыя наклонности. Больше всего усилилась, благодаря богатымъ дарамъ и милостямъ Карла, духовная аристократія: она достигла вскорѣ такого могущества, что стала угрожать королевской власти въ то время, какъ папство еще долго оставалось по отношенію къ франкскому государству въ подчиненной, покровительствуемой роли.

А. Каролинги до раздѣла франкскаго государства въ 843 г.

а) Людовикъ Благочестивый.

Людовикъ Благочестивый, унаследовавшій престолъ отъ своего отца 28 января 814 г. въ качествѣ единственнаго оставшагося въ живыхъ его сына и получившій корону въ Реймсѣ изъ рукъ папы Стефана V, едва ли отличался такой безхарактерностью и извѣжностью, какія приписываются ему традиціонной исторіографіей. Когда были въ живыхъ оба его старшіе брата, превосходившіе его своими военными талантами, то онъ, естественно, ступенивался передъ ними; онъ воспитывался монахами въ Аквитаніи, и все его время было посвящено молитвѣ и покаянію. Однако вступивши на престолъ, онъ сталъ продолжателемъ великаго дѣла распространенія христіанства и создалъ два прочныхъ центра для христіанскихъ миссій въ видѣ Гильдешеймскаго и Гамбургскаго епископствъ. Гамбургъ долженъ былъ служить оплотомъ противъ язычниковъ, датчанъ и норманновъ, но въ дѣйствительности онъ былъ сожженъ этими послѣдними черезъ 20 лѣтъ послѣ своего основанія, въ 837 г. Людовикъ обогащалъ духовенство, сѣбдую и въ этомъ случаѣ примѣру своего отца, дарилъ ему земли и движимыя имущества; но вмѣстѣ съ тѣмъ случалось, что онъ конфисковывалъ церковныя имущества при посредствѣ своихъ свѣтскихъ сановниковъ, и это послужило поводомъ къ тому, что духовенство, вслѣдствіе отстававшее

свою независимость, составило заговоръ противъ императора и его невѣрныхъ церкви сыновей. Людовику ставятъ въ упрекъ, какъ доказательство слабости его характера, что въ 818 году онъ раздѣлилъ свое государство между своими сыновьями: Лотаремъ, Пиппиномъ и Людовикомъ. Однако этотъ раздѣлъ, который состоялся, между прочимъ, не столько по почину самого Людовика, сколько подъ вліяніемъ представителей духовной аристократіи на собраніи государственныхъ чиновъ, былъ произведенъ по образцу раздѣловъ наслѣдства Пиппина и Карла Великаго. Единство государства и собственная власть Людовика охранялись тѣмъ условіемъ, что пока императоръ былъ живъ, онъ оставался неограниченнымъ повелителемъ, что императорскій титулъ долженъ былъ перейти только къ старшему сыну, а оба другихъ не могли ни начинать войны, ни заключать мира безъ его согласія и, вообще, не могли принимать никакихъ рѣшеній, касающихся внѣшней политики; они могли назначить наслѣдниковъ своихъ удѣловъ только съ согласія сословныхъ чиновъ. Послѣ смерти старшаго брата сеньоратъ долженъ былъ перейти къ слѣдующему по возрасту брату. Папа Пасхалисъ I, подкупленный обѣщаніями территориальныхъ уступокъ, согласился съ планомъ раздѣла государства и, вообще, обнаружилъ большую сговорчивость по отношенію къ имперіи. 5 апрѣля 823 г. онъ короновалъ Лотаря императоромъ и не препятствовалъ ему навязать римлянамъ такое требованіе, чтобъ они присягали на вѣрноподданство какъ папѣ, такъ и императору, а избраніе папы могло состояться только съ предварительнаго согласія императора.

Несчастьемъ Людовика была его слабость къ его второй женѣ, вельфской припцессѣ Юдифи. Для того, чтобы не повредить своему родившемуся отъ этого брака сыну Карлу (впослѣдствіи прозванному Лысымъ), онъ измѣнилъ вышеизложенный раздѣлъ своихъ владѣній въ пользу своего младшаго сына безъ согласія имперскихъ чиновъ, сговорившись только съ уступчивымъ папой. Эти женскія интриги послужили поводомъ къ возстанію трехъ остальныхъ сыновей императора, которыхъ отецъ лишилъ части ихъ владѣній. Въ свое время такимъ же образомъ вспыхнуло вслѣдствіе властолюбія Фастрады (стр. 200) возстаніе, поднятое противъ Карла Великаго его незаконнымъ сыномъ Пиппиномъ, къ которому присоединились впослѣдствіи представители высшей германской знати. Возмутившіеся сыновья Людовика вступили въ союзъ съ чрезмѣрно усилившимся западно-франкскимъ духовенствомъ. На Парижскомъ соборѣ были выставлены имъ церковно-политическія требованія, которыя должны были послужить въ близкомъ будущемъ оправданіемъ притязаній и захватовъ папства. Соборъ этотъ рѣшилъ, что король долженъ подчиняться власти духовенства, а если онъ не правитъ въ духѣ церкви, то онъ можетъ быть низложенъ съ престола, какъ тиранъ. Императрица Юдифь стала предметомъ самой ожесточенной оппозиціи со стороны представителей знати какъ духовной, такъ и дѣйствовавшей заодно съ духовенствомъ свѣтской, часть которой еще раньше приняла участіе въ возстаніи Бернгарда, племянника Людовика. Отъ нея отдѣлались безъ труда: ее заточили въ монастырь. Но королевская власть была еще слишкомъ прочна, и низвергнуть короля было не такъ легко. Людовикъ нашелъ себѣ защитниковъ въ борьбѣ противъ западно-франкской знати и своихъ собственныхъ сыновей, подстрекателемъ которыхъ былъ Лотарь, въ лицѣ восточно-франкской знати. На сеймѣ въ Ахенѣ были оправданы какъ императоръ, такъ и его жена, вернувшаяся изъ монастыря въ 831 г. Лотарь вынужденъ былъ покориться; но папа воспользовался отпаденіемъ духовенства отъ короля для уничтоженія той зависимости отъ свѣтской власти, въ которую она попала при Карлѣ, и для того, чтобы съ своей стороны нанести ударъ распатанной королевской власти. Когда сыновья Людовика снова подняли знамя возстанія, то папа Григорій IV перешелъ на ихъ сторону. Но наущенію папы войска короля не

решили на сторону своих возмущившихся товарищей по оружию при Кольмарѣ въ Эльзасѣ (въ концѣ іюня 833 г.). Мѣсто, на которомъ произошла эта измѣна, было прозвано въ видѣ укора „Полеми лжи“. Послѣ этого западно-франкскій епископатъ распался. Многие представители духовенства, опасавшіеся, чтобы вмѣшательство папы не нанесло ущерба ихъ независимости, перешли опять на сторону Людовика. Однако меньшинство, во главѣ котораго стоялъ архіепископъ Реймскій Эббо, отличавшійся рѣшительностью своего характера, принудило императора къ церковному покаянію въ церкви св. Медарда въ Суассонѣ, къ отказу отъ императорскаго сана и къ удаленію въ монастырь. Противная сторона добилась оправданія Людовика въ Сенъ-Дени, а церковный соборъ, состоявшійся въ Диденгофенѣ (въ 835 г.), призналъ недѣйствительнымъ отречение Людовика отъ императорскаго сана (въ 835 г.). Послѣ этого императоръ опять не устоялъ противъ винушей своей жены, произвелъ новый раздѣлъ своихъ владѣній (въ 839 г.) и умалилъ долю Людовика, котораго не возлюбила Юдифь, по которому самъ императоръ былъ отчасти обязанъ своимъ обратнымъ возвращеніемъ на престолъ, въ пользу Лотаря и Карла (Пиппинъ сконч. 3 декабря 838 г.). Тогда Людовикъ поднялъ оружіе противъ своего отца, но этотъ послѣдній скончался еще до наступленія рѣшительнаго момента (20 іюня 840 г.).

б) Верденскій договоръ.

Споръ изъ-за наслѣдства объединилъ обоихъ младшихъ братьевъ Людовика и Карла для борьбы противъ властолюбиваго Лотаря. Этотъ послѣдній былъ разбитъ на голову при Ристѣ (въ началѣ 841 г.) и при Фонтенуа-анъ-Пюйзэ, недалеко отъ Оксерра (25 іюня), гдѣ погибъ цвѣтъ средне-франкской знати, и не былъ въ состояніи вернуть себѣ потерянную власть даже при помощи приверженныхъ къ старому язычеству саксовъ, которымъ онъ обѣщалъ вернуть ихъ прежнюю свободу, датчанъ, призванныхъ имъ на помощь, своихъ западно-франкскихъ приверженцевъ и бывшихъ на его сторонѣ напскихъ легатовъ. Поэтому онъ вынужденъ былъ подчиниться соглашенію о раздѣлѣ Франкскаго государства между братьями, состоявшемуся въ Верденѣ (10 августа 843 г.). По этому соглашенію за нимъ остались императорскій титулъ и его прежнія австразійскія владѣнія, также главная часть Бургундіи, аламанскія области на лѣвомъ берегу Рейна, Провансъ и Италия, т. е. всѣ области отъ устья Рейна до береговъ Средиземнаго моря. Нейстрія, Фландрія и Британія, сѣверо-западная Бургундія, Аквитанская область и Испанская марка достались Карлу. Людовикъ, который былъ прозванъ Нѣмецкимъ, получилъ всѣ области по правую сторону Рейна, а на лѣвомъ берегу Вормсъ, Майнцъ и Шпейтеръ, кромѣ того часть нынѣшней Швейцаріи (см. карту, прил. къ стр. 194).

Такимъ образомъ была разрушена внутренняя связь, объединявшая государство Каролинговъ, несмотря на то, что Лотарь продолжалъ носить императорскій санъ. Восточная и Западная Франконія, т. е. владѣнія Людовика и Карла, постепенно обособлялись, какъ по своему народному характеру, такъ и по господствующему языку и направленію своей политики, въ два государства съ противоположными интересами, Францію и Германию. Средняя часть государства тоже распалась въ 855 г. на свои три составныя части: Австрازیю съ Фриеландіей и лѣвымъ берегомъ Рейна, которая съ этихъ поръ стала называться Лотарингіей по имени своего владѣтеля Лотаря II, Провансъ съ Бургундіей и Италію, которая принадлежала императору Людовику II. Хотя Лотарингія была населена нѣмцами, она все же оставалась предметомъ французскихъ вожделѣній. Тѣмъ не менѣе, Людовикъ Нѣмецкій и Карлъ Лысый приняли къ соглашенію между собою и заключили 8 августа 870 года договоръ въ Мерсенѣ, въ силу котораго

области преимущественно романскія, именно Провансъ и Бургундія, были отнесены къ западно-франкскому государству, а всѣ остальные къ восточно-франкскому. Въ этихъ послѣднихъ областяхъ развился въ противоположность къ романскому языку западно-франкскаго государства и церковной латыни самобытный народный нѣмецкій языкъ, древнѣйшій образецъ котораго представляетъ собою „Страсбургская присяга“, которую принесли другъ другу Людовикъ и Карлъ, вступившіе между собою въ союзъ для борьбы съ Лотаремъ 11 (14) февраля 842 г., при чемъ каждый изъ нихъ произносилъ ее на языкъ своего союзника. Эта присяга связывала между собою не только обонхъ названныхъ владѣтельныхъ князей, но и ихъ подданныхъ, за которыми было признано право отказа отъ вѣрности своему ленному господину въ томъ случаѣ, если послѣдній нарушитъ присягу. Несмотря на эту двуязычность нѣкоторыя, по крайней мѣрѣ, еще не вымершія племенные нарѣчія были объединены въ высшую форму, годную для литературныхъ произведеній, но въ политическомъ отношеніи отдѣльныя части распавшагося государства обособились другъ отъ друга. Въ Восточной Франконіи достигли мало-по-малу значенія, опаснаго для единства государства, прежнія племенные герцогства Саксонское, Франкское, Швабское и Баварское (стр. 100); въ Западной Франконіи добился независимости цѣлый рядъ крупныхъ и мелкихъ вассаловъ, благодаря чему королевская власть обратилась постепенно во что-то призрачное, въ схему безъ внутренняго содержанія.

Б. Французскіе Каролинги.

Первый изъ французскихъ государей Каролингской династіи, Карлъ Лысыя, внѣшнимъ образомъ еще сохранилъ всѣ свои владѣнія въ цѣлости, но вынужденъ былъ въ теченіе всего своего 34-лѣтняго царствованія вести непрерывную борьбу съ норманнами (датскими), возобновлявшими свои набѣги, и нескончаемые раздоры съ восточно-франкскимъ государствомъ. Уже въ 841 г. датчане проникли до Руана, завоевали его, увели въ плѣнъ жителей этого города, и Карлу Лысому пришлось откупиться отъ нихъ данью. 15 лѣтъ спустя въ 857 г. они дошли до самаго Парижа; въ 858 г. Карлъ уступилъ имъ полосу земли у истоковъ рѣки Сены, простиравшуюся до самой столицы. Затѣмъ они заняли городъ Мо, но Карлъ заставилъ ихъ очистить Западную Франконію. Несмотря на отдѣльныя пораженія, нанесенныя имъ въ открытомъ полѣ, они упорно возобновляли свои хищническіе набѣги въ особенности послѣ смерти Карла, сконч. въ 877 году, когда во Франціи вспыхнули раздоры. Внукъ Карла, Людовикъ III, разбилъ ихъ въ январѣ 881 г. около Сокура въ Шкардин (эта побѣда воспѣвается въ „Пѣснѣ о Людовикѣ“ написанной на древне-верхне-нѣмецкомъ языкѣ). Однако въ слѣдующемъ 882 г. они уже опять заняли гор. Ланъ; въ 884 г. они опять вторглись во Францію и стали предпринимать хищническіе набѣги изъ Амьена; часть ихъ успокоилась, получивши дань, а другая часть заняла городъ Левенъ. Хотя они были разбиты въ слѣдующемъ году при Левенѣ соединенными силами западно-франкскихъ и восточно-франкскихъ войскъ подъ предводительствомъ общаго короля Карла Толстаго, тѣмъ не менѣе они осадили Парижъ, который защищался отъ ноября 885 г. до осени 886 г. подъ предводительствомъ графа Анжуйскаго Одо (Эудо); наконецъ, отъ нихъ откупались данью, и они согласились уйти изъ-подъ Парижа. Эти смуты прекратились только тогда, когда норманнъ Ролло получилъ руку принцессы Гизеллы въ 911 г., а въ видѣ приданнаго ему отдана была въ качествѣ герцогства Нормандія.

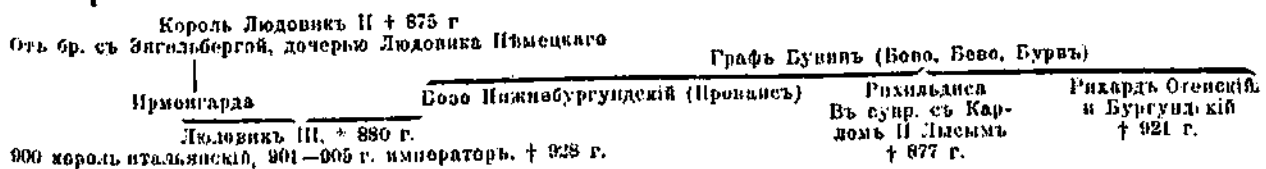
Незадолго предъ смертью Карла Лысаго Западно-Франкское государство опять упрочилось было на нѣкоторое время. Послѣ смерти послѣдняго изъ трехъ сыновей Лотаря I, Людовика II, послѣдовавшей 12 августа

875 года, папа Іоаннъ VIII передалъ своему дядѣ освободившійся императорскій санъ, и представители высшей знати признали его императоромъ (въ праздникъ Рождества 875 года). Однако оба его путешествія въ Римъ (въ 875 и 876 году) едва ли способствовали славѣ Карла, такъ какъ жители Ломбардіи оказали весьма холодный пріемъ государю, царствовавшему по милости папы. Неудачей окончилась также и его попытка къ захвату Ломбардіи, на которую онъ сталъ бросать жадные взоры (въ 876 г.) послѣ смерти своего брата Людовика Нѣмецкаго; 8 октября онъ былъ разбитъ при Андернахѣ своими племянниками Карлманомъ и Людовикомъ Младшимъ.

Со смертью его, послѣдовавшей 5 сентября 877 года, наступилъ благоприятный періодъ для самовольства вассаловъ короны. Они присягнули на вѣрность его сыну Людовику II Занкъ только подъ тѣмъ условіемъ, что онъ открыто признаетъ себя выборнымъ королемъ. Духовенство и папа хотѣли было даже возложить императорскую корону не на него, а на фактически независямаго нижнебургундскаго графа Бозо¹ (его графство называлось Арелатомъ и обнимало Ронскую долину и берега Женевского озера). Все же Людовику удалось въ 878 году примириться въ Фурунѣ (къ сѣверо-востоку отъ Визе на рѣкѣ Маасѣ) съ восточно-франкскимъ королемъ Людовикомъ Младшимъ, такъ какъ ихъ обоимъ объединялъ страхъ предъ все растущимъ грознымъ могуществомъ папы.

10 апрѣля 879 года скончался Людовикъ Занка, и часть духовенства хотѣла объединить оба франкскихъ государства въ рукахъ Людовика Младшаго, но большинство представителей знати держало сторону его двухъ сыновей Людовика III и Карлмана. Только послѣ ихъ преждевременной смерти (въ 882 и 884 годахъ) всѣ владѣнія Карла Великаго объединились въ рукахъ послѣдняго сына Людовика Нѣмецкаго Карла III Толстаго. Рѣдкій монархъ достигалъ такихъ значительныхъ успѣховъ съ такой малой затратой энергій, какъ онъ. Императорская корона была передана ему Іоанномъ VIII уже въ февралѣ 881 года: его власть была признана въ Италіи, и король Бозо былъ принужденъ къ отказу отъ своихъ притязаній на императорскій санъ и на Верхнюю Италію. Такимъ же образомъ герцогъ Сполетскій Видо II, противникъ Карла III и папы, былъ лишенъ въ 883 году своего лена, и только въ 885 году съ него была снята обратно опала. Причиной этихъ успѣховъ, которые знаменовали собой покорность свѣтской власти предъ переселившейся ее духовной, былъ тѣсный союзъ съ папствомъ, видѣвшимъ въ императорѣ своего защитника отъ хозяйничавшихъ въ Нижней Италіи и совершавшихъ разбойничьи набѣги даже на Церковную Область арабовъ. Сознывая свое слабосиліе, Карлъ старался улаживать свои дѣла посредствомъ миролюбивыхъ соглашеній: такого рода договоры были заключены имъ съ владѣтелемъ Моравіи Святоплукомъ и, какъ мы уже упоминали выше, съ норманнами.

Однако непокорные магнаты могли чувствовать уваженіе только къ монарху, обладавшему значительной военной силой. Въ ноябрѣ 887 года они объявили его низложеннымъ съ престола на сеймѣ въ Трибурѣ на Рейнѣ (нынѣшнемъ Требурѣ въ Гессенѣ), но не могли сойтись между собою: неконная противоположность интересовъ между восточнымъ и западнымъ государствами опять дала себя чувствовать. Въ то время какъ на этомъ сеймѣ былъ избранъ государемъ Ариульфъ Каринтійскій, неза-

коннорожденный племянникъ Карла, большинство западно-франкской аристократіи присягнуло на вѣрность вышеназванному Одо, храброму защитнику столицы отъ норманновъ, который принялъ титулъ графа Парижскаго и герцога Франсіи (Иль-де-Франса). Арнульфъ вынужденъ былъ признать его императоромъ западно-франкскаго государства. Одо правилъ своими владѣніями въ теченіе 10 лѣтъ (сконч. 1 января 898 года) и обнаружилъ большую энергію; но тѣмъ не менѣе его государство было въ такомъ же упадкѣ, какъ и Восточно-Франкское: въ Нижней Бургундіи продолжали властвовать Бозо, а послѣ его смерти сынъ его Людовикъ III, а затѣмъ его ленникъ Гуго¹. Верхняя Бургундія, т. е. область, расположенная по ту сторону Юры имѣла своего независимаго владѣтеля въ лицѣ короля Рудольфа I (сконч. въ 912 г.). Въ Италіи оспаривали другъ у друга господство Бернгардъ I, владѣтельный князь Фріоля, Видо Сполетскій, Гуго и Рудольфъ II Бургундскіе. 22 февраля 896 г. Арнульфъ получилъ императорскій санъ и сталъ госнодиномъ надъ Римомъ и Италіей; но его династія снова лишилась этихъ владѣній въ 899 г. послѣ вступленія на престолъ сына Арнульфа Людовика, по прозванію Дитяти.

Среди этихъ всеобщихъ смуть королевская власть попала въ подчиненное положеніе какъ по отношенію къ знатымъ аристократическимъ ленникамъ, такъ и къ папамъ. Слишкомъ соблазнительно было стремленіе къ замѣнѣ пришедшей въ упадокъ всемірной власти франкской державы теократіей папства, которая охватила всѣ народы желѣзной сѣтью и подавила всѣ другія власти какъ свѣтскія, такъ и духовныя; оно подстрекало честолюбіе отдѣльныхъ папъ, которые уже были вовлечены въ политическую борьбу благодаря своей свѣтской власти. Во время междуусобныхъ раздоровъ между Людовикомъ Благочестивымъ и его сыновьями идея о всемірной власти папъ была пущена въ ходъ въ видѣ собранія постановленій соборовъ и папскихъ буллъ, которыя приписывались епископу Исидору Севильскому (сконч. въ 636 г.). Эта поддѣлка вошла на свѣтъ въ Реймской епархіи въ началѣ IX столѣтія. Въ этомъ сборникѣ имѣется, между прочимъ, поддѣланный документъ, въ которомъ императоръ Константинъ отдаетъ въ даръ папѣ Сильвестру I (отъ 314—335 г.) Римъ и Италію; эта поддѣлка была совершена для удовлетворенія честолюбія папы, которое не мирилось съ той мыслью, что Церковная Область обязана своимъ существованіемъ милости и подаркамъ франкскихъ королей. На основаніи приблизительно 60 писемъ и декреталій папъ первыхъ 4-хъ вѣковъ христіанской эры была обоснована полная неограниченность папской власти, которой должны подчиняться безусловно всѣ епископы; одному только папѣ предоставлялось право перемѣщать и смѣщать епископовъ; епископамъ-митрополитамъ предоставлялось посвящать въ санъ подчиненныхъ имъ провинціальныхъ епископовъ, созывать соборы и утверждать ихъ постановленія. О правахъ королевской власти по отношенію къ церкви не было больше и рѣчи.

На основѣ этого охватившаго всю культурную Европу, хотя на первыхъ порахъ чисто церковнаго, господствующаго своего положенія, папы пріобрѣли поводъ къ частому вмѣшательству въ чисто политическія дѣла

Лотарь II Лотарингскій, † 869 г.

866: 1. Въ супр. съ Тютбергой (Титбергой) Лотарингской (въ 857 г. разведена)

862: 2. Въ супр. съ Вальрадой (Вальрада)

(2) Верта, † 926. 1. Въ супр. съ гр. Теобальдомъ (Титбальдомъ) изъ Прованса; 2. Въ супр. съ Адальбертомъ II Тусціенскимъ, † 917 г.

(1) Гуго, 926—46 король итальянскій, а 928—33 также нижне-бургундскій, † 947 г.

(1) Бозо

(2) Гвидо Тусцінскій

Въ супр. съ Бортой, съ 837 г. вдовой короля Рудольфа II Бургундскаго и Итальянскаго

Лотарь III Итальянскій, † 950 г.

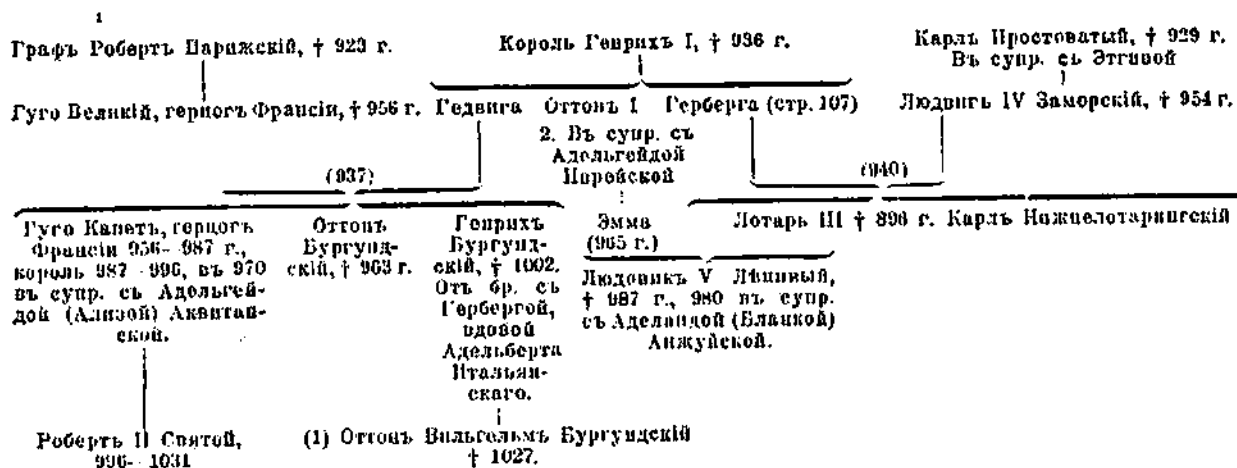
подъ предлогомъ огражденія интересовъ церкви. Такимъ образомъ Григорій IV вмѣшался въ борьбу императора Людовика съ возставшими противъ него сыновьями его. Николай I (758—867 г.) былъ первымъ изъ папъ, который примѣнилъ на практикѣ всѣ лже-исидоровы декреталіи и выставлялъ себя высшимъ судьей на землѣ, на рѣшеніе котораго уже не можетъ быть аппеляціи. Однако онъ пользовался уже этой самовольно присвоенной имъ широкой властью только для огражденія строго христіанской жизни и чистоты нравовъ. Соборъ, созванный имъ въ Римѣ въ 865 г., осудилъ безнравственный образъ жизни Лотаря II, призналъ недѣйствительными постановленія соборовъ франкскихъ епископовъ, смѣстилъ архіепископовъ кельнского и трирскаго, которые прикрыли нарушеніе супружеской вѣрности королемъ, и грозилъ отлученіемъ отъ церкви всѣмъ непокорнымъ епископамъ. Его преемники, въ особенности папа Инокентій III, тоже вмѣшивались въ супружескую жизнь свѣтскихъ государей. Подложность лже-исидоровыхъ декреталій не была раскрыта при помощи слабыхъ средствъ тогдашней критики; она во всякомъ случаѣ не была бы признана предосудительной, такъ какъ правило *fraus rīa* (обманъ для благой цѣли) примѣнялось нерѣдко уже въ древнѣйшей христіанской церкви въ видѣ присоединенія къ каноническимъ произведеніямъ священнаго писанія неканоническихъ посланій и сочиненій. Лже-исидоровы декреталіи придали папѣ Іоанну VIII (872—882 г.) такую смѣлость, что онъ считалъ себя вправѣ давать императорскую корону, кому ему вздумается, и выступать въ роли третейскаго судьи въ спорахъ изъ-за престолонаслѣдія и т. д. Однако папы X вѣка были слишкомъ слабы и испорчены, и къ тому же они испытывали сильнѣйшій гнетъ со стороны итальянскихъ претендентовъ на престолъ, арабскихъ пиратовъ и византійскихъ императоровъ, такъ что они не могли выставить такихъ крайнихъ притязаній. Оттонъ Великій дѣйствовалъ въ церковныхъ дѣлахъ почти съ такой же самостоятельностью, какъ Карлъ Великій, и низвелъ папство до роли ножной скамейки для своей власти. Только Григорій VII возобновилъ борьбу за папскую власть, начатую съ такой энергіей Николаемъ I.

Подобно тому, какъ папы стали дарить императорскую корону по своему усмотрѣнію, такимъ же образомъ владѣльцы крупныхъ ленновъ присвоили себѣ право избирать королей, не обращая вниманія на наследственные права претендентовъ, выговаривать себѣ расширеніе своихъ владѣній и другія привилегіи посредствомъ капитуляріевъ, подписанныхъ кандидатомъ предъ своимъ избраніемъ, расширять свою собственную независимость и ограничивать компетенцію короля. Западнофранкскіе Каролинги, которые перебивали на французскомъ престолѣ послѣ смерти Одо, Карлъ Простой (отъ 898 до 929 года), Людовикъ IV (отъ 929 до 954 года), Лотарь (отъ 954 до 986 года) и Людовикъ V (отъ 986 до 987 года), были не первыми среди равноправныхъ пэровъ, а послѣдними и самыми безсильными и зависѣли вполне отъ благосклоннаго или неблагосклоннаго настроенія своихъ ленниковъ.

Подобно тому, какъ послѣ вырожденія династіи Меровинговъ возвысился родъ Каролинговъ, который, наконецъ, завладѣлъ престоломъ, такимъ же образомъ въ описываемую эпоху усилились потомки Роберта Анжуйскаго, погибшаго въ 867 году въ борьбѣ съ норманнами отца вышеупомянутаго Одо (стр. 205); этотъ родъ пріобрѣлъ преобладающее вліяніе во Франціи, а черезъ нѣкоторое время оно было санкціонировано соответствующими титулами. Первую попытку въ этомъ направленіи сдѣлалъ еще Робертъ, братъ Эйдо: въ 922 году онъ короновался въ Сансѣ, но векоръ послѣ этого онъ палъ при Суассонѣ въ борьбѣ съ наемными войсками Карла (16 іюня 923 года). Такъ какъ онъ имѣлъ много сторонниковъ среди аристократіи и былъ тестемъ герцога Бургундскаго Рудольфа (Раули), то его партія избрала королемъ послѣ смерти Роберта его зятя.

Однако его сынъ Гуго возвелъ на престоль послѣ смерти своего шурина Каролинга Людовика IV Заморскаго, который короновался въ Реймсѣ. Стремленія Гуго были направлены къ расширенію вліянія его собственной семьи и къ ослабленію королевскаго авторитета; онъ былъ увѣренъ, что королевскій титулъ самъ собой достанется современемъ наиболѣе могущественному изъ вассаловъ. Поэтому онъ заставилъ короля дать ему въ придачу къ его богатымъ владѣніямъ титулъ герцога франковъ (Dux Francorum). Еще отецъ его былъ графомъ трехъ марокъ, а самъ Гуго присоединилъ къ нимъ еще четвертое графство, Мэнское. Преемникъ Людовика, Лотарь, увеличилъ еще больше владѣнія Гуго, такъ что его современникъ, Гербертъ, бывшій впоследствии епископомъ реймскимъ, утверждалъ съ полнымъ основаніемъ, что настоящимъ властелиномъ Франціи является Гуго: такъ дѣйствительно обстояло дѣло отъ 948 до 950 года. Прочнымъ владѣніемъ Карла оставалась всего только одна область, Аквитанія, такъ какъ его сынъ Карлъ былъ женатъ на вдовѣ Аквитанскаго герцога. Вліяніе Гуго (сконч. въ 956 году) усилилось въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ онъ сроднился съ Оттономъ Великимъ¹.

Призрачные французскіе короли совершили ту отчаянную глупость, что не сосредоточили своихъ слабыхъ силъ для борьбы съ чрезмерно усилившимися вассалами и не обратили особеннаго вниманія на защиту своихъ правъ отъ посягательствъ приверженцевъ Роберта и обладавшихъ значительной военной силой норманнскихъ герцоговъ, а вмѣшивались въ дѣла германскаго государства. Еще Людовикъ IV затѣялъ нескончаемую распрю со своимъ зятемъ Оттономъ I, а его преемникъ Лотарь (III, отъ 954 до 986 года) пытался урвать Лотарингію, служившую яблокомъ раздора между Восточно- и Западно-Франкскимъ государствами (въ 978 году), подъ тѣмъ предлогомъ, что эта область была личнымъ, а не наследственнымъ владѣніемъ Оттона. Онъ вторгся съ отрядомъ въ 20,000 человекъ въ это герцогство, завладѣлъ Ахеномъ и велѣлъ повернуть на западъ поднимавшагося надъ тамошнимъ замкомъ орла Карла Великаго въ знакъ того, что древній престольный городъ съ этихъ поръ принадлежитъ Франціи. Оттонъ II, въ свою очередь, двинулся во главѣ своихъ войскъ на Парижъ: но французская столица оборонялась съ большой стойкостью подъ предводительствомъ сына Гуго, герцога Франси, который сталъ впоследствии французскимъ королемъ. Нѣмецкій король вынужденъ былъ удовольствоваться тѣмъ, что его войска прошли „Аллилуя“ на Монмартрскомъ холмѣ, и вслѣдъ затѣмъ онъ отступилъ, преслѣдуемый войсками Лотаря, до рѣки Эна. Въ 980 году Лотарь предложилъ нѣмецкому королю вступить съ собой въ дружественный союзъ. Слишкомъ очевидна была та опасность, что нѣмецкій король можетъ вступить въ соглашеніе съ непокорными французскими вассалами; поэтому Лотарь отказался отъ предмета

спора. Лотарингии. Однако въ 983 году, послѣ смерти Оттона II, скончавшагося тоже въ молодомъ возрастѣ, Лотарь возобновилъ свои притязанія и сталъ домогаться также опеки надъ малолѣтнимъ Оттономъ III, но не добился успѣха ни въ томъ, ни въ другомъ. Призрачное царствование его сына, Людовика V, который получилъ незаслуженное прозвище „Лѣвтяя“ (Fainéant), продолжалось не больше года.

4. Начатки правового государства.

А. Раздробленіе государства при первыхъ Капетингахъ.

Послѣ смерти Людовика V, послѣдняго изъ французскихъ Каролинговъ, на французскій престолъ вступилъ не ближайшій его наследникъ, его дядя Карль Лотарингскій, который былъ вассаломъ нѣмецкаго королевства, а сынъ Гуго, герцога Франси, Гуго Капетъ, который пользовался большимъ вліяніемъ благодаря своимъ владѣніямъ, а также и своимъ родственнымъ связямъ съ Аквитаніей, Бургундіей и Вермандуа. 3 іюля 987 г. Гуго былъ помазанъ на царство архіепископомъ Адальберо. Къ этому времени страна пришла въ крайній упадокъ: земледѣліе и благосостояніе населенія пали весьма низко; народъ былъ отданъ въ жертву произволу феодаловъ, а владѣнія короля ограничивались, кажется, почти только Ланомъ; но со вступленіемъ на престолъ Гуго Капета наступилъ періодъ государственнаго порядка, законной охраны и подъема благосостоянія населенія.

Изверженіе съ престола законнаго короля далось предкамъ Капетинговъ съ гораздо большимъ трудомъ, чѣмъ Каролину Пиппину. Превжняя династія имѣла еще приверженцевъ среди аристократіи, а еще важнѣе было то обстоятельство, что новая династія не пользовалась поддержкой со стороны высшей церковной власти. Съ помощью той части аристократіи, которая осталась вѣрной ему, Карль Лотарингскій завладѣлъ городомъ Ланомъ, который былъ въ теченіе цѣлаго столѣтія резиденціей королей и центромъ Франціи. Престольный городъ Реймсъ, въ которомъ короновались короли и епископы котораго заняли съ пачала IX столѣтія довольно независимое отъ Рима положеніе, перешелъ послѣ смерти Адальберо подъ церковную верховную власть Арнульфа, принадлежавшаго къ роду Каролинговъ.

Среди французскаго духовенства господствовали въ то время взгляды, враждебныя свѣтской власти и ея господствующему вліянію въ дѣлахъ церкви. Могущественный графъ Овердскій Вильгельмъ, возведенный Одо Анжуйскимъ въ герцога Аквитанскіе, основалъ въ 910 году монастырь въ Клоуни, въ сѣверной части Севенскихъ горъ; по буквальному смыслу грамоты, пожалованной этому монастырю при его основаніи, онъ былъ независимъ отъ всякой свѣтской и духовной власти и имѣлъ право выбирать своихъ настоятелей по своему собственному усмотрѣнію; даже папа ни въ чемъ не могъ умалять правъ этого учрежденія и не имѣлъ права вмѣшательства въ свободный выборъ аббата. Особенно быстро поднялось значеніе этого монастыря при второмъ его аббатѣ Одо (отъ 927 до 941 г.); въ это время монастырь прокармливалъ 17,000 бѣдныхъ. Это учрежденіе, независимое какъ отъ свѣтской, такъ и отъ духовной власти, естественнымъ образомъ искало поддержки въ папствѣ; этотъ монастырь защищалъ безусловную власть папы надъ свѣтскими государями въ тѣхъ широкихъ рамкахъ, до которыхъ впоследствии довелъ папскую власть Григорій VII. Особенно ожесточеннаго противника пріобрѣлъ Клоунискій монастырь въ лицѣ только что названнаго епископа орлеанскаго Арнульфа, главы собора, собравшагося въ 991 г. въ церкви недалеко отъ Реймса, на которомъ долженъ былъ рѣшиться вопросъ о замѣщеніи архіепископской кафедры въ Реймсѣ. Король Гуго, конечно, не хотѣлъ уступить этой церковной метрополіи своему политическому противнику, который присягнулъ ему на вѣрность.

по въ то же время обезпечилъ за Каролингомъ Карломъ обладаніе Реймсомъ и Суассономъ. На этомъ соборѣ предстояло рѣшить тотъ вопросъ, достаточно ли для устранения Арнульфа отъ архіепископскаго сана рѣшенія западно-франкскаго духовенства, или же для этого необходимо постановленіе папы. Это послѣднее мнѣніе защищалось всѣми приверженцами теоріи, которая распространялась изъ Ключіискаго монастыря и которая основывалась на лже-исидоровыхъ декреталіяхъ. Съ своей стороны архіепископъ Арнульфъ подвергъ жестокому осужденію нравственную испорченность тогдашняго папы Іоанна XV, котораго онъ сравнивалъ съ антихристомъ. Однако и онъ не рѣшился оспаривать подлинности тѣхъ декреталій, которыя служили основой для притязаній папы; на такой шагъ не рѣшился также архіепископъ реймскій Гинкмаръ, который возсталъ противъ едиповластія куріи въ защиту епископскихъ правъ при папѣ Николаѣ I около 860 г. Король Гуго и представители духовенства, бывшіе всегда на его сторонѣ, добились на этомъ соборѣ добровольнаго отказа Арнульфа отъ епископскаго сана, а преемникомъ его былъ назначенъ ученый аббатъ Гербертъ. Такъ какъ герцогъ Карлъ тоже попалъ къ нему въ плѣнъ благодаря измѣнѣ своихъ приближенныхъ и скончался въ тюрьмѣ, то Гуго Капетъ избавился отъ своихъ самыхъ опасныхъ противниковъ. Однако въ полную противоположность со временемъ Пиппина на сторонѣ его противниковъ были не только папа, но и та часть духовенства, которая примыкала къ болѣе неуступчивой церковной партіи, а также настроеніе народа, находившагося подъ вліяніемъ пропаганды Ключіискаго монастыря. Архіепископъ Гербертъ попалъ въ Реймсъ въ очень затруднительное положеніе. Люди отказывались приеутствовать при совершаемомъ имъ богослуженіи и сидѣть за его столомъ; въ пути, когда онъ отправлялся на соборъ французскихъ епископовъ въ 995 г., угрожала даже опасность его жизни. Оттонъ III выручилъ его изъ этого невыносимаго положенія и призвалъ его въ 997 г. къ своему двору въ качествѣ своего духовнаго совѣтника. Въ 999 г. Гербертъ былъ избранъ папой подъ именемъ Сильвестра II.

Король Гуго старался расположить къ себѣ духовенство и для этой цѣли утвердилъ за церквами и монастырями всѣ ихъ льготы и привилегіи; но съ другой стороны онъ отстаивалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ прерогативы своей королевской власти, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ рѣчь шла о вмѣшательствѣ въ церковныя дѣла. Государство, надъ которымъ онъ царствовалъ, было еще болѣе раздроблено, чѣмъ при слабыхъ Меровингахъ, и въ продолженіе послѣдняго столѣтія, когда на престолѣ сидѣли номинальные короли изъ Каролингской династіи. Онъ не обладалъ верховной властью даже въ своемъ коронномъ доменѣ Ильде-Франсѣ; по одному, сомнительному, впрочемъ, свидѣтельству онъ владѣлъ всего лишь пятью городами: Парижемъ, Орлеаномъ, Этанпомъ, Сабли и Меленомъ. Вся Франція распадалась не только на болѣе крупные независимые лены, но также и на значительное число второстепенныхъ ленновъ и мелкихъ владѣній, объединившихся въ прочные союзы. Существовали различныя формы леннаго владѣнія: *seigneuries*, *châtellenies*, *baronies*, *vicomtés* и др. Вассалы, въ свою очередь, содержали въ своихъ владѣніяхъ цѣлый административный штатъ; только совершенно мелкіе владѣльцы управляли лично своими владѣніями. Каждая деревня имѣла своего интенданта (управляющаго), большія владѣнія — своего фохта, который назывался на сѣверѣ прево (*prévost*), а на югѣ *bailli* или *викариемъ* (*viguier*). Большія герцогства и графства пользовались своей собственной юрисдикціей и своимъ собственнымъ правомъ.

Даже языкъ распался на нарѣчія съ различнымъ звуковымъ составомъ (ср. стр. 179). Въ видѣ главныхъ группъ этихъ нарѣчій выдѣлились франкская, нормандская, бургундская, пикардійская, лотарингская и вал-

лонская, помимо совершенно обособленной провансальской группы на югѣ. Каждое нарѣчіе имѣло свои развѣтвленія и не было прикрѣплено безусловно къ извѣстнымъ мѣстнымъ границамъ. Общимъ церковнымъ и официальнымъ языкомъ былъ латинскій.

Несвободное населеніе, естественно, страдало подъ гнетомъ множества мелкихъ тирановъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ въ XI столѣтіи естественное хозяйство стало вытѣсняться денежнымъ. Невыносимыя требованія господъ, къ которымъ присоединялись еще стародавнія барщина и повинности, доводили нерѣдко крѣпостныхъ крестьянъ до вооруженныхъ возстаній. Непрерывныя войны между крупными феодалами и разбойничьи набѣги ихъ нанесли громаднѣйшій вредъ торговлѣ и промышленности, стало быть, также и прогрессу городовъ и бюргерства. Слабой королевской власти не подъ силу было справиться съ этими буйными господами, каждый изъ которыхъ обладалъ своими укрѣпленными замками, укрѣпленными главными городами, своими военными отрядами, состоявшими изъ крѣпостныхъ или наемниковъ. Въ особенности же королямъ пришлось отказаться отъ всякой власти въ болѣе крупныхъ ленахъ, которые пользовались фактической и даже юридической независимостью, какъ во времена послѣднихъ Меровинговъ и Каролинговъ. Особенно широкой независимостью пользовались Нормандія и Аквитанія, находившіяся подъ властью своихъ особыхъ герцоговъ, Нижняя и Верхняя Бургундія, соединенныя съ 933 года въ одно Арелатское королевство, подчинившееся власти нѣмецкаго короля только въ 1032—34 годахъ, герцогство Бретань, оставшееся впѣ французскаго государственнаго союза, въ 938 году занявшее мѣсто первоначально независимаго, а затѣмъ покореннаго Карломъ Великимъ, а еще позже норманнами — Арморійскаго государственнаго союза, графства Фландрія, Шампань и Тулузское (см. карты, прил. къ стр. 106 и 194); Лотарингія съ городами Мецомъ, Тулемъ и Верденомъ принадлежала къ нѣмецкому королевству, а Провансъ — къ Испанскому Барселонскому графству.

Различныя обстоятельства содѣйствовали стремленію Капетинговъ къ возстановленію распавшагося политическаго единства, установленію правосудія и порядка вмѣсто произвола феодаловъ, къ расширенію своихъ коронныхъ владѣній, къ поднятію благосостоянія бюргерства за счетъ феодальной аристократіи, поднятію своего авторитета въ церковныхъ дѣлахъ, поддержанію независимости епископовъ епархій, входившихъ въ составъ ихъ государства, за счетъ папы и превращенію выборной королевской власти въ наследственную монархію. Между крупными ленными владѣльцами нерѣдко возникали раздоры, и въ такихъ случаяхъ они обращались къ королю, какъ третейскому судѣ. Владѣльцы крупныхъ леновъ не рѣшались относиться съ слишкомъ явнымъ пренебреженіемъ къ верховнымъ леннымъ правамъ короля, такъ какъ это послужило бы примѣромъ нарушенія данной присяги для ихъ собственныхъ подчиненныхъ, и это было бы тѣмъ болѣе опаснымъ шагомъ, что эти подчиненные нашли бы себѣ усерднаго защитника въ лицѣ короля. Духовенство нуждалось въ помощи короля для защиты отъ насилій хищныхъ феодаловъ; когда возникали распри изъ-за спорныхъ территориальныхъ владѣній, оно тоже обращалось къ третейскому суду короля. Въ виду естественной общности интересовъ короля и духовенства оно держало его сторону въ борьбѣ противъ чрезынрныхъ посягательствъ Рима, угрожавшихъ традиціоннымъ привилегіямъ мѣстнаго духовенства. Въ особенности же нуждались въ защитѣ короля, какъ судьи, города, которые стали быстро прогрессировать въ XI столѣтіи: безъ его помощи они не могли отстоять въ дѣйствительности тѣхъ правъ и вольностей, которыя они купили себѣ у нуждавшихся въ деньгахъ феодаловъ. Исторія французскихъ королей доказала, что внѣшній блескъ и титулы замѣняютъ до извѣстной степени недостатокъ власти. Монархъ, по

имѣвшій за собою никакой реальной силы, признавался начальникомъ всѣхъ войскъ, верховнымъ судьей, покровителемъ и хранителемъ правосудія; его судебныя рѣшенія имѣли силу во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ столкновенія между противоположными интересами требовали немедленнаго компромисса.

Для того, чтобы не вызвать противъ себя изъ-за нарушенія правъ ленныхъ владѣльцевъ вооруженнаго возстанія, съ которымъ имъ не подъ силу было справиться, и въ то же время превратить королевскую власть въ наследственную, Капетинги прибѣгли къ тому обходу, что добивались при своей жизни избранія своихъ старшихъ сыновей своими преемниками и помазанія ихъ, признанія ихъ соправителями своихъ отцовъ. Такимъ образомъ корона переходила по наследству отъ отца къ сыну въ теченіе трехъ столѣтій слѣшкомъ.

Главнымъ предметомъ заботы новыхъ государей было возстановленіе внутренняго мира, нарушеннаго непрерывными частными войнами и разбойничьими набѣгами феодаловъ. Для этой цѣли они прибѣгали охотно за помощью къ авторитету религіи и къ вліянію церкви. Съ тѣхъ поръ, какъ во французскомъ государствѣ пришли въ разстройство государственныи и общественныи порядки, духовенство стремилось постоянно къ восполненію недостатка правосудія церковными запретами. На соборѣ духовенства провинціи Пуатье въ 989 г. было провозглашено проклетіе всѣмъ виновнымъ въ ограбленіи церквей, духовенства или бѣдныхъ людей и въ насиліяхъ. Отлученіе отъ церкви и интердиктъ (отказъ отъ причастія и т. д.) были оружіемъ, съ которымъ церковь выступала противъ злодѣевъ, нарушавшихъ миръ. Общественныя несчастія содѣйствовали успѣху этихъ мирныхъ стремленій церкви. Между 1031 и 1034 гг. вся Франція была охвачена голодомъ; въ отчаяніи люди искали утѣшенія и помощи у духовенства. Церковь воспользовалась этимъ случаемъ и помимо палагаемыхъ ею постовъ и т. п. стала требовать обѣта воздержанія отъ грабежа и насилій; она основывала братства для охраны общественнаго спокойствія, которыя превратились вскорѣ въ военные союзы, направленные противъ всѣхъ нарушителей мира, въ особенности противъ враговъ церквей и монастырей. Духовенство шло впередъ такихъ обществъ со священнои хоругвью и съ благословеніемъ.

Послѣ этихъ подготовительныхъ шаговъ аквитанское духовенство оказалось въ силахъ провозгласить въ 1040 г. всеобщій Божій миръ (Treuga Dei, Trêve de Dieu), который продолжался еженедѣльно отъ вечера среды до утра понедѣльника и уже въ 1041 г. былъ распространенъ въ Бургундіи на Великій постъ и большіе праздники. Это благодѣтельное начинаніе исходило въ особенности изъ Клунийскаго монастыря и епископствъ Арльскаго и Авиньонскаго; оно спасало отъ гибели бѣдныхъ людей и крѣпостное сословіе, охраняло торговлю, сельское хозяйство и благосостояніе населенія и предупреждало превращеніе французской аристократіи въ шайку дикихъ грабителей. Когда начались крестовые походы, то папы взяли въ свои собственныя руки эти гуманныя стремленія. На Клермонскомъ соборѣ въ ноябрѣ 1095 г. папа Урбанъ II провозгласилъ всеобщій миръ для того, чтобы ему легче было повести христіанъ въ полъпомъ елпепин на борьбу съ невѣрными. Впослѣдствіи постановленіе о „Божьемъ мирѣ“ вошло въ составъ каноническаго права, а затѣмъ также и въ свѣтскіе сборники законовъ, напримѣръ, въ „Саксонское Зеркало“. Изъ Франціи „Божій миръ“ распространился по Германіи, Италіи, Испаніи, Англіи. Въ Нѣмецкомъ королевствѣ онъ былъ введенъ въ 1082 г. епископомъ лютихскимъ Генрихомъ и въ 1083 г. архіепископомъ кельнскимъ Зигвигномъ; франкскіе императоры взяли на себя роль его охранителей, а въ Нижней Италіи его приняла подъ свою защиту норманскіе владѣтельные князья. Все же этотъ церковный запретъ могъ пріобрѣсть прину-

дательную силу только при посредствѣ самодержавной королевской власти. Въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ не существовало такой власти, какъ, на- примѣръ, во Франціи, или же въ которыхъ въ государствѣ или въ церкви шла непрерывная борьба и они являлись первыми нарушителями мира, эти запреты не оказывали никакого вліянія.

Б. Расцвѣтъ старой Франціи въ царствованіе Филиппа II Августа и Людовика IX.

а) Судъ, народное просвѣщеніе и администрація.

Объединенію судебныхъ порядковъ и свѣтскаго права препятствовали не только спеціальныя юрисдикціи феодаловъ, но также чрезвычайно разнообразныя мѣстныя права, изъ которыхъ обычныя права провинцій Ильде-Франсъ, Бове и Анжу были опубликованы уже при Людовикѣ Святомъ, остальные только въ XV и XVI столѣтіяхъ, и послѣдніе остатки которыхъ просуществовали до 1789 г. Наибольшая заслуга въ дѣлѣ этого объединенія принадлежитъ Людовику IX Святому (1226—1270 гг.). Еще дѣдъ его, Филиппъ II Августъ (отъ 1180 до 1223 г.), старался превратить придворный судъ въ своего рода апелляціонную палату и низвести до роли низшей инстанціи юрисдикцію феодальныхъ землевладѣльцевъ; къ несчастью, его царствованіе было преисполнено смутами, непрерывными войнами и внутренними раздорами, такъ что онъ не могъ довести до конца начатаго имъ дѣла. Въ царствованіе Людовика IX образовалось государственное право, въ которомъ идеи римскаго права императорской эпохи перемѣнивались съ ветхозавѣтными взглядами и которое примѣнялось въ парижскомъ парламентѣ. Этотъ высшій судъ составилъ изъ подотдѣловъ прежняго короннаго суда (*grand conseil*), равно какъ и высшая счетная палата; поэтому въ немъ засѣдали на первыхъ порахъ на ряду съ придворными садовниками также духовные и свѣтскіе магнаты. Такъ какъ, однако, у этихъ господъ не было юридическихъ познаній и склонности къ мелочной систематической процедурѣ, то Людовикъ былъ вынужденъ привлечь въ эти суды кромѣ „природныхъ членовъ“ также и юристовъ по профессіи, *maîtres* (магистровъ); ихъ обязанность состояла въ разслѣдованіи и составленіи докладовъ (поэтому они назывались членами-докладчиками, *membres rapporteurs*), а судебныя рѣшенія составлялись членами-судьями (*membres juges*). Такимъ образомъ въ этихъ судахъ рѣшеніе о фактической сторонѣ дѣла и вердиктъ были отдѣлены отъ процессуальной стороны на подобіе современныхъ судовъ присяжныхъ. Къ парламенту апеллировали на рѣшеніе судовъ пэровъ (представителей высшей аристократіи), равно какъ и королевскихъ и городскихъ судовъ. Этому суду принадлежало окончательное рѣшеніе по всеѣмъ спорамъ, касающимся ленныхъ отношеній. Рѣшенія этого суда вытѣснили собою не вполнѣ еще вымершіе „божьи суды“ и судебные поединки (такъ, на примѣръ, еще въ 1047 г. Титмаръ, братъ герцога саксонскаго Бернгарда, замыслившій покушеніе противъ императора Генриха III, погибъ въ судебномъ поединкѣ); до этого времени такіе поединки примѣнялись, какъ судебное доказательство, но были отмѣнены королевскимъ приказомъ въ 1258 г. Процессуальныя порядки въ судебныхъ засѣданіяхъ напоминаютъ современные: въ составъ судебного слѣдствія входили свидѣтельскія показанія, приводъ къ присягѣ, вещественныя доказательства; дѣлопроизводство было частью письменнымъ, частью устнымъ; образцомъ служила, кромѣ существовавшихъ судебныхъ традицій, въ особенности римская судебная практика. Письменныя рѣшенія парижскаго парламента служили руководствомъ для послѣдующихъ судебныхъ процессовъ и приобрѣтали такимъ образомъ силу закона. Эти записи, извѣстныя подъ названіемъ *Etablissement de Saint-*

Louis, приобрѣтали силу добровольнымъ или припудительнымъ путемъ во владѣніяхъ ленниковъ французскаго короля и даже внѣ Франціи; за ними былъ призванъ такой непреложный авторитетъ, что иностранные владѣтельные князья и сановники обращались въ важныхъ случаяхъ къ третейскому суду Людовика IX. Онъ служили въ пѣкоторомъ родѣ государственными законами, хотя король не уничтожилъ провинціальныхъ обычныхъ правъ и мѣстныхъ судовъ.

Одновременно съ этимъ образовалось сословіе юристовъ, подчиненное только королю (*noblesse de robe*), которое постепенно забрало въ свои руки даже и высшія государственныя должности и ограничило вліяніе духовенства. Благодаря этимъ обстоятельствамъ сузилась сфера дѣйствія юрисдикціи церкви и феодаловъ, такъ какъ на рѣшенія духовныхъ судовъ тоже допускалась апелляція въ парламентъ, а въ послѣдней инстанціи обращеніе къ самому королю. Людовикъ самъ правилъ судъ, принималъ жалобы и вѣшалъ своимъ судьямъ добросовѣстное отношеніе къ дѣлу и неподкупность. Самые сложные уголовныя процессы онъ оставлялъ на свое высшее усмотрѣніе. Его суду подлежали также всѣ дѣла, касающіяся чести, въ послѣдней инстанціи послѣ апелляціи къ одному изъ четырехъ главныхъ придворныхъ судовъ (*grands baillages*).

Римское право, которое все же служило главной основой для судебныхъ рѣшеній и процессуальныхъ порядковъ, преподавалось въ университетахъ городовъ Парижа, Монпелье и Орлеана. Парижскому университету была дана автономія (собственная юрисдикція надъ студентами и связанными съ учебными заведеніями ремесленниками); этотъ университетъ обладалъ своими стипендіями (*bourses*), твердо установленнымъ учебнымъ планомъ и распадался на нѣсколько коллегій (гимназій, *collèges*). Название „университетъ“, *université*, не обозначало, какъ въ настоящее время, учебнаго заведенія, отдѣленнаго отъ остальныхъ училищъ высшаго разряда, а, напротивъ того, цѣлую совокупность ученыхъ школъ (*universitas litterarum*). Каждая изъ этихъ школъ избирала своихъ ректоровъ. Соответственно тогдашнему уровню просвѣщенія и религіознымъ возрѣвіямъ той эпохи богословіе занимало первое мѣсто, и ему посвящалось особое вниманіе въ Сорбоннѣ, основанной капелланомъ Людовика IX Робертомъ де-Сорбонемъ, и въ тулузскомъ университетѣ на югѣ; само собой разумѣется, что оно преподавалось также и въ остальныхъ провинціальныхъ университетахъ, каждый изъ которыхъ имѣлъ свою собственную организацію; такой связи, которая бы объединяла всѣ университеты, не существовало. На ряду съ богословскимъ факультетомъ выдѣлялся въ особенности факультетъ искусствъ (соотвѣтствовавшій пынѣшнему *faculté des lettres*, философскому факультету); мало-по-малу возникли также самостоятельные юридическіе и медицинскіе факультеты. Студенты распредѣлялись по націямъ, т. е. по землячествамъ, и жили по большей части въ университетскихъ зданіяхъ. Дисциплина поддерживалась весьма слабо среди этихъ отчасти уже пожилыхъ людей; они переходили весьма часто изъ одного университета въ другой, отъ одного учебнаго плана къ другому. Высшимъ титуломъ, даваемымъ университетомъ, была тогда, какъ и теперь, степень доктора; слѣдующими низшими степенями были званія лиценціата и магистра, а самой низкой степенью бакалавра (*bachelier*). Изъ духовныхъ орденовъ, записавшихся преимущественно университетскимъ преподаваніемъ, отличались въ качествѣ преподавателей богословія и философіи доминиканцы, а какъ наставники юношей младшаго возраста ученые бенедиктинцы. Начальное обученіе находилось въ пренебреженіи, равно какъ и обученіе женщинъ. И то, и другое было связано съ монастырями и т. п. учрежденіями и находилось почти исключительно въ рукахъ духовенства. Кромѣ правосудія, законодательства и высшаго образованія Людовикъ IX, а до него еще его дѣдъ работали также надъ улучшеніемъ администраціи и общественнаго

порядка. Къ учрежденнымъ Филиппомъ II Августомъ должностямъ *baillis* и *sénéchaux* (самую низшую ступень государственной службы составляли *grévosts*) Людовикъ присоединилъ еще въ качествѣ контрольной власти *enquêteurs*, ревизоровъ, и издалъ строгія распоряженія противъ злоупотребленія чиновниковъ своею властью (ордонасъ 1254 г.). Въ виду вліятельнаго положенія чиновниковъ, состоящихъ на королевской службѣ, мелкое дворянство стремилось въ его ряды и вступало въ классъ *officiers royaux*. Такимъ путемъ феодальная система стала распадаться снизу. Еще болѣе сильно расшаталась почва подъ нею благодаря окончательному запрету или же въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ оказывался неисполнимымъ, благодаря ограниченію частныхъ войнъ, дуэлей и рыцарскихъ турнировъ. Между объявленіемъ войны и началомъ военныхъ дѣйствій былъ установленъ срокъ въ 40 дней, *quarantaine du roi*, для того, чтобы противная сторона имѣла время для обращенія къ королевскому суду. Такимъ образомъ Людовикъ IX осуществилъ ту цѣль, которой задавалось духовенство, учреждая „Божій миръ“, но которая не вполне достигалась въ дѣйствительности.

Въ теченіе періода натурального хозяйства матеріальныя средства королей состояли главнымъ образомъ изъ дохода съ коронныхъ имѣній, которыми управлялись главнымъ дворецкимъ (*grand bouteiller*) и главнымъ камераріемъ (*grand chambellan*). Первый прямой налогъ (кромѣ *taille*, оброка съ крѣпостныхъ (стр. 195) и подушной подати съ крѣпостныхъ, *capitation*) былъ введенъ Филиппомъ II Августомъ; этимъ налогомъ были обложены всѣ тѣ, которые отказались принять участіе въ крестовомъ походѣ 1189 г. Онъ составлялъ 10% съ дохода и движимаго имущества; для внесенія его былъ данъ годичный срокъ. Такъ какъ крестовый походъ 1189 г. былъ направленъ противъ султана Саладина, то указанный налогъ получилъ названіе *dîme saladin* (саладиновой десятины). Помимо этого налога остальные носили преимущественно характеръ косвенныхъ и уплачивались отчасти натурой. Только при Филиппѣ Красивомъ былъ введенъ еще налогъ на земельную собственность сначала въ 1%, а затѣмъ въ 2% (*impôt foncier*). По мѣрѣ того какъ росла нужда королей въ деньгахъ, развивалась все болѣе система прямого обложенія, и вытѣсненіе натуральныхъ повинностей денежными шло параллельно съ успѣхами капиталистическаго хозяйства.

б) Развитие городовъ.

По мѣрѣ того, какъ правовое государство вытѣсняло своего рѣшительнаго противника, феодальный строй, благосостояніе бюргеровъ постепенно поднималось, и города быстро развивались. Только немногіе изъ французскихъ средневѣковыхъ городовъ ведутъ свое начало отъ 112 *civitates* Римской Галліи. Большая часть этихъ послѣднихъ не пережила смуты эпохи переселенія народовъ, опустѣла и снизошла до размѣровъ *castra*, укрѣпленныхъ лагерныхъ стоянокъ, которыхъ было построено не мало римлянами какъ въ Галліи, такъ и въ другихъ провинціяхъ. Только на югѣ сохранилась римская городская жизнь. На развалинахъ *civitates*, главой которыхъ былъ епископъ, выросли часто *villae* (мелкіе города), въ особенности въ земледѣльческой Сѣверной Галліи. Какимъ образомъ возникли новые города, объ этомъ можно строить догадки, но достовѣрныхъ данныхъ не существуетъ. Центральнымъ пунктомъ для такихъ городовъ служили во всякомъ случаѣ укрѣпленные замки феодаловъ или же резиденціи аббатовъ; вокругъ нихъ развивались огороженные поселки, населенные свободными людьми. Въ историческихъ документахъ новые города обозначались различными названіями, какъ-то: *burgus* (укрѣпленіе), *oppidum* (городокъ), *castellum* или *municipium* (община); небольшія группы домовъ назывались *villae* или *vicus* (деревни).

Развитію городской жизни, процвѣтавшей въ древней Римской имперіи, препятствовало въ сильной степени натуральное хозяйство, которое стало преобладающимъ во франкскую эпоху. Городскіе жители могли заниматься только земледѣліемъ, скотоводствомъ и ремеслами. О торговлѣ и промышленности и о сношеніяхъ съ вѣншимъ міромъ почти не было рѣчи. Городскіе жители приходили въ соприкосновеніе съ прѣзжими только на торговыхъ площадяхъ; вообще рынки служили первымъ толчкомъ къ развитію оскдлой городской общины. Тѣсные, незамощенные, еле освѣщенные города съ ихъ темными домами съ вышками не имѣли никакихъ площадей кромѣ рынка, ни садовъ, ни гуляній; хлѣва и сараи выстраивались рядомъ съ жилыми домами; вечеромъ ворота запирались наглухо; вообще города походили скорѣе на грязныя деревни. Гигіеническія соображенія были совершенно чужды той эпохѣ; не существовало никакой санитарной полиціи; не принимались даже самыя элементарныя мѣры противъ загрязненія, заразы и другихъ общественныхъ золъ. Дома и жилыя помѣщенія прятались отъ вѣшняго міра, какъ будто они боялись воздуха и свѣта, а маленькія окошечки тѣхъ комнатъ, которыя находились въ передней и въ задней части дома, по большей части, пропускали только зараженный воздухъ узкихъ улицъ. Среднія комнаты, служившія, между прочимъ, для сна, были совершенно лишены свѣта, или свѣтъ проникалъ въ нихъ только изъ почти темныхъ проходовъ между отдѣльными домами. Своимъ гигиеническимъ благоустройствомъ отличалось только небольшое число господскихъ зданій. Къ тому же эти „вольные города“ были гнѣздомъ самой тяжелой неволи. Города зависѣли не только отъ епископовъ, аббатовъ, феодальныхъ землевладѣльцевъ, королевскихъ чиновниковъ, но кромѣ того городское населеніе замыкалось наглухо въ своихъ цехахъ отъ всякаго новаго поселенца, которому былъ закрытъ доступъ ко всѣмъ ремесламъ и профессіямъ; цеховые мастера пользовались неограниченной властью надъ зависимыми отъ нихъ приказчиками, подмастерьями и т. д. Въ семейной жизни тоже не чувствовалось вѣянія свободы и духовнаго прогресса.

Нѣкоторый прогрессъ начинаетъ замѣчаться только въ XI столѣтіи, въ которомъ натуральное хозяйство стало замѣняться денежнымъ. Торговля, промышленность, коммерческія сношенія и общественная жизнь сдѣлали большіе успѣхи; выросли новые города. Странствующие торговцы, которые перекочевывали раньше отъ одного селенія къ другому по рѣкамъ и сухопутнымъ дорогамъ и встрѣчали со стороны оскдлаго населенія недовѣріе и разныя стѣсненія въ торговлѣ, пріобрѣли оскдлость въ томъ или иномъ мѣстѣ, которое казалось имъ наиболѣе удобнымъ, безъ различія, было ли оно подчинено духовной или свѣтской власти; такъ, напримѣръ, въ Верденѣ существовала въ X столѣтіи подобная замкнутая торговая колонія, выстроенная подъ защитой стѣны и отдѣленная отъ города рѣкою, а для торговыхъ сношеній между городомъ и колоніей черезъ рѣку были перебросены два моста. Эти новоселы (они назывались *bourgeois* въ отличіе отъ старыхъ бюргеровъ, *citoyens*) были исключены отъ всякаго участія въ городскомъ самоуправленіи, почти безусловно лишены цеховыхъ и другихъ правъ, были подчинены графу или вице-графу и группировались въ отдѣльныя гильдіи съ особыми руководителями и кассами; эти гильдіи послужили основаніемъ для ихъ независимости и позднѣйшаго уравненія ихъ въ правахъ со старыми бюргерами. Новоселы (*bourgeois*) добились своего собственнаго общаго права посредствомъ особыхъ грамотъ (*chartes de coutumes*) и освободились посредствомъ выкупа отъ нѣкоторыхъ натуральныхъ феодальныхъ повинностей. Непрерывно увеличивалось число поселеній въ предѣлахъ городскихъ владѣній, символомъ независимости которыхъ служила высокая сторожевая башня, *beffroi*. Бюргеры разныхъ поселеній присягали другъ другу въ томъ, что будутъ

соблюдать миръ, и окружали свои поселенія стѣной, выстраивавшейся на общій счетъ.

Послѣ этого бюргеры подняли борьбу за свое освобожденіе отъ господства феодальныхъ землевладѣльцевъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ; въ то же время среди безправныхъ бюргеровъ зародилось стремленіе къ достиженію участія въ самоуправленіи и судѣ наравнѣ съ привилегированнымъ классомъ городского населенія. Во главѣ городской общины стоялъ совѣтъ шеффеновъ, происшедшій отъ судовъ шеффеновъ временъ Каролинговъ; онъ состоялъ изъ старѣйшинъ, званіе которыхъ переходило по наследству. Совѣтъ шеффеновъ завѣдывалъ судомъ, законодательствомъ и городской администраціей и отстаивалъ городскія вольности отъ епископовъ, аббатовъ и графовъ, принадлежавшихъ къ ленной аристократіи. Приблизительно начиная съ XII столѣтія, новые бюргеры тоже стали проникать въ совѣтъ шеффеновъ, при чемъ дѣло не обходилось безъ насилій; такимъ образомъ, старыя городскія общины стали превращаться въ болѣе демократическія, болѣе свободныя и болѣе подвижныя коммуны съ ихъ весьма измѣнчивыми особыми для каждаго города порядками: въ сѣверной Франціи эти коммуны носили названіе присяжныхъ общинъ (*communes jurées*). Послѣ ихъ освобожденія отъ гнета привилегированной буржуазіи (*citoyens*) имъ предстояло еще выдержать тяжелую борьбу съ духовной и свѣтской властями. Все же имъ удалось откупиться отъ землевладѣльцевъ, которые вошли въ долги вслѣдствіе своей расточительности и разоренія, вызваннаго войнами, или же заручиться покровительствомъ королей и добиться такимъ образомъ особыхъ грамотъ, подтверждающихъ ихъ вольности (*chartes*), а также утвержденія своихъ коммунальныхъ правъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ не удавалось приобрести такія грамоты отъ феодаловъ за деньги, города завоевывали ихъ съ оружіемъ въ рукахъ съ помощью наемныхъ отрядовъ или же собственными силами. Самымъ ожесточеннымъ противникомъ развивающихся коммунъ было духовенство, недовольное тѣмъ, что города давали убѣжище многимъ лицамъ, преслѣдуемымъ церковью за нарушеніе религіозныхъ догматовъ или христіанской нравственности. Церковный соборъ, засѣдавшій въ Парижѣ въ 1213 г., и нѣкоторые папы высказывались рѣшительно противъ учрежденія подобныхъ коммунъ во владѣніяхъ духовенства. Епископы запрещали иногда каноникамъ приводить горожанъ къ гражданской присягѣ, а съ амвона раздавались проповѣди противъ „зачумленныхъ коммунъ“.

Хитрая политика французскихъ королей видѣла въ городскихъ коммунахъ обладавшихъ значительной силой союзниковъ въ борьбѣ съ феодальной аристократіей и церковью, союзниковъ тѣмъ болѣе полезныхъ, чѣмъ болѣе ожесточенно нападало на нихъ духовенство и феодалы. Людовикъ VII (отъ 1137 до 1180 г.) выдавалъ охотно грамоты тѣмъ городамъ, которые не были непосредственно подчинены ему; но тѣ коммуны, которыя входили въ составъ коронныхъ владѣній, испытывали крайній гнетъ со стороны королевскихъ чиновниковъ и сборщиковъ. Филиппъ II Августъ держалъ королевскіе города въ строгомъ подчиненіи черезъ своихъ *baillis* и *foxtovъ* и въ то же время охотно выдавалъ за крупныя денежныя суммы грамоты о вольностяхъ городамъ, расположеннымъ во владѣніяхъ феодальной аристократіи. Людовикъ IX непрерывно вмѣшивался черезъ своихъ юристовъ въ юрисдикцію и административныя дѣла городовъ. Количество процессовъ, подсудныхъ исключительно парламенту (*cas royaux*), постоянно увеличивалось; королевская счетная палата подвергала самому придирчивому контролю городскіе финансы, а въ случаяхъ уклоненія отъ этого контроля или сопротивленія налагались крупныя штрафы. Филиппъ Красивый не нарушалъ грамотъ, данныхъ городамъ, но разорялъ ихъ произвольными поборами, такъ какъ нуждался въ большихъ денежныхъ суммахъ для своихъ войнъ; на всякое сопротивленіе онъ отвѣчалъ кро-

вавой расправой, какая постигла, на примѣръ, городъ Каркассонъ въ августѣ 1305 г. Его чиновники постоянно стѣсняли самоуправленіе какъ королевскихъ, такъ и некоролевскихъ городовъ.

Такимъ образомъ съ городскими вольностями дѣло обстояло еще не очень благополучно также и въ XII и XIII столѣтіяхъ. Главное неудобство состояло въ ограниченности юрисдикціи городовъ; отдѣльные городскіе кварталы, выстроенные на землѣ, принадлежавшей церкви или феодаламъ, все еще были подчинены въ судебномъ отношеніи епископу, капитулу или самому владѣльцу. Отсюда возникали, естественно, частые споры и попытки освободиться отъ такихъ путъ. Затѣмъ новые полноправные граждане злоупотребляли своею властью не меньше старыхъ и упорно отказывали всѣмъ безправнымъ, вновь поселившимся городскимъ жителямъ (manants) въ участіи въ городскомъ самоуправленіи. Къ этому присоединялось еще насильственное вмѣшательство королевскихъ чиновниковъ въ городскія дѣла. Смутный періодъ столѣтней войны между Франціей и Англіей съ своей стороны подрывалъ благосостояніе городовъ, и они были вынуждены жертвовать своими правами, лишь бы добиться покровительства короны. Однако послѣ окончанія этихъ военныхъ смуть города оправились въ значительной степени благодаря наступившему миру, новому подъему торговли и обезпеченнымъ договорами коммерческимъ сношеніямъ съ другими государствами и упорядоченію налоговой системы. Величественныя ратуши, церкви и жилые дома, выстроенные послѣ 1450 г., свидѣтельствовали о богатствѣ городовъ; тѣмъ не менѣе все еще продолжали существовать стѣсненія, препятствовавшія сношеніямъ между отдѣльными городами и торговлѣ на рынкахъ. Наиболѣе обременительными для торговли между различными городами были рѣчные и сухопутныя заставныя пошлины. На той части теченія рѣки Луары, которая находится между городами Руаномъ и Нантомъ, товаръ оплачивался пошлинами 72 раза. Рыночные торговцы тоже были обложены разнообразными пошлинами, рассчитанными на устраненіе свободной конкуренціи. Кромѣ того дороги были въ самомъ скверномъ состояніи, и проѣзжіе терпѣли отъ разбойниковъ и воровъ.

Кромѣ умной политики королей поднятію благосостоянія городовъ содѣйствовали больше всего крестовые походы. Что знатные люди, отправлявшіеся въ Св. Землю, продавали городамъ свои владѣнія и свои права для того, чтобы уйти на чужбину съ достаточнымъ запасомъ наличныхъ денегъ,—это имѣло второстепенное значеніе; важнѣе тѣ отношенія, которыя установились между французскимъ государствомъ и Востокомъ, въ особенности, послѣ крестоваго похода Людовика IX въ 1248—1250 гг. и благодаря которымъ города южнаго побережья Европы превратились въ складочныя пункты для торговли съ Востокомъ. Наибольшія выгоды выпали на долю Марсели, перевозившей крестоносцевъ и пилигримовъ: хитрые марсельскіе купцы воспользовались этимъ поводомъ, устроили свои колоніи въ сирійскихъ портовыхъ городахъ и захватили въ свои руки монополію ввоза пряностей, ароматныхъ жидкостей, тканей и т. д. съ Востока въ Южную и Среднюю Францію. Города Южной Европы сбывали съ хорошимъ барышемъ естественные продукты и фабрикаты восточныхъ странъ. Въ то же время они продавали съ большой прибылью въ Сиріи, Египтѣ и Константинополѣ естественные продукты и произведенія промышленности своей родины. Сукна, изготовлявшіяся въ Нарбоннѣ, Перпиньянѣ, Тулузѣ и др. мѣстахъ, выдерживали съ успѣхомъ конкуренцію съ итальянской промышленностью. Изъ Каталоніи и Сѣверной Африки получалось необходимое для фабрикъ сырье. Въ Сѣверной Франціи тоже развилось суконное производество, а именно въ Труа, Реймсѣ, Парижѣ и Руанѣ; полотно производилось, напротивъ того, преимущественно въ Бургундіи, Франшконтѣ, въ окрестностяхъ Авиньона и составляло важный предметъ вывоза въ вос-

точные страны. Морская торговля сосредоточилась преимущественно на Средиземномъ морѣ; изъ городовъ, расположенныхъ у Атлантическаго океана, Бордо, Гонфлеръ и Лярошель вели торговлю виномъ, которое вывозилось въ Англію и Фландрію и обмѣнивалось на шерсть. Важнѣйшими ярмарочными пунктами были города Труа и Бокеръ. На обѣихъ ежегодныхъ ярмаркахъ города Труа итальянцы и нѣмцы закупали сукна, кожи, оружіе, металлическія издѣлія, лошадей и проч. Торговые обычаи этого города проникали во всѣ иностранные города и служили объектомъ для подражанія.

Самыми дѣятельными торговыми посредниками были уже въ то время евреи и ломбардцы. Благочестивый Людовикъ IX выступилъ въ 1269 г. противъ ихъ ростовническихъ сдѣлокъ, такъ какъ въ его глазахъ взиманіе процентовъ было вообще грѣховнымъ дѣломъ. Однако всѣ эти и др. тому подобныя мѣропріятія не привели ни къ какому результату, равно какъ и изгнаніе и преслѣдованіе евреевъ; впрочемъ, виновниками этихъ послѣднихъ были не владѣтельные князья и не церковь (для всѣхъ ихъ евреи служили источникомъ доходовъ въ видѣ платы за оказываемое имъ покровительство, да, кромѣ того, они не могли обойтись безъ евреевъ, какъ мѣняль, банкировъ и ростовщиковъ), валаденія на евреевъ были взрывомъ стихійныхъ народныхъ страстей, подстрекаемыхъ столько же завистью и жадностью къ деньгамъ, сколько и религіозной ненавистью.

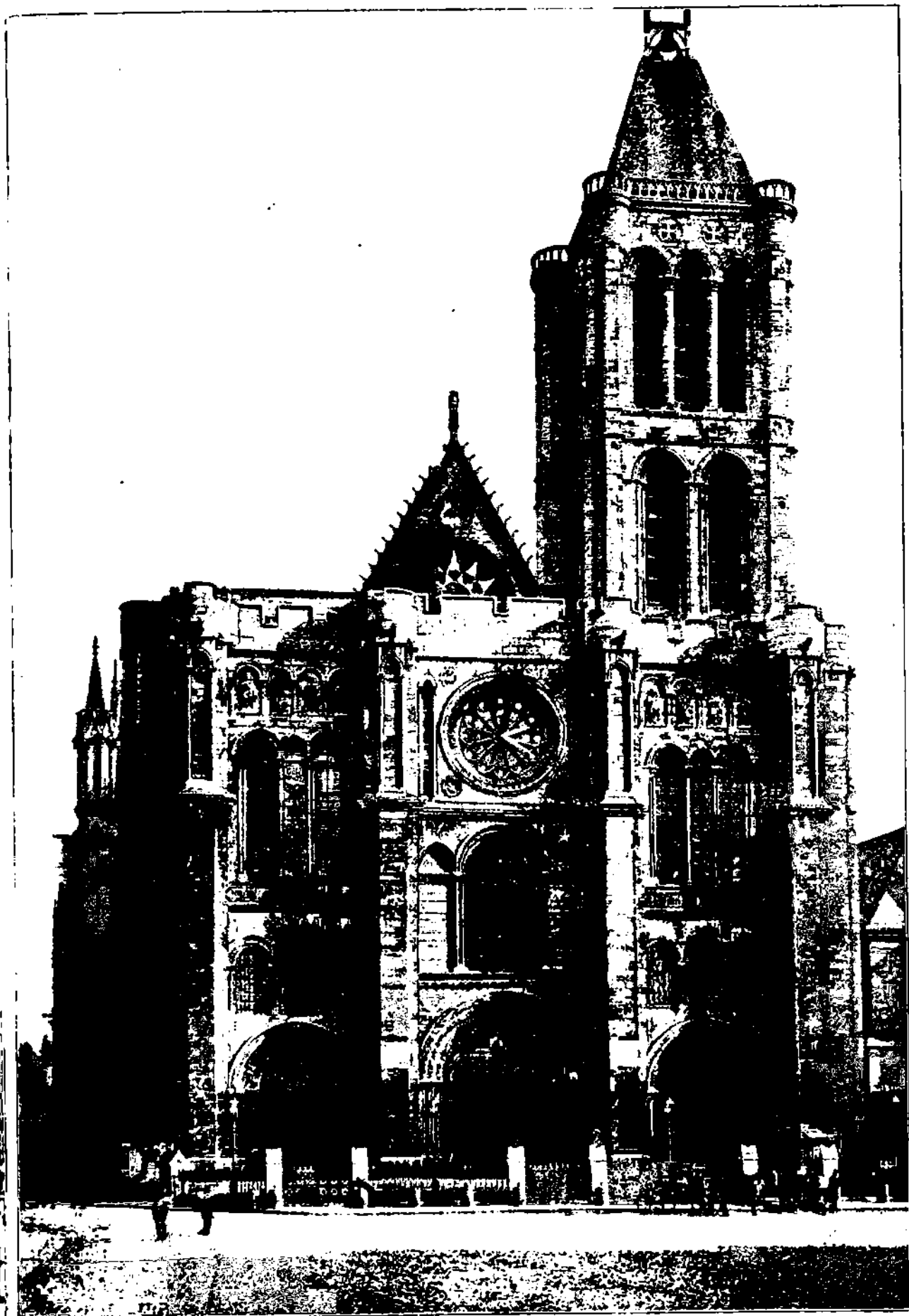
Впрочемъ, несмотря на строго церковное направленіе Людовика IX, онъ сдѣлалъ очень много для облегченія и расширенія свободы торговыхъ сношеній. Въ силу изданнаго имъ приказа всякія распоряженія, касающіяся заставныхъ и другихъ пошлинъ и монетной системы въ коронныхъ владѣніяхъ, могли состояться только при участіи представителей городовъ, а управленіе городскими имуществами и распределеніе коммунальныхъ налоговъ, въ особенности *taille*, должно было поручаться комисси, избранной бюргерами. Въ Парижѣ онъ поручилъ купеческому старшинѣ (*Prevôt*) Этьену Буало записать въ особую „Книгу ремесель“ (*Livre des métiers*) правила и обычаи каждаго цеха въ отдѣльности. Затѣмъ онъ облегчилъ доступъ въ города отпущеннымъ на волю крѣпостнымъ. Въ своихъ заботахъ о процвѣтаніи торговли онъ руководствовался примѣромъ своего дѣда. Этотъ послѣдній предоставилъ важныя права парижской купеческой гильдіи съ ея старшиной и шеффенами, которые играли роль третейскихъ судей по торговымъ дѣламъ, освободилъ Орлеанъ и другіе коронные города отъ стѣснительныхъ налоговъ и далъ права городовъ менѣе значительнымъ коммунамъ.

Города занимали весьма различное положеніе въ государствѣномъ организмѣ. Королевскія коммуны пользовались самоуправленіемъ, правомъ самообложенія и юрисдикціей по менѣе значительнымъ дѣламъ; символомъ всѣхъ этихъ правъ служила городская печать; однако города были обязаны выставлать рекрутовъ и платить подати въ пользу короны. Въ менѣе благоприятномъ положеніи находились *villes de bourgeoisie*, которые не пользовались ни своей собственной юрисдикціей, ни самоуправленіемъ. Города этой категоріи тоже были, по большей части, подчинены королю, какъ землевладѣльцу и ленному господину. Третью категорію составляли новые города, *villes neuves*; это были рынки, подчиненные прелатамъ или представителямъ высшей аристократіи, съ правомъ убѣжища, которое привлекало недовольныхъ и уклоняющихся отъ церковныхъ наказаній. Городское самоуправленіе находилось въ рукахъ коммунальнаго совѣта, на югѣ въ рукахъ городскихъ консуловъ. Коммунальный совѣтъ составлялся изъ шеффеновъ (*échevins*) или изъ опредѣленнаго числа пэровъ, присяжныхъ (*pairs, jurats*), синдиковъ (*syndics*) и городскихъ старшинъ, *capitouls*; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рядомъ съ коммунальнымъ совѣтомъ дѣйствовала еще комиссія бюргеровъ, соотвѣтствовавшая наибольшимъ городскимъ гласнымъ.

Число членовъ этой комиссіи колебалось въ значительныхъ размѣрахъ: такъ, на примѣръ, въ Марсели ихъ было 89, а въ Бордо 300; въ этомъ послѣднемъ городѣ они назывались защитниками, *défenseurs*. Нѣкоторые отдѣльные города управлялись выборнымъ меромъ (*maître*). Большинство городовъ пользовалось на основаніи королевскихъ жалованныхъ грамотъ правомъ взиманія акциза, *ostroi* (отъ *ostroyer* — жаловать), съ нѣкоторыхъ ввозимыхъ или провозимыхъ товаровъ; на примѣръ, акцизъ съ вина составлялъ 10% его стоимости.

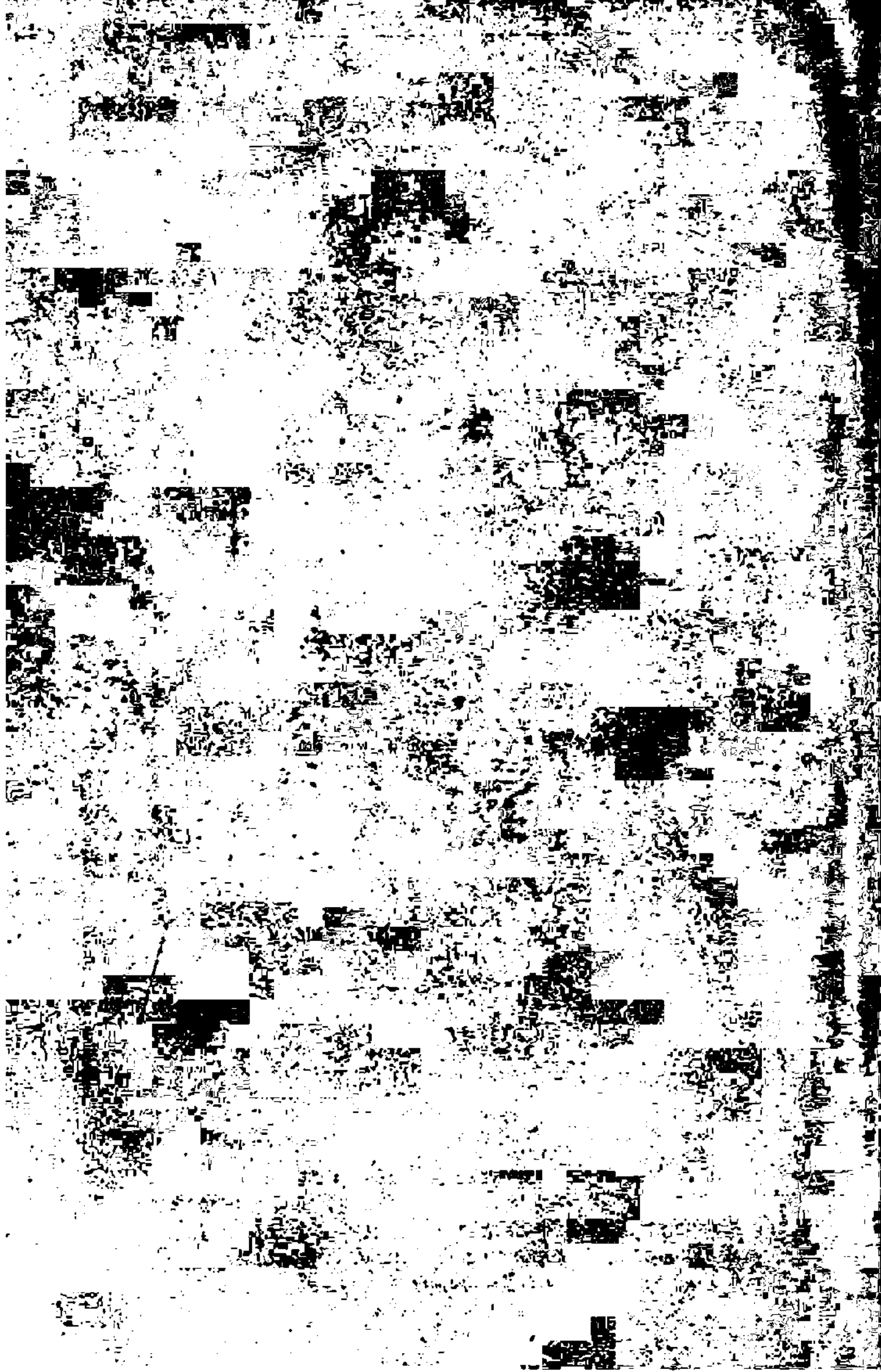
в) Резиденція короля, дворъ и аристократія.

Въ управленіи государствомъ города пока еще не принимали никакого участія. На собранія имперскихъ чиновъ представители городовъ были приглашены впервые Филиппомъ Красивымъ только въ 1302 г. благодаря тому, что король нуждался въ нихъ для проведенія новыхъ пошлинъ и налоговъ, а въ 1308 г. въ такомъ собраніи уже участвовали представители 270 городовъ. Но мѣръ того, какъ французское королевство превращалось въ объединенное государство, Парижъ все больше возвышался и становился блестящей метрополіей. До этого времени этотъ „городъ грязи“ (*Lutetia*) стоялъ позади нѣкоторыхъ другихъ большихъ городовъ по своей торговлѣ, общепольнымъ учрежденіямъ, по красотѣ зданій, богатству и числу жителей. Только Капетинги придали столицѣ внѣшній видъ, соотвѣтствующій ея роли. По распоряженію Филиппа II Августа было введено освѣщеніе улицъ; средняя часть ихъ была замощена; городъ и широкая полоса кругомъ его были обведены стѣнами съ башнями, были выстроены обнесенные стѣной торговые ряды. Резиденцію двора онъ перенесъ изъ старѣйшей нездоровой части города, нынѣшняго „Острова“, на правый берегъ Сены, изъ „Замка на островѣ“ въ Лувръ. Людовикъ IX украсилъ Парижъ роскошными зданіями, служившими для богослуженія и для благотворительныхъ цѣлей. Для храненія тернового вѣнца, присланнаго ему изъ Константинополя за 11,000 фун. серебра (1.000,000 марокъ!) императоромъ Балдуиномъ II (т. V, стр. 339) онъ велѣлъ выстроить „Священную Часовню“, отличавшуюся своимъ роскошнымъ готическимъ стилемъ. Съ этихъ поръ Парижъ сталъ для аристократіи центромъ ея общественной жизни, ея празднествъ, игръ и турнировъ и поэтому сталъ привлекать къ себѣ также различныхъ странствующихъ людей, клоуновъ и шутовъ. Количество его населенія достигло 200,000 уже въ началѣ XIII столѣтія и продолжало расти непрерывно. Притокъ иностранцевъ и въ особенности студентовъ университета поднялъ благосостояніе гражданъ. Король и народъ старались наперерывъ сдѣлать пріятнымъ пребываніе въ Парижѣ для этихъ тысячъ школяровъ. Въ числѣ другихъ привилегій имъ было предоставлено, между прочимъ, то преимущество, что на улицахъ тротуарахъ они не обязаны были уступать дороги никому кромѣ купеческаго старшины (*Prévôt des marchands*). Однажды студенты учинили безпорядки по тому поводу, что въ трактирахъ предмѣстья имъ продавали нигуда негодное вино и что городскія власти подвергли аресту нѣкоторыхъ изъ ихъ коноводовъ; король приказалъ освободить арестованныхъ и продавать студентамъ вино лучшихъ сортовъ. Аббатство Сенъ-Дени въ которомъ хранилась орифламма, военное знамя изъ краснаго сукна съ зелеными шелковыми кистями, прикрѣпленное къ золотому копыю, было превращено Людовикомъ IX въ королевскую усыпальницу, въ которую былъ перенесенъ прахъ всѣхъ его предшественниковъ, начиная отъ Дагоберта I (см. прилож. табл.: „Фасадъ перестроенной въ XII столѣтіи церкви аббатства Сенъ-Дени“). Еще аббатъ Сугерій (отъ 1081—1155 г.), совѣтникъ Людовика VI, обнаружившій замѣчательные таланты какъ въ наукѣ, такъ и въ искусствѣ и въ государственныхъ дѣлахъ, велѣлъ укра

Фасадъ перестроенной въ XIII столѣтїи церкви аббатства Сень-Дени,
въ которой похоронены французскіе короли.

(По фотографїи.)

силье этот древнѣйшій памятникъ готической архитектуры картинами на стеклѣ, въ которыхъ прославлялись подвиги крестоносцевъ. Впослѣдствіи къ нимъ были присоединены изображенія изъ жизни и дѣяній Людовика IX.

Мѣстопробываніе короля давно уже не перемѣщалась, какъ это бывало въ теченіе періода господства натурального хозяйства. Теперь Парижъ служилъ для него постоянной резиденціей. Тутъ короли были окружены громадной толпой чиновниковъ. Они старались оттянуть какъ можно больше государственныхъ должностей у пяти старинныхъ главнѣйшихъ сановниковъ (сенешала, главнаго гофмейстера, констабля, главнаго шталмейстера, канцлера, *chancelier*, кравчаго, *bouteiller*, и камергера, *chambrier*); эти званія составляли до тѣхъ поръ собственность высшей аристократіи и фактически переходили по наследству отъ отца къ сыну. Король передалъ эти должности такимъ людямъ изъ духовнаго или свѣтскаго сословія, которые зависѣли только отъ него самого. При дворѣ образовалось опять, какъ во времена Карла Великаго, специальное сословіе чиновниковъ, въ которомъ первое мѣсто занимали уже упомянутые (стр. 214) юристы („*chevaliers ès lois*“, что значитъ „рыцари законовъ“ въ отличіе отъ „рыцарей по крови“). Изъ высшихъ феодальныхъ придворныхъ званій удержались только констабль, въ качествѣ главнокомандующаго, камергеръ и кравчій. вмѣстѣ съ тѣмъ возросло также число канцелярскихъ чиновниковъ, нотаріусовъ и хранителей печати (*clercs* и *gardes des sceaux*), равно какъ и юристовъ и второстепенныхъ парламентскихъ чиновниковъ. Адвокатамъ была отведена особая зала для собраній (*Salle des pas perdus*). Мало-по-малу клерки и судебные пристава (*clercs* и *huissiers*) сгруппировались въ особую замкнутую корпорацію (*basoche*). Отдѣльныя парламентскія комиссіи командировались періодически для устройства судебныхъ сессій въ провинціяхъ, напримѣръ, въ Труа, Руанъ и въ другихъ мѣстахъ.

Рука объ руку съ этой бюрократической системой, которая укоренялась все сильнѣе и была главнымъ образомъ дѣломъ рукъ Филиппа IV Красиваго (отъ 1285 до 1314 года), шли въ видѣ обратной стороны медали новыя и усиленныя налоги и выжиманіе денегъ всевозможными способами. Король выдавалъ охотно за деньги крѣпостнымъ освободительныя грамоты; за предоставление имъ участка земли, на которомъ можно было высѣять *septier* (полтора гектолитра) зерна уплачивались 12 денье, что равно 1 су; такой участокъ земли назывался *setier de terre*. Затѣмъ король сталъ прибѣгать къ порчѣ монеты (въ 1306 и 1311 годахъ), къ продажѣ должностей и къ дававшему большой доходъ ограбленію евреевъ и ломбардцевъ. Однако порча монеты повлекла за собою паденіе цѣнности турецкаго ливра (*livre tounois*; смот. фиг. 3 на таблицѣ съ изображеніями монетъ, прилож. къ 76 стр. VII тома), съ 20 франковъ до 6, а болѣе легковѣсные парижскіе ливры пали еще ниже (прибавимъ ксати, что такой ливръ равнялся 20 су, *sou*, *solz*; 1 су — 12 денье; наиболѣе ходкія монеты носили названія *agnel*, которая равнялась $12\frac{1}{2}$ турецкихъ су, грошей, *gros*, оболъвъ, равнявшихся $1\frac{1}{2}$ грошамъ, *maille blanche*, равнявшихся $\frac{1}{3}$ гроша, и денье). Когда эти средства для поднятія финансовъ оказались недостаточными, то Филиппъ Красивый ввелъ съ согласія генеральныхъ чиновъ, т. е. депутатовъ дворянства, духовенства и городовъ, новые налоги кромѣ поземельнаго (*impôt foncier*, стр. 215): пошлины съ товаровъ (3⁰/₀), *maltôte*, военный налогъ (*aide de l'ost*) и различныя *aides féodales*. Кромѣ того онъ вымогалъ займы у городовъ и церквей.

Со стороны вассаловъ не было недостатка въ попыткахъ къ обратному низведенію королевской власти до безсодержательной вишней формы. Въ видѣ повода они ухватывались за каждую перемѣну на престолѣ, особенно въ томъ случаѣ, когда наследникомъ оказывался малолѣтній. Когда на престолѣ вступилъ Людовикъ VI, то бароны задумали было выбрать новаго короля, но онъ предупредилъ ихъ и успѣшилъ совершить падъ

собою обрядъ помазанія въ Реймсѣ. Тогда бароны составили заговоръ съ цѣлью возвести на престолъ принца, родившагося отъ непризнаннаго церковью брака Филиппа I съ Бертой Голландской, которую мужъ удалилъ отъ себя въ 1085 году. Заговорщики приобрѣли себѣ союзника въ лицѣ короля англійскаго Генриха I, который вторгся въ Нормандію. Однако, благодаря поддержкѣ, оказанной молодому королю даровитымъ и проницательнымъ аббатомъ Сугеріемъ, Людовикъ справился съ своими противниками и усмирилъ также рыцарей, занимавшихся грабежами, которые отказались подчиниться суду королевской палаты пэровъ. Папа Калликстъ II (стр. 116), родственникъ Людовика¹, тотъ самый, который поразилъ императора Генриха V изъ Реймса громовымъ ударомъ отлученія отъ церкви, примирилъ Людовика съ англійскимъ королемъ. Болѣе грозныя размѣры приняло возстаніе вассаловъ противъ малолѣтняго Людовика IX и его матери Бланки Кастильской (сконч. въ 1252 году). Возставшіе феодалы собирались было захватить въ плѣнъ тринадцатилѣтняго короля въ Монлери въ 1228 году, но онъ былъ спасенъ своими вѣрными парижскими бюргерами, которые сбѣжались по звону набата. Единеніе между феодалами разстроилось вслѣдствіе того, что графъ Шампанскій Тибо IV (срав. ниже, стр. 226) сталъ на сторону горячо любимой имъ королевы и выступилъ въ качествѣ ея храбраго защитника противъ взбунтовавшихся вассаловъ. Тѣмъ не менѣе въ 1241 г. вспыхнуло новое возстаніе подъ предводительствомъ Гуго Лузиньянскаго, графа Ламаршскаго; онъ приобрѣлъ себѣ союзниковъ въ лицѣ Раймунда VII Тулузскаго и короля англійскаго Генриха III, но Людовикъ заставилъ обѣжать въ Бордо Плантагенета, которому принадлежала въ это время, въ качествѣ лена, вся Западная Франція, отнялъ у графа Гуго Лузиньянскаго часть его владѣній и закончилъ войну въ 1243 г. договоромъ, заключеннымъ на 5½ лѣтъ; онъ принудилъ вассаловъ, состоявшихъ въ одно и то же самое время въ ленныхъ отношеніяхъ какъ къ англійскому, такъ и французскому королю, къ отказу отъ совмѣщенія этихъ двухъ несомѣстимыхъ между собою положеній. Большинство изъ нихъ отказалось отъ иноземнаго леннаго господина, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ вассаломъ французскаго короля. Властолюбіе ленныхъ владѣльцевъ проснулось было еще разъ послѣ смерти Филиппа Красиваго въ 1314 г., когда на престолъ взошелъ его бездѣятельный и извѣженный сынъ Людовикъ X. Онъ вынужденъ былъ ограничить права королевской судебной палаты, вернуть снова крупнымъ феодаламъ ихъ старинныя привилегіи и предать смертной казни преданнаго совѣтника своего отца, финансоваго интенданта Эггеррана изъ Мариньи (стр. 251). Какимъ образомъ столѣтняя война съ Англіей ослабила власть короны, которая возвысилась за тѣмъ слова при Карлѣ VII и Людовикѣ XI, это выходитъ изъ рамокъ нашего изложенія (объ этомъ см. т. VII).

5. Французское общество между XI и XIII столѣтіями.

Кромѣ отголосковъ феодальнаго духа и корпоративной сплоченности изображенная нами французская государственная система уже обнаруживаетъ признаки новѣйшей бюрократіи и извѣстнаго объединенія. Совершенно другая картина окажется передъ нами, если мы обратимся къ общественной жизни и ея проявленіямъ въ наукѣ и литературѣ.

Въ этой области мы сталкиваемся, прежде всего, съ распаденіемъ этого государства на двѣ половины, различныя по языку, общественнымъ

¹ Гуго Великій † 956 г.

Гуго Капетъ † 996 г.

Людовикъ VI † 1187 г.

Генрихъ Вургуинскій † 1001 г.

Гандо, въ царств. Калликстъ II (1119—24 г.)

и политическимъ условіямъ: преимущественно германскій Сѣверъ и романскій Югъ, распадавшійся, въ свою очередь, на область языка langue d'Ouil (ouï) къ сѣверу отъ Луары и область языка langue d'Os къ югу отъ этой рѣки; затѣмъ, мы наталкиваемся на рядъ рѣзко обособленныхъ сословій: духовенство, высшую феодальную аристократію, рыцарское сословіе, произошедшее изъ мелкой феодальной аристократіи, бюргеровъ и простонародіе (menu peuple).

А. Церковная жизнь.

Въ то самое время, какъ короли изъ династіи Гуго Капета вынуждены были непрерывно отстаивать свои права отъ посягательствъ церкви и папства и при этомъ имѣли на своей сторонѣ преимущественно духовенство своихъ владѣній, развивалось противоположное движеніе въ наукѣ и литературѣ какъ разъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ вліяніе королевской власти было наиболѣе всего замѣтно; тутъ поддерживалась глубокая связь между религіей и духовнымъ творчествомъ и совершалось тѣсное приобщеніе духовенства къ ученію и обычаямъ своей церкви. Конечно, даже въ богословіе и философію Сѣверной Франціи, крѣпко привязанной къ церкви, проникли болѣе свободныя мысли и самостоятельныя взгляды. Беригардъ Турскій, сконч. въ 1088 г., спорилъ противъ ученія католической церкви о причастіи (о претвореніи; срав. статью Лессинга, написанную въ 1770 г.); его современникъ Ланфранкъ, родомъ изъ Ломбардіи, который стоялъ во главѣ одной догматической школы въ Нормандіи съ 1042 г., а въ 1070 г. былъ возведенъ Вильгельмомъ Завоевателемъ въ санъ архіепископа Кептерберітскаго (сконч. въ 1089 г.), пытался замѣнить богословскую теорію сверхъестественнаго своимъ собственнымъ ученіемъ, скращеннымъ философіей. Другой представитель духовенства, Петръ Абеляръ, извѣстный больше по своему трагическому роману со своей ученицей Элуизой, чѣмъ по своему „Введенію въ богословіе“, которое было предано проклятію соборомъ въ Суассонѣ (въ 1121 г.), дошелъ до взглядовъ, вызвавшихъ въ 1140 г. ожесточенный споръ между нимъ и преданнымъ защитникомъ правотѣрія Бернардомъ Клервосскимъ (отъ 1090—1153 г.) и также папой Иннокентіемъ II (сконч. 1140 г.).

Власть церкви надъ душами выразилась въ цѣломъ рядѣ основанныхъ вновь орденовъ. Къ учрежденному еще въ VI столѣтіи и имѣвшему свои развѣтвленія также и во Франціи ордену бенедиктинцевъ присоединился въ 1098 г. орденъ цистерціанскихъ монаховъ въ лѣсномъ монастырѣ Сито (въ Котъ д'Орѣ), первые пионеры котораго отрекались отъ всѣхъ мірскихъ удовольствій и жили въ мистическомъ обществѣ съ Богомъ, но въ то же время оказали существенныя услуги развитію садоводства и винодѣлія. При только что названномъ аббатѣ Бернарѣ этотъ орденъ возвысился настолько, что въ 1115 году главное мѣстопробываніе его было перенесено изъ Сито во вновь выстроенный Клервосскій монастырь на рѣкѣ Обѣ, а ко дню смерти Бернара этотъ орденъ уже обладалъ 160 монастырями. Борьба противъ всего земного и чувственнаго, самоистязаніе и умерщвленіе плоти были также цѣлью шартрезскаго ордена, основаннаго около Гренобля въ Южной Франціи св. Бруно изъ Кельна; монахи этого ордена давали обѣтъ молчанія, пошенія власяницы, воздержанія отъ вина, но также занятія наукой. Тѣмъ же св. Бруно былъ основанъ также орденъ премонстратовъ, первый монастырь которыхъ (основ. въ 1119 г.) былъ расположенъ на лѣсной полянѣ Премонстрэ, около Лана. Эти три ордена, возникшіе въ самой Франціи, не приобрѣли первостепеннаго значенія и распространенія, а были вытѣснены проникшими изъ Италіи и Испаніи орденами доминиканцевъ и францисканцевъ, организація которыхъ относится ко второму десятилѣтію XIII столѣтія. Въ рукахъ доминиканцевъ находилось университетское преподаваніе (стр. 214), а кромѣ того

руководство инквизиціей, которая развила въ Южной Франціи усиленную дѣятельность, направленную къ искорененію „еретиковъ“ альбигойцевъ и вальденцевъ: францисканцы проникли глубоко въ низшіе слои населенія въ качествѣ проповѣдниковъ и духовниковъ. Инквизиція стала орудіемъ церковнаго и политическаго объединенія Франціи, такъ какъ подъ покровомъ охраны чистоты вѣры и подъ предлогомъ борьбы съ ересью иногда уничтожались могущественные противники или соперники королевской власти, какъ, на примѣръ, графы Тулузскіе (въ 1207 и 1229 гг.) и рыцари-храмовники (1307 г.—1313 г.).

Б. Провансальская рыцарская поэзія.

Ученія, отступающія отъ церковнаго правовѣрія, не находили себѣ доступа даже въ среду свѣтской аристократіи Сѣверной Франціи; но южно-французская аристократія и подчиненное ей рыцарское сословіе прониклись ересями альбигойцевъ и вальденцевъ, которые были въ нѣкоторомъ смыслѣ предшественниками реформации. Въ осторожно прикрытой обобщенной формѣ, соль которой была направлена все же противъ свѣтскаго блеска и честолюбія папъ и прелатовъ, противъ нравственной развращенности и сластолюбія монаховъ, а также противъ догматическихъ основъ церкви, эти стремленія выразились въ южно-французской провансальской лирической поэзіи.

Вліяніе крестовыхъ походовъ, мало замѣтное въ Сѣверной Франціи, замкнутой отъ всего остальнаго міра, тоже сказалось съ гораздо большей силой на югѣ съ его крупными приморскими городами, находившимися въ торговыхъ сношеніяхъ съ Востокомъ, съ его обширными оживленными гаванями, пріобрѣтшими значеніе центровъ всемірной торговли (стр. 218). Особенно въ рыцарскомъ сословіи, возвысившемся до роли носителя поэзіи и частью вытѣснившемъ вліяніе духовенства на умственный подъемъ аристократическихъ круговъ, эти походы развили идеальныя стремленія, неутомимую страсть къ подвигамъ, безпокойное честолюбіе, незапятнанное чувство чести. Въ то же время крестовые походы распространили по всей Южной Франціи пристрастіе къ свѣтскимъ манерамъ, страсть къ приключеніямъ, погоню за славой безъ плача и цѣли, фривольную игру въ любовь и прилипчивые зародыши одинаково опасныхъ какъ для церкви, такъ и для общества ересей нѣкоторыхъ сектъ Восточно-Римской имперіи (богумилловъ, катаровъ; сравн. т. V, стр. 336) съ ихъ эксцессами, вытекавшими изъ упадка культуры и невѣжества. Во Франціи, какъ и въ др. странахъ, рыцарское сословіе состояло только изъ пенмущаго низшаго дворянства, состоявшаго на службѣ у свѣтскихъ или духовныхъ магнатовъ, переходившаго отъ одного господина къ другому ради заработка, а иногда замѣнявшаго службу грабежомъ или разбоемъ на большой дорогѣ. Особенно важное значеніе имѣли болѣе даровитые и образованные представители этого сословія, которые совмѣщали въ одномъ лицѣ пѣвцовъ и поэтовъ, странствовавшихъ отъ одного замка къ другому, прославлявшихъ гостепріимнаго хозяина, слагавшихъ пѣсни въ честь дамъ, томившихся въ уединенныхъ мрачныхъ замкахъ и получавшихъ въ награду подарки, деньги, роскошное угощеніе. Эти мирные авантюристы были извѣстны подъ именемъ жопглеровъ (на провансальскомъ языкѣ—*Jonglar*) и были въ одно и то же время музыкантами, странствующими пѣвцами и нищенствующими поэтами. Положеніе дѣлъ измѣнилось послѣ крестовыхъ походовъ, когда высокіе господа, даже короли, тоже стали поклонниками поэзіи любви и тоже стали гоняться за славой рыцарей и поэтовъ и участвовать въ турнирахъ и въ ссорахъ чести по рыцарскимъ обычаямъ. Изъ нихъ среды вышли многочисленныя трубадуры, „*Trobadors*“ (импровизаторы, поэты) Южной Франціи съ ихъ выдающимися талантами и не столь многочисленныя тру-

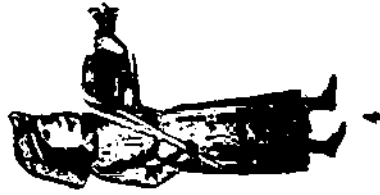
1

2

3

4

5

6

7

8

История фотографии 31.

Трубадуры.

Табл. «Презентации» в Спб.

Из рукописных миниатюр из книги XIII столетия и иллюстрация из французской рукописи XIV столетия (рис. 1-8)

Трубадуры.

1. Бернгардъ де-Вентадуръ былъ сыномъ служителя въ замкѣ вице-графа Вентадурскаго (въ департаментѣ Коррезъ) Эблеса II; сначала онъ состоялъ на службѣ у Эблеса III, затѣмъ при дворѣ Элеопоры Нормандской, супруги Генриха Анжу-Плантагенета. Въ 1154 г. онъ послѣдовалъ за ней въ Англію въ числѣ ея свиты. Затѣмъ онъ состоялъ при дворѣ графа Тулузскаго Раймонда V, а послѣ смерти этого поодѣдняго (1194 г.) онъ постригся въ монахи и скончался въ монастырѣ Цистерціенскаго ордена въ Далонѣ.
2. Жофрѣ Рудель, принцъ Блѣ изъ Ангулемскаго дома.
- 3 и 4. Пердигонъ *joglar* (жонглеръ, музыкантъ) состоялъ на службѣ дофина Овернского одновременно въ качествѣ музыканта и рыцаря.
5. Мариабрю, найденшпъ родомъ изъ Гасконя, ученикъ Серкамона, современникъ второго крестоваго похода, убитый кастелянами замка Итіанъ (Эйгіанъ, въ департаментѣ Верхнихъ Альпъ?)
6. Монахъ Монтодонскаго монастыря, родомъ изъ благородной семьи въ Викѣ недалеко отъ Орельяка въ Оверни; онъ былъ монахомъ въ Орельякѣ, а затѣмъ настоятелемъ Монтодонскаго монастыря и страстующимъ пѣвцомъ; скончался настоятелемъ монастыря Вильфраншъ-де-Конфлякъ (въ началѣ XIII столѣтія).
7. Понъ-де-Шаптейль, погибшій въ третьемъ крестовомъ походѣ (?)
8. Альбертъ, сынъ музыканта изъ окрестностей Гаага.

(По соч. Зухира и Вирхъ-Гиршфельда: „Geschichte der französischen Literatur“.)

веры Северной Франціи. Жонглеры снизошли до роли простых наемных музыкантовъ и пѣвцовъ, сопровождавшихъ своихъ болѣе знатныхъ соотарищей по поэзи во время ихъ поэтическихъ и любовныхъ экскурсій; они декламировали стихотворенія трубадуровъ или, по меньшей мѣрѣ, сопровождали ихъ на арфѣ или на цитрѣ.

Первымъ изъ выдающихся трубадуровъ былъ искатель приключеній графъ Пуатье Вильгельмъ IX (сконч. въ 1127 г.), который выражаетъ свое пресыщеніе шаблоннымъ великосвѣтскимъ этикетомъ и утонченными манерами въ ѣдкихъ, сатирическихъ, иногда нѣсколько папыщенныхъ стихахъ. Послѣ него прославился въ особенноти Бертрамъ де-Борцъ (сконч. около 1215 г. въ монастырѣ), одинокъ изъ представителей политической партійной поэзи среди трубадуровъ и авторъ нѣкоторыхъ изъ *serventes* (сѣверно-франц. *serventois*, итальянск. *serventese*), жалобныхъ и укоризненныхъ стихотвореній въ защиту праваго партійнаго дѣла. Этотъ поэтъ, происходившій изъ графскаго дома (Отафоръ около Перигэ), злоупотреблялъ своимъ талантомъ и увлекательной внѣшней формой своихъ произведеній для того, чтобы возмутить противъ ихъ отца Генриха и Ричарда (Львиное Сердце) непокорныхъ сыновей короля англійскаго Генриха II; такимъ образомъ онъ былъ причиною цѣлаго ряда военныхъ ужасовъ, разыгравшихся на французской территоріи на всемъ протяженіи между Гаронной и устьями Сены, составлявшемъ тогда ленную собственность англійскаго короля. Какъ виновника междоусобной войны, Данте заточилъ его въ своей „Божественной комедіи“ въ лужу своего Ада въ избранномъ обществѣ другихъ знаменитыхъ поэтовъ. Уже Бертрамъ, который, впрочемъ, былъ не только громогласнымъ глашатаемъ военной славы, но и пѣжнымъ и задушевнымъ пѣвцомъ любви, возлагаетъ главную отвѣтственность за бѣдствія своего времени на духовенство.

Враждебное къ церкви направленіе *serventes* выступаетъ еще яснѣе у трубадура Гильема Фигейраса, который происходилъ отъ людей низкаго рода. Періодъ расцвѣта южно-французской лирики, украшенный громкими именами съ незапятнанной славой, изъ которыхъ назовемъ Бернара Вентадура (сконч. около 1200 г.; см. фиг. 3 на прилож. таблицѣ: „Трубадуры“), воспитанника графа Пуатье, прославленнаго Данте и Петраркой Арно Даніеле, Гиро-де-Борцеля (сконч. около 1220 г.), „главы трубадуровъ“, продолжался среднимъ числомъ около 100 лѣтъ.

Въ теченіе этого короткаго періода была создана разнообразная лирическая поэзія съ ея любовными діалогами, пастушескими пѣснями (*Chansons, Tenons, Pastorales*), искусными канцонами, красивыми рефренами, старательно обработанными и утонченными ретушами и римами, оказавшая, между прочимъ, сильное вліяніе на германскихъ миннезингеровъ и поэзію Данте.

Со второй половины XIII столѣтія начинается періодъ рѣзкаго упадка. Рыцарское благородство смѣнилось грубостью и хищными инстинктами; турниры выродились въ дикія свалки, поклоненіе любви въ безсодержательную протівоестественную и безнравственную игру; устранявшіеся подъ руководствомъ высокихъ рыцарскихъ дамъ любовные турниры съ поэтическими состязаніями превратились въ словесное пустоозвонство. Войны противъ альбигойцевъ (отъ 1208 до 1229 года) уничтожили политическое могущество и крупныя богатства южно-французской аристократіи; лишившись своихъ денежныхъ средствъ, она не могла уже оказывать покровительства пѣвцамъ и поэтамъ. Свирѣпыя военные приемы этой войны и безпощадное истребленіе еретиковъ во время этихъ освященныхъ папскими легатами крестовыхъ походовъ противъ вальденцевъ и ихъ высокихъ покровителей изъ среды владѣтельныхъ князей и аристократіи задушили всякую свободную жнзнь и мысль, всякое проявленіе общественности, любви къ искусству и превратили Южную Францію, отличавшуюся духовною впе-

чатлительностью и восприимчивостью ко всему новому и чужеземному, безразлично, проникало ли оно туда съ Востока или изъ Испаніи и Италіи, въ безмолвное кладбище, могильную тишину котораго нарушали только фанатическіе обличители ереси.

В. Сѣверно-французское рыцарство.

Въ лирической поэзіи Сѣверная Франція сильно отстала отъ Южной: напротивъ того, въ эпической Югъ не выдерживалъ сравненія съ полу-германской Сѣверной Франціей. Лирическія стихотворенія, слагавшіяся къ сѣверу отъ Луары, оказываются по формѣ и по содержанію только слѣпкомъ съ южной поэзіи, а авторы ихъ, труверы или министрели (слуги, музыканты) жалкими подражателями своихъ южныхъ сотоварищей поэтовъ и пѣвцовъ, Дѣйствительно выдающимся талантомъ обладаетъ только графъ Шампанскій Тибо (отъ 1201 до 1253 года, стр. 222), въ 1234 году занявшій престолъ Наварскихъ королей, сочинявшій любовныя пѣсни, религіозныя стихотворенія и гимны въ честь Святой Дѣвы. Впрочемъ, и онъ нерѣдко прикрываетъ недостатокъ таланта искусственной виѣшной формой. Скорѣе разсудительная, чѣмъ богатая воображеніемъ и чувствами натура сѣвернаго француза находила больше удовольствія въ распущенныхъ, нерѣдко скабрзныхъ анекдотахъ *Fabliaux*, чѣмъ въ рыцарскихъ любовныхъ пѣсняхъ.

Тѣмъ не менѣе на сѣверѣ удержалось до XIV столѣтія здоровое, способное къ развитію ядро рыцарства, свободное отъ нравственной порчи юга. Въ дѣлѣ воспитанія и образованія рыцаря за образецъ былъ, очевидно, принятъ монахъ; недаромъ эпоха крестовыхъ походовъ соединила въ одно въ лицѣ духовныхъ рыцарскихъ орденовъ идеалы рыцарской и духовной профессій. Уже въ самые юные годы мальчикъ знатнаго происхождения, готовившійся въ рыцари, отправлялся въ замокъ своего господина, подобно тому, какъ послушникъ воспитывался съ дѣтства въ стѣнахъ монастыря, и готовился здѣсь къ своимъ будущимъ орденскимъ обязанностямъ. До 14-лѣтняго возраста онъ оставался чѣмъ-то среднимъ между слугою и равноправнымъ членомъ семьи. Онъ прислуживалъ за столомъ, былъ на посылакахъ у своего господина, сопровождалъ его въ дорогѣ и на охотѣ, исполнялъ также порученія хозяйки дома. Затѣмъ онъ становился оруженосцемъ, боевымъ спутникомъ своего рыцаря и упражнялся въ верховой ѣздѣ, фехтованіи, вообще, во всѣхъ рыцарскихъ приемахъ. На 21 году своей жизни онъ получалъ посвященіе въ рыцари, при чемъ это торжество было обставлено различными обрядами. Оруженосецъ проводилъ предшествующую ночь въ часовнѣ за молитвой, съ утра совершалъ очистительное омовеніе, послѣ котораго вылеживалъ нѣсколько часовъ на своемъ ложѣ; затѣмъ его облачали въ красныя и бѣлыя одежды: лежаніе символизировало райскій покой, бѣлыя одежды нравственную чистоту, красныя—тѣ битвы, въ которыхъ онъ будетъ проливать свою кровь. Стоя на колѣняхъ предъ алтаремъ, онъ получалъ свой рыцарскій мечъ изъ руки священника и при этомъ приносилъ свой обѣтъ. Послѣ этого знатный рыцарь ударялъ его мечемъ по плечу или по шеѣ въ присутствіи свидѣтелей.

Религіозный характеръ рыцарства, непринадлежащаго къ духовнымъ орденамъ, проявляется въ борьбѣ съ язычниками въ защиту христіанства (къ язычникамъ тогдашняя церковь причисляла и послѣдователей Магомета), въ покровительствѣ вдовамъ и сиротамъ, угнетаемымъ и беззащитнымъ; но благодаря рыцарскимъ взглядамъ на честь и любовь, которые носили, впрочемъ, теоретическій, идеальный характеръ, къ этимъ стремленіямъ примѣшивались и чисто свѣтскія идеи. Понятіе о чести выступало скорѣе въ видѣ сословной чести, чѣмъ личной. Рыцарь, провинившійся

въ низкихъ поступкахъ и безчестномъ поведеніи, трусости въ бою, изгонялся изъ своего сословія; герольдъ объявлялъ всенародно о томъ, что онъ лишенъ рыцарскаго званія, и предавалъ его проклятію; оружіе и доспѣхи его уничтожались палачемъ, его щитъ привязывался къ хвосту лошади, которую пускали вскачь для того, чтобы онъ разбился вдребезги. Въ лучшую эпоху рыцарства представители этого сословія воздерживались отъ ограбленія купцовъ, а тѣмъ болѣе монастырей, отъ всякаго посягательства на чужую собственность. Для упражненія въ военной профессіи служили, кромѣ военныхъ походовъ и частныхъ войнъ, публичные турниры, развитіе которыхъ было слѣдствіемъ крестовыхъ походовъ. Турниры происходили въ присутствіи дамъ, которыя раздавали призы; каждый рыцарь носилъ цвѣтной знакъ своей дамы, и такимъ образомъ турниры были тѣсно связаны съ рыцарскимъ культомъ любви. На французскихъ турнирахъ нерѣдко состязались между собою тысячи рыцарей, бывали раненые и убитые, несмотря на то, что по правиламъ для турнировъ дозволялось сражаться только тупымъ оружіемъ, и поединокъ считался оконченнымъ, какъ только одному изъ противниковъ удавалось сшибить другого съ лошади; такъ какъ рыцари закрывали себѣ лицо забраломъ и становились поэтому неузнаваемыми, то явилась необходимость въ переходившихъ по наслѣдству родовыхъ гербахъ, т. е. вышитыхъ значкахъ на шлемѣ, щитѣ и кольчугѣ, состоявшихъ въ изображеніяхъ животныхъ или другихъ предметовъ. Рыцари не любили обременять своихъ головъ наукой; изрѣдка рыцарь учился иностраннымъ языкамъ и почти всегда игралъ на струнномъ инструментѣ. Читать и писать онъ никогда не умѣлъ; поэтому трубадуры бывали вынуждены диктовать свои стихотворенія другимъ ладцамъ, и нѣмецкое слово *dichten*, писать стихи, происходитъ отъ латинскаго слова *dictare*, диктовать. Однако это невѣжество влекло за собой такія же послѣдствія, къ какимъ приводитъ обыкновенно недостатокъ образованія, именно незнакомство со всѣми культурными требованіями жизни, страсть къ пьянству и игрѣ, грубое обхожденіе съ подчиненными и даже съ собственными женами и дѣтьми. Замокъ строился очень тѣсными для удобства защиты; больше всего мѣста занималъ въ нихъ рыцарскій залъ. Тутъ знатные господа проводили все свое время, особенно въ теченіе зимы, въ одиночествѣ, вдали отъ всякой культуры. Они ѣли безъ пожей и вилокъ, брали пищу пальцами или деревянными ложками, спали на деревянныхъ скамьяхъ; по вечерамъ замки освѣщались очень скудно. Въ холодное время года они обходились недостаточнымъ каминнымъ отопленіемъ. Въмѣсто оконъ существовали, по большей части, только отверстія, закрывавшіяся ставнями въ дурную погоду или для защиты отъ зимнихъ холодовъ. Рыцари обладали весьма скудными образовательными средствами; относительно больше вниманія удѣлялось въ этомъ отношеніи женамъ и дочерямъ; онѣ часто умѣли читать и писать, а иногда знали латинскій и др. иностранные языки. Онѣ были искусны въ рукодѣліи, стряпнѣ, въ приготовленіи лѣкарствъ, главнымъ же образомъ отличались знаніемъ великосвѣтскихъ обычаевъ и пріятными манерами. Семьи рыцарей были очень невзыскательны въ пищѣ и одѣвались очень просто, кромѣ торжественныхъ случаевъ и попоекъ (въ которыхъ дамы не принимали участія), такъ какъ имъ приходилось довольствоваться продуктами собственной охоты, рыбной ловли, собственнаго огорода, подношеніями своихъ крѣпостныхъ и легкимъ пивомъ собственнаго пздѣлія (чужеземныя вина вошли въ употребленіе только со времени крестовыхъ походовъ); одежду пряли, гкали и шили домочадцы.

Рыцарскій культъ любви носилъ въ себѣ зародышъ нравственнаго вырожденія, такъ какъ этому культу предавались не только холостые, но и женатые рыцари, и предметомъ поклоненія, ради котораго рыцарь подвергался опаснымъ приключеніямъ и дрался на турнирахъ, бывала обя-

зательно чужая жена, а не дѣвица изъ рыцарской семьи. Иногда этотъ предметъ любви былъ совершенно неизвѣстенъ поклоннику, или же это была воображаемая красавица. Такимъ образомъ вкрались неестественность и искусственность въ такой традиціонный обычай, который самъ по себѣ способствовалъ развитію изящныхъ манеръ и культурности въ отношеніяхъ между людьми. Суды любви съ ихъ традиціями и ихъ тонкостями, хитроумные, иногда смѣхотворные любовные катехизисы напоминаютъ осмѣянный Мольеромъ педантизмъ французскихъ *grécieuses* XVII столѣтія.

Съ идеей единого замкнутого государства, на которой основывались замыслы Капетинговъ, не мирились ни феодальная система вообще, ни рыцарство въ частности. Рыцари не склонны были посвящать свою энергію и свои силы на служеніе своему королю и своему отечеству; любители приключеній рыцари искали военныхъ подвиговъ по всей землѣ: то они дрались въ Испаніи и на Востокъ съ язычниками, то вмѣшивались въ англійскіе партійные раздоры, то воевали въ Италіи и Сициліи, куда ихъ манила возможность приобрести земли и богатства: здѣсь въ Италіи Карлъ Анжуйскій, рыцарскій братъ Людовика IX, отнялъ у пришедшаго въ упадокъ рода Гогенштауфеновъ Неаполь и Сицилію (стр. 129). Поэтому счастьемъ для Франціи было то обстоятельство, что эти жаждущіе подвиговъ, безпокойные рыцарскіе роды погибли отъ внутренняго разложенія или отъ вырожденія, низведшаго ихъ до роли простыхъ разбойниковъ, либо лишились своей жизни и своего состоянія во время крестовыхъ походовъ или остались жить въ чужихъ краяхъ еще раньше, чѣмъ изобрѣтеніе пороха и измѣненіе способа веденія войны не отняли у нихъ послѣдней возможности къ существованію.

Г. Рыцарскій эпосъ.

Рыцари смѣнили духовенство въ роли руководителей французской литературы сначала въ поэзіи, а затѣмъ и въ исторіографіи. Древнѣйшія поэтическія произведенія Сѣверной Франціи относятся къ повѣствовательному роду и отличаются легендарнымъ характеромъ. Христосъ и его апостолы, Святая Дѣва, святые и мученики, чудесныя обращенія въ христіанскую вѣру, назидательныя примѣры — вотъ ихъ любимыя темы. Съ тѣхъ поръ, какъ начались крестовыя походы, расширилась арена этой литературы, которая ограничивалась до тѣхъ поръ ближайшими извѣстными французамъ странами, и мѣстомъ дѣйствія избирается часто Востокъ. Рыцарскій эпосъ ведетъ свое начало только со времени крестовыхъ походовъ.

Въ первомъ по времени произведеніи подобнаго рода, въ написанной александрийскими стихами былинѣ „О путешествіи Карла Великаго въ Іерусалимъ и Константинополь“ (*Comment Charles de France vint en Jérusalem, Chanson du pèlerinage (voyage) de Charlemagne à Jérusalem et à Constantinople*), изукрашенная легендарными чертами личность Карла Великаго приводится въ соприкосновеніи съ Востокомъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ неблагопріятнаго опыта, продѣланнаго рыцарями-крестоносцами съ византийскими греками и ихъ императоромъ Алексѣемъ (т. V, стр. 91). Подстрекаемый своей тщеславной женой, Карлъ отправился въ путь для того, чтобы помѣряться силами съ королемъ константинопольскимъ Гуго, котораго люди считали болѣе могущественнымъ, чѣмъ Карла (поэтъ говоритъ о константинопольскомъ королѣ, такъ какъ онъ признаетъ только одного, западнаго императора). Въ качествѣ пилигрима Карлъ прѣвѣжаетъ въ Святую Землю, и тутъ Богъ совершаетъ для него чудеса и отдастъ ему въ руки Мощи Страстей Господнихъ, которыя Карлъ отдастъ на храненіе въ аббатство Сепъ-Дени. Въ Константинополь Карлъ убѣдился, что Гуго

уступаетъ ему въ могущество; его спутники надѣваются надъ повелителемъ Византіи съ его греками, но милость Господня охраняетъ ихъ отъ послѣдствій ихъ собственныхъ ошибокъ. Такимъ образомъ они пользуются такимъ же счастьемъ, какое, по мнѣнію современниковъ, выпадало на долю крестоносцевъ.

Вліяніе взглядовъ, вынесенныхъ изъ крестовыхъ походовъ, обнаруживается также въ томъ изображеніи Великаго Карла, его битвы съ невѣрными въ Испаніи, героической смерти графа Леманскаго Роланда въ Ронсевальской долигѣ и измѣны Ганелона, которое даетъ намъ приписываемая архіепископу реймскому Іоанну Турпицу (сконч. въ 800 году), но относящаяся въ дѣйствительности къ концу XI и началу XII столѣтія „Исторія жизни Карла Великаго и его племянника Роланда“ (*Historia de vita Caroli magni et Rolandi eius nepotis*); измѣна Ганелона послужила также темой для особаго латинскаго „Стихотворенія объ измѣнѣ Ганелона“ (*Carmen de prodicione Ganelonis*). Въ этихъ произведеніяхъ Карль является съ одной стороны отблескомъ Христа — его 12 паладиновъ составляютъ коню съ 12 апостоловъ, съ другой стороны идеализированнымъ героемъ крестовыхъ походовъ. Прототипомъ для характеристики Ганелона послужилъ, повидному, коварный сладкорѣчивый греческій императоръ, который, по мнѣнію обманутыхъ имъ крестоносцевъ, поддерживалъ тайныя сношенія съ невѣрными. Совершенно другимъ характеромъ, чѣмъ въ этой хроникѣ, которая вскорѣ была переведена на нарѣчіе Иль-де-Франса, съ XII-го столѣтія пріобрѣтавшее постепенно значеніе общаго литературнаго языка, отличается поэтическая версія того же круга легендъ въ „Пѣснѣ о Роландѣ“ (*Chanson de geste de Roland*), составленіе которой въ ея древнѣйшей формѣ относится къ 1090 году. Это поэтическое произведеніе сложилось изъ отдѣльныхъ старинныхъ пѣсней, вѣроятно, отрывковъ утеряннаго карловскаго собранія героическихъ былинъ (стр. 197); оно было подвергнуто окончательной обработкѣ Турольдомъ около 1170 года. Въ лицѣ героя этого стихотворенія изображается скорѣе германскій воинъ, чѣмъ рыцарь-крестоносецъ, воодушевленный религіозными идеалами. Императоръ Карль отступаетъ предъ нимъ на задній планъ и кажется скорѣе слабымъ плачущимся старикомъ, чѣмъ энергичнымъ императоромъ-героемъ съ твердой волей. Характеристика дѣйствующихъ лицъ отличается своей силой и безыскусственностью; иногда она замѣняется эпитетомъ. Свѣтъ и тѣни распределены одностороннимъ образомъ. Съ одной стороны фигурируетъ плутовство и коварство, а съ другой — непреклонное героическое мужество и сверхъестественная сила, дружба и вѣрность до гроба и хватающая за сердце, пропикнутая самымъ горячимъ патриотизмомъ скорбь о гибели столькихъ благородныхъ героевъ. Эти *Chansons de geste* („Пѣсни о подвигахъ“) возникли впервые въ области нормандскаго языка, и въ нихъ прославлялся тотъ бретанскій родъ, къ которому принадлежалъ историческій Роландъ. Другой рядъ рассказовъ изъ каролингскаго цикла легендъ изображаетъ войны Карла съ непокорными вассалами; прототипомъ послужила, повидному, безпощадная война, которую вели въ XII столѣтіи Капетинги съ буйными феодалами. Поэты всегда стоятъ на сторонѣ угнетенныхъ, такъ какъ они сами или ихъ предки были на службѣ у побѣжденныхъ крупныхъ феодаловъ.

Въ серединѣ XII столѣтія древне-французская эпическая поэзія обогатилась новымъ матеріаломъ, перешедшимъ во Францію изъ Бретани и Англіи. Бретанцы бѣжали въ VI столѣтіи отъ англо-саксовъ въ Бретань и принесли съ собою на новую родину мнѣстскія преданія о королѣ Артурѣ и герояхъ круглаго стола; Жоффрау (Готфридъ) изъ Монмута (*Galfridus Monmutensis*, скон. въ 1154 г.), долгое время состоявшій на французской службѣ, популяризировалъ эти легенды за предѣлами распространенія кельтскихъ языковъ при посредствѣ своей *Historia Britanniae* (назыв. так.

Н. Britonum; написана раньше 1135 г.). Въ Roman de Brut, написанномъ Робертомъ Уасомъ, Артуръ изображается во главѣ своихъ 12 пэровъ, какъ Карлъ въ легендахъ, и совершаетъ чудесные подвиги сообща съ этими своими самыми храбрыми рыцарями. Этотъ кругъ преданій получилъ религіозную окраску, такъ какъ легенды объ Артурѣ сплелись съ почитаніемъ святого Грааля (чаши съ кровью Христа). Наиболѣе извѣстнымъ изъ эпическихъ стиховореній о Граалѣ является Персеваль Хрестьена изъ Труа. поэта, знакомаго съ латинскими писателями, особенно съ Овидіемъ. Его произведенія были сочинены при дворахъ шампанскихъ и фландрскихъ владѣтельныхъ князей между 1155—1188 гг. Въ этой героической поэмѣ изображаются безъ строгаго плана необычайныя, иногда курьезныя приключенія рыцаря безъ страха и упрека, одушевленнаго религіознымъ пыломъ и незапятнанными нравственными побужденіями, а въ двухъ другихъ его произведеніяхъ Chevalier de la charrette (о рыцарѣ Ланселотѣ) и не дошедшемъ до насъ Tristan мы видимъ предъ собою двухъ рыцарей, изнѣжившихся и дошедшихъ до измѣны по винѣ одуряющихъ чаръ любви. Совершенно въ другомъ родѣ изображается любовь этимъ необыкновенно разностороннимъ эпическимъ поэтомъ въ „Эрекѣ и Энитѣ“ и „Chevalier au lion“ (Рыцарь льва, Ивент). Въ этихъ поэмахъ любовь является источникомъ истиннаго героизма и рыцарскаго духа. Такимъ образомъ Хрестьень развертываетъ передъ нами самыя разнообразныя картины изъ жизни рыцарства эпохи крестовыхъ походовъ; особенно часто онъ останавливается на культѣ любви, которая является въ одно и то же время источникомъ счастья и гибели. Преемниками Хрестьена были два нѣмецкихъ эпическихъ поэта, Гартманъ фонъ-Ауа, авторъ „Эрека“ (около 1190 г. и „Ивейна“ около 1200 г.) и Готфридъ Страсбургскій, авторъ „Тристана и Изольды“ (около 1210 г.); „Парциваль“ Вольфрама фонъ-Эшенбаха (въ самомъ началѣ XIII столѣтія) тоже составляетъ подражаніе Хрестьену какъ по содержанию, такъ и по обработкѣ сюжета. Наконецъ, съ легендой о Граалѣ связана также лотарингская былина о рыцарѣ Лебеда Лознгринѣ, Garin le Lograin. Вмѣстѣ со старинными каролингскими, бретанскими и лотарингскими легендами поэты этой эпохи пользовались также и древне-классическими сюжетами, какъ, напр., Троянской войной, подвигами Александра Великаго и т. д., но греческіе герои превращались у нихъ въ средневѣковыхъ рыцарей и крестоносцевъ.

Д. Нерыцарская (нѣщанская) литература.

Одновременно съ рыцарствомъ должно было найти себѣ выраженіе въ литературѣ также и развивавшееся бюргерство; сюда относятся уже упомянутые (стр. 226) Fabliaux, родиной которыхъ былъ Востокъ, но которые черпали свое содержаніе изъ повседневной жизни современнаго бюргера. Ихъ сатира направлена главнымъ образомъ противъ знатныхъ круговъ или ученыхъ, какъ, напримѣръ, противъ духовенства и врачей, но въ нихъ не замалчиваются также тѣневые стороны бюргерскаго сословія, умственная ограниченность, ревливость и пьянство мужчинъ, невѣрность и двуличность женщинъ. На сценѣ бюргерство фигурируетъ въ обѣихъ пьесахъ съ пѣніемъ Адама-де-ля-Галь (род. около 1235 г., сконч. въ 1287 г.). въ то время какъ мистеріи и Miracles (чудеса святыхъ, сюжеты которыхъ заимствовались изъ Библии и легендъ о святыхъ) все еще увлекали весь народъ въ интересы церкви. Кромѣ того сочинялись еще аллегорическія произведенія (Moralités), которыя тоже стояли на точкѣ зрѣнія христіанскаго ученія о нравственности. Ироническое отношеніе бюргерства къ придворнымъ кругамъ и духовенству нашло себѣ выраженіе въ Roman du Renart, сложившемся въ XIII столѣтіи въ Нидерландахъ въ подражаніе сѣверно-французскимъ образцамъ, и его позднѣйшихъ продолженіяхъ.

Лиса представляеть собою въ этомъ романѣ сатирическое отраженіе придворнаго интригана, который устроился съ комфортомъ подь самодержавнымъ правленіемъ царя звѣрей, льва, и губить безпрестанно беззащитныхъ и честныхъ людей. Его пособниками являются монахи; предь папой и церковью онъ прикрывается личпой смиренія.

Бдкую насмѣшку надъ феодальной системой и средневѣковой церковью съ ея чудесами, пилигримствомъ, проповѣдью крестовыхъ походовъ, богослужебными обрядами, а также надъ различными представителями и слоями свѣтскаго населенія мы видимъ предь собою въ „Библии“ (Bibles) Гюго де-Провенса и Гюга де-Берзе, обширныхъ сборникахъ на подобіе словаря въ стихотворной формѣ; въ этомъ сочиненіи круглымъ счетомъ 34,000 стиховъ. Эта „Библия“ относится къ началу XIII столѣтія, и въ составленіи ея приняли участіе люди всѣхъ званій, какъ духовные, такъ и свѣтскіе: она напоминаетъ энциклопедію Дидро и Даламбера не только по способу своего составленія, но и по своему общему направленію. Общій очеркъ науки и идей схоластическаго періода съ тенденціей, направленной противъ церкви, религіи и господствующей морали, мы находимъ въ аллегорическомъ неуклюжемъ и скучномъ „Roman de la Rose“, авторъ котораго Гильомъ-де-Лоррисъ и продолжатель его Жанъ-де-Мекъ жили въ XIII столѣтіи. Вотъ содержаніе этого романа: авторъ задремалъ и ему снится, что онъ хочетъ сорвать розу въ роуцѣ любви; всѣ пороки ставятъ ему разныя препятствія и отгоняють его, какъ только онъ приближается къ своей цѣли; ему удается сорвать эту розу только при помощи своего гепія хранителя Bel-Accueil (Добрая встрѣча), освободившагося изъ темницы, въ которую онъ былъ заточенъ ревностью. Еще Мольеръ черпалъ свои сюжеты изъ этого романа; его чисто галльская сатира вознаграждаетъ читателя за его скучную схоластическую премудрость и вялость повѣствованія и аллегорій. Однимъ изъ самыхъ привлекательныхъ произведеній древне-французскаго повѣствовательнаго искусства является повелла „Окассень и Николета“.

Такимъ образомъ поэтическая литература Сѣверной Франціи, расцвѣтъ которой относится скорѣе къ XII, чѣмъ къ XIII столѣтію, служитъ вѣрнымъ и разностороннимъ отраженіемъ тогдашняго общества со всѣмъ его разнообразіемъ. Въ ней представлены какъ рыцарь, такъ и бюргеръ, какъ духовенство, такъ и свѣтское населеніе, король съ его вассалами, придворный выскочка изъ бюргерскаго сословія, а изъ-за угла выглядываетъ осторожно простонародіе, еще томящееся подь тяжелымъ гнетомъ. Особенно ярко отражается въ этой литературѣ переворотъ, произошедшій въ эпоху крестовыхъ походовъ, начавшюся торжествомъ церкви и вѣры, но въ своемъ концѣ приведшую къ подрыву ихъ влѣдствіе соприкосновенія съ другими религіями и міровоззрѣніями. Персиваль еще стоитъ на высотѣ глубоко вѣрующаго, несколько не затронутаго скептицизмомъ католика, а Bible Guyot не только заражена валденской ересью, но скрываетъ въ себѣ зародыши того разрушительнаго скептицизма, главнымъ носителемъ котораго явился 500 лѣтъ спустя Вольтеръ.

Историческая литература тоже проснулась послѣ многовѣковаго сна и оживилась опять благодаря крестовымъ походамъ, расшевелившимъ весь міръ. Великіе перевороты въ исторіи Франціи всегда создавали ару въ развитіи французской исторіографіи. Основаніе франкскаго государства Хлодвигомъ вызвало на свѣтъ Григорія Турскаго, великія дѣла Карла — льтописецъ Западной имперіи. Послѣ распадешя всемірной монархіи Карла захвля также и исторіографія; хроника Регино, написанная въ началѣ 10 столѣтія, была для той эпохи послѣдней попыткой къ изложенію всемірной исторіи, начиная отъ сотворешя міра. Съ этихъ поръ исторія имперіи вытѣняется какъ въ западномъ, такъ и въ восточномъ королевствѣ исторіей отдѣльныхъ областей. Унадокъ, въ которомъ на-

ходила Франція въ X и XI вѣкахъ, не могъ служить поощреніемъ для пера историка. Только Филиппъ Августъ и его внукъ Людовикъ IX пріобрѣли впервые выдающихся повѣствователей всѣхъ событій ихъ царствованія въ лицѣ Ригора (сконч. около 1209 г.) и Вильгельма Нанжи (сконч. около 1300 г.). Однако и въ этомъ случаѣ ближайшая причина подъема историографіи стоитъ въ самой тѣсной связи съ крестовыми походами. Изъ числа французскихъ историковъ этихъ десятилѣтій выдѣляется непосредственностью своихъ собственныхъ взглядовъ архіепископъ Тирскій Вильгельмъ (сконч. около 1190 г.); конечно, и онъ страдаетъ суевѣріемъ, отсутствіемъ критики и нетерпимостью. Въ XIII столѣтїи описаніе крестовыхъ походовъ переходитъ въ руки тѣхъ, которые непосредственно участвовали въ нихъ, т. е. рыцарей. Въмѣсто прежнихъ, написанныхъ на латинскомъ языкѣ монашескихъ хроникъ начинаютъ появляться во Франціи историческія сочиненія, проникнутыя духомъ рыцарства. Готфридъ Виллегардунцъ (отъ 1160—1213 г.) описываетъ съ драматической живостью и ни предъ чѣмъ не останавливающейся любовью къ истинѣ тотъ четвертый крестовый походъ, который передалъ на цѣлыя десятки лѣтъ господство надъ Византійской имперіей въ руки сѣверно-французскаго фландрскаго графа Балдуна и его преемниковъ (срав. т. V, стр. 103). Жанъ Жуанвиль (род. 122⁴/₅ г., сконч. 1318⁸/₉ г.) изображаетъ безъ прикрасъ, съ задушевной искренностью и глубокимъ религіознымъ чувствомъ характеръ и дѣянія Людовика Святого. Такимъ образомъ историографія тоже освободилась отъ исключительнаго господства церкви и пріобрѣла національную окраску. Напротивъ того, богословіе, философія и нѣкоторыя искусства, именно живопись, архитектура и музыка, все еще отдавали себя почти безусловно на служеніе церкви.

6. Внутренняя и внѣшняя политика Капетинговъ.

Царствованія первыхъ трехъ преемниковъ Гуго Капета, Роберта II (996 г.—1031 г.), Генриха I (1031 г.—1060 г.) и Филиппа I (1060 г.—1108 г.), были лишены всякаго значенія и отличаются полнымъ отсутствіемъ выдающихся событій. Всѣ эти короли вели непрерывную борьбу съ нормандскими герцогами, пока эти послѣдніе не пашли для себя въ Англіи обширнаго поприща для своего властолюбія и честолюбія. Филиппъ I не отличался ничѣмъ кромѣ своего дородства; вдобавокъ онъ затѣялъ раздоръ съ папой, удаливши отъ себя свою законную жену, — поэтому церковныя хроникѣ относятся къ нему съ особеннымъ недоброжелательствомъ.

А. Стремленіе Капетинговъ къ упроченію своей династіи.

Первымъ изъ преемниковъ Гуго Капета, который имѣетъ значеніе для всемірной исторіи, былъ Людовикъ VI (1108 г.—1137 г.), хитрый дипломатъ, не лишенный военнаго таланта, къ тому же находившійся подъ руководствомъ своего умнаго канцлера Сугерія, аббата монастыря Сенъ-Дени (стр. 220). Его стремленія были направлены главнымъ образомъ къ расширенію могущества своей династіи за счетъ вассаловъ. Онъ пользовался ихъ возмущеніемъ противъ короля (стр. 221), какъ предлогомъ для конфискаціи той или другой части ихъ владѣній; такъ, наиримѣръ, онъ захватилъ всѣ земли нѣкоторыхъ занимавшихся разбоемъ рыцарей, жившихъ въ коронной землѣ короля, Иль-де-Франсъ, и грабившихъ церкви. Благодаря этому онъ заслужилъ имя старшаго сына церкви, завязать тѣсныя сношенія съ папой Калликстомъ II, сторону котораго онъ принялъ въ борьбѣ между папой и королемъ Генрихомъ V; пристрастные къ легендамъ церковныя лѣтописцы возвели его впоследствии въ чудотворца, исцѣлявшаго страдающее человѣчество отъ проказы и т. д. однимъ при-

косновеніемъ своей руки. Конечно, и у него возникали иногда распри съ духовенствомъ его собственной страны и съ Римомъ такъ же, какъ и у великаго другого короля, который хотѣлъ оградить свое собственное положеніе и положеніе своей страны, но всѣ онѣ заканчивались примиреніемъ. Въ смутахъ, возникавшихъ въ его собственныхъ владѣніяхъ, напимѣръ, въ раздорахъ изъ-за престолонаслѣдія, имѣвшихъ мѣсто въ сосѣдней Фландріи и въ Англии, въ которой корону вырывали другъ у друга изъ рукъ два его вассала¹, онъ тоже стоялъ на стражѣ правъ и международнаго положенія Франціи.

Самое важное значеніе по своимъ послѣдствіямъ имѣло его стремленіе къ обезпеченію за своимъ сыномъ Людовикомъ VII права на престолъ въ фактически независимой Аквитаніи посредствомъ брака его съ принцессой Элеонорой. Этотъ преемникъ Людовика VI отличался своей искусной политикою постольку, поскольку имъ руководилъ аббатъ Сугерій. По совѣту этого человека, котораго одинъ слишкомъ лѣтвивый историкъ надѣлилъ прозвищемъ средневѣковаго Ришелье, король далъ права и вольности развившимся городамъ, поднялъ престижъ королевскихъ судовъ, привелъ въ порядокъ и умножилъ свою казну, а также поощрялъ науки и искусства. Однако его королевство, раздираемое партійными распрями, погибло бы уже во время его безславнаго крестоваго похода (въ 1147 г., срав. ниже, стр. 239), не будь при этомъ Сугерія съ его энергичнымъ характеромъ; а самымъ непонятнымъ его политическимъ прегрѣшеніемъ было то, что онъ оттолкнулъ отъ себя свою жену; хотя она измѣняла ему, но зато въ ея лицѣ за французской династіей обезпечивались важныя владѣнія, а вмѣстѣ съ ней Аквитанія досталась по волѣ самого французскаго короля наслѣднику англійскаго престола Генриху Анжуйскому (Генриху II) въ 1152 г. Такимъ образомъ въ руки англійскаго государя попали, кромѣ его французскихъ родовыхъ владѣній (Анжу и Турень, Нормандія и Менъ), также Гіенъ, Пуату, Овернь, Лимузенъ, Перигоръ, Анжумуа и Гасконь; въ общемъ ему принадлежала вся Западная Франція. Хотя онъ оставался номинально ленникомъ французскаго короля, это внѣшнее подчиненіе не имѣло никакого значенія, такъ какъ фактически англійскій король былъ гораздо могущественнѣе своего леннаго господина. Изъ мести къ своему противнику, который такъ ловко обошелъ его, Людовикъ VII вступилъ въ союзъ съ возмущившимися противъ Генриха II сыновьями его (стр. 225) и поддерживалъ поднятое ими возстаніе въ теченіе цѣлыхъ 20 лѣтъ, но, въ концѣ-концовъ, побѣда осталась за его противникомъ.

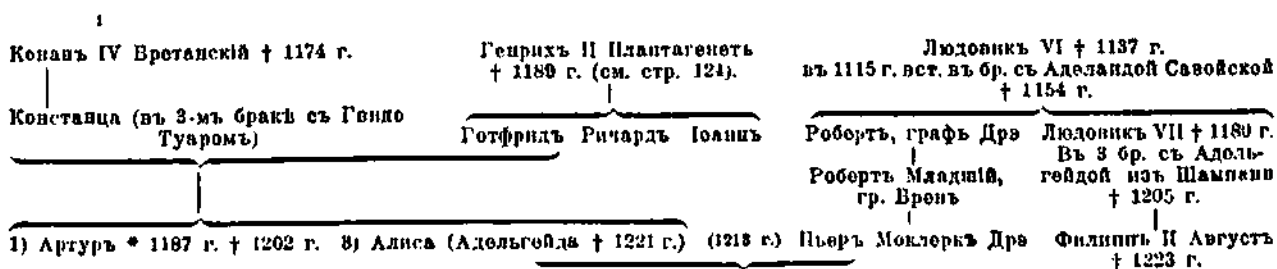
Заслуга освобожденія Франціи отъ этихъ англійскихъ клещей принадлежитъ сыну и преемнику Людовика VII Филиппу II Августу, который игралъ въ исторіи гораздо большую роль, чѣмъ его отецъ, и который совмѣщалъ въ себѣ военныя способности съ дипломатическимъ талантомъ. Главная цѣль, которой онъ задавался, состояла въ упроченіи династіи и въ укрѣпленіи единства французскаго государства. Такъ какъ путемъ мирныхъ переговоровъ невозможно было достигнуть этой цѣли, то онъ вынужденъ былъ воевать цѣлыхъ 26 лѣтъ изъ всѣхъ 43 лѣтъ своего царствованія (отъ 1180—1223 г.). Онъ устранилъ свою мать Адельгейду отъ вліянія на его отношенія къ Шампани и ея братьямъ; своего политическаго руководителя, графа Фландрскаго Филиппа, онъ быстро отстранилъ отъ себя.

Вильгельмъ Завоеватель Нормандскій, Король Англійскій 1066—87 г.			
Генрихъ I † 1118 г.	Адель	Стефанъ, графъ Блуа † 1102	
Магилда † 1167 г.		Стефанъ Блуа, король англійскій 1135—54 г.	
1127: отъ брака со вторымъ мужемъ, Жофруа Анжуйск. † (1150 г.)			
Генрихъ II Плантагенеть † 1189 г.			
1152: въ супруж. съ Элеонорой, пасякли Гіенн, Пуату и т. д. († 1204 г.: см. стр. 123)			

Своимъ успѣхомъ онъ былъ обязанъ главнымъ образомъ раздорамъ между его противниками. Подобно своему отцу, который былъ союзникомъ сыновей англійскаго короля Генриха II, онъ добился ленной присяги на вѣрность отъ второго сына того же Генриха, Готфрида. Гордый Ричардъ Львиное Сердце тоже вынужденъ былъ принести такую присягу еще до своего вступленія на престолъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ Филиппъ Августъ угрожалъ ему захватомъ родовыхъ владѣній Ричарда при помощи феодальной аристократіи Пуату. Послѣ смерти Генриха II (сконч. въ 1189 г.) Филиппъ Августъ старался обезвредить его преемника, этого самаго Ричарда, опаснаго благодаря его страсти къ приключеніямъ и воинственности; для этой цѣли онъ предпринялъ послѣ паденія Иерусалима (въ 1187 г.) въ союзѣ съ новымъ англійскимъ королемъ третій крестовый походъ 1190 г., при чемъ Филиппъ Августъ фигурировалъ скорѣе въ роли тюремщика, чѣмъ союзника Ричарда. Уже послѣ взятія Сентъ-Жанъ-д'Акра (Акки) онъ покинулъ своего англійскаго союзника на произволъ судьбы и вернулся обратно въ Парижъ уже въ концѣ декабря 1191 года. Вопреки данной имъ клятвѣ не предпринимать ничего противъ Ричарда онъ напалъ на французскія владѣнія этого послѣдняго. Ричардъ случайно былъ взятъ въ плѣнъ, и это печальное приключеніе (срав. выше, стр. 125) помѣшало ему оказать надлежащее сопротивленіе. Послѣ его освобожденія и дальнѣйшаго продолженія войны въ роли посредника выступилъ папа Иннокентій III; 13 января 1199 г. было заключено между обоими королями перемиріе на 5 лѣтъ; но вскорѣ послѣ этого, 6 апрѣля, послѣдовала смерть Ричарда.

Съ братомъ и преемникомъ Ричарда, Иоанномъ Безземельнымъ, Филиппъ былъ нѣкогда въ союзѣ противъ плѣннаго короля. Теперь Филиппъ призвалъ его, какъ ленный суверенъ, къ суду пэровъ, состоявшему изъ 6 духовныхъ и 6 свѣтскихъ магнатовъ: французскій король обвинялъ Иоанна, какъ соучастника, въ убійствѣ его собственнаго племянника Артура Бретанскаго (въ 1202 г.)¹. Иоаннъ не призналъ правильной этой, во всякомъ случаѣ необычайной, судебной процедуры и не явился поэтому къ суду по требованію Филиппа. Тогда Филиппъ объявилъ его лишеннымъ всѣхъ его французскихъ леновъ и захватилъ всѣ англійскія владѣнія вплоть до Гіени (1204—1206 гг.)

Кромѣ этихъ областей французская династія приобрѣла еще отчасти силой оружія, отчасти по наслѣдству Вермандуа, Валуа, Артуа и Амьенскій округъ. Въ это же время было подготовлено присоединеніе Бретани, фактически состоявшееся въ концѣ XV столѣтія. Ради этой цѣли былъ устроенъ бракъ сводной сестры убитаго Артура съ двоюроднымъ братомъ Филиппа. Въ теченіе промежутка времени между 1208—1212 гг. у Иоанна были полныя руки хлопотъ съ папой Иннокентіемъ III и своими собственными непокорными вассалами, и ему пришлось примириться съ потерей своихъ владѣній во Франціи. Признавши Англію папскимъ лепомъ (15 мая 1213 г.) и освободившись благодаря этому отъ церковнаго отлученія, онъ сплотилъ большой союзъ противъ Филиппа, начало которому было положено еще въ 1212 г. На сторону англійскаго короля стали Оттонъ IV

Брауншвейгскій, который остался единственнымъ, немѣющимъ соперниковъ германскимъ императоромъ (въ 1208 г., стр. 127), графъ Фландрскій Феррагъ и многіе изъ крупныхъ феодаловъ Сѣверной Франціи. Тѣмъ не менѣе Филиппъ одержалъ при Бувиинѣ, деревнѣ между Лиллемъ и Турнэ, самую блестящую изъ всѣхъ побѣдъ этого вѣка надъ Оттономъ IV и графомъ Фландрскимъ (27 іюля 1214 г.), а въ то же время его сынъ Людовикъ (VII) прогналъ изъ Пуату и Бретани англійскаго короля и его французскихъ союзниковъ. Въ маѣ 1216 г. Людовикъ перешелъ даже въ Англію, встрѣтилъ поддержку со стороны бароновъ, возмущившихся противъ короля вслѣдствіе отмены имъ Великой Хартии 1215 г., и не испугался даже паны, который грозилъ ему отлученіемъ отъ церкви. 10 октября король Іоаннъ скончался; тѣмъ не менѣе Людовикъ вернулся въ Англію также и въ слѣдующемъ году, но не достигъ прочныхъ успѣховъ, такъ какъ его войско пострадало на морѣ. Какъ и во времена Карла, главнымъ препятствіемъ оказался недостатокъ флота.

Между тѣмъ французскій король составилъ планъ дальнѣйшаго расширенія владѣній своей династіи, которая уже простиралась отъ устьевъ Луары до границъ Фландріи. Начиная, приблизительно, съ 1173 г., въ Южной Франціи зародилась „реформація“, какъ предшественница реформаціи“, грозившая подорвать основы католической церкви. Ліонскій купецъ Пьеръ де Во (Petrus Valdez или Valdus) основалъ секту, члены которой странствовали съ одного мѣста на другое въ подражаніе Христу и его ученикамъ, проповѣдывали, жили на подаяніе, собранное сообщами, и возвѣщали въ своихъ обращеніяхъ къ народу, что настала часъ гибели развратившейся видимой церкви, т.-е. римско-католической, и торжества невидимой, т.-е. ихъ собственной общины. Они отвергали всѣ церковныя обряды за исключеніемъ причащенія дѣтей и признавали, что прощеніе грѣховъ зависитъ только отъ милости Божьей, а церковное отпущеніе ихъ не имѣетъ силы. Эти фанатики, вышедшіе изъ народа и совмѣщавшіе въ себѣ, по большей части, вѣнчанное убожество съ внутреннимъ, собирали вокругъ себя много народа; они читали проповѣди, разъясняли Св. Писаніе, занимались благочестивыми упражненіями и даже причащали народъ; эта секта распространилась по Италіи, Испаніи и Германіи. Представители ея ссылались на Новый Заветъ и на отрывки изъ твореній Отцовъ Церкви въ переводѣ Вальдуса, который вставлялъ произвольно въ текстъ намеки на католическую церковь и изображалъ, напримѣръ, фарисеевъ въ такихъ словахъ, которыя должны были относиться къ римскому духовенству. Сектанты присваивали себѣ духовное званіе, чего курія не могла имъ простить; обманувшись въ своей надеждѣ, что изъ этой секты разовьется монашескій орденъ, достойный ея одобренія, она объявила вальденцевъ въ 1184 году отлученными отъ церкви и выступила съ миссіонерскою проповѣдью противъ этой духовной заразы.

Альбигойцы, такъ назывались представители секты вальденцевъ на югѣ Франціи, приобрѣли себѣ могущественнаго покровителя въ лицѣ графа Тулузскаго Раймунда VI, рыцаря, любившаго роскошную жизнь, владѣвшаго 50 сличкомъ городами и бывшаго господиномъ 100 сличкомъ ленниковъ. Петръ Кастельнау, одинъ изъ легатовъ Иннокентія, былъ закованъ въ январѣ 1208 года однимъ изъ ленниковъ графа; въ наказаніе за это напа, отличившійся необычайною горячностью, подвергъ отлученію Раймунда и всѣ его владѣнія. Церковь стала проповѣдывать крестовый походъ противъ альбигойцевъ, въ которомъ вынужденъ былъ принять участіе также и графъ Раймундъ для того, чтобы освободиться этой цѣной отъ церковной кары. Помимо жадности и честолюбія многіе рыцари стеклись подъ знамена Симона IV, графа Монфора, ставшаго во главѣ крестоваго похода, также по слѣдующей причинѣ: сѣверные французы, какъ полугерманцы, питали никогда не потухавшую ненависть къ романскому

населенію Южной Франціи. Даже король Филиппъ Августъ прислалъ свой отрядъ; однако официально онъ держался въ сторонѣ отъ этого похода для истребленія еретиковъ изъ недовѣрія къ Риму. Такъ какъ у Монфора было больше 50.000 войска, то всѣ главныя укрѣпленія знатныхъ покровителей альбигойской секты мало-по-малу перешли въ его руки. Дикія полчища угрожали также и Тулузѣ, такъ какъ графъ отказался выдать еретиковъ, укрывшихся въ его столицѣ. Церковь не въ силахъ была остановить разъярившихся волнъ этого свирѣпаго движенія противъ еретиковъ. Хотя Иннокентій охотно хотѣлъ бы спасти графа, но онъ не рѣшился выступить повелительнымъ тономъ противъ фанатическаго Монфора и его хищныхъ приближенныхъ. Въ 1213 году Раймундъ лишился всѣхъ своихъ владѣній, которыя перешли къ самому Монфору на правахъ папскаго лена; только одна небольшая полоса земли была оставлена сыну Раймунда Раймунду VII. Послѣ смерти Монфора (въ 1218 году) его сынъ Амори VI уступилъ эти земли, причинившія ему много хлопотъ, Людовику VIII (въ 1226 году). Несмотря на оказанное имъ упорное сопротивленіе, Раймундъ VII оказался въ состояніи спасти только небольшую часть своего отцовскаго наслѣдія (въ 1229 году; сконч. въ 1249 г.). Въ 1271 году послѣ смерти Альфонса Пуатье, брата Людовика IX, состоявшаго въ супружествѣ съ Жанной, дочерью Раймунда Тулузскаго, Тулузское графство было присоединено къ французской коронѣ. Такимъ образомъ владѣнія династіи Капетинговъ охватили все пространство отъ Сены до Средиземнаго моря.

Лукавая политика Филиппа Августа оправдала его расчеты также и на этотъ разъ. Предугадывая, что богатое графство Тулузское не уйдетъ, въ концѣ-концовъ, изъ его собственныхъ рукъ или изъ рукъ его династіи, онъ предоставилъ церкви вести эту проклятую войну противъ еретиковъ въ полной увѣренности, что всѣ выгоды отъ нея достанутся на его долю. Людовикъ VII (отъ 1209 до 1226 года) завоевалъ послѣдніи остатки англійскихъ владѣній во Франціи, не исключая Бордо и Гаскони. Однако Людовикъ IX, который не полагался на измѣнчивое военное счастье и стремился къ прочному мирному соглашенію, возвратилъ англійскому королю Генриху III въ видѣ леннаго владѣнія въ 1259 году округа Лиможъ, Сентонжъ, Ажапъ, Керси, но удержалъ за собой главную часть бывшихъ англійскихъ владѣній, Нормандію, Бретань, Анжу, Пуату, Мэнъ и Туренъ. Только въ 1297 году Филиппъ Красивый возвратилъ себѣ обратно почти всѣ уступленныя Англій владѣнія послѣ войны съ Англійей, въ которой шотландцы были на сторонѣ французскаго короля. Англо-нѣмецко-фландрскій союзъ, заключенный англійскимъ королемъ Эдуардомъ I 21 августа 1227 г. по образцу союза 1212—1214 года и соглашенія, состоявшагося въ 1278 г. между нимъ и Рудольфомъ Габсбургскимъ, разстроился въ 1227 г. вслѣдствіе небрежности германскаго короля Рудольфа Нассаускаго. Тѣмъ не менѣе Филиппъ Красивый потерпѣлъ страшное пораженіе въ своей борьбѣ съ демократическими бюргерами городовъ Брюгге и Иперпа въ „битвѣ шпоръ“ около Куртрэ (Куртрика; 11 іюля 1332 г.); онъ обязанъ скорѣе своимъ дипломатическимъ талантамъ, чѣмъ побѣдѣ, одержанной имъ при Монс-ан-Певеле (древнѣйшая форма этого названія: Монс-ан-Пюэль: по-фламанд.—Певелебергъ) тѣмъ своимъ успѣхомъ, что онъ приобрѣлъ по мирному договору, заключенному имъ съ графомъ Робертомъ Бетюномъ, пресмшникомъ Гвидо Дамьера, въ Атисъ-сюръ-Оржэ въ іюнѣ 1305 г., города Лилль, Дуэ и Бетюнъ въ качествѣ залога. Короныя владѣнія въ самой Франціи расширились еще въ царствованіе Филиппа III благодаря присоединенію графствъ Валуа и Оверни, взамѣнъ которыхъ Церковной Области былъ уступленъ Венесепъ (въ 1271 г.). Безплодной оказалась попытка этого воинственнаго государя возвратитъ обратно своей династіи посредствомъ войны съ Арагоніей въ 1275 г. также и

Сицилію, изъ которой его дядя Карль Анжуйскій былъ изгнанъ послѣ „Сицилійской вѣчерн“ 30 марта 1271 г. Къ сожалѣнію, Капетинги сами уменьшили расширившіяся и округленныя владѣнія своей династіи благодаря тому, что они выдѣляли удѣлы для младшихъ принцевъ, и во вторую половину XIII столѣтія такихъ удѣловъ уже имѣлось 8. Владѣльцамъ такихъ удѣловъ короли предоставляли право вести свою собственную внѣшнюю политику и вовлекать такимъ образомъ корону въ военныя столкновения (срав. поведение Карла Анжуйскаго въ 1266 г., стр. 129).

Б. Отношенія между Франціей и Германскою имперіей.

Капетинги избѣжали ошибки послѣднихъ Каролинговъ, которые вели непрерывныя войны съ болѣе сильной Германскою имперіей къ собственному вреду. Такъ какъ Капетинги были заняты внутренней борьбой съ непокорными вассалами, а въ послѣдствіи войнами съ другими государствами, то они стремились скорѣе къ союзу съ носителями императорской короны, чѣмъ къ столкновенію съ ними. Въ своихъ дипломатическихъ сношеніяхъ съ имперіей французскіе короли ведутъ себя, какъ подчиненные или, во всякомъ случаѣ, какъ стоящіе на второмъ планѣ, до тѣхъ поръ пока императорская власть не пришла въ упадокъ послѣ прекращенія династіи Штауфеновъ и для французскихъ королей не представилось удобнаго случая къ отторженію тѣхъ или другихъ частей отъ сосѣдняго государства.

Дружественныя отношенія съ Германіей поддерживались обоими ближайшими преемниками Гуго Капета, Робертомъ и Генрихомъ I. Король Робертъ замышлялъ вмѣстѣ съ императоромъ Генрихомъ II и папой Бенедиктомъ VIII союзъ для огражденія всеобщаго мира вродѣ нынѣшняго тройственнаго союза. Оба свѣтскихъ государя съѣхались въ Ивуа на рѣкѣ Шьерѣ въ августъ 1023 г. Во время этихъ переговоровъ Франція слова признала верховную власть Германіи надъ Лотарингіей. Однако мирныя стремленія, о которыхъ мы говорили, не были осуществлены, такъ какъ и императоръ, и папа скончались уже въ слѣдующемъ году. Приобрѣтеніе германскимъ императоромъ Конрадомъ II въ 1033—1034 г. Бургундіи послѣ смерти бездѣтнаго короля Рудольфа III (въ 1032 г.) тоже было облегчено благодаря содѣйствію французскаго короля Генриха I: оба монарха имѣли общаго врага въ лицѣ Одо Шампанскаго, который хотѣлъ принудить силой Генриха къ признанію своего лена наслѣдственнымъ и пытался отстоять свои притязанія на Бургундію противъ Конрада силой оружія. Даже съ императоромъ Генрихомъ III, супруга котораго Агнеса принадлежала къ Аквитанскому дому (стр. 109), Франція поддерживала недурныя отношенія. Столкновение между обоими этими государствами, которое готово было всыхнуть въ тотъ моментъ, когда Готфридъ II Бородатый (стр. 110), лишенный своихъ правъ на Нижнюю Лотарингію Генрихомъ III, искалъ защиты у французскаго короля, было устранено (въ 1045 г.) послѣ того, какъ этотъ лотарингскій претендентъ былъ заточенъ въ замкъ Гибихенштейнъ, недалеко отъ Галле, на рѣкѣ Заалѣ.

Въ продолжительную распрю между Генрихомъ IV и папами французскіе короли не вмѣшивались изъ предусмотрительности; но Людовикъ VI вступился за папу Калликста II противъ Генриха V (стр. 222), и это чуть было не повело къ вооруженному столкновенію между обоими государствами. Однако вѣрность французскихъ вассаловъ, въ особенности Тибо Влуа, своему королю, все болѣе развивавшееся національное сознаніе французовъ и обострившееся противорѣчіе между Германіей и Франціей удержали въ 1124 г. деспотическаго императора отъ подобнаго шага (въ 1124 г.). Вообще, старанія французскихъ королей воздерживаться отъ вмѣшательства въ вѣчныя распри между императоромъ и папой изъ-за пер-

венства и не оказывать поддержки ни одной изъ борющихся сторонъ свидѣтельствуютъ объ ихъ разумномъ политическомъ тактѣ. Такъ поступилъ, напримѣръ, Филиппъ II Августъ во время столкновенія между властолюбивымъ папой Иннокентіемъ III сперва съ Филиппомъ Швабскимъ, а затѣмъ съ Оттономъ IV (стр. 127), несмотря на то, что тотъ же папа подвергъ французскаго короля отлученію отъ церкви въ январѣ 1200 г. за то, что послѣдній не хотѣлъ пожертвовать своей любовницей, Агнесой Меранской (въ 1201 г.), ради своей второй жены Ингеборги Датской (сконч. въ 1236 г.), которую онъ удалилъ отъ себя и разводъ съ которой былъ признанъ папой недѣйствительнымъ. Только родственныя отношенія между Вельфомъ Оттономъ и англійскими королями привели къ той войнѣ, которая закончилась побѣдой французовъ при Бувинѣ (стр. 235). Людовикъ Святой тоже принималъ участіе въ страстномъ спорѣ между папой Иннокентіемъ IV и Штауфеномъ Фридрихомъ II лишь постольку, что онъ предложилъ спорящимъ сторонамъ свои посредническія услуги и воспользовался въ интересахъ французской политики Лионскимъ соборомъ, отлучившимъ Фридриха отъ церкви (въ 1245 г., ср. стр. 129).

Филиппъ Красивый первый сталъ подумывать о томъ, чтобы извлечь для Франціи выгоды за счетъ Германіи. Будучи противникомъ папы Бонифація VIII вмѣстѣ съ королемъ Альбрехтомъ I, котораго Римъ еще не хотѣлъ признавать въ то время, онъ сошелся въ декабрѣ 1299 г. съ германскимъ королемъ въ Валь-де-Лонѣ около Туля для того, чтобы окончательно сговориться съ германскимъ королемъ о предполагавшемся еще въ августѣ бракосочетаніи сестры французскаго короля Бланки (сконч. въ 1365 г.) съ сыномъ Альбрехта Рудольфомъ, которому предстояло унаследовать Австрію; французскій король сталъ на сторону Габсбурговъ еще при жизни Адольфа Нассаускаго.

Своему первородному сыну германскій императоръ собирался передать императорскій престолъ, и благодаря этому между Филиппомъ Красивымъ и Германіей установились самыя тѣсныя и выгодныя для Франціи отношенія. Филиппъ поддерживалъ дружественныя по внѣшности отношенія также съ преемникомъ Альбрехта Генрихомъ VII послѣ того, какъ надежды брата Филиппа Карла Валуа не оправдались (стр. 137). Полуфранцузъ, полулюксембуржецъ Генрихъ VII согласился въ 1310 г. на принятіе отъ принца Филиппа (V) ленной присяги на владѣніе пфальцграфствомъ Бургундскимъ, которое уже было присвоено Франціей (не отказываясь однако отъ своихъ правъ на гор. Лионъ, тоже принадлежавшій имперіи, но занятый въ іюнѣ 1310 г. французскими войсками). Германскій императоръ искалъ поддержки противъ Габсбурговъ, между прочимъ, для безпрепятственнаго окончанія своего римскаго похода. Тѣмъ же менѣе Филиппъ старался подъ рукою помѣшать планамъ Генриха въ Италіи при посредствѣ своего родственника Роберта Неаполитанскаго¹ и гвельфскихъ приверженцевъ папы Клементя V, который былъ вполне зависимъ отъ французскаго короля и былъ водворенъ насильственно въ Авиньонъ.

В. Крестовые походы французскихъ королей.

Такого же выжидательнаго поведенія, какъ по отношенію къ Германской имперіи, Капетинги держались также по отношенію къ отдѣльнымъ эпизодамъ крестовыхъ походовъ, взволновавшимъ весь міръ, несмотря на то, что три французскихъ короля одѣли на себя крестъ. Походы въ

Людовикъ VIII, † 1226 г.

Людовикъ IX, † 1270 г.

Филиппъ III, † 1285 г.

Филиппъ IV, † 1314 г.

Карль Лижуйскій и Неаполитанскій, † 1295 г.

Карль II Неаполитанскій †, 1309 г.

Робертъ, † 1313 г. (см. т. V, стр. 390).

Святую Землю начались впервые по инициативѣ французскаго и полуфранцузскаго рыцарства, но не французскихъ королей. Въ числѣ предводителейъ первыхъ крестовыхъ походовъ мы встрѣчаемъ такія славныя имена, какъ Готфрида Бульонскаго и его брата Балдуина, нормандца Боэмунда II Тарентскаго, припца Гуго Вермандуа, Стефана Блуа (Старшаго; стр. 233; но король Филиппъ I, въ то время (1094—1096 г.) отлученный отъ церкви за свой нецерковный бракъ (въ 1092 г.), держался въ сторонѣ. Мало того, даже заслуга духовной инициативы какъ въ этомъ, такъ и въ двухъ послѣдующихъ походахъ принадлежитъ папству. Первый крестовый походъ осуществился благодаря личному вмѣшательству папы Урбана II въ пренія, происходившія на Клермонскомъ соборѣ поздней осенью 1095 г. Смѣшанныя толпы крестоносцевъ состояли изъ людей, дѣйствовавшихъ подъ вліяніемъ весьма различныхъ причинъ и побужденій. На предводителей и на искренно вѣрующихъ рядовыхъ крестоносцевъ дѣйствовало пылкое стремленіе къ освобожденію тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ училъ и страдалъ Спаситель, страстная ненависть ко всемъ врагамъ христіанской церкви, а вдобавокъ еще стремленіе къ славлѣ, господству, честолюбію, погоня за приключеніями, надежда на загробное вознагражденіе за подвиги, совершенныя въ Св. Землѣ, и обѣщанія папы, что крестоносцамъ будутъ отпущены все грѣхи. Громадное большинство крестоносцевъ отправлялось въ походъ ради добычи и грабежа, для улучшенія своего матеріальнаго положенія, стѣсненнаго вслѣдствіе великаго экономическаго переворота, разрушившаго въ XI столѣтіи крестьянское натуральное хозяйство и приведшаго къ капиталистическому крупному владѣнію, вслѣдствіе крайняго обѣднѣнія и стремленія къ сказочнымъ сокровищамъ и чудесамъ Востока и изъ другихъ тому подобныхъ нечистыхъ побужденій. Провести рѣзкую черту между религіозными и свѣтскими побужденіями первыхъ крестоносцевъ, между низменными и возвышенными цѣлями ихъ — это такъ же трудно, какъ отдѣлить, въ какой мѣрѣ церковная политика папства руководствовалась стремленіемъ къ распространенію христіанства и къ вытѣсненію язычниковъ и въ какой погоней за всемірнымъ господствомъ и обогащеніемъ церкви, которой досталось наследство отъ многихъ крестоносцевъ, пропавшихъ безъ вѣсти на чужбинѣ. Что касается приморскихъ городовъ Италіи и Франціи, то для нихъ служили приманкой торговыя интересы и выгодныя коммерческія дѣла; богатые купцы Генуи захватили въ свои руки монополію перевозки крестоносцевъ, и ихъ суда приносили богатые барыши.

Французскій король не принялъ никакого рѣшительнаго участія не только въ первомъ, но и во второмъ крестовомъ походѣ 1147 г. Евгеній III, глашатаемъ котораго былъ восторженный фанатикъ Бернардь Клервосскій, объединилъ между собою для общаго похода въ Св. Землю обоихъ могущественнѣйшихъ государей тогдашней Средней Европы, императора Конрада III и короля Людовика VII, изъ которыхъ первый поддавался весьма неохотно, а второй, напротивъ того, отправлялся въ походъ весьма охотно, изъ желанія загладить свои тяжелыя грѣхи: во время своего столкновенія съ навязаннымъ ему папой епископомъ и покровителемъ послѣдняго Тибо Шампанскимъ Людовикъ сжегъ 1,000 чело- вѣкъ въ церкви, въ г. Витри, стало быть, въ освященномъ религіей убѣжищѣ. Въ это время крестоносцы, бывшіе въ Св. Землѣ, оказались въ весьма тяжеломъ положеніи (ср. объ этомъ ниже въ спеціальн. отд.): Эдесса пала въ 1144 г., Иерусалиму угрожала такая же участь. Къ тому же энтузіазмъ, вызванный крестовыми походами, уже потухалъ; рассказы возвращающихся крестоносцевъ о лишенияхъ, испытанныхъ ими, наводили страхъ и разрушали мечты о чудесныхъ сокровищахъ Востока. Самъ одѣвній на себя крестъ король Людовикъ обратился къ аббату Бернару съ той просьбой, чтобы онъ воодушевилъ массы къ крестовому по-

ходу со свойственнымъ ему могучимъ даромъ слова. Бернаръ отказался, ссылаясь на весьма основательную причину: легче бороться со своей собственной душой, чѣмъ съ невѣріемъ другихъ. Тѣмъ не менѣе различные благородныя и неблагородныя побужденія подняли на ноги много десятковъ тысячъ людей въ одной только Франціи. Какъ и въ первомъ крестовомъ походѣ, главной причиною громаднхъ потерь была затруднительность снабженія провіантомъ такого громаднаго числа людей и поддержания дисциплины среди нихъ. Въ Никеѣ Людовикъ и его сравнительно дисциплинированное войско столкнулись въ ноябрѣ 1147 г. съ падменнымъ германскимъ императоромъ Конрадомъ III, войска котораго были уже сильно ослаблены и на котораго Византія смотрѣла съ педовѣріемъ.

Черезъ короткое время Конрадъ заболѣлъ, и этотъ непріятный гость вернулся въ Константинополь съ значительной частью еще уцѣлѣвшаго остатка своихъ войскъ. Остальная часть была покинута французами на произволь судьбы и погибла отъ меча сельджуковъ. Въмѣсто того, чтобы завоевать Эдессу, Людовикъ поспѣшилъ въ Іерусалимъ, чтобы принести покаяніе въ своихъ грѣхахъ. Въ апрѣлѣ 1148 г. онъ встрѣтился опять въ Іерусалимѣ съ вернувшимся изъ Византіи Конрадомъ, и оба короля рѣшили выступить въ походъ противъ Дамаска. Они подкрѣпили свои войска сѣверно-германскими и англійскими пилигримами, и всего набралось опять до 50,000 человекъ. Осада этого большого города не имѣла успѣха; она была снята (въ концѣ іюля), Конрадъ вернулся домой въ сентябрѣ 1148 года, а Людовикъ весной 1149 г.

Третій крестовый походъ, приведшій въ Св. Землю въ 1189—1192 гг. германскаго, французскаго и англійскаго королей и стоившій жизни императору Фридриху I, былъ дѣломъ рукъ папы Клементя III, примирившаго между собою разсорившихся противниковъ, Ричарда Львиное Сердце и Филиппа II Августа, и склонившаго къ крестовому походу сблизившагося снова съ папой Гогенштауфена. Мы уже видѣли выше, съ какой топкой дипломатіей велъ себя при этомъ случаѣ французскій король (стр. 234).

Людовикъ IX Святой дѣйствовалъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ рвенія къ христіанской религіи и къ церкви, когда онъ предпринялъ въ 1248 г. во главѣ многочисленныхъ феодаловъ съ ихъ подчиненными четвертый (шестой) крестовый походъ. Однако въ сердцѣ Людовика боролись между собою, по обыкновенію, два стремленія: одно безкорыстное, религіозное, другое своекорыстное, политическое.

Зимой 1248 и 1249 г., когда онъ сидѣлъ на островѣ Кипрѣ, не пришедши еще къ окончательному рѣшенію относительно дальнѣйшаго направленія своего похода, къ нему явилось посольство отъ неновѣдующихъ христіанскую вѣру монголовъ (т. II, стр. 90), которое склонило его къ рискованному походу противъ Египта, при чемъ онъ палъ въ глубинѣ души, что ему удастся основать французское государство на развалинахъ господства египетскихъ Айубидовъ, изъ Египта завоевать Сирію и создать такимъ образомъ новое поприще для честолюбія и властолюбія феодальной аристократіи, которая была опасна для него во Франціи, и болѣе широкія области для сбыта продуктовъ разросставшейся торговли и для купеческихъ факторій (см. выше, стр. 219). Эти мечты, похожія на тѣ планы, которые строилъ себѣ Бонапартъ въ 1798 г., разсѣялись очень быстро. Въ 1249 г. Людовикъ захватилъ Даміетту, несмотря на сопротивленіе мамелюковъ, пользовавшихся „греческимъ огнемъ“ (т. III, стр. 686); но на обратномъ пути изъ Элмансуры (въ 1250 г.) въ Нилской дельтѣ онъ былъ отрѣзанъ вмѣстѣ со своимъ войскомъ и взятъ въ плѣнъ. Самъ король и его знатные соратники выкупились на свободу за громадную сумму въ милліонъ византиновъ (8.000.000 марокъ), а незнатнымъ крестоносцамъ пришлось выбирать между смертью и ренегатствомъ. Послѣ этого Людовикъ оставался въ теченіе 4 лѣтъ въ Сиріи, рассчитывая на раздоры между

магометанами и на прибытіе подкрѣпленій изъ Европы; наконецъ, онъ вернулся домой съ небольшимъ числомъ вѣрныхъ соратниковъ. Цвѣтъ феодальной аристократіи погибъ во время этихъ долгихъ и опасныхъ приключеній. Еще до того энтузіазмъ къ крестовымъ походамъ упалъ настолько, что Людовикъ велѣлъ тайно принести кресты къ плащамъ своихъ ленниковъ для того, чтобы принудить ихъ къ участию въ крестовомъ походѣ посредствомъ обмана, а теперь пропалъ окончательно всякій интересъ къ чудесамъ Востока.

Людовикъ IX предпринялъ еще одинъ крестовый походъ (такъ называемый седьмой, въ 1270 г.), при чемъ онъ увлекался, вѣроятно, намѣреніемъ обратить въ христіанство тунисскаго эмира и расширить на африканской территоріи Южно-Итальянское государство своего брата Карла Анжуйскаго. Проведши на африканскомъ материкѣ нѣсколько недѣль почти безъ боя, Людовикъ палъ жертвой тамошняго климата (25 августа), а вмѣстѣ съ нимъ погибли самые близкіе къ нему изъ его соратниковъ и свиты.

7. Порабощеніе папъ.

А. Отношенія между Франціей и куріей между 800 и 1300 гг.

Карль Великій направлялъ по своему собственному усмотрѣнію церковныя дѣла своей обширной имперіи какъ въ административномъ, такъ и въ законодательномъ отношеніи; онъ былъ сувереномъ надъ папою и всею западною церковью. Послѣ его смерти положеніе дѣлъ измѣнилось: благодаря безсилію послѣднихъ представителей каролингской династіи возросла съ одной стороны власть епископовъ во Франціи, а съ другой стороны оно было на руку возростающему могуществу папства. Посредствомъ лже-исидоровыхъ декреталій (стр. 207) папство пыталось подчинить себѣ епископовъ, пользовавшихся независимой отъ него властью. Однако эти послѣдніе все еще удержали свою независимость, и духовенство сохранило за собою право выбирать епископовъ и аббатовъ. Капетинги стремились съ самаго начала къ освобожденію своего государства отъ Рима также и въ церковномъ отношеніи съ помощью епископовъ; они приобрѣли могущественныхъ союзниковъ въ лицѣ Арнульфа Орлеанскаго и собора 991 г. (стр. 209). Такъ какъ королямъ приходилось отстаивать свои права не только противъ духовной, но и противъ свѣтской аристократіи, то не могло быть рѣчи о продолжительномъ союзѣ между епископами и свѣтскою властью. Къ тому же, направленіе, исходившее изъ Ключицкаго монастыря и вскорѣ приобрѣвшее господство во французскомъ духовенствѣ, очищало дорогу притязаніямъ папы на верховную власть какъ въ церковныхъ, такъ и въ свѣтскихъ дѣлахъ. Изъ двухъ мечей, служившихъ символами духовной и свѣтской власти, одинъ отдавался по этому ученію главою церкви въ руки королей только временно, пока свѣтская власть остается покорной велѣніямъ духовной. До второй половины XI столѣтія какъ епископы, такъ и короли сохраняли свою независимость въ мѣстныхъ дѣлахъ, не исключая и тѣхъ, которые касались церкви. Монархи захватывали церковныя имущества, какъ и во времена Карла Мартелла; внутреннія смуты и войны съ норманнами нерѣдко заставляли аббатовъ и монастыри отдаваться подъ покровительство короля.

Папская власть усилилась за счетъ свѣтской какъ въ Германіи, такъ и во Франціи только благодаря Григорію VII. Черезъ своихъ легатовъ папа господствовалъ надъ французскою церковью и присвоилъ себѣ назначеніе епископовъ и аббатовъ. Онъ выступилъ противъ захвата церковнаго имущества монархами. Французская королевская власть еще не одержала окончательной побѣды надъ непокорною феодальною аристократіей и къ тому же находилась въ слишкомъ слабыхъ рукахъ; поэтому она была не

въ силахъ вынести борьбу съ такимъ энергичнымъ противникомъ. Несмотря на слабость преемниковъ Григорія, папство поднялось вновь на высоту благодаря сильному движенію въ пользу крестовыхъ походовъ, исходящему изъ Рима и систематически поддерживавшемуся папами. Въ это время французскій король Филиппъ I вынужденъ былъ уступить папѣ въ вопросѣ о своемъ бракѣ для того, чтобы цѣною этой уступки быть принятымъ обратно въ лоно церкви. Родственные отношенія (стр. 222, прим.) и господствовавшее во французскомъ духовенствѣ римское направление заставили его преемника перейти на сторону папъ въ спорѣ объ инвеститурѣ, несмотря на то, что папы возставали противъ признанія ленныхъ отношеній между духовенствомъ и свѣтской властью. На соборѣ въ Труа, происходившемъ въ присутствіи папы Пасхалиса II, было принято такое постановленіе, что всякое свѣтское лицо, которое дастъ инвеституру духовному лицу, должно быть отрѣшено отъ должности наравнѣ съ тѣмъ, который приметъ такую инвеституру. Поѣздка папы въ Труа походила на триумфальное шествіе. Въ монастырѣ Клуни его приняли, какъ посланника Божія.

Однако, чѣмъ болѣе усиливалась королевская власть и чѣмъ ниже падалъ престижъ папъ и церкви вслѣдствіе неудачи крестовыхъ походовъ, тѣмъ легче французскіе монархи могли думать о восстановленіи своей власти въ церковныхъ дѣлахъ. Филиппъ II Августъ былъ энергичнымъ пионеромъ этихъ стремленій. Хотя онъ уступилъ папѣ Иннокентію III въ вопросѣ о своемъ бракѣ (стр. 237), будучи вынужденъ къ этому тяжелыми послѣдствіями борьбы между королемъ и папой, которая испытывала Франція вслѣдствіе отлученія ея отъ церкви, и хотя онъ былъ въ теченіе нѣкотораго времени союзникомъ папы въ своей политикѣ, направленной противъ Англій, тѣмъ не менѣе онъ заботился старательно о томъ, чтобы епископы и аббаты исполняли свои ленныя обязанности, чтобы сохранялись въ неприкосновенности права свѣтской знати на патронатъ надъ монастырями и чтобы церковная юрисдикція не вторгалась въ область свѣтской. Когда онъ завоевалъ обратно владѣнія англичанъ во Франціи, то онъ узаконилъ всѣ права ленныхъ владѣльцевъ по отношенію къ церкви и заставилъ духовенство признать эти законы обязательными для себя. Съ имуществомъ, переходившихъ къ церкви путемъ покупки или дара, онъ взималъ амортизационную пошлину: происхожденіе этого термина объясняется тѣмъ, что церковныя имущества назывались *main morte*, мертвой рукой, такъ какъ въ нихъ отсутствовала частная собственность. Съ освободившихся вакантныхъ бенефицій онъ тоже взималъ выкупъ. Вообще онъ удерживалъ въ своихъ рукахъ всѣ права свѣтской власти по отношенію къ церкви или же заставлялъ духовенство откупаться по дорогой цѣнѣ.

Тѣмъ же духомъ проникнута политика Людовика Святого. Подъ его покровительствомъ образовался враждебный къ церкви союзъ французскихъ магнатовъ, во главѣ котораго стояли герцогъ Бургундскій, графы Бретанскій и Ангулемскій. Эти владѣтельные князья возставали рѣшительнымъ образомъ противъ вторженія церковной юрисдикціи въ свѣтскія дѣла, а также противъ поборовъ, взимающихся римской куріей подъ различными предлогами (въ 1246 г.). Такъ какъ аристократія обѣднѣла вслѣдствіе жадности духовенства, то союзъ требовалъ возвращенія церкви къ ея первобытной бѣдности и чистотѣ. Отлученіе отъ церкви и индигкты считались дѣйствительными только въ томъ случаѣ, когда они наложены съ согласія главы союза. Во всѣхъ этихъ требованіяхъ проглядываетъ вліяніе ученія вальденцевъ. Притомъ же эти угрожающія по отношенію къ папѣ рѣшенія были приняты въ такое время, когда папа Иннокентій IV жилъ на самой французской границѣ, въ Ліонѣ, тогда еще входившемъ въ составъ имперіи; на соборѣ 1245 г. французское духовенство оказало папѣ горячую поддержку въ его борьбѣ противъ императора

Фридриха II. Самъ король Людовикъ старался всеми силами воспротивиться денежнымъ поборамъ папы Иннокентія съ французскаго духовенства, вызываемымъ потребностью въ средствахъ для борьбы съ Гогенштауфенами. Съ самаго начала своего царствования онъ выступилъ дѣятельнымъ поборникомъ самостоятельности французской церкви. Въ одномъ королевскомъ приказѣ 1229 г. онъ установилъ ей льготы и вольности, поставилъ такимъ образомъ преграду церковнымъ и финансовымъ притязаніямъ папы, а спустя еще 10 лѣтъ онъ подчинилъ духовенство государственной юрисдикціи въ гражданскихъ дѣлахъ и ограничилъ право папы на отлученіе отъ церкви, которое было главнымъ оружіемъ куріи, упорядочилъ выборы духовныхъ лицъ, повысилъ ихъ въ санъ и переходъ духовныхъ должностей отъ одного лица къ другому по французской церкви и воспретилъ произвольные денежные сборы, взимаемые римской куріею. Такъ называемая „прагматическая санкція“, *sanctio pragmatique* 1268 г., въ теченіе долгаго времени считавшаяся основой позитивной галликанской національной церкви (напримѣръ, еще въ т. II, стр. 171 и 219), составляетъ поддѣлку, относящуюся къ срединѣ XV столѣтія и не принадлежитъ къ разбираемой эпохѣ.

Б. Столкновение между Филиппомъ Красивымъ и Бонифаціемъ VIII.

Въ теченіе долгаго времени обѣ стороны уклонялись отъ рѣшительнаго столкновенія; но это столкновение между куріей и французской королевской властью стало неизбежнымъ послѣ того, какъ на французскомъ престолѣ оказался правитель, отличавшійся властолюбиемъ и тонкимъ дипломатическимъ талантомъ, въ лицѣ Филиппа Красиваго, а папой сталъ Бонифацій VIII (1294—1303 г.), который возобновилъ снова съ прежнимъ упорствомъ притязанія Григорія VII и Иннокентія III на всемірное господство. 25 января 1295 г. Бонифацій совершилъ свой въѣздъ въ Римъ съ большимъ торжествомъ и короновался на папскій престолъ, предварительно заставивши отречься своего предшественника, бывшего папистиника Целестина V (отъ 5 іюля до 13 декабря 1294 г.). До самой своей смерти, послѣдовавшей 19 мая 1296 г., Целестинъ оставался въ заточеніи. Въ видѣ символа двойной власти папы, свѣтской и духовной, онъ придѣлалъ къ папской тиарѣ второй обручъ. Отъ восточной церкви онъ потребовалъ, чтобы она не назначала патриарховъ безъ его согласія. Въ 1300 г. онъ устроилъ большое юбилейное торжество, во время котораго въ Римъ стеклись тысячи паломниковъ, стремившихся положить свое даяніе въ ноги апостола. Между тѣмъ обнаружилось предвѣстникъ грозы. Поводомъ къ ней послужили политическіе раздоры, въ которыхъ Бонифацій хотѣлъ играть роль верховнаго главы всѣхъ европейскихъ монарховъ; но положеніе обострилось благодаря церковнымъ распрямъ. Папа пытался пріостановить посредствомъ перемирія борьбу, которая велась съ 1293 г. между папой и Англіей, и наложить на обѣихъ монарховъ по примѣру Иннокентія III некушительный походъ въ Св. Землю. Однако противники не согласились ни на то, ни на другое; Филиппъ, который, вообще, былъ вѣренъ религіознымъ понятіямъ своего времени, настаивалъ явственно предъ папскими легатами на независимости королевской власти.

Послѣ этого Бонифацій обнародовалъ 25 февраля 1296 г. буллу „*Clevis laicos*“, въ которой онъ угрожалъ отлученіемъ отъ церкви свѣтскими владѣтельными князьямъ, взимающимъ налоги съ духовенства, и представителямъ духовенства, соглашавшимся на уплату такихъ налоговъ. Этими путемъ онъ хотѣлъ лишить какъ англійскаго, такъ и въ особенности французскаго короля средствъ для веденія войны. Само собой разумѣется, что оба короля не обратили вниманія на папскій запретъ и продолжали войну, несмотря на объявленное папой и продолженное до 1298 г. пере-

миріе. Филиппъ отвѣтилъ на папскую буллу еще болѣе чувствительной мѣрой: 17 августа 1296 г. онъ запретилъ окончательно вывозъ изъ Франціи золота и серебра, драгоценностей, оружія и военныхъ припасовъ. Папа хотѣлъ лишить французскаго короля тѣхъ денежныхъ поступленій, которыя зависѣли отъ духовенства. Король съ своей стороны отвѣтилъ ему тѣмъ же; Бонифацій сейчасъ же уступилъ этому реальному давленію и обнародовалъ два эдикта, настолько ослабившихъ его буллу, что она лишилась всякаго практическаго значенія. Съ тѣмъ болѣе рѣшительностью сталъ онъ настаивать на томъ, чтобы Филиппъ не распространялъ своего запрещенія относительно вывоза драгоценныхъ металловъ на французскія церковныя учрежденія, и грозилъ французскому королю отлученіемъ отъ церкви въ томъ случаѣ, если онъ будетъ препятствовать отправкѣ денегъ въ Римъ. Филиппъ заявилъ снова, что онъ не признаетъ за папой никакого права вмѣшательства въ свои дѣла. Къ этому присоединились еще новые поводы къ столкновенію. Бонифацій велъ ожесточенную войну съ римскимъ аристократическимъ родомъ Колонна и отлучилъ отъ церкви обоихъ кардиналовъ Іакова и Петра Колонна, которые не признавали его законнымъ папой. Филиппъ поддерживалъ втайнѣ представителей рода Колонна. Папа въ свою очередь взялъ подъ свою защиту сильно притѣсняемаго Филиппомъ графа фландрскаго Гвидо (стр. 237), хотя помощь папы уже запоздала, и объявилъ недействительнымъ ничѣмъ не вызванный интердиктъ надъ Фландрскимъ графствомъ, объявленный подъ давленіемъ Филиппа зависимыми отъ него епископами реймскимъ и санліскимъ.

Дѣло закончилось опять примиреніемъ, состоявшимся дипломатическимъ путемъ. Бонифацій поддержалъ брата Филиппа, Карла Валуа (сконч. въ 1325 г.), въ спорѣ между Неаполемъ и Арагоніей изъ-за обладанія Сициліей и причислилъ къ лику святыхъ дѣда Филиппа Людовика IX (11 августа 1297 г.). Французское посольство, отправленное въ Орвьето,ладило всѣ споры между королемъ и папой и, повидному, пожертвовало родомъ Колонна. Французско-англійско-фландрская война была покончена посредствомъ вмѣшательства Бонифація (27 іюня 1298 г.), дѣйствовавшего „не въ качествѣ судьи, а въ качествѣ дружественнаго посредника“ въ пользу Филиппа, который удержалъ всѣ свои завоеванія; впрочемъ, оба короля еще раньше (9 октября 1297 г.) заключили между собою въ Вивъ-Сенъ-Бовонѣ перемиріе на срокъ до 5 января 1300 г., а за папой осталась только слава окончательнаго примирителя. Когда истекъ срокъ перемирія, Филиппъ все же уговорилъ своего брата Карла Валуа слова напасть въ началѣ 1300 г. на Фландрію и въ то же время продолжилъ договоръ съ Англійей до 30 ноября 1302 г. Вообще, онъ не пропуская ни одного случая, когда можно было задѣть папу. Онъ присваивалъ въ пользу короны епископскіе лены (графство Мельгейль, вице-графство Нарбонское), вступился въ Ліонѣ за бюргеровъ, притѣняемыхъ мѣстнымъ архіепископомъ, не смущаясь тѣмъ, что онъ вторгнулся въ сферу правъ Германской имперіи, и позволялъ себѣ неоднократныя наслія надъ духовными лицами и ихъ имуществомъ. Представители рода Колонна, лишеныя Бонифаціемъ своихъ должностей и своего имущества, встрѣчали, по болѣе части, самый радушный приемъ у Филиппа. Французскій король завязалъ сношенія (см. 238 стр.) съ королемъ Альбрехтомъ I, которому папа отказывалъ въ правахъ на престолъ подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ будто бы виновенъ въ убійствѣ своего предшественника. Въ виду такого раздражающаго повеленія французскаго короля приходилось бы поражаться долготерпѣніемъ Бонифація, если бы все дѣло не объяснялось опаснымъ положеніемъ, въ которомъ находился папа въ самомъ Римѣ. Приверженцы спасшихся бѣгствомъ Колонна питали къ нему непримиримую ненависть; онъ не могъ рассчитывать съ увѣренностью на господствующій родъ Ор-

енин, отъ котораго оны находилея въ неприятной зависимости, и даже въ коллегіи кардиналовъ имѣлась партія, осматривавшая правильность его на брагій. Его антипатія къ владѣтельству Арагоніи надъ Сициліей поневоля толкала его въ сторону Франціи.

Филиппъ съ своей стороны еще избѣгалъ открытаго разрыва съ папой, несмотря на усердное подстрекательство двухъ самыхъ выдающихся его юристовъ (легистовъ) канцлера Петра Флота и государственнаго совѣтника Гильома Ногарэ. Этотъ послѣдній былъ южнымъ французомъ, отецъ котораго палъ жертвой инквизиціи; хотя оны самъ принадлежалъ раньше къ духовенству, все же оны имѣлъ личный поводъ питать ненависть къ церкви въ лицѣ ея высшаго представителя. Какъ талантливый преподаватель права при университетѣ въ Монпелье, оны могъ оказать своему королю наилучшія услуги въ полемикѣ, разгорѣвшейся между Римомъ и Парижемъ. Сначала (въ 1300 г.) Ногарэ былъ отправленъ Филиппомъ къ папѣ съ тайными инструкціями, съ которыми мы знакомимся только по позднѣйшимъ, повидимому, разукрасеннымъ его мемуарамъ: Ногарэ долженъ былъ успокоить папу относительно соглашения между французскимъ королемъ и Альбрехтомъ I и убѣдить его, что оно заключено въ интересахъ мирнаго существованія церкви и ради блага Св. Земли: этотъ намекъ долженъ былъ подогрѣть забытую надежду Бонифація на крестовый походъ.

Дѣйствительно, въ слѣдующемъ году папа отправилъ въ Парижъ епископа Наме Бернара Сессэ для переговоровъ о предстоящемъ крестовомъ походѣ, о фландрскихъ дѣлахъ, а, вѣроятно, также о вмѣшательствѣ Филиппа въ дѣла французской церкви. Такъ какъ Сессэ держался очень высокомерно послѣ возвращенія его въ свою епархію, то его потребовали къ государственному суду въ Сабли подъ председательствомъ Петра Флота. Тогда Бонифацію обнародовали буллы „Salvator mundi“ (Спаситель міра) и „Ausculta, fili“ (Слушай, мой сынъ). Въ первой изъ нихъ оны отмѣнили все признанія имъ за королемъ права; во второй оны заявляли притязанія на господство надъ всеми государствами и монархами даже въ свѣтскихъ дѣлахъ. Въ то время, какъ Филиппъ требовалъ, чтобы епископъ Бернаръ Сессэ былъ лишенъ всехъ привилегій, связанныхъ съ его духовнымъ саномъ, папа настаивалъ на освобожденіи своего легата и созвалъ всехъ французскихъ епископовъ къ 4 му ноябрю 1302 г. на соборъ въ Римѣ, на которомъ долженъ былъ разбираться вопросъ о „реформѣ Франціи и исправленіи ея короля“. Юристы Филиппа воспользовались искусно буллой „Ausculta, fili“, передѣлали ее и придали ей еще болѣе рѣзкую форму (начинающуюся словами „Deum time“ — бояся Бога), утаили подлинный текстъ и сохрани въ торжественномъ собраніи свою собственную поддѣлку. Въ то же время Филиппъ созвалъ на 8-ое апрѣля 1302 г. сеймъ всехъ сословій, запретилъ духовенству своего государства участвовать въ соборѣ, конфисковалъ свѣтскія владѣнія непокорнаго духовенства и отправилъ въ ноябрѣ къ папѣ посольство съ угрозами. 18 ноябрю 1302 г. папа обнародовалъ новую буллу Unam sanctam (Единую Св. Церковь), въ которой оны еще разъ выставилъ въ самой рѣзкой формѣ свои притязанія на господство надъ всеми свѣтскими властителями, а въ началѣ 1303 г. оны отправилъ Филиппу свой ультиматумъ, состоявшій изъ 12 параграфовъ. Французскій король далъ уклончивый отвѣтъ и прибѣгнулъ къ открытому испугу постѣ того, какъ Ногарэ предъявилъ противъ папы обвиненіе въ самыхъ тяжкихъ проступкахъ и ереси на засѣданіи Государственнаго Собранія отъ 12 марта и предлагалъ королю созвать всеобщій соборъ для суда надъ нимъ. Однако въ слѣдующемъ засѣданіи Государственнаго Собранія 14 іюня эти нападки Ногарэ были вѣсколько ослаблены другимъ королевскимъ совѣтникомъ Вильгельмомъ Пазаномъ, и созваніе собора было предоста-

влено папѣ въ то время, какъ Ногарэ требовалъ его смѣщенія и заточенія. Народное собраніе, состоявшееся 24 іюня, тоже высказалось за передачу этого вопроса на разсмотрѣніе собора; Филиппъ обращался по этому поводу къ различнымъ владѣтельнымъ князьямъ, сословіямъ, городамъ и къ коллегіи кардиналовъ.

Между тѣмъ Ногарэ съ тремя другими уполномоченными Филиппа были отправлены въ Италію съ преднамѣреніемъ неясными полномочіями; во Флоренціи они добыли денежные средства и подстрекнули Шіарру Колонна, смертельнаго врага папы, и его вооруженныхъ пособниковъ къ вооруженному нападенію на Бонифація, жившаго въ Анањи. Это покушеніе, которое передается въ различныхъ версіяхъ, часто изукрашенныхъ въ партійномъ духѣ и во время котораго Бонифаціи нѣсколько не уронилъ своего папскаго достоинства, произошло 7 сентября 1303 г. Папа пробылъ въ плѣну два дня, и Ногарэ не убилъ его только потому, что хотѣлъ доставить его живымъ во Францію. 9 сентября Бонифаціи была освобождена жителями Анањи. 18 сентября онъ возвратился въ Римъ, но скончался черезъ короткое время, 12 октября 1303 г., отъ застарѣлой болѣзни и отъ волненій, пережитыхъ имъ въ теченіе послѣднихъ пяти недѣль.

Преемникъ Бонифація Бенедиктъ XI находился въ очень непріятномъ положеніи по отношенію къ Филиппу во все продолженіе своего кратковременнаго, 9-ти тысячаго пребыванія на папскомъ престолѣ въ 1303 и 1304 гг. Король не хотѣлъ оставить Бонифація въ покоѣ даже послѣ его смерти и продолжалъ настаивать на томъ, чтобы соборъ объявилъ его еретикомъ, и мѣстомъ для созыва этого собора онъ выбралъ Ліонъ, лежавшій очень близко къ сферѣ его господства. Еще до того онъ вторгся въ права церкви, назначилъ особую комиссію для осмотра тюремъ инквизиціи въ Южной Франціи и велѣлъ освободить всѣхъ заключенныхъ безъ различія; такъ какъ Ногарэ былъ самъ въ числѣ этихъ ревізоровъ, то нѣтъ сомнѣнія, что королевское приказаніе было исполнено въ точности. Новый папа не согласился на судъ надъ своимъ предшественникомъ и не созвалъ собора, но онъ все же снялъ отлученіе съ Филиппа и королевской семьи и, вообще, отмѣнилъ всѣ мѣры, принятія Бонифаціемъ противъ французскаго короля и преданнаго ему духовенства. Напротивъ того, участники покушенія въ Анањи, въ томъ числѣ и Ногарэ, были отлучены отъ церкви.

В. Вавилонское плѣненіе папъ и процессъ противъ рыцарей храмовниковъ.

Папство пошло въ безусловное подчиненіе по отношенію къ Франціи послѣ того, какъ папой былъ избранъ (5 іюня 1305 г.) благодаря связывавшимъ кардиналовъ обѣщаніямъ, даннымъ подъ давленіемъ Филиппа, архіепископъ бордосскій Бертранъ дель Го, который избралъ своей резиденціей сначала Ліонъ, а затѣмъ Авиньонъ, начиная съ 1309 г. принадлежавшій французской неаполитанской династіи.

Этотъ второй преемникъ Бонифація VIII, носившій имя Климента V, былъ гораздъ на дипломатическія увертки, но игралъ жалкую роль каждый разъ, когда необходимо было проявить энергію. Онъ интриговалъ тайнѣ противъ избранія брата Филиппа иѣмецкимъ королемъ (въ 1308 г.; срав. стр. 238), старался посягать раздоры въ Италіи между Генрихомъ VII, вновь избраннымъ германскимъ королемъ, и французской партіей въ Неаполѣ; но по приказанію Филиппа онъ вынужденъ былъ остановить походъ Генриха на Римъ; съ такой же двумысленностью онъ велъ себя въ процессѣ противъ ордена храмовниковъ, въ которомъ Филиппъ хотѣлъ заставить свою креатуру раздѣлится съ собой отвѣтственность. Этотъ орденъ,

основанный въ 1119 году всего-навсего посемью французскими рыцарями въ Иерусалимѣ и бывшій сначала скромнымъ учрежденіемъ, мало-по-малу приобрѣлъ большую силу и огромныя богатства и сильно уклонился отъ орденскаго устава, даннаго ему въ 1128 г. Бернгардомъ Клервосскимъ папѣ съ первыми гроемейстеромъ ордена Гуго Пайеномъ. Высшомукуріе, самостолюбо и непослушаніе по отношенію къ гроемейстеру ордена, который долженъ былъ дѣйствовать въ важныхъ вопросахъ только съ согласія большинства генеральнаго капитула собранія братьевъ ордена, ослабили строгую нравственную дисциплину ордена. Такъ какъ для пріема въ рыцари требовалось доказательство знатнаго происхожденія, и только духовныя лица, вступавшія въ орденъ служками, принадлежали къ бюргерскому сословію, то орденъ проникся кастовымъ духомъ, отдѣлившись отъ его дѣйствительнаго призванія. Въ войнахъ съ сарацинами онъ обнаруживалъ нѣсколько двусмысленную уступчивость и неустойчивость въ поддѣржительныхъ союзахъ. После паденія Иерусалима въ 1187 и 1211 гг. онъ былъ вытѣсненъ изъ своего первоначальнаго мѣстопробыванія, находившагося на мѣстѣ древняго Соломонова храма (отсюда произошло названіе ордена „храмовники“). Когда Св. Земля была отнята сарацинами (въ 1291 г.), храмовники избрали своимъ центромъ островъ Кипръ; однако представители ордена были распространены также и въ другихъ странахъ, напримеръ, во Франціи. Въ этой послѣдней странѣ они обладали большими земельными владѣніями и вліятельными связями, вследствие чего они уже давно возбудили противъ себя подозрѣніе и зависть со стороны Филиппа. Причиной неудоновольствій противъ ордена были также политическія и личныя разлачія во взглядахъ. Основательными или основными причинами о среніи и подолонкованіи въ орденѣ, о его зашриваніи съ могометанскими и состантентскими религіозными ученіями послужила для Филиппа желаніемъ предлогомъ въ возбужденіи процесса противъ храмовниковъ подъ прикрытіемъ интересовъ церкви, процесса, въ которомъ король былъ одновременно и обвинителемъ и судьей. Конечно, что нельзя принимать за непреложную истину показанія тѣхъ членовъ ордена, которые отступились отъ него, или же показанія, вымученныя подѣ пыткой. Такимъ образомъ свѣдѣнны, какъ поклоненіе идолу Бахамуту (который изображается обязанночно въ видѣ петуха съ человѣческой головой, сдѣланной изъ золота и серебра), управляющему тѣлеснымъ міромъ въ качествѣ второстепеннаго божества, подчиненнаго небесному Богу, объ ослепляваніи расцѣля, величавомъ братскомъ поцѣлуѣ и т. д., нельзя было бы вѣрить даже въ томъ случаѣ, если бы они подтверждались болѣе основательными свидѣтельствами. Однако вполнѣ правдоподобно, что аристократическая каста, образовавшаяся внутри ордена, вырождается какъ въ нравственномъ, такъ и въ религіозномъ отношеніяхъ, по крайней мѣрѣ, въ значительной степени.

Вотъ каковыя были ходы этого неусловно раздутаго процесса. Во время свиданія Филиппа съ Климентомъ V въ Лионѣ, состоявшагося въ ноябрѣ 1305 г., Филиппъ впервые поднялъ вопросъ о возбужденіи обвиненія противъ ордена, вставшая вмѣстѣ съ тѣмъ на процессъ противъ покойнаго Бонифанія, но обѣщая въ то же время папѣ предпринять крестовый походъ. О Бонифаніи Филиппъ упоминаетъ только ради важнаго давленія на папу, крестовый походъ долженъ былъ служить приманкой, а въ общемъ французскій король хотѣлъ заручиться содѣйствіемъ папы въ предпріятіи нечестнаго ему ордена. Климентъ, дѣйствительно, поддавался его внушеніямъ и вызвалъ во Францію гроемейстера ордена юаннитовъ и ордена храмовниковъ подѣ предлогомъ обсужденія вопроса о предстоящемъ крестовомъ походѣ; однако согласія на церковное слѣдствіе по обвиненіямъ, предъявленнымъ противъ ордена, было дано папой только 21 августа 1307 г. Свѣдѣнны Филиппа, Ногара, сарав-

ний также и въ этомъ дѣлѣ демоническую роль, подкупили, между тѣмъ, въ качествѣ обвинителей бывшихъ храмовниковъ, исключенныхъ изъ ордена или выступившихъ изъ него добровольно, и передалъ ихъ подъ видомъ обвиняемыхъ инквизитору Франціи Гильому Энберу, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ духовнымъ отцомъ Филиппа. За спиной этого инквизитора, тоже врага ордена храмовниковъ, прятался король. Вѣроятно, подъ влияніемъ короля Энберъ заключилъ въ тюрьму всѣхъ братьевъ ордена, жившихъ во Франціи (13 октября 1307 г.), и конфисковалъ ихъ имущества. Для того, чтобы настроить общественное мнѣніе противъ храмовниковъ. Ногарэ обрабатывалъ въ различныхъ собраніяхъ канониковъ собора Парижской Богоматери, магистровъ парижскаго университета, духовенство и народную массу. Для той же цѣли былъ созванъ королемъ при посредствѣ Ногарэ въ Турѣ на 5 мая 1308 г. сословный сеймъ. Это собраніе одобрило арестъ храмовниковъ, признало ихъ виновность доказанной, а ихъ самихъ достойными смертной казни.

29-го мая Климентъ, по настоянію Филиппа, обѣщалъ ему въ Пуату въ собраніи, состоявшемъ изъ свѣтскихъ и духовныхъ сановниковъ, предать заключенныхъ храмовниковъ духовному суду; кромѣ угрозы процессомъ противъ покойнаго папы, король прибѣгнулъ для воздѣйствія на Климента къ обвиненію епископа города Труа Гинара въ томъ, что онъ погубилъ въ 1305 году посредствомъ колдовства жену Филиппа Жанну Наваррскую. Арестованные обвиняемые, равно какъ и ихъ имущество—остались фактически въ рукахъ Филиппа, хотя ради соблюденія формы они были заключены въ церковную тюрьму. Засѣданія сабдственной комиссіи проходили въ Пуатье (отъ 28 іюня до 2 іюля) и отъ 17 до 20 августа въ Шинонѣ; она состояла изъ трехъ кардиналовъ, но при допросахъ присутствовали также королевскіе совѣтники Ногарэ и Плазианъ. Климентъ вынужденъ былъ опять предоставить право суда надъ храмовниками инквизиціи, находившейся подъ влияніемъ Филиппа. По свидѣтельству источниковъ, показанія храмовниковъ въ Шинонѣ гозорили сильно противъ нихъ, но въ послѣдствіи великій магистръ ордена Яковъ Молэ отвергалъ съ негодованіемъ приницаемая ему признанія. Въ ноябрь 1309 г. слѣдствіе возобновилось въ новой специальной комиссіи опять же въ присутствіи королевскаго чиновника. Климентъ не могъ рѣшиться на уничтоженіе ордена, какъ этого домогался упорно Филиппъ, тѣмъ болѣе, что папа лишалъ себя при этомъ поддержки этой важной силы, подчиненной только ему одному: послѣ гибели ордена храмовниковъ его зависимость отъ короля еще усилилась бы; но такъ какъ король не переставалъ грозить процессомъ противъ Бонифація, то папа, дѣйствительно, открылъ слѣдствіе противъ своего предшественника 16 марта 1310 года. Конечно, это слѣдствіе не привело ни къ какимъ результатамъ: Климентъ старался всѣми силами оградить честь покойнаго папы, а для Филиппа этотъ процессъ былъ только средствомъ для уничтоженія ордена храмовниковъ. Когда папа согласился, наконецъ, на уничтоженіе этого ордена 27 апрѣля 1311 г. въ буллѣ Rex glorie, то король отказался отъ этой недостойной игры.

16 октября 1311 года собрался въ Вьеннѣ соборъ, на которомъ долженъ былъ закончиться тянувшійся годами процессъ храмовниковъ. Для воздѣйствія на рѣшенія этого собора Филиппъ посѣвнилъ созвать сословныхъ чиновъ. И, дѣйствительно, Климентъ обнародовалъ 22 марта 1312 г. буллу объ уничтоженіи ордена ради блага христіанства, а 3 апрѣля это рѣшеніе было торжественно объявлено имъ на соборѣ. Во время чтенія этой буллы Филиппъ сидѣлъ по правую руку отъ папы. 2 мая громадная владѣнія уничтоженнаго ордена были переданы іоаннитамъ; само собою разумѣется, что Филиппъ оставилъ себѣ порядочную часть ихъ. Въ заключеніе великій магистръ ордена Яковъ Молэ и провинціальныи магистры Гвидо Нор-

манскіи были сожжены въ Парижѣ 18 марта 1313 г., а 54 другихъ члена ордена были сожжены еще 12 мая 1310 г. за то, что они отреклись отъ признаній, вымученныхъ у нихъ подъ пыткой. Члены этого великаго ордена, насчитывавшаго въ своей средѣ въ періодъ своего расцвѣта (около 1260 г.), какъ говорятъ, до 15 и 20 тысячъ человѣкъ, погибли частью въ тюрьмахъ, частью отъ нищеты; нѣкоторые нашли себѣ убѣжище въ монастыряхъ или же вступили въ орденъ іоаннитовъ. Роскошный парижскій дворецъ ордена, Тампль, въ которомъ они такъ долго оставались въ заключеніи и изъ котораго одинъ изъ французскихъ королей совершилъ свой послѣдній путь 480 лѣтъ спустя, остался во власть короля.

Соучастіе въ общемъ преступленіи связало между собою еще тѣснѣ Филиппа съ Климентомъ; впрочемъ, они оба скончались черезъ короткое время; судьба какъ бы наказала ихъ за ихъ преступное поведеніе: Климентъ умеръ уже 20 апрѣля 1314 г., а Филиппъ 29 января того же года, въ 46-лѣтнемъ возрастѣ; еще черезъ 14 лѣтъ вымерла окончательно мужская линия династіи Капетинговъ.

8. Резюме и краткій обзоръ дальнѣйшихъ событій.

Обозрѣвая восьмисотлѣтній періодъ французской исторіи отъ Хлодвигъ до Филиппа IV, мы опять же находимъ подтвержденіе тому правилу, что въ исторіи не существуетъ непрерывнаго прогрессивнаго движенія, а происходитъ смѣняющееся колебаніе вверхъ и внизъ. Въ видѣ звеньевъ одной общей цѣпи перекатываются въ непрерывной смѣнѣ явленій великіе поворотные пункты. Хлодвигъ положилъ основаніе объединенному франкскому государству и твердой королевской власти; при его слабыхъ преемникахъ заложенное имъ зданіе расшаталось снова. Энергичные представители рода Пиппина снова принялись за дальнѣйшее возведеніе и расширеніе зданія, заложеннаго Хлодвигомъ, на развалинахъ распадающагося государства. Затѣмъ при Карлѣ Великомъ Франкская монархія превратилась въ міровую державу, подавляющую или сдерживавшую всякую власть, свѣтскую ли, духовную ли, становившуюся ей по пути. Однако фундаментъ этого мірового зданія былъ не безусловно проченъ: сила феодальной аристократіи, боровшейся противъ самодержавія королевской власти, не была еще окончательно сломлена; панство никакъ не мирилось съ своей подчиненной ролью, а границы были обложены опасными врагами. Снова распалось единство, которое было скорѣе виѣшнимъ, чѣмъ внутреннимъ, какъ только охрана его оказалась въ слабыхъ рукахъ.

А. Конецъ царствованія Филиппа IV.

Французское государство перешло въ руки Капетинговъ гораздо меньшимъ по своему объему и гораздо болѣе слабымъ, чѣмъ оно было подъ властью Каролинговъ. Имъ пришлось снова начать съ того самаго, съ чего начали предшественники Карла Великаго, и Филиппъ IV достигъ той же цѣли, какую ставилъ себѣ Карлъ Великій, только въ гораздо меньшемъ размѣрѣ и цѣною борьбы съ гораздо болѣе упорными враждебными силами. Феодалное дворянство было сломлено: болѣе крупныя самостоятельныя владѣнія либо перешли подъ непосредственную власть Филиппа, либо пошали въ зависимость отъ него при посредствѣ родственныхъ связей или же благодаря неукоснымъ дипломатическимъ соглашениямъ, или, наконецъ, были отобраны кругомъ его собственными владѣніями. Церковь была еще болѣе покорной предъ нимъ, чѣмъ предъ Карломъ Великимъ. Мало того, вліяніе духовенства, которое господствовало еще при Карлѣ, было оттѣснено на задній планъ даже въ вопросахъ церковной политики, ловкими юристами съ

свѣтскимъ направлеиіемъ. Въ Италіи Филиппъ господствовалъ съ помощью папской партіи и своихъ неаполитанскихъ связей, поскольку внутреннее разстройство итальянскихъ государствъ и городскихъ республикъ допускало возможность такого систематическаго посторонняго вліянія. Онъ вмѣшивался также въ партійныя распри, происходившія въ германскомъ государствѣ.

Однако монархія Филиппа была лишена того оружія, которое составляетъ сущность всѣхъ монархическихъ формъ, — постоянной арміи. Въ военное время онъ зависѣлъ постоянно отъ доброй воли никонимъ образомъ еще не усмирившихъ окончательно феодаловъ. Онъ далъ своему государству одно общее право и ввелъ упрямоченное финансовое управление, превратилъ право чеканки монетъ въ королевскую регалію и злоупотреблялъ ею въ тяжелыя времена посредствомъ порчи монеты; въ лицѣ сословнаго сейма онъ создалъ для себя силу, всегда покорную его волѣ; онъ располагалъ замкнутымъ бюрократическимъ сословіемъ; аристократія, духовенство и горожане охотно подчинялись его волѣ, и даже непокорные города Фландріи, наконецъ, вступили въ выгодное для Филиппа соглашеніе съ нимъ; онъ подавлялъ съ безпощадной суровостью всѣ религіозныя несогласія, и по его подстрекательству произошло страшное избиеніе евреевъ, благодаря которому была пополнена королевская казна. При всемъ томъ его неограниченная монархія была лишена самой необходимой опоры въ видѣ преданной одному ему арміи. Положеніе его было тѣмъ болѣе опаснымъ, что усиливающееся могущество Англіи угрожало ему на границѣ его государства, и эта опасная сосѣдка вступила даже одной ногой въ самую Францію.

Къ тому же средства, къ которымъ онъ вынужденъ былъ прибѣгать ради своихъ политическихъ цѣлей, не только не уступали въ своей насильственности мѣрамъ Карла Великаго, но, кромѣ того, отличались коварствомъ и безправственностью. Онъ не брезговалъ никакими средствами для поправленія своихъ финансовъ; однако нѣкоторая часть отвѣтственности за эти насилія падаетъ, вѣроятно, на совѣтниковъ Филиппа. Впрочемъ, не надо забывать, что незадолго до своей смерти онъ самъ называлъ себя причиной всѣхъ дурныхъ качествъ своего Совѣта „*ipse met causa mali consilii sui*“. При каждомъ еврейскомъ погромѣ онъ не только захватывалъ все имущество запрягавшихъ въ тюрьмы болѣе состоятельныхъ евреевъ, но взыскивалъ въ свою пользу долги съ ихъ должниковъ. Главнымъ поводомъ къ затѣянному имъ возмутительному процессу противъ храмовниковъ была нужда въ деньгахъ. Помимо этого онъ прибѣгалъ также къ мошенническимъ приемамъ, къ обману, напримѣръ, къ непрерывной порчѣ монеты для пониженія государственнаго долга; во время уплаты фландрскаго военнаго вознагражденія онъ повысилъ безъ всякаго повода сумму, подлежащую уплатѣ, при посредствѣ своего постояннаго пособника Ногарэ. Особенно лукаво и насильственно онъ велъ себя изъ политическихъ соображеній по отношенію къ папству и церкви, несмотря на то, что онъ былъ безусловнымъ приверженцемъ „массовой“ религіи своей эпохи; онъ былъ не только вторымъ Пилатомъ, какъ его называлъ гибеллинъ Данте, но даже вторымъ Иродомъ. Папство уже никогда не оправилось вполне отъ своего вавилонскаго плѣненія, и слѣды его замѣчались еще долго послѣ того, какъ оно устроилось снова на берегахъ Гибра, вдали отъ сферы вліянія Франціи. Французскіе короли и особня права галланкскаго церкви пользовались всегда особымъ вниманіемъ папъ даже въ такія эпохи, когда римская курія обладала неограниченной властью, а 400 лѣтъ спустя Людовикъ XIV утѣсталъ церковь съ такою же безцеремонностью, какъ Филиппъ IV. Даже республиканскіе наслѣдники гордыхъ французскихъ королей, очевидно, собираются присвоить себѣ въ настоящее время привилегированную роль своихъ предшественниковъ.

В. Послѣдніе представители старшей линіи Капетниговъ.

Злой рокъ тяготѣлъ надъ наслѣдіемъ Филиппа IV такъ же, какъ надъ государствомъ Карла Великаго. Его безхарактерные преемники, къ тому же неподолгу остававшіеся на престолѣ, не въ силахъ были бороться энергично и плодотворно противъ распаденія государства: Трое сыновей Филиппа Красиваго царствовали въ сложности менѣе 14 лѣтъ, такъ что помазаніе на царство всѣхъ троихъ было совершено однимъ и тѣмъ же архіепископомъ реймскимъ. Сейчасъ же послѣ смерти своего отца старшій сынъ его Людовикъ X (отъ 1314 до 1316 года) вынужденъ былъ начать войну противъ непокорной знати. Образовался союзъ людей благороднаго происхожденія, которые требовали отмены королевской юрисдикціи въ своихъ владѣніяхъ, отказывались отъ военной службы вѣдъ предѣловъ государства и, вообще, требовали возвращенія прежнихъ феодальныхъ привилегій; главнымъ же образомъ этотъ союзъ добился преслѣдованія нѣкоторыхъ ненавистныхъ для аристократіи совѣтниковъ покойнаго короля. Тяжеле всѣхъ поплатился за свою вѣрность Филиппу Эпгерранъ де Мариньи (стр. 222). Его повѣсили, какъ колдуна, такъ какъ онъ показалъ, что онъ дѣйствовалъ въ дѣлахъ своей службы согласно приказаніямъ покойнаго короля, и его противникамъ необходимо было прикрыться другимъ поводомъ къ обвиненію его. Другіе совѣтники и креатуры Филиппа понесли болѣе или менѣе тяжелыя наказанія, какъ, напримѣръ, смѣщеніе съ должности, конфискація имущества, пытки и тюремное заключеніе. Непокорная знать добилаь исполненія своихъ главныхъ требованій отъ слабохарактернаго короля, лишившагося своихъ лучшихъ помощниковъ.

Къ счастью для находившейся въ опасномъ положеніи королевской власти она нашла себѣ опору въ разрастающихся городахъ, пользовавшихся разнообразными правами и вольностями; кромѣ того она привлекла также на свою сторону угнетенную массу посредствомъ отмены крѣпостной зависимости въ коронныхъ имѣніяхъ и попытки положить начало освобожденію рабовъ путемъ выкупа также и въ дворянскихъ имѣніяхъ. Особенно важное значеніе въ исторіи династіи и объединенія государственнаго организма Франціи приобрѣлъ государственный законъ, изданный ради устраненія отъ престола Жанны, дочери покойнаго Людовика X, и обнародованный Филиппомъ V (1316—1322 г.) (сравни. родословное дерево на стр. 252) 9 января 1317 года; въ силу этого закона женская линія была признана неспособной къ наслѣдованію престола. Такимъ образомъ частнопредваренная точка зрѣнія была замѣнена государственно-правовой ради поддержанія единства государства. Хотя этотъ законъ, освященный папой, послужилъ поводомъ и предлогомъ къ столѣтней войнѣ съ Англіей, тѣмъ не менѣе онъ сыгралъ роль крѣпостного якоря во время междоусобныхъ распрѣй и борьбы изъ-за престолонаслѣдія, которыми наполненъ послѣдующій періодъ французской исторіи. Тѣсное сліяніе отдѣльныхъ областей съ династіей и государствомъ было естественнымъ послѣдствіемъ этого закона. Вообще Филиппъ V слѣдовалъ въ своей внутренней политикѣ примѣру своего отца, обладавшаго замѣчательнымъ государственнымъ талантомъ. Въ видѣ оплота противъ аристократіи, стремившейся къ возвращенію своего прежняго положенія, онъ выдвинулъ усилившуюся буржуазію, а также парламентъ и сословіе юристовъ съ ихъ возросшимъ значеніемъ; духовенство было устранено изъ высшей судебной палаты. Кромѣ того онъ опирался на вновь образовавшуюся общину мелкаго люда, откупившагося отъ рабства и крѣпостной зависимости. Средствами для укрѣпленія его власти служили также сеймы, собиравшіеся чаще прежняго, на которыхъ выдвинулись впередъ представители городовъ, упорядоченіе и увеличеніе коронныхъ богатствъ, справедливая и твердая администрація, ограниченіе феодальнаго произвола и распушенности знатнаго сословія въ предѣлахъ возможности.

При всемъ томъ Филиппъ V не сумѣлъ добиться такой же неограниченной власти, какъ его отецъ; еще меньше успѣха имѣлъ его младшій братъ Карлъ IV, кратковременное, менѣ чѣмъ шестилѣтнее, царствование котораго (отъ 1322 до 1328 года) было къ тому же заполнено внѣшними столкновениями. Онъ вмѣшивался въ дѣла и партійные раздоры Фландрій и Англии, а въ 1314 году онъ даже протянулъ руку къ германской императорской коронѣ, вступилъ въ союзъ съ Габсбургскою партіею противъ Виттельсбахской (партіи Людовика Баварскаго) и приобрѣлъ себѣ сторонниковъ среди подкупныхъ германскихъ курфюрстовъ. Хотя онъ приобрѣлъ новыя коронныя владѣнія въ Южной Франціи (въ 1327 году онъ завладѣлъ округомъ Аженуа на рѣкѣ Гароннѣ) за счетъ Англии, тѣмъ не менѣе его финансы были попрежнему разстроены, и Карлъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ такимъ тяжелымъ для населенія приемамъ, какъ увеличеніе пошлинъ, отягченіе налоговъ и порча монеты.

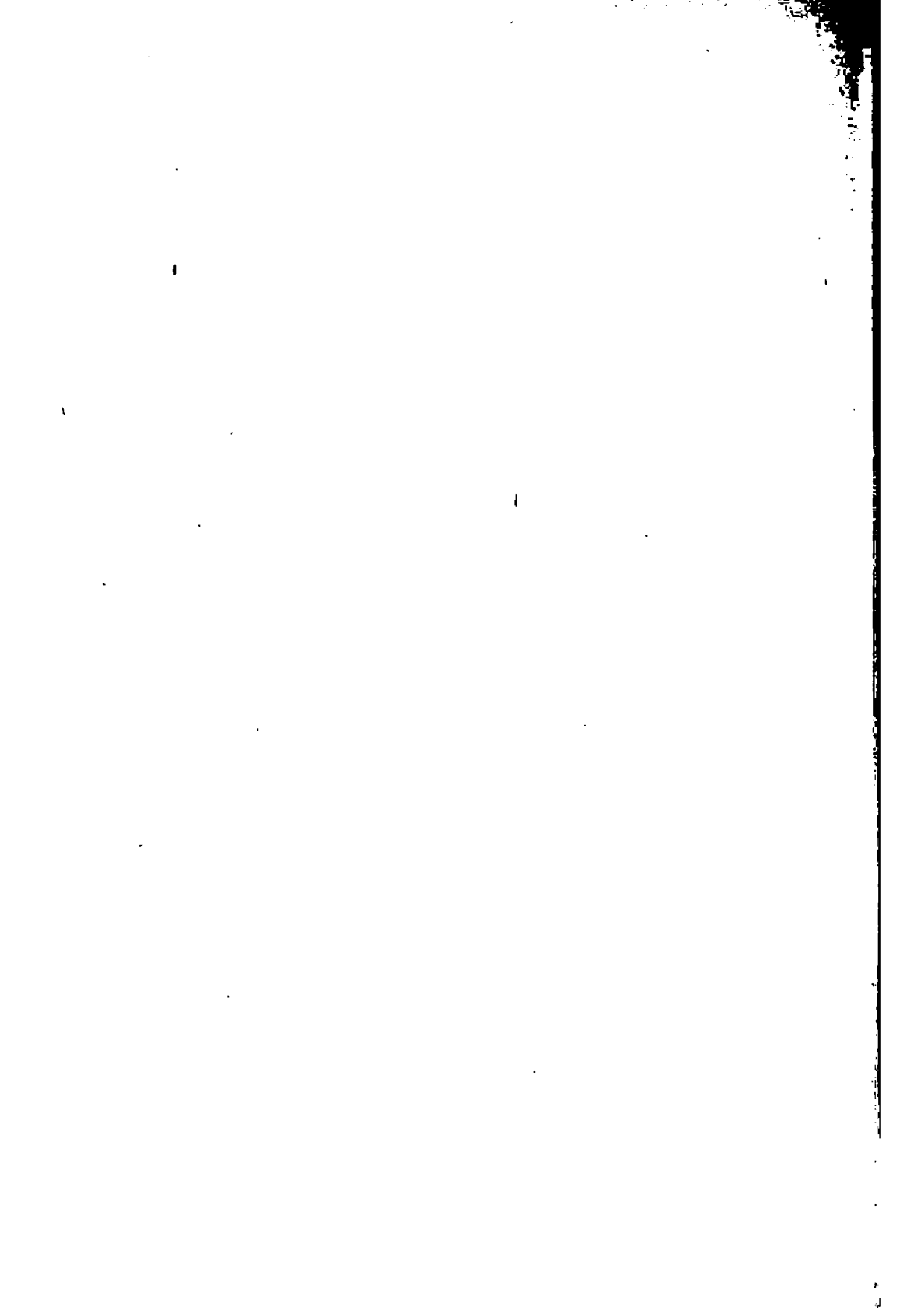
Въ апрѣлѣ 1328 года старшую линію Капетинговъ смѣнила линія Валуа (срав. прилож. родословное дерево), которая страдала отъ усилившагося снова могущества феодаловъ и прогрессирующаго внутренняго распаденія государства, въ то время, какъ англійская армія уже вступала въ ворота Франціи и началась столѣтняя война, доведшая французское государство до края гибели (срав. объ этомъ томъ VII, стр. 174—178).

[Къ стр. 251—252.]

Филиппъ III, † 1285 г.		1. Въ супр. съ Изабеллой Арагонской, † 1271 г.		2. Въ супр. съ Маріей Брабантской	
Филиппъ IV † 1314 г.		Людовикъ Эвраз, † 1319 г.		Карлъ Валуа, † 1325 г.	
1284 г.: Отъ бр съ Иоанной Наваррской				Мargarита, † 1317 г. 1299 г.	
Людовикъ X, † 1316 г. Отъ бр. съ Маргаритой Бургундской	Филиппъ IV, † 1322 г. Отъ бр. съ Иоанною Бургундской	Карлъ V, † 31 января 1328 г. Отъ бр. съ Иоанной Эвраз	Изабелла, † 1357 г. 1307 г.: отъ бр. съ Эдуардомъ II, † 1327 г.	Филиппъ III, Наваррскій, † 1343 г.	Филиппъ VI, Король Французскій 1328—1329
Иоанна, наследница Наваррская, † 1319 г.	Иоанна, наследница Бургундская и Артуа Отъ бр. съ Эйдо IV Бургундскимъ, † 1318 г.	Еще три дочери	3 дочери	1. Отъ бр. съ Иоанной Бургундской, † 1348 г.	Отъ 2 бр. съ Эдуардомъ I Англійскимъ, † 1307 г.
	Старо-Бургунд., † 1361 г.	(1818)	Эдуардъ III, † 1377 г.	Иоаннъ Добрый, † 1375 г. 1350—1364 гг.	Фома Норфолькъ
				Филиппъ, † 1344 г. Въ бр. съ Еланкой, дочерью Карла IV	
Карлъ II Злой Наваррскій, † 1385 г.					
1352 Наварра, † 1441 г.		Иоанна Династія Валуа, † 1428 г.		Младшій Анжуйскій, † 1481 г.	
				Ново-Бургундская, † 1477 г.	

VI. Історія розвитку західного хри- стіанства.

Соч. проф. доктора Вільгельма Вальтера.

1. Начало средневѣковаго христіанства.

А. Западная церковь въ теченіе періода, послѣдовавшаго за переселеніемъ народовъ.

Бурныя волны переселенія народовъ ударились о двойную стѣну: первая изъ этихъ стѣнь, римское государство, рухнула съ трескомъ; вторая, христіанская церковь, сильно пострадала, но выдержала катастрофу. Въ то время, какъ еще не вышедшіе изъ первобытнаго состоянія германскіе народы безцеремонно дѣлили между собою римское государство въ видѣ добычи, эти самые варвары падали благоговѣйно на колѣни предъ церковью. Это была уже не прежняя церковь, свѣтившаяся чистой вѣрой и божественной любовью. Она восприняла въ себя языческія массы, а вмѣстѣ съ ними немало и языческаго духа. Ту вѣру, которая должна была соединить съ Богомъ каждую отдѣльную душу, она низвела до степени мертваго закона, а та любовь, которая должна была объединить всѣхъ, переродилась въ послушаніе предъ лицами, главенствующими въ церкви. Надо однако оговориться, что именно это разжиженное христіанство скорѣе могло пробить себѣ формальный доступъ къ этимъ буйнымъ народамъ и не стояло въ столь рѣзкомъ противорѣчій со свойственными имъ мышленіемъ и чувствами. Притомъ же сила сопротивленія, оказываемая на первыхъ порахъ христіанству всякимъ язычникомъ, уже была сломлена въ значительной степени у этихъ германскихъ племенъ благодаря тому обстоятельству, что переселеніе народовъ уже оторвало ихъ отъ роднаго гнѣзда. Образы боговъ поблекли въ ихъ воображеніи съ тѣхъ поръ, какъ они видѣли кругомъ себя другіе горы, источники, лѣса, а не свои стародавнія священныя мѣста, въ которыхъ жили ихъ боги. Было палицо еще одно, третье, условіе, которое облегчило переходъ въ христіанство, по крайней мѣрѣ, тѣмъ германцамъ, которые были настроены враждебно противъ Римской имперіи. Въ то время, когда значительное число германцевъ впервые пришло въ соприкосновеніе съ христіанской церковью, существовали двѣ формы христіанства, находившіяся между собою въ постоянной острой борьбѣ, католичество и аріанская религія. Католичество одержало верхъ въ Римской имперіи; оно смотрѣло на аріанъ, какъ на своихъ враговъ (срав. т. IV, стр. 184). Такимъ образомъ для германскихъ народовъ открылась возможность принять христіанство, не отказываясь отъ своей вражды къ Римской имперіи: они перешли въ аріанскую вѣру.

Уже въ III столѣтіи знакомство съ христіанствомъ проникло черезъ италійскихъ христіанъ къ готамъ, жившимъ на берегу Чернаго моря. Въ Никейскомъ соборѣ 325 г. принималъ участіе также и готскій епископъ. Приблизительно черезъ 35 лѣтъ послѣ этого готъ Ульфилъ, посвященный въ епископскій санъ въ Константинополѣ, ввелъ среди своихъ соплеменниковъ азбучное письмо и перевелъ Библию на ихъ родной языкъ. Въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій онъ трудился среди нихъ надъ распространеніемъ аріанской формы христіанства. Когда готы двинулись на Вос-

токъ подъ начальствомъ Алариха, опустошая все на своемъ пути, то они расхищали и уничтожали остатки язычества, но щадили и чтини христіанскія святыни. Трехдневный грабежъ города Рима (въ 410 г.) былъ законченъ торжественной процессіей въ честь священныхъ сосудовъ, найденныхъ побѣдителями въ потайномъ мѣстѣ. Изъ среды вестготовъ христіанство въ аріанской формѣ проникло также къ остготамъ, вандаламъ, бургундамъ, свевамъ и лангобардамъ.

Первымъ изъ кочующихъ германскихъ народовъ, который обратился сразу въ католицизмъ, были франки. Хлодовехъ распространилъ господство франковъ съ сѣвера до Луары. Языческіе завоеватели чувствовали, что христіанство и культура даютъ духовный перевѣсъ покоренному ими романскому населенію. Король Хлодовехъ взялъ себѣ въ жены христіанку и не препятствовалъ ей крестить своихъ дѣтей. Наконецъ, ей удалось обратить самого короля въ „католическій законъ“. Въ Рождество 496 г. былъ совершенъ въ Реймсѣ съ большимъ торжествомъ обрядъ крещенія надъ королемъ, а вмѣстѣ съ нимъ надъ многими тысячами изъ его народа; этому самому народу предстояло играть первенствующую роль въ средне-вѣковомъ мѣрѣ. Епископъ вьенскій оказался пророкомъ, когда онъ заявилъ, поздравляя короля, что его крещеніе составляетъ залогъ побѣды христіанства надъ язычествомъ и католицизма надъ аріанствомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ христіанство стало подчинять себѣ германскій мѣръ, ему не угрожала уже больше такая ожесточенная борьба на жизнь и на смерть, какую оно выдержало въ греко-римскомъ мѣрѣ. Однако и тогда уже возможно было задуматься, не ожидаетъ ли его борьба совершенно другого рода? Будутъ ли обнаруживать эти повообращенные, такъ быстро принявшіе новую вѣру, такую покорность предъ законами католической церкви, какой требовалъ по необходимости католицизмъ, превратившійся въ юридическое воспитательное учрежденіе? Не станутъ ли домогаться власти надъ церковью тѣ властители, которые открыли ей доступъ къ своему народу своимъ переходомъ въ христіанство и тѣмъ покровительствомъ, которое они оказывали церкви, и не признаютъ ли они за собою право на вознагражденіе за такую милость? Не даромъ же они воздвигаютъ на своей землѣ священныя зданія и обезпечиваютъ служителей церкви доходами! Не будутъ ли они считать такихъ церквей своею собственностью согласно германскимъ взглядамъ и не присвоятъ ли они себѣ право раздачи церковныхъ должностей? вынесетъ ли церковь такой гнетъ? Возможно, что для предупрежденія вмѣшательства свѣтской власти въ дѣла церкви она выйдетъ изъ предѣловъ своей собственной сферы вліянія и присвоитъ себѣ господство надъ всей государственной жизнью.

Конечно, на первыхъ порахъ церковь была поглощена исключительно стремленіемъ къ сближенію съ христіанствомъ всѣхъ этихъ народовъ, которые вели между собой непрерывную борьбу и постоянно тѣснили другъ друга; она не могла ставить себѣ такихъ высокихъ цѣлей. Если мы желаемъ уяснить себѣ положеніе церкви въ ту эпоху, когда передвигающіяся народныя массы остановились впервые, то намъ стоитъ только познакомиться съ жизнью и дѣятельностью самаго выдающагося римскаго епископа этихъ вѣковъ. Григорій I происходилъ изъ сенаторскаго рода. Онъ былъ преторомъ въ Римѣ. Ему казалось однако, что почести и развлеченія, соединенныя съ этимъ высокимъ положеніемъ, пріучили его къ слишкомъ свѣтской жизни. Поэтому онъ рѣшилъ отречься отъ міра. Свое значительное имуществъ, полученное въ наслѣдство отъ отца, онъ потратилъ на обогащеніе монастырей, а самъ поступилъ въ монастырь, основанный имъ въ своемъ собственномъ домѣ. Онъ не смущался тѣмъ, что разстроилъ свое здоровье своимъ суровымъ аскетизмомъ. Эта сторона тогдашняго христіанства внушала благочестивый страхъ дикимъ народамъ, не вышедшимъ изъ-подъ власти своей рѣзкой чувственности. Когда

тогдашній римскій епископъ вызвалъ Григорія изъ монастыря и отправилъ его въ Константинополь въ качествѣ своего уполномоченнаго, то этотъ послѣдній немедленно исполнилъ приказаніе епископа, хотя его сердце обливалось кровью. Уже въ то время высшей христіанской добродѣтелью считалась слѣпая покорность предъ приказаніями высшаго духовенства. Будучи избранъ папой, онъ уклонялся всѣми силами отъ этого сана. Онъ цѣнилъ только созерцательную жизнь и ужасался того гигантскаго труда, который ожидалъ его на престолѣ св. Петра.

Какъ тяжело было уже тогда внѣшнее положеніе римскаго епископа! Римъ принадлежалъ къ числу владѣній далекаго греческаго императора, а этотъ послѣдній былъ настолько слабъ, что не могъ оградить вѣчнаго города отъ непрерывно угрожавшихъ ему дикихъ лангобардовъ. Такъ, напримѣръ, въ 592 году лангобарды стояли подъ стѣнами Рима. Греческій экзархъ не пришелъ къ нему на помощь. Чтобы спасти городъ отъ гибели, Григорій былъ вынужденъ заключить миръ съ непріателемъ. За это императоръ обозвалъ его глупцомъ. Экзархъ нарушилъ миръ, и враги появились снова подъ стѣнами Рима. Для предупрежденія разграбленія Рима Григорій уплатилъ имъ крупную сумму изъ церковнаго казнохранилища. На немъ лежала забота о томъ, чтобы наемные отряды, защищавшіе Римъ, получали исправно свою плату; онъ же исправлялъ городскія укрѣпленія, выкупалъ военнопленныхъ, кормилъ бѣдныхъ городскихъ жителей; средства для этой цѣли онъ заимствовалъ изъ обширныхъ земельныхъ владѣній церкви, разсѣянныхъ не только по всей Италіи, но и въ Далмаціи, Галліи и Сѣверной Африкѣ. Число такихъ даровъ, поднесенныхъ св. Петру, „Patrimonium Petri“, сильно возросло за нѣсколько истекшихъ столѣтій; главными жертвователями были послѣдніе представители римскихъ знатныхъ родовъ, которые старались увѣковѣчить хоть бы на небѣ свое угасающее на землѣ родовое имя. Григорій охранялъ съ крайней заботливостью этотъ богатый источникъ доходовъ. Итакъ, естественный ходъ вещей самъ по себѣ велъ къ тому, что папы не могли ограничиваться исключительно духовной дѣятельностью, а занимались также и политикой, и населеніе Средней Италіи видѣло въ нихъ областныхъ владѣтельныхъ князей; таково было начало свѣтской власти папъ.

Свою духовную власть Григорій понималъ въ самомъ благородномъ смыслѣ. Онъ называлъ себя слугою слугъ Божіихъ. Слова Христа: „Кто изъ васъ хочетъ быть самымъ великимъ, тотъ долженъ быть слугою всѣхъ“ — онъ понималъ такъ широко, что смотрѣлъ на свои духовный санъ, какъ на обязательство оказывать другимъ услуги; но онъ не дѣлалъ изъ этихъ словъ того вывода, что каждый епископъ долженъ услуживать другому и что заблуждающійся долженъ повиноваться тому, кто поведетъ его на путь истинный, а считалъ себя обязаннымъ служить всѣмъ епископамъ, ихъ же — обязанными повиноваться ему при этомъ условіи. Онъ отстаивалъ исконное притязаніе римскихъ епископовъ на господство надъ всѣми епископами, хотя и старался быть услужливымъ господиномъ. Поэтому онъ не переставалъ хлопотать о томъ, чтобы всѣ несогласія, возникающія въ церкви, отдавались на его судъ. Онъ былъ сильно взволнованъ поведеніемъ константинопольскаго епископа, который присвоилъ себѣ титулъ вселенскаго. По мнѣнію Григорія вселенскимъ епископомъ могъ считаться въ христіанской церкви только римскій. Онъ пустилъ въ ходъ всѣ средства для борьбы противъ присвоенія этого титула константинопольскимъ епископомъ и былъ вполне убежденъ, что онъ борется за святой принципъ, за порядокъ, установленный Самимъ Христомъ для блага Церкви.

Немало затрудненій причиняли ему также отношенія между римскими епископами и галльскою Церковью. Фрапки, перешедшіе въ хри-

стианство безъ борьбы, хотѣли и впредь оставаться христіанами безъ борьбы. Ни князья, ни подданные, ни духовенство, ни свѣтскіе люди не хотѣли стѣснять своего безграничнаго самолюбія, своихъ хищническихъ инстинктовъ, своей привычки хвататься за мечъ по всякому поводу, своей невоздержанности, своихъ неумѣренныхъ половыхъ страстей. Сколько труда и энергіи необходимо было потратить для углубленія религіозной жизни франковъ и для кореннаго измѣненія ихъ нравственныхъ воззрѣній! Задача эта становилась еще болѣе трудной благодаря тому, что по взглядамъ, господствовавшимъ среди франковъ, галльская церковь считалась подчиненной свѣтскимъ владѣтелямъ страны, нравственность которой пользовалась весьма скверной славой. Часто они назначали епископовъ по своему усмотрѣнію, продавали духовныя должности, нерѣдко даже свѣтскимъ людямъ. Римскій епископъ почитался, какъ преемникъ князя апостоловъ и хранитель единства христіанской церкви, но его нисколько не признавали общимъ главою всѣхъ церквей, не исключая и галльской. Тѣмъ не менѣе франкскій народъ подавалъ надежды: въ немъ замѣчалась ясная потребность въ религіи. На первыхъ порахъ необходимо было относиться съ терпѣніемъ къ тѣмъ недостаткамъ, которые невозможно было исправить за короткое время, и обратить вниманіе исключительно на упроченіе и развитіе церковныхъ учрежденій, чтобы открыть такимъ образомъ путь для широкаго вліянія на весь народъ. Въ этомъ-то направленіи Григорій старался приобрѣсть вліяніе на галльскую церковь. Онъ вступилъ въ письменныя сношенія съ представителями власти во Франкскомъ государствѣ и съ отдѣльными епископами; однако онъ не говорилъ тономъ главы церкви. Онъ зналъ, что тутъ можно добиться кое-какого результата только путемъ убѣжденій и увѣщаній. Нѣкоторые люди никакъ не могли объяснить себѣ, какимъ образомъ онъ могъ обращаться съ такими льстивыми письмами къ „франкской фуріи“ Брунгильдѣ и восхвалять ея христіанскую душу, ея любовь къ божественной службѣ. Но не слѣдуетъ забывать, что эта франкская женщина содѣйствовала удовлетворенію нуждъ тогдашней церкви. Она строила церкви, давала щедрые подарки монастырямъ, выпрашивала у папы мощи и привилегіи для своихъ монастырей; она относилась съ благоговѣніемъ къ служителямъ церкви и осыпала ихъ почестями. Григорій удовольствовался поневолѣ такими результатами, такъ какъ онъ не могъ добиться большихъ успѣховъ, и ему не удалось устранить ни симоніи, ни назначенія епископами свѣтскихъ лицъ; безуспѣшными остались также его хлопоты о созывѣ собора для искорененія церковныхъ злоупотребленій. Сначала необходимо было выстроить до конца тотъ домъ, въ которомъ долженъ былъ воспитываться этотъ грубый народъ; а самое воспитаніе могло начаться только послѣ его постройки.

Самымъ великимъ и плодотворнымъ дѣломъ Григорія было основаніе христіанской церкви въ странѣ англо-саксовъ. Во всей той части Англій, которою завладѣли эти выходцы изъ Германіи, они уничтожили римскую цивилизацію и почти всѣ слѣды древне-британскаго христіанства. Григорій отправилъ въ Англію въ 596 г. аббата Августина съ 40 монахами бенедиктинцами. Уже черезъ годъ припали крещеніе до 10,000 англо-саксовъ, а еще нѣсколько лѣтъ спустя — кентскій король Этельбертъ. Папа управлялъ англо-саксонской миссіей съ большою проицательностью и твердостью и по строго выработанному плану; по отношенію къ ней онъ оставался вѣрнымъ своему основному принципу и предоставлялъ будущему все то, чего невозможно было достигнуть въ настоящемъ. Поэтому онъ удовлетворился на первыхъ порахъ внѣшнимъ упроченіемъ церкви. Онъ предупреждалъ миссіонеровъ, чтобы они не раздражали язычниковъ разрушеніемъ ихъ храмовъ, а превращали эти послѣдніе въ христіанскія церкви, что облегчало народу переходъ въ христіанство; находившіеся въ капи-

щахъ идолы боговъ замѣнялись мощами. Языческіе жертвенные пиры были превращены въ торжественныя собранія въ честь Бога и Его святыхъ.

Въ своихъ заботахъ о монашествѣ Григорій тоже имѣлъ въ виду будущее. Монастыри пострадали весьма сильно отъ ужасовъ эпохи переселенія народовъ и оправлялись медленно отъ испытанныхъ ими бѣдствій. Бенедиктъ изъ Нурсіи основалъ монастырь Монтекассино и далъ своему монастырю знаменитый уставъ, известный подъ его именемъ и заключающій въ себѣ правила, мудро выбранныя изъ различныхъ монастырскихъ уставовъ. Когда этотъ монастырь былъ разрушенъ лангобардами въ 580 г. и его монахи искали убѣжища въ Римѣ, то Григорій обратилъ вниманіе, что ихъ уставъ вездѣ найдеть себѣ доступъ легче, чѣмъ всякій другой, — поэтому онъ ввелъ его въ основанныхъ имъ самимъ монастыряхъ, и благодаря его могущественной протекціи этотъ уставъ упрочился повсюду. Григорію стало ясно, что монахи и монахини будутъ въ состояніи мирно посвятить себя исключительно созерцательной жизни только въ томъ случаѣ, если монастыри будутъ обезпечены отъ всякаго вмѣшательства свѣтскихъ и духовныхъ властей. Въ прежнія времена всѣ старанія были направлены къ тому, чтобы монахи были подчинены епископамъ; при этомъ преслѣдовалась та цѣль, чтобы монахи не уклонялись отъ христіанскаго пути; теперь уже не было надобности въ такихъ мѣрахъ предосторожности, и Григорій старался освободить монастыри отъ власти епископовъ.

Большое значеніе для послѣдующихъ эпохъ приобрѣли тѣ измѣненія въ церковномъ культѣ, главнымъ образомъ въ церковномъ пѣніи, которыя приписываются обыкновенно Григорію. Благодаря епископу миланскому Амвросію (сконч. въ 397 г.) пѣніе, давно уже примѣнявшееся при христіанскомъ богослуженіи, получило всеобщее распространеніе и болѣе постоянную регламентацію. Къ сожалѣнію, характеръ музыки Амвросія намъ мало извѣстенъ, и мы не можемъ опредѣлить съ достовѣрностью, какія причины вызвали необходимость въ тѣхъ существенныхъ измѣненіяхъ, которыя были произведены въ немъ впоследствии. Вѣроятно, мы не ошибемся, если примемъ, что церковное пѣніе прежняго типа представляло, съ одной стороны, слишкомъ большія трудности для необразованнаго духовенства той эпохи, а съ другой стороны оно казалось негоднымъ для воспитательнаго воздѣйствія на тогдашнюю грубую массу вследствие присущаго ему недостатка выразительности. Въ виду этого былъ уменьшенъ размѣръ музыкальныхъ фразъ, были упрощены мелодіи и были устранены всѣ мягкія модуляціи и неспокойныя движенія. Такимъ образомъ церковное пѣніе приобрѣло торжественно строгій и глубоко таинственный характеръ. Этотъ „григоріанскій хоралъ“ вытѣснилъ всѣ другіе виды церковнаго пѣнія и удержался и понынѣ даже въ Миланѣ, въ которомъ сохранилась до сихъ поръ прежняя амвросіанская литургія. Церковное пѣніе съ теченіемъ времени приближалось все сильнѣе къ римскому. Впрочемъ послѣ новѣйшихъ изслѣдованій становится сомнительнымъ, основательно ли приписывается Григорію эта реформа въ церковномъ пѣніи.

Сочиненія Григорія тоже оказали весьма сильное вліяніе. Его папскій уставъ, который стремится къ воспитанію духовенства, какъ учителей своей паствы, ставился такъ высоко даже и позднѣйшими поколѣніями, что во временахъ каждый франкскій епископъ клялся при своемъ посвященіи въ соблюденіи правилъ этого устава. Еще болѣе популярностью, если это возможно, пользовались его діалоги, прославлявшіе итальянскихъ подвижниковъ-монаховъ; эти діалоги производили сильное впечатлѣніе на вновь обращающія массы благодаря тому, что они были переполнены чудесными приключеніями, снами и видѣніями. Всѣ сочиненія Григорія написаны ради вліянія на воображеніе массы. Благодаря этому

обстоятельству никто другой изъ западныхъ отцовъ церкви не читался съ такимъ усердіемъ, какъ Григорій. Его сочиненія послужили основаніемъ для средневѣковаго ученія о церкви. Онъ былъ ученикомъ великаго Августина; но въ передачѣ Григорія терлется глубина и оригинальность содержанія мысли этого древне-христіанскаго писателя. Вліянію Григорія слѣдуетъ приписать ту громадную роль, которую играли въ средневѣковой церкви заступничество святыхъ, а также истязаніе плоти для предупрежденія загробныхъ каръ за грѣхи и дароприношеніе, между прочимъ, за спасеніе душъ, терзающихся въ чистилищѣ. Благодаря ему центральное значеніе въ средневѣковомъ христіанствѣ заняло такое низменное побужденіе, какъ страхъ, слегка смягченный слабымъ отблескомъ надежды, раскаяніе превратилось въ страхъ предъ наказаніемъ, и всѣ стремленія христіанъ были направлены исключительно къ избавленію отъ этого наказанія. Григорій перебросилъ нѣкоторымъ образомъ мостъ между древними временами и новыми, между греко-римскимъ міромъ и римско-германскимъ христіанствомъ. Однако онъ перенесъ черезъ этотъ мостъ только тѣ искаженія, которыя проникли въ христіанство еще до него; болѣе глубокія идеи, находившія себѣ откликъ также и въ его собственномъ сердцѣ, не нашли пути къ новой эпохѣ. Христіанство унизилось, стараясь облегчить себѣ вліяніе на народы, стоявшіе на низкой степенн культуры; подымется ли оно когда-нибудь снова на свою первоначальную высоту?

Б. Бонифацій и Карлъ Великій (приблизительно отъ 714 до 814 года).

Бонифацій былъ прозванъ апостоломъ германцевъ. Этотъ эпитетъ преувеличиваетъ, съ одной стороны, его заслуги, а съ другой онъ не выражаетъ собой всего значенія Бонифація. Во-первыхъ, христіанство распространялось въ Германіи еще до него другими миссіонерами, а во-вторыхъ, онъ заслужилъ признательность не одной только Германіи. Когда основанная Григоріемъ англо-саксонская церковь распространилась къ сѣверу, то она пришла въ столкновеніе съ ирландско-шотландской, которая считаетъ своимъ основателемъ св. Патрика, прибывшаго изъ римской Британіи въ Ирландію около 435 года. Эта церковь, лежавшая въ сторонѣ, удержала отъ прежнихъ вѣковъ не только нѣкоторыя вышнія особенности, — ея главная отличительная черта заключалась въ отсутствіи той іерархической организаціи, которая развилась во всемъ остальномъ христіанствѣ. Она была окончательно вытѣснена англо-саксонской церковью, распространявшейся къ сѣверу; но все же она успѣла принести много пользы европейскому матеріку. Ирландско-шотландская церковь снарядила въ Германію первыхъ проповѣдниковъ христіанства. Они застали уже въ этой странѣ нѣкоторыя зачатки христіанской церкви. Отдѣльные гнѣзда сохранились еще отъ римской эпохи, особенно въ бывшей провинціи Норикѣ. Въ Баварію и Тюрингенъ проникало также аріанское вліяніе. Въ иныхъ мѣста франкскіе колонисты занесли католицизмъ. Однако ирландско-шотландскіе миссіонеры были первыми настоящими миссіонерами въ Германіи. Конечно, мы не въ состояніи описать исторію ихъ дѣятельности, такъ какъ мы знаемъ весьма мало именъ изъ числа тѣхъ самоотверженныхъ сподвижниковъ, которые работали на этой каменистой почвѣ, и, вообще, то, что намъ извѣстно, принадлежитъ скорѣе къ области легенды, чѣмъ къ области исторіи. Успѣхи ихъ были, во всякомъ случаѣ, не очень велики. Проповѣдь Евангелія не составляла ихъ исключительной цѣли. Главной ихъ задачей было вызвать къ себѣ уваженіе дикихъ язычниковъ своею кротостью и своимъ самоотверженнымъ аскетизмомъ и побудить ихъ тоже къ отреченію отъ мірской суеты. Однако имъ недоставало одного качества, котораго нельзя было замѣнить ни ихъ горячей вѣрой, ни ихъ суровой нравственностью:

у нихъ не было организаторскаго таланта. Они уловляли отдѣльныя души, но не могли основать церкви, которая поддерживалась и распространялась бы посредствомъ систематической дѣятельности.

Англо-саксонская церковь, основанная непосредственно изъ Рима, обладала въ полной мѣрѣ тѣми качествами, которыхъ недоставало ирландскимъ миссіонерамъ. Изъ этой церкви вышелъ Винфридъ, которому папа далъ имя Бонифація. Въ 715 г. онъ отправился въ Фрисландію, въ которой уже успѣлъ побывать за четверть вѣка передъ тѣмъ саксонецъ Виллибордъ. Когда ему не удалось достигнуть никакихъ успѣховъ на этой каменистой почвѣ, то онъ отправился въ Римъ и выпросилъ себѣ у папы право на миссіонерскую дѣятельность. Съ этихъ поръ въ его дѣятельности появляется внутреннее противорѣчіе. Онъ не сомнѣвается въ томъ, что его труды могутъ быть плодотворными только въ томъ случаѣ, если онъ будетъ дѣйствовать въ тѣсномъ союзѣ съ римскимъ престоломъ; но въ своемъ фанатическомъ воодушевленіи онъ считаетъ своею главной цѣлью обратить въ истинную вѣру какъ можно больше язычниковъ и видитъ свое истинное счастье въ мученической смерти. Напротивъ того, папа хлопоталъ главнымъ образомъ о томъ, чтобы не существовало такихъ христіанъ, которые не признаютъ папской власти. Поэтому онъ старается сдержать пылъ смѣлаго миссіонера и превратить его въ піонера господства папъ. Въ теченіе нѣкотораго времени Бонифацій проповѣдывалъ христіанство въ Гессенѣ съ большимъ успѣхомъ и нетребилъ въ Тюрингіи всякій слѣдъ не чисто-римскихъ обычаевъ; затѣмъ онъ отправился въ Римъ, желая выхлопотать, чтобы папа отправилъ его миссіонеромъ къ язычникамъ саксамъ. Однако папа ставилъ на первомъ планѣ подчиненіе римскому престолу баварской и алеманской церквей. Съ глубокой досадой Бонифацій подчинился приказанію папы. Въ Баваріи онъ устроилъ четыре епископства, разграничилъ между собою епархіи, основывалъ монастыри, провѣрялъ дѣятельность духовенства и очищалъ его отъ недостойныхъ элементовъ. Затѣмъ началась такая же организаціонная дѣятельность Бонифація въ Тюрингенѣ и Гессенѣ. Наконецъ, германская церковь слилась прочно съ іерархическимъ зданіемъ, имѣвшимъ свой центръ въ Римѣ. Бонифацій, бывшій уже 65-лѣтнимъ старикомъ, готовъ былъ уже приступить къ миссіонерской дѣятельности среди саксовъ, которая была его завѣтной мечтой, — и вдругъ новая задержка!

Франкская церковь была на краю гибели. Вслѣдствіе общаго хода экономическаго развитія франкскаго государства епископы тоже стали землевладѣльцами и заняли выдающееся положеніе въ политической жизни страны благодаря какъ своему богатству, такъ и своему болѣе высокому уровню образованія. Во время постоянной борьбы за господство между представителями высшей аристократіи каждая партія старалась перетянуть на свою сторону какъ можно больше епископскихъ кафедръ. Свѣтскіе правители дарили или продавали церковныя должности своимъ друзьямъ, которые нисколько не заботились о спасеніи душъ своей паствы. Такимъ образомъ церковныя богатства были розданы, и въ церкви водворилась полная анархія. Духовенство одичало; въ монастыряхъ царилъ распущенность; народъ впалъ обратно въ язычество. Въ это время скончался Карлъ Мартелль (въ 741 г.), который прибѣгалъ съ наибольшей безцеремонностью къ захвату церковнаго имущества и къ раздачѣ кафедръ для утвержденія своего господства. Его преемникъ на престолѣ Восточно-Франкскаго государства Карлманъ рѣшилъ „возстановить въ церкви благочестіе, которое исчезло 70 лѣтъ тому назадъ“. Къ этому гигантскому труду онъ призвалъ Бонифація и предложилъ ему созвать въ своемъ государствѣ соборъ для преобразованія церкви, такъ называемый первый германскій соборъ. Франкское духовенство смотрѣло очень косо на подобную попытку реформы, и на соборъ явилось всего 6 епископовъ.

Въ результатѣ это перадѣіе послужило какъ разъ на пользу церкви; никакая оппозиція не мѣшала собравшимся принять важныя рѣшенія, которыя были обнародованы въ видѣ королевскаго приказа и сейчасъ же приобрѣли законную силу. Что Бонифацій посвятилъ все свои силы на проведение этой реформы, это служить доказательствомъ его благороднаго самоотверженія, такъ какъ она нисколько не соответствовала его идеалу. Карлманъ нисколько не былъ склоненъ поступиться хотя бы частицею своей верховной власти надъ церковью. Только онъ могъ созывать соборы, рѣшенія которыхъ были не обязательны, но имѣли только совѣщательное значеніе и представлялись на усмотрѣніе короля. Король назначалъ епископовъ; онъ же возвелъ Бонифація въ санъ архіепископа.

Еще съ большей самостоятельностью принялся за дѣло правитель Западно-Франкскаго гусударства Пиппинъ, который тоже рѣшилъ приступить къ преобразованію церкви въ своемъ государствѣ. Онъ тоже представилъ Бонифацію лишь совѣщательный голосъ. Тѣмъ не менѣе этотъ послѣдній сумѣлъ внушить духовенству такую увѣренность въ себѣ, что въ будущемъ была полная надежда на осуществленіе того, что оказалось неисполнимымъ въ данный моментъ. Это обнаружилось на послѣднемъ соборѣ (747). На этотъ соборъ явилось много священниковъ, дьяконовъ, суфрагановъ и 13 епископовъ. Они рѣшили единогласно, что митрополиты (архіепископы) пользуются дисциплинарной властью надъ епископами и должны занимать среднее положеніе между епископами и папой. Все присутствовавшіе на соборѣ подписались подъ слѣдующимъ заявленіемъ: „Мы рѣшили пребывать въ подчиненіи римской церкви до конца нашей жизни и исполнять во всемъ приказанія св. Петра, дабы мы могли считаться въ числѣ довѣренныхъ ему овецъ“. Конечно, эти рѣшенія далеко еще не приобрѣли значенія правовой основы франкской церкви. Фактически во главѣ ея стояли представители свѣтской власти. Однако будущее опредѣляется не параграфами закона, а духомъ, господствующимъ въ обществѣ. Тѣ самые представители духовенства, которые не испытывали никакого желанія подчиниться римской куріи въ то время, когда Винфридъ сталъ завязывать первыя нити, связывающія Римъ съ франкской церковью, теперь стали заявлять съ неподдѣльнымъ воодушевленіемъ о своей покорности папѣ. Таковъ былъ громадный результатъ дѣятельности Винфрида. Какіе широкіе круги были охвачены въ то время преклоненіемъ предъ папскимъ престоломъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, то обстоятельство, что послѣ устраненія отъ престола его брата Пиппинъ не рѣшился возложить на себя королевскую корону безъ предварительнаго согласія папы. А развѣ не открылся путь къ болѣе тѣсному сближенію между Римомъ и франкскимъ государствомъ послѣ того, какъ папа Стефанъ II сдѣлалъ королю визитъ въ его владѣнія (въ 753 г.), умолялъ его о помощи противъ лангобардовъ и помазалъ на царство какъ самого короля, такъ и его двухъ сыновей, а Пиппинъ обѣщалъ ему свою помощь? Это отрадное событіе, безъ сомнѣнія, вознаградило престарѣлаго Бонифація за многія испытанія, пережитыя имъ. Теперь у него оставалась только одна завѣтная мечта: закончить свою плодотворную жизнь, какъ мученикъ за вѣру. Весной 754 г. онъ отправился во второй разъ въ Фриеландію. Въ іюнь слѣдующаго года онъ былъ убитъ язычниками.

Дѣло, начатое Пиппиномъ и Бонифаціемъ, было завершено Карломъ Великимъ, который шелъ своей собственной самостоятельной дорогой (срав. таблицу, прилож. къ стр. 93). Казалося, что этотъ сверхчеловѣкъ вступилъ на престолъ съ готовой программой въ рукахъ и сейчасъ же сталъ осуществлять ее пунктъ за пунктомъ безъ всякихъ колебаній.

Между папой и франкскимъ королемъ установились новыя отношенія. Пиппинъ присвоилъ себѣ протекторатъ надъ всеми областями, которыя были предоставлены имъ папѣ. Какія же права, какія обязанности заключалъ

въ себѣ этотъ протекторатъ? Безъ всякихъ колебаній Карлъ прокладываетъ для себя свободный путь. Лангобардское королевство, отъ завоевательныхъ стремленій котораго папа искалъ защиты у Франкскаго короля, было превращено имъ въ часть Франкскаго государства, а Римъ низведенъ до степени одного изъ городовъ Лангобардскаго королевства. Папа превратился въ подданнаго Карла, а какъ свѣтскій владѣтельный князь — онъ сталъ только лепникомъ франкскаго короля. Ему пришлось заговорить такимъ языкомъ, къ которому ему, безъ сомнѣнія, трудно было пріучить себя: король приказалъ, онъ, папа, исполняетъ волю короля.

Каковы же должны были быть послѣдствія присоединенія древней имперской столицы, Рима, къ франкскому государству? Краеугольнымъ камнемъ вновь созданнаго положенія послужило вѣнчаніе Карла императорскою короною, состоявшееся въ 800 году, по подготовлявшееся съ 797 года. Конечно, Карлъ предпочелъ бы самому возложить ее на свою голову, чѣмъ принять ее изъ рукъ папы, да еще такого папы, какъ Левъ III, который обвинялся въ тяжелыхъ преступленіяхъ; но онъ рѣшился стать императоромъ во что бы то ни стало. Только послѣ пріобрѣтенія имъ этого титула съ его личностью стала соединяться въ глазахъ современниковъ вся Западная Европа. При этомъ не существовало еще того противопоставленія между папствомъ и имперіей, которое развилось впоследствии, а императорская власть понималась въ такомъ смыслѣ, какъ этого хотѣлъ Карлъ: онъ считался повелителемъ Царства Божія, высшей совокупности государства и церкви. Ко дню смерти Пиппина одни смотрѣли на франкскую церковь, какъ на часть общей единой церкви, и стремились къ ея подчиненію папѣ, другіе желали, чтобы она осталась самостоятельной мѣстной церковью, подчиненной франкскому королю, а папу почитали только, какъ перваго учителя всѣхъ христіанъ. Король возвысилъ подчиненную ему франкскую церковь до роли общеперской церкви, „Царства Божьяго на землѣ“, въ которомъ папа является учителемъ, а онъ правителемъ. Такимъ образомъ было достигнуто то единство, къ которому стремился Бонифаций, только другимъ путемъ: совокупная единая западная церковь почитаетъ одного общаго императора, какъ своего правителя, и одного общаго епископа, какъ своего перваго учителя. Величественная идея! Дѣйствительность доказала, что она не была слишкомъ широка для своего вѣка. Церковь не только не стонала подъ этимъ теократическимъ господствомъ Карла, но даже ликовала. Она не только не потеряла никакого ущерба, а расцвѣла пышнымъ цвѣтомъ. Только опытъ послѣдующей эпохи долженъ былъ обнаружить, возможно ли такое царство Божіе, совмѣщающее въ себѣ свѣтскую и духовную власть, также и при другихъ условіяхъ или только подъ властью такого монарха, какъ Карлъ Великій, который принималъ одинаково къ сердцу какъ интересы государства, такъ и интересы церкви и съ одинаковою прозорливостью умѣлъ отгадывать нужды ихъ обоихъ, который направлялся къ цѣлямъ, намѣченнымъ имъ для государства и для церкви, съ неутомимой энергіей и желѣзнымъ упорствомъ, который не доводилъ своихъ подчиненныхъ до возмущенія ни злоупотребленіемъ своею властью, ни слабохарактерной уступчивостью, который былъ преисполненъ тѣмъ высокимъ убѣжденіемъ, что его власть дана ему отъ Бога и что пользование этою властью есть служеніе Богу.

Такимъ образомъ папы отошли на задній планъ. Карлъ вмѣшивался непосредственно во внутреннія дѣла территоріи, принадлежавшей папѣ. Однако онъ былъ далекъ отъ мелкаго соперничества съ римскою куріей: напротивъ того, онъ поднялъ весьма высоко престижъ папы во франкской церкви. Въ его глазахъ римская церковь была хранительницей апостольскаго преданія, а римскій епископъ высшимъ духовникомъ христіанства. Приказанія римской церкви были обязательны для всей имперской церкви, но главою церкви является онъ, императоръ. Онъ назначаетъ или утвер-

ждаетъ епископовъ. Его законы помѣщаются въ сборникахъ каноническихъ узаконеній рядомъ съ буллами папъ и постановленіями соборовъ. Онъ созываетъ церковные соборы, утверждаетъ или дополняетъ ихъ рѣшенія по своему усмотрѣнію. Онъ постановляетъ рѣшенія даже по богословскимъ спорнымъ пунктамъ духовенства своего государства и въ случаѣ необходимости не стѣсняется даже мнѣніемъ папъ. Если мнѣніе этого учителя вредно для государства, то правитель этого государства обязанъ выступить противъ него. Въ такомъ положеніи оказался Карлъ во время спора объ иконахъ. Папа Адрианъ II и византійская императрица Ирина снова возвели въ законъ иконопочитаніе на Никейскомъ соборѣ 787 г. Напротивъ того, Карлъ вынесъ слѣдующее рѣшеніе: иконоборство, которое было раньше въ модѣ на Востокъ, равно какъ и почитаніе иконъ, которое было обязательно по постановленію послѣдняго собора, составляетъ результатъ безграничной глупости; позволительно пользоваться картинами для напоминанія о событіяхъ св. исторіи и для украшенія, но имѣть иконы не обязательно для христіанина, а почитаніе ихъ крайне вредно для спасенія души. Такъ поучаетъ онъ папу, требуя, чтобы тотъ отмѣнилъ постановленіе Никейскаго собора. На Франкфуртскомъ соборѣ (794 г.) всѣ епископы и священники принимаютъ рѣшеніе въ присутствіи двухъ папскихъ легатовъ, „въ силу своего апостольскаго авторитета и по приказанію нашего благочестиваго государя императора Карла, въ присутствіи нашего всемилостивѣйшаго государя“, что не слѣдуетъ почитать иконъ и молиться имъ и что заслуживаютъ проклятія всѣ тѣ, которые согласны съ рѣшеніями греческаго Никейскаго собора. Папа не рѣшился протестовать противъ постановленія Франкфуртскаго собора.

Карлъ провелъ съ блестящимъ успѣхомъ также и внутреннюю реформу церкви, начатую Банифаціемъ; однако цѣли и средства, которыми пользовались тотъ и другой, были совершенно различны между собой. Банифацій хотѣлъ воспитать народъ, но исключительно для церковной жизни и посредствомъ подчиненія его церкви. Поэтому его главной заботой было созданіе сильной іерархіи. Карлъ стремится къ воспитанію народа для царства Божія; его воспитаніе обнимаетъ всего человѣка и задачи всей жизни; предъ его воображеніемъ уже какъ бы носится идеалъ развитія самостоятельной личности. Вотъ почему образованіе играетъ у него такую большую роль, на первыхъ порахъ, конечно, образованіе духовенства. Однако въ основаніи имъ придворномъ училищѣ пріобрѣли научное образованіе какъ его собственныя дѣти, такъ и многіе юноши изъ первыхъ семействъ въ государствѣ; такимъ же образомъ и въ остальныхъ школахъ получали образованіе также и свѣтскіе люди. Мало того, можно думать, что онъ уже имѣлъ предъ собою въ виду, какъ цѣль, всеобщее народное образованіе; по крайней мѣрѣ, дѣлались попытки къ введенію всеобщаго школьнаго обученія мальчиковъ, и было рѣшено помогать дѣтямъ бѣднаго состоянія въ теченіе того времени, когда они посѣщаютъ школу.

Карлъ стремился также къ тому, чтобы богослуженіе не было механическимъ продѣлываніемъ религіозныхъ обрядовъ, а вліяло бы также на душу молящагося. Поэтому Карлъ считаетъ самой существенной частью богослуженія проповѣдь на родномъ языкѣ и приказываетъ, чтобы проповѣди произносились въ каждой приходской церкви по всѣмъ воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Онъ требовалъ, чтобы молитвы, произносимыя наизусть, заучивались не механическимъ путемъ, а съ пониманіемъ содержанія. Объ этомъ свидѣлствуютъ дошедшія до насъ объясненія на нѣмецкомъ языкѣ къ „Символу вѣры“ и къ „Молитвѣ господней“. Дѣлаются также попытки перевода библіи на нѣмецкій языкъ. До насъ дошли нѣкоторые отрывки сдѣланнаго въ то время нѣмецкаго перевода евангелія отъ Матѳея, которые свидѣлствуютъ, что этотъ переводъ стремился въ дѣйствительности къ вѣрной передачѣ внутренняго

смысла св. писанія. Карлъ внушалъ неустанно духовенству, что слѣдуетъ пешись о душахъ и прежде всего выслушивать исповѣдь. Обнаружилось, что во время бурныхъ событій, наполнившихъ послѣднее столѣтіе, всѣ заботы древней церкви объ исправленіи грѣшниковъ пришли въ упадокъ и что это положеніе не улучшалось. Такъ какъ наказаніе за явные грѣхи состояло въ лишеніи церковнаго общенія, и обратнаго пріема на лоно церкви можно было добиться только посредствомъ смиреннаго покаянія, то отсюда вытекаетъ, что церковное общеніе цѣнилось раньше мірянами, какъ очень драгоценное благо. Теперь же приходилось имѣть дѣло съ массами, которыя еще не привыкли любить и почитать церковь. Какимъ образомъ можно было заставить добиваться обратнаго пріема въ лоно церкви цѣной тяжелаго искуса такихъ людей, которые почти ни во что не ставили свою принадлежность къ этой церкви? Вотъ почему Колумба, принадлежавшій самъ къ ирландско-шотландской церкви, но пытавшійся, начиная приблизительно съ 584 года, ввести реформы во франкской церкви, находившейся въ глубокомъ упадкѣ, ввелъ для воздѣйствія на грѣшныя души тайную исповѣдь передъ священникомъ. Онъ составилъ книгу съ правилами для духовенства относительно церковнаго покаянія. При Карлѣ эта тайная исповѣдь была снова восстановлена. О его глубокомъ религіозномъ чутьѣ свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что онъ требовалъ отъ каждаго своего подданнаго знанія основныхъ истинъ христіанства, но не исповѣди. Въ его глазахъ эта послѣдняя имѣла цѣну только въ томъ случаѣ, когда она совершалась по свободному сердечному влеченію. Зато богословы того времени неустанно выдвигали впередъ съ большимъ усердіемъ великую благодать исповѣди; они учили, что всякій грѣхъ можетъ быть прощенъ, если грѣшникъ совершитъ исповѣдь предъ священникомъ. Конечно, не слѣдуетъ упускать изъ виду той тяжелой опасности, которая скрывается въ такомъ обоснованіи исповѣди; тѣмъ не менѣе это учрежденіе имѣло свое воспитательное вліяніе на народъ: оно будило сознаніе отвѣтственности отдѣльнаго человѣка предъ Богомъ и необходимости искупленія своихъ грѣховъ.

Карлъ осуществилъ, наконецъ, то обращеніе язычниковъ, о которомъ мечталъ Бонифацій, по совершенно другимъ путемъ. Очень часто становилось замѣтнымъ, что за спиною апостола новой вѣры стоитъ суровый повелитель Царства Божія. Даже миссіонеръ, происходившій изъ фризскаго рода, Нютгеръ, грозитъ своимъ соплеменникамъ въ своихъ проповѣдяхъ гнѣвомъ могущественнаго и мудраго короля, который предастъ все огню и мечу, какъ мстителъ, выполняющій волю разгнѣваннаго Бога, если они будутъ косятъ въ безбожии и не отречутся отъ своихъ заблужденій. Обращеніе саксовъ въ христіанство стоило такой страшной борьбы, что Карлъ непременно пріостановился бы и удовлетворился бы отраженіемъ опасности, угрожавшей его государству со стороны этихъ сосѣдей, если бы онъ не былъ проникнутъ сознаніемъ своего долга, какъ теократическаго короля, который долженъ положить къ ногамъ Господа его враговъ. Послѣ тридцатилѣтней борьбы онъ, наконецъ, ввелъ въ лоно церкви это послѣднее германское племя. Когда его жизнь, полная кипучей дѣятельности, оборвалась 28 января 814 г., то на смертномъ одрѣ ему положили евангеліе на колѣни, кусокъ Св. Креста на голову и опоясали его мечемъ. Уже тогда пришлось разложить на отдѣльныя составныя части то, что онъ стремился слить воедино. Нѣтъ такого символа, который соединялъ бы въ себѣ желѣзный мечъ и евангеліе съ крестомъ.

Были споры о томъ, многого ли онъ достигъ всѣми своими приказами, увѣщаніями и карами. Безъ сомнѣнія, современная ему эпоха не доросла еще до многого изъ того, къ чему онъ стремился; тѣмъ не менѣе мы замѣчаемъ при Карлѣ первые слѣды стремленія къ самостоятельному личному усвоенію христіанства. Два сочиненія, написанныя для

„необразованной“ публики и появившіяся при первыхъ преемникахъ Карла, были результатомъ движенія, поднятаго Карломъ Великимъ. Мы говоримъ о переложеніи библейской исторіи на нидерландскій языкъ; сохранилась та часть этого сочиненія, которая передаетъ новозавѣтную исторію, „Heliand“ (Спаситель), а въ 1894 г. были открыты отрывки Ветхаго Завѣта, написанные хотя и не тѣмъ же авторомъ, но писателемъ, принадлежащимъ къ той же школѣ; сюда относится также поэма „Христосъ“, сочиненная монахомъ Отфридомъ. Священная исторія переодѣвается въ германскій костюмъ; мѣстомъ дѣйствія является германская родина. Христосъ — небесный царь, наилучшій защитникъ, могущественный Богъ. Онъ борется за своихъ вѣрныхъ рабовъ и покоряетъ темныя силы своей смертью и своимъ вознесеніемъ. Онъ учитъ насъ, что мы должны дѣлать, чтобы стать его друзьями. Своихъ вѣрныхъ рабовъ онъ надѣляетъ тѣми дарами, которые онъ отвоевалъ своей борьбой; это-то и составляетъ вѣчное воздаяніе. Въ такой передачѣ христіанство сильно умалывается, но все же это нѣчто большее, чѣмъ механическое повтореніе заученнаго. Она свидѣтельствуетъ также объ индивидуальномъ религіозномъ чувствѣ. Однако это сочиненіе Отфрида уже вызываетъ опасеніе въ томъ, что высказывающіеся въ немъ самостоятельный запасъ религіозной мысли замкнется вскорѣ въ рамкахъ церковнаго шаблона. Въ немъ уже преобладаютъ готовые богословскія формулы, и отъ него вѣетъ уже монашескимъ духомъ съ его презрѣніемъ къ міру. Въ „Спаситель“ предъ нами еще рисуются чарующія прелести окружающаго міра, которыя преисполняютъ радостью германскую душу; въ „Христѣ“ этотъ міръ уже полонъ мерзостей, и любить его невозможно. Пройдутъ вѣка, пока мы столкнемся снова съ самостоятельной христіанской религіозной мыслью.

В. Состояніе церкви послѣ распада „Царства Божія“ (приблизительно отъ 814 до 955 г.).

„Благочестивый сынъ“ Карла Великаго Людовикъ не могъ удержать въ цѣлости Божьяго Царства своего отца. Оно распалось на цѣлый рядъ отдѣльныхъ націй. Тотъ, кому дорого было благо церкви, долженъ былъ стремиться къ сохраненію ея единства среди этого распада. Свою главную задачу, состоящую въ воспитаніи полуварварскихъ европейскихъ народовъ, она могла выполнить, только оставаясь единымъ цѣлымъ, не стѣсняемымъ никакими національными границами, проводящимъ повсюду одни и тѣ же требованія и пользующимся повсюду одними и тѣми же средствами. Папство уже давно чувствовало себя общимъ центромъ всей церкви, стоящимъ выше всѣхъ политическихъ переворотовъ; но какимъ образомъ оно могло выполнить эту роль на практикѣ? Чтобы государство и церковь шли своими отдѣльными путями, это было невозможно, такъ какъ государство и церковь были представлены одними и тѣми же лицами, и они вѣчно сталкивались между собою на своемъ пути. Идея, которую Карлъ Великій осуществилъ съ такимъ блескомъ, привлекала всѣхъ своей величественностью и своей ясностью. Возрожденіе „Божьяго Царства“ съ папой во главѣ его — вотъ та цѣль, къ которой стремились въ то время. Если Карлъ Великій создалъ Царство Божіе и заставилъ церковь подчиняться себѣ на всемъ пространствѣ этого царства, то для той же цѣли, для возрожденія этого царства, слѣдуетъ заставить всѣ государства подчиняться папѣ. Тогда будетъ господствовать миръ и гармонія; но осуществитъ такое господство папы невозможно безъ тяжелой борьбы. Идеи Карла были вскорѣ приняты съ большимъ воодушевленіемъ, такъ какъ онъ былъ неразрывно связанъ со взглядами, господствовавшими еще до него во франкской церкви, въ силу которыхъ эта церковь подчи-

нялась свѣтскому правителю; но планы папы шли наперекоръ всѣмъ этимъ традиціямъ и стремились къ противоположной цѣли, къ господству церкви надъ монархами. Очевидно, предстояла острая борьба. Понятно, что идеи Карла должны были снова всплыть наружу. Пока люди не отказались отъ мечты о Божьемъ Царствѣ на землѣ, борьба эта шла непрерывно, пока церковь не достигла, наконецъ, этой цѣли.

Кто станетъ въ этой борьбѣ на сторону папы? Уже въ царствованіе Людовика Благочестиваго обнаруживается страшный расколъ между приверженцами церкви и приверженцами государства. Когда сыновья императора взялись во второй разъ за оружіе противъ своего отца, то папа дѣйствовалъ заодно съ бунтовщиками. Къ кому приходилось пристать епископамъ? Нѣкоторые изъ нихъ придумали для успокоенія своей совѣсти слѣдующую теорію: вступаясь за мирное существованіе христіанской церкви, папа дѣйствуетъ, какъ намѣстникъ Христа; поэтому императоръ обязанъ подчиняться ему. Другіе изъ нихъ стали на сторону императора и отправили папѣ посланіе, въ которомъ они напоминаютъ ему о данной имъ присягѣ на вѣрность императору и объявляютъ ему, что они отлучаютъ его отъ братскаго общенія, если онъ не подчинится своему государю. Папа былъ смущенъ; но франкскіе прелаты, которые видѣли, что нѣтъ другого хранителя единства церкви, кромѣ римскаго епископа, выставили цѣлый рядъ положеній о полномочіяхъ папы, которыя снова пріободрили его: по ихъ мнѣнію въ папѣ воплощается безусловный авторитетъ; ему принадлежитъ высокая власть апостола Петра; онъ можетъ судить всѣхъ, никто не можетъ судить его. Такой взглядъ распространялся все сильнѣе между западно-франкскими епископами и укрѣплялся тѣмъ больше, чѣмъ дальше шло распаденіе государства. Цѣль, которою духовенство задавалось при этомъ, заключалась въ огражденіи церкви и епископа отъ свѣтскихъ властей, въ превращеніи церкви въ безусловно самостоятельную великую державу. Для того, чтобы превратить эти взгляды въ общепризнанную истину, приверженцы церкви рѣшились на самую смѣлую и самую важную по своимъ послѣдствіямъ поддѣлку; тѣмъ новымъ отношеніямъ между свѣтской и духовной властью, которыя желательно было установить при измѣнившихся обстоятельствахъ для блага церкви, была придана печать древнихъ каноническихъ узаконеній. Было сфабриковано три подобныхъ документа. Два первыхъ, такъ называемые „капитулъ Ангильрама“ и „собраніе капитуляріевъ Бенедикта Левиты“, поддѣланы весьма грубо. Гораздо большимъ безстыдствомъ отличается третья поддѣлка, лже-исидоровы декреталіи; это собраніе церковныхъ узаконеній, приписываемое епископу Исидору Севильскому (ум. 639), признавалось также и во Франціи; къ нему было присоединено множество ложныхъ декреталій, приписываемыхъ самымъ первымъ изъ римскихъ епископовъ. Въ это собраніе было вставлено около 100 подложныхъ папскихъ посланій, а кромѣ того еще нѣсколько подобныхъ документовъ, извѣстныхъ еще ранѣе. Изъ числа послѣднихъ особенно извѣстенъ „Константиновъ даръ“, сфабрикованный, вѣроятно, при Пипиниѣ, такъ какъ церковь уже пользовалась этимъ документомъ въ своемъ спорѣ съ этимъ королемъ: императоръ Константинъ, излѣченный римскимъ епископомъ Сильвестромъ отъ проказы, приказываетъ, чтобы римскій епископъ былъ признанъ главою надъ всѣмъ остальнымъ духовенствомъ всего міра, чтобы его престолъ почитался выше императорскаго трона, чтобы духовнымъ лицамъ, состоящимъ на службѣ римской церкви, отдавались императорскія почести и присваивался консульскій рангъ,—стало быть, чтобы имъ разрѣшалось даже украшать своихъ верховныхъ лошадей бѣлыми попонами. Послѣ того, какъ смиренный папа отказывается носить золотую корону, императоръ ведетъ его коня за узду, какъ простой конюхъ, и отдаетъ ему во владѣніе всѣ провинціи Италіи и всѣ сѣверныя области, а свою собственную резиденцію переноситъ изъ Рима въ Визан-

тію. Такимъ образомъ въ силу „Константинова дара“ папа пріобрѣлъ на Западѣ такую же власть, какъ императоръ на Востокѣ.

По отношенію къ поддѣльнымъ декреталіямъ слѣдуетъ отличать ту цѣль, ради которой онѣ были обнародованы, отъ того дѣйствія, которое онѣ произвели въ дѣйствительности. Цѣлью было не столько поднятіе папской, сколько епископской власти. Напримѣръ, между прочимъ, въ этомъ документѣ заявляется, что послѣ смерти апостола Павла ни одинъ судъ не можетъ произносить приговора надъ духовнымъ лицомъ; епископъ не подлежитъ никакому другому суду, кромѣ помѣстнаго собора; во время судебныхъ преній не допускаются въ качествѣ судебныхъ истцовъ или свидѣтелей ни свѣтскія лица, ни духовныя низшихъ ранговъ; при всемъ томъ для суда надъ епископомъ требуются показанія 72 свидѣтелей. Для того, чтобы сдѣлать невозможнымъ насильственное изгнаніе епископа, было выставлено такое требованіе, чтобы никакой жалобы противъ епископа не принималось до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ укрѣпленъ окончательно въ своихъ правахъ и владѣніяхъ. Для обезпеченія епископской власти отъ свѣтскихъ правителей были выставлены новые догматы, возводящіе папу во всемірнаго главу: римскій престолъ является верховнымъ судьей во всѣхъ дѣлахъ, касающихся церкви. Одному папѣ принадлежитъ право созывать соборы. Онъ выноситъ рѣшенія по всѣмъ труднымъ вопросамъ.

Современники не распознали поддѣлки. Сфабрикованные документы дѣйствительно послужили къ тому, что папа пріобрѣлъ необычайный престижъ въ глазахъ всего міра; но исторія отомстила духовенству за этотъ подлогъ. Чтобы найти точку опоры, духовенство дало папству противоправственную власть; но папы воспользовались этой властью не только для поработченія всего свѣтскаго, но и для подчиненія себѣ всего духовенства и этотъ гнетъ былъ болѣе невыносимъ, чѣмъ прежнія насилія свѣтскихъ правителей, — отъ него невозможно было освободиться посредствомъ новаго подлога.

Первый папа, который сослался на эти измышленныя декреталіи, какъ на безспорный юридическій документъ, былъ Николай I (отъ 858 до 867 г.). Его можно назвать первымъ средневѣковымъ папой. При своемъ вступленіи на папскій престолъ онъ не только получилъ посвященіе, но кромѣ того возложилъ на себя корону. Для того, чтобы поддержать свою власть надъ церковью, онъ первый присвоилъ себѣ власть надъ свѣтскими владѣтельными князьями и смотрѣлъ на себя, какъ на повелителя единаго Царства Божія. По его взгляду весь христіанскій міръ основывается на папствѣ; отъ существованія послѣдняго зависитъ всякій порядокъ на землѣ не только въ церковныхъ дѣлахъ, но и въ соціальныхъ, и политическихъ. Въ церкви папа является неограниченнымъ владыкой. Его слово есть Божье слово; его дѣла это Божьи дѣла. Соборы должны исполнять безпрекословно рѣшенія папы; епископы — это его ставленники. Заслуги ихъ измѣряются степенью ихъ преданности папскому престолу. Императоръ и всѣ владѣтельные князья властны только въ свѣтскихъ дѣлахъ. Свѣтскій судъ никогда не можетъ произносить приговора надъ духовными лицами; свѣтскій законъ не долженъ противорѣчить церковному праву; въ противномъ случаѣ свѣтскій законъ не дѣйствителенъ. Въ чисто политическихъ дѣлахъ владѣтельные князья тоже должны исполнять приказанія папы. Предъ нимъ должны преклониться тѣ, которые поддерживаютъ кругъ земной, какъ сказано въ Іовѣ. Тотъ, кого папа признаетъ дурнымъ правителемъ, перестаетъ быть монархомъ, становится тираномъ, противъ котораго слѣдуетъ возстать. Главнымъ же образомъ императоръ не долженъ забывать, что онъ получилъ свою корону отъ папы. Эти идеи служили для Николая путеводной нитью во всѣхъ его дѣлахъ. Кто бы ни рѣшился высказать свое самостоятельное мнѣніе или ни занялъ независимое поло-

женіе, будь это императоръ или король, епископъ или архіепископъ, никогда этотъ папа не отступалъ отъ своихъ идей ни на одинъ шагъ; онъ не щадилъ своихъ легатовъ, если они не поддерживали на должной высотѣ его престижа. Не всегда на долю его выпадало безусловное торжество, но онъ всегда отстаивалъ свою притязанія, основанныя, по его мнѣнію, на божественномъ правѣ.

Слѣдую тѣмъ же самымъ основнымъ принципамъ, его преемники считали своей первой задачей ограниченіе императорской власти. Наконецъ, назначеніе императора оказалось вполне въ рукахъ папъ, и они безпрепятственно возложили корону Карла Великаго на вассала Каролинговъ, какого-то герцога Сполетскаго. Они не подумали о томъ, что когда ихъ покровитель оказался безгласнымъ, то его покровительство сдѣлалось бесполезнымъ; некому было защитить папъ отъ дерзкой римской аристократіи, стремившейся вырвать изъ рукъ папства его свѣтскую власть. Тутъ обнаружилось, до чего низко пало папство послѣ того, какъ оно ушло изъ-подъ политическаго и нравственнаго вліянія германцевъ. За 18 лѣтъ, протекшихъ между 896 и 914 годами, были свергнуты съ престола 13 папъ.

Послѣ этого на престолъ Петра взошелъ Іоаннъ X. Будучи дьякономъ, онъ часто былъ посылаемъ изъ Равенны въ Римъ, и тутъ онъ сталъ любовникомъ Теодоры, жены одного сенатора. Для того, чтобы удержать его при себѣ неотлучно, она добилаь его избранія въ папы. Въ концѣ концовъ, онъ попалъ въ тюрьму благодаря протеканью другой женщины, Мароціи. Отъ одного изъ прежнихъ папъ она имѣла, по ея выраженію, духовнаго сына, котораго она возвела на папскій престолъ въ 931 году. Ея свѣтскій сынъ Альберихъ управлялъ Римомъ въ качествѣ патриція. Она предложила свою руку хитрому и сладострастному князю Гуго. Онъ прибылъ въ Римъ, такъ какъ надѣялся получить императорскую корону при посредствѣ этой женщины. Обрядъ вѣнчанія былъ совершенъ въ церкви св. Ангела, но Альберихъ сталъ опасаться, что этотъ бракъ будетъ опасенъ для его карьеры и для его жизни и призвалъ народъ къ оружію. Новобрачный вынужденъ былъ спуститься изъ замка по веревкѣ. Альберихъ, будучи избранъ римлянами своимъ княземъ, заточилъ свою мать въ тюрьму. Послѣ двадцатидвухлѣтняго царствованія, онъ предъ самой своей смертію заставилъ собраніе духовныхъ и свѣтскихъ римскихъ сановниковъ, созванное въ соборѣ св. Петра, признать своего сына наследникомъ своей свѣтской власти и преемникомъ тогдашняго папы. Такимъ образомъ этотъ пятнадцатилѣтній юноша долженъ былъ вскорѣ (въ 955 г.) соединить въ своихъ рукахъ свѣтскую и духовную верховную власть. Этотъ Іоаннъ XII имѣлъ цѣлую коллекцію любовницъ, по выраженію одного стариннаго источника. Охота и кутежи наполняли всю его жизнь. Говорятъ, что одного дьякона онъ посвятилъ въ конюшнѣ, а передъ тѣмъ во время попойки совершилъ возліяніе языческимъ богамъ.

Какія же послѣдствія повлекло за собой то обстоятельство, что папская корона стала игрушкой не только въ рукахъ аристократіи, но и порнократіи? Вліяніе папства на всю церковь внѣ римской области свелось на нѣтъ. Каждая изъ нихъ шла своимъ самостоятельнымъ путемъ. Тѣмъ не менѣе эти жалкія или мерзкія креатуры варварскихъ партій или красивыхъ женщинъ, не смущаясь, продолжали выражаться елейнымъ возвышеннымъ канцелярскимъ стилемъ своихъ предшественниковъ. Тотъ самый Іоаннъ X, который былъ возведенъ на престолъ своей любовницей, далъ рѣзкій выговоръ одному изъ архіепископовъ, славившемуся вѣрностью своему долгу, за то, что тотъ передалъ недостойному челоуѣку Дары св. Духа, какъ будто это было какое-то имущество; въ своемъ посланіи къ другому епископу онъ хвастается тѣмъ, что предводительствовалъ лично въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, и жалуется тутъ же, что онъ пренебреженъ невыразимымъ горемъ вслѣдствіе сообщеній о всевозможныхъ преступле-

ніяхъ, доходящихъ къ нему со всѣхъ концовъ свѣта, такъ какъ на немъ лежитъ забота обо всемъ мірѣ. Чѣмъ шире распространялись свѣдѣнія объ ужасномъ упадкѣ папства, тѣмъ рѣзче падало уваженіе къ святынямъ.

Въ Италіи населеніе которой было очевидцемъ жалкаго состоянія папства, глубокой упадокъ религіозной жизни обнаружился сейчасъ же. Старинныя обрядности исполнялись попрежнему; но такъ какъ духовенство не имѣло никакого другого назначенія, кромѣ этихъ обрядностей, то мало-по-малу въ немъ исчезла всякая любовь къ просвѣщенію и наукѣ. Невѣжество римскаго духовенства стало посмѣшищемъ для другихъ націй; на жалобу франкскихъ епископовъ, что въ Римѣ нѣтъ людей, которые обладали бы хотя бы малѣйшими учеными познаніями, папскій легатъ далъ слѣдующій отвѣтъ: „ни намѣстники св. Петра, ни ихъ ученики не хотятъ имѣть своими учителями ни Платона, ни Виргилія, ни другихъ скотовъ-философовъ. Самъ Петръ тоже не зналъ никакихъ наукъ, а тѣмъ не менѣе былъ назначенъ райскимъ привратникомъ“.

Рядомъ съ этимъ самодовольнымъ невѣжествомъ мы замѣчаемъ и другое направленіе, которое ищетъ въ языческихъ писателяхъ того удовлетворенія, которое оно находило раньше въ религіи. Однако этихъ писателей любили не за благородство и глубину ихъ содержанія, а за ихъ язычество, ихъ некультурность. Тѣ, которые увлекались ими и не переставали ссылаться на нихъ, впали въ настоящее варварство. Не стѣсняясь, наслаждались жизнью — вотъ въ чемъ заключалась ихъ житейская мудрость. И этому теченію отдавались не только папы, епископы и священники, но имъ проникнуты были и монастыри, эти убѣжища отъ мірской суеты. Въ монастырѣ Санта-Марія-ди-Фарфа монахи отравили своего аббата, передрались между собою, а затѣмъ разсѣялись по землямъ, принадлежащимъ монастырю, и завели разгульную жизнь вмѣстѣ со своими женами и дѣтьми. Священныя церковныя облаченія были передѣланы ими въ платья для ихъ любовницъ, а священныя сосуды въ запястья и серьги. Безъ помощи извнѣ христіанству въ Италіи угрожала окончательная гибель.

Германцы усвоили новую вѣру съ болѣе глубокой искренностью и серьезностью. Здѣсь мы еще замѣчаемъ у епископовъ пылкое стремленіе къ благотворному вліянію на народъ, хотя и тутъ сказался тотъ духъ, который соотвѣтствуетъ лже-исидоровымъ декреталіямъ и идеямъ Николая о всемірномъ господствѣ папъ: главною цѣлью считалось развитіе въ народѣ безусловной покорности предъ церковью.

Здравое просвѣщеніе, о распространеніи котораго хлопотали Карлъ Великій и его ученые, послужило на иѣкоторое время оплотомъ противъ вѣры въ чудеса, которая была перенесена во Францію изъ грекоримскаго міра и сочеталась здѣсь съ языческимъ суевѣріемъ. При преемникахъ Карла она продолжала развиваться безпрепятственно. Церковь поощряла эту вѣру всѣми силами, стремясь внушить народу уваженіе къ себѣ своей сверхъестественной силой и защитой, оказываемой ею противъ дьявольскаго навожденія. Каждая церковь и каждый монастырь старались обзавестись мощами. Что могло произвести болѣе глубокое впечатлѣніе на грубые умы тогдашнихъ народовъ, чѣмъ чудотворная сила, исходящая изъ этихъ тлѣнныхъ остатковъ! Чѣмъ болѣе курьезны были эти сокровища, тѣмъ дороже они цѣнились. Въ одномъ монастырѣ показывалась частица тѣхъ яслей, въ которыхъ лежалъ Христосъ, той свѣчки, которая горѣла при Его рожденіи, того дерева, изъ котораго Петръ хотѣлъ выстроить три хижины на горѣ Фаворѣ, — и капли молока св. Дѣвы. Иногда количество мощей, предлагаемыхъ въ продажу, бывало настолько велико, что возникло опасеніе, не скрывается ли тутъ обманъ. Тогда назначался трехдневный постъ, посредствомъ котораго надѣялись склонить Бога къ тому, чтобы Онъ доказалъ подлинность мощей святого путемъ какого-либо чуда. А какія

празднества устраивались при перенесеніи мощей! Это были настоящія триумфальныя шествія. Въ каждомъ селепін къ шествію присоединялись новыя толпы паломниковъ, ожидавшихъ каждую минуту какихъ-либо чудесъ; когда не случалось другихъ чудесъ, то удовлетворялись тѣмъ, что послѣ сильнаго дождя небо прояснилось къ утру, когда шествіе должно было возобновиться.

Но развѣ не существовало никакого болѣе возвышеннаго предмета для почитанія, чѣмъ эти останки святыхъ? Развѣ на церковномъ богослуженіи не присутствовалъ самъ Христосъ? Аббать Родбертусъ училъ, что во время обѣдни хлѣбъ и вино претворяются по слову священника въ плоть и кровь Христа; поэтому, въ чашѣ съ виномъ или на просфорѣ обнаруживается кровь или даже ягненокъ. Какая же сверхъестественная сила была дана церкви, если самый простой христіанскій сынъ могъ совершать это величайшее чудо—ниаводить на землю самого Царя Небеснаго, какъ только церковь посвятитъ его въ священники?! Какимъ благоговѣннымъ трепетомъ долженъ былъ пренеполняться народъ во время богослуженія, когда каждую минуту Христосъ могъ показать присутствующимъ воочію, что хлѣбъ и вино, употребляемые при богослуженіи, это только призракъ, за которымъ скрывается что-то болѣе божественное.

При всемъ томъ никакъ не удавалось искоренить въ народѣ вѣру въ другихъ боговъ. Его уговорили почитать Бога Отца Всемогущаго и отречься отъ темныхъ силъ, всѣхъ ихъ дѣлъ и служенія имъ, но вѣра въ могущество наполняющихъ весь міръ злыхъ духовъ нисколько не ослабѣла. Нанлучшимъ средствомъ для внушенія народнымъ массамъ благоговѣнія и страха передъ церковью было восхваленіе ея власти надъ злыми духами. Церковь учила, что для предохраненія отъ злыхъ духовъ слѣдуетъ освящать домъ, въ которомъ люди живутъ, колодези, изъ которыхъ пьютъ, хлѣбъ, который они ѣдятъ, садъ, поля, съ которыхъ собираются снѣть жатву. Въ церковь приносили первые колосья, первыя яблоки, первый виноградъ, яйца, сыръ и мясо; церковное благословеніе охраняло отъ вреда всѣ домашніе припасы. Когда скотъ выгонялся на пастбища, проносилось благословеніе надъ собаками; такія же благословенія произносили во время роенія пчель, для уничтоженія вредныхъ гусеницъ и болѣзней и т. д. Церковь не смущалась той опасностью, что невѣжественный народъ приравниваетъ эти христіанскіе обычаи и формулы къ своимъ прежнимъ языческимъ заговорамъ, что подъ христіанской одеждой возрождается старинное языческое суевѣріе; она не смущалась тѣмъ опасеніемъ, что подобныя обряды поддерживаютъ то представленіе, будто главная польза христіанства заключается въ предохраненіи отъ матеріальнаго вреда. Люди, проникнутые болѣе глубокимъ чувствомъ, могли только тѣшиться надеждой на то, что въ будущемъ создастся христіанство, обоснованное болѣе глубокими мотивами. Прошло много столѣтій, пока наступила эта пора; а когда она наступила, то эти искаженія успѣли укорениться уже такъ глубоко, что стало невозможнымъ истребить ихъ вполнѣ.

Въ томъ же направленіи развивалась также и исповѣдь. Для всѣхъ было обязательно быть на исповѣди. Если исповѣдующійся не помнилъ своихъ грѣховъ, то священникъ долженъ былъ выпытать ихъ у него. Съ такими приблизительными словами обращался, вѣроятно, къ исповѣдующемуся священникъ: „Можетъ быть, ты не вспомнишь сразу всего того, что ты натворилъ, такъ я буду тебя спрашивать. Ты не совершилъ убійства?“... Къ какимъ послѣдствіямъ приводила подобная исповѣдь? Правда, исповѣдь будила сознаніе того, что не дозволяется Богомъ, но при этомъ каждый пріучался относиться къ своимъ собственнымъ прегрѣшеніямъ безъ стыда и скорби. Это выпытываніе сдерживало, а то и вовсе уничтожало готовность къ искреннему покаянію, такъ какъ человека заставляли называть свои прегрѣшенія, т. е. преодолѣвать естественное чувство стыда.

Такая исповѣдь нисколько не содѣйствовала исправленію грѣшника, а только притупляла совѣсть. Для удержанія грѣшника отъ повторенія его прегрѣшеній, стало быть, для исправленія его, налагалась эпитимія; но такъ какъ подобная исповѣдь не вела къ глубокому нравственному перерожденію и тяжелыя эпитиміи исполнялись неохотно, то духовенство вынуждено было принять за правило, чтобы налагались только легкія церковныя наказанія, такъ какъ грѣшники не обнаруживали такого рвенія къ церковному покаянію, какъ въ прежнія времена. Напримѣръ, за такія самыя прегрѣшенія, за которыя по старымъ правиламъ грѣшникъ осуждался на хлѣбъ и воду, его теперь заставляли соблюдать такой постъ только по одному дню въ недѣлю. Впрочемъ, на дѣлѣ давно уже нельзя было привести въ исполненіе даже такой умѣренной эпитиміи. Срокъ наказанія сокращался все сильнѣе, а остальная его часть замѣнялась чтеніемъ псалмовъ и другихъ молитвъ. Или же эпитимія замѣнялась денежной пеней на благочестивыя дѣла. Мало того, церковь шла такъ далеко навстрѣчу человѣческой слабости кающихся грѣшниковъ, что допускалось исполненіе наложеннаго наказанія третьимъ лицомъ. Священники и монахи считались наиболѣе пригодными для роли такихъ замѣстителей, а грѣшникъ, который освобождался благодаря имъ отъ церковнаго наказанія, награждалъ ихъ деньгами. Это замѣстительство повело къ распространенію такого взгляда, что отъ своихъ грѣховъ можно откупиться у церкви деньгами и что вся суть заключается только въ слѣпомъ повиновеніи требованіямъ церкви.

Г. Германія въ роли спасительницы церкви (приблизит. отъ 955 до 1050 г.).

Въ то время, когда надъ Римомъ господствовалъ Альберихъ, религія находилась въ Италіи въ крайнемъ упадкѣ, и этотъ умный правитель понималъ, что такъ дальше продолжаться не можетъ. Папство опустилось такъ низко, что отъ него нельзя было ожидать спасенія; Альберихъ обратился за помощью къ монахамъ клюнійскаго ордена. Этотъ орденъ былъ основанъ въ 910 г. на романской почвѣ Бургундіи. Первоначальная его задача состояла въ возрожденіи монашества, находившагося въ крайнемъ упадкѣ, посредствомъ строгаго соблюденія бенедиктинскаго устава. Причины глубокаго упадка монашескихъ орденовъ этотъ орденъ искалъ исключительно въ томъ, что монастыри не были вполне независимы отъ власти епископовъ и свѣтскихъ правителей; поэтому онъ не подчинялся никому, кромѣ папы. До того времени отдѣльные монастыри оставались совершенно изолированными и были совершенно безсильными противъ постороннихъ вліяній; но клюнійскіе монастыри, преобразованные по бенедиктинскому уставу, должны были составить одну единую конгрегацію подъ общимъ руководствомъ. Изъ этихъ зачатковъ развилась, какъ бы самопроизвольно, та важная роль, которую клюнійскій орденъ сыгралъ въ исторіи церкви. Разъ папа признавался единственнѣйшею главою ордена, а отъ свѣтской власти этотъ орденъ не ждалъ для себя ничего кромѣ вреда, то, естественно, его стремленія были направлены къ тому, чтобы церковь, вообще, не подчинялась никому кромѣ папы. А такъ какъ въ то время люди, вообще, не имѣли представленія о разграниченіи между свѣтской областью и духовной, то этотъ орденъ неизбежно долженъ былъ выступить борцомъ за практическое выполненіе средневѣковой папской программы въ духѣ Николая I.

Будучи призываемы въ Римъ Альберихомъ въ 936 году, эти, исполненные рвенія, братья вызвали слабое оживленіе религіознаго чувства среди нѣкоторой части населенія и пробудили даже въ папскомъ дворѣ стремленіе къ улучшенію существующаго положенія. Та партія при папскомъ дворѣ, которую шокировала возмутительная безнравственность римскаго

духовенства, была, вѣроятно, инициаторомъ посольства, обратившагося съ мольбой о помощи къ германскому королю Оттону I. Оттонъ прибылъ въ Италию. Онъ не хотѣлъ вмѣшиваться въ управление церковью. Онъ предъявлялъ только одно требованіе, чтобы папа подчинялся ему въ свѣтскихъ дѣлахъ и чтобы онъ не могъ мѣшать королю въ исполненіи его политическихъ плановъ. Получивши императорскую корону (въ 862 г.), Оттонъ предоставилъ папѣ свѣтскую власть надъ Римомъ съ тѣмъ только условіемъ, чтобы онъ былъ подчиненъ императору. Оттонъ рѣшилъ, чтобы впредь ни одинъ папа не получалъ посвященія, пока онъ не принесетъ присяги на вѣрность императору. Однако папа заставилъ императора пойти дальше; онъ вступилъ въ заговоръ съ противникомъ императора Берингаромъ и открылъ предъ сыномъ этого послѣдняго ворота города Рима. Папа подстрекалъ къ набѣгу на Германію дикихъ венгровъ, лишь бы заставить Оттона уйти изъ Италиі. Когда послѣдній приблизился со своимъ войскомъ къ Риму, то папа бѣжалъ изъ своей резиденціи. Императоръ потребовалъ его къ отвѣту, но онъ не являлся. Тогда германскій императоръ созвалъ въ Римѣ подъ своимъ предсѣдательствомъ церковный соборъ для суда надъ папой. Уступая просьбамъ народа и духовенства, онъ смѣстилъ недостойнаго своего сана Іоанна и посадилъ на папскій престолъ Льва VI. Вѣроломство римлянъ заставило императора еще разъ взять на себя роль судьи папы. Римляне призвали обратно жалкаго Іоанна, а Левъ вынужденъ былъ спастись бѣгствомъ. Когда Іоаннъ погибъ изъ-за какой-то любовной исторіи, то римляне выбрали его преемникомъ Бенедикта V. Оттонъ подступилъ опять къ Риму, взялъ его силой, посадилъ обратно Льва на папскій престолъ, а своего противника, папу Бенедикта V, изгналъ изъ предѣловъ Италиі.

Послѣ смерти Оттона въ Римѣ опять вспыхнули ожесточенные партійные раздоры, и папство лишилось окончательно всякаго престижа, всякаго вліянія. Во Франціи, въ которой до той поры голосъ папы нерѣдко признавался голосомъ самого Бога, мерзости, такъ давно уже господствовавшія въ Римѣ, вызвали такой гнѣвъ, что тутъ стали говорить, не стѣсняясь, о тѣхъ чудовищахъ во образѣ челоуѣка, позорящихъ христіанство, совершенно невѣжественныхъ какъ въ божественномъ, такъ и въ челоуѣческомъ ученіи, которымъ вынуждены подчиняться слуги Божіи, священники. Дѣло дошло до того, что папу открыто стали называть антихристомъ, сидящимъ во храмѣ Божіемъ и распоряжающимся съ такимъ самоуластіемъ, какъ будто бы самъ онъ былъ Богомъ. Стали даже ссылаться на пророчества апостоловъ въ доказательство необходимости отдѣленія французской церкви отъ римской.

Въ роли спасительницы папства, сдѣлавшагося предметомъ глубочайшаго презрѣнія, выступала одна лишь Германія. Соборъ, состоявшій почти исключительно изъ германскихъ епископовъ, сломилъ эту обострившуюся французскую оппозицію. Германскіе императоры дали церкви германскихъ папъ и приняли непосредственное участіе въ преобразованіи церкви.

Григорій V (въ міру Бруно, сынъ герцога Каринтійскаго), двоюродный братъ Оттона III, былъ первымъ германскимъ папой; этотъ челоуѣкъ, отличавшійся необыкновеннымъ умомъ и чрезвычайной энергіей, рѣшилъ вывести церковь изъ ея отчаяннаго положенія. Однако главою христіанства считалъ себя въ это время Оттонъ III, на котораго новый папа возложилъ императорскую корону (996 г.). Новый папа былъ подчиненъ императору, какъ одинъ изъ высшихъ сановниковъ имперіи, и могъ заботиться объ общемъ благѣ христіанства только въ такой роли. Церковные соборы происходили подъ предсѣдательствомъ императора, а папа и остальные члены собора играли роль его совѣтниковъ. Императоръ отдавалъ приказанія папѣ, какъ своему подчиненному; онъ отмѣнялъ рѣшенія, по-

становленные папой. Это было возрождением идеи Карла Великого, вызванным банкротством папства, предоставленного самому себе. После смерти Григория Оттон предоставил папский престол своему бывшему учителю, знаменитому ученому Герберту (Сильвестру II, от 996 до 1003 г.). Только тесная дружба, существовавшая между обоими этими папами и императором, помешала открытому разрыву, который был неизбежен ввиду противоположности их взглядов на роль, принадлежащую папѣ. После смерти Оттона и Герберта папство опять стало безславной игрушкой в руках римских аристократических партий. В 1012 г. оказалось сразу двое оспаривавших друг у друга власть папѣ, и один из них обратился за помощью к германскому королю Генриху II; этот последний признал папой другого претендента, Бенедикта VIII. Генрих II приступил к преобразованию церкви сообща с новым папой; но инициатива принадлежала опять-таки императору. Он относился к церкви с таким почтением и награждал ее такими щедрыми подарками, что церковь нарекла его святым. Тем не менее Генрих II требовал от папы, чтобы тот титуловал его „господином“; он назначал и смещал епископов по своему усмотрению. Наравне с клявизским орденом, он тоже хлопотал о преобразовании монастырей, но действовал в совершенно другом направлении. Генрих II хотел превратить монастыри из опоры папства в расадники аскетического благочестия. Он борется в союз с папой против симонии и вѣбренных любовных связей духовных лиц, но цель его заключалась не в освобождении епископов и священников от всѣх мирских связей, а в очищении духовнаго звания от покрывавших его грязных пятен. Действительно, совершалась церковная реформа, но реформатором в сущности был не папа, а императоръ. Замѣчательно, что не поднималось никаких протестов против теократическаго положенія, занятаго императоромъ. Архиепископъ привѣтствовал новаго короля Конрада II в Майнцкомъ соборѣ слѣдующими словами: „Ты достигъ наивысшаго величія, ты — намѣстникъ Христа“, и эти слова нашли себѣ радостный отголосокъ в германскихъ сердцахъ.

Конрадъ II управлялъ церковью по примѣру своихъ предшественниковъ; однако онъ не действовалъ съ такимъ же яснымъ сознаниемъ налагаемаго на него его положеніемъ долга и съ такимъ же горячимъ рвеніемъ къ церковной реформѣ, составлявшей насущную потребность той эпохи. Папа Бенедиктъ IX былъ мальчикомъ 12 лѣтъ, но страдалъ такими пороками, которые рѣшительно невѣроятны въ такомъ возрастѣ. Когда римляне рѣшили положить конецъ его скандальному поведенію, то Конрадъ взялъ его подъ свою защиту, и Бенедиктъ получилъ возможность терзать Римъ въ теченіе еще многихъ лѣтъ своимъ деспотизмомъ и своими развратными прихотями. Наконецъ, римляне не утерпѣли: они изгнали Бенедикта и избрали новаго папу Сильвестра III. Черезъ нѣкоторое время партія Бенедикта снова одержала верхъ; онъ вернулся опять въ Римъ и продолжалъ свою безстыдную жизнь. Одинъ благонамѣренный человекъ, желавшій освободить церковь отъ этого позора, откупилъ у Бенедикта папскій престолъ и занялъ его самъ: это былъ Григорій VI. Понятно, что Бенедиктъ IX не считалъ себя связаннымъ полученной имъ денежною суммой, а продолжалъ смотрѣть на себя, какъ на преемника св. Петра. Такимъ образомъ сразу оказалось налицо трое враждующихъ между собою папѣ. Лучшій изъ нихъ, Григорій, напрасно силился вытѣснить Римъ и Церковь изъ того болота, въ которомъ они погрязли, и на этотъ разъ помощи можно было ожидать только отъ Германіи. Соборъ, созванный въ Римѣ помимо папы, умолялъ Генриха III спасти церковь. И онъ спасъ ее. По примѣру Карла Великаго и Оттона III онъ тоже считалъ себя, какъ императора, первосвященникомъ. Одушевленный истиннымъ благочестіемъ, онъ приложилъ всѣ свои силы къ преобразованію церкви.

Положеніе стало ужаснымъ. Примѣръ, поданный Риму его епископами, постепенно сталъ вызывать все больше и больше подражателей. Послѣ того, какъ въ Римѣ въ теченіе долгаго времени сила стояла выше права, во Франціи и въ Германіи тоже распространилось пренебреженіе къ божественному и человѣческому праву; каждый старался силой сорвать все, что только возможно. Исчезла неприкосновенность собственности; грабежъ и кровопролитія стали обыденными явленіями. Дикій обычай частной войны достигъ своего кульминаціоннаго пункта. Христіанскій міръ научился отъ папы смотрѣть на все, относящееся къ вѣрѣ, какъ на имущество, изъ котораго извлекаютъ матеріальную выгоду. Симонія стала общераспространеннымъ явленіемъ: кто добивался духовнаго сана, тотъ платилъ за него, какъ за источникъ доходовъ; кто передавалъ другому такую духовную должность, тотъ старался капитализировать свою монополію. Исчезло всякое представленіе о предосудительности подобнаго поведенія. Даже „святой“ Генрихъ II не стѣснялся брать деньги съ кандидатовъ на духовныя должности.

Благодаря неутомимымъ усиліямъ монаховъ клюніійскаго ордена (срав. выше, стр. 272) во Франціи водворился, наконецъ, Божій миръ; по крайней мѣрѣ, имъ удалось добиться болѣе продолжительныхъ промежутковъ между непрерывными частными войнами. Въ Германіи Генрихъ III добился еще болѣе значительныхъ результатовъ. Своимъ примѣромъ, своими просьбами и приказаніями онъ заставилъ крупныхъ феодаловъ относиться съ уваженіемъ къ предъявленному къ нимъ требованію общаго государственнаго мира. Затѣмъ онъ открылъ борьбу противъ симоніи. Онъ не думаетъ объ отказѣ отъ своего права на замѣщеніе епископскихъ мѣстъ, и никто не ожидаетъ отъ него такого отказа. Требованіе объ отбѣнѣ симоніи было выставлено открыто только въ послѣдующую эпоху, но Генрихъ III отказался отъ всѣхъ доходовъ, которые онъ получалъ отъ раздачи духовныхъ должностей. Во время своего похода на Римъ онъ созвалъ церковный соборъ въ Павіи и обратился здѣсь съ слѣдующей рѣзкой фразой къ присутствовавшимъ, которые всѣ приобрѣли свои церковныя должности путемъ покупки: „Начиная отъ папы и кончая послѣднимъ привратникомъ, всѣ церковныя званія запятнаны этимъ церковнымъ грабежомъ“. Члены собора были такъ сильно потрясены этимъ отзывомъ императора, что всѣ они стали просить о милости и прощеніи, опасаясь лишиться своихъ мѣстъ. Было издано общее распоряженіе, о томъ, чтобы съ этихъ поръ церковныя должности или званія ни въ коемъ случаѣ не приобретались за деньги.

Предъ Генрихомъ стояла еще задача спасти папство. Господствовала крайняя смута, и на папскомъ престолѣ оказалось сразу трое папъ. Этому расколу въ церкви былъ положенъ конецъ (1046 г.) на церковномъ соборѣ въ Сутри и затѣмъ въ Римѣ. Всѣ трое папъ были низложены. Генрихъ потребовалъ отъ римлянъ, чтобы они избрали себѣ новаго папу. Римляне дали ему слѣдующій отвѣтъ: „Въ присутствіи Вашего Королевскаго Величества мы не признаемъ за собою права выбора“. На папскій престолъ взошелъ подъ именемъ Климента II иѣмецъ, епископъ бамбергскій Сундгеръ. Изъ его рукъ Генрихъ получилъ императорскую корону, а римляне передали своему императору патриціанскую власть и право назначенія папы. Преклоненіе предъ заслугами, оказанными императоромъ церкви, было такъ безгранично, что даже люди, настроенные въ строго церковномъ духѣ, нисколько не были шокированы уступкой императору такого высокаго права, а, напротивъ того, считали это право божественной наградою, высланною императору за то, что онъ вырвалъ церковь „изъ пасти ненасытнаго дракона“. Впослѣдствіи наступила такая эпоха, когда избраніе папы кѣмъ бы то ни было кромѣ чисто церковныхъ органовъ стало считаться измѣною церкви. Однако, едва ли можно утверждать, что этотъ новый способъ избранія папы закрылъ доступъ къ папскому престолу недостойнымъ людямъ. Какъ счастлива

была бы церковь, если бы папами избирались всегда такие люди, как их посадил на римскую епископскую кафедру Генрих III! После Климента II он назначил папами Поппо из Бриксена (Дамасия II), Бруно из Туля (Льва IX) и Гебгарда из Эйхштетта (Виктора II). Под руководством императора и сообща с ним трудились они над улучшением положения церкви.

Параллельно с возрождением власти германских императоров и преобразованием церкви идет в эту эпоху пробуждение миссионерской деятельности, которая замерла почти окончательно после смерти Карла Великого. Правда, неутомимый Анскар вондрузил знамя христианства в Дании и Швеции и основал епископство Гамбургское (833 г.); но поддержка, оказанная его трудам слабохарактерным Людовиком Благочестивым, была так незначительна, что результаты деятельности Анскара тоже оказались неважными. Только после победы Генриха I над датчанами была выговорена при заключении мира свобода пропаганды христианства, и под могущественным покровительством Оттона III среди датчань были основаны четыре епископства. В 1026 г. король Кнуд Великий совершил паломничество в Рим, где он дал обет загладить ошибки своей юности своим благоразумным поведением в зрелые годы своей жизни.

Генрих I был также первым германским монархом, который перешел от обороны своего государства от диких вендов к наступательным действиям и к покорению этих врагов германской культуры. Оттон I завершил это дело и не только отодвинул еще дальше границы своего государства, но положил также начало обращению в христианство славян и основал епископства Бранденбургское и Гавельбергское, а также Ольденбургское в землях оботритов. В Богемии издавна боролись между собой за господство три партии: греко-моравская, немецко-римская и языческая. Генрих I дошел со своим войском до Праги и заставил чехов признать над собою верховную власть германского императора. Власть над Чехией досталась Венцелю, который сочувствовал немецко-римской партии (см. фиг. 1 и 2 табл.: „Чешские, моравские и силезские государи конца средних веков“ в т. V). После вѣроломного убийства Венцеля его братом Болеславом немецкие священники вынуждены были оставить Богемию; тогда Оттон I присоединил Богемию к Германской империи (950 г.). В Праге была основана епископская кафедра. В 963 г. поляки тоже признали над собою верховную власть германского императора, и для них было основано епископство Познанское. В Венгрии тоже была введена церковная организация. Владѣтель Венгрии Стефан II женился на сестре Генриха II, который впоследствии стал германским королем, и перешел в христианство в 1000 г. В Грань была основана епископская кафедра, а Стефан приобрел королевский титул. Из Германии дѣлались даже попытки распространения христианства в России и Пруссии, но они остались безуспешными.

На ряду с пробуждением миссионерской пропаганды, которая носила, впрочем, свѣтскій, политическій характер, ожила также духовная творческая деятельность, но на первых порах не в области богословия. Знаменитое стихотворение Эккегарда „Waltharius“, написанное в Санкт-Галленѣ приблизительно в 927 г., положило начало новой эпохе в литературе. Через короткое время робко выглянуло на свѣтъ также и богословие. Ноткер Лабео из Санкт-Галлена (сконч. в 1022 г.) составил перевод нескольких книг св. писания с разъяснениями, написанный на довольно чистом немецком языке; из них сохранился и полный комментарий к псалмам. Виллирамъ, аббатъ Эберсбахскаго монастыря в Баварии, составил свою знаменитую передѣлку „Пѣсни пѣсней“. Во Франції приобрѣлъ большую славу преподаватель реймскаго

соборнаго училища Гербертъ, который сталъ впоследствии папой подъ именемъ Сильвестра II (срав. выше, стр. 274).

Замѣчательно, какъ трудились совмѣстно оба теченія, стремившіяся къ поднятію религіознаго чувства: императорская партія, которая хотѣла вернуть къ жизни идеи Карла Великаго, и направленіе, исходившее изъ клюнійскаго ордена и отстаивавшее верховную власть папы. Вопіющіе недостатки церкви требовали немедленнаго исправленія, и надо было ухватиться за всякую помощь, откуда бы она ни пришла и какими бы цѣнами ни задавался союзникъ. Вліянію Клюнійскаго монастыря въ Италіи надо приписать то явленіе, что нѣкоторые люди, охваченные ужасомъ при видѣ распушенности своей эпохи, стали искать спасенія въ удаленіи отъ міра и въ аскетическомъ самоистязаніи для искупленія прегрѣшеній своихъ современниковъ. Ромуальдъ, происходившій изъ рода равеннскихъ герцоговъ, основалъ камалдуленскій орденъ пустынниковъ въ 1018 г. Св. Ниль велъ жизнь пустынника въ Нижней Италіи: онъ покрывалъ свое тѣло черной козьею шкурой, ходилъ босымъ и съ обнаженной головой и съѣдалъ по одному кусочку хлѣба разъ въ два дня. Пьеръ Даміани искупалъ грѣхи своихъ современниковъ самоистязаніемъ и пѣніемъ псалмовъ. Его другъ Доминикъ довелъ себя посредствомъ непрерывнаго упражненія до такого пониженія чувствительности, что могъ выносить невѣроятное число ударовъ кнутомъ по своей спинѣ, и за одну недѣлю отмаливалъ грѣхи цѣлыхъ столѣтій. Императоръ Оттонъ I посѣтилъ какъ Ромуальда, такъ и Нила, на которыхъ онъ смотрѣлъ, какъ на ангеловъ. Этотъ могущественный императоръ явился къ Ромуальду въ власяницѣ, бросился предъ нимъ на землю и легъ вмѣстѣ съ пустынникомъ на его жесткомъ ложѣ изъ тростника. Оттонъ чуть не остался у Нила въ качествѣ смиреннаго послушника.

Все это доказываетъ, что тогдашнее господство германской церкви надъ римской было чисто внѣшнимъ и обуславливалось исключительно крайнимъ упадкомъ этой послѣдней и что въ германской церкви еще сохранился вполне древне-римскій духъ, который ведетъ при послѣдовательномъ проведеніи его къ идеямъ папы Николая I (отъ 858 до 867 г.; срав. выше, стр. 268). Папство и римская церковь были спасены германскими императорами, и за свое спасеніе изъ бездонной трясины они отплатили возобновленіемъ своихъ безмѣрныхъ притязаній и требованіемъ, чтобы папѣ покорялось все, не исключая и императора.

2. Возвышеніе папства и пробужденіе самостоятельнаго религіознаго чувства.

А. Церковь на пути ко всемірному господству (приблизительно отъ 1050 до 1176 г.).

а) Усиленіе политическаго могущества церкви.

Когда епископъ тульскій Бруно, котораго императоръ назначилъ папой (срав., выше, стр. 276), прибылъ въ свою резиденцію, въ городъ Римъ, то онъ объявилъ предъ духовенствомъ и народомъ, что онъ явился къ нимъ по желанію императора, но вернется охотно въ свое отечество, если они не согласятся возвести его на папскій престолъ по своему свободному выбору. Дѣло въ томъ, что Гильдебрандъ, который былъ вполне проникнутъ духомъ клюнійскаго ордена, согласился сопровождать его въ Римъ только подъ тѣмъ условіемъ, что онъ не будетъ считать себя папой на основаніи одного только императорскаго назначенія, а будетъ добиваться въ самомъ Римѣ своего утвержденія въ этомъ санѣ посредствомъ правильныхъ выборовъ. Такимъ образомъ Левъ IX сталъ преемникомъ апостола Петра 12 февраля 1049 года. Таково было начало его дѣятельности на папскомъ

престолѣ. Продолженіе ея соотвѣтствовало во всемъ этому началу. Гильдебрандъ сталъ не только совѣтникомъ, но и руководителемъ папѣ, пока, наконецъ, онъ не занялъ самъ папскаго престола.

Къ какой же цѣли стремился онъ? — Къ послѣдовательному проведенію идеи Николая I. Папа былъ въ его глазахъ главою вселенской церкви. Ему должно подчиняться все духовенство. Свѣтскіе правители тоже должны были въ всемъ покоряться ему подобно тому, какъ тѣло покоряется душѣ. Предоставленіе какой бы то ни было власти надъ церковью свѣтскимъ правителямъ, напимѣръ, права раздачи ими церковныхъ должностей, а тѣмъ болѣе назначенія ими папѣ, онъ считаетъ извращеніемъ Божьей воли. Свѣтскіе правители получаютъ свою власть отъ церкви подобно тому, какъ луна заимствуетъ свое сіяніе отъ солнца, такъ какъ папа есть намѣстникъ Христа на землѣ. Онъ эмалъ, что проведеніе такихъ идей вызоветъ страшную борьбу, и онъ готовился неутомимо къ этой борьбѣ. Прежде всего необходимо было поднять снова престижъ папства. Левъ IX объѣзжалъ лично весь христіанскій міръ, предсѣдательствовалъ на собраніяхъ, освящалъ церкви, рѣшалъ спорныя дѣла, благословлялъ людей на различныя предпріятія. Чтобы поднять уваженіе къ духовенству, онъ возобновилъ борьбу противъ симоніи и безправственности духовныхъ лицъ. Когда несовершеннолѣтній юноша Генрихъ IV унаслѣдовалъ престолъ своего отца, то Гильдебрандъ уже могъ рѣшиться на введеніе совершенно новаго порядка избранія папы. Латеранскій соборъ, состоявшійся при папѣ Николаѣ II въ 1059 г., рѣшилъ, чтобы папа избирался впредь чисто церковной коллегіей римскихъ кардиналовъ. Куда-жъ подѣвались документально признанные папой права императора? Для формальнаго огражденія императорскихъ правъ въ рѣшенія собора была вставлена слѣдующая фраза, которую можно считать образцомъ дипломатическаго искусства, такъ какъ и теперь еще нельзя разгадать, что собственно хотѣли ею сказать: „Безъ ущерба тому почтенію, которое должно быть оказано нашему любимому сыну Генриху“. Такъ какъ для войны необходимы были деньги, то Гильдебрандъ привелъ въ порядокъ финансы римской церкви. Кромѣ того, нужны были и союзники; поэтому онъ отдалъ владѣтельнымъ князьямъ дикихъ норманновъ, которыхъ Церковь такъ часто подвергала анаемѣ, въ видѣ папскихъ леновъ обширныя области Италіи, которыя, понятно, вовсе не принадлежали папѣ, а въ награду за это норманнскіе князья принесли слѣдующую присягу: „Я буду помогать тебѣ въ томъ, чтобы ты владѣлъ спокойно и съ почетомъ папскимъ престоломъ, владѣніями св. Петра и княжеской властью“. Въ Сѣверной Италіи папа вступилъ въ союзъ съ патаріей, революціоннымъ движеніемъ, направленнымъ противъ аристократіи и духовенства, и съ ея помощью одержалъ даже верхъ надъ такимъ упорнымъ противникомъ, какъ милацскій архіепископъ Тيوبальдъ, такъ что „упрямые ломбардскіе быки“ съ этихъ поръ уже перестали опираться на Германію и примкнули къ Риму.

22 апрѣля 1073 г. Гильдебрандъ вступилъ, наконецъ, самъ на папскій престолъ подъ именемъ Григорія VII, и съ этихъ поръ началась борьба за неограниченную свободу и господство церкви. По словамъ Гильдебранда онъ стремился только къ одному—къ искорененію симоніи; но подъ симоніей онъ подразумѣвалъ не только продажу духовныхъ должностей, но и, вообще, раздачу церковныхъ должностей правителями свѣтскими; а, между тѣмъ, епископскій санъ нельзя было считать въ то время чисто церковной должностью. Со времени Оттона I епископъ былъ не только духовнымъ лицомъ, но и чисто свѣтскимъ сановникомъ, которому были присвоены всѣ права и обязанности свѣтскаго правителя. Развѣ можно было требовать отъ свѣтскихъ монарховъ, чтобы они освободили отъ ленныхъ обязанностей этихъ свѣтскихъ правителей отдѣльныхъ областей своего государства, подчиненныхъ ихъ верховной власти, только

Объясненіе миниатюръ, помѣщенныхъ на оборотѣ.

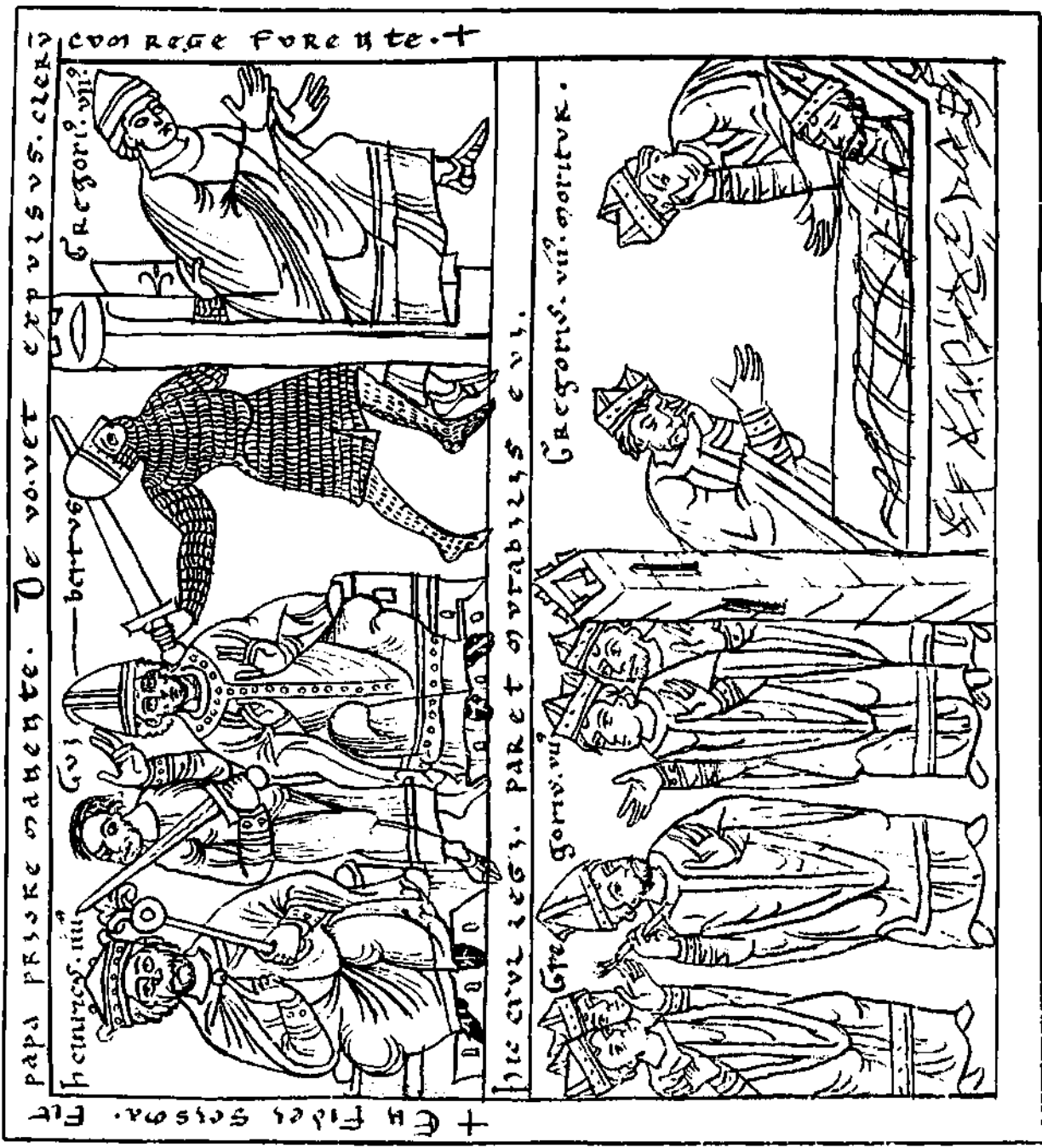
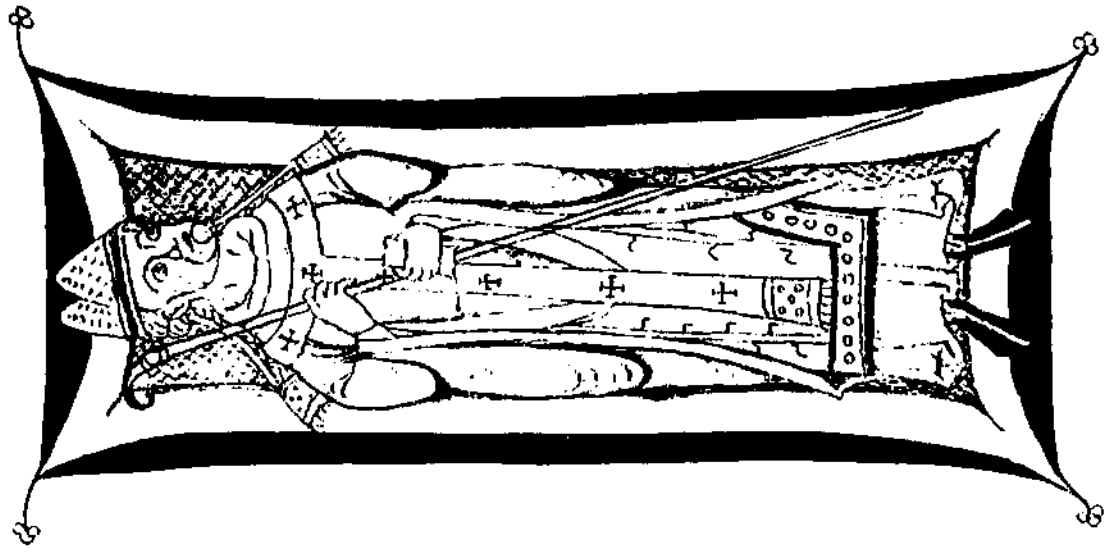
Слѣва: Папа Григорій VII. Миниатюра изъ сочиненія Павла Бериридскаго (Paulus Bernriedensis „Vita sancti Gregorii VII. Pontificis“; хранится въ монастырской библиотекѣ въ Гейлигенъ-Крейцѣ, недалеко отъ Бадена въ нижней Австрій; помѣщено во II томѣ первоначально четырехтомнаго собранія преданій, относящихся къ XII столѣтію; срав. I. M. Ваттерихъ, „Pontificum Romanorum vitae“ I, 474).

Справа: императоръ Генрихъ IV и его антипапа Клементъ III; (въ міру носилъ имя Виберта изъ Равенны); изгнаніе и смерть Григорія VII. Миниатюра изъ сочиненія Отто фонъ Фрейзинга „Chronicon“ (Изъ Лейпской университетской библиотеки, срав. „Monumenta Germaniae historica“, отд. Scriptorum, томъ XX, 246).

I рис. (слѣва сверху): Генрихъ IV и возведенный въ папы, послѣ низверженія Григорія VII, Вибертъ (Guibertus изъ Равенны). — II рисунокъ: изгнаніе Григорія VII. — III рисунокъ (снизу слѣва): Григорій VII въ изгнаніи, окруженный кардиналами, поражающимися силой его характера. Говорятъ, что онъ сказалъ, поднесши ко-рту свѣчу: „Какъ я задую эту свѣчу, такъ угаснетъ Генрихъ“. — IV рисунокъ (справа снизу): смерть Григорія VII (въ 1085 г.). Кругомъ написаны гекзаметромъ три стиха:

En fidei scisma. Fit para priore manente.	Тутъ расколъ. Является новый папа при жизни прежняго.	
Devovet expulsus clerum cum rege furente.		Изгнанный проклинаетъ духовенство и бѣснующагося короля.
Hic exul legi paret mutabilis evi.		Здѣсь изгнанный покоряется закону измѣнчиваго міра.

Той же рукой сдѣланы также слѣдующія надписи Heinrich IV. — Guibertus. — Gregorius VII. (два раза). — Gregorius VII. moritur (умираетъ).

+ EN FIDES SESSON. P T
 Henricus. iii.
 papa p[ro]ke m[er]ente. Te vovet
 exp[er]is vs. c[er]k[us]
 Gregori[us]. vii.
 com rege fore n[on] te. +

hic civil[is] reg[is]. p[ar]et ov[er]abilis e[st].
 Gregori[us]. vii. moritur.
 Gregori[us]. vii.

Вверху: папа Григорий VII; император Генрих IV и его антипапа Клементь (III).
 Папа Григорий VII; император Генрих IV и его антипапа Клементь (III).
 Титул: «Прочисленіе въ члѣдъ»

потому, что эти правители областей были одновременно съ тѣмъ духовными лицами, епископами? Тѣмъ болѣе монархи не могли допустить, чтобы епископы отдались подъ власть другой державы и признавали своимъ верховнымъ главой одного только папу. Какая часть территоріи ихъ государства, какая часть ихъ подданныхъ останется во власти свѣтскихъ монарховъ, если эти князья-епископы будутъ получать свою власть не отъ нихъ, а отъ папы? Если Григорій добивался, чтобы епископы получали свой санъ исключительно отъ него, то предъ нимъ былъ только одинъ путь: епископы должны были отказаться отъ всякой свѣтской власти и снова отдаться своимъ исключительно духовнымъ обязанностямъ. Однако такая простая мысль вовсе не приходила ему въ голову; онъ стремился какъ разъ къ противоположной цѣли и добивался, чтобы епископы были вмѣстѣ съ тѣмъ и свѣтскими владѣтелями. По его мнѣнію, церковь нуждалась въ богатствѣ и во власти для того, чтобы она могла пріобрѣсть такое господство, какое ей подобаешь. Подобно тому, какъ самъ папа владѣлъ Церковной Областью въ Италіи и превратилъ норманновъ въ своихъ вассаловъ, такимъ же образомъ каждый епископъ долженъ обладать свѣтской властью, обращать ее исключительно на службу папству, а въ случаѣ необходимости оказать сопротивленіе свѣтскимъ владѣтельнымъ князьямъ. Поэтому ни одинъ представитель духовенства не долженъ былъ присягать на вѣрность, какъ вассаль, какому-либо владѣтельному свѣтскому князю.

Вступить въ такую борьбу съ надеждой на успѣхъ могъ только такой человѣкъ, какъ Григорій VII, который былъ слѣпо убѣжденъ въ непреложности своихъ цѣлей и не задумываясь далъ бы погибнуть всему міру, если бы это повело къ осуществленію его стремленій. Какимъ же путемъ онъ надѣялся одержать побѣду? Тѣми средствами, которыя отдавались въ его руки извѣстнымъ изреченіемъ апостола Петра: „То, что Ты разрѣшишь на землѣ, будетъ разрѣшено также и на небѣ“. Онъ былъ фанатически убѣжденъ, что это изреченіе давало ему право свергать королей, освобождать подданныхъ отъ ихъ вѣрноподданнической присяги, разрѣшать по своему усмотрѣнію всѣ спорные вопросы, отбирать у каждаго человѣка его имущество и отдавать его другому, превращать незаконіе въ законъ, а то, что признано закономъ, въ навѣки осужденную неправду. Правда, эти средства для поддержанія папской власти повлекли за собою борьбу между императорами и папствомъ, продолжавшуюся больше 30 лѣтъ, окончательнo истощившую силы Германіи и передавшую гегемонію надъ Европой въ руки романскихъ народовъ, а кромѣ того тяжело угнетавшую совѣсть всего христіанскаго міра. Эти средства заставили Генриха V отправиться въ Каноссу въ качествѣ кающагося грѣшника и въ теченіе трехъ дней умолять тамъ папу о прощеніи своихъ грѣховъ (1077 г.). Однако, въ концѣ-концовъ, они не обезпечили за папой побѣды: Григорій VII умеръ въ изгнаніи (смотр. прил. таб.: „Папа Григорій VII; Императоръ Генрихъ IV и его антипапа Клементъ“).

Тѣмъ не менѣе идеи Григорія VII пріобрѣтали все болѣе широкое распространеніе благодаря ключійскому ордену, между прочимъ, также въ Германіи, въ которой центральнымъ пунктомъ этого теченія сталъ монастырь Гирау въ Шварцвальдѣ. Какъ сильно поднялся престижъ папства, когда Урбанъ II сталъ во главѣ охватившаго романскія страны стремленія къ освобожденію Св. Земли изъ рукъ невѣрныхъ и увлекъ за собой на Клермонскомъ соборѣ (1095 г.) тысячи людей, поднявшихъ крикъ: „Такова воля Божія!“, когда 500,000 крестоносцевъ отправились къ Св. Гробу съ благословенія папы, когда папа могъ объявить ленимъ владѣніемъ церкви вновь завоеванное королевство Іерусалимское съ его главнымъ городомъ Іерусалимомъ. Черезъ короткое время снова вспыхнула борьба между папствомъ и императорскою властью; Генрихъ V, котораго папа хотѣлъ поса-

дить на мѣсто его отца и котораго онъ подстрекнулъ къ возмущенію, вовсе не думалъ платить папѣ слѣпой покорностью въ награду за такое вѣроломство. Наконецъ, былъ заключенъ мирный договоръ, такъ называемый Вормскій конкордатъ (въ 1122 г.); по этому договору свѣтскія владѣнія и свѣтская власть епископовъ были отдѣлены отъ ихъ духовнаго сана; послѣдній передается церковью путемъ посвященія, а первыя императоромъ посредствомъ инвентитуры, то-есть передачи скипетра; такимъ образомъ церковь обособилась отъ государства. Съ этихъ поръ господство надъ церковью принадлежитъ исключительно папѣ, императоръ не имѣетъ никакой власти въ церковныхъ дѣлахъ. Однако возможно ли было считать это соглашеніе прочнымъ миромъ, не было ли оно скорѣе временнымъ перемиріемъ? Примирятся ли всѣ послѣдующіе германскіе императоры съ такимъ полнымъ отреченіемъ отъ идеи Карла Великаго и Оттона II? Удовлетворится ли Римъ достигнутыми результатами? Вѣдь онъ добивался большаго; Римъ стремился не только къ полному освобожденію церкви отъ свѣтской власти, — онъ домогался полнаго всемірнаго господства. Съ тѣхъ поръ какъ Григорій и его помощники выставили этотъ идеаль, какъ средство для исцѣленія отъ всѣхъ золъ, и онъ сталъ пріобрѣтать почву во все болѣе широкихъ кругахъ, такое мирное соглашеніе, какое было обусловлено въ Вормскомъ конкордатѣ, не могло считаться окончательнымъ.

Ближайшія событія должны были служить для папства яркой иллюстраціей нелѣпности его притязаній на всемірное господство. Оно не было въ силахъ поддержать своей власти даже въ Римѣ: безъ помощи со стороны Германіи оно немогло спасти себя даже отъ гибели вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ. Избраніе папы было предоставлено чисто церковной корпорации для того, чтобы исходъ выборовъ зависѣлъ не отъ мірскаго духа, а только отъ Духа Божія. Но въ дѣйствительности эта корпорация не пришла къ согласію: 1130 годъ ошастливилъ христіанство сразу двумя папами, между которыми возгорѣлась кровопролитная борьба за господство. Германскій король Лотарь вынужденъ былъ совершить два похода въ Италію для того, чтобы доставить перевѣсъ одному изъ этихъ конкурентовъ, Иннокентію II. Побѣды Лотаря укрѣпили римлянъ въ томъ убѣжденіи, что стремленіе папы къ господству отнимаетъ у нихъ возможность мирнаго существованія. Они увидѣли, что миръ можетъ наступить только тогда, когда церковь откажется отъ своей погони за богатствомъ и властью, когда она снова станетъ бѣдной и народъ возьметъ власть въ свои руки. Какъ будетъ народъ поддерживать историческую традицію и уважать установленный авторитетъ, послѣ того какъ Григорій VII и его друзья не только становились на сторону возстаній и государственныхъ переворотовъ, но даже подстрекали къ нимъ? Съ пламеннымъ краснорѣчіемъ Арнольдъ изъ Брешии проповѣдывалъ въ своемъ родномъ городѣ о бѣдности, въ которой жилъ Христосъ и Его апостолы, и называлъ пичѣмъ не оправдаваемымъ грѣхомъ стремленіе духовенства къ земнымъ благамъ и свѣтской власти. При папѣ Евгеніи III (1145—1153 г.) это движеніе обнаружилось также и въ резиденціи папъ. Выставлялось такое требованіе, чтобы свѣтская власть была отобрана у папы и передана снова римскому сенату, чтобы Церковная Область была превращена въ Римскую республику. На этотъ разъ папа получилъ такой тяжелый ударъ не отъ безпокойной аристократіи, а отъ самого народа. Арнольдъ изъ Брешии прибылъ въ Римъ. Онъ поклялся въ вѣрности римскому сенату и республикѣ и громилъ жадное духовенство и самого папу, который оказывался не пастыремъ душъ, а кровожаднымъ злодѣемъ, палачемъ церкви.

Однако даже этотъ горькій опытъ не заставилъ папу одуматься. Въ предѣлахъ Италіи онъ выступалъ, какъ неограниченный верховный владыка. Въ 1147 г. онъ задумалъ блестящій крестовый походъ, и для осуще-

ствленія его онъ не стѣснялся прибѣгать къ захвату частной собственности. Онъ относился съ полнымъ пренебреженіемъ къ правамъ императора въ дѣлѣ замѣненія епископскихъ кафедръ. При этомъ же папѣ Евгенію III былъ составленъ декретъ Граціана, сборникъ церковнаго права, въ которомъ принимаются, какъ безспорныя, всѣ притязанія папства, которыя служили предметомъ такихъ частыхъ и рѣзкихъ нареканій. Естественно, что великій Гогенштауфенъ Фридрихъ I сдѣлалъ еще одну попытку разбить притязанія папы на всемірное господство. „Отъ кого императоръ получаетъ свой санъ, какъ не отъ папы?“ — таковъ былъ вопросъ, заданный императору папскимъ легатомъ Роландомъ изъ Сіены. Фридрихъ отвѣтилъ: „Богъ поставилъ церковь во главѣ всего міра при посредствѣ императорской власти, а теперь, оказавшись во главѣ всего міра, церковь стремится къ уничтоженію этой самой императорской власти. Мы этого не потерпимъ; мы обязаны своей короной только Божьей милости“. Въ 1159 г. коллегія кардиналовъ снова подарила міру двухъ папъ, и на этотъ разъ Фридрихъ заявилъ, что ему, какъ германскому императору, принадлежитъ разрѣшеніе вопроса о правильности выборовъ. Изъ обоихъ претендентовъ онъ отвергъ Александра III, своего давнишняго противника Роланда, но Франція, Испанія и Англія признали этого папу, и германскіе епископы чувствовали себя какъ бы отрѣзанными отъ всего остального христіанскаго міра. Наконецъ, въ 1176 г., онъ потерпѣлъ пораженіе отъ Генриха Льва и вынужденъ былъ рѣшиться на тяжелый шагъ, на заключеніе мира съ Александромъ (1177 г.). Гегемонія германской церкви была похоронена навсегда.

Въ это же время престижъ папства поднялся весьма сильно благодаря другой одержанной имъ побѣдѣ. Англійской король Генрихъ II хотѣлъ господствовать попрежнему надъ церковью своего государства и издалъ церковный законъ, направленный противъ римской куріи. Тома Бекетъ, назначенный королемъ въ архіепископы кантерберійскіе въ 1162 г., далъ присягу въ соблюденіи этого закона; но вскорѣ послѣ того онъ покался публично въ этой присягѣ и былъ освобожденъ отъ нея съ торжественной церемоніей папой Александромъ. Когда Тома Бекетъ рѣшился даже отлучить отъ церкви всѣхъ тѣхъ епископовъ, которые будутъ соблюдать королевскій законъ, то нѣсколькимъ рыцарямъ показалось, что они окажутъ услугу королю, если убьютъ его противника архіепископа (1170 г.); но папа причислилъ Тому Бекета къ лику святыхъ, какъ мученика за вѣру (1172 г.), а противъ короля поднялось такое возмущеніе народа и его собственныхъ сыновей, что онъ вынужденъ былъ совершить унижительный обрядъ церковнаго покаянія (1174 г.) надъ могилой того, кто помѣшалъ всѣмъ его планамъ.

Такимъ образомъ папство сломило сопротивление германскихъ народовъ. Достигши наивысшей ступени своего могущества, Александръ III созвалъ въ 1179 г. блестящій третій Латеранскій соборъ. На этомъ соборѣ было постановлено, между прочимъ, что духовныя лица никогда не должны быть призываемы къ свѣтскому суду, что церковныя имущества могутъ облагаться налогами только въ случаѣ крайней нужды, и то съ разрѣшенія епископа и епархіальнаго духовенства. Все это были новые шаги на пути къ устраненію церкви отъ государственной жизни и къ сохраненію въ неприкосновенности ея богатствъ.

б) Пробужденіе религіозной самостоятельности.

Въ то время, какъ церковь поднялась на высоту всемірнаго господства въ лицѣ ея главы, папы, обнаружили уже различныя признаки, вызывавшіе сомнѣніе въ томъ, удастся ли ей навсегда удержать въ своихъ рукахъ господство въ своей собственной церковной сферѣ. Все болѣе замѣтнымъ становилось пробужденіе религіозной самостоятельности.

Съ тѣхъ поръ, какъ франко-германскій міръ принялъ вѣдшимъ образомъ христіанство, вся работа религіозной мысли сосредоточивалась въ теченіе многихъ столѣтій исключительно на вытѣсненіи остатковъ язычества и всеобщемъ чисто формальномъ распространеніи христіанскаго ученія. Даже въ эпохи расцвѣта церковной литературы, какъ, на примѣръ, при Карлѣ Великомъ, она была занята исключительно повтореніемъ того, что было унаслѣдовано отъ первыхъ вѣковъ христіанства. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда обнаруживались скромные зачатки самостоятельнаго усвоенія христіанскихъ представленій, какъ, на примѣръ, въ „Спасителѣ“, все же бросалось въ глаза, что до полнаго самостоятельнаго усвоенія истинъ первобытнаго христіанства было еще очень далеко; къ тому же эти проблески религіозной самостоятельности быстро угасали снова. Напротивъ того, въ XI столѣтіи обнаруживаются новыя черты. Ребенокъ, повторявшій чужія слова, превратился въ мальчика, который не только повторяетъ слышанное имъ, но и влагаетъ въ него мысль, внушенную другими или же смутно вырабатывающуюся въ его собственномъ мозгу. Приблизительно до начала второго тысячелѣтія христіанство носитъ исключительно общественный характеръ, но съ этихъ поръ появляется также и индивидуальное христіанство. Его проявленія весьма различны по своему характеру: въ одномъ случаѣ предъ нами стоитъ юноша, который сознательно старается освободиться отъ опеки своихъ родителей; въ другомъ случаѣ этотъ юноша не думаетъ отказываться отъ руководства своихъ опекуновъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ прокладываетъ себѣ свои собственные пути, а въ третьемъ случаѣ онъ начинаетъ сознательно одобрять родительскую опеку, но во всѣхъ этихъ случаяхъ мы сталкиваемся съ зачатками индивидуальнаго христіанства. Такимъ образомъ въ германскомъ мірѣ ходъ развитія получилъ направленіе, противоположное древне-христіанской церкви. Въ первые вѣка христіанства отдѣльные вѣрующіе индивидуумы слились въ народную церковь. Средневѣковое христіанство начало свое развитіе съ массовой церкви, а затѣмъ уже стала выступать постепенно отдѣльная вѣрующая личность.

Первое теченіе, обнаружившееся въ этомъ направленіи, не останавливалось предъ открытымъ возмущеніемъ противъ церкви. Съ самаго начала IX столѣтія непрерывно обнаруживаются ереси въ различныхъ мѣстахъ: въ епархіяхъ Шалонской, Лютихской, Аррасской, въ Орлеанѣ, около Турина, въ Нидерландахъ, въ Бретани, въ Госларѣ. Съ особенно пылкимъ рвеніемъ выступалъ въ Южной Франціи противъ церкви и всѣхъ ея учрежденій Петръ Бруйсъ. По его словамъ, истинная церковь заключается въ сердцѣ вѣрующаго. Разъ въ постный день Петръ Бруйсъ устроилъ костеръ изъ разбитыхъ имъ распятій и варилъ на немъ мясо. Разсвирѣпѣвшая толпа народа напала на него и бросила его въ огонь (1137 г.). Послѣ него во главѣ петробрусіанцевъ сталъ монахъ Генрихъ; на его сторону перешло очень много народу, и св. Бернардь жаловался, что церкви остались безъ народа, а народъ безъ священниковъ. Необыкновенно сильно распространилась секта катаровъ, отвергавшая Вѣтхій Заветъ, таинства, иконы, кресты и мощи. Напротивъ того, Петръ Бальдусъ нисколько не думалъ отказываться отъ покорности церкви, когда онъ отрекся отъ всего своего богатства ради спасенія своей души, взялся за изученіе св. писанія и основалъ въ 1177 г. общину, члены которой отрекались отъ міра и земныхъ благъ и ходили съ мѣста на мѣсто, призывая народъ къ покаянію. Тѣмъ не менѣе религіозная самостоятельность, которой былъ проникнутъ какъ Петръ Бальдусъ, такъ и его послѣдователи, дала имъ возможность ослушаться епископа, запретившаго имъ проповѣдывать, причѣмъ они ссылались на біблію въ доказательство того, что надо повиноваться Богу, а не людямъ. Ихъ проповѣдь не мирилась никакъ съ духомъ римской церкви, такъ что ихъ апелляція къ уже упомянутому нами третьему Латеранскому

собору была отклонена, и въ то же время это новое религіозное теченіе было такъ сильно, что оно не подчинилось даже этому высшему авторитету.

Другое теченіе обнаруживается впервые въ лицѣ Беренгара Турскаго, выступившаго противъ догмы о превращеніи хлѣба и вина, употребляемаго для причастія, въ плоть и кровь Христову, догмы, которая восторжествовала мало-по-малу со времени Родбертуса. По мнѣнію Беренгара, авторитетомъ въ церкви должна считаться только одна истина; что та или иная догма принята соборомъ или высокопоставленнымъ лицомъ, это еще не служитъ доказательствомъ истины; таковъ антиримскій духъ Беренгара. Его второе положеніе, признающее невозможнымъ все то, чего не можетъ представить себѣ разумъ, и его критическій приѣмъ, въ силу котораго онъ считаетъ разумнымъ только то, что понятно его собственному разуму, были первыми проблесками того заблужденія, въ которое впадало часто въ послѣдствіи стремленіе къ религіозной самостоятельности. Однако римскій духъ замѣтилъ угрожающую ему опасность уже въ первыхъ положеніяхъ Беренгара. Замѣчательно, что кардиналъ Гильдебрандъ соглашался съ ученіемъ Беренгара о причастіи и старался защитить его отъ его фанатическихъ противниковъ; но когда вольнодумецъ Беренгаръ былъ осужденъ соборомъ, созваннымъ въ Римѣ въ 1079 г., какъ еретикъ, то папа Григорій VII пожертвовалъ немедленно своимъ собственнымъ убѣжденіемъ. Осужденный пытался было сослаться на разговоръ, который онъ имѣлъ незадолго предъ тѣмъ съ папой, но тутъ папа закричалъ на него громовымъ голосомъ, чтобы онъ бросился на землю и покаялся въ своихъ заблужденіяхъ. Для папства, которое гонялось исключительно за всемірнымъ господствомъ, было безразлично, что бы ни считалось въ церкви истиной, лишь бы всѣ, принадлежащія къ церкви, признавали истиной одно и то же.

Судьба, постигшая человѣка, который отступилъ отъ господствующаго ученія только въ одномъ пунктѣ, должна была побуждать другихъ скрывать свои особые мнѣнія, несогласныя съ принятой догмой. Однако въ это время уже было не мало людей, уклонившихся отъ церковной догмы, въ чемъ насъ убѣждаетъ непосредственно ближайшій примѣръ ученаго, который не могъ окончательно скрыть своихъ идей, великаго диалектика Петра Абеляра. Онъ скорбѣлъ о томъ, что между его современниками не мало людей, отвергающихъ христіанское ученіе, и что защитники церкви, требовавшіе слѣплаго преклоненія предъ авторитетомъ, еще сильнѣе отталкивали людей отъ вѣры. Вотъ его собственный выводъ: „что не можетъ быть доказано, то не можетъ быть и принято“. Поэтому онъ пытался доказать истинность христіанскаго вѣроученія и отстранялъ, какъ неважное или невѣрное, все то, чего не могъ доказать его собственный разумъ. Обыкновенно онъ прикрывалъ всѣ тѣ свои выводы, которые противорѣчили ученію церкви: напримѣръ, въ своемъ диалогѣ между философомъ евреемъ и христіаниномъ (*Scito te ipsum, dialogus inter Philosophum Judaeum et Christianum*) онъ сравниваетъ между собою различныя религіи, но изъ осторожности не высказываетъ прямо послѣдняго вывода изъ своихъ разсужденій, состоящаго въ томъ, что содержаніе истины по существу одно и то же какъ у язычниковъ, такъ и у евреевъ и христіанъ; тѣмъ не менѣе онъ былъ тоже осужденъ церковью на соборѣ въ Санѣ (1141 г.).

Третьему теченію положили начало тѣ, которые попрежнему оставались вѣрными церкви и ея ученію, но настаивали теоретически или практически на необходимости собственнаго личнаго убѣжденія, о которомъ раньше не было рѣчи. Въ древней церкви грѣхъ разсматривался преимущественно, какъ зловредная болѣзнь, и вопросъ состоялъ главнымъ образомъ въ томъ, какъ найти средство противъ этой болѣзни, какъ подкрѣпить грѣшника св. силой. Когда германскій духъ сталъ воспринимать индивидуально христіанскую истину, то прежде всего для него выяснилось что-то другое. Уже въ „Спаситель“ Богъ изображается преимуще-

ственно великимъ и добрымъ царемъ небеснымъ, которому человекъ долженъ быть вѣрнымъ слугою. Грѣхъ воспринимается, какъ проступокъ противъ Бога, и по германскому воззрѣнію такой проступокъ требуетъ удовлетворенія, искупленія. На подобныхъ идеяхъ основано знаменитое сочиненіе схоластика Ансельма Кентерберійскаго: „Для чего Богъ сталъ человекомъ“ (Cur deus homo? 1198 г.). Человекъ не можетъ дать достаточнаго удовлетворенія за свои грѣхи: измѣна противъ Бога — это слишкомъ тяжелое преступленіе. Поэтому Богъ выплотился въ человека въ видѣ Христа, и этотъ Богочеловекъ совершилъ то, чего не могъ совершить ни одинъ человекъ: Онъ добровольно отдалъ свою невинную жизнь для искупленія нашихъ преступленій противъ Бога. Такъ какъ эта попытка объясненія христіанства вытекала изъ индивидуальнаго чувства отвѣтственности, то она могла служить средствомъ для успокоенія индивидуальной совѣсти. Все это новое, не римскіе пути.

Мистикъ Бернаръ Клервосскій стремится къ той же цѣли другимъ путемъ. До того времени нормальнымъ настроеніемъ христіанской души считался также и у германцевъ страхъ, который удерживаетъ человека на почтительномъ разстояніи отъ Бога, но у Бернара средоточіемъ является любовь Бога, снисходящаго къ человеку, и любовь человека, которая возносится къ Богу. Онъ притѣпляется благоговѣйно и радостно своимъ взоромъ и своимъ сердцемъ къ Христу и жертвѣ, принесенной имъ во имя любви: „Привѣтствую тебя, окровавленная голова!“. Обнять Христа взаимной любовью не ради того, что Онъ сдѣлалъ для насъ, а ради Него самого, ради того, кто былъ способенъ на такой подвигъ. — вотъ въ чемъ заключается стремленіе христіанина. Рядомъ съ этимъ мистическимъ созерцаніемъ должны идти дѣла человека, какъ второе проявленіе любви къ Богу. Какую свободу, какую самостоятельность въ христіанствѣ приобрѣла этимъ путемъ отдѣльная личность! Идеаломъ Бернара остается всемірное господство церкви. Въ его глазахъ папа тоже стоитъ на самой верхушкѣ церкви. Когда вспыхнула снова борьба между папой и императоромъ, то Бернаръ содѣйствуетъ побѣдѣ папства. Самъ того не сознавая, онъ тѣмъ не менѣе признаетъ право на господство въ церкви за всѣми тѣми, которыхъ связываетъ съ Богомъ любовь. Поэтому онъ считаетъ самого себя вправѣ вмѣшиваться во всѣ церковныя движенія и даже обращаться къ папѣ съ серьезными укорами и настойчивыми увѣщаніями. Это новое настроеніе было передано имъ тому монашескому ордену, который достигъ своего высокаго значенія только благодаря ему, ордену цистерціанцевъ, въ который онъ вступилъ вмѣстѣ съ 30 своими товарищами въ 1115 году. Въ противоположность клюнійскому ордену, который уже проникся мірскими стремленіями, несмотря на свою первоначальную строгость, эти монахи обязаны были жить въ самомъ безусловномъ отреченіи отъ міра для того, чтобы вся ихъ жизнь могла быть посвящена мирному созерцанію и дѣятельному труду, вытекающимъ изъ полноты любви къ Христу. Бернаръ старается вмѣстѣ съ тѣмъ втянуть и мірянъ въ эту святую жизнь. Существовавшій уже въ зачаточномъ видѣ институтъ мірскихъ братьевъ получилъ свое дальнѣйшее развитіе въ этомъ орденѣ.

Наряду съ названнымъ въ ту же эпоху возникъ цѣлый рядъ другихъ орденовъ съ различнымъ направленіемъ, которые были новыми проявленіями пробудившейся религіозной самостоятельности. Связью для основанной Стефаномъ изъ Тьера религіозной общины граммонтензовъ служилъ не выработанный людьми уставъ, а евангельскій законъ бѣдности, смиренія и терпѣнія. Бруно изъ Кельна былъ такъ возмущенъ беззаконіями, совершавшимися въ церкви, что бѣжалъ отъ міра въ почти необитаемое горное ущелье Шартрезъ и основалъ тамъ орденъ, который долженъ былъ превзойти всѣ остальные строгостью своего устава. Монахамъ картезіанскаго ордена было даже запрещено разговаривать между

собою. Проповѣдывавшій крестовый походъ Робертъ изъ Абриселя воодушевилъ къ этому походу громадныя толпы мужчинъ и женщинъ, неспособныхъ къ походной жизни; онъ объединилъ ихъ въ орденъ Фонтвиро, въ которомъ фанатизмъ къ Святому Гробу былъ замѣненъ фанатическимъ почитаніемъ св. Дѣвы. Мірскіе братья, служившіе въ больницѣ при монастырѣ, образовали больничные ордена, изъ которыхъ наибольшую извѣстность приобрѣлъ орденъ братьевъ св. Антонія. Увлеченіе крестовыми походами послужило поводомъ къ основанію рыцарскихъ орденовъ: храмовниковъ, іоаннитовъ, тевтонскаго ордена, въ которыхъ германское рыцарство соединилось съ католическимъ монашествомъ и христіанскимъ культомъ любви. Подобно тому, какъ мистика Бернара ставитъ выше всего смиренную и готовую на самопожертвованіе любовь ко Христу, въ этихъ орденахъ самымъ славнымъ подвигомъ считается служеніе паломникамъ, приходящимъ на поклоненіе Св. Гробу, больнымъ и несчастнымъ; все это свидѣтельствовало о самостоятельномъ усвоеніи оригинальныхъ основныхъ идей христіанства. Наконецъ, орденъ премонстратовъ стремился къ поднятію нравственнаго уровня блага духовенства для того, чтобы оно могло дѣйствовать благотворно на народъ. Эта эпоха, естественно, должна была оживить стремленіе церкви къ своему распространенію. Она дала дальнѣйшій толчекъ крестовымъ походамъ. Св. Вицелинъ трудился упорно надъ распространеніемъ христіанства между гольштинскими веидами, несмотря на тяжелыя препятствія, съ которыми онъ сталкивался, и на всѣ разочарованія, испытанныя имъ. Церкви принадлежитъ инициатива крестовыхъ походовъ противъ мекленбургскихъ оботритовъ; а когда этотъ походъ окончился безуспѣшно, то церковь подвинула на тяжелый подвигъ цистерціенскаго монаха Берно, который посѣялъ сѣмена христіанства на этой каменистой почвѣ, не останавливаясь ни предъ какими препятствіями. Другую заслугу церкви составляютъ поѣздки епископа бамбергскаго Автона въ Померанію съ миссіонерскою цѣлью.

Пойметъ ли іерархія значеніе этихъ признаковъ, обозначающихъ наступленіе новой эры? Примкнетъ ли она къ этому теченію, стремящемуся къ индивидуальному религиозному чувству, и признаетъ ли она, что многія стороны этого теченія идутъ въ разрѣзъ съ ея тактикой и ея цѣлями, или же она все еще будетъ считать своею высшею цѣлью вышнее господство надъ міромъ и въ погоню за матеріальной властью выпуститъ изъ своихъ рукъ свою руководящую роль въ чисто религиозной сферѣ.

Б. Всемирное господство церкви (приблизительно отъ 1179 до 1224 г.).

Казалось, что единоедержавіе достанется опять не папству, а императору. Сынъ великаго Барбароссы Генрихъ VI (1190—1197 г.) сталъ господиномъ надъ всею Италіей. Его верховную власть признали надъ собой Англія, Кипръ, Арменія и Антиохія; Греческая имперія и магометанскіе владѣтельные князья Сѣверной Африки платили ему дань. По направленію къ западу онъ стремился къ распространенію своей верховной власти на Францію и Испанію, а по направленію къ востоку на Сирію и Палестину. Смерть Генриха VI неожиданно положила конецъ всему тому, что онъ устроилъ и замышлялъ, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя на папскій престолъ взошелъ человекъ, какъ бы созданный для роли всемірнаго повелителя, Иннокентій III. Онъ обладалъ непреклонной волей и дальновиднымъ умомъ, тонкой проицательностью и желѣзнымъ упрямствомъ; онъ всегда шелъ къ своей цѣли безъ всякихъ колебаній и никогда не останавливался ни предъ какими средствами. Его стремленіе ко всемірному господству не вытекало изъ низменнаго властолюбія или своекорыстія; онъ вовсе не былъ поклонникомъ земныхъ благъ, и не ради нихъ онъ стремился къ неограниченной власти. Нѣтъ, со своимъ чисто средневѣковымъ благоче-

стиемъ онъ презираетъ свѣтъ, отрывается отъ прелестей мірской жизни. Онъ хочетъ господствовать надъ міромъ только потому, что по его глубочайшему убѣжденію папа обязанъ освѣщать небеснымъ свѣтомъ эту несчастную земную юдоль. Ему удалось достигнуть той цѣли, ради которой безуспѣшно боролся Григорій VII и которая далась въ руки Александру III тоже только наполовину. Иннокентій былъ настоящимъ баловнемъ счастья.

Вдова Генриха VI опасалась, что она не сумѣетъ сохранить сицилійскаго наслѣдства для своего трехлѣтняго сына безъ помощи могущественнаго союзника. Она признала Сицилію папскимъ леномъ и передала Иннокентію опеку надъ своимъ сыномъ. Послѣ ея смерти Иннокентій написалъ мальчику, что онъ долженъ радоваться въ Господѣ, который далъ ему вмѣсто одного отца другого, болѣе достойнаго, и подарилъ ему вмѣсто покойной матери другую, лучшую мать, материнское благословеніе Церкви. Когда нѣмцы захотѣли поставить во главѣ имперіи мужественнаго человѣка, и одни избрали Оттона, а другіе Филиппа, то папа заявилъ, что императоръ получаетъ корону изъ его рукъ; поэтому ему, папѣ, принадлежитъ контроль надъ избраніемъ германскаго короля, а при раздѣленіи голосовъ онъ долженъ рѣшить, предоставитъ ли императорскую корону одному изъ двухъ кандидатовъ или же третьему лицу. Папа призналъ императоромъ Оттона, и папскіе легаты отлучили отъ церкви другого претендента, противника Оттона. Но въ какое затруднительное положеніе попалъ Иннокентій, когда Филиппъ сталъ пріобрѣтать подъ собой все болѣе твердую почву! Однако вѣроломное убійство этого врага папы (1208 г.) вывело Иннокентія изъ затрудненія. Тутъ явилась опасность съ другой стороны: Оттонъ, который подчинился до тѣхъ поръ во всемъ папѣ, сталъ домогаться снова своихъ императорскихъ правъ, которыми онъ пожертвовалъ, лишь бы получить корону. Иннокентій отлучилъ его отъ церкви и освободилъ его подданныхъ отъ ихъ вѣрноподданнической присяги. Сынъ Генриха VI, Фридрихъ, который уже сталъ къ этому времени взрослымъ юношей, обѣщалъ папѣ все, чего тотъ добивался. Въ награду за это Иннокентій помогъ ему получить корону (1212 г.). Такимъ образомъ гордый родъ Гогенштауфеновъ тоже подчинился папскому престолу.

Французскій король Филиппъ Августъ удалилъ отъ себя свою жену Ингеборгу и женился на дочери нѣмецкаго герцога Агнессѣ. Въ наказаніе за незаконный бракъ короля папа наложилъ интердиктъ на всю Францію; при чемъ онъ объяснилъ своему легату, что если это дѣло будетъ правильно проведено до конца, то оно будетъ способствовать возвышенію апостольскаго престола. Франція вынуждена была покориться папѣ; король уступилъ, по крайней мѣрѣ, для виду. Послѣ смерти своей возлюбленной, Агнессы, король былъ очень огорченъ тѣмъ обстоятельствомъ, что ея дѣти считались незаконными. Папа, который показалъ прежде свою власть своимъ запрещеніемъ, на этотъ разъ подтвердилъ свое всемілие своимъ милостивымъ разрѣшеніемъ. Онъ призналъ дѣтей Агнессы правоспособными наслѣдниками Филиппа. Король леонскій Альфонсъ IX тоже почувствовалъ на себѣ власть папы, когда онъ вступилъ въ бракъ со своей племянницей. Король португальскій Салчо I, который велъ себя слишкомъ надменно по отношенію къ архіепископу, тоже былъ вынужденъ изъяснить покорность предъ папой. Король арагонскій Пьедро II добровольно призналъ свое государство леномъ св. престола. Болгарскій князь Калоіанъ (ср. т. V, стр. 337) обратился къ Иннокентію съ просьбой о признаніи своихъ правъ на престолъ. Папа выступалъ въ качествѣ третейскаго судьи въ Венгріи, Швеціи и Норвегіи. Въ Англіи голоса раздѣлились при избраніи Кентерберійскаго архіепископа. Иннокентій отвергъ обѣихъ кандидатовъ, потребовалъ избирателей въ Римъ и заставилъ ихъ избрать третьяго кандидата, друга папы Стефана Лангтона. Возмущенный этимъ папскимъ произволомъ англійскій король поклялся Возьыми зу-

бами, что онъ прикажетъ повѣсить Лангтона, какъ только тотъ ступитъ на англійскую землю. Иннокентій прибѣгнулъ къ своему давнишнему оружію. Онъ объявилъ иттердиктъ надъ всеѣмъ англійскимъ королевствомъ, отлучилъ короля отъ церкви, отрѣшилъ его отъ власти и, наконецъ, передалъ его владѣнія французскому королю, обѣщая какъ ему, такъ и его войску тѣ же великія милости, какія церковь обѣщала нѣкогда крестonosцамъ. Іоаннъ Безземельный палъ ницъ предъ крестомъ; по требованію папскаго легата онъ передалъ свои владѣнія апостольскому престолу и получилъ ихъ обратно въ видѣ папскаго лена. Само собой разумѣется, что папа отрекся обратно отъ обѣщаній, сдѣланныхъ имъ французскому королю, который никогда не покорился бы папѣ въ такой степени, какъ совершенно растерявшійся Іоаннъ. Монархи были маріонетками въ рукахъ папы. Иннокентій одержалъ даже верхъ надъ греческой церковью, этой упрямой соперницей преемника св. Петра. Войско крестonosцевъ завоевало Константинополь и основало въ 1204 году Латинскую имперію. Золотые тельцы были разбиты, Израиль воссоединился съ Іудой; папа Иннокентій торжествовалъ.

Рядомъ съ этими побѣдами папства надъ свѣтскими монархами шло расширеніе его власти надъ церковью. Церковное законодательство, принадлежавшее до этого времени соборамъ, мало-по-малу переходитъ въ руки папы. Онъ пріобрѣтаетъ рѣшающій голосъ въ отдѣльныхъ административныхъ и юридическихъ вопросахъ, а ученые юристы, воспитывавшіеся на римскомъ правѣ, учили, что каждое рѣшеніе папы должно считаться закономъ въ позднѣйшихъ аналогичныхъ случаяхъ.

Иннокентій сумѣлъ разрушить окончательно ту давнишнюю связь, которая существовала между германской церковью и королевской властью. Для того, чтобы получить корону, Оттонъ, а вслѣдъ за нимъ и Фридрихъ пожертвовали всеѣми своими правами надъ церковью. Они отказались отъ своего права на регалии и на наслѣдство, оставшееся отъ духовныхъ лицъ своего права на регалии и на наслѣдство, оставшееся отъ духовныхъ лицъ (Spolienrecht); они допустили свободу апелляцій къ римской куріи; они предоставили соборнымъ капитуламъ исключительное право на избраніе епископовъ; они признали установленныя папой для этихъ выборовъ каноническія ограничительныя правила. На этомъ основаніи Иннокентій присвоилъ себѣ контроль надъ выборами епископовъ и право на утвержденіе ихъ. Когда онъ признавалъ состоявшіеся выборы несогласными съ каноническими правилами, то новый кандидатъ уже назначался самимъ папой по просьбѣ соборнаго капитула, а если голоса дѣлились, то рѣшающій голосъ принадлежалъ папѣ. Когда къ нему обращались съ просьбой объ утвержденіи кандидата или когда онъ самъ назначалъ епископовъ, то папа предъявлялъ тѣ или другія условія, напримѣръ, требовалъ присяги на покорность себѣ. Иннокентій захватилъ въ свои руки замѣщеніе не только епископскихъ кафедръ, но и другихъ духовныхъ должностей. Уже издавна папы рекомендовали болѣе или менѣе настойчиво епископамъ кандидатовъ на открывающіяся въ ихъ епархіяхъ вакансіи. Иннокентій призналъ подобныя рекомендаціи своимъ правомъ, основывающимся на полнотѣ своей власти надъ церковью (право провизіи), и на основаніи этого права онъ назначалъ кандидатовъ на еще неоткрывшіяся вакансіи (эксектанца). Подобно тому, какъ въ прежнія времена кандидаты на церковныя должности уплачивали извѣстную сумму свѣтскимъ правителямъ, какъ собственникамъ мѣстной церкви, они теперь платили римской куріи на томъ основаніи, что симонія отнята у свѣтской власти. Различіе между прежнимъ временемъ и временами Иннокентія III заключалось собственно лишь въ томъ, что теперь приходилось платить при всякомъ дѣловомъ сношеніи съ церковью, что эти платежи иногда достигали необычнаго размѣра; только ихъ не называли больше симоніей. Но мнѣнію Иннокентія все мѣры, принятія Александромъ III, еще не служили достаточнымъ обезпеченіемъ сво-

боды духовенства отъ повинностей и полной самостоятельности духовенства отъ государственной власти. Онъ рѣшилъ, что согласіе папы необходимо даже въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда духовенство хочетъ принести добровольное пожертвованіе на государственные расходы.

Напротивъ того, себѣ самому онъ присвоилъ право облагать налогами весь христіанскій міръ, и онъ воспользовался въ дѣйствительности этимъ правомъ ради снаряженія крестоваго похода на великомъ Латеранскомъ соборѣ въ 1215 г. Иннокентій демонстрировалъ предъ всѣмъ міромъ свою всемірную власть, свое безпримѣрное могущество. На его приглашеніе отозвались 400 слишкомъ епископовъ, 800 аббатовъ, много князей и бароновъ; на соборъ прибыли также уполномоченные отъ королей и республикъ. Папа царилъ среди этого блестящаго собранія, какого Римъ не видалъ ни до того, ни послѣ того, какъ намѣстникъ Божій на землѣ. Послѣ его смерти (въ 1216 г.) разгорѣлась еще разъ борьба за верховную власть между папствомъ и Гогенштауфенами. Борьба эта закончилась смертью на эшафотѣ послѣдняго изъ Гогенштауфеновъ, Конрадина, въ 1268 г.

Характеръ миссіонерской дѣятельности церкви вполне соответствовалъ ея всемірному господству. Мирная проповѣдь христіанства считалась слишкомъ медленной. Снаряжались крестовые походы противъ язычниковъ ливовъ, а въ Ригѣ былъ основанъ орденъ меченосцевъ для сокрушенія всякой непріязни противъ церкви. Въ Пруссіи обращеніе въ христіанство сопровождалось потоками крови. На помощь былъ призванъ тевтонскій орденъ. 50 лѣтъ продолжалась эта ужасная борьба, истребившая большую часть туземнаго населенія Пруссіи и заключившаяся полнымъ подчиненіемъ ея тевтонскому ордену.

Съ такой же энергіей въ пользу церкви дѣйствовалъ также и духовный мечъ, наука. Подобно воздвигавшимся въ эту эпоху готическимъ соборамъ, архитектурный стиль которыхъ заставлялъ тяжелый камень стремиться величественно къ небу и въ то же время смыкаться въ видѣ крѣпкой опоры, тогдашняя система церковной науки, схоластика, поднимала къ небу и смыкала въ величественный оплотъ, защищающій вѣру отъ нападковъ и скептицизма, всѣ человѣческія познанія, все мышленіе, всѣ спекулятивныя и созерцательныя идеи. Какъ могъ остаться въ христіанскомъ мірѣ какой-либо зародышъ сомнѣнія послѣ того, какъ въ этой системѣ были доказаны разумность и необходимость всего того, во что полагалось вѣрить, въ силу требованія церкви? „Смотри! — восклицаетъ Ришаръ Сень-Викторъ, — съ какой легкостью разумъ доказываетъ, что божество должно имѣть нѣсколько лицъ и при томъ ни больше, ни меньше трехъ“. Другой писатель считаетъ себя способнымъ доказать истину церковнаго вѣроученія посредствомъ строго логическихъ приѣмовъ съ такой убѣдительностью, которая должна поддѣйствовать даже на евреевъ, магометанъ и язычниковъ, не признающихъ никакихъ авторитетовъ. Представители тогдашней науки, какъ, на примѣръ, знаменитый Тома Аквинскій (сконч. 1274 г.), указываютъ, что спасеніе можно найти только у церкви, у ея священниковъ и въ ея таинствахъ, у той церкви, надъ которой царствуетъ папа. Папа рѣшаетъ, въ чемъ заключается истинная вѣра; какъ намѣстникъ Христа, онъ стоитъ выше всѣхъ монарховъ, можетъ ихъ удалять съ престола и освобождать ихъ подданныхъ отъ вѣрноподданнической присяги. Вотъ слова писателя этой же эпохи Отто фонъ Фрейзинга: „Почти всѣ пророчества о Христовомъ царствѣ уже сбылись въ настоящее время за исключеніемъ безсмертія“.

Въ какомъ же положеніи находилась внутренняя жизнь церкви теперь, когда она достигла, наконецъ, той высшей власти, къ которой она стремилась давно? На этотъ вопросъ мы можемъ получить отвѣтъ изъ постановленій, принятыхъ на грандіозномъ Латеранскомъ соборѣ. Соборъ нашелъ необходимымъ обнародовать „Символъ вѣры“ и принять самую крово-

пролитныя мѣры для истребленія многочисленныхъ еретиковъ, выходившихъ изъ среды церкви. Соборъ считалъ себя вынужденнымъ издать законъ, въ силу котораго исключался изъ церкви и не удостоивался послѣ смерти христіанскаго погребенія всякій, кто не исповѣдуетъ своихъ грѣховъ предъ священникомъ хотя бы одинъ разъ въ году. По мѣрѣ того, какъ церковь присваивала себѣ господство надъ всѣмъ міромъ, она теряла мало-по-малу власть надъ душами. Въ то время какъ она думала самонадѣянно, что она покорила весь міръ, опираясь на вѣру, люди отвергли эту вѣру. Это не случайное совпаденіе: потому-то и пошатнулся фундаментъ вѣры, что зданіе всемірнаго господства оказалось слишкомъ тяжелымъ. Притязанія апостольскаго престола и его слугъ превзошли всякую мѣру. Средства, пускавшіяся въ ходъ для ихъ осуществленія, бывали очень часто невыносимы для населенія; доводы, на которыхъ опирались эти притязанія, были слишкомъ ничтожны.

Народъ переходитъ толпами на сторону еретиковъ, не стремившихся ни къ земной власти, ни къ земнымъ богатствамъ. Эти апостолы секты катаровъ и страстующіе проповѣдники вальденской ереси ведутъ истинно апостольскій образъ жизни, живутъ въ нищенствѣ и смиреніи. Въ Южной Франціи, въ которой катары назывались обыкновенно альбигойцами по имени города Альби, къ этой сектѣ присоединились почти всѣ князья и бароны. Въ этой области церковь была окончательно вытѣснена сектой альбигойцевъ; во всей Италіи, Испаніи и Нидерландахъ тоже сильно размножились эти враги церкви. Около середины XII столѣтія Бернаръ Клервосскій и другіе люди, искренно преданные церкви, отстаивали открыто то мнѣніе, что порочныхъ людей слѣдуетъ довести до раскаянія посредствомъ терпѣнія и кротости, а не посредствомъ меча; но для такихъ людей, какъ Иннокентій III, не могло быть сомнѣнія въ томъ, что люди, неподчиняющіеся церкви, которая призвана господствовать надъ всѣмъ міромъ, не имѣютъ права на существованіе. Отправленный Иннокентіемъ во Францію Арнольдъ Сито призвалъ короля и дворянство къ крестовому походу противъ еретиковъ (1208 г.). Это ополченіе крестоносцевъ истребило много тысячъ людей. Въ одномъ только городѣ Безье было убито за одинъ день до 20 тысячъ человекъ. Для того, чтобы истребить съ большей вѣрностью остальныхъ оставшихся въ живыхъ еретиковъ великій Латерацскій соборъ 1215 г. издалъ законъ, угрожавшій отлученіемъ отъ церкви и отнятіемъ ихъ владѣній всѣмъ свѣтскимъ правителямъ, которые не очистятъ своихъ земель отъ еретиковъ; для выселѣживанія и истребленія этихъ послѣднихъ епископы должны были командировать особые суды. Церковь, господствующая надъ всѣмъ міромъ, не могла обойтись безъ инквизиціи.

Мѣстами выступало на свѣтъ другое теченіе, которое угрожало самой тяжелой опасностью не только церкви, какъ таковой, но и христіанству вообще; мы говоримъ о вольнодумствѣ, которое было распространено въ особенности между образованными людьми. Откуда оно взялось? Ничто не колеблетъ вѣру въ такой сильной степени, какъ злоупотребленія ея высшихъ представителей, прикрывающихъ ею свои чисто свѣтскіе интересы, особенно въ такую эпоху, когда церковь, съ одной стороны, пуждалась еще въ подчиненіи авторитетамъ, когда каждое сомнѣніе въ этихъ авторитетахъ шатало самую вѣру, а съ другой стороны—у многихъ уже произошло стремленіе къ самостоятельности въ религіозныхъ убѣжденіяхъ. Папы провинились неоднократно въ подобныхъ злоупотребленіяхъ; прикрываясь громкими церковными фразами, они отлучали отъ церкви то того, то другого монарха; сегодня они требовали отъ подданныхъ, чтобъ они возстали противъ императора, а на другой день толкали ихъ къ возстанію противъ конкурента этого императора. Съ подозрительной настойчивостью схола-

стики старались сдѣлать удобопріемлемымъ церковное вѣроученіе, но при всемъ томъ выставляемые ими доводы были убѣдительны только для тѣхъ, въ которыхъ еще не поколебалась вѣра въ церковные авторитеты. Наконецъ, умы современнаго поколѣнія были потрясены множествомъ совершенно новыхъ впечатлѣній. Крестовые походы ознакомили Европу съ Востокомъ. Произошло сближеніе съ невѣрными магометанами. Съ изумленіемъ увидѣли европейцы, что магометане вовсе не хуже ихъ, а въ нравственномъ отношеніи стоятъ даже выше очень и очень многихъ христіанъ. Стало быть, только въ воображеніи церкви христіанская религія представляется единственной истинной вѣрой. Не будетъ ли вѣрнѣе, думали современники, сравнивать различныя религіи съ кольцами, обладатели которыхъ ослѣплены безуміемъ, такъ что каждый изъ нихъ считаетъ настоящимъ только свое кольцо? Западная Европа познакомилась ближе съ философіей язычника Аристотеля и прониклась уваженіемъ къ ней. Изучались произведенія арабскихъ философовъ, особенно Аверроэса (ск. въ 1198 г.), и возникшія подъ ихъ вліяніемъ системы еврейскихъ философовъ. Благодаря этому, выступили на очередь новые до тѣхъ поръ неизвѣстные принципиальные вопросы, которые расшатали традиціонное вѣроученіе.

Въ парижскомъ университетѣ это свободомысліе выступило открыто. Уже въ 1207 году церковь заставила Амальриха изъ Бены отречься отъ подобныхъ еретическихъ взглядовъ. Думали, что Амальрихъ позаимствовалъ ихъ у Аристотеля; поэтому Иннокентій запретилъ изученіе натуръ-философскихъ сочиненій великаго греческаго философа. Въ 1240 году парижскій епископъ и канцлеръ выступилъ противъ проникшаго въ парижскій университетъ ученія Аверроэса, согласно которому религія необходима для толпы, но она даетъ высшія истины только въ видѣ образовъ въ то время, какъ философія предлагаетъ ихъ въ ихъ настоящемъ видѣ. Преподаватели философіи нападали на богословскія истины. Когда ихъ призывали къ отвѣту, то они говорили въ свое оправданіе, что ересь — это понятіе церковное, а философія не имѣетъ ничего общаго съ церковью; незачѣмъ обучать студентовъ вѣрѣ, такъ какъ она предназначена для простонародья. Подъ покровомъ такихъ оправданій сотвореніе міра Богомъ изъ ничего признавалось безсмыслицей: все въ природѣ имѣетъ свое естественное происхожденіе; органическая жизнь должна быть выводима изъ неорганической; не Богъ управляетъ міромъ, а въ немъ господствуютъ частью разумная необходимость, частью случай. Не шадилась и господствующая этика. Монашеское міросозерцаніе признавалось неестественнымъ, такъ какъ настоящая нравственность не зависитъ отъ матеріальнаго міра. Въ виду краткости жизни позволительно наслаждаться жизненными благами; удовлетвореніе половой страсти не заключаетъ въ себѣ ничего безнравственнаго, и стѣснять его узами брака — это нелѣпый предрасудокъ.

Другое гнѣздо свободомыслія, вѣроятно, осталось бы неизвѣстнымъ, если бы его не открыла передъ нами та борьба, которая разгорѣлась снова между императорскою властью и папствомъ. Фридрихъ II, который выросъ подъ опекой папы и котораго воспитывали въ слѣпой покорности предъ церковью, сталъ презирать папство и церковь. Онъ смотрѣлъ на различныя религіи, какъ на равноправныя субъективныя мнѣнія, а въ кругу воздержныхъ на языкъ друзей онъ высмѣивалъ христіанскіе догматы. Допустимъ даже, что онъ не говорилъ о трехъ обманщикахъ, Моисеѣ, Христѣ и Магометѣ, какъ его упрекали его противники; во всякомъ случаѣ, его жизнь доказываетъ достаточно ясно, какъ пренебрежительно онъ относился къ религіи. Для него было вполне безразлично, повѣдуетъ ли кто-нибудь магометанскую, еврейскую или христіанскую вѣру. Онъ назначалъ арабовъ на высокіе посты, завелъ у себя гаремъ по магометанскому образцу, и самой любимой его духовной пищей была философія Аверроэса.

Что же предпринимала церковь противъ этихъ предвѣстниковъ гибели христіанства? Съ одной стороны, она натянула возжи еще крѣпче. Для того, чтобы контролировать, какъ относится къ церкви каждый христіанинъ, она сдѣлала обязательной исповѣдь во время Пасхи. На томъ же соборѣ было возведено въ догматъ ученіе о пресуществленіи.

Для увѣковѣченія этого чуда, сотвореннаго церковью, она учредила праздникъ тѣла Господня (1264 г.). По постановленію собора было обязательно преклоняться при встрѣчѣ со священникомъ, несущимъ Св. Дары. Причащеніе виномъ было предоставлено только священникамъ. Съ другой стороны, церковь нисколько не домогалась искренней вѣры, а требовала только покорности. По рѣшенію Иннокентія III, для вѣрующаго во все не обязательно знакомство съ вѣроученіемъ,—отъ него требуется исключительно только готовность соглашаться съ тѣмъ, во что вѣруетъ церковь; такую покорность церкви проявляетъ и тотъ человѣкъ, который исповѣдуетъ ложное вѣроученіе, лишь бы онъ былъ убѣжденъ, что оно согласно съ требованіями церкви. Церковь старалась всѣми силами сдѣлать излишней дѣйствительную вѣру и истребить настоящее христіанство.

Однако католическая церковь уже была не въ силахъ уничтожить христіанство. Слишкомъ сильно пробудились истинно-религіозныя чувства и индивидуальная вѣра. Въ кругахъ, затронутыхъ этимъ движеніемъ, усилилось, напротивъ того, сознание необходимости оживленія религіи.

Въ 1209 г. Джіованни Берпардоне, извѣстный подъ именемъ Франциска Ассизскаго, присутствовалъ на обѣднѣ; читался текстъ изъ евангелія Матѳея и, между прочимъ, рассказъ о томъ, какъ Господь отправилъ однажды своихъ учениковъ проповѣдывать евангеліе безъ золота и серебра, безъ обуви и посоха (Матѳ. 10, 7—10). Глубоко потрясенный, онъ бросаетъ все свое имущество и отправляется проповѣдывать другимъ то душевное спокойствіе, которое онъ обрѣлъ въ бѣдности и надеждѣ на Бога. Его полное презрѣніе къ міру, его пламенная любовь къ Богу и людямъ должны были производить сильное впечатлѣніе въ тогдашнюю эпоху. Вокругъ него собралась толпа единомышленниковъ, и онъ разсылаетъ ихъ для проповѣди мира и покаянія въ грѣхахъ. Онъ вырабатываетъ для нихъ уставъ согласно тѣмъ наставленіямъ, которыя Іисусъ далъ своимъ апостоламъ. Францискъ хлопочетъ въ Римъ у папы объ утвержденіи этого устава. Иннокентій чувствуетъ, что Францискъ обладаетъ такимъ же сильнымъ духомъ, какъ и Петръ Вальдусъ. Онъ боится, какъ бы не превратить этихъ людей, преисполненныхъ пламенной вѣры, во враговъ церкви своимъ противорѣчіемъ, какъ это случилось съ Петромъ Вальдусомъ. Папа рѣшилъ выждать. Онъ еще не утверждаетъ устава, но разрѣшаетъ Франциску и его сторонникамъ продолжать ихъ проповѣдническую дѣятельность. За нѣсколько лѣтъ эти братья проникли въ одну страну за другой и подняли сильное движеніе. Многие люди, которые не могли быть странствующими проповѣдниками покаянія, соединились въ 1221 г. въ союзы подъ именемъ „покаянныхъ братьевъ Св. Франциска“ или ордена терціаріевъ, т. е. третьяго ордена, рядомъ съ которымъ существовали еще орденъ странствующихъ братьевъ и основанная еще въ 1212 г. (1224 г.) женская вѣтвь, „Клариссы“.

Францискъ былъ вѣрнымъ сыномъ своей церкви; ни въ одномъ пунктѣ онъ не отступалъ отъ ея вѣроученія. Однако цѣль его заключалась не въ прикрѣпленіи людей къ церкви, а въ развитіи индивидуальнаго христіанства. Онъ даже не желаетъ основывать своего ордена. Союзъ, учрежденный имъ, служитъ для него только средствомъ для достиженія главной его цѣли, развитія во всѣхъ сердцахъ христіанскаго смиренія, душевнаго мира и любви. Какой громадной опасностью угрожало церкви въ будущемъ это движеніе, стремящееся къ развитію религіозной самостоятельности, если ей не удастся организовать его и ввести его въ церков-

ную колею. Кардиналь Уголино, который впоследствии стал папой под именем Григория IX, разгадал эту опасность. Для устранения ее он превратил вольный союз, основанный Францискомъ, в орденъ съ послушниками, съ неварушимымъ оубтомъ, съ генераломъ ордена, избираемымъ общимъ капитуломъ. После этого стали возникать въ различныхъ странахъ осѣдлыя колоніи этого ордена. Братья посвящаютъ себя проповѣди въ народѣ и заботамъ о спасеніи христіанскихъ душъ. Для пріобрѣтенія соотвѣтствующихъ познаній они основываютъ школы. Черезъ короткое время францисканцы пріобрѣли доступъ къ кафедрамъ Парижскаго и Оксфордскаго университетовъ. Папство съ его свѣтскимъ направлениемъ старается привязать къ себѣ этотъ орденъ и надѣляется его съ этой цѣлью крупными привилегіями. Такимъ образомъ францисканскій орденъ также разбогатѣлъ, какъ и другіе. Все это противорѣчило тому духу, которымъ былъ проникнутъ основатель ордена, такъ пламенно любившій смиреніе и бѣдность и почитавшій за честь нищенство. Понятно поэтому, что такое измѣненіе первоначальнаго устава повело къ самой ожесточенной борьбѣ внутри ордена. Но кто можетъ сказать, что францисканскій орденъ принесъ бы больше пользы, если бы онъ не имѣлъ прочной организаци и собственности, а зависѣлъ бы отъ всякихъ случайныхъ теченій?

Во всякомъ случаѣ, вліяніе этого ордена было необычайно велико. Нѣкоторые изъ его членовъ, какъ, наиримѣръ, Давидъ Аугсбургскій (сконч. въ 1271 г.), стремились къ распространенію въ народѣ того мистическаго благочестія, которое раньше почиталось только учеными, и поэтому не считали для себя унизительнымъ пользоваться въ своихъ сочиненіяхъ нѣмецкимъ языкомъ. Другіе старались отвлечь народную массу, о религіозномъ воспитаніи которой никто не заботился, отъ мертвой церковной догмы и вдохнуть въ нее настоящую новую жизнь своими популярными, глубоко-волнующими проповѣдями. Бертольдъ Регенсбургскій (сконч. въ 1272 г.) странствовалъ отъ Швейцаріи до Тюрингена, отъ Эльзаса до Моравіи и привлекалъ къ себѣ повсюду такое громадное число слушателей, что ни одна церковь не могла ихъ вмѣстить. Многіе ходили за нимъ по цѣлымъ днямъ изъ селенія въ селеніе, чтобы послушать еще разъ его увлекательную проповѣдь; подъ вліяніемъ его слова смертельные враги бросаются другъ другу въ объятія, скентики начинаютъ замалывать свои грѣхи, а похитители возвращаютъ неправильно присвоенное ими добро.

Почти одновременно съ францисканскимъ возникъ другой орденъ, основанный Доминикомъ и тоже стремившійся къ возвращенію въ лоно церкви отпавшихъ отъ нея еретиковъ посредствомъ проповѣди и уловленія душъ. Въ этомъ послѣднемъ орденѣ тоже образовались женская вѣтвь и покаянное братство, состоявшее изъ мірянъ. Григорій IX передалъ этому ордену всѣ спеціальныя инквизиціонныя трибуналы, устроенныя имъ для истребленія всего противорѣчающаго требованіямъ церкви (1232 г.).

До 1179 г. развитіе индивидуальной религіозности замѣчалось только между высшими въ умственномъ отношеніи представителями церкви, а теперь это движеніе начинаетъ проникать въ народъ. Въ слѣдующую эпоху само папство стало содѣйствовать противъ собственной воли все болѣе полному освобожденію этого вольнаго христіанства отъ слѣпнаго подчиненія іерархіи.

3. Паденіе папской власти и предвѣстники новой эры.

А. Упадокъ могущества папъ и авиньонское плѣненіе (между 1294 и 1377 гг.).

Въ 1294 г. на папскій престолъ взошелъ Бонифацій VIII. Этотъ человекъ обладалъ необычайной смѣлостью, удивительнымъ дипломатическимъ лукавствомъ, поразительной страстностью въ своихъ стремленіяхъ

и безпощадной непреклонностью. Когда французскій король Филиппъ IV Красивый вздумалъ обложить по собственному усмотрѣнію церковныя имущества для покрытія расходовъ на войну съ Англіей, то папа издалъ буллу (*Clericis laicos*, въ 1296 г.), въ которой онъ грозилъ отлученіемъ отъ церкви и интердиктомъ всѣмъ тѣмъ, которые будутъ требовать или платить налоги съ церковныхъ имуществъ безъ его разрѣшенія. Въ отместку король запретилъ вывозить за границу благородные металлы. Папа ни въ коемъ случаѣ не могъ обойтись безъ доходовъ, поступавшихъ изъ Франціи. Онъ поспѣшилъ истолковать свою буллу въ такомъ смыслѣ, что она потеряла всякое значеніе. Филиппъ думалъ, что онъ вполне можетъ положиться въ своемъ спорѣ съ Англіей на такого уступчиваго третейскаго судью, какъ этотъ папа. Однако Бонифацій считалъ себя высшимъ судьей на землѣ и рѣшилъ споръ не въ пользу французскаго короля. Этотъ послѣдній не подчинился рѣшенію папы и велѣлъ ежечь при всемъ дворѣ папскую буллу. Бонифацій понялъ, что рѣшительное столкновение неизбежно, но рѣшилъ отсрочить его, покуда онъ не подниметъ своего престижа и не пополнитъ своей кассы. Онъ объявилъ 1300 г. юбилейнымъ годомъ всепрощенія: всѣмъ тѣмъ, которые принесутъ въ этомъ году искреннюю исповѣдь въ своихъ грѣхахъ и совершатъ паломничество въ церковь св. Петра въ Римѣ, онъ обѣщалъ полнѣйшее отпущеніе всѣхъ грѣховъ. Результатъ показалъ, какъ сильно еще распространена была вѣра во всемогущество папы. Римскія улицы были биткомъ набиты сплошной массой движущихся туда и назадъ богомольцевъ; многіе задохлись отъ давки. Въ папскую казну посыпались громадныя суммы благодаря богомольцамъ.

Нисколько не сомнѣваясь въ своей побѣдѣ, Бонифацій отправилъ къ Филиппу французскаго епископа, который оскорбилъ такъ тяжело короля своимъ высокомернымъ поведеніемъ, что Филиппъ велѣлъ арестовать его и возбудить противъ него обвиненіе въ измѣнѣ. Въ отвѣтъ на это папа запретилъ королю взимать какіе бы то ни было налоги съ церковныхъ имуществъ и обнародовалъ въ 1301 году буллу *Ausculta fili*, въ которой онъ предъявлялъ, между прочимъ, слѣдующія притязанія: „Богъ поставилъ Насъ надъ всѣми королями и царствами“. Филиппъ отвѣтилъ: „Пусть знаетъ твоя почтеннѣйшая глупость, что мы никому не подчинены въ свѣтскихъ дѣлахъ“. Для того, чтобы опереться на весь народъ, французскій король созвалъ на сеймъ не только депутатовъ дворянства и духовенства, но также и представителей городовъ; національное сознаніе успѣло къ этому времени настолько развиться въ народѣ, что этотъ сеймъ провозгласилъ независимость французскаго государства отъ папы. Въ себя отъ гнѣва Бонифацій обнародовалъ въ 1302 году достопамятную буллу *Unam sanctam*, которая была открытымъ провозглашеніемъ папскихъ взглядовъ на церковь и свѣтскую власть: „Когда апостолы сказали: „Смотри, вотъ два меча“, т. е. два меча, принадлежащіе церкви, то Господь не отвѣтилъ, что это слишкомъ много, а сказалъ, что этого довольно, стало быть церкви принадлежитъ власть надъ обоими мечами, какъ надъ духовнымъ, такъ и надъ свѣтскимъ. Разница между ними заключается въ томъ, что свѣтскій мечъ обнажается для пользы церкви, а духовный самой церковью; послѣдній находится въ рукахъ священника, первый въ рукахъ королей и воевъ, которые дѣйствуютъ имъ по приказу и съ позволенія священника... Истина требуетъ, чтобы духовная власть назначала свѣтскія власти и творила надъ ними судъ, если онѣ дѣйствуютъ неправильно. А если заблуждается высшая духовная власть, то ее можетъ судить только Богъ, а не человекъ... Затѣмъ мы объявляемъ, говоримъ, постановляемъ и провозглашаемъ, что подчиненіе всѣхъ людей римскому епископу безусловно необходимо для ихъ блага“.

Когда французскій народъ, не исключая и духовенства, сталъ на сторону короля, то папа объявилъ интердиктъ надъ всею Франціей и

отрѣшилъ отъ должности все духовенство этой страны. Онъ велѣлъ составить буллу, въ которой французскій король объявлялся отлученнымъ отъ церкви и низложеннымъ съ престола, а его подданные освобождались отъ вѣрноподданнической присяги; но наканунѣ обнародованія этой буллы послы короля ворвались въ Аваньи, лѣтнюю резиденцію папы, и захватили его въ плѣнъ съ тѣмъ, чтобы предать его суду. Хотя папа былъ освобожденъ черезъ нѣсколько дней городскими жителями, но волненія, пережитыя имъ, надорвали его здоровье, и уже черезъ мѣсяць смерть унесла его въ могилу. Ни одна рука не поднялась въ защиту чести папства. Данте сказалъ по этому поводу, что „римская церковь попала въ грязь, потому что она совмѣщаетъ въ себѣ двойной санъ, двойную власть, обливая грязью себя и свое достоинство!“ Между тѣмъ, во Франціи національное возбужденіе все усиливалось. Теперь уже не удовлетворялись защитой поведенія короля въ политическихъ сочиненіяхъ, а требовали, чтобы для его оправданія покойный папа былъ преданъ суду всеобщаго собора. При всемъ своемъ упрямствѣ противники короля совершенно растерялись послѣ внезапнаго пораженія своего смѣлаго папы. Преемникъ Бонифація прилагалъ всѣ усилія къ примиренію съ королемъ. Когда онъ скончался въ слѣдующемъ году, то кардиналамъ потребовалось не меньше десяти мѣсяцевъ для избранія новаго папы. Наконецъ, одержала верхъ партія, расположенная дружельюбно къ французскому королю и искавшая спасенія въ уступчивости. Въ папы былъ избранъ французскій архіепископъ. Онъ не уступилъ просьбамъ итальянскихъ кардиналовъ, не переселился въ Римъ для занятія престола св. Петра, а остался во Франціи.

Въ 1309 году онъ избралъ своей резиденціей Авиньонъ; это было началомъ семидесятилѣтняго плѣненія папъ. Собственно говоря, это было добровольное изгнаніе. Какъ папы, такъ и кардиналы были всѣ французы и чувствовали себя вполне хорошо во Франціи. Тѣмъ не менѣе все современное христіанство было удручено тѣмъ, что папы жили не въ Римѣ. Вѣдь всѣ доводы, которыми доказывалось право римскаго епископа на главенство надъ всѣми остальными и даже на господство надъ всей свѣтской жизнью, основывались на томъ, что этотъ епископъ сидитъ на престолѣ св. Петра. Для вѣщаго подтвержденія притязаній римскаго епископа была даже изобрѣтена цѣлая басня о томъ, какъ апостолъ Петръ цѣлыхъ 25 лѣтъ занималъ римскую епископскую кафедру; а разъ св. Петръ былъ въ Римѣ епископомъ, то къ римскому епископу относится все то, что сказано о Петрѣ. Въ глазахъ тѣхъ, которые еще вѣрили въ главенство папы, основанное на доводахъ, заимствованныхъ изъ Св. Писанія, папство было связано съ Римомъ. Если папы могли жить въ другомъ мѣстѣ, а не въ Римѣ, то они сами не могли больше вѣрить въ свое превосходство, якобы данное имъ самимъ Христомъ и перешедшее къ нимъ отъ князя апостоловъ. Какъ же могъ послѣ этого народъ вѣрить въ главенство папы? Начинаетъ влиять новая идея; отрицается божественное происхожденіе папства.

Удаленіе папской куріи изъ Рима повлекло за собой еще одно послѣдствіе. Доходы, которые она получала раньше изъ Церковной Области, стали ненадежными и отчасти вовсе прекратились. Потребовались новые расходы; такъ, на примѣръ, французскіе короли выжали отъ папской куріи не меньше 3½ милліоновъ гульденовъ за 15 лѣтъ. Притомъ же это французское папство по большей части не отличалось бережливостью и гонялось за блескомъ и роскошью. Поэтому приходилось изыскивать новые источники доходовъ. Прежде всего было обложено большимъ сборомъ все то множество людей, которое обращалось къ куріи съ просьбами о разрѣшеніяхъ, привилегіяхъ и полномочіяхъ всякаго рода. Затѣмъ было расширено съ поистинѣ изумительной ловкостью право папы на замѣщеніе цер-

ковныхъ должностей и раздачу бенефицій, и за такія милости вѣдывались громадныя суммы. Затѣмъ были созданы всевозможныя спеціальныя источники доходовъ для курій; такъ, напримѣръ, она присвоила себѣ все наследство, остающееся послѣ смерти епископовъ, доходъ, получающійся съ вакантныхъ мѣстъ до ихъ замѣщенія, доходъ, приносимый каждой духовной должностью въ теченіе перваго года, если онъ превышаетъ 24 гульдена. Нѣкоторые архіепископы уплачивали по 10,000 гульденовъ за свое утвержденіе въ должности; изъ архіепископства Майнца папская курія получила однажды за годъ 175,000 гульденовъ, по нынѣшней стоимости денегъ свыше 10,000,000 марокъ. Эта система выжиманія соковъ уже сама по себѣ вызвала крайнее раздраженіе противъ папства, а тѣмъ болѣе та беззастѣнчивость, съ которой она примѣнялась, лишь бы вытянуть побольше денегъ. Случалось, что кандидатура на одно и то же мѣсто продавалась нѣсколькимъ людямъ; если одинъ изъ кандидатовъ уплачивалъ больше другого, то ему отдавали кандидатуру съ предпочтеніемъ, а другой искалъ напрасно терять свои деньги. Поэтъ Петрарка обрушился на папскій дворъ съ грозными обвиненіями: „Всякая надежда основывается на деньгахъ; за деньги открывается небо, за деньги продается Христосъ. Надежда на загробную жизнь считается басней; все то, что разсказывается объ адскихъ мукахъ, принимается за сказку. Разнузданный грѣхъ считается признакомъ благородства и высшей свободы. Чѣмъ сильнѣе заята чья-либо жизнь, тѣмъ болѣе она прославляется. Эти старики набрасываются съ такой яростью на всякія позорныя дѣла, какъ будто бы вся ихъ слава состоитъ въ пьянствѣ, обжорствѣ и тѣхъ мерзостяхъ, которыя слѣдуютъ за попойками на ночномъ ложѣ. Все это извѣстно не мнѣ одному,— это знаетъ также и народъ“.

Къ тому же папа, жившій во Франціи, не былъ свободенъ. Какъ сильно былъ связанъ французскимъ королемъ тотъ, который въ теоріи долженъ былъ обладать властью вязать и разрѣшать во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ, это стало видно всему міру хотя бы изъ того факта, что папа не могъ защитить отъ алчности короля даже богатаго и могущественнаго ордена храмовниковъ. Сначала папа запретилъ было королю продолжать процессъ съ пытками и тюрьмой, пачатымъ противъ храмовниковъ; но затѣмъ онъ вынужденъ былъ заявить публично, что король поднялъ обвиненіе противъ храмовниковъ не изъ эгоистическихъ побужденій, а изъ чистаго рвенія къ церкви; подъ давленіемъ короля папа призналъ, наконецъ, распущеннымъ этотъ ни въ чемъ неповинный орденъ (ср. стр. 247).

Жалкая роль, которую играло папство въ этомъ грязномъ дѣлѣ, нанесла сильный ударъ его престижу, тѣмъ болѣе, что оно еще брало на себя смѣлость поддерживать свои прежнія притязанія на всемірное господство предъ остальными владѣтельными князьями и благодаря этому причинила въ особенности Германіи несказанныя бѣдствія. Въ 1314 г. германскими королями были избраны одновременно Людовикъ Баварскій и Фридрихъ Австрійскій. Папа Юаннъ XXII не признавалъ ни того, ни другого изъ нихъ правителемъ Германіи до тѣхъ поръ, пока его избраніе не будетъ утверждено самимъ папой. Когда Людовикъ взялъ въ штыки своего противника, то папа запретилъ всѣмъ людямъ, принадлежащимъ къ Германскому государству, повиноваться „узурпатору“ или поддерживать его. Тогда король заявилъ, что королевская власть зависитъ исключительно отъ рѣшенія избирателей курфюрстовъ; папа отвѣтилъ королю отлученіемъ его отъ церкви, а послѣ того, какъ король апеллировалъ къ вселенскому собору, папа объявилъ интердиктъ надъ всѣми лицами и областями, которыя останутся вѣрными Людовику.

Во время этой борьбы, которая дѣйствовала угнетающимъ образомъ на совѣсть современниковъ, къ числу противниковъ папы присоединились такіе люди, которыхъ никто не ожидалъ увидѣть въ числѣ его враговъ.

Хотя францисканцы обладали и пользовались теперь богатыми владѣніями, они все же старались сохранить за своимъ орденомъ ту славу, которая отличала его предъ всеми другими орденами, славу безусловной бѣдности. Поэтому они заявили, что они обладаютъ только правомъ пользования имуществами своего ордена, но право собственности на него принадлежитъ папѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ обнародовали съ большой торжественностью слѣдующее заявленіе: „Прообразы нашего ордена, Христосъ и его апостолы, тоже не признавали своею собственностью то, чѣмъ они пользовались сообща“. Это заявленіе францисканцевъ, возбуждавшее зависть со стороны доминиканцевъ, было осуждено папой. Генераль францискайскаго ордена, Цезена, и великій ученый этого ордена, Оккамъ, заявили протестъ противъ этого рѣшенія папы. Они бѣжали къ германскому королю Людовику и подняли противъ папы обвиненіе въ ереси. Ихъ сторонники проповѣдывали открыто, что папа Іоаннъ не папа, а еретикъ. А между тѣмъ эти монахи, окруженные ореоломъ апостольской бѣдности, пользовались громаднымъ уваженіемъ въ народѣ. Наконецъ, орденъ францисканцевъ изъявилъ покорность папѣ, но эти годы ожесточенной борьбы подорвали самымъ опаснымъ образомъ престижъ престола св. Петра. Что касается высшихъ круговъ общества, то на нихъ повліяло въ такой же сильной степени всевозрастающая смѣлость талантливыхъ писателей, которые старались ввести въ надлежащія рамки церковь и папство. Марсилій Падуаискій высказалъ въ своемъ сочиненіи *Defensor pacis* (Защитникъ мира), что главнымъ нарушителемъ мира является папство съ его посягательствами на права государства. Всякое господство, всякая насильственная власть принадлежитъ, по мнѣнію этого писателя, не церкви, а народу или избранному народомъ монарху, и эта власть простирается также на служителей церкви; не іерархія представляетъ собою церковь, а християнскій народъ, представителями котораго являются соборы. Еще болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ эти радикальныя теоріи, основанныя на естественномъ правѣ, производили сходныя съ ними по содержанию сочиненія францисканца Вильгельма Оккама. Онъ проложилъ путь для слѣдующаго періода церковной исторіи тѣмъ своимъ основнымъ положеніемъ, что вѣра и благо церкви стоятъ выше всякаго права. Поэтому установившійся въ церкви порядокъ долженъ уступить свое мѣсто новому въ случаѣ крайней необходимости. На этомъ основаніи можетъ приобрести широкія права на власть надъ церковью не только всякій владѣтельный князь, но и простой мірянинъ, если только онъ обладаетъ истинной вѣрой. Ни іерархія, ни папство не должны считаться неизмѣнными учрежденіями; напротивъ того, истинная вѣра даетъ всякому право высказывать свое мнѣніе въ дѣлахъ церкви. Поэтому и церковные соборы не должны считаться непогрѣшимыми, но все же имъ принадлежитъ право суда надъ папой.

Эти идеи связаны самымъ тѣснымъ образомъ съ новымъ теченіемъ въ богословіи, а это послѣднее идетъ параллельно развитію папства. По мѣрѣ того, какъ падаетъ господство церкви въ политической жизни, исчезаетъ также прежняя увѣренность въ томъ, что можно обнять все міровыя идеи посредствомъ одной только церковной науки. Пропадаетъ прежняя вѣра въ разумную необходимость религіозныхъ догматовъ. Схоластикъ Іоаннъ Дунсъ-Скотъ (сконч. въ 1308 г.) утверждаетъ, что не существуетъ никакихъ логически непреложныхъ доказательствъ существованія Бога или св. Троицы. Его ученикъ, только что упомянутый Оккамъ (сконч. въ 1347 году), отличаетъ познаніе природы отъ познанія вѣры, науку отъ религіи и этимъ путемъ подготавливаетъ паденіе схоластики. Онъ отвергаетъ рѣшительно тотъ реализмъ, который господствовалъ въ наукѣ въ ту эпоху, когда церковь стремилась къ всемірному господству и достигла своей цѣли. Общія понятія принимались за что-то реальное, единичное отсутствовало на задній планъ; такъ, напримѣръ, церковь, какъ общее понятіе, счи-

Und nach dem als sy kamē
 an die stat die da heizt sal-
 ware: da frängigten sy in.

Friesischen und rüchstabe und
 larenischen und oberischen
 Der itzung der inden. Aber

Исторія человека. VI.

Т-го „Protestante“ в Сиб.

Христость на крестномъ пути. Миниатюра Маттаса Герунга изъ Нердлингена (около 1530 г.), изъ напи-
 санной на нѣмецкомъ языкѣ рукописи Новаго Завѣта.

Христосъ на крестномъ пути.

Весьма драгоценная рукопись библии (Ня. нембр 1, 11), хранящаяся въ Готской герцогской библиотекѣ, заключается въ себѣ, кромѣ воспроизведеннаго здѣсь изображенія, много другихъ миниатуръ весьма различной цѣнности. Работы перваго иллюстратора, употребившаго свои труды въ этой рукописи, крайне грубы; работы втораго болѣе удачны, а некоторые изъ рисунковъ третьяго отличаются такими совершенствомъ, что жадательно надежде ихъ въ полномъ объемѣ. Этотъ третій художникъ есть Маттиасъ Горуиусъ изъ Вердлингена, ученикъ Ганса Бургемайера. По заказу Отто-Фриха фонъ деръ-Нрафальдъ этимъ художникомъ были выполнены между 1530 и 1532 гг. иллюстраціи къ этой старинной рукописи Нового Завета, такъ какъ оба перша живописца заняли только свободныя мѣста, оставшіяся въ томъ ради этой цѣли въ первыхъ 60 листахъ рукописи. Маттиасъ Горуиусъ выполнилъ 116 роскошно раскрашенныхъ изображеній различныхъ размѣровъ, смотря по мѣсту, которымъ онъ располагалъ, самое наибольшее въ 28 кв. см.; наименьшій текстъ Нового Завета этой рукописи принадлежитъ нѣсколькимъ цѣлебодушкамъ, первая изъ которыхъ написана свой трудъ еще до 1260 г. Когда былъ подготовленъ этотъ списокъ, невозможно опредѣлять съ точностью; вероятно, около 1150 г. Слова, стоящія подъ воспроизведенной надъ миниатурой креста изъ Евангелия отъ Луки 23, 33 и 38; пропущенныя на панелѣ копія словъ помѣщены въ рукописи надъ рисункомъ во второмъ столбцѣ.

Und nach dem als nu kam(e)n an die stadt
da halzt calvarie: da krützigten nu
In [...]

[kriechliche(n) pflüchtele(n) und latein-
chen und abryssellen. Der ist künig der
Inden Aber]

И послѣ того, какъ они принесли къ мѣсту плавающимому Кальваріей, то они раскидали его... Греческими буквами и латинскими и еврейскими: вотъ царь иудейскій. По

талась реальной, а индивидуумы и единичныя постановленія свѣтскихъ законовъ и христіанской морали считались незаслуживающими вниманія, если этого требуетъ благо общаго цѣлаго, церкви. Со времени Оккама снова поднимается голоу номинализмъ: общее есть не что иное, какъ имя, абстракція. Дѣйствительно существующими слѣдуетъ считать только единичныя явленія. Поэтому отдѣльная вѣрующая личность можетъ имѣть больше значенія, чѣмъ іерархія, представляющая собою совокупное цѣлое. Существованіе папы также обусловлено единичными личностями, изъ которыхъ составляется церковь.

Къ сказанному не мѣшаетъ прибавить, что въ XIV столѣтіи папы прибѣгали часто и притомъ на многолѣтніе сроки къ интердикту, распространявшемуся на большія области, когда они хотѣли заставить свѣтскихъ правителей подчиниться куріи въ политическихъ вопросахъ. Благодаря этимъ интердиктамъ церковь не могла удовлетворять даже тѣмъ религіознымъ потребностямъ, которыя еще сохранились въ народѣ; незачѣмъ объяснять, какими тяжелыми послѣдствіями въ сферѣ религіи сопровождалась всѣ эти событія. Если только религіозное чувство не пропадало, то оно поневолѣ отрекалось постепенно отъ авторитета церкви и стремилось къ самостоятельности. Нельзя считать случайнымъ то явленіе, что какъ разъ въ эту эпоху въ народѣ проснулось въ Священномъ Писаніи на родномъ языкѣ. Среди еретиковъ, отдѣлившись отъ церкви, такое стремленіе обнаружилось еще раньше. Въ отвѣтъ на вопросъ епископа мецкаго Иннокентіи III объяснилъ, что если міряне осмѣливаются думать, что они способны понимать Священное Писаніе, то это есть дерзость, заслуживающая наказанія; но чтобы не оттолкнуть окончательно отъ церкви подобныхъ людей суровыми мѣрами, можно позволить имъ пользоваться уже существующими переводами Священнаго Писанія, если только не приходится опасаться, что такое чтеніе отклонитъ ихъ отъ почитанія святаго престола. Послѣ этого въ Мецѣ были конфискованы и сожжены переводы Священнаго Писанія. Цѣлый рядъ соборовъ запретилъ изданіе Св. Писанія и, вообще, богословскихъ книгъ на мѣстныхъ языкахъ. Теперь, когда престижъ папства упалъ такъ низко, даже внутри церкви тоже стала ощущаться потребность въ другой опорѣ. Выбѣстъ съ стремленіемъ къ индивидуальной вѣрѣ въ народѣ пробудилось также желаніе пользоваться непосредственно тѣмъ источникомъ, который былъ признанъ авторитетомъ даже Оккамомъ. Въ самыхъ различныхъ странахъ принимаются за переводъ на народный языкъ то всей библіи въ цѣломъ, то отдѣльныхъ ея книгъ (смотри прил. табл.: „Христосъ на крестномъ пути“; срав. ниже, стр. 301). Въ 1369 году императоръ Карлъ IV запретилъ всѣ книги на народномъ языкѣ, въ которыхъ толкуется о Священномъ Писаніи, но это запрещеніе никакъ не могло задержать удовлетворенія уже проявившейся потребности.

О стремленіи къ индивидуальному христіанству свидѣтельствуетъ широкое распространеніе мистики въ XIV столѣтіи и новая виѣшняя форма, въ которой она стала выступать. Несмотря на страхъ непреклонныхъ представителей церкви предъ религіозными сочиненіями на какомъ-либо другомъ языкѣ кромѣ понятнаго для однихъ только ученыхъ латинскаго, продолжали распространяться произведенія, написанныя на народныхъ языкахъ, направлявшія душу вѣрующаго на путь общенія съ Богомъ. Устранившись отъ всего виѣшняго міра и отвлекшись отъ самой себя, душа находитъ Бога и блаженствуетъ, созерцая Его. Вотъ чему училъ глубокомысленный магистръ Эккегардъ изъ Гохгейма недалеко отъ Готы (сконч. въ 1327 г.): „суть Божества должна составлять нашу жизнь“. Будучи призванъ къ суду инквизиціи, онъ вынужденъ былъ заявить, что отрекается отъ всѣхъ тѣхъ ложныхъ ученій, въ которыхъ его изобличали. Въ такое же противорѣчіе съ официальнымъ ученіемъ церкви сталъ Іоаннъ Таулеръ, влия-

тельный проповѣдникъ изъ Страссбурга (сконч. въ 1361 г.), который продолжалъ проповѣдывать, несмотря на то, что папа подвергъ его интердикту. То же самое можно сказать объ ученикѣ Эккегарда Генрихѣ Сузо изъ Юберлингена. Всѣ они вовсе не хотѣли выступать противъ церковнаго вѣроученія; но помимо ихъ воли церковь оказалась для нихъ какъ бы лишней. А еще сильнѣе отдалялись отъ церкви тѣ, которые не получили богословскаго образованія и черпали всю свою духовную пищу изъ вышеназванныхъ мистическихъ сочиненій. Взаимнѣ недостающаго имъ общенія при посредствѣ церкви они образовывали болѣе тѣсные союзы единомышленниковъ; они называли себя друзьями божьими, смотрѣли на себя, какъ на единственныхъ истинныхъ христіанъ и были увѣрены въ томъ, что только ихъ молитвы могутъ избавить церковь отъ грознаго суда.

Съ такимъ же направленіемъ мы сталкиваемся и въ женскихъ монастыряхъ, въ которыхъ замѣчалась склонность къ галлюцинаціямъ и видѣніямъ. Такъ, напримѣръ, извѣстная Маргарита Эбнеръ изъ Медингенскаго монастыря около Донауверта записала тѣ откровенія, которыхъ она удостоилась, и состояла въ оживленной перепискѣ со своимъ духовнымъ другомъ Генрихомъ изъ Нердлингена. При его посредствѣ были также изданы на верхне-германскомъ языкѣ „Духовноблагодатныя откровенія“ св. Мехтильдисы. Естественно, что это мистическое направленіе проникало также неоднократно къ тѣмъ женщинамъ и мужчинамъ, которымъ отводились особые дома, но которые сами должны были заботиться о своемъ пропитаніи, къ такъ называемымъ бегардамъ и бегинямъ. Вѣроятно, что при первоначальномъ основаніи такихъ союзовъ на Нижнемъ Рейнѣ (около 1180 г.) оказали свое вліяніе также и религіозныя побужденія, желаніе удалиться отъ міра. Во всякомъ случаѣ, въ этихъ полумонастырскихъ союзахъ благочестивыхъ душъ, лишенныхъ обычнаго монастырскаго контроля, крылась опасность мелкаго сектанства; они служили почвой для развитія мистическаго благочестія, въ большей или меньшей степени отгораживающагося отъ церкви. Вотъ почему церковь неоднократно считала себя вынужденной выступать противъ нихъ.

Стремленіе къ свободному отъ авторитетовъ христіанству дошло до открытой вражды противъ церкви въ сектѣ вольнаго духа. Начиная съ начала XIII столѣтія, во Франціи народилась своеобразная помѣсь вольнодумства съ религіознымъ фанатизмомъ. Теперь она стала быстро распространяться. По ученію этой секты вольный духъ человѣка не знаетъ надъ собою никакихъ авторитетовъ. Онъ самъ становится Богомъ на подобіе Христа. Онъ дѣйствуетъ на основаніи своей внутренней божественной свободы и поэтому стоитъ выше всѣхъ заповѣдей и догматовъ. Трудъ униженъ для этого духа. Ему принадлежитъ все; поэтому онъ имѣетъ право брать все. Сектанты странствовали толпами и вносили всюду смуту своимъ стремленіемъ проводить въ жизнь эти правила. Представители этой секты встрѣчались преимущественно въ Швейцаріи и на Рейнѣ до Кельна, но также въ Верхней Италіи и Богеміи. Церковь преслѣдовала ихъ, но эти преслѣдованія только обостряли ихъ вражду къ церкви, которая не могла излѣчить христіанства отъ этой горячки, такъ какъ сама была опасно больна.

Б. Расколъ и соборы для преобразованія церкви (приблизительно отъ 1377 до 1449 г.).

Всѣ друзья церкви стали требовать все болѣе настоячиво возвращенія папы на престолъ св. Петра. Наконецъ, въ 1377 г., Григорій XI снова вернулся въ Римъ. Когда онъ скончался въ слѣдующемъ году, то вновь избранный папа причинилъ церкви еще болѣе тяжелыя бѣдствія,

чѣмъ изгнаніе папъ. Онъ пытался было искоренить развращенность, господствовавшую среди курій. Французскіе кардиналы уѣхали изъ Рима и выбрали другого папу, француза, который укрылся снова подъ крылышкомъ французскаго короля въ Авиньонѣ. Такимъ образомъ появились два конкурирующихъ между собою намѣстника Христа, одного изъ которыхъ поддерживали одни государства, другого — остальные. Каждый изъ этихъ папъ предавалъ проклятію своего противника и всѣхъ его приверженцевъ, такъ что все христіанство оказалось подвергнутымъ отлученію отъ церкви. Послѣ смерти каждаго папы христіанство питало надежду, что будетъ положенъ конецъ этому расколу; но послѣ новыхъ выборовъ снова водворялось такое же печальное положеніе, какъ и прежде. Церковный расколъ угнеталъ и тѣхъ, которые не принимали близко къ сердцу чести церкви и папства. Дѣло въ томъ, что церковные выборы усиллись еще болѣе съ тѣхъ поръ, какъ пришлось содержать двѣ куріи вмѣсто одной. Одинъ изъ папскихъ чиновниковъ той эпохи, занимавшійся регистраціей поступающихъ въ курію прошеній, пишетъ слѣдующее: „Самая несправедливая и сама нелѣпая просьба удовлетворялась, лишь бы было заплачено“. Казалось, что папство не брезгаетъ никакими средствами для окончательнаго дискредитированія гордыхъ идей Григорія VII о божественномъ происхожденіи и неприкосновенности самого же папства.

И оно въ этомъ успѣло! Двое папъ, взаимно предающихъ другъ друга проклятію! Поневолѣ приходилось искать какого-либо другаго церковнаго авторитета, который стоялъ бы выше папскаго. Повсюду раздавались громкія жалобы противъ гнета папства. Люди стали задумываться надъ ограниченіемъ власти папъ и избавленіемъ христіанства отъ новыхъ угнетеній. Вселенскій церковный соборъ — вотъ единственное средство, отъ котораго можно было ожидать спасенія. Главными и самыми энергичными поборниками выступили ученые Парижскаго университета, въ особенности Герсоцъ.

Чувствовалась потребность въ преобразованіи церкви, которое должно было коснуться не только верховнаго главы ея, но и членовъ. Невозможно описать того печальнаго состоянія церкви и религіи, въ которомъ онѣ оказались въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій благодаря хозяйничью церковныхъ заправилъ. Приходское духовенство пришло въ крайній упадокъ благодаря продажѣ церковныхъ должностей совершенно негоднымъ людямъ и соединенію нѣсколькихъ мѣстъ въ одно, изъ котораго можно было выжать побольше дохода. Управленіе епископствами тоже пришло въ окончательное разстройство вследствие постояннаго увеличенія числа церквей, учрежденій и союзовъ, освобождаемыхъ куріей отъ суда епископовъ за деньги; кромѣ того возрастало непрерывно число людей изъ разныхъ странъ, добивавшихся осуществленія своихъ претензій предъ куріей и достигавшихъ своихъ цѣлей за хорошую плату. При всемъ томъ христіанство выносило цѣлыхъ 30 лѣтъ всѣ послѣдствія несчастнаго раскола, пока оно не рѣшилось, наконецъ, порвать съ господствовавшими въ теченіе послѣднихъ столѣтій взглядами на неограниченную власть папъ.

Въ мартѣ 1409 года открылся въ Визѣ тотъ церковный соборъ, котораго ожидали съ такимъ нетерпѣніемъ. Ни одинъ изъ обоихъ папъ не явился на соборъ. Они не признали правоспособности этого собора. Однако по предложенію Герсона соборомъ было принято то основное положеніе, что онъ представляетъ собою вселенскую церковь даже и безъ участія папы. Въ теченіе многихъ столѣтій вселенскіе соборы были послушными орудіями въ рукахъ папы; теперь рѣшились, наконецъ, признать за соборомъ высшій авторитетъ. Оба папы были отрѣшены отъ своего сана, и избранъ новый, Александръ V. Но изложенные папы ни за что не хотѣли уходить, и къ каждому изъ нихъ пристало по нѣскольку монарховъ и государствъ. Такимъ образомъ теперь уже насчитывалось въ хри-

стианскомъ мѣрѣ трое папъ, „папская Троица“, какъ выражались шутники. Христианство распалось на три лагеря. Александръ V отложилъ засѣданія собора на три года для основательной подготовки необходимаго преобразования церкви, а пока церковь оставалась въ томъ же ужасномъ состояніи.

Въ 1410 году, когда на папскій престолъ вступилъ Іоаннъ XXIII, казалось, что всѣ надежды на преобразование церкви похоронены навсегда. Этотъ папа началъ свою карьеру морскимъ разбойникомъ. Продажей индульгенцій онъ нажилъ такія крупныя богатства, что онъ набралъ войско, завоевалъ Болонью и царствовалъ надъ ней, какъ кровавый деспотъ и безстыдный развратникъ. Молва считала его убійцей его предшественника на папскомъ престолѣ. Отъ такого папы нечего было ожидать созыва того собора, котораго требовалъ весь христіанскій мѣръ. Вслѣдствіе этого произошелъ поворотъ въ сторону стараго взгляда на императора, какъ на покровителя церкви. Дѣла приняли благопріятный оборотъ: Іоаннъ вынужденъ былъ бѣжать изъ Рима и отдаться подъ покровительство короля Сигизмунда. Будучи вполнѣ безпомощнымъ, онъ согласился на созывъ собора на германской территоріи. Какъ „покровитель церкви“, Сигизмундъ созвалъ этотъ соборъ въ Констанцѣ на 1 ноября 1414 года. Вслѣдъ за этимъ Іоаннъ тоже разослалъ приглашенія.

Такимъ образомъ Констанцскій вселенскій соборъ сначала носилъ характеръ обыкновеннаго собора, подчиненнаго папѣ. Но когда Іоаннъ сталъ опять отстаивать свою непогрѣшимость, полагаясь на многочисленность присутствовавшихъ на соборѣ итальянскихъ епископовъ, которые были подчинены ему, то соборъ рѣшилъ, что голосовать слѣдуетъ не по числу поданныхъ отдѣльныхъ голосовъ, а по національностямъ, такъ что каждая изъ четырехъ націй считалась однимъ цѣлымъ; вмѣстѣ съ тѣмъ было дано право голоса ученымъ и уполномоченнымъ владѣтельныхъ князей. Папа бѣжалъ изъ Констанца, желая такимъ образомъ лишить соборъ правоспособности къ дальнѣйшимъ рѣшеніямъ. Въ отвѣтъ на такое поведеніе папы соборъ призналъ, что онъ является представителемъ всей церкви на всемъ земномъ шарѣ и что власть его исходитъ непосредственно отъ Бога. Ему обязаны подчиняться всѣ, не исключая и папы, а кто откажетъ ему въ своемъ повиновеніи, тотъ подлежитъ наказанію, будь то даже самъ папа. Іоаннъ былъ низложенъ; одинъ изъ двухъ остальныхъ папъ отрекся добровольно, а отъ третьяго отказались его прежніе приверженцы. Такимъ образомъ былъ положенъ конецъ церковному расколу.

Какіе новыя взгляды проникли въ церковь? Въ III столѣтіи послѣ Р. Х. Кирианъ видѣлъ въ епископской власти залогъ единства церкви, и соборы, воплощавшіе въ себѣ церковь, стали составлять изъ епископовъ. Послѣ этого римскіе епископы выступили съ тѣмъ притязаніемъ, что въ нихъ сосредоточивается вся церковь, что соборы должны подчиняться ихъ руководству, а рѣшенія соборовъ не могутъ быть дѣйствительными безъ ихъ утвержденія; напамъ удалось провести этотъ взглядъ въ жизнь. Со времени Констанцскаго собора авторитетъ соборовъ опять становится выше папъ. Этотъ послѣдній соборъ состоялъ не изъ однихъ только епископовъ; на немъ было предоставлено оффиціальное право голоса даже и владѣтельнымъ князьямъ, какъ главамъ свѣтскаго христіанскаго міра. Между прочимъ, индивидуализмъ проникъ даже во взгляды на церковное управленіе; тѣмъ не менѣе попрежнему господствовалъ тотъ взглядъ, что совокупное должно господствовать надъ единичнымъ. Этотъ соборъ требовалъ безусловной покорности своимъ постановленіямъ съ такою же непреклонностью, съ какою до этого времени отстаивали свою власть папы. О свободѣ каждой личности въ дѣлахъ вѣры еще вѣтъ и помину. Это обнаруживается съ полнѣйшей очевидностью изъ постановленія Констанцскаго собора по тому религіозному вопросу, который волновалъ значительную часть христіанскаго міра.

Въ 1376 г. выступилъ открыто противъ папства, эксплуатировавшаго своими поборами весь христіанскій міръ, оксфордскій профессоръ Джонъ Виклифъ. Онъ исходилъ изъ національныхъ интересовъ, но начатая имъ борьба увлекала его все дальше и дальше. „Развѣ возможно,—говорилъ Виклифъ,—признать Божьей церковью эту іерархію, погрязшую въ алчномъ стремленіи къ свѣтскимъ почестямъ, власти и богатству, съ ея авиньонскимъ папой или даже съ двумя, тремя папами? Нѣтъ! Божью церковь составляютъ тѣ, которые удостоиваются вѣчнаго блаженства, которые отмѣчены Провидѣніемъ. Эти папы, виновники раскола въ церкви, доказываютъ своимъ поведеніемъ, что они вовсе не принадлежатъ къ Христовой церкви, а служатъ антихристу. Какъ можно признать закономъ для церкви желанія подобной іерархіи? Нѣтъ! Весь строй христіанской церкви долженъ опредѣляться божественнымъ закономъ, Св. Писаніемъ. То, что не соотвѣтствуетъ Св. Писанію, не можетъ считаться закономъ, хотя бы оно исходило отъ папы“. Поэтому Виклифъ взялся за изданіе перевода библіи на англійскій языкъ для того, чтобы міряне тоже могли изобличать всѣ беззаконія, творящіяся въ церкви. На основаніи библіи Виклифъ отвергаетъ претвореніе, тайную исповѣдь, елеосвященіе, почитаніе святыхъ, иконъ и мощей, паломничества, братства, индульгенціи, а главнымъ образомъ свѣтскую власть и свѣтскія владѣнія духовенства. Согласно Св. Писанію, единственными источниками пропитанія духовенства должны служить десятина и подаванія. Какъ высшій властитель послѣ Бога, король долженъ отобрать у духовенства то, что не принадлежитъ ему по Закону Божію. Для того, чтобы дать народу достойныхъ духовниковъ, Виклифъ разсылаетъ бѣдныхъ священниковъ, которые странствуютъ съ мѣста на мѣсто и проповѣдуютъ при каждой возможности; иногда это бывали міряне, которые не получили полномочія отъ епископа, но чувствовали въ душѣ призваніе, вложенное въ нихъ самимъ Богомъ. Благодаря этимъ мѣрамъ религіозное движеніе непрерывно распространялось. Когда Виклифъ сталъ нападать на церковное ученіе о причастіи, то Оксфордскій университетъ испугался и запретилъ подобную критику. Однако Виклифъ продолжалъ дѣйствовать безпрепятственно изъ своего прихода Люттерворта; его вліяніе распространялось на всѣ сословія при посредствѣ многочисленныхъ сочиненій, обнародованныхъ имъ. Ему суждено было дожить спокойно до своей смерти (1384 г.). Поворотъ начался только въ 1399 г. послѣ перемѣны на престолѣ, совершившейся при содѣйствіи высшаго духовенства. Въ 1401 г. въ Англіи была введена инквизиція, которая господствовала уже давно на материкѣ. Она истребила всѣхъ приверженцевъ Виклифа.

Тѣмъ не менѣе огонь, зажженный Виклифомъ, разгорѣлся въ сильный пожаръ въ другой странѣ, въ Богеміи. Здѣсь господствовала оживленная религіозная жизнь, пробуждаемая, съ одной стороны, ревностными архіепископами, а съ другой эмигрировавшими въ эту страну вальденцами и другими еретиками. Кромѣ нихъ въ Богеміи дѣйствовали пламенные проповѣдники покаянія, ополчавшіеся не только противъ холодности къ вѣрѣ и мертвой обрядности, но и противъ мірскихъ склонностей духовенства. Самыми выдающимися изъ нихъ были Милчъ изъ Креманра, скончавшійся въ 1374 г., и Матіасъ изъ Янова. Расколъ въ папствѣ привелъ этого послѣдняго самостоятельно къ такому же предствленію • церкви, къ какому пришелъ и Виклифъ: только въ антихристовой церкви можетъ существовать расколъ. Истинная церковь — это есть община избранниковъ, удостоившаяся небеснаго блаженства, въ которой немислимъ никакой расколъ. У Матіаса мы видимъ такое же безусловное преклоненіе предъ Св. Писаніемъ, какъ и у англійскаго провозвѣстника реформаціи. Богемскіе пѣмцы тоже занимались въ это время переводомъ священнаго писанія; и поныѣ сохранились подобнаго рода рукописи.

принадлежавшія нѣкогда пражскимъ и эгерскимъ бюргерамъ. Одна изъ такихъ нѣмецкихъ псалтырей составляетъ даже переводъ не съ церковнаго латинскаго текста, а прямо или косвенно съ еврейскаго оригинала. Между прочимъ, изъ Богеміи ведетъ свое происхожденіе та нѣмецкая біблія, которая распространилась въ 14 изданіяхъ вскорѣ послѣ изобрѣтенія книгопечатанія. Другой нѣмецкій текстъ сохранился въ Венцелевской Библии, изготовленной около 1391 г. для богемскаго короля и германскаго императора Венцеля и прославившейся благодаря своимъ иллюстраціямъ.

Въ 1382 г. дочь богемскаго короля вышла замужъ за англійскаго короля, и съ этихъ поръ завязались оживленныя сношенія между Оксфордскимъ и Пражскимъ университетами. Многіе чешскіе студенты привозили съ собою на родину идеи и сочиненія Виклифа. Магистръ Іоаннъ Гуссъ тоже руководствовался въ своихъ первыхъ лекціяхъ (1396 г.) сочиненіями Виклифа. Руководящую роль въ этомъ религіозномъ движеніи играли почти исключительно чехи; поэтому все движеніе носило національный характеръ. Однако это стремленіе къ національной независимости было направлено преимущественно противъ римской курии; чехи хотѣли освободиться отъ римскаго гнета. Когда король Венцель попытался склонить богемскую церковь къ тому, чтобы она отреклась отъ обоихъ борющихся другъ противъ друга папъ, то на его сторону перешли чехи, но никакъ не нѣмцы; поэтому онъ рѣшилъ, чтобы впредь нѣмцамъ принадлежалъ одинъ голосъ въ Пражскомъ университетѣ противъ трехъ чешскихъ. Оскорбленные этимъ приказомъ короля 2,000 слишкомъ преподавателей и студентовъ покинули Прагу въ 1490 г. Пражскій университетъ сталъ исключительно чешскимъ, и его ректоромъ былъ избранъ Гуссъ, авторитетъ котораго непрерывно возрасталъ, несмотря на то, что онъ подвергался нападкамъ съ нѣкоторыхъ сторонъ. Теперь выступилъ въ защиту церковнаго ученія архіепископъ, уполномоченный къ этому новымъ папой Александромъ V. Во дворѣ его замка на Градчинѣ были сожжены по его приказанію болѣе 200 томовъ сочиненій Виклифа. Гусса и его послѣдователей архіепископъ отлучилъ отъ церкви. Въ отвѣтъ на это архіепископъ подвергся насмѣшкамъ, и дѣло дошло до насильственныхъ дѣйствій. Послѣ этого епископъ подвергъ Прагу интердикту. Возбужденіе все росло; напрасно король Венцель пытался примирить между собою обѣ враждующія стороны.

Для огражденія чести богемской церкви Сигизмундъ велѣлъ вызвать Гусса на Констанцскій соборъ для личнаго оправданія и обѣщалъ ему полную неприкосновенность отъ своего имени и отъ имени имперіи. Гуссъ отправился въ путь съ тяжелыми предчувствіями, но съ готовностью къ смерти. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ его прибытія въ Констанць, его противникамъ удалось задержать его и заключить въ тюрьму, несмотря на охранную грамоту императора (въ 1414 г.). Сигизмундъ былъ виѣ себя отъ гнѣва; онъ требовалъ немедленнаго освобожденія заключеннаго и грозилъ, что взломаетъ тюрьму. Съ своей стороны соборъ грозилъ императору, что онъ разойдется немедленно, какъ только императоръ станетъ прелятствовать въ чемъ бы то ни было его дѣятельности. А такого исхода Сигизмундъ ни за что не хотѣлъ допустить. Онъ пожертвовалъ мученикомъ за правду и своимъ королевскимъ словомъ ради тѣхъ реформъ, которыхъ онъ ожидалъ отъ собора. Послѣ этого начался судъ надъ Гуссомъ, обвинявшимся въ ереси. Въ маѣ 1415 г. соборъ предалъ анаемѣ Виклифа, и судьба Гусса была предрѣшена. Засѣданія по дѣлу Гусса обнаружили ту глубокую пропасть, которая отдѣляла его отъ членовъ собора и которую онъ самъ едва ли сознавалъ. Онъ заявилъ, что не отречется отъ своего ученія, пока онъ не убѣдится въ своемъ заблужденіи. Ему отвѣтили, что если въ этомъ отреченіи заключается что-либо предосудительное, то вина въ томъ падаетъ не на него, а на высшихъ представи-

телей церкви, которые требуютъ отъ него этого отреченія. Долженъ ли каждый человѣкъ руководствоваться своею собственной совѣстью или подчинять свою совѣсть другимъ людямъ, церкви? Вотъ въ чемъ заключался коренной источникъ разногласія между Гуссомъ и соборомъ. Гуссъ, который не былъ выдающимся мыслителемъ, не создалъ новой эры въ богословіи, а въ нѣкоторыхъ пунктахъ даже отсталъ отъ Виклифа, сдѣлался тѣмъ не менѣе героемъ новой эпохи и мученикомъ за правду только благодаря этому его разногласію съ соборомъ, только потому, что онъ обладалъ самостоятельнымъ личнымъ религіознымъ убѣжденіемъ, которымъ онъ дорожилъ больше, чѣмъ жизнью. Тѣ самые люди, которые выступали самымъ недвусмысленнымъ образомъ противъ неограниченной власти папства и были ревностными сторонниками такъ называемой реформаціи церкви, съ Герсопомъ во главѣ, не успокоились, пока не заставили умолкнуть навѣки этого истиннаго представителя реформаторской идеи: 6 іюля 1415 года Гуссъ скончался на кострѣ, а въ слѣдующемъ 1416 году погибъ на кострѣ Іеронимъ Пражскій.

Но какъ ошиблись ихъ судьи, думавшіе, что теперь, когда они показали себя усердными католиками, имъ легче удастся провести удовлетворительную реформацію! Соборъ рѣшилъ, что до совершенія этого дѣла не слѣдуетъ приступать къ избранію новаго папы, такъ какъ существовало опасеніе, что онъ не дастъ довести его до конца. Однако итальянскимъ членамъ собора и кардиналамъ, которые были врагами всякой реформы, удалось при посредствѣ политическихъ интригъ добиться того, чтобы избраніе папы было произведено немедленно. Сторонники реформы придавали реальное значеніе тому обстоятельству, что на избираемаго папу налагалось обязательство провести церковныя реформы и что было постановлено, чтобы соборы созывались черезъ опредѣленные промежутки времени, на первыхъ порахъ каждые пять лѣтъ. Избранный въ ноябрѣ 1417 года папа Мартинъ V былъ умнымъ и любезнымъ человѣкомъ. Онъ повялъ, что у каждой націи существуютъ свои особыя желанія, удовлетворенія которыхъ она ожидаетъ отъ церковныхъ реформъ, и что эти желанія соотвѣтствуютъ той степени независимости отъ Рима, которой она еще не лишилась или которую она уже приобрѣла. Онъ старался всѣми силами разъяснить это членамъ собора и убѣдить ихъ отказаться отъ общихъ положеній, какъ невозможныхъ, и удовлетвориться особыми конкордатами для каждой отдѣльной націи. Эти послѣдніе состояли изъ всевозможныхъ красивыхъ обѣщаній со стороны папы, при чемъ устранялись нѣкоторыя слишкомъ рѣзко бросающіяся въ глаза злоупотребленія; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти конкордаты предоставляли даже папѣ новыя преимущества. Притомъ же согласно рѣшенію собора они заключались не навсегда, а только на пять лѣтъ. Въ апрѣлѣ 1418 года соборъ былъ распущенъ. Не было достигнуто ничего похожего на дѣйствительную реформацію.

Черезъ короткое время въ папской куріи водворился вновь прежній позорный образъ дѣйствій. Черезъ два года послѣ Констанцкаго собора одинъ пѣмецъ писалъ изъ Рима: „Все, что дѣлается при римскомъ дворѣ, проникнуто мошенничествомъ, алчностью и высокомеріемъ“. Другой писалъ, что бенедикціи продаются въ Римѣ такъ же открыто, какъ свиньи на рынкѣ. Всѣ надежды возлагались на новый соборъ, который долженъ былъ быть созванъ черезъ пять лѣтъ. Папа назначилъ соборъ на 1424 г. въ Павію, но еще до начала засѣданій онъ былъ перемѣщенъ въ Сьену, а вскорѣ послѣ того онъ былъ распущенъ. Весь христіанскій міръ чувствовалъ себя обманутымъ. Недовольство стало усиливаться даже въ низшихъ слояхъ духовенства и народа. Папа Евгений IV вынужденъ былъ согласиться на созывъ собора въ Базель въ 1431 году.

Первымъ шагомъ къ этому собору было приглашеніе послѣдователей Гусса для переговоровъ въ Базель, такъ какъ, вопреки ожиданію членовъ,

собора, констанцскіе костры довели возбужденіе въ Богеміи до дикаго фанатизма. Лозунгомъ новаго движенія стало причастіе мірянъ какъ хлѣбомъ, такъ и виномъ. Когда король Венцель изгналъ священниковъ, причащающихъ подъ обоими видами (*sub utraque specie*, откуда произошло названіе *утраквисты*), то они укрылись на одной горѣ, которую они прозвали *Фаворомъ*. Народъ сталъ стекаться туда толпами въ фанатическомъ возбужденіи; всѣ спѣшили причастаться передъ выступленіемъ въ бой. Съ религіознымъ движеніемъ слилось социальное; народъ хотѣлъ положить конецъ всякой тиранніи. Разъяренная народная волна обрушилась на монастыри и церкви. По предложенію Сигизмунда Мартинъ V призвалъ въ 1420 году весь христіанскій міръ къ войнѣ съ этими еретиками, но отправленное противъ нихъ крестовое ополченіе было обращено ими въ бѣгство; войска гусситовъ прошли по всѣмъ окрестнымъ странамъ съ огнемъ и мечемъ. Благодаря своей непобѣдимости они наводили ужасъ на всю Западную Европу. Противъ нихъ было отправлено новое крестовое ополченіе, въ сопровожденіи кардинала, избраннаго предсѣдателемъ Базельскаго собора, но и оно было разсѣяно. Весь христіанскій міръ ликовалъ, когда, по крайней мѣрѣ, болѣе умѣренные изъ гусситовъ согласились вступить въ переговоры съ Базельскимъ соборомъ.

Однако папа оробѣлъ, когда соборъ хотѣлъ было заключить на собственнй страхъ миръ съ еретиками, уничтоженія которыхъ требовалъ Мартинъ, такъ какъ, повидимому, соборъ стремился присвоить себѣ главенство надъ церковью. Папа распустилъ соборъ; тѣмъ не менѣе этотъ послѣдній высказался съ безусловной рѣшительностью за принципъ главенства вселенскихъ соборовъ также и надъ папой. На этомъ соборѣ были приняты постановленія, рѣзко направленныя къ ограниченію папской власти. Такъ, напримѣръ, въ 1433 г. соборъ заключилъ миръ съ чехами и уступилъ имъ въ тѣхъ четырехъ требованіяхъ, которыя были выставлены ими въ 1420 году, правда, съ ограниченіями. Вотъ въ чемъ заключались эти требованія: причастіе подъ обоими видами, свободная проповѣдь Слова Божія, благочестивый образъ жизни духовенства, возстановленіе христіанской нравственности. Наконецъ, папа былъ вынужденъ взять обратно свое распоряженіе о распущеніи собора, при чемъ соотвѣтствующая булла была составлена самимъ соборомъ. Папскихъ легатовъ заставили присягнуть въ томъ, что они будутъ содѣйствовать собору, поддерживать его честь, подчиняться его постановленіямъ и способствовать ихъ торжеству.

Соборъ одержалъ верхъ надъ папой, но въ упоеніи своей побѣдой онъ забылъ мѣру. Онъ закрылъ большую часть прежнихъ источниковъ доходовъ бывшей римской куріи или присвоилъ ихъ себѣ, такъ что папа могъ съ полнымъ основаніемъ задать вопросъ, какимъ образомъ онъ можетъ впредь содержать свой дворъ сообразно своему сану и какъ онъ будетъ оплачивать своихъ многочисленныхъ чиновниковъ? Многіе изъ тѣхъ, которые получали свои доходы изъ прежнихъ финансовыхъ источниковъ куріи, были возбуждены противъ собора. Повидимому, соборъ хотѣлъ присвоить себѣ всѣ функціи папы: онъ выдавалъ разрѣшенія на вступленіе въ бракъ въ недозволенныхъ степеняхъ родства, раздавалъ индульгенціи, вѣзмалъ церковныя десятины, вмѣшивался даже въ чисто свѣтскія дѣла и назначалъ курфюрстовъ вопреки рѣшенію императора. Въ это время греческій императоръ былъ въ такомъ тяжеломъ положеніи, что, по его мнѣнію, для него не было никакой другой надежды предупредить окончательное покореніе своей имперіи невѣрными кромѣ помощи со стороны западныхъ странъ; поэтому онъ хотѣлъ завязать переговоры о воссоединеніи греческой церкви съ западной. Папа потребовалъ перемѣщенія собора въ Феррару подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы избавить греческихъ пословъ отъ тяжелого перехода черезъ Альпы. Большинство членовъ собора отказалось отъ перемѣщенія въ Италію, не желая лишиться свободы передвиженія.

Наконецъ, соборъ уже готовился низложить папу. Но къ счастью для папы его престижъ поднялся послѣ того, какъ ему дѣйствительно удалось склонить грековъ къ признанію его апостольской власти, простирающейся на все христіанство. Всевозможными уступками папа успѣлъ склонить на свою сторону одного монарха за другимъ.

Наконецъ, Базельскій соборъ оттолкнулъ отъ себя всѣ симпатіи послѣ того, какъ онъ избралъ антипапу, Феликса V (1439 г.). Развѣ можно допустить, чтобы этотъ соборъ повлекъ за собою новый расколъ въ церкви?—такъ разсуждали современники. Поэтому всѣ народы стремились къ обезпеченію реформъ, выработанныхъ въ Базель, но не хотѣли отказаться отъ римскаго папы. Даже самъ Феликсъ V отказался отъ своего сана. Наконецъ, соборъ закрылъ свои засѣданія (1449 г.). Тотъ, кто зналъ папство, могъ быть вполне увѣренъ, что черезъ самое короткое время будутъ стерты съ лица земли послѣдніе остатки успѣховъ этого антипапскаго движенія. Дѣло въ томъ, что эта реформація вытекала не изъ внутреннихъ религіозныхъ мотивовъ; хотя ея направленіе оправдывалось вполне обстоятельными цѣлями, такъ же, какъ и ея противники, мѣшавшіе ея проведенію въ жизнь. Къ концу этого періода, около 1450 года, болѣзненное чувство разочарованія становится основнымъ тономъ настроенія всѣхъ тѣхъ, которые принимали близко къ сердцу благо церкви. Всѣ попытки улучшенія церковнаго устройства оказались безплодными. Пропали всѣ надежды на реформацію; „надо полагать, что близится кончина міра“—въ такихъ словахъ изливаетъ свое горькое разочарованіе одинъ современникъ. Такъ дольше продолжаться не можетъ!—таково было чувство всѣхъ вѣрующихъ.

В. Углубленіе пропасти между старымъ и новымъ религіознымъ чувствомъ (приблиз. отъ 1449 до 1517 г.).

Папство окончательно отвергло стремленіе къ реформаціи, какъ укладывающейся въ рамки церкви, такъ и направленной противъ нея. Благодаря этому оно окончательно оторвалось отъ религіознаго движенія. Завершилось то явленіе, зачатки котораго обнаружались еще за 100 лѣтъ передъ тѣмъ: папство лишилось всякой руководящей идеи; имъ управляютъ исключительно эгоистическіе мотивы, неодинаковые у различныхъ папъ, такъ какъ вмѣстѣ съ руководящими идеями исчезла также и общность стремленій. Въ одномъ только пунктѣ всѣ папы единодушны: всѣ они ничего и знать не хотятъ о реформаціи.

Энео Сильвіо де Пикколомини былъ на Базельскомъ соборѣ однимъ изъ самыхъ сильныхъ противниковъ папства; но когда соборъ этотъ оказался безсильнымъ, то онъ превратился въ такого же усерднаго поборника папства (въ 1445 г.). На этомъ новомъ пути онъ стяжалъ наивысшія церковныя почести и получилъ, наконецъ, въ 1458 г. тройную корону подъ именемъ Пія II. Слѣдуя примѣру прежнихъ папъ, онъ пытался захватить въ свои руки всемірное господство, но онъ вовсе не руководствовался такими идеями, какъ, на примѣръ, Иннокентій III, который дѣйствительно былъ убѣжденъ въ томъ, что для спасенія христіанскихъ душъ необходимо, чтобы весь міръ сложился передъ престоломъ св. Петра; Пій II дѣйствовалъ подъ вліяніемъ чисто свѣтскихъ побужденій. Подобно другимъ свѣтскимъ монархамъ онъ хотѣлъ, чтобы его корона сіяла всѣмъ своимъ нынѣшнимъ блескомъ. Однако ему пришлось убѣдиться на опытѣ, что онъ задается неосуществимой цѣлью, что папство внушаетъ къ себѣ неодолимое недовѣріе. Онъ проклиналъ возмутительныя злоупотребленія своихъ современниковъ, одержимыхъ бунтовщическимъ духомъ, которые осмѣливаются апеллировать къ предстоящему собору противъ рѣшеній римскаго епископа; несмотря на всѣ его проклятія, всѣ недовольные стали

апеллировать къ собору противъ всякаго непопулярнаго его распоряженія. Онъ пытался всѣми силами осуществить крестовый походъ противъ турокъ, которые уже захватили Константинополь въ 1453 г., но христіанскій міръ не пошелъ за нимъ. Для той же цѣли онъ основалъ новые рыцарскіе ордены, но они вскорѣ прекратили свое существованіе.

Павелъ II далъ предъ своимъ избраніемъ въ папы письменное обязательство продолжать войну противъ турокъ, ввести среди духовенства строго христіанскую нравственность, созвать соборъ для преобразованія церкви и проч. Но какъ только онъ сталъ главою церкви и такимъ образомъ получилъ право вязать и разрѣшать, онъ освободилъ самого себя отъ своихъ обѣщаній. Ему церковь обязана однимъ доходнымъ нововведеніемъ: до того времени юбилейнымъ годомъ со всеобщимъ отпущеніемъ грѣховъ считался первый годъ каждаго новаго столѣтія, теперь же такіе юбилеи стали праздноваться черезъ каждыя 25 лѣтъ.

Если бы Сикстъ IV (1471—1484 г.) не пользовался для достиженія своихъ свѣтскихъ цѣлей, между прочимъ, такими чисто церковными средствами, какъ отлученіе отъ церкви и интердиктъ, то онъ ничѣмъ не отличался бы отъ безправственныхъ, вѣроломныхъ итальянскихъ владѣтельныхъ князей. Для поправленія своихъ финансовъ онъ устроилъ въ Римѣ дома терпимости, которые доставляли ему около 80 тысячъ дукатовъ ежегоднаго дохода. У Иннокентія VIII было такъ много незаконныхъ дѣтей, что по выраженію остряковъ онъ вполне заслуживалъ титулъ отца отечества. Въ то же самое время, какъ онъ въ напыщенныхъ выраженіяхъ поощрялъ христіанство къ борьбѣ съ невѣрными, онъ заточилъ въ тюрьму бѣжавшаго въ Западную Европу противника султана, а не поставилъ его во главѣ крестоноснаго ополченія, какъ можно было ожидать. Дѣло въ томъ, что за эту услугу онъ получалъ отъ султана ежегодно по 40,000 коронныхъ талеровъ. Его преемникомъ кардиналы избрали въ 1496 г. Александра VI (Род. Ленцуоли Борджія, сконч. въ 1503 г.), отца пяти незаконныхъ дѣтей, прославившихся своею жестокостію и своимъ коварствомъ. Передъ своимъ избраніемъ онъ подкупилъ кардиналовъ своимъ золотомъ, а потому ихъ богатства не давали покою его алчности, такъ что одни изъ нихъ вынуждены были спасаться бѣгствомъ отъ его козней, а другихъ онъ истребилъ; въ томъ и въ другомъ случаѣ все имущество преслѣдуемыхъ попадало въ его руки. Онъ надѣлся, что сумѣетъ подчинить своей семьѣ всю Италію. Въ концѣ-концовъ, онъ не постѣснялся даже заключить союзъ съ „наслѣдственнымъ врагомъ христіанства“ противъ „христіанинѣйшаго“ короля Франціи.

Еще разъ была сдѣлана попытка къ преобразованію церкви. Доминиканецъ Савонаролла выступилъ во Флоренціи пламеннымъ обличительнымъ проповѣдникомъ и основалъ республику, въ которой не должно было быть никакого царя кромѣ Бога. Его блестящіе успѣхи возбудили въ немъ надежду на оздоровленіе всей церкви. Поэтому онъ направилъ свои удары противъ гнѣзда нравственной порчи, Рима, и печестиваго папы Александра. Въ отместку папа отлучилъ его отъ церкви и наложилъ интердиктъ на Флоренцію. Дѣло кончилось тѣмъ, что въ 1498 г. Савонаролла вмѣстѣ со своими преданнѣйшими друзьями были повѣшены, какъ угнетатели св. церкви, а затѣмъ ихъ трупы были сожжены. Снова горькое разочарованіе! Но съ другой стороны мученикъ Савонаролла возвысился во время своего тюремнаго заключенія въ своемъ богословскомъ ученіи до такихъ благородныхъ евангельскихъ взглядовъ, что Лютеръ нашелъ нужнымъ переиздать его послѣднее сочиненіе, написанное имъ на краю могилы. Вскорѣ послѣ смерти Савонаролла его сочиненія стали читаться съ такимъ рвеніемъ, что въ 1501 г. папа нашелъ необходимымъ ввести цензуру для того, чтобы „въ Господнемъ виноградникѣ сѣялись только такія сѣмена, которыя утоляютъ голодъ вѣрующихъ душъ“.

Владѣтельные князья тоже собрались было съ духомъ еще разъ и потребовали созыва собора. Недаромъ со всѣхъ сторонъ росло недовольство противъ всеупливающейся безстыдной эксплуатаціи куріи. Однако всѣ эти благородныя усилія повели только къ тому, что Латеранскимъ соборомъ, открывшимся въ 1512 г., была обнародована въ декабрѣ 1516 г. булла *Pastor aeternus* (Вѣчный пастырь), которая ссылается прямо на известную буллу Бонифація VIII *Unam sanctam* (срв. стр. 293) и заключаетъ въ себѣ слѣдующія постановленія: „Кто не повинуется намѣстнику Христа, тотъ достоинъ смерти. Одному только римскому епископу подчинены рѣшенія всѣхъ соборовъ“. Казалось, что погибли плоды всѣхъ стремленій, которыми христіанство было проникнуто въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Вотъ что проповѣдывалъ Гейлеръ изъ Кайзерсберга (сконч. въ 1510 г.): „Нѣтъ никакой надежды на какое бы то ни было улучшение въ христіанствѣ; поэтому пусть каждый забьется головою въ уголъ и смотритъ за тѣмъ, чтобы онъ соблюдалъ Божіи заповѣди и шелъ по правому пути для того, чтобы заслужить вѣчное блаженство“.

Тотъ же соборъ почелъ необходимымъ издать постановленіе, запрещающее отвергать безсмертіе души, такъ какъ этотъ родъ вольнодумства, замѣчавшійся уже цѣлыя 300 лѣтъ среди образованныхъ круговъ христіанства, сталъ выступать все болѣе открыто. Теперь онъ обнаруживался преимущественно подъ видомъ увлеченія древне-классической литературой.

Въ XIV столѣтіи, когда всемірное господство церкви потерпѣло крушеніе, а плѣненіе папъ и расколъ въ церкви нанесли тяжелый ударъ духовному авторитету главы церкви, когда церковно-схоластическая наука пришла въ упадокъ, а религіозность стала принимать все болѣе индивидуальное направленіе, образованные круги Италіи не удовлетворялись больше средне-вѣковыми идеалами, преклоненіемъ предъ авторитетами и отреченіемъ отъ міра; возродилось влеченіе къ классической древности, восхищавшей людей этой эпохи свободой личности и интересомъ къ окружающему міру, этими руководящими началами древне-классической литературы. Эта новая культура, известная подъ именемъ ренессанса и гуманизма, захватывала все болѣе широкіе круги. Черезъ посредство Констанцскаго и Базельскаго соборовъ она проникла также и къ сѣверу отъ Альпъ, а изобрѣтеніе книгопечатанія облегчило ей доступъ во все болѣе отдаленныя области. Благодаря этому увлеченію классической древностью оживилась, между прочимъ, давно уже замершая область умственной дѣятельности, изслѣдованіе историческаго прошлаго, конечно, прежде всего исторіи церкви. Это теченіе не сознавало ни своихъ непосредственныхъ побудительныхъ причинъ, ни своихъ болѣе отдаленныхъ послѣдствій. Люди отдавались ему безотчетно. Противъ него не устояли даже почти всѣ папы, перебивавшіе на престолѣ св. Петра въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій среднихъ вѣковъ. Никто не догадывался, что оно затянетъ ладью св. Петра въ гибельный водоворотъ. А между тѣмъ именно на своей родинѣ гуманизмъ принялъ вскорѣ такое направленіе, благодаря которому онъ становился грозной опасностью для средне-вѣковой церкви и, вообще, для всякой искренней религіозности. Эта церковь требовала слѣпой вѣры во всякое свое слово и основывала свою власть на такой массѣ подлоговъ: для нея скрывалось уже не мало опасностей въ томъ, что Лаврентій Валла (сконч. въ 1457 г.) изучалъ Новый Завѣтъ въ оригиналѣ и доказывалъ неудовлетворительность употребляемаго въ Западной Церкви латинскаго перевода Вульгаты. Этотъ же Валла и др. изслѣдователи открыли подложность „Константинова дара“, на основаніи котораго папы дѣйствовали самовластно въ теченіе многихъ столѣтій; онъ же призналъ басней то издавна общераспространенное убѣжденіе, будто такъ называемый „апостольскій символъ вѣры“ сочиненъ самими апостолами; другіе изслѣдователи подвергали сомнѣнію лже-исидоровы декреталіи, эту основу всего

церковнаго права. Мало того, одно уже сравненіе церковной латыни съ языкомъ древнихъ писателей и пренебрежительное отношеніе къ этому варварскому жаргону заключали въ себѣ скрытую опасность для престижа такой церкви, которую громадная масса людей продолжала еще признавать непогрѣшимымъ вѣроучителемъ народа.

Каковы же были послѣдствія новаго теченія къ тому времени, когда люди успѣли вполнѣ проникнуться тѣмъ духомъ, который вѣетъ въ древне-классическихъ произведеніяхъ, и усвоили себѣ это языческое міросозерцаніе? Съ особенной очевидностью это обнаруживается на итальянскихъ гуманистахъ. Въ душѣ они отреклись окончательно отъ церкви, даже, вообще, отъ всякой религіи, и предавались самой безстыдной чувственности. Для того, чтобы не навлечь на себя никакихъ непріятностей изъ-за своихъ убѣжденій, они изъявляли готовность вѣрить на словахъ во все то, во что вѣруетъ церковь. Одинъ изъ нихъ, шутя, заявилъ въ кругу своихъ друзей, что онъ готовъ увѣровать даже въ четверицу, лишь бы быть подальше отъ костра. При всемъ своемъ невѣрїи папы и ихъ слуги запрещали отрицать безсмертіе души и писали свои эдикты въ исконномъ благочестивомъ стилѣ по той простой причинѣ, что христіанская вѣра была единственнымъ источникомъ ихъ доходовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ какое разрушительное вліяніе на религію должны были имѣть такіе папы, какъ Левъ X, которому приписывается слѣдующая фраза: „Однако, не мало доходу принесла намъ эта сказка о Христвѣ!“. Какое впечатлѣніе выносили христіане изъ произведеній того Поджіо (сконч. въ 1459 г.), который былъ апостольскимъ тайнымъ секретаремъ при римскомъ дворѣ и жилъ въ самой тѣсной дружбѣ съ восемью папами, изъ его „Шутокъ“ (Facetiae), въ которыхъ чувственыя удовольствія превозносятся съ невѣроятной фривольностью и въ которыхъ осмѣляются самыми циническими насмѣшками не только умственная ограниченность монаховъ и поповъ, но и страхъ предъ общенрицанными грѣхами; это сочиненіе было напечатано впервые въ самомъ Римѣ и разошлось въ 25 изданіяхъ. Его находили нужнымъ переводить также и на иностранные языки. Авторъ могъ похвастаться, что оно распространено по всей Италіи, Испаніи, Франціи, Германіи, Англии и др. еще болѣе отдаленнымъ странамъ. Многочисленные круги образованныхъ людей, давно уже отпосившихся скептически къ ученію церкви, доходили до полного разрыва съ церковью, когда усваивали это цѣльное классическое міровоззрѣніе. Другіе, которые не хотѣли отказываться отъ вѣры своихъ предковъ ради своего увлеченія античнымъ міромъ, начинали замѣчать раньше или позже, что у нихъ бьются какъ бы два сердца въ одной груди, и, въ концѣ-концовъ, авторитетъ вѣры и отрицаніе мірскихъ благъ поневолѣ уступали свое мѣсто свободному и жизнерадостному античному духу.

Въ Германіи было еще такъ много искренней вѣры, что люди еще не могли вступить на этотъ путь. Тутъ представители гуманизма занимаются античнымъ міромъ главнымъ образомъ ради формальнаго просвѣщенія. Однако черезъ нѣкоторое время и тутъ развивается насмѣшливое отношеніе къ представителямъ церкви, къ схоластической формѣ, въ которой излагается церковное вѣроученіе, и къ тѣмъ, которые осуществляли средневѣковый христіанскій идеаль, къ монахамъ. Даже въ Германіи нѣкоторые круги отклоняются въ сторону отъ господствующихъ идей средневѣковья. Лозунгомъ становится не вѣра въ авторитетъ, а свобода личности, не отреченіе отъ свѣта, а жизнерадостность. Нарождается новое міровоззрѣніе, новая эра. Много семивнѣй возбуждала будущность религіи, которую современники знали только въ ея непривлекательной средневѣковой вишней формѣ. Можно было опасаться, что вмѣстѣ съ этой вишней формой, которая стала предметомъ всеобщаго презрѣнія, будетъ отвергнута и самая религія. Конечно, исторія создается не одними

только образованными классами. И дѣйствительно вѣра не поколебалась въ германскомъ народѣ, несмотря на всю массу зла, причиненнаго ему церковью. Однако новыя основныя идеи стали обнаруживаться также и въ этихъ внѣшнихъ слояхъ народа. На сцену выступаютъ люди, которые нападаютъ на нѣкоторые церковныя догматы и выдвигаютъ впередъ съ опасной односторонностью другія истины, по существу не отвергаемыя церковью. Нѣкоторые вдаются съ крайнимъ рвеніемъ въ индивидуальное мистическое благочестіе и не ограничиваются спекулятивной областью, такъ какъ время было слишкомъ серьезное и неспокойное, а стараются провести свои идеи въ практической жизни. Они объединяются между собою въ полумонастырскіе союзы, какъ, напримѣръ, возникшіе въ Нидерландахъ союзы „братьевъ и сестеръ совмѣстной жизни“. Бѣдность и нищенство уже не кажутся имъ чѣмъ-то святымъ; напротивъ того, эти братья и сестры хотятъ содержать себя своимъ трудомъ и вліять на другихъ; ихъ не удовлетворяетъ пустая церковная обрядность, они стремятся къ развитію индивидуальной религіозности. Самое знаменитое литературное произведеніе, вышедшее изъ этого круга, „Подражаніе Христу“ Томы Кемпенскаго, игнорируетъ почти вполнѣ всѣ внѣшнія церковныя формы и стремится побудить людей къ тому, чтобы они жертвовали всѣмъ, отказывались отъ себя самихъ и отъ всего міра, лишь бы обрѣсти Бога.

Даже у тѣхъ, которые еще сохранили привязанность къ церкви и ея учрежденіямъ, мы замѣчаемъ своеобразную неудовлетворенность, неутомимое и сканіе вѣрныхъ путей къ спасенію своей души, совершенно чуждое средневѣковому міровоззрѣнію. Массами основываются братства, которыя обязываютъ своихъ членовъ читать безчисленное множество молитвъ, но въ то же время даютъ имъ возможность участвовать въ необъятной сокровищницѣ подаенія, молитвъ, богослуженій, отпущеній грѣховъ, заслугъ передъ Богомъ, обезпечивающихъ до нѣкоторой степени спасеніе ихъ душъ. Громадными толпами стекается народъ къ чудотворнымъ иконамъ, къ Святымъ Дарамъ, изъ которыхъ сочится кровь, къ мощамъ, за поклоненіе которымъ отпускается множество солѣнныхъ грѣховъ; напримѣръ, однажды прибыло въ Ахенъ за одинъ день не меньше 142,000 паломниковъ. Съ полной готовностью церковь пошла навстрѣчу этому стремленію германскаго народа къ надежному обезпеченію загробнаго блаженства. Рассказывались пѣвѣрныя чудесныя исторіи объ исцѣленіяхъ больныхъ, о крестахъ, сыплющихся съ неба дождемъ, о монахиняхъ со стигматами (кровоточащими ранами, символизирующими распятаго Христа). Индульгенціи раздавались громадными массами. Когда народу показывались головы князей апостоловъ и одѣяло Вероники, то иногороднымъ паломникамъ, прибывшимъ въ Римъ, участвовавшимъ въ этомъ арѣлицѣ, отпускались 14,000 лѣтъ грѣховъ. Отпущеніе грѣховъ зависѣло отъ посѣщенія извѣстныхъ церквей, отъ повторенія извѣстныхъ молитвъ, денежныхъ взносовъ. Тотъ, кто умиралъ въ орденскомъ костюмѣ францисканцевъ или кармелитовъ, тотъ переходилъ черезъ самое короткое время изъ чистилища въ небесное царство. Мы видимъ, однако, что церковь становилась непрерывно все щедрѣе въ своихъ милостяхъ, а это доказываетъ, что господствующее въ народѣ стремленіе къ религіозному удовлетворенію и душевному спокойствію нисколько не утолялось. О томъ же неудовлетворенномъ стремленіи свидѣтельствуютъ многочисленныя сочиненія религіознаго содержанія, распространявшіяся посредствомъ печатнаго станка. До 1522 года вышло въ свѣтъ 14 изданій Библии на верхне-нѣмецкомъ и 4 на нижне-нѣмецкомъ языкахъ, много сборниковъ проповѣдей, расходившихся въ 20—70 изданіяхъ, безчисленное множество назидательныхъ сочиненій, частью очень объемистыхъ, а частью весьма небольшихъ по объему. Особенною популярностью пользуются книги „объ искусствѣ умереть хорошо“

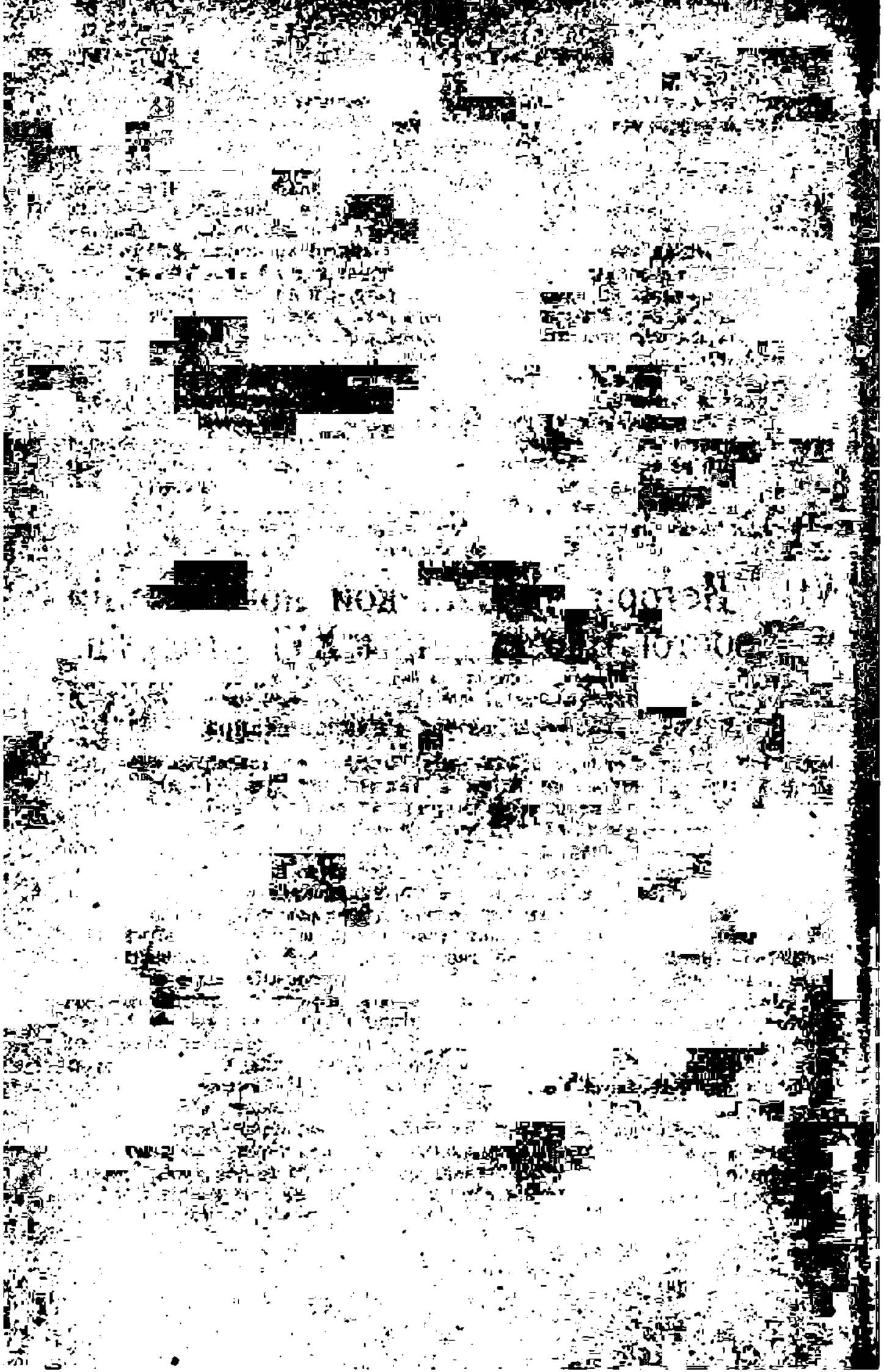
смертью": эта эпоха отличается сильной привязанностью къ жизни и къ жизненнымъ удовольствіямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ожилъ страхъ предъ тѣмъ неизвѣстнымъ, которое лежитъ за гробомъ.

Между благочестивыми людьми начинается что-то вродѣ протеста противъ церкви. Церковь считаетъ своей обязанностью приписать насильственные мѣры противъ этихъ предвѣтниковъ реформации, исходящей изъ стремленія къ восстановленію чистоты вѣроученія. Напримѣръ, сочиненія Іоанпа Везельса были осуждены на публичное сожженіе, а онъ самъ былъ заточенъ въ монастырь. Опасность стала еще болѣе угрожающей, когда въ народѣ тоже обнаружилось не только презрѣніе къ представителямъ церкви и ихъ идеаламъ, но и рѣзкое озлобленіе противъ духовенства и монаховъ. Поскольку пословицы отражаютъ въ себѣ общее настроеніе народа, не лишены значенія слѣдующія народныя поговорки того времени: „если ты хочешь содержать свой домъ въ чистотѣ, то не пускай туда монаховъ, поповъ и голубей“; „когда дьяволу некому поручить свою работу, то его выручаетъ монахъ“; „у монаховъ двѣ руки: одна беретъ, другая прячетъ“. Нравственный уровень духовенства былъ такъ возмутительно низокъ, что дѣлались неоднократныя попытки къ нравственному возрожденію церкви, въ особенности нѣкоторыми владѣтельными князьями, но всѣ эти усилія приводили къ крайне ничтожнымъ результатамъ. Постепенно укоренялась увѣренность въ томъ, что тотъ путь, которымъ шли до сихъ поръ, никуда не ведетъ.

Съ этимъ религіознымъ недовольствомъ связывалось неоднократно социальное недовольство. А такъ какъ церковь была главной опорой существующаго порядка и духовные владѣтельные князья угнетали своихъ подданныхъ съ безпощадною суровостью, то противъ нихъ поднимались непрерывно угрожающіе протесты. Распѣвались пѣсни вродѣ слѣдующихъ: „Я слышалъ, что по предсказанію пророковъ скоро будутъ избивать поповъ“. „Не велика бѣда, если больше не будутъ служить мессъ“. Случалось, что настоятели монастырей бывали вынуждены искать защиты у свѣтскаго начальства отъ народа, распѣвавшаго предъ ихъ дверями: „Не будетъ добра, если не перерѣзать поповъ“. Въ 1476 году дѣло чуть было не дошло до насилій. Въ деревнѣ Никласгаузенѣ, въ округѣ Таубергрундѣ, пастухъ Гансъ Бэмъ обличалъ съ дикимъ увлеченіемъ пороки духовенства, не щадя и самого папы. Народъ стекался къ нему со всѣхъ сторонъ отъ Гарца до Альпъ: говорятъ, что за одинъ день этотъ проповѣдникъ имѣлъ больше 70,000 слушателей. Въ одной изъ его пѣсенъ, которую носили съ собой его поклонники, было сказано слѣдующее: „Будемъ жаловаться на себя Богу небесному, зачѣмъ мы не убиваемъ поповъ“. 13 іюля должны были собраться около него много тысячъ вооруженныхъ людей, возбужденныхъ его обличеніями, но онъ не успѣлъ осуществить своей попытки къ основанію республики, свободной отъ поповъ, какъ былъ схваченъ и сожженъ на кострѣ. Снова послѣдовало горькое разочарованіе. Въ 1514 г. въ Вюртембергѣ вспыхнуло кровопролитное возстаніе, которое приобрѣло названіе „бѣднаго Кунца“. Оно было подавлено, но подъ пепломъ продолжали тлѣть искры, которыя готовы были разгорѣться въ страшный пожаръ. Церковь была совершенно неспособна привлечь обратно на свою сторону тѣхъ, которые отстали отъ нея, и удовлетворить тѣхъ, которые остались ей вѣрными въ душѣ. Даже наилучшія изъ тѣхъ средствъ, которыми она располагала, были непригодны для этой эпохи, разочаровавшейся въ средневѣковыхъ идеалахъ. Христіанство стояло на распутьи: ему предстояло либо вылиться въ новую форму, либо быть обреченнымъ на вѣрную гибель.

VII. Исторія германской колонизаціи
на востокъ до середины XVI столѣтія.

Соч. профессора доктора Рихарда Майра.

1. Войны между германцами и славянами до 1050 года (въ круглыхъ цифрахъ).

Первобытная родина германцевъ въ доисторическія времена была расположена между Эльбой и Вислой. Сосѣдами ихъ съ запада были кельты (см. карт. прил. къ стр. 154). Когда часть германцевъ, перекочевавшая на западъ, собиралась поселиться въ кельтскихъ земляхъ на лѣвомъ берегу Рейна, то Цезарь, а за нимъ и Августъ укрѣпили искусственно берега Рейна и Дуная, и эти рѣки получили значеніе естественныхъ границъ для варваровъ германцевъ, задержанныхъ въ своемъ движеніи на западъ. 300—400 лѣтъ спустя германцы прорвали окончательно римскую военную границу, которая и раньше подвергалась непрерывной опасности. Началась та эпоха, которую принято называть по преданію „переселеніемъ народовъ“. Въ то время, какъ восточные германцы съ отчаянной храбростью рвались впередъ при громкомъ шумѣ оружія, на границѣ между Средней и Восточной Европой совершалось безшумно и почти незамѣтно другое событіе не меньшей важности: занятіе покинутыхъ германцами областей славянскими племенами. Они проникли въ безлюдное пространство между Вислой и Эльбой, перешли черезъ эти рѣки и поселились на тюрингепско-франконской территоріи. Кромѣ того они завладѣли той частью современной Богеміи, которая была покинута откочевавшими оттуда маркоманнами, распространились по Судетской и Карпатской горнымъ областямъ, приобрѣли осѣдлость въ Панноніи и Норикѣ, заняли восточные склоны Альпъ, область между источниками рѣки Дравы и Адриатическимъ моремъ и значительную часть Балканскаго полуострова. Славянское переселеніе народовъ, слѣдовавшее по пятамъ за германскимъ, относится къ V—VII столѣтіямъ. Однако уже въ II столѣтіи угнетатели славянъ, непрерывно вытѣснявшіе ихъ авары, врѣзались клиномъ въ территорію, занятую славянами, и завладѣли берегами рѣкъ Тиссы и Дуная; это движеніе аваровъ вмѣстѣ съ слѣдовавшей за нимъ обратной волной германскаго движенія и позднѣйшимъ вытѣрпеніемъ мадьяръ въ славянскую территорію повели къ окончательному распаденію славянъ на двѣ группы, сѣверную и южную.

Занятіе славянами такихъ громадныхъ областей, раньше населенныхъ германцами, положило начало такимъ отношеніямъ между обѣими этническими семьями народовъ, которыя скрывали въ себѣ поводъ къ безконечнымъ войнамъ. Эти войны повели отчасти къ обратному завоеванію германцами своихъ прежнихъ областей, но не закончились вполнѣ еще и понынѣ, равно какъ и передвиженіе въ ту и другую сторону и столкновенія на границахъ между германцами и романскими народами Юго-Западной Европы, повторяющіяся уже въ теченіе полутора тысячи лѣтъ; какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ между германцами и сосѣдними съ ними народами идетъ борьба за территорію, за господство, за матеріальное и духовно-нравственное преобладаніе.

Історія германско-славянських культурних столкновень розгравляється на двох різних в географическомъ и историческомъ отношеніяхъ театрахъ дѣйствій: юго-восточномъ и сѣверо-восточномъ. Лінія, отдѣляющая ихъ другъ отъ друга, совпадаєть довольно точно съ границей между Богеміей и Моравіей. Событія, происходившія на юго-восточномъ театрѣ, положили начало австрійскому господству, а столкновенья в сѣверо-восточныхъ пограничныхъ областяхъ привели къ созданію Бранденбургско-Прусской монархіи. Нѣтъ никакого преувеличенія въ словахъ такихъ выдающихся политическихъ писателей, какъ Ранке, фонъ-Трейчке, Лампрехтъ, которые считаютъ германскія завоеванія на Востокъ и германскую колонизацію этихъ областей величайшимъ подвигомъ германцевъ въ теченіе среднихъ столѣтій ихъ исторіи, въ которой мрачныя страницы чередуются съ блестящими.

А. Войны на юго-западѣ и сѣверо-западѣ Европы приблизительно до 920 г.

Распространеніе, или, вѣрнѣе, обратный отливъ германцевъ на Востокъ за счетъ славянъ, началось уже въ VII и VIII столѣтіяхъ. Исходнымъ пунктомъ этого движенія послужила Баварія, герцогство Агиллофингеновъ, находившееся почти только въ номинальной зависимости отъ Франціи, Меровинговъ и каролингскихъ майордомовъ. Пользуясь упадкомъ Аварской державы, баварцы распространили свою сферу вліянія на славянъ карантановъ, родоначальниковъ современныхъ словенцевъ или виндовъ Внутренней Австріи (т. V, стр. 283). Въ то же самое время христіанство стало распространяться въ пограничныхъ областяхъ изъ баварскихъ епископствъ Зальцбургскаго, Регенсбургскаго и Пассаускаго. Вся область до рѣки Энса и Верхней Дравы была уже открыта для германской колонизаціи, но неожиданно въ судьбу этихъ областей вмѣшалась несравненно болѣе могущественная сила.

Послѣ паденія послѣдняго Агиллофингена, Таасило, Карль Великій вступилъ въ 791 г. въ борьбу съ аварами, которая закончилась въ 769 г. (805 г.) уничтоженіемъ Аварскаго государства. Какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, франкскій король основалъ маркграфства также и на средней части Дуная; вѣроятно, ихъ было два: Восточная Марка (область по правую сторону Дуная отъ рѣки Энса до Вѣнскаго Лѣса, простиравшаяся на югъ до рѣки Дравы) и Фріульскія Марка (область къ югу отъ рѣки Дравы со включеніемъ Истрии). Пассау и Зальцбургъ (въ 798 г. Зальцбургъ сталъ архіепископскою резиденціей) занимались ревностно обращеніемъ въ христіанство жителей прежнихъ провинцій, Норика, Реціи и Паноніи, по большей части не отказавшихся еще отъ своихъ языческихъ вѣрованій. Зальцбургъ и Аквилея пріобрѣли права метрополій по отношенію къ завоеваннымъ областямъ. Рука объ руку съ упорядоченіемъ государственной и церковной организаціи шли иммиграція и колонизація. Нижняя Австрія и Западная Венгрія, Штирія и Каринтія пріобрѣли основной слой своего германскаго населенія на рубежѣ IX столѣтія. Главный контингентъ колонистовъ состоялъ изъ баварцевъ и франконцевъ, селившихся мѣстами рядомъ съ кореннымъ славянскимъ населеніемъ и колонистами славянами (томъ V, стр. 391). Истребленіе мирныхъ и обратившихся въ христіанство славянъ не соответствовало духу каролингской правительственной системы; но славянскіе жители марокъ перѣдко попадали въ личную зависимость отъ германскихъ землевладѣльцевъ, такъ что уже въ 828 году слово „славининъ“ (sclavus) стало равнозначущимъ со словомъ „рабъ“ (Sclave) или „крѣпостной“. Однако эта зависимость не ложилась на населеніе тяжелымъ гнетомъ, такъ какъ земля раздавалась, по большей части, громадными участками духовнымъ корпораціямъ или свѣтскимъ магнатамъ, которые очень дорожили наличнымъ

рѣдкимъ населеніемъ. Такимъ образомъ земли германско-австрійскихъ альпійскихъ областей были разработаны впервые крупными землевладельцами; мелкіе землевладельцы приняли гораздо меньшее участіе въ колонизациі ихъ.

Подобно тому, какъ германизациа и обращеніе въ христіанство тѣхъ юго-восточныхъ пограничныхъ областей, въ которыхъ теперь господствуетъ нѣмецкій языкъ, стоитъ въ связи съ баварско-аварскими походами Карла Великаго, его войны съ саксами привели его къ вооруженнымъ столкновеніямъ съ эльбскими славянами на сѣверо-восточной границѣ. Нападенія Карла на Богемію занимаютъ промежуточное положеніе, такъ какъ его походы въ эту котловину направлялись какъ съ сѣверо-востока, такъ съ сѣверо-запада, пока, наконецъ, онъ не заставилъ ея платить дань, не открывши однако доступа въ нее не только германской колонизациі, но и христіанству (805—806 г.). Запутанные походы Карла противъ эльбскихъ славянъ принудили побѣжденные племена къ признанію надъ собою номинальнаго господства франковъ, но во всемъ прочемъ они сохранили свою независимость и все еще были настолько опасны, что этотъ великій организаторъ основалъ нѣсколько пограничныхъ графствъ (Тюрингенскую, Франконскую и Богемскую марки) и сплошную оборонительную линію съ укрѣпленными замками, тянувшуюся вдоль Эльбы, Заалы и Богемскаго Лѣса. По этой линіи были расположены также и пограничные рынки, въ которыхъ сосредоточивались мирныя сношенія съ славянами: Бардовикъ, Магдебургъ, Эрфуртъ. На сѣверѣ, въ области, въ которой сходились между собою владѣнія саксовъ, датчанъ и славянъ, граница имперіи была отодвинута за рѣку Эйцъ; тѣмъ не менѣе Карлъ Великій оставилъ во власти славянскаго союза аболритовъ (бодричей) Восточный Гольштейнъ или Вагрію, которую германцы XII столѣтія были вынуждены завоевать обратно цѣной тяжелаго кровопролитія.

Вскорѣ послѣ смерти франкскаго императора (въ 814 году) послѣдовало неизбежное распаденіе его искусственно слѣпленной имперіи, и изъ-подъ вліянія франковъ освободились всѣ южные славяне за исключеніемъ карантовъ, равно какъ и эльбскіе славяне. Возникли новыя славянскія государства, изъ числа которыхъ самымъ значительнымъ и наиболѣе враждебно настроеннымъ противъ нѣмцевъ было велико-моравское (томъ V, стр. 230). Въ Моравіи и Панноніи славяне обратились въ христіанство по собственному побужденію около 870 года, и нѣмцамъ не пришлось брать на себя насильственной роли крестныхъ отцовъ. Богемія и Моравія освободились отъ нѣмецкаго вліянія на цѣлое столѣтіе. Великоморавское государство стало уже распадаться подъ тяжелымъ натискомъ императора Арнульфа, когда надъ юго-восточно-германскими марками каролингской эпохи разразился ураганъ: мадьяры, принадлежавшіе къ угрофинской группѣ народовъ, ворвались въ бассейнъ Тиссы и Дуная и опустошили болѣе культурныя европейскія страны подобно своимъ предшественникамъ гуннамъ и аварамъ; мадьярамъ содѣйствовало то обстоятельство, что въ исходѣ X столѣтія этого періода грабежей, культурный уровень и силы сопротивленія Европы опустились весьма низко (т. V, стр. 373). Владычество германцевъ было отброшено обратно за рѣку Энесъ. Болѣе открытыя для нападенія части каролингскихъ марокъ были опустошены; остатки прежнихъ колонистовъ укрывались среди развалинъ въ горахъ и лѣсныхъ долинахъ, и въ теченіе двухъ поколѣній они жили въ вѣчномъ страхѣ. Населеніе Паннонской равнины, состоявшее по большей части изъ славянъ, пошло въ крѣпостную зависимость: словаки вынуждены были платить дань, одни только каранты (словенцы) сохранили свободу. Въ пограничной полосѣ шла непрерывная война, которая выдвинула на сцену новыя аристократическіе роды, самымъ важнымъ изъ которыхъ была новая баварская герцогская династія (стр. 124, примѣчаніе).

Б. Восточно-германская политика Оттоновъ.

Въ такомъ же положеніи находилась и Саксонія. Благодаря своей руководящей роли въ непрерывной пограничной войнѣ съ эльбскими славянами язычниками выдвинулся герцогскій родъ Лудольфингеновъ. Въ 919 году онъ занялъ германскій королевскій престолъ. Превратившись въ Саксонскую или Оттоновскую императорскую династію, онъ продолжалъ эту пограничную борьбу изъ вѣрности традиціи и политической необходимости. Начался второй періодъ побѣдоносныхъ войнъ съ эльбскими славянами. Генрихъ I обрушился прежде всего на гевелловъ (въ 928 году) во главѣ саксонскаго ополченія, преобразованнаго для войны съ мадьярами.

а) Положеніе славянства на Эльбѣ и Одерѣ.

Сѣверной границей славянскихъ народовъ бассейна Эльбы и Одера, давно уже вымершихъ, служили въ эту эпоху Галтійское море и владѣнія датчанъ; на западѣ они граничили съ саксами и тюрингенцами, на югѣ съ чехами и моравами; восточные сосѣди эльбскихъ славянъ распались на двѣ группы: 1. Балтійскихъ славянъ, область которыхъ простиралась отъ Балтійскаго моря приблизительно до 52° сѣверной широты (къ нимъ причисляются померанцы между Одеромъ и Вислой, занимавшіеся морскимъ разбоемъ раны на островѣ Рюгенѣ, бодричы (абодригы) въ нынѣшнемъ Мекленбургѣ, вагрии въ Старой маркѣ, Ганноверскомъ Вендландѣ до Люнебурга, лютичи (вильцы) между Балтійскимъ моремъ и Гавелемъ, къ которымъ относятся многочисленныя болѣе мелкія племена гевеллы, спреваны, редарин, толезаны и т. п.). 2. Сорбовъ, къ которымъ относятся лужичане, далеминцы, мильціаны и т. д. (срав. перечень славянскихъ племенъ у „Баварскаго географа“, томъ V, стр. 431).

Религія славянъ обнаруживаетъ ясные признаки родства съ первобытной индогерманской культурой (томъ V, стр. 438). Въ центрахъ языческаго богослуженія развились вліятельныя корпораціи жрецовъ, но онѣ не создали такихъ національныхъ союзовъ, какъ кельтскіе друиды (стр. 168). Чѣмъ сильнѣе были преслѣдованія, претерпѣваемыя славянско-языческой религіей отъ христіанъ, тѣмъ больше усиливалась власть жрецовъ. Идолопоклонники возстановляли немедленно свои разрушенныя храмы; религіозная ненависть воспламенила также и національную вражду: вендскіе жрецы оставались до XII столѣтія главными руководителями побѣдоносной борьбы славянъ противъ нѣмцевъ за свою языческую вѣру и національность. Самымъ почитаемымъ святилищемъ славянъ былъ храмъ Радигоста (Радегаста), находившійся въ Ретрѣ (по всей вѣроятности, на берегахъ озера Толлензе въ Мекленбургѣ). Дольше всего, до 1168 г., славянскій языческій культъ удержался на островѣ Рюгенѣ, въ Арконѣ, гдѣ находился храмъ четырехглаваго Свантевита, окруженный высокимъ валомъ.

Экономическія и социальныя отношенія славянъ покоились на задругѣ (т. V, стр. 276) съ характернымъ для нея семейнымъ коммунизмомъ и ея большакомъ, пользовавшимся неограниченною властью. Когда эта большая семья становилась слишкомъ многочисленною, то самое младшее поколѣніе, обыкновенно правнуки, отдѣлялось и поселялось въ возможно близкомъ сосѣдствѣ; такъ возникали новыя деревни. Славянскія деревни выстраиваются, по большей части, вокругъ круглой площади, снаружи онѣ тоже обведены круглой изгородью. Кромѣ этихъ круглыхъ деревень, попадаются также деревни, вытянувшіяся вдоль улицы: передняя сторона домовъ обращена къ улицѣ, а за ними тянутся сады и поля; возможно однако, что эта послѣдняя форма поселеній была запесена въ славянскія земли нѣмецкими колонистами.

Славянская культура основывалась исключительно на земледѣліи. Однако состояніе сельскаго хозяйства къ востоку отъ Эльбы стояло неизмѣримо ниже германской трехпольной системы, практиковавшейся со времени Каролинговъ въ господскихъ имѣніяхъ и на крестьянскихъ земляхъ. Вполнѣ основательно было сказано, что побѣда нѣмцевъ надъ славянами, жившими по рѣкамъ Эльбѣ и Одери, была побѣдой нѣмецкаго плуга съ отваломъ надъ славянской сохой, царапавшей только самый поверхностный слой легкихъ почвъ и окончательно непригодной для тяжелыхъ почвъ. Несмотря на преимущественно земледѣльческій характеръ славянской культуры, существовала также, по крайней мѣрѣ, въ наиболѣе подвижныхъ вперёдъ областяхъ, деревенская промышленность, сосредоточившаяся въ особыхъ деревняхъ. Такъ, на примѣръ, существовали цѣлыя деревни, населенныя рыболовами, столярами, колесниками, мыловарами, людьми, изготовлявшими мельничные жернова и т. д. На морскомъ берегу образовались даже поселенія городского типа: существовала уже сухопутная торговля, шедшая, съ одной стороны, на Востокъ, черезъ Кіевъ, а съ другой — въ Западную Европу черезъ нѣмецкіе пограничные рынки. Кромѣ того славяне принимали также участіе въ морской торговлѣ и въ морскомъ грабежѣ на Балтійскомъ морѣ, при чемъ они страдали, безъ сомнѣнія, отъ конкуренціи скандинавскихъ морскихъ купцовъ и пиратовъ. Еще до начала нѣмецкой колонизаціи на Балтійскомъ морѣ существовали города, принимавшіе участіе въ торговлѣ: абодритскіе города Старгардъ и Буку или Старый Любекъ (Любича) на лѣвомъ берегу рѣки Травы, Волинъ у устья рѣки Одера (вѣроятно, это тотъ же самый городъ, который извѣстенъ подъ названіемъ древняго Юлина, который называется въ сагахъ Венетой, а у викинговъ Юмбургомъ), затѣмъ Штеттинъ, Кольбергъ, Данцигъ и др. Во всѣхъ этихъ славянскихъ земляхъ нѣкоторые роды наследственныхъ старостъ возвысились настолько, что захватили въ свои руки „герцогскую власть“. На ряду съ непрерывно убывающимъ сословіемъ вольныхъ землепашцевъ, появляется многочисленное крѣпостное сословіе, подчиненное князьямъ и аристократическимъ родамъ.

б) Появленіе нѣмецкой народности на берегахъ Балтійскаго моря (отъ 928 до 1044 г.).

Въ 928 г. Генрихъ I напалъ на гевелловъ и взялъ ихъ главную крѣпость Бреннабургъ (Бранденбургъ), расположившись лагеремъ на льду рѣки Гавеля. „Отъ льда, желѣза и голода палъ Бреннабургъ“, говоритъ нѣмецкая поговорка. Въ теченіе того же года король взялъ штурмомъ крѣпость далеминцевъ Гану (Яну) и основалъ во вновь завоеванной области крѣпость Мейссенъ. Побѣжденных постигла обыкновенная въ такихъ случаяхъ участь: имущество ихъ было отдано на разграбленіе; всѣ мужчины, способные носить оружіе, были перебиты, а все остальное населеніе было продано въ рабство. Когда (въ 929—929 г.) Генрихъ вторгся въ Богемію (Чехію), которая уже была объединена подъ властью герцоговъ изъ дома Шемсловичей лѣтъ за 30 передъ тѣмъ, то Венцель I (Вацлавъ), который впоследствии былъ признанъ мученикомъ и святымъ патрономъ Чехіи, не оказалъ ему никакого сопротивленія, а выпросилъ обратно свои владѣнія у нѣмецкаго короля съ обязательствомъ платить дань (т. V, стр. 235). Хотя Богемія неоднократно освобождалась отъ верховной власти нѣмецкихъ королей, тѣмъ не менѣе въ общемъ эти ленныя отношенія удержались, такъ что герцогство, владѣніишнее королевство, Богемское всегда входило въ составъ Священной Римской имперіи и даже принадлежало къ Германскому союзу до самаго конца его существованія. Такъ какъ рецарин, абодриты, вильцы и лютичи тоже были покорены, то первый король изъ Саксонскаго дома объединилъ подъ своею властью всѣ земли по обоимъ берегамъ Эльбы до рѣки Одера.

„На всемъ пространствѣ между Одеромъ и Эльбой нѣмецкая жизнь процвѣтаетъ уже много сотъ лѣтъ, говоритъ В. фонъ-Гизебрехтъ въ своей исторіи эпохи германскихъ императоровъ: „но не слѣдуетъ забывать, что эта жизнь развилась на такой почвѣ, каждая пядь которой полита нѣмецкой кровью. Желѣзной можно назвать ту эпоху, когда германскіе обычаи, нѣмецкій языкъ, а вмѣстѣ съ ними и христіанство водворились въ этихъ областяхъ. На вендовъ обрушилась тяжелая, какъ желѣзо, рука саксонцевъ, которая раздавила ихъ наконецъ. Кто станетъ обвинять ихъ въ томъ, что такое тяжелое иго вызвало среди нихъ возмущенія, что они неоднократно поднимали возстанія противъ своихъ угнетателей и бросались въ бой со смѣлостью отчаянія?“

Войны съ его братьями, наполнявшія первые годы царствованія Оттона I, тоже сопровождалась столкновениями съ вендами. Преемникъ Генриха I передалъ пограничную область по рѣкѣ Заалѣ и Средней Эльбѣ маркграфу Геро, а область по Нижней Эльбѣ герцогу марки Германну Биллунгу. Геро велъ войну противъ славянъ съ безпощадной энергіей и не останавливаясь ни предъ какими средствами. Въ 939 году онъ получилъ извѣстіе, что венды задумываютъ внезапное нападеніе на него; онъ пригласилъ къ себѣ 30 вендскихъ начальниковъ, напоилъ ихъ виномъ и перебилъ ихъ въ пьяномъ видѣ. Такимъ образомъ онъ усмирилъ окончательно славянъ, жившихъ по эту сторону рѣки Гавеля, въ то время какъ Германъ привелъ къ покорности балтійскихъ славянъ; однако оба они были обязаны своими успѣхами поддержкѣ, оказанной имъ королемъ, такъ какъ вендскія войны саксонской эпохи, вообще, имѣли характеръ государственныхъ предпріятій. 50 и 60 годы X столѣтія были заполнены непрерывными возстаніями вендовъ. Послѣ смерти Геро (въ 966 году) король раздѣлилъ его владѣнія на пять марокъ, изъ которыхъ возникли мало-помалу Сѣверная или Старая марка, Лужицкая или Саксонская Восточная марка и Тюрингенская марка (маркграфство Мейссенское). Извѣстіе о томъ, будто Оттонъ велъ также войны съ датчанами, соперничавшими съ нѣмцами за господство надъ берегами Нѣмецкаго и Балтійскаго морей, и обезпечилъ такимъ образомъ отъ ихъ нападѣній основанную его отцомъ въ 934 году и населенную нѣмцами марку, расположенную между рѣками Эйдеромъ и Шлей (позднѣйшую Шлезвигскую марку), относится къ области легенды.

Въ продолженіе всей этой эпохи болотистыя и лѣсныя мѣстности, населенныя вендами, посѣщались нѣмецкими купцами и миссіонерами, этими всемірными пионерами военнаго и государственнаго господства; нѣмецкіе миссіонеры проникли даже въ Скандинавію, упорно отстаивавшую свою языческую религію. Однако настоящую опору для распространенія христіанства въ пограничныхъ областяхъ составили только церковныя учрежденія оттоновской эпохи. Въ 831 году въ Гамбургѣ была основана епископская кафедра, которая превратилась въ 834 г. въ архіепископскую и которую занималъ св. Ансгаръ, прозванный „апостоломъ Сѣвера“; въ 847 г. это епископство было соединено съ Бременскимъ, и оно сохранило значеніе исходнаго пункта для сѣверной миссіи при позднѣйшихъ короляхъ изъ Саксонскаго дома. Оттонъ I подчинилъ бременскому митрополиту основаннаго въ 948 г. епископства Шлезвигское, Риненское и Ааргуаское. Въ это же время были основаны королемъ также и первыя епископства на земляхъ, населенныхъ вендами, Гавельбергское (въ 946 г.) и Бранденбургское (въ 949 г.), въ пользу которыхъ покоренные славяне были обложены налогами и десятиной. Къ нимъ присоединилось еще епископство Ольденбургское въ Вагріи (въ Восточномъ Гольштейнѣ; у вендовъ Ольденбургъ назывался Старгардомъ). Въ 968 году Оттону удалось осуществить одну изъ своихъ любимыхъ идей: Магдебургъ былъ превращенъ въ независимое отъ Майнцской кафедры архіепископство, которому были подчинены въ качествѣ викарныхъ епископствъ Гавельбергская, Бранденбургская, Мейссенская, Мерзенбургская и Цейцкая кафедры.

Послѣ того, какъ Оттонъ II былъ разбитъ сарацинами въ Апуліи (15 іюля 982 г., см. стр. 105), датчане и славяне снова поднялись противъ нѣмцевъ (въ 983 г.), и все добытые тяжелымъ трудомъ результаты пятидесятилѣтней политики погибли внезапно, какъ бы отъ удара разъярившихся стихій. Гавельбергъ и Бранденбургъ были разрушены, Гамбургъ сталъ жертвой пламени; венды стали опять поклоняться своимъ богамъ Геровиту и Триглаву въ мѣстахъ, издавна посвященныхъ этимъ божествамъ. Они перестали платить налогъ въ пользу духовенства и десятину. Германское вліяніе исчезло окончательно на всемъ пространствѣ между Эльбой и Одеромъ, такъ какъ тогда еще не былъ найденъ единственный способъ германизации, ведущій къ цѣли. Нѣмцы укрылись въ крѣпостяхъ, воздвигнутыхъ еще славянами или вновь устроенныхъ ими самими. Германскіе укрѣпленные замки заняли мѣсто славянскихъ, носившихъ названіе жупъ (т. V, стр. 277). Только подъ защитой укрѣпленій рѣшались нѣмцы приступать кое-гдѣ къ обработкѣ земли. Подобная колонизация не могла пустить глубокихъ корней въ песчаную почву восточнаго берега Эльбы.

Во время регентства Теофано были предприняты нѣсколько походовъ противъ вендовъ (отъ 986 до 990 г.), но при Адельгейдѣ (991 до 996 г.) уже удавалось съ трудомъ защитить собственныя границы имперіи. Императоръ Оттонъ III, который отсталъ отъ своей собственной національности и жилъ исключительно мечтой о всемірной монархіи, способствовалъ самъ паденію нѣмецкаго вліянія на востокъ. Въ это время wpłyваетъ изъ глубокаго сказочнаго мрака герцогство Польское; при герцогахъ Мисако (Мѣшко) и Болеславѣ Храбромъ (т. V, стр. 466) въ эту страну проникло христіанство. Это случилось приблизительно въ одно время съ обращеніемъ въ христіанство Венгріи и Россіи; въ XI столѣтіи этому примѣру послѣдовали Данія, Норвегія и Швеція, даже Исландія и Гренландія. Преклоняясь отъ всей души предъ чехомъ Адальбертомъ, своимъ личнымъ другомъ, погибшимъ въ 997 г. мученической смертью отъ руки язычниковъ пруссовъ, Оттонъ III отправился въ 1000 году въ городъ Гітцно, въ которомъ было похоронено тѣло этого св. мученика, трупъ котораго былъ выкупленъ Болеславомъ на вѣсь золота. По желанію герцога Болеслава и съ согласія императора для Польши было основано свое собственное архіепископство Гітценское; подъ властью новаго митрополита должны были состоять семь епископовъ суффрагановъ, въ томъ числѣ епископы: краковскій, бреславскій, кольбергскій, въ ущербъ магдебургской митрополитской кафедрѣ, которой Польша была подчинена до того времени. Одинъ только епископъ познанскій протестовалъ противъ этой новой организациі польской церкви, но пока въ его власти осталось одно только Магдебургское епископство. Въ томъ же богатомъ религіозными волненіями 1000 году Венгрія тоже отделилась навсегда отъ германской церкви послѣ того, какъ Стефанъ I (т. V, стр. 374) назначилъ городъ Гранъ резиденціей епископа примаса всего королевства.

Съ этихъ поръ Польша и Венгрія жили самостоятельной церковной и государственной жизнью; но нѣмцы тѣмъ не менѣе не переставали служить посредниками въ дѣлѣ распространенія между ихъ восточными соседями какъ ихъ собственной, такъ и, вообще, западно-европейской культуры. Хотя государства Пьястовъ и Арпадовъ боролись противъ верховнаго господства нѣмцевъ и признали его только подъ непосредственнымъ давленіемъ вооруженной силы, все же наступила такая эпоха, когда германская эмиграція уже не просачивалась въ обѣ эти страны тонкими струйками, а покатилась туда громаднымъ потокомъ. Съ этихъ поръ сельское хозяйство, горнодѣліе, промышленность, торговая и городская жизнь Польши и Венгріи пріобрѣли германскій отпечатокъ (т. V, стр. 397 и 476).

Волге прочными, чѣмъ въ вендскихъ пограничныхъ областяхъ, оказались усѣхи Оттоновъ въ юго-восточныхъ маркахъ, разрушенныхъ въ началѣ X столѣтія мадьярами, но возстановленныхъ послѣ побѣды при

Лехфельдъ въ 955 г. Государя снова раздали землю громадными участками свѣтскимъ магнатамъ, церквамъ и монастырямъ. Снова началась верхне-германская, особенно баварская эмиграція. Вмѣстѣ съ Бабенбергской Восточной маркой, граница которой отодвинулась окончательно до рѣки Лейты со времени венгерскихъ войнъ, Карантанская или Штирійская марка тоже отдѣлилась мало-по-малу отъ Баварскаго герцогства. Благодаря необыкновенной самостоятельности этихъ юго-восточныхъ пограничныхъ областей и ихъ владѣтельныхъ князей, тамъ могли развиваться въ послѣдствіи болѣе крупныя, независимыя автономныя области.

2. Планомѣрная колонизація въ теченіе XII столѣтія.

Въ эпоху господства Салійской династіи имперская политика удѣляла мало вниманія приэльбскимъ славянскимъ областямъ. По выраженію Карла Лампрехта, она заботилась только о томъ, чтобы между борющимися новыми государствами, возникавшими въ славянскихъ земляхъ, поддерживалось известное равновѣсіе и чтобы они не могли угрожать опасностью господствующему положенію нѣмцевъ въ Средней Европѣ. Колонизація и миссіонерская дѣятельность замерли. Продолжать эту дѣятельность, заброшенную государствомъ, должны были бы теперь мѣстные владѣтельные князья и епископы. Однако даже саксонскіе герцоги изъ дома Биллунговъ ограничивались тѣмъ, что собирали дань съ славянъ; они не заботились ни о колонизаціи, ни объ обращеніи въ христіанство славянскихъ земель. На короткое время миссіонерская дѣятельность между славянами была возобновлена архіепископствомъ Бременскимъ, въ особенности архіепископомъ Адальбертомъ, отличавшимся своими возвышенными стремленіями (сконч. въ 1072 г.), къ епархіи котораго принадлежалъ весь сѣверъ Европы. Онъ же привлекъ, повидимому впервые, колонистовъ изъ Нидерландовъ для обработки побережья рѣки Везера, покрытаго торфяными болотами. Въ 1046 г. съ Адальбертомъ вступилъ въ союзъ обратившійся въ христіанство по собственному побужденію князь абодритовъ Готшалкъ. Вскорѣ послѣ этого христіанство одѣлало такіе большіе успѣхи между вендами, что оказалось возможнымъ основать епископства Мекленбургское и Рацебургское. Черезъ нѣсколько лѣтъ началась снова реакція. Лютичи напали на абодритовъ, и эти послѣдніе вернулись снова къ своей языческой вѣрѣ и признали надъ собою власть языческаго князя Круто, послѣ того какъ Готшалкъ былъ убитъ (1066 г.), а епископъ Іоаннъ Рацебургскій былъ принесенъ въ жертву Богу Радигосту.

Рѣшительный поворотъ наступилъ только послѣ вступленія на престолъ нѣмецкихъ королей саксонскаго герцога Лотаря Суплинбургскаго (30 августа 1125 г.). Приэльбскіе славяне стали снова данниками нѣмцевъ; храмъ Радигоста въ Ретрѣ былъ разрушенъ, и даже польскій герцогъ Болеславъ III призналъ Померанію и Рюгенъ имперскими ленами. Въ Помераніи христіанство пустило корни уже въ 1124 г.; благочестивый бамбергскій нѣмецкій епископъ Оттонъ былъ апостоломъ этой языческой земли (т. V, стр. 469). „Подвигъ Оттона“, говоритъ Вильгельмъ фонъ Гизебрехтъ: „послужилъ сигналомъ къ новому распространенію нѣмецкой національности на сѣверо-востокъ и къ окончательному упроченію ея въ этой области. Нѣмецкіе обычаи и нѣмецкій языкъ двинулись мощно на ту сторону Эльбы и распространялись непрерывно по широкимъ равнинамъ вдоль рѣкъ и побережья Балтійскаго моря. Въ настоящее время эти области пронитаны насквозь нѣмецкимъ духомъ и служатъ опорой германскому могуществу“.

А. Три великихъ колонизатора.

Наступила такая эпоха, когда германская нація почувствовала въ себѣ тотъ избытокъ силъ, который былъ необходимъ для завоеванія и колони-

заціи; время создало и руководителей, необходимыхъ для всякаго великаго движенія, героевъ распространенія германскаго вліянія по ту сторону рѣки Эльбы: Альбрехта Медвѣдя изъ рода Асканіевъ (отъ 1134 до 1170 года), Адольфа II Гольштейнскаго изъ рода Шауэнбурговъ (отъ 1128 до 1164 года) и Генриха Льва (отъ 1142 до 1180 года), бывшаго герцогомъ Саксонскимъ (сконч. въ 1195 году).

а) Внѣшнія событія (отъ 1134 до 1180 г.).

Въ 1134 году Саксонскую Сѣверную марку получили въ ленное владѣніе Альбрехтъ, сынъ Отто Богатаго Балленштедта изъ рода Асканіевъ; эта область обладала въ то время нѣкоторымъ населеніемъ только на западѣ, все остальное пространство представляло собой безлюдную пустыню, покрытую болотами. Съ этимъ имперскимъ леномъ не было соединено никакихъ фактическихъ владѣній въ земляхъ вендовъ къ востоку отъ Эльбы, а соединялись только формальныя права, основанныя на историческомъ преданіи. Тѣмъ не менѣе Альбрехтъ завоевалъ за короткое время Пригницъ вмѣстѣ съ областью Наухомъ, возстановилъ Гавельбергскую епископскую кафедру (въ 1136 году) и заключилъ договоръ о наследованіи съ Прибиславомъ Бранденбургскимъ, такъ что ему дѣйствительно достался въ 1150 году всѣ владѣнія этого послѣдняго (позднѣйшая Средняя марка). Между тѣмъ, было возстановлено также епископство Бранденбургское. Наконецъ, могли водвориться снова въ своихъ епархіяхъ номинальные епископы марокъ, въ теченіе цѣлыхъ полутора вѣковъ не имѣвшіе постоянной резиденціи. По примѣру архіепископа магдебургскаго Вихмана (отъ 1152 до 1192 года), Альбрехтъ поставилъ съ этихъ поръ своей главной задачей колонизацію приэльбскихъ славянскихъ земель. То, что было захвачено мечемъ, было завоевано во второй разъ, и притомъ болѣе основательно, посредствомъ плуга. „Мечъ, крестъ и плугъ общими силами завоевали для Германіи все пространство, лежащее вправо отъ Эльбы“, говоритъ Рапке.

Однако тотъ ходъ колонизаціи, который сталъ характернымъ для всѣхъ германскихъ областей праваго берега Эльбы, получилъ начало не въ Бранденбургѣ, а дальше къ сѣверу, въ Вагріи. Графъ Гольштейнскій Адольфъ II изъ дома Шауэнбурговъ истребилъ въ безпощадной войнѣ почти окончательно все языческое славянское населеніе этой маленькой области. Тогда онъ разослалъ гонцовъ въ низовья Рейна къ фламандцамъ и голландцамъ: „Кому нужна земля, пусть придетъ; онъ получитъ вдоволь пахотной и пастбищной земли, скота и сѣстныхъ припасовъ“. Вскорѣ стали прибывать колонисты, селившіеся маленькими деревушками. Адольфъ II основалъ даже городъ: по сосѣдству съ разрушеннымъ въ 1138 году Буку (стр. 317) возникъ въ 1143 году новый городъ Любекъ, которому суждено было достигнуть господства надъ Балтійскимъ моремъ, того *Dominium maris Baltici*, который впоследствии сталъ предметомъ ожесточенной борьбы, добиться и даже коммерческаго преобладанія надъ всею Сѣверной Европой.

Лѣтъ 15 спустя началась нѣмецкая колонизація Бранденбурга. Со времени вендскаго возстанія 1157 года нѣмецкіе владѣтельные князья уже повидимому больше не признавали правъ собственности славянскаго населенія. Маркграфъ раздавалъ тѣ земли, которыхъ онъ не оставлялъ за собой, частью благороднымъ господамъ, которые по большей части были родомъ изъ Старой марки и которые оказали ему помощь при завоеваніи этой области, частью епископствамъ, церквямъ и монастырямъ, частью своимъ министеріаламъ (чиновникамъ) и рыцарямъ; часть земель была оставлена во владѣніи знатныхъ вендовъ, изъявившихъ покорность и впоследствии слившихся съ баронами, переселившимися изъ Германіи. Инициатива въ дѣлѣ привлеченія въ эту область колонистовъ изъ Сѣверо-Западной Германіи принадлежала, повидимому, церкви, епископу гавель-

бергскому Ансельму и ордену премонстратовъ (стр. 225), переселившемуся въ марку изъ сосѣдняго Магдебурга, въ которомъ основатель этого ордена, св. Норбертъ, занялъ архіепископскую кафедру въ 1126 году (и сконч. въ 1134 г.). Пользовавшійся любовью въ народѣ цистерціанскій орденъ тоже пріобрѣлъ заслуги въ дѣлѣ колонизаціи и германизаціи Сѣверо-Восточной Германіи (стр. 223). Дѣло, начатое Альбрехтомъ Медвѣдемъ, продолжалось его преемниками въ позже пріобрѣтенныхъ (въ 1260 г.) частяхъ Бранденбурга въ Укерской и Новой маркахъ, въ Лебусѣ и Штернбергѣ.

Третьимъ изъ владѣтельныхъ князей колонизаторовъ XII вѣка былъ самый могущественный изъ нихъ герцогъ Саксонскій и Баварскій Генрихъ Левъ (стр. 122). Сначала онъ довольствовался данью, взимаемой съ вендскихъ князей, между прочимъ, абодритскаго князя Никлота. Чисто мѣстные фискальные интересы толкали этого вельфа къ наступательной политикѣ противъ приэльбскихъ славянъ. Послѣ основанія Любека Адольфомъ II понизились таможенные доходы съ Бардовика, главнаго торговаго пункта на Нижней Эльбѣ во владѣніяхъ Льва; въ виду этого герцогъ попросту отобралъ новый городъ у графа изъ дома Шауэнбурговъ на основаніи права сильнаго (въ 1157—1158 гг.). Это событіе послужило на пользу жителямъ Любека: Генрихъ Левъ одарилъ щедрыми привилегіями свой новый весьма доходный пунктъ для таможенныхъ пошлинъ. Чтобы обезпечить навсегда Любекъ отъ славянскихъ морскихъ разбойниковъ, которые были для него тяжелымъ бичемъ, Генрихъ напалъ на абодритскаго князя и присоединилъ къ своему герцогству владѣнія этого бывшего своего данника.

По примѣру Альбрехта Медвѣдя онъ раздѣлилъ вновь завоеванную область между своими знатными соратниками, своими рыцарями и дружинниками, епископами и монастырями. Епископы, занявшіе три новыя кафедры: Любекскую, Рацебургскую и Мекленбургъ-Шверинскую, получили свои епископства изъ его собственныхъ рукъ, а не изъ рукъ императора, какъ Бранденбургскіе епископы. Кромѣ области абодритовъ, вывѣшняго Мекленбурга, Генрихъ Левъ подчинилъ своей верховной власти также и Померанію, не устраняя однако тѣхъ князей, которые уже обратились въ христіанство. Въ то же время датчане овладѣли послѣднимъ убѣжищемъ славянскихъ пиратовъ и славянскаго языческаго культа, Рюеномъ. Лѣтомъ 1161 г. король Вольдемаръ I и епископъ роскильдскій Абсалонъ завладѣли сильно укрѣпленной Арконой. Глубокое впечатлѣніе произвелъ на побѣжденныхъ поступокъ датчанъ, разбившихъ четырехголоваго идола Свантевита и бросившихъ его остатки на свои лагерные костры. Только посредствомъ тайныхъ интригъ Генриху Льву удалось склонить датчанъ къ тому, чтобы они уступили ему половину сокровищъ арконскаго храма и половину дани, получаемой ими съ острова Рюгена.

б) Главныя формы колонизаціи.

Колонизація низменности по правому берегу Эльбы обнаруживаетъ нѣкоторыя черты, съ которыми мы сталкиваемся снова въ германской колонизаціи Силезіи и Пруссіи, даже Богеміи и Венгріи. Маркграфъ, монастырь, баронъ или, вообще, всякій, кто владѣлъ большимъ участкомъ земли, привлекалъ колонистовъ, саксонцевъ, жителей прирейнскихъ областей, фламандцевъ, нидерландцевъ; иногда попадались переселенцы изъ Средней и Верхней Германіи. Предприниматель, носившій имя локатора, распределялъ отмежеванный ему участокъ земли между переселенцами, прибывшими вмѣстѣ съ нимъ и образовавшими новую деревенскую общину; иногда между пришельцами дѣлились земли, принадлежавшія славянской деревенской общинѣ (деревенская марка), прежнее населеніе которой предварительно изгонялось. Дома въ новыхъ селеніяхъ располагались въ одну вытянутую линію или въ два ряда съ улицей посрединѣ (стр. 317);

земля, принадлежащая каждому дому, тянулась сплошной полосой до лѣса или болота. Обыкновенный размѣръ земельного участка каждаго крестьянскаго двора, гуфы, не превышалъ 30 моргеновъ (15 гектаровъ). Въ теченіе XII вѣка нѣмецкіе колонисты побережья рѣкъ Эльбы и Одера завладѣли всей полевой землей и основали безчисленное множество деревень, а XIII вѣкъ былъ по преимуществу періодомъ основанія городовъ.

Германизація завершилась и пріобрѣла все свое значеніе только послѣ основанія нѣмецкихъ городовъ, надѣленныхъ нѣмецкимъ, по большей части Магдебургскимъ, правомъ. Основаніе городовъ тоже носило по большей части одинъ опредѣленный характеръ съ непрерывнымъ совершенствованіемъ технической стороны. Во главѣ предпріятія, совершавшагося по инициативѣ духовныхъ или свѣтскихъ князей, стоитъ одинъ или нѣсколько локаторовъ. На подходящемъ, иногда уже населенномъ мѣстѣ отмежевывается большая четырехъугольная ровная базарная площадь, обыкновенно носящая названіе кольца (Ring). Затѣмъ намѣчается, прежде всего, участокъ подъ постройку ратуши и купеческаго дома, а послѣ этого отмежевываются вдоль базарной площади участки для поселенцевъ; этимъ участкамъ даются весьма незначительные размѣры какъ вдоль улицы, такъ и въ глубь двора, для того, чтобы какъ можно больше людей могло быть надѣлено землей на этомъ привилегированномъ мѣстѣ, вокругъ базарной площади. Кромѣ того, проводится нѣсколько параллельныхъ и подъѣздныхъ улицъ, и весь городъ окружается крѣпкой круглой стѣной. При благоприятныхъ условіяхъ возникаютъ предмѣстья, кромѣ того, пригородные поселки, которые иногда сливаются со старымъ городомъ. Локаторъ становится фохтомъ, надѣленнымъ всякаго рода привилегіями, и управляетъ городомъ; по истеченіи условленнаго льготнаго періода городъ начинаетъ платить налогъ въ пользу землевладѣльца, на землѣ котораго онъ выстроенъ, или мѣстнаго владѣтельнаго князя; налогъ этотъ распределяется на каждый домъ въ отдѣльности и становится все менѣе обременительнымъ по мѣрѣ роста денежнаго хозяйства. Вездѣ, гдѣ только вводится нѣмецкое городское право, развитіе городской жизни ведетъ неуклонно къ достиженію полной автономіи. Судебныя дѣла рѣшаются фохтомъ совмѣстно съ шеффенами; городское самоуправленіе переходитъ въ руки городского совѣта. Наконецъ община беретъ въ свои собственные руки обязанности фохта. Теперь послѣ полнаго освобожденія городской общины начинается обычная борьба между купеческой аристократіей и ремесленными цехами за допущеніе послѣднихъ къ участию въ городскомъ совѣтѣ и въ городскомъ управленіи. Эту ступень развитія проходили также всѣ города метрополи; города колоній обнаруживаютъ тотъ же ходъ развитія только въ болѣе сокращенномъ видѣ.

На ряду съ развитіемъ земледѣльческаго деревенскаго населенія и торговопромышленнаго городского идетъ третій видъ колонизаціи, горнопромышленный. Со времени открытія Фрейбергскихъ серебряныхъ рудниковъ, въ Саксонскія Рудныя горы, которыя оставались еще полуславянскими по характеру своего населенія, потянулись не только нѣмецкіе рудокопы (первобытнымъ исходнымъ пунктомъ германской горной промышленности былъ, повидимому, Гарцъ), но и другіе колонисты. Они завершили германизацію нынѣшняго Саксонскаго королевства. Въ горныхъ округахъ зародилось свое самобытное, способное къ распространенію право и черезъ короткое время въ моравскомъ округѣ Иглау и въ богемскомъ округѣ Куттенбергъ выросли такіе же центры горной промышленности, какъ и въ саксонскомъ Фрейбергскомъ округѣ.

Б. Развитіе германской народности въ Силезіи.

Въ Силезіи мы сталкиваемся снова со всѣми учрежденіями, возникшими на древне-славянской почвѣ; германская національность открыла

себѣ доступъ въ эту область позже, чѣмъ въ Бранденбургѣ. Дорогу положили ей владѣтельные князья и высшіе представители церкви.

Въ Польшѣ, къ которой Силезія причислялась вплоть до XIII столѣтія, христіанство утвердилось уже въ X столѣтіи. Польская церковь навсегда сохранила слѣды своего германскаго происхожденія. Дѣлались инстинктивныя попытки противодѣйствія преобладающему германскому вліянію посредствомъ приглашенія духовныхъ лицъ изъ Франціи. Тѣмъ не менѣе общія условія, господствовавшія въ XII столѣтіи, привели къ тому, что не только церковь, но еще въ большей степени сами герцоги содѣйствовали распространенію германской національности по всей Польшѣ и даже окончательной германизации большей части Силезіи. Герцоги обладали почти неограниченной властью и громадными земельными владѣніями. Церковь и входившее въ силу дворянство тоже получили свою долю тѣхъ привилегій, какими пользовался владѣтельный князь. Въ результатѣ оказалось, что первобытное сословіе свободныхъ крестьянъ непрерывно сокращалось, и его мѣсто заступила неопредѣленная масса обложенныхъ оброкомъ, обремененныхъ барщиной, прикрѣпленныхъ къ землѣ сельскихъ жителей. Не существовало также никакихъ городскихъ вольностей, хотя удается обнаружить слѣды древне-польскаго городского устройства, сходнаго съ древне-русскимъ.

Послѣ смерти Болеслава III (сконч. въ 1138 году; т. V, стр. 470) Польша распалась на удѣльныя княжества, и Силезія тоже добилась нѣкоторой степени независимости. Сосѣдство Германіи, связи, существовавшія между господствовавшей династіей и германскими владѣтельными родами, вліяніе нѣмецкихъ женъ и матерей силезскихъ герцоговъ и принцевъ, воспитывавшихся въ Германіи, содѣйствовали уже въ XII столѣтіи проникновенію нѣмцевъ въ области по среднему теченію рѣки Одера. Совершенно такъ же, какъ въ Помераніи и Мекленбургѣ, это распространеніе германской національности подвигалось впередъ благодаря покровительству владѣтельныхъ князей славянскаго происхожденія безъ кровопролитій, безъ изгнанія и истребленія прежняго негерманскаго населенія въ противоположность тому, что происходило въ Вагріи, Бранденбургѣ и Пруссіи. Въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ колонисты не пользовались покровительствомъ сверху, а польская національность имѣла твердую опору, какъ, на примѣръ, въ Верхней Силезіи, тамъ сохранилась славянская народность. Что касается всей остальной Польши, въ которой германская народность усиливалась непрерывно съ неменьшимъ успѣхомъ, чѣмъ въ Силезіи, то здѣсь наступила вскорѣ непреодолимая националистическая реакція.

Начало земледѣльческой колонизации Силезіи германскими колонистами было положено приглашенными герцогомъ Болеславомъ Длиннымъ (по Лейбусу въ 1175 г.) нѣмецкими монахами цистерціанскаго ордена, къ которымъ присоединились вскорѣ монахи премонстрантскаго и августинскаго орденовъ. Нѣмцы селились здѣсь во вновь основанныхъ или старыхъ, но заброшенныхъ деревняхъ и находили здѣсь такія же благоприятныя условія, какъ и въ Бранденбургѣ. Поселки такихъ оброчныхъ крестьянъ, окруженные болотами и дѣвственными лѣсами, составляли бросающійся въ глаза контрастъ съ пищенскими деревнями поработченнаго, нетрудоспособнаго и лѣниваго польскаго сельскаго населенія. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что владѣтельные князья, епископы и землевладѣльцы Великой и Малой Польши тоже стали устраивать деревни съ „нѣмецкимъ“ правомъ. По словамъ Н. Шимална, „вольности нѣмецкихъ колонистовъ-крестьянъ сводились къ тому, что они были освобождены отъ княжескаго суда въ гражданскихъ дѣлахъ, но не въ уголовныхъ, могли устраивать у себя безпрепятственно рынки, были освобождены отъ пошлинъ, военной службы и всѣхъ разнообразныхъ видовъ барщины, угнетавшихъ польскаго крестьянина“.

Изъ всѣхъ силезскихъ герцоговъ наибольшая заслуга въ дѣлѣ германизации принадлежитъ Генриху I Бородатому (отъ 1202 до 1238 года). При немъ были основаны впервые города съ нѣмецкимъ правомъ, какъ-то: Неймарктъ, Левенбергъ, затѣмъ Нейссе, Гольдбергъ, Оппельнъ, Ратиборъ и т. д. Послѣ великаго монгольскаго нашествія и кровопролитной битвы при Лигницѣ (9 апрѣля 1141 г.; т. II, стр. 165) колонизация и основаніе городовъ возобновились въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ. Къ этому времени относится быстрый ростъ города Бреслава, получившаго въ 1261 году Магдебургское право. Затѣмъ расцвѣли Лигницъ, Лаудстутъ, Брикъ, Глогау, Бейтенъ и т. д. Послѣ сраженія при Мархфельдѣ Силезія была получена въ видѣ лена (въ 1278 г.) отъ германскаго короля Рудольфа I герцогомъ Генрихомъ IV Пробусомъ, и это повело къ полному отдѣленію Силезіи отъ Польши въ политическомъ отношеніи. Въ 1291 г. она соединилась съ Чехіей при посредствѣ послѣднихъ представителей династии Пшемысла, а съ 1327 г. Силезія пошла въ ленную зависимость отъ короны св. Венцеля (т. V, стр. 247). При Карлѣ IV Силезія опять достигла расцвѣта; но въ общемъ она осталась простымъ придаткомъ польскаго королевства. Въ 1526 г. Силезія перешла къ дому Габсбурговъ вмѣстѣ съ Чехіей и оставалась въ такомъ положеніи до 1740 г., когда Фридрихъ II выдвинулъ впередъ наследственные права Гогенцолерновъ на Лигницъ, Бригъ, Воляу и Егерндорфъ.

Отъ присоединенія Силезіи къ Чехіи германская народность не понесла никакого непосредственнаго ущерба, но это событіе задержало распространеніе ея на востокъ. Начиная съ 1200 г., польское духовенство стало относиться враждебно къ германской колонизации; со времени Владислава I Локитека (1320—1333 г.) польская корона тоже поддавалась иногда этому антинѣмецкому направленію. Оно стало господствующимъ въ рядахъ всемогущей шляхты, такъ что, наконецъ, при Ягеллонахъ германское вліяніе было окончательно сломлено, и королевство, управляемое шляхтой, пошло навстрѣчу своей гибели. Въ исходѣ XIV столѣтія культура упала въ Силезіи на весьма низкую ступень. Въ дворянствѣ господствовали грубые хищническіе инстинкты, города обѣднѣли, въ особенности менѣе значительные, а крестьяне стали жертвой притупляющаго рабства, мало чѣмъ отличающагося отъ участи польскихъ и чешскихъ крѣпостныхъ.

3. НѢМЦЫ ВЪ ПРИВАЛТІЙСКИХЪ ОБЛАСТЯХЪ.

Положеніе нѣмцевъ на Балтійскомъ морѣ было, повидимому, обезпечено Генрихомъ Львомъ. Нѣмецкіе мореплаватели по Балтійскому морю, остерлинги, доходили до Готланда и Финскаго залива. Еще до начала XIII столѣтія въ Висби и Великомъ Новгородѣ возникли новыя факторіи. Нѣмецъ сталъ состязаться со скандинавомъ и славяниномъ изъ-за господства надъ этимъ новымъ міромъ, который до тѣхъ поръ былъ совершенно недоступенъ для германскаго народа. Къ завоевателямъ и колонизаторамъ изъ духовнаго и свѣтскаго сословія присоединился купецъ, не игравшій никакой замѣтной роли въ дѣлѣ расширенія Германіи до конца XII столѣтія.

Вдругъ надежды на дальнѣйшіе успѣхи нѣмцевъ на Балтійскомъ морѣ сразу потеряли крушеніе. Однимъ ударомъ было сломлено могущество Генриха Льва, главной опоры германской народности на востокъ; императоръ Барбаросса подѣлилъ остатки государства вельфовъ между своими вѣрными слугами (1181 г.). Теперь прорвалась плотина, сдерживавшая завоевательныя стремленія датчанъ. Датскій король Вольдемаръ II (отъ 1202 до 1241 г.) завладѣлъ Гольштейномъ, заставилъ Мекленбургъ и

Померанію привести себѣ вѣрноподданническую присягу, подчинилъ своей власти Любекъ и добился отъ императора Фридриха II, семнадцатилѣтняго юноши, только что прибывшаго въ Германію, признанія своихъ правъ на владѣніе всѣми областями къ востоку отъ Эльбы и Эльды (въ концѣ 1214 г.). Датчане стали также твердой ногой въ Эстляндіи. Оттуда датскій король сталъ угрожать вновь основаннымъ нѣмецкимъ колоніямъ въ Лифляндіи, но тутъ счастье сразу отвернулось отъ него. Герцогъ Шверинскій Генрихъ Черный захватилъ въ плѣнъ въ началѣ мая 1223 г. датскаго короля вмѣстѣ съ его первороднымъ сыномъ, тоже Вальдемаромъ, на островкѣ Ліе недалеко отъ Фюнена изъ чувства личной мести и для большей вѣрности отвезъ ихъ въ Даннебергъ. Пока Вальдемаръ сидѣлъ въ этой „королевской дырѣ“, нѣмцы отобрали обратно у датчанъ всѣ свои бывшія владѣнія къ востоку отъ Эльбы за исключеніемъ Рюгена. 17 ноября 1225 г. Вальдемаръ, успѣвшій уже освободиться изъ плѣна, попытался вернуть себѣ обратно силою оружія свои утерянныя владѣнія, но потерпѣлъ пораженіе при Боригеведе (22 іюля 1227 г.; см. табл., приложен. ниже). Въ этой великой побѣдѣ надъ датчанами правительство Германской имперіи не принимало ни малѣйшаго участія. Положеніе внутреннихъ областей, расположенныхъ по рѣкамъ Эльбѣ и Одера, упрочилось помимо него, точно также и успѣхи германской народности на берегу Балтійскаго моря были достигнуты безъ его участія. Тамъ, гдѣ оно вмѣшивалось, оно рѣдко содѣйствовало успѣху, а чаще задерживало его; его невмѣшательство во все то, что дѣлалось на Балтійскомъ побережьи, слѣдуетъ считать благоприятнымъ обстоятельствомъ.

Въ царствованіе Вальдемара II на берегахъ Балтійскаго моря, подъ 57° сѣверной широты, уже успѣло развиться замѣчательное колониальное государство. Къ югу отъ Финскаго залива жили народы, относящіеся безъ исключенія къ финской вѣтви монгольской расы: эсты, ливы, куры, эзельцы; къ юго-западу отъ нихъ сидѣли народы индогерманской группы: летты, литовцы, семгаллы и пруссы. Этнографическія отношенія этихъ областей приобрѣли уже въ очень древнюю эпоху весьма запутанный характеръ вслѣдствіе смѣшенія финновъ съ леттами и вліянія скандинавскихъ переселенцевъ. Всѣ эти народы безъ исключенія стояли еще на варварской ступени развитія. Ни одинъ изъ нихъ не доразвился до болѣе прочнаго государственнаго порядка. Вся страна распадалась на болѣе мелкіе округа, управляемые своими особыми вождями и отдѣленные другъ отъ друга ради самозащиты густыми лѣсами, кучами срубленнаго лѣса и болотами. Кромѣ поселяковъ, походившихъ на деревни, существовали также селенія, обнесенныя укрѣпленіями изъ земли и дерева; во время набѣговъ, совершавшихся ради грабежа и удовлетворенія родовой мести, населеніе укрывалось въ этихъ укрѣпленіяхъ. Не существовало никакой намекы на городскую жизнь. Латышскіе народы занимались скотоводствомъ и земледѣліемъ, отчасти также и охотой, финны были рыболовами, мореплавателями и морскими разбойниками. Религія финновъ носила характеръ шаманизма. Что касается вѣрованій леттовъ, то извѣстно, что у древнихъ пруссовъ существовало въ Ромовѣ національное святилище и что главный жрецъ криве-кривейто (т. V, стр. 435) поддерживалъ въ этомъ святилищѣ вѣчный огонь въ честь Перкунаса и приносилъ этому Богу благодарственныя жертвы за одержанныя пруссами побѣды. Въ загробную жизнь вѣрили всѣ прибалтійскіе народы; это доказывается самымъ осязательнымъ образомъ предметами, найденными въ могилахъ.

Въ XI и XII столѣтіяхъ прибалтійскія побережья подвергались нерѣдко нападенію со стороны русскихъ, но эти послѣдніе не достигали здѣсь никакихъ другихъ успѣховъ кромѣ кратковременнаго платежа дани. Въ 1030 году новгородцы укрѣпились въ Юрьевѣ, но черезъ 30 лѣтъ эта крѣпость была разрушена эстами. Тѣмъ не менѣе современныя намъ рус-

скіе опять навязали это старое названіе XI вѣка нѣмецкому городу Дерпту, возникшему на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла крѣпость повгородцевъ.

А. Лифляндія.

а) Нѣмецкіе переселенцы.

Не русскимъ было суждено однако посадить на берегахъ Балтійскаго моря христіанство и зачатки культуры; это была историческая миссія нѣмцевъ, особенно ниже-германцевъ, которые распространили свой языкъ до Финскаго залива на востокъ, въ то время какъ на западѣ онъ сталкивался съ близкимъ къ нему голландско-фламандскимъ. „Священная Римская имперія германской націи“, говоритъ Теодоръ Шиманичъ, „создала только одну заморскую колонію“. Въ концѣ XII и въ первой четверти XIII столѣтія возникъ на восточномъ берегу Балтійскаго моря безъ всякой инициативы со стороны главы имперіи, безъ всякаго толчка со стороны сословія, на которыя опиралась эта имперія, государственный организмъ, охватившій по мѣрѣ своего дальнѣйшаго развитія все пространство отъ Мемеля до Наровы подъ общимъ именемъ Лифляндіи. Какъ кажется, первые нѣмецкіе купцы зашли въ заливъ, соединенный съ устьемъ Двины, изъ Готланда (Висби). Вверхъ по Двинѣ они доходили до Полоцка и Витебска, а оттуда волокомъ въ Смоленскъ и бассейнъ Днѣпра. Конечно, до Смоленска можно было доѣхать изъ Повгорода, но это былъ болѣе длинный путь и, кромѣ того, нѣмцы терпѣли въ Повгородѣ отъ непріязненнаго соперничества скандинавовъ, поселившихся въ этомъ городѣ гораздо раньше ихъ. Такимъ образомъ плаваніе вверхъ по Западной Двинѣ открыло для нѣмецкихъ, главнымъ образомъ любекскихъ, моряковъ рынокъ, свободный отъ конкуренціи. Весной они отправлялись въ путь изъ своей родины, въ теченіе лѣта торговали на рѣкѣ Двинѣ, а осенью возвращались домой. Однако нѣкоторые изъ этихъ купцовъ уже тогда стали зимовать среди ливовъ и даже эстовъ.

Вскорѣ послѣ этого миссіонеры тоже стали рѣшаться на путешествія въ Лифляндію; первыми изъ нихъ были августинскій монахъ Мейнгардъ, устроившій первую каменную церковь въ Юкскюльѣ и посвященный въ епископы бременскимъ архіепископомъ Гартвигомъ (въ 1186 году), и монахъ цистерціанскаго ордена Теодорихъ (Дитрихъ). Вокругъ жилищъ этихъ миссіонеровъ стали собираться нѣмецкіе переселенцы, расчищавшіе лѣса и служившіе для туземцевъ образцомъ высшей культуры. Однако ни Мейнгардъ, ни его преемникъ Бертольдъ, призванный въ Лифляндію крестопосцевъ и павшій въ битвѣ въ 1198 году, не ушли дальше стадіи пионерства. Послѣ ухода первыхъ крестопосцевъ ливы заняли такое угрожающее положеніе, что монахи и купцы вынуждены были бѣжать изъ Лифляндіи.

Въ этотъ рѣшительный моментъ выступилъ на сцену тотъ человекъ, который способенъ былъ положить основаніе господству нѣмцевъ въ прибалтійскихъ областяхъ, бывший настоятель бременскаго соборнаго капитула, а послѣ того третій по счету лифляндскій епископъ Альбрехтъ фонъ Вуксведе (а также Альбертъ фонъ Аншельдерихъ; т. V, стр. 184). Послѣ своего посвященія въ епископы онъ не отправился къ мѣсту своего назначенія, пока онъ лично не склонилъ на свою сторону наиболѣе вліятельныхъ лицъ въ Даніи, выхлопоталъ себѣ покровительство короля швабскаго Филиппа и исходатайствовалъ у папы Иннокентія III буллу, призывающую къ крестовому походу. Послѣ этого, въ 1200 году, онъ отправился съ 22 кораблями вверхъ по Двинѣ къ поселеніямъ, основаннымъ епископомъ Мейнгардомъ, Юкскюлю и Гольму. Однако онъ выбралъ для своей резиденціи болѣе подходящее мѣсто: въ 1201 году онъ приступилъ къ постройкѣ города Риги на мѣстѣ впаденія рѣчки Риги въ Двину, на берегу

широкой бухты, которая должна была привлекать купцовъ. Уже въ слѣдующемъ году тамъ поселились бюргеры изъ Бремена и Гамбурга: еще и понынѣ гербъ города Риги заключаетъ въ себѣ части гамбургскаго и бременскаго гербовъ. Вскорѣ послѣ того во вновь основанномъ монастырѣ Дюнамюнде (Устья Двины) поселились монахи цистерціанскаго ордена (въ 1208 году). За орденемъ св. Бернара послѣдовали монахи премонстрантскаго ордена, а черезъ короткое время даже тутъ, на крайнемъ сѣверо-востокѣ, обѣ эти духовныя общины стремились перещеголять другъ друга въ рвеніи къ дѣлу колонизаціи. Въ одномъ только чувствовался крайній недостатокъ въ Лифляндіи и, вообще, въ областяхъ, расположенныхъ по ту сторону рѣки Нѣмана,—въ нѣмецкихъ крестьянахъ-переселенцахъ: крестьянинъ не рѣшался на морское путешествіе, а сухимъ путемъ онъ не могъ добраться до этой отдаленной области, такъ какъ по пути лежали враждебныя негостепріимныя мѣстности. Поэтому германскій плугъ не могъ пріобрѣсти въ Курляндіи, Лифляндіи и Эстляндіи такого полного господства, какъ въ Бранденбургѣ и даже въ Пруссіи. Благодаря этому послѣдующая судьба этихъ прибалтійскихъ областей тоже отличалась весьма рѣзко отъ судьбы мѣстностей, лежащихъ между Любекомъ и Мемелемъ.

в) Орденъ меченосцевъ.

Такъ какъ борьба съ финскими и латышскими народами началась только, собственно говоря, съ того времени, когда ливы были фактически покорены и обращены въ христіанство (въ самомъ началѣ XIII столѣтія), то случайный и недостаточный притокъ крестоносцевъ не соответствовалъ потребностямъ защиты уже покоренныхъ земель и дальнѣйшаго распространенія германскихъ завоеваній. Въ виду этого въ 1202 г. епископомъ Альбрехтомъ былъ основанъ рыцарскій орденъ меченосцевъ, который былъ утвержденъ папой въ 1204 году. Это полувоенное, полупереховное братство было организовано по образцу возникшихъ въ Св. Землѣ орденовъ храмовниковъ, іоаннитовъ и нѣмецкихъ рыцарей. Подобно этимъ послѣднимъ меченосцы распадалась на три класса: священниковъ, рыцарей и служекъ. Послѣдніе дѣлились въ свою очередь на оруженосцевъ и ремесленниковъ. Одежда „брата общества рыцарей Христа въ Лифляндіи“ состояла изъ бѣлаго сюртука и плаща того же цвѣта, украшеннаго пришитымъ къ нему краснымъ крестомъ, а подъ этимъ крестомъ краснаго меча, обращеннаго внизъ (отсюда произошло названіе меченосцевъ). Во время похода эти рыцари надѣвали на себя тяжелыя латы, входившія въ составъ тогдашняго вооруженія, но накрывались сверху орденскимъ плащомъ. Во главѣ ордена меченосцевъ стоялъ магистръ, избранный рыцарями изъ своей среды. Онъ пользовался неограниченной властью надъ всѣми административными лицами ордена, командорами, фохтами и т. д. Въ важныхъ случаяхъ созывался капитулъ, пользовавшійся только совѣщательнымъ правомъ голоса.

Число орденскихъ братьевъ никогда не поднималось до значительной цифры; въ сущности они представляли собою по примѣру нѣмецкихъ рыцарей тевтонскаго ордена своего рода генеральный штабъ для мѣстнаго ополченія и вновь прибывающихъ крестоносцевъ. Въ орденъ меченосцевъ вступали члены сѣверно-германскаго благороднаго сословія, но крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока этотъ орденъ оставался независимымъ. Какъ только епископъ Альбрехтъ получилъ Лифляндію въ видѣ лена отъ короля Флиппина и сталъ членомъ сословія германскихъ имперскихъ князей въ 1207 году, онъ сталъ требовать себѣ за свои заслуги третью часть всѣхъ прошлыхъ и будущихъ завоеваній. Такимъ образомъ началось гибельное столкновеніе между епископами, считавшими себя единственными господами Лифляндіи, и орденемъ, стремившимся къ независимости. Иннокентій III, который не хотѣлъ допустить возникновенія ин-

какой новой митрополитской власти, рѣшилъ, что ордену принадлежить третья часть Рижскаго епископства и что за эту привилегію на него не падаетъ никакихъ другихъ обязанностей кромѣ защиты этой области отъ язычниковъ.

Между тѣмъ орденъ двинулся впередъ въ Эстляндію (въ 1208 г.). Лѣтъ за 9 эта область была покорена, хотя и непрочно (послѣ сраженія при Феллинѣ въ 1217 году). Между ливами и леттами тоже господствовало броженіе, такъ какъ христіанство и германизация пока еще не проникли вглубь. Между тѣмъ, въ 1218 году ожидался сильный натискъ на Лифляндію со стороны русскихъ; епископъ Альбрехтъ оказался въ весьма затруднительномъ положеніи и обратился за помощью къ датскому королю, который потребовалъ, чтобы нѣмцы отказались въ его пользу отъ всѣхъ тѣхъ земель, которыя онъ завоеуетъ. Онъ добился такого обѣщанія. Въ 1219 году датскій король высадился на берегъ со своими морскими и сухопутными силами въ томъ мѣстѣ, на которомъ былъ основанъ вскорѣ городъ Ревель. Датчане отразили удачно внезапное нападеніе эстовъ на крѣпость Линданису. Это была та самая битва, во время которой, по преданію, спустилось съ неба красное знамя съ бѣлымъ крестомъ, свѣтившее датчанамъ во время боя; это знамя „Даннеброгъ“ стало впоследствии датскимъ государственнымъ флагомъ.

Предстояла неизбежная война между датчанами и нѣмцами изъ-за Эстляндіи, такъ какъ орденъ меченосцевъ никогда не отказывался отъ своихъ давнишнихъ притязаній на эту область. Сначала орденъ вступилъ было въ переговоры съ Вальдемаромъ по поводу Эстляндіи за спиною епископа, но это подбодрило надменнаго датчанина, и онъ сталъ претендовать даже на господство надъ Лифляндіей. Это заставило меченосцевъ снова сойтись съ епископомъ; въ виду этого союза Вальдемаръ отказался отъ Лифляндіи, такъ какъ у него было недостаточно силъ для подобной борьбы (въ 1222 году). Черезъ короткое время, въ январѣ 1223 г., вспыхнуло возстаніе эстовъ, которые разрушили укрѣпленные замки датчанъ и ордена, а въ маѣ графъ Шверинскій Генрихъ взялъ въ плѣнъ того изъ датскихъ королей, который былъ наиболѣе опасенъ для господства нѣмцевъ на Балтійскомъ морѣ (стр. 326). Подавивши возстаніе, орденъ воспользовался этимъ случаемъ и захватилъ всю датскую Эстляндію. Еще болѣе важное значеніе имѣло то обстоятельство, что начатая Вальдемаромъ блокада Любека прекратилась, и снова открылся доступъ къ востоку черезъ эту гавань на Балтійскомъ морѣ для крестоносцевъ, куницъ и рыцарей. Благодаря этому новому притоку силъ оказалось возможнымъ отнять обратно у русскихъ завоевавшую имъ крѣпость ордена Дерптъ. Вообще опасность со стороны русскихъ миновала на долгое время, такъ какъ въ это время началось монгольское нашествіе (т. V, стр. 459). У нѣмцевъ были развязаны руки; они предприняли зимній походъ по льду замерзшаго моря, покорили островъ Эзель и обратили насильственно жителей въ христіанство. „Завоеваніе Эзеля“, говоритъ Теодоръ Шиманнъ: „составляетъ событіе громадной важности. Теперь Лифляндія была вполне обезпечена; торговля на Балтійскомъ морѣ приобрѣла полную свободу, берега Швеціи и Даніи были избавлены отъ страшнаго бича, какимъ было всегда для этихъ странъ и для мореплавателей, отъправлявшихся оттуда, это разбойничье гизадо... Покореніе этого государства пиратовъ поставило на твердую почву господство нѣмцевъ въ Лифляндіи; основныя черты этой новой германской колоніи уже выдѣлились вполне отчетливо“.

Еще при жизни епископа Альбрехта (въ 1209 году) германскій король Генрихъ (VII), сынъ императора Фридриха II, отдалъ Эстляндію въ вѣчное владѣніе ордену меченосцевъ, а рижскому епископу онъ предоставилъ право чеканки монетъ и надѣленія городовъ вольностями. Послѣ смерти

этого великаго церковнаго владѣтельнаго князя наступило тяжелое время для всей прибалтійской области и ордена меченосцевъ. Вальдемаръ II снова завладѣлъ Сѣверной Эстляндіей вмѣстѣ съ городомъ Ревелемъ. Къ тому же орденъ сталъ терпѣть притѣсненія со стороны епископовъ, относившихся съ завистью къ его могуществу. такъ какъ орденъ владѣлъ пространствомъ въ 730 кв. миль, въ то время какъ всѣ пять епископовъ, рижскій, дерптскій, эзельскій, семгалленскій и курляндскій, вмѣстѣ взятые, обладали всего-навсего 870 кв. милями; оказавшись въ затруднительномъ положеніи, орденъ меченосцевъ обратился съ предложеніемъ о сліяніи обоихъ орденовъ къ тевтонскому рыцарскому ордену, который обосновался въ это время въ Пруссіи. По всей вѣроятности, великій магистръ этого послѣдняго ордена Германнъ фонъ Зальца отклонилъ бы эту просьбу, если бы въ сраженіи у рѣки Заулы (22 сентября 1236 года) не были убиты литовцами магистръ ордена меченосцевъ Фолквинъ (Фольгуинъ) вмѣстѣ съ 50 рыцарями. Благодаря этому событію состоялось при папѣ Григоріи IX сліяніе ордена меченосцевъ съ тевтонскимъ орденомъ. Магистръ Германнъ Балькъ прибылъ въ Лифляндію и принялъ въ свое владѣніе отъ имени тевтонскаго рыцарскаго ордена все то, что принадлежало ордену меченосцевъ. Притязанія датчанъ на Сѣверную Эстляндію не оспаривались на первыхъ порахъ, и только въ 1346—1347 гг. эта датская область перешла во владѣніе тевтонскаго ордена.

Б. Рыцари тевтонскаго ордена въ странѣ пруссовъ.

Начиная со второй четверти XIII столѣтія, вся судьба колонизаціи Сѣверо-Востока, нѣкогда принадлежавшаго германцамъ, а въ то время населеннаго славяно-литовскими и финскими племенами, находится въ рукахъ тевтонскаго рыцарскаго ордена. До XIV столѣтія влияние германской націи въ этихъ областяхъ непрерывно возрастало; и это отразилось на исторіи тевтонскаго ордена, равно какъ и послѣдовавшая послѣ этого остановка въ развитіи его и дальнѣйшій упадокъ ордена.

Послѣдній изъ великихъ рыцарскихъ орденовъ эпохи крестовыхъ походовъ образовался изъ братства ухаживающихъ за больными, основаннаго нѣмецкими паломниками, преимущественно купцами, во время осады Акки (въ 1190 г.). Уже въ 1198 г. это больничное братство превратилось въ рыцарскій орденъ, по образцу храмовниковъ; только въ устройствѣ больницы удержался принятый сначала уставъ ордена іоаннитовъ. Рыцари больницы св. Маріи въ Іерусалимѣ были хранителями національнаго характера новаго ордена, такъ какъ они принимали въ свою среду только нѣмцевъ, преимущественно представителей верхне-германскаго высшаго сословія, а также бюргеровъ, обладавшихъ рыцарскимъ гербомъ въ своемъ родномъ городѣ.

Въ видѣ внѣшняго знака отличія рыцари тевтонскаго ордена носили бѣлый плащъ съ крестомъ; ихъ панцири и шлемы тоже были украшены такимъ же крестомъ, а священники, принадлежавшіе къ ордену, одѣвались въ бѣлую рясу съ чернымъ крестомъ. Главнымъ центромъ ордена и резиденціей великаго магистра оставалась до покоренія ея невѣрными Акка, несмотря на то, что за это время орденъ приобрѣлъ въ Европѣ многочисленныя владѣнія и даже сталъ господиномъ сплошной области.

Уже въ 1211 г. предъ тевтонскимъ ордепомъ открылась надежда на широкое поприще дѣятельности въ Европѣ, такъ какъ король венгерскій Андрей призвалъ его въ Седмиградію для борьбы съ язычниками куманами и въ награду за это отдалъ ему въ видѣ лена Бурценляндъ. Но вскорѣ эта надежда разстроилась: орденъ хотѣлъ укрѣпить эту область за римскимъ престоломъ, освободить ее такимъ образомъ отъ верховной власти апостолическаго короля и стать ея полновластнымъ хозяиномъ; по

венгерцы, отличавшіеся первобытной прямою характеромъ и относившіеся съ отвращеніемъ къ такимъ политическимъ уловкамъ, изгнали оттуда рыцарей тевтонскаго ордена (въ 1225 г.; ср. т. V, стр. 403).

а) Распространеніе ордена до 1400 г.

Въ это время уже шли переговоры между великимъ магистромъ Германномъ фонъ-Зальца и мазовецкимъ княземъ Конрадомъ. Къ владѣніямъ этого польскаго удѣльнаго князя относилась, между прочимъ, Кульмская область, многократно подвергавшаяся опустошительнымъ набѣгамъ со стороны язычниковъ пруссовъ. Монахъ цистерціанскаго ордена Христіанъ фонъ-Олива, впервые получившій титулъ епископа прусскаго въ 1215 г., предпринялъ при содѣйствіи этого польскаго герцога крестовый походъ въ область, лежавшую по ту сторону Вислы, еще не обращенную въ христіанство (т. V, стр. 485); этотъ походъ оказался неудачнымъ. Когда герцогъ Конрадъ увидѣлъ, что даже его собственнымъ владѣніямъ грозитъ опасность, то онъ обратился за помощью къ тевтонскому ордену. Проученный своей неудачей въ Седмиградѣ, Германнъ фонъ-Зальца вступилъ прежде всего въ переговоры съ императоромъ, который съ легкимъ сердцемъ подарилъ ордену то, что никогда не принадлежало ему самому, и отдалъ ему въ видѣ лена Кульмскую область и всѣ земли, которыя орденъ успѣетъ завоевать (1226 г.). Послѣ нѣкотораго колебанія герцогъ Мазовецкій отказался отъ своей Кульмской области (въ 1230 г.); тогда орденъ принесъ ее въ даръ престолу св. Петра, а вслѣдъ за тѣмъ папа Григорій IX отдалъ ее ордену въ вѣчное владѣніе за умѣренную дань (въ 1234 г.). Такимъ образомъ владѣнія ордена стали вполнѣ независимы отъ власти епископовъ прусскихъ, стремившихся къ верховному господству, такъ же, какъ и лифляндскихъ; затѣмъ орденъ приобрѣлъ полную свободу дѣйствій по отношенію къ полякамъ; противъ посягательствъ церкви онъ опирался на свои права имперскаго князя, а предъ императоромъ могъ сослаться на свои отношенія къ св. престолу. Однако въ позднѣйшую эпоху всѣ эти условія, которыя первоначально благопріятствовали ему, стали для него источникомъ несчастій, приведшихъ его къ гибели: папы руководствовались въ своемъ обращеніи съ нимъ, какъ и со всякой другой политической силой, тѣми цѣлями, которыя преслѣдовались въ данный моментъ ихъ всемірной дипломатіей. Епископы и мѣстное сельское городское благородное сословіе, настроенное враждебно по отношенію къ ордену, подкапывались непрерывно другъ предъ другомъ подъ господство ордена; когда польскія удѣльныя княжества соединились съ Литвой и образовали могущественное объединенное государство, то поляки обратили свою ненависть противъ тевтонскаго ордена, который вдвинулся клиномъ во дни своего блеска между королевствомъ Пястовъ и моремъ (см. карту, прилож. къ 10 стр.), а имперія, о которой рыцари мало заботились, не пошевелила и пальцемъ для охраны отъ подчиненія иноземному господству этой части своихъ владѣній, которая и до того жила своей особой жизнью.

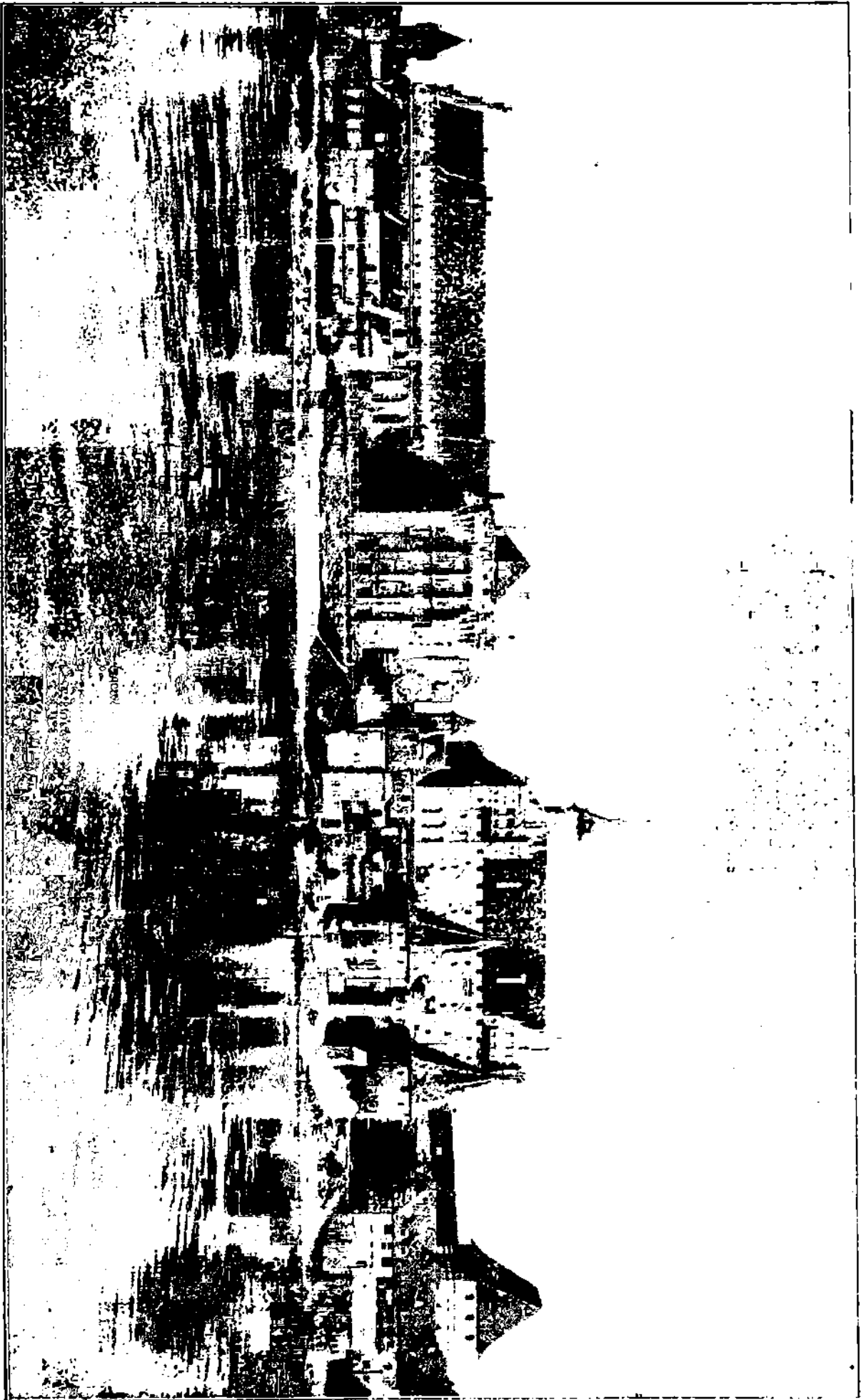
Въ 1228 г., когда Германнъ фонъ-Зальца отправилъ въ Пруссію областного магистра Германа Балка, крѣпость Нессау стала исходнымъ пунктомъ колонизаціи побережья рѣки Вислы. Выѣтъ съ семью другими орденскими братьями онъ устроилъ (по преданію) на лѣвомъ берегу рѣки, вокругъ ствола дуба, крона котораго служила сторожевой башней, укрѣпленную насыпь и ровъ (крѣпость Торнъ). Вскорѣ прибыли для борьбы съ язычниками крестоносцы и всякіе другіе люди, которые стали селиться вокругъ крѣпостей ордена: уже между 1231 и 1233 годами возникли города: Торнъ, Кульмъ, Мариенвердецъ; 28 декабря 1232 г. эти города получили Магдебургское право. Послѣ тяжелаго пораженія, нанесеннаго пруссамъ на рѣкѣ Зиргунѣ (1234 г.), орденъ распространилъ свои владѣ-

нія до моря. Былъ основанъ городъ Эльбингъ (въ 1237 г.); онъ заселился переселенцами изъ Любека, которымъ было даровано право ихъ родного города. Такимъ образомъ завязались сношенія между орденомъ и купеческими городами Саксонско-Вендской области. Стали прибывать также крестьяне со своими локаторами и дворяне; первые селились на отведенныхъ имъ гуфахъ, а вторые — въ крупныхъ имѣніяхъ, размѣромъ отъ 100 до 300 гуфъ, отведенныхъ имъ орденомъ.

Могущество ордена росло съ неудержимой быстротой. Въ 1237 году послѣдовало присоединеніе къ нему ордена меченосцевъ, и послѣ этого событія выдвинулась впередъ необходимость восстановленія сухопутной связи между Фришгафомъ и Рижскимъ заливомъ. Завоевательное движеніе тевтонскаго ордена уже возбудило противъ себя недовѣріе померанскихъ герцоговъ, которые стали предлагать свою помощь не только тайно, но и явно еще непокореннымъ пруссамъ язычникамъ и уже покореннымъ, обращеннымъ въ христіанство. Монгольское нашествіе 1241 года тоже грозило опасностью новому государственному организму, хотя на первыхъ порахъ оно не затронуло владѣній ордена и даже ослабило его соперника Польшу. Воплнѣ правъ былъ папа, который писалъ въ своихъ буллахъ, призывавшихъ къ крестовому походу противъ пруссовъ, что язычники татары собираются уничтожить окончательно въ Лифляндіи, Эстляндіи и Пруссіи христіанство, только что обосновавшееся въ этихъ областяхъ. Союзъ татаръ съ православными русскими и язычниками литовцами угрожалъ не только владѣніямъ ордена, но и всему латинскому христіанству. Неудивительно, поэтому, что снова оживилось стремленіе къ крестовымъ походамъ. Чешскій король Оттокаръ II предпринялъ въ 1254—1255 годахъ свой знаменитый крестовый походъ въ Пруссію; онъ завоевалъ Замляндъ и основалъ Кенигсбергъ. Эти военные успѣхи были важнымъ шагомъ на пути къ установленію непрерывной связи между разьединенными прибалтійскими колоніями. Такъ какъ орденъ завладѣлъ теперь мѣсторожденіями янтаря, то онъ сейчасъ же монополизировалъ этотъ цѣнный продуктъ и взялъ въ свои руки онтовую торговлю имъ. Одновременно съ Замляндомъ подъ власть рыцарей св. Маріи попалъ также Галинденъ, расположенный на Мазурской приморской равнинѣ.

Въ то время, какъ орденъ былъ убѣжденъ, что онъ окончательно сломилъ сопротивленіе пруссовъ, эти послѣдніе подняли отчаянную борьбу за сохраненіе своей національности; во время этого возстанія господство ордена неоднократно стояло на краю гибели. Только въ 80-хъ годахъ XIII столѣтія послѣ изъявленія покорности зуданами состоялось окончательное подчиненіе прусскаго народа, т. е. истребленіе большей части его, изгнаніе и порабощеніе остальной. Мало-мальски сносная участь ожидала только тѣхъ, которые остались вѣрными ордену или же посѣщали съ изъявленіемъ покорности. Остатки прусскаго народа погибли мало-помалу подъ наплывомъ эмиграціонной волны, нахлынувшей во вновь покоренную страну. Уже въ началѣ XIV столѣтія стала господствовать языкъ побѣдителей. Когда 50 лѣтъ спустя одинъ пѣвецъ-пруссъ выступилъ во время придворнаго торжества въ Маріенбургѣ въ числѣ другихъ музыкантовъ нѣмцевъ, то рыцари расхохотались и подарили ему въ насмѣшку 100 пустыхъ орѣховъ, такъ какъ никто изъ нихъ не могъ понять бѣднаго прусса. Еще въ XVI столѣтіи въ нѣкоторыхъ церквахъ приходилось прибѣгать къ помощи толкина (толмача общины), который переводилъ нѣмецкую проповѣдь на языкъ пруссовъ; на тайныхъ ночныхъ собраніяхъ языческіе жрецы мѣстами еще приносили въ жертву своимъ старымъ богамъ козловъ; но прошло еще нѣкоторое время, и замерли послѣдніе отголоски прусскаго языка (Трейчке).

Тевтонскій орденъ достигъ наивысшаго своего могущества послѣ того, какъ онъ занялъ Померелленъ, и великій магистръ этого ордена Зиг-

Исторія земов'язства. VI

Рицарські басти: середній вказує; дзвіниця, вліво; високі замки. *Високі замки.* *Мостовий в'їзд.*

Марієнбургський замок, видь со стороны Ногата (съ запада).

(По фотоздѣлѣнн Дирдін-Альда Ширри в Марієнбургѣ.)

Г-но „Продвѣщеніе“ въ Сиб.

Объясненіе къ рисунку, помѣщенному на оборотѣ.

(На основаніи изслѣдованій соборнаго архитектора доктора К. Штейнбрехта.)

Рисунокъ изображаетъ знаменитый главный замокъ Тевтонскаго рыцарскаго ордена въ его современномъ состояніи, по фотографіи, снятой въ 1897 г.

Этотъ замокъ былъ возведенъ въ 1280 г. и служилъ сначала мѣстопробываніемъ командора этого ордена, а въ 1309 г. онъ превратился въ резиденцію великаго магистра ордена. Около 1340 г. этотъ замокъ получилъ свой окончательный видъ. Тѣмъ не менѣе отдѣльныя части его продолжали достраиваться и перестраиваться до конца XIV столѣтія, т.-е. въ продолженіе всего періода расцвѣта готическаго стиля. Въ 1457 г. онъ перешелъ во владѣніе Польши и оставался заброшеннымъ въ теченіе 300 с лишкомъ лѣтъ. Когда онъ перешелъ во власть Пруссіи, послѣ перваго раздѣла Польши въ 1772 г., то его стали приспособлять къ утилитарнымъ цѣлямъ, но въ 1803 г. былъ положенъ конецъ этимъ безобразіямъ, а послѣ освободительной войны было приступлено къ его реставраціи. Первые реставраціонныя работы оказались не очень удачными и были приостановлены на долгое время, но съ 1886 г. было приступлено къ продолженію реставраціи замка съ большимъ усердіемъ и со знаніемъ дѣла. Еще черезъ короткое время будетъ закончена реставрація этого архитектурнаго памятника, о которомъ Робертъ Домъ выражается слѣдующимъ образомъ: „Маріенбургскій замокъ — это самое выдающееся произведеніе свѣтской архитектуры германскаго средневѣковья“.

Что касается приложеннаго рисунка, то читателю необходимо устранивъ изъ своего воображенія дома болѣе поздняго происхожденія, расположенныя на самомъ берегу рѣки Ногата, за исключеніемъ мостовыхъ воротъ архитектурнаго сооруженія, возстановленнаго только въ самое послѣднее время, съ двумя входами, по бокамъ которыхъ стоятъ двѣ массивныя, круглыя башни съ остроконечными крышами. Мы должны прибавить къ нему въ своемъ воображеніи мостъ, перекинутый черезъ рукавъ Вислы.

Мы видимъ предъ собой главное зданіе, но намъ остается неизвѣстнымъ видъ, открывавшійся на вышнія укрѣпленія, окружающія замокъ; однако, мы видимъ предъ собой только самыя важныя части Маріенбургскаго замка, приблизительно, въ томъ же самомъ видѣ, который онъ имѣли 600 лѣтъ тому назадъ.

Продолговатыя части слѣва — это средній замокъ; передъ нимъ тянутся дальше — направо (къ сѣверу) — „передній замокъ“, отъ котораго сохранились только нѣсколько отдѣльныхъ частей. Въ длинномъ флигелѣ средняго замка расположенъ рыцарскій залъ, галерея, поддерживаемая гранитными столбами и звѣздчатыми сводами. Здѣсь великій магистръ развлекалъ своихъ гостей празднествами и пиршествами. По направлению къ Ногату выступаетъ многоэтажный флигель, съ хорошо расчлененнымъ фасадомъ — знаменитый дворецъ великаго магистра. Со стороны двора мы можемъ пройти по лѣстницѣ въ переднюю главную этажа, а отсюда въ оба прекрасныхъ „ремтера“ (лѣтній и зимній), какъ назывались обыкновенно залы въ замкахъ ордена. Со стороны двора расположены жилыя комнаты великаго магистра. Незамѣтная на рисункѣ восточная сторона средняго замка заключала въ себѣ комнаты для гостей; сѣверный флигель — помѣщенія для больныхъ.

Справа (къ югу) отъ средняго замка поднимается выдающійся надъ остальными постройками „высокій замокъ“, окруженный особымъ ровомъ и особой наружной стѣной. Въ промежуткѣ между обонми замками видѣется „поповская башня“; надъ самымъ замкомъ возвышается расположенная съ правой стороны главная и вмѣстѣ съ тѣмъ сторожевая башня. Высокій замокъ стоитъ на „пархамѣ“, искусственной терасѣ, выступающей изъ рва, окружающаго замокъ. Этотъ почти квадратный, украшенный по угламъ фронтонами, замокъ, состоитъ изъ нижняго, главнаго и верхняго этажа. Особенно красивый видъ имѣютъ два расположенныхъ одинъ надъ другимъ во дворѣ монастыря. Въ нижнемъ этажѣ находятся вахта, кухня и погребъ, затѣмъ часовня св. Анны, усыпальница повелителей ордена. Главный этажъ заключаетъ въ своемъ сѣверномъ флигелѣ импозантный залъ для собраній и замковую церковь, ворота которой выдаются далеко впередъ отъ фасада до самаго края рва. Снаружи, въ средней нишѣ воротъ красуется колоссальная статуя покровительницы ордена св. Маріи съ разноцвѣтной мозаической инкрустаціей. Восточный и южный флигель заключаетъ въ себѣ спальни рыцарей; на западѣ у самой рѣки находились жилыя помѣщенія для командора и казначея, бывшаго хранителемъ серебряной палаты, въ которой помѣщалась казна ордена.

По направлению къ рѣкѣ расположена четырехугольная башня, соединенная съ „высокимъ замкомъ“ сводчатой галлереей. Она называлась „Геренданскъ“ (слово „данскъ“ означало сточный каналъ). Подъ этой башней протекалъ ручей.

Вдали, надъ правымъ краемъ рисунка, мы должны представить себѣ городокъ Маріенбургъ, удовлетворявшійся меньшимъ пространствомъ, чѣмъ громадный, раздѣленный на три части, замокъ ордена.

Фридь фонъ Фейхтвангенъ перенесъ въ 1309 году свою резиденцію изъ Венеціи въ Маріенбургъ (см. прилож. таблицу: „Маріенбургскій замокъ“). Уже въ послѣднюю четверть того же XIV столѣтія начался быстрый неудержимый упадокъ этого ордена.

Тевтонскому ордену предстояло еще разрѣшить задачу, имѣвшую всемірно-историческое значеніе. — мы говоримъ о борьбѣ съ язычниками литовцами. Еще не прекратился притокъ крестоносцевъ, отирававшихся на борьбу съ язычниками подъ его предводительствомъ, но западно-европейское рыцарство XIV столѣтія уже не отличалось героизмомъ эпохи Гогенштауфеновъ; оно выродилось и представляло изъ себя только шутовскую каррикатуру своихъ великихъ предковъ. Тѣмъ не менѣе орденъ еще долго отстаивалъ свое господство отъ объединившейся въ 1320 году въ одно королевство Польши, какъ это доказываетъ Калишскій мирный договоръ 1343 года, въ силу котораго поляки не только отказались окончательно отъ Помереллена, но еще уступили ордену нѣкоторые пограничные округа (ср. т. V, стр. 486). Литовцы тоже почувствовали на себѣ превосходство военного искусства нѣмцевъ, послѣ того какъ они попытались было перейти отъ мелкой партизанской пограничной войны къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ Замлянда въ союзѣ съ русскими и татарами; 17 февраля 1370 года они потерпѣли пораженіе при Рудау, и орденъ прославлялъ эту побѣду, какъ самый блестящій свой военный подвигъ за весь періодъ своего наивысшаго могущества. При всемъ томъ ордену удалось завладѣть литовской провинціей Жмудіей (Замантой, Самогитіей), прерывавшей сухопутное сообщеніе между Пруссіей и Курляндіей, только въ концѣ XIV столѣтія (въ 1398 году, фактически даже въ 1405 году). Итакъ, орденъ подчинилъ своей власти все побережье Балтійскаго моря отъ Лебы до Нарвы только къ тому времени, когда уже начинался періодъ его упадка.

б) Положеніе государства, подчиненнаго тевтонскому ордену въ теченіе періода его расцвѣта.

Въ теченіе XIV столѣтія положеніе орденскихъ владѣній упрочилось какъ въ прусской, такъ и ливонской ихъ части. Желѣзной рукой орденъ держалъ свои владѣнія въ покорности; но внутри самого ордена тоже еще сохранилась желѣзная дисциплина, благодаря которой маленькая избранная группа орденскихъ братьевъ могла господствовать надъ цѣлымъ государствомъ. Послѣ перенесенія резиденціи великаго магистра въ Маріенбургъ была доведена до конца система господства военныхъ чиновниковъ. Государство было вполне приспособлено какъ къ оборонительной, такъ и наступательной войнѣ, благодаря своему прочному финансовому устройству. Неуготимый контроль поддерживалъ порядокъ въ администраціи; излишки доходовъ всѣхъ провинцій ордена стекались въ маріенбургскій замокъ великаго магистра; или самыя невѣроятныя слухи о накопленныхъ въ этомъ замкѣ сокровищахъ, счетъ которымъ былъ извѣстенъ только великому магистру и казначею. Такъ какъ орденъ считалъ себя по праву завоеванія собственникомъ всей земли, то онъ владѣлъ непосредственно громадными имѣніями и вѣдалъ со своихъ крѣпостныхъ натуральныя повинности и денежный оброкъ. Налоги были введены только въ XV столѣтіи. Правильнымъ источникомъ доходовъ служили главнымъ образомъ регаліи: судебныя пошлины, право чеканки монетъ, право владѣнія лѣсомъ и право охоты (со включеніемъ налога съ разводимыхъ пчелъ), налогъ за пользованіе водами, пошлины съ рыночныхъ торговцевъ и т. д. Денежные сборы ордена исчисляются въ 5½ милл. марокъ. Громадныя поступленія натурой, выручаемыя изъ доменъ и отъ регалій, нуждались для своего сбыта въ иностранныхъ рынкахъ; орденъ открылъ

себѣ сбыть въ Англію, Швецію и Россію. Кромѣ янтаря вывозились зерновой хлѣбъ, смола, поташъ, строевой лѣсъ, воскъ и т. д. Мы не обладаемъ никакими данными для опредѣленія стоимости этого вывоза. Какъ сильно орденъ былъ заинтересованъ въ морской торговлѣ, это видно изъ того, что въ 1398 г. онъ занялся специально истребленіемъ организованныхъ пиратовъ, дѣйствовавшихъ на Балтійскомъ морѣ, Vitalienbrüder, и занялъ островъ Готландъ съ городомъ Висби (ср. т. VII, стр. 41). Однако уже въ 1407 г. орденъ вынужденъ былъ уступить этотъ ключъ къ сѣверной части Балтійскаго моря королю скандинавской уніи Эриху VII (XIII).

Самымъ крупнымъ землевладѣльцемъ послѣ ордена была церковь. Въ Пруссіи подъ ея властью находилась $\frac{1}{3}$ всей земли, а въ „Лифляндіяхъ“ (земляхъ ливовъ) — $\frac{2}{3}$. Чтобы помѣшать дальнѣйшему усилению церкви, орденъ препятствовалъ размноженію монастырей. Нѣсколько большую свободу онъ предоставлялъ развѣ только необладавшимъ никакими земельными владѣніями нищенствующимъ монахамъ, которые занимались миссіонерскою дѣятельностью среди язычниковъ и пользовались популярностью въ городахъ. Благодаря такому отношенію тевтонскаго ордена къ монахамъ въ его владѣніяхъ существовали всего только два значительныхъ монастыря, которые были подчинены рыцарямъ вмѣстѣ со всѣмъ тѣмъ округомъ, въ которомъ они находились: монастыри цистерціанскаго ордена въ Померелленѣ, Олива и Пельплинѣ. Рыцари-монахи вполне сходились между собою въ своемъ полуиустинничномъ, полусознательномъ пренебреженіи къ высшему образованію. Владѣнія ордена не служили благоприятной почвой для развитія науки и литературы; изъ всѣхъ изящныхъ искусствъ вниманіе удѣлялось только тому, которое имѣло наибольшее практическое значеніе, строительному искусству.

Довольно сложныя отношенія существовали между тевтонскимъ орденомъ и мѣстными епископами. Это не касается Пруссіи; здѣсь епископскія кафедръ были заняты по большей части членами ордена или, вообще, удобными ордену лицами, не говоря уже о томъ, что орденъ зависѣлъ непосредственно отъ папы, и ни одинъ епископъ не могъ отлучить отъ церкви членовъ ордена. Иначе сложились условія въ Лифляндіи, Эстляндіи и на островѣ Эзелѣ, такъ какъ въ этихъ областяхъ ордену приходилось распутывать уже готовыя установившіяся отношенія, которыя осложнились еще больше вслѣдствіе внимательства Рима. Только въ Курляндіи и Земгалленѣ, которые были завоеваны самимъ орденомъ, установились такія же отношенія между нимъ и церковью, какъ и въ Пруссіи. Въ то время, когда къ тевтонскому ордену перешли владѣнія меченосцевъ (1237 г.), Лифляндія была уже скопленіемъ церковныхъ княжествъ, между которыми выдавалась Рига. Послѣ учрежденія епископской кафедръ въ Ригѣ въ 1253 г. Лифляндія приобрѣла яркій характеръ церковнаго государства. Такъ какъ орденъ стремился къ устраненію отъ свѣтской власти лифляндскихъ епископовъ наравнѣ съ курляндскими и прусскими, то это повело къ тяжелой борьбѣ и непрерывно натянутымъ отношеніямъ между обѣими враждующими силами. Въ періодъ своего расцвѣта (въ XIV столѣт.) орденъ подошелъ довольно близко къ своей цѣли. Это удалось ему благодаря его связямъ съ епископскими вассалами, которые добились политической самостоятельности въ прибалтійскихъ областяхъ: епископы были вынуждены уступить мало-по-малу всѣ свои верховныя права своимъ ленникамъ, обязаннымъ предъ ними службой на войнѣ. Такимъ образомъ сословіе вассаловъ развилось въ особую корпорацію, которая не могла создаться въ Пруссіи и Курляндіи, но существовала также и въ Эстляндіи, до 1347 г. принадлежавшей датчанамъ. Хотя союзъ между орденомъ и ленниками епископовъ не отличался особой прочностью, тѣмъ не менѣе онъ далъ ордену возможность возстановить равновѣсіе между своею собственной властью и властью епископовъ. Въ Пруссіи тоже существовало сосло-

віе вассаловъ, обязанныхъ военной службой, изъ котораго развилось впоследствии помѣстное дворянство, но орденъ не дѣлился съ нимъ своими верховными правами и, вообще, не принималъ его въ свою среду; только въ исключительныхъ случаяхъ орденъ отступалъ отъ своего правила не принимать въ свое рыцарское братство русское, лифляндское и близкое къ нимъ нижне-германское дворянство. Орденъ продолжалъ пополняться только изъ Верхней и Средней Германіи даже послѣ того, какъ великій магистръ перенесъ свою резиденцію на сѣверъ. Такое пренебрежительное отношеніе ордена къ мѣстному ленному дворянству послужило источникомъ внутренней вражды, которая приняла весьма гибельный для государства, основаннаго орденомъ, характеръ. Въ XIV столѣтіи слились окончательно съ переселившимися въ прибалтійскія области нѣмецкими дворянами остатки туземнаго латгальскаго дворянства, „виттунги“; въ награду за ихъ вѣрнопопданническую покорность орденъ далъ имъ одинаковыя права съ остальными ленными дворянами.

Громадное большинство сельскаго населенія, жившаго въ деревняхъ и въ помѣстьяхъ, пользовалось до XV столѣтія такой свободой, которая стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчій съ развившимся впоследствии наследственнымъ подданствомъ и крѣпостной зависимостью. Только тѣ пруссы, которые поднимали возстанія, обращались въ рабство и подвергались угнетеніямъ послѣ ихъ усмиренія. Однако между занимавшими самое выгодное положеніе пруссами и нѣмецкими колонистами существовала та разница, что первыхъ обязывали „неограниченной“ военной службой, а вторыхъ только органической (т. е. въ оборонительныхъ войнахъ). Все же нѣкоторыя деревни, населенныя туземцами, тоже пользовались на ряду съ нѣмцами „Кельвскимъ“ правомъ, предоставлявшимъ нѣмецкимъ крестьянамъ необычайную степень свободы и независимости. Въ общемъ сельское населеніе Пруссіи и лифляндскихъ округовъ состояло изъ крестьянъ, уплачивавшихъ умѣренный оброкъ. Они считались наследственными собственниками своей пахотной земли и своихъ усадебъ, пользовались лѣсомъ, выгонами, водой и правомъ охоты; а нѣрѣдко были даже свободны отъ оброка. Въ „золотой вѣкъ“ ордена, при великомъ магистрѣ Генрихѣ фонъ-Клинпродѣ (отъ 1351 до 1382 г.) во владѣніяхъ ордена существовало, какъ говорятъ, 18,000 деревень.

Пруссія могла называться областью съ нѣмецкими городами съ ббльшимъ основаніемъ, чѣмъ Бранденбургъ и даже Силезія. Съ самаго начала рыцари обоихъ орденовъ занимали прибалтійскія области и вводили въ нихъ культуру въ союзъ съ нѣмецкими бюргерами. Подобно всей Германіи города, основанныя во владѣніяхъ ордена, пережили періодъ господства патриціевъ, во время котораго города добились полной независимости; здѣсь тоже послѣдовалъ періодъ борьбы между крупной буржуазіей и цехами съ тѣмъ только отличіемъ, что въ Прибалтійскомъ краѣ эта борьба нигдѣ не привела къ окончательному паденію патриціевъ и къ полному господству цеховъ. Оригинальную черту прусскихъ и лифляндскихъ городовъ составляетъ ихъ тяготѣніе къ морю и рано развившаяся у нихъ наклонность къ заключенію союзовъ. Эта наклонность поддерживалась торговыми сношеніями съ внутренними областями Россіи, такъ какъ всѣ прибалтійскіе города имѣли одинъ общій интересъ, заключавшійся въ устраненіи конкурренговъ. Существовали союзъ прусскихъ городовъ (Данцигъ, Эльбингъ, Кенигсбергъ, Кульмъ, Торнъ, Браунсбергъ), союзъ лифляндскихъ городовъ (Рига, Ревель, Дерптъ, Феллипъ, Перновъ, Вольмаръ, Венденъ); эти союзы были устроены по образцу союза вендскихъ городовъ, во главѣ котораго стоялъ Любекъ, и, наконецъ, всѣ примкнули къ Великой Ганзѣ, въ составъ которой вошли также прусскіе и лифляндскіе города, не отказавшіеся однако отъ своихъ болѣе узкихъ цѣлей и конфедераций. Общіе интересы Ганзы не всегда совпадали съ интересами

прусскихъ и лифляндскихъ городовъ, и это обстоятельство служило поводомъ къ столкновеніямъ (срав. т. VII, стр. 46). Взаимныя отношенія стали еще болѣе запутанными послѣ того, какъ орденъ сталъ заниматься самостоятельно торговлей и становился то соперникомъ, то союзникомъ своихъ городовъ а вмѣстѣ съ ними шель рука объ руку съ Ганзой или же, наоборотъ, превращался въ ея противника.

4. Упадокъ нѣмецкаго колонизаціоннаго движенія.

XII и XIII столѣтія были для Германіи періодомъ расцвѣта народныхъ силъ. Какой громадный размахъ физической мощи обнаружила въ это время германская нація! Она произвела на свѣтъ то поколѣніе богатырей, которое проливало свою кровь на берегу Малой Азии, подъ Аккой, и на поляхъ Италіи и которое занималось взаимоистребленіемъ въ борьбѣ между вельфами и вайблингами, въ войнахъ всѣхъ противъ всѣхъ. Въ то же время это поколѣніе создало тѣхъ людей съ болѣе мирными наклонностями, которые расчищали подъ пашню лѣса внутренней Германіи, населяли пустыни, строили и расширяли города и положили начало почти всѣмъ тѣмъ селеніямъ, которыя существуютъ еще и понынѣ, такъ что во многихъ мѣстахъ сохранилось до настоящаго времени тогдашнее распределеніе земли на пашни, лѣса и выгоны (нашими современными картами распределенія по угодіямъ можно пользоваться для той эпохи). При всемъ томъ въ націи оказался еще достаточный избытокъ силъ для того, чтобы она могла надѣлать самымъ драгоценнымъ своимъ достояніемъ, своими сыновьями и своей культурой, примыкающія къ ней области востока вплоть до Трансильванскихъ Альпъ и Фипскаго залива.

Въ XIV столѣтіи этотъ избытокъ силъ германскаго народа истощается, пульсъ его внѣшней и внутренней жизни замедляется. Міровая политика императоровъ уступаетъ мѣсто мудрой политикѣ внутренняго устроенія. Прекращается распространеніе нѣмцевъ на югъ и на востокъ; чувствуется недостатокъ въ колонистахъ, наступаетъ конецъ крестовнымъ походамъ. Послѣ опустошеній, произведенныхъ черной смертью и другими эпидеміями (т. VII, стр. 195), наступила сильная убыль въ населеніи. Повидимому, угасли не только производительныя, но и воспроизводительныя силы націи: во всемъ замѣчается застой и регрессъ. Наконецъ, сосѣдніе народы, столь многими обязанные нѣмцамъ, переходятъ съ обычной неблагодарностью отъ пассивнаго сопротивленія, обороны, къ вытѣсненію нѣмцевъ, даже къ наступательнымъ дѣйствіямъ, угрожаютъ прежнимъ пріобрѣтеніямъ и расхищаютъ достояніе имперіи, неспособной къ самозащитѣ ни въ цѣломъ, ни въ своихъ частяхъ.

А. Земли, утеряныя нѣмцами: Шлезвигъ-Гольштейнъ, Чехія, Венгрія.

Кальмарская унія 1397 года придала скандинавскимъ государствамъ такую силу, что они выступили противъ дальнѣйшаго распространенія нѣмецкаго вліянія и полнаго угнетенія своей торговли Ганзей. Съ этихъ поръ великій союзъ городовъ боролся уже за сохраненіе, а не за расширеніе своихъ привилегій: борьба эта была небезуспѣшна, такъ какъ Ганзѣ удалось удержать въ своихъ рукахъ преобладающую роль на Балтійскомъ морѣ въ теченіе цѣлаго вѣка, хотя объ исключительномъ господствѣ уже не было рѣчи. Германская народность, конечно, ничего не выгадала на томъ, что послѣ смерти Адольфа VIII, принадлежавшаго къ дому Шауэнбурговъ (въ 1459 г.), шлезвигцы избрали датскаго короля своимъ герцогомъ, а гольштинцы своимъ графомъ (5 марта 1460 г.). Съ этихъ поръ судьба Транзальбингіи оказалась тѣсно связанной съ исторіей Даніи и датской династіей; достояніе, утерянное германской націей, было за-

воевало обратно только въ XIX вѣкѣ со свойственными ему энергіей и расцвѣтомъ національной идеи. Въ то время, когда нѣмецкому господству на Балтійскомъ побережьи грозила тяжела опасность и славяне стали готовиться къ бою по всей линіи, курфиршество Бранденбургское стало оправляться, къ счастью, отъ глубокаго упадка, до котораго оно опустилось послѣ прекращенія династии Асканіевъ (въ 1320 г.) подъ властью Виттельсбаховъ и Люксембурговъ. Первымъ бранденбургскимъ Гогенцоллернамъ удалось снова спаять между собою разрозненные члены марки Асканіевъ. Бранденбургъ приобрѣлъ права на Померанію, Силезію и Пруссію: готово было ядро способнаго къ росту государства, которое соединило обратно въ теченіе XVII и XVIII вѣковъ всѣ области, завоеванныя и населенныя нѣмцами по частямъ въ XII и XIII столѣтіяхъ и мало-по-малу растеряныя въ XV-мъ и XVI-мъ столѣтіяхъ (смотри карту, приложенную къ стр. 493, VII тома).

Въ томъ же году, въ которомъ императоръ Сигизмундъ отдалъ въ залогъ маркграфу Фридриху фонъ-Гогенцоллерну Бранденбургскія области (тамъ же, стр. 201), погибъ на кострѣ Іоаннъ Гуссъ (1415 г.), но великое національное движеніе въ Чехіи, извѣстное подъ именемъ гусситизма, вспыхнуло съ особенной силой только послѣ его смерти: это движеніе отличалось рѣзкой враждебностью къ нѣмцамъ и сочеталось съ церковно-религіозной и социальнo-утопической революціей (т. V, стр. 256). Ни одна изъ тѣхъ бурь, которыя разразились на Востокѣ вслѣдствіе реакціи, поднявшейся противъ нѣмцевъ въ XV столѣтіи, не отличалась такимъ острымъ характеромъ, какъ эти чешскія волненія. Тѣмъ не менѣе германская народность удержала подъ собою почву въ Силезіи, которая объединилась съ Чехіей въ 1335 г. Бреславль устоялъ въ этой борьбѣ и остался неприступнымъ оплотомъ германской народности. Болѣе сильно бросался въ глаза опустошенія, произведенныя гусситскимъ ураганомъ въ Чехіи и Моравіи. Вся эта борьба пошла на пользу исключительно дворянству: оно подчинило себѣ вольные нѣмецкіе города, возникшіе при династіяхъ Пшемисловичей и Люксембурговъ; только немногіе изъ этихъ городовъ остались подъ непосредственнымъ покровительствомъ чешскаго короля и сохранили за собою болѣе значительную долю свободы. Крестьянское сословіе, положеніе котораго поднялось было повсюду въ XII и XIII столѣтіяхъ благодаря привилегіямъ, предоставленнымъ колонистамъ, превратилось теперь въ безразличную массу оброчныхъ и крѣпостныхъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ, безотвѣтныхъ рабовъ землевладѣльцевъ. Въ географическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ германская національность удержала свое прежнее положеніе въ Чехіи, но послѣ уничтоженія всѣхъ нѣмецкихъ учрежденій она уже была не въ силахъ удержать за собою руководящую роль въ дѣлахъ управленія и въ культурѣ. Реформація Лютера тоже не вернула нѣмцамъ ихъ прежняго преобладающаго вліянія, такъ какъ она оживила снова національный, т. е. чешскій, утравизмъ (ученіе о причастіи мирякъ подъ обоими видами, срав. т. V, стр. 267). Наилучшею характеристикой господствовавшаго тогда положенія можетъ служить то обстоятельство, что до 1627 г., т. е. до изданія областного уложения Фердинанда II, въ судѣ и администраціи не допускалось употребленія никакого другаго языка, кромѣ чешскаго.

Разразившаяся въ XV столѣтіи національная реакція парализовала нѣмецкое вліяніе также и въ Венгріи, въ которую нѣмцы были привлечены большею частью самими королями между XI и XV столѣтіями, въ которой они положили начало городской жизни и горной промышленности и воздѣляли впервые громадныя участки земли. Дворянство усилилось за счетъ городскихъ и крестьянскихъ вольностей. По примѣру Польши и Чехіи это сословіе подчинило своему господству также и Венгрію при Ягеллонахъ (1490—1526 гг.); корону вырочала до нѣкоторой степени

отъ давленія землевладѣльческой аристократіи постоянная вражда между магнатами и мелкой шляхтой, но на народныхъ массахъ этотъ гнетъ тяготѣлъ цѣлыхъ 300 лѣтъ. Что касается ученія Лютера, то въ земляхъ, подвластныхъ коронѣ св. Стефана, оно тоже затронуло только исключительно нѣмецкое населеніе въ то время, какъ симпатіи мадьяръ склонились въ пользу кальвинизма, чуждаго по своему существу германской національности (срав. т. V, стр. 385). На долю Габсбурговъ выпала одинаковая роль какъ въ Чехіи, такъ и въ Венгріи: они сократили господство магнатовъ, заставили ихъ подчиниться власти монарха, возстановили культурное и политическое значеніе германской народности, которая служила для нихъ вспомогательнымъ средствомъ для централизаціи государственнаго управленія.

Б. Окончательная судьба владѣній Тевтонскаго ордена.

Самый губительный характеръ приобрѣла реакція противъ нѣмцевъ на Востокѣ, въ царствѣ шляхты. Поляки и литовцы нанесли Тевтонскому ордену тѣ смертельные удары, которые разрушили его владѣнія и сдѣлали ихъ добычей для негерманскихъ народовъ. Тутъ рѣчь идетъ не только о приостановкѣ наступательнаго движенія нѣмцевъ или объ упадкѣ нѣмецкихъ учреждений, здѣсь былъ нанесенъ тяжелый, непоправимый уронъ германской народности.

а) Танненбергъ (1410 г.), Торнъ (1466) и секуляризація (1525 г.).

Польша давно уже перестала быть вассальнымъ государствомъ, платящимъ дань германскому королю; тѣмъ не менѣе въ эту страну открыли себѣ доступъ нѣмецкое городское устройство, нѣмецкое право и нѣмецкая колонизація. Еще при Казимирѣ Великомъ (сконч. въ 1370 г.) и Людовикѣ Великомъ (сконч. въ 1382 г.) польское государство относилось дружелюбно къ переселявшимся на его территорію нѣмцамъ и нѣмецкой культурѣ. Мало того, когда князь литовскій Ягайло сталъ королемъ польскимъ (въ 1386 г.) и язычники литовцы перешли въ римско-католическую вѣру (т. V, стр. 492), то нѣмецкіе колонисты и нѣмецкое городское право проникли даже въ Литву; но благодаря этому союзу, заключенному между обоими наследственными врагами, былъ поставленъ въ опасное положеніе Тевтонскій орденъ. Поляки смотрѣли на него, какъ на насильственнаго узурпатора, какъ на грабителя, захватившаго польскія области, а главнымъ образомъ они не могли простить ему захвата Помереллена, Кульмской области и Михелау; развитіе орденскаго государства закрыло полякамъ доступъ къ морю.

Соединившись съ открытой враждой литовцевъ, затаенная злоба поляковъ вырвалась наружу. Съ тѣхъ поръ, какъ орденъ объединилъ подъ своею властью Пруссію и Ливонскія земли, Литва стала единственнымъ препятствіемъ къ дальнѣйшему распространенію его владѣній; между орденомъ и Литвой возгорѣлась непрерывная борьба, и даже еще въ XIV столѣтіи эта борьба привлекала крестоносцевъ изъ всей христіанской Европы. Теперь литовцы обратились въ христіанство. Велѣдъ за этимъ прекратился приливъ крестоносцевъ изъ-за границы; рыцари Тевтонскаго ордена были предоставлены самимъ себѣ въ своихъ военныхъ предпріятіяхъ. Да притомъ уже не было религіознаго повода къ продолженію борьбы, которая перѣдко прикрывалась только извѣстною маской войны за христіанскую вѣру; въ дѣйствительности это была борьба за господство, главнымъ образомъ за обладаніе Литовской Жмудіей, которая вѣнчалась клиномъ во владѣнія ордена вплоть до берега Балтійскаго моря и раздѣляла ихъ на двѣ отдѣльныя половины (см. вторую маленькую карту на двойной картѣ, прилож. къ стр. 554, т. V). Певзирая на возмущеніе своихъ подданныхъ,

стоившихъ подъ невыносимымъ гнетомъ военныхъ повинностей и не смущаясь отсутствіемъ союзниковъ крестоносцевъ, заправицы ордена тѣмъ не менѣе продолжали борьбу съ Литвой; уже обратившейся въ христианство, и захватили Жмудію, изъ-за которой было пролито столько крови (стр. 333). Теперь уже Литва не была предоставлена своимъ собственнымъ силамъ: бокъ о бокъ съ нею стояла Польша. Со времени Казимира Великаго военная организація Польши ушла значительно впередъ. Великій князь литовскій Витольдъ тоже ввелъ улучшения въ литовскомъ національномъ военномъ устройствѣ въ то время, какъ орденъ былъ вынужденъ вербовать къ себѣ на службу наемниковъ, такъ какъ исчезли всѣ другіе вспомогательные источники. Въ великой битвѣ при Танненбергѣ (15 іюля 1410 г.) тяжеловооруженные тевтонскіе рыцари, привыкшіе исключительно къ поединкамъ, не устояли противъ громадныхъ массъ легкой кавалеріи, выставленныхъ противъ нихъ Востокомъ.

Геройская защита Мариенбурга Генрихомъ фонъ-Плауэпомъ спасла государство Тевтонскаго ордена отъ немедленной гибели, и 1 февраля 1411 г. въ Торнѣ былъ заключенъ довольно сносный мирный договоръ, по которому Тевтонскіе рыцари отказались отъ Жмудии и Добжины; однако, господство ордена не могло уже оправиться отъ нанесеннаго ему удара, такъ какъ вслѣдъ за этимъ началось его внутреннее разложеніе. Обнаружившееся еще раньше разъединеніе между орденомъ и его подданными превратилось въ зияющую пропасть, которая уже никакъ не могла закрыться. Оттѣсненное на задній планъ сельское дворянство, завидовавшее вольностямъ своихъ польскихъ сотоварищей по сословію, стало основывать измѣнническія тайныя общества, изъ которыхъ наибольшей извѣстностью пользовался „союзъ ящерицы“; эти тайныя общества угрожали опасностью самому существованію государства (т. V, стр. 496), а города, ненавидѣвшіе орденъ, какъ конкуррента, съ Данцигомъ во главѣ ждали съ нетерпѣніемъ того момента, когда имъ удастся вырваться изъ-подъ его власти. Городскіе толстосумы и деревенскіе крѣпостники вступили между собою въ союзъ для общихъ дѣйствій. Генрихъ фонъ-Плауэвъ пытался было примирить между собою классовыя противорѣчія въ Пруссіи посредствомъ сословной организаціи, но этотъ смѣлый реформаторъ потерпѣлъ неудачу, и въ 1413 г. онъ былъ отрѣшенъ отъ сана великаго магистра, а вслѣдъ за этимъ началось разложеніе даже въ средѣ самого ордена. Рыцарско-монашеская дисциплина окончательно исчезла, своекорыстіе и непокорность распространялись все сильнѣе.

Несмотря на все это, государство Тевтонскаго ордена продолжало владѣть свое жалкое существованіе, отравленное внутренней и вѣшной борьбой. Поворотъ къ худшему наступилъ только послѣ собранія въ Мариенвердерѣ (14 марта 1440 г.), на которомъ былъ основанъ Прусскій союзъ, объединившій рыцарство и горожанъ для борьбы съ орденомъ. Послѣ того, какъ великій магистръ обратился къ императору и Фридрихъ III высказалъ свое осужденіе союзу, этотъ послѣдній отрекся отъ ордена и предложилъ польскому королю Казимиру IV принять Пруссію подъ свою верховную власть (1454 г.). Польскій король весьма охотно пошелъ навстрѣчу этому предложенію и назначилъ своимъ наѣтникомъ предводителемъ оппозиціи Ганса фонъ-Баггена. Цѣлыхъ 13 лѣтъ свирѣпствовала междоусобная война, которую велъ орденъ при помощи наемниковъ. Даже замокъ великаго магистра въ Мариенбургѣ пришлось заложить для того, чтобы выплатить жалованье этимъ наемникамъ, но большей части чехамъ, а они продали тайкомъ этотъ замокъ вмѣстѣ съ другими польскому королю. Немало прусскихъ дворянскихъ родовъ ведутъ свое происхожденіе отъ разбогатѣвшихъ въ то время предводителей бандъ. Наконецъ, всѣ силы ордена были истощены, и 19 октября 1466 г. онъ вынужденъ былъ заключить второй Торнскій мирный договоръ. Съ этихъ поръ Западная

Пруссія была присоединена къ Польшѣ и оставалась подъ ея властью вплоть до раздѣловъ этого государства (1772—1795 г.); что касается Восточной Пруссіи, то великій магистръ получилъ ее обратно отъ польскаго короля Казимира въ видѣ лена.

Смертельная борьба Тевтонскаго ордена тянулась еще цѣлыхъ 100 лѣтъ, такъ какъ владѣнія ордена все еще обнимали кромѣ Восточной Пруссіи Ливонскія земли, почти не затронутыя предшествовавшими событіями. Важнѣйшіе сановники государства Тевтонскаго ордена, ливонскій военный магистръ и тевтонскій магистръ, отказались повиноваться великому магистру, который сталъ вассаломъ Польши. Орденъ сталъ искать новой опоры, и для этой цѣли онъ избралъ своими главами представителей германскихъ имперскихъ княжескихъ родовъ, герцога саксонскаго Фридриха (въ 1498 г.) и Альбрехта фонъ Бранденбургъ-Ансбаха (въ 1511 г.). Орденъ осмѣлился даже отречься отъ ленной зависимости по отношенію къ польскому королю, но на его бѣду императоръ Максимилианъ, поддерживавшій до этого времени стремленія великаго магистра въ надеждѣ на присоединеніе Пруссіи къ имперіи, заключилъ какъ разъ въ это время важный Пресбургско-Вѣнскій мирный договоръ (22 іюля 1515 г.; т. V, стр. 381 и 520), который былъ соглашеніемъ объ обоюдномъ наследованіи между Габсбургами и занимавшей чешско-венгерскій престолъ вѣтвью Ягеллоновъ, причемъ нельзя было обойтись безъ согласія другой вѣтви дома Ягеллоновъ, царствовавшей въ Польшѣ и Литвѣ. Въ виду этого орденъ не могъ ожидать помощи ни отъ Максимилиана, ни отъ его преемника Карла V. Тутъ началась реформація, которая дѣлала быстрые успѣхи въ Пруссіи. Епископъ Замландскій Георгъ фонъ-Поленцъ былъ первымъ изъ церковныхъ князей, принявшихъ евангелическое вѣроученіе. Съ этого момента уже не существовало непреодолимаго препятствія къ секуляризациі владѣній ордена, которая была невыполнима до того момента. Альбрехтъ фонъ-Бранденбургъ обратился въ протестантство и получилъ въ видѣ лена отъ польскаго короля Сигизмунда Восточную Пруссію, которая была признана съ этихъ поръ свѣтскимъ наследственнымъ герцогствомъ (въ апрѣлѣ 1525 г.). Церковное господство пережило само себя; жалѣть приходилось только объ одномъ, о томъ, что снова была признана верховная власть Польши надъ владѣніями ордена. Тѣмъ не менѣе, германская народность укоренилась такъ глубоко въ городской и сельской жизни Восточной и Западной Пруссіи, что она пережила безъ существеннаго ущерба продолжительное иноземное господство. Конечно, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ проникло вновь польское населеніе; кромѣ того касубы, литовцы и мазуры сохранили свою національность подъ властью родственной Польши въ то время, какъ они исчезли бы гораздо легче при чисто нѣмецкомъ правительствѣ. Однако дѣло не могло дойти до новой летто-славянской колонизациі прибалтійскихъ областей, такъ какъ негерманскія государства не обладали необходимымъ избыткомъ населенія, и вдобавокъ польское государство могло добиться успѣха на пути колонизациі въ Малой и Червоной Русси, но не въ областяхъ, обрабатываемыхъ нѣмецкими крестьянами, и въ городахъ, населенныхъ нѣмецкими ремесленниками и торговцами. Можетъ быть, всемогущее время и вытѣснило бы отсюда въ концѣ концовъ германскую народность, но, къ счастью, Бранденбургъ уже сталъ форпостомъ германской колонизациі Сѣверо-Восточной Европы, и онъ уже готовился къ обратному завоеванію потерянныхъ частей Германской имперіи и къ ихъ объединенію съ остальной Германіей.

б) Окончательная судьба Тевтонскаго ордена въ Лифляндіи.

Только черезъ 100 лѣтъ послѣ заключенія Торнскаго мирнаго договора 1466 года рѣшилась судьба ливонскихъ владѣній ордена. Тевтонскій

рыцарскій орденъ еще не прекратилъ своего существованія послѣ секуляризаціи 1525 года. Прежній правитель ордена принялъ въ Вюртембергскомъ городѣ Мергентгеймѣ титулъ высокаго и тевтонскаго магистра (просуществ. до 1809 г.), а Лифляндія осталась подъ властью и безъ того давно уже независимаго военнаго магистра. Несмотря на это, перспективы, открывавшіяся предъ германской народностью, были здѣсь гораздо мрачнѣе, чѣмъ въ Пруссіи, находившейся въ ленной зависимости отъ Польши. Къ германской народности принадлежали въ лифляндскихъ областяхъ только жители городовъ и дворянство, которое было родомъ по преимуществу изъ Вестфаліи. Здѣсь никогда не происходило основательной германской колонизаціи при посредствѣ крестьянъ; повсюду удержалось сплошное латышское и финское населеніе. Не нѣмецкое населеніе относилось къ нѣмцамъ съ той затаенной ненавистью, какую рабъ питаетъ къ своему господину. Эта ненависть не угрожала никакой опасностью до тѣхъ поръ, пока ни одинъ врагъ не ступилъ на ливонскую землю. Но прибалтійскія области были окружены алчными сосѣдями, считавшими ихъ своей вѣрной добычей. Вопросъ заключался лишь въ томъ, не сумѣетъ ли орденъ сохранить своихъ владѣній благодаря соперничеству между его врагами. Кромѣ ненависти къ нѣмцамъ туземнаго населенія существовали еще и другія противорѣчія, открывавшія доступъ иностранному вмѣшательству. Еще со времени епископа Альбрехта не былъ улаженъ споръ о томъ, кто является верховнымъ владѣтелемъ Лифляндіи, орденъ или епископъ (стр. 334): ни та, ни другая изъ спорящихъ сторонъ не могла добиться перевѣса, и распрямъ не предвидѣлось конца. Епископы, которые были, вообще говоря, слабѣйшей стороной, нерѣдко пытались перетянуть вѣсы на свою сторону посредствомъ предательскихъ интригъ. Между орденомъ и городами тоже не было согласія. Больше всего хлопотъ причиняла ордену Рига, которая рѣдко ладила также и съ епископами. Кромѣ того, ливонскіе города имѣли свои спеціальныя коммерческіе интересы, разстраивавшіе ихъ отношенія съ Ганзой и навлекавшіе на нихъ вражду Московскаго царства. Когда въ Лифляндію проникла реформація, то ни епископъ, ни орденъ не осмѣлились на такой рѣшительный шагъ, какой былъ сдѣланъ въ Пруссіи, а остались со своимъ формальнымъ, лишеннымъ всякаго внутренняго убѣжденія католицизмомъ одиночками среди протестантскаго населенія.

При такихъ условіяхъ надо удивляться тому, что господство ордена въ ливонскихъ земляхъ могло подняться опять на время до цвѣтущаго состоянія. Этимъ орденъ былъ обязанъ своему первому и послѣднему великому челоѣку, военному магистру Вальтеру фонъ-Плеттенбергу. Его популярность была основана на побѣдѣ, одержанной имъ надъ русскими у озера Смолина (13 сентября 1502 г.), и на выгодномъ мирномъ договорѣ, который былъ заключенъ послѣ этой побѣды.

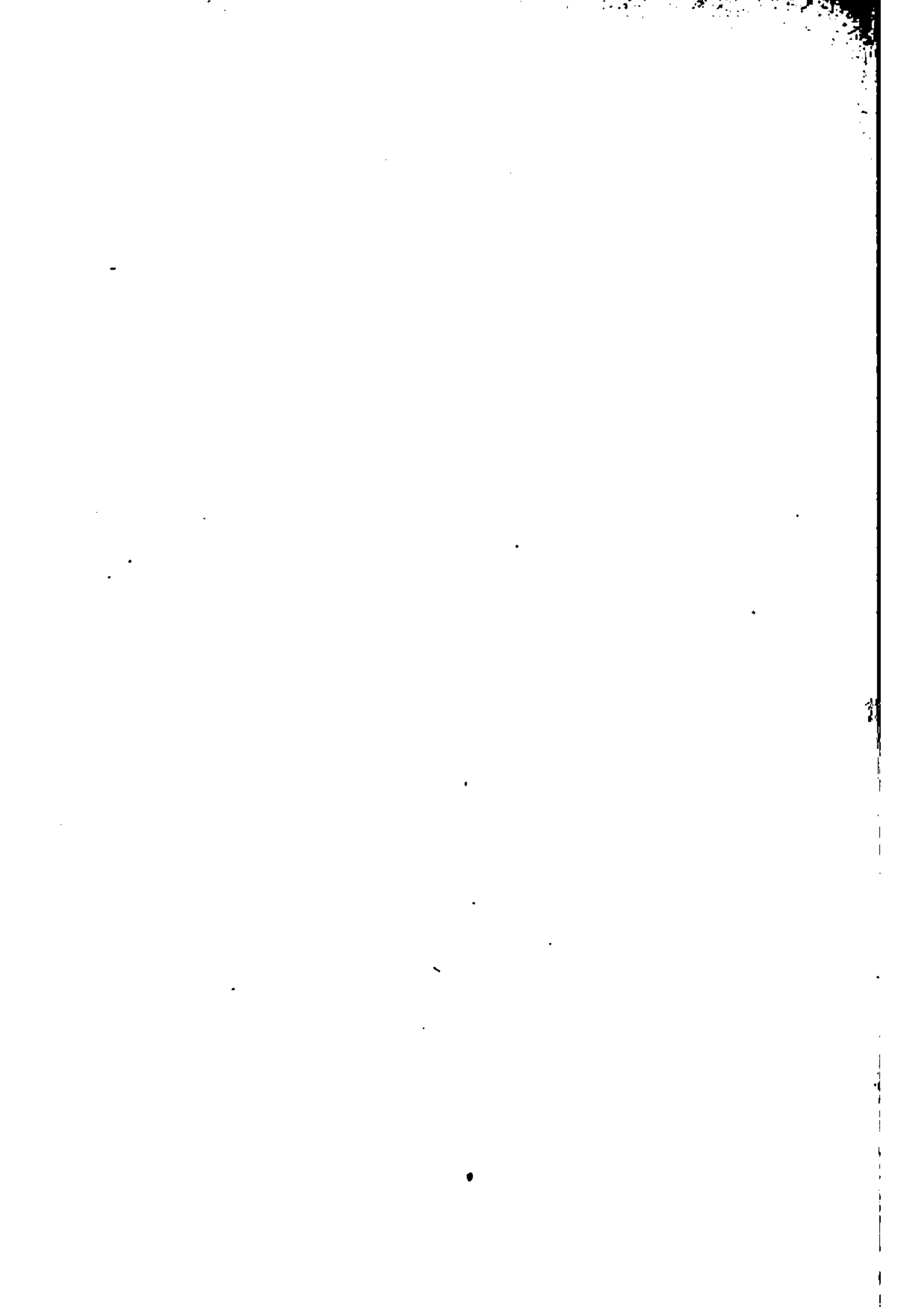
По истеченіи продолжительнаго промежутка времени Иванъ IV Грозный снова началъ войну противъ ливонскихъ владѣній ордена (въ ноябрѣ 1557 г.). На этотъ разъ наиболѣе вліятельные рыцари спорили только о томъ, у кого просить помощи цѣною изъявленія покорности, у датчанъ, шведовъ или поляковъ. Рѣшающее значеніе приобрѣло то обстоятельство, что военный магистръ, Готгардъ Кеттлеръ, обратился къ Польшѣ; король Сигизмундъ II принялъ подъ свое покровительство владѣнія ордена, выговоривши себѣ въ видѣ вознагражденія немедленную уступку нѣкоторыхъ пограничныхъ округовъ. Тѣмъ не менѣе орденъ потерпѣлъ пораженіе въ битвѣ при Эрмесѣ (2 августа 1560 г.). Это былъ порѣдній разъ, когда знамя ордена еще развѣвалось въ бою. Теперь не оставалось больше выбора. Вся Лифляндія по правому берегу Двины подчинилась польскому королю (1561 г.); привилегія, обнародованная Сигизмундомъ Августомъ 28-го ноября, заключала въ себѣ ту правовую основу, благодаря которой владѣнія

ордена сумѣли сохранить свою обособленность, несмотря на трехсотлѣтнее иноземное господство (Т. Шиманцъ). Георгъ Кеттлеръ получилъ Курляндію и Земгалленъ въ видѣ наследственнаго лена съ титуломъ герцога, зависимаго отъ Польши; онъ перенесъ свою резиденцію въ Митаву. Напротивъ того, Эстляндія съ гор. Ревелемъ подчинилась верховной власти шведовъ еще за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ, въ іюнѣ того же 1561 года.

VIII. Исторія Італіи отъ VI до XIV сто- лѣтїя.

Съ краткими очерками послѣдующей эпохи.

Соч. д-ра Ганса Ф. Гельмольта.

1. Періодъ „нашествій варваровъ“.

А. Лангобардское королевство.

По окончаніи смуть, вызванныхъ вестготами и вандалами, Италия жила подъ сравнительно благотворнымъ попеченіемъ Одоакара (Одвакера, срав. стр. 67) съ его герулами. Но не прошло и 15 лѣтъ, какъ это господство смѣнилось другимъ, болѣе прочнымъ и способнымъ на болѣе глубокое вліяніе какъ вслѣдствіе своей прочности, такъ и по другимъ причинамъ; мы говоримъ о Теодорихѣ Великомъ и его наследникахъ; во всемъ ряду смѣнявшихся одно за другимъ итальянскихъ королевствъ это было единственное, столицей котораго служилъ приморскій городъ. Наконецъ, въ видѣ дальнѣйшей исторической ступени, вслѣдъ за гибелью готскаго королевства (въ 568 году) преобладающее вліяніе приобрѣлъ лангобардскій народъ.

Благодаря своимъ продолжительнымъ странствованіямъ и набѣгамъ для захвата чужихъ земель (стр. 80) лангобарды превратились въ сильный и воинственный народъ, а послѣ ихъ послѣдней побѣды надъ паннонскими гепидами (въ 566 году), одержанной ими только благодаря помощи со стороны аваровъ, ихъ самоувѣренность возросла до такой степени, что они рѣшились предпринять походъ для завоеванія Италии. Однако, это предпріятіе не увѣчалось полнымъ успѣхомъ; напротивъ того, Альбойнъ (Альвинъ; стр. 51) положилъ начало тому длинному ряду итальянскихъ мѣстныхъ владѣтельныхъ князей, который служилъ наиболѣе яркимъ выраженіемъ политической раздробленности Апеннинскаго полуострова, продолжавшейся цѣлыхъ 13 столѣтій.

Прежде всего римскіе или византійскіе гарнизоны отступили изъ Понта и Пьемонта, Эмиліи и Сѣверной Тосканы и очистили почти всѣ морскіе берега; 4 сентября 569 года сдался Миланъ, а вскорѣ послѣ этого послѣдовало паденіе Павіи, въ то время еще носившей названіе Тицинума, послѣ смѣлой обороны, продолжавшейся нѣсколько лѣтъ (въ 572 году). Альбойнъ сдѣлалъ этотъ городъ своей столицей; однако, въ это время еще не могло быть рѣчи объ основаніи государства въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Страсть къ передвиженіямъ, которая толкала лангобардовъ отъ низовьевъ Эльбы къ низовьямъ Вислы, оттуда къ средней части теченія Дуная и дальше черезъ Монте Санъ-Микеле (около Градиски) до рѣки По, а затѣмъ весьма тяжелая борьба на жизнь и на смерть, которую они выдерживали неоднократно, — всѣ эти обстоятельства, конечно, не способствовали смягченію ихъ варварскихъ нравовъ. Союзники и спутники лангобардовъ, остатки гепидовъ, присоединившіяся къ нимъ толпы восточныхъ славянъ и западныхъ германцевъ, наконецъ, 20,000 саксовъ стояли на такой же низкой ступени культуры, какъ и сами лангобарды. Поэтому, вторженіе лангобардовъ было чѣмъ-то болѣе страшнымъ, чѣмъ занятіе Италиі остготами и даже, чѣмъ набѣги состоявшихся на императорской службѣ вестготовъ; это нашествіе было кульминаціонной точкой „invasioni barbariche“ (нашествій варваровъ).

Недолго наслаждался Алябоинъ плодами своихъ побѣдъ; ранней весной 572 года онъ палъ жертвой мести своей второй жены Розамунды, происходившей изъ народа гепидовъ. Уже черезъ 1½ года (въ 574 году) такая же участь постигла и его преемника Клефа. Главари родовъ (fagae), къ концу періода странствованій уже спустившіеся, повидимому, подъ давленіемъ верховной королевской власти до уровня подчиненныхъ военачальниковъ и членовъ королевской свиты, превратились черезъ относительно короткое время въ герцоговъ, владѣвшихъ опредѣленной земельной территоріей, и творили судъ надъ опредѣленнымъ числомъ лангобардскихъ родовъ на основаніи неписаннаго, обычнаго права. Рука объ руку съ этимъ шло покореніе Италии, которое на этотъ разъ уже не было переселеніемъ на основаніи договора: прежніе землевладѣльцы были переселены или же вынуждены были спасаться бѣгствомъ. Не успѣли еще запуганные римляне почувствовать облегченіе отъ исчезновенія суровой централизованной королевской власти, какъ уже образовались съ необычайной быстротой даже въ Средней Италии два великихъ герцогства, Сполетское и Беневентское, подъ главенствомъ особенно смѣлыхъ и самовластныхъ военачальниковъ, какъ, на примѣръ, Фароальдъ и Цотто. Нарзеса, побѣдителя готовъ, давно уже не было въ живыхъ, а Византіи грозили съ двухъ сторонъ персы и авары (томъ V, стр. 47); императорскій полководецъ Бадуаріусъ потерпѣлъ пораженіе недалеко отъ сильно укрѣпленной Равенны (въ 575—576 году). Аріане лангобарды отмѣчали свой побѣдоносный путь опустошеніемъ и въ особенности истребленіемъ католическихъ духовныхъ лицъ. Среди этого всеобщаго наводненія уцѣлѣли ввидѣ острововъ только древнія столицы Равенна, Римъ и Неаполь, стѣны которыхъ оставались неприступными для невѣжественныхъ въ военной техникѣ варваровъ. Однако, и эти города уже стали обращаться въ это время за помощью къ франкамъ (въ 580 году). При помощи богатыхъ подарковъ императоръ Маврикій склонилъ прежде всего Австразію (въ 582 году) къ походу для изгнанія вторгшихся въ Италію еретиковъ (срав. стр. 85). Мало того, нѣкоторые лангобардскіе еретики перешли на императорскую службу (въ 584 году) подъ вліяніемъ византійскихъ подкуповъ.

Послѣ десятилѣтней смуты лангобарды нашли путь къ выходу изъ своего стѣсненнаго положенія; они догадались, что для сохраненія въ неприкосновенности лангобардской народности въ Италіи необходимъ сильный король; большинство герцоговъ поставило надъ собой королемъ Аутариса, сына Клефа. Тяжелой борьбой вынуждена была новая королевская власть добиваться своего признанія со стороны герцоговъ, часть которыхъ весьма неохотно шла на уступки; рядомъ съ „гастальдами“, управлявшими разбросанными непосредственными владѣніями короны, нѣкоторые герцоги удержались въ качествѣ относительно независимыхъ мѣстныхъ владѣтельныхъ князей вплоть до паденія лангобардскаго королевства. Тѣмъ не менѣе благодаря своей разумно уступчивой политикѣ Аутарисъ, пользовавшійся весьма умѣло короткими мирными промежутками между войнами, пережилъ благополучно даже тяжелое лѣто 590 г., ознаменовавшееся опаснымъ набѣгомъ на Италію Хильдеберта II Австрийскаго. Самъ Аутарисъ остался аріаниномъ до самой своей смерти (5 сентября 590 года); но, хотя возроставшее какъ разъ въ это время могущество римскаго епископа въ сѣверной Италіи было почти вполнѣ парализовано вслѣдствіе отказа аквилійскаго патріарха и истрійскихъ епископовъ отъ постановленій Пятаго Константинопольскаго собора (жена Аутариса, христіанка, тоже слѣдовала ученію этого Халкедонскаго собора), тѣмъ не менѣе этотъ лангобардскій король въ концѣ/концовъ далъ сильный толчекъ распространенію католическаго вѣроисповѣданія между лангобардами, стоявшими совершенно одинокиими въ этомъ отношеніи послѣ обращенія въ католичество вестготовъ въ 587 году, благодаря сво-

ему браку съ Теоделиндой, дочерью баварскаго герцога Гарибальда (15 мая 588 года), исповѣдывавшаго афанасіанскую вѣру, бывшаго вассаломъ франкскаго короля и владѣвшаго важными проходами черезъ Альпы. Въ Равеннѣ встрѣчается весьма мало слѣдовъ остготско-лангобардской аріанской религіи.

Плоды дѣятельности Аутариса обнаружились осязательно уже въ царствованіе его зятя Агилульфа, бывшаго туринскаго герцога, который завладѣлъ престоломъ лангобардскихъ королей въ ноябрѣ 590 года. Мы обладаемъ его изображеніемъ на мѣдной пластинкѣ, обшитой золотомъ и хранящейся въ настоящее время въ Баргелло, во Флоренціи; онъ окруженъ тѣлохранителями въ шлемахъ съ застѣжками и въ чешуйчатыхъ панцыряхъ. Агилульфъ усмирилъ за короткое время непокорныхъ герцоговъ Бергамскаго, Тревизскаго и Веронскаго. Послѣ назначенія Арихиса Фриульскаго герцогомъ Беневентскимъ выяснилось все значеніе заселенія Южной Италіи лангобардами, которое оставалось почти безцѣльнымъ до той поры. Въ Средней Италіи властвовалъ энергичный герцогъ Сполетскій Ариульфъ. Если бы папскій престолъ не былъ занятъ въ теченіе 13^{лѣтъ} (отъ 590 до 604 года; срав. стр. 257), совпадавшихъ съ этимъ опаснымъ послѣднимъ десятилѣтіемъ VI столѣтія, такимъ энергичнымъ дѣятелемъ, какъ Григорій Великій, съ необыкновенной геніальностью возстановившій и упрочившій единство церкви, то римская культура вскорѣ была бы вытѣснена окончательно даже въ области крупнаго церковнаго землевладѣнія лангобардской народностью, дѣйствовавшей съ большой планомѣрностью. Объ этомъ свидѣлствуютъ тѣ условія, при которыхъ было заключено осенью 598 года перемиріе между лангобардами, папой и Византіей (возобновлявшееся въ 600, 603, 605, 607 и т. д. годахъ), равно какъ и возрастаніе могущества экзарха равенскаго, облеченнаго одной изъ самыхъ отвѣтственныхъ государственныхъ должностей; онъ былъ преемникомъ полномочій Теодориха за исключеніемъ наследственныхъ правъ послѣдняго, и такое усиленіе его власти обуславливалось непрекращающейся опасностью варварскаго нашествія. Тяжелая необходимость превратила мирную часть государства въ окраинную провинцію, состоящую подъ военнымъ управленіемъ и составленную изъ разрозненныхъ частей; границы этой провинціи давно уже отодвинулись въглубь Италіи и ограждались съ трудомъ отъ непрерывной опасности посредствомъ укрѣпленныхъ замковъ, составлявшихъ тяжелое бремя для колонистовъ. Рядомъ съ гнетомъ императорскаго правительства росло естественное стремленіе къ независимости и возможность отдѣлиться отъ Византіи: въ этомъ заключается отличительная черта итальянской исторіи, начиная отъ неудачнаго возстанія Элейтеріуса (619 г.) и кончая совершеннымъ уничтоженіемъ восточноримскаго господства при Карлѣ Великомъ въ 781 году.

Послѣ смерти Агилульфа (въ 616 году) на престолъ вступилъ находившійся подъ опекой своей матери Теоделинды Адалоальдъ, перешедшій въ римско-католическое вѣроисповѣданіе еще въ 603 году. Во время его царствованія въ Италіи утвердился послѣдователи ирландскаго монаха Колумбы, изгнаннаго изъ колоній, основанныхъ имъ въ Вогезахъ, развратной Бригильдой и нашедшаго убѣжище въ Боббіо съ позволенія Агилульфа (Колумба сконч. въ 615 году). Уже въ 628 году послѣдователи Колумбы перешли съ развернутыми знаменами изъ лагеря сретиковъ въ лоно папства. Адалоальдъ былъ низвергнутъ съ престола въ 626 г., повидимому, за свое слишкомъ рѣзкое пристрастіе къ римлянамъ, и его мѣсто занялъ мужъ его сестры, тоже католички, Гундеберги Ариоальдъ (отъ 626 до 636 года). Однако, онъ тоже не былъ въ силахъ поддержать болѣе или менѣе замѣтнымъ образомъ распадѣнія лангобардскаго государства, объяснявшагося перевѣсомъ римской культуры и ускорявшагося благодаря независимости отдѣльныхъ герцоговъ; во всякомъ случаѣ

вышній миръ, которымъ Италия наслаждалась въ общемъ при экаархѣ Исаакѣ (отъ 625 до 643 г.) и папѣ Гоноріи I (отъ 625 до 638 года), никоимъ образомъ не способствовалъ усиленію лангобардовъ. Новый подъемъ лангобардской народности сталъ замѣчаться только нѣкоторое время спустя, во время церковнаго спора о монотелизмѣ, когда императоръ низложилъ папу Мартина I (17 июня 653 года), и такимъ образомъ былъ нанесенъ тяжелый ударъ свѣтской политикѣ римской куріи. Фундаментъ былъ заложенъ королемъ Ротари (отъ 636 до 652 года): онъ положилъ начало росту національнаго могущества лангобардовъ во вторую половину VII столѣтія своими суровыми мѣрами противъ партикуляристическихъ стремленій герцоговъ, по отношенію же къ римлянамъ онъ велъ себя мягко и дружелюбно. Его стремленіе къ водворенію порядка выразилось въ его указѣ, обнародованномъ 22 ноября 643 года и впервые даровавшемъ подданнымъ лангобардскаго королевства блага писаннаго (на латинскомъ языкѣ) права. Непосредственно вслѣдъ за этимъ возобновляется натискъ лангобардовъ на послѣдніе остатки византийскаго господства въ Италиі: каждая удача въ этихъ военныхъ дѣйствіяхъ способствовала укрѣпленію королевской династіи.

Сыну Ротари, Родоальду (652—653 годъ) наследовалъ католикъ Ариперть, двоюродный братъ Гундеберги (срав. ниже „Родословное дерево“), который оставался на престолѣ до 661 года и держался весьма дружелюбно по отношенію къ Риму. Во время раздоровъ между сыновьями Ариперта, Годепертомъ и Перктаритомъ (Бертариемъ), престолъ былъ захваченъ въ 662 году герцогомъ Беневентскимъ Гримоальдомъ I, который убилъ перваго изъ двухъ братьевъ, изгналъ второго и вступилъ въ бракъ съ ихъ сестрой¹.

Это событіе должно считаться настоящимъ началомъ національнаго возрожденія лангобардовъ. Осуществленное Гримоальдомъ объединеніе сѣверныхъ лангобардскихъ областей съ южно-итальянскими дало такую сильную опору лангобардскому королевству, что его могущество усилилось вдвое по сравненію съ тѣмъ, что было достигнуто королемъ Ротари. Даже императоръ Константъ (отъ 641 до 668 гг.) вынужденъ былъ въ 663 году отказаться окончательно отъ вытѣсненія лангобардовъ изъ Италиі, этого древняго ядра имперіи, и онъ удовольствовался Сициліей. Такимъ образомъ Римъ лишился на цѣлыхъ 1207 лѣтъ своего значенія политической столицы и резиденціи; вмѣстѣ съ тѣмъ въ церковномъ отношеніи ему тоже былъ нанесенъ тяжелый ударъ этимъ самымъ Константомъ, который представилъ равеннскому епископу независимое положеніе: этотъ поступокъ императора объясняется чувствомъ личной благодарности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и политической близорукостью. Къ тому же равеннскіе епископы черезъ нѣкоторое время обратились противъ своей благодѣтельницы Византии, такъ какъ зияющая пропасть, отдѣлявшая Курію отъ Востока, все углублялась, несмотря на нѣкоторыя попытки къ взаимному сближенію и на

Гарибальдъ Баварскій Отъ брака съ Вальдерой		Гундоальдъ изъ Асти	
Теоделида (см. Боккаччо, Декамер. III, 2)		Ариперть, † 661 г.	
(558) 1. Въ 1 бракѣ съ Аутари, † 590 г.	2. Отъ 2 бр. съ Агилульфомъ Ту- ринскимъ, † 610 г.	Годеперть, † 662	Перктарить, † 690 Отъ бр. съ Родо- альдомъ
2. Адалоальдъ * 603, † 628	Дочь въ бракѣ съ гер- цогомъ Па- ринскимъ	Рагиперть Ту- ринскій, † 701	Кувник- перть, съ да- мой 690 сопра- витель, † 700
	Гундеберга 1. Въ 1 бр. съ Ари- альдомъ († 652); 2. Отъ 2 бр. съ Ротари Родоальдъ, † 653	Ариперть II (702— 712)	Вигилли- перть, съ да- мой 675 г. въ бр. съ Гримоаль- домъ II Беневент- скимъ
			Дочь. Въ 662 г. вст. во 2 бракѣ съ Гримоальдомъ Беневентскимъ, † 671 (1) Рому- альдъ Бе- невентскій (2) Гари- бальдъ Дочь Гиза, въ бр. съ Тран- самундомъ изъ Капуи

сирійское и греческое происхожденіе 13 папъ, занимавшихъ престолъ св. Петра между 606 и 741 годами; отстраняясь отъ императора, папы попали въ распростертыя объятія франковъ, въ то время какъ Равенна, увязшая въ грязи, не въ страхъ была держаться своими собственными силами.

Естественно, что объединенное государство, сплоченное желѣзной рукой Гримоальда, распалось снова сейчасъ послѣ смерти этого короля (въ 671 году). На югѣ удержался въ качествѣ герцога беневентскаго его старшій сынъ Ромуальдъ; но на сѣверѣ молодой Гарибальдъ былъ изгнанъ съ перваго удара Перктаритомъ, который самъ былъ въ свое время отправленъ въ изгнаніе Гримоальдомъ. Внушительный племянникъ Теоделинды былъ во внѣшнихъ дѣлахъ и въ вѣроисповѣдномъ отношеніи сторонникомъ мирной политики баварскаго дома. Въ это время, въ послѣднюю четверть VII столѣтія, могущество католической церкви подвинулось впередъ гигантскими шагами, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ состоялось примиреніе между Востокомъ и Западомъ (въ 681 году) на почвѣ отказа отъ монотелитическаго ученія со стороны Византіи и преданія апостолу папы Гонорія съ другой стороны; весь блестящій эффектъ этого примиренія пошелъ, главнымъ образомъ, на пользу папѣ. Аріанизмъ исчезаетъ, а въ царствованіе короля Купникперта (Куниберта; отъ 690 до 700 гг.) онъ вытѣсняется римско-католической церковной системой даже изъ еретическаго сѣверовосточнаго угла Италіи. Однако, единство вѣры, водворившееся съ этихъ поръ въ Италіи, и миръ, заключенный въ 682 году на основѣ обоюднаго признанія, между лангобардами, которые уже стали осѣдлымъ народомъ, съ одной стороны, Куріей и Имперіей съ другой стороны, не измѣнили нисколько прежняго дѣленія Италіи на лангобардскую и нелангобардскую части; въ предѣлахъ замкнутой области владѣній лангобардскаго королевства римская національность разлагалась неудержимо, несмотря на все еще болѣе высокій уровень римской культуры. Генрихъ Лео настолько смѣлъ, что приписываетъ господству этихъ германскихъ пришельцевъ „полный переворотъ въ характерѣ итальянцевъ“; по его мнѣнію, свойственноеримлянамъ преклоненіе предъ закономъ было искоренено этими колонистами, и „отвлеченное повиновеніе“ смѣнено устраненіемъ всякихъ стѣсненій и безграничной свободой. Если это мнѣніе справедливо, то становится понятнымъ безъ дальнѣйшихъ объясненій то замѣчательное представленіе о свободѣ, съ которымъ мы встрѣтимся въ XIII-мъ столѣтіи (стр. 385). Страсть отдѣльныхъ лицъ къ неудержимому произволу въ своихъ дѣйствіяхъ всегда служила препятствіемъ къ основанію дѣйствительной политической свободы. Однако, специфическія особенности Южной Италіи, которыя и нынѣ остаются довольно рѣзкими, несмотря на вышнее объединеніе Апеннинскаго полуострова, объясняются исторически тѣмъ обстоятельствомъ, что живучее Беневентское герцогство всегда было слабо связано съ Сѣверноитальянскимъ королевствомъ, равно какъ и стремленіемъ правящихъ круговъ къ отдѣленію отъ остальной Италіи тяготѣвшихъ къ Византіи нижнеитальянскихъ епархій.

Это распаденіе Италіи на отдѣльныя части, различныя по своему характеру и направленію, поддерживалось въ довольно сильной степени переменной въ соотношеніи силъ, выступавшей все болѣе явственно и тѣсно связанной съ вышеупомянутымъ раздвоеніемъ между Восточной и Западной Римской имперіей: эта переменная выразилась въ освободительномъ движеніи, начавшемся съ большой энергіей при папѣ Сергій въ видѣ „квинтисектума“ (Константинопольскаго церковнаго собранія, служившаго дополненіемъ къ V и VI соборамъ), а впоследствии (около 710 года) получившемъ правильную организацію благодаря равенну Георгію; цѣлью этого движенія было окончательное освобожденіе отъ Византійскаго господства, которое въ эту пору стало уже чисто номинальнымъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Эта цѣль была бы достигнута, безъ сомнѣнія, гораздо раньше.

если бы несвоевременныя неоднократныя наступательныя дѣйствія лангобардовъ не придавали на время византийскому протекторату внѣшняго вида полезности и даже необходимости. Что лангобарды вернулись снова къ своимъ завоевательнымъ стремленіямъ послѣ кратковременнаго мирнаго перерыва, это коренилось глубоко въ самомъ существѣ ихъ государственной системы: власть королей надъ герцогами могла держаться только посредствомъ непрерывныхъ территоріальныхъ захватовъ; маловажныя обоюдныя столкновенія не нарушали согласія между лангобардскимъ королевствомъ и Куріей, которая тоже была врагомъ императора, въ особенности съ 726 г., когда иконоборство обострило снова давнишнія распри (томъ V, стр. 70), а иконопочитаніе послужило связующимъ звеномъ между римлянами и лангобардами.

На лангобардскомъ престолѣ сидѣлъ въ это время король Лиутпрандъ (отъ 712 до 744 гг.), который использовалъ съ большимъ умѣніемъ и усилилъ замѣтнымъ образомъ въ высокой степени свои ограниченныя политическія ресурсы (останки Лиутпранда были открыты въ августѣ 1896 года въ Павіи въ церкви св. Петра Сіель д'Оро). Онъ унаслѣдовалъ лангобардскій престолъ весною 712 г. отъ своего отца „мудраго“ герцога Анспранда, который былъ иѣкогда опекуномъ короля Лиутперта (срав. „Родословное дерево“ на стр. 348) и царствовалъ недолго. Въ своей объединительной политикѣ онъ былъ вторымъ Гримоальдомъ; въ борьбѣ между Куріей и императорскимъ намѣстникомъ онъ удерживалъ въ равновѣсїи чашки вѣсовъ на одинаковомъ уровнѣ; въ 730 г. онъ содѣйствовалъ низведенію папы Григорія II (715—731 гг.), который велъ себя почти какъ самодержавный государь, до степени одного изъ высшихъ епископовъ имперіи. Онъ руководствовался при этомъ слѣдующими мотивами: съ одной стороны, онъ пользовался искусно экзархомъ, какъ орудіемъ для удержанія въ покорности сполетскаго и беневентскаго герцоговъ; съ другой стороны онъ зналъ, что экзархъ былъ достаточно связанъ по рукамъ и занятъ усиливающимся стремленіемъ къ независимости въ Средней и Сѣверной Италіи. Что касается мѣстныхъ властей (трибуновъ и т. д.), которыя возникли въ теченіе этого времени въ городахъ, сохранившихъ еще римскій обликъ, безъ которыхъ немыслимо было бы все позднѣйшее развитіе Италіи, то ихъ оказалось невозможнымъ вытѣснить обратно даже и послѣ 730 г. Въ это же время возвысилась совершенно самостоятельно Венеція, которая была первоначально маловажнымъ поселеніемъ на лагунахъ и островахъ сѣверо-западнаго угла Адриатическаго побережья. Этотъ городъ, превосходно защищенный благодаря своему географическому положенію, находился первоначально подъ властью византийскаго „dux“, должность котораго превратилась мало по малу уже въ VIII столѣтіи въ постъ, замѣщаемый по волѣ самихъ венеціанскихъ рыболововъ и торговцевъ.

Дружественныя, болѣе или менѣ союзническія отношенія между лангобардами и франками, поддерживавшіяся по традиціи уже полтора столѣтія и засвидѣтельствованныя вѣрной дружбой Лиутпранда къ могущественному маіордому Карлу Мартеллу, подверглись тяжелому испытанію по слѣдующему случаю: папа, для котораго союзные договоры съ самовольными, но постоянно усмиряемыми послѣ каждой попытки къ возмущенію герцогами Сполетскимъ и Беневентскимъ не были достаточною гарантіей противъ агрессивныхъ дѣйствій лангобардовъ, возобновившихся несмотря на договоръ, заключенный въ Терни (въ 742 г.), не нашелъ помощи въ Византіи и потому сталъ прибѣгать съ 752 года къ содѣйствію франкскаго короля Пиппина. Франко-лангобардская дружба не выдержала этого испытанія. Ближайшимъ преемникомъ Лиутпранда былъ Гильдебрандъ, а отъ этого послѣдняго лангобардскій престолъ перешелъ еще до конца 744 года къ герцогу Фриульскому Ратхису; онъ заходилъ слишкомъ далеко въ своей уступчивости предъ римлянами, а братъ его Айстульфъ, вступившій на

престоль въ іюнѣ 749 года, отличался легкомысленнымъ задоромъ, и это послѣднее обстоятельство привело къ разрыву между франками и лангобардами. Новый король, захватившій въ свои руки Равенну лѣтомъ 751 г., вбилъ себѣ въ голову мысль объ окончательномъ вытѣсненіи римской культуры, — этимъ самымъ онъ вколотилъ первый гвоздь въ гробъ лангобардскаго королевства: противъ двойственнаго союза между папой и франками, подготовленнаго миссіей Бонифація и посланіями Григорія III (739—740 гг.), правда, не достигшими своей непосредственной цѣли, — противъ этого союза, всенароднымъ подтвержденіемъ котораго послужило коронованіе Пиппина (въ 751 г.), не въ силахъ было устоять даже объединенное Лангобардское государство. Кроткія увѣщеванія франкскаго короля, который принялъ на себя обязательство возстановить *status quo ante*, т. е. границы, существовавшія до 682 г., въ силу договоровъ, заключенныхъ въ Поитіонѣ (въ январѣ 754 г.) и Керзи (Каризіакумъ) лѣтомъ 754 г., несколько не подѣйствовали на Аистульфа. Поэтому Пиппинъ предпринять лично два похода (въ 754 и 756 гг.) черезъ Альпы, усмирить лангобардовъ и принудилъ ихъ къ очищенію Равенны и незадолго передъ тѣмъ завоеванныхъ укрѣпленныхъ замковъ, хотя и не настаивалъ на полномъ возвращеніи всей территоріи, захваченной до 749 года Лиутпрандомъ и его преемниками у Куріи, точнѣе сказать, у императора. Это было опять таки новое „варварское“ вторженіе.

Такимъ образомъ, обѣщанія, данныя Куріи въ Керзи, еще не были осуществлены въ полномъ размѣрѣ; однако, частичная помощь, оказанная папѣ, тоже имѣла громадное значеніе для послѣдующей исторіи Италіи: она послужила вполне пригоднымъ фундаментомъ для Церковной Области, которая была до той поры громаднымъ церковнымъ имѣніемъ, а теперь стала чѣмъ-то болѣе важнымъ; эта помощь сыграла роль практической опоры при дальнѣйшемъ развитіи свѣтскаго могущества папъ. Франкскій король никогда не сталъ бы хлопотать о томъ, чтобы отвоевать потерянные восточно-римскимъ императоромъ земли для возвращенія ихъ въ руки императорскихъ чиновниковъ. Онъ дѣйствовалъ исключительно во славу Божію и изъ преданности св. престолу. Пиппинъ несколько не смущался тѣмъ, что обладатель этого престола все еще считался подчиненнымъ императору, какъ правитель римскаго герцогства и какъ имперскій епископъ, и что въ такой же помпальной зависимости отъ восточно-римскаго императора состоялъ и онъ самъ съ тѣхъ поръ, какъ папа надѣлилъ его изъ благодарности титуломъ „патриція римлянъ“. Такимъ образомъ итальянское освободительное движеніе одержало еще одну побѣду, и отдѣленіе Рима отъ Византіи приобрѣло себѣ многообѣщающее сочувствіе извнѣ. Имѣнательство свѣтскаго верховнаго главы Средней Европы въ итальянскія дѣла приняло векорѣ болѣе рѣзкую форму и повторялось послѣ того неоднократно; но дѣло, созданное этимъ имѣнательствомъ, превращеніе наслѣдія св. Петра въ государство въ государствѣ, пережило своего инициатора на много столѣтій.

Не долго, всего нѣсколько недѣль, терзался Аистульфъ полнымъ крушеніемъ своей агрессивной политики: онъ скончался уже въ декабрѣ 756 г. Сверхъ всякаго ожиданія его преемникомъ оказался тотъ самый Ратхисъ, который отказался отъ престола за 7½ лѣтъ передъ тѣмъ и удалился въ монастырь на горѣ Монте-Кассино. Такъ какъ Сполетскій и Беневентскій герцоги воспользовались удобнымъ случаемъ и сейчасъ же отдѣлились обратно отъ Лангобардскаго королевства, а на сѣверѣ появился на сценѣ король-самозванецъ въ лицѣ Туспейскаго герцога Дезидерія, то образъ дѣйствій Ратхиса оказался предписаннымъ заранѣе, несмотря на его прежнее благорасположеніе къ Риму, — ему пришлось выступить противъ папы и франковъ. Напротивъ того, положеніе Куріи было весьма выгодно: оказавши поддержку приближавшемуся къ Риму Дезидерію, она

не только добилась отъ него обѣщанія возвратить ей всё еще не возвращенныя ей въ 756 г. города, отнятыя у лангобардовъ имперіей (Болонью, Пмолу, Фаенцу и Феррару, Озимо, Аякону и Гуману), но самъ король-монахъ, очутившійся въ безвыходномъ положеніи, вынужденъ былъ во второй разъ отказаться отъ престола (въ началѣ 757 г.).

Однако, какъ только власть перешла въ руки Деизидерія, онъ сбросилъ съ себя маску и превратился въ новаго Аистульфа или Лиутпранда. Для того, чтобы ослабить снова чрезмѣрно усилившуюся Курію, онъ завязалъ сношенія съ Византіей; о серьезномъ исполненіи его обѣщанія, о возвратѣ городовъ уже не было рѣчи. Однако, на первыхъ порахъ онъ прибѣгалъ къ дипломатическимъ уловкамъ во избѣжаніе вооруженнаго вмѣшательства Каролинга, который внушалъ ему страхъ. Все же, благодаря посредничеству Пиппина, выступавшаго въ роли третейскаго судьи, оба противника согласились признать фактически существовавшее распределеніе владѣній. Дѣло дошло даже до того, что франкскій король былъ призванъ въ качествѣ третейскаго судьи для разрѣшенія спора между императоромъ и Куріей о преобладающемъ господствѣ надъ нелангобардской Италіей. Дружба между папствомъ и Франціей, которая дѣйствовали сообща, какъ защитники истинной вѣры отъ иконоборческаго Востока, оказалась вполне прочной (767 г.). Ея значеніе обнаружилось въ теченіе ближайшихъ лѣтъ, когда на престолѣ св. Петра, облитомъ кровью, смѣнился цѣлый рядъ папъ: несмотря на свои многократныя покушенія лангобарды не оказали никакого существеннаго вліянія на римскія дѣла.

Выжидательное положеніе, въ которомъ находилась Италія, было нарушено смутой во Франціи, послѣдовавшей за смертью Пиппина (24 сент. 768 г.). Какъ это бываетъ нерѣдко, первый поводъ къ этой смутѣ былъ подавъ женщиной. Королева вдова Бертрада (Берта) женила своего сына Карла, который уже имѣлъ сына отъ Гимильтруды, на дочери лангобардскаго короля, съ которымъ франки состояли во враждѣ (Деизидератъ, какъ говоритъ „Жизнь Адальгарда“); такимъ образомъ Карлъ сталъ зятемъ непокорнаго баварскаго герцога Тассило. Почти неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого замѣчательнаго поворота было возрожденіе лангобардскихъ притязаній. На первыхъ порахъ Деизидерій поневолѣ занялъ дружелюбное положеніе по отношенію къ франкопанскому двойственному союзу. Однако, слабо прикрытое противорѣчіе интересовъ снова выступило наружу послѣ открытаго разрыва между обоими братьями, Карломъ и Карлманомъ (въ срединѣ 751 года); послѣ смерти второго изъ нихъ, 4 декабря, Карлъ принялъ въ свое владѣніе также и вторую половину Франкскаго государства, смежную съ Италіей, а для вдовы Герберги не осталось другого исхода, какъ отдать подъ покровительство Деизидерія своихъ дѣтей, насильственно устранившихъ отъ ихъ наслѣдства. Чашу терпѣнія переполнило совпавшее съ этимъ по времени и связанное съ этимъ обстоятельствомъ по существу поведеніе Карла относительно его жены лангобардки: онъ удалилъ ее отъ себя и вступилъ въ бракъ со швабкой Гильдегардой. Обратное возвращеніе лангобардами римскихъ городовъ, еще оставшихся въ ихъ владѣніи, которое стало уже приводиться въ исполненіе благодаря посредничеству Берты, сейчасъ же было приостановлено; Фаенца, Феррара и Комаккіо остались въ рукахъ лангобардовъ; настроенный крайне враждебно противъ своего вѣроломнаго зятя лангобардскій король внушилъ папѣ Адриану I мысль помазать на королевскій престолъ сыновей Карлмана (въ началѣ 773 г.). Переговоры, неоднократно возобновлявшіеся между Карломъ и Деизидеріемъ по настоянію папы, оказались безплодными и въ томъ же году Карлъ предпринялъ походъ въ Италію. Осень застала франковъ подъ стѣнами Павія, сильно укрѣпленной столицы лангобардовъ. Въ концѣ марта 774 г. Карлъ отправился въ первый разъ въ Римъ, гдѣ

онъ встрѣтилъ праздникъ Пасхи и торжественно подтвердилъ обѣщанія, данныя Пиппиномъ. Крайне общія и неопредѣленныя указанія границъ, вполнѣ соответствовавшія характеру эпохи, дали Куріи поводъ къ упорному увеличенію размѣровъ дара. Въ началѣ іюня сдалась Павія; Деизидерій попалъ въ плѣнъ къ франкамъ съ женой и дочерью. Такъ покончилось свое существованіе Лангобардское королевство.

Б. Франки. въ роли преемниковъ лангобардовъ.

Паденіе лангобардскаго королевства еще не обозначало собой окончательной гибели лангобардской національности въ Италіи: наследный принцъ Адельгисъ, бывший соправителемъ своего отца съ 759 года, вынужденъ былъ спастись бѣгствомъ изъ Вероны въ Византію; но герцоги Фріульскій, Кіузскій, Беневентскій (Арихисъ) и Суолетскій еще держались. Последний изъ нихъ перешелъ на короткое время въ подданство папы. Къ тому же Италія еще не избавилась отъ чужеземнаго господства, такъ какъ Карлъ игралъ съ 774 г. роль преемника и наследника Деизидерія, непосредственно продолжавшаго въ своемъ лицѣ рядъ лангобардскихъ королей. Намѣнилось только названіе націи, занимавшей престолъ, но это былъ тотъ же варварскій пришелецъ. Однако, между лангобардскимъ и франкскимъ королемъ существовало то различіе, что вмѣшательство въ итальянскія дѣла, котораго лангобарды стали добиваться и добились по собственному почину, было буквально навязано франкскому королю. Кроме того, можно утверждать съ полною увѣренностью, что даже послѣ основательнаго и послѣдовательнаго проведенія тѣхъ задачъ, которыя были положены на великаго сына Пиппина обѣщаніями его отца, еще не могло быть рѣчи о полномъ уясненіи всемірно-историческаго значенія достигнутой франкскимъ королемъ двойной верховной власти. Такому уясненію препятствовали два обстоятельства. Во-первыхъ, отношенія между папой и императоромъ (а также архіепископомъ равеннскимъ) все еще не были рѣзко очерчены къ этому времени, а находились въ темной переходной стадіи; нѣкоторыя черты еще не опредѣлились, хотя главное двигающее направленіе, освобожденіе отъ Византіи, уже намѣтилось вполнѣ ясно съ давняго времени и, кроме того, эта цѣль поддерживалась и преслѣдовалась франками съ понятнымъ удареніемъ на ихъ собственныхъ верховныхъ правахъ. Во-вторыхъ, сильное недоумѣніе вызывалъ размѣръ территориальныхъ притязаній и правъ Куріи на тѣ или другія части вновь завоеванныхъ франками областей (срв. то, что было сказано на стр. 92 и 267 о „Константиновомъ дарѣ“). Понятно безъ дальнѣйшихъ объясненій, что въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ таились богатые зародки будущихъ раздоровъ между папой и его прежнимъ покровителемъ, а отнынѣ лично заинтересованнымъ сосѣдомъ. По отношенію къ Карлу не слѣдуетъ растягивать слишкомъ сильно такихъ понятій, какъ планомѣрная или широкая дальновидная политика; конечно, онъ былъ великимъ завоевателемъ, такъ какъ онъ не отступалъ въ страхъ ни передъ однимъ изъ представлявшихся ему случаевъ къ расширенію своихъ границъ и умѣлъ справляться съ вытекавшими отсюда новыми обязательствами. Однако, онъ также былъ вынужденъ платить дань окружающей его средѣ и былъ далекъ отъ пророческаго предчувствія тѣхъ громадныхъ послѣдствій, того соединенія въ одномъ лицѣ римскаго патриція, итальянскаго короля и среднеевропейскаго верховнаго главы, которому онъ самъ положилъ начало. Вотъ съ какой точки зрѣнія необходимо разсматривать и оцѣнивать также и пріобрѣтеніе имъ римской императорской короны.

Осенью 780 года Карлъ предпринялъ свое второе путешествіе въ Римъ. Послѣ временнаго возстановленія порядка въ Сѣверной Италіи, новая организція Италіи была подвинута еще дальше на одинъ шагъ въ средній

апрѣля 781 года, во время Пасхи, въ самой почтенной всемирной столицѣ: первородный сынъ Карла (Карлманъ) Пиппинъ, помазанный въ король вмѣстѣ съ своимъ младшимъ братомъ Людовикомъ, получилъ въ удѣлъ вновь покоренную страну съ особымъ дворомъ и особымъ правительствомъ въ Павіи; еще и понынѣ намъ напоминаетъ о немъ громадная фреска въ церкви Санъ-Зено Маджоре въ Веронѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ были опредѣлены границы этой почти самостоятельной части государства согласно фактическому положенію въ 682 году (при чемъ имѣлось въ виду исключительно сабинское наслѣдіе лангобардовъ, занятое ими при Лиутрандѣ) и такимъ образомъ осуществились, наконецъ, тѣ надежды, которыми Курія тѣшилась безплодно цѣлыхъ 27 лѣтъ; зато этотъ успѣхъ втолкалъ въ болѣе узкое русло неопредѣленныя и безбрежныя притязанія, отстаивавшіяся Куріей непосредственно послѣ 774 года. Гораздо больше затрудненій должно было представлять урегулированіе отношеній между Куріей и византийской Южной Италией. Но такъ какъ Восточно-Римская имперія, находившаяся въ то время подъ властью аенянки Ирины, уклонилась отъ пути великаго неаврянина Льва III, то оно далось удивительно просто, т. е. мирнымъ путемъ: послы императрицы одобрили въ это время окончательный и полный переходъ лангобардскихъ владѣній подъ власть франковъ, по крайней мѣрѣ, они дали на это свое молчаливое согласіе. „Освобожденіе“ Италіи, начавшееся въ 619 году (стр. 347), достигло своей цѣли. Съ этимъ было связано фактическое признаніе отдѣленія Церковной Области отъ имперіи, хотя это не выражалось открыто. Съ другой стороны Востокъ и Западъ (за исключеніемъ самого Карла; срав. томъ V, стр. 73) сблизились между собою на церковной почвѣ, благодаря изданію въ 787 году Никійскимъ соборомъ приказы о почитаніи иконъ.

Такимъ образомъ удержалось старое дѣленіе Италіи на (лангобардеко-) франкскую провинцію, наслѣдіе св. Петра и лежащую особнякомъ Южную Италію; равенскій архіепископъ былъ отстраненъ Карломъ отъ этого дѣлежа. Новымъ было только одно явленіе, которое не было еще достаточно подчеркнуто никѣмъ, поскольку я знаю, не исключая даже Л. М. Гартмана, и котораго все же не слѣдуетъ упускать изъ виду: съ этихъ поръ Церковная Область уже не составляетъ непосредственной части другого государства, а является соподчиненнымъ, находящимся подъ протекторатомъ франкскаго короля, но обнаруживающимъ свое равноправіе въ грамотахъ, монетахъ и т. д. государственнымъ организмомъ. Само собой разумѣется, что это относится только къ переходному времени между 781 и 800 годами, не обнимавшему даже полныхъ 20 лѣтъ: въ теченіе этого промежутка времени верховная власть Восточно-Римской имперіи уже была устранена, а полный эквивалентъ ея въ видѣ новой Западно-Римской имперіи еще не былъ созданъ. Съ этой точки зрѣнія коронаваніе Карла папой Львомъ обозначаетъ собою регрессъ, является необдуманнѣйшимъ поступкомъ или, вѣрнѣе, признаніемъ своей собственной слабости, за которымъ должно было однако послѣдовать неизбежно преклоненіе римскаго епископа передъ тѣми императорами, которые отнесутся съ достаточнымъ уваженіемъ къ своему собственному сану. Такимъ образомъ время пребыванія на престолѣ св. Петра Адриана (отъ 772 до 795 года) составляетъ также и въ этомъ отношеніи поворотный пунктъ въ исторіи папства.

Что Курія все же не сознавала въ извѣстной степени недостатка своихъ силъ даже и въ это время, это обнаружилось во время третьяго пребыванія Карла въ Римѣ въ началѣ 787 года, когда Адриану удалось склонить франкскаго короля къ тому, чтобы онъ выступилъ съ оружіемъ въ рукахъ противъ Арихиса Беневентскаго, который укрѣпилъ городъ Салерно, но во всемъ остальномъ велъ себя вполне лояльно; результатомъ этого похода было изъявленіе покорности этимъ герцогомъ и уступка Церковной Области нѣкоторыхъ важныхъ пунктовъ его владѣній. Во

время Пасхи Карлъ сдѣлалъ правильный выводъ изъ только что послѣдовавшаго и подчеркнутаго Никійскимъ соборомъ разрыва его дружбы съ Ириной. Не обращая болѣе вниманія на претензіи Восточно-Римской имперіи, онъ „вернулъ обратно“ папѣ его южное наследіе. Въ слѣдующемъ году Каролингъ тоже отказался отъ міровой политики, обнимающей также и Южную Италію: освободившіяся послѣ смерти Арихиса (26 августа 784 года) престолъ Беневентскаго герцогства онъ уступилъ наследнику Арихиса, Гримоальду, подъ условіемъ признанія верховной власти франковъ и даже не настоялъ на фактическомъ осуществленіи территориальныхъ уступокъ, на которыя согласился его отецъ, задушивши такимъ образомъ въ зародышѣ, по крайней мѣрѣ на время, вполнѣ вѣроятный союзъ между остатками лангобардовъ и жаждущей мести Византіей. Дальнѣйшее обезпеченіе господства франковъ надъ Италіей было достигнуто благодаря низложенію Тассило и присоединенію Баваріи (въ 788 году), которое превратило важныя горныя проходы черезъ Альпы во франкскія внутреннія дороги, а также покоренію и уничтоженію Аварскаго государства (отъ 791 до 796 и 803 годовъ), давно уже угрожавшаго сѣверовостоку Италіи,—эта послѣдняя задача была неотложна для Пиппина уже въ силу географическихъ соображеній.

2. Италия, какъ часть новой Западной Римской имперіи.

Вполнѣ естественно, что на отношеніяхъ Карла къ папству отразилось необычайное усиленіе могущества Франкской великой державы въ эту эпоху, которымъ оно было обязано въ особенности великому Каролингу и благодаря которому оно стало признаннымъ главой христіанской и вновь обращенной въ христіанство Западной Европы; какъ мы уже указывали, это вліяніе было крайне неблагопріятно для только что добытой политической самостоятельности Куріи. Мало того, Карлъ присвоилъ себѣ роль покровителя церкви, охранителя западно-европейскаго правовѣрія (франкфуртскій соборъ 794 г.; срав. стр. 264). Въ этомъ вопросѣ Адріанъ тоже уступилъ подъ давленіемъ необходимости. Такимъ образомъ папство воспитало себѣ своими собственными руками такого слишкомъ подвижнаго и дѣятельнаго помощника, силы котораго росли непомѣрно быстро отъ непрерывнаго упражненія, такъ что даже въ исконныхъ владѣніяхъ самого хозяина этотъ помощникъ тоже уже сталъ заслонять собою папу. Поэтому съ этихъ поръ едва ли уже можно называть варварскими нашествіями дальнѣйшіе походы франковъ въ Италію: періодъ этихъ нашествій уже былъ законченъ къ тому времени. Почти половина Италіи стала составной частью, провинціей, намѣстничествомъ Каролингской міровой державы; самому вліятельному мѣстному владѣтельному князю остальной половины, папѣ, не оставалось другого, болѣе разумнаго выхода, какъ подчиниться неизбежному, по крайней мѣрѣ на время франкскому протекторату. Курія чувствовала недостатокъ въ осязательной силѣ, но она восполняла его, повидимому, тщательнымъ использованием неизбежныхъ превратностей политической жизни и ловкимъ пусканіемъ въ ходъ средствъ, вытекающихъ изъ нравственнаго авторитета церкви.

А. Вселірно-историческое значеніе вѣнчанія Карла императорской короной.

Если мы будемъ разсматривать историческое развитіе Италіи съ этой точки зрѣнія, то отсылка папой Карлу римскаго знамени для изъявленія своей покорности (въ началѣ 796 г.) и, что еще важнѣе, вѣнчаніе Карла на престолъ римскаго императора, совершенное въ день Рождества 800 г. папой Львомъ III, потеряетъ тотъ характеръ необычайности, который они носили, повидимому, по своей внѣшней формѣ въ

глазахъ современниковъ, въ особенности въ глазахъ самого Карла, удостоившагося этихъ почестей. Во всякомъ случаѣ мысль о перенесеніи императорскаго сана на Карла послужила, можно сказать, въ воздухѣ уже въ концѣ 90-хъ годовъ VIII столѣтія. Для уясненія этого настроенія можно смѣло сравнить его съ національными требованиями нѣмцевъ въ концѣ 1870 г. Въ виду вѣдншаго безсилія панства того времени (799 г.), которое едва ли чувствовало себя въ безопасности въ своихъ собственныхъ четырехъ стѣнахъ, это коронованіе имѣло для него значеніе искуснаго шахматнаго хода, а что касается самого повелителя Западной Европы, то едва ли онъ усиленно домогался этой почести, но во всякомъ случаѣ она явилась почти само собою подразумевающимся государственно-правовымъ увѣнчаніемъ величественнаго званія, воздвигнутаго имъ: во всемірно-исторической перспективѣ это событіе должно было повести къ умаленію самостоятельности Курин. Папа добровольно включилъ себя въ составъ новой имперіи въ качествѣ, правда, весьма важнаго, но все же лишь одного изъ многихъ отдѣльныхъ членовъ. Каролингъ просто занялъ мѣсто сирійскаго императора въ качествѣ преемника Константина официальной легенды, и центръ тяжести европейскаго господства однимъ ударомъ былъ снова передвинутъ на Западъ.

Во всемъ прочемъ положеніе почти не измѣнилось. Наслѣдіе св. Петра попрежнему осталось государствомъ въ государствѣ. Борьба за освобожденіе должна была возобновиться опять. И она не заставила себя долго ждать. Оба Григорія и Адрианъ работали не даромъ. Что такое подчиненное положеніе высшаго епископа имперіи по отношенію къ его государю и верховному судѣ обратится вскорѣ въ снѣтеніе двухъ равнозначущихъ силъ, въ соединеніе двухъ мечей, пока наконецъ „свѣтлый мѣсяць“ не вынужденъ будетъ признать, что онъ замѣстуетъ свой свѣтъ отъ „духовнаго солнца“ (стр. 277), объ этомъ едва ли догадывался самъ творецъ этой идеи. Этотъ самъ по себѣ замѣчательный переворотъ, который заключался уже въ зародышѣ въ подтвержденіи правъ Курин, данномъ Карломъ въ 781 г., былъ обязанъ своимъ происхожденіемъ исключительно широкой свѣтской политикѣ панства, которое никогда окончательно не падало духомъ, несмотря на различныя превратности и случайныя неудачи, которое никогда не упустило изъ виду своей цѣли и горизонтъ котораго расширялся по мѣрѣ того, какъ эта цѣль все выростала; имперія не могла устоять противъ этой политики, такъ какъ она страдала поразительными пробѣлами въ томъ рядѣ энергичныхъ императоровъ, который былъ насущно необходимъ для ея существованія. Эта вторая борьба предопредѣлила властно на много вѣковъ впередъ историческія судьбы Италии. Что освобожденіе и объединеніе Италии въ XIX столѣтіи совершилось съ выдѣленіемъ изъ нея Курин, это объясняется не столько ошибками прежнихъ папъ, сколько другой причиной: церковное утрежденіе, какимъ является или, по крайней мѣрѣ, должно быть панство по своему внутреннему существу, не можетъ отдаваться безнаказанно въ теченіе долгаго времени по преимуществу свѣтскимъ интересамъ: торжество этой послѣдней идеи, можетъ быть, сдѣлалось возможнымъ только благодаря реформациі, во всякомъ случаѣ реформациа сильно подвинула его впередъ.

В. Лепная система.

Послѣ этого заблѣгающаго впередъ очерка, вызваннаго чрезвычайной важностью событія 800 года, мы вернемся обратно къ тѣмъ явленіямъ, на которыхъ мы остановились; прежде всего бросается въ глаза та перемѣна, которая произошла въ расчлененіи сословій. Теперь уже наибольшее историческое значеніе приобретаетъ не та сторона Италии, которая направлена къ востоку, а та, которая находится на западѣ; Равенна лишается

своего главенствующаго значенія, а Римъ засіялъ новымъ, хотя на первыхъ порахъ заимствованнымъ свѣтомъ. Германскій духъ сталъ задавать тонъ и мало-по-малу проложилъ себѣ путь какъ въ общихъ взглядахъ на жизнь и жизненный долгъ людей, такъ и въ частности во всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ, даже и въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ господствовалъ византизмъ. За исключеніемъ Апуліи, Калабріи и Сициліи, въ которыхъ греческое вліяніе осталось преобладающимъ, во всей остальной Италіи, примкнувшей къ франкской великой державѣ, развивается та специальная форма различія земельной собственности и пользованія ею, которая подразумевается подъ названіемъ ленной системы, постепенно сближавшей и соединявшей между собою отдѣльныя разрозненныя части Италіи. Въ развитіи ленной системы заключается главное содержаніе того отдѣла итальянской исторіи, который связываетъ ее съ заальпійской Средней Европой и который могъ бы быть названъ ультрамонтанскимъ въ извѣстномъ смыслѣ, прямо противоположномъ обычному употребленію этого слова.

Перенесеніе франкскихъ ленныхъ учрежденій на Италію IX столѣтія не признается некоторыми историками событіемъ чрезвычайной важности или рѣзкимъ нововведеніемъ, такъ какъ различные институты германскаго происхожденія многократно проникали въ Италію еще задолго до этого времени. Однако въ данномъ случаѣ предъ нами происходитъ развитіе чего то новаго. Нельзя забывать, что почва, на которой строили готы и лангобарды, никогда не теряла вполнѣ своего почти неизгладимаго римскаго отпечатка; развитіе позднѣйшихъ правовыхъ институтовъ Верхней и Средней Италіи происходило изъ слѣдующихъ трехъ или четырехъ источниковъ: древняго и вновь расцвѣтающаго римскаго права, лангобардскаго эдикта, франкскаго племеннаго права и германскаго императорскаго права. Мѣстные отступленія выводятся легко изъ специально географическихъ данныхъ. Характернымъ признакомъ древнѣйшаго хозяйства было то обстоятельство, что элементами, задающими тонъ, являлись землевладѣльцы и города съ ихъ горожанами и вольными землепашцами. Переходъ собственности въ крупную аренду совершился въ видѣ двухъ различныхъ формъ временной передачи земли: или въ видѣ наследственной аренды, простирающейся на три поколѣнія (*emphyteusis*), которая примѣнялась по преимуществу на церковныхъ земляхъ, или въ видѣ пользованія (*usufructus*). Затѣмъ наступило распаденіе Италіи на лангобардскую и не-лангобардскую части. Въ то время, какъ начальники укрѣпленныхъ замковъ (*tribuni*) превратились въ нелангобардской части Италіи посты уничтоженія византийскаго протектората въ наследственныхъ владѣтельныхъ господахъ, можно сказать, въ маленькихъ сувереновъ наряду съ милиціей и занимавшей свое особое положеніе церковью, какъ крупнымъ землевладѣльцемъ, — въ другой части Италіи, среди лангобардовъ, колонъ превратился въ полусвободнаго крѣпостного (*aldio*); арендный срокъ былъ по большей части неограниченъ: это было благодѣяніе сравнительно съ возмутительнымъ годичнымъ аренднымъ срокомъ, господствовавшимъ отъ XV до XIX столѣтія. Въ лангобардскихъ владѣніяхъ стали отчленяться мало-по-малу новыя сословія: выше немущихъ и тѣхъ, которые работали на сорока десятинахъ земли, стояли тѣ, которые владѣли, по крайней мѣрѣ, 7-ью подчиненными имъ гуфами, настоящіе землевладѣльцы, самымъ богатымъ изъ которыхъ вовсе не являлся непременно король, такъ какъ послѣднему приходилось раздавать значительную часть своихъ земельныхъ владѣній членамъ своей свиты, рассчитывавшимъ на матеріальное вознагражденіе. Къ этимъ сословіямъ присоединились впоследствии кушны, владѣвшіе движимымъ имуществомъ. Громадныя различія въ группировкѣ сословій между обѣими частями Италіи сильно затрудняли и замедляли сближеніе и взаимодействіе между ними, которое совершается относительно

быстро въ другихъ случаяхъ; вотъ почему только каролингское расчлененіе сословіи оказалось въ силахъ распредѣлить свое вліяніе довольно равномерно на обѣ части Италіи и сблизить ихъ между собою. Очевидно, что это вліяніе вовсе не такъ маловажно, какъ оно было бы при другихъ условіяхъ.

Итакъ IX столѣтіе было для Италіи эпохой дальнѣйшаго развитія системы бенефицій. Соединеніе такого рода раздачи церковныхъ земель съ исконнымъ германскимъ институтомъ вассальныхъ отношеній послужило зародышемъ для укорененія ленной системы, безъ сомнѣнія, также и на итальянской почвѣ. Нужда, которую напство ощущало въ защитѣ отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, содѣйствовала распространенію того среднеевропейскаго взгляда, что ленное владѣніе обязываетъ къ вѣрной службѣ на войнѣ. Усиленіе феодальной знати, по самой своей природѣ отличающейся своими центробѣжными стремленіями и своимъ партикуляризмомъ, всегда влечетъ за собою въ той или иной степени ослабленіе центральной власти, растрчивающей свои владѣнія и свою энергію; то же самое случилось и въ Италіи. Нагляднымъ примѣромъ распадающагося феодальнаго государства можетъ служить Беневентъ (Беневентъ, Салерно, Капуа). Болѣе могущественнымъ вассаламъ весьма часто бывали подчинены цѣлый рядъ болѣе мелкихъ вассаловъ. Этимъ наслоеніямъ обособляющихся силъ, вдвинувшихся между носителемъ короны и широкой массой подданныхъ, было присуще непрерывное стремленіе къ независимому наслѣдственному положенію; въ Италіи достиженіе этой цѣли было задержано на время быстрымъ ростомъ городовъ, поражающимъ своей рацновременностью и объясняющимся только условіями, созданными въ теченіе предшествовавшихъ вѣковъ (срав. стр. 350 и ниже стр. 372).

Традиционное значеніе обнесенныхъ стѣною городовъ увеличилось еще больше въ эту эпоху, вслѣдствіе того, что сарацины стали непрерывно тревожить острова и морское побережье. Сарацины играли въ IX столѣтіи такую же роль, какъ и варвары, вторгавшіеся въ Италію сухимъ путемъ съ сѣвера въ теченіе предшествовавшихъ вѣковъ (827 морскихъ набѣговъ на Сицилію тунисскихъ Аглабидовъ, 846 разъ Римъ подвергался опасности со стороны своей гавани Остинъ; о нападеніяхъ на Сардинію смотри томъ IV, стр. 506).

В. Преемники Карла Великаго.

а) Старшая линія отъ короля Бернгарда до императора Карла III.

Картина, которую рисуетъ передъ нами Италія въ эпоху преемниковъ Карла Великаго, совершенно безотраднa. Послѣ преждевременной смерти своего сына Пиппина (8 іюля 810 года) основатель міровой державы еще успѣлъ лично отпавить въ Италію въ 812 году сына Пиппина Бернгарда и возвести его въ слѣдующемъ году въ король лангобардовъ въ то время, какъ другой сынъ Карла, Людовикъ, возложилъ на себя императорскую корону въ присутствіи своего отца (11 сентября 813 года; срав. стр. 95). Послѣ смерти Карла этотъ послѣдній взялся снова за распредѣленіе управленія отдѣльными частями государства въ іюль 817 года, но обошелъ при этомъ своего племянника, и Бернгардъ поднялъ возстаніе, которое было быстро подавлено уже въ декабрь, а виновникъ его не избѣгъ суровой кары: 15 апрѣля 818 года онъ былъ „изъ милости“ присужденъ къ ослѣпленію и скончался два дня спустя. Его участь можетъ считаться почти прототипомъ судьбы, постигнутой многихъ другихъ итальянскихъ князей. Сынъ Бернгарда Пиппинъ заплатилъ добромъ за зло императору, который раскаялся въ своей суровости: онъ освободилъ императрицу Юдиль, изгнанную въ Италію въ іюль 833 года, съ ея темногими вѣрными

приверженцами и возвратилъ ее обратно къ ея супругу въ апрѣлѣ 834 года; она стала родоначальницей графовъ Вермандуа.

Начиная съ 822 года, Италией править на основаніи „раздѣла имперіи“ 617 года („*Divisio imperii*“) соимператоръ Лотарь; раздоры, вспыхнувшіе въ 830 году между Людовикомъ Благочестивымъ и его сыновьями, втянули въ общую смуту также и эту страну; отъ 2 февраля 831 года до 30 іюня 833 года Лотарь былъ исключительно только итальянскимъ королемъ, но съ этого момента началась рѣзкій поворотъ, онъ сталъ единственнымъ императоромъ и удержалъ эту власть до изъявленія имъ покорности осенью 834 года. Послѣ этого онъ становится опять правителемъ одной только Италии и надѣляетъ своихъ вѣрныхъ приверженцевъ ленными владѣніями за счетъ духовныхъ и свѣтскихъ приверженцевъ своихъ родителей, такъ что осенью 836 года снова возникаютъ серьезныя несогласія, пока, наконецъ, не состоялось снова въ послѣднихъ числахъ мая 839 года окончательное примиреніе между нимъ и слабохарактернымъ его отцомъ, повлекшее за собой новый раздѣлъ государства. Согласно этому раздѣлу, въ составъ выбранной для себя Лотаремъ половины государства къ востоку отъ Мааса за исключеніемъ Баваріи вошла, между прочимъ, естественнымъ образомъ также и Италия, съ которой онъ вполнѣ сросся. Вполнѣ понятно, поэтому, что когда состоялось соглашеніе между нимъ и его братьями, т. е. послѣ битвы при Фонтенуа-анъ-Нюнзэ 25 іюня 841 года, бѣгства Лотаря въ мартѣ 842 года и Верденскаго договора, заключеннаго въ августѣ 843 года (стр. 97), то онъ предпочтительно выбралъ для себя изъ всѣхъ трехъ частей государства, довольно одинаковыхъ между собою по своимъ доходамъ и правамъ, среднюю часть, тянувшуюся отъ Фрисландіи вверхъ по Рейну и Мозелю, внизъ по Соанъ и Ронъ до Италии. Такимъ образомъ императоръ Лотарь не только соединилъ подъ своей властью три столицы, Римъ, Павію и Аахенъ, и возстановилъ между ними связь, не прерываемую никакими чужими владѣніями, но и захватилъ въ свои крѣпкія руки древній и нисколько не потерявшій своего значенія къ тому времени торговый путь отъ гавани Средиземнаго моря къ низине-рейнскимъ и фризскимъ складочнымъ мѣстамъ (Дуригеле, Генту и Антверпену; на это было указано недавно съ полнѣйшимъ основаніемъ Георгомъ Вольфрамомъ). Если бы раздѣлъ государства, произведенный въ Верденѣ, оказался прочнымъ, то этому растянутому въ длину среднему государству, которое обозначается уже въ 851 году именемъ „*Regnum Lotarii*“ (царство Лотаря; Лотарингія въ болѣе широкомъ смыслѣ этого слова) предетояла бы блестящая будущность. Наибольшее значеніе имѣло слѣдующее обстоятельство: хотя значительная часть коммерческихъ сношеній съ Востокомъ попрежнему шла бы мимо Италии, и товары направлялись бы изъ Марсели прямо на сѣверъ, тѣмъ не менѣе принадлежавшая императору половина Апеннинскаго полуострова приобрѣла такую базу для вывоза и внутренней торговли, какая открылась для Италии только много столѣтій спустя послѣ планомѣрнаго устраненія препятствій для сношеній, представляемыхъ Альпами. На дѣлѣ обстоятельства сложились не такъ.

На первыхъ порахъ казалось, будто прочность Лотарингскаго государства вполнѣ обезпечена: 15 іюля 844 года сынъ императора Людовикъ II (срав. „Родословное дерево“ на стр. 363) былъ помазанъ и коронованъ папой Сергіемъ II въ лангобардскіе короли; герцогъ беневентскій Зигиульфъ явился лично для изъявленія ему покорности. То обстоятельство, что силы отца Лотаря были отвлечены въ это время на сѣверъ набѣгами норманновъ и т. д., повлекло за собою умаленіе его авторитета; верховныя императорскія права, присвоенныя себѣ Лотаремъ въ ноябрѣ 824 года по соглашенію между нимъ и папой Евгеніемъ II (подъ тѣмъ условіемъ, что священныя обряды будутъ совершены только послѣ при-

бития императорского посланца) снова игнорировалась уже во второй разъ въ 847 году. Съ другой стороны дерзкіе сарацины (срав. выше, стр. 358) были оттѣснены на югъ, правда, на короткое время (въ 847 и 852 году), благодаря необычайно счастливымъ походамъ Людовика; заодно съ этимъ состоялось въ 847 году отдѣленіе герцогства Салернского отъ Беневентскаго, которое было необходимо для цѣлесообразной защиты границъ. Тотъ безспорный фактъ, что Людовикъ сталъ настоящимъ верховнымъ главой Италии, получилъ свое формальное выраженіе въ вѣнчаніи его императорской короной, совершенномъ папой Львомъ IV вначалѣ апрѣля 850 года; само собою понятно, что, по примѣру Людовика Благочестиваго (въ 822 году), верховная власть осталась въ рукахъ Лотаря до самаго момента его отреченія отъ престола и смерти, послѣдовавшей непосредственно затѣмъ въ сентябрѣ 855 года.

Послѣ этого императоръ Людовикъ II пробылъ на престолѣ еще цѣлыхъ 20 лѣтъ. Нельзя отрицать, что онъ трудился по мѣрѣ крайней возможности надъ упроченіемъ внутренняго порядка и вѣншей безопасности Италии: въ 860 г. онъ покорилъ Беневентъ, 2 февраля 871 г. онъ завоевалъ Бари съ помощью грековъ, а въ августѣ 872 г. выручилъ Салерно; однако, для исцѣленія бѣдствій этой эпохи упадка — стоитъ только подумать объ ужасающемъ распространеніи разбойниковъ, о наказаніи которыхъ толкуютъ капитуляріи 850—865 г. — нуженъ былъ человекъ съ болѣе сильной энергіей, да и тотъ едва ли бы справился съ такой задачей. Во всякомъ случаѣ объединеніе Великой Лотарингіи разстроилось еще до заключенія договора въ Мерсенѣ (стр. 98). Переходъ Фрисландіи къ брату Людовика Лотарю II (въ началѣ 855 г.), которому достались также полгода спустя Франсія съ Аахеномъ, „Лотарингія“ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, въ то время, какъ Карлъ получилъ въ качествѣ самаго младшаго сына Провансъ и часть Бургундіи, разстроилъ внезапно, какъ это надо было ожидать, ту хозяйственную основную мысль и ту цѣль, которая носились, повидному, предъ воображеніемъ Лотаря I въ 843 г. Начиная съ сентября 855 г., Италия была предоставлена своимъ собственнымъ силамъ. Приобрѣтеніе Женевы съ окрестностями (въ 859 г.), Прованса и дальнѣйшихъ частей Заюрской Бургундіи (863 г.) не внесло существенныхъ перемѣнъ въ существующее положеніе: связь между Италией и Каролингскимъ Сѣверомъ осталась прерванной попрежнему; безсиліе императорскаго имени обнаруживается съ ужасающей ясностью послѣ смерти Лотаря II (8 августа 869 г.). Справедливая притязанія Людовика II не нашли себѣ никакого отзвука; его дядя Людовикъ Нѣмецкій и Карлъ Лысый, несколько не смущаясь, подѣлили между собою богатое наследство. Обратной стороной медали является твердое и усиленное выступленіе папъ Николая I и Адріана II противъ Лотаря II въ 865, 867 и 869 гг. по поводу нарушенія имъ святости брака въ дѣлѣ съ Теитбергой и Вальдрадой; это выступленіе даетъ намъ вѣрную картину преобладанія курій надъ каждымъ изъ каролингскихъ владѣтельныхъ князей въ отдѣльности. Далѣе положеніе императора Людовика II стало еще болѣе позорнымъ послѣ того, какъ онъ былъ застигнутъ врасплохъ герцогомъ беневентскимъ Адельхисомъ и его соучастниками по заговору (13 августа 871 г.), и послѣ тѣхъ унижительныхъ условій, на которыхъ онъ былъ отпущенъ на свободу 17 сентября, хотя надо оговориться, что освобожденіе отъ вынужденной клятвы, данное ему папой Адріаномъ, и вѣнчаніе его императорской короной этимъ самымъ папой были бальзамомъ, пролитымъ на эту тяжелую рану. Дружественныя отношенія между Куріей и императоромъ не могли прикрыть для него того печальнаго обстоятельства, что къ концу своей жизни онъ былъ гораздо дальше отъ рѣшительнаго господства надъ Италией, чѣмъ въ началѣ своего царствованія.

Тѣмъ не менѣе послѣ смерти Людовика II (12 августа 875 г.), импе-

раторская корона манила къ себѣ даже трусливаго Карла Лысаго, и она дѣйствительно была возложена на него въ праздникъ Рождества того же года. Старшій сынъ Людовика Нѣмецкаго Карманъ, который имѣлъ на нее больше всего правъ, былъ совершенно обойденъ. Однако, какъ только получилось извѣстіе, что этотъ послѣдній приближается со своимъ войскомъ (въ сентябрѣ 877 г.), Карль обратился въ бѣгство и скончался вскорѣ послѣ того 6 октября, а Павія изъявила покорность его племяннику. Черезъ короткое время (22 марта 890 г.) Карманъ тоже скончался отъ болѣзни, которой онъ сталъ хворать еще съ конца ноября. Еще за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ 878 г. папа Іоаннъ VIII, тѣснимый сарацинами, рѣшилъ воспользоваться бездѣятельностью восточно-франкскаго правителя; онъ дѣйствовалъ съ обыкновенной своей самостоятельностью и попытался избрать себѣ болѣе подходящаго верховнаго главу въ лицѣ Бозо Нижне-Бургундскаго, который незадолго передъ тѣмъ похитилъ Ирменгарду и сталъ зятемъ Людовика II (срав. стр. 204). Къ сожалѣнію, Бозо отказался, а въ срединѣ августа 879 г. Карманъ отвратилъ угрожающую ему потерю посредствомъ уступки Италіи своему „малому“ брату Карлу III Толстому. Конечно, страна страдала въ сильной степени отъ необезпеченности положенія, ускорявшаго ея распаденіе, и приняла съ радостью новаго короля, который прибылъ въ Ломбардію въ концѣ октября. Однако, ожидаемая помощь не подошла и къ этому моменту; уже весной 800 г. Карль повернулся спиной къ Верхней Италіи для того, чтобы усмирить Бозо Вьенскаго. Въ ноябрѣ онъ снова вступилъ на итальянскую территорию и дѣйствительно возложилъ на себя въ Римѣ императорскую корону 12 февраля (?) 881 г.; тѣмъ не менѣе походъ, о которомъ мечталъ папа, былъ опять отложенъ, пока, наконецъ, смерть Іоанна VIII (15 декабря 882 г.) не вызвала новаго похода въ Италію. Изложеніе герцога Сполетскаго и Камеринскаго Гвидо II въ юнѣ 883 г. было подумѣрой, такъ какъ въ ноябрѣ Карль снова вернулся въ Германию, а 7 января 885 г. Гвидо былъ помилованъ, и ему былъ возвращенъ престолъ. Въ томъ же году западные франки тоже изъявили покорность Карлу. Такимъ образомъ, предъ нимъ накоплялась удручающая масса неотложныхъ задачъ; а кратковременное пребываніе императора въ Италіи весной 886 г. не принесло съ собою никакой помощи для папы, стѣсненнаго арабами. Наконецъ, поздней осенью 888 г. лопнуло терпѣніе у народовъ, возмущенныхъ неспособностью императора. Карль отступилъ предъ вновь избраннымъ королемъ Ардульфомъ и скончался 13 января 888 г. въ Нейдингшиѣ на Дунаѣ.

б) Короли и антикороли изъ побочныхъ вѣтвей дома Каролинговъ (888 г. — 950 г.).

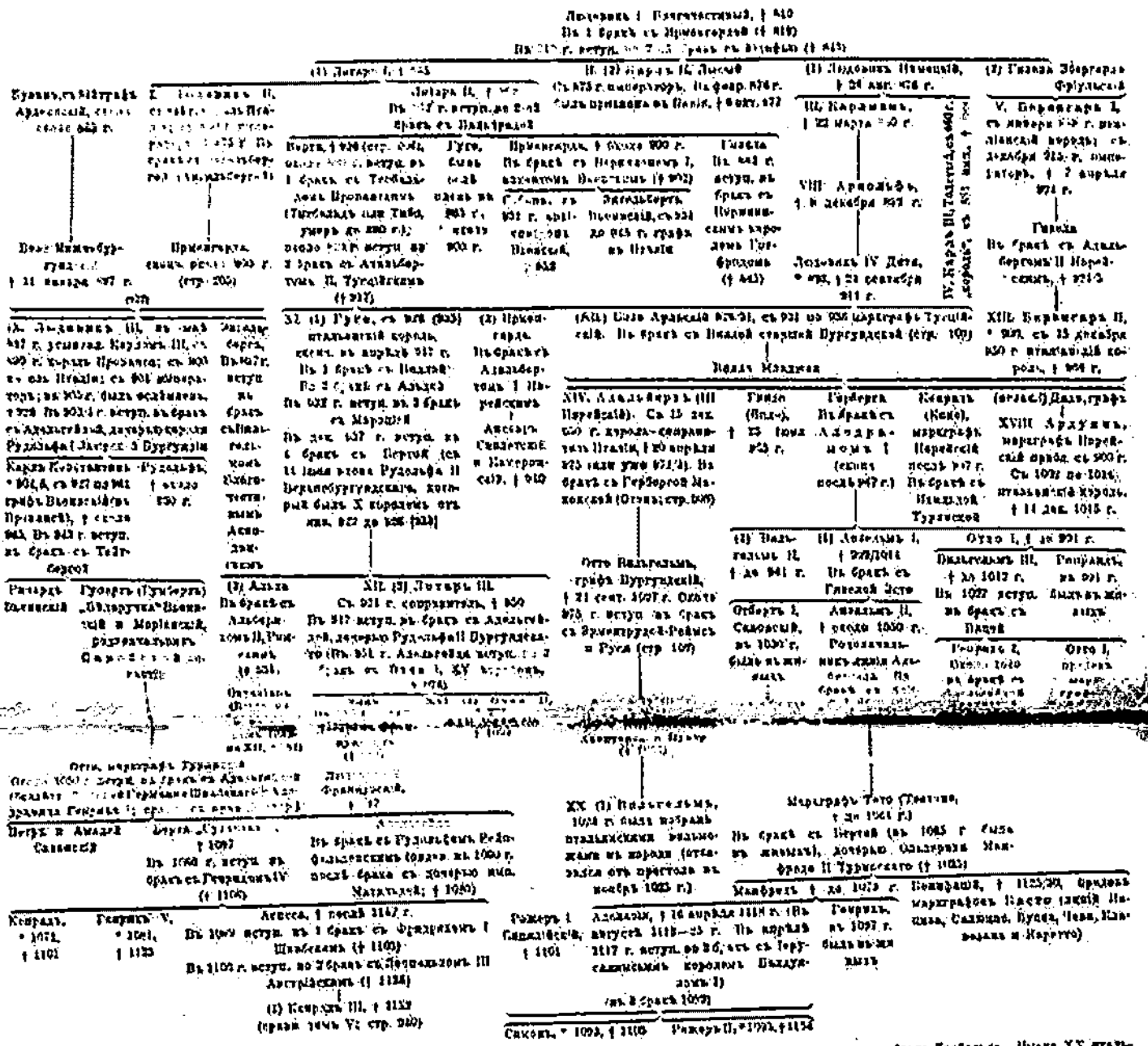
Что стало со всѣмъ тѣмъ, что было создано Карломъ Великимъ за короткій промежутокъ — еле въ 90 лѣтъ! Опять сталъ чувствоваться недостатокъ въ господствующемъ центрѣ; Апеннинскій полуостровъ распался на рядъ отдѣльныхъ и слабо связанныхъ между собою политическихъ конфигурацій, зависящихъ отъ мѣстныхъ территориальныхъ условій, объединеніе которыхъ затруднялось до крайней степени вслѣдствіе растянутой формы этого полуострова. Раздробленная и разорванная на много отдѣльныхъ частей Италія не въ силахъ была защищаться отъ хищническихъ набѣговъ островитянъ арабовъ, которые становились все смѣлѣе, или обезпечить свою внутреннюю безопасность, съ которой дѣло обстояло очень печально. Торговые и рыболовные города Неаполь, Гаэта и Амальфи окончательно отдѣлились отъ Византіи. Подъ властью восточно-римскихъ императоровъ оставалось только нѣсколько гаваней въ Апуліи и Калабріи, которая томилась подъ вѣчнымъ страхомъ нападенія со стороны сицилійскихъ сарацинъ и беневентскихъ и салернскихъ

лангобардовъ; однако, по отношенію къ послѣднимъ въ царствованіе Василія I (т. V, стр. 82) стало замѣчаться нѣкоторое улучшение (провинція „Лонгибардія“). Несмотря на свое удивленное островное и защищенное положеніе, Венеція, все еще носившая характеръ итальянской общины, сходной со многими другими, въ основу которой было положено римское право и которая подверглась вліянію греческихъ, лангобардскихъ и франкскихъ узаконеній и обычаевъ, стала освобождаться все больше отъ византійскаго протектората, начиная съ 840 г., хотя отдѣльные традиціонные остатки этого протектората сохранялись въ титулахъ и т. д. до XIII столѣтія. Почетный сановникъ восточно-римскаго императора давно уже вынужденъ былъ уступить свое мѣсто туземному *dux* или дожу, который не подчинялся Византіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ не находился ни въ какой зависимости отъ франковъ; въ промежутокъ времени между 811 г., когда мѣстопробываніемъ правительства стало Ріальто, и 942 г. санъ дожа носили 7 представителей рода Партечиаши. Со времени Аахенскаго мира, заключеннаго лѣтомъ 812 г., императоръ франковъ, который хотѣлъ добиться признанія своего сана Восточно-Римской имперіей, отказался отъ Венеціи, которую онъ приобрѣлъ непосредственно передъ тѣмъ; особое привилегированное положеніе этого города, обусловленное, повидимому, болѣе или менѣе значительной коммерческой самостоятельностью его и утвердившееся съ болѣею прочностью послѣ побѣды, одержанной имъ надъ своимъ соперникомъ Комакію, было признано формально императорами Лотаремъ (840 и 841 гг.), Людовикомъ II (въ 857 г.) и Карломъ III (880 г.). Посрединѣ полуострова царилъ папа, хоть еще нѣрѣдко угнетаемый, но уже собиравшійся стать стрѣлкой политическихъ вѣсовъ и руководителемъ своихъ сосѣдей. Сѣверная и сѣверо-западная часть Италии были заняты главнымъ образомъ итальянскимъ королевствомъ съ главнымъ городомъ Павіей; отсюда открыла свое побѣдоносное шествіе въ страны, не принадлежащія франкамъ, франкская феодальная система, которая подверглась дальнѣйшему развитію также и по своему содержанию какъ съ вещноправовой стороны, такъ и въ вопросѣ о наследованіи.

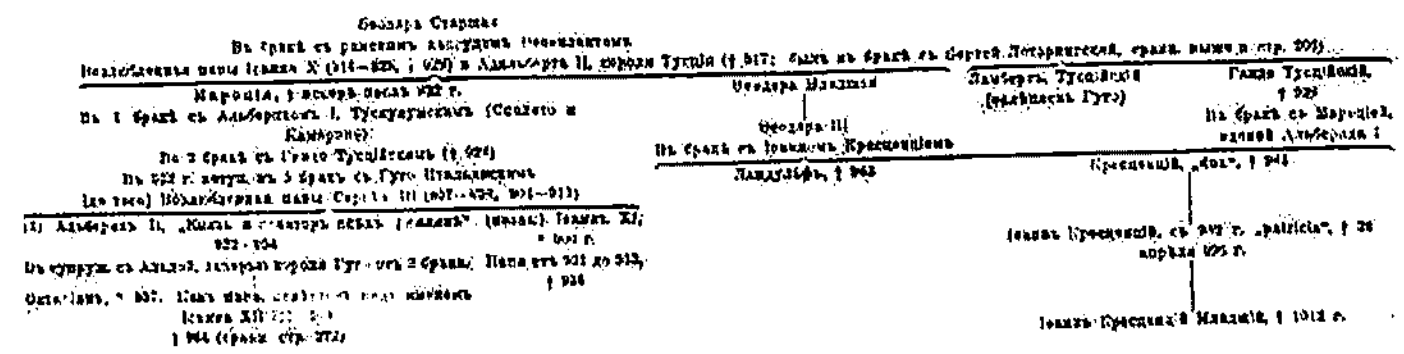
Феодальная система — это была единственная область, въ которой франкская народность могла похвалиться своими успѣхами. Во всемъ прочемъ обнаруживался съ осязательной ясностью регрессъ. Маркграфъ Пврейскій и герцогъ Фріульскій, маркграфъ Тосканскій и герцогъ Сполетскій по временамъ подчинялись весьма неохотно Каролингу. Императорская корона все еще была предметомъ вождельнѣй не столько ради связанной съ нею фактической власти, сколько ради мнимаго блеска императорскаго имени; совершенно основательно замѣтилъ Фридрихъ Шиллеръ въ 1790 году, что признаніе чѣй бы то ни было власти въ Италии давало большую надежду на поднятіе его престола въ родной странѣ.

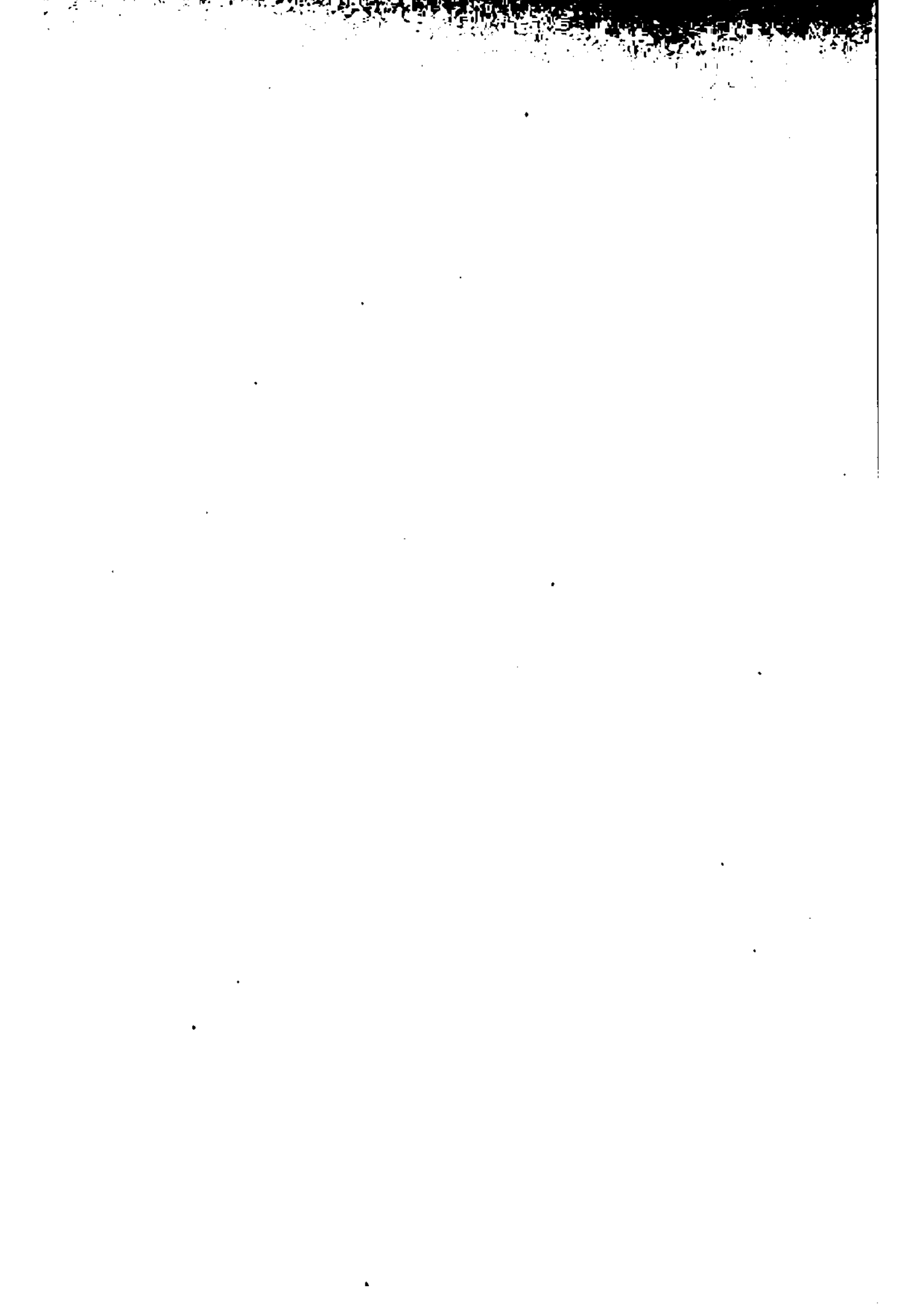
Нельзя утверждать, что это стремленіе къ римской императорской коронѣ принесло много счастья Апеннинскому полуострову. Въ ту эпоху, когда Арнульфъ поддерживалъ съ трудомъ каролингскія притязанія и подчинилъ себя во имя ихъ Берггара Фріульскаго въ концѣ 888 года и въ началѣ зимы 895 года, когда онъ взялъ штурмомъ въ концѣ января 894 года городъ Бергамо, защищаемый сполетскимъ графомъ Амвросіемъ, умирилъ въ февралѣ Адальберта Тусційскаго и, наконецъ, возложилъ на себя императорскую корону въ Римѣ въ февралѣ 894 года, дѣйствительное господство надъ Сѣверной и отчасти Средней Италией уже было совершенно въ другихъ рукахъ и почти уже никѣмъ болѣе не оспаривалось. Въ теченіе 30 сличкомъ лѣтъ (отъ 888 до 924 года) престолъ лангобардовъ былъ занятъ Берггаромъ I Фріульскимъ, происходившимъ по матери отъ императора Людовика Благочестиваго (срав. верхнюю часть прилож. родословной таблицы: „Родственныя отношенія между итальянскими королями, царствовавшими отъ 844 до 1024 года“); въ декабрѣ 915 года онъ сталъ

Родственные отношенія между итальянскими королями, царствовавшими отъ 844 до 1024 года. Начало династїи Савойской, Алодрамидовъ, маркграфовъ Монферра и Васто.

Римская порнократія въ X столѣтїи.

также и римскимъ императоромъ. Тѣмъ не менѣе онъ потерпѣлъ тяжелое поражение въ 889 году на рѣкѣ Требии отъ руки Вико II Сполетскаго¹, не состоявшаго въ родствѣ съ Каролингами, въ 899 году отъ мадьяръ (т. V, стр. 372) на рѣкѣ Brenta и, наконецъ, 17 июля 923 года отъ Рудольфа II Верхне-Бургундскаго (стр. 206); дѣйствительно признаннымъ въ продолженіе всей своей жизни монархомъ онъ былъ только на сѣверовостокѣ. Напротивъ того, Средней Италіей завладѣлъ, если только не считать тѣхъ мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ Арнульфъ оставался въ Италіи, вышеназванный Вико, единственный изъ итальянскихъ королей, избранный крупными баронами безъ всякой тѣни насильственнаго права (сконч. въ декабрѣ 894 года), затѣмъ его сынъ Ламбертъ, который оказался настолько благо-разумнымъ послѣ послѣдняго возвращенія домой правителя Восточной Франконіи, что онъ занялъ дружелюбное положеніе по отношенію къ Куріи. Послѣ его смерти (15 октября 898 года) Бернгаръ могъ бы править спокойно всѣмъ итальянскимъ королевствомъ, если бы у него не нашлся опять смѣлый соперникъ: двадцатилѣтній Людовикъ (III), король Прованса, который тоже былъ съ материнской стороны чистокровнымъ Каролингомъ и притомъ Каролингомъ итальянской линіи (срав. верхнюю часть приложенныхъ родословныхъ таблицъ), сталъ оспаривать у него престолъ. Сначала этотъ соперникъ имѣлъ успѣхъ; въ февралѣ 901 года папа Бенедиктъ IV возложилъ на него императорскую корону; но въ іюль 905 года онъ подвергся въ Веронѣ внезапному нападенію со стороны Бернгара и его союзниковъ баварцевъ, былъ ослѣпленъ и скончался въ Арль черезъ долгое время послѣ этихъ событій (въ сентябрѣ 928 года). Послѣ его устраненія въ 920 году выступилъ на сцену третій соперникъ Бернгара I въ лицѣ Рудольфа II Верхнебургундскаго. Въ 923 году Рудольфъ одержалъ верхъ, но вынужденъ былъ съ своей стороны въ 926 году подѣлиться благосклонностью крупныхъ бароновъ съ Гуго Прованскимъ, внукомъ Лотаря II и непризнанной его жены Вальдрады (стр. 360), стало быть, тоже Каролингомъ; по договору 933 года Италия досталась этому послѣднему, который ухитрился также захватить наследство, оставшееся послѣ смерти Людовика III; что касается Рудольфа, то онъ приобрѣлъ Нижнюю Бургундію и удержалъ въ своей власти Верхнюю Бургундію. Германія была занята въ это время главнымъ образомъ своими собственными дѣлами и мадьярами и оставила всякую заботу объ Италіи; казалось, что она совершенно забыла о своихъ связяхъ съ югомъ.

При посредствѣ короля Гуго мы знакомимся ближе съ папствомъ, распутство и пороки котораго дошли до крайнихъ предѣловъ возможности: третьимъ бракомъ этотъ король сочетался съ извѣстной распутницей Маріучіей или Мароціей (срав. нижнюю часть приложенной таблицы), которая родила въ 906 году отъ папы Сергія III (897—898 г. и 904—911 г.), того самаго, который перестроилъ Латеранскую Базилику, будущаго папу Іоанна XI (отъ 931 до 933 года; сконч. въ 936 году). Эта римлянка, совмѣщавшая въ своемъ лицѣ княжну и проститутку, достойная дочь своей развратной матери Теодоры, состояла въ первомъ бракѣ съ маркграфомъ Альберихомъ I изъ Тускулума (Камерино) и родила отъ него сына того же имени. Этотъ Альберихъ II былъ недоволенъ третьимъ бракомъ своей матери; въ 932 году онъ изгнать провансальца, захватилъ въ свои руки неограниченную власть надъ Римомъ и правилъ этимъ городомъ до самаго 954 года, какъ узурпаторъ, напоминающій собою нѣкоторыхъ представителей итальянскаго Ренессанса; предъ нами „железный“ вѣкъ итальянской исторіи.

¹ Вико II, въ 876 г. графъ Камарино, въ 882 г. герцогъ Сполетскій, весной 886 г. король Зап. Франковъ въ февралѣ 889 король Итали, 21 февр. 891 г. императоръ, † въ 894 г. въ бракѣ съ Ангилтрудой (защитницей Рима въ 896 г.)

Ламбертъ, въ 891 соправитель короля, въ апрѣлѣ 892 соправ. императора, въ 894 единст. императ. † 15 октября 898 г.

Не безъ глубокаго основанія Альберихъ казался Ранке чѣмъ то вродѣ Амира-аль-Умара (эмира эмировъ) рядомъ съ Халифомъ.

Власть Гуго кончалась у стѣнъ Рима, а вскорѣ она была сужена такъ же и съ сѣвера. Зять его своднаго брата Бодо, правителя Арля и Тусци, Бернгаръ Иврейскій, который былъ со стороны своей матери Гизеллы внукомъ Бернгара Фриульскаго (срав. верхнюю часть прилож. родословнаго дерева), стало быть, праправнукомъ Людовика Благочестиваго, бѣжалъ въ Германію въ 941 году отъ просковь коварнаго Гуго и изъявилъ покорность королю Оттону I. Лѣтъ пять спустя онъ рѣшился вернуться домой: онъ былъ принятъ съ радостью магнатами, недовольными жестокостью Гуго. Прижатый къ стѣнѣ король удалился въ 946 году въ Арль, въ то время какъ сынъ его Лотарь III, который сталъ его соправителемъ въ 931 году, до самой своей смерти (22 ноября 950 года) игралъ только роль подставнаго короля. Такимъ образомъ предъ Бернгаромъ II, который короновался вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Адальбертомъ открылся вполне свободный путь. Но это былъ только обманчивый призракъ. Опять уже приближался нѣкто другой, болѣе могущественный, которому предстояло поставить снова на другое, болѣе прочное основаніе дѣла Италіи.

3. Нѣмецкое господство надъ Италіей (отъ 951 до 1266 года).

А. Оттоны и первый представитель Салійской династіи.

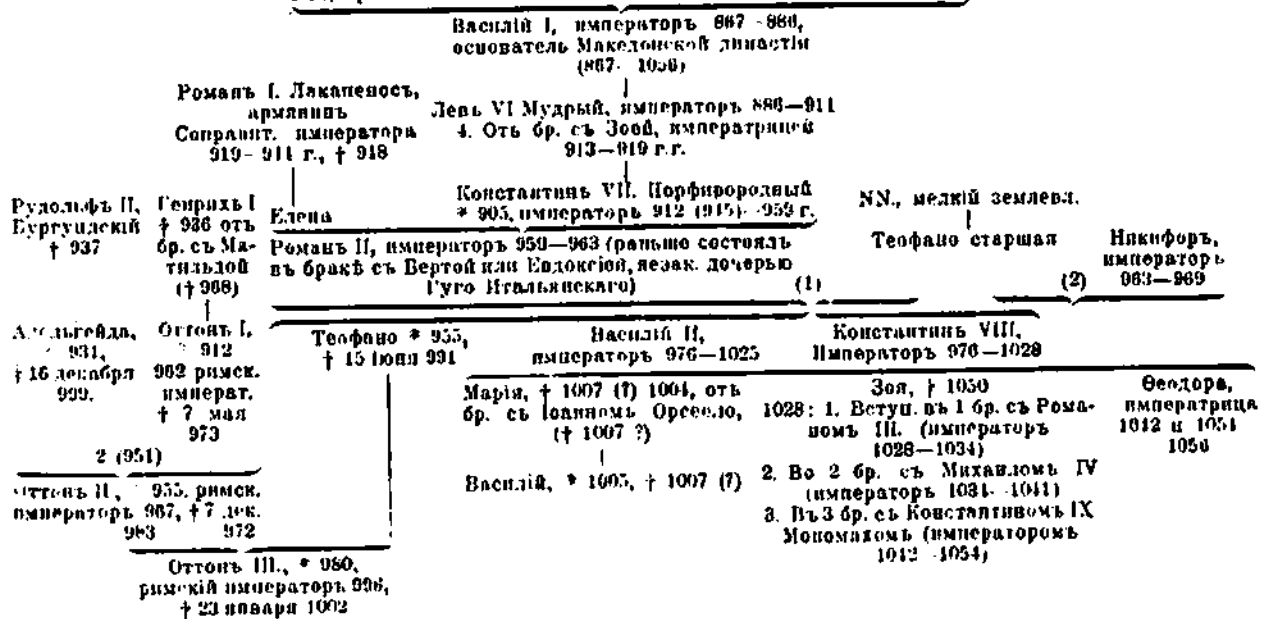
Хотя обыкновенно короли возводились на престоль посредствомъ избранія, все же основаніемъ для признанія чьей-либо верховной власти продолжала служить, начиная съ 875 года, никогда не угасавшая идея наследственнаго права Каролингской династіи. Это обнаруживается вполне ясно изъ нѣкоторыхъ публичныхъ эпизодовъ, сопровождавшихъ перемѣны на тронѣ и повторные выборы, а такъ же изъ того обстоятельства, что король Адальбертъ сватался за вдову Лотаря, Адельгейду (Аделаиду). Отказавши ему, она отдалась въ мощныя руки великаго саксонца Оттона I; хотя она не могла дарить корону (стр. 104), все же она олицетворяла собой законное право на владѣніе Италійскимъ королевствомъ съ видами на Бургундію, и Оттонъ приобрѣлъ въ ея лицѣ безспорное наследственное право на Италію. Первый годъ его царствованія „въ Италіи“ (in Italia) совпадаетъ съ шестнадцатымъ годомъ его царствованія надъ Восточно-Франкскимъ королевствомъ. Такимъ образомъ была восстановлена прерванная на долгое время связь между Италіей и Германіей. Конечно, связь эта все еще была очень слаба; въ 956 году сыну Оттона Людольфу (короновался въроятно въ маѣ въ Пармѣ; сконч. въ 957 году) пришлось выступить съ оружіемъ въ рукахъ противъ Бернгара, которому Италія (за исключеніемъ Истрии, Аквилей, Трента и Вероны) была отдана въ видѣ лена въ августѣ 952 года. Доступъ въ Римъ былъ временно прегражденъ узурпаторомъ Альберихомъ II. Но послѣ его смерти (въ 954 году), умиротворенія Германіи и обезпеченія ея восточной границы Оттонъ осмѣлился приступить настойчиво къ италійскому вопросу, ждавшему своего разрѣшенія. Ради этой цѣли былъ предпринятъ его второй походъ въ Италію зимою 961—962 года; 2 февраля Средняя Европа приобрѣла въ его лицѣ еще одного Карла Великаго (срав. выше, стр. 105). Въ 963 году новый императоръ удалилъ отъ власти Іоанна XII, сына Альбериха, а въ 964 году Бенедикта V, въ 963 (и въ 964) году онъ посадилъ на папскій престоль Леона VIII, а въ 965 (и въ 967 г.) Іоанна XIII. Бернгаръ II былъ вынужденъ сдаться въ 964 году въ горномъ замкѣ Санктъ-Лео (или Леонтефельтро), а въ 966 году онъ скончался въ Бамбергѣ; королева Вилла удалилась въ монастырь, а Адальбертъ (сконч. между 971 и 975 годами; срав. стр. 109) отправился въ изгнаніе вмѣстѣ съ своими братьями. Такимъ образомъ вымерли предшествѣдніе отпрыски Каролингскаго дома въ Италіи. Капуя, Беневентъ и Салерно тоже изъ-

явили покорность императору саксонцу; только крайній югъ Италіи остался во власти частью византійцевъ, частью арабовъ.

Все тѣснѣе становилась связь между холоднымъ Сѣверомъ и теплымъ Югомъ. Сынъ Оттона и Адельгейды Оттонъ II, который сталъ соправителемъ императора еще съ 967 года, въ 972 году вступилъ въ бракъ съ греческой принцессой Теофано, принадлежавшей къ Македонской династіи, вообще не блиставшей благородствомъ своего происхожденія¹. Благодаря этому центръ тяжести симпатій и интересовъ передвинулся чувствительно на югъ; это направленіе обнаружилось еще въ болѣе рѣзкой степени въ 983 году, когда на нѣмецкій престолъ вступилъ Оттонъ III. Уже одна кровь матери и бабушки этого императора объясняетъ помимо всѣхъ другихъ притягательныхъ силъ то громадное вліяніе, которое Италія оказывала на судьбы Германіи съ конца X столѣтія. Однако, именно ввиду того сильнаго влѣдѣнія, которое Югъ оказывалъ на германскую исторію въ эту эпоху и въ теченіе продолжительнаго времени послѣ нея, мы считаемъ себя вправе отослать читателя къ стр. 105 и сл. Все же мы должны здѣсь расширить и дополнить то, что было сказано въ этомъ мѣстѣ, такъ какъ событія, касающіяся по преимуществу или исключительно Италіи, не могли умѣститься въ рамкахъ исторіи Восточно-Франккаго государства. Такъ, между прочимъ, достойно вниманія то обстоятельство, что король Оттонъ III возвелъ въ санъ папы подъ именемъ Григорія V въ 996 году своего молодого родственника Бруна (срав. примѣчаніе къ стр. 107) и посадилъ такимъ образомъ на папскій престолъ перваго нѣмца (стр. 273); въ этомъ случаѣ онъ дѣйствовалъ вполне въ духѣ карловско-оттоновской всемірной державы, которая видѣла въ папѣ только высшаго церковнаго государственнаго сановника. Что касается Іоанна Кресценція (срав. нижнюю часть родословной таблицы, прилож. къ стр. 363), который выступилъ противъ этого любимца молодого императора, то онъ поплатился за свою дерзость позорной смертью въ концѣ апрѣля 998 года.

Наступилъ конецъ перваго тысячелѣтія христіанскаго лѣтосчисленія. Сравнительно съ условіями 890 года (срав. выше, стр. 361) положеніе измѣнилось до нѣкоторой степени, несмотря на краткость протекшаго срока. Конечно, нельзя допускать, чтобы ученіе о тысячелѣтнемъ царствѣ, согласно которому все должно было разрушиться съ наступленіемъ тысячаго года, пустило глубокіе корни; кромѣ тѣсныхъ круговъ Оттона III, Болеслава I Храбраго и Владиміра I, князя кіевскаго, едва ли эта идея имѣла много

NN., армянскій военный поселенецъ недалеко отъ Адрианополя

поклонниковъ, и даже мало кто зналъ о ней: стоитъ только подумать о Венеціи, въ которой эта эпоха отличалась особенной страстью къ постройкамъ. Суть заключается въ перемѣнахъ, происшедшихъ во взаимныхъ отношеніяхъ между различными силами, оказывавшими наиболѣе сильное вліяніе на судьбы Италии.

Первое, что бросается намъ въ глаза, это рѣзкое усиленіе византійскаго господства на Югѣ. Набѣги сарацннъ, которыхъ никто не сдерживалъ между 850 и 870 годами, кромѣ Людовика II. не встрѣчали послѣ его смерти никакого другого сопротивленія, кромѣ византійскихъ гарнизоновъ, отражавшихъ ихъ напоръ. Около 890 года арабы были изгнаны изъ Калабріи и Апуліи; въ 915 году эти успѣхи христіанскаго оружія завершились прекрасной побѣдой на рѣкѣ Гарильяно. Престолы салернскій, неаполитанскій и капуанскій (вмѣстѣ съ беневентскимъ) уже больше не переходили отъ одного лица къ другому съ прежней необычайной быстротой, и въ этихъ владѣніяхъ была снова признана верховная власть восточно-римскаго императора. До XI столѣтія и дольше сохранили свою независимость весьма немногія изъ итальянскихъ государствъ, въ томъ числѣ Амальфи, которое возвысилось въ слѣдствіе степенія благопріятныхъ политическихъ условій и своего счастливаго географическаго положенія, отдѣлилось отъ Византіи безъ всякаго кровопролитія, стало въ 839 году республикой, а съ 958 года родовымъ герцогствомъ. Если не считать набѣговъ на морскіе берега и острова, которые никогда не прекращались окончательно, а также кратковременныхъ нашествій мадьяръ, то можно сказать, что внутренняя часть Южной Италии была умиротворена въ X столѣтіи. Монастыри Монте-Кассино и Санъ-Винченцо у Вольтурно снова возродились изъ пепла; распаденіе феодальныхъ государствъ (стр. 358) было еще разъ приостановлено. Конечно, одно недоразумѣніе не исчезло: родамъ Пандульфовъ въ Капуѣ и Ваймаровъ въ Салерно съ ихъ возродившейся самоувѣренностью казалось, что они могутъ обойтись безъ восточно-римскаго императора; съ другой стороны византійскіе стратеги были увѣрены въ томъ, что эти древнелангобардскія княжества входятъ по настоящему въ составъ темъ (провинцій) „Лонгибардіи“ и „Калабріи“: мало-мальски опредѣленной границы, конечно, не существовало. Впрочемъ, взаимныя отношенія были довольно миролюбивы. Византійская дипломатія была настолько благоразумна, что она щадила какъ лангобардскую, такъ и римскую національность. Изъ такого своего поведенія она извлекала ту выгоду, что южно-итальянскіе города рѣдко поддавались искушенію вступить въ союзъ съ повстанцами или норманнами (объ этомъ смотри ниже, стр. 368) даже тогда, когда они могли воспользоваться наилучшимъ случаемъ къ отпаденію отъ Византіи (напримѣръ въ 1010 и 1017 годахъ). Сѣверная Калабрія по нижнему теченію рѣки Крати, Южная и Восточная Луканія (Потенца) были такъ сильно привержены къ греческимъ императорамъ, что въ XII столѣтіи эта область пріобрѣтаетъ названіе *Базилікаты* (*Βασιλεύς*: такъ титуловали императора въ обращеніяхъ къ нему). Самымъ давнишнимъ и основнымъ слоемъ населенія была здѣсь до той эпохи и осталась послѣ того греческая народность. Норманское королевство можно представлять себѣ только, какъ гордое зданіе, возведенное на этой основѣ, не затрагивающее мѣстнаго строя жизни, — норманскій король попросту занялъ мѣсто императорскаго намѣстника. Если бы мы захотѣли распредѣлить по степени ихъ важности тѣ разнообразныя вліянія, которымъ подвергалась Южная Италия до этого времени, то мы получили бы слѣдующій рядъ: на первомъ мѣстѣ пришлось бы поставить византійское (и норманнское) вліяніе; затѣмъ, слѣдовало бы римское (въ вопросахъ права), лангобардское и франкское; на послѣднемъ мѣстѣ стояло бы арабское вліяніе, которое прекратилось въ Сициліи съ 1072 года. Самыя убѣдительныя доказательства этой градации мы можемъ найти въ исторіи христіанскаго искусства Южной Италии, ко-

торое обогатилось въ значительной степени во вторую половину XI столѣтїа благодаря теченїямъ, исходившимъ изъ Греціи и Востока:

Послѣ прекращенїя воинственнаго рода Кандїани, который далъ государству лагунъ четырехъ дождей въ промежутокъ времени между 932 и 979 годами, Венеція достигла около 1000 года наивысшей точки своего замѣчательнаго развитїа. Два условїа, — тѣснота родины венеціанцевъ и ея географическое положенїе, — толкали ихъ къ морю и направляли ихъ вниманїе на чужїя страны; полумонархическій образъ правленїа Венеціи былъ приспособленъ какъ нельзя лучше къ проведенїю такой трудной политики. Семья высокодаровитаго дожа Пьетро Орсеоло (991—1009 г.) была признана своимъ равноправнымъ товарищемъ самыми выдающимися европейскими династіями ¹. Много заставилъ говорить о себѣ побѣдоносный походъ этого дожа противъ хорватскаго короля Дирцислава (1000 г.; ср. томъ V, стр. 287). Военные и торговые корабли венеціанцевъ дошли въ это время до высшей степени своего техническаго совершенства; однако, въ кораблестроенїи также ясно проглядываетъ вліяніе греческихъ прототиповъ и образцовъ, какъ и въ архитектурѣ возведенной въ это время базилики св. Марка, которая была начата постройкой еще при отцѣ Пьетро, носившемъ то же имя (онъ былъ дожемъ отъ 976 до 978 года). Въмѣстѣ съ Венеціей въ это время стали постепенно отдѣляться и высвобождаться изъ подъ власти маркграфовъ Эсте и итальянскихъ королей торговые города Генуя и Пиза, причемъ главной двигательной силой было народившееся стремленїе къ самостоятельнымъ мѣрамъ обороны, такъ какъ маркграфы и короли не были надежными защитниками этихъ городовъ отъ нападений сардинскихъ и корсиканскихъ сарацинъ. Первымъ существеннымъ успѣхомъ этихъ городовъ была одержанная ими сообца двойная побѣда надъ сардинскими арабами (1015—16). Вслѣдъ затѣмъ между ними развилось взаимное соперничество, въ которомъ Пиза одержала верхъ на нѣсколько десятковъ лѣтъ (стр. 374).

Во всѣхъ остальныхъ частяхъ итальянскаго королевства теперь расцвѣла пышнымъ цвѣтомъ ленная система, прїобрѣтшая между тѣмъ поразительно рѣзкую церковную окраску благодаря предпочтенїю, оказываемому Оттономъ епископамъ. Такое преднамѣренное сближенїе между правительствомъ и первенствующими представителями духовенства, какъ высшими сановниками государства, принесло богатые плоды сейчасъ же послѣ смерти Оттона III (23 января 1002 г.). Ломбардское благородное сословіе, настроенное враждебно къ иѣмцамъ или, если угодно, приверженное къ національной идеѣ, успѣшило возвести на королевскїй престолъ въ Павїи уже 15 февраля маркграфа Ардуина Иврейскаго, подвергшагося изгнанїю въ 909 году (ср. пред. дерево, прил. къ стр. 363), но по настоянїю итальянскаго духовенства король Генрихъ II Святой перешелъ въ 1004 г. черезъ Альпы, а 14 мая онъ былъ избранъ королемъ и возложилъ на себя корону. Конечно, его торжество продолжалось недолго, — въ концѣ 1013 г. понадобился еще одинъ походъ въ Италию; въ теченїе короткаго времени счастье оставалось на сторонѣ Ардуина, но лѣтомъ 1014 г. онъ вынужденъ былъ изъявить покорность во второй разъ и скончался въ монастырѣ Санъ-Беннигно въ Фруттуарїи 14 декабря 1015 г.; въ теченїе весьма долгаго времени онъ все еще оставался послѣднимъ итальянскимъ королемъ иноземнаго происхожденїа (по поводу кратковременной кандида-

Генрихъ II, герцогъ Баварскїй, † 995	Геза Венгерскїй † 997	Пьетро Орсеоло II, дожъ съ 991—1009 г. отъ брака съ Марїей
Им. Генрихъ II, Гизела † 1024	Стефанъ I, Марїа † 1039	Оттонъ Орсеоло, род. 995, дожъ 1003—1009, † 1032
НВ. О виазавїйскомъ бракѣ Юліана Орсеоло, старшаго брата Оттона, ср. прил. изъ стр. 365.		Пьетро Орсеоло, 1037—41 г. и 1061—64 король венгерскїй (см. т. V, стр. 375, † 1060)

туры Вильгельма Аквитанскаго въ 1024—25 гг., сравн. род. дерево, прилож. къ стр. 363). Какую силу могъ воплотить въ себя при благоприятныхъ условіяхъ строптивый вассалъ изъ духовенства, объ этомъ свидѣтельствуемъ самовластный образъ дѣйствій гордаго епископа Ариберта противъ императора Конрада II (1037—38 г.); впрочемъ, въ Миланѣ тоже стало усиливаться въ это время сознаніе своей собственной силы. Къ этому бурному времени относится обнародованіе *Edictum de beneficiis* 28 мая 1037 г., который извѣстенъ также подъ названіемъ *Constitutio de feudis*, которымъ подтверждалась самымъ недвусмысленнымъ образомъ наследственная передача отъ отца къ сыну, отъ брата къ брату второстепенныхъ леновъ (болѣе мелкихъ) „вальвассоровъ“, полученныхъ непосредственно отъ короля. Благодаря этому эдикту ослабѣло значеніе чрезмѣрно усиливавшихся ленныхъ владѣльцевъ (*milites primi, capitanei*), самоувѣренность которыхъ была основана на многочисленности вассаловъ, которые зависѣли до тѣхъ поръ непосредственно отъ нихъ, вассаловъ изъ вторыхъ рукъ; теперь же эти послѣдніе были обязаны благодарностью исключительно передъ короной, и центральная государственная власть возросла за счетъ ленныхъ владѣльцевъ.

Б. Исторія норманновъ до короля Рожера II.

Однако, всѣ эти перемѣны имѣли мало значенія сравнительно съ тѣмъ рѣзкимъ вліяніемъ, которое исходило отъ норманновъ, осѣвшихъ въ Нижней Италіи (1017 г.) и отражалось не только на всей остальной Италіи, но на послѣдней и самой широкой ступени также и на всей Средней и Западной Европѣ (сравн. стр. 411). Сама по себѣ и въ чисто внѣшнемъ, мѣстномъ отношеніи перемѣна, внесенная въ Византійскую Южную Италію вторженіемъ норманновъ, вовсе не была такой необычайно рѣзкой (срав. стр. 366), какъ это допускалось по большей части до настоящаго времени. Все же это вторженіе было однимъ изъ важнѣйшихъ событій средней части итальянской исторіи. По мнѣнію Ранке, это событіе можетъ быть сравниваемо по своему значенію съ одновременнымъ вступленіемъ турокъ-сельджуковъ въ Иранъ (сравн. т. III, стр. 352). Дѣло въ томъ, что въ лицѣ норманновъ въ цестругъ нѣпчъ итальянскихъ государствъ вступаетъ совершенно новый членъ, который оказался весьма опаснымъ противникомъ сперва лангобардовъ, Амальфи и др. государствъ и городовъ, а затѣмъ папы и, наконецъ, императора.

Послѣ 1022 г. Генрихъ сражался съ большимъ успѣхомъ во время своего третьяго похода въ Римъ съ греками въ Апулію; виновникомъ этого столкновенія былъ коронованный его папа Бенедиктъ VIII (отъ 1012 до 1024 г.: въ міру носилъ имя Теофилакта изъ дома графовъ Тускуланскихъ), который обнаружилъ свою преданность національной идеѣ еще въ 1016 г. на о. Сардиніи. Въ апрѣлѣ 1027 г. права германскихъ государей на Нижнюю Италію были снова быстро упрочены. Однако, внутри ихъ уже завелся червякъ, который былъ еще пока что малъ и незамѣтенъ, но который долженъ былъ разростись вскорѣ во всеразвѣдающее зло. Лангобардскій князь Пандульфъ IV Капуанскій, который нѣкогда былъ взятъ въ плѣнъ Генрихомъ II и уведенъ въ Германію, но отпущенъ опять Конрадомъ II на родину и вернулъ себя за короткое время господство надъ Нижней Италіей, посоветовалъ герцогинѣ матери Амальфійской Маріи въ 1035 г. выдать свою дочь за норманна Райнульфа и отдать послѣднему въ видѣ лена *Terra di Lavoro*, въ которой онъ былъ водворенъ въ 1029 г. подвластнымъ Византіи герцогомъ неаполитанскимъ (*Magister militum*) Сергіемъ IV и въ которой онъ основалъ въ 1030 г. укрупленный городъ Аверсу. Такимъ образомъ была продѣлана преднамѣренно брешь въ той связи, которая соединяла Византію съ ея новымъ сосѣдомъ; но съ

другой стороны гнѣздышко, приготовленное лангобардской народностью для норманновъ, было настолько тепло, что имъ ни за что не хотѣлось покидать его.

Обстоятельства благоприятствовали норманнамъ, утвердившимся на югѣ. Во-первыхъ, лангобарды взаимно ослабляли силы другъ друга: въ 1038 г. императоръ Конрадъ посадилъ на тронъ Капуи вмѣсто Нандульфа Ваймара IV Салернского, который съ своей стороны снова отдалъ Аверсу въ видѣ лена графу Райнульфу съ разрѣшенія императора, а уже въ 1052 г. послѣ убійства Ваймара (2—3 іюня) его сынъ Гизульфъ II не могъ обойтись безъ помощи норманновъ для того, чтобы упрочить за собою наследство, оставшееся послѣ его отца. Однако, черезъ короткое время онъ былъ такъ сильно стѣсненъ Ричардомъ изъ Аверсы, что въ 1057 г. онъ заключилъ миръ съ герцогствомъ Амальфи, самостоятельность котораго онъ вынужденъ былъ признать, такъ какъ иначе онъ не въ силахъ былъ сдерживать патискъ норманновъ; недаромъ же эти послѣдніе разбили даже папу Льва IX и взяли его въ плѣнъ 18 іюня 1053 г. недалеко отъ Чивитате въ Сѣверной Апуліи! Неразумныя излишества Гизульфа толкнули герцогство Амальфи въ концѣ 1073 г. прямо въ раскрытія объятія предводителя норманновъ Роберта Гискара, самаго способнаго изъ 12 сыновей Танкреда Готвилъскаго, который завоевалъ Калабрію, приобрѣлъ въ 1057 г. титулъ графа Апулійскаго, а въ 1059 г. присвоилъ себѣ съ одобренія папы Николая II герцогскій титулъ. Въ 1071 г. городъ Бари былъ отнятъ у византийцевъ, которые владѣли имъ съ 876 г.; въ 1074 и 1075 гг. послѣдовало покореніе норманнами Калабріи, а 13 декабря 1076 г. Гизульфъ Салернскій сдался лично въ плѣнъ своему непреклонному зятю. 27 ноября 1077 г. скончался также Ландольфъ VI, герцогъ Беневентскій, и его смерть обозначала собой окончательную гибель лангобардскаго государства въ Нижней Италіи, которое пережило паденіе своего сѣвернаго собрата на цѣлыхъ 300 лѣтъ. Договоръ, заключенный по повелѣнію папой Григоріемъ VII съ Робертомъ Гискаромъ 29 іюня 1080 г. въ Ченерано, былъ завершеніемъ полнаго торжества норманнскаго государства, цѣлость котораго охранялась желѣзною рукою; неудачными оказались только тѣ замыслы дальновиднаго короля, которые касались восточнаго побережья Адриатическаго моря: его планы на Албанію, которая и теперь еще соединена кое-какими нитями съ Южной Италіей (срав. т. V, стр. 222), получили рѣшительный отпоръ послѣ пораженія, нанесеннаго Алексію при Дураццо въ 1081 г.; 17 января 1085 г. этотъ „хитрецъ“ скончался въ Порто-Фискардо на о. Кефаленіи, не достигши осязательныхъ результатовъ.

Въ другую сторону тоже послѣдовало весьма счастливое расширеніе границъ; младшій братъ Рожера былъ недоволенъ ролью, выпавшей на его долю на окраинѣ Калабріи. — Онъ отозвался на предложеніе араба ибнъ-Тимна, который искалъ союзника для борьбы со своими собственными соплеменниками въ Кастро Джіованни и предпринялъ завоевательный походъ въ Сицилію. Тутъ не было завистливыхъ земляковъ, а также недовольныхъ своими владѣніями ленныхъ владѣльцевъ; тутъ можно было добиться безъ околичностей безусловнаго единовластія надъ настоящими вѣрноподанными, стоило только отличиться такимъ богоугоднымъ дѣломъ, какъ покореніе магометанъ, и почти напоминающей XIX вѣкъ, во всякомъ случаѣ, необычайно разумной для своего времени, религіозной и правовой терпимостью къ обычаямъ покореннаго населенія, среди котораго было много евреевъ. Между прочимъ, это обнаруживается съ полной ясностью въ томъ исключительномъ положеніи, котораго сумѣлъ добиться отъ папы Урбана безъ острой борьбы за инвеституру графъ Рожеръ I (5 іюня 1098 г.), будучи облеченъ чрезвычайно важнымъ въ церковно-политическомъ отношеніи саномъ апостольскаго легата въ Сициліи.

Преемникомъ основателя этой многообѣщающей сицилійской монар-

хій (сконч. 22 іюня 1101 года) былъ его наслѣдникъ Рожеръ II, который даже превзошелъ его по своему значенію. Рожеръ II, второй сынъ Рожера I, родившійся только въ 1095 году отъ третьяго брака своего отца съ Аделазіей, племянницей маркграфа Васто Бонифація I, происходившаго изъ сѣверо-западпо-итальянскаго дома Аледрамидовъ (сравн. верхнюю часть родословной таблицы, прилож. къ стр. 363). Ему было суждено царствовать очень долго: хотя онъ скончался уже 26 февраля 1154 года, но онъ правилъ самостоятельно съ 1112 года, а съ 27 сентября 1130 года онъ титуловался „королемъ Сициліи, Калабріи и Апуліи, княземъ Капуи, господиномъ надъ Неаполемъ и Беневентомъ“; если бы мы пожелали гоняться за точностью, то мы должны прибавить также и Мальту, которая вошла въ составъ Сицилійскаго государства уже въ 1090 году и принадлежала къ нему до 1530 года, когда она была занята іоаннитами. Все то, чему былъ заложенъ фундаментъ отцомъ, — крутое обращеніе съ баронами и основаніе централизованнаго бюрократическаго государства, — было завершено при Рожерѣ II. Такимъ образомъ, на островѣ Сициліи, а подъ вліяніемъ, исходившимъ оттуда, также и въ Нижней Італіи началось движеніе, направленное къ уничтоженію ленной системы, уже въ такую эпоху, когда во всей Італіи остатки ея повсюду еще бросались въ глаза, несмотря на *Edictum de beneficiis* Конрада. И въ этомъ отношеніи господство норманновъ знаменуетъ собою новое теченіе въ итальянской исторіи. Хладнокровный и непреклонный, хитрый, осторожный и скрытный — такова характеристика этого норманна; онъ рисуется предъ нами, какъ романская разновидность или южное видоизмѣненіе смѣло идущаго впередъ германца, какъ предтеча Морица Саксонскаго или Валленштейна; своими симпатіями къ выдающимся по своему таланту магометанамъ, какъ, напримѣръ, къ великому географу Эдризю, тѣмъ среднимъ положеніемъ, которое онъ занималъ между Востокомъ и Западомъ, своими дальновидными заботами о возрожденіи антично-византийскаго-арабскихъ искусства и науки Рожеръ II напоминаетъ собою великаго Штауфена Фридриха II. Одно блестящее произведеніе той своеобразной смѣшанной культуры, которой онъ покровительствовалъ, служить предметомъ нашего удивленія еще и нынѣ; мы говоримъ о великолѣпной *Capella Palatina* въ палермскомъ замкѣ, освященной 29 іюня 1140 года, достойнымъ придаткомъ которой можетъ считаться блестящая мозаика собора въ Монреальѣ, которая сродна съ нею по времени своего происхожденія и по своему характеру. Норманскій король уже не является только первымъ между равными, *primus inter pares*; это не есть князь, который могъ бы потонуть въ общей массѣ рыцарскаго слоя, отдѣляющаго корону отъ народа, не оставивши по собѣ никакого замѣтнаго слѣда; это монархъ, стоящій выше всѣхъ своихъ подданныхъ, который предвосхитилъ въ Сициліи и въ Южной Італіи труды Людовика XI французскаго. Умный дипломатъ и неутомимый, но дѣйствующій по строго обдуманному плану государственный человекъ заслонилъ собою молодецки прямолинейнаго авантюриста. Норманскій проходимецъ, боровшійся за свое существованіе и съ трудомъ удерживавшій въ своей власти нѣкоторые прибрежные пункты, превратился въ богатаго и гордаго государя, драгоцѣнной милости котораго занесивали папы и король.

Къ сожалѣнію, Рожеръ слишкомъ сильно опередилъ свой вѣкъ; гениальное твореніе его рукъ не могло пережить его надолго. Не былъ еще перекинутъ мостъ между обычаями различныхъ народностей, еще не успѣло развиваться примирительное настроеніе между послѣдователями различныхъ вѣроисповѣданій — въ этомъ заключались условія, необходимыя для слиянія различныхъ народовъ, — какъ противорѣчія между отдѣльными расами колебали все зданіе (сравн. ниже, стр. 378). Национальная основа пестрой ткани была еще слишкомъ слаба. Многообѣщающіе корни, которые она пустила, были еще слишкомъ тонки и не могли пи-

тать ея. Въ окончательномъ результатѣ южно-итальянскіе норманны только удлиннили на одно звено рядъ странствующихъ германскихъ племенъ, погибшихъ въ области произростація оливковаго дерева.

В. Борьба за инвеституру.

Въ то время, какъ Южная Италія и Сицилія, отдѣльныя части которыхъ находились съ 1061—72 г. въ рукахъ различныхъ завоевателей одного и того же племени, сбѣдинились съ 1127 года подъ властью одного человѣка и развились съ изумительной быстротою въ самое могущественное государство, какое только видѣла Италія за весь этотъ историческій періодъ, средняя и сѣверная части Италіи пошли совершенно другими путями. При папѣ Бенедиктѣ IX (отъ 1033 до 1044, 1045—46 г. и 1047—48 г.; срав. стр. 274), казалось, что папство никогда уже не выйдетъ изъ своего унижительнаго положенія, а не прошло и 30 лѣтъ, какъ Римская Курія, спасшаяся отъ гибели только благодаря германскому императору Генриху III, уже торжествовала побѣду надъ его сыномъ (срав. стр. 113 съ прилож. къ ней табл. „Развалины замка Каноссы“). Въ этомъ смыслѣ вполне правъ Антонъ Э. Шенбахъ, который называетъ папство творчествомъ рукъ германцевъ, такъ какъ полное подчиненіе папства власти императора въ срединѣ XI ст. сломило тиранию испорченной римской аристократіи, сдѣлало возможнымъ возрожденіе папства и вывело его на прямую дорогу. Однако, вмѣстѣ съ этимъ возрожденіемъ папства ожили снова его притязанія на полное освобожденіе отъ всякой свѣтской власти, и оно обогатилось новымъ содержаніемъ. Энергія и дальновидность такихъ папъ, какъ Левъ IX (отъ 1048 до 1054 г.; въ міру онъ носилъ имя Бруно фонъ-Дагсбурга изъ Эгисгейма въ Эльзасѣ) и Николай II (отъ 1058 до 1059 г.), Александръ II (отъ 1061 до 1073 г.) и Григорій VII (отъ 1073 до 1075 г.; см. табл. прил. къ стр. 279), привели къ уничтоженію систематическихъ злоупотребленій и другихъ золъ, къ разрыву съ Византіей (т. V, стр. 90), который поднялъ еще выше престижъ римскаго епископа, какъ единственнаго главы западной церкви, къ эдикту 1059 г. объ избраніи папъ, который устранилъ нѣмѣтчивое вліяніе римскаго народа, римской аристократіи и императора и замѣнилъ его болѣе послѣдовательнымъ вліяніемъ кардиналовъ, и, наконецъ, къ полному господству теократіи. Въ своей развитой формѣ это ученіе гласитъ, что папъ, какъ представителю Бога на землѣ и высшему ленному владѣльцу, должны подчиняться все вѣрующіе, которые владѣютъ церковными или свѣтскими землями: мы стоимъ тутъ лицомъ къ лицу съ положеніемъ и взглядами, какъ разъ противоположными господствовавшимъ при Карлѣ Великомъ и Оттонахъ; мало того, духовенство стало въ еще болѣе тѣсное зависящее положеніе по отношенію къ папѣ вслѣдствіе того, что монашескіе обѣты и безбрачіе отрывали его отъ семьи и свѣтскаго государства; во всеобщемъ великомъ государствѣ представителямъ духовенства предстояло играть такую служебную роль, на какую оба Рожера обрекли въ то время своихъ епископовъ: имъ предстояло превратиться въ чиновниковъ. Само собою разумѣется, что для фактическаго достиженія этой цѣли пришлось устранить безусловно препятствовавшее ей право императора и его болѣе крупныхъ вассаловъ назначать епископовъ и аббатовъ и надѣлять ихъ леномъ посредствомъ кольца и посоха. Изъ-за этого вопроса разгорѣлась борьба, составляющая содержаніе спора изъ-за инвеституры. Вормскій конкордатъ 1122 г., тѣсно связанный не только документально, но и юридически съ соглашениями, состоявшимися въ февралѣ и апрѣлѣ 1111 г. и октябрѣ 1119 г. (см. стр. 116), не привелъ къ концу этой духовной борьбы, несмотря на то, что обязательность этого договора была признана обѣими сторонами, и въ виду этого онъ долженъ былъ считаться постояннымъ

имперскимъ и церковнымъ закономъ. Церковь не могла остановиться на полдорогѣ, на томъ мѣстѣ, на которомъ ее задержала лукавая политика императора Генриха V, если она не хотѣла отказаться отъ осуществленія плановъ Григорія о всемирномъ господствѣ церкви; при данномъ положеніи дѣлъ это значило обречь себя на гибель. Поэтому надо признать вполне послѣдовательнымъ поведеніе папы Иннокентія III, который вынудилъ 13 іюня 1213 г. у молодого Фридриха II отказъ отъ участія королей въ избраніи епископовъ, которымъ они пользовались незаконно, по мнѣнію Куріи, съ 1139 г.

Г. Городскія общины отъ начала XII до конца XIII столѣтія.

Само собой разумѣется, что это необычайное усиленіе папства, которое приобрѣло весьма подходящую, хотя и ставшую вскорѣ предметомъ спора свѣтскую опору благодаря великолѣпному дару маркграфини Матильды Тусційской, который она поднесла церкви въ 1078 г. и 17 ноября 1102 г.¹, отразилось безспорно на отношеніяхъ, существовавшихъ между не принадлежавшей папѣ или, вѣрнѣе сказать, не входившей въ составъ церковнаго государства частью Верхней Италии и германскимъ императоромъ. Помимо всего прочаго не слѣдуетъ упускать изъ виду, что круги населенія, настроенные въ истинно-національномъ духѣ, чувствовали себя оскорбленными властью германскихъ императоровъ, которая казалась въ ихъ глазахъ иноземнымъ господствомъ, такъ какъ на престолѣ Св. Петра уже больше не избирались папы германскаго происхожденія, и онѣ бывали заняты итальянцами или, по крайней мѣрѣ, людьми романскаго происхожденія, которые были въ глазахъ туземцевъ естественными представителями ихъ интересовъ; еще въ 1859 г. пользовалась популярностью идея союза итальянскихъ государствъ съ папою во главѣ (срв. т. VIII, стр. 313). Въмѣсто раздробленнаго и распавшагося леннаго государства около 1100 г. выступаетъ на сцену вольная община. Мы видимъ, что на первомъ планѣ въ области суда раньше всего приобретаютъ постепенно всевозрастающее значеніе тѣ члены общины, которые выдаются передъ другими по своему происхожденію, общественному положенію или богатству: „nobiles“ или „maiores“, „tribuni“, „primates“ или „iudices“, „fideles“ или „sapientes“, „boni homines“ или „homines idonei“; во многихъ случаяхъ, и притомъ въ долинь рѣки По раньше, чѣмъ въ Тосканѣ, это положеніе привело къ институту консуловъ. Постановленія Ронкальскаго сейма 1158 г. (стр. 121), противорѣчація этому крайне неудобному ходу развитія, были отмѣнены въ значительной своей части въ силу договоровъ въ Венеціи и Констанцѣ (въ 1177 и 1183 гг.), послѣдовавшихъ послѣ пораженія при Леньяно (въ 1176 г.); дальнѣйшее существованіе неконной верховной власти имперіи находитъ себѣ выраженіе только въ инвеститурѣ, получаемой консулами отъ императора. Во вторую половину XII столѣтія (въ 1151 г. въ Болоньѣ, Феррарѣ и Сіенѣ, въ 1166 г. въ Пармѣ, въ 1190 г. въ Генуѣ) власть перешла по наслѣдству отъ консула къ подеста, который былъ

¹ Теодальдъ, маркграфъ Капосскій, графъ Реджіо, Модены, Мантуи, Брешии вмѣстѣ съ Кремоной и Феррары, † 1015 г.
Въ бракѣ съ Вилла († 1007 г.)

Теодальдъ, 1020 г. епископъ Ареццо	Бонифаций, единственный маркграфъ, въ 1030 получившій въ видѣ лена также Тусцію, † 6 мая 1052 г.	Конрадъ † 15 іюня 1030 г.
1037: Вступ. во 2-й бракъ съ Беатрисой Лотарингской (вторымъ бракомъ сочетал. съ Готфридомъ Бородатымъ, † 18 апрѣля 1076 г.; см. стр. 113)	1010/15: 1. Въ бракѣ съ Рихильдой, пфальцграфиней Бергамской	

(2) Фридрихъ или Бонифаций † 1055 г.	(2) Беатриса † 1053 г.	(2) Матильда, * 1016 г., наследница графства Реджіо, Модены, Мантуи, Брешии съ Кремоной, Феррары и Тусціи, владѣтельница потчпы и лена въ Лотарингіи, графствъ Вероны, Болоньи, Луччи, Пизы, Пармы и Перуджии (см. карту, прилож. къ соч. Альфреда Опермана „Графиня Матильда“, 1895 г.)
† 1069 (?): 1. Въ замужествѣ за Готфридомъ III Гербатимъ Логаринскимъ (до осени 1071; † 26 февраля 1076 г.). 1099: 2. Въ замужествѣ за Вельфомъ Баварскимъ (* 1072 г.; разведенъ съ Матильдой весною 1096 г. † 1119 г.)		

(1) Сынъ родился и умеръ въ 1071 г.

(усыновл. осенью 1069 г.) Галдо Гусерра, графъ Тусціи

высшимъ сановникомъ коммуны, всегда призываемымъ извнѣ, присягавшимъ на вѣрность городскимъ статутамъ (первопечатные экземпляры которыхъ принадлежатъ къ числу самыхъ прекрасныхъ инкунабеловъ) при своемъ вступленіи въ должность; подеста сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ различныя обязанности, которыя прежде лежали на плечахъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ сановниковъ, былъ высшимъ судьей и предводительствовалъ войсками на войнѣ.

Что подъ скипетромъ папы жило недурно, это доказывается воочію быстрымъ возвышеніемъ Беневента и превращеніемъ его въ городъ-государство послѣ прекращенія его лангобардской герцогской династіи и перехода его подъ власть папы. Положеніе сѣверныхъ городовъ, находящихся въ слабой зависимости отъ церковнаго государства или освободившихся изъ-подъ гнетущаго господства своихъ графовъ-епископовъ, обнаруживало неоднократно столь же блестящее развитіе; мало того, цвѣты гордой свободы распустились здѣсь, въ концѣ концовъ, съ гораздо большей пышностью, чѣмъ на югѣ, который мало-по-малу подпалъ подъ власть планомерно дѣйствующихъ норманнскихъ монарховъ и отсталъ въ своемъ экономическомъ развитіи отъ Венеціи, Пизы и Генуи. Курія весьма рѣдко ополчалась противъ стремленія къ городскому самоуправленію съ такою рѣшительностью, какъ болѣе энергичные германскіе императоры вплоть до Генриха VII. Такимъ образомъ миролюбивыя обоюдныя отношенія между папой и городами обратились черезъ короткое время на пользу какъ той, такъ и другой стороны: папа пріобрѣлъ надежное тыловое прикрытіе, а города могли развиваться спокойно. Эти отношенія способствовали развитію героическаго періода Веронскаго союза, основаннаго въ 1164 году, и Ломбардскаго союза, основаннаго въ 1167 году, которые пріобрѣли, между прочимъ, такое важное значеніе въ дѣлѣ развитія пѣхоты, находившейся подъ командой Карроччіо. Страдающей стороной являлась императорская власть, несмотря на такіе мимолетные ея успѣхи, какъ покореніе Кьери, Асти и Тортоны (въ 1155 г.), сожженіе строптиваго города Сподето (въ 1155 г.), пораженіе, нанесенное Кремъ (въ 1160 году), Милану, Брешии и Пiacенцѣ (въ 1162 г.) Фридрихомъ I Барбароссой, тѣмъ болѣе, что императорамъ не удалось включить въ составъ своего государства такую вновь развившуюся силу, какъ нѣмецкіе города (стр. 128).

Этотъ своеобразный характеръ и эта своеобразная группировка правящихъ силъ помогли Италіи въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій избѣгнуть того безсилія, которое должно было составить неизбѣжное послѣдствіе ея раздробленія. Къ счастью для нея, еще слишкомъ сильно были заняты своими собственными дѣлами тѣ ея сосѣди, которые въ послѣдствіи воспользовались ея слабостью. Кроме того, участіе ея правящихъ слоевъ въ крестовыхъ походахъ отвлекало ихъ отъ завоевательныхъ замысловъ въ Италіи и вмѣшательства въ дѣла сосѣднихъ государствъ; вниманіе западныхъ христіанскихъ народовъ было направлено исключительно на Востокъ. Такимъ образомъ съ этой стороны тоже была устранена надолго всякая опасность. Напротивъ того, снаряженіе многочисленныхъ крестовосцевъ давало большіе барыши торговцамъ и содѣйствовало высокому экономическому подъему болѣе важныхъ морскихъ портовъ, откуда отправлялись эти крестоносцы.

Въ теченіе тѣхъ столѣтій, когда господствующая на Средиземномъ морѣ торговля такихъ нижнеитальянскихъ гаваней, какъ Бари и Амальфіи, передвинулась на сѣверъ вълѣдствіе общихъ или мѣстныхъ причинъ, всѣ другіе города были опережены Венеціей, Пизой и Генуей. Венеція, въ которой санъ дожа сталъ было уже переходить почти правильно по наслѣдству, постепенно спустилась на олигархическую колею послѣ окончательнаго паденія рода Орсеоли (въ 1032 г.), пока, наконецъ, не было упрочено господство знатныхъ родовъ *Comune Venetiarum* благодаря присягѣ

на вѣрность городскимъ учрежденіямъ, припесепной дожемъ Доминико Морозини (въ 1148 г.), и оно не получило своей окончательной формы въ избирательной капитуляціи Джакомо Тьеполо (въ 1229 г.); уже въ концѣ XI столѣтія эта капитуляція провела въ жизнь замѣчательное для той эпохи отдѣленіе церкви отъ государства подъ лозунгомъ: „религія — это частное дѣло, но только требующее серьезнаго къ себѣ отношенія“; этотъ лозунгъ нашелъ себѣ гордое выраженіе 500 лѣтъ спустя въ непреклонномъ мужествѣ, обнаруженномъ Паоло Сарпи (отъ 1552 до 1623 г.) предъ папой Павломъ V (отъ 1605 до 1621 г.). Будучи признана даже норманнами въ 1154 и 1175 годахъ владычицей Адриатическаго моря, Венеція воспользовалась большой пиратскою экспедиціей 1204 года, которую называютъ обыкновенно четвертымъ крестовымъ походомъ, для захвата обширныхъ колоній въ Эгейскомъ морѣ (срав. т. V, стр. 98). Конечно, венеціанскій купецъ стремился уже съ самаго начала къ обогащенію посредствомъ торговли и судоходства, но достиженіе этой цѣли стало вполнѣ осуществимымъ только послѣ расширенія тѣхъ рамокъ, въ которыхъ стала вращаться съ этихъ поръ его коммерческая судьба. На всемъ земномъ шарѣ едва ли можно было найти такихъ людей, которые бы могли такъ широко использовать свои способности для расширенія своего благосостоянія, какъ венеціанскій коммерсантъ.

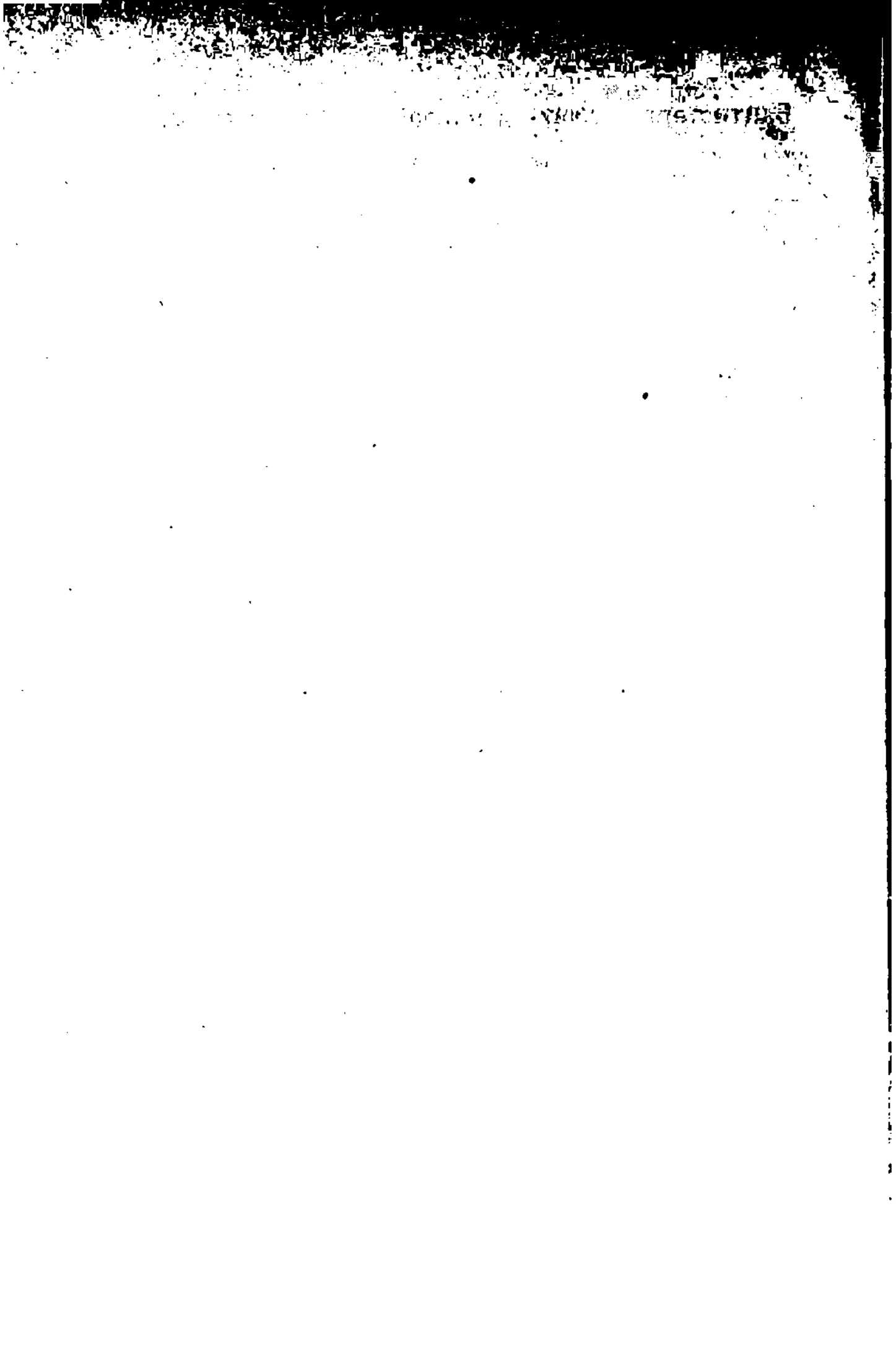
Пиза раздѣляетъ уже давно съ Адрией, Амальфи, Аквилею, Метапонтонъ, Равенной и многими другими прибрежными пунктами ту часть, что перемѣна къ худшему въ окружающей ихъ политической средѣ соединилась противъ нихъ съ перемѣщеніемъ береговой линіи, т. е. ухудшеніемъ качествъ морскихъ приставей. Но въ XI, XII и XIII столѣтіяхъ Пиза еще не была такимъ тихимъ мертвымъ провинціальнымъ городомъ, какъ теперь; когда рѣка Арно была короче и устье ее находилось не на томъ мѣстѣ, какъ нынѣ, то даже большіе корабли поднимались вверхъ по рѣкѣ до Пизы. По направленію къ Корсику, Сардиніи, Балеарскимъ островамъ и Сѣверной Африкѣ пизанскій вымпелъ указывалъ смѣлымъ мореплавателямъ путь къ побѣдѣ надъ сарацинами. А когда одинъ пиратскій набѣгъ на Палермо, предпринятый въ 1063 г., оказался особенно удачнымъ, то вырученный доходъ былъ употребленъ для великолѣпнаго расширенія зданія, пачатаго постройкой въ 1006 г. собора, который былъ предшественникомъ и прототипомъ многихъ базиликъ съ куполами, знаменующихъ собою искусство, пробуждающееся къ новой жизни подъ вліяніемъ античнаго міра (см. прилож. таблицу: „Баптистерій, соборъ и наклонная башня въ Пизѣ“). Въ 1153—54 годахъ былъ заложенъ фундаментъ внѣшняго и внутренняго кольца баптистерія, а еще черезъ два десятилѣтія было приступлено къ постройкѣ колокольни, которая стала наклоняться все сильнѣе на югъ, но которую удалось, тѣмъ не менѣе, довести до высоты въ 55 метровъ посредствомъ искуснаго возстановленія равновѣсія. Наконецъ, четвертое зданіе, расположенное снаружи въ знаменитомъ сѣверо-западномъ углу Пизы, пачатое постройкой между 1278 и 1283 гг., галерея на кладбищѣ, обозначаетъ собой уже какъ по своему архитектурному періоду, такъ и по своему характеру достойный удивленія памятникъ конца героическаго періода этой торговой республики съ ея глубоко-религіознымъ настроеніемъ.

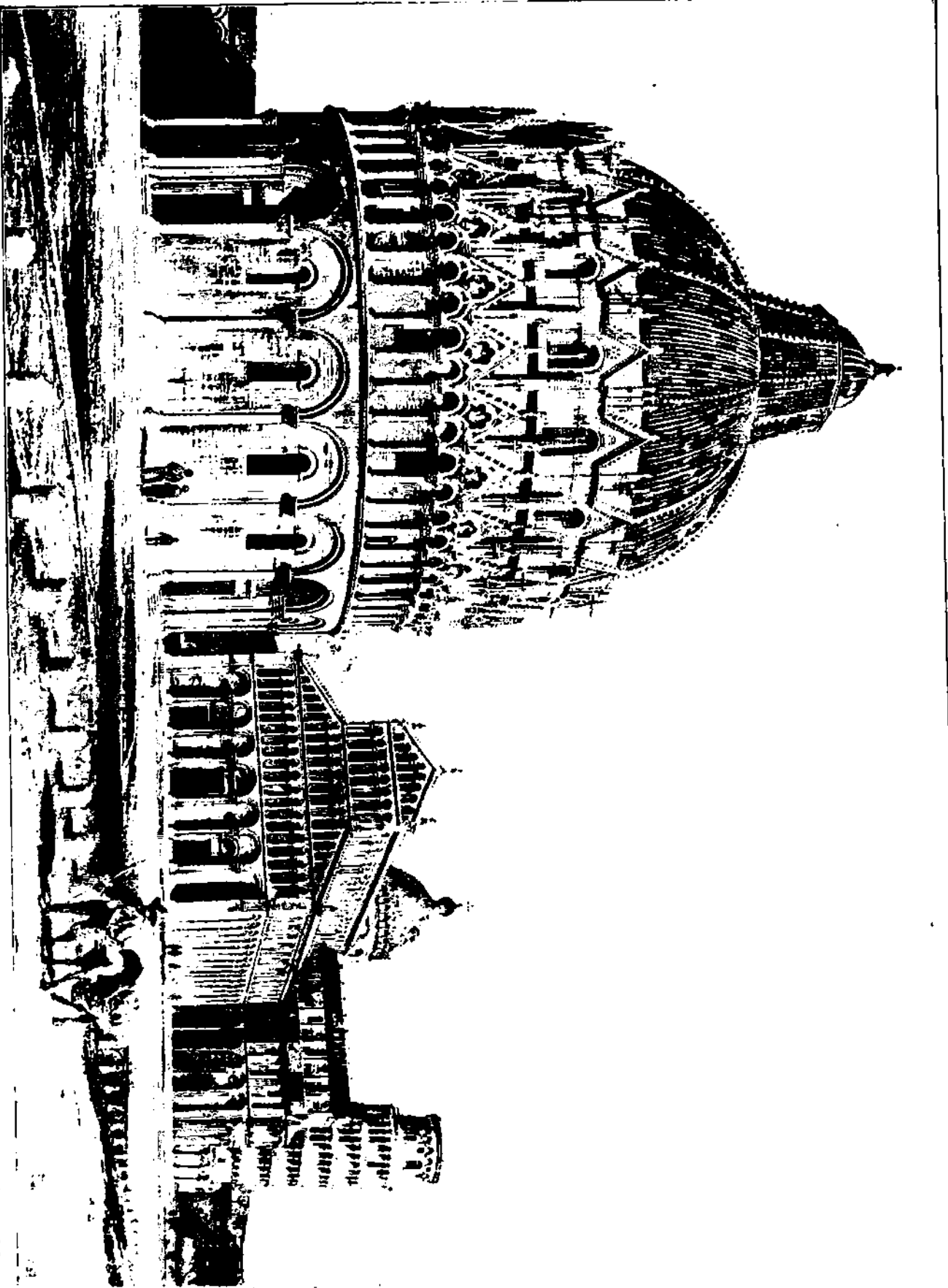
Это время было дѣйствительно концомъ героическаго періода Пизы, такъ какъ, несмотря на свое упорное сопротивленіе, Пиза осталась отъ Генуи. Подъемъ этого послѣдняго города, безъ сомнѣнія, ведетъ свое начало отъ могущественнаго толчка, вызваннаго движеніемъ въ пользу крестовыхъ походовъ (срв. стр. 414). На первыхъ порахъ, пока дѣло шло о борьбѣ съ невѣрными въ западной части Средиземнаго моря, Генуя была въ союзѣ съ Пизой, но черезъ короткое время она стала уклоняться предусмотрительно отъ тѣхъ обязанностей, которыя не постыжись положить на сво-

Баптистерій, соборъ и наклонная башня въ Пизѣ.

Объясненіе къ таблицѣ.

Въ сѣверозападномъ концѣ Пизы, непосредственно около городской стѣны и вдали отъ городского шума стоятъ на обширной, уединенной, ровной Соборной площади въ благоговѣйной тишинѣ тѣ зданія, которымъ этотъ городъ обязанъ своей славой. На переднемъ планѣ слѣва мы видимъ баптистеріи (церковь съ купелью), фундаментъ наружнаго кольца котораго былъ заложенъ въ 1153 году. Послѣ различныхъ передѣлокъ, которымъ подверглось съ теченіемъ времени это зданіе съ строго выдержанной благородной формой базилики, надъ его куполомъ была надстроена въ XV столѣтіи капитель въ видѣ шапки, на которой вышпается бронзовая статуя Іоанна Крестителя. Внутри собора стоитъ необыкновенно важная для исторіи искусства мраморная кафедра Никколо Пизано 1260 года. Насупротивъ баптистерія мы наталкиваемся на главный фасадъ собора. Эта чудесная базилика съ ея обновленной архитектурной концепціей, начатая постройкой въ 1006 году и расширенная съ блестящимъ успѣхомъ въ 1063 году, состоитъ изъ только что упомянутаго фасада, средняго пространства и купола; своимъ устройствомъ она знаменуетъ новую эру въ исторіи средневѣковой церковной архитектуры. Въ боковомъ выходѣ праваго крыла еще сохранилась древняя бронзовая дверь 1180 года, а въ нижнѣхъ воротахъ большая мозаичная картина Чимабуэ 1302 года. Позади кафедры находятся чарующая святая Агнеса работы Андреа дель Сарто. Позади собора стоитъ совершенно особнякомъ знаменитая наклонная башня, колокольня (Campanile), начатая постройкой въ 1174 году. По мраморной лѣстницѣ въ 332 ступени, проходящей черезъ 8 этажей, доходятъ до галлерей, на сводѣ которой привѣшены 7 музыкально настроенныхъ колоколовъ. Высшая точка оси этой башни отклонилась отъ низшей на 4,3 метра къ югу. Самая южная точка верхняго карниза расположена на 80 сантиметровъ ниже самой сѣверной, несмотря на всѣ исправленія. Галилео Галилей воспользовался наклопностью этой башни для изслѣдованія законовъ паденія. Къ сѣверу отъ собора, въ мѣстѣ, видимомъ для обозрѣвателя всей картины, лежитъ пизанское Campo Santo, усыпальница съ ея знаменитыми фресками; въ западномъ корридорѣ ея находится саркофагъ германскаго императора Генриха VII.

История чужеземцев. VI.

Баптистерій, соборъ и наклонная башня въ Павіе.

(По фотоздѣлкѣ съ гравюры г-на Штубера.)

24 Проспектъ Пискаревскаго мѣстечка.

его усиливающегося соперника изъ ревности богатый и могущественный городъ на рѣкѣ Арно; однако, ни въ 70-хъ гг. XI столѣтія, ни во второмъ десятилѣтіи XII столѣтія Генуя не оказалась въ силахъ освободиться окончательно отъ давленія Пизы. Тѣмъ не менѣе, въ 1113 г. Генуя отвоевала у своего соперника половину его вліянія на Корсику, собственно говоря, принадлежавшую папѣ, въ 1175 году четверть его владѣній въ Сардиніи, а 6 августа 1284 г. перевѣсъ перешелъ окончательно на сторону Пизы послѣ битвы при островѣ Мелоріи. Такому исходу содѣйствовали политическія условія, господствовавшія въ обѣихъ соперничавшихъ между собою городахъ: Генуя управлялась въ это время (отъ 1270 до 1291 г.), двумя „капитанами“ гибеллинами, дѣйствовавшими вполне единодушно, а въ Пизѣ тоже преобладало гибеллинское направленіе, но она была замѣшана слишкомъ сильно въ тосканскіе партійные раздоры, и одна уже эта причина ослабляла въ крайней степени ея положеніе на морѣ. Однако, распространеніе вліянія Генуи на греческомъ Востокѣ (срав. т. VII, стр. 8), надъ которымъ этотъ городъ трудился съ успѣхомъ въ особенности съ 1261 г. и которое было упрочено морской побѣдой при Мелоріи, привело ее къ вѣчно возобновлявшемуся и кончившемуся только въ 1381 г. столкновенію интересовъ съ Венеціей, которая утвердилась на Востокѣ благодаря выгодной для нея „Золотой Буллѣ“ 1082 г. и четвертому крестовому походу.

Естественно, что расцвѣтшее въ XII столѣтіи благосостояніе трехъ великихъ морскихъ портовъ отразилось плодотворнымъ образомъ также на самосознаніи остальныхъ коммунъ. Мало того, къ материковымъ городамъ переходитъ даже та руководящая роль, которую играли до того времени приморскіе города. Несмотря на то, что береговая линія Италиі растянута весьма благопріятно для ея доступа съ моря, Италия уже въ то время не производитъ впечатлѣнія естественной родины народа мореплавателей. Даже то обстоятельство, что 17,5 процентовъ поверхности Италиі приходятся на острова, какъ бы высоко мы ни ставили значеніе Сициліи, далеко не увеличиваетъ вліянія моря на итальянскую территорию въ такой степени, въ какой это было бы возможно. Когда рѣчь идетъ о Даніи или Англіи, мысль обращается прежде всего къ окружающей ихъ водной поверхности, а въ Италиі наше вниманіе приковывается къ сушѣ. Связь Италиі съ средней Европой пересиливаетъ ея тяготѣніе къ Средиземному морю; это явленіе выступаетъ все рѣзче и рѣзче, начиная отъ эпохи городскихъ коммунъ. То, что связано съ раздробленіемъ и распределеніемъ по болѣе широкой поверхности силъ, таящихся въ болѣе или менѣе разнородномъ по своему расовому составу народѣ, то случилось и здѣсь: многіе культурные центры выдѣлились одновременно, рядомъ другъ съ другомъ, и почти каждый изъ нихъ распустился прекраснымъ цвѣткомъ. Если мы присоединимъ къ этому итальянское небо, южный климатъ, то мы не будемъ удивляться ни минуты тому явленію, что въ теченіе этихъ, въ политическомъ отношеніи весьма нестрадныхъ вѣковъ искусство пустило такіе богатые ростки и вырастило такіе пышные деревья, плодами которыхъ могли потомъ гордиться и наслаждаться XIV и XV столѣтія. „Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что характеръ какого-либо народа складывается окончательно не только подъ вліяніемъ природныхъ свойствъ расы, но и почвы, климата, образа питанія и занятій“ (Гете, 2 апрѣля 1829 г.). Сколько знаменитостей, не считая даже Петрарки, произвелъ на свѣтъ хотя бы одинъ только привлекательный чистенькій городокъ Ареццо въ Апенниннахъ съ его чистой прозрачной атмосферой (вѣтряе, благодаря этой благотворной атмосферѣ!). Какъ тѣсно гармонируетъ идеализація мирной жизни въ шедеврахъ Умбрской школы художниковъ съ благотворной территоріальной замкнутостью Перуджин! Если даже въ болѣе холодныхъ широтахъ комфортъ и роскошь неразрывно связаны съ преусиженіемъ всякихъ художественныхъ стремленій, то тѣмъ

болѣе это примѣнимо къ такимъ благословеннымъ странамъ, какъ Италия! Если Германія была осчастливлена ренессансомъ на 100—150 лѣтъ позже Италиі, то это объясняется не только недостаткомъ солнечной теплоты, но и значительнымъ запозданіемъ въ ростъ коммерческихъ доходовъ, а по мѣстамъ также въ ростъ земельной ренты.

Если итальянскій городъ XI—XIII столѣтій, тѣмъ не менѣе, не сумѣлъ дорости въ среднемъ до выдающагося политическаго могущества, то причина этого заключается не только въ непрерывномъ соперничествѣ и раздорахъ между отдѣльными коммунами (даже широкая въ общемъ экономическая политика морскихъ городовъ отличается рѣзко одно-стороннимъ исключительнымъ, монопольнымъ характеромъ), но въ особенности въ рѣзкихъ столкновеніяхъ между партіями внутри каждаго изъ городовъ въ отдѣльности. Было бы ошибкой допустить, что политика болѣе извѣстныхъ городовъ-республикъ отличалась въ общемъ цѣльностью и однородностью: такіе эпитеты, какъ „другъ гибеллиновъ“ или „крѣпость Вельфовъ“, легко могутъ подать поводъ къ такому заблужденію. Но въ дѣйствительности существовало одно обстоятельство, которое благоприятствовало въ высокой степени распаденію городскихъ жителей на отдѣльныя партіи въ этихъ областяхъ Верхней и Средней Италиі, на которыя распространялась, во всякомъ случаѣ, власть германскихъ императоровъ. Такое дѣйствіе оказывалъ мало-по-малу въ теченіе десятилѣтій болѣе или менѣе сильный страхъ предъ ихъ вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла городовъ... *l'un l'altro si gode di quei ch'un migo ed una fossa segna* (грызеть другъ друга каждый изъ тѣхъ, которые замкнуты внутри стѣнъ и рва), жалуется Данте. Безъ сомнѣнія, были и такіе города, которые воспринимали чисто теоретическимъ образомъ древнеримскія традиціи о свободѣ или же вообще были настроены враждебно по отношенію къ императору; они находились почти всегда въ непримиримой враждѣ съ императорами и закрывали свои ворота предъ послѣдними, когда они останавливались у этихъ городовъ по пути въ Римъ. Однако, не меньше было и такихъ городовъ, въ которыхъ усиливающееся постепенно меньшинство ухитрилось за нѣсколько лѣтъ, такъ сказать, отвести воду изъ крѣпости большинства и окончательно вытѣснить его съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣкоторое время испытать и самимъ ту же участь. Въ каждомъ итальянскомъ государствѣ всегда боролись между собою двѣ враждебныя силы, такъ какъ въ этой странѣ всегда удавалось безъ труда создать партію противниковъ всякаго властителя (Лео; срав. выше, стр. 348). То обстоятельство, что Монтекки и Каппеллетти уже теперь нельзя считать двумя находящимися между собою въ непримиримой враждѣ родами одного и того же города Веропы, такъ какъ Каппеллетти были родомъ изъ Кремоны, вовсе не нарушаетъ достовѣрности нашего другого положенія: успѣшное развитіе такихъ коммуналь, которыя могли бы достигнуть высшей ступени при строгой гражданской дисциплинѣ, задерживалось гораздо чаще вслѣдствіе господствовавшихъ въ ихъ собственной средѣ общественныхъ и семейныхъ раздоровъ, чѣмъ вслѣдствіе войнъ съ сосѣдями. Противъ городской аристократіи возстаютъ цехи, противъ старинныхъ родовъ повые, и даже внутри этихъ группъ въ свою очередь возникаютъ политическія и социальныя расчлененія, которыя борются другъ съ другомъ. Такимъ образомъ упорное дробленіе городовъ государствъ на вѣрныхъ императору и на приверженныхъ къ папѣ, на рѣзко аристократическія и демократическія республики не только затемнило и разрушило съ трудомъ поддерживавшуюся при Генрихѣ III картину единенія сѣверной половины Италиі, но даже не дало зародиться прочной цѣльности въ предѣлахъ каждаго изъ важнѣйшихъ пунктовъ въ отдѣльности. Вотъ главная причина, почему исторія Италиі въ теченіе этихъ столѣтій пріобрѣтаетъ, несмотря на весь героизмъ отдѣльныхъ ея эпизодовъ, невыгодную черту разрозненности, вслѣдствіе которой ста-

новится прямо невозможнымъ изобразить даже приблизительно въ краткихъ словахъ всѣ мѣстныя ступени развитія.

Естественно, что городское самоуправленіе не обнаруживало одной и той же силы и жизненности во всѣхъ частяхъ Верхней и Средней Италіи. Мало того, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ областяхъ удержались прочно во власти или мѣстные или переселившіеся изъ другихъ областей владѣтельные князья; сюда относятся могущественные Аледраиды въ Пьемонтѣ (срав. родословное дерево, прил. къ стр. 363), которые распались въ X столѣтіи на линіи Сецце, Альбиссолла, Буска, Понцона, Васто и Монферратъ (преемникомъ послѣднихъ явилась въ 1305 году династія Палеологовъ)¹, затѣмъ маркграфы Туринскіе (Суза), родоначальникомъ которыхъ былъ Гумбертъ Моріень Бѣлорукій, графы Савойскіе (срав. род. дер., прил. къ стр. 363), затѣмъ лангобардскіе графы Отбертинскіе и Эстскіе съ ихъ богатыми графствами Миланомъ, Генуей, Тортоной, Люни, Гавелло, Падуей (съ XI столѣтія, получивъ названіе графства Эсте) и Боббіо. Менѣе долговѣчными оказались маркграфы Каносскіе (срав. прим. къ стр. 372), къ которымъ перешли также около 1030 г. владѣнія Видоновъ Тусційскихъ; до 1220 г. это драгоценное наслѣдство служило предметомъ непрерывныхъ споровъ между императорами и папой, а послѣ того его западныя части были расхищены жадными городами Пистойей и Болоньей, Мантуей и Реджіо, Моденой и Луккой. Всѣ эти графы (слово маркграфъ, по большей части, уже не обозначало въ это время реальнаго сана, а только служило титуломъ) сумѣли подчинить непосредственно себѣ такіе города и области, которые были недовольны своими покровителями, второстепенными вассалами. Такимъ образомъ эти города и области перешли безъ дальнѣйшихъ околичностей отъ ленной системы къ положенію настоящихъ независимыхъ мелкихъ государствъ.

Что касается церковныхъ владѣній, то даже Римъ пережилъ многократно опасныя возстанія бюргеровъ противъ папскаго господства. Поощряющій примѣръ лангобардскихъ свободныхъ городовъ натолкнулъ осенью 1143 г. римлянъ, болѣе или менѣе взволнованныхъ различными церковными раздорами, на мысль о возстановленіи древней республики. Этотъ удавшійся опытъ столкнулся на полпути съ разжигавшей апостольской проповѣдью Арнольда изъ Брешии, который покорилъ себѣ всемирную столицу въ 1147 г. своими громовыми обличеніями и одержалъ памятную побѣду какъ надъ своимъ несчастнымъ бывшимъ соперникомъ (въ 1139 г.) покойнымъ папой Иннокентіемъ II (отъ 1130 до 1143 г.), такъ и надъ живымъ папой Евгениемъ III (отъ 1145 до 1153 г.), пока, наконецъ, всѣ стремленія его не разбились о цѣлесознательную, не уступающую ни пяди своихъ правъ политику англичанина папы Адриана IV. Менѣе значенія

¹ Императоръ Андроникъ II Палеологъ, † 1332 (см. т. V, стр. 109). Въ супружествѣ съ Іоанной Монферратъ, сестрой Аледраида Іоанни I († 18 января 1035 г.; въ 1296 г. вступила во второй бракъ съ Маргаритой Савойской, † 1319 г.)

Михаилъ IX Палеологъ, † 1320 г.	Геодоръ Комненъ Палеологъ, съ 1305 г. Марграфъ Монферратъ † 1358 г.	1305 Отъ брака съ Аргентиной Сицилой изъ Генуи
	Іоанна II Палеологъ, † 1377. Отъ брака съ Елизаветой Арагонской съ Валлеарскаго о-ва	Іоанна, † 1342 г. 1330 г. Вступ. въ бр. съ Альфонсомъ изъ Савойи († 1343 г.)
	Гульельмо VIII. Палеологъ, † 1493 г. 1463: Вступ. въ 1 бракъ съ Елизаветой Сфорца 2. Отъ 2 бр. съ Бернадой Врессъ	
Гульельмо IX Палеологъ. Въ 1 бр. съ Анной Алансонской. 2. Отъ 2 бр. съ Маріей Фуа	Джованни Джорджіоне Себастиано, † 1533 г. Отъ бр. съ Юлией Арагонской изъ Неаполя	Блаиска, † 1509 г. 1486: Отъ бр. съ Карломъ I Савойскимъ († 1489 г.)
Восифаго VI, † 1330 г.	Марія и Маргарита, одна изъ другой бывша въ супружествѣ съ герцогомъ Федерико II Мантуанскимъ, съ 3 ноября 1336 г. маркграфомъ Монферратскимъ	Іоанна 1496 вступ. въ бракъ съ Филибертомъ II, Савойскимъ † 1501 г. Карлъ II, Савойскій, † 1496 г.

имѣли возстанія, поднятыя противъ Алексавдра III, Луція III (1180—82 г.), Григорія IX (1234—35 г.) и т. д. Даже и тѣ годы, которые совпали съ вавилонскимъ плѣненіемъ папъ, когда Римъ былъ предоставленъ самому себѣ, посятъ на себѣ такой отпечатокъ упадка, что одной лишь мечтой было суждено остаться надеждамъ такихъ благородныхъ оптимистовъ, какъ Данте Алигьери и Франческо Петрарка, которые были увѣрены, что даже безъ папы Римъ способенъ превратиться въ столицу новой всемірной монархіи; даже тѣ двукратныя безпощадныя преслѣдованія, съ которыми обрушился на римскую аристократію (родъ Колонна), первоначально отъ имени папы, народный трибунъ Коло-ди-Ріенцо въ 1347 и 1354 гг., въ концѣ концовъ, выродились совершенно бесплодно въ самую жестокую тираннію.

Д. Паденіе Гогенштауфеновъ.

Однажды уже казалось, что свобода городовъ Верхней и Средней Италіи, сжатыхъ въ тискахъ съ сѣвера и съ юга, обречена на близкую гибель; это было въ то время, когда среди почти безконечныхъ смуть геціальному первородному сыну Барбароссы, императору Генриху VI, удалось присоединить къ своимъ владѣніямъ осиротѣвшія норманскія государства въ Нижней Италіи и Сициліи, основываясь на своемъ безспорномъ наслѣдственномъ правѣ¹.

Генрихъ не остановился даже предъ предательской выдачею вѣрнаго императору города Тускулума, лишь бы склонить на свою сторону колеблющагося папу Целестина III (въ апрѣлѣ 1191 г.), и у него уже были бы развязаны руки для усмиренія Неаполя и т. д., если бы ему не помѣшали лѣтнія эпидеміи маляріи и заговоръ противъ него князей въ его собственномъ государствѣ. Тѣмъ не менѣе, императоръ, не достигшій еще тридцатилѣтняго возраста, преслѣдовалъ неуклонно свою цѣль и добился ея не безъ жестокихъ мѣръ въ теченіе 1194 г.; между тѣмъ, его положеніе въ его собственномъ государствѣ защищалось упорно и непреклонно его стойкой супругой, Конрадомъ-фонъ-Люцельгардомъ (Musca in cervello), Дипольдомъ фонъ-Швейпсгейнтомъ (Фобургомъ), дѣятельнымъ деканомъ Арнульфомъ Монте Касино и другими. Обо всемъ этомъ мы узнаемъ изъ латинскаго стихотворенія магистра Петра де-Эбуло, въ которомъ эти событія прославляются съ большимъ воодушевленіемъ (см. прил. таб.: „Императоръ Генрихъ VI на высотѣ своего могущества“). Соединеніе германскаго королевства съ ниже-итальянско-сицилійскимъ, котораго опасались итальянскіе націоналисты и которое было не по душѣ германскимъ націоналистамъ, стало совершившимся фактомъ. Сполетскимъ герцогомъ былъ въ это время Конрадъ фонъ Урслингенъ, маркграфомъ Анконскимъ и герцогомъ Романи вѣрный Марквардъ Анвейлеръ, герцогомъ Тусціи и наслѣдства, оставшагося послѣ Матильды (стр. 372), братъ императора Филиппъ. Въ теченіе всей средней исторіи Германской имперіи императорская власть весьма рѣдко

¹ Рожеръ II, † 26 февраля 1154 г.
1. Въ 1 бракѣ съ Эльвирой Кастильской († 6 февраля 1135 г.)
1149; 2. Вступ. во 2 бракъ съ Сибиллой Бургундской († 19 сентября 1151 г.)
около 1152 вст. въ 3. бр. съ Беатрисой изъ Ротеля (Ротз; департ. Ардоннъ)

(1) Вильгельмъ I Злой, король
отъ 1154 до 66 г. (соправитель
уже съ 8 апрѣля 1151 г.)

Вильгельмъ II Добрый, король
отъ 1166 г. до 16 ноября 1189 г.
Въ бр. съ Иоанной Англійской

(3) Констанца, * 1154 г.,
† 27 ноября 1198 г.
Отъ 27 янв. 1186 г. въ замужествѣ за Генрихомъ (VI, стр. 124)

Фридрихъ, * 26 декабря 1191 г.
въ Іези около Анконы, † 13 декабря 1250 г. въ Фирентинно,
близъ Люцерны

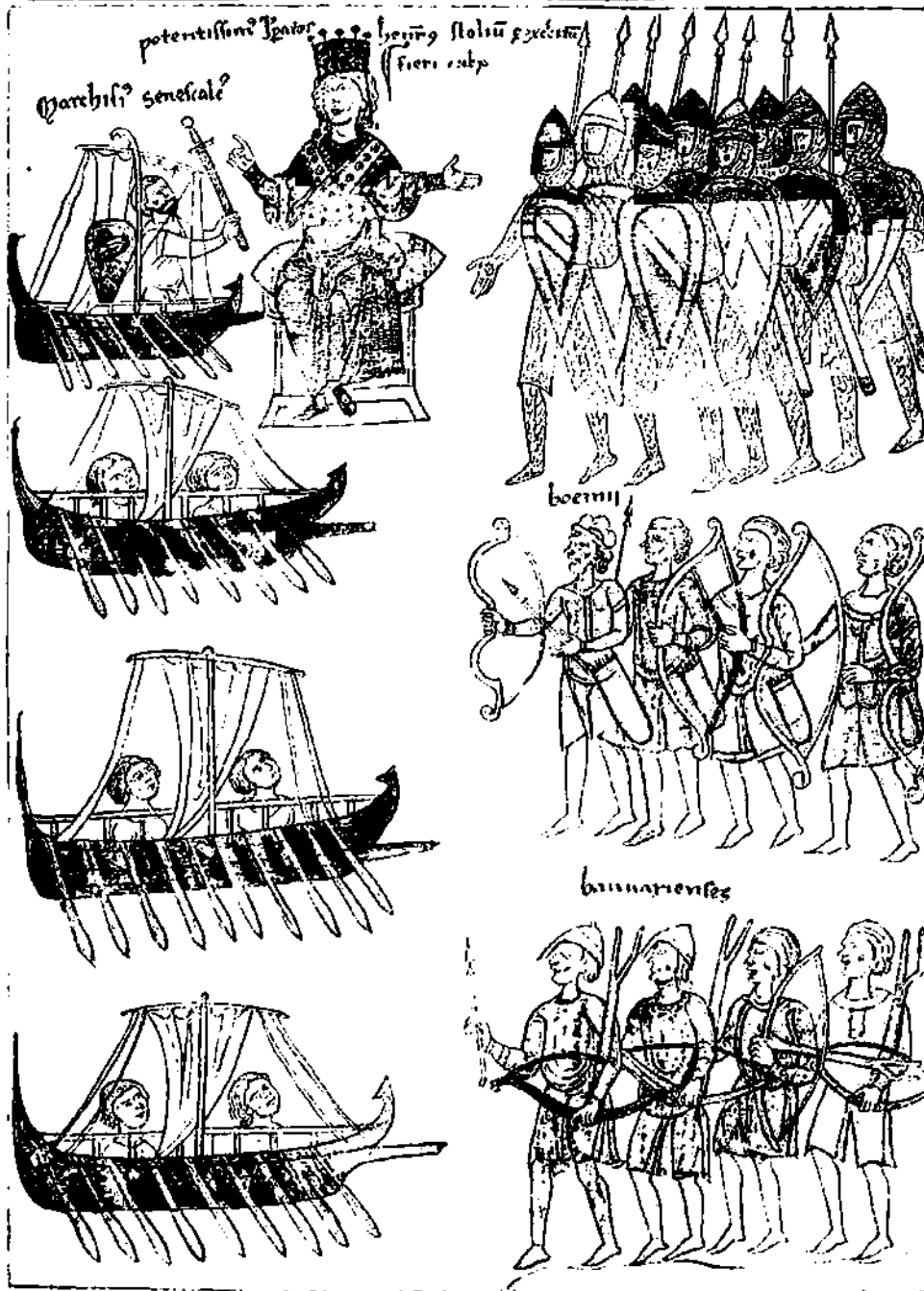
(1) Рожеръ, отъ 1135 герцогъ Апулійскій, † 2 мая 1149 г.; въ романтической связи съ дочерью Роберта Лечча

Таукредъ Лечче построилъ въ 1180 г. часовню св. Никола и Кательдо въ Кампо-Санто въ Лечче, Генрихъ VI, антикороль отъ 1190 до 2 февраля 1194 г.
Отъ бр. съ Сибиллой Ачерра

Рожеръ (III), † въ концѣ 1193 г.
1193 г. вст. въ бр. съ Еленой Византійской (въ 1197 г. вступила во второй бракъ съ Филиппомъ Швабскимъ, см. т. V, стр. 97; † 1208 г.)

Вильгельмъ III, въ началѣ 1194 г. король Сицилійскій, отъ конца 1194 г. до весны 1195 г. князь Тарантскій

3 дочери

Объясненіе къ миниатюрамъ, помѣщеннымъ на оборотѣ.

Изъ единственной сохранившейся, вѣроятно, написанной собственноручно авторомъ въ 1195 и 1196 годахъ и украшенной рисунками рукописи „Liber ad honorem Augusti“ магистра Петра изъ Эболи (около Салерно), нынѣ хранящейся въ Бернской городской библиотекѣ.

(Вверху.) Пленный король англійскій Ричардъ Львиное Сердце предъ императоромъ. (Rex Angliæ de morte Marchionis accusatur. Quod abnegans se ensivam manu excusaturum promittit. — Tandem veniam petens liber absolvitur.)

На обратномъ пути изъ третьяго крестоваго похода Ричардъ Львиное Сердце былъ узнанъ и задержанъ германскими войсками; на миниатюрѣ, предшествующей приложенному рисунку, онъ изображенъ верхомъ на конѣ, но безоружнымъ и въ костюмѣ паломника. Будучи приведенъ къ императору Генриху VI и обвиненъ въ убійствѣ маркграфа Конрада Монферра, онъ проситъ дозволенія доказать свою невинность на судебномъ поединкѣ, „съ мечомъ въ рукахъ“. Черезъ нѣкоторое время онъ былъ отпущенъ на свободу за денежный выкупъ и изъявленіе леной покорности: въ то время, какъ оруженосецъ держитъ въ рукахъ снятый Ричардомъ костюмъ паломника, онъ цѣлуетъ стону Генриха, стоя на коленяхъ.

(Внизу.) Морскія войска подъ командой Маркварда Анвейлера и сухопутная армія. (Potentissimus imperator Henricus stolium et exercitum fieri jubet.)

По лѣвую руку отъ императора помѣщается на рисункѣ флотъ подъ начальствомъ Маркварда, который названъ „маркграфомъ сенешаломъ“ (Marchisius senescalcus); его гербъ — красный звѣрь (змѣя или птица?) на желтомъ полѣ. По правую руку отъ Генриха изображены идущими въ походъ пѣхота въ тяжелыхъ панцыряхъ, богемскіе стрѣлки безъ панцырей (Boemii) и баварцы (Bawarienses), вооруженные арбалетами, тоже безъ панцырей.

(По соч. Эдуарда Вивкельмана: „Liber ad honorem Augusti“ магистра Петра изъ Эболи.)

достигала такой осязательной полноты, какую пользовался фактически въ 1195 г. носитель свѣтской императорской короны.

Тѣмъ болѣе потрясающее впечатлѣніе производитъ внезапное крушеніе этого гордаго всемірнаго зданія, наступившее непосредственно послѣ смерти Генриха VI (1197 г.). Первый ударъ былъ нанесенъ ему императрицей вдовой Констанцой, которая признала свое государство леномъ папы и изгнала нѣмцевъ; въ 1198 г. пала также власть апостольскихъ легатовъ (стр. 370), сильно стѣснявшая Курію. Въ Тусціи образовался уже въ ноябрѣ 1197 г. союзъ между Флоренціей, Сиеной, Луккой, Вольтеррой, Ареццо, Прато и т. д.; Анкона и Сполето освободились въ 1198 г. изъ-подъ власти своихъ владѣтельныхъ князей. Александрія, переименованная 14 марта 1183 г. въ Цезарею, снова присвоила себѣ то названіе, которое она носила во время обороны 68 г. Къ этому присоединилось разлагающее и иссушающее силы Германіи вліяніе конкурирующихъ между собою двойныхъ выборовъ 8 марта и 9 іюня 1198 г. (стр. 127). Папа Иннокентій III (отъ 1198 до 1216 г.), который былъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ предвѣстникомъ Льва XIII, былъ самымъ подходящимъ человѣкомъ для наиболѣе выгоднаго использованія этого благоприятнаго стеченія обстоятельствъ (срав. стр. 286), хотя нельзя отрицать, что въ бытность свою опекуномъ несовершеннолѣтняго сына императора Фридриха (II) онъ управлялъ его южно-итальянскимъ наслѣдствомъ совсѣмъ небезкорыстно. Все же пятидесятилѣтнее господство императоровъ надъ Верхней Италіей пустило такіе глубокіе корни, что въ 1210 году было, повидимому, снова достигнуто положеніе, существовавшее въ 1197 г. Однако, съ помощью папы Фридрихъ II сталъ вытѣснять побѣдоносныхъ вельфовъ, начиная съ 1212 г. Такъ какъ верхне-итальянскіе города попрежнему не могли рѣшиться ни на какую объединительную общую политику вслѣдствіе взаимнаго недовѣрія, то противорѣчіе между вельфами и гибеллинами (стр. 376) сильно обострилось. Въ составъ Церковной Области въ томъ размѣрѣ, какой былъ обезпеченъ за ней въ 1213 году Эгерской „Золотой Буллою“ (стр. 127), входили теперь снова Тусційскія земли и владѣнія Матильды, Сполето и Анкона, Равенна и Пентаполисъ; въ то же время Курія была леннымъ господиномъ Сициліи, соединенной съ Германіей только посредствомъ личной уніи и управлявшейся въ строго монархическомъ духѣ. Однако, борьба между императорами и папой разгорѣлась снова послѣ того, какъ Фридрихъ II перемѣстилъ центръ тяжести своей широкой дѣятельности на югъ въ срединѣ лѣта 1220 г. На этотъ разъ вспыхнула война на жизнь и на смерть. Фридриху приходилось пользоваться весьма искусно тѣмъ весьма незначительнымъ на первыхъ порахъ числомъ приверженцевъ, которое онъ приобрѣлъ между городами въ 1231 и 1236 гг. (Бергамо, Кремона, Генуя, Лукка, Модена, Парма, Павія, Пиза, Реджіо и Верона, поработенная въ 1230 г. Эзелиномъ IV да-Романо). 27-го ноября 1237 г. ему все же удалось разбить на-голову при Кортенуовѣ между Кремоной и Бергамо враждебные ему города (Александрію, Болонью, Брешию, Крему, Фаенцу, Миланъ, Повару, Пиаченцу, Верчелли, а также и Венецію), а въ 1238 году онъ покорила Тусцію, приобрѣлъ для своей династіи Сардинію посредствомъ брака Энцио съ Эделазіей и господствовалъ почти надъ всею Италіей до самой смерти Григорія IX (21 августа 1241 г.) и даже до избранія Иннокентія IV, 25 іюня 1243 г.

Однако, именно ломбардскій вопросъ служилъ препятствіемъ къ общему умиротворенію. Въ іюль 1244 г., когда папа бѣжалъ изъ Рима и скрылся черезъ Геную въ Ліонъ (стр. 130), наступаетъ гибель всемірнаго господства Штауфеновъ, которое уже не могло снова собраться съ силами послѣ внезапнаго захвата Пармы въ іюнь 1247 г., несмотря на храбрую оборону этого города и на частичные успѣхи Штауфеновъ. „Stravit inimicum Christi colabrum Federicum“ — „Онъ растопталъ врага Христова, змѣю

Фридриха“ — такъ гласитъ надпись на могилѣ Иннокентія въ Неаполитанск. соборѣ. Нисколько не повліяло на это фактическое положеніе послѣ преждевременной смерти отъ лихорадки короля Конрада IV, который взялъ въ 1253 г. Капую и Неаполь, даже рыцарская борьба короля Манфреда, который снова возстановилъ на нѣкоторое время блескъ палермскаго двора въ 1258 г. и превратилъ при помощи своего энергическаго замѣстителя графа Юрдана д'Альяно день битвы при Монтаперти (4 сентября 1260 г.) въ злосчастный для вельфской Флоренціи, но радостный для гибеллинской Сіены. Попытка Эвелина одолѣть посредствомъ хитрости Миланъ въ 1259 г., захватить въ свои руки въ Монцѣ ломбардскую корону и править хотя бы въ духѣ гибеллина тоже окончилась неудачей: этотъ тиранъ скончался отъ полученныхъ имъ ранъ 27 сентября того же года въ плѣну въ Сопчино. Періодъ германской гегемоніи миновалъ навсегда. Романскій духъ восторжествовалъ въ лицѣ Карла Анжуйскаго, призваннаго папами французами Урбаномъ IV и Климентомъ IV: 26 февраля 1266 г. онъ одержалъ верхъ надъ Манфредомъ при Беневентѣ, а 23 августа 1268 г. въ Палентинской равнинѣ (между Талиакоццо и Альба недалеко отъ Скурколы), гдѣ онъ разбилъ послѣдняго мужественнаго Штауфена Конрадина, сына Конрада IV, благодаря тому, что своевременно пустилъ въ дѣло резервы, а 11 іюня 1269 г. онъ разбилъ Провенцано Сальвани изъ Сіены при Колле ди-Валь д'Эльса.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что вліяніе германской народности было на далекомъ югѣ только мимолетнымъ явленіемъ и что оно исчезло безслѣдно. Такъ, напримѣръ, основанный въ 1261—63 г. у Синопто городъ Манфредонія и понынѣ еще краснорѣчиво напоминаетъ о своемъ основателѣ. Самыя прекрасныя изъ развалинъ Апуліи, начиная отъ великолѣпнаго замка Кастель-дель-Монте и кончая скромными остатками могилъ двухъ императрицъ, напоминаютъ о той гордой эпохѣ, когда въ „Капитанатѣ“ находились любимыя резиденціи правителя міровой державы, а Фоджія была его постояннымъ мѣстопробываніемъ. Еще и понынѣ имя Фридриха II производитъ на жителя Апуліи такое же впечатлѣніе, какъ имя Наполеона на француза. Еще и понынѣ жители города Битонтины гордятся каменной доской, на которой великій императоръ называетъ ихъ „asinini“ (осликами). Всѣмъ тѣмъ неподдающимся дѣйствию времени остаткамъ грандіозныхъ крѣпостныхъ сооружений, которые понынѣ поднимаются надъ поверхностью земли, присваивается этикетка Федерико (Пауль Шубрингъ). Тотъ, кто видитъ императорскаго двойного орла надъ внутренней дверью тарентской морской казармы (стариннаго замка) или же переѣзжаетъ на лодкѣ изъ Бриндизи, воскресающаго изъ глубокаго упадка благодаря современному искусству, къ форту на островѣ Сантъ-Андреа, или же восхищается сарацинскимъ замкомъ недалеко отъ Люцеры, выстроеннымъ въ 1223 г. тѣмъ же *gran Federigo* (Великимъ Фридрихомъ), или же останавливается въ нѣмомъ созерцаніи въ палермскомъ соборѣ предъ порфировыми и мраморными гробами Генриха VI, Фридриха II и ихъ супругъ, тому становится яснымъ, что принадлежность Италиі къ Германской имперіи вовсе не была пустой фантазіей, съ трудомъ поддерживавшейся въ видѣ теоріи въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, а была суровой дѣйствительностью, предъ которой преклонялись нѣкогда добровольно или противъ воли многочисленныя поколѣнія. Пусть итальянцы съ ихъ преувеличеннымъ патріотизмомъ все еще причисляютъ нѣмецкое господство къ варварскимъ вторженіямъ (*invasioni barbariche*), — господство Штауфеновъ можетъ спокойно смотрѣть въ лицо тѣмъ, которые сомнѣваются, были ли нѣмецкіе императоры той стороной, которая больше дала, или той, которая больше получила. А въ какой мѣрѣ итальянскій ренессансъ обязанъ своимъ развитіемъ безспорной примѣси германской крови какъ рыцарей, такъ и горожанъ ремесленниковъ въ расовомъ составѣ

итальянскаго населенія, объ этомъ можно догадываться, но это никогда не можетъ быть доказано съ точностью. Во всякомъ случаѣ, даже трезвый и непредубѣжденный практикъ не будетъ измѣрять этого блестящаго империализма прошлыхъ вѣковъ мелкогерманскимъ масштабомъ.

4. Періодъ синьорій.

*Le cronache portano le azioni, i
soli tempi rivelano l'individuo.*

Д. Тости.

Съ итальянской точки зрѣнія паденіе династии Штауфеновъ обозначаетъ собою освобожденіе отъ угнетающаго иноземнаго господства. Если мы будемъ имѣть въ виду, съ одной стороны, рядъ королей Анжуйской династии, а съ другой возобновленіе германскихъ притязаній, то дѣло принимаетъ такой видъ, что измѣнилось только названіе, а въ дѣйствительности прежняя тираннія осталась нетронутой. Въ этомъ есть доля правды. Опустошительные раздоры между вельфами и гибеллинами продолжаютъ попрежнему, хотя и теряется мало-по-малу воспоминаніе объ ихъ первоначальныхъ причинахъ. Послѣдній императоръ, который возложилъ на себя корону въ Римѣ, относится къ XV столѣтію (Фридрихъ III, вѣнчавшійся 16 марта 1452 года ломбардской короной, а 19 марта императорской), а послѣдній изъ германскихъ государей, который, вообще, приобрѣлъ въ Италіи королевскій и императорскій титулъ (Карль V, вѣнчавшійся 22 и 24 февраля 1530 г. въ Болоньѣ), относится даже къ XVI столѣтію; стало быть, не можетъ быть рѣчи о полномъ прекращеніи германскаго верховнаго господства послѣ удара, нанесеннаго Штауфенамъ въ 1268 году. Все же общее положеніе измѣнилось и передвинулось за это время весьма рѣзко; за исключеніемъ кометообразнаго кратковременнаго сіянія челоуѣка съ истиннымъ обликомъ древняго императора въ лицѣ Генриха VII мы не знаемъ ни одного нѣмецкаго короля, который былъ бы въ силахъ претворить въ дѣйствительность традицію о преобладаніи Сѣвера: въ дѣйствительной жизни мы сталкиваемся съ этихъ поръ только съ блѣдной схемой реальной силы прежнихъ вѣковъ, съ безсодержательной теоріей. На дѣлѣ существовалъ только бумажный престижъ, съ которымъ пѣмцы не рѣшаются разстаться со времени Людовика Баварскаго, подобно тому, какъ позднѣйшая Ганза цѣплялась за свои увѣковѣченныя на бумагѣ, но отмѣненныя дѣйствительной жизнью привилегіи. Страна, раздѣленная отъ природы, по крайней мѣрѣ, на двѣ части, но раздробленная своей прошлой исторіей на безчисленное множество частей, не могла быть удержана надолго подъ посторонней властью посредствомъ „похода въ Римъ при всякомъ случаѣ“. Естественно, поэтому, что Верхняя и Средняя Италія пошли своими собственными путями, и изжеприведенные патриотическіе стихи Петрарки изъ его Канцоны „Italia mia“ (Моя Италія, 1341—45 года) вполне оправдались на дѣлѣ: „Ben provide natura a'l nostro stato, quando de l'Alpi scherme pose fra noi e la tedesca rabbia“ (природа позаботилась хорошо о нашемъ положеніи, поставивши такую преграду, какъ Альпы, между нами и бѣснующимися пѣмцами). Совершенно иначе обстояло дѣло съ югомъ: этому послѣднему пришлось еще прожить много лѣтъ подъ властью иноземныхъ правителей.

А. Францискъ Ассизскій.

Туть предъ нами встаетъ другой вопросъ: наступили ли болѣе счастливыя времена, въ особенности для тѣхъ областей Италіи, которыя раньше относились враждебно къ пѣмцамъ, послѣ того, какъ сошли со сцены тѣ „императоры различныхъ династій“ (1273—1437 г.), которыми почти никто

не интересовался. На этотъ вопросъ съ нѣкоторой опредѣленностью можетъ быть данъ отрицательный отвѣтъ; для этого достаточно заглянуть въ „Божественную Комедію“ Данте. Вина въ этомъ падаетъ въ значительной степени на вдвойнѣ бросающуюся въ глаза неспособность тѣхъ папъ, которые занимали престолъ св. Петра послѣ Иннокентія IV, который даже совершилъ торжественный въѣздъ въ Неаполь незадолго предъ своею смертію (1254 г.), и послѣ выдающагося Николая III Орсини (отъ 1277 до 1280 г.); бездарные преемники названныхъ папъ потеряли сначала Сицилію, которая перешла подъ власть Арагоніи въ 1282 г., а затѣмъ въ 1303 г. не устояли противъ объединенной въ національномъ отношеніи Франціи. Тѣмъ не менѣе, вполне ясно, что уже въ первую половину XIII столѣтія въ Италіи зародились надежные зачатки оригинальной въ нѣкоторомъ смыслѣ національной самостоятельной жизни. На первомъ планѣ надо назвать въ этихъ рамкахъ то движеніе, которое примыкаетъ къ проповѣднической дѣятельности Франциска Ассизскаго, который, безъ сомнѣнія, не былъ германцемъ по происхожденію, и его учениковъ, которые вышли въ 1210 г. изъ живописно расположеннаго умбрійскаго горнаго городка съ его похожей на укрѣпленный замокъ главной церковью и отправились странствовать по бѣлому свѣту, разнося повсюду свою вдохновенную и вдохновляющую проповѣдь. Едва ли можно охватить въ нѣсколькихъ словахъ то громадное непрерывное вліяніе, которое оказывали эти реформаторы вплоть до времени дѣятельности Бернардина изъ Сіены (сконч. въ 1444; срав. стр. 291).

Весьма пестрой была жизнь Италіи въ XIII столѣтіи. Почва и климатъ, сосѣдство другихъ областей и міровыя отношенія дѣйствовали далеко не одинаковымъ образомъ на Сицилію, на Римъ, на Миланъ и на Венецію. Всѣ общественныя отношенія паходились въ измѣнчивомъ переходномъ состояніи; нигдѣ мы не сталкиваемся съ прочно опредѣлившимся положеніемъ вещей. Ни одна городская конституція не походила на другую: „la storia d'ogni italiana città nell'evo mezzano è la storia d'una nazione“ (исторія каждаго итальянскаго средневѣковаго города — есть исторія особаго народа), говоритъ съ полнымъ основаніемъ Читтаделла въ своей исторіи падуанскаго рода Каррара (1842 г.). Куда мы ни посмотримъ, мы вездѣ видимъ непрерывныя измѣненія, путаницу отношеній, постоянные переходы. Однако, несмотря на все это, ясно ощущается нѣчто общее для всѣхъ городовъ: мы говоримъ о томъ броженіи, которое развивается въ низшихъ слояхъ народа, начиная съ начала XIII столѣтія. Это явленіе не ограничивается даже одной Италіей, мы застаемъ его во Франціи и Испаніи, даже въ прохладной Сѣверо-Западной Европѣ (срав. стр. 289). При имени Ренессанса мы привыкли представлять себѣ на первомъ планѣ тѣ блестящіе плоды, которые дало это возрожденіе въ области литературы и искусства; при этомъ мы забываемъ слишкомъ легко, что умственное, художественное и научное обновленіе никогда не имѣло бы того глубокаго и широкаго вліянія, которое оно фактически оказало, если бы ему не предшествовалъ болѣе долгій подготовительный періодъ, который создалъ долговѣчную, выдерживающую паттернъ вѣковъ почву для произрастанія художественной красоты и свободы изъ сѣмянъ древне-классическаго прошлаго. Эта предварительная работа была продѣлана XIII вѣкомъ на ощупь, съ колебаніями и не безъ потрясающихъ обратныхъ толчковъ, но все же въ общемъ успѣшно, такъ какъ при этомъ было сдѣлано драгоцѣннѣйшее изъ всѣхъ открытій: открытіе индивидуальной личности.

Это драгоцѣнное достояніе не упало прямо съ неба и досталось чело-вѣку далеко не безъ труда. Оно было добыто тяжелой борьбой. Оно было завоевано посредствомъ оппозиціи, отрицанія, путемъ упорнаго антагонизма. Думать и жить по своему, а не по общему шаблону, освободиться отъ политическаго и церковнаго порабощенія — таково ученіе, занимающее и

приковывающее къ себѣ самые лучшіе умы того времени. „Все распалось на индивидуальности“ (Геврихъ Лео). Государство пріобрѣтаетъ сознаніе своего самостоятельнаго бытія, выясняетъ себѣ свои задачи и поднимаетъ возмущеніе противъ церкви, которая стремится порвать свои связи съ государствомъ; такой же процессъ совершается въ душѣ каждаго индивидуума. Въ зависимости отъ природныхъ свойствъ и личной судьбы каждаго отдѣльнаго человѣка, эта борьба за индивидуальность создаетъ такихъ сверхчеловѣковъ, какъ Эзелинъ да-Романо (стр. 379), который караетъ съ беспощадной жестокостью, какъ преступную волю, мальфійское отрицаніе того, что онъ считаетъ субъективно необходимымъ, или же она сталкиваетъ человѣка въ пропасть бандитизма, надругающагося надъ всякимъ человѣческимъ душевнымъ движеніемъ, — такимъ примѣромъ можетъ служить патаренскій монахъ фра Дольчино, загнанный въ 1303 въ безлюдную глушь, въ Верчели, нетерпимымъ правовѣріемъ (погибъ на кострѣ 2 іюня 1307 г.). Другихъ она толкаетъ (такіе случаи попадались весьма часто) къ отказу отъ всѣхъ мірскихъ дѣлъ, къ разрыву съ семьей и государствомъ, къ исповѣданію своей собственной индивидуальной вѣры, къ сознательному возмущенію противъ гнета церкви или же къ апостольской нищетѣ, къ крайнему аскетизму и къ обличенію противоцерковной и порочной жизни знатныхъ и вѣроотступниковъ. На этомъ-то послѣднемъ теченіи св. Доминикъ основалъ свой орденъ въ 1215 г.; вскорѣ къ нему присоединилась громадная масса послѣдователей во Флоренціи, Орвіето, Перуджии и Равеннѣ вплоть до Тарента и далѣе черезъ проливъ до Палермо.

Свободомысліе и схоластика, правовѣріе и сектанство, мистика и нищенствующіе ордена — все это крайне непохожія другъ на друга дѣти одной и той же матери. Исторія францисканскаго ордена, начиная отъ 1221 г., равно какъ и всеобщая исторія искусствъ убѣждаютъ насъ непосредственно въ томъ, насколько тѣсно былъ связанъ индивидуализмъ даже съ твореніемъ пѣснелюбиваго Франциска Ассизскаго; этотъ послѣдній соединяетъ въ своемъ лицѣ субъективнаго поэта, проповѣдника, стремящагося къ обращенію людей на путь истины ради спасенія своей души, друга бѣдныхъ и сарит своей religio (главу братства) — на эту послѣднюю роль онъ согласился не безъ внутренней борьбы; онъ соединяетъ въ себѣ внутреннюю жизнь индивидуума, культъ своего „я“ съ услужливымъ и любовнымъ послушаніемъ по отношенію къ другимъ. Тяжелую борьбу какъ бы между двумя душами переживали страстные обличительные проповѣдники, взывавшіе къ покаянію, фанатически враждебные ко всѣмъ прелестямъ комфортабельной и утонченной жизни и ополчавшіеся непримиримо противъ всего того, что обыкновенно подразумевается подъ словомъ „Ренессансъ“, начиная отъ доминиканца Іоанна (Джіованни да Скіо) изъ Виченцы, города дворцовъ, умиротворителя 1233 г., выживавшаго со свѣта не только всѣ мірскіе соблазны, но и всякую вражду между людьми и кончая его собратомъ по ордену Джироламо Савонаролой (стр. 306), который закончилъ свою жизнь крайне трагическимъ образомъ въ 1498 г. и палъ жертвой политическихъ интригъ своихъ враговъ францисканцевъ; всѣ эти высокодаровитые ревнители терзались между двумя полюсами: покорностью предъ господствовавшимъ ученіемъ и свободой личности. Утончательная побѣда была одержана позже (сравн. т. VII, стр. 254); вмѣсто многихъ мучениковъ предшествовавшаго времени теперь уже погибъ всего только одинъ: бывший доминиканецъ Джордано Бруно, скончавшійся на кострѣ въ Римѣ 17 февраля 1600 г. Фанатическій энтузіазмъ неспособенъ создать никакихъ долговѣчныхъ дѣлностей, и Италия не была исключеніемъ изъ этого правила. Воодушевленіе испарилось, и съ явнымъ удовольствіемъ передаетъ слѣдующіе ѣдкіе сатирическіе стихи флорентинскаго грамматика Буонкомпаньо монахъ фра Салимбене де Адамо, пер-

выи историкъ новыхъ вѣковъ, истый современникъ Фридриха II, перваго монарха съ идеями новыхъ вѣковъ.

„Et Johannes johannizat
et saltando choreizat.
Modo salta, modo salta,
qui coelorum petis alta!

Saltat iste, saltat ille
resaltant cohortes mille;
saltat chorus dominarum,
saltat dux Venetiarum“.

И Иоаннъ бѣснуется,
Прыгаетъ и управляетъ хоромъ безумныхъ.
Танцуй себя, танцуй себя,
Ты, который хочешь попасть на самое верх-
нее небо!

Танцуетъ одинъ, танцуетъ другой,
А за ними тысячныя толпы,
Танцуетъ женскій хороводъ,
Танцуетъ дождь Венеціи.

И въ дѣйствительности, какъ говоритъ преданіе, 28 августа 1233 г. на лугу Пакаръ около рѣки Эча, недалеко отъ Вероны, присутствовали на проповѣди брата Иоанна, замостившагося на высокой каедрѣ, кромѣ графовъ Камино, Эсте, Романо, Санъ Бонифаціо и др. около 400,000 рыцарей, крестьянъ и горожанъ, а также духовныя лица изъ Аквилей, Беллюно, Болоньи, Брешии, Фельтре, Феррары, Мантуи, Модены, Реджіо, Падуи, Пармы, Тревизо, Венеціи, Вероны и Виченцы, и въ этой толпѣ перемѣшались между собой гибеллины и вельфы.

При всемъ удручающемъ, можно сказать, внушающемъ отчаяніе характерѣ сопутствующихъ ему явленій все это движеніе, безъ сомнѣнія, носило въ себѣ одну отрадную черту: оно всколыхнуло народъ и разбудило его отъ апатичной спячки. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда его волны перебрасывались случайно черезъ границы Италіи, однимъ, и притомъ вовсе не самымъ маловажнымъ, изъ его послѣдствій бывало усиленіе національнаго чувства; уже миланская патрiя, попытка церковной реформы, сдѣланная между 1056 и 1075 гг. Ариальдомъ, Ландульфомъ и Эрлембальдомъ, приняла со временемъ политическій характеръ. Аскетизмъ, мистика и церковная реформа легко могли бы привести къ внутреннему обновленію Италіи, соединившись воедино, если бы она прислушалась въ теченіе болѣе долгаго времени къ слову своихъ учителей, и если бы оба нищенствующіихъ ордена не поспѣшили такъ быстро впрячься въ колесницу папства. Уже близко было къ тому, чтобы былъ положенъ конецъ зловредной страсти къ раздорамъ и мстительности, и 1233 г. (годъ славословія) чуть было не привелъ къ благотворному политическому общему единенію; уже въ 1220 г. св. Францискъ самолично проповѣдывалъ примиреніе въ высоко ученой, но раздражаемой внутренними раздорами Болоньѣ. Даже въ пессимистическихъ толкованіяхъ и въ мрачныхъ предсказаніяхъ аббата цистерціанскаго ордена Иоахима Фіоре (въ Калабріи; сконч. 1202 г.) и въ направленныхъ противъ Штауфеновъ преувеличенныхъ обличенійхъ его послѣдователя минорита Герардо Борго санъ Доннино звучитъ струна, родственная св. Франциску. Популярное краснорѣчіе разбрасываетъ свои сѣмена въ безусловно воспріимчивую почву. Въ то же время отдѣльные поэты въ Сициліи и городахъ Аренцо, Болоньѣ, Тоди и Флоренціи начинаютъ стѣсняться своею зависимою отъ латинскаго и провансальскаго языковъ и пишутъ на одной изъ формъ итальянскаго народнаго языка. Такимъ образомъ XIII вѣкъ спаялъ въ одну націю ту пеструю смѣсь, которую представляло собою итальянское населеніе или, по крайней мѣрѣ, далъ начало многообѣщающимъ зародышамъ національнаго самосознанія. Отечественное искусство и литературное созвѣздіе Данте-Петрарка-Боккачіо дали послѣдній толчокъ этому движенію. Высокій умственный подъемъ вовсе не стоитъ обязательно въ связи съ высокимъ политическимъ развитіемъ, но зависитъ отъ экономическаго благосостоянія.

Что въ Италіи существовало въ это время немало людей съ большимъ достаткомъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ ужасающій размахъ денежныхъ процентовъ и процвѣтаніе ростовщичества; необычайно

часто попадаются завѣщанія того времени, въ которыхъ наследодатель выражаетъ раскаяніе въ своихъ хищеніяхъ и неправедныхъ барышахъ и предписываетъ наследникамъ вернуть похищенное; такія завѣщанія чуть ли не напоминаютъ собою смиренное раскаяніе въ прежнихъ своихъ прегрѣшеніяхъ, принесенное въ 1001 году Оттономъ III предъ святымъ Ромуальдомъ въ старинной базиликѣ святого Аполлинарія недалеко отъ Равенны. Изъ одного протокола о ростовщическихъ сдѣлкахъ итальянцевъ, торговавшихъ въ Нимѣ, явствуется, что взымалось 75, 113, 120, 175, 218 процентовъ и даже 262% и 266%, такъ что средній размѣръ процентовъ въ 43,33% кажется почти скромнымъ для того времени. Недаромъ ссудныя кассы носятъ названія ломбардовъ (томъ VII, стр. 19). Главными центрами денежныхъ, учетныхъ и ростовщическихъ сдѣлокъ съ товарами были Асти, Кьери и Пиаченца для Сѣверо-Запада Италіи, Венеція и Виченца для сѣверо-востока, Сиена, Лука и Флоренція для Сѣвера-Востока, Римъ для Церковной Области и Санъ-Гермацо для Юга. Открытіе Санъ-Готардскаго прохода черезъ Альпы въ 1220 году послужило послѣднимъ толчкомъ, доведшимъ до полнаго расцвѣта денежныя сношенія и товарный обмѣнъ.

Б. Превращеніе коммунъ въ сивьоріи.

Подъ словомъ „сивьорія“ не слѣдуетъ представлять себѣ вполне развитого единодержавія; это было бы тяжелой ошибкой. Напротивъ того, для итальянца того времени „Signoria“ была еще отчасти воплощеніемъ городской республиканской свободы, конечно, такой свободы, которая далеко не совпадаетъ съ понятіемъ о ней, выдвинутымъ XIX вѣкомъ съ его англійскимъ прототипомъ. „Италія можетъ быть названа родиной тиранніи съ тѣмъ же правомъ, съ какимъ она можетъ быть названа родиной свободы“ (Г. Лео). Во Флоренціи „Сивьорія“ обозначала собой въ теченіе многихъ десятилѣтій до самой эпохи Медичи господство представителей цеховъ; начиная съ 1282 и 1293 года, главными представителями власти были здѣсь пріоръ, жившій въ гордомъ старомъ дворцѣ „Palazzo vecchio“, и знаменосецъ правосудія („Gonfaloniere di Giustizia“). Венеціанская сивьорія была, такъ сказать, министерствомъ дожа. Въ другихъ мѣстностяхъ Италіи, въ которыхъ боровшіеся между собою соціальныя слои населенія истощили окончательно свои силы и чувствовали настоятельную необходимость въ отдыхѣ, дѣло сложилось совершенно иначе: въ такихъ случаяхъ выступаетъ какъ нельзя рѣзче вліяніе безпартійныхъ, какъ безкорыстныхъ умиротворителей гражданскихъ междоусобій, а по временамъ это вліяніе становится источникомъ тиранніи. Перѣдко этотъ другъ спиналъ съ себя маску, и всѣ слабые, искавшіе въ немъ опоры, бывали очень неприятно поражены при видѣ этого опекуна, изъ-подъ тяжелой руки котораго больше уже не удавалось освободиться; такъ, напримѣръ, въ XIV столѣтіи генуэзскіе Примальди сдѣлались господами Монако. Что такія сивьоріи могли образоваться въ теченіе того же вѣка и удержаться въ теченіе нѣкотораго времени въ Церковной Области (срав. стр. 397), это не представляетъ собою ничего удивительнаго при той умѣренности, съ какой пользовалась своею властью Курія (стр. 373), тѣмъ болѣе, что она была совершенно безземельна влѣдствіе вавилонскаго илѣвненія папъ. Такимъ образомъ надъ Болоньей господствовали Пеполи, а послѣ нихъ Бендивольи, да Полента надъ Равенной (убѣжищемъ Данте), Манфреди надъ Фаенлою, гибеллины Орделаффи надъ Форли, Малатеста надъ Римни, Варани надъ Камерино, Монтефельтро надъ Урбино, Префетти да Вико надъ Витербо и Чивитавеккіей. На этомъ поприщѣ тоже проявляется свойственное Италіи многообразіе формъ. Все сказанное можно выразить также въ слѣдующихъ словахъ: въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ сивьорія не обозначаетъ собою рѣзко выраженаго единодержавія, историческое развитіе отставало на нѣсколько столѣтій отъ

тѣхъ городовъ, въ которыхъ синьоры были настоящими монархами. И въ дѣйствительности вольныя коммуны удержались дольше въ Тосканѣ, чѣмъ въ Верхней Итали; въ этомъ смыслѣ флорентійская синьорія должна была бы считаться запоздалымъ расцвѣтомъ предшествующаго столѣтія.

а) Приморскіе города.

Послѣ удара, нанесеннаго Пизѣ при Мелорин, она попала на 3 года подъ власть гвельфовъ въ лицѣ генераль-капитана графа Уголино делла Герардеска (отъ 1285 до 1288 года). Послѣ кровопролитнаго возстанія Уголино былъ низвергнутъ, по послѣ возстановленія городской коммуны городъ сталъ опять клониться къ упадку, и на основаніи перемирія, заключеннаго 31 іюля 1299 года, Пиза вынуждена была уступить Генуѣ кромѣ Корсики также и часть Сардиніи, а также уплатить 160,000 лиръ и была отфенена отъ моря. Наконецъ, въ 1313 г. она упала какъ зрѣлый плодъ въ руки гибеллина Угуччіоне делла Фаджюла, который подчинилъ себѣ также въ 1314 г. Лукку, въ которой жилъ до 1316 г. Данте, снова подвергшійся проскрипціи, а 29 августа 1315 г. Угуччіоне одержалъ побѣду надъ Флоренціей при Монтекатини. Въ 1316 г., когда Угуччіоне былъ изгнанъ изъ Пизы за свое поведеніе по отношенію къ Кастручіо Кастракани (сконч. въ 1328 году въ званіи герцога Лукки) и другихъ представителей городской аристократіи, синьорія удержалась крѣпко на своемъ сѣдлѣ въ лицѣ рода Герардеска (до 5 іюня 1347 года), а послѣ того съ переменнымъ счастьемъ и иногда въ измѣняющихся формахъ въ лицѣ представителей рода Гамбакорта (до 1399 г.).

Гордая Генуя, нанесшая сокрушающій ударъ венеціанскому флоту 7 сентября 1298 г. у далматскаго острова Курцолы, находилась нѣкоторое время подъ властью сходнаго съ синьоріей гибеллинскаго партійнаго правительства на демократической основѣ, но съ аристократической двойной верхушкой (отъ 1270 до 1291 г., отъ 1296 до 1299 г. и отъ 1306 до 1308 г.), но подверглась 22 ноября 1311 г. совершенно неожиданной участи и промѣняла свою независимость, которую ей удалось отстоять, между прочимъ, также отъ Карла Анжуйскаго, на синьорію, подвластную императору. Однако, этотъ новый порядокъ оказался недолговѣчнымъ, а послѣ его паденія междуусобныя столкновенія вспыхнули опять съ еще большей силой. Къ счастью для себя Генуя обладала весьма драгоценнымъ преимуществомъ, выгоднымъ географическимъ положеніемъ; если бы, напримеръ, могущественная Анкона не уступала ей въ этомъ отношеніи, то этотъ послѣдній городъ безусловно сталъ бы второй Генуей. Выгоды географическаго положенія Генуи всегда направляли и заглаживали ущербъ, нанесенный ей внутренними раздорами. Попытки народа стряхнуть съ себя миланское, французское, монферратское иноземное господство или же господство мѣстной городской аристократіи никогда не сопровождалось продолжительнымъ успѣхомъ. Отъ 1528 до 1797 г. генуэзское государственное устройство, увѣковѣченное въ лицѣ его выдающихся представителей князю П. П. Рубенса (1607 г.) и Антониса ванъ Дика (1624 г.), не теряло своего строго аристократическаго основнаго характера.

Въ Венеціи обстоятельства сложились въ однихъ отношеніяхъ сходно съ Генуей, а въ другихъ совершенно иначе. Сходство заключалось въ томъ, что въ исторіи государственнаго устройства Венеціи тоже проявилось вполне ясно стремленіе большинства другихъ итальянскихъ городовъ къ парализованію вліянія слишкомъ многочисленныхъ заправиль коммуны и къ передачѣ высшихъ ихъ полномочій въ руки немногихъ, совѣта, къ замѣнѣ демократіи, охлократіи, олигархіей консуловъ и подести и, наконецъ, полумонархической синьоріей. Различіе выразилось въ томъ, что и въ этомъ городѣ настоящая монархія никогда не могла добиться своей цѣли:

въ „Залѣ Великаго Совѣта“ во дворцѣ дожа среди ряда 76-ти портретовъ дожей виситъ черная доска на томъ мѣстѣ, на которомъ долженъ былъ бы находиться портретъ дожа Марино Фальери, обезглавленнаго за государственную измѣну 17 апрѣля 1355 г. Подобно тому, какъ подеста ни въ коемъ случаѣ не пользовался прерогативами монарха; несмотря на свой титулъ „Божьей милостью“, дожъ тоже былъ сильно ограниченъ въ своей власти олигархическими сановниками, настоящими „синьорами“ Венеціи. Въ Венеціи, этомъ городѣ лагунѣ, дѣло никогда не доходило до болѣе или менѣе рѣзкаго единовластія какого-либо Каррари, Медичи, Скалы, Висконти.

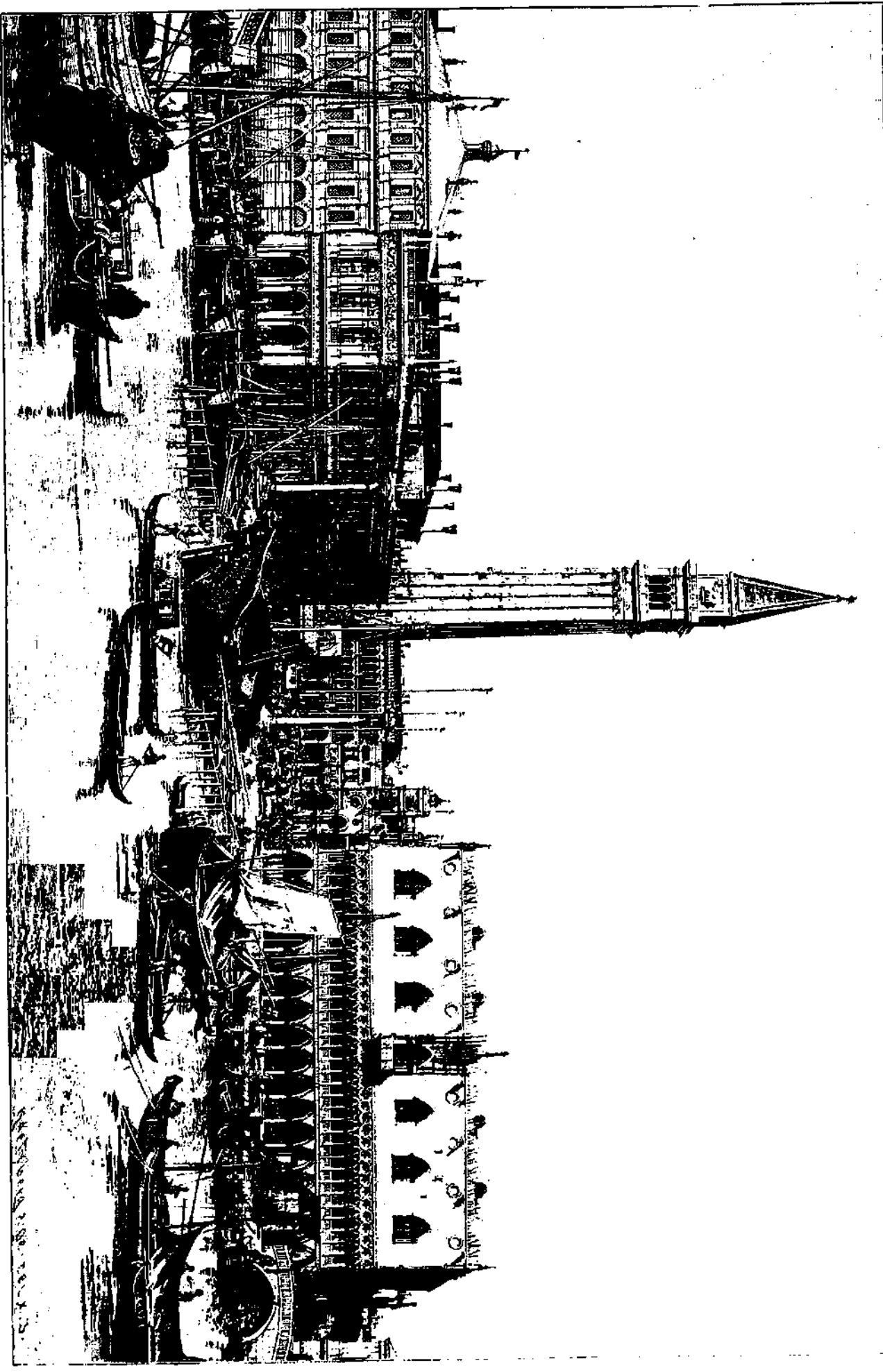
Начиная отъ 1148 г. (стр. 374), а тѣмъ болѣе отъ 1192 г., въ которомъ Энрико Дандоло принялъ свою присягу на вѣрность конституціи, Венеція оставалась въ теченіе цѣлыхъ шести столѣтій образцомъ настоящей олигархіи. И какія грандіозныя дѣла совершила эта олигархія! Послѣ четвертаго крестоваго похода, давняго венеціанцамъ тѣ громадныя выгоды, о которыхъ мы говорили (въ 1202—4 г., срав. отд. IX), они приступили прежде всего къ утвержденію и дальнѣйшему развитію своего господства на островахъ Адриатическаго и Ионическаго морей, Черниго и Эвбеѣ, Кандіи и Кипрѣ. Венеціанское государство беретъ за торговля предпріятія. Торговля поѣздки разрастаются въ географическія экспедиціи; Николо, Маффео и Марко Поло посѣтили между 1275 и 1292 гг. монгольско-китайскаго императора Кублай-Хана (т. II, стр. 86). Въ исполнѣ основательному огорченію Венеціи въ 1261 г. была низвергнута Латинская имперія, главнымъ образомъ, благодаря интригамъ Генуи, и восстановлено господство Палеологовъ, хотя и въ болѣе скромныхъ рамкахъ. Неблагоприятное положеніе дѣлъ въ Сиріи (т. III, стр. 241) повело къ дальнѣйшему ожесточенію соперничества между венеціанцами и генуэзцами за преобладаніе на Черномъ морѣ, на берегахъ котораго главными опорными пунктами генуэзцевъ были Тана и Каффа (т. VII, стр. 9), пока, наконецъ, Венеція не была выручена изъ отчаяннаго положенія благодаря общимъ стараніямъ Витторе Пизаннса и Карла Зеноса, которые добились уступки Кіуджии 22 іюня 1380 г., а благодаря посредничеству „зеленаго графа“ Амедея VI Савойскаго не состоялся Туринскій мирный договоръ 8 августа 1381 г., положившій давно желанный конецъ этимъ столкновеніямъ. Съ этихъ поръ начинается новый подъемъ Венеціи. Выгодные договоры съ невѣрными прикрывались послѣ 1454 года слѣдующимъ характернымъ оправданіемъ: „Мы прежде всего венеціанцы, а затѣмъ христіане“ (*siamo Veneziani, poi Cristiani*). Еще въ предшествовавшемъ столѣтїи дожъ Франческо Дандоло (отъ 1329 до 1339 г.) не устоялъ противъ соблазна пріобрѣсти обширную материковую базу въ области Тревизо. Его преемники по должности Микеле Стено (отъ 1400 до 1414 г.), Томмазо Мочениго (отъ 1414 до 1423 г.) и Франческо Фоскарини (отъ 1423 до 1457 г.), при которомъ Эразмъ Гаттамелата изъ Нарни, увѣковѣченный конной статуей Донателло предъ соборомъ св. Антонія въ Падувѣ и бывший генераль-капитаномъ, спасъ республику отъ висконтійскаго кондотьере Николо Пиччинино, расширили съ громаднымъ успѣхомъ владѣнія Венеціи на материкѣ до рѣки Адды и до Римини. Эта политика называлась „материковой“ (*Terra ferma*). Несмотря на пощупающую свою вѣрность (Насифило Сассо, Антоніо Винчигерра, Антоніо де Ферраринесъ, извѣстный подъ прозвищемъ иль Галатео, и др. видѣли въ 1500 г. въ Венеціи единственнаго спасителя итальянской свободы), политика Венеціи создала, наконецъ, слишкомъ большое число плоскостей тренія, массу тяжелыхъ осложненій и повлекла за собой дорого стоящія войны съ сосѣдями, такъ что на эту материковую политику ложится главная отвѣтственность за упадокъ блестящаго могущества Венеціи на морѣ (подробности объ этомъ см. въ т. VII). Могила Венеціи была вырыта не тѣми колониальными войнами съ турками

въ отдаленныхъ областяхъ, ради которыхъ нѣмецкій графъ М. I. фонъ Шуленбергъ поступилъ на службу республики фельдмаршаломъ генералъ-капитаномъ еще въ октябрѣ 1715 г., — загубили Венецію не измѣненія направленія главныхъ торговыхъ путей, вызванныя географическими открытіями генуэзца Колумба (т. VII, стр. 73), а тѣ волненія, которыя вспыхнули въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ ней въ 1797 году (т. VIII, стр. 29).

Если мы окинемъ взглядомъ обращенное къ морю продолженіе площади св. Марка (см. прил. таб.: „Венеціанская Пьяццета“), то нашему изумленію не будетъ конца: такъ тѣсно сплелись между собою здѣсь вліяніе природы, съ одной стороны, человѣческаго труда и искусства — съ другой. Однако, даже при ласкающемъ лунномъ сіяніи къ радостному настроенію примѣшивается горечь. Между обоими гранитными столбами, увѣнчанными статуями св. Феодора и львомъ св. Марка, предъ нашимъ воображеніемъ встаетъ тѣнь казненаго 5 марта 1432 г. героя сраженія при Маклодіо (въ 1423 г.) кондотьере Франческо Буссоне изъ Карманьолы. Съ правой стороны возвышается суровое зданіе монетнаго двора, отражающее въ себѣ бдительную строгость венеціанской государственной системы. Торжественное великолѣпіе и гордая степенность дворца дожей усиливаются сумрачнымъ освѣщеніемъ, проникающимъ черезъ немногочисленные окна. Хотя знаменитые свинцовые казематы разрушены уже 110 лѣтъ тому назадъ, но цистерны этого дворца, застѣнокъ и мостъ вздоховъ, соединяющіе его со старинной уголовной тюрьмой, напоминаютъ еще и понынѣ о господствовавшей здѣсь системѣ государственной инквизиціи и полицейскаго надзора, какая могла существовать еще развѣ только въ Испаніи и въ азіатскихъ деспотіяхъ. Никакъ нельзя назвать случайнымъ то историческое явленіе, что институтъ посланниковъ, дипломатическое искусство и дипломатическіе шифры (существовавшіе уже въ 1226 г., какъ доказано документально) развились раньше всего и лучше всего именно въ Венеціи. А то обстоятельство, что пластическое искусство нашло для себя въ этомъ городѣ такую питательную почву, было бы настоящимъ чудомъ, если бы экономическое благосостояніе и восточныя богатства честолюбивыхъ правящихъ родовъ не развивали и не будили въ нихъ любви къ прекрасному и изящному. Свѣтъ флорентійскаго солнца наливается щедро на мрачно-суровый торговый городъ, владыку морей и суши, при посредствѣ такихъ гениальныхъ художниковъ, какъ Андреа дель-Верроккіо, творецъ неудержимо приковывающей къ себѣ вниманіе конной статуи генералъ-капитана Бартоломмео Коллеони (отъ 1400 до 1475 г.), красующейся передъ богатою памятниками доминиканской церковью св. Іоанна и св. Павла, и главнымъ образомъ при посредствѣ маэстро періода „Ренессанса“ Жакопо Сансовино, бывшаго архитекторомъ республики, который возвелъ великолѣпную двойную галерею для почетнаго храненія библиотекъ Петрарки и Бессаріона.

б) Флоренція.

Дѣйствительно, Флоренція занимаетъ первое мѣсто въ художественномъ творчествѣ этихъ вѣковъ; яркій свѣтъ и свободная атмосфера охватываютъ искони ея жизнь и стремленія. Уже мадонны Джіованни Чимабуэ (отъ 1240 до 1302 (?) г.) и фрески его ученика Джіотто ди Бондоне (отъ 1266 до 1337 г.) проникнуты свѣтомъ, ясностью и живостью. Мадонна, написанная въ 1270 г. для часовни Ручеллаи, была перенесена воодушевленными флорентинцами „съ большимъ великолѣпіемъ, при звукахъ трубъ въ торжественной процессіи“ изъ дома художника Чимабуэ въ церковь Санта-Марія Новелла; благородныя формы и естественность, индивидуальность и мужская сила, вотъ часто прославляемая выдающіяся

Црква (Монетниот двор).

Либерија (вечебна библиотека).

Св. Георг.

Колоконија од Марка.

Прокурција (вечебна библиотека).

Дворац на Марка.

Бањина со часовник.

(Црквата на Марка, означена со црвен цртеж.)

Дворецот дожд.

Мостот Бастиони.

Свети Јован Баптиста (дворецот).

Венецијанска Пјачецета.

Два моста на десната страна на црквата (венецијанска црква) во Дворецот на Свети Марко (венецијанска црква).

качества твореній Джіотто, являющихся провозвѣстникомъ новой эпохи. Въ облитой солнцемъ Тосканѣ неподвижная византійская традиція была побѣждена и вытѣснена точнымъ воспроизведеніемъ природы (срав. т. VII, стр. 159). Еще болѣе исто-флорентійскимъ характеромъ, чѣмъ живопись, привлекавшая художественныя силы изъ сосѣднихъ областей, отличается скульптура, которая пріобрѣтаетъ руководящую роль въ искусствѣ отъ XIV до XVI столѣтія, начиная отъ Андреа Пизано и Андреа Ди Чіоне, извѣстнаго подъ прозвищемъ Орканья, затѣмъ переходя къ Лоренцо Гиберти и Донато Барди, извѣстному подъ именемъ Донателло, и кончая Лука делла Робіа и Микеланджело Буонаротти. Первое выдающееся церковное зданіе періода Возрожденія — это церковь св. Лаврентія, выстроенная представителями рода Медичи (срав. т. VII, стр. 159).

Однако, въ какомъ рѣзкомъ противорѣчій находилось политическое положеніе главы этой благословенной мѣстности съ ея оливковыми и плодовыми рощами, каменными дубами и съ ея башнями Сапъ-Джиминьяно. Безбѣдному мѣстному населенію почва даетъ въ изобиліи пищу, живописцу много тоновъ, а скульптору мраморъ; но къ несчастью, тутъ господствовали такіе же партійные раздоры, такая же тиранія и раздробленность, какъ во всей тогдашней Верхней и Средней Италіи, только еще въ усиленной степени. „Отъ XIII до XVI столѣтія существовали двѣ Флоренціи: одна внутренняя, одна вѣшняя“ (Л. фонъ-Рапке въ „Филиппо Троцци“), но съ другой стороны этотъ рѣзкій контрастъ между природой и человѣкомъ возбуждалъ и окрылялъ воображеніе и доставлялъ непрерывно новую пищу художественному творчеству и художественной фантазіи. Война — отецъ всѣхъ вещей. Это изреченіе оправдывается и въ данномъ случаѣ. Эпоха синьорій, во время которой понятіе о республиканской „свободѣ“ толковалось нерѣдко крайне своеобразно, дала толчекъ къ развитію итальянскаго духа и созданію его прекраснѣйшихъ произведеній. Безпрерывное колебаніе между страхомъ и надеждой и переходъ отъ господствующей власти къ изгнанію, отъ богатаго стола всевластнаго правителя къ скудному пропитанію бездомнаго изгнанника вносили въ участь многихъ людей необычайно много драматизма и вызывали неодолимое стремленіе къ использованию и увѣковѣченію этой трагедіи жизни посредствомъ пластическихъ и словесныхъ искусствъ. „Искусство было главнымъ убѣжищемъ изгнанниковъ“ (L'art était le principal refuge des proscrits), говоритъ Эдгаръ Кинне въ своемъ сочиненіи „Révolutions d'Italie“ (Итальянскія революціи). Вотъ въ какомъ отношеніи можно было замѣтить различіе между отдѣльными искусствами: поэзія наилучше всего приспособлена къ изображенію суровой доли изгнанника (fuoruscito), въ то время какъ живопись и ваяніе весьма нерѣдко служатъ состоятельнымъ людямъ, которыхъ угнетаетъ тяжелое бремя грѣховъ и въ которыхъ зарождается чувство смиреннаго раскаянія. Католическое богослуженіе поощряетъ художественное эстетическое наслажденіе. Неказистый черепокъ изъ кухни св. Дѣвы Маріи, и тотъ былъ окруженъ необыкновенно чарующей прелестью благодаря художнику Бенвенуто Челлини!

Заказчикъ относился, по большей части, съ религіознымъ благоговѣніемъ къ тому художественному произведенію, которое выражало собою его готовность къ жертвѣ. Поэтому исполнитель предоставлялъ ему охотно довольно широкое вліяніе, что было вполне послѣдовательно съ демократической точки зрѣнія; это подтверждается, напримѣръ, документами, относящимися къ статуѣ св. Матѳея работы Гибертиса (около 1420 года). Въ томъ же мы убѣждаемся изъ исторіи постройки Tempio Malatestiano въ Римини (около 1450 г.), грандіознаго памятника періода Возрожденія, созданнаго А. Б. Альбертисомъ и воспроизводящаго влюбленную чету „Ренессанса“. Сигизмундо Папдольфо Малатесту и Изоту дельи Атти съ ея монограммой въ видѣ перекрещенной буквы S или, наконецъ, изъ той детали-

ности заказа, которую позволяла себѣ по отношенію даже къ такому художнику, какъ Перуджино, Изабелла д'Эсте, правда, женщина высоко образованная („Побѣда цѣломудрія надъ страстью“, 1505 г.). Были ли заказчиками отдѣльные лица или цѣлыя общины, въ тѣ золотые вѣка заказчикъ дѣйствовалъ вполнѣ сознательно и при всемъ своемъ уваженіи къ художнику слѣдилъ за его творчествомъ шагъ за шагомъ и вмѣшивался въ его работу. Что сотрудничество глубокой вѣры и готовности къ жертвованію съ чутьемъ красоты и итальянскимъ небомъ должно было создать вѣчные образцы прекраснаго, объ этомъ свидѣлствуютъ краснорѣчиво великолѣпные готическіе соборы въ Сіенѣ и Орвіето. Первый изъ нихъ, начатый постройкой посреди бурь, обусловившихъ и вызвавшихъ поражение при Монтанерти (стр. 380), гармонируетъ какъ нельзя лучше съ тогдашнимъ благосостояніемъ гордой побѣдительницы, этой точной миниатюрной копіи Генуи съ колоритомъ маленькаго сухопутнаго городка; второй, выстроенный однимъ поколѣніемъ позже на краю маленькаго мрачнаго еде сравнимаго со Сполетто горнаго гнѣзда, представляется изумленному зрителю безусловнымъ чудомъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Однако, въ политическомъ отношеніи событіе при Монтанерти ничему не научило на болѣе или менѣе продолжительное время потерпѣвшихъ поражение флорентійцевъ. Исконные раздоры между вельфами и гибеллинами, происхождение которыхъ приписывается разукрашенному легендой убійству одного изъ Буондельмонте членами родовъ Амеден-Ламберти-Уберти въ Свѣтлое воскресенье 1215 г., не прекратились послѣ послѣдовавшаго около 1250 г. отгѣсненія отъ власти аристократіи и перехода ея ко всей общинѣ бюргеровъ, а только приняли другую форму въ концѣ столѣтія, во время весенняго праздника перваго мая 1300 г., и продолжались попрежнему въ видѣ самоубійственнаго распаденія вельфовъ на „черныхъ“ (Донати) и бѣлыхъ (Черки). Въ 1301 г. черные были изгнаны изъ Пистойи, находящейся недалеко отъ Флоренціи, съ помощью флорентійскихъ бѣлыхъ; послѣ этого бѣлые, въ числѣ которыхъ находился Данте „Алагеріи“, занимавшій отъ 15 іюня до 14 августа постъ одного изъ 6-ти цеховыхъ пріоровъ своего роднаго города, были отстранены отъ власти въ свою очередь въ концѣ сентября 1300 г. вслѣдствіе происковъ ихъ ожесточеннаго врага властолюбиваго папы Бонифация VIII и сблизились послѣ своего пораженія съ партіей гибеллиновъ; такимъ образомъ провозглашеніе отлученія отъ церкви и интердикта посланникомъ папы, „умиротворителемъ“ кардиналь-епископомъ Матвѣемъ Аквасарта, послѣдовало уже послѣ того, какъ Данте пересталъ быть пріоромъ. 450 приговоровъ о конфискаціи имущества и смертной казни, вынесенныхъ въ „бѣлой“ Пистойѣ въ теченіе 1301—1303 гг., отчасти безъ слѣдствія и суда, ничѣмъ не отличаются отъ свирѣпыхъ и кровожадныхъ расправъ, учиненныхъ приверженцами папы во Флоренціи до 1306 года.

Препасть, выросшая между различными партіями, стала непроходимой. Флоренція занимала безусловно господствующее положеніе въ экономической жизни, благодаря своему громадному участію въ торговлѣ хлѣбомъ, солью, шерстью и сукномъ, благодаря своимъ выгоднымъ финансовымъ оборотамъ (уже около 1250 г. здѣсь зародилась и была приведена въ исполненіе величественная для того времени идея Тосканскаго монетнаго союза; о чеканкѣ золотой монеты сравни т. VII, стр. 76 съ приложенной къ ней таблицей); это положеніе Флоренціи почти никѣмъ не оспаривалось вслѣдствіе поразительно громаднаго участія этого города въ средиземно-морскомъ торговомъ мореплаваніи и кораблестроеніи въ теченіе первыхъ десятилѣтій XIV столѣтія. Но вмѣсто того, чтобы развить широкую государственную политику, опираясь на свой громадный политическій вѣсъ, она продолжала терзаться внутренними раздорами и осу-

ждала самое себя на политическое безсиліе. Ослабленная своимъ гвельфскимъ партійнымъ ожесточеніемъ, она заперла свои ворота предъ Генрихомъ VII (короновавшимся въ Миланъ 6 января 1311 г. специально изготовленнымъ для этой цѣли лавровымъ вѣнкомъ за недостаткомъ „Желѣзной Короны“, заложеной родомъ Делла Торре у одного еврея), несмотря на то, что этотъ король былъ бы въ состояніи объединить Италію (стр. 138). Флоренція предпочла Генриху VII десятилѣтній гнетъ (отъ 1313 до 1321 г. и отъ 1326 до 1328 года) Роберта Неаполитанскаго и Карла Калабрійскаго изъ Анжуйской династіи (срав. родословное дерево, прилож. къ стр. 401) и передала въ 1342 г. власть синьора въ руки Вальтера (VI) Бриенскаго, носившаго титулъ герцога Авинскаго, который былъ изгнанъ уже черезъ короткое время, 26 іюля 1343 г. Попытки народной партіи вырвать власть изъ рукъ денежной олигархіи, начиная отъ похожаго на Цезаря или Мирабо богатаго коммерсанта Джіано делла Белла (отъ 1293 до 1295 года) и возстанія чесальщиковъ шерсти (*Gumulto dei Ciompi*, 1378—82) и во все дальѣйшее время вплоть до послѣдняго флорентійскаго республиканца Филиппо ди Филиппо Строчи (сконч. 18 декабря 1538 года), окончились всею полною неудачей послѣ кратковременныхъ усилій.

Однажды Флоренція рѣшилась даже истратить 175,000 дукатовъ, лишь бы воспрепятствовать стремленіямъ миланскихъ гибеллиновъ къ политикѣ великой державы, не погнушавшись даже обратиться за помощію къ нѣмецкому королю (срав. ниже, стр. 393). Получилось то замѣчательное сѣвильное обстоятельство, которое толкнуло соперника Венцеля антикороля Рупрехта Пфальцскаго въ 1401 году къ союзу съ завзятыми гвельфами и низвело его на низкую степень какого-нибудь Джона Гауквуда, предводителя наемниковъ, состоявшихъ на службѣ у городовъ (отъ 1390 до 1394 г.). Однако, этотъ союзъ республики, въ которой господствовала группа аристократическихъ семействъ Альбицини и которая торговалась изъ-за каждаго гроша, съ воодушевленными наилучшими намѣреніями, но не имѣвшими средствъ Виттельсбахами оказался далеко недостаточнымъ для обезпеченія за Флоренціей того преобладанія, къ которому стремились союзники. Союзъ этотъ привелъ къ печальному фіаско для обѣихъ сторонъ весною 1402 года (срав. т. VII, стр. 203). Лучемъ свѣта среди мрака для почти окончательно обезсиленной Флоренціи было завоеваніе Низы Джіано Каппони 9 октября 1406 г., другимъ лучемъ — пріобрѣтеніе Ливорно отъ генуэзцевъ за 100,000 дукатовъ 27 іюня 1421 года. Съ этихъ поръ торговля египетскими пряностями перешла въ руки флорентійскихъ купцовъ, которые платили за этотъ товаръ, пользовавшийся большимъ спросомъ, шерстяными тканями.

Наконецъ, популярный въ низшихъ слояхъ населенія сынъ банкира Козимо ди Джіованни де Медичи захватилъ въ свои руки въ 1434 году почти единодержавную монархическую власть съ соблюденіемъ только внѣшнихъ республиканскихъ формъ. Это правленіе обозначаетъ собою вмѣстѣ съ тѣмъ начало новаго вѣка Перикла (срав. т. VII, стр. 157); представители рода Медичи, унаследовавшие свою власть отъ этого „отца отечества“ (сконч. 1 августа 1464 г.), именно сыновья Пьеро Лоренцо Великолѣпный (отъ 1469 до 1492 г.) и Джульиано (отъ 1469 до 1478 г.), затѣмъ второй сынъ Лоренцо Джіованни, занимавшій папскій престолъ подъ именемъ Льва X (отъ 1513 до 1521 года, срав. стр. 308), и герцогъ Козимо I (отъ 1537 до 1574 г.; съ 1569 г. носилъ титулъ „великаго герцога Тосканскаго“; срав. родосл. дер. на стр. 398) безъ преувеличеній воплощаютъ въ себѣ славу монарховъ знатоковъ и покровителей искусствъ. Это былъ періодъ расцвѣта позднѣйшаго „Ренессанса“, примыкающаго къ первымъ зачаткамъ періода „Барокко“. Не было недостатка и въ плодахъ, подточенныхъ червякомъ: не говоря уже о многихъ другихъ подобныхъ представителяхъ рода Медичи (какъ, напр., Катерина, виновница Париз-

ской Варфоломеевой ночи и др.), мы назовемъ только въ видѣ яркаго образца преступную родственную пару Алессандро-Лоренцино (убиты 6 января 1537 г., 26 февраля 1548 г.). Будь преемники Пандольфо Петруччи, стоявшаго во главѣ Сіены отъ 7 февраля 1494 г. до его смерти, послѣдовавшей 21 мая 1512 г., людьми съ такимъ же твердымъ характеромъ и съ такими же способностями, то этотъ меньшій по размѣрамъ, но славный сосѣдъ Флоренціи весьма легко могъ бы усилиться, вытѣснить Флоренцію и превратиться въ резиденцію герцога Тосканскаго. Тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать, что не существуетъ ни одного владѣтельнаго дома, который далъ бы искусству и наукѣ за сравнительно короткій срокъ столько шедевровъ, сколько родъ Медичи. А это заслуга далеко не малозначущая въ такой вѣкъ, въ теченіе котораго безусловно выдающіеся художественные центры создались не только въ такихъ большихъ городахъ, какъ Римъ, Венеція и Неаполь (срав. т. VIII, стр. 491), но и въ такихъ второстепенныхъ резиденціяхъ, какъ Феррара и Модена (находившіяся подъ властью обоихъ Альфонсовъ д'Эсте, друзей Аріосто и Тассо) Мантуя (находившаяся подъ властью любителя искусствъ Гонзаги), Парма (отъ 1545 до 1731 г., управлявшаяся династією Фарнезе), Туринъ (въ 1480 г. ставшій столицей графовъ Савойскихъ) и Урбино, родина Рафаэля Санти (находившаяся подъ властью родовъ Монто-Фельтро и Ровере, сравни стр. 398).

Сказаннымъ еще не исчерпывается, однако, значеніе Медичи для общей исторіи. Въ связи съ другими событіями (т. VII, стр. 278) мы уже останавливались на той важной роли, которую игралъ въ смутахъ своего времени (Sacco di Roma, 1527 г.) двоюродный братъ Леона X Джулио (съ 1523 по 1534 занимавшій папскій престолъ подъ именемъ Клементя VII). Мало того, за династією Медичи числятся еще болѣе важныя заслуги. Когда она перешла отъ бурнаго наслажденія жизнью къ спокойному, разумному правленію, то великое герцогство Тосканское, выросшее изъ городской республики и отличавшееся вначалѣ рѣзко-габсбургскими тенденціями, образовало собою прочное и сильное ядро для объединенія мелкихъ итальянскихъ государствъ, которое послужило главной опорой для испанскаго могущества въ Италиі и католицизма, а своимъ переходомъ къ Лотарингской династіи (1737 г., т. VII, стр. 530) оно упрочило австрійское господство надъ Италией на цѣлыхъ 122 года. Однако, тутъ мы сталкиваемся снова съ иноземнымъ господствомъ.

в) Миланъ.

Напротивъ того, если мы будемъ искать синьорію со столь рѣдкимъ въ Италиі отпечаткомъ истинно отечественной политики, то приходится принимать въ расчетъ только одинъ Миланъ того времени, когда онъ находился подъ властью династіи Висконти (отъ 1311 до 1447 г.), не останавливавшейся ни предъ какими нравственными соображеніями и преслѣдовавшей непреклонно одну цѣль — объединеніе, по крайней мѣрѣ, Ломбардіи. Тутъ предъ нами стоитъ крѣпкая сила съ неспорченными соками, и это примиряетъ насъ съ нѣкоторыми отступленіями отъ прямого пути и съ нѣкоторой суровостью этихъ правителей. Миланъ, управляемый съ 1240 года вельфами Делла Торре, за исключеніемъ перерыва между 1277 и 1302 гг. (срв. объясненіе къ табл., прил. къ стр. 138), весьма неохотно подчинился зимою 1310—11 г. Генриху VII, этому умиротворителю, перебрасывавшему мосты между существующими противорѣчіями; но въ теченіе остальныхъ девяти десятилѣтій XIV столѣтія этотъ городъ все же оставался въ тѣсной связи съ имперіей, очевидная слабость которой не грозила ему никакой опасностью, между тѣмъ какъ эта связь способствовала въ высокой степени безпрятственному расширенію миланской территоріи

и захватамъ новыхъ земель. Отъ императорскаго величія такихъ правителей, какъ Оттонъ, Фридрихъ, Генрихъ, давно уже не осталось никакого слѣда. Признаніе обоюдныхъ интересовъ и взаимная терпимость стали практической необходимостью. Какъ нельзя болѣе характернымъ признакомъ этого поворота (срв. выше, стр. 382) является чисто торгашеское поведеніе Карла IV въ концѣ 1354 и въ началѣ 1355 г., а также лѣтомъ 1368 г. Второй Люксембургъ, который походилъ какъ нельзя меньше не только на своего идеальнаго дѣда Генриха, но и на своего, во всякомъ случаѣ, рыцарскаго отца Іоанна („un cavaliere all' antica“, — рыцарь въ древнемъ духѣ; срв. т. V, стр. 246) не приложилъ почти ни малѣйшей доли своего таланта (срв. т. VII, стр. 197) къ разрѣшенію тяжелой двойной задачи: освобожденію Італіи отъ терзающей ее закоренѣлой болѣзни, военныхъ наемниковъ „Compagnie di Ventura“ съ ихъ, правда, по большей части, храбрыми, но чаще всего безсовѣстными кондотьери, и къ возвращенію ея духовнаго главы, который жилъ вдали отъ нея, въ французскомъ плѣну. Съ лучшимъ, хотя и непрочнымъ успѣхомъ взялась за эту задачу слабая женщина Санта Катарина Бенниказа изъ Сіены, сконч. въ 1380 г.: что же касается Карла, то онъ любилъ торговаться, но не дѣйствовать.

Разоренная страна снова очутилась предъ неотложной необходимостью удалить хирургическимъ пожемъ зловредный наростъ въ видѣ чужеземныхъ искателей приключеній и собственныхъ разбойничьихъ атамановъ¹, которые обращали въ свою пользу политическую раздробленность Апеннинскаго полуострова, а затѣмъ уже попытаться залѣчить образовавшуюся рану. Собственно говоря, никакого дальнѣйшаго лѣченія уже не требовалось послѣ этой болѣзненной операціи; необходимымъ условіемъ этого лѣченія былъ полный отказъ отъ партійныхъ раздоровъ, почти неизбѣжныхъ при республиканскомъ строѣ, и переходъ къ ненавистному „порабощенію подъ властью неограниченнаго монарха“. Роль такого врача сыгралъ Джіованни Галеаццо де Висконти (род. 16 октября 1351 г. въ Павіи), который имѣлъ бы безусловное право на почетный титулъ національнаго героя, если бы смерть не унесла его преждевременно въ могилу, 3 сентября 1302 г., раньше чѣмъ онъ успѣлъ завершить свое тяжелое дѣло. Онъ началъ свое правленіе съ рѣшительнаго обезвреженія своего жестокаго дяди Бернабб (въ 1385 г.) и присвоенія оставшагося послѣ него наслѣдства, не считаясь съ интересами его сыновей, уничтоженія остатковъ рода делла Скала въ Веронѣ (въ 1387 году), который пытался, повидимому, осуществить гибеллинскую мечту о спасеніи Італіи подъ предводительствомъ Кангранде (1311—29 г.), покровителя Далте, а затѣмъ Мастино II, сконч. въ 1351 г. Дальнѣйшимъ шагомъ Галеаццо были входившіе въ его планъ вытѣсненіе Франческо I и II да Каррара изъ Падуи; затѣмъ онъ сталъ грозить Франческу I да Гонзага попыткой своихъ инженеровъ-гидравликовъ отвести рѣку Минчію и превратить такимъ образомъ Мантую въ болото (въ 1392 г.); онъ купилъ себѣ герцогскій титулъ у нуждавшагося въ деньгахъ короля Венцеля (въ 1395 г.), возвысилъ Павію на степень графства (въ 1396 г.) и привлекъ Николо изъ Эсте въ Феррару (въ 1401 г.). Рядомъ съ этимъ шло осуществлявшееся посредствомъ умѣреннаго давленія или суровыхъ угрозъ и подвигавшееся постепенно шагъ за шагомъ присоединеніе синьорій и городскихъ республикъ: Ассизи въ 1400 г., Болоньи (лѣтомъ 1402 г.), Ночери въ 1400 г., Перуджии (1400 г.), Пизы (1399 г.), Сіены (1399 г.), Сполето (въ 1400 г.), которыя округлили выгоднымъ

¹ Тщательная записъ всѣхъ предводителей бандъ въ 1439 г., составленная Марино Савудо, насчитываетъ 129 кондотьери съ 64,650 лошадьми, распредѣлявшихся весьма неравномѣрно по Церковной Области, Венеціи, Милану, Сіенѣ, Флоренціи, Арагоніи и Анжу. При этомъ не приняты въ расчетъ пѣхотныя наемныя войска, равно какъ и военныя силы вассалѣтельныхъ князей Монферратскаго, Салуцскаго и Савойскаго, городовъ Генуи, Лукки и Перуджии.

образомъ полученные имъ по наслѣдству и прибрѣтенныя имъ самимъ слѣдующіе города и области: Алессандрія, Арещо, Асти, Бассано, Беллуно, Бергамо, Боббіо, Казале, Борміо, Брешія, Комо, Крема, Кремона, Фельтре, Лоди, Луниджана, Монца, Новара, Парма, Павія, Пьяченца, Понтремоли, Реджіо, Сарциана, Тортона, Валенца, Верчелли, Вигченца и Вогера. Всѣ эти успѣхи въ совокупности довели могущество Джіангалеаццо до такой высоты, что вызвали весьма понятное смущеніе у тѣхъ городовъ и синьорій, которые хотѣли остаться вѣрными вельфскому направленію во что бы то ни стало, но чувство радости и удовлетворенія во всѣхъ остальныхъ, ожидавшихъ отъ Висконти осуществленія въ близкомъ будущемъ „*idea unitaria*“. Ликованіе этихъ послѣднихъ вытекало изъ самыхъ благородныхъ патріотическихъ чувствъ и вовсе не вызывалось исключительно льстивымъ преклоненіемъ наемныхъ придворныхъ поэтовъ передъ неограниченнымъ монархомъ. Восьмой сонетъ „*Cantilena pro comite Virtutum*“¹ поэта Франческо Ванозцо изъ Тревизо заканчивается слѣдующими высокопарными стихами:

Dunque correte insieme o sparse time,
e gite predicando in ogni via
che Italia ride, a che è giunto il Messia.

Итакъ соберитесь вмѣстѣ, Вы мои разсѣянные стихи
И идите проповѣдуйте по всѣмъ дорогамъ,
Что Италия ликоветъ и что пришелъ Спаситель.

Если мы будемъ имѣть въ виду положеніе Верхней и Средней Италіи лѣтомъ 1402 г., то окажется, что, кромѣ Савойи и Пьемонта, Салюццо и Монферрато, Асти и Генуи, Масса-Каррары и остальныхъ областей Маласпины, Мانتуи и Модены, Венеціи, Флоренціи и Церковной Области, не существовало никакой стоящей упоминанія монархической области по сравненію съ герцогствомъ Миланскимъ: поэтому нѣтъ никакого рѣзкаго преувеличенія въ словахъ Альберта Альфьери, прямодушнаго преподавателя грамматики въ Каифѣ въ Крыму, въ одѣ котораго „Огдоасъ“, написанной въ 1431 г., Джіангалеаццо задаетъ слѣдующій вопросъ: „Что бы случилось, если бы судьба удѣлила мнѣ еще пять лѣтъ жизни?“, а его незаконный сынъ Габріеле Маріо отвѣчаетъ: „Вся Италия повиновалась бы твоему скипетру“. Несмотря на его въ нѣкоторыхъ случаяхъ суровые эдикты, онъ почитался народомъ, какъ святой, еще черезъ сто лѣтъ послѣ его смерти, невзирая на то, что, вслѣдствіе возрастанія военныхъ расходовъ, онъ приостановилъ почти окончательно до самой своей смерти только что начатую постройку великолѣпнаго зданія Чертозы недалеко отъ его блестящей резиденціи Павии, зданія, включившаго въ себя между 1393—96 гг. значительное число религіозныхъ учрежденій, а также не могъ отпустить съ 1386 г. на продолженіе постройки миланскаго мраморнаго собора такихъ же значительныхъ суммъ, какъ въ теченіе перваго десятилѣтія своего царствованія.

Однако, гордому миланцу не суждено было возложить на себя королевскую корону, которая опять хранилась въ Монцѣ съ 20 марта 1345 года послѣ двадцатилѣтняго пребыванія ея въ Авиньонѣ. Хотя раздѣлъ на три части по завѣщанію наилучшаго герцогства всего христіанскаго міра былъ предотвращенъ вслѣдствіе казни Габріеле (въ 1408 г. въ Генуѣ), убійства Джіаммаріи (въ 1412 г. въ Миланѣ) и благодаря храбрымъ генераламъ Филиппо Маріи (отъ 1412 до 1447 г.) Франческо да Карманьола, Николо Пиччинино и Франческо Сфорца (старшему сыну утонувшаго 4 января

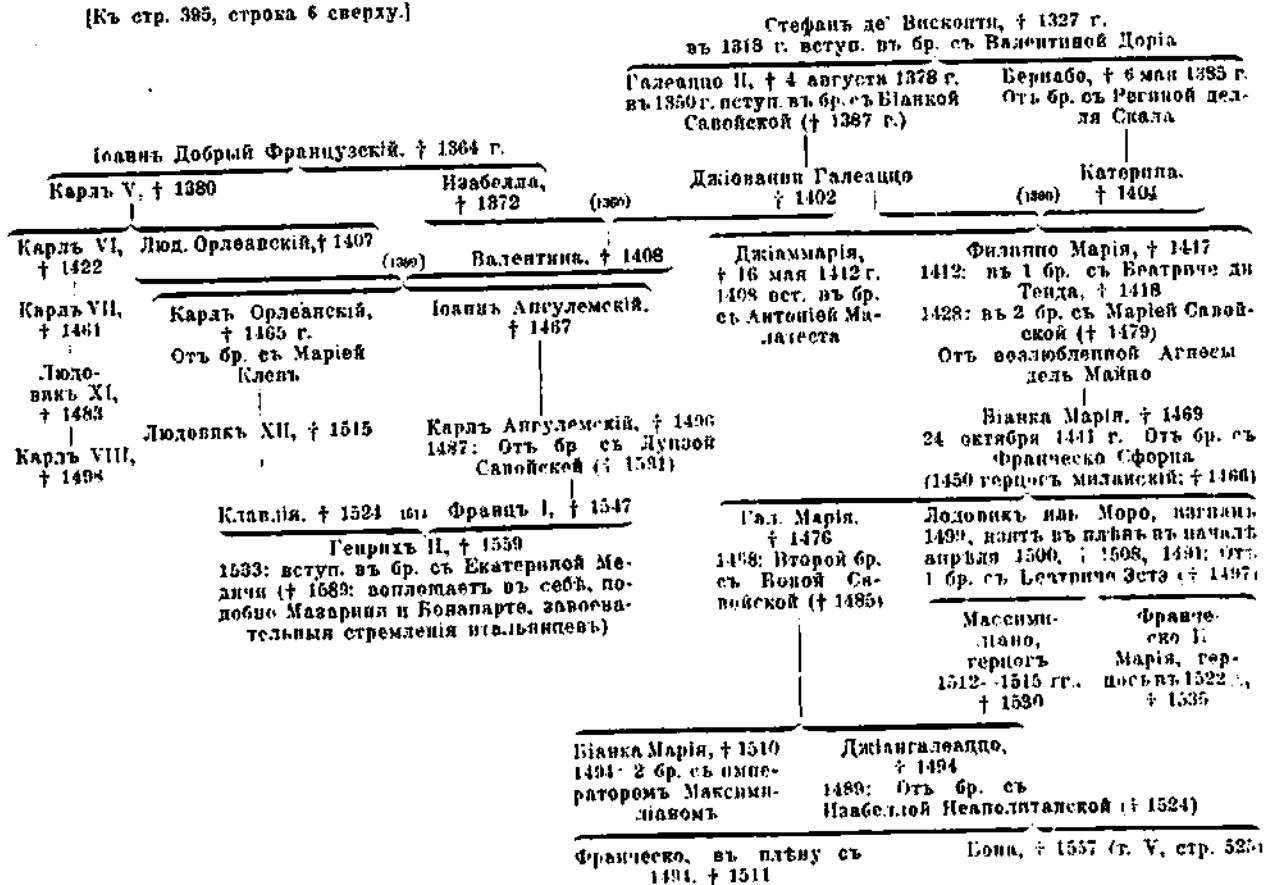
¹ „Графъ добродѣтелей“ — игра словъ: Джіангалеаццо носилъ титулъ графа Вирту по имени области Верту на рѣкѣ Марнѣ, полученной имъ въ приданое за своей супругой Изабеллой Валуа; эта игра словъ, основанная на обыкновенномъ значеніи слова *Virtu*, лат. *Virtus* — добродѣтель, была пущена въ ходъ также и въ сатирическомъ смѣлѣ флорентійскимъ канцлеромъ Колуччіо де Салютати, скончавшимся 4 мая 1406 г., который надѣлилъ Джіангалеаццо титуломъ *comes vitiorum* (графъ пороковъ).

1424 г. въ Пескарѣ кондотьере Джакомо Атендоло, по прозвищу Сфорца изъ Котиньолы), тѣмъ не менѣе, черезъ короткое время четвертый преемникъ изъ династiи, основанной послѣднимъ изъ названныхъ нами безусловно талантливыхъ выскочкой, Лодовико Сфорца или Моро (отъ 1481 до 1499 г., сконч. въ 1508 г.), показалъ французамъ дорогу въ Италию (срв. родословную таблицу въ примѣч. къ наст. стр. и т. VII, стр. 226).

Смерть второго сына Лодовико, Франческо II Марин (24 октября 1535 г.), опять раскрыла окончательно двери предъ иноземнымъ господствомъ. — отъ 1540 до 1700—13 г.) надъ Миланомъ господствовали испанцы, которыхъ ввелъ туда императоръ Карлъ V. Безъ сомнѣнiя, Г. Г. Триесино, воспѣвшiй въ своей поэмѣ освобожденiе Италии отъ гоговъ „Italia liberata da Gotthi“ (1526—48) поражение Веллария, счастливые годы Витигеса и его жизнь въ плѣну и видѣвшiй счастье Италии въ объединенiи ея подъ властью Карла V, мечталъ совсѣмъ не о томъ, чѣмъ былъ для Италии испанскiй періодъ. Въ теченiе этихъ долгихъ десятилѣтiй тяжелаго гнета въ литературѣ начинается замѣчаться сильная волна свободолюбивыхъ стремленiй, въ особенности между 1590 и 1617 гг. Противъ злоупотребленiй испанцевъ писали въ это время Траяно Боккалинн изъ Лорето, независимый Габриелло Кiабрера изъ города Савоны, моденскiй юмористъ Алессандро Тассони, которому нѣкоторые приписываютъ знаменитыя „Firriche contro li Spagnuoli“ (обличительныя рѣчи противъ испанцевъ; 1615 г.) и Фульвио Тести изъ Феррары въ то время, какъ въ защиту испанцевъ выступилъ, собственно говоря, одинъ только писатель Фаусто Соччино изъ Генуи. О переходѣ Милана къ австрiйской линiи дома Габсбурговъ (въ 1714 г.) срв. т. VII, стр. 528.

Съ самостоятельными характерами мы сталкиваемся исключительно только въ церковной сферѣ: мы имѣемъ въ виду графа Карла Борромео (отъ 1538 до 1584 г.) и его двоюроднаго брата Федерико (отъ 1564 до

[Къ стр. 395, строка 6 сверху.]

1631 г.)¹. Суровія реформы Карла вызвали ненависть къ нему со стороны ордена гумильятовъ, начало котораго относится къ XII столѣтію; ненависть эта стала настолько ожесточенной, что дѣло дошло въ 1569 г. до покушенія на Карла, послѣ котораго орденъ гумиліатовъ былъ уничтоженъ въ 1571 г. другимъ выдающимся мыслителемъ того времени Пиемъ V. Что касается другихъ дѣйствій этого боевого и непреклонно убѣжденнаго въ истинности одного только своего вѣроученія кардинала, который былъ во всѣхъ отношеніяхъ достойнымъ преемникомъ св. Амвросія, какъ, напримѣръ, безпощадное истребленіе послѣдователей протестантскаго вѣроученія въ швейцарскихъ частяхъ его епархіи и процессы противъ колдовства, то всѣ эти подвиги могутъ быть вмѣнены ему въ заслугу развѣ только католиками. Однако, всѣ эти недостатки св. Карла возмѣщаются его дѣятельной любовью къ страждущему народу, основанной на его непоколебимой вѣрѣ въ Бога, какъ о томъ свидѣтельствуетъ съ полной очевидностью обнаруженное имъ неутомимое рвеніе и дѣятельная помощь, оказанная имъ населенію, во время голода 1570 г. и чумы 1576 г. На этомъ поприщѣ архіепископской заботы о своей паствѣ состязался съ нимъ въ 1630 г. во время возврата страшнаго эпидеміи чумы его болѣе мягкій по характеру двоюродный братъ, основавшій въ 1602 г. амвросіанскую бібліотеку. Это извѣстно всякому, который читалъ романъ Алессандро Манцони „Обрученные“.

В. Папство и Церковная Область съ 1350 г.

Мы оставили папство (стр. 377) посреди періода порабоженія его Франціей (отъ 1309 до 1378 г.). „Какія старанія ни прилагалъ между 1319 и 1334 гг. кардиналъ Бертранъ дю Пуже (Бертрандо дель Поджетто; сконч. въ 1351 г.) для того, чтобы держать въ уздѣ непрерывно усиливавшихся Висконти, какъ великъ ни былъ престижъ, приобретенный въ Средней Италіи послѣ 1353 г. кардиналомъ Эгидіемъ Альборнозо (сконч. 24 августа 1367 г.; срв. стр. 385) — эти льготы не могли служить полнымъ возмѣщеніемъ за отсутствіе Куріи (срв. стр. 385). Между тѣмъ, германскіе владѣтельные князья рѣшили на собраніи курфюрстовъ въ Реймсѣ 16 июля 1338 г. идти по стопамъ Филиппа Красиваго, который первый выступилъ съ успѣхомъ противъ напскихъ притязаній; вскорѣ къ нимъ примкнулъ парламентъ Эдуарда III. Дѣло не остановилось на этомъ: отъ защиты національныхъ правъ свѣтскія державы перешли даже къ активному вмѣшательству въ дѣла церкви; послѣ того какъ пачался великій церковный расколъ 7 апрѣля 1378 г., появились одновременно двое, а впоследствии даже и трое папъ, вынужденныхъ покупать себѣ голоса и осужденныхъ на политическое безсиліе. Около 1400 г. пошла жадная погоня каждаго изъ соперниковъ за увеличеніемъ своей собственной сферы власти и уменьшеніемъ сферы власти противника. Какъ низко пало съ этихъ поръ то учрежденіе, которое было возведено на такую высоту Григоріемъ VII, Адрианомъ IV, Иннокентіемъ III и IV! Въ руки европейскихъ народовъ

Бернардино Медичи Отъ бр. съ Камиллой Сербеллони			Графъ Федерико Вормео на Аронѣ		
Джаннъ Джіакомо, съ 1526 кастелланъ крѣпости Муссо на озерѣ Каммеръ, герцогъ Мариньяно, † 1556	Рабриэле, † 1531	Джюванни Алжело (1499—1565), съ 1539 ища Пий IV	Маргарита	Джиберто II, въ 1551 г. губернаторъ острова Лаго-Маджоре (въ вто- ромъ бракѣ въ 1548 г. съ Талла дель Вер- ме; въ третьемъ бракѣ въ 1553 г. съ Авреліей Вистарриа), † 1559 г.	Джуліо Чезаре, стар- шій въ родѣ съ 1562 г., † 1572 г.
				Федерико, въ 1595 г. ар- хіепископъ миланскій	
			Федерико, † 1502 1560: вступ. въ бр. съ Вер- гиліей делья Родере Урбано (стр. 397; † 1571)	(См.) Карло, въ 1500 г. ар- хіепископъ миланскій	

перешла отнынѣ судьба Куріи, нѣкогда распоряжавшейся участіемъ королей, а теперь кружившейся безъ опоры въ вихрѣ партійныхъ раздоровъ между Орсини и Колонна. Однако, національное движеніе въ пользу церковнаго собора, такъ много обѣщавшее, зачахло въ срединѣ XV столѣтія, не давши никакихъ результатовъ. Его занесло пескомъ. Теперь папство могло снова вздохнуть свободно. Во все сильнѣе надвигавшейся турецкой опасности оно видѣло съ полнымъ основаніемъ главнаго врага, борьба съ которымъ должна составить главную цѣль политики Куріи. Но, къ сожалѣнію, зовущій и манящій, увѣщающій и предостерегающій голосъ Рима не оказывалъ больше никакого дѣйствія: онъ теперь уже не вызывалъ энтузіазма къ крестовымъ походамъ, такъ какъ Европа, рыцарскіе идеалы которой давно уже улетучились, распалась на націи и была занята упроченіемъ своихъ отдѣльныхъ политическихъ центровъ изнутри или извнѣ, смотря по потребности.

Одна только Италія не могла добиться государственнаго единства: попытка объединенія Италіи, предпринятая послѣ смерти Джіангаллеаццо Висконти Владиславомъ Неаполитанскимъ, не достигла своей цѣли (срв. ниже, стр. 404). Но, съ другой стороны, это отсутствіе замкнутости пошло на пользу папству, дождавшемуся неизбѣжнаго истощенія менѣе значительныхъ коммунъ и синьорій и занимавшему господствующее положеніе среди своихъ сосѣдей, и помогло ему вернуть себѣ свой престижъ. Такъ какъ пути германско-романскихъ поползновеній перекрещивались и перепутывались между собою самымъ разнообразнымъ образомъ внутри Италіи, то при мало-мальски разумномъ направленіи дѣятельности Куріи она могла выиграть очень много отъ столкновенія между интересами другихъ политическихъ силъ. Со времени пребыванія на папскомъ престолѣ Пія II (отъ 1458 до 1564 г.) и Павла II (отъ 1464 до 1471 г.) фактически возродилось снова въ дѣйствительности церковное государство, а до того времени оно нрѣдко существовало только по имени; прежде всего эта перемѣна дала себя почувствовать Сигизмондо Малатеста (стр. 389), который вынужденъ былъ отдать папѣ города Бертиноро и Чезену. Въ то самое время, какъ внѣ Италіи падали непрерывно объемъ вліянія теоретическихъ привилегій папъ и высота ихъ доходовъ, ослабѣвала приверженность къ церкви, внутри Италіи стала расти съ необычайной быстротой реальная политическая сила наследственныхъ владѣній церкви, несмотря на рѣзко бросающіяся въ глаза тѣневныя стороны, созданныя обычаемъ раздачи пріобрѣтенныхъ или насильственно захваченныхъ владѣній ближайшимъ родственникамъ занимающаго въ данный моментъ престолъ св. Петра папы, такъ называемымъ непотизмомъ. Григоріанская догма безбрачія священнослужителей считалась людьми періода Возрожденія уже отжившей точкой зрѣнія. На совѣсти Сикста IV (отъ 1471 до 1484 года), положившаго основаніе хлѣбной политикѣ всѣхъ папъ вплоть до Пія IX своей обнародованной 1 марта 1476 года буллой „Insuper nos“, и Александра VI (отъ 1492 до 1503 года) лежатъ тѣ недолговѣчная герцогства, которыя были отданы первымъ изъ нихъ своему племяннику Джироламо Ріаріо¹, а вторымъ — своему сыну Чезаре Борджіа, герою трактата Ник. Маккиавели „Principe“. Послѣ этого воинственный народный папа Юлій II (отъ 1503 до 1513 года) расширилъ Церковную Область и превратилъ ее въ самое могущественное изъ итальянскихъ княжествъ, простиравшееся отъ Пьяченцы и Болоньи (въ 1506 году) до Террачины; „онъ долженъ быть признанъ основателемъ Церковной Области“. Тутъ мы вступаемъ въ священный храмъ „Римскихъ Папъ“ Леопольда Ранке. Преемникомъ Юлія II, военачальника и объединителя Средней Италіи, былъ дипломатъ Левъ X (стр. 391), тоже враждебно настроенный противъ Франціи, образъ жизни котораго хотя и не соотвѣт

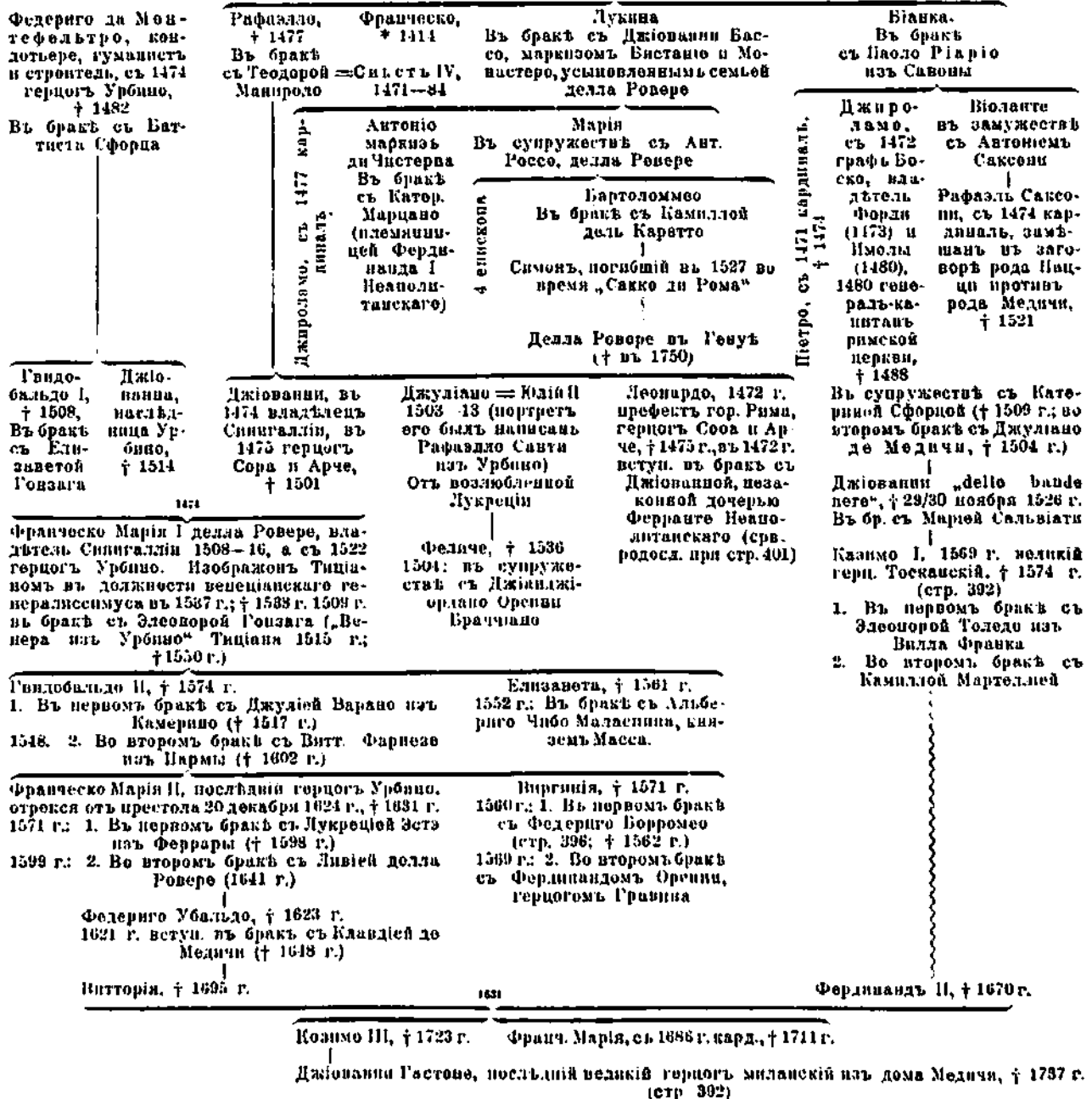
¹ См. родословное дерево на стр. 398.

ствовавший представлению о главѣ церкви, но самъ по себѣ не заслуживаетъ порицанія. Вѣроятно, уже въ 1507 году, а вѣтъ сомнѣнія — въ 1511 году, къ папской тиарѣ стремился даже императоръ Максимилианъ II исключительно ради богатствъ, соединенныхъ съ папскимъ саномъ. Плоть восторжествовала надъ духомъ.

Кара не заставила себя долго ждать. Германская реформація вызвала на свѣтъ протестантскія державы; теперь уже стало необходимымъ выяснитъ самыя основы папства, какъ духовной власти. Эту задачу взялъ на себя Триентскій соборъ. Къ этому были присоединены дополнительные мѣропріятія соотвѣтствующаго направленія. Католическая противореформація помогла папству завоевать обратно уже отчасти потерянные владѣнія и упрочить имѣющіяся; самыя бодрія силы были доставлены Обществомъ Іисуса. Ровно 100 лѣтъ спустя послѣ смерти Сикста IV, котораго неприсланный Флорентійскій соборъ 1478 года называлъ ядовито „Vicarius Diaboli“ (намѣстникомъ діавола), Курія, руководимая энергичнымъ папою Сикстомъ V (отъ 1585 до 1590 года), уже пользовалась опять своимъ преж-

Леонардо делла Ровере, преобразовалъ въ 1430 статуты Савоны

1. Въ первомъ бракѣ съ Луккиной Монтеоне
2. Отъ второго брака съ Сельваджией да Вальдитаро

нимъ обаяніемъ. Его общепользная административная дѣятельность (устройство водопровода „Acqua Felice“, истребленіе разбойниковъ, судебная и финансовая реформы, назначеніе кардиналовъ) была такъ же радикальна, какъ и его архитектурная дѣятельность, положившая начало стилю „Барокъ“ и совершенно измѣнившая виѣшній видъ Рима. Даже поражающее обращеніе Людовика XIV съ папскимъ престоломъ въ 1664 году (см. табл., приложенную къ стр. 462 VII тома) и другіе признаки измѣненія общаго положенія никогда не грозили серьезной опасностью папству, дипломатическое искусство котораго выпутывалось блестящимъ образомъ изъ всѣхъ затрудненій и вынуждено было отступить только предъ маленькимъ княжествомъ Санъ-Марино. Оно пережило уничтоженіе іезуитскаго ордена (въ 1773 году), бури бонапартовской эпохи и вліяніе февральской революціи. Только окончательное объединеніе Италіи въ 1870 году вычеркнуло послѣдіе св. Петра изъ ряда самостоятельныхъ государствъ (срв. объ этомъ томъ VIII). Свѣтское господство папъ погибло, но умственное вліяніе папъ, которое съ этихъ поръ могло проявляться съ удвоенной силой, не потеряло никакого ущерба. Однако, пока совершались всѣ эти событія, итальянскій народъ потерялъ свою религіозность.

5. Южная Европа послѣ 1266 года.

Тотъ же рядъ событій, который отнялъ у Куріи ея свѣтскія владѣнія, довелъ до гибели также еще одно итальянское государство, королевство обѣихъ Сицилій. Но въ то время, какъ папство даже возвысилось по существу въ своемъ значеніи послѣ того, какъ оно было устранено отъ одной половины своей прежней дѣятельности, южно-итальянское королевство лишилось всѣхъ своихъ составныхъ частей, всего своего существованія и притомъ навсегда — въ этомъ случаѣ самый осторожный историкъ можетъ взять на себя роль пророка.

Что Южная Италія, „Mezzogiorno“, пала весьма низко также и въ культурномъ отношеніи и можетъ подняться вновь только при громадной затратѣ силъ, — это объясняется отчасти неблагоприятными мѣстными природными условіями, быстрой смѣной наводненій засухами, землетрясеніями и т. д., отчасти же это составляетъ трудно исправимую вину прошлыхъ вѣковъ съ ихъ угнетающимъ иноземнымъ господствомъ. Въ то время, какъ сибирія, эта столь характерная для этихъ областей, несмотря на свою измѣчивость или, вѣрнѣе, по причинѣ своей измѣчивости, форма государственнаго строя, стала нынѣ развиваться въ Верхней, а также и въ Средней Италіи послѣ прекращенія гордой династіи Штауфенцовъ, Неаполь и Сицилія находились исключительно подъ иноземнымъ протекторатомъ. Казалось, что сильная монархическая власть служить при всѣхъ условіяхъ оплотомъ порядка и преуспѣянія. При нѣкоторыхъ условіяхъ такой взглядъ, безъ сомнѣнія, находитъ себѣ оправданіе, но въ данномъ случаѣ онъ непримѣнимъ. Скорѣе наоборотъ: подобно тому, какъ раздробленіе Германіи обезопасило ее въ политическомъ отношеніи, но вызвало отдаленное состязаніе въ культурномъ отношеніи, такимъ же образомъ разбѣденная Сѣверная Италія принялась съ наибольшимъ рвеніемъ за исполненіе тѣхъ культурныхъ задачъ, которыя были заброшены самымъ постыднымъ образомъ испанскими правителями Южной Италіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

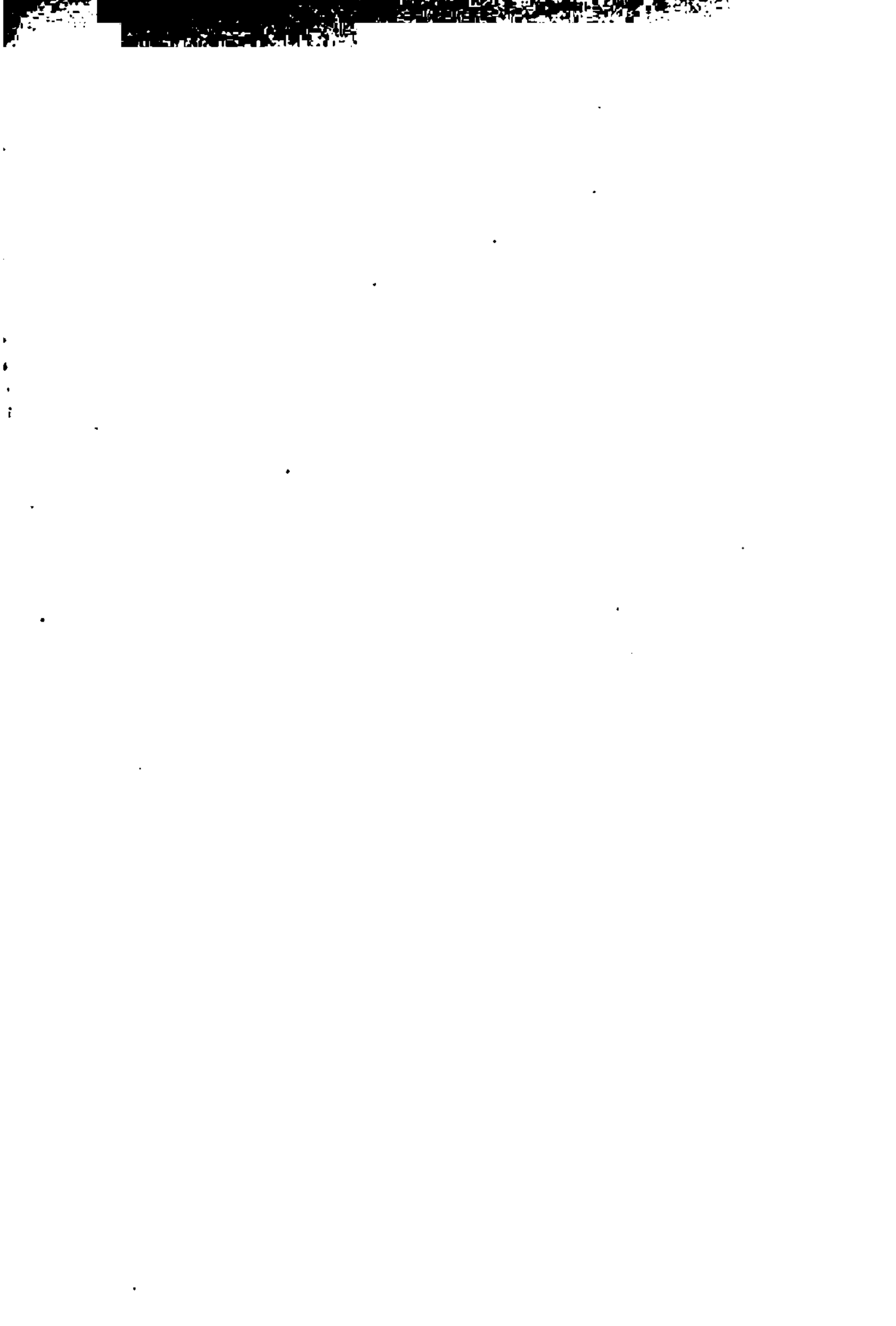
А. Анжуйская династія въ Неаполѣ; Арагонскій долъ на островѣ Сициліи.

При Анжуйской династіи дѣло обстояло не такъ плохо, какъ во времена господства испанцевъ. Въ это время мы еще застаемъ въ Южной

Италіи нѣкоторое политическое оживленіе, а отчасти и свободу, ограниченную, конечно, болѣе или менѣе тѣсными рамками. Блестящія традиціи норманновъ и детально разработанная административная система Штауфеновъ не могли быть истреблены безъ остатка. Къ тому же южный итальянецъ является по своему внутреннему составу чѣмъ-то отливающимъ самыми различными цвѣтами, и какъ только въ его кровь попадаетъ инородное тѣло, то нѣкоторыя частицы этой крови всегда воспринимаютъ колебанія этого посторонняго предмета; только тяжелая спячка позднѣйшихъ вѣковъ гнета умертвила собственную жизнь южныхъ итальянцевъ. Поэтому при болѣе внимательномъ взглядѣ не получается такого впечатлѣнія, будто виною культурной смерти Южной Италіи были иноземцы французы; випа въ этомъ не падаетъ также и на испанцевъ въ первое время ихъ господства. Конечно, отдѣленіе Юга отъ остальной Италіи, ведущее свое начало еще со времени господства византійцевъ (срв. стр. 349), пріобрѣвшее характеръ прочной исторической особенности вслѣдствіе бесплодности всѣхъ ихъ попытокъ вмѣшательства, направленныхъ на Сѣверъ (срв. стр. 386), должно было стать болѣе рѣзкимъ, благодаря иноземному господству на Югѣ. Это-то отчужденіе Юга отъ остальной Италіи и придало всему историческому развитію обѣихъ Сицилій тотъ гиппократическій отпечатокъ, который оставляетъ тяжелый осадокъ въ душѣ каждаго внимательнаго наблюдателя, начиная отъ приверженца Куріи Сабы Маласпино и кончая Н. Ниско и Р. Де Чезаре, географами Фердинанда II и Франца II, даже при видѣ дѣйствительно великихъ дѣяній, совершавшихся на Югѣ; между Южной Италіей, съ одной стороны, и Сѣверной и Средней, съ другой, прошла глубокая трещина.

Карль I, первый король Неаполя и Сициліи изъ Анжуйскаго дома (отъ 1266 до 1285 г.), началъ съ самаго основательнаго истребленія всего того, что напоминало о вытѣсненномъ имъ прежнемъ правительствѣ. Главнымъ же образомъ онъ хотѣлъ вычеркнуть изъ книги исторіи послѣднія два десятилѣтія. Этотъ Капетингъ и провалсалець не былъ расположенъ вести себя, какъ наслѣдникъ германскихъ императоровъ, подобно тому, какъ поступалъ нѣкогда въ 774 г. великій Каролингъ по отношенію къ доставшемуся ему лангобардскому наслѣдству. Напротивъ того, Карль выказалъ себя сразу и во всемъ, какъ „новый государь“. Французская разновидность ленной системы неожиданно воскресла опять въ норманнско-сарацинско-штауфенскомъ бюрократическомъ государствѣ. Однако, привязанность населенія къ старымъ порядкамъ, съ одной стороны, и его возмущеніе противъ насильственнаго обложенія, съ другой, часто заставляли короля переживать тяжелыя минуты. Когда ему удалось, какъ ему казалось, въ 1270 г. если не уничтожить послѣднее убѣжище приверженцевъ Штауфеновъ посредствомъ второго крестоваго похода его брата Людовика IX, то, по крайней мѣрѣ, запугать ихъ, то онъ ухватился снова въ 1271 г. за идею норманнской политики великой державы и сталъ строить себѣ планы господства надъ обоими берегами Адриатическаго моря (т. V, стр. 91). Однако, онъ еще не былъ въ силахъ устоять противъ византійцевъ съ ихъ болѣе высокимъ дипломатическимъ искусствомъ. Сраженіе при Братѣ (т. V, стр. 106) въ началѣ апрѣля 1281 г. положило на время конецъ десятилѣтней борьбѣ Карла за Албапію, а опасный союзъ, заключенный въ Орвьето между Карломъ V и папой Мартиномъ IV, Венеціей и Филиппомъ Куртенэ (т. V, стр. 339), мужемъ его дочери Беатриче, 3 іюля 1281 года съ цѣлью восстановленія Латинской имперіи Балдуина II, пополнилъ сейчасъ же, какъ только была сдѣлана попытка спеціального обложенія для покрытія военныхъ расходовъ: Сицилія, возмущенная до крайней степени невыносимымъ гнетомъ, однимъ ударомъ стряхнула съ себя тяжелое иго.

31 марта 1282 г. колокольный звонъ къ вечернѣ съ церкви Санто-

Спирито въ равнинѣ Орето къ югу отъ Палермо послужилъ сигналомъ къ возстанію, который былъ переданъ въ самую столицу маленькими колоколами отличающейся почти магометанскимъ стилемъ церкви Санъ-Джованни Дельи Эремити. Французское господство потерпѣло немедленное крушеніе, и послѣ пятимѣсячнаго существованія республики въ концѣ августа на Сицилію наложилъ свою руку Петръ III Великій, король Арагонскій, воспользовавшійся смутой безвластія.

Такимъ образомъ островъ Сицилія, т. е. половина южно-итальянскаго королевства, стала на цѣлыхъ 200 слишкомъ лѣтъ цѣннымъ владѣніемъ Арагонскаго дома. Къ настоящей страницѣ приложено ради наглядности родословное дерево 12 королей Арагонской династіи подъ заголовкомъ: „Арагонскій домъ въ его связи съ Сициліей и Неаполемъ“. Понятно, что Арагонская политика оказала рѣзкое вліяніе на судьбы Сициліи въ промежутокъ времени между 1282 и 1516 гг. (сравни объ этомъ стр. 531—539 IV тома). Несущественныя исключенія изъ этого общаго правила составляютъ (послѣ того какъ отреченіе отъ престола Якова въ пользу Анжуйской династіи въ 1295 году оказалось лишеннымъ практическаго значенія вслѣдствіе возстанія гибеллина Фридриха II въ 1296 г.) слабое правленіе Фридриха III, вступившаго на престолъ въ 1355 году на 13 году своей жизни и съ 1372 г. предоставившаго слишкомъ много вліянія Риму вмѣстѣ съ Неаполемъ, и царствованіе его дочери Маріи, во время малолѣтства которой бароны подняли голову и вели между собою постоянныя раздоры, пока не явился въ Сицилію въ 1392 году мужъ королевы, Мартинъ Младшій, король Арагонскій, и не сломилъ враждебной къ нему національной партіи Андреа Кіарамонте. Междоусобіе, продолжавшееся отъ смерти Мартина Старшаго (въ 1410 году) до избранія его племянника Фердинанда I Справедливаго (въ 1412 году), было настолько кратковременно, что оно несколько не умалило испанскаго вліянія на островѣ Сициліи.

Объединеніе Сициліи съ королевствомъ Неаполитанскимъ, осуществленное теоретически въ 1420 году, а практически между 1442 и 1458 годами Альфонсомъ V (I), увѣковѣченное великолѣпной триумфальной аркой передъ замкомъ Кастель Нуово и окончательно упроченное въ 1504 году (т. VII, стр. 227), усилило еще больше испанское могущество въ Южной Италіи. Управленіе государствомъ при посредствѣ вице-королей, смѣняющихся сравнительно слишкомъ быстро, страдаетъ многими тѣневыми сторонами: въ среднемъ за весь періодъ времени между 1557 и 1696 годами продолжительность пребыванія у власти каждаго вице-короля равнялась въ среднемъ всего только 4 годамъ. Къ тому же по большей части неблагоприятное вслѣдствіе своей несправедливости распредѣленіе земельной собственности, установившееся со времени введенія феодальнаго хозяйства, довело Южную Италію до всерастущей нищеты. Въ такомъ положеніи Сицилія находится и понынѣ. Семилѣтнее господство Савойской династіи (отъ 1713 до 1720 года; т. VII, стр. 528) и послѣдовавшее непосредственно за нимъ четырнадцатилѣтнее господство Габсбургской династіи (тамъ же, стр. 529—530), само собою разумѣется, не въ силахъ были уничтожить укоренившася консервативнаго произвола; не дала такого результата также и конституція Бентинка, обнародованная въ 1812 году. Въ XIX столѣтіи произволъ все еще оставался главной отличительной чертой правительственной системы, господствовавшей въ Сициліи (срав т. VIII, стр. 279); этотъ прекрасный островъ страдаетъ еще и понынѣ отъ послѣдствій унущеній и прегрѣшеній прежнихъ поколѣній.

Такимъ образомъ Анжуйской династіи не удалось завоевать обратно Сицилію ни съ помощью громадныхъ морскихъ военныхъ силъ (въ 1283 и въ 1299 годахъ и еще нѣсколько разъ), ни при посредствѣ краткихъ увѣщаній принцессъ изъ Ангювинскаго дома, какъ, напримѣръ, Біанки (сконч. въ 1310 году) и Элеоноры (сконч. въ 1341 году); а попытка выдать замужъ

принцессу Марію за итальянскаго принца (между прочимъ, въ 1377 году предполагалось выдать ее за овдовѣвшаго въ 1372 году Джіованни Галеацио де Висконти) окончилась неудачей, послѣ того какъ эта принцесса была увезена насильственно въ Барселону. Такимъ образомъ волеи-неволей пришлось предоставить островъ Сицилію своей собственной судьбѣ. Нельзя сказать, чтобы этотъ невольный отказъ не пошелъ на пользу Неаполитанскому королевству. Напротивъ того, послѣ безпокойнаго, несчастнаго правленія Карла II (отъ 1288 до 1309 года) казалось вполне очевиднымъ, что предоставленной своимъ собственнымъ силамъ съ 1302 года материковой части Южной Италии, которой управлялъ король философъ и поэтъ Робертъ Мудрый (отъ 1309 до 1343 года), предстояла счастливая судьба. Стремленіе этого короля нанести какъ можно болѣе тяжелый ударъ сначала (въ концѣ 1311 года) Генриху VII, который удалил его за это съ престола 26 апрѣля 1313 года, а затѣмъ Людовику Баварскому посредствомъ сплоченія въ сильный союзъ тосканскихъ и гвельфскихъ городовъ, въ концѣ-концовъ, увѣнчалось успѣхомъ въ обоихъ случаяхъ. Основная черта политики Роберта, какъ и вообще Анжуйской династіи, заключалась въ ихъ яркихъ симпатіяхъ къ папамъ, чему не приходится удивляться въ виду происхожденія этихъ королей и тогдашняго положенія папства.

Послѣ смерти Роберта наступило цѣлое столѣтіе, преисполненное смуть и отмѣченное прихотями и страстями двухъ женщинъ съ мужскимъ характеромъ, регентшъ Іоанны I (отъ 1343 до 1382 г.) и Іоанны II (отъ 1414 до 1435 г.)¹, такъ какъ Карлъ Робертъ, племянникъ короля Роберта, унаследовалъ въ 1308 г. венгерскій престолъ, какъ правнукъ одного изъ послѣднихъ Арпадовъ, Стефана V (сконч. въ 1272 г.; срав. род. дер., прил. къ 379 стр., V т.), то было положено начало весьма замѣчательной связи между Неаполемъ, обнаруживавшимъ въ это время значительный духовный подъемъ, и полуварварской Мадьяріей. Пассивное соучастіе южно-итальянскаго короля въ убійствѣ Андреа (18 сентября 1345 года),

1. Карлъ I Анжуйскій (старш. линія), съ 1266 г. Король Неаполитанскій и Сицилійскій, въ 1282 г. уступилъ Сицилію Арагону, † 1285 г. 1245: вступ. въ первый бракъ съ Беатрисой Прованской († 1267 г.).

2. Карлъ II, † 1309 г. 1270 вступ. въ бракъ съ Маріей Венгерской († 1323; см. родословное дерево, прил. къ стр. 379, т. V)

8. Робертъ, † 1343 1297 г. вступ. въ первый бракъ съ Юлиантой Арагонской († 1302). 1305 г. вступ. въ 2 бракъ съ Санкцией изъ Майорки († 1315 г.) Карлъ Калабрійскій, † 1323 г. 1313 г. вступ. въ 1 бр. съ Екатериной Габсбургской († 1323) 1324 г. 2 бр. съ Маріей Валуа († 1328)	Маргарита 1289 въ бракъ съ графомъ Карломъ Валуа († 1325 г.) Короли изъ дома Валуа	Филиппъ Тарентскій, † 1362 1 бракъ съ гречанкой Тамарой 1313: 2 бракъ съ Екатериной Валуа († 1346 г.) Людовикъ Тарентскій † 1362 г. 1346: вступ. въ бр. съ Іоанной I († 1362 г.)	Іоаннъ Дураццо, † 1335 г. 1 бр. съ Мехтильдой изъ Азаи, 2 бракъ съ Агнесой изъ Перигора Карлъ Дураццо, † 1317 г. 1346 вступ. въ бр. съ Маріей Калабрійской († 1366 г.) Маргарита, † 1412 г. 1398	Біанка, † 1310 Въ бракъ съ Іаковомъ Сицилійскимъ и Арагонскимъ († 1327; см. таб. при стр. 401) Людв. Гравина, † 1362 Въ бракъ съ Мар. Санъ Северино Б. Карлъ III Малый, † 1380 г.	Елеонора, † 1341 г. 1302 вступ. въ бракъ съ Фридрихомъ II Сицилійскимъ († 1337 г.; срав. тамъ же)
3. (2) Іоанна I, † 1382 1333: 1 бр. съ Андр. Венгерскимъ († 1315) 1346: 2 бр. съ Людовикомъ Тарентскимъ († 1362) 1362: 3 бр. съ Іаковомъ III изъ Майорки († 1374) 1376: 4 бр. съ Оттономъ Брауншвейгскимъ († 1397) (1) Карлъ, † 1348	(2) Марія, 1306 1343: 1 бракъ съ Карломъ Дураццо († 1347 г.) 1356: 2 бр. съ Филиппомъ Тарент., † 1368 (усын. въ 1362) Людовикъ I Анжуйскій (мл. линія), † 1384 г.	6 Владиславъ, † 1411 1382: 1 бракъ съ Констанцией Клермон. (расторж. 1392 г.) 1403: 2 бракъ съ Маріей Кипрской († 1404) 1406: 3 бракъ съ вдовой Раймунда Орени, послѣд. князь Тарентскаго	7. Іоанна II, † 2 фев. 1435 г. назначаетъ своимъ послѣдниками въ 1420 Альфонса Арагонскаго, 1423 г. Людв. III (млад.) Анжуйскаго, 1434 г. его брата Рене (ср. таб. на стр. 401) 1380: 1 бракъ съ Вильгельмомъ Габсбургскимъ († 1406) 1415: 2 бракъ съ Іаковомъ Бурбонномъ де ла Маршъ (1417) Княземъ Тарентскимъ, † 1438)	Біанка 1409 вступ. въ бракъ съ Мартиномъ Младшимъ Арагонскимъ († 1409) N.B. 7 королей в королей неаполитанскихъ изъ старшей линіи Анжуйскаго дома отмѣнены по порядку арабскими цифрами, и имена ихъ начатаны въ разрядку.	

несчастнаго перваго мужа прекрасной страстной и чувственной молодой-королевы Иоанны, этого воплощенія эпохи Петрарки, съ своей стороны способствовало нѣкоторому дальнѣйшему распространенію вліянія провансальско-неаполитанской культуры на правящіе круги Венгрии (срав. объ этомъ т. V, стр. 378); что отираившіеся въ итальянскій походъ съ Людовикомъ Мстителемъ (въ 1347 г.) мадьярскіе магнаты, во всякомъ случаѣ, играли тамъ роль учениковъ и подражателей, это не требуетъ никакого доказательства. Правда, занесенная въ 1348 г. въ средиземно-морскія страны изъ Индіи черезъ Левантъ и подробно описанная Боккаччіо во введеніи къ первому дню его „Декамерона“ бубонная чума, „черная смерть“, распространившаяся необыкновенно быстро во все стороны, несмотря на все „предупредительныя мѣры“ (еврейскіе погромы и паломничества бичующихъ другъ друга пилигримовъ; срв. прил. къ стр. 195 VII т.), воспрепятствовала дальнѣйшему пребыванію Людовика въ Италію; но въ 1350 г. онъ былъ уже опять въ Неаполѣ; даже послѣ насильственной смерти распущенной, но высокообразованной королевы Иоанны, этого характернаго типа эпохи Возрожденія, послѣдовавшей 22 мая 1382 г., повторялась еще два раза попытка къ болѣе прочному объединенію Южной Европы съ Восточной: мы говоримъ о коронованіи Карла III Малаго въ началѣ 1386 г. (убить 24 февраля) и его геніальнаго сына Владислава въ 1403 г.; однако объ эти попытки кончились явной неудачей (срав. т. V, стр. 379 и 298). Та счастливая звѣзда, которая привела въ Неаполь перваго Карла и свѣтила его могущественному внуку Роберту, покинула дальнѣйшихъ представителей Анжуйской династіи. Это относится какъ къ линіи Дураццо, такъ и къ тремъ Людовикамъ младшей линіи Анжуйскаго дома, привлеченной на югъ Иоанной I (срав. род. табл., прил. къ стр. 401): судьба не благопріятствовала имъ или обманывала ихъ.

Только одинъ представитель этой династіи, Владиславъ (отъ 1390 до 1414 г.), былъ, повидимому, исключеніемъ изъ общаго правила. Хотя въ его полномъ титулѣ (онъ называетъ себя „королемъ Венгрии, Иерусалима, Сициліи, Далмаціи, Рима, Сербіи, Галиціи, Подомиріи, Куманіи и Болгаріи, графомъ Прованса, Форкалькье и Пьемонта“) перечисляется множество странъ, на которыя онъ имѣлъ только бумажное право сомнительнаго достоинства, все же нельзя отрицать, что по своему характеру и природнымъ дарованіямъ онъ былъ способенъ къ широкой политикѣ съ планами, захватывающими противоположное побережье Адриатическаго и Тирренскаго морей. Расширеніе могущества Джіангалсаццо Миланскаго (стр. 393) встревожило его противниковъ вельфовъ и толкало ихъ къ объединенію между собою. Въ теченіе этихъ лѣтъ дѣлалась неоднократно попытки къ заключенію союза между Неаполемъ, папой, Флоренціей, Карломъ Рупрехтомъ и Венеціей, къ которому должны были примкнуть Падуа, Феррара, Мантуя. Съ другой стороны непрерывно раздававшійся на Востокъ призывъ къ рѣшительному крестовому походу противъ турокъ вызвалъ оживленный интересъ къ идее о союзѣ между частью этихъ государствъ и Франціей, Генуей и Аѳинами (срав. т. V, стр. 131). Хотя въ дѣйствительности дѣло не дошло даже до частичнаго осуществленія этого плана, но все же изъ явной предупредительности, съ которой ухаживали за щедрымъ неаполитанскимъ королемъ его сосѣди не только ближайшіе, но и болѣе отдаленные, видно вполне ясно, какимъ необычайнымъ престижемъ пользовался Владиславъ около 1400 г. 25 апрѣля 1408 г. предъ нимъ раскрылись ворота города Рима; этому примѣру послѣдовала также и Перуджия. Однако это самое быстрое успѣшеніе Владислава вызвало недовѣріе къ нему со стороны его сосѣдей; содѣйствовать такому перевороту, который посадилъ бы на мѣсто честолюбиваго Висконте представителя Анжуйской династіи, который довелъ бы до конца объединеніе Италіи, къ этому никто не имѣлъ охоты. Когда же онъ воспользовался расколомъ, господствующимъ въ церкви, и

предъ нимъ открылась надежда снова стать господиномъ Рима (31 мая 1413 г.) и удержаться въ немъ, то смерть похитила его (6 августа 1414 г.) въ возрастѣ моложе 40 лѣтъ. Еще незадолго предъ тѣмъ, 8 марта, онъ освободилъ со свойственной ему отеческой заботливостью отъ подати съ очага 200 семействъ изъ Сецце. И онъ тоже родился подъ несчастной звѣздой!

Б. Династія Арагонская, Габсбургская и Бурбонская въ двойственномъ Неаполитанско-Сицилійскомъ королевствѣ отъ 1435 г. (1504).

Владиславъ и его сестра Іоанна II принадлежать къ вымирающей эпохѣ, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ на тонкомъ символическомъ языкѣ роскошный готическій памятникъ этого короля позади главнаго алтаря церкви Санъ-Джованни Карбонара въ Неаполѣ, воздвигнутый изъ глубокой братской любви. Новая или во всякомъ случаѣ вновь возрождающаяся жизнь воплощается впервые только въ лицѣ Альфонса I Великодушнаго Сицилійскаго, который взошелъ на престолъ арагонскихъ королей въ 1416 г. и вполнѣ заслужилъ свое господство надъ Неаполемъ своей упорной двадцатидвухлѣтней борьбой. Что его міровоззрѣніе отстояло весьма далеко отъ реакціонныхъ, вообще говоря, взглядовъ Анжуйскаго дома, это вытекаетъ съ особенной убѣдительностью изъ того факта, что въ его царствованіе рѣшился выступить противъ свѣтскаго господства напѣ остроумный писатель Лоренцо делла Валле (Laurentius Valla) въ своемъ изслѣдованіи „De falso credita et ementita Constantini donazione“ (О ложно-допускаемомъ и выдуманномъ „дарѣ Константина“, 1440 г.), напечатанномъ по инициативѣ Ульриха фонъ Гуттена въ Базелѣ въ 1517 г. Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать также помощь, оказанную Альфонсомъ Константину XI во время его послѣдней героической борьбы (въ 1453 г.): это былъ замѣчательный политическій актъ, такъ какъ эта помощь вытекала не столько изъ христіанскаго рвенія и заступничества за христіанскую идею, сколько изъ хладнокровной политики великой державы; а послѣ разрушенія Константинополя онъ сталъ собирать усердно вмѣстѣ съ другими монархами гуманистами этой эпохи драгоценные плоды этого событія; ихъ старанія привели къ возрожденію наукъ при помощи греческихъ бѣглецовъ (срав. т. V, стр. 141). Первые семь лѣтъ правленія его незаконнаго сына и преемника Фердинанда I (Ферранте; 1458—1494 г.) были омрачены борьбой съ Іоанномъ Калабрійскимъ, сыномъ Рене Анжуйскаго изъ Бара (срав. род. дер., прил. къ стр. 401). Какъ истый современникъ Сикста IV делла Ровере (стр. 397) и выскочки Франческо Сфорца (стр. 395), онъ сумѣлъ укрѣпить свое собственное господство, породнившись посредствомъ браковъ съ обоими этими родами. Аристократія вскорѣ почувствовала на себѣ его руку; образцомъ для подражанія могъ служить для него въ это время король Людовикъ XI. Въ 1461 г. Ферранте поселилъ въ своихъ владѣніяхъ бѣглыхъ албанцевъ (срав. т. V, стр. 218). Въ 1532 и 1744 гг. за этими первыми бѣглецами послѣдовали многочисленныя толпы, такъ что въ настоящее время число албанцевъ въ Апуліи, Калабріи и Сициліи простирается приблизительно до 80—90 тысячъ. Важный по своему выдвинутому впередъ положенію постъ Отранто, захваченный османами послѣ ужаснаго кровопролитія 11 августа 1480 г., былъ завоеванъ обратно принцемъ Альфонсомъ 13 мѣсяцевъ спустя (10 сентября 1481 г.) съ помощью паны. Вообще Фердинандъ стоялъ неуклонно на своемъ посту, а двумя наиболѣе любимыми предметами его отеческаго попеченія были наука права и разведеніе шелковичныхъ червей.

Со смертью Ферранте прекращается благоволеніе судьбы, покровительствовавшей Югу въ теченіе цѣлыхъ 50 лѣтъ. Запуганный угрозами Карла VIII и ненавидимый народомъ Альфонсъ II отказался отъ престола уже въ послѣдній день своего перваго года правленія въ пользу своего сына

Фердинанда II (въ январѣ 1495 г., срав. т. VII, стр. 225), а этотъ послѣдній, одержавшій верхъ надъ французами послѣ полуторальтней борьбы (20 іюля 1496 г.), скончался уже 7 октября того же года. Такимъ образомъ неаполитанскій тронъ осиротѣлъ снова. Противъ брата Альфонса II Фридриха (отъ 1496 до 1501 г.), относившагося якобы слишкомъ дружелюбно къ туркамъ, вступили между собою въ союзъ въ 1500 г. подъ предлогомъ борьбы за христіанскую вѣру Людовикъ XII и унаслѣдовавшій отъ своего двоюроднаго брата Карла VIII, между прочимъ, также его притязанія на Южную Италію двоюродный братъ Ферранте Фердинандъ Католикъ. Послѣдній, бывшій втайнѣ послѣдовательнымъ врагомъ французовъ, эксплуатировалъ своего союзника исключительно въ качествѣ орудія для своей собственной завоевательной политики. Конецъ пѣсни былъ тотъ, что послѣ блестящихъ побѣдъ Гонзалво Кордовскаго (т. IV, стр. 539 и т. VII, стр. 227) объединенная Испанія захватила въ свои руки все Неаполитанское королевство (въ 1504 г.).

Для Неаполя этотъ переходъ сопровождался тяжелыми потерями: съ этихъ поръ онъ становится во всѣхъ отношеніяхъ придаткомъ Иберійской великой державы, которая досталась въ 1516 г. въ видѣ гигантскаго наслѣдства дому Габсбурговъ. Въ 1554 г. эта династія распалась на нѣмецкую и испанскую вѣтви; Филиппъ Испанскій сталъ королемъ Неаполитанскимъ въ октябрѣ 1555 г. (т. VII, стр. 286). Теперь въ Южной Италиіи тоже водворились вице-короли съ ихъ дурными сторонами; между 1504—1707 гг. неаполитанскій престолъ переходилъ изъ рукъ въ руки цѣлыхъ 42 раза. Вырождающаяся аристократія и суевѣрное духовенство послужили окончательнымъ толчкомъ къ гибели Южной Италиіи. Изрѣдка отчаяніе угнетенныхъ народовъ вырывалось наружу въ ожесточенныхъ возстаніяхъ. Самымъ извѣстнымъ изъ нихъ слѣдуетъ считать кратковременное торжество торговца фруктами Томмазо Аньелло (Мазаньелло, 7—16 іюля 1647 г.), непосредственно вслѣдъ за которымъ 22 октября сталъ генералъ-капитаномъ оружейникъ Дженпаро Аннеше. Наконецъ (6 апрѣля 1648 г.) всѣ эти возмущенія въ Неаполѣ остались такими же безплодными, какъ и направленное противъ соляной пошлины возмущеніе Нино дела Целоза и торговца овощами Біаджіо въ Палермо въ маѣ 1647 г. и изгнаніе вице-короля золотошвеемъ Джузеппо д'Алесси 15 августа того же года. Испанія продолжала господствовать и довела до гибели своими порядками даже такой цвѣтущій гор., какъ Мессина; послѣ подавленія возстанія 1674—79 г. число жителей этого города спустилось съ 120 тыс. до 15 тыс. душъ.

На мѣсто прекратившейся въ 1700 г. испанской линіи Габсбурговъ Вѣнскій мирный договоръ 1735—38 г. посадилъ испанскихъ Бурбоновъ. Съ перваго взгляда кажется, что дипломатія, раздающая территоріи, сдѣлала на этотъ разъ удачный ходъ. Просвѣщеніе проникло въ Южную Италію въ лицѣ свободомыслящаго министра Бернардо Тануччи, превосходнаго юриста, развившаго свою плодотворную дѣятельность въ царствованіе Карла IV (1738—1759 г., а послѣ этого онъ занималъ до 1788 г. испанскій престолъ подъ именемъ Карла III) и Фердинанда IV (отъ 1759 до 1825 г.; 8 декабря 1816 г. онъ сталъ королемъ обѣихъ Сицилій подъ именемъ Фердинанда I); послѣ отставки Тануччи, послѣдовавшей въ 1777 г., возобновившейся гнетъ реакціи сталъ еще болѣе чувствителенъ. О послѣднихъ 2½ десятилѣтіяхъ царствованія Фердинанда IV и объ ужасающихъ смутахъ, отвѣтственность за которыя падаетъ отчасти на его супругу, королеву Марію (скопч. въ 1814 г.), сестру Маріи Антуанеты французской, предлагаемъ справиться въ соотвѣствующихъ отд. VIII т. (начиная со стр. 40). Съ паденіемъ Гаеты (тамъ же, стр. 321) 13 февраля 1861 г. прекратилась династія Бурбоновъ, а вмѣстѣ съ ней окончательно сошелъ съ исторической сцены абсолютизмъ, низвергнутый въ Сициліи еще раньше, въ 1860 г.

Что обостреніе непримиримыхъ политическихъ противорѣчій можетъ дать толчекъ къ культурному прогрессу, это доказывается, между прочимъ, возобновившимися недавно лѣтомъ 1906 г. заботами объединеннаго Итальянскаго королевства о заброшенныхъ издавна южныхъ провинціяхъ. Естественнымъ послѣдствіемъ этого будетъ черезъ непродолжительное время культурный прогрессъ округовъ, входившихъ раньше въ составъ Церковной Области, какъ-то: Марокъ (Анконы, Асколи Пичено, Мачерата, Пизаро и Урбино), Умбріи и Лациума; Сардинія, оставленная въ черномъ тѣлѣ даже заслуживающимъ похвалы во многихъ отношеніяхъ Савойскимъ домомъ, водворившимся въ ней съ 1720 г., тоже подвинется впередъ въ недалекомъ будущемъ. Однако безвозвратно прошли времена, когда Симонъ де Сисмонди (въ X т. своей „Исторіи итальянскихъ республикъ“) чувствовалъ себя перенесеннымъ въ страну мертвецовъ, *terre des morts*, какъ только онъ начиналъ сравнивать цвѣтущую жизнь синьорій съ упадкомъ, господствовавшимъ въ Южной Италіи 90 лѣтъ тому назадъ. Такимъ образомъ устраненіе испанскаго владычества, уничтоженіе Церковной Области, составляющія звенья одной и той же цѣли, имѣютъ между собою также и въ этомъ отношеніи одну общую черту. Италія, безъ сомнѣнія, выиграла очень много отъ этихъ политическихъ перемѣнъ. Теперь уже итальянское королевство нельзя считать исключительно географическимъ понятіемъ; съ 1861 г. оно совпадаетъ съ опредѣленными и естественными очертаніями за исключеніемъ нѣсколькихъ несущественныхъ клочковъ территоріи (срав. т. VIII, стр. 452), а съ 1870 г. оно вступило въ качествѣ равноправнаго члена въ концертъ великихъ державъ. Предъ Италіей, объединенной и управляемой сѣверно-итальянскимъ, слѣдовательно, средне-европейскимъ домомъ, который считаетъ своимъ родоначальникомъ императора Людовика Ослабленнаго, открылись ясные горизонты.

IX. Крестовые походы.

Соч. доктора Клеменса Клейна.

1. Значеніе крестовыхъ походовъ во всемірной исторіи.

Уже въ III томѣ (стр. 337 и сл.) настоящаго труда было удѣлено должное вниманіе этому всемірно-историческому движенію, какъ части исторіи той почвы, на которой разыгралась драма крестовыхъ походовъ. Однако одно уже названіе крестовыхъ походовъ создаетъ противорѣчіе, которое не позволяетъ смотрѣть на нихъ только, какъ на часть мѣстной исторіи Сиріи и Палестины, или вообще магометанской Западной Азіи. Если толчекъ, данный крестовыми походами, распространилъ вызванныя имъ волны по всей Европѣ и по западной части ея даже сильнѣе, чѣмъ по восточной, если войны за вѣру въ свое время были важнѣйшими событіями, изъ которыхъ сложились историческія судьбы двухъ столѣтій, то очевидно безъ дальнѣйшихъ объясненій, что крестовые походы относятся въ гораздо большей мѣрѣ къ исторіи той территоріальной сферы, изъ которой они исходили, чѣмъ той, которая служила для нихъ ареной. Для магометанскаго міра они были мимолетнымъ явленіемъ; они не дали никакого результата и не оставили по себѣ никакихъ болѣе или менѣе глубокихъ слѣдовъ.

Совершенно такъ же, какъ послѣ повторявшихся въ теченіе тысячелѣтій вторженій арабскихъ и туранскихъ ордъ, области, расположенныя между Ниломъ и Евфратомъ, оставались неподвижными, мертвыми въ XIV столѣтіи; въ нихъ не замѣчалось болѣе никакихъ замѣтныхъ слѣдовъ воздѣйствія крестовыхъ походовъ. Все то, что случилось въ предшествовавшую эпоху, не было ничѣмъ особенно новымъ, неслыханнымъ съ точки зрѣнія мѣстной исторіи. Съ восточной точки зрѣнія это была та же самая исконная борьба между государствами Нильской долины и Месопотаміи, которая служила всегда руководящимъ мотивомъ исторіи Сиріи, поскольку мы ее знаемъ, — борьба, разыгравшаяся на томъ театрѣ, который указалъ ей самой природою этихъ областей, на окраинахъ пустыни, расположенной между обѣими этими областями, но только проявившаяся въ новой формѣ, при которой для далекаго Запада открылся случай къ повторному рѣзкому вмѣшательству въ жизнь Сиріи, какъ это случалось, вѣроятно, уже въ первобытный періодъ исторіи Ханаана. Однако это западное вторженіе не внесло никакихъ новыхъ теченій въ исторію этихъ странъ и лежащей за ними Внутренней Азіи.

Въ этихъ областяхъ природныя условія сохраняютъ въ теченіе тысячелѣтій свое опредѣляющее вліяніе на судьбы живущихъ тамъ народовъ и расположенныхъ тамъ государствъ въ болѣе или менѣе степени, чѣмъ гдѣ бы то ни было; при изслѣдованіи этихъ судебъ мы получаемъ поразительныя подтвержденія этого наблюденія: нѣкоторые случайные и съ виду самопроизвольные эпизоды франкско-сирійской исторіи соотвѣтствуютъ вполнѣ точно тѣмъ или другимъ событіямъ изъ временъ древней Вавилоніи, египетскихъ Рамессидовъ, ассирійскихъ завоевателей или израильскихъ царей. Стало бытъ, для Сиріи и Палестины вторженіе западныхъ народовъ было только новымъ изданіемъ стародавнихъ войнъ; ни въ какой части этихъ странъ

дальнѣйшій ходъ развитія въ теченіе слѣдующихъ столѣтій не зависитъ отъ вліянія эфемерныхъ франкскихъ мелкихъ государствъ. Только такія позднія событія, какъ походъ генерала Бонапарта и попытки утвержденія своего вліянія въ Св. Землѣ, сдѣланныя европейскими народами въ теченіе послѣдняго столѣтія частью изъ религіозныхъ, частью изъ политическихъ и экономическихъ побужденій, могутъ считаться отдаленными отзвуками идеи крестовыхъ походовъ; а въ болѣе широкомъ смыслѣ можно признать преимущественно механическимъ результатомъ ихъ переполненіе „Леванта“, т. е. мѣста соприкосновенія между Востокомъ и Западомъ, той смѣсью національностей, которая создаетъ непрерывно новыя плоскости тренія, воспламеняющія такъ называемый Восточный вопросъ.

Напротивъ того, какое глубокое и прочное вліяніе испыталъ Западъ вслѣдствіе крестовыхъ походовъ! Неизмѣримое разнообразіе ихъ способовъ воздѣйствія, ихъ значеніе для всего послѣдующаго хода развитія доказываютъ безъ дальнѣйшихъ объясненій, что это мощное движеніе относится преимущественно и даже исключительно къ исторіи Европы.

Не опасаясь того возраженія, что такъ называемый духъ эпохи—это не болѣе, какъ собственный жалкій духъ наблюдателя, въ которомъ отражается эпоха, мы можемъ высказать, что въ крестовыхъ походахъ видна работа всемірно-историческаго духа въ такой мѣрѣ, какъ едва ли въ какомъ-либо другомъ отдѣлѣ развитія человѣческаго рода, даже если мы отвергнемъ самымъ рѣшительнымъ образомъ телеологическое истолкованіе исторіи. Ни въ какой періодъ исторія не обнажала въ такой степени, какъ въ теченіе этого рѣзкаго переходнаго періода, тѣхъ нитей, которыя представляютъ собою основу и утокъ творческихъ силъ исторіи и служатъ связью между ихъ причиной и ихъ послѣдствіями. Чѣмъ болѣе вниманія мы будемъ удѣлять этому движенію, тѣмъ разнообразіе становятся обнаруживающіяся отношенія, связывающія его съ прошлымъ и будущимъ. Всѣ событія ранняго средневѣковья сходятся по своему болѣе глубокому значенію къ этому движенію, какъ къ фокусу, а съ другой стороны, продолжительный послѣдующій періодъ заимствуетъ отъ него свѣтъ и живительную теплоту. Если вѣрно мнѣніе Ранке, что настоящее всемірно-историческое значеніе какого-либо періода опредѣляется не только его связью съ жизнью послѣдующей эпохи, но должна также быть налицо непрерывность духовной жизни по отношенію къ предшествующему періоду и что его истинное отношеніе къ великимъ задачамъ человѣчества обнаруживается непременно въ обонхъ направленіяхъ, то духовное содержаніе всего средневѣковья какъ бы выкристаллизовалось въ эпохѣ крестовыхъ походовъ.

Въ виду этого настоящій спеціальній отдѣлъ не можетъ ставить себѣ задачи раскрыть всѣ отношенія этого рода; въ противномъ случаѣ онъ бы выросъ до размѣровъ эволюціонистическаго изложенія средневѣковой исторіи. По самой природѣ вещей всемірно-историческій обзоръ крестовыхъ походовъ долженъ интересоваться болѣе сцѣпленіемъ причинъ съ ихъ послѣдствіями, чѣмъ самымъ ходомъ событій, который былъ въ существенныхъ чертахъ только цѣнью разочарованій и неудачъ; въ виду этого въ данномъ случаѣ грозитъ особенная опасность упустить изъ виду отдѣльныя стороны ради обобщеній и факты ради болѣе или менѣе произвольнаго толкованія. Пришлось отнестись къ другимъ отдѣламъ издаваемой нами всемірной исторіи (въ т. II, IV, V и VII, а также и въ настоящемъ) раскрытіе корней движенія, вызвавшаго крестовые походы, въ экономическомъ, социальномъ, политическомъ и духовномъ строеѣ Западной Европы въ XI столѣтіи. Здѣсь мы можемъ позволить себѣ только краткое ретроспективное резюме общихъ точекъ зрѣнія, и мы можемъ остановиться съ нѣскольکو болѣе подробностью только на тѣхъ отношеніяхъ, которыя подготовили въ пространственномъ смыслѣ путь для проникновенія Средней Европы на Востокъ и возсоздали болѣе прочное соприкосновеніе

между двумя по существу разъединенными до сихъ поръ мірами. Вліяніе Востока на Западную Европу повело къ самоуничтоженію всего средневѣковаго міра идей, который былъ поставленъ на голову какъ самой идеей крестовыхъ походовъ, такъ и способами ея осуществленія, и на почвѣ сирійскихъ франкскихъ государствъ возникаютъ зародыши новаго развитія того духа, который составляетъ отличительную черту новыхъ вѣковъ вплоть до нашего поколѣнія, того духа, который выступаетъ на сцену на первыхъ порахъ какъ новосредиземно-морской (т. IV, стр. 41), а затѣмъ какъ новоевропейскій.

2. Крестовые походы, какъ отпрыски эпохи переселенія народовъ.

А. Хищническіе набѣги сарацинъ. Вторженіе восточныхъ народовъ. Сѣверо-западное движеніе народовъ.

Едва ли это будетъ насиліемъ надъ фактами, если мы будемъ смотрѣть на крестовые походы, какъ на отпрыски гигантскаго передвиженія народовъ, радикально измѣнившаго обликъ тѣхъ областей Европы, прилегающихъ къ Средиземному морю, черезъ которыя оно прошло, и послужившаго началомъ ихъ возрожденія: эта новая эра ведетъ свое происхожденіе отъ той эпохи, когда германцы выступаютъ на яркій свѣтъ всемірной исторіи. Упроченіе франкскаго государства и гибель германскихъ государствъ побережья Средиземнаго моря задержали широкій размахъ переселенія народовъ, но объ окончательной его остановкѣ еще не было рѣчи. Вторженіе арабовъ опять внесло безпокойное броженіе въ упрочившееся съ виду территориальное распредѣленіе западноевропейскихъ народовъ, несмотря на то, что первый натискъ, угрожавшій гибелью молодой христіанской культурѣ Европы, уже былъ отраженъ въ 718 г. подъ Константинополемъ и въ 732 г. около Пуатье. Наше время сохранило еще смутное воспоминаніе объ отбитомъ болѣе 200 лѣтъ тому назадъ передъ воротами Вѣны натискѣ турокъ, о томъ историческомъ періодѣ, когда вся юго-восточная часть Европы входила въ сферу господства ислама; но мы уже не имѣемъ яркаго представленія о положеніи югозападной и южной части Европы до начала крестовыхъ походовъ, когда не только лежавшая въ сторонѣ и жившая своей особой жизнью Испанія, но также часть Южной Франціи до дельты рѣки Роны, острова Средиземнаго моря, въ томъ числѣ и наибольшіе, Сицилія и Корсика, устья рѣкъ и заливы на итальянскомъ побережьѣ вплоть до Ривьеры и даже укрѣпленные горные замки въ Альпахъ до самаго Граубюндена находились частью въ безспорномъ владѣніи сарацинъ, а частью представляли собой многократно и безъ усилія осариваемые у нихъ христіанами опорные пункты для ихъ нападений и хищническихъ набѣговъ на христіанскія страны. Обычныя школьныя учебники исторіи почти не упоминаютъ даже о томъ, что напр., во время подобныхъ набѣговъ въ 841 и 846 гг. самый Римъ подвергался тяжелой опасности (стр. 358), что въ 935 и 993 гг. была опустошена Генуя, что въ 1004 и въ 1111 гг. подвергалась нападеніямъ Пиза, что арабы закрывали на цѣлые десятки лѣтъ дороги черезъ Альпы, что пожары и грабежи распространялись до самаго Боденскаго озера и что даже въ 1092 г. арабы наводнили Венгрію со стороны Альпъ и со стороны Адриатическаго моря. Попытки Западной Европы освободиться отъ этихъ удушающихъ тисковъ должны считаться непосредственными предвѣстниками крестовыхъ походовъ, съ которыми они сливаются въ тотъ моментъ, когда Востокъ, побѣда котораго надъ арабами при Львѣ Исаврійцѣ оказала болѣе продолжительное дѣйствіе, чѣмъ побѣда Карла Мартелла (т. V, стр. 67), столкнулся снова грудью съ грудью со своимъ смертельнымъ врагомъ въ послѣднюю треть XI столѣтія.

Въ то время, какъ натискъ арабовъ направлялся преимущественно съ юга и запада на европейскую культуру, на Востокъ не прекращались отъ VIII до XI столѣтій вторженія монгольскихъ кочевыхъ набѣдниковъ; эти набѣги, которые были послѣдними отголосками великихъ переселеній, вмѣстѣ съ натискомъ сарацинъ служили вплоть до начала второго тысячелѣтія поводомъ къ непрерывному передвиженію уже упрочившихся, повидимому, населеній. На сѣверо-востокъ безшумное проникновеніе славянъ въ германскую долину повело къ непрерывному шатанію основъ, къ періодическому расширенію и отступленію германской національности въ видѣ прилива и отлива; послѣдней волной этого движенія была германская колонизація Прибалтійскихъ областей въ XIII столѣтіи, какъ мы видѣли въ предыдущемъ отдѣлѣ. Сѣверо-Западъ Европы тоже никогда не успокаивается со времени завоеванія Британіи англосаксами: саксы, фризы и датчане предпринимаютъ непрерывно новыя экспедиціи къ западнымъ берегамъ Западнаго моря.

Б. Набѣги норманновъ.

Наконецъ на сцену выступаетъ уже послѣ всѣхъ этихъ историческихъ явленій германскій народъ съ его еще незатронутымъ первобытнымъ кочевымъ инстинктомъ. Норманны выдвигаютъ опять громадныя слоп народы, выселяющіеся изъ старой родины въ далекія страны; въ ихъ ступенеобразномъ движеніи впередъ, соединенномъ съ реакціей Запада противъ окружающаго кругомъ магометанскаго давленія, слѣдуетъ видѣть скорѣе всего тотъ пространственный толчекъ, который вызвалъ движеніе крестовыхъ походовъ, обратную волну переселенія народовъ на юго-востокъ, на волю которой какъ бы отдалось Византійское государство при своей послѣдней попыткѣ возобновить наступленіе противъ невѣрныхъ, волну, которая расплылась только въ XIII столѣтіи. Набѣгамъ норманновъ посвященъ особый отдѣлъ (см. ниже); о томъ разореніи, которое было причинено ихъ хищническими набѣгами въ IX и X столѣтіяхъ по всему побережью Сѣверозападной и Западной Европы, тоже будетъ рѣчь въ другихъ мѣстахъ настоящаго сочиненія. Тутъ же стоитъ остановиться въ видѣ дополненія къ сказанному на томъ значеніи набѣговъ викинговъ, что они вовлекли въ сферу стремленій западныхъ народовъ отдаленные берега Западнаго моря. Своимъ громаднымъ распространеніемъ отъ сѣверо-американскаго Вишланда до степеней и рѣкъ сарматскаго Востока и береговъ Сиріи и Египта они создали новый, неизмѣримо расширенный сравнительно съ тѣсными рамками предшествующихъ столѣтій кругозоръ періода крестовыхъ походовъ, а, поскольку дѣло касается восточной половины Стараго Свѣта, соприкосновеніе съ наукой и торговлей арабовъ раздвинуло его до Зондскихъ острововъ и Китая. Это пространственное расширеніе географическаго кругозора было важнѣйшимъ результатомъ того движенія, которое носитъ названіе крестовыхъ походовъ, а къ нему примыкаетъ почти непосредственно расширеніе умственного горизонта; набѣги норманновъ способствовали больше всѣхъ другихъ историческихъ событій расширенію исторической сцены Западнаго міра. Непреклонныхъ сѣверныхъ богатствъ влекли къ св. мѣстамъ новой вѣры темное преданіе ихъ собственныхъ мифологическихъ сагъ вмѣстѣ съ болѣе ясными фактами проникавшаго къ нимъ христіанскаго ученія. Стремленіе викинговъ къ солнечному Югу ведетъ свое начало съ древнѣйшихъ временъ. Задолго до того, какъ они утвердились на берегахъ Бретани и Нормандіи, ихъ челны проходили черезъ Гибралтарскій проливъ и бороzdили Средиземное море: такъ, напримеръ, въ 778 г. они показались подъ стѣнами тогда еще сильной на морѣ Нарбонны и своими звѣрствами вызвали слезы даже на глазахъ могущественнаго Карла; въ 820 г. они разграбили снова французское побережье

Средиземнаго моря, а лѣтъ 30 спустя они основали колонію въ Камаргѣ въ дельтѣ рѣки Роны, откуда они предпринимали разбойничьи экспедиціи къ берегамъ Италіи и Греціи, дѣйствуя еще въ то время въ союзѣ съ сицилійскими пиратами сарацинами, съ которыми они выдержали впоследствии жестокую борьбу на Балсарекскихъ островахъ. Въ 860 году даже Константинополю пришлось обороняться отъ нападенія норманновъ съ двухъ сторонъ: восточный флотъ, проникшій къ Константинополю изъ Чернаго моря по сѣвдамъ готовъ, предшественниковъ норманновъ, дѣйствовалъ въ союзѣ съ западными викингами. Стремленіе норманновъ къ непрерывному распространенію, ихъ страсть къ приключеніямъ, смутныя релігіозныя стремленія сѣверныхъ богатѣей находить для себя на Востокѣ новую почву послѣ того, какъ потомки Рюрика приобрѣли господство надъ необъятными рѣчными долинами Скандіи; они переносятъ на окруженный славой Юго-Востокъ св. мѣста своихъ древнихъ боговъ; золотая Византія сливается въ ихъ представленіи съ сіяющей резиденціей Одина, Асгардомъ. Когда варяжская лейбъ-гвардія греческихъ императоровъ принесла на свою родину болѣе определенное представленіе о св. мѣстахъ христіанской вѣры, то ихъ ребяческая народная этимологія отождествила Іорданъ съ источникомъ Урдой у подошвы міровой осины, и слышныя имѣвшая чувства и мысли, вызываемыя старой и новой вѣрой, превратилась въ мощный двигатель. Вотъ откуда берутъ свое начало тѣ экспедиціи, напоминая повое переселеніе народовъ, которыя уносятъ на югъ избыточные народныя силы Сѣвера съ его распускающимися южною силою; эти экспедиціи совершались почти что въ періодическомъ определенномъ порядкѣ и были такимъ образомъ прототиномъ болѣе мелкихъ экспедицій и ежегодныхъ нашествій настоящей эпохи крестовыхъ походовъ.

Почти одновременно съ появленіемъ варяговъ (Varangon, Varinjar; т. V, стр. 77, 431 и 412) въ Византію начинается также замѣчательное стремленіе норманновъ въ Палестину. Обыкновенная дорога въ Константинополь вѣсь по рѣкамъ Россіи, „Austrvegr“ (восточный путь), которая шла почти до самаго юга черезъ владѣнія скандинавовъ, была также и естественнымъ путемъ въ Св. Землю для паломниковъ, которые могли спуститься на собственномъ суднѣ до днѣпровскихъ пороговъ, откуда они отправлялись дальше подъ защитой византійцевъ. Эта дорога была отрубана только въ 1204 г., когда латинскія завоеванія прервали связь между русскими княжествами и Византіей. Напротивъ того, князья и власть имущіе, которые могли снаряжать цѣлыя флоты, отправлялись по западному пути, „Vestvegr“, черезъ Океанъ и Геркулесовы столбы, которые были вовсе не пустымъ символомъ, если вѣрить арабскимъ источникамъ, а настоящими мѣдными, богато позолоченными высокими столбами, сохранившимися еще до середины XII столѣтія и показывавшими дорогу неопытнымъ мореплавателямъ; предъ этими столбами останавливались въ страхѣ нерѣшительно мореплаватели, какъ напр., св. Олафъ. Въ теченіе долгаго времени отряды викинговъ занимали отдѣльные пункты западнаго побережья, служившіе этапами для обозначенія этого морского пути, какъ, напримѣръ, острова, расположенные въ устьѣ Ріо Тинто и передъ Кадиксомъ, гавани въ Бретани и даже въ Нормандіи, находившейся подъ властью сородичей викинговъ. Единичные мирные паломники, отправлявшіеся въ Св. Землю ильшкомъ, предпочитали южный путь, „Sudvegr“, черезъ альпійскіе проходы и черезъ городъ князей апостоловъ; дальнѣйшій путь ихъ изъ гаваней Италіи сдѣлался съ восточнымъ или западнымъ морскими путями. Какъ много сѣверныхъ паломниковъ проходило ежегодно по этой большой дорогѣ изъ Средней Европы въ Іерусалимъ, объ этомъ мы узнаемъ изъ книги посѣтителей монастыря Рейхенау, относящейся къ тому времени: за два съ половиною столѣтія мы насчитали

ваемъ здѣсь 10,000 именъ, что служить яркимъ доказательствомъ значительныхъ размѣровъ, которыхъ достигало передвиженіе пилигримовъ на югъ и востокъ въ теченіе рапняго средневѣковья.

Начиная съ XI столѣтія, въ поэзи и сагахъ Сѣвера начинаютъ попадаться все болѣе ясныя указанія на Св. Землю. Согласно сагѣ отсюда вышелъ Олафъ Тригвассонъ, павшій въ 1000 г. въ битвѣ при Свольдрѣ. Согласно сагѣ до Палестины дошелъ также св. Олафъ, который въ дѣйствительности возвращался два раза съ середины пути въ Палестину; вѣроятно, эта легенда сложилась подъ вліяніемъ воспоминаній о героическихъ подвигахъ, дѣйствительно совершенныхъ въ Св. Землѣ его братомъ Гаральдомъ Гардраадомъ (т. V, стр. 89). Раненый въ битвѣ при Стикластадѣ, въ которой Олафъ лишился своего престола и жизни, Гаральдъ бѣжалъ сухимъ путемъ къ своимъ соплеменникамъ въ Россію, затѣмъ ушелъ къ норманнамъ, жившимъ въ Апуліи, а впоследствии сталъ въ Византіи предводителемъ варяговъ, не будучи признаннымъ, и въ теченіе 10 лѣтъ совершалъ во главѣ ихъ военные подвиги, которые заносили его въ Сѣверную Африку, Сицилію, Палестину и Египеть. Послѣ этого онъ женился въ Россіи на дочери князя Ярослава, а наконецъ, послѣ смерти своего племянника Магнуса, занялъ норвежскій престолъ. Онъ погибъ во время попытки завоевать государство англо-саксовъ, предпринятой имъ сообща съ Тостигомъ, буйнымъ братомъ Саксонскаго Короля Гаральда; всего за 18 дней передъ побѣдой Вильгельма Завоевателя при Гастингсѣ Гаральдъ палъ въ жаркомъ бою при Стамфордбриджѣ. Въ кругозоръ и сферу дѣйствія этого могучаго богатыря вошла вся Европа отъ крайняго Сѣвера и Сѣверо-Запада до южной и юговосточной ея оконечности, а кромѣ того берега Африки и Азіи; онъ можетъ считаться воплощеніемъ этого стремленія норманновъ къ распространенію, которое открыло горизонтъ крестовыхъ походовъ.

Только что упомянутое завоеваніе Англій норманнами вовлекло косвеннымъ путемъ въ движеніе на юго-востокъ новыя громадныя массы народа; англо-саксы, датчане, фризы, вытѣсненные изъ острововъ, бывшихъ исконнымъ театромъ войнъ между ними, нерѣдко попадали на дорогу въ Византію и Сирію и играли замѣтную роль среди морскихъ экипажей перваго крестоваго похода. Послѣдняго непосредственнаго толчка къ движенію крестовыхъ походовъ, поскольку оно носитъ характеръ распространенія въ пространствѣ, слѣдуетъ искать въ занятіи Нижней Италіи французскими и норманнами, начало которому тоже было положено на обратномъ пути послѣ наломничества ко Св. Гробу и которое совершилось въ теченіе XI столѣтія. Едва ли можно считать случайнымъ совпаденіемъ слѣдующія два обстоятельства: папа Урбанъ II провелъ цѣлые годы въ изгнаніи среди норманновъ, прежде чѣмъ онъ отправился изъ вновь возвращенныхъ имъ южныхъ областей на соборы въ Пиаченцѣ и Клермонѣ, а сага о Петрѣ Пустынникѣ называетъ апулійскій городъ Бари, какъ ту гавань, откуда этотъ пилигримъ, возвращавшійся для проповѣди евангелія, впервые вступилъ снова на западно-европейскую почву. Пока занятіе Иерусалима было подвержено крайнему сомнѣнію и имѣло исключительно моральное значеніе, фактическій выигрышъ отъ перваго крестоваго похода заключался въ утвержденіи итальянскихъ норманновъ въ сирійскомъ углу Средиземнаго моря черезъ 10 лѣтъ съ небольшимъ послѣ неудачной ихъ попытки къ завоеванію Греческой имперіи и черезъ короткое время послѣ отнятія Сициліи у сарацинъ. Крестовые походы начинаются почти какъ разъ въ тотъ моментъ, когда завоевательные инстинкты норманновъ стали направляться въ силу внутренней необходимости на заморскія владѣнія магометанъ.

В. Новые удары, направленные противъ ислама Западной Европой.

Въ это же время былъ предпринятъ новый патискъ противъ ислама съ другой стороны, которая оставалась въ бездѣйствіи цѣлыя сотни лѣтъ. Въ Италіи это движеніе вышло изъ города Пизы, который страдалъ отъ разбойничьихъ набѣговъ невѣрныхъ даже еще въ началѣ XI столѣтія. Въ 1032 г. была предпринята первая карательная экспедиція пизанцевъ къ берегамъ Сѣверной Африки, а Сардинія была обезопасена ими отъ поваго мусульманскаго захвата еще раньше въ 1015 и 1016 гг. Затѣмъ послѣдовали разнообразныя военныя предпріятія, направленные противъ Сициліи и тунисскихъ владѣній; наконецъ, главный ударъ, направленный въ 1087 году пизанцами и генуэзцами, объединившимися подъ знаменемъ св. Петра, врученнымъ имъ папою Викторомъ III, противъ разбойничьяго эмира тунисскаго Махдіи. Благодаря всеѣмъ этимъ экспедиціямъ былъ открытъ свободный путь для торговли итальянскихъ приморскихъ городовъ на побережьи Сѣверной Африки и въ западномъ бассейнѣ Средиземнаго моря. До своего отправления въ Пизаченцу папа Урбанъ II побывалъ въ гостяхъ въ Пизѣ: пизанцы и генуэзцы первые упрочили на морѣ результаты перваго крестоваго похода и использовали ихъ въ экономическомъ отношеніи. Торговля сношенія съ восточной частью Средиземнаго моря тоже освободились отъ стѣснявшихъ ихъ тяжелыхъ путей послѣ завоеванія Сициліи норманнами, и взгляды морскихъ націй устремились снова къ берегамъ Египта и Сициліи. Итакъ одной изъ важнѣйшихъ толкающихъ силъ начавшагося векорѣ послѣ этого движенія народовъ слѣдуетъ считать освобожденіе Сициліи и Апуліи изъ рукъ византійцевъ и арабовъ, открывшее свободный кругозоръ на греко-восточную половину Средиземнаго моря изъ латинской половины его. Завоевательныя стремленія Западной Европы, направленные противъ ислама, получили дальнѣйшій толчекъ благодаря побѣдамъ, одержаннымъ въ это же время, въ XI стол., испанскими христіанами надъ арабскими завоевателями. Войны, происходившія на Пиренейскомъ полуостровѣ, стали привлекать, начиная съ половины XII стол., также и сосѣднихъ провансальцевъ, близко родственныхъ испанскимъ каталанамъ и почти однопольныхъ съ ними. Даже изъ сѣверо-французскихъ областей отправлялись сильныя рыцарскія отряды на помощь къ своимъ единопольцамъ на югѣ, снова сильно стѣсненнымъ Альморавидами (ср. т. IV, стр. 519), а во главѣ этихъ рыцарей стояли тоже норманнскіе богатыри. Для многихъ франкскихъ лѣтописцевъ перваго крестоваго похода „Испанія“ и „Страна сарацинъ“ являются равнозначущими понятіями. Мы видимъ, что движеніе Европы противъ ислама получило сильный толчокъ также и съ этой стороны.

Г. Вторженіе сельджуковъ; обращеніе Византіи за помощью къ Западной Европѣ.

Несмотря на все сказанное, ни ступенеобразное передвиженіе избыточныхъ слоевъ населенія на юго-востокъ, ни возрождавшееся и пока еще ограниченное опредѣленной территоріей наступательное движеніе противъ ислама съ ихъ частью національными и религіозными, частью торгово-политическими мотивами, ни, наконецъ, индивидуальныя кочевыя инстинкты, который не вымиралъ никогда даже среди осѣдлыхъ европейскихъ народовъ (срав. ниже, стр. 419), не были бы въ силахъ вызвать могущественную народную волну, которая зарождалась многократно въ теченіе двухъ столѣтій на Западѣ, обрушивалась на Востокъ, и послѣ каждаго отступленія вздымалась снова, какъ кажется, даже выше прежняго. Непосредственный ближайшій поводъ къ первому крестовому походу не былъ слѣдствіемъ современнаго положенія Западной Европы, а исходилъ изъ Греческой имперіи. На ея границахъ разорвалась та плотина, въ

отверстіе которой ринулись шумнымъ потокомъ накопившіяся водныя массы. Тѣ бѣдствія, которыя испытывала Ромейская имперія отъ турокъ сельджуковъ послѣ битвы при Манцикертѣ (въ 1071 г.; т. V, стр. 91), послужили поводомъ къ призыву о помощи, съ которымъ императоръ Алексѣй I обратился въ 1094 году къ папѣ Урбану II.

Если мы будемъ слѣдить за тѣмъ отзвукомъ, который нашелъ себѣ этотъ призывъ въ Западной Европѣ, то окажется, что, несмотря на всѣ военныя столкновенія между арабами и христіанами на Западѣ, треніе между ними на позднѣйшемъ театрѣ крестовыхъ походовъ едва ли было настолько сильно, чтобы оно могло вызвать такую ожесточенную борьбу между двумя мірами. Съ того времени, какъ арабы заняли первенствующее положеніе между культурными націями Востока, тамъ установились довольно прочныя и сносныя отношенія между послѣдователями обѣихъ религій; эти отношенія нарушались только изрѣдка по винѣ такихъ мусульманскихъ фанатиковъ, какъ египетскій калифъ Хакимъ (т. III, стр. 684); по все же притѣсненія христіанъ прекратились вскорѣ, и разрушеніе гроба Господня, о которомъ уже былъ отданъ приказъ Хакимомъ, было отмѣнено. Только ужасы турецкаго господства сдѣлали нестерпимой участь палестинскихъ христіанъ и паломниковъ, отправлявшихся къ святымъ мѣстамъ; только страшныя бѣдствія, въ которыя была повержена Византія послѣ вторженія сельджуковъ влѣдствіе потери своихъ самыхъ цвѣтущихъ азіатскихъ провинцій, дали окончательный толчекъ къ осуществленію идеи всеобщаго возстанія Европы для защиты христіанства отъ новыхъ его угнетателей. Не стремленіе къ освобожденію Іерусалима, а, главнымъ образомъ, мысль объ обратномъ завоеваніи Малой Азіи и укрѣпленіи Византійской имперіи, которая, конечно, хлопотала объ этомъ, внушили великому папѣ Григорію III сейчасъ же послѣ вторженія турокъ въ 1074 году первую мысль о крестовомъ походѣ, уже почти налаженное осуществленіе которой задерживалось влѣдствіе столкновенія между папой и германскимъ королевствомъ (стр. 113 и 279). Дѣятельный и способный второй преемникъ Григорія VII, Урбанъ II, тоже получилъ болѣе или менѣе мимолетный, но рѣшительный толчекъ къ осуществленію своего предпріянія изъ Византіи. Императоръ Алексѣй подыалъ благосостояніе дошедшихъ до крайняго упадка европейскихъ провинцій своего государства, возстановилъ въ нихъ сносный порядокъ и умиротворилъ ихъ; но обратное завоеваніе азіатскихъ провинцій было выше его силъ. Что просьба о помощи, съ которой онъ обратился черезъ посольство къ западнымъ странамъ, разовьетъ тамъ такое движеніе, которое уйдетъ гораздо дальше поставленной имъ себѣ цѣли, наводнитъ мощнымъ потокомъ его государство и будетъ непрерывно угрожать поглощеніемъ его, а впоследствии дѣйствительно поглотитъ его, — объ этомъ онъ не могъ догадаться. Такимъ образомъ крестовые походы были направлены по своему ближайшему поводу не столько противъ ислама, какъ такового, какъ противъ турецкаго господства, вновь выросшаго въ области распространенія ислама и принявшаго грозныя размѣры; то же самое относится ко всѣмъ послѣдующимъ войнамъ между Западомъ и Востокомъ. Первобытныя юпошескія силы сельджуковъ оживили наступательную мощь одряхлѣвшаго Восточнаго ислама точно такъ же, какъ распространеніе норманновъ подняло силы христіанской Западной Европы; не безъ основанія сравниваетъ Ранке завоеваніе обезсиленнаго Халифата турками съ тѣмъ союзомъ, который установился почти въ это же время между реформированнымъ панствомъ и норманнскими владѣтельными князьями въ Италіи. Силы, пріобрѣтенныя каждымъ изъ этихъ союзовъ благодаря присутствію въ немъ соучастника съ еще неистощенной юпошеской свѣжестью, подняли снова исконное противорѣчіе между исламомъ и христіанствомъ на высоту всемірноисторическаго конфликта.

3. Духовный строй Западной Европы во время призыва Урбана II къ крестовому походу.

То явленіе, что призывъ греческаго императора къ неизбежному отнынѣ отраженію Западомъ страшнаго натиска сельджуковъ, распространившагося отъ Внутренней Азіи до самыхъ береговъ Средиземнаго моря, развилъ попутно такое умственное движеніе, которое придало столкновенію между Востокомъ и Западомъ необычайный вѣсъ, большое протяженіе въ пространствѣ и небывалый всемірноисторическій размахъ вытекаетъ изъ духовнаго строя Западной Европы въ исходѣ XI столѣтія. Этимъ строемъ объясняется тотъ фактъ, что крестовые походы получили на долгое время характеръ религиозныхъ войнъ, которыя велись европейскими народами съ громаднымъ воодушевленіемъ и въ защиту самаго священнаго ихъ достоянія.

А. Бѣгство отъ міра изъ религиозныхъ побужденій и всемірное господство церкви.

Мы останавливались уже выше (стр. 269) на направленіи, принятомъ христіанскимъ благочестіемъ на Западѣ за 100 слишкомъ лѣтъ передъ тѣмъ. Во многихъ мѣстахъ оно обозначало собою проникновеніе истиннохристіанскаго настроенія въ чисто языческое, только сверху покрытое тонкимъ лоскомъ міровоззрѣніе; существуетъ даже такой взглядъ, что окончательнымъ утвержденіемъ христіанства въ широкихъ и глубокихъ слояхъ европейскаго населенія Европа обязана только дѣятельности нищенствующихъ орденовъ (стр. 381). Возможно даже, что мы знакомы слишкомъ мало съ умственнымъ кругозоромъ широкихъ массъ того времени, когда литературной дѣятельностью занимались почти исключительно духовныя лица и что въ эпоху крестовыхъ походовъ онѣ находились еще подъ вліяніемъ языческихъ представленій и побужденій. Что касается, однако, руководящихъ слоевъ, мысли и чувства которыхъ отражаются въ имѣющихся памятникахъ, то въ ихъ средѣ христіанство приняло существенно отличающуюся отъ прежней форму уже съ X столѣтія. Послѣ многихъ вѣковъ, въ теченіе которыхъ христіанское вѣроученіе усваивалось чисто внѣшнимъ образомъ, теперь западные народы набросились съ лихорадочнымъ возбужденіемъ на внутреннее воспріятіе религиозныхъ догматовъ евангелія, и въ нихъ развилась неутолимая жажда евангельской благодати. Прежде всего это новое движеніе обнаружилось въ средѣ романскихъ народовъ, у которыхъ глубокой нравственный упадокъ коснулся въ сильной степени также церкви и ея членовъ: мысли и чувства людей преисполнились мало-по-малу духомъ ненависти къ міру, покаяннаго сокрушенія, горячаго исканія небснаго блаженства. Черезъ короткое время это самоуглубленіе, эта внутренняя борьба, это чисто индивидуальное представленіе о благодати вѣры проникло также къ германцамъ.

Мы уже видѣли, что только многократное вмѣшательство германской королевской власти вытало римскую церковь изъ глубокаго упадка, ужасающей нравственной порчи и полной анархіи: мы видѣли, какъ романскій духъ, выразившійся въ Ключійскомъ реформаторскомъ движеніи, снова превратилъ идеаль благочестиваго бѣгства отъ міра въ идеаль всемірнаго владычества церкви и воспользовался искусно ошибками и стѣсненнымъ положеніемъ императоровъ во вторую половину XI столѣтія для осуществленія этого идеала. Самый мощный поборникъ свѣтскаго господства церкви, Григорій VII, еще не могъ одержать внѣшней, видимой побѣды надъ враждебными къ нему силами: но въ дѣйствительности онъ обезпечилъ за своею церковью духовное господство надъ всею

святской жизнью, и только суровая непреклонность, съ которой онъ отстаивалъ свои принципы, воспринятствовала тому, чтобы онъ увидѣлъ собственными глазами окончательное торжество ея. Богѣе уступчивый и легче примѣнявшійся къ условіямъ данного момента преемникъ Григорія, Урбанъ II (въ наше время мы были свидѣтелями такого же быстрого поворота въ видѣ перехода отъ политики Пія IX къ политикѣ Льва XIII), пожелалъ плоды того, что было посвѣнто его предшественниками. Это дипломатическое искусство подняло папскую церковь на такую высоту, что она стала гордымъ повелителемъ надъ императорами и королями, надъ душой и тѣломъ всѣхъ христіанъ. Теперь, когда церковь заставила подчиниться своимъ приказаніямъ и своимъ взглядамъ весь западный міръ, сама она, а велѣдъ за ней фанатическій пылъ той эпохи находили себѣ удовлетвореніе только въ громадномъ виѣшнемъ распространеніи сферы вліянія церкви подъ знаменемъ Креста. Когда императоръ Алексѣй I обратился съ признаніемъ о помощи къ Урбану II, то этотъ послѣдній думалъ, вѣроятно, столько же объ обратномъ завоеваніи Гроба Господня, сколько о подчиненіи греческой церкви Риму. Но когда онъ въ своей всемірно-исторической рѣчи въ Клермонѣ 26 ноября 1095 года сумѣлъ направить сердца своихъ соплеменниковъ французовъ къ этой цѣли, которая все еще играла второстепенную роль въ планахъ Григорія, но впоследствии завладѣла съ большой силой чувствами христіанъ благодаря звѣрствамъ сельджуковъ, тогда онъ открылъ то волшебное слово, которое было въ состояніи снять оковы съ души его современниковъ, тогда онъ сумѣлъ претворить въ дѣло теоретическія идеи Григорія и соединилъ „съ іерархическимъ моментомъ богѣе могущественный популярный моментъ“.

В. Паломничества въ Іерусалимъ.

И дѣйствительно, свѣркане не стали ни въ коемъ случаѣ единственными изъ христіанъ, чувства и помыслы которыхъ были въ то время направлены къ гробу Спасителя. Паломничества въ Іерусалимъ никогда не прекращались со времени существованія Римской имперіи, и благородная наемѣнка Августина: „къ Христу ѣдутъ путемъ любви, а не на кораблѣ“, осталась непонятной какъ для современной ему эпохи упадка съ ея постепенно усиливающимся чувственнымъ направленіемъ мыслей, такъ въ еще большей степени для юношески-варварскаго мышленія послѣдующихъ вѣковъ. Грубый символизмъ варварскихъ вѣковъ находилъ себѣ удовлетвореніе какъ въ почитаніи мощей, такъ и въ паломничествахъ только при томъ условіи, когда онъ видѣлъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ шовиѣ матеріальныя осязательныя пути къ душевному спасенію и вѣрующій могъ надвѣяться на свое приобщеніе къ вѣчному блаженству посредствомъ лишений и опасностей, сопряженныхъ съ паломничествомъ. Даже тѣмъ временамъ, когда въ высшихъ слояхъ населенія установилась, наконецъ, менѣе виѣшняя связь съ религіей, тоже не стали чуждыми такіа грубо чувствениа предстаненія о борьбѣ за спасеніе души. Новое индивидуальное христіанство дѣйствовало еще повсюду при помощи тѣхъ же средствъ, какъ и прежнее общественное (стр. 281). Рука объ руку съ аскетизмомъ XI столѣтія шло увеличеніе числа паломниковъ, цѣлью которыхъ было посѣщеніе такихъ святыхъ мѣстъ, какъ Марія-Эфиопидельна, Сигъ-Иго де Комюстела, а самое главное значеніе придавалось заморскимъ паломничествамъ, какъ выражались французы, къ тѣмъ мѣстамъ, „на которыхъ стояли ноги Господа“. Изъ Франціи, Германіи и Британскихъ острововъ непрерывно отправлялись въ Іерусалимъ все новыя толпы послѣдователей христіанской вѣры, преимущественно изъ новообращенныхъ. Воспользовавшись своими дружественными отношеніями съ Каруномъ Аръ-Рандомъ, Карлъ сильно поощрялъ эти паломничества и,

можно сказать, организовалъ ихъ, пожертвовавши крупныя суммы на устройство церквей, монастырей и страннопримныхъ приютовъ въ Св. Землѣ, такъ что легенда говоритъ даже о его собственномъ паломничествѣ ко Гробу Господню. Въ теченіе послѣдующихъ столѣтій частота паломничествъ зависѣла, можно сказать, почти исключительно отъ большей или меньшей вѣротерпимости магометанскихъ повелителей Палестины. Къ концу перваго тысячелѣтія, когда ожидался конецъ міра (стр. 365), приливъ паломниковъ на Востокъ принимаетъ характеръ переселенія народовъ въ маломъ видѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что это массовое движеніе было вызвано не только аскетическими стремленіями той эпохи, но въ меньшей степени индивидуальными кочевыми наклонностями, занявшими мѣсто кочевого инстинкта цѣлыхъ народовъ среди тѣхъ европейскихъ націй, которыя уже стали безусловно осѣдлыми. Крестовые походы не расширили бы и не углубили бы въ такой степени міровоззрѣнія европейцевъ, если бы заранѣе въ нихъ не зародилось сильнаго стремленія къ такому уместившему обогащенію. Поэтому не одні только экспедиціи норманновъ (срав. выше, стр. 412) свидѣтельствуютъ о стремленіи въ далекія страны, господствовавшемъ въ XI столѣтіи. Въ эту же эпоху мы застаемъ въ Палестинѣ длинный рядъ итальянскихъ и французскихъ, германскихъ и англійскихъ епископовъ, графовъ изъ Барселоны, Тулузы, Анжу, Люксембурга, Фландріи, Голландіи и Кента. Подъ предводительствомъ знатныхъ лицъ скопляются все большія толпы для путешествія сообща. Въ 1025 году въ Святую Землю отправилось цѣлыхъ 700 паломниковъ по побужденію и при помощи герцога Нормандскаго и аббата монастыря Сентъ-Ванъ (въ Верденѣ) Ришара: говорятъ, что Литбертъ, архіепископъ Камбрэ, собралъ въ 1054 году цѣлыхъ 3,000 паломниковъ въ Св. Землю. Самая многочисленная изъ такихъ толпъ паломниковъ заключала въ себѣ даже по самому умѣренному счету 7,000 человекъ (въ 1064 году; она состояла изъ нѣмцевъ, англичанъ, французовъ подъ предводительствомъ архіепископа майнцаго Зигфрида I, нѣсколькихъ нѣмецкихъ епископовъ и бароновъ и аббата кройландскаго Ингульфа). Этой экспедиціи пришлось выдержать въ Обѣтованной Землѣ тяжелыя вооруженныя столкновенія, изъ которыхъ спаслась и вернулась домой еле треть всѣхъ паломниковъ. — Какъ по своему первоначальному блеску, такъ и по своему несчастному исходу это былъ прототипъ крестовыхъ походовъ, правда въ маломъ видѣ, но все же настолько значительный, что призывъ, съ которымъ Урбанъ II обратился изъ Клермона ко всему христіанскому міру, никакъ не могъ показаться чѣмъ-то совершенно неслыханнымъ.

4. Первый крестовый походъ (1096—1099 г.).

А. Экономическія, социальныя и политическія условія, господствовавшія въ Европѣ въ 1095 г. Крестьянскіе крестовые походы.

Между тѣмъ вторженіе турокъ не только окончательно закрыло сухопутное сообщеніе съ Палестиной черезъ Малую Азію, но также едѣлаю Св. Землю почти недоступной съ моря вѣдѣствіе варварскихъ притѣвленій и преслѣдованій, которымъ подвергались туземные и пришлые христіане. Воишь возможно, что легенда о евангелии, которое было привезено папѣ Петромъ Амьенскимъ вмѣстѣ съ „посланиемъ“ патріарха Іерусалимскаго, фактически имѣла въ своемъ основаніи призывъ о помощи, обращенный изъ Св. Земли къ „великому брату“ на Западѣ.

Такимъ образомъ Урбанъ далъ свободу такому стремленію, осуществленіе котораго сталкивалось въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій съ самыми тяжелыми и неприятными препятствіями. Вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ нападешель навстрѣчу социальнымъ и экономическимъ нуждамъ всякаго рода.

которая вовсе не ложились на тогдашнюю эпоху такимъ гнетомъ, какъ это изображается современными лѣтописями со свойственной имъ склонностью къ преувеличенію, но все же поддерживали во многихъ тысячахъ людей стремленіе къ выходу изъ безотраднaго положенія. По преданію, десятилѣтіе между 1085 и 1095 годами страдало попеременно то отъ наводненій, то отъ засухъ, эпидемій и голода. Сѣверъ Франціи страдалъ угрожающимъ перенаселеніемъ, западъ и югъ Германіи были глубоко разстроены смутами, вызванными продолжительными раздорами изъ-за инвеституры. Неудивительно, что исходившій изъ Клермона призывъ къ крестовому походу, тотъ дико-фанатическій возгласъ „Deus io volt“ (такъ хочетъ Богъ), который прозвучалъ въ отвѣтъ на зажигательную рѣчь папы, заглушая всѣ колебанія, распространился изъ страны въ страну подобно эпидеміи, что пламя массоваго воодушевленія раздувалось и разносилось съ мѣста на мѣсто такими фанатическими проповѣдниками, какъ Петръ Амьенскій, и охватывало всѣ слои населенія сверху до низу, какъ психическая зараза. Новый лозунгъ, разносимый какъ бы на крыльяхъ вѣтра, вызвалъ наружу бурныя народныя страсти; въ низшихъ слояхъ населенія Франціи, которое отличалось издавна особенной воспримчивостью къ такимъ душевнымъ движеніямъ, а затѣмъ также въ Лотарингіи, въ Реймской области и далѣе къ востоку это движеніе прорвалось сквозь всѣ рамки и организаціи, въ которыя хотѣли ввести новый потокъ его призванные руководители. Такимъ образомъ проповѣдь крестоваго похода повлекла за собой необычайный, безъ сомнѣнія, неожиданный для Рима, по крайней мѣрѣ, по своей формѣ, результатъ.

Крестьяне, распродававшіе всѣ свои пожитки для того, чтобы заставить средствами для продолжительнаго путешествія и отправалявшіеся съ женами и дѣтьми, какъ нѣкогда ихъ предки; городскія массы, которыя не распродавали ничего, потому что у нихъ ничего не было; низшія духовныя лица, для которыхъ давно уже не было новостью участвовать въ походахъ ради интересовъ церкви; распутныя женщины и бродячіе люди, — вотъ кто входилъ въ составъ тѣхъ толпъ народа, которыя направились съ дикимъ воодушевленіемъ черезъ Южную Германію и Венгрію на Востокъ весною и лѣтомъ 1096 г. подъ предводительствомъ нѣсколькихъ искателей приключеній изъ благороднаго сословія или духовныхъ проповѣдниковъ крестоваго похода; эти толпы были склонны къ распущенности и всякимъ эксцессамъ во имя вѣры, и первыми ихъ жертвами, первыми объектами учиненныхъ ими грабежей и пожаровъ стали еврейскія улицы прирейнскихъ городовъ, а затѣмъ такіе грабежи и пожары въ еврейскихъ кварталахъ стали повторяться при каждомъ крестовомъ походѣ. Большая часть этихъ толпъ нашла себѣ жалкую могилу уже въ Венгріи, воинственное населеніе которой справлялось безпощадно мечемъ за насилія, причиняемая пришельцами (см. т. V); другія толпы добрались при подобныхъ условіяхъ до Болгаріи, но тутъ были разсѣяны. Одна изъ самыхъ большихъ толпъ, которой предводительствовалъ самъ Петръ Амьенскій, достигла послѣ тяжелой борьбы назначеннаго папой сборнаго пункта, Константинополя, но была сейчасъ же сплавлена по ту сторону Босфора греками, приходившими въ ужасъ отъ хищничества и необузданности крестоносцевъ; а какъ только эта толпа вступила во владѣнія сельджуковъ, она была уничтожена непріятельскою кавалеріей. Самъ Петръ Амьенскій еще раньше искалъ спасенія въ бѣгствѣ, собралъ въ Константинополѣ жалкіе остатки своего ополченія, а послѣ того сыгралъ далеко не почетную роль въ великой арміи крестоносцевъ, какъ предводитель всякаго рода кочующаго люда. Даже по самому умѣренному счету и принимая въ соображеніе неспособность писателей тѣхъ вѣковъ удержаться въ должныхъ границахъ, когда они приводятъ числовыя данныя, все же надо признать, что „крестьянскіе крестовые походы“ отняли у Европы больше 100,000 человекъ. Печальная участъ.

этихъ людей доказала, что смутные инстинкты народпой души неспособны справиться съ тѣми задачами, которыя были поставлены крестовымъ походамъ папой.

Б. Крестовый походъ владѣтельныхъ князей.

Была ли, однако, существенно лучше подготовлена къ разрѣшенію той же задачи организація арміи владѣтельныхъ князей и рыцарскихъ отрядовъ, которые поднялись вслѣдъ за толпами крестьянъ? Мы уже упомянули мнимоходомъ (стр. 414), что единственный крестовый походъ, который привелъ къ реальному, хотя и ограниченному результату, именно первый, былъ обязанъ своимъ успѣхомъ исключительно холодной ясности ума и колонизаторскому духу норманновъ, которые присоединились къ походу изъ безусловно свѣтскихъ соображеній и побужденій и черезъ короткое время забрали въ свои руки руководство надъ нимъ. Безъ этихъ норманновъ, а главное безъ ихъ главнаго предводителя Боэмунда никогда бы, вѣроятно, не достигли цѣли своего похода также и блестящія рыцарскія ополченія, трочувшіяся въ путь лѣтомъ и осенью 1096 г.; скорѣе всего они раздѣлили бы участь крестьянскихъ толпъ. Французскіе, лотарингскіе и провансальскіе магнаты, военные контингенты которыхъ образовали ядро ополченія крестоносцевъ, конечно, обладали болѣе яснымъ взглядомъ на всѣ свѣтскія дѣла и на дѣйствительныя нужды вооруженныхъ массъ паломниковъ, чѣмъ авантюристы, стоявшіе во главѣ крестьянскихъ крестовыхъ походовъ; но, къ сожалѣнію, необузданная привычка идти напроломъ, свойственная однимъ изъ нихъ, мистически-аскетическій религиозный фанатизмъ другихъ, а нерѣдко обѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя, часто окончательно ослѣпляли ихъ.

а) Предводители.

Лучше всего годилось бы, вѣроятно, въ качествѣ главнаго предводителя крестоваго похода разсудительное духовное лицо; но епископъ Адемаръ изъ Пюи, на долю котораго, какъ легата Куріи, выпала эта задача послѣ того, какъ онъ первый сталъ на колѣни предъ папой въ Клермонѣ и тотъ пристегнулъ къ его правому плечу красный крестъ, кажется, не обладалъ такимъ выдающимся талантомъ предводителя, чтобъ ему удалось дисциплинировать крайне разнородныя составныя части ополченія паломниковъ; притомъ же ему не суждено было увидѣть собственными глазами ту цѣль, къ которой стремился крестовый походъ; но все же онъ припесъ не мало пользы ополченію своими обдуманнми совѣтами и своимъ благочестіемъ, сочетавшимся съ рыцарскими чувствами.

Что касается свѣтскихъ магнатовъ, то наилучше снаряженное ополченіе, состоявшее изъ собственныхъ его вассаловъ и людей рыцарскаго происхожденія, добровольно поступившихъ подъ его начальство, привелъ съ собой въ Константинополь осенью 1096 г. черезъ Сѣверную Италію, Далмацію и Македопію Раймундъ Сентъ-Жиль, графъ Тулузскій, маркграфъ Прованскій; его присоединеніе къ рѣшенію, принятому въ Клермонѣ, очевидно, подготовленное заранее, обезпечило военную сторону похода. Своеобразная смѣсь пламеннаго фанатизма съ совершенно свѣтскимъ разсудительнымъ пріобрѣтательскимъ инстинктомъ — вотъ выдающіяся черты этого предводителя, какъ и вообще южно-французскихъ крестоносцевъ. Отъ насъ остаются скрытыми тѣ мотивы, которые побудили его повернуться спиной къ своимъ богатымъ владѣніямъ, расширяться съ ними, повидимому, навѣки и искать для себя новаго княжества въ далекихъ странахъ, даже не по софдетву съ Св. Землей.

Легче понять, почему покинулъ навсегда свою родину самый могу-

щественный послѣ Раймунда, а по рангу стоявшій даже выше его владѣтельный князь, крестоносецъ Готфридъ Бульонскій, герцогъ Нижне-Лотарингскій, который предполагалъ вернуться только въ случаѣ тяжелой неудачи; въ немъ сочетались между собой въ одинаковой степени германскій характеръ, перешедшій къ нему по наслѣдству отъ его матери, и французскій, унаслѣдованный имъ отъ своего отца, графа Булонскаго Евстахія II (стр. 113). Если въ его языкѣ и воспитаніи преобладалъ романскій элементъ, зато онъ обладалъ рѣзко германскимъ характеромъ, главной чертой котораго было геройское прямодушіе, уже издавна заставлявшее его тяготиться разстроеннымъ положеніемъ его герцогства и войной, раздиравшей имперію и въ особенности эти пограничныя ея области. При его искреннемъ благочестіи онъ, вѣроятно, принялъ участіе въ борьбѣ съ папскою партіей не безъ внутренняго сопротивленія. Такимъ образомъ проповѣдь крестоваго похода явилась для него какъ разъ кетати, и онъ получилъ возможность освободиться отъ сапа, сопряженнаго съ крайне обременительными для него обязанностями и въ то же время все болѣе терявшаго свое значеніе. вмѣстѣ съ нимъ отпавились его старшій сынъ Евстахій, вернувшійся послѣ крестоваго похода въ свое графство Бульонское, и Балдуицъ, его младшій братъ, преисполненный подобно Готфриду рвеніемъ къ вѣрѣ и жаждой дѣла и стремившійся къ новому будущему. Подъ знаменами герцога собралось громадное рыцарское ополченіе изъ Лотарингіи и частей Германіи, расположенныхъ по лѣвую сторону Рейна; въ августѣ онъ отправился черезъ Верхнюю Германію, въ которой къ походу присоединилось не мало храбрыхъ бойцовъ, по направленію къ Венгріи, къ юго-востоку.

Третью, главную, составную часть крестоноснаго ополченія составляли сѣверные французы, французскіе норманны и уроженцы Фландріи. Графъ Гуго Вермандуа, братъ короля французскаго Филиппа I, герцогъ Нормандскій Робертъ, братъ короля англійскаго Генриха I (стр. 232), и графъ Стефанъ Блуа, зять того же Генриха, наконецъ, графъ Фландрскій Робертъ, имѣвшій, конечно, меньшее значеніе, чѣмъ Раймундъ и Готфридъ, были предводителями этой части ополченія, прошедшей черезъ Италію до Апуліи и отсюда отпавившейся сначала моремъ, а дальше сухимъ путемъ черезъ Греческую имперію. Раньше ихъ по тому же пути прошелъ во главѣ итальянскихъ норманновъ графъ Тарентскій Боэмундъ I, старшій сынъ Роберта Гискара, вмѣстѣ со своимъ племянникомъ Танкредомъ; этотъ Боэмундъ задумывалъ завоевательную экспедицію въ томъ же направленіи еще за десять лѣтъ передъ тѣмъ.

б) Императоръ Алексѣй и крестоносцы.

Императоръ Алексѣй очутился предъ тяжелой задачей использовать, худо ли хорошо ли, въ интересахъ своей имперіи притокъ крестоносцевъ, размѣръ котораго далеко превзошелъ все его ожиданія и желанія. вмѣстѣ съ вспомогательныхъ отрядовъ, о которыхъ онъ просилъ, онъ увидѣлъ предъ собою народное ополченіе половины Западной Европы, настолько сильное, что оно могло вести свою собственную политику, направленную противъ имперіи; еще незадолго предъ тѣмъ итальянскіе норманны толкнули его имперію къ самому краю пропасти. Лотарингское ополченіе подъ начальствомъ Готфрида держалось враждебно по отношенію къ грекамъ во время похода и въ своей лагерной стоянкѣ недалеко отъ столицы: дѣло доходило нерѣдко до вооруженныхъ столкновеній между греками и нимъ, а также и другими отрядами крестоносцевъ. Союза на правахъ двухъ равныхъ сторонъ не могло состояться между Византійскою имперіей съ ея высшею культурой, строгой административной рутинной, съ одной стороны, и крестоносцами съ ихъ первобытнымъ варварствомъ, необузданностью и жадностью, съ другой. Греческій императоръ придумалъ весьма

искусный выходъ изъ своего затруднительнаго положенія и воспользовался западно-европейскою левною системою для подчиненія крестоноснаго движенія своимъ собственнымъ цѣлямъ. Трудно сказать, въ чемъ состояли здѣсь побудительные мотивы: въ крайнемъ ли имперіализмѣ, не желавшемъ допускать основанныхъ на правѣ давности притязаній, никакой мыслимой надежды въ пользу чужеземныхъ союзниковъ, или же въ предусмотрительномъ стараніи императора привязать князей крестоносцевъ къ своей особѣ и къ своей имперіи настолько, чтобы не такъ легко было возникнуть опасному столкновенію между крестоносцами и имъ самимъ или его государствомъ. Дѣйствительно, Алексѣю удалось добиться во время праздника Пасхи ленной присяги отъ большинства франкскихъ бароновъ, а черезъ короткое время послѣ завоеванія Никеи отъ всѣхъ ихъ; этотъ успѣхъ былъ достигнутъ послѣ долгихъ переговоровъ, поддерживаемыхъ всякаго рода дипломатическими уловками и даже нѣкоторыми насиліями, при которыхъ императору сыгралъ на руку быстро выступившій наружу антагонизмъ между предводителями франковъ, въ особенности смѣлымъ и дальновиднымъ Боэмундомъ, съ одной стороны, и мелко своекорыстнымъ и упрямымъ Раймундомъ, съ другой стороны.

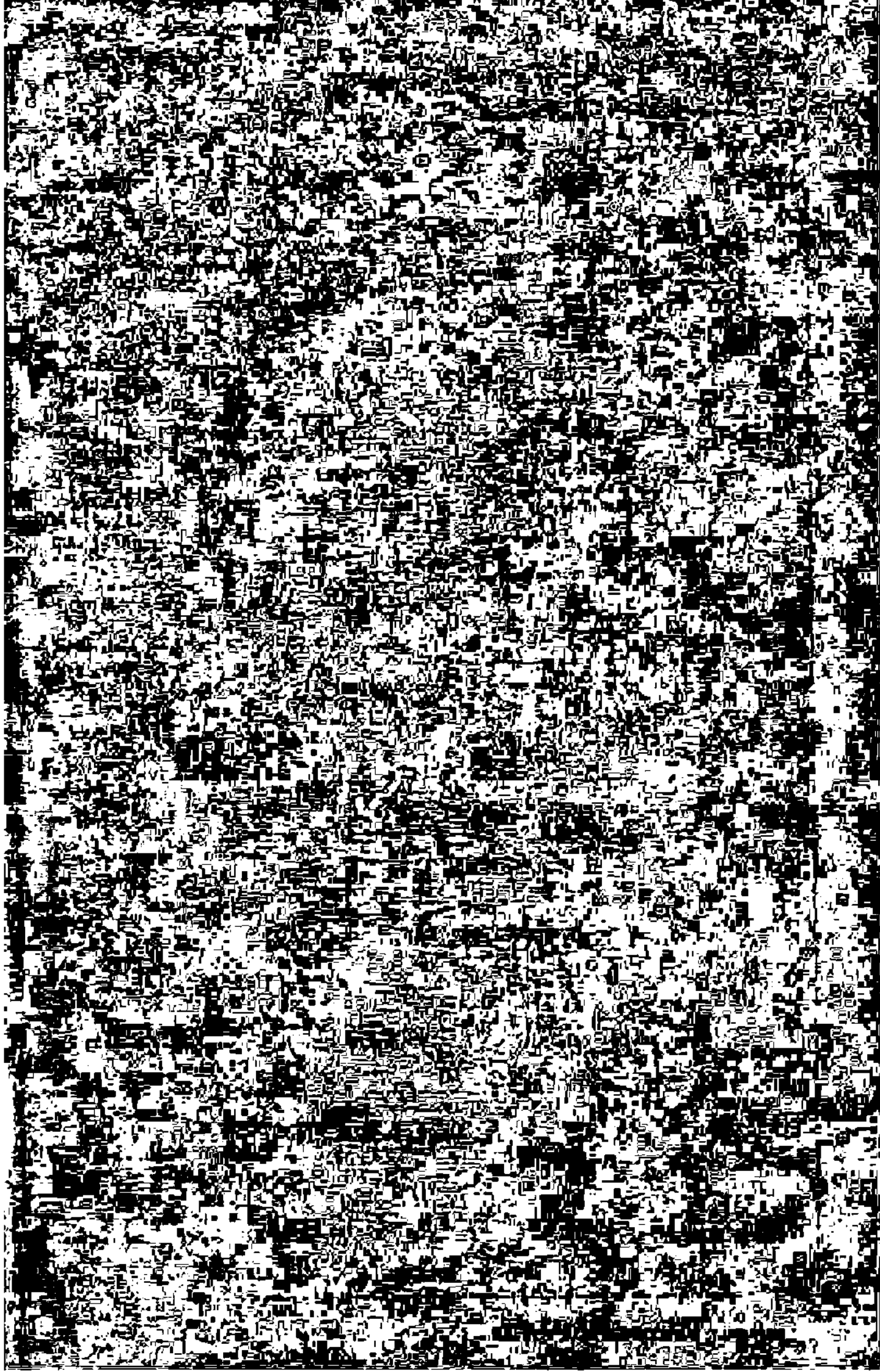
Нѣкоторыя указанія дѣлаютъ вѣроятнымъ такое допущеніе, что, несмотря на свои всеобъемлющія притязанія, Алексѣй сговорился о дѣлежѣ ожидаемой добычи съ тѣми изъ предводителей, которые были настолько разсудительны, что могли взвѣсить спокойно существующія политическія условія. Въ противномъ случаѣ трудно было бы объяснить, почему крестоносцы, завоевавшіе Никею для грековъ и проложившіе себѣ путь черезъ выступившее противъ нихъ турецкое ополченіе при Дорилайонѣ, не смущаясь, дали сомкнуться позади себя сельджукской волнѣ и даже не сдѣлали попытки утвердиться въ Филомеліонѣ и Иконіонѣ. Такъ какъ въ Киликіи и Малой Арменіи они поступили сразу совершенно иначе, то мы, повидимому, вправѣ признать, что была проведена пограничная линія черезъ Таврскія горы, раздѣлявшая сферы интересовъ обѣихъ сторонъ; помимо этого Алексѣй удовольствовался, повидимому, номинальнымъ леннымъ верховнымъ правомъ даже надъ такими областями, которыя еще недавно входили въ составъ Греческой имперіи, какъ, напримѣръ, Антиохіей и Эдессой. А что какъ разъ оба эти города, раньше находившіеся подъ властью Византіи, стали центральными пунктами франкскихъ княжествъ, тоже не является, въ концѣ концовъ, дѣломъ случая. Если бы, напримѣръ, Антиохія въ частности не была заранѣе указана Боэмунду, какъ достойная цѣль его стремленій, то крестоносное ополченіе могло бы оставить въ сторонѣ отъ своего пути этотъ сильно укрѣпленный городъ, какъ оно дѣйствительно обошло Халебъ, Триполисъ и Дамаскъ. По такому объясненію Алексѣй намѣревался отодвинуть границы Восточной Римской имперіи до горныхъ переходовъ черезъ Тавръ, слѣдуя по стопамъ крестоносцевъ, а по ту сторону этой границы содѣйствовать образованію мелкихъ христіанскихъ форпостовъ, государствъ-буферовъ, отдѣляющихъ его имперію отъ магометанскихъ государствъ и сохраняющихъ слабую связь съ Восточной Римской имперіей. Если наши источники говорятъ, что Алексѣй отнялъ хитростью Никею у крестоносцевъ, а Боэмундъ Антиохію у грековъ, предъявлявшихъ на нее притязанія, то такія выраженія должны считаться только внѣшней формою, посредствомъ которой существующія соглашения дѣлались достаточно вразумительными для неразвитаго ума менѣе дальновидныхъ предводителей, а тѣмъ болѣе массъ; быстро растущія несогласія между франками и греками, подвергавшія риску всѣ успѣхи, добытые крестовыми походами, объяснялись бы въ такомъ случаѣ неразсудительностью толпы, она не ложилась бы на отвѣтственность немногихъ, дѣйствительно руководящихъ лицъ, хотя въ послѣдствіи и эти послѣдніе тоже заплатили свою дань духу своего времени и подчинились общему

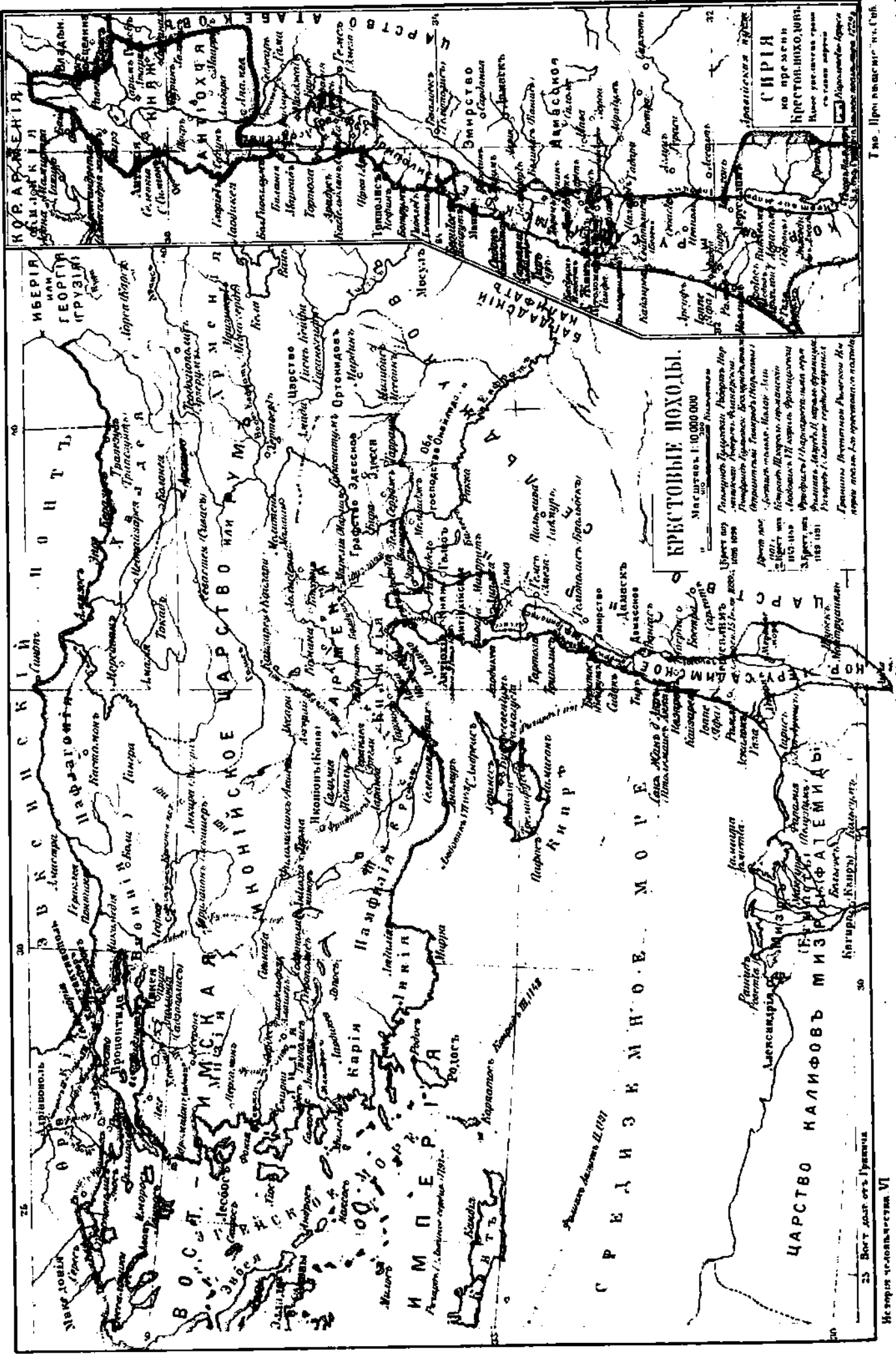
предразсудку. Впрочемъ, императоръ Алексѣй, который имѣлъ, по всей вѣроятности, наиболѣе ясное представленіе о существовавшемъ положеніи вещей, тоже не могъ предвидѣть, въ какомъ отчаянномъ положеніи окажется по временамъ франкское ополченіе; когда же онъ узналъ объ этомъ въ слѣдующемъ году, то почелъ необходимымъ прервать на полпути свой побѣдоносный походъ черезъ Малую Азію. Такимъ образомъ уцѣлѣло Иконійское государство, въ которомъ сельджукско-персидская культура достигла пышнаго расцвѣта въ XIII столѣтіи (т. III, стр. 353), этотъ далекій аванпостъ ислама, вдвинувшійся клиномъ между Византіей и сирійскими мелкими государствами, заранѣе обрекая на недоразвитіе, а затѣмъ, и на гибель всѣхъ политическіе организмы, созданные первымъ крестовымъ походомъ.

в) Походъ черезъ Малую Азію.

Въ предшествующемъ краткомъ предварительномъ обзорѣ уже указаны важнѣйшія даты похода черезъ Малую Азію: занятіе Никеи (19 іюня 1097 г.) послѣ шестинедѣльной осады ея съ помощью грековъ и ради ихъ исключительной выгоды и послѣ отраженія пришедшаго на выручку крѣпости войска эмира Изедина Килиджъ-Арслана (или Сулеймана II); затѣмъ побѣда при Дорилайонѣ (Эскишерѣ) 1 іюля, одержанная благодаря тому, что на помощь къ сильно стѣсненнымъ норманнамъ поспѣшили свое временно другой отрядъ ополченія, двигавшійся своимъ отдѣльнымъ путемъ; походъ черезъ полуостровъ по оставленной непріателемъ большой военной дорогѣ черезъ Филомеліонъ, Антиохію Меньшую и Иконіонъ въ Гераклею (Эрегли) и дальше до подошвы Тавра (см. прилож. карту: „Крестовые походы“). Тутъ послѣдовала стратегическая диверсія: примѣръ и совѣты грековъ научили кое-чему крестоносцевъ; греки же научили ихъ разбираться въ политическихъ условіяхъ областей, лежавшихъ на ихъ пути. Еще въ лагерь подъ Никеей религіозный энтузіазмъ уступилъ мѣсто обдуманному тактическому соображенію; крестоносцамъ уже былъ извѣстенъ антагонизмъ, существовавшій между Фатемидскимъ халифатомъ и правовѣрнымъ Багдадскимъ, находившимся подъ властью сельджуковъ, и они не упустили случая отправить пословъ въ Каиръ и завязать дипломатическія сношенія съ Египтомъ. Конечно, крестоносцы дорожили въ еще большей степени возможностью заключить союзъ съ христианами армянами, которые послѣ вторженія турокъ искали себѣ убѣжища въ областяхъ, прилегающихъ къ Тавру, въ Каппадокіи, Киликіи, Сѣверной Сиріи и въ бассейнѣ Евфрата и незадолго предъ тѣмъ основали новое государство, которому предстояла блестящая будущность, княжество Малую Арменію (томъ III, стр. 333). Ради привлеченія къ такому союзу армянъ, тоже уже подготовленныхъ при посредствѣ посольства, великое крестоносное ополченіе направилось длиннымъ обходнымъ путемъ въ видѣ большой дуги, направленной къ сѣверу и проходившей черезъ Каізарю (Цезарю), Коману, Кокусъ (Коксопъ) вдоль Тавра и затѣмъ черезъ эти горы.

По ближайшей дорогѣ въ Киликію направились только маленькіе летучіе отряды подъ предводительствомъ Танкреда и брата Готфрида, Балдуина; ихъ цѣлью было вовлечь въ движеніе также тамошнихъ армянъ и грековъ и отнять у сельджуковъ тѣ города, которые уже находились въ ихъ владѣніи. Этотъ планъ былъ выполненъ вполне успешно съ тѣмъ только исключеніемъ, что норманнъ пытался было утвердиться уже здѣсь, вѣроятно, въ виду плановъ Боэмунда на Антиохію; Балдуинъ старался воспрепятствовать этимъ намѣреніямъ норманна кое-гдѣ съ успѣхомъ, но не съ полнымъ, такъ какъ просьба о помощи, обращенная къ нему армянскимъ княземъ Эдессы, отвлекла его на востокъ. Послѣ кратковременной встрѣчи съ главной арміей въ Марашѣ этотъ

энергичный, двѣствовавшій по строго обдуманному плану князь, далеко превосходившій своего болѣе прямодушнаго брата по своему таланту, а также по своей дѣловитости, не брезгавшій дипломатическимъ лукавствомъ, отправился въ Месопотамію и вскорѣ приобрѣлъ въ глазахъ тамошняго греко-армянскаго населенія значеніе необходимаго руководителя для борьбы съ сельджуками, такъ что Торосъ, владѣтельный князь Эдессы, назначилъ его своимъ наслѣдникомъ, едва ли, конечно, по своей доброй волѣ: это теоретическое право стало вскорѣ совершившимся фактомъ благодаря заговору, едва ли неожиданному для Балдуина, кончившемуся убійствомъ Тороса. 9 марта 1098 г. было основано здѣсь на самомъ отдаленномъ форпостѣ христіанства первое франкское княжество на Востокѣ.

г) Борьба за Антиохію.

Между тѣмъ для великой арміи крестоносцевъ настало самое бурное время, сопровождавшееся безпримѣрными подвигами и страданіями. 20-го октября 1097 г. она остановилась предъ Антиохіей; осада длилась до начала іюня 1098 г. Только необычайное состояніе великой Сельджукской имперіи сдѣлало возможнымъ какъ окончательный успѣхъ этого крестоваго похода вообще, такъ и важнѣйшій результатъ его въ политическомъ смыслѣ, завоеваніе Антиохіи. Въ такія эпохи, которыя страдаютъ недостаткомъ путей сообщенія, или же въ странахъ со слабымъ развитіемъ такихъ путей каждая обширная военная монархія неизбежно подвергается феодалистическому раздробленію; государство Альпъ-Арслана и Мелексаха (т. III, стр. 337) не было исключеніемъ изъ этого общаго правила, а положеніе Сиріи благоприятствовало какъ нельзя больше такому раздробленію; къ тому же въ этой странѣ, сообщающейся на югѣ съ долиной рѣки Нила, а на сѣверѣ съ бассейномъ Евфрата, перекрещивались между собою египетское и месопотамское вліянія (срав. выше, стр. 409). Шитскій Каирскій халифатъ успѣлъ приобрѣсть приверженцевъ среди сельджукскихъ князей Сѣверной Сиріи, а для дальнѣйшаго расширенія сферы своей пронагады онъ способствовалъ распространенію секты ассасиновъ въ Ливанѣ (т. III, стр. 339); что касается Палестины, которая издавна считалась всѣми египетскими государствами естественнымъ преддверіемъ долины рѣки Нила, то фатимидскій визирь Эль-Меликъ Эль-Афдалъ (Алафдалъ) отнялъ ее у турокъ незадолго предъ прибытіемъ крестоноснаго ополченія (осенью 1098 г.). При такихъ условіяхъ какъ разъ въ эту пору среди сельджукскихъ сирійскихъ эмиратовъ господствовала такая смута, такая непрерывная борьба эмировъ между собой и съ центральнымъ правительствомъ, такая непрерывная смѣна партійныхъ группировокъ, что не могло быть рѣчи о стойкомъ объединеніи ихъ во имя своей вѣры противъ вооруженнаго натиска Запада даже въ моменты крайней опасности не только при первомъ появленіи крестоносцевъ, но и въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій послѣ этого. Изрѣдка эмиры приходили одинъ къ другому на помощь, но черезъ короткое время опять покидали другъ друга на произволь судьбы. Вообще говоря, дѣлались только весьма слабыя попытки къ освобожденію Антиохіи, и крестоносцамъ не стоило большого труда отразить эти попытки, несмотря на то, что крестоносное ополченіе таяло съ ужасающей быстротой отъ лишеній и трудовъ, сопряженныхъ съ долгой осадой. Массы пилигримовъ расфѣивались непрерывно растущими потоками по окрестнымъ странамъ, по Киликіи, Арменіи и даже магометанскимъ владѣніямъ. Въ портовыхъ городахъ, принадлежавшихъ сельджукскимъ эмирамъ, какъ, напримѣръ, въ Триполисѣ, крестоносцы могли безпрепятственно прибывать, убѣжать и открыто совершать свое богослуженіе въ то время, какъ подъ Антиохіей кипѣла борьба. Если бы Сирія не находилась въ такомъ печальномъ состояніи, если бы центральная власть турокъ не находилась

въ такомъ упадкѣ, то крестовый походъ, вѣроятно, потерпѣлъ бы крушеніе уже подъ стѣнами Антиохіи, во всякомъ случаѣ внутри Антиохіи послѣ того, какъ ловкому и хитрому Боэмунду удалось 3 іюля 1098 г. передать городъ въ руки франковъ благодаря измѣнѣ армянскаго ренегата Фируза, или, вѣрнѣе сказать, захватить ее въ свои собственныя руки посредствомъ обѣщанія, которое было вынуждено имъ угрозой у другихъ князей. Теперь приближался критическій моментъ всего похода.

Черезъ нѣсколько дней послѣ взятія Антиохіи крестоносцами они были заперты въ ней пришедшимъ на выручку осажденнаго города большимъ войскомъ эмира Моссульскаго Кербоги, котораго сельджукскій султанъ Баркіарокъ прислалъ, наконецъ, на помощь къ своимъ находившимся въ опасности вассаламъ. Прежде чѣмъ подойти къ Антиохіи, Кербога потратилъ бесполезно необъяснимымъ образомъ цѣлыя недѣли на повторныя штурмы упорно защищаемой Балдуиномъ Эдессы; если бы онъ подошелъ къ Антиохіи на нѣсколько дней раньше, еще до сдачи этого города, то крестовосное ополченіе было бы обречено, безъ сомнѣнія, на самую ужасную гибель. Однако и теперь, когда оно было подъ защитой городскихъ укрѣпленій, оно очутилось въ самомъ безвыходномъ положеніи. Борьба на два фронта, необходимость обороняться одновременно отъ осаждающаго войска, стоявшаго на равнинѣ, и отъ вылазокъ изъ расположенной на большой высотѣ цитадели, которой не удалось взять вмѣстѣ съ городомъ, превышала силы запертаго въ стѣнахъ Антиохіи крестоноснаго ополченія; хотя рыцарская храбрость и фанатическое воодушевленіе толкали крестоносцевъ къ славнымъ подвигамъ, все же, въ концѣ концовъ, полное истощеніе ихъ силъ привело къ упадку духа среди нихъ и къ усиливающемуся дезертирству. Однако все же удалось опять поднять духъ ополченія посредствомъ благочестиваго обмана, превосходно соотвѣтствовавшаго ждавшему чего-то сверхъестественнаго, доходившему до крайней религіозной психопатіи настроенію голодной толпы; мы говоримъ о „св. копѣ“, этой чудесной находкѣ (14 іюня), которою воспользовались впоследствии для весьма неблагочестивыхъ цѣлей. Теперь ополченіе рѣшилось въ минуту крайней неостратимой опасности, когда уже нечего было терять, на вылазку, которая закончилась сверхъ ожиданія полной удачей. Крестоносцы приписывали свою побѣду и быстрое отступленіе Кербоги частью своей собственной отчаянной храбрости, а отчасти чудесной силѣ св. копья. И дѣйствительно, поразительно быстрая дезорганизация непріятельскихъ силъ походила на чудо. Только сильныя раздоры между отдѣльными частями сельджукской арміи, можетъ быть, нежеланіе сирійскихъ эмировъ содѣйствовать укрѣпленію центральнаго правительства или же недовольство Кербоги непокорными вассальными князьями могли быть причиной удивительнаго и во всякомъ случаѣ необъяснимаго въ достаточной степени одной только стремительностью вылазки франковъ снятія осады и быстрого возвращенія войска, прибывшаго на выручку крѣпости. Такимъ образомъ Антиохія осталась окончательно въ рукахъ христіанъ (26 іюня 1098 г.).

д) Освобожденіе Іерусалима. Начало основанія государствъ крестоносцами.

Теперь крестовый походъ приостановился на много мѣсяцевъ, во-первыхъ, потому, что окончательно истощенное ополченіе нуждалось въ отдыхѣ и сосредоточеніи своихъ сильно разбросанныхъ отдѣльныхъ частей, и вдобавокъ численность его сокращалась вслѣдствіе эпидемическихъ заболѣваній, а во-вторыхъ, по той причинѣ, что съ этихъ поръ раздоры между предводителями и массами разрослись съ такой силой, которая подвергала риску всѣ прошлыя и будущіе успѣхи крестоваго похода. „Благо-

честивый фокусъ со св. копьемъ, для подкрѣпленія котораго противъ скептиковъ и насмѣшниковъ пускались въ ходъ все болѣе сомнительныя средства, привелъ къ глубокому расколу между провансальцами, преисполненными религіознаго рвенія и весьма склонными къ вѣрѣ въ чудеса по своему умственному складу, и норманнами, первоначальный религіозный подъемъ которыхъ охладѣвалъ по мѣрѣ того, какъ крестовый походъ принималъ все болѣе свѣтскій характеръ; еще болѣе вредное дѣйствіе оказывало соперничество между князьями. Въ особенности Раймундъ, недовольный тѣмъ, что онъ лишился всегда плодовъ своихъ усилій по винѣ Боэмунда даже въ томъ случаѣ, когда рѣчь шла о незначительныхъ предпріятіяхъ въ окрестностяхъ Антиохіи, не могъ выносить, чтобы его болѣе ловкій и счастливый соперникъ пользовался спокойно своими новыми несправедливо приобрѣтенными, по его мнѣнію, владѣніями; изъ-за нихъ онъ затѣвалъ непрерывные раздоры съ Боэмундомъ, пока, наконецъ, его собственныя войска не возмутились въ ноябрѣ въ Маартѣ и не принудили его въ буквальный смыслъ насильно къ продолженію похода. Повидимому, медлительность дѣйствій крестоносцевъ усиливалась въ дѣлѣ колебаній относительно самой цѣли похода; пока еще было время думать объ этомъ, имѣлось въ виду вступить въ соглашеніе съ Капромъ, что было смѣлымъ, хотя совсѣмъ еще не безнадежнымъ планомъ, а затѣмъ повести на Багдадъ сконцентрированное снова и усиленное вновь прибывшими подкрѣпленіями крестоносное ополченіе для того, чтобы вырвать изъ земли самые корни могущества сельджуковъ; но по мѣрѣ того, какъ исчезла надежда на союзъ съ Фатемидскимъ халифатомъ, въ особенности послѣ того, какъ этотъ послѣдній завладѣлъ Іерусалимомъ, снова стало усиливаться религіозное настроеніе массъ, стремившихся не къ всемірнымъ завоеваніямъ, а къ молитвѣ предъ святымъ Гробомъ Господнимъ. Это проснувшееся съ новымъ энтузіазмомъ стремленіе къ Св. Гробу восторжествовало, наконецъ, когда графъ Раймундъ, ставшій наиболѣе вліятельнымъ предводителемъ за отсутствіемъ Боэмунда, оставшагося въ Антиохіи, снова сталъ задерживать крестоносное ополченіе на цѣлые мѣсяцы предъ крѣпостью Аркой (Иркахъ), принадлежавшей Триполису, для того, чтобы захватить въ свои руки вмѣстѣ съ этой крѣпостью весь Триполискій эмиратъ. И тутъ тоже его собственныя войска подожили свои накладки и повели насильно дальше на югъ своего предводителя, кнѣвшаго безсильной злобой. Когда крестоносцы проходили мимо приморскихъ городовъ, то они требовали только одного, чтобы сельджукскіе эмиры не позволяли себѣ рѣзкихъ нарушеній нейтралитета; снова овладѣвшее ополченіемъ религіозное настроеніе стало неудержимымъ.

Наконецъ, 7 іюня 1099 г. умиленные крестоносцы увидѣли предъ собою Іерусалимъ, эту столь желанную цѣль похода, продолжавшагося почти три года, а 15 іюля, послѣ пятидневной осады въ жаркой и безводной мѣстности, во время которой паломники испытали всѣ муки лишеній, но вмѣстѣ съ тѣмъ и всю прелесть беззавѣтнаго экстаза и гордаго боевого пыла, они вырвали изъ рукъ невѣрныхъ Св. Городъ посредствомъ штурма послѣ страшной кровавой бани, продолжавшейся нѣсколько дней подрядъ. Попытка со стороны церкви организовать вновь завоеванную область на чисто іерархическомъ основаніи потерпѣла крушеніе; а послѣ того отказались отъ предложенной имъ короны новаго государства изъ не вполне ясныхъ мотивовъ, можетъ быть, именно изъ-за этихъ притязаній церкви, нѣкоторые изъ самыхъ выдающихся предводителей, въ томъ числѣ даже столь жадный къ почестямъ и матеріальнымъ выгодамъ Раймундъ; при такихъ условіяхъ Готфридъ Бульонскій сталъ 9 дней спустя „защитникомъ Св. Гроба“ на правахъ ленника церкви. 12 августа онъ оправдалъ свой почетный титулъ, когда ему пришлось повести еще не вполне распущенное, къ счастью, ополченіе крестоносцевъ къ Аскалону въ побѣ-

дonoсную битву съ подошедшими военными силами визиря Алафдала. Къ сожалѣнью, крестоносцамъ не удалось взять этого укрѣпленнаго портового города опять-таки вслѣдствіе раздоровъ между ихъ предводителями; но опасность со стороны Египта, которую болѣе предусмотрительные изъ предводителей хотѣли предупредить посредствомъ похода на Каиръ еще до осады Іерусалима, была устранена на время. Въ то время, какъ толпы паломниковъ устремились частью морскимъ путемъ на родину, а частью повернулись снова къ заманчивымъ берегамъ Сѣверной Сиріи, молодое Іерусалимское государство могло рѣшиться на попытку стать на своихъ собственныхъ ногахъ.

Попытка была не изъ легкихъ; обезлюдѣвшая, опустошенная войнами послѣднихъ лѣтъ Палестина едва ли была подходящей почвой для созданія самостоятельнаго государства. Магометанское населеніе было перебито или разбѣжалось; христіанское было малочисленно и жило въ нищетѣ. Остатки франкскаго рыцарства, которые готовы были содѣйствовать Готфриду въ заселеніи его владѣній, исчисляются на основаніи едва ли преувеличеннаго преданія всего-на-всего въ 200 кавалеристовъ, а вмѣстѣ съ принадлежащей къ нимъ пѣхотой это едва ли составитъ 2,000 человекъ. половина которыхъ состояла изъ подчиненныхъ Танкреда, князя Галилеи, который велъ непрерывную партизанскую войну ради славы и добычи въ теченіе цѣлаго года, пока, наконецъ, неудача, постигшая Боэмунда, который попалъ въ плѣнъ къ туркамъ, не вызвала его въ качествѣ регента въ Антиохію. Въ этомъ же княжествѣ ему приходилось работать, не пакая рука, для того, чтобы отстоять свою независимость отъ невѣрныхъ, которые сильно насѣдали на него изъ Халеба, находившагося въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Антиохіей, и отъ грековъ. Императоръ Алексій не соблюдалъ договора 1097 года такъ же, какъ и крестоносцы; каждая сторона вваливала на другую отвѣтственность за первоначальное нарушеніе этого договора. Такимъ образомъ вмѣсто тѣснаго союза между греками и крестоносцами, къ которому стремились обѣ стороны, выросъ рѣзкій антагонизмъ, заполнившій съ короткими промежутками все первое столѣтіе періода крестовыхъ походовъ. Вскорѣ начались войны между греками и антиохійцами сначала изъ-за обладанія гаванью Лаодикеей, а затѣмъ по большей части въ Киликіи, которая оставалась объектомъ спора между обѣими сторонами, пока она не стала, наконецъ, ядромъ вновь зарождающагося армянскаго государства; къ этимъ войнамъ присоединился исконный антагонизмъ между провансальцами и норманнами. Раймундъ Тулузскій вступилъ въ союзъ съ греками, противниками Боэмунда и Танкреда, но этотъ союзъ не далъ ему никакой выгоды. Онъ скончался 28 февраля 1105 года во время попытки основать для себя въ Триполи съ свое собственное княжество. Только его сыну Бертрану удалось занять этотъ городъ и основать графство Триполитанское 12 іюля 1109 г., воспользовавшись тѣмъ сильно укрѣпленнымъ замкомъ, который былъ возведенъ его отцомъ противъ города, т. е. „замкомъ паломниковъ“ на горѣ паломниковъ („Mons peregrinorum“), который былъ названъ мусульманами Санджилъ по титулу Раймунда „графъ Сепъ-Джилъ“ (см. приложение: „Триполисъ въ Сиріи“). Между этимъ новымъ графствомъ и Іерусалимомъ установились такія же слабыя, почти только теоретическія отношенія зависимости, какія существовали между Антиохіей и Эдессой; впоследствии у него развилось естественнымъ образомъ все болѣе сильное тяготѣніе къ Сѣверу и, наконецъ, оно соединилось съ Антиохіей.

Такимъ образомъ всѣ остальные князья были заняты своими собственными дѣлами, и Іерусалимъ былъ окончательно предоставленъ самому себѣ; кромѣ осторожнаго сопротивленія іерархическимъ притязаніямъ вновь основаннаго патріархата правительственная дѣятельность Готфрида ограничивалась кое-какими почти безплодными попытками присоеди-

Горо Провидишес на Си

История человечества. VI

Триполись въ Сири: на переднемъ планѣ слѣва, на Горѣ Паломниковъ — выстроенный въ 1103 году, имѣющій видъ крѣпости замокъ Раймунда Сень-Жилля, графа Тулузскаго.

Изъ соч. Эдмунда Сэнга-Дэвида (Нью-Йоркъ, 1850 г.)

ненія къ своему „государству“ нѣсколькихъ портовыхъ городовъ, необходимыхъ для обезпеченія его сношеній съ Западомъ. О дѣйствительномъ государственномъ устройствѣ едва ли могла быть рѣчь, не говоря уже о томъ тонко разработанномъ государственномъ и правовомъ строѣ позднѣйшаго Иерусалимскаго королевства (стр. 437 и 447), который былъ изложенъ на письмѣ въ „Ассизахъ“, приписывавшихся впоследствии Готфриду. Когда „защитникъ Гроба Господня“ скончался черезъ годъ послѣ своего вступленія во власть (18 іюля 1100 года), отравленный арабскимъ эмиромъ, какъ говорила молва, то онъ оставилъ послѣ себя только первые начатки новаго государства. Легенда, для которой его личность давала цѣлый рядъ исходныхъ точекъ, идеализировала въ чрезвычайныхъ размѣрахъ дѣянія своего любимца въ Св. Землѣ; она связываетъ всю его жизнь до крестоваго похода съ его божественнымъ призваніемъ, приписываетъ ему главенствующую роль во все время похода, которая въ дѣйствительности никогда не принадлежала ему, хотя онъ и совершилъ немало храбрыхъ подвиговъ во главѣ своего нѣмецкаго отряда, и превращаетъ его, этого потомка таинственнаго рыцаря-лебедя, въ блестящаго государя, резиденція котораго находилась у Гроба Господня. Въ дѣйствительности же этотъ простодушный германскій храбрецъ хранилъ только мѣсто для своихъ преемниковъ.

5. Иерусалимское государство въ его прогрессивномъ развитіи (отъ 1100 до 1143 года).

Настоящими основателями франкскаго Иерусалимскаго государства (въ тѣсномъ смыслѣ) были оба лотарингца Балдуинъ I (отъ 1100 до 1118 года) и Балдуинъ II (отъ 1118 до 1131 года). Оба они были до своего вступленія во власть надъ Св. Землей князьями Эдессы и на этомъ выдвинутомъ впередъ форпостѣ прошли тяжелую школу войны съ невѣрными; оба они были людьми съ энергичнымъ характеромъ, яснымъ умомъ и отличались отсутствіемъ нравственной щепетильности, что было безусловно необходимымъ условіемъ для реальныхъ успѣховъ при существовавшемъ въ то время тяжеломъ положеніи. Выступившій противъ притязаній духовенства, уже признанныхъ его братомъ Готфридомъ, Балдуинъ отвергъ, не задумываясь, верховную ленную власть патріарха и заставилъ его возложить на себя королевскую корону въ церкви Рождества Христова въ Виѳлеемѣ (въ праздникъ Рождества 1100 года). Это былъ часъ рожденія франкскаго государства. Правительственные таланты Балдуина I и его племянника, который былъ его преемникомъ сначала въ Эдессѣ, а потомъ въ Иерусалимѣ, изыскали наилучшіе пути и средства для заполненія соотвѣтствующимъ содержаніемъ королевскаго титула, оставшагося на первыхъ порахъ пустымъ звукомъ; тѣмъ не менѣе, возможность основанія въ Палестинѣ болѣе или менѣе значительнаго колониальнаго государства пришла извѣстна, какъ слѣдствіе дальнѣйшаго дѣйствія тѣхъ силъ, которыя уже были признаны нами во вступительныхъ статьяхъ главнѣйшими двигательными силами крестовыхъ походовъ.

А. Колонизація Сиріи переселенцами изъ Западной Европы.

Подвиги и страданія, изъ которыхъ слагалось содержаніе перваго крестоваго похода, казались чудесами въ глазахъ западно-европейцевъ, знакомившихся съ ними; подобно этому и мощное движеніе, которое привело къ этой первой священной войнѣ тоже было чѣмъ-то сверхестественнымъ для наивнаго міровоззрѣнія современниковъ. Разказы о томъ, что дѣлалось на Востокѣ, переносились изъ замка въ замокъ, изъ деревни въ деревню, изъ города въ городъ, читались съ церковной кафедры, распѣва-

лись странствующими музыкантами и поддерживали религиозный и воинственный пылъ, ту жажду приключений, составлявшую странную смѣсь благочестія и страсти къ наживѣ, которая погнала на Востокъ въ 1096 г. сотни тысячъ людей. Теперь зарождаются непрерывныя сношенія между Западомъ и Востокомъ, благодаря которымъ въ теченіе почти 200 лѣтъ поддерживался громадный, неслыханный ни раньше, ни позже обмѣнъ. Писатели сравнивали состояніе Западной Европы въ теченіе этихъ двухъ столѣтій съ взволнованнымъ моремъ, медленно успокаивающимся послѣ сильной бури. Тотъ, кто видитъ результаты періода крестовыхъ походовъ исключительно только въ большихъ экспедиціяхъ указываемой преданіемъ численности, тотъ получить какъ нельзя болѣе ложное представленіе объ этомъ историческомъ періодѣ и предпріятіяхъ крестоносцевъ. Средствомъ для перемѣненія избытка народныхъ силъ съ Запада на Востокъ служили вовсе не одни только эти передвиженія большихъ массъ, хотя ихъ было гораздо больше, чѣмъ обыкновенно насчитываемые семь крестовыхъ походовъ (стр. 459).

Оживленныя сношенія между Западомъ и Востокомъ, существовавшія отъ начала XII столѣтія до конца XIII, походили какъ нельзя больше на американскую эмиграцію нашего времени, но захватывали гораздо глубже и шире нѣкоторые слои населенія, особенно высшіе: это было непрерывное движеніе взадъ и впередъ какъ морскимъ путемъ, такъ и по сушѣ, народная волна паломниковъ и колонистовъ, пріобрѣвшая черезъ короткое время прочную организацію въ видѣ правильныхъ рейсовъ (Passagen), совершавшихся лѣтомъ и осенью между средиземно-морскими портами Европы и Сиріи.

Конечно, въ началѣ XII столѣтія это движеніе находилось еще въ зачаткѣ; но, тѣмъ не менѣе, уже въ это время дѣйствовали со всей своей силой тѣ интересы, которые стремились съ успѣхомъ къ освобожденію основанныхъ въ Сиріи франкскихъ княжествъ отъ исключительнаго вліянія религиознаго и военнаго авантюризма и къ превращенію ихъ въ настоящія колоніальныя государства. Это тѣ же самыя силы, которыя повели съ самаго начала къ новому широкому распространенію западно-европейской культуры въ юго-восточномъ направленіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ колонизаціонныя стремленія норманновъ затихли совершенно неожиданно къ этому времени. Правда, можно еще отмѣтить нѣсколько крупныхъ походовъ викинговъ въ Сирію, предпринятыхъ въ это время. Какъ разъ во время перваго крестоваго похода и непосредственно за нимъ притокъ людей со всѣхъ береговъ Сѣвернаго моря, изъ Англій, Фландрій и Даній, игралъ замѣтную роль. Особенно замѣчательнъ походъ того норвежскаго короля Зигурда I, который носитъ въ отличіе отъ другихъ эпитетъ Іерусалимскаго паломника (Iorsalafare) и содѣйствовалъ своимъ флотомъ завоеванію Сидона 4 декабря 1110 г.: тѣмъ не менѣе, сношенія между норманнами и Св. Землей ограничивались главнымъ образомъ обыкновенными паломничествами безъ побочныхъ намѣреній.

Завоеванія южныхъ норманновъ въ далекихъ странахъ закончились занятіемъ Антиохіи; повиднмому, истощилась даже вся ихъ энергія. Такъ какъ Боэмундъ, освободившійся изъ плѣна лѣтомъ 1103 г., засталъ свое княжество въ крайне стѣсненномъ положеніи, то онъ отправился на Западъ, чтобы наwerbовать тамъ новыя отряды для борьбы съ исламомъ (въ январѣ 1105 г.). Его свѣтская проповѣдь крестоваго похода, съ которой онъ прошелъ всю Европу до самой Франціи, тоже имѣла повсюду громадный успѣхъ. Однако, когда онъ увидѣлъ себя осенью 1107 г. во главѣ большого флота и сильнаго ополченія, остатокъ безшабашнаго удачества увлекъ даже этого самаго трезваго изъ предводителей перваго крестоваго похода къ попыткѣ повторить неудавшееся нападеніе его отца, Роберта Гискара, на Греческую имперію, которая, какъ кажется, была источникомъ всѣхъ страданій крестоносцевъ въ теченіе всего этого столѣтія. Попытка

оказалась опять неудачной, и на этотъ разъ съ самаго начала. Послѣ безплодной осады Дураццо Боэмундъ былъ вынужденъ къ заключенію унижительнаго мира (въ сентябрѣ 1108 г.). Онъ скорѣе нѣсколько лѣтъ спустя, 7 марта 1111 г., на своей родинѣ въ то время, когда онъ готовился къ новому походу на Востокъ. Еще черезъ годъ (12 декабря 1112 г.) сошелъ со сцены также и Танкредъ, который сумѣлъ какъ-нибудь отстоять свои сирійскія владѣнія отъ сельджуковъ и грековъ, несмотря на свои привычки странствующаго рыцаря.

Съ ихъ смертью норманнское вліяніе начинаетъ исчезать также и въ Сиріи. Правда, Антиохійское государство осталось, въ видѣ исключенія изъ всѣхъ государствъ, основанныхъ крестоносцами, въ теченіе всего своего существованія въ рукахъ прямыхъ потомковъ своего основателя съ той только оговоркой, что въ 1130 г. оно перешло по наслѣдству по женской линіи; Антиохійская династія Боэмундовъ пережила на нѣсколько десятковъ лѣтъ въ качествѣ владѣтельныхъ князей Триполиса паденіе своего первоначальнаго княжества, завоеваннаго мусульманами въ 1268 г., а побочная линія той же династіи заняла кипрскій тронъ (стр. 475). Однако, съ 1136 г. въ которомъ Констанца, внучка перваго Боэмунда (т. V, стр. 94), отдала свою руку Раймунду изъ Пуату, сыну „перваго трубадура“ Вильгельма Аквитанскаго, на Оронтѣ тоже стало преобладать французское вліяніе, которое распространялось приблизительно въ это время почти на всѣ государства, основанныя крестоносцами, одновременно съ паденіемъ Лотарингской династіи въ Иерусалимѣ. Въ составѣ большихъ отрядовъ крестоносцевъ, равно какъ и въ числѣ постепенно прибывавшихъ изъ года въ годъ въ Палестину паломниковъ, попадалось не мало нѣмецкихъ, англійскихъ и сѣверныхъ удалцовъ. Въ сирійскихъ гаваняхъ и столицѣ королевства толпились представители всѣхъ націй; но главный приливъ переселенцевъ и притомъ переселенцевъ, принадлежавшихъ къ руководящимъ слоямъ населенія и тѣмъ кругамъ его, которые пріобрѣтали осѣдность за моремъ, шелъ преимущественно и притомъ во всеусиливающейся пропорціи изъ Франціи. Эти переселенцы быстро наложили на франкскія государства отпечатокъ французской жизни, который сохранился и впоследствии за однимъ исключеніемъ, имѣвшимъ самое существенное значеніе, какъ для самаго основанія, такъ и для дальнѣйшей судьбы этихъ государствъ.

Б. Участіе итальянскихъ приморскихъ городовъ въ колонизаціи Сиріи.

Участіе итальянскихъ приморскихъ городовъ сыграло важную роль уже въ исторіи перваго крестоваго похода. Генуэзскій флотъ оказалъ съ моря дѣятельную поддержку какъ осадѣ Антиохіи, такъ и осадѣ Иерусалима. Въ концѣ лѣта 1099 г. большое крестоносное ополченіе города Пизы достигло гавани Лаодикии, попавшей въ руки грековъ, и оказало помощь въ блокадѣ этого города Боэмундомъ, которая на этотъ разъ все еще оказалась неудачной, вследствие неучастія остальныхъ предводителей крестоносцевъ. Позже итальянскіе приморскіе города принимали участіе въ восстановленіи разрушенныхъ Иерусалима и Яффы, а въ послѣднемъ изъ этихъ двухъ городовъ они заложили основаніе процвѣтавшей тамъ впоследствии пизанской колоніи. Вскорѣ обнаружилось, что сотрудничество итальянскихъ торговыхъ націй было безусловно необходимо для созданія крестоносцами жизнеспособныхъ государственныхъ организмовъ и для ихъ поддержанія. Но мѣрѣ того, какъ извращенная политика Византіи и растущій антагонизмъ между крестоносцами и греками заграждалъ сухопутное сообщеніе съ Сиріей черезъ Малую Азію, обладаніе гаванями на сирійскомъ берегу, которому придавали мало цѣны на первыхъ порахъ, стало жизненнымъ вопросомъ для франкскихъ государствъ, такъ какъ это былъ единственный путь къ обезпеченію сношеній со старой ро-

диной и притока людей и товаровъ. Торговые города Италіи пользовались систематически для достиженія своихъ собственныхъ цѣлей той нуждой, которую испытывали крестоносцы въ ихъ флотъ для пріобрѣтенія и для защиты этихъ драгоценныхъ гаваней; итальянскіе города преслѣдовали настойчиво тѣ собственные свои цѣли, которыя были выдвинуты открытіемъ Сиріи и сирійскихъ торговыхъ путей для европейской торговли. Они не дожидались, пока франкскіе князья поднесутъ имъ подарокъ изъ чувства благодарности, а ставили сразу свои условія. Еще до завоеванія отдѣльныхъ городовъ они обезпечили себѣ уступку значительныхъ владѣній и правъ въ этихъ городахъ въ награду за свою помощь. Такимъ образомъ тутъ, какъ и въ Греческой имперіи, возникли колоніи гражданъ итальянскихъ городовъ, которыя разрослись и превратились въ важные опорные пункты не только для восточной торговли, но и для франкскаго господства, несмотря на то, что онѣ подрывали въ сущности политическую систему франковъ. Въ то же время признанные носители этой системы, представители рыцарства и благороднаго сословія, на первыхъ же порахъ обнаружили свою неспособность къ дѣйствительной поддержкѣ ея. Это сословіе неспособно было справиться со своими государственными задачами на Востокъ; да и самые крестовые походы, начиная съ перваго, совершавшіеся подъ ихъ предводительствомъ, уклонились отъ своихъ цѣлей. Напротивъ того, колонизаціонныя стремленія итальянцевъ шли прямо къ намѣченной цѣли и отrekliсь съ самаго начала отъ всякой религіозной мистики, всякихъ грандіозныхъ фантастическихъ цѣлей, отъ всякаго безцѣльнаго авантюристическаго удалства.

Когда венеціанцы прибыли впервые въ Палестину съ большимъ флотомъ лѣтомъ 1100 г. и узнали прямо изъ устъ герцога Готфрида, что если бы они не пришли, то онъ былъ бы вынужденъ отказаться отъ всѣхъ своихъ завоеваній, то они поняли, что теперь для нихъ настало время дѣйствовать. Они предложили ему свою помощь въ военныхъ дѣйствіяхъ на срокъ отъ дня св. Іоанна Крестителя до Вознесенія св. Дѣвы; взаменъ этого они поставили условіемъ, чтобы во всякомъ приморскомъ и сухопутномъ городѣ, который находится во владѣніи крестоносцевъ или же которымъ они завладѣютъ въ будущемъ, имъ была дана церковь вмѣстѣ съ площадью для рынка, а въ каждомъ изъ тѣхъ городовъ, которые будутъ завоеваны ими сообща съ франками, имъ должна быть уступлена цѣлая треть. Что касается города Триполиса, то они даже выговорили его себѣ въ полное владѣніе, если онъ будетъ завоеванъ, съ обязательствомъ платить небольшую ежегодную дань; кромѣ того венеціанцы требовали для себя освобожденія отъ пошлинъ и нѣкоторыхъ другихъ привилегій. Правда, на первыхъ порахъ удалось только завоевать при содѣйствіи Танкреда маленькій городокъ Хаифу у подошвы Кармела, но условія, поставленныя Готфриду, пріобрѣли значеніе образца для послѣдующаго времени.

Генуэзскій флотъ помогъ Балдуину I въ маѣ 1101 года завоевать Арзуфъ и Цезарею, а изъ послѣдняго изъ этихъ городовъ онъ увезъ вмѣстѣ съ прочей богатой добычей знаменитую святую чашу (*sacra catina*), которую считали изумрудной и принимали за сосудъ, служившій для Тайной Вечери (она сохраняется въ соборѣ Санъ-Лоренцо въ Генуѣ); религіозная поэтическая фантазія христіанскаго міра превратила эту чашу въ святой Грааль (*sanguis realis*, царская кровь). Въ томъ же году небольшая экспедиція генуэзцевъ содѣйствовала Раймунду при взятіи Тортозы, а 26 мая 1104 года большой флотъ, прибывшій изъ Генуи, завоевалъ для христіанъ въ союзъ съ королемъ Балдуиномъ важнѣйшую гавань Сирійскаго побережья Акку (Аконъ). Послѣ этого Балдуинъ предоставилъ генуэзцамъ большія привилегіи, совершенно сходныя съ полученными венеціанцами отъ Готфрида, которыя были записаны золотыми буквами на камнѣ, поставленномъ позади главнаго алтаря церкви Гроба Господня: въ

Арауфъ, Цезареъ и Акконъ имъ были даны мѣста для поселенія размѣромъ въ одну треть каждаго изъ этихъ городовъ и въ соотвѣтствующей пропорціи полевая земля въ окрестностяхъ этихъ городовъ, а также особые кварталы въ Иерусалимѣ и Яффѣ и право на полученіе трети въ каждомъ изъ тѣхъ городовъ, которые будутъ завоеваны съ ихъ помощію. Вдобавокъ имъ была уступлена треть портовыхъ пошлинъ города Аккона, а сами они были освобождены отъ всякихъ торговыхъ пошлинъ въ предѣлахъ Иерусалимскаго королевства. Такимъ образомъ генуэзцы обезпечили за собою въ Иерусалимскомъ королевствѣ весьма вліятельное положеніе: вмѣстѣ съ тѣмъ они приняли существенное участіе въ основаніи графства Триполискаго, отдавши въ руки Раймунда Тортозу въ 1101 г., а 28 апрѣля 1104 г. Малый Гибеллюмъ (Гибелеть или Джубайль между Бейрутомъ и Триполисомъ) и завоевавши для его сына Бертрапа въ 1109 г. самую столицу Триполиса (стр. 428). Въ награду за эти услуги генуэзцы получили треть города Триполиса, а Гибеллюмъ былъ предоставленъ въ ихъ полное владѣніе.

Въ предшествующемъ году визанцы помогли Танкреду при окончательномъ завоеваніи Лаодикей у грековъ. Теперь генуэзцы передали въ его руки Большой Гибеллюмъ (Джебелехъ; 23 іюля 1109 г.) и такимъ образомъ помогли ему возстановить сухопутное сообщеніе между Антиохіей и Триполисомъ. Теперь былъ заполненъ промежутокъ между Аккономъ, самымъ сѣвернымъ городомъ королевства, и Гибелетомъ, самымъ южнымъ городомъ графства Триполискаго; въ 1110 г. были заняты Бейрутъ (13 мая) и Сидонъ. Подъ Бейрутомъ дѣйствовали генуэзцы, а подъ Сидономъ норвежцы, какъ уже сказано было выше (стр. 430), а кромѣ нихъ, вѣроятно, также и венеціанцы. Наконецъ, большой флотъ венеціанцевъ одержалъ блестящую побѣду надъ египтянами при Аскалонѣ 7 іюля 1124 г. во время отсутствія Балдуина II, находившагося въ турецкомъ плѣну съ 13 сентября 1122 г.; съ помощію этого флота былъ взятъ Тиръ, эта послѣдняя изъ сѣверныхъ гаваней, еще не занятыхъ крестоносцами. Кромѣ обычной трети въ каждомъ изъ завоеванныхъ ими городовъ венеціанцамъ было теперь предоставлено безъ всякой платы и безъ всякихъ другихъ обязательствъ съ ихъ стороны по цѣлой улицѣ, площади, церкви, банѣ и печи для изготовленія хлѣба въ каждомъ городѣ, принадлежавшемъ королю или которому-нибудь изъ его бароновъ. Въ Иерусалимѣ имъ былъ обѣщанъ цѣлый кварталъ, равный по величинѣ владѣніямъ самого короля въ столицѣ; въ Акконѣ имъ было предоставлено право печь для себя хлѣбъ въ своей собственной печи, молоть муку на собственной мельницѣ, мыться въ собственной банѣ безъ всякихъ препятствій со стороны другихъ городекихъ жителей, и кромѣ того имъ было обѣщано здѣсь, какъ и повсюду, полное освобожденіе отъ всякаго обложенія.

Надо, однако, оговориться, что въ средніе вѣка обѣщать и исполнить было не одно и то же; каждый разъ какъ франкскіе владѣтельные князья чувствовали себя достаточно сильными, они далеко не всегда были склонны предоставить въ дѣйствительности италіянскимъ коммунамъ обѣщанныя имъ привилегіи. Несмотря на это, Генуя и Венеція все же воспользовались фактически переданными имъ владѣніями и своими привилегіями для основанія на Сирійскомъ берегу своеобразнаго колониальнаго государства, послужившаго ядромъ или, можно сказать, цементомъ франкскихъ феодальныхъ владѣній, въ которыхъ по самой ихъ природѣ преобладало стремленіе къ разьединенію, а не къ соединенію.

В. Представители Лотарингской династіи Балдуинъ I и Балдуинъ II (отъ 1100 до 1131 г.).

Какъ частичный успѣхъ перваго крестоваго похода, такъ и существованіе Иерусалимскаго королевства въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ

десятилѣтій и его военное превосходство зависѣли съ самаго начала только отъ феодальной раздробленности сельджукскаго государства, вполне походившаго въ этомъ отношеніи на владѣнія франковъ. Какъ только на турецкой сторонѣ является талантливый предводитель, способный направить силы сельджуковъ къ одной опредѣленной цѣли даже на короткое время, то христіане, которымъ никогда не удавалось объединиться ради одной общей цѣли, попадаютъ въ тяжелое, а нерѣдко и въ отчаянное положеніе. Съ самаго начала они заняты исключительно своими частными интересами, обращаютъ свое оружіе другъ противъ друга и прибѣгаютъ даже къ помощи враговъ христовой вѣры. Исконные тысячелѣтніе географическіе контрасты между различными частями Сиріи, сѣверная часть которой тяготеетъ по своимъ природнымъ условіямъ къ Евфрату и Тигру, а южная къ Нилу, оказываются гораздо болѣе сильными, чѣмъ вѣроисповѣдныя различія; къ великому ужасу и негодованію преисполненныхъ религіознаго пыла паломниковъ война за вѣру, какъ таковая, отступаетъ уже черезъ короткое время на задній планъ предъ мѣстными жизненными потребностями отдѣльныхъ мелкихъ государствъ какъ въ Сѣверной Сиріи, такъ и въ Южной.

Посреди этихъ смуть, осложненныхъ еще необходимостью постояннаго отраженія византійскихъ посягательствъ и нападений, Іерусалимское государство могло упрочиться все же скорѣе, чѣмъ остальные, такъ какъ оно въ существенныхъ отношеніяхъ освободилось отъ сосѣдства съ своими сельджукскими врагами со времени занятія морского берега франками, хотя іерусалимскимъ королямъ часто приходилось вмѣшиваться въ смуты, происходившія на сѣверѣ. Опасность со стороны Египта, нерѣдко принимавшая угрожающій характеръ въ теченіе первыхъ десятилѣтій, но побѣдоносно отражаемая, умалаялась по мѣрѣ усиленія старческой дряхлости государства Фатимидовъ, такъ что даже сосѣдство Аскалона почти перестало стѣснять франковъ, и только въ 1153 г. они предприняли походъ для завоеванія этой крѣпости (стр. 447); что касается Дамаска, лежавшаго у противоположной границы Іерусалимскаго королевства, то онъ все же былъ скорѣе оплотомъ отъ нападений со стороны Месопотаміи, чѣмъ серьезной угрозой для франковъ, несмотря на то, что военныя столкновения между ними и этимъ городомъ случались очень часто (стр. 409). При такихъ условіяхъ нельзя сомнѣваться въ дальновидности Балдуина I, который былъ озабоченъ главнымъ образомъ будущимъ положеніемъ своего государства по отношенію къ Египту, когда только ему не предстояло серьезныхъ задачъ на морскомъ побережьи, а Антиохія и Эдесса не нуждались въ его помощи. Имъ же было положено начало поясу сильныхъ укрѣпленій, ограждавшему границу съ юга, въ особенности со стороны Аскалона, въ томъ числѣ крѣпости Пбеллицу; имъ были также заложены достроенные при Фулько укрѣпленные замки Бейтъ Джибринъ, Бейтъ Нуба и Тель эсъ-Сафіе (Blanche garde). Самымъ важнымъ же его дѣломъ было возведеніе Монреала (Mont royal), громаднаго укрѣпленія въ пустынѣ, выдвинутаго впередъ въ Каменистую Аравію на полупути между Мертвымъ и Краснымъ морями. Оно господствовало надъ дорогами между Египтомъ, Аравіей и Дамаскомъ и могло поэтому служить прикрытіемъ для торговыхъ сношеній между этими странами въ мирное время и прерывать ихъ во время войны; оно удовлетворяло такимъ образомъ насущной потребности. Вислѣдствіи къ этому сильному форпосту присоединились въ видѣ важнаго дополненія Керакъ къ востоку отъ Мертваго моря (стр. 437), а далѣе къ югу крѣпость въ Вали Муза. Дальновидная политика Балдуина I въ этомъ направленіи толкнула его уже въ 1016 г. къ смѣлой экспедиціи къ берегу Краснаго моря и, наконецъ, въ 1018 г. даже въ Египетъ, но онъ заболѣлъ въ дельтѣ Нила и вынужденъ былъ прекратить свой походъ. На обратномъ пути смерть постигла его 3 апрѣля.

Ему унаслѣдовалъ находившійся какъ разъ въ это время въ Іерусалимѣ Балдуинъ II Эдесскій. Такъ какъ этотъ послѣдній находился въ тѣсной связи съ дѣлами Сѣверной Сиріи въ теченіе почти 20 лѣтъ, то не удивительно, что онъ и теперь посвятилъ себя преимущественно тѣмъ задачамъ, которыя предстояли на сѣверѣ. Какъ разъ въ это время Антиохія очутилась на самомъ краю гибели вслѣдствіе тяжелаго пораженія, нанесеннаго антиохійскому рыцарству эмиромъ мардинскимъ Ильгази, при чемъ погибъ, между прочимъ, регентъ Рожеръ дель Принчипато (28 іюня 1119 г.). Только Балдуину II, взявшему регентство въ свои собственныя руки, Антиохійское княжество было объявлено тѣмъ, что, несмотря на всѣ неудачи, вся его территория перешла безъ всякихъ потерь къ молодому Боэмунду II, когда этотъ послѣдній принялъ въ октябрѣ 1126 г. престолъ вмѣстѣ съ рукой второй дочери Балдуина, Алисы. Къ сожалѣнію, къ королю не всегда относились съ той разумной предупредительностью, которая соответствовала его заслугамъ передъ княжествомъ. Такъ, напримѣръ, его зять уклонился преднамѣренно отъ поддержки одного изъ многообѣщавшихъ предпріятій Балдуина противъ Халеба. Антиохійцы считали пужнымъ не дать королю чрезмѣрно усилиться даже предъ врагами вѣры, и Халебъ остался незавоеваннымъ такъ же, какъ и Дамаскъ, противъ котораго Балдуинъ предпринималъ тоже систематическія наступательныя дѣйствія. Тамъ франки вынуждены были удовольствоваться захватомъ значительной части территории Халеба, а тутъ капитуляціей Баніаса (въ 1129 г.), форпоста Дамасскаго княжества у Хермона и у источниковъ Іордана, откуда мусульмане беспокоили непрерывно сѣверную часть Палестины и приморскіе города и поддерживали до самаго послѣдняго времени сопротивленіе со стороны еще не завоеваннаго Тира. Впослѣдствіи, когда Баніасъ перешелъ обратно въ руки невѣрныхъ въ 1132 г., но былъ опять взятъ франками въ 1140 г. (съ тѣмъ, чтобы перейти окончательно во власть Нуръ-Эль-Дипа въ 1165 г.), надъ этимъ пунктомъ былъ воздвигнутъ сильный укрѣпленный замокъ крепостноецвъ Калаатъ-эсъ-Субебе, сооруженіе котораго было окончено въ 1139 г. Въ общемъ итогъ Балдуинъ II добился весьма скромныхъ результатовъ. Однако, побѣды франковъ все же производили на магометамъ сильное и не скоро сглаживающееся впечатлѣніе. Довольно характерны для тогдашняго настроенія мусульманъ слѣдующія нѣсколько преувеличенныя жалобы одного изъ ихъ летописцевъ: „Счастливая звѣзда ислама закатилась, и солнце его судебъ спряталось за тучи. Знамена невѣрныхъ развѣвались надъ мусульманскою землей, и побѣды нечестивцевъ ослѣпли правовѣрныхъ“. Царство франковъ простиралось отъ Мардиша въ Месопотамію до Эль-Ариша на границахъ Египта; во всей Сиріи осталось нѣсколько городовъ, свободныхъ отъ ихъ власти, и даже изъ этихъ городовъ одинъ, Халебъ, платилъ имъ дань, а другой, Дамаскъ, вынужденъ былъ выдать имъ своихъ рабовъ-христіанъ. Въ Месопотамію ихъ войска доходили до Амиды и Низибиса, а мусульмане Гакки и Харрана не пользовались никакой защитой отъ ихъ свирѣпости.

Г. Рыцарскіе ордена.

Въ царствованіе Балдуина II выросли тѣ учрежденія, въ которыхъ выразился впослѣдствіи съ наибольшимъ блескомъ расцвѣтъ рыцарскихъ орденовъ, совмѣщавшихъ въ себѣ въ одно и то же время какъ духовную, такъ и свѣтскую рыцарскую славу государствъ, основанныхъ крестоносцами; но мало-по-малу эти ордена превратились въ государства въ государствахъ и были одной изъ самыхъ важныхъ причинъ упадка христіанскихъ государствъ Сиріи. Къ 1119 году относится основаніе ордена храмовниковъ, учрежденнаго Гуго Пайнисомъ и бывшаго первоначально простымъ, примыкавшимъ къ больницѣ св. Іоанна обществомъ для за

щиты паломниковъ отъ разбойниковъ; изъ союза воиновъ новое учрежденіе превратилось вскорѣ въ духовный орденъ, члены котораго давали обѣтъ цѣломудрія, бѣдности и послушанія и клялись предъ патріархомъ іерусалимскимъ защищать съ оружіемъ въ рукахъ паломниковъ и св. мѣста. Въ этомъ сочетаніи военной службы съ дѣлами благочестія орденъ выразилъ самымъ удачнымъ образомъ духъ своей эпохи. Послѣ того, какъ онъ приобрѣлъ себѣ могущественнаго заступника на соборѣ въ Труа, происходившемъ въ январѣ 1128 г., въ лицѣ св. Бернара Клервоскаго и получилъ изъ его рукъ уставъ, близкій къ уставу бенедиктинскаго ордена, предъ нимъ открылся широкій путь. Обширныя привилегіи, дарованныя ордену, освободили мало-по-малу его членовъ отъ вліянія пизаго духовенства, а орденскія общежитія даже отъ власти епископа; черезъ короткое время орденъ сталъ признавать себя независимымъ исключительно отъ папы и поднялся на громадную высоту. Представители высшей аристократіи вступали въ орденъ въ большомъ числѣ и отдавали ему все свое имущество; князья и бароны наперерывъ другъ передъ другомъ приносили ему въ даръ земли и крѣпостныхъ людей. Черезъ короткое время орденъ сталъ однимъ изъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ на Западѣ и самостоятельной политической силой въ Сиріи рядомъ съ сирійскими мелкими государствами. Его возрастающія денежныя богатства сравнили его по значенію съ расцвѣтавшими въ эту эпоху торговыми государствами Италіи и превратили его въ крупнаго промышленника, даже въ своего рода крупный банкъ, болѣе или менѣе похожій на современные подобные торговые дома, такъ какъ черезъ его кассы проходила не малая часть денежнаго обмѣна съ Западной Европой, и даже въ предшественника новыхъ экономическихъ формъ, которыми воспользовался, по примѣру ордена храмовниковъ, какъ постояннымъ систематическимъ орудіемъ для своей политики, возникшій гораздо позже тевтонскій орденъ.

Храмовники получили свое имя отъ перваго полареннаго имъ Балдуиномъ II недвижимаго имущества, заключавшагося въ одной части королевскаго дворца на площади мнимаго храма іерусалимскаго, такъ называемой горной мечети (Куббетъ-эсъ-Захра); названіе ордена іоаннитовъ было дано ему въ честь того святого, во имя котораго была основана еще до начала крестовыхъ походовъ больница вмѣстѣ со страннопріемнымъ домомъ и часовней, примыкавшей къ монастырю Санта Марія Латина возлѣ церкви Гроба Господня; всѣ эти учрежденія были устроены на средства рода Амальфи. Соединеніе монастырей съ больницами было введено еще въ началѣ эпохи крестовыхъ походовъ провансальцемъ Герардомъ, благодаря стараніямъ котораго эта больница достигла высокаго процвѣтанія и обзавелась крупными богатствами; его преемникъ, заявившій его мѣсто въ 1118 г., Раймундъ дю-Нюн, преобразовалъ это братство въ почти монашескую общину и присоединилъ къ задачамъ новаго ордена войну съ невѣрными по примѣру храмовниковъ (орденъ которыхъ возникъ тамъ же, гдѣ и орденъ іоаннитовъ, какъ уже было указано). Такимъ образомъ было создано поприще для развитія еще одного учрежденія, сходнаго съ орденомъ храмовниковъ, съ той только разницей, что іоанниты (или госпиталиты) всегда оставались болѣе вѣрными своимъ первоначальнымъ цѣлямъ, уходу за больными и бѣдными, чѣмъ храмовники. Эти же послѣдніе, въ концѣ концовъ, освободились окончательно изъ-подъ власти всѣхъ другихъ представителей духовенства кромѣ папы, заняли рѣзко враждебное положеніе по отношенію къ органамъ церкви и, наконецъ, пали жертвой обвиненія въ нигилистическихъ и фаталистическихъ еретическихъ ученійхъ, будто бы заимствованныхъ ими отъ магометанскаго прототипа, таинственной секты ассасиновъ.

Д. Расцвѣтъ Иерусалимскаго королевства въ царствованіе Фулько (отъ 1131 до 1143 г.).

Періодъ восходящаго развитія обоихъ рыцарскихъ орденовъ совпадаетъ главнымъ образомъ съ царствованіемъ Фулько, который былъ раньше графомъ Анжуйскимъ и родоначальникомъ Плантагенетовъ (стр. 233) черезъ своего сына Готфрида (Жоффрау) Нормандскаго, зятя Генриха I, короля англійскаго; въ 1129 г. онъ вступилъ во второй бракъ съ старшей дочерью Балдуина II, Мелизендой, и Балдуинъ назначилъ его своимъ преемникомъ. Преданіе рисуетъ его различными красками и изображаетъ его то въ видѣ благомыслящаго и энергичнаго государя, то въ видѣ честолюбиваго и изнѣженнаго человѣка. Все же извѣстно достоверно, что онъ удержалъ государство на той высотѣ, на которой оно находилось до его вступленія на престолъ, такъ что его царствованіе можетъ считаться кульминаціонной точкой франкскаго господства въ Сиріи, такъ какъ основы государства были упрочены, а экономическое благосостояніе постепенно возрастало. Буйный графъ Юппскій Гуго былъ усмиренъ, графъ Триполитскій Понтіусъ былъ вынужденъ изъявить покорность; былъ положенъ конецъ интригамъ честолюбивой невѣстки короля Алисы Антиохійской, которая стремилась захватить власть въ свои собственныя руки вопреки правамъ своей малолѣтней дочери. Сирія была защищена отъ нападений сельджуковъ и туркменъ, а послѣ пораженія, нанесеннаго королю Фулько могущественнымъ эмиромъ моссульскимъ Имадомъ Элъ-Динъ-Цепки (11 июля 1137 г.) все же былъ достигнутъ прочный союзъ между государствами крестоносцевъ и Дамаскомъ; этотъ союзъ защитилъ Сирію отъ опасности, угрожавшей ей со стороны Месопотаміи. Политическія отношенія Сиріи отличаются такой неподвижностью, что положеніе, создавшееся при Фулько, было такое же самое, какъ за 2,000 лѣтъ передъ тѣмъ (срав. т. III, стр. 120 и сл.), когда мелкія государства Иерусалимское и Самарійское стояли лицомъ къ лицу съ месопотамскими государствами. Со стороны Египта было выстроено кольцо укрѣпленныхъ замковъ, преграждавшихъ путь для вторженій изъ Аскалона, а въ Моавитской области — укрѣпленіе Керакъ, господствовавшее подобно Монреалу надъ дорогами, соединяющими Египетъ съ Сиріей; этого укрѣпленія не слѣдуетъ смѣшивать съ „курдскимъ замкомъ“ *Crac des Chevaliers*, возведеннымъ юааиятами въ Триполитской области.

Только теперь распустились впервые пышнымъ цвѣтомъ торговля и коммерческія сношенія, исходившія изъ приморскихъ колоній италянцевъ. Отсюда распространялось благосостояніе и роскошь, свойственныя южнымъ колоніямъ; оживленіе торговли и блестящее рыцарство послужили источникомъ процвѣтанія для Иерусалимской и Антиохійской гаваней. Это была великая, еще довольно свободная отъ дурныхъ побочныхъ явленій эпоха рыцарскихъ орденовъ. Признаки упадка, возникавшіе изъ феодальнаго строя государства, еще не давали себя чувствовать въ царствованіе первыхъ энергичныхъ правителей: сосредоточеніе важныхъ военныхъ, финансовыхъ и судебныхъ верховныхъ правъ въ рукахъ крупныхъ вассаловъ, столкновенія между орденами и сепаратистскія стремленія каждаго изъ нихъ еще не обнаружались въ такихъ гибельныхъ размѣрахъ, какъ впоследствии. Фактически политическій строй государства и правовыя нормы далеко не соответствовали той идеальной картинѣ, которая изложена въ „Ассизахъ Иерусалимскаго королевства“. Текстъ этихъ ассизовъ, восходящій, повидимому, ко времени царствованія Фулько, но редактированный въ своемъ окончательномъ видѣ 100 лѣтъ спустя, составляетъ только программу для отстанванія феодальнаго строя отъ королевской власти, въ особенности отъ притязаній Фридриха II; едва ли феодальная система могла быть проведена съ такой тонкой законченностью и такой опасной послѣдовательностью въ ту эпоху, когда королевская власть

пользовалась всей своей мощью. Достоверно только то, что государственнo-правовая идея ленной системы съ ея сложной свѣтской іерархіей, отличающейся оригинальнымъ величіемъ въ примѣненіи къ условіямъ прошлыхъ вѣковъ, получила свое законченное развитіе въ Іерусалимскомъ королевствѣ и тутъ же пережила періодъ своего наивысшаго расцвѣта: намъ придется еще объяснить, почему такое широкое развитіе феодальной системы могло повлечь за собой самый глубокой упадокъ (стр. 469).

Е. Расцвѣтъ торговли и культуры въ государствахъ крестоносцевъ.

Наиболѣе сильнымъ толчкомъ къ развитію благосостоянія государствъ, основанныхъ крестоносцами, послужилъ расцвѣтъ торговли и сельскаго хозяйства благодаря итальянскимъ колонистамъ. Западно-европейскіе купцы стали твердой ногой въ Азіи, живя среди родственнаго по происхожденію населенія и при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ существованія подъ покровомъ дарованныхъ имъ преимуществъ и привилегій и пользуясь самоуправленіемъ, собственной полиціей, собственной юрисдикціей и своимъ особымъ духовенствомъ. Даже тотъ, кто посѣщалъ эти мѣста на время, ради торговыхъ цѣлей, находилъ здѣсь у своихъ земляковъ пріютъ, помощь и добрый совѣтъ и специально для этого назначенныхъ колониальныхъ чиновниковъ; отсюда ведетъ отчасти свое начало должность консуловъ (т. V, стр. 97). Въ города Сирійскаго побережья стекались произведенія почти всего Востока, такъ что устранялась необходимость въ отдаленныхъ путешествіяхъ вглубь материка. Главнымъ складочнымъ пунктомъ для торговыхъ сношеній съ Персидскимъ заливомъ, откуда шла некогда не прерывавшаяся торговля съ Индіей и Китаемъ черезъ Индійскій океанъ, равно какъ и для торговыхъ сношеній съ Внутренней Азіей и Китаемъ сухимъ путемъ черезъ Персію, Бухару, Самаркандъ, Фергану и Туркестанъ служилъ Багдадъ. Отсюда шли караванные пути до г. Ракки на Евфратѣ; тутъ же оканчивались также торговыя дороги, идущія изъ Моссула и Діарбекра черезъ Низибъ, Самосату, Эдессу, Харранъ. Ракка служила начальнымъ пунктомъ главнаго сѣвернаго торговаго пути черезъ Халебъ до морского берега у Антиохіи и Лаодикен и южнаго, направлявшагося черезъ Хама и Химсъ къ Дамаску, гдѣ онъ сходилъ съ большими дорогами изъ Аравіи и Египта. Такимъ образомъ Дамаскъ, служившій, между прочимъ, исходнымъ пунктомъ сирійскаго хаджа, т. е. паломническаго пути въ Мекку, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ центральнымъ пунктомъ передне-азіатскихъ торговыхъ сношеній; онъ получалъ съ двухъ сторонъ продукты Индіи и Китая, а кромѣ того съ сѣвера произведенія Западной Азіи, а съ юга произведенія Египта. Къ этому притоку товаровъ со всѣхъ странъ свѣта присоединялись еще произведенія собственной сильно развитой промышленности Дамаска, шелковыя ткани, въ особенности парча высокаго достоинства, и оружіе; объ эти отрасли промышленности составляли славу и гордость этого города. Этотъ великій центръ мусульманской торговли и промышленности служилъ базисомъ для Сирійскаго морского побережья. Въ то время, какъ главнымъ пунктомъ для сбыта продуктовъ довольно значительной торговли Хама и Химса на берегу близлежащаго моря служили гавани Тортоза и Триполисъ, а Антиохія и Лаодикей соединялись съ Багдадомъ черезъ Моссуль, съ далекими восточными странами черезъ Халебъ и Ракку, великіе приморскіе города Бейрутъ, Сидонъ, Тиръ и Акка тоже находились всего на разстояніи нѣсколькихъ дней пути отъ Дамаска. Внутри материка превратился въ значительный торговый центръ городъ Тиверіада, главной гаванью для котораго служила Ханфа, и который лежалъ на прорѣзывающемъ поперекъ всю Сирію пути изъ Египта въ Дамаскъ; а на самомъ берегу городъ Акконъ съ самой лучшей и самой просторной во всей Сиріи гаванью сосредоточивалъ poste-

ненно въ своихъ стѣнахъ вывозъ со всего Востока, какъ объ этомъ свидѣтельствуя дошедшіе до насъ таможенные тарифы. Согласно этимъ тарифамъ въ Акконѣ продавались ремень изъ Восточной Азіи, мускусъ изъ Тибета, перецъ, корица, мускатный орѣхъ, гвоздика, однимъ словомъ всѣ индійскія пряности, пользовавшіяся въ тѣ вѣка такимъ большимъ спросомъ, дерево алоэ изъ Ассама, камфора изъ Зондскихъ острововъ, индійская и восточно-африканская слоновая кость, ладанъ и финики изъ Аравіи и многіе др. продукты. Въ Бейрутѣ тоже продавались, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ памятники той эпохи, перецъ, ладанъ, индиго, бразильское дерево (срав. т. I, стр. 360), жемчугъ. Оптовые торговцы изъ внутреннихъ областей Востока, напр., моссульскіе купцы, перѣдко сами привозили свои товары въ эти гавани. Однако, главными посредниками въ обмѣнѣ товаровъ были туземные сирійскіе торговцы, христіане и евреи, рядомъ съ которыми отправлялись на рынки и ярмарки Халеба, Дамаска и Музериба (въ Хауранѣ) сами пизанскіе, венеціанскіе и генуэзскіе купцы приморскихъ городовъ.

Къ торговому обмѣну между портовыми городами, послѣдствіемъ котораго было хорошо знакомое намъ и нынѣ пестрое смѣшеніе народовъ на Востокѣ (напримѣръ, въ числѣ жителей Триполиса называютъ латинянъ, грековъ, армянъ, маронитовъ, несторіанъ, евреевъ и сарацинъ), присоединялась довольно значительная активная торговля Сиріи произведеніями своей собственной почвы и промышленности. Зловредное хозяйничанье османъ еще не истощило въ то время южнаго плодородія почвы; она обрабатывалась самымъ интенсивнымъ образомъ, особенно въ жаркой прибрежной полосѣ. Эта страна производила въ большомъ изобиліи южные плоды: лимоны, фиги, миндаль, какъ, напримѣръ, въ райскихъ окрестностяхъ Триполиса, гдѣ добывалось также особенно благородное вино, и въ окрестностяхъ Тира. Рядомъ съ богатымъ производствомъ маслянистыхъ плодовъ въ плантаціяхъ оливковаго дерева и сезама стоитъ разведение сахарнаго тростника, съ которымъ европейцы познакомились впервые здѣсь въ Сиріи. Отъ такихъ произведеній почвы, какъ хлопчатая бумага и шелкъ, мы можемъ перейти непосредственно къ продуктамъ промышленности; шерсть и шелкъ вывозились въ необработанномъ видѣ и въ видѣ тканей. Изготовленіе шелковыхъ тканей и ковровъ стояло на большой высотѣ въ Антиохіи, Триполисѣ и Тирѣ; когда Триполисѣ былъ завоеванъ обратно Калауномъ въ 1289 г., тамъ дѣйствовали 4,000 ткацкихъ станковъ. Сирійскія красильныя заведенія и стеклянные заводы, находившіеся по большей части въ рукахъ евреевъ, пользовались издавна большой извѣстностью и стояли на значительной высотѣ благодаря большому изобилію добываемыхъ на мѣстѣ красокъ и сырыхъ матеріаловъ. Однимъ словомъ, собственныя произведенія этой страны обезпечивали огромный вывозъ мѣстныхъ продуктовъ на западъ, а значительный ввозъ обезпечивался весьма понятной, въ виду молодого возраста колоніи и ея постоянного соприкосновенія съ западными странами, потребностью въ разнообразнѣйшихъ предметахъ потребленія и обихода, привозимыхъ изъ старой родины.

Международный обмѣнъ, отличавшійся такими размѣрами и такимъ разнообразіемъ, который былъ неизвѣстенъ до той поры западно-европейской культурѣ, послужилъ источникомъ такихъ богатствъ, о какихъ раньше не имѣли понятія. Вотъ что сообщаетъ о раннемъ періодѣ существованія Іерусалимскаго королевства одинъ современный летописецъ, капелланъ Балдуина I, присоединившійся къ нему во время перваго крестоваго похода: „Изъ дня въ день вслѣдъ за нами прибываютъ наши родственники и родители, которые покидаютъ поневолѣ все свое прежнее имущество. Богъ обогащаетъ здѣсь тѣхъ, которые были бѣдны тамъ на родицѣ: тѣ, которые имѣли мало денегъ, приобрѣтаютъ здѣсь

несмѣтное количество золота, а тотъ, кто никогда не владѣлъ даже одной деревней, тому Богъ отдаетъ здѣсь во владѣніе цѣлый городъ". После того, какъ къ легкому приобрѣтенію имущества и земли, оставшихся безъ хозяина, присоединилось широкое развитіе торговли и коммерческихъ сношеній, оказались налицо всѣ условія, необходимыя для самой пышной колониальной культуры. Быстро обнаружались всѣ обыкновенно сопутствующія ей явленія, роскошь, расточительность, безнравственность, тѣмъ болѣе, что южный климатъ способствовалъ этимъ порокамъ. На первыхъ порахъ эти тѣневныя стороны отступали на задній планъ передъ блестящей внѣшностью, такъ какъ весь блескъ западно-европейскаго рыцарскаго великолѣпія соединился съ этимъ колониальнымъ расцвѣтомъ и нашелъ здѣсь для себя классическую почву, несмотря на всѣ постороннія примѣси. Непрерывная борьба съ невѣрными, которая никогда не могла быть вытѣснена окончательно любовью къ комфорту и къ мирнымъ экономическимъ отношеніямъ, способствовала высокимъ успѣхамъ рыцарства въ боевомъ дѣлѣ, мирной и военной организаціи, и оно приобрѣло значеніе главнаго опредѣляющаго фактора средневѣковой общественной и умственной культуры въ періодъ ея наивысшаго расцвѣта. Европейская рыцарская жизнь періода крестовыхъ походовъ всегда носила на себѣ слѣды своего происхожденія изъ степей Сиріи. Франція была родиной и стала мало-по-малу великимъ фокусомъ движенія крестовыхъ походовъ; тутъ это движеніе впервые присвоило себѣ притязаніе на главенство надъ европейской цивилизаціей, и отсюда оно перешло въ остальную Западную Европу, въ особенности въ Германію. Однако, тотъ же Востокъ, который былъ источникомъ расцвѣта рыцарства, оказался также виновникомъ его вырожденія, начавшагося вслѣдствіе его соприкосновенія съ пороками колониальной культуры, подготовлявшей почву для другихъ экономическихъ, государственныхъ и общественныхъ формъ.

6. Паденіе Іерусалимскаго королевства. Второй и третій крестовый походы (отъ 1143 до 1193 г.).

А. Реакція со стороны ислама.

Восходящее развитіе государствъ крестоносцевъ продолжается до тѣхъ поръ, пока они стоятъ лицомъ къ лицу съ раздробленностью и разединенностью послѣдователей ислама, окончательно обезсиливавшими ихъ. Какъ только появлялись на сцену способные эмиры, сконцентрировавшіе планомѣрно хотя бы только часть силъ сельджуковъ, франкскія государства оказывались въ отчаянномъ положеніи. Объ этомъ свидѣлствуютъ уже имена Маудуда Моссульскаго, Ильгази изъ Мардина, Белека изъ Малатіи, Аксонкора изъ Халеба, относящіяся къ первымъ десятилѣтіямъ періода крестовыхъ походовъ; а объединенныя дѣйствія сельджуковъ, напр., во время крестоваго похода 1101 г. (срав. стр. 442) и въ битвѣ при Харранѣ (въ 1104 г.), сразу достигали такого успѣха, что для Антиохійскаго норманнскаго государства была отрѣзана возможность развитія въ болѣе широкомъ стилѣ, которое могло бы послужить началомъ полнаго вытѣсненія ислама изъ Сиріи. Но все же тутъ идетъ рѣчь объ единичныхъ явленіяхъ, всплывавшихъ наружку и затѣмъ снова исчезавшихъ съ горизонта. Объединеніе сельджукскихъ удѣльныхъ княжествъ въ одно могущественное великое передне-азиатское государство, которое было бы въ состояніи охватить желѣзнымъ кольцомъ владѣнія франковъ, обязано своимъ происхожденіемъ Имаду-Эдъ-Динъ-Ценки: отъ него начинается восходящее развитіе ислама вплоть до Нурь-Эдъ-Дина и Саладина (стр. 450). Выросшій въ безпрестанныхъ бояхъ частью между самими сельджуками.

частью между магометанами и христіанами, мессульскій „атабегъ“ (правитель, майордомъ) былъ занятъ только одной мыслью: сконцентрировать и укрѣпить силы мусульманъ и направить ихъ противъ франковъ. Этотъ гениальный организаторъ, дѣйствительно, достигъ своей цѣли послѣ девятнадцатилѣтнихъ трудовъ (отъ 1127 до 1146 г.); одинъ только Дамаскъ избавился отъ его господства благодаря своему союзу съ Фулько (стр. 437), и у него оказалось достаточно силъ для плодотворной борьбы съ крестоносцами.

Къ тому же какъ разъ въ годы самой рѣшительной борьбы, отъ 1137 до 1144 г., Антиохія и Эдесса подверглись самой тяжелой опасности, угрожавшей ихъ существованію (т. V, стр. 94), именно, военному нашествію греческаго императора Іоанна II, сына Алексѣя, и его преемника Мануила; къ этому присоединились еще междоусобныя распри между франками, такъ что Ценки оказался въ силахъ нанести имъ смертельный ударъ въ 1144 г. 25 декабря въ его руки попала послѣ осады, длившейся много недѣль, Эдесса, этотъ далекій форпостъ государства крестоносцевъ. На короткое время этотъ городъ снова былъ завоеванъ послѣ смерти Ценки въ ноябрѣ 1146 г. графомъ Юсцелиномъ II, но сейчасъ же былъ отѣтъ обратно младшимъ сыномъ Ценки Нурь-Эдь-Дипомъ, которому досталось господство надъ Халебомъ и всей Сиріей; Эдесса была окончательно разрушена во время этой послѣдней войны.

Б. Вліяніе перваго крестоваго похода на Западную Европу.

Въ этомъ опасномъ положеніи, въ виду первыхъ крупныхъ успѣховъ ислама въ его борьбѣ противъ христіанскихъ владѣній христіане Антиохіи, которымъ эта опасность угрожала раньше, чѣмъ всѣмъ другимъ, рѣшились обратиться за помощью къ Западной Европѣ. Остается спорнымъ вопросомъ, въ какой формѣ была оказана эта помощь. Едва ли при этомъ первоначально имѣлся въ виду большой крестовый походъ; экспедиція для помощи сирійскимъ христіанамъ получила подобный характеръ только вслѣдствіе личнаго покаяннаго настроенія и душевнаго сокрушенія французскаго короля, который искалъ успокоенія только въ предпріятіяхъ крупнаго стиля. Однако намѣреніе Людовика VII не встрѣтило на первыхъ порахъ всеобщаго радужнаго пріема. Тутъ уместно будетъ сказать нѣсколько словъ о томъ переворотѣ, который совершился въ самой Западной Европѣ со времени перваго крестоваго похода и былъ результатомъ этого похода.

Доходившія въ Европу свѣдѣнія о подвигахъ великаго крестоноснаго ополченія вызвали немедленно то тяготѣніе къ Востоку и ту народную волну, направленную въ эту сторону, которая дала матеріалъ для колонизаціи Сиріи; значительные контингенты, походя на маленькія крестоносныя ополченія, были доставлены въ Св. Землю флотами итальянскихъ приморскихъ городовъ, а также въ меньшихъ размѣрахъ изъ южно-французскихъ, англійскихъ, фризскихъ и норвежскихъ гаваней. Все же важнѣйшая изъ всѣхъ этихъ экспедицій направилась на Востокъ сухимъ путемъ; это былъ такъ наз. крестовый походъ 1101 г., который впервые привелъ въ Азію вмѣстѣ съ французскими и итальянскими баронами также значительную часть германской аристократіи. Хотя этотъ походъ былъ по своей численности одной изъ самыхъ значительныхъ историческихъ экспедицій періода крестовыхъ походовъ, онъ пропускается обыкновенно вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими крестовыми походами, можетъ быть, по той причинѣ, что церковь оказала мало вліянія на его возникновеніе и дальнѣйшій ходъ, а вѣроятноже, вслѣдствіе крайне печальнаго его исхода. Участники этого похода надѣялись предпринять изъ Константинополя что-нибудь болѣе грандіозное, чѣмъ во время перваго крестоваго похода; они собирались подорвать самый корень мусульманскаго могущества на Вос-

токъ, завоевать Багдадъ, и задавались другими тому подобными великолѣпными планами; но уже ближайшая задача, попытка къ освобожденію Боэмунда, находившагося въ плѣну въ Никзарѣ, кончилась полной неудачей, такъ какъ она велась по дурному плану, выработанному различными участниками перваго крестоваго похода, въ томъ числѣ Раймундомъ Тулузскимъ и Стефаномъ Блуа. Одинъ ломбардско-французскій отрядъ былъ разбитъ на голову при Марсеванѣ къ сѣверо-западу отъ Амазін, второй, главнымъ образомъ, французскій, тоже былъ разбитъ въ это же время почти до полного уничтоженія при Эрегли; еще черезъ мѣсяцъ были совершенно уничтожены тѣмъ же магометанскимъ союзомъ, состоявшимъ изъ эмировъ иконіонскаго, сивасскаго, халепскаго и харранскаго, тоже при Эрегли, главныя силы крестоносцевъ, ядро которыхъ составляли нѣмцы и французы. Отъ всего великаго крестоноснаго ополченія спаслись только жалкіе остатки, которымъ удалось бѣжать въ Сирію. Эта тяжелая неудача отняла на долгое время у европейскихъ христіанъ охоту къ крупнымъ крестовымъ походамъ. Только подъ впечатлѣніемъ паденія Эдессы (въ 1144 году) на Западѣ снова началось настоящее крестоносное движеніе, но при такихъ внѣшнихъ условіяхъ, которыя доказывали, какія громадныя измѣненія въ духовномъ строѣ Европы произошли въ теченіе 50 лѣтъ.

Уже первый походъ привелъ по своему дальнѣйшему вліянію какъ на участниковъ похода, такъ и на Европу, къ неожиданному усиленію свѣтскаго направленія. Мы уже видѣли (стр. 306), въ какой высокой степени свѣтскія побужденія принимали участіе въ движеніи 1096—1099 годовъ рядомъ съ религіозно-аскетическими стремленіями. Дальнѣйшее теченіе этого похода выдвигало все сильнѣе впередъ эту свѣтскую сторону въ ущербъ духовной; цѣли этого предпріятія ставили на первый планъ рыцарское воодушевленіе вмѣсто монашескаго смиренія, самодовольное солдатское наслажденіе жизнью вмѣсто покаяннаго, самоистязанія отъ мірскаго соблазна. Неслыханныя впечатлѣнія, вынесенныя съ Востока съ его великолѣпными яркими красками, внесли новое чувственное поэтическое настроеніе въ трезвую Европу, совершенно лишленную поэзій, и наполнили ее пѣснями и легендами, свидѣтельствовавшими о совершенно новомъ поворотѣ въ европейской культурѣ, которая отличалась почти исключительно религіознымъ направленіемъ въ теченіе двухъ столѣтій слишкомъ. Мірянинъ впервые вырвался снова изъ-подъ церковной опеки, вовлекшей его въ войну за вѣру, какъ только онъ увидѣлъ себя стоящимъ на своихъ собственныхъ ногахъ, предоставленнымъ своимъ собственнымъ силамъ въ отвѣтственныхъ и опасныхъ положеніяхъ. Эта вновь завоеванная самостоятельность подѣйствовала сейчасъ же на его отношенія къ духовенству и церкви, сильно измѣнила ихъ, хотя и не произвела въ нихъ рѣзкаго переворота. Какъ было сказано весьма мѣтко, Западная Европа подвергалась опасности рассыпаться на однѣ только монастырскія кельи и пещеры пустынниковъ, не зная ни себя и надъ собою никакихъ другихъ духовныхъ интересовъ кромѣ господствовавшей надъ всѣмъ міромъ церкви. Крестоносное движеніе довело это всемірное господство церкви до кульминаціонной точки, по все же оно выдвинуло впервые рядомъ съ церковью послѣ многихъ столѣтій исключительнаго господства этой церкви новый духовный принципъ, который не былъ духомъ отъ ея духа.

Духовному перевороту предшествовалъ экономическій, вызванный усилившимся обмѣномъ между двумя культурными сферами, изъ которыхъ каждая въ теченіе многихъ вѣковъ жила почти исключительно своею собственною жизнью; но даже въ предѣлахъ самого западно-европейскаго міра усилившееся соприкосновеніе между разъединенными до той поры областями привело къ неожиданнымъ послѣдствіямъ. Величайшія международныя предпріятія среднихъ вѣковъ пріобрѣтаютъ небывалое національное значеніе, молодые народы Европы вступаютъ впервые

въ оживленное соприкосновение между собою — и при этомъ предъ ними вырисовываются впервые тѣ разъединяющія перегородки, которыя были преднамѣренно упущены изъ виду или отодвинуты въ сторону всенравляющимъ вліяніемъ церкви. Въ моментъ отправления въ общій походъ выступаютъ съ особенной рѣзкостью различіе языковъ, мысленія, нравовъ, а при разгорающемся въ силу естественныхъ причинъ соперничествѣ оно поддерживается и выдвигается съ бѣльшей силой. Вернувшіеся на родину начинаютъ придавать гораздо большее значеніе, чѣмъ раньше, своей самобытной національной жизни въ ущербъ общности церкви и общему всемірному языку; новыя пѣсни о крестовыхъ походахъ и легенды, окрашенныя восточными впечатлѣніями, кладутъ основаніе поэтической разработкѣ национальныхъ языковъ, развитію национальныхъ литературъ съ той особенностью, что Франція, играющая руководящую роль въ крестовыхъ походахъ, продолжаетъ стоять впереди всѣхъ другихъ народовъ и дѣйствуетъ освѣжающимъ и оплодотворяющимъ образомъ на остальные европейскія страны. Рядомъ съ *chansons de geste* появляется пѣсня трубадура, а вслѣдъ за ней произведенія пѣмецкаго шпильмана (пѣвца-музыканга), рыцаря миннезенгера и парождаются народныя героическія былины. Дама Авантюра, дама Любовь, наконецъ, дама Свѣтъ (*Irou werlde*) выдвигаются постепенно въ видѣ сознательнаго противовѣса противъ аскетизма прежнихъ десятилѣтій въ роли новыхъ святыхъ вновь зарождающагося блестящаго міра рыцарей и пѣвцовъ, святыхъ, которыхъ не найдешь въ церковномъ календарѣ; здоровая чувственность и жизнерадостность заступаютъ мѣсто враждебнаго ко всему міру умерщвленія всѣхъ чувствъ, бывшаго идеаломъ предшествовавшаго періода.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Востокъ воспиталъ въ противовѣсѣ церкви духъ непосредственной критики. Когда у западныхъ европейцевъ раскрылись глаза и мысли ихъ приняли свѣтское направленіе, то они стали слѣдить безпристрастно выводы христіанскаго вѣроученія съ выводами ислама; они открыли за моремъ всемірную религію, которая вовсе не заключалась исключительно въ служеніи мрачнымъ демонамъ, какъ это утверждалось раньше, а составляла основу и духовное содержаніе культуры, неуступавшей европейской и даже стоявшей выше ея. На первыхъ порахъ еще не обнаружилось тѣхъ сомнѣній въ правахъ своей собственной религіи, какія замѣчаются впоследствии, а только пробуждается стремленіе къ серьезному изслѣдованію вмѣсто прежней слѣпой вѣры; разъ явилась такая сознательная потребность, уже было невозможно жить со свѣта. Такой глубокомысленный церковный учитель, какъ Абельяръ (стр. 282), впервые беретъ на себя смѣлость выразить въ словахъ эту новую потребность, а его ученикъ Арнольдъ изъ Брешіи выводитъ уже изъ этихъ революціонныхъ тенденцій опасные выводы, направленные противъ свѣтской власти папъ; къ такимъ же неблагоприятнымъ для господства папъ заключеніямъ стали приходить въ то же время германскіе короли послѣ того, какъ они усвоили снова традиціи римскаго права (стр. 121).

Внутри самой церкви тоже поднимается голосъ направленіе, не одобрявшее вышшняго проявленія стремленія папства къ господству въ видѣ притязаній папы на вселенскую власть, выставленныхъ грегорианизмомъ; св. Бернаръ Клервоскій (стр. 283), который, между прочимъ, тоже пропелъ школу Абельяра, признаетъ всемірное господство церкви, но, по его мнѣнію, оно должно осуществляться посредствомъ внутреннихъ ея силъ, а не при посредствѣ вышнихъ орудій власти: это былъ первый случай отпаденія отъ системы, призванной къ жизни крестовыми походами.

В. Второй крестовый походъ и его послѣдствія.

По ироніи всемірной исторіи къ проповѣди новаго крестоваго похода былъ призванъ папой Евгеніемъ II этотъ самый Бернаръ благодаря тому

громадному вліянiю надъ умами, которымъ онъ пользовался. Нерѣдко онъ ополчался съ каведры противъ мірскаго недушеспасительнаго характера крестовыхъ походовъ и заявлялъ, что лучше вести созерцательную жизнь на родинѣ, чѣмъ блуждать по далекому Востоку; въ концѣ 1145 г., во время спора между королемъ французскимъ Людовикомъ III, мечтавшимъ о крестовомъ походѣ, и совѣтниками короля, возстававшими противъ его стремленій, Бернаръ былъ призванъ въ качествѣ третейскаго судьи, но рѣшительно отказался брать на себя отвѣтственность за рѣшеніе этого вопроса. Напротивъ того, папа нисколько не колебался, и увлекательное краснорѣчіе Бернара, которое онъ отдалъ теперь незадумываясь на службу папѣ съ рвеніемъ, превосходившимъ желанія Евгенія III, такъ какъ онъ увлекся величіемъ поставленной ему задачи, оправдало блестящимъ образомъ возлагавшіяся на проповѣдника надежды. На сеймѣ въ Везелей въ Бургундіи 31 марта 1146 г. его проповѣдь увлекла французскихъ магнатовъ, и они примкнули къ королю, давно уже готовившемуся къ крестовому походу. Къ концу того же года на сторону Бернара склонился также германскій король Конрадъ III, который противился всѣми силами походу по весьма серьезнымъ основаніямъ ради блага своего собственнаго государства; на сеймѣ въ Шпейерѣ увлекательный проповѣдникъ разбилъ всѣ его хладнокровныя рѣшенія своимъ пылкимъ обращеніемъ къ нему во время мессы. Къ королю примкнуло значительное число собравшихся на сеймѣ князей, во главѣ которыхъ стояли епископъ фрейзингскій Оттонъ, сводный братъ короля, и герцогъ швабскій Фридрихъ съ его племянникомъ, впоследствии императоромъ Барбароссой (т. V, стр. 240). Слѣпой религіозный фанатизмъ Бернара, недоступный никакимъ свѣтскимъ доводамъ, привелъ къ тому, что Германія, находившаяся въ самомъ опасномъ состояніи броженія, была покинута на произволъ судьбы, въ то время какъ участіе большого германскаго ополченія не доставило большой выгоды крестовому походу, потому что къ нему присоединилось большое количество деморализованнаго военнаго люда, оставшагося безъ дѣла послѣ междоусобныхъ войнъ, непосредственно предъ тѣмъ свирѣпствовавшихъ въ Германіи: такіе ополченцы только портили однородность боевого рыцарства. Германскому крестовому походу угрожала поэтому заранѣе опасность неудачи, тѣмъ болѣе, что во главѣ его стоялъ слабохарактерный руководитель. Къ тому же политическая группировка главныхъ націй, участвовавшихъ въ походѣ, никоимъ образомъ не благопріятствовала его цѣлямъ. Она толкала французовъ къ объединенію съ южно-итальянскими норманнами, а нѣмцевъ — съ греками въ виду общности между ними нѣкоторыхъ интересовъ и родства между монархами (т. V, стр. 95), тѣмъ болѣе, что враждебныя отношенія между греками и норманнами нисколько не ослабѣвали.

Неудивительно поэтому, что все это великое предприятие кончилось почти такой же позорной неудачей, какъ крестовый походъ 1101 г., несмотря на то, что оно было поддерживаемо авторитетомъ обонхъ величайшихъ государствъ Западной Европы. Первымъ погибло осенью 1147 г. германское ополченіе послѣ обычныхъ раздоровъ и столкновеній съ греками, не оказывавшими ему никакой реальной поддержки; оно нашло себѣ могилу въ Малой Азіи частью отъ меча сельджуковъ, частью отъ голода, лишеній и болѣзней. Спаслись отъ гибели только отдѣльные небольшіе отряды; большая часть ихъ вернулась въ Константинополь, а отсюда назадъ на родину, такъ какъ у нихъ пропала окончательно охота къ войнѣ за вѣру. Послѣ разгрома 1147 г. только у одного небольшого отряда хватило смѣлости для продолженія крестоваго похода. Однако, и эта попытка пробить себѣ дорогу черезъ Малую Азію въ союзѣ съ французскимъ войскомъ, успѣвшимъ прибыть въ Константинополь въ полномъ порядкѣ, тоже оказалась безплодной. Главная часть этого гораздо болѣе дисциплинированнаго, однороднаго, направляемаго одной твердой рукой войска пала

жертвой тяжелыхъ условій похода, такъ какъ греки относились къ крестоносцамъ съ всевозрастающимъ недоброжелательствомъ, дошедшимъ, наконецъ, до почти открытой поддержки сельджуковъ. Остатки германскаго войска вернулись обратно въ Константинополь, а французы добрались послѣ тяжелыхъ опасностей и лишеній до Аттаин (въ январѣ 1148 г.). Наконецъ, оба короля вынуждены были ограничиться тѣмъ, что доѣхали до Св. Земли со своими маленькими отрядами морскимъ путемъ (весною).

Несмотря на всѣ эти несчастія, притокъ людей изъ Западной Европы былъ настолько значителенъ для сирійскихъ франковъ, что они могли рѣшиться соединенными силами на крупныя предпріятія; къ сожалѣнію, ихъ своекорыстіе и сепаратизмъ дали себя почувствовать въ самый недобрый часъ. До постоянной поддержки Антиохіи, составлявшей первоначальную цѣль крестоваго похода, все же не дошло дѣло; въ то время, какъ король Людовикъ еще велъ переговоры съ княземъ Раймундомъ относительно похода противъ Халеба и Эдессы, онъ былъ вынужденъ къ быстрому выступленію двусмысленными отношеніями между его молодой супругой Алиенорой изъ Пуату (Элеонорой изъ Гіени) и ея рыцарскимъ дядей Раймундомъ. Это совпало съ той порой, когда во всей Сиріи выступили съ изумительной рѣзкостью на передній планъ женщины и преклоненіе предъ женщиной. Мелизенда Іерусалимская, Алиса и Констанца Антиохійскія играютъ господствующую роль, и ихъ любовныя интриги оказываютъ неоднократно рѣшающее вліяніе на судьбы франкскихъ государствъ; духъ аскетизма, выравнившійся такъ сильно въ великихъ женщинахъ XI вѣка, каковы, на примѣръ, Матильда Тусційская (стр. 372) и другія, смѣнился окончательнo совершенно противоположными наклонностями. Эта новая страсть къ свѣтскимъ увлеченіямъ и чувственности не выступаетъ ни у кого съ такой беззащитностью, какъ у пылкой Элеоноры, покорявшей своими прелестями всѣхъ мужчинъ своего времени. Кровь перваго трубадура Вильгельма Аквитанскаго, воспѣваемаго въ смѣльныхъ сатирическихъ стихахъ свои неудачи въ первомъ крестовомъ походѣ 1101 года, текла какъ въ жилахъ его сына Раймунда (стр. 431), такъ и въ жилахъ Элеоноры, и ея разнузданная чувственность соприкасалась непосредственно съ монашескимъ отчужденіемъ отъ міра ея супруга Людовика. Даже 10 лѣтъ спустя, когда этотъ неравный бракъ закончился разводомъ и Элеонора уже успѣла вторично выйти замужъ за англійскаго короля Генриха II и стать матерью Ричарда Львиное Сердце (стр. 123 и 233), о ней говорится слѣдующее въ игривой пѣснѣ, распѣванной еще въ теченіе сотенъ лѣтъ бродячими пѣвцами: „Если бы мнѣ принадлежалъ весь свѣтъ отъ моря до Рейна, я бы отдалъ все это, лишь бы заключить въ свои объятія англійскую королеву“. Эти очаровывающія женскія прелести, которыя возстаютъ передъ нами во всей своей свѣжести послѣ длиннаго ряда столѣтій изъ шили пергаментовъ и фоліантовъ, погубили въ то время всѣ надежды, возлагавшіяся на французскій крестовый походъ.

Понятно, однако, что причины неудачи попытокъ создать что-либо прочное въ Сиріи при помощи остатковъ западно-европейскихъ военныхъ силъ лежали глубже и не объясняются одной только чувственностью, страстью къ наслажденіямъ и легкомысленностью отдѣльныхъ лицъ. Напротивъ того, во время этого крестоваго похода впервые выступило наружу съ полною ясностью противорѣчіе между интересами западныхъ странъ, все еще поддававшихся вліянію религіозныхъ побужденій, и интересами сирійскихъ франковъ. Въ Антиохіи и Палестинѣ люди стремились къ возможно болѣе безпрепятственному пользованію уже добытымъ, не подвергая его опасности ради широкихъ предпріятіи и не умаляя своихъ настоящихъ владѣній вслѣдствіе чреамѣрныхъ расходовъ

на ихъ сохраненіе и защиту. Крестоносцы, прибывшіе съ Запада, не исключая и тѣхъ, которые отличались свѣтскимъ направленіемъ, принимали ожесточенную борьбу съ мусульманами гораздо ближе къ сердцу, чѣмъ ихъ сосѣди, сирійскіе христіане. Эти послѣдніе предпочитали пользоваться спокойно даже своими урѣзанными владѣніями, и для этой цѣли старались жить въ мирѣ съ своими исконными врагами; этотъ миръ оберегалъ ихъ цвѣтущую торговлю (описанную нами на стр. 438) и обезпечивалъ сирійскимъ христіанамъ безпрепятственное обладаніе ихъ возрастающими богатствами. Поэтому послѣдній актъ трагедіи второго крестоваго похода превращается въ комедію.

Когда король Людовикъ встрѣтился въ Палестинѣ съ Копрадомъ, прибывшимъ въ Св. Землю изъ Константинополя весною 1148 г. послѣ своего похожаго на бѣгство выступленія изъ Антиохіи вмѣстѣ съ его слишкомъ доступной соблазну супругой, и продолжающійся притокъ паломниковъ снова поднялъ численность арміи до значительныхъ размѣровъ, то сирійскіе христіане рѣшились по настоянію королевы Мелизанды, управлявшей государствомъ вмѣсто своего сына Балдуина III, къ ничѣмъ не вызванному нападенію на Дамаскъ, съ которымъ христіане состояли до тѣхъ поръ въ весьма цѣлесообразномъ союзѣ. Однако даже и это предпріятіе, вначалѣ подвигавшееся весьма благопріятно, не было доведено съ успѣхомъ до конца. Іерусалимляне стали опасаться, что всѣ выгоды отъ этой побѣды достанутся не имъ, а послужатъ для основанія новаго западно-европейскаго владѣнія. Когда эмиръ дамасскій заявилъ, что онъ не можетъ устоять противъ все болѣе успѣшнаго натиска франковъ, иначе какъ обратившись за помощью къ сыновьямъ Ценки, Нуръ-Эдъ-Дину Халлебскому и Заифу Эдъ-Дину Мосульскому (т. III, стр. 340), то франки стали сожалѣть о прежнемъ благопріятномъ для нихъ положеніи, когда Дамаскъ былъ для нихъ наилучшей защитой противъ болѣе могущественныхъ восточныхъ враговъ. Они вступили въ формальный заговоръ съ эмиромъ Муинъ-Эдъ-Динъ-Анаромъ съ цѣлью лишить воинственныхъ западно-европейцевъ возможности продолжать борьбу. Сирійскіе франки заставили ихъ снять осаду съ той стороны, гдѣ она могла обѣщать успѣхъ, и перейти на безводную восточную сторону, откуда отступленіе стало вскорѣ неизбѣжнымъ и неотложнымъ (28 іюля 1148 года). Послѣ этого оба сильно озлобленные короля отступили вмѣстѣ съ франкскимъ войскомъ къ Іерусалиму; надежда на успѣхъ, казавшійся уже столь близкимъ, была окончательно потеряна, такъ какъ у сирійскихъ франковъ давно уже потухъ воинственный пылъ, который не переставалъ воодушевлять Западную Европу, а вмѣсто него развился эгоизмъ, удовлетворявшійся мирной жизнью и матеріальными удобствами. Несмотря на долгое пребываніе обоихъ западно-европейскихъ монарховъ въ Св. Землѣ, они не нашли уже больше поприща для своей дѣятельности и съ глубокимъ разочарованіемъ отправились обратно домой, одинъ въ сентябрѣ 1148 года, а другой послѣ Пасхи 1149 года.

Единственные результаты второго крестоваго похода лежали внѣ его прямыхъ цѣлей. Флоту, состоявшему изъ нѣмецкихъ, фландрскихъ и англійскихъ судовъ и приставшему въ Опорто по дорогѣ въ Палестину, удалось захватить Лиссабонъ при помощи португальцевъ 24 октября 1147 года. Въ то же время на славянской границѣ боролось съ успѣхомъ противъ вендовъ въ Мекленбургѣ и Помераніи (стр. 119) нѣмецкое войско, которому Бернаръ позволилъ носить знакъ въ видѣ креста, стоящаго на кольцѣ. Крестовое движеніе пошло по тому многообѣщающему пути, по которому направился впоследствии изъ Палестины тевтонскій орденъ; при всемъ томъ, это былъ опасный путь, который впоследствии открылъ возможность прощевдіи крестовыхъ походовъ противъ альбигойцевъ, Штедингеровъ и Гогенштауфеновъ.

Однако, между этими послѣдними крестовыми походами и тѣми, которые направлялись на Востокъ, существовала только внѣшняя связь. На Западѣ удержалось глубокое недовольство какъ противъ виновниковъ второго крестоваго похода, такъ и противъ сирійскихъ франковъ, которымъ это озлобленіе давало себя чувствовать вполне ясно въ видѣ уменьшенія постояннаго притока паломниковъ. Когда св. Бернаръ сталъ проповѣдывать крестовый походъ весною 1150 года, то почти никто не откликнулся больше на его призывъ, а на предоставленномъ своей собственной судьбѣ Востокъ уже ясно начинаютъ обнаруживаться въ это время предвѣстники его будущей участи. 24 іюня 1149 года Раймундъ Антиохійскій лишился своей власти и жизни въ великомъ сраженіи при Эннебѣ съ Нуръ-Эдъ-Диномъ, который господствовалъ въ это время также и надъ Мосуломъ. Съ трудомъ ему удалось сохранить для своего малолѣтняго сына Боэмунда III княжество Антиохійское, хотя бы даже въ весьма урѣзанныхъ размѣрахъ, послѣ того какъ Нуръ-Эдъ-Динъ завладѣлъ въ 1150 году послѣдними остатками графства Эдесскаго. 26 апрѣля 1154 г. въ руки Нуръ-Эдъ-Дина попалъ, наконецъ, и Дамаскъ, такъ неблагоприятно ослабленный франками. Съ этихъ поръ на Іерусалимъ тоже стала надвигаться грозная опасность. Послѣднимъ крупнымъ успѣхомъ, доставшимся въ это время на долю франковъ, было завоеваніе Аскалона 19 августа 1153 г.; но этотъ пагубный успѣхъ направилъ ихъ политику въ ту сторону, откуда, въ концѣ концовъ, пришла ихъ гибель, въ сторону Египта.

Г. Уладокъ и гибель государства крестоносцевъ.

а) Эпоха Балдуина III (отъ 1152 до 1162 года).

Все же царствованіе Балдуина III, сына Фулько, который сталъ самостоятельнымъ правителемъ въ 1152 году, не лишено было блеска. Молодой король еще сохранилъ въ себѣ кое-какіе слѣды благородной старинной лотарингской крови. Отличаясь рыцарскимъ характеромъ, храбростью, общительностью, онъ пользовался большой любовью у своихъ подданныхъ и все еще былъ въ состояніи одерживать существенныя побѣды надъ невѣрными при посредствѣ сплоченной силы своего ополченія. Такъ, напримѣръ, въ 1152 году въ Іерусалимское королевство вторглась громадная орда туркменъ подъ предводительствомъ Тимурташа Мардинскаго, дошедшаго до самыхъ воротъ Іерусалима; но она была отброшена неудержимымъ натискомъ Балдуина III во время вылазки 23 ноября. Даже надъ могущественнымъ сыномъ Ценки, Нуръ-эдъ-Диномъ, не перестававшимъ тревожить франковъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ овладѣлъ Дамаскомъ, Балдуинъ одержалъ блестящую побѣду въ открытомъ бою около Тиверіадскаго озера (15 іюля 1158 г.). Къ этому еще присоединилось отнятіе Аскалона у египтянъ (въ 1153 г.), о которомъ мы уже упоминали.

Однако, все поведеніе Балдуина III отличалось такой же бессистемностью и необдуманностью, какъ и въ частности этотъ подвигъ, который навлекъ на его государство цѣлый рядъ опасныхъ враждебныхъ дѣйствій со стороны Египта, вредившихъ въ особенности прибрежнымъ городамъ, не защищаемымъ никакимъ постояннымъ флотомъ. Дѣйствительная концентрація силъ королевства оказывалась невозможной, и все мрачнѣе выступала наружу его феодальная раздробленность. Въ эту-то эпоху, какъ надо полагать, была закончена въ существенныхъ чертахъ система Асси-зовъ, хотя текстъ ихъ не получился еще той окончательной редакціи, которая дошла до насъ; эта система увеличила права крупныхъ вассаловъ до полной самостоятельности и оставила королю какъ нельзя меньше фактической власти. Къ тому же государство страдало отъ капризнаго вліянія женщины на дѣла правленія, вліянія, тѣсно связаннаго съ воз-

растающей распущенностью правовъ богатой колоніи. Самому Балдуину III пришлось вырвать свой престолъ въ открытомъ бою изъ рукъ его властолюбивой матери Мелизенды, при чемъ дѣло доходило до осады башни Давида и до кровопролитія на улицахъ Іерусалима (въ 1152 г.). Вскорѣ послѣ этого онъ выдержалъ тяжелое столкновение съ своей непокорной теткой Годіерной Триполитской и двоюродной сестрой Констанцой Антиохійской. Когда Констанца уступила, наконецъ, общимъ настояніямъ и согласилась вступить во второй бракъ для того, чтобы не оставлять дольше безъ защиты своего сильно урѣзаннаго княжества, то она не избрала никого изъ сирійскихъ или французскихъ графовъ, предложенныхъ ей Балдуиномъ, а остановилась на рыцарѣ искателѣ приключеній Райнальдѣ Шатильонскомъ, который нанесъ прежде всего тяжелый вредъ самой Антиохіи своими вѣроломными и необдуманнѣйшими нападеніями на грековъ и на магометанъ, а затѣмъ черезъ одно, два десятилѣтія погубилъ также и Іерусалимъ (стр. 451).

Дерзкій хищническій набѣгъ на принадлежавшій грекамъ о. Кипръ (въ 1155 г.) повлекъ за собой въ 1158 г. вмѣшательство рыцарскаго греческаго императора Мануила, который выступилъ снова со всѣми старинными притязаніями Византійской имперіи, вступилъ со своимъ войскомъ въ Киликію, дошелъ отсюда въ апрѣлѣ 1159 г. до Антиохіи, заставилъ Райнальда выразить предъ нимъ самую унижительную покорность, а короля Балдуина принялъ съ большой пышностью, но только въ качествѣ своего ленника, хотя онъ и выдалъ за него свою племянницу Теодору въ сентябрѣ 1158 г. Второй бракъ императора съ Маріей Антиохійской, дочерью Раймунда и Констанцы (25 декабря 1161 г.), послужилъ только къ укрѣпленію опасныхъ притязаній Византіи. Этотъ открытый раздоръ между греками и крестоносцами, прикрытый неполнымъ вѣнскимъ примиреніемъ, окончательно подорвалъ силы послѣднихъ для борьбы съ невѣрными. Подобно тому, какъ уже въ 1150 г., послѣ пораженія Раймунда Антиохійскаго при Эннебѣ, захватъ графства Эдесскаго греками сдѣлалъ эту область легкой добычей для Нуръ-Эдъ-Дина, такъ и теперь вмѣшательство императора Мануила ослабило сопротивленіе христіанъ, въ особенности армянъ, которыхъ онъ покорилъ въ 1158 г., не доставивши ему никакихъ существенныхъ выгодъ. Однако, Нуръ-Эдъ-Динъ избѣгалъ рѣшительныхъ сраженій, такъ какъ въ открытомъ бою франкская кавалерія, защищенная панцирями, все еще превосходила его легкіе кавалерійскіе отряды; онъ выжидалъ спокойно, пока за него сдѣлають свое дѣло безсистемность христіанъ, раздоры между ними и страсть ихъ къ наслажденіямъ, и брался обыкновенно за оружіе только въ томъ случаѣ, когда побѣда обѣщала сама собою упасть ему въ руки, какъ зрѣлый плодъ. Наибольшую услугу оказывали ему междоусобные раздоры во франкскихъ государствахъ. Рыцарскіе ордена блистали извнѣ своими боевыми качествами, но рядомъ съ этимъ внутри развивалось всеусиливающееся разложеніе. Іоанниты находились въ ожесточенной борьбѣ съ іерусалимскимъ патріархомъ и всѣми епископами Св. Земли; это столкновение вызывалось той причиной, что рыцари злоупотребляли своей независимостью отъ духовной власти патріарха для всякаго рода захватовъ, а храмовники уже не останавливались больше теперь, а тѣмъ паче въ послѣдствіи ради удовлетворенія своей жадности предъ открытой измѣной интересамъ своей страны. Такъ, напримеръ, они выдали одного попавшагося въ ихъ руки египетскаго магната за огромный выкупъ въ руки его политическихъ враговъ, несмотря на то, что онъ изъявлялъ желаніе принять христіанскую вѣру.

б) Амальрихъ (отъ 1162 до 1174 г.) и Египеть.

Итакъ, всѣ признаки упадка и гибели были налицо къ тому времени, когда скончался Балдуинъ III (10 февраля 1162 г.) всего на 32 году своей

жизни, не оставивши послѣ себя потомства; какъ говорили, онъ былъ отравленъ мусульманскимъ лейбъ-медикомъ Раймунда Триполискаго. Въ царствованіе его брата и преемника, Амальриха, который былъ остроумнымъ и ученымъ, но неповоротливымъ и жаднымъ монархомъ, завершилось то, чему было положено начало еще при Балдуинѣ. Страсть къ наживѣ и добычѣ побудила франковъ къ нападенію на Египетъ, который казался совершенно беззащитнымъ вслѣдствіе слабости Фатимидскаго халифата и раздоровъ между честолюбивыми визирями. Когда свергнутый визирь Шаверъ (т. III, стр. 340) бѣжалъ въ Дамаскъ къ Нурь-Эдъ-Дину и уговорилъ послѣдняго отправить съ нимъ для защиты его притязаній главнаго полководца Нурь-Эдъ-Дина, курда Асадъ-Эдъ-Дина Ширку во главѣ отряда легкой конницы, то близорукій Амальрихъ счелъ нужнымъ ослабить правившаго Египтомъ визиря Диргама посредствомъ нападенія на пограничную крѣпость Бильбайсъ, такъ что этотъ послѣдній былъ разбитъ черезъ короткое время натискомъ союзниковъ Ширку и Шавера (въ августѣ 1163 г.), а между тѣмъ ради охраны своихъ собственныхъ интересовъ Амальриху слѣдовало бы защитить египетское правительство отъ нападенія Нурь-Эдъ-Дина. Однако вскорѣ послѣ этого счастье перешло на сторону франковъ въ такой мѣрѣ, въ какой они этого не заслуживали. Чтобы избавиться отъ опаснаго союза, угрожавшаго низвести его до степени вассала, Ширку съ своей стороны тоже обратился за помощью къ Амальриху, соблазняя его весьма выгодными обѣщаніями; соединенными усиліями египтянъ и іерусалимлянъ имъ удалось принудить Ширку къ отступленію отъ Египта осенью 1164 г. послѣ тянувшейся нѣсколько мѣсяцевъ осады занятой Ширку крѣпости Бильбайса. Въ это время Амальрихъ былъ вынужденъ къ отступленію въ предѣлы своего собственнаго государства вслѣдствіе крупныхъ успѣховъ, одержанныхъ Нурь-Эдъ-Диномъ на сѣверѣ и отдавшихъ въ руки атабега молодого Боэмунда III Антиохійскаго, Раймунда Триполискаго, а также пограничныя крѣпости Харимъ и Баніасъ (въ августѣ и октябрѣ); все же Египетъ остался подъ протекторатомъ Амальриха. Въ началѣ 1167 г. Ширку снова уговорилъ Нурь-Эдъ-Дина, чтобы тотъ отправилъ его со своимъ отрядомъ въ Нильскую долину. Шаверъ обратился сейчасъ же за помощью къ Амальриху, обезпечилъ ему ежегодную дань въ 400,000 червонцевъ, что составляетъ около 30 милліоновъ по нынѣшней стоимости денегъ, и завербовалъ каирскихъ христіанъ въ гарнизонъ города Каира. Египетъ могъ считаться франкской провинціей, несмотря на то, что Ширку нанесъ чувствительное пораженіе двинувшемуся влѣдъ за нимъ іерусалимскому королю недалеко отъ Эль-Бабайна въ верхнемъ Египтѣ 19 марта; когда онъ направился въ Александрію нѣсколько мѣсяцевъ спустя и былъ осажденъ въ этомъ городѣ Амальрихомъ, то онъ былъ радъ, что ему удалось отступить безпрепятственно изъ Египта (въ августѣ).

Это была послѣдняя заманчивая перспектива, представлявшаяся іерусалимлянамъ. Въ ихъ власти было сдѣлаться дѣйствительными хозяевами Египта и использовать его громадныя вспомогательныя средства, равно какъ и вражду между шитами-египтянами и турками-суниитами для борьбы противъ этихъ послѣднихъ; но все дѣло было загублено жадностью Амальриха, подстрекаемаго корыстолюбивыми іоаннитами. Онъ пытался выжать изъ беззащитнаго Египта не меньше 2 милліоновъ червонцевъ и задумалъ ради этой цѣли въ концѣ октября 1168 году третій грабительскій набѣгъ въ долину Нила. Шаверъ обратился съ просьбой о помощи къ Нурь-Эдъ-Дину; Ширку посѣнилъ опять въ Египетъ и дѣйствовалъ на этотъ разъ болѣе основательно; въ то время какъ Амальрихъ отступалъ передъ нимъ, онъ велѣлъ убить 18 января 1169 г. вѣроломнаго Шавера и сдѣлался визиремъ на его мѣстѣ; послѣ смерти Ширку, послѣдовавшей 23 марта, его власть перешла къ его племяннику, сыну Аюба

(Эйюба) Сала-Эдъ-Дину Юсуфу (Саладину). Этотъ послѣдній, который былъ раньше ученымъ мечтателемъ, развернулъ теперь свои правительственные таланты: черезъ короткое время, 13 сент. 1171 г., онъ заступилъ мѣсто покойнаго халифа Аладхида (Эль-Адхида) и окончательно устранилъ такимъ образомъ династію Фатимидовъ (т. III, стр. 340). Амальрихъ сдѣлалъ еще одну безплодную попытку поколебать новое египетское правительство при содѣйствіи греческаго флота. Осада Даміетты (отъ конца октября до начала ноября 1169 г.) окончилась неудачей. На первыхъ порахъ изъ предосторожности Саладинъ призналъ надъ собою верховную власть Нуръ-Эдъ-Дина, но выгадалъ время для упроченія своего господства. Когда Нуръ-Эдъ-Динъ скончался 15 мая 1174 г., то правитель Египта чувствовалъ себя настолько сильнымъ, что объявилъ себя верховнымъ главой его наслѣдниковъ и занялъ Дамаскъ. Съ 1176 г. Саладинъ сталъ носить титулъ султана, а въ 1183 г., послѣ смерти сына Нуръ-Эдъ-Дина, Салиха, онъ завладѣлъ также Халебомъ и сталъ господиномъ великаго государства, простиравшагося отъ границъ Киликіи до Месопотаміи и Нильскихъ пороговъ. Теперь, наконецъ, онъ оцѣнилъ мелкія франкскія государства желѣзнымъ кольцомъ. Въ своемъ ребяческомъ ослѣпленіи франки сами показали непріятелю дорогу и помогли ему замкнуть это кольцо.

в) Балдуинъ IV и Балдуинъ V; Гвидо Лузиньянскій
(отъ 1174 до 1187 г.).

Преждевременная смерть короля Амальриха, скончавшагося на 38 году своей жизни почти одновременно съ Нуръ-Эдъ-Диномъ, 11 іюля 1174 года, ввергла въ династическія смуты также и Іерусалимское королевство. Переселеніе западно-европейцевъ въ страну съ тропическимъ климатомъ не только ослабило въ рѣзкой степени моральную силу сопротивленія ихъ противъ соблазновъ колониальной культуры, но повело также къ ихъ физическому вырожденію. Поразительно, что изъ потомковъ франкской аристократіи, родившихся въ Сиріи, почти никто не доживалъ до старости; представители Лотарингско-Анжуйнскаго дома умираютъ во все болѣе молодомъ возрастѣ; такая же роковая участь воспрещаетствовала въ XIII столѣтіи упроченію династій, которое могло бы выдвинуть впередъ дѣйствительно руководящихъ лицъ. Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія передъ паденіемъ Іерусалима отсутствіе прочной династіи повело къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ. Преемникомъ Амальриха былъ даровитый, но большою проказой Балдуинъ IV (род. въ 1161 г.), его сынъ отъ Агнесы Элесской (въ 1167 г. Амальрихъ вступилъ во второй бракъ съ Маріей Компеной). Судьба не отказала ему въ нѣкоторыхъ успѣхахъ; онъ одержалъ даже побѣду надъ великимъ Саладиномъ (при Тель-Дьенеръ, 25 ноября 1177 г.); но усиленіе его болѣзни и непрерывные раздоры между баронами изъ-за регентства и престолонаслѣдія уничтожили плоды всѣхъ успѣховъ, добытыхъ имъ въ борьбѣ съ его могущественнымъ врагомъ. Въ качествѣ регентовъ зарекомендовали себя съ благоприятной стороны графъ триполісскій Раймундъ III, выдающийся человекъ, хотя, можетъ быть, слишкомъ осторожный, а съ неблагоприятной графъ Гвидо Лузиньянскій, весной 1182 г. ставшій вторымъ супругомъ овдовѣвшей въ 1177 г. сестры короля, Сибиллы. Послѣ смерти Балдуина IV, послѣдовавшей въ 1185 г., скончался также уже въ началѣ 1186 г. Балдуинъ V, маленькій сынъ Сибиллы отъ ея перваго брака съ Вильгельмомъ Лонгэне изъ дома Монферратъ, старшій изъ четырехъ братьевъ, наиболѣе отличившихся въ теченіе ближайшихъ десятилѣтій. Во время разгорѣвшихся послѣ этого партійныхъ раздоровъ неспособному Гвидо Лузиньянскому удалось захватить престолъ наперекоръ его сопернику, даровитому регенту Раймунду (20 іюля).

Многочисленные нашествия Саладина пока еще отражались с успехом. Особенно часто все его усилия разбивались о непреступную крепость Керакъ по ту сторону Мертвого моря, преграждавшую главный соединительный путь между Каиромъ и Дамаскомъ и бывшую бѣльмомъ на глазу влѣстителя обѣихъ мусульманскихъ столицъ (стр. 434). Еще незадолго предъ тѣмъ франки заняли, опираясь на эту крепость и выдвинутыя впередъ укрепления въ Каменстои Аравіи, какъ-то: Монреаль (Шаубекъ) и т. д., Анлу на Красномъ морѣ (на мѣстѣ нынѣшней Акабы), отнятую у нихъ Саладиномъ въ 1171 году, и затѣмъ впоследствии вторично въ 1182 году для того, чтобы держать открытой дорогу въ Мекку для сирійскихъ и египетскихъ пилигримовъ. Двукратная осада Керака Саладиномъ въ ноябрѣ 1182 года и въ августѣ 1184 года осталась безплодной. Тутъ правилъ пробывшій много лѣтъ въ плѣну въ Халебѣ бывший княземъ Антиохійскимъ Райнальдъ Шатильонскій, которому досталась послѣ смерти Констанцы (стр. 448) въ 1176 году при посредствѣ его второго брака вся область по ту сторону Иордана. Его безумный авантюризмъ, никогда не останавливавшійся предъ нарушеніемъ клятвенныхъ договоровъ, неоднократно вызывалъ гнѣвъ Саладина и, наконецъ, послужилъ послѣднимъ толчкомъ къ гибели Иерусалимскаго королевства: въ концѣ 1186 года Райнальдъ попалъ, не задумываясь, на большой караванъ вопреки перемирію, заключенному на 4 года въ 1185 году регентомъ Раймундомъ и подтвержденному королемъ Гвидо, и отказался дерзко отъ всякаго удовлетворенія, несмотря на приказъ самого короля — и это послужило началомъ дальнѣйшихъ осложненій.

г) Битва при Хаттинѣ и паденіе Иерусалимскаго королевства.

Весной 1187 года Саладинъ вступилъ въ Палестину съ соединенными военными силами Египта и Сиріи. Все еще не прекращавшіяся враждебныя отношенія между Раймундомъ и Гвидо облегчили его походъ, хотя противъ него выступило франкское ополченіе численностью въ 20,000 человекъ; рыцарство Иерусалимскаго королевства не выдержало сокрушающаго удара Саладина и было разбито на голову въ двухдневномъ жаркомъ бою около горы Хаттина (Хиттина) къ западу отъ Тиверіады 3 и 4 июля 1187 года. Говорятъ, что Саладинъ закололъ собственноручно нарушителя мира Райнальда, когда тотъ былъ взятъ въ плѣнъ и приведенъ къ султану. Что касается короля Гвидо и тѣхъ бароновъ, которые попались къ нему въ руки, онъ отпустилъ ихъ великодушно на волю въ іюль 1188 года. Между тѣмъ онъ завладелъ всею Палестиной. Послѣ Тиверіады онъ занялъ не дальше, чѣмъ въ іюль того же года, Акконъ, Яффу, Цезарю, Сидонъ и цѣлый рядъ укрепленныхъ мѣстностей и замковъ; въ августѣ онъ взялъ Бейрутъ, въ сентябрѣ Аскалонъ, Газу и селенія, лежащія между этими городами и Иерусалимомъ, а, наконецъ, 2 октября онъ занялъ послѣ двухнедѣльной осады самую столицу Иерусалимъ, для защиты которой монахи, монахини и священники напрасно носили въ процессіи на стѣнахъ города съ плачемъ и молитвой Святой Крестъ. За высокій подушный выкупъ часть жителей Иерусалима была освобождена отъ рабства и выслана подъ охраной въ незанятые еще мусульманами гавани, а въ Иерусалимѣ исламъ праздновалъ свое блестящее возстановленіе. Саладинъ пробылъ въ Иерусалимѣ нѣсколько недѣль, а затѣмъ отправился отсюда для того, чтобы приступить снова къ неудавшейся въ августѣ осадѣ Тира: но тутъ онъ натолкнулся опять на геройское сопротивленіе, которымъ руководилъ Конрадъ Монферратъ, второй изъ названныхъ выше братьевъ, прибывшій въ Палестину сейчасъ послѣ сраженія при Хаттинѣ. Послѣ безплодныхъ усилій, продолжавшихся цѣлыми мѣсяцами, Саладинъ снова былъ вынужденъ отступить отъ Тира 1 января 1188 года:

столь же неудачнымъ оказалось предпринятое имъ въ юнѣ нападеніе на Триполисъ. Зато ему удалось занять Арку, Тортозу, Гибелеть (стр. 433), Лаодикею и цѣлый рядъ замковъ въ Сѣверной Сиріи и сильно стѣснить Антиохію. Въ концѣ октября 1188 года сдался Керакъ, выдержавшій столько штурмовъ, 5 января 1189 года взято было укрѣпленіе храмовниковъ Сафедъ, а вслѣдъ затѣмъ Монреаль, затѣмъ 22 апрѣля 1190 года Бельфоръ (Шакифъ Арнуи). Въ рукахъ христіанъ остались только Антиохія, Триполисъ, Тиръ и укрѣпленіе іоаннитовъ Маргатъ (смотри карту, прилож. къ стр. 424).

Д. Третій крестовый походъ (отъ 1189 до 1192 года).

Безъ помощи Запада теперь наступилъ бы конецъ франкской государственной жизни въ Сиріи. Неудача второго крестоваго похода охладила въ сильной степени увлеченіе Запада защитой Гроба Господня; въ теченіе 30 лѣтъ, слѣдовавшихъ за 1150 годомъ, притокъ военныхъ людей въ Св. Землю былъ сравнительно самымъ скуднымъ. Посольства, снаряженныя Амальрихомъ и Балдуиномъ IV, которыя должны были вызвать въ сердцахъ западно-европейскихъ монарховъ состраданіе къ бѣдствіямъ Іерусалимскаго королевства, были приняты съ большимъ почетомъ, но вернулись обратно безъ всякаго осязательнаго результата, тѣмъ болѣе, что враждебныя отношенія между папою и императоромъ, между Франціей и Англіей не благопріятствовали общимъ, союзнымъ предпріятіямъ. Но теперь, послѣ паденія Іерусалима, слезныя мольбы, приходившія съ Востока, вызвали на Западѣ глубокую печаль и ярый гнѣвъ; энтузіазмъ воспламенился даже сильнѣе, чѣмъ предъ первымъ крестовымъ походомъ. Папа Урбанъ III скончался отъ разрыва сердца (20 октября 1187 года), какъ только до него дошло извѣстіе о паденіи Іерусалима. Его преемникъ Григорій VIII поторопился заключить миръ съ императоромъ, а когда онъ тоже скончался 17 декабря, то Клементій III продолжалъ трудиться съ усердіемъ надъ сосредоточеніемъ силъ Запада, начатымъ Григоріемъ, ради новой войны за вѣру. Во всѣ стороны были разсланы окружныя посланія князьямъ, приказы о постѣ и молитвѣ духовнымъ лицамъ, увѣщанія о нравственной чистотѣ и скромности народу. Всѣмъ тѣмъ, которые одѣнуты на себя крестъ, были обѣщаны отпущеніе грѣховъ, отсрочка долговыхъ обязательствъ; всѣ остававшіеся дома, какъ знатные, такъ и незнатные, были обложены Саладиновой десятиной (стр. 215). Такимъ образомъ почти во всемъ римскомъ христіанствѣ началось единодушное движеніе, соединенное съ страстнымъ воодушевленіемъ и, вообще говоря, еще болѣе глубокое и широкое, чѣмъ движеніе 1096 года. Слова вспыхнуло въ сердцахъ избранныхъ пламя фанатическаго самопожертвованія, толкавшее ихъ на добровольныя лишенія и смерть, и большія массы людей съ свѣтскимъ направленіемъ опять были соблазнены необычайными льготами, которыми надѣлялись крестоносцы; тутъ имъ представился удобный случай къ освобожденію отъ тяготъ жизни на роднѣ и отправленію въ далекія страны въ погонѣ за честию, наживой и возмездіемъ какъ въ земной, такъ и въ загробной жизни. Крестовый походъ 1188 года давалъ большіе надежды на полный успѣхъ, чѣмъ всѣ другіе. Одинъ за другимъ принѣсли себѣ крестъ не только король французскій Филиппъ Августъ II, его противникъ Генрихъ II, король англійскій, а послѣ смерти этого послѣдняго, послѣдовавшей 6 июля 1189 года, его сынъ Ричардъ, непосредственно предъ тѣмъ участвовавшій въ возстаніи противъ своего отца, но также самый могущественный изъ западныхъ монарховъ, престарѣлый императоръ Фридрихъ Барбаросса. Фридрихъ Барбаросса принялъ свое рѣшеніе на знаменитомъ „Христовомъ приемномъ днѣ“ въ Майнцѣ въ воскресенье *Lactare Jerusalem* (27 марта 1188 года).

а) Нѣмецкій крестовый походъ 1189—1191 г.

Изъ этого бурнаго рвенія, изъ этого пламеннаго воодушевленія родилось одно изъ величайшихъ военныхъ и религіозныхъ предпріятій, извѣстныхъ во всемирной исторіи. Но за нѣсколько лѣтъ оно снова разсѣялось, какъ дымъ, а всеобщее вооруженіе всего Запада раздробилось, наконецъ, на жалкія недостойныя схватки съ друзьями и врагами; такой печальный исходъ крестоваго похода 1189—1191 г. обуславливался, по крайней мѣрѣ, отчасти болѣе глубокими причинами, а не исключительно несчастными случайностями и разногласіями между руководителями. Все же главной причиной печальнаго исхода нѣмецкаго крестоваго похода, наилучшаго, самаго обдуманнаго предпріятія, исходившаго изъ средневѣковой Германіи, былъ непредвидѣнный несчастный случай. Правда, численность ополченія была значительно меньше 100,000, въ томъ числѣ 50,000 кавалеріи, какъ принимаютъ обыкновенно: источники указываютъ вполне ясно, что оно уступало по числу нѣмецкому ополченію 1147 г. вслѣдствіе того, что люди, негодные къ службѣ, устранялись посредствомъ ценза (въ 3 марки сер.), а принимались только хорошо вооруженные, искусно владѣющіе оружіемъ пѣхотинцы, рыцари и кавалеристы изъ простонародія; недостатокъ численности возмѣщался тѣмъ обстоятельствомъ, что это сильное ополченіе находилось подъ начальствомъ самаго испытаннаго, побѣдоноснаго полководца, могущественнаго императора, на котораго смотрѣли съ изумленіемъ какъ Западъ, такъ и Востокъ. Недаромъ Саладинъ велѣлъ даже скрыть стѣны цѣлаго ряда палестинскихъ крѣпостей при приближеніи войскъ императора для того, чтобы онѣ не могли послужить для него опорными пунктами. Вотъ что писалъ впоследствии одинъ арабъ христіанинъ: „Если бы Богъ въ своей милости къ намъ не осудилъ германскаго императора на смерть въ тотъ самый моментъ, когда онъ собирался вступить въ Сирію, то все говорили бы впоследствии о Сиріи и Египтѣ, что тутъ господствовали нѣкогда мусульмане“.

Германское ополченіе справилось со всеми препятствіями, противопоставленными ему на старомъ пути Готфрида Бульонскаго, легче всехъ своихъ предшественниковъ. Венгрія, въ которой царствовалъ Бела III, преклонялась благоговѣнно предъ императоромъ; сербы (т. V, стр. 289) и валахи тоже снѣжили изъявить покорность и оказывали крестоносцамъ радушный пріемъ. Не такъ благополучно обстояло дѣло въ Греческой имперіи, въ которой водворились прежнія смуты послѣ прекращенія династіи Комненовъ (1185 г.); Византія была увѣрена, что не существуетъ другихъ путей для предупрежденія опасности со стороны иконійскихъ сельджуковъ, снова оправившихся послѣ тяжелаго пораженія, нанесеннаго имъ императоромъ при Миріокефалонѣ (въ 1176 г., т. V, стр. 95), кромѣ союза съ Саладиномъ, который былъ до этого времени постояннымъ врагомъ „римскаго“ сельджукскаго государства. Такимъ образомъ за Балканами крестоносное ополченіе было встрѣчено сначала съ двусмысленными изъявленіями дружбы, а затѣмъ съ вѣроломной враждебностью; но въ сознаніи своей силы оно спаслось безъ труда отъ послѣдствій коварныхъ замысловъ грековъ (осенью 1189 г.). Наконецъ въ Малой Азіи крестоносцы достигли на этотъ разъ того, чего не удалось никакому другому франкскому войску послѣ крестоносцевъ 1097 г.: они пробрались съ оружіемъ въ рукахъ черезъ владѣнія сельджуковъ. Тутъ они ожидали дружелюбнаго пріема, какъ это было обѣщано императору Фридриху вышшими посольствами султана Иззеддина Килидж-Арслана II, съ которымъ Саладинъ велъ упорную войну; но Арсланъ былъ мало-помалу оттѣсненъ отъ управления государствомъ своими сыновьями, стоявшими за общее дѣло ислама, и не былъ въ состояніи исполнить своихъ обѣщаній. Новый правитель Иконійскаго государства, Кутбъ-Адъ-Динъ,

занялъ, наконецъ, открыто враждебное положеніе по отношенію къ крестоносцамъ; крестоносное ополченіе вынуждено было съ оружіемъ въ рукахъ проложить себѣ путь въ столицу сельджуковъ 17 мая 1190 г., а затѣмъ оно добилось отъ султана новаго договора съ обезпеченіемъ безпрятственнаго дальнѣйшаго пути и дешеваго рынка. Въ дружелюбной крестоносцамъ Арменіи мѣстный христіанскій князь Левъ II велѣлъ устроить почетную встрѣчу главѣ христіанства и всеми силами содѣйствовать его походу; тѣмъ не менѣе, походъ былъ сопряженъ съ ужасающими трудностями и напряженіемъ силъ какъ въ малоазіатскихъ степяхъ, такъ и затѣмъ въ горныхъ ущельяхъ Киликіи; люди окончательно выбились изъ силъ, и только желѣзная воля престарѣлаго предводителя, не выпускавшаго власти изъ своихъ рукъ даже при такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ, удерживала все войско на высотѣ его задачи.

Наконецъ, послѣ неслыханныхъ лишеній и страданій крестоносцамъ стали улыбаться въ видѣ награды роскошныя поля Киликійской равнины, преддверіе Сиріи, но тутъ разразилось внезапно въ Каликадносѣ (Салемѣ) несчастье, погубившее самую цѣль крестоваго похода. Источники даютъ разпорѣчивыя извѣстія о томъ, послѣдовало ли это печальное событіе при переходѣ черезъ рѣку въ бродъ или верхомъ во избѣжаніе тяжелаго горнаго пути или же во время кунанья по окончаніи дневнаго похода. Еще живымъ былъ вырванъ царственный старецъ у волнъ горнаго потока (см. прил.: „Смерть Фридриха Барбароссы“); цѣлый день трудилось надъ нимъ искусство врачей. Напрасно! Его душа отлетѣла (10 іюня 1190 г.), а вмѣстѣ съ ней и душа крестоваго похода.

Безъ сомнѣнія, современники преувеличиваютъ, когда представляютъ дѣло въ такомъ видѣ, будто сейчасъ же послѣ смерти Барбароссы крестоносное ополченіе распалось, какъ тлѣющій трупъ. Уже изъ одного того обстоятельства, что не представлялось удобнаго случая для отправления такого большого войска ни сухимъ, ни морскимъ путемъ, явствуетъ, что герцогъ Фридрихъ Швабскій, старшій сынъ императора, долженъ былъ довести нѣмецкое ополченіе въ полномъ составѣ до Антиохіи, гдѣ было похоронено въ церкви св. Петра (21 іюня) „мясо“ Фридриха I, отдѣленное отъ костей, въ то время какъ самыя кости были доведены до Тира или Аккона; какая судьба постигла здѣсь остатки Барбароссы, неизвѣстно, во всякомъ случаѣ они были преданы забвенію. Достоверно, однако, что нѣкоторое число крестоносцевъ сѣло на суда въ киликійской гавани Корикосѣ для возвращенія на родину, затѣмъ, что нѣсколько отрядовъ отдѣлились отъ главной массы ополченія и погибли отъ меча сарацинъ въ области Халеба и что затѣмъ многія тысячи пали жертвой эпидеміи, господствовавшей въ Антиохіи. Надо полагать, что большая часть участниковъ крестоваго похода вернулась домой изъ Сѣверной Сиріи: несмотря на услуги такого опытнаго предводителя, какъ Конрадъ Монферратъ, герцогъ Фридрихъ уже не чувствовалъ себя болѣе настолько сильнымъ въ Триполисѣ, чтобы онъ могъ пробиться съ оружіемъ въ рукахъ черезъ горныя проходы, расположенныя между моремъ и горнымъ хребтомъ по пути въ Тиръ; онъ предпочелъ морской путь, при чемъ рѣчь могла идти только о транспортѣ умѣренныхъ размѣровъ. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ дальнѣйшей остановки въ Тирѣ герцогъ Фридрихъ привелъ съ собою въ Акконъ 7 октября всего только 1,000 человекъ. Здѣсь къ нѣмцамъ отнеслись враждебно, но, тѣмъ не менѣе, они не дали никакого отпора; это случилось еще раньше смерти герцога Фридриха, скончавшагося 20 января 1191 г. отъ эпидеміи, свирѣпствовавшей въ лагерѣ, что доказывалось съ полной убѣдительностью, какъ незначительны были остатки нѣмецкаго крестоноснаго ополченія. Прибывшихъ позже на подмогу ополченію крестоносцевъ, какъ, напр., герцога австрійскаго Леопольда, постигла такая же печальная участь, какъ и войска герцога Фридриха.

zo unreden in de boeden des schakles. Do e keiser uoe zo uoe
 to kouin de heidenen striden mit eme unte worden sige
 los buer dat. ere warts unmarc ule geslagen. Sin sone
 de heroge vredeic gewan de ule dehar vrede herberge
 dar in. En buerch lach binnen der dat dar was de solam
 uue. ue der buerch lagen de rpenen also langt want de den
 solam dar to dwingen dar he in des gulle gaf dar de has
 den guden vrede vrede guden kop al dur sin lanc. Do de
 keiser dannen uoe de heidenen braken den vrede des behet
 de keiser de gulle vrede uode de mit eme so armemie dar
 vrede ^{Fredericus} ^{1. of m.} vrede de keiser swemmen men
 unte vrank. zo warts gro
 lanc in der rpenheit. zo dat
 of greue buolf unte greue
 vrdant van haltemunt unte der rpenen ule des kei
 ses begrofinen en del to andyos dar ander del worden
 to lurs unte begrof ic dar mit groten orn. de heroge uue

СМЕРТЬ ФРИДРИХА БАРБАРОСА.

(Из рукописи рукописи «Средневеков Реконструкция Тамары»))

Смерть Фридриха Барбароссы.

(По написанной во вторую половину XIII столѣтія готской рукописи законченной около 1250 года Саксонской Всемирной Лѣтописи.)

Do untreden in de boden des soldanes. De keiser vor do vord to Konin de heidenen stridden mit eme unde worden segeles bi der stat, ere ward ummate vile geslagen. Sin sone de hertoge Vrederic gewan de wile de stat unde herbergede dar in. En burch lach binnen der stat dar was de soldan uppe; vor der burch lagen de cristenen also lange wante se den soldan dar to dwangen dat he in des gisle gaf dat se hadden guden vrede unde guden kop al dur sin lant. Do de keiser dannen vor de biedenen braken den vrede des behelt de keiser de gisle unde vorde se mit eme to Armenie dar wolde de keiser swemmen unde irdrank. Do ward grot jamer in der cristenheit. Do starf oc greve Ludolf unde greve Wilbrant van Halrenunt unde der cristenen vele. Des keiseres begrof men en del to Anthioc dat ander del vorde men to Surs unde begrof it dar mit groten eren. De hertoge Vrede[ric, des keiseres sone, unde de pelegime, swat ere genas, de voren to Anthioch unde darna to Akers. Dar starf de hertoge Vrederic vor Akers.]

Послѣ этого уѣхали отъ него послы султана. Императоръ отправился дальше по направленію къ Иконіуму; язычники вступили съ нимъ въ битву и были разбиты около города; ихъ было перебито безъ счета. Сынъ императора, герцогъ Фридрихъ, вступилъ, между тѣмъ, въ городъ и расположился въ немъ. Внутри города находилась цитадель, а въ ней засѣлъ султанъ; христіане стояли у цитадели до тѣхъ поръ, пока султанъ не былъ вынужденъ выдать имъ заложниковъ въ подтвержденіе того, что они будутъ пользоваться миромъ и рынками для покупки товаровъ на всемъ пространствѣ его владѣній. Какъ только императоръ ушелъ оттуда, язычники нарушили миръ: въ наказаніе за это императоръ удержалъ при себѣ заложниковъ и увелъ ихъ съ собою въ Арменію. Тамъ императору захотѣлось переплыть черезъ одну рѣку, и онъ утонулъ. И былъ великій плачъ во всемъ христіанскомъ мірѣ. Тамъ скончался также графъ Лудольфъ и графъ Вилбрантъ фонъ Галлермюнде и много другихъ христіанъ. Часть останковъ императора была похоронена въ Антиохіи; остальная часть ихъ была увезена въ Тиръ и похоронена здѣсь съ великими почестями. Герцогъ Фридрихъ, сынъ императора, и всѣ паломники, оставшіеся въ живыхъ, отправились въ Антиохію, а оттуда въ Акконъ. Герцогъ Фридрихъ скончался недоѣзжая Аккона.]

Надъ изображеніемъ тонущаго императора авторъ миниатюры проставилъ имя Fred[er]icus; рядомъ съ этимъ именемъ находится подскобленное мѣсто, относящееся къ тому же времени.

(Дополнено по тексту Саксонской Всемирной Лѣтописи, изданному Людвигомъ Вейландомъ и помѣщенному въ „Monumenta Germaniae“, отдѣлъ германскихъ лѣтописей, томъ 2.)

Единственнымъ результатомъ нѣмецкаго крестоваго похода было основаніе нѣмецкой больницы около Аккона любекскими и бременскими паломниками; семь лѣтъ спустя эта больница была щедро одарена во время новаго нѣмецкаго крестоваго похода по порученію императора Генриха VI и превращена въ нѣмецкій рыцарскій орденъ св. Маріи (стр. 461).

б) Битва подъ Аккономъ и французско-англійскій крестовый походъ.

Подъ Аккономъ разыгрался конецъ германскаго крестоваго похода, и тутъ же произошла большая часть сраженій, въ которыхъ приняли участіе другіе западно-европейскіе народы во время третьяго крестоваго похода. Кромѣ того многочисленныя крестоносцы съ береговъ Нѣмецкаго моря и нижняго теченія рѣки Рейна отправились на помощь къ королю португальскому Санхо I противъ арабовъ (въ 1189 г.). Мы уже рассказали (стр. 451), что кромѣ главныхъ городовъ сѣверно-сирійскихъ княжествъ франки удержали въ своихъ рукахъ одинъ только городъ Тиръ, несмотря на двукратную осаду его Саладиномъ, благодаря энергіи Конрада Монферрата, прибывшаго съ Запада какъ разъ во время битвы при Хаттинѣ. Черезъ годъ послѣ своего пораженія безземельный король Гвидо, отпущенный на свободу изъ плѣна, не былъ впущенъ въ Тиръ, несмотря на свои настоячивыя просьбы. Тогда ревностные священники освободили его отъ клятвы не поднимать больше оружія противъ султана, и онъ отправился на югъ вмѣстѣ съ бѣглецами и паломниками, скопившимися на Сирійскомъ побережьи подъ защитой первыхъ флотилій, прибывшихъ съ Запада, главнымъ образомъ изъ Италіи. Въ концѣ августа 1189 г. тутъ на югъ началась достопамятная осада Аккона, сосредоточившая на себѣ мало-по-малу всѣ еще уцѣлѣвшія въ Сиріи христіанскія силы и силы Западной Европы. Такъ какъ почти одновременно съ осаждающимъ войскомъ сюда явился на выручку крѣпости Саладинъ, то здѣсь загорѣлась вскорѣ гигантская борьба на два фронта, въ которой рыцарство христіанскаго ополченія снова показало себя достойнымъ преемникомъ великихъ традицій перваго крестоваго похода какъ по своему героизму, такъ и по своей стойкости; тѣснимые непрерывно какъ осаждающими изнутри города, такъ и войсками Саладина извнѣ, они поддерживали свои сообщенія съ моремъ посредствомъ самыхъ отчаянныхъ усилій и сохранили благодаря этому свою силу сопротивленія, обнаруживая въ этой упорной борьбѣ чудеса храбрости и выносливости. Почти цѣлыхъ два года Акконъ былъ сдавленъ двумя желѣзными кольцами: осаждающими, которые сами оказались въ осадѣ, и мусульманскимъ войскомъ, пришедшимъ на выручку крѣпости. Наконецъ, весной 1191 г. прибылъ на помощь къ крестоносцамъ король французскій Филиппъ II Августъ, а лѣтомъ того же года король англійскій Ричардъ I; это подкрѣпленіе, полученное христіанами 12 іюля, повело, наконецъ, къ сдачѣ крѣпости и къ отступленію Саладина.

Западно-европейскіе короли должны были бы прибыть гораздо раньше, такъ какъ ихъ походъ былъ задуманъ и начатъ ими сообща. Однако, непостоянство и необузданность Ричарда Львиное Сердце вызвали уже въ Сициліи въ октябрѣ и декабрѣ 1190 г. кровавое столкновеніе между нимъ и норманнскимъ, а затѣмъ и французскимъ рыцарствомъ и, наконецъ, тяжелые раздоры между самими королями, а эти раздоры въ свою очередь побудили Ричарда къ отказу отъ предстоящаго его брака съ Алисой, сестрой французскаго короля, такъ что между объединившимися съ трудомъ монархами и народами снова пустило ростки сѣмя обоюднаго озлобленія и глубокаго недоумѣрія. Изъ-за этихъ раздоровъ было потеряно цѣлыхъ полгода драгоцѣннаго времени. Когда французскій король обратился,

наконецъ, 30 марта 1191 г. къ своему левнику, англійскому королю, съ настойчивымъ требованіемъ, чтобы тотъ послѣдовалъ за нимъ, то Ричардъ промедлилъ еще 12 дней, а затѣмъ буря заставила его остановиться на о. Кипрѣ, и это замѣчательное сѣщеніе обстоятельствъ отдало въ руки англійскаго короля этотъ островъ, находившійся во владѣніи узурпатора изъ дома Комненовъ. Это случайное завоеваніе Кипра осталось почти единственнымъ долговременнымъ результатомъ третьяго крестоваго похода. Послѣ окончательной потери Сиріи этотъ островъ сталъ цѣннымъ форпостомъ западно-европейской культуры, процвѣтавшимъ до самаго его покоренія османами (1571 г.; стр. 476) благодаря оживленнымъ торговымъ сношеніямъ его съ Восточнымъ міромъ. Однако король Ричардъ былъ какъ нельзя болѣе далекъ отъ подобныхъ плановъ; для его непостояннаго характера завоеваніе Кипра было однимъ изъ многихъ его рыцарскихъ приключеній, и такихъ же рыцарскихъ подвиговъ искала его душа на Сирійскомъ побережьѣ, такъ настоятельно нуждавшемся въ повелителѣ Божьей милостью для борьбы съ геніальнымъ Саладиномъ. Напротивъ того, король французскій Филиппъ Августъ былъ настоящимъ королемъ въ противоположность искателю приключеній Ричарду, но навязанные ему въ силу обстоятельствъ непрерывные раздоры съ его англійскимъ вассаломъ, изъ которыхъ послѣдній обыкновенно выходилъ побѣдителемъ, какъ обладавшій болѣе обширными средствами, парализовали его лучшія силы. Разочаровавшись и отчаявшись въ исходѣ похода, онъ отправился обратно домой моремъ черезъ Тиръ и Антиохію уже черезъ три недѣли послѣ паденія Аккона.

Такимъ образомъ судьба Іерусалима очутилась цѣликомъ въ рукахъ Ричарда; въ то время, какъ существующее положеніе требовало государственнаго человѣка съ твердою волею, онъ проявилъ только отчаянную храбрость, безумную страсть къ приключеніямъ и приобрѣлъ славу страшнаго для всѣхъ враговъ героя, которымъ мусульманскія матери пугали впоследствии своихъ дѣтей. Еще до прибытія обоихъ королей въ лагерьъ сирійскихъ князей разгорѣлся споръ изъ-за королевскаго престола, потерявшаго всякое значеніе; рядомъ съ этимъ продолжались обычные раздоры между итальянскими приморскими городами, которые перешли вскорѣ въ открытое междоусобіе предъ лицомъ врага. Конрадъ Монферратъ, не желавшій признать королемъ Гвидо, уступилъ, наконецъ, въ мартѣ 1190 г.; но въ ноябрѣ, послѣ смерти королевы Сибиллы, возобновились раздоры изъ-за престола, въ особенности послѣ того, какъ Конрадъ постигнулъ вступить въ бракъ съ сестрой королевы, Изабеллой, похищенной имъ у ея законнаго супруга Гумфреда Туронскаго. Со свойственной Ричарду капризной страстью ко всему нецѣлесообразному онъ сейчасъ же перешелъ на сторону неспособнаго Гвидо; съ трудомъ отъ него удалось добиться той уступки, чтобы Конрадъ былъ признанъ, по крайней мѣрѣ, наслѣдникомъ Гвидо (28 іюля 1191 года). Однако король съ львинымъ сердцемъ опозорилъ свою рыцарскую честь, сорвавши легкомысленно флагъ герцога австрійскаго Леопольда съ одной изъ башенъ Аккона и умертвивши хладнокровно 3,000 защитниковъ этой башни за несвоевременную уплату условленнаго выкупа (20 августа). Вообще онъ провелъ цѣлый годъ въ безцѣльныхъ шатаваніяхъ, при чемъ онъ одержалъ случайно нѣкоторыя побѣды и занялъ Цезарею, Яффу, но потомъ потерялъ ихъ обратно. Однако на самую важную задачу, на энергичный штурмъ Іерусалима, у него не хватало смѣлости, хотя онъ и доходилъ до ближайшихъ окрестностей этого года. Неоднократно онъ завязывалъ переговоры, но вслѣдъ затѣмъ прерывалъ ихъ снова. Фантастическое настроеніе Ричарда дошло до такого эксцентричнаго шага, какъ посвященіе въ рыцари племянника Саладина, будущаго султана Аль-Камила (29 марта 1192 года); въ концѣ 1191 года обсуждалась даже съ большою живостью авантюристическая идея о бракѣ

Аладилла (Малика Аль-Адила), брата Саладина, съ сестрой Ричарда, Иоанной. Силы Саладина были тоже истощены отъ пятилѣтнихъ жестокихъ битвъ: онъ обнаруживалъ склонность къ большимъ уступкамъ и, вѣроятно, пожертвовалъ бы даже Иерусалимомъ. Но современные арабо-христиане стараются отмѣтить, какъ трудно было вести серьезные переговоры съ Ричардомъ: каждый разъ, какъ улаживалось соглашеніе съ англійскимъ королемъ, онъ сейчасъ же отрекался отъ него; онъ измѣнялъ непрерывно уже принятыя имъ условія или возбуждалъ новыя затрудненія. Если онъ давалъ слово, то онъ бралъ его назадъ, а когда онъ требовалъ соблюденія тайны, то онъ самъ первый нарушалъ ее. Вся эта бессмысленная и безцѣльная борьба закончилась, наконецъ, перемиріемъ на три года, вступившимъ въ силу 2 сентября 1192 г. и обезпечившимъ за христианами обладаніе морскимъ побережьемъ отъ Яффы до Тира съ нѣкоторыми укрѣпленіями внутри страны и остатки ихъ владѣній въ Сѣверной Сири, но Иерусалимъ остался во власти невѣрныхъ, а паломникамъ позволялось только посѣщать Гробъ Господень, съ 1187 года охраняемый сирійскими священниками, небольшими компаніями и безъ оружія, въ то время какъ рядомъ съ Гробомъ Господнимъ шѣнные христиане-рабы работали для своихъ мучителей подъ ударами кнута.

Корону Иерусалимскаго королевства, какъ бы въ насмѣшку получившую названіе „Иерусалимъ“, Ричардъ англійскій вынужденъ былъ уступить передъ своимъ отъѣздомъ на родину по настоятельному желанію бароновъ Конраду Монферрату, но тутъ же онъ услышалъ, что этотъ храбрый герой былъ убитъ ассасинами (28 апрѣля 1192 года). Послѣ этого титулъ короля вмѣстѣ съ рукою вдовы Конрада, Изабеллы, которая всегда была готова вступить въ новый бракъ, перешли 5 мая къ графу Генриху Шампанскому, племяннику англійскаго короля. Для удовлетворенія же своего любимца Гвидо Ричардъ отдалъ ему во владѣніе 5 апрѣля 1192 года островъ Кипръ, первоначально переданный англійскимъ королемъ храмовникамъ, но потомъ отнятый у нихъ обратно послѣ поднятаго ими возстанія. Съ этихъ поръ получила начало кипрская династія Лузиньяновъ (прекратившаяся въ мужскомъ колѣнѣ въ 1267 году; по женской линіи ея продолжателемъ явился Гюго III изъ дома Боэмундовъ, мать котораго была дочерью Гюго I); впоследствии Лузиньяны неоднократно возобновляли свои притязанія на Иерусалимъ.

9 октября 1192 года король Ричардъ покинулъ берегъ Сири, но на обратномъ пути попалъ въ руки тяжело оскорбленнаго имъ Леопольда Австрійскаго (21 декабря) и вернулся домой только послѣ продолжавшагося много мѣсяцевъ заточенія въ замкахъ Дюрнштейнѣ и Трифельсѣ (см. верхнюю половину таблицы: „Императоръ Генрихъ VI на высотѣ своего могущества“, прилож. къ стр. 378), 13 марта 1194 года, и погибъ, наконецъ, такой же рыцарской, но нисколько не царственной смертью, какой онъ жилъ жизнью, въ ничтожной стычкѣ подъ укрѣпленнымъ замкомъ Халузомъ 6 апрѣля 1199 года. Еще раньше его, 3 марта 1193 года, скончался его великій противникъ Саладинъ, который отстоялъ свои владѣнія отъ арміи, выдвинутой всею взявшейся за оружіе Западной Европой, благодаря своимъ административному и военному талантамъ.

7. Второе столѣтіе крестовыхъ походовъ.

А. Идея крестовыхъ походовъ на Востокъ и на Западъ.

Вся исторія государствъ, основанныхъ крестоносцами, сосредоточивается на узкой прибрежной полосѣ, обнимающей кромѣ Антиохіи и Триполіса полосу отъ Тира до Юппе съ узкимъ пространствомъ въ глубь страны, наполненнымъ по большей части укрѣпленными замками

орденовъ: эта исторія, обнимающая цѣлое столѣтіе отъ конца третьяго крестоваго похода до паденія Аккона, рѣдко выходитъ, и то на короткое время, изъ указанныхъ нами географическихъ границъ (см. карту, приложенную къ стр. 424). При изложеніи событій этого періода не стоитъ останавливаться на отдѣльныхъ эпизодахъ. Тутъ больше не идетъ рѣчи о способномъ къ жизни государственномъ организмѣ, вызывающемъ интересъ въ силу своего внутренняго вѣса и присущей ему идеи, ясно воплощающемъ въ своемъ существованіи контрастъ между Западнымъ и Восточнымъ міромъ и сознательно принимающемъ за необходимое условіе своего существованія борьбу съ враждебной вѣрой и чуждой культурой; исторія франкскихъ государствъ распадается на рассказы о судьбахъ все еще богатой и цвѣтущей торговой колоніи, основанной въ непріятельской странѣ, въ которой никогда не вымираютъ окончательно великія традиціи, принесенныя съ старой родины; но все же эти послѣднія отодвигаются на задній планъ заботами объ обезпеченіи за собой доходной и удобной территоріи на новомъ тѣсномъ мѣстѣ, о торговлѣ, промышленности и сельскомъ хозяйствѣ, словомъ, о прибыли и богатствѣ, а не о вѣрѣ и могуществѣ. Весь этотъ вѣкъ проходитъ въ непрерывной и ожесточенной борьбѣ со смертельнымъ врагомъ; отъ времени до времени магометане снова раздробляются; поэтому борьба эта ведется съ переменнымъ успѣхомъ, и границы маленькой христіанской области то отодвигаются впередъ, то отгѣсняются назадъ; война ведется христіанами исключительно ради занятыхъ позицій; рѣдко разгораются такія крупныя столкновенія, которыя снова вызывали бы къ жизни безпредѣльный героизмъ и дикій фанатизмъ предшествующаго періода. Наконецъ пламя воодушевленія окончательно потухаетъ въ слѣдствіе недостатка питанія; постепенно все болѣе суживаются владѣнія христіанъ, пока они не погибаютъ окончательно при новомъ неблагоприятномъ поворотѣ дѣлъ. Теперь обнаружилось, что борьба велась исключительно изъ-за сохраненія существующихъ владѣній, что сама по себѣ идея крестовыхъ походовъ и религіозный идеаль не обладали достаточной силой для того, чтобы вызвать готовность къ новымъ напряженіямъ и новымъ жертвамъ, что навсегда прошли дни Боэмундовъ и Готфридовъ, духъ и рвеніе которыхъ были въ состояніи создать самые неожиданные результаты изъ ничего.

Однако все сказанное объ упадкѣ воодушевленія относится только къ христіанской Сири, и притомъ не только къ самой послѣдней эпохѣ ея существованія, но и къ гораздо болѣе раннему времени, но нисколько не примѣнимо ко всей Западной Европѣ — и это является отличительнымъ характернымъ признакомъ крестоноснаго движенія въ XIII столѣтіи. О вымираніи и исчезновеніи въ Европѣ идеи крестовыхъ походовъ и вызываемаго ею одушевленія не можетъ быть рѣчи не только непосредственно послѣ третьяго крестоваго похода, но и еще долгое время спустя вплоть до середины этого столѣтія; какъ разъ наоборотъ. Въ то время, какъ въ XII столѣтіи никогда не угасавшее окончательно увлеченіе борьбой за вѣру разгоралось въ мощное пламя преимущественно только въ видѣ крупныхъ и охватывающихъ большія пространства предпріятій, какими были настоящіе крестовые походы въ полномъ смыслѣ этого слова, и періоды возбужденія чередовались, безъ сомнѣнія, съ періодами относительнаго покоя и бездѣятельности, XIII вѣкъ является, напротивъ того, той эпохой, въ теченіе которой идея крестовыхъ походовъ господствуетъ повсюду надъ умами на первомъ планѣ, эпохой, въ теченіе которой эта идея была неизмѣнной сущностью, главнымъ образомъ, церковныхъ стремленій.

Періодъ наивысшаго развитія мощи церкви наступилъ для нея при владычествѣ папѣ Иннокентіи III. Совершенно послѣдовательно она стре-

мится превратить въ реальный фактъ ту идею, которая выдвигаетъ впередъ ея стремленія къ власти съ наибольшей силой и ясностью и не останавливается въ этомъ вопросѣ предъ непрерывными неудачами. Даже приготовленія къ крестовымъ походамъ, а подчасъ даже и руководство ими папская церковь беретъ въ свои руки въ періодъ наивысшаго расцвѣта ея вселенскихъ притязаній наперекоръ правамъ свѣтскаго меча. Система десятины въ пользу крестовыхъ походовъ, проводившаяся съ все болѣе усиливающейся настойчивостью и съ всевозрастающимъ успѣхомъ (характерно, что она была введена въ подражаніе первоначальнымъ образцамъ изъ Западной Сиріи), оставила далеко позади себя первыя робкія попытки, сдѣланныя въ этомъ направленіи въ теченіе этого періода свѣтскими правительствами Западной Европы, за исключеніемъ строго бюрократическаго правленія Фридриха II на магометанской почвѣ Сициліи; церковь пожала первые плоды того посѣва, который созрѣлъ въ значительной степени подъ дѣйствіемъ опыта и умственныхъ теченій, вынесенныхъ съ Востока благодаря крестовымъ походамъ. Благодаря возможности добывать непрерывно и правильно новыя средства для священныхъ воиновъ приготовленія къ походу въ Св. Землю никогда не прекращались въ теченіе первой четверти XIII столѣтія, а также и въ позднѣйшее время. Къ берегамъ Сиріи отправляется экспедиція за экспедиціей, такъ что традиціонное историческое изложеніе приходитъ въ недоумѣніе, какія изъ этого громаднаго числа предпріятій слѣдуетъ отмѣтить, какъ особенно выдающіяся; вслѣдствіе этого не можетъ установиться господствующаго прочнаго единогласія въ опредѣленіи числа крестовыхъ походовъ.

Однако, всѣ эти предпріятія раздѣляли одну и ту же общую участь: Западная Европа попрежнему искала борьбы и мученичества за вѣру и стремилась къ расширенію области распространенія христіанства; но по ту сторону Средиземнаго моря христіане жаждали мира ради сохраненія своихъ наличныхъ владѣній, которое становилось все труднѣе изъ-за непрерывныхъ междоусобныхъ раздоровъ между самими франками. Дальнѣйшій притокъ людей съ Запада нѣрѣдко способствовалъ только увеличенію блеска рыцарства, но нисколько не увеличивалъ реальныхъ силъ, и постепенно все убывала возможность использовать благочестивое рвеніе къ вѣрѣ и пылкое увлеченіе Запада ради реальныхъ интересовъ мелкихъ сирійскихъ государствъ. Мелочность и изменчивость этихъ интересовъ гасили то воодушевленіе, которымъ были преисполнены вспомогательныя силы Запада; какъ разъ наиболѣе значительныя предпріятія мало-по-малу сводились на нѣтъ вслѣдствіе того, что никакое великое дѣло не могло быть выполнено въ дѣйствительности на создавшейся въ Сиріи исторической сценѣ.

А между тѣмъ положеніе ислама, по крайней мѣрѣ, въ теченіе первой половины этой эпохи, было таково, что подобнымъ значительнымъ предпріятіямъ онъ не могъ бы противопоставить ничего соответствующаго имъ по своему значенію. Передъ своей смертью Саладинъ вернулся снова къ гибельному сельджукскому раздѣлу государства между наследниками и такимъ образомъ поставилъ на рискъ всѣ успѣхи, добытые какъ имъ самимъ, такъ и его предшественниками Нуръ-Эдъ-Диномъ и Имадъ-Эдъ-Диномъ. Франкской Сиріи и Западной Европѣ была дана болѣе чѣмъ достаточная отсрочка для возобновленія наступательныхъ дѣйствій противъ могущества ислама. Между преемниками Саладина, чья судьба благословила 17 сыновьями, шла непрерывная борьба; его брату Маликъ Аль-Адибу удалось было еще разъ объединить подъ своей властью большую часть государства (отъ 1200 до 1218 г.; т. III, стр. 686), но черезъ короткое время встали снова междоусобныя распри, и государство пришло въ полное разстройство съ тѣхъ поръ, какъ на историческую

сцену выступили монголы. Тѣмъ не менѣе даже въ этотъ рѣшающій моментъ франки не предприняли ни одного успѣшнаго наступательнаго дѣйствія; даже въ самой Сиріи шли непрерывныя междоусобныя распри и взаимоистребленіе. Наконецъ, съ выступленіемъ на сцену мамелюкскихъ султановъ Египетъ и Сирія снова объединились окончательно подъ одной общей властью благодаря военнымъ и государственнымъ талантамъ такихъ людей, какъ Бейбаръ и Калаунъ (1260—90 г.; т. III, стр. 686 и сл.), и франкскія приморскія государства были замкнуты въ желѣзныхъ тискахъ.

Б. Судьба іерусалимской короны до 1291 г.

Власть іерусалимскаго короля теряетъ мало-по-малу свое содержаніе, и черезъ короткое время она превращается, въ сущности, какъ во внутреннемъ, такъ и во внѣшнемъ отношеніи исключительно въ спорное домогательство. Сначала іерусалимская корона стала переходить изъ рукъ въ руки вмѣстѣ съ быстро мѣняющимися брачными связями Изабеллы, послѣдней дочери Амальриха I (стр. 456). Когда ея второй мужъ Конрадъ Монферратъ палъ отъ руки ассасиновъ еще до своего коронованія, то уже черезъ нѣсколько дней послѣ его смерти его мѣсто заступилъ графъ Шампанскій Генрихъ (стр. 457); вскорѣ послѣ вступленія своего въ третій бракъ двадцатилѣтняя королева родила отъ своего второго супруга дочь Марію (Юланту), а вмѣсто этого ребенка іерусалимскую корону сталъ носить съ 1197 г. четвертый мужъ Изабеллы, ея зять Амальрихъ, король кипрскій, который унаслѣдовалъ этотъ островъ отъ своего брата Гвидо въ апрѣлѣ 1194 г.; что касается графа Генриха, то онъ скончался преждевременно отъ несчастнаго случая 10 сентября 1197 г. 1 апрѣля 1205 г. сконч. Амальрихъ II, а вслѣдъ за нимъ умерла и Изабелла, всего 33 лѣтъ отъ роду; окончательно осиротѣвшая корона досталась теперь 14 сентября 1210 г., вмѣстѣ съ рукою молодой Маріи приближавшемуся уже къ престарѣлому возрасту Іоанну Бриенну, который продолжалъ носить ее и послѣ преждевременной смерти Маріи (въ 1212 г.) вмѣсто послѣдней дочери Изабеллы, но вынужденъ былъ передать ее 9 ноября 1225 г. этой законной послѣдницѣ іерусалимскаго престола и ея супругу императору Фридриху II. Вскорѣ послѣ этого этотъ честный старикъ былъ вознагражденъ за эту утрату византійской императорской короной, которую онъ получилъ въ качествѣ регента и опекуна малолѣтняго латинскаго императора Балдуина II и которую онъ продолжалъ носить еще цѣлыхъ 9 лѣтъ (отъ 1228 до 1237 г.). Послѣ этого титулъ іерусалимскихъ королей носили только римскій императоръ Фридрихъ II, а послѣ его смерти сынъ Изабеллы, король Конрадъ IV, рожденіе котораго стоило жизни его матери (въ 1228 г.). Во время смутъ, вызванныхъ возмущеніемъ сирійскихъ бароновъ противъ королей Штауфенской королевской династіи, почти никто не признавалъ уже больше правъ на іерусалимскій престолъ самого Конрада и его преемника и сына, Конрадина. Носителями іерусалимской короны были съ этихъ поръ скорѣе кипрскіе короли изъ дома Лузиньяновъ, основывавшіе свое право на своемъ происхожденіи отъ брака Изабеллы съ Амальрихомъ II, но эти короли едва ли пользовались какой-либо фактической властью при томъ произволѣ, который господствовалъ среди бароновъ, рыцарскихъ орденовъ и итальянскихъ колоній. Кромѣ кипрскихъ королей было еще много другихъ претендентовъ на іерусалимскую корону; Карлъ Анжуйскій (стр. 132 и 399) тоже присвоилъ себѣ титулъ іерусалимскаго короля на основаніи подобнаго переуступленнаго ему за деньги наслѣдственнаго права, а также въ качествѣ наслѣдника правъ сицилійскихъ Штауфеновъ. Однако, окончательное паденіе „королевства“ въ 1291 г. почти не затронуло номинальныхъ владѣтелей этого королевства.

В. Нѣмецкій крестовый походъ въ царствованіе Генриха VI (въ 1197 г.).

Во время военнаго предпріятія императора Генриха VI (1196—97 г.), которое должно считаться настоящимъ нѣмецкимъ крестовымъ походомъ на ряду съ походомъ Фридриха I и, вѣроятно, по этой самой причинѣ не включается при обычномъ перечисленіи крестовыхъ походовъ. Амальрихъ, король кипрскій, выпросилъ себѣ королевскую корону въ видѣ имперскаго лена при посредствѣ канцлера Генриха, епископа гильдесгеймскаго Конрада, въ сентябрѣ 1197 г.; черезъ короткое время онъ пріобрѣлъ титулъ іерусалимскаго короля (срв. выше) и сталъ вмѣстѣ съ своими наслѣдниками вассаломъ Священной Римской имперіи германской націи по кипрской и іерусалимской коронамъ, поскольку римскіе императоры не являлись сами носителями іерусалимской короны. Въ царствованіе самаго дѣятельнаго изъ государей Римско-Германской имперіи, Генриха VI, ея могущество выразилось въ томъ, что уже въ 1194 г. армянскій князь Левъ II ходатайствовалъ черезъ пословъ у отца Генриха, затѣмъ у него самого (стр. 454) о принятіи его государства подъ ленную защиту имперіи и дарованіи ему королевскаго титула, при чемъ этотъ армянскій князь искалъ у императора фактической защиты противъ византійскихъ притязаній. 6 января 1198 г. коронованіе Льва II Армянскаго было совершено въ Тарзосѣ архиканцлеромъ имперіи, архіепископомъ майицскимъ Конрадомъ. Съ этихъ поръ оба названнаго государства, Кипрское и Армянское, воплощавшія въ себѣ политическую идею государствъ, основанныхъ крестоносцами съ гораздо большей внутренней силой, чѣмъ вымирающее Іерусалимское королевство, и распространившія эту идею далеко за предѣлы крестовыхъ походовъ, вошли въ составъ имперской ленной системы.

Во всемъ прочемъ нѣмецкій крестовый походъ 1197 года нисколько не былъ плодотворнѣе по своимъ результатамъ, чѣмъ предшествовавшій ему походъ 1189—90 г. Такъ какъ во главѣ похода не было объединяющей руководящей личности императора, еще не успѣвшаго прибыть, то участники его дѣйствовали вразбродъ и искали дешевыхъ побѣдныхъ лавровъ въ мелкихъ набѣгахъ на внутреннія области, въ занятіи и опустошеніи покинутыхъ непріятелемъ городовъ Сидона и Бейрута, въ отраженіи являвшихся на выручку отрядовъ Малика Аль-Адила, брата Саладина и правителя Дамаска. Последнимъ подвигомъ нѣмцевъ было нападеніе на крѣпость Тибнинъ (Туронъ) въ концѣ 1197 и въ началѣ 1198 года; крѣпость осаждалась въ теченіе довольно долгаго времени, но осада закончилась позорнымъ отступленіемъ крестоносцевъ, какъ только прибыло извѣстіе о внезапной смерти Генриха VI, и осажденные потеряли бодрость духа и надежду устоять противъ приближающагося на выручку крѣпости мусульманскаго войска. Основаніе тевтонскаго рыцарскаго ордена (о которомъ мы упоминали на стр. 455) въ замкѣ храмовниковъ въ Акконѣ 5 марта 1198 года, имѣвшее цѣлью поднятіе германскаго престижа въ Іерусалимѣ, попавшемъ въ ленную зависимость отъ имперіи, было последнимъ эпизодомъ этого неудавшагося крестоваго похода.

Г. Иннокентій III. Четвертый крестовый походъ (отъ 1201 до 1204 года).

Однако, вскорѣ послѣ смерти Генриха VI сталъ во главѣ церкви, а въ качествѣ опекуна надъ малолѣтнимъ Фридрихомъ II также и Сицилійскаго государства Штауфеновъ тотъ человекъ, который преслѣдовалъ со всей энергіей своего характера одну цѣль, непрерывное поддержаніе въ западноевропейскомъ христіанствѣ пыла къ войнѣ за вѣру. Для папы Иннокентія III (стр. 285 и 458) обратное завоеваніе Іерусалима было въ одно и то же время какъ религіозной потребностью, такъ и настоятельной

задачей „внѣшней политики всемірной власти папъ“. Несмотря на неблагоприятное стеченіе обстоятельствъ, на борьбу за престолъ германскаго короля между Филиппомъ Швабскимъ и вельфомъ Оттономъ, на вспыхнувшую снова войну между Франціей и Англіей, на неотложную необходимость возвращенія еретиковъ альбигойцевъ въ лоно церкви (стр. 127, 285 и 289), онъ никогда не упускалъ изъ виду той задачи, которая составляла великую цѣль всей его жизни.

Наиболѣе отзывчивой къ призыву выступить въ крестовый походъ въ началѣ XIII столѣтія снова оказалась Франція. Фулько изъ Нельи, такой же святой, какъ его предшественники Петръ Амьенскій и Бернаръ Клервоскій, склонилъ своими пламенными обличительными проповѣдями къ новому крестовому походу тысячи людей. Его примѣру посмѣдовалъ въ Эльзасѣ и югозападной Германіи аббатъ Мартинъ изъ Периса (недалеко отъ Кольмара), который умѣлъ задѣвать въ своихъ слушателяхъ струны болѣе грубаго земного свойства. Въ 1202 году въ городѣ лагунъ собралось ополченіе, состоявшее изъ 4,500 рыцарей, 9,000 оруженосцевъ и 20,000 чело-вѣкъ пѣхоты — въ данномъ случаѣ мы располагаемъ впервые точными цифрами благодаря договору о перевозкѣ, заключенному съ Венеціей; отсюда крестоносцы должны были быть перевезены къ устьямъ Нила, такъ какъ на этотъ разъ имѣлось въ виду направить ударъ на самые корни могущества и славы ислама. Однако, могущественной морской республикѣ (стр. 373) удалось использовать стройное рыцарское ополченіе ради собственныхъ интересовъ, несмотря на упорное сопротивленіе папы, но съ согласія германскаго короля Филиппа. Венеціанцы воспользовались тѣмъ обстоятельствомъ, что не могла быть уплачена сполна условленная сумма за перевозку крестоносцевъ. Благодаря этому венеціанцамъ удалось добиться вмѣшательства крестоносцевъ въ византійскія междуусобныя распри изъ-за престола, такъ какъ у республики были неулаженные старые счеты съ Восточной Имперіей. Завоеваніе Константинополя крестоносцами въ интересахъ пользовавшагося ихъ покровительствомъ Алексѣя IV (17 іюля 1203 года) было только прелюдіей къ вторичному захвату Константинополя 12 и 13 апрѣля 1204 года, послѣ чего крестоносцы подчинили императорскую столицу своей собственной власти, такъ какъ за это время сильно обострились отношенія между латинянами и греками; крестоносное ополченіе подвергло этотъ городъ страшному опустошенію, не останавливаясь предъ убійствами, пожарами и грабежами (срав. т. V, стр. 98).

Дѣлежъ добычи между крестоносцами, основаніе Латинской имперіи рядомъ съ многочисленными мелкими франкскими государствами и большимъ венеціанскимъ колониальнымъ государствомъ — все это отвлекло окончательно четвертый крестовый походъ отъ его первоначальной цѣли: объ использованіи вспомогательныхъ средствъ Греческой имперіи для борьбы съ Египтомъ больше не было рѣчи. Напротивъ того, повья франкскія государства Сиріи и ихъ остатки продолжали отвлекать, даже послѣ обратнаго завоеванія Константинополя греками въ 1261 году, отъ сирійскихъ франкскихъ колоній и цѣлей крестоваго похода драгоценныя силы, находившія разнообразныя случаи къ рыцарскимъ подвигамъ и коммерческой дѣятельности какъ въ самой Латинской имперіи, такъ и во французскихъ княжествахъ, образовавшихся на древне-классической почвѣ и въ области „Архинелага“ (томъ V, стр. 102 и сл.). Эти отпрыски крестоноснаго движенія тоже пережили по большей части на цѣляхъ столѣтія франкскія колониальныя государства подобно своимъ прототипамъ, Армянскому и Кипрскому королевствамъ; они способствовали въ гораздо большей степени, чѣмъ предшествовавшіе настоящіе крестовые походы, тому болѣе тѣсному сближенію между византійской культурой и латинскимъ Западомъ, которое послужило важнымъ толчкомъ

къ гуманистическому возрожденію Западной Европы. Конечно, всѣ эти историческія сдѣянія лежали далеко внѣ кругозора свирѣпныхъ поджигателей и грабителей четвертаго крестоваго похода; они добивались только одного — сжить со свѣта ненавистную Греческую имперію, въ теченіе двѣдцати столѣтій не перестававшую класть всякія препоны на пути крестоносцевъ.

Однако крестоносцы запоздали съ разрушеніемъ Греческой имперіи; ихъ цѣль не была достигнута, такъ какъ между Западной Европой и Сиріей снова выросла непреодолимая преграда вследствие упроченія Иконійскаго сельджукскаго государства и вторженія монголовъ (томъ III, стр. 342).

Д. Эпоха пятаго крестоваго похода.

а) Приготовленія къ походу въ Западной Европѣ.

Отклоненіе четвертаго крестоваго похода въ сторону Греческой имперіи нисколько не ослабило крестоноснаго движенія въ Западной Европѣ. Религіозное стремленіе къ Гробу Господню не нашло себѣ никакого удовлетворенія, въ то время какъ всѣ мірскія желанія крестоносцевъ были неожиданно насыщены византійскими сокровищами, и цѣлая имперія, древнѣйшая во всемъ христіанскомъ мірѣ, по всегда торчавшая бѣльмомъ на глазу у паломниковъ, была отдана въ жертву ихъ страсти къ добычѣ; неудовлетворенность религиозныхъ стремленій, съ одной стороны, и полное удовлетвореніе жажды къ добычѣ, съ другой стороны, подстрекали какъ нельзя сильнѣе къ новому походу на Востокъ; Иннокентій III видѣлъ, что сверхъ ожиданій и вопреки его недвусмысленнымъ приказаніямъ въ руки римской церкви упала теперь, какъ зрѣлый плодъ, та добыча, которая оставалась цѣлью ея непрерывныхъ стремленій въ теченіе многихъ столѣтій; по завоеваніе Восточной Римской имперіи для папской церкви оживило давнишнее задушевное желаніе папы освободить Іерусалимъ изъ рукъ враговъ христіанской вѣры и объединить все христіанство подъ сѣнью посоха Св. Петра въ самой роднѣ христіанскаго вѣроученія. Политика папы и неудержимыя стремленія всей Западной Европы сходились между собою въ одномъ и томъ же желаніи. Это была эпоха зарожденія нищенскихъ орденовъ въ глубокихъ слояхъ народа, въ которыхъ были посеяны сѣмена новаго благочестія пылкимъ фанатизмомъ такихъ людей, какъ Францискъ Ассизскій и Доминго де Гузманъ; то, что руководящіе слои населенія пріобрѣли благодаря кляуітской и грегорианской реформамъ, то проникло теперь въ широкія массы народа: мы говоримъ о благотѣльномъ дѣйствіи направленного во внутрь души христіанства, о дѣйствіи, напоминающемъ то душевное счастье, которое было дано 300 лѣтъ спустя главнымъ образомъ германскимъ народамъ реформацией Лютера. А затѣмъ это новое повторное проникновеніе христіанствомъ Западной Европы выливается также наружу со всей силой. Крайне напряженная душевная жизнь нижнихъ слоевъ населенія разрѣшилась прежде всего войнами за вѣру, какъ, на примѣръ, войной противъ альбигойцевъ, и настоящими психическими эпидеміями, какъ, на примѣръ, окруженный легендами крестовый походъ дѣтей (1212 г.). Конечно, толпы дѣтей и разнузданнаго народа, собравшіяся подъ начальствомъ пастуха Стефана во Франціи и мальчика Николая въ Германіи, погибли по большей части отъ страшныхъ лишений еще раньше, чѣмъ онѣ достигли даже береговъ Средиземнаго моря, гдѣ коммерческій духъ безсѣстныхъ торговцевъ людами воспользовался для пачины остатками этого крестоноснаго ополченія (легенда о крысоловѣ изъ Гамельна не стоитъ въ связи (1824 г.) съ этимъ самымъ печальнымъ эпизодеомъ исторіи крестовыхъ походовъ, а составляетъ отраженіе темныхъ воспоминаній о пораженіи Гамельна при Зедемондѣ 28 іюля 1259 г.).

Однако церковь не разочаровалась изъ-за этихъ неприятныхъ результатовъ ея проповѣди. Даже Иннокентій III видѣлъ въ судьбѣ несчастныхъ толпъ дѣтей только персть Божій, имѣвшій цѣлью пристыдить взрослыхъ и показать имъ примѣръ; папа отказался освободить отъ ихъ обѣта тѣхъ юныхъ паломниковъ, которые спаслись отъ гибели; онъ соглашался только на отсрочку его исполненія, а пока работалъ неутомимо надъ обширной организаціей всей Западной Европы ради цѣлей крестоваго похода по выработанному плану. Въ дѣйствіяхъ папы сплетались между собою по опредѣленному плану проповѣдь и обложение. Одновременно съ тѣмъ, какъ весь административный аппаратъ церкви былъ пущенъ въ ходъ для вѣшняго подготовленія войны за вѣру и великій Латеранскій соборъ 1215 г. выработалъ законченную программу всего предпріятія, такіе воодушевленные люди, какъ Робертъ Керзонъ въ Англіи, Іаковъ Витри во Франціи и богословъ кельяскаго соборнаго капитула Оливеръ въ Нижней Германіи, будятъ во всѣхъ душахъ глубокій откликъ на призывъ папы къ крестовому походу.

б) Крестовый походъ 1217 г. и Египетскій походъ (отъ 1218 до 1221 г.).

Хотя Иннокентій III скончался въ 1216 г. во время приготовленій къ походу, а его преемникъ Гонорій III далеко не былъ въ состояніи поддержать то пламенное рвеніе, съ которымъ готовились его предшественники, тѣмъ не менѣе, осенью 1217 г. на Сирійскомъ побережьѣ собрались, наконецъ, большія массы крестоносцевъ: баварцы, австріицы подъ начальствомъ герцога Леопольда и въ особенности венгерцы подъ начальствомъ своего короля Андрея (т. V, стр. 375). Кто желаетъ знать, почему остались безплодными всѣ старанія этого ополченія предпринять изъ Аккона какія-нибудь существенныя дѣйствія противъ Маликъ Аль-Адила (Аладила), тому слѣдуетъ только прочесть рассказъ назначеннаго въ это время аккопскимъ епископомъ Іакова Витри о нравственномъ состояніи, въ которомъ онъ засталъ свою паству; тогда станетъ понятно, что невозможно было дѣйствовать заодно съ населеніемъ, стоявшимъ на такомъ низкомъ уровнѣ. Венгерскій король отправился обратно домой уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ; но весной 1218 г. оставшіеся въ Св. Землѣ нѣмцы получили подкрѣпленіе при посредствѣ флота, снаряженнаго жителями Рейнскихъ провинцій и фризами подъ начальствомъ графа Георга фонъ Вида и Вильгельма I Голландскаго, которые прибыли въ Св. Землю съ опозданіемъ почти на годъ вслѣдствіе обычныхъ столкновеній съ маврами у береговъ Португаліи и Испаніи. Теперь крестоносцы рѣшились, наконецъ, на давно задумывавшійся походъ въ Египетъ. Крестоносцы приступили къ медленной осадѣ укрѣпленной и многолюдной Даміетты подъ предводительствомъ храбраго короля Іоанна (стр. 460) и при содѣйствіи фризскихъ моряковъ, искусныхъ въ постройкѣ осадныхъ машинъ, и добились такихъ значительныхъ успѣховъ, что 5 ноября 1219 г. этотъ ключъ къ Египту попалъ въ руки христіанъ. Султанъ Аладиль, который всегда старался изо всѣхъ силъ не раздражать боевого духа франковъ и жить съ ними въ мирѣ, скончался отъ удара 31 августа 1218 г. подъ впечатлѣніемъ успѣховъ крестоносцевъ. Его сынъ Маликъ Аль-Камиль, унаследовавшій египетскій престолъ въ то время, какъ Аль-Муаззамъ (Шерефъ Эдъ-Динъ-Иза), получилъ во владѣніе Дамаскъ, тоже отличался миролюбивымъ характеромъ; возможно, что посвященіе въ рыцари, полученное имъ нѣкогда отъ Ричарда Львиное Сердце (стр. 456), сблизило его съ франкскою культурой гораздо сильнѣе, чѣмъ это было допустимо для племянника Саладина. Къ тому же ему угрожали внутреннія смуты, и онъ опасался прибытія къ крестоносцамъ новыхъ подкрѣпленій съ Запада; по-

этому онъ сталъ хлопотать о мирѣ еще въ сентябрѣ 1219 г., соглашаясь на уступку всего Іерусалимскаго королевства въ границахъ 1187 г. за исключеніемъ укрѣпленій Керака и Монреала.

Эти благоприятныя сверхъ всякаго ожиданія предложенія были отвергнуты крестоносцами благодаря необъяснимому высокоумію папскаго легата Пелагія и церковной партіи въ крестоносномъ ополченіи, преисполненныхъ увѣренности въ побѣдѣ, нисколько не оправдываемой предшествовавшимъ опытомъ, и ссылавшихся на появлявшіяся въ это время повсюду апокалиптическія сочиненія. Алкампль повторилъ свое предложеніе весной 1221 года, послѣ того, какъ завоеваніе Даміетты не дало христіанамъ никакихъ дальнѣйшихъ выгодъ, а только вызвало между ними раздоры и почти парализовало ихъ дѣятельность на болѣе или менѣе продолжительное время; но въ это время ожидалось въ близкомъ будущемъ прибытіе самого молодого императора всего христіанскаго міра, Фридриха II. Въ качествѣ его гонцовъ прибыло много германскихъ магнатовъ, въ томъ числѣ герцогъ Гвидо Баварскій, съ значительными военными силами; послужившими важнымъ подкрѣпленіемъ для франкскаго ополченія; наконецъ, у франковъ появился снова подъемъ духа, и въ іюлѣ 1221 г. они двинулись на Канръ, несмотря на предложеніе Фридриха ожидать его прибытія. Въ то время, какъ прибыли новыя мирныя предложенія Алкампила, франки стояли лагеремъ предъ сильной крѣпостью Эльманзурф. Вопреки всѣмъ разумнымъ совѣтамъ и серьезнымъ предостереженіямъ Пелагія со свойственной ему поповско-высокомѣрной непреклонностью настоялъ на томъ, чтобы эти предложенія были снова отвергнуты. Не успѣло пройти нѣсколько недѣль, какъ христіанское ополченіе сдѣлалось жертвою своей роковой участи. Воспользовавшись искусно разлитіемъ Нила, задерживавшимъ движеніе непріятели въ густой сѣти каналовъ Дельты, султанъ зашелъ въ тылъ христіанамъ, уничтожилъ ихъ флотъ и спустилъ плотины, такъ что они очутились посреди разлившейся рѣки и вынуждены были выбирать между смертью и капитуляціей. Миротлюбивый и предусмотрительный Алкампль предоставилъ 30 августа христіанскому ополченію, очутившемуся въ безвыходномъ положеніи, несмотря на всѣ его подвиги храбрости, свободное отступленіе подъ условіемъ очищенія Египта и заключенія перемирія на 8 лѣтъ, отказаться отъ котораго могъ только коронованный государь Западной Европы. Новый флотъ, отправленный Фридрихомъ II въ Даміетту, прибылъ слишкомъ поздно. Снова были растрчены самымъ позорнымъ образомъ громадныя силы и средства, и былъ упушенъ необычайно счастливый случай вернуть, а затѣмъ укрѣпить и расширить наслѣдье Мотарингскаго дома.

Е. Крестовый походъ Фридриха II (1228—29 г.)

Мирный договоръ, заключенный въ Эльманзурфѣ, положилъ печальный конецъ послѣднему общему военному предпріятію Западной Европы. Съ этихъ поръ мы встрѣчаемся только съ крестовыми походами отдѣльныхъ народовъ, или, лучше сказать, отдѣльныхъ князей: послѣ безцѣльной растраты громадныхъ усилій, сдѣланныхъ во второмъ десятилѣтіи XIII столѣтія подъ руководствомъ церкви, было слишкомъ трудно возобновить приготовленія въ такомъ же обширномъ масштабѣ, тѣмъ болѣе, что въ Европѣ снова возобладали распри и раздробленія силъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе борьбы между папами и императорами. Тѣмъ не менѣе состоялись еще два крестовыхъ похода, отъ которыхъ сирійскіе франки ожидали для себя прочной поддержки: походъ Фридриха II и походъ Людовика Святого.

Еще во время своего коронаванія въ Акконѣ въ 1215 г. молодой Штауфенъ Фридрихъ II возложилъ на себя крестъ. Почему онъ былъ

вынужденъ непрерывно откладывать исполненіе своего обѣта и не могъ предотвратить роковой участи крестоваго похода, это относится къ исторіи Германской имперіи, а также и ея отношеній къ папѣ и Италіи (срав. стр. 127 и 379). Послѣ неудачь 1221 г. Фридрихъ сейчасъ же сталъ готовиться къ походу въ Св. Землю, но опять-таки былъ вынужденъ откладывать многократно свое отправленіе, пока, наконецъ, не прошелъ почти весь восьмилѣтній срокъ перемирія, установленнаго по договору съ Алкамиломъ; между тѣмъ императоръ получилъ право на корону Гроба Господня вмѣстѣ съ рукою единственной дочери короля Іоанна Бриенна, Изабеллы (9 ноября 1225 г.; стр. 462). Сынъ Фридриха отъ этого брака, Конрадъ (IV), родившійся 25 апрѣля 1228 г., былъ королемъ Іерусалимскимъ со дня своего рожденія. Фридрихъ устранилъ на основаніи своихъ императорскихъ верховныхъ правъ какъ своего тестя, такъ и своего сына, и приобрѣлъ такимъ образомъ, конечно, небезспорное, юридическое основаніе для вмѣшательства въ сирійскія дѣла не только въ качествѣ леннаго верховнаго главы, но и непосредственнаго владѣтельнаго князя.

Однако Фридрихъ II, этотъ государь, почти принадлежавшій по своему умственному направленію къ новымъ вѣкамъ, отличавшійся ясностью ума и свободомысліемъ, послѣдователь арабской философіи, разбирался въ реальныхъ соотношеніяхъ силъ въ Сиріи гораздо лучше, чѣмъ любой другой государь среднихъ вѣковъ. Не прекращая своихъ военныхъ приготовленій, онъ вступилъ заблаговременно въ мирные переговоры съ египетскимъ султаномъ. Очевидно, Фридрихъ оцѣнивалъ вполне правильно соединенныя силы Германіи и Италіи и своего собственнаго наследственнаго Сицилійскаго государства съ его строго іерархическимъ, единственнымъ въ свое время административнымъ строемъ: въ военномъ отношеніи эти силы были крайне недостаточны, даже если бы онъ находился все въ его полномъ распоряженіи, какъ доказывалъ опытъ періода крестовыхъ походовъ. Поэтому императоръ былъ весьма доволенъ представившимся ему случаемъ воспользоваться распреей изъ-за престолонаслѣдія въ Аюбидской династіи, снова поселившей вражду между преемниками Аладила, и достигнуть своей цѣли мирными соглашеніями, а не силой оружія. Тотъ западноевропейскій императоръ, который обладалъ исключительной ясностью ума, не былъ увѣренъ, окажутся ли у него въ наличности даже тѣ относительно невеликія силы, которыя были необходимы при данныхъ условіяхъ для обратнаго завоеванія всѣхъ прежнихъ христіанскихъ владѣній, и поэтому онъ предпочелъ вступить въ мирные переговоры, посредствомъ которыхъ могла быть достигнута только часть всего того, къ чему онъ стремился, но которыя требовали еще меньшихъ силъ. Къ сожалѣнію, онъ столкнулся съ новыми препятствіями: 8 сентября 1227 года онъ уже отправился было въ путь къ берегамъ Сиріи, но болѣзнь задержала его въ пути и заставила его еще разъ отложить походъ, а въ это время вспыхнулъ давно уже угрожавшій раздоръ между нимъ и Куріей, т. е. фанатическимъ папою Григоріемъ IX (отъ 1227 до 1241 года). Уже 29 сентября Фридрихъ былъ подвергнутъ отлученію отъ церкви; между прочимъ, онъ самъ наложилъ на себя такую кару въ томъ случаѣ, если еще разъ промедлитъ походомъ. Такъ какъ онъ уже выступилъ, наконецъ, въ походъ 28 іюня 1228 года, то онъ вышелъ 7 сентября на берегъ Св. Земли въ Акконъ, сопровождаемый открытой враждой непримиренной еще церкви и угрожаемый съ тыла вторженіемъ папскихъ войскъ въ его наследственныя владѣнія. Отлученному отъ церкви императору былъ оказанъ въ Сиріи весьма сдержанный пріемъ. Многие наемники уѣхали домой, потерявши терригорію и не дождавшись его пріѣзда; благодаря этому, военныя силы Сиріи были значительно ослаблены. Собственное войско императора было малочисленно, да къ тому же папа лишилъ его права командованія надъ этимъ войскомъ особымъ постановленіемъ;

вѣрными остались ему только нѣмцы и небольшое число итальянцевъ. Сирійскіе франки были совершенно ненадежны; ордена храмовниковъ и іоаннитовъ упорно отказывали ему въ своемъ повиновеніи. Во время своего непродолжительнаго пребыванія на островѣ Кипрѣ въ августѣ императоръ проявилъ тамъ свою верховную ленную власть съ большою твердостью и отнялъ право опеки надъ малолѣтнимъ королемъ Геприхомъ изъ дома Лузиньяновъ у главы могущественнаго дома Ибеллиновъ. Іоанна Бейрутскаго, такъ что бароны Іерусалимскаго королевства убѣдились заранее, какъ имъ казалось, чего отъ него можно было ожидать. Въ виду открытаго возмущенія орденовъ и сирійскихъ бароновъ отлученный король вынужденъ былъ согласиться съ тѣмъ, чтобы всѣ приказы отдавались „только во имя Бога и христіанства“ безъ упоминанія его собственнаго имени. Между тѣмъ изъ Італіи приходили дурныя вѣсти о приготовленіяхъ папы къ походу въ Сицилію; Фридрихъ стоялъ какъ на горячихъ угляхъ и не могъ сдѣлать спокойно ни одного шага. Неудивительно поэтому, что военныя мѣропріятія, которыми императоръ долженъ былъ поддержать свои требованія, предъявленныя къ Малику Аль-Камилу, оказались весьма недостаточными; почти смиреннымъ языкомъ говоритъ онъ въ одномъ своемъ сохранившемся письмѣ къ султану, если только поль этимъ смиреніемъ не скрывается ловкаго дипломатическаго расчета или же вообще этотъ документъ не поддѣланъ мусульманами.

Во всякомъ случаѣ понятно, что при такихъ условіяхъ султанъ не торопился со своими уступками. Только 4 февраля 1229 года былъ, наконецъ, заключенъ тотъ мирный договоръ, котораго добивался Фридрихъ; вѣроятно, мусульмане склонились къ уступкамъ въ виду внутреннихъ смутъ въ мірѣ ислама, которыя остаются для насъ темными, а, можетъ быть, въ виду опасности нашествія монголовъ, которые уже вступили къ этому времени въ политическій кругозоръ средиземноморскихъ странъ. Императору были уступлены Іерусалимъ за исключеніемъ особенно священной для магометанъ мѣстности древняго храма, которая осталась подъ охраной мусульманскихъ чиновниковъ и подъ ихъ особою юрисдикціей и была открыта для посѣщенія паломниками обоихъ вѣроисповѣданій, затѣмъ Вифлеемъ, Назаретъ, Сидонъ и цѣлый рядъ укрѣпленій и селеній, обладаніе которыми отдавало въ руки христіанъ дороги, ведущія отъ морскаго берега къ святымъ мѣстамъ. Всѣ палатныя должны были быть возвращены немедленно; императоръ и султанъ обязались оказывать другъ другу помощь противъ всякаго врага, не исключая и христіанъ. Княжества Сѣверной Сирии, Антиохія, Триполисъ и тамошніе замки храмовниковъ и іоаннитовъ были исключены въ ясныхъ выраженіяхъ изъ договора, который былъ заключенъ на срокъ въ 10½ лѣтъ, считая отъ 24 февраля 1229 года.

Вотъ въ чемъ заключаются всѣ усилія, которыхъ могло добиться въ это время могущество римскаго императора, короля Германіи, Бургундіи и Італіи, Сициліи и Іерусалима; мало того Маликъ Аль-Камиль навлекъ на себя въ мірѣ ислама тяжелыя нареканія за то, что онъ далъ себя склонить къ такимъ уступкамъ изъ страха передъ именемъ императора. Еще болѣе жестокому порицанію подвергся самъ Фридрихъ со стороны органовъ церкви и франкскихъ бароновъ, которые готовы были заполучить гораздо большія выгоды безъ всякихъ усилій съ своей стороны; особенно же обвиняли императора, какъ нѣмѣнника, за то, что онъ не включилъ въ мирный договоръ сѣверно-сирійскихъ княжествъ. Самъ же императоръ стремился только къ исполненію даннаго имъ обѣта; 17 марта онъ совершилъ свой въѣздъ въ Іерусалимъ, покинутый большей частью мусульманскаго населенія съ плачемъ и проклятіями; вѣрные императору нѣмцы не послушались приказа патриарха, запретившаго имъ вступать въ городъ, и привѣтствовали Фридриха радостными кликами и военными пѣснями. На слѣдующій день Фридрихъ возложилъ самъ на себя іерусалимскую корону въ

церкви Гроба Господня при полномъ отсутствіи всѣхъ высшихъ служителей церкви; въ особой деклараціи, прочитанной Германомъ фонъ Зальца, магистромъ тевтонскаго ордена (стр. 339), императоръ излагалъ исторію даннаго имъ обѣта совершить крестовый походъ и въ примирительныхъ выраженіяхъ оправдывалъ гнѣвъ папы. Но среди этого умиленно радостнаго всеобщаго настроенія въ Іерусалимъ прибылъ 19 марта по приказанію патріарха Герольда архіепископъ цезарійскій Петръ, который наложилъ интердиктъ даже на святые мѣста. Сильный гнѣвъ охватилъ всѣхъ паломниковъ. Самъ Фридрихъ чувствовалъ, что онъ не можетъ тутъ оставаться дольше; въ сильномъ возбужденіи, ни съ кѣмъ не прощаясь и не отдавши необходимѣйшихъ распоряженій, онъ выскочилъ черезъ Яффскія ворота, такъ что его спутники съ трудомъ могли слѣдовать за нимъ.

Императоръ направился въ Акконъ, но раздоры между нимъ и слугами церкви не прекратились и тутъ; онъ видѣлъ, что ему мѣшаютъ на каждомъ шагу, что ставятся преграды всякой его попыткѣ сдѣлать что-нибудь на пользу Св. Земли. 8 апрѣля въ церквахъ Аккона разыгрались дикія сцены между нищенствующими монахами, которые вели себя вызывающимъ образомъ, и воинами императора; самъ Фридрихъ вынужденъ былъ выносить до своего отъѣзда, послѣдовавшаго 1 мая, издѣвательства пафанатизированнаго населенія. Печальныя вѣсти, приходившія изъ Италіи, гнали его на родину. Въ Италіи ему удалось быстро восстановить порядокъ и заставить папу снять съ него отлученіе (28 августа). Ему не пришлось увидѣть снова Св. Землю, которую онъ передалъ въ руки назначенныхъ имъ балъи вмѣстѣ съ Кипромъ и въ которой онъ упрочилъ въ особенности положеніе тевтонскаго ордена своими щедрыми дарами; его сыну Конраду тоже не пришлось ступить собственной ногой въ свое наследственное Іерусалимское королевство. Вслѣдствіе возмущенія противъ своего законнаго государя христіанская Сирія пришла въ состояніе непрерывнаго броженія, вѣчныхъ раздоровъ и смуть, раздиравшихъ ее и подготовившихъ ея гибель.

Ж. Прекращеніе королевской власти. Исторіографія и феодальное право.

Войны за господство надъ Кипромъ и Іерусалимомъ, вспыхнувшія немедленно послѣ отъѣзда Фридриха II, продолжавшіяся 10 слишкомъ лѣтъ и погубившія скромные результаты крестоваго похода Фридриха, не представляютъ никакого интереса для всемірной исторіи, безразлично, будемъ ли мы смотрѣть на нихъ съ восточной или западно-европейской точки зрѣнія. Онѣ относятся къ узкой сферѣ мѣстныхъ партійныхъ распрей. Война всѣхъ противъ всѣхъ стала въ христіанской Сиріи постояннымъ учрежденіемъ; отдѣльныя синьоріи, рыцарскіе ордена, итальянскія колоніи вооружались другъ противъ друга; эти войны привели, наконецъ, къ уничтоженію сирійскими баронами господства Штауфеновъ и устраненію ихъ храбраго поборника маршала Рикардо Филангіери (лѣтомъ 1243 г.), но вмѣстѣ съ тѣмъ къ полной анархіи, исключавшей возможность общаго напряженія силъ противъ ислама.

Однако эти войны оставили по себѣ два важныхъ слѣда въ литературѣ. Первымъ изъ нихъ является привлекательное, хотя извѣстное намъ только изъ вторыхъ рукъ (изъ компіляціи *Gestes des Chiprois*), составленное въ видѣ мемуаровъ и пересыпанное стихотвореніями историческое сочиненіе Филиппа изъ Новары (Невара), который былъ въ одно и то же время пѣвцомъ и героемъ и продолжалъ перомъ въ своемъ сочиненіи, пренеполненномъ привлекательной свѣжести и оригинальности, ту войну, которую онъ велъ раньше противъ Фридриха II и его партіи то мечемъ, то ѣдкими стихами, состоя на службѣ у гордой сирійско-кипрской владѣтельной династіи Ибелиновъ.

Исторіографія крестовыхъ походовъ отражаетъ въ себѣ перемѣны въ характерѣ и направленіи слѣдующихъ другъ за другомъ эпохъ. Первый крестовый походъ и непосредственно слѣдующее за нимъ время оставили по себѣ неуклюжія довольно грубыя записи на латинскомъ языкѣ участвовавшихъ въ походѣ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, отчасти проникнутыя сказочнымъ характеромъ лагерныхъ пѣсенъ и былинъ, распѣваемыхъ шпильманами, такъ какъ проснувшаяся страсть къ занимательнымъ разсказамъ и питаемый чудесами крестовыхъ походовъ поэтической духъ способствовали смѣшенію дѣйствительности съ фантазіей. Однако черезъ короткое время появились историческіе писатели съ болѣе выраженной индивидуальностью. Сильнѣе всего выражена эпоха крестовыхъ походовъ и ея духъ въ изображающемъ по собственнымъ воспоминаніямъ тѣ десятилѣтія, которыя соотвѣтствуютъ началу упадка Іерусалимскаго королевства почти до взятія Іерусалима мусульманами, большомъ латинскомъ историческомъ сочиненіи архіепископа Тирскаго Вильгельма, которое можетъ быть поставлено въ одинъ рядъ съ самыми выдающимися произведениями среднихъ вѣковъ и вызвало цѣлый рядъ подражателей подобно большей части другихъ замѣчательныхъ произведеній этихъ вѣковъ. Но вслѣдъ за тѣмъ обнаруживается вліяніе той революціи въ умственномъ направленіи и литературѣ, которая была вызвана крестовыми походами: по слѣдамъ поэзіи трубадуровъ и *Chansons de geste* (стр. 443) національная исторіографія тоже перерастаетъ окончателью сухую трезвенную монашескую латынь; Жоффрау Вильгардуенъ, одинъ изъ предводителей IV крестоваго похода и основатель франкскаго княжества на греческой территоріи (т. V, стр. 104), которому принадлежитъ живой разсказъ о завоеваніи Константинополя, стоитъ во главѣ французской литературы мемуаровъ; Филиппъ изъ Новары является дальнѣйшимъ звеномъ этой цѣпи, которая замыкается блестящей исторіей Людовика Святого Жака де Жуанвиля, этомъ послѣднемъ увлекательномъ отзвукѣ крестовоснаго движенія со свойственной ему смѣсью рыцарства и религіознаго благочестія. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ предъ собою тотъ же ходъ развитія, какъ и въ остальныхъ явленіяхъ той же эпохи: отъ безличія и умственного рабства общероманскаго историческаго періода къ брызжущему жизнью возрожденію народовъ и отдѣльной личности.

На почвѣ борьбы съ Фридрихомъ II и его самодержавными стремленіями выросло еще одно литературное послѣдіе періода крестовыхъ походовъ, текстъ Іерусалимскихъ Ассизовъ, тоже начатый Филиппомъ изъ Новары и законченный младшимъ Іоанномъ Ибелиномъ, потомкомъ уже упомянутого нами самаго могущественнаго, сроднивагося посредствомъ браковъ со стариннымъ королевскимъ домомъ франкскаго рода владѣтельныхъ князей; мы уже упоминали на страницахъ 437 и 447 настоящаго сочиненія объ этомъ текстѣ и о томъ духѣ, которымъ онъ проникнутъ: о духѣ феодализма, доведенномъ до крайнихъ предѣловъ и, наконецъ, уничтожающемъ самого себя, о томъ духѣ, который уже погубилъ старое королевство и парализовалъ окончательно всякую государственную власть въ возстановленномъ съ трудомъ государственномъ организмѣ. Первоначальною цѣлью составленія исьменнаго текста Ассизовъ Филиппомъ Новарскимъ было желаніе воспользоваться ими, какъ средствомъ для фактическаго уничтоженія авторитета великаго леннаго суда *haute cour* при помощи примѣнявшагося въ этихъ Ассизахъ своеобразнаго процессуальнаго права съ его измѣнчивой, запутанной практикой. Уже въ послѣднемъ періодѣ существованія стараго королевства этотъ *haute cour* игралъ роль живаго источника права, истиннаго носителя верховной власти, союза, объединявшаго ленную аристократію въ общество съ тѣсно связанными между собою интересами и съ неограниченной юрисдикціей, мало-по-малу окончательно отбѣнившей королевскую власть. Перенесенная изъ Западной

Европы въ Палестину феодальная система не встрѣчала здѣсь тѣхъ препятствій, которыя помѣшали ей развиться въ полной чистотѣ на родинѣ и которыя состояли какъ въ болѣе древнихъ монархическихъ традиціяхъ, такъ и въ зачаткахъ новѣйшихъ государственныхъ учреждений. Такимъ образомъ духъ рыцарскаго общества выразился здѣсь съ такой рѣзкостью, какъ нигдѣ; разрозненность государственныхъ силъ, свойственная феодальной системѣ, полный недостатокъ концентраціи ихъ составили все содержаніе государственнаго права періода упадка. Когда Фридрихъ II попытался еще разъ завоевать для королевской власти первенствующую роль какъ въ политическомъ, такъ и въ военномъ отношеніи и открыть путь для такой концентраціи силъ, то феодальная аристократія прибѣгла для борьбы съ нимъ къ составленію писаннаго текста того процессуальнаго права, которое уничтожало окончательно старинное государственное право и даже болѣе древнее ленное право королевства, и надѣялась этимъ путемъ поставить непроходимую навѣки преграду всѣмъ монархическимъ поползновеніямъ.

3. Паденіе франкскихъ государствъ въ Сиріи.

При правовомъ порядкѣ, въ основу котораго легла такая раздробленность, франки не устояли бы уже и теперь противъ превосходныхъ силъ непріятеля безъ посторонней помощи, и гибель ихъ не отсрочилась бы на цѣлыхъ 50 лѣтъ. Къ счастью, на первыхъ порахъ Аль-Камиль соблюдалъ добросовѣстно перемиріе, заключенное имъ съ Фридрихомъ II, несмотря на неоднократно вызывающее поведеніе христіанъ; конецъ этого перемирія пришелся на такое время, когда непосредственно послѣ смерти султана (8 марта 1238 г.) вновь разгорѣлась борьба за наследіе Аюбидовъ, и силы ислама были разстроены въ такой же степени, въ какой силы христіанъ-франковъ были истощены отъ партійныхъ раздоровъ (срав. т. III, стр. 342 и 686). Владѣтели Дамаска неоднократно вступали въ союзъ съ христіанами для войны съ правителями Египта; послѣдній часъ франковъ былъ отсроченъ до прекращенія династіи Аюбидовъ.

Въ притокѣ людей изъ Западной Европы не было недостатка. Непосредственно вслѣдъ за прекращеніемъ перемирія съ Египтомъ послѣдовали походы Тибо IV, графа Шампанскаго и короля Наваррскаго (въ 1239—40 г., стр. 226), и графа Ричарда Корнуэльскаго (въ 1240—41 г.), и этихъ силъ было бы достаточно для громаднаго расширенія христіанскихъ владѣній. Король Тибо не былъ въ силахъ отомстить аюбидскому владѣтелю Керака Малику Эшъ-Назиръ-Давуду за его внезапное нападеніе на Іерусалимъ, но все же онъ добился возвращенія христіанамъ отнятыхъ у храмовниковъ укрѣпленій Сафедъ и Бельфора, равно какъ и мѣстности между Сидономъ и Тиверіадою, посредствомъ союза съ младшимъ братомъ Аль-Камила Маликомъ Эсъ-Салихъ-Измаиломъ, султаномъ Дамасскимъ, противъ правителя Египта Малика Эсъ-Салихъ-Аюба, сына Аль-Камила; однако, этотъ противоестественный союзъ привелъ къ тяжелому пораженію христіанъ недалеко отъ Газы (въ 1240 г.), такъ какъ во время самаго боя магметанская часть союзнаго войска перешла на сторону своихъ единовѣрцевъ. Вскорѣ послѣ этого, въ концѣ сентября, Тибо повернулся спиной къ Св. Землѣ, подобно многимъ другимъ его предшественникамъ коронованнымъ вѣщепосцамъ, будучи возмущенъ крайнею анархіею, господствовавшей среди сирійскихъ франковъ. Однако, прибывшій 11 октября Ричардъ Корнуэльскій привелъ къ благополучному концу переговоры, начатые Тибо IV съ египетскимъ султаномъ (въ началѣ 1241 г.), обезпечилъ благодаря этому самую важную изъ территорій, пріобрѣтенныхъ благодаря союзу съ Дамаскомъ, и возстановилъ разрушенный Аскалонъ; если бы онъ могъ водворить между сирійскими христіанами внутренній миръ, то сталъ бы

опять мыслимъ отрядный прогрессъ въ франкской государственной жизни. Къ несчастью, партійные раздоры окончательно погубили эту надежду.

Упадокъ надвигался безостановочно. Въ 1244 г. опять случилось такое же положеніе, какъ въ 1240 г.: султанъ дамасскій Измаиль, бывшій въ союзѣ съ эмирами химскимъ и керакскимъ, готовъ былъ уступить христіанамъ всю область по сю сторону Иордана и соглашался передать имъ храмовой кварталъ въ Іерусалимѣ въ случаѣ, если они примутъ участіе въ общей войнѣ противъ Египта. Христіане согласились на эти условія, но недолго имъ пришлось владѣть безпрепятственно всѣми святыми мѣстами въ Іерусалимѣ, которыя достались имъ: предъ лицомъ угрожавшей опасности султанъ Аюбъ призвалъ къ себѣ на помощь орду согнанныхъ со своихъ мѣстъ монголами хварезмовъ, бродившихъ по Месопотаміи и Передней Азіи со времени разрушенія своего государства (т. III, стр. 345); съ грабежомъ и пожарами обрушилась эта орда прежде всего на Сѣверную Сирію; ея нападеніе на Іерусалимъ было отбито, но 23 августа 1244 г. она подошла во второй разъ къ Іерусалиму. Городъ былъ взятъ штурмомъ; латинскіе жители его погибли отъ меча; нѣкоторыя св. мѣста, въ томъ числѣ и Гробъ Господень, были осквернены и опустошены, могилы франкскихъ королей были разрушены; наступилъ послѣдній часъ христіанскаго Іерусалима, его гибель была неизбежна. Нѣсколько недѣль спустя, 17 октября, франкское ополченіе подверглось при Газѣ такой же печальной участи, какъ и за 4 года предъ тѣмъ при подобныхъ условіяхъ, только на этотъ разъ пораженіе его было болѣе тяжелымъ и болѣе важнымъ по своимъ послѣдствіямъ. Когда соединенныя войска мусульманъ и латинянъ встрѣтились съ хварезмами и египтянами, которыми командовалъ впервые Рокнъ Эдъ-Динъ-Бибарсъ (Бейбарсъ I), будущій султанъ, то магометанская часть войска покинула христіанъ на произволь судьбы. Въ послѣдовавшей затѣмъ страшной боиѣ погибло все франкское рыцарство, какъ сирійскіе магнаты, такъ и члены орденовъ; нѣкоторая часть ихъ была взята въ плѣнъ, весьма немногимъ удалось спастись. Іерусалимъ, Наблусъ и Хевронъ попали въ руки побѣдителей. Осенью слѣдующаго года султанъ Аюбъ взялъ также Дамаскъ. Химсъ и Балабекъ, такъ что государство Саладина было снова возстановлено почти въ прежнихъ своихъ размѣрахъ. Въ 1247 г. христіане потеряли также Тиверіаду и Аскалонъ. Такимъ образомъ владѣнія христіанъ были снова урѣзаны до размѣровъ 1192 г., и гибель остатка ихъ владѣній стала только вопросомъ времени.

II. Крестовый походъ Людовика Святого (отъ 1248 до 1254 г.).

Крестовый походъ французскаго короля Людовика IX облегчилъ только на короткое время бѣдственное положеніе христіанскихъ колоній. Онъ былъ предпринятъ въ сущности противъ воли французской аристократіи и французскаго народа и притомъ со слабыми средствами, такъ какъ на этотъ разъ не состоялось общаго выступленія всей Западной Европы. Лионскій соборъ 1245 года объявилъ было ради приготовленія къ крестовому походу всеобщій миръ на 4 года и обложилъ всѣхъ полудесятиной въ пользу Св. Земли; но папа Иннокентій IV, вылавившій фанатическую ненависть къ императорамъ изъ Штауфенскаго дома, воспользовался всѣми средствами и силами, приготовленными въ виду крестоваго похода, для своей борьбы съ вновь изгнаннымъ Фридрихомъ II, этимъ антихристомъ, противъ котораго онъ проповѣдывалъ крестовый походъ съ такимъ же усердіемъ, какъ противъ язычниковъ и еретиковъ, обѣщая въ награду такое же полное отпущеніе грѣховъ, какое получали паломники, побывавшіе въ Іерусалимѣ. Влѣдствіе такого противодѣйствія со стороны

папы, походъ, предпринятый въ началѣ 1248 года рыцарскимъ и благочестивымъ французскимъ королемъ, былъ только частнымъ военнымъ предпріятіемъ французскаго рыцарства; что касается народнаго движенія, охватившаго въ особенности Сѣверную Францію черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ отъѣзда Людовика Святого, крестоваго похода пастуховъ (Pastorellen) въ іюнь 1251 года, то еще до ухода крестоносцевъ изъ Франціи его постигла такая же участь, какъ и крестьянскіе и дѣтскіе крестовые походы.

Тѣмъ не менѣе крестовый походъ Людовика IX, направившагося весною 1249 года изъ Кипра къ Египту, составляетъ бросающееся въ глаза дополненіе къ Даміеттскому крестовому походу 1218—21 г. (стр. 464 и сл.) съ тѣмъ только отличіемъ, что на этотъ разъ та же самая роковая участь постигла крестоносцевъ гораздо быстрѣе. Даміетта была захвачена врасплохъ и была быстро взята крестоносцами 7 іюня, а въ декабрѣ крестоносцы приступили къ осадѣ Эльмансуры, и на этотъ разъ они тоже были отбиты по примѣру 1221 года египтянами, искусно пользовавшимися каналами и рукавами Дельты противъ французовъ, не имѣвшихъ понятія о природныхъ условіяхъ мѣстности. Рыцарскій героизмъ короля, его бароновъ и храмовниковъ не могъ возмѣстить тѣхъ выгодъ, которыя доставила египтянамъ эта тактика; на этотъ разъ христіанскій государь выступилъ самъ съ тѣми мирными предложеніями, на которыя соглашался въ свое время Аль-Камиль, но они были отвергнуты, и во время печальнаго отступленія крестоносцевъ къ Даміеттѣ значительная часть войска Людовика была истреблена преслѣдовавшими его египтянами; самъ король и два брата его, графъ Альфонсъ изъ Пуатье и Карлъ Анжуйскій, а также множество бароновъ и тысячи простыхъ воиновъ были взяты въ плѣнъ. Король былъ отпущенъ на свободу вмѣстѣ съ остатками своего войска, но обязался очистить Даміетту и уплатить выкупъ въ 800,000 червонцевъ; 13 мая 1251 года онъ прибылъ въ Акконъ.

Людовикъ IX пробылъ въ Св. Землѣ 4 года, но за это время не совершилъ ничего такого, что могло бы имѣть рѣшающее значеніе. Его собственныя силы были слишкомъ слабы, а сирійскія княжества еще не оправились отъ ударовъ, нанесенныхъ имъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ. Все же открывалась нѣкоторая надежда на будущее послѣ перехода власти надъ Египтомъ къ мамелюкамъ, которые стали опекунами послѣднихъ Аюбидовъ послѣ смерти султана Салихъ-Аюба (въ 1249 году), а затѣмъ устранили окончательно прежнюю династію (т. III, стр. 686): дѣло въ томъ, что противъ узурпаторовъ мамелюковъ возмутился аюбидскій султанъ Дамаска Маликъ Энъ-Назиръ-Юсуфъ, который неоднократно предлагалъ Людовику вступить съ нимъ въ союзъ. Къ несчастью, король держался на сторонѣ египтянъ, которые оказывались неоднократно болѣе сильной стороной въ войнѣ, вспыхнувшей между Каиромъ и Дамаскомъ (египтяне одержали двѣ побѣды, въ началѣ октября 1250 года и 2 февраля 1251 г.). Но вдругъ счастье перешло на сторону Дамаска, и королю пришлось увидѣть собственными глазами, какъ египтяне не устояли противъ Дамаска и вынуждены были уступить ему область по сю сторону рѣки Иордана, которую они обѣщали было передать своему союзнику, французскому королю. Это случилось въ началѣ апрѣля 1253 года. Въ теченіе цѣлаго года послѣ этого Людовикъ напрасно искалъ для себя болѣе плодотворнаго дѣла въ Св. Землѣ, чѣмъ возведеніе замковъ и укрѣпленій (Сидонъ). 24 апрѣля 1254 года онъ пустился, наконецъ, въ обратный путь послѣ шестилѣтняго бесплоднаго отсутствія изъ дому. Громко звучитъ слава его рыцарскихъ подвиговъ и его благочестія въ написанной отъ чистаго сердца книгѣ его преданнаго генерала и соратника Жана де Жуанвиля (стр. 469); но никакіе рыцарскіе подвиги и никакое благочестіе не могли предотвратить участи Святой Земли.

I. Конецъ.

Участь эта совершилась въ теченіе ближайшихъ 30 лѣтъ. Настроеніе въ пользу крестовыхъ походовъ и пылкое стремленіе къ возврату Св. Гроба Господня не исчезли еще окончательно на Западѣ, но положеніе имперіи и Италіи лишило ихъ возможности оказать какую бы то ни было помощь Сиріи не только во время междуцарствія, но въ теченіе долгаго времени послѣ него. Что касается Востока, то Константинопольская Латинская имперія была въ это время въ предсмертной агоніи, въ то время какъ остальные франкскія государства на греческой территоріи отвлекали отъ христіанской Сиріи значительную часть той силы, которой она могла бы, по всей вѣроятности, располагать. Франція страдала еще отъ тѣхъ ранъ, которыя были нанесены ей послѣднимъ большимъ крестовымъ походомъ. Когда Людовикъ IX предпринялъ снова походъ на Востокъ въ іюль 1270 года, то онъ направился не въ восточную часть Средиземнаго моря, а въ Тунисъ, надѣясь обратить эту страну въ христіанство; онъ скончался тамъ 25 августа отъ эпидеміи, распространившейся въ его лагерь, и всѣ выгоды отъ этого похода достались болѣе искусному въ государственныхъ дѣлахъ и хитрому брату его Карлу Анжуйскому, который присвоилъ себѣ титулъ іерусалимскаго короля въ качествѣ преемника Штауфеновъ и въ теченіе короткаго времени (въ 1277 году) пользовался фактически королевскими правами въ Аккопѣ (стр. 460). Къ сирійскимъ берегамъ были направлены въ эту эпоху только два болѣе крупныхъ крестовыхъ похода: одинъ испанскій, снаряженный арагонскимъ королемъ Яковомъ (Хаимэ) I (т. IV, стр. 530), и другой, англійскій, подъ начальствомъ Эдуарда I (см. ниже). Франки могли располагать силами перваго изъ этихъ крестовыхъ походовъ въ 1269—70 годахъ, а послѣдняго въ 1271—72 годахъ. Однако эти походы не достигли никакого результата отчасти по той причинѣ, что силы ислама были сосредоточены снова въ одной властной рукѣ.

Раздоры между христіанами, парализовавшіе ихъ послѣднія оборонительныя силы, разрослись въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій до грандіозныхъ размѣровъ. Въ самомъ Аккопѣ вспыхнула въ 1257 году война между генуэзцами и венеціанцами, въ которую были вовлечены также пизанцы, бывшіе сначала на сторонѣ генуэзцевъ, а затѣмъ перешедшіе на сторону венеціанцевъ, а также вѣчно враждовавшіе между собой храмовники и іоанниты; въ теченіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ вокругъ Аккона и Тира бушевали непрерывныя битвы, стоившія жизни 20,000 людей, причинившія невоснаградимыя потери кораблей и имущества и опустошившія городъ Аккопѣ до такой степени, что онъ былъ близокъ къ полному разрушенію. Это было началомъ продолжавшейся цѣлыхъ 125 лѣтъ войны между обоими морскими государствами, въ первомъ періодѣ которой генуэзцы отомстили за свое изгнаніе изъ Аккона изгнаніемъ венеціанцевъ и латинянъ вообще изъ Константинополя (въ 1261 году), а нѣкоторое время спустя они сломали почти окончательно всѣ силы слабѣйшаго изъ своихъ противниковъ, пизанцевъ (въ 1284 году; стр. 373). При такихъ условіяхъ христіане Св. Земли шли навстрѣчу своей гибели.

На нѣкоторое время она была снова предотвращена благодаря неожиданно появившимся новымъ союзникамъ. Послѣ того, какъ въ Переднюю Азію вторглись въ началѣ XIII столѣтія монголы подъ предводительствомъ Чингисъ-хана, взоры христіанъ стали устремляться непрерывно на нихъ, какъ на естественныхъ враговъ ислама. Въ пятомъ крестовомъ походѣ уже сказалось вліяніе темной легенды о христіанскомъ священникѣ Іоаннѣ (т. II, стр. 88), который придетъ на помощь крестоносцамъ со своимъ войскомъ изъ странъ Востока. Подобно своему брату и государю Мангу внуку Чингисъ-хана Хулагу, завоевавшій Багдадъ и уничтожившій

Аббасидскій халифатъ (т. II, стр. 169; III, стр. 348), былъ вполне расположенъ къ христіанамъ. Его любимая жена была христіанкой и безпрепятственно предоставляла своему вѣроученію всякія привилегіи; ея сынъ Абака (Абакха) причащался неоднократно вмѣстѣ съ христіанами, въ послѣдній разъ за нѣсколько дней до своей смерти (въ 1281 г.), а его братъ и преемникъ Тагударъ-Огуль былъ крещенъ въ дѣтствѣ, но, конечно, упорно отрицалъ это обстоятельство впослѣдствіи, такъ какъ послѣ вступленія на престолъ онъ сейчасъ же перешелъ въ исламъ подъ именемъ Ахметъ-Султана. Въ царствованіе его племянника Арг(х)уна старшаго, сына Абаки, черезъ короткое время захватившаго престолъ Ахмета (въ 1284 г.; т. II, стр. 170), снова вступила въ свои права дружелюбная къ христіанамъ политика Ильхановъ. Со времени перваго Ліонскаго собора (въ 1245 г.) до середины XIV столѣтія къ ихъ дворамъ являлись непрерывно посланники папъ и западно-европейскихъ монарховъ, въ особенности монахи францисканцы (т. II, стр. 88—90), а Аргунъ со своей стороны тоже отправлялъ посольства въ Римъ и во Францію. Такимъ образомъ надежды на вмѣшательство монголовъ въ пользу сирійскихъ христіанъ противъ ислама были вполне основательны: послѣдній соборъ, обсуждавшій дѣла Св. Земли, Ліонскій соборъ 1274 г., находился подъ впечатлѣніемъ присутствовавшаго на немъ посольства Абаки, члены котораго приняли крещеніе по своей собственной просьбѣ.

Къ сожалѣнію, это благопріятное отношеніе хановъ къ христіанству исчезло, какъ только началось распаденіе ихъ государства. Главнымъ поборникомъ ислама въ его борьбѣ съ монголами былъ султанъ египетскій Рокнъ-Эдъ-Динъ Бей (э)барсъ I, который отличался такимъ же талантомъ государственнаго челоука и организатора, какъ и Саладинъ, дѣйствовалъ, пожалуй, съ еще большей смѣлостью и энергіей, чѣмъ этотъ послѣдній, и во всякомъ случаѣ велъ войну за вѣру съ бѣльшимъ лукавствомъ, вѣроломствомъ и жестокостью, чѣмъ этотъ его предшественникъ. Онъ всегда отражалъ побѣдоносно вторженія монголовъ въ Сирію, при первомъ изъ которыхъ они уже захватили Халебъ и Дамаскъ и проникли до Газы (3 сентября 1260 г.; т. III, стр. 686), такъ что, наконецъ, христіане потеряли всякую надежду на будущее. Въ теченіе мирныхъ промежутковъ между отдѣльными нападеньями монголовъ Бейбарсъ продолжалъ въ Сиріи свою систематическую и направленную къ опредѣленной цѣли политику. Между 1261 и 1274 гг. онъ предпринялъ восемь походовъ противъ христіанъ, въ 1265 г. взялъ Цезарею и Арзуфъ, въ 1266 Сафедъ, а въ 1268 попали въ его руки послѣ жестокаго опустошенія Яффа, Бельфоръ (Шакифъ Арнуль), а вслѣдъ за тѣмъ Антиохія. Въ 1271 г. онъ занялъ цѣлый рядъ сильныхъ укрѣпленій всѣхъ трехъ рыцарскихъ орденовъ, въ томъ числѣ знаменитый Курдскій замокъ іоаннитовъ (Хизнъ-эль Акрадь; стр. 437), а остатокъ франкскихъ владѣній почти самъ собою упалъ въ руки его третьяго преемника Заифъ-Эдъ-Динъ-Калауна (вѣрнѣе Килавуль), какъ зрѣлый плодъ (отъ 1279 до 1290 г.; т. III, стр. 687).

Давно уже началось обратное переселеніе въ Западную Европу христіанъ, предвидѣвшихъ вполне ясно предстоящую гибель христіанскихъ владѣній въ Сиріи; имущества стали быстро распропадаться или передаваться рыцарскимъ орденамъ, историческіе и юридическіе документы перевозились въ Кипръ или на Западъ. 25 мая 1285 г. въ руки египетскаго правителя Маликъ-Эль-Мансура перешло укрѣпленіе ордена іоаннитовъ Маргатъ, а 26 апрѣля 1289 г. ослабленный междоусобными раздорами Триполисъ. Только Акконъ, Атлнъ, Бейрутъ, Ханфа, Сидонъ, Тортоза и Тиръ оставались еще во владѣніи христіанъ къ тому времени, когда сынъ Калауна Маликъ-Эль-Ашрафъ (Салахъ-Эдъ-Динъ-Халиль) подошелъ къ Аккону съ сильнымъ войскомъ (въ апрѣлѣ 1291 г.). Некоинный духъ кре-

стоносцевъ еще разъ проявилъ чудеса храбрости, но, наконецъ, 18 мая невѣрные достигли своей цѣли посредствомъ необычайно напряженнаго штурма. Только часть защитниковъ крѣпости спаслась бѣгствомъ за море, большая часть населенія погибла отъ меча. Послѣднее геройское сопротивление храмовниковъ, которые заперлись въ своемъ укрѣпленномъ замкѣ, было сломлено черезъ 10 дней послѣ покоренія города посредствомъ подкопа подъ стѣны замка, который обрушился, наконецъ, и похоронилъ подъ собою какъ христіанъ, такъ и мусульманъ. Теперь настала коонецъ. Послѣднія христіанскія владѣнія были покинуты жителями въ теченіе ближайшихъ недѣль или же сдались послѣ кратковременной осады (отъ 19 мая до 24 августа 1291 г.). Всѣ плоды крестовыхъ походовъ были уничтожены.

8. Послѣдствія крестовыхъ походовъ.

А. Идея крестовыхъ походовъ въ XIV столѣтіи.

Даже послѣ окончательнаго вытѣсненія христіанъ изъ Сиріи идея крестовыхъ походовъ еще не исчезла окончательно со свѣта; она продолжаетъ жить въ сердцахъ благочестивыхъ людей, занимаетъ умы политическихъ дѣятелей, возбуждаетъ у рыцарей страсть къ приключеніямъ и окрыляетъ фантазію поэтовъ. XIV столѣтіе видѣло еще неоднократныя безнадежныя попытки къ крестовымъ походамъ, а еще больше грандіозныхъ плановъ такихъ походовъ, при чемъ все еще играетъ роль надежда на союзъ съ монголами, хотя теперь уже не ожидаютъ ихъ обращенія въ христіанство; въ качествѣ главнаго врага христіанъ теперь выступаютъ турки-османы (срав. т. III и V). Однако, параллельно тому, какъ вторженіе турокъ въ Европу давало новое направленіе борьбѣ между Западомъ и Востокомъ и отбросило Западную Европу на оборонительную позицію, охраняющуюся съ трудомъ цѣлыхъ 400 лѣтъ, измѣнилось кореннымъ образомъ также и то психическое направленіе, которое давало возможность задумывать и строить планы крестовыхъ походовъ еще въ XIV столѣтіи. Непосредственно передъ 1291 г. и вѣдѣть за нимъ папство находилось подъ тягостнымъ впечатлѣніемъ вѣстей, приходившихъ съ Востока; оно дѣлало само безпомощныя усилія и побуждало другихъ къ попыткамъ предотвратить печальную участь, угрожавшую его дѣтину, но вслѣдъ за тѣмъ оно увидѣло себя вытѣсненнымъ навсегда изъ того руководящаго положенія, благодаря которому оно вызвало къ жизни крестовые походы и руководило ими. Универсализмъ церкви отстаетъ передъ влеченіемъ къ національному сплоченію и территориальному разграниченію. Въ то время, какъ первый крестовый походъ характеризовался еще сглаживаніемъ національныхъ различій и однообразнымъ настроеніемъ умовъ подъ вліяніемъ идеи о господствующей церкви, позднѣйшіе крестовые походы мало-по-малу пріобрѣтаютъ характеръ предпріятій отдѣльныхъ націй. Въ XIV столѣтіи крестовые походы вообще не могли уже быть самодовлѣющей цѣлью, а могли только служить средствомъ для удовлетворенія національно-политическихъ цѣлей и являлись результатомъ предпримчивости отдѣльныхъ слоевъ населенія, изъ которыхъ на первомъ планѣ стоитъ французская аристократія. Къ этой аристократіи принадлежатъ попрежнему самые отдаленные форпосты западно-европейской культуры, франкскіе владѣтельные князья Греніи и магнаты Кипрскаго королевства, равно какъ и самые знатные члены рыцарскихъ орденовъ. Одиѣ только Генуя и Венеція сохраняютъ такой же сильный, какъ и прежде, хотя и существенно видоизмѣненный по своему характеру интересъ къ отношеніямъ между Европой и исламомъ. Вотъ почему всѣ планы будущихъ крестовыхъ походовъ, составлявшіеся впоследствии папами, а также однимъ изъ римскихъ

императоровъ (Генрихомъ VII), свѣтскими учеными, какъ, на примѣръ, благороднымъ венеціанцемъ Марино Санудо (стр. 393), или смѣлыми мыслителями, какъ, на примѣръ, французомъ Пьеромъ Дюбуа, сводились на практикѣ къ отстаиванію интересовъ морскихъ республикъ или французскаго рыцарства (о маршалѣ Бусико срав. т. V, стр. 130). Эти предпріятія не относятся къ исторіи крестовыхъ походовъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, если только мы не будемъ руководствоваться одними внѣшними названіями.

Б. Королевство Кипрское и Малая Арменія.

Исторія франкскаго Кипра можетъ считаться болѣе или менѣе основательно продолженіемъ крестоноснаго движенія. Кипрскіе короли изъ дома Лузиньяновъ (съ 1267 г. они принадлежали къ этому дому только по женской линіи, а мужская линія принадлежала къ антиохійско-триполнскому княжескому роду Боэмундовъ, слѣдовательно, къ дому Пуату: срав. стр. 431) носили въ теченіе большей части XIII столѣтія также и іерусалимскую корону или, по крайней мѣрѣ, считались регентами надъ Палестиной на основаніи наслѣдственныхъ правъ, прибрѣтенныхъ ими посредствомъ браковъ. Когда эта корона и христіанскія владѣнія въ Палестинѣ были безвозвратно потеряны, то много цѣнностей было перевезено оттуда въ Кипръ; притомъ же еще раньше (стр. 452) этотъ островъ, поддерживавшій оживленныя сношенія съ Западной Европой и французскими колоніями, воспринялъ обильныя сѣмена культурныхъ силъ, а теперь, когда Кипръ сталъ *la frontiere puissante et necessaire de la Crestienté catholique* (могущественной и необходимой границей католическаго христіанства), это сѣмя дало пышные ростки. Колоніи, основанныя торговыми городами, и колоніи рыцарскихъ орденовъ нашли здѣсь для себя новую родину. Папскіе торговые запреты, обнародованные на Западѣ послѣ паденія Аккона, не соблюдались вообще въ точности и вовсе не примѣнялись въ Фамагустѣ въ виду ея оживленныхъ сношеній съ Западной Азіей при посредствѣ сирійскихъ купцовъ; этотъ городъ сталъ вторымъ Аккономъ и благодаря природнымъ богатствамъ о. Кипра, соединеннымъ съ значительнымъ развитіемъ промышленности и почти тропическимъ климатомъ, здѣсь развилась роскошная искусственная культура, почти затмившая собою Сирію. Энергичные государи, какъ, на примѣръ, Гуго IV (1324 до 1359 г.), при содѣйствіи котораго іоанниты завоевали Смирну въ 1343 г., и Петръ I (отъ 1359 до 1369 г.), который призывалъ къ настоящему крестовому походу и обладалъ даже безъ посторонней помощи достаточной силой для временнаго завоеванія Александріи (въ 1365 году: срав. т. V, стр. 373), поддерживали маленькое Кипрское государство на должной высотѣ. Упадокъ сталъ угрожать ему лишь съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь тоже обнаружилось вліяніе раздоровъ между великими морскими республиками, приведшихъ къ гибели Сирійскаго государства. Въ 1373 году Генуя завладѣла Фамагустой, и монополизациа торговли этой большой гавани парализовала экономическую силу острова; въ то же время враждебныя отношенія, продолжавшіяся почти сто лѣтъ, подорвали политическое могущество острова Кипра. Послѣдній его король, Яковъ II (отъ 1460 до 1473 года), бросился въ объятія Венеціанской республики посредствомъ брака съ Екатериной Корнаро. При немъ Кипръ снова расцвѣлъ, но 1 августа 1571 года, послѣ одиннадцатимѣсячной осады Фамагусты, онъ попалъ въ руки османовъ вмѣстѣ со всѣмъ наслѣдіемъ крестовыхъ походовъ (томъ V, стр. 155).

Еще раньше совершилась судьба Арменіи. Во второмъ столѣтіи періода крестовыхъ походовъ это маленькое кипрское государство стало наравнѣ съ Кипромъ своего рода хранителемъ культуры крестоносцевъ,

хотя оно и сохранило свою національную самобытность и свои гордые военные и религиозныя традиции. Владѣтельный родъ этого государства, Рупениды и Хетумиды, становится по временамъ посредствомъ династическихъ связей въ такія же отношенія къ Антиохійскому княжеству, какія существовали между Кипромъ и Іерусалимомъ, съ той только разницей, что здѣсь дѣло доходило чаще до обоюдныхъ враждебныхъ столкновеній. Однако государственныи и общественныи строй Арменіи, а въ особенности ея военные обычаи, правовыя нормы и торговля подчинились въ сильной степени франкскому вліянію; послѣдствіемъ этого западнаго культурнаго вліянія были значительный умственный подъемъ и существенное увеличеніе силы сопротивленія этого государства. Послѣ паденія Аккона гавань Лаяццо (нынѣшній Аяссъ противъ Александретты), приобрѣла на иѣкоторое время такое же значеніе для торговаго обмѣна между Востокомъ и Западомъ, какъ и Фамагуста, тѣмъ болѣе, что восточныя купцы могли являться сюда безпрепятственно, а владѣнія переднеазиатскихъ монголовъ подходили въ этомъ мѣстѣ ближе всего къ берегамъ Средиземнаго моря, такъ что Лаяццо получилъ значеніе западныхъ входныхъ воротъ этого міроваго государства. Тѣмъ не менѣе враждебныя отношенія къ армянамъ со стороны Ильхановъ, которые были вначалѣ ихъ союзниками, а затѣмъ со стороны османъ и въ особенности мамелюковъ подорвали черезъ короткое время военныя силы небольшого армянскаго государства, которыя стояли сначала на значительной высотѣ; въ 1347 году уже неоднократно разграбленный и разрушенный передъ тѣмъ городъ Лаяццо сталъ жертвою Египта, а въ 1375 году послѣдній остатокъ армянскаго государства былъ тоже поглощенъ вторженіемъ мамелюковъ (срав. томъ V, стр. 200). Послѣдній владѣтельный князь этого государства, происходившій изъ побочной линіи кипрскихъ Лузиньяновъ, Леонъ VI, отпущенный изъ Кипра, гдѣ онъ находился въ плѣну, жилъ впослѣдствіи въ Парижѣ до 1393 года въ качествѣ безземельнаго князя и носилъ тамъ странный титулъ „короля Мадридскаго“.

В. Рыцарскіе ордена.

Донести традиціи крестовыхъ походовъ до порога новѣйшихъ вѣковъ было суждено рыцарскимъ орденамъ, или, вѣрнѣе сказать, если мы оставимъ въ сторонѣ многочисленныя подражанія, вызванныя въ особенности въ Западной Европѣ тремя большими орденами, тому единственному изъ нихъ, который сумѣлъ просуществовать такъ долго въ видѣ своеобразнаго государственнаго организма. Благодаря богатымъ владѣніямъ орденовъ они были близки къ приобрѣтенію государственныхъ верховныхъ правъ уже въ Сиріи: въ особенности орденъ іоаннитовъ пользовался уже почти безъ всякаго ограниченія такими правами въ Сѣверной Сиріи, опираясь на свой главный укрѣпленный замокъ Маргата (Эль-Маркабъ), какъ на центръ.

Дѣятельность тевтонскаго рыцарскаго ордена (главнымъ его домомъ былъ Штаркенбергъ, важнѣйшимъ укрѣпленнымъ замкомъ Монфоръ недалеко отъ Аккона) на сирійской территоріи ограничивалась всегда гораздо болѣе скромными размѣрами; но еще задолго до потери христіанами своихъ владѣній въ Св. Землѣ для этого ордена открылись пути, отдѣлившіе его судьбу отъ судьбы Палестины, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлавшіе его настоящимъ наследникомъ идеи крестовыхъ походовъ и культурнаго достоянія, приобрѣтеннаго крестоноснымъ движеніемъ (ср. стр. 330).

Напротивъ того, орденъ храмовниковъ не могъ пережить паденіе Сиріи. Его главный домъ, которымъ служилъ до 14 августа 1291 года паломническій замокъ Атланта (стр. 474) къ югу отъ Хаифы, продолжалъ существовать въ теченіе двухъ десятилѣтій послѣ паденія Аккона въ Лимиссолѣ на островѣ Кипрѣ; отсюда этотъ орденъ дѣлалъ еще кое-какія попытки въ борьбѣ съ невѣрными. Однако центръ тяжести

силъ этого ордена лежалъ въ Западной Европѣ; тутъ его члены, числомъ до 20,000, жили въ 10,000 „мануарахъ“ ордена жизнью всесильнаго аристократическаго сообщества, обладающаго громадными земельными владѣніями и богатѣйшей казной, но ненавистнаго какъ духовенству, такъ и свѣтскому населенію вслѣдствіе своего высокомерія и произвола. Когда у этого ордена не стало больше никакихъ значительныхъ цѣлей на Востокъ, то его властолюбивые аппетиты неизбѣжно дали себя почувствовать на Западъ; для развивающагося государства съ болѣе прочной, почти соответствующей новымъ вѣкамъ организаціей, какъ Франція, которая заключала въ себѣ главныя владѣнія ордена, одно уже существованіе ордена должно было ощущаться, какъ инородное тѣло, и это государство должно было неизбѣжно стремиться къ уничтоженію его какими бы то ни было средствами. Недаромъ ежегодные доходы ордена исчисляются по нынѣшней стоимости денегъ приблизительно въ 50 милл. франковъ, въ то время какъ тогдашнія французскія коронныя имущества приносили не болѣе 2.000,000 франковъ дохода! Филиппъ IV Красивый, первый монархъ, „правленіе котораго проникнуто рѣзкимъ дуновеніемъ новѣйшей исторіи“, воспользовался подчиненнымъ по отношенію къ нему положеніемъ папы Клементя V и широко распространенной молвой о ересьяхъ храмовниковъ, питаемой фривольнымъ вольнодумствомъ этого ордена. Онъ добился отъ папы уничтоженія ордена (22 марта 1312 года) посредствомъ процесса, продолжавшагося отъ 1307 до 1314 года, во время котораго были пущены въ ходъ все хитрости и все ужасы инквизиціи. Борьба Филиппа IV съ орденомъ храмовниковъ закончилась 11 марта 1314 года, а не 18 марта 1313 года, какъ было сказано на страницѣ 349, сожженіемъ на кострѣ въ Парижѣ великаго магистра Якова Моле. Во Франціи и въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, послѣдовавшихъ примѣру Филиппа, владѣнія ордена достались, по большей части, коронѣ; остальная часть наслѣдства храмовниковъ перешла къ ордену іоаннитовъ, въ который поступили также тѣ рыцари упраздненнаго ордена, которымъ удалось спастись отъ костра, тюрьмы или заточенія въ монастырь.

Такимъ образомъ, „братья больницы св. Іоанна“ остались единственными наслѣдниками крестовыхъ походовъ. Хотя наслѣдствомъ они почти сравнялись съ храмовниками своей страстью къ роскоши и своей жадностью и способствовали гибели Сирійскаго государства своими частыми кровавыми раздорами съ орденомъ храмовниковъ, тѣмъ не менѣе они проявили въ началѣ XIV столѣтія столько героизма въ борьбѣ съ мамелюками, сельджуками и османами, что благодаря этому они избѣгли опасности раздѣлить участь храмовниковъ. На юго-западномъ берегу Малой Азіи, главнымъ образомъ, на лежащихъ передъ нимъ островахъ они создали себѣ въ 1306 г. собственное государство, центромъ котораго сталъ въ 1310 г. островъ Родосъ; подобно франко-итальянскимъ владѣніямъ на территоріи древней Эллады и на Цикладскихъ островахъ они образовали здѣсь сильный форпостъ христіанства противъ всеусиливавшейся опасности со стороны османовъ. Они пережили паденіе Константинополя въ 1453 г., выдержали побѣдоносно знаменитую осаду Родоса турками отъ мая до іюля 1480 г. (т. V, стр. 145) и отступили предъ ними только 21 декабря 1522 г. (тамъ же, стр. 149). Затѣмъ они переселились въ 1527 г. на о. Мальту и отсюда продолжали борьбу съ невѣрными въ скромномъ масштабѣ еще въ теченіе цѣлыхъ сотенъ лѣтъ. Маленькое государство мальтійскихъ рыцарей просуществовало до 1798 г., въ которомъ оно пало жертвой крестоваго похода новыхъ вѣковъ, — экспедиціи генерала Бонапарта въ Египетъ (т. III, стр. 692; т. VIII, стр. 38). Самая организація ордена іоаннитовъ выдержала даже бурю періода революціи подобно тевтонскому ордену и сохранилась до современной эпохи, какъ рѣдкая окаменѣлость (вмѣстѣ съ титуломъ короля іерусалимскаго).

9. Причины неудачи крестовыхъ походовъ.

Та задача, которую ставили себѣ крестовые походы, осталась неразрѣшенной вплоть до настоящаго времени; попытки къ ея разрѣшенію остались бы совершенно безплодными теперь, какъ и въ средніе вѣка, и по тѣмъ же причинамъ. Планъ Соединенныхъ Штатовъ Европы, предложенный ради освобожденія Іерусалима вышеупомянутымъ Пьеромъ Дюбуа (см. выше, стр. 475), смѣлымъ новаторомъ и остроумнымъ мыслителемъ, полетъ мысли котораго далеко опередилъ свою эпоху, несколько не подвинулся ближе къ своему осуществленію въ наше время, чѣмъ при жизни Дюбуа. Какъ бы легко ни было въ настоящее время вырвать изъ рукъ турокъ родину христіанства, соперничество между западно-европейскими государствами все же сдѣлало бы невозможнымъ созданіе жизнеспособнаго государства въ Палестинѣ. Много было высказано догадокъ о причинахъ неудачи крестовыхъ походовъ, много было споровъ по этому поводу, но при этомъ не останавливались передъ тѣмъ вопросомъ, могла ли бы быть достигнута эта цѣль даже въ настоящее время; а всѣ тѣ затрудненія, съ которыми столкнулось бы современное христіанское Іерусалимское государство, достигли бы гораздо болѣе грандіозныхъ размѣровъ въ тѣ вѣка. Возлагать нравственную отвѣтственность за гибель христіанской Сиріи на раздоры между панствомъ и имперіей, между греками и латинянами, норманнами и провансальцами, французами и англичанами, на междоусобныя распри между государствами, основанными крестоносцами, или же попрекать, какъ это дѣлаютъ иногда, франковъ ихъ самолюбіемъ и безнравственностью, ихъ необузданностью и цинизмомъ, это значитъ останавливаться исключительно на внѣшней сторонѣ, — все это были сопутствующія и послѣдовательныя явленія, совершенно неотдѣлимая отъ плана и способа осуществленія этого предпріятія, равно какъ и свѣтская тенденція, проникающая въ войны за вѣру и въ государства, созданныя ими. Точно также скользятъ по поверхности и тѣ, которые утверждаютъ, что основательная колонизація Сиріи западно-европейскими колонистами стала невозможной вслѣдствіе громадной траты человѣческихъ жизней, обусловленной крестовыми походами.

Ближе касаются сути дѣла неоднократно упоминавшіяся нами столкновенія между идеальнымъ религиознымъ пыломъ Западной Европы и мелкими матеріальными интересами сирійскихъ карлинговыхъ государствъ. Если уже у самихъ крестоносцевъ сильный подъемъ религиозныхъ чувствъ смѣнялся нѣрѣдко въ сирійскихъ гаваняхъ желаніями и настроеніями матеріальнаго свѣтскаго характера, то священный огонь крестовыхъ походовъ совершенно угасалъ въ жителяхъ Палестины: при ихъ всевозрастающемъ богатствѣ и роскоши ихъ колониальной культуры ихъ никакъ не могла соблазнять мысль о непрерывной смертоносной борьбѣ съ ихъ ближайшими сосѣдями, борьбѣ, подвигавшей самыя основы этой культуры. Какъ тѣсно сплелись между собою въ Сиріи франкская и мусульманская культуры, объ этомъ свидѣлствуютъ уже арабскіе литературные источники XII столѣтія, такъ какъ высшая культура арабовъ изощряла ихъ наблюдательность въ этомъ направленіи; упомянемъ, на примѣръ, о поучительныхъ мемуарахъ эмира шайзарскаго Узамы Ибнъ-Мункида. Въ XIII столѣтіи объ этомъ много пишутъ также и тѣ вѣдущіе христіанскіе писатели, которые затрагиваютъ болѣе близко вопросъ объ отношеніяхъ между сирійскими христіанами и исламомъ, какъ, на примѣръ, Яковъ Витри, Вильгельмъ Триполитскій, Рихольдо да Монте Кроче и нѣкоторые другіе. Въ повседневной жизни эти отношенія естественно выступали еще болѣе рѣзко, чѣмъ въ литературныхъ произведеніяхъ, связанныхъ до нѣкоторой степени официальными представленіями.

Это чувствовалось даже въ той ограниченной сферѣ, въ которой жили въ дѣйствительности сирійскіе христіане; а что касается надежды вырваться изъ тѣсныхъ границъ уже пріобрѣтеннаго и открыть себѣ просторъ для осуществленія великой идеи крестовыхъ походовъ, то она исчезла уже черезъ нѣсколько десятилѣтій съ появленіемъ на сценѣ Ценки (стр. 440), а лѣтъ черезъ 60 послѣ смерти Боэмунда и Готфрида предъ крестоносцами выросло непреодолимое препятствіе вслѣдствіе постепенно возрастающаго военнаго и политическаго упроченія ислама. При такихъ условіяхъ воинственный духъ крестоносцевъ, питаемый и всегда поддерживаемый на большой высотѣ, несмотря на все препятствія, ихъ героизмъ и все ихъ доблести не находили для себя простора, и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они вырывались на свободу, не удавалось выйти изъ рамокъ средневѣковой раздробленности даже здѣсь въ Сиріи, гдѣ весь успѣхъ зависѣлъ отъ единенія и концентраціи силъ. Мало того; на почвѣ, рѣшительно непригодной къ этому, крестоносцы ввели феодальную политическую систему, составлявшую специальный продуктъ экономическихъ и социальныхъ условій, господствовавшихъ на ихъ родинѣ, и притомъ довели ее до такихъ крайнихъ предѣловъ, что безусловно надо было ожидать заранѣе полного безсилія центральной власти, какъ только ослабнутъ первые наиболѣе сильныя толчки крестоноснаго движенія. Медленный упадокъ и гибель Западной Сиріи растянулись на цѣлое столѣтіе не вслѣдствіе усилій, сдѣланныхъ Западомъ для ея защиты, а вслѣдствіе слабости наступательныхъ силъ Востока. Крестоносцы оказались неспособными къ прочнымъ успѣхамъ на государственномъ и военномъ поприщѣ, и усилія Западной Европы придти на помощь къ своему крайнему форпосту, стоявшему на краю гибели, также потерпѣли крушеніе.

Первый крестовый походъ далъ результаты, несоразмѣрные съ затраченными усиліями, но все же вполне реальныя, но начиная со второго крестоваго похода все войны за вѣру были ничѣмъ инымъ, какъ выдающимися трагикомедіями всемірной исторіи. Благороднѣйшія душевныя движенія средневѣковаго духа, крайнее напряженіе его эвергии и его героизма, блестящія рыцарскія доблести и пламенное религиозное воодушевленіе вспыхнули блестящимъ фейерверкомъ и разсѣялись въ воздухѣ безъ всякой пользы для цѣли, которую они преслѣдовали; еще не успѣла пора для разрѣшенія подобныхъ задачъ.

Вотъ въ этомъ-то послѣднемъ обстоятельствѣ и лежитъ ключъ къ разгадкѣ. Эта эпоха была способна къ проявленію сильной воли, къ пылкому воодушевленію, къ героическимъ подвигамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда для совершенія ихъ было достаточно воодушевленія и воли. Однородность массъ, однообразіе условій, недостатокъ индивидуальности придавали подобнымъ общимъ влеченіямъ и проявленіямъ общей воли больше самобытности, выразительности и неодолимой силы, чѣмъ это было бы возможно въ настоящее время. Но та эпоха страдала однимъ важнымъ и неизбѣжнымъ недостаткомъ: она была неспособна къ планомѣрному сосредоточенію силъ на одной единственной цѣли. „Мелкій сепаратизмъ — это есть средневѣковье“, такъ было сказано по другому поводу. Силы тѣхъ вѣковъ были способны къ дѣйствию только въ тѣсномъ ограниченномъ кругу. Нѣкоторыя высшія идеи, не вызванныя потребностями и чувствами современной эпохи, а заимствованныя изъ традицій болѣе богатой и широкой культуры, продолжали жить и направляли людей къ цѣлямъ міровой религіи и міровой монархіи, но кромѣ тѣхъ, которые были непосредственными носителями и хранителями этихъ традицій, жизнь никому не давала дѣйствительнаго толчка если не къ пониманію, то, по крайней мѣрѣ, къ выполненію такихъ великихъ общихъ задачъ. Правда, церковь успѣла своевременно создать ту нивелировку умственныхъ теченій, ту строгую умственную дисциплину, значеніе которыхъ мы уже указали и которыя

были использованы ею въ достаточной мѣрѣ ради ея собственныхъ цѣлей и притязаній. Напротивъ того, идея національнаго государства или же универсальнаго, воплощеннаго въ имперію, все еще висѣла въ воздухѣ. пока дѣйствительная общественная жизнь въ предѣлахъ отдѣльныхъ націй замыкалась въ самомъ тѣсномъ кругу, а экономическіе, а вмѣстѣ съ ними и другіе общіе интересы не выходили за предѣлы родной долины, сосѣдней деревни и уже никакъ не поднимались выше задачъ одного округа или племени. Въ этомъ-то коренится причина неудачъ средневѣковой имперіи, висѣвшей въ воздухѣ въ видѣ теоретической идеи безъ необходимыхъ матеріальныхъ опоръ и основъ надъ множествомъ разбѣдненныхъ и вовсе не имѣющихъ стремленія къ объединенію силъ. Этимъ объясняется неудача крестовыхъ походовъ, внушенныхъ вліяніемъ вѣры, господствовавшей надъ умами, и представлявшихъ собою, безъ сомнѣнія, самое могущественное духовное движеніе, какое видѣли средніе вѣка, но не имѣвшихъ реальной возможности не только направить къ желаемой цѣли помыслы всѣхъ людей, но и сосредоточить на ней ихъ физическія силы. Въ теченіе столѣтій, протекшихъ между исчезновеніемъ древнихъ государственныхъ традицій, раздробленіемъ всемірной монархіи Карла Великаго и началомъ приспособленія европейскаго міра къ новѣйшимъ формамъ государственной жизни, возникшимъ въ однихъ мѣстахъ раньше, въ другихъ мѣстахъ позже, вообще не имѣли прочнаго успѣха подобнаго рода централизирующія систематическія политическія или военныя предприятия; если и бывалъ успѣхъ, то онъ получался какъ бы неожиданно въ видѣ удачной болѣе или менѣе случайной авантюры счастливыхъ искателей приключеній; таковы, напримѣръ, завоеванія норманновъ, въ частности завоеваніе Англій. Напротивъ того, германскіе императоры никогда не могли справиться ни съ Италіей, ни съ своими внутренними задачами даже при благоприятныхъ условіяхъ и при громадной затратѣ силъ и средствъ. Крестовые походы непытали такую же участь, какъ и римскіе походы германскихъ императоровъ: по своему плану они принадлежали къ отжившему кругозору orbis romanus, всемірнаго государства, а средства для ихъ выполненія приходилось заимствовать изъ гораздо болѣе тѣсныхъ сферъ.

Въ этой формулѣ заключаются причины неудачи крестовыхъ походовъ. При помощи такого государственнаго строя, который раздробилъ государство и разорвалъ его силы на мелкія доли, пытались осуществить планъ, въ основу котораго была положена идея міроваго государства и который могъ быть выполненъ только самодержавной военной монархіей; политическія, общественныя и экономическія формы Востока, перенесенныя на основѣ древней культуры, предполагалось вытѣснить силами феодальной системы, коренившейся въ гораздо болѣе простыхъ экономическихъ и общественныхъ условіяхъ и въ то же время не настолько первобытной, чтобы она могла подавить этотъ отжившій міръ своимъ обиліемъ неизсякшихъ грубыхъ юншескихъ силъ. Требовалось сосредоточеніе силъ и средствъ; между тѣмъ собственная культура европейцевъ не знала ничего кромѣ раздробленія, а обстоятельства привели даже къ тому, что именно Сирія оказалась тѣмъ первымъ и почти единственнымъ мѣстомъ, въ которомъ основные принципы этой раздробленности были возведены въ правовую догму. Можно ли удивляться тому, что во первыхъ никакая государственная власть той эпохи не оказалась достаточною для обезпеченія успѣха хотя бы за одной только изъ многочисленныхъ экспедицій на Востокъ, нѣсколько поглощавшихъ всѣ наличныя силы Запада? можно ли удивляться тому, что въ самой Сиріи никогда не удавалось воспрепятствовать раздробленію наличныхъ силъ? Что первый крестовый походъ, и почти можно сказать только первый, вообще имѣлъ нѣкоторый успѣхъ, хотя и весьма жалкій въ сравне-

ни съ громадными средствами, затраченными на него Европой. — это объясняется тѣмъ, что главная военная держава тогдашняго Востока, Сельджукская монархія, страдала такой же феодальной раздробленностью, какъ и Западъ. Мусульмане отдавали себѣ въ этомъ вполне ясный отчетъ: когда Имадъ-Эдъ-Динъ-Ценки сталъ снова собирать силы Ислама и прежде всего создалъ для этой цѣли нѣчто въ родѣ постоянной арміи, то онъ запретилъ своимъ солдатамъ пріобрѣтать земли, т. е. онъ поставилъ преграду распаденію военной монархіи на большіе и малые лены. Такимъ образомъ сложилось могущественное государство атабеговъ, и только его обратное раздробленіе при потомкахъ Саладина, Аюбидахъ, поддержало еще на цѣлое столѣтіе результаты скромныхъ временныхъ успѣховъ третьяго крестоваго похода. Когда у сирійскихъ христіанъ выросъ снова непоколебимый противникъ въ лицѣ мамелюккаго государства, то и для нихъ наступилъ послѣдній часъ: сплоченное единство оказалось лицомъ къ лицу съ раздробленностью, государство — съ множествомъ отдѣльныхъ феодальныхъ помѣстій. Все добытое первымъ крестовымъ походомъ потерпѣло крушніе вслѣдствіе такой громадной разницы во вѣшнихъ силахъ: въ то же время оно подверглось внутреннему моральному разложенію вслѣдствіе контраста между обѣими культурами. Все то, что осталось послѣ этого крушенія, тотъ благородный продуктъ броженія, который выработался среди этого распада, составляетъ единственный, хотя, правда, самый значительный положительный результатъ, выигранный дальнѣйшей судьбой человѣчества отъ крестовыхъ походовъ.

10. Ближайшія и болѣе отдаленныя послѣдствія крестовыхъ походовъ.

Уже во введеніи (стр. 410) нами было указано, что настоящій отдѣлъ не ставитъ себѣ задачей связать крестовые походы со всѣми ихъ причинами и послѣдствіями и изложить въ одномъ связномъ обзорѣ весь ходъ развитія западноевропейской культуры съ переходомъ отъ ранняго къ позднему средневѣковью, отъ періода умственного гнета къ эпохѣ зарожденія внутренней свободы. Со времени извѣстнаго премированнаго сочиненія А. Г. А. Гееренса „Опытъ развитія послѣдствій крестовыхъ походовъ для Европы“ (*Versuch einer Entwicklung der Folgen der Kreuzzüge für Europa*, 1808) подобныя попытки дѣлались такъ часто, что въ настоящее время существуетъ искушеніе скорѣе къ суженію этихъ рамокъ, чѣмъ къ ихъ сохраненію въ виду несомнѣнной слѣдующей опасности: изъ-за тѣхъ сильныхъ толчковъ, которые были получены европейской культурой отъ крестовыхъ походовъ и которые повліяли, безъ сомнѣнія, на весь ея ходъ между XII и XIV столѣтіями, можно упустить изъ виду не менѣе сильныя толчки, сообщенныя ей внутреннимъ развитіемъ Западной Европы. О вліяніи крестовыхъ походовъ въ ея правильномъ соотношеніи съ дѣйствующими изнутри культурными силами какъ средиземноморской, такъ и восточной и западноевропейской исторіи, было уже говорено въ соответствующихъ отдѣлахъ „Всемирной исторіи“; направляемъ читателя къ тому IV, стр. 40—44 и къ тому V, стр. 98—106 и кромѣ относящихся сюда отдѣловъ предлагаемаго тома еще къ тому VII, стр. 3—12, 155 и сл. и тому VIII, стр. 462—466. Въ настоящемъ отдѣлѣ, въ которомъ рѣчь идетъ исключительно о крестовыхъ походахъ, будетъ умѣстно намѣтить, такъ сказать, тѣ точки, въ которыхъ обнаруживается ихъ вліяніе на ходъ европейской культуры. Однако, даже подобныхъ краткихъ намековъ будетъ достаточно для подтвержденія правильности того взгляда, что самые плодотворные зародыши міра идей, отличающихся новыи вѣтка отъ средневѣковья, выросли на почвѣ крестовыхъ походовъ и ихъ продуктовъ. Если

бы мы захотѣли положить въ основу нашего краткаго обзора вообще весьма желательное болѣе подробное изображеніе этой почвы и культурныхъ условій, господствовавшихъ въ государствахъ, основанныхъ крестоносцами, то это завело бы насъ слишкомъ далеко въ частности будничной жизни съ ея политическими, социальными, экономическими и духовными отношеніями, и мы запутались бы такъ сильно, что лучше отказаться отъ такой мысли.

Конечно, самыя важныя точки соприкосновенія между двумя культурными сферами, до того времени рѣзко разбѣденными, лежали въ области будничной и экономической жизни, и эти то соприкосновенія дали толчекъ прогрессу Западной Европы при посредствѣ крестовыхъ походовъ. Здѣсь тоже необходимо сдѣлать оговорку. Проникновеніе европейской жизни и произведенія мусульманской, преимущественно арабской культуры шло также изъ другихъ плоскостей соприкосновенія кромѣ Сирійскаго побережья, и въ этихъ другихъ мѣстахъ оно дѣйствовало болѣе незамѣтно, но зато втеченіе болѣе долгаго времени и дало болѣе прочныя результаты. Не говоря уже о Византійской имперіи, игравшей роль посредника между Западомъ и Востокомъ, (срав. томъ V, стр. 56—64), Сицилійско-нижне-итальянское норманнское государство, возведенное на сарацинскомъ фундаментѣ, и послѣдовавшее за нимъ государство императора Фридриха II, а съ другой стороны Иберійскій полуостровъ, проникнувшійся въ теченіе почти цѣлыхъ 800 лѣтъ арабской и христіанско-норманнской культурами, создали рѣзкую смѣшанную восточно-западную культуру и распространили ее отчасти далеко за предѣлами ея первоначальной родины. По отношенію къ каждому въ отдѣльности культурному заимствованію, сдѣланному Западной Европой у арабовъ, необычайно трудно доказать, ведетъ ли оно свое происхожденіе изъ Испаніи, Италіи, Византіи или Сиріи; поэтому, когда мы доискиваемся происхожденія нашего культурнаго достоянія изъ средневѣковыхъ восточныхъ источниковъ, то приходится проявлять чрезвычайную осторожность. Однако, въ сомнительныхъ случаяхъ вѣроятность говорить за крестовые походы, такъ какъ во всѣхъ остальныхъ точкахъ соприкосновенія имѣли весьма ограниченное протяженіе, и вліяніе ихъ сказывалось весьма слабо при нѣкоторомъ отдаленіи отъ этихъ границъ, въ то время какъ Востокъ при крестовыхъ походахъ фактически обладалъ почти неограниченнымъ вліяніемъ на всю Западную Европу въ теченіе двухъ столѣтій.

Съ указанными ограниченіями мы можемъ остановиться прежде всего на тѣхъ важныхъ измѣненіяхъ въ образѣ жизни, которыя были перенесены изъ болѣе культурной экономической сферы въ другую, гораздо болѣе первобытную и простую, а вмѣстѣ съ тѣмъ произвели прочный переворотъ въ умственномъ строѣ соответствующихъ странъ. Крестовые походы были названы какъ въ этомъ, такъ и въ болѣе широкихъ отношеніяхъ образовательными экскурсіями на Востокъ. Необыкновенно большое число словъ, заимствованныхъ съ Востока, встрѣчающихся въ европейскихъ языкахъ, доказываетъ, какъ велико культурное достояніе, полученное Западомъ отъ магометанъ въ тѣ вѣка. Для примѣра приведемъ слѣдующія слова: Kattun (тенгецъ), Musselin (кисея), Damast (шелковая ткань), балдахинъ, софа, матрацъ, альковъ, графинъ, базаръ, баракъ, магазинъ, арсеналь, адмираль, амулетъ, элексиръ, douane (таможня), тарифъ и т. д.: въ романскихъ языкахъ такихъ словъ имѣется можно сказать, безчисленное множество. Въ частности крестовые походы сыграли роль первыхъ посредниковъ въ дѣлѣ ознакомленія Европы съ культурой сахарнаго тростника, съ которымъ громадное большинство крестоносцевъ познакомились впервые на сирійской почвѣ; отсюда же Европа стала получать сезамъ, рожки и шафранъ. Фисташки и лимоны, равно какъ и продуктъ послѣднихъ, освѣжительный лимональ, сохранили и понынѣ

свои арабскія названія; абрикосы назывались долгое время дамасскими сливами; мелкій лукъ шарлотъ получилъ свое названіе отъ города Аскалона (ascalonette, s'chalote). Арбузь, представляющій въ настоящее время одинъ изъ продуктовъ народнаго питанія въ Восточной Европѣ, тоже попалъ въ Европу, правда, не изъ Сиріи, но все же при посредствѣ крестовыхъ походовъ; арабское названіе его pastèque перекочевало во Францію, а греческое anguria въ Италію.

Изъ техническихъ растений, служащихъ для промышленныхъ цѣлей, хлопчатникъ носить въ романскихъ странахъ арабское названіе coton; хлопчатая бумага получила значительное распространеніе въ Европѣ только при посредствѣ сирійской торговли; вмѣстѣ съ тѣмъ изобрѣтенная арабами бумага, выдѣлывавшаяся изъ хлопка, вытѣснила неудобный для употребленія пергаментъ. Изъ другихъ тканей, употребляемыхъ для одежды, атласъ, а на пѣмецкомъ языкѣ также бархатъ (Sammet) носятъ если не арабскія, то византійскія названія, занесенныя въ Европу вмѣстѣ съ этими тканями въ эпоху крестовыхъ походовъ. Только въ эту эпоху европейцы научились цѣнить восточные ковры и вышитыя издѣлія и подражать этимъ восточнымъ образцамъ. Краски и красильныя вещества тоже ведутъ свое начало съ Востока. Французскія названія цвѣтовъ Carmoisin и lilas (темно-красный и сиреневый), — это арабскія слова, равно какъ и названіе „лазурь“ для голубого цвѣта, а также названія другихъ отбѣнковъ цвѣтовъ, употреблявшихся въ геральдикѣ, которая процвѣтала въ эпоху крестовыхъ походовъ. Благодаря расширившимся торговымъ сношеніямъ и необходимости приспособиться къ новымъ климатическимъ условіямъ въ Сиріи произошли рѣзкія перемѣны въ костюмѣ, вообще въ одеждѣ: это тоже подтверждается лингвистическими данными; такъ, напримеръ, камлотъ, кафтанъ, бурнусъ и даже старинное народное баварское Jorre (поддевка) — все это арабскія слова и арабскія принадлежности одежды. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми новыми предметами вооруженія и военными украшеніями (кожаный щитъ, цѣпочный панцырь, самострѣль). Европа заимствовала у извѣженнаго Востока также и туфли вмѣстѣ съ ихъ названіемъ. Изъ Востока и Византіи перешли въ Европу въ эпоху крестовыхъ походовъ самыя изящныя женскія моды, принадлежности туалета и косметическія средства, какъ, напримеръ, румяна. На Востокѣ европейцы усвоили стекляныя зеркала вмѣсто употреблявшихся металлическихъ полированныхъ пластинокъ. Оттуда же заимствованы паровыя бани. Соприкосновеніе съ бородатыми сынами Магомета привело къ такимъ рѣзкимъ вѣншимъ повнествамъ, какъ возобновеніе обычая носить бороду. Наибольшее и самое прочное вліяніе оказали болѣе близкія сношенія съ Востокомъ и возрастающее участіе европейцевъ въ его богатствахъ на кругъ предметовъ роскоши. Изъ домашняго распорядка и повседневной жизни владѣтельныхъ князей полный переворотъ въ домашней и общественной жизни распространился на рыцарство и духовенство, а вскорѣ также и на тотъ слой населенія, который извлекалъ для себя наибольшія выгоды изъ новаго денежнаго хозяйства, — бюргерство.

Тутъ слѣдовало бы сказать также нѣсколько словъ о техническихъ и промышленныхъ усовершенствованіяхъ, заимствованныхъ молодой европейской культурой у древней азіатской, о громадномъ прогрессѣ архитектуры, о болѣе скромныхъ церковныхъ и болѣе гордыхъ свѣтскихъ памятникахъ строительнаго искусства той великой эпохи, нѣмыми свидѣтелями которой остаются и по сію пору многочисленныя развалины, въ особенности громадныя развалины орденскихъ замковъ, открывшихъ новую эру въ фортификаціонномъ искусствѣ подъ сарацинско-византійскимъ вліяніемъ. Въ вопросѣ о происхожденіи готической архитектуры, вызвавшемъ такъ много споровъ, теперь складываются снова къ тому мнѣнію, что рядомъ съ неанскимъ и южно-итальянскимъ вліяніемъ ма-

вританскаго стиля съ ясно выраженнымъ уже въ немъ стрѣльчатымъ сводомъ надо придавать рѣшающее значеніе также и связямъ между Сиріей, Кипромъ и Южной Италіей. Если же мы перейдемъ отъ такихъ крупнѣйшихъ переворотовъ, отмѣчающихъ собою поворотные пункты не въ одной только исторіи искусства, къ мелкимъ и вѣшнимъ подробностямъ жизненной обстановки, то едва-ли кто повѣритъ, что такіе повсемѣстные обычаи, какъ иллюминаціи по случаю публичныхъ торжествъ, заимствованы у сарацинъ, какъ это было въ дѣйствительности. Даже церковная жизнь обогатилась нѣкоторыми такими позаимствованиями съ Востока; такъ, напримѣръ, повсемѣстное распространеніе четокъ въ XIII и XV столѣтіяхъ обязано своимъ происхожденіемъ восточному обычаю. Затѣмъ достойны замѣчанія многія отдѣльныя черты, о которыхъ мы узнаемъ изъ легендъ, какъ, напримѣръ, глубокое впечатлѣніе и таинственный ужасъ, которые охватывали европейцевъ на Востокѣ при видѣ такихъ диковинокъ, какъ обученныя говорящія птицы и т. п. Легенда и поэзія сохранили много подобныхъ чертъ восточнаго вліянія, которыми проникнуты не только поэзія романскихъ народовъ, но и средне-верхне-германскій героическій эпосъ, какъ то Орендель, король Ротеръ, Парсиваль. Лирическія стихотворенія Вальтера и дидактическая поэзія Фрейданка отражаютъ въ себѣ какъ нельзя болѣе ясно впечатлѣнія крестовыхъ походовъ. Какіе толчки получилъ духъ западно-европейской поэзіи отъ крестовыхъ походовъ и какое оживленіе эта эпоха внесла въ нее, объ этомъ уже было сказано выше (стр. 443). Однако все вѣшнія единичныя черты опять таки сводятся всегда въ этой области къ подобнымъ общимъ и внутреннимъ переворотамъ.

На гораздо менѣе твердую почву мы переходимъ, когда мы пытаемся объяснить вліяніемъ крестовыхъ походовъ не только подробности частной жизни и измѣненія въ этой области, приведшія постепенно къ полному перевороту въ идеяхъ, но и преобразование государственнаго строя, усиленіе монархической власти и расцвѣтъ бюргерства. Если мы, напримѣръ, сопоставимъ ростъ національной идеи съ прогрессомъ государственнаго единства, которое тѣсно связано съ нимъ, то станетъ очевиднымъ, что въ прежде всего относящихся сюда странахъ, какъ, напримѣръ, Франція, монархія обязана въ значительной мѣрѣ крестовымъ походамъ своимъ расцвѣтомъ и своимъ упроченіемъ; мы могли бы принести крестовымъ походамъ также и ту заслугу, что громадныя траты людьми разрѣдили главнымъ образомъ ряды феодальной аристократіи бывшей повсюду самымъ важнымъ препятствіемъ къ образованію сильной королевской власти, но съ другой стороны мы съ такимъ же правомъ должны признать преградой на пути къ укрѣпленію королевской власти обратное дѣйствіе усиленія и дальнѣйшаго развитія ленной системы въ государствахъ, основанныхъ крестоносцами, на представителяхъ того же сословія, оставшихся на родинѣ. Правда, этотъ феодализмъ, проявившійся съ наибольшимъ блескомъ въ Сиріи и разработанный тамъ самымъ хитроумнымъ образомъ до мельчайшихъ подробностей, самъ же подкормилъ подъ собой почву и довелъ себя до полнаго распаденія и гибели. Во всякомъ случаѣ въ этой области приходится прибѣгать довольно часто къ такимъ доказательствамъ, которыя могутъ быть опровергнуты безъ труда какъ разъ противоположными данными, а еще важнѣе то обстоятельство, что тутъ нельзя уклониться отъ упомянутой выше опасности смѣшать вѣшнее вліяніе съ явлениями внутренняго развитія. Мы вступаемъ здѣсь на слишкомъ скользкую почву. Удовольствуемся тѣмъ несомнѣннымъ выводомъ, что рыцарство, внутреннее содержаніе и вѣшнія формы котораго составляютъ наиболѣе выдающуюся характерную черту не только культуры, но и государственныхъ учрежденій въ особенности 13-го столѣтія, обязано крестовымъ походамъ и франкской Сиріи нѣкоторыми изъ самыхъ сильныхъ толчковъ къ его разви-

тлю и большею частью своихъ внѣшнихъ проявленій, равно какъ и своимъ быстрымъ разложеніемъ, идущимъ рука объ руку съ вымираніемъ рыцарскаго духа. О рыцарствѣ можно повторить въ данномъ случаѣ то же самое, что было сказано нами въ видѣ предварительнаго замѣчанія (стр.) о средне-вѣковомъ мірѣ идей вообще: крестовые походы довели его до высшей степени его развитія; но вмѣстѣ съ тѣмъ неудовлетворительный исходъ ихъ убивалъ всякій распускавшійся цвѣтокъ, гноилъ всякій плодъ, созрѣвавшій въ ихъ тепличномъ климатѣ. Сильнѣе всего замѣтно это саморазложеніе при посредствѣ вліянія крестовыхъ походовъ въ томъ учрежденіи, въ которомъ родилась идея крестовыхъ походовъ, которымъ она поддерживалась и развивалась съ наибольшей ясностью и считалась вѣнцомъ величайшаго средне-вѣковаго идейнаго зданія, въ папской церкви. Два столѣтія крестовыхъ походовъ совпадаютъ съ той эпохой, когда папство стояло во главѣ Западной Европы, когда оно выдержало ожесточенную борьбу, но вышло изъ нея побѣдителемъ и отстояло въ существеннѣйшихъ частяхъ притязанія григоріанской системы. Въ качествѣ руководительницы въ войскахъ за вѣру римская церковь достигла верха своего могущества и своего всемірнаго господства; она подчинила своему вліянію всѣ умы и стала пользоваться даже въ свѣтскихъ дѣлахъ такимъ вліяніемъ, какимъ она не обладала ни раньше, ни позже; взиманіе десятины на снаряженіе крестовыхъ походовъ (сравн. стр. 452 и 459) можетъ служить осязательнымъ доказательствомъ этого вліянія. Однако мы уже видѣли при первомъ обзорѣ впечатлѣнія, произведеннаго крестовыми походами на Западную Европу (стр. 442—443), почему слишкомъ напряженное участіе церкви въ идеѣ крестовыхъ походовъ должно было повлечь непосредственно за собою реакцію въ свѣтскую сторону.

Это вытекало уже изъ внутренней природы вещей, изъ необходимости пустить въ ходъ для достиженія этой цѣли чисто свѣтскія средства, а затѣмъ дѣло было довершено усиливающимся соприкосновеніемъ христіанъ съ исламомъ и его послѣдователями, о чемъ уже тоже было упомянуто. Уже въ XII столѣтіи это соприкосновеніе было довольно тѣснымъ до тѣхъ поръ, пока силы христіанъ и магометанъ оставались въ равновѣсіи. Въ XIII столѣтіи оно послужило источникомъ прочнаго вліянія болѣе высокой, несмотря на всѣ уже сдѣланныя у нея позаймствованія, культуры тѣмъ болѣе, что реальное соотношеніе силъ доказало ея матеріальное превосходство и что ея представители непрерывно суживали владѣнія сирійскихъ христіанъ. Въ концѣ концовъ дѣло дошло до того, что миссіонеръ Рикольдо да Монте Кроче ставилъ въ примѣръ своимъ собственнымъ единовѣрцамъ строгость нравовъ, нравственную чистоту, искреннее благочестіе, любознательность магометанъ, ихъ радушіе къ чужестранцамъ и миролюбіе въ собственной средѣ. Понятно, что не осталось и слѣда боевого пыла проповѣдниковъ крестовыхъ походовъ. Всякое ослабленіе религіозной вражды оказывало громадную услугу благосостоянію сирійскихъ христіанъ; на это мы уже указывали неоднократно. Однако, этотъ духъ терпимости сейчасъ же сталъ въ прямое противорѣчіе съ церковнымъ универсализмомъ; изъ этого противорѣчія выросло сомнѣніе въ правахъ единой церкви, которая стала тѣмъ болѣе уязвимыми, что отвѣтственность за неудачу крестовыхъ походовъ падала преимущественно на ихъ главную руководительницу — церковь, какъ, напримѣръ, въ роковые дни египетскаго похода, когда непреклонное „все или ничего“ папскаго делегата (стр. 465) загубило непоправимымъ образомъ самый блестящій успѣхъ, одержанный въ теченіе какого бы то ни было крестоваго похода. На почвѣ такихъ отдѣльныхъ фактовъ, изъ обобщенія вызванныхъ ими ассоціаціей идей выросли, вѣроятно, тѣ еретическія наклонности, которыя приписывались ордену храмовниковъ, хотя едва ли тутъ могла быть рѣчь объ организованной ереси. Безъ сомнѣнія, такіа ассоціаціи идей внесли свою долю въ усиливающуюся оппозицію противъ

католической системы, оппозицію, обнаружившуюся въ XIII столѣтіи, создавшую секты всякаго рода и давшую утвердиться навсегда еретическимъ движеніямъ въ Европѣ.

За предѣлами церкви устраненіе системы, подчинившей всякое душевное движеніе церковной идеѣ, вытѣснило мрачный аскетическій фанатизмъ и породило духъ здороваго интереса къ свѣтской жизни, рыцарство, культъ женщины, создало или вновь возродило послѣ долгаго сна поэзію и художественныя наслажденія (срав. стр. 445). Посреди крестовоснаго движенія, созданнаго церковью во имя духа благочестиваго сокрушенія, бѣгства отъ міра и смиреннаго покаянія, предъ крестоносцами раскрылись, уже благодаря расширенію ихъ кругозора, величіе, богатство и красота окружающаго насъ міра, о которыхъ они не имѣли до тѣхъ поръ никакого представленія, и паломникъ прошелъ черезъ равнины Юга и Востока, не послѣдовавши примѣру Тангейзера, который „закрывъ глаза, чтобы не видѣть окружающихъ его чудесъ“. На срединѣ этого перехода отъ самонстязующагося бѣгства отъ міра къ самому рѣшительному признанію мірской жизни стоитъ рыцарскій духъ, своеобразная смѣсь фанатическаго благочестія, фанатической храбрости, фанатической любви, сложившаяся изъ сочетанія пылкаго экстаза съ новымъ свѣтскимъ направленіемъ: всѣ эти черты рыцарскаго духа обязаны своимъ происхожденіемъ непосредственно вліяніямъ и впечатлѣніямъ, вынесеннымъ изъ крестовыхъ походовъ, какъ ихъ церковной руководящей идеѣ, такъ и ихъ культу Св. Дѣвы, состоявшему изъ смѣси энтузіазма и тонкой чувствительности, ихъ боевому пылу съ всевозрастающими свѣтскими побужденіями и, наконецъ, анакомству съ невѣдомымъ міромъ чудесъ. На почвѣ крестовыхъ походовъ рыцарство превратилось въ международную общественную форму періода расцвѣта средневѣковья съ характернымъ для него взаимнымъ обменомъ специальными учрежденіями, придворными обычаями и всею той своеобразной утонченной цивилизаціей, въ центрѣ которой стоятъ турниры, страсть къ стихотворству и неизвѣстный дотолѣ изящный культъ женщины. Недаромъ первый трубадуръ, графъ Гильомъ Пуату, оказывается вмѣстѣ съ тѣмъ первымъ извѣстнымъ намъ по имени иѣнцомъ крестовыхъ походовъ; наступила та эпоха, когда розовый скипетръ богини любви, Minne, сталъ господствовать какъ надъ поэзіей пылкихъ провансальцевъ, такъ и надъ произведеніями нѣмецкихъ рыцарей миннезэнгеровъ. Какъ поэзія миннезэнгеровъ, такъ и народный и искусственный эпосъ идутъ по слѣдамъ Востока (стр. 469).

Однако въ тѣхъ самихъ социальныхъ новообразованіяхъ, которыя были созданы крестовыми походами непосредственно на вполнѣ средневѣковой почвѣ въ видѣ высшей ступени созданной ею культуры, при чемъ политической институтъ министеріаловъ проникся духомъ новой аристократіи, выступаетъ съ особенной рѣзкостью характерный признакъ этой кульминаціонной и переходной эпохи, ея способность къ уничтоженію и разложенію своихъ собственныхъ продуктовъ. Съ неожиданной быстротой сошелъ обратно со сцены прекрасный міръ турнировъ, поэзіи и любви. Мы бы зашли слишкомъ далеко, если бы мы стали пытаться разслѣдовать въ подробностяхъ причины этого упадка: однако не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что изъ сферы дѣйствія крестовыхъ походовъ повѣяло рѣзкимъ холоднымъ вѣтромъ, который принесъ съ собой совершенно новыя умственные теченія и условія существованія и область мечтательную жизнь среднихъ вѣковъ, а вмѣстѣ съ ней и идеальную культуру рыцарства такимъ холодомъ, который сейчасъ же убилъ ихъ навсегда. Эти новыя, несравненно болѣе прочныя жизненныя условія западноевропейскаго міра, основы, на которыхъ онъ покоится понынѣ, были созданы экономическимъ движеніемъ крестовыхъ походовъ, выдвинувшимъ впередъ прежнія низшія сословія, ремесло, промышленность и торговлю, однимъ словомъ, бюргерство.

Когда Европа вступила въ періодъ крестовыхъ походовъ, она еще находилась подъ созвѣздіемъ сельско-хозяйственной культуры, такъ называемаго натурального хозяйства съ его разъединенными, самодовлѣющими, удовлетворяющими всѣ свои потребности безъ обмѣна сельскохозяйственными единицами; въ этомъ первобытномъ состояніи, незнающемъ ремесла и промышленности въ качествѣ свободныхъ спеціальныхъ профессій и почти не нуждающемся въ торговомъ обмѣнѣ, земельная собственность является единственнымъ орудіемъ власти, привилегированные землевладѣльцы, бароны и духовенство, единственными носителями культуры, а феодализмъ оказывается наиболѣе подходящей, если не единственно возможной государственной формой. Эта государственная форма была перенесена также и въ Сирію, но тамъ государственная жизнь покоилась на совершенно другихъ основаніяхъ, коренившихся въ болѣе зрѣлой культурѣ, и феодализмъ довелъ ее до гибели. Съ тѣмъ болѣе большимъ усиліемъ проложили себѣ путь въ Европѣ тѣ хозяйственныя формы, съ которыми европейцы столкнулись на этой древней культурной почвѣ. Нельзя сказать, что только крестовые походы познакомили Европу съ этими новыми хозяйственными формами: остатки древняго денежнаго хозяйства сохранились повсюду на Западѣ рядомъ съ первобытными формами варварской культуры, и переходъ отъ низшей хозяйственной ступени къ высшей совершился бы также въ силу естественнаго хода внутренняго развитія Европы; но усиленный торговый обмѣнъ, созданный крестовыми походами, ускорилъ въ необыкновенной степени ходъ этого развитія. При всевозрастающей потребности въ обмѣнѣ и выросшей въ неизмѣримыхъ размѣрахъ возможности ея удовлетворенія росло непрерывно значеніе движимаго имущества; сирійскія гавани были тѣмъ источникомъ, откуда шель главнымъ образомъ золотой потокъ, приносившій до того времени безденежной Западной Европѣ богатства и развившій новыя силы, творческій духъ и смѣлую предпримчивость, духъ городовъ и бюргерства (срав. томъ V, стр. 105—106).

Въ Италіи, т. е. той болѣе всѣхъ выигравшей странѣ, которая испытывала благодѣтельное вліяніе международнаго обмѣна еще до начала крестовыхъ походовъ въ собственномъ смыслѣ слова этотъ духъ проснулся раньше, чѣмъ въ другихъ странахъ, такъ какъ его питали источники, притекавшіе къ нему изъ Сиріи, благодаря оживленной торговой дѣятельности приморскихъ городовъ; Венеція и Генуя, въ рукахъ которыхъ сосредоточилась постепенно вся восточная торговля послѣ вытѣсненія всякаго соперничества со стороны другихъ итальянскихъ и французскихъ городовъ, были гордыми посетителями этого духа и стали вскорѣ его пионерами, перенесшими его въ страну германскихъ варваровъ по еще негостеприимнымъ въ то время альпійскимъ дорогамъ (срав. стр. 373 и сл.).

Этимъ нѣмецкимъ варварамъ предстояло дождаться вскорѣ золотыхъ дней Аугсбурга и Нюрнберга, Брюгге и Любека; измѣненіе направленія торговыхъ путей, въ эпоху крестовыхъ походовъ было необходимымъ предварительнымъ условіемъ для расцвѣта верхнегерманской торговли, а пути для морской торговли фландрскихъ городовъ и Ганзы тоже были намѣчены крестоносцами.

Такимъ образомъ мы возвращаемся къ исходной точкѣ всѣхъ нашихъ разсужденій, пространственному расширенію западно-европейскаго кругозора при посредствѣ крестовыхъ походовъ (стр. 410 и сл.), отъ котораго зависитъ по существу экономическое обогащеніе, духовный подъемъ, какъ политическій прогрессъ, такъ и социальныя приобрѣтенія. Начало крестоноснаго движенія совпадаетъ съ открытіемъ доступа изъ латинской, западной половины Средиземнаго моря въ греко-восточную; въ концѣ этого движенія политическій горизонтъ европейцевъ охватилъ всю Азію

на всемъ ея протяженіи до ея восточныхъ окраинъ; громадный прогрессъ заключался въ томъ, что тѣсный мірокъ Западной Европы рѣшительно средневѣковья раздвинулъ свои предѣлы и обнялъ весь земной шаръ. Уже первые крестоносцы научаются ориентироваться ощупью въ чуждой имъ области и стремятся раздвинуть еще дальше границы извѣстнаго имъ міра; уже въ военныхъ пѣсняхъ перваго крестоваго похода центръ вражескихъ силъ перемѣщается въ далекій Самаркандъ, а вскорѣ послѣ этого горизонтъ Западной Европы уже включаетъ въ себѣ благодаря оживленнымъ торговымъ сношеніямъ съ сирійскимъ побережьемъ крайніе предѣлы господства ислама; надо оговориться, что со стороны христіанъ сношенія эти оставались по преимуществу пассивными (стр. 439). Не существуетъ никакихъ доказательствъ, чтобы изъ факторій-государствъ, основанныхъ крестоносцами, предпринимались болѣе значительныя торговыя экспедиціи во Внутреннюю Азію, хотя бы только до Багдада или до Персидскаго залива; франкскіе купцы не рѣшались пускаться вглубь материка дальше Дамаска и Халеба, частью потому, что фанатизмъ мусульманъ усиливался по мѣрѣ углубленія на Востокъ, а во-вторыхъ потому, что многочисленныя таможенныя заставы уже сами по себѣ представляли стѣснительныя препятствія на пути такихъ торговыхъ экспедицій.

Тѣмъ сильнѣе былъ переворотъ, вызванный созданіемъ громаднаго монгольскаго государства, которому были чужды какъ эти внутреннія преграды для торговли, такъ и нетерпимость къ иновѣрцамъ. Выше уже была рѣчь о разнообразныхъ планахъ обращенія монголовъ въ христіанствѣ; а миссіонерскія экспедиціи ломбардскаго доминиканца Никола Анселіна (Асцелина), который былъ отправленъ на Востокъ въ 1245 г. папой Иннокентіемъ IV вмѣстѣ съ францисканцемъ Джіованни да Піано де Карпине (Піано Карпини), Андрея Лонжюмо, Вильгельма Рубруквиса ко двору великаго хана въ Каракорумъ къ югу отъ Байкальскаго озера, нынѣ Кара Багасунъ, были уже изложены во второмъ томѣ на стр. 88 и сл. Такимъ образомъ не только былъ проложенъ путь для многочисленныхъ продолжателей ихъ миссіонерскихъ трудовъ, но и открыты неизмѣримыя пространства для слѣдующей по ихъ пятамъ торговли. Эти торговыя сношенія были распространены и расширены братьями Николо и Марфео Поло отъ Константинополя до Пекина, резиденціи великаго хана Кублая, а во время второго путешествія, предпринятаго ими изъ Маяцко въ 1261 г. совместно съ сыномъ Николо Марко Поло, они были продолжены до Китая, въ которомъ Марко пробылъ 17 лѣтъ (отъ 1275 до 1292) въ качествѣ совѣтника, чиновника и посланника Кублая (между прочимъ, онъ участвовалъ въ посольствѣ въ Индію) и собралъ матеріалъ для самаго подробнаго описанія Дальняго Востока; это описаніе послужило впоследствии важнымъ стимуломъ къ путешествіямъ Колумба (т. I, стр. 346). Такимъ образомъ географическій горизонтъ крестовыхъ походовъ подготовилъ вѣкъ открытій. Непосредственной же ближайшей исходной точкой этого послѣдняго было закрытіе средневѣковыхъ путей сообщенія (срав. т. III, стр. 359).

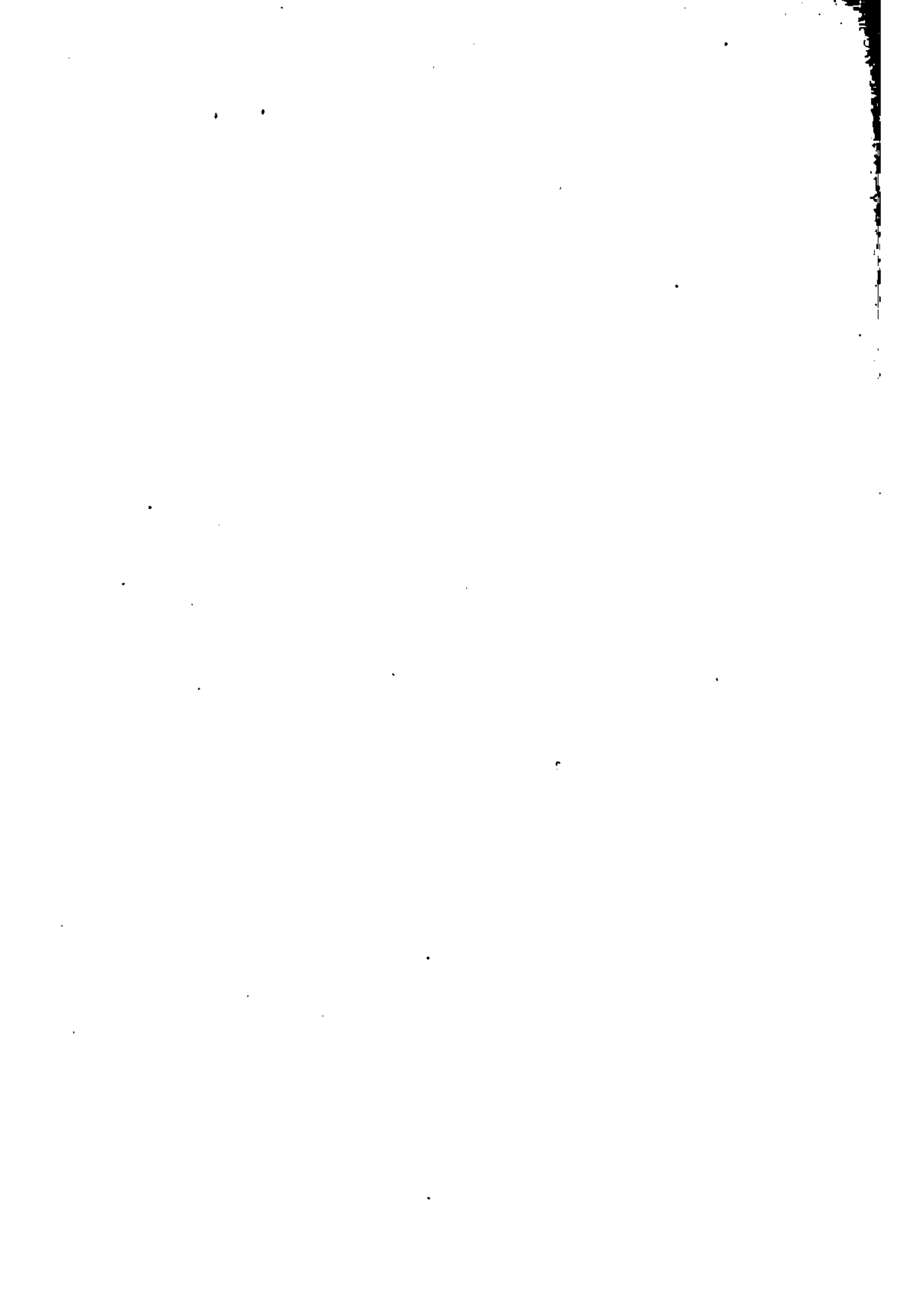
Слѣдуетъ ли намъ высказаться кромѣ расширенія географическихъ познаній также и объ общемъ умственномъ прогрессѣ? Вліяніе арабской науки на христіанскую достаточно извѣстно; однако необычайно трудно установить въ данномъ случаѣ, какъ распредѣлялись эти отношенія по различнымъ сопредѣльнымъ областямъ между обѣими культурами. Достаточно будетъ напомнить о томъ, какое громадное значеніе имѣло посредничество арабовъ въ дѣлѣ возрожденія научнаго интереса къ классической древности на Западѣ и какую роль при этомъ играла Византія, тѣсное соприкосновеніе съ которой тоже было вызвано крестовыми походами.

Какъ въ церковномъ, такъ и въ политическомъ, какъ въ социальномъ, такъ и въ экономическомъ, какъ въ пространственномъ, такъ и въ духов-

номъ отношеніяхъ послѣдовательное вліяніе крестовыхъ походовъ разрушило средневѣковый строй послѣ того, какъ самые крестовые походы довели его до наивысшаго расцвѣта. Это самоуничтоженіе средневѣковаго строя въ эпоху крестовыхъ походовъ отзывается прежде всего на той участи которую испытала основная идея крестовыхъ походовъ въ своемъ классическомъ центрѣ, тамъ, гдѣ она выполнялась на дѣлѣ. Въ свое время стремленіе человѣчества къ спасенію души удовлетворялось только физической близостью къ св. мѣстамъ. Теперь же условія, при которыхъ дослѣдовало это физическое соприкосновеніе, выдвинули впередъ утонченное духовное отношеніе къ вѣрѣ, устраненіе всякой потребности въ осязательныхъ внѣшнихъ символахъ. Говоря языкомъ Гегеля, христіане получили по поводу Гроба Господня такой же отвѣтъ, какъ ученики, искавшіе тѣла Господня: „Зачѣмъ вы ищите живого между мертвыми? Его нѣтъ здѣсь; онъ воскресъ изъ мертвыхъ“. Исконнаго начала своей религіи вы должны искать не въ чувственныхъ воспріятіяхъ, не въ гробу среди мертвыхъ, а въ живомъ духѣ среди васъ. Таковъ абсолютный результатъ крестовыхъ походовъ. У Гроба Господня Западъ навсегда распрощался съ Востокомъ. Съ этого времени начинается довѣріе къ своимъ собственнымъ силамъ и самостоятельность“. Начиналась новая эра, у входа въ которую стоитъ „Vita nuova“ Данте, а у выхода изъ которой „Freiheit eines Christenmenschen“ („Свобода человѣка христіанина“) Лютера“.

Х. Германскій сѣверъ.

Соч. доктора Ганса Шьета.

1. Предварительныя общія замѣчанія.

А. Устройство поверхности Скандинавіи.

Европейскій Сѣверъ, или Скандинавія, обнимаетъ Данію и Скандинавскій полуостровъ (Норвегію и Швецію), къ которому примыкаютъ по своимъ физическимъ свойствамъ также полуострова Финляндія и Кола. Къ числу сѣверо-германскихъ странъ принадлежитъ также заселенный первоначально выходцами изъ Норвегіи о. Исландія. Скандинавія составляетъ сѣверо-западную часть европейскаго материка, но благодаря тому, что она окружена почти со всѣхъ сторонъ моремъ, а также теплomu атлантическому теченію, она отличается относительно мягкимъ климатомъ сравнительно съ своей высокой широтой; благодаря этому обстоятельству Скандинавскій полуостровъ, часть котораго представляетъ собою полярную область, оказывается въ общемъ наиболѣе щедро одаренной природою страной изъ всѣхъ находящихся подъ столь высокой сѣверной широтой. Однако, климатъ далеко не одинаковъ во всѣхъ частяхъ европейскаго Сѣвера. Онъ мѣняется въ зависимости отъ высоты надъ уровнемъ моря и разстоянія отъ морскаго берега: Данія и западная Норвегія отличаются береговымъ климатомъ въ то время, какъ въ восточной Норвегіи и Швеціи господствуетъ континентальный климатъ.

Данія, составляющая въ физическомъ отношеніи часть средне-европейской низменности, глубоко изрѣзана моремъ и состоитъ изъ двухъ естественныхъ главныхъ частей, полуострова Ютландіи (Jylland) и острововъ. Западная и средняя Ютландія бѣдно одарены природою; почва, вообще говоря, не отличается производительностью; отдѣленный дюнами отъ Сѣвернаго моря западный берегъ страдаетъ отсутствіемъ гаваней и является страшнымъ для моряковъ. Напротивъ того, Восточная Ютландія и Датскіе острова отличаются большимъ плодородіемъ и богато орошены мелкими озерами и ручейками. Кромѣ того, въ фіордахъ и заливахъ, образуемыхъ здѣсь во множествѣ моремъ, попадаются хорошія гавани. Въ старину Данія была покрыта обширными лѣсами, но теперь она бѣдна лѣсомъ; почва этой страны пригодна для земледѣлія и скотоводства. Къ тому же море, окружающее датчанъ со всѣхъ сторонъ, всегда снабжало ихъ обильными запасами пищи и превратило ихъ въ искусныхъ мореходовъ.

Скандинавскій полуостровъ представляетъ собою сплошную горную массу. На западѣ, тамъ, гдѣ эта масса достигаетъ большой высоты (Гальдгеншгенъ — 2,560 мет.), она поднимается довольно крутыми склонами со дна Атлантическаго океана и опускается постепенно къ Скагерраку, Каттегату и Балтійскому морю, переходя въ Южной Швеціи въ низменность, составляющую переходъ къ датскимъ островамъ. Норвегія, какъ западная часть полуострова, составляетъ болѣе рѣзко выраженную горную страну, чѣмъ Швеція. Сѣверо-европейская горная масса состоитъ по большей части изъ основныхъ кристаллическихъ породъ и древнѣйшихъ, самыхъ твердыхъ и трудно вывѣтриваемыхъ сланцевъ; поэтому она по-

крыта по ббльшей части тонкимъ мало-плодороднымъ слоемъ почвы. Болѣе удобна для обработки Южная Швеція, въ которой выступаютъ на поверхность болѣе молодыя и болѣе рыхлыя горныя породы. Онѣ образуютъ обширныя плоскія возвышенности, находящіяся на различной высотѣ надъ уровнемъ моря и увѣнчивающіяся остроконечными скалами и куполовидными горами, и отдѣляются другъ отъ друга расщелинами и котловинами. Наибольшей величественностью отличаются эти горныя новообразованія на западной сторонѣ. Море проникало въ эти глубокія расщелины и превратило ихъ въ длинныя, узкіе и ограниченныя крутыми скалами фіорды (см. прил. карту „Швеція и Норвегія“). Со скалъ, прежде покрытыхъ лѣсомъ, а теперь по большей части голыхъ, падаютъ нерѣдко въ видѣ великолѣпныхъ водопадовъ ручьи, вытекающіе отчасти изъ большихъ покрывающихъ горныя вершины ледниковъ. Пахатной земли имѣется мало, зато много пастбищъ, и скотоводство, въ особенности овцеводство, составляетъ важный источникъ дохода; но самымъ важнымъ является для жителей Скандинавскаго полуострова море, которое доставляло имъ пропитаніе съ самыхъ давнихъ временъ. Морское судно составляетъ здѣсь самое естественное и самое удобное средство для сношеній, и безчисленное множество болѣе крупныхъ и болѣе мелкихъ острововъ, тянувшихся вдоль берега, даютъ моряку удобныя гавани для стоянки и безопасный фарватеръ. Во внутреннихъ частяхъ полуострова, тамъ, гдѣ горная масса спускается внизъ пологимъ скатомъ, горныя расщелины образуютъ длинныя широкия долины, мало по малу переходящія въ равнины.

Долины до сихъ поръ еще покрыты густымъ лѣсомъ и прорѣзываются богатыми рыбой рѣками. Есть также много озеръ; въ Норвегіи и Сѣверной Швеціи эти озера сохраняютъ удлинненную форму долинъ, въ то время какъ въ Средней и Южной Швеціи они имѣютъ болѣе широкую и круглую форму. Скотоводство, земледѣліе и эксплуатація лѣса были издревле основами человѣческаго существованія на Скандинавскомъ полуостровѣ. Не лишено значенія также и горнодѣліе, такъ какъ Скандинавскій полуостровъ богатъ полезными металлами и минералами, а въ лѣсахъ живутъ различныя дикія животныя, составляющія выгодный предметъ для охоты.

Финляндія, восточное продолженіе сѣверно-европейской горной массы, составляетъ низкую плоскую возвышенность, покрытую лѣсами и безчисленнымъ множествомъ озеръ и болотъ; поэтому финны называютъ свою родину „Суоми“, т. е. страной болотъ. Она обладаетъ низкими плоскими берегами съ западной стороны, гористыми съ южной; всѣ ея берега окружены шхерами, а на юго-западѣ Аландскіе острова служатъ естественнымъ мостомъ, соединяющимъ эту страну со Швеціей. Самое важное богатство Финляндіи составляютъ ея лѣса; впрочемъ земледѣліе и скотоводство тоже имѣютъ существенное значеніе. Напротивъ того, металлами эта страна небогата.

Островъ Исландія, расположенный въ сѣверной части Атлантическаго океана между Норвегіей и Америкой, составляетъ вулканическую горную массу, голыя вершины которой поднимаются надъ слоями вулканическаго пепла и лавы; большіе ледники и потоки лавы покрываютъ значительныя пространства во внутренней части острова и дѣлаютъ ее необитаемой. И теперь еще происходятъ нерѣдко вулканическія изверженія, и островъ богатъ горячими источниками. Сѣверные и западные берега его изрѣзаны многочисленными фіордами, раздѣляющими ихъ на множество полуострововъ и острововъ. Климатъ Исландіи зимой относительно мягкій, а лѣтомъ суровый и бурный, поэтому хлѣбъ рѣдко вызрѣваетъ, а лѣсовъ нѣтъ; зато имѣются хорошія пастбища. Скотоводство, овцеводство и рыболовство составляютъ самые важные источники дохода жителей Исландіи.

ШВЕЦИЯ и НОРВЕГИЯ.

Масштаб 1:3000000

Составлено по материалам: Швед. Генштаба, Норв. Генштаба, Гидрографического Бюро, Гидрографического Бюро, Гидрографического Бюро.

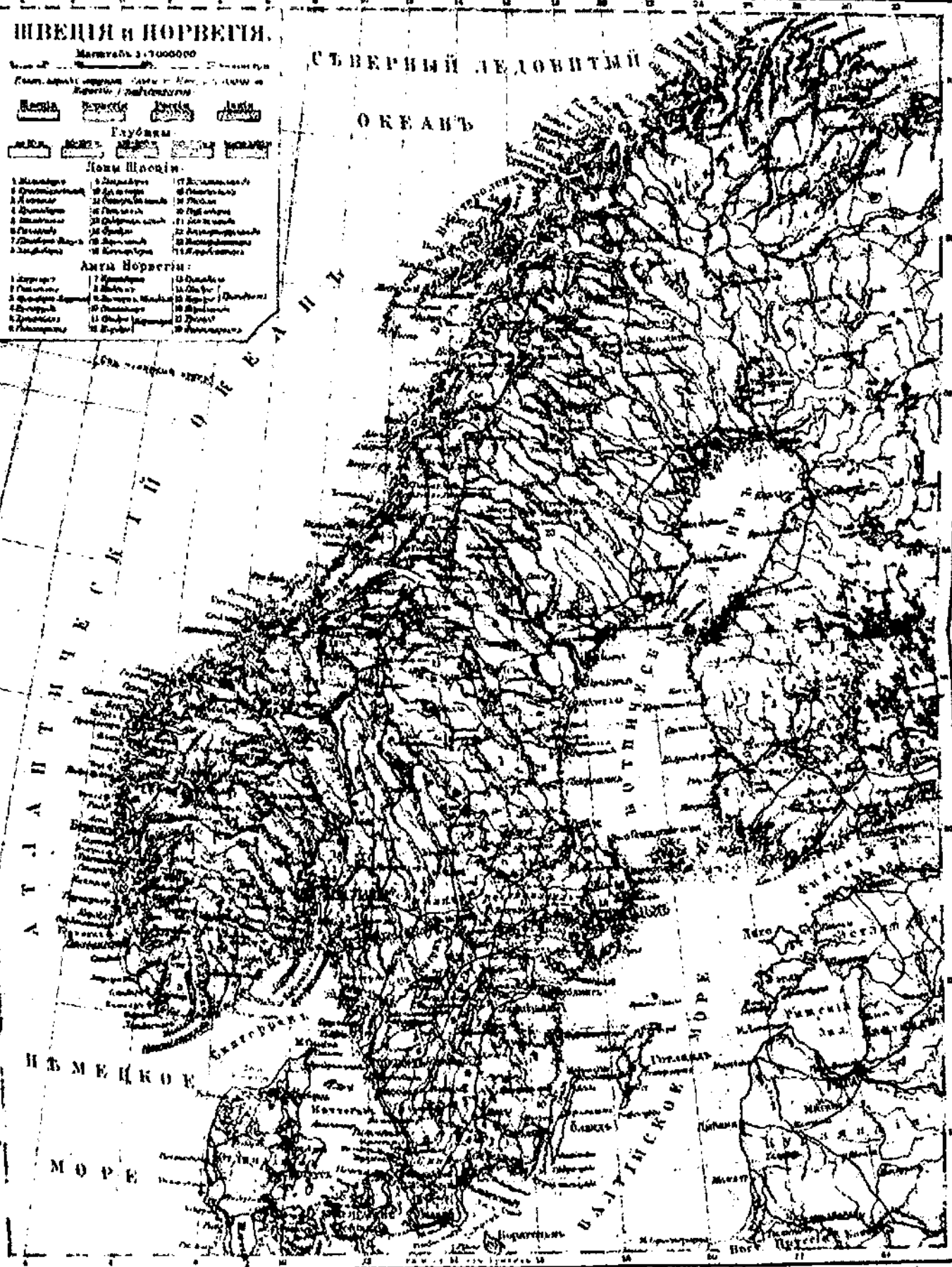
Линии: **Грани**, **Контур**, **Горы**, **Линии**

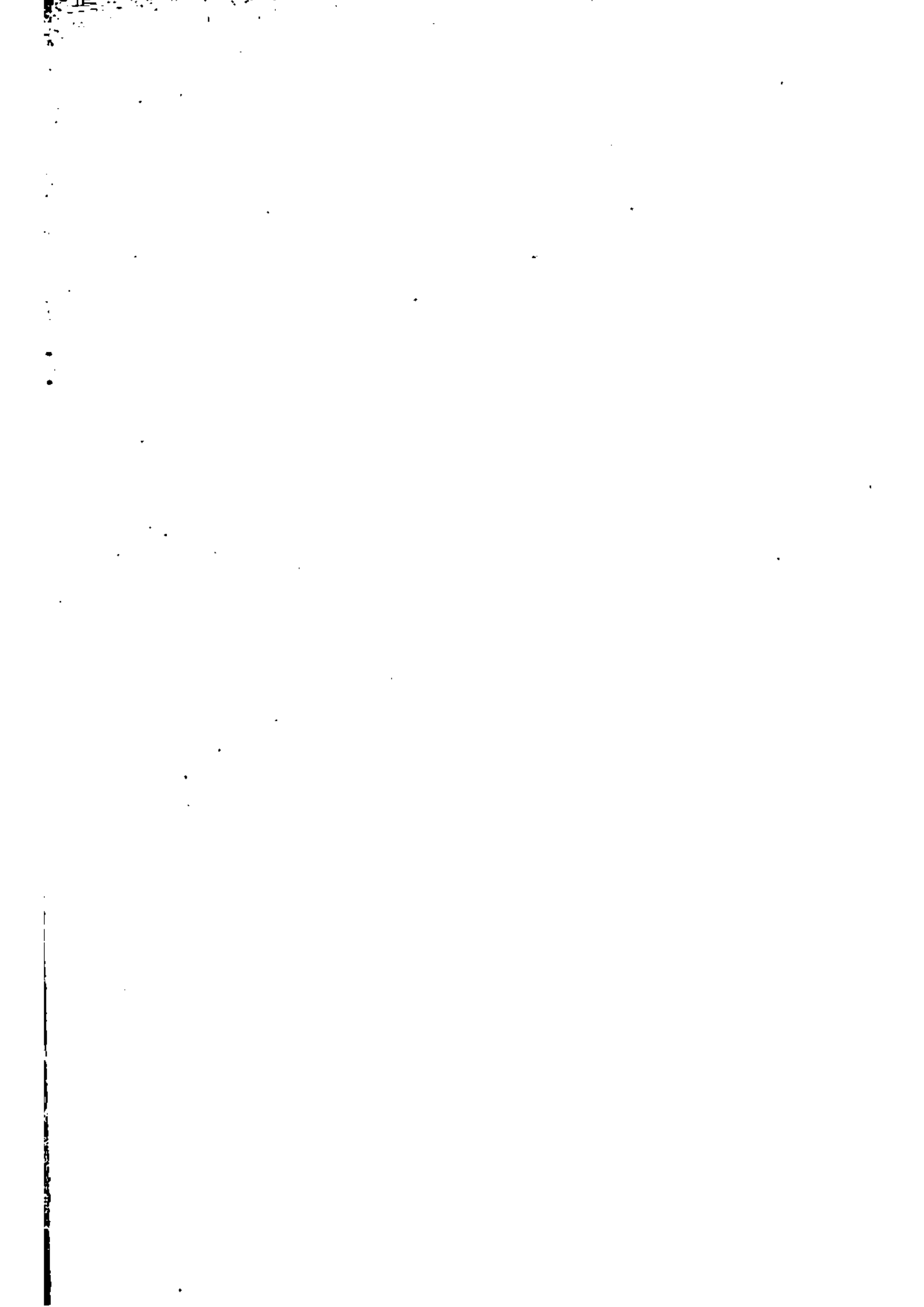
Глубины: **1000**, **2000**, **3000**, **4000**, **5000**

- Наименования:**
1. Швеция	2. Норвегия	3. Финляндия
4. Дания	5. Польша	6. Эстония
7. Латвия	8. Литва	9. Беларусь
10. Украина	11. Россия	12. Германия
13. Франция	14. Великобритания	15. Ирландия
16. Швеция	17. Норвегия	18. Финляндия
19. Дания	20. Польша	21. Эстония
22. Латвия	23. Литва	24. Беларусь
25. Украина	26. Россия	27. Германия
28. Франция	29. Великобритания	30. Ирландия

- Азбука Норвегии:**
1. А	2. Б	3. В
4. Г	5. Д	6. Е
7. Ж	8. З	9. И
10. К	11. Л	12. М
13. Н	14. О	15. П
16. Р	17. С	18. Т
19. У	20. Ф	21. Х
22. Ц	23. Ч	24. Ш
25. Щ	26. Ъ	27. Ы
28. Ь	29. Э	30. Ю
31. Я	32. Звук	33. Знак

СЪВЕРНЫЙ ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАНЪ

Б. Древнѣйшій періодъ.

Мы не знаемъ, къ какому племени принадлежали древнѣйшіе обитатели Сѣверной Европы или Скандинавіи. По тѣмъ слѣдамъ, которые они оставили по себѣ, мы видимъ, что они стояли на низкой ступени культуры. Они не были знакомы съ металлами и изготовляли свое оружіе и свою домашнюю утварь изъ камня, кости, рога и дерева. Въ теченіе этого каменнаго вѣка Скандинавскій полуостровъ былъ покрытъ первобытными лѣсами, и населеніе, питавшееся продуктами охоты и рыбной ловли, жило около рѣкъ и озеръ или же по берегамъ моря, доставлявшаго прибрежнымъ жителямъ обильное пропитаніе. Мало-по-малу они стали выкорчевывать лѣса, заниматься скотоводствомъ и земледѣліемъ; они строили также и суда и вступали въ сношенія со своими южными сосѣдями, отъ которыхъ они научились искусству обработки металловъ. Первый металлъ, съ которымъ они познакомились, это была мѣдь или, вѣрнѣе говоря, сплавъ мѣди и олова, бронза, которую они получали въ обмѣнъ на янтарь. Культура этого бронзоваго вѣка достигла на сѣверѣ весьма высокаго развитія; объ этомъ свидѣлствуютъ сохранившееся оружіе и украшенія. Къ этому же вѣку принадлежатъ грубые рисунки, вырѣзанные на отвѣсныхъ скалахъ и на камняхъ, встрѣчающіеся въ Южной Норвегіи и Швеціи и дающіе важныя свѣдѣнія о тогдашней жизни (стр. 9 и 11). Письменныхъ памятниковъ этотъ вѣкъ не оставилъ по себѣ такъ же, какъ и каменный; не зная языка тогдашнихъ обитателей Скандинавскаго полуострова, мы не можемъ опредѣлить и ихъ національности. Археологи того мнѣнія, что, начиная отъ каменнаго вѣка, Скандинавскій полуостровъ былъ населенъ однимъ и тѣмъ же племенемъ.

Въ теченіе послѣднихъ столѣтій до Р. Х. сѣверныя страны Европы познакомились съ желѣзомъ. Относительно этой эпохи мы узнаемъ отъ древне-римскихъ писателей (Плинія, Тацита, послѣдній изъ которыхъ называетъ шведовъ „Suiones“ и др.), что обитатели сѣверныхъ странъ желѣзнаго вѣка были германцами; Скандинавія получила свое названіе отъ извѣстнаго римлянамъ „острова“ Скандіи или Скандинавіи (вѣрнѣе — Скандинавія: „Skani-eu, Skaane, Schonen). Изъ древнѣйшихъ памятниковъ языка, оставленныхъ намъ жителями европейскаго Сѣвера, мы видимъ также, что даже около 500 года послѣ Р. Х. на всемъ Сѣверѣ Европы говорили на одномъ и томъ же древненорманнскомъ языкѣ и что этотъ языкъ былъ довольно близокъ къ готскому и нѣмецкому. Письмо, которымъ пользовались жители Сѣвера, состояло изъ рунъ, видоизмѣненныхъ буквъ латинскаго и греческаго алфавита, заимствованныхъ ими у южныхъ германцевъ. Итакъ, необходимо допустить, что сѣверныя страны были населены однимъ изъ германскихъ племенъ, по крайней мѣрѣ, начиная съ послѣднихъ столѣтій до Р. Х. Это племя распространилось съ юга на сѣверъ. Сначала были заселены Ютландія и Датскіе острова; затѣмъ жители европейскаго Сѣвера заняли Южную Швецію и Норвегію и проникли оттуда постепенно до Ледовитаго океана, гдѣ они столкнулись съ угрскими народами, лопарями, которые бродили уже тогда на крайнемъ сѣверѣ Европы.

Болѣе надежныя свѣдѣнія о социальныхъ и политическихъ условіяхъ, господствовавшихъ на сѣверѣ Европы, мы приобретаемъ только начиная съ IV столѣтія послѣ Р. Х.; этими свѣдѣніями мы обязаны франкскимъ, англо-саксонскимъ и ирландскимъ лѣтописцамъ. Только въ XII столѣтіи норманны начинаютъ сами записывать свою исторію; свое представленіе о болѣе древнихъ вѣкахъ они заимствовали изъ устнаго преданія. Социальныя условія, господствовавшія въ то время на сѣверѣ Европы, были такія же, какъ у южныхъ германцевъ (стр. 31) въ эпоху переселенія народовъ. Народъ состоялъ изъ свободныхъ и несвободныхъ людей. Свободные состояли только изъ одного сословія крестьянъ, обладавшихъ оди-

наковыми правами и обязанностями. Однако отдѣльные лица, выдававшіяся по своему происхожденію, личной доблести или богатству, пользовались большимъ вѣсомъ и вліяніемъ; уже въ раннюю эпоху такимъ образомъ образовалось преимущественно въ Норвегіи знатное сословіе. Земля еще обрабатывалась мало, и хотя норманны занимались сельскимъ хозяйствомъ, все же болѣе важными источниками дохода оставались скотоводство, охота, рыбная ловля и торговля. Въ Даніи и Швеціи крестьяне жили по большей части цѣлыми деревнями, а въ Норвегіи, въ которой природныя условія страны препятствовали этому, разбросанными хуторами, какъ и нынѣ. Крестьянскій дворъ по правилу переходилъ по наследству къ одному изъ сыновей, остальнымъ приходилось добывать себѣ пропитаніе на заново расчищенной нови; однако облѣненные сыновья предпочитали искать счастья на морѣ и становились нерѣдко морскими разбойниками или викингамъ, какъ ихъ называли по той причинѣ, что они обыкновенно поджидали купеческія суда изъ засады въ бухтахъ (vik). Море было въ ту эпоху самымъ важнымъ торговымъ путемъ въ тѣхъ странахъ, природныя условія которыхъ затрудняли до крайности сухопутныя сношенія. Поэтому жители сѣвера рано свыклись съ моремъ: они стали искусными кораблестроителями и смѣлыми мореплавателями (см. фиг. 1 и 2 на прил. табл.). Такимъ образомъ установились уже въ раннія времена весьма оживленныя сношенія между Сѣверомъ и другими странами.

Жители Сѣвера обладали сильно развитымъ чувствомъ независимости. Быть своимъ собственнымъ господиномъ, — это высшее стремленіе древняго жителя Скандинавіи. Смѣлливость и умъ были у нихъ въ почетѣ; они не стѣснялись также прибѣгать къ хитрости, отличались быстрой сообразительностью, не лазили за словомъ въ карманъ и обладали весьма развитымъ поэтическимъ чутьемъ; но выше всего они ставили силу, твердость духа и храбрость, и ихъ завѣтнымъ стремленіемъ была война: они воевали часто ради самой войны, и ихъ боевой пылъ переходилъ нерѣдко въ настоящее бѣшенство. Ихъ нравы тоже были дики и грубы: когда они приходили въ гнѣвъ, то они оказывались нерѣдко жестокими мстителями, непримиримыми и ненасытными въ своей жадности, но въ обыкновенныхъ случаяхъ они вели себя по отношенію къ врагу честно и открыто и обладали въ высокой степени рыцарскими качествами, чувствомъ чести и вѣрностью. Извѣстно ихъ боевое побратимство, которое заключалось такимъ образомъ, что побратимы смѣшивали свою кровь и клялись другъ предъ другомъ навѣки дѣлить между собою счастье и горе. Они любили семейную жизнь; дома мужъ совѣтовался о своихъ дѣлахъ съ хозяйкой; женщины занимали вообще свободное положеніе, пользовались большимъ уваженіемъ и даже принимали участіе въ общественныхъ собраніяхъ и попойкахъ мужчинъ.

Мифологія норманновъ была первоначально общимъ достояніемъ всѣхъ германцевъ, но на Сѣверѣ, подъ вліяніемъ природы и народной жизни, она получила свое самостоятельное развитіе. Мы знаемъ эту мифологію по древненорвежскимъ былинамъ и сагамъ (Старшей и Младшей Эддамъ; стр. 536), которыя, впрочемъ, были собраны на о. Исландіи и записаны только въ XIII столѣтіи; слѣдовательно, ихъ первоначальная форма осталась намъ неизвѣстной. Нѣкоторые изъ новѣйшихъ изслѣдователей высказываютъ такое мнѣніе, что мифы,лагаемые въ Эддахъ, возникли только въ норманнскую эпоху подъ вліяніемъ народовъ, обратившихся въ христіанство, и передаютъ не религіозныя представленія мирнаго населенія древнѣйшаго періода, а только взгляды викинговъ, для которыхъ боевая жизнь была высшей цѣлью всѣхъ ихъ стремленій.

Согласно Эддамъ боги „Асы“, живутъ въ Асгардѣ, въ центрѣ мірозданія. Изъ этого замка идетъ дорога подъ названіемъ „Бифрестъ“ (радуга) въ Митгардъ, въ которомъ живутъ люди; на сѣверѣ лежитъ холодный

Ютунгеймъ, т. е. жилище (heim) великановъ (jotnen), которые живутъ въ вѣчной враждѣ съ богами. Высшимъ богомъ считается Одинъ; жилищемъ служить ему Гладгеймъ съ залой Валгаллой, въ которой собираются для веселаго пира эйнгерин, т. е. павшіе въ битвѣ: этимъ героямъ подносятъ медь валькириин, дѣвы Одина. Ти былъ богомъ войны; Торъ — богомъ грома, Балдеръ — богомъ чистоты и невинности; Браге — богомъ поэзій; Геймдаль — привратникомъ Азовъ; Ньордъ и Фрей — богами плодородія и мирнаго труда. Изъ богинь назовемъ Фригу, супругу Одина и богиню брака; Фрейю — богиню любви, и Идуну, яблоки которой даютъ богамъ вѣчную юность. Боги воюютъ безпрестанно съ великанами. Злодѣй Локки убилъ невиннаго Балдера. Послѣ этого міръ преисполнился насиліемъ и злодѣянствами; онъ приближается къ своей гибели и будетъ разрушенъ во время Рагнарока, т. е. послѣдней великой борьбы между богами и великанами. Но послѣ того возродится новый и болѣе прекрасный міръ, въ которомъ будетъ господствовать добро.

Боги чтились посредствомъ жертвъ (Blot), приносившихся либо подъ открытымъ небомъ въ священныхъ рощахъ и подлѣ священныхъ источниковъ или въ храмахъ (hov). Самыми важными мѣстами для жертвоприношеній были въ древнѣйшую эпоху Лейре недалеко отъ Роскильде на о. Зеландіи, Уисала въ Швеціи, Меренъ и Скирингсзаль въ Норвегіи. Не существовало никакого спеціальнаго жреческаго сословія; каждый приносилъ жертву за себя и за свою семью, а за весь народъ приносили жертвы король или глава племени, въ качествѣ жреца носившій названіе „Gode“.

Жители Сѣвера распадались на нѣсколько главныхъ племенъ: въ Дании и Шоненѣ жили датчане (даны), въ Южной Швеціи вокругъ большихъ озеръ Венерна и Веттерна геты (стр. 37), отдѣлявшіеся густыми лѣсами отъ жившихъ въ Средней Швеціи свеевъ; а въ Норвегіи жили норвежцы.

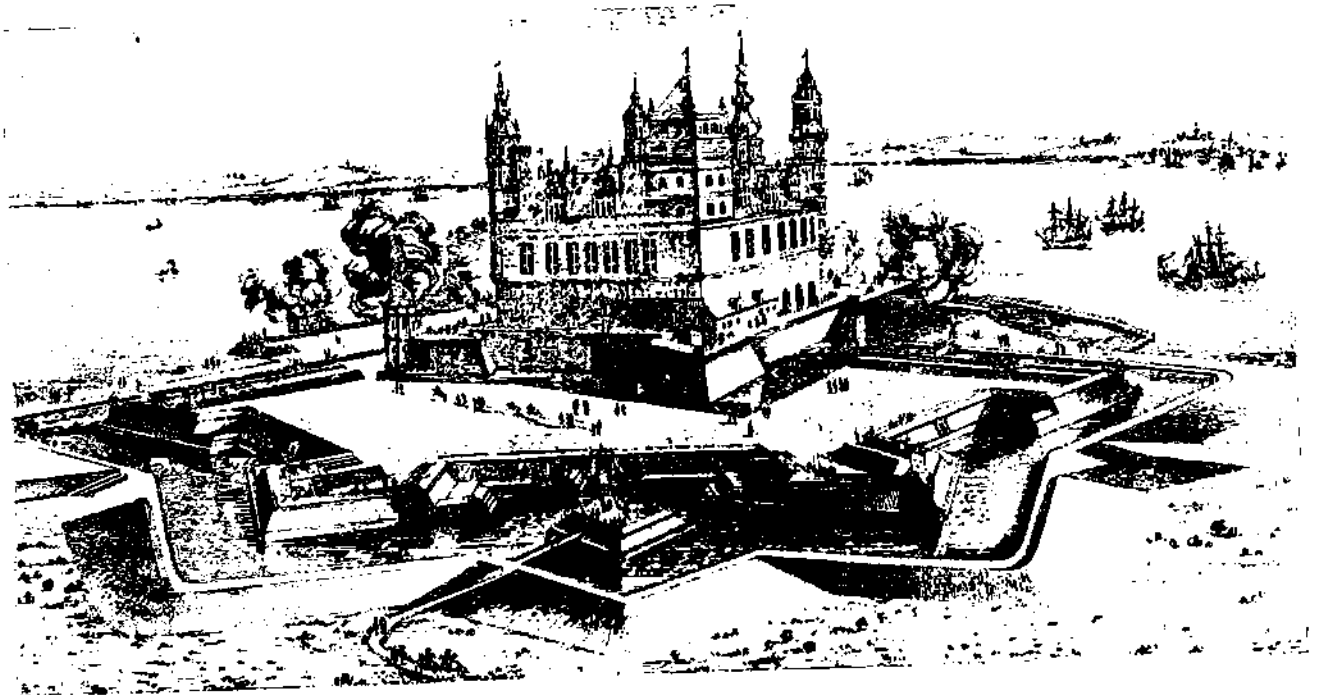
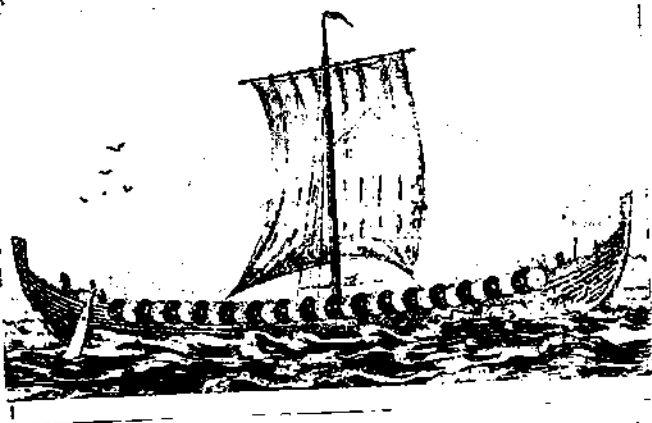
Эти племена распадались на болѣе мелкія дѣленія, „народы“, каждый изъ которыхъ составлялъ самостоятельную политическую единицу. Территорія одного народа называлась у датчанъ и у гетовъ land, страной, у свеевъ folkland, а въ Норвегіи fylke. Такая территория состояла изъ нѣсколькихъ сотенъ (hord, herged), принадлежавшихъ отдѣльнымъ родамъ, составлявшимъ первоначальную социальную основу. Во главѣ гарда стоялъ herse; онъ предсѣдательствовалъ въ собраніи сотни (Herreds-Ting), въ которомъ крестьяне издавали для себя законы, принимали рѣшенія и разрѣшали тяжбы. Каждый народъ имѣлъ также свое общее собраніе (Fylkes-Ting), на которомъ разрѣшались вопросы, касающіеся всей области, занятой народомъ; предсѣдательствовалъ на такомъ собраніи одинъ изъ главъ варей, въ Швеціи „лагманъ“. Если принималось рѣшеніе начать войну, то крестьяне выбирали себѣ военачальника: изъ этой должности военачальника развилась постепенно королевская власть. Король (Konungr) былъ первоначально предводителемъ отряда воиновъ-охотниковъ, поклявшихся ему въ вѣрности. Съ этой дружиной (Drott, Hird) онъ предпринималъ походы въ погоню за славой и богатствомъ. Если ему везло, то его престижъ поднимался какъ въ глазахъ его дружины, такъ и на роднѣ; онъ становился королемъ всей территории, принадлежавшей народу. Обыкновенно его санъ переходилъ по наследству къ его сыновьямъ. Такимъ образомъ возникли королевскіе роды. Власть короля распространялась первоначально на весьма незначительную территорию, но честолюбивые короли не ограничивались областью одного народа, а расширяли свои владѣнія посредствомъ силы или другимъ путемъ. Въ Дании и Швеціи такія явленія ведутъ свое начало отъ очень древняго періода. Тѣмъ не менѣе мѣстное самоуправленіе сохранилось; власть короля ограничивалась тѣмъ, что онъ былъ предводителемъ на войнѣ, защищалъ свои владѣнія, охранялъ законъ и правосудіе и приносилъ богамъ жертвы отъ имени своего

народа. Когда были основаны Датское и Шведское королевства, этого мы не знаемъ. По сагамъ Датское королевство, столицей котораго былъ Леире, было основано Скьольдомъ, сыномъ Одина, почему древніе датскіе короли назывались также скьольдунгами. Основателемъ Шведскаго королевства былъ по преданію Ингве-Фрей, родоначальникъ рода Инглинговъ. Мелкія королевства удержались дольше всего въ Норвегіи; только къ концу IX вѣка „народы“ объединились и здѣсь въ одно государство.

2. Походы норманновъ.

До IX столѣтія послѣ Р. Хр. въ Южной и Западной Европѣ не знали ничего или почти ничего о сѣверныхъ народахъ, но около 800 года жители Сѣвера, которымъ стало тѣсно на родинѣ, стали нападать на западно-европейскія страны (срав. т. VIII, стр. 712); вскорѣ всѣ моря покрылись ихъ флотами (см. фиг. 3 прил. таб. „Германскій Сѣверъ въ эпоху викинговъ“), и почти ни одно изъ побережьевъ Европы не избавилось отъ ихъ опустошеній. Жителей Сѣвера гнала изъ родины прежде всего нужда: дурно обработанная почва не могла прокормить возростающаго населенія, которому приходилось изыскивать другіе источники пропитанія; поэтому походы викинговъ вначалѣ были, собственно говоря, только профессиональнымъ морскимъ разбоемъ. Все же перенаселеніе не было единственной побудительной причиной этихъ походовъ. По житейскимъ взглядамъ и религіознымъ представленіямъ жителей Сѣвера считалось болѣе почетнымъ добывать себѣ средства для пропитанія мечомъ, чѣмъ плугомъ. Жизнь викинга была для нихъ законнымъ и славнымъ военнымъ промысломъ, которымъ занимались самые знатные люди, даже короли. Подвиги викинговъ вызывали восторгъ въ народѣ, прославлялись поэтами, и только павшій въ бою удостоивался отъ Одина приѣма въ Валгаллу. Политическое положеніе, господствовавшее на Сѣверѣ Европы, тоже содѣйствовало развитію такихъ взглядовъ: въ IX вѣкѣ въ Даніи боролись между собою за господство два королевскія рода; верхъ одерживалъ то одинъ, то другой изъ нихъ. Побѣжденные претенденты, вынужденные покинуть родину, отправлялись въ другія страны для того, чтобы основать новое королевство, или, по крайней мѣрѣ, пріобрѣсти золото и славу. Норвегія объединилась въ это время подъ властью одного короля, и многіе изъ главарей покинули родину для спасенія своей свободы, такъ какъ они не хотѣли выносить надъ собою власти главнаго короля.

Жители Сѣвера, или норманны, какъ они были названы однимъ общимъ именемъ западно-европейцами, далеко превосходили жителей Западной Европы своей силой, мужествомъ, искусствомъ въ военномъ дѣлѣ и мореплаваніи. Кромѣ того, тѣ страны, на которыя были направлены первыя нападенія норманновъ, Англія, Ирландія и франкскія государства, были ослаблены въ то время внутренними раздорами. Это обезпечило сразу громадный успѣхъ за всѣми предпріятіями норманновъ. Сначала они показывались только въ небольшихъ гаваняхъ, приставали къ берегу, грабили и жгли, а затѣмъ возвращались обратно съ награбленною добычей: такъ какъ они не встрѣчали никакого сопротивленія, или же только имъ оказывалось весьма слабое сопротивленіе, то они стали смѣлѣе, образовались большіе военные отряды, жившіе по собственнымъ законамъ и обыкновенно состоявшіе подъ начальствомъ нѣсколькихъ равныхъ между собою военачальниковъ. Они дѣйствовали по опредѣленному плану и не довольствовались больше опустошеніемъ береговъ. Они перезимовывали въ устьяхъ рѣкъ или на островахъ недалеко отъ береговъ, подымались вверхъ по рѣкамъ глубоко внутрь материка и опустошали все на своемъ пути: прежде всего они обрушивались на церкви и монастыри, въ которыхъ они

Объясненіе къ рисункамъ, помѣщеннымъ на оборотѣ.

1 и 2. **Большое судно викинговъ на 28 весель,** извлеченное при раскопкахъ 18-го августа 1863 г. въ Нидамъ (Нейдамъ) около Дюппеля на полуостровѣ Зюндевитте въ Шлезвигѣ, нынѣ хранящееся въ музеѣ отечественныхъ древностей въ Кплѣ. Оно построено изъ дубоваго дерева, имѣеть въ длину 77 англ. футовъ (24 метра) и въ ширину $10\frac{1}{2}$ англ. футовъ ($3\frac{1}{4}$ метра), и по немъ можно судить о значительномъ прогрессѣ судостроенія на Германскомъ Сѣверѣ въ V столѣтіи послѣ Рождества Христова на основаніи способа соединенія реберъ съ досками. Оно вмѣщало въ себѣ 30 человекъ (рис. съ натуры Магнуса Петерсена.)

(По соч. Копрада Энгельгардта: „Denmark in the early iron age“; Лондонъ 1866.)

3. **Корабль викинговъ, найденный въ Гокстадѣ въ Норвегіи, реконструированъ;** олъ выстроенъ изъ дуба, снабженъ мачтой и относится къ IX столѣтію. Гребля и доски скрѣплены веревками изъ лыка или ремнями, щели заткнуты волосами животныхъ или же шерстяной тканью вмѣстѣ съ клейкой смолой. Железо употреблялось для постройки судовъ только въ ничтожныхъ размѣрахъ; доски сколачивались вмѣстѣ крѣпкими деревянными колками. Съ каждой стороны имѣлось по пятнадцать дубовыхъ весель длиною въ 6 метровъ, лопасти которыхъ были, какъ и въ настоящее время, вдвое шире рукоятокъ. На верхнемъ краю борта весла были защищены отъ слишкомъ сильнаго скольженія деревянными втулками. Рукоятка весла всовывалась въ прикрѣпленное ко втулкѣ кольцо изъ лыка или плетенаго ремня. Рулевое весло, похожее на остальные, висѣло справа и сзади и вращалось въ крѣпкомъ кольцѣ: такой боковой руль оставался въ употребленіи до XIII столѣтія. (Рис. Гарри Шойена.)

(По соч. Н. Николайзена, „Langskibet fra Gokstad ved Sandefjord beskrevet“, Христианія, 1882 года.)

4. **Поле битвы въ Гафрсфьордѣ** около Ставангера въ Норвегіи, на которомъ Гаральдъ Прекрасноволосый (Hårfager; † 933 год.) покорилъ въ 872 году норвежскія области, сохранившія до этого времени свою самостоятельность, и объединилъ ихъ въ одно государство. (Съ политик. Г. Кофаля.)

5. **Выстроенная изъ досокъ деревянная церковь въ Боргундѣ** въ дикомъ горномъ норвежскомъ округѣ Зоигѣ, одно изъ самыхъ оригинальныхъ и характерныхъ произведеній средневѣковой норвежской архитектуры. (Съ фотографическаго снимка.)

6. **Замокъ Кронборгъ на островѣ Зеландіи, обведенный новыми шанцами въ 1659 году шведомъ Эрихомъ Дальбергомъ.** Этотъ замокъ на берегу залива Эрезунда, поведенный въ стилѣ голландскаго ренессанса между 1574—1575 годами датскимъ королемъ Фридрихомъ II, осаждался шведами подъ начальствомъ Карла-Густава Врангеля отъ 15 авг. до 6 сент. 1658 года. На расположенномъ противъ замка противоположномъ берегу Категата находится шведское герцогство Шоненъ; справа на заднемъ фонѣ видѣется Гельсингборгъ. Справа на переднемъ планѣ была снесена ради возведенія новыхъ укрѣпленій часть города Гельсингера. Пять верхнихъ укрѣпленій на переднемъ планѣ носятъ слѣдующія названія, считая слѣва направо: Gustavus, Carolus, Princeps Carolus, Hedwiga и Eleonora.

(Изъ соч.: „Samuelis liberi baronis de Pufendorf de rebus a Carolo Gustavo Sueciae regis gestis commentariorum libri septem“; Нюрнбергъ, 1696 г.)

по опыту надѣялись найти самую богатую добычу. Наконецъ они стали задаваться новой цѣлью, завоевывать территоріи для созданія новой родины; они поселялись на завоеванныхъ земляхъ и основывали тамъ новыя государства. Это положило конецъ набѣгамъ норманновъ. Дикіе морскіе разбойники обратились въ христіанство; суровая походная жизнь уступила свое мѣсто мирному труду, торговлѣ, земледѣлію и мореплаванію. Норманны слились съ туземцами, въ которыхъ они влили новую силу и на которыхъ они повліяли во многихъ отношеніяхъ.

Въ набѣгахъ норманновъ принимали участіе всѣ три сѣверные народа, шведы, датчане и норвежцы. Странами, посѣщаемыми ими, были отчасти берега Балтійскаго моря, частью побережье Атлантическаго океана и Нѣмецкаго моря.

А. Шведскіе норманны.

Въ началѣ второй половины IX столѣтія, послѣ того, какъ шведы уже посѣщали въ теченіе долгаго времени въ качествѣ морскихъ разбойниковъ и торговцевъ прибалтійскія области, населенныя славянскими и финскими племенами, они пріобрѣли здѣсь прочную осѣдлость и основали здѣсь государство Гардарика съ главнымъ городомъ Гольмгардомъ (Новгородомъ). Согласно русскому лѣтописцу Нестору дѣло происходило такимъ образомъ: варяги или варегі (по-нормански *Vagaeger* или *Voeringer*), т. е. шведы, пришедшіе съ того берега Балтійскаго моря, совершали набѣги на племена, живущія у большихъ озеръ, и вѣдали съ нихъ дань. Но въ 861 году эти племена отказались платить дань и прогнали варяговъ; они хотѣли устроить свое собственное независимое правленіе, но вскорѣ между ними возникли раздоры: одинъ родъ поднялся противъ другого, и всюду вспыхнула война. Тогда они снова призвали къ себѣ варяговъ для водворенія мира. Въ 862 году братья Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ изъ варяжскаго племени Русь (*Ruotsi*; томъ V, стр. 432), переправились съ толпой варяговъ черезъ море и поселились въ Новгородѣ, Бѣлозерскѣ и Изборскѣ. Синеусъ и Труворъ умерли черезъ короткое время, а послѣ ихъ смерти Рюрикъ сталъ единодержавцемъ въ государствѣ, получившемъ названіе Россіи по имени его племени (срав. т. V, стр. 442 и сл.). Нѣкоторые изъ воиновъ Рюрика отиравились дальше на югъ, спустились по Днѣпру и основали въ Кіевѣ другое государство, завоеванное въ 882 г. преемникомъ Рюрика, Олегомъ. Вскорѣ послѣ этого варяги стали совершать набѣги на ниже лежащія по Днѣпру мѣстности, до самаго Чернаго моря. Въ началѣ X столѣтія они проѣхали даже на своихъ судахъ мимо береговъ Крыма въ Азовское море, поднялись оттуда вверхъ по рѣкѣ Дону, перетасили свои суда по сушѣ до Волги, спустились по этой рѣкѣ въ Каспійское море, опустошили его берега и вернулись обратно съ богатой добычей. Со скандинавскими государствами и ихъ правителями русское государство поддерживало въ теченіе долгаго времени дружественныя отношенія; русскіе князья принимали къ себѣ на службу норманновъ; эти сношенія прекратились только въ концѣ XI столѣтія, когда шведское наслоеніе покрылось вездѣ славянскимъ, и Русь стала чисто славянскимъ государствомъ. Хотя шведы не оставили по себѣ никакихъ замѣтныхъ слѣдовъ въ современной Россіи, но тѣмъ не менѣе пришельцы изъ Скандинавіи имѣли большое значеніе въ ея исторіи. Благодаря имъ впервые объединились въ одно государство разрозненныя финскія и славянскія племена, открылись сношенія между Россіей и Западной Европой, которыя подняли въ особенности торговлю, богатства и могущество Новгорода.

При посредствѣ русскаго государства норманны вступили въ сношенія также съ византійцами. Многие изъ нихъ стали поступать на службу къ восточно-римскимъ императорамъ въ качествѣ иррегулярныхъ войскъ; во второй половинѣ XI вѣка ихъ стали принимать даже въ император-

скую лейбъ-гвардію. Они назывались варангами (томъ V, стр. 77). „Вооруженные сѣкирами варвары изъ Туле“ славились повсюду своей стойкостью и храбростью; память о своемъ пребываніи въ Византійской имперіи они оставили по себѣ въ видѣ надписи рунными письменами на пирейскомъ лѣвѣ, который хранится въ настоящее время въ Венеціанскомъ арсеналѣ. Вѣроятно, эти надписи были вырѣзаны шведскими варангами во вторую половину XI столѣтія въ честь какого-либо норманскаго предводителя, погибшаго въ греческихъ водахъ (томъ V, стр. 89).

В. Норвежскіе норманны.

Уже въ концѣ VIII столѣтія норвежцы достигли острововъ, лежащихъ къ сѣверу и западу отъ Шотландіи, Ферерскихъ, Шетландскихъ, Оркнейскихъ, Гебридскихъ (томъ VII, стр. 13). Эти острова были бѣдны, мало привлекательны по своей природѣ, и въ первое время норманны пользовались ими, главнымъ образомъ, только какъ неходными пунктами для дальнѣйшихъ экспедицій. Норвежцы плавали вдоль суроваго и пустыннаго западнаго берега Шотландіи, на которомъ они основали нѣсколько поселеній, и, наконецъ, переплыли черезъ проливъ и достигли Ирландіи. Этотъ островъ былъ въ то время раздѣленъ на мелкія королевства, между владѣтелями которыхъ господствовали раздоры; главный король не обладалъ достаточной силой для обузданія безпокойнаго народа и буйныхъ главарей. Это облегчило норвежцамъ доступъ въ Ирландію. Тѣмъ болѣе, что у ировъ не было хорошихъ судовъ, они были плохими моряками, стало быть, они не могли помѣшать высадкѣ норманновъ. Въ теченіе первой половины IX столѣтія норвежцы, которыхъ ирландцы называли „дохланнохъ“ (людьми изъ страны озеръ), фингаллами (бѣлыми иностранцами) или восточными людьми, утвердился на восточномъ берегу Ирландіи: въ 838 года они завоевали Дублинъ и сильно укрѣпили его. Они опустошили Ирландію на большомъ протяженіи, сжигали церкви и монастыри, и предводитель норвежцевъ Торгисль завладѣлъ почти всѣмъ островомъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ былъ убитъ; ирландцы возмутились и изгнали чужеземцевъ. Однако, черезъ короткое время эти послѣдніе вернулись обратно, и въ 852 году норвежскій предводитель Олафъ Хвите основалъ въ Дублинѣ новое государство; въ это же время были основаны норвежскія государства въ Уатерфордѣ и Лимрикѣ. Для обезпеченія своихъ владѣній норвежцы возводили повсюду сильныя укрѣпленія. Въ теченіе многихъ лѣтъ шла борьба между дублинскими королями и ирами. Счастье склонялось то на ту, то на другую сторону, но все же старанія ировъ изгнать чужеземцевъ оказались безплодными. Около середины X столѣтія завоеватели грозили окончательнымъ уничтоженіемъ независимости всего острова. „Въ каждой области они посадили своего короля“, такъ рассказываетъ древній лѣтописецъ: „въ каждой мѣстности своего начальника, въ каждой церкви своего аббата, въ каждомъ городѣ своего фюхта, въ каждомъ домѣ своего воина, такъ что люди Эрнна перестали быть хозяевами надъ своимъ добромъ. Никто не смѣлъ оказывать великодушія или нѣжнаго вниманія своему отцу, матери или епископу, свѣтскимъ или духовнымъ начальникамъ, даже больному или несчастному, даже поворожденному младенцу: если у ира есть корова, то онъ долженъ отдать молоко чужеземному воину, такъ что для него самого не остается ни капли“. Борьба продолжалась; ирамъ удалось нанести нѣсколько пораженій ненавистнымъ чужеземцамъ, но все же они не были въ силахъ вытѣснить окончательно непрошенныхъ гостей. Изъ этихъ сраженій наибольшей извѣстностью пользуется битва на Клонтарфскомъ полѣ, недалеко отъ Дублина, 23 апрѣля 1014 года; еще и до сихъ поръ ирландцы вспоминаютъ съ гордостью объ этой своей побѣдѣ. Главный ирландскій король Брианъ Борумха собралъ большое

войско и двинулся къ Дублину, въ то время какъ норвежцы на вербовали себѣ на помощь отрядъ своихъ соотечественниковъ съ Шотландскихъ острововъ. Борьба была весьма тяжелая, и обѣ стороны дрались съ отчаянной храбростью. Престарѣлый король Брианъ палъ въ бою, но его войско одержало верхъ, и норвежцы понесли громадную потерю, — ихъ погибло въ этомъ сраженіи не меньше 6,000. Однако, эта побѣда не измѣнила положенія острова. Внутренняя борьба не прекращалась; норвежцы вынуждены были отказаться отъ надежды подчинить себѣ всю Ирландію, но остались на своихъ прежнихъ мѣстахъ. Когда это имъ бывало выгодно, они изъявляли иногда покорность ирландскимъ королямъ. Такъ продолжалось дѣло вплоть до XII столѣтія, пока англійскій король Генрихъ II, давно уже бросившій свой взоръ на островъ Ирландію, не вмѣшался во внутренніе раздоры на сосѣднемъ островѣ. Будучи призванъ на помощь однимъ изъ ирландскихъ королей, онъ отправилъ въ Ирландію графа Немброка, Ричарда Клера; этотъ послѣдній завоевалъ въ 1170 году городъ Дублинъ. Послѣдній изъ норвежскихъ королей вынужденъ былъ бѣжать; въ слѣдующемъ году онъ попытался было завоевать обратно свое государство, но былъ взятъ въ плѣнъ и убитъ. Черезъ короткое время послѣ этого король Генрихъ прибылъ самолучно въ Ирландію и совершилъ свой торжественный въѣздъ въ Дублинъ.

Такъ закончилось господство норманновъ въ Ирландіи; однако, они не сыграли еще до конца своей роли на этомъ островѣ. Они остались жить на немъ, въ особенности въ городахъ, въ которыхъ они занимались торговлей и мореплаваніемъ въ качествѣ мирныхъ гражданъ, сохраняли еще свою національность и образовали свою собственную корпорацию. Еще и понынѣ одна часть города Дублина (Oxmantown = Ostmantown, т. е. городъ восточныхъ людей) напоминаетъ своимъ названіемъ о норвежцахъ.

Ирландцы и норвежцы были слишкомъ несходны между собою по характеру, обычаямъ и образу жизни и не могли слиться между собою за короткое время. Кромѣ того они жили по большей части отдѣльно другъ отъ друга: норвежцы скучивались въ своихъ укрѣпленныхъ городахъ, а ирландцы среди своихъ полей; къ тому же ненависть ирландцевъ къ чужеземцамъ разъединила между собою оба эти народа; тѣмъ не менѣе они оказали одинъ на другого разнообразное вліяніе. Прежде существовала склонность къ преувеличенію вліянія ирландцевъ на норвежцевъ; несомнѣнно, однако, что въ области поэзіи и искусства норвежцы были учениками ирландцевъ. Въ наше время дѣлались даже попытки доказать, что многія изъ норманнскихъ былинъ о богахъ и герояхъ возникли изъ разсказовъ, слышанныхъ норманнами отъ ирландцевъ и англосаксовъ. Архитектура норвежскихъ храмовъ now тоже составляетъ подражаніе ирландскимъ церквямъ, какъ предполагаютъ. Съ другой стороны ирландцы обязаны норманнамъ развитіемъ городской жизни на своемъ островѣ. Можно даже утверждать, что норвежцы были первыми основателями городовъ въ Ирландіи; только благодаря норвежцамъ, которые были не только храбрыми воинами, но и ловкими купцами и мореплавателями, торговля и мореходство стали важными источниками доходовъ для жителей Зеленаго острова на ряду съ земледѣліемъ и скотоводствомъ.

На Шотландскихъ и Ферерскихъ островахъ норвежское господство оказалось болѣе долговѣчнымъ, чѣмъ въ Ирландіи. Какъ уже было упомянуто на стр. 500, норвежцы поселились на этихъ островахъ около 800 г. послѣ Р. X. На Гебридскихъ островахъ и на о. Мэнъ, населенныхъ кельтами, они основали въ X столѣтіи королевство, приблизительно съ 1100 г. находившееся подъ властью норвежскаго короля и уступленное Шотландіи только въ 1266 г. „Тинваль“ на западномъ берегу Мэна — это былъ холмъ, на которомъ собирался законодательный и судебный сеймъ.

тингъ, маленькаго островнаго народа, и понынѣ еще занимающаго особое положеніе въ Британской монархіи. Этотъ холмъ напоминаетъ еще и теперь о прежней самостоятельности этого острова, какъ особаго норвежскаго королевства.

Оркнейскіе и Шетландскіе острова, на которыхъ сохранились остатки кельтовъ, были издавна любимымъ убѣжищемъ викинговъ; число ихъ непрерывно увеличивалось, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ Гаральдъ Прекрасноволосый захватилъ въ свои руки единодержавную власть надъ Норвегіей (872 г.; стр. 532). Такимъ образомъ эти острова населялись мало по малу норвежцами. Такъ какъ эти переселенцы опустошали даже берега самой Норвегіи, то король Гаральдъ предпринялъ экспедицію къ этимъ островамъ и подчинилъ ихъ своей власти. Впослѣдствіи ими управлялъ назначенный норвежскимъ королемъ ярль (оркнейскій ярль). Въ XIII и XIV столѣтіяхъ они приходятъ во все болѣе тѣсное соприкосновеніе съ Шотландіей; ярлы владѣютъ ленами въ Шотландіи, шотландцы поселяются на островахъ, и шотландскій языкъ распространяется на нихъ на ряду съ норвежскимъ. Тѣмъ не менѣе эти острова все еще признавали надъ собою верховную власть Норвегіи и поддерживали съ ней оживленныя сношенія. Однако, въ 1469 г. всѣ эти острова были заложены шотландскому королю и остались съ тѣхъ поръ во власти Шотландіи. Съ этого времени туземные жители лишились своихъ особыхъ законовъ и правъ, норманнскій языкъ тоже былъ вытѣсненъ, и только названія мѣстностей еще напоминаютъ о бывшихъ владѣтеляхъ этихъ острововъ (срав. т. VII, стр. 13).

На Ферерскихъ островахъ поселились въ VIII столѣтіи ирландскіе отшельники; послѣ прибытія норманновъ они покинули эти острова. Послѣдніе завладѣли этими островами и назвали ихъ Ферерскими, т. е. овечьими, по многочисленнымъ овцамъ, оставленнымъ тамъ пустынниками. Власть надъ этими островами принадлежала нѣсколькимъ мѣстнымъ главарямъ. Болѣе важные вопросы рѣшались на народномъ собраніи (тингъ) въ Торсгавнѣ. Эти острова состояли въ оживленныхъ сношеніяхъ съ Норвегіей. Нѣкоторые знатные жители Ферерскихъ острововъ состояли на службѣ у норвежскихъ королей, стремившихся подчинить эти острова своему господству. Они, дѣйствительно, достигли этой цѣли въ 1035 г., и съ тѣхъ поръ Ферерскіе острова принадлежали Норвегіи до 1814 года, въ которомъ она отдѣлилась отъ Даніи. Ферерскіе острова остались во власти Даніи, и въ 1849 г. были присоединены къ этому государству. Послѣ того, какъ они лишились своей независимости, положеніе ихъ стало непрерывно ухудшаться: сношенія съ вѣдшимъ міромъ прекратились постепенно; торговля путешествія становились все рѣже, и торговля, отъ которой зависѣло въ высокой степени благосостояніе жителей этихъ острововъ, перешла въ чужіе руки. Только въ 1856 г. торговля на этихъ островахъ стала снова свободной, и съ этихъ поръ для мѣстныхъ жителей наступила новая, болѣе счастливая эпоха. Они говорили первоначально на древне-норвежскомъ языкѣ, но онъ распался на нѣсколько нарѣчій, въ грамматическомъ отношеніи стоящихъ ближе всего къ исландскимъ, а по произношенію и запасу словъ къ современнымъ норвежскимъ. Жители Ферерскихъ острововъ не записали своихъ древнихъ сагъ и былинъ по примѣру исландцевъ, не существуетъ никакой ферерской литературы въ настоящемъ смыслѣ этого слова; тѣмъ не менѣе жители этихъ острововъ обладаютъ громаднымъ запасомъ народныхъ пѣсенъ, передававшихся устно изъ поколѣнія въ поколѣніе, а въ послѣднее время изданныхъ въ печати; эти пѣсни произошли главнымъ образомъ отъ древне-исландскихъ мифологическихъ и героическихъ былинъ, другихъ исландскихъ сагъ и норвежскихъ народныхъ пѣсенъ.

Однимъ изъ норвежскихъ колонистовъ на Ферерскихъ островахъ.

Наддоддомъ, была открыта въ 867 г. Исландія. Однажды на пути изъ Норвегіи онъ былъ отброшенъ бурей далеко на сѣверо-западъ и достигъ берега большой страны съ высокими горами. Онъ вышелъ на берегъ и взобрался на высокую гору, но, сколько ни оглядывался, онъ напрасно искалъ слѣдовъ человѣческаго жилья. Въ то время, когда онъ покидалъ эту страну, шелъ снѣгъ, почему онъ назвалъ ее снѣжной страной. Черезъ короткое время было открыто, что это островъ; Флоке Вильгердсенъ, перезимовавшій на немъ въ 870 г., далъ ему названіе Исландіи. Съ 874 г. переселенцы изъ Норвегіи стали селиться на этомъ островѣ и основали на немъ республику. О дальнѣйшей судьбѣ исландцевъ и ихъ острова у насъ будетъ рѣчь ниже (стр. 534).

Изъ Исландіи норвежцы достигли Гренландіи и Америки. Гренландію открылъ Эрикъ Реде (древне-норвеж. Eiríkr Rauði, красный), который вынужденъ былъ покинуть Западную Норвегію изъ страха мести за совершенное имъ убійство и отправился въ Исландію: когда онъ былъ объявленъ также и тутъ внѣ закона, то онъ отправился въ поиски за той страной, которая уже раньше была замѣчена къ западу отъ Исландіи. Онъ, дѣйствительно, открылъ ее въ 985 г. и далъ ей названіе Гренландіи, т. е. зеленой страны для того, чтобы привлечь другихъ переселенцевъ. И, дѣйствительно, черезъ короткое время нѣкоторое число ихъ поселилось на юго-западномъ берегу этой страны и занялось здѣсь рыболовствомъ и скотоводствомъ. Около 1000 г. эти колонисты были обращены въ христіанство миссіонерами изъ Норвегіи, а еще черезъ 100 лѣтъ они приобрѣли своего собственнаго епископа, резиденціей котораго служилъ Гардаръ (въ фіордѣ Игалико, недалеко отъ Юліанегааба); въ Гренландіи были основаны также два монастыря. Въ теченіе долгаго времени эта колонія сохраняла свою независимость, но въ XIII столѣтіи она подчинилась норвежскому королю. Въ продолженіе нѣкотораго времени еще поддерживались сношенія между Норвегіей и Гренландіей, но послѣ опустошеній, произведенныхъ въ срединѣ XIV столѣтія черной смертью, эта связь прекратилась мало по малу. Колонисты были предоставлены самимъ себѣ и терпѣли страшную нужду; въ то же время имъ приходилось выдерживать непрерывныя нападенія со стороны проникавшихъ на югъ эскимосовъ, и въ концѣ концовъ они погибли въ этой борьбѣ. Когда датчане возобновили сношенія съ Гренландіей въ XVIII столѣтіи, то они уже не нашли тамъ никакихъ норвежцевъ; отъ норвежскихъ колоній не сохранилось ничего кромѣ развалинъ нѣкоторыхъ построекъ.

Эрикъ Реде имѣлъ сына, по имени Лейвъ. Этотъ послѣдній отправился изъ Гренландіи въ Норвегію, въ которой онъ провелъ зиму съ 999 на 1000 годъ. Весной онъ возвращался въ Гренландію, но сбился съ пути и долго блуждалъ по морю, пока онъ не открылъ, наконецъ, никогда не виданной до тѣхъ поръ страны. Эта страна была весьма привлекательна; тамъ были богатая пастбища, росли дикая пшеница и дикій виноградъ, а въ рѣкахъ водилась во множествѣ семга, но людей не было видно. Осенью того же года Лейвъ вернулся благополучно въ Гренландію и рассказалъ здѣсь объ открытой имъ странѣ, которую онъ назвалъ Винландомъ, т. е. страню вина, такъ какъ тамъ росъ виноградъ (срав. т. I, стр. 349). Была сдѣлана попытка ближайшаго изслѣдованія вновь открытой страны. Въ слѣдующемъ году отправился изъ Гренландіи въ Винландъ отецъ и братъ Лейва, но ихъ путешествіе окончилось неудачно. Дулъ противный вѣтеръ, который загналъ ихъ сначала далеко на сѣверо-востокъ, а затѣмъ на юго-востокъ, и они вернулись въ Гренландію, не добившись никакого результата (1001 г.). Черезъ два года снаряжена была новая экспедиція для колонизаціи Винланда (въ 1003 г.). На трехъ корабляхъ отправилось въ путь 140 колонистовъ, въ томъ числѣ нѣсколько жепницъ, подъ предводительствомъ исландца Торфина Карлсевича, который

прибыль за годъ предъ тѣмъ въ Гренландію и обзавелся здѣсь женой. Попутно Карлсевне открылъ двѣ страны, названныя имъ Геллеландомъ, т. е. каменной страной, и Маркландомъ, т. е. лѣсной страной, и достигъ, наконецъ, Винланда. Колонисты поселились здѣсь, но имъ пришлось пробыть тутъ недолго; они натолкнулись на туземцевъ и завели съ ними мѣновую торговлю, но черезъ короткое время начались враждебныя столкновенія между колонистами и индѣйцами или скрелингами, т. е. тщедушными, какъ ихъ называли норманны (т. I, стр. 202); кромѣ того между самими колонистами тоже не было согласія. Черезъ три года норманны отказались отъ попытки основать новую колонію и вернулись обратно въ Гренландію (въ 1006 г.). Страны, открытыя ими, — это были по новѣйшимъ изслѣдованіямъ Лабрадоръ (Геллеландъ), Ньюфаундлендъ (Маркландъ), Канъ Бретонъ и Новая Шотландія (Винландъ). Съ этой экспедиціей прекратились попытки колонизаціи Винланда. Черезъ короткое время былъ даже забытъ путь въ эту вновь открытую страну. Почему норманны отказались такъ быстро отъ своихъ открытій, этого мы не знаемъ. Можетъ быть, ихъ пугала, съ одной стороны, тяжесть пути, а съ другой — продукты, которые могли быть привозимы оттуда въ Норвегію, не стоили трудовъ, сопряженныхъ съ путешествіемъ въ Винландъ.

В. Датскіе норманны.

Въ то время какъ норвежцы заселяли новыя области въ сѣверной части Атлантическаго океана, выдерживая борьбу скорѣе съ бурными волнами и суровой природой, чѣмъ съ враждебными людьми, датчане поспѣвали по преимуществу болѣе богатая южная страна.

Уже во времена Карла Великаго норманны стали показываться на морскихъ берегахъ Франкской имперіи (срав. выше, стр. 211 и 191). Карль, находившійся въ враждебныхъ отношеніяхъ съ датскимъ королемъ Готфридомъ, принялъ различныя мѣры для защиты береговъ; но эти мѣры не поддерживались. Черезъ короткое время послѣ его смерти берега Фрисландіи и Фландріи стали подвергаться набѣгамъ норманновъ: нѣкоторые города были разграблены ими, между прочимъ, богатый торговый городъ Дуурстеде (Дорестаде) на рѣкѣ Рейнѣ. Впослѣдствіи они воспользовались раздорами, господствовавшими между сыновьями Людовика Благочестиваго, и завоевали себѣ мѣсто для поселенія въ Фрисландіи и Фландріи. Уже въ то время они опустошали также берега Франціи. Они проникли вверхъ по теченію рѣкъ Сены, Луары и Гаронны въ глубь страны, грабили города и монастыри, захватывали въ плѣнъ знатныхъ мужчинъ и женщинъ и спускались обратно къ устьямъ рѣкъ (стр. 206). Они распространяли повсюду ужасъ и отчаяніе: въ церквахъ люди молили Бога: „*Libera nos a furore Nortmannorum, o Domine!*“ (Избави насъ, Господи, отъ ярости норманновъ). Однако, почти нигдѣ не предпринималось твердыхъ мѣръ для изгнанія страннаго врага. Съ береговъ Франціи норманны переправились въ среднѣ IX столѣтія въ Испанію; они напали на Галицію, обратились затѣмъ противъ мавровъ въ южной Испаніи, осадили Лиссабонъ, поднялись вверхъ по Гвадалквивиру, захватили предмѣстья Севильи, въ которыхъ они награбили богатую добычу, и опустошили также не только Балеарскіе острова, но даже берега Сѣверной Африки. Впослѣдствіи они возобновили свои нападенія на Мавританскую Испанію, но не имѣли такого успѣха, какъ въ остальной Европѣ. Арабы были смѣлыми и неуспѣшными мореплавателями, тщательно охраняли свои берега и съ успѣхомъ вступали съ норманнами въ бои въ открытомъ морѣ. Судя этихъ послѣднихъ были приспособлены главнымъ образомъ для транспортировки, загромаждены войнами и кладью и не годились поэтому для морскихъ сраженій.

Изъ числа норманнскихъ предводителей середины IX вѣка славится болѣе всего Гастингъ. Послѣ того, какъ онъ опустошалъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Францію, онъ предпринялъ, какъ говоритъ преданіе, походъ въ Италію для завоеванія Рима, о величинѣ и богатствѣ котораго онъ слышалъ. Буря пригнала его къ городу Луниѣ (развалины котораго находятся недалеко отъ Сарцаны на рѣкѣ Магрѣ, около Каррары), и онъ взялъ посредствомъ хитрости этотъ городъ, который онъ принялъ за Римъ. Онъ отправилъ парламентаря къ епископу и начальнику города и велѣлъ сказать имъ, что его загнала сюда буря на обратномъ пути домой, что онъ исполненъ мирныхъ намѣреній и кромѣ того опасно боленъ, поэтому имѣетъ только одно смиренное желаніе — принять св. крещеніе. Епископъ и начальникъ города были очень обрадованы и обѣщали Гастингу миръ и дружбу. Ворота города были открыты предъ нимъ и его дружиной; онъ самъ былъ отнесенъ въ церковь и окрещенъ, послѣ чего его отнесли обратно на судно. Въ слѣдующую ночь между норманнами послышался громкій плачь: они говорили, что Гастингъ умеръ и что они желаютъ похоронить его подлѣ церкви. Дѣйствительно, въ городъ вошла похоронная процессія, въ которой Гастинга несли на носилкахъ, какъ мертвеца. Епископъ собирался приступить къ отиѣванію, какъ вдругъ Гастингъ сбросилъ съ себя покрывало и сталъ предъ епископомъ въ полномъ вооруженіи. Его дружинники тоже скинули съ себя плащи, подъ которыми они скрывали свое оружіе. Гастингъ убилъ епископа и начальника города, а его воины устроили страшную кровавую баню и захватили городъ. Теперь они узнали, что это не Римъ, и такъ какъ у нихъ не было надежды на дальнѣйшія завоеванія, то они рѣшили возвратиться во Францію.

Между тѣмъ другіе норманнскіе отряды продолжали свои набѣги на Францію, которыми они довели населеніе этой страны почти до отчаянія. „Никогда еще Франція не испытала такого великаго горя“, говоритъ современникъ: „Никто не осмѣливался выйти за стѣны укрѣпленныхъ городовъ; никто не спалъ спокойно ночью на своемъ ложѣ. Норманны врываются, какъ буря, туда, гдѣ ихъ вовсе не ожидали, убивали священниковъ, оубивались въ священническія облаченія, похищенные съ алтарей, уводили въ плѣнъ старыхъ и малыхъ, безчестили женщинъ, угоняли скотъ и сжигали все то, чего они не могли увести съ собой“. Только немногіе осмѣливались оказать имъ сопротивленіе; въ числѣ этихъ рѣдкихъ героевъ былъ храбрый графъ Робертъ Сильный, родоначальникъ Капетинговъ, прославленный французскими лѣтописцами, какъ Маккавей Франціи, и погибшій славной смертію въ 867 г. въ бою съ норманнами (стр. 207). Нѣкоторые отряды норманновъ были истреблены; но это не помогло нисколько: на ихъ мѣсто пришли новыя отряды, а франкскіе владѣтельные князья и крупныя бароны были по большей части настолько слабы, что не могли оказать твердаго сопротивленія норманнамъ. При томъ же аристократія была настолько испорчена въ нравственномъ отношеніи, что нѣкоторые бароны брали съ норманновъ откупъ съ тѣмъ, чтобы не препятствовали имъ грабить. Въ концѣ 885 г. Парижу пришлось выдержать тяжелую осаду. Большой норманнскій флотъ (говорятъ, 700 кораблей съ 30—40 тысячами человѣкъ экипажа) собрался около Руана. Онъ поднялся вверхъ по Сенѣ до Парижа, и норманны потребовали свободного пропуска черезъ этотъ городъ, обѣщая въ награду пощадить его. Получивши отказъ, они осадили этотъ городъ, стойко оборонявшійся въ ожиданіи близкой помощи со стороны императора. Не ранѣе слѣдующаго года на выручку осажденнаго города, въ которомъ свирѣпствовали голодъ и болѣзни, пришелъ съ войскомъ Карлъ Толстый, но вмѣсто того, чтобы вступить съ норманнами въ битву, онъ заключилъ съ ними позорный миръ. Онъ обѣщалъ уплатить имъ не позже марта слѣдующаго года 700 фунтовъ серебра, а

между тѣмъ далъ имъ позволеніе перезимовать въ Бургундіи. Такъ какъ парижане не хотѣли принять этого унижительнаго соглашенія и попрежнему не пропускали норманновъ черезъ Парижъ, то эти послѣдніе перетаскивали свои суда по сушѣ мимо Парижа на разстояніи 2,000 футовъ, спустили ихъ обратно на воду ниже города и направилсь въ Бургундію; опустошивши эту область, они вернулись обратно тѣмъ же путемъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ королю нѣмецкому Арнульфѣ удалось одержать большую побѣду надъ норманнами при Левенѣ (въ 891 г.; стр. 99) и обезпечить такимъ образомъ мирное существованіе своего государства. Въ то же время норманны потерпѣли нѣсколько пораженій во Франціи, въ которой власть перешла отъ безхарактернаго Карла Толстаго (стр. 205) къ графу Одо Храброму, защитнику Парижа отъ норманновъ; по все же ни Одо, ни его преемникъ Карлъ Простоватый не были въ силахъ окончательно истребить норманновъ. Народное бѣдствіе росло со дня на день; чувствовался недостатокъ во всемъ: въ продовольствіи, въ скотѣ, даже въ хлѣбныхъ сѣменахъ для посѣва. Изъ норманнскихъ предводителей самымъ страшнымъ былъ въ это время Ролло (Ролфъ), предводитель сенскихъ норманновъ. Онъ побывалъ уже раньше во Франціи, воевалъ также въ Фрисландіи и Англии, но вернулся обратно во Францію въ началѣ X столѣтія. Онъ утвердился въ Руанѣ, и его войны опустошали берега Сены. Тогда Карлъ Простоватый рѣшился уступить норманнамъ область по нижнему теченію рѣки Сены, лишь бы купить у нихъ этой цѣною миръ для себя и для своего народа. Карлъ и Ролло встрѣтились другъ съ другомъ въ Сенѣ Клерѣ на рѣкѣ Эптѣ (въ 911 г.) и заключили между собою мирный договоръ. Ролло была уступлена въ видѣ лена та область, которая впоследствии получила названіе Нормандіи, и онъ принесъ присягу на вѣрность королю. Ролло, получившій при крещеніи имя Роберта, раздѣлилъ свою землю между своими войнами и возстановилъ миръ и порядокъ посредствомъ строгихъ законовъ. Рассказываютъ, что однажды во время охоты онъ оставилъ въ лѣсу свое запыстье, которое онъ повѣсилъ на деревѣ, но черезъ три года нашелъ его обратно на томъ самомъ мѣстѣ. Нормандія быстро поднялась при немъ и при его потомкахъ и превратилась въ наилучше обрабатываемую и наилучше управляемую провинцію всей Франціи. Норманны слились мало по малу съ французами и усвоили языкъ, нравы и обычаи этихъ послѣднихъ (срав. т. VII, стр. 14); вскорѣ они превзошли даже своихъ новыхъ соотечественниковъ, не отказываясь въ то же время отъ своей страсти къ битвамъ и къ приключеніямъ. Въ литературѣ и искусствѣ они тоже заняли выдающееся положеніе. Исторіографія развивалась въ этомъ герцогствѣ уже очень рано; оно же было родиной водевиля. Какъ полагаютъ, готическая архитектура тоже ведетъ свое начало изъ Нормандіи. Такимъ образомъ колонизація этой области норманнами послужила на пользу всей Франціи. Хотя норманны и слились съ французами, тѣмъ не менѣе ихъ потомки сохранили много чертъ, свидѣтельствующихъ объ ихъ сѣверно-германскомъ происхожденіи. Еще и понынѣ жители Нормандіи отличаются отъ остальныхъ французовъ своей вѣшностью, своимъ характеромъ и своими поклонностями. Они всегда обнаруживали преимущественную склонность къ торговлѣ и мореплаванію. Нормандія была во всѣ времена родиной знаменитыхъ мореплавателей и географическихъ изслѣдователей (Жана де Безанкура, Анго старшаго и младшаго, Сам. де-Шамилена, Кавалье де ля Салля, Абр. Дюкена, Ж. С. Дюмонъ д'Урвиля).

Что французскіе норманны до сихъ поръ не потеряли свойственной имъ предкамъ страсти къ приключеніямъ и завоеваніямъ, тому существуетъ много доказательствъ. Въ срединѣ XI вѣка изъ Нормандіи были основаны новыя государства въ Англии и Италіи; въ крестовыхъ походахъ французскіе норманны тоже приняли горячее участіе (стр. 348—351). Это

мокъ Ролло, герцога Нормандскій Вильгельмъ, покорилъ Англію въ 1066 г. послѣ побѣды при Сенлакѣ, недалеко отъ Гастингса. Подъ его начальствомъ норманны вторглись въ Великобританію, подчинили себѣ англосаксовъ; языкъ побѣдителей сталъ сначала языкомъ аристократіи и придворныхъ круговъ, а затѣмъ вытѣснилъ окончательно англосаксонскій языкъ. Мало по малу норманны смѣшались съ англосаксами, и изъ этого смѣшенія произошли англійскій народъ и англійскій языкъ.

Въ Южной Италіи, раздираемой въ это время войнами между Германскою имперіей, греками, лангобардскими владѣтельными князьями и арабами, норманны утвердились уже въ первую половину XI вѣка (срав. стр. 368). Норманнскіе паломники, остановившіеся случайно въ Салерно на обратномъ пути изъ Св. Земли, помогли одержать побѣду князю Веймару Великому, воевавшему въ то время съ сарацинами (въ 1017 г.). Онъ хотѣлъ принять ихъ къ себѣ на службу; но они стремились на свою родину, въ которой было еще много такихъ же храбрыхъ людей, какъ они объяснили Веймару. Вслѣдъ за этимъ Веймаръ отправилъ пословъ въ Нормандію: рѣдкіе и богатые подарки, принесенные этими послами, склонили многихъ рыцарей къ немедленному соглашенію на предложеніе Веймара и къ поступленію къ нему на службу. Однако черезъ короткое время они покинули его и стали помогать герцогу Неаполитанскому Сергію IV. Въ награду за ихъ услуги этотъ послѣдній отдалъ имъ во владѣніе небольшую территорію (въ 1029 году). Норманны основали здѣсь на вновь прибрѣтенной ими землѣ въ 1030 году городъ Аверсѹ (Ла Норманну) и сильно укрѣпили его. Для того, чтобы усилить свое вліяніе, они пригласили къ себѣ своихъ соотечественниковъ, и толпы воинственныхъ и жадныхъ къ добычѣ норманновъ направились изъ Нормандіи въ Южную Италію, гдѣ они поступали на службу наемниками то къ той, то къ другой изъ воюющихъ сторонъ. Въ теченіе нѣкотораго времени они помогали грекамъ и дрались рука объ руку съ варангами; но затѣмъ норманны подъ предводительствомъ сыновей норманнскаго рыцаря Танкреда Готвиля направили свое оружіе противъ грековъ и стали отбирать у нихъ одинъ округъ за другимъ. Наконецъ Робертъ Гискаръ, самый способный изъ сыновей Танкреда, завоевалъ городъ Бари и тѣмъ положилъ конецъ греческому господству въ Южной Италіи (въ 1071 году). Папа, котораго онъ признавалъ своимъ леннымъ господиномъ, возвелъ его уже въ 1059 году въ санъ герцога Апулійскаго; въ 1076 году онъ завоевалъ Салернское и другія мелкія южноитальянскія княжества, затѣмъ онъ переправился въ Грецію, разбилъ императорскія войска на сушѣ и на водѣ (въ 1081 году; стр. 369) и ограбилъ эту страну. Черезъ короткое время послѣ этого онъ скончался (въ 1085 году) и Восточно-Римская Имперія вздохнула свободно. Младшій братъ Роберта Рожеръ отнялъ у арабовъ островъ Сицилію (1061—1090 г.), а сынъ послѣдняго Рожеръ II, объединившій подъ своей властью Сицилію съ Апуліей, осенью 1130 года получилъ отъ папы титулъ короля Сициліи и короновался съ большимъ торжествомъ въ Палермо.

На морскихъ берегахъ Англіи норманны, или, какъ ихъ тамъ обыкновенно называли, датчане, появились уже въ 787 году, а еще черезъ нѣсколько лѣтъ они стали повторять опять свои посѣщенія. Затѣмъ прошло 4 десятка лѣтъ, въ теченіе которыхъ Англія не видѣла этихъ страшныхъ морскихъ воиновъ. Въ 832 году они возобновили свои набѣги, и съ этихъ поръ они стали опустошать ежегодно юговосточную, южную и югозападную Англію. Нѣсколько разъ они терпѣли пораженія, но послѣ этого они возвращались обратно въ большемъ числѣ и оставались на зиму въ Англіи. Опустошая все на своемъ пути, они проникли съ морскаго берега внутрь страны, воспользовавшись взаимной враждою между кельтами и англосаксами и вступили въ союзъ съ уэльскими бритами; междуусоб-

ные раздоры между англосаксами тоже содѣйствовали предпріятіямъ норманновъ. Во вторую половину IX вѣка эти послѣдніе приобрѣли осѣдлость въ Восточной Англіи. Въ 866 году къ берегамъ Восточной Англіи пристала большой флотъ, знатнѣйшими предводителями котораго были сыновья Лодброка, Ингваръ и Уббе; норманны перезимовали здѣсь и вступили въ мирный договоръ съ мѣстными жителями. На слѣдующую весну они перешли черезъ рѣку Умберъ въ Нортумберлендъ, въ которомъ боролись между собою за власть короли Осбритъ и Эала, и завоевали Йоркъ (въ 867 году). Оба короля прекратили междоусобную войну и соединенными силами двинулись къ Йорку для того, чтобы изгнать датчанъ, но потерпѣли тяжелое поражение, при чемъ оба они погибли на полѣ битвы. Эта побѣда обезпечила за датчанами обладаніе Йоркомъ, и черезъ короткое время они подчинили себѣ весь Нортумберлендъ, мало по малу превращенный ими въ норманнскую колонію. Изъ Нортумберленда они предпринимали походы на югъ, опустошили Мерсію и Восточную Англію, въ которой они замучили на смерть захваченнаго ими въ плѣнъ короля Эдмунда. Въ концѣ 871 года они завоевали сѣверо-восточную половину Англіи. Теперь они обратили свое оружіе противъ Южной Англіи, въ которой еще не было покорено королевство Уэссекское. Датчане и тутъ остались побѣдителями. Король Уэссекса Альфредъ (Великій) вынужденъ былъ скрываться, какъ бродяга, въ своей собственной странѣ, переодѣвшись въ чужое платье, и послѣ двѣнадцати-лѣтней войны вся страна оказалась въ рукахъ датчанъ (въ 878 году). Однако они не были въ силахъ удержать ее въ своей власти надолго: для этого они были слишкомъ малочисленны, несмотря на подкрѣпленія, получаемыя ими изъ своего отечества: Альфредъ, еще не отчаявшійся въ исходѣ борьбы, взялся снова за оружіе уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ покоренія Уэссекса датчанами (см. ниже); ему удалось нанести датчанамъ поражение при Атанлунѣ въ 878 году. Въ томъ же году былъ заключенъ договоръ между нимъ и Гудрумомъ, королемъ датчанъ. По этому договору во владѣніи датчанъ должна была остаться вся территория къ сѣверо-востоку отъ Уатлингастрита, древней римской дороги изъ Лондона въ Честеръ. Въ этой уступленной имъ и прочно защищенной укрѣпленіями (въ особенности „Пятью замками“, Стамфордомъ, Лейстеромъ, Дерби, Ноттингемомъ и Линкольномъ) области „Данелагъ“ датчане стали селиться въ большомъ числѣ. Они обратились къ мирному труду; многіе изъ нихъ обратились въ христіанство и черезъ короткое время стали сближаться съ англосаксами. Однако они еще сохраняли въ теченіе долгаго времени свой языкъ, свои обычаи и свои законы; и понынѣ еще виднѣйшій видъ и языкъ сѣверныхъ англичанъ, равно какъ и многочисленныя названія мѣстностей свидѣтельствуютъ о норманнскомъ происхожденіи жителей этой области. Во многихъ отношеніяхъ датчане оказали вліяніе также и на остальную Англію. И теперь еще административные порядки и судебные обычаи Англіи сохраняютъ на себѣ ясныя слѣды норманнскаго вліянія. Набѣги датчанъ не прекратились послѣ колонизаціи Данелага; но они уже не были такъ успѣшны, какъ раньше, такъ какъ Альфредъ охранялъ тщательно морскіе берега и соорудилъ флотъ, при помощи котораго онъ не подпускалъ врага къ берегу. Къ тому же сами датчане направили свои усилія преимущественно въ сторону Франціи. Независимое существованіе Данелага продолжалось недолго; уже сынъ Альфреда, Эдуардъ, заставилъ датчанъ признать свою верховную власть. Черезъ короткое время они подняли противъ него возстаніе, но были разбиты на голову при Бруннбургѣ въ 937 году; дальнѣйшія попытки ихъ вернуть себѣ независимость окончились неудачей. Мало по малу отношенія между обоими королями стали болѣе дружельюбными; многіе датчане стали поступать на службу къ англосаксонскимъ королямъ. Въ теченіе нѣкотораго

времени Англія наслаждалась миромъ, пока на эту страну не обрушились новыя войны въ концѣ X столѣтія послѣ вступленія на престолъ слабохарактернаго Этельреда (въ 979 году). Набѣги норманновъ изъ Даніи возобновились, и снова все предавалось огню и мечу. Напрасно безпомощный король пытался купить миръ у пришельцевъ, соглашаясь уплатить имъ громадныя суммы денегъ. („Датскія деньги“, „Danegeld“; см. ниже). Они не ушли и продолжали свои опустошенія. Наконецъ, Этельредъ ухватился за новое средство—внезапное избіеніе живущихъ въ его странѣ датчанъ. Въ день св. Бриція (13 ноября 1002 года) была устроена кровавая баня (Датская вечеря); но даже въ самой Англіи не удалось истребить всѣхъ датчанъ, а Данелага это кровопролитіе вовсе не коснулось, безъ сомнѣнія. Въ числѣ убитыхъ находилась, между прочимъ, сестра датскаго короля, бывшая замужемъ за датчаниномъ, состоявшимъ на англосаксонской службѣ. Она видѣла, какъ умирали въ страшныхъ мукахъ ея мужъ и ея единственный сынъ и предсказала предъ своей смертью, что ея братъ воздастъ англосаксамъ самой ужасной местию.

Эта месть не заставила себя ждать долго. Набѣги для грабежей превратились въ карательные отряды, которые задавались цѣлью завоевать Англію. Въ 1013 году датскій король Свенъ Твескьегъ (Виллорудый), неоднократно уже опустошившій Англію, собралъ большое войско для того, чтобы довести до конца завоеваніе Великобританіи. Онъ вышелъ на берегъ въ Нортумберлендъ, и черезъ короткое время въ его власти оказался весь Данелагъ, жители котораго примкнули къ нему. Послѣ этого онъ обратилъ свои силы противъ Южной Англіи: побѣда осталась на его сторонѣ, и сопротивленіе англосаксовъ было сломлено черезъ короткое время. Въ томъ же году Лондонъ раскрылъ предъ нимъ свои ворота; Этельредъ вынужденъ былъ бѣжать въ Нормандію, а Свенъ сталъ королемъ. Недолго, однако, онъ наслаждался плодами своей побѣды: уже въ началѣ слѣдующаго года онъ скончался скоропостижной смертью.

Незадолго до своей смерти онъ заставилъ бывшихъ въ Англіи датчанъ выбрать своимъ преемникомъ на англійскомъ престолѣ своего сына Кнута (Кнуда), который послѣдовалъ за нимъ въ походъ; но англосаксонскіе магнаты, узнавши о смерти короля, призвали обратно Этельреда и обѣщали больше уже никогда не изъявлять покорности никакому датскому королю. Этельредъ вернулся обратно, быстро было собрано англосаксонское войско, и Кнута покинулъ Англію для того, чтобы привезти изъ своего отечества новыя военныя силы, такъ какъ его собственныя были слишкомъ слабы. Онъ снарядилъ могущественный флотъ, на который онъ посадилъ лучшихъ норманнскихъ воиновъ, и въ 1015 году онъ появился снова въ Англіи. Свѣтскіе и духовные магнаты поспѣшили изъявить ему покорность. Вскорѣ послѣ этого, въ 1016 году, скончался несчастный Этельредъ; но Кнута нашелъ себѣ достойнаго противника въ лицѣ сына Этельреда, храбраго Эдмунда „Желѣзный Бокъ“, возведеннаго въ король лондонскими бюргерами. При помощи измѣны Кнута одержалъ большую побѣду при Ассандунѣ (въ 1016 году), послѣ которой состоялось мирное соглашеніе, и государство было подѣлено между обоими королями. Такъ какъ Эдмундъ скончался уже въ 1017 году, то съ этого времени Кнута сталъ единодержавнымъ королемъ Англіи. Въ 1028 году онъ сталъ также датскимъ королемъ, а въ 1028 году норвежскимъ и собирателемъ, какъ полагаютъ, основать сѣверно-европейскую имперію съ Англіей, какъ метрополіей. Однако, его смерть (въ 1035 году) помѣшала ему осуществить свои планы. Его сыновья скончались также черезъ короткое время, пробывши на престолѣ весьма недолго, и послѣ этого прекратилось господство датчанъ надъ Англіей (въ 1042 году; см. ниже). Какъ и надо было ожидать, нѣкоторые норманнскіе король, какъ-то: Гаральдъ Гаардрааде, Свенъ Эстридсенъ, Кнута Святой, пытались впоследствии завоевать обратно

Англию, но они не имѣли никакого успѣха; этимъ заканчиваются норманскіе походы. Въ Скандинавскихъ странахъ восторжествовало христіанство, и страсть норманновъ къ войнѣ и приключеніямъ поступила теперь на службу къ церкви. Норманскіе набѣги превратились въ крестовые походы, предпринимавшіеся частью въ Обѣтованную Землю, частью противъ языческихъ сосѣднихъ народовъ на берегахъ Балтійскаго моря.

При посредствѣ норманнскихъ походовъ скандинавскіе народы впервые вступили въ связь съ Западной и Средней Европой; эта связь имѣла громадное значеніе какъ для самихъ скандинавскихъ народовъ, такъ и для тѣхъ, которыхъ они посѣщали. Западно-европейцы страдали сильно отъ опустошеній, особенно въ первое время, когда эти походы были только хищническими набѣгами. Однако въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ эти набѣги оказались полезными для Средней и Западной Европы: для того, чтобы дать отпоръ норманнамъ, народамъ, страдавшимъ отъ ихъ нападений, пришлось тѣснѣе сплотиться, что повело къ укрѣпленію національнаго и политическаго объединенія. Въ этомъ отношеніи походы норманновъ способствовали образованію новоевропейскихъ государствъ, начавшемуся одновременно съ ними. Кромѣ того, они показали Западной Европѣ все значеніе моря и береговой линіи; затѣмъ они оказали вліяніе на военное устройство и военное искусство Западной Европы. Важнѣе всего другое послѣдствіе этихъ походовъ: при посредствѣ своихъ колоній норманны внесли свѣжія силы въ среду слабыхъ и выродившихся народовъ и поставили ихъ на новые пути. Въ то время, какъ силы западно-европейскихъ народовъ возрастали такимъ путемъ, Скандинавскій Сѣверъ былъ ослабленъ вслѣдствіе этой крупной эмиграціи; но вмѣстѣ съ тѣмъ скандинавскія страны освобождались отъ множества безпокойныхъ, гордыхъ и упрямыхъ предводителей, что облегчило королямъ задачу собиранія отдѣльных земель въ крупное государство и упрочило королевскую власть. Къ тому же скандинавскіе народы ознакомились при посредствѣ этихъ походовъ съ высшей культурой Западной Европы. Христіанство, проникавшее къ нимъ вначалѣ весьма медленно, мало-по-малу одержало верхъ надъ язычествомъ.

3. Данія.

А. Событія, предшествовавшія смерти Гардекнута (1042 г.).

Данія уже была объединена въ одно государство раньше 800 г. послѣ Р. Х. и состояла въ то время изъ трехъ главныхъ частей: полуострова Ютландіи (до рѣки Эйдера), острововъ, важнѣйшимъ изъ которыхъ былъ островъ Зеландія съ королевскою резиденціей въ Леире, и Шонена (съ Галландомъ и Блекнингеномъ). Каждая изъ этихъ частей государства имѣла свой особый тингъ, т. е. народное собраніе, на которомъ собирався народъ, т. е. крестьяне, для избранія короля, изданія законовъ и для суда; жители Ютландіи собиравлись въ Выборгѣ, жители Зеландіи въ Рингстедѣ, а жители Шонена въ Луидѣ. Объединяющею связью между этими тремя областями служилъ король. Онъ избирался изъ королевскаго рода: онъ былъ главнымъ жрецомъ, охранялъ миръ, а на войнѣ былъ предводителемъ ополченія. Слѣдующими по рангу за королемъ были ярлы, управлявшіе болѣе значительными областями отъ имени короля; король имѣлъ свою дружину, которая помогала ему въ мирное и военное время вмѣстѣ съ крупными землевладѣльцами, начальниками небольшихъ округовъ.

Первыя надежныя извѣстія о Даніи мы получаемъ отъ франкскихъ лѣтописцевъ времени Карла Великаго. Во время войнъ съ саксами Ви-

дукинды нашель убѣжище у датскаго короля Зигфрида (въ 777 г.), а послѣ покоренія саксовъ Карль пришелъ во враждебное соприкоснове- ние съ датчанами (стр. 95). Тогдашній король Дани Готфридъ (Göt- rik) заградилъ свою южную границу валомъ и готовился къ нападенію на Франкское государство, но былъ убитъ. Его преемникъ заключилъ миръ съ императоромъ, и рѣка Эйдеръ осталась границей между Франкскимъ го- сударствомъ и Даніей. Вскорѣ послѣ этого въ датскомъ королевскомъ домѣ вспыхнули раздоры изъ-за престолонаслѣдія, продолжавшіеся довольно дол- го; эти раздоры проложили путь христіанству, съ которымъ нѣкоторые дат- чане познакомились еще раньше частью черезъ миссіонеровъ (напр., Вилли- брорда), а частью посредствомъ путешествій за границей. Король Га- ральдъ (по прозвищу „Клакъ“) былъ изгнанъ сыновьями Готфрида; онъ бѣжалъ въ Германію и принялъ крещеніе (въ 926 г.) для того, чтобы до- биться помощи Людовика Благочестиваго. Когда онъ вернулся въ Данию вскорѣ послѣ этого, то за нимъ послѣдовалъ въ качествѣ миссіонера бла- гочестивый Ансгаръ, монахъ изъ бенедиктинскаго монастыря въ Кор- веѣ. Ансгаръ былъ преисполненъ рвенія къ своему призванію; онъ при- ступилъ немедленно къ своей миссіонерской дѣятельности и основалъ въ Хедеби (въ Ютаандіи) училище для подготовленія учителей вѣры. Однако ему пришлось преодолѣть много затрудненій, и дѣло обраще- нія подвигалось медленно. Еще худшій оборотъ приняло дѣло, когда покровитель Ансгара, Гаральдъ, былъ снова изгнанъ. Теперь Ансгаръ тоже вынужденъ былъ бѣжать. Онъ отправился въ Швецію, гдѣ онъ былъ хорошо принятъ и обратилъ много душъ на путь христіанства. Ме- жду тѣмъ въ Гамбургѣ было основано архіепископство для сѣверныхъ странъ, и Ансгаръ былъ возведенъ въ санъ архіепископа гамбургскаго, резиденція котораго была перенесена въ Бременъ послѣ разрушенія Гам- бурга датчанами. Ансгаръ сумѣлъ пріобрѣсти дружбу датскаго короля и принялся съ новыми силами за свой трудъ „апостола Сѣвера“, трудъ, который онъ продолжалъ съ неутомимымъ рвеніемъ до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 865 г.

Послѣ его смерти обращеніе въ христіанство подвигалось очень туго, такъ какъ Дани была раздраема въ это время кровопролитной междуусобной борьбой. Въ началѣ X вѣка одинъ изъ шведскихъ пред- водителей, Олафъ, овладѣлъ если не всею, то, по крайней мѣрѣ, частью Дани; его сынъ Гнуна былъ разбитъ германскимъ королемъ Генрихомъ (въ 934 г.) и вынужденъ былъ принять крещеніе. Однако шведское господство продолжалось недолго; Гнуна былъ разбитъ потомкомъ дат- скаго королевскаго рода Гормомъ Старшимъ, супруга котораго Тира Данмарксбодъ соорудила, какъ говорятъ, пограничный валъ Dane- vîgke (Датскіе верки). Сынъ Горма, Гаральдъ Блаатандъ (Синезубый), царствовавшій съ 940 г. не только надъ всею Даніей, но въ теченіе нѣ- котораго времени также надъ Норвегіей, принялъ крещеніе и заботился съ большимъ усердіемъ о распространеніи христіанства въ своемъ госу- дарствѣ; на покрытомъ руинами камнѣ въ Іельинге (см. фиг. 2 и 3 на табл. прил. къ стр. 544), который онъ поставилъ въ память своихъ родителей, онъ передаетъ, что онъ покорилъ всю Данию и Норвегію и обратилъ дат- чанъ въ христіанство. Однако не всѣ датчане были довольны его рве- ніемъ къ вѣрѣ: недовольные примкнули въ 985 г. къ его сыну Свену Твескьегу (Вилобородому; стр. 509). Гаральдъ палъ въ битвѣ (въ 986/7 г.). Королемъ сталъ Свень, который завоевалъ также и Англию въ 1013 г.; какъ было уже сказано выше, онъ тоже принялъ крещеніе, но об- паруживалъ терпимость въ дѣлахъ вѣры.

Христіанство восторжествовало въ Дани только благодаря вто- рому сыну Свена, Кнуту Сильному (отъ 1018 до 1035 г.; томъ V, стр. 466). Кнуть расширилъ въ громадной степени предѣлы своихъ вла-

двѣи: онъ царствовалъ надъ Даніей, Англіей и Норвегіей, заставилъ императора Конрада II, который уступилъ ему маркграфство Шлезвигское (стр. 107), призвать себя императоромъ Бретландіи (Британіи) и собирался основать сѣверную имперію, какъ уже было упомянуто выше (стр. 509). Однако онъ не сдѣлалъ ничего для прочнаго объединенія своихъ владѣній; онъ проводилъ большую часть своего времени въ Англии, на которую онъ смотрѣлъ, какъ на главную часть своихъ владѣній, и эта послѣдняя страна подвинулась впередъ во всѣхъ отношеніяхъ подъ его твердымъ управленіемъ. Однако онъ не переставалъ заботиться также и о Даніи, которая пришла въ болѣе тѣсное соприкосновеніе съ высшей средневропейской культурой благодаря своей уніи съ Англіей, гораздо далѣе подвинувшейся впередъ. Въ особенности эта унія содѣйствовала распространенію христіанства, надъ которымъ трудились въ Даніи англосаксонскіе священники: строились церкви и были основаны первые монастыри. Кнуть былъ очень щедръ по отношенію къ церкви; духовенство получало отъ короля богатые подарки, — и вліяніе его непрерывно возрастало. Такимъ образомъ Кнуть положилъ начало датской церковной іерархіи; въ то же время при немъ появились первые начатки свѣтской аристократіи благодаря грамотѣ (Vederglov), данной имъ своей дружиной (Tingamannalid), въ силу которой члены этой дружины приобрѣли различныя привилегіи.

Б. Эстриды или Ульфинги (отъ 1047 до 1375 г.).

Съ сыномъ Кнута Гардекнудомъ прекратился въ 1042 г. древній королевскій родъ. Въ силу заключеннаго раньше договора норвежскій король Магнусъ Олафсенъ занялъ также и датскій престолъ. Однако въ 1047 г. датчане избрали королемъ сына Ульфдарла и Эстриды, сестры Кнута, Свена Эстридсена; Норвегія тоже вынуждена была, наконецъ, признать его своимъ королемъ. Въ лицѣ Свена датскій престолъ перешелъ въ руки Эстридской династіи, которая занимала его въ теченіе 300 лѣтъ. Эта династія возвела Данію на верхъ ея могущества; однако при ней же Данія дождала до самаго позорнаго униженія. Свень (отъ 1047 до 1076 г.) былъ образованнымъ и привѣтливымъ человѣкомъ и пользовался большою популярностью среди датчанъ. По примѣру Кнута онъ занимался съ большимъ рвеніемъ церковными дѣлами, основывалъ епископскія кафедры и пытался освободить датскую церковь изъ-подъ власти бременскаго архіепископа; его сыновья Кнуть IV и Эрикъ Эйегодъ продолжали, начиная отъ 1080 г., дѣло, начатое ихъ отцомъ. Кнуть, къ которому народъ относился съ ненавистью за его суровость и который былъ, наконецъ, убитъ народомъ въ 1086 г., по почитался съ 1101 г. датскимъ національнымъ святымъ, положилъ начало специальной юрисдикціи церкви посредствомъ тѣхъ льготъ, которыя онъ далъ ей, обезпечивши за ней вѣрный источникъ доходовъ благодаря введенію десятины. Эрикъ (отъ 1095 до 1103 г.) получилъ въ 1104 г. отъ папы согласіе на учрежденіе въ Лундѣ архіепископской кафедры, которой были подчинены всѣ скандинавскія церкви.

Послѣ смерти Эрика Данія страдала долгое время отъ междуусобныхъ столкновеній изъ-за престолонаслѣдія между потомками Свена Эстридсена, пока, наконецъ, вступилъ Эрикъ Эйегода. Вальдемаръ Великій (1157—1182 гг.), не одержавъ верха надъ своими противниками. Послѣ этого въ Даніи снова водворился миръ. Во время междуусобныхъ раздоровъ Данія опустошалась непрерывно жившими на берегу Балтійскаго моря и пребывавшими еще въ язычествѣ вендами. Страна была беззащитна; крестьяне разбѣгались, и вещи не встрѣчали почти никакого отпора. Однако, когда на престолъ вступилъ Вальдемаръ, то положеніе дѣлъ измѣнилось: онъ предпринялъ настойчивую борьбу противъ мор-

grote hertic van szwe-
rn to lubeke to samene
vide uoren iegen den ko-
ning. se quamen to same-
ne to boorchhoude an san-
te marien magdalenen
daghe. Dar wact en groot

sact de koning wact segt
ios. vide wact hertoghe

ouer mere vide staet de
koninghe lodewich van
doornen voor beanditz vū
der pelesmele. De do-
dar ghebesen de voeten ouer
vide wuveden saet. Ha-
deme panese honore wart
gregorius panes. De haer
se wact sek vide uer
do macht ouer mere dar
vrome dede ene de panes
to vame. Do makede de
viscop van beemen enre
weninghe twischen deme
koninge vide enre vnde

Битва при Борнгеведѣ 22 іюля 1227 года.

Шо написанной около 1300 года и обрывающейся на 1229 году берлинской рукописи „Саксонской Всемирной Лѣтописи“, законченной около 1250 года.)

Текст лѣтописи.

[In der silven tit vor aver de koning van Denemarken in dat lant to Dethmerschen unde gewan dat unde vor vor Etzeho unde karde al dat lant to eme unde let siner lude dar en del mit den lantluden vor deme hus unde vor vort vor Segheberghe unde buwede dar ene borch vore. Greve Alf losde oc dat hus to Etzeho unde wart der lude vele ghevangen unde gheslaghen unde ghedrenket de darvore waren. Do quam oc de hertoghe Otte to helpe sinem ome deme koninge. Do quam de biscof van Brouen unde de hertoghe Albrecht van Sassen unde greve Alf unde greve heinric van szwerin to lubeke to samene unde voren iegen den koning; se quamen to samene to bornchevede an saute marien magdalenen daghe. Dar wart en grot strit de koning wart segelos; unde wart hertoghe [Otte van Luneborch ghevangen unde des koninges volc almestich gheslagen unde ghevangen. Umme de silven tit wart gheslaghen de biscof van Utrecht vor Covorde unde mit eme wol verhunderd ridders. Do wart och en grot vart] over meir unde starf de lantgreve Jodewich van doringen, vor brandiz, unde der pelegrime vele. Do do dar ghenesen de voren over unde buweden salat. Na deme pavesse honorio wart Gregorius paves. De keiser wart sek unde no vor do nicht over mero; dar umme dede ene de paves to barthe. Do makede de biscof van brouen ene eveninghe twischen deme koninge unde eme unde [greven Alve, also dat des koninges sone Abel greven Alves dochter neme. Also wart dat orloghe vorsont.]

Переводъ.

[Въ это же самое время (1227 г.) датскій король (Вальдемаръ II) совершилъ второй походъ (первый, неупоминаемый лѣтописью, произошелъ, повидимому, въ 1226 г.) въ область Дитмаршепъ, покорилъ ее, подступилъ къ укрѣпленному замку Итцего, подчинилъ себѣ всю эту страну, оставилъ часть своихъ войскъ подъ стѣнами замка вмѣстѣ съ мѣстными ополченіемъ, отправился дальше къ Зегебергу и выстроилъ предъ нимъ укрѣпленный замокъ. Графъ Адольфъ (IV. Шауэнбургъ, графъ Гольштинскій) выручилъ отъ осады замокъ Итцего, и нѣзъ людей, осаждавшихъ его, многіе были взяты въ плѣнъ, убиты или потоплены. Тогда пришелъ герцогъ Оттонъ (Брауншвейгъ-Люнебургскій) на помощь къ своему дядѣ, королю. Тогда собрались въ Любекѣ епископъ Бременскій (Гергардъ II, архіепископъ Гамбургскій), герцогъ Саксонскій Альбрехтъ (I), графъ Адольфъ и графъ Шверинскій Генрихъ и выступили противъ короля; противники столкнулись между собою въ Борнгеведѣ [22 іюля]. Тутъ произошло большое сраженіе; король былъ разбитъ, герцогъ [Люнебургскій Оттонъ] былъ взятъ въ плѣнъ, а войско было, большею частью, побито и взято въ плѣнъ. Въ это же самое время (28 іюля 1227 г.) епископъ Утрехтскій былъ разбитъ подъ стѣнами замка Ковордена (въ Дрентъ) вмѣстѣ съ четырьмястами рыцарей. Въ это время состоялся также большой походъ за море, и окончился лангграфъ Тюрингенскій Людвигъ (IV, Свѣтой) около Бриджан [11 сентября 1227 г.], а также много паломниковъ. Но тѣ, которые остались здѣсь въ живыхъ, переправились черезъ море и выстроили Сидонъ. Послъ папы Гонорія (III) папой сталъ Григорій (IX, въ мартѣ 1227 г.). Императоръ заболѣлъ и не отравился по этому за море, за что папа подвергъ его отлученію [29 сентября въ Анапни и 18 ноября въ Римѣ]. Тогда епископъ Бременскій устроилъ соглашеніе между королемъ, собой самимъ и [графомъ Адольфомъ съ тѣмъ условіемъ, что сынъ короля, Абель, женится на дочери графа Адольфа (Матильдѣ). Такимъ образомъ былъ улаженъ споръ.]

(Дополненія замѣтованы изъ выпеднаго подъ редакціей Л. Вефланда изданія „Саксонской Всемирной Лѣтописи“ во II томѣ „Германскихъ Лѣтописей“.)

Первоначально, когда рисунокъ еще не поблекъ и краски еще были свѣжи, племени и клички мечомъ иблал серебряный цѣпъ; выгнутаго копы, которымъ самый переланій изъ немецкихъ рыцарей цѣпляли въ лицо короля Вальдемара, сталъ совершенно незамѣтнымъ съ теченіемъ ѣкъвъ. Рисунокъ на маленькомъ датскомъ знамени и на шлѣ изображаетъ трехъ голубыхъ допардовъ.

скихъ разбойниковъ. При поддержкѣ своего друга, воинственнаго епископа Абсалона, и въ союзѣ съ саксонскимъ герцогомъ Генрихомъ Львомъ онъ напалъ на вендовъ въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ и покорилъ островъ Рюгенъ, князь котораго сталъ его ленникомъ. Абсалонъ остался вѣрнымъ сподвижникомъ сына Вальдемара, Кнута VI, знамя котораго тоже не было омрачено ни однимъ поражениемъ; владѣтельные князья померанскіе и мекленбургскіе были вынуждены изъявить ему покорность; въ то же время братъ Кнута, Вальдемаръ, возведенный имъ въ санъ герцога Южной Ютландіи (Sönderjylland), захватилъ въ плѣнъ графа гольштинскаго и подчинилъ себѣ его владѣнія. Когда Вальдемаръ II Зеръ (Нобѣдопосный) унаследовалъ престолъ отъ своего брата въ 1202 г., то подъ его властью оказались всѣ страны, лежащія по берегамъ западной части Балтійскаго моря. Теперь онъ рѣшилъ распространить свою власть на восточное побережье того же моря и предпринялъ въ 1219 г. крестовый походъ противъ эстовъ; какъ полагаютъ, король имѣлъ въ виду основать въ Эстляндіи независимое отъ Риги епископство. Эсты были разбиты въ одномъ сраженіи, съ которымъ связываютъ легенду о знамени, упавшемъ съ неба (Данеброгъ); они были принуждены принять крещеніе; былъ основанъ гор. Ревель (т. V, стр. 435). Могущество Вальдемара оказалось, однако, непродолжительнымъ: въ 1223 г. онъ былъ взятъ въ плѣнъ своимъ вассаломъ Генрихомъ, графомъ шверинскимъ, и сейчасъ же послѣ этого подчиненныя Данин области отдѣлились отъ нея. Въ 1225 г. Вальдемаръ былъ отпущенъ на свободу и пытался возстановить свое прежнее могущество: но въ 1227 г. онъ былъ разбитъ на голову при Борнхеведѣ (ср. т. VII, стр. 29). Эта битва (см. прил. табл. „Битва при Борнхеведѣ 22 іюля 1227 г.“) рѣшила участь Сѣверо-Восточной Германіи. Вальдемаръ вынужденъ былъ заключить миръ съ своими многочисленными врагами; изъ всѣхъ сдѣланныхъ имъ завоеваній онъ удержалъ за собою почти только Эстляндію и Рюгенъ. Съ этихъ поръ онъ отказался отъ войны и посвятилъ свои силы исключительно улучшенію внутренняго благосостоянія своей страны, въ первую очередь — усовершенствованію законовъ; незадолго до своей смерти (1241 г.) онъ обнародовалъ сборникъ ютландскихъ законовъ, которому онъ, повидному, хотѣлъ придать значеніе общегосударственнаго уложенія.

Изъ этихъ законовъ мы видимъ, какъ сильно измѣнились подъ вліяніемъ сношеній съ другими странами социальныя условія въ царствованіе обоихъ Вальдемаровъ. Надъ крестьянами, единственнымъ прежнимъ сословіемъ, выросли теперь дворянство и духовенство; рядомъ съ ними стало развиваться бюргерское сословіе; несвободное состояніе исчезло; несвободные превратились въ арендаторовъ-половинщиковъ. Земледѣліе пошло впередъ; почва, обрабатываемая крестьянами сообща, расчищалась все больше изъ-подъ лѣса, и число деревень безпрерывно увеличивалось; по прежнему крестьяне собирались на свои окружныя тинги, но эти собранія теряли мало-по-малу свое политическое значеніе: болѣе важные вопросы разрѣшались по большей части королемъ на собраніяхъ магнатовъ. Какъ войны, крестьяне тоже потеряли мало-по-малу свое прежнее значеніе. Древнее военное устройство еще не было уничтожено; страна дѣлилась по прежнему на большіе и меньшіе округа, которые должны были поставлять корабли и воиновъ, но ядромъ арміи служила теперь королевская дружина (Vederlov), сражавшаяся на коняхъ. Дружинники и королевскіе чиновники были освобождены отъ налоговъ въ отличіе отъ крестьянства и образовали знатное сословіе. Въ числѣ сановниковъ, которые приобрѣли въ послѣдствіи значеніе совѣтниковъ короля, первое мѣсто занимали маршалъ (Marsk), воевода (Drost) и канцлеръ.

Находившееся подъ иностраннымъ вліяніемъ духовенство тоже отдѣлилось отъ народа и стремилось къ независимости отъ свѣтской

зласти. Церковь еще не успѣла осуществить требуемаго ею иммунитета, т. е. свободы отъ государственныхъ повинностей; тѣмъ не менѣе ея могущество и вліяніе возрастали непрерывно безъ нарушенія добрыхъ отношеній, поддерживавшихся между нею и Вальдемарамъ. Представители духовенства, нерѣдко обучавшіеся за границей, главнымъ образомъ въ Парижскомъ университетѣ, были единственными людьми, получившими высшее образованіе и посвятившими себя литературнымъ занятіямъ. Наибольшія заслуги на поприщѣ датской литературы принадлежатъ епископу Абсалону (стр. 513), который выдавался одинаково и какъ представитель духовенства, и какъ военачальникъ, и какъ государственный чловѣкъ: по его иниціативѣ секретарь его Саксонъ Грамматикъ написалъ на церковномъ латинскомъ языкѣ подробную исторію Даніи, составляющую вполне справедливо гордость датчанъ. Напротивъ того, вышеупомянутое судебное уложеніе было составлено на датскомъ языкѣ и, кромѣ своей культурно-исторической цѣнности, оно имѣетъ большое значеніе, какъ собраніе памятниковъ древняго датскаго языка. По мѣрѣ роста могущества церкви церковныя зданія становились все болѣе великолѣпными. Вмѣсто прежнихъ деревянныхъ теперь воздвигались каменные храмы, строившіеся по западногерманскимъ и сѣвернофранцузскимъ образцамъ.

Города, возникшіе изъ рыбацкихъ поселковъ, якорныхъ стоянокъ и торговыхъ рынковъ или же выросшіе кругомъ укрѣпленныхъ замковъ, были еще невелики и малочисленны, но развивались въ это время благодаря торговлѣ, мореплаванію, рыболовству, въ особенности ловлѣ сельдей и промышленности. Жители городовъ выдѣлились мало-по-малу изъ среды сельскаго населенія и составили особое сословіе; отъ короля, подъ непосредственную защиту котораго они часто отдавались, они получали особыя привилегіи, а впоследствии также особыя чинowników. Къ тому же бюргеры объединялись для обоюдной помощи въ гильдіи и цехи, благодаря которымъ возрастали согласіе между городскими жителями, а слѣдовательно также сила и значеніе городовъ. Важнѣйшими городами были Шлезвигъ и Рипенъ; Копенгагенъ, какъ городъ, обязанъ своимъ развитіемъ епископу Абсалону, устроившему укрѣпленный замокъ недалеко отъ древней стоянки судовъ „Nafn“.

Послѣ смерти Вальдемара II Побѣдоноснаго для Даніи наступили печальныя времена: государство быстро спустилось съ достигнутой имъ высоты. Преемники Вальдемара далеко уступали ему какъ по своимъ способностямъ, такъ и по своей энергіи. Добрыя отношенія между королями и магнатами прекратились. Церковная и свѣтская аристократія ополчилась противъ короля. На государственномъ собраніи (Danehof), которое пользовалось въ это время высшей государственной законодательной и судебной властью, они заставляли короля принимать такіе законы, которые отдавали въ ихъ руки все бѣльшую власть. Къ несчастью для государства, Вальдемаръ надѣлилъ своихъ сыновей крупными ленами; теперь они сами или ихъ потомки захотѣли стать независимыми и причиняли королямъ много хлопотъ. Наибольшей опасностью грозили государству герцоги Южной Ютландіи, такъ какъ они получали поддержку отъ графовъ голицинскихъ. Повсюду шла непрерывная борьба, не прекращались раздоры. Короли, испытывавшіе часто нужду въ деньгахъ, прибѣгли, наконецъ, къ губельному средству, — они стали закладывать отдѣльныя части своего государства; такъ какъ они не были въ состояніи выкупить ихъ, то всѣ эти области оказались потерянными для государства. Анархія и смуты не переставали расти, государству грозила гибель. Въ эту эпоху непрерывныхъ смутъ и непрерывной борьбы вся тяжесть общей неурядицы ложилась на плечи крестьянъ. Для того, чтобы найти защиту, они вынуждены были отдаваться подъ покровительство какого-либо магната и становились его крѣпостными („Vogede“). Такимъ образомъ крестьяне ли-

шились мало-по-малу своей свободой. Не лучше обстояло дѣло съ бюргерами: ганзейцы получили доступъ въ датскіе города (томъ VII, стр. 33), приобрѣли различныя права и осѣдность въ этихъ городахъ и оттѣснили бюргеровъ отъ сношеній съ другими государствами; прекратилось оживленное мореходство на Нѣмецкомъ и Балтійскомъ моряхъ, поддерживавшееся издревле датчанами и норвежцами.

Въ самомъ печальномъ положеніи оказалась Данія въ царствованіе Христофора II (1319—1332). Для того, чтобы получить королевскій престолъ, онъ вынужденъ былъ обнародовать выборную капитуляцію, лишившую его почти всякой власти; важнѣйшія части государства были заложены, и власть короля ограничивалась только нѣсколькими укрѣпленными замками. Самымъ главнымъ его кредиторомъ былъ графъ Голштинскій Гергардъ III, которому была отдана въ залогъ вся сѣверная Ютландія (Norgjylland). Послѣ смерти Христофора фактическимъ владѣтелемъ Даніи сталъ этотъ Гергардъ, а сынъ Христофора, Вальдемаръ, проживалъ въ Германіи. Однако падменное поведение Гергарда вызвало ютландцевъ на борьбу. 1 апрѣля 1340 года Гергардъ былъ убитъ, и королемъ былъ избранъ Вальдемаръ, который вернулся теперь въ Данію.

Вальдемаръ IV Аттердагъ (1340—1345) былъ человѣкомъ умнымъ, способнымъ и неразборчивымъ въ средствахъ, лишь бы они могли пригодиться для возстановленія государства и королевской власти. Отдаленную Эстляндію онъ продалъ въ 1346 году Тевтонскому ордену для того, чтобы добыть денегъ для выкупа болѣе важныхъ провинцій. Въ 1361 году ему удалось завоевать островъ Готландъ съ городомъ Висби; но этотъ успѣхъ вовлекъ его въ войну съ Ганзой. Ганза потерѣла пораженіе, но вскорѣ послѣ этого ганзейцы вступили въ союзъ съ Мекленбургомъ и Швеціей и снова объявили войну Вальдемару. Въ теченіе долгаго времени датскій король находился въ отчаянномъ положеніи, но въ концѣ-концовъ онъ вышутался изъ этой борьбы, не потерявъ никакой части своихъ владѣній (томъ VII, стр. 37). Внутри государства онъ старался поддерживать престижъ своей королевской власти; онъ склонился на свою сторону аристократію, даровавши ей Каллундборгскую грамоту (въ 1360 г.), увеличилъ королевскіе домены и вмѣстѣ съ тѣмъ свои источники доходовъ и расширилъ судебную власть короля. Онъ выступилъ съ твердостью противъ господствовавшихъ беззаконій и возстановилъ порядокъ; при этомъ онъ дѣйствовалъ съ большою строгостью и суровостью, и поэтому не пользовался популярностью ни въ пародныхъ массахъ, ни среди аристократіи.

В. Періодъ Датско-Норвежской уніи (до 1814 г.).

а) Унія со Швеціей.

Со смертью Вальдемара прекратилась династія Эстридовъ (въ 1375 г.). Королемъ былъ избранъ въ 1376 году сынъ его дочери, Олафъ. Такъ какъ Олафъ былъ еще слишкомъ молодъ, то государствомъ управляла его мать, Маргарита, которая была замужемъ за норвежскимъ королемъ Гааконномъ VI Магнуссономъ. 4 года спустя Олафъ унаслѣдовалъ отъ своего отца норвежскій престолъ. Такимъ образомъ Данія и Норвегія объединились подъ властью одного общаго короля (въ 1380 году). Эта унія просуществовала почти непрерывно до 1814 года. Олафъ скончался уже въ 1387 году, и Маргарита стала регентшей обоихъ королевствъ. Вскорѣ послѣ этого въ ея руки перешла также и власть надъ Швеціей. Шведскіе бароны, недовольные своимъ королемъ Альбрехтомъ, призвали ее къ себѣ. Альбрехтъ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ (въ 1389 году). Въ 1389 и 1396 годахъ былъ избранъ королемъ всѣхъ трехъ Скандинавскихъ государствъ по желанію Маргариты ея внучатный племянникъ Эрикъ Померанскій, а для того, чтобы опредѣлить точнѣе характеръ уніи, она созвала въ Каль-

маръ, въ Швеціи, депутатовъ отъ бароновъ всѣхъ трехъ королевствъ (въ 1397 году). Тутъ въ Кальмаръ состоялась коронація Эрика, и былъ составленъ проектъ закона объ униі. Впрочемъ, этотъ проектъ никогда не былъ признанъ закономъ по той причинѣ, что Маргарита не была довольна его постановленіями. Въ силу этого проекта всѣ три королевства признавались совершенно равноправными въ то время, какъ Маргарита, слѣдовавшая политикѣ своего отца, желала превратить Данію въ метрополию; кромѣ того, по ея мнѣнію, этотъ проектъ слишкомъ сильно ограничивалъ королевскую власть. Норвежцы, съ своей стороны, не были согласны съ нѣкоторыми пунктами проекта. Такимъ образомъ въ Кальмарѣ не было заключено никакой униі. Тѣмъ не менѣе всѣ три Скандинавскія государства оставались объединенными въ теченіе нѣкотораго времени. Поэтому говорятъ о „Кальмарской униі“ (1397 до 1523 года; срв. томъ VII, стр. 39). Если бы „короли униі“ отличались умомъ и дѣловитостью, то, вѣроятно, имъ удалось бы слить воедино три скандинавскихъ народа, столь близкихъ между собою во всѣхъ отношеніяхъ, и создать единую могущественную сѣверную державу. Но въ дѣйствительности эти короли признавали себя по большей части королями Даніи; это была ихъ метрополиа, тутъ находилась ихъ резиденція. Объ остальныхъ двухъ государствахъ они заботились мало, посѣщали ихъ рѣдко и думали только о томъ, чтобы извлечь изъ нихъ побольше дохода; Швеція и Норвегія совершенно основательно оскорблялись этимъ пренебреженіемъ и выражали недовольство: послѣдствіемъ этого недовольства былъ непрерывный рядъ возстаній. Такимъ образомъ время униі оказалось періодомъ раздоровъ и войнъ. Не только не было создано единой сѣверной державы, но, напротивъ того, это объединеніе повлекло за собою взаимную вражду и ненависть между скандинавскими народами.

Умная и энергичная Маргарита, лично руководившая государственными дѣлами до самой своей смерти, поддерживала съ успѣхомъ внутреннее спокойствіе въ своемъ государствѣ; но сейчасъ же послѣ ея смерти начались раздоры. Эрикъ Померанскій хотѣлъ продолжать политику своей пріемной матери и пытался отобрать у графовъ голштинскихъ герцогство Южно-Ютландское или Шлезвигское, доставшееся имъ послѣ прекращенія династіи Южно-Ютландскихъ герцоговъ (въ 1375 году). Однако, онъ вынужденъ былъ отказаться отъ этого герцогства послѣ двадцатилѣтней упорной войны. Въ тоже время онъ велъ несчастную войну съ ганзейцами, возмущенными тѣмъ, что онъ оказывалъ покровительство нидерландцамъ и взималъ пошлины съ судовъ, проходившихъ черезъ Зундъ. Налоги, которые онъ ввелъ для покрытія военныхъ расходовъ, вызвали недовольство; раздавались жалобы на его дурное управленіе. Въ Норвегіи и Швеціи вспыхнуло возстаніе; населеніе Даніи тоже было недовольно имъ. Наконецъ, въ 1439 году, онъ былъ низложенъ съ престола, и королемъ былъ избранъ его племянникъ, сынъ его сестры Христофоръ Баварскій (Христофоръ III).

б) Ольденбургскій домъ.

Со смертью Христофора III (въ 1448 г.) униа фактически прекратила свое существованіе. Шведы возвели въ короли прежняго правителя своего государства Карла Кнутсона (стр. 548), а датчане графа Христіана (Кристьяна) Ольденбургскаго, провозглашеннаго черезъ два года также и норвежскимъ королемъ). Христіанъ I, равно какъ и сынъ его Юапъ (1481—1513) и его внукъ, Христіанъ II, пытались возстановить унию со Швеціей, въ которой существовала партія сторонниковъ Даніи; въ 1457 и 1497 годахъ имъ дѣйствительно удалось было занять шведскій престолъ, но не надолго. Христіанъ II вздумалъ истребить мятежническій духъ шведовъ посредствомъ казни множества дворянъ, духовныхъ лицъ и бюргеровъ

(Стокгольмская кровавая баня 8 ноября 1520 года), но въ результатѣ оиъ вызвалъ только новое возстаніе, навѣки отдѣлившее Швецію отъ Даніи (въ 1523 году). Въ то самое время, какъ Ольденбургская династія потеряла такимъ образомъ Швецію, она расширила свои владѣнія въ другую сторону; послѣ прекращенія династіи Шауэнбурговъ, Христіанъ I былъ избранъ герцогомъ Шлезвигскимъ и графомъ Голштинскимъ (2 марта 1460 года) подѣ тѣмъ условіемъ, чтобы обѣ эти области были навѣки нераздѣльны между собою (*ewich tosamende ungedeld*; грамота 5 марта). Попытка его сыновей подчинить своей власти вольныхъ жителей Дитмаршена привела къ пораженію его при Геммингстедтѣ (17 февраля 1500 года).

Въ эту эпоху ослабѣла королевская власть, упроченная на время Вальдемаромъ IV и Маргаритой. Данегофъ (стр. 515) прекратилъ свое существованіе. Его мѣсто занялъ государственный совѣтъ, игравшій на ряду съ королемъ роль самостоятельнаго правительственнаго учрежденія, безъ согласія котораго король не могъ дѣйствовать въ болѣе важныхъ вопросахъ. При посредствѣ государственнаго совѣта, который развился изъ королевскаго совѣта, важнѣйшими членами котораго были *Drost* (впоследствии гофмейстеръ королевства), маршалъ, канцлеръ и епископы, возросло могущество дворянства, которое пользовалось для расширенія своихъ привилегій выборными капитуляціями, которыя подписывались королемъ по требованію совѣта. Только люди знатнаго происхожденія могли быть начальниками леновъ (административныхъ округовъ), доходы съ которыхъ большинство этихъ начальниковъ употребляло въ свою собственную пользу, а по отношенію къ государству ихъ обязанности ограничивались несеніемъ военной службы и опредѣленными взносами въ коронную казну. Дворянство было освобождено отъ налоговъ и пользовалось большою властью надъ крестьянами; оно не признавало за собой никакой другой обязанности кромѣ защиты страны. Напротивъ того, положеніе крестьянъ ухудшилось; число крестьянъ собственниковъ непрерывно уменьшалось. Большею частью крестьяне были арендаторами, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (на островахъ Зеландіи, Лолландѣ и Фальстерѣ) прикрѣпленными къ землѣ; они были обязаны уплачивать своимъ господамъ различныя денежные повинности (вступительную плату и поземельный налогъ) и кромѣ того отправляли барщину. Города находились въ болѣе счастливомъ положеніи: короли видѣли, что привилегіи ганзейцевъ вредятъ мѣстнымъ купцамъ, и всѣ они стремились сломить какимъ-бы то ни было путемъ могущество Ганзы; они ограничивали привилегіи ганзейцевъ, заключали торговыя соглашенія съ нидерландцами, англичанами, шотландцами и французами и завели военный флотъ для того, чтобы пріобрѣсти господствующее положеніе на Нѣмецкомъ и Балтійскомъ моряхъ.

Послѣдній изъ королей уни, Христіанъ II, относился съ особеннымъ вниманіемъ къ интересамъ бюргеровъ и крестьянъ. Это былъ даровитый, просвѣщенный и энергичный монархъ, отличавшійся вмѣстѣ съ тѣмъ необычайной страстностью, неосмотрительностью, подозрительностью, нерѣдко мстительностью и жестокостью. Уже съ ранняго возраста оиъ возненавидѣлъ дворянство и высшее духовенство, къ ограниченію могущества которыхъ оиъ не переставалъ стремиться. На выборную капитуляцію оиъ не обращалъ вниманія; по примѣру современныхъ ему европейскихъ монарховъ оиъ хотѣлъ добиться неограниченной власти. Въ борьбѣ противъ высшихъ сословій оиъ опирался на низшія, къ которымъ оиъ относился всегда съ особенной любовью. Оиъ поднималъ ихъ благосостояніе посредствомъ цѣлаго ряда законовъ. Среди нихъ оиъ пользовался любовью, но знатное сословіе ненавидѣло и боялось его въ такой степени, что, наконецъ, оно отказало ему въ своемъ повиновеніи и предложило корону его дядѣ Фридриху Голштейнъ-Готторнскому. Растерянный Христіанъ сѣлъ на корабль и отправился въ Нидерланды для того, чтобы

просить помощи у своего зятя, императора Карла V (въ апрѣлѣ 1523 г.). 8 лѣтъ спустя (въ концѣ 1531 г.), онъ сдѣлалъ изъ Норвегіи попытку вернуть себѣ престоль, но она оказалась безуспѣшной. Христіанъ скончался въ плѣну въ Каллундборгскомъ замкѣ 25 января 1559 г.

Послѣ низверженія Христіана издаанные имъ законы были отмѣнены. Дворянство вернуло себѣ обратно свои старинныя привилегіи, а духовенству новый король вынужденъ былъ дать обѣщаніе въ томъ, что онъ будетъ защищать церковь противъ ересей. Дѣло въ томъ, что уже въ царствованіе Христіана II реформація стала извѣстной въ Даніи. Самъ Христіанъ, который былъ племянникомъ Фридриха Мудраго, герцога Саксонскаго, въ теченіе нѣкотораго времени тоже относился благосклонно къ новому вѣроученію. Число послѣдователей его возрастало постепенно, въ особенности среди бюргерства, такъ какъ въ Даніи тоже палъ авторитетъ папы, и къ духовенству относились съ презрѣніемъ за его невѣжество и безправственность. Король Фридрихъ I былъ очевидцемъ успѣховъ новаго вѣроученія, но вопреки своимъ обѣщаніямъ не ставилъ ему никакихъ препятствій; многіе изъ бароновъ тоже относились къ нему благосклонно, надѣясь обогатиться за счетъ духовенства. Католическая церковь не обладала въ это время почти ни однимъ талантливымъ защитникомъ, такъ что попытки прелатовъ выступить противъ новаго вѣроученія оказались безплодными.

Вотъ при какихъ условіяхъ скончался Фридрихъ I (1533 г.). На сеймѣ господь, какъ назывались теперь собранія магнатовъ, не могло состояться общаго рѣшенія относительно избранія новаго короля. Дворянство хотѣло остановиться на старшемъ сынѣ Фридриха, Христіанѣ; но онъ былъ извѣстенъ, какъ ревностный лютеранинъ, поэтому епископы выступили противъ его кандидатуры; въ тоже время бюргеры и крестьяне подняли возстаніе, желая посадить на престоль престарѣлаго Христіана II; къ нимъ присоединились жители города Любека, бургомистръ котораго Юргенъ Вулленвеберъ надѣялся возстановить обратно вліяніе Любека на Сѣверѣ. Въ возгорѣвшейся борьбѣ перевѣсъ былъ сначала на сторонѣ приверженцевъ Христіана II и города Любека, по имени военачальника которыхъ, графа Христофора Ольденбургскаго, эта война получила названіе графскаго возстанія; почти вся Данія подчинилась графу, который заставлялъ присягать себѣ на вѣрноподданство подъ именемъ Христіана II. Очутившись въ такомъ отчаянномъ положеніи, епископы вынуждены были уступить, и Христіанъ III былъ избранъ королемъ. Вскорѣ послѣ этого военное счастье измѣнило возставшимъ; войска г. Любека были разбиты на сушѣ и на морѣ, и черезъ короткое время Христіанъ III сталъ господиномъ всего государства (1536 г.). Норвегія, склонявшаяся на сторону Христіана II, вынуждена была подчиниться и осталась въ униіи съ Даніей до 1814 года.

Бюргерамъ и крестьянамъ эта война нанесла сильный ударъ, послѣдствія котораго изгладились очень медленно, особенно для послѣднихъ. Между прочимъ, послѣ этой войны роль Любека, какъ великой сѣверной державы, оказалась сыгранной разъ навсегда; послѣ нея въ Даніи и Норвегіи восторжествовала реформація. Сеймъ, собранный въ Копенгагенѣ, въ которомъ участвовали въ одинаковомъ числѣ какъ представители дворянства, такъ и представители бюргеровъ и крестьянъ, упразднилъ въ Даніи католическую церковь (въ 1536 г.); было введено лютеранское вѣроученіе и церковное устройство, церковь была подчинена королю, земли епископовъ и монастырей были конфискованы, благодаря чему выросли въ необычайныхъ размѣрахъ королевскіе доходы. Произошла рѣзкая перемена въ положеніи церкви и духовенства, епископы лишились своихъ мѣстъ въ государственномъ совѣтѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ своего политическаго вліянія; заодно съ этимъ они потеряли свои имѣнія. Епископскій санъ

потеряла свою прежнюю заманчивость и перестала быть предметом домогательства для знатнаго сословія; съ этихъ поръ епископскія кафедря занимаются людьми бюргерскаго происхожденія. Епископы стали избираться священниками, а эти послѣдніе общинами; въ тѣхъ случаяхъ, когда церкви принадлежали королю или дворянству, эти послѣдніе пользовались правомъ патроната. Конфискація монастырскихъ имѣній принесла нѣкоторую выгоду также и дворянству, но больше всего выгадалъ отъ нея король. Дворяно направилъ все свои заботы на свои земельныя владѣнія; такъ какъ при новомъ способѣ веденія войны дворянство, какъ особое военное сословіе, потеряло свое значеніе, то съ этихъ поръ они стали жить въ своихъ помѣстьяхъ и заниматься сельскимъ хозяйствомъ. Кроме того, они направились на государственную службу и поутру посвящали съ усердіемъ свое время научнымъ занятіямъ.

Какъ и въ другихъ странахъ, реформація въ Даніи дала первый толчекъ къ развитію литературы на родномъ языкѣ. Если по считать эпохи Вальдемаровъ, то литературная дѣятельность на датскомъ языкѣ была весьма ничтожна въ продолженіи всего средневѣковья: большая часть литературныхъ произведеній того времени была написана на латинскомъ языкѣ. Правда, древнія саги и пѣсни передавались изъ поколѣній въ поколѣнія посредствомъ устнаго преданія, и такимъ образомъ образовалась богатая народная поэзія, но она жила только въ устахъ народа, а національной литературы въ настоящемъ смыслѣ этого слова фактически не существовало. Основанію ой было положено только въ эпоху реформаціи. Родоначальникомъ ея почитается Христіанъ Педерсенъ (сконч. въ 1554 г.), который возвелъ свой родной языкъ на степенъ литературнаго языка посредствомъ своего перевода Библии и нѣкоторыхъ другихъ своихъ сочиненій. Литература этого періода отличается по преимуществу религиознымъ направленіемъ; изъ стихотвореній пишутся только псалмы, преимущественно переведенные съ латинскаго и нѣмецкаго языковъ.

Герцогствами Шлезвигскимъ и Гольштейнскимъ, унаследованными Христіаномъ III отъ своего отца, онъ подѣлился со своими братьями; одинъ изъ нихъ, Адольфъ, сталъ родоначальникомъ герцогскаго дома Готторпскаго, который впоследствии сталъ домогаться независимости и поэтому присоединился часто къ врагамъ Даніи, въ особенности къ Швеціи. Фридрихъ I и Христіанъ III поддерживали дружественныя отношенія съ этимъ послѣднимъ государствомъ, но послѣ смерти второго изъ нихъ (въ 1559 г.) дѣло дошло до раздоровъ, повлекшихъ за собою „Семилѣтнюю войну“ (1563 - 1570 г.) между скандинавскими государствами. Сынъ Христіана, Фридрихъ II, хотѣлъ возобновить Кальмарскую унію; кроме того у него завязался споръ съ шведскимъ королемъ Эрикомъ XIV изъ-за прибалтійскихъ провинцій. Орденъ меченосцевъ, владѣвшій ими, пришелъ въ упадокъ, а Швеція, Россія, Польша и Данія хотѣли воспользоваться благоприятнымъ случаемъ для захвата орденскихъ владѣній (ст. V, стр. 527). Однако, Фридрихъ не достигъ своей цѣли и вынужденъ былъ удовольствоваться денежнымъ вознагражденіемъ по мирному договору въ Штеттинѣ. Эта война, которая велась съ обѣихъ сторонъ съ большою жестокостью, повлекла за собою отзаваніи въ теченіе долгаго времени тяжелыя послѣдствія. Она оживила снова ненависть между скандинавскими народами, которая продолжала поддерживаться послѣ того непрерывными дальнѣйшими войнами.

Послѣ этой войны Фридрихъ отказался отъ своихъ завоевательныхъ плановъ и посвятилъ себя мирному труду. На этомъ принцѣ счастье благоприятствовало ему, и въ теченіе послѣднихъ лѣтъ его царствованія Данія пользовалась большимъ престижемъ въ Европѣ. Въ 1574 - 85 г. была возведена крѣпость Кронборгъ (см. фиг. 6 на прилож. въ стр. 498).

господствующая надъ входомъ въ проливъ Зундъ; датскій король признавался господиномъ надъ сѣверными морями. Однако, Данія оказалась не въ силахъ удержать за собою надолго этого господствующаго положенія: оно пошло на убыль уже въ царствованіе сына Фридриха Христіана IV (1588—1648 г.). Христіанъ получилъ тщательное воспитаніе и обладалъ основательными познаніями, въ особенности въ математикѣ и техникѣ; къ тому же онъ отличался недюжиннымъ умомъ и необычайнымъ трудолюбіемъ, стремился всегда принять личное участіе во всѣхъ дѣлахъ и хлопоталъ непрерывно о поднятіи благосостоянія и могущества своихъ королевствъ. Онъ улучшилъ судопроизводство, заботился о народномъ образованіи, поддерживалъ свой флотъ въ превосходномъ состояніи, завелъ постоянную армію и содѣйствовалъ различными путями развитію торговли и мореплаванія, промышленности и горнодѣлія. Онъ основывалъ города въ Даніи и Норвегіи и украсилъ въ особенности Копенгагенъ многими общественными зданіями, построенными въ стилѣ нидерландскаго ренессанса. Онъ устраивалъ фабрики, основывалъ коммерческія общества, пріобрѣталъ колоніи, снаряжалъ экспедиціи для географическихъ изслѣдованій и посвящалъ Норвегіи столько вниманія, какъ никакой другой король изъ Ольденбургскаго дома. Первая половина его царствованія была такимъ образомъ счастливой эпохой какъ для Даніи, такъ и для Норвегіи.

Однако, Христіанъ IV стремился въ то же время къ расширенію могущества Даніи и своего собственнаго вліянія и вмѣшался ради этого въ средневропейскую политику, но на этомъ поприщѣ ему не повезло; онъ и самъ не былъ выдающимся государственнымъ человѣкомъ, и въ числѣ его близкихъ совѣтниковъ тоже не было талантливыхъ людей. Къ тому же Данія не обладала достаточными силами для того, чтобы играть крупную международную роль. Всѣ войны, въ которыя онъ вовлекъ свои государства, за исключеніемъ первой, привели къ несчастному исходу, несмотря на его личную храбрость и твердость духа. Христіанъ оставилъ свои владѣнія послѣ своей смерти урѣзанными и опустошенными. Прежде всего онъ пришелъ въ столкновеніе съ Швеціей въ 1611 г. По примѣру своего отца, онъ стремился объединить подъ своею властью всѣ три скандинавскія королевства и на первыхъ порахъ сдѣлалъ даже кое-какія завоеванія, но, въ концѣ концовъ, ему не удалось осуществить своего плана и онъ вынужденъ былъ вернуть обратно завоеванныя имъ области за денежное вознагражденіе (въ 1613 г., см. ниже). Послѣ этого прошло нѣсколько мирныхъ лѣтъ. Между тѣмъ въ Германіи вспыхнула тридцатилѣтняя война. Когда въ нее была вовлечена также и Сѣверная Германія, то сѣверно-германскіе протестанты обратились за помощію къ Христіану, котораго они избрали главнокомандующимъ Нижне-Саксонскаго округа (ср. т. VII, стр. 311). Христіанъ, который думалъ еще раньше объ упроченіи своего вліянія въ Германіи, двинулся въ походъ въ 1625 г., но былъ разбитъ на голову Тилли 27 августа 1626 г. при Люттерѣ около Баренберга и вынужденъ былъ отступить обратно въ Данію. Императорскія войска послѣдовали за нимъ; они наводнили полуостровъ Ютландію и подвергли его тяжелому опустошенію, но датскій флотъ воспрепятствовалъ имъ напасть на острова; такъ какъ помощъ, ожидавшаяся со стороны Англіи и Нидерландовъ, не осуществилась, то Христіанъ рѣшился на заключеніе мира, тѣмъ болѣе, что императоръ, старавшійся отклонить его отъ союза со Швеціей, предложилъ ему выгодныя условія. 12 мая 1629 г. онъ получилъ обратно свои владѣнія по мирному соглашенію, заключенному въ Любекѣ, но вынужденъ былъ дать обѣщаніе, что впредь не будетъ вмѣшиваться въ дѣла Средней Европы. Черезъ нѣкоторое время, когда шведы, выступившіе защитниками германскихъ протестантовъ, добились блестящихъ успѣховъ, въ Христіанѣ проснулась зависть, и онъ сталъ

ставить имъ препятствія, гдѣ только могъ; въ наказаніе за это шведское правительство рѣшило предпринять походъ въ Данію. Безъ объявленія войны шведская армія вступила въ 1643 году въ Голштейнъ. Одновременно съ тѣмъ, было произведено нападеніе на Шоненъ. Нидерландцы, которые были раздражены на Христіана за повышеніе имъ пошлины за проходъ черезъ Зундъ и за его притязанія на господство въ сѣверной части Атлантическаго океана, отправили свой флотъ на помощь къ шведамъ. Мужество и стойкость Христіана (срав. стихотвор. Эвальда „König Christian stand am hohen Mast“; т. VIII, стр. 626) спасли Данію отъ наихудшихъ золъ, но все же Христіанъ IV былъ вынужденъ уступить Швеціи Галландъ, Эзель, Готландъ, Херьедаленъ и Земландъ по мирному договору въ Бремзебро (23 августа 1645 г.). Кромѣ того, шведы были освобождены отъ пошлины за проходъ черезъ Зундъ, а для нидерландцевъ она была понижена; это повело къ значительному пониженію ежегодныхъ государственныхъ доходовъ Даніи. Христіанъ скончался черезъ 3 года послѣ заключенія этого договора (28 февраля 1648 г.). Что ему удалось совершить такъ мало несмотря на его добрую волю, въ этомъ повиненъ прежде всего онъ самъ. Однако, значительная доля отвѣтственности падаетъ также на дворянство, которое уклонялось всегда отъ малѣйшей жертвы на пользу отечества и всегда думало исключительно о своихъ собственныхъ интересахъ. Такое поведеніе дворянства вызвало негодованіе со стороны остальныхъ сословій, которое повело черезъ короткое время къ паденію знатнаго сословія.

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ царствованія Христіана IV наибольшимъ вліяніемъ на дѣла правленія пользовались зятья короля, главнымъ образомъ, гофмейстеръ королевства Корфицъ Ульфелдтъ. Послѣ смерти престарѣлаго короля онъ хотѣлъ обезпечить власть за собой и за государственнымъ совѣтомъ. Сына Христіана, Фридриха III (1648—1670), заставили обнародовать предъ его избраніемъ выборную капитуляцію, лишавшую его всякой власти: онъ почти ничего не могъ дѣлать безъ согласія совѣта. Всетаки Фридрихъ рѣшился разорвать связывавшія его оковы и освободиться отъ несправедливаго Ульфелдта. Своимъ высокоумнымъ поведеніемъ этотъ послѣдній нажилъ себѣ много враговъ среди дворянства; противъ него возбуждались жалобы, велись разслѣдованія по поводу его правительственной дѣятельности. Ульфелдтъ почувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ, не дождался исхода этихъ разслѣдованій, а покинулъ въ 1651 году Данію, отправился черезъ Голландію въ Швецію и сталъ натравливать правительство этого государства на Данію. Это не удалось ему; тѣмъ не менѣе дѣло дошло вскорѣ до разрыва между Швеціей и Даніей, а Ульфелдтъ давно ждалъ этого благоприятнаго случая для того, чтобы отомстить Фридриху и своему отечеству. Шведскій король Карлъ Густавъ (см. ниже) велъ въ это время войну въ Польшѣ и находился въ стѣсненномъ положеніи. Фридрихъ хотѣлъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для возвращенія потерянныхъ провинцій; не имѣя средствъ для веденія войны, онъ легкомысленно бросилъ вызовъ Швеціи. Когда Густавъ получилъ объявленіе войны, онъ немедленно покинулъ Польшу (лѣтомъ 1657 года), двинулся быстрыми переходами въ Данію и завоевалъ весь полуостровъ, не встрѣчая никакого сопротивленія, причемъ къ нему присоединился его тесть, герцогъ Готторпскій. Наступила суровая зима. Бельги замерзли такъ, что онъ могъ переправиться сухимъ путемъ со своимъ войскомъ на островъ Зеландію въ февралѣ 1658 года. Тутъ не было принято никакихъ оборонительныхъ мѣръ, и шведы подошли къ Копенгагену. Фридрихъ вынужденъ былъ просить мира, и онъ получалъ его на тяжелыхъ условіяхъ въ Роскильдѣ (8 марта 1658 года). Данія лишилась всѣхъ своихъ владѣній къ востоку отъ Зунда (Шоненъ, Галландъ, Блекинге) вмѣстѣ съ островомъ Борнгольмомъ; Норвегія

вынуждена была уступить округа Трондъемс-Ленъ (Дронтгеймскій ленъ) и Богусленъ, а герцогъ Готторпскій былъ освобожденъ отъ ленной зависимости по отношенію къ Даніи. Черезъ короткое время Карлъ Густавъ сталъ жалѣть, зачѣмъ онъ не забралъ всего датскаго королевства; ему не трудно было отыскать предлогъ для возобновленія войны, и слѣдующимъ лѣтомъ онъ двинулся къ Копенгагену. Однако, бюргеры воспользовались истекшимъ промежуткомъ времени для приведенія своего города въ оборонительное состояніе. Они оборонялись отъ нападенія шведовъ съ большимъ героизмомъ, при чемъ во главѣ ихъ стояли король, королева и смѣлая Софья-Амалия Брауншвейгская (сконч. въ 1685 году). Послѣ неудачнаго генеральнаго штурма Карлъ Густавъ вынужденъ былъ снять осаду въ 1659 году. Въ другихъ мѣстахъ ему тоже не повезло; жители Дронтгеймскаго округа и острова Борнгольма прогнали шведовъ, а изъ Ютландіи они были вытѣснены польско-бранденбургскимъ вспомогательнымъ войскомъ. Карлъ Густавъ собирался возмѣстить свои потери завоеваніемъ Норвегіи, но во время этихъ приготовленій скончался скорострѣжной смертью (28 февраля 1660 года). Послѣ этого былъ заключенъ при посредничествѣ Англій и Голландіи Копенгагенскій мирный договоръ (27 мая), по которому Даніи были возвращены обратно округъ Трондъемс-Ленъ и островъ Борнгольмъ. Во всемъ прочемъ былъ подтвержденъ въ существенныхъ чертахъ мирный договоръ въ Роскильде, такъ какъ морскія державы не были склонны къ тому, чтобы оба берега Зунда находились во владѣніи одного и того же государства.

Послѣ войны Данія очутилась въ печальномъ положеніи: она лишилась нѣкоторыхъ самыхъ богатыхъ и важныхъ своихъ провинцій; ея государственные финансы были окончательно разграблены, повсюду господствовала нищета и безысходная нужда. Для того, чтобы выйти изъ этого положенія, въ Копенгагенѣ былъ созванъ сословный сеймъ (въ 1660 году), на которомъ собрались представители дворянства, духовенства и бюргерскаго сословія. Въ послѣднее время бюргеры и духовенство ожесточались все сильнѣе противъ дворянства. Они были крайне недовольны его эгоизмомъ и презирали его за его низкое поведеніе во время войны, въ то время, когда бюргеры, и прежде всего Копенгагенскіе бюргеры, гордились своей храброй обороной столицы. Всѣ попытки улучшить существующее положеніе дѣлъ разбились первоначально о сопротивленіе дворянства, которое не хотѣло пожертвовать ни одной изъ своихъ привилегій и не соглашалось платить никакихъ повинностей. Послѣ этого бюргеры и духовенство, имѣвшіе талантливыхъ предводителей въ лицѣ бургомистра Хансена и епископа Сване, сплотились вмѣстѣ. Такъ какъ они увидѣли, что они не достигнутъ никакого успѣха безъ отмѣны привилегій дворянства, то Хансенъ и Сване внесли предложеніе о превращеніи Даніи въ наследственную монархію (въ октябрѣ) по соглашенію съ королемъ (который дѣлалъ видъ, что это затѣвается безъ его вѣдома, но въ дѣйствительности поддерживалъ вмѣстѣ съ своей супругой тайныя сношенія съ непривилегированными сословіями). Бюргеры и представители духовенства сейчасъ же согласились съ этимъ предложеніемъ: государственный совѣтъ сопротивлялся, но, наконецъ, вынужденъ былъ уступить, и съ большимъ торжествомъ состоялось принесеніе присяги на наследственное подданство. Послѣ этого была отмѣнена выборная капитуляція, и предполагалось выработать новую конституцію. Когда сословія не могли сойтись между собою въ этомъ вопросѣ, то Сване предложилъ, чтобы составленіе конституціи было поручено самому королю; такъ какъ король далъ много доказательствъ своего мужества и своей готовности къ жертвамъ во время осады и съ тѣхъ поръ сталъ очень любимъ народомъ, то послѣднее предложеніе было принято весьма охотно. Вскорѣ послѣ этого собраніе было распущено, и король обнародовалъ актъ, въ силу

котораго онъ присваивалъ себѣ неограниченную власть. Этотъ актъ былъ разосланъ по всей странѣ для подписи, и такимъ образомъ народъ далъ свое согласіе на введеніе самодержавія. Въ силу „Kongelov“ (королевскаго закона 14 ноября 1665 г.), который долженъ былъ стать неизмѣннымъ основнымъ закономъ для всѣхъ владѣній датской короны, король съ этихъ поръ стоялъ выше всѣхъ человѣческихъ законовъ, и ему принадлежала наивысшая власть во всѣхъ свѣтскихъ и духовныхъ дѣлахъ. Единственныя ограниченія, которыя были наложены на короля этимъ закономъ, заключались въ томъ, что онъ долженъ былъ принадлежать къ лютеранской церкви и не имѣлъ права дѣлать своихъ владѣній и измѣнять конституціи.

Новая конституція повлекла за собою радикальный переворотъ въ правительственномъ строѣ государства. Государственный совѣтъ былъ распущенъ, и управление государствомъ было передано въ руки правительственныхъ коллегій, президенты которыхъ составляли королевскій совѣтъ. Лены были уничтожены, и вся страна была раздѣлена на округа (Amt), управляемые чиновниками, состоящими на казенномъ жалованіи (Amtmoend). Общины лишились права патроната; городской совѣтъ и бургомистръ назначались королемъ. Благодаря этимъ нововведеніямъ дворянство не только потеряло все свое политическое вліяніе, но вслѣдствіе конфискаціи леновъ оно лишилось вмѣстѣ съ тѣмъ своихъ важнѣйшихъ доходовъ, а отчасти своей свободы отъ государственныхъ повинностей. Оно не могло приспособиться къ новымъ порядкамъ и устранилось мало по малу отъ двора и государственной службы; старинное датское дворянство сыграло свою роль и уступило свое мѣсто новой придворной аристократіи, состоявшей по большей части изъ иѣмцевъ. Эта новая аристократія, которая должна была придать блескъ престолу и послужить опорой для короля, была падѣлена еще бѣльшими привилегіями, чѣмъ старинная родовая знать. Въ своемъ имѣніи дворянинъ былъ почти королемъ; ему принадлежало право суда, онъ пользовался правомъ патроната, взымалъ государственные налоги и распоряжался наборомъ рекрутъ.

Датское самодержавіе было, въ общемъ, мягкимъ образомъ правленія; король старался быть отцомъ своихъ подданныхъ и заботился всегда о благосостояніи своихъ народовъ. Такимъ образомъ, короли приобрѣли крупныя заслуги въ дѣлѣ законодательства (датско-норвежское судебное уложеніе Христіана V, 1683—1687 года) и въ судопроизводствѣ. Они заботились о копенгагенскомъ университетѣ и о народномъ образованіи и трудились надъ подъемомъ экономической жизни, въ особенности торговли и промышленности. Правда, ихъ мѣропріятія не всегда были удачны, — для этого у нихъ было мало проицательности. При томъ же они не были свободны отъ предрасудковъ своей эпохи: они непремѣнно хотѣли вмѣшиваться во все и подчинить всякое дѣло особымъ, заранѣе изданнымъ правиламъ и законамъ, что служило препятствіемъ къ свободному и естественному развитію; въ особенности это относилось къ промышленности, для поощренія которой вводились высокія пошлины и всякаго рода запреты въ духѣ самаго строгаго меркантилизма (томъ VII, стр. 112). Эта система была измѣнена только въ концѣ XVIII столѣтія. Блестящій дворъ, расходы на армію и флотъ, которые поддерживались всегда въ хорошемъ состояніи благодаря стараніямъ королей, и субсидіи фабрикамъ и коммерческимъ обществамъ поглощали крупныя суммы. Для того, чтобы добыть необходимыя деньги, правительство бывало вынуждено прибѣгать къ самымъ разнообразнымъ, но далеко не всегда наилучшимъ средствамъ, такъ какъ однихъ налоговъ не хватало, какъ тяжелы они ни были: оно сдавало въ наемъ своихъ солдатъ иностраннымъ монархамъ, продавало церкви и коронныя земли и т. д. Однако, все это не помогало; финансовое положеніе Давіи было далеко не изъ наилучшихъ и перѣдко причиняло королямъ большія затрудненія.

Датскіе короли долго не могли забыть потери Шонена. Уже сынъ Фридриха, Христіанъ V (1670—1699), возобновилъ войну со Швеціей (Шоненская война, 1675—79 г.). Министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ въ то время графъ Гриффенфельдтъ. Этотъ послѣдній назывался, собственно говоря, Педеръ Шумахеръ и былъ сыномъ нѣмецкаго вино-торговца въ Копенгагенѣ; ему представился случай обратить на себя вниманіе короля Фридриха III и приобрести его довѣріе; въ 1663 году онъ былъ назначенъ королевскимъ бібліотекаремъ, а въ 1665 году ему было дано порученіе составить королевское судебное уложеніе. При Христіанѣ V онъ сталъ быстро подниматься по бюрократической лѣстницѣ, въ 1671 году ему было даровано дворянство, а въ 1673 году онъ былъ назначенъ великимъ канцлеромъ. Гриффенфельдтъ былъ способнымъ, разносторонне образованнымъ человѣкомъ, который управлялъ государствомъ съ энергіей и талантомъ. Онъ провелъ въ жизнь тѣ нововведенія, которыя были послѣдствіемъ новой государственной формы и упрочилъ самодержавіе. Какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, онъ былъ противникомъ войны и заботился о сохраненіи мира въ Сѣверной Европѣ, но при дворѣ существовала военная партія, которая противодействовала ему, и самъ король тоже желалъ войны. Во время войны Гриффенфельдтъ впалъ въ немилость (въ мартѣ 1676 г.). Рядомъ со своими выдающимися качествами онъ обладалъ также крупными недостатками: онъ былъ жаденъ къ деньгамъ и продаженъ, и его необыкновенное счастье сдѣлало его надменнымъ; его враги стали обвинять его въ государственной измѣнѣ; король, тяготившійся его опекой, былъ радъ его паденію. Гриффенфельдтъ былъ присужденъ къ смертной казни, но на эшафотѣ ему было объявлено помилованіе, и смертная казнь была замѣнена ему пожизненнымъ заключеніемъ; черезъ 22 года онъ выпущенъ былъ на свободу и скончался черезъ короткое время (12 марта 1699 г.).

Война со Швеціей не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ, несмотря на то, что кромѣ столкновенія съ Даніей, Швеція была еще втянута въ войну съ Бранденбургомъ, какъ союзница Франціи. Правда, на морѣ побѣда осталась на сторонѣ датчанъ, а въ Шоненѣ, гдѣ они высадились (т. VII, стр. 500), населеніе встрѣчало Христіана съ восторгомъ, но ихъ счастье было не продолжительнымъ; они проиграли два главныхъ сраженія, и Шоненъ остался въ рукахъ шведовъ. Однако, Данія не теряла надежды. Въ концѣ XVII столѣтія сынъ Христіана, Фридрихъ IV (отъ 1699 до 1730 г.), заключилъ съ Россіей и Саксонско-Польскимъ королевствомъ союзъ противъ Швеціи. Это повело къ Великой Сѣверной войнѣ (1700—1721 г., т. V, стр. 558, т. VII, стр. 526 и 530). Король Фридрихъ открылъ военныя дѣйствія нападеніемъ на герцога Фридриха IV, но былъ вынужденъ къ заключенію мира высадкой Карла XII въ Зеландію въ 1700 г. Когда же Карлъ былъ разбитъ въ 1709 году Петромъ Великимъ при Полтавѣ, то Фридрихъ возобновилъ союзъ съ Петромъ и Августомъ II, объявилъ войну Швеціи и высадился въ Шоненѣ. Однако, онъ вынужденъ былъ отступить, понесши тяжелыя потери, несмотря на то, что онъ обладалъ превосходными силами на морѣ и запылъ даже нѣкоторыя изъ шведскихъ владѣній въ Германіи: ему пришлось отказаться отъ Шонена, а Швеція съ своей стороны заплатила ему 600 тысячъ талеровъ, отказалась отъ безошлиннаго прохода черезъ Зундъ, котораго она добилась по мирному договору въ Бремзебро, и обязалась не оказывать герцогу Готторпскому никакого содѣйствія къ обратному завоеванію имъ своихъ шлезвигскихъ владѣній, отнятыхъ у него во время войны Фридрихомъ въ наказаніе за нарушеніе нейтралитета (мирный договоръ въ Фредериксборгѣ 3 іюля 1720 г.). Недоразумѣнія съ герцогствомъ Готторпскимъ были улажены въ 1773 г. на слѣдующихъ благоприятныхъ для Даніи условіяхъ: герцоги Готторпскіе отказались отъ своихъ притязаній на Шлезвигъ и уступили датскому королю свою долю Гольштейна, а взамѣнъ

ея получили графство Ольденбургское съ Дельменгорстомъ, которое перешло во владѣніе датскихъ королей еще гораздо раньше (въ 1667 и въ 1676 гг.).

Фредериксборгскимъ мирнымъ договоромъ были разурьшены давнишіе спорные вопросы между Даніей и Швеціей. Попытка датскихъ королей къ возобновленію уніи окончилась неудачей, равно какъ и другая ихъ попытка задержать ростъ могущества Швеціи. Ихъ стремленіе играть роль великой державы причинило имъ одиѣ только потери. На будущее время Данія вынуждена была отказаться отъ выдающейся роли въ сѣверно-европейской политикѣ. Последняя война нанесла тяжелейшій ударъ также и могуществу Швеціи, но Данія ничего не выиграла отъ этого: преобладающее вліяніе на Балтійскомъ морѣ переходитъ теперь въ руки новыхъ великихъ державъ: Россіи и Бранденбург-Пруссіи.

Велѣдъ за Великой Сѣверной войной для Даніи наступилъ долгій мирный періодъ, который далъ народу возможность снова собраться съ силами и имѣлъ громадное значеніе для внутренняго развитія этой страны. Духовная жизнь находилась подъ сильнымъ вліяніемъ другихъ европейскихъ государствъ не только Германіи, какъ это было раньше, но и Западной Европы. Новыя идеи прокладывали себѣ путь, возросъ интересъ къ общественнымъ дѣламъ, и мало-по-малу были проведены обширныя реформы въ различныхъ областяхъ. Проникшіи изъ Германіи пѣтизмъ пріобрѣлъ распространеніе въ особенности въ низшихъ сословіяхъ. Сынъ Фридриха IV, Христіанъ VI (1730—1746), былъ увлеченъ этимъ движеніемъ и старался работать на пользу духовныхъ интересовъ своихъ подданныхъ: повсюду устраивались народныя школы, въ которыхъ дѣти обучались закону Божію, чтенію, письму и счету.

Въ литературѣ тоже проснулось стремленіе къ служенію интересамъ просвѣщенія и народнаго образованія. Въ эпоху реформации расцвѣла національная литература, имѣвшая большое значеніе въ развитіи датскаго литературнаго языка (стр. 519). Однако, черезъ короткое время произошелъ обратный поворотъ въ сторону латинскаго языка, и ученые почти стыдились писать на родномъ языкѣ. Это былъ „ученый періодъ“. Зато науки разрабатывались въ это время съ успѣхомъ. Данія можетъ гордиться великими именами астронома Тихо Браге (сконч. въ 1701 г.; т. VIII, стр. 480), Нильса Стенсена (Стено, сконч. въ 1686 г.), основателя геологіи, Томаса Бартолина (сконч. въ 1680 г.), извѣстнаго анатома, и физика Оле Ремера (сконч. въ 1710 г.; т. VIII, стр. 546), который прославился своимъ открытіемъ скорости свѣта. Однако, труды этихъ ученыхъ не имѣли никакого вліянія на духовную жизнь народа, для просвѣщенія котораго почти ничего не было сдѣлано. Даже поэзія была по существу ученымъ занятіемъ, искусственнымъ стихотворствомъ, подражавшимъ нѣмецкимъ образцамъ. Однако въ эту эпоху попадаются нѣкоторые поэты съ самостоятельнымъ творческимъ талантомъ, какъ, напримѣръ, Арребоэ (ум. въ 1637 г.), котораго называютъ отцомъ датской поэзіи, почитаемый и понынѣ народомъ поэтъ Петеръ Дасъ (сконч. въ 1709 г.) и пользующійся большою извѣстностью авторъ псалмовъ Томасъ Книгго (сконч. въ 1703 г.).

Въ общемъ, продуктивность датской литературы была не велика. Только послѣ появленія на сцену норвежца Людвигъ Гольберга (1684—1754 г.) датская литература измѣняетъ свой характеръ и становится орудіемъ просвѣщенія всего народа. Гольбергъ находился подъ вліяніемъ западно-европейской умственной жизни и стремился къ „просвѣщенію“ своего народа въ духѣ философовъ XVIII вѣка, къ искорененію старыхъ предрассудковъ и негодностей и распространенію полезныхъ свѣдѣній. Его сочиненія отличаются большимъ разнообразіемъ: онъ писалъ сатиры, комедіи, историческія и философскія статьи; такъ какъ его главной цѣлью было воспитаніе народа.

то онъ писалъ на датскомъ языкѣ и приобрѣлъ большую заслугу въ разработкѣ отечественнаго литературнаго языка. Онъ приобрѣлъ много послѣдователей, поклонниковъ „просвѣщенія“ и „раціонализма“, стремившихся быть полезными государству и народу и трудившихся для общаго счастья посредствомъ своихъ сочиненій. Поэты второй половины XVIII вѣка находились подъ сильнымъ вліяніемъ другихъ европейскихъ странъ, англійской натуральной поэзіи, Руссо, нѣмецкой сентиментальной и національной поэзіи, особенно Клопштока, прожившаго долгое время въ Даніи. Къ послѣднему изъ этихъ направленій примкнули также и датскіе поэты, главнымъ представителемъ которыхъ былъ Іоаннъ Эвальдъ (сконч. въ 1781 г.), въ то время какъ норвежскіе, находившіеся подъ вліяніемъ англійской и французской литературъ, были противниками этого направленія и боролись съ нимъ въ основанномъ въ 1772 г. „норвежскомъ обществѣ“ (det norske Selskab), душою котораго былъ Іоаннъ Германъ Вессель (сконч. въ 1755 г.).

Распространявшіяся все шире новыя идеи дали плоды въ видѣ великихъ реформъ, ознаменовавшихъ собою послѣднія десятилѣтія XVIII столѣтія. Тогдашній король Даніи Христіанъ VII (1766—1808 г.) былъ слабоумень и неспособенъ къ труду; черезъ короткое время онъ вынужденъ былъ передать фактически управленіе государствомъ въ руки своихъ министровъ. Въ теченіе первыхъ лѣтъ его царствованія душою правленія былъ графъ Іоаннъ Гартвигъ Бернсторфъ, который привелъ къ счастливому концу споръ съ Готторпской династіей; но въ 1770 г. онъ вынужденъ былъ уступить свое мѣсто нѣмецкому врачу Іоанну Фридриху Струэнзе, сумѣвшему приобрести довѣріе короля и любовь королевы, англійской принцессы Каролины Матильды. Струэнзе былъ поклонникомъ идей вѣка просвѣщенія и ввелъ разумныя реформы: свободу печати, уничтоженіе пытокъ и т. д.; но его мѣропріятія вводились необдуманно и безъ системы, и нѣкоторыя изъ нихъ вызвали крайнее неудовольствіе; кромѣ того онъ раздражалъ народъ своимъ презрѣніемъ къ датскому языку. При дворѣ онъ имѣлъ много враговъ, которымъ удалось низвергнуть его 17 января 1772 г.; онъ былъ арестованъ, обвиненъ въ измѣнѣ государю, а 28 апрѣля онъ былъ обезглавленъ. Большая часть его реформъ была отмѣнена новымъ правительствомъ, вліятельнѣйшимъ членомъ котораго сталъ Ове Хеегъ-Гульдбергъ. 14 апрѣля 1784 г. управленіе государствомъ взялъ въ свои руки наследный принцъ Фридрихъ; онъ былъ еще молодъ, но умѣлъ привлечь къ себѣ талантливыхъ совѣтниковъ. Въ числѣ этихъ послѣднихъ наиболѣе выдающимся былъ безупречный въ нравственномъ отношеніи графъ Андр. Петеръ Бернсторфъ. Какъ Фридрихъ, такъ и его министры были сторонниками реформъ; нѣкоторые изъ плановъ Струэнзе были выдвинуты снова, но правительство дѣйствовало осторожно, и такимъ образомъ обезпечило за своими реформами прочное и долговѣчное существованіе. Снова была введена свобода печати, улучшено судопроизводство и сняты многія изъ тѣхъ путъ, которыя сковывали торговлю и сельское хозяйство. Положеніе крестьянъ все еще было очень печально. Правда, Фридрихъ IV отмѣнилъ старинное крѣпостное право (Vornedskab); но при его преемникѣ былъ введенъ новый видъ крѣпостнаго права: частью для удобства при наборѣ рекрутовъ, частью для обезпеченія крупныхъ землевладѣльцевъ рабочей силой было сдѣлано распоряженіе о томъ, что крестьяне не имѣютъ права отлучаться отъ своего мѣста жительства до тѣхъ поръ, пока они еще могутъ быть выгребованы на военную службу (det militaere Stavnsbaand); такимъ образомъ крестьяне были прикрѣплены къ землѣ въ продолженіе наилучшей поры ихъ жизни и отданы на произволъ помѣщиковъ, угнетавшихъ ихъ барщиной и тяжелыми денежными повинностями. На этотъ разъ крѣпостное право было окончательно отмѣнено (въ 1788 г., а въ герцогствахъ въ 1797 г.). Такимъ образомъ, датскіе крестьяне полу-

чили действительную свободу. Положеніе ихъ было улучшено еще въ одномъ отношеніи: помѣщикъ больше не имѣлъ права обращаться съ ними по своему усмотрѣнію. Вслѣдствіе этого въ сельскомъ хозяйствѣ наступилъ сильный подъемъ, и стоимость земли повысилась въ 5 разъ между 1750 и 1800 гг. Рядомъ съ земледѣліемъ расцвѣли также торговля и мореплаваніе. Въ законѣ о таможенныхъ пошлинахъ 1797 г. Данія окончательно порвала съ меркантильной системой; торговые запреты были по большей части сняты, а пошлины понижены. Для поощренія торговли Данія заключила союзъ со Швеціей и Россіей еще во время Сѣверно-Американской войны за освобожденіе (вооруженный морской нейтралитетъ, въ іюль 1780 г.), и Бернсторфъ сумѣлъ удержать Датско-Норвежское королевство въ сторонѣ отъ всякихъ военныхъ осложненій; датскіе и норвежскіе корабли плавали безпрепятственно на всѣхъ моряхъ и производили выгодную торговлю съ воюющими странами.

Однако этотъ счастливый періодъ былъ непродолжителенъ. Бернсторфъ скончался въ 1797 г., а вслѣдъ затѣмъ соединенія королевства были вовлечены въ европейскія войны. Данія старалась сохранить нейтралитетъ и возобновила въ декабрѣ 1800 г. союзъ съ Россіей, Швеціей и Пруссіей. Тѣмъ не менѣе, Англія, противъ посягательства которой былъ направленъ этотъ союзъ, конфисковала скандинавскія суда, стоявшія на якорѣ въ англійскихъ портахъ, и отправила свой флотъ въ Зундъ. 2 апрѣля 1801 г. произошло сраженіе на Копенгагенскомъ рейдѣ. Хотя англійскій флотъ подъ предводительствомъ Нельсона понесъ тяжелыя потери, тѣмъ не менѣе кронпринцъ, не получавшій никакой помощи отъ своихъ союзниковъ, вынужденъ былъ заключить перемиріе и дать обѣщаніе выстунить изъ союза, который распался самъ собою въ іюнь. Послѣ ухода англичанъ Данія и Норвегія прожили слова нѣсколько мирныхъ лѣтъ. Однако становилось все труднѣе соблюдать нейтралитетъ. Въ обонхъ этихъ государствахъ общественное мнѣніе склонялось скорѣе къ союзу съ Англіей, съ которой поддерживались оживленныя торговыя сношенія; тѣмъ не менѣе правительство было вынуждено беззащитнымъ поведеніемъ англичанъ къ сближенію съ Франціей. По мирному договору, заключенному въ Тильзитѣ 7 іюля 1807 г., Наполеонъ и русскій императоръ Александръ вступили между собою въ соглашеніе, въ силу котораго Данія съ Норвегіей и Швеція должны были запретить свои гавани передъ англичанами и присоединиться къ русско-французскому союзу. Такъ какъ одно временно съ этимъ Наполеонъ рѣшилъ, какъ увѣряли, захватить датскій флотъ для того, чтобы воспользоваться имъ въ войнѣ съ Англіей, то англійское правительство отправило въ Зундъ флотъ съ десантомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, она предложила Даніи встунить съ собою въ союзъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы датскій флотъ былъ выданъ Англіи на время войны въ видѣ залога. Такъ какъ это требованіе было отклонено, то англичане высадились въ Зеландіи, обложили Копенгагенъ и принудили его къ капитуляціи посредствомъ опустошительной бомбардировки (7 сентября). Датскій флотъ (64 корабля) былъ выданъ англичанамъ, а чего англичане не могли забрать съ собою, то было разрушено и передано огню.

Это насиліе вызвало странное возмущеніе; кронпринцъ, возшедшій послѣ этого на престолъ подъ именемъ Фридриха VI (1808—1839 г.), при соединеніи 31 октября къ Наполеону и объявилъ Англіи войну. Дѣло дошло также до разрыва со Швеціей, бывшей въ войнѣ съ Франціей. Датчане и норвежцы боролись довольно удачно на своихъ маленькихъ канонерскихъ лодкахъ, выстроенныхъ ими со всей посильностью послѣ захвата датскаго флота англичанами, а ихъ приспособленныя для каперства коммерческія суда захватывали англійскія торговыя суда; но эти успѣхи не дали никакого существеннаго результата, такъ какъ англичане, господствовавшіе на морѣ, перерѣзали пути, соединяющіе между собою оба госу-

дарства, и приостановили датско-норвежскую торговлю. Вспомогательная войска, присланная Наполеономъ, не приносили никакой пользы, а финансовое положеніе государства было отчаянное. Между тѣмъ въ Швеціи былъ избранъ послѣдникомъ престола французскій маршалъ Бернадоттъ; а такъ какъ шведскій король былъ старъ и слабъ, то непосредственно послѣ своего прибытія въ Швецію Бернадоттъ сталъ фактическимъ государемъ подъ именемъ Карла Іоанна (см. ниже). Въ то время, какъ Фридрихъ VI держался крѣпко союза съ Наполеономъ, Карлъ Іоаннъ присоединился къ врагамъ Франціи въ надеждѣ на то, что ему будетъ уступлена Норвегія. Послѣ сраженія при Лейпцигѣ онъ вступилъ въ Гольштейнъ. Датчане дрались храбро также и на этотъ разъ, но превосходство силъ ихъ противниковъ было слишкомъ велико, и послѣ непродолжительной кампаніи Фридрихъ былъ вынужденъ заключить миръ въ Килѣ 14 января 1814 г. Въ обмѣнъ на шведскую Померанію, которую онъ промѣнялъ впоследствии на Лауэнбургъ, онъ уступилъ шведскому королю Норвежское королевство, но удержалъ за собой островныя части Норвегіи: Исландію, Гренландію и Ферерскіе острова. Одновременно съ этимъ былъ также заключенъ миръ съ Англіей, которой былъ уступленъ Гельголандъ (т. VIII, стр. 86).

Г. Данія послѣ 1814 года.

Такимъ образомъ, Фридрихъ VI причинилъ Даніи громадныя потери своей неудачной политикой: она лишилась флота, составлявшаго ея гордость, и была отдѣлена отъ Норвегіи, вслѣдствіе чего скандинавская часть ея населенія уменьшилась на половину. Войны подорвали ея благосостояніе; государственныя долги возросъ въ гигантскихъ размѣрахъ, а финансы ухудшились въ такой степени, что въ 1813 г. правительство вынуждено было объявить себя банкротомъ. Всѣ источники доходовъ населенія тоже были парализованы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ заключенія мира; торговля сократилась и попала въ сильную зависимость отъ Гамбурга; земледѣліе, приносившее большіе доходы въ продолженіе войны, вслѣдствіе сильнаго поднятія хлѣбныхъ цѣпъ, страдало теперь отъ упадка цѣпъ. Тѣмъ не менѣе, эта эпоха имѣла также и свою свѣтлую сторону. Опасное положеніе отечества и тяжелая борьба, которую пришлось выдержать датчанамъ въ началѣ XIX столѣтія, дѣйствовали возбуждающимъ и оплодотворяющимъ образомъ на умственную жизнь страны. Въ то время, какъ политическіе интересы измельчали и страна близилась къ упадку въ матеріальномъ отношеніи, искусство и литература оживились; казалось, какъ будто въ нихъ народъ ищетъ утѣшенія въ своемъ несчастномъ положеніи. Мало-по-малу общее положеніе страны стало улучшаться; денежное обращеніе было упорядочено посредствомъ учрежденія государственнаго банка; въ промышленности сталъ замѣчаться подъемъ, и ко дню смерти Фридриха (въ 1839 году) силы государства были восстановлены.

Въ бытность свою послѣднимъ принцемъ Фридрихъ VI былъ горячимъ сторонникомъ реформъ; но, занявши престолъ, онъ сталъ крайнимъ консерваторомъ и не допускалъ никакого измѣненія въ конституціи. Однако, чѣмъ больше улучшалось положеніе страны, тѣмъ рѣзче просыпалось политическое чутье народа, стремленіе къ свободѣ и самоуправленію становилось все болѣе яркимъ. Послѣ июльской революціи, вліяніе которой распространилось также и на Данію, Фридрихъ рѣшился, наконецъ, пойти навстрѣчу желаніямъ народа, но крайней мѣрѣ, отчасти. Такъ, напримеръ, въ 1834 году онъ учредилъ 4 совѣщательныхъ сословныхъ собранія (по одному для острововъ, для Ютландіи, Шлезвига и Гольштейна). Это былъ первый шагъ къ свободной конституціи.

Преемникъ Фридриха, Христіанъ VIII (1839—1848), тоже не хотѣлъ откатываться отъ самодержавія. Но теперь стремленіе народа къ

свободной конституціи стало еще болѣе неудержимымъ. Националь-либеральная партія трудилась надъ уничтоженіемъ самодержавія; въ то же время она старалась уничтожить всякую связь между Шлезвигомъ и Гольштейномъ и связать тѣснѣе съ Даніей ту область, въ которой датская національность подвергалась опасности со стороны нѣмцевъ. Въ XVIII столѣтіи оба эти герцогства подняли опять подъ власть датской короны въ нераздѣльномъ видѣ (стр. 524); все же Шлезвигъ не былъ присоединенъ къ остальной Даніи, онъ оставался попрежнему въ болѣе или менѣе близкой связи съ Гольштейномъ: официальнымъ языкомъ считался нѣмецкій. Фридрихъ VI далъ Шлезвигу особое сословное собраніе, но связалъ между собою оба герцогства посредствомъ общаго управленія и общаго верховнаго суда. Благодаря продолжительной связи съ Гольштейномъ Шлезвигъ онѣмѣчивался все сильнѣе, такъ что въ XIV столѣтіи на нѣмецкомъ языкѣ уже говорила почти половина его населенія. Когда Данія стала, наконецъ, принимать мѣры для поддержанія датской національности въ Шлезвигѣ, то это вызвало возмущеніе со стороны нѣмцевъ. Такимъ образомъ въ герцогствахъ образовалась Шлезвигъ-Гольштейнская партія, которая стала требовать, чтобы Шлезвигъ-Гольштейнъ былъ превращенъ въ независимое отъ Даніи государство, входящее въ составъ германскаго союза. Предводители этой партіи, принцы Аугустенбурги, надѣялись, что имъ, какъ потомкамъ младшаго сына (Ганса младшаго) короля Христіана III, достанется престолъ герцогствъ въ случаѣ прекращенія королевской линіи того же дома, какъ это ожидалось въ близкомъ будущемъ; они стали искать для себя опоры въ Германіи, въ которой развилось національное движеніе, ревностно отстаивавшее права герцогствъ. Стремленія датскихъ національ-либераловъ, съ своей стороны, встрѣтили поддержку въ остальныхъ скандинавскихъ странахъ, въ которыхъ приобрѣла сильное вліяніе идея объединенія всѣхъ скандинавскихъ народовъ (скандинавизмъ). Король долго колебался, но, наконецъ, 8 іюля 1846 года онъ призналъ Шлезвигъ областью неразрывно соединенной съ Даніей. Въ другихъ отношеніяхъ онъ тоже шелъ навстрѣчу національ-либераламъ; онъ уже выработалъ конституцію, и только его смерть помѣшала ея обнародованію (онъ скончался 20 января 1848 года).

Сейчасъ же послѣ смерти короля шлезвигъ-гоольштейнцы стали требовать въ Копенгагенѣ учрежденія особаго, автономнаго Шлезвигъ-Гольштейнскаго государства. Сынъ Христіана и преемникъ Фридрихъ VII (1848—1863) далъ имъ такой отвѣтъ, что онъ не желаетъ отдѣлять Шлезвигъ отъ Даніи, но обѣщавъ октроировать гоольштейнцамъ, равно какъ и всѣмъ другимъ своимъ короннымъ владѣніямъ, свободную конституцію. Шлезвигъ-гоольштейнцы не могли удовлетвориться такимъ отвѣтомъ, и черезъ короткое время дѣло дошло до открытой борьбы (т. VIII, стр. 251). Пруссія вступилась за шлезвигъ-гоольштейнцевъ; военный отрядъ германскаго союза вступилъ въ предѣлы герцогствъ. Датчане вынуждены были отступить къ Альсену; перемиріе, заключенное 26 августа въ Мальме благодаря посредничеству короля шведскаго и норвежскаго Оскара I, не повело къ окончательному водворенію мира; военныя дѣйствія возобновились въ 1849 году. Между тѣмъ въ Германіи одержала верхъ реакція; 2 іюля 1850 года Пруссія заключила миръ съ Даніей, а въ 1851 году было окончательно сломлено сопротивленіе Шлезвигъ-Гольштейна.

Во время этой войны Данія получила свободную конституцію. Проектъ Христіана VIII не удовлетворилъ народа; поэтому Фридрихомъ VII было созвано учредительное собраніе, и это послѣднее обнародовало 5 іюня 1849 года конституцію, превратившую Датское королевство въ ограниченную монархію. Эта конституція должна была распространяться также и на Шлезвигъ, но на это не согласились германскія державы. Въ 1852 году было рѣшено, что Шлезвигъ долженъ отказаться отъ объединенія съ Гольш-

штейномъ, но въ тоже время не будетъ присоединенъ къ Датскому королевству и сохранить свою автономію. Послѣ смерти Фридриха VII престолъ Датской монархіи долженъ былъ перейти къ принцу Христиану Глюксенбургу и его женѣ Луизѣ Гессенъ-Кассельской (мать которой, Шарлотта, была сестрой Христиана VIII). Однако общегосударственная конституція 26 іюля 1854 года встрѣтила сопротивленіе въ особенности со стороны населенія Гольштейна и Лауэнбурга, на сторону которыхъ стали также Пруссія и Австрія. Въ Даніи надѣялись, тѣмъ не менѣе, на разрѣшеніе вопроса о конституціи безъ вмѣшательства со стороны Германіи въ виду совпашиаго съ этимъ временемъ столкновенія между германскими великими державами; поэтому одержала верхъ національная партія (партія „Даніи до рѣки Эйдера“), стремившаяся къ сліянію Шлезвига съ Датскимъ королевствомъ. Фридрихъ VII скончался черезъ два дня послѣ утвержденія новой общей конституціи для Даніи и Шлезвига (въ ноябрѣ 1863 года; о послѣдующихъ событіяхъ смотри т. VIII, стр. 339 и сл.).

Христианъ IX (1863—1906 г.) уступилъ желаніямъ датчанъ и подписалъ „ноябрьскую конституцію“. Тутъ выступилъ со своими правами на герцогства Фридрихъ (VIII) Аугустенбургъ; онъ встрѣтилъ поддержку со стороны Пруссіи и Австріи, которыя соглашались признать наследственные права новаго короля только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ отмѣнилъ ноябрьскую конституцію. Когда датчане отказались уступить этому требованію, то въ ноябрѣ 1864 года вспыхнула вторая Шлезвигская война. Данія надѣялась на помощь какъ со стороны Швеціи и Норвегіи, такъ и со стороны западно-европейскихъ державъ, но обманулась въ своихъ ожиданіяхъ. Датская армія, занявшая пограничные верки (Danewikke), отступила уже 5 февраля къ Диббелю. Тутъ датчане оказали храброе сопротивленіе, но, наконецъ, были вынуждены отойти къ Альзёну. Пруссаки заняли Ютландію, вытѣснили датчанъ изъ Альзёна и угрожали высадкой въ Зеландію. Сопротивленіе датчанъ было сломлено. По Вѣнскому мирному договору (30 октября 1864 года) Данія уступила Пруссіи и Австріи герцогства Шлезвигъ-Гольштейнское и Лауэнбургское. Данія надѣялась, что она получитъ обратно, по крайней мѣрѣ, сѣверную часть Шлезвига на основаніи пятаго параграфа Пражскаго мирнаго договора 23 августа 1866 года (томъ VIII, стр. 358), но эта надежда не оправдалась. Потеря Шлезвига повлекла за собой измѣненіе датской конституціи: 28 іюля 1866 года Данія получила свои нынѣ дѣйствующие основные законы.

Вскорѣ послѣ заключенія мира въ странѣ разгорѣлась внутренняя борьба. Въ 1870 году между правительствомъ и фолькетингомъ (одной изъ палатъ датскаго парламента) возникло столкновеніе по поводу толкованія основнаго закона; это столкновеніе закончилось только въ 1894 году послѣ присоединенія къ правымъ партіямъ парламента склонной къ компромиссу части парламентской лѣвой, расставшейся въ 1878 году. При всемъ томъ Данія не сходилла съ пути прогресса, начиная съ середины истекшаго столѣтія. Великія реформы, касающіяся сельскаго хозяйства, которымъ было положено начало въ 1788 году, разрабатывались дальше; барщина была замѣнена опредѣленною денежною повинностью; количество арендаторовъ сильно уменьшилось. Въ политическомъ отношеніи крестьяне уравниены въ настоящее время съ остальными сословіями. Рядомъ съ сельскимъ хозяйствомъ двигаются непрерывно впередъ промышленность, торговля и мореходство. Цеховыя стѣненія отмѣнены, а пути сообщенія улучшились въ высокой степени. Торговое сословіе освободилось отъ исключительнаго господства Гамбурга, Коненгагенъ былъ объявленъ порто-франко въ 1894 г., а въ 1886 году обведенъ обширными укрѣпленіями.

Къ распространенію народнаго образованія прилагается много стараній, и народное просвѣщеніе стоитъ въ общемъ на высокой ступени; уровень образованія крестьянъ сильно подвинулся впередъ въ особенности благо-

даря народнымъ университетамъ, которые вызвали подражаніе также въ Норвегіи и Швеціи и оказали большое вліяніе на духовную жизнь крестьянъ. Въ области науки Данія тоже работаетъ съ успѣхомъ (срав. т. VIII, стр. 594). Въ числѣ датскихъ ученыхъ немало такихъ, которые проложили новые пути въ своихъ специальностяхъ, какъ, напримѣръ, филологи Р. Раскъ (сконч. въ 1832 году) и I. Н. Мадвигъ (сконч. въ 1886 году), естествоиспытатель Г. К. Эрстедъ (сконч. въ 1851 году), открывшій электромагнетизмъ въ 1820 году, естествоиспытатель и археологъ Япетусъ Стеенструупъ (сконч. въ 1897 году), археологи Хр. Томсенъ (сконч. въ 1865 году) и I. А. Ворсааэ (сконч. въ 1885 году), основатель доисторической археологіи, врачъ Н. Фнизенъ (сконч. въ 1904 году), изобрѣвшій свѣтолѣченіе въ 1893 году.

Датская поэзія (срав. т. VIII, стр. 626) находилась въ началѣ прошлаго столѣтія подъ вліяніемъ нѣмецкаго романтизма; норвежець Генрихъ Стеффенсъ приобрѣлъ много послѣдователей посредствомъ своихъ лекцій, читанныхъ имъ въ Копенгагенѣ (въ 1802 году). Адамъ Готлобъ Эленшлегеръ (сконч. въ 1850 году) писалъ стихотворенія и драмы въ романтическомъ духѣ, въ которыхъ онъ выводилъ на сцену героевъ германскихъ сагъ; онъ трудился также въ другихъ отдѣлахъ поэзіи, хотя и не всегда съ одинаковымъ успѣхомъ. I. Баггезенъ (сконч. въ 1826 году), который былъ немногимъ старше Эленшлегера оказалъ долговременное вліяніе на развитіе языка и литературныхъ вкусовъ датчанъ благодаря своему тонкому эстетическому чутью. Съ ббльшимъ успѣхомъ, чѣмъ Эленшлегеромъ, духъ первобытной норманнской эпохи былъ схваченъ богословомъ и историкомъ Н. Ф. Грундтвигомъ (сконч. въ 1872 году) въ его норманнскихъ драмахъ; кромѣ того онъ составилъ превосходные псалмы. Какъ богословъ, Грундтвигъ выступилъ противъ рационализма и сталъ поборникомъ новаго религіознаго направленія (Грундтвигіанизмъ), насчитывающаго много приверженцевъ въ Даніи и Норвегіи. Изъ другихъ поэтовъ середины XIX столѣтія слѣдуетъ назвать автора комедій И. Гейберга (сконч. въ 1860 году), который былъ въ то же время выдающимся эстетическимъ критикомъ, знаменитаго своими сказками Г. К. Андерсена (сконч. въ 1875 г.), находившагося подъ вліяніемъ Байрона Фред. Палюданъ-Мюллера (сконч. въ 1876 г.), лирическаго поэта Хр. Винтера (сконч. въ 1876 году), беллетриста С. Ст. Банхера (сконч. 1848 году). Начиная съ 1880 г. въ Даніи, какъ и въ другихъ странахъ, романтизмъ мало-по-малу уступаетъ свое мѣсто реализму и натурализму; на литературное поприще выступаютъ въ теченіе этого періода Гольгеръ Драханъ (род. въ 1846 году), I. П. Якобсенъ (сконч. въ 1885 г.), С. Шандорпъ (сконч. въ 1901 г.), К. Гьеллерупъ (род. въ 1857 году) и др.

На поприщѣ пластическихъ искусствъ Данія не создала ничего самостоятельнаго до XVIII столѣтія. Только въ первую половину XVIII столѣтія уже можетъ быть рѣчь о датскомъ искусствѣ. Въ академіи художествъ, основанной Фридрихомъ V, работалъ живописецъ Н. А. Абильдгаардъ (сконч. въ 1809 году); въ ней учился въ теченіе нѣкотораго времени высокотаровитый И. Карстенсъ (сконч. въ 1798 г.). Самымъ знаменитымъ изъ учениковъ этой академіи является скульпторъ Б. Торвальдсенъ (сконч. въ 1844 г.); подобно Карстенсу онъ воспитался на изученіи античнаго искусства, и подъ его мастерской рукой воскресалъ весь міръ древнихъ боговъ и героевъ. Большою извѣстностью, какъ скульпторы, пользуются также Г. Ф. Биссенъ (сконч. въ 1868 г.) и А. Берихау (сконч. въ 1883 г.). Первостепенныя архитектурныя произведенія были созданы Т. Гаусеномъ (сконч. 1891 г.), который работалъ главнымъ образомъ въ Вѣнѣ и его братомъ, Г. Хр. Гаусеномъ (сконч. въ 1883 году). Изъ живописцевъ выдается ученикъ Абильдгаарда К. В. Экерсбергъ (сконч. въ 1853 году), истинный основатель національной датской живописи. Изъ его школы вышелъ цѣлый рядъ даровитыхъ и самостоятельныхъ живописцевъ.

4. Норвегія съ Исландіей.

Въ Норвегіи (Norge, собственно Nordvegr, т. е. сѣверный путь) древнія политическія условія удержались гораздо дольше, чѣмъ въ Даніи и Швеціи. Еще въ IX столѣтіи эта страна дѣлилась на множество мелкихъ государствъ. Короли отдѣльныхъ областей пользовались весьма незначительной властью. Въ областныхъ народныхъ собраніяхъ (тингахъ) крестьяне осуществляли свою законодательную и судебную власть; наибольшимъ вліяніемъ пользовались на этихъ собраніяхъ старѣйшины, которые были въ то же самое время жрецами, завѣдывавшими религіозными святыщами. Крестьяне были частью собственниками, частью арендаторами и жили разбросанными хуторами; городовъ не существовало, а были только рынки, верѣдко посѣщаемые иностранными купцами: съ другой стороны сами норвежцы посѣщали чужія страны ради обмѣна товаровъ. Рядомъ съ земледѣліемъ, скотоводствомъ, охотой и рыбной ловлей важнымъ источникомъ доходовъ служила также и торговля, и норвежцы были ловкими купцами.

А. Собственная исторія Норвегіи до XIV столѣтія (до Датско-Норвежск. уни).

Около середины IX столѣтія по близости отъ Христианія фіорда жилъ королевскій родъ, происходившій согласно сагъ отъ урсальскихъ королевъ изъ рода Инглинговъ. Къ этому роду принадлежалъ Гальфданъ Сварте (Черный), славный воинъ, царствовавшій ко дню своей смерти надъ юго-восточной Норвегіей. Его сынъ Гаральдъ (приблизительно отъ 860 до 930 года) задумалъ подчинить себѣ всю Норвегію и далъ клятву, что не будетъ стричь себѣ волосъ на головѣ и бородѣ, пока не достигнетъ своей цѣли. Мелкіе короли вынуждены были бѣжать или пали въ бою, и послѣ побѣды въ Гафрсфіордѣ недалеко отъ Ставангера (въ 872 г., смотр. фиг. 4 на табл., прил. къ стр. 498) онъ сталъ господиномъ надъ всею Норвегіей; теперь онъ остригъ себѣ волосы и получилъ прозвище Гаарфагеръ (Прекрасноволосый). Гаральдъ объявилъ себя собственникомъ всей земли, и крестьяне, бывшіе до того времени свободными отъ налоговъ, стали платить ему подати. Для того, чтобы склонить на свою сторону древніе роды старѣйшинъ, онъ сталъ назначать изъ ихъ среды своихъ высшихъ чиновниковъ (ярловъ и лендермендовъ). Такъ какъ эти должности переходили отъ отца къ сыну, то они дали начало знатному сословию, которое скоро стало играть роль противовѣса противъ усиливающейся королевской власти. Многие изъ прежнихъ старѣйшинъ не могли примириться съ новыми порядками и покинули родину; они переселились на Шотландскіе острова, и въ отместку Гаральду производили опустошительныя набѣги на Норвегію. Поэтому Гаральдъ предпринялъ походъ на эти острова, покорилъ ихъ (стр. 501) и заставилъ выселиться отсюда тѣхъ, которые не хотѣли подчиниться его власти; нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ поселились на Ферерскихъ островахъ и на открытой въ 867 г. Исландіи и были первыми колонистами этого послѣдняго острова.

Такъ какъ Гаральдъ далъ титулъ королей всѣмъ своимъ сыновьямъ, то послѣ его смерти стала угрожать опасность единству государства. Датскіе короли вмѣшались въ споры между сыновьями Гаральда для того, чтобы захватить въ свои руки верховную власть надъ Норвегіей (сравни стр. 512). Изъ сыновей Гаральда особенныя заслуги приобрѣлъ младшій, Гааконъ Добрый (935—961 г.), своей законодательной дѣятельностью и упрямствомъ военнаго устройства. Онъ воспитался въ Англій, принялъ крещеніе и, ставши королемъ, сдѣлалъ первую попытку къ обращенію своего народа въ христіанство; но крестьяне не хотѣли и слышать о новомъ вѣроученіи, и самъ Гааконъ вынужденъ былъ принимать участіе въ язы-

ческихъ жертвоприпошеніяхъ. Начатое имъ дѣло было продолжено Олафомъ I Тригвессеномъ (995—1000 г.) и доведено до конца Олафомъ II Гаральдсеномъ (1016—1030 г.). Въ молодости оба они побывали въ чужихъ странахъ въ качествѣ викинговъ и приняли крещеніе. Вернувшись на родину и ставши повелителями Норвегіи, они трудились усердно надъ обращеніемъ туземцевъ въ христіанство и обращались очень сурово съ тѣми, которые противились новому вѣроученію. Языческіе храмы были разрушены и вмѣсто нихъ выстроены церкви; священники были приглашены изъ Англіи, вслѣдствіе чего на норвежской церкви сказалось во многихъ отношеніяхъ вліяніе англо-саксонской. Такимъ образомъ Норвегія была обращена въ христіанство, но остатки язычества исчезли только черезъ долгое время. Распространяя въ Норвегіи христіанство, Олафъ Гаральдсенъ устроилъ вмѣстѣ съ тѣмъ церковное устройство и издалъ первый церковный законъ. Онъ истребилъ мелкихъ королей изъ рода Гаральда Прекрасноволосаго и сталъ такимъ образомъ вторымъ собирателемъ государства. Такъ какъ онъ былъ, однако, суровымъ правителемъ и стремился къ расширенію своей королевской власти за счетъ упрямыхъ представителей знатнаго сословія, то эти послѣдніе обратились къ королю датскому Кнуту Сильному; этотъ послѣдній охотно отозвался на ихъ предложеніе и былъ превозглашенъ норвежскимъ королемъ. Въ 1028 г. Олафъ вынужденъ былъ бѣжать изъ Норвегіи и отправился въ Гардарике (Россію; стр. 499). Послѣ двухлѣтняго пребыванія въ этой странѣ онъ снова попытался вернуть себѣ королевскую власть надъ Норвегіей и вторгся въ Сѣверную Норвегію съ войскомъ, набраннымъ имъ въ Швеціи. Крестьяне выступили противъ него подъ начальствомъ своихъ старѣйшинъ: Олафъ палъ въ бою при Стиккестадѣ (см. фиг. 4 на табл., прил. къ стр. 544) 29 іюля 1030 г. Однако черезъ короткое время норвежцы раскаялись въ своемъ поведеніи; знать обманулась въ своихъ надеждахъ. Распространялись слухи о чудесахъ, совершающихся на могилѣ убитаго короля: уже въ 1031 г. Олафъ былъ причисленъ епископомъ къ лику святыхъ. Народъ возсталъ противъ датскаго господства и въ 1035 г. призвалъ на царство сына Олафа, Магнуса, оставшагося въ Россіи.

Съ Магнусомъ Добрымъ (1035 г.—1047 г.), который занялъ также и датскій престолъ послѣ прекращенія датской королевской династіи (въ 1042 г., см. стр. 512), для Норвегіи наступилъ столѣтній періодъ расцвѣта. Цѣлый рядъ королей, отличавшихся выдающимися способностями какъ на военномъ поприщѣ, такъ и въ дѣлахъ внутренняго правленія, поднялъ вышній престижъ страны и повысилъ благосостояніе народа. Оживились мирныя сношенія съ другими государствами (стр. 430); города, основанные королями, важнѣйшими изъ которыхъ были Ниларосъ (Дронгтеймъ), Осло и Бергенъ, увеличились въ числѣ и возросли по своимъ размѣрамъ. Строились церкви и монастыри; были опредѣлены границы отдѣльныхъ епархій. Въ Норвегію проникли чужеземные нравы и обычаи, она втянулась въ сферу культурнаго прогресса остальной Европы.

Эта счастливая эпоха прекратилась въ XII столѣтіи, такъ какъ для Норвегіи насталъ долгій періодъ непрерывныхъ раздоровъ изъ-за престолонаслѣдія (1130—1240 г.). Норвежская корона переходила по наслѣдству въ родѣ Гаральда Прекрасноволосаго, но на нее имѣли право всѣ сыновья короля, какъ законные, такъ и вѣнчаемые. Нѣкоторые люди, вовсе не бывшіе сыновьями королей, выдавали себя за таковыхъ и подтверждали вѣрность своихъ притязаній „пробой посредствомъ раскаленного желѣза“. Въ это время возросло могущество свѣтскихъ магнатовъ, такъ какъ соперничаніе между собою претенденты на престолъ вынуждены были покупать ихъ помощь различными уступками; одновременно съ тѣмъ усилилось вліяніе духовенства. Норвежская церковь, кото-

рая была подчинена вначалѣ архіепископу бременскому, а затѣмъ (съ 1104 г.) архіепископу лундскому (въ Даніи), но которая находилась фактически подъ властью короля, превратилась въ 1152 г. въ самостоятельную церковную область подъ главенствомъ архіепископа нидароскаго. Этотъ послѣдній поставилъ себѣ первой цѣлью сдѣлать норвежскую церковь независимой отъ свѣтской власти и доставить ей въ Норвегіи такое же вліяніе, какимъ пользовалась церковь въ остальной Европѣ. Въ самомъ началѣ второй половины XII вѣка (въ 1161 г.) одинъ изъ самыхъ могущественныхъ магнатовъ, Эрлингъ Скакке, заставилъ выбрать королемъ своего сына Магнуса, а для того, чтобы прикрыть его некоролевское происхожденіе, отецъ сталъ домогаться, чтобы архіепископъ возложилъ на него корону. Магнусъ, дѣйствительно, добился коронаціи, но взаменъ этого вынужденъ былъ сдѣлать церкви большія уступки. Важнѣйшая изъ нихъ заключалась въ томъ, чтобы впредь архіепископъ и епископы рѣшали, который изъ королевскихъ сыновей долженъ унаслѣдовать престолъ. Такимъ образомъ, архіепископъ сталъ настоящимъ главою государства; Норвегія превратилась, можно сказать, въ ленное владѣніе церкви.

Опасность, угрожавшая самостоятельности Норвегіи, была устранена Сверре Сигурдсеномъ, выступившимъ въ 1177 г. противъ Магнуса въ качествѣ претендента на престолъ. Сверре воспитывался на Ферерскихъ островахъ и готовился въ священники; но когда онъ услышалъ отъ своей матери, что онъ сынъ короля, то онъ отправился въ Норвегію въ качествѣ претендента на престолъ. Вначалѣ ему не везло, его приверженцы были немногочисленны и крайне бѣдны; ихъ называли въ насмѣшку „березовыми ногами“ (лапотниками), такъ какъ за неизмѣнимъ башмаковъ они обвязывали себѣ ноги березовой корой. Однако, это были храбрые, неустрашимые и грозные люди, не останавливающиеся ни предъ какой опасностью, ни предъ какими усиліями. Черезъ нѣсколько лѣтъ побѣда осталась на сторонѣ Сверре (въ 1184 г.). Вслѣдствіе смерти многихъ главарей изъ партіи Магнуса вліяніе знатнаго сословія было ослаблено, такъ какъ Сверре передалъ ихъ должности своимъ лапотникамъ, которые все еще были ему вѣрны и покорны. Однако, когда Сверре задумалъ ограничить также власть церкви, то борьба разгорѣлась снова. Сверре былъ отлученъ отъ церкви папой, образовалась клерикальная партія „баглеровъ“ (baga, значитъ посохъ), съ которой онъ вынужденъ былъ бороться до самой своей смерти. При всемъ томъ онъ отстаивалъ независимость своего государства отъ духовенства и упрочилъ королевскую власть.

Междоусобныя войны продолжались и послѣ смерти Сверре (въ 1202 г.), пока имъ не былъ положенъ конецъ его внукомъ Гаакономъ IV Гааконсеномъ (1217—1263 г.), отмѣнившимъ испытаніе желѣзомъ и установившимъ болѣе твердый порядокъ престолонаслѣдія. Въ благодатное царствованіе Гаакона Норвегія достигла такого процвѣтанія, какъ никогда раньше. Во всей странѣ господствовали миръ и спокойствіе; по отношенію къ духовенству король занялъ дружелюбное положеніе, не умаляя, однако, своей власти. Гааконъ улучшилъ законы, основывалъ города и монастыри, строилъ церкви и замки. Его имя было извѣстно за границей, и иностранные монархи искали его дружбы. Папа Иннокентій IV, который велъ въ это время борьбу съ императоромъ Фридрихомъ II, предложилъ Гаакону императорскую корону, но этотъ послѣдній былъ настолько уменъ, что не погнался за этимъ подаркомъ. Кромѣ того онъ поддерживалъ дружескія отношенія съ Фридрихомъ II; онъ отвѣтилъ папѣ, что онъ всегда готовъ бороться съ врагами церкви, но не съ врагами папы. Въ Сѣверной Европѣ онъ прилагалъ всѣ усилія къ расширенію своихъ владѣній. Ему удалось даже подчинить своей власти Исландію и Гренландію, благодаря чему норвежское государство достигло своихъ наибольшихъ размѣровъ.

Какъ мы уже знаемъ, во вторую половину IX вѣка въ Исландіи поселились педовольные порядками въ своемъ отечествѣ норвежцы. Эти эмигранты забрали съ собою свое домашнее хозяйство, свое движимое имущество, свой скотъ и, безъ сомнѣнія, устроились на своей новой родинѣ совершенно такъ же, какъ они жили на старой. Старѣйшина занялъ въ собственность кусокъ земли, выстроилъ себѣ на немъ домъ и храмъ (hov) и сталъ главнымъ жрецомъ этого храма (Hode). Его дружина расселилась кругомъ него; самъ старѣйшина былъ въ одно и то же время духовнымъ и свѣтскимъ главой поселка. Почти 60 лѣтъ продолжалась эта колонизація Исландіи отдѣльными поселками (Landnámataliden, т. е. періодъ завладѣнія землей, отъ 874 до 930 г.). Вначалѣ отдѣльные старѣйшины не имѣли ничего общаго между собою въ политическомъ отношеніи; каждый изъ нихъ управлялъ своимъ округомъ или „годордомъ“ независимо отъ другихъ. Когда же населеніе острова увеличилось постепенно, то старѣйшины почувствовали потребность въ болѣе тѣсномъ политическомъ объединеніи и обнародовали общія законы (въ 930 г.), превратившіе островъ Исландію въ аристократическую республику. Общія дѣла рѣшались на альтингѣ, т. е. общемъ собраніи, собиравшемся одинъ разъ въ годъ, лѣтомъ, въ которомъ могли участвовать все жители; председательствовалъ въ альтингѣ законодатель (Lögsgjafadr), избираемый на 3 года; онъ прочитывалъ вслухъ предъ всемъ собраніемъ постановленные законы. Дѣйствительная законодательная власть принадлежала „Lögretta“, совѣту, состоявшему изъ старѣйшинъ и ихъ помощниковъ. Должность судьи первой инстанціи въ годордахъ исполнялъ назначенный годордомъ трибуналъ; высшими инстанціями служили Fjordungsdomar и Fimtardomr, засѣданія которыхъ происходили на мѣстѣ альтинга и члены которыхъ назначались старѣйшинами. Общей исполнительной власти для всего острова не существовало.

Около 1000 года исландцы были обращены въ христіанство миссіонерами, прибывшими изъ Норвегіи. Съ этихъ поръ стало усиливаться вліяніе церкви, въ особенности послѣ учрежденія на островѣ двухъ епископствъ въ 1100 г. Тѣмъ не менѣе старѣйшины сохранили свою власть. Нерѣдко одинъ „голь“, какъ назывались старѣйшины, объединялъ подъ своею властью нѣсколько годордовъ. Черезъ нѣкоторое время островъ Исландія сталъ жертвою междоусобныхъ войнъ и подчинился, наконецъ, норвежскому королю (въ 1262 г.). Исландцамъ было обѣщано сохраненіе ихъ законовъ и туземныхъ должностныхъ лицъ. Однако черезъ короткое время Исландія лишилась окончательно своихъ самостоятельныхъ учреждений: у альтинга была отнята законодательная власть, должность законодателя была уничтожена, и островомъ сталъ управлять королевскій чиновникъ. Положеніе это нисколько не улучшилось послѣ того, какъ Исландія съ Норвегіей перешла во власть Дави. Постепенное намѣненіе къ лучшему наступило только въ XIX столѣтіи. Торговля, бывшая въ теченіе долгаго времени монополіей датскихъ купцовъ, стала совершенно свободной въ 1854 г. Начиная съ 1874 г., король раздѣляетъ свою законодательную власть съ народнымъ представительствомъ, альтингомъ, а въ 1903 г. Исландія получила своего особаго министра, живущаго въ Рейкьявикѣ и отвѣтственнаго предъ альтингомъ, но не предъ датскимъ парламентомъ.

Больше всего прославились исландцы своей литературной дѣятельностью. На этомъ отдаленномъ, уединенномъ и негостепріимномъ островѣ расцвѣла въ эпоху свободы литература на мѣстномъ языкѣ, благодаря которой имя исландцевъ навсегда заняло почетное мѣсто въ исторіи. Съ большимъ тщаніемъ берегли они принесенные изъ старой родины саги и былины. Посредствомъ путешествій они поддерживали свою связь съ вѣвшимъ міромъ, въ особенности съ Норвегіей, а у себя

дома они слѣдили съ оживленнымъ интересомъ за всѣмъ тѣмъ, что происходило въ другихъ странахъ. Въ теченіе долгаго времени эти былины и саги передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе устнымъ путемъ, но въ XII столѣтіи, когда исландцы познакомились съ латинской азбукой расцвѣла письменная литература какъ поэтическая, такъ и прозаическая.

Изъ поэтическихъ произведеній первое мѣсто занимаютъ Эдды, собраніе народныхъ былинъ, повѣствующихъ о богахъ и герояхъ и относящихся къ языческой эпохѣ. Въ X столѣтіи эта народная поэзія изсякла и уступила свое мѣсто искусственной поэзіи скальдовъ, находившихся подъ вліяніемъ ирландской поэзіи; вначалѣ она отличалась простотой и незамысловатостью, но постепенно становилась все болѣе искусственной, все болѣе переполненной образными выраженіями, все менѣе удобопонятной. Эти стихотворенія сочинялись обыкновенно для прославленія королей, и поэты (скальды) были, по большей части, придворными стихотворцами, которыхъ короли цѣнили очень высоко и награждали щедрыми подарками. Однимъ изъ самыхъ извѣстныхъ скальдовъ былъ Снорре Стурлесенъ (сконч. въ 1241 г.), составившій, между прочимъ, руководство къ поэтическому искусству. „Младшую Эдду“, но прославившійся, главнымъ образомъ, какъ историческій писатель. Уже въ началѣ XII вѣка Аре Фроде (сконч. въ 1148 г.) написалъ свою „Islenđingabok“, т. е. краткую исторію Исландіи, въ которой онъ установилъ хронологію событій норвежско-исландской исторіи; вѣроятно, онъ же составилъ древнѣйшую часть „Landnámabok“, списка самыхъ знатныхъ изъ эмигрантовъ, переселившихся изъ Норвегіи въ Исландію съ обозначеніемъ ихъ мѣстопребыванія, съ перечисленіемъ ихъ потомковъ и краткимъ изложеніемъ ихъ дальнѣйшей жизни. Послѣ Фроде этотъ трудъ былъ продолженъ другими писателями. Теперь стали записывать тѣ многочисленныя саги, которыя сохранились до того времени въ устномъ преданіи. Такимъ образомъ возникла богатая литература сагъ, расцвѣтъ которой совпадаетъ съ XIII столѣтіемъ. Величайшимъ авторомъ сагъ былъ только что упомянутый Снорре, изложившій въ своей сагѣ „Heimskringla“ исторію норвежскихъ королей отъ древнѣйшихъ временъ до 1177 г. Увлечательны также исландскія семейныя саги, дающія превосходную картину жизни исландцевъ въ эпоху ихъ свободы. Вкладъ, сдѣланный самими норвежцами въ эту литературу, относительно невеликъ. Наибольшее значеніе имѣетъ помимо нѣкоторыхъ сагъ такъ называемое „Konungsskuggsia“ (Королевское Зеркало), весьма важное въ культурно-историческомъ отношеніи произведеніе, изображающее жизнь, занятія, обязанности купцовъ, придворныхъ и короля. Хотя литературная дѣятельность самой Норвегіи была не такъ важна, тѣмъ не менѣе норвежскіе короли и магнаты содѣйствовали развитію норвежско-исландской литературы, такъ какъ они принимали исландскихъ поэтовъ и сказочниковъ къ себѣ на службу, поощряли ихъ и помогали имъ. Въ этомъ отношеніи наибольшая заслуга принадлежитъ Сверре и его потомкамъ, которые были сами высокообразованными людьми и проявляли живой интересъ къ литературѣ. Когда Исландія лишилась своей свободы, то ея литература тоже стала клониться къ упадку; ея истинные носители, знатные роды древнихъ старѣйшинъ, погибли, а вмѣстѣ съ ними погибла поэзія скальдовъ и самостоятельное творчество въ области сагъ. Конечно, исландцы не забросили своихъ литературныхъ занятій: они списывали старыя сочиненія и перелагали старыя саги въ стихи.

Между тѣмъ въ Норвегіи зародился интересъ къ поэзіи другихъ европейскихъ странъ, и, начиная съ середины XIII столѣтія, литературная дѣятельность норвежцевъ состояла, главнымъ образомъ, въ переводѣ французскихъ и нѣмецкихъ героическихъ былинъ. Высшаго расцвѣта достигла норвежская литература при королѣ Гаакопѣ Гааконсенѣ, правленіе кото-

раго, какъ мы уже упоминали выше, было блестящимъ періодомъ норвежской исторіи также и въ другихъ отношеніяхъ. Сынъ и преемникъ Гаакона, Магнусъ (1263—1280 гг.), не отличался такой энергіей, какъ его отецъ, но все же приобрѣлъ большія заслуги, въ особенности въ качествѣ законодателя, почему его наградили почетнымъ эпитетомъ „Lagaböter“ (исправителя законовъ). Главная его заслуга состояла въ томъ, что онъ объединилъ подъ однимъ общимъ законодательствомъ всю Норвегію, не обладавшую до той поры никакимъ общимъ письменнымъ сборникомъ законовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ лишились своей законодательной власти „лагтинги“, на которыхъ крестьяне составляли законы до той поры, и вообще весь народъ. Съ этого времени единственнымъ законодателемъ становится король, который вмѣстѣ съ тѣмъ раздѣляетъ съ народомъ также и судебную власть, такъ какъ онъ назначаетъ предсѣдателей высшихъ судовъ, „лагмендовъ“. Для поощренія торговли Магнусъ заключилъ торговый договоръ съ Англіей и предоставилъ нѣкоторыя привилегіи сѣверно-германскимъ городамъ. Опираясь на эти привилегіи, ганзейцы впоследствии захватили въ свои руки всю норвежскую торговлю, высосали все соки изъ этой страны и погубили норвежское торговое сословіе. Послѣ смерти Магнуса королевская власть усилилась еще больше и сдѣлалась почти неограниченной къ тому времени, когда прекратилась королевская династія Гаральда Гаарфатера, послѣднимъ представителемъ которой былъ сынъ Магнуса Гааконъ V, сконч. въ 1319 году. Короли сумѣли смирить свѣтскихъ и духовныхъ магнатовъ и лишили крестьянъ всякаго политическаго вліянія.

Б. Датскій періодъ.

Послѣ прекращенія стариннаго королевскаго рода (въ 1319 году), Норвегія объединилась сначала со Швеціей (сравн. стр. 547), а затѣмъ съ Даніей (въ 1380 году; сравн. стр. 515). Съ этого времени въ Норвегіи начинается быстрый упадокъ: она оказалась не въ силахъ отстоять свою независимость въ уніи съ Даніей. Эта слабость была прежде всего послѣдствіемъ политическихъ и социальныхъ условий. Въ Норвегіи не существовало могущественной аристократіи или духовенства, не было состоятельнаго и просвѣщеннаго буржуазнаго класса, однимъ словомъ, никого, кто могъ бы или кто желалъ бы поддержать независимость государства. Норвежскій народъ состоялъ изъ крестьянъ, еще раньше лишившихся своей политической власти и заботившихся исключительно о своихъ собственныхъ дѣлахъ. Благосостояніе страны было погублено ганзейцами, могущество которыхъ непрерывно увеличивалось. Одновременно съ тѣмъ въ XIV столѣтіи Норвегія стала жертвой страшныхъ опустошительныхъ эпидемій, въ особенности черной смерти, унесшей въ могилу почти треть населенія. Заодно съ упадкомъ матеріальнаго благосостоянія замерла также и литературная жизнь. Во вторую половину XIV столѣтія замѣчается почти полное отсутствіе литературной дѣятельности. Такимъ образомъ, мы видимъ предъ собой регрессъ во всѣхъ отношеніяхъ. Лишившись всякой самостоятельной воли, Норвегія шла за Даніей и все сильнѣе подчинялась этой послѣдней. Датчане проникли въ Норвегію и стали приобретать здѣсь права гражданства посредствомъ браковъ; вмѣстѣ съ ними въ Норвегіи сталъ распространяться датскій языкъ, который сталъ литературнымъ языкомъ этой страны взамѣнъ вытѣсненнаго имъ древне-норвежскаго и оказалъ сильное вліяніе на разговорный языкъ городскихъ жителей. Въ то время, какъ Швеція освободилась отъ датскаго господства при помощи соединенныхъ силъ аристократіи и крестьянъ и шла навстрѣчу блестящей будущности, Данія стала обращаться съ Норвегіей послѣ датской войны 1536 года почти какъ со своей провинціей: Норвегія сохранила названіе королевства и пользовалась своими собственными зако-

нами, но лишилась государственнаго совѣта и управлялась датскимъ государственнымъ совѣтомъ и датскими чиновниками. По королевскому указу была введена въ 1536 году реформація. Церкви и монастыри были ограблены, но объ обученіи народа новому вѣроученію почти и не думали. Вообще датское правительство почти вовсе не заботилось о Норвегій въ начальномъ періодѣ уни.

Только къ концу XVI столѣтія Норвегія стала снова собираться съ силами; съ особеннымъ усердіемъ трудился для ея блага Христіанъ IV (1588—1648 г.). Природные источники доходовъ стали эксплуатироваться гораздо лучше: могущество ганзейцевъ было сломлено. Въ торговлѣ и мореплаваніи наступило сильное оживленіе; эксплуатація лѣсныхъ богатствъ и горнодобыіе приобрѣли замѣтное значеніе; города возросли, какъ въ числѣ такъ и по своимъ размѣрамъ; въ 1624 году была основана Христіанія. Рядомъ съ крестьянскимъ сословіемъ возникли въ это время норвежскія сословія бюргеровъ и моряковъ. Знатное сословіе было немногочисленно и не пользовалось такими громадными привилегіями, какъ въ Даніи; при томъ оно не обладало такой силой, чтобы оно могло лишить крестьянъ ихъ свободы и самостоятельности. Правда, страна страдала отъ войнъ между Даніей и Швеціей и потеряла изъ за нихъ нѣсколько провинцій (Герьедаленъ, Темтландъ, Богуслемъ), но, въ общемъ, она спокойно подвигалась впередъ.

Положеніе улучшилось еще въ большей степени съ 1660 года, когда въ Даніи и Норвегій было введено самодержавіе. Предъ лицомъ самодержавнаго монарха Норвегія стала равноправной съ Даніей; она была освобождена отъ датскихъ ленныхъ владѣльцевъ и оказалась подъ непосредственной властью короля, относившагося съ одинаковой заботой какъ къ Даніи, такъ и къ Норвегій. Вводились полезныя реформы, одинаково послужившія на пользу какъ той, такъ и другой изъ этихъ странъ. Такъ, напримѣръ, были усовершенствованы администрація и судопроизводство; было издано (въ 1687 году) новое судебное уложеніе; государственныя должности замѣнялись часто норвежцами, такъ что мало-по-малу развилось національное бюрократическое сословіе. Черезъ короткое время норвежцы заняли выдающееся положеніе во многихъ областяхъ духовной жизни уни: Людвигъ Гольбергъ, „отецъ новой датско-норвежской литературы“ былъ норвежцемъ (ср. стр. 525). На войнѣ норвежцы приобрѣли много заслуженную славу отважныхъ морскихъ героевъ и искусныхъ моряковъ. Въѣтъ съ тѣмъ расцвѣла торговля, и оживились сношенія. Особенно благотворными были послѣдніе годы XVIII столѣтія, когда Данія и Норвегія сумѣли сохранить нейтралитетъ во время войнъ революціи. Заодно съ умихами ихъ отечества въ норвежцахъ проснулось чувство собственнаго достоинства. Поэтому въ нихъ зародилось сильное стремленіе къ созданію своего собственнаго университета и своего собственнаго банка. Хотя имъ не всегда удавалось осуществить эти и подобныя имъ требованія, тѣмъ не менѣе въ Норвегій не существовало никакого раздраженія противъ Даніи и уни.

Однако настроеніе народа измѣнилось, когда Датско-Норвежское королевство было втянуто въ наполеоновскія войны въ началѣ XIX столѣтія. Теперь только норвежцамъ стала чувствительна тяжесть уни, и въ нихъ проснулось стремленіе къ независимости. Когда англичане захватили датскій флотъ въ 1807 году (стр. 527) и сообщеніе между Даніей и Норвегіей было окончательно прервано, то Фридрихъ VI учредилъ въ Норвегій особое правительство, во главѣ котораго былъ поставленъ принцъ Христіанъ Августъ Аугустенбургъ. Норвежцы научились стоять на своихъ собственныхъ ногахъ; однако мало кто догадывался, что черезъ короткое время оба соединенныя между собою государства отдѣлятся другъ отъ друга. Непосредственный поводъ къ этому событію пришелъ извигъ. Во время войны за освобожденіе (въ 1813 году) Швеція присоединилась къ врагамъ

Наполеона, и въ награду за это ей была обѣщана Норвегія. Поэтому послѣ битвы при Лейпцигѣ шведскій кронпринцъ Карлъ Іоаннъ сейчасъ же выступилъ противъ Даніи и заставилъ датскаго короля уступить ему Норвегію по Кильскому мирному договору (въ 1814 г.; стр. 528).

В. Унія со Швеціей (отъ 1814 до 1905 г.).

Когда въ Норвегію пришло извѣстіе объ этомъ событіи, то оно вызвало общее негодованіе. Норвежцы ни въ коемъ случаѣ не хотѣли подчиниться шведамъ, которыхъ они ненавидѣли, какъ своихъ враговъ; тѣ немногіе изъ норвежцевъ, которые считали полезной такую унію со Швеціей, принимались почти за измѣнниковъ. Тогдашній норвежскій наслѣдникъ, принцъ Христіанъ Фридрихъ (впослѣдствіи ставшій датскимъ королемъ подъ именемъ Христіана VIII), который пріобрѣлъ всеобщую любовь со стороны норвежцевъ, задумалъ воспользоваться недовольствомъ народа противъ Швеціи для того, чтобы провозгласить себя норвежскимъ королемъ и созвалъ народное собраніе въ Эндсвольдѣ (къ сѣверу отъ Христіаніи) для выработки конституціи. Это собраніе открыло свои засѣданія въ апрѣлѣ 1814 г., а къ 17 мая оно уже справилось со своей задачей. Согласно новой конституціи, составленной по образцу французской конституціи 1791 г., Норвегія превратилась съ того времени въ королевство съ ограниченной монархической властью и однопалатнымъ народнымъ представительствомъ. По этому вопросу между членами собранія господствовало полное единодушіе: всѣ они дорожили независимостью Норвегіи; но по всѣмъ другимъ вопросамъ они раздѣлились на двѣ партіи: меньшинство было согласно на личную унію со Швеціей и желало отложить избраніе короля до окончанія переговоровъ со шведскимъ королемъ въ то время, какъ большинство хотѣло провозгласить немедленно норвежскимъ королемъ принца Христіана Фридриха. Послѣдній, дѣйствительно, былъ избранъ королемъ 17 мая. Когда шведское правительство услышало о томъ, что произошло въ Норвегіи, оно обратилось съ жалобой къ союзникамъ; эти послѣдніе отправили въ Христіанію своихъ уполномоченныхъ для осуществленія постановленій Кильскаго мирнаго договора, но всѣ ихъ старанія были напрасны. Норвежцы стали вооружаться; но ихъ армія была дурно оборудована и не имѣла надежнаго руководителя. Христіанъ Фридрихъ не обладалъ военными талантами и не имѣлъ никакой охоты къ войнѣ; по примѣру большинства норвежцевъ онъ все еще надѣялся на то, что великія державы будутъ считаться съ перасположеніемъ норвежцевъ къ уніи, поэтому война продолжалась всего нѣсколько недѣль. Кронпринцъ Карлъ Іоаннъ (срав. стр. 528) вступилъ въ юго-восточную Норвегію; повинуясь приказаніямъ короля, норвежцы все отступали, хотя они были пренеполнены боевого духа и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дрались съ успѣхомъ. Христіанъ Фридрихъ не рѣшился дать генеральнаго сраженія, а согласился на предложенное Карломъ Іоанномъ перемиріе. 14 августа была заключена конвенція въ Моссеѣ (къ югу отъ Христіаніи). Карлъ Іоаннъ, который не чувствовалъ себя настолько сильнымъ, чтобы окончательно покорить Норвегію, стремился къ восстановленію мира въ скандинавскихъ государствахъ раньше, чѣмъ соберется Вѣнский конгрессъ, обѣщавъ отъ имени короля Карла XIII признать норвежскую конституцію. Христіанъ Фридрихъ обязался, съ своей стороны, отказаться отъ короны, созвать стортингъ (народное представительство) для переговоровъ съ шведскимъ королемъ и покинуть немедленно Норвегію. Такъ и случилось: стортингъ выработалъ нѣкоторыя измѣненія конституціи, обусловленныя уніей со Швеціей, и избралъ норвежскимъ королемъ Карла XIII (4 ноября 1814 г.). Условія, на которыхъ состоялась унія, были опре-

дѣлены точнѣе въ 1815 г. посредствомъ особаго закона, „государственнаго акта“ (Rigsakt).

Такимъ образомъ, Норвегія объединилась со Швеціей на правахъ особаго королевства. Норвежская конституція была одной изъ самыхъ свободныхъ въ Европѣ. Съ тѣхъ поръ эта страна подвинулась сильно впередъ во всѣхъ отношеніяхъ. Народъ защищалъ съ успѣхомъ свою свободную конституцію отъ посягательствъ королевской власти и отстаивалъ твердо свое равноправіе со Швеціей въ уніи. Онъ научился эксплуатировать съ большимъ успѣхомъ источники доходовъ своей страны: благодаря этому общее благосостояніе подвинулось впередъ. Норвежцы относились съ большою заботливостью къ народному образованію и заняли выдающееся положеніе какъ въ искусствѣ, такъ и въ наукѣ.

Въ теченіе первыхъ лѣтъ существованія уніи нерѣдко возникало треніе между королемъ и народомъ. Карлъ Іоаннъ XIV, вступившій на престолъ въ 1818 г., нашелъ норвежскую конституцію слишкомъ демократической и стремился къ расширенію своей власти; но его попытки измѣненія конституціи разбились о непреклонность стортинга, неизмѣнно отвергавшаго единогласно его предложенія. Норвежцы находили, съ своей стороны, что король хлопочетъ слишкомъ мало объ обезпеченіи за ними равноправнаго положенія въ уніи и опасались, кромѣ того, его посягательствъ на конституцію. Однако положеніе улучшилось мало-по-малу, и въ послѣдніе годы своей жизни Карлъ Іоаннъ подучилъ много доказательствъ преданности норвежцевъ. Его сынъ Оскаръ I (1844—1859 г.), свободомыслящій и благожелательный монархъ, старался всѣми силами идти на встрѣчу желаніямъ норвежцевъ: поэтому онъ пользовался всеобщей любовью, и его царствованіе было очень счастливо. Король и стортингъ трудились единодушно для блага страны, сдѣлавшей крупныя успѣхи во всѣхъ направленіяхъ. Въ частности замѣчался сильный подъемъ въ экономической жизни.

Послѣ смерти Оскара I это согласіе между органами правительства разстроилось снова, оппозиція въ стортингѣ усилилась, и возникла тяжелая политическая борьба, продолжавшаяся почти непрерывно до настоящаго времени. Руководящую роль въ стортингѣ играли первоначально чиновники, но послѣ іюльской революціи, вызвавшей общее оживленіе интереса къ внутренней политикѣ и сильное національное чувство, крестьяне, считавшіе себя истинными представителями норвежскаго народа и смотрѣвшіе косо на чиновниковъ, основали партію, враждебную къ чиновникамъ. Эта партія усилилась вскорѣ вслѣдствіе присоединенія къ ней либераловъ, стремившихся къ расширенію вліянія стортинга за счетъ исполнительной власти; она составила оппозицію противъ правительства и заняла мѣсто парламентской лѣвой въ то время, какъ бывшая чиновничья партія превратилась въ консервативную, поддерживающую правительство. Парламентская лѣвая имѣла талантливаго руководителя въ лицѣ Іоанна Свездруна (1816—1892 г.). Благодаря ему значеніе этой партіи все возрастало, такъ что она составила, наконецъ, большинство въ стортингѣ. Вслѣдствіе этого, отношенія между правительствомъ и лѣвыми при Карлѣ XV (1859—1872 г.) были далеко не изъ наилучшихъ.

Эти отношенія стали еще болѣе натянутыми въ царствованіи брата и преемника этого короля, Оскара II. Поводовъ къ столкновенію существовало не мало: правительство противилось различнымъ предложеніямъ лѣвой и было несогласно съ ней въ толкованіи нѣкоторыхъ пунктовъ конституціи. Наконецъ, стортингъ выступилъ въ 1883 г. съ формальнымъ обвиненіемъ противъ министерства; министры были, дѣйствительно, осуждены, и король былъ вынужденъ назначить министерство Свездруна (26 іюня 1884 г.). Однако, когда лѣвые взяли въ свои руки кормило правленія, то между ними сейчасъ же обнаружился разногласіе; они распались

на умѣренныхъ и радикаловъ, и въ іюлѣ 1889 г. Свердрупъ вынужденъ былъ уступить мѣсто консервативному министерству. Консерваторамъ не удалось удержаться у власти; въ 1891 г. во главѣ правительства опять стали лѣвые. Такъ какъ, вопросъ о консульствахъ, которымъ мы сейчасъ займемся ближе, выступалъ все рѣзче на первый планъ, начиная съ 1894 г., то изъ лѣвыхъ и консерваторовъ составила въ 1893 г. коалиціонная партія, составлявшая большинство стортинга до 1906 года.

Г. Возстановленіе независимости Норвегіи.

Въ продолженіе этой внутренней борьбы отношенія между Норвегіей и Швеціей ухудшились. Норвежцы имѣли совершенно другое представленіе объ униі. чѣмъ шведы; они требовали осуществленія полного равноправія Норвегіи со Швеціей. Намасны были все попытки обонхъ государствъ придти къ соглашенію относительно государственнаго акта 1815 г. (стр. 540). Наконецъ, норвежцы потребовали назначенія своихъ особыхъ консуловъ. По этому вопросу происходили долго тянувшіеся переговоры между норвежскимъ и шведскимъ правительствами. Эти переговоры не привели ни къ какому результату, такъ какъ обнаружилось, что шведы не желаютъ признавать равноправія Норвегіи, а стремятся къ сохраненію преобладающаго положенія Швеціи. Это вызвало въ Норвегіи всеобщее возмущеніе. 23 мая 1905 г. стортингъ принялъ единогласно законъ объ учрежденіи особыхъ норвежскихъ консульствъ. Когда король отказался подписать этотъ законъ, то министерство Петра Михельсена подало въ отставку. Король не принялъ этой отставки, такъ какъ, по его собственному утвержденію, въ это время невозможно было составить въ Норвегіи такого министерства, которое отстаивало бы его взгляды. Тѣмъ не менѣе, 7 іюня министерство сложило свои полномочія предъ стортингомъ; стортингъ объявилъ расторгнутой личную унию со Швеціей и передалъ въ руки министерства временное исполненіе королевскихъ обязанностей. Послѣ этого начались переговоры со Швеціей. 23 сентября въ Карлстадѣ былъ заключенъ договоръ, уладившій спорные пункты, связанные съ уничтоженіемъ униі. 27 октября король Оскаръ призналъ Норвегію отдѣленной отъ Швеціи и государствомъ вполне сувереннымъ, отказался отъ норвежскаго престола, но отклонилъ просьбу стортинга, хлопотавшаго о томъ, чтобы онъ разрѣшилъ одному изъ младшихъ принцевъ королевскаго дома принять норвежскую корону. 18 ноябрю стортингъ королемъ избралъ второго сына занимавшаго престолъ датскаго короля Фредерика VIII, съ 1906 г., принца Карла, совершившаго свой торжественный въѣздъ въ Христианію подъ именемъ Гаакона VII 25 ноябрю 1905 г.; 22 іюня 1906 г. состоялось его торжественное коронованіе. Такимъ образомъ было санкціонировано раздѣленіе обонхъ государствъ, въ теченіе 90 лѣтъ состоявшихъ между собою въ униі.

Политическая борьба не препятствовала проведенію въ Норвегіи важныхъ реформъ (учрежденію суда присяжныхъ, переустройству арміи, школьной реформѣ, реформѣ избирательнаго права) и не задержала матеріальнаго развитія этой страны. Пути сообщенія улучшились въ необычайной степени. Были основаны сельско-хозяйственныя, коммерческія и техническія училища, доставившія возможность дѣятельному въ экономическомъ отношеніи норвежскому народу расширить свои познанія. Благодаря болѣе усовершенствованной эксплуатаціи естественныхъ богатствъ страны подвинулись сильно впередъ различныя отрасли труда, главнымъ образомъ, торговля и мореходство: по сравненію съ количествомъ своего населенія Норвегія обладаетъ въ настоящее время наибольшимъ торговымъ флотомъ (въ концѣ 1904 г. онъ состоялъ изъ 7,320 судовъ). Рядомъ съ этимъ громадное значеніе для народнаго пропитанія имѣютъ, кромѣ зем-

ледѣлія и особенно скотоводства, рыболовство и эксплуатація лѣсныхъ богатствъ. Промышленность, въ продолженіе долгаго времени не имѣвшая замѣтнаго значенія, тоже развилась въ теченіе послѣднихъ лѣтъ; количество занятыхъ рабочихъ возросло, и социаль-демократическое ученіе насчитываетъ уже между ними значительное число приверженцевъ. Благодаря этому матеріальному подъему подвинулось впередъ благосостояніе народа. Населеніе почти утроилось съ 1814 г. и заботится съ большимъ рвеніемъ и замѣтнымъ усилѣніемъ о просвѣщеніи и прогрессѣ.

Д. Культурный прогрессъ Норвегіи въ XIX столѣтіи.

Съ упадкомъ національной жизни въ XIV столѣтіи прекратилась почти всякая литературная дѣятельность (стр. 537). Однако въ народѣ продолжали жить древнія саги и былины. Мало-по-малу расцвѣла богатая народная поэзія, состоящая изъ пѣсенъ, сагъ, сказокъ; въ настоящее время она собрана и даетъ интересную картину духовной жизни норвежскаго народа въ теченіе прошлыхъ эпохъ. вмѣстѣ съ упадкомъ литературы въ XIV столѣтіи вышелъ изъ употребленія въ качествѣ литературнаго языка древне-норвежскій языкъ, сохранившійся въ довольно неизмѣненномъ видѣ только на о. Исландіи и распавшійся въ Норвегіи на цѣлый рядъ нарѣчій. Среди норвежцевъ получилъ распространеніе датскій языкъ и когда литературная дѣятельность оживилась снова въ XVI столѣтіи, то норвежцы стали писать на этомъ послѣднемъ языкѣ. Такимъ образомъ литература стала общимъ достояніемъ датскаго и норвежскаго народовъ. Норвежцы принимали въ ней сначала весьма слабое участіе (Fœlleslitteraturen); но по мѣрѣ того, какъ норвежцы оправлялись постепенно отъ своего безсилія, ихъ вклады въ общую литературу все увеличивались какъ по своимъ размѣрамъ, такъ и по своему значенію. (Людвигъ Гольбергъ „Норвежское общество“; срав. стр. 525 и сл.). Однако, несмотря на ростъ національнаго чувства, не замѣчалось никакого стремленія къ созданію самостоятельной норвежской литературы. Даже въ теченіе времени, послѣдовавшаго непосредственно за 1814 г., когда, между прочимъ, литературная жизнь проявлялась вообще очень слабо, норвежскіе поэты не отличаются оригинальностью. Они все еще идутъ по слѣдамъ XVIII столѣтія, воодушевляются патріотизмомъ и пишутъ пѣсни о свободѣ, національные рассказы и драмы. Только около 1830 г. зарождается національная литература, имѣющая нѣкоторое значеніе, въ лицѣ поэтовъ Генр. Арн. Вергеланда (сконч. въ 1845 г.) и Юанна Севастьяна Вельгавена (сконч. въ 1873 г.). Оба они были преисполнены самой горячей любви къ своему отечеству, но только представляли себѣ неодинаково тотъ путь, который ведетъ къ его благу. Образованные слои общества еще находились подъ сильнымъ вліяніемъ датской культуры, и Вельгавенъ хотѣлъ поддержать духовную связь съ Даніей. Напротивъ того, Вергеландъ ненавидѣлъ датскую культуру и датскій языкъ и увлекался мыслью о національной норвежской культурѣ. Такимъ образомъ въ 1832 г. начался ожесточенный литературный споръ. Онъ имѣлъ свои хорошія послѣдствія; съ одной стороны онъ сдерживалъ излишнее рвеніе норвежскихъ націоналистовъ, а съ другой стороны укрѣплялъ истинное самосознаніе и истинную любовь къ отечеству. вмѣстѣ съ націоналистическимъ увлеченіемъ проснулся интересъ къ народной жизни, народной поэзи и природѣ. Поэты Бьернстерне Бьернсонъ, Юнасъ Ли и др. изображаютъ съ большой любовью оригинальныя черты народной жизни и народныхъ обычаевъ, мысли и чувства народа. Одновременно съ тѣмъ они воспроизводятъ въ драматической формѣ тотъ періодъ, о которомъ повѣствуютъ саги, и Бьернсонъ вмѣстѣ съ Генрикомъ Ибсеномъ (сконч. въ 1906 г.) положили начало цѣлому ряду историческихъ драмъ; въ тоже время раз-

рабатывается всѣми силами норвежскій языкъ, который долженъ стать государственнымъ языкомъ. Съ 1870 г. литература усваиваетъ мало-по-малу реалистическое направленіе, художники стараются подойти какъ можно ближе къ дѣйствительности; объектомъ ихъ изученія становится уже не одна только крестьянская жизнь, какъ это было раньше, а все общество. Такіе художники, какъ Бьерсонъ, Ибсенъ и Ли, Александръ Килландъ (сконч. въ 1906 г.) и Арне Гарборгъ (род. 1851 г.; срав. т. VIII, стр. 630) принимаются за разрѣшеніе социальныхъ вопросовъ. Науки разрабатываются съ успѣхомъ университетомъ въ Христианіи; нѣкоторые изъ норвежскихъ ученыхъ прославились далеко за предѣлами своего отечества, какъ, напримѣръ, математики Н. Г. Абель (сконч. 1829 г.) и Софусъ Ли (сконч. въ 1899 г.), Фритіофъ Нансенъ (род. 1861 г.; т. VIII, стр. 655), прославившійся своими смѣлыми полярными путешествіями. Изъ многихъ другихъ, пріобрѣвшихъ крупныя заслуги на поприщѣ специальныхъ наукъ и содѣйствовавшихъ славу своего отечества, мы назовемъ только слѣдующихъ: естествоиспытателей Хр. Ганстеена (сконч. 1873 г.), М. Сарса (сконч. 1869 г.), И. Кьерульфа (сконч. въ 1888 г.), К. Бьеркнеса (сконч. 1903 г.) и Г. Мона (род. 1835 г.), историковъ Р. Кейзера (сконч. 1864 г.) и П. А. Мунха (сконч. 1863 г.), основателей новѣйшей норвежской исторической школы. Филологъ С. Бугге пріобрѣлъ большую заслугу своимъ разборомъ древнихъ надписей руническими письменами, своими изслѣдованіями въ области міеологии и своимъ изданіемъ Старшей Эдды.

Норвежцы сумѣли отстаить свою самостоятельность не только въ литературѣ, но и въ искусствѣ. Еще раньше они выдавались своей архитектурой деревянныхъ строеній: они строили деревянныя церкви оригинальной конструкціи и съ оригинальнымъ орнаментомъ (см. фиг. 5 на таб., прил. къ стр. 498); квадратное среднее пространство этихъ церквей окружено низкими галереями, а крыша поднимается въ видѣ пирамиды. Менѣе оригинальны каменныя норвежскія церкви, какъ, напримѣръ, великолѣпный Дронтгеймскій соборъ, давно уже превратившійся въ развалины и шибко реставрируемый. Это зданіе, начатое постройкой въ срединѣ XII столѣтія и законченное около 1300 г., выстроено по англійскимъ образцамъ и преимущественно художниками иностранцами, которымъ оно обязано также своими богатыми орнаментами. Въ области чистой скульптуры норвежцы создали мало выдающагося, но они упражнялись уже въ очень раннія времена съ большимъ искусствомъ и съ большой любовью въ рѣзбѣ по дереву, примѣнявшейся необыкновенно часто для украшенія ихъ деревянныхъ зданій и различныхъ принадлежностей хозяйства. Ныгѣшніе норвежскіе крестьяне тоже занимаются рѣзбой съ большой охотой и искусствомъ.

Начиная съ прошлаго столѣтія, норвежцы оказали также успѣхи въ живописи. Норвежскій пейзажистъ И. К. Даль (сконч. въ 1859 г. профессоромъ дрезденской академіи художествъ), впервые открылъ передъ глазами Европы всю красоту и величіе норвежской природы и считается съ полнымъ основаніемъ творцомъ реалистической пейзажной живописи. Даль имѣлъ многихъ даровитыхъ послѣдователей, воспитывавшихся за границей, въ Дрезденѣ, Дюссельдорфѣ, Карлсруэ, Мюнхенѣ, Берлинѣ, Парижѣ, но не утратившихъ своего національнаго отпечатка (А. Тидеманъ, сконч. въ 1876 г., Г. Гуде, сконч. въ 1903, и др.). Въ музыкѣ пріобрѣли европейскую извѣстность Оле Буль, (сконч. въ 1880 г.) и Эдвардъ Григъ (род. въ 1843 году).

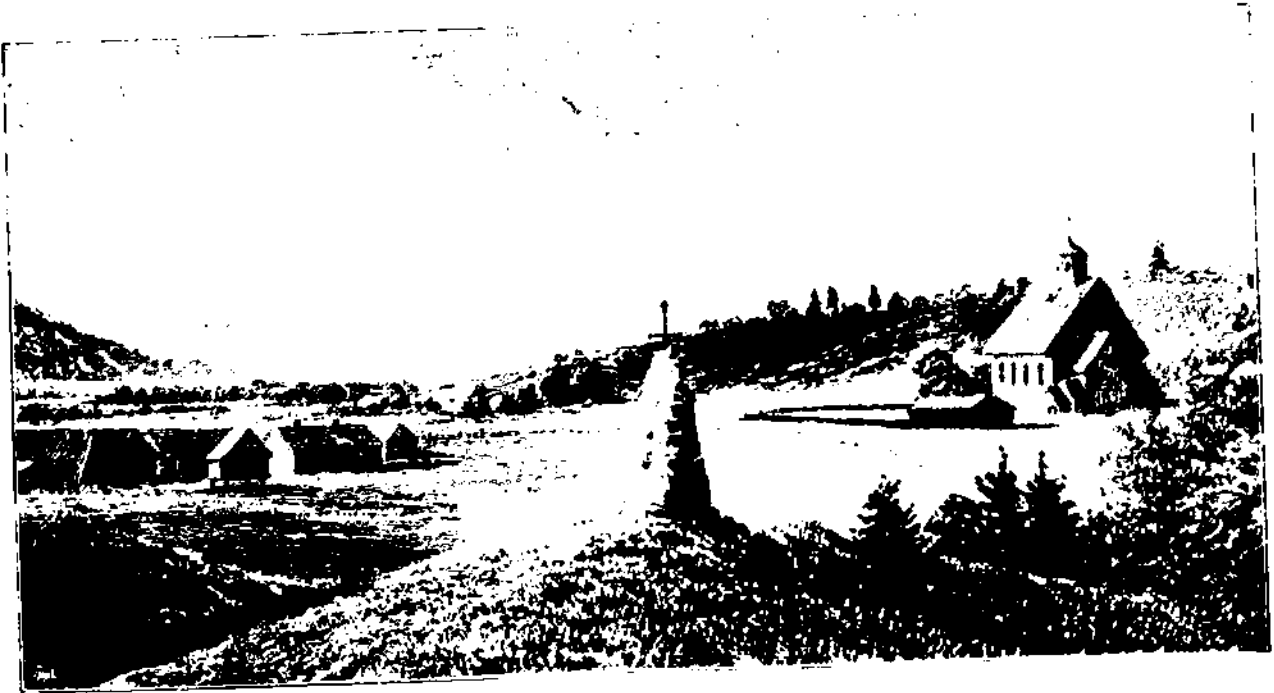
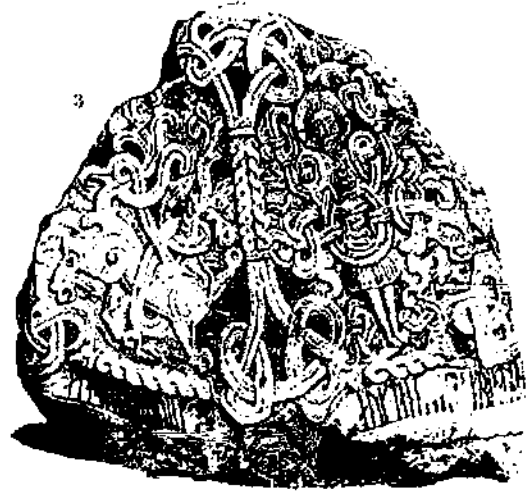
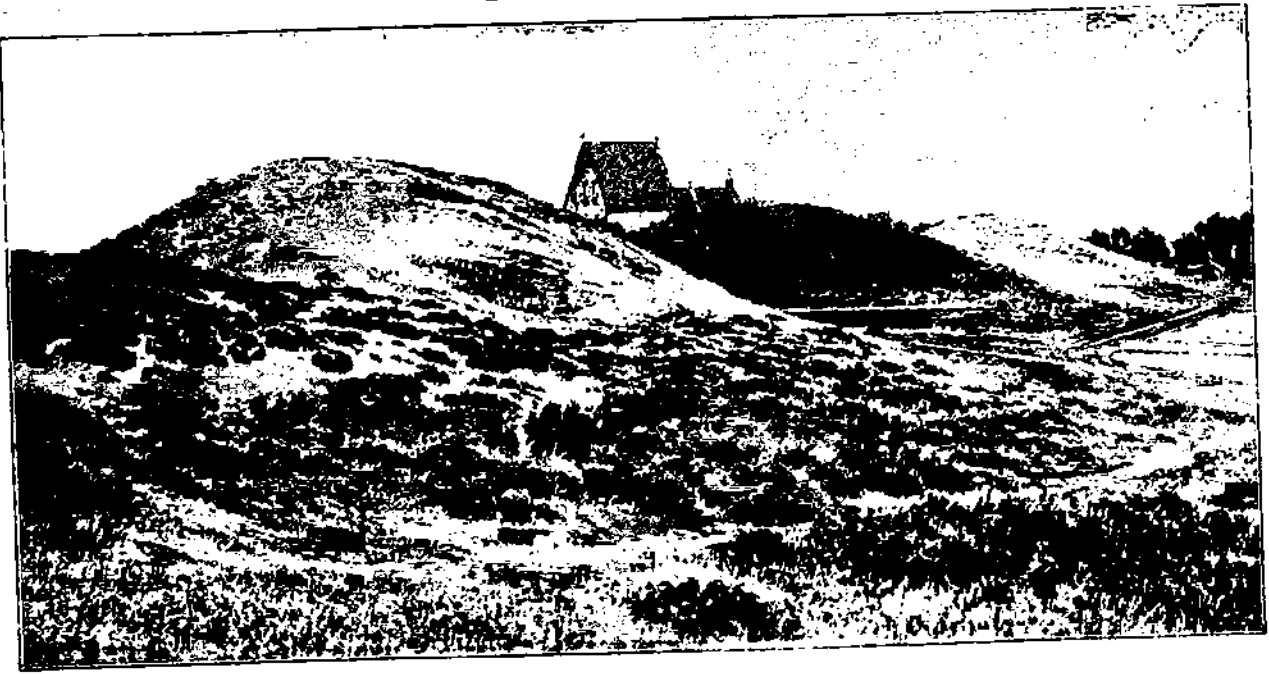
Такимъ образомъ, норвежцы приняли замѣтное участіе въ общевропейской культурной работѣ и доказали вполне убѣдительно, что они заслужили безусловно, какъ по своей хозяйственной дѣловитости, такъ и по своимъ трудамъ на поприщѣ науки и искусства, свою политическую самостоятельность, которую они вернули себѣ частью въ 1814 и окончательно въ 1905 г.

5. Швеція и Финляндія.

Швеція (Sverige, т. е. государство свеевъ), состояла некогда изъ двухъ главныхъ частей: Свеаланда и Геталанда, названныхъ такимъ образомъ по имени двухъ племенъ, свеевъ и гетовъ. Шоненъ, Галландъ и Блекингенъ принадлежали Даніи; Богусленъ, Герьедаленъ и Йемтландъ входили въ составъ Норвегіи, а въ Норландѣ жили народы угрской расы. — Только на морскихъ берегахъ Норланда существовали разбросанныя шведскія поселенія. Свеаландъ и Геталандъ не были сплоченными политическими единицами; отдѣльные округа, входившіе въ составъ каждой изъ этихъ областей, имѣли свои особые законы, свой тингъ, своего „лагмана“ (отъ слова Lag, т. е. законъ). Избранный крестьянами лагманъ былъ предсѣдателемъ тинга; его обязанность состояла въ отстаиваніи правъ крестьянъ предъ королемъ и его чиновниками и въ ознакомленіи короля съ волей народа. Въ числѣ этихъ округовъ первое мѣсто занималъ Упландъ, въ которомъ находилось самое важное святилище, храмъ въ Упсалѣ; тутъ находилась обыкновенно резиденція короля, и тутъ же собирався общій для всей страны тингъ (Allshäring), на которомъ король обращался съ рѣчью къ народу съ вершины холма недалеко отъ Упсалы (см. фиг. 1 на прил. табл. „Германскій Сѣверъ въ концѣ языческаго періода“ и т. д.). Король, избравшійся свеями Упланда и предпринимавшій сейчасъ же послѣ своего избранія путешествіе по различнымъ округамъ для принятія присяги на вѣрноподданство (Eriksgata), служилъ связующимъ звеномъ между различными округами; отъ его имени управляли этими округами назначенные имъ ярлы и другія должностныя лица. По своимъ социальнымъ условіямъ древняя Швеція не отличалась отъ Даніи и Норвегіи. По своему образу жизни, правамъ и обычаямъ древніе шведы походили на своихъ западныхъ и южныхъ сосѣдей; вся разница между тѣми и другими заключалась въ томъ, что шведы развивались медленнѣе другихъ скандинавскихъ народовъ вслѣдствіе того, что ихъ географическое положеніе ограничивало кругъ ихъ сношеній живущими на другомъ берегу Балтійскаго моря финскими и славянскими народами. Кромѣ того спокойному развитію Швеціи мѣшали въ теченіе долгаго времени столкновенія между свеями и гетами.

А. Собственная исторія Швеціи до конца XIV столѣтія (до уни).

По преданію король изъ рода Инглинговъ, ведшаго свое происхожденіе отъ боговъ, царствовалъ надъ шведами съ самыхъ древнихъ временъ; объ ихъ подвигахъ повѣствуютъ сѣверныя саги. Первыя, хотя и очень скудныя надежныя свѣдѣнія были собраны миссіонерами, побывавшими въ Швецію въ началѣ IX столѣтія. Въ 830 году въ Швецію прибылъ Ансгаръ, передъ тѣмъ уже трудившійся некоторое время въ Даніи въ качествѣ миссіонера (стр. 511). Онъ былъ принятъ радушно королемъ Бьерномъ, пробылъ $\frac{1}{2}$ года въ окрестностяхъ Меларена и обратилъ некоторое число жителей этой мѣстности въ христіанство. Впослѣдствіи онъ снова посѣтилъ Швецію и трудился ревностно надъ укрѣпленіемъ новаго вѣроученія; однако, послѣ его смерти миссіонерская дѣятельность опять замерла. Только въ началѣ XI столѣтія, въ царствованіе Олафа Скеткунга (короля податей), вѣроятно, получившаго это прозвище отъ подати, которой онъ обложилъ народъ, христіанство прочно утвердилось въ Швеціи. Отецъ Олафа, Эрикъ Сегерзель (Побѣдоносный), изгналъ Свена Вилобородаго и покорила Данію; послѣ его смерти (около 994 года) Свенъ примирился съ Олафомъ Скеткунгомъ, получилъ обратно Данію и женился на вдовѣ Эрика. Послѣ этого Свенъ и Олафъ вступили между собой въ союзъ противъ норвежскаго короля Олафа Тригвессена (стр. 533), оскорбив-

Исторія челядництва. VI.

Сво. Дроздовичъ въ Сиб.

Германскій Сѣверъ въ концѣ языческаго и въ началѣ христіанскаго періода.

Объясненіе къ рисункамъ, помѣщеннымъ на оборотѣ.

1. Три большіе королевскіе холма недалеко отъ Старой Упсалы (*Gamla Upsala*), въ трехъ четвертяхъ часа пути отъ Упсалы и недалеко отъ дуга Мора, на которомъ происходило избраніе древнихъ шведскихъ королей.

(Съ фотогр. снимка Лундеквиста въ Упсалѣ рис. О. Шульца.)

2 и 3. Бóльшій изъ камней въ Йеллинге съ рунной надписью, относящаяся къ X столѣтію. Датскій король Гаральдъ Синезубый (*Blåtand*; отъ 940 до 986/7 г.) оновѣщаетъ въ ней о томъ, что онъ обратилъ датчанъ въ христіанство; замѣчательно изображеніе Христа. Йеллинге лежитъ по сосѣдству съ Вейле въ Ютландіи.

Текстъ рунъ:	Датскій переводъ:	Русскій переводъ:
haraltr : kunukR : bar : kau- rna kubl : pausi : aft : kurm : · fapur : sin : auk : aft : pauroi : mupur : sina : sa : haraltr : ias : saR : uan : tanmaerk ala : auk : norriak · auk : tan [i : karpi:] kristna	Harald konge bad (bød) gjøre dette Mindesmærke efter Gorm, sin Fader, og Thyra, sin Mo- der, den Harald, som vandt sig al Danmark og Norge og [gjorde] Dan [erne] kristne.	Король Гаральдъ воздвигъ этотъ памятникъ въ честь Горма, своего отца, и Тиры, своей матери, тотъ самый Гаральдъ, который покорилъ всю Данію и Норвегію и обра- тилъ въ христіанство дат- чанъ.

(По соч. Р. Кёвке: „Om Runerne i Norden“, Копенгагенъ, 1890 г.)

4. Поле битвы при Стиклестадѣ въ Вердаленѣ въ норвежскомъ Трондъемскомъ (Дронтгеймскомъ) округѣ, на которомъ погибъ 29 іюля 1030 г. Олафъ Гаральдсенъ, національный святой Норвегіи, обратившій норвежцевъ въ христіанство. Дронтгеймскій фьордъ отличается отъ остальныхъ норвежскихъ фьордовъ своими отлогими, плодородными берегами.

(Рисунокъ Флинта, воспроизведенный О. Шульцемъ по гравюрѣ на стали Фроммеля и Вилкера.)

шаго ихъ обоихъ, одержали надъ нимъ побѣду при Свольдерѣ (недалеко отъ Рюгена) и подѣлили между собой Норвегію (въ 1000 году). Олафъ Скетконунгъ получилъ сѣверную часть, но она была отнята у него черезъ цѣлоторое время Олафомъ Гаральдсенемъ, освободившимъ Норвегію отъ иноземнаго господства. Его попытки вернуть себѣ обратно свои владѣнія оказались безплодными; его собственные подданные заставили его не парушать мира съ Норвегіей. Какъ самъ Олафъ Скетконунгъ, такъ и его сыновья обратились въ христіанство въ 1008 году, и новое вѣроученіе дѣлало все большіе успѣхи, въ особенности въ Геталандѣ, но окончательно восторжествовало оно только по истеченіи значительнаго періода времени. Въ 1061 году древній королевскій родъ прекратился со смертью сыновей Олафа. Теперь началась ожесточенная борьба между свеями и гетами, тянувшаяся почти 200 лѣтъ. До того времени при избраніи короля геты предоставляли преимущество свеямъ, въ области которыхъ находились главное національное святилище и резиденція короля. Король избирался изъ среды свеевъ. Теперь же геты потребовали себѣ одинаковое право и одинаковое вліяніе со свеями и захотѣли избрать себѣ короля изъ своей собственной среды. Такъ какъ геты уже были по большей части обращены въ христіанство, въ то время какъ свеи еще держались упорно своей языческой вѣры, то эта борьба стала не только борьбой между двумя племенами и ихъ королями, но также борьбой между язычествомъ и христіанствомъ. Въ этой борьбѣ, въ которой побѣда переходила поочередно отъ свейскихъ королей къ гетскимъ, одержало верхъ христіанство, и это обстоятельство содѣйствовало въ высокой степени объединенію народа.

Новое вѣроученіе утвердилось въ Свеаландѣ, въ особенности благодаря рвенію кроткаго и справедливаго короля Эрика IX, превратившаго упсальскій храмъ въ христіанскую церковь и учредившаго въ Упсалѣ епископскую кафедру. Онъ хлопоталъ также объ обращеніи въ христіанство языческихъ сосѣднихъ народовъ и предпринялъ крестовый походъ въ Финляндію, съ жителями которой шведы поддерживали сношенія уже издавна и на берегахъ которой уже существовали шведскія поселенія. Жители этой страны, принадлежащіе къ угрской расѣ. финны (т. V, стр. 371 и 435), или, какъ они сами себя называютъ, суомалайзеть, переселились еще ранѣе IX столѣтія въ Южную Финляндію изъ областей, лежащихъ къ востоку и къ югу отъ Финскаго залива, въ которыхъ они жили по сосѣдству съ близко родственными имъ эстами, ливами и другими народами угрской расы; ко времени Эрика IX они уже распространились до сѣвера Финляндіи. Финны дѣлятся какъ по своему языку, такъ и по своимъ физическимъ особенностямъ на двѣ отрасли: западныхъ финновъ (настоящихъ финновъ и тавастовъ) и восточныхъ финновъ (кореловъ). Еще въ XII столѣтіи у нихъ не существовало никакихъ государствъ, они жили въ первобытномъ состояніи; они были грубы и суевѣрны, но отличались своею храбростью и любовью къ свободѣ и держались крѣпко вѣры своихъ отцовъ. Эрику удалось покорить и обратить въ христіанство юго-западныхъ финновъ; такимъ образомъ онъ положилъ основаніе господству шведовъ въ Финляндіи. Черезъ короткое время послѣ его возвращенія изъ Финляндіи Эрикъ былъ убитъ однимъ изъ своихъ враговъ (18 мая 1160 года). На томъ мѣстѣ, на которомъ онъ скончался, стали совершаться чудеса, такъ что народъ призналъ его святымъ; въ послѣдствіи его стали чтить, какъ патрона Швеціи, подъ именемъ Эрика Святого, и шведское государственное знамя называлось въ средніе вѣка знаменемъ св. Эрика.

Съ утвержденіемъ христіанства быстро возросли вліяніе и могущество церкви. Въ 1164 году Швеція стала самостоятельной церковной областью подъ главенствомъ архіепископа упсальскаго; духовенство пріобрѣло различныя привилегіи; напримѣръ, оно было освобождено отъ налоговъ (andliga frälse). Были учреждены монастыри; первые монахи принадлежали

къ ордену Св. Бернара и прибыли изъ Франціи; они дѣйствовали не только въ качествѣ учителей вѣры, но обучали также крестьянъ земледѣлію и промысламъ. Къ нимъ присоединились впоследствии нищенствующіе монахи.

Въ 1250 году прекратился родъ Эрика IX. Самымъ могущественнымъ человѣкомъ во всей Швеціи былъ въ это время Биргеръ Ярль изъ богатаго и вліятельнаго рода Фолькунговъ. Это былъ энергичный человѣкъ и тонкій дипломатъ, а въ 1249 году онъ проявилъ недюжинный военный талантъ въ Финляндіи, въ которой онъ упрочилъ шведское господство и расширилъ владѣнія шведовъ, покоривши тавастовъ. Онъ былъ женатъ на сестрѣ послѣдняго короля, но самъ не происходилъ изъ королевскаго рода; поэтому королемъ былъ избранъ не онъ самъ, а его старшій сынъ Вальдемаръ. Такъ какъ этотъ послѣдній еще не достигъ совершеннолѣтія, то Биргеръ сталъ фактическимъ правителемъ государства въ качествѣ опекуна своего сына и управлялъ имъ до самой своей смерти (21 октября 1266 г.). Онъ возстановилъ спокойствіе и порядокъ внутри страны; благодаря ему Швеція заняла выдающееся положеніе среди скандинавскихъ государствъ; онъ стремился къ поддержанію мира и равновѣсія между ними. Въ своей законодательной дѣятельности онъ направлялъ свое вниманіе главнымъ образомъ на уничтоженіе внутреннихъ противорѣчій и заботился объ улучшеніи правовъ. Для поощренія торговыхъ сношеній съ другими странами онъ заключилъ торговый договоръ съ Любекомъ, такъ какъ сами шведы отличались еще въ это время слабой торговой предприимчивостью. Однако, любекскіе купцы воспользовались этимъ торговымъ договоромъ какъ въ Швеціи, такъ и въ другихъ скандинавскихъ странахъ для того, чтобы мало по малу захватить въ свои руки всю торговлю. Все же сношенія съ Германіей принесли пользу шведамъ: переселившіеся въ Швецію нѣмцы подвинули впередъ горнодѣліе и другія отрасли промышленности; города устроивались по нѣмецкому образцу; они приобрѣли самоуправленіе, и ихъ благосостояніе возросло. Съ особенной быстротой выросъ Стокгольмъ, обязанный своимъ значеніемъ, какъ городъ и какъ крѣпость, Биргеру Ярлу. Кромѣ Стокгольма приобрѣли значеніе также и слѣдующіе города: Висби, Зедерчепингъ, Кальмаръ и Ледезе; Висби, членъ Ганзы, былъ въ теченіе долгаго времени самымъ богатымъ и самымъ великолѣпнымъ городомъ на сѣверѣ до XIV столѣтія, когда его могущество и его благосостояніе были уничтожены Вальдемаромъ Аттердагомъ (стр. 515). Въ 1266 г. король Вальдемаръ вступилъ самъ въ управленіе государствомъ, но черезъ короткое время оказался неспособнымъ справиться съ своей задачей. Онъ былъ слабохарактеренъ, распутенъ, гонялся за удовольствіями и въ 1275 г. былъ низложенъ съ престола своимъ младшимъ братомъ Магнусомъ, не уступавшимъ своему отцу по своей энергіи и уму.

Магнусъ (1275 г.—1290 г.) продолжалъ дѣло Биргера; онъ охранялъ съ большой строгостью спокойствіе и порядокъ внутри государства и жилъ въ мирѣ со своими сосѣдями, которые избирали его даже посредникомъ въ своихъ спорахъ. Посредствомъ цѣлаго ряда законовъ онъ оградилъ крестьянъ отъ насилій со стороны знатнаго сословія, за что былъ награжденъ почетнымъ прозваніемъ „Ladulås“ (замокъ амбара). Тѣмъ не менѣе политическое вліяніе крестьянъ пошло на убыль. Магнусъ стремился всѣми силами къ расширенію королевской власти и сохранилъ за собою право издавать законы сообща со своимъ совѣтомъ и самими знатными людьми; у народа же было отнято право законодательства; король былъ признанъ также высшимъ судьей; бывшіе представители крестьянъ и ихъ правъ „лагманы“, переходившіе постепенно въ ряды знатнаго сословія, стали считаться королевскими чиновниками. Первымъ сановникомъ королевства былъ до тѣхъ поръ ярль. Эта должность была отмѣнена при Биргерѣ, и въ королевскомъ совѣтѣ были поставлены на первомъ мѣстѣ Marsk, Drotts

и канцлеръ. Магнусъ ввелъ въ Швецію иностранные обычаи и учрежденія; самымъ важнымъ изъ этихъ послѣднихъ была Russtjenst (конная военная служба). До того времени военная система Швеція была приспособлена исключительно къ морской войнѣ; вся страна была раздѣлена на округа, каждый изъ которыхъ былъ обязанъ снарядить въ случаѣ войны корабль съ экипажемъ, а въ мирное время вносить опредѣленный военный налогъ. Такъ какъ теперь участились сухопутныя войны, то Магнусъ нуждался въ удовлетворительной кавалеріи и издалъ указъ, освобождающій отъ податей тѣхъ, которые явятся на службу въ собственномъ вооруженіи и на собственномъ конѣ. Эти кавалеристы были отдѣлены отъ всего остального народа въ качествѣ особаго военного сословія; такъ какъ конная служба, слѣдовательно также и освобожденіе отъ податей, переходили по наследству отъ отца къ сыну, то этимъ было положено начало особому знатному сословію. вмѣстѣ съ конной службой въ Швецію было перенесено сословіе рыцарей; рыцари возводились въ свое званіе королемъ, назывались господами и составляли ядро арміи. Однако, съ введеніемъ конной службы пришла къ упадку морская военная система, такъ что шведы вмѣстѣ съ датчанами и норвежцами вынуждены были отказаться отъ господства на морѣ, и полномочными господами на Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ стали ганзейцы.

Умирая (въ 1290 г.), Магнусъ оставилъ послѣ себя трехъ малолѣтнихъ сыновей: Биргера, Эрика и Вальдемара. Старшій изъ нихъ, Биргеръ, былъ провозглашенъ королемъ, а его опекуномъ былъ назначенъ марскъ Тиргильсъ (Торгильсъ) Кнутсонъ. Храбрый и умный Тиргильсъ управлялъ государствомъ съ большой преданностью и вѣрностью своему долгу и не уступалъ Биргеру и Магнусу ни по своей энергіи, ни по своимъ способностямъ; онъ продолжалъ въ Финляндіи дѣло Эрика Святого и Биргера, подчинилъ своей власти дикихъ кореловъ и завершилъ такимъ образомъ покореніе этой страны и обращеніе ея жителей въ христіанство. Однако, связь между Финляндіей и Швеціей все еще оставалась слабой въ теченіе долгаго времени; съ крайней медленностью проникали въ Финляндію шведскій языкъ, шведскіе права и учрежденія, и только католическая церковь, имѣвшая здѣсь талантливыхъ представителей, успѣла пріобрѣсти большое вліяніе. Конечно, нѣкоторое число шведовъ переселялось въ Финляндію, въ которой были возведены укрѣпленные замки, и шведскіе начальники, пріобрѣтавшіе особую власть въ этой странѣ, положили въ ней начало дворянскому сословію. Тѣмъ не менѣе Финляндія не была присоединена къ шведскому государству и до XVI столѣтія сохраняла довольно значительную независимость по отношенію къ шведскимъ королямъ.

Когда Биргеръ и его братья достигли совершеннолѣтія, то черезъ короткое время между ними начались раздоры. Эрикъ и Вальдемаръ были недовольны полученными ими ленами и подняли возстаніе противъ Биргера, но были приведены къ покорности вѣрнымъ сподвижникомъ короля Тиргильсомъ. Герцоги убѣдились, что прежде всего необходимо свергнуть марска; поэтому они стали убѣждать Биргера, что Тиргильсъ является виновникомъ междоусобія между братьями, и Биргеръ оказался настолько неблагодарнымъ и перазсудительнымъ, что велѣлъ обезглавить своего вѣрнаго слугу 10 февраля 1306 г. Со смертью Тиргильса пропало также счастье Биргера; уже въ томъ же году онъ былъ захваченъ въ плѣнъ своими братьями и вынужденъ былъ уступить имъ для возвращенія своей свободы 2/3 своего королевства (въ 1308 и 1310 гг.). Скрывая въ душѣ жажду мести, онъ притворялся, будто забылъ все причиненное ему зло, выставлялъ себя лицемѣрно ихъ другомъ и усыплялъ такимъ образомъ ихъ подозрительность. Когда же они явились къ нему съ визитомъ въ замокъ Ничепингъ во время праздника Рождества 1317 г., то онъ приказалъ запереть ихъ

въ башнѣ замка. Повидимому, они умерли въ этой башнѣ голодной смертью.

Однако, это предательство принесло мало пользы Биргеру. Когда стало извѣстно, что герцоги захвачены въ плѣнъ, то ихъ приверженцы подняли возстаніе. Въ 1318 г. Биргеръ вынужденъ былъ бѣжать; королемъ былъ превозглашенъ трехлѣтній сынъ Магнуса, а для управленія государствомъ было назначено регентство (1319 г.). Въ томъ же году Магнусъ (II) получилъ въ наслѣдство отъ своего дѣда по матери Гаакона V Магнуссена норвежскій королевскій престолъ. Такимъ образомъ Швеція и Норвегія объединились впервые подъ властью одного короля (стр. 537); но эта унія была очень слаба, такъ какъ вся связь между обоими государствами ограничивалась личностью короля.

Пока король еще былъ несовершеннолѣтнимъ, возросло вліяніе магнатовъ, хозяйничавшихъ въ Швеціи къ сильному вреду для этой страны. Положеніе дѣлъ не улучшилось и тогда, когда Магнусъ взялъ бразды правленія въ свои собственныя руки (въ 1332 г.). Онъ былъ благожелательнымъ, но слабохарактернымъ монархомъ, которому совершенно не хватало необходимой твердости характера для укрощенія заносчивыхъ магнатовъ. Тѣмъ не менѣе, наконецъ, было окончательно отмѣнено рабство, улучшено судопроизводство, и обнародованы сельское и городское уложенія. Магнусъ расширилъ свое государство посредствомъ присоединенія къ нему Шоненскихъ округовъ; но онъ не могъ отстоять ихъ надолго отъ нападений Вальдемара Аттердага, такъ что черезъ короткое время, въ 1360 г., они снова отошли къ Даніи. Изъ другихъ его предпріятій окончилась неудачей война съ русскими, которые пришли во враждебное соприкосновеніе со шведами со времени покоренія послѣдними Финляндіи. Въ то же время во владѣніяхъ Магнуса свирѣпствовала черная смерть (т. VII, стр. 195), унесшая въ могилу, по крайней мѣрѣ, $\frac{1}{3}$ населенія. Король не могъ найти выхода изъ тяжелаго положенія. Какъ въ Швеціи, такъ и въ Норвегіи онъ давно уже вызвалъ противъ себя неудовольствіе. Норвежцы жаловались, что онъ относится съ пренебреженіемъ къ ихъ родинѣ; чтобы удовлетворить ихъ, Магнусъ вынужденъ былъ назначить норвежскимъ королемъ въ 1343 г. своего сына Гаакона (VI). Этотъ Гааконъ былъ избранъ также и шведскимъ королемъ (въ 1362 г.) шведскими магнатами, могущество и вольности которыхъ Магнусъ пытался ограничить; однако Гааконъ предпочелъ дѣйствовать заодно со своимъ отцомъ, и для того, чтобы усмирить съ большей легкостью непокорныхъ бароновъ, оба короля вступили въ союзъ съ бывшимъ своимъ врагомъ Вальдемаромъ Аттердагомъ, дочь котораго, Маргарита, вышла замужъ за Гаакона. Такимъ образомъ Магнусъ порвалъ окончательно со шведскими магнатами. Какъ онъ, такъ и его отецъ были оба низвергнуты съ престола, и королемъ былъ провозглашенъ сынъ сестры Магнуса, Евфиміи, Альбрехтъ (III) Младшій Мекленбургскій (30 ноября 1363 г.). Гааконъ попытался вернуть себѣ шведскій престолъ силою оружія, но былъ разбитъ и вынужденъ былъ удовольствоваться Норвегіей, въ которой онъ прожилъ до самой своей смерти. Такимъ образомъ была расторгнута первая унія между Швеціей и Норвегіей.

Черезъ годъ послѣ смерти Магнуса (1374 г.) скончалась его родственница св. Бригитта, прославившаяся своими видѣніями и своими откровеніями. Она родилась въ 1302 г., обнаруживала уже въ дѣтствѣ необычайныя способности и жила смолоду въ фантастическомъ мірѣ, въ которомъ ей являлись Спаситель, Святая Дѣва и святые. Она выступила съ реформаторскими идеями, проповѣдывала покаяніе и отреченіе отъ міра и ополчалась противъ распущенности нравовъ; при дворѣ, при которомъ она состояла въ теченіе нѣкотораго времени гофмейстериною королевы, она вызвала неудовольствіе своими суровыми и настойчивыми обличеніями, но

въ народѣ она приобрѣла большую извѣстность, какъ святая и пророчица. Разочаровавшись въ своихъ соотечественникахъ, она покинула свое отечество, отправилась въ Римъ и скончалась здѣсь въ 1373 г. Она получила отъ папы разрѣшеніе на основаніе монастыря въ Бадстепѣ на восточномъ берегу озера Веттерпа. Въ 1370 г. папа Урбанъ V утвердилъ составленный ею монастырскій уставъ (Б р и г и т т и н с к і й о р д е н ѣ); въ 1391 г. она была причислена къ лику святыхъ. Написанныя ею самой или подъ ея диктовку откровенія, которыя были переведены на латинскій языкъ и получили распространеніе во всей Европѣ, принадлежатъ къ важнѣйшимъ литературнымъ памятникамъ Швеціи, такъ какъ они относятся къ такой эпохѣ, когда еще почти не могло быть рѣчи о литературѣ. Что касается языческихъ сагъ и былинъ, то отъ нихъ сохранились только незначительные остатки. Самые древніе памятники шведскаго языка — это многочисленныя рунныя надписи. На шведскомъ языкѣ составлены также мѣстные законы отдѣльныхъ округовъ, часть которыхъ относится къ глубокой древности. Остальные остатки древней шведской письменности, сохранившіеся до сихъ поръ, относятся къ XIV и XV столѣтіямъ; они состоятъ изъ мѣстныхъ законовъ, обнародованныхъ около 1350 г., нѣкоторыхъ римованныхъ хроникъ, духовныхъ пѣсней, большого числа народныхъ пѣсней, вѣроятно, иностраннаго происхожденія и, наконецъ, нѣкоторыхъ прозаическихъ переводовъ иностранныхъ разсказовъ.

Б. Періодъ уніи (1389—1523 г.).

Съ восшествіемъ на престолъ Альбрехта нисколько не улучшилось внутреннее положеніе Швеціи. Король былъ слабохарактеренъ и не пользовался уваженіемъ; магнаты нисколько не считались съ нимъ. Внезапныя нападенія, междуусобныя распри, убійства и грабежи были повседневыми явленіями; изъ своихъ укрѣпленныхъ замковъ, разбросанныхъ по всей странѣ, могущественные бароны угнетали крестьянъ, исконная свобода которыхъ подвергалась крайней опасности. Наконецъ, въ 1386 г., Альбрехтъ сдѣлалъ попытку къ расширенію своего вліянія, но въ отвѣтъ на нее бароны призвали въ Швецію Маргариту Датскую. Эта послѣдняя отправилась въ Швецію сою войска и одержала побѣду надъ Альбрехтомъ въ битвѣ при Осле недалеко отъ Фальчепинга; самъ Альбрехтъ былъ взятъ въ плѣнъ (24 февраля 1389 г.). Черезъ короткое время вся Швеція подчинилась Маргаритѣ; одинъ только Стокгольмъ продолжалъ отстаивать въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ королевскія права Альбрехта благодаря поддержкѣ мекленбургскихъ владѣтельныхъ князей и городовъ, но, наконецъ, этотъ городъ былъ сданъ королеви Маргаритѣ, такъ какъ Альбрехтъ не обладалъ средствами для того, чтобы выкупиться изъ плѣна. Между тѣмъ шведы и датчане избрали королемъ въ 1396 г. влиятельнаго племянника Маргариты Эрика Померанскаго, занимавшаго норвежскій престолъ съ 1389 г.; 17 іюня 1397 г. онъ короновался въ Кальмарѣ въ качествѣ короля всѣхъ трехъ скандинавскихъ государствъ (Кальмарская унія; сравн. стр. 515).

Съ воцареніемъ Маргариты въ Швецію водворились снова спокойствіе и порядокъ; она сумѣла обуздать непокорную знать и подчинить своей власти все населеніе, но послѣ ея смерти (въ 1412 г.) снова наступила смута. Эрикъ XIII не обладалъ ни энергіей, ни умомъ своей пріемной матери; его царствованіе было пагубно какъ для уніи, такъ и для самаго изъ всѣхъ трехъ государствъ въ отдѣльности. Своими капризными и неразумными дѣйствіями онъ вызвалъ раздраженіе среди свѣтской и духовной аристократіи и въ то же время не мѣшалъ своимъ фохтамъ и баронамъ угнетать народъ; всѣ жаловались на дурное управленіе и на высокіе налоги, взымавшіеся съ безпомощной суровостью. Такъ какъ всѣ жалобы

оставались бесплодными, то крестьяне области Даларне подняли возстаніе противъ иноземнаго господства въ 1434 г.; они нашли себѣ талантливаго предводителя въ лицѣ Энгельбректа Энгельбректсона; остальной народъ примкнулъ къ нимъ, не исключая и дворянства, надѣявшагося вернуть себѣ могущество, отнятое у него Маргаритой. Иностранцы были изгнаны, и Энгельбректъ прославлялся, какъ освободитель своего отечества (1435 г.). Однако, бароны стали побаиваться могущественнаго народнаго предводителя; они примкнули къ движенію для того, чтобы ослабить королевскую власть, но вовсе не были расположены дѣлиться своимъ могуществомъ съ крестьянами и ихъ предводителями. Поэтому они вовсе не были опечалены внезапной смертью Энгельбректа, навнаго отъ руки своего личнаго врага (27 апрѣля 1436 г.), и шведскій государственный совѣтъ вступилъ въ соглашеніе съ датскимъ о сохраненіи уніи. Эрикъ, которымъ датчане тоже были недовольны, былъ низложенъ съ престола въ сентябрѣ 1439 г., и королемъ былъ избранъ въ 1440 г. его племянникъ Христофоръ Баварскій (стр. 516), который подчинился охотно всѣмъ поставленнымъ ему условіямъ. Такимъ образомъ аристократія одержала верхъ; она посадила на престолъ короля, соответствующаго ея желаніямъ, и воспользовалась своей побѣдой для ограниченія правъ крестьянъ. Однако, между представителями знати тоже оказались нѣкоторыя лица, примкнувшія къ народной партіи изъ честолюбія или изъ любви къ отечеству. Такимъ образомъ возникли двѣ партіи, партія уніи и національная партія, ожесточенная борьба между которыми продолжалась до начала слѣдующаго столѣтія. Одержала верхъ національная партія, которая возвела на шведскій престолъ природнаго шведа Карла Кнутсона Бонде, который управлялъ государствомъ отъ 1438 до 1440 г., въ то время какъ датчане провозгласили королемъ графа Ольденбургскаго Христіана. Этотъ послѣдній готовился отстоять унію съ оружіемъ въ рукахъ. Война велась съ обѣихъ сторонъ съ большимъ ожесточеніемъ и свирѣпостью; она послужила источникомъ той обоюдной національной ненависти, которая была самымъ печальнымъ наслѣдіемъ уніи. Христіану I удалось добиться въ 1457 г. шведской короны съ помощью партіи сторонниковъ уніи, во главѣ которой стоялъ архіепископъ унсальскій Йенсъ Бенгтсонъ Оксепшерна; но все же онъ оказался не въ силахъ удержать ее въ своихъ рукахъ на долгое время. Въ концѣ концовъ (въ 1467 г.) шведскимъ королемъ остался Карлъ, который процарствовалъ до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1470 г.

Послѣ смерти Карла роль предводителей національной партіи и защитниковъ свободы и независимости Швеціи взяли на себя Стуре Старшій (1470 - 1503 г.), его родственникъ Сванте Нильсонъ (1503—1512 г.) и сынъ послѣдняго Стуре Младшій (1512—1520 г.), которые были одинъ за другимъ регентами Швеціи. Они опирались на народъ, но имѣли на своей сторонѣ также и часть аристократіи и боролись съ успѣхомъ противъ попытокъ королей датско-норвежской уніи подчинить себѣ Швецію. Однако, Стуре имѣли весьма опасныхъ противниковъ между своими собственными соотечественниками. Это были сторонники уніи, которые вступили въ тайные переговоры съ датчанами. Стуре Младшій вступилъ въ борьбу съ предводителемъ этой партіи, злобнымъ и мстительнымъ архіепископомъ унсальскимъ Густавомъ Тролле. Въ 1517 г. этотъ епископъ былъ уличенъ въ государственной измѣнѣ; король велѣлъ отрѣшить его отъ епископскаго сана и заточить въ тюрьму. Въ отвѣтъ на это папа Левъ X отлучилъ отъ церкви Степа Стуре и его приверженцевъ и уполномочилъ Христіана II привести въ исполненіе эту буллу. Христіанъ отправилъ весьма охотно въ Швецію свое войско (въ 1518 году). Въ 1520 году датскія войска вторглись еще разъ въ Швецію; военныя силы Стуре были разбиты 19 января, а самъ

онъ былъ смертельно раненъ (сконч. 3 февраля). Шведы присягнули на вѣрноподданство Христіану, какъ своему наследственному королю; 4 ноября архіепископъ Густавъ Тролле возложилъ на него корону въ Стокгольмѣ. Христіанъ задумалъ упрочить свою власть посредствомъ суровыхъ мѣръ: онъ хотѣлъ задушить чувство независимости шведскаго народа и строптивость бароновъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ его коронаціи по его приказанію было обезглавлено множество бароновъ, духовныхъ лицъ и бюргеровъ (Стокгольмская кровавая баня 8 ноября 1520 года). Трупъ Стуре Младшаго былъ сожженъ на кострѣ; имущество казненныхъ было отобрано въ казну.

В. Начало династїи Ваза (отъ 1523 до 1611 года).

Христіанъ не только не достигъ той цѣли, ради которой онъ устроилъ эту кровавую баню, а напротивъ того ея результаты противорѣчили всѣмъ его ожиданіямъ. По инициативѣ молодого Густава Эриксона Вазы, дворянина, спасающагося отъ кровавой бани въ 1521 году, подняли возстаніе далекарійцы (жители округа Даларна). Датчане были изгнаны, и шведы избрали королемъ своего освободителя Густава (6 іюня 1523 года).

Такимъ образомъ Швеція освободилась отъ датскаго господства. Извѣстїи ей не угрожало теперь никакой опасности; но зато тѣмъ болѣе печальную картину представляло собой внутреннее положеніе страны. Непрерывныя войны и раздоры разрушили окончательно внутренній порядокъ и подорвали уваженіе къ законамъ, такъ что каждый дѣлалъ все, что ему ни вздумается. Администрація пришла въ разстройство, церковь дошла до крайняго упадка, страна обнищала; торговля и промышленность были придушены. Такъ какъ коронныя земли были розданы въ качествѣ членовъ, то доходы короны изсякли, и она вынуждена была дѣлать займы на тяжелыхъ условіяхъ у ганзейцевъ, которымъ ей пришлось вдобавокъ предоставить большія торговыя привилегіи. Требовалось много энергіи и ума для того, чтобы вывести страну изъ этого тяжелаго положенія.

Первой и важнѣйшей задачей Густава было упорядоченіе финансовъ. Для увеличенія государственныхъ доходовъ и для расширенія своей собственной власти онъ присоединился къ реформаціи; на двухъ сеймахъ, собиравшихся въ Вестеросѣ въ 1527 и 1544 годахъ, было рѣшено ввести въ Швецію новое вѣроученіе; король сталъ главою церкви и могъ такимъ образомъ распоряжаться вновь освободившимися доходами епископовъ, церквей и монастырей. Епископы вынуждены были передать королю свои замки и были исключены изъ государственнаго совѣта; духовенство перестало считаться равноправнымъ съ дворянствомъ, а было поставлено на одну доску съ бюргерами и крестьянами. Богатыя средства, которыя очутились въ рукахъ Густава благодаря конфискаціи церковныхъ имуществъ, дали ему возможность содержать постоянную армію и построить сильный флотъ, при помощи котораго шведы могли не только защищать свои берега, но занять господствующее положеніе на Балтійскомъ морѣ. Неумоимо трудился король надъ поднятїемъ благосостоянія низшихъ сословій, и въ результатъ расцвѣли снова всѣ прежнія отрасли промышленности. Въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, король шелъ впереди народа и подавалъ ему блестящій примѣръ: онъ занимался самъ сельскимъ хозяйствомъ, горнодѣліемъ и торговлей и привлекалъ въ свое государство иностранныхъ ремесленниковъ и художниковъ для развитія отечественной промышленности. Для поднятїя торговли ему необходимо было прежде всего сломить могущество Любека: „графская война“ (стр. 518), въ которой король примкнулъ къ партіи Христіана III, сузила въ сильной степени торговля привилегіи Любека. Шведы завели торго-

вья сношенія съ другими государствами (Англіей, Франціей и Испаніей), а ихъ торговля съ Любекомъ прекратилась мало по малу. Такимъ образомъ Швеція оправилась отъ своего разоренія во всѣхъ областяхъ государственной и общественной жизни. Хотя Густавъ проявлялъ верѣдко въ своихъ дѣйствіяхъ произволь и суровость и угнеталъ народъ тяжелыми поборами, тѣмъ не менѣе его дѣятельность была оцѣнена по достоинству. На сеймѣ 1544 года сословія постановили, чтобы шведская корона переходила по наслѣдству къ потомкамъ мужского пола Густава Вазы по праву первородства, и чтобы младшіе сыновья короля получали лены.

Во внѣшней политикѣ Густавъ дѣйствовалъ съ большою осторожностью; онъ принималъ слабое участіе въ среднеевропейскихъ столкновенияхъ своего времени и стремился къ сохраненію мира на Сѣверѣ. Отъ этой осторожной политики отказался его сынъ и непосредственный преемникъ Эрикъ XIV, вступившій на престолъ въ 1560 г., который питалъ завоевательные замыслы. Когда былъ уничтоженъ орденъ Меченосцевъ (томъ V, стр. 527), то Польша, Россія, Швеція и Данія стали тянуть, каждое изъ этихъ государствъ къ себѣ, владѣнія ордена (Эстляндію, Лифляндію и Курляндію); это столкновеніе повлекло за собой войну, продолжавшуюся почти 100 лѣтъ, къ концу которой Швеція завладѣла всѣми прибалтійскими провинціями за исключеніемъ Курляндіи. Война началась въ 1561 году, послѣ того какъ королю Эрику изъявили покорность Ревель и рыцарство Сѣверной Эстляндіи; шведскія войска заняли Ревельскій замокъ, и напрасно пытались поляки, стремившіеся къ упроченію своей власти въ прибалтійскихъ провинціяхъ, изгнать обратно шведовъ. Одновременно съ тѣмъ завязалась война между Швеціей и Даніей, такъ называемая „Семилѣтняя война“ (1563—1570 г.; сравн. выше, стр. 519).

Пока свирѣпствовала эта война, Эрикъ былъ низложенъ съ престола своими братьями Іоанномъ и Карломъ, которые относились къ нему съ ненавистью и страхомъ, и на шведскій престолъ вступилъ Іоаннъ III (отъ 1568 до 1592 года). Іоаннъ былъ человѣкомъ слабохарактернымъ и перфшительнымъ и въ то же время вспыльчивымъ и деспотическимъ; въ 1562 году онъ вступилъ въ бракъ съ католичкой, польской принцессой Катериной изъ рода Ягеллоновъ (т. V, стр. 527), склонился подъ ея вліяніемъ къ католицизму и составилъ новую литургію („Красную Книгу“, въ 1576 году), въ которую вошло много католическихъ церковныхъ обычаевъ и часть латинской мессы; въ 1578 году онъ подумывалъ даже серьезно о переходѣ въ католицизмъ. Однако, когда его супруга скончалась въ 1583 году и у него вышло разногласіе съ Куріей по вопросу о церковномъ устройствѣ, то его рвеніе къ католицизму остыло; тѣмъ не менѣе онъ не отказывался отъ своей литургіи до самой своей смерти.

Его сынъ Сигизмундъ, воспитанный въ католицизмѣ, занялъ престолъ польскаго королевства въ 1587 г. (Сигизмундъ III; т. V, стр. 538). Ко дню смерти своего отца (1592 г.) онъ все еще былъ въ Польшѣ. Во время его отсутствія управленіе государствомъ взялъ въ свои руки, при содѣйствіи государственнаго совѣта, братъ его отца, Карлъ, герцогъ Зедерманландскій, который былъ ревностнымъ протестантомъ и сопротивлялся введенію новой литургіи въ своемъ герцогствѣ. Онъ созвалъ сеймъ въ Упсалѣ, и на этомъ сеймѣ было принято протестантское вѣроисповѣданіе, и отмѣнена новая литургія (1593 г.). Въ концѣ того же года Сигизмундъ прибылъ въ Стокгольмъ; для того, чтобы добиться коронаціи, онъ вынужденъ былъ утвердить подъ присягой упсальскія постановленія (19 февраля 1594 г.); тѣмъ не менѣе, онъ нарушилъ свою клятву, назначилъ католическихъ священниковъ и чиновниковъ-католиковъ и вернулся затѣмъ обратно въ Польшу. Когда народъ не захотѣлъ повиноваться чиновникамъ, назначеннымъ Сигизмундомъ, и избралъ въ 1595 г. герцога Карла регентомъ государства, то Сигизмундъ, на сторону котораго стали многіе государ-

ственные совѣтники и другіе представители государства, высадился въ Швецію съ польскимъ войскомъ (1598 г.), но 25 сентября онъ былъ разбитъ Карломъ при Стонгебро и покинулъ Швецію, въ которую ему не суждено было уже больше возвращаться. Сеймъ объявилъ его низложеннымъ съ престола (1599 г.) и назначилъ Карла регентомъ и наслѣдникомъ престола, а черезъ нѣсколько лѣтъ призналъ послѣдняго королемъ, при чемъ право наслѣдованія распространялось подъ извѣстными условіями также и на принцессъ.

Карлъ IX (1604—1611 г.) обошелся очень сурово съ приверженцами Сигизмунда; многіе изъ нихъ были обезглавлены, а еще большее число ихъ отправилось въ изгнаніе; зато эти суровыя мѣры помогли ему водворить спокойствіе въ государствѣ, и онъ могъ посвятить свои силы улучшенію внутренняго положенія своего королевства, сильно разстроившагося при дурномъ управленіи его братьевъ и его племянниковъ. Въ этомъ отношеніи онъ пошелъ по слѣдамъ своего отца. Его братья были усердными покровителями дворянства: Эрикъ учредилъ титулы графовъ и бароновъ и этимъ положилъ начало высшему аристократическому сословію, Іоаннъ надѣлилъ графовъ и бароновъ крупными наслѣдственными ленами, а остальнымъ дворянамъ даровалъ различныя привилегіи. Напротивъ того, Карлъ былъ расположенъ далеко не такъ благосклонно къ дворянству; онъ опирался на народную массу, за что и получилъ отъ дворянъ насмѣшливое прозвище „мужицкаго короля“. Сословные сеймы, созванные впервые Энгельбректомъ Энгельбрексономъ, приобрѣли большое вліяніе на внутреннее управленіе, которое было приведено въ болѣе строгій порядокъ, а значеніе совѣта было умалено; были улучшены судопроизводство и устройство арміи, финансы были упорядочены, прилагались заботы къ поднятію народнаго образованія. Основанный Стеномъ Стуре Старшимъ uppsальскій университетъ, влачившій до той поры жалкое существованіе, былъ возстановленъ. Промышленность стала развиваться, и были основаны новые города, въ томъ числѣ Гетаборгъ. Во все продолженіе своего правленія Карлъ велъ войны со своими сосѣдями. Низверженіе Сигизмунда вызвало въ 1600 г. войну съ Польшей, которая велась съ переменнымъ счастьемъ въ Эстляндіи и Лифляндіи. Въ то же время Карлъ вмѣшался въ междоусобную войну, происходившую въ Россіи (т. V, стр. 518), и добился кое-какихъ результатовъ въ 1609 г. Наконецъ, въ 1611 г. онъ втянулся въ войну съ Даніей (Кальмарская война); 9 ноября того же года онъ скончался, не доведя ея до конца.

Г. Швеція въ роли средневропейской великой державы (отъ 1611 до 1718 г.).

а) Густавъ Адольфъ II и Христина (отъ 1611 до 1654 г.).

Густавъ Адольфъ II (отъ 1611 до 1632 г.), родившійся 19 декабря 1594 г., былъ богато одаренъ отъ природы какъ въ физическомъ, такъ и въ умственномъ отношеніи. Благородный и прямодушный по натурѣ, онъ умѣлъ владѣть собою и управлять другими; онъ обладалъ острымъ умомъ и умѣлъ подыскивать краткія и сильныя выраженія какъ въ устномъ разговорѣ, такъ и въ письмѣ. Онъ обладалъ основательными познаніями въ древнихъ и новыхъ языкахъ, въ исторіи, военныхъ наукахъ, владѣлъ искусно всѣми рыцарскими приемами и съ ранней молодости былъ посвященъ отцомъ во всѣ государственныя дѣла. Когда Карлъ не могъ справиться съ какимъ-нибудь дѣломъ и бывалъ вынужденъ ограничиться предварительной подготовкой его, то онъ говаривалъ обыкновенно: „*She läses!*“ (онъ, т. е. Густавъ, докончитъ). Густавъ не обманулъ этихъ ожиданій своего отца и прославился одинаково, какъ человекъ, государственный дѣятель и военачальникъ. Шведы вполне основательно причисляютъ

его къ величайшимъ изъ европейскихъ королей. Съ врагами своего отца онъ обошелся кротко: онъ приобрѣлъ преданность дворянства какъ этой своей незлобностью, такъ и той благосклонностью, съ которою онъ относился къ знатному сословію. Остальной народъ тоже смотрѣлъ на него съ благоговѣніемъ. Хотя онъ былъ ограниченъ въ своей власти государственнымъ совѣтомъ и сословнымъ сеймомъ, все же всѣ сообразовались съ его волей. Между королемъ и народомъ господствовало полное единеніе, и это единеніе составляло ту силу государства, которая дала Густаву возможность привести къ счастливому концу его великія предпріятія. При всемъ томъ онъ едва ли совершилъ бы такъ много великихъ дѣлъ, если бы онъ не былъ окруженъ выдающимся людьми, заслуги которыхъ онъ умѣлъ цѣнить по достоинству. Въ числѣ этихъ послѣднихъ первое мѣсто занимаетъ его канцлеръ и другъ, осторожный, умный и стойкій Аксель Оксеншерна, который былъ его вѣрнымъ и неутомимымъ помощникомъ во всѣхъ его предпріятіяхъ. Рядомъ съ нимъ слѣдуетъ назвать учителя Густава, Іоанна Скитте, его зятя, пфальцграфа Іоанна Казимира, генераловъ Якова Делагарди, Густава Горна, Германа Врангеля, Іоанна Баннера, Ленарта Торстенсона и многихъ другихъ.

Когда Густавъ вступилъ на престолъ, ему пришлось продолжать три войны, съ Польшей, Россіей и Даніей, начатыя его отцомъ. Войну съ Даніей онъ закончилъ уже 28 января 1613 г. Вскорѣ послѣ этого былъ заключенъ миръ съ Россіей 9 марта 1617 г.; Швеція была уступлена восточная Корелія съ гор. Кекегольмомъ и Ингерманландія; такимъ образомъ она приобрѣла прочныя границы со стороны Россіи, которая была отброшена отъ Балтійскаго моря. Итакъ, у Швеціи остался только одинъ врагъ, Польша, король которой и слышать не хотѣлъ о мирѣ. Война съ Польшей продолжалась до 1626 г.; шведы оказались сильнѣйшей стороной, заняли Ригу и Лифляндію и утвердились въ Западной Пруссіи. Между тѣмъ вспыхнула Тридцатилѣтняя война. Густавъ, завязавшій дружественныя связи съ Англіей, Голландіей и протестантскими государствами Германіи, задумалъ объединить всѣ протестантскія европейскія страны въ одинъ общій союзъ противъ императора и Испаніи и выступить защитникомъ угнетенныхъ германскихъ протестантовъ; его предупредилъ Христіанъ IV, который сталъ во главѣ протестантской партіи и открылъ войну противъ императора и лиги, но счастье не благоприятствовало ему въ его предпріятіяхъ (стр. 520). Оцѣнивая вполне вѣрно опасность, угрожавшую не только его единовѣрцамъ, но и Швеціи въ томъ случаѣ, если бы императоръ захватилъ въ свои руки господствующую власть на Балтійскомъ морѣ, Густавъ предложилъ себя въ союзники датскому королю и изъявилъ готовность двинуться въ Германію изъ Польши; но Христіанъ далъ себя склонить къ миру (въ 1629 г.) съ императоромъ, который старался во что бы то ни стало помѣшать заключенію этого союза и предложилъ поэтому Даніи весьма выгодныя условія. Теперь Густавъ рѣшился выступить на борьбу съ императоромъ исключительно своими собственными силами, но для этого необходимо было покончить сначала войну съ Польшей. При посредствѣ Ризелье съ Польшей было заключено 26 сентября 1629 г. перемиріе на 6 лѣтъ; Швеція приобрѣла Лифляндію съ гор. Ригой и нѣсколько прусскихъ городовъ.

Когда приготовленія къ войнѣ были закончены, Густавъ распрощался самымъ трогательнымъ образомъ съ сословнымъ сеймомъ, на попеченіе котораго онъ передалъ свою наслѣдницу дочь, какъ бы предчувствуя свою близкую смерть. Въ іюнѣ 1630 г. король сѣлъ на корабль и отправился въ Померанію. Тутъ онъ обнародовалъ манифестъ, въ которомъ онъ оправдывалъ свой образъ дѣйствій и призывалъ къ союзу съ собой сѣверно-германскихъ владѣтельныхъ князей, но эти послѣдніе встрѣтили его съ недовѣріемъ, и онъ вынужденъ былъ прокладывать себѣ путь съ оружіемъ

въ рукахъ; поэтому онъ прибылъ слишкомъ поздно и не могъ уже спасти Магдебурга, осажденнаго Тилли (въ маѣ 1631 г.). Однако, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, 17 сентября, онъ одержалъ надъ Тилли побѣду при Брейтенфельдѣ, спасшую дѣло реформации и поднявшую Швецію на степень европейской великой державы. Послѣ битвы при Брейтенфельдѣ Густавъ двинулся въ рейнскія провинціи, далъ здѣсь отдохнуть своимъ войскамъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, а слѣдующей весною, въ 1632 г., онъ вторгся въ Баварію и подошелъ къ рѣкѣ Леху, на другомъ берегу которой Тилли занималъ укрѣпленныя позиціи. Густавъ переправился черезъ рѣку, причемъ Тилли получилъ смертельную рану въ происшедшемъ столкновеніи, и вступилъ побѣдителемъ въ Мюнхенъ. Между тѣмъ императоръ призвалъ Валленштейна въ качествѣ главнокомандующаго; этотъ послѣдній собралъ въ теченіе короткаго времени большую армію и остановился укрѣпленнымъ лагеремъ недалеко отъ Нюрнберга, который былъ главной позиціей Густава. Напрасно пытался Густавъ склонить Валленштейна къ битвѣ въ открытомъ полѣ для того, чтобы освободить страну отъ тягостей войны; безплодными оказались также его попытки взять штурмомъ лагерь Валленштейна. Наконецъ, голодъ и болѣзни заставили обѣ арміи сняться съ мѣста; Валленштейнъ двинулся въ Саксонію, а Густавъ направился было сейчасъ же въ Баварію, но онъ измѣнилъ свой планъ и двинулся ускореннымъ маршемъ на сѣверъ. При Люценѣ произошло столкновеніе между обѣими арміями. Побѣда осталась на сторонѣ шведовъ, но ихъ король палъ въ этой битвѣ (16 ноября 1632 г.; ср. т. VII, стр. 315 съ прил. къ ней табл.). Смерть Густава повергла всю протестантскую Германію въ глубокую печаль, но императоръ Фердинандъ II отслужилъ благодарственный молебенъ, такъ какъ со смертью Густава католики избавились отъ величайшей опасности.

Съ того дня, какъ на престолъ вступилъ Густавъ, Швеція не пережила ни одного мирнаго года, и самъ король былъ почти непрерывно въ походѣ. Тѣмъ не менѣе у него хватило времени для продолженія предпринятыхъ его отцомъ трудовъ на пользу внутренняго развитія страны, и на этомъ поприщѣ онъ обнаружилъ такіе же таланты, какъ и на полѣ битвы. Онъ не оставилъ безъ вниманія ни одной стороны государственной жизни. Власть и права общегосударственнаго сейма и государственнаго совѣта были опредѣлены точнѣе, и въ сеймѣ, не обладавшемъ въ то время никакимъ опредѣленнымъ уставомъ, былъ введенъ такой порядокъ, чтобы въ будущемъ каждое изъ четырехъ сословіи вело свои засѣданія отдѣльно отъ другихъ; самымъ важнымъ сословіемъ было дворянство, которое тоже получило болѣе прочное внутреннее устройство. Военная система, приковывавшая къ себѣ вниманіе Густава, этого творца новаго военнаго искусства, была приведена въ такое блестящее состояніе, что шведы славились въ теченіе долгаго времени, какъ наилучшіе солдаты. Густавъ трудился также надъ духовнымъ просвѣщеніемъ и надъ улучшеніемъ матеріальнаго благосостоянія своего народа. Школьная система была реформирована: на uppsalскій университетъ были затрачены большія средства. Торговля и промышленность поощрялись, горнодѣліе было усовершенствовано и расширено, были учреждены торговля общества, и изъ другихъ странъ (Германіи и Голландіи) привлекались купцы и ремесленники. Тѣмъ не менѣе, царствованіе Густава имѣло также и свои тѣневныя стороны: необычныя привилегіи дворянства и все возрастающее налоговое бремя. Густавъ питалъ особое пристрастіе къ дворянству; правда, онъ предъявлялъ къ нему большія требованія, но эти требованія возмѣщались множествомъ привилегій; высшія государственныя должности были доступны только для дворянъ, только дворяне пользовались правомъ патроната и были освобождены отъ налоговъ. Эти привилегіи дворянства шли въ ущербъ другимъ сословіямъ, въ особенности

крестьянамъ, страдавшимъ отъ тяжелаго гнета усиленныхъ рекрутскихъ наборовъ и множества новыхъ налоговъ, вызванныхъ войнами.

Послѣ Густава на шведскій престолъ вступила его дочь Христина (1632—1654 г.). Такъ какъ ей было всего 6 лѣтъ отъ роду, то было назначено регентство, во главѣ котораго стоялъ Аксель Оксеншерна (стр. 554). Оксеншерна продолжалъ дѣло Густава съ энергіей и умомъ и завершилъ начатое Карломъ IX и Густавомъ упорядоченіе внутренняго управленія государствомъ. Стокгольмъ сталъ постоянной резиденціей государственнаго совѣта, какъ центра государственнаго управленія. Всѣ правительственныя дѣла были распредѣлены между пятью правительственными коллегіями, предсѣдателями которыхъ состояли пять высшихъ государственныхъ сановниковъ (канцлеръ, Urots, государственный казначей, Marsk и адмиралъ). Тогда же было установлено нынѣшнее дѣленіе Швеціи на „лены“, во главѣ которыхъ стояли „Landshöfdingar“; пограничныя провинціи управлялись генералъ-губернаторами, а Стокгольмъ — особымъ намѣстникомъ. Во всѣхъ отрасляхъ промышленности господствовало сильное оживленіе. Пути сообщенія были улучшены, и впервые заведена почта. Ввозъ и вывозъ возросли въ значительныхъ размѣрахъ; для облегченія участія Швеціи во всемірной торговлѣ на берегу Делаварскаго залива была основана колонія „Новая Швеція“ (нынѣшній штатъ Делаваръ); но уже въ 1655 году эта колонія была уступлена голландцамъ (т. I, стр. 441). Съ большими затрудненіями приходилось сталкиваться правительству изъ-за нужды въ деньгахъ. Государственныхъ доходовъ не хватало на покрытіе расходовъ, и для изысканія денежныхъ источниковъ правительство вынуждено было прибѣгать къ различнымъ, не всегда удачнымъ средствамъ. Такъ, напримѣръ, продавались дворянству коронныя имущества и доходы короны, или же шведское правительство выхлопывало себѣ субсидіи у другихъ государствъ. Особенно много денегъ поглотила война въ Германіи, которую рѣшено было продолжать. Съ протестантами юго-западной Германіи былъ заключенъ союзъ. Талантливые генералы, воспитанные въ школѣ Густава Адольфа, поддерживали военную славу шведовъ на прежней высотѣ. Правда, 6 сентября 1634 года шведы потерпѣли тяжелое пораженіе при Нердлингенѣ и были покинуты предательски въ моментъ опасности своими германскими союзниками, заключившими съ императоромъ сепаратное мирное соглашеніе; по изъ этого тяжелаго положенія, въ которое они попали, шведовъ вывела Франція, активно примкнувшая къ нимъ (т. VII, стр. 317). Послѣ этого шведы одержали цѣлый рядъ побѣдъ надъ императорскими войсками и въ то же время выдерживали съ успѣхомъ борьбу съ датскимъ королемъ Христианомъ IV, который пытался помѣшать ихъ дальнѣйшему наступательному движенію въ Германіи, но вынужденъ былъ уступить шведамъ по мирному договору въ Бремзебро (въ 1645 году; стр. 521) Эзель, Готландъ, Галландъ и норвежскіе округа Герьедаленъ и Темтландъ.

Когда война закончилась, наконецъ, Вестфальскимъ мирнымъ договоромъ, то Швеція приобрѣла всю Переднюю Померанію съ островомъ Рюгеномъ, часть Задней Помераніи, Висмаръ и епископства Бременское и Верденское, а также крупную денежную сумму; епископства считались свѣтскими герцогствами, состоящими, впрочемъ, подъ верховной властью имперіи. Швеція превратилась въ великую державу (ср. т. VII, стр. 494) и приобрѣла значительныя владѣнія по берегамъ Балтійскаго моря. Шведскія войска пользовались громкой славой и считались непобѣдимыми; смѣлость и мужество шведскаго народа возросли. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ народъ проникла порча нравовъ; образъ жизни измѣнился къ худшему, явилось пренебреженіе къ мирному труду, распространялись роскошь и расточительность. Могущество и богатства высшей аристократіи выросли до необычайныхъ размѣровъ, такъ что она стала

чувствовать себя полновластнымъ господиномъ и обращаться съ народомъ крайне высокомерно и беззащитно.

Во время войны Христина вступила сама въ управление государствомъ. Она обладала рѣдкими умственными дарованіями, отличалась остроуміемъ и живостью характера, обнаруживала богатые познанія, особенно въ исторіи, древнихъ и новыхъ языкахъ. Въ государственныя дѣла ее посвятилъ Оксеншерна. Она поощряла щедрой рукой литературу и искусство, принимала при своемъ дворѣ иностранныхъ ученыхъ, какъ, напримеръ, Гуго Гроція и Рене Декарта. Съ другой стороны, она была капризна, тщеславна и жадна къ удовольствіямъ; обращалась расточительно съ государственной казною и раздавала легкомысленно лены, дворянскія грамоты и т. д. недостойнымъ лицамъ. Напрасны были жалобы низшихъ сословій, стонавшихъ подъ гнетомъ высокихъ налоговъ; напрасно требовали они возврата части розданныхъ коронныхъ имуществъ для ограниченія опаснаго роста могущества аристократіи. Ея расточительность скорѣе увеличивалась, чѣмъ уменьшалась; неудовольствіе росло, и опасались даже открытаго восстанія. Наконецъ, Христина, которой надобли государственныя дѣла, рѣшилась 16 іюня 1654 года на отказъ отъ престола въ пользу своего своднаго двоюроднаго брата, Карла Густава. Она покинула свое отечество, перешла въ католицизмъ во время праздника Рождества того же года и скончалась 19 апрѣля 1689 года.

б) Пфальцъ-Клебургская династія (отъ 1654 до 1718 года).

Карль Густавъ X, сынъ пфальцграфа Іоанна Казимира и Екатерины, сводной сестры Густава Адольфа, воспитывался въ Швеціи и былъ истымъ шведомъ по языку, направленію мыслей и образу жизни. Онъ обладалъ острымъ умомъ и твердой волей, былъ быстръ въ своихъ рѣшеніяхъ и дѣйствіяхъ и получилъ всестороннее образованіе благодаря своимъ усерднымъ занятіямъ и путешествіямъ. Больше же всего онъ выдавался своими военными талантами, такъ какъ онъ изучилъ военное искусство подъ руководствомъ Торстенсона и участвовалъ со славой въ Тридцатилѣтней войнѣ. Въ 1654 году, въ которомъ онъ вступилъ на престолъ, внутреннее положеніе Швеціи было очень печально: въ странѣ господствовала смута, финансы были разстроены вслѣдствіе расточительности Христины, а платежныя силы народа были истощены. Съ цѣлью увеличенія государственныхъ доходовъ рейхстагъ рѣшилъ конфисковать розданныя Христиной коронныя имѣнія, и, дѣйствительно, были отобраны въ казну почти 3,000 помѣстій. Но черезъ короткое время эта мѣра была пріостановлена, такъ какъ вниманіе Густава было поглощено внѣшней политикой. Отношенія между Швеціей съ одной стороны, Польшей и Данией съ другой оставляли желать лучшаго; такъ какъ король польскій Іоаннъ Казиміръ, сынъ Сигизмунда, не соглашался признать Карла Густава шведскимъ королемъ (томъ V, стр. 554), то этотъ послѣдній рѣшилъ объявить войну польскому королю. Изъ Помераніи онъ вторгся въ Польшу, занялъ Варшаву и Краковъ; польская шляхта изъявила ему покорность, а великій курфюрстъ Бранденбургскій былъ вынужденъ признать Прусское герцогство леномъ шведской короны и обшачать шведскому королю присылку вспомогательныхъ войскъ (томъ VII, стр. 497). Карль подумывалъ о раздѣлѣ Польши, хотѣлъ забрать себѣ приморскія области и превратить такимъ образомъ Балтійское море въ шведское внутреннее море. Однако, его успѣхи создали ему много враговъ. Голландія и Австрія толкали Данію и Россію къ войнѣ со Швеціей. Поляки подняли восстаніе; ихъ король, который бѣжалъ изъ своего отечества, вернулся обратно. Хотя Карль Густавъ и одержалъ блестящую побѣду при Варшавѣ 29-30 іюля 1656 г., тѣмъ не менѣе онъ попалъ въ тяжелое положеніе и вынужденъ

былъ признать суверенную самостоятельность Пруссіи 20 ноября въ Лябіяу (т. VII, стр. 497) для того, чтобы предупредить отпаденіе Бранденбурга. Одновременно съ тѣмъ былъ заключенъ торговый договоръ съ Голландіей. Теперь ему объявила войну Данія, и въ то же время австрійцы вступили въ предѣлы Польши. Поэтому онъ вынужденъ былъ покинуть Польшу, прошелъ быстрыми переходами черезъ Сѣверную Германію, занялъ черезъ короткое время Ютландскій полуостровъ, перешелъ въ началѣ 1658 г. по льду обоихъ Бельтовъ въ Зеландію и заставилъ короля Фридриха III уступить Швеціи всѣ Шоненскія провинціи вмѣстѣ съ островомъ Борнгольмомъ, а также норвежскіе лены Дронтгеймскій и Богусленъ по мирному договору въ Роскильдѣ (стр. 521). Теперь Швеція достигла кульминаціоннаго пункта своего могущества: она владѣла почти всѣми берегами Балтійскаго моря.

Несмотря на это, король Густавъ X не чувствовалъ себя удовлетвореннымъ, такъ какъ онъ задавался цѣлью уничтожить окончательно самостоятельность Даніи; поэтому онъ нарушилъ миръ и высадился снова въ Зеландіи въ 1658 г.; но на этотъ разъ счастье покинуло его. Копенгагенъ держался противъ его нападенія, и на выручку датской столицы явились голландцы, которымъ его планы были не по душѣ и которые примкнули къ другимъ его врагамъ; въ числѣ послѣднихъ оказался и Бранденбургъ. Армія, состоящая изъ бранденбургскихъ, польскихъ и австрійскихъ войскъ подъ начальствомъ великаго курфюрста, вытѣснила шведовъ изъ Ютландіи (т. VII, стр. 499); въ уступленныхъ Карлу Густаву Даніей провинціяхъ началось народное возстаніе. Послѣ неудачнаго штурма Копенгагена шведскій король снялъ въ 1659 г. осаду датской столицы и возвратился въ Швецію. Онъ еще не покидалъ надежды на помощь со стороны Англіи; эта послѣдняя въ союзѣ съ Франціей и Голландіей стремилась къ сохраненію мирнаго договора, заключеннаго въ Роскильдѣ. Карлъ съ своей стороны стремился къ продолженію войны и завоеванію Норвегіи; поэтому онъ вторгся въ Южную Норвегію со своими шведскими войсками; но уже 23 февраля 1660 г. онъ скончался скоропостижно въ Гетеборгѣ.

Сыну Карла X, Карлу XI, было всего 4 года отъ роду ко дню смерти его отца. Регентство, составленное изъ высшихъ сановниковъ, не думало о завоеваніяхъ, а хлопотало только о томъ, чтобы окончить войну почетнымъ для Швеціи миромъ. По мирному договору, заключенному въ Оливѣ (т. V, стр. 554; т. VII, стр. 499), Іоаннъ Казиміръ отказался отъ своихъ притязаній на шведскій престолъ и уступилъ Швеціи Лифляндію. Голландія пріобрѣла нѣкоторыя коммерческія выгоды. Данія получила обратно Борнгольмъ и Дронтгеймскій ленъ (по договору въ Копенгагенѣ отъ 27 мая 1660 г.), а Россія отказалась отъ своихъ завоеваній въ прибалтійскихъ провинціяхъ (по договору въ Кардисѣ 21 июня 1661 г.). Вообще же регентство дѣлало очень мало для улучшенія положенія и, между прочимъ, относилось крайне небрежно къ воспитанію молодого короля. Начатое при Карлѣ X возвращеніе въ казну доменовъ пріостановилось; регенты думали только о своихъ собственныхъ интересахъ и объ интересахъ дворянства. Во внѣшней политикѣ они обнаруживали колебанія, дѣйствовали несамостоятельно и давали себя подкупать иностраннымъ правительствамъ. Въ сословномъ сеймѣ не было единенія между отдѣльными сословіями. Въ началѣ 1668 г. Швеція присоединилась къ тройственному союзу, образовавшемуся противъ Франціи (т. VII, стр. 465); но вскорѣ послѣ этого Людовику XIV удалось расторгнуть этотъ союзъ и переманить на свою сторону Швецію, обѣщавши ей крупную денежную субсидію (т. VII, стр. 472). Когда Людовикъ напалъ на Голландію въ 1672 г., то въ эту войну была вовлечена также и Швеція. По желанію Людовика шведы вторглись въ Бранденбургъ, въ то время какъ курфюрстъ Бранденбургскій воевалъ съ

французами на Рейнѣ. Какъ только Фридрихъ Вильгельмъ получилъ извѣстіе объ этомъ вторженіи, онъ поспѣшилъ на помощь своему государству и нанесъ шведамъ при Фербеллинѣ (28 іюня 1675 г.; т. VII, стр. 500) чувствительное пораженіе, которое послужило тяжелымъ ударомъ для ихъ военной славы. Вслѣдъ за этимъ Швеція объявила войну также и Даніи, которая не могла забыть потери Шонена (стр. 521). На первыхъ порахъ датчане имѣли большой успѣхъ; они одержали побѣду на морѣ подъ начальствомъ Ньельса Юэля, высадились въ Шоненѣ, населеніе котораго встрѣтило ихъ, какъ своихъ освободителей, и черезъ короткое время захватили въ свои руки всю эту провинцію. Такъ какъ надежды на выходъ Швеціи изъ ея тяжелаго положенія были весьма сомнительны, то во всей странѣ господствовало крайнее ожесточеніе противъ легкомысленнаго правительства. Тѣмъ не менѣе молодой король, достигшій совершеннолѣтія въ 1672 г., вышелъ съ честью изъ всѣхъ опасныхъ затрудненій. Онъ не былъ въ силахъ одержать верхъ на морѣ; кромѣ того шведскія владѣнія въ Германіи тоже были безвозвратно потеряны; но все же онъ спасъ для Швеціи, по крайней мѣрѣ, Шоненъ послѣ кровавой битвы при Лундѣ (т. VII, стр. 500). Благодаря переговорамъ, открытымъ между тѣмъ Людовикомъ XIV въ Нимвегенѣ, война на Сѣверѣ Европы закончилась договорами въ Сенъ-Жерменѣ (съ Бранденбургомъ, 29 іюня 1679 г.) и въ Лундѣ (съ Даніей, 26 сентября 1679 г.); Швеціи пришлось отказаться только отъ округовъ, расположенныхъ на правомъ берегу Одера.

Однако, война ухудшила въ сильной степени внутреннее состояніе государства: страна обнищала и впала въ долги, пограничныя провинціи были опустошены, а у государства не было никакихъ средствъ для облегченія нужды. Король и его совѣтники были согласны въ томъ, что для улучшенія существующаго положенія необходимъ политическій и социальный переворотъ. Прежде всего Карлу необходимо было сломить могущественный переворотъ. Прежде всего Карлу необходимо было сломить могущество совѣта и высшего дворянства. Это удалось ему съ помощью остальныхъ сословій и низшаго дворянства: сословный сеймъ принялъ въ 1680 и 1682 гг. новую конституцію, превращавшую Швецію въ неограниченную монархію. Государственный совѣтъ превратился въ частный совѣтъ короля, къ которому послѣдній обращался по собственному усмотрѣнію; король могъ издавать законы, не спрашиваясь сейма. Сеймъ не отказался окончательно только отъ права утвержденія налоговъ. Вместе съ тѣмъ были привлечены къ отвѣтственности за свое дурное управленіе, по рѣшенію сословнаго сейма (1680 г.), члены регентства; кромѣ того сеймъ потребовалъ дальнѣйшей конфискаціи остальной части розданныхъ коронныхъ земель (редукціи). Регенты были присуждены къ тяжелымъ денежнымъ штрафамъ: возвращеніе въ казну доменовъ было выполнено въ очень широкомъ масштабѣ и съ чрезвычайной строгостью не только въ самой Швеціи, но также и въ прибалтійскихъ и въ бывшихъ датско-норвежскихъ провинціяхъ. Это мѣропріятіе повлекло за собою полный переворотъ въ имущественныхъ отношеніяхъ и уничтожило могущество высшего дворянства, такъ какъ оно сгладило различіе между графами и баронами, съ одной стороны, и остальнымъ дворянствомъ съ другой и обезпечило независимость крестьянъ. Имущество было теперь распределено гораздо болѣе равномерно, и государственные доходы возросли въ чрезвычайной степени. Тѣмъ не менѣе отобраніе въ казну коронныхъ имѣній имѣло также и свою тѣненую сторону: суровость и произвольность, обнаруженные королемъ, вызвали во многихъ мѣстахъ сильное недовольство. Въ прибалтійскихъ провинціяхъ дѣло чуть не дошло до открытаго востанія, и конфискаціи чуть было не приобрѣли роковаго значенія.

Большія средства, которыя оказались теперь въ распоряженіи Карла XI, употреблялись имъ исключительно для поднятія политическаго, воен-

наго и экономического положенія страны. Созданіе сильнаго флота, устройство цѣлаго ряда крѣпостей и новаго военнаго порта въ Карлскронѣ послужили дальнѣйшимъ обезпеченіемъ внѣшней безопасности государства. Начатая Карломъ IX и Густавомъ Адольфомъ реформа военной системы, практическое значеніе которой для Швеціи распространяется отчасти до настоящаго времени, была доведена имъ до конца; между прочимъ, было установлено, что впродъ крестьяне освобождаются отъ военной службы, но взамѣнь этого обязаны принимать на постои солдатъ въ мирное время. Нѣкоторыя коронныя имѣнія были освобождены отъ денежныхъ повинностей, а взамѣнь этого обязаны были покрывать расходы на содержаніе кавалеріи; офицеры тоже получали свое содержаніе изъ доходовъ отъ коронныхъ имѣній. Рядомъ съ этимъ шведское правительство содержало наемное войско для защиты своихъ внѣшнихъ владѣній. Финансовая и административная системы государства были упорядочены и урегулированы, въ чемъ онѣ настоятельно нуждались. Кромѣ того Карлъ заботился о всѣхъ отрасляхъ промышленности. Хотя онъ получилъ самъ весьма недостаточное образованіе, онъ все же умѣлъ цѣнить образованныхъ людей и сдѣлалъ много для народнаго образованія. Пасторамъ онъ внушалъ самымъ строгимъ образомъ, что они обязаны заботиться о распространеніи грамотности среди крестьянъ.

Въ области литературы, какъ научной, такъ и художественной, тоже зародилась новая жизнь. Еще въ XVI столѣтіи литературная дѣятельность, которая была весьма ничтожна до тѣхъ поръ, оживилась съ введеніемъ реформации, тѣмъ болѣе, что короли изъ дома Вазы оцѣнивали важность развитія языка и литературы и всячески содѣйствовали процвѣтанію наукъ. Литература отличалась на первыхъ порахъ назидательнымъ характеромъ и состояла изъ правоучительныхъ и богословскихъ сочиненій. Самыми важными представителями этого направленія были пионеры реформации Олаусъ и Лаврентій Петри; эти писатели пробовали также свои силы въ качествѣ историческихъ писателей въ духѣ протестантизма въ то время, какъ прежніе епископы Юаннъ и Олаусъ Магни излагали шведскую исторію съ католической точки зрѣнія въ своихъ сочиненіяхъ, написанныхъ на латинскомъ языкѣ, все еще остававшемся языкомъ ученыхъ. Въ XVII столѣтіи изъ назидательной шведской литературы выработалась настоящая изящная литература благодаря Стеригьельму (сконч. въ 1672 г.), „отцу шведской поэзіи“, который руководствовался древне-классическими произведеніями и ввелъ въ употребленіе античное стихосложеніе. Рядомъ съ Стеригьельмомъ стоитъ назвать Ларса Юганссона („Lucidor“; сконч. въ 1674 г.), Юанна Руніуса (сконч. въ 1713 году) и автора псалмовъ Г. Спегеля (сконч. въ 1714 году). Въ наукѣ права выдавался Юаннъ Стеригеекъ (сконч. въ 1675 году), въ медицинѣ У. Гьерне (сконч. въ 1724 году) и О. Рудбекъ Старшій; послѣдній былъ въ то же время историческимъ изслѣдователемъ и приобрѣлъ значеніе типическаго представителя тогдашняго патріотическаго направленія благодаря своему знаменитому сочиненію „Atlantica“, въ которомъ онъ пытается доказать, что Швеція — древнѣйшее государство въ мірѣ и колыбель человѣчества.

Послѣ смерти Карла XI (15 апрѣля 1697 года) на шведскій престолъ вступилъ его сынъ Карлъ XII; хотя повому королю было меньше 15 лѣтъ отъ роду, тѣмъ не менѣе онъ былъ признанъ совершеннолѣтнимъ уже въ концѣ 1697 года. Карлъ получилъ хорошее воспитаніе; какъ и его отецъ, онъ отличался искренней богобоязненностью и строгой нравственностью. Его образъ жизни былъ умеренъ и простъ. Еще ребенкомъ онъ обнаружилъ честолюбіе и смѣлость характера. Но вмѣстѣ съ тѣмъ уже тогда въ немъ замѣчалось то своеправіе и упрямство, съ которыми онъ не расставался въ продолженіе всей своей жизни. По общераспространенному мнѣнію онъ считался человѣкомъ посредственнымъ, такъ какъ онъ, повидимому, отда-

валъ все свое время медвѣжьей охотѣ и другимъ подобнымъ опаснымъ развлеченіямъ; поэтому сосѣднимъ монархамъ, завидовавшимъ могуществу Швеціи, стало казаться, что теперь настала благопріятный моментъ для возвращенія тѣхъ владѣній, которыя были отняты у нихъ раньше. Итакъ Россія, Данія и Саксонско-Польское королевство заключили между собой союзъ и начали немедленно Великую Сѣверную войну (1700—1721 г.; срав. томъ V, стр. 558, 566; томъ VII, стр. 518 и слѣд., 526 и 530). Датскія войска вторглись въ Гольштейнъ, герцога котораго Фридрихъ IV былъ женатъ на сестрѣ Карла, Гедвигъ-Софіи (см. родословное дерево на этой стр.). Русскій царь Петръ напалъ на Эстляндію, а военныя силы Августа были отпращены въ Лифляндію. Карлъ отвергъ всѣ попытки посредничества и заявилъ, что онъ не желаетъ начинать несправедливой войны, но не хочетъ кончать справедливой раньше, чѣмъ онъ не одолѣетъ своихъ враговъ. Прежде всего онъ обратилъ свои силы противъ Даніи: по мирному договору, заключенному въ Травендагѣ (18 августа 1700 года), король Фридрихъ IV обязался выступить изъ союза и признать суверенныя права герцога Гольштейнъ-Готторпскаго. Въ томъ же году Карлъ нанесъ Петру тяжелое пораженіе при Нарвѣ; но вмѣсто того, чтобы использовать свою побѣду, онъ сейчасъ же сталъ думать о томъ, какъ бы ему уничтожить своего двоюроднаго брата Августа¹, къ которому онъ относился съ особенно глубокой ненавистью; онъ выступилъ изъ русскихъ владѣній, двинулся черезъ Курляндію и Литву и занялъ Варшаву и Краковъ; Августъ былъ объявленъ низложеннымъ съ польскаго престола, а королемъ былъ провозглашенъ низложеннымъ Станиславъ Лещинскій. Между тѣмъ Петръ велъ съ усиѣхомъ борьбу въ прибалтійскихъ провинціяхъ и основалъ въ Ингерманландіи городъ С.-Петербургъ.

Карлъ провелъ года два въ Польгѣ съ цѣлью упрочить престолъ Станислава, а послѣ этого вторгся въ Саксонію, гдѣ онъ принудилъ Августа Сильнаго къ мирному договору въ Альтранштедтѣ (въ 1706 году), въ силу котораго этотъ послѣдній отрекся отъ польской короны какъ отъ своего имени, такъ и отъ имени своихъ потомковъ, призналъ Станислава польскимъ королемъ и вынужденъ былъ отказаться отъ всѣхъ своихъ союзниковъ. Карлъ стоялъ на высотѣ своей славы. Въ своемъ лагерѣ подъ Альтранштедтомъ онъ принималъ иностранныхъ монарховъ и пословъ, искавшихъ его дружбы или помощи; такъ, напримѣръ, Людовикъ XIV предлагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы вовлечь его въ войну за испанское наследство. Теперь Карлъ задумалъ смирить окончательно царя Петра (въ 1707 году); но вмѣсто того, чтобы направить свои силы противъ С.-Петербурга, онъ отправился въ Украину на соединеніе съ казацкимъ гетманомъ Иваномъ Мазепой; онъ имѣлъ въ виду, что, соединившись вмѣстѣ, они двинутся соединенными силами на Москву. Не дождавшись подкрѣпленій, которыя были уже въ пути, онъ вторгся въ Южную Россію. Между тѣмъ русскіе опустошили до тла эту область и разбили генерала Левенгаута, который долженъ былъ подойти съ подкрѣпленіями. Что касается Мазепы, то его измѣна была открыта, и онъ вынужденъ былъ спастись бѣгствомъ въ шведскую армію. Несмотря на это Карлъ продолжалъ свой походъ и достигъ Полтавы весной 1709 года. Петръ послѣдилъ на выручку къ этому городу и одержалъ здѣсь блестящую побѣду надъ Карломъ 8 июля 1709 года; самъ шведскій король спасся только съ большимъ трудомъ и бѣжалъ съ 500 своими спутниками черезъ Сибирь и Бугъ въ турекіи

Фридрихъ III, король Датскій, † 1670 г.

Анна Софія, † 1717, въ 1668 г. вступ. въ бракъ съ Иоан. Георгомъ III Саксонскимъ († 1691)

Ульрика Элеонора Старшая, † 1693
1680 лет. въ бр. съ Карломъ XI Шведск. († 1697)

Фридрихъ Августъ I Саксонскій
(Августъ II Польскій), † 1733

Карлъ XII,
† 1718

Гедвига Софія, † 1709
1699 лет. въ бр. съ Фридрихъ IV
Гольштейнъ-Готторпск. († 1702)

Ульрика Элеонора Младшая, † 1741
1715 лет. въ бр. съ Фридрихомъ
Георгомъ-Карломъ († 1751)

владѣнія. Битва при Полтавѣ рѣшила участь Сѣверной Европы: Россія заступила мѣсто Швеціи въ роли великой сѣверной державы.

Въ Турціи Карль встрѣтилъ радушный пріемъ и пробылъ здѣсь цѣлыхъ пять лѣтъ. Онъ хотѣлъ непременно вернуться побѣдителемъ и старался всѣми силами склонить султана Ахмета III къ войнѣ съ Россіей. Такъ какъ три турецкихъ похода остались безрезультатными, то шведскій король въ концѣ концовъ надѣлъ туркамъ; изъ Константинополя ему отданъ былъ приказъ удалиться изъ предѣловъ Турціи, а когда онъ не послушался, то былъ схваченъ 12 февраля 1713 года въ своемъ домѣ недалеко отъ Бендеръ послѣ отчаянной борьбы и увезенъ сначала въ Тимурташъ, а затѣмъ въ Демотику недалеко отъ Адрианополя. Наконецъ, дурныя вѣсти, полученныя имъ съ родины, побудили его покинуть Турцію 30 сентября 1714 года.

Могущество Швеціи стало клониться къ упадку еще до 1709 года; непрерывныя военныя палогы и рекрутскіе наборы истощили и обезлюдили эту страну въ такой степени, что въ народѣ распространилось рѣзкое недовольство. Послѣ битвы при Полтавѣ Фридрихъ IV и Августъ II возобновили свой союзъ съ Россіей. Августъ изгналъ Станислава изъ Польши; датчане высадились въ Шоненъ, но черезъ короткое время были вынуждены уйти обратно. Петръ, докончившій къ этому времени покореніе прибалтійскихъ провинцій, опустошалъ Финляндію, въ то время какъ его флотъ угрожалъ берегамъ Швеціи. Большая часть шведскихъ владѣній въ Германіи была потеряна. Въ этомъ отчаянномъ положеніи государственный совѣтъ созвалъ сеймъ, несмотря на запретъ короля; подумывали серьезно о низложеніи короля. Узнавши объ этомъ, Карль рѣшилъ вернуться домой. Подъ именемъ „капитана Петра Фриша“ онъ проѣхалъ верхомъ чрезъ всю Венгрію и Германію за 16 дней и добрался 22 ноября 1714 до Стральзунда, единственнаго владѣнія шведовъ въ Помераніи, еще не потеряннаго ими. Между тѣмъ къ врагамъ Швеціи присоединилась Пруссія, у которой были свои виды на Померанію и Ганноверъ, откупившій у датчанъ завоеванный ими Бременъ-Верденъ. Послѣ геройской защиты Карль вынужденъ былъ покинуть Стральзундъ, осажденный союзниками, и отправился въ Швецію.

Несмотря на печальное положеніе, въ которомъ Карль засталъ свое государство, онъ все же готовъ былъ продолжать войну; что касается шведскаго народа, то у него тоже возродилась новая надежда, какъ только король опять оказался среди него. Бывшій гольштинскій министръ баронъ Георгъ Генрихъ Герцъ, перешедшій на службу къ Карлу, добылъ для него денежныя средства; на эти деньги Карль собралъ армію, съ которой онъ предпринялъ походъ въ Норвегію (1716 г.). Однако, когда его транспортный флотъ былъ уничтоженъ, а датчане и русскіе стали угрожать нападеніемъ на Шоненъ, онъ вынужденъ былъ отступить обратно въ Швецію. Еще черезъ 2 года онъ сдѣлалъ вторую попытку завоеванія Норвегіи и двинулся къ крѣпости Фредерикстенъ недалеко отъ Фредериксгалда въ Южной Норвегіи. Тутъ шальная пуля, вылетѣвшая изъ крѣпости, положила конецъ его жизни, пренеполненной тревогъ (11 декабря 1718 г.), однажды вечеромъ, когда онъ провѣрялъ работы солдатъ въ траншеяхъ. Осада была снята немедленно, и армія была уведена обратно въ Швецію его зятемъ Фридрихомъ Гессенскимъ. Несмотря на все несчастія, въ которыя Карль ввергнулъ Швецію изъ-за своего упрямства, онъ сталъ любимымъ героемъ шведскаго народа благодаря своей чистотѣ нравовъ, своей геройской отвагѣ, своему презрѣнію къ смерти, своимъ удивительнымъ побѣдамъ. Онъ заилъ и умеръ воиномъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ относился съ интересомъ къ мирнымъ дѣламъ, къ наукѣ и искусству. Какъ во время своего пребыванія на чужбинѣ, такъ и послѣ своего возвращенія въ свое отечество онъ трудился усердно надъ реформами внутренняго управленія, дѣлающими честь его остроумію и его свободѣ отъ предрассудковъ.

Д. Періодъ господства дворянъ (1718 г. — 1771 г.).

Такъ какъ Карлъ умеръ холостымъ, то послѣ его смерти была избрана королевой его сестра Ульрика Элеонора, съ 1715 г. бывшая замужемъ за наследникомъ гессенскаго престола принцемъ Фридрихомъ (стр. 561): въ февралѣ 1719 г. она вынуждена была отказаться отъ неограниченности своей власти. Новое правительство успѣшило окончить войну. По мирному договору, заключенному въ Стокгольмѣ 20 ноября 1719 года, Ганноверъ приобрѣлъ Бременъ и Верденъ, Пруссіи была уступлена южная часть Передней Помераніи (по договору въ Стокгольмѣ 1 января 1720 г.), а Россіи по договору въ Ништадтѣ 10 сентября 1721 г. провинціи Ингерманландія, Эстляндія и Лифляндія съ однимъ финляндскимъ леномъ, Выборгскимъ. Данія удовлетворилась денежнымъ вознагражденіемъ въ 600 тысячъ талеровъ (по договору 14 іюля 1720 г. въ Фредерикеборгѣ); Швеція отказалась отъ безпошлиннаго прохода своихъ судовъ черезъ Зундъ и дала обѣщаніе не принимать подъ свою защиту герцога Готторпскаго (т. VII, стр. 530 и слѣд.).

а) Фридрихъ Гессенъ-Кассельскій (1720 г.—1751 г.).

Уже въ мартѣ 1720 г. Ульрика Элеонора отказалась отъ трона въ пользу своего супруга, и шведы присягнули на вѣрноподданство королю Фридриху. Однако, королевская власть была ограничена еще сильнѣе прежняго при новомъ образѣ правленія: король оказался въ полной зависимости отъ государственнаго совѣта и сейма. Высшая власть принадлежала сейму, собиравшемуся каждые три года и обладавшему правомъ контролировать и измѣнять всѣ постановленія короля и королевскаго совѣта: государственныя дѣла готовились къ окончательному рѣшенію въ постоянныхъ комиссіяхъ сейма, а изъ этихъ послѣднихъ наибольшее вліяніе приобрѣла вскорѣ тайная комиссія („sekreta utskottet“). Въ сеймѣ преобладающимъ значеніемъ пользовалось дворянство: королевскій совѣтъ тоже состоялъ изъ однихъ дворянъ, и они же занимали всѣ важнѣйшія государственныя должности. Періодъ времени между 1720 и 1772 гг. называется обыкновенно „періодомъ свободы“.

Послѣ долгой опустошительной войны положеніе страны было весьма печально; финансы были разстроены до крайности. Тѣмъ не менѣе страна оправлялась гораздо быстрѣе, чѣмъ этого можно было ожидать: обязана она была этимъ прежде всего предсѣдателю государственной канцеляріи, графу Арvidу Горну. Для того, чтобы вывести свое отечество изъ безотраднaго положенія, онъ держался по отношенію къ иностраннымъ державамъ съ большой предусмотрительностью и осторожностью. Внутри государства у него тоже было не мало работы: необходимо было издать новые законы и урегулировать снова денежное обращеніе: всѣ отрасли промышленности нуждались въ заботливомъ поощреніи. Черезъ короткое время расцвѣли снова промышленность и горнодобыіе, торговля и мореходство.

Однако, чѣмъ больше оправлялся народъ отъ перенесенныхъ имъ невзгодъ, тѣмъ громче стали раздаваться голоса тѣхъ, которые не могли забыть потери прибалтійскихъ провинцій и были недовольны вѣнненъской политикой Горна, благодаря подстрекательствамъ Франціи; они добивались войны съ Россіей для того, чтобы вернуть обратно потеряныя владѣнія, и дали Горну съ его приверженцами бранную кличку „Nattmåssor“ (ночныхъ колпаковъ), себя же самихъ они называли „Nattar“ (шляпами). Такимъ образомъ Швеція стала черезъ короткое время театромъ ожесточенной партійной борьбы. Борющіяся стороны не пренебрегали никакими средствами, лишь бы повредить своимъ противникамъ и привлечь на свою сторону новыхъ приверженцевъ. Такъ какъ обѣ стороны отличались одинаковой продажностью, то все сильнѣе распространились подкуны. Соеднѣнн

державы смотрѣли съ удовольствіемъ на эту внутреннюю борьбу, обѣщавшую имъ возможность поживиться на счетъ Швеціи; иностранные посланники при шведскомъ дворѣ не скупились на подкупы, для того чтобы разжигать эту борьбу въ интересахъ своихъ государствъ. „Шляпы“ были подкуплены Франціей, а „колпаки“ Россіей.

Въ 1738 г. „шляпамъ“ подъ предводительствомъ графа Карла Гилденборга удалось захватить въ свои руки бразды правленія. Въ 1741 г. они объявили войну Россіи. Война эта оказалась неудачной; генералы К. Врангель, графъ Шарль Эмиль Левенгауптъ и Х. М. фонъ Будденброкъ были разбиты русскими и вынуждены были сдаться. Между тѣмъ Элеопора скончалась въ 1741 г., не оставивши послѣ себя потомства, и въ Швеціи вспылѣлъ вопросъ о престолонаслѣдіи. Часть шведовъ, въ томъ числѣ крестьяне, хотѣли возвести на престолъ датскаго кронпринца Фридриха V, но русская императрица Елизавета старалась помѣшать этому всѣми силами, такъ какъ объединеніе скандинавскихъ государствъ казалось ей грозной опасностью для Россіи; поэтому она предложила шведамъ довольно выгодныя условія, если только они изберутъ королемъ протежируемаго ею Готторпскаго принца Адольфа Фридриха. „Шляпы“ дѣйствительно добились избранія этого послѣдняго, и Россія возвратила послѣ этого Швеціи часть Финляндіи по мирному договору въ Або (7 августа 1743 г.).

Власть оставалась въ рукахъ „шляпъ“ еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Во внутреннемъ управленіи они стремились вмѣстѣ съ „колпаками“ къ развитію экономической жизни, но дѣйствовали при этомъ крайне легкомысленно и расточительно. Правда, въ промышленности замѣчался необычайный расцвѣтъ, но это было чисто искусственное явленіе, къ тому же вредно отзывавшееся на другихъ отрасляхъ экономической жизни, въ особенности на сельскомъ хозяйствѣ. Торговля и мореходство страдали отъ различныхъ запретовъ и высокихъ пошлинъ: денежное обращеніе пришло въ разстройство, государственные долги росли неудержимо. Нельзя отрицать, что „шляпы“ оказали блестящія услуги наукѣ и искусству. Они основали академію живописи и ваянія и академію наукъ, — ихъ труды успѣли дать прекрасные плоды уже на ихъ глазахъ. Естественныя науки достигли высокой степени процвѣтанія; знаменитѣйшими представителями ихъ были Карлъ Линней (сконч. въ 1778 г.) и физикъ А. Цельсій (сконч. въ 1744 г.). Къ этому же времени относится дѣятельность извѣстнаго духовидца Э. Сведенборга (сконч. въ 1772 г.). Изъ другихъ ученыхъ слѣдуетъ упомянуть историковъ С. Лагербринга (сконч. въ 1787 г.) и О. Далина (сконч. въ 1763 г.), а также филолога Н. Пре (сконч. въ 1780 г.). На поприщѣ поэзіи, на которомъ шведы были послѣдователями французскихъ и англійскихъ поэтовъ, дѣйствовалъ только что упомянутый Далинъ. Онъ оставилъ по себѣ эпическія, лирическія, сатирическія и драматическія произведенія и былъ творцомъ повѣстной шведской художественной литературы.

б) Начало Готторпской династіи (отъ 1751 до 1771 г.).

Король Фридрихъ I скончался въ 1751 году. Его преемникъ Адольфъ Фридрихъ былъ слабохарактернымъ, посредственнымъ человекомъ, но супруга Адольфа Фридриха, Луиза Ульрика, сестра прусскаго короля Фридриха II, была женщиной даровитой и вмѣстѣ съ тѣмъ властолюбивой, она стремилась къ расширенію королевской власти. Однако, ея попытка отстранить отъ власти партію „шляпъ“ окончилась такой печальной неудачей, что королевской четѣ пришлось еще рѣзче понизить тонъ (въ 1756 г.). Король не былъ даже въ силахъ воспрепятствовать „шляпамъ“ присоединиться къ врагамъ Пруссіи во время Семилѣтней войны и объявить войну Фридриху II. Однако, война эта велась такъ небрежно,

что Швеція потеряла окончательно свой военный престижъ; она вызвала такое сильное ожесточеніе противъ партіи „шляпъ“, дурнымъ хозяйничаньемъ которой народъ и безъ того былъ недоволенъ, что „колпакамъ“ удалось безъ труда въ 1765 году низвергнуть своихъ противниковъ и снова захватить въ свои руки власть. Если „шляпы“ обращались слишкомъ легкомысленно съ государственными ресурсами, то „колпаки“ были, напротивъ того, слишкомъ скупы. Они стали отказывать фабрикамъ въ крупныхъ займахъ и субсидіяхъ, безъ которыхъ многія изъ нихъ не могли обойтись, такъ что онѣ вынуждены были приостановить работы; возникшая вслѣдствіе этого безработица и нужда сдѣлали „колпаковъ“ настолько непопулярными, что въ 1769 году они снова были вынуждены уступить свое мѣсто „шляпамъ“. Такимъ образомъ въ Швеціи шла непрерывная борьба между партіями; но призрачная королевская власть была настолько безсильна, что не могла расширить своего значенія за счетъ этихъ борющихся партій; Адольфъ Фридрихъ прибѣгнулъ даже къ угрозѣ сложить съ себя корону, но эта угроза не произвела никакого дѣйствія.

Россія, Пруссія и Данія, подумывавшія о раздѣлѣ Швеціи, понятно, противодѣйствовали всѣми силами всякому измѣненію конституціи. Швеціи угрожала такая же участь, какая постигла черезъ короткое время послѣ этого несчастную Польшу.

Е. Возстановленіе королевской власти. Последніе представители Готторпской династіи (отъ 1771 г. до 1818 г.).

Изъ этого несчастнаго положенія вывелъ страну Густавъ III, сынъ Фридриха Адольфа. Въ то время, когда умеръ его отецъ (12 февраля 1771 года), онъ былъ за границей, но какъ только онъ получилъ извѣстіе объ этомъ, онъ сейчасъ же поспѣшилъ въ Швецію, твердо рѣшившись положить конецъ внутренней борьбѣ и вернуть королевской власти ея прежній блескъ. Онъ привлекъ на свою сторону офицеровъ и солдатъ стокгольмскаго гарнизона.

19 августа 1772 года онъ произвелъ государственный переворотъ, арестовавъ членовъ государственнаго совѣта и лидеровъ сейма, а 21 онъ принудилъ сеймъ къ признанію новой конституціи, отдавшей въ руки короля исполнительную власть, предоставившую ему право назначать членовъ государственнаго совѣта, который съ этихъ поръ сталъ пользоваться только совѣщательнымъ правомъ голоса. Законодательная власть тоже была подѣлена между королемъ и сеймомъ. Этотъ переворотъ, встрѣченный народомъ съ восторгомъ, совершился безъ кровопролитія; арестованные были выпущены на свободу, никто не былъ подвергнутъ никакимъ карамъ и никакимъ взысканіямъ. Со стороны правительствъ сосѣднихъ державъ этотъ государственный переворотъ вызвалъ озлобленіе, и они стали угрожать войною: Густавъ принялъ энергичныя мѣры, и буря улеглась черезъ короткое время.

Въ теченіе первыхъ лѣтъ послѣ государственнаго переворота Густавъ пользовался безупречно своей расширенной властью. Какъ человекъ даровитый, обладавшій богатыми познаніями и честный по характеру, къ тому же находившійся подъ вліяніемъ философіи вѣка просвѣщенія, онъ прилагалъ усилія къ проведенію полезныхъ реформъ: такъ, напр., было улучшено судопроизводство, упорядочено денежное обращеніе, введена свобода печати и сняты путы, стѣнявшія торговлю и другія отрасли экономической жизни. Съ особенной же любовью Густавъ относился къ искусству и наукѣ. Онъ основалъ шведскую академію (въ 1786 г.), шведскій театръ (въ 1773 г.) и музыкальную академію (въ 1771 г.). Пластическія искусства тоже подвинулись впередъ; наибольшей высоты достигла скульптура:

И. Т. Сергель (сконч. въ 1814 г.) былъ величайшимъ изъ современныхъ европейскихъ скульпторовъ. Въ литературѣ господствовали французскіе вкусы, которымъ слѣдовалъ какъ самъ Густавъ, который тоже трудился на поприщѣ драматической поэзіи, такъ и нѣкоторые поэты, сгруппировавшіеся вокругъ него, какъ, напримѣръ, Л. Г. Кельгрень (сконч. въ 1795 году) и К. Г. адъ Леопольдъ (сконч. въ 1829 году), въ то время какъ другіе держались въ сторонѣ отъ французскаго вліянія и шли своимъ собственнымъ путемъ; къ числу этихъ послѣднихъ относятся К. М. Бельманъ (сконч. въ 1795 году), Б. Лиднеръ (сконч. въ 1793 году) и А. М. Леннгренъ (сконч. въ 1817 году).

Итакъ первые годы царствованія Густава были счастливымъ временемъ для Швеціи, а самъ король былъ очень любимъ народомъ. Однако мало по малу въ немъ возобладали худшія стороны его характера. Вслѣдствіе своей страсти къ роскоши и расточительности онъ сталъ чувствовать большую нужду въ деньгахъ, и чтобы помочь этой бѣдѣ, онъ сталъ принимать такія мѣры, которыя вызвали сильное неудовольствіе, въ особенности, въ низшихъ сословіяхъ; а между тѣмъ онъ былъ вынужденъ опираться на эти сословія противъ дворянства, которое никогда не могло простить ему государственнаго переворота. Такъ какъ онъ сталъ замѣчать, что его популярность падаетъ, то онъ задумалъ снова поднять ее посредствомъ удачной войны. Въ 1788 году онъ отыскалъ поводъ для объявленія войны Россіи, прошелъ со своимъ войскомъ черезъ Финляндію и перешелъ черезъ русскую границу, а шведскій флотъ долженъ былъ пробиться въ то же время къ Петербургу. Но какъ только онъ перешелъ черезъ границу, офицеры отказали ему въ своемъ повиновеніи и стали требовать, чтобы онъ созвалъ сеймъ и заключилъ миръ; въ свое оправданіе они ссылались на то, что война была объявлена безъ согласія сейма наперекоръ конституціи. Густавъ послѣдовалъ обратно въ Швецію, склонилъ на свою сторону народъ, возмущенный возстаніемъ, созвалъ сеймъ и провелъ въ немъ „Säkerhets-akt“ (актъ о государственной безопасности) 21 февраля 1789 года, предоставившій ему почти неограниченную власть. Война продолжалась, но благоприятный моментъ былъ упущенъ, и черезъ короткое время былъ заключенъ мирный договоръ въ Верелѣ 14 августа 1790 года, который возстановилъ во всѣхъ отношеніяхъ положеніе, существовавшее до войны. Въ виду французской революціи Густавъ хотѣлъ придти на помощь своему другу Людовику XVI, заключилъ поэтому въ 1791 году договоръ съ Россіей и собирался вступить во Францію во главѣ шведско-русской арміи; но въ это время былъ составленъ заговоръ дворянствомъ, возмущеніе котораго достигло самыхъ крайнихъ размѣровъ послѣ введенія „Säkerhets-akt“. 16 марта 1792 года заговорщики нанесли Густаву смертельную рану на маскарадномъ балу, и онъ скончался 29 марта.

Густавъ оставилъ послѣ себя малолѣтняго сына Густава Адольфа IV (царств. отъ 1792 до 1809 года); въ качествѣ его опекуна правителемъ государства сталъ братъ Густава, Карлъ, герцогъ Зедерманландскій. Этотъ послѣдній отказался отъ плановъ, направленныхъ противъ Франціи, и не нарушалъ нейтралитета во время первой коалиціонной войны. Но послѣ вступленія на престолъ самого Густава IV (въ 1796 г.) направленіе вѣннейшей политики Швеціи измѣнилось. Густавъ нѣсколько не походилъ на своего отца: онъ былъ бережливъ и велъ строго нравственный образъ жизни, но отличался рѣзкой уметвенной ограниченностью, своенравіемъ и высокомеріемъ. Онъ ненавидѣлъ французскую революцію и Наполеона и былъ увѣренъ, что онъ призванъ самимъ Богомъ для ихъ уничтоженія; поэтому онъ примкнулъ къ третьей коалиціи противъ Франціи (въ 1805 году), перенравился съ своимъ войскомъ въ Германію, но оказался совершенно бездарнымъ военачальникомъ. Тѣмъ не

менѣе онъ и слышать не хотѣлъ о мирѣ, и даже послѣ того какъ его союзники заключили миръ съ Наполеономъ въ Тильзитѣ (1807 году), онъ продолжалъ войну за свой собственный рискъ и страхъ, но былъ вовлеченъ такимъ образомъ въ войну не только съ Франціей, но и съ Россіей и Даніей. Англія прислала къ нему на помощь вспомогательныя войска, но изъ-за его упрямства эта помощь не пошла ему на пользу. Въ этой войнѣ Швеція терпѣла одно пораженіе за другимъ. Наполеонъ занялъ Померанію; норвежцы напали на Швецію съ запада, а русскіе покорили Финляндію; финны, не получавшіе почти никакой помощи отъ своего короля, вынуждены были уступить предъ превосходными силами непріятеля, несмотря на героизмъ, съ которымъ они обороняли свою родину. Положеніе Швеція было отчаянное; Россія и Данія подумывали уже о раздѣлѣ этого государства. Теперь стало очевиднымъ, что для спасенія страны необходимо низложеніе короля. 13 марта 1809 года Густавъ былъ арестованъ въ Стокгольмскомъ замкѣ. 10 мая сеймъ объявилъ его низложеннымъ съ престола, и за его потомками тоже не было признано права на шведскую корону. Густаву была предложена пенсія, но онъ не принялъ ея, покинулъ Швецію вмѣстѣ съ своимъ семействомъ и скончался 7 февраля 1837 года въ Сень-Галленѣ въ Швейцаріи. Отъ его старшаго сына Густава (сконч. въ 1877 году) осталась единственная дочь Каролина, овдовѣвшая 19 іюня 1902 года супруга короля саксонскаго Альберта.

Послѣ низверженія Густава конституція была измѣнена, и Швеція была преобразована въ ограниченную монархію. Королю была предоставлена неполитическая власть, но во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ онъ обязанъ былъ руководствоваться указами государственнаго совѣта, отвѣтственнаго передъ сеймомъ; законодательную власть онъ раздѣлялъ съ сеймомъ, собиравшимся каждыя 5 лѣтъ; право утвержденія налоговъ было признано исключительной прерогативой сейма. На шведскій престолъ вступилъ герцогъ Зедерманландскій подъ именемъ Карла XIII (отъ 1809 до 1818 года). Новое правительство стремилось прежде всего къ окончанію войны: 17 сентября 1809 года оно уступило Россіи всю Финляндію съ Аландскими островами, но получило обратно Померанію и Рюгенъ (6 января 1810 года) изъ рукъ Наполеона, которому оно обѣщало присоединиться къ континентальной системѣ, а 10 декабря 1809 года Швеція окончила безъ потерь войну съ Даніей.

Ж. Династія Бернадотта (отъ 1818 года).

Такъ какъ Карлъ XIII былъ старъ и не имѣлъ потомства, то наследникомъ престола былъ назначенъ (въ 1809 году) принцъ Христіанъ Августъ фонъ Аугустенбергъ, но этотъ послѣдній скончался скоространнымъ путемъ короткое время, 28 мая 1810 года. Многие были того мнѣнія, что для поднятія престижа Швеціи необходимо избрать королемъ одного изъ офицеровъ Наполеона; молодой шведскій офицеръ, встрѣтившійся въ Парижѣ съ княземъ Понтекорво, маршаломъ Бернадоттомъ, предложилъ этому послѣднему шведскую корону на собственный рискъ и страхъ и сумѣлъ воздѣйствовать такъ сильно на общественное мнѣніе Швеція въ пользу своего плана, что 21 августа 1810 года Бернадоттъ былъ избранъ наследникомъ шведскаго престола сеймомъ, заседавшимъ въ Эребро. Бернадоттъ, или Карлъ Іоаннъ, какъ сталъ называться наследникъ престола, прибылъ въ Швецію вмѣстѣ съ своимъ сыномъ уже въ октябрь и немедленно сталъ настоящимъ правителемъ государства.

Шведы избрали его въ томъ предположеніи, что онъ будетъ стоять на дружеской ногѣ съ Наполеономъ и надѣялись, что съ помощью императора онъ возвратитъ имъ Финляндію. Въ дѣйствительности Карлъ Іоаннъ никогда не былъ другомъ Наполеона и въ то же время не хотѣлъ

быть его вассаломъ; поэтому онъ отказался отъ мысли объ обратномъ завоеваніи Финляндіи, которую Швеція не въ силахъ была защищать, по его мнѣнію: ему улыбалась скорѣе мысль о присоединеніи Норвегіи, непосредственно связанной съ Швеціей по своему естественному положенію. Поэтому онъ сблизился съ русскимъ императоромъ Александромъ I, вступилъ съ нимъ въ соглашеніе 5 апрѣля 1812 года и присоединился къ коалиціи противъ Наполеона; Россія и Англія обѣщали ему въ награду за это свое содѣйствіе для завоеванія Норвегіи. Въ маѣ 1813 года онъ переправился со своей арміей въ Германію, а въ іюль ему было предоставлено командованіе надъ „соединенной сѣверногерманской арміей“; онъ одержалъ побѣду при Гросбееренѣ и Денневицѣ, а затѣмъ принялъ участіе въ битвѣ при Лейпцигѣ (томъ VIII, стр. 82). Послѣ этой битвы народовъ онъ двинулся съ частью сѣверной арміи противъ Даніи и принудилъ датскаго короля Фридриха VI къ уступкѣ Швеціи Норвежскаго королевства по Кильскому мирному договору 14 января 1814 года (стр. 528). Послѣ этого Карлъ Іоаннъ присоединился снова къ союзникамъ, которые двинулись въ предѣлы Франціи, и вернулся на сѣверъ только лѣтомъ 1814 года. Между тѣмъ норвежцы, не желавшіе подчиниться шведскому королю, выработали для себя свободную конституцію и избрали королемъ датскаго принца Христіана Фридриха (стр. 539 и слѣд.). Карлъ Іоаннъ былъ настолько уменъ, что онъ призналъ норвежскую конституцію, и ему удалось устранить Христіана Фридриха и осуществить мирнымъ путемъ унію между Швеціей и Норвегіей.

Благодаря своей полезной дѣятельности на военномъ и государственномъ поприщѣ Карлъ Іоаннъ вывелъ свое новое отечество изъ состоянія глубокаго упадка, въ которое оно было ввергнуто неразумной политикой Густава IV, и возстановилъ его престижъ. Онъ управлялъ своимъ государствомъ съ энергіей и умомъ и поднялъ его благосостояніе; поэтому народъ относился къ нему съ почтеніемъ и любовью. Не вызывая противорѣчій ни съ чьей стороны, этотъ чужестранецъ вступилъ на престолъ Швеціи послѣ смерти Карла XIII (5 февраля 1818 г.) подъ именемъ Карла Іоанна XIV. Мало-по-малу исчезло, однако, восторженное отношеніе къ новому королю: хотя его обращеніе было свободно и привлекательно, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отличался вспыльчивымъ темпераментомъ, не выносилъ никакой критики и съ годами становился все болѣе консервативнымъ, въ особенности послѣ іюльской революціи. Онъ вызвалъ противъ себя крайнее неудовольствіе своимъ сопротивленіемъ всякой попыткѣ къ измѣненію конституціи, которую считали устарѣлой во многихъ пунктахъ, въ частности сеймоваго уложенія; выражалось изумленіе, что онъ, сынъ революціи, страдаетъ такимъ недостаткомъ свободомыслія. Послѣ іюльской революціи образовалась либеральная оппозиція, которая усиливалась непрерывно и насчитывала въ числѣ своихъ руководителей выдающихся людей. Такъ какъ правительство упорно сопротивлялось всякимъ нововведеніямъ, то возмущеніе достигло, наконецъ, такой степени, что стали серьезно переговаривать о принужденіи короля къ отреченію отъ престола (въ 1840 г.). Однако, на время удалось предотвратить бурю, и послѣдніе годы жизни Карла Іоанна протекли мирно. Онъ скончался 8 марта 1844 г., на 81 году своей жизни.

При его сынѣ Оскарѣ I (1844—1859 г.), который пользовался одинаковой любовью какъ въ Швеціи, такъ и въ Норвегіи, оппозиція стала менѣе рѣзкой. Король сблизился съ либералами, окружилъ себя свободомыслящими министрами, согласился на расширеніе свободы печати и на сокращеніе срока созыва государственнаго сейма до трехъ лѣтъ. Напротивъ того, предложенное имъ преобразование сейма въ демократическомъ духѣ было отвергнуто въ 1850 г., а послѣ февральской революціи, когда реакція восторжествовала во всей Европѣ, Оскаръ тоже сталъ

болѣ консервативнымъ и пересталъ затрагивать вопросъ о реформѣ сейма. Въ его царствованіе были достигнуты блестящіе успѣхи на экономическомъ поприщѣ. Оскаръ измѣнилъ направленіе иностранной политики Швеціи въ томъ отношеніи, что отдалился отъ Россіи, которую подозревали въ желаніи завладѣть нѣкоторыми частями финскихъ пограничныхъ округовъ. Во время крымской войны Шведско-Норвежское королевство заключило съ Франціей и Англіей договоръ (ноябрьскій трактатъ 1855 г.), обезпечившій соединеннымъ королевствамъ помощь западныхъ державъ на тотъ случай, если бы Россія сдѣлала попытку овладѣть какимъ-нибудь скандинавскимъ портомъ. Съ Даніей Оскаръ, чувствующій себя истиннымъ скандинавомъ (срав. стр. 529), поддерживалъ наилучшія отношенія; въ первой шлезвигской войнѣ (въ августѣ 1848) онъ взялъ на себя роль посредника и впоследствии предложилъ королю Фридриху VII оборонительный союзъ для защиты линіи рѣки Эйдера, какъ датской границы, но это предложеніе было отвергнуто датскимъ правительствомъ.

Сынъ Оскара, Карлъ XV (1859—1872 г.), тоже былъ личнымъ другомъ Фридриха VII. Тѣмъ не менѣе начатые уже переговоры съ Даніей были прерваны послѣ смерти Фридриха (15 ноября 1863 г.) вслѣдствіе обще-европейскихъ политическихъ осложненій, такъ что шведскому королю пришлось отказаться волей-неволей отъ борьбы за Данію въ 1864 г. При Карлѣ XV былъ, наконецъ, разрѣшенъ вопросъ о сеймѣ, такъ какъ во время сессіи 1865 г. всѣ четыре сословія пришли къ соглашенію между собою по вопросу о новомъ сеймовомъ уложеніи. Въ постоянное время шведскій парламентъ собирается каждыя 3 года и состоитъ изъ 2-хъ палатъ; королю принадлежитъ право распускать парламентъ и назначать новые выборы. Этотъ новый порядокъ, отнявшій у дворянства его послѣднія привилегіи, повлекъ за собою вмѣстѣ съ тѣмъ перераспредѣленіе партій. Партія „интеллигенціи“ стала опираться на образованные круги населенія, въ то время какъ „Landtmanna partei“ (сельская партія) стремилась, главнымъ образомъ, къ бережливости какъ во внутреннемъ управленіи государствомъ, такъ и въ арміи и къ болѣе равномерному распредѣленію бремени налоговъ.

При братѣ и преемникѣ Карла, Оскарѣ, II шла оживленная борьба по поводу таможенной политики, причемъ часть сельской партіи объединилась съ представителями крупной промышленности и провела законъ о покровительственныхъ таможенныхъ пошлинахъ. Въ самое послѣднее время шведскія палаты, въ которыхъ идетъ теперь борьба между консерваторами и либералами, приняли новый военный законъ, значительно удлиняющій продолжительность учебныхъ сборовъ *Veväring* (призываемыхъ на военную службу). Напротивъ того, палаты до сихъ поръ еще не пришли къ соглашенію по вопросу о расширеніи избирательнаго права, все еще крайне ограниченнаго.

Подобно Норвегій Швеція тоже сдѣлала въ XIX столѣтіи громадныя успѣхи въ области матеріальной культуры, такъ какъ новое законодательство отвергло старыя экономическія принципы и устранило путы, стѣснявшія торговлю и промышленность, а рука объ руку съ этимъ шло существенное улучшеніе путей сообщенія (Гетскій каналъ, сооруженный въ 1832 г., желѣзныя дороги, проведенныя съ 1856 г.). Торговля и промышленность проложили себѣ новые пути; земледѣліе, остававшееся въ пренебреженіи въ теченіе XVIII столѣтія, расширилось въ такой степени, что Швеція, не производившая въ XVIII столѣтіи достаточнаго количества хлеба для собственнаго прокормленія, теперь уже можетъ вывозить зерновые продукты. Скотоводство и горнодѣліе, въ особенности добыча желѣза, тоже сильно подвинулись впередъ за послѣднее время.

Одновременно съ тѣмъ, какъ развитіе различныхъ отраслей промышленности подняло народное благосостояніе, было также сдѣлано много для

улучшенія школьной системы и поднятія умственнаго уровня народныхъ массъ, такъ что народное просвѣщеніе стоитъ очень высоко какъ въ Швеціи, такъ и въ двухъ другихъ скандинавскихъ государствахъ. На поприщѣ науки шведы тоже трудились съ успѣхомъ. Въ области естественныхъ наукъ шведы достигли общеевропейской извѣстности; назовемъ хотя бы I. I. Берцелиуса (сконч. въ 1848 г.), основателя новѣйшей химіи, зоолога Свена Нильсона (сконч. въ 1883 г.), творца доисторической археологій, ботаника Э. М. Фриса (сконч. въ 1878 г.), анатома и этнолога А. А. Рециуса (сконч. въ 1860 г.). Братья Нильсъ и Джонъ Эриксоны (сконч. въ 1860 г.) были выдающимися инженерами и механиками; Джонъ приобрѣлъ всемирную извѣстность, какъ изобрѣтатель парового насоса, винтового парохода, калорической машины и монитора (срав. т. I, стр. 552). Н. А. Норденшельдъ (сконч. въ 1901 г.) совершилъ въ 1878—1879 гг. первое путешествіе кругомъ сѣвернаго берега Азіи на корабль „Вега“, а Свенъ Гединъ (род. 1865 г.) составилъ себѣ громкое имя своими смѣлыми географическими изслѣдованіями въ Средней Азіи. Изъ историческихъ писателей стоитъ упомянуть Э. Г. Гейера (сконч. въ 1847 г.), который извѣстенъ также, какъ поэтъ, В. Е. Сведелиуса (сконч. въ 1889 г.), Ф. Ф. Карльсона (сконч. въ 1887 г.) и К. Г. Мальмштрема (сконч. въ 1822 г.). Философскую систему выработалъ К. И. Востремъ (сконч. въ 1866 г.); онъ былъ первымъ и до сихъ поръ единственнымъ шведомъ, который основалъ философскую школу.

Въ началѣ XIX столѣтія проникла свѣжая струя также и въ шведскую изящную литературу благодаря реакціи, поднявшейся противъ господствовавшихъ до того времени литературныхъ вкусовъ. Фосфориты, получившіе свое названіе отъ журнала „Fosforos“, подражали нѣмецкимъ романтикамъ въ то время, какъ „гетскій союзъ“ стремился къ возрожденію національнаго норманнскаго элемента въ литературѣ. Главнымъ представителемъ перваго изъ этихъ направленій въ литературѣ былъ П. Д. Аттербомъ (сконч. въ 1855 г.), ко второму принадлежали упомянутый уже нами извѣстный историкъ Э. Г. Гейеръ (сконч. 1847 г.), Э. Тегнеръ (сконч. въ 1846 г.), поэма котораго „Frithjofs Saga“ извѣстна далеко за предѣлами Швеціи и, наконецъ, П. Г. Лингъ (сконч. въ 1839 г.), національное рвеніе котораго превышало, повидимому, его поэтическій талантъ и который прославился скорѣе на совершенно другомъ поприщѣ, именно какъ основатель „шведской гимнастики“. Къ художественнымъ писателямъ первой половины XIX столѣтія относятся также Ф. М. Франценъ (сконч. въ 1847 г.) и авторъ псалмовъ I. О. Валлинь (сконч. въ 1839 г.), таланты которыхъ развились еще въ эпоху Густава. Къ болѣе позднему поколѣнію принадлежатъ поэты Э. Сьёбергъ („Vitalis“, сконч. въ 1828 г.), К. И. Альмквистъ (сконч. въ 1866 г.), В. Браунъ (сконч. въ 1860 г.), О. П. Штурценъ-Беккеръ (сконч. въ 1869 г.), Г. Веннербергъ (сконч. въ 1901 г.) и К. Ф. Страндбергъ (сконч. въ 1877 г.). Изъ беллетристовъ мы назовемъ Фредерику Бремеръ (сконч. 1865 г.), Софію Кноррингъ (сконч. въ 1848 г.), Э. Флюгаре-Карленъ (сконч. въ 1892 г.) и М. Крустенстолне (сконч. въ 1865 г.). Начиная съ семидесятыхъ годовъ, художественная литература усвоила реалистическое направленіе подъ вліяніемъ Франціи, Даніи и Норвегіи; писатели стали стремиться къ разрѣшенію социальныхъ проблемъ и придали литературѣ тенденціозный отпечатокъ; назовемъ для примѣра А. Стриндберга (т. VIII, стр. 631), Г. Гейерштама (род. въ 1858 г.), Ф. Гейденштама (род. 1859 г.), Анну Шарлотту Эдгрень (сконч. въ 1892 г.), Тора Гедберга (род. въ 1862 г.). Нѣкоторые писатели занимаютъ среднее положеніе между вышеназванными направленіями: таковы лирическій поэтъ графъ Карлъ Спондскій (сконч. въ 1903 г.) и Викторъ Ридбергъ (сконч. въ 1895 г.); послѣдній изъ нихъ извѣстенъ также своими трудами по исторіи культуры и мифологій. Романтическое направленіе тоже имѣетъ своего выдающагося представителя въ лицѣ поэта и критика К. Д. афъ Вирсена (род. въ 1842 г.).

Швеція выдвинулась впередъ также и въ области музыкальнаго искусства; кромѣ нѣсколькихъ композиторовъ она произвела на свѣтъ двухъ всемірно-извѣстныхъ пѣвицъ Дженни Линдъ-Гольдшмидтъ (сконч. въ 1887 г.) и Христину Нильсонъ (род. въ 1843 г.). Наконецъ, на поприщѣ пластическихъ искусствъ трудились въ XIX столѣтіи скульпторы Б. Э. Фогельбергъ (сконч. 1854 г.), И. П. Молинъ (сконч. въ 1873 г.) и И. Берьесонъ (род. 1835 г.), живописцы К. Г. д'Ункеръ (сконч. въ 1866 г.), Г. А. Вальбергъ (сконч. въ 1906 г.), Г. фонъ Розенъ (род. въ 1843 г.) и др.

3. Исторія Финляндіи отъ XVI столѣтія до настоящаго времени.

а) Шведскій періодъ исторіи Финляндіи.

Финляндія, покоренная и обращенная въ христіанство шведами въ XIII столѣтіи (стр. 545, 547), состояла до XVI столѣтія въ довольно слабой связи со шведскимъ королевствомъ; въ XV столѣтіи она обыкновенно отдавалась въ видѣ лена какому-либо шведскому магнату. Значеніе королевской власти въ этой странѣ поднялось только при короляхъ изъ дома Вазы. Густавъ Ваза привелъ въ порядокъ внутреннее управленіе Финляндіи и налоговую систему, уничтожилъ католическую іерархію и ввелъ реформацію, горячимъ приверженцемъ которой выступилъ въ особенности М. Агрикола (сконч. въ 1557 г.); но напрасны были все его усилія положить конецъ угнетенію финновъ мѣстнымъ дворянствомъ. Еще хуже стало положеніе Финляндіи при сыновьяхъ Густава, Эрикѣ XIV и Юаннѣ. Наконецъ, въ 1596/97 гг. крестьяне финны возстали противъ своихъ угнетателей; вооруженные дубинами, они грабили и сжигали дворянскія помѣстья; но это возстаніе, охватившее всю страну, было подавлено черезъ короткое время, и Финляндія была покорена во второй разъ. Эта „война дубинами“ стоила жизни 3,000 крестьянъ. Положеніе улучшилось только послѣ вступленія на престолъ Карла IX. Теперь были приняты мѣры къ поднятію благосостоянія Финляндіи, къ укрѣпленію ея связи со Швеціей. Моущество дворянства было сокрушено, и Финляндія, переименованная въ 1581 г. въ великое герцогство, стала управляться шведскимъ правительствомъ непосредственно изъ Стокгольма; тѣмъ не менше она получила свою особую судебную палату въ Або. Генераль-губернаторъ Петръ Браге Младшій, пріобрѣвшій громадныя заслуги предъ Финляндіей, основалъ въ этой странѣ въ 1640 г. университетъ, ставшій черезъ короткое время центромъ умственной жизни этой страны. Мирнымъ договоромъ въ Столбовѣ (съ 1617 г. т. V, стр. 519) была строго урегулирована граница съ Россіей; съ этихъ поръ начался счастливый періодъ исторіи Финляндіи, продолжавшійся до конца XVIII столѣтія, когда эта страна стала жертвой голода и заразныхъ болѣзней, а Великая Сѣверная война еще усугубила это несчастіе. Она оправилась отъ всехъ этихъ бѣдъ только въ XVIII столѣтіи, причемъ шведскій элементъ получилъ преобладаніе. Благосостояніе Финляндіи возстановилось настолько прочно, что даже война съ Россіей (отъ 1741 до 1743 г.; стр. 364) не могла его потрясти окончательно.

б) Русскій періодъ исторіи Финляндіи.

Между тѣмъ у многихъ финновъ проснулся духъ самостоятельности: они стали надѣяться на основаніе съ помощью русскихъ свободнаго финскаго государства подъ протекторатомъ Россіи. Въ началѣ XIX столѣтія эти стремленія осуществились въ нѣкоторой степени благодаря неразумной политикѣ Густава IV. Дѣло въ томъ, что послѣ несчастной войны 1808—1809 г. Швеція вынуждена была уступить Россіи по мирному

договору въ Фредериксгамнѣ 17 сентября 1809 г. Финляндію вмѣстѣ съ Аландскими островами. Императоръ Александръ I далъ обѣщаніе не нарушать финляндской конституціи на открытомъ имъ самолично сеймѣ въ Борго. Финляндія соединилась съ Россіей на правахъ самостоятельнаго великаго княжества, столицей котораго былъ признанъ Гельсингфорсъ. Финляндскія провинціи, нѣкогда уступленныя Россіи по мирному договору въ Ништадтѣ (въ 1721 г.) и Або (1743 г.), были присоединены обратно къ великому княжеству черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ объединенія Финляндіи съ Россіей. Вначалѣ Александръ I оставался вѣрнымъ своему обѣщанію и уважалъ конституцію, но черезъ нѣкоторое время онъ сталъ реакціонеромъ, а его преемникъ Николай I пошелъ по его слѣдамъ. Болѣе счастливая пора для Финляндіи наступила только съ воцареніемъ Александра II: по его указу сталъ снова созываться регулярно съ 1869 г. сеймъ, который фактически не существовалъ при Николаѣ. Съ извѣстными ограниченіями за сеймомъ была признана законодательная власть. Къ этому періоду относятся реформы, подвинувшія эту страну впередъ въ матеріальномъ и социальномъ отношеніяхъ.

Въ XIX столѣтіи финны выдвинулись также и своей литературной дѣятельностію. Такъ, на примѣръ, Э. Леннротъ (сконч. въ 1884 г.) собралъ древнія финскія народныя быліны („Калевала“), которыя обратили на себя вниманіе при своемъ появленіи въ свѣтъ въ 1835 г. Іоаннъ Рунебергъ (сконч. въ 1877 г.), величайшій изъ финскихъ поэтовъ, прославилъ въ своемъ „*Fänrik Ståls Sägner*“ подвиги финновъ во время послѣдней войны съ Россіей. Ц. Топеліусъ (сконч. въ 1898 г.) приобрѣлъ вполне заслуженную славу даже за предѣлами Финляндіи своими разсказами.

Въ послѣднее время въ Финляндіи возникло движеніе, стремящееся къ уравниенію въ правахъ финскаго языка съ шведскимъ. Поборники этого движенія, „*Феноманы*“, достигли такого значительнаго успѣха, что въ настоящее время финскій языкъ уравненъ въ правахъ со шведскимъ во всемъ томъ, что касается непосредственно финскаго населенія. Однако, хотя населеніе распалось благодаря этому на двѣ партіи, тѣмъ не менѣе не существуетъ никакого разпогласія относительно того, что необходимо противодѣйствовать единодушно посягательствамъ Россіи. Дѣло въ томъ, что въ Россіи существуетъ много людей, недовольныхъ самостоятельнымъ положеніемъ Финляндіи, которые добиваются полнаго присоединенія этой страны къ Россіи. Недавнія мѣропріятія русскаго правительства тоже обнаружили воочію, что оно стремится къ обрусенію этой области и полному слиянію ея съ Россіей. Однако, въ самое послѣднее время (въ 1906 году) оно собирается, повидимому, переимѣнить свой курсъ.

XI. Великобританія и Ирландія.

Сочиненіе д-ра Александра Тилле.

WIRTSCHAFTS- UND VERKEHRSPOLITIK

The main body of the page contains a large, dense area of text that is almost entirely obscured by heavy black noise and artifacts from the scanning process. Only faint, illegible shapes and some scattered characters are visible, suggesting a significant loss of information during the digitization of the original document.

1. Географическая среда.

На сѣверозападномъ краю широкой подводной мели, отстоящей отъ поверхности моря меньше, чѣмъ на сто метровъ, и составляющей продолженіе Западной Европы къ сѣверу, вглубь Атлантическаго океана, возвышаются два наибольшіхъ европейскихъ острова, Великобританія и Ирландія, окруженные 900 мелкими островками. Они составляютъ часть европейскаго материка и были непрерывно соединены съ нимъ еще въ недавнюю геологическую эпоху, когда на этихъ островахъ жили мамонтъ и пещерный медвѣдь. Съ европейскаго материка ведетъ свое происхожденіе растительный и животный міръ этихъ острововъ, даже ихъ первобытное человѣческое населеніе; всѣ эти животныя и растенія проникли сюда еще въ то время, когда Великобританія составляла часть европейскаго материка: а такое соединеніе существовало не только въ теченіе ледниковаго періода, но и гораздо позже, когда климатъ уже нагрѣлся въ значительной степени послѣ окончанія послѣдней ледниковой эпохи.

Положеніе этихъ острововъ въ Европѣ исключительно своеобразное. Мѣсто, занимаемое ими на земномъ шарѣ, въ качествѣ форпоста Стараго Свѣта со стороны великаго западнаго моря, расчлененіе ихъ береговъ и возвышенностей, изобиліе легко доступныхъ ископаемыхъ сокровищъ на этихъ островахъ обезпечиваютъ за ними исключительное положеніе въ Европѣ. Составляя самую западную оконечность Сѣверной Европы, они перехватываютъ своими западными берегами Гольфштремъ, морское теченіе, идущее отъ береговъ Сѣверной Америки. И безъ того они составляютъ единственную область Европы съ морскимъ климатомъ, благодаря своему островному положенію, а вдобавокъ этотъ нагрѣватель не только даетъ имъ то преимущество, что они обладаютъ болѣе теплымъ и болѣе равномернымъ климатомъ, чѣмъ всякая другая область, расположенная подъ той же широтой, но кромѣ того благодаря Гольфштрему ихъ берега остаются всегда открытыми и свободными отъ льда, что составляетъ первое условіе для поддержанія морскихъ сношеній въ теченіе цѣлаго года. Въ одной точкѣ берега этихъ острововъ подходятъ вплотную къ матерку; однако даже бѣлые мѣловые скалы Дувра, которыя показываютъ всему сѣверному побережью Франціи, что тамъ за этими скалами начинается опять суша, все же отдѣляются отъ нынѣшняго материка Европы глубокимъ и широкимъ воднымъ промежуткомъ и поднимаются къ небу, какъ пограничные столбы островной области съ своимъ особымъ самостоятельнымъ развитіемъ.

Тотъ, кто поселился тамъ, за этими скалами, устранялся отъ жителей материка и отъ многочисленныхъ вліяній его, независимыхъ отъ человѣка. Въ позднѣйшую эпоху, когда на этихъ островахъ развился народъ, пользовавшійся сознательно своимъ правомъ самоопредѣленія, отъ усмотрѣнія этого народа зависѣло практическое разрѣшеніе того вопроса, вмѣшиваться ли ему въ дѣла европейскаго материка, а также въ какой мѣрѣ и въ какихъ случаяхъ ему удобно устраниться отъ всякаго подобнаго вмѣша-

тельства. Даже въ предѣлахъ сферы вліянія римской церкви изъ всѣхъ европейскихъ странъ одни только Британскіе острова могли удержаться въ томъ обособленномъ положеніи, благодаря которому англійскіе короли были избавлены отъ всякихъ путешествій въ Каноссу. Съ другой стороны, это исключительное положеніе Британскихъ острововъ среди всѣхъ древнихъ и новыхъ европейскихъ государствъ обуславливало необходимость въ томъ, чтобы всякій серьезный вопросъ, всплывавшій наружу на ихъ территоріи, разрѣшался на той же самой географической сценѣ. Вполнѣ естественны поэтому тѣ многочисленныя внутреннія и междуусобныя войны, которыя составляютъ отличительную особенность Британской исторіи. Эти столкновенія были неизбежны, несмотря на то, что въ англійскомъ народѣ, возникшемъ изъ смѣшенія иберійскихъ и кельтскихъ, норманскихъ и романскихъ составныхъ частей, отсутствовало то стремленіе къ принципиальному и теоретическому, которое откапываетъ принципиальные контрасты во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ, во всѣхъ даже мимолетныхъ противорѣчіяхъ и не успокаивается, пока эти противорѣчія не будутъ разрѣшены насильственными путемъ. До того времени, когда въ Великобританіи поселилось достаточное число воинственныхъ германцевъ, эта страна оставалась цѣлюю безчисленнаго множества морскихъ набѣговъ, но съ наступленіемъ этого момента эти набѣги отошли въ область преданія. Для противодѣйствія массѣ тоже необходима была масса: необходимъ былъ цѣлый военный флотъ съ полнымъ вооруженіемъ и такимъ громаднымъ запасомъ сѣстныхъ припасовъ, какой вообще не могъ быть собранъ на одномъ мѣстѣ въ средніе вѣка, для того только, чтобы приступить къ морскому походу на Британскіе острова, не говоря уже о его удачномъ осуществленіи. Такимъ образомъ была исключена возможность всякаго внезапнаго непріятельскаго нападенія на Британскіе острова; требовались такія громадскія приготовленія, что проливъ Маманшъ не могъ бы задержать распространенія извѣстія о нихъ.

Великобританія простираетъ свои руки не только по направленію къ Атлантическому океану, но и по направленію къ Европѣ. Сѣверная и западная части ея покрыты горами и по большей части совершенно непригодны для земледѣлія, а восточная и юговосточная части ея представляютъ собою открытую плодородную равнину. Переселенцы съ материка попадали сразу въ лучшую часть Великобританіи, и только по мѣрѣ непрерывнаго размноженія населенія ему приходилось считаться съ необходимостью отодвинуть свои пахотныя поля дальше къ западу и къ сѣверу. Открытый восточный берегъ Великобританіи съ его многочисленными заливами вообще не представлялъ никакихъ препятствій для высадки. Вслѣдствіе этого туда стекались не только всѣ народныя потоки, притекавшіе къ берегамъ Британскихъ острововъ съ европейскаго материка, но и вообще эта сторона Англій по преимуществу манила къ себѣ переселенцевъ. Сѣверная Франція, Голландія и Фризскіе острова, область устьевъ рѣкъ Эмса, Везера, Эльбы, Данія, Норвегія удѣлили ей часть своего германскаго населенія. До открытія Америки Великобританія и Ирландія были Ultima Thule Стараго Свѣта. Положеніе Великобританіи никоимъ образомъ не благоприятствовало ея развитію до степени великой державы, даже препятствовало ему въ такой же мѣрѣ, въ какой центральное положеніе Рима нѣкогда содѣйствовало развитію этого послѣдняго. Отъ Средиземнаго моря Англію отдѣлялъ далекій опасный путь. Морское господство Англій ограничивалось въ теченіе многихъ столѣтій морями, прилегающими къ ея берегамъ. Условія измѣнились радикальнымъ образомъ только впоследствии послѣ того, какъ открытіе цѣлаго новаго міра на западѣ измѣнило міровое положеніе Британскихъ острововъ. Теперь только имъ пошло на пользу ихъ выдвинутое впередъ положеніе въ качествѣ островнаго форпоста Европы со стороны Атлантическаго океана. Мало того, Англія пріобрѣла теперь

несравненное по своему значению центральное положение. Если мы разделим земной шаръ на двѣ половины такъ, чтобы одна изъ нихъ вмѣстѣ въ себѣ какъ можно больше суши, а другая почти исключительно одну только водную поверхность, то Лондонъ окажется какъ разъ въ центрѣ той половины, которая состоитъ изъ суши; въ то же время отъ Британскихъ острововъ идутъ открытыя морскія пути ко всемъ частямъ свѣта, сами же они далеко не открыты для нападенія со всехъ сторонъ. Позади острова Уайта и подъ его вѣрной защитой лежатъ оба самыхъ сильныхъ порта Англии, Портсмуть и Соутгэмптонъ. Значительная глубина рѣки Темзы и ея направленіе къ Западу дѣлаетъ Лондонъ доступнымъ для глубоководныхъ судовъ, и въ то же время онъ вовсе не защищенъ отъ природы противъ нападенія съ моря. То же самое можно сказать и о Глазго со времени углубленія рѣки Клайда: въ такомъ же положеніи находится неконченный городъ Единбургъ съ заливомъ Фортъ, въ которомъ стоитъ на стражѣ одинокій Инчкейтъ.

Другія благоприятныя условія Британскихъ острововъ были созданы не ихъ указаннымъ выгоднымъ мировымъ положеніемъ, а сокровищами, скрытыми въ недрахъ ихъ земли. Благодаря добываемому на нихъ олову эти острова заслужили впервые упоминанія въ ученой литературѣ классической древности. Желѣзо и каменный уголь нерѣдко попадаются въ Англии рядомъ, въ непосредственномъ соосѣдствѣ другъ съ другомъ, и притомъ недалеко отъ морского берега, что имѣло еще гораздо большее значеніе, чѣмъ теперь, въ пропавшія историческія эпохи съ ихъ неудовлетворительными путями сообщенія; однако и въ настоящее время такія выгодныя мѣстопахожденія минераловъ въ связи съ удобствами морского пути удешевляютъ стоимость производства тонны сырого желѣза на Британскихъ островахъ по сравненію съ Германіей приблизительно на 8 марокъ. Хотя угольные богатства Британскихъ острововъ не могутъ выдерживать сравненія по своей массѣ съ тѣми, которыя сокрыты въ недрахъ земли Германской имперіи, зато съ другой стороны добыча англійскаго угля гораздо легче, чѣмъ германскаго, и поэтому стоимость издержекъ его производства гораздо меньше. Начиная съ того момента, когда стало распространяться массовое употребленіе желѣза и угля, эти продукты имѣли радикальнымъ образомъ распредѣленіе населенія на Британскихъ островахъ. Чѣмъ были раньше дубовые лѣса Южной Англии, этотъ источникъ, изъ котораго вытекала струя тепла, питавшая развивающуюся промышленность, тѣмъ стали теперь богатые углемъ округа Сѣверной и Западной Англии. Вокругъ нихъ стало стягиваться кольцо все сильнѣе стужающагося населенія. Эти округа лишились преобладающаго значенія. Лондонъ и вообще юго-восточную Англію и приобрѣли значеніе той основы, на которой Англія развилась и превратилась въ первое по времени промышленное государство всего земного шара и создала себѣ такимъ путемъ исключительно выгодное положеніе въ другихъ отношеніяхъ, чѣмъ прежде, пока наконецъ у нея не выросли равныя по силѣ или даже превосходящія ее соперники въ лицѣ Германіи и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Возможность истощенія некончаемыхъ богатствъ Великобританіи составляетъ ту скрытую опасность, которая будетъ угрожать въ свое время ея положенію, какъ промышленной страны, и теперь уже на Британскихъ островахъ пробуждается сознаніе того, что необходимо обращаться съ отечественными угольными богатствами болѣе бережливо, чѣмъ до сихъ поръ.

2. Древнѣйшія человѣческія поселенія Англии.

А. Кельты, римляне и западные германцы.

Отъ первобытныхъ жителей Британскихъ острововъ не сохранилось никакихъ остатковъ кромѣ надѣлий ихъ рукъ. Островныя обитыя

кремни, которые бросались отъ руки или зажимались въ кулакъ и употреблялись, какъ молотъ, тщательно заостренные камни того же рода, на которыхъ остались слѣды деревянныхъ рукоятокъ, и другіе, тщательно отшлифованные для уменьшенія сопротивленія воздуха при киданіи и увеличенія силы удара, обнаруживаютъ предъ нами тѣ же главныя ступени въ развитіи орудій каменнаго вѣка, которыя встрѣчаются обыкновенно и въ другихъ мѣстахъ (т. I, стр. 120 и слѣд.). Къ какой расѣ принадлежали изготовители этихъ орудій, это не поддается непосредственному опредѣленію. Однако ничто не противорѣчитъ тому предположенію, что это были почти ещене обладавшіе даромъ слова и только впоследствии усвоившіе несовершенный лепетъ, состоящій изъ междометій, урало-алтайцы съ темнымъ цвѣтомъ кожи и темными волосами, составлявшіе древнѣйшее подтверждаемое историческими данными иберійское населеніе Западной Европы. Впоследствии они стали выдѣлывать глиняную посуду и хоронить своихъ мертвецовъ, занимались въ небольшихъ размѣрахъ разведеніемъ хлѣбныхъ злаковъ въ самомъ первобытномъ видѣ и дѣлились на рѣзко расчлененныя общественныя группы; однако ихъ трудъ едва ли увеличивалъ находящіяся въ ихъ распоряженіи запасы пищи въ такой мѣрѣ, чтобы сталъ возможнымъ замѣтный ростъ численности народонаселенія.

а) Кельты.

Затѣмъ, когда индо-германское племя кельтовъ достигло въ доисторическую эпоху береговъ океана, прогояя повсюду и уничтожая иберійцевъ по мѣрѣ своего передвиженія черезъ Европу къ западу, оно тоже распалось подобно древнимъ иберамъ на сѣверную и южную вѣтви. Последняя растянулась черезъ Пирепен до Испаніи, въ то время какъ первая перебросилась черезъ море на Британскіе острова. Къ этому времени волны Атлантическаго океана уже разѣли мѣловыя скалы около нынѣшняго Дувра; плоская сѣверозападная европейская паносная область опустилась; Темза превратилась изъ притока Рейна въ самостоятельную рѣку, и уже образовалось нынѣшнее Нѣмецкое море въ видѣ не глубокаго, но широкаго водоема, отдѣлившаго Британскіе острова отъ Скандинавскихъ полуострововъ. Кельты, представлявшіе собою рослую свѣтло-рыжую расу, снабженную бронзовымъ оружіемъ и привыкшую къ войнѣ и завоеваніямъ, справились безъ труда съ иберами, жителями острова Альбіона. Эти послѣдніе были, по всей вѣроятности, настолько малочисленны, что ихъ истребленіе не предписывалось ни расчетомъ, ни необходимостью. Остатки ихъ, загнанные въ Уэльсъ, Корнуэльсъ, Шотландскія и Ирландскія горы, сохранялись еще въ теченіе тысячелѣтій. Хотя они переняли языкъ своихъ побѣдителей, тѣмъ не менѣе неарійскія черты ихъ замѣтны еще и понынѣ въ темноволосыхъ жителяхъ Ирландской долины и Шотландскихъ горъ, рѣзко отличающихся отъ рыжеволосыхъ, плотно сложенныхъ кельтовъ и стройныхъ германцевъ; все же ни одно изъ этихъ племенъ далеко не сохранилось въ сколько-нибудь чистомъ, несмѣшанномъ видѣ.

Первое изъ кельтскихъ племенъ, которое вступило на почву Альбіона, гойделлы, не дало ему никакого новаго названія; свое нынѣшнее названіе Британія получила отъ слѣдующаго племени, бритоновъ, повидному, быстро оттѣснившихъ гойделловъ къ Ирландскимъ и Шотландскимъ горамъ, куда были загнаны еще раньше иберы. Языкъ гойделловъ сохранился еще и понынѣ въ гельскомъ, манкскомъ и ирландскомъ нарѣчіяхъ, въ то время, какъ корнуэльскій языкъ, составлявшій отпрыскъ британскаго, уже вымеръ, такъ что единственной островной отраслью британскаго языка остается еще въ настоящее время уэльское нарѣчіе. Питеасъ, посѣтившій Британію въ IV вѣкѣ до нашей эры (т. V, стр. 13), положилъ начало торговлѣ оловомъ между Британскими островами и культурнымъ міромъ

Средиземнаго моря, а другой грекъ Посидоній засталъ эту торговлю въ полномъ ходу двумя столѣтіями позже. Посредствующимъ звеномъ въ этой торговлѣ служила кельтская Галлія, изъ которой Британія получала въ теченіе многихъ вѣковъ все то новое, что доходило до нея, какъ хорошее, такъ и дурное, какъ свое, галльское такъ и чужое. Вслѣдъ за британами переправились черезъ Ламаншъ другія кельтскія племена, галлы и бельги, а вслѣдъ за этими послѣдними первые римскіе легіоны.

б) Римляне.

Послѣ того какъ Кай Юліи Цезарь переправлялся два раза черезъ Ламаншъ въ 55 и 54 г. до Р. Хр. и усмирилъ бритоновъ, галловъ и бельговъ Великобританіи, стали развиваться оживленныя торговыя сношенія между Великобританскими островами и Галліей, покоренной римлянами, а еще черезъ 100 лѣтъ, при императорѣ Клавдіи, Британія превратилась на 350 лѣтъ въ римскую провинцію.

Исторія римскаго вліянія въ Британіи едва ли заслужила особенную славу, хотя она наложила, несомнѣнно, свой отпечатокъ на юго-восточную часть этой страны на 500 слишкомъ лѣтъ, и эта часть Британіи обязана въ значительной степени римлянамъ своимъ замиреніемъ и распространеніемъ въ ней сельскохозяйственной культуры. Набѣги и войны между мелкими племенами смѣнились благодаря римлянамъ мирнымъ соотязаніемъ въ добываніи средствъ къ существованію, а кто не выдерживалъ этой мирной борьбы, тотъ попадалъ въ рабство за долги или же уходилъ бродяжничать въ лѣса. Только при римскомъ господствѣ и благодаря римскимъ колонистамъ къ преобладающему въ Британіи скотоводству присоединилась правильная земледѣльческая культура, хотя она все еще отступала въ теченіе многихъ столѣтій на задній планъ предъ скотоводствомъ, какъ главнымъ источникомъ народнаго пропитанія. Границы защищались регулярными войсками, устраивавшими опасность отъ внѣшнихъ враговъ, а междуусобныя войны больше не допускались. Римлянинъ смотрѣлъ на эти послѣднія, какъ на покушенія противъ внутренняго спокойствія государства, и немедленно подавлялъ ихъ силою оружія. Изъ перваго города, основаннаго римлянами, Камулодунума (Кольчестера), который былъ заселенъ почти исключительно отбывшими военную службу легіонерами, римское земледѣліе, римскій образъ жизни, римская религія и римское право распространились быстро по другимъ важнымъ пунктамъ. Виллы и мраморныя купальни, театры и храмы, дороги и водопроводы появлялись повсюду до самыхъ границъ Корнуэльса, Уэльса и внутреннихъ горныхъ краевъ Уэстморлэнда и Кумберлэнда, т. е. до такихъ мѣстъ, въ которыхъ не всегда удавалось защитить границы даже при помощи сильныхъ гарнизоновъ.

Горные бритты вели фанатическую борьбу за свою религію; черѣдко они наносили сильные удары римскому господству, а гнетъ римской администраціи часто вызывалъ среди бриттовъ равнины всеобщія возмущенія, и воины этой борьбы смели даже Камулодунумъ. Правда, Римъ не отказывалъ себѣ въ жестокой мести и принесъ въ жертву своему мечу десятки тысячъ бриттовъ, но все же потребовалось не меньше 50 лѣтъ для того, чтобы изъ развалинъ выросъ новый цвѣтущій городъ. Зато въ руки римлянъ попали теперь также Корнуэльсъ и Уэльсъ, и сѣверная граница придвинулась къ тому перешейку, на которомъ теперь лежатъ другъ противъ друга Глазго и Эдинбургъ. Императоръ Адрианъ соорудилъ къ югу отъ этой линіи земляной валь, тянувшійся отъ Солбуэ къ Табну, остатки котораго сохранились и понынѣ съ развалившимися башнями и фортами, алтарями и памятными камнями, въ теченіе послѣднихъ двухъ столѣтій ставшими предметомъ археологическихъ изслѣдо-

ваній. Затѣмъ Антонинъ Пій возвелъ далѣе къ сѣверу непрерывный валъ, покрытый дерномъ, съ рвами, и такимъ образомъ была создана двойная защитная линія, остававшаяся вмѣстѣ съ тѣмъ границей римскихъ владѣній. Правда, уже Северъ вынужденъ былъ отступить отъ сѣвернаго вала и удалиться къ югу подъ защиту линіи Адріана, возобновивши ея дерновый валъ. Въ IV столѣтіи для укрѣпленія южнаго вала была возведена каменная стѣна. Хотя римляне наносили неоднократныя пораженія каледонамъ, жившимъ къ сѣверу отъ вала, тѣмъ не менѣе имъ никогда не удавалось покорить этихъ дикарей.

Напротивъ того, къ югу отъ этой пограничной линіи выросли все новыя римскія города, и притомъ все болѣе значительныя по своимъ размѣрамъ, въ томъ числѣ морской портъ Лондиніумъ, расположенный на томъ мѣстѣ рѣки Темзы, на которомъ ея берега начинаютъ подыматься отъ морского берега и становятся болѣе прочными; этотъ портъ уже весьма рано сталъ цвѣтущимъ городомъ и, вѣроятно, былъ заселенъ уже въ кельтскую и иберійскую эпохи. Съ тѣхъ поръ, какъ толпы бриттовъ стали поступать на военную службу въ римскія легіоны и сражаться на берегахъ Средиземнаго моря и въ глубинѣ Передней Азии, боевая отвага островныхъ кельтовъ поступила на службу римской имперіалистской идеи; благотворное вліяніе этой послѣдней стало оказывать болѣе сильное воздѣйствіе также и на Британію послѣ того, какъ Каракала далъ права римскихъ гражданъ всѣмъ жителямъ имперіи, родившимся отъ свободныхъ людей (т. IV, стр. 454). Все же въ Британіи не создано кельто-романскаго народа, какъ это было въ Галліи и Испаніи: обѣ составныя части населенія, покоренная, многочисленная, и господствующая, малочисленная, шли каждая своимъ путемъ, не сливаясь въ одно цѣлое; не удалась также и дальнѣйшая попытка объединить Галлію, Испанію и Британію въ одно общее подчиненное римлянамъ государство съ Галліей въ качествѣ метрополіи. Несмотря на кровное родство между туземными народами всѣхъ этихъ трехъ странъ, все же объединеніе ихъ всегда оставалось чисто поминвальнымъ въ римскую эпоху: титулъ цезаря Западной Имперіи оказался недостаточно сильнымъ для созданія единой кельто-романской націи на берегахъ Атлантическаго океана. Скорѣе наоборотъ: по мѣрѣ роста населенія римскихъ провинцій вслѣдствіе введенія римскаго травосѣянія и римской полевой культуры развилось стремленіе къ разъединенію, противъ котораго тогдашніе пути сообщенія не служили достаточнымъ противовѣсомъ.

Кромѣ того неупрочившаяся кельто-романская культура столкнулась въ Британіи съ врагомъ, окрѣпшимъ въ теченіе столѣтій, кельто-иберійскимъ населеніемъ, извѣстнымъ въ Ирландіи подъ именемъ скоттовъ, никогда не подпадавшимъ подъ власть римлянъ на этомъ послѣднемъ островѣ. Теперь этотъ смѣшанный народъ проникъ въ Каледонію, подкрѣпилъ тамошнихъ пиктовъ и далъ свое имя всей области къ сѣверу отъ Тайна въ Шотландіи. Открытыя части западнаго берега Британіи къ сѣверу и югу отъ Уэльса манили къ себѣ морскихъ разбойниковъ скоттовъ, переправлявшихся сюда изъ Ирландіи, такъ какъ эти берега обладали превосходными стоянками для ихъ легкихъ судовъ и давали надежду на богатую добычу въ видѣ громадныхъ стадъ рогатаго скота. Римскія защитныя линіи были направлены противъ Корнуэльса, Уэльса и Каледоніи; теперь же нападенію стали подвергаться открытыя мѣста западнаго берега, а черезъ короткое время также и южный берегъ; совершенно беззащитный восточный берегъ тоже сталъ привлекать къ себѣ новыхъ враговъ со стороны моря. Для спасенія римскихъ владѣній въ Британіи необходимо было пересоздать заново всю систему укрѣпленій и распределенія римскихъ гарнизоновъ, а для такого громаднаго преобразованія клонящаяся къ упадку Римская имперія уже не обладала достаточными средствами. У нея

не хватало денежныхъ средствъ для возведенія новыхъ большихъ укрѣпленныхъ городовъ и людей для пополненія гарнизоновъ. Несмотря на всѣ эти затрудненія, все же была предпринята подобная попытка. Всѣ открытыя части побережья обоихъ большихъ полуострововъ, составляющихъ юговосточную часть Британіи, были снабжены укрѣпленіями. Эти мѣры помогли на короткое время; но когда два римскихъ полководца въ Британіи, Максимъ и Константинъ, одинъ за другимъ объявили себя императорами въ 383 и 407 гг. и ушли въ Галлію вмѣстѣ со своими войсками для того, чтобы дѣйствительно разыгрывать роль западныхъ императоровъ, то римскихъ войскъ осталось въ Британіи такъ мало, что Римъ уже не былъ въ силахъ удержать дольше въ своей власти эту провинцію. Романизированные бритты видѣли вполне ясно, что имъ не устоять собственными силами противъ натиска новыхъ враговъ, и они стали обращаться съ настоятельными просьбами о присылкѣ новыхъ легионовъ сначала къ императору Гонорію, а потомъ къ намѣстнику Аэцію; но всѣ ихъ просьбы были напрасны: ни у того, ни у другого не было лишнихъ солдатъ для оккупации островной области, не имѣвшей для нихъ никакой цѣны. Послѣдній римскій легионъ покинулъ берега Британіи, и римское господство надъ кельтами Британскихъ острововъ пало въ первую половину V вѣка, безъ бою, даже безъ попытки къ обнаженію меча.

в) Западные германцы.

Чѣмъ былъ для римской Британіи валъ Адриана, тянувшійся отъ Клайда до Форта, тѣмъ была для восточной границы Галліи рѣка Рейпъ, къ востоку отъ которой и къ сѣверу отъ Майна жило уже въ началѣ нашего лѣтосчисленія новое индо-германское племя, пробившееся сюда съ востока вслѣдъ за кельтами и превосходившее ихъ даже по своей физической силѣ и умственной подвижности; это были германцы. Въ IV столѣтіи послѣ Р. X. въ этой области жили почти исключительно западные германцы, распадавшіеся на два главныхъ племени (стр. 31). Въ то время, какъ англофризы занимали морское побережье къ востоку отъ устья Рейна, а англы Ютландію, на берегу моря, въ промежуткѣ между тѣми и другими, и внутри материка, позади нихъ, жили нѣмцы, главнымъ образомъ коневоды саксы и нижніе франки. Подобно тому, какъ въ Италіи, западномъ центрѣ римской міровой державы, и въ Испаніи римское господство было сокрушено восточными германцами, такимъ же образомъ оно пало въ Галліи и Британіи подъ ударами меча западныхъ германцевъ, а нѣсколько сотъ лѣтъ спустя въ обѣихъ этихъ странахъ появились также скандинавскіе сѣверные германцы, которые открыли борьбу за землю и престолы со своими западными соплеменниками. Начиная съ середины IV столѣтія, пираты англы и саксы, приходившіе съ нѣмецкаго побережья Сѣвернаго моря, стали тревожить восточные берега Британіи, подплывая къ нимъ на своихъ плоскихъ длинныхъ челнахъ; они забирались даже на большія разстоянія вверхъ по теченію рѣкъ подъ нарусами и на веслахъ. Тѣ мѣстности плоскаго плодороднаго побережья, на которыхъ развились римская культура и римское сельское хозяйство, представлялись тѣмъ болѣе заманчивыми для этихъ воинственныхъ германскихъ племенъ, что черезъ короткое время они убѣдились въ малочисленности и боевой непригодности бриттовъ, жившихъ и хозяйничавшихъ тамъ подъ управленіемъ римлянъ. Подобно тому, какъ никты предпринимали опустошительные набѣги на бриттовъ со стороны Каледоніи, а скотты со стороны Ирландіи, всевозрастающія толпы искусныхъ западно-германскихъ моряковъ грабили восточные берега, а когда въ Британіи не осталось ни одного римскаго легиона, то она стала главною цѣлью ихъ завоевательныхъ походовъ.

Около середины V вѣка большой военный отряд ютовъ присталъ къ тогдашнему острову Танету. Военачальникъ бриттовъ Вортигернъ, который былъ не въ силахъ устоять противъ нихъ, уступилъ имъ этотъ островъ подъ тѣмъ условіемъ, что они окажутъ ему помощь противъ пиктовъ. Правда, они дрались побѣдоносно вмѣстѣ съ нимъ; но черезъ короткое время у нихъ вышло столкновение съ самимъ Вортигерномъ. Его попытка отнять у нихъ обратно островъ Танетъ оказалась неудачной. Ютландцы все прибывали толпами на своихъ быстроходныхъ судахъ съ Востока, изъ своей родины. Эти новые завоеватели стали твердой ногой на главномъ островѣ Британіи; хотя римляне оттѣснили ихъ кое-гдѣ на болѣе или менѣе значительное разстояніе, тѣмъ не менѣе они брали голодомъ одно римское береговое укрѣпленіе за другимъ, а лѣтъ черезъ 25 въ ихъ рукахъ уже былъ весь южный полуостровъ Восточной Британіи, въ то время какъ большій сѣверный полуостровъ былъ занятъ англами, тоже притекавшими въ Британію большими массаами. Теперь опасность стала угрожать также и южному берегу, тянущемуся параллельно побережью Галліи на западъ, юго-западъ и поэтому болѣе отдаленному для германцевъ. Тутъ утвердились три племени саксовъ; несмотря на то, что они смѣшались съ толпами ютовъ, эти племена стали называться по имени британскихъ мѣстностей, заселенныхъ ими, южными, восточными и западными саксами (Суссексъ, Эссексъ, Веесексъ). Правда, они заплатились за то, что забрались слишкомъ далеко: бритты дали имъ сраженіе у горы Бадонъ и задержали ихъ дальнѣйшее движеніе лѣтъ на тридцать. Съ другой стороны они внушили своимъ противникамъ такое высокое мнѣніе о своихъ боевыхъ качествахъ, что бритты стали называть всѣхъ германскихъ завоевателей не иначе, какъ саксами, несмотря на то, что эти послѣдніе вмѣстѣ съ ютами растворились въ массѣ гораздо болѣе многочисленныхъ англовъ и переняли языкъ и племенное названіе этихъ послѣднихъ.

Тацитъ рассказываетъ объ англахъ Германіи, что они почитаютъ больше всѣхъ другихъ боговъ Мать-Землю подъ именемъ богини Нертусъ. Теперь, переселившись на кельтскую территорію и основавши здѣсь новую Германію, они истребили прежнихъ владѣтелей этой земли и перенесли на новую родину свои передѣлы и свою общину. Такимъ образомъ они создали не только новое германское государство, но и новый германскій народъ, который имѣетъ теперь за собою счастливую полутора-тысячелѣтнюю исторію и сросался крѣпко съ почвой вездѣ, гдѣ онъ ни селился, такъ что онъ составляетъ въ настоящее время больше тридцатой части всего человѣчества и владѣетъ пятою частью всей суши.

Какъ это водилось на ихъ старой родинѣ, завоеватели собирались для суда и поклоненія богамъ по три раза въ году, въ началѣ зимы, въ началѣ весны и въ началѣ лѣта (15 іюля); какъ и на своей старой родинѣ, они дѣлились на знатныхъ, свободныхъ простолюдиновъ и несвободныхъ; какъ и на своей старой родинѣ, они выбирали королемъ самаго лучшаго воина изъ королевскаго рода; какъ и на своей старой родинѣ, они оставляли свои поля на попеченіе своихъ женъ, въ то время, какъ они сами проводили свое время на судебныхъ собраніяхъ или въ походахъ. Теперь, когда ихъ источники пропитанія возросли въ такихъ необычайныхъ размѣрахъ, такъ какъ въ ихъ власти оказалась вся юговосточная Британія, ихъ численность стала возрастать съ такою же быстротой. Немало потомства родилось у нихъ отъ кельтскихъ женъ. Такимъ образомъ возросла численность какъ воиновъ, такъ и людей, нуждающихся въ землѣ для заведенія новаго хозяйства. Чтобы создать себѣ достаточный просторъ, необходимъ былъ новый натискъ къ западу и къ сѣверу. Когда бритты, съ каждымъ поколѣніемъ сгущившіеся все тѣснѣе въ горахъ Западной Британіи, сплотились для того, чтобы оказать болѣе сильное сопротивленіе

ордамъ завоевателей, то дѣло дошло даже до кровопролитныхъ междуусобныхъ столкновеній между отдѣльными племенами западныхъ германцевъ, часть которыхъ вступила даже въ союзы съ бриттами. Первыми выступились впередъ западные саксы, а за ними англъ. Однако военные успѣхи обонхъ этихъ племенъ не повлекли за собою на первыхъ порахъ такихъ важныхъ послѣдствій, какъ побѣды ютовъ подъ предводительствомъ короля Этельберхта.

Въ концѣ второго столѣтія совершила свое торжественное вступленіе въ Британію новая сила, пришедшая изъ Мидой Азіи и появившаяся сначала среди скоттовъ Ирландіи, а затѣмъ въ Уэльсъ и даже дальше къ западу въ римскихъ городахъ. Это была не государственная сила, а духовная, христіанство, которому было предназначено дать западу новую религію на цѣлыхъ 2000 лѣтъ. На мѣсто кельтскаго міровоззрѣнія съ его богами и его почитаніемъ земного труда оно поставило Единого Бога и стало учить людей смиренію и отреченію, какъ великимъ добродѣтелямъ и вѣрнѣйшему средству къ раскрытію вратъ загробнаго блаженства. Въ нравственномъ отношеніи кельтское міровоззрѣніе не становилось въ такомъ коренномъ противорѣчій съ нимъ, какъ германское съ его аристократическою нравственностью, признававшей благочестивымъ того, кто дерется впередъ другихъ въ бою и всегда возстававшей противъ христіанскаго смиренія, предлагающаго подставить лѣвую щеку, когда правая получаетъ ударъ. Скотты Ирландіи съ ихъ обильной примѣсью крови покоренныхъ ими несвободныхъ иберовъ составляли самую пригодную почву для новаго міровоззрѣнія, учившаго покорности волю Божью и предлагавшаго уготовить себѣ загробное блаженство посредствомъ страданій въ земной жизни: между ними оно пустило быстро корни (миссіонерская дѣятельность Патрика началась въ 432 году). Римскіе солдаты христіанскаго вѣроисповѣданія прибывали въ Британію для пополненія гарнизоновъ. Мало по малу образовались такія большія христіанскія общины, что въ началѣ IV столѣтія Британія уже была представлена на одномъ галльскомъ соборѣ тремя епископами, а въ V столѣтіи ея обращеніе въ христіанство стало подвигаться впередъ съ поражающею германскихъ ордъ, крѣпко привязанныхъ къ своей исконной религіи съ ея простой картиной міроустройства, тремя боевыми богами и аристократическою этикою. Эти германцы смотрѣли на рабовъ, какъ на людей низшей породы, и считали правдивость, мужество и высшія способности привилегіей господъ. Тѣмъ не менѣе христіанство подобралось и къ нимъ въ Британіи подъ видомъ дочери франккаго короля Берты, въ 585 году отдавшей свою руку королю Кентскому Этельбрехту и явившейся къ ютскому королевскому двору съ христіанскимъ епископомъ въ составѣ своей свиты. Ея супругъ предоставилъ въ ея распоряженіе христіанскую церковь, позволилъ миссіонерамъ бенедиктинцамъ, присланнымъ Григоріемъ Великимъ, проповѣдывать новое вѣроученіе, далъ имъ мѣсто для поселенія въ Кентербери и, наконецъ, обратился самъ въ новую вѣру вмѣстѣ съ тысячами своихъ соплеменниковъ. Такимъ образомъ Кентербери сталъ резиденціей перваго британскаго архіепископа. Хотя торжество христіанства было очень кратковременно, тѣмъ не менѣе новое вѣроученіе уже больше не теряло окончательно почвы подъ собою.

Этельберхтъ удержалъ въ своихъ рукахъ главенствующую власть во все продолженіе своей жизни: во послѣ его смерти главенство перешло къ принадлежащему англамъ Нортумберланду, самому северному изъ племенныхъ королевствъ, образовавшихся на вновь завоеванной территоріи. Владѣнія бриттовъ все еще простирались непрерывно отъ Касетонскихъ горъ вплоть до южнаго берега Великобританіи. Въ ихъ рукахъ находились еще кромѣ того долины рѣкъ Северна и Ди, а также

Сольуэффордъ, раздѣлявшіе ихъ гористую область на четыре неравныя части, Корнуэльсъ, Уэльсъ, Кумберлэндъ и Галлоуэ, и угрожавшіе вѣчной опасностью чужеземнаго нашествія вслѣдствіе своего открытаго низменнаго положенія. Однако черезъ короткое время и эти мѣстности были вырваны изъ ихъ рукъ. Благодаря этому распалось то объединеніе, которое сплотило всѣ кельтскія племена предъ лицомъ общаго врага, германцевъ. Въ 577 году западные саксы захватили устья рѣки Северна и разъединили такимъ образомъ навѣки Корнуэльсъ и Уэльсъ; въ 613 году англѣ портумбры дошли до западнаго берега Британіи около Честера и отдѣлили такимъ образомъ тоже навсегда южныхъ кимровъ Уэльса отъ сѣверныхъ кимровъ Кумберлэнда. Только на сѣверѣ кельты держались еще въ теченіе нѣкотораго времени, такъ какъ кельты Кумберлэнда и Галлоуэ получили подкрѣпленіе отъ ирландскихъ скоттовъ, и эти союзники скотты боролись сообща съ ними противъ пиктовъ и германцевъ, а съ другой стороны германское населеніе становилось все болѣе рѣдкимъ къ сѣверу, и между германскими племенами возникли непрерывныя распри, вызванныя соперничествомъ. Король новаго государства Деиры къ сѣверу отъ рѣкъ Юмбера и Ди, Эдвинъ, основатель города Эдинбурга на берегу Фортфьорда, былъ первымъ, которому удалось принудить къ участию въ общихъ походахъ всѣ германскія племена Британіи за исключеніемъ Кентскаго королевства, которое онъ тоже привлекъ на свою сторону посредствомъ своего брака съ христіанкой, сестрой кентскаго короля, и христіанскихъ подданныхъ котораго онъ привязалъ къ себѣ еще сильнѣе своимъ обращеніемъ въ ихъ вѣру. Съ другой стороны этотъ самый шагъ послужилъ толчкомъ къ гибели короля Эдвина. Его англѣ относились съ презрѣніемъ къ новому вѣроученію съ его рабскими добродѣтелями. Въ Деиръ оно имѣло нѣкоторый успѣхъ, но уже Берниція и знать не хотѣла о немъ. Восточные англѣ убили своего короля, который осмѣлился послѣдовать примѣру Эдвина, а мерки (жители королевства Мерцин) подъ начальствомъ своего короля Пенды убили въ 633 г. самого Эдвина съ помощью южныхъ кимровъ. Его племянникъ Освальдъ прогналъ обратно южныхъ кимровъ изъ Портумберлэнда черезъ короткое время послѣ этого, обратился въ христіанство и сталъ королемъ исповѣдывавшихъ христіанскую вѣру племенъ; но въ 642 г. онъ палъ на полѣ битвы во время войны съ Пендой, который въ свою очередь былъ убитъ братомъ и преемникомъ Освальда (въ 655 г.).

Въ лицѣ Пенды погибъ послѣдній король, который былъ оплотомъ германской религіи въ Британіи, но этимъ еще не было создано объединенія христіанскихъ королевствъ при посредствѣ новой вѣры. Напротивъ того, въ теченіе полутора ста лѣтъ три болѣе крупныхъ государства, королевства западныхъ саксовъ, мерковъ и портумбровъ, продолжали существовать рядомъ и независимо одно отъ другаго, въ то время, какъ четыре меньшихъ государства, королевства восточныхъ англово, кентовъ, восточныхъ саксовъ и южныхъ саксовъ, выходили на войну то вмѣстѣ съ западными саксами, то вмѣстѣ съ мерками; христіанство подчинило себѣ постепенно всю страну; послѣдними перешли въ новую вѣру южные саксы. Въ 673 г. былъ улаженъ Вильфридомъ Торкскимъ (сконч. 709 г.) споръ между церквами малоазіатскаго и римскаго происхожденія о формѣ постриженія въ монахи и о времени празднованія Пасхи, а архіепископъ кентерберійскій Теодоръ (сконч. въ 690 г.) ввелъ въ британскую церковь итальянско-испанскую догму о покаяніи и распространилъ такимъ образомъ среди германцевъ важное въ культурномъ отношеніи ученіе о чистотѣ совѣсти; вся Британія за исключеніемъ кельтскихъ частей была раздѣлена на многочисленныя архіепископства, и римская философія во второй разъ вступила съ торжествомъ въ Британію; но и послѣ всѣхъ этихъ событій вновь возникшія духовныя связи не стали еще настолько

крѣпкими, чтобы онѣ могли сплотить въ одно цѣлое все германскія племена Британскихъ острововъ. По галльскому образцу стали строиться каменные церкви. Изъ которыхъ англѣ, какъ, на примѣръ, Альдгелмъ (сконч. въ 709 г.) и Беда Достопочтенный (сконч. въ 735 г.), обладали громадной эрудиціей и энциклопедическими познаніями. Дѣлались попытки выразить элементарныя идеи христіанства въ родной, поэтической формѣ неуклюжими германскими фразами, а тенденціозная церковная сага рассказывала о чудесныхъ событіяхъ изъ жизни перваго англохристіанскаго поэта, которому нашелся вскорѣ преемникъ въ лицѣ епископа съ поэтическимъ талантомъ; крайне медленно подвигалось, однако, развитіе того общаго національнаго чувства, которое создано было сразу среди германцевъ Великобританіи при появленіи могущественнаго внѣшняго врага. Въ то время, какъ задачи и стремленія Нортумберланда сосредоточились на сѣверѣ, на югѣ шла борьба за преобладаніе между западными саксами и мерками, и, наконецъ, король западныхъ саксовъ женился на дочери короля мерковъ. Его преемникъ Эгбертъ, жившій раньше изгнанникомъ при дворѣ Карла Великаго, объединилъ подъ своей верховной властью въ 827 г. все германскія государства Британіи и даже Уэльсъ и Корнуэльсъ; въ теченіе цѣлыхъ полутора вѣковъ они оставались въ рукахъ его рода въ то время, какъ сѣверныя кимры, принадлежавшія къ кельтской расѣ, а также шикты и скотты, которые были смѣшаннаго кельтско-иришскаго происхожденія, сохраняли свою независимость.

Б. Англичане, датчане и норманны.

а) Англѣ.

Общаго внѣшняго врага, который долженъ былъ заставить все западногерманскія племена Британіи почувствовать себя однимъ единымъ цѣлымъ подъ именемъ англовъ или англчанъ, не пришлось ждать долго. Къ востоку отъ Британіи, на противоположномъ берегу Нѣмецкаго моря, продолжали существовать тѣ самыя экономическія условія, которыя повели къ быстрому увеличенію народонаселенія послѣ введенія травосѣянія и болѣе широкаго производства зерновыхъ хлѣбовъ; эта перемѣна вытолкала къ берегамъ Британіи излишекъ населенія, молодыхъ людей, отправлявшихся искать счастья въ качествѣ пиратовъ и колонистовъ. Между Британіей и скандинавскими государствами существуетъ, однако, та разница, что норманны Дании и Норвегии усвоили эту новую сельско-хозяйственную культуру черезъ 300 слишкомъ лѣтъ послѣ того, какъ она вызвала чрезмѣрно быстрый ростъ населенія среди англовъ и саксовъ. Только въ концѣ VIII столѣтія, въ 787 г., эта волна, направившаяся отъ береговъ Скандинавскихъ странъ, ударила съ шумомъ о восточный и южный берега Британіи, а затѣмъ прошло еще болѣе 60 лѣтъ прежде, чѣмъ пираты норманны остались впервые на зимовку въ пріятельской странѣ и предоставили саксамъ возможность сойтись съ ними въ открытомъ бою (стр. 507), такъ какъ германцы Британіи отвыкли отъ мореплаванія и были неспособны къ морской войнѣ. Какъ Нортумберландъ, такъ и королевство саксовъ не имѣли у себя ни пиратскихъ, ни военныхъ судовъ съ тѣхъ поръ, какъ ихъ аристократическая каста осталась довольна вновь занятыми землями; для того, чтобы предоставить просторъ германскому приросту населенія, приходилось только оттѣснить кельтовъ еще немного дальше въ горы.

На сущѣ морскіе разбойники были разбиты ополченіемъ западныхъ саксовъ. Они были вынуждены направиться дальше къ сѣверу и избрали цѣлью своихъ набѣговъ Нортумберландъ. Не причиняя рѣзкаго ущерба западно-германскому населенію этихъ областей, они перенесли черезъ Нортум-

Бертапдъ, королевство восточныхъ англовъ и Марку и напали со стороны суши на западныхъ саксовъ. Ихъ натискъ былъ остановленъ послѣ цѣлаго ряда сраженій; а послѣ того, какъ западные саксы приобрѣли себѣ выдающагося короля въ лицѣ Альфреда Великаго, счастье перешло на ихъ сторону послѣ цѣлѣнѣкихъ кратковременныхъ неудачъ. Въ 878 г. Альфредъ взялъ штурмомъ лагерь датскаго короля и принудилъ его къ заключенію мира; все же во власти Альфреда остался только Уэссексъ съ его обонми придатками Суссексомъ и Кентомъ, а на сѣверѣ устояла противъ нападенія скандинавовъ только Берниція, находившаяся подъ властью короля изъ англовъ. По позднѣйшему договору датчане уступили обратно Альфреду Лондонъ съ его окрестностями; кромѣ того, Альфредъ утвердилъ свою верховную власть надъ Маркой, которою управлялъ отъ его имени его зять, бывший родомъ изъ этой области. Альфредъ былъ великимъ королемъ: но въ отношеніи отъ Карла Великаго его жизнь не совпала съ такой эпохой, въ которую естественное передвиженіе населенія создавало возможность основанія новаго великаго государства. Границы Англій были не только рѣзко очерчены съ морскими берегами, но кромѣ того еще до востановленія Альфредомъ на престолѣ противъ его собственнаго народа выступилъ могущественный врагъ, угнетавшій его на его собственной родной землѣ. Такъ какъ не было никакой возможности изгнать этого врага, то задача Альфреда ограничивалась внутреннимъ упроченіемъ того, что онъ былъ въ силахъ отстоять отъ этого врага. Когда ополченіе стояло подъ оружіемъ, то поля оставались необработанными, такъ какъ каждый способный носить оружіе свободный человѣкъ входилъ въ составъ этого ополченія, а женщины научились заниматься тканьемъ и пряжей, шитьемъ и печеніемъ хлѣба и уже больше не обрабатывали полей, какъ это бывало прежде. Король Уэссекса не имѣлъ средствъ для содержанія многочисленной дружины изъ представителей знатнаго сословія, которая могла бы устоять противъ датчанъ. Въ виду этого онъ завелъ новый порядокъ, по которому въ составъ дружины каждаго округа впредь должна была входить только половина всего числа мужчинъ, способныхъ носить оружіе; онъ возстановилъ такимъ образомъ древнегерманское народное ополченіе, которое уже вытѣснялось окончательно знатными дружинниками королей. Имъ былъ составленъ съ согласія состоявшаго при немъ совѣта мудрѣйшихъ писанный текстъ законовъ и судебныхъ обычаевъ. Онъ оживилъ изученіе латинскаго языка въ церкви своего государства, но вмѣстѣ съ тѣмъ лишилъ свою страну даровитыхъ и дѣятельныхъ людей влѣдствіе основанія монастырей, такъ какъ дарованія монаховъ пропадали, не переходя по наследству къ слѣдующимъ поколѣніямъ.

Когда Альфредъ сомкнулъ свои глаза въ концѣ ноября 901 г., то онъ оставилъ своему сыну Эдуарду небольшое, но упроченное государство, которое могло оказать датчанамъ еще болѣе сильное сопротивленіе, чѣмъ раньше. Въ союзѣ со своимъ зятемъ Этельредомъ (I), королемъ Марки, а послѣ его смерти съ своей сестрой Эдельфледой Эдуардъ подчинилъ себѣ все датскія поселенія до рѣки Юмбера, т. е. норманновъ племени биесъ, расположенныхъ рядомъ съ западногерманцами хамсами и тунсами. Онъ соорудилъ повсюду укрѣпленія, обведенныя круглымъ валомъ со рвами, *Burghs*, часть которыхъ примыкала къ прежнимъ населеннымъ пунктамъ, а нныя развились въ цвѣтущіе города. Эти бурги отличались отъ другихъ селеній своимъ валомъ или частоколомъ, а на жителей бурга была возложена специальная обязанность по первому требованію выступить на защиту крѣпости. При нѣкоторыхъ изъ этихъ укрѣпленій былъ устроенъ особый замокъ, при другихъ его не было; если какой-нибудь одиноко стоявшій монастырь обводился кругомъ стѣной, то ему тоже давали названіе бурга. Оборонительная система бурговъ оказа-

лась со временемъ не уступающей римскимъ укрѣпленіямъ. Бурги, выдвинутые какъ можно ближе къ горамъ Уэльса дали своему основателю возможность покорить уэльскаго короля, а съ королемъ шотландскимъ Константиномъ онъ заключилъ полюбовное соглашеніе, обеспечивавшее полную независимость Константина, подъ королевскимъ скипетромъ котораго пикты и скотты слились въ одинъ народъ. Правда, этотъ союзъ оказался педологовѣчнымъ: уже сынъ Альфреда Этельстанъ (924—941 г.) подвергся снова нападенію скоттовъ, вступившихъ въ союзъ съ другими сѣверными королями; необходимо, однако, добавить, что они потерпѣли поражение при Брунпанбурѣ въ 937 г., воспѣтое высокопарнымъ стилемъ въ англо-саксонской пѣснѣ. Однако, народная энергія скоттовъ была какъ будто неисощима. Хотя король скоттовъ Малькольмъ былъ разбитъ также и во второй разъ братомъ Этельстана королемъ Эдмундомъ (941—946 г.), тѣмъ не менѣе онъ сосредоточилъ подъ своею властью всѣ земли скоттовъ, между тѣмъ какъ раньше Стратклайдъ былъ въ рукахъ англовъ. Не будучи въ силахъ справиться одновременно съ датчанами и скоттами, уэссекскіе короли искали дружбы скоттовъ и даже не стѣснялись жертвовать частью своей территоріи для привлеченія ихъ на свою сторону. Наконецъ, третій братъ, Эдредъ (946—955 г.), пожалъ плоды этой государственной мудрости и объединилъ подъ своей властью всю Британію отъ Ламанша до Форта и Клайда, то есть всю ту страну, которая получила въ послѣдствіи названіе Англіи, а еще позже объединилась съ Шотландіей подъ именемъ Великобританіи.

Датчане, которые были малочисленны по сравненію съ приобрѣвшими осѣдлость въ Британіи западными германцами, растворились черезъ короткое время среди родственнаго имъ населенія, а благодаря смѣшаннымъ бракамъ съ англами и саксами они внесли въ него новое наслоеніе, состоявшее изъ отборныхъ энергичныхъ элементовъ, раздѣлявшихъ національныя чувства прежняго населенія и спаявшихся съ нимъ въ одинъ народъ. Возникъ новый германскій народъ, но въ немъ была значительная примѣсь кельтской крови, весьма рѣзкая въ западной части Британіи и ничтожная въ восточной. Это былъ самый консервативный изъ германскихъ народовъ во всей исторіи, который тащилъ за собою свои учрежденія въ теченіе цѣлыхъ сотенъ лѣтъ послѣ того, какъ они превратились въ окаменѣлыя мертвыя формы, но тѣмъ не менѣе сохранялъ всегда тонкое чутье къ требованію жизни и, не стѣняясь унаследованными обычаями, создавалъ новые органы для такихъ функций, которыя обеспечивали ему свободу и прогрессъ. Подобно народамъ европейскаго материка британскій народъ не избавился отъ тѣхъ вліяній, которыя породили ленную систему, но все же онъ совладать съ ними гораздо легче и быстрее. Каждый племенной король надѣлялъ землями своихъ знатныхъ дружинниковъ въ награду за ихъ прошлую и въ обезпеченіе ихъ будущей службы. Такъ какъ въ восточной Британіи эти господа не могли сами вести хозяйства на своихъ земляхъ, то они стали раздавать ее по кускамъ свободнымъ простолюдинамъ, которые обязывались служить имъ, или же короли, какъ это было въ западной Британіи, сами занимались хозяйствомъ при посредствѣ третьяго элемента населенія, рабовъ-кельтовъ. Такимъ образомъ король сталъ составлять вершину цѣлой пирамиды ленныхъ владѣльцевъ, которая сохраняла устойчивое равновѣсіе, несмотря на всѣ свои социальныя несообразности, такъ какъ она коренилась въ системѣ раздѣленія труда, неизбежно вытекавшей изъ условій данной эпохи, и облегчала существованіе сильной администраціи при отсутствіи настоящаго бюрократическаго сословія. Германскія сосны отжили свой вѣкъ и превратились въ одну пустую форму; ихъ судебная власть перешла въ руки ленныхъ господъ въ то время, какъ бурги чувствовали себя настолько сильными, что присвоили самимъ себѣ право суда и даже превратились

въ судебные и экономическіе центры шировъ, названныхъ большей частью по ихъ имени. Военный начальникъ бурга, *Ealdorman*, сталъ главой округа, предсѣдательствовавшимъ въ окружномъ сеймѣ, пока онъ не былъ вытѣсненъ при дальнѣйшемъ развитіи исторической жизни назначенными королемъ графами шира или шерифами, къ которымъ перешло право суда. Эти эльдормены вмѣстѣ съ знатнѣйшими членами королевской дружины и епископами составляли королевскій совѣтъ мудрѣйшихъ и такимъ образомъ принимали участіе въ рѣшеніи политическихъ судебъ всей страны подобно тому, какъ въ первобытныя времена въ древней родинѣ британскихъ германцевъ на материкѣ Европѣ въ трехъ ежегодныхъ судебныхъ собраніяхъ принимали участіе всѣ свободные мужичины.

б) Покореніе Великобританіи датчанами.

Среди споровъ изъ-за престолонаслѣдія, возстаній знатнаго сословія и церковныхъ распрій приближалось въ Англіи къ своему концу первое тысячелѣтіе христіанской эры, какъ вдругъ появились новыя толпы датчанъ, за которыми послѣдовали цѣлыя полчища норвежцевъ. Въ 991 г. погибъ геройской смертью въ борьбѣ съ этими врагами около Мальдона прославляемый въ народныхъ пѣсняхъ уэссекскій эльдорманъ Берчтнотъ, а недалекій король Этельредъ II (отъ 979 до 1016 года) надѣялся освободиться отъ нихъ цѣною выкупа въ 10.000 англійскихъ фунтовъ золота. Какъ только они ушли съ этой громадной неожиданной добычей, немедленно вышвырнули какъ изъ-подъ земли двое изгнанныхъ изъ своей родины норманнскихъ королей съ войскомъ, которые приступили общими силами къ осадѣ Лондона. Однако, бургъ Лондонъ сумѣлъ отстоять себя лучше, чѣмъ король, и отразилъ норвежца Олафа и датчанина Свена Виллобородаго, такъ что имъ обонмъ пришлось оставить въ покоѣ этотъ городъ и принятъся за разграбленіе незащищенныхъ мѣстъ. Король снова откупился отъ своихъ угнетателей, но все же не избавился отъ Свена, который вернулъ себѣ силой оружія королевскій престолъ своей родины въ 999 году и попрежнему грабилъ и опустошалъ берега Англіи. Въ этомъ отчаянномъ положеніи король Этельредъ обратился за помощью къ одному норвежскому племени, которое завладѣло въ началѣ X вѣка побережьемъ Сѣверной Франціи и основало тамъ свое собственное государство съ богато развитою ленной системою, находившееся въ весьма слабой и измѣнчивой связи съ главою франккаго государства (датская вечеря). Въ 1002 году король Этельредъ женился на Эммѣ, сестрѣ герцога Нормандскаго Ричарда, а въ ночь на 13 ноября по его приказанію были перебиты всѣ вновь прибывшіе датчане. Свенъ дождался, пока выросло новое поколѣніе, прибылъ въ 1013 г. въ Британію съ громаднымъ флотомъ и изгналъ Этельреда изъ его государства, но вслѣдъ за этимъ скончались оба врага, какъ Этельредъ, такъ и Свенъ (въ 1014 году).

Послѣ ожесточенной борьбы съ сыномъ Этельреда англійскій престолъ занялъ первый датскій король Англіи Кнутъ, сынъ Свена. Истребивши важнѣйшихъ магнатовъ Англіи, онъ отослалъ обратно въ Норвегію все ополченіе норманнскихъ завоевателей и удержалъ при себѣ только небольшой отрядъ въ нѣсколько тысячъ человекъ. Онъ раздѣлилъ все государство на четыре части: Восточную Англію, Нортумберландъ, Марку и Уэссексъ съ Суссексомъ и Кентомъ, каждая изъ которыхъ была отдана въ управленіе эльдормену или, какъ онъ сталъ называться теперь, *Earl*. Они управляли своими областями въ качествѣ подчиненныхъ ему королей, но не могли сохранить въ цѣлости все государство, а вынуждены были уступить шотландскому королю Малькольму все пространство до рѣки Твиды. Послѣ смерти своего брата Гаральда Кнутъ сталъ въ 1018 году датскимъ королемъ, а посредствомъ отважнаго похода

Англы въ царствование едуже послѣднихъ англосаксонскихъ королей: Эдуарда Первого.
(По манускрипту в Библиотеке в Париже)

Англы въ царствование едуже послѣднихъ англосаксонскихъ королей: Эдуарда Первого.
(По манускрипту в Библиотеке в Париже)

Англія въ царствованіе обоихъ послѣднихъ англосаксонскихъ королей.

Въ началѣ ковра изъ Байэ, имѣющаго 70 метровъ въ длину и полметра въ ширину, который былъ изготовленъ по преданію Матильдой, супругой Вильгельма Завоевателя, послѣ 1066 года, изображенъ король Эдуардъ Исповѣдникъ (Edward rex), сидящій на тронѣ въ своемъ дворцѣ. Дальше слѣдуютъ Гаральдъ (II), герцогъ англовъ, и его дружина, отправляющіеся верхомъ на охоту по сосѣдству съ церковью въ Бошамъ (*ubi Harold rex Anglorum et sui milites equitant ad Bosham ecclesia[m]*). Затѣмъ слѣдуютъ открытая галлерей, въ которой происходитъ веселая попойка, и морское путешествіе Гаральда во владѣнія графа Видо (*Hic Harold mare navigavit et velis vento plenis venit in terra[m] Wido[n]is comitis.*)

Воспроизведенныя на приложенной таблицѣ въ одну пятую натуральной величины двѣ полоски составляютъ начальную шестнадцатую часть всей длины ковра. Оригиналѣмъ для нашего рисунка служила копія начальной части ковра изъ наслѣдства, оставшагося послѣ смерти Антона Шпрингера, шмѣ принадлежащая Институту исторіи искусствъ лейпцигскаго университета.

онъ завладѣлъ также и Норвегіей въ 1028 году. Въ 1017 году ему отдала свою руку вдова Этельреда Эмма Нормандская. Такимъ образомъ въ династическомъ отношеніи имѣлись, повидному, палицо всѣ необходимія условія для объединенія всѣхъ сѣверныхъ германскихъ государствъ подъ однимъ общимъ королевскимъ скипетромъ, который не уступалъ бы по своему значенію римской императорской коронѣ и даже могъ бы сорвать эту послѣднюю съ головы германскаго короля, тѣмъ болѣе, что король всѣхъ сѣверногерманскихъ государствъ склонился предъ верховными правами римской церкви и встрѣтилъ полное одобреніе со стороны намѣстника Св. Петра. Тѣмъ не менѣе это новое государство распалось на части немедленно послѣ смерти Кнута въ 1035 году. Въ Норвегіи королевскій престолъ былъ захваченъ Магнусомъ; въ Даніи преемникомъ Кнута былъ его сынъ Гардекнутъ; Нортумберландъ и Марка избрали своимъ общимъ королемъ старшаго сына Кнута, Гаральда, а Уэссексъ присоединился къ нему. Послѣ смерти Гаральда, послѣдовавшей въ 1040 г., въ Англію прибылъ съ большимъ флотомъ Гардекнутъ, который заявилъ притязанія на англійскую корону, но скончался, повидному, отъ отравленія, не успѣвши еще фактически подчинить себѣ это государство. вмѣстѣ съ нимъ погибло окончательно господство датчанъ.

в) Послѣдніе англосаксы и норманнское нашествіе.

Народъ поднялся на защиту правъ на престолъ Эдварда, сына Этельреда и норманнской принцессы Эммы, выросшей въ Нормандіи и пропитанной норманнско-французскимъ духомъ. Въ 1042 году онъ вступилъ на англійскій престолъ подъ именемъ Эдуарда Исповѣдника (см. прил. табл.: „Англія въ царствованіе двухъ послѣднихъ англосаксонскихъ королей“). Его окружали (до 1052 года почти исключительно) норманны; всѣ важнѣйшія государственныя должности были розданы имъ норманнамъ. Когда его навѣстилъ въ 1051 году герцогъ нормандскій Вильгельмъ (стр. 507), внучатный племянникъ его матери, то онъ обѣщалъ передать ему послѣ своей смерти англійскую корону, такъ какъ онъ не имѣлъ потомства; но въ дѣйствительности англійскій престолъ перешелъ въ 1066 г. къ сыну одного изъ прежнихъ королей. Черезъ короткое время преемникъ Эдуарда скончался, а королемъ былъ избранъ и вѣнчался на царство уэссекскій эрль Гаральдъ, хотя онъ былъ всего на всего сыномъ графа Годвина (сконч. 1053 году).

Однако Вильгельмъ Нормандскій тоже выступилъ претендентомъ на англійскій престолъ и снарядилъ армію и флотъ для того, чтобы завладѣть имъ. Въ то время, какъ Гаральдъ II остановилъ на сѣверѣ хищнической набѣгъ отряда норвежцевъ, Вильгельмъ высадился на югѣ. Хотя оба сѣверные эрля отказались присоединиться къ Гаральду съ своими войсками, все же послѣдній послѣдился на югъ съ тѣмъ контингентомъ людей, который ему удалось собрать въ октябрѣ, и загородилъ Вильгельму дорогу на сѣверъ недалеко отъ Сеплака на хребтѣ возвышенностей около Гастингса. 14 октября 1066 года норманны произвели на него нападеніе; ряды наступающихъ двигались впередъ подъ звуки пѣсни о Роландѣ. Однако нормандскіе стрѣлки оказались безсильными предъ стѣною англійскихъ щитовъ; нормандская кавалерія не могла разогнать густого лѣса сѣкиръ. Два обшихъ наступленія были отбиты. Но тутъ англичане раздвинули свои щиты для того, чтобы начать пресѣдованіе отступающаго лѣваго крыла неприятеля, и сейчасъ же на нихъ обрушился цѣлый градъ стрѣлъ. Для нормандской кавалеріи открылся проходъ, и она раздробила на части англійское войско. Вокругъ Гаральда еще удержалась плотная стѣна щитовъ; но стрѣла попала въ глазъ короля, — это рѣшило судьбу сраженія и участь Англіи. Англійская армія была раз-

сѣяна; вся страна была теперь открыта для Вильгельма, но онъ еще не рѣшился напасть на бургъ Лондонъ. Этотъ городъ открылъ предъ Вильгельмомъ свои ворота и не воспрепятствовалъ гибели мальчика, избраннаго королемъ послѣ смерти Гаральда, только тогда, когда Вильгельмъ уже занялъ Кентъ и Суссексъ, переправился черезъ Темзу и сталъ угрожать этому городу съ сѣвера. Въ день Рождества 1066 года Вильгельмъ былъ избранъ англійскимъ королемъ въ Вестминстерской церкви, и архіепископъ юрксій возложилъ на него корону у алтаря, призывая на него благословеніе Божье. Такимъ образомъ Англія получила новый притокъ сѣверно-германской крови, а англійскій языкъ сильную струю норманско-французскихъ словъ, превратившихъ его въ смѣшанный языкъ. Однако, англійскій народъ сумѣлъ ассимилировать также и эти новые чуждые элементы, и въ результатѣ этого новаго смѣшенія онъ сталъ еще болѣе сильнымъ.

3. Народное государство и народное представительство.

А. Англійское народное государство.

а) Норманскіе короли (отъ 1066 до 1154 г.).

Съ Вильгельмомъ Завоевателемъ проникли въ Авглію не только ленная система въ томъ видѣ, въ какомъ она развилась въ Нормандіи, но также римское право и схоластическая государственная наука. Лондонъ открылъ предъ Вильгельмомъ свои ворота; совѣтъ мудрѣйшихъ избралъ его королемъ; англійскій архіепископъ возложилъ на него корону. Такимъ образомъ онъ сталъ законнымъ королемъ, который имѣлъ право требовать себѣ покорности отъ всей Англій, хотя имъ была покорена только южная часть королевства. Мало того, по его собственному убѣжденію онъ былъ законнымъ королемъ Англій еще со смерти Эдуарда Исповѣдника, только ему мѣшали возложить на себя англійскую корону бунтовщики. Земли этихъ бунтовщиковъ должны были быть переданы тѣмъ, которые помогли ему отстаять свои законныя права. Всякій, кто сражался противъ него при Гастингсѣ, лишился своихъ земельныхъ владѣній, какъ возмущившійся противъ своего законнаго государя, и эти земли были розданы имъ въ видѣ леновъ знатнымъ норманнамъ. Если онъ оставлялъ маленькій кусокъ наследственной земли сыну бунтовщика или позволялъ знатному норманну жениться на его дочери, то это считалось особой королевской милостью. По идеѣ, лежащей въ основаніи ленной системы, вся земля принадлежала по праву королю, который отдавалъ ее только въ пользованіе своимъ вассаламъ; она возвращалась обратно къ нему въ тѣхъ случаяхъ, когда вассалъ возставалъ противъ своего государя или же прекращался родъ вассала, либо малолѣтній наследникъ пуждался въ онекъ короля. Тотъ, кто не сражался противъ новаго короля, все же долженъ былъ заплатить штрафъ за то, что онъ не былъ подъ Гастингсомъ и не дрался за короля. Прошло цѣлыхъ три года, пока Вильгельмъ не покорилъ всей страны. Подобно тому, какъ король англійскій обратился во время оно къ норманнамъ съ просьбой о помощи противъ датчанъ, такъ теперь, наоборотъ, англійскій народъ призывалъ къ себѣ датчанъ на помощь противъ норманновъ. Король Свенъ отправилъ къ берегамъ Англій цѣлый флотъ датскихъ пиратскихъ судовъ, но онъ успѣшилъ вернуться домой, какъ только награбилъ достаточно добычи. Англія осталась во власти Вильгельма, который донесъ норманнское знамя даже до рѣки Тэй въ Шотландіи. Онъ былъ первымъ англійскимъ королемъ, который приобрѣлъ фактическую верховную власть надъ Шотландіей.

Для того, чтобы удержать въ подчиненіи ту обширную область, на которую простиралась его королевская власть, необходимо было го-

сударь съ необыкновенными дарованиями. Вильгельмъ совмѣщаль въ себѣ рядомъ со своей энергіей и военнымъ талантомъ рѣдкую проинпательность по отношенію къ причинной связи между социальными явленіями и поразительную способность къ отысканію наилучшаго юридическаго обоснованія для тѣхъ средствъ, при помощи которыхъ онъ направлялъ дѣла въ желательномъ для него духѣ. По всей странѣ были распредѣлены въ качествѣ ленныхъ владѣльцевъ знатные норманны: съ одной стороны, это мѣшало имъ объединиться, а съ другой въ ихъ лицѣ король создалъ себѣ надсмотрщиковъ надъ англичанами, привязанныхъ къ королю своими земельными владѣніями и сознававшихъ, что ихъ благополучіе существуетъ до тѣхъ поръ, пока король у власти, и погибло бы вмѣстѣ съ нимъ. Во всѣхъ пунктахъ, подвергавшихся опасности, были возведены укрѣпленія, не прежніе бурги, а крѣпости съ шанцами, устроенныя по норманнскому образцу на „Motes“, т. е. искусственно насыпанныхъ плоскихъ холмахъ, и защищенныя посредствомъ частоколовъ и деревянныхъ башенъ. Во многихъ бургахъ были выстроены замки для того, чтобы ихъ легче было держать подъ страхомъ, при чемъ эти замки были расположены отчасти внутри частоккола, а частью внѣ его. Въ бургѣ Лондонѣ былъ выстроенъ замокъ Тоуэръ. Каждое изъ большихъ Earldoms (графствъ) было раздѣлено на нѣсколько меньшихъ. Ополченіе, въ составъ котораго входило теперь меньше половины всѣхъ способныхъ носить оружіе мужчинъ, получило теперь новое расчлененіе и способность къ быстрому соединенію частей, преимущество, которое пригодилось какъ нельзя лучше Вильгельму и его преемникамъ въ ихъ борьбѣ съ норманнскими магнатами Англій.

Съ самаго начала христіанская церковь, пріобрѣла въ Англій характеръ народной церкви, приспособившейся въ самыхъ широкихъ размѣрахъ къ такимъ германскимъ учрежденіямъ, какъ община и народныя суды, даже къ норманнскимъ обычаямъ и міросозерцанію; она проникла въ народную жизнь гораздо глубже, чѣмъ на материкѣ, въ особенности въ романскихъ странахъ, въ которыхъ непрерывная струя римскихъ традицій крайне затрудняла компромиссы и ассимиляцію. Несмотря на литературу объ энтиміяхъ, неоднократно распускавшуюся пыльнымъ цвѣтомъ въ Англій, англійская церковь не обладала никакими собственными судами, а нарушители церковныхъ правилъ предавались суду сотни или округа. Епископы принимали участіе въ этихъ собраніяхъ и въ королевскомъ совѣтѣ мудрѣйшихъ. Они считались равными съ эльдорменами и шерифами. Единеніе между церковью и народомъ было въ глазахъ Вильгельма опасной для него силой; онъ постарался разстроить его. Въ Англій были привлечены лучшія и почетнѣйшія церковныя силы Нормандіи, и имъ были отданы англійскія епископскія кафедры и должности аббатовъ. Геніальный другъ Вильгельма Жанъ Франкъ былъ назначенъ въ 1070 г. епископомъ кентерберійскимъ. Находясь подъ вліяніемъ аскетическаго идеала, какъ и всѣ его современники, Вильгельмъ запретиалъ духовнымъ лицамъ вступать въ бракъ и такимъ образомъ отнялъ у слѣдующаго поколѣнія значительное число самыхъ даровитыхъ отцовъ, хотя съ другой стороны монашеская жизнь способствовала усерднымъ занятіямъ наукой и искусствомъ. Англійская церковь пріобрѣла свое собственное главенствующее учрежденіе въ видѣ синода высшихъ сановниковъ этой церкви, конечно, направляемыхъ въ своей дѣятельности самимъ королемъ. Даже власть папства въ лицѣ Григорія VII, заставлявшая въ то время дрожать германскій престолъ (стр. 279), признавалась Вильгельмомъ только съ извѣстными ограниченіями. Вильгельмъ требовалъ, чтобы Англія повиновалась только тому папѣ, котораго признаетъ король, и чтобы исполнялись только тѣ папскія буллы и бреветы, которыя одобрялись королемъ. Григорій, присвоившій себѣ право инвеституры аббатовъ и епископовъ, не рѣшался препятствовать Вильгельму назначать и събѣщать епископовъ по

своему усмотрѣнiю; хотя папа потребовалъ отъ англійскаго короля, чтобы онъ склонился предъ Римомъ, но все же онъ выслушалъ спокойно гордый отвѣтъ послѣдняго, что этого не дѣлалъ ни одинъ англійскій король.

Какъ римскій императоръ Августъ издалъ приказъ о томъ, чтобы все на свѣтѣ было подвергнуто оцѣнкѣ, по словамъ преданія, такъ поступилъ и первый норманскій король на англійскомъ престолѣ. До него обложеніе производилось совершенно произвольно. Въ теченіе послѣднихъ столѣтій вимались „датскія деньги“; сначала эти средства предназначались для защиты страны отъ датчанъ, но со временемъ этотъ налогъ сталъ нормальной податью, собиравшейся даже и тогда, когда Англія не подвергалась никакимъ норманскимъ набѣгамъ. Вильгельмъ не отмѣнилъ ея, но поставилъ ее, какъ и другіе налоги, на совершенно новое основаніе при посредствѣ обширнаго статистическаго изслѣдованія о распредѣленіи земельной собственности и скота, вѣроятно, показавшагося весьма необычайнымъ тѣмъ современникамъ, у которыхъ стали требовать отчета объ ихъ имуществѣ, но тѣмъ не менѣе положившаго начало наиболѣе совершенному въ экономическомъ отношеніи способу взиманія налоговъ, при которомъ обложеніе перестало зависѣть отъ усмотрѣнія Earls. Всѣ найденныя данныя были записаны въ 1086 г. и для руководства въ будущемъ въ книгу *Domesday Book*. По окончаніи этого статистическаго труда Вильгельмъ созвалъ въ Сольсбери большое собраніе, состоявшее изъ всѣхъ землевладѣльцевъ, и предпринялъ на немъ шагъ, выходящій далеко за предѣлы ленной системы европейскаго материка, перенесенной имъ самимъ въ Англію. До того времени королевскій совѣтъ мудрѣйшихъ состоялъ исключительно изъ непосредственныхъ вассаловъ короля: теперь же въ него были приглашены также всѣ посредственные ленные владѣльцы, получившіе свой феодръ изъ вторыхъ и даже третьихъ рукъ, причемъ всѣ они должны были принести королю присягу въ непосредственной ленной вѣрности, обязывавшей ихъ выступать по требованію короля даже противъ ихъ собственныхъ ленныхъ владѣльцевъ. Это собраніе было вѣщомъ всѣхъ постоянныхъ стремленій и трудовъ Вильгельма и его королевскаго могущества; раскрывъ съ большой пропцательностью тѣ силы, которыя составляютъ настоящую основу общества и обойдя бароновъ, которымъ была удѣлена исключительно роль королевскихъ надсмотрщиковъ за англо-саксонскимъ населеніемъ, король старался опереться непосредственно на коренной осядлый народъ, и поэтому ему удалось основать, несмотря на вредное вліяніе ленной системы, новую народную королевскую власть, у которой не осталось другихъ соперниковъ, съ которыми предстояло вести борьбу, кромѣ крупныхъ вассаловъ. Въ 1087 г. Вильгельмъ упалъ съ лошади въ горящемъ городѣ Монть-сюръ-Сепъ во время похода, предпринятаго имъ противъ своего леннаго государя короля французскаго Филиппа I, и скончался 9 сентября отъ полученнаго имъ ушиба; въ его лицѣ Англія лишилась величайшаго и даровитѣйшаго въ государственныхъ дѣлахъ изъ всѣхъ своихъ королей; онъ не былъ названъ великимъ только потому, что былъ самъ завоевателемъ той страны, которую онъ объединилъ и укрѣпилъ.

Въ царствованіе Вильгельма Англія и Нормандія были объединены подъ властью одного государя. Такимъ образомъ Англія впервые вышла изъ своихъ естественныхъ границъ и положила свою руку на лежащій на противоположномъ берегу Ламанша французскій материкъ, хотя по вѣщнему ходу событій дѣло обстоило какъ разъ наоборотъ. Если прежняя связь Великобританіи съ Даніей и Норвегіей не оставила по себѣ прочныхъ слѣдовъ вѣдствіе слишкомъ значительнаго разстоянія между этими странами, то теперь дѣло обстоило совершенно иначе, такъ какъ рѣчь шла о находящемся въ непосредственномъ сосѣдствѣ морскомъ побережьи. На основѣ этихъ взаимныхъ отношеній возникли осложненія,

тянувшіяся въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. По желанію Вильгельма нормандскій престолъ перешелъ къ его старшему сыну Роберту, а англійскій ко второму его сыну Вильгельму, человѣку съ сильнымъ, независимымъ умомъ и вольнодумцу, который былъ раннимъ воплощеніемъ идеальнаго короля Маккиавели; третій братъ, Генрихъ, вынужденъ былъ удовольствоваться на первыхъ порахъ денежнымъ вознагражденіемъ. Съ помощью англійскаго ополченія Вильгельмъ II усмирилъ за короткое время англійскихъ бароновъ, которые предпочитали отдать англійскій престолъ его менѣе энергичному брату Роберту; послѣ этого онъ окружилъ себя наемнымъ войскомъ, которое должно было замѣнить ему благородную дружину древнихъ германскихъ королей. Христіанская религія казалась ему слишкомъ узкой; въ его міровоззрѣніи не было мѣста для загробной жизни. Онъ вступился за угнетенныхъ евреевъ, финансовыя таланты которыхъ онъ оцѣнилъ. Политическій скептицизмъ своего отца онъ перенесъ на религіозную почву. Преданіе говоритъ, что ради своего удовольствія онъ приглашалъ на словесное состязаніе въ своемъ присутствіи епископовъ и еврейскихъ раввиновъ, обѣщая каждый разъ перейти на ту сторону, которая одержитъ верхъ. Тѣмъ не менѣе его министромъ было духовное лицо, которое не уступало ему по своимъ государственнымъ талантамъ и острая логика котораго пробрала даже тѣ углы зданія ленной системы, которые остались незатронутыми отцомъ его государя. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ финансовымъ гениемъ, и мысль его направлялась по большей части въ сторону болѣе сильнаго давленія на налоговой прессѣ. Только во время тяжелой болѣзни короля (въ 1093 г.) удалось убѣдить его назначить преемника скончавшемуся въ 1089 г. кентерберійскому архіепископу Ланфранку. Выборъ его совѣтниковъ палъ опять на итальянца, Ансельма, который весьма неохотно взялъ на себя бремя этой почести. Однако, этотъ человѣкъ, у котораго не хватило энергии для самостоятельныхъ предпріятій, оказалъ королю самое упорное сопротивленіе впоследствии, въ то время, когда въ римской церкви произошелъ расколъ между Урбаномъ II и Клементомъ III. Хотя король не признавалъ ни одного изъ обоихъ антипапъ, тѣмъ не менѣе Ансельмъ стоялъ твердо за Урбана и отправился къ нему въ Римъ въ 1097 г., не взирая на то, что король конфисковалъ въ наказаніе его имѣнія и окончательно отрекся отъ всѣхъ правилъ церковной морали въ своей частной жизни. Непрерывная борьба то съ шотландцами (въ 1093 г.), то съ магнатами его собственнаго королевства не давала покоя королю. Едва удалось ему усмирить этихъ послѣднихъ, какъ ему пришлось отправиться ради обезпеченія своихъ долговъ въ Нормандію, которая была заложена у него (1095 г.) его братомъ, когда у того не хватало средствъ для участія въ крестовомъ походѣ. Тамъ онъ тоже сумѣлъ удержать въ уздѣ крупныхъ бароновъ и завоевалъ обратно Лемансъ, двукратно потерянный имъ. 2 августа 1100 г. онъ былъ убитъ стрѣлой изъ засады на охотѣ.

Чтобы создать въ своемъ государствѣ для поддержанія равновѣсія третью силу кромѣ бароновъ и народа, Вильгельмъ Завоеватель предоставилъ большую самостоятельность англійской церкви, хотя онъ сохранилъ во всей силѣ верховныя права короля въ церковныхъ дѣлахъ. Въ слѣдующемъ столѣтій церковь стала признавать себя единственною правоспособною хранительницей вѣры и стремиться не только къ созданію государства въ государствѣ, но даже государства надъ государствомъ; она рѣшилась даже помѣряться силой съ королевскою властью. Но здѣсь въ Англии эта борьба привела не къ тому исходу, какъ на европейскомъ материкѣ, а къ другому, какъ разъ противоположному; церковь вынуждена была подчиниться. Мало того, даже въ самый разгаръ ожесточеннѣйшей борьбы, подвергавшей риску порядокъ англійскаго престолонаслѣдія, папская власть не могла утвердиться въ Англии, а носителемъ притязаній

перкви на всемогущество выступилъ представитель мѣстнаго духовенства, архіепископъ кентерберійскій. Англійская народная королевская власть оказалась болѣе долговѣчной и сильной, чѣмъ священническая каста, не опиравшаяся на наследственное право, этотъ залогъ долговѣчности. Основаніе ученой школы въ Оксфордѣ по образцу болонской освободило даже науку отъ чисто монастырскаго направленія, а съ уничтоженіемъ монополіи высшаго образованія понизился престижъ монашества. Въ качествѣ носителей культуры стали выступать рядомъ съ монастырями города, которые назывались королевскими бургами (Royal Burghs), если были выстроены на королевской землѣ. Когда Вильгельмъ Завоеватель прибылъ въ Англию, въ этой странѣ существовало 80 подобныхъ бурговъ, между которыми первое мѣсто занималъ Лондонъ; въ большей части ихъ не было и по 8,000 жителей. Теперь приморскіе города стали расти сильнѣе и быстро достигли значительнаго благосостоянія благодаря своимъ торговымъ сношеніямъ съ материкомъ. Въ городахъ возникли купеческія гильдіи, которыя взяли въ свои руки городское самоуправленіе. Короли, шедшіе рука объ руку съ народомъ, подтверждали за гильдіями эти права посредствомъ королевскихъ грамотъ. Лондонъ освободился даже отъ юрисдикціи королевскаго областного графа и выработалъ у себя конституцію съ мэромъ во главѣ и нѣсколькими подчиненными ему альдерменами. Пользуясь съ дипломатическимъ лукавствомъ всякимъ политическимъ осложненіемъ, этотъ городъ добился утвержденія своей конституціи королемъ. Несмотря на продолжающіяся войны народонаселеніе возрастало, и число городовъ увеличивалось въ то время, какъ могущество бароновъ шло на убыль, а центральная государственная власть все усиливалась благодаря энергій королей.

Преемникомъ Вильгельма II былъ Генрихъ I, его младшій братъ, почти такой же великій король, какъ и Вильгельмъ Завоеватель. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ его царствованія была его женитьба на Матильдѣ, дочери шотландскаго короля Малькольма, происходившей по матери отъ Альфреда Великаго, и возвращеніе Ансельма на кентерберійскую кафедру въ 1100 г. Это примирило короля какъ съ народомъ, такъ и съ церковью; его власть упрочилась въ такой степени, что его братъ Робертъ вынужденъ былъ отказаться отъ своихъ замысловъ на англійскую корону. Онъ отнималъ лены у одного норманнскаго барона за другимъ и отсылалъ этихъ бароновъ обратно въ Нормандію отчасти миролюбивымъ путемъ, отчасти въ ссылку. Черезъ короткое время въ Нормандіи скопилось значительное число такихъ бароновъ, которые стали разорять нормандскія имѣнія вѣрныхъ Генриху бароновъ изъ мести къ нему. Робертъ былъ радъ этому столкновенію. Когда Генрихъ прибылъ въ Нормандію съ войскомъ въ 1105 г. для того, чтобы наказать бароновъ Роберта, то этотъ послѣдній загородилъ ему путь. Но Генрихъ разбилъ его 28 сентября 1106 г., заточилъ его на всю жизнь въ тюрьму вмѣстѣ съ его главнымъ совѣтникомъ и завладѣлъ такимъ образомъ нормандскимъ престоломъ; но въ это время въ самой Англии объявился другой его соперникъ, который сталъ оспаривать у него значительную часть унаследованныхъ имъ верховныхъ правъ и котораго невозможно было поразить мечемъ: это былъ Ансельмъ кентерберійскій, который подчинился безусловно во время отсутствія короля изъ Англии новымъ притязаніямъ папы на вселенскую власть и не только не признавалъ за королемъ права передавать санъ епископа въ видѣ лена, но отказывался даже принести такую же присягу на вѣрнопопдачество королю Генриху, какую онъ принесъ Вильгельму. Къ такой присягѣ онъ былъ обязанъ на основаніи леннаго права; дѣло въ томъ, что епископы, какъ владѣтели ленныхъ земель, должны были лично являться въ королевскую армію вмѣстѣ со своими свѣтскими вассалами, а въ царствованіе Генриха они все еще должны были посылать своихъ вассаловъ въ

королевское ополчение, какъ бароны королевства, но Ансельмъ не хотѣлъ брать на себя такую повинность. Однако, король настаивалъ на своемъ требованіи. Когда Ансельмъ убѣдился, что пѣтъ никакого другого исхода, какъ бѣжать снова изъ Англіи или подчиниться, то онъ рѣшился въ 1106 г. на компромиссъ, въ которомъ заключалась хотя бы мнимая маленькая уступка со стороны короля: попрежнему епископы должны были считаться свѣтскими ленниками короля и присягать ему на вѣрность; король могъ отнынѣ присутствовать лично при избраніи епископовъ ихъ епархіей и аббатовъ ихъ монастырской общиной, но формальное вручение кольца и посоха новопосвященному епископу предоставлялось церкви.

Благодаря этому произошло безъ сомнѣнія нѣкоторое умаленіе королевской власти въ области внутренняго правленія. Это было тѣмъ болѣе неприятно для Генриха, что онъ смотрѣлъ на религію, какъ на своего рода спортъ въ родѣ охоты, только болѣе неприятный. Однако, онъ отнялъ обратно у бароновъ все то, что онъ уступилъ церкви: преобразовавши королевскую судебную палату, онъ придвинулъ поближе къ себѣ судъ надъ баронами и такимъ образомъ подчинилъ ихъ фактически общегосударственному праву. Эта королевская курія (*Curia Regis*) заняла мѣсто прежняго совѣта мудрѣйшихъ; но съ одной стороны она находилась въ гораздо болѣе сильной зависимости отъ короля, такъ какъ состояла исключительно изъ непосредственныхъ ленниковъ его, а съ другой стороны она была только совѣщательнымъ учрежденіемъ и высшей судебной инстанціей, но въ ея компетенцію входила также область внутренняго управленія, въ особенности денежные дѣла государства. Такое же соединеніе въ одномъ лицѣ судьи съ фискальнымъ должностнымъ лицомъ представляли собою тѣ члены этой судебной палаты, которые посылались королемъ для объѣзда округовъ и обязанность которыхъ заключалась въ защитѣ интересовъ короны въ спорныхъ случаяхъ, судопроизводствѣ и производствѣ оцѣнокъ. Хотя всѣ члены этой судебной палаты были вассалами короля, тѣмъ не менѣе это былъ первый шагъ отъ леннаго государства къ бюрократическому: только немногіе изъ вассаловъ занимали эти должности, въ теченіе продолжительнаго времени, такъ какъ онѣ не считались наследственными подобно тому лену, обладаніе которымъ считалось необходимымъ для ихъ занятія.

б) Два первыхъ Плантагенета (отъ 1154 г. до 1199 г.).

Въ то время, какъ Англія крѣпла изъ поколѣнія въ поколѣніе, ея королевскія династіи сходились со сцены одна за другой. Единственный сынъ Генриха утонулъ въ 1120 г. Для того, чтобы сохранить право наследованія королевскаго престола для своей семьи, онъ заставилъ бароновъ, понадавшихъ во все болѣе сильную зависимость отъ него, принести присягу на вѣрнопопданство его дочери Матильдѣ; въ 1129 г. онъ сочеталъ ее вторымъ бракомъ съ Готфридомъ (Жоффруа) Плантагенетомъ Анжуйскимъ, отъ котораго она родила сына Генриха (см. стр. 235). Не успѣлъ еще Генрихъ сомкнуть своихъ глазъ (1 декабря 1135 года), какъ одинъ изъ его бароновъ, Стефанъ Блуа, внукъ Вильгельма Завоевателя и племянникъ Генриха, посѣлнлъ въ Лондонъ и заставилъ провозгласить себя королемъ. Черезъ короткое время онъ завладѣлъ всѣмъ государствомъ, и хотя онъ вынужденъ былъ уступить Нортурмберландъ и Кумберландъ шотландскому королю Давиду и его сыну, тѣмъ не менѣе никто не оспаривалъ у него престола въ теченіе нѣкотораго времени, пока онъ не возмутилъ противъ себя Роберта Глустера, своднаго брата Матильды, и этотъ послѣдній не поднялъ возстанія въ пользу своей сестры. Вслѣдствіе жестокаго обращенія Стефана со священниками онъ возстановилъ противъ себя всю англійскую церковь; возмутились также и

нѣкоторые изъ бароновъ. Силы обѣихъ борющихся сторонъ были почти равны между собою, но тутъ прибыла въ Англію съ нормандскимъ войскомъ Матильда (1139 г.), и 2 февраля 1141 г. она одержала побѣду при Линкольнѣ, послѣ которой Стефанъ попалъ къ ней въ плѣнъ. Черезъ короткое время она была изгнана жителями г. Лондона и вынуждена была освободить Стефана взаменъ тоже взятаго въ плѣнъ ея своднаго брата, со смертью котораго (31 октября 1147 г.) она отказалась отъ борьбы за англійскій престолъ. Стефанъ освободился благодаря благопріятному стеченію обстоятельствъ, а не его собственной энергіи. Съ трудомъ онъ возстановилъ въ странѣ порядокъ, лишь бы обезпечить переходъ престола къ его сыну Евстазію, но и въ этомъ онъ не имѣлъ успѣха. Мужъ Матильды присоединилъ къ своему наслѣдственному владѣнію Анжу завоеванную имъ Нормандію и передалъ ее въ видѣ герцогства своему сыну Генриху; но только послѣ смерти его отца (1150 г.) послѣднему удалось выступить снова съ успѣхомъ въ защиту правъ его матери на англійскій королевскій престолъ. Кромѣ Анжу и Нормандіи онъ получилъ еще въ видѣ приданаго за своей женой Аквитанію (1152 г.), и ставши могущественнымъ владѣтельнымъ княземъ трехъ государствъ, онъ вторгся въ Англію въ 1153 г. Какъ храбрый воинъ и умный полководецъ, онъ бралъ крѣпость за крѣпостью въ то время, какъ Стефанъ не рѣшался вступить съ нимъ въ открытый бой. Тутъ скончался скоропостижно сынъ Стефана. Евстазіи. Теперь Стефанъ заключилъ съ Генрихомъ мирный договоръ въ Валлингтонѣ, согласно которому англійская корона осталась за первымъ изъ нихъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы она перешла послѣ его смерти ко второму.

Генрихъ II (1154 г. — 1189 г.) былъ еще болѣе выдающимся королемъ, чѣмъ Генрихъ I, и можетъ быть поставленъ на одну доску съ Вильгельмомъ Завоевателемъ. Не говоря уже о томъ, что онъ царствовалъ надъ самымъ обширнымъ государствомъ, подобнаго которому не было со времени датскаго владычества и которое простиралось отъ Пиренеевъ до рѣки Ти, его величіе состояло въ томъ, что онъ былъ настоящимъ народнымъ королемъ и опирался на все свободное населеніе. Всѣ великія дѣла, совершенныя имъ, покоятся на этомъ основаніи. Онъ отпустилъ наемниковъ Стефана. Ставши во главѣ народной арміи, онъ уничтожилъ бурги крупныхъ бароновъ; эти укрѣпленія теперь уже не устраивались на норманскихъ Motes (насыпныхъ холмахъ), а состояли изъ тяжелыхъ каменныхъ сооружений съ выдающимися башнями, выстроенныхъ среди равнины или на горныхъ вершинахъ. При этомъ случаѣ онъ отвѣлъ обратно у шотландскаго короля Малькольма IV (отъ 1153 до 1165 года) тѣ двѣ провинціи, которыя были уступлены ему Стефаномъ, и отодвинулъ такимъ образомъ границу своего государства до Форта и Клайда.

Въ дѣлѣ развитія бюрократіи онъ пошелъ еще дальше своего дѣла. Въ качествѣ высшихъ сановниковъ государства онъ поставилъ двухъ королевскихъ намѣстниковъ, одного казначея и одного канцлера; двое изъ нихъ принадлежали къ рыцарскому сословію, а другіе двое къ духовному. Самымъ интимнымъ другомъ его былъ его канцлеръ Тома Бекетъ, человекъ честолюбивый, любившій жить въ роскоши, исполненный сознанія своего личнаго превосходства и только по игрѣ случая попавшій въ священническую рясу. Какъ онъ ни жаждалъ захватить въ свои руки все бразды правленія, но все же онъ не отваживался протянуть руку къ королевской коронѣ и оставался вѣрнѣйшимъ слугою своего господина, пока этотъ послѣдній не ввелъ его самъ въ искушеніе. Генрихъ былъ преданъ стремленію къ упроченію и объединенію своего англійскаго королевства, и поэтому его тяготили, какъ бѣльмо на глазу, спеціальныя права, предоставленныя духовенству Вильгельмомъ Завоевателемъ изъ подражанія дурному обычаю романскихъ государствъ. Онъ зналъ очень хорошо, что

онъ обязательно вызоветъ противъ себя возмущеніе духовенства въ тотъ день, когда онъ попытается устранить это злоупотребленіе, и старался предупредить такое возмущеніе, наградивши своего друга высшимъ духовнымъ саномъ, кентерберійскою архіепископскою кафедрою (въ 1162 году). Преданіе говоритъ, что Тома предупреждалъ своего короля объ опасности предпринимаемаго шага. Но въ дѣйствительности Тома сейчасъ же направился къ своей цѣли; послѣ вступленія его на архіепископскую кафедру его первымъ шагомъ было сложеніе съ себя должности канцлера. Теперь, когда онъ поступилъ на службу церкви съ ея самостоятельными широкими привилегіями и сталъ высокимъ княземъ церкви, его жажда власти получила сейчасъ же другое направленіе. Онъ жилъ въ ту эпоху, когда церковь съ цѣлымъ рядомъ энергичныхъ носителей ключей Св. Петра во главѣ ея отбивалась отъ жала германской королевской власти. Бекетъ не былъ бы духовнымъ лицомъ, если бы это раздраженіе не передалось и ему. Въ такой борьбѣ церкви противъ королевской власти онъ видѣлъ лично для себя средство подняться выше короля. Онъ началъ съ малаго: онъ выступилъ противъ короля, когда этотъ послѣдній хотѣлъ возобновить взысканіе „датскихъ денегъ“, и этотъ сборъ былъ отмѣненъ. Онъ дѣйствовалъ открыто противъ желаній и интересовъ короля. Однако, когда Генрихъ созвалъ собраніе епископовъ и потребовалъ отъ нихъ обязательства подчиняться общегосударственному закону, то Тома уступилъ на этотъ разъ и далъ требуемое обѣщаніе.

Генрихъ все еще не былъ доволенъ; по его приказу это общегосударственное право было записано англійскимъ соборомъ въ 1164 году (Кларендонскія конституціи). Въ этихъ записанныхъ законахъ значилось, что ни одинъ непосредственный вассалъ короля не можетъ быть отлученъ отъ церкви безъ его предварительнаго согласія, и что осужденный церковнымъ судомъ священникъ долженъ быть выданъ для наказанія свѣтскому суду. На обязанности Curia Regis лежало разграниченіе между юрисдикціей свѣтскихъ судовъ и юрисдикціей специальныхъ духовныхъ судовъ. Бекетъ уже нарушилъ оба первыхъ правила, противъ третьяго возмущалась его гордость, какъ представителя загробнаго міра, — и послѣ упорнаго сопротивленія онъ ушелъ изъ засѣданія собора. Однако, онъ не оцѣнилъ, какъ слѣдуетъ, твердости воли англійскаго короля, — по сосѣдству съ Кентербери не существовало Каноссы. По какому-то частному дѣлу королевскій судъ присудилъ архіепископа къ штрафу въ 500 фунтовъ; кромѣ того король потребовалъ отъ Бекета, какъ бывшаго канцлера, отчета о деньгахъ, находившихся въ его распоряженіи, и приказалъ архіепископу явиться къ нему лично въ королевскій замокъ. Бекетъ исполнилъ приказаніе, былъ признанъ виновнымъ и бѣжалъ во Францію. Король сохранилъ всю свою прежнюю дружбу къ изгнаннику. Прошли годы. Чтобы обезпечить англійскую корону за своимъ старшимъ сыномъ Генрихомъ, король рѣшилъ короновать его при своей жизни. Обрядъ былъ совершенъ архіепископомъ йоркскимъ, накануне отлученнымъ отъ церкви Бекетомъ. По представленіямъ той эпохи это коронованіе считалось недѣйствительнымъ. Ради своего сына Генрихъ былъ готовъ даже на такую крайнюю жертву, какъ возвращеніе Бекета (въ 1170 году). Состоялось примиреніе; но какъ только Тома усѣлся на своей прежней кафедрѣ, онъ сейчасъ же возобновилъ борьбу противъ королевской власти. Генрихъ далъ волю своему гнѣву, и 29 декабря архіепископъ былъ убитъ въ своей собственной церкви четырьмя королевскими рыцарями. Корона одержала верхъ надъ архіепископскимъ посохомъ, но эта побѣда ея была запятана пролитой кровью. Генрихъ не радъ былъ дѣлу своихъ рукъ. Когда папа попытался потребовать его къ отвѣту, то онъ очистился двусмысленной клятвой (въ 1172 году). Однако, онъ старался заглавить свою вину своимъ отказомъ отъ постановленій собора, изъ-за которыхъ Бекетъ отрекся отъ его дружбы.

Періодъ чистаго натурального хозяйства миновалъ въ Англіи еще за нѣсколько сотъ лѣтъ предъ этимъ. Римляне ввели въ обращеніе въ этой странѣ чеканную монету; во время датской опасности вошло въ обычай уплачивать деньгами одинъ общій всенародный налогъ, а со времени господства норманнскихъ королей политика короны была направлена къ тому, чтобы собрать въ казну какъ можно большія суммы наличныхъ денегъ. Этому содѣйствовали расцвѣтъ городовъ и торговля съ материкомъ. Даже отъ претендентовъ на корону стали откупаться деньгами, и дворъ англійскаго короля превратился въ центръ запутанныхъ денежныхъ дѣлъ. Размножились все болѣе разнообразные денежные налоги; къ „датскимъ деньгамъ“ присоединился налогъ на землю и на скотъ, затѣмъ налогъ на четверть движимаго имущества. Королевскіе суды приносили большіе доходы въ видѣ штрафныхъ денегъ. Продажа должностей и контрибуціи съ бунтовщиковъ служили иногда богатымъ источникомъ доходовъ для короны. Генрихъ II сдѣлалъ еще одинъ шагъ впередъ и ввелъ денежные налоги въ оборонительную систему страны. Въ этомъ случаѣ денежное хозяйство тоже оправдало свои преимущества и обезпечило большую свободу передвиженія и сосредоточенія силъ въ случаѣ необходимости. Англійское народное ополченіе сражалось только внутри государства. Рыцарское ополченіе, состоявшее изъ непосредственныхъ вассаловъ короля, обязано было сражаться также и внѣ предѣловъ государства; по срокъ военной службы для рыцаря ограничивался 40 днями въ году. Генрихъ нуждался по временамъ въ постоянной арміи въ своихъ французскихъ владѣніяхъ. Поэтому онъ освободилъ въ 1159 году своихъ англійскихъ вассаловъ отъ военной службы взамѣнъ „щитовыхъ“ денегъ, на счетъ которыхъ онъ содержалъ наемную армію на материкѣ. Для вассаловъ это было облегченіемъ; конечно, они не догадывались о томъ, что, устраняясь отъ участія въ войнахъ, они ослабляютъ свое положеніе въ государствѣ и что эта замѣна натуральной воинской повинности денежной составляетъ дальнѣйшій шагъ отъ леннаго государства къ бюрократическому. Третій шагъ въ томъ же направленіи сдѣланъ былъ Генрихомъ на почвѣ подсудности по гражданскимъ дѣламъ: онъ передалъ въ руки своего королевскаго суда назначеніе мѣстныхъ судовъ шеффовъ для разбора тяжбебъ.

Всѣ плоды великихъ дѣлъ Генриха, укрѣпившаго могущество Англіи и сильно опередившаго свой вѣкъ, погибли вслѣдствіе непокорности его сыновей. Его старшій сынъ Генрихъ, который былъ женатъ на дочери французскаго короля, смотрѣлъ на себя со времени своего коронаціи, какъ на англійскаго короля, и бѣжалъ къ своему тестю въ надеждѣ, что тотъ поможетъ ему захватить силой англійскій королевскій престолъ. Въ то самое время, какъ король французскій Людовикъ VII сталъ готовиться ради этой цѣли къ походу, противъ Генриха II подняли возстаніе англійскіе бароны подъ предводительствомъ шотландскаго короля. Однако, вѣрный другъ Генриха Равульфъ Глэнвилъ разбилъ возмущившихся бароновъ и взялъ въ плѣнъ короля Вильгельма (13 іюля 1174 года). Въ то же время буря разсѣяла французскій флотъ, и Генрихъ остался господиномъ своей страны. Опираясь на свой народъ и на народное ополченіе, онъ возобновилъ борьбу противъ церкви и отнялъ у нея обратно больше, чѣмъ имъ было уступлено папѣ въ видѣ жертвы во время приступа угрызений совѣсти. Хотя двое изъ его сыновей скончались, а третій обнаружилъ свою неспособность къ управленію государствомъ, все же у него остался еще одинъ сынъ, Ричардъ; но, къ несчастью, этотъ послѣдній вступилъ въ союзъ противъ своего отца съ французскимъ королемъ Филиппомъ II (стр. 234). Будучи разбитъ, Генрихъ подчинился условіямъ, поставленнымъ Филиппомъ. Съ разбитой душой скончался англійскій король 6 іюля 1189 года отъ огорченія вслѣдствіе измѣны его собственныхъ

сыновей. Хотя ему принадлежала большая половина Франціи, тѣмъ не менѣе онъ былъ не только повелителемъ Англійи, но и англійскимъ королемъ, проникнутымъ англійскимъ духомъ такъ сильно, какъ немногіе другіе короли во всей исторіи англійскаго народа.

Ричардъ Львиное Сердце, его сынъ, храбрый воинъ, но человекъ съ ограниченными умственными способностями. вступившій на англійскій престолъ послѣ его смерти, процарствовалъ 10 лѣтъ, не оставивши по себѣ никакихъ другихъ слѣдовъ въ исторіи своей страны кромѣ тяжелой денежной подати, наложенной имъ для покрытія той большой суммы, которую онъ обѣщалъ уплатить римскому императору за освобожденіе его изъ плѣна. Какъ первый англійскій король, который принялъ участіе въ крестовомъ походѣ (въ 1190 году; срав. стр. 455), онъ пришелъ въ столкновение съ нѣмецкими владѣтельными князьями, такъ что герцогъ австрійскій Леопольдъ велѣлъ схватить его во время его проѣзда черезъ Вѣну (въ 1192 году) и затѣмъ передалъ его въ руки императора. Этотъ послѣдній отпустилъ его на свободу за выкупъ въ 150.000 марокъ (см. таблицу, приложен. къ стр. 378). Свою энергію онъ сосредоточилъ главнымъ образомъ на своихъ владѣніяхъ на материкѣ Европы и погибъ тамъ отъ неприятельской стрѣлы 6 апрѣля 1199 года.

Б. Народное представительство (Плантагенеты XIII и XIV столѣтій).

Послѣ смерти Ричарда Львиное Сердце осталось всего на всего два представителя Анжуйскаго дома; младшій братъ Ричарда, Іоаннъ „Безземельный“, и его племянникъ Артуръ были единственными возможными наследниками англійскаго престола. Англійскіе бароны избрали королемъ Іоанна, въ то время какъ Бретань высказалась за Артура, мать котораго Констанца была родомъ изъ Бретани (см. стр. 234, примѣчаніе). Іоаннъ приобрѣлъ Нормандію, Анжу и Аквитанію, но лишился черезъ короткое время всѣхъ этихъ владѣній кромѣ Аквитаніи; Артуръ съ своей стороны погибъ насильственной смертью въ 1202 году, во время своего пребыванія въ плѣну у своего дяди, и у Іоанна остался одинъ могущественный соперникъ въ лицѣ французскаго короля. Царствованіе Іоанна было въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ началомъ новой эры въ англійской исторіи. До того времени король и народъ дѣйствовали заодно противъ бароновъ, въ эту же эпоху зародилось направленіе, стремившееся къ объединенію бароновъ и народа противъ короля. До того времени королевская власть непрерывно усиливалась; она даже сдѣлала первые шаги къ переходу отъ леннаго государства къ бюрократическому, такъ какъ можно было добиться покорности бароновъ, не щадя интересовъ ихъ нисходящаго поколѣнія, на которомъ основывалась ленная система. Теперь самъ народъ сталъ налагать на королевскую власть одно ограниченіе за другимъ. Раньше англійскому королю всегда удавалось, въ концѣ концовъ, осуществлять на практикѣ тѣ шаги, которые были направлены къ созданію народной церкви въ противоположность міровой церкви римскаго престола; теперь ему пришлось склониться передъ напой, припятъ отъ него въ видѣ лена свои собственныя владѣнія и платить ему дань, даже вернуть церкви то привилегированное правовое положеніе, въ которое поставилъ ее Вильгельмъ Завоеватель и которое было отнято у нея при Генрихѣ. Въ двухъ первыхъ отношеніяхъ раннее появленіе на англійскомъ престолѣ уступчиваго короля подвинуло впередъ благосостояніе Англійи и дало ей возможность опередить европейскій материкъ на цѣлыя столѣтія въ общемъ ходѣ своего историческаго развитія; но послѣдняя изъ указанныхъ переменъ, усилившая незначительную часть народа, отличавшуюся своимъ интернационализмомъ и аскетическимъ міросозерцаніемъ, нанесла сильный ударъ мощи англійскаго народа. Это была какъ бы запоздалая вспышка

тѣхъ палящихъ лучей, которые исходили отъ креста и сожигали національную мощь и національную гордость вездѣ, гдѣ это пламя падало прямо на эти народныя силы. Послѣ смерти архіепископа кентерберійскаго Губерта (въ 1205 г.) крестчечскіе монахи избрали ему преемника, котораго они отправили въ Римъ для утвержденія его папой въ этомъ санѣ. Когда Іоаннъ узналъ объ этомъ, то онъ заставилъ ихъ немедленно избрать другого епископа, но папа Иннокентій III не утвердилъ ни того, ни другого, а заставилъ избрать третьяго, предавнаго церкви священника и ученаго Стефана Лангганда. Вѣрный традиціямъ, унаслѣдованнымъ имъ отъ своихъ предковъ, Іоаннъ не далъ ему занять епископской катедры и изгналъ непослушныхъ монаховъ. Тогда папа наложилъ интердиктъ на всю Англію въ 1208 г., и большинство англійскаго духовенства изъявило готовность пріостановить всѣ церковныя дѣйствія. Іоаннъ не уступалъ; тогда Иннокентій отлучилъ отъ церкви самого короля въ 1209 году. Въ отвѣтъ на это Іоаннъ обложилъ духовенство страшными поборами. Теперь папа сталъ угрожать ему низложеніемъ съ престола. Однако, на сѣверномъ Великобританскомъ островѣ съ его туманнымъ климатомъ интердиктъ и отлученіе отъ церкви горѣли далеко не такимъ пламенемъ, какъ подъ небомъ Италіи и Германіи; у Іоанна не явилось даже ни малѣйшаго колебанія, пока папа не натравилъ на него французскаго короля Филиппа II, но и послѣ этого онъ нашелъ себѣ союзника въ лицѣ императора Оттона IV, своего племянника (срав. стр. 123), тоже находившагося подъ проклятіемъ папскаго отлученія съ конца 1210 г. Въмѣстѣ со своими баронами Іоаннъ ждалъ въ Дуврѣ высадки Филиппа, но такъ какъ войско стало роптать, то англійскій король почелъ болѣе благоразумнымъ заключить миръ съ церковной державой. Онъ утвердилъ избраніе Стефана Лангганда, разрѣшилъ возвратиться изгнаннымъ монахамъ, обѣщавъ возмѣстить полностью всѣ несправедливыя поборы съ духовенства, присягнувъ на вѣрность папѣ, какъ своему ленному государю, и уплатилъ ему 1,000 марокъ въ видѣ годичной дани (15 мая 1213 г.). Въ награду за это папа велѣлъ Филиппу прекратить военныя дѣйствія противъ Іоанна. Когда этотъ послѣдній не подчинился папѣ, то Іоаннъ уничтожилъ его флотъ и лишилъ его возможности высадиться на берегъ Англій.

Хотя Іоаннъ заключилъ такимъ образомъ миръ съ церковью, но все же онъ остался во враждѣ съ баронами и народомъ вслѣдствіе его непрерывныхъ денежныхъ поборовъ. Одна только церковь не могла служить ему достаточной опорой; онъ вынужденъ былъ заключить миръ съ обѣими названными народными силами, уступивши всѣмъ ихъ требованіямъ. Такимъ образомъ начался періодъ политическихъ экспериментовъ. Задача заключалась въ томъ, чтобы найти такую форму, въ которой возможно было бы осуществленіе постояннаго контроля надъ дѣйствіями монарха, въ особенности надъ распределеніемъ и взиманіемъ налоговъ какъ со стороны непосредственныхъ ленниковъ короны, такъ и со стороны всего остальнаго народа, свободныхъ простолюдиновъ, горожанъ и священниковъ. Ни государственная мудрость, ни теоретическія представленія объ обществѣ, господствовавшія въ феодальномъ періодѣ, не могли бы создать подобной формы, тѣмъ болѣе, что въ эту эпоху судили неизбѣжно о фактическомъ соотношеніи силъ между тремя общественными группами не на основаніи ихъ экономическаго, а на основаніи ихъ военнаго значенія. Мало того, та эпоха еще не была въ состояніи ясно представить себѣ разбираемыя нами задачи. Она хлопотала только объ одномъ, объ отнятій у короля права произвольнаго обложенія. На первыхъ порахъ рѣчь шла всего на всего о возвращеніи духовенству слишкомъ несправедливо и слишкомъ насильственно наложенныхъ на него поборовъ. Для опредѣленія ихъ общей суммы, бывшей предметомъ спора между королемъ и церковью, и былъ призванъ въ качествѣ третейскаго судьи народъ. Въ Сентъ-Ал-

бансѣ собрались по-четыре шеффена изъ каждого аббатства. Это собраніе было первой попыткой возврата къ ежегоднымъ судебнымъ собраніямъ древнихъ англо-и саксовъ, прекратившихся съ того времени, когда слишкомъ большія разстоянія между отдѣльными мѣстностями вновь завоеваннаго острова сдѣлали ихъ невозможными. Однако, въ Сентъ-Албанскомъ собраніи обнаружались весьма рѣзкія отличія отъ первобытныхъ собраній. Во-первыхъ, оно было не регулярнымъ, а исключительнымъ и экстреннымъ собраніемъ, собрано оно было по приглашенію; а, во-вторыхъ, оно было не прямое, а представительное: въ Сентъ-Албансѣ собрались не всѣ свободные люди, а только отдѣльные представители мѣстныхъ общественныхъ группъ. Въ историческомъ смыслѣ первобытные незваные суды оставили по себѣ непосредственныхъ преемниковъ сначала въ видѣ совѣта мудрѣйшихъ древне-англійскихъ королей, а затѣмъ въ видѣ Curia Regis, коронной судебной палаты съ ея финансовыми и административными добавочными палатами. Однако, эта корпорація потеряла окончательно свою связь со всей массой свободного народа вслѣдствіе того, что эти учрежденія подпали подъ вліяніе ленной системы и на практикѣ не выходили изъ круга непосредственныхъ ленниковъ короны, хотя въ теоретическомъ смыслѣ они обнимали собою всѣхъ непосредственныхъ королевскихъ вассаловъ. Къ тому же на сцену выступили въ качествѣ политической силы города; нерѣдко они разрѣшали спорные вопросы о престолонаслѣдіи, становясь на сторону одного изъ претендентовъ на престолъ. Массы населенія, представляемыя городами и нерѣдко равнявшіяся по численности современнымъ арміямъ и даже превосходившія ихъ, имѣли большой вѣсъ на социальныхъ вѣсахъ того времени. Такъ, на примѣръ, мэръ города Лондона причислялся къ магнатамъ королевства, и его голосъ имѣлъ больше значенія, чѣмъ голоса многихъ графовъ и шерифовъ. Тѣмъ не менѣе условно мирное направленіе городовъ, не знавшихъ никакой войны кромѣ обороны своихъ собственныхъ стѣнъ, мѣшало имъ пріобрѣсть преобладающее политическое значеніе въ общегосударственныхъ дѣлахъ въ такую эпоху, когда воинъ по призванію игралъ первую роль въ обществѣ. Такъ, напр., ихъ участіе въ общемъ податномъ бремени всей страны возросло въ колоссальныхъ размѣрахъ; а между тѣмъ они бывали весьма часто поставлены самимъ себѣ въ дѣлѣ обороны своихъ собственныхъ стѣнъ, а вліяніе ихъ на общую судьбу страны почти равнялось нулю. Самое большее, что имъ удавалось, это купить для себя у того или другого короля за особую специальную денежную сумму различныя привилегіи, по средневѣковому выраженію, вольности. Даже изгнанные бароны были приглашены въ Сентъ-Албансѣ. Однако участники собранія вернулись домой безъ всякихъ осязательныхъ результатовъ, такъ какъ въ дѣло вмѣшался пана, который добивался своей цѣли, полного подчиненія Іоанна своей волѣ. Для того, чтобы не раздражать слишкомъ сильно англійскаго короля, онъ распорядился, чтобы размѣръ вознагражденія духовенства былъ опредѣленъ папскимъ легатомъ, которому было предписано не увеличивать его чрезмѣрно.

Потребовалось дальнѣйшее ослабленіе королевской власти для того, чтобы Іоаннъ подчинился народной волѣ. Такое ослабленіе послѣдовало въ дѣйствительности благодаря пораженію Іоанна при Бувинѣ (27 іюля 1214 г., стр. 127 и 235). Когда онъ сталъ требовать «щитовыхъ денегъ» въ увеличенномъ размѣрѣ, то въ отвѣтъ бароны собрались въ Берн Сентъ-Эдмундсѣ и заставили Іоанна подтвердить подъ присягой буллу Генриха I. Король предпочиталъ сдѣлать дальнѣйшую уступку церкви, чѣмъ склониться предъ баронами; но оба союзника, ополчившіеся для борьбы противъ всевластія короны, не дали себя разъединить. Когда король собралъ наемное войско, то они создали народное ополченіе, превосходившее по своей численности военныя силы короля. Іоаннъ убѣдился воочию теперь,

что для него нѣтъ выхода, несмотря на то, что за его спивою стоитъ папа, и онъ согласился подписать Великую Хартію (Magna Charta), содержаніе которой было продиктовано баронами и окончательная редакція которой принадлежала архіепископу кентерберійскому. Согласно этой хартіи церкви было предоставлено право избирать свободно своихъ сановниковъ. Непосредственные ленники короны были обязаны платить ей палогі только въ слѣдующихъ случаяхъ: при полученіи лена, когда приходилось выкупать короля изъ плѣна, при посвященіи въ рыцари его старшаго сына и при выдачѣ замужъ его старшей дочери; иными словами, ихъ обязанность состояла въ покрытіи издержекъ на содержаніе королевской семьи. Всякія же другія денежныя повинности могли быть наложены на нихъ согласно Хартіи только съ ихъ согласія собраніемъ, на которое приглашались всѣ вассалы короны, въ томъ числѣ епископы, аббаты и самые мелкіе ленники. Напротивъ того, посредственные вассалы, или подвассалы, обязаны были впредь платить своимъ леннымъ владѣльцамъ не больше, чѣмъ эти послѣдніе королю, и получили право получать отъ нихъ все то, что послѣдніе получаютъ отъ короля. Города съ Лондономъ во главѣ получили грамоты, расширявшія ихъ вольности. Наказанія, налагаемые за каждый проступокъ, были нормированы согласно исконному обычаю. Всякій человѣкъ, принадлежавшій къ одному изъ трехъ сословій, впредь долженъ былъ подлежать суду людей того же сословія и могъ быть заключенъ въ тюрьму или вообще подвергнутъ наказанію только на основаніи правильного судебного приговора. Охрана вновь отвоеванныхъ правъ была поручена особо избраннымъ для этой цѣли 24 баронамъ и мэру города Лондона.

Однако, Іоаннъ не стѣснялся данной имъ клятвой. По его просьбѣ папа, признававшій за собою право одобрить всякое клятвопреступленіе, освободилъ его 25 августа отъ присяги въ соблюденіи Великой Хартіи. Король не только не отпустилъ своихъ наемниковъ, но даже увеличилъ ихъ число и покрылъ всю страну военными гарнизонами, пока онъ не израсходовалъ, наконецъ, всѣхъ имѣвшихся у него средствъ на содержаніе своихъ наемниковъ. Не взирая на то, что папа наложилъ интердиктъ на Лондонъ и отлучилъ отъ церкви Людовика VIII, старшаго сына французскаго короля, тѣмъ не менѣе бароны и бюргеры предложили этому послѣднему прибыть въ Англію и сдѣлаться ихъ королемъ вмѣсто клятвопреступника Іоанна. Людовикъ прибылъ въ Лондонъ, но не въ силахъ былъ разбить Іоанна въ открытомъ полѣ.

Это столкновеніе еще не успѣло разрѣшиться, какъ Іоаннъ скончался 19 октября 1216 г., и его престолъ перешелъ къ его девятилѣтнему сыну Генриху III, этому первому ребенку на англійскомъ престолѣ. Оба опекуна малолѣтняго короля разбили Людовика на сушѣ и на морѣ; во второй разъ французскій флотъ былъ уничтоженъ англійскимъ (въ августѣ 1217 г.). Великая Хартія была восстановлена въ такой формѣ, которая возвращала королю право обложенія, но на практикѣ Великій Совѣтъ сохранилъ за собою право утвержденія налоговъ. Развивающееся національное чувство англичанъ возмущалось противъ того, чтобы участь ихъ собственнаго отечества разрѣшалась иностранцами. Укрѣпленія норманнскихъ магнатовъ и предводителей наемниковъ были разрушены; тѣ изъ нихъ, которые не очищали добровольно своихъ укрѣпленій, объявлялись внѣ закона. Въ 1227 г. Генрихъ III объявилъ себя совершеннолѣтнимъ, и благодаря покровительству его новыхъ французскихъ совѣтниковъ иностранцы опять наводнили Англію, но были снова изгнаны. Въ то время, какъ Великій Совѣтъ впервые отказалъ королю въ средствахъ для похода на материкъ Европы, папа обиралъ безпрепятственно англійское духовенство сначала непосредственно, а затѣмъ при помощи короля.

Въ 1244 г. выступило на сцену новое разрѣшеніе вопроса о народномъ представительствѣ. Баронская партія Великаго Свѣта, ко-

торый получилъ названіе парламента, Parliament, разгадала слабую сторону Великой Хартіи, предоставлявшей королю назначеніе представителей исполнительной власти, и стала хлопотать объ ея измѣненіи. Во время отсутствія Генриха королева Элеонора созвала въ первый разъ парламентъ, по четыре свободныхъ челоѣка отъ каждаго округа (Shire), для того, чтобы узнать отъ нихъ, на какія жертвы готовы жители ихъ родного округа. Вскорѣ послѣ этого были изданы оксфордскія Provisions (въ 1258 г.). Теперь парламентъ былъ замѣненъ комиссіей изъ 12 бароновъ, собиравшейся 3 раза въ году подобно древнимъ незваннымъ (т. е. собиравшимся безъ особаго приглашенія) судамъ; заодно съ тѣмъ былъ учрежденъ постоянный коронный совѣтъ изъ 15 бароновъ, безъ котораго король не могъ ничего предпринимать. Къ этому была присоединена комиссія реформъ для огражденія существующаго правового положенія. Однако, это преобладающее положеніе бароновъ оказалось кратковременнымъ. Мало того, что наследникъ престола сталъ на сторону свободнаго простонародія, уже черезъ три года былъ созванъ опять прежній парламентъ въ нѣсколько иномъ составѣ. Папа поощрялъ Генриха къ клятвопреступленію, освободивши его отъ соблюденія Provisions; призванный въ качествѣ третейскаго судьи французскій король разрѣшилъ споръ въ томъ же духѣ. Еще раньше того дѣло дошло до междуусобной войны, въ которой Лондонъ съ Симономъ Монфоромъ, графомъ Лейстеромъ, во главѣ сталъ на сторону противниковъ короля. Въ то самое время, когда эта война вспыхнула снова, партія, враждебная королю, созвала новый парламентъ, въ которомъ участвовали впервые по два представителя отъ болѣе крупныхъ городовъ (20 января 1265 г.). Тѣмъ не менѣе главнѣе инициаторы этого движенія погибли (4 августа), а король оказался настолько благоразумнымъ, что передалъ важнѣйшія государственныя дѣла въ руки своего популярнаго въ народѣ сына Эдуарда.

Эдуардъ соблюдалъ строго конституцію и успокоилъ страну такъ быстро, что въ 1271/72 г. онъ могъ принять участіе въ крестовомъ походѣ (стр. 473), во время котораго скончался его отецъ (6 ноября 1272 г.). Эдуардъ I (IV; 1272—1307 г.) былъ первымъ англійскимъ королемъ, которому удалось покорить Уэльсъ; до этого же времени уэльскіе кельты сохраняли свою независимость (1282/83 г.). Онъ присоединилъ эту область въ качествѣ вассальнаго государства къ владѣніямъ англійской короны. Однако, по сей день понятіе „Англія“ не включаетъ въ себѣ Уэльса, несмотря на то, что уже съ 1284 г. наследникъ англійскаго престола принималъ титулъ принца Уэльскаго. Англійскіе короли были одновременно народными королями и верховными главами вассаловъ. Рѣдко кто изъ нихъ могъ опираться на обѣ эти основы королевскаго могущества да еще оставаться въ то же время главою народной церкви. Въ царствованіе Эдуарда англійская церковь уже не была національной церковью, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ Англію наводнило безчисленное множество итальянскихъ священниковъ и монаховъ. Дни господства леннаго государства были сочтены въ этой странѣ. Эдуардъ былъ первымъ королемъ, который разгадалъ это съ проницательностью глубокомысленнаго государственнаго челоѣка. Церковь отдалилась отъ народа и грозила стать опасностью для него. Эдуардъ перевязалъ всѣ кровеносныя сосуды, которые питали ея силу, запретивши впредь дарить ей земли на томъ основаніи, что съ земель перешедшихъ во владѣніе церкви, прекращается уплата податей и что поэтому отъ него зависить, какимъ количествомъ земли церкви разрѣшается владѣть. Вслѣдствіе сложнаго наслоенія владѣльцевъ, прибывшихъ въ Англію въ различныя историческія эпохи, въ этой странѣ процвѣтало множество подвассаловъ, трутней трехъ или четырехъ ступеней. Эдуардъ прекратилъ дальнѣйшее развитіе этихъ наслоеній, запретивши введеніе новыхъ промежуточныхъ ступеней при переходѣ земли отъ однихъ лицъ къ другимъ. Такъ какъ въ полномъ собраніи

парламента пренія принимали слишкомъ запутанный характеръ, то Эдуардъ устроилъ частичные или классовые парламенты, засѣдавшіе одновременно; при опредѣленіи ихъ состава онъ пошелъ еще дальше навстрѣчу духу своего времени, чѣмъ его предшественники. Графы и бароны, васалы короля, епископы и аббаты вмѣстѣ съ представителями соборныхъ капитуловъ, затѣмъ по два человека отъ cadaго графства и по два горожанина отъ cadaго укрѣпленнаго города (burgh) — таковъ былъ составъ трехъ собраній бароновъ, духовенства и свободнаго простонародья, которыя опредѣляли размѣры налоговъ, каждое для своего сословія. Однако этихъ налоговъ не всегда хватало на покрытие военныхъ расходовъ. Эдуардъ зналъ очень хорошо, что города — это мѣсто, гдѣ можно найти больше всего денегъ. Поэтому онъ вошелъ въ соглашеніе съ купеческими гильдіями по вопросу о возвышеніи ввозныхъ пошлинъ въ особенности на шерсть, вывозимую въ Фландрію, такъ какъ ввозъ шерсти во Фландрію составлялъ фактически монополію Англій. Когда Бонифцій VIII запретилъ въ 1296 году священникамъ платить подати монарху своего государства безъ его согласія, а архіепископъ кентерберійскій отказался вслѣдствіе этого отъ дальнѣйшихъ денежныхъ взносовъ въ пользу короля, то достаточно было королю отказать представителямъ духовенства въ защитѣ королевскаго суда, какъ у нихъ явилась немедленно охота къ подношенію „періодическихъ подарковъ“ одинаковаго размѣра. Однако самъ Эдуардъ I вынужденъ былъ, наконецъ, отказаться отъ своего ограниченаго права на обложеніе по своему усмотрѣнію, послѣ того какъ онъ воспользовался имъ неоднократно изъ крайней нужды. Хотя подъ „подтверженіемъ хартій“, Confirmatio Chartarum, онъ не подписался самъ, а заставилъ подписаться своего сына (въ 1297 году), тѣмъ не менѣе онъ исполнялъ его вполне добросовѣстно.

Въ царствованіе Эдуарда шотландскій вопросъ впервые сталъ для Англій вопросомъ общегосударственной важности. На томъ перешейкѣ, средину котораго составляетъ водораздѣлъ между Клайдомъ и Фортомъ, для британца кончалось свое отечество и начиналось новое государство. А между тѣмъ это второе государство лежало на томъ же островѣ. Естественныя границы Великобританіи толкали неизбежно къ объединенію политическихъ условій всего острова. Но это объединеніе сильно затруднялось расовыми различіями: въ то время, какъ Восточная Англія была почти чистогерманскою областью, а Западная Англія кельтогерманскою, населеніе Шотландіи было исключительно кельтонберійскимъ. Съ крайней медленностью пробивалась въ эту страну изъ Нортумберленда струя иммигрантовъ изъ Авглій, разсѣивавшаяся мирнымъ путемъ по шотландской низменности, не подвигаясь насильственно на поселенія кельтонберовъ. Такимъ образомъ расовая граница только передвинулась къ сѣверу, но не уничтожилась. На границѣ между шотландскою низменностью и горной Шотландіею расовыя различія нисколько не изгладились. Они усилились даже послѣ того, какъ крупныя норманскія бароны построили также и въ Галлоуэ свои насыпные холмы съ частоколомъ, а позже свои каменные башни и поселили своихъ лепниковъ по всей низменности вплоть до окраинъ горной Шотландіи. Хотя шотландскіе короли присягали отъ поры до времени на вѣрноподданство англійскимъ королямъ, тѣмъ не менѣе Англія фактически не обладала никогда верховной властью надъ восточной частью шотландской низменности, а тѣмъ болѣе надъ горной Шотландіею. Даже и формальныя присяги на вѣрноподданство отошли уже давно въ область минувшаго. Въ 1189 году шотландскій король Вильгельмъ откупился отъ этой присяги у Ричарда I, а его преемники снова стали присягать англійскимъ королямъ только въ качествѣ владѣльцевъ отдѣльныхъ леновъ, находящихся въ предѣлахъ Англій. Тутъ существовало такое же отношеніе, какъ между англійскими королями и

французской короной: какъ английскіе короли, первые изъ нихъ были совершенно независимыми монархами, но какъ герцоги Нормандіи и другихъ своихъ континентальныхъ владѣній они должны были присягать на вѣрность французскимъ королямъ. Когда мужская линія шотландской королевской династіи прекратилась въ 1285 году, то претендентами на шотландскій королевскій престолъ выступили три английскіе барона, стоявшіе въ отдаленномъ родствѣ съ этой династіей, Бальоль, Гастингсъ и Брюсъ. Роль третейскаго судьи выпала естественнымъ образомъ на долю Эдуарда. Въ вознагражденіе за свое посредничество онъ выговорилъ себѣ верховную власть надъ Шотландіей; затѣмъ онъ рѣшилъ споръ въ пользу Іоанна Бальола (20 ноября 1292 года). Эдуардъ сейчасъ же расширилъ свою верховную власть надъ Шотландіей тѣмъ требованіемъ, чтобы ему принадлежала въ этой странѣ роль высшаго судьи, такъ чтобы на рѣшенія шотландскаго короля можно было бы апеллировать къ английскому королю. Шотландія возмущалась противъ этого требованія и нашла себѣ союзника въ лицѣ французскаго короля. Эдуардъ не очень заботился о сохраненіи своихъ ленныхъ владѣній на материкѣ, но тѣмъ сильнѣе было его стремленіе къ пріобрѣтенію фактической верховной власти надъ Шотландіей. Въ 1295 году между Шотландіей и Франціей былъ заключенъ союзъ, которому суждено было просуществовать цѣлыхъ 300 лѣтъ. Въ 1296 году Эдуардъ выступилъ въ походъ противъ Шотландіи. 27 апрѣля онъ разбилъ и взялъ въ плѣнъ шотландскаго короля, который томился послѣ этого въ английской тюрьмѣ до 1299 года. Однако Шотландія подняла снова возстаніе, во главѣ котораго стоялъ какой-то баронъ Уильямъ Уоллесъ. Этотъ послѣдній разбилъ заградившія ему путь английскія войска и опустошилъ Нортумберлендъ; но въ слѣдующемъ году онъ потерпѣлъ пораженіе и вынужденъ былъ бѣжать за границу. Покореніе Шотландіи далось нелегко, оно было закончено въ 1304 году. Уоллесъ попался въ руки Эдуарда и заплатилъ своей жизнью (23 августа 1305 года). Послѣ этого Эдуардъ соединилъ Шотландію съ Англійей, но предоставилъ ей жить по своимъ старымъ обычаямъ и пользоваться своими собственными законами, въ сферѣ которыхъ онъ предоставилъ своему намѣстнику только второстепенное вліяніе. Тѣмъ не менѣе Шотландія не захотѣла покориться своей участи. Робертъ Брюсъ, внукъ того претендента на престолъ, который былъ въ свое время соперникомъ Бальола, убилъ въ церкви кинжаломъ своего единственнаго соперника и короновался шотландскимъ королемъ (въ 1306 году). Эдуарду пришлось снова предпринять походъ на сѣверъ. Онъ разбилъ Роберта Брюса и заставилъ его бѣжать; но черезъ короткое время Брюсъ вынырнулъ снова и выгналъ изъ Шотландіи английскіе гарнизоны. Эдуардъ скончался во время одного изъ походовъ противъ Брюса 7 іюля 1307 года послѣ жизни, посвященной почти безукорызненному труду на благо английскаго народа.

Его преемникомъ сталъ его неспособный сынъ Эдуардъ II; онъ былъ разбитъ Брюсомъ въ сраженіи при Баннокбёрнѣ 24 іюня 1314 года, несмотря на превосходство англичанъ какъ въ вооруженіи, такъ и въ военномъ искусствѣ, и отдалъ въ жертву шотландскимъ летучимъ отрядамъ Сѣверную Англійю. Все, чего Эдуардъ сумѣлъ добиться, это двусмысленное перемиріе, заключенное имъ съ Брюсомъ въ 1323 году. Господство фаворитовъ при его дворѣ парализовало его самого и всю страну. Парламентъ, запретившій ему еще въ 1311 году вести войну за собственный страхъ, заставилъ его отречься отъ престола въ 1327 году, но разрѣшилъ ему передать корону своему сыну. Эдуардъ III, правившій Англійей цѣлыхъ 50 лѣтъ, вынужденъ былъ признать независимость Шотландіи послѣ неудачнаго похода 1328 года. Послѣ смерти Брюса (въ 1329 году) Шотландія опять стала причинять хлопоты английскому королю. Эдуардъ Бальоль, сынъ Іоанна, захватилъ королевскій престолъ въ 1332 году, затѣмъ былъ

изгнанъ, но въ 1333 году вернулъ себѣ опять корону въ качествѣ вассала Эдуарда. На короткое время Англія вернула себѣ свою старую границу по линіи рѣкъ Форта и Клайда. Однако Бальоль былъ королемъ только по милости Эдуарда и не могъ удержаться во власти самостоятельно, тѣмъ болѣе, что Франція поддерживала его противниковъ. Такимъ образомъ война между Франціей и Англіей должна была разрѣшить споръ о томъ, кто будетъ владѣть Шотландіей; съ другой стороны у Франціи вышло столкновение съ Эдуардомъ изъ-за Аквитаніи. Въ 1340 году французскій флотъ былъ въ третій разъ уничтоженъ англійскимъ (24 іюня 1340 года недалеко отъ Слюйса; томъ VII, стр. 174); Эдуардъ объявилъ Ламаншъ собственностью своей короны. Затѣмъ послѣдовало пораженіе французовъ при Креси-анъ-Понтъе (25 авг. 1346 г.). Наступилъ періодъ упадка рыцарства. Противъ новыхъ самострѣловъ, которые были изобрѣтены впервые на югѣ Европы, рыцарское ополченіе было безсильно. Тонкій стальной кончикъ новой стрѣлы прокладывалъ себѣ путь даже черезъ панцирь. Стрѣлки Эдуарда рѣшили участь всѣхъ сраженій, происшедшихъ на материкѣ Европы.

Въ 1341 г. классовые парламенты расчленились окончательно на палату бароновъ со включеніемъ церковныхъ бароновъ и на палату общинъ; вторая изъ нихъ стремилась съ переменнымъ успѣхомъ къ удержанію въ своихъ рукахъ права утвержденія налоговъ; дѣло доходило до всевозможныхъ столкновеній между второй палатой и короной, въ которыхъ король не всегда оставался вѣрнымъ своему слову. Однако народное представительство прощало ему ради другихъ его положительныхъ качествъ, такъ какъ онъ былъ народнымъ королемъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Въ 1348 г. Европу опустошала усиленная смертность, черная смерть, и Англія тоже пострадала очень жестоко. Эпидемія черной смерти унесла въ могилу половину населенія, и недостатокъ въ рабочихъ рукахъ поднялъ заработную плату до небывалой высоты. Будучи незнакомъ съ такими простѣйшими фактами общественной жизни, какъ зависимость цѣнъ отъ отношенія между спросомъ и предложеніемъ, парламентъ думалъ, что онъ имѣетъ дѣло съ социальнымъ наривомъ, который долженъ быть удаленъ ножомъ, и ввелъ принудительную нормировку заработной платы, руководствуясь платой, существовавшей до 1348 г.; конечно, эта мѣра не имѣла успѣха. Между тѣмъ война съ Франціей (Мопертюи, 19 сентября 1356 г.) и Шотландіей продолжалась, прерываясь по временамъ перемиріями. Въ 1356 г. Эдуардъ отказался, наконецъ, отъ защиты Баліоловъ, а въ 1357 г. призналъ Давида II Брюса шотландскимъ королемъ, стараясь съ этихъ поръ поддерживать дружбу съ Шотландіей. 8 мая 1360 г. онъ заключилъ съ Франціей мирный договоръ въ Бретиньи, уничтожившій окончательно его сильную зависимость отъ французскаго короля. Эдуардъ приобрѣлъ Аквитанію, Кале и Понтіе на правахъ суверена, но отказался отъ своихъ другихъ французскихъ провинцій и отрекся отъ всякихъ притязаній на французскую королевскую корону. Удержать въ своей власти отдаленную Аквитанію было для него тѣмъ труднѣе, что ея населеніе ассимилировалось все тѣснѣе съ населеніемъ Франціи. Однако политика той эпохи не имѣла понятія о естественныхъ границахъ: ради Аквитаніи Эдуардъ вступался въ цѣлый рядъ осложненій на европейскомъ материкѣ и вынужденъ былъ вести войны даже въ Испаніи (т. VII, стр. 176). Въ 1369 г. началась новая великая война съ Франціей, которая закончилась въ 1372 г., ко благу Англіи, потерей Аквитаніи.

Отдѣлавшись отъ этой опасной, открытой для нападенія провинціи, Англія могла укрѣпиться тѣмъ сильнѣе въ своихъ естественныхъ границахъ. Искѣ всего обнаружилось это усиленіе въ борьбѣ съ церковной державой, папствомъ. По примѣру прежнихъ англійскихъ королей парламентъ теперь тоже объявлялъ войну папѣ. Былъ изданъ законъ, запрещава-

ший перенесение процессовъ въ иностранные суды и направленный противъ церковной судебной палаты папы въ Авиньонъ, а въ 1366 г. парламентъ высказался противъ уплаты дани въ 1,000 марокъ въ пользу Куріи; фактически эта дань перестала уплачиваться уже въ 1333 г. Это теченіе повлекло за собою дальнѣйшія послѣдствія. Потокъ итальянскихъ священниковъ, заливавшій Англію, былъ отклоненъ оттуда. Въ то время, какъ папство гибло отъ раздоровъ, англійская церковь вспомнила о своей миссиі, какъ народной церкви. Если современное міровоззрѣніе требовало спеціальнаго представительства отъ каждой соціальной группы, то лучше, по крайней мѣрѣ, національное представительство, не становящееся на интернаціональную почву и не выступающее противъ своего народа во всѣхъ жизненныхъ національныхъ вопросахъ! Черная смерть опять начала свое шествіе по Европѣ и толкала людей къ самоуглубленію, но вмѣсто тѣхъ извращеній, которыя она создала въ религіозной жизни Южной Европы, она усилила еще больше независимость религіозной мысли на Британскомъ островѣ. Въ 1362 г. подъ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ чумнаго набата вышло въ свѣтъ сочиненіе Вильгельма Лангленда: „Видѣніе Петра пахаря“ съ его проповѣдью простоты, труда и правдивости, — этотъ лучшій памятникъ средневѣковаго христіанско-германскаго міровоззрѣнія.

Подъ вліяніемъ парламента англійская церковь потеряла одну привилегію за другой, несмотря на то, что король давно уже потерялъ свою энергію и свой боевой духъ. На сцену выступилъ первый германскій церковный реформаторъ въ лицѣ Іоанна Виклифа, теоретика ученія о ленныхъ отношеніяхъ между человекомъ и Богомъ, находившагося подъ покровительствомъ могущественнаго герцога Ланкастерскаго Іоанна. Эдуардъ III скончался 21 іюня 1377 г., а его сынъ, носившій одинаковое имя съ отцомъ, „Черный Принцъ“, командовавшій войсками въ войпахъ на югѣ Франціи и князь Аквитанскій, скончался еще раньше. На англійскій престолъ вступилъ подъ именемъ Ричарда II десятилѣтній сынъ послѣдняго, на первыхъ порахъ находившійся подъ опекой герцога Ланкастерскаго и своего брата Викегама, которые были не въ силахъ бороться съ современнымъ теченіемъ. Отъ своихъ размышленій о назначеніи человека Виклефъ перешелъ къ изученію библіи, которую въ то время считали написанной подъ диктовку христіанскаго Бога; онъ перевелъ даже эту опасную книгу на англійскій языкъ и собралъ вокругъ себя маленькую общину, которая пыталась возстановить первобытное христіанство. Къ христіанству прилипли остатки первобытнаго колдовства, унаслѣдованные имъ отъ тѣхъ далекихъ первобытныхъ временъ, когда человечество было совершенно незнакомо съ причинной зависимостью явленій. Латинскія формулы христіанства были въ глазахъ современниковъ волшебными изреченіями, при помощи которыхъ можно творить чудеса; такъ, напримѣръ, формула крещенія открывала чудеса христіанскаго неба, а формула причащенія „Hoc est corpus“, передѣланная народомъ въ „hocus corpus“, превращала кусокъ хлѣба въ плоть Христову, а вино въ Его кровь. Виклифъ былъ первымъ смѣлымъ германскимъ мыслителемъ, который сталъ оспаривать это чудо, и нанесъ такимъ образомъ первый фундаментальный ударъ средневѣковому западноевропейскому міровоззрѣнію. Въ извращенномъ видѣ „hocus corpus“ эта древняя формула была усвоена народнымъ волшебствомъ XIII столѣтія. Черезъ 3 года послѣ этого смѣлаго выступленія, 31 декабря 1384 г., Виклифъ скончался полузабытымъ въ своемъ приходѣ Люттервортъ въ Лейстерѣ. Въ его время общественная мысль была занята на первомъ планѣ соціальнымъ переворотомъ, и этотъ свободомыслящій священникъ не могъ увлечь за собою массы, несмотря на всю силу религіознаго теченія, которое толкало его. Подобно ему Лютеръ тоже сдѣлалъ центромъ своей дѣятельности переводъ библіи и преобразование ученія о причащеніи.

Пониженіе заработной платы ниже ея рыночной стоимости посредством парламентскаго закона (стр. 606) вызвало сильное броженіе среди широкихъ массъ крѣпостныхъ или вилленовъ, какъ ихъ называли, пользуясь норманнскимъ терминомъ, т. е. среди тѣхъ широкихъ народныхъ массъ, которыя еще были лишены всякаго политическаго представительства. Къ этой причинѣ для недовольства присоединилось еще многократное высокое прямое обложеніе, вызванное непрерывными войнами съ Франціей. Подстрекаемые монахами, мечтавшими осуществить въ дѣйствительности ученіе объ общемъ равенствѣ всѣхъ людей, составляющее ядро христіанства, крѣпостные подняли возстаніе. Въ 1381 г. многія тысячи крестьянъ отправились изъ Эссекса и Кента въ Лондонъ и произвели тамъ страшное опустошеніе. Только благодаря мужеству четырнадцатилѣтняго короля дѣло на томъ и остановилось. 15 іюня король явился среди возбужденныхъ толпъ возставшаго народа. Предводитель крестьянъ Уотъ Тайлеръ (Вальтеръ кирпичеобжигатель) обратился съ угрозами къ королю. Мэръ города Лондона Вальвортъ закололъ его на мѣстѣ. Толпа вопила о мести; тѣмъ не менѣе Ричардъ увлекъ за собою толпу слѣдующими словами: „я вамъ король и буду вашимъ предводителемъ“, и затѣмъ уговорилъ ее разойтись обратно по деревнямъ. Передъ тѣмъ онъ ограничилъ по закону крѣпостную зависимость, даже почти отмѣнилъ ее и обѣщавъ остановить реакціонное общественное движеніе, пытавшееся замѣнить обратно крѣпостнымъ трудомъ введенные вмѣсто него денежные оброки, но теперь онъ не обладалъ достаточной силой для исполненія своихъ обѣщаній. Въ то самое время, какъ бароны разсѣивали тѣ небольшія толпы, которыя еще не разошлись, а судьи расправлялись безжалостно съ возмущившимися крестьянами посредствомъ висѣлицы, парламентъ отмѣнилъ освобожденіе крѣпостныхъ и ввелъ обратно крѣпостной трудъ. Обѣ палаты, воплощавшія въ себѣ представительство свободнаго населенія, воспротивились рѣшительно попыткѣ несвободнаго населенія двинуться впередъ по пути экономическаго развитія. Его лишили мѣновой стоимости его труда, такъ какъ именно о ней шла рѣчь. Недаромъ по германскому воззрѣнію несвободные отъ рожденія не считаются настоящими людьми. Такая эпоха, которая признавала только различіе происхожденія, конечно, ничего не хотѣла знать о различіяхъ въ трудоспособности.

Въ то время, какъ сословіе свободныхъ простолюдиновъ процвѣтало, и его культура дала такіе блестящіе плоды, какъ „Canterbury tales“ безсмертнаго рассказчика Джофрея Чоусера (1340—1400 г.), единственнаго стихотворца соперника Боккаччіо вплоть до Виланда, бароны потеряли значеніе экономической силы съ тѣхъ поръ, какъ пріостановилось развитіе ленной системы. По своей налоговой способности одинъ герцогъ превосходилъ самаго мелкаго крестьянина не больше, чѣмъ въ 400 разъ, между тѣмъ какъ на одного герцога приходилось въ дѣйствительности нѣсколько тысячъ крестьянъ. Съ тѣхъ поръ, какъ войны на материкѣ стали вестись исключительно при помощи наемныхъ войскъ, военному значенію бароновъ тоже былъ нанесенъ тяжелый ударъ. Въ то же время вслѣдствіе громаднаго увеличенія числа солдатъ по профессіи военное значеніе народа стало замѣряться не его мускульной силой, а его налоговой способностью.

Несчастныя войны съ Франціей и Шотландіей (1385 г.) задѣли въ 1386 году національную гордость англичанъ, и была назначена формальная коммиссія для опеки надъ королемъ, которая руководила государственными дѣлами съ весьма переменнымъ счастьемъ, несмотря на сопротивленіе короля, пока, наконецъ, этотъ послѣдній не объявилъ себя совершеннолѣтнимъ въ 1389 г. и не отмѣнилъ регентства. Между тѣмъ Ричардъ успѣлъ разобратся въ господствующемъ политическомъ положеніи. Онъ назначилъ самъ своихъ министровъ; когда же собрался парламентъ

въ 1390 году, то онъ приказалъ этимъ министрамъ сложить съ себя свои должности, пока не обнаружилось, что никто не возстаетъ противъ нихъ. Мало того, онъ отказался отъ партійнаго управленія государствомъ въ такой степени, въ какой осуществленіе такой задачи было вполнѣ въ его власти, и привлекъ къ дѣламъ правленія оппозицію съ Глустеромъ во главѣ. Онъ запретилъ церкви расширять свои земельныя владѣнія, а ленымъ владѣльцамъ увеличивать число ступеней феодальной лѣстницы, какъ это сдѣлалъ Эдуардъ III. Съ Франціей онъ уже заключилъ нѣсколько временныхъ перемирій, не останавливаясь передъ жертвами, и, наконецъ, въ 1396 году постоянный миръ. Внутри государства боролись между собою могущественные магнаты и главари партій Ланкастеры и Глустеры. Король привязалъ къ себѣ Іоанна Ланкастера, узаконивши его дѣтей отъ незаконной жены (однако безъ права на наслѣдованіе престола); противника Ланкастера Томаса Вудстока, герцога Глустера, онъ привлекъ къ суду парламента въ 1397 году вмѣстѣ съ его друзьями по поводу одной давнишней исторіи. Такимъ образомъ онъ достигъ почти неограниченной власти всего на всего за какихъ-нибудь 10 лѣтъ. Разъ вкусивши самодержавной власти, онъ не могъ уже больше отказаться отъ нея. II. дѣйствительно, въ 1398 году собрался парламентъ, отмѣнившій прежнія ограниченія королевской власти и даже заявившій, что правовое ограниченіе ея противорѣчитъ закону; этотъ парламентъ самъ замѣнилъ себя комиссіей изъ 18 членовъ. Такимъ образомъ король отдѣлался отъ парламента. Поперекъ пути стояли ему еще два могущественныхъ барона, которымъ онъ не довѣрялъ безусловно. Онъ устранилъ ихъ, воспользовавшись ихъ соперничествомъ между собой. Въ 1398 году онъ потребовалъ отъ Томаса Моубрэ, герцога Норфолька, чтобы онъ очистился отъ подозрѣнія въ клеветѣ противъ герцога Генриха Герфорда посредствомъ дуэли. Оба пэра не могли уклониться отъ такого предложенія и явились на судебный поединокъ недалеко отъ Ковентри. Тутъ вмѣшался король и изгналъ „для сохраненія мира“ Норфолька на всю жизнь (сконч. въ 1399 году въ Венеціи), а Герфорда на болѣе короткій срокъ.

Такимъ образомъ устранена была возможность правового ограниченія королевской власти въ такой значительной мѣрѣ, и король пользовался такой свободой въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ, вѣроятно, никакой другой англійскій король до него и, безъ сомнѣнія, какъ никакой другой въ эпоху такого высокаго экономическаго подъема Англій. Ему стало казаться, что онъ можетъ сдѣлать все, что ни вздумаетъ. Его дворъ, обвинявшійся еще раньше въ излишней расточительности, сталъ поглощать грандіозныя суммы. Эти расходы толкали короля къ самымъ ужаснымъ поборамъ. Лейбъ-гвардія, состоявшая на жалованьи у него, стала орудіемъ, такъ что черезъ короткое время для него оказались совершенно излишними тѣ немногіе крупные бароны, которыхъ онъ еще держалъ при своемъ дворѣ. Всѣхъ Перси онъ отослалъ на сѣверъ, и даже положеніе его друга Ланкастера стало очень непрочно къ дню его смерти, послѣдовавшей въ 1399 году. Его сынъ, отправленный въ ссылку Герфордъ, унаслѣдовалъ его герцогскій титулъ. Что касается имѣній Герфорда, то они были конфискованы Ричардомъ. Однако въ искусственно усиленномъ народѣ проснулася забота объ общемъ обезпеченіи собственности. Но всей Англій поднялся ропотъ. Мало того, что налоговой прессѣ быть завинченъ до невыносимости, въ то время, какъ король казался какъ сыръ въ маслѣ, ничего не дѣлая для народа; мало того, что народъ долженъ былъ содержать ту самую лейбъ-гвардію, которая служила орудіемъ для его угнетенія, — явно мошенническія денежныя аферы и вымогательство бланковыхъ векселей, которые король заполнялъ по своему усмотрѣнію и по мѣрѣ надобности, ставили его далеко ниже всякаго честнаго мелочнаго торговца. Не живъ бытъ бы въ англійскомъ народѣ кельтскій коммерче-

скій духъ, если бы онъ рѣшился терпѣть подобныя вещи. Недоставало только внѣшняго повода къ возстанію.

В. Ирландія до Генриха Ланкастера.

Ирландія оставалась въ теченіе многихъ столѣтій оплотомъ отброшенныхъ на Западъ кельтонберовъ: на своей новой родинѣ, въ сѣверныхъ горахъ этого острова, населеннаго главнымъ образомъ кельтами, они превратились въ гораздо болѣе воинственное племя, чѣмъ они были до того въ Британіи, занимались морскимъ разбоемъ и подвергали постоянной опасности западный берегъ Великобританіи. Съ другой стороны, на югѣ, гдѣ преобладали иберы, они рано обратились въ христіанство и усвоили новую вѣру съ такимъ рвеніемъ, что они стали самыми энергичными миссіонерами поваго вѣроученія, какихъ только произвела Западная Европа: ирландскіе монахи, которыхъ называли „скоттами“ (шотландцами), проникли съ крестомъ и проповѣдью христіанства даже въглубь швейцарскихъ горъ (стр. 260). Въ то время, какъ священники южной Ирландіи находились въ тѣсной связи съ корнуэльской и уэльской церквами, войны сѣверной Ирландіи, народонаселеніе которой быстро возрастало, отправлялись на поиски новой родины къ сѣверу отъ Британіи, отняли у пиктовъ Западную Каледонію, и по ихъ имени вся сѣверная часть Великобританіи получила свое нынѣшнее названіе Шотландіи (стр. 580). Каждая небольшая лѣсистая горная мѣстность Ирландіи была центромъ маленькаго племени, по большей части состоявшаго во враждѣ со всѣми окрестными жителями. Ни одинъ начальникъ племени не оказался въ силахъ возвыситься до степени короля хотя бы только большей части острова. Затѣмъ норманны (стр. 500) прибыли также и къ берегамъ Ирландіи и основали здѣсь или, по крайней мѣрѣ, укрѣпили Дублинъ, Уэксфордъ, Матерфордъ, Коркъ и Лимриксъ. Но тутъ повторилась та же старая исторія. Разсѣянные остатки норвежцевъ, добравшихся до Ирландіи, не были настолько сильны, чтобы подчинить себѣ болѣе или менѣе значительную территорию; но они могли устоять превосходно противъ отдѣльныхъ племенъ кельтонберовъ. У англійскихъ королей не было ни поводовъ, ни охоты къ вмѣшательству въ дѣла сосѣдняго острова. Поэтому Ирландія осталась неприкосновенной вплоть до царствованія Генриха II. Однако и этотъ послѣдній едва ли бы сталъ заниматься ею, если бы папа Адрианъ IV не подарилъ ему этого острова въ силу того безспорнаго положенія, что всѣ острова составляютъ по праву собственность папы. Когда изгнанный изъ своей родины ирландскій начальникъ племени обратился къ Генриху съ просьбой о помощи, то этотъ послѣдній воспользовался благоприятнымъ случаемъ отдѣлаться отъ беспокойныхъ людей и разрѣшилъ ему забрать въ Ирландію столько англійскихъ рыцарей, сколько онъ найдетъ нужнымъ (въ 1170 г.; стр. 596). Послѣдствіемъ этого было основаніе независимыхъ графствъ, ни въ коемъ случаѣ небезопасныхъ для Генриха. Поэтому онъ предпринялъ въ 1171 г. походъ, по крайней мѣрѣ, для ихъ устрашенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ угодили этимъ походомъ папѣ, расположеніемъ котораго онъ дорожилъ.

Однако, послѣ ухода Генриха изъ Ирландіи все осталось по старому, а англійское вліяніе становилось со временемъ все слабѣе. Самый тяжелый ударъ былъ нанесенъ ему въ 1315 году вторженіемъ въ Ирландію шотландскаго короля Эдуарда Брюса. Хотя въ концѣ концовъ это вторженіе было отражено, все же его послѣдствія сгладились нелегко. Англійскія колоніи были захвачены кельтонберами; въ 1367 году государственной собственностью Англій считался только округъ Дублина; остальная же часть острова Ирландіи вернула себѣ обратно полную независимость. Даже этотъ единственный англійскій округъ подвергался нападеніямъ со стороны ирландцевъ и все сокращался въ своихъ размѣрахъ въ концѣ XIV столѣ-

тія. Уже въ 1394 году Ричардъ II предпринялъ походъ въ Ирландію для защиты страдающей отъ нападенія Дублинской колоніи, по его постигла печальная неудача. Теперь, въ 1399 году, онъ предпринялъ въ самый неподходящій моментъ второй походъ. Въ Англіи все предугадывали печальный исходъ этого военного предпріятія. Изгнанный изъ Англіи Генрихъ Ланкастеръ воспользовался этимъ случаемъ для того, чтобы завладѣть обратно своими наслѣдственными землями, и высадился въ Йоркширъ съ отборнымъ отрядомъ. Противъ ожиданія онъ получилъ подкрѣпленіе отъ нортумберлендскаго аристократическаго рода Перси. Ему нуженъ былъ только общепонятный и воспламеняющій все умы лозунгъ для того, чтобы перетянуть весь народъ на свою сторону. Генрихъ Ланкастеръ придумалъ такой лозунгъ: онъ заявилъ, что прибылъ для возмѣщенія всѣхъ обидъ, причиненныхъ королемъ. Даже намѣстникъ Ричарда, герцогъ Йоркскій Эдмундъ, перешелъ на его сторону. Ричардъ, находившійся въ Ирландіи, увидѣлъ, что ему грозитъ безвозвратное отпаденіе отъ него Англіи. Однако у него опять явился проблескъ генія; онъ направился въ Уэльсъ и собралъ тамъ большое войско, но несчастныя случайности все задерживали самого короля въ Ирландіи, пока войско не устало ждать и не разошлось. Онъ остался совершенно одинокимъ; у него не осталось никакого другого исхода, какъ отдаться въ руки Ланкастера, который предложилъ ему свои услуги въ качествѣ министра. Какъ только онъ очутился во власти Ланкастера, то онъ сейчасъ же былъ препровожденъ въ Лондонскій Тоуэръ. Теперь все совершилось, какъ полагается, безъ насилія и кровопролитія въ освященныхъ преданіемъ юридическихъ формахъ, которымъ англичанинъ всегда придавалъ большое значеніе, и которыя спасли его во все продолженіе его исторіи отъ необдуманныхъ дѣйствій. Въ тюрьмѣ короля склонили къ тому, чтобы онъ подписалъ свое отреченіе отъ престола 29 сентября 1399 г. Уже на слѣдующій день это отреченіе было представлено парламенту, — такъ тщательно все было подготовлено; недоставало только одного, чтобы парламентъ высказалъ сожалѣніе по поводу отреченія такого кроткаго и бережливаго короля. Во имя св. Троицы, безъ которой, конечно, нельзя было обойтись, претендентомъ на престолъ выступилъ Ланкастеръ, какъ потомокъ Генриха III. Парламентъ былъ радъ тому, что вступленіе ловкаго короля на престолъ можетъ обойтись безъ междоусобной войны, и признать его права; англійскій парламентъ уже привыкъ подчиняться силѣ при Ричардѣ II. Такимъ образомъ на англійскомъ престолѣ водворилась новая династія. Король Ричардъ скончался въ замкѣ Понтефрактъ 14 февраля 1400 г.

4. Дома Ланкастеровъ и Йорковъ и начало династии Тюдоровъ.

А. Домъ Ланкастеровъ (отъ 1399 до 1461 г.).

а) Трое Генриховъ.

Династія Ланкастеровъ, за какихъ-нибудь 50 лѣтъ давняя трехъ Генриховъ, четвертаго, пятаго и шестого изъ англійскихъ королей этого имени, едва ли подвинула Англію впередъ въ какомъ бы то ни было отношеніи, хотя нельзя отрицать, что средній изъ этихъ Генриховъ былъ безусловно великимъ монархомъ. Но Генрихъ VI потерялъ обратно все то, что приобрѣлъ для Англіи Генрихъ V, да, кромѣ того, почти всю Францію. Вообще эти три короли представляютъ собою ретроградную группу, которая не только не сумѣла стать во главѣ экономическаго и соціальнаго теченія своего времени, а скорѣе становилась поперекъ пути какъ матеріальному прогрессу, такъ и движенію свободной мысли. Теперь.

въ тотъ вѣкъ, когда англійское свободное населеніе вступило въ противорѣчіе съ иноземнымъ міросозерцаніемъ, принесеннымъ съ Востока, или, по крайней мѣрѣ, съ его представителями, когда церковь стала считаться не національной силой, а такой же иноземной, какъ король французскій, когда изъ круговъ этого свободнаго населенія исходятъ проекты конфискаціи обширныхъ церковныхъ земель на томъ основаніи, что на доходы съ этихъ земель можно содержать 15 графовъ, 1,500 знатныхъ свободныхъ людей, 6,200 свободныхъ простолюдиновъ и 100 больницъ, — свободный мыслитель, сидящій на англійскомъ тронѣ, могъ бы уйти впередъ на цѣлую четверть тысячелѣтія по сравненію со всѣми другими европейскими странами въ развитіи своего религіознаго мышленія и проложить путь къ коренному перевороту въ міровоззрѣніи Западной Европы и окончательному освобожденію отъ Рима. вмѣсто этого Англія пошла совершенно противоположнымъ путемъ. Въ XIV столѣтіи погубило вліяніе схоластики, неудовлетворявшей больше лучшихъ умовъ того времени, и мысль наступавшаго XV столѣтія обнаружила явный интересъ къ окружающему реальному міру и стремленіе къ отдѣленію церкви отъ науки. Студенты оксфордскаго университета уже давно считались тысячами; основаніе общежитій для нихъ давало возможность даже самымъ бѣднымъ изъ нихъ среды списать для себя цѣлый рядъ книгъ и перевернуть ихъ содержаніе. Рядомъ съ чисто церковной наукой давно уже заняла свое особое мѣсто свѣтская наука. Такъ, на примѣръ, въ большую честь вошелъ, отчасти незаслуженно, Аристотель. Однако въ Оксфордѣ разрабатывались также исторія и право. Правда, тѣ званія, которыя тамъ выростали, были на первыхъ порахъ экзотическимъ цвѣткомъ, слишкомъ ясно обнаруживавшимъ, что онъ есть продуктъ Южной Европы, не имѣющій никакой связи съ мѣстной духовной флорой. Вотъ почему тогдашняя оксфордская наука не имѣла никакого вліянія на общій духовный колоритъ Англіи.

Въ XIII и XIV столѣтіяхъ церковь еще обладала способностью къ спекулятивному углубленію своего искусственнаго міросозерцанія. Хотя ея вѣроученіе ни въ коемъ случаѣ не совпадало съ тѣмъ, во что вѣрили массы, тѣмъ не менѣе ученый аппаратъ церкви съ его естественнымъ притязаніемъ на непогрѣшимость держалъ толпу въ почтительномъ страхѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ теперь стоятъ лицомъ къ лицу народная вѣра и церковная вѣра, въ началѣ XV столѣтія еще боролись между собою суевѣріе и религія. Суевѣріе было мрачнымъ облакомъ, исходящимъ изъ царства злого бога, дьявола, вѣра — свѣтлой истиной, исходящей изъ сіяющихъ небесныхъ высотъ. Подобно тому, какъ первобытная эпоха клала въ основу всѣхъ событій человѣческаго чувства и человѣческаго побужденія, главнымъ образомъ, жадность и страсть къ господству, такъ и церковь XV столѣтія, руководствуясь своимъ моральнымъ катехизисомъ, распредѣляла еще всѣ человѣческія стремленія на добрыя и злыя. Представленія объ исканіи истины, о стремленіи къ познанію были чужды ей; она знала только благочестивое преклоненіе предъ единственной Божьей истиной и нечестивое возмущеніе противъ этой истины. Что такое представленіе совмѣшалось иногда съ властолюбивыми замыслами церковныхъ князей, этого никто не будетъ отрицать. Однако оно происходило не изъ этихъ замысловъ, а изъ міровоззрѣнія той эпохи. Теперь казалось, что ученіе церкви уже давно неспособно къ дальнѣйшему развитію въ спекулятивномъ направленіи. По крайней мѣрѣ, такое дальнѣйшее развитіе церковнаго ученія не соблазняло ся профессиональныхъ представителей. Церковь стала относиться враждебно ко всякому дальнѣйшему прогрессу въ сферѣ религіи. Во Франціи альбигойцы подвергались пресѣдованіямъ еще раньше этой эпохи, но въ Англіи могъ спокойно умереть въ своемъ приходѣ даже такой человѣкъ, какъ Вилкльмъ. Враждебное отношеніе къ сектѣ братьевъ лоллардовъ и другимъ „первобытнымъ хри-

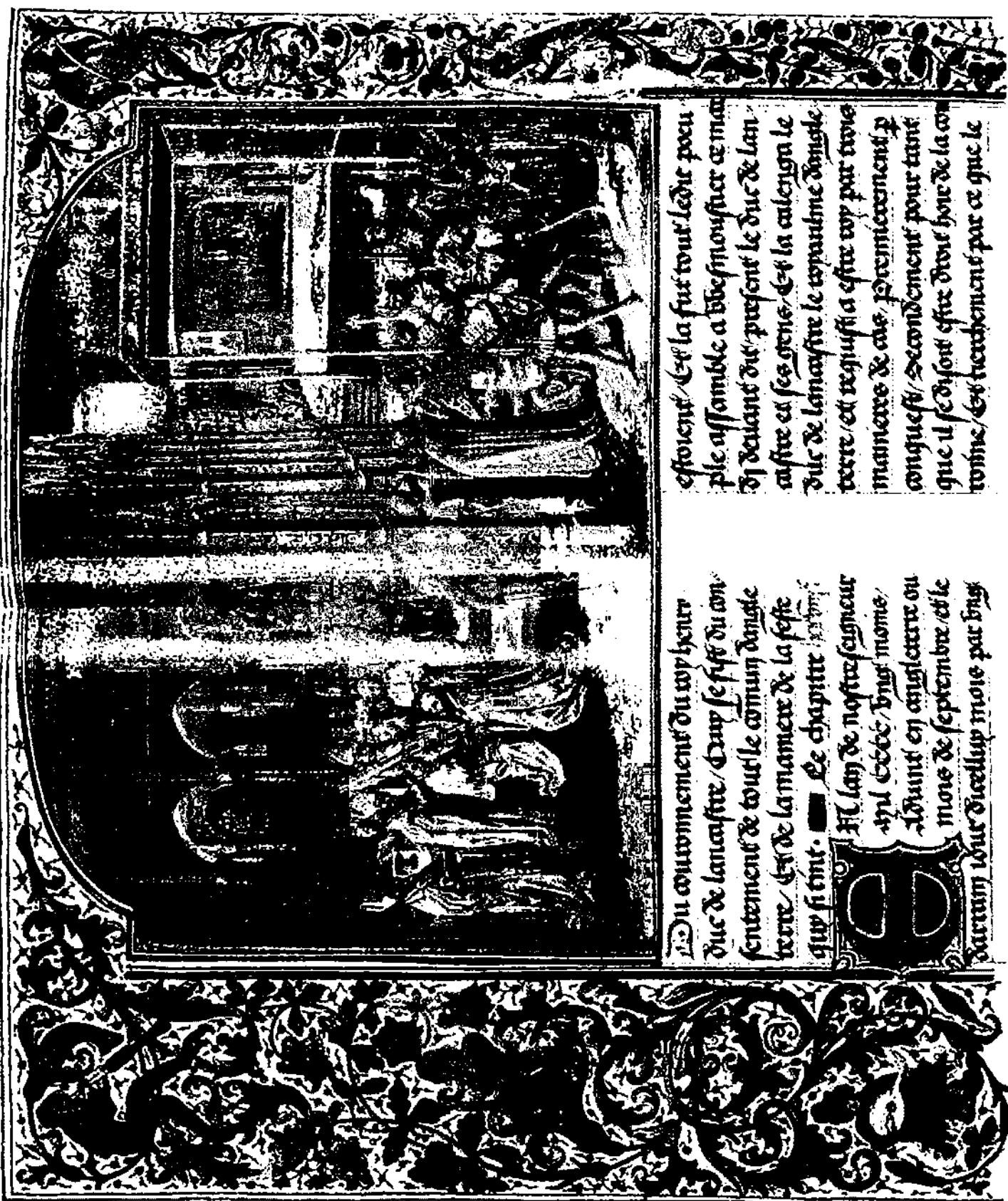
стіапамъ“ (стр. 297) объясняется опасеніемъ предъ социальными послѣдствіями подобныхъ народныхъ движеній, предъ возстаніемъ крѣпостныхъ, и безъ того обнаруживавшихъ властолюбивые замыслы. Теперь, когда внѣшнее положеніе церковнаго интернаціонала стало колебаться, церковь направила все свое вниманіе на сохраненіе главнѣйшихъ элементовъ религіозныхъ вѣрованій своей эпохи. Въ Англіи духовный судъ могъ осудить еретика, но истребить его -- это было внѣ власти подобнаго суда. Теперь церковь рѣшила, что она не можетъ обойтись безъ такого права, и въ 1401 г. она добыла его въ видѣ особаго приказа парламента о сожиганіи еретиковъ. Первой жертвой этого приказа палъ одинъ изъ послѣдователей Виклифа; онъ оспаривалъ волшебное дѣйствіе обряда причастія и заплатился за свое вольнодумство смертью на кострѣ. Послѣдовалъ періодъ основанія новыхъ монастырей. Лоллардамъ угрожало преслѣдованіе. Самый высокопоставленный послѣдователь этой секты, лордъ Кобгэмъ, былъ вытребованъ къ архіепископу кентерберійскому, допрошенъ относительно его вѣроисповѣданія и признанъ тяжело виновнымъ. Отъ отлученія ему не удалось избавиться, но онъ не былъ изжаренъ на огнѣ только потому, что онъ спасся бѣгствомъ. Его послѣдователи возмутились противъ государственной власти. Тѣ, которыхъ правительству удалось захватить въ свои руки, погибли въ 1414 году на свѣжемъ воздухѣ висѣлицы или въ дыму костра; наконецъ, ихъ бывший глава тоже былъ пойманъ и сожженъ во славу Божью. Секта лоллардовъ была стерта съ лица земли по особому распоряженію парламента, а ея литература была истреблена. Церковь господствовала опять безвозбранно надъ всѣми религіозными вѣрованіями современной эпохи.

Однако ея могущество обуславливалось уже теперь не ея силой, а перегруппировкой политическихъ условій Англіи. Постепенное ограниченіе ленной системы нанесло ударъ прежде всего могуществу крупныхъ феодаловъ. Но подобно тому, какъ феодальная армія замѣнилась сама собой наемной арміей, такимъ же образомъ отряды крестьянъ, призывавшіеся на военную службу ленивыми владѣльцами, были замѣнены наемниками, получавшими отъ бароновъ жилище, пропитаніе, одежду и денежную плату и поднявшими снова въ значительной степени значеніе укрѣпленныхъ замковъ бароновъ благодаря тому, что эти наемные отряды были всегда къ ихъ услугамъ. Такимъ же образомъ скопленіе людей въ городахъ дало этимъ послѣднимъ не только политическое вліяніе, но также небывалую раньше военную мощь. По звону набата въ лондонскихъ церквахъ за одинъ часъ можно было собрать вооруженную силу въ 50,000 человекъ, въ то время, какъ королю требовалось для этой цѣли цѣлыхъ два мѣсяца. Однако эта военная сила все еще оставалась исключительно оборонительной силой. Она всегда была готова защищать свои стѣны, но никогда не вышла бы изъ городскихъ воротъ для участія въ открытомъ бою. Совершенно иначе обстояло дѣло съ наемниками бароновъ. Эти послѣдніе не занимались въ обыкновенное время ремесломъ или торговлей, какъ бюргеры, а были воинами по профессіи; поэтому они всегда были готовы просто ради времяпрепровожденія покуситься на чужое имущество, понадѣваться надъ епископомъ или позаняться немощко морскимъ разбоемъ. Они всегда были готовы къ возстанію противъ короля, лишь бы только въ перспективѣ была добыча. Ихъ совѣсть нисколько не смущала ихъ; они не приносили присяги на вѣрность королю подобно прежнимъ посредственнымъ ленникамъ короны; они служили исключительно удачному хозяину, который кормилъ ихъ хлѣбомъ. Такимъ образомъ послѣ удачнаго устраненія прежней опасности для королевской власти, заключавшейся въ вассальной системѣ, для нея выросла новая опасность въ лицѣ бароновъ королевства.

Экономическая основа этой новой профессіи наемниковъ, неоднократно

запрещавшейся парламентомъ, заключалась въ раздѣленіи труда, обусловленнаго экономическимъ развитіемъ страны, и въ расширеніи денежнаго хозяйства за счетъ натурального. Надо замѣтить, что вслѣдствіе черной смерти Англія на первыхъ порахъ подвинулась на шагъ назадъ въ своемъ экономическомъ развитіи: денежный оброкъ, уже входившій въ обычай вмѣсто принудительнаго труда крѣпостныхъ, былъ обратно замѣненъ непосредственной работой вслѣдствіе вздорожанія денегъ; то же самое относится къ натуральнымъ повинностямъ, которыя были отчасти переведены на деньги въ періодъ дешевизны хлѣба. Однако это ретроградное движеніе не могло удержаться надолго, такъ какъ оно основывалось исключительно на преимущественномъ военномъ значеніи бароновъ и городовъ. Оно также не могло быть поддержано насильственнымъ путемъ посредствомъ закона. Несмотря на то, что корона отобрала назадъ послѣ усмиренія крестьянскаго возстанія всѣ уступки, сдѣланныя крѣпостнымъ, тѣмъ не менѣе прежнее движеніе въ направленіи къ чистому денежному хозяйству неудержимо подвигалось впередъ. Численность крѣпостныхъ стала сильно понижаться съ 1381 года, а мѣстами вовсе не стало крѣпостныхъ. Различіе между свободнымъ человѣкомъ, сидѣвшимъ на маленькомъ участкѣ земли и считавшимся членомъ общины, и крѣпостнымъ, тоже отчасти добившимся порядочнаго благосостоянія, становилось все меньше. Въ то время, какъ свободный человѣкъ почти изъ года въ годъ призывался на время въ ополченіе въ періодъ господства вассальныхъ отношеній, крѣпостной крестьянинъ сидѣлъ дома и заботился о своемъ хозяйствѣ; теперь же его рвеніе удвоилось, такъ какъ онъ уже не отдавалъ больше своему господину того или иного процента своего дохода, а вносилъ денежную повинность опредѣленнаго размѣра, и главная часть продуктовъ его труда поступала въ его собственную пользу. Въ какой мѣрѣ пропитаніе населенія Англіи зависѣло отъ человѣческаго труда, это стало ясно послѣ эпидеміи черной смерти, однимъ ударомъ поднявшей цѣны предметовъ первой необходимости до небывалой высоты. Несмотря на такія высокія цѣны, сельское хозяйство далеко не процвѣтало вслѣдствіе того, что издержки производства возросли еще въ большей степени, а рабочія силы, которыя стали теперь привлекаться къ сельскохозяйственному труду, вопреки своимъ привычкамъ и помимо своей воли, отличались весьма слабой производительностью. При такихъ условіяхъ въ распоряженіи землевладѣльцевъ было только одно средство для улучшенія своего положенія: подвинуться назадъ вмѣстѣ съ общимъ ретрограднымъ теченіемъ и перейти обратно къ преимущественно пастбищному хозяйству. Болѣе состоятельные изъ крѣпостныхъ крестьянъ ни за что не соглашались снова отбывать барщину у своихъ господъ. Когда отъ нихъ требовали принудительнаго труда, то они нерѣдко посылали вмѣсто себя наемныхъ рабочихъ, составлявшихъ гораздо менѣе производительную силу, чѣмъ собственный трудъ крѣпостныхъ, хотя бы и безусловно вынужденный. Для основательнаго веденія хозяйства эти подопки населенія ни въ коемъ случаѣ не годились; но они были вполнѣ пригодны для пастбы скота, въ особенности послѣ того, какъ пастбища стали обводиться каменными стѣнами. Почва была такъ же производительна, какъ и раньше, но пастбищное хозяйство требовало меньше издержекъ, — поэтому оно было выгоднѣе самаго производительнаго земледѣлія при возрастаніи издержекъ; это упрощенное хозяйство снова подняло благосостояніе всѣхъ тѣхъ, у которыхъ было такъ много земли, чтобы занять пастуха на цѣлый день уходомъ за стадомъ. Владѣльцы менѣе крупныхъ участковъ могли покрывать свои издержки только при условіи соединенія своихъ стадъ и пастбищъ. Такимъ образомъ въ началѣ XV столѣтія произошло укрупненіе общины, которое относилось ошибочно къ очень раннему историческому періоду.

Вѣкъ Генриха IV стоялъ въ Англіи какъ разъ посредниѣ пути отъ

Du couronnement du roy henry
 duc de lancastre. Cuy se fist du con-
 sentement de tout le comun denge-
 terre. Et de la manere de la feste
 quy si tint. — Le chapitre

El lan de nostre seigneur
 mil cccc. vng. mois.
 Aduint en angleterre ou
 mois de septembre et le
 xiiiiour d'icelluy mois par bng

estoient. Et la fut tout ledit poeu-
 ple assamble a bbesmouster ce ma-
 dy deuant dy. presens le duc de lan-
 castre et ses gens. Et la calengna le
 duc de lancastre le royaume denge-
 terre. et requesta estre roy par trois
 manieres de cas. Premièrement p
 conquest. Secondement pour tant
 que il se disoit estre droit hoir de la co-
 ronne. Et tiercement par ce que le

Коронованіе короля англійскаго Генриха IV.

Du couronnement du roy henry duc de lancastre Quy se fist du consentement de tout le commun dangleterre Et de la maniere de la feste quy si tint. Le chapitre lxxviii°

EN lan de nostre seigneur mil cccc, vng moins, aduint en angleterre ou mois de septembre, et le darrain iour diceluy mois par vng [...]

О коронованіи короля Генриха, герцога Ланкастерскаго, совершенномъ съ одобренія всего населенія Англїи, и о родѣ торжества, имѣвшаго мѣсто по этому случаю. Глава 78.

Въ лѣто Господа нашего 1400 безъ одного (т. е. въ 1399 г.), въ мѣсяцѣ сентябрѣ, а именно, въ послѣдпій день этого мѣсяца, въ Англїи произошло...

estoient. Et la fut tout ledit poeuple assamble a Wesmoustier ce mardi deuant dit present le duc de lancastre et ses gens. Et la calenga le duc de lancastre le royaume dangleterre et requist a estre roy par trois manieres de cas, Premièrement par conquest, secondement pour tant que il se disoit estre droit hoir de la couronne, Et tierchement par ce que le [...]

были. И весь упомянутый народъ собрался въ Вестминстерѣ въ названный вторникъ въ присутствїи герцога Ланкастерскаго и его свиты. И тутъ герцогъ Ланкастерскїй заявилъ притязанїя на Англїйское королевство и потребовалъ, чтобы его сдѣлали королемъ на трехъ основанїяхъ: во-первыхъ, по праву завоеванїя, во-вторыхъ, на основанїя того его утвержденїя, что онъ законный наслѣдникъ престола. И, въ-третьихъ, потому, что...

вассальнаго государства къ конституціонному. Цѣлый рядъ важныхъ отраслей народной дѣятельности былъ уже урегулированъ въ правовомъ отношеніи посредствомъ парламентскихъ постановленій. Тѣмъ не менѣе бароны сохраняли свое прежнее могущество. Какъ только этотъ король вступилъ на престолъ въ 1399 году (смотри приложен. таблицу: „Коронованіе короля Генриха IV“) и показалъ видъ, что онъ желаетъ править въ согласіи съ парламентомъ, въ 1400 году вспыхнуло возстаніе въ пользу низложеннаго съ престола Ричарда II; однако съ помощью ополченія и свободаго населенія Генрихъ разбилъ участвовавшихъ въ возстаніи бароновъ. Когда Ричардъ II скончался черезъ короткое время послѣ этого въ тюрьмѣ (стр. 611), то была устранена, по крайней мѣрѣ, опасность новаго возстанія въ его пользу, несмотря на то, что въ Шотландіи появился лже-Ричардъ, который пріобрѣлъ нѣкоторое число сторонниковъ. Какъ только Англія успокоилась, разразилась буря въ Уэльсѣ. Мѣстный бунтъ грозилъ превратиться въ народную войну. Уэльскій баронъ Оуэнъ Глендоуэръ призвалъ къ оружію населеніе Уэльса и провозгласилъ себя королемъ. Генрихъ не въ силахъ былъ справиться съ нимъ, такъ какъ Глендоуэръ велъ войну въ союзѣ съ горцами, которые кидали съ горъ деревья, осыпали неприятеля градомъ стрѣлъ изъ пещеръ, заграждали плотинами горные ручьи и спускали съ горъ громадныя глыбы. Борьба съ Уэльсомъ еще не пришла къ концу, какъ въ Нортумберлендѣ вторглось шотландское войско подъ начальствомъ лже-Ричарда; но оно столкнулось съ болѣе сильнымъ противникомъ въ лицѣ могущественныхъ Перси. Однако эти послѣдніе какъ будто раскаялись въ томъ, что они защищали Англію ради Генриха и въ слѣдующемъ году они выступили противъ него, подкрѣпивши свои военныя силы плѣнными шотландцами, которыхъ они снабдили оружіемъ. Генрихъ все же одержалъ надъ ними верхъ (21 іюля 1403 года): свободные простолюдины дрались весьма охотно противъ бароновъ, такъ какъ они успѣли убѣдиться на опытѣ, что значить господство анархіи. Черезъ короткое время Генрихъ добился пѣнотораго успѣха къ невыгодѣ Шотландіи: въ 1406 году онъ захватилъ въ мирное время наследника шотландскаго короля Роберта III на пути во Францію. Генрихъ продержалъ его въ плѣну въ теченіе всей юности плѣнника, но воспиталъ его не только какъ англичанина, но и какъ монарха, и обходился съ нимъ весьма дружелюбно. Яковъ, впоследствии ставшій шотландскимъ королемъ подъ именемъ Якова I (отъ 1424 до 1437 года), былъ даровитымъ принцемъ и переносилъ терпѣливо свою участь, хотя „Королевская Книга“, въ которой онъ будто бы воспѣлъ свою судьбу, сочинена не имъ. Только послѣ смерти Генриха V (въ 1423 году) ему было разрѣшено вернуться домой. Нортумберлендомъ Генрихъ завладалъ только послѣ двухъ дальнѣйшихъ походовъ (1405 и 1408 года). Уэльсъ все еще не былъ покоренъ. На помощь къ нему прибылъ французскій флотъ, и въ то же время французская сухопутная армія напала на англійскія владѣнія въ Гени. Однако вспыхнувшая въ это время во Франціи междуусобная война (томъ VII, стр. 177) парализовала силы этого государства, и Генрихъ оказался, по крайней мѣрѣ, въ силахъ отбросить Глендоуэра вглубь Уэльскихъ горъ. Такимъ образомъ въ Англіи было восстановлено внутреннее спокойствіе, хотя еще не прекратились раздоры среди членовъ королевской семьи. Король не могъ придти къ соглашенію съ своимъ сыномъ и наследникомъ Генрихомъ относительно политики, которой Англія должна держаться во Франціи, и это обстоятельство имѣло тѣмъ болѣе важное значеніе, что сынъ короля былъ его лучшимъ военачальникомъ. Однако отецъ скончался раньше, чѣмъ этотъ раздоръ между отцомъ и сыномъ не довелъ до кровопролитія (20 марта 1413 г.).

Генрихъ IV боялся обоихъ своихъ соперниковъ, имѣвшихъ болѣе основательное наследственное право на престолъ, чѣмъ онъ самъ, но Ген-

рихъ V былъ свободенъ отъ такого страха. Кромѣ того, онъ зналъ слишкомъ хорошо Францію со времени своихъ прежнихъ походовъ, и отъ его глазъ не укрылось то обстоятельство, что ея королевскій престолъ стоитъ на глиняныхъ ногахъ; у него сейчасъ же созрѣлъ планъ разбить эти ноги. Уже въ 1415 г. онъ выступилъ открыто со своими правами на французскій королевскій престолъ. Несмотря на то, что войско, которое онъ привелъ съ собою во Францію, сильно пострадало отъ болѣзней, тѣмъ не менѣе онъ разбилъ французовъ при Азенкурѣ (25 октября 1415 г.). Это былъ первый военный успѣхъ Англiи на материкѣ послѣ долгаго промежутка времени; онъ укрѣпилъ престолъ Генриха гораздо прочнѣе, чѣмъ это могли бы сдѣлать долгіе годы мирнаго правленія. Пытаясь натравить другъ на друга континентальныя державы, англійскій король предпринималъ вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ походъ за другимъ и завоевалъ къ 1419 г. Нормандію, пользуясь непрерывными смутами, господствовавшими во Франціи. Наконецъ, онъ достигъ своей цѣли по мирному договору въ Труа 21 мая 1420 г. Онъ вступилъ въ бракъ съ Катериной, дочерью Карла VI, и управлялъ Франціей въ качествѣ регента, съ тѣмъ, чтобы возложить на свою голову французскую корону послѣ смерти Карла; но онъ не дожился до этого и скончался 31 августа 1422 г. на 35 году своей жизни.

Его преемникомъ на престолѣ сталъ какъ въ Англiи, такъ и во Франціи его девятимѣсячный сынъ Генрихъ VI: вся задача жизни этого послѣдняго свелась къ тому, чтобы потерять обратно и окончательно Францію, которая, впрочемъ, никогда не принадлежала полностью даже его отцу. Тайный совѣтъ Генриха V и парламентъ рѣшили сообща назначить на время малолѣтства короля протектора, власть котораго все же была предусмотрительно ограничена и раздѣлялась имъ съ тайнымъ совѣтомъ. Оба брата Генриха V, даровитый Іоаннъ, герцогъ Бедфордъ, и простоватый Гумфредъ, герцогъ Глустеръ, подѣлили между собою на дѣль этотъ постъ. Бедфордъ велъ съ полнымъ успѣхомъ войну во Франціи до тѣхъ поръ, пока Глустеръ не являлся въ армію. Въ 1428 г. онъ покорилъ весь сѣверъ Франціи до рѣки Луары за исключеніемъ Орлеана. Только выступленіе на сцену Орлеанской дѣвы Жанны д'Аркъ помѣшало ему взять также и этотъ послѣдній городъ. Карлъ VII короновался въ Реймсѣ; но въ 1430 г. Жанна попала въ руки бургундовъ, которые выдали ее англичанамъ, и была сожжена этими послѣдними въ Руанѣ по обвиненію въ колдовствѣ (т. VII, стр. 221). При всемъ томъ англійскія войска были отгѣснены обратно на сѣверъ несмотря на то, что они одержали нѣкоторыя частичныя побѣды. Между тѣмъ Генрихъ VI возложилъ на себя корону: Глустеръ былъ устраненъ отъ протекторства, а Бедфордъ скончался въ 1435 г. Все большая часть Франціи выскользала постепенно изъ рукъ англичанъ, а въ 1451 г. въ ихъ рукахъ оставался только г. Кале. Кале и Дублинъ — вотъ все, чѣмъ владѣла еще Англiя кромѣ южной части Великобританiи; кромѣ того независимымъ оставалось еще ядро Уэльскихъ горъ.

б) Начало войны между Бѣлой и Алой Розами.

Пока во Франціи побѣда слѣдовала за побѣдой, парламентъ вотировалъ охотно средства на веденіе войны. Какъ только счастье повернулось спиной къ англичанамъ, повернулся спиной также и парламентъ; его скупостью объясняется даже часть позднѣйшихъ неудачъ англичанъ по ту сторону Ламанша. Когда англичане потеряли Францію въ 1453 г., то король лишился народнаго довѣрія. Его стали называть бесполезнымъ чиновникомъ, и ему угрожали лишеніемъ его доходовъ. Въ Кентѣ вспыхнуло новое возстаніе съ ирландцемъ лже-Мортимеромъ во главѣ: это возстаніе распространилось до Лондона, но лондонскіе бюргеры, возмущенные насиліями повстанцевъ, разсѣяли бунтовщиковъ. Генрихъ VI вналъ въ

слабоуміе; снова пришлось избрать протектора Англій. Выборъ палъ на Ричарда, герцога Йоркскаго (въ 1454 г.). Онъ пробылъ на этомъ посту недолго; но черезъ нѣкоторое время король подвергся новому припадку слабоумія, во время котораго герцогъ Йоркскій занялъ во второй разъ этотъ постъ на нѣсколько болѣе долгій срокъ.

Между тѣмъ въ положеніи дѣлъ произошли существенныя перемены. Послѣ выздоровленія короля на сценѣ появился фаворитъ короля герцогъ Эдмундъ Сомерсетъ; Йоркъ вынужденъ былъ выступить противъ него съ оружіемъ въ рукахъ въ сраженіи при Сентъ-Албансѣ, которое было первымъ столкновеніемъ между Алой Розой Ланкастеровъ и Бѣлой Розой Йорковъ (21 мая 1455 г.). Къ королю снова вернулся разсудокъ, и Йоркъ отступилъ (въ 1456 г.). Послѣ неудачнаго сраженія (12 октября 1459 г. недалеко отъ Лудлоу) онъ вынужденъ былъ бѣжать въ Ирландію. Однако онъ вернулся обратно черезъ нѣкоторое время, разбилъ короля и взялъ его въ плѣнъ (10 іюля 1460 г.) около Нортгэмптона. Затѣмъ онъ выступилъ предъ парламентомъ въ качествѣ претендента на королевскій престолъ, ссылаясь на то, что онъ состоитъ въ болѣе близкомъ родствѣ со старой королевской династіей (срав. род. дер., прил. къ стр. 632), чѣмъ Генрихъ VI. Парламентъ, присягнувшій на вѣрнопопданство Генриху VI, призналъ 25 октября права Йорка, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы престолъ перешелъ къ нему послѣ смерти перваго. Такимъ образомъ Йоркскій домъ оказался неожиданно побѣдоноснымъ соперникомъ Ланкастеровъ. Однако королева Маргарита не пожертвовала сразу съ легкимъ сердцемъ безъ борьбы правами своего сына Эдуарда. Она собрала на сѣверѣ войско, преданное Алой Розѣ, и отрѣзала 30 декабря возлѣ Уэкфильда обѣ головы Бѣлой Розы: въ этомъ сраженіи пали Йоркъ и его сынъ Эдмундъ, графъ Рутландъ; но въ живыхъ остался еще второй сынъ Йорка, графъ Марчъ. Этотъ послѣдній призвалъ на защиту Бѣлой Розы Южную Англію и боролся съ переменнымъ успѣхомъ съ ея алой сестрой. Хотя молодой сынъ Генриха VI, который попался къ нему въ руки, снова выскользнулъ изъ нихъ, тѣмъ не менѣе онъ достигъ Лондона раньше королевы, а 2 марта 1461 г. онъ былъ провозглашенъ королемъ находившимися въ столицѣ лордами. Королева направилась на сѣверъ; онъ послѣдовалъ за ней и разбилъ ее 28 марта при Тоутонѣ. вмѣстѣ со своимъ сыномъ она вынуждена была бѣжать въ Шотландію въ то время, какъ Эдуардъ короновался въ Вестминстерѣ.

В. Домъ Йорковъ (отъ 1461 до 1485 г.).

Въ лицѣ Эдуарда IV на англійскій престолъ вступилъ домъ Йорковъ; эта династія царствовала въ Англій всего на всего 24 г., а затѣмъ была вытѣснена уэльскими Тюдорами. Парламентъ совершилъ роковую и непонятную для потомства ошибку, не установивши разъ навсегда порядка престолонаслѣдія. Получилось такое положеніе, что между собою стали чередоваться два различныхъ порядка престолонаслѣдія: древне-германскій, по которому престолъ переходилъ къ самому способному изъ взрослыхъ членовъ королевскаго дома мужского пола, и романскій, по которому престолъ переходилъ къ старшему сыну. Мало того, къ этимъ двумъ порядкамъ престолонаслѣдія присоединился третій, искусственный, новаго происхожденія. При крайней небезопасности жизни въ то время мужскіе члены королевскаго дома всегда подвергались опасности погибнуть раньше, чѣмъ они вступятъ на престолъ. Стало быть, такое право наследованія, при которомъ престолъ можетъ переходить къ женщинамъ, представлялось гораздо болѣе вѣрнымъ способомъ для удержанія надолго престола въ одной и той же семьѣ. Хотя въ Англій королева ни разу еще не была признана верховнымъ

главою народа, тѣмъ не менѣе претенденты на престолъ неоднократно основывали свои права на происхожденіи отъ дочери одного изъ прежнихъ королевъ. Такъ какъ короли отдавали своихъ дочерей замужъ почти исключительно за своихъ графовъ, въ то время, какъ они сами заглядывались съ особенной охотой на наслѣдницъ другихъ престоловъ, то почти все высшее дворянство состояло въ тѣхъ или иныхъ родственныхъ отношеніяхъ съ королевскимъ домомъ. Въ дѣйствительности господствующія въ Англіи условія были равносильны распространенію германскаго права наслѣдованія престола на болѣе широкой кругъ королевскаго рода. Однако англійскій порядокъ престолонаслѣдія отличался рѣзко отъ древне-германскаго въ томъ отношеніи, что въ Англіи разбираемой эпохи имѣло мѣсто не фактическое, а чисто формальное избраніе короля, такъ какъ лорды или парламентъ избирали всегда въ короли, а епископы кентерберійскіе короновали только того, кто уже захватилъ фактически въ свои руки власть посредствомъ государственнаго переворота. При этомъ обращалось, однако, строгое вниманіе на соблюденіе традиціонныхъ формъ. Хотя во всей англійской исторіи сила шла всегда впередъ права, тѣмъ не менѣе ни одинъ народъ не придавалъ столько значенія мелочному соблюденію правовыхъ формъ; еще и понинѣ всякое завоеваніе и всякое нарушеніе установленной договорами колониальной границы совершается англичанами яко бы во имя гуманности, справедливости и прогресса. Счастливая судьба надѣлила британцевъ способностью не замѣчать этого противорѣчія. Они убѣждены такъ глубоко въ томъ, что они являются единственными правоспособными защитниками культуры, права и человѣчества, что они не допускаютъ возможности противорѣчія между этими отвлеченными понятіями и интересами своего народа.

Въ то время, какъ парламентъ становился всегда на сторону сильнѣйшаго, короли старались обезпечить себя противъ соперниковъ двумя способами; во-первыхъ, препятствуя чрезвычайному усиленію кого бы то ни было изъ графовъ (Earls), а во-вторыхъ, въ видѣ предупредительной мѣры снимая головы подъ всякимъ благовиднымъ предлогомъ у тѣхъ, которые могли оказаться претендентами на престолъ. За предлогомъ для заключенія въ тюрьму не приходилось гоняться; а затѣмъ подъ покровомъ тюремнаго мрака внезапная смерть случалась такъ часто, что государственныя тюрьмы, и въ особенности Тоуэръ, прославились своимъ убійственнымъ вліяніемъ на здоровье заключенныхъ; для избавленія отъ ужасовъ Тоуэра вліятельнѣйшіе бароны часто старались отсиживаться во Франціи. Никакой другой изъ европейскихъ народовъ не переживалъ въ тѣ вѣка подобнаго истребленія своей высшей аристократіи и вообще всѣхъ, увлекавшихся властолюбивыми замыслами. Но этой же самой причинѣ ни въ какой другой странѣ власть монарха не усваивала въ такой степени вышней формы служенія народной массѣ и преклоненія предъ нею. Теперь, во вторую половину XV столѣтія, это приобрѣло двойное значеніе. Англія уже научилась обходиться безъ вассальной системы; къ чему же пужны были вассалы и доблестн вассаловъ? Крушеніе ленной системы было причиной, вызвавшей истребленіе вассаловъ, и въ то же время это истребленіе въ свою очередь ускоряло гибель этой системы. Въ матеріальной и духовной жизни, обычаяхъ и правѣ того времени не замѣчается никакого рѣзкаго прогресса въ сторону уточенной культуры, но все, что было достояніемъ высшаго сословія того вѣка, распространилось на болѣе широкіе круги, на все свободное населеніе и горожанъ, даже болѣе состоятельныхъ крѣпостныхъ и крѣпостныхъ арендаторовъ. Время правленія династіи Горковъ обозначаетъ собой при всей его краткости полную и окончательную гибель ленной системы. Впервые король сталъ теперь держать тронную рѣчь предъ представителями свободныхъ простолюдиновъ или „общинъ“. Первая тронная рѣчь была благодарствен-

ной рѣчью за то, что парламентъ согласился въ угоду королю объявить самозванцами весь домъ Ланкастеровъ и признать измѣнниками всѣхъ живыхъ представителей этого дома вмѣстѣ съ ихъ приверженцами. Палата общинъ была настолько умна, что становилась всегда на сторону господствующей партіи. Изъ этого явленія развилось мало по малу въ теченіе столѣтій другое соотношеніе: по большинству палаты стали опредѣлять, какая партія является господствующей. Такъ какъ палата становилась принципиально на сторону царствующаго короля, если онъ былъ настолько силенъ, что могъ поддерживать порядокъ и не требовалъ слишкомъ высокихъ налоговъ, то она укрѣпляла королевскую власть въ ея борьбѣ съ остатками феодальной системы въ Англии и способствовала созданію прочнаго положенія.

Эдуарду IV все еще нельзя было складывать оружія: съ сѣвера Англія подверглась нападенію со стороны королевы, собравшей вокругъ себя болѣе или менѣе значительныя военныя силы. Но она потерпѣла поражение (въ 1464 году), а въ 1465 году Генрихъ VI уже оказался подѣ замкомъ въ Тоузѣ. Эдуардъ создалъ новую высшую аристократію, черезъ короткое время уже не уступавшую старой по своей силѣ и служившую опорой для короля, но крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ. Въ существовавшія военныя отношенія уже вмѣшались новые вѣка съ ихъ пушками и мушкетами; благодаря этимъ техническимъ усовершенствованіямъ лишались всякаго значенія рыцарскія войска, которымъ еще раньше былъ нанесенъ сильный ударъ благодаря усовершенствованію лука. Снабдить армію оружіемъ новаго типа могла только корона: съ помощью этого усовершенствованнаго оружія Эдуардъ могъ устоять противъ всякихъ заговоровъ родовой аристократіи. Однако лучший изъ полководцевъ и умнѣйшій изъ государственныхъ людей, окружавшихъ Эдуарда, „фабрикантъ королей“ Ричардъ Варвикъ, разорился съ нимъ, вступилъ въ союзъ съ своимъ собственнымъ зятемъ, братомъ короля Георгомъ Кларенсомъ и завязалъ связи съ ланкастерской партіей изгнанной королевы (въ 1468 году). Въ лицѣ короля французскаго Людовика XI онъ приобрѣлъ могущественнаго союзника, такъ какъ этотъ послѣдній опасался союза между Эдуардомъ и Бургундіей (томъ VII, стр. 224) противъ Франціи. Братъ Варвика Монтегю, къ которому Эдуардъ питалъ неограниченное довѣріе, перешелъ неожиданно на сторону Варвика; съ большимъ трудомъ Эдуарду удалось спастись бѣгствомъ въ Голландію (въ октябрѣ 1470 года). Генрихъ VI былъ освобожденъ изъ Тоузѣ и посаженъ на престолъ; но Эдуардъ вернулся обратно, снова составилъ себѣ могущественную партію, захватилъ въ плѣнъ Генриха въ апрѣлѣ 1471 года и вступилъ съ торжествомъ въ Лондонъ. Уже 21 мая Генрихъ погибъ отъ убійственнаго вліянія Тоузѣ. Варвикъ и Монтегю пали въ битвѣ еще раньше, 14 апрѣля; 4 мая была взята въ плѣнъ супруга Генриха VI и убитъ его сынъ Эдуардъ.

Такимъ образомъ было истреблено все потомство Генриха IV. Мужская линія Бюфортовъ, дѣтей Джона, герцога Ланкастерскаго (ср. родословное дерево, прил. къ стр. 632), полуузаконенныхъ Ричардомъ II въ 1397 году, тоже была стерта съ лица земли. Даже изъ женской линіи остался въ живыхъ только одинъ представитель ея, Маргарита, вышедшая замужъ за уэльскаго дворянина Эдмунда Тюдора. Этотъ послѣдній былъ раньше графомъ Ричмондскимъ; отъ него Маргарита родила сына Генриха, носившаго съ 1456 года титулъ графа Ричмондскаго, несмотря на то, что онъ жилъ въ изгнаніи за границей. Такимъ образомъ, повидимому, былъ положенъ копецъ междуусобнымъ войнамъ, и Англія могла снова направить свои жадныя взоры на материкъ, т. е. на Францію. Въ 1475 г. Англія въ союзъ съ Бургундіей объявила войну Франціи подѣ первымъ попавшимся предлогомъ; но эта война не привела ни къ чему.

такъ какъ Людовикъ XI былъ слишкомъ тяжелъ на подъемъ, не рѣшился вести войны, а предпочелъ купить за большую сумму денегъ миръ на 9 лѣтъ (томъ VII, стр. 224). Заподозривъ своего соперника въ своемъ младшемъ братѣ, герцогѣ Джорджѣ Кларенсѣ, Генрихъ заточилъ его въ Тоуэръ по обвиненію въ государственной измѣнѣ (сконч. въ 1478 г.). Такимъ образомъ на свободѣ остался только одинъ его братъ, Ричардъ, герцогъ Глустеръ. Передъ своей смертью, послѣдовавшей 9 апрѣля 1483 г., Эдуардъ IV сдѣлалъ его опекуномъ надъ обоими своими сыновьями, Эдуардомъ и Ричардомъ; но Глустеръ столкнулся при дворѣ съ враждебной ему партіей, состоявшей изъ родственниковъ молодого короля Эдуарда V со стороны матери, которые были незнатнаго происхожденія, достигли власти и почестей благодаря Эдуарду IV, а теперь надѣялись пріобрѣсти рѣшающее вліяніе при посредствѣ новаго короля, которому было всего 12 лѣтъ. Поэтому они стали настаивать на его коронованіи. Глустеръ понималъ очень хорошо, какая участь ожидаетъ его. Какъ только состоялось бы формальное коронованіе Эдуарда V, его вліянію наступилъ бы конецъ: поэтому онъ захватилъ юнаго короля для того, чтобы помѣшать его коронованію. Борьба изъ-за вліянія при дворѣ превратилась въ борьбу за престолъ. Парламентъ утвердилъ Глустера протекторомъ, а Эдуардъ раздѣлилъ общую участь близкихъ родственниковъ англійскихъ королей. вмѣстѣ со своимъ младшимъ братомъ онъ попалъ въ Тоуэръ, и въ то же время пали головы трехъ самыхъ могущественныхъ его родственниковъ. Глустеръ зналъ, что ему нельзя обойтись безъ формальнаго оправданія этихъ дѣйствій предъ англійскимъ народомъ. Онъ придумалъ цѣлый рядъ беззастѣнчивыхъ обвиненій, обнаруживавшихъ съ очевидностью, что онъ не обладалъ богатымъ воображеніемъ. Вдова Эдуарда IV была обвинена въ колдовствѣ, самого Эдуарда онъ призналъ незаконнорожденнымъ, а себя самого единственнымъ законнымъ сыномъ герцога Йоркскаго: такимъ образомъ были соблюдены по мѣрѣ необходимости вѣщія приличія. Онъ устроилъ такъ, что наемники нѣсколькихъ герцоговъ провозгласили его королемъ 26 іюня, а затѣмъ сослали передъ парламентомъ на голосъ народа. Послушный парламентъ призналъ его законнымъ наследникомъ престола, и онъ сталъ англійскимъ королемъ подъ именемъ Ричарда III. Оба принца скончались между тѣмъ въ Тоуэрѣ незамѣтно для всѣхъ. Однако господство Ричарда было непродолжительнымъ. Генрихъ Тюдоръ, графъ Ричмондъ, послѣдній изъ Ланкастеровъ по женской линіи, вторгся въ Англію и пріобрѣлъ себѣ сторонниковъ. Въ битвѣ при Босвортѣ (22 августа 1485 г.) Ричардъ увидѣлъ себя окруженнымъ предателями, бросился съ королевской короной на голову въ густые ряды сражающихся и нашелъ себѣ смерть. Послѣ битвы корона была найдена и возложена на голову Генриха Тюдора, графа Ричмонда, который перетянулъ на свою сторону приверженцевъ Бѣлой Розы обѣщаніемъ жениться на Елизаветѣ, наследницѣ правъ Йорковъ. Со времени его брака съ ней (въ 1486 г.) онъ сталъ носить на своемъ щитѣ бѣло-красную розу.

В. Генрихъ VII (отъ 1485 до 1509 г.).

Парламентъ не отказался признать королемъ даже Генриха VII, который не могъ опереться ни на какое сколько-нибудь основательное наследственное право. Хотя онъ былъ обязанъ своимъ престоломъ объединенію обѣихъ враждующихъ между собою партій благороднаго сословія, тѣмъ не менѣе онъ былъ настолько предусмотрителенъ, что искалъ опоры въ простонародной массѣ. Онъ не только избѣгалъ малѣйшаго столкновенія съ нею изъ-за утвержденія налоговъ и прибѣгалъ для этого къ крайней бережливости, мало того, онъ защищалъ ее также отъ непосредственныхъ

посягательствъ аристократіи. При немъ былъ искорененъ послѣдній остатокъ военной силы вассаловъ: Генрихъ не только возобновилъ старое королевское распоряженіе, запрещавшее баронамъ держать у себя на службѣ наемныхъ солдатъ, но воздѣйствовалъ весьма убѣдительно на непокорныхъ высокими денежными штрафами. До этого времени одна только Шотландія напоминала отъ поры до времени Англии о своемъ существованіи на чисто разбойническомъ языкѣ; при Генрихѣ VII впервые взялась за эту роль также Ирландія. Англійская колонія въ Дублинскомъ округѣ была привлечена цѣликомъ на сторону Бѣлой Розы разумными дѣйствіями тамошняго намѣстника, принадлежавшаго къ партіи Йорковъ; этой партіи парламентъ колоніи былъ обязанъ своей фактической независимостью отъ Англии, хотя формально въ этой странѣ продолжала признаваться верховная власть англійскаго парламента. Этому гомрулю Бѣлая Роза была обязана своей популярностью въ ирландской столицѣ. Новый сильный англійскій король былъ не по вкусу Ирландіи. Она попыталась бросить ему камень поперекъ пути и выставила для этой цѣли ложнаго претендента на престолъ, Ламберта Симнея. Этотъ камень докатился до Ланкашира; Генрихъ оттолкнулъ его навсегда съ своего пути однимъ ударомъ ноги и далъ ему полезное мѣсто на своей кухнѣ въ 1487 г. Эта побѣда укрѣпила положеніе Генриха; королевская власть подняла свою голову въ Англии съ большей гордостью, чѣмъ когда бы то ни было раньше. Генрихъ смирилъ дублинскій парламентъ и распространилъ на Ирландію англійское право и англійскіе законы.

Однако Англія не была единственной страной, въ которой ленное государство превратилось мало по малу въ королевство съ сильной центральной властью. Во Франціи совершился такой же процессъ развитія, но онъ произошелъ съ гораздо большей быстротой и блескомъ послѣ долгаго затишья, обусловленнаго тѣмъ, что тутъ государству пришлось растворить въ себѣ далеко не такихъ вассаловъ, какъ въ Англии. Въ 1491 г. французское королевство поглотило также и Бретань посредствомъ брака Карла VIII съ наслѣдницей Бретани Анной (т. VII, стр. 226). Англія пыталась было протестовать противъ этого роста сосѣдней державы; англійскія войска уже высадились было на французскую территорію, но 3 ноября 1492 г. Англія отказалась отъ этого протеста и вступила въ соглашеніе съ Франціей. Это миролюбіе не понравилось тѣмъ широкимъ слоямъ населенія, которые были преисполнены боевого пыла и охотно помѣрялись бы еще разъ съ вѣшнимъ врагомъ; недовольство возросло благодаря тому, что Генрихъ сталъ прибѣгать къ вымогательству отъ богатаго класса, сильно угнетаемаго этими добровольными денежными пожертвованіями и прекращеніемъ торговли съ промышленной Фландріей, обусловленнымъ перемѣной направленія въ политикѣ Генриха. Неудивительно, поэтому, что любой изъ вліятельныхъ бароновъ протягивалъ руку къ коронѣ подъ первымъ поавнившимся предлогомъ, а парламентъ встрѣчалъ его съ распростертыми объятіями. Появился новый претендентъ на престолъ въ лицѣ Перкина Варбека, искателя приключеній, выдававшего себя за младшаго сына Эдуарда IV и поавнаго по волѣ случая въ Шотландію въ 1496 г. во время одного изъ своихъ путешествій. Яковъ IV сначала сталъ было на его сторону, а затѣмъ махнулъ на него рукой. Послѣ неудачной попытки къ побѣгу „Петрушка“ былъ подвергнутъ смертной казни со всѣми формальностями 23 ноября 1499 г.

Посредствомъ торговаго договора съ Нидерландами (въ 1496 г.) Генрихъ создалъ почву для новаго подъема англійской промышленности. Въ сельскомъ хозяйствѣ тоже обнаружился значительный прогрессъ. Обширныя пространства бывшихъ пастбищъ стали обрабатываться подъ посѣвы. Народонаселеніе возросло, и число жителей достигло полныхъ 3 милліоновъ. Въ Лондонѣ оно возросло до 150 тысячъ, а городовъ

съ 20 тысячами жит. было въ это время въ Англии цѣлыхъ 6; $\frac{1}{20}$ часть всего населенія жила въ одномъ городѣ на такомъ пространствѣ, которое можно было объѣхать кругомъ за одинъ часъ. Неудивительно, что эта $\frac{1}{20}$ часть населенія, выдававшаяся по своему трудолюбію, имущественному положенію и дарованіямъ, приобрѣла значеніе цѣлой трети социальныхъ силъ всей страны. Въ 1503 г. послѣдовало съ виду незначительное событіе: дочь Генриха, Маргарита отдала свою руку шотландскому королю Якову IV Стюарту. Правленіе Генриха было не бѣдно событіями, благопріятными для Англии; но ни одно изъ нихъ не оказало такого могущественнаго вліянія на судьбу этой страны вплоть до отдаленныхъ послѣдующихъ вѣковъ, какъ этотъ бракъ, которому суждено было послужить рѣшительнымъ толчкомъ къ превращенію Англии и Шотландіи въ одно объединенное государство, Великобританію.

5. Ренессансъ и реформація.

А. Ренессансъ.

Идея вассальной системы стояла въ извѣстной связи съ христіанскимъ вѣроученіемъ. Ленная система была въ извѣстной степени перенесеніемъ небесной монархіи на землю. Какъ Богъ считался источникомъ всякаго добра, такъ и ленный король былъ признанъ источникомъ всякой власти, всякаго права. Эта связь была схвачена даже мыслителями конца среднихъ вѣковъ. Викильфъ перенесъ обратно въ міръ религіи свѣтскія ленныя отношенія. Неудивительно, что съ крушеніемъ ленной системы погибло также средневѣковое религіозное міровоззрѣніе. Аскетизмъ отжилъ свой вѣкъ въ тотъ моментъ, когда онъ схватилъ болѣе широкіе круги. Какъ только на путь умерщвленія плоти обратился бы цѣлый народъ, онъ неизбежно долженъ былъ исчезнуть съ лица земли. Сколько бы церковь ни пророчествовала о томъ что ангелы снизойдутъ съ неба и будутъ пѣть на землѣ „аллилуя“, когда всѣ станутъ аскетами, все же всѣ останавливались предъ вопросомъ: „Неужели цѣль существованія человечества заключается въ его исчезновеніи вслѣдствіе аскетизма?“ Положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ отталкивалъ отъ себя представители XV столѣтія, особенно въ Англии, менѣе всей остальной Европы захваченной чернымъ интернаціоналомъ церкви въ Англии, въ которой церковь всегда оставалась національнымъ учрежденіемъ за исключеніемъ эпохи Бекета, чему не мѣшала даже временная уплата дани Риму. Уже въ концѣ XIV столѣтія, когда люди готовились къ искорененію посредствомъ огня, какъ ракового пароста, всякаго мѣшнія, отступающаго отъ церковной догмы, всякаго зародыша новаго міровоззрѣнія, аскетическій идеалъ пересталъ служить высшей цѣлью жизни и отжилъ свой вѣкъ. Даже наилучшіе изъ проповѣдниковъ аскетизма уже не въ силахъ были дольше устраняться окончательно отъ крупныхъ и мелкихъ дѣлъ окружающаго міра. Въ то время, какъ во Франціи ученіе о св. Троицѣ разбиралось на всѣхъ перекресткахъ, въ Англии отодвигались на задній планъ всѣ тѣ черты христіанской морали, которыя оказывались непримѣнными на практикѣ въ дѣйствительной жизни, и люди чувствовали себя при такомъ образѣ дѣйствій еще лучшими христіанами въ духѣ англійскаго народнаго характера. Институтъ нищенствующаго монашества, разросшійся на югѣ Европы до степени развѣдающей гнойной язвы, былъ довольно рано придуманъ въ Англии и замеръ, не причиняя вреда. Полевая лилія можетъ легко упасть на небо, несмотря на всю свою бездѣятельность, но на землѣ можно съ большей увѣренностью добиться благополучія посредствомъ торговли шерстью и хлѣбныхъ фрахтовъ. Въ произведеніяхъ Чосера обнаруживается сосредоточеніе мыслей его современниковъ на интересахъ дѣй-

ствительной жизни и притомъ съ наибольшею ясностью въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ занимается чисто религіозными темами, а его современнику Джону Гоуэру стоитъ большого труда поддержать въ себѣ то воодушевленіе нравственными идеалами, которое лежитъ въ основѣ разсказовъ, собранныхъ въ его „Исповѣди любящаго“ (*Confessio amantis*). Безсознательно для себя Чоусеръ остается охотнѣе на оныяпѣиин страстью и на чарахъ любви, на свойственной человѣку жаждѣ власти и наслажденій, чѣмъ на самоотреченіи и покаяніи.

Христіанское міросозерцаніе Вольфрама фонъ Эшенбаха исчезло безвозвратно. Начинаетъ звучать что-то новое, сначала еле слышно, какъ звукъ, занесенный вѣтромъ, затѣмъ громче, все громче, пока, наконецъ, это новое вѣяніе не находитъ для себя наилучшаго выраженія, по мнѣнію современниковъ, во вновь открытой литературѣ древнихъ римлянъ и грековъ; но, оставаясь при такомъ убѣжденіи, представители новаго движенія незаметно для себя уходятъ далеко за предѣлы древней литературы. Подобно тому, какъ XIV столѣтіе стремилось до полнаго истощенія своихъ физическихъ силъ къ аскетическому жизненному идеалу христіанской церкви, тотъ же вѣкъ истерзалъ все свои умственные силы на схоластикѣ. Какъ въ религіи, такъ и въ наукѣ чувствовалась крайняя потребность въ перемѣнѣ изучаемаго предмета. Когда печатникъ Уильямъ Какстонъ поставилъ свой станокъ въ Вестминстерѣ и вызвалъ изумленіе со стороны Эдуарда IV и его приближенныхъ, то въ числѣ текстовъ, которое должны были быть напечатанными, на первомъ планѣ по желанію присутствующихъ стояла *Legenda Aurea*, а 30 лѣтъ спустя это мѣсто занялъ также и въ Англии Платонъ Альдуса Мануціуса.

Однако Англія вовсе не шла въ данномъ случаѣ впередъ своей эпохи; напротивъ того, она плелась въ хвостъ ея. Ренессансъ проникъ въ Англію позже, чѣмъ во всю остальную Западную Европу. Только въ царствованіе Генриха VII уже можетъ быть рѣчь объ англійскомъ ренессансѣ, и даже въ это время мы не находимъ въ этой странѣ широкаго кругозора итальянскихъ свободныхъ мыслителей. Недаромъ религія Креста приближалась въ Англии XIV столѣтія скорѣе къ покрытому листьями зеленому дереву, чѣмъ къ голому столбу. Поэтому между христіанствомъ и покрытымъ пестрыми цвѣтами лугомъ греческаго міросозерцанія съ его упоеніемъ красотой и съ признаніемъ права на удовлетвореніе за чувствами не существовало такой непроходимой пропасти, какъ на югѣ, гдѣ требовался громадный скачекъ съ крутой пустынной скалы аскетизма въ улыбающуюся зеленую равнину чувственныхъ наслажденій. Въ то время, какъ въ Италіи крестъ сталъ предметомъ издѣвательства, а забавленіе отъ грѣховъ кабачной остротой, въ Англии уже, правда, перестали некать въ греческихъ классикахъ подтвержденія христіанской идеи о спасеніи души, но продолжали некать въ Библии и Отцахъ церкви всего того, что могло пригодиться въ видѣ преддверія къ новому Евангелію греческой культуры, и въ нихъ находили даже не меньше соответствующаго содержанія, чѣмъ этого ожидали. Въ Англии ренессансъ не означаетъ собою внезапнаго разрыва съ прежнимъ вѣроученіемъ даже у самыхъ передовыхъ умовъ. Вѣдѣствіе этого церковное Священное Писаніе тоже выступило изъ своего мистическаго тумана; люди стали удовлетворяться непосредственнымъ буквальнымъ смысломъ его, открытымъ при посредствѣ новой науки, филологіи. Какъ только удалось ввести въ Оксфордѣ преподаваніе греческаго языка, тамъ сейчасъ же расцвѣла экзегетика. Любопытные люди трудились надъ той задачей, чтобы выкопать изъ буквального смысла посланія, приписываемаго въ то время Савлу-Павлу, догму, основанную на безспорныхъ данныхъ грамматики и этимологіи. Вѣрное чутье приводило оксфордскихъ реформаторовъ прямо къ произведеніямъ этого основателя христіанскаго вѣро-

ученія, а ихъ младшіе послѣдователи пошли даже дальше ихъ въ томъ направленіи.

Вѣрнѣйшимъ признакомъ унадка стараго міросозерцанія бываетъ обыкновенно наступленіе такой эпохи, когда начинаютъ проповѣдывать терпимость. Только слабѣйшая сторона требуетъ терпимости; лозунгомъ сильнѣйшей стороны бываетъ господство. Съ другой стороны провозглашеніе такого положенія, что все спасеніе заключается въ терпимости, доказываетъ, что новое не окрѣпло еще настолько, чтобы оно могло стоять на своихъ собственныхъ ногахъ. „Утопія“ Томаса Мора, написанная въ 1516 году, требовала только бережнаго отношенія къ міросозерцанію другихъ людей, но не признавала уже никакой узаконенной истинной вѣры, въ которую людей слѣдовало бы обращать насильно. Эта „Утопія“ была первымъ памятникомъ того свидѣтельствующаго объ усталости теченія среди германцевъ, которое осуждаетъ всякій страстный порывъ и ищетъ только покоя. Избѣгать всего того, что можетъ вызвать противорѣчіе со стороны другихъ людей, даже разногласій въ обрядовыхъ формахъ религіи, — вотъ идеалъ этой книги, и это былъ идеалъ безусловно въ англійскомъ духѣ. Одновременно съ тѣмъ, какъ въ Англіи стали распадаться монастыри и ихъ доходъ былъ обращенъ постепенно на цѣли народнаго образованія, разваливалась, также нерѣдко по кусочкамъ, строгая церковная вѣра; но все же не замѣчалось ничего похожего на возмущеніе противъ церковнаго вѣроученія или противъ сословной организациі господствующей церковной державы. При такихъ условіяхъ Генрихъ VIII могъ отвергнуть безпрепятственно верховную власть папы въ дѣлахъ англійской церкви, не вступая въ столкновеніе ни съ церковью своего государства, ни съ папствомъ; напротивъ того, это сблизило его даже съ папой. Въ такую эпоху, въ которую на материкѣ Европы люди стали выступать съ открытымъ отрицаніемъ церковнаго вѣроученія, поведшимъ къ острымъ вспышкамъ, подобные мелкіе споры о распредѣленіи административныхъ правъ между свѣтской и духовной властью не могли имѣть большого значенія; напротивъ того, наличность подобныхъ споровъ доказывала, что права папы и церкви признавались безъ всякихъ колебаній въ основныхъ пунктахъ.

Б. Реформація.

а) Генрихъ VIII.

Въ самомъ преддверіи новаго періода англійской исторіи стоитъ выдающійся король съ рѣзкимъ самодержавнымъ направленіемъ, время царствованія котораго обнимаетъ эпоху реформаціи въ тѣсномъ смыслѣ (отъ 1509 до 1547 г.). Восшествіе на престолъ Генриха VIII не сопровождалось никакимъ государственнымъ переворотомъ благодаря предусмотрительности его отца, чего не случалось съ давнихъ временъ. Генрихъ VII пробылъ на престолѣ 24 г. и оставилъ по себѣ взрослого сына; поэтому при переходѣ престола къ этому наслѣднику отсутствовали тѣ потрясенія, которыя были какъ бы неизбежнымъ явленіемъ при всякой перемѣнѣ лицъ на англійскомъ престолѣ. Конечно, обстоятельство это лишило короля возможности произвести основательную чистку между вліятельными лицами его государства въ самомъ началѣ его правленія; но онъ щедро вознаградилъ себя впоследствии за это неудобство. Это былъ человекъ съ сильной волей. Хотя все, что онъ дѣлалъ, вытекало по большей части изъ личныхъ узкихъ интересовъ, тѣмъ не менѣе онъ мастерски осуществлялъ всѣ свои завѣтныя стремленія такимъ образомъ, что средства, которыми онъ пользовался для этой цѣли, приносили прочныя выгоды всему государству. Что онъ не всегда предвидѣлъ ихъ пользу, это не подлежитъ никакому сомнѣнію, по это не умаляетъ благотѣльныхъ послѣдствій его

рѣшительнаго и почти всегда насильственнаго и кроваво - жестокаго образа дѣйствій для Англіи. Безъ сомнѣнія, на англійскомъ престолѣ бывали короли съ болѣе яркими національными стремленіями, чѣмъ Генрихъ VIII, но среди нихъ не было ни одного, мѣропріятія котораго оказали бы болѣе сильное вліяніе въ національномъ духѣ, чѣмъ мѣропріятія Генриха VIII. Генрихъ совершилъ то, чего не могъ выполнить ни одинъ монархъ вѣка реформациі на материкѣ Европы. Онъ сломилъ навѣки могущество чернаго интернаціонала въ своемъ государствѣ и сдѣлалъ англійскую народную церковь вполнѣ независимой отъ Рима; причемъ онъ выполнилъ это безъ религіозной междуусобной войны, даже безъ всякаго болѣе или менѣе глубокаго потрясенія господствующаго вѣроученія. Въ такую эпоху, когда средства для народнаго пропитанія быстро возрастали благодаря прогрессу сельскаго хозяйства, это должно было имѣть неизмѣримое значеніе. Въ то время, какъ государства европейскаго материка раздирали другъ друга войнами, сокращавшими численность населенія и не дававшими возможности экономическому прогрессу воплотиться въ возрастающей массѣ населенія, народонаселеніе Англіи росло быстрымъ темпомъ, а еще быстрѣе возрастало ея благосостояніе. Благодаря этому Англія приобрѣла избытокъ силъ, которыя были претворены ею затѣмъ въ концѣ XVI столѣтія въ политическое могущество.

Правда, въ царствованіе Генриха пали подъ топоромъ палача цѣлыя сотни безпокойныхъ умовъ изъ высшихъ слоевъ общества; зато не было почти никакихъ военныхъ потерь людьми. Богатая казна, унаслѣдованная Генрихомъ отъ его, можно сказать, скупого отца, избавила его отъ необходимости вступать въ столкновеніе съ парламентомъ изъ-за утвержденія налоговъ въ самомъ началѣ своего правленія и покупать это утвержденіе цѣною уступокъ въ другихъ отрасляхъ государственнаго управленія. Его бракъ съ Катериной Арагонской, подготовлявшійся въ теченіе пяти лѣтъ, пріумножилъ еще болѣе его богатства. Катерина была помолвлена раньше съ его старшимъ братомъ, Артуромъ, но этотъ послѣдній скончался еще будучи женихомъ въ 1502 г. Однако папа Юлій II далъ ей разрѣшеніе на вступленіе въ бракъ съ другимъ братомъ, и она, дѣйствительно, отдала свою руку новому наследнику англійскаго престола въ 1504 г. Пока Генрихъ оставался кронпринцемъ, ему, конечно, не очень улыбалось, чтобы этотъ бракъ сталъ совершившимся фактомъ; но когда онъ вступилъ на престолъ, то онъ не отказался жениться въ восемнадцатилѣтнемъ возрастѣ на этой испанкѣ, которая была на шесть лѣтъ старше его и красота которой уже отцвѣтала. Этотъ бракъ завязалъ связь между Англіей и новой міровой державой къ югу отъ Пиренеевъ и повлекъ за собою такія далекія послѣдствія, о которыхъ Генрихъ не могъ и мечтать. Онъ повлекъ англійскаго короля въ военныя осложненія на материкѣ и на долгіе годы оставилъ слѣдъ въ его политикѣ.

Въ лицѣ Томаса Уольсея Генрихъ VIII нашелъ министра, который былъ, вѣроятно, самымъ даровитымъ дѣятелемъ этого времени и соединялъ съ своими дипломатическими способностями талантъ дальновиднаго полководца. Сражаясь на сторонѣ Испаніи и родственной съ нею Германіи, Генрихъ могъ имѣть только одного врага — Францію. 16 августа 1513 года Генрихъ помогъ императору Максимилиану разбить французовъ при Гинегатѣ (т. VII, стр. 232). Однако если онъ надѣялся половить рыбу въ мутной водѣ во время смутъ на материкѣ, возникшихъ при его содѣйствіи, то онъ ошибся въ своихъ расчетахъ. Державы европейскаго материка, между которыми было мало единодушія во всемъ прочемъ, были все согласны между собою въ томъ, что король Британскихъ острововъ не имѣетъ касательства къ европейскому матерiku. Съ другой стороны, Генрихъ поставилъ главной цѣлью своей политики непрерывное направление другъ противъ друга державъ европейскаго материка. Обла-

дая даромъ политической проницательности, но лишенный всякаго политическаго чувства чести, онъ отвернулся отъ Германіи, какъ только сталъ опасаться ея чрезмѣрнаго усиленія, заключилъ въ 1514 г. миръ съ Франціей и выдалъ замужъ за Людовика XII свою юную сестру Марію; послѣ смерти Людовика эта послѣдняя отдала свою руку въ 1515 г. возлюбленному своихъ юношескихъ лѣтъ герцогу Карлу Суффолку.

Генрихъ открывалъ съ тонкимъ чутьемъ способности тѣхъ людей, съ которыми онъ сталкивался, и не боялся привлекать къ себѣ способныхъ людей даже изъ низшаго сословія, хотя надо сказать, что въ концѣ концовъ они почти все поплавились своей головой за эту царскую милость. Къ числу ихъ относился Томасъ Уольсей. Онъ подымался очень быстро по лѣстницѣ государственныхъ почестей; въ 1514 г. онъ былъ возведенъ въ санъ архіепископа іоркскаго, а въ 1515 г. сталъ канцлеромъ; въ добавленіе ко всемъ этимъ почестямъ на па пожаловалъ его кардинальской шляпой. Томасъ Моръ, обратившій на себя вниманіе Генриха своей „Утопіей“ (стр. 624), былъ надѣленъ королемъ титуломъ барона, несмотря на его упорный отказъ, а въ 1518 г. сталъ тайнымъ совѣтникомъ короны и самымъ любимымъ собесѣдникомъ короля. Такимъ образомъ Генрихъ не отставалъ отъ идей своей эпохи; но это происходило помимо его желанія, такъ какъ онъ нисколько не думалъ о томъ, чтобы играть роль въ умственной жизни своего государства. Все его честолюбивые замыслы были направлены въ сторону территориальныхъ пріобрѣтеній на материкѣ Европы. Какъ только скончался императоръ Максимилианъ (въ 1519 г.) и вспыхнула война между его преемникомъ Карломъ V и Францискомъ I, Англія попыталась вмѣшаться снова въ эту распрю. Выгоднѣе всего былъ бы для этой цѣли на первыхъ порахъ союзъ съ Карломъ противъ Франциска. Уольсей обратился безъ колебаній къ Карлу съ просьбой о военной помощи, питая надежду попасть такимъ образомъ на престолъ св. Петра послѣ смерти Льва X. Однако парламентъ не отпустилъ такихъ крупныхъ суммъ, какихъ требовало правительство, а Франція оказалась далеко не такой беззащитной страной, какой ее представляло себѣ англійское правительство. Англичане ушли обратно, не пожавши никакихъ лавровъ. Но когда Карлъ разбилъ Франциска при Павіи въ 1525 г. и увелъ его въ плѣнъ въ Испанію, то Генрихъ оказался настолько вѣроломнымъ, что опять обмѣнялъ одного союзника на другого послѣ того, какъ добровольный заемъ чуть не стоилъ ему престола и онъ убѣдился, что цѣль его стремленій, французская корона, безусловно недостижима вслѣдствіе бдительности Карла V. Поэтому онъ снова прибѣгнулъ къ брачнымъ проектамъ, какъ связующему звену между Англіей и Франціей; предполагалось выдать замужъ за Карла, четырехлѣтняго третьяго сына Франциска, девятилѣтнюю дочь Генриха, Марію. Изъ этого проекта ничего не вышло; но несмотря на это 30 августа 1525 г. былъ заключенъ миръ и осуществился союзъ съ Франціей. О томъ же, чтобы захватить ту или другую часть германской территоріи, объ этомъ нельзя было и думать.

Въ это время по ту сторону Ламанша, въ Англію, пришло извѣстіе о началѣ германской реформаціи. Генрихъ, состоявшій въ бракѣ съ строго ортодоксальной супругой, былъ радъ тому, что религіозная междоусобная война въ Германіи парализовала силы самаго опаснаго изъ его враговъ, императора, но онъ не имѣлъ никакого повода чувствовать какую бы то не было симпатію къ новомоднымъ еретикамъ. Въ религіозномъ міросозерцаніи Англій не существовало такого напряженія, какъ въ Германіи, и скачекъ въ безконечное море свободнаго убѣжденія, предпринятый Лютеромъ, былъ не по душѣ Генриху. Съ быстрой рѣшимостью онъ хваталъ, какія только могъ, схоластическія основанія въ пользу господствующаго религіознаго міросозерцанія и пустилъ ими въ лобъ Лютеру въ своей „Adsertio septem sacramentorum“ („Подтвержденіе семи таинствъ“ въ 1521 г.);

этотъ послѣдній, стоявшій выше подобной формальной логики и поверхностнаго знакомства съ церковными преданіями, заплатилъ ему за это нападеніе пересыпанной перцемъ грубостью (въ 1522 году). Не взирая на то, что Генрихъ присвоилъ себѣ за нѣкоторое время предъ тѣмъ церковную юрисдикцію въ своемъ государствѣ, папа наградила его за это сочиненіе прозваніемъ защитника вѣры (defensor fidei).

Генрихъ былъ очень обрадованъ этой любезностью, тѣмъ болѣе, что онъ носился съ завѣтной мечтой, осуществленіе которой зависѣло исключительно отъ папы. Онъ имѣлъ дочь отъ Катерины, но у него не было сына, наследника престола. Чѣмъ сильнѣе надобдала ему быстро уводящая испанка, пылкая любовь которой когда-то восхищала его, тѣмъ сильнѣе начинала его терзать все та же неотвязчивая мысль. Къ тому же въ 1522 году ему попалась на глаза цѣломудренная восемнадцатилѣтняя красавица Анна Болейнъ, устоявшая побѣдоносно противъ всѣхъ заманчивыхъ предложеній короля, соблазнявшаго ее провести ночь въ его объятіяхъ. Страсть Генриха дошла до крайнихъ размѣровъ влѣдствіе встрѣченнаго имъ сопротивленія, и чѣмъ старательнѣе Анна оберегалась при помощи своихъ родственниковъ отъ оскорбленія ея женской чести королемъ, тѣмъ сильнѣе становились вождельнія Генриха. Анна Болейнъ заявила королю, что она отдастся ему только тогда, когда она станетъ королевой. Какъ только энергія Генриха была направлена къ этой цѣли, то его желѣзная воля поставила себѣ закономъ непремѣнное достиженіе ея. Въ 1527 году Генрихъ обратился съ просьбой о разводѣ съ Катериной къ папѣ Клементу VII, носившему тиару съ 1523 года, но добился только назначенія двухъ легатовъ для разслѣдованія этого дѣла; однимъ изъ нихъ былъ Уольсей. Рѣчь шла о признаніи недействительнымъ брака Генриха съ Катериной на основаніи того факта, что она была раньше невѣстой его брата и и по церковному праву считалась его невѣсткой. Однако этотъ фактъ потерялъ свое значеніе съ тѣхъ поръ, какъ папа, за которымъ признавалось въ то время право разрѣшать и брать, далъ разрѣшеніе на бракъ Генриха съ Катериной. Если бы Клементъ призналъ недействительнымъ этотъ бракъ, то тѣмъ самымъ онъ отмѣнилъ бы разрѣшеніе, данное однимъ изъ его предшественниковъ, а папа не имѣлъ на это права; если бы онъ присвоилъ себѣ такое право, то нанесъ бы самый тяжелый ударъ своему престижу. Въ такое время, когда у простаго виттенбергскаго монаха хватало смѣлости нападать принципиально на папскую власть, это было бы опасной игрой. Папа весьма пренебрежительно оставилъ за собой право утвержденія или неутвержденія рѣшенія легатовъ, а легаты, убѣдившіеся въ томъ, что Катерина приобрѣла много друзей при дворѣ благодаря своему любезному обращенію и пользовалась популярностью также и въ народѣ, стали откладывать дѣло и назначать для рѣшенія его все новые сроки, пока, наконецъ, папа не оттянулъ у нихъ обратно ихъ полномочія.

Однако Уольсей и папа не отступили какъ слѣдуетъ желѣзнаго упрямства Генриха. Анна Болейнъ развилась въ пышную красавицу, и двадцатилѣтняя женщина дразнила чувства короля гораздо сильнѣе, чѣмъ прежній полуребенокъ. Уольсей попытался за то, что онъ не помогъ королю удовлетворить его желанія, и былъ лишенъ своихъ титуловъ и вѣжностей (въ октябрѣ 1529 года). Въ 1530 году онъ былъ возстановленъ въ санѣ архіепископа Йоркскаго, но погибъ на эшафотѣ уже 29 января того же года по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Его мѣсто занялъ вскорѣ послѣ того самый способный изъ подчиненныхъ Уольсея, Томасъ Кромвель. Этому послѣднему удалось открыть удобнѣе проходную тропинку, которая могла привести короля къ цѣли, хотя, правда, длиннымъ окольнымъ путемъ. Съ паденіемъ ленной системы верхняя палата потеряла свое значеніе, и палата общинъ захватила въ свои руки почти

всю политическую власть. То обстоятельство, что она почти не созывалась за послѣднее десятилѣтїе, подняло еще выше ея престижъ. Для того, чтобы члены этой палаты стали преданными друзьями короля, ему слѣдовало только увлечь ихъ какой-нибудь заманчивой цѣлью. Встрѣтившись съ сопротивленіемъ Куріи, король уже поставилъ себѣ подобную цѣль — сломить это сопротивление. Собравши большое число противорѣчивыхъ мнѣній о законности своего брака отъ европейскихъ университетовъ, онъ открылъ борьбу противъ всякой власти церкви внѣ сферы чисто религіозныхъ вопросовъ. Еще раньше того онъ погубилъ Уольсея подъ видомъ обвиненія его въ присвоеніи легатской власти въ Англіи; теперь же этотъ юристъ схоластикъ на тронѣ возбудилъ обвиненіе въ государственной измѣнѣ противъ всего духовенства на томъ основаніи, что оно подчинилось легатской власти Уольсея. Общественное мнѣніе Англіи было настроено рѣшительно противъ всякой власти церкви. Прежде натравливали церковь противъ бароновъ; теперь же, когда могущество бароновъ было сломлено, въ ней больше не нуждались. Генрихъ зналъ очень хорошо, зачѣмъ ему понадобилось поднять предъ палатой общинъ это чудовищное обвиненіе. Рѣчь шла исключительно о томъ, чтобы отыскать юридическую форму для его борьбы противъ церкви. Какъ бы натянуто ни было это обвиненіе, онъ могъ быть увѣренъ, что палата общинъ согласится, не задумываясь, стать его орудіемъ, если только будутъ соблюдены вышнія формы. Въ видѣ выкупа духовенство предложило ему громадную сумму въ 118.000 фунтовъ золота, но, какъ ни соблазнялъ его звонъ золота, онъ не хотѣлъ удовлетвориться однѣми деньгами. Онъ требовалъ — и въ этомъ заключалась для него вся суть, — чтобы онъ самъ былъ признанъ верховнымъ главою англійской церкви. Въ 1531 году его требованіе было исполнено, правда, съ оговоркой: „поскольку это не противорѣчитъ законамъ Христа“; собственно говоря, въ этомъ не заключалось никакого новаго права для англійской короны, такъ какъ ей давно уже принадлежало право суда по тяжбамъ, возникающимъ между бюргерами и священнослужителями; все же теперь это давнишнее фактическое положеніе было облечено въ юридическую форму, неопредѣленность которой въ свое время дала королю возможность извлечь изъ нея для себя новыя права въ ущербъ папской власти. Въ слѣдующемъ году англійская церковь пошла на дальнѣйшія уступки и обязалась на письмѣ черезъ своихъ официальныхъ представителей не устраивать своихъ регулярныхъ собраний, не вырабатывать и не вводить новыхъ церковныхъ законовъ безъ согласія короля. Томасъ Моръ считалъ себя не въ силахъ идти дальше по тому же пути вмѣстѣ съ королемъ; въ 1532 г. онъ сложилъ съ себя постъ великаго канцлера, занятый имъ послѣ отставки Уольсея. На короткое время Генрихъ пріостановился, выжидая, какое впечатлѣніе вызоветъ въ Римѣ эта новая форма давленія на церковь. Однако Курія не отзывалась ничѣмъ, ни уступкой въ бракоразводномъ дѣлѣ короля, ни громовой стрѣлой отлученія его отъ церкви. Впрочемъ, такія молніи успѣли такъ сильно охладиться отъ низкой религіозной температуры той эпохи, что онѣ уже не обжигали никого. Отъ слишкомъ частаго употребленія онѣ потеряли бы даже способность къ поднятію на нѣсколько градусовъ температуры теплой воды; поэтому въ Римѣ ихъ стали пускать въ ходъ съ большою сдержанностью. Такъ какъ Римъ не отзывался, то Генрихъ заговорилъ громче и самъ бросилъ вызовъ папѣ. По его приказу парламентъ постановилъ, чтобы впредь не отсылались въ Римъ, какъ это дѣлалось до тѣхъ поръ, доходы, получаемые епископомъ въ теченіе перваго года пребыванія его въ должности. Изъ Рима не прибыло еще никакого отвѣта. Генрихъ утвердилъ это постановленіе парламента, и оно вошло въ законную силу, а Римъ все еще не нарушалъ своего молчанія. Очевидно, Курія рѣшилась предоставить все событія.

The wordes of Iohn in hys 29 Chap. Sent misit me
 'pater. et ego mitto vos et habetis potestatem ligandi et solvendi
 or a prince's power, but onely to shew howe that the
 ministers of the worde of god chespy, and sent for that
 intent, are the messengers of Christ, to teach the
 truth of hys gospell, to loose and bynde some or at
 Chryste was the messenger of hys flatter / Tho wordes
 also of saynt pauls, In the 29. chap. of the Actes
 Attendite nobis et romisimo gregi. in quo rati spiritus
 sanctus posuit episcopos regere catenam dei, were spohy
 to the Busschopes and prestes to be diligent pastors of
 the people, both to teache them diligently, and also to be
 circumspecte, that false preachers shulde not seduce the
 people, as followeth immediately after, in the same place /
 Other places of scripture, declare the highnesse and
 excellencye of Chrystes princes autoritie and power /
 the which of a truth is moste high, for he hath
 power and charge generally over all, aswell busschopes
 and prestes as other, Tho busschopes and prestes have
 charge of foules why they have civill power to minister
 sacraments and to teach the worde of god, to the which
 worde of god chrystes princes knowlege theym selfe
 subiecte / And in case the busschopes be negligent, it is
 the chrystes princes office to se theym doo theyr dutie /

Continuatio

Cuthbertus Dunelmensis.
 Joannes Londonensis

Jo: Barnevelles.

Thomas Cranmer
 Nicolaus Barnevelles
 Hugo Willelmus
 J. Busschop

Документъ, въ которомъ Томасъ Кранмеръ, архіепископъ Кентерберійскій, и семь епископовъ подтверждаютъ свое признаніе верховныхъ правъ христіанскаго государя въ церковныхъ дѣлахъ; относится приблиз. къ 1537 г.

(Оригиналъ хранится въ Британскомъ музеѣ: Stowe Mss. 141, f. 36.)

Объясненіе къ помѣщенному на оборотѣ факсимиле.

Т[омасъ Кранмеръ], архіепископъ Кентерберійскій; Кутбертъ [Товсталль], епископъ Дургамскій; Джонъ [Стоклей], епископъ Лондонскій; Джонъ [Клеркъ], епископъ Батскій и Уэльскій; Томасъ [Гудричъ], епископъ Элискій; Николай [Шэкстонъ], епископъ Салисберійскій; Гюгъ [Датимеръ], епископъ Уорсестерскій и Дж[онъ Хильсей], епископъ Рочестерскій — подписались (въ 1537 г.?) подъ слѣдующимъ заявленіемъ въ пользу власти христіанскихъ государей въ церковныхъ дѣлахъ.

The wordes of John in hys 20 chap. [v. 21]. Sicut misit me pater, et ego mitto vos. etc., hath no respecte to a kyngys or a princes power, but onely to shew howe that the ministres of the worde of God, chosyn, and sent for that intente, are the messingiers of Christ to teache the trueth of his gospell and to lowse and bynde synne, etc., as Christe was the messenger of his Father. The wordes also of sayncte Paule in the 20 chap. of the Actes [v. 28]. Attendite nobis [sc. vobis] et vniuerso gregi, in quo vos spiritus sanctus posuit episcopos, regere ecclesiam dei, were spokyn to the Busshopes and prestes to be diligent pastores of the people, both to teche them diligently and also to be circumspecte, that false preachers shulde not seduce the people, as followyth immediately after, in the same place. Other places of scripture declare the highnesse and excellencye of Christen princes auctoritie and power, the which of a trewyth is moste high, for he hath the power and charge generally over all, as well busshopes and prestes as other. The busshopes and prestes haue charge of sowles within ther awne cures, power to minstre sacramentes and to teache the worde of God, to the which worde of God christen princes knowledge theym selves ubiecte. And in case the busshopes be negligent, it is the christen princes office to se theym doo ther dutie.

Слова Іоанна въ 20 главѣ (стихъ 21): „Подобно тому, какъ меня послалъ Отецъ, я посылаю васъ“ и т. д. — не имѣютъ никакого отношенія къ власти короля или князя, а написаны только съ цѣлью показать, что служители Слова Божья, избранные и отправленные съ этой цѣлью, суть посланцы Христа, которые должны проповѣдывать истину Его Евангелія, отпускать или не отпускать грѣховъ и т. д. такимъ же образомъ, какъ Христосъ былъ посланцемъ Своего Отца. Точно также слова св. Павла въ 20 главѣ Дѣявій Апостоловъ (стихъ 28): „Обращайте вниманіе на себя самихъ и на все стадо, надъ которымъ Святой Духъ поставилъ васъ епископами, для того, чтобы вы пасли церковь Божью“, — обращены къ епископамъ и священникамъ, обозначаютъ лишь то, что они должны быть усердными пастырями народа, усердно поучать народъ и охранять его, чтобы ложные проповѣдники не соблазнили его, какъ сказано, непосредственно вслѣдъ за упомянутымъ стихомъ, въ томъ же мѣстѣ. Другія мѣста Священнаго Писанія возвѣщаютъ возвышенность и неприкосновенность могущества и власти христіанскихъ государей. И дѣйствительно, эта власть стоитъ превыше всякой другой, такъ какъ власть Государя простирается на всѣхъ, какъ на епископовъ и священниковъ, такъ и на мірянъ. Епископамъ и священникамъ доверены души ихъ паствы, имъ дана власть приобщать Св. Таинствъ и учить Слову Божью, которому признаютъ себя подчиненнымъ также и христіанскіе государи. А въ томъ случаѣ, если епископы повинны въ небреженіи, то долгъ христіанскаго государя обязываетъ его паблюдя за тѣмъ, чтобы они исполняли свои обязанности.

T. Cantuarien[sis]. Cuthbertus Dunelme[n]s[is]. Joannes London [iensis]. Jo. Batwelle[n]s[is]. Thomas Elien[sis]. Nicolaus Sarisburien[sis]. Hugo Wigorn[ensis]. J. Roffens[is].

(По изданной Георгомъ Варнеромъ второй серіи „Facsimiles of royal, historical, literary and other autographs in the department of manuscripts, British Museum“.)

происходившія въ Великобританіи, своему естественному теченію, такъ какъ при всемъ напряженіи своихъ силъ она уже не могла справиться со всѣми затрудненіями на материкѣ Европѣ.

Убѣдившись въ этомъ, Генрихъ окончательно махнулъ рукой на Римъ. Первымъ шагомъ, сдѣланнымъ имъ послѣ этого, было его тайное вѣнчаніе съ Анной 25 января 1533 г. По его инициативѣ парламентъ отмѣнилъ право апелляціи къ суду папы на приговоры духовныхъ судовъ. Съ этихъ поръ англійскій король сталъ высшей судебной инстанціей какъ въ области свѣтской, такъ и духовной юрисдикціи. Такимъ образомъ путь былъ, наконецъ, расчищенъ, и по доброму англійскому обычаю все пошло безукоризненнымъ формальнымъ ходомъ по новой дорожкѣ. Архіепископъ кентерберійскій Томасъ Крапмеръ созвалъ синодъ для объявленія недѣйствительнымъ перваго брака короля и утвердилъ это рѣшеніе въ качествѣ высшаго духовнаго судьи, такъ что все дѣло было улажено помимо всякаго непосредственнаго вмѣшательства короля. Папа остался непреклоннымъ и не отказался отъ своего прежняго рѣшенія въ пользу Катерины. Генрихъ предложилъ передать дѣло на судъ общаго церковнаго собора, но папа никакъ не соглашался созвать такого собора. Когда дѣло зашло уже такъ далеко исключительно изъ-за развода короля съ его женой, то Генрихъ рѣшилъ пойти до конца въ принятомъ имъ направленіи. Въ 1534 г. парламентъ отмѣнилъ уплату въ пользу папы дохода за первый годъ съ каждаго церковнаго доходнаго мѣста и вообще десятины, отсылку въ Римъ ленты св. Петра и другихъ подобныхъ мелкихъ сборовъ, а право разрѣшенія отъ грѣховъ было перенесено съ папы на архіепископа кентерберійскаго. Король взялъ въ свои собственныя руки назначеніе епископовъ, а 3 ноября онъ назначилъ тоже по своему самодержавному почину апелляціонную палату, къ которой можно было бы апеллировать на рѣшенія епископскаго суда (см. прил. таб.: „Документъ, въ которомъ Томасъ Крапмеръ и 7 епископовъ подтверждаютъ свое признаніе верховныхъ правъ христіанскаго государя въ дѣлахъ церкви“). Такимъ путемъ были перерѣзаны послѣднія нити, еще соединявшія англійскую церковь съ Римомъ. Слово папы окончательно потеряло свой авторитетъ въ Англии: гордо и свободно подняла свою голову англійская народная церковь. Помимо намѣреній самихъ виновниковъ этого событія въ Англии совершилась реформація, оставившая позади себя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ реформацію, совершившуюся на европейскомъ материкѣ. Англійская реформація была создана исключительно рядомъ юридическихъ постановленій: какіе бы мотивы ни лежали въ основѣ этихъ послѣднихъ, было приложено все стараніе, чтобы избѣжать глубокихъ нарушеній національной жизни. Вліяніе новой вѣры, въ свое время распространившейся по міру подъ именемъ Павла изъ Тарса, оставалось ненарушимымъ въ Англии. Великобританія освободилась только отъ высшей силы, господствовавшей безусловно надъ религіей Западной Европы болѣе 1000 лѣтъ.

До этого времени развитіе англійской церковной жизни въ началѣ XVI столѣтія шло почти совершенно независимо отъ европейскаго материка. Хотя религіозныя войны на материкѣ укрѣпили Генриха VIII въ той увѣренности, съ какой онъ дѣйствовалъ противъ папы, а съ другой стороны эти же самыя событія помѣшали папѣ выступить противъ Англии, тѣмъ не менѣе борьба Генриха съ церковью затрагивала только юридическіе вопросы и не касалась вовсе вѣроученія современнаго поколѣнія Англии. Теперь же умственное движеніе, происходившее на материкѣ, стало отражаться и на Англии; самымъ сильнымъ вліяніемъ пользовалось въ этой странѣ ученіе швейцарскихъ представителей реформаціи. По примѣру Викарфа и его послѣдователей Цвингли отвергали волшебное дѣйствіе формулы причастія, въ то время, какъ Лютеръ ограничивался рационалистическимъ объясненіемъ этого волшебнаго дѣйствія.

Въ глазахъ англичанъ, современниковъ Генриха, ученіе Цвингли было возмутительною ересью. Малочисленные послѣдователи этого вѣроученія, открыто выступавшіе въ его защиту, сожигались заживо безъ дальнѣйшихъ разговоровъ. Это была уже осужденная ересь. — имѣлись уже болѣе ранніе прецеденты судебной борьбы съ нею: стало быть, противъ нея не требовалось никакихъ исключительныхъ мѣръ, лишь бы не препятствовать свободному отправленію правосудія. Не такъ благополучно обстояло дѣло съ менѣе важными вопросами, къ которымъ такое отношеніе было бы непримѣнимо, такъ какъ они никогда не возбуждались открыто до того времени. Собственный капелланъ короля выступалъ публично въ своихъ проповѣдяхъ противъ почитанія святыхъ, ихъ останковъ и платья и даже противъ ученія о чистилищѣ, огонь котораго очищаетъ души отъ ихъ грѣховъ; этотъ капелланъ не только не подвергся никакому наказанію, а, напротивъ того, онъ былъ возведенъ за свои проповѣди въ санъ епископа уорсестерскаго.

Своимъ непреклоннымъ упорствомъ Генрихъ добился многого, но не всего. Съ крайнимъ нетерпѣніемъ дожидаясь онъ рожденія наследника престола отъ Анны Болейнъ. Наконецъ, 7 сентября 1533 наступилъ давно ожидаемый моментъ, но родился не сынъ, а дочь Елизавета, будущая англійская королева. Чтобы обезпечить права этой дочери на случай своей скорой смерти, Генрихъ добился отъ парламента въ 1534 году признанія неспособности дочери Катерины. Маріи, и подтвержденія правъ на престолъ Елизаветы, дочери Анны, причемъ, по распоряженію парламента, все свободное населеніе Англии принесло присягу въ томъ, что оно одобряетъ это заявленіе парламента. Томасъ Моръ изъявилъ готовность одобрить подъ присягой всякаго наследника престола, на какомъ только останется парламентъ. Однако онъ ни за что не соглашался подтвердить подъ присягой незаконность брака Катерины съ Генрихомъ. Въ наказаніе за это его окровавленная голова скатилась съ плечъ 6 іюля 1535 года: для облегченія подобныхъ расправъ еще раньше того былъ изданъ законъ, признающій государственной измѣной и карающей смертью всякое порицаніе дѣйствій короля. Кромѣ монаховъ францисканцевъ нигдѣ не обнаруживалось ни малѣйшаго сопротивленія, а что касается самихъ францисканцевъ, то Генрихъ усмирилъ ихъ посредствомъ конфискаціи имѣній ихъ ордена и присужденія къ смертной казни наиболѣе упорныхъ. Этотъ случай навелъ его на ту счастливую мысль, что конфискація имущества другихъ орденовъ, болѣе богатыхъ, чѣмъ францисканскій, можетъ дать ему гораздо больше выгоды. Прежде всего онъ приступилъ къ конфискаціи имущества меньшихъ монастырей, а въ 1538 году очередь дошла также и до большихъ. Затѣмъ онъ предпринялъ набѣгъ на церковныя украшенія и церковныя драгоценности. Въ 1540 году въ Англии прекратилъ свое существованіе послѣдній монастырь. Такимъ образомъ былъ сокрушенъ главный оплотъ средневѣковаго аскетизма, закрытъ источникъ многихъ противоестественныхъ явленій и грубыхъ пороковъ, и тысячи даровитыхъ людей были снова возвращены къ своей естественной задачѣ, какъ отцовъ будущихъ поколѣній. Такимъ образомъ въ Англии была уничтожена навсегда, за исключеніемъ короткаго перерыва, крайне опасная форма извращеннаго соціального подбора, устранявшая въ каждомъ поколѣніи отъ произведенія потомства самыхъ даровитыхъ и наиболѣе способныхъ къ научнымъ занятіямъ его представителей. Все же эта извращенная форма общественнаго подбора просуществовала еще нѣкоторое время, сосредоточившись въ тѣсныхъ ограниченныхъ кружкахъ. Тѣмъ не менѣе ея вліяніе, какъ важной направляющей общественной силы, было сокрушено, и уже въ слѣдующемъ поколѣніи появилась струя оживленной индивидуальной жизни.

Окидывая своимъ взоромъ все то, что онъ совершилъ наполовину

противъ своей собственной воли, Генрихъ могъ причислять себя къ величайшимъ изъ английскихъ королей. Одного только не доставало ему сына. Обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, король излил свою месть на Анну. Подъ предлогомъ пѣлаго ряда безсмысленныхъ обвиненій она была заключена въ тюрьму и осуждена на смерть 15 мая 1536 г. Черезъ 11 дней послѣ смерти Анны (19 мая) последовалъ бракъ Генриха съ Иоанной Сеймуръ, которая родила ему 12 октября 1537 г. сына, ставшаго впоследствии королемъ подъ именемъ Эдуарда VI. Въ 1536 г. дочь Анны была признана парламентомъ неспособной къ наследованію престола. Наконецъ, теперь у Генриха оказался законный наследникъ. Мать его скончалась черезъ два дня послѣ его рожденія, и для короля открылась возможность вступить опять въ новый бракъ; 6 января 1540 г. его четвертой супругой стала Анна Кливъ, но уже въ июль того же года онъ удалил ее отъ себя. Она была настолько благоразумна, что согласилась мирнымъ путемъ на разводъ со своимъ супругомъ и поэтому дожила мирно въ званіи герцогини до своей естественной смерти, последовавшей 16 июля 1557 г. Послѣ нея король поторопился жениться 28 июля 1540 г. на Катеринѣ Гоуардъ; но черезъ нѣкоторое время открылось, что у ней были грѣшки до замужества, и въ отместку она была обезглавлена по приказу короля 13 февраля 1542 г.; 12 июля 1543 г. мѣсто Катерины Гоуардъ заняла Катерина Парръ, на долю которой выпало счастье прожить со своимъ супругомъ до его смерти и остаться затѣмъ королевой-вдовой.

Английскій народъ уже успѣлъ настолько привыкнуть къ открытому многоженству короля, что оно нисколько не шокировало его. Обезглавленіе тоже стало одной изъ самыхъ соблазнительныхъ современныхъ модъ. Далекое не такъ спокойно отнесся народъ къ вмѣшательству короля въ дѣла вѣры и къ его попыткамъ внести благотворительный прогрессъ въ эту область. До Англии стали докатываться все болѣе сильныя волны ученія Цвингана и Лютера; отдѣльные смѣльчаки не останавливались передъ суровымъ рѣзкимъ осужденіемъ церковныхъ догматовъ. Отъ отрицанія волшебнаго дѣйствія формулы св. причастія скептики перешли къ отрицанію дѣйствія елеосвященія и даже къ насмѣхамъ на св. крещеніе. Духовенство подняло вопль о защитѣ. Генрихъ не заставилъ напомнить себя двукратно о томъ, что онъ благочестивый и богобоязненный монархъ, оберегающій неисполненное съ неба вѣроученіе. Конечно, не доставало опредѣленнаго масштаба, по которому можно было бы судить, что соответствуетъ этому вѣроученію и что противорѣчитъ ему; знакомство съ протестантскими ученіями европейскаго материка вызвало колебанія какъ у короля, такъ и у высшаго духовенства; поэтому король съелъ необходимымъ составить краткое изложеніе англійскаго вѣроученія въ 10 параграфахъ въ 1536 г. Въ своемъ полемическомъ сочиненіи, направленномъ противъ Лютера, онъ отстаивалъ святость всѣхъ 7 таинствъ церкви, но это нисколько не смущало его; теперь были признаны только три таинства: крещеніе, причастіе и покаяніе, объ остальныхъ же не было сказано ни слова въ упомянутомъ краткомъ изложеніи англійскаго вѣроученія. Волшебное дѣйствіе формулы причастія не отвергалось.

Въ общемъ эти 10 параграфовъ занимали среднее мѣсто между Лютеромъ и римскою церковью. Все же при посредствѣ ихъ Англія вступила на путь реформы оффиціального вѣроученія; а разъ началось такое движеніе, оно не могло остановиться. Въ юридическомъ отношеніи папство окончательно пало въ Англіи; поскольку дѣло касалось власти папы, въ этой странѣ произошелъ полный разрывъ съ церковными традиціями. Заодно съ этимъ церковное преданіе вообще потеряло свой престижъ, но тѣмъ сильнѣе возросло значеніе Библии. Она еще не стала единственной основой узаконеннаго вѣроученія, но ея авторитетъ поднялся такъ высоко, что было признано полезнымъ сдѣлать ее общедоступной. Англія

обладала уже въ это время удобочитаемымъ переводомъ второй части священнаго писанія, составленнымъ Тиндалемъ. Ковердаль переработалъ его и присоединилъ къ нему переводъ первой части. Въ 1536 г. Кромвель уговорилъ короля одобрить этотъ переводъ отъ своего имени; король уступилъ его предложенію, вѣроятно, опять-таки не давая себѣ отчета во всѣхъ послѣдствіяхъ этого шага. Такимъ образомъ англійское религіозное движеніе было направлено, по крайней мѣрѣ, въ своей основѣ въ то же русло, какъ и германское. Общераспространенное изученіе Библии всѣми грамотными людьми должно было породить и здѣсь, какъ и на континентѣ, безчисленное множество индивидуальныхъ мнѣній, а отсюда возникло какъ тутъ, такъ и тамъ право отдѣльной личности на выработку своего собственнаго религіознаго міровоззрѣнія.

Конечно, такой шагъ былъ сдѣланъ не сразу; напротивъ того, въ теченіе долгаго времени государственная власть еще продолжала играть руководящую роль въ дальнѣйшемъ развитіи вѣроученія. Въ 1536 г. въ Линкольнширѣ произошло возстаніе, поводомъ къ которому послужило недовольство уничтоженіемъ монастырей; возмущившихся удалось успокоить обѣщаніями, которыя были взяты обратно, какъ только опасность миновала. Отъ поры до времени сожигали еретика, провинившагося въ томъ, что онъ выражалъ сомнѣніе въ волшебномъ дѣйствіи формулы св. причастія, такъ какъ Генрихъ во что бы то ни стало хотѣлъ фигурировать предъ своимъ народомъ въ роли правовѣрнаго монарха. Въ 1539 г. узаконенное вѣроученіе снова было изложено по его приказу въ нѣсколькихъ пунктахъ. На этотъ разъ ихъ было всего шесть. Въ нихъ толковалось о волшебномъ дѣйствіи формулы св. причастія, понимаемомъ въ лютеранско-раціоналистическомъ духѣ, о причастіи подъ однимъ видомъ, о безбрачій священниковъ, о неизмѣнности обѣта безбрачія, объ обѣдѣ за упокой души, о тайной исповѣди. За нарушеніе перваго пункта грозила смертная казнь, а за нарушеніе остальныхъ пяти болѣе легкое наказаніе: тотъ, кто отвергалъ ихъ въ первый разъ, наказывался тюремнымъ заключеніемъ и конфискаціей имущества и только согрѣшившихъ во второй разъ долготерпѣливый законъ каралъ смертной казнью чрезъ повѣшеніе. При такой кротости и милосердіи неудивительно, что незамѣтно было почти никакой открытой религіозной критики, несмотря на то, что идеи Лютера проникали отчасти непрерывной струей въ Англію съ материка, частью развивались самостоятельно заново на англійской почвѣ. Англійскій переводъ Библии послужилъ только началомъ націонализаціи иноземнаго религіознаго міросозерцанія. За нимъ послѣдовало вскорѣ введеніе англійскаго языка въ нѣкоторой части церковнаго богослуженія. Въ 1544 г. была выработана англійская литія, составившая основу *Book of Common prayer*, обнародованной въ 1549 г. Кромвелю не суждено было дожить до этой поры: 28 іюля 1540 г. онъ заплатилъ своей головой за то, что король обманулся въ своихъ ожиданіяхъ и не нашелъ Анну Кливъ такой красавицей, какой она показалась ему на картинѣ Ганса Гольбейна младшаго въ 1539 г. Въ лицѣ Кромвеля Генрихъ лишился самаго способнаго своего слуги въ теченіе послѣднихъ лѣтъ своего царствованія.

На европейскомъ материкѣ, на которомъ соперничали между собою три могущественныхъ государства, Генриха, вернувшись въ возрастѣ за 50 лѣтъ къ завоевательной политикѣ своихъ юношескихъ лѣтъ, не могли ожидать блестящіе лавры; поэтому онъ направилъ свои силы на Ирландію, въ которой все еще продолжались непрерывныя междоусобныя войны между отдѣльными вождями. Намѣстникъ Генриха не былъ въ силахъ возстановить миръ, и король сталъ подозрѣвать его въ коварныхъ замыслахъ. Тоуэръ былъ испытанной панацеей въ подобныхъ случаяхъ. Однако семья Кильдареса не сдалась безъ борьбы. Его сынъ поднялъ открытое возстаніе, и Генрихъ вынужденъ былъ пустить въ ходъ предъ его замкомъ свои

тяжелыя пушки, для того, чтобы захватить въ свои руки врага и подавить это возстаніе. Генрихъ запретилъ употребленіе ирландскаго языка, ношеніе ирландской одежды и прически, а въ 1541 г. онъ заставилъ дублинскій парламентъ провозгласить себя ирландскимъ королемъ. Монастыри были уничтожены, а землями ихъ были щедро надѣлены представители знатнаго сословія; но этотъ подарокъ успокоилъ ихъ только на короткое время. Не такъ удачно шли дѣла Генриха въ Шотландіи. Правда, онъ разбилъ шотландцевъ на голову въ 1542 г., но борьба съ шотландцами втянула его въ новую войну на европейскомъ материкѣ (въ 1543 г.; т. VII, стр. 282), Шотландія стала на сторону Франціи, а Генрихъ примкнулъ къ Карлу V. Все же на этотъ разъ эта доля рыбы въ мутной водѣ сопровождалась нѣкоторымъ успѣхомъ; онъ взялъ Булонь, правда, только послѣ долгой томительной осады (въ 1544 г.)

б) Сомерсетъ и Варвикъ въ царствованіе Эдуарда VI; королева Марія.

Когда у Генриха родился наследникъ мужескаго пола, то онъ успокоился настолько, что въ 1544 г. сталъ пытаться заглазить тѣ несправедливости, которыя онъ причинилъ своимъ обѣимъ дочерямъ отъ двухъ первыхъ браковъ изъ желанія имѣть непременно наследника сына. Онъ урегулировалъ престолонаслѣдіе особымъ парламентскимъ закономъ: своимъ непосредственнымъ преемникомъ онъ назначилъ Эдуарда VI; но въ томъ случаѣ, если послѣдній не оставитъ по себѣ потомства, престолъ долженъ былъ перейти къ Маріи и Елизаветѣ, а въ случаѣ прекращенія ихъ рода англійскій престолъ долженъ былъ перейти къ потомству младшей сестры Генриха, Маріи. Брата Іоанны Сеймуръ, графа Эдуарда Гертфорда, онъ назначилъ опекуномъ Эдуарда, а глава противоположной партіи, молодой графъ Генри Серрей, былъ преданъ смерти по приказу короля Генриха нѣсколько лѣтъ спустя, 21 января 1547 г.; отецъ графа Серрея, герцогъ Томасъ Норфолькъ, избавился отъ такой же участи только благодаря скоростной смерти Генриха, послѣдовавшей 28 января.

Первымъ самостоятельнымъ шагомъ Гертфорда было провозглашеніе себя самого герцогомъ Сомерсетскимъ и протекторомъ, управлявшимъ государствомъ при содѣйствіи избраннаго совѣта. Затѣмъ онъ предпринялъ въ августѣ походъ противъ Шотландіи для того, чтобы добыть для своего питомца руку шотландской королевы Маріи (род. въ 1542 г.). Его походъ былъ побѣдоносенъ; но его сватовство не имѣло успѣха. Шотландія примкнула къ Франціи, отослала въ эту страну свою королеву и помолвила ее съ дофиномъ Францискимъ II; этотъ бракъ состоялся въ 1558 г. Это повело опять-таки къ войнѣ между Англійей и Франціей въ 1550 г. Варвикъ закончилъ эту войну миромъ, по которому онъ вынужденъ былъ уступить Булонь.

Руководящее положеніе въ англійской церкви занималъ попрежнему епископъ Кранмеръ. Онъ былъ родоначальникомъ своего собственнаго оригинальнаго реформаціоннаго теченія. Въ то время, какъ Лютеръ предоставлялъ каждому человеку толковать Библію по своему разумѣнію, Кранмеръ мыслилъ богѣ научно. Основательнымъ онъ признавалъ только такое толкованіе, которое опирается на древнѣйшихъ Отцовъ церкви. Это былъ настоящій филологическій взглядъ, который велъ къ раскрытію истиннаго смысла древнихъ выраженій богѣ прямымъ путемъ, чѣмъ лютеровскій; въ то же время этотъ методъ вполне соответствовалъ англійскому духу, такъ какъ онъ охранялъ непрерывность церковнаго преданія съ большей вѣрностью, чѣмъ лютеровскій; но зато онъ стоялъ дальше отъ индивидуалистическаго современнаго самосознанія. Исходъ изъ такого основанія, Кранмеръ дошелъ до отрицанія волшебнаго дѣйствія фор-

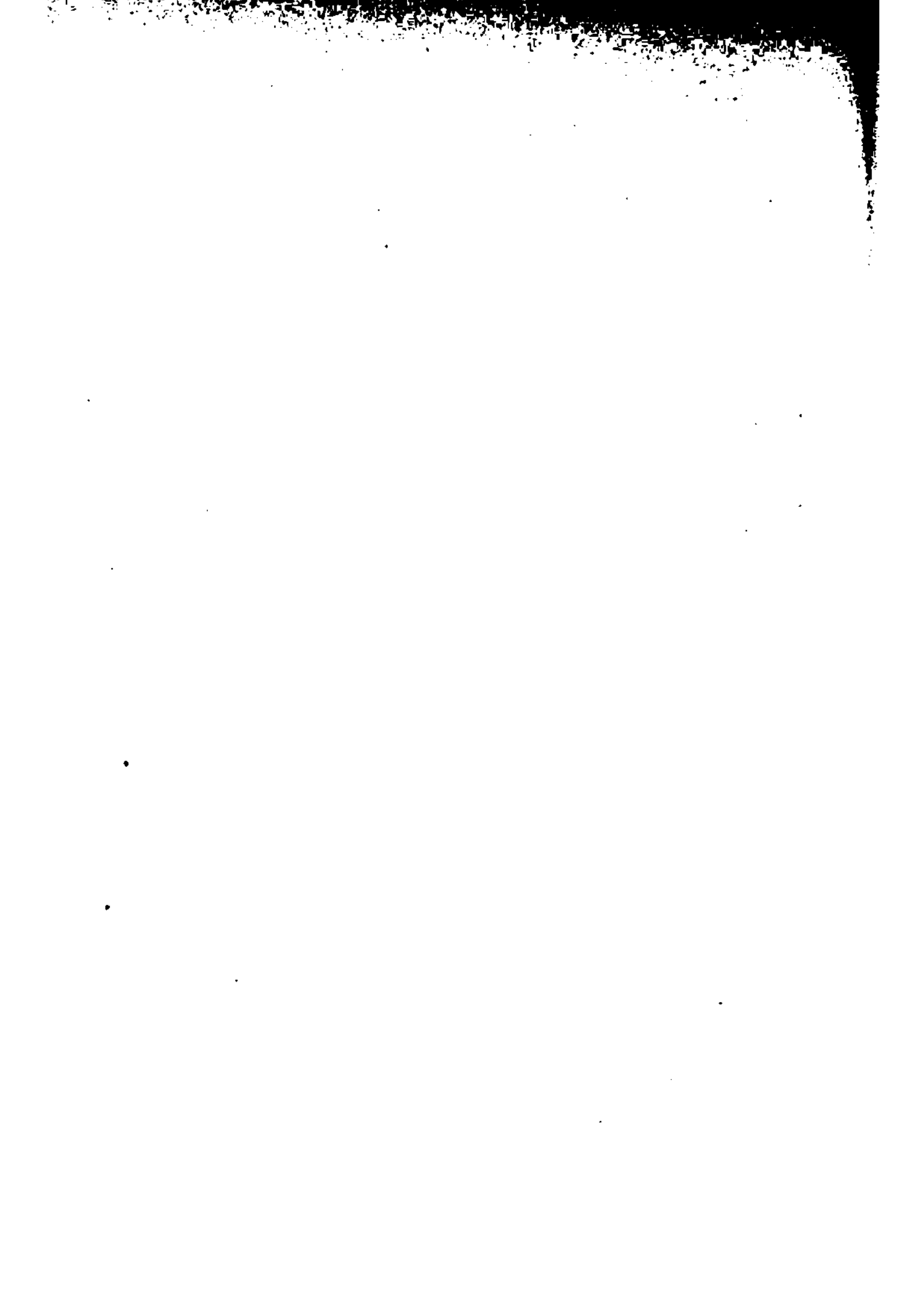
мулы причастія. о которомъ Отцы церкви еще ничего не знали. Это учение выдвинулось впередъ не безъ народныхъ волненій. Въ Девонѣ, Корнуэльсѣ и Норфолькѣ народъ поднялся на защиту стараго церковнаго ученія; но парламентъ отмѣнилъ всѣ законы противъ еретиковъ, конфисковалъ всѣ церковные капиталы и пытался даже наложить руку на полуцерковные капиталы и доходы. Старинныя внѣшняя формы церковныхъ торжествъ были отмѣнены, и церковному преданію былъ нанесенъ послѣдній тяжелый ударъ.

Сомерсетъ, проявившій излишнюю поспѣшность въ своихъ новшествахъ, палъ жертвою ихъ въ 1549 г.; на нѣкоторое время онъ былъ упрянтанъ въ Тоуэръ, а протекторатъ былъ отмѣненъ. Преемникомъ его фактической власти, хотя и не его титула, сталъ Джонъ Дудлей, графъ Варвикъ. Упорствовавшія духовныя лица были отрѣшены отъ своихъ должностей, а мѣста ихъ были отданы болѣе покладистымъ. Даже Сомерсетъ и тотъ поплатился своей головою 22 января 1552 г. Мало по малу стало одерживать верхъ въ Англіи ученіе Цвингли, особенно въ вопросѣ о причастіи. Официально утвержденный новый молитвенникъ (въ 1552 г.) стоялъ безусловно на почвѣ ученія Цвингли. Былъ основанъ цѣлый рядъ учебныхъ школъ для воспитанія юношества внѣ вліянія монастырей; „грамматическія школы короля Эдуарда“ сохранили свое существованіе до настоящаго времени. По временамъ то тутъ, то тамъ сожигали еще какого-нибудь еретика, такъ какъ ересь признавалась преступленіемъ по дѣйствующему уголовному праву; однако число такихъ случаевъ постепенно уменьшалось. Официально принятое религіозное ученіе было опять редактировано въ видѣ ряда отдѣльныхъ пунктовъ. Въ 1553 г. такихъ пунктовъ имѣлось 42; но впоследствии въ царствованіе Елизаветы число ихъ было уменьшено до 39.

Эдуардъ VI скончался отъ чахотки 6 іюля 1553 г., а свой престолъ онъ завѣщалъ вопреки утвержденному парламентомъ рѣшенію своего отца дочери своей племянницы Франциски, Іоаннѣ Грей (см. прил. род. табл.: „Династіи Ланкастерская, Іоркская, Тюдоровъ и Стюартовъ отъ 1399 до 1625 г.“). Она была ревностной протестанткой и состояла въ бракѣ съ сыномъ его фаворита.

Однако католичка Марія, законная наследница престола согласно постановленію Генриха VIII, собрала вокругъ себя болѣе сильную партію и заточила въ тюрьму свою соперницу (въ іюль 1553 г.). Находясь подъ безусловнымъ вліяніемъ средневѣковаго католицизма, она охотнѣе всего отдала бы Англію въ руки папы и возвратила бы церковнымъ общинамъ конфискованныя церковныя имущества. Парламентъ дѣйствительно согласился на обратное введеніе мессы и отмѣнилъ снова предоставленное имъ священникамъ право на вступленіе въ бракъ, но во всемъ прочемъ онъ оказалъ упорное сопротивленіе. Возникло броженіе; была сдѣлана попытка посадить на престолъ единокровную сестру Маріи, протестантку Елизавету, и дѣло дошло было до междуусобныхъ столкновеній въ Лондонѣ; но 12 февраля 1554 г. лэди Іоанна Грей и ея супругъ погибли отъ руки палача, а Елизавета была заключена въ Тоуэръ; но черезъ нѣкоторое время это заключеніе было замѣнено болѣе легкимъ арестомъ. Въ іюль Марія вышла замужъ за яраго католика Филиппа II Испанскаго.

Теперь началась открытая борьба за обратное введеніе средневѣковаго религіознаго вѣроученія. Былъ восстановленъ законъ о сожиганіи еретиковъ, а англійская народная церковь была снова присоединена къ римской вселенской церкви. Въ Англію прибылъ папскій легатъ для принятія этой страны подъ власть папы. Король и королева и обѣ палаты покаялись предъ нимъ на колѣняхъ въ грѣхѣ отпаденія отъ Рима и получили отъ него прощеніе. Черезъ короткое время снова запылали костры, на которыхъ жарились епископы, приходскіе священники и горожане. Не

смотря на свое неоднократное отречение от новшества Кранмеръ тоже палъ жертвой этой вспышки религіознаго фанатизма (22 марта 1556 г.). Уродливая, распухшая отъ водянки Марія никогда не пользовалась любовью своего мужа и, наконецъ, окончательно оттолкнула его отъ себя. Въ 1555 г. онъ отправился моремъ въ Испанію для того, чтобы занять испанскій престолъ послѣ смерти своего отца Карла V, а въ Англіи онъ побывалъ послѣ этого всего только одинъ разъ, въ 1557 г. Благодаря браку англійской королевы съ испанскимъ королемъ Англія пошла на буксиръ испанской политики. При этомъ она все же вынуждена была уступить Франціи 8 января 1558 г. Кале, послѣдній англійскій городъ на европейскомъ материкѣ, остававшійся въ рукахъ англичанъ съ 1347 г. 17 ноября Марія закрыла навѣки свои глаза. Въ противоположность ея отцу, подъ руками котораго все предпріятія, начатыя изъ узкихъ мотивовъ, превращались въ великія дѣла, направлявшія теченіе современной эпохи, все, что ни задумывала Марія изъ религіознаго убѣжденія, кончалось позорной неудачей.

6. Королева Елизавета.

А. Экономическія условія.

а) Населеніе и форма хозяйства.

Въ теченіе послѣднихъ трехъ столѣтій произошла рѣзкая перемѣна въ населеніи Англіи. Смѣшеніе кельтской расы съ германской западныхъ германцевъ съ сѣверными пошло въ Англіи по своеобразному пути, завершилось устраненіемъ всѣхъ малоцѣнныхъ составныхъ частей, по крайней мѣрѣ, изъ германскаго элемента и было, безъ сомнѣнія, благотвѣтельно для Англіи. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что въ восточной части Сѣверной Франціи существовали почти такія же самыя условія, какъ и въ Англіи, а во всей восточной части Франціи, по крайней мѣрѣ, весьма сходныя съ ними. То же самое относится къ пограничной линіи между Сѣверной и Южной Германіей, Майнской линіи, вдоль которой произошло такое же сліянiе кельтовъ съ западными германцами съ довольно значительной примѣсью восточныхъ германцевъ, бургундионовъ. Однако въ развитіи своего населенія Англія отличалась существеннымъ образомъ отъ другихъ названныхъ областей въ томъ отношеніи, что социальный отборъ принялъ въ ней оригинальную форму. Поскольку дѣло касается менѣе дѣятельныхъ, но болѣе даровитыхъ элементовъ населенія едва ли существовала какая-нибудь разница между Англіей и материкомъ. Какъ тутъ, такъ и тамъ такого рода люди уходили въ монастырь или въ ряды благаго духовенства и превращались вслѣдствіе безбрачія въ социальные отбросы, такъ какъ не оставляли по себѣ потомства. Совершенно иначе обстояло дѣло съ наиболѣе энергичными элементами населенія. Благодаря раннему упадку ленной системы въ Англіи междоусобныя войны стали въ этой странѣ въ послѣдующую эпоху болѣе рѣдкимъ явленіемъ, чѣмъ на европейскомъ материкѣ. Жертвой перемѣны условій стали почти только неключительные безпокойные и честолюбивые умы и только въ весьма незначительной степени способная производительнотрудолюбивая въ среднемъ выводѣ масса, которая устремилась въ города и добилась въ нихъ благосостоянія упорнымъ трудомъ. Такъ какъ до XVI столѣтія деревенское населеніе подвергалось несчастнымъ случайностямъ гораздо чаще городскаго, то жители городовъ пользовались фактически особенно выгоднымъ защищеннымъ положеніемъ, размножались въ болѣе сильномъ размѣрѣ, чѣмъ деревенскіе жители, и передавали по наслѣдству своему потомству свою работоспособность и свое трудолюбіе.

Въ Англии деревенское населеніе освободилось отъ прикрѣпленія къ землѣ раньше, чѣмъ въ лежащей на противоположной сторонѣ капала части материка; отчасти это было слѣдствіемъ вторженія норманновъ въ XI столѣтіи. Для иноземнаго норманнскаго барона, пріобрѣвшаго обширныя земли на о. Великобританіи, не было основанія удерживать въ своемъ подчиненіи такихъ людей, трудъ которыхъ не окупалъ затраченныхъ на нихъ расходовъ. Послѣ эпидеміи черной смерти обширныя пространства пахотной земли были превращены обратно въ пастбища, благодаря чему уменьшился спросъ на трудъ. Это повлекло за собою въ видѣ непосредственнаго послѣдствія потерю заработка наименѣе работоспособной частью населенія, опустившейся до нищенства; такіе бездомные бродяги не оставляли послѣ себя потомства, такъ что ихъ неспособность исчезла со свѣта вмѣстѣ съ ними самими. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нищенство пріобрѣло въ Великобританіи значеніе важнаго общественнаго вопроса на цѣлыя столѣтія раньше, чѣмъ на материкѣ; какъ тутъ, такъ и тамъ наименѣе работоспособные люди пропитывались насчетъ подаенія въ монастыряхъ въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій въ ущербъ всему населенію; но все же климатъ Англии былъ менѣе благопріятенъ для вредной бродяжнической жизни, чѣмъ материкъ съ его сухими холодами и сухими жарами. Строгій приказъ Эдуарда VI поставилъ непроходимую преграду этому общественному бѣдствію, нищенству. Елизавета пошла даже еще дальше: она обязала приходы содержать своихъ бѣдныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ для работоспособныхъ нищихъ былъ введенъ принудительный трудъ. Всякій осѣдлый немущій человекъ, не желавшій работать добровольно, могъ быть принужденъ къ труду. Благодаря этой мѣрѣ число неработоспособныхъ людей сократилось съ большою быстротою; бродяжническая жизнь, на которую они были обречены, была быстрымъ и вѣрнымъ средствомъ для истребленія бездѣльниковъ. Дѣйствіе непрерывнаго, неизмѣннаго отбора самыхъ неспособныхъ рабочихъ успѣло благодаря быстрому круговороту населенія, выкидывавшему наиболѣе способныхъ въ тѣ мѣста, въ которыхъ можно было добиться наиболѣе выгодныхъ условій существованія, и относившему неспособныхъ въ такія мѣста, гдѣ они пропадали съ наибольшею быстротою.

Той же цѣли служилъ совершившійся еще раньше переходъ отъ чистаго натурального къ полуденежному хозяйству. Натуральные запасы не поддаются такой легкой растратѣ, какъ деньги. Та самая неспособная семья, которая раньше могла съѣсть свою землю и свое домашнее имущество развѣ только за цѣлыхъ 50 лѣтъ, могла растратить его всего за какихъ-нибудь 10 лѣтъ теперь, когда стало возможнымъ дѣлать денежные займы и закладывать свои земли подъ ростовщическіе проценты. Раньше солдатъ получалъ за свою военную службу небольшой ленъ, обезпечивавшій на цѣлыя десятилѣтія какъ его, такъ и его семью даже въ томъ случаѣ, если они обладали весьма посредственными хозяйственными способностями. Теперь же онъ сталъ получать наличныя деньги, а въ такомъ городѣ, какъ Лондонъ, нетрудно было прокутить за одну ночь заработокъ цѣлаго года. При такой необычайной быстротѣ, которою отличаются денежные обращенія сравнительно съ натуральнымъ, хозяйственность стала въ Англии однимъ изъ важнѣйшихъ общественныхъ качествъ уже въ XIV столѣтіи. До того времени потребленіе не могло выйти изъ предѣловъ годового дохода. Теперь же являлся соблазнъ затронуть остальной капиталъ, какъ только истощался доходъ; мало того, пропала та рѣзкая граница между доходомъ и капиталомъ, какая существовала раньше между зерновымъ хлѣбомъ и пахотной землей. Все эти обстоятельства приводили быстрымъ шагомъ къ нищенской сумѣ всякаго, кто тратилъ больше, чѣмъ онъ зарабатывалъ. Не прекращающіяся денежные затрудненія королевскаго двора съ неизбѣжнымъ ихъ спутникомъ, принудитель-

ными займами (томъ VII, стр. 94), „добровольными“ подношеніями со стороны богатыхъ и вымогательствомъ денежныхъ штрафовъ, доказываютъ какъ нельзя лучше, что эта эпоха была неспособна къ мало-мальски вѣрному учету наличныхъ средствъ. Мы видимъ, что въ XV столѣтіи парламентъ построилъ свои расчеты на обложеніи 40,000 помѣстій бароновъ, въ то время какъ при взиманіи этихъ налоговъ обнаружилось, что такихъ помѣстій въ дѣствительности существуетъ не больше 5,000. Этотъ случай опять-таки доказываетъ, какъ беспильна была эта эпоха добыть точныя цифры, потребность въ которыхъ была выдвинута неуклоннымъ ростомъ денежнаго хозяйства.

Какъ ни велико было народно-хозяйственное значеніе накопленія богатствъ, добытыхъ посредствомъ торговли и промышленности въ городахъ и резиденціяхъ крупнѣйшихъ бароновъ, какъ сильно ни увеличивалась вслѣдствіе него подвижность капиталовъ и ихъ способность къ удовлетворенію моментальныхъ запросовъ, какъ ни плодотворны были созданныя имъ новыя взаимныя отношенія, послужившія небывалой опорой для торговли и увеличившія въ неизмѣримой степени получаемыя отъ нея выгоды, все это отступало на задній планъ сравнительно съ вліяніемъ всѣхъ этихъ явленій на ходъ общественнаго развитія. У кого не хватало тѣхъ самыхъ качествъ, которыя создавали это благосостояніе и эти богатства, тотъ опускался до нищенской суммы за какихъ-нибудь 20—30 лѣтъ; онъ лишался крова и семьи и терялъ возможность оставить по себѣ потомство. Такіе негодные въ хозяйственномъ отношеніи люди устранялись этимъ путемъ изъ слѣдующаго поколѣнія, составлявшагося почти исключительно изъ потомковъ способныхъ къ хозяйственной жизни представителей населенія. Продолжаясь въ теченіе десяти поколѣній подрядъ, это явленіе должно было повлечь за собою громадный подъемъ средней производительности населенія, его энергіи и выносливости; его осмотрительности и смѣлости. Такъ и случилось въ самомъ дѣлѣ. Многочисленныя сраженія на французской территоріи, въ которыхъ англійскія военныя силы вынуждены были бороться съ французскими войсками, далеко превосходившими ихъ по своей численности, и благоприятный для англичанъ исходъ которыхъ приписывается обыкновенно исключительнымъ высшимъ способностямъ ихъ военачальниковъ и лучшему вооруженію ихъ стрѣлковъ (стр. 606), были вынуждены не только по этимъ причинамъ, а также благодаря большой энергіи, выносливости и смѣлости англійскихъ военныхъ отрядовъ. Сюда еще надо присоединить благотворное вліяніе устраненія извращеннаго общественнаго отбора въ первую половину XVI столѣтія когда были уничтожены монастыри. Хотя Генрихъ VIII и признавалъ вѣчную обязательность обѣта безбрачія, тѣмъ не менѣе онъ разрушилъ ту почву, на которой выросли эти обѣты, уничтоживши монастыри и сокративши такимъ образомъ на $\frac{3}{4}$ число монаховъ. Въ общественномъ отношеніи эта реформа имѣла то значеніе, что тысячи молодыхъ людей съ склонностями къ отвѣченнымъ занятіямъ, умиранныхъ до того времени въ монастыряхъ и не оставлявшихъ по себѣ потомства, сохранялись для будущаго поколѣнія въ лицѣ своихъ дѣтей, и что средняя даровитость населенія также и въ этомъ послѣднемъ, отвѣченномъ, направленіи тоже стала возрастать изъ поколѣнія въ поколѣніе. Не дальше какъ черезъ два поколѣнія послѣ устраненія этой язвы, петрелявшейся таланты, Англія произвела на свѣтъ Бэкона, Шекспира и Ньютона.

б) Мореходство.

Растущая энергія и развивающіяся способности населенія Великобританіи нашли для себя обширное приложеніе на окружавшемъ Бригганскіи острова морѣ. Подобно тому, какъ англы поклонялись пѣкорда Матери-

Земля, такъ и теперь англичане могли бы обоготворять море, какъ своего благодѣтеля. Въ теченіе цѣлыхъ сотенъ лѣтъ ни одинъ французскій флотъ не могъ устоять противъ англійскаго. Недаромъ высшіе слои англійскаго населенія вели свое происхожденіе отъ сакскихъ, англофризскихъ и норманнскихъ пиратовъ. Одно единственное суденышко, принадлежавшее морскому разбойнику, часто приносило ему съ одного разу послѣ набѣга больше барышей, чѣмъ торговецъ пріобрѣталъ за цѣлые годы. Смѣлые купцы соединяли вмѣстѣ оба эти занятія; снаряжая вооруженныя суда для морскаго разбоя, они вмѣстѣ съ тѣмъ создавали для своего собственнаго груза защиту отъ иностранныхъ каперовъ. Въ англійскомъ народѣ развилось такое представленіе, что море принадлежитъ англичанамъ по праву. Прежде всего англичане задумали удалить окончательно изъ Ламанша всѣ неанглійскія суда и для этой цѣли признали этотъ каналъ своей собственностью (*mare clausum*). Мало по малу это представленіе объ ихъ правѣ собственности на море расширилось еще больше и превратилось въ священное народное убѣжденіе, въ насмѣшку надъ которымъ одинъ безмянныи нѣмецкій сатирикъ рассказываетъ объ открытіи древняго документа, трактующаго о сотвореніи міра, въ которомъ чернымъ по бѣлому значатся слѣдующія слова: „раньше всѣхъ другихъ людей Богъ создалъ англичанъ, а ради ихъ удовольствія также и море, которое онъ предоставилъ въ ихъ исключительную собственность, не отказавши, однако, и другимъ людямъ въ правѣ утопиться въ немъ, если они того пожелаютъ“.

До этого времени мореходство подчинялось вѣтру и погодѣ, отъ которыхъ зависѣла его судьба; но теперь была усовершенствована постройка глубоководящихъ судовъ, въ просторномъ трюмѣ которыхъ уже можно было помѣстить запасъ предметовъ первой необходимости на цѣлый мѣсяць; появились даже спеціальныя фрахтовыя суда съ глубокой осадкой и большой поверхностью парусовъ; благодаря этому опасныя случайности потеряли значительную долю своей силы, и смѣлый морякъ сталъ выдерживать борьбу со стихіями въ такихъ случаяхъ, которые неизмѣнно привели бы его къ гибели за 100 лѣтъ передъ тѣмъ. Что Англія старалась удержать въ своихъ рукахъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій противоположный французскій берегъ Ламанша, это было политической ошибкой; но все же эти завоеванія положили основаніе господству Англіи надъ Ламаншемъ, вызвали частыя морскія путешествія во Францію и создали даже правильное періодическое сообщеніе между обоими берегами. Въ прежнія времена англійская торговля находилась главнымъ образомъ въ рукахъ венеціанскихъ, нѣмецкихъ и флорентійскихъ купцовъ, и даже еще въ царствованіе Маріи нѣмецкій „Стальной Дворъ“ въ Лондонѣ пользовался цѣлымъ рядомъ важнѣйшихъ торговыхъ привилегій (т. VII, стр. 61); но въ 1560 г. въ этой сферѣ произошелъ рѣзкій переворотъ. Иностранныя корабли, поддерживавшіе торговлю между Англіей и Фландріей, были вытѣснены англійскими; мало того, къ нѣмецкимъ берегамъ тоже стали ходить англійскія парусныя суда. „Коммерческіе искатели приключеній“, *Merchant-Adventurers*, — это была самая большая англійская корпорація, которая выступила теперь на первый планъ и корабли которой заходили все дальше по западному берегу Франціи, пока, наконецъ, ихъ рейсы не распространились до Гибралтара. Черезъ короткое время эта новая конкуренція стала чувствительной для венеціанцевъ, португальцевъ и испанцевъ, тѣмъ болѣе, что англичане чувствовали себя на Атлантическомъ океанѣ, какъ у себя дома, и на путешествіе въ Средиземное море они смотрѣли, какъ на каботажное плаваніе или даже, какъ на экскурсію для развлеченія. Теперь начались правильныя торговые рейсы въ Константинополь, откуда товары шли дальше въ Сирію сухимъ путемъ. Не впадая въ преувеличеніе, Христофоръ Марлоу могъ вложить своему Фаусту въ уста слѣдующія гордыя слова (въ 1588 г.):

Духи покорны маговению моего пальца:
 Для меня они летятъ въ Индію за золотомъ
 И достаютъ жемчугъ изъ глубины океана,
 Рыщутъ по равнинамъ Новаго Свѣта
 Въ поискахъ за сладкими плодами
 И княжескими утѣхами.

Б. Религіозныя войны.

Отъ монарха, вступившаго на англійскій престолъ въ такую эпоху, когда въ странѣ накопилось гигантское напряженіе силъ, можно было ожидать великихъ дѣлъ, если только ему удастся предупредить внутренніе раздоры и не растратить силъ своего народа на бездѣльные авантюры. Теперь нуженъ былъ не смѣлый завоеватель, который воздвигнулъ бы въ теченіе одной своей жизни карточный домикъ завоеваній, а скорѣе тортиза, который сдержалъ бы стремительно катящееся колесо народной энегии, спустилъ бы его плавно внизъ съ горы возможнаго и необходимаго и обезпечилъ бы, такимъ образомъ, безопасное достиженіе имъ долины упроченаго могущества. Для Англии было величайшимъ счастьемъ, какое только мыслимо, что на ея престолѣ оказался человекъ съ такими качествами, къ тому же еще женщина, со стороны которой три величайшія державы материка, Испанія, Франція и Германія, не опасались никакихъ наступательныхъ военныхъ дѣйствій, за которой европейскіе монархи, напротивъ того, ухаживали наперерывъ другъ передъ другомъ, не рѣшаясь обнаружить открытой вражды къ ней, пока безплодныя ухаживанія за ней въ теченіе цѣлыхъ 20—30 лѣтъ не убѣдили ихъ, что англійская королева не отдастъ своей руки никакому иностранному принцу; а теперь уже было слишкомъ поздно затѣвать войну съ Англійей: слишкомъ уже окрѣпли морскія силы этого государства. Въ 1570 г. такая міровая морская держава, какъ Испанія, могла бы уничтожить безъ труда англійскій флотъ, но 15 лѣтъ спустя это уже оказалось ей не по силамъ.

Въ 1558 г. англійскій престолъ перешелъ къ Елизаветѣ отъ ея сводной сестры, фанатичной католички въ духѣ средневѣкового преклоненія передъ папой, загубившей съ виду всего за нѣсколько лѣтъ дѣло всей жизни ихъ общаго отца, но все же оказавшейся не въ состояніи преградить потокъ современныхъ умственныхъ теченій. Быть ли католицизму или протестантизму — этотъ вопросъ не ставился въ то время въ Англии въ такой острой формѣ, хотя на европейскомъ материкѣ уже давно успѣли образоваться двѣ рѣки, обособленныя, враждебныя между собою партіи. Официально признанное Генрихомъ VIII вѣроисповѣданіе приблизилось постепенно къ ученію Лютера и, наконецъ, даже къ Цвингли, а Эдуардъ VI пошелъ еще дальше въ томъ же направленіи; но все же никакого раскола не произошло, такъ какъ эти короли увлекли за собою, по крайней мѣрѣ по внѣшности, всю массу населенія за исключеніемъ отдѣльныхъ непокойныхъ головъ. Англія порвала окончательно съ папой: но въ то же время ей удалось миновать опасности распада народнаго единства за горло. Въ царствованіе Маріи опасность подобнаго раскола стала болѣе близкой, но все же дѣло не зашло такъ далеко: королева скончалась раньше, чѣмъ успѣли обнаружиться рѣзкія разногласія въ религіозныхъ убѣжденіяхъ. Какъ монархъ съ національнѣйшей задачей предупрежденія подобнаго раскола также и на будущее время; такимъ путемъ она спасла Англійю отъ массоваго истребленія самыхъ даровитыхъ и твердыхъ въ своихъ убѣжденіяхъ представителей народа и приобрѣла возможность направить все силы своей страны въ сторону расширенія ея внѣшняго политическаго могущества. Эта задача была по плечу Елизаветѣ по той про-

стой причинѣ, что у нея самой не было никакихъ религіозныхъ убѣжденій. Въ молодости она считала себя протестанткой въ духѣ Эдуарда VI, а въ царствованіе ея сестры Маріи, преданной католицизму, она сначала не мирилась съ новымъ религіознымъ направленіемъ, но затѣмъ стала ревностной почитательницей мессы. Такія догматическія тонкости, какъ разница между понятіями „есть“ и „обозначаетъ“ (т. VII, стр. 343), были для нея пустымъ звукомъ. Достигается ли спасеніе души преданностью церковному вѣроученію или правдивнымъ поведеніемъ. — это было для нея безразлично, такъ какъ она вовсе не хлопотала о томъ, чтобы возвеличить Англію въ царствѣ небесномъ. Подобно своему современнику Марлоу, она относилась съ снисходительнымъ презрѣніемъ къ подобнымъ пустымъ словамъ; она чувствовала себя женщиной и поборницей всемірнаго вліянія своего народа, но совсѣмъ не признавала себя грѣшницей; она предпочитала прощать другимъ людямъ ихъ прегрѣшенія, чѣмъ самой получать прощеніе за свои собственныя. Она была настолько горда, что не хотѣла признаваться въ своихъ грѣхахъ, и въ то же время такъ умна, что въ политическихъ вопросахъ не настаивала на своемъ при столкновеніи съ болѣе сильной державой. Она не обладала неудержимымъ стремленіемъ къ творческой дѣятельности, но въ то же время она не любила вызывать кровопролитныхъ столкновеній и не затрагивала тѣхъ прерогативъ, которыми церковь украшала личность своего Бога. Изъ любви къ распятому Богу она сожалѣла, что онъ не обладалъ для своей защиты англійскимъ флотомъ, и въ то же время выслала свой флотъ навстрѣчу тому духовному лицу, которое выставляло себя намѣстникомъ этого Бога. Будь на ея мѣстѣ на англійскомъ престолѣ фанатическая католичка или ярая протестантка, она вовлекла бы Англію черезъ нѣсколько лѣтъ въ опустошительную междуусобную войну. Елизавета не обладала предприимчивымъ духомъ, но окунула смѣло въ потокъ современной жизни и неслась по его теченію; ей было безразлично, куда онъ ее ни занесетъ. Пока этотъ потокъ не наталкивалъ ее на вражескую запруду, у нея не хватало настолько самостоятельности, чтобы опуститься въ его глубину и сорвать эту запруду. Трудно было склонить ее къ какому-либо новому предпріятію; а когда это удавалось, то она нерѣдко начинала торговаться относительно средствъ, необходимыхъ для осуществленія его. Неоднократно она по небрежности заставляла голодать своихъ солдатъ, а для ея пушекъ не хватало пороха; къ ея счастью, ея противники не догадывались объ этомъ своевременно; въ противномъ случаѣ, армада обогнула бы Шотландію съ сѣвера и уничтожила бы англійскій флотъ на восточномъ побережьѣ, вмѣсто того, чтобы самой стать жертвой истребительной бури на западномъ побережьѣ. Сколько политическихъ ошибокъ она ни надѣлала, она ни разу не провинилась въ слѣдующихъ двухъ: она не переоцѣнивала никогда силы того потока, по теченію котораго она неслась, и никогда не пыталась преградить его своими руками. Благодаря всѣмъ этимъ качествамъ, она сыграла роль великой королевы въ такой исторической моментъ, когда въ великобританскомъ племени германской расы начался подъемъ духа, направленный къ созданію всемірнаго господства Англіи при помощи ея флота. Ее называли даже, хотя и неосновательно, величайшимъ изъ англійскихъ монарховъ.

Какое положеніе занять ей по отношенію къ папѣ, это было предиктовано ей разъ навсегда ея національнымъ чувствомъ. Подъ верховной властью папы невозможно было существованіе англійской народной церкви. Однако народная масса была привязана къ виѣннымъ формамъ католической церковной службы сильнѣе, чѣмъ это казалось Генриху VIII и Эдуарду VI. Необходимо было держаться посреднѣ между безусловнымъ подчиненіемъ папѣ и иконоборствомъ; необходимо было устранить рѣзкія формы обоихъ этихъ теченій. Въ лицѣ сэра Уильяма Сеенля она нашла человѣка,

ваннаго такое среднее положеніе и находившаго возможнымъ уладить все существующія затрудненія посредствомъ несущественнаго измѣненія второго молитвенника Эдуарда (стр. 636). Такая переработка этого молитвенника была предпринята въ дѣйствительности, и въ 1559 г. парламентъ призналъ обязательной эту новую редакцію. Елизавета не называла себя верховной главою церкви, каковымъ все еще оставался папа по убѣжденію ея подданныхъ католиковъ; она признавала себя только высшей руководительницей государства какъ въ свѣтскихъ, такъ и въ духовныхъ дѣлахъ. Всякій состоящій на государственной службѣ или получившій ученую университетскую степень долженъ былъ принести присягу въ томъ, что онъ признаетъ эти права королевы, но народная масса королева не безпокоила такими требованіями. Такимъ образомъ въ практическомъ смыслѣ установилась свобода вѣроисповѣданій. Поводами къ вмѣшательству государственной власти считались только насильственные дѣйствія и народные волненія. Духовныя лица, которыя не соглашались исполнять указанныхъ постановленій, замѣнялись другими. Публичная месса была отмѣнена, но съ другой стороны были поставлены преграды экзекессамъ вѣроученія Кальвина, проникшаго въ Англію подъ именемъ пресвитеріанства.

Елизавета состояла въ дружественныхъ отношеніяхъ съ королемъ испанскимъ Филиппомъ. Еще при жизни Маріи она привлекла къ себѣ его вниманіе своей стройной фигурой. Онъ оказывалъ ей всяческія любезности и заискивалъ ея расположенія. Послѣ смерти Маріи онъ смотрѣлъ на нее въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, какъ на свою будущую супругу, и избегалъ всякаго поступка, который могъ быть неприятенъ для нея. Не подпуская его слишкомъ близко къ себѣ, она держала его въ состояніи напряженнаго ожиданія, а поутю вела такую же игру также и съ французскимъ королемъ. Когда она убѣдилась, что она вынуждена окончательно отказаться отъ Кале, она все же постаралась добиться такой оговорки, что этотъ городъ долженъ быть возвращенъ Англіи черезъ 8 лѣтъ послѣ заключенія мирнаго договора въ Като-Камбрези (2 и 3 апрѣля 1559 г.), хотя Франція, конечно, не относилась серьезно къ этому обязательству; однако внѣшній миръ все же былъ восстановленъ, и устранена опасность вмѣшательства иностранныхъ державъ въ дѣла Британскихъ острововъ. Съ этого времени ея внѣшняя политика была направлена къ тому, чтобы натравливать другъ на друга Францію и Испанію и не дать ни одной изъ этихъ державъ окончательнаго перевѣса надъ другою. Впрочемъ, у нея было много хлопотъ и внутри государства, тѣмъ болѣе, что въ сосѣдней Шотландіи вспыхнулъ религиозный расколъ, который былъ предупрежденъ въ Англіи благодаря ея рѣшительному вмѣшательству немедленно послѣ возникновенія вѣроисповѣдныхъ разногласій.

В. Марія Стюартъ.

Вѣроученіе Кальвина было перенесено въ Шотландію Джономъ Ноксомъ, въ то время какъ шотландская королева Марія Стюартъ, бывшая замужемъ за католикомъ, французскимъ дофиномъ, исповѣдывала католическую религію. Дворянство стало на сторону кальвинистовъ, отъ которыхъ можно было ожидать конфискаціи церковныхъ земель. Были уничтожены монастыри, изъ церквей удалены иконы, отмѣнена месса, и Шотландія ввела у себя пресвитеріанскій церковный строй. Вмѣстѣ съ тѣмъ усилилась королевская власть. Послѣ смерти короля французскаго Генриха II французскій престолъ унаследовалъ Францискъ II, супругъ Маріи Стюартъ, и она сама стала французской королевой. Какъ влиятельная племянница Генриха VIII (срав. стр. 632), Марія, которая съ своей точки зрѣнія должна была считать безусловно недѣйствительнымъ бракъ Генриха

съ Анной Болейнъ, признавала за собою права на англійскую корону и присвоила себѣ титулъ англійской королевы. Тѣмъ не менѣ Елизавета рѣшилась выступить противъ нея только тогда, когда Марія Стюартъ отравила французскія войска въ свое родное государство, которымъ управляла въ то время въ качествѣ регентши Марія де-Гизъ, и когда эти войска успѣли утвердиться въ этой странѣ. Англійская королева ненавидѣла Нокса за одно изъ его прежнихъ сочиненій, но тѣмъ не менѣ обстоятельства заставляли ее оказывать ему поддержку, и въ началѣ 1560 г. она отравила къ нему на помощь свой флотъ. Французская армія вынуждена была сдать и обязалась уйти изъ Шотландіи по мирному договору въ Единбургъ. По тому же договору Елизавета была признана законной англійской королевой. Супругъ Маріи Стюартъ скончался 5 декабря 1560 года, и его преемникомъ на французскомъ тронѣ сталъ его братъ Карлъ IX, отъ имени котораго управляла Франціей Екатерина Медичи. Марія хотѣла вернуться на родину черезъ Англію, но Елизавета разрѣшила ей проѣздъ черезъ свое королевство только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы она признала предварительно Единбургскій мирный договоръ, отъ утвержденія котораго парижскій дворъ все еще уклонялся. Для Маріи подписаніе этого мирнаго договора было равносильно формальному и документальному отказу отъ своихъ правъ на англійскую корону; она не уступила требованію Елизаветы, а отправилась морскимъ путемъ съ нѣсколькими кораблями и высадилась на берегъ Шотландіи 19 августа 1561 года. Ко дню ея прибытія дѣла обстояли въ Шотландіи далеко не благополучно съ точки зрѣнія католицизма. Верховная власть папы была отмѣнена, месса была запрещена. Ноксъ придалъ шотландской церкви рѣзкій пресвитеріанскій строй; во главѣ ея были поставлены старѣйшины и общее церковное собраніе, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ былъ сохраненъ санъ епископа.

Марія была во всѣхъ отношеніяхъ полной противоположностью Елизаветы. Это была страстная женщина, абсолютно лишенная политическаго ума, у которой на первомъ планѣ всегда стояли чувства, не исключая и тѣхъ, которыя были связаны съ ея религіозными убѣжденіями; въ ея характерѣ не замѣчалось ни малѣйшей черты государственнаго человѣка, она никогда не могла рѣшиться хоть сколько-нибудь скрыть свои чувства изъ внѣшнихъ приличій. Само собою разумѣется, что она сейчасъ же пришла въ столкновеніе съ хладнокровно разсудительными, превосходящими всѣ остальные народы по своей способности къ пассивному сопротивленію шотландцами. Ради правильнаго отправления мессы въ ея собственной капеллѣ она готова была поставить на карту свою корону. Благодаря ея личному обаянію дворянство сейчасъ же склонилось на ея сторону. 29 іюля 1565 года она вышла замужъ за своего двоюроднаго брата Генриха Стюарта, лорда Дарнлея, не соблазпившись предложеніемъ Елизаветы, которая пыталась въ 1563 году сосватать ее съ своимъ собственнымъ фаворитомъ Робертомъ Додлеемъ, графомъ Лейстеромъ (стр. 632).

Елизавета подстрекнула къ возстанію противъ распорядившейся самодержавно шотландской королевы своднаго брата Маріи Якова Муррея и другихъ шотландскихъ дворянъ; но когда возстаніе окончилось неудачей, и разбитые повстанцы вынуждены были бѣжать въ Англію, то она совершенно отеклась отъ своего соучастія. Между тѣмъ Марія предоставила большое вліяніе на государственныя дѣла своему молодому тайному секретарю, итальянцу Давиду Риччіо; по приказу ея мужа Риччіо былъ закованъ въ кандалы на ея глазахъ, затѣмъ отведенъ и преданъ смерти (9 марта 1566 года), несмотря на то, что не было обнаружено никакого достовѣрнаго доказательства его вины. Марія была настолько неосторожна, что предложила похоронить его въ усыпальницѣ шотландскихъ королей. Вскорѣ послѣ этого Джемсъ Гейборнъ, графъ Ботвелль взорвалъ на воздухъ съ ея вѣдома ея законнаго супруга (10 февраля 1567 года),

а затѣмъ увезъ ее и вступилъ съ ней въ бракъ 15 мая. И на этотъ разъ ея соучастіе въ преступленіи осталось бы недоказаннымъ, если бы не состоялся этотъ бракъ. Даже въ настоящее время оно признается только тѣми, которые вѣрятъ въ подлинность восьми писемъ Маріи къ Ботвеллю („Писемъ изъ шкатулки“). Бракъ съ Ботвеллемъ стоилъ ей престола. Всѣ окружавшіе ее отrekliсь отъ нея. Ботвелль, котораго ни въ коемъ случаѣ нельзя было называть героемъ, спасся бѣгствомъ. Марія была взята въ плѣнъ и принуждена къ отреченію отъ престола въ пользу ея сына отъ Дарнлея, Якова. Власть взялъ въ свои руки въ качествѣ регента ея сводный братъ. Она подняла возстаніе, но была снова разбита (13 мая 1568 года) и искала пристанища въ Англіи.

Елизавета попала въ очень неудобное положеніе. Въ свое время она признала Марію законной королевой Шотландіи; слѣдовательно, тѣ, которые изгнали ее, должны были считаться въ глазахъ англійской королевы государственнымъ измѣнниками и бунтовщиками. Съ другой стороны, у нея вовсе не было охоты братья за оружіе для того, чтобы посадить на престолъ свою неудобную соперницу. Въ то же время она не хотѣла отпускать ее во Францію, такъ какъ оттуда Марія могла легко вернуться съ французскимъ военнымъ отрядомъ, а такого оборота дѣла Елизавета хотѣла избѣжать во что бы то ни стало: она никакъ не могла допустить высадки военныхъ силъ материковой державы на ея собственный островъ. Поэтому она отдала Марію на судъ англійскихъ лордовъ, которымъ были предъявлены упомянутыя выше письма Маріи къ Іоанну Ботвеллю, посредствомъ которыхъ имѣлось въ виду доказать ея соучастіе въ смерти Дарнлея. Однако единственное изъ этихъ писемъ, въ которомъ заключаются дѣйствительныя улики, оказалось впоследствии подложнымъ. Марія отказалась отъ показаній на судѣ и заявила, что она будетъ говорить только въ присутствіи Елизаветы. До этого, однако, дѣло не дошло. Католическая сѣверная Англія подняла возстаніе въ пользу католички Маріи, а папа покаралъ Елизавету отлученіемъ отъ церкви (въ 1570 году). Елизавета подавила возстаніе и грозила смертной казнью всякому, кто осмѣлится объявить на англійской территоріи папское постановленіе о ея отлученіи. Папѣ не удалось поднять на ноги противъ Елизаветы ни одной католической державы: у Франціи и безъ того были полныя руки хлопотъ, а что касается Филиппа, то, съ одной стороны, онъ все еще оставался поклонникомъ Елизаветы, а съ другой онъ нуждался въ ея дружбѣ: какъ разъ въ это время Альба велъ истребительную войну съ протестантскими Нидерландами (томъ IV, стр. 547; томъ VII, стр. 298), и для поддержанія своихъ сношеній съ Альбой испанскому королю необходимо было свободное пользованіе Ламаншемъ, находившимся подъ пикѣмъ неоспариваемымъ господствомъ англійскихъ морскихъ силъ. И безъ того англійскіе пираты захватывали корабли съ деньгами, которыя посылались Альбѣ для уплаты жалованья солдатамъ; эти пираты дѣлились своей добычей съ англійской короной, которая принимала ихъ подъ свое покровительство. Елизавета была бережлива до скупости, но отличалась большою любовью къ правильному вденію государственнаго хозяйства. Она возстановила правильный вѣсъ монетъ, испорченныхъ ея предшественниками; она уплачивала аккуратно всякій сдѣланный ею заемъ и возвращала парламенту даже утвержденныя имъ суммы. При всемъ томъ она никогда не созывала парламента чаще, чѣмъ это было безусловно необходимымъ, такъ какъ нижняя палата толкала ее упорно впередъ въ пританскомъ направленіи, а верхняя толкала ее назадъ въ сторону католицизма. Нижняя палата желала вступленія Елизаветы въ бракъ и рожденія наследника престола, а верхняя — признанія наследницей Маріи Стюартъ. Елизавета не хотѣла ни того, ни другого; поэтому она предпочитала не собирать парламента, когда только это было возможно. Однако, во что бы

то ни стало, необходимо было разрѣшить вопросъ о Маріи Стюартъ, и статсъ-секретарь сэръ Фрэнсисъ Уольсингемъ трудился надъ этимъ вопросомъ изо всѣхъ силъ; получивъ свѣдѣнія о заговорѣ католика Антона Бабингтона на жизнь Елизаветы (въ 1586 г.), онъ впуталъ въ него Марію посредствомъ разныхъ хитросплетеній, а затѣмъ сталъ требовать у королевы ея смерти, какъ соучастницы въ этомъ покушеніи. 1 февраля 1587 г. Елизавета подписала приговоръ о казни Маріи, но приказала при этомъ, чтобы онъ не приводился въ исполненіе: въ дѣло вмѣшался коронный совѣтъ, который приказалъ статсъ-секретарю Уильяму Дэвисону отослать этотъ приговоръ для исполненія. 8 февраля Марія Стюартъ погибла на плахѣ въ Фотерингеѣ. Елизавета дала отставку Дэвисону и наложила на него высокій денежный штрафъ, но все же вздохнула съ облегченіемъ, какъ только былъ положенъ конецъ интригамъ, имѣвшимъ цѣлью посадить на престолъ послѣ ея смерти преемницу католичку.

Г. Англія и Испанія.

Въ силу естественной необходимости дѣло дошло до разрыва между Англіей и Филиппомъ II, обусловленнаго не личными столкновеніями, а непримиримымъ противорѣчіемъ между интересами обѣихъ странъ. Въ теченіе послѣдняго столѣтія Испанія играла роль самой могущественной морской державы и стала заявлять претензіи на обладаніе всѣмъ Новымъ Свѣтомъ, вновь открытымъ на дальнемъ западѣ. На Вестъ-индскихъ островахъ, въ Мексикѣ и Южной Америкѣ выросли цѣлыя тысячи испанскихъ поселеній, и флоты Филиппа привозили въ Старый Свѣтъ сокровища Новаго. Эти богатства представляли необычайно заманчивую добычу для всѣхъ враговъ и соперниковъ Испаніи. Цѣлыя флоты пиратовъ рыскали по морямъ съ цѣлью завладѣть испанскими кораблями, нагруженными золотомъ и серебромъ; больше всего такихъ пиратскихъ судовъ снаряжала Англія, которая господствовала теперь также и надъ берегами Франціи. Черезъ короткое время эти нападенія стали направляться также противъ испанскихъ колоній по ту сторону океана, которыя подвергались разграбленію. Для надежной защиты испанскихъ колоній потребовался бы флотъ въ 10 разъ болѣе многочисленный, чѣмъ громадныя морскія силы Филиппа. Кромѣ того, англійскіе пираты вели обширную торговлю рабами, которыхъ они перевозили отъ западныхъ береговъ Африки къ восточнымъ берегамъ Америки. Фрэнсисъ Дрэкъ, дѣлвшійся съ королевой барышами отъ своихъ пиратскихъ экспедицій, направился въ 1572 г. къ Панамскому перешейку и наградилъ тамъ громадное количество испанскаго серебра, забраннаго отчасти даже изъ губернаторскихъ дворцовъ. Въ 1577—1580 гг. онъ предпринялъ съ пятью кораблями еще одинъ набѣгъ на испанскія колоніи въ Америкѣ. Не успѣло еще дойти до Испаніи, а оттуда до Америки, извѣстіе объ его отбытіи изъ Англіи, какъ онъ уже перешелъ черезъ Атлантическій океанъ, обогнулъ осенью 1578 г. южную оконечность Америки и разграбилъ западное побережье этого материка, не встрѣчая никакихъ препятствій, такъ какъ это нападеніе было совершено неожиданно для тамошнихъ испанцевъ, и они не были приготовлены къ самооборонѣ. Хотя Дрэкъ потерялъ цѣлыхъ четыре корабля, по все же ему удалось вернуться домой съ пятымъ. Въ то самое время, какъ испанцы подстерегали его у южной оконечности Америки для того, чтобы захватить на обратномъ пути его „Пеликана“, онъ вернулся въ Англію черезъ Великій океанъ и кругомъ южной оконечности Африки. Филиппъ потребовалъ отъ Елизаветы возвращенія награбленной добычи, но англійская королева уклонялась отъ отвѣта посредствомъ дипломатическихъ уловокъ. Филиппъ конфисковалъ всѣ англійскія суда, стоявшія въ испанскихъ гаваняхъ, но

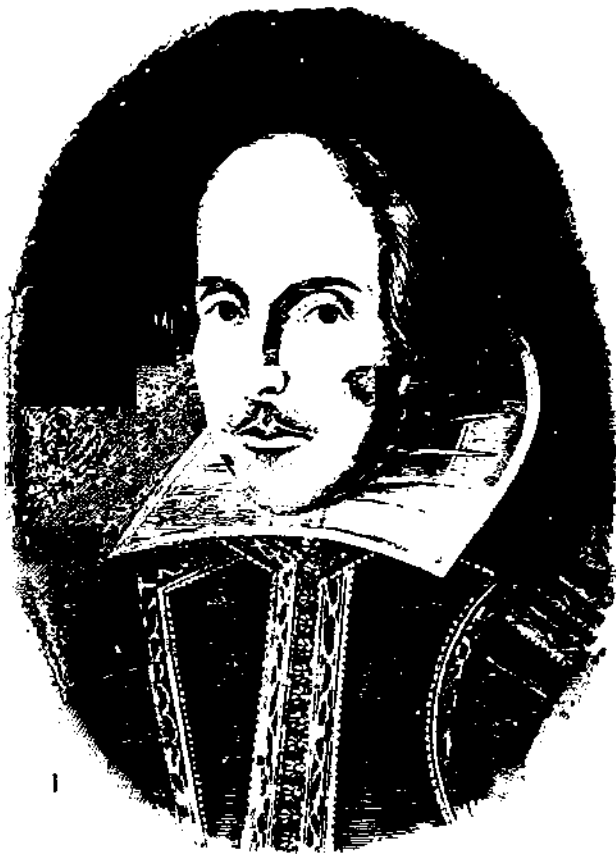
Елизавета отвѣтила на это конфискаціей всѣхъ испанскихъ судовъ, находившихся въ англійскихъ владѣніяхъ; такъ какъ убытки отъ этихъ конфискацій были приблизительно одинаковы съ обѣихъ сторонъ, то Елизавета осталась въ выигрышѣ, такъ какъ у нея осталось все награбленное Дракомъ. Еще раньше Елизавету оттолкнуло отъ католицизма ея отлученіе отъ церкви папой; теперь же противорѣчіе между политическими интересами Англии и Испаніи стало тянуть ее все сильнѣе въ сторону протестантизма; хотя она была далека отъ пуританизма, стремившагося къ освобожденію церкви и вѣры отъ всего того, чего нѣтъ въ Библии, тѣмъ не менѣе въ ея царствованіе дѣло дошло до рѣзкихъ преслѣдованій католиковъ. Между тѣмъ могущество Испаніи возросло вслѣдствіи ея объединенія съ Португаліей въ 1580 г. въ то время, какъ во Франціи вліяніе короны умалилось благодаря тому, что на престолѣ сидѣлъ протестантъ (т. VII, стр. 295). Теперь Елизавета считала себя вынужденной, наконецъ, принять мѣры противъ Испаніи. Съ одной стороны она стала поддерживать возмущившіяся противъ Испаніи Нидерландскія провинціи деньгами, людьми и оружіемъ, а съ другой стороны отправила къ берегамъ Испаніи Дрэка съ каперскимъ флотомъ. Въ 1587 г. онъ вернулся домой съ большимъ грузомъ драгоценностей.

Еще передъ тѣмъ Филиппъ сталъ готовиться къ походу противъ еретички Елизаветы и былъ вполне увѣренъ что заслужитъ этимъ путемъ вѣчнаго блаженства; но Дрэкъ сжегъ его грузовыя суда и пустилъ на дно часть испанскихъ кораблей, которые ему удалось захватить. Филиппъ вынужденъ былъ отложить свою морскую экспедицію до 1588 г. Въ этомъ году было, наконецъ, закончено снаряженіе „счастливейшей армады“; Филиппъ составилъ лично самый подробный планъ ея дѣйствій. Однако она еще не успѣла пройти мимо берега Галліціи, какъ буря причинила ей тяжелую аварію. При своемъ отправленіи она состояла изъ 160 судовъ общей вмѣстимостью въ 58 тысячъ тоннъ, съ экипажемъ въ 32 тысячи человекъ и 2½ тысячами пушекъ (т. VII, стр. 301). Когда въ Англию пришло извѣстіе о бурѣ при мысѣ Финистерре, то Елизавета, одержимая бѣсомъ скупости, приказала своему главному адмиралу барону Говарду Эфингему разоружить сейчасъ же четыре самыхъ большихъ корабля; но этотъ послѣдній заявилъ, что онъ беретъ на себя издержки по ихъ содержанію. Эфингемъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи 117 судовъ гораздо меньшихъ, чѣмъ испанскія, съ одиннадцатю тысячами человекъ экипажа; но въ то время, какъ армада состояла изъ высокобортныхъ судовъ, приспособленныхъ къ сраженію на близкомъ разстояніи, и были приспособлены къ обстрѣливанью неприятельскихъ кораблей сверху, плоскія англійскія суда представляли изъ себя плохую мишень для неприятельскихъ пушекъ и кромѣ того были снабжены гораздо болѣе сильными и дальнобойными пушками; эти корабли были приспособлены къ бою на большихъ разстояніяхъ. Соответственно съ этимъ ихъ подвижность тоже была гораздо выше; во-первыхъ, они были меньше судовъ армады, во-вторыхъ, экипажъ каждаго изъ нихъ былъ почти вдвое многочисленнѣе и скорость ихъ хода была поэтому гораздо выше. Пока армада дошла до Ламапна, отъ нея уцѣлѣло всего 120 судовъ. Когда они проходили мимо Плимута, то Эфингемъ выставилъ противъ нихъ свой флотъ въ боевомъ порядкѣ, но армада уклонилась отъ боя и прошла мимо для того, чтобы забрать въ Дюнкерхенѣ испанскія войска подъ начальствомъ Александра Фарнези, высадить ихъ въ Англию и проникнуть въ устья Темзы. Эфингемъ двинулся вслѣдъ за армадой и сталъ наносить ей чувствительные удары. Онъ началъ съ того, что захватывалъ каждый разъ послѣднее изъ шедшихъ въ арріергардѣ неприятельскихъ судовъ. Забравши такимъ образомъ три лучшихъ испанскихъ судна, онъ сталъ досаждать армадѣ отдѣльными мелкими стичками, а когда испанцы стали на якорь между Кале и Гравелин

геномъ, го Дрэкъ пустилъ при сѣверномъ вѣтрѣ на ихъ позицію 8 брандеровъ, такъ что армада вынуждена была выйти поспѣшно въ открытое море и принять тамъ бои съ англичанами въ самой неудобной позиціи. Герцогъ де'Гузманъ де Медина Сидонія потерялъ девятую часть своихъ кораблей и вынужденъ былъ отступить въ Дюкирхенъ. На попытку высадить въ Англии десантъ онъ уже больше не рѣшался. Путь къ отступленію черезъ Ламаншъ былъ ему прегражденъ; у него не оставалось никакого другого выхода, какъ вернуться въ Испанію кругомъ сѣверной оконечности Шотландіи; но англійскій флотъ слѣдовалъ за нимъ по пятамъ и причинялъ ему почти ежедневныя потери. Однако, когда оба флота дошли до Оркнейскихъ острововъ, счастье чуть было не повернулось спиной къ англичанамъ: у англійскаго флота не хватило пороха и сѣстныхъ припасовъ; но Эфингемъ былъ настолько предусмотрителенъ, что повернулъ сейчасъ же обратно и направился къ англійскимъ портамъ, а между тѣмъ армада была застигнута случайно страшной бурей, такъ что Медина Сидонія привелъ обратно въ Испанію еле половину своихъ судовъ, да и тѣ оказались въ самомъ жалкомъ состояніи. Тѣмъ не менѣе Елизавета не удовлетворилась достигнутымъ успѣхомъ, а отправила въ 1589 г. Дрэка и Джона Норриса для хищническихъ набѣговъ на берега Испаніи въ то время, какъ другіе англійскіе пираты грабили берега Вестъ-Индіи. Хотя бурная погода отчасти помѣшала успѣху этихъ предпріятій, тѣмъ не менѣе Филиппу II былъ нанесенъ сильный ударъ, и всемірная торговля Испаніи не только была подорвана, но была въ значительной степени вытѣснена англійской.

Въ то время, когда Англии угрожала опасность со стороны армады, англичане католики и протестанты поднялись единодушно на защиту отечества. Тѣмъ не менѣе Елизавета стала склоняться все сильнѣе къ лѣвому крылу протестантства подъ давленіемъ пуританъ. Протестантство имѣло на своей сторонѣ не только высшую умственную жизнь всего англійскаго народа въ совокупности; но болѣе прогрессивное нравственное самосознаніе той эпохи тоже склонялось къ нему. Болѣе широкая свобода совѣсти, предоставляемая имъ, шла навстрѣчу индивидуальному отпечатку той эпохи. Въ то время, какъ Уильямъ Шекспиръ (см. фиг. 1 на прил. табл.: „Англійскіе великіе умы“) писалъ свои драмы въ духѣ новой эпохи и противопоставлялъ оригинальные характеры массамъ и массовымъ движеніямъ, Фрэнсисъ Бэконъ положилъ начало систематическому изслѣдованію природы. Хотя его научный демократизмъ, мечтавшій объ основаніи акціонерныхъ обществъ для работы на поприщѣ науки, далъ гораздо меньше результатовъ, чѣмъ обнародованные короткое время спустя философская критика и методъ изслѣдованій Декарта, тѣмъ не менѣе онъ принадлежитъ къ числу величайшихъ умовъ вѣка Елизаветы. Въ 1590 и въ 1596 гг. вышла въ свѣтъ эпическая поэма Эдмунда Спенсера „Королева фей“ (The faery queen), написанная стансами, преисполненными яркихъ красокъ.

Къ нимъ слѣдуетъ присоединить еще такихъ геніальнѣйшихъ государственныхъ людей, какъ Уильямъ Сесиль, лордъ Бурлей, и уже упомянутый нами (стр. 644) Уольсенгемъ. Только въ одномъ вопросѣ, ирландскомъ, оба они потерпѣли полную неудачу. Въ царствованіе Маріи была сдѣлана попытка поселенія въ Ирландіи англійскихъ колонистовъ, истребившихъ туземное кельтонберійское населеніе той небольшой территоріи, которую они заняли, но Елизавета изъ скупости поддерживала ихъ такъ плохо, что англійская національность не дѣлала никакихъ успѣховъ въ Ирландіи. Послѣ того, какъ испанцы и итальянцы высадились въ Ирландіи въ 1580 г. въ томъ убѣжденіи, что ирландцы ведутъ борьбу за права папы, а не за независимость своей національности, Ирландія стала для Англии опаснымъ сосѣдомъ. Были сдѣланы новыя попытки

Объяснение къ портретамъ, помѣщеннымъ на оборотѣ.

1. Уильямъ Шекспиръ (1564—1616 г.); рис. Дрозегоута, вѣроятно, въ роли стараго Ноуэлла въ пьесѣ Бена Джонсона „Every man in his humour“.
2. Королева Елизавета (1533—1603 г.); рис. Ф. Цуккаро.
3. Исаакъ Ньютонъ (1643—1727 г.).
4. Чарльзъ Робертъ Дарвинъ (1809—1882 г.).

(1 — по гравюрѣ на деревѣ въ первомъ изданіи in folio драмъ Шекспира 1623 г.; 2 — по фотографіи съ картины, хранящейся въ національной портретной галлерей въ Лондонѣ; 3 — по современному портрету въ масляныхъ краскахъ; 4 — по фотографическому снимку, принадлежащему Эрнсту Геккелю въ Гейѣ.)

устройства англійскихъ колоній въ Ирландіи, но опять-таки средства, отпущенныя на это, оказались слишкомъ скудными. Послѣ цѣлаго ряда одержанныхъ ими побѣдъ, англичане потерпѣли въ 1598 году отъ руки О'Неала, графа Тирона, при Блаукуотерѣ такое тяжелое пораженіе, что Елизавета вынуждена была отправить въ Ирландію въ 1599 году для покоренія этого острова своего фаворита Роберта Деверѣ, графа Эссекса, но онъ почелъ нужнымъ заключить перемиріе. Хотя онъ пользовался поволеніемъ являться ко двору королевы во всякое время по своему желанію, она оказывала ему милостивый пріемъ только на первыхъ порахъ, но черезъ короткое время велѣла заключить его въ тюрьму. Будучи отпущенъ на свободу осенью 1600 года, онъ попытался было насильственнымъ путемъ принудить королеву къ переменѣ министерства, но былъ потребованъ къ суду и осужденъ на основаніи хитросплетенныхъ, но не обоснованныхъ обвиненій Бакона, а 25 февраля 1601 года онъ былъ обезглавленъ. Послѣ него за систематическое усмиреніе Ирландіи взялся Чарльзъ Блонтъ, баронъ Моунтжой; согласно выработанному имъ плану онъ немедленно обезпечивалъ оборонительными укрѣпленіями всякій вновь завоеванный имъ округъ. 26 декабря 1601 года онъ отразилъ при Кинсэлѣ нападеніе небольшого испанскаго флота, посланнаго на помощь ирландцамъ, а затѣмъ занялся опять опустошеніемъ страны. Въ 1603 году была, наконецъ, покорена вся Ирландія. Однако это покореніе стоило большихъ денегъ, и Елизавета видѣла себя вынужденной созвать парламентъ для того, чтобы онъ отпустилъ необходимыя средства. Парламентъ утвердилъ ея предложенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выступилъ противъ торговыхъ монополій, раздававшихся королевою за всякаго рода услуги. Елизавета изъявила готовность отменить всѣ монополіи, тяжесть которыхъ будетъ доказана, и народное представительство успокоилось на этомъ. Королева скончалась 4 апрѣля 1603 года въ возрастѣ 69 лѣтъ.

7. Пуританизмъ и революція.

А. Яковъ I и Карлъ I (отъ 1603 до 1649 года).

Елизавета не только не оставила послѣ себя наследника престола, но даже отказывалась всегда отъ назначенія своего преемника. Несмотря на всѣ притязанія на англійскую корону, выставившіяся различными претендентами при жизни Елизаветы, болѣе основательными и близкими правами пользовался одинъ изъ нихъ, Яковъ VI, король шотландскій, двоюродный внукъ Генриха VIII (срав. родословное дерево, приложенное къ стр. 632), который дѣйствительно вступилъ на англійскій престолъ подъ именемъ Якова I въ 1603 году и царствовалъ до 1625 года. Онъ не столкнулся ни съ какимъ противодѣйствіемъ; совѣтниковъ Елизаветы онъ оставилъ на занятыхъ ими выдающихся постахъ. Яковъ I былъ королемъ Великобританіи и Ирландіи; Шотландія была свадебнымъ подаркомъ, принесеннымъ имъ Англій при своемъ вступленіи на престолъ, а Ирландія была завоевана для него въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы. Послѣ тысячелѣтней борьбы германскія племена Британскихъ острововъ расширили, наконецъ, свое государство до его естественныхъ границъ, освободились окончательно отъ внутреннихъ войнъ и приобрѣли возможность выступать сомкнутыми рядами противъ внѣшнихъ враговъ. Яковъ I не сумѣлъ уничтожить таможенной границы между Англійей и Шотландіей, но все же ему удалось превратить родившихся въ его царствованіе шотландцевъ въ англійскихъ гражданъ. Яковъ I былъ твердымъ протестантомъ и хотя онъ относился съ ненавистью ко всякому просвитеріанцу, тѣмъ не менѣе онъ оказывалъ содѣйствіе всякому дѣлу, предпринятому въ интересахъ протестантизма. Это

вызывало такую ненависть къ нему со стороны католиковъ, что въ 1605 году они устроили такъ называемый пороховой заговоръ и пытались взорвать его на воздухъ. Съ парламентомъ онъ былъ въ постоянной враждѣ изъ-за монополій и налоговъ въ пользу короля. Онъ отличался отсутствіемъ политическаго такта и обострялъ спорные вопросы какъ разъ къ тому времени, когда онъ нуждался въ утвержденіи денежныхъ расходовъ парламентомъ. Его фавориты властвовали и обогащались, въ то время, какъ Бэконъ, назначенный имъ въ 1619 году на высокій постъ лорда канцлера, былъ заключенъ въ тюрьму по распоряженію парламента въ 1621 году за взяточничество и былъ обложенъ высокимъ денежнымъ штрафомъ. Самая вредная глупость Якова состояла въ томъ, что онъ находилъ возможнымъ вести семейную политику, противорѣчившую религіозной и государственной политикѣ времени его царствованія. Въ 1623 году онъ не остановился предъ мыслью о томъ, чтобы высватать для своего сына Карла испанскую принцессу, и такимъ образомъ онъ самъ парализовалъ ту силу, съ помощью которой Англія пыталась бороться съ католицизмомъ на европейскомъ материкѣ. Наконецъ, всѣ расходы, сдѣланные Яковомъ въ 1624 году на поддержку его зятя Фридриха V, „Зимняго Короля“ (томъ VII, стр. 311) были задаромъ выброшенными деньгами, и какъ бы охотно парламентъ ни былъ готовъ поддержать кальвинистовъ на европейскомъ материкѣ, все же онъ боялся отдать еще новыя денежные средства въ руки короля, колебавшагося между двумя противоположными планами дѣйствій. Изъ вниманія къ Испаніи Яковъ велѣлъ казнить 29 октября 1618 года своего величайшаго мореплавателя У. Ралея за то, что онъ ограбилъ въ 1617 году испанскія колоніи на рѣкѣ Орипоко, несмотря на то, что Виргинія обязана Ралею своими первыми англійскими колонистами (срав. томъ I, стр. 430). Группа диссидентовъ, эмигрировавшихъ первоначально въ Голландію, основала въ 1620 году въ Сѣверной Америкѣ колонію Новую Англію (томъ I, стр. 438). Увеличеніе числа монополій доказывало, что центр тяжести общественной жизни Англии перемѣстился въ сторону торговли.

Какъ только Яковъ успѣлъ сосватать своего сына съ Генриеттой Маріей, сестрой Людовика XIII, онъ скончался 6 апрѣля 1625 года и оставилъ въ наслѣдство своему преемнику Карлу I не только крайне запутанное финансовое положеніе, но кромѣ того еще принятое имъ на себя при заключеніи брака своего сына обязательство предоставить англійскимъ католикамъ свободу вѣроисповѣданія противъ воли парламента. Изъ этихъ двухъ затрудненій никакъ не могъ найти выхода его сынъ, который былъ храбрымъ воиномъ и даровитымъ военачальникомъ, но отличался крайней надменностью и упрямствомъ, а къ тому же потерялъ связь съ самымъ могущественнымъ религіознымъ теченіемъ своего времени изъ-за своей супруги католички; въ концѣ концовъ эти затрудненія довели его до эшафота. Будучи женатъ на французкѣ, Карлъ сталъ чувствовать себя естественнымъ противникомъ второй великой материковой державы, Испаніи, и рѣшилъ запечатлѣть этотъ антагонизмъ военными дѣйствіями; но парламентъ отпустилъ ему слишкомъ малую сумму денегъ и соглашался на увеличеніе своихъ ассигновокъ только взаменъ уступокъ со стороны короны. Главными его требованіями были: возобновленіе преслѣдованія католиковъ и управленіе государствомъ при посредствѣ министровъ, пользующихся довѣріемъ парламента. Противъ перваго изъ этихъ пунктовъ Карлъ не сталъ бы возражать въ началѣ своего царствованія, несмотря на условія, поставленныя ему въ его брачномъ договорѣ, — не исполнять подобныхъ обѣщаній, это было исполнѣ въ духѣ той эпохи, — но отъ правъ короны онъ ни за что не хотѣлъ отказаться, такъ какъ онъ ставилъ ихъ выше всего на свѣтѣ. По природнымъ чертамъ своего характера онъ былъ склоненъ къ самодержавію, какъ и вообще вся династія Тюдоровъ, и въ

концѣ концовъ онъ предпочелъ пожертвовать своей жизнью, чѣмъ признать верховныя права народа. Два раза (въ 1625 и 1626 гг.) онъ распускалъ парламентъ, ставившій ему подобныя требованія, несмотря на то, что у него образовался большой дефицитъ вслѣдствіе неудачной морской экспедиціи противъ Испаніи и обѣщанной имъ Даніи субсидіи. Онъ оттолкнулъ отъ себя пуританъ тѣмъ, что предоставилъ католическому королю свои корабли для подавленія возстанія гугенотовъ, и въ то же время онъ прибѣгнулъ къ принудительному займу, хотя и не противорѣчившему буквѣ закона, но сдѣлавшему его непопулярнымъ среди состоятельныхъ классовъ. Втянувшись въ столкновение съ Франціей, Карлъ тоже не имѣлъ удачи: его флотъ возвращался два раза разбитымъ и съ потерей половины экипажа (въ 1627 г.). Для того, чтобы возстановить внутреннее спокойствіе, король сталъ предавать военному суду непокорныхъ гражданъ. Пять бароновъ, заключенныхъ въ тюрьму за отказъ принять участіе въ принудительномъ займѣ, апеллировали къ высшей судебной палатѣ. Хотя палата и не оправдала ихъ, тѣмъ не менѣе король вынужденъ былъ освободить ихъ подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія. Непосредственно вслѣдъ за этимъ, 27 марта 1628 г., парламентъ внесъ протестъ, объявлявшій незаконнымъ всякій арестъ безъ предъявленія обвиненія въ преступленіи, Petition of Rights. Несмотря на свой первоначальный отказъ, король все же вынужденъ былъ 7 іюня, вслѣдствіе тяжелыхъ денежныхъ затрудненій, утвердить этотъ законъ, не только лишившій короля права вводить военное положеніе и отмѣнившій аресты безъ предъявленія обвиненій, но положившій также конецъ принудительнымъ займамъ.

Когда Карлъ лишился такимъ образомъ возможности вводить прямыя налоги, то онъ набросился на косвенныя и сталъ увѣрять, что ему принадлежитъ право взиманія ввозныхъ и вывозныхъ пошлинъ (налога съ фунта и съ тонны) безъ согласія парламента; этотъ шагъ короля вызвалъ протестъ со стороны парламента. Съ большой безтактностью Карлъ запретилъ обсужденіе вѣроисповѣдныхъ вопросовъ, въ частности ученія о назначеніи человека къ блаженному или несчастному существованію за гробомъ. Парламентъ придавалъ этому вопросу существенное значеніе, и отношенія между нимъ и королемъ обострились еще сильнѣе. Карлъ отсрачивалъ нѣсколько разъ сессіи парламента; но въ новыхъ сессіяхъ тоже не удавалось придти ни къ какому удовлетворительному отвѣту на вопросы, служившіе предметомъ разногласія. Наконецъ, въ 1629 г., большинство парламента потеряло терпѣніе. Президентъ палаты собирался прочесть новый приказъ короля объ отсрочкѣ сессіи, но онъ былъ остановленъ силой: въ то время, какъ двое сильныхъ членовъ парламента держали его и не давали ему встать со стула, третій членъ парламента прочелъ три постановленія, отмѣнявшія все нововведенія въ вопросахъ религіи, а также взиманіе и уплату налоговъ безъ согласія парламента. Эти постановленія были приняты большинствомъ и получили законную силу. Однако они были достигнуты посредствомъ нарушенія конституціи, такъ какъ отсрочка засѣданій и распущеніе парламента принадлежали къ числу безспорныхъ правъ короны. Въ отвѣтъ на это поведеніе парламента король распустилъ его 10 марта и не созывалъ цѣлыхъ одиннадцать лѣтъ. Благодаря доброй волѣ королей и народа парламентская законодательная машина дѣйствовала безостановочно около двухсотъ лѣтъ, правда, съ безпрестаннымъ трепіемъ; но какъ только произошло столкновение между обѣими участвовавшими въ ней сторонами, она отказалась служить. Споръ между короной и палатами могъ разрѣшиться только двумя путями: либо возстановленіемъ самодержавныхъ правъ короля, либо низведеніемъ королевской власти до исключительно исполнительской роли. Въ теченіе нѣкотораго времени казалось, что побѣда останется на сторонѣ Карла. Онъ нуждался въ парламентѣ только тогда, когда

онъ чувствовалъ недостатокъ въ деньгахъ. Если ему удавалось обойтись безъ новыхъ ассигновокъ, то онъ чувствовалъ себя свободнымъ отъ неприятнаго соперника въ лицѣ парламента. Повидному, онъ рѣшился обойтись безъ денежныхъ средствъ, утверждаемыхъ парламентомъ; хотя его право взимать пошлины было опротестовано, оно все же было отмѣнено посредствомъ незаконнаго акта, который не смущалъ его. Онъ продолжалъ взимать эти пошлины попрежнему, а упомянутые нами три парламентскіе главаря были осуждены по его приказу и заключены въ тюрьму. Съ Франціей онъ заключилъ миръ съ 1629 г., а съ Испаніей въ 1630 году.

Когда оказалось, что невозможно покрыть такимъ путемъ даже и сократившихся расходовъ, то Карлъ наложилъ денежные штрафы на всѣхъ тѣхъ, которые владѣли ленами, связанными съ военной службой, и не исполнили всѣхъ обязательныхъ для нихъ формальностей. Такъ какъ и этого оказалось недостаточнымъ, то Карлъ приступилъ въ 1635 г. къ обложенію торговли новыми налогами и къ основанію монопольныхъ обществъ, а въ 1637 г. къ введенію высокихъ штрафовъ за нарушеніе лѣсныхъ межъ. Еще раньше того онъ принялъ мѣры къ поддержанію въ исправности своего флота. Будучи того мнѣнія, что военный флотъ оказываетъ наибольшія услуги торговлѣ и главнымъ образомъ приморскимъ торговымъ городамъ, онъ перенесъ на эти города денежные расходы, необходимые для содержанія военныхъ морскихъ силъ (корабельныя деньги). Въ 1634 г. онъ потребовалъ отъ портовыхъ городовъ, чтобы они выстроили опредѣленное число большихъ кораблей съ полнымъ вооруженіемъ и снабдили ихъ экипажемъ. Въ слѣдующемъ году онъ распространилъ это требованіе также и на внутреннія графства и превратилъ его въ постоянную повинность. Въ 1638 г. высшій королевскій судъ рѣшилъ подавляющимъ большинствомъ, что королю принадлежитъ право принимать необходимыя мѣры для защиты страны. Карлъ держался той точки зрѣнія, что это есть не налогъ, а только эквивалентъ повинности каждаго англичанина принимать участіе въ защитѣ своего отечества.

Хотя общественное мнѣніе страны отнеслось враждебно къ такому взгляду, тѣмъ не менѣе дѣло не дошло до вооруженнаго возстанія. Вѣроятно, оно не вспыхнуло бы вовсе, если бы не обострились столкновенія въ области вѣроисповѣдныхъ вопросовъ. Въ Англии все еще существовали епископства съ епископами во главѣ; противъ этого учрежденія возмущался архибиблейскій духъ пуританъ. Въ 1633 г. архіепископомъ кентерберійскимъ былъ назначенъ Уильямъ Лоудъ, который ополчился, по соглашенію съ королемъ, противъ пуританской воскресной тишины. Кроме того, онъ приказалъ, чтобы жертвенникъ помѣщался всегда въ восточномъ углу церкви и чтобы при произнесеніи въ церкви имени Христа народъ клалъ поклоны. Лоудъ сталъ объектомъ ожесточенной литературной полемики; на него нападали, какъ на осквернителя святости воскреснаго дня и какъ на паписта, превращающаго св. причастіе въ колдовство. Поэтъ Джонъ Мильтонъ, авторъ идиллій „L'Allegro“ и „Il Penseroso“, [тоже писалъ въ это время (въ 1640—41 г.) въ защиту пуританизма противъ господства епископовъ. Однако Лоудъ былъ человекомъ съ твердымъ характеромъ и сумѣлъ настоять на исполненіи своихъ приказаній. Во время произведенной имъ ревизіи церквей всей его епархіи онъ отстранилъ отъ должности всѣхъ священниковъ, не подчинившихся его приказанію. Съ такой же строгостью онъ относился и къ мірянамъ, провинившимся въ нарушеніи церковныхъ правилъ. Онъ налагалъ суровыя кары на всѣхъ безъ различія состоянія. Самыхъ ожесточенныхъ своихъ враговъ онъ ставилъ къ позорному столбу или присуждалъ къ пожизненному заключенію. Однако народное сочувствіе превращало путь къ позорному столбу въ триумфальное шествіе, и въ такихъ случаяхъ обнару-

живалось съ очевидностью, что народъ настроенъ противъ епископскаго сана и симпатизируетъ пресвитеріанскому церковному устройству.

Въ Шотландіи церковныя отношенія были почти такія же, какъ и въ Англии. Епископы продолжали существовать тамъ для виду въ то время, какъ вся церковь получила пресвитеріанское устройство. Существованіе этихъ безправныхъ епископовъ поддерживалось дворянствомъ, въ пользу котораго шли доходы съ епископствъ. Между обѣими сторонами происходило постоянное треніе, и въ 1584 г. онѣ передали свой споръ на третейскій судъ Якова VI; этотъ послѣдній ввелъ въ Шотландіи пресвитеріанское церковное устройство. Однако дворянство осталось недовольнымъ рѣшеніемъ короля и исподтишка вернуло обратно епископовъ на ихъ мѣста въ 1597—1600 гг., а въ 1612 г. епископы были признаны шотландскимъ парламентомъ. Въ 1637 г. Карлъ ввелъ, при посредствѣ епископовъ, новый молитвенникъ, еще болѣе отдалявшійся отъ библейскаго міросозерцанія, чѣмъ англійскій. Духовенство высказалось противъ Карла; Карлъ отказался отъ него и обѣщалъ между прочимъ ограничить права епископовъ. Несмотря на то, что уполномоченный отъ короля объявилъ распущеннымъ собравшійся въ Глазго церковный соборъ, этотъ послѣдній уничтожилъ епископскій санъ и ввелъ чисто пресвитеріанское церковное устройство (Covenant).

Карлъ сдѣлалъ было попытку снарядить армію противъ Шотландіи безъ помощи парламента въ 1639 году, но вынужденъ былъ отказаться отъ этой мысли. Все-таки его безсиліе противъ Шотландіи тяготило его въ такой степени, что въ началѣ 1640 года онъ созвалъ англійскій парламентъ; но этотъ парламентъ былъ немедленно распущенъ, такъ какъ онъ не согласился на утвержденіе требуемыхъ королемъ суммъ, а выставилъ свои предварительныя требованія. Вторая попытка Карла собрать войско противъ Шотландіи на свои частныя средства тоже потерпѣла неудачу. Итакъ Карлъ все-таки былъ вынужденъ созвать уже въ концѣ 1640 года новый парламентъ, получившій названіе Долгаго парламента влѣдствіе большой продолжительности своей сессіи. Первымъ дѣломъ этого парламента было энергичное выступленіе противъ всѣхъ министровъ и должностныхъ лицъ короны, принимавшихъ участіе въ управленіи государствомъ безъ парламента. Глава министерства Томасъ Уэпвортъ, графъ Страффордъ, совершилъ путешествіе въ Тоуэръ и былъ казненъ 12 мая 1641 года послѣ безплодной попытки короля захватить въ свои руки Тоуэръ и столь же бесполезнаго обращенія королевы къ папѣ съ просьбой о помощи деньгами и солдатами. Затѣмъ парламентъ опредѣлялъ самъ сроки и продолжительность своихъ сессій для того, чтобы стать окончательно независимымъ отъ созыва или несозыва сессіи короной. Впредь парламентъ долженъ былъ собираться каждыя три года, и одиннадцатилѣтнее управленіе государствомъ безъ парламента должно было стать невозможнымъ. Предполагали, что король собирается призвать къ себѣ на помощь въ Англию шотландское войско, и было доказано, что королева ищетъ помощи папистской арміи. Въ виду этой опасности необходимо было заручиться гарантіей въ томъ, что управленіе государствомъ останется неизмѣннымъ въ своемъ направленіи независимо отъ измѣчивыхъ теченій. Парламентъ дѣйствовалъ съ большою рѣшительностью и потребовалъ отъ короля утвержденія закона, въ силу котораго Долгій парламентъ не могъ быть распущенъ безъ своего собственнаго согласія. Апелляціонныя суды Карла были уничтожены, обязательное снаряженіе военныхъ кораблей въ видѣ натуральной повинности и замѣняющая ее денежная повинность были признаны незаконными; были ограничены права короля на казенные дѣла, а также отмѣнены формальности, связанныя съ передачей военныхъ леновъ, и отмѣнено право короля вѣзать безъ согласія парламента ввозныя и вывозныя пошлины. Такимъ образомъ не только были

устранены всѣ новыя права, присвоенныя мало-по-малу королями изъ династїи Тюдоровъ, обратившими въ свою пользу всѣ новыя экономическія явленія, еще не захваченныя прежнимъ парламентскимъ законодательствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ эти мѣропрїятія парламента повели къ окончательному крушенію вассальной системы и уничтоженію неограниченной королевской власти.

Ясно было, что если парламенту удастся удержаться въ томъ положеніи, которое онъ занялъ въ государствѣ, то насталъ конецъ верховной власти короля. Въ такомъ случаѣ государствомъ будутъ править представители народа, а король будетъ играть роль высшаго должностного лица на ихъ службѣ. Но Карлъ былъ не такимъ человѣкомъ, который подчинился бы безъ сопротивленія послѣ одиннадцатилѣтняго самодержавнаго управления государствомъ. Конечно, онъ не могъ уклониться отъ утверждения постановленій парламента и не могъ воспрепятствовать распущенію своей сѣверной арміи, а армію шотландцевъ парламентъ склонилъ посредствомъ денежнаго вознагражденія къ возвращенію на родину. Однако идеаль неограниченной королевской власти стоялъ слишкомъ высоко въ его глазахъ. Не смущаясь тѣмъ, что онъ только что велъ открытую войну съ шотландцами, онъ отправился теперь въ Шотландію, чтобы приложить свой штемпель къ новому пресвитеріанскому церковному устройству этого государства и прїобрѣсть этимъ путемъ симпатїи народа, населявшаго его наслѣдственныя владѣнія. Теперь, когда онъ оказался во главѣ шотландской арміи, ему нетрудно было усмирить англійскій парламентъ. Въ 1641 году Ирландія тоже предложила ему свою помощь. Католическая партія обѣщала прислать ему на помощь свою армію, если онъ предоставитъ ей занять Дублинъ и замѣнить самоуправленіе этого города кельтской католической администраціей. Такъ какъ король колебался и не давалъ имъ никакого ствѣта, то ирландскіе католики предприняли сами походъ въ октябрѣ на собственный рискъ и страхъ, учинили страшную рѣзню въ англійско-шотландской колонїи въ Ульстерѣ и уничтожили ее. Такимъ образомъ возникло новое осложненіе. Если англійское господство въ Ирландїи хотѣло спасти послѣдніе остатки своего престижа, то Англїи необходимо было подавить ирландское возстаніе, но для этого необходимо было отправить въ Ирландію англійскія войска. А развѣ возможно было довѣрить такую армію королю, который непременно воспользовался бы ею для борьбы съ парламентомъ послѣ подавленія волненій въ Ирландїи? Это было недопустимо. Необходимо было провести послѣдніе формальные шаги для фактическаго утвержденія верховной власти народа: назначеніе министровъ, отвѣтственныхъ предъ парламентомъ, и созваніе парламентомъ церковнаго собора для руководства церковными дѣлами (въ ноябрѣ). Меньшинство протестовало противъ этого рѣшенія, что было первымъ подобнымъ случаемъ во всей парламентской исторїи Англїи, но этотъ протестъ остался безплоднымъ.

Тѣмъ не менѣе протестъ меньшинства имѣлъ значеніе открытаго проявленія монархическихъ чувствъ въ народѣ; Карлъ зналъ теперь, что есть еще партія, на которую король могъ опереться въ народѣ. Кромѣ того его открытое выступленіе въ пользу протестантскаго вѣроученія въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало при Елизаветѣ и его отцѣ, склонило на его сторону колеблющихся. При его возвращенїи изъ Шотландїи Лондонъ устроилъ ему торжественную встрѣчу. Онъ сейчасъ же возомнилъ себя настолько сильнымъ, что отказался утвердить своею королевской подписью оба послѣднихъ постановленія большинства и опять сталъ надѣяться, что ему удастся передать Тоуэръ въ руки вопліи преданныхъ ему людей. Въ то время, какъ парламентъ удалил изъ своей среды епископовъ и эти послѣдніе выступили съ протестомъ противъ него, Карлъ пытался захватить въ свои руки тѣхъ пять парламентскихъ главарей, по

почину которыхъ, какъ ему было извѣстно, были призваны въ Англію шотландцы въ 1640 г. (4 января 1642 г.), но парламентъ и народъ взяли ихъ подъ свою защиту. Въ то самое время, какъ онъ подписывалъ законъ, лишившій епископовъ ихъ мѣстъ въ парламентѣ, онъ отправилъ за границу королеву съ тѣмъ, чтобы она заложила драгоценности короны и купила на вырученныя средства оружіе и порохъ. Было призвано на службу народное ополченіе (милиція), обнимавшее всѣхъ способныхъ носить оружіе и обладавшее уже нѣкоторымъ опытомъ въ военномъ дѣлѣ, такъ какъ оно пробыло подъ оружіемъ цѣлый годъ. Парламентъ хотѣлъ назначить собственной властью начальниковъ этой милиціи, но король не хотѣлъ этого допустить. Со стороны короля это было равносильно объявленію войны парламенту (въ августѣ 1642 г.). Парламентъ закрылъ передъ нимъ ворота тѣхъ крѣпостей, которыя находились въ рукахъ офицеровъ, назначенныхъ парламентомъ, и занялся формированіемъ отрядовъ милиціи для борьбы съ нимъ; то же самое сдѣлалъ и король. Черезъ короткое время уже стояли другъ противъ друга двѣ враждебныя арміи, королевская и парламентская. Первая изъ нихъ опиралась на свѣрныя области, вторая — на южныя. Короля поддерживали кавалеры, а на сторонѣ парламента стоялъ классъ городскихъ жителей; приверженцы парламента получили во время похода названіе круглоголовыхъ отъ короткой прически пуританъ. Кавалерія Карла, которой командовалъ его храбрый, но слишкомъ порывистый племянникъ Рупрехтъ Пфальцскій (срав. стр. 669), была въ хорошемъ состояніи. Парламентскія войска подъ начальствомъ Роберта Эссекса Младшаго едва ли были въ силахъ помѣяться съ ними, такъ какъ ополченцы, призванные на службу парламентомъ, отличались скорѣе горячимъ рвеніемъ къ вѣрѣ, чѣмъ боевыми качествами. Резиденція короля находилась въ Оксфордѣ, а парламентъ засѣдалъ въ Лондонѣ.

Въ эту тяжелую минуту парламентъ открылъ даровитаго военачальника въ лицѣ своего сочлена Оливера Кромвеля, распознавашаго слабыя стороны парламентскихъ войскъ и, при всемъ своемъ уваженіи къ вѣрѣ, придававшаго наибольшее значеніе боевымъ качествамъ солдатъ. Къ тому же Шотландія обѣщала придти на помощь въ томъ случаѣ, если англійскій парламентъ введетъ въ своей странѣ пресвитеріанское церковное устройство; это требованіе было исполнено 25 сентября 1643 г. Однако это объединеніе обоихъ великобританскихъ парламентовъ подъ знаменемъ пуританизма облегчило Карлу его задачу въ томъ отношеніи, что ему стало легко найти опору въ католической Ирландіи, которой онъ лишился только благодаря своей собственной неспособности. Въ то время, какъ шотландская армія вступила въ Сѣверную Англію, стоявшую на сторонѣ Карла, Рупрехтъ былъ разбитъ Кромвелемъ при Марстонѣ - Моорѣ 2 іюля 1644 г. Надо, однако, оговориться, что пораженіе Карла было почти уравновѣшено побѣдой, одержанной имъ надъ Эссексомъ 1 сентября. Послѣ этого парламентъ преобразовалъ свою армію и сталъ руководиться при назначеніи командировъ военными дарованіями кандидата, а не ихъ принадлежностью къ составу парламента (Self-denying Act). Главнокомандующимъ былъ назначенъ лордъ Томасъ Ферфаксъ, а Кромвель — генералъ-лейтенантомъ и начальникомъ парламентской кавалеріи. Въ Шотландіи выступила въ это время въ защиту короля дворянская партія, парализовавшая дѣятельность шотландской парламентской арміи. Исключительно только военному таланту Кромвеля парламентъ былъ обязанъ своей рѣшительной побѣдой при Пазеби (14 іюня 1645 г.). Кромвелю удалось захватить персиску короля, въ которой заключались важныя для парламента улики въ томъ, что Карлъ пытался привлечь въ Англію для борьбы съ своими собственными подданными французовъ, лотарингцевъ, жителей Пфальца, шотландцевъ и германцевъ. Все это под-

ходило подѣ понятіе о государственной и змѣнѣ. Вскорѣ послѣ этого Рупрехтъ сдѣлся парламентомскимъ войскамъ въ Бристолѣ 12 сентября. Во время сдѣланной королемъ попытки соединиться съ шотландской дворянской арміею онъ былъ разбитъ и отброшенъ обратно къ Оксфорду. Изъ-за своего двоедушія онъ лишился обѣщаннаго ему ирландскаго подкрѣпленія въ 10,000 челов., а въ концѣ апрѣля 1646 г. у него не осталось никакого другого выхода, какъ отдаться подѣ покровительство шотландцевъ. Парламентъ предложилъ ему миръ подѣ условіемъ, чтобы онъ не бралъ подѣ свою защиту епископовъ и отказался на 20 лѣтъ отъ командованія милиціею. Король уклонялся отъ рѣшительнаго отвѣта подѣ различными предлогами; шотландцамъ надоѣло ждать, и въ январѣ 1647 г. они отдали его въ руки англійскаго парламента. Въ это время у парламента вышло столкновеніе съ арміею, требовавшей уплаты жалованія въ то время, какъ кассы были пусты; парламентъ не рѣшался вызвать противъ себя народное возбужденіе введеніемъ новыхъ налоговъ.

Прежде всего было необходимо упрятать короля подальше отъ арміи изъ опасенія, чтобы эта послѣдняя не перешла на его сторону. Чтобы избѣгнуть усиленія смутъ, Кромвель захватилъ короля въ свои собственныя руки (въ іюнѣ). Между тѣмъ въ партіи противниковъ короля давно уже начался расколъ. Парламентъ былъ настроенъ въ пресвитеріанскомъ духѣ подобно шотландскому народу; но англійскій народъ былъ затронутъ такъ сильно средневропейской умственной жизнью, что онъ не могъ остановиться на пресвитеріанскомъ вѣроученіи. Образовалась независимая религіозная партія, члены которой требовали для себя свободы вѣроисповѣданія. Къ этой партіи принадлежали Кромвель и почти вся армія. Такимъ образомъ расколъ между парламентомъ и арміею обострился до степени столкновенія между пресвитеріанствомъ и индепендентами (независимыми). Армія обвиняла одиннадцать пресвитеріанскихъ парламентскихъ предводителей въ открытой враждебности къ себѣ, такъ какъ парламентъ изгналъ изъ своей среды своихъ членовъ индепендентовъ, которые бѣжали въ армію. Армія подошла къ Лондону и осадила самый городъ, Вестминстеръ и Тоуэръ. Всѣ одиннадцать пресвитеріанскихъ предводителей бѣжали на европейскій материкъ. Теперь Кромвель обратился къ королю съ слѣдующими мирными предложеніями: трехлѣтнія парламентскія сессіи замѣнялись двухлѣтними; парламентъ указываетъ королю желательныхъ ему отвѣтственныхъ министровъ, а для успокоенія всѣхъ раздоровъ предполагалось ввести полную свободу вѣроисповѣданія. Эти предложенія опередили такъ далеко свой вѣкъ, что Кромвель рисуется въ нихъ такимъ же великимъ государственнымъ челоукомъ, какимъ онъ былъ полководцемъ, но ни король, ни парламентъ не согласились на нихъ. Король снова вступилъ въ переговоры съ шотландцами и бѣжалъ 11 ноября на островъ Уайтъ, но и тутъ съ нимъ обращались, какъ съ измѣнникомъ. Въ январѣ 1648 г. парламентъ припялъ рѣшеніе не дѣлать больше никакихъ предложеній королю. Возстанія въ пользу короля, вспыхнувшія въ Шотландіи, Уэльсѣ и Кентѣ, были подавлены съ большимъ кровопролитіемъ. Войско, гордое своими побѣдами, тоже потеряло терпѣніе, озлобилось противъ короля и стало требовать его наказанія, какъ измѣнника.

Какъ только армія выступила противъ короля, то парламентъ склонился опять на его сторону (5 декабря); поэтому Кромвель изгналъ на слѣдующій день изъ обѣихъ палатъ всѣхъ приверженцевъ короля („Pride's Purge“). „Безголовый парламентъ“ назначилъ въ январѣ 1649 года судебную палату для суда надъ королемъ. Когда верхняя палата отказалась принять участіе въ судѣ, то нижняя палата объявила, что народъ есть единственный источникъ всякой правоспособной власти, а она сама, какъ представительница народа, является носителемъ верховныхъ правъ. Войти въ составъ судебной палаты, избранной для суда надъ королемъ, согласились

только самые ожесточенные противники Карла; приговоръ суда былъ уже предрѣшенъ самымъ его составомъ, а король отказался отъ всякой защиты на томъ основаніи, что эта палата некомпетентна для суда надъ нимъ.

В. Республика (отъ 1649 до 1659 года).

а) Учрежденіе республики.

Опасность возстановленія неограниченной королевской власти въ Англіи была устранена, но это не обезпечило еще безопасности и внутренняго спокойствія государства, согласія между гражданами или хотя бы даже непрерывнаго дальнѣйшаго развитія въ опредѣленномъ направленіи, тѣмъ болѣе, что консервативная часть того политическаго механизма, который направлялъ до тѣхъ поръ политическое развитіе Англіи, палата лордовъ, пала вмѣстѣ съ королевской властью. Неумолимая въ своей напряженной законодательной дѣятельности нижняя палата провозгласила Англію республикой безъ короля; а въ качествѣ органа, облеченнаго исполнительною властью, она избрала изъ своей собственной среды государственныи совѣтъ, на практикѣ составлявшій большинство парламента, составъ котораго непрерывно сокращался.

Католическая Ирландія, конечно, не признала этого переворота, поставившаго во главѣ государства пуританскій парламентъ, и провозгласила своимъ королемъ сына Карла I подъ именемъ Карла II. Положеніе ирландскихъ повстанцевъ усилилось вслѣдствіе этого: теперь они стали получать отъ англійской партіи приверженцевъ короля помощь людьми и деньгами; одно время казалось даже, что Ирландія покорить такимъ путемъ Англію, но военные таланты Кромвеля выручили ее и на этотъ разъ. Съ быстрой рѣшительностью онъ переправился въ Ирландію и пошелъ брать штурмомъ одинъ городъ за другимъ (въ августѣ). Кровь католиковъ полилась рѣкою отъ меча пуританъ. Въ 1652 году было закончено покореніе Ирландіи. Подъ тѣмъ предлогомъ, что земля, занятая ирландскими племенами, принадлежитъ убитымъ или изгнаннымъ старѣйшинамъ этихъ племенъ, англичане конфисковали и раздѣлили между англійскими колонистами почти половину всѣхъ ирландскихъ земель.

Уже въ іюнѣ 1650 г. Карлъ II отправился въ Шотландію и склонилъ на свою сторону народъ обѣщаніемъ предоставить неограниченную свободу пресвитеріанскому вѣроисповѣданію. Кромвель не могъ допустить, чтобы законный король Англіи утвердился въ Шотландіи, такъ какъ раньше или позже онъ вернулъ бы себѣ оттуда англійскій престолъ силою оружія. Онъ разбилъ шотландцевъ въ двухъ сраженіяхъ (3 сентября 1650 г. при Дунбарѣ, въ 1651 г. при Уорсестерѣ). Карлъ бѣжалъ во Францію (въ октябрѣ). Число членовъ „безголового“ парламента все сокращалось. Ни для кого уже не было тайной, что онъ давно уже не служитъ выразителемъ общественнаго мнѣнія. Кромвель стоялъ за распущеніе парламента, но его мнѣніе не восторжествовало. Тогда онъ разогналъ парламентъ при помощи своихъ солдатъ 20 апрѣля 1653 г. и положилъ конецъ этому спору, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время, не смущаясь нарушеніемъ того парламентскаго постановленія, въ силу котораго парламентъ могъ быть распущенъ только съ собственнаго согласія. Затѣмъ, 4 іюля, онъ созвалъ нѣкоторыхъ непреклонныхъ пуританъ и независимыхъ и назвалъ это собраніе парламентомъ (Малый парламентъ или парламентъ-скелетъ, „Barebone Parliament“). Теперь только стало очевиднымъ, что даже между этими отборными членами парламента, изъ состава котораго были исключены всѣ приверженцы короля, тоже не существуетъ единенія. Прежде всего были подвергнуты обсужденію въ маломъ парламентѣ всевозможные проекты церковныхъ нововведеній. Онъ не могъ

прийти ни къ какому рѣшенію относительно самыхъ насущныхъ вопросовъ. Нѣкоторые члены хотѣли отмѣнить десятину, не принимая на себя заботы объ обезпеченіи содержанія духовенства; другіе стояли за полную анархію или, какъ они называли ее, за наступленіе „вѣка святыхъ“ и начали съ предложеній объ уничтоженіи судовъ. Партія Кромвеля въ болѣе тѣсномъ смыслѣ оказалась въ меньшинствѣ по сравненію съ этими ослѣпленными мечтателями. Однако она сумѣла выйти изъ затрудненія: 12 декабря рано утромъ она собралась, объявила парламентъ распущеннымъ и передала верховную власть въ руки Кромвеля.

б) Лордъ-протекторъ (отъ 1653 до 1658 г.).

Теперь Кромвель сталъ лордомъ-протекторомъ; на практикѣ этотъ постъ уже не существовалъ отъ конца царствованія Генриха VIII до Эдуарда VI, со времени Сомерсета, но все же онъ не исчезъ изъ народной памяти. Специальнымъ конституціоннымъ актомъ подъ названіемъ „правительственной инструкціи“ было установлено, что парламентъ будетъ избираться на 3 года. Всѣ приверженцы короля были лишены по закону права быть избираемыми въ члены парламента. Парламентъ долженъ былъ служить выразителемъ воли торжествующей партіи, а не воли всего народа. Назначеніе исполнительныхъ органовъ власти было отдано въ руки протектора въ то время, какъ королю, къ которому парламентъ относился съ недоувѣріемъ, была отказано въ такомъ правѣ. Мало того, парламентъ далъ протектору еще одну льготу, въ которой опять-таки было отказано королю; ему была предоставлена опредѣленная сумма денегъ, достаточная для покрытія расходовъ по администраціи и по содержанію арміи и флота. Эта сумма представляла собою обыкновенные государственные расходы; по отношенію къ чрезвычайнымъ расходамъ протекторъ нуждался въ содѣйствіи парламента, а что касается законодательной дѣятельности, то она всецѣло находилась въ рукахъ парламента, и протекторъ не пользовался никакимъ правомъ вмѣшательства въ нее. Точно также онъ не имѣлъ права смѣщать съ ихъ должностей назначенныхъ парламентомъ пожизненныхъ членовъ государственнаго совѣта, сотрудничавшихъ вмѣстѣ съ нимъ въ качествѣ носителей исполнительной власти. Однако эта конституція все же ввела дѣятельность парламента въ опредѣленныя рамки. Во-первыхъ, онъ уже не могъ больше остановить государственной машины посредствомъ отказа въ средствахъ для покрытія обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ. Благодаря этому столкновенію между парламентомъ и исполнительной властью потеряли ту остроту, вслѣдствіе которой раньше дѣло доходило нерѣдко до разрыва между ними. Правительственная инструкция должна была возстановить безусловное и необходимое равновѣсіе между парламентомъ и правительствомъ.

Еще раньше, чѣмъ Кромвель сдѣлался протекторомъ, съ самаго начала его господства надъ Англіей, онъ велъ управленіе государствомъ въ національномъ духѣ. Въ дѣйствительности нельзя было откладывать долѣе возстановленія этой точки зрѣнія во внѣшней англійской политикѣ, такъ какъ европейскій материкъ вступалъ въ это время въ долгій періодъ международнаго мира послѣ того, какъ тридцатилѣтняя релігіозная война въ средней Европѣ не привела ни къ какимъ результатамъ кромѣ всеобщаго истощенія. Голландія отстояла отъ Испаніи свою независимость и стояла на прямомъ пути къ унаслѣдованію всемірнаго владычества Испаніи на морѣ. Она уже господствовала надъ англійской торговлей; можно было ожидать, что потребуются нѣсколько десятилѣтій для возстановленія независимости этой послѣдней; но парламентъ съ Кромвелемъ во главѣ рѣшили помочь англійской морской торговлѣ посредствомъ предоставленія ей особой привилегіи (навигационный актъ

9 октября 1651 года): за исключеніемъ кораблей той страны, откуда идетъ товаръ, ввозъ товаровъ въ Англію впредь разрѣшался только англійскимъ кораблямъ. Нидерланды не хотѣли примириться съ такимъ отстраненіемъ ихъ отъ посреднической роли въ міровыхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Англіей. Къ несчастью для нихъ англійскій военный флотъ не уступалъ голландскому. Между обоими этими флотами произошло много столкновеній съ измѣнчивымъ успѣхомъ, не приведшихъ ни къ какому рѣшительно исходу (срав. томъ VII, стр. 108). Однако Голландія не была, безъ сомнѣнія, настолько сильна, чтобы вырвать силой свободу торговли съ Англіей для своихъ кораблей; а съ другой стороны Англія не нашла для себя другого способа защиты отъ нидерландской конкуренціи кромѣ этой монополіи. Въ 1654 году война между Нидерландами и Англіей пришла къ концу. Удовлетворенный ея исходомъ, Кромвель приступилъ къ заключенію торговыхъ договоровъ также съ другими европейскими государствами. Впервые съ давняго времени въ Англіи водворилась свобода вѣроисповѣданія въ томъ смыслѣ, что государственная власть не поддерживала какого-либо одного господствующаго направленія. Все же католики были устранены отъ участія въ парламентѣ. Шотландія и Ирландія были признаны составными частями Великобританскаго государства и приобрѣли право посылать своихъ представителей въ Вестминстерскій парламентъ, но это право не имѣло почти никакого практическаго значенія для ирландцевъ, которые были почти всѣ безъ исключенія католиками.

Съ тѣхъ поръ, какъ существовалъ англійскій парламентъ, онъ никогда еще не служилъ выразителемъ народной воли. Во-первыхъ, одна изъ его палатъ состояла исключительно изъ лордовъ, а, во-вторыхъ, поддерживающая власть всегда обладала достаточными средствами для направленія выборовъ въ желательную для нея сторону. Однако никогда еще не существовало такого рѣзкаго раздвоенія между парламентомъ и общественнымъ мнѣніемъ, какъ со времени созыва Долгаго парламента. Въ 1641 году, т. е. всего черезъ годъ отъ начала дѣятельности этого парламента, это раздвоеніе перешло въ открытое столкновеніе. Для того, чтобы получить парламентъ, способный подчиняться политическимъ условіямъ, основаннымъ на господствѣ малочисленной пуританской арміи, пришлось лишить активнаго и пассивнаго избирательнаго права сначала приверженцевъ короля, затѣмъ пресвитеріанъ и, наконецъ, католиковъ, и даже послѣ отстраненія всѣхъ этихъ категорій гражданъ оказался необходимымъ государственный переворотъ 1653 года. Менѣе, чѣмъ кто-либо другой, Оливеръ Кромвель воображалъ, что за нимъ стоитъ народъ. Онъ зналъ слишкомъ хорошо, что дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ. Однако его вѣра въ божественную истину пуританизма подавляла въ его душѣ ту мысль, что народъ имѣетъ право на освобожденіе изъ-подъ власти пуританизма. Онъ поплылъ смѣло и рѣшительно противъ теченія. Такъ какъ онъ нуждался въ деньгахъ для вѣнскихъ войнъ, то онъ вынужденъ былъ созвать парламентъ на 3 сентября 1654 года. Какъ только этотъ послѣдній собрался, онъ выступилъ съ нападками противъ конституціи. Кромвель потребовалъ отъ членовъ парламента, чтобы они подписались всѣ подъ конституціей и изгналъ изъ палаты всѣхъ тѣхъ, которые отказались исполнить это требованіе. Однако для него оказалось невозможнымъ управлять государствомъ даже совместно съ оставшимися членами: 22 января 1655 года онъ вынужденъ былъ распустить парламентъ. Чтобы получить возможность собирать налоги, онъ вынужденъ былъ объявить нѣчто вродѣ военнаго положенія; для того, чтобы уберечься отъ покушенія на свою жизнь, онъ вынужденъ былъ прибѣгать неоднократно къ топору палача; для усмиренія приверженцевъ короля онъ вынужденъ былъ пустить въ ходъ вооруженную силу, а для защиты пуританизма, какъ господствующаго вѣроисповѣданія, онъ вынужденъ былъ запретить обык-

новенный молитвенникъ епископалитовъ. Для выполненія всего этого необходимо было полное расчлененіе государственной власти. Для достиженія этой цѣли Кромвель раздѣлилъ Англію на 10 округовъ и поставилъ во главѣ каждаго изъ нихъ генераль-маіора, обязаннаго поддерживать въ своемъ округѣ порядокъ силою оружія.

Въ 1656 г. Оливеръ опять сталъ нуждаться въ деньгахъ и вынужденъ былъ созвать второй парламентъ. Для того, чтобы достигнуть согласія съ этимъ новымъ парламентомъ, онъ сейчасъ же исключилъ изъ него 100 наиболѣе враждебныхъ ему членовъ палаты. Такимъ образомъ была создана почва для обоюдныхъ уступокъ: парламентъ далъ деньги, а Кромвель убралъ своихъ генераль-маіоровъ. Кромвель согласился на пересмотръ конституціи, парламентъ отказался отъ признанія недѣйствительной правительственной инструкціи 1653 г. Парламентъ призналъ необходимость второй палаты, а Кромвель отказался взамѣнъ этого отъ своего прежняго фактическаго права устранять по своему усмотрѣнію изъ сессіи парламента нѣкоторые неправильно избранныхъ членовъ его. Мало того, 31 марта 1657 г. Кромвелю былъ предложенъ королевскій титулъ съ правомъ назначить себѣ преемника. Кромвель былъ настолько искреннимъ пуританиномъ, что устоялъ противъ искушенія отречься отъ своихъ прежнихъ принциповъ (8 мая). На основаніи новой конституціи былъ возобновленъ для Кромвеля постъ протектора. Но эти уступки сами послужили основаніемъ къ новому расколу въ парламентѣ. 100 исключенныхъ членовъ возвратились въ парламентъ и составили сильную оппозиціонную партію: часть приверженцевъ Кромвеля изъ палаты общинъ (парламентъ принялъ снова это названіе при учрежденіи второй палаты) перешла въ верхнюю палату, и вслѣдствіе этого Кромвель лишился большинства въ нижней палатѣ. Поэтому онъ вынужденъ былъ снова распустить парламентъ 4 февраля 1658 г.

Сдѣланнымъ ему предложеніемъ королевской короны Кромвель былъ обязанъ исключительно результатамъ своей вѣдшей политики. Такъ какъ бѣжавшій изъ Англіи король жилъ во Франціи и пресвитеріане праваго крыла поддерживали сношенія съ Франціей, то Кромвель сдѣлалъ попытку вступить въ соглашеніе съ Испаніей. Онъ предложилъ Филиппу IV предоставить Англіи свободу торговли съ Вестъ-Индіей, дать англичанамъ свободу вѣроисповѣданія въ испанскихъ владѣніяхъ и обязаться содѣйствовать приобрѣтенію англичанами Калѣ и Дюнкирхена; когда испанскій король отвѣтилъ на это предложеніе недвусмысленнымъ отказомъ, то Кромвель попытался добиться своей цѣли силою оружія. Въ 1654 г. Кромвель отправилъ флотъ подъ начальствомъ Роберта Блэка, уже раньше боровшагося съ успѣхомъ противъ голландскаго флота, въ Средиземное море, гдѣ онъ могъ угрожать непрерывно восточнымъ берегамъ Испаніи, а второй флотъ подъ начальствомъ Уильяма Пэнна (Старшаго) и Роберта Венебльса въ Вестъ-Индію для захвата одного изъ крупныхъ испанскихъ острововъ. Санъ-Доминго оказался слишкомъ хорошо укрѣпленнымъ, но въ 1655 г. англичанамъ удалось взять Ямайку. Въ то же время Кромвель сблизился съ Франціей и завоевалъ съ помощью французовъ Дюнкирхенъ (т. VII, стр. 108). Мало того, онъ выговорилъ даже свободу вѣроисповѣданія во Франціи для англійскихъ гражданъ. Часть флота Блэка захватила испанскіе корабли, шедшіе съ грузомъ серебра изъ Вестъ-Индіи, и нанесла вредъ испанской торговлѣ въ Европѣ. Казалось, что вернулись снова счастливыя времена Елизаветы, но Кромвель сталъ хворать и скончался 3 сентября 1658 г.

В. Конституціонное королевство (отъ 1660 до 1688 г.).

Большинство парламента 1659 г. избрало протекторомъ сына Кромвеля, Ричарда, но противъ него была настроена армія, которая все еще

имѣла большую силу, чѣмъ парламентъ. Она принудила Ричарда Кромвеля не только къ распущенію парламента, но и къ отреченію отъ поста протектора (25 мая); затѣмъ она предложила собраться снова тѣмъ членамъ безголоватаго парламента, которые были разогнаны незаконно (Оливеромъ Кромвелемъ въ 1653 г. Сорокъ два изъ нихъ собралось въ дѣйствительности, но войско отказалось повиноваться ихъ неразумнымъ требованіямъ, и они были снова разогнаны 13 октября тѣми самыми людьми, которые призвали ихъ; затѣмъ они были созваны обратно, такъ какъ армія не могла справиться съ правительственными дѣлами. Однако безголовый парламентъ тоже потерялъ весь свой престижъ. Анархія — вотъ самое подходящее обозначеніе тогдашняго положенія вещей. Быстро развивающаяся буржуазія пресытилась безпорядками и хозяйничаньемъ арміи. Стоило только появиться на сценѣ новому центру власти, который служилъ бы гарантіей прочаго порядка и положилъ бы конецъ непрерывнымъ колебаніямъ во внутренней политикѣ, и народъ неизбежно долженъ былъ перейти на его сторону. Исходнымъ пунктомъ такого государственнаго переворота послужила Шотландія.

1 января 1660 г. начальникъ войскъ, расположенныхъ въ Шотландіи, Джорджъ Монкъ перешелъ черезъ границу и направился къ Лондону, вѣнчавшему представителя въ безголовомъ парламентѣ, неавидѣвшему его по этой причинѣ и кромѣ того нуждавшемуся больше всего въ порядкѣ и безопасности. Монкъ получалъ подкрѣпленія со всѣхъ сторонъ. Въ февралѣ Лондонъ открывалъ предъ нимъ свои ворота и заявилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что отказывается платить налоги, пока онъ не имѣетъ своихъ представителей въ парламентѣ. Умный Монкъ понялъ, что первая его задача состоитъ въ томъ, чтобы устранить такую ненормальность, какъ одновременное существованіе двухъ парламентовъ: безголоватаго парламента, который не могъ быть распущенъ безъ своего собственнаго согласія, и новаго, избраннаго народомъ. Прежде всего онъ заставилъ безголовый парламентъ принять обратно тѣхъ своихъ пресвитеріанскихъ членовъ, которые были изгнаны изъ парламента въ 1648 г. Когда они вернулись, то на его сторонѣ оказалось большинство, которое и распустило долгій парламентъ по его собственному постановленію (16 марта). После этого Монкъ отстранился и далъ состояться новымъ выборамъ въ парламентъ безъ всякаго давленія съ своей стороны. Этотъ парламентъ получилъ названіе *Convention parliament* (парламента по соглашенію) по той причинѣ, что онъ собрался безъ приглашенія со стороны короля.

Какъ только этотъ парламентъ собрался, ему было доставлено такъ называемое „Бредское заявленіе“ Карла, сына Карла I. Карлъ отказывался отъ неограниченныхъ верховныхъ правъ короля и предоставлялъ парламенту ввести государственныя реформы, согласныя съ народной волей. Заявленіе короля было встрѣчено повсюду съ сочувствіемъ. Парламентъ принялъ постановленіе, въ силу котораго правительство должно было состоять изъ трехъ органовъ власти: короля, палаты лордовъ и палаты общинъ. 25 мая Карлъ высадился въ Дувръ и былъ встрѣченъ народомъ съ восторгомъ подъ именемъ Карла II. Кавалерскій парламентъ былъ избранъ подъ лозунгомъ возстановленія спокойствія и порядка и отнесся къ королю съ такой предупредительностью, что онъ просуществовалъ въ добромъ согласіи съ королемъ цѣлыхъ 17 лѣтъ. Хотя сессіи слѣдовавшихъ за нимъ парламентовъ были непродолжительны и ихъ унитарная оппозиція заставляла его распустить ихъ часто, тѣмъ не менѣе король справился и съ этими затрудненіями; онъ назначалъ своихъ министровъ по своему усмотрѣнію, но не оставлялъ ихъ въ должности вопреки ясно выраженной волѣ парламента и предпочиталъ отказаться отъ нихъ, чѣмъ вступать изъ-за нихъ въ столкновеніе съ народными представителями; онъ непрерывно нуждался въ деньгахъ и за деньги можно было добиться отъ

него всего, чего только угодно. Когда онъ домогался отъ парламента денегъ, то онъ дѣлалъ ему уступки; обратно, когда парламентъ нуждался въ уступкѣ со стороны короля, то онъ предлагалъ королю деньги. Хотя Карль относился индифферентно къ религіознымъ вопросамъ, тѣмъ не менѣе въ немъ обнаружилась, начиная съ 1669 г., сильная симпатія къ римской церкви, приведшая его даже къ тайному переходу въ католичество. Хотя эта симпатія исчезла впоследствии, тѣмъ не менѣе онъ скончался 6 февраля 1689 г. открытымъ приверженцемъ римскаго вѣроисповѣданія, въ которое перешелъ еще въ 1671 г. его братъ Яковъ, герцогъ Йоркскій. При вступленіи Карла на престолъ Англія укрывалась подъ знаменемъ пресвитеріанства; какъ пуритане, такъ и католики признавались одинаково врагами узаконеннаго вѣроисповѣданія; ко дню его смерти произошло сближеніе между пресвитеріанствомъ и пуританизмомъ, но католики оставались предметомъ общей религіозной ненависти ярыхъ послѣдователей Библии.

Подобно тому, какъ Карль II вымѣнивалъ свои коронныя права на деньги, въ которыхъ онъ нуждался постоянно для своей роскошной и распущенной жизни, такимъ же образомъ онъ продалъ за деньги своихъ иностранныхъ союзниковъ и даже принадлежавшій Англіи Дюнкирхенъ (въ 1662 г.). Начиная съ 1670 года, онъ получилъ отъ Франціи громадныя суммы денегъ; за этотъ подкупъ онъ не давалъ парламенту объявлять войны этому государству или распускалъ его, если общее настроеніе толкало народныхъ представителей къ войнѣ; но въ концѣ своего царствованія онъ освободился отъ этой политики и пріобрѣлъ болѣе тонкое чутье къ народной волѣ. Исключительной цѣлью, которою онъ задавался при этомъ, было обезпеченіе перехода престола послѣ его смерти къ его брату католику Якову. Супругой Карла была португальская принцесса Екатерина Браганцкая, принесшая съ собою въ приданое въ 1661 году Танжеръ и Бомбей, послужившій для Англіи первымъ опорнымъ пунктомъ на почвѣ Индіи (срав. томъ II, стр. 452).

При Кромвелѣ въ англійскую политику проникла новая черта, конкуренція съ Нидерландами, какъ торговой державой. Эта особенность англійской политики перешла по наслѣдству отъ Кромвеля къ Карлу II. Въ 1660 году былъ возобновленъ навигаціонный актъ (стр. 656), направленный противъ Нидерландовъ. Несмотря на это, англійская торговля не была въ состояніи выдержать конкуренцію съ нидерландскою. Тамъ, гдѣ преобладало нидерландское вліяніе или гдѣ англійское уравновѣшивалось съ нимъ, или же на нейтральныхъ рынкахъ нидерландскій купецъ всегда побивалъ англійскаго. Тѣмъ не менѣе населеніе Англіи, достигшее въ это время 5 милліоновъ, набрасывалось на торговлю съ всевозрастающимъ рвеніемъ; къ тому же Нидерланды свергли съ престола въ 1653 году своего наслѣдственнаго штатгальтера, племянника Карла, Вильгельма III Оранскаго. По всемъ этимъ причинамъ Карль не могъ быть дружелюбно настроенъ къ нимъ. Въ 1664 году онъ открылъ военныя дѣйствія противъ Нидерландовъ безъ объявленія войны. У береговъ Африки англичане стали захватывать нидерландскіе корабли, въ Восточной Индіи они заняли острова, принадлежавшіе Нидерландамъ, а въ Сѣверной Америкѣ они захватили нидерландскія колоніи около Новаго Амстердама, которыя были переименованы въ Нью-Йоркъ по имени брата Карла, герцога Йоркскаго (томъ I, стр. 441). Нидерланды отвѣтили на это захватомъ англійскихъ владѣній въ Гвинее (томъ III, стр. 467). Получивши отъ парламента большія денежныя средства, Карль разбилъ 3 іюня 1665 года своего противника при помощи своего флота при Лоуэстофтѣ въ то самое время, какъ епископъ Мюнстерскій напалъ на Нидерланды съ сухого пути по подстрекательству англійскаго короля. Франція, обязанная оказать помощь Нидерландамъ по договору, объявила Англіи войну въ 1666 году, но не

пустила въ ходъ своего флота, такъ какъ Людовикъ XIV питалъ весьма понятныя надежды на то, что англійскій и нидерландскій флоты истребятъ другъ друга и такимъ образомъ господство на морѣ перейдетъ въ руки французовъ. Англійскій флотъ былъ отброшенъ въ устья Темзы, но прогналъ обратно нидерландскій флотъ въ іюнь, когда этотъ послѣдній попытался было устроить блокаду устьевъ Темзы и уничтожилъ въ іюль въ заливѣ Зюдерзе цѣлый нидерландскій торговый флотъ. Въ августѣ Карлъ II купилъ у Франціи миръ цѣной признанія домогательствъ Людовика XIV на часть испанскихъ Нидерландовъ. Однако, когда Карлъ уже сталъ мечтать, что онъ добился мира съ Нидерландами и приступилъ къ разоруженію своего флота, Микель де Рюйтеръ прорвался въ Темзу въ 1667 году, и для освобожденія отъ него Карлъ вынужденъ былъ заключить миръ въ Бредѣ 31 іюля на болѣе или менѣ невыгодныхъ для Англій условіяхъ. Все же во владѣніи Англій остался Нью-Йоркъ съ прилегающей къ нему полосой въглубь материка. Къ этой вновь приобрѣтенной территоріи присоединились еще новыя владѣнія въ Пенсильваніи и Каролинѣ.

Когда Франція подняла гордо свою голову на материкъ въ сознаніи своего всевозрастающаго могущества и стала грозить окончательнымъ сокрушеніемъ Испаніи, то Карлъ заключилъ 23 января 1668 года тройственный союзъ со Швеціей и Нидерландами, направленный противъ Людовика XIV, и добился этимъ путемъ окончанія испанской войны и заключенія Ахенскаго мирнаго договора (томъ VII, стр. 465), но непосредственно вслѣдъ за этимъ онъ вступилъ въ союзъ съ Людовикомъ (тамъ же, стр. 471). Отказавшись отъ уплаты займа, сдѣланнаго имъ у лондонскихъ банковъ, и понизивши по собственному произволу платимыя имъ проценты, онъ затѣялъ новую морскую войну съ Генеральными Штатами. Одновременно съ тѣмъ Людовикъ вторгся въ Голландію со стороны суши, но былъ остановленъ голландцами, которые открыли плотины, сдерживавшія воду въ каналахъ (томъ VII, стр. 474). Въ награду за услуги во время войны съ французами, оказанныя Вильгельмомъ Оранскимъ съ его маленькой арміей, Генеральные Штаты избрали его опять своимъ штатгальтеромъ. Объединенный французско-англійскій флотъ успѣлъ въ войнѣ съ Нидерландами 1673 г. такъ же мало, какъ и сухопутныя силы. Когда англійскій флотъ, отдѣлившись отъ французскаго, потерпѣлъ пораженіе на морѣ, то Карлъ вынужденъ былъ заключить миръ съ Нидерландами въ Вестминстерѣ 19 февраля 1674 года и предложилъ своему племяннику Вильгельму Оранскому руку своей старшей племянницы Маріи, воспитанной въ протестантскомъ духѣ дочери своего единственнаго брата и вѣроятнаго престолонаслѣдника Якова. Теперь, когда весь материкъ объединился для войны съ Франціей, стало ясно не только Карлу, но и всей Англій, что самымъ опаснымъ своимъ соперникомъ англичане должны считать не Голландію и не клонящуюся къ упадку Испанію, а попрежнему Францію. Поэтому Людовикъ XIV сталъ выдавать Карлу ежегодную субсидію съ тѣмъ, чтобы онъ сдерживалъ воинственныя наклонности парламента. Тѣмъ не менѣе бракъ между Маріей и Вильгельмомъ Оранскимъ все же состоялся въ ноябрѣ 1677 года. Послѣ этого Карлъ заявилъ парламенту, что если Людовикъ не заключитъ мира съ Генеральными Штатами, то онъ объявитъ войну Франціи, — вѣроятно, это заявленіе имѣло цѣлью вытянуть побольше денегъ у Людовика XIV; но Людовикъ, зная, что его флотъ не можетъ сравняться съ англійскимъ, предпочелъ заключить съ Нидерландами мирный договоръ въ Штутгартѣ 10 августа 1678 года.

Время царствованія Карла II имѣло важное значеніе въ умственной жизни Англій. Во-первыхъ, въ это время пуританское міровоззрѣніе нашло свое выраженіе въ поэзіи въ поэмѣ Мильтона „Потерянный

Райн“ (Paradise lost, 1658 г. и сл.) и въ поэмѣ Джона Буниана „Путь паломника“ (Pilgrim's progress, 1678 годъ и сл.); во-вторыхъ, несмотря на „Актъ объ испытаніи“ 1673 г., Testact, приобрѣлъ значеніе важнаго текущаго политическаго вопроса — вопросъ о вѣротеримости, къ разрѣшенію котораго необходимо было приступить рано или поздно; въ это время былъ созданъ полъ именовъ королевскаго общества естественныхъ наукъ (въ 1660 году) прочный и долговѣчный научный центръ для изученія естественныхъ наукъ, которымъ приходилось вымаливать къ себѣ вниманіе даже еще во времена Бэкона. Помимо всего этого это царствованіе было періодомъ созданія англійской партійной жизни, наложившей неизгладимую печать на внутреннюю политическую жизнь Великобританіи во всѣ послѣдующіе періоды. Въ царствованіе Карла развились впервые эти противоположныя между собой политическія теченія, вытекавшія первоначально изъ различнаго отношенія къ религіознымъ вопросамъ, но захватившія черезъ короткое время какъ политическую, такъ и социальную жизнь. До того времени парламентъ бывалъ или исключительно пуританскимъ или исключительно пресвитеріанскимъ, и каждая изъ этихъ партій не мирилась съ существованіемъ другой. При Карлѣ парламентъ состоялъ изъ представителей обѣихъ партій. Раньше считалось невозможнымъ функционированіе парламента при наличности двухъ борющихся между собою партій: но въ дѣйствительности такое положеніе оказалось даже благопріятнымъ, такъ какъ оно препятствовало слишкомъ одностороннимъ мѣропріятіямъ. Раньше дѣйствовали подъ лозунгомъ: „быть пресвитеріанцамъ, быть пуританамъ!“, теперь же, когда обнаружилось, что за пресвитеріанцами стоитъ большинство народа, то появились новые лозунги: „Никакой терпимости!“ или — „терпимость къ пуританамъ или диссентерамъ!“ Отсюда развились двѣ партіи, изъ которыхъ одна, Petitioners, настаивала въ 1680 г. на созывѣ парламента въ то время, какъ другая, Abhorrers, настаивала на сохраненіи существующаго положенія вещей. Petitioners получили бранную кличку виггаморовъ, т.-е. западно-шотландскихъ крестьянъ, а черезъ короткое время они стали называться просто вигами, а Abhorrers, которыхъ бранили ирландскими разбойниками и ворами-напистами, стали называться торіями. Сначала власть была въ рукахъ виговъ, а потомъ перешла къ торіямъ, но съ этими названіями не соединялось никакихъ опредѣленныхъ программъ.

Вступленіе на престолъ брата Карла, Якова II, сопровождалось нѣкоторымъ измѣненіемъ въ положеніи дѣлъ. Такъ какъ большая часть доходовъ Карла была обезпечена за нимъ только пожизненно, то Яковъ былъ вынужденъ созвать парламентъ, который бы утвердилъ вновь расходы на содержаніе короля. Какъ только на престолъ вступилъ католикъ, въ народѣ зашевелились опять всѣ остатки приверженцевъ римской Куріи; съ другой стороны всѣ умѣренные протестанты опасались потрясенія, которое могло возникнуть отъ борьбы пуританъ противъ короля-католика. Благодаря обѣимъ этимъ причинамъ въ парламентѣ составилось въ 1685 г. крупное торіиское большинство, которое пошло охотно навстрѣчу требованіямъ Якова. Этотъ послѣдній подавилъ побѣдоносно возстаніе, поднятое въ Шотландіи графомъ Арчибалдомъ Аргилемъ, и другое возстаніе, во главѣ котораго стоялъ незаконный сынъ Карла Джемсъ Монмутъ. Однако обѣ эти побѣды послужили для него исключительно источникомъ несчастій, такъ какъ онѣ укрѣпили въ немъ убѣжденіе въ своемъ всемогуществѣ. Въ 1686 г. онъ сталъ нарушать Testact, требовавшій, чтобы каждое лицо, состоящее на государственной службѣ, приносило присягу въ своей вѣрности пресвитеріанскому вѣроученію; онъ сталъ назначать на службу католиковъ офицеровъ. Такъ какъ незадолго предъ этимъ Людовикъ XIV отменилъ Нантскій эдиктъ, то въ дѣйствіяхъ Якова стали усматривать дѣйствительную опасность для протестантизма. Парламентъ поднялъ протестъ.

Яковъ отерочилъ его засѣданія и присвоилъ себѣ, какъ нѣкогда его братъ, право дѣлать отступленія отъ законовъ. Насильственными мѣрами католики были водворены на всевозможныя государственныя должности. Были подготовлены выборы въ парламентъ, которые должны были содѣйствовать успокоенію религіознаго движенія, но эти выборы не дали никакого результата. Тогда Яковъ обнародовалъ въ 1687 г. манифестъ о вѣртерности и велѣлъ прочесть его въ церквахъ; но духовенство отказалось, и семь епископовъ подали королю прошеніе объ отмѣнѣ манифеста. Король призналъ ихъ бунтовщиками и предалъ ихъ суду присяжныхъ; но этотъ послѣдній оправдалъ ихъ при общемъ ликованіи. Народъ рѣшилъ выносить спокойно неурядицу, которая все равно должна была придти къ концу со смертью католика Якова. Единственными наследниками его считались до того времени его обѣ дочери протестантки, Марія, супруга Вильгельма Оранскаго, и Анна, супруга принца датскаго Георга, но неожиданно произошло весьма важное измѣненіе. Вторая супруга Якова, Марія Моденская, родила ему 10-го іюня 1688 г. сына (Якова II), котораго воспитывали въ католическомъ духѣ, какъ этого и надо было ожидать. Предъ англичанами открылась перспектива цѣлаго ряда католическихъ королевъ на престолѣ ихъ отечества. Распространился слухъ, что этотъ ребенокъ не сынъ королевы, а подмѣнень (срав. т. VII, стр. 508).

8. Короли милостью парламента.

Лидеры торіевъ и виговъ собрались и призвали на англійскій престолъ Вильгельма III Оранскаго. Вильгельмъ сейчасъ же сталъ готовиться открыто къ походу въ Англію, но не могъ выступить безъ замедленія, такъ какъ у границы Нидерландовъ стояла армія Людовика XIV. Половина Европы объединилась для борьбы съ Людовикомъ. Во главѣ этого союза стоялъ самъ Вильгельмъ. Одинъ только Яковъ остался внѣ его. Людовикъ видѣлъ въ немъ своего естественнаго союзника, но Яковъ былъ настолько неразумителенъ, что оттолкнулъ отъ себя заискивавшаго въ немъ Людовика. Въ отместку Людовикъ оттянулъ свои войска отъ нидерландской границы и освободить такимъ образомъ всѣ военныя силы Вильгельма. 15 ноября Вильгельмъ высадился въ Англіи и направился къ Лондону, получая со всѣхъ сторонъ подкрѣпленія. Анна и Георгъ Датскій открыто перешли на его сторону; Яковъ былъ покинутъ своими собственными креатурами. Свою жену и своего сына онъ отправилъ во Францію, а самъ онъ бѣжалъ вѣлѣдъ за ними. Онъ былъ схваченъ и привезенъ обратно, но Вильгельмъ не хотѣлъ позволить себѣ никакого насилія надъ своимъ дядей и тестемъ; Якову былъ данъ намекъ на то, что онъ можетъ опять бѣжать безпрепятственно, и онъ благоразумно послѣдовалъ этому указанію. Собрался парламентъ безъ приглашенія короля, въ составъ котораго входилъ, между прочимъ, и Исаакъ Ньютонъ (сравни фигуру 3 на таблицѣ, прилож. къ стр. 646); этотъ парламентъ объявилъ короля низложеннымъ съ престола за неисполненіе договоровъ, нарушеніе законовъ и бѣгство изъ Англіи и отдалъ престолъ Вильгельму и Маріи. Такъ какъ у нихъ не было дѣтей, то было рѣшено, что послѣ смерти Вильгельма престолъ унаслѣдуетъ его супруга Марія, а ея преемниками будутъ ея сестра Анна и дѣти послѣдней. Только въ случаѣ прекращенія этой линіи право наследованія престола могло перейти къ дѣтямъ Вильгельма отъ какой-нибудь другой его жены.

Эта перемѣна на тронѣ, извѣстная въ Англіи подъ именемъ революціи, совершилась такъ мирно, какъ только возможно, и тѣмъ не менѣе повлекла за собою важное преобразование въ политической жизни Англіи. До этого времени надъ Англіей царствовали послѣдственные короли, опи

равшіеся на божественное право. Теперь же ихъ замѣнилъ король милостью парламента. Такимъ образомъ парламентъ присвоилъ себѣ право располагать короной по своему усмотрѣнію.

А. Англійская торговля въ XVII и XVIII столѣтіяхъ.

Послѣдній венеціанскій торговый флотъ показался у береговъ Англии въ 1532 году. Съ этихъ поръ Англія одержала верхъ надъ Венеціей даже въ собственныхъ гаваняхъ этой послѣдней. Послѣ того, какъ величайшій торговый центръ Западной Европы, Антверпенъ, былъ разграбленъ двукратно испанскими войсками въ 1567 и 1585 годахъ, центръ тяжести крупной торговли перемѣстился оттуда въ Лондонъ, а въ 1597 году, въ которомъ Елизавета отмѣнила торговыя привилегіи нѣмецкой Ганзы въ Лондонѣ, была вытѣснена изъ сферы англійской торговли, дѣйствующей подъ покровительствомъ особыхъ привилегій, послѣдняя иностранная крупная коммерческая держава, обладавшая опорнымъ пунктомъ въ самомъ Лондонѣ. Своими путешествіями въ далекія страны Дрэкъ и Мартинъ Фробишеръ, Ралей и Томасъ Кавендишъ показали англійскимъ купцамъ дорогу черезъ океанъ и подорвали испанскую монополію торговли съ Новымъ Свѣтомъ. Съ этого времени англійская торговля получила толчокъ къ постепенному захвату всего земного шара. Въ 1581 году было основано Левантское общество, забравшее на долгое время въ свои руки монополію торговли съ Турціей. Торговныя сношенія Англии съ Прибалтійскими провинціями, Россіей, Франціей, Италіей, Испаніей и Португаліей тоже достигли высокаго подъема. Въ 1651 году въ Гамбургѣ былъ основанъ большой англійскій складъ товаровъ. Одновременно съ этимъ стала расширяться торговля сахаромъ сырцомъ съ Вестъ-Индіей. Оказалъ ли прочное воздѣйствіе на подъемъ англійской торговли мореходный актъ, направленный главнымъ образомъ противъ Нидерландовъ, это безусловно сомнительно. Дальновидные современники осудили его самымъ рѣзкимъ образомъ. Тѣмъ не менѣе монополющая система дала сильный толчокъ англійской предприимчивости, а покровительственныя пошлины охраняли отечественныя произведенія до того времени, когда они приобрѣли способность конкурировать съ иностранными товарами на мировомъ рынкѣ. Въ 1600 году Елизавета надѣлила особыми льготами Остъ-индскую компанію. Тѣмъ не менѣе торговля съ Остъ-индскими Островами Пряностей перешла черезъ короткое время въ руки голландцевъ. Въмѣсто этого торговля Остъ-индской компаніи сосредоточилась на материковой части Передней Индіи. Въ 1639 году эта компанія приобрѣла небольшую территорію, на которой былъ выстроенъ фортъ Сентъ-Джоржъ, а впоследствии городъ Мадрасъ; а въ 1668 году она приобрѣла отъ Карла II городъ Бомбей, полученный имъ въ качествѣ приданого за своей супругой Екатериной Браганцкой. Отъ великаго монгола, жившаго въ Агрѣ, она приобрѣла въ 1686 году еще одинъ участокъ земли, вокругъ укрѣпленій котораго выросъ вскорѣ городъ Калькутта. Среди магометанъ Индіи возвысился въ это время еще одинъ великій завоеватель въ лицѣ Аурангъ-Зеба, но послѣ его смерти, послѣдовавшей въ 1707 году, его государство распалось обратно на множество отдѣльныхъ частей (т. II, стр. 437). Во владѣніяхъ второстепенныхъ королей этихъ мелкихъ государствъ боролись между собою двѣ партіи, магометанская и буддійская; европейскіе колонисты, какъ англичане, такъ и французы, не упустили случая воспользоваться этими внутренними раздорами, натравливали одну партію на другую и расширяли такимъ образомъ свои привилегіи и свое господство.

Такимъ же образомъ въ самой Европѣ англичане были обязаны успѣхами своей торговли глупости своихъ конкурентовъ. Въ царствованіе Елизаветы развитіе нидерландской торговли было парализо-

вано непрерывной борьбой между Нидерландами и Испанией; даже испанской торговлѣ эти войны нанесли самый тяжелый ущербъ. Въ Англіи нашли себѣ убѣжище въ это время сотни трудолюбивыхъ и искусныхъ фламандцевъ, не находившихъ на своей родинѣ необходимой безопасности для своей промышленной дѣятельности и не отличавшихся такимъ горячимъ патриотическимъ настроеніемъ, чтобы самимъ взяться за оружіе для защиты своей родины. Германская торговля, господствовавшая до этого времени на Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ, была уничтожена тридцатилѣтней войной. Французской промышленности былъ нанесенъ тяжелый ударъ короткое время спустя, въ 1685 г., отмѣной Нантскаго эдикта, изгнавшей въ Англію пятьдесятъ тысячъ предприимчивыхъ гугенотовъ, обладавшихъ капиталомъ въ 60 милліоновъ марокъ и создавшихъ въ Англіи необычайный подъемъ стеклянной, шелковой и бумажной промышленности. Народонаселеніе Англіи поднялось до 5 милліоновъ; въ 1678 году былъ изданъ законъ, запретившій всѣ торговыя сношенія съ Франціей, которую Англія считала своей важной политической соперницей. Въ царствованіе Якова II этотъ запретъ былъ снятъ, но Вильгельмъ III возстановилъ его снова въ 1688 г. Осуществленіе этой запретительной системы приблизилось хоть сколько-нибудь къ предѣламъ возможнаго послѣ того, какъ три названныя отрасли промышленности перемѣстились изъ Англіи во Францію при посредствѣ гугенотовъ. Всѣ товары, производимые въ самой Англіи, были ограждены высокой стѣной покровительственныхъ пошлинъ; не дѣлалось исключенія даже для произведеній англійскихъ колоній. Индійскій шелкъ, а впослѣдствіи индійская хлопчатая бумага принадлежали къ числу товаровъ, обложенныхъ наивысшими ввозными пошлинами. Напротивъ того, послѣ переселенія въ Англію гугенотовъ были сняты ввозныя пошлины на иностранное сырье съ цѣлью созданія болѣе благоприятныхъ условій производства для отечественной промышленности. Мало того, былъ даже запрещенъ вывозъ тѣхъ англійскихъ сырыхъ матеріаловъ, которые могли быть использованы обрабатывающей промышленностью, какъ, напримѣръ, шерсти, кожъ, некрашенныхъ и неапретированныхъ тканей, глины. Хлѣбныя пошлины Вильгельма III вызвали въ Англіи голодъ и были отмѣнены поневолѣ, но введенныя имъ вывозныя преміи на зерновой хлѣбъ продолжали существовать въ полномъ своемъ объемѣ до 1773 г., а отчасти до 1815 г.; ввозная пошлина на пшеницу была отмѣнена только хлѣбными законами 1846 г.

Въ 1613 г. англійскій ввозъ и вывозъ оцѣнивались въ 92 милліона марокъ; въ 1622 г. ихъ стоимость достигла уже 100 милліоновъ; а въ 1663 г. — 120 милліоновъ, причемъ на вывозъ падало во всѣхъ трехъ этихъ случаяхъ по 40 милліоновъ. Затѣмъ вывозъ произведеній промышленности возросъ въ такой степени, что въ 1699 г. онъ равнялся въ отдѣльности 120 милліонамъ, въ 1714 г. — 160 милліонамъ. Къ 1761 г. оборотъ заграничной торговли удвоился и достигъ суммы въ 320 милліоновъ марокъ, изъ которыхъ стоимость вывоза превышала половину этой суммы и равнялась 200 милліонамъ. При этомъ надо имѣть въ виду, что въ это время были прерваны почти окончательно торговыя сношенія Англіи съ Россіей, нѣмецкимъ побережьемъ Балтійскаго моря и Франціей. Такимъ образомъ весь приростъ зависѣлъ отъ гигантскаго подъема торговли съ Турціей, Италіей, Испаніей, Португаліей и Восточной Индией. Въ 1694 г. былъ основанъ англійскій банкъ, облегчившій всѣ денежные дѣла, а непрерывно возрастающій государственный долгъ открылъ для британскихъ банкировъ возможность помѣщать подъ вѣрныя проценты тѣ свои капиталы, которыми они не пользовались для торговыхъ и коммерческихъ предпріятій, въ 1696 г. былъ возстановленъ первоначальный вѣсъ серебряной монеты, которая стала полноценной въ царствованіе Елизаветы, но ухудшилась снова съ того времени. Когда на англійскій пре-

столь вступилъ въ 1704 г. Георгъ I, то онъ засталъ государственный долгъ, превышавшій миллиардъ марокъ.

Войны, предпринимавшіяся ради завоеванія англійской короны для династии Стюартовъ, превратились черезъ короткое время въ борьбу изъ-за коммерческихъ выгодъ и колониальныхъ владѣній. Въ войнахъ Англійи съ Франціей и Испаніей главнымъ предметомъ спора служило со времени реформации господство на морѣ. Господство англійскаго флота расширялось непрерывно по направленію къ югу, востоку и западу. По мѣрѣ роста ввозной и вывозной торговли Англійи господство на морѣ становилось для нея все болѣе настоятельной необходимостью. Между 1688 и 1815 гг. борьба за это господство шла исключительно между Англійей и Франціей. Хотя эта коммерческая борьба сопровождалась такими ошибками, какъ, напримѣръ, основаніе компаніи Южнаго океана въ 1711 г. (т. VII, стр. 117), тѣмъ не менѣе большая часть англійскихъ колониальныхъ предпріятій была вполнѣ выгодна, и кромѣ того они способствовали пониженію перенаселенія страны. Яркимъ доказательствомъ расширенія запаса средствъ пропитанія населенія Англійи можетъ служить паденіе процента съ капитала въ концѣ XVII столѣтія. Если капиталъ какой-либо страны незначителенъ, а населеніе слишкомъ велико по сравненію съ нимъ, то бываетъ трудно доставать деньги займы: проценты съ капитала повышаются. Если капиталъ растетъ быстрѣе, чѣмъ населеніе, то проценты падаютъ. Такимъ образомъ пониженіе процентовъ свидѣтельствуетъ о томъ, что соотношеніе между наличнымъ капиталомъ и численностью народонаселенія измѣнилось въ сторону, благоприятную для капитала, что количество средствъ для пропитанія расширилось и создана основа для большого прироста населенія. Шотландецъ Уильямъ Патерсонъ, фактической основатель англійскаго банка въ 1694 г. (т. VII; стр. 116), отгадалъ вполнѣ ясно совершившуюся перемѣну. Обычный процентъ на капиталъ уже понизился къ этому времени съ 10 до 8 на 100. Патерсонъ поддержалъ эту 8% норму въ то время, какъ повсюду въ Англійи проценты съ капитала проявляли склонность къ продолжительному непрерывному пониженію. Южно-океанійская компанія получала до 1721 г. всего только по 5%. Деньги стали такъ дешевы, что въ первую половину XVIII столѣтія уже насчитывались сотнями акціонерныя общества, въ техническомъ отношеніи работающія всегда, какъ извѣстно, при посредствѣ заемнаго капитала.

Многія изъ такихъ вновь основанныхъ обществъ избрали поприщемъ для своихъ дѣйствій подобно южно-океанійской компаніи Америку, въ которой Англія пыталась создать великое царство торговыхъ монополій послѣ того, какъ ей удалось уничтожить на практикѣ торговую монополию испанцевъ. Былъ запрещенъ ввозъ товаровъ въ англійскія колоніи изъ странъ, не принадлежащихъ Англійи; даже торговля между англійскими колоніями могла производиться только при посредствѣ англичанъ. Въ первое время послѣ введенія этой колониальной политики (въ 1650 г.) еще не дѣлалось различія между англійскими кораблями и кораблями англійскихъ колоній; но уже въ 1660 году было внесено существенное измѣненіе въ этомъ отношеніи: было сдѣлано распоряженіе, чтобы всѣ главныя произведенія колоній, какъ, напримѣръ, сахаръ, табакъ, кофе, хлопчатая бумага, кожа, даже зерновой хлѣбъ и желѣзо отправлялись первоначально изъ колоній въ Англію, а оттуда уже разсылались бы по всему міру на англійскихъ корабляхъ. Въ 1663 году послѣдовалъ еще одинъ таможенный законъ, регулировавшій въ томъ же духѣ ввозъ въ колоніи. Иностранные товары могли доставляться съ этихъ поръ въ англійскія колоніи только черезъ англійскія гавани и на англійскихъ корабляхъ. Мало того, даже возникновенію различныхъ отраслей промышленности въ колоніяхъ ставились по пути различныя преграды и за-

преты. Когда лордъ Чатамъ заявилъ въ парламентъ, что англійскіе колонисты въ Сѣверной Америкѣ не имѣютъ права производить сами даже гвоздя для подковъ, то онъ говорилъ безусловно въ духъ своихъ современниковъ, лишенныхъ всякаго представленія о борьбѣ между различными расами за обладаніе земнымъ шаромъ и отнесшихся совершенно спокойно къ словамъ Джона Гольбрйда, графа Шеффилдса, будто единственная польза, извлекаемая Англіей изъ ея американскихъ и вестъ-индскихъ колоній, заключается въ монопольномъ правѣ Англій доставлять своимъ колоніямъ продукты ихъ потребленія и вывозить ихъ собственныя произведенія. Со времени царствованія Елизаветы Англія высылала ежегодно за океанъ около 1,000 эмигрантовъ; при медленномъ ростѣ населенія въ ту эпоху эта эмиграція должна считаться достаточной причиной слабого успѣха заселенія Ирландіи англійскими колонистами. Подобно своимъ соплеменникамъ на ихъ старой родинѣ англійскіе колонисты отличались своимъ терпѣньемъ, упорствомъ и трудолюбіемъ. Они не отличались необычайнымъ духомъ предпримчивости; ихъ господствующей чертой было самоограниченіе, удовлетворяющееся требованіями текущаго дня и оставляющее на завтра заботы о будущемъ. Въ то время, какъ Франція носилась съ широкими колониальными планами, Англія сосредоточивала свое вниманіе на непосредственныхъ выгодахъ; она подвигалась медленно, но твердо къ созданію всемірной Британской имперіи, переходя черезъ такія промежуточныя ступени, какъ Великобританія и Соединенное королевство.

Б. Вильгельмъ III Франскій (отъ 1689 до 1702 года).

Когда на англійскій престолъ вступилъ 23 февраля 1689 года Вильгельмъ, второй завоеватель Англій, то онъ поставилъ себѣ первой задачей введеніе порядка въ армію, сыгравшую болѣе чѣмъ якую роль при перемѣнѣ династіи и все еще неудовлетворенную. Онъ усмирить армію посредствомъ новаго закона о бунтѣ, а парламентъ, не желавшій выпускать изъ своихъ рукъ свою верховную власть надъ ней, утвердилъ этотъ законъ только на короткій срокъ, такъ что его приходилось возобновлять изъ года въ годъ. Въ области религіи парламентъ обезпечилъ мирный прогрессъ закономъ о вѣротерпимости, обнародованнымъ въ 1689 г. Все рѣзче стало выступать то различіе, которое дѣлали пресвитеріане между своими согражданами другихъ вѣроисповѣданій. Простого цурита они не признавали безправнымъ гражданиномъ, какъ бы фанатично онъ ни былъ настроенъ, но на католиковъ они все еще смотрѣли, какъ на отбросы человѣчества. Съ такой же ненавистью пресвитеріане относились къ унитаріямъ, отвергавшимъ христіанскую Божественную Троицу, какъ пережитокъ среднихъ вѣковъ, и сдѣлавшихъ такимъ образомъ самый важный шагъ къ выработкѣ всеобщей религіи въ тѣсной связи съ прогрессомъ естественныхъ наукъ. Въ то время, какъ Джонъ Локъ проповѣдывалъ въ своихъ „Исѣмахъ о вѣротерпимости“ право каждой отдѣльной личности на выработку своего собственнаго религіознаго міросозерцанія, вѣротерпимость англійчанъ все еще не была распространена на эти двѣ группы людей. Но кромѣ нихъ все остальные англійскіе граждане пользовались этимъ благодѣніемъ подъ однимъ лишь условіемъ соблюденія извѣстныхъ формальностей. Съ этихъ поръ стали даже разрѣшать публичное отиравленіе богослуженія поствѣдователямъ всѣхъ вѣроученій кромѣ двухъ названныхъ, а попытка пойти къ нимъ навстрѣчу посредствомъ измѣненія официально принятаго молитвенника и возстановить такимъ образомъ прежнее единство церковной общины потерпѣла новую неудачу. Все лица, состоящія на государственной службѣ, были обязаны присягать на вѣрноподданство королю и признать его подъ при-

сягою главою церкви; 400 священниковъ, отказавшихся исполнить это требованіе, были лишены своихъ должностей.

Въ Шотландіи тоже одержало верхъ пресвитеріанство; парламентъ объявилъ Якова низложеннымъ съ престола и призналъ Вильгельма и Марію шотландской королевской четой, но Вильгельму пришлось еще выдержать борьбу, пока его не признала королею также и дворянская партія. Что касается Ирландіи, то она выступила противъ новаго короля, какъ противъ протестанта; Яковъ высадился снова на этотъ островъ, но былъ разбитъ 11 іюля 1690 года на рѣкѣ Бойнѣ; тѣмъ не менѣе возстановленіе мира затянулось до 1691 г. Въ видѣ уступки ирландцамъ было возстановлено положеніе вещей, существовавшее при Карлѣ II, и католикамъ была предоставлена формально свобода вѣроисповѣданія подъ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы они воздерживались отъ всякихъ агрессивныхъ дѣйствій.

Виги и торіи играли роль единственныхъ двухъ борющихся между собою англійскихъ партій; Вильгельму пришлось взять на себя роль посредника для смягченія партійныхъ столкновеній. Въ благодарность за это парламентъ ограничилъ его коронные доходы, утвердивши большую часть ихъ сначала только на четыре года, а затѣмъ каждый разъ на годъ. Вильгельмъ составилъ министерство изъ руководителей обѣихъ партій, но такая система оказалась неработоспособной. Онъ добивался единенія съ парламентомъ, но ему не удалось добиться прочнаго большинства. Такимъ образомъ королю пришлось поневолѣ искать другого выхода. Онъ составилъ министерство изъ четырехъ министровъ виговъ, извѣстное подъ именемъ „Юнто“ и предоставилъ ему позаботиться объ обезпеченіи за собою прочнаго большинства въ парламентѣ. Эта попытка оказалась удачной, такъ какъ у виговъ явился поводъ къ правильному посѣщенію засѣданій парламента, и министру не трудно было увеличить число своихъ сторонниковъ до большинства въ парламентѣ посредствомъ раздачи государственныхъ должностей. Хотя министры все еще оставались министрами короля и не были отвѣтственны предъ парламентомъ, тѣмъ не менѣе законодательная машина стала работать правильно. Такимъ образомъ былъ сдѣланъ важный шагъ въ конституціонной исторіи Англій. Возникновеніе партійнаго министерства упрочило существованіе двухъ выступившихъ на сцену политическихъ партій. Вопросы стали рѣшаться не случайнымъ большинствомъ; политика пріобрѣла опредѣленное направленіе, державшееся въ теченіе извѣстнаго времени и затѣмъ смѣнявшееся внезапно другимъ направленіемъ, когда во главѣ государства становился кабинетъ, принадлежавшій къ другой партіи. Уже Карлъ II уступилъ парламентскому большинству въ вопросѣ о назначеніи министровъ, когда оказалось, что невозможно управлять государствомъ противъ воли большинства; но Вильгельмъ былъ первымъ королемъ, который возвелъ этотъ случайный поступокъ Карла въ постоянный обычай.

Однако новая система заключала въ себѣ опасныя стороны. А что если король не будетъ распускать въ теченіе своего пятидесятилѣтняго царствованія своего перваго парламента, въ которомъ онъ обезпечилъ себѣ прочное большинство? Надо было считаться съ такою возможностью. Эта опасность была устранена закономъ 1694 г., въ силу котораго парламентъ долженъ былъ избираться каждый разъ только на три года. Въ царствованіе Вильгельма стало упрочиваться постепенно мирное развитіе внутренней жизни государства. Смерть королевы Маріи, послѣдовавшая 7 января 1695 г. и сосредоточившая верховную власть исключительно въ рукахъ Вильгельма, не оставила никакихъ слѣдовъ во внутренней политикѣ государства. Къ свободной церковной службѣ и свободной проповѣди присоединилась свободная печать, которая содѣйствовала мирному и законному проявленію скрытыхъ общественныхъ и умственныхъ силъ стра-

ны. Теперь каждому наличному течению не приходилось сгущаться и разгораться до взрыва для того, чтобы добиться всеобщаго признанія; такимъ образомъ была предупреждена опасность новыхъ государственныхъ переворотовъ. Чеканка полноцѣнной монеты подняла государственный кредитъ; для предупрежденія обрѣзыванія монеты она была снабжена зубчатымъ краемъ. Правда въ Англии конца XVII столѣтія все продавалось за деньги, но внутреннее спокойствіе государства составляло исключеніе изъ этого правила. Даже безхарактерный Черчилль, графъ Мальборо, не осмѣлился нарушить внутренняго мира (стр. 670).

Покушеніе на Вильгельма, подготовлявшееся якобитами, было предупреждено въ 1696 г. благодаря допосу одного изъ заговорщиковъ и сдѣлало короля еще болѣе популярнымъ. Хотя этотъ угрюмый голландецъ, оказывавшій довѣріе преимущественно голландцамъ, не производилъ пріятнаго впечатлѣнія на англичанъ своею личностью, тѣмъ не менѣе всѣ уважали его, какъ умнаго и энергичнаго короля, который далъ развернуться наличнымъ силамъ и не ропталъ о томъ, что создать новыя силы — это внѣ его власти. Только относительно численности арміи существовали разногласія между королемъ и парламентомъ; но въ этомъ вопросѣ болѣе дальновиднымъ оказался король, какъ народъ убѣдился черезъ короткое время. Когда его министерство, состоявшее изъ виговъ, не могло больше удержаться у власти, то ошъ передалъ большинство портфелей торіямъ въ 1700 г., а затѣмъ составилъ чистое торійское министерство, опираясь на сильное торійское большинство въ парламентѣ. Торіи отказались отъ своихъ реакціонныхъ принциповъ и приспособились къ энергичному во внѣшнихъ дѣлахъ и мудрому во внутреннихъ дѣлахъ правленію Вильгельма, даже примирились съ закономъ о вѣротерпимости. Теперь стало обнаруживаться, что соперничество между двумя партіями умѣряетъ требованія каждой изъ нихъ; законопроекты средняго, примирительнаго направленія всегда проходили большинствомъ голосовъ въ то время, какъ крайнія предложенія проваливались.

Даже урегулированіе престолонаслѣдія не могло взбудоражить политическихъ страстей. Послѣ смерти всѣхъ дѣтей Анны было рѣшено въ іюль 1701 г. при торійскомъ министерствѣ и торійскомъ большинствѣ парламента, что ея преемницей должна стать единственная внучка Якова I протестантскаго вѣроисповѣданія, Софія, супруга курфюрста Ганноверскаго. Въ предупрежденіе того, чтобы Англія не была втянута въ религіозныя и политическія осложненія на материкѣ Европы вслѣдствіе того, что на англійскомъ престолѣ будутъ сидѣть обладатели иноземныхъ коронъ, были установлены навсегда условія, ограничивающія права королей. Англійскіе короли были обязаны причащаться по обычаю англійской церкви, были лишены права объявленія войны для огражденія интересовъ своихъ владѣній на материкѣ безъ согласія парламента, не имѣли права выѣзжать изъ предѣловъ Соединеннаго Королевства безъ разрѣшенія парламента.

Право помилованія короля не должно было распространяться на осужденныхъ за нарушеніе служебнаго долга лицъ, состоящихъ на государственной службѣ. На практикѣ это обозначало, что министры короны стали отвѣтственными предъ парламентомъ. Мало того, послѣ смерти Анны всѣ иностранцы были лишены права быть избираемыми въ парламентъ и быть назначаемыми министрами или вообще на государственную службу, а судьи могли быть смѣщены съ ихъ должностей только за доказанныя

	Яковъ I (VI), † 1625	Фридрихъ IV Пфальцскій, † 1610	Вильгельмъ Люнебургскій, † 1692
Карль I, † 1649	Елизавета, † 1662	1613	Георгъ Каленбергъ, † 1641
		Фридрихъ V, 1632	
	Руширехтъ, † 1692 (стр. 653)	Софія, † 1714	1658
		Георгъ I, † 1727	Эрнстъ Августъ Ганноверскій, † 1698
		Софія Шарлотта, † 1705	

преступленія. Пенсіонеры и лица, состоящія на коронной службѣ, были лишены права засѣдать въ парламентѣ. Министры, присутствующіе на засѣданіяхъ тайнаго совѣта короны, были обязаны вести протоколъ своихъ засѣданій за своей общей подписью. Этими мѣрами имѣлось въ виду ограничить ту громадную силу, которой неизбежно пользовалось министерство, опирающееся на безусловное большинство въ палатѣ общинъ такъ, чтобы фактическое большинство палаты могло держать въ своихъ рукахъ министровъ. Однако все постановленія, направленные противъ министровъ, не попали въ цѣль. Черезъ короткое время Георгъ I добился разрѣшенія выѣзжать за границу безъ согласія парламента, а протоколы тайнаго совѣта за подписями министровъ были отмѣнены уже въ царствованіе Анны, такъ какъ ни одинъ министръ не рѣшался давать совѣтовъ королю, разъ можно было опасаться, что его подпись подъ протоколомъ послужитъ основаніемъ для судебного преслѣдованія его. Устраненіе изъ парламента пенсіонеровъ и должностныхъ лицъ было ограничено въ царствованіе Анны тѣми государственными должностями и такими пенсіями, которыя могли быть отняты короной по ея усмотрѣнію.

Какъ только Вильгельмъ вступилъ на англійскій престолъ, Людовикъ XIV сталъ готовить свой флотъ для рѣшительнаго удара. Противъ французскаго флота выступилъ соединенный голландско-англійскій, но англійскій адмиралъ покинулъ на произволъ судьбы нидерландскаго изъ чувства соперничества и такимъ образомъ сталъ виновникомъ полнаго пораженія своего союзника. Оскорбленное самолюбіе толкнуло на путь государственной измѣны графа Марльборо, который отличился въ 1690 г. въ Ирландіи и въ Нидерландахъ. Въ верхней палатѣ онъ обратился къ Вильгельму съ требованіемъ удалить отъ себя своихъ голландцевъ и французскихъ гугенотовъ; въ противномъ же случаѣ онъ грозилъ перейти съ арміею и флотомъ на сторону Якова II. Мало того, вмѣстѣ съ другими высокими сановниками онъ вступилъ въ переговоры съ Яковымъ и натравилъ датскую принцессу Анну на ея сестру, королеву. Вильгельмъ съ своей стороны удовольствовался тѣмъ, что лишилъ этого измѣнника занимаемыхъ имъ должностей въ 1692 году. Въ томъ же году французскій флотъ показался у береговъ Англій въ то время, какъ Вильгельмъ велъ войну въ Нидерландахъ; 29 мая этотъ французскій флотъ былъ разбитъ и уничтоженъ наполовину лордомъ Росселемъ при Ла Гугѣ. Съ этого времени Англія стала безраздѣльной владычицей на морѣ. На материкѣ Европы перевѣсъ оставался еще въ теченіе довольно продолжительнаго времени на сторонѣ Людовика XIV, но въ 1695 году Вильгельмъ отнялъ у него Намюръ. Въ 1697 году Людовикъ вынужденъ былъ согласиться на мирный договоръ въ Рисвикѣ (срав. томъ VII, стр. 511), по которому онъ отказался отъ своихъ завоеваній и призналъ королемъ Вильгельма.

Какъ только былъ заключенъ миръ съ Франціей, англичане направили всю свою энергію на борьбу съ клонящейся къ упадку Испаніей. Однако двѣ морскія экспедиціи, предпринятія ими противъ испанской Средней Америки, оказались недостаточны сильными, такъ что оба раза испанцамъ удалось безъ труда прогнать англійскій флотъ. Между тѣмъ скончался 1 ноября 1700 года испанскій король Карлъ II; теперь для Испаніи стало невозможнымъ угрожать болѣе или менѣе серьезнымъ образомъ англійскимъ колоніямъ. Вильгельмъ, вмѣшавшійся еще раньше въ вопросъ о предстоявшемъ раздѣлѣ испанскихъ владѣній (томъ VII, стр. 506), былъ такимъ образомъ втянутъ въ смуты, вызванныя на европейскомъ материкѣ войной за испанское престолонаслѣдіе. Людовикъ XIV зналъ въ точности уязвимыя мѣста своего противника: въ февралѣ 1701 года онъ осадилъ пограничныя крѣпости испанскихъ Нидерландовъ. Для Вильгельма это послужило желаннымъ поводомъ къ приведенію своей

англійской арміи на военную ногу. Вмѣстѣ съ тѣмъ опъ примкнулъ въ сентябрѣ къ союзу державъ европейскаго материка противъ Людовика и отправилъ въ качествѣ главнокомандующаго въ Нидерланды снова понава-шаго къ нему въ милость Марльборо.

В. Королева Анна (отъ 1702 до 1714 года).

19 марта 1702 года король скончался внезапно вельдствие ушиба при паденіи. Его преемникомъ на престолѣ стала его невѣстка Анна, на которую Марльборо оказывалъ рѣзкое вліяніе при посредствѣ своей супруги Сарры. Марльборо бросился съ своей арміей въ промежутокъ между Людовикомъ и восточными державами европейскаго материка и отрѣзалъ Людовика отъ Нидерландовъ и его союзника, Баваріи, посредствомъ двухъ походовъ, а принцъ Евгенийъ велъ въ это время войну въ Италіи. Затѣмъ Марльборо соединился съ Евгениемъ и разбилъ французовъ 18 августа 1704 года при Гехштедтѣ и Блиндгеймѣ (Блендгеймѣ, смотри таблицу, прилож. къ стр. 524 VII тома); при этомъ Марльборо подчинился добровольно высшему военному генію принца Евгения. Еще раньше того Португалія перешла на сторону Англии, а въ 1704 году сэръ Джорджъ Рукъ сталъ твердой ногой на испанской территоріи; по его приказу былъ взятъ Гибралтаръ, а вскорѣ послѣ того и Барселона. 23 мая 1706 года Марльборо разбилъ французовъ при Рамилли, а Евгенийъ нанесъ имъ пораженіе при Туринѣ 7 сентября. Попытка къ захвату Тулона въ 1707 году окончилась неудачей, но 11 июля 1708 года Марльборо разбилъ французовъ при Оуденаарде въ то время, какъ адмиралъ Джемсъ Стенгопъ взялъ островъ Минорку. Въ Гаагѣ были начаты мирные переговоры, но они не привели ни къ какому результату. Людовикъ снова выставилъ въ поле армію, но принцъ Евгенийъ разбилъ его съ помощью Марльборо при Малъплаке 11 сентября 1709 г.

Англія была мало заинтересована въ южно-европейскихъ спорахъ изъ-за престолонаследія, и безъ партійнаго вліянія Марльборо на королеву игра въ войну едва ли продолжалась бы такъ долго; но въ 1710 г. Марльборо лишился въ значительной степени своего вліянія при дворѣ, а въ началѣ 1712 г. ояъ впасть окончательно въ немилость. Наконецъ былъ заключенъ Утрехтскій мирный договоръ (11 апрѣля и 13 іюля 1713 г.), по которому Нидерланды сохранили въ неприкосновенности свою юго-западную границу съ Франціей; Англія приобрѣла Гибралтаръ и Минорку, а Франція обѣщала срыть угрожающія Англии укрѣпленія Дюнкирхена. Въ разумномъ сознаніи того, что для нея невыгодны владѣнія на противоположномъ берегу материка, такъ какъ они заставили бы ее выйти изъ своихъ естественныхъ границъ, Англія настояла на расширеніи своихъ владѣній въ Америкѣ, такъ какъ тамъ территоріальныя уступки не были такъ тягостны для остальныхъ державъ. Она приобрѣла побережье Гудзонова залива, Новую Шотландію, Ньюфаундлендъ и Землю св. Христофора. Кроме того Англія заключила съ Франціей соглашеніе, въ силу котораго подданнымъ обѣихъ этихъ государствъ предоставлялись одинаковыя права во всемъ, что касается торговли; наибольшія выгоды отъ этого соглашенія должны были достаться на долю Англии, такъ какъ ея торговля была болѣе обширна. Отъ Испаніи Англія приобрѣла 13 іюля монополію торговли рабами, вывозившимися изъ Африки въ испанскія колоніи Южной Америки, и право отправлять ежегодно къ перешейку между Сѣверной и Южной Америкой одинъ корабль съ 600 тоннами товаровъ. Главный же результатъ, достигнутый англичанами, заключался въ томъ, что морскія силы Франціи потеряли значеніе равнаго по силѣ соперника англійскихъ, а нидерландскія морскія силы пришли въ упадокъ.

Королева Анна симпатизировала торійской партіи и благодаря своей

торійской политикѣ добилась отъ своей страны всѣхъ необходимыхъ жертвъ въ видѣ налоговъ и займовъ. Безпринципный Марльборо перешелъ тоже къ торійской партіи въ 1702 г. и былъ награжденъ за это герцогскимъ титуломъ. Но въ 1708 г., когда у кормила правленія стали виги, которые провели въ министры членовъ своей партіи вопреки желанію королевы Анны, онъ сталъ снова вигомъ и оставался въ этой партіи до паденія этого министерства, послѣдовавшаго въ 1710 г. Новая эпоха отвернулась отъ религіозной борьбы и направила свое вниманіе на реальныя условія дѣйствительной жизни; вмѣсто провозглашенія новыхъ религіозныхъ формъ стали искать коммерческихъ выгодъ. Милтонъ уступилъ свое мѣсто самому выдающемуся фельетонисту Англій Джозефу Аддисону, въ теченіе цѣлаго человѣческаго поколѣнія пользовавшемуся громаднымъ моральнымъ престижемъ въ глазахъ англійской буржуазіи вмѣстѣ съ Ричардомъ Стилемъ, а Джонатанъ Свифтъ давалъ чувствовать жало своей сатиры поочередно то торіямъ, то вигамъ.

Со времени своего присоединенія къ Англій Шотландія предприняла борьбу за уравниеніе въ правахъ своихъ гражданъ съ англійскими, но въ области торговли англичане оставались глухими ко всѣмъ требованіямъ шотландцевъ. Единбургскій парламентъ потерялъ терпѣніе и издалъ въ 1703 г. законъ, въ силу котораго шотландская корона должна была достаться послѣ смерти Анны не англійскому королю, а отдѣльному шотландскому монарху. Въ виду всеобщаго возбужденія королева не рѣшилась отказаться отъ утвержденія этого закона, но англійскій парламентъ былъ безусловно противъ раздѣленія обѣихъ половинъ острова; послѣ кратковременной юридической и таможенной борьбы Шотландіи была предоставлена свобода торговли и равноправіе въ торговыхъ дѣлахъ, а въ началѣ 1707 г. Шотландія согласилась на окончательное объединеніе съ Англійей въ одно Великобританское королевство. Съ этихъ поръ она стала посылать 45 членовъ въ англійскій парламентъ, но сохранила свою собственную церковь, свое собственное право и свои собственные укрѣпленія.

Напротивъ того, въ Ирландіи, которая еще въ теченіе долгаго времени лишена была возможности присоединиться къ Великобританіи въ качествѣ равноправной составной части королевства, продолжали бушевать религіозные раздоры. Англія оказалась настолько недалеконидной, что оттолкнула отъ себя ирландцевъ, не исключая и жителей Ирландіи англійскаго происхожденія, своей враждебной торговой политикой. Въ Англію не допускались ирландскій рогатый скотъ, ирландскія овцы и свиньи, ирландская говядина, баранина и свинина, ирландское масло и ирландскій сыръ. Когда ирландцы налегли послѣ этого на производство шерстяныхъ товаровъ, то былъ запрещенъ вывозъ этихъ товаровъ во всѣ страны за исключеніемъ Англій.

9. Возникновеніе Ганноверской династіи.

А. Георгъ I (отъ 1714 до 1727 г.).

Королева Анна скончалась 12 августа 1714 г. Такъ какъ Софія, супруга курфюрста Ганноверскаго, скончалась незадолго до смерти Анны (19 июня), то преемникомъ Анны на королевскомъ престолѣ сталъ подъ именемъ Георга I сынъ Софій, который былъ съ 23 января 1698 курфюрстомъ Ганноверскимъ. Въ противоположность своей матери, которая симпатизировала исключительно торіямъ, Георгъ I былъ яримъ вигомъ. Однако его незнакомство съ англійскимъ языкомъ лишило его возможности активнаго участія въ дѣлахъ правленія. Съ своими министрами онъ вынужденъ былъ объясняться на латинскомъ языкѣ; поэтому онъ

избѣгаль участія въ засѣданіяхъ министерства, которое высвободилось окончательно изъ-подъ вліянія короля, тѣмъ болѣе, что виги составляли большинство въ обѣихъ палатахъ. Предводители торіевъ были устранены, а послѣ того какъ крайніе торіи подняли возстаніе въ пользу сына Якова II, молодого претендента Якова III, вся партія торіевъ подверглась разгрому. Сомнѣваясь въ результатѣ новыхъ выборовъ, состоявшее изъ виговъ парламентское большинство 1716 года удлинило сессію парламента на цѣлыхъ 10 лѣтъ, но уже въ 1717 году оно распалось само на двѣ партіи съ Робертомъ Уалполемъ и Чарльзомъ Спенсеромъ, графомъ Сондерландомъ, во главѣ. Въ томъ же году дѣло дошло до столкновения между королемъ и министрами по вопросамъ внѣшней политики, такъ какъ Георгъ собирался потратить англійскія средства на защиту Ганновера. 2 августа 1718 года Англія заключила „четверной союзъ“ („Quadruple alliance“) съ Австріей и Франціей. Предполагалось также и несостоявшееся въ дѣйствительности присоединеніе къ нему Голландіи; союзъ этотъ былъ направленъ противъ Испаніи (срав. томъ VII, стр. 522), и главная цѣль его заключалась въ огражденіи утрехтскаго мирнаго договора; 11 августа англійскій флотъ подъ начальствомъ Джорджа Бинга уничтожилъ испанскій недалеко отъ мыса Пассаро у береговъ Сициліи. Эта побѣда повлекла за собой расширеніе торговыхъ сношеній между Англіей и Америкой.

Однако черезъ короткое время на Англію обрушился экономическій кризисъ, повлекшій за собой въ 1721 году крушеніе южно-океанійской компаніи, поставившій вторично Уалполя во главѣ правительства въ качествѣ перваго лорда казначейства и давшій ему случай обнаружить свои экономическіе таланты. Паденіе названной компаніи вызвало такую сильную панику, что Уалполь сыгралъ роль спасителя отечества, и на новыхъ выборахъ въ парламентъ, состоявшихся въ 1722 году, виги получили опять большинство. Несомнѣнный, несмотря на этотъ крахъ, подъемъ торговли вызвалъ такой приливъ людей въ ряды промышленнаго класса, состоявшаго главнымъ образомъ изъ виговъ, что торіи оказались не въ силахъ устоять противъ своихъ соперниковъ, и укрѣпленіе этой партіи въ будущемъ стало возможнымъ лишь въ томъ случаѣ, если національное несчастье усилитъ консервативныя теченія въ народѣ. Уалполь былъ первымъ въ англійской исторіи министромъ, который настолько превосходилъ своихъ сотоварищей, что сталъ ихъ безспорнымъ главою. Онъ былъ первымъ англійскимъ премьеръ-министромъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

Б. Георгъ II (отъ 1727 до 1760 года).

Георгу I, скончавшемуся 22 іюня 1727 года, наследовалъ его сынъ, Георгъ II. Между тѣмъ Гепри Сентъ Джонъ висконтъ Болингброкъ далъ прочную организацію торіейской партіи; хотя эта партія была устранена изъ палаты лордовъ, тѣмъ не менѣе она боролась съ вигами черомъ, а подходящимъ объектомъ для ея нападеній послужила всеобщая подкупность, такъ какъ Уалполь былъ безспорно докой въ этомъ отношеніи. Англія еще не была обезпечена отъ вышеназваннаго претендента изъ династіи Стюартовъ; англичанамъ пришлось еще разъ пустить въ ходъ оружіе для того, чтобы разбить при Кулмоденѣ 27 апрѣля 1746 года и изгнать изъ своего отечества сына этого претендента, Карла Эдуарда. Однако эта попытка Стюартовъ была послѣдней. Хотя Яковъ (III) скончался только 12 января 1766 года, а Карлъ Эдуардъ 30 января 1788 года, тѣмъ не менѣе династія Стюартовъ не предпринимала уже больше никакихъ агрессивныхъ дѣйствій противъ англійской короны. Опытъ образумилъ Стюартовъ, по французскіе Бурбоны оказались впоследствии не столь податливыми.

Англія воздержалась изъ благоразумія отъ всякаго участія въ международныхъ столкновеніяхъ, происходившихъ на европейскомъ материкѣ, а направила все свое вниманіе на свою торговлю съ западомъ. Англійскіе купцы уже не занимались морскимъ разбоемъ, но вели вмѣсто этого оживленную торговлю своими дешевыми контрабандными товарами съ испанскими колоніями въ Америкѣ, жители которыхъ предпочитали эти контрабандные товары продававшимся по высокой цѣнѣ испанскимъ продуктамъ. Въ отместку испанцы останавливали всякое попадавшееся имъ навстрѣчу британское судно и искали на немъ контрабандныхъ товаровъ. Въ 1739 г. Испанія отказалась въ теоріи отъ права обыскивать англійскія суда, но возмущеніе англичанъ противъ прежнихъ насилій надъ англійскими торговыми судами было такъ велико, что дѣло дошло до войны еще ранѣе конца того же 1739 г. Англійскіе адмиралы грабили принадлежавшіе испанцамъ берега Нового Свѣта; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ испанцамъ, однако, удавалось отражать ихъ набѣги. Въ 1743 г. Георгъ II дрался съ французами во главѣ арміи, состоявшей изъ ганноверцевъ и гессенцевъ (27 іюня „прагматическая армія“ одержала побѣду при Деттингенѣ на рѣкѣ Майпфѣ). Въ отвѣтъ на это Франція объявила Англии войну въ 1744 г., не доводя, однако, своихъ непріязненныхъ дѣйствій до нападенія на берега самой Англии. 12 мая 1745 г. французы подъ начальствомъ маршала Морица Саксонскаго одержали побѣду надъ герцогомъ Августомъ Кумберлендскимъ при Фонтенуа. Однако, такъ какъ Англія все еще держала въ своихъ рукахъ господство на морѣ, то Ахенскій мирный договоръ 18 октября 1748 года не далъ никакихъ выгодъ ни той, ни другой изъ воюющихъ сторонъ.

Въ теченіе долгаго времени Англія находилась въ зависимости, хотя и въ незначительной степени, отъ привоза хлѣба изъ-за границы. Въ виду этого господство надъ морскими путями, по которымъ шелъ этотъ привозъ, впервые пріобрѣло для нея значеніе жизненнаго вопроса. Однако теперь ея положеніе стало болѣе независимымъ вслѣдствіе увеличенія производительности земель самой Англии. Значительное удешевленіе желѣза въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія повело къ распространенію желѣзныхъ орудій въ сельскомъ хозяйствѣ. Почва стала распахиваться плугомъ вдвое глубже прежняго. Желѣзная мотыга проникла въ почву по собственной тяжести вчетверо глубже, чѣмъ деревянная лопата. Будучи разрыхляема болѣе основательно и приходя въ соприкосновеніе съ кислородомъ воздуха, почва стала давать урожай на $\frac{1}{4}$ больше прежняго. До того времени даже самая плодородная почва оставалась подъ паромъ черезъ каждые два года на третій; теперь же оказалось, что на третьемъ году она даетъ хорошіе урожан картофеля; это растеніе уже давно было ввезено изъ Америки въ Европу испанцами, но питательное значеніе его клубней стало извѣстно преимущественно благодаря Дрэку въ 1596 г. Къ разведенію картофеля присоединилось разведеніе рѣпы, распространившееся съ 1730 года преимущественно благодаря трудамъ лорда Чарльза Таунсенда. Обѣ эти культуры въ свою очередь оказали сильное вліяніе на скотоводство. Листья рѣпы облегчили прокормленіе большихъ стадъ въ теченіе лѣта, а картофель далъ возможность откармливать свиней въ хлѣву и бить ихъ только въ концѣ зимы. Безъ всякаго увеличенія издержекъ свиномъ стали давать теперь на $\frac{1}{3}$ большій доходъ мясомъ и саломъ. Правда, въ примѣненіи къ рогатому скоту и овцамъ этотъ способъ кормленія не давалъ такихъ блестящихъ результатовъ, но все же улучшеніе зимняго корма этихъ домашнихъ животныхъ принесло свою пользу. Понемногу накоплялся опытъ, доказывавшій, что посредствомъ искусственнаго отбора самыхъ жирныхъ особей и ихъ употребленія въ качествѣ производителей улучшается качество мясного скота; до того же времени на убой шли самыя жирныя животныя.

а тощія употреблялись для полевыхъ работъ и для полученія приплода. Благодаря этимъ усовершенствованіямъ Робертъ Бэкуэль могъ заняться въ 1755 г. систематически скотоводствомъ и овцеводствомъ въ обширныхъ размѣрахъ. Всѣ эти улучшенія были достигнуты постепенно, такъ какъ они требовали значительныхъ издержекъ. Желѣзныя орудія все еще стоили недешево. Мелкіе земледѣльцы привыкли искони выращивать сами потребныя для нихъ сѣмена и боялись теперь расходовъ на приобрѣтеніе сѣмянъ картофеля и рѣпы, а для обзаведенія облагороженнымъ, породистымъ скотомъ требовались непосильныя для нихъ средства. Въ то время, какъ для болѣе крупнаго землевладѣльца лишніе расходы возмѣщались уже тѣмъ, что желѣзныя орудія давали ему возможность распахать съ выгодой худшія пастбищныя земли, для мелкаго землевладѣльца это обстоятельство не могло идти въ счетъ. Несмотря на это, излишекъ производимыхъ въ Англіи питательныхъ средствъ по сравненію съ прежними временами былъ такъ великъ, что на ряду съ паденіемъ хлѣбнаго ввоза численность народонаселенія Англіи и Уэльса поднялась между 1700—1750 гг. отъ 5 до 6 милліоновъ, достигло 8 милліоновъ въ 1780 г. и 9 милліоновъ въ 1801 г. Народонаселеніе Англіи почти удвоилось въ теченіе XVIII столѣтія. Однимъ словомъ, въ земледѣліи и торговлѣ Англія опередила материкъ на цѣлое поколѣніе и того больше. Такъ какъ она успѣвала превращать постоянно въ политическую силу все болѣе повышающійся процентъ своихъ народныхъ силъ, то одновременно съ этимъ внутреннимъ подъемомъ возросло также на долгое время значеніе Англіи въ концертѣ европейскихъ народовъ.

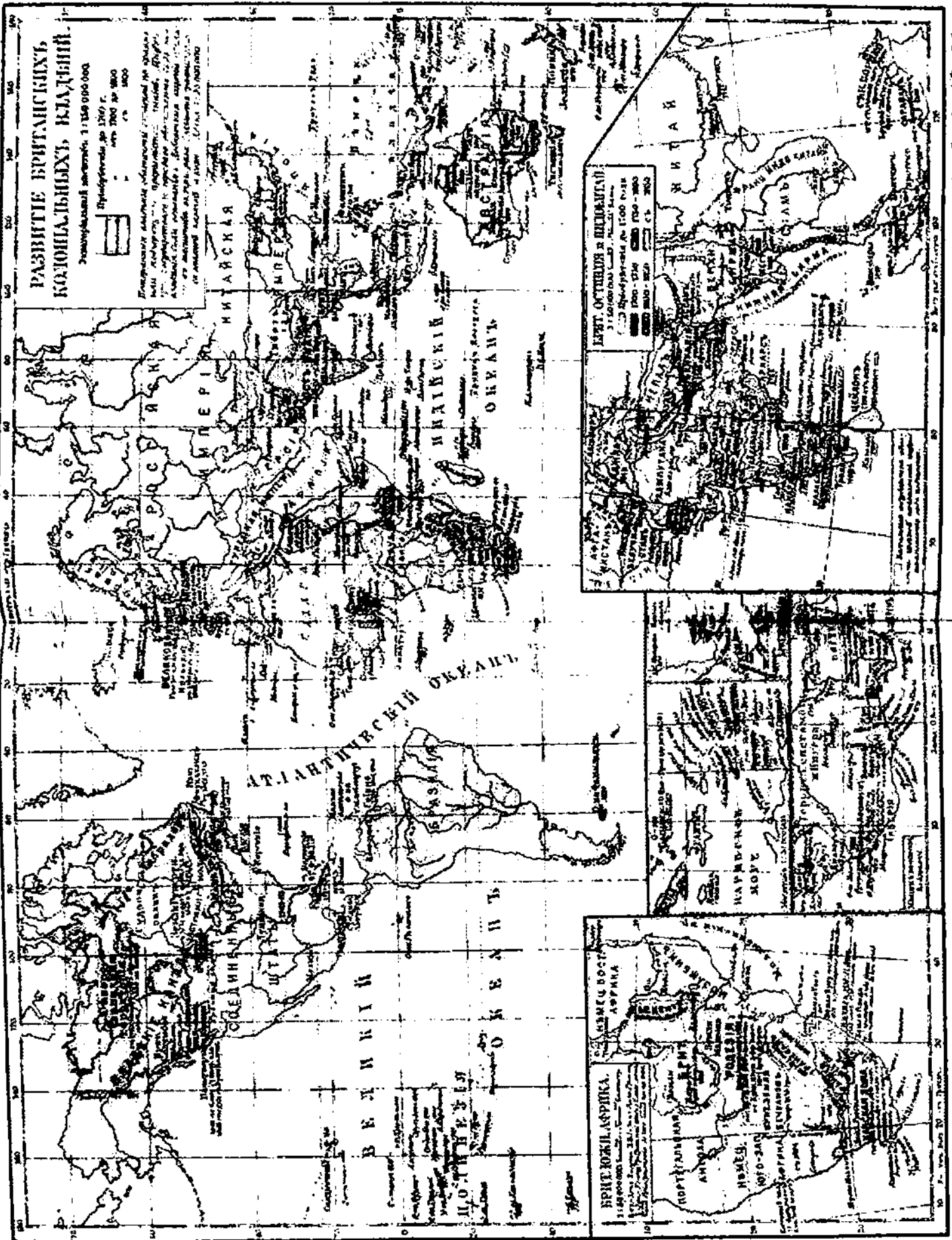
Георгъ II былъ такимъ же призрачнымъ королемъ, какъ и Георгъ I. Хотя онъ и говорилъ на англійскомъ языкѣ, но все же онъ заранѣе пріучилъ себя къ той мысли, что государствомъ управляютъ министры, а не онъ. Его разумъ охотно принесъ эту жертву его чувствамъ, такъ какъ ни его умъ, ни его чувства не опирались на сильную волю. Подобно тому, какъ въ религіозномъ міросозерцаніи того времени чувство отступало на задній планъ предъ разумомъ и выступало на защиту отвлеченнаго деизма, ничего не говорящаго сердцу (т. VII, стр. 351) и исключавшаго всякую личную связь между человекомъ и объектомъ его почитанія, такой же самый процессъ совершался также въ душѣ многочисленныхъ отдѣльныхъ представителей той эпохи; правда это религіозное направленіе повлекло за собою естественную реакцію въ видѣ піетизма, но воздѣйствіе этого послѣдняго распространялось на слишкомъ малочисленный кругъ людей даже въ Англіи, въ которой укоренилось на долгое время вліяніе такого религіознаго пропагандиста, какъ Джонъ Уэслей, начало дѣятельности котораго относится къ 1739 г.

Въ англійской полпикѣ преобладалъ исключительно холодный расчетъ, и главнымъ двигателемъ ея стали векоръ денежные расчеты, до того времени игравшіе въ ней только случайную роль. Въ 1754 г. въ Америкѣ произошли новыя колониальныя столкновенія между Англіей и Франціей. Въ іюнь 1755 г. дѣло дошло до войны между обоими этими государствами, а на европейскомъ материкѣ началась еще черезъ годъ семилѣтняя война. Уильямъ Питтъ Старшій (срав. ниже, стр. 684), главная задача котораго сводилась къ тому, чтобы связать руки Франціи на европейскомъ материкѣ и чтобы у нея не оставалось лишнихъ военныхъ силъ для борьбы на морѣ и для защиты своихъ колоній, поддерживалъ Фридриха Великаго (по Вестминстерскому договору, заключенному 16 января 1756 г. и возобновленному 11 января 1757 и 11 апрѣля 1758 г.) денежными субсидіями и вспомогательными войсками, сражавшимися подъ знаменами Фердинанда Брауншвейскаго, а послѣ потери Минорки въ 1756 г. онъ приказалъ англійскому флоту начать наступательныя дѣйствія противъ морскихъ береговъ Франціи. Хотя ему не удалось взять Рошфора и залива

Сенъ-Кастъ, все же онъ имѣлъ нѣкоторый успѣхъ въ Сенъ-Мало и Шербургѣ. Когда Франція предприняла въ 1759 году нападеніе на Ирландію, то по приказу Питта Гавръ былъ подвергнутъ бомбардировкѣ; французскія грузовыя суда были разрушены, та часть военнаго флота, которая находилась зъ открытомъ морѣ, была уничтожена (20 ноября), а остальные французскія военныя суда были заперты въ Брестъ. Когда эти послѣднія вынуждены были выйти въ море во время бури, то они тоже были пущены ко дну англичанами.

Такимъ образомъ Питтъ развязалъ себѣ руки для двухъ колониальныхъ войнъ (смот. прилож. карту: „Развитіе британскихъ колониальныхъ владѣній“). Въ Индіи Франція находилась въ 1744 году (стр. 674) въ безусловно болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ Англія. Она обладала тамъ болѣе значительными военными силами, располагавшими двумя превосходными опорными пунктами на островѣ св. Маврискія и въ Пондичерри; она заняла принадлежавшій Англіи Мадрасъ и отстояла Пондичерри въ борьбѣ съ сухопутными и морскими силами Англіи. Тѣмъ не менѣе Франція возвратила обратно Англіи Мадрасъ по Ахенскому мирному договору, заключенному въ 1748 году. Съ этихъ поръ вліяніе французской колоніи въ Индіи стало распространяться вглубь материка, и она подчинила своей верховной власти цѣлый рядъ мелкихъ владѣтельныхъ князей въ то время, какъ вліяніе Англіи, единственнымъ представителемъ котораго все еще оставалась Остъ-Индская компанія, сильно уступало французскому, пока среди англичанъ не объявился крупный военный талантъ въ лицѣ Роберта Клайва, купеческаго приказчика въ Мадрасѣ, который подчинилъ англійскому господству въ 1753 году, благодаря своей храбрости и уму, юговосточную часть Передней Индіи (томъ II, стр. 454). Во время второго своего похода, продолжавшагося отъ 1756 до 1761 года, онъ разбилъ 23 іюня 1757 года благодаря поддержкѣ королевскихъ войскъ при Плассеи бенгальскаго царя Сурадждъ Эдъ-Даулахъ (томъ II, стр. 456). Въ 1761 году онъ одержалъ рѣшительную побѣду надъ французами, благодаря которой городъ Пондичерри попалъ въ руки англичанъ.

Въ Сѣверной Америкѣ Франція принадлежали Канада, Луизиана и цѣлый рядъ укрѣпленныхъ пунктовъ, расположенныхъ между обѣими этими областями. На этомъ обширномъ пространствѣ находились 13 отдѣльныхъ земледѣльческихъ колоній, простиравшихся отчасти далеко на западъ по теченію рѣки Огеёно. Въ 1754 году споры изъ-за долины рѣки Огеёно послужили поводомъ къ столкновенію между англійскими и французскими колонистами. Споръ шелъ изъ-за весьма важнаго владѣнія; тотъ, въ чью пользу онъ разрѣшится, пріобрѣтаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ господство надъ всей громадной долиной рѣки Миссисипи и долинами его притоковъ. Мало того, при подходящихъ условіяхъ обладаніе долиной рѣки Огеёно уже предрѣшало вопросъ о томъ, будетъ ли Сѣверная Америка принадлежать французской или англійской расѣ. Французскіе колонисты устраивали обыкновенно крѣпости у горныхъ проходовъ и у развѣтленийъ долинъ; они обладали достаточными силами для защиты этихъ крѣпостей, такъ какъ за ихъ спиной стояли государственныя силы Франціи. Англія предоставляла всѣ дѣла колоній частнымъ предпринимателямъ или въ крайнемъ случаѣ привилегированнымъ компаніямъ, а правительство метрополи не оказывало имъ никакой военной помощи; но теперь, когда Франція основала фортъ Дюкенъ, который долженъ были господствовать надъ долиной рѣки Огеёно (смотри маленькую карту, помѣщенную справа и сверху надъ картами, приложен. къ 512 стр. I тома), Англія отравила для разрушенія этого форта генерала Эдуарда Брэддока, но этотъ послѣдній погибъ вмѣстѣ со всѣмъ своимъ войскомъ. Англія стала метить за это пораженіе нападеніями на французскія суда, Франція платила ей тѣмъ же. Наконецъ, въ 1758 году въ руки англичанъ попалъ не только фортъ Дюкенъ.

РАЗВИТИЕ БРИТАНСКИХ КОЛОНИАЛЬНЫХ ВЛАДЕНИЙ

Эквивалентный масштаб: 1:100 000 000

Приобретены до 1700 г.
 от 1700 до 1800
 с 1800

Дорожные линии обозначены: черной — железной, синей — морской, красной — автомобильной, желтой — воздушной. Штриховка: черная — территории, принадлежавшие Великобритании в 1700 г.; белая — территории, принадлежавшие Великобритании в 1800 г.; серая — территории, принадлежавшие Великобритании в 1900 г.

ЗАПАДНЫЕ ИНДИИ И КАРИБИАНСКИЙ МОРЕ

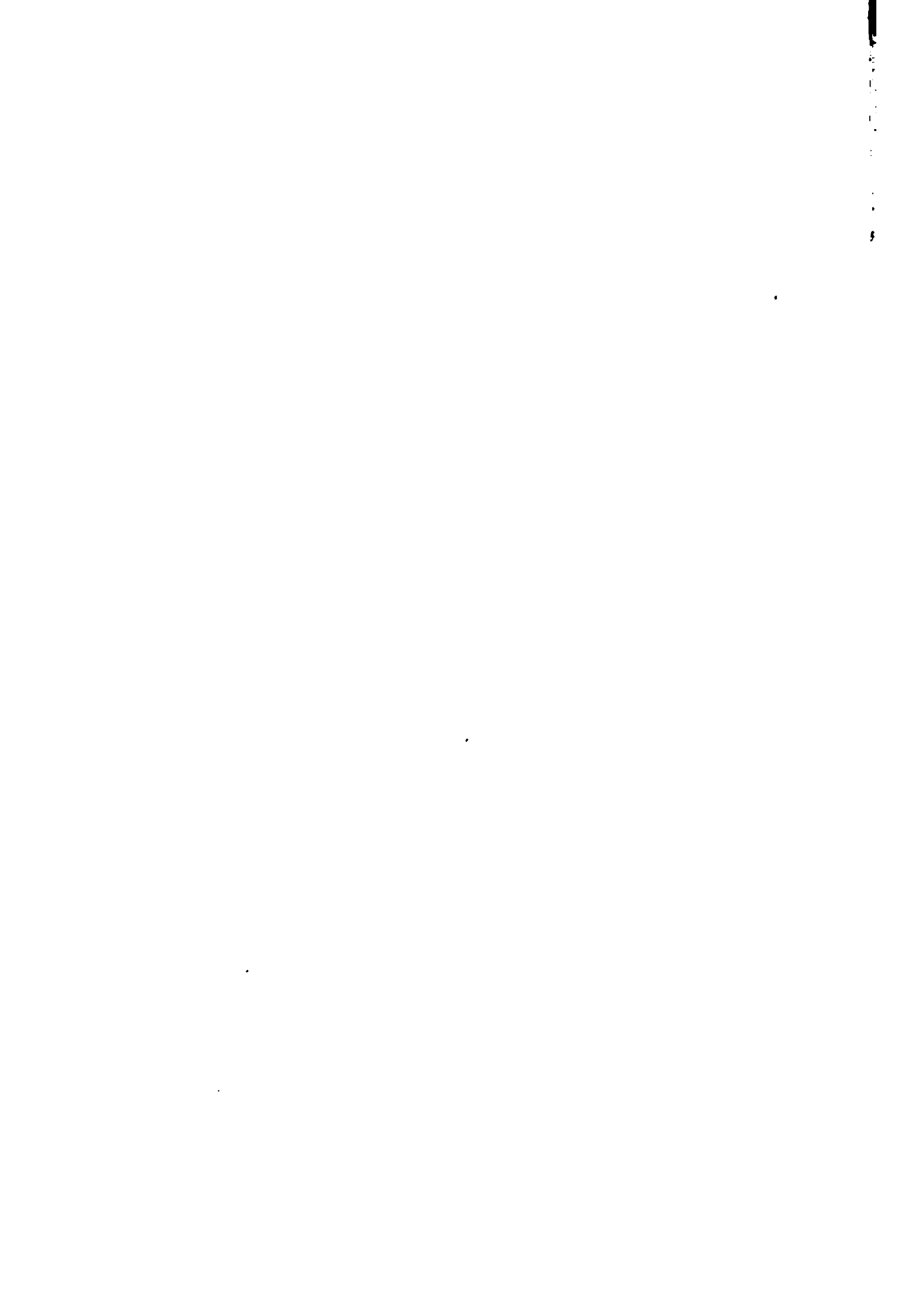
Эквивалентный масштаб: 1:10 000 000

Приобретены до 1700 г.
 от 1700 до 1800
 с 1800

ВАСАЛЫ ВОСТОКА

Эквивалентный масштаб: 1:10 000 000

Приобретены до 1700 г.
 от 1700 до 1800
 с 1800

но и Луизиана благодаря тому, что английскія войска, которыя сами по себѣ были сильнѣе французскихъ по своей численности, получили еще существенное подкрѣпленіе со стороны колониальной милиціи. Въ 1759 году англичане одержали такую же побѣду и въ Канадѣ; единственнымъ достойнымъ усилій объектомъ для нападенія въ этой области могла служить только ея столица Квебекъ, обладавшая благопріятнымъ отъ природы положеніемъ на образуемомъ рѣкою полуостровѣ и сильно укрѣпленная. Английскія войска пытались подойти къ этому городу съ трехъ сторонъ; но только одному изъ этихъ отрядовъ удалось достигнуть своей цѣли. 13 сентября Джемсъ Уольфъ одержалъ побѣду подъ Квебекомъ, но онъ самъ палъ въ бою. Городъ сдался черезъ пять дней (срав. томъ I, стр. 418). Въ 1760 году уже вся Канада была въ рукахъ англичанъ.

Въ 1761 году Питтъ, стоявшій во главѣ правительства, узналъ, что Испанія собирается объединиться съ Франціей при посредствѣ „Семейнаго трактата Бурбоновъ“, заключеннаго 15 августа. Онъ сейчасъ же сдѣлалъ попытку добиться такого мирнаго соглашенія съ Франціей, по которому Англія могла получить значительныя территориальныя уступки. Однако этому воспротивился не только король Георгъ III, но и парламентъ. Тогда Питтъ сталъ настаивать на объявленіи войны Испаніи, но его предложеніе не было принято. Сильно раздраженный этимъ, онъ вышелъ въ отставку (5 октября). Тѣмъ не менѣе война все же была объявлена Испаніи 2 января 1762 г. Испанскій флотъ теперь уже не могъ сравниться съ английскимъ, и британцы заняли Кубу и Манилью. 3 ноября въ Парижѣ состоялось предварительное мирное соглашеніе, а 10 февраля 1763 г. тамъ же былъ заключенъ окончательный мирный договоръ. Англія, покінувшая позорно на произволъ судьбы своего лучшаго союзника, короля прусскаго Фридриха Великаго, упрочила за собою по этому мирному договору обладаніе большею частью завоеванныхъ ею территорій: Канадой, Новой Шотландіей, Кань-Бретонемъ, Миноркой, берегами рѣки Сенегала и многими изъ Вестъ-Индскихъ острововъ. Мало того, Испанія уступила ей Флориду въ то время, какъ Франція была вынуждена уступить Испаніи Западную Луизиану. Взамѣнъ Флориды Испанія получила обратно Кубу и Манилью; Франція получила обратно тѣ города въ Остъ-Индіи, которые были отняты у нея послѣ 1749 г. Англія все еще ставила свои сѣверо-американскія колониальныя владѣнія гораздо выше остъ-индскихъ, не подозревая, что она пріобрѣтаетъ ихъ лишь затѣмъ, чтобы лишиться ихъ обратно черезъ короткое время въ то время, какъ въ Индіи зарождалась подвластная ей имперія, которая существуетъ уже болѣе 100 лѣтъ.

10. Царствованіе Георга III (отъ 1760 до 1820 г.).

25 октября 1760 г. на английскій престолъ вступилъ послѣ смерти Георга II его внукъ Георгъ III. Судьба сулила ему шестидесятилѣтнее царствованіе, захватившее значительную часть повѣйшаго историческаго періода и закончившееся незадолго передъ смертью Наполеона I. Благодаря своему собственному твердому характеру и великимъ событіямъ современной ему эпохи онъ не былъ королемъ только по внѣшности подобно своимъ двумъ ближайшимъ предшественникамъ, но вмѣшивался порою самъ въ ходъ событій, пока, наконецъ, его разсудокъ не сталъ затемняться сначала на время (1765, 1788 и 1804 гг.), и онъ не впалъ, наконецъ, въ постоянное слабоуміе (въ 1810 г.). Подъ вліяніемъ французской революціи при немъ произошелъ поворотъ во внутренней политикѣ Англій отъ либерализма къ консерватизму, или, какъ выражались тогда, отъ виговъ къ новымъ торіямъ.

А. Начальныя ступени англійской промышленности.

Во внутренней политической жизни Англии были налицо все условия, необходимыя для рѣзкаго поворота въ англійской промышленности, тѣмъ болѣе, что въ это время стали намѣчаться социальныя измѣненія громадной важности, настолько нарушавшія прежній строй жизни, что все консервативныя составныя части народа считали необходимымъ объединиться для борьбы съ ними. Въ 1733 г. Джонъ Кей изобрѣлъ самодѣйствующій ткацкій челнокъ, который далъ совершенно новый характеръ ткацкой промышленности и удвоилъ ея производительность. Раньше производство шерсти составляло одну изъ основныхъ чертъ англійскаго сельскаго хозяйства, но теперь уже прошелъ значительный промежутокъ времени съ тѣхъ поръ, какъ изъ Новаго Свѣта была ввезена хлопчатая бумага, и хлопчатобумажныя ткани стали черезъ короткое время гораздо дешевле шерстяныхъ; когда введеніе новаго ткацкаго челнока облегчило производство этихъ тканей, открылась возможность удовлетворить сильно увеличенному спросу, который не замедлилъ развиться. Половина женскаго населенія Англии все еще сидѣла за ручной прялкой, но все же она не была въ состояніи производить такую массу пряжи, какая требовалась для новой ткацкой промышленности. Рѣшивши, что невозможно больше полагаться на доставку пряжи въ нужномъ количествѣ, Джемсъ Гаргривсъ сталъ трудиться надъ той задачей, чтобы соединить вмѣстѣ механическимъ путемъ большое число прялокъ и пустить ихъ въ ходъ посредствомъ одного центрального двигателя. Въ 1764 г. онъ изобрѣлъ свою прядильную машину, давшую возможность одному прядильщику приводить въ движеніе больше 100 прялокъ. Сейчасъ же противъ этого новаго введенія ополчились все близорукіе люди. Сосѣди Гаргривса разбили его машину; самъ онъ спасся съ трудомъ отъ смерти (въ 1768 г.). Однако, не позже, какъ въ 1769 г., Ричардъ Аркрайтъ (см. его портретъ на табл., прил. къ стр. 118 VII т.) взялъ первый патентъ на усовершенствованную прядильную машину, приводимую въ движеніе водяной силой. Какъ только эта машина была поставлена, народная толпа сожгла его фабрику, но онъ отстроилъ ее снова и настоялъ упорно на примѣненіи водяной силы къ приведенію въ движеніе своихъ прялокъ. Въ 1779 году одинъ бѣдный ткачъ изобрѣлъ „ублюдковую“ прядильную машину. Эта послѣдняя тоже вызвала народное возмущеніе, но Кромптонъ былъ настолько предусмотрителенъ, что разобралъ ее по частямъ и спряталъ ея отдѣльныя части. Когда волненіе улеглось, онъ снова пустилъ въ ходъ свою машину, но въ концѣ концовъ онъ все-таки продалъ свой секретъ за 1.300 марокъ нѣсколькимъ владѣльцамъ прядильныхъ фабрикъ. Въ 1785 г. одинъ священникъ, Эдмундъ Картрайтъ, дополнилъ это изобрѣтеніе механическимъ ткацкимъ станкомъ, благодаря которому перебрасываніе челнока человеческой рукой стало примѣняться только въ очень узкихъ границахъ. Механической ткацкій станокъ получилъ въ томъ же году дальнѣйшее развитіе благодаря Джемсу Уатту (смотри фиг. 4 на той же таблицѣ), который открылъ новыя области примѣненія для пароваго насоса, уже неоднократно примѣнявшагося въ горныхъ шахтахъ. Уаттъ перенесъ движеніе поршня на колесо посредствомъ эксцентрическаго рычага и такимъ образомъ превратилъ это движеніе въ силу, удобную для передачи и примѣнимую ко всякаго рода машинѣ.

Общественный переворотъ, подготовленный этими изобрѣтеніями, былъ разностороненъ. Во-первыхъ, они привели къ ограниченію кустарной промышленности, пользовавшейся до того времени почти исключительно господствомъ, и привлекли рабочихъ въ такіе центры, въ которыхъ удобнѣе можно было поставить машины. Такъ какъ пріобрѣтеніе машинъ требовало денегъ, а для приведенія ихъ въ дѣйствіе были необ-

ходимы также и механики кромѣ прядильщиковъ и ткачей, то машинное производство замѣнило многочисленныя однообразныя кустарныя мастерскія относительно небольшимъ числомъ крупныхъ фабрикъ, въ которыхъ стало развиваться все болѣе прогрессирующее раздѣленіе труда. вмѣстѣ съ тѣмъ открылось громадное поприще для человѣческаго искусства и даже для простого неквалифицированнаго упорнаго труда. И до того времени ловкая прядильщица зарабатывала за день вдвое больше, чѣмъ лѣнвивая; но послѣ введенія машинъ производительность труда увеличилась уже не вдвое, а въ 50 разъ, но въ то же время неосторожный работникъ могъ причинить гораздо большій ущербъ на фабрикѣ, чѣмъ работая съ ручной прялкой или на ручномъ ткацкомъ станкѣ. Новый способъ труда нуждался на первыхъ порахъ въ меньшемъ количествѣ человѣческой силы, чѣмъ старый, и поэтому могъ себѣ позволить отобрать для себя наилучшихъ рабочихъ. Малоспособные рабочіе, которые не могли рѣшиться оторваться отъ своей ручной работы у одиночнаго станка и не были способны ни къ какому другому труду кромѣ чисто механическаго, не могли конкурировать съ фабричнымъ производствомъ и впали въ нищету, въ то время какъ ряды средняго сословія расширились сразу благодаря вступленію въ него наиболѣе производительныхъ рабочихъ. Народился новый разрядъ наемныхъ рабочихъ, фабричныя рабочіе. Отбросы рабочихъ ткацкой промышленности неоднократно пытались бороться силой противъ нововведеній, угрожавшихъ голодомъ всѣмъ менѣе ловкимъ рабочимъ, но болѣе искусныя рабочіе приспособились быстро къ новымъ условіямъ. Во-первыхъ, всѣ продукты ткацкой промышленности подешевели въ необычайной степени и стали такимъ образомъ доступными для самихъ рабочихъ. Это удешевленіе создало такой сильный спросъ, что потребление увеличилось въ 20 разъ и благодаря этому производство тканей стало занимать даже больше рукъ, чѣмъ раньше. Несмотря на двенадцатикратное увеличеніе производительной силы человѣческаго труда при посредствѣ машинъ XVIII вѣка. вмѣстѣ съ тѣмъ былъ нанесенъ, однако, тяжелый ударъ пряденію, какъ побочному занятію, и тѣ мелкія хозяйства, для которыхъ оно служило существеннымъ подспорьемъ, были придвинуты къ самому краю гибели. При всемъ томъ казалось, что вся эта социальная революція осуществится тихо и мирно. Возмущеніе болѣе косныхъ рабочихъ противъ нововведеній уступило мѣсто тупой покорности предъ неизбежнымъ мнимымъ злосчастьемъ, а благодаря непрерывному пріобрѣтенію новыхъ иностранныхъ рынковъ быстро растущее населеніе Великобританіи нашло примѣненіе своему труду въ промышленности.

Въ самой Англій примѣненіе паровой машины къ различнымъ отраслямъ промышленности вызвало громадное передвиженіе народонаселенія. До того времени главнымъ центромъ англійской промышленности была Южная Англія. Усовершенствованіе въ способахъ добыванія желѣза въ XVII столѣтіи привело къ значительному удешевленію этого металла въ Суссексѣ (стр. 675). Въ срединѣ XVII столѣтія лѣса этой области были истреблены; съ того времени начинаютъ добывать каменный уголь, и онъ входитъ въ употребленіе въ видѣ топлива. Новежуду стали хлопотать о примѣненіи угля къ выплавкѣ желѣзной руды. Одинъ вѣмецкій мастеръ, Симонъ Стуртевантъ, взявъ еще въ 1612 г. патентъ на добываніе желѣза посредствомъ угля; другому нѣмцу, доктору Блауштейну, впервые удалось осуществить на практикѣ выплавку руды посредствомъ каменнаго угля въ Стаффордширѣ. Съ 1750 г. исчезаютъ домныя печи, отапливаемыя древеснымъ углемъ, а когда въ 1784 г. была изобрѣтена пудлинговая печь, то древесный уголь былъ вытѣсненъ изъ употребленія также и въ производствѣ кованаго желѣза. Потребности въ подвозѣ угля къ мѣстамъ выплавки руды обязанъ своимъ происхожденіемъ Бриджуотерскій ка-

налъ (1758—1771 г.), соединившій Уорслейскія угольные шахты съ Манчестеромъ. Этотъ каналъ пересѣкалъ долины посредствомъ насыпей, проходилъ черезъ горы въ сводчатыхъ туннеляхъ, и его шлюзы считались даже 50 лѣтъ спустя образцомъ подобнаго рода сооруженій. Въ то время большія залежи угля были извѣстны только въ Сѣверной Англии. Туда перемѣстились фабрики съ паровыми машинами, потреблявшія гигантскія массы угля. Вслѣдъ затѣмъ началось движеніе рабочаго населенія съ юга на сѣверъ, продолжавшееся десятилѣтіями и создавшее крупные города Сѣверной Англии. Съ тѣхъ поръ, какъ Англія приютила у себя бѣжавшихъ отъ войны фламандцевъ и французскихъ гугенотовъ, она стала промышленнымъ центромъ Европы. Возникновеніемъ своихъ шерстяныхъ и шелковыхъ фабрикъ она была обязана фландрскимъ ткачамъ, а фаянсовое производство было создано въ Англии нидерландцами братьями Элерсами. Первая англійская бумажная фабрика была устроена въ Дартфордѣ пѣмцемъ изъ Верхней Германіи, по имени Шпильманомъ. Другой нѣмецъ, Готфридъ Боксъ изъ Люттиха, построилъ въ Дартфордѣ въ 1590 г. первую большую кузницу. Яррантонъ перенесъ въ Англію изъ Саксоніи вальцованіе олова. Фламандскіе рабочіе ввели въ Шеффилдѣ производство перочинныхъ ножей. Въ сферѣ примѣненія механической силы Англія опередила материкъ на цѣлыхъ два поколѣнія. Не удивительно, что она оберегала это свое преимущество съ крайнимъ рвеніемъ и въ то же время съ крайней близорукостью.

Б. Война за освобожденіе Соединенныхъ Штатовъ.

Подобно тому, какъ это дѣлала Испанія въ прежніе вѣка, Англія присвоила себѣ теперь монополию торговли со своими колоніями. Мало того, англичане зашли въ этомъ направленіи такъ далеко, что запретили всякое промышленное производство въ своихъ колоніяхъ для того, чтобы эти послѣднія вынуждены были покупать какъ можно больше англійскихъ товаровъ. Уже въ 1719 г. въ американскихъ колоніяхъ было запрещено шерстяное производство. Въ 1750 г. послѣдовало запрещеніе желѣзодѣлательной промышленности. Каждая американская колонія была лишена права ввозить въ другую даже шляпы. Несмотря на всѣ эти запрещенія американскія колоніи англичанъ вели довольно оживленную торговлю съ испанскими и французскими колоніями, но это была исключительно контрабандная торговля, сопряженная по временамъ съ большими потерями и поэтому сильно удорожавшая товары. При Георгѣ III была сдѣлана попытка къ окончательному уничтоженію этой контрабандной торговли. Во время семилѣтней войны въ американскихъ водахъ держалось много англійскихъ военныхъ судовъ, и этимъ было дѣйствительно достигнуто сильное сокращеніе контрабандной торговли, и въ то же время вслѣдъ за англійскими войсками въ американскія колоніи хлынулъ цѣлый потокъ англійскихъ товаровъ. Въ 1793 г. стоимость англійскаго вывоза равнялось 400 милліонамъ марокъ. Въ 1800 она достигла 700 милліоновъ, а въ 1815 г. она впервые перевалила за миллиардъ и достигла суммы въ 1,160 милліоновъ. Такой ростъ англійскаго вывоза объяснялся, можно сказать, безпредѣльной поглотительной способностью колоній.

Сама Англія довольствовалась нѣрѣдко въ мирное время 3,000 солдатъ; теперь же въ однихъ только сѣвероамериканскихъ колоніяхъ приходилось содержать постоянно войско численностью въ 10,000 человекъ, не говоря уже о затратахъ, вызванныхъ завоеваніемъ Канады и Луизианы. Для того, чтобы заставить американскія колоніи внести свою долю на покрытіе этихъ расходовъ, англійскій парламентъ рѣшилъ въ 1765 году ввести въ этихъ колоніяхъ гербовую пошлину. Отъ этой

пошлины ожидали дохода въ два милліона марокъ, какъ разъ достаточно для содержанія десяти тысячной колониальной арміи. Однако американцы отказывались отъ гербовой бумаги, а когда была сдѣлана попытка навязать имъ силой гербовую пошлину, то между ними стало замѣтно сильное броженіе. Поэтому парламентъ отменилъ обратно законъ о гербовыхъ маркахъ въ 1767 году, замѣнилъ ихъ ввозными пошлинами на стекло, краску, бумагу и чай; отъ этихъ пошлинъ ожидался доходъ, равный, по крайней мѣрѣ, половинѣ проектировавшейся гербовой пошлины; эта сумма предназначалась на уплату жалованья американскимъ губернаторамъ и судьямъ для того, чтобы поставить ихъ такимъ путемъ въ зависимость отъ англійскаго правительства. Американцы сговорились между собою не покупать обложенныхъ пошлиной товаровъ; таможенные чиновники подвергались насиліямъ, а американскіе судьи оправдывали виновниковъ этихъ насилій. Весь чистый доходъ отъ вновь введенныхъ таможенныхъ пошлинъ равнялся всего на всего 6,000 марокъ. Волею неволею англійскому правительству приходилось отменить ихъ. Дѣйствительно, всѣ онѣ были отменены за исключеніемъ пошлины на чай (томъ I, стр. 457).

Такимъ образомъ американскія колоніи дали понять англичамъ, что осуществляютъ верховную власть надъ 2,000,000 британскихъ колонистовъ, живущихъ за Атлантическимъ океаномъ — это на совѣтъ легкое дѣло для Англии. Во время Семилѣтней войны англичане уже успѣли убѣдиться на опытѣ, съ какими затрудненіями приходится бороться европейской арміи въ безлюдныхъ степяхъ и горныхъ лѣсахъ Сѣверной Америки. Надо было ждать еще болѣе тяжелыхъ затрудненій въ томъ случаѣ, если такой арміи придется считаться съ враждебнымъ настроеніемъ мѣстнаго населенія, какъ бы рѣдко оно ни было. Въ 1770 году англійскіе солдаты дали залпъ въ бостонскихъ гражданъ. Это событіе вызвало сейчасъ же возмущеніе въ городѣ, такъ что губернаторъ вынужденъ былъ удалить оттуда войска. Черезъ нѣсколько времени послѣ этого Остъ-Индская компанія сдѣлала попытку навязать бостонцамъ грузъ обложеннаго пошлиной англійскаго чая. Это вызвало такое сильное раздраженіе среди бостонцевъ, что они побросали въ море весь грузъ чая, находившіяся на суднѣ. Такимъ образомъ споръ между Англіей и ея американскими колоніями перешелъ на принципиальную почву. Американцы отказывались рѣшительно не только на словахъ, но и на дѣлѣ отъ какихъ бы то ни было пошлинъ, налагаемыхъ на нихъ метрополіей, а такой дальновидный англійскій политическій дѣятель, какъ Эдмундъ Боркъ, одобрялъ ихъ поведеніе. Тѣмъ не менѣе англійское правительство объявило блокаду бостонской гавани въ 1774 году, присвоило себѣ право назначать всѣхъ чиновниковъ колоніи Массачусетсъ и запретило всякія публичныя собранія безъ разрѣшенія губернатора. Генералъ Томасъ Гейдъ былъ назначенъ наместникомъ колоніи Массачусетсъ; эта колонія вмѣстѣ съ другими, основанными индейцами въ XVII столѣтіи, какъ-то: Нью-Гемпширомъ, Коннектикутомъ и Родъ-Айлендомъ, назывались общимъ именемъ „Новой Англии“, несмотря на то, что не существовало никакой политической связи между отдѣльными колоніями. Кромѣ этихъ колоній и обѣихъ Канадъ, непосредственно предъ тѣмъ отнятыхъ англичанами у французовъ, Англии принадлежали еще слѣдующія вновь основанныя американскія колоніи: Нью-Йоркъ, Пенсильванія, Нью-Джерси, Делаваръ, Мерилэндъ, Виргинія, Сѣверная и Южная Каролина и Георгія. Обѣ Канады и Георгія пока еще находились на самой первоначальной ступени развитія и не могли принять живого участія въ общеколониальныхъ вопросахъ. Что касается остальныхъ 12 колоній, то избраные ими депутаты собрались въ 1774 году въ Филадельфіи на „континентальный конгрессъ“ (томъ I, стр. 461). Разъ англійскій парламентъ позволилъ себѣ измѣнить

своей собственной властью конституцію колоніи Массачусетсъ, то можно было ожидать со дня на день, что онъ поступитъ такимъ же образомъ по отношенію къ всякой другой колоніи; если англійское правительство настаиваетъ на пошлинѣ съ чая, то оно можетъ вздумать, когда ему заблагоразсудится, наложить другую пошлину. Пока еще не заходила рѣчь о союзѣ между колоніями, а имѣлось въ виду только общее рѣшеніе отвѣтить метрополіи пассивнымъ сопротивленіемъ. На конгрессѣ въ Филадельфій было рѣшено прекратить всѣ торговыя сношенія съ метрополіей до тѣхъ поръ, пока не будутъ удовлетворены требованія Массачусетса. Несмотря на такое сдержанное поведеніе конгресса, дѣло дошло до вооруженныхъ столкновеній (въ 1775 году) въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ взаимное озлобленіе между британскими войсками и мѣстнымъ населеніемъ достигло наивысшей степени напряженія. Послѣ этого конгрессъ, засѣдавшій въ Филадельфій, назвалъ себя „Конгрессомъ Соединенныхъ колоній“. Онъ собралъ войска и поставилъ во главѣ ихъ способнаго военачальника Джорджа Вашингтона. Попытка сломить на сторону возставшихъ колоній обѣ Канады не имѣла успѣха, по британцы вынуждены были очистить Бостонъ весной 1776 г.

Британскіе генералы, имѣвшіе подъ своимъ начальствомъ всего на всего 17,000 человекъ, очутились въ весьма незавидномъ положеніи; они получили подкрѣпленіе, состоявшее изъ 17,000 нѣмцевъ и 20,000 британцевъ, но всѣ ихъ силы были незначительны по сравненію съ взрослымъ населеніемъ колоній, состоявшимъ изъ 300 тысячъ человекъ, хотя подъ ружьемъ находилась едва десятая часть этого населенія. Посадка на суда для отправки въ Сѣверную Америку нѣмецкихъ войскъ утвердила американскихъ колонистовъ въ томъ убѣжденіи, что Соединенное Королевство смотритъ на нихъ, какъ на своихъ враговъ. 4 іюля 1776 г. конгрессъ провозгласилъ независимость Соединенныхъ колоній, которымъ онъ далъ названіе Соединенныхъ Штатовъ. Британскія войска взяли Нью-Йоркъ, а вслѣдъ затѣмъ также и Нью-Джерси. Конгрессъ вынужденъ былъ бѣжать изъ Филадельфій въ Балтимору (въ сентябрѣ 1777 г.). Однако Вашингтону удалось пріостановить походъ британцевъ послѣ того, какъ онъ отнялъ у англичанъ обратно Нью-Джерси. Франція была очень довольна тѣмъ, что Англія была втянута въ большую колониальную войну, помогала американцамъ деньгами и отправила въ Америку добровольцевъ (Маркиза Лафайэта и др.) и вступила, наконецъ, при содѣйствіи Вепіамна Франклина въ открытій союзъ съ Соединенными Штатами въ февралѣ 1778 г. У восточныхъ береговъ Сѣверной Америки показался французскій флотъ. 12 апрѣля 1789 года на сторону возставшихъ колоній перешла также и Испанія; Франція надѣялась, что насталъ часъ мести за Семилѣтнюю войну. Она заняла британскія колоніи на берегахъ Сенегала и Гамбій, захватила одинъ за другимъ Вестъ-Индскіе острова и угрожала своимъ флотомъ Ламаншу. Испанія заняла островъ Минорку. Въ южной части Сѣверной Америки почти всѣ британскіе генералы вели войну съ успѣхомъ, хотя они не были въ силахъ оккупировать завоеванныя ими земли вслѣдствіе малочисленности ихъ войскъ (томъ I, стр. 469). Въ то же время англійскій адмиралъ разбилъ французскій флотъ между островами Санъ-Доминго и Гваделупой. Тѣмъ не менѣе Вашингтонъ все укрѣплялъ подъ собою почву, а французско-испанскій флотъ осадилъ въ 1779 г. Гибралтарскую крѣпость. Паденіе этой крѣпости было только вопросомъ времени. Англія рѣшила избѣжать такого пораженія во что бы то ни стало, и несмотря на энергичное сопротивленіе короля англійское правительство обратилось къ Соединеннымъ Штатамъ съ мирными предложеніями на основѣ признанія ихъ независимости. 3 сентября 1783 года дѣйствительно былъ заключенъ Версальскій мирный договоръ, по которому Англія лишилась оккупательно цѣлаго ряда своихъ важнѣй-

шихъ владѣній. Она признала независимость Соединенныхъ Штатовъ и уступила Минорку и Флориду Испаніи, которая успѣла захватить въ свои руки Луизиану еще въ 1763 году. Франція вернула себѣ право на возведеніе укрѣпленій въ Дюнкирхенѣ и утвердилась въ Вестъ-Индіи, Африкѣ и Остѣ-Индіи.

В. Остѣ-Индіа.

Что касается Индіи, то фактическое господство надъ Бенгаліей сосредоточилось съ 1760 года въ рукахъ Остѣ-Индской компаніи, которой принадлежало съ 1765 года право взиманія налоговъ какъ въ этой области, такъ и въ Бегарѣ и Ориссѣ. Такъ какъ право суда находилось въ рукахъ великаго монгола, который былъ настолько слабъ, что не могъ поддерживать внутренняго порядка, то компанія отправила въ Индію въ 1772 году для водворенія внутренняго спокойствія самаго способнаго своего представителя Уаррена Гастингса. Гастингсъ обладалъ громадною энергіей и выдающимся организаціоннымъ талантомъ, но отличался слишкомъ гибкой совѣстью. Первымъ его дѣломъ было разъединеніе между собою второстепенныхъ князей Внутренней Индіи; для этой цѣли онъ уступилъ большую территорію Нувабу Аудскому Шудіа-Эдъ-Даула и снабдилъ его войсками для защиты уступленныхъ ему земель. Такимъ образомъ Гастингсъ занялъ сразу господствующее положеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ привязалъ къ себѣ Нуваба, который не былъ въ силахъ удержать въ своей власти свои новыя владѣнія безъ помощи Англии. Въ 1774 году парламентъ соединилъ подъ властью Гастингса, какъ генераль-губернатора, Бенгалію, Бомбей и Мадрасъ. Такимъ образомъ парламентъ усилилъ его одной рукой, но другою рукою онъ парализовалъ его произволь, присоединивши къ нему совѣтъ, состоявшій изъ четырехъ членовъ, рѣшеніе котораго было обязательно для генераль-губернатора, и учредивши высшую судебную палату, борющуюся съ успѣхомъ противъ склонности Гастингса къ насильственнымъ и тайнымъ дѣйствіямъ. Несмотря на это Гастингсъ не выпустилъ власти изъ своихъ рукъ, вымогалъ подъ всякими формальными предлогами крупныя суммы для войны съ враждебно настроенными противъ него мелкими царьками и оказалъ содѣйствіе хищническому набѣгу Аудскаго Нуваба на казнохранилище его собственныхъ родственниковъ. Между тѣмъ французы выступили ревностными защитниками мелкихъ князей, находившихся въ враждебныхъ отношеніяхъ съ Нувабомъ Аудскимъ, и пытались сплотить противъ Англии сильный союзъ. Самымъ важнымъ ихъ союзниковъ былъ князь Майсурскій Хайдеръ-Али. Однако Гастингсъ ушелъ гораздо дальше французовъ по части интригъ и въ 1784 году онъ ухитрился склонить къ заключенію мира съ собою мелкихъ князей, находившихся въ дружбѣ съ французами, воспользовавшись тѣмъ благопріятнымъ для него обстоятельствомъ, что Хайдеръ-Али скончался и на майсурскій престолъ вступилъ Типпу-Саибъ. (срав. томъ II, стр. 465).

Гастингсъ упрочилъ господство англичанъ въ Индіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось, что привилегированная коммерческая компанія не можетъ служить подходящимъ органомъ для управленія такою громадною областью. 18 мая 1784 года былъ обнародованъ индійскій билль, оставившій управленіе Индіей въ рукахъ компаніи, но предоставившій коронѣ право назначенія генераль-губернатора и другихъ высшихъ должностныхъ лицъ и наложившій на Остѣ-Индскую компанію обязательство представлять свои распоряженія на разсмотрѣніе наблюдательнаго совѣта, состоящаго изъ министровъ короны. Мало того, этому наблюдательному совѣту было предоставлено право дѣлать самостоятельныя распоряженія; въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ требовалось соблюденіе тайны, онъ могъ даже дѣйствовать безъ вѣдома директоровъ компаніи. Гастингсъ нашелъ для себя невозможнымъ оставаться у власти при такихъ ограниченіяхъ:

онъ отказался отъ своего поста, вернулся въ Англію въ 1785 году и былъ потребованъ къ суду пэровъ въ 1787 г. Однако пункты для обвиненія были выбраны весьма необдуманно; большая часть этихъ обвиненій не могла быть доказана на судѣ, происходившемъ въ Англіи. Слѣдствіе тянулось почти дѣльныхъ 10 лѣтъ, и вниманіе общества давно уже было отвлечено отъ дѣла Гастингса другими злободневными вопросами. По всѣмъ этимъ причинамъ Гастингсъ былъ оправданъ судомъ пэровъ въ 1795 году.

Г. Внутренняя и внѣшняя политика.

а) Питтъ Старшій.

Участіе Англіи въ Семилѣтней войнѣ, потеря ею своихъ американскихъ владѣній и пріобрѣтеніе новыхъ, индійскихъ, сопровождалось бурными явленіями во внутренней политической жизни страны, которыя привели къ пораженію партіи виговъ и въ которыхъ король игралъ значительную роль не только благодаря своему несомнѣнному патриотизму, но и благодаря своему золоту. Георгъ III отличался рѣзкимъ тяготѣніемъ къ неограниченной власти. Если бы духъ времени не расходился такъ сильно съ его стремленіями, то онъ, вѣроятно, укрѣпилъ бы въ сильной степени власть короны въ Англіи. Въ лицѣ Питта Старшаго (срав. выше, стр. 675) онъ нашелъ выдающагося государственнаго человѣка, раздѣлявшаго его перасположеніе къ господствовавшей партіи виговъ, но расходившагося съ королемъ въ способѣ осуществленія ихъ общихъ идей: въ то время, какъ Питтъ стремился поднять противъ парламента общественное мнѣніе, король пытался укрѣпить силы короны для борьбы съ парламентомъ. Столкновеніе между королемъ и премьеръ-министромъ изъ-за направленія внутренней политики казалось неизбежнымъ. Однако въ дѣйствительности поводомъ къ этому столкновенію послужилъ вопросъ внѣшней политики: вслѣдствіе неудовольствія, вызваннаго Парижскимъ мирнымъ договоромъ (1763 года) или, вѣрнѣе сказать, событіями, предшествовавшими этому мирному договору, Питтъ потерялъ большинство въ парламентѣ и вынужденъ былъ выйти въ отставку (въ 1761 году, срав. стр. 677). Послѣ этого король попытался передать власть въ руки торійскаго министерства, такъ какъ партія торіевъ была связана съ нимъ своими монархическими симпатіями. Опасности со стороны Стюартовъ болѣе не существовало; на торіяхъ отразился въ значительной степени духъ времени, и они уже не испытывали страха предъ диссентерами. Можно было ожидать съ полной увѣренностью, что правое крыло партіи виговъ примкнетъ къ торіямъ, какъ только министерство окажется въ рукахъ послѣдней партіи; если всѣ торіи въ совокупности не составятъ большинства, то необходимое число виговъ можно было переманить на сторону короля при помощи его золота. Такимъ образомъ была сломлена сила партіи виговъ. Она раскололась не только на двѣ части, какъ этого ожидали заранѣе, но даже на три. Это вмѣшательство короля въ партійныя препирательства той сотни тысячъ человѣкъ, которая составляла командующій классъ и на которую распространялось на практикѣ избирательное право, сдѣлало короля крайне непопулярнымъ; для борьбы съ самыми грубыми нападками въ печати ему приходилось прибѣгать къ совершенно неконституціоннымъ средствамъ, но эффектъ получался какъ разъ противоположный ожидаемому; тѣ, которые напали на короля, пріобрѣтали еще большую популярность. Такъ какъ никакое министерство не могло удержаться во власти, то король вынужденъ былъ обратиться снова къ Питту, котораго онъ наградилъ въ 1766 г. титуломъ графа Чатама. Но здоровье Питта было разстроено; 12 октября 1768 г. онъ сложилъ съ себя бремя управленія министерствомъ (скон. 11 мая 1778 г.). Начиная съ 21 ноября 1768 г., газета „Public Advertiser“ стала выступать съ рѣзкими

сатирами противъ правительства. Смѣльный авторъ этихъ сатиръ подписывавшійся псевдонимомъ „Юніусъ“, скрывалъ съ большимъ умѣньемъ свое настоящее имя (срав. т. II, стр. 461).

Питтъ былъ убѣжденъ, что настала пора для преобразованія парламскаго строя, такъ какъ при господствовавшихъ въ его время условіяхъ парламентъ ни въ коемъ случаѣ не могъ считаться народнымъ представительствомъ. Какъ извѣстно, незначительныя мѣстечки были вполне въ рукахъ однихъ и тѣхъ же пемѣнныхъ представителей, мѣста которыхъ въ парламентѣ переходили фактически по наслѣдству отъ отца къ сыну; поэтому Питтъ сдѣлалъ попытку къ усиленію вліянія болѣе независимыхъ землевладѣльцевъ, и онъ предложилъ для этой цѣли предложить каждому графству еще по одному, третьему, мѣсту въ парламентѣ. Однако эту мѣру невозможно было осуществить вслѣдствіе непрерывнаго усиленія торіейской партіи; поэтому пришлось дорожить даже тѣмъ небольшимъ успѣхомъ, что виги добились свободы обнародованія парламентскихъ прений, тѣмъ болѣе, что неудачная война съ объединенными американскими колоніями (стр. 680) вызвала неоднократно раскрытіе такихъ фактовъ, обнародованіе которыхъ ни въ коемъ случаѣ не было безразлично для торіевъ. Большинство парламента уже высказалось открыто противъ войны, и это мирное настроеніе не восторжествовало только благодаря сопротивленію короля. Между тѣмъ возросло значеніе внѣпарламентскаго общественнаго мнѣнія, и образовались два особые общественныя теченія. Оба эти направленія общественнаго мнѣнія исходили изъ городовъ, и оба они давали себя чувствовать парламенту. Одно изъ нихъ зародилось въ средѣ буржуазіи, благосостояніе которой возросло непрерывно, другое въ низшихъ слояхъ городского населенія. Въ своихъ коммерческихъ дѣлахъ представители буржуазіи привыкли цѣнить честность и они стали требовать отъ представителей высшихъ классовъ, засѣдавшихъ въ парламентѣ, чтобы они подавали голоса согласно своимъ убѣжденіямъ и не продавали себя королю за пенсіи и выгодныя должности. Что касается низшаго городского населенія, то его страсти возбуждались каждый разъ, какъ случалось какое-либо новое событіе, вызывавшее въ немъ основательное или неосновательное опасеніе въ томъ, что послѣдуетъ какое-нибудь новое стѣсненіе, будь это устройство новой прядильной машины (стр. 678) или отмена какихъ-либо ограниченій для послѣдователей католической религіи (въ 1778 г.). Неудивительно поэтому, что въ іюнѣ 1780 г. агитация лорда Джорджа Гордона вызвала возстаніе, во время котораго большая часть Лондона оставалась во власти народной толпы въ теченіе цѣлыхъ шести дней; это возстаніе было подавлено, наконецъ, только при помощи вооруженной силы. Парламентъ убѣдился, что для него было бы очень полезно опереться на буржуазію, и въ 1782 г. онъ принялъ законъ, запрещающій членамъ парламента принимать снискуры.

Одновременно съ эмансипаціей англійскихъ католиковъ въ 1778 г. Ирландія тоже предоставила болѣе свободы своимъ католикамъ. Въ 1782 г. ея право на самоопредѣленіе, какъ отдѣльнаго государства, расширилось, уменьшилась ея зависимость отъ англійскаго парламента, и были отменены ограниченія въ области торговли, дожившіяся бременемъ какъ на промышленность, такъ и на сельское хозяйство.

б) Питтъ Младшій.

19 декабря 1783 г. Уильямъ Питтъ Младшій впервые занялъ постъ премьеръ-министра въ возрастѣ 24 л. Свои постъ онъ принялъ изъ рукъ короля, но тѣмъ не менѣе онъ поставилъ себя цѣлью всей своей жизни усилить вліяніе общественнаго мнѣнія страны на парламентъ. Онъ первымъ сталъ прибѣгать къ новому средству для выясненія отношенія обществен-

наго мнѣнія къ тому или другому важному вопросу, къ обращенію къ избирателямъ въ видѣ новыхъ парламентскихъ выборовъ подѣ соответствующимъ лозунгомъ. Какъ необыкновенно искусному въ парламентской тактикѣ государственному дѣятелю, ему удалось управлять нѣкоторое время государствомъ въ самомъ началѣ существованія его министерства, несмотря на то, что большинство было противъ него. Съ каждымъ новымъ голосованіемъ число его сторонниковъ стало возрастать подобно тому, какъ 100 лѣтъ спустя консервативное меньшинство превратилось въ большинство во время голосованія по вопросу о гомрулѣ. Наконецъ, когда противъ него оказалось большинство всего на всего въ 1 голосъ, то онъ распустилъ парламентъ и получилъ подавляющее большинство во вновь избранной палатѣ. Какъ выдающійся финансистъ, онъ разгадалъ за короткое время слабыя стороны англійскаго государственнаго хозяйства и искалъ средства для его упроченія. Новая правовая понятія, составлявшія отличительный признакъ XVIII столѣтія по сравненію съ предшествующей эпохой, дѣйствовали на него съ такой силой, какъ ни на кого другого. Онъ не только былъ самъ неподкупенъ, но считалъ для себя униженіемъ самому прибѣгать къ подкупу. Мало того, его правовое сознаніе не мирилось съ тѣмъ обстоятельствомъ, что около 100 парламентскихъ мѣстъ находились фактически въ рукахъ частныхъ лицъ. Выше всего онъ ставилъ общественное мнѣніе образованныхъ классовъ и предъ нимъ онъ склонялся безропотно даже въ томъ случаѣ, когда оно отвергало его любимыя мѣропріятія, какъ, напримѣръ, реформу парламентской избирательной системы и возставало противъ уничтоженія таможенныхъ преградъ между Англійей и Ирландіей. Отъ Адама Смита, сочиненіе котораго „О богатствѣ народовъ“ вышло въ свѣтъ въ 1776 г. (т. VIII, стр. 561), Питтъ усвоилъ убѣжденіе въ благотѣльномъ вліяніи торговыхъ договоровъ; по крайней мѣрѣ, съ Франціей онъ вошелъ въ соглашеніе о пониженіи пошлинъ, взимаемыхъ съ той и другой стороны.

Когда у короля наступилъ новый припадокъ затемнѣнія разсудка, то Питтъ отстоялъ верховную власть парламента, проведши формальное избраніе принца Уэльскаго регентомъ; это избраніе было обставлено, однако, разнообразными ограниченіями власти регента. Не успѣлъ еще король выздоровѣть снова въ 1789 году, какъ французская революція бросила свою тѣнь на Англію, — былъ поднятъ вопросъ о рабовладѣніи. Питтъ стоялъ за отмѣну рабства, но этимъ своимъ предложеніемъ онъ возбудилъ сопротивленіе состоятельныхъ классовъ, такъ или иначе заинтересованныхъ въ торговлѣ неграми, выбрасывавшей ежегодно въ Америку 50,000 рабовъ. Такое мѣропріятіе, какъ уничтоженіе торговли неграми, признавалось посягательствомъ на право собственности вообще. Когда же французская республика объявила войну одновременно Англійи и Голландіи 1 февраля 1793 года, то Питтъ отправилъ на европейскій материкъ 10,000 британскихъ войскъ подѣ начальствомъ герцога Йоркскаго Фридриха, но это подкрѣпленіе не принесло счастья прусской и австрійской арміямъ (т. VIII, стр. 22). Въ то время, какъ обширныя слои населенія, не принимавшіе участія въ парламентскихъ выборахъ, встрѣчали съ восторгомъ извѣстія о событіяхъ, происходившихъ въ Парижѣ, состоятельные классы, тоже относившіеся вначалѣ съ горячимъ одобреніемъ къ общимъ принципамъ революціи, спохватились черезъ короткое время, что введеніе такихъ общественныхъ отношеній въ Англійи уничтожило бы, вѣроятно, источники ихъ доходовъ, и стали защитниками всѣхъ мѣропріятій, направленныхъ къ подавленію революціонныхъ идей, проникавшихъ въ Англійю изъ Франціи. При такихъ условіяхъ Питтъ отрекся самъ отъ предложеннаго имъ раньше расширенія избирательнаго права. Когда къ этому присоединилось еще покушеніе на короля, то всѣ представители состоятельныхъ классовъ впали въ крайній консерватизмъ. Въ 1794 году былъ изданъ спеціальнй за-

конь противъ государственной измѣны и бунта. Всѣ иностранцы были подвергнуты чрезвычайно суровому надзору (Alien's Bill, билль объ иностранцахъ 1793 года).

Въ Ирландіи идея всеобщаго избирательнаго права пустила уже такіе глубокіе корни, что ее невозможно было подавить силой. Это было вполнѣ естественно, такъ какъ Ирландія представляла собой самый грубый примѣръ фальсифицированнаго народнаго представительства. 300 членовъ Дублинскаго парламента избирались исключительно пуританами, не составлявшими и четверти всего ирландскаго населенія, да притомъ еще 200 изъ этихъ мѣстъ находились въ рукахъ частныхъ людей. Питтъ сознавалъ вполнѣ ясно опасность такого положенія; чтобы преградить потокъ революціоннаго движенія, онъ самъ содѣйствовалъ въ 1793 году пріобрѣтенію ирландскими католиками избирательныхъ правъ, хотя надо оговориться, что при господствовавшихъ въ то время условіяхъ эти права были вполнѣ фиктивны, и освободилъ ихъ вообще отъ всѣхъ тѣхъ различныхъ учрежденій, которыя ложились на нихъ бременемъ. Непопулярность англійскихъ католиковъ въ глазахъ англичанъ помѣшала ему сдѣлать для нихъ еще что-либо кромѣ сказаннаго. Онъ вынужденъ былъ отозвать своего повѣреннаго лорда Вильяма Фицвильяма, пытавшагося возстановить порядокъ посредствомъ смѣщенія съ должностей наиболѣе испорченныхъ чиновниковъ протестантовъ. Отозваніе этого человѣка, на котораго ирландскіе католики возлагали всѣ свои надежды, вызвало среди ирландцевъ сильное возмущеніе, толкнувшее ихъ къ открытому возстанію. Они объединились въ союзъ подъ именемъ соединенныхъ ирландцевъ; дѣло дошло до насилій съ обѣихъ сторонъ, пока, наконецъ, ирландскіе католики не обратились за помощью къ французской республикѣ въ 1796 году. Франція отправила къ нимъ на помощь 20,000 человѣкъ, но французскій флотъ былъ разсѣянъ въ открытомъ морѣ 18 декабря. Для того, чтобы вести успѣшнѣе борьбу съ Франціей и занять ея силы на материкѣ, Питтъ прибѣгъ къ старинному приему Англій, къ выдачѣ денежныхъ субсидій врагамъ Франціи на европейскомъ материкѣ. Однако, несмотря на его умѣнье находить въ самой Англій повые денежные источники, запасъ золота истощился въ 1797 году, и англійскій банкъ вынужденъ былъ прекратить платежи золотой монетой. Тѣмъ не менѣе престижъ правительства и парламента послужилъ такой сильной гарантіей для билетовъ англійскаго банка, что они обращались безпрепятственно цѣлыхъ 25 лѣтъ, пока не наступили лучшія времена и не оказалось возможнымъ возстановить платежи золотомъ.

в) Борьба съ Бонапартомъ.

Между тѣмъ Франція вмѣстѣ съ Испаніей и Батавскою республикою стали готовиться къ рѣшительному удару, направленному противъ англійскаго морскаго могущества. Въ то самое время, какъ флоты всѣхъ этихъ трехъ государствъ старались соединиться между собою для того, чтобы обрушиться общими силами на англійскій флотъ, защищавшій Ламагизъ, адмиралъ Джонъ Джервисъ разбилъ 14 февраля 1797 г. испанскій флотъ у мыса св. Винцента раньше, чѣмъ стало возможнымъ соединеніе союзныхъ флотовъ; между прочимъ, Горацио Нельсонъ отличился въ этомъ сраженіи своимъ неповиновеніемъ дисциплинѣ и своей отвагой. Адмиралъ Адамъ Дунканъ подвергъ блокадѣ батавскій флотъ, стоявшій въ рѣкѣ Тексэль. При всемъ томъ вся серьезность положенія стала ясною для Франціи только послѣ почти полнаго уничтоженія батавскаго флота при Кампердоупѣ 11 октября. Еще раньше того Англія отняла у голландцевъ мысъ Доброй Надежды (16 сентября 1795 г.), а у испанцевъ о. Тринидадъ. Теперь же она захватила одинъ за другимъ Вестъ-Индскіе острова, принадлежавшіе французамъ.

замъ. Бонапартъ, непосредственно предъ тѣмъ одержавшій блестящія побѣды въ войнѣ съ Австріей, отправился въ Египетъ въ надеждѣ на то, что послѣ покоренія этого послѣдняго, ему удастся оживить французское господство въ Остъ-Индіи. Однако Нельсонъ двинулся вслѣдъ за нимъ и уничтожилъ французскій флотъ при Абукирѣ 1 августа 1798 г. Такъ какъ въ Индіи французы окончательно потеряли почву подъ ногами, то Бонапартъ вернулся обратно во Францію (въ августѣ 1799 г.; т. III, стр. 693). Между тѣмъ противъ Франціи образовался союзъ трехъ державъ, Англии, Австріи и Россіи, но этотъ союзъ оказался недолговѣчнымъ: Россія вышла изъ союза, а Австрія была разбита. Бонапартъ стоялъ теперь во главѣ Франціи въ качествѣ перваго консула (т. VIII, стр. 45).

Уже въ 1798 г. французская республика высалила въ Ирландіи 1,100 человекъ, но весь этотъ отрядъ былъ захваченъ черезъ короткое время въ плѣнъ англійскими войсками. Безъ сомнѣнія, Ирландія являлась самымъ удобнымъ пунктомъ для нападенія со стороны французской арміи, а въ случаѣ если бы удалось ее занять, она могла служить превосходнымъ опорнымъ пунктомъ для наступательныхъ дѣйствій противъ Англии. Съ 23 мая въ Ирландіи бушевало открытое возстаніе, и господствовалъ такой терроръ, который почти не уступалъ парижскому. Напрасны были всѣ попытки Питта примирить противорѣчія между господствующими протестантами и угнетаемыми католиками, все еще не пользовавшимися пассивнымъ избирательнымъ правомъ. Господство протестантскаго меньшинства было невыносимо для католиковъ; но замѣнить его господствомъ католическаго большинства — это было невозможно прежде всего вслѣдствіе враждебнаго настроенія Англии къ католикамъ. Единственный выходъ изъ этого положенія заключался въ томъ, чтобы отыскать третью общественную силу, которая не дала бы возможности ни одной изъ этихъ партій прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ по отношенію къ другой. Питтъ придумалъ такой выходъ въ видѣ соединенія Ирландіи съ Великобританіей на тѣхъ условіяхъ, на какихъ состоялось соединеніе Шотландіи съ Англійей въ 1707 г. (стр. 672). Тѣ лица, которыя владѣли фактически парламентскими мѣстами отъ мелкихъ городскихъ поселеній, были лишены своей привилегіи. 1 января 1801 г. дублинскій парламентъ прекратилъ свое существованіе; съ этихъ поръ ирландскіе избиратели должны были посылать своихъ представителей въ англійскій парламентъ, засѣдавшій въ Вестминстерѣ. Это объединеніе обоихъ Великобританскихъ острововъ стоило Питту министерскаго поста, такъ какъ Англія и во главѣ ея король видѣли въ мѣропріятіяхъ Питта такое покровительство католикамъ, какое не допускалось присягой, приносимой королемъ при коронованіи. Въ 1801 г. Питтъ вынужденъ былъ выйти въ отставку изъ-за этого великаго національнаго подвига, совершеннаго имъ. Однако Ирландія все еще была недовольна, и населеніе южныхъ частей этого острова готово было оказать всяческое содѣйствіе вторженію французовъ. Тѣмъ не менѣе Питту удалось своевременно принять мѣры къ отвлеченію военныхъ дѣйствій отъ береговъ отечественныхъ острововъ.

5 сентября 1800 г. въ руки англичанъ попала Мальта, занятая французами въ 1798 г., а въ 1801 г. англійская армія прогнала изъ Египта французскія войска, оставленныя тамъ Бонапартомъ. Такимъ образомъ индійскія колоніи оказались внѣ опасности въ ближайшемъ будущемъ. Однако первенствующее положеніе Англии на морѣ стало тяготить сѣверныя державы, Россію, Швецію и Данію, суда которыхъ страдали непрерывно отъ англійскихъ кораблей, которые останавливали ихъ и производили на нихъ обыски для того, чтобы не допустить провоза французскихъ товаровъ. Когда эти сѣверныя державы возобновили въ декабрѣ 1800 г. „Вооруженный морской нейтралитетъ 1780 г.“ (выше, стр. 527), то Англія предприняла хищническій набѣгъ на Данію безъ объявленія войны и от-

крыла бомбардировку Копенгагена (2 апрѣля 1801 г.). На этотъ разъ Нельсонъ тоже отличился своимъ неповиновеніемъ дисциплинѣ и своимъ неукротимымъ правомъ. Онъ принудилъ къ молчанію береговыя батареи и заставилъ датское правительство выступить изъ союза. Непосредственно вслѣдъ за этимъ (17 іюня) Россія тоже выступила изъ союза и отказалась отъ того требованія, чтобы нейтральный флагъ служилъ защитой для непріятельскихъ товаровъ. 27 марта 1802 г. былъ, наконецъ, заключенъ въ Амьенѣ мирный договоръ между Соединеннымъ Королевствомъ и Франціей. Цейлонъ и Тринидадъ остались во власти Великобританіи, но она обязалась возвратитъ всѣ другія завоеванныя ею территоріи. Кромѣ того она дала обѣщаніе уступить обратно Мальту ордену іоаннитовъ не далѣе, какъ черезъ три мѣсяца. Безспорное господство Франціи надъ Европой было признано по смыслу этого договора также и Англійей. Соединенное Королевство пуждалось настоятельно въ мирѣ на нѣкоторое время для упорядоченія своихъ финансовъ и возстановленія своего флота.

Несмотря на это, Англія не могла рѣшиться на уступку Мальты, а такъ какъ Бонапартъ не любилъ шутить въ подобныхъ случаяхъ, то война возобновилась снова въ маѣ 1803 г. Бонапартъ взялъ Ганноверъ, единственный пунктъ на материкѣ, откуда онъ могъ угрожать Великобританіи, и снарядилъ въ Булонн сильный флотъ для непосредственнаго нападенія на Англійю. Для защиты британскихъ береговъ было собрано триста тысячъ добровольцевъ, и подъ давленіемъ необходимости Питтъ былъ снова поставленъ во главѣ министерства 18 мая 1804 г.

г) Борьба съ Наполеономъ I.

18 мая Бонапартъ заставилъ провозгласить себя императоромъ французамъ подъ именемъ Наполеона I. Въ то же время онъ привязалъ къ себѣ тѣснѣе Испанію. Въ то время, какъ въ Булонн снаряжалась французская армія, въ Тулонѣ и Брестѣ закапчивали свои приготовленія два боевыхъ флота, которые должны были соединиться съ испанскимъ флотомъ, стоявшимъ у Кадикса. Подъ защитой этихъ трехъ соединенныхъ флотовъ Наполеонъ собирался перевезти свою армію къ берегамъ Великобританіи. Тулонскій флотъ уже успѣлъ соединиться съ кадикскимъ и отправился прежде всего на западъ подъ начальствомъ Пьера Вильнева. Нельсонъ двинулся вслѣдъ за нимъ съ британской средиземноморской эскадрой, но не могъ настичь вдвое болѣе сильнаго непріятельскаго флота, такъ какъ этотъ послѣдній сейчасъ же вернулся обратно изъ Вестъ-Индіи въ Бискайскій заливъ. Тутъ, однако, французско-испанскій флотъ подвергся нападенію со стороны британскаго адмирала сэра Роберта Кальдера, который располагалъ весьма ограниченными силами, но тѣмъ не менѣе захватилъ два испанскихъ корабля и заставилъ остальные искать убѣжища въ Кадикской гавани.

Теперь предъ Кадиксомъ появился съ своимъ флотомъ Нельсонъ, который присоединилъ къ своей эскадрѣ англійскіе корабли, крейсировавшіе предъ Брестомъ, и успѣлъ побывать въ теченіе короткаго времени на родинѣ для того, чтобы повидаться съ своей возлюбленной, овдовѣвшей 6 апрѣля 1803 года леди Гамильтонъ, и съ своей дочерью отъ нея четырехлѣтней Горацией. Онъ соединился съ британскими кораблями, крейсировавшими подъ начальствомъ Кутберта Колингвуда; такимъ образомъ онъ могъ выставить противъ 34 испанскихъ и французскихъ линейныхъ кораблей, по крайней мѣрѣ, 27 своихъ; противъ 2,626 французскихъ и испанскихъ пушекъ онъ могъ выставить всего 2,148. Онъ крейсировалъ около Кадикса, выжидая, пока недостатокъ съѣстныхъ припасовъ не заставитъ французскаго главнокомандующаго выйти изъ гавани. На-

конецъ, 19 октября показались въ морѣ первые французскіе корабли, а 21 октября Нельсонъ остановилъ Вильнева у Трафальгара. Въ этомъ самомъ важномъ изъ морскихъ сраженій, происшедшихъ до этого момента, британцы взяли 19 неприятельскихъ кораблей, а вслѣдъ затѣмъ во время преслѣдованія неприятеля они захватили еще 4. Одно неприятельское судно было пущено ко дну, а спаслось всего 10. Такимъ образомъ были уничтожены морскія силы Франціи. Самъ Нельсонъ былъ смертельно раненъ и скончался во время самаго сраженія, препоручая своему королю и своему отечеству заботу о своей возлюбленной и своемъ ребенкѣ (смотри прилож. таблицу: „Послѣднее письмо Нельсона къ лэди Эммѣ Гамильтонъ“). Однако пуритане со свойственной имъ мѣщанской скупостью не пожертвовали ни однимъ пенни для обезпеченія возлюбленной величайшаго послѣ Блэка изъ морскихъ героев Англии. Георгъ III тоже былъ настолько пропитанъ филистерскими тенденціями, что не принялъ въ ней никакого участія. Лэди Гамильтонъ скончалась 15 января 1815 года въ Калѣ въ крайней нуждѣ; Горація вышла замужъ за простаго англиканскаго проповѣдника.

Сраженіе при Трафальгарѣ лишило Наполеона всякой возможности переправить свою армію въ Англію. Эта армія, стянутая въ Булони, была двинута уже въ сентябрѣ противъ Россіи и Австріи, вступившихъ въ союзъ съ Англіей. Смерть Питта, послѣдовавшая 24 января 1806 года, была для Англии такимъ же тяжелымъ ударомъ, какъ и смерть Нельсона. Въ качествѣ статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ его преемникомъ сталъ Чарльзъ Джемсъ Фоксъ, но и этотъ послѣдній дожилъ всего до 13 сентября того же года.

Въ то самое время, какъ Наполеонъ обезсилилъ всѣ европейскія континентальныя державы, Соединенное Королевство достигло безраздѣльнаго господства на морѣ. Его флоты проходили черезъ Дарданеллы и крейсировали около береговъ Египта и Буэносъ-Айреса. Однако для нападенія на французскія гавани у англичанъ было такъ же мало силъ, какъ у континентальныхъ державъ для нападенія на сухопутныя границы Франціи. Съ тѣмъ большимъ рвеніемъ Англія трудилась надъ развитіемъ своихъ колониальныхъ владѣній. Что касается Австраліи, то въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ была основана уже въ 1788 году колонія для преступниковъ; въ 1804 году англичане отняли у голландцевъ Гвіану въ Южной Америкѣ, и въ то же время британское господство сдѣлало прочные успѣхи на Востъ-Индскихъ островахъ. Въ Остъ-Индіи Ричардъ Коулей, маркизъ Уэльслей, принудилъ къ изъявленію покорности и къ уплатѣ правильныхъ періодическихъ субсидій Остиндской компаніи часть мелкихъ князей, находившихся подъ вліяніемъ Франціи. Вся южная часть Индіи была подчинена непосредственно британской администраціи. Сѣверо-западная Индія была признана, по крайней мѣрѣ, принадлежащей къ сферѣ колониальныхъ владѣній Англии, а военное могущество махраттовъ было сломлено. Послѣ отозванія изъ Индіи Уэльслея въ 1805 г. (томъ II, стр. 467) завоевательная дѣятельность пріостановилась. Несмотря на это, колониальное могущество Франціи въ Индіи стало таять съ этихъ поръ со дня на день.

Наполеонъ былъ не въ силахъ бороться съ Англіей на Востокѣ, не обладая господствомъ на морѣ, но сдѣлалъ, по крайней мѣрѣ, попытку закрыть для Англии всѣ гавани европейскаго материка, находившіяся въ сферѣ его вліянія, посредствомъ континентальной системы, введенной имъ въ 1806 году (томъ VIII, стр. 70). Англія смотрѣла съ гордымъ презрѣніемъ на эти мѣропріятія Наполеона, но тѣмъ не менѣе они нанесли тяжелый ущербъ ея торговлѣ. Въ отместку англичане парализовали всю морскую торговлю европейскаго материка, объявивши блокаду всѣхъ гаваней Франціи и ея союзниковъ и признавши законной добычей

Перепечатка и переводъ письма, помѣщенного на оборотѣ.

За два дня до сраженія при Трафальгарѣ лордъ Нельсонъ, герцогъ Бронте, сталъ писать письмо къ леди Эмми Гамильтонъ; на слѣдующій день ему удалось только прибавить къ нему короткій постскриптумъ. Послѣ сраженія, закончившагося побѣдой и смертью Нельсона, письмо было найдено въ незаконченномъ видѣ и передано адресату капитаномъ Гарди.

[Victory, Oct. 19th, 1805.

Noon, Cadiz, E. S. E. 16 Leagues.

My Dearest beloved Emma, the dear friend of my bosom, the signal has been made that the Enemy's combined fleet are coming out of Port. We have very little wind, so that I have no hopes of seeing them before tomorrow. May the God of Battles crown my endeavours with success. At all events I will take care that my name shall ever be most dear to you as Horatia, both of whom I love as much as my own life; and as my last writing before the battle will be to you, so I hope in God that I shall live to finish my letter after the Battle. May Heaven bless you, prays your

NELSON AND BRONTE.

Oct. 20th: in the morning we were close to the mouth of the straits, but the wind had not come far enough to the westward to allow the combined fleets to weather the shoals off Trafalgar; but they were counted as far as forty sail of ships of war, which I suppose to be 34 of the line and six frigates. A group of them was seen off the Lighthouse of Cadiz this morning, but it blows so very fresh and thick weather that I rather believe they will go into the Harbour before night. May God Almighty give us success over these fellows and enable us to get a Peace.

This letter was found open on His Desk and brought to Lady Hamilton by

Captain Hardy,

Oh miserable wretched Emma.
Oh glorious and happy Nelson.

(Изъ первой серии изданныхъ Эдуардомъ Скоттомъ „Facsimiles of Royal Historical, Literary and other Autographs in the Department of Manuscripts, British Museum“.)

[Побѣда 19 октября 1805 года.

Полдень, въ 16 морскихъ миляхъ къ Востоку-Юговостоку отъ Кадикса.

Моя горячолюбимая Эмма, самый близкій другъ моего сердца, сейчасъ поданъ сигналъ, что соединенный непріятельскій флотъ выходитъ изъ гавани. Вѣтеръ очень слабъ, такъ что я не имѣю никакой надежды увидѣть его раньше завтрашняго дня. Да увѣщаетъ усилъхомъ мой вачинанія Богъ битвъ! Во всякомъ случаѣ я приложу старанія къ тому, чтобы мое имя навсегда осталось дорогимъ для васъ обѣихъ, тебя и Горации, такъ какъ обѣихъ васъ я люблю не меньше своей собственной жизни. И какъ теперь послѣднія строки, которыя я пишу передъ сраженіемъ, обращены къ тебѣ, такъ я надѣюсь на Бога, что я останусь живъ и закончу свое письмо послѣ битвы. Пусть благословитъ тебя небо: объ этомъ молишь твоей Нельсонъ и Бронте.

20 октября. Утромъ мы держались около самаго выхода изъ Гибралтарскаго пролива. Но вѣтеръ не подвинулся настолько къ западу, чтобы соединенный флотъ могъ обойти Трафальгарскую мель. Непріятельскихъ военныхъ караблей было насчитано цѣлыхъ 40; я полагаю, что въ ихъ числѣ 34 линейныхъ корабля и 6 фрегатовъ. Часть ихъ была замѣчена сегодня утромъ съ высоты Кадикскаго маяка; однако, погода настолько вѣтренна и дождлива, что, по моему мнѣнію, они, вѣроятно, вернутся обратно въ гавань до наступленія ночи. Пусть Всемогущій Богъ даруетъ намъ побѣду надъ этими молодцами и дастъ намъ возможность добыться мира!

Это письмо было найдено открытымъ на письменномъ столѣ Нельсона и доставлено леди Гамильтонъ

Капитаномъ Гарди.

О бѣдная, несчастная Эмма!
О славный и счастливый Нельсонъ!

Battle, may be seen blip you bring
your shore front. Oct. 20th in the
morning we were over the mouth of the
Strait but the wind did not come fair
enough to the westward below the (some)
feet to reach the shores of Dr. Peary but
they were carried as far as forty S. of the
N.W. which I am sure to be of the line
and six frigates, a group of them was
seen off the light and off this morning
but it blows so very fresh I hide to think
that Dr. Peary believe they will go into
the Harbor before his part. They find
admiralty in us success over these.

Вопрос чертёжика. 74

Последнее письмо Нельсона к лэди Эмме Гамильтонъ отъ 20 октября 1805 года передъ сраженіемъ при Трафальгарѣ.

(Оригиналъ хранится въ Британскомъ Музее.)

and enclose us to put a Peace

This letter was found open on

It is dated 21st Oct 1805

Copy in the handwriting

of a misanthropic man

of Johnson & Co. of Nelson

Музей Гамбургский 1805

20 октября 1805 года передъ сраженіемъ при Трафальгарѣ.

Музей Гамбургский 1805

своихъ каперовъ всѣ корабли, захваченные ими на морѣ, если только эти суда не заходили въ британскія гавани. Въ свою очередь Наполеонъ тоже не остался въ долгу и призналъ законной добычей своихъ каперовъ всѣ суда нейтральныхъ державъ, которыя заходили въ англійскія гавани. Правда, это была, можно сказать, только бумажная угроза. Въ то время, какъ на европейскомъ материкѣ цѣны на сахаръ, кофе и хлопчатую бумагу достигли небывалой высоты, Англія дѣлала самыя судорожныя усилія, чтобы возмѣстить на своемъ колоніальномъ рынкѣ тѣ убытки, которые она понесла въ Европѣ, и захватывала кромѣ того всѣ инопатричныя суда, которыя попадались ей въ руки. На основаніи недоказаннаго слуха о томъ, что Наполеонъ хочетъ воспользоваться для борьбы съ Англіей датскимъ флотомъ, британскій флотъ предпринялъ во второй разъ въ мирное время бомбардировку Копенгагена, продолжавшуюся отъ 2 до 5 сентября 1807 года, и заставилъ датчанъ выдать Англіи свой флотъ подъ тѣмъ предлогомъ, что англичане принимаютъ его только на временное храненіе (стр. 527). Эта пиратская политика оттолкнула отъ Великобританіи державы европейскаго материка и усплила вредныя послѣдствія континентальной системы для великобританской торговли; надо, однако, оговориться, что контрабандный провозъ товаровъ практиковался въ широкихъ размѣрахъ, и обмѣнъ товаровъ между Великобританіей и материкомъ не прекращался окончательно.

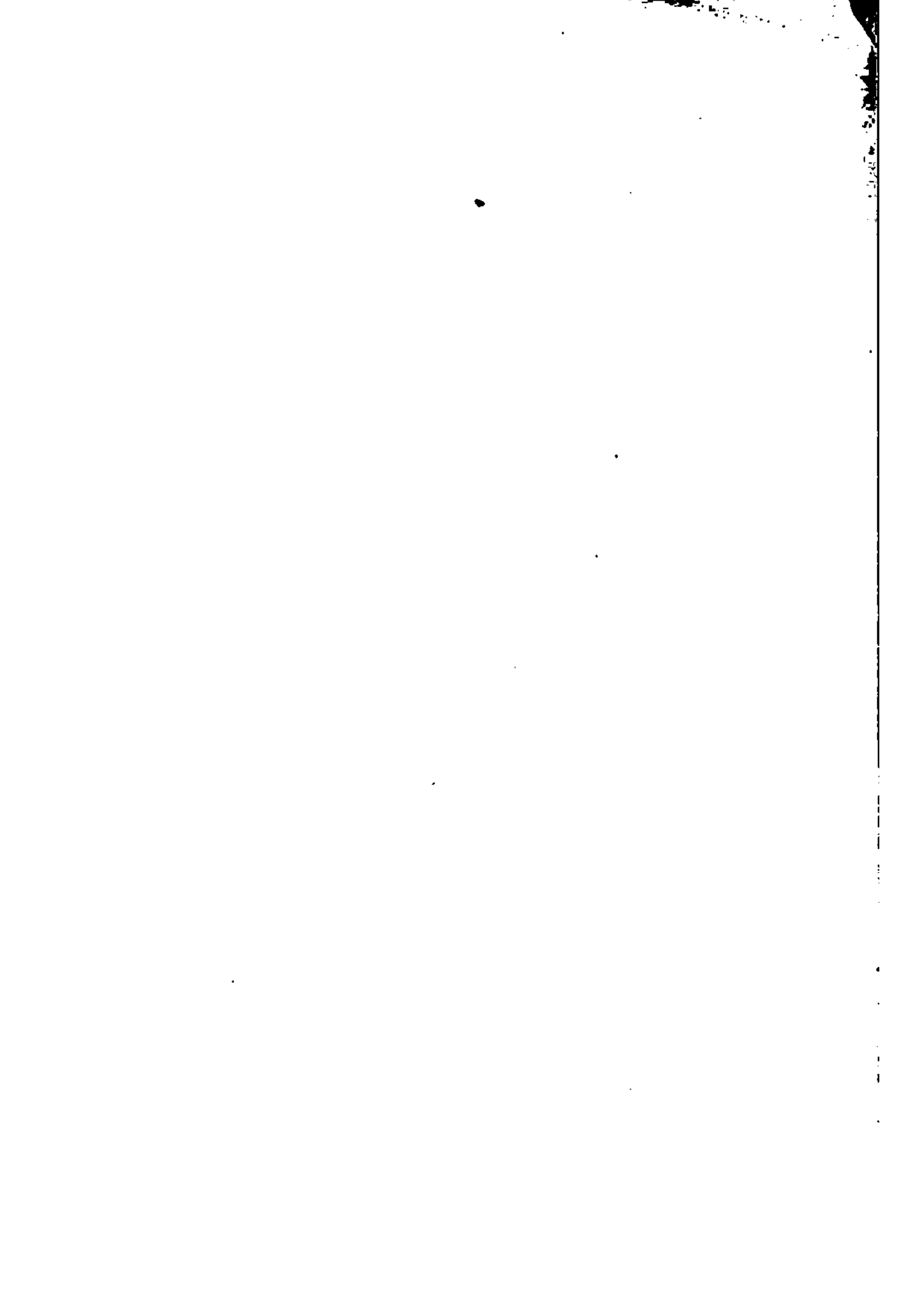
Въ 1808 году Англія сочла себя вынужденной, наконецъ, къ попыткѣ пріобрѣсти точку опоры противъ Наполеона также и на европейскомъ материкѣ. Наполеонъ уже покорилъ Испанію и собирался приступить къ разгрому Португаліи, какъ народная война противъ французскаго гнета вспыхнувшая на Пиренейскомъ полуостровѣ, положила конецъ его завоевательнымъ успѣхамъ. Британцы могли падѣяться, что они отвлекутъ на долгое время значительныя массы войскъ французскаго императора, если окажутъ поддержку испанско-португальскому народу. Въ іюль британское правительство отправило въ Португалію военный отрядъ подъ начальствомъ испытаннаго въ Индіи Артура Уэльслея; пока этотъ послѣдній еще не успѣлъ слать команды надъ своимъ отрядомъ, онъ успѣлъ разбить 21 августа около Вимейро французскаго генерала Жюно. Послѣдствіемъ этой побѣды англичанъ было возвращеніе Жюно во Францію; но съ прибытіемъ самого Наполеона на Пиренейскій полуостровъ колесо счастья перевернулось (томъ VIII, стр. 65). 16 января 1809 года британскія войска вынуждены были вступить въ открытый бой съ французскимъ генераломъ Николаемъ Сультомъ при Лакоруньѣ для прикрытія своей посадки на суда. Они держались до тѣхъ поръ, пока главная масса ихъ не успѣла сѣсть на корабли, и вернулись въ Англію, потерявши въ бою своего главнокомандующаго Джона Мура. Великобританія снарядила новую армію. Экспедиція противъ Антверпена потерпѣла неудачу, но англичане все же попытали еще разъ счастья въ сухопутной войнѣ въ Португаліи подъ начальствомъ Уэльслея, награжденнаго титуломъ виконта Веллингтона за побѣду надъ французами при Талаверѣ (27 и 28 іюля). Своей осторожной медлительностью онъ утомилъ французскія войска и французскихъ генераловъ (въ 1810 и 1811 г.); только черезъ нѣсколько лѣтъ, когда Наполеонъ вывелъ изъ Испаніи свои лучшія войска для похода въ Россію, Веллингтону удалось разбить Мармона при Саламанкѣ 22 іюля 1812 года, а 12 августа онъ вступилъ въ Мадридъ. Однако и на этотъ разъ успѣхи англичанъ оказались кратковременными. Черезъ короткое время Веллингтонъ вынужденъ былъ отступить въ Португалію. Въ 1813 году, въ то время, какъ Пруссія и Россія старались привлечь Австрію къ союзу противъ Наполеона, Веллингтонъ разбилъ на голову короля Жозефа при Витторіи и прогналъ остатки французской арміи за Пиренейскія горы. Ему удалось взять Бордо, а нѣкоторое время спустя,

уже послѣ отреченія Наполеона отъ престола, именно 10 апрѣля 1814 года, онъ разбилъ Сульта около Тулузы.

Въ 1812 году Англія была вовлечена въ новую войну съ Соединенными Штатами, не желавшими терпѣть насильственныхъ дѣйствій Англіи противъ своихъ мирныхъ морскихъ судовъ. Со времени войны за освобожденіе населеніе Соединенныхъ Штатовъ удвоилось, и объявленіе ими войны 18 іюня произвело сильное впечатлѣніе на общественное мнѣніе Англіи. Американцы захватывали одно англійское торговое судно за другимъ и произвели сильное опустошеніе въ Канадѣ. Только послѣ прибытія въ Америку англійскихъ войскъ, отправленныхъ изъ Португаліи, англичане могли похвалиться нѣкоторыми успѣхами. Несмотря на то, что англійскія войска разрушили Вашингтонъ въ августѣ 1814 года вопреки всѣмъ военнымъ обычаямъ, они потерпѣли черезъ короткое время послѣ этого цѣлый рядъ пораженій; былъ уничтоженъ цѣлый англійскій флотъ. 24 декабря въ Гентѣ былъ заключенъ мирный договоръ, въ силу котораго Англія отказалась на будущее время отъ всякихъ насильственныхъ дѣйствій противъ американскихъ кораблей (томъ I, стр. 485).

Англія извлекла больше выгодъ, чѣмъ всѣ другія державы, изъ Вѣнскаго конгресса, урегулировавшаго заново политическія отношенія въ Европѣ. Она возвратила обратно голландцамъ Яву и Острова Пряностей, а Франціи нѣсколько Восточныхъ Индскихъ острововъ, но удержала въ своей власти во второй разъ отобранную ею у голландцевъ въ 1806 г. колонію мыса Доброй Надежды. Наполеонъ вернулся внезапно во Францію съ о. Эльбы и снова захватилъ въ свои руки власть. Одна только Пруссія могла сравниться съ Англіей по той быстротѣ, съ которой она перебросила въ Нидерланды армію подъ командой лучшаго своего генерала. Еще раньше, чѣмъ Веллингтонъ успѣлъ соединиться съ пруссаками, находившимися подъ начальствомъ Блюхера, ему пришлось выдержать нападеніе Мишеля Нея при Катрбра 16 іюня; въ тотъ же день Наполеонъ одержалъ побѣду надъ Блюхеромъ при Линьи (т. VIII, стр. 104). Затѣмъ Наполеонъ обрушился на британцевъ при Бель-Альянсѣ. Веллингтонъ уже былъ разбитъ, и только подоспѣвшій на помощь Блюхеръ спасъ его отъ окончательнаго уничтоженія и даже превратилъ поражение британцевъ въ общую побѣду союзниковъ надъ Наполеономъ, который уже не могъ больше оправиться отъ нанесеннаго ему удара. Несмотря на враждебное отношеніе къ нему Англіи, Наполеонъ явился послѣ второго своего отреченія на британское судно „Беллерофонъ“ въ той надеждѣ, что ему удастся натравить на материковыя державы своего исконнаго врага, Великобританію (тамъ же, стр. 106). Однако на этотъ разъ Альбіонъ не измѣнилъ своимъ союзникамъ, а отправилъ низверженнаго императора на корабль „Нортумберландъ“ на о. св. Елены, на которомъ его держали подъ самымъ строгимъ надзоромъ до самой его смерти, послѣдовавшей 21 мая 1821 г.

Примѣчанія.

Примѣчанія.

Къ стр. 9. . . . „Hällristningar, т. е. рисунки на скалахъ Бохуслена, относящіяся къ бронзовому вѣку“ . . . „во всякомъ случаѣ не найдено никакихъ доказательствъ хотя бы самаго первобытнаго мореплаванія, относящихся къ этой древнѣйшей эпохѣ. Совершенно иное можно сказать о позднѣйшихъ стѣлахъ этого періода и, главнымъ образомъ, о бронзовомъ вѣкѣ . . . Объ этомъ свидетельствуютъ Hällristningar“ (стр. 12).

Слѣдуетъ замѣтить, что такой авторитетный современный археологъ, какъ Montelius, относитъ эти изображенія на скалахъ уже къ переходной эпохѣ отъ каменнаго вѣка къ бронзовому (см.: „Die Chronologie der ältesten Bronzezeit in Nord-Deutschland und Skandinavien“, 1900, стр. 205).

Къ стр. 17. „Самымъ большимъ и важнымъ изъ всѣхъ этихъ городовъ былъ городъ Висби на о. Готландѣ“. Этотъ городъ былъ операціонной базой для морскихъ рейсовъ въ Новгородъ. Есть извѣстіе, что еще въ XI вѣкѣ, при императорѣ Лотарѣ (дѣдъ Генриха Льва), готландцамъ была разрѣшена безошлпнная торговля съ вѣмецкими владѣніями. Купцы изъ Висби уже съ XIII вѣка торговали съ Франціей и Англіей, и этотъ городъ былъ въ XIII вѣкѣ мѣстомъ, гдѣ встрѣчалась западная торговля съ востокомъ. Въ 1288 году Висби призналъ формально владычество шведскихъ королей, — и, благодаря этому, въ 1293 году германскіе торговые города признали за Любекомъ вѣкоторыя преимущества, которыми раньше пользовался Висби. Въ 1367 году датчане напали на городъ и взяли его, наложивши при этомъ тяжкую контрибуцію на жителей. Съ этого времени Висби уже никогда не приобрѣталъ прежняго могущества.

Къ стр. 20. „Основаніе С.-Петербурга на землѣ, еще не уступленной Швеціей, было смѣлымъ шагомъ, посредствомъ котораго Петръ Великій проложилъ мостъ между своимъ народомъ и Западной Европой, а заплѣтѣ побережья Балтійскаго моря, изъ упрямства покинутаго Карломъ XII на произволъ судьбы, отдало въ руки Россіи преобладающее положеніе на сѣверѣ“. Незавѣстно, какимъ путемъ авторъ пришелъ къ заключенію, что Карлъ XII „изъ упрямства“ оставилъ Балтійское побережье. Исторія Великой сѣверной войны показываетъ ясно, что шведы вели борьбу съ такимъ упорствомъ, какъ ни разу за всю остальную свою историческую жизнь. Походъ Карла въ Польшу и за тѣмъ въ Украину вызывался вовсе не „упрямствомъ“ желаніемъ шведскаго короля оставить Петру Балтійское побережье, а (не оправдавшимся) расчетомъ окончить войну рѣшительнымъ ударомъ.

Къ стр. 21. „Никакая другая коммерческая держава не можетъ получить перевѣса и выйти за предѣлы своей естественной области, встѣдствіе того, что въ гавани Кіау можетъ укрыться военный флотъ болѣе сильный, чѣмъ флоты сосѣднихъ государствъ вмѣстѣ взятые. Въ рукахъ какого-либо другаго народа такая сила могла бы стать опасной, но въ рукахъ Германіи она является обезпеченіемъ мира и плодотворнаго соперованія между прибалтійскими народами“. Авторъ не желаетъ вспомнить, что Германіи необходимо очень серьезно считаться съ соперованіемъ и подозрительностью Англіи, и что зондированіе почвы со стороны германской дипломатіи по вопросу о закрытіи Балтійскаго моря для военныхъ судовъ не-прибалтійскихъ державъ встрѣтило въ 1905-6 гг. рѣзкое противодѣйствіе Англіи и даже демонстративную посылку англійской ламанской эскадры въ Балтійское море, гдѣ со времени Крымской кампаніи англійской эскадры никогда не было. При такихъ условіяхъ едва ли возможно приписывать сдержанное поведеніе германскаго военнаго флота одному лишь миролюбію пмперскаго правительства.

Къ стр. 28. „Дѣло усложнилось тѣмъ, что на высшихъ ступеняхъ культуры оказываютъ влияние не одни только такіе факты, какъ раздѣленіе въ пространствѣ, а къ нему присоединяются болѣе сложныя условія, главнымъ образомъ, политическія“.

Авторъ совершенно не желаетъ считаться съ тѣмъ, что коренное и могущественнѣйшее влияние въ исторіи вообще и въ исторіи Германіи въ частности играли экономическія условія. Лампрехтъ въ своей „Deutsche Geschichte“ превосходно доказалъ, что именно огромное влияние матеріальныхъ условій жизни на всю историческую жизнь народа. Не только въ первыхъ главахъ, но и на всемъ протяженіи этой части коллективнаго труда Гельмольта замѣчается большая неловкость и неувѣренность отпавшей историко-философской точки зрѣнія: движущую силу историческаго процесса, повидимому, являются у

авторовъ то географическія условія, то стремленія національнаго духа, то политическія задачи, сами по себѣ возникающія и т. п. Когда, напр., авторъ главы о древнѣйшей исторіи прибалтійскихъ областей говоритъ (см. стр. 12): „позднее вступленіе сѣверо-восточной части Балтійскаго моря въ сферу международнаго обиха объясняется медленностью культурнаго прогресса всей сѣверной Европы вообще“, — то читатель вправѣ углубить вопросъ и спросить, чѣмъ же въ свою очередь объясняется медленность культурнаго прогресса сѣверной части европейскаго материка? Такіе историки, какъ Лампрехтъ для отвѣта на подобныя вопросы и обращаются къ анализу хозяйственныхъ условій, въ которыхъ жила та или иная часть германскаго народа, причемъ разсматриваютъ всю совокупность этихъ условій, а не одну только черту ихъ (вродѣ, напр., географическаго положенія данной мѣстности).

Къ стр. 30. . . . „или же, какъ позже, переправились черезъ Балтійское море на востокъ къ финнамъ, которые дали имъ названіе гребцовъ (guotsi), скандинавскіе варяги“ . . .

Авторъ, вообще, склоненъ излагать гипотезы и домыслы археологовъ и языковѣдовъ въ видѣ непогрѣшимыхъ истинъ, хотя самъ же говоритъ о рискованности такого метода. Происхожденіе слова „Русь“ отъ „guotsi“ принадлежитъ къ числу многочисленныхъ предположеній и сближеній, которыми занимались лица, посвятившія свое вниманіе темному вопросу о такъ называемомъ „призваніи варяговъ“. Абсолютно ничего, кромѣ нѣкотораго созвучія, въ подтвержденіе гипотезы о происхожденіи „Руси“ отъ „guotsi“, конечно, привести нельзя.

Къ стр. 47. „Что касается тѣхъ германскихъ ордъ, которыя продолжали переходить черезъ Рейвъ, то Цезарь уничтожилъ ихъ самымъ предательскимъ образомъ“ . . . Авторъ далеко не чуждъ чрезвычайно распространенной въ Германіи (особенно среди популяризаторовъ) тенденціи идеализировать древнихъ германцевъ въ ущербъ римлянамъ, кельтамъ и славянамъ. Одной изъ главныхъ цѣлей завоеванія Галліи для Цезаря являлось, безспорно, созданіе опредѣленной и прочной границы между владѣніями Рима и землями германцевъ. Упорное стремленіе Цезаря (между 56 и 54 гг.) отбрасывать прочь или уничтожать тѣ германскія орды, которыя уже послѣ пораженія Ариовиста переходили черезъ Рейвъ, такъ съ его стороны систематически осуществлялось, было столь очевидно цѣлесообразно съ римской точки зрѣнія, до такой степени не прерывалось никакими перемиріями и условіями, — что ни о какомъ „предательствѣ“ рѣчи быть не можетъ.

Къ стр. 57. „Мы слишкомъ мало посвящены въ замыслы Арминія“ . . . Есть навѣрное, что послѣ битвы въ Тевтобургскомъ лѣсу Арминій послалъ голову Вара въ подарокъ Мармоду, приглашая какъ бы этимъ самымъ другого германскаго вождя дѣйствовать заодно противъ римлянъ.

Къ стр. 66. „Такимъ образомъ столь извѣстное вторженіе Аттилы, главы гунновъ и подчиненныхъ имъ народовъ, въ западную Европу въ 451 году было вызвано, главнымъ образомъ, дипломатическимъ искусствомъ Гейзериха“.

Дипломатическое искусство Гейзериха подвержено большому сомнѣнію. Союзъ съ Аттилой, въ сущности, не привелъ къ большимъ результатамъ, потому что обѣ стороны боялись получить меньшую добычу. Гейзерихъ былъ типичнымъ предводителемъ разбойничьей орды и, напр., его постоянные морскіе походы неизмѣнно сводились къ разбойничьимъ набѣгамъ, и онъ, по преданію, иной разъ уже садясь на корабль, — еще не зная, куда именно прикажетъ своей флотиліи направиться (ср.: Hodgkin, „Italy and her invaders“, t. II, p. 254, Oxford, 1880).

Къ стр. 75. „Въ общемъ слѣдуетъ смотрѣть на правленіе Теодориха съ двухъ точекъ зрѣнія: во-первыхъ, онъ хотѣлъ, чтобы римское населеніе видѣло въ лицѣ его возстановителя прежняго законнаго порядка послѣ Одвакара, котораго они считали иноземнымъ узурпаторомъ; во-вторыхъ, его правленіе должно было обозначать собою возстановленіе императорской власти въ бывшихъ провинціяхъ Западной Римской имперіи“.

Правленіе Теодориха было долгою и серьезно задуманною попыткою образовать въ Италіи прочное государство, сливши римлянъ и германцевъ въ одинъ народъ. Эта попытка окончилась полною неудачею, и стоило Теодориху умереть, чтобы его государство быстро разрушилось. Историки часто сопоставляютъ неудачу Теодориха съ счастливою судьбою его современника Хлодвига, которому удалось въ Галліи сдѣлать то, къ чему тщетно стремился Теодорихъ въ Италіи. Слѣдуетъ замѣтить, что основною причиною гибели остготскаго королевства все-таки явилось нападеніе со стороны Византіи, а не внутреннее недовольство и т. п. Что же касается причинъ этого недовольства, то ихъ нужно между многими прочими искать въ различіи религій (остготы были аріане), въ большой, нежели гдѣ бы то ни было, силѣ традицій, воспоминаній объ имперіи, — причемъ единственною законною наследницею имперіи признавали только и исключительно Византію.

Къ стр. 86. „Новая франкская аристократія была служилою бюрократическою знатью, выросшею изъ среды высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ чиновниковъ. По отношенію къ ней майордомъ былъ первоначально представителемъ тѣхъ свойствъ короля, которыя вытекаютъ изъ древне-германской патриархальной власти домохозяина надъ своею дружиною и домашней прислугой, но возросли до громадныхъ размѣровъ пропорціонально объему сферы власти франкскихъ королей и майордомовъ“.

Читатель долженъ знать, что по вопросу о происхожденіи власти майордомовъ, какъ

и по цѣлой массѣ другихъ проблемъ средневѣковой исторіи. — между нѣмецкими и французскими историками существуетъ несогласіе во взглядахъ. У обѣихъ сторонъ замѣчается явственная тенденція — либо (у нѣмцевъ) преувеличить значеніе германцевъ и германскихъ установлений въ исторіи франкского королевства, либо (у французовъ) свести по возможности къ нулю это германское вліяніе. Подобныя разногласія нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, особенно послѣ франко-прусской войны 1870—71 гг., — приобрѣтали иной разъ форму крайне рѣзкую, весьма далекую отъ тона научной полемики. — Нашъ авторъ излагаетъ дѣло, такъ, будто власть майордомовъ безспорно вытекла изъ древне-германскихъ установлений. На дѣлѣ этотъ вопросъ вовсе не можетъ считаться столь рѣшеннымъ. Фюстель-де-Куланжъ, напр., признавая известную степень вѣроятности за этимъ предположеніемъ, — склоненъ все-таки приписывать майордомамъ происхожденіе римское. Слово или, вѣрнѣе, выраженіе *maior domus* существовало у римлянъ, для обозначенія лица, за вѣдывавшаго всѣми слугами въ большомъ помѣстьѣ. Въ римскомъ императорскомъ обиходѣ была функція, повидимому, соответствующая функція позднѣйшихъ майордомовъ, такъ назыв. *siga palatii*. Вообще же, эта должность существовала не только у франковъ, но и у другихъ варварскихъ народовъ, основавшихся на земляхъ Римской имперіи. Но только у франковъ рядомъ съ майордомомъ не было ни единого другого саовника, который бы уравнивалъ его вліяніе. Франкскій майордомъ сталъ какъ бы единственнымъ посредствующимъ звеномъ между королемъ и всею массою подданныхъ. Ставши наследственнымъ, майордомы стали стремиться къ коронѣ, — стремленіе это увѣнчалось полнымъ успѣхомъ.

Къ стр. 90. „Напротивъ того, руководящимъ методомъ и формой новаго общественнаго устройства въ теченіе ранняго средневѣковья сталъ феодализмъ; а феодализмъ является въ своей основѣ отрицаніемъ государственной идеи, такъ какъ подданные не принимаютъ на себя обязательствъ предъ государствомъ, а связаны только повинностями по отношенію къ тѣмъ частнымъ людямъ, отъ которыхъ они получили ленъ и которымъ они присягали на вѣрность“. Современные изслѣдователи приходятъ къ заключенію, что наиболѣе характерная черта феодализма заключается въ соединеніи государственной и помѣщичьей власти въ однихъ рукахъ — феодала, являющагося „государемъ-помѣщикомъ“. Дѣло не въ томъ, что „подданные не принимаютъ на себя обязательствъ предъ государствомъ, а въ томъ, что само государство безсилно сохранить за собою своя прерогативы, не обладаетъ для этого ни достаточною хозяйственною мощью, ни организаціей, — и должно вступить въ такого рода договорныя отношенія съ помѣстными владѣльцами, которые ведутъ за собою отчужденіе прерогативъ верховной власти въ пользу этихъ владѣльцевъ. Зачатки феодальныхъ отношеній мы видимъ уже въ концѣ Римской имперіи; феодализмъ — одно изъ тѣхъ явленій средневѣковой жизни, которыя выросли изъ романскихъ, и изъ германскихъ корней. Большинство социологовъ признаютъ, что, вообще, феодализмъ есть такое историческое явленіе, которое на известной стадіи хозяйственнаго развитія пережидалось всеми обществами не только Европы, но и внѣ-европейскихъ странъ. Невѣрно также и отнесеніе феодализма только къ раннему средневѣковью: именно не въ раннее, а въ позднѣйшее время среднихъ вѣковъ (XI—XII вв.) ярко и пышно развились самыя характерныя черты феодальнаго режима.

Къ стр. 102. „Такъ, напримѣръ, онъ освободилъ отъ мадьяръ посредствомъ мирнаго договора, а затѣмъ и побѣды исключительно только свое собственное герцогство“... Борьба Генриха съ венграми привела его къ необходимости строить въ Саксоніи рядъ укрѣпленныхъ бурговъ, которые впоследствии приобрѣтали также иной разъ значеніе местныхъ рынковъ. Что касается славянъ, то походы противъ нихъ начались около 918-го года. До Генриха нѣмцы часто предпринимали противъ славянъ набѣги, носившіе чисто разбойничій характеръ и не приводившіе къ систематическому завоеванію занятой славянами территоріи. Генриху удалось поставить дѣло на совсемъ другихъ основаніяхъ. Онъ завоевалъ городъ Бранденбургъ, покорилъ славянъ, жившихъ на Эльбѣ, отбѣсилъ къ сѣверу и востоку рядъ племенъ и, собственно, окончательно укрѣпилъ Саксонію за нѣмецкимъ элементомъ. Оттонъ I дѣятельно продолжалъ эту антиславянскую политику, жесточайшими мѣрами отвѣчая на каждую попытку восстанія со стороны угнетенныхъ.

Къ стр. 104. „Всѣ нити позднѣйшей политики Оттона ведутъ въ Римъ“. Въвѣщательство нѣмцевъ въ итальянскія дѣла началось еще при Генрихѣ I. Принявши императорскую корону, Оттонъ Великій въ своемъ помазаніи видѣлъ новую моральную силу для борьбы за Италію и, вообще, для борьбы за преобладаніе во внѣшней политикѣ; но въ самой Германіи этотъ новый титулъ не повлекъ за собою совершенно никакого усиленія власти Оттона.

Къ стр. 105. „Сына Адельгеймы и супруга Теофано Средиземное море привлекало несравненно сильнѣе, чѣмъ прѣимства короля Генриха I“. — Авторъ не говоритъ ничего о нѣмецкой политикѣ Оттона II. Онъ пошелъ походомъ на Баварію, гдѣ пришла въ качествѣ регентши Юдифъ, мать малолѣтняго Генриха Спарливаго, — и принудила страну къ покорности; отдѣлившіи отъ Баваріи нѣсколько владѣній, онъ роздалъ ихъ своимъ приверженцамъ и вассаламъ. Далѣе, онъ усмирилъ Лотарингію, раздѣливъ ее на два герцогства, и не только отразилъ набѣгъ французскаго короля, но пошелъ походомъ на Францію и заставилъ короля (Лотаря) отказаться отъ притязаній на Лотарингію. Такъ же была усмирена и Богемія, потерявшая при этомъ часть своей территоріи. Итальянская политика, къ которой авторъ сводитъ всю дѣятельность Оттона, поглотила окончательно вниманіе императора лишь въ послѣдніе годы его жи-з-ни.

Къ стр. 105. „Оттопъ III тяготился болѣе всѣхъ другихъ германскихъ государей тѣмъ, что онъ родился нѣмцемъ“. Оттопъ III является одною изъ самыхъ загадочныхъ натуръ германской средневѣковой исторіи. У него несравненно болѣе, нежели у его предшественниковъ, сказывается тяготѣніе къ Италіи и въ частности къ Риму и при этомъ проявляется полное равнодушіе къ чисто германскимъ дѣламъ. Онъ явственно мечталъ о восстановленіи Римской имперіи, о жизни въ Римѣ на подобіе римскихъ Цезарей и т. д. Авторъ ничего не говоритъ о вліяніи на молодого императора со стороны Герберта (Сильвестра II). Именно Гербертъ могъ укрѣпить въ душѣ Оттона стремленіе къ восстановленію античной Римской имперіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ душѣ Оттона жили неясные порывы къ аскетизму. Онъ совершилъ, въ качествѣ пилигрима, путешествіе въ Монтекассинскій монастырь, затѣмъ къ св. Нилу въ Гаэть; подвергалъ себя истязаніямъ; преклонялся предъ Войтехомъ (Адалбертомъ) и т. д.

Къ стр. 114. „Такимъ образомъ королю удалось заставить Григорія выйти изъ роли іерархическаго политика, который собирался стать верховнымъ судьей Германіи, и ограничиться ролью исповѣдника высшаго разряда. Это былъ большой успѣхъ, но не окончательная побѣда“. Освѣщеніе, даваемое авторомъ, факту покаянія Генриха IV, совершенно произвольно и ни въ какомъ соотвѣтствіи съ фактами не находится. Жесточайшее униженіе германскаго императора тутъ превращается въ „большой успѣхъ“. Для всей папской полигики путешествіе Генриха въ Каноссу явилось какъ бы торжественнымъ освѣщеніемъ и оправданіемъ; всѣ папскія притязанія на верховенство были какъ бы наглядно и всенародно признаны правильными со стороны высшаго представителя власти свѣтской. Папствомъ была одержана огромная нравственная побѣда, которая не была забыта тогда, когда давно уже были забыты всѣ остальные эпизоды и перипетіи борьбы. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что даже пораженія и грустный конецъ Григорія VII не могли унѣтожить въ глазахъ потомства покаянія Генриха въ Каноссѣ.

Къ стр. 116. „Если бы въ 1111 году, дѣйствительно, состоялась попытка къ такому смѣлому шагу, какъ осуществленіе такого громаднаго передвиженія имущества и раздѣленія властей, то это было бы мировымъ событіемъ“. Подобнаго рода секуляризація духовныхъ леновъ была прежде всего невозможна, именно, вслѣдствіе полного расцвѣта феодальной системы въ это время. Имперская власть была безсилна установить дѣйствительное свое господство на той колоссальной территоріи, которая бы скончилась въ ея рукахъ, если бы эта секуляризація была доведена до конца, и дѣло кончилось бы новымъ раздробленіемъ земель, а вмѣстѣ съ тѣмъ, — и раздробленіемъ верховной власти. Никакія искусственныя попытки борьбы съ феодальной системой не могли быть удачны, пока хозяйственнымъ укладомъ всей жизни прямо диктовалась такая система, пока не возникли и не окрѣпли тѣ слои общества, которымъ необходимо было для собственнаго процвѣтанія покончить съ феодализмомъ, и пока они съ этою цѣлью не протянули руку верховной власти.

Къ стр. 120. „Новое сословіе бюргеровъ осталось внѣ преобразованій и поощреній рыцаря-императора“. Германское бюргерство выступило на историческую арену значительно позже итальянскаго и французскаго, — главнымъ образомъ, на сѣверѣ, въ области дѣйствій ганзейскаго союза и въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя имѣли хозяйственныя связи съ Ганзой. При Фридрихѣ Барбароссѣ городской классъ былъ еще не настолько силенъ и въ хозяйственномъ, и въ социальномъ-политическомъ отношеніяхъ, чтобы Фридрихъ могъ на него опереться, если бы даже желалъ это сдѣлать.

Къ стр. 121. „Вскорѣ вспыхнула продолжительная борьба между императоромъ и богатыми ломбардскими городами, которая быстро дошла до высшей степени ожесточенія“. Внутренній смыслъ борьбы не указывается нашимъ авторомъ. Походъ Фридриха современною наукою разсматривается, какъ результатъ стремленія главы феодальнаго государства воспользоваться новою силою возникавшаго подвижнаго капитала для увеличенія собственнаго могущества внутри и внѣ государства. Этотъ капиталъ выступалъ на историческую арену не въ Германіи, а въ сѣверной Италіи и вотъ туда-то и обратилъ свои взоры Фридрихъ Барбаросса. Его больше всего привлекала финансовая организація итальянскихъ городовъ, новый принципъ, введенный ими въ сборъ податей: здѣсь уже многія подати уплачивались не натурою, а звонкою монетою. Походъ Фридриха имѣлъ цѣлью эти подати обратить въ императорскую казну. Если бы Фридриху удалось его предиріятіе, то онъ получалъ бы, по исчисленіямъ Лампрехта, около 15½ милліоновъ марокъ въ годъ, считая на современныя нѣмецкія деньги и принимая въ расчетъ ихъ нынѣшнюю покупательную силу. Характерно, что даже въ короткій промежутокъ, когда, казалось, ломбардскіе города подчинились Фридриху, — нѣмецкіе чиновники оказались совершенно неприспособленными людьми, и сборъ податей въ странѣ незнакомаго имъ денежнаго хозяйства шелъ въ высшей степени плохо.

Къ стр. 128. „На всемъ пространствѣ отъ Силезіи до Пруссіи и Ютландіи восторжествовали германское трудолюбіе и германская культура, а вслѣдъ за ними побѣдопосно поднялъ голову сознательный германскій націонализмъ“. Здѣсь — читатель имѣетъ дѣло еще съ однимъ проявленіемъ национальныхъ пристрастій автора. Не слѣдуетъ удивляться, что эта фраза приводится вполне голословно, безъ какихъ бы то ни было подтвержденій или иллюстрацій. На дѣлѣ никакого ни „сознательнаго“, ни „безсознательнаго“ германскаго націонализма въ XII вѣкѣ усмотрѣть невозможно. Эпоха феодализма, на смѣну которой въ Германіи явилась сословная монархія и, затѣмъ, партикуляристи-

ческой абсолютизмъ, — не могла породить и не породила никакихъ обще-національныхъ стремлений, никакой обще-германской идеи. Со времени романтизма начала XIX вѣка въ Германіи часто дѣлались попытки идеализировать время Гогенштауфеновъ, какъ эпоху „единства“ (мнимаго, конечно) и могущества германскаго народа. Если такого рода идеализация была ошибочна, — то гораздо ошибочнѣе говорить (случая сто лѣтъ послѣ романтиковъ) даже не о внѣшнемъ единствѣ имперіи, а о „сознательномъ германскомъ націонализмѣ“.

Къ стр. 129. „Этотъ императоръ унесъ съ собою въ могилу имперію Карла и Оттона, Фридриха Барбароссы и Генриха VI, вмѣсто того, чтобы надрячь свои силы для ея возстановленія. Лично онъ едва ли чувствовалъ себя пѣвцемъ“ и т. д.

Фридрихъ II можетъ по справедливости быть названъ передовымъ челоѣкомъ своей эпохи. Въротерпимость, соединенная съ явственнымъ религиознымъ безразличіемъ, была одною изъ отличительныхъ чертъ его личности и его политики. Упрекъ автора въ томъ, что Фридрихъ „унесъ съ собою въ могилу имперію“ — совершенно неоснователенъ: никто изъ императоровъ, послѣ Карла Великаго, не былъ въ состояніи создать длительное и прочное господство имперскаго принципа надъ принципомъ племенной самостоятельности отдѣльныхъ герцогствъ. Вся дѣятельность и Оттоновъ, и Фридриха Барбароссы и Генриха VI была поглощена этою борьбою и никогда не оканчивалась для посителей имперской власти длительнымъ и прочнымъ успѣхомъ, несмотря на временныя удачи. Въ политической жизни Италіи Фридрихъ явился какъ бы провозвѣстникомъ позднѣйшаго типа абсолютныхъ правителей.

Къ стр. 167. „Аристократія фактически превратилась въ крупную землевладѣльческую плутократію и держала въ своихъ рукахъ хозяйственную жизнь страны“. Сословіе знатныхъ и сословіе друидовъ — были первенствующими въ Галліи въ эпоху завоеванія страны римлянами. Въ Галліи былъ широко развитъ обычай отдаваться подъ покровительство того или иного знатнаго лица. Эти люди „амбакты“ составляли громадную массу гальскаго населенія. Это были либо неоплатные должники, поступавшіе въ распоряженіе кредитора, либо, быть можетъ, арендаторы, получавшіе отъ знатнаго денеги и скотъ, либо лица, желавшія избавиться отъ непосильной тяжести обложенія.

Къ стр. 167. „Подобно гальскимъ и германскимъ членамъ рода вождя или князя представители аристократическаго сословія въ Галліи могли держать при себѣ дружину и часто пользовались этимъ правомъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ“ и т. д. Эта дружина играла, повидимому, еще болѣшую роль, чѣмъ у германцевъ. Члены ея связаны были религиозною клятвою въ вѣрности своему вождю. Они кормились при своемъ предводителѣ и составляли какъ бы регулярный отрядъ тѣлохранителей, единственнымъ занятіемъ котораго была военная служба.

Къ стр. 168. Друиды. Друиды не были наслѣдственными. Ихъ сословіе работало и поддерживало въ силѣ ритуаль. Нашъ авторъ не говоритъ о той любопытнѣйшей чертѣ духовной юрисдикціи друидовъ, что они могли налагать опалу не только на отдѣльныхъ лицъ, но на цѣлыя племена, подобно тому какъ впоследствии папы папствовали интердиктъ. Вообще говоря, только знатные отдавали свои споры на судъ друидовъ, — ибо зависяемые амбакты и рабы судились господиномъ.

Къ стр. 186—187. Авторъ ничего рѣшительно не говоритъ о чрезвычайно важномъ памятникѣ описываемыхъ временъ, такъ называемомъ салическомъ законѣ. Этотъ сводъ устанавливаетъ, между прочимъ, различіе между франками и галло-римлянами. Галло-римляне должны были судиться по римскимъ законамъ. Вира, взимаемая за убійство франка или варвара, живущаго по салическому закону, устанавливалась вдвое болѣшая, нежели за убійство галла или римлянина. Экономическій бытъ франковъ рисуется, какъ бытъ народа земледѣльческаго и пастушескаго; собственность, передается по наслѣдству при исполненіи извѣстныхъ условій; женщины наследуютъ лишь въ случаѣ отсутствія у умершаго сыновей. Земли женщины не могутъ наследовать вовсе. Въ случаѣ убійства, насилія, грабежа, оскорбленія могилъ и некоторыхъ др. преступленій — допускается кровавая месть. Судъ присуждаетъ обвиненнаго къ штрафу, который онъ уплачиваетъ семьѣ убитаго или обиженному, — чтобы избавиться отъ мести, — а также и къ другому штрафу, который идетъ въ пользу государства. Семейныя узы рисуются уже въ нѣсколько иномъ видѣ, нежели въ свидѣтельствахъ болѣе древней эпохи: семья не столь уже могущественна, какъ въ древнѣйшее время. Общество разбито на такъ называемыя сотни, причемъ каждая сотня имѣетъ свой особый судъ, подъ предѣлительствомъ такъ называемаго тунгина; наука не установила окончательно, каково было происхожденіе власти тунгиновъ: выбирались ли они „сотнею“ или назначались королевскою властью. При судебномъ разбирательствѣ въ ходъ пускаются „ордалии“ испытанія, состоявшія, импр., въ томъ, что обвиняемый опускалъ руку — и если быстро оправлялся отъ ожога или вовсе не испытывалъ ожога, — то считался оправданнымъ; все судопроизводство было устное. Допускались такъ называемые соприсяжники, которые отличались отъ свидѣтелей тѣмъ, что являлись показывать не о фактахъ, относящихся къ данному дѣлу, а, вообще, свидѣтельствовали въ пользу нравственныхъ качествъ истца или ответчика (смотря потому, на чьей сторонѣ они были). — Въ общемъ, въ салическомъ законѣ рисуется полуварварскій бытъ народа, только начинающаго создавать государственную организацію и примѣняться къ ней.

Къ стр. 190. „Этотъ даръ Цинива послужилъ началомъ расширившейся еще

больше впоследствии свѣтской власти папъ“. Даръ, о которомъ говоритъ нашъ авторъ состоялъ изъ двѣнадцати городовъ. Поступокъ Пипина имѣлъ весьма большое значеніе не только для папъ, но и для франкской монархіи. Династія Пипина вступила въ союзъ и дружбу съ папствомъ, и это естественно и логически повело къ мысли о воскресеніи Западной Римской имперіи, ибо самыя претензіи византійскаго императора на даръ Пипина дѣлали византійскую имперію не только чужой, но и враждебной съ точки зрѣнія папскаго престола.

Къ стр. 195. „Путемъ передачи вольныхъ владѣній ради освобожденія отъ военной повинности, взаимнѣй которой все же уплачивался „heriban“, возросло число не-свободныхъ людей“ и т. д. Авторъ тутъ приписываетъ слову „heriban“ не точное значеніе. „Heriban“ — это былъ приказъ явиться для военной службы, созывъ ополченія. Служба была связана съ обладаніемъ нѣкоторымъ имуществомъ, а также призывались (и это было нововведеніе Карла Вел.) бенефициаріи, какъ имѣющіе бенефиціи отъ самого короля, такъ и держашіе ихъ отъ другихъ владѣльцевъ. Военная служба сильно способствовала укрѣпленію основъ феодальнаго общества: она разоряла мелкихъ самостоятельныхъ землевладѣльцевъ, а, съ другой стороны, государство привыкло смотреть на бенефициаріевъ, какъ на такихъ людей, съ которыми оно можетъ и должно сноситься не посредственно, а черезъ тѣхъ лицъ, отъ которыхъ они держатъ свои бенефиціи.

Къ стр. 196. „Каждую четверть года разъѣздные графы или королевскіе посланцы (missi dominici) совершали инспекторскій объѣздъ“ и т. д. Эти missi dominici вовсе не были только графами, напротивъ, обыкновенно въ каждомъ округѣ (missaticum) было два missi: одинъ графъ, а другой духовное лицо. И объѣзжали они свой округъ не каждую четверть года, а обыкновенно разъ въ годъ. Между прочимъ, нашъ авторъ не говоритъ объ одной изъ самыхъ важныхъ ихъ функций: они приводили къ присягѣ въ вѣрности королю; съ 802 года эта присяга стала обязательною для всѣхъ начиная съ дѣтей 12 лѣтъ.

Къ стр. 204—205. (Императорскій санъ Карла Лысаго.) Возстановленіе имперіи на этотъ разъ совершенно не имѣло того значенія, какъ при Карлѣ Вел. или впоследствии при Оттонахъ. Съ этого времени начинается глубокой упадокъ — одновременно и императорской и папской власти.

Къ стр. 209. (Первые Капетинги.) Авторъ невѣрно говоритъ, что „низверженіе съ престола законнаго короля“ досталось Гуго Капету „съ гораздо большимъ трудомъ, чѣмъ пѣкогда Пипину“. Во-первыхъ, онъ вовсе не долженъ былъ низвергать кого бы то ни было съ престола: когда умеръ (въ 987 г.) король Людовикъ V, то вельможи, собравшіеся въ Саллиси, изъ двухъ кандидатовъ — предпочли не дядю умершаго короля (герцога нижней Лотарингіи Карла), а Гуго Капета. Невѣрно также и то указаніе автора, что „новая династія не пользовалась поддержкой со стороны высшей церковной власти“. Напротивъ, Гуго былъ выбранъ именно по предложенію архіепископа реймскаго.

Къ стр. 223—224. Авторъ ничего не говоритъ о самой существенной сторонѣ дѣятельности Филиппа-Августа: укрѣпленіи королевской власти въ ущербъ феодализму. Филиппъ-Августъ цѣлымъ рядомъ удачныхъ походовъ заставилъ смириться самыхъ крупныхъ феодальныхъ владѣльцевъ, дѣйствовавшихъ въ союзѣ съ англичанами противъ французскаго короля. При немъ монархія стала явственно приобретать популярность и національный характеръ, чѣмъ очень искусно воспользовалась впоследствии уже линия Валуа. Филиппъ-Августъ присоединилъ къ владѣніямъ, которыя онъ получилъ отъ своего предшественника, еще — Артуа, область Амьена, Валуа, Вермандуа, Нормандію, Мэнъ, Анжу, Турень, часть Пуату, часть Бовуазы, часть Сэнтошъ, цѣлую массу мелкихъ владѣній, городовъ, замковъ и т. д. Онъ можетъ быть названъ самымъ вѣрнымъ изъ всѣхъ собирателей французской земли, не исключая даже Людовика XI. Мало того Филиппъ-Августъ замѣчательнѣе еще, какъ первый принципиальный защитникъ, покровитель и союзникъ городскихъ коммувъ. Онъ старался внести въ отношенія между королевской властью и коммунами какъ можно болѣе порядка. Онъ охотно вводилъ коммунальный режимъ въ городахъ покоренныхъ и присоединенныхъ странъ, чтобы этимъ укрѣпить ихъ за Франціей и расположить къ себѣ. Вместе съ тѣмъ, онъ отнюдь не забывалъ финансовыхъ интересовъ королевской казны и обязывалъ города регулярными взносами. — Успѣшная казна, онъ, въ то же время, готовилъ для своихъ преемниковъ первые кадры сколько-нибудь правильной бюрократіи и арміи. Всѣ элементы, породившіе французскій абсолютизмъ, были имъ приняты къ соображенію, и онъ дѣлалъ все, отъ него зависящее, чтобы облегчить и ускорить благоприятно для абсолютизма складывавшуюся историческую эволюцію.

Къ стр. 225. „Со второй половины XIII столѣтія начинается періодъ рѣзкаго упадка. Рыцарское благородство смѣнилось грубостью и хищными инстинктами“ и т. д. Эта фраза совершенно ни на чемъ не основана. Въ исторіи среднихъ вѣковъ ни во второй половинѣ XIII вѣка, ни въ другой моментъ никогда нельзя услѣдить „рѣзкаго“ перехода отъ „рыцарскаго благородства“ къ „хищнымъ инстинктамъ“ и т. п. Благотворная сторона рыцарства никогда рѣшительно не имѣла такого преобладающаго вліянія на нравы феодальнаго общества, чтобы позволительно было устанавливать какое-то дѣленіе на эпоху „благородства“ и не-благородства. Мало того. Если ужъ говорить о второй половинѣ XIII-го вѣка, то необходимо замѣтить, что именно въ это время уже намѣчался, хотя и слабо, тотъ кризисъ, который въ два слѣдующія столѣтія приобрѣлъ такое крупное

и благотворное значеніе въ исторіи Европы и получилъ названіе эпохи Возрожденія. XII вѣкъ былъ, если ужъ квалифицировать его, — не временемъ регресса и даже не временемъ застоя, но безспорно періодомъ прогрессивнаго движенія.

Къ стр. 233. „Этотъ преемникъ Людовика VI отличался своею искусною политикою постольку, поскольку имъ руководилъ аббатъ Сугерій“. Это повѣрно, ибо въ первые десять лѣтъ своего правленія Людовикъ VII не руководился въ своихъ дѣйствіяхъ совѣтами Сугерія.

Къ стр. 239. „Громадное большинство крестоносцевъ отправлялось въ походъ ради добычи и грабежа, для улучшенія своего матеріальнаго положенія, стѣсненнаго вслѣдствіе великаго экономическаго переворота, разрушившаго въ XI столѣтіи крестьянское натуральное хозяйство и приведшаго къ капиталистическому крупному владѣнію“ и т. д. Ничего похожего еще цѣлыми столѣтіями держаться всюду и именно не до, а послѣ крестовыхъ походовъ начинаютъ обозначаться первые признаки возникновенія хозяйства денежнаго, которое еще чрезвычайно долго не можетъ наложить явственнаго отпечатка на общественную жизнь — нигдѣ, кромѣ сѣверной Італіи.

Къ стр. 242. Авторъ не говоритъ о вліяніи Иннокентія III на французскую церковь. При Иннокентіи III римская курія стала окончательной судебной инстанціей для всѣхъ процессовъ и споръ между духовными лицами; монастыри и капитулы часто получали привилегіи, которыя освобождали ихъ всецѣло изъ-подъ юрисдикціи и власти епископовъ и подчиняли непосредственно папскому престолу. Чрезвычайно много помогли церкви въ XIII вѣкѣ монашескіе ордена францисканцевъ и доминиканцевъ. Съ 1216 по 1223 г. во Франціи было основано 9 францисканскихъ монастырей, по преданіямъ, не воплотѣ, однако, поддающимся критикѣ. Но достовѣренъ фактъ огромнаго успѣха ордена. Доминиканцы также быстро распространялись по странѣ, и завоевали себѣ популярность въ народѣ.

Къ стр. 243. Между тѣмъ, обнаружались предвѣстники грозы. Поводомъ къ ней послужили политическіе раздоры, въ которыхъ Бонифацій хотѣлъ играть роль верховнаго главы всѣхъ европейскихъ монарховъ. Успѣхъ Филиппа-Красиваго въ борьбѣ съ папствомъ объясняется прежде всего тѣмъ, что король занялъ позицію національнаго государя-хозяина, желающаго оградить населеніе отъ иноземныхъ изборговъ и отъ вмѣшательства Рима во внутреннія дѣла страны. Созывъ Генеральныхъ Штатовъ былъ, въ этомъ смыслѣ, наиболее искуснымъ шагомъ короля въ затѣянной борьбѣ: представители сословій давали ему огромную нравственную силу для готовившагося нападенія на противника. Что касается самого Бонифація, то хотя онъ любилъ подчеркивать свое преобладающее значеніе, какъ вѣдѣльника св. Петра и т. д., — по мотивы корыстолюбія въ сущности преобладали въ немъ надъ стремленіемъ къ утвержденію принципа папскаго суверенитета. Съ своей стороны Филиппъ-Красивый также началъ борьбу, имѣя непосредственною цѣлью сохранить исключительно для своего безраздѣльнаго пользованія всю платежную силу французскаго народа. Результатъ же этой борьбы, конечно, оказался далеко за предѣлами Франціи и Рима: принципъ папскаго суверенитета потерпѣлъ неслыханное пораженіе.

Къ стр. 247. „Въ этой послѣдней странѣ они обладали большими земельными владѣніями и вліятельными связями, вслѣдствіе чего они уже давно возбуждали противъ себя подозрѣніе и зависть со стороны Филиппа“. Нужно сказать, что еще задолго до Филиппа тампліеры пользовались репутацией ордена, чрезвычайно жаднаго къ пріобрѣтенію и накопленію матеріальныхъ богатствъ. Ихъ было къ концу XIII вѣка около пятнадцати тысячъ человекъ. Уже въ срединѣ XIII вѣка противъ нихъ проявлялось неудовольствіе и раздраженіе въ народѣ, духовенствѣ, въ общемъ, тоже завидовало имъ и жаловалось на ихъ привилегіи и богатства. Когда крестовые походы окончились неудачею, то рыцарскіе ордена и, въ частности, цѣлюбимый уже прежде орденъ тампліеровъ подверглись нареканіямъ, упрекамъ въ измѣнническихъ тенденціяхъ и т. д. Распутный образъ жизни нѣкоторыхъ тампліеровъ также способствовалъ установленію за всѣмъ орденомъ самой непріятной репутации. Филиппъ-Красивый очень искусно воспользовался всѣмъ этимъ, чтобы огрѣбнуть и поубить рыцарей. Нужно сказать, что въ критическіе годы борьбы противъ Бонифація VIII тампліеры стали на сторону короля и пользовались поэтому полнымъ его благоволеніемъ. Когда папа былъ побѣжденъ и руки у короля развязаны, онъ обратилъ свое вниманіе на богатства тампліеровъ. Новый папа, ставленникъ Филиппа, долго колебался, когда король требовалъ отъ него содѣяствія въ затѣвавшемся дѣлѣ.

Къ стр. 248. „2 мая громадные владѣнія уничтоженнаго ордена были переданы іоаннитамъ; само собою разумѣется, что Филиппъ оставилъ себѣ порядочную часть ихъ“. Всѣ огромныя долги короля ордену были объявлены погашенными; все движимое имущество перешло въ руки королю; іоанниты, объявленные официально наследниками, должны были уплатить королю еще 200,000 ливровъ. Но даже и земельными имуществами король пользовался до самой смерти, а затѣмъ іоанниты убили большой выкупъ за нихъ.

Къ стр. 266. „Свою главную задачу, состоявшую въ воспитаніи полуварварскихъ европейскихъ народовъ, она могла выполнить, только оставаясь единымъ цѣлымъ, не стѣсняемымъ никакими національными границами, проводящимъ повсюду одни и тѣ же“

требованія и пользующимся повсюду одними и тѣми же средствами“. Эта „задача“ есть одна изъ произвольныхъ историческихъ фантазій, не оправдываемыхъ никакими фактами. Исторія показываетъ вполне ясно, что судьбы римской церкви вовсе не обуславливались стремленіемъ къ достиженію подобныхъ „просвѣтительныхъ“ задачъ. Римскіе епископы въ IV—V вв. еще не думали о преобладаніи своемъ въ церкви; догматическіе вопросы въ теченіе IV вѣка рѣшались, какъ правильно указалъ Деллингеръ, всегда синодами. Историческая карьера папства опредѣлялась стремленіемъ сначала оградить свою церковную самостоятельность и независимость отъ натиска арианства, необходимою, въ частности, бороться противъ лангобардовъ, не надѣясь на помощь Византіи, отрѣзанностью Византіи отъ западнаго міра, союзомъ съ франками, — словомъ, всею совокупностью историческихъ условій, окружавшихъ римскихъ первосвященниковъ въ IV—IX вв. Далѣе, постепенно получивши прочную матеріальную позицію въ видѣ церковной области, пользуясь обаяніемъ имени города Рима, папы все болѣе и болѣе начинаютъ выдвигать принципъ всемірнаго своего владычества; но и тутъ, и до, и послѣ Николая I, были долгіе періоды упадка папства, когда папская тиара фактически была въ полномъ распоряженіи того или иного могущественнаго свѣтскаго государя.

Къ стр. 267. „Гораздо большимъ безстыдствомъ отличается третья поддѣлка, лже-исидоровы декреталіи“. Они появились около 845 года. Ими воспользовался прежде всѣхъ Николай I. Коренные принципы лже-исидоровыхъ декреталій заключаются въ томъ, что всѣ рѣшенія синодовъ нуждаются въ папскомъ утвержденіи, и что папѣ принадлежитъ рѣшающее слово въ дѣлахъ вѣры. Епископы — суть только викаріи папы, его помощники. Папа Николай I на основаніи этихъ принциповъ проводилъ взглядъ на римскую курію, какъ на окончательный и непогрѣшимый трибуналъ для всѣхъ духовныхъ дѣлъ и разрѣшеній всѣхъ религіозныхъ затрудненій и осложненій. Въ 863 году онъ созвалъ соборъ, на которомъ провозгласилъ анафему противъ всѣхъ, кто не признаетъ ученія или указанія, исходящаго отъ папы.

Къ стр. 272. „Германія въ роли спасительницы церкви“. Конечно, подобной роли Германія не играла ни въ тотъ періодъ, о которомъ повѣствуетъ нашъ авторъ, ни въ болѣе ранній. Напротивъ, X и первая половина XI вѣка, время рѣшительнаго преобладанія имперіи надъ папствомъ, была эпохою самаго ужасающаго разложенія и упадка церковной жизни, — а клювийскіе монахи, вачавшіе новую эру въ церковной жизни, были не нѣмцы, во французы. Вообще, ни въ единомъ изъ римскихъ императоровъ (не исключая даже наиболее мистическихъ изъ нихъ всѣхъ настроеннаго Оттона III) нельзя замѣтить ни малѣйшихъ признаковъ желанія поднять церковь ради нея самой; всегда церковь играла въ ихъ глазахъ подчиненную, служебную роль и была средствомъ, а не цѣлью (это мы говоримъ о тѣхъ періодахъ, когда церковь не была въ глазахъ Германской имперіи прямымъ врагомъ).

Къ стр. 275. „Положеніе стало ужаснымъ. Примѣръ, подаанный Риму его епископами, постепенно сталъ вызывать все больше и больше подражателей. Послѣ того, какъ въ Римѣ въ теченіе долгаго времени сила стояла выше права, во Франціи и въ Германіи тоже распространилось пренебреженіе къ божественному и человѣческому праву; каждый старался силой сорвать все, что только возможно“. Эти строки выдаютъ необыкновенную устарѣлость историческихъ воззрѣній автора. Думать, что въ средніе вѣка или, вообще, когда бы то ни было право силы торжествовало потому, что римскіе папы подали дурной примѣръ, значить, дѣйствительно, примыкать къ фантастическому взгляду, будто папскій Римъ управлялъ вселенной и будто люди дѣйствовали не подъ вліяніемъ всей массы условій окружающей дѣятельности, а по указанію изъ Рима. Феодалная анархія совершенно естественно выросла на почвѣ исключительнаго господства натурального хозяйства, раздробленія и фактическаго уничтоженія центральной власти и ряда тому подобныхъ явленій, — и если, въ концѣ концовъ, „положеніе стало ужаснымъ“, то оно стало таковымъ безъ всякаго содѣянія со стороны Рима. Ибо чѣмъ же это „положеніе“ было лучше при такихъ папахъ, какъ Григорій VII или Иннокентій III, когда престижъ римской церкви стоялъ высоко? Франція, Германія, Англія и др. страны и тогда переживали періоды необезпеченности личности и имущества, частаго торжества силы надъ правомъ и т. д.

Къ стр. 280. „Народъ переходитъ толпами на сторону еретиковъ, не стремившихся ни къ земной власти, ни къ земнымъ богатствамъ“. Ученіе о нищетѣ, какъ о необходимомъ условіи спасенія, характерно для всѣхъ выдающихся ересей XIII-го вѣка и психологически объясняется реакціей противъ огромнаго могущества и блеска, окружавшихъ римскій престолъ, именно, въ эту эпоху. Но и тутъ римская церковь съ своимъ обычнымъ умѣніемъ успѣла воспользоваться этою реакціей и обратить ее себѣ же въ пользу: папы дали выходъ наэртывавшему чувству — признавши нищенствующію ордену.

Къ стр. 306. „Еще разъ была сдѣлана попытка къ преобразованію церкви. Доминиканецъ Савонарола выступилъ во Флоренціи пламеннымъ обличительнымъ проповѣдникомъ“ и т. д. Собственно, нельзя сказать, что Савонарола сдѣлалъ попытку преобразовать церковь. Онъ не былъ реформаторомъ, а былъ религіознымъ моралистомъ, желавшимъ нравственно очистить и оздоровить церковный организмъ, ничего не мѣняя въ догматахъ и ученіяхъ римскаго католицизма. Въсѣтъ съ тѣмъ, вниманіе его было направлено и на поднятіе нравственности въ свѣтскомъ обществѣ. Фактически — онъ водворилъ во Флоренціи нечто вроде теократіи, т. е. по своему осуществлялъ тотъ самый

идеаль, къ которому стремилось папство въ наиболѣе знаменательные періоды своей исторіи.

Къ стр. 308. „Въ душѣ они отреклись окончательно отъ церкви, даже, вообще, отъ всякой религіи, и прелавались самой безстыдной чувственности“. Это сказано слишкомъ обще; у большинства наиболѣе выдающихся гуманистовъ нельзя открыть слѣдовъ принципиальной вражды къ христіанству, а нѣкоторые изъ нихъ были песомичано вѣрующіе люди. Вообще, религиозный скептицизмъ временъ возрожденія весьма часто преувеличивается. Единственнымъ послѣдовательнымъ скептикомъ былъ философъ Пьетро Помпонаци. Далѣе, авторъ совершенно не указываетъ, при чемъ тутъ „самая безстыдная чувственность“, если бы гуманисты даже и „отреклись окончательно отъ всякой религіи“. Распушенность нравовъ отличала не однихъ гуманистовъ въ этотъ періодъ, но и самыя далекія отъ наукъ и искусствъ круги общества, стоящіе выше всякихъ подозрѣній въ смыслѣ скептицизма или цедовѣрія.

Къ стр. 309. „Въ Германіи было еще такъ много искренней вѣры, что люди еще не могли вступитъ на этотъ путь“. Это противоположеніе не выдерживаетъ никакой критики. Если ужъ заниматься противопоставленіями, то скорѣе можно было бы сравнить духовную жизнь гуманистовъ Италіи и Германіи съ духовною жизнью народной массы въ этихъ двухъ странахъ. Народная масса не только въ Германіи, но и въ романскихъ странахъ была настроена религиозно, даже была склонна къ фанатическимъ движеніямъ, — и если съ точки зрѣнія автора Германію можно поздравить съ подобнымъ настроеніемъ, точно такъ же необходимо поздравить и Италію. И тамъ и тутъ народные массы еще въ теченіе долгихъ вѣковъ послѣ эпохи Возрожденія доказывали, что отъ религиознаго фанатизма и отъ самыхъ дикихъ суевѣрій оцъ отдѣлаться не въ состояніи.

Къ стр. 310. „Съ этимъ религиознымъ недовольствомъ связывалось неоднократно социальное недовольство. А такъ какъ церковь была главной опорой существующаго порядка и духовные владѣтельные князья угнетали своихъ подданныхъ съ беспощадной суровостью, то противъ нихъ поднимались непрерывно угрожающіе протесты“. Угнетеніе исходило вовсе не только отъ духовныхъ владѣтельныхъ князей, но и отъ свѣтскихъ, отъ высшихъ и низшихъ феодаловъ. Бурный характеръ первыхъ лѣтъ реформаціи именно и былъ обусловленъ тѣмъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, съ которымъ крестьянская масса ожидала своего освобожденія. На протестъ Лютера крестьянство посмотрѣло лишь, какъ на первый шагъ, логически обуславливающей дальнѣйшую эмансипацію угнетеннаго люда. Въ эпоху крестьянскаго движенія 20-хъ годовъ XVI вѣка Лютеру пришлось выбирать между позиціей защитника существующихъ социальныхъ привилегій и позиціей вождя вѣрившихъ въ него крестьянскихъ массъ, — и онъ круто повернулъ въ сторону князей и помѣщиковъ.

Къ стр. 321. „Со времени римскаго возстанія 1157 года нѣмецкіе владѣтельные князья уже повидимому больше не признавали правъ собственности славянскаго населенія“. Въ долгой исторіи германской колонизаціи славянскихъ областей не было періода, когда бы владѣтельные князья руководились въ своихъ отношеніяхъ къ славянамъ какимъ-либо инымъ принципомъ, кромѣ права силы, и въ 1157 годъ, ни иная опредѣленная дата никакого значенія тутъ имѣть не могутъ.

Къ стр. 325. „Оно (анти-нѣмецкое направленіе) стало господствующимъ въ рядахъ всемогущей шляхты, такъ что, наконецъ, при Ягеллонахъ германское влияние было окончательно сломлено и королевство, управляемое шляхтой, пошло навстрѣчу своей гибели“. Эта фраза показываетъ, до какихъ курьезныхъ выводовъ можетъ дойти историкъ, ослѣпленный націоналистическимъ пристрастіемъ. По мнѣнію нашего автора выходитъ, что Польша погибла потому, что „германскіе вліяніе было окончательно сломлено“. Это утвержденіе не имѣетъ и тѣни правдоподобія. XIV - XVI вв. были, напротивъ, временемъ укрѣпленія Польши, ея національной самобытности, матеріальнаго процвѣтанія, и именно въ эти столѣтія германское вліяніе на Польшу сильно ослабѣло. Не касаясь тутъ совершенно тѣхъ сложныхъ причинъ, которыя погубили Польшу, можно съ полною увѣренностью утверждать, что ослабленіе германскаго вліянія не ускорило, а отдалило часъ ея гибели. Германская политическая мысль всегда усматривала въ польской территоріи необходимое поприще для распространенія нѣмецкаго владычества, и когда вышшіе пруссификаторы Познани говорятъ, что они только продолжаютъ дѣло колонизаціи славянскихъ областей, начатое ихъ предками, — то они являются выразителями національной традиціи. Но при подобныхъ взглядахъ, и желая хоть сколько-нибудь считаться съ историческими фактами, совершенно необходимо признать, что „германское вліяніе“ логически было несовмѣстимо съ польскимъ могуществомъ и даже съ польскою независимостью.

Къ стр. 327. „Не русскимъ было суждено, однако, насидитъ на берегахъ Балтійскаго моря христіанство и зачатки культуры: это была историческая миссія нѣмцевъ“. Авторъ, вообще, повѣствуетъ о нѣмецкой колонизаціи и, въ частности, о заселеніи береговъ Балтійскаго моря въ такомъ тонѣ, будто эта „историческая миссія нѣмцевъ“ явилась чѣмъ-то вродѣ благодѣянія для просвѣщаемыхъ свѣтомъ христіанства народовъ и, во всякомъ случаѣ, была благодѣтельнымъ явленіемъ въ исторіи всемірной культуры. Почему много настаивать, что здѣсь опять автору оказалъ дурную услугу его патриотизмъ. Для эстовъ и ливовъ нашествіе нѣмцевъ было не только чужеземнымъ завоеваніемъ, но

истребительной войной, кончившейся полнымъ порабощеніемъ туземнаго населенія и жесточайшею многовѣковой эксплуатаціей его завоевателями. Только страшнымъ разгромомъ, испытаннымъ при нашествіи вѣмцевъ, матеріальною нищетою, въ которую ихъ повергла долгая и безжалостная эксплуатація, неблагоприятными географическими условіями, разбросанностью и рѣдкостью населенія можно объяснить, что эсты и латыши не попали въ число тѣхъ народовъ, которые — по словамъ нашего автора, „столь многимъ обязанные вѣмцамъ, переходили съ обычною неблагодарностью отъ пассивнаго сопротивленія, обороны, къ вытѣсненію вѣмцевъ“ (стр. 336). Авторъ даже не задумывается надъ причинами „столь обычной“ неблагодарности народовъ, облагодѣтельствованныхъ вѣмцами.

Къ стр. 350. „Пала... стала прибѣгать съ 752 года къ содѣйствию франкскаго короля Пипина“. Идея о необходимости прибѣгнуть къ защитѣ франковъ была далеко не нова. — Еще въ 580 году папа Пелагій II писалъ одному галльскому епископу, что франкскіе короли даны самимъ небомъ въ сосѣди и защитники городу Риму и Италіи (ср.: L. Hortmann, „Geschichte Italiens im Mittelalter“, II, стр. 50. Leipzig, 1900).

Къ стр. 373. (О ломбардскомъ союзѣ.) Нужно сказать, что ломбардскій союзъ никогда не былъ федеративнымъ государствомъ, но всегда оставался коалиціей нѣсколькихъ самостоятельныхъ республикъ, вступившихъ между собою въ союзъ съ совершенно опредѣленною цѣлью: обороняться отъ имперіи. Едва только эта цѣль перестала имѣть прежнее значеніе, какъ вчерашніе союзники вступили въ длительную и ожесточенную борьбу между собою. Торговая конкуренція была главнымъ первымъ этой ожесточенной борьбы, которая тянулась столѣтія и не адела прочнаго мира. Разсматриваемый въ свѣтъ позднѣйшихъ событій ломбардскій союзъ является не болѣе, какъ эпизодомъ, дипломатической комбинаціей, у которой не было ни малѣйшихъ шансовъ просуществовать болѣе или менѣе продолжительный срокъ послѣ ослабленія императорскаго могущества.

Къ стр. 376. (Къ исторіи итальянскихъ городовъ.) Исторія ломбардскихъ торговыхъ городовъ интересна не только съ той точки зрѣнія, что именно тамъ впервые де-юре хозяйство рѣшительно возоблададо надъ натуральнымъ, но еще и потому, что городское торгово-промышленное населеніе сумѣло совершенно покончить съ феодалами, съ крупными земельными магнатами и избавило виллановъ отъ феодальныхъ путъ раньше, нежели гдѣ бы то ни было въ Европѣ.

Къ стр. 383. „Окончательная побѣда была одержана позже; вмѣсто многихъ мучениковъ предшествовавшаго времени теперь уже погибъ всего только одинъ бывшій доминиканецъ Джордаво Бруно, скончавшійся на кострѣ въ Римѣ“... Въ ту эпоху, когда погибъ Бруно, не только не было одержано свободною мыслью „окончательной побѣды“ надъ фашизмомъ и нетерпимостью, — но, въ общемъ, европейское общество казалось гораздо дальше отъ такой побѣды, нежели въ XV столѣтіи. Въѣкъ реформаціи въ необычайной степени всколыхнулъ въ религіозныя страсти въ Европѣ, и оба лагеря — защитниковъ и противниковъ католицизма — въ теченіе всего XVI столѣтія не переставали соперничать другъ съ другомъ въ жестокостяхъ и беспощадныхъ гоненіяхъ, направленныхъ противъ несогласно мыслящихъ. Въ частности, римская курія совершенно измѣнилась въ реформаціонный періодъ сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ она была въ эпоху хотя бы XV-го вѣка и первыхъ годовъ XVI-го. Прежнее легкое отношеніе къ свободомыслию, отсутствіе дѣйствительнаго интереса къ самымъ важнымъ догматамъ религіи, свѣтскія тенденціи папъ и ихъ двора — все это смѣнилось теперь, въ XVI—XVII вв. строжайшимъ преслѣдованіемъ еретиковъ, обостренною подозрительностью къ послѣднимъ представителямъ гуманизма, враждою къ малѣйшему проявленію самостоятельнаго мышленія. Поэтому фраза нашего автора заключаетъ въ себя совершенно ошибочную мысль.

Къ стр. 388. (Флоренція.) До 1207 года во главѣ управленія во Флоренціи стоялъ сенатъ, состоявшій изъ ста членовъ, и консулы, — которыхъ сначала было 4, а потомъ 6 чел., и которые выбирались только изъ знати. Съ 1207 года былъ введенъ еще новый институтъ подесты, который являлся исполнителемъ судебныхъ приговоровъ и высшимъ наблюдателемъ за сохраненіемъ порядка. — Что касается убійства Бондельмонте (его звали *Bondelmonte dei Buonelmonti*), то онъ возбудилъ противъ себя ненависть могущественнаго и преданнаго императору рода Амидеи, — нарушивши обѣщаніе жениться на одной представительницѣ этого рода. Убійство Бондельмонте послужило толчкомъ къ неизбѣжному и безъ того распаденію правящей флорентійской аристократіи на сторонниковъ и противниковъ имперіи. Коренная причина гибели флорентійской олигархіи и превращенія Флоренціи въ своего рода тиранию подъ властью рода Медичи кроется, однако, не въ борьбѣ гвельфовъ съ гибеллинами, а въ борьбѣ мелкой городской буржуазіи и немущаго класса — противъ крупныхъ плутократическихъ родовъ.

Къ стр. 418. (Крестовые походы.) Завоеватели Палестины — сельджуки, какъ и, вообще, восточные магометане, были абсолютно ненавистны Европѣ предъ началомъ крестовыхъ походовъ. Пилигримы приносили о нихъ изъ своихъ путешествій весьма запутанная и фантастическія сказанія.

Къ стр. 423. „Греческій императоръ придумалъ весьма искусный выходъ изъ своего затруднительнаго положенія и воспользовался западно-европейскою ленной системой для подчиненія крестоносцаго движенія своимъ собственнымъ цѣлямъ“. На самомъ дѣлѣ крестопосцы совершенно не сдержали своихъ обѣщаній, такъ что „искусство“ императора ни къ чему не привело. Крестовые походы оказались для Византійской имперіи долговременною и въ высшей степени важной диверсіей, приковавшей къ Палестинѣ все нн-

маліе сельджуковъ на цѣлыя столѣтія, — но, вмѣстѣ съ тѣмъ, крестоносцы не переставали играть сами по себѣ роль силы, въ высшей степени опасной для существованія Византіи. Четвертый крестовый походъ, съ этой точки зрѣнія, только осуществилъ ту постоянную угрозу, которой всегда боялись византійскіе императоры. Все „дипломатическое искусство“ императоровъ обращалось обыкновенно на разжиганіе раздоровъ между предводителями крестоноснаго ополченія и на усилія поскорѣе отправить крестоносное ополченіе въ Малую Азію.

Къ стр. 430. „Оживленныя сношенія между Западомъ и Востокомъ, существовавшія отъ начала XII столѣтія до конца XIII, походили какъ нельзя больше на американскую эмиграцію нашего времени“, и т. д. Это сравненіе не выдерживаетъ самой снисходительной критики. Крестоносное движеніе, безусловно, вызвало было въ серьезной степени также и въ некоторыхъ экономическихъ условіяхъ, — погнавшими многія тысячи виллановъ изъ насиженныхъ мѣстъ, а также многія толпы бездомнаго бродячаго люда; экономическіе же интересы заставили торговыя республики Италіи и торговое населеніе южной Франціи также принимать участіе въ той или иной формѣ въ этихъ походахъ. Но самая характерная черта въ этомъ случаѣ въ томъ и заключается, что тѣ, кто изъ-за матеріальныхъ выгодъ принималъ участіе въ походахъ, учитывали эти выгоды (или надѣялись учесть) по возвращеніи въ Европу; для нихъ важно было принять участіе въ походѣ и вернуться въ Европу либо съ награбленною добычею, либо имѣя право на освобожденіе отъ личной зависимости и т. д., — но о колонизаціи Палестины никто не думалъ. Никакой массовой эмиграціи въ Палестину не было и быть не могло. Западнымъ народамъ никогда не удавалось за эти два вѣка крестовыхъ походовъ превратить военный постой въ прочное осѣдлое существованіе на территоріи, — то отнятаго у турокъ, то вновь попадающей въ турецкія руки. Вообще, вужно сказать, что въ настоящее время далеко не всѣ склонны придавать крестовымъ походамъ такое преувеличенно-громадное значеніе въ исторіи европейской культуры, какъ это дѣлаетъ нашъ авторъ.

Къ стр. 462. „Въ 1202 году въ городѣ лагуна собралось ополченіе, состоявшее изъ 4,500 рыцарей, 9,000 оруженосцевъ и 20,000 человекъ пѣхоты... Могущественной морской республикѣ удалось использовать стройное рыцарское ополченіе ради собственныхъ интересовъ“ и т. д. Дождь Дандоло предложилъ крестоносцамъ, не имѣвшимъ возможности уплатить условленную сумму за перевозъ ихъ на венеціанскихъ корабляхъ, помочь венеціанской республикѣ отнять Зару у венгерскаго короля. Въ концѣ того же (1202 года) Зара была взята крестоносцами, которые и рѣшили провести тамъ зиму. Сюда прибыли Алексѣй (сынъ низвергнутаго византійскаго императора Исаака), и крестоносцы согласились помочь ему отнять престолъ у узурпатора, — причемъ обѣщаніе это было дано противъ желанія папы Иннокентія III, — и исполнили свое обѣщаніе. Когда императоръ бѣжалъ, Исаакъ былъ восстановленъ на престолѣ и долженъ былъ разрѣшить арміи крестоносцевъ расположиться въ Перѣ и Галатѣ. Грабительскія наклонности крестоносцевъ, сознание собственной силы, болѣе близкое знакомство съ богатствами столицы — все это привело ихъ къ столкновенію съ греками — и завоеванію города. При дѣлежѣ добычи на долю венеціанской республики достались огромныя владѣнія (исчислявшіяся въ 7 милліоновъ душъ населенія). Но республика не въ силахъ была удержать за собою свою часть, и въ 1207 году былъ опубликованъ эдиктъ, по которому Венеція давала всѣмъ своимъ гражданамъ право фактическаго захвата этихъ далекихъ владѣній, — причемъ захватившій получалъ захваченное на правахъ вѣчнаго фьефа (верховное владѣніе номинально оставалась за венеціанской республикой). Такимъ образомъ 4-ый крестовый походъ былъ выгоденъ для Венеціи не столько вслѣдствіе расширенія ея территоріальныхъ границъ, сколько вслѣдствіе огромнаго преобладанія надъ другими италіанскими республиками въ отношеніи торговли съ Константинополемъ и, вообще, въ смыслѣ укрѣпленія торговыхъ связей съ Балканскимъ полуостровомъ.

Къ стр. 481. „Крестовые походы испытали такую же участь, какъ и римскіе походы германскихъ императоровъ: по своему плану они принадлежали къ отжившему кругу *orbis romanus*, всемірнаго государства, а средства для ихъ выполненія приходилось заимствовать изъ гораздо болѣе тѣсныхъ сферъ. Въ этой формулѣ заключаются причины неудачи крестовыхъ походовъ“. Эта формула довольно неясная. При огромной неравенствѣ силъ, при географическихъ условіяхъ, дѣлавшихъ страшно трудными сношенія между Зап. Европой и Востокомъ во время войны — слѣдуетъ больше уделять продолжительности періода крестовыхъ походовъ, нежели конечной ихъ неудачѣ. Для европейцевъ это были, употребляя болѣе новый терминъ, „колониальныя“, — въ томъ смыслѣ, что военныя дѣйствія явились очень далеко отъ Европы, въ чужихъ, незнакомыхъ странахъ, среди чуждаго населенія и имѣли цѣлью основаніе вассальнаго государства или нѣсколькихъ вассальныхъ государствъ. Для турокъ и арабовъ эти войны являлись въ полномъ смыслѣ слова отечественными, происходили на ихъ территоріи, въ совершенствѣ имъ извѣстной, причемъ европейцамъ не удавалось прервать сношенія между отвоюванною приморскою полосой земли и обширными пространствами въ глубинѣ материка, куда удалялись побѣжденные, чтобы запастись подмогомъ и опять явиться оспаривать у христіанъ потерянную территорію. Нельзя, вмѣстѣ съ тѣмъ, сваливать на феодальный строй вину въ неудачѣ крестовыхъ походовъ, ибо были походы, когда самыя большія страны принимали въ военныхъ дѣйствіяхъ одновременно участіе,

причемъ феодальная знать этихъ странъ не обнаруживала никакого своеволия или непокорства относительно своихъ сюзереновъ. Напротивъ, нерѣдки были раздоры между самими верховными вождями, между отдѣльными государствами (вродъ несогласій между Франціей и Англіей въ 3-мъ походѣ или вражды между Генуей и Венеціей въ послѣдніе годы періода крестовыхъ походовъ). Подобные раздоры, дѣйствительно, приносили огромный вредъ, но, вѣдь, и силы, пущенныя въ дѣйствіе въ эпоху крестовыхъ походовъ, были таковы, что могли составить только путемъ коалицій. Дѣло не въ феодализмѣ, но въ томъ, что папскій суверенитетъ былъ въ сущности, даже въ самую блестящую эпоху римской куріи, не такъ проченъ и реаленъ, какъ это впоследствии уверждали многіе историки. Настоящаго объединенія и общаго руководительства всѣмъ предпріятіемъ папы на себя взять не могли, хотя и очень того хотѣли.

Къ стр. 486. „(Римская церковь)... стала пользоваться даже въ свѣтскихъ дѣлахъ такимъ вліяніемъ, какимъ она не обладала ни раньше, ни позже“, и т. д. Авторъ ко всему сказанному о вліяніи крестовыхъ походовъ на церковь долженъ былъ бы прибавить, что весьма нерѣдко крестоносцы, отправлявшіеся въ походъ завѣщали или препоручали церкви свои земельныя имущества, такъ что за двѣсти лѣтъ крестовыхъ походовъ церковныя имущества возросли въ колоссальной степени. Однимъ изъ послѣдствій усиленія папскаго вліянія въ эпоху крестовыхъ походовъ явилась политика провозглашеній крестоносной войны противъ еретиковъ или язычниковъ или, вообще, противъ тѣхъ или иныхъ враговъ римской церкви. Призывъ къ уничтоженію альбигойцевъ, призывъ къ насильственному обращенію въ католическую вѣру населенія прибалтійскихъ мѣстностей — все это стало возможно въ такое время, когда цѣлыя полчища шли завоевывать Палестину по папской инициативѣ. Неоднократныя обращенія къ папѣ свѣтскихъ государей (даже не-католическаго исповѣданія, напр., Давида Романовича Галицкаго) за помощью показываютъ, что въ эту эпоху на папу стали смотрѣть, какъ на лицо, которое способно, въ случаѣ желанія, стать инициаторомъ любого „крестоваго похода“; причемъ цѣль подобнаго похода вовсе не должна была заключаться непременно въ борьбу за Св. Землю или, вообще, въ борьбу противъ магометанъ, — важно было лишь, чтобы эта цѣль получила одобреніе папы.

Къ стр. 513. „... болѣе важные вопросы разрѣшались по большей части королемъ на собраніяхъ магнатовъ“. Этотъ совѣтъ (Raad) состоялъ изъ крупнѣйшихъ феодаловъ государства; онъ фактически существенно ограничивалъ королевскую власть.

Къ стр. 516. (Кальмарская унія). Давія была по населенности почти вдвое сильнѣе, нежели Швеція и Норвегія, вмѣстѣ ваятыя, и съ самаго начала кальмарская унія стала походить на владычество Давіи надъ остальными членами союза. Датская знать постепенно получала фьефы въ Швеціи и Норвегіи, оттѣсняя и подчиняя туземцевъ, — хотя это и противорѣчило условіямъ уніи.

Къ стр. 516. „Христіанъ II задумалъ истребить мятежническій духъ шведовъ посредствомъ казни множества дворянъ, духовныхъ лицъ и бюргеровъ — Стокгольмская кровавая баня 8 ноября 1520 года“. — Казнено было, собственно, 82 человекъ; изъ нихъ — 14 дворянъ, 3 бургомистра, 14 городскихъ совѣтниковъ, — остальные люди городского (бюргерскаго) класса. — Нужно сказать, что изданіемъ свода законовъ (landelove), проникнутаго монархическою идею, Христіанъ показалъ, что онъ не только на практикѣ, но и въ теоріи являлся представителемъ повѣйшей абсолютной монархіи, укрѣплявшейся тогда на развалинахъ монархіи сословной и въ другихъ странахъ Европы. Между прочимъ, законы Христіана очень уменьшили юрисдикцію и значеніе духовенства къ прямой выгодѣ королевской власти.

Къ стр. 522. „Когда сословія не могли сойтись между собою въ этомъ вопросѣ, то Сваие предложилъ, чтобы составленіе конституціи было поручено самому королю“, и т. д. — Нужно сказать, что и до введенія самодержавія de jure, — оно нерѣдко (съ XVI вѣка) существовало въ Давіи de facto цѣлыми періодами времени. Политическое значеніе феодальнаго дворянства было надломлено, духовенство (лютеранское) — всецѣло было на сторонѣ короля, бюргерство ненавидѣло дворянъ, крестьяне, все болѣе закрѣпощавшіеся, видѣли въ королѣ возможнаго защитника противъ помѣщичьихъ притѣсненій. Бюргерство на томъ же самомъ памятномъ сеймѣ 1660 года пыталось провести новую конституцію, причемъ требовало дарованія городамъ мѣстнаго самоуправленія, уничтоженія крѣпостнаго права и военной реформы. Но королю такая программа была не нужна; король свелъ дѣло сначала къ тому, что раздача фьефовъ была отдана всецѣло въ распоряженіе монарха, причемъ отъ короны зависѣли какъ условія, такъ и выборъ лица, которому фьефъ дается, — этимъ у дворянъ отнималась ихъ исключительная, стародавняя привилегія, ибо отнынѣ держателемъ фьефа могъ стать и не-дворянинъ. Это было какъ бы вступленіемъ къ государственному перевороту. — Самый переворотъ (стр. 522 и 523), произведенный Фридрихомъ III при столь дѣятельномъ содѣйствіи бюргерства, — вводъ самодержавія, — уничтожилъ не только привилегіи дворянства, но и очень многія привилегіи бюргеровъ.

Къ стр. 523. (О „Kongelov“.) Авторъ забылъ прибавить, что, собственно, текстъ „Kongelov“ держался въ строжайшей тайнѣ до самой смерти короля Фридриха III. Этотъ законъ не нужно смѣшивать съ другимъ актомъ, просто, возвѣщавшимъ о введеніи абсолютной власти и разославнымъ по всему королевству еще въ январѣ 1661 года

Къ стр. 530. „Христіанъ IX уступилъ желаніямъ датчанъ и подписалъ „ноябрь-

скую конституцію". — Авторъ совершенно ничего не говоритъ объ основаціяхъ нынѣшняго государственнаго устройства Давіи. Датскій парламентъ состоитъ изъ двухъ палатъ: нижняя называется фолькетингомъ, а верхняя (сенатъ) — ландстингомъ. Нижняя палата состоитъ изъ 114 депутатовъ, избираемыхъ на три года прямою подачею голосовъ; верхняя состоящая изъ 66 членовъ, пополняется отчасти по назначенію (12 членовъ назначаются королемъ), а отчасти по выбору. Выборы сенаторовъ — двухстепенные, причемъ въ первичныхъ собраніяхъ играетъ роль принципъ наибольшаго обложенія, такъ что верхняя палата является, по преимуществу, представительницей богатыхъ слоевъ населенія. Въ выборахъ же членовъ нижней палаты принимаютъ участіе всѣ граждане мужского пола, достигшіе 30 лѣтъ, неопороченные по суду, не занимающіе мѣста домашней прислуги, живущіе въ данной мѣстности не менѣе двухъ лѣтъ и не получающіе вспоможенія отъ благотворительныхъ учрежденій (чтобы быть депутатомъ нужно имѣть не менѣе 25 лѣтъ, — возрастнй цензъ ниже, нежели для избирателей). Члены парламента получаютъ суточное вознагражденіе (приблизительно 3 р. въ день). Всякое покушеніе противъ свободы или безопасности парламента, или подстрекательство къ такому покушенію составляетъ государственную измѣну. Всякій законъ, чтобы войти въ законную силу, долженъ пройти чрезъ нижнюю и верхнюю палаты и быть одобренъ королевскою властью; право законодательной инициативы принадлежитъ какъ министрамъ, такъ и каждому члену фолькетинга или сената. Въ случаѣ несогласія одной изъ палатъ, проектъ съ поправками ея возвращается въ ту палату, откуда онъ вышелъ, и если согласіе не можетъ быть достигнуто — назначается коммиссія изъ членовъ обѣихъ палатъ поровну для выработки компромисса; если этотъ компромиссъ въ коммисіи не удается или отвергается какою-либо изъ палатъ (ибо коммиссія обязана его представить вновь въ обѣ палаты), — то законопроектъ считается окончательно провалившимся. — Парламентъ пользуется правомъ интерпелляцій, а также можетъ назначать спеціальныя коммисіи для разслѣдованія того или иного обстоятельства, причемъ представители власти обязаны давать коммиссіямъ свои объясненія. — Личность короля — священна и безотвѣтственна; но всѣ его рѣшенія, касающіяся законодательства и управленія, могутъ имѣть значеніе лишь при контрасигнаціи ихъ министромъ. Согласно § 25 конституціи король въ отсутствіе парламента можетъ въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ издавать временные законы, которые затѣмъ въ ближайшую сессію должны быть представлены на одобреніе парламента. Король имѣетъ право давать амнистію преступникамъ. Король назначаетъ и смѣняетъ министровъ. Закона о политической отвѣтственности министровъ предъ парламентомъ нѣтъ, хотя за послѣднія десятилѣтія довольно часто вносились предложенія установить эту отвѣтственность особымъ законоположеніемъ. За преступленія по должности министровъ судитъ верховный судъ; предавать ихъ суду можетъ либо король, либо нижняя палата. — Особыми пунктами конституціи за гражданами признаны неприкосновенность личности и жилища, свобода прессы, свобода собраній, свобода совѣсти, свобода союзовъ. Судьи — несмѣняемы и независимы отъ исполнительной власти. Мѣстное самоуправленіе вѣдаетъ вопросы первоначальнаго обученія, медицины, путей сообщенія, мѣстной полиціи, общественной благотворительности. Предѣдатели муниципальных совѣтовъ назначаются королемъ, — членами выбираются населеніемъ (по способу менѣе демократическому, нежели члены нижней палаты, такъ что платящіе больше налоговъ пользуются большимъ значеніемъ при выборахъ). Комитетція мѣстнаго самоуправленія довольно широка, хотя центральное правительство имѣетъ много способовъ оказывать давленіе на него.

Къ стр. 541. „Наконецъ, порвежцы потребовали назначенія своихъ особыхъ консуловъ“. Вопросъ о консулахъ сыгралъ въ исторіи разрыва шведско-норвежской уніи такую огромную роль именно потому, что тутъ все время шла борьба по принципиальному вопросу о вѣшной политикѣ. Даже само шведское правительство признавало всю несправедливость полнаго отстраненія Норвегіи отъ участія во вѣшной политикѣ. — и съ 1834 года „государственный министр“ Норвегіи получалъ право засѣдать въ шведскомъ министерскомъ совѣтѣ для обсужденія всѣхъ дѣлъ иностранной политикѣ, которая касалась Норвегіи. Конечно, это удовлетворить Норвегіи не могло. Съ конца первой половины 1880-хъ гг. фактически въ Норвегіи водворился парламентаризмъ, а королевская власть ограничивалась назначеніемъ кабинетовъ, располагавшихъ въ данный моментъ большинствомъ въ стортингѣ. Вопросъ конституціонный отошелъ на задній планъ, вопросъ о національной независимости выступилъ окончательно впередъ. Лѣвая фракція стортинга, находившаяся подъ руководствомъ Юганна Свэрдрупа, послѣдовательно отклоняла всѣ попытки шведскаго правительства создать извѣстный компромиссъ, ибо по теоріи Свэрдрупа — Норвегія, какъ суверенное государство, имѣетъ право требовать самостоятельныхъ дипломатическихъ представителей за границею — пословъ и консуловъ, а также самостоятельнаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Тактика вынудила лѣвую стортинга начать съ болѣе безобиднаго вопроса — о консулахъ. Требованіе самостоятельныхъ консуловъ мотивировалось интересами торговли, хотя ни для кого не было тайной, что норвежское правительство интересуется этимъ вопросомъ прежде всего съ принципиальной точки зрѣнія. Король не согласился съ мыслью о необходимости особыхъ консуловъ для Норвегіи, и, когда стортингъ въ 1892 году рѣшилъ ввести консуловъ, король отвергъ этотъ законопроектъ. Министерство (лѣвое) Стеена подало въ отставку, — но королю не удалось назначить новаго кабинета, за отсутствіемъ желающихъ. Прежнее министерство вернулось къ власти и въ слѣдующемъ году опять внесло проектъ о консулахъ; проектъ снова былъ

отвергнуть королемъ, — и власть перешла въ руки правыхъ (кабинетъ Стауга). Вопросъ о консулахъ не сходилъ со сцены, и въ 1895 году былъ учрежденъ особый шведско-норвежскій комитетъ для обсужденія вопроса о „ревизіи уніи“. Комитетъ ни къ какимъ удовлетворительнымъ результатамъ не пришелъ. Такою же неудачею кончилась попытка министра иностранныхъ дѣлъ Лагергейма удовлетворить норвежцевъ созданіемъ особыхъ консуловъ, но съ оставленіемъ общаго руководства въ рукахъ единого министерства иностранныхъ дѣлъ. Швеція уже соглашалась на эту уступку, — но Норвегія было желательно установленіе полной самостоятельности и независимости консуловъ отъ шведскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. На это Швеція не согласилась, и въ началѣ 1905 года были прерваны по этому вопросу переговоры между обоими правительствами. Дѣло пошло къ развязкѣ тѣмъ быстрѣе, что несчастная для Россіи японская война лишала шведско-норвежскую унію того значенія, которое признавалось за нею даже норвежцами: тѣмъ больше исчезалъ страхъ передъ русскимъ нашествіемъ, тѣмъ нетерпѣливѣе стремилась Норвегія къ разрыву уніи. Вопросъ о консулахъ весной 1905 года прямо перешелъ въ проблему о томъ, настало ли время разорвать унію съ Швеціей. 7 іюня 1905 года стортингъ объявилъ, что королевская власть не выполняетъ своихъ функций, — и поручилъ отправленіе правительственныхъ функций своему (норвежскому) министерству, только что въ знакъ протеста противъ короля вышедшему въ отставку. Это и было начальнымъ моментомъ „мирной норвежской революціи“, заключительнымъ пунктомъ которой явились выборы (осенью 1905 г.) новаго короля (Гаакона VII) на норвежскій престолъ.

Къ стр. 554. „Густавъ... задумалъ объединить всѣ протестантскія европейскія страны въ одинъ общій союзъ противъ императора и Испаніи и выступить защитникомъ угнетенныхъ германскихъ протестантовъ“. Авторъ здѣсь проявляетъ старый сантиментальный взглядъ на Густава-Адольфа, — который былъ очень расчетливымъ и честолюбивымъ политикомъ, больше всего думавшимъ о политическомъ преобладаніи Швеціи на сѣверѣ европейскаго материка и объ укрѣпленіи за своею державою всего Балтійскаго побережья, а на „угнетенныхъ германскихъ протестантовъ“ онъ смотрѣлъ, какъ на средство, какъ на предлогъ для вмѣшательства въ Тридцатилѣтнюю войну, но вовсе не какъ на основную и главную причину для своего вооруженнаго выступленія. Съ такимъ же праломъ нашъ авторъ могъ бы хвалить и католическаго кардинала Ришелье за помощь „угнетеннымъ германскимъ протестантамъ“, ибо и Ришелье вмѣшался въ Тридцатилѣтнюю войну по аналогичнымъ мотивамъ, — и его вмѣшательство тоже было направлено противъ императора.

Къ стр. 561. „Въ томъ же году Карлъ нанесъ Петру тяжелое пораженіе при Нарвѣ; но вмѣсто того, чтобы использовать свою побѣду, онъ сейчасъ же началъ думать о томъ, какъ бы ему уничтожить своего двоюроднаго брата Августа“ и т. д. Нужно было бы при этомъ замѣтить, что не всѣ шведскіе государственные люди отнеслись къ Петру съ такою близорукостью, какъ Карлъ XII. Оксеншерна и Лилъенротъ съ большою тревогою смотрѣли на пробужденіе Россіи, Карлъ же ни къ кому изъ своихъ враговъ не относился съ такимъ пренебреженіемъ, какъ къ Россіи, совершенно не понимая ни силъ, находящихся въ распоряженіи Петра, ни огромныхъ дарованій самого Петра. По прекрасному выраженію одного біографа Карла XII (Bain, Charles XII, p. 150, London 1895), образъ дѣйствій Петра послѣ Нарвы показывалъ, что Петръ лучше зналъ, что Карлъ долженъ былъ дѣлать, нежели самъ Карлъ.

Къ стр. 562. „Онъ жилъ и умеръ воиномъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ относился съ интересомъ къ мирнымъ дѣламъ, къ наукѣ и искусству. Какъ во время своего пребывания на чужбинѣ, такъ и послѣ своего возвращенія въ свое отечество, онъ трудился усердно надъ реформами внутренняго управленія, дѣлающими честь его остроумію и его свободѣ отъ предразсудковъ“. Авторъ слишкомъ лестнаго мнѣнія о Карлѣ XII, какъ объ управителѣ. Государство онъ оставилъ въ совершенно отчаянномъ состояніи. Налоги совершенно разорили крестьянство и торговое сословіе. Цѣлые участки, прежде цвѣтущіе, при Карлѣ XII обезлюдѣли, ибо крестьяне, лишеныя скота и въ концѣ разоренныя, не въ состояніи были заниматься земледѣліемъ и уходили куда глаза глядятъ. Безпрерывныя военные постои являлись истиннымъ бичемъ населенія. Торговля на Балтійскомъ морѣ погибла вовсе, вслѣдствіе блокады Даніи и прибалтійскаго побережья, отвоеваннаго Петромъ. Финансы были въ плачевномъ состояніи; Карлъ XII засталъ въ казначействѣ при вступленіи своемъ на престолъ около 4½ милліоновъ рублей (на папи деньги), но въ два года отъ нихъ ничего не осталось, — а затѣмъ начались все увеличивавшіеся дефициты. При вступленіи Карла XII — въ Швеціи было 1.376.000 человекъ, а въ годъ смерти короля (въ 1718) — всего 1.247.000. Страна уже никогда не могла оправиться отъ того разгрома, который она пережила при Карлѣ.

Къ стр. 563. „Высшая власть принадлежала сейму“... Шведскій сеймъ состоялъ изъ четырехъ „сословій“ или палатъ, засѣдавшихъ отдѣльно: дворянъ, духовныхъ лицъ, горожанъ и крестьянъ; — всякій законопроектъ, чтобы быть принятымъ, долженъ былъ получить одобреніе, по крайней мѣрѣ, трехъ изъ этихъ палатъ. Дворянство пользовалось изъятіемъ отъ всѣхъ налоговъ и исключительнымъ правомъ на занятіе всѣхъ высшихъ должностей въ государствѣ, — и главы дворянскихъ фамилій по праву засѣдали въ дворянской палатѣ. Каждая палата выбирала особаго представителя (талъмана). Но на самомъ дѣлѣ сеймъ только санкціонировалъ, по большей части, рѣшенія такъ называемаго секретнаго комитета, состоявшаго изъ представителей отъ всѣхъ четырехъ

палаты: въ немъ засѣдало 50 дворянъ, 25 духовныхъ лицъ, 25 горожанъ и иногда 25 крестьянъ (обыкновенно, обходились вовсе безъ крестьянъ). Въ рукахъ этого комитета и находилась фактически не только законодательная власть, но и возможность контролировать власть исполнительную, вліять на текущія дѣла внутреннія и внѣшнія и т. д. Исполнительная же власть — сенатъ или „совѣтъ“ — назначалась королемъ, но всецѣло зависѣла отъ сейма или, вѣрнѣе, отъ тайнаго комитета сейма.

Къ стр. 565. „Со стороны правительствъ сосѣднихъ державъ этотъ государственный переворотъ вызвалъ озабоченіе, и они стали угрожать войною“, и т. д. Пруссія, Россія и отчасти Данія придерживались относительно Швеціи совершенно такой же политики, какой придерживались относительно Польши ея сосѣди: въ полномъ безсиліи королевской власти и партійной борьбѣ на сеймѣ иностранныя державы усматривали гарантію своихъ интересовъ и залогъ длительного безсилія этой страны. Еще въ началѣ 1771 года Фридрихъ Великій при свиданіи съ Густавомъ заявилъ ему, что будетъ вмѣстѣ съ Россіей и Даніей защищать неприкосновенность шведской конституціи даже, при нуждѣ, вооруженнымъ вмѣшательствомъ. Когда переворотъ совершился, Екатерина II не имѣла возможности выступить противъ Густава, ибо войска ей были нужны въ Польшѣ; ничего не могли подѣлать также Данія и Пруссія. Что касается Франціи, то она была очень довольна переворотомъ, увидѣвшимъ русское вліяніе на шведскія дѣла.

Къ стр. 566. „Густавъ поспѣшилъ обратно въ Швецію, склонивъ на свою сторону народъ, возмущенный возстаніемъ, созвалъ сеймъ“, и т. д. Палаты крестьянская, духовная и горожанъ были на сторонѣ короля, но дворянскіе депутаты въ огромномъ большинствѣ (700 голосовъ изъ 950) были противъ короля. Актъ о безопасности (собственно актъ о единствѣ и безопасности) дѣлалъ короля абсолютнымъ владѣльцомъ во всемъ, что касалось внѣшней политики страны, но финансовыя прала сейма, въ общемъ, остались безъ измѣненія.

Къ стр. 576. „Эти столкновенія были неизбежны, несмотря на то, что въ англійскомъ народѣ, возникшемъ изъ смѣшенія иберійскихъ и кельтскихъ, норманскихъ и романскихъ составныхъ частей, отсутствовало стремленіе къ принципиальному и теоретическому“, и т. д. Эти устарѣвшія воззрѣнія на „духъ“ расы, руководящій ея исторіей, давно уже сданы въ архивъ, и авторъ напрасно силится ихъ воскресить. Но только въ Англии, но и вездѣ въ общемъ шарѣ „стремленіе къ принципиальному и теоретическому“ никогда не обуславливало того или иного направленія исторіи. Въ запутанной и длинной фразѣ, начало которой тутъ нами вынесено, авторъ, несомнѣнно, намекаетъ на Францію и стремится провести параллель между англійскою и французскою расовыми особенностями. Но относительно Франціи только старая школа временъ Тана могла объяснить теоретичностью и стремленіемъ къ принципиальному — такія событія, какъ, напр., французскую революцію. Съ другой стороны, если во Франціи социальныя и политическія теченія, возникавшія во имя совершенно определенныхъ матеріальныхъ интересовъ, и приводили часто къ провозглашенію цѣлой системы всеобъемлющихъ принциповъ, то, вѣдь, достаточно знать исторію Англии въ XVII столѣтіи, чтобы видѣть, насколько часто то же самое явленіе имѣло мѣсто и въ англійской жизни.

Къ стр. 588. „Военный начальникъ бурга caldorman сталъ главой округа, предсѣдательствовавшимъ въ окружномъ сеймѣ“, и т. д. Военными начальниками были тегны, а ольдерменами назывались люди, завѣдывавшіе управленіемъ и бывшіе главными должностными лицами шипра. Въ царствованіе Этельреда званіе ольдермена начинаетъ замѣняться званіемъ ярла, а вовсе не только начиная съ датскаго завоеванія, какъ утверждаетъ (на той же 588 стр.) нашъ авторъ.

Къ стр. 590. Норманское завоеваніе дало сильный толчекъ къ превращенію Англии въ феодальную страну, но уже до нашествія Вильгельма англійскія учрежденія приблизились отчасти къ феодальному типу въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Монархическая власть Вильгельма, вмѣстѣ съ тѣмъ, была гораздо сильнѣе, нежели власть его континентальныхъ современниковъ. Лучшій историкъ англійскихъ учрежденій Стэблсъ („The constitutional history of England“, т. I, стр. 278) усматриваетъ характернѣйшую черту политики Вильгельма Завоевателя въ томъ, что онъ старался амальгамировать норманскія установленія и обычаи съ англо-саксонскими, причѣмъ онъ воспользовался сильнѣйшими сторонами норманской и англосаксонской системъ: во всемъ, что касалось высшихъ ступеней общественнаго органа, во всемъ, что связывало индивидуума съ общественною ячею — съ городомъ или деревней, съ сотней, съ шипромъ, — англо-саксонская жизнь работала болѣе важныя и определенныя традиціи, нежели жизнь норманская; напротивъ, въ области высшихъ государственныхъ отношеній, въ области отношеній между главными феодальными держателями и королемъ, — норманская система была гораздо болѣе выработанною и крѣпкою.

Къ стр. 597. (Бекетъ.) Бекетъ былъ признанъ послѣ своей смерти покровителемъ кентерберійскаго аббатства, и на поклоненіе ему стали стекаться массы народа. Чтобы получить прощеніе отъ папы, король принужденъ былъ не только отречься отъ кларендонскихъ постановленій, но принести клятву въ своей невинности и неучастности къ убійству Бекета, а также поклясться стоять на сторонѣ папы (Александра III) противъ антипапы.

Къ стр. 599. „Въ двухъ первыхъ отношеніяхъ равное появленіе на англійскомъ престолѣ уступчиваго короля подвинуло впередъ благосостоянію Англии и дало ей

возможность опередить европейскій материкъ на цѣлыя столѣтія въ общемъ ходѣ своего историческаго развитія“, и т. д. Авторъ придаетъ слишкомъ ужъ преувеличенное значеніе роли личности въ исторіи. И безъ „уступчиваго“ короля Іоанна Безземельнаго (который, между прочимъ, вовсе и не былъ „уступчивымъ“, а покорился лишь вслѣдствіе полной невозможности сопротивляться), — трудно сомнѣваться въ томъ, что Англія стала бы страной ограниченной монархіи вовсе не на „цѣлыя столѣтія“ позже. 13—14 вв. были временемъ такъ называемой сословной монархіи на Западѣ, т. е. эпохою сословнаго представительства въ той или иной формѣ существовавшего тогда и на Пиренейскомъ полуостровѣ, и во Франціи, и въ германскихъ земляхъ. Если въ Англіи это сословное представительство не погибло, а развилось въ конституціонный строй, то это можетъ быть объяснено цѣлымъ рядомъ историческихъ условій (вродѣ давнишняго указанія, что Англія, по островному положенію, была въ меньшей степени принуждена содержать большую сухопутную армію, нежели другія страны, и, вообще, меньше нуждалась въ усиленіи центральной власти и т. д.), — но, конечно, ни начала, ни развитія англійскихъ конституціонныхъ гарантій невозможно объяснить своевременнымъ появленіемъ „уступчивыхъ“ королей.

Къ стр. 602. Авторъ не говоритъ объ одномъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ Великой Хартіи Вольностей: о признаніи со стороны короля за подданными права на вооруженное сопротивленіе въ случаѣ нарушенія королемъ Великой Хартіи. Въ самомъ дѣлѣ, пунктъ 61-й этого документа прямо говоритъ, что если король нарушитъ статьи Хартіи, то бароны, выбранные для наблюденія за исполненіемъ Хартіи, дѣлаютъ королю соответственное представленіе; если же это не достигаетъ дѣли и король въ продолженіе 40 дней не исправитъ содѣланнаго, тогда бароны выѣдутъ съ населеніемъ королевства могутъ тѣснить короля всѣми возможными способами, захватывая королевскіе замки, земли, владѣнія, — пока не достигнутъ удовлетворенія со стороны короля.

Къ стр. 603. „Еще раньше того дѣло дошло до междоусобной войны, въ которой Лондонъ съ Симономъ Монфоромъ, графомъ Лейстеромъ, во главѣ сталъ на сторону противниковъ короля“. Роль Симона Монфора была руководящей въ теченіе всего кризиса 1258—1265 гг. Въ сраженіи при Льюнсеѣ (въ графствѣ Сэссекъ, въ 1264 г.) Монфоръ разбилъ королевское войско и взялъ Генриха III въ плѣнъ. Затѣмъ (въ 1265 году) Монфоръ отъ имени плѣннаго короля созвалъ собраніе, которое и считается первымъ англійскимъ парламентомъ. Дѣйствуя при этомъ въ духъ бароновъ, отвовавшихъ въ 1215 году Великую Хартію, Симонъ Монфоръ сумѣлъ заинтересовать въ упроченіи результатовъ своей побѣды — также городское сословіе. Отъ всѣхъ сколько-нибудь замѣтныхъ городскихъ поселеній того времени были приглашены по 2 депутата, а отъ такъ называемыхъ „Пяти Портовъ“ (т. е. отъ городовъ Дувра, Сандвича, Хайса, Ромни и Гастингса) по 4 депутата; отъ каждаго графства должны были явиться по два рыцаря. Такимъ образомъ это представительство явилось въ подмогу высшимъ баронамъ, инициаторамъ борьбы противъ короля. Кромѣ того высшіе прелаты также были приглашены принять участіе въ засѣданіяхъ собранія. При Эдуардѣ I представители „общинъ“ продолжали приглашаться на засѣданія парламента, и королевская власть, повидимому, дѣлала это даже охотно, желая получить поддержку противъ бароновъ. Но эти приглашенія были еще въ высшей степени не урегулированы, — и только въ 1297 года королевская власть категорически признала за „общиною всей земли“ право вотировать налоги и пошлины.

Къ стр. 606. Въ XV вѣкѣ отъ графствъ въ палатѣ общинъ засѣдало 74 представителя, а отъ городовъ и мѣстечекъ 200 представителей. Въ XIV—XV вв. палата общинъ пользовалась меньшимъ авторитетомъ, нежели палата лордовъ. Но, вообще, въ XIV и началѣ XV вѣковъ парламентскія прерогативы имѣли въ глазахъ королевской власти гораздо большій вѣсъ, нежели при династіи Тюдоровъ, въ концѣ XV вѣка и въ XVI вѣкѣ.

Къ стр. 607. „Въ 1362 году подъ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ чумнаго вавата вышло въ свѣтъ сочиненіе Вильяма Лангленда“, и т. д. Для пониманія умственнаго состоянія англійскаго общества Вильямъ Ланглендъ совершенно необходимъ. Онъ является приверженцемъ палаты общинъ, какъ силы, опираться на которую долженъ король. Очень отрицательно онъ относится къ притязаніямъ римской церкви на вліяніе во внутреннихъ дѣлахъ англійскаго королевства и порицаетъ церковь за скопленіе огромныхъ богатствъ. Онъ пегодуетъ, вообще, на эксплуатацію пародной вѣры разными проходивцами, прикрывающимися священнымъ саномъ, продавцами индульгенцій и т. д. Мало того, Ланглендъ склоненъ не однихъ только духовныхъ лицъ считать эксплуататорами: онъ выдвигаетъ фигуру „Петра Пахаря“, земледѣльца, прокармливающего своимъ честнымъ и тяжелымъ трудомъ себя и другихъ; тѣ, кто не желаетъ трудиться, должны погибнуть отъ голода. Между прочимъ, Ланглендъ является ненавистникомъ людей, кормящихся около денегъ: банкировъ и т. п. Его идеалъ пріурочивается еще всецѣло къ эпохѣ натурального хозяйства; его взоръ обращенъ, такимъ образомъ, не впередъ, а назадъ.

Къ стр. 607. „На сцену выступилъ первый германскій церковный реформаторъ— въ лицѣ Іоанна Виклифа, теоретика ученія о ленныхъ отношеніяхъ между человекомъ и Богомъ, находившагося подъ покровительствомъ могущественнаго герцога Ланкастерскаго Іоанна“. Авторъ почему-то любитъ совершенно некстати замѣнять слово „англійскій“ словомъ „германскій“. Виклифъ обладалъ типично-англійскимъ складомъ ума и называть его германцемъ только потому, что въ выработкѣ англійской паціи между многими другими племенами составнымъ элементомъ оказались также англо-саксы, — совершенно неосновательно. Кромѣ того авторъ совершенно ничего не говоритъ (стр. 607) о той чертѣ уче-

нїя Виклифа, которая имѣетъ самое важное историческое значеніе. Онъ повелъ рѣшительную кампанію противъ монашескихъ орденовъ и противъ высшей церковной іерархіи, противъ прелатовъ, занимающихъ вліятельные посты, и, вообще, противъ всей еще могущественной тогда церковной организаціи, самое существованіе которой расходилось съ основными воззрѣніями Виклифа на христіанское общество. Виклифъ рѣшительно отвергалъ претепанію папъ, объявлявшихъ себя главами церкви, ибо, по его ученію, главою христіанской церкви является Христосъ. Церковному авторитету онъ противопоставилъ Вѣтхій и Новый Заветъ. Разрушая католическую церковную организацію, Виклифъ не представлялъ определенной программы переустройства, которая бы замѣнила существовавшій порядокъ вещей. Но удары, нанесенные имъ папству, произвели неизгладимое впечатлѣніе въ Англіи и кое-гдѣ въ континентальной Европѣ. Когда поднялось крестьянское возстаніе, Виклифъ рѣшительно высказался противъ возставшихъ, — но, вмѣстѣ съ тѣмъ, приваллъ страшно тяжелое положеніе крестьянъ, „погибающихъ отъ голода и жажды и холода со своими дѣтьми“.

Къ стр. 613. „Лоллардамъ угрожало преслѣдованіе“. Преслѣдованіе началось около 1382 года, подѣ непосредственнымъ впечатлѣніемъ крестьянскаго возстанія, по на первыхъ порахъ палата общинъ воспротивилась. Король вмѣстѣ съ палатою лордовъ рѣшили разослать по всемъ шерифамъ приказъ то о мѣ, чтобы оказывать содѣйствіе при задержаніи незаконныхъ проповѣдниковъ. Палата общинъ потребовала уничтоженія этого мѣропріятія, въ которомъ она не принимала никакого участія. Послѣ этого протеста преслѣдованіе лоллардовъ прекратилось и нѣсколько лѣтъ подрядъ ихъ въ общемъ оставляли въ покоѣ, и ихъ пропаганда непрерывно усиливалась вплоть до послѣднихъ годовъ XIV столѣтія. Наконецъ, въ 1401 году была издава статуть „De Haeretico comburendo“, который развязалъ руки преслѣдователямъ. Въ сущности этотъ статуть о сожиганіи еретиковъ лишь подтверждалъ, большею частью, уже раньше существовавшія, но не пускавшіяся въ ходъ законоположенія. Преслѣдованія особенно обострились при Генрихѣ V. Въ 1414 году лолларды хотѣли сдѣлать было попытку захватить короля въ свои руки и начать возстаніе, но заговоръ былъ открытъ, и 37 лоллардовъ немедленно повѣшены. Преслѣдованія продолжались, и спустя нѣсколько десятилѣтій навѣсти о лоллардахъ ставятся очень рѣдки. — Ихъ проповѣдь сыграла безспорную роль въ укрѣпленіи антипапской традиціи въ Англіи.

Къ стр. 614. (О черной смерти.) Авторъ ничего не говоритъ о тѣхъ преслѣдованіяхъ, которые были направлены противъ всякихъ попытокъ рабочихъ ассоціацій въ XIV вѣкѣ. — Не только послѣ черной смерти, поставившей въ выгодныя условія наемный рабочій трудъ, но и задолго до нея, государство подозрительно смотрѣло на попытки рабочихъ объединиться. Еще въ 1305 году были воспрещены какіе бы то ни было союзы или ассоціація между рабочими, имѣющіе цѣлью поднятіе заработной платы, уменьшеніе продолжительности рабочаго времени и т. д. Этотъ законъ былъ неоднократно подтвержденъ и дополняеъ послѣ черной смерти.

Къ стр. 622. „Идея вассальной системы стояла въ извѣстной связи съ христіанскимъ вѣроученіемъ. Ленная система была въ извѣстной степени перенесеніемъ небесной монархіи на землю“. Это утвержденіе — вполне фантастическое, хотя въ старину часто повторявшееся. Феодализмъ былъ всемірно-историческимъ явленіемъ, которое не только переживали христіанскіе народы Европы, — по слѣды котораго констатируются наукой и внѣ Европы, у народовъ, понятія не имѣвшихъ о христіанствѣ. Дѣйствительно, юристы, разрабатывавшіе феодальное право, иногда старались возсоздать стройную систему, въ которой на вершинѣ находился бы намѣстникъ Христа — папа, ниже его — его „вассалы“ — короли и императоръ, еще ниже — вассалы королей и т. д. Но причеъ тутъ „перенесеніе небесной монархіи на землю“?

Къ стр. 625. „Генрихъ совершилъ то, чего не могъ выполнить ни одинъ монархъ вѣка реформаціи на материкѣ Европы“, и т. д. Авторъ долженъ былъ бы вспомнить то, на что онъ самъ совершенно правильно указываетъ въ предшествующемъ изложеніи: римская курія никогда не была въ Англіи такъ сильна, какъ на материкѣ Европы, — и поступку Генриха VIII предшествовала долгая и упорная борьба англійскихъ королей и парламентовъ противъ папскихъ притязаній. Ни одна страна въ Европѣ не была такъ подготовлена къ эмансипаціи отъ римскихъ папъ, какъ, именно, Англія. Такимъ образомъ личность качества Генриха VIII никакой особой роли тутъ не играли. „Черный интернаціоналъ“, какъ любитъ выражаться, вообще — и выражается здѣсь (стр. 625) — папѣ авторъ, далеко не былъ всемогущъ въ Англіи не только въ началѣ XVI вѣка, но и въ XI столѣтіи, въ эпоху, когда даже непреклонный поборникъ папскаго авторитета Григорія VII принужденъ былъ сноситься съ остальными европейскими государями. — Что касается самаго выраженія „черный интернаціоналъ“, то оно получило широкое распространеніе въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ гг. XIX вѣка, — и особенно часто употреблялось въ эпоху такъ называемаго „культуркампфа“ 1873 и слѣд. гг., когда Бисмаркъ велъ рѣшительную антикатолическую политику. Это — полемическое выраженіе, созданное по аналогіи съ „краснымъ“ интернаціоналомъ (т. е. интернаціональнымъ обществомъ рабочихъ).

Къ стр. 625. „Богатая казна, упаслѣдованная Генрихомъ отъ его, можно сказать, скупого отца, избавила его отъ необходимости вступать въ столкновеніе съ парламентомъ на — за утвержденія налоговъ въ самомъ началѣ своего правленія и закупать это утвер-

ждеіе цѣною уступокъ въ другихъ отрасляхъ государственнаго управленія“. Конечно, внутренняя политика Генриха VIII объясняется далеко не такъ просто, какъ это выходитъ, если повѣрить нашему автору. Дѣло было вовсе не въ томъ, что Генрихъ не обращался къ парламенту, а въ томъ, что парламентъ всегда ему уступалъ, ибо не могъ и не хотѣлъ вести съ нимъ борьбу. Не только при Генрихѣ VIII, но и при его преемникахъ вплоть до послѣднихъ лѣтъ царствованія Елизаветы, королевская власть въ Англіи была такъ сильна, какъ никогда не была ни раньше — начиная съ XIII-го вѣка, — ни позже. Англіи приходилось выдерживать съ конца 20-хъ гг. XVI вѣка почти въ теченіе всего этого XVI столѣтія упорнѣйшую длительную борьбу противъ испанскаго преобладанія, — борьбу то дипломатическую, то вооруженную. Съ одной стороны, Испанія, какъ сильнѣйшая и богатѣйшая морская держава постоянно держала Англію подъ угрозой нашествія, съ другой стороны — всѣ жизненные интересы англійской торговли побуждали Англію изо всѣхъ силъ стараться возможно болѣе ограничить вліяніе Испаніи въ континентальной Европѣ. Ненависть къ Испаніи обострялась еще и тою рѣшительною анти-реформаціонной политикою, которая стала характерною для Испаніи уже при Карлѣ V. При такихъ условіяхъ Англія въ XVI вѣкѣ представляла собою какъ бы военный станъ, всегда готовый къ нападению со стороны гораздо болѣе сильнаго непріятеля, — и на короля смотрѣли, какъ на естественнаго вождя въ этой грозной борьбѣ. Ревнивому отстаиванію парламентскихъ правъ не могло быть мѣста, и королевская власть непомѣрно усилилась. Ошибка Стюартовъ въ слѣдующемъ (XVI) вѣкѣ заключалась прежде всего въ томъ, что они не поняли измѣнившихся обстоятельствъ и были склонны возвести въ систему образъ дѣйствій Тюдоровъ.

Къ стр. 626. „Обладая даромъ политической проицательности, но лишеннымъ всякаго политическаго чувства чести, онъ отвернулся отъ Германіи, какъ только сталъ опасаться ея чрезмѣрнаго усиленія“, и т. д. Наивная фраза автора лишена всякаго содержания прежде всего потому, что никогда ни одна держава въ своей дипломатической дѣятельности „чувствомъ чести“ не руководилась и не руководится; слѣдовательно, укоръ, посылаемый Генриху VIII, можетъ быть съ такимъ же правомъ адресованъ всему человѣчеству. Въ частности, авторъ могъ бы тутъ, кстати, припомнить всегдашнюю традицію англійской вѣшной политики: бороться противъ той державы континента, которая въ данный моментъ является самою сильною. Эта традиція опредѣляла политику Англіи и въ XVI, и въ XVII, и въ слѣдующихъ вѣкахъ, вплоть до настоящаго момента. Сохраненіе „европейскаго равновѣсія“, дѣлающее Англію рѣшающей силой, — всегда было цѣлью англійской политики относительно континента.

Къ стр. 626. „Съ быстрой рѣшимостью онъ захватываетъ какія только могъ схоластическія основанія въ пользу господствующаго религіознаго міросозерцанія и пустилъ ими въ лобъ Лютеру“...

Напрасно авторъ думаетъ, что Генрихъ VIII былъ невѣждою въ схоластическихъ тонкостяхъ; напротивъ, онъ очень любилъ теологическія разсужденія. Онъ прекрасно зналъ латинскій языкъ, по свидѣтельству Эразма Роттердамскаго, — и, вообще, былъ едва ли не наиболѣе интересующимся теологическою „наукою“ человѣкомъ изъ всѣхъ своихъ коронавашихъ современниковъ.

Къ стр. 628. „Собравши большое число противорѣчивыхъ мнѣній о законности своего брака отъ европейскихъ университетовъ, онъ открылъ борьбу“, и т. д. Въ Парижѣ былъ посланъ выдающійся дѣятель этого царствованія Реджисвальдъ Поль; мнѣніе Сорбонны во всѣхъ вопросахъ каноническаго права считалось непререкаемо-авторитетнымъ; посланы были также довѣренные люди въ старыя итальянскія университеты. Были пущены въ ходъ подкупы, обшанія и т. д. Въ общемъ, королю удалось получить отъ этихъ теологическихъ корпорацій 8 мнѣній въ пользу развода и противъ папской компетенціи. Эти мнѣнія были въ началѣ 1531 года доложены парламенту, который, въ общемъ, вплоть до конца всего дѣла помогалъ королю. Весьма характерно, что когда въ 1533 году Генрихъ, наконецъ, женился на Аннѣ Болейвъ, и дѣло быстро пошло къ окончательной развязкѣ, то палата общинъ сильно боялась какъ бы папа не наложилъ на Англію интердикта и этимъ не прекратилъ бы торговые сношенія Англіи съ Нидерландами. Это, собственно, было единственнымъ серьезно-задерживающимъ мотивомъ, но, въ концѣ концовъ, палата исполнила желаніе короля и отмѣнила право римской курии, какъ апелляціонной инстанціи.

Къ стр. 630. Деспотическій образъ дѣйствій короля и жесточайшія расправы со всѣми, подозреваемыми въ невѣрности, особенно тяжело сказывались не на простомъ народѣ, а на знати. Въ 1535 году нѣкоторые представители англійской знати, не видя выхода изъ своего отчаяннаго положенія, даже вступили въ тайныя сношенія съ императоромъ Карломъ V и убѣждали его предпринять нашествіе, утверждая, что онъ будетъ вѣрчеиъ, какъ набавитель. Но это ни къ чему не привело, такъ же, какъ въ обстоятельствѣ, что папа (Павелъ III) приглашалъ европейскихъ монарховъ лишить Генриха VIII престола.

Къ стр. 631. „Въ Девонѣ, Корнуэльсѣ и Норфолькѣ народъ поднялся на защиту стараго церковнаго ученія“, и т. д. Движеніе въ Норфолькѣ въ 1549 году не имѣло ничего общаго съ вѣроисповѣдными вопросами, и оно стоитъ того, чтобы даже въ сжатой исторіи Англіи о немъ было сказано хоть нѣсколько словъ. Срединѣ 16-го вѣка была временемъ усиленнаго огораживанія прежнихъ общинныхъ угодій и усиленнаго сокращенія площади хлѣбнаго нашествва въ пользу пастбищъ. Въ частности, много жалобъ возбуждалъ образъ дѣйствій лендлордовъ, пользовавшихся всевозможными юридическими придирками

и формальными неясностями для отнятія у крестьянъ общинныхъ угодій. Подъ вліяніемъ этого жестокаго социально-экономическаго кризиса 20 іюня 1549 года въ Эттлборо всихнуло возстаніе, руководителемъ котораго сдѣлался вліятельный въ округъ человекъ Робертъ Кэтъ. Бунтовщики ломали поставленные лендлордами нагороди, захватили нѣсколько мѣстъ въ Норфолькѣ и осадили Норвичъ. Подъ знаменами Кэта собралось около 16 тысячъ человекъ. Бунтовщики выработали петицію, въ которой требовали сокращенія права лендлордовъ на огораживаніе земель, на рыбную ловлю и т. д.; требовали также уничтоженія послѣднихъ слѣдовъ личной зависимости нѣкоторыхъ категорій крестьянъ отъ помѣщиковъ. Петиція не получила удовлетворенія; противъ Кэта была выслана королевская армія, которую онъ разбилъ. Только другому войску, посланному подъ начальствомъ графа Варвика, удалось разбить Кэта, который былъ казненъ (7 дек. 1549 г.). Это возстаніе крайне важно и характерно для исторіи экономической эволюціи, переживавшейся тогда англійскимъ народомъ, но ни малѣйшаго касательства къ религіи оно не имѣетъ.

Къ стр. 637—638. Авторъ смотритъ сквозь слишкомъ розовыя очки на положеніе дѣлъ въ Англіи въ XVI вѣкѣ; страна переживала очень трудную эпоху, когда тысячи и тысячи крестьянъ были выброшены вонъ со своихъ земельныхъ участковъ, все государство кишѣло бездомными бродягами, цѣны на предметы первой необходимости возросли въ полномъ несоотвѣтствіи съ платежною способностью населенія, и, вообще, хаосъ и неурядица царили въ жизни, особенно предъ восшествіемъ Елизаветы на престолъ.

Къ стр. 642. „Вскорѣ послѣ этого Джемсъ Гейборнъ графъ Ботвелъ взорвалъ на воздухъ съ ея вѣдома ея законнаго супруга“, и т. д. Авторъ говоритъ объ этомъ столь положительно, какъ если бы это ему могло быть вполнѣ достовѣрно извѣстно. На самомъ же дѣлѣ участіе Маріи Стюартъ въ убійствѣ Ботвеля далеко не доказано, хотя это обвиненіе и было главнымъ изъ всѣхъ тѣхъ, какія были пущены въ ходъ противъ нея ея врагами.

Къ стр. 645. Кромѣ желанія покочичить, наконецъ, съ Англіей, у испанскаго правительства при посылкѣ непобѣдимой Армады были еще соображенія, заставившія торопиться съ выполненіемъ этой задачи: морскіе разбои Дрека и его послѣдователей, явно покровительствуемые Елизаветой, не только губили испанскую торговлю, но страшно затрудняли сношенія испанской метрополіи съ заатлантическими колоніями. Англійскія пиратскія экспедиціи были постояннымъ наоминаніемъ для Испаніи, что ея интересы совершенно непримиримы съ интересами Англіи. Франсисъ Дрекъ напалъ на кадикскій портъ и сжегъ тамъ восемнадцать судовъ и сталъ, вообще, безпокоить испанское побережье. При такихъ условіяхъ Филиппъ рѣшилъ не медлить съ нанесеніемъ рѣшительнаго удара.

Къ стр. 649. „Несмотря на свой первоначальный отказъ, король все же вынужденъ былъ 7 іюня вслѣдствіе тяжелыхъ денежныхъ затрудненій утвердить этотъ законъ, не только лишившій короля права вводить военное положеніе и отмѣнившій аресты безъ предъявленія обвиненій, но положившій также конецъ принудительнымъ займамъ“. Собственно, петиція говорила не о „военномъ положеніи“, но о воспрещеніи назначать коммисіи, которыя бы въ мирное время судили обвиняемыхъ по законамъ военнаго времени. Авторъ ни одного слова не говоритъ объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ роспуску парламента въ 1629 году. За нѣсколько мѣсяцевъ до начала засѣданій парламента былъ убитъ герцогъ Букингемъ, руководящій дѣятель первыхъ лѣтъ царствованія Карла, и вскорѣ послѣ этого Томасъ Уэнтвортъ, бывшій однимъ изъ видныхъ представителей оппозиціи, вдругъ измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ и перешелъ на сторону короля. Онъ не только сталъ отстаивать сейчасъ же самыя худшія злоупотребленія королевской власти, но сталъ выработать планъ превращенія Англіи въ самодержавное государство. Подъ его вліяніемъ король сталъ дѣйствовать еще болѣе круто и рѣшительно, нежели прежде.

Къ стр. 650. „Еще раньше того онъ припалъ мѣры къ поддержанію въ исправности своего флота. Будучи того мнѣнія, что военный флотъ оказываетъ наибольшія услуги торговлѣ и, главнымъ образомъ, приморскимъ торговымъ городамъ, онъ перенесъ на эти города денежные расходы, необходимые для содержанія военныхъ морскихъ силъ (корабельныя деньги)“. Авторъ совершенно невѣрно понимаетъ введеніе „корабельной подати“. Флотъ съ его интересами былъ тутъ рѣшительно не при чемъ. Корабельная подать была однимъ изъ стародавнихъ налоговъ на приморскіе города и поселенія, который королевская власть могла по своему усмотрѣнію взимать въ случаѣ, если морскія силы враговъ грозили побережью. Деньги шли на постройку кораблей и приведеніе побережья въ боевую готовность. Карлъ распространилъ вскорѣ эту подать на все королевство. Томасъ Уэнтвортъ, неуклонно стремившійся къ уличенію прежнихъ основъ государственнаго устройства Англіи, говорилъ, что нужно только притупить подданныхъ къ уплатѣ этого налога и, вмѣстѣ съ тѣмъ, хоть три года не вести войнъ, — и тогда король Карлъ станетъ могущественнѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ. Другими словами, этотъ налогъ долженъ былъ обращаться вовсе не на поддержку флота, а на пополненіе королевской казны мимо-законнымъ путемъ безъ обращенія къ парламенту. Авторъ, кромѣ того, совершенно не упоминаетъ о выступленіи Гэмпдена, прославившемъ его имя. Въ 1637 г. Гэмпденъ (помѣщикъ изъ Букингемшира) отказался уплатить свою долю корабельнаго налога, и дѣло перешло въ судъ. Изъ двѣнадцати судей 7 высказались въ пользу короля и пять въ пользу Гэмпдена. Хотя протестъ Гэмпдена постигла неудача, но онъ имѣлъ огромное агитаціонное значеніе, и лишній разъ все это дѣло выяснило полную беззаконность въ дѣйствіяхъ короля.

Къ стр. 651. „Несмотря на то, что уполномоченный отъ короля объявилъ распущеннымъ собравшійся въ Глазго церковный соборъ, этотъ послѣдній уничтожилъ епископскій савъ и ввелъ чисто пресвитеріанское устройство (covenant)“. Авторъ не понимаетъ значенія слова covenant. Оно вовсе не обозначаетъ пресвитеріанское устройство. „Covenantомъ“ или, еще точнѣе, „первымъ ковенантомъ“ назывался документъ, выпущенный въ 1557 году въ Шотландіи главными вождями пресвитеріанства, т. е. „лордами конгрегациі“. Этотъ „ковенантъ“ представлялъ собою торжественный обѣтъ защищать вѣру „противъ сатаны“ и всѣхъ его орудій, т. е. противъ всѣхъ враговъ пресвитеріанства. Въ 1638 году этотъ „ковенантъ“ былъ возобновленъ и послужилъ лозунгомъ борьбы противъ Лоуда.

Къ стр. 656. „Благодаря этому — столкновенію между парламентомъ и исполнительной властью потеряли ту остроту, вслѣдствіе которой раньше дѣло доходило нерѣдко до разрыва между ними. Правительственная инструкция должна была возстановить безусловное и необходимое равновѣсіе между парламентомъ и правительствомъ“. Авторъ слишкомъ благодушно смотритъ на „конституцію“ временъ Кромвеля. Фактически никакого „равновѣсія“ между властями не существовало, и въ рукахъ протектора сосредоточивалась ничѣмъ неограниченная власть, ибо всѣ эти допущенныя Кромвелемъ конституціонныя ширмы ни малѣйшаго реального значенія не имѣли. Желѣзная воля Кромвеля не терпѣла никакихъ препятствій и противорчій со стороны кого бы то ни было, кромѣ арміи, съ мнѣніями которой (особенно, касающимися религіи) онъ очень считался. Даже дальнѣйшее изложеніе у самого автора (стр. 657—658) опровергаетъ его взглядъ на конституцію временъ протектората.

Къ стр. 659. Лондонское купечество, какъ и, вообще, большинство средняго класса Англіи, было въ 1660 году всецѣло настроено въ пользу возстановленія монархіи. Невыносимая анархія, послѣдовавшая послѣ смерти Кромвеля, самоуправство пуританъ — все это въ высшей степени раздражало зажиточные слои народа. Простой народъ не былъ такъ опредѣленно настроенъ, но и среди него монархисты не встрѣтили никакой оппозиціи.

Къ стр. 660. Опечатка: Карлъ II скончался въ 1685, а не въ 1689 году.

Къ стр. 664. „Такимъ же образомъ въ самой Европѣ англичане были обязаны успѣхами своей торговли глупости своихъ конкурентовъ“. Эта фраза совершенно ничего, конечно, не можетъ уяснить читателю. Борьба между Нидерландами и Испаніей не была „глупостью“ ни съ той, ни съ другой стороны: она была обусловлена совершенно непримиримыми интересами и стремленіями обѣихъ странъ. Нельзя одною „глупостью“ объяснять и Тридцатилѣтнюю войну. Безспорно то, что въ незамѣримой степени успѣхи англійской политики могутъ быть объяснены и географическимъ положеніемъ, дѣлавшимъ страну безопасною отъ нашествій и облегчавшимъ торговые сношенія со всѣмъ міромъ, и быстрымъ (въ XVII в.) ростомъ населенія; если ея конкуренты на материкѣ Европы гораздо болѣе страдали отъ войнъ и подвергались гораздо болѣе существеннымъ опасностямъ, то дѣло не въ ихъ „глупости“, а въ менѣе благоприятныхъ условіяхъ, въ которыхъ они жили.

Къ стр. 667. „Все рѣзче стало выступать то различіе, которое дѣлали пресвитеріане между своими согражданами другихъ вѣроисповѣданій“, и т. д. Незавѣстно, почему авторъ приписываетъ эти взгляды (на пуританъ и католиковъ) только однимъ пресвитеріанамъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ все это относится дѣлкомъ и къ послѣдователямъ англиканства. Считать пресвитеріанъ въ Англіи столь же господствующими, какъ въ Шотландіи — совершенное заблужденіе, а нашъ авторъ, повидимому, это дѣлаетъ, не упоминая объ англиканствѣ и (на стр. 668) говоря: „въ Шотландіи тоже одержало верхъ пресвитеріанство“. Положеніе этихъ двухъ странъ относительно пресвитеріанства — далеко не однородное.

Къ стр. 677. „Подъ вліяніемъ французской революціи при немъ произошелъ поворотъ во внутренней политикѣ Англіи отъ либерализма къ консерватизму“, и т. д. Этотъ поворотъ произошелъ еще до французской революціи. Для правильнаго пониманія политическихъ теченій въ Англіи XVIII столѣтія необходимо помнить, что въ теченіе всей первой половины (я даже болѣе) XVIII вѣка торіи играли роль враждебной „гавноверскимъ“ королямъ партіи, ибо тайныя стремленія въ пользу реставраціи династіи Стюартовъ нигдѣ не были такъ могущественны и живучи, какъ именно среди консервативно настроенной знати. Напротивъ, виги были династическою партіею по преимуществу и, слѣдовательно, не имѣли соперниковъ въ борьбѣ за правительственную власть. Но при Георгѣ III положеніе вещей стало измѣняться. Стюарты отошли въ область преданій, о низверженіи гавноверской династіи уже не мечтали самые пылкіе торіи, — и виги потеряли свое прежнее исключительно выгодное положеніе. Истинныя соціальнаго самосохраненія, особенно съ тѣхъ поръ, какъ сталъ подниматься вопросъ объ избирательной реформѣ, начали все болѣе и болѣе сказываться въ тѣхъ кругахъ населенія, которые по существовавшимъ законамъ были допущены къ избирательнымъ операціямъ. При такихъ условіяхъ консервативное теченіе все болѣе и болѣе усиливалось. Съ своей стороны Георгъ III по натурѣ былъ убѣжденнымъ и крайнимъ реакціонеромъ, оказывавшимъ дѣятельную поддержку всякому ретроградному начинанію, — и это тоже сильно помогало торіямъ въ теченіе всего самостоятельнаго правленія этого короля.

Къ стр. 679. „Отбросы рабочихъ ткацкой промышленности неоднократно пытались бороться силой противъ нововведеній, угрожавшихъ голодомъ всѣмъ менѣе ловкимъ

рабочимъ“ и т. д. Рабочіе бунты, направленные къ разрушенію машинъ, есть типичное явленіе первоначальной стадіи борьбы рабочаго класса противъ ухудшившихся условій жизни въ переходный періодъ конца XVIII и начала XIX вв. Это явленіе имѣло мѣсто и въ Англіи, и во Франціи, и въ другихъ странахъ; принимали участіе въ этихъ беспорядкахъ вовсе не только „отбросы“ рабочаго люда, — а очень большія массы его, и едва ли не самыя энергичныя, ибо другой тактики, которая могла бы отвлечь рабочихъ отъ этой формы борьбы, еще не было указано ни теоріею, ни жизнью.

Къ стр. 686. „Въ то время, какъ обширные слои населенія, не принимавшіе участія въ парламентскихъ выборахъ, встрѣчали съ восторгомъ извѣстія о событіяхъ, происходившихъ въ Парижѣ, состоятельные классы, тоже относившіеся вначалѣ съ горячимъ одобреніемъ къ общимъ принципамъ революціи, спохватились черезъ короткое время“, и т. д. Здѣсь авторъ непременно долженъ былъ бы упомянуть о вліяніи, которое оказала появившаяся въ ноябрѣ 1790 года работа Борка: „Размышленія о французской революціи“. Цѣлью книги Борка было скомпрометировать французскую революцію въ глазахъ англичанъ, которые склонны были еще усматривать въ ней сходство съ революціей англійскою, положившей въ XVII вѣкѣ конецъ абсолютистскимъ попыткамъ Стюартовъ. Во французской революціи ему былъ ненавистенъ и бурный разрывъ съ прошлымъ, и торжество общихъ принциповъ надъ традиціею, и отсутствіе преемственности между старыми и новыми установленіями; онъ нападалъ на обращеніе съ королемъ и королевою, оплакивалъ неблагодарность французовъ (которую усматривалъ въ ихъ отношеніяхъ къ Людовику XVI) и т. д. Онъ предсказалъ, что французская революція отброситъ другія правительства въ сторону реакціи. Между прочимъ, Боркъ подвергъ жесточайшей и въ высшей степени близорукой и несправедливой критикѣ дѣйствія учредительнаго собранія, въ которыхъ онъ видѣлъ, по большей части, безуміе и преступленіе. Онъ предсказывалъ государственное банкротство Франціи, уничтоженіе монархической власти, отміну христіанской религіи и т. д. Между прочимъ, онъ высказывалъ увѣренность въ непрочности французской свободы и предрекалъ, что какой-нибудь популярный генералъ можетъ, въ концѣ концовъ, очутиться хозяиномъ положенія. Книжка Борка произвела колоссальное впечатленіе на правящіе круги не только Англіи, но и другихъ европейскихъ странъ. Этотъ памфлетъ въ первый же годъ своего существованія разошелся въ одной толькѣ Англіи въ 19 тысячахъ экземпляровъ. Не говоря уже о торіяхъ, многіе виги всецѣло примкнули къ взглядамъ Борка, ставшаго знаменосцемъ англійской реакціи противъ французской революціи.

Къ стр. 687. „300 членовъ дублинскаго парламента избирались исключительно пуританами“, и т. д. Это совершенно невѣрно: не „пуританами“, а протестантами, т. е. англичанами и пресвитеріанами, — главнымъ образомъ эти два исповѣданія и понимались подъ сборнымъ словомъ „протестантъ“, какъ оно употреблялось въ Ирландіи. Въ Ирландіи въ эпоху войны Англіи противъ сѣверо-американскихъ колоній наблюдалось двоякаго рода движеніе: съ одной стороны — среди вѣчно угнетенныхъ католиковъ, стремившихся къ уравненію въ правахъ съ протестантами, а съ другой стороны — среди протестантскаго населенія, не желавшаго допустить такое уравненіе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, требовавшего права самоуправленія и возможно большей независимости отъ англійскаго правительства. Не имѣя силы сопротивляться въ одно и то же время и американцамъ, и ирландцамъ, Англія (въ 1782 г.) и даровала Ирландіи особый („дублинскій“) парламентъ. Этимъ были удовлетворены ирландскіе протестанты, ибо католики въ дублинскій парламентъ допущены не были. Что же касается позднѣйшаго движенія въ 90-хъ гг. XVIII вѣка, то оно приняло чисто сепаратистскій характеръ, — и католическій элементъ весьма дѣятельно въ этомъ движеніи участвовалъ. Напрасно только нашъ авторъ думаетъ, что на этотъ разъ протестанты не участвовали въ движеніи; говоря объ обществѣ „соединенныхъ ирландцевъ“ (стр. 687), онъ долженъ былъ бы указать, что оба главные инициаторы общества (Вольфъ Токъ и лордъ Фицджеральдъ, которыхъ онъ даже не называетъ) были протестантами, такъ же какъ многіе другіе вліятельные члены этой организаціи. Совершенно невѣрно указаніе автора: „въ Ирландіи идея всеобщаго избирательнаго права пустила уже такіе глубокіе корни, что ее невозможно было подавить силой“. Эта „идея“ была совершенно не при чемъ въ движеніи 90-хъ гг. XVIII вѣка, и ни глубокихъ, ни неглубокихъ корней въ Ирландіи она не имѣла: рѣчь шла о правѣ католиковъ принимать участіе въ парламентскихъ выборахъ и въ занятія государственныхъ и общественныхъ должностей. Но и этотъ дозвѣній скоро уступилъ мѣсто чисто-сепаратистскимъ тенденціямъ: полное отдѣленіе Ирландіи отъ Англіи было главнымъ содержаніемъ программы инсургентовъ.

Къ стр. 689. „Несмотря на это Англія не могла рѣшиться на уступку Мальты, а такъ какъ Бонапартъ не любилъ путить въ не обычныхъ случаяхъ, то война возобновилась снова въ маѣ 1803 года“. Противорѣчіе между самыми жизненными интересами Англіи и владычествомъ Наполеона было такъ велико, что Амьенскій миръ съ самаго начала разсматривался и обѣими сторонами, заключившими его, и остальною Европою, какъ временное и очень недолговѣчное перемиріе. Кроме того, дѣло было вовсе не въ одной Мальтѣ, (даже какъ предлогъ для новой войны): Англія не возвращала ни Александрію, ни захваченныхъ ею французскихъ поселеній въ Индіи. Съ своей стороны Бонапартъ не переставалъ нарушать условія мира. Торговая политика Франціи въ 1802—3 гг. носила явно враждебный Англіи характеръ, — а насилія, чинимыя первымъ консуломъ на конти

нентъ, давали англійскому правительству понять, что ихъ торговлѣ суждено утрачивать все большій и большій по размѣрамъ рынокъ, ибо Бонапартъ не допускалъ, чтобы зависима отъ него государства вели сколько-нибудь самостоятельную торговую политику.

Къ стр. 691. „На основаніи недоказаннаго слуха о томъ, что Наполеонъ хочетъ воспользоваться для борьбы съ Англіей датскимъ флотомъ, британскій флотъ предпринялъ во второй разъ въ мирное время бомбардировку Копенгагена“, и т. д. Каннигъ, бывшій тогда англійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, разсматривалъ Данію, какъ сильнѣйшую изъ морскихъ державъ сѣвернаго моря, а что Наполеонъ воспользуется датскимъ флотомъ, — это было совершенно ясно. Англія боялась воскрешенія идеи вооруженнаго нейтралитета и рѣшила уничтожить единственный сколько-нибудь серьезный флотъ, еще остававшійся въ распоряженіи континентальной Европы. Съ точки зрѣнія международнаго права бомбардировка Копенгагена была вопіющимъ правонарушеніемъ, но англичане ссылались на цѣлый рядъ еще болѣе неоправдываемыхъ насилій со стороны Наполеона. Съ момента объявленія континентальной блокады англичане разсматривали всякую державу, не находящуюся во враждѣ съ Наполеономъ, — какъ своего противника, относительно котораго всѣ средства вполнѣ позволительны.

Къ стр. 692. „Англія извлекла больше выгодъ, чѣмъ всѣ другія державы изъ Вѣнскаго конгресса“, и т. д. Это невѣрно. Англія всѣхъ своихъ успѣховъ добилась во время самой войны, еще до конгресса; и главнымъ изъ этихъ успѣховъ было, конечно, то обстоятельство, что къ моменту паденія Наполеона Англія оказалась единственною и безспорною владычицею на всѣхъ моряхъ. Ея экономическое развитіе, далеко опередившее весь остальной міръ, дѣлало всѣ, даже величайшія тогдашнія державы ея данницами въ экономическомъ отношеніи. Паденіе Наполеона открыло предъ Англіей колоссальный рынокъ, гдѣ у нея съ тѣхъ поръ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій не было сколько-нибудь серьезныхъ конкурентовъ. Въ частности, въ смыслѣ территориальныхъ приобрѣтеній, Англія удержала на Вѣнскомъ конгрессѣ все, что хотѣла удержать, по той простой причинѣ, что конгрессъ при всемъ желаніи былъ бы вполнѣ безсиленъ отвять у нея что бы то ни было. Такъ что Вѣнскій конгрессъ самъ по себѣ, какъ дипломатическій органъ, не имѣлъ и не могъ имѣть для Англіи серьезнаго значенія ни въ положительную, ни въ отрицательную сторону.

Указатель.

- Ааргуазское епископство 318.
 Аахень: коронаваніе Людовика Благочестиваго 96; мирный договоръ 812 года 362; мирн. договоръ 1668 г. 661; мирн. договоръ 1748 г. 676; резиденція Карла Великаго 199; сеймъ 831 г. 202.
 Абака (Абакха), сынъ Хулагу 474.
 Абалось, яитарный островъ 36.
 Аббасидскій халифатъ 474.
 Аббю 191.
 Abhoggers 662.
 Абд-ур-Рахманъ, халифъ 192.
 Абель, Н. Г., норвежск. математ. 543.
 Абельяръ, Петръ 223. 283. 443.
 Абильтгаардъ, Н. А. 531.
 Або, городъ въ Финлянд. 572.
 Абоскій мирный дог. 7 авг. 1743 г. 564. 572.
 Аботритскія земли 15.
 Абрисель, Робертъ 285.
 Абручскій говоръ 177.
 Абсалонъ, еписк. 513. 514.
 Абсолютизмъ: датскій 522 и сл., 528 и сл.; неаполитанскій 405.
 Абукирское сраженіе 1 авг. 1798 года 688.
 Ава 41.
 „Авантюра-дама“, героиня народныхъ пѣсень 443.
 Аваншъ 179.
 Авары 82. 193. 313.
 Августинъ, аббатъ 253.
 Августъ, римскій императоръ 44. 47. 55. 179.
 — II, польскій король, см. Фридрихъ Августъ I, король саксонскій.
 — Сильный (Сакс.) 561.
 Aventicum 179.
 Аверроэсъ, арабск. философъ 290.
 Аверса, основаніе 368.
 — Ло Норманна 507.
 Авиньонское епископство 212.
 Авиньонъ, резиденція папъ въ эпоху „Вавилонск. плѣненія“ папъ 137. 291 и сл.; см. также Вавилонск. плѣненіе папъ.
 Аврелианъ, римскій императ. 60. 64.
 Аврелий, Александръ Северъ 580.
 — Автоній Пій 580.
 — Маркъ 60.
 Аврунки 176.
 Австраліи 91.
 Австразія 86. 346.
 Австралія 87.
 Австрійская партія въ XIV стол. (при выборахъ императ.) 139.
 Австрія 120. 132.
 Автономія университетовъ во Франціи 214 и сл.
 Агиллофингеръ 314.
 Агилуфинга 81. 85.
 Агилульфъ, правитель лангобардовъ 347.
 Агнеса изъ Пуату 108. 111.
 — Эдесская 450.
 Агоста 180.
 Агрикола, М. 571.
 Адалъ 53.
 Адалъберо, архіеписк. 209.
 Адалъбертъ, архіеписк. бременск. 320.
 Аддисонъ, Джозефъ 672.
 Аделазія, жена Рожера I 370.
 Аделаида, жена Лотаря 364.
 Адельгейда 105.
 Адельгейма, сестра Копрада Бургундскаго 103.
 Адельгисъ, лангобардъ 354.
 Адельхисъ, герц. беневентскій 360.
 Адемаръ изъ Пюи 421.
 Адольфъ II Гольштейнскій 321.
 — Готторпскій, родонач. Готторпск. династіи въ Швеціи 519.
 — Нассаускій 134. 135.
 — Фридрихъ, шведск. король 564.
 Адольфъ II Шаумбургскій графъ 15.
 — VIII Шаумбургскій 336.
 Адрианополь 562.
 Адрианопольская битва 378 г. 63.
 Адрианъ, рим. императ. 579.
 — II, папа 264. 360.
 — IV, папа 377.
 Адриатическаго моря о-ва 387.
 Адрия, городъ 374.
 Адуатука 42. 45. 51.
 Азгардъ (норманнск. мифол.) 496.
 Азинкурская битва 25 октяб. 1415 г. 616.
 „Азы“, боги въ мифологіи норманновъ 496.
 Аистульфъ, король лангобардовъ 92. 190. 191. 350. 351.
 Айубиды 240.
 — египетскіе 240.
 Акваспарта, Матвѣй 390.
 Aqua Felice 399.
 Аквилейская битва 63.
 Аквилея 374.
 Аквинатъ, Тома 288.
 Аквитанія 76. 92. 187. 188. 211.
 Аквитанцы 89.
 Акка, см. Акконъ 330.
 Акки 126.
 Акконская битва 455 и сл.
 Акконъ 330. 432. 438. 450. 474.
 Акрагасъ 177.
 Аксонкоръ изъ Халеба 440.
 Act of settlement 669.
 Аладвлъ (Эль-Маликъ Аль-Адилъ) 457. 459. 461. 464.
 Аладхидъ, халифъ 450.
 Аламанія 102. 143. 187.
 Аламанны 41. 60. 61. 64. 68. 73. 80. 83. 88. 89. 97. 189.
 Аламунгъ изъ Панноніи 74.
 Аландскіе о-ва 567.
 Аларихъ изъ рода Балтовъ, предводитель вестготовъ 63. 64. 65. 85. 256.
 — II 76.
 Алафдалъ (Эль-Меликъ-Эль-Афдалъ) 425. 428.

- Алая и Бѣлая Розы, см. Бѣлая и Алая Розы, война между ними.
 Ала, колон. 176.
 Албанскій языкъ 174.
 „Albion“ 151.
 Алодрамиды 370.
 Александръ I, рус. царь 568. 572.
 — II, русск. царь 572.
 — III, папа 122. 281.
 — V, папа 299. 302.
 — VI, папа 306.
 Александръ Великій 36.
 Алексѣй I, византійск. императ. 228. 416. 418. 423.
 — IV, визант. императ. 462.
 д'Алесси, Джузеппо 405.
 Алигъери, см. Данте Алигъери.
 Алиса Антиохійская 437. 445.
 — дочь Балдуна II 435.
 Али, Хайдеръ 683.
 Алиенора изъ Пуату, жена Раймонта 445.
 Алкуинъ изъ Юрка 198.
 Аллера, р. 191.
 Аллійская битва 390 г. до Р. X. 151.
 „Alte acht orte“ (союзъ швейц. кант.) 143.
 Аль-Адилъ, Маликъ 457. 459; см. также Аладиль (Эль-Меликъ-Аль-Адилъ).
 Аль-Камилъ, султ. 456.
 Альба, герцогъ 643.
 Альбинъ, лангобардскій король 82. 345. 346.
 Альберихъ, владѣтель города Рима 103.
 Альберихъ I изъ Тускулума 363.
 — II изъ Тускулума 269. 272. 363.
 Альбертъ Гольштинскій, графъ, вассаль Вальдемара II 16.
 — Саксонскій 567.
 Альбертисъ, А. В. 389.
 Альбигойцы 225. 289.
 Альбици 391.
 Альбоинъ 345. 346; см. также Альвинъ, лангобардскій король.
 Альборнозъ, Эгидій, кардиналь 143. 396.
 Альбрехтъ I Австрійскій 135. 136 и сл., 140. 244.
 — Медвѣдь 117. 119. 321.
 — Младшій Мекленбург. 548.
 — сынъ Отто Богатаго 321.
 — шведск. король 515.
 Альдгельмъ 585.
 Альдгильдъ 89.
 Альмеквистъ, К. И. 570.
 Альморавиды 415.
 Альпійскія области 179.
 Альпъ-Ареланъ 425.
 Альпы 76.
 — Трансильванскія 336.
 Альтранштетскій мирн. договоръ 1706 г. 561.
 Альфери, Альбертъ 394.
 Альфонсъ I Великодушн. 404.
 — II, Галиційск. и Аустурійскій король 199.
 — V Арагонскій (Альфонсъ I Сицилійск. и Неаполит.) 401.
 — IX Неаполитанскій 286.
 — X Кастильскій 130.
 Альфредъ Великій, король Уэссека 508. 586.
 д'Альянъ, Иорданъ 380.
 Амазія 442.
 Амаловъ домъ 54.
 Амалосвинта, регентша и опекунша наследника престола 78.
 Амалинги 62. 75.
 Амалуинги, см. Амазинги.
 Амальрихъ изъ Бены 290.
 — Иерусалимскій 449. 452.
 — Кипрскій 127. 461.
 Амальфи 361. 374. 436.
 Амбзивары 40. 42. 69.
 Амвросій изъ Майлэнда 259.
 — сполетскій графъ 362.
 Амедей IV Савойскій, „зеленый графъ“ 387.
 Амеди 390.
 Америка 692; открытіе ея 21.
 — Сѣверная 504.
 — сѣверозападная 12.
 Амида 435.
 Амира, К. ф. 93.
 Амиръ-аль-Умара 364.
 Анагви, см. Бонифація VIII, папа.
 Ангальтскіе графы 120.
 Ангильбертъ, истор. врем. Карла Велик. 198.
 „Ангильрама капитулъ“ 267.
 Англія 7. 14. 123. 134. 141. 166. 244. 308; см. также Великобританія и Ирландія.
 Англосаксы 35. 91. 151. 165.
 Англо-фризскіе народы 38. 39. 150.
 Англи 39. 83. 84. 197. 582. 584. 585 и сл.
 Анго: старшій и младшій, путешеств. 506.
 Андернахъ 205.
 Андерсѣнъ, Г. К. 531.
 Андрей II, король венгерск. 330.
 — Лонжюмо 489.
 Анжу 213.
 Анжуйская династія въ Неаполь 138. 399 и сл.
 Анна, дочь Якова II, англ. королева 663. 671 и сл.
 Авнезе, Джешаро 405.
 Анній Веръ, см. Аврелій, Маркъ.
 Апно, архіепископъ Кельнск. 111.
 Ансгаръ святой, „апостоль сѣвера“, монахъ бенедикт. монастыря 318. 511. 544.
 Анселинъ, Никола, миссіонеръ 489.
 Ансельмъ Кентерберійск. 284. 593. 596.
 Анселинъ, Никола, см. Авселинъ, Никола.
 Антверпенская экспедиція 1809 года 691.
 Антверпенъ 663.
 Антиохія 423. 424. 428. 430. 433. 434. 437. 438. 439. 445. 446. 447. 454. 467. 474; борьба за нее 425 и сл.
 Атлантическій океанъ 219.
 Антоуъ, епископъ бамбергск. 285.
 Аньелло, Томмазо 405.
 Апеннинскій п-въ 107.
 Апенниискія горы 151.
 Аппельдернъ, Альбертъ ф. 327.
 Апулійскій говоръ 177.
 Арабскіе философы 290.
 Арабы 4. 82. 189. 189. 192. 200. 201. 205. 290. 415. 453. 455. 504. 507.
 Аравія 439. 482.
 Арагау 133.
 Арагонія 244.
 Ага Ubioium 55.
 Арбогастъ, рибуарскій франкъ 62. 63.
 Аргиль, Арчибальдъ, шотл. графъ 662.
 Арг(х)унъ Старшій 474.
 Ардуинъ Иврейскій 106. 367.
 Арелатъ 205.
 Арс Фроде 536.
 Ареццо, городокъ 375.
 Арзуфъ 474.
 Арибо, архіепископъ 108.
 Агіміум 177.
 Арипертъ 348.
 Аристократія: гальская 167; датская 512. 513; кельтская 165; норвежская 532. 533; старопрусская 334. 335; шведская 547. 552. 558. 563 и сл.; финская 547; франкская 200. 201; французская 251.
 Аристократія свѣтская и духовная, усиленіе ея въ имперіи Карла Великаго 200.
 Аристотель 290. 612.
 Арихисъ Фриульскій 347.
 Арианъ 73. 80. 186. 346.
 Ариоальдъ 347.
 Ариовистъ 40. 41. 42. 44. 45. 46. 50. 51. 55. 57. 90. 153.
 Ариульфъ, герц. сполетск. 347.
 Аркрайтъ, Ричардъ 678.
 д'Аркъ, Жанна, Орлеанская дѣва 616.
 Арльское епископство 212.
 Армада непобѣдимая 645. 646.
 Арминій, князь херуссовъ 48. 54. 56. 57. 58. 90.
 Армяне 157.
 Ариольдъ изъ Брешія 298. 443.
 Арнульфъ, епископъ Орлеанскій 209. 241.

- Арнульфъ, епископъ Карин-
 тійскій 205. 206. 506.
 — сынъ Карльмана 99. 100.
 361. 362. 363.
 Арпады 319.
 Аррасская епархія 282.
 Ар-Рашидъ, Гарунъ, см. Га-
 рунъ-аль-Рашидъ.
 Арребоэ, датск. поэтъ 525.
 Арсланъ II, Изеддинъ Калиджъ
 453.
 Артуръ, племянникъ Ричарда
 Льви. Сердца 599.
 Асадъ-Эдъ-Динъ-Ширка 449.
 Асгардъ 413.
 Асканія 117. 140.
 Аспельтъ, Петръ ф., майнц-
 скій архіеписк. 137. 138.
 Ассандунская битва 1016 г.
 509.
 Ассасины 460.
 Ассиры 447.
 „Ассизы Іерусалимскаго ко-
 ролевства“ 437.
 Ассиаскій, Францискъ 291.
 Астразія 187. 188.
 Асцеливъ, Никола, см. Ансе-
 линъ, Никола.
 Аталарихъ 78.
 Атаварихъ 63.
 Атаульфъ, зять Алариха 65.
 67.
 Атаундунская битва 878 года
 508.
 Атевало, Джиакомо 395.
 Атигъ 474.
 Atrebates 150.
 Аттербомъ, П. Д. 570.
 Аттергадъ, Вальдемаръ, дат-
 скій король 17. 515. 548.
 Ати, Иаота делья 389.
 Атила 65. 71. 81.
 Аи 41.
 Аугсбургъ 180.
 Augusta Baugacoꝝum 179.
 — Vindelicoꝝum 180.
 — Praetoria 180.
 Аудскій Нувавъ 683.
 Аурихъ 88.
 „Ausculia, III“, булла Бони-
 фація VIII 245. 293.
 Аутарисъ, сынъ Клефа 346.
 Афдаль, см. Алафдаль (Эль-
 Меликъ-Эль-Афдаль).
 Афъ-Леопольдъ, К. Г. 566.
 Ахепскій мирный договоръ,
 см. Аахенъ: мирный дого-
 воръ 812. 1668 и 1748.
 Ахенъ 96. 199; см. также
 Аахенъ.
 Ахметъ III, турец. султ. 562.
 Аэцій, римск. намѣстн. въ
 Британіи 66. 73. 581.
 Аюбиды 482.
 Аюбъ, Меликъ-Эсъ-Салихъ
 султанъ 470. 471.
 Ваальбекъ 471.
 Вабайнъ, Эль 449.
 Вабенбергеръ, Леопольдъ 126.
 Вабенберги 100. 119.
 Баварія 92. 93. 94. 97. 102.
 118. 119. 124.
 Баварское герцогство 204.
 Баварцы 89. 97. 165. 189. 192.
 Баггезенъ, I. 531.
 Багдадъ 427. 438. 442.
 Бадвила, плем. Гильдебада,
 короля готскаго 79.
 Бадилы 80.
 Бадуарисъ, полковод. 346.
 Базельскій соборъ 1431 г. 303.
 304. 305.
 Базиликата 366.
 Байзенъ, Гансъ ф. 339.
 Байи 55.
 Baillis 215.
 Байовары 41. 81. 84.
 Балабекъ 471.
 Балдеръ, богъ чистоты и не-
 виности въ норм. мифол.
 497.
 Балдуинъ I, іерус. король 424.
 429. 434. 439.
 — II Эдесскій 220. 429. 435.
 — III, іерус. король 436. 446.
 447 и сл.
 — IV, іерус. король 450. 452.
 — V, іерус. король 450.
 Балдуинъ, трирскій архіеписк.
 137.
 Балкарскіе о-ва 173.
 Балканскій полуостр. 152.
 Балтимора 582. 682.
 Балтигъ 64.
 Балтійскій ледникъ 6.
 Балтійское море, историческ.
 значеніе его: введеніе 3;
 историческ. возрастъ Балт.
 моря и его роль въ наибол-
 ѣе отдаленныя времена 5;
 положеніе и очертанія 9;
 древнѣйшая исторія при-
 балтійскихъ областей 12;
 эпоха викинговъ 13; заро-
 жденіе германской народ-
 ности 14; Ганза 16; усиле-
 ніе славян. государствъ 18;
 Швеція въ роли господствую-
 щей державы 19; быстрый
 ростъ могущества Россіи 20;
 задача Балтійскаго моря
 въ новѣйшую эпоху 21.
 Бальдусъ, Петръ 282.
 Балькъ, Германъ, магистръ
 330.
 Бальволъ, Іоаннъ, англ. баронъ
 605.
 Эдуардъ 605. 606.
 Бамбергское епископство 106.
 Баніасъ 435.
 Баннеръ, Іоаннъ 554.
 Барбаросса, Фридр. I (Рыже-
 бородый) 119 и сл., 373. 444.
 452; см. также Фридрихъ I
 Барбаросса.
 Барденгау община 38.
 Бардовикъ 15.
 Барди, Донатъ 388.
 Барды 38.
 „Batebone Parliament“ 655.
 Бары 360.
 „Барокъ“ стиль 399.
 Бартолинъ, Томасъ 525.
 Барщина 195.
 Баски 149.
 Бассано 393.
 Батавы 41. 69.
 Бать-Ау 41.
 Бауценъ 140.
 „Бахометъ“, идоль 247.
 Беатриса Тусценская 110.
 Бегара 683.
 Бегарды 298.
 Бегивы 298.
 Веда Достопочтенный 53. 585.
 Ведфордъ, Іоаннъ, герц. 616.
 Безанкуръ, Жанъ де 506.
 „Безголовый парламентъ“
 654. 655. 658. 659.
 Бейбарсъ I 471.
 Бейрутъ 433. 438.
 Бейтенъ 325.
 Бейтъ Джибринъ 434.
 — Нуба 434.
 Бекельгеймъ 115.
 Бекетъ, Тома 281. 596. 597.
 Бексидъ 42.
 Бела III, венгер. король 453.
 Белокъ изъ Малатіи 440.
 Белла, Джіаово делла 391.
 Бельгія 41. 44. 45. 46. 47. 87.
 150.
 Бельгійцы 43.
 Бельгія 168. 173.
 Бельманъ, К. М. 566.
 Бельмы 17.
 Бельфорская битва 22 апрѣля
 1190 г. 452.
 Бельцъ, Робертъ 31.
 Бендеры 562.
 Беневентское герцогство 346.
 — сраженіе 26 фев. 1266 г.
 129.
 Беневентъ 190. 356. 360. 373.
 Бенедиктинцы 214. 435.
 Бенедиктъ V, папа 273.
 — VIII, папа 274.
 — IX, папа 274.
 — XI, папа 137. 246.
 — XII, папа 141.
 Бенедиктъ изъ Нурси 259.
 Бенниказа изъ Сиены, Ката-
 рина 393.
 Бентивольи 395.
 Бенцикъ, Вил. 401.
 Бератское сраженіе 1281 г.
 400.
 Бернабо 393.
 Бернадотта династія въ Шве-
 ціи 567 и сл.
 Бернадоттъ 528.
 Бернардоно, Джіованни 291.
 Бернардъ Клерисскій, св.
 223. 247. 282. 284. 289.
 436. 443. 444.
 Сесса, Памъ 245.
 Бернгардъ Нирейскій 103. 364.
 — плем. Людов. 202.
 — Саксонскій 213.

- Беригардъ Турскій 283.
 — I Фриульскій, король лангобардовъ 206. 358. 362.
 Берниція 584.
 Берно, монахъ 286.
 Бернсторфъ, Андр. Петеръ 526. 527.
 — Иоаннъ Гартвигъ 526.
 Бернъ 143.
 Берта Голландская, жена Филиппа I 222.
 — дочь франкск. короля 583.
 Бертиноро, гор. 397.
 Бертольдъ, монахъ 327.
 Бертольдъ Регенсбургскій 292.
 — Тюрингенскій 112.
 — IV Церингенъ 120.
 Бертрада, мать Карла Великаго 200. 352.
 Бертранъ де Борнъ 225.
 — сынъ Раймонда Тулузск. 428.
 Беръесонъ, И. 571.
 Бессарионъ 388.
 Бегуве 41.
 Бейбарсъ, Рокъ Эдъ-Динъ, см. Бейбарсъ I.
 Бибракта 179.
 Билунги 116. 117.
 Биллунгъ, Германъ 102. 318.
 Бивгъ, Джорджъ 675.
 Биргеръ, сынъ Магнуса 547. 548.
 Биргеръ-Яркъ 546.
 Биссенъ, Г. Ф. 531.
 „Вифрестъ“ въ норманск. мѣст. 496.
 Биаджіо 405.
 Биавка, принцесса изъ Англовинскаго дома 400.
 Блаатадъ, Гаральдъ Синезубый 511.
 Блауштейнъ, д-ръ 679.
 Влекинге 18. 521.
 Блихеръ, С. Ст. 531.
 Блонтъ, Чарльзъ, баронъ Моувтжой 647.
 Blot 497.
 Блуа, Стефанъ 422. 442. 595. 596.
 Блэкъ, Роб. 658.
 Блюхеръ 692.
 Бове 213.
 Богемія 42. 106. 108. 132. 136. 138. 276.
 Бода, р. 84.
 Боденское озеро 117.
 Боло, прав. Арля и Тусцин 364.
 Бодричи 201.
 „Божій миръ“ въ капоническомъ правѣ 212. 215.
 „Божій судъ“ 161. 213.
 Бозо Вьенскій 361.
 — Нижнебургундскій 205.
 Бойергеймъ 55.
 Бойребисто 180.
 Бойи 151. 153.
 Бойна, битва при пей 11 июля 1690 г. 668.
 Бокеръ 219.
 Боккалини изъ Лорето, Траяно 395.
 Божлаччио 403. 608.
 Боксъ изъ Люттиха, Готфр. 680.
 Болейнъ, Анна 627. 630. 631.
 Болеславъ, братъ Венцеля, короля чешскаго 276.
 — III, польскій герцогъ 320. 324.
 — Длинный 324.
 — I Храбрый 106. 319. 365.
 Болингборкъ, графъ 675.
 Болонья 151. 372. 385.
 Бонапартъ (Наполеонъ I) 240. 687 и сл.
 Бонде, Карлъ Квутсинъ 550.
 Бонифаций, англо-саксовскій миссіонеръ 91; см. также Виффридъ.
 — „апостолъ“ германцевъ 260. 261. 262.
 — изъ Каноссы 66.
 — I, Марграфъ Васто 370.
 — I, папа 370.
 — VIII, папа 136. 243. 244. 292 и сл., 390. 604.
 Book of Common Prayer 632.
 Боргоскій сеймъ въ Финляндіи 572.
 Борджіа, Ленцуоли 306.
 — Чезаре 397.
 Бордо 173. 219. 220.
 Боркъ, Эдмундъ 681.
 Борнгеведская битва 22 июля 1227 г. 128. 513.
 Борнгеведъ 16.
 Борнгольмъ 37.
 Борнелъ, Гиро де 225.
 Борнъ, Бертранъ де 225.
 Боромео, Карлъ 395.
 Борумха, Брианъ, ирландск. король 500.
 Бостремъ, К. И. 570.
 Ботвель, Джемсъ, гр. 642. 643.
 Боэмундъ I Антиохійскій, гр. Гареитскій 421. 422. 423. 427. 428. 430. 431.
 — II 435.
 — III Антиохійскій 447. 449.
 Боэцій 75. 198.
 Браге, богъ поэзии у нормановъ 497.
 Браге, Тихо, астрон. 525.
 Брандбургская марка 119. 193.
 Бранденбургское герцогство 276. 318.
 Бранденбургъ 20. 136. 140.
 — Алсбахъ, Альбрехтъ 340.
 Брауве, В. 70.
 Брауншвейгъ 122.
 Браунъ, В., шведск. писат. 570.
 Брейсгау 59. 122.
 Брейтвангъ 118.
 Брейтенфельдъ 555.
 Бременская епархія 191.
 Бремеръ, Отто 70.
 Бремеръ Фрадеряка 570.
 Бремебрскій мирный договоръ 23 августа 1645 г. 521.
 Бреннабургъ 317.
 Бреннеръ 45.
 Бронтъ 363.
 „Бреянь“ 151.
 Бретань 187.
 Бретаньскій мирный договоръ 8 мая 1360 г. 606.
 Brigantes 150.
 Бригитта св. 548. 549.
 Брикъ 325.
 Бригильда 346.
 Британія 161. 174. 203.
 Британцы 150.
 Бриты 150. 163.
 Бриція святого день („Датская вечеря“) 509.
 Брианъ Борумха, ирландскій король 500.
 Бронзовый вѣкъ, распространеніе металлическихъ издѣлій въ областяхъ Балтійскаго моря 12.
 Бруйсъ, Петръ 282.
 Бруктеры 69.
 Брунгильда 188. 258.
 Бруно Кельнскій, св. 223.
 — сынъ герцога Каринтіяскаго (папа Григорій V) 273.
 — Эгистеймскій, еписк. Тульскій 110. 277.
 Брюсъ, Давидъ II 606.
 — дѣдъ, англ. бар. 605.
 — Робертъ (янукъ) 605.
 — Эдуардъ 610.
 Буало, Этьенъ 219.
 Буанбургская битва 937 г. 508.
 Бувиинская битва 27 июля 1214 г. 601.
 Бугге, С. 543.
 Будденброкъ, К. М. ф. 564.
 Будль, Оле 543.
 Буксгеведе, Альбрехтъ ф., настоят. бременск. соборн. капитула и лифлянд. еписк. 327.
 Буку 317.
 Булонь сюръ мэръ 151.
 Бунианъ, Джонъ 662.
 Буондельмонте 390.
 Бургундаргольмъ 37.
 Бургундія 77. 86. 116. 132. 187. 203. 204. 218.
 Бургундское королевство 77. 84. 132.
 Бургунды 31. 37. 38. 64. 71. 73. 75. 86.
 Бурдигало 179.
 Бурлей, лордъ 646.
 Бусбекъ, Л. Г. 34.
 Буссоне, Франческо 388.
 Бутилинь, западно-германскій герцогъ 80.
 Бухара 438.
 Бьеркиоръ, К. 543.
 Бьерксонъ, Бьеристерне 542. 543.

Бьернъ 544.
 „Вѣднй Кунцъ“ 310.
 Бѣлая и Алая Розы, война между ними 616 и сл.
 Вѣкопъ Верлуамскій, Фрепсисъ 637. 646. 647. 648.
 Вѣкуэль, Роб. 675.
 Вѣмъ, Гансъ, пасухъ 310.
 Бюргерство 216; борьба его за освобожденіе отъ феодализмъ во Франціи 219; ростъ его въ Германіи 130.
 Бюфорты 619.
 Вааль 41.
 „Вавилонское плѣненіе папъ“ 246 и сл., 294 и сл.
 Вади Муза 434.
 Ваза, Густавъ, король шведскій 19. 551. 552. 571.
 — династія 551 и сл.
 Вабблиги 119.
 Ваймаръ IV Салерпскій 369.
 Ваксницъ, рѣка 15.
 Валенсія 173.
 Валентъ, римскій императоръ 63.
 Валла, Лаврентій 307.
 Валле, Лоренцо делла 404.
 Валленштейнъ 370. 555.
 Валлингтонскій мирный договоръ 1153 г. 596.
 Валлинъ, I. O. 570.
 Валлія 67.
 Валуа, династія 252.
 Валуа, Іоанпа, жена Іоанпа II Авена 141.
 — Карль, братъ французскаго короля Филиппа IV Красиваго 137. 244.
 „Валхи“ 42.
 Вальбергъ, Г. А. 571.
 Вальвассоры 368.
 Вальвортъ, мэръ гор. Лондона 608.
 Вальдемаръ IV Аттердагъ, датск. король 17. 329. 515. 517. 548.
 — I Великій, датскій король 16. 512.
 — II Зенръ (Побѣдоносный), датскій король 16. 17. 330. 513. 514.
 — сынъ Магнуса (Магнуссонъ) 547.
 — шведскій 546.
 Вальдусъ, Петръ 291.
 Валькирии 497.
 Вальтеръ VI Брѣнскій 391.
 — Кирпичобжигатель 608.
 Вальхи 153.
 Вангюймъ 45.
 Вапдалы 31. 37. 38. 60. 64. 65. 66. 75. 78.
 Вандальское королевство 78.
 Вавъ-Дикъ, Автописъ 386.
 Вагандеръ 413.
 Вагари 385.
 Варбекъ, Перкинъ 621.
 Варвикъ, графъ 633. 634.

Варгія (Восточный Голландштейнъ) 15.
 Varginjar 413.
 Варины, см. Варны.
 Варны 75. 83.
 Варъ, П. Квинктилій 48. 56. 57.
 Варяги скандинавскіе 30.
 Вареломоева ночь 24 авг. 1572 года („Парижская кровавая свадьба“) 391. 392.
 Василій I, визант. импер. 362.
 — III. виз. импер. (его родовое дерево) 365.
 Вассалы 196.
 Вастеросскіе сеймы 1527 и 1544 гг. 551.
 Вахо, король 82.
 Вашингтонъ, Джорджъ 682.
 Везельсъ, Іоанпъ 310.
 Везеръ 154.
 Везувій, сраженіе при немъ въ 553 году 80.
 Веймаръ Великій 507.
 Великое переселеніе народовъ 60 и сл.
 Велизарій, командующій арміей императ. Юстиніана 78. 79. 81.
 Великая Сѣверная война 524. 561.
 — Фригія 152.
 — Хартія Вольностей 600.
 „Великій Совѣтъ“ въ Англіи 602.
 Великобританія и Ирландія: географическая среда 575; древнѣйшія человѣчск. поселенія Англіи: кельты, римляне и западные германцы 577; англичане, датчане и норманны 585; английское пародное государство (эпоха норманнск. королей 1066—1154 гг.) и первыхъ Плантагенетовъ (до 1199 г.) 590; пародное представительство при Плантагенетахъ XIII и XIV столѣтій 599; Ирландія до Говр. Ланкастера 610; домъ Ланкастеровъ (1399—1461 гг.) 611; война между Гб-лой и Алой Розами 616; домъ Гюковъ (1461—1485 гг.) 617; Генрихъ VII (1485—1499 гг.) 620; реп.-сансъ 622; реформація при Говр. VIII 624; Сомерсетъ и Варвикъ въ царствованіе Эдуарда VI и королева Марія Кровавая 633; король-ва Елизавета 635; Марія Стюартъ 641; отнош. Англіи и Испаніи въ періодъ царствованія Елизаветы 644; Яковъ I и Карль I (эпоха первой революціи и пуританизма) 647; республика и протекторство Кромвелей 656; конституція, королевство отъ 1660 до 1688 г. 658;

английск. торговля въ XVII и XVIII стол. 664; Вьяльгельмъ III Оранскій 667; королева Анна 671; возникнов. Ганноверской династіи: Георгъ I 672; Георгъ II 673; Георгъ III 677; промышлен. въ концѣ VIII стол. 678; война за освобожд. Соед. Штатовъ 680; Остъ-Индія 683; Питтъ Старшій и Питтъ Младшій 684; борьба съ Бонапартомъ 687.
 Великобританскіе о-ва 150.
 Велингтонъ 691. 692.
 Веллей Патеркулъ 38.
 Вельгавепъ, Іоанпъ Севаст. 542.
 Вельфы 114. 117. 118. 119. 121. 122. 124.
 Вельфъ, герц. баварскій 112.
 Венгрія 81. 108. 128.
 Венды 318.
 Вендльсъ, Роб. 658.
 Венеръ, озеро 6.
 Венетское озеро 179.
 Венеты 152. 176. 177.
 Венеціанскій мирный договоръ 122.
 Венеціанское парвчіе 177.
 Венеціанцы 432.
 Венеція 193. 362. 366. 373. 386.
 Веннебергъ, Г. 570.
 Вентадуръ, Бернаръ 225.
 Венцелевская библиотека 302.
 Венцелъ I, чешскій король 276. 302. 304. 317. 393.
 — II, чешск. король 135.
 Вергеландъ 542.
 Верденская епархія 191.
 Верденскій договоръ 10 авг. 843 года 97. 98. 203. 204.
 Верденъ 216.
 Верелъ, договоръ 14 авг. 1790 г. 566.
 Верипофельдъ 84.
 Верины 83. 84; см. также Варны.
 Вермандуа, графы 209. 358.
 — Гуго, графъ 422.
 Вернеръ, архіеписк. майнцскій 133.
 Верона 79. 151. 376.
 Веронскій союзъ 1164 года 373.
 Версальскій мирный договоръ 3 сентября 1783 года 682.
 Версольна 45.
 Вессекъ 200.
 Вессель, Іоанпъ Германъ 526.
 Вестбергъ, Фридрихъ, историкъ 38. 81.
 Вестготское королевство 76.
 Вестготы 63. 75. 80. 80.
 Вестминстерскій мирный договоръ 19 февр. 1674 г. 601.
 — 16 января 1756 г. 675.
 Vestrevegr 413.
 Вестфалія 88.

- Вестфальскіе города 16.
Вестфальскій мирн. договоръ 556.
Вестфальцы 190.
Ветеръ 6.
Веттины 134. 137.
Вибена, Целесь 175.
Виги 668. 669. 674. 675; возникновеніе этой партіи 663.
Вигогаморы, см. Виги.
Видо II, герцогъ Сполетскій 205. 206. 363.
Видукиндъ 191.
Византия 14. 74. 76. 77. 78. 79. 80. 81. 91. 96. 104. 127. 194. 229. 352. 400. 413 и сл., 420. 430. 447. 448. 455. 462. 463. 483. 489. 499.
Vik 496.
Викегамъ, братъ Ричарда II 607.
Викинги 200; эпоха ихъ господства 13 и сл.
Виклифъ, Джонъ, оксфордск. профес. 301. 302. 607. 612. 629.
Викъ-те-Дурседская битва 89.
Виландъ 608.
Виллены (крѣпостные) въ Англіи 608.
Вильгельмъ V (III) Аквитанскій (Великій) 109.
— VI. (IV) Аквитанскій 368.
— IX Аквитанскій, графъ Пуатье, трубадуръ и искаатель приключеній 225. 445.
— I Завоеватель (Нормандскій), англ. король 414. 507. 589. 590 и сл., 594. 596.
— II Рыжій, англ. король 593.
— III Оранскій, англ. король-основат. династии (III, штатгалтеръ нидерланд.) 660. 661. 665. 667. 669.
— Генегаускій 142.
— I Голландскій 464.
— Навжи 198.
— Оверьяскій 209.
— Тирскій, архіеп. 232.
— Триполискій 479.
— Шотландскій 604.
Вильневъ 690.
Вильфридъ Юркскій 584.
Вильцы 193.
Видолики 153.
Видолиция, племена 180.
Винивы, скандинавскій народъ 38.
Винландъ 503. 504.
Винсійская битва 21 марта 717 года 188.
Винтеръ, Хр. 531.
Винфридъ (Бонифацій) 91. 189. 261. 262.
Випчигерра, Автоноіо 387.
Випперъ 84.
Вирвакъ, Рич. 619.
Вирсенъ, К. Д. афъ 570.
Висби, городъ 15. 16. 18.
Висконти, Джіованни Галеаццо 393. 397. 402.
— династія 392.
— Стефанъ де, его родословное дерево 395.
„Vita Nardiani“ 192.
Витебскъ 327.
Витенагемоты (Совѣты Мудрѣйшихъ) въ Англіи 590. 591.
Витихисъ, король готтовъ 78. 79. 84.
Витихъ 54.
Витекиндъ 95.
Виттельсбахи 139. 141. 142.
Виттельсбахъ, Конрадъ ф. 126.
— Отто ф. 124.
Вихманъ, архіеписк. магдебургскій 321.
Вецелинъ св. 285.
Владимиръ I, князь кіевскій 365.
Владиславъ I, Локитекъ 325.
— Неаполитанскій 397.
Войтехъ Адальбертъ 106.
Воконтия 179.
Волинъ, р. 317.
„Volcae“ 42.
Волховъ, р. 14.
Вольки 153.
„Вольнаго духа“ секта 298.
„Вольнодумство“ (анти-церковныя теченія 13-го столѣтія) 289. 290. 291.
„Вольные люди“ 196.
Вольски 176.
Вольфрамъ, Георгъ 359.
Воляу 325.
„Вормская привилегія“ 31 мая 1231 года 128.
Вормскій Имперскій сеймъ 113.
— конкордатъ 28 февр. 1122 г. 116. 127. 280.
Вормское Бургундское королевство 66.
Вормсъ 203.
Ворсаазъ, I. А. 531.
Вортигернъ, воспач. бриттовъ 582.
Восточная марка (Австрія) 193. 314.
— Римская Имперія 76. 81.
Врангель, К., генер. 564.
Вуленвеберъ, Юргенъ, бургомистръ Любека 518.
Вульгата 307.
Вульфилла, переводчикъ библіи на готскій языкъ 34.
Выборная канитуація польскихъ королей 19.
— Фридриха III, короля датскаго 521. 522.
Вѣнскій лѣсъ 314.
— мирный договоръ 1735 — 1738 гг. 405.
— — — 30 октября 1864 года 530.
Вюртембургцы 68.
Гааконсенъ, Гааконъ 536.
Гааконъ Добрый 532.
— IV, норвежскій король (Гааконсенъ) 534. 536. 537.
— V, норвежск. король (Магнуссенъ) 548.
— VII, норвежскій король 541.
Гаардрааде, Гаральдъ 509.
Гаарфагеръ, Гаральдъ, см. Гаральдъ Прекрасноволосый.
Габсбурги 135 и сл., 139. 140. 142.
Гавель 42.
Гавельбергское епископство 318.
Гагены 78.
Гадиръ, финик. гор. 178.
Газская битва 17 окт. 1224 г. (крест. пох.) 471.
Hälsäulen 32.
Гаконъ, см. Гааконъ.
Галатео 387.
„Галаты“ 148. 152.
Галеаццо 393.
Галинденъ 38.
Hällistningar (рисунки на скалахъ) 12.
Галлиця 153. 173.
Галландъ 18.
Галлеція 76.
Gallia braccata 161.
— togata 161.
— Transpadana 45.
— Cispadana 45.
Галлія 42. 44. 148. 166. 168; государств. учрежд. 166; дружины 167; друиды 168.
— Римская 185. 215.
Галлы 43. 46. 87. 168. 176. 178.
— транзальпийскіе 152.
Гальба, Сервій Сульпицій 179.
Гальберштадская епархія 191.
Гальфданъ Черный (Сварте) 532.
Гамбакортъ 386.
Гамбургское епископство 201.
Гамельнъ 191. 463.
Ганаа 16 и сл., 335. 336. 341. 515.
Ганноверъ 191.
Гансенъ, Т. 531.
Ганстеенъ, Хр. 543.
Гаральдсенъ, Олафъ II, 533. 545.
Гаральдъ Блаатадъ (Сниезубый), датск. король 511.
— Гаардрааде (Жестокій), норвежск. король 509.
— I Кнутсонъ, англ. король 589.
— II, англ. король 414.
— Прекрасноволосый, норв. король 502. 532.
— сынъ Гальфдана Сварте 532.
Гарборгъ, Арне 543.
Гаргресъ, Джемсъ 678.
Hård 497.
Гардекутъ, датскій король 512. 589.

- Hardia 177.
 Гардраадъ, Гаральдъ 414.
 Гарона 150. 225.
 Гартвигъ, бременск. архіеписк. 327.
 Гартвианъ Иврейскій 106.
 Гартманъ, JL M. 80. 81. 354.
 Гарунъ-аль-Рашидъ, аббасидскій халифъ 194. 200.
 Гарцъ 84. 223.
 Гасконъ 76.
 Гаспиль, округъ 84.
 Гастальды 346.
 Гастингъ, англ. баронъ 505. 605.
 — Уарренъ 683.
 Гаттамелата изъ Нарни 387.
 Гаттанъ, архіепископъ мальтійскій 100.
 Гауквудъ, Джонъ 391.
 Гаэга 361.
 Гафсфюрдская битва 872 года 532.
 Гвельфы 138.
 Гвидонъ Вьенскій, еписк. 116.
 — Иерусал. 456.
 — II Камерикскій 361.
 — Луаньенскій, графъ 450.
 — Норманскій, магистръ ордена храмовниковъ 248. 249.
 — Фландрскій, графъ 244.
 Гебгардъ, епископъ констанцскій 114. 115.
 — изъ Эйхштега 110.
 Гебридскіе о-ва 500. 501.
 Гебронъ 471.
 Гегель 490.
 Гедбергъ, Торъ 570.
 Гелинъ, Слевъ 570.
 Гееренъ, А. Г. А. 482.
 Гейбергъ, И. 531.
 Гейборнъ, Джемсъ, графъ Ботвель 642.
 Гейдепштамъ, Ф. 570.
 Гейерштамъ, Г. 570.
 Гейеръ, Э. Г. 570.
 Гейзерихъ, вандалъ 65 и сл.
 „Heiland“, евангелич. гармон. 192. 266.
 Гейлеръ изъ Калаэрсбергера 307.
 Геймбахъ 136.
 Геймдаль, привратн. Азовъ 497.
 Гейсбергъ, Филиппъ ф. 125.
 Гелла 176.
 Геллеландъ 504.
 Гельгеймское сраженіе 135.
 Гельскіе языки 147.
 „Гельветская пустыня“ 45.
 Гельветы 45. 46. 153. 179.
 Гелы 167.
 Геммингедтская битва 17 февраля 1500 года 517.
 Генрихъ I, англ. король (Зоклеркъ) 222. 437. 594. 595.
 — II, англ. король (сынъ Готфрида Пнантагенета Авжуйскаго) 225. 452. 598. 610; его родословное дерево 123.
 Генрихъ III, англ. король (сынъ Иоанпа Безземельнаго) 602.
 — IV, англ. король (Болингброкъ) 615.
 — V, англ. король (сынъ Генр. IV) 611. 616.
 — IV, англ. король 611. 614. 615. 616.
 — VII, англ. король, родоначальн. династии Тюдоровъ 620. 623. 624.
 — VIII, англ. король, основат. англиканск. церкви 624. 625. 626 и сл., 639.
 — Аугсбургскій 111.
 — I, баварскій герцогъ (сынъ герм. короля Генр. I) 103. 107.
 — II, баварск. герц. (Стронтиный) 106.
 — баварскій и саксонск. герц. (Гордый) 118.
 — — — — — Левъ 15. 16. 119. 122. 126. 281. 325. 513.
 — Бородатый 325.
 — I, герм. (восточно-франкск.) король 14. 103. 237. 317; родословное его дерево 107.
 — II, герм. импер. (Святой) 110. 274. 367. 368.
 — III, герм. импер. 103. 111. 237. 376.
 — IV, герм. импер. 111 и сл., 114. 115. 237; его родословн. дерево 109.
 — V, герм. импер. 115 и сл., 372.
 — VI, герм. импер. 125. 126. 127. 461.
 — VII, герм. король 329. 391. 402.
 — Герфордскій 609.
 — Каринтійскій и Тирольскій 137. 139. 141.
 — Красивый 140.
 — Люксембургскій 137 и сл.
 — Лютихскій, еписк. 212.
 — Нердлингенскій 209.
 — IV, Прюбъ 325.
 — сынъ Конрада I 102.
 — II, франц. король 641.
 — Черный (Шверинскій) 16. 329.
 — Шампанскій 460.
 Генриетта Марія, сестра Людовика XVIII 614.
 Гевуя 367. 372. 373. 431.
 Георга св. монастырь 193.
 Георгій VII 241.
 Георгъ I, англ. король 666. 670. 672 и сл.
 — II, англ. король 675 и сл.
 — III, англ. король 677. 680. 684.
 — Датскій 663.
 Гепнды 34. 38. 78. 80. 81. 82. 345.
 Герардески 386.
 Гербертъ, ученый архіеписк. 210. 274.
 Гергардъ III, графъ Голштинскій 515.
 „Heriban“ 194.
 Германикъ, сынъ Друза, рим. импер. 36. 57.
 Германия 108. 122. 141. 173. 174. 185. 308; ея роль спасительницы церкви 272.
 Германская кавалерія въ римскомъ войскѣ 57. 57.
 Германская колонизація на Востокѣ: войны между германцами и славянами до 1050 года 313; восточно-германская политика Оттоновъ 316; плаомѣрная колонизація въ теченіе XII столѣтія 320; развитіе германск. народности въ Силезіи 323; нѣмцы въ прибалтійскихъ областяхъ 325; Лифляндія 327; орденъ меченосцевъ 328; рыцари тевтонскаго ордена въ странѣ пруссовъ 330; упадокъ нѣмецкаго колонизаціон. движенія 336.
 Германская народность, зарожденіе ея на берегахъ Балтійскаго моря 14 и сл.; развитіе ея въ Силезіи 323.
 Германскіе языки 32 и сл.
 „Германскій рыцарск. орденъ“ (основ. 5 марта 1198 года) 128.
 Германцы 60. 61. 150. 151.
 — восточные 34.
 — древніе, исторія развитія и расселенія; географическое происхожденіе 26; отношенія къ Балтійск. морю 29; главныя группы 31; отдѣльн. англо-фризскіе народы 38; распростран. германцевъ на материкъ Европы 39; племена 41; столкновенія съ кельтами 42; происхожд. слова „германцы“ 43; Ариовистъ и Цезарь 45; государство и государственное устройство 48; союзъ государствъ и великіе народы 51; господствующіе роды 52; Марбодъ и Арминія 55; такъ называемый „Порогъ“ (Limos) 50.
 — западные 591
 — южные: соотношеніе съ кельтами и ихъ роль учителей славянъ литовцевъ 33.
 Германъ, племя импер. Юстиніана 79.
 — I Саксонскій пфальцграфъ,

- его родословное дерево 135.
Германъ Сальмскій 114.
Гермундуры 82.
Герники 176.
Геро, правитель погранич. марокъ при Оттонѣ 102.
Hegred 497.
Герсонъ 299. 303.
Гертруда, дочь Лотаря 117.
Герулы 37. 75. 80. 81. 345.
Герцоги, ихъ роль и функція у древнихъ германцевъ 53.
— племенные, происхождение ихъ 100.
Герцъ, Георгъ Генр., шведск. министръ 562.
Герфордъ 609.
Гершфордъ, Эдуардъ 633.
Гессенъ 191.
Гетарикское право 36.
Гетландъ 81.
Гибеллины 138.
Гиберти, Лоренцо 389.
Гибертисъ, см. Гиберти Лоренцо.
Гибульдъ, король 75.
Гизелла, принцесса 204.
Гизельбертъ, герцогъ Лотарингін 102.
Гизульфъ II 369.
Гизъ, Марія де 642.
Гизльдебадъ 79.
Гизльдебрантъ 110. 111. 113. 277. 278. 283. 350.
Гизльдегарда, жена Карла Великаго 200.
Гизльдейсгеймск. епископство 201.
Гильперинъ, см. Хи.
Гималайскія горы 173.
Гимильтруда 352.
Гинегатская битва 16 августа 1513 года 625.
Гинкмаръ, архіеписк. реймскій 210.
Гиро-де-Ворнель 225.
Гирсау монастырь 113. 279.
Гискаръ, Роб. 369. 507.
— Рожеръ 507.
Гиншаръ, епископъ гор. Труа 248.
Гладсгеймъ 497.
Гларусъ 143.
Глендоуэръ, Оуэвъ, уэльск. бар. 615.
Глогау 325.
Глустеръ, Гумфредъ, герц. 616.
— Робертъ 595. 609.
Глэвиль, Ранульфъ 598.
Гвунъ, сынъ Олафа 511.
Гвизенское архіепископство 106.
Го, Бертранъ, архіеписк. бордосскій 246.
Нов 497.
Гогенмельзенск. битва 15 окт. 1080 года 114.
Гогенштауфены 228. 240.
Годегизель, сынъ Гундіока 73. 74. 186.
Годепертъ 348.
Годомаръ, см. Годомеръ, сынъ Гундобада.
Годомеръ, сынъ Гундобада 35. 73. 77.
Голландцы 17.
Гольбейвъ, Гавсъ 632.
Гольбергъ, Людв., датск. писат. 525. 538. 542.
Гольдбергъ, гор. 325.
Гольмгартъ 499.
Гольмрюги 37.
Гольмъ 327.
Гольройдъ, Джонъ, графъ Шеффилдъ 667.
Гольштинія 128.
Гольштинскій Альбертъ, графъ 16.
Гонзага, Франческо I 392. 393.
Гонорій I, папа 348.
— римск. императ. 581.
Гонфлеръ 219.
Гоонсъ, Иоаннъ 27.
Гордонъ, Джорджъ 685.
Гормъ, Старшій 14. 17. 511.
Горнъ, Арвидъ 563.
Города, развитие ихъ во Франціи 215.
— приморскіе 386.
Городскія общины, см. общины городскія.
Госларъ 122.
Господствующіе роды у германцевъ 52 и сл.
Готвиль, Танкредъ 507.
Готландское право 36.
Готландъ 15.
Готторнская династія въ Швеціи 564 и сл.
Готфридъ, Бульонскій 422. 427. 429.
— Датскій, предводит. 194. 511.
— Лотарингскій 110. 113.
— Нормандскій 437.
— Платтагенетъ Анжуйскій 495.
Готы 38. 41. 60. 62 и сл., 75. 78. 79. 80. 255; правовой строй ихъ 36.
— итальянскіе 78.
Гоуардъ, Екатерина 631.
Гоуэръ, Джонъ 623.
Грабюденъ 173. 174.
Граммонтенаы, религіозн. община 284.
Гранское архіепископство 106.
„Графская война“ въ Швеціи 551.
Граціана декретъ 281.
Грей, Иоанна 637.
Греко-Моравская партія (въ церкви) 276.
Греки 4. 149. 157. 176. 507.
Гренбольтъ 223.
Гренландія 162.
Григорій Великій 347.
— I, папа 256. 257. 258. 259.
Григорій II, папа 350.
— III, папа 416.
— IV, папа 202.
— V, папа 365.
— VII, папа (Гильдебрантъ) 112. 113. 114. 243. 258. 279. 280. 283. 369. 416. 417.
— VIII, папа 452.
— IX, папа 330. 331.
— X, папа 132.
— XI, папа 298.
— Турскій 76. 186. 198.
Григъ, Эдв. 543.
Гримальди 385.
Гримоальдъ I, герцогъ Веневетскій 348. 349. 350.
— II 355.
— сынъ Пилина Старшаго 87.
Грифенфельдтъ, мин. иностран. дѣлъ въ Даніи 524.
Грифо, сводный братъ Карлмана 92.
Гросбееренская битва 1813 г. 368.
Гроціа, Гуго 557.
Грундтвигъ, Н. Ф. 531.
Груне, р. 114.
Губертъ, архіеп. кентерберійскій 600.
Гугеноты 192.
Гуго Великій (Франц.) 208.
— Вермапдуа 422.
— Юпскій, графъ 437.
— Капетъ, см. Капетъ, Гуго.
— Константинопольскій 223.
— Лузиньянскій, графъ Ламаршскій 222.
— III, Лузиньянскій (изъ дома Боэмундовъ), король Кипрскій 457.
— Прованскій (Итал.) 363. 364.
Гуде, Г. 543.
Гудрумъ, король датчанъ 508.
Гуаманъ де Медина Сидонія, герц. 646.
— Доминго де 460.
Гуискаръ, Робертъ 114.
Гуманнзмъ 307.
Гумфредъ, герц. Глустеръ 616.
— Туринскій 456.
Гунгильда, дочь Кнута, короля датскаго 108.
Гундеберга 397.
Гундіокъ, бургундскій король 73.
Гундобаръ, сынъ Гундіока 73. 74. 186.
Hünengräber 32.
Гуины 62. 63. 66.
Hupöz 32.
Гунтеръ изъ Замберга 111.
Гуссъ, Иоаннъ 302. 303.
Густавъ III, шведск. король 565. 566.
— Адольфъ II, шведск. король 19. 553. 554. 555.
— — IV, шведск. король 566. 567.
— Ваза 19.
— Карлъ Зедермапланд. 566.

- Гьеллерунъ, К. 531.
Гьерне, У. 560.
Гэдъжъ, Томасъ 681.
Гюго III, Луизианскій, см. Гуго III Луизианскій.
Гюнтъръ Шварценбургскій 143.
- Давидъ Аугебургскій францискавецъ 292.
— II Брюсъ 606.
— Шотландскій 595.
Дагобертъ, король франк. 188. 222.
Да-Каррара изъ Падуи 393.
Даки 180.
Дакія 180.
Dalagne 37.
Dale-Karlier-Land 37.
Д'Алесси, Джузеппо 405.
Дальнъ, О. 564.
Даль, И. К., норвежск. пейзажистъ 543.
Дамаскъ 423. 434. 435. 438. 447. 451. 461. 464. 470. 472. 474.
Дамассій II, папа 276.
Даміави, Пьеръ 277.
Даміетта 240. 464. 465.
Давдоло, Франческо, венец. дожъ 387.
— Эврико 387.
Данеброгъ 16. 341. 513.
Данегельдъ 508.
Danerhof 514.
Данелагъ 508.
Давіеле, Арио 225.
Давія 14. 17. 19. 32. 430. 493. 495. 552. 558. 649. 688; исторія развитія и роста государства: норманнъ датскіе 504; событія, предшествовавшія смерти Гардекнута (1042 г.) 510; Эстрилы или Ульфинги (1074—1375 гг.) 512; періодъ Датско-Норвежской уніи (до 1814 г.) 515; Давія послѣ 1814 г. 528.
Данмарксбодъ, Тира 511.
Давте Алигьери 158. 225. 250. 294. 378. 386. 390.
Давцигъ 16. 18.
Давъ, Феликсъ 84.
Дардавеллы 690.
Д'Аркъ, Жанна, орлеанск. дѣва 616.
Дарнлей, Геврихъ, лордъ 642.
Да Романо 379.
Дартфордъ 680.
Дасъ, Петеръ, датск. поэтъ 525.
"Датская вечеря" въ день св. Брицціи (13 ноября 1002 г.) 509. 588.
Датско-Норвежская унія 515 и сл.
Датчане 5. 17. 94. 126. 192. 203. 330. 341. 504. 587.
Двина Западная 14. 30.
Дворянство, см. аристократія; періодъ господства дворянъ въ Швеціи (1718—1771 гг.) 563 и сл.
Девере, Робертъ 647.
Дезидерата 351.
Дезидерій, лангобардск. король 93. 190. 192.
— Тусційскій 351. 352.
Дейра госуд. 534.
Декартъ. Рене, филос. 557. 646.
Декреталія 22 ноябрю 1323 г. 140.
Декреталія лженсидоровскія 241.
Декретъ Граціана 281.
Декуматская граница 32.
— область 61.
Делла-Торре 392.
Дельменгорстъ 525.
Демократія 386 и сл.
Демотика 562.
Депежное хозяйство, возникновеніе и развитіе его 216.
Дешневическая битва 1813 года 568.
Deot 41.
Детмольдская битва 783 года 191
Деттингенская битва 27 іюня 1743 года 674.
Децебаль 180.
Джорвисъ, Джонъ 687.
Джибриль 434.
Джіамарія 394.
Джіангаллеаццо Миланскій 394. 403.
Джіованни, Лоренцо 369. 391.
Джіотто 389.
Джонъ, Генри Сентъ 673.
Джулио, Леонъ 392.
Джудьяно 391.
Divisio Imperii (817 г.) 359.
Диденгофенскій церковный соборъ 835 года 203.
Дижокская битва 500 года 186.
Дикъ, Автонисъ ванъ, художн. 386.
Династическія владѣнія, періодъ ихъ образованія 131.
Дирциславъ, хорватскій король 367.
Диссидентъ 648.
Дитрихъ, монахъ цистерціанскаго ордена 327.
— С., истор. и филологъ 29.
Дицманъ Веттинъ 137.
Ди-Чіоне, Андреа 339.
Діаконъ, Павелъ 198.
Діарбекръ 438.
Diet 41.
Діонъ Кассій 161. 163.
Diot 41.
Діэпръ 14. 30. 413.
Добрица 339.
Доброй Надежды мысъ 687.
Додлей, Робертъ, графъ Лейстеръ 642.
Дожи венеціанскіе 387.
"Долгія парламентъ" 651.
Дольмены 12.
Domesday Book 592.
Доминго-де-Гузманъ 463.
Доминиканцы 213. 223.
Доминикъ, основатель ордена его же имени 277. 292.
"Dominium maris Baltici" (политич. господство датчанъ на Балт. морѣ) 14. 16. 18. 19.
Домиціанъ, римск. импер. 180.
Донателло 388.
Дорестады 504.
Дорилайопская битва 1 іюля 1097 года 424.
Дортмундъ, гороль 16.
Драхманъ, Гольгеръ 531.
Дрезденъ 543.
Дрого, герц. Шампанск. 188.
Дронгеймскій соборъ 543.
Дростъ 513.
Друзъ 47. 48. 55. 180.
Друнды 168. 169
Дракъ, Франсисъ 644. 645. 646. 664.
Ду, р. 45.
Дублинскій парламентъ, уничтоженіе его 688.
Дублинъ 500. 501. 610. 616.
Дудлей, Джонъ 634.
Дунайскія провинціи 180.
Дунайское побережье 81.
Дунбарское сраженіе 3 сент. 1650 года 655.
Дунканъ, Ад. 687.
Дунсъ-Скотъ, Іоаннъ, схоластикъ 296.
Дураццо 431.
Дуурстеде 359. 504.
Дуурштеде, см. Дуурстеде.
Дависонъ, Уильямъ 644.
Дюамюнде монастырь 328.
Дюнкирхенъ 645. 658.
Дюранса 76.
Дюринги 82.
Евгонія II, папа 359. 443.
— III, папа 280. 281. 444.
— IV, папа 303.
— принцъ англійскій 671.
Еврен 4. 219. 513; избіеніе ихъ во Франціи 260; прослѣдованія 219. 403; торговля 219.
Евстахій II, графъ Булонскій 422.
Евфимія, сестра Магнуса II 548.
Егерпдорфъ 325.
Египетъ 240. 448 и сл.
"Edictum de beneficiis" Копрада 368. 370.
Екатерина см. Катерина.
Елизавета, англ. королева (дочь Генриха VIII) 633. 635 и сл., 639 и сл. 647.
— Юрковая 620.
— Петровна, русская царица 564.
— Пфальцская 669.
"Enquestours" 215.

- Жаппа д'Аркъ, см. д'Аркъ, Жаппа.
— дочь Людовика X 251.
— Наваррская, жена Филиппа Красиваго 248.
„Желѣзный Бокъ“, Эдмундъ, предводит. возставшихъ англо-саксовъ 509.
Жмудь Литовская 333. 338. 339.
Жозефъ Бонапартъ 691.
Жоффрау Пантагенетъ Анжуйскій, см. Готфридъ Пантагенетъ Анжуйскій.
Жрецы у германцевъ, ихъ значеніе и функціи 53. 54.
Заала 69. 83. 191.
Заара 43.
Завоеватель Вильгельмъ 414.
Задруга, соціальная ячейка славянъ 316.
Занка, Рудольфъ 136; см. также Рудольфъ Занка.
Занфъ-Эдъ-Динъ Моссульскій 446.
Залландъ 69.
Зальвейде 69.
Зальгофъ 69.
Зальца, Германъ фонъ, великій магистръ Тевт. ордена 128. 330. 331.
Зальцбургское архіепископство 193.
Зальцскій мирный договоръ 803 года 176. 177.
„Заль Великаго Дворца“ въ Венеціи 387.
Заманта, см. Жмудь.
Замляндъ 332.
„Замокъ паломниковъ“ 428.
Западная Двина, см. Двина Западная.
Западная Римская имперія 75.
Заула, рѣка, сраженіе при ней 22 сент. 1236 года 330.
„Зачумленные коммунъ“ во Франціи 217.
Зегестъ, князь херусковъ 54. 55. 56. 57.
Зигиберъ, король рибуаріевъ 73.
Зедемюндская битва 28 іюля 1259 года 463.
Зеиръ, Вальдемаръ II 513.
Зеландія 130. 497. 511. 517.
Земгалленъ 342.
Землевладѣніе общинное у кельтовъ 162.
Земли церковныя 195.
Зепопъ, императ. 74.
Зевосъ, Карлъ 387.
Зигамбры 51. 69.
Зигибертъ Кельпскій 185.
Зигипульфъ, герцогъ бенеVENTскій 359.
Зигурдъ I, норвежск. король 430.
Зигфриды 78.
Зигфридъ, датскій король 511.
Зигъ, р. 42.
„Золотая булла“ 1082 года 375.
— — 1356 года 132. 143.
Зозеть, городъ 16.
Зундгау 133.
Ибелнна, сирійск. крѣпость 434.
Иберійцы 578.
Иберы 149. 150. 176.
Ибнъ-Тимиха, арабъ 369.
Ибсенъ, Георгіхъ 542. 543.
Иванъ III, русскій царь 18.
— IV Грозный, русскій царь 341.
Иглау, моравск. округъ 323.
Идуна, богиня у норманновъ 497.
Изабелла, дочь Амальриха I 460.
Изединъ Кимеджъ-Арсланъ II, султ. 424. 453.
Изота дельи Атти 389.
Pergetes 178.
Иллірійцы 151. 157. 176.
Пльгази изъ Мадрида 440.
Иль де Франсъ 206. 213.
Имадъ Эдъ-Динъ-Ценки, эмиръ Моссульскій 437. 440. 446. 459. 480. 482.
Имена, позаимствованія ихъ германцами у римлянъ, гунновъ и другихъ народовъ 33.
Иммунитетъ 90. 180. 181. 512.
Имола 352.
Императорская власть, возвышеніе ея 124; ослабленіе ея 128.
„Имперія“ Карла („Царство Божіе“) 193 и сл.
Ивеститура, борьба за нее 111. 371 и сл.
Ингваръ, предвод. норманновъ 508.
Ингвеоны 41.
Ингве-Фрей, легендарный родоначальникъ Инглинговъ 498.
Ингвиомеръ, князь херусковъ 35. 55. 58.
Ингельгеймскій сеймъ 193.
Ингельгеймъ 199.
Ингерманландія 19. 563.
Индепенденты 654.
Индивидуализмъ 382. 383.
Индо-азіаты 27.
Индо-германцы 28. 42. 156. 157.
Индо-кельты, см. Ипдогерманцы.
„Inducit nos“, булла Александра VI 397.
Инквизиція 224.
— въ Германіи 128.
Инокентій II, папа 118. 223. 280.
— III, папа 207. 243. 283. 284. 287. 289. 291. 297. 305. 327. 361. 372. 458. 463. 600.
Инокентій IV, папа 92. 129. 143. 489. 534.
— VIII, папа 306.
Ивсубры 151.
„Интеллигенція“ партія въ Швеціи 569.
Интердиктъ 212. 286.
Ире, И., филологъ 564.
Ирина, императрица Византіи 194. 264. 354.
Ирландія 147. 150. 161. 165 и сл., 200. 498. 499. 500. 501. 610 и сл., 616. 632. 633. 651. 652. 655. 668. 685. 688.
Ирландцы 501.
Ирменгарда, дочь Люд. II 361.
Иры 165 и сл.
Исаакъ Комненъ Кипрскій 456.
— эвзархъ равенскій 348.
Исидоръ Севильскій, еписк. 206. 267.
Исламъ 4. 290. 409. 411. 416. 446. 451. 458. 465. 482.
Исландія 494. 503. 532. 534.
Испанія 44. 45. 64. 65. 66. 76. 95. 149. 173. 192. 228. 289. 308. 382. 401. 411. 415. 464. 483. 552. 634. 639. 656. 658. 661.
Иствеоны 41.
Истрия 124.
Италика 154. 157.
Италикъ, сынъ Флавуза 54. 58. 59.
Италія 74. 76. 79. 80. 82. 97. 103. 104. 108. 115. 116. 119. 121. 124. 129. 130. 140. 151. 173. 176 и сл., 189. 203. 289. 308. 453; исторія ея до VI столѣтія; періодъ нашествій варваровъ (лангобарды и франки) 345; Италія, какъ часть новой Западной Римской Имперіи при Карлѣ Великомъ и его преемникахъ 355; пѣмекое господство надъ Италіей 364; норманны 368; борьба за инвеституру 371; городскія общины въ XII и XIII столѣт. 372; паденіе Гогенштауфеновъ 378; періодъ сивьорій 381; приморскіе города 386; Флоренція 388; Миланъ 392; папство и Церковная область съ 1350 г. 396; Анжуйская династія въ Неаполѣ и Араговскій домъ на островѣ Сициліи 399; Араговская, габсбургская и Бурбонская династіи въ двойственномъ Неаполитанско-Сицилійскомъ королевствѣ отъ 1435 года 404.
Итальянцы 13. 172. 176. 374. 382. 384. 385. 455.
Jaccetani 178.
Іезунты, орденъ ихъ 399.

- Геришау, А. 531.
 Герне 150.
 Иеронимъ Пражскій 303.
 Иерусалимское государство въ эпоху крестовыхъ походовъ: паломничества въ Иерусалимъ и попытки его освобожденія 18; освобожденіе Иерусалима и начало основанія государствъ крестоносцами 426; прогрессивное развитіе Иерусалимскаго госуд. отъ 1100 года 429; представители лотарингск. династій: Балдуинъ I и Балдуинъ II (отъ 1100 до 1131 г.) 433; рыцарскіе ордена 435; расцвѣтъ Иерусалимскаго государства въ царствованіе Фулько отъ 1131 до 1143 г. 437; торговля и культура госуд. крестоносцевъ 438; паденіе Иерусалимскаго государства (отъ 1143 до 1193 г.) 440; упадокъ и гибель государствъ крестоносцевъ 447; Балдуинъ III 447; Амальрихъ и Египетъ 448; Балд. IV и V и Гвидо Лузиньянскій (1174—1187 гг.) 450; битва при Хаттнъ и гибель Иерусал. госуд. 451; судьба Иерусал. короны до 1291 г. 460.
 Иерусалимъ, см. Иерусалимское государство.
 „Иисуса общество“, см. Иезуиты, орденъ ихъ.
 Иоанна д'Аркъ, см. д'Аркъ, Жанна.
 Иоанна I, регентша неопальск. 402.
 — II, регентша неапольск. 402.
 — Сеймуръ 631.
 — Сестра Ричарда I 457.
 Иоанниты, монашеск. орденъ 247. 330. 436. 450; см. также тамплиеры.
 Иоаннъ II Авегъ изъ Геннегау 135; его родословное дерево 141.
 — Безземельный, англ. король 287. 599 и сл.
 — Вейрутскій 467.
 — Богемскій 139. 141.
 — Бривенъ 466.
 — II Византійскій 441.
 — Генрихъ, сынъ Иоанна Богемскаго 141.
 — Датскій 516.
 — Добрый, французскій король, его родословное дерево 395.
 — I Зеландскій и Фрисландскій 135.
 — Казиміръ, польскій король 557.
 — Калабрійскій 404.
 — Кресценція 365.
 Иоаннъ Ланкастерскій 607.
 — Орсеоло 365.
 — II, папа 140. 141.
 — VIII, папа 205. 207. 361.
 — X, папа 269.
 — XI, папа 363.
 — XII, папа 364.
 — XIII, папа 364.
 — XV, папа 210.
 — XXII, папа 295.
 — XXIII, папа 300.
 — племян. Альбрехта Австрійскаго 137.
 — III Шведскій (сынъ Христиана I) 516. 552.
 Иоанннеонъ, Ларсъ 560.
 Йомсбургъ, торговый городъ 15.
 Йорданія, см. Йорпандія.
 Йоркская династія въ Англіи 617.
 Йорпандія, историкъ 36. 198.
 Юлпен 497.
 Ютунгеймъ въ норм. миеол. 497.
 „Кавалеры“, роялистск. парт. въ Англ. XVII в. 653.
 Кавендишъ, Томасъ 664.
 Кадиксъ 413.
 Казиміръ III Великій, польскій король 338. 339.
 — IV, польскій король 340.
 Казарен (Цесарія) 424.
 Кай Маріа 45.
 Каиръ 424. 449. 451. 465.
 Какстонъ, Уильямъ 623.
 Калаатъ Эсъ Субеба 435.
 Калабрія 369.
 Калабро-сицилійское нарѣчіе 177.
 Кале 606. 616. 635. 641. 645.
 „Калевала“ 572.
 Каледонія 150. 162.
 Калликъ II, папа 116. 222.
 — III, антипапа 122.
 Калифы багдадскіе, роль ихъ рядомъ съ эмирами 87.
 Калншкій мирный договоръ 1343 года 333.
 Каллундборгская грамота 1360 года 515.
 Калоюанвесь, болгарск. князь 286.
 Кальвинисты 647.
 Кальвинъ 641.
 Кальмарская война 553.
 — уніа 18. 516.
 Кальмарское собраніе бароновъ 1397 года 516.
 Камалдуленскій орденъ 277.
 Каменъ 140.
 Камерина 385.
 Кампакскій говоръ 177.
 Кампартунское сраженіе 11 октября 1797 года 687.
 Камунодунумъ 579.
 Канада 680. 681.
 Кангранде 393.
 Кандіани 367.
 Кандія 387.
 Капнивефаты 69.
 Капосса, ломбардская крѣпость 110; „хождение въ К.“ 113.
 „Cantilena pro comite Virtutum“ 394.
 Коветинги 131. 132. 228. 232—237. 241.
 Капетъ, Гуго 209.
 Capitanei 368.
 „Capitano des popolo Romano“ 140.
 „Капитулъ Ангильрама“ 267.
 Капитуляріо 197. 207.
 Капитуляція выборная польскнхъ королей, см. выборная капитуляція.
 — — Фридриха III, датск. короля 521.
 Каппеллетти 376.
 Капцени, Джиро 391.
 Кара Багасуиъ 489.
 Карантаны 315.
 Каризіакумъ 351.
 Каритія 132.
 Каркассонъ 218.
 Карлманъ, сынъ Карла Мартелла 91. 92. 93. 98. 162.
 — сынъ Людов. Нѣмецкаго 361.
 — сынъ Пипина 189. 352.
 Карлсевне, Торфинъ 503.
 Карльсонъ, Ф. Ф. 570.
 Карль I, англ. король 648 и сл.
 — II, англ. король 655. 659 и сл.
 — I Анжуйскій 130. 132. 228. 386. 410; его родословное дерево 402.
 — I Великій, король франковъ и римскій императ. 83. 88. 90. 93 и сл., 103. 112. 190. 228. 262. 266. 270. 282. 314.
 — IV, герм. императ. 142 и сл., 297.
 — V, герм. импер. 340. 381. 395.
 — Густавъ, шведск. король 521. 522.
 — Зедермаудскій 552.
 — Иоаннъ XIV, шведск. король 539. 540. 567. 568.
 — Калабрійскій 391.
 — Каролингъ 210.
 — VIII Кнутсонъ, шведск. король 517.
 — Лотарингскій 209.
 — II Лисый 97. 98. 203. 360. 361.
 Мартелль, герц. Небстрии и мабодомъ Франція 89. 90. 91. 92.
 — I Неаполитанскій и Сицилійскій 400.
 Простоватый 207. 506.
 — Рупрехтъ 403.
 — сынъ Людовика Нѣмецкаго 98.

- Карль III Толстый 97. 99. 205. 361. 506.
 — III, франц. король, см. король Простоватый.
 — IV франц. король 252.
 — VI, франц. король 616.
 — VII, франц. король 616.
 — VIII, франц. король 621.
 — IX, франц. король 642.
 — IX, шведск. король 553. 556.
 — XI, шведск. король 19. 560.
 — XII, шведск. король 20. 560. 561. 562.
 — XIII, шведск. король 567.
 Карманьоло, Франческо 394.
 Каролина Магильда, датск. королева 526.
 Каролинги 77. 84. 87 и сл.; 91. 201. 204; королевство ихъ 91.
 — французскіе 204 и сл.
 Каролингъ, Карль 210. 269. 352.
 Карпатскія горы 39.
 Carpetani 178.
 Каррине, ПIANO де, см. Каррине, ПIANO.
 Каррине, ПIANO 489.
 Каррара изъ Падуи 393.
 — Франциско I и II 393.
 Каррочіо 373.
 Carstori, колон. 176.
 Карстенсъ, Н. 531.
 Carthago Nova 178.
 Касубы 340.
 Cas rogaux 217.
 Кассій, Діонъ 161. 163.
 Кассіодоръ 198.
 Castrum novum 177.
 Каталонія 173.
 Катары, секта 282. 289.
 Катвальда 58.
 Катерина Арагонская 625.
 — Браганцкая 660.
 — изъ рода Ягеллоповъ, польская принцесса 552.
 Като-Камбезскій мирный договоръ 2 и 3 апрѣля 1539 года 641.
 Католики 80.
 Католикъ, Фердинандъ 405.
 Католицизмъ 73. 91.
 Катоупъ 148.
 „Катъ“ 41.
 Каурриас 29.
 Каффа 394.
 Каффра 387.
 Квады 58.
 „Quarantaine du roi“ 215.
 „Квонъ“ 29.
 Квицилия Варъ, II. 48. 56. 177.
 Квириты 177.
 Кей 678.
 Кейзоръ, Р. 543.
 Кельгрень, I. Г.
 Кельль, городъ 185.
 Кельто-романы 87.
 Кельты 33. 40. 42. 43. 578. 579; группировка 147; кельты и иберы 149; кельты Великобр. о-вовъ 150; кельты восточ. части материка 153; родство съ германцами и италиями 154; самобытныя черты государств. устройства 158; госуд. учрежденія, возникновеніе новыхъ институтовъ 163; зачатки обширныхъ государственныхъ союзовъ 165.
 Кенигсбергъ 133. 332.
 Кеннетъ Леакъ-Альпинъ 166.
 Кеноманы 151.
 Кербоча, эмиръ Моссульскій 426.
 Кеттлеръ, Георгъ 342.
 — Готгардъ, восьмій магистръ Ливонскаго ордена 341.
 Килландъ, Александръ 543.
 Килиджъ-Арсланъ II, султ. 453.
 Кильдаресъ 632.
 Кильскій мирный договоръ 14 января 1814 года 528.
 Кильскія древности 30.
 Кимвры 40. 41. 44. 45. 51.
 Кинго, Томасъ, датск. писат. 525.
 Кине, Эдгардъ 389.
 Киприанъ 300.
 Кипръ 387.
 Кіабрера, Габриелло 395.
 Кіарамонте, Андреа 401.
 Кіуджіа 387.
 Кладій, римск. импер. 579.
 Клайдъ, Стеф. 596.
 Кланатъ 160 и сл.
 Кланъ: галловъ 167; ировъ (ирландск.) 161. 165; шотландскіе 162.
 Кларенсъ, Джорджъ 620.
 „Клариссы“ 291.
 Клементія изъ рода Церингеновъ 119.
 Клементъ III, папа 114. 240. 452. 593.
 — VII, папа 137.
 Клеменъ, Пауль 93.
 „Clericis laicos“, папская булла Бонифація VIII 243. 293.
 Клермонскій соборъ 212. 279.
 Клефъ 346.
 Клявъ, Авиа 631. 632.
 Климентъ II, папа 275.
 — V, папа 218. 246. 247. 248.
 Клонштокъ 525.
 Ключіискій монастырь 108. 113. 209. 212. 272. 284.
 — орденъ 279.
 „Книга ремесель“ 219.
 Кноксъ, Джонъ, см. Ноксъ, Джонъ.
 Кнуудъ, см. Кнутъ.
 Кнутсонъ, Карль, шведск. король 516.
 — Тиргильсъ (Торгильсъ) 547.
 Кнутъ II Великій (или Сильный), датскій король 14. 16. 276. 511. 513.
 Кнутъ III святой, датскій король 509.
 — IV, датскій король 512.
 — VI, датск. король 513.
 — Лаваръ 15.
 — Сынъ Свена, англ. король 509. 588.
 Князья, ихъ власть и значеніе у древнихъ германцевъ 53.
 Княжеская и королевская власть, какъ факторъ объединенія народовъ 52.
 Кобгемъ, лордъ 613.
 Кобленцъ 141.
 „Ковенаутъ“ 651.
 Ковердалъ 632.
 Коаимо I, герцогъ 391.
 Коллеони, Бартоломео 388.
 Колонизація германская на Востоку, см. германская колонизація на Востоку.
 Колонна, Іаковъ 244. 397.
 — Петръ 244.
 — Шіара 246.
 Колонтарфская битва 23 апрѣля 1014 года 500.
 „Колпаки“, народн. парт. въ Швеціи 564. 565.
 Колумбъ 265. 489.
 Комаккіо 362.
 Коменна, Марія 450.
 Комениъ, греч. династ. 453.
 Коммодъ 60.
 Коммунальные совѣты во Франціи 219.
 Коммуны, см. общины городскія.
 Conventions parlement 659.
 „Kongelov“ (королевскій законъ 14 ноября 1665 года въ Даніи) 523.
 Conpublicum 165.
 Конради, Александръ 160.
 Конрадины 100.
 Конрадинъ Гогенштауфенъ 298.
 — сынъ Конрада IV 129. 130.
 Конрадъ I, герм. король 100. 101.
 — II, герм. импер. 107. 108 и сл., 274. 363. 512.
 — III, герм. импер. 118. 119. 124. 444.
 — IV, герм. король, сынъ Фридриха II 129.
 — Гильдесгеймъ 461.
 — Лотарингскій 103.
 — Люцельгардъ 388.
 — Мазовецкій, князь 331.
 — Майнцскій, фогъ Виттельсбахъ, архіеп. 126. 461.
 — Моифератъ 456. 460.
 — Урслингенъ 378.
 „Константиновъ даръ“, поддѣльный документъ 92. 267. 268. 307.
 Константинополь 306.

- Константинопольскій соборъ (пятый) 346.
 Константинъ Великій 186.
 — шотландск. король 587.
 Констанца Антиохійская 445. 448.
 — вичка Боэмунда I 431.
 — наследница престола въ Нижн. Италіи 124.
 Констанцскій мирный договоръ 25 іюня 1183 года 122. 124.
 — Соборъ (вселенскій) 1 ноября 1414 года 300.
 Constitutio de feudis 368.
 Конфискація церковныхъ имуществъ въ Даніи 518. 519.
 Копенгагенскій сеймъ 1536 года 518.
 — сословный сеймъ 1660 года 522.
 Копенгагенскія древности 30.
 „Корабельныя деньги“ (при Карлѣ I, англ. король) 650.
 Corduba 178.
 Корнуэльскій языкъ 148.
 Королевская и княжеская власть, какъ факторъ объединенія народовъ 52; паденіе королевской власти въ эпоху господства курфюрстовъ 131.
 „Коронный советъ бароновъ“ въ Англіи 603.
 Коронаціе Коврада II 107.
 Корсика 173. 177. 193. 388. 411.
 Корсиканское царѣчіе 177.
 Корфицъ-Ульфельдтъ 521.
 Крайна 132.
 Краймеръ, Томасъ, архіеп. Кентербер. 629. 633. 635.
 Красное море 3.
 Кремона 376.
 Креси-анъ-Понтье, сраженіе при немъ 608.
 Крестовые походы 215. 227. 228. 229. 240. 280. 281. 290. 332; значеніе ихъ во всемирной исторіи 409; связь ихъ съ переселеніемъ народовъ 411; набѣги норманновъ 412; удары, направленные противъ ислама Западной Европой 415; вторженіе сельджуковъ и обращеніе Византіи за помощью къ Зап. Европѣ 415; духовный строй Западной Европы во время призыва Урбана II къ крестовому походу 417; первый крестовый походъ 419; Іерусалимское государство въ его прогрессивн. развитіи отъ 1100 до 1143 года 429; паденіе Іерусалимскаго государства 440; второй крестовый походъ и его послѣдствія 443; упадокъ и гибель государства крестопосцевъ 447; третій крестовый походъ (отъ 1189 до 1192 г.) 452; второе столѣтіе крестовыхъ походовъ 457; Іерусалимская корона до 1291 года 460; Инок. III и четвертый крестовый походъ (1201—1204) 461; пятый крестовый походъ 463; прекращеніе королевской власти и феодальное право 468; паденіе франкскихъ царствъ въ Сириі 470; крестовый походъ Людовика Святого (1248—1254) 471; послѣдствія крестовыхъ походовъ 475; причины неудачи крестовыхъ походовъ 479; ближайшія и болѣе отдаленныя послѣдствія крестовыхъ походовъ 482.
 Крестовый походъ противъ еретиковъ 1208 года 289
 Крестовосцы 279. 289.
 Кресневцій, Іоаннъ 365.
 Кристернъ Ольденбургскій, см. Христіанъ I Ольденбургскій
 Кромвель, Оливеръ 653. 654. 656 и сл.
 — Ричардъ, сынъ Оливера К. 658 и сл.
 — Томасъ 627. 632.
 Кромптонъ 678.
 „Круглоголовые“, пародная парт. приверженцевъ парламента 653.
 Крустенстоппе, М. 570.
 Кръпостные, правовое и экономическое положеніе ихъ 195.
 Куббесъ-эсъ-Захра 436.
 Кублай-Ханъ, монгольско-китайск. императ. 387.
 Кугерны 69.
 Куллоуенская битва 27 апрѣля 1746 года 675.
 Кульмская область 331. 338.
 Кульмъ, гор. 331
 Культурныя позавимствованія древнихъ германцевъ 33.
 „Куни“, аристократъ родъ у германцевъ 53.
 Куниундъ, король гевидовъ 82.
 Куниинги у херусковъ 55.
 Куниклеръ 349.
 „Куницъ бѣдный“ 310.
 Куріи католическія и папство, см. папы и катол. куріи.
 Курфюреры, періодъ ихъ господства 130.
 Кутъ-Эль-Динъ 453.
 Кьерульфъ 543.
 Лабео Ноткеръ изъ Санъ-Галена 276.
 Лабрадоръ 501.
 Лавардъ, Кнутъ 15.
 Лавелло 129.
 Лагербринъ, С. 564.
 Лагманъ 497.
 Ла Гуга, битва 1692 года 670.
 „Лагъ“ 57.
 Lascus Venetus 179.
 Ламбертъ изъ Сполето 363.
 Лампрехтъ, К., историкъ 314.
 Лангландъ, Вильг. 607.
 — Стефанъ, ученый священ. 600.
 Лангобардское королевство 345 и сл.
 — право 38.
 Лангобарды 35. 38. 41. 60. 78. 80 и сл., 85. 88. 93. 192. 259. 345 и сл., 369. 507.
 Лангтонъ, Стефанъ 286.
 Langue d'oc 150. 223.
 — d'oïl 223.
 „Landmanna partei“ (сельская партія въ Швеціи) 569.
 Ландольфъ VI Беневентскій 369.
 — миланскій 387.
 Ландегутъ 325.
 Ландульфъ, см. Ландонфъ.
 Landfriedengesetz 1235 г. 128.
 Ланкастерская династія въ Англіи 611 и сл.
 Ланкастеръ, Генр. 609. 611.
 Лану, р. 100.
 Лаодикея, гавань 428. 431. 438. 450.
 Лапландцы, см. Лопари.
 Ларсъ Јоганнсонъ 560.
 Латеранская мозаичная картина 93.
 Латеранскій соборъ 1215 года 139. 278. 282. 288. 289.
 — — 1512 года 307.
 Латинская имперія 287. 462.
 Латифундіи, см. Помѣстія крупныя.
 Лауэнбургъ 21.
 Лафайетъ, маркизъ 682.
 Лаціумъ 406.
 Лаяццо 489.
 Лебау 140.
 Левенбергъ 325.
 Левенгаунтъ, Шарль Эмиль, генер. 561. 564.
 Левенская битва 891 года 506.
 — — битва 20 октября 991 года 99.
 Левенъ, городъ 204.
 Левита, Бенедиктъ 267.
 Левъ II Арменскій 125. 127. 451. 461.
 — III Византійскій 354.
 — Генрихъ 15. 119. 122; см. также Генрихъ Левъ.
 — III, папа 193. 263.
 — IV, папа 360.
 — VI, папа 273.
 — IX, папа 110. 277. 369.
 — X, папа 309, 391. 397. 550. 626.

- Левъ XIII, папа 418.
 Легисты 245.
 Лейвъ 503.
 Лейпцигская битва 568.
 Лейре 497. 510.
 Лейстеръ, Робертъ, графъ 642.
 Лейтари, западно-германскій герцогъ 80.
 Левая система 89 и сл., 121. 336 и сл.
 Ленигрень, А. М. 566.
 Леннортъ, Э. 572.
 Лентязы 61.
 Левьянское сраженіе 122.
 Лео, Генрихъ 349. 385.
 Леодегаръ, еписк. Отенскій 188.
 Леонъ X Джулио 392.
 Леопольдъ Австрійскій 139. 140.
 — К. Г., см. Афъ-Леопольдъ.
 Летто-славяне 157.
 Леха 118.
 Лехфельдская битва 104.
 Лже-Вальдемаръ 143.
 — Исидоровскія декреталии 241. 307.
 — Ричардъ 615.
 Ли, Юнасъ 542. 543.
 — Софусъ, математ. 543.
 Ливонскія земли 340.
 Ливій 39.
 Livre des métiers 219.
 Ливы 288.
 Лигницъ 325.
 Лигурійское нарѣчіе 177.
 Лигурійцы 151. 152. 176.
 Лигуры, см. Лигурійцы.
 Лиднеръ, В. 566.
 Лилибеумъ 177.
 Ливгъ, П. Г. 570.
 Линданисса, крѣпость эстовъ 16.
 Лингвистическая битва 127.
 Лингоны 151.
 Линдъ-Гольдшмидтъ, Дженни 571.
 Линпей, Карлъ 564.
 Липспрингскій сеймъ 782 года 191.
 Литва 338 и сл.
 Литовская Жмудь 338.
 Литовцы 330. 338. 340.
 Литы 83.
 Лифляндія 327 и сл., 341.
 Лившъ, Хр. Фр. 32.
 Лионскій соборъ 1245 года 129.
 Лионъ 173.
 Лютгарда, аламанка 200.
 Лютпрандъ, король 350. 351.
 Лодброкъ 508.
 Локаторы 323.
 Ложки, мяснич. герой норманновъ 497.
 Локкъ, Джонъ 667.
 Долларды 613.
 Лоллій, М., римскій легатъ въ Германіи 47.
 Ломбардія 138.
 Ломбардскіе города, борьба ихъ съ императорскою властью 121.
 Ломбардскій союзъ 1167 года 373.
 Ломбардское нарѣчіе 177.
 Ломбардцы 219.
 Лонгепе изъ дома Монфератъ, Вильгельмъ 450.
 Long Parliament, см. Долгий парламентъ.
 Лонжюмо, Андрей 469. 489.
 Лопари 495.
 Лоренцо Великолѣпный 391.
 Лотарингія 102.
 Лотаръ I, императ. 98. 118. 204.
 — II, императ. 360.
 — III, Итальянскій 359.
 — III, Суплинбургскій, импер. 15. 116. 364.
 — сынъ Людовика I Благочестиваго 97. 203.
 Лотеранскій соборъ 1179 года 281.
 Лоудъ, Уильямъ 650.
 Лохлавохъ 500.
 Луара, р. 218.
 Лугудунумъ 179.
 Лудольфинги 117.
 Лудольфа 103.
 Лужицкая марка 318.
 Лузиньяки 460.
 Луиза Гессенъ-Кассельская 530.
 — Ульрика, сестра прусскаго короля Фридриха II 564.
 Лува, гор. 505.
 Луидская битва 559.
 Lucania, колон. 176.
 „Лѣсной округъ“ („Waldstätte“) 139.
 Львиное Сердце, Ричардъ 445; см. также Ричардъ Львиное Сердце.
 Любекская гавань 16.
 Любскъ 15. 17. 122. 130. 321.
 Людовикъ I, сынъ Карла Великаго (Благочестивый), императ. 96 и сл., 193. 201 и сл., 359. 362. 504. 511.
 — II, сынъ Лотаря I, императ. 204. 359. 360. 362.
 — III, императ. 204.
 — IV, императ. (Баварецъ) 130. 139 и сл., 295. 402.
 — Бранденбургскій 141. 143.
 — Дитя, сынъ Арнульфа 99.
 — Нѣмецкій 98. 203. 360.
 — II, франц. Король (Занка) 205.
 — III, франц. король 444.
 — IV, франц. король (Заморскій) 208.
 — VI, франц. король (Толстый) 222.
 — VII, франц. король (Молодой) 98. 205.
 — VIII, франц. король 602.
 Людовикъ IX, франц. король (Святой) 100. 130. 213. 214. 218. 228. 240. 244.
 — X, франц. король (Сварливый) 251.
 — XI, франц. король 620.
 — XII, франц. король (Отецъ народа) 626.
 — XIV, франц. король (Великій, Король-Солнце) 192. 250. 338. 561. 661. 663. 670.
 — XVI, франц. король 566.
 Людольфингъ 106.
 Люксембургская группа германцевъ 41.
 Лютеръ, Мартинъ 306. 626. 631. 659.
 Лютихская епархія 282.
 Лютичи 108. 320.
 Люттерская битва 27 авг. 1626 года 520.
 Люцинская битва 16 ноября 1632 года 555.
 Люцельбурги 142.
 Люцельбургско - богемская партія въ XIV стол. 140.
 — Майнцская партія въ XIV стол. 139.
 Люцеръ 143.
 Лярошель 219.
 Маорра 427.
 Маасъ 43. 185.
 Маврикій, визант. императ. 346.
 Магдебургское право. 331.
 Магдебургъ, городъ 104.
 Magister militum 368.
 „Magna charta libertatum“ Иоанна Безземельнаго 601.
 Магпи, Иоаннъ 560.
 — Олаусъ 560.
 Магнусъ Добрый Норвежскій 533. 589.
 — сынъ Гаакона 537.
 — сынъ Эрика (Шведскій) 546. 547.
 — II Шведскій и Норвежскій 548.
 Мадвигъ, I. Н. 531.
 „Мадьярія“ 402.
 Мадьяры 100. 102. 104. 273. 313. 315. 366. 402.
 Мазепы 561.
 Мазуры 340.
 Майнц-Вормскій союзъ городовъ 130.
 Майнцскій Имперскій сеймъ 1105 года 115.
 Майнцское празднество 1184 года (посвященіе въ рыцари сыновей Фридриха Барбароссы) 124.
 Майнцъ 203.
 Майнцъ 185.
 Майордомы 187. 188.
 — французскіе 86. 87.
 Македонія 152.
 Македонская династія 363.

- Макіавели, Ник. 397.
 Максимилианъ II, императ. 398.
 Магъ-Альбинъ, Кеннетъ 166.
 — Олей 160.
 Маласпино, Саба 400.
 Малатеста, Сигизмундо Пандольфъ 385. 389. 397.
 Маликъ Аль Адиль 457.
 — Эль Ашрафъ (Салахъ-Эд-Динъ-Халиль) 474.
 — — Мансуръ Египетскій 474.
 — Эль-Назиръ-Юсуфъ, аюбидскій султанъ Дамаска 472.
 — эсъ-Салихъ-Аюбъ 470.
 — — — Измаиль, дамаскій султанъ 470.
 Мальборо, Черчилъ, графъ 669. 670. 671. 672.
 Мальдонская битва 991 года 588.
 Малькольмъ I, шотландск. король 587.
 — II, шотландск. король 588.
 — VI, шотландск. король 594.
 Мальмистремъ, К. Г. 570.
 Мальплакская битва 11 сентября 1709 года 671.
 Мальта, о-въ 478.
 „Малый парламентъ“ 555.
 Мамелюки 240
 Мантуя 193.
 Мапуиль, визант. импер. 441. 448.
 Мавфреди 385.
 Мауфредъ, сводный братъ Конрада IV 129.
 Маицусъ, Платонъ 623.
 Маицони, Александро 396.
 „Маог“, чиновникъ для сбора податей у кельтовъ 163.
 Марашъ 424.
 Марбодъ 48. 54. 55. 56. 57. 58.
 Марбургъ, Конрадъ ф., магист. доминиканцевъ 128.
 Маргарита Англійская, жена Генриха VI 617.
 — Датская, дочь Вальдемара Аттербага 515. 516. 548. 549.
 — Маульташъ, см. Маульташъ, Маргарита.
 — Шотландская 619.
 Маргашъ 450.
 Мариѣн, Эггеранъ де 251.
 Марія, Филиппо 394.
 Мариенверденъ, гер. 330.
 Марій, Кай 45.
 Маріи св. рыцари 330. 332.
 Маріо, Габриеле 394.
 Маріучія 363.
 Марія Антиохійская 448.
 — дочь Якова II, короля Англійскаго 663.
 — Коменна 450.
 — Кровавая (Католичка), королева англійская 633. 634. 635.
 Марія Моденская, жена Якова II, короля англійскаго 663.
 — сестра Генриха VIII, короля англ. 626.
 — Стюартъ 641 и сл.
 — Шотландская 633.
 Markgenossenschaft 49.
 Маркшадль 504.
 Маркоманны 55. 60.
 Маркъ Аврелій 60. 81.
 Марлоу, Христоф. 638. 640.
 Мароція 269; см. также Маріучія.
 Марсель 220. 296.
 Марсилій Падуавскій 296.
 Марстонъ-Моорская битва 2 июля 1644 года 653.
 Марсы 176.
 Мартелль, Карлъ 89. 90. 91. 92. 168. 188. 194. 241. 261. 350.
 Мартинъ Арагонскій Младшій 401.
 — — Старшій 401.
 — — пзъ Периса, аббатъ 462.
 — I, папа 348.
 — IV, папа 400.
 — V, папа 303. 309.
 Мархфельдское сраженіе 325.
 Марчъ, графъ 617.
 Масса-Каррара 394.
 Массачусетсъ 681.
 Массилія, фокейск. гор. 149. 179.
 Мативно II делла Скала 393.
 Матасвинто, внучка Теодориха 54. 79.
 Матильда Англійская, жена Готфрида Плантагенета Анжуйскаго 595. 596.
 — Тосканская, дочь маркгр. Бонифация, спутница папы Григорія VII 113. 116. 122.
 — Тусційская 113. 372. 445.
 — Шотландская, дочь Малькальма 594.
 Матіасъ изъ Явола 301.
 Маудудъ Моссульскій 440.
 Маульташъ, Маргарита 141. 142.
 Медвѣдъ, Альбрехтъ 117. 119. 321.
 Медебахъ 15.
 Медичи 385. 387. 391. 392.
 — Алессандро 392.
 — Джіованни 392.
 — Джуліано 392.
 — Катерина 391. 642.
 — Козимо ди Джіованни 361.
 — Лоренцино 392.
 Меерсенскій договоръ 870 года 98.
 Мейгардъ, августинск. монахъ 327.
 Мекленбургъ 16.
 Меленомъ 210.
 Мелизанда Іерусалимск., дочь Балдуина II, 437. 445. 448.
 Мельгеймъ, графство 244.
 Мемель 17.
 Менаріи 150.
 Менведъ, Эрихъ, король датчанъ 17.
 Мервинги 54. 69. 76. 77. 79. 84. 86. 169. 187 и сл.
 Мервинги старшіе 71.
 „Мертвой руки“ право 195.
 Мерсепскій договоръ 8 августа 870 года 203.
 Мертвое море 435.
 „Merchant - Adventures“ въ Англии 638.
 Месопотамія 28. 435.
 Мессана 177.
 Мессина 125.
 Мествинъ, герд. 16.
 Met 496.
 Метанонъ 374.
 Мехтильдиса святая 298.
 Медкая статуэтка 93.
 Мецъ 77. 187.
 Меченосцы, орд. 328 и сл. 332.
 Миланъ 122. 151. 345. 392 и сл.
 Milites primi 368.
 Милчъ изъ Кремаира 301.
 Мильтонъ, Джовъ, англ. поэтъ 650. 661. 662.
 Минденская епархія 191.
 Минориты, монахи 140.
 Минокка, о-въ 582.
 Мицикетская битва 1071 года 416.
 Миріокефалонская битва 1176 года 453.
 Мисако (Мѣшко) 319.
 Missi dominici 197.
 Митава 342.
 Мизельсенъ, Петеръ 541.
 Мозель 43.
 Молнія, Н. П. 571.
 Мольеръ 228.
 Моля, Яковъ, великій магистръ ордена храмовниковъ 248.
 Монако 385.
 Монашество 259.
 Монголы 127.
 Монгольское вшествіе 1241 года 332.
 Монкъ, Джорджъ 659.
 Монмутъ, Джемсъ, незакон. сынъ Карла I, англ. короля 662.
 Монпельевскій университетъ 214.
 Монтегю 619.
 Монтекассино, монастырь 259.
 Монте Санъ Микело 315.
 Ментефелетро 385.
 Монферратъ, Конрадъ 456. 457. 460.
 Монфоръ, Симонъ 603.
 Моувъ, Г. 543.
 Моравія 132.
 Моргартенское сраженіе 15 ноября 1315 года 139.
 Морицъ Саксонскій 370.

- Морозини, Доминико 374.
 Морь, Томасъ 626. 628. 630.
 Моубра, Томасъ, герц. Нор-
 фольскій 609.
 Моунтжой, Чарльзъ Блоптъ
 647.
 Мочениго, Томмазо 387.
 Муниъ-Эдъ-Дниъ-Анаръ 446.
 Мунхъ, П. А. 543.
 Муррей, Яковъ 642.
 Муръ, Джонъ 94. 691.
 Мѣшко II, польскій герцогъ
 108. 319.
 Мѣвское графство 208.
 Мюльгаузенъ въ Тюрингивъ
 127.
 Мюльдорфское сраженіе 140.
 Мювстерская епархія 191.
 Мювстеръ, городъ 16.
 Мюнхенскій договоръ 5 сентя-
 бря 1825 года 140.

 Наблусъ 471.
 Навигационный актъ 9 окт.
 1651 года 656. 657. 660.
 Наддоддъ 503.
 Назеби, битва при немъ 14
 юня 1645 года 563.
 Нансепъ, бургомистръ Копен-
 гагена 522.
 — Фритюфъ 162. 543.
 Нантскій эдиктъ 662. 665.
 Нантъ 208.
 Наполеонъ I, императ. франц.
 21. 240. 380. 399. 410. 478.
 527. 566. 687 и сл.
 Нарбо 179.
 Narbonensis, римск. провин-
 ція 179.
 Нарболна, городъ 76.
 Нарбовское графство 244.
 Нарва 16. 17.
 Нарвское сраженіе 1700 года
 561.
 Нарзесъ, предводит. отряда
 при Юстинианѣ 79. 81. 347.
 Narnia 176.
 Народное представительство
 въ Англіи 599.
 Народныя преданія лангобар-
 довъ 38.
 — собранія фризовъ 88.
 Натуральное хозяйство 197.
 216.
 Нашествіе варваровъ 345 и
 сл.
 Неаль, графъ Тирона 647.
 Неаполитанское нарѣчіе 177.
 Неаноль 244. 346. 361. 399 и сл.
 Неймарктъ, гор. 325.
 Нейссе, гор. 325.
 Нейстрія 87. 187. 188. 203.
 Неккаръ 185.
 Нельсонъ, Гораціо 687. 688.
 689. 690
 Неметы 45.
 Непотъ, Юлій 67.
 Нердлингенская битва 556.
 Неронъ, Клавдія Друзъ, римск.
 импер. 47. 48.
 Несторъ, русск. лѣтопис. 499.
 Никейскій соборъ 325 года
 255. 264.
 Никластаузенъ 310.
 Николай, мальчикъ — пред-
 водитель крестов. похода
 463.
 Николай I, папа 207. 210.
 268. 272. 277. 360.
 — II, папа 278.
 — I, русскій царь 572.
 Николодъ, вѣнскій король
 152.
 Нильская дельта 240.
 Нильсонъ, Свенъ 570.
 — Христина 571.
 Ниль св. 277.
 Нимвегенскій мирный дого-
 воръ 10 авг. 1678 года 667.
 Нимвегенъ 199. 559.
 Ниско, Н. 400.
 Нитгардтъ, историкъ временъ
 Карла Великаго 97.
 Ништадскій мирный договоръ
 1721 года 572.
 Нионъ 179.
 Ниутгеръ, миссіонеръ 265.
 Новая Марка 18.
 Новгородское государство 14.
 Новгородъ 327. 499.
 Noviodgenum 179.
 Ногарэ, Гильомъ, гос. сов.
 при Филиппѣ Красивомъ
 245. 246. 247. 250.
 Ноксъ, Джонъ, шотл. рефор-
 мат. 641. 642.
 Номинализмъ 297.
 Норвегія (съ Исландіей): до
 XIV стол. (до Датско-Нор-
 вежской униі) 532; датскій
 періодъ 537; униі со Шве-
 ціей (1814—1905 гг.) 539;
 возстановленіе независимо-
 сти Норвегіи 541; культур-
 ный прогрессъ Норвегіи въ
 XIX стол. 542.
 Норденшельдъ, Н. А. 570.
 Норейя 153.
 Норика провинція 45. 47.
 Норикъ 74. 153.
 Нормандія 211.
 Норманны 99. 110. 112. 118.
 200. 368 и сл. 496 и сл.,
 585. 586; мнѣлогія ихъ
 496. 497; вѣбъги ихъ 412
 и сл.; походы ихъ 498 и
 сл.
 — датскіе 504.
 — норвежскіе 500.
 — шведскіе 499.
 Норрисъ, Джонъ 646.
 Нортгеймъ, Оттоиъ ф. 112.
 114.
 Нортгеймы 117.
 Нортембергъ, Генрихъ ф. 137.
 Нортумберлендъ 200.
 Норфолькъ, Томасъ 609. 633.
 Ноткеръ Лабео назъ Санъ-Га-
 лена 276.
 Нувабъ Аудекій 683.
 Нуръ-Эдъ-Дниъ 440. 447. 449.
 Нюрдъ, богъ плодородія у
 нормановъ 497.
 Ньз-Джерсп 582.
 Ньютовъ, Исаакъ 637. 663.
 Нѣманъ 10.
 Нѣмецкая народность на бе-
 регахъ Балтійскаго моря
 317.
 Нѣмецко-римская партія (въ
 церкви) 276.
 Нѣмецкіе переселенцы въ
 Лифляндіи 327.
 Нѣмцы до середины 14 стол.
 5. 25 и сл.
 — въ прибалтійскихъ обла-
 стяхъ 325.

 „Областное уложеніе“ Ферди-
 нанда II 337.
 Оботритскія земли 15. 201.
 Оботриты, см. Оботритскія
 земли.
 Общинное землевладѣніе у
 кельтовъ 162.
 Общныя городскія отъ нача-
 ла XII до конца XIII стол.
 372.
 Овернь 76.
 Ogal 53.
 Одвакаръ, предводитель на-
 емниковъ германцевъ 57.
 67. 68. 74. 75. 76. 81. 345.
 Одвакеръ, см. Одвакаръ.
 Одинъ 497.
 Одеръ 559.
 Одо Анжуйскій 204. 207. 209.
 Одовакаръ, см. Одвакаръ.
 Одо Храбрый 506.
 Оккамъ, Вильгельмъ, ученый
 франциск. 296.
 Оксеншерна, Аксель 554. 556.
 557.
 — Йенсъ Бенгтсонъ 550.
 Оксфордскій университетъ
 292. 301. 302.
 Олаусъ 560.
 Олафъ I Норвежскій (Тригвес-
 сень) 553. 588.
 — II святой Норвежскій (Га-
 ральдсень) 414. 533.
 — V Норвежскій и Датскій
 575.
 — Скетконунгъ 544.
 — Хвите назъ Дублина 500.
 — Шведскій 511.
 Олегъ 499.
 Оливеръ, богословъ кельн-
 скаго соборнаго капитула
 464.
 Оливія, Христианъ ф., монахъ
 цистерціанск. орд. 331.
 Оливскій мирный договоръ
 558.
 Олигархія 373. 374.
 Ольденбургскій домъ 516 и
 сл.
 Ольденбургское герцогство
 276.
 — епископство 318.

- О'Неаль, графъ Тирона 647.
 Оппельнъ, гор. 325.
 Orbis romanus 481.
 Орвиемо 383.
 Орвиетскій готическій соборъ 390.
 Орделаффи 385.
 Орехро, парламентъ 21 августа 1810 года 587.
 Орехдель 485.
 Орехтъ 67.
 Орехто 399.
 Ориноко, ограбленіе находящихя на немъ испавскихъ колоній 648.
 Орисса 683.
 Орифламма 220.
 Орканья, Андреа 389.
 Орлеанская дѣва, см. д'Аркъ, Жанна.
 Орлеанскій университетъ 214.
 Орлеанскій церковный соборъ 186.
 Орлеанъ 210. 219.
 „Орлогъ“ 57.
 Орсеолн, дожа 373.
 Орсеоло, Пиетро 367.
 Орсини, господствующій родъ въ Римъ 244. 245. 347.
 Осбрить 508.
 Освальдъ 584.
 Оскаръ I, шведско-норвежск. король 540. 568. 569.
 — II, шведскій и норвежскій король 540. 569.
 Осле, битва при немъ 549.
 „Ослики“ („asinini“) 380.
 Османы 306. 387.
 Оснабрюкская епархія 191.
 Остготское королевство 76 и сл.
 Остготы 62. 78. 79. 81.
 Остъ-Индія 683. 684.
 Остъ-Индская кампанія 661.
 Остфалія 88.
 Отафоръ 225.
 Оттокаръ, король богемскій 132.
 — II, чешск. король 332.
 Отгонъ I 92. 118. 273. 277. 318. 462.
 — II 106. 118. 141. 319. 365.
 — III 105. 118. 319. 305.
 — IV 118. 127. 128. 600.
 — Великій 105. 207. 208.
 — Людольфингъ 101.
 — Младшій 105.
 — Нортгеймъ 112.
 — сынъ Генриха 102. 103.
 Отфридъ, монахъ 266.
 Оувель II, папа 306. 397.
 — V, папа 374.
 — сынъ Варнефрида, лангобардъ, см. Діакопъ, Павель.
 Павія 275. 303. 345. 352. 353. 359. 362. 379. 393.
 Падерборнская епархія 191.
 Падуй 377. 389. 393.
 Пайенъ, Гуго, гофмейстеръ ордена храмовниковъ 247. 435.
 Пайенъ, Гуго, см. Пайенъ, Гуго, гофмейстеръ ордена храмовниковъ.
 Палауэнъ, Генр. ф. 339.
 Палаты общинъ и бароновъ (лордовъ) 606.
 Палермо 126. 389.
 Пандульфъ IV Капуанскій 368.
 Папионія 37. 56. 153. 174.
 — Лангабардская 82.
 — Римская 81.
 Папионская равнина 315.
 Папормусъ 177.
 „Папская троича“ 299. 300.
 Папы и католическія куріи, ихъ отношеніе къ свѣтской власти 91. 92. 98. 103. 104. 106. 110. 111. 112 и сл., 116. 118. 125. 127. 129. 136. 138. 139. 140. 141. 193. 202. 205. 207. 210. 222. 223. 241. 242. 243 и сл., 256. 257. 272 и сл.; 348. 354. 372. 373. 396 и сл., 452; см. также христіанство, исторія его развитія на Западѣ.
 Парижскій университетъ 214. 290. 292. 302.
 Парижъ 186. 210. 218. 220. 505.
 Parisii 150.
 Парламентъ въ Англіи 603. 617. 618. 647. 648 и сл.
 — парижскій 213.
 Парма 193. 372.
 Парръ, Катерина 631.
 Парсиваль 485.
 Партециачи 362.
 Pastorales 225.
 „Pastor aeternus“, булла латеранскаго собора 307.
 Пасхалисъ I, папа 202.
 — II, папа 115.
 — III, папа 125.
 „Патарія“, демократическ. движеніе 112. 278.
 Патерсонъ, Уильямъ 666.
 Патрикъ св. 260.
 „Patrimonium Petri“ 257.
 Пегаяская битва 15 октября 1090 года 114.
 Педерсонъ, Христіанъ 519.
 Пекатель 31.
 Пелигны 176.
 Пелоза, Нино делла 405.
 Пенду 584.
 Пеноли 385.
 Перкинъ Варбекъ 621.
 Перистаритъ 348.
 Перси, аристокр. родъ въ Англіи 609. 611. 615.
 Персидскій зал. 3.
 Персы 79.
 Пергъ, Г. Г. 93.
 Перуджино 390.
 Петербургъ 5. 20.
 Petershof въ Новгородѣ 17.
 Petitioners 662.
 Петрарка, итальянскій поэтъ 225. 295. 375. 389.
 Петри, Лаврентій 560.
 Петробрусіанцы 282.
 Петръ Амьенскій (Пустынякъ) 414. 419. 462.
 — III Великій, Арагонскій 401.
 — I Великій, русскій царь 20. 561. 562.
 — изъ Пизы, грамматикъ 198.
 Пиза 367. 373. 374. 375. 386. 431.
 Пизанисъ, Витторе 387.
 Пизано, Андреа 389.
 Пизскій церковный соборъ 1409 года 299.
 Пикколомини Элео Сильвіо 305.
 Пикты 150. 166. 587. 610.
 Пиппинъ I Старшій, правитель западно-франкскаго государства 188. 262.
 — II Средній (Геритальскій), майордомъ Австразіи 87. 88. 188.
 — III Короткій (Младшій), король франковъ 91. 92. 93. 350.
 — Ландевскій 188.
 — сынъ Карла Великаго, король Италіи 202.
 — — Людовика Благочестиваго, король Аквитаніи 97. 203.
 Пиратскіе набѣги въ эпоху великаго переселенія 62.
 Пиренейскій полуостр. 178.
 Пирръ, царъ эпирскій 176.
 Пистойя 390.
 Питеасъ изъ Мессалии, торговецъ - путешест. времянь Александра Великаго 36. 37. 39. 578.
 Питиузскіе о-ва 173.
 Питтъ Младшій 685. 686. 690.
 — Уильямъ Старшій 675. 676. 677. 684 и сл.
 Пиццугъ 177.
 Пиччино, Николо 387. 394.
 Піп II, папа 305. 306. 397.
 — V, папа 396.
 — IX, папа 397. 418.
 Плазіанъ, Вильгельмъ, советникъ Филиппа Красиваго 245. 248.
 Платтагенетъ, Жоффриуа 126. 595.
 Платтагенеты, англ. династія 595 и сл.
 Племена батавскія 43.
 — бельгійскія 43. 45.
 — германскія 41 и сл.
 Плеттенбергъ, Вальтеръ ф. 341.
 Плиний 36. 495.
 „Плѣтисіе“ папы 7 сент. 1303 года 137.

- Плѣнные у германцевъ 54.
 Плюдая-Мюллеръ, Фред. 531.
 По, р. 151. 176.
 Поджетто, Вертрандо дель 396.
 Поджіо 308.
 „Покаянные братья св. Франциска“ 291.
 Полабская земля 15.
 „Поле лжи“ 203.
 Полевта 385.
 Поленць, Георгъ ф. 340.
 Полюбий 151.
 Поло, Марко 387. 489.
 — Маффео 387.
 — Николо 387. 489.
 Полоцкъ, городъ 16. 327.
 Полтавская битва 8 іюля 1709 года 561.
 Польша 106. 108. 129. 324. 332. 338 и сл., 519.
 Поляки 5. 18.
 Померанская группа германцевъ 41.
 Померанскій берегъ 18.
 Помереллепъ 332. 336.
 Помѣстья крупныя, ростъ ихъ въ эпоху феодализма 90.
 Повторково, князь 567.
 Понціонъ на р. Гардъ 189.
 Повтіусъ, графъ Триполіскій 437.
 Поппо изъ Бриксена 276.
 „Порогъ“ 61.
 Портсмуть 150.
 Португалія 173. 464.
 Поруцы 128.
 Посидоній, греч. путешест. 579.
 Поталь 345.
 „Потерянный Рай“ (Paradise loste) 661. 662.
 Право: Бове (обычное) 213; германское 50. 54. 80. 81; готское, см. готское право; нль-де-франское (обычное) 213; лангобардское 38; магдебургское 323; римское 121. 214; родовое въ восточно-франкскомъ государствѣ 98; саксонское 38; феодальное 90; фризское 38. 88.
 Правовое государство, начатки его 209.
 „Прагматическая армія“ 674.
 Пражскій мирный договоръ 23 авг. 1866 года 530.
 — университетъ 302.
 Премонстраты, монашеск. орд. 223.
 Премонтра 223.
 Пресвитеріано и пресвитеріанство 651. 653. 654. 667. 668.
 Префетти да Вико 385.
 Прибалтійскія области, древнѣйшая исторія ихъ 12.
 Прибиславъ Браденбургскій 321.
 „Privilegium minus“ 17 сентября 1156 года.
 „Привилегія“ Сигизмунда Августа 341.
 Пригвиць 321.
 „Pride's Purge“ 654.
 Провансальская рыцарская поэзія 224 и сл.
 Провансальскій языкъ 173. 179.
 Провансъ 187. 203. 204.
 Протекторство Кромвелей въ Англіи 656 и сл.
 Пруссія 128. 338. 525.
 Прусская группа германцевъ 41.
 Пуату, Гильомъ 487.
 Пуатъе, соборъ духовенства этой провинціи 212.
 — Старый, битва при немъ въ 732 году 89. 188.
 Пуже, Вертранъ 396.
 Пуийцы 176.
 Пуританизмъ 647 и сл.
 Пустышникъ, Петръ 414, см. также Петръ Амьенскій (Пустышникъ).
 „Путь Паломника“ (Piligrims progress) 662.
 Пфальцграфы 120.
 Пфальц-Клебургская династія въ Швеціи 557.
 Пшемисловичи 317.
 Пшемысль 132.
 Пьедро II, король 286.
 Пьемонтское парвіе 177.
 Пьемонтъ 345.
 Пэнъ, Уильямъ 658.
 Пясты, польск. династ. 319. 331.
 Равенна 76. 151. 346. 351. 385.
 Рагнарока 497.
 Радагайсь 64.
 Радигоста храмъ въ Ретрѣ 320.
 Раймундъ Антиохійскій 447. 448.
 — Пун 423. 427.
 — изъ Пуату, сынъ Вильгельма Аквитанскаго 431.
 — Сенъ-Жиль 421.
 — Триполіск. 449. 450.
 — Тулузскій 428.
 Райнальдъ Шатильонскій 448. 451.
 Райпульффъ, графъ 368. 369.
 Ракка 438.
 Ралей, У., англ. мореплават. XVII в. 648. 664.
 Раике, Леопольдъ 314. 321. 364. 381. 397. 410.
 Раскъ, Эр., датск. филологъ 531.
 Распе, Генрихъ, тюрингенскій ландграфъ 129. 134.
 Распи, Генрихъ, см. Распе, Генрихъ, тюрингенскій ландграфъ.
 Ратбодъ 89.
 Ратиборъ, гор. 325.
 Ратлянь, о-въ 200.
 Ратхисъ, герц. Фриульскій 350.
 Ратцель 12. 180.
 Раудскія поля 45.
 Ревель 17. 329.
 Революція 1890 года во Франціи 195.
 Регенсбургъ 93. 130.
 „Regnum Notarii“ 359.
 Реде, Эрикъ 503.
 Реджіо 193. 384.
 Редукциі 559.
 Реймское собраніе курфюрстовъ 396.
 Реймсъ 186. 218.
 Рейнальдъ Кельскій 120.
 Рейнфельденъ 114.
 Рейнъ 41. 42.
 Rex gloriae, булла Климента V-го 248.
 „Rex Francorum et Langobardum“, титуль 93.
 „Religio“ (Франциза Ассизскаго) 383.
 Ремеръ, Оле, физ. 525.
 Ремигій, епископъ Реймскій 186.
 Ренессансъ 307. 622 и сл.
 Рено, р. 151.
 Ренскій сеймъ курфюрстовъ 16 іюля 1338 года 141.
 Ренштингъ 83.
 Рероль 180.
 Реформація 337. 624 и сл. — въ Даніи 518. 519.
 Рецензія римскаго права 121.
 Реціусъ, А. А. 570.
 Реція 153. 177.
 Рибуаріи 69.
 Рига 17. 19. 288. 327; основаніе ея 16.
 Ригеръ, историкъ 32.
 Rigsakt 1815 года 540.
 Ридбергъ, Викторъ 570.
 Рижскій прол. 332.
 Рикимеръ 35. 68. 73.
 Рикмеръ, см. Рикимеръ.
 Римини 385.
 Римнія 151.
 Римляне 43. 44. 76. 82. 150. 152. 157. 176. 180. 346. 579 и сл.
 Римская имперія, ея отношенія къ германскимъ народамъ 56 и сл., 76.
 Римскій соборъ 1079 года 283.
 Римъ 118. 176. 177. 346.
 Ривникскій мирный договоръ 1697 года 670.
 Рисская битва 841 года 203.
 Риторскія школы 148.
 Рихардъ Албанскій 115.
 Ричардъ I, англ. король (Львиное Сердце) 125. 126. 225. 445. 452. 455. 456. 598. 599.
 — II, англ. король (сынъ Эдуарда Чернаго) 607. 611. 615.

- Ричардъ III, англ. король (Глостеръ) 615.
 — изъ Аверсы 369.
 — юрскій 617.
 — Корвальяскій, князь Пуату 130.
 Риччио, Давидъ 642.
 Ришаръ Сепъ Викторъ 288.
 Ришелье 554.
 Риальто 362.
 Риарио, Джироламо 397.
 Робертъ Абрисельскій 285.
 — братъ Эйло 207.
 — Лечче 478.
 — Мудрый 402.
 — Неаполитанскій 391.
 — Норманскій 422.
 — Сильный 505.
 — Фландрскій 422.
 — III Шотландскій 615.
 Робиа, Лука делла 389.
 Родбертусъ, аббатъ 271. 283.
 Родоальдъ 348.
 Родовая местъ 165.
 Родовой строй германцевъ 64 и сл.
 Родословное дерево Генриха I-го 107.
 — — — IV 109.
 Родульфъ, король геруловъ 81.
 Роды господствующіе (у германцевъ) 52 и сл.
 Рожеръ I, сынъ Танкреда Готвилля, предводитель норманновъ 369. 507.
 — II, предводит. норманновъ 370. 507.
 Розамунда, жена Альбойна 346.
 Розепъ, Г. фонъ 571.
 Роландъ, графъ Леманскій 229.
 — изъ Сиены, папскій легатъ 281.
 Ролло, предводит. норманновъ 204. 506.
 Рольфъ, предводит. норманновъ 506.
 Романскіе народы, происхождение: романская группа народовъ 173; романизация, какъ всемирноисторическое явление 174; романизация въ италийскихъ областяхъ 177.
 Ромуальдъ, равенск. герцогъ 277.
 Ромуль 175.
 Ромуль Августулъ 67.
 Ронкальскій Имперскій сеймъ 1158 года 121.
 Ронсевальская долина, уничтоженіе франкского авангарда 192.
 Роскильдскій мирный договоръ 8 марта 1658 года 521. 558.
 Россель, лордъ 670.
 Россія 13. 14. 18. 19. 444. 519. 524. 525; быстрый ростъ ея могущества 20.
 Ротари, король 348.
 Ротеръ 485.
 Рубрукисъ, Вильгельмъ 489.
 Рудбекъ. У. 560.
 Рудольфъ I, Верхнебургундскій 111. 135. 363.
 — II Верхнебургундскій 206. 208.
 — III Верхнебургундскій 106.
 — I Габсбургъ, герм. король 133. 135 и сл. 325.
 — Занка, пфальцграфъ изъ рода Виттельсбаховъ 136. 139.
 — Швабскій изъ Рейнфельдена 112. 114.
 Рукъ, Джорджъ 671.
 Руммельсбургъ 31.
 Руммельсбергскія раскопки 32.
 Рунебергъ, Иоаннъ 572.
 Рупиусъ, Иоаннъ 560.
 Руны 38.
 Рупениды, владѣт. родъ Арменіи 477.
 Рупрехтъ Пфальцскій 391. 653. 654.
 Рурекія горы 42.
 Руссо, Жанъ Жакъ 526.
 Русскіе 5.
 Русь Червоная 340.
 Рутландъ, Эдмундъ, графъ 617.
 Руфишъ, сынъ Θεодосія 63.
 Рыжебородый, Фридрихъ I Барбаросса 119 и сл.
 Рыцари-храмовники, см. тамплиеры.
 Рыцарство: культурное состояніе въ сѣверно-французск. госуд. 226; ордена рыцарскіе 435 и сл.; поэзія и литерат. 224; роль рыцарей, какъ распространителей христіанства 328 и сл.; строй и традиціи 120. 121; апоэъ 228 и сл.
 Рюгенъ, о-въ 37.
 Рюги 34. 38. 47. 74. 79.
 Рюгиландъ 81.
 Рюйтеръ, Микель де 661.
 Рюрикъ 499.
 Сабаудія 73; см. также Савойя.
 Сабиниане, племя 175.
 „Сабинианскъ похищеніе“ 175.
 Саванарола, Джироламо, доминиканецъ 306.
 Савоиа (Сабаудія) 66. 70. 73. 173. 394. 405.
 Савойскіе графы 302.
 Сага германскія 197.
 — и быльми неландскія 535. 536.
 Салфъ-эд-Динъ Мосульскій 446.
 „Säkerhets-akt“ 21 февр. 1789 года 566.
 Сассо де Рома 392.
 Саксонія 95. 124. 136. 318.
 Саксонія 118.
 Саксонская марка 318.
 Саксонское герцогство 124. 204.
 — „зеркало“ 212.
 — право 38.
 Саксонцы 107. 112.
 Саксы 39. 41. 62. 83. 84. 88. 94. 189. 197. 203. 582. 586.
 Саладинъ 440. 450. 451. 453; его десятина 452; покореніе имъ Іерусалимскаго королевства 125.
 Сала-Эдъ-Динъ-Юсуфъ 450; см. также Саладинъ.
 Саламанкская битва 22 іюля 1812 года 691.
 „Salvator mundi“, булла Бонифація VIII 245.
 Салефъ, р. 125.
 Салерно, городъ 354. 358. 360. 364.
 Салимбене де Адамо, фра. монахъ 383.
 Салихъ Халебскій 450.
 Салии 62. 69.
 Саллентивы 176.
 Саллюццо 394.
 Сальвани изъ Сиены, Провенцано 380.
 Салютати, Колуччио де, флорентійск. канцлеръ 394.
 Саманта (Самогитія) 333.
 Самарійское государство 437.
 Самаркандъ 438.
 Самбра 185.
 Самландъ 14. 333.
 Самниты 176.
 Сампунъ 176.
 Самогитія, см. Саманта, а также Жмудь.
 Самосата 438.
 Саиджилъ 428.
 Санктъ Лео (Леонтефельтро), замокъ 364.
 — Петербургъ 5. 20.
 Санли 210.
 Сивскій соборъ 1141 года 283.
 Сансонино, Жакопо 388.
 Санта Катарина Бенфиказа 393.
 Маріа ди Фарфа 270.
 — Новелла 388.
 Санти 392.
 Санти-Андреа, о-въ 380.
 Санхо I, см. Санчо I, король португальскій.
 Санчо I, король португальскій 286. 455.
 Санъ Бенигно въ Фруттуаріи 367.
 — Бонифаціо, графъ 384.
 — Винченцо у Вольтурно 366.
 — Германо 385.
 — Джиминьяно 389.
 — Марино 399.
 Сарацины 89. 90. 319. 360. 361. 366. 367.

- Сардинія 177. 358. 367. 374.
 379. 386. 406. 411. 415.
 Сардинское нарѣчіе. 177.
 Сарни, Паоло 374.
 Сарра, жена графа Мольборо
 671.
 Сарсъ, М. 543.
 Сарцана 394.
 Сассо, Пасифило 387.
 Сафедъ, укрѣпл. храмовни-
 ковъ 470. 474.
 Саванъ 84.
 „Саванъ“ 82.
 Сване, еписк. 522.
 Сварте, Гальфданъ 532.
 Svěbi 35.
 Свебергъ, Э. 570
 Свебы 42. 47. 55. 60. 64.
 Сведолусъ, В. Е. 570.
 Сведенборгъ, Э. 564.
 Свенъ Твескъегъ (Вилбород-
 дый), датскій король 509.
 511. 588. 590.
 — Эстридсень, датскій ко-
 роль (родоначальникъ
 династїи Эстридовъ) 497.
 509. 512.
 Свены 119.
 Свеолада 14.
 Свердрунъ, Іоаннъ 540.
 Сверре Сигурдсень Норвеж-
 скій 534. 536.
 Свидгеръ, бамбергскій епи-
 скопъ 110.
 Свифтъ, Джонтанъ 672.
 Святоплукъ 201.
 Святополкъ Моравскій 100.
 Севенскія горы 209.
 Сегерзель, Эрикъ 544.
 Сегеста 177.
 Сегестъ (Зегестъ) 54. 56.
 Седмиградія 180. 330. 331.
 Сеймуръ, Іоанна 631.
 Секваны 46.
 Self-denying act 1645 года
 653.
 Сельджуки 239. 368. 415 и сл.,
 424. 425. 434. 437. 440. 444.
 453. 463. 478. 479.
 „Сельская партія“ въ Шве-
 цїи. см. Landmanns partei.
 Семилѣтняя война 519.
 Сена, р. 152.
 Sena Gallica 177.
 Сенекы, римск. семья 178.
 Sépéchaux 215.
 Сеноны 151. 176.
 Сентъ - Альбанское собраніе
 шеффеновъ въ Англіи 600.
 Сентъ Джошъ, Генри, графъ
 Болингборкъ 675.
 Септорія 194. 195—197. 469.
 470.
 Сентъ Бернаръ 115.
 — Викторъ, Ришаръ 288.
 — Джилъ 428.
 — Жерменъ 559.
 — Жиль, Раймундъ, графъ
 Тулузскій 421.
 Сентиманія 76.
 Серапионъ (имя) 33.
 Сербія 403.
 Serventes 225.
 Сербія Сульшицїи Гальба 179.
 Сергель, И. Т. 566.
 Сергій I, папа 350.
 — II, папа 359.
 — III, папа 363.
 — IV, герцогъ Неополитан-
 скій 368. 507.
 Серрей, Генри 633.
 Серторій 178.
 Сесиль, Уильямъ 640. 646.
 Сессъ, Памье Бернаръ 245.
 Сибила, сестра Балдуна IV
 450. 456.
 Сибирь 30.
 Сигамбры (Зигамбры) 42. 49.
 Сигардъ (Зигурдъ) I, норвеж-
 скій король 430.
 Сигизмундъ (Зигмундъ), гер-
 манскій императоръ 300.
 302. 304.
 — II Августъ, польскій ко-
 роль 341
 — III Ваза, польскій король
 552.
 — сынъ Гундобада 77.
 Сигудсень, Сверре 534.
 Сидонъ 433. 438. 451. 467. 470.
 474; завоеваніе его 4 дека-
 бря 1110 года 430.
 Сикеть IV, папа 306.
 — V, папа 398.
 — VI, папа 397.
 Силезія 128. 153. 323 и сл.
 Силезская группа германцевъ
 41.
 Сильвестръ II, папа 210. 277.
 279.
 Симонія 108. 275. 278. 279.
 Симонъ Монфорскій 603
 Сипдваль, предводитель геру-
 ловъ 80.
 Сипдвальтъ, см. Сипдваль,
 предводитель геруловъ.
 Сипдики (Франц.) 219.
 Синибальдо Фьеско изъ Ге-
 нуи 129.
 Сиппгалия (Sena Gallica) 79.
 151.
 Сипеусъ, братъ Рюрика 499.
 Сипборн 385 и сл.
 Сипонто 380.
 Сиракузы 177.
 Сиргунская битва 1234 года
 331.
 Сирійскія ворота II.
 Сирія 412. 414. 430. 432. 433.
 437. 438. 439. 440. 452. 453.
 454. 455. 456. 457. 462. 466.
 468. 474. 476. 477. 478. 479.
 480. 481. 483. 484. 485. 488;
 колоннація переселенцами
 изъ западн. Европы 429;
 колониз. итальянскихъ при-
 морскихъ городовъ 431 и
 сл.
 Сисмонди, Симонъ де 406.
 Сито, Арнольдъ 289.
 Сито, монастырь 223.
 Сицилія 126. 129. 177. 178. 228.
 369. 379. 399. 403. 405. 412.
 414. 415.
 Сіагрій, сынъ Эгидія 71. 72.
 „Siamo Veneziani, poi Cristiani“
 387.
 Сіена 372. 379. 380
 Скагерракъ 6.
 Скакке, Эрлингъ 534.
 Скала, делла, родъ 393.
 Скальды 536.
 Скандинавія 14. 30. 81. 493 и
 сл.
 „Скандинавскій шить“ 5.
 Скандинавы 13. 31.
 Скетковунгъ, Олафъ 544. 545.
 Скиры 34. 38.
 Скятте, Густ. Іоаннъ 554.
 Скю, Джованни да, домини-
 канецъ 383.
 Скотты 151. 166. 583. 587.
 610.
 Скуркола 380.
 Скъольдъ, сынъ Одина 498.
 Славяне 13. 14. 16. 30. 42. 60.
 83. 95. 96. 315. 316. 338.
 и сл.
 — балтійскіе 316.
 Слюйское сраженіе 24 іюня
 1340 года 606.
 Смирна 476.
 Смятъ, Адамъ 686.
 Смоленскъ 14. 327.
 Смолинъ, оз., битва при немъ
 341.
 Сновльскій, Карль, поэтъ
 570.
 Снорре Стурлессень 536.
 Совѣтъ шеффеновъ во Фран-
 цїи 217.
 „Совѣты мудрѣйшихъ“ въ Ан-
 гліи, см. выше Нагемоты.
 Соломонъ, епископъ Кон-
 стацскій 100.
 Сомерсетъ, графъ 633. 634.
 — Эдмундъ, герц. 617.
 Сомма 185.
 Сона, р. 359.
 Сондерландъ, графъ, см. Спен-
 серъ, Чарльзъ, графъ Сон-
 дерландъ.
 Сончиво 380.
 Сога, колон. 176.
 Сорбонскій университетъ 214.
 Сорбопъ, Робертъ де, основ.
 универс. въ Сорбоннѣ 214.
 Сорбы 193.
 Соутгемптонъ 150.
 Софья-Амалия Брауншвейг-
 ская 522.
 — Гаиповерская 669. 672.
 — Шарлотта Прусская 669.
 Соччино изъ Генуи, Фаусто
 395.
 Союзы государствъ 51.
 „Союзъ городовъ“ 1254 г.
 130.
 — ящерицы“ 339.
 Спегель, Г. 560.

- Спенсеръ, Чарльзъ, графъ Сондерлендъ 675.
— Эдмундъ 646.
Spoleium 176.
Сполето 193. 373.
Сполетское герцогство 346.
Средиземн. море 3. 4. 5.
Средняя марка 321.
Старая марка 321.
Старгардъ 317.
Старый Любекъ 317.
— Пути, битва при немъ 732 года 89.
— Фриоль 103.
Стеенструль, Япетусъ 531.
Стево, Микеле 387.
Стевенсъ, Нильсъ (Стево) 525.
Стенъ Стурре Старшій 550.
Стефанъ I, венгерск. король 319.
— II, венгерск. король 276.
— V, венгерск.
— II, папа 98. 262.
— IV, папа 189.
— V, папа 201.
— пастухъ - предводит. французскаго крестоваго похода 463.
Стеффенсъ, Генр. 531.
Стиллестадская битва 29 июля 1030 года 533.
Стилихонъ, вандалъ 63. 64
Стиль, Ричардъ 672.
Стокгольмская кровавая баня 8 ноября 1520 года 551.
Стокгольмскія дровцости 30.
Страклайдъ 587.
Страидбергъ, К. Ф. 570.
„Страсбургская присяга“ 97. 204.
Страффордъ, графъ 651.
Стриндбергъ, А. 570.
Строцци, Филиппо ди Филиппо 391.
Струэнзе, Иоаннъ Фридрихъ 526.
Стуре младшій 551.
— старшій 553.
Стурлессенъ, Спорре, норвежск. скальдъ 536.
Стурре, Стенъ 550.
Стуртевантъ, Симонъ 679.
Стьернгееръ, Иоаннъ 560.
Стьергельмъ 560.
Стюартъ, Марія 641 и сл.
Суассонъ 185. 187. 189.
Сугерій, аббатъ, совѣтн. Людовика VI 220. 222.
Судигеръ, еписк. бамбергскій 275.
„Sudrvegr“ 413.
Сузо, Геврихъ, изъ Юберлингена 298.
Судейманъ II 424.
Сулла, римск. диктаторъ 176.
Супплинбургги 117.
Сутри, церковный соборъ 1046 года 275.
Суффолькъ, Карль, герц. 626.
- Сфорда или Моро, Лодовико 395.
— Франческо 394.
Схоластики 289. 290. 296. 297.
Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, война за освобожденіе 680 и сл.
Тагинская битва 80.
Тагударъ-Огуль (Ахмедъ-Султанъ) 474.
Тайлеръ, Уотъ 608.
„Tailable et corveable à merci“ 195.
Тайфалы 62.
Талаверская битва 27 и 28 июля 1809 года 691.
Тамплиеры (Храмовники), монаш. орд. 192. 224. 246. 247. 295. 435; см. также Иоанниты, а также храмовники.
„Тампль“ 249.
Тана 387.
Танжеръ, 660.
Танкредъ Готвильскій 369.
— Лечче 378.
— Тарентскій 422. 428. 431.
Танненбергская битва 1410 года 18.
Талуччи, Бернардо 405.
Тара въ Ирландіи 166.
Тарентская морская казарма 380.
Тарентъ 176.
Тарзосъ, коронаваніе Льва II Армянскаго 6 янв. 1198 года 461.
Тассило, зять Деандерія, баварск. герц. 92. 93. 94. 190. 193. 314.
Тассо, Торквато 392.
Тассони, Алессандро 395.
Татары 18; нашествіе ихъ въ 1237 г. 332.
Таубахскія находки 7.
Таулеръ, Иоаннъ 297. 298.
Тауриски 153.
Тацитъ, римскій историкъ 25. 31. 38. 39. 40. 43. 52. 53. 54. 57. 162. 107. 495. 582
Тацій, Титъ 175.
Твескнегъ, Свенъ Виллобордъ, датск. король 509. 511.
Тевтобургская битва 9 года (послѣ Р. X.) 56
Тевтобургъ 37.
Тевтонскій орденъ 18. 133. 330 и сл., 340 и сл., 515; владѣнія его 338.
Тевтоны 44.
Тейла, готск. король 80.
Тейдебальдъ, сынъ Тейдеберта, король франковъ 80.
Тейдеберъ, сынъ Тейдериха, король мецкскій 78. 79.
Тейдерихъ 77.
Тейдисъ, вестготск. король 79.
Тель эсъ Сафіе 434.
Тель-Диецеракская битва 25 ноября 1177 года 450.
- Темза 661.
Темучинъ, татарскій ханъ 200.
Тенгеръ, Э. 570.
Тенктеры 51.
Теодогадъ изъ дома Амалунговъ 78.
Теодолида, дочь баварск. герцога Гарибальда 347.
Теодора, жена римск. сенатора 269.
Теодорихъ Великій, остготскій король изъ дома Амалунговъ 36. 51. 74. 75 и сл., 79. 85. 186. 345.
— монахъ, см. Дитрихъ.
Теофано, византийскій 105.
Тервинги 62.
Тернскій договоръ 742 года 350.
Terra australis incognita 8.
— di Lavoro 368.
— ferma 387.
Террачина 397.
Тертри, битва 687 г. 87. 188.
Терціаріи 291.
Test act („Актъ объ испытаніи“ 1673 года) 662.
Тести изъ Феррары, Фульвіо 395.
Teuta 165.
„Theudisk“ 97.
Ти, богъ войны у норманновъ 497.
Тибиннъ 461.
Тибо, графъ шампанскій 226. 239.
Тиверій, римскій императоръ 48. 56. 57. 180.
Тидемандъ, А. 543.
Тилли 520. 555.
Тильзитскій миръ 1807 года 567.
Тимиха, ибнъ, арабъ 369.
Тимурташъ Мардицскій 447.
„Тиввалъ“ 501.
Thing, общ. собраніе у фризовъ 88.
Типдаль, переводчикъ библии 632.
Типпу-Саибъ 693.
Тира - Данмаркеболъ, жена Горма Старшаго 511.
Тиргильсъ Кнутсовъ 547
Тироль 124. 142.
Тирренское море 76.
Тиръ 454. 455. 456. 474.
Титморъ 213.
Титъ Тацій 175.
Тицинумъ 345.
Тихо Браге, астрон. 525.
Тюбальдъ, миланск. архиеписк. 278.
Thiot 41.
Титмаръ 213.
Толоза 179.
Томсенъ, В., филологъ-историкъ 29
Томасъ Аквинскій, см. Тома Аквинскій, а также Аквинать, Тома.

- Томасъ Бекетъ, см. Тома Бекетъ.
 — Глустерскій (Вудстокъ) 609.
 — Норфолькскій (Моубре) 609.
 — отецъ графа Серрея 633.
 Томсенъ, В., филологъ - историкъ 29.
 — Хр., датск. археологъ 531.
 Топелусъ, Ц. 572.
 Торвальдсенъ, В. 531.
 Торгильсъ Кнутсонъ, см. Торгильсъ Кнутсонъ.
 Торгисль, предводит. норвежцевъ 500.
 Торин, политическ. партія въ Англіи 662. 663. 668. 669. 675.
 Торквато Тассо, см. Тассо, Торквато.
 Торскій мирный договоръ 1411 года 339.
 — — — 1466 года 18.
 Торъ, гор. 331.
 Торре 392.
 Тортоза 452. 474.
 Торфинъ Карлсевиче 503.
 Тоскана 386.
 Тоскандрія 61.
 Тосканское парвчїе 177.
 Тости, Л. 381.
 Тотила, см. Бадвила, плем. Гильдеблада, короля готскаго 79.
 Тоуэръ, замокъ 591.
 Трава, р. 15. 317.
 Травердальскій мирный договоръ 18 авг. 1700 г. 561.
 Трансильванскіе города 63.
 Траунъ 94.
 Траусницкая крѣпость 140.
 Траяно Боккалина изъ Лорето 395.
 Траянъ, римск. императ. 180.
 Требійское сраженіе 889 года 363.
 Трейчке 314. 332.
 Трибокн 45.
 Tribuni 357.
 Трибурскій сеймъ 305.
 Тригвессель, Олафъ I 533. 544.
 Три니다дъ 689.
 Триполисъ 423. 425. 432. 433. 439. 448. 449. 452. 455. 456.
 Трисенно, Г. Г. 395.
 Тритвассонъ, Олафъ 414.
 Тробадогез, см. трубадуры.
 Тройственный союзъ 1668 года.
 Тролле, Густавъ, архіеписк. 550. 551.
 Трумпилины 180.
 Труа 218. 219.
 Труаскій мирный договоръ 21 мая 1420 года 616.
 — соборъ 1128 года 436.
 Трубадуры 224.
 Труворъ 499.
 Tuath 165. 166.
 Туинстонъ, герой народн. преданій 165.
 Тулонскій флотъ 689.
 Тулуза 76.
 Тунгины 163.
 Тувгры 43.
 Туринскій мирный договоръ 8 авг. 1381 года 387.
 Туринъ 282. 392.
 Турки 306. 416.
 Турнъ 185.
 Турскій, Боренгардъ 283.
 Турскій сословный сеймъ 5 мая 1308 года 248.
 Туэція 379.
 Тьеполо, Джакомо 374.
 Тэманръ (соврем. Тара), см. Тара въ Ирландіи.
 Тэнь 68.
 Тюдоры 648.
 Тюдоръ, Эдм. 619.
 Тюрингенская марка 194.
 Тюрингенскій лѣсъ 42. 154.
 Тюрингенское королевство 83.
 Тюрингенцы 75. 81. 82. 89.
 Тюрингенъ 191.
 Уайтъ, о-въ 150.
 Уаллесъ, Уильямъ, предводит. возставшихъ шотландцевъ 605.
 Уальноль, Робертъ 675.
 Уаттъ, Джемсъ 678.
 Уббе, предводитель норманновъ 508.
 Убин 46.
 Уголиво, кардиналъ (иносльдствѣн папа Григорій IX) 292.
 Угуччионе дела Фаджіола 386.
 „Узинеты“ 51. 148.
 Украина 561.
 Ульрика Элеонора, шведск. королева 563.
 Ульстеръ въ Ирландіи 652.
 Ульфелдтъ, Корфицъ 521.
 Ульфила, готъ, епископъ, 255.
 Ульфинги 512.
 Умберго, см. Гумбертъ.
 Умбро-римское парвчїе 177.
 Умбры 151. 152. 176.
 „Unam sanctam“, булла Бонифация VIII, 293.
 Университеты французскіе 214.
 Унитаріи 667.
 United Irishmen 698.
 Унія Датско - Норвежская (1380—1814) 515 и сл.
 — Кальмарская, см. Кальмарская унія.
 — Шведско-Норвежская 639 и сл.
 д'Ункеръ, К. Г. 571.
 Унструтъ 83.
 Унтервальденъ, кант. 139.
 Уоллесъ, Уильямъ, см. Уаллесъ, Уильямъ.
 Уольноль, Робертъ, англ. министр, см. Уальноль, Робертъ, англ. министр, см. Уальноль, Робертъ.
 Уольсей, Томасъ 625. 626. 627.
 Уольсингемъ, Франсисъ 644. 646.
 Уольфъ, Джемсъ 677.
 Уорестерское сраженіе 1651 г. 655.
 Уоттъ, Джемсъ, см. Уаттъ, Джемсъ.
 Упсальскій сеймъ 1593 года 552.
 Упстальсбоомъ 88.
 Ураба, дядя Витихиса, короля готскаго 79.
 Уралъ 27.
 Уральскіе народы 25.
 Урбанъ II, папа 114. 212. 414. 416. 418. 419. 593.
 — III, папа 452.
 — IV, папа 369.
 — V, папа 549.
 Урбино 392.
 д'Урвилъ, Ж. С. Дюмонъ 506.
 Ури, кант. 139.
 „Ур-лагъ“ 57.
 Usustructus 357.
 Утрехтскій мирный договоръ 11 апрѣля и 13 юля 1713 г. 671.
 Уэльслей 690.
 Уэльсъ 147.
 Уэйтвортъ, Томасъ, графъ Страффордъ, см. Страффордъ, графъ.
 Уэслей, Джонъ 675.
 Fablianc 226.
 Фавіанское королевство 81.
 Фаджіола 386.
 Фаенца 385.
 Фальери, Марнио 387.
 Фамагуста 477.
 Фарнезе 392.
 Фароальдъ 346.
 Фастрада 200.
 Фатимидск. халифатъ 427. 449.
 Фатимиды 434. 450.
 Federigo (Gran) 380.
 Фейхтвагенъ, Зигфридъ ф. 332. 333.
 Феликсъ V, антипапа 305.
 Фельтре 394.
 Феноманы 572.
 Феодализмъ 90 и сл., 362.
 Фердинандъ I Арагонскій (Справедливый) 401.
 — II Арагонскій (Католикъ) 405.
 — II, германск. императ. 555.
 — I Неаполскій 404.
 — II Неаполскій 404. 405.
 — IV Неаполскій 405.
 — I обѣихъ Сицилій 405.
 — II обѣихъ Сицилій 400.
 Феррара 372.
 Ферраринсъ, Антонио де 387.
 Ферфаксъ, Томасъ 653.
 Фигейрасъ, Гильемъ, трубадуръ 225.

- Фикеръ, Юлій, истор. 34. 36. 38.
- Филадельфійскій „Конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ“ 682.
- Филиппъ II Испанскій 634. 643.
- IV Испанскій 405.
- Кельвскій 125.
- I, французск. король 592.
- II Августъ, французск. король 213. 220. 240. 286. 298. 452. 455. 456. 600.
- III, французск. король 252.
- IV Красивый, французск. король 215. 217. 221. 243. 244. 246. 247. 249 и сл., 293. 396.
- V, французск. король 251. 252.
- Швабскій 127. 327. 462.
- Филологическое изслѣдованіе древнѣйшей исторіи германцевъ 29 и сл.
- Фивгаллы 500.
- Фивзентъ, Н. 531.
- Фивикіяне 149.
- Финляндія 5. 494. 571 и сл.
- Фишъ 62. 326.
- Финскій заливъ 9.
- Firmum 177.
- Фитингговъ, Конрадъ ф. 18.
- Фиттеъ 18.
- Фицвильямъ, Вильямъ 687.
- Флавиусъ (имя) 33.
- Флауусъ, братъ Арминія 54.
- Фландрія 203.
- Фландрскіе города 250.
- Флорентійскій соборъ 1478 года 398.
- Флоренція 388 и сл.
- Флотъ, Петръ, канцлеръ Филиппа Красиваго 245.
- Флюгаре-Карлевъ, Э. 570.
- Фогельбергъ, Б. Э. 571.
- Фогельвейде, Вальтеръ фонъ деръ 124.
- „Фодрумъ“ 122.
- Folk 41.
- Фолквинъ, магистръ ордена меченосцевъ 330.
- Фольгуннъ, см. Фолквинъ
- Фонтенуа-авъ-Нювэ 303.
- Форхгеймскіе выборы короля 8 ноября 911 года 101.
- Форумъ Юліи 179.
- Фоскари, Франческо 387.
- Fossa Drusi 47.
- Фохты 328.
- Франки 35. 41. 42. 44. 61. 62. 64. 68 и сл., 71. 75. 76. 77. 78. 80. 81. 82. 83. 84. 87. 89. 90. 94. 97. 98. 165. 197. 256.
- риб(п)уарскіе 185.
- салическіе 185.
- Франклинъ, Веніаминъ 682.
- Франконія 35. 99.
- Франко-павскій союзъ 91.
- Франконскій домъ 107.
- союзъ 69.
- Франкское герцогство 204.
- Франкское объединенное государство 88. 94; Хлодвигъ 185; Меровинги 187; Карлинги до раздѣла государства 201.
- Франкфуртская марка 194.
- Франкфуртскій имперскій сеймъ 1338 года 141.
- соборъ епископовъ 794 года 194.
- Франкфуртъ 139.
- Францезъ, Ф. М. 570.
- Францискавцы 141. 223. 291. 292. 296. 630.
- Францискъ Ассизскій 291. 463.
- II, французск. король 633. 643.
- Франція 13. 99. 141. 173. 308.
- (отъ возвышенія Меровинговъ до паденія Капетинговъ): объединенное Франкское государство 185; Карлъ Великій 190; усиленіе духовной и свѣтской аристократіи 200; Каролинги до раздѣла Франскаго государства 201; франц. Каролинги 204; начатки правового государства, Капетинги 209; расцвѣтъ старой Франціи при Филиппъ II Августъ и Людовикъ IX; судъ, народн. просвѣщ. и администрація 213; развитіе городовъ 215; король, дворъ и аристократія 220; французское общество XI—XIII столѣтій 222; церковная жизнь 223; рыцарство (бытъ и литература) 224; мѣщанская литература 230; внутренняя и вѣншняя политика Капетинговъ 232; порабощеніе папъ; отношенія между Франціей и куріей между 800 и 1300 гг. 241; столкновеніе Фил. Красиваго съ Бонифаціемъ VIII, 243; вавилонское плѣненіе папъ и процессъ противъ храмовниковъ 246; конецъ царствованія Филиппа IV 249; послѣдніе представители Капетинговъ 251.
- опустош. ея норманнами 505.
- Французскій языкъ 179.
- Франц.-англійско-фландрская война 1298 года 241.
- Франческо I Гонзага 393.
- I Каррара 393.
- II Каррара 393.
- Франшконтэ 173. 218.
- Фребеллинс ан битва 28 іюня 1675 года 559.
- Фрегудъ 86.
- Фредегунда 188.
- Фредериксгамскій мирный договоръ 572.
- Фрежюсъ 58.
- Фрей, богъ плодородія у норманновъ 497.
- Фрейданкъ, поэтъ 485.
- Фрейзингъ, Отто ф. 288.
- Фрейя, богиня любви у норманновъ 497.
- Фрига, богиня брака 497.
- Фригія великая 152.
- Фридригеръ 63.
- Фридрихсбургскій мирный договоръ 3 іюля 1720 года 524.
- Фридрихъ Августъ I Саксонскій (Августъ II Польскій) 561. 562.
- Австрійскій 295.
- II Арагонскій 401.
- III Арагонскій 401.
- VIII Аугустенбургскій 531.
- Бранденбургскій (Гогецоллернъ) 337.
- Веттинъ 137.
- I, германск. императ. (Барбароса; Рыжебородый) 119 и сл., 122. 240. 273. 444. 452. 454. 461.
- II, германск. императ. 127 и сл., 130. 290. 372.
- III, германск. императ. (Красивый) 139 и сл.
- Гогенштауфенъ 281.
- IV Гольштейнскій 561.
- Гольштейнъ - Готторпскій 517.
- I, датскій король 518.
- II, датскій король 519.
- III, датскій король 521.
- IV, датскій король 524.
- V, датскій король 531.
- VI, датскій король 527. 538.
- VII, датскій король 529.
- Юрскій 686.
- Неапольскій 405.
- VI, Норвежскій и Датскій, см. Фридрихъ VI Датскій
- VI Пфальцскій 669.
- V, Пфальцскій 669.
- II, прусскій король (Великій) 19. 21. 564.
- III Саксонскій (Мудрый) 538.
- II Сицилійскій 401.
- III Сицилійскій 138. 401.
- II Франкскій 92.
- Швабскій (Штауфенъ) 117. 454.
- I Шведскій 564.
- Фризенфельдъ, округъ 84.
- Фризы 17. 39. 84. 88. 89. 94. 97. 185. 189; право 38. 88. 89.
- Фрисландія 98. 89. 97. 135. 201.
- Фрисъ, Э. М. 570.
- Фришгофъ 332.
- Фріоль Старый 103.
- Фриульская марка 314.
- Фробинеръ, Март. 664.

- Фроде, Аре 536.
 Фульдское епископство 198.
 Фулько, граф Анжуйскій, родоначальн. Плантагенетовъ 437. 440. 441.
 — изъ Нельи 462.
 Фурланское царѣцѣ 177.
 Фьеско, Снпйбальдо, изъ Генуи 129.
- Хайдеръ Али, князь Майсурскій 683.
 Хаимэ (Яковъ I), арагонскій король 473.
 Хаифа 474.
 Халебъ 438.
 Халкедонскій соборъ 346.
 Халузъ, битва подъ нимъ 6 апрѣля 1199 года 457.
 Хама 438.
 Хамавы 69.
 Хатвары 69.
 Хатинъ 451. 454. 455.
 Хатты 41. 59. 60. 69. 82.
 Хвите, Олафъ 500.
 Хегъ-Гульдбергъ, Ове 526.
 Хевронъ 471.
 Херуски 40. 55. 59.
 Хетумиды, владѣт. родъ Арменіи 477.
 Хильдебертъ II Австралійскій 187. 346.
 Хильдерихъ 71. 73. 185. 186.
 — III 190.
 Хильперихъ, сынъ Гундіока, предводитель бургундовъ 73. 186.
 Химсъ 438. 471.
 Хлодвигъ 61. 73. 75. 76. 77. 85. 185.
 Хлодо изъ рода Меровинговъ 71.
 Хлодовехъ, король франковъ 256.
 Хлодомеръ 77.
 Храмовники 295; см. также тамплиеры, а также іоанниты.
 Христина, шведская королева 556.
 Христианство западное, исторія его развитія: западная церковь въ теченіе періода, послѣдовавшаго за переселеніемъ народовъ 255; Бонифацій и Карлъ Великій 260; состояніе церкви послѣ распада „Царства Божіа“ (имперіи Карла Великаго) 266; Германія въ роли спасительницы церкви 272; церковь на пути ко всемірному господству 277; всемірное господство церкви 285; паденіе папской власти и предвѣстники „новой эры“ 292; упадокъ политическаго и духовнаго могущества папъ и авиньонское плѣненіе 293; расколъ въ цер-
- кви и соборы для реорганизаціи ея 298; углубленіе пропасти между старымъ и новымъ религиознымъ чувствомъ 305; разрушеніе старой вѣры въ массахъ и проникновеніе туда новыхъ религиозныхъ идей 309.
 Христианъ Августъ Аугстенбургъ, датскій принцъ 567.
 — I, датскій и шведскій король 516. 517. 550.
 — II, датско-норвежскій и шведск. король 516. 517. 550.
 — III, датскій король 519.
 — IV, датск. король 520. 538. 556.
 — V, датск. король 523. 524.
 — VI, датск. король 525.
 — VII, датск. король 21. 526.
 — VIII, датск. король 528. 529. 539.
 — IX, датск. король 530.
 Христофоръ III Баварскій 516.
 — Ольденбургскій 516.
 „Хунта“, см. „Юнта“.
- „Царство Божіе“ 263.
 Цаухъ 321.
 Центибальдъ, незаконн. сынъ Арпульфа 100.
 Цвингли, реформ. 629. 630. 631. 634. 639.
 „Сванн“ 163.
 Цезарепалия 194.
 Цезаря, см. Цесарія.
 Цезарь, Юлій, римск. импер. 39. 40. 42. 43. 46. 47. 56. 150. 160. 176. 179. 313. 579.
 Цезена, генераль французск. ордена 296.
 Цейлонъ 689.
 Цейсъ, И. К. 70.
 Целестия V, пустынный 243.
 Целесь Вибенна 175.
 Цельсій, А., физ. 564.
 „Celsus“ 148.
 Центинари 163.
 Церингены 121. 122.
 Церингеръ, Гебгардъ, еписк. констанцскій 114. 115.
 Церинги 114.
 Церковная область 92. 129. 205. 280. 394. 396 и сл.
 Церковь, развитіе, организація и отношеніе къ свѣтской власти 90. 91. 106. 108. 223. 224. 285. 371. 372; см. также папы и католическія курии, а также христианство, развитіе его на Западѣ.
 Церковь въ Англіи 612. 650.
 — — Даниі 513. 514.
 — — Норвегіи 533. 534.
 — — Швеціи 545. 546.
 — — Шотландіи 651.
 Цесарія (Кайзаря) 424. 474.
 Цивились (имя) 33.
- „Civitates“ (112) Римской Галліи 215.
 Пиммеръ, Генрихъ, истор. 34.
 Цистерціанцы, монашеск. орд. 223.
 Цотто 346.
 Цугъ 143.
 Цюрихская осада 1345 года 143.
 Цюрихъ 143.
- Чезаре, Р. де 400.
 Чезена, гор. 397.
 Челлини, Бенвенуто 389.
 Чеперанскій договоръ 29 іюня 1080 года 369.
 Червоная Русь 340.
 Черчиль, графъ Мальборо 669.
 Чивитавеккія 385.
 Чинабуэ 388.
 Чіоне, Андреа 389.
 Чоусеръ, Джофрей 608. 623.
- Шаверъ, велик. визирь 449.
 Шалонская епархія 282.
 Шамбургскій, Адольфъ II 15.
 Шандорпъ, С. 531.
 Chansons 225.
 „Chansons de geste“ 469.
 Швабія 118.
 Швабская область 119.
 Швабское герцогство 204.
 Швабы 61.
 Швейцарія 179.
 Швейцарскій союзъ 143.
 Швернскія древности 30.
 Швейцарцы 68. 139.
 Шверинское озеро 119.
 Шверинъ, Генрихъ фонъ, гр. 30. 31. 128.
 Швеція 5. 19 и сл., 519; ея истор. до конца XIV столѣтія 544; періодъ униі (1389—1523 гг.) 549; начало династіи Ваза (1523—1611 гг.) 551; Швеція въ роли средневропейской великой державы (1611—1718 гг., эпоха Густава Адольфа II, Христины и Ифальцъ-Клебургской династіи) 553; періодъ господства дворянства при Фридрихѣ Гессенъ-Кассельскомъ (1720—1751 гг. и Готторпахъ (1751—1771 гг.) 563; возстановленіе королевской власти при послѣднихъ Готторпахъ (1771—1818 гг.) 565; династія Бернадотта (съ 1818 г.) 567; отношен. Швеціи къ Финляндіи 571.
 Швинцъ, кант. 139.
 „Chevaliers ès lois“ 221.
 Шекспиръ 637.
 Шельда 43. 61.
 Шереръ, В., истор. 34.
 Шехенберггеръ, патеръ 93.
 Шеффеновъ совѣтъ 217.
 Шеффилдсъ, графъ, см. Голь-

- роф, Джонъ, графъ Шеф-фильдъ.
- Шиллеръ, Фридр. 362.
- Шиманъ, П., 324.
- Теодоръ 327. 329. 342.
- Ширка, Асадъ-Эдъ-Динъ 449.
- Шлезвигское епископство 318.
- Шлезвигъ - Голштинскій во-просъ 529. 530.
- Шлей 108.
- „Шляпы“, аристократ. партія въ Швеціи 563. 564. 565.
- Шляхта польская 19.
- Шогуны 87.
- Шоневъ 559.
- Шотландія 150. 186. 604. 633. 651. 668.
- Шотландцы горные 166.
- Шлейеръ 127. 203.
- Шпильманъ 680.
- Штаркенбергъ 477.
- Штауфены 114. 116. 117. 118 и сл., 129; наделеіе династіи 130.
- Штекиндскій каналъ 17.
- Штетинъ 19.
- Штирія 124.
- Штральзундскія древности 30.
- Штурцевъ - Веккеръ, О. П. 570.
- Шубрингъ, Пауль 380.
- Шудя-Эдъ-Даула 683.
- Шуленбергъ, М. I. фонъ 388.
- Шумахеръ, Недеръ 524.
- Эббо, архіеписк. Рейпскій 203.
- Эбнеръ, Маргарита 298.
- Эбронитъ, см. Эбрунитъ.
- Эбрунитъ, мабординъ Нейстрии 87. 188.
- Эвальдъ, Іоаннъ, датск. поэтъ 526.
- Эвбея 387.
- Эгберхтъ 585.
- Эгидій, римскій памѣтникъ въ Галліи 71.
- Эдвинъ, король Дейры 584.
- Эдгрешъ, Анна Шарлотта 570.
- Эдлы, собраніе народа. бы-линъ 496. 536.
- Эделинги 58.
- у херусковъ 55.
- Эдельфледо 586
- Эдесса, городъ 438 441. 445; военн. шествіе визант. императора Іоанна II и наделеіе Эдессы 239. 441. — государство 428. 434. 435.
- Edictum de beneficiis 368. 370.
- Эднбургскій мирный дого-воръ 1560 года 642.
- Эднбургъ 577. 579. 584.
- Эдмундъ, англ. король, заму-ченый въ изгнѣ 508.
- „Железныи Бокъ“, сынъ Этельреда, предводитель возставшихъ англосак-совъ 509.
- Йоркскій 611.
- Ругландъ, графъ 617.
- Сомерсетъ, графъ 616.
- Эдредъ, король бриттовъ 557.
- Эдризи, геогр. 370.
- Эдуардъ I. англ. король 603. 604.
- II, англ. король 605.
- III, англ. король 141. 396. 605. 606. 607. 609.
- IV, англ. король 619.
- V, 621.
- VI, англ. король 633. 636. 639. 640.
- VII, англ. король 634.
- Эдуардъ Брюсъ, шотл. король 610.
- Исповѣдникъ 589.
- Старшій, сынъ Альфреда Великаго 508. 586.
- Черный принцъ (принцъ Уэльскій и князь Акви-танскій) 607.
- Эзель, о-въ 16.
- Эйдеръ, р. 191.
- Эйдевольдское народное со-браііе 539.
- Эйегодъ, Эрикъ 512
- Эйзакская долина 180.
- Эйнгардъ изъ Оденвальда истор. 197. 198.
- Эйнгерн 497.
- Эквы 176.
- Экерсбергъ, К. В. 531.
- „Экзархатъ“ 80.
- Эккергардъ изъ Гохгейма 276. 297.
- Элейтриосъ 347.
- Эленцлегеръ, Ад. Готл. 531.
- Элеонора, жена Геприха III 603.
- мать Ричарда Львиного Сердца 445.
- Элерсы, братья 680.
- Элла, король 508.
- Элмансура 240.
- Элуиза, ученица Абеяра 223.
- Эль-Адхидъ 450.
- Эль-Афдаль, Эль-Меликъ, см. Алафдаль.
- Эльба 42. 83.
- Эль-Бабайитъ 449.
- Эльбингъ, гор. 331.
- Эльдормэны 591.
- Эль-Меликъ-Эль-Афдаль 425; см. также Алафдаль.
- Эмилиа 345.
- Эмиръ аль-омра 87.
- Эмма Нормандская 589.
- Эмст, р. 42.
- Энберъ, Гильомъ, инквизиторъ Франціи 248.
- Энгельбректъ Энгельбрект-сонъ 553.
- Энгиль 84.
- Энцио 130.
- Энтъ, р. 208.
- Эпосъ рыцарскій 228 и сл.
- Эрарихъ 79.
- Эребро, парламентъ 21 авгу-ста 1810 года 567.
- Эреган, битва 1101 года 442.
- Эремити, Санъ Джованни 401.
- Эриксоны, братья Джонъ и Нильсъ 570.
- Эрикъ I Датскій (Эйегодъ) 512.
- VI Датскій (Менведъ) 17.
- VII Померанскій 515. 516. 549.
- сынъ Магнуса 547.
- VII Шведскій (Побѣдонос-ный) 544.
- IX Шведскій 545.
- XIII Шведскій 549.
- XIV Шведскій 519. 552.
- Эринъ 150.
- Эрихъ, см. Эрикъ.
- Эрлингъ-Скакке 534.
- Эрль Уэссекскій 589.
- Эрманарихъ 54. 62.
- Эрнстъ, сынъ Конрада II-го 108.
- Эрстедъ, Г. К. 531.
- Эссексъ Младшій, Робертъ 563.
- Старшій 647.
- Эсте, Альфонсо 392.
- Изабелла 390.
- Эстляндія 14. 328. 329. 342.
- Эстонцы 62.
- Эстридсенъ, Свейтъ 509; см. также Свейтъ Эстридсенъ.
- Эстриды 512.
- Эсты 513.
- Этанъ 210.
- Этельбрехтъ Кентскій 258. 259. 583
- Этельредъ I 509. 586. 588.
- Этруски 151. 152. 175. 176.
- Эудо, графъ Анжуйскій 188. 204.
- Эфипгемъ, Гоуардъ 645.
- Эшенбахъ, Вольфрамъ 623.
- Юдиль, вторая жена Людови-ка I, Благочестиваго 97.
- императрица 358.
- принцесса вольфовъ 202.
- Юкскюль 327.
- Юліанъ, римск. императ. 61.
- Юлій Непотъ 67.
- II, папа 397.
- Юмберъ 584.
- „Юнису“, англ. сатирикъ 685.
- „Юнта“, министерство при Вильг. Оралскомъ 668.
- Юстиніанъ, визант. императ. 78. 79.
- Юсуфъ, Сала-Эдъ-Динъ 450.
- Югладія 14. 123.
- Югландско-Шлезвигскій полу-островъ 83.
- Юты 39. 582.
- Юэль, Нильсъ 559.
- Югалло (Ягелло), князь литов-скій 336.
- Ягеллоны 337.
- Языки: албанск. 174; англо-саксовъ 35; батавовъ 41. 42; галло-романск. 179; галльск. 147; гелльскію 147; германск. 32 и сл.; провансальск. 179;

рето-романск. 180; романск. 149. 173; франкск. 38; французскій 179; фурланск. 180; хатск. 41. 42.	же Яковъ VI, шотл. король) 647 и сл.	Ярратонъ 680. Яффа 451. 474.
Языкознаніе, методы изслѣдованія древн. и стар. германцевъ и другихъ народовъ временъ переселенія 29 и сл.	Яковъ II, англ. король 662. 663. 665. 658. 670.	Фаворъ 304.
Якобиты (приверженцы Якова II) въ Англии 669.	— III, Английскій 675.	Феодора 363.
Якобсенъ, I. П. 531.	— I Арагонскій (Хаймэ) 138. 473.	Феодоръ, архіеписк. Кентерберійскій 584
Яковъ I. англ. король (онъ же Яковъ VI, шотл. король) 647 и сл.	— Курляндскій 19.	Феодосій, Magister militum 63.
	— I Шотландскій 615.	Фессалия 152.
	— IV Шотланд. (Стюартъ) 222.	Тома Аквинскій 238.
	Янъ-Казиміръ, польск. король 557.	— Бекетъ 281.
	Ярль, Биргеръ 546.	— Кемпневскій 309.